

Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения»

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

**VII-я международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Навстречу будущему.
Прогнозирование
в социологических
исследованиях»**

15—16 марта 2017 г.

Материалы конференции

Москва
2017

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

М34

Ответственный редактор:

Анна Викторовна Кулешова —

кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

М34 Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15—16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: АО «ВЦИОМ», 2017. — 1878 с.

ISBN 978-5-9063-4516-5

В сборнике представлены материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях».

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

ISBN 978-5-9063-4516-5

© РАНХиГС, 2017

© ВЦИОМ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

02. Основные мировые тренды технологического развития и их возможные социальные последствия

<i>Б. Б. Данилов, З. А. Данилова</i>	41
Трудовые мигранты: эффекты регулирования и прогнозирования	
<i>М. С. Блохина</i>	47
Тренинг развития инновационных компетенций современного руководителя как способ формирования профессиональной «Я-концепции»	
<i>А. Э. Ушамирский</i>	51
К проблеме способности российской молодежи стать реальным субъектом социальных изменений	
<i>Ю. И. Салимова</i>	55
Информационно-коммуникационные технологии в проведении социологического обследования уровня и качества жизни населения	
<i>О. В. Ярмак</i>	58
Феномен социального самочувствия: факторы и составляющие (на примере исследований социального самочувствия жителей Республики Крым и Севастополь)	
<i>Н. А. Якубов, О. Э. Бобамуратов</i>	62
Средства массовой информации в социологии общественного мнения	

03. Каким будет общество будущего

<i>Е. Н. Ядова</i>	66
Восприятие новейших технологий. Готовность к внедрению технологических инноваций в повседневную жизнь (опыт исследований науки и технологий — STS)	
<i>Е. В. Камко</i>	70
Оценка результатов технологического прогресса с учетом факторов инновационного развития	
<i>А. В. Яковенко</i>	74
Будущее: проблема глобальной позитивной перспективы	

<i>А. Л. Андреев</i>	78
Россия — 2017: предчувствие будущего	
<i>В. А. Сушко</i>	82
Проблемы социальной самоидентификации россиян	
04. Будущее уже рядом — I. Исследования молодежи и детей как способ заглянуть в будущее общества	
<i>О. В. Сорокин</i>	86
Девияция в процессе регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде	
<i>А. Г. Филипова, А. В. Еськова</i>	90
Прогнозные варианты развития системы «социальный потенциал детства в регионе». О возможностях имитационного моделирования	
<i>А. Л. Темницкий</i>	94
Слагаемые оптимизма российской молодежи	
<i>В. И. Чупров</i>	98
Механизм саморегуляции социокультурного воспроизводства в молодежной среде в изменяющемся обществе	
<i>Ю. А. Зубок</i>	100
Трансформация механизмов социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся реальности как основание прогнозирования	
<i>Ю. И. Жегусов</i>	104
Молодежь и потребление алкоголя: ожидает ли нас трезвое будущее?	
<i>В. А. Касамара</i>	107
Страновой фаворитизм российских и американских студентов: цивилизационно-временная развертка	
<i>Т. А. Орешкина</i>	112
Будущее в представлениях свердловской молодежи	
<i>А. А. Сорокина</i>	118
От прошлого к будущему: исторические представления современной российской молодежи как основа национальной идентичности	

<i>Г. А. Якупова</i>	120
Типология сельских молодых семей, выделенных по социально-экономическим характеристикам	
<i>К. Н. Ермошкин, И. П. Зинкевич, К. В. Наумов</i>	124
Развитие потенциала трудовых ресурсов региона через освоение молодежью профессии водителя	
<i>Т. А. Гужавина, И. Н. Воробьева</i>	129
Социальный капитал региональной молодежи: к вопросу об оценке возможностей	
<i>Н. В. Агре, В. В. Мельников, Е. А. Борисенко</i>	134
Реализация социальных проектов, направленных на детскую безопасность в транспортной среде	
<i>А. Ю. Карпова</i>	143
Индикаторы измерения экстремистских настроений в студенческой среде: к вопросу о прогнозировании тенденций	
<i>Ю. Р. Вишневецкий, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина</i>	150
Опрос студентов России как возможность очертить контуры будущего страны (из опыта работы Российского общества социологов)	
<i>С. А. Константинов</i>	154
Наращение ценностного конфликта поколений в российском обществе	
<i>Д. Л. Константиновский</i>	158
Социальное прогнозирование. Отбор факторов и реакция на прогноз	
<i>И. А. Симонова</i>	161
Проблемы применения технологии форсайта в исследованиях молодежи	
<i>Е. О. Кудьякин, В. В. Плотников</i>	165
Несколько слов об инклюзии, светлом будущем и экстремпа-рантности: размышления по итогам проведенного регионального исследования	
<i>Е. В. Князева</i>	168
Жизненные ориентации и социальное самочувствие молодежи: внутривозрастная вариативность	

<i>А. А. Бесчасная</i>	173
Контуры будущего общества в образах современного детства	
<i>Н. Н. Швайба</i>	178
Играизированные практики в структуре свободного времени молодежи	
<i>А. Ю. Нестеров</i>	183
Порядок и режимные условия исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними-осуждёнными в пенитенциарных учреждениях ФСИН России	
<i>И. И. Никулина</i>	196
Доверие молодежи системе здравоохранения (на примере московских студентов)	
<i>М. А. Половнёв</i>	200
Средства массовой коммуникации как источник формирования отношения московских студентов к физической культуре и спорту	
<i>К. Д. Борисова</i>	203
Культура межличностного общения современного студенчества	
<i>П. П. Дерюгин, А. В. Дуплинская, Е. П. Дерюгин, Е. А. Косова</i>	207
Трудности профессионального выбора: ценностный подход к диагностике (результаты пилотажного исследования)	
<i>А. В. Безруков</i>	212
Протестный потенциал молодёжи в контексте прогрессирующей конформизации	
<i>С. А. Шапиро</i>	216
Анализ трудовых ценностей в социальной саморегуляции работников, совмещающих работу с обучением	
<i>О. А. Воронкова</i>	222
Гражданский потенциал российской молодежи	
<i>И. В. Петрук</i>	226
Анализ актуальности профилактической работы в отношении ВИЧ-инфекции в группе несовершеннолетних	
<i>О. Б. Савинская</i>	229
Детский взгляд на детский сад: к вопросу об изучении	

<i>И. В. Шаблий</i>	233
Социально-психологические причины подростковой преступности	
<i>Т. В. Черняк</i>	236
Карьера выпускников как показатель качества образовательной деятельности и прогноз развития кафедры и вуза	
<i>В. В. Поляничко</i>	243
Исследования социального капитала молодого офицера Вооруженных сил Российской Федерации	
<i>Е. В. Дианина</i>	247
Роль социальных сетей в работе по профориентации и их перспективы развития	
<i>О. К. Крокинская, Н. В. Немирова</i>	250
К вопросу о выборе жизненной стратегии воспитанников спортивных школ: по результатам кейс-стади	
<i>О. Г. Зубова</i>	253
Проективные методики в исследовании молодежного экстремизма методом фокус-групп	
<i>А. И. Рогозарь</i>	257
Власть в восприятии современной российской молодежи: динамический аспект	
<i>В. А. Одинокова, М. М. Русакова</i>	261
Теоретические основы оценки благополучия в социологии детства	
<i>С. Ю. Алексеева</i>	265
Балканский этнический конфликт конца 1990-х гг.: социологический аспект	
<i>М. С. Крошкина</i>	269
Основные подходы к пониманию жизненных стратегий молодежи	
<i>Ю. А. Булыжникова</i>	272
Трансформация ключевых агентов социализации детей в представлении современного российского общества	
<i>Л. А. Жукова</i>	277
Социальная справедливость в представлениях современной молодежи г. Москвы	

<i>Г. В. Заярская, Э. А. Такачева</i>	286
Использование PR-технологий в работе с молодежью	
<i>Н. В. Аккай</i>	292
Исследование гражданского общества в регионах России на примере Республики Калмыкия, посредством выделения четырех аспектов	
<i>М. О. Еремеев</i>	295
Семейный потенциал московского студенчества (на материалах социологического исследования)	
<i>З. Б. Матвеева</i>	300
Воспитательный потенциал движения исторической реконструкции	
<i>М. М. Малышева</i>	304
Глобальные стратегические инструменты развития STEM программ в целях продвижения гендерного равенства	
<i>И. А. Поплавская</i>	311
Образовательное будущее для устойчивого развития	
<i>Е. Н. Икингрин, Н. В. Дулина</i>	314
Ментальные пространства современной студенческой молодежи (по итогам прикладных социологических исследований)	
<i>Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин</i>	318
Студенты России читают книжечки... (по итогам прикладных социологических исследований)	
<i>А. Ю. Устинов</i>	322
Концепт «радость» в сознании студенческой молодежи	
<i>О. И. Щербакова</i>	328
Конфликт ценностей современной молодежи	
<i>Н. Н. Шестакова</i>	343
О реализации одного прогноза развития системы воспитания в России	
<i>Е. Б. Ходырева</i>	349
Усыновление больных детей	
<i>Л. В. Рожкова, Д. С. Шилин</i>	354
Формирование системы трудоустройства вузовской молодежи: проблемы и перспективы	

<i>А. В. Рыков</i>	357
Молодежь Донбасса: проблемное поле и перспективы на будущее	
<i>Н. В. Проказина</i>	360
Миграционные настроения молодежи в регионах России	
05. Будущее уже рядом — II. Трансформация гендерных ролей: от прошлого к будущему	
<i>О. Б. Савинская, Е. К. Захарова</i>	364
Гендерные контракты и корпоративные политики предприятий как институциональная основа продвижения женщин в технологических отраслях	
<i>Ю. Г. Юшкова-Борисова</i>	369
Шесть типов семьи в современной России	
<i>И. Е. Калабихина</i>	372
Почему нельзя откладывать деятельность по вовлечению женщин в STEM-отрасли в современной России	
<i>А. Е. Чирикова</i>	374
Женщина в российской власти: три возможных сценария будущего	
<i>Е. В. Кочкина</i>	376
Гендерные исследования в России: генезис, достижения и перспективы 28 лет спустя	
<i>О. Г. Овчарова, Т. Б. Рябова</i>	381
Гендерные политические исследования: российская проекция	
<i>И. Н. Смирнова, О. А. Хасбулатова</i>	386
Траектория профессионального выбора молодежи в контексте национальной технологической инициативы: гендерный аспект	
<i>И. Д. Горшкова, О. А. Мирясова</i>	389
Независимые профсоюзы и вопросы гендерного равенства	
<i>О. Р. Гура</i>	393
Анализ проблемы трансгендерности в спектре суицидальных переживаний	
<i>С. И. Кузнецова</i>	397
Противоречия традиционного и современного в домашней сфере российской семьи	

	10
<i>А. Л. Андреев</i>	401
Россия — 2017: предчувствие будущего	
<i>В. В. Бурдюг</i>	402
Проблемы правосознания	
<i>М. Р. Радовель</i>	404
Новые возможности описания социума: корреляционно-каузальный анализ	
<i>Ю. В. Простотина</i>	408
Становление теории «гендера» в прогнозировании и исследовании социальных процессов	
<i>Д. М. Зотова</i>	412
Современная женственность	
<i>Н. Л. Балич</i>	415
Гендерные особенности религиозности православных и католиков (на примере Республики Беларусь)	
<i>И. В. Колодезникова</i>	421
Организация бизнеса в сети Интернет как способ преодоления гендерного неравенства и реализации экономического потенциала женщин	
<i>А. В. Бочкарева</i>	425
Трансформация института семьи и правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на постсоветском пространстве в XXI веке	
<i>О. В. Кабайкина</i>	430
Гендерные особенности коммуникации мужчин и женщин в сфере трудовых отношений	
<i>И. Ю. Бондарева</i>	434
Гендерное неравенство в предпринимательской деятельности в сети Интернет: миф или реальность?	
<i>С. В. Королева</i>	438
Мужские фобии в контексте маскулинности	
<i>М. В. Лоскутникова</i>	442
Новая гендерная роль: женщина кормилец в реверсивных семьях	

<i>А. В. Швецова</i>	446
Партнерские роды как индикатор трансформации гендерных ролей в обществе	
06. Будущее уже рядом — III. Исследования инновационных социальных практик и механизмов их распространения	
<i>И. В. Катерный</i>	450
Обучение «антихрупкости» в вузе в условиях шок-футуризации (на примере опыта МГИМО МИД России)	
<i>О. В. Кубряк</i>	454
«Инструментализм» и «следы будущего» в научно-технических публикациях	
<i>Е. В. Максимова</i>	457
Культурные траектории туризма: социальные практики инклюзии инвалидов	
<i>И. В. Лескова</i>	460
Образ и качество жизни москвичей: к вопросу разработки системы оценивания	
<i>Е. Н. Заборова, Т. Л. Маркова</i>	465
Инновации в высшей школе: основные тенденции и ведущие акторы	
<i>В. М. Сазанов</i>	470
Гипотеза социального культурного ядра и его формирование	
<i>Ю. А. Кот, Е. С. Петренко, Е. В. Богомолова, Е. Г. Галицкая</i>	473
Представители pro-активного общества: особенности и повседневные практики	
<i>О. Я. Дымарская</i>	478
От кого ждать инноваций? Исследование вовлечения молодежи в инновационную деятельность в Москве	
<i>В. В. Бояркина</i>	482
Господство и добровольное подчинение как часть нашей жизни	
<i>А. Ф. Сокол, Р. В. Шурупова</i>	485
К обоснованию клинической социологии врача и пациента как системы формирования личности врача будущего	

<i>И. В. Лисовская</i>	488
Работа педагога с «трудными» подростками: новаторство и технологии или старый добрый альтруизм?	
<i>Д. Г. Передня</i>	492
Характеристики поколений сотрудников как основа прогнозирования управленческой культуры в организациях	
<i>И. В. Долгорукова</i>	497
Инновационные практики социального предпринимательства в современной России	
<i>А. Н. Пружинин</i>	501
Трансформация представлений о счастье	
<i>Е. О. Нидергаус</i>	506
«Поседение» профессорско-преподавательского состава как риск трансформации академической среды	
<i>Е. В. Головацкий</i>	510
Мобилизация социальных ресурсов политических нововведений: традиционные и перспективные формы	
<i>Д. В. Голь</i>	515
Активная позиция обучающегося онлайн: насколько тяжел груз ответственности?	
<i>И. П. Салтанович</i>	519
Социокультурный потенциал как фактор конкурентного преимущества общества в инновационном развитии	
<i>Т. Л. Маркова</i>	524
Обучение современного студенчества как фактор формирования инновационного человеческого капитала	
<i>М. А. Гришина</i>	528
Прогнозное оценивание коммуникационных программ в области общественного здоровья	
<i>С. С. Новикова</i>	531
Социальные практики в условиях формирования электронной России: партисипаторный подход	
<i>Г. И. Щерба [G. I. Shcherba]</i>	534
Cross-border cooperation of Ukraine in terms of the economic crisis	

<i>А. В. Соколов</i>	538
Вовлечение НКО в оказание социальных услуг населения как механизм развития гражданской активности	
<i>07. Прогнозная оценка последствий реформ. О тестировании законодательных инициатив и управленческих решений</i>	
<i>Ю. М. Большакова</i>	542
О тенденциях и результатах реформы государственной службы и государственного управления: (Социологический анализ на материалах Республики Коми)	
<i>А. Н. Курюкин</i>	548
Парадигмы принятия государственных политических решений, как основание прогнозирования социальной реакции на них	
<i>А. Н. Нурутдинова, А. Е. Антипова, В. Н. Аргунова</i>	552
Отношение россиян к законодательной власти: проблема доверия и одобрения	
<i>О. А. Александрова</i>	556
Реформа бюджетных учреждений: прогнозы, промежуточные итоги и будущее российской семьи	
<i>К. Д. Титаев</i>	560
Эмпирический базис реформ: примеры из правоохранительной сферы и основные приемы	
<i>О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль</i>	563
Опыт социологической экспертизы нормативного регулирования процедур независимой оценки качества работы социальных организаций (по материалам эмпирического исследования)	
<i>А. Г. Тюриков</i>	567
Что нам мешает реформировать реальность в будущее?	
<i>А. В. Добронравов, Е. В. Брызгалина</i>	572
Об организации экспертного сопровождения деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	
<i>Е. В. Камко, Ю. А. Камко</i>	576
Институты развития как инструмент проводимых реформ в инновационной сфере России	

<i>М. В. Александрова</i>	579
Политика как игра и театр	
<i>А. Х. Тезйел</i>	583
Реализация реформы аспирантуры в российской системе высшего образования: вопрос эффективности	
<i>Н. Н. Ламскова</i>	587
Реформирование социальной политики. Публичные слушаний как одна из форм реализации социальной политики	
<i>И. К. Масалков</i>	590
Ближайшие тренды развития российской университетской социологии	
<i>А. Б. Хашаева</i>	593
Оценка качества предоставления государственных/муниципальных услуг как фактор эффективности государственного управления	
<i>Н. Б. Розенгрин</i>	597
Прикладные социологические исследования пенсионной системы России: традиции и новации	
<i>О. В. Епархина</i>	599
Методологические и методические аспекты исследования коррупционных проявлений в РФ	
08. Образ будущего России в элитных группах и общественном мнении	
<i>А. А. Зайцева</i>	601
Тенденции изменения отношения к России в армянском обществе	
<i>Е. В. Смирнова</i>	606
Образ будущего России и идеология	
<i>Е. Б. Шестопал, С. В. Нестерова, Т. Н. Пищева</i>	609
Настоящее, прошлое и будущее в восприятии своей страны гражданами России	
<i>И. С. Шушпанова, В. К. Левашов, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина</i>	613
Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» как инструмент прогноза общественных настроений и ожиданий	

<i>В. Н. Аргунова, А. Н. Нурутдинова, А. Е. Антипова</i>	620
Отношение к территориям опережающего развития (ТОР): дискурс властных структур и общественное мнение	
<i>Р. В. Евстифеев</i>	624
Социальное самочувствие и ожидания от будущего в общественном сознании населения региона: случай Владимирской области в сравнительной перспективе	
<i>М. С. Максименкова</i>	628
Будущее в политических представлениях российских и американских студентов	
<i>А. А. Тимофеев</i>	632
Смена политической элиты — как необходимый фактор экономического развития страны	
<i>С. В. Мареева</i>	636
Образ вероятного и желаемого будущего России в глазах населения	
<i>Б. Т. Пономаренко</i>	640
Социальные факторы профессионализации государственной службы в контексте реформирования системы государственного управления	
<i>Е. А. Васильева</i>	644
Доверие как фактор повышения эффективности взаимодействия органов государственной власти и экспертного сообщества	
<i>А. П. Сегал</i>	648
Прогноз как технология PR	
<i>Д. С. Сидоров</i>	652
Герменевтика как методология и метод социальной теории: от гранд-теории до программы социологического исследования	
<i>Н. А. Романович</i>	659
Феномен социального оптимизма и неоднозначность его оснований	
<i>К. Б. Джгамадзе</i>	664
Особенности оценки страны согласно семантическому пространству россиян (на примере политико-психологического исследования образа страны в сознании российских граждан)	
<i>М. Н. Яковлева</i>	669
От чего зависит будущее процветание России: ВВП или жизненные идеалы. Опыт сравнительного анализа	

<i>Э.З. Галимуллин [E. Galimullin].....</i>	674
Операционализация понятия «успешность развития» в контексте существующей системы мировых рейтингов	
<i>М. Н. Яковлева</i>	678
Образ будущего России в массовом сознании: а может ли он реализоваться? Опыт сравнительного анализа	
<i>А. Ю. Егорова</i>	682
Особенности восприятия бюрократии в современном российском обществе	
<i>И. В. Лескова</i>	686
Евразийская валютно-экономическая интеграция: размышление о будущем	
<i>Я. В. Швец</i>	691
Об оценке культурных ценностей в управленческой деятельности государственных служащих	
<i>Г. П. Зинченко</i>	694
Будущее как проблема стратегического управления	
<i>Д. В. Катаев.....</i>	698
Возможности понимающего объяснения веберианской синтетической методологии	
09. Социология интернета	
<i>С. Г. Ушкин</i>	704
«Черные лебеди» местной политики: как социальные сети помогают выявлять неочевидные проблемы?	
<i>К. Ю. Лукьянов.....</i>	709
Интернет-мемы как средство манипуляции общественным сознанием и политической борьбы	
<i>К. Р. Бойченко.....</i>	713
Политический анекдот как показатель идеологической трансформации общества	

<i>И. Е. Штейнберг</i>	717
Опыт транспонирования традиционных форм групповой работы на онлайн-платформу для решения исследовательских задач (на примере механики переноса традиции «толоки» («помочей») на онлайн-платформу Granatum	
<i>З. А. Махмутов</i>	721
Татарские виртуальные сообщества в социальной сети ВКонтакте: механизмы воспроизводства этничности	
<i>М. О. Макушева</i>	726
Социологические исследования в социальных сетях: проблемы генерализации и интерпретации	
<i>Э. Д. Дряева</i>	730
Фабрика идентичностей: проблема соотнесения самопрезентации и реальной самоидентификации личности в виртуальном пространстве	
<i>Д. Ю. Радионов, Р. Ю. Удовиченко</i>	734
Практика организации социологических опросов в период избирательной кампании	
<i>А. В. Добронравов, Е. В. Брызгалина</i>	736
Формирование репутационного капитала регионального политического ресурса депутатов Государственной Думы	
<i>А. В. Германова</i>	739
Социальные сети как среда обитания молодежи: влияние на процессы социализации	
<i>А. А. Ефанов</i>	744
Новые формы конструирования моральных паник посредством сетевых коммуникаций	
<i>Е. Г. Осипук</i>	748
Социальные медиа как социальный феномен	
<i>Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, А. В. Чередник</i>	750
Возможности разработки методики прогнозирования протестной активности граждан по цифровой репрезентации протестных установок в социальных сетях (на примере Украины 2013—2014 годов и Молдовы 2015 года)	

<i>Е. Е. Скворцова, О. Н. Вершинская</i>	756
Интернет в повседневной жизни людей старшего возраста	
<i>Е. В. Ковалевская</i>	761
Социальные сети и студенты	
<i>Д. Е. Добринская</i>	765
Цифровое кочевничество: особенности идентификации	
<i>Е. В. Романова</i>	770
Глобальная информатизация — немного о терминах	
<i>В. А. Губченко</i>	774
Интернет как пространство массовой политической коммуникации: теоретические основания исследования	
<i>Е. В. Митягина, Е. В. Котельников</i>	778
«У кого нет «аватара» ВКонтакте?» или как анализ социальных сетей позволяет изучать личности пользователей	
<i>Е. Г. Смолина</i>	782
Возможности прогнозирования поведения молодежи на основе аккаунта в социальных сетях	
<i>М. Г. Галаева</i>	785
Повышение цифровой грамотности граждан как составляющая обеспечения информационно-психологической безопасности России	
<i>Е. В. Запорожец</i>	788
Социологический анализ поведения целевой аудитории в глобальной сети Интернет	
<i>Е. И. Москальчук</i>	791
Формирование сетевых структур гражданского общества (на примере российских неправительственных организаций с консультативным статусом ЭКОСОС ООН)	
<i>А. Р. Сафина, Б. Б. Борисов</i>	796
Анализ поведения ботов в российском политическом киберпространстве: на основе материалов российских политических блогов	
<i>А. Н. Пархоменко</i>	801
Формы реализации открытости в интернет-пространстве как инструмент общественного контроля	

<i>Н. И. Даудрих</i>	804
Гражданская активность пользователей социальных сетей	
<i>А. Н. Тимохович, С. С. Филенко</i>	807
Особенности использования социальных сетей и их влияние на политическую активность студенческой молодежи	
10. Демографическое будущее России	
<i>А. В. Галкина</i>	811
Динамика преступности в свете социальных потребностей населения России в XXI веке: социально-демографический аспект	
<i>С. В. Бояринцева</i>	816
Взаимосвязь индекса нравственной аномалии общества с показателями общей смертности в России	
<i>А. С. Мясникова</i>	821
Эффективность воздействия телевидения на сознание отдельных социальных групп (на примере молодежи и лиц третьего возраста)	
<i>Л. С. Шилова</i>	825
Вектор реструктуризации российского здравоохранения	
<i>А. К. Гузанова</i>	829
Влияние демографического состава российских домохозяйств на их трудовые мотивации, уровень доходов и жилищные условия	
<i>К. И. Казенин, В. А. Козлов</i>	833
Репродуктивные установки населения на Северном Кавказе: играют ли роль факторы «региональной самобытности»?	
<i>А. В. Халявкин</i>	842
Биомедицинские предпосылки принципиальной возможности переломить демографическую ситуацию в России. Взгляд геронтолога	
<i>Н. Е. Русанова</i>	846
Репродуктивные эффекты медиализации здоровья	
<i>З. А. Данилова</i>	850
Социально-демографическая безопасность стран северного Шелкового пути	
<i>Ю. Г. Юшкова-Борисова</i>	855
Настроения молодых людей, задумывающихся о создании семьи	

<i>Е. В. Желнина</i>	858
Граждане о будущем развитии России: по результатам социологического исследования	
<i>М. В. Корнилова</i>	862
Оценка состояния здоровья и медицинского обслуживания в пожилом возрасте	
<i>М. Н. Кичерова, В. В. Мельник</i>	866
Социальная инклюзия: взгляд в будущее	
<i>Н. Н. Швайба</i>	871
Статистический анализ репродуктивных установок женщин России (на основе данных РМЭЗ)	
<i>А. В. Шастало</i>	876
Незарегистрированные браки как составная часть процесса трансформации современной российской семьи	
<i>А. В. Половнёв</i>	881
Ожидаемая продолжительность жизни в России и влияние на нее потребления алкоголя	
<i>А. М. Волошенюк</i>	886
Демографическая ситуация в России	
<i>С. В. Королева</i>	891
Новое поколение современной России: социально-психологический портрет	
<i>Л. С. Мурашова</i>	895
Роль высшего образования в реализации демографической политики в России	
<i>С. В. Вараксин, Н. В. Вараксина, Н. П. Гончарова</i>	900
Моделирование демографических процессов с помощью нечетких временных рядов	
<i>Н. П. Гончарова</i>	912
Проблемы интеграции мигрантов в Алтайском крае: отражение в общественном мнении населения	
<i>Е. Н. Новоселова</i>	915
Личностно-деятельные компоненты продолжительности жизни мужчин и женщин в России	

<i>С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова</i>	919
Социальная эксклюзия лиц пожилого возраста: прогнозирование в условиях современной России	
<i>Е. О. Солнцева</i>	923
Сиротство — как одна из самых острых социальных проблем России	
<i>О. И. Родак</i>	926
Социальная политика государства в аспекте репродуктивного поведения: практические рекомендации органам государственной власти	
<i>Г. А. Ковалева</i>	930
Оценка населением г. Череповца мер по борьбе с распространением немедицинского употребления наркотиков	
<i>Т. В. Фомичева</i>	934
Здоровье населения — залог устойчивого демографического развития России	
<i>П. П. Шевель, М. В. Барановский</i>	939
Опыт демографического и социального прогнозирования призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации	
<i>Н. Р. Лапшина</i>	948
Репродуктивные установки современных российских студентов: социологический анализ (на материалах г. Волгограда)	
<i>А. Л. Сазонова, А. А. Сазонов</i>	951
Любовь в контексте демографического будущего России	
<i>О. Е. Гусева</i>	955
Трансформация семьи: от традиционного типа к современному	
<i>А. И. Белов</i>	958
Старение населения и рынок труда в России	
<i>Ф. Ф. Ишкинеева, К. А. Озерова, А. Д. Кавеева</i>	962
«Синдром Анджелины Джолли» в контексте канцерогенных рисков	
<i>С. А. Ахметова</i>	966
Модель трехдетной семьи в России и Швеции: иллюзорная или возможная реальность?	
<i>К. С. Таракановская, М. Г. Желвицкая</i>	970
Статистический анализ уровня брачности (на основе данных РМЭЗ)	

11. Мобильность населения: потенциал развития или угроза стабильности

<i>В. Ю. Леденева</i>	974
Риски и угрозы нелегальной миграции в Европейском Союзе	
<i>И. А. Васькин</i>	977
Связь некоторых организационных факторов терроризма с терактами-суицидами	
<i>М. Р. Ткаченко (Чушева)</i>	983
Жизненные стратегии в региональной идентичности сельских жителей Республики Коми (на примере Ижемского района)	
<i>В. А. Никонов</i>	989
Миграция предпринимателей как фактор их социальной защищенности	
<i>К. В. Грибун</i>	993
Модели миграционного поведения жителей малых городов	
<i>К. А. Крупенёва</i>	998
Особенности миграционного поведения молодых людей Иркутской области в современных условиях	
<i>А. В. Саблуков</i>	1002
Социальная адаптация граждан, уволенных с военной службы и членов их семей: опыт мониторинговых исследований	
<i>С. Г. Максимова</i>	1006
Транзитная миграция и приграничные регионы современной России: проблемы и прогнозы развития	
<i>Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова</i>	1011
Миграция и демографическая безопасность Дальнего Востока России	
<i>М. И. Черепанова</i>	1016
Отношение к мигрантам как прогноз национальной безопасности в приграничных регионах России	
<i>Т. Н. Юдина</i>	1019
Украинские мигранты в Москве: прошлое, настоящее и планы на будущее	
<i>С. А. Гришаева</i>	1026
Последствия процесса образовательной миграции	

<i>А. В. Лядова</i>	1029
Трансграничная мобильность пациентов: путь к обществу без болезней или новые риски для здоровья	
<i>Н. Г. Деханова</i>	1033
Трудовая миграция как фактор снижения социального неравенства	
<i>Н. В. Проказина</i>	1036
Миграционные настроения молодежи в регионах России	
<i>А. В. Волчинский</i>	1040
Социальная динамика в постиндустриальном обществе	
<i>Т. Н. Иванова</i>	1043
Современное состояние социально-трудовой мобильности населения в условиях городского пространства	
12. Перспективы развития межнациональных отношений: от методологии к измерению и социальной практике	
<i>Р. Р. Яппарова, А. М. Буранчин</i>	1047
Межэтнические установки и оценка межэтнической ситуации населением Республики Башкортостан	
<i>С. Д. Савин</i>	1052
Динамика этноконфессиональных отношений в России: от ксенофобии к общенациональным ценностям	
<i>С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко, Н. П. Гончарова</i>	1058
Состояние сферы межнациональных отношений в оценках населения приграничных регионов России	
<i>В. Е. Журавлёв</i>	1063
О некоторых базовых категориях в отечественных исследованиях межнациональных отношений	
<i>В. А. Сапрыка</i>	1068
Возможности анализа при формировании культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины	
<i>P. Binder</i>	1072
Cognitive Interviewing in International Comparative Research: Case of the European Social Survey (ESS)	

<i>Л. М. Дробижева</i>	1073
Гражданская идентичность как ресурс межнационального согласия: сегодня и завтра	
<i>И. С. Савин</i>	1077
Разработка и внедрение моделей локальной интеграции мигрантов в ходе повседневного взаимодействия (на примере отдельных районов Москвы)	
<i>С. Б. Бережкова</i>	1081
Услышать крымских татар: опыт исследований ФАДН России в Республике Крым	
<i>Е. В. Родионова</i>	1084
Этнический статус различных народов в полиэтничном мегаполисе: в поисках оснований для единения (по материалам исследований в Санкт-Петербурге)	
<i>Ю. А. Дроздова</i>	1088
Иммиграция как жизненный сценарий (на материалах гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ»)	
<i>А. М. Астахов</i>	1092
Национальный вопрос в СМИ Астраханской и Ростовской области	
<i>В. Н. Муха</i>	1097
Этническая идентичность как индикатор устойчивости самосознания этноса: на примере русского населения Краснодарского края	
<i>Л. Н. Панкова, М. В. Паутова</i>	1101
Основные тренды в изучении этнокультурных взаимодействий в этносоциологии. Main Trends in Analysis of Ethnocultural Interactions in the Ethnozoology	
<i>Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков, Э. Б. Гаязова, С. А. Алексеев</i>	1105
Новая конфигурация российской молодежи сквозь призму социологического исследования	
<i>А. А. Пустарнакова</i>	1109
Национальная идея России: где золотая середина?	
<i>Н. С. Байша, Д. А. Неяскина, Н. А. Николенко</i>	1113
Социализация иностранных студентов в условиях социокультурного пространства г. Волгограда	

<i>В. П. Бабинцев, А. В. Пастюк</i>	1117
Оценка рисков, возникающих в ходе формирования культурно-ци- визационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины	
<i>В. А. Сапрыка, В. М. Захаров, А. Н. Вавилов</i>	1123
Гражданская экспертиза в процессах общественной дипломатии государств-участников СНГ	
<i>А. В. Бедрик</i>	1127
Чеченская община в этносоциальной структуре населения Ростов- ской области	
<i>Г. П. Дегтярев</i>	1131
Институциональный подход к исследованию межнациональных отношений	
<i>В. Л. Примаков</i>	1135
Прогнозирование этноконфессиональной напряженности: методо- логические проблемы анализа и оценки	
13. Будущее в наших городах. Использование социологических инструментов в формировании городских пространств	
<i>Е. В. Мартынова</i>	1139
Анализ особенностей процессов глобализации на уровне локальной территориальной общности	
<i>А. Г. Филипова, Е. А. Купряшкина</i>	1144
Кейс «подростки лица г. Владивостока»: от мобильности к прогнози- рованию оптимальной городской среды	
<i>Т. Л. Касимова</i>	1149
Профессиональные компетенции социолога, используемые при переводе недвижимости в нежилой фонд (по результатам эмпириче- ского исследования)	
<i>Д. А. Нанактаев, В. А. Землянский</i>	1153
Анализ зависимости между характером городской среды и частотой совершения уличных преступлений в г. Радужный, Владимирская область	
<i>Д. А. Радченко</i>	1156
Пользовательские фотографии как источник информации о жизни моногородов	

<i>Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева</i>	1160
Визуальные презентации этнокультурного многообразия в мульти- пликаци: аспекты исследования зрительского восприятия	
<i>А. Н. Попадин</i>	1165
Общественное ядро и функциональная периферия: проблемы и методы проектирования общественных пространств с использо- ванием социологических инструментов на примере Калининграда и Кёнигсберга	
<i>А. П. Сегал</i>	1171
Городское пространство и культурная среда. Неожиданный взгляд на рекламу	
<i>А. В. Чернов</i>	1175
Количественные методы исследования городской среды и городских процессов с использованием геоданных	
<i>К. В. Железникова</i>	1177
Границы города в восприятии горожан	
<i>И. А. Вершинина</i>	1182
Векторы трансформации глобальных городов	
<i>Е. В. Желнина</i>	1186
Особенности методологии социально-управленческого моделирова- ния инновационной активности	
<i>Т. А. Рязанова</i>	1190
Электронные медиа как фактор формирования имиджа горо- да(на примере города Новосибирска)	
<i>Н. Н. Роготень</i>	1194
О необходимости социологических исследований в населенных пунктах с особым статусом	
<i>Н. М. Байков</i>	1199
Доступность среды жизнедеятельности для инвалидов: от познания до социальной практики	
<i>Е. А. Анисина</i>	1204
Независимая оценка как фактор развития территории	
<i>М. В. Мельников</i>	1209
О некоторых вопросах изучения приватизации публичного простран- ства (на примере отношения к ограждению придомовой территории)	

<i>О. С. Сидорова, Н. Л. Мосиенко</i>	1213
Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска	
<i>Е. О. Беликова, В. А. Парамонова</i>	1218
Современный город: цивилизационный выбор или диалог культур?	
<i>Б. В. Сердюков</i>	1222
Опыт применения социологических исследований при разработке системы обеспечения безопасности жилых кварталов	
<i>А. С. Бондарева</i>	1226
Социально-экономическое пространство г. Волгограда в оценке его жителей	
<i>А. С. Петухов, С. В. Пирогов</i>	1230
Пространственные практики в городе: теоретические основания анализа и управления	
<i>М. А. Корсун, Б. А. Никитина</i>	1235
Стихийные физкультурные практики в городской среде: акторы и актанты	
<i>М. А. Захарова, М. Л. Фомичева, С. В. Чусовлянова</i>	1240
Участие в международных проектах Всемирной организации здравоохранения	
<i>В. И. Пустобаева</i>	1243
Формирование социальной ответственности за состояние исторических и архитектурных памятников в российском городе (на примере пилотажного исследования по проблемам сохранения объектов культурного наследия в г. Иркутске)	
14. Технологии будущего: прогнозирование гуманитарных рисков	
<i>М. В. Ломоносова, Е. С. Богомякова</i>	1247
Социальное vs. биологическое: социологи перед лицом технологических вызовов 21 века	
<i>Е. А. Гаврилина</i>	1252
Социальная оценка техники как инструмент управления рисками технического развития	
<i>А. А. Обознов, Ю. В. Бессонова, Д. Л. Петрович</i>	1257
Культура безопасности и менталитет персонала	

- В. В. Сократилин* **1261**
Измерение социальной напряженности. Как предсказать социальный взрыв?
- Э. Д. Дряева* **1267**
Фабрика идентичностей: проблема соотнесения самопрезентации и реальной самоидентификации личности в виртуальном пространстве
- А. В. Халявкин* **1271**
Биомедицинские предпосылки принципиальной возможности переломить демографическую ситуацию в России. Взгляд геронтолога
- П. А. Левич* **1275**
Гуманитарные инициативы как способ формирования желаемого будущего
- Е. В. Желнина* **1279**
Факторы сопротивления инновациям (по результатам социологического исследования)
- О. Ю. Колесниченко, Г. Н. Смородин, Н. В. Присяжная, Л. Л. Мякинкова, Ю. Ю. Колесниченко, Н. Д. Литвак* **1284**
IoT-социум: какое общество будет объектом изучения?
- Е. В. Масланов* **1289**
Краудсорсинговая площадка как элемент инфраструктуры гуманитарной экспертизы (российский контекст)
- М. И. Черепанова* **1293**
Отношение к мигрантам как прогноз национальной безопасности в приграничных регионах России
- Т. В. Черепанова* **1297**
Негативные смыслы новостных сообщений как фактор катастрофических ожиданий: опыт контекстуального анализа
- М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова* **1301**
Будущее медицины и здравоохранения: противостояние технократизации и гуманизации?
- А. С. Готлиб* **1305**
Качественное социологическое исследование и прогнозирование: возможны варианты?

<i>Т. Е. Серикова</i>	1309
Будущее общества сквозь призму достижений медицины	
15. Будущее сферы труда	
<i>Е. Е. Гришина, В. Ю. Ляшок</i>	1313
Эконометрический анализ влияния социально-демографических факторов на положение наиболее уязвимых групп на рынке труда	
<i>А. В. Мытиль, О. Н. Дудченко</i>	1317
Старение населения: вызовы трудовой и социальной сфере (на основе данных эмпирических исследований)	
<i>А. И. Маскаев</i>	1321
Технологические изменения и прекаритизация	
<i>А. Н. Сошнев</i>	1325
Профессиональные стандарты: новая реальность сферы труда	
<i>Д. В. Франчук</i>	1329
Трудовая адаптация выпускников-социологов московских вузов: проблемы и перспективы	
<i>Д. А. Нарожная</i>	1332
Методы ограничения деструктивной мотивации персонала	
<i>И. В. Новикова</i>	1337
Критерии оценки информационной компетентности работника	
<i>Г. З. Файнбург</i>	1342
Быстрый рост прекариата как угроза благополучия современного и будущего общества (на материалах охраны труда)	
<i>У Яао</i>	1345
Сравнительный анализ прекарнизации в России и Китае	
<i>В. Н. Бобков</i>	1349
Вызовы неустойчивой занятости	
<i>Д. С. Сидоров</i>	1353
Дауншифтинг как ценностно-нормативная альтернатива: на примере пилотного анализа интернет-сообщества	

<i>Г. О. Вяткина</i>	1361
Образ будущего в зеркале мнений государственных служащих и студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление»: сравнительный анализ	
<i>А. М. Шаповалова</i>	1366
Профессиональная идентичность госслужащих как фактор эффективного функционирования государственной службы	
<i>А. Н. Покида</i>	1371
Социальное партнерство на предприятиях различных форм собственности	
<i>Н. В. Зыбуновская</i>	1376
Проблема социальной справедливости в российском обществе	
<i>В. И. Гладцына</i>	1380
Мотивационная система организации в период кризиса: социолого-управленческий анализ	
<i>Т. О. Гусельникова</i>	1384
Современные проблемы регионального рынка труда (на примере Иркутской области)	
<i>О. Ю. Посухова</i>	1388
Профессиональная идентичность «белых воротничков» в российском мегаполисе	
<i>Е. В. Ольшанская</i>	1393
Лидерство — перспективы развития	
<i>А. И. Яицкова</i>	1397
Профессиональная идентичность как показатель профессионального развития работника	
<i>В. А. Рафикова, А. С. Шарф</i>	1401
Социальное конструирование профессиональной идентичности социальных работников	
<i>Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова</i>	1407
Неформальная занятость в контексте прекариатизации социально-трудовых отношений в современной России	
<i>И. А. Огородникова, К. В. Павленко</i>	1412
Трудовая активность людей старшего возраста (по материалам социологического исследования)	

<i>В. Л. Шварцблат, О. Н. Сысолятина</i>	1416
Дефицит квалифицированных специалистов как одна из ключевых проблем современного предпринимательства	
<i>Г. И. Чикарова</i>	1419
Фриланс как новая форма трудовой практики современных россиян	
<i>О. А. Нор-Аревян</i>	1424
Вторичная занятость студентов и перспективы трудоустройства по специальности как индикаторы профессиональной идентичности молодых специалистов	
<i>Ю. Ф. Косинцева</i>	1428
Трансформационные процессы регионального рынка труда (опыт социологического исследования)	
<i>М. В. Кольчугина</i>	1432
Проблема занятости выпускников Российских вузов в социальной сфере	
<i>В. С. Казанбаева, Т. А. Таршилова</i>	1435
Профессии, которые были, есть и будут	
<i>А. Б. Неустроева</i>	1438
Риск-рефлексия муниципальных властей о состоянии социально-трудовой сферы	
<i>Э. А. Рагимова</i>	1443
Терминальные и инструментальные ценности: социологический анализ на примере студентов-управленцев РАНХиГС	
<i>Е. И. Кайшаури</i>	1447
Работающая молодежь и прекаризационная занятость	
<i>И. В. Королев</i>	1451
Качественный аспект социального обслуживания	
<i>Т. С. Мартыненко</i>	1454
Будущее труда: новые технологии как фактор социальных трансформаций	
<i>Е. А. Тришина</i>	1458
Особенности рекрута респондентов для фокус-групп	
<i>В. Н. Бобков</i>	1467
Вызовы неустойчивой занятости	

<i>Н. В. Вяткина</i>	1471
Менеджеры среднего звена как социально-профессиональная группа в современной России (по результатам социологического исследования в организациях сферы услуг)	
<i>Е. В. Кузуб</i>	1476
К вопросу о выборе профессии	
<i>К. Е. Голодова</i>	1479
Новая форма трудовой эксплуатации через производство товаров-симулякров	
16. Повышение квалификации и компетенций заказчиков в вопросах социального и политического прогнозирования	
<i>К. О. Магомедов</i>	1482
Актуализация коммуникативных целей фандрайзинга в социологических исследованиях	
<i>Е. В. Карпенко</i>	1487
Независимая система оценки качества социальных услуг как реализация социальной ответственности власти	
<i>Н. Л. Смакотина</i>	1489
Социальное прогнозирование: проблемы компетентности заказчика	
17. Репутационный аудит: прошлое и будущее коммуникаций	
<i>А. Е. Новиков</i>	1492
Что важнее для роста репутации — чтобы о вас знали, или то, что знают о вас?	
<i>Е. В. Гамерник</i>	1495
Роль межкультурных коммуникаций в развитии туризма (на примере Иркутской области)	
<i>М. В. Иванова, Э. С. Клюкина</i>	1497
Будущее арктических трудовых ресурсов: о сохранении населения Российской Арктики	
<i>С. И. Копкарева</i>	1501
Отдельные аспекты формирования имиджа представителей муниципальных и региональных органов власти и управления	

<i>С. Н. Першуткин</i>	1505
О новой роли информации как факторе прогнозирования общественных процессов (политико-социологический аспект)	
<i>Я. И. Каткова</i>	1510
Оценка результативности PR-коммуникаций на примере российского банковского рынка	
<i>Л. И. Глазова</i>	1515
Изучение репутации: от поиска инсайтов до консалтинга	
 18. Круглый стол «Каким будет опрос будущего?»	
<i>Ю. Т. Саидова</i>	1519
Особенности питания детей в целях обеспечения здорового поколения	
<i>Д. П. Исаев</i>	1523
К вопросу о методологии организации опроса при исследовании профессиональной идентичности	
 19. Экспертное прогнозирование: возможности и ограничения	
<i>В. А. Шведовский, А. С. Стандрик</i>	1527
Опыт построения основы для планшета «дорожных карт» — инструмента экспертного прогнозирования	
<i>А. Б. Каримова</i>	1533
Теоретические профили предвидения	
<i>Б. М. Пранов, Т. В. Рассохина</i>	1537
Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития как основа для анализа, оценки и прогноза социально-экономических инноваций	
<i>В. Л. Римский</i>	1541
Возможности экспертного прогнозирования развития социальных, экономических и политических ситуаций с использованием идей анализа иерархий Т. Саати	
<i>Ю. Н. Благовещенский, Г. А. Сатаров</i>	1546
Сценарное прогнозирование и его возможности	

<i>Г. З. Файнбург</i>	1548
Суперэкспертное прогнозирование и методологические проблемы социологии будущего в неопубликованных работах З. И. Файнбурга	
<i>В. А. Жук, Г. К. Подшивалов, В. Б. Терновсков</i>	1552
Диссипативные стражи гуманитарной безопасности	
<i>О. В. Филимонов</i>	1559
Фуурофобия руководителей органов внутренних дел РФ как ограничение их прогнозных возможностей	
<i>Д. А. Медведев</i>	1564
Стратегическое прогнозирование: политемпоральность социально-политических процессов	
<i>М. А. Старкова</i>	1567
Возможности экспертного прогнозирования локальных политических процессов	
<i>Л. П. Федоренко</i>	1571
Социальная селекция как фактор риска в социализации личности	
 20. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения	
<i>И. Е. Штейнберг</i>	1576
Логическая схема построения прогнозной модели методом «длинного стола» по результатам экспертных интервью: «Трехфазный движок»	
<i>А. Н. Болотина</i>	1579
Фокус-группы: отношение к реальности и прогностический потенциал метода	
<i>М. И. Бубнова</i>	1585
Гендерные факторы в прогнозировании социальных процессов	
<i>М. Б. Люскин</i>	1589
Светлое будущее качественной методологии или очередная «научная мода»	
<i>И. А. Савельев</i>	1592
Поствыборные опросы как ресурс социального прогнозирования	

21. Новые методы и перспективные технологии исследований

<i>В. И. Дудина</i>	1596
Цифровые данные и трансформация социологической методологии	
<i>Д. В. Руденкин</i>	1600
Особенности использования социальных сетей для поиска респондентов в онлайн-опросе	
<i>П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, И. А. Баруздин, М. В. Сивоконь</i>	1605
Корпоративные ценности как объект сетевой диагностики: методология и опыт эмпирического исследования	
<i>Ш. Ф. Фарахутдинов</i>	1609
Методологические различия больших данных и результатов исследований, полученных традиционными методами	
<i>Н. А. Рябченко</i>	1614
Сетевой анализ в гуманитарных исследованиях	
<i>С. И. Кузнецова</i>	1618
Построения внутривузовской системы обеспечения качества образовательного процесса на примере Технического университета УГМК (г. Верхняя Пышма)	
<i>М. М. Басимов</i>	1622
Преодоление «корреляционного» соглашательства в социологии	
<i>Р. В. Редько, Э. Э. Видакович</i>	1628
Автоматизация социологических исследований: методологические и практические аспекты внедрения информационных технологий при проведении опросов	
<i>И. А. Щеглова</i>	1632
Теория современного тестирования для оценки качества опросника	
<i>И. А. Щеглова</i>	1639
Сбор и анализ данных из социальных сетей	
<i>А. Д. Яколенко</i>	1643
Неоинституционализм как метод интерпретации социальной реальности	
<i>А. В. Одинцов</i>	1646
«Большие данные» из «маленьких данных»: проблемы интеграции результатов массовых опросов	

22. Смотрим в хрустальный шар: будущее электорального и политического прогнозирования

А. И. Руденкина **1650**
Каких протестов ждать России в будущем?

С. И. Суслов **1655**
Сеть дружбы политического онлайн-пространства Петербурга в социальной сети «ВКонтакте»

М. Г. Мацкевич **1660**
«Провал опросной индустрии» в США—2016 — миф или реальность? Предвыборные опросы и прогнозирование результатов президентских выборов

О. В. Попова **1667**
Прогнозирование электорального поведения на основе опросов: потенциал исчерпан?

А. О. Земцов **1672**
Авторитарность: «сильная рука» в политических представлениях современных россиян. Количественные и качественные оценки

М. М. Басимов **1676**
Проблема «корреляционного» соглашательства на примере политической социологии

А. В. Горовая, И. Е. Огнева **1682**
«Борьба» за власть: игра в политику

М. С. Вольвач **1686**
Шансы оппозиции на муниципальных выборах в Москве в 2017 г.

Я. А. Цуканов **1689**
Протестная активность и протестный потенциал как объекты социального прогнозирования: методологические аспекты

24. Поведенческая экономика современности и формирование рынков будущего

Н. И. Киселёва **1693**
Мониторинг образовательной системы как инструмент прогноза взаимодействия образования и рынка труда

Т. А. Аймалетдинов, И. В. Соколова **1697**
Виртуальное экономическое поведение: социологические подходы к анализу

<i>Н. В. Кириллина</i>	1701
Символический обмен как системная характеристика коммуникативных практик	
<i>Ю. П. Бенчарова, В. А. Годван</i>	1704
Современные социальные практики использования кредитов среди средней возрастной группы	
<i>Т. А. Лещенко</i>	1708
Потребительское отчуждение как точка приложения отчуждения виртуального	
<i>И. В. Соколова, С. С. Антонян</i>	1713
Восприятие облачных технологий в российских банках	
<i>С. С. Белик</i>	1719
Тенденции развития потребительского поведения на рынке детской одежды (на примере исследования потребительских стратегий родителей детей в возрасте до 17 лет)	
<i>М. А. Атаева</i>	1723
Трансформация модели потребительского поведения	
<i>О. Ю. Стасевич</i>	1726
Выявление инсайтов для разработки стратегии коммуникационной кампании: на примере рынка зарплатных карт	
<i>Л. В. Спиридонова</i>	1731
Уровень лояльности россиян работодателям в условиях экономического кризиса	
25. Модели прогнозирования потребительского поведения	
<i>И. В. Лескова</i>	1735
Стандарты жизни: московская специфика	
<i>С. В. Назаренко</i>	1740
Социальный контроль в формировании кредитного поведения потребителей	
<i>В. П. Коломиец</i>	1745
Прогноз медиапотребления как технология функционирования медиаиндустрии	

А. Г. Филипова, В. Е. Яровая..... **1749**
От детского потребления к консьюмеризму будущего

Е. В. Гурьева..... **1753**
Инструменты оценки степени удовлетворенности туристов качеством отдыха

Н. П. Старых **1757**
Потребительские настроения россиян в условиях экономического кризиса

26. Рынок исследований

Ю. А. Кот, Е. С. Петренко, Л. А. Паутова, Е. В. Богомолова **1762**
Региональный исследовательский бизнес. Настроения-2017 (по материалам экспертного опроса партнёров ФОМ)

В. В. Токарев..... **1766**
Внештатные сотрудники исследовательских компаний: мотивация и удовлетворенность

27. Быть этичным проблематично?

Н. П. Щукина **1770**
К вопросу о дилемме молчания в постсекулярном обществе

Е. В. Князева..... **1776**
Осторожно, дети: этические аспекты исследований с детьми

С. В. Назаренко **1781**
Морально-этические контексты социального контроля деятельности ученых-исследователей

И. В. Королев **1786**
Благотворительность в социальном пространстве

Е. А. Заруцкая **1790**
Деловая этика в деятельности исследовательской компании

29. Российские исследователи в глобальном сообществе

А. В. Владимирова **1796**
Пути усиления позиций молодых российских ученых в сетевых структурах Международной ассоциации политической науки

<i>А. В. Андрееenkova</i>	1801
Межстрановые сравнительных исследования как способ интеграции российских исследователей в международное научное сообщество	
 <i>32. Взгляд в будущее: теория и практика научного прогнозирования</i>	
<i>Г. В. Леонидова</i>	1806
Есть ли у ЕГЭ будущее: итоги и перспективы	
<i>М. В. Морев, Т. А. Гужавина</i>	1810
К актуальности вопроса о преодолении кризиса прогностических возможностей социологии	
<i>А. А. Мехова</i>	1814
Форсайт — инновационная технология прогнозирования и форма социального участия	
<i>Г. А. Ковалева</i>	1818
Перспективы развития новых социальных практик в Череповце (на примере реализации проекта «Здоровый город»)	
<i>Т. В. Ускова</i>	1822
О методическом инструментарии прогнозирования экономической динамики	
<i>К. А. Гулин</i>	1825
Региональные системы расширенного воспроизводства кадров для инновационной экономики как объект социального проектирования	
<i>О. Н. Шаева</i>	1830
Wisdom of the crowd как метод прогнозирования	
<i>Е. А. Когай</i>	1834
Поисковый прогноз социокультурного развития российского макро-региона (на примере Центрального Черноземья)	
<i>О. В. Толстогузов, М. А. Питухина</i>	1839
Трансформация социокультурного пространства и практика стратегического планирования	
<i>Д. Н. Халиуллина, В. В. Быстров, С. Н. Малыгина</i>	1843
Методика прогнозирования дополнительной кадровой потребности Мурманской области на основе имитационного моделирования	

- Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева* **1848**
 Визуальные презентации этнокультурного многообразия в мульти-
 пликаци: аспекты исследования зрительского восприятия
- Я. И. Серкина, Е. И. Бабинцева* **1853**
 Социологическая диагностика практических навыков участников
 инновационного развития ВУЗов
- М. В. Иванова, Э. С. Ключкина* **1858**
 Будущее арктических трудовых ресурсов: о сохранении населения
 российской Арктики
- Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина* **1861**
 Отражение действительности межнациональных отношений через
 ассоциативный потенциал этнонима (на примере исследоваия
 в Брянском филиале РАНХИГС)
- Ю. И. Караваева* **1867**
 Каково будущее семьи в 21 веке?
- Т. А. Гужавина* **1871**
 Концепция социального капитала и ее прогностические
 возможности
- Н. Л. Микиденко* **1875**
 Региональный ресурсный центр адаптации и интеграции мигрантов
 как управленческая практика этнокультурного развития региона

02. Основные мировые тренды технологического развития и их возможные социальные последствия

Б. Б. Данилов, З. А. Данилова

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ: ЭФФЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

ДАНИЛОВ Булат Борисович — аспирант ФГОБУВО «Финансовый университет», г. Москва, Россия; bulatka10@mail.ru

ДАНИЛОВА Зинаида Андреевна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории геоэкологии ФГБУН «Байкальский институт природопользования СО РАН», г. Улан-Удэ, Республика Бурятия; ziha@mail.ru

В приграничных регионах России происходят активные миграционные процессы, обусловленные близостью границ, возможностью использования избыточных трудовых ресурсов соседних стран, особенно граждан Китая. В статье рассматриваются некоторые аспекты управления и прогнозирования внешней трудовой миграции в трансграничном регионе — Республике Бурятия. *Методы исследования:* статистический и корреляционный анализ; математические методы прогнозирования, социальные исследования. В работе использовались материалы обследований, проведенных под руководством автора в июне-ноябре 2015 г.: «Зарубежные трудовые мигранты в регионе: социально-экономические и правовые аспекты адаптации и управления» ($n = 127$), полуструктурированное интервью экспертов «Опыт регулирования миграционных процессов в регионе» ($n = 26$).

Результаты исследования

1. Показано, что трудовая миграция как социально-экономический феномен, приобрела в регионе двойственный характер: происходит вымывание квалифицированной рабочей силы и ее замещение неквалифицированными мигрантами. Эффекты «вымывания» и «замещения» рабочей силы происходит не в пользу региона вследствие недостаточного присутствия высокотехнологичных секторов производства, преимущественно сырьевой ориентации экономики, не способной генерировать высокооплачиваемые рабочие места. Профессионально-квалификационный состав трудовых мигрантов, прибывающих по квоте, в основном состоит из квалифицированных рабочих. По патенту (а это доминирующая группа мигрантов) преимущественно прибывает малоквалифицированная рабочая сила (Рис. 1).

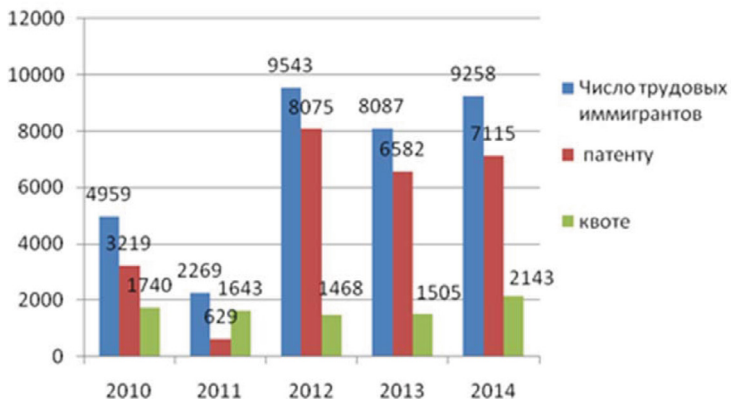

Рис. 1. Численность трудовых иммигрантов, прибывших в РБ по патенту и квоте, чел.
Источник: Материалы УФМС по Республике Бурятия

Эмигрирует, как правило, наиболее квалифицированная и конкурентоспособная часть населения, среди которых высока доля молодежи. Неэквивалентный миграционный обмен снижает качественные характеристики трудоспособного населения (Рис. 2).

Распределение эмигрантов РБ по статусу занятости в миграционном оттоке, в %

Рис. 2. Источник: Материалы УФМС по Республике Бурятия

2. Изучены риски развития трудового потенциала региона. Выявлено, что соотношение численности населения, вступающего в трудоспособ-

ный возраст и выходящего из него, приобретает угрожающий характер к 2020 г. По прогнозной оценке к 2020 г. она будет составлять около 1 тыс. чел. Наиболее критичным является 2018 г., когда число вступивших в трудоспособный возраст будет равно числу лиц, достигших пенсионного возраста (Рис. 3.). В условиях приграничного региона, близости стран АТР, основного мирового донора трудовых мигрантов — КНР, дефицит в трудовой силе могут восполнить трансграничные мигранты, а также граждане из стран СНГ. В дальнейшем ожидается пополнение трудового потенциала за счет естественного прироста населения.

Рис. 3. Прогнозная оценка соотношения численности населения, вступающего в трудоспособный возраст, и численности населения, выходящего из него. Источник: составлено по материалам Бурятстат.

3. Установлено, что в перспективе до 2020 г. доля российских работников в общей численности трудоспособного населения региона будет увеличиваться. Влияние ИРС на рынок труда будет оставаться незначительным. Однако масштабы и направления трудовой иммиграции могут измениться. Рассчитан прогноз численности иностранной рабочей силы в регионе по формуле (Парикова Н. и др.)

$$Lm_t = \frac{X_t}{4,6643 \cdot t^2 + 141,16 \cdot t + 731,77} - (2,4509 \cdot \ln t + 67,054) \cdot N_t,$$

где X_t — объем ВВП;
 N_t — численностью населения в трудоспособном возрасте;
 $\ln t$ — логарифм натурального числа определенного времени.

Согласно прогнозной оценке численность иностранных работников в 2017—2020 гг., необходимой экономике региона, будет варьироваться в пределах от 6 до 10 тыс. чел. Ретроспективный анализ динамики численности ИПС подвержен достаточно сильным колебаниям, обусловленный преимущественно политическими и социальными факторами — необходимостью трудоустройства местной рабочей силы (высокий уровень безработицы), кризисом, экономическими санкциями.

4. Несмотря на эффективность применения труда иностранных рабочих, пополнения рынка труда дешевой рабочей силой, в регионе происходит сокращение квалифицированной рабочей силы, прибывающей по квоте. В условиях приграничного региона данная политика является экономически нецелесообразной. В отличие от Бурятии, в Забайкальском крае и Иркутской области не происходит существенных колебаний в численности ИПС. Она варьируется в пределах от 15 до 20 тыс. чел. Данная мера вполне объяснима, поскольку число вакантных рабочих мест и отрицательное сальдо миграции в Байкальском регионе остается высоким (Рис. 4).

Рис. 4. Источник: Составлено по материалам Бурятстат, Республиканского агентства занятости населения

5. На основе социологического обследования выявлено, что трудовые мигранты в своем большинстве не пытаются идентифицировать себя в качестве членов общества резидента, что свидетельствует о временном настрое их пребывания в регионе. Отмечается повышенное ощущение индивидуальной и групповой зависимости трудовых мигрантов от принимающего государства. Субъективные оценки эффективности миграционной политики в регионе достаточно сильно разнятся. Большинство экспертов, работающих в сфере миграции, считают, что она эффективна. Многие зарубежные мигранты указывают, что она действенна лишь отчасти (Рис. 5).

Эффективна ли миграционная политика в регионе?, в %

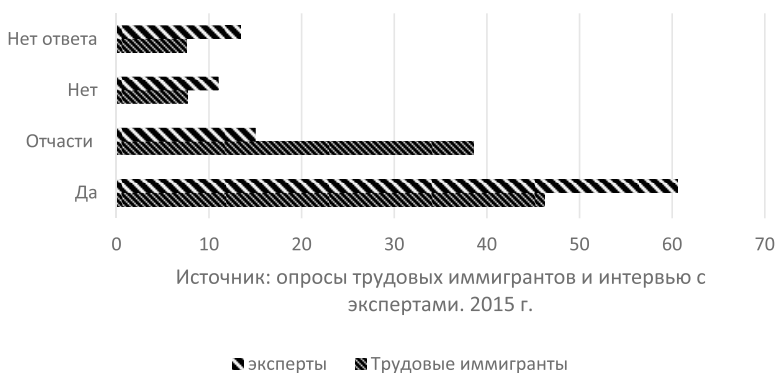

Рис. 5.

Одна треть зарубежных мигрантов чувствуют себя лишь частично защищенными от произвола властных структур, силовых ведомств. Существенно снижен уровень защищенности мигрантов от неправомерных действий работодателей. Типичные дискриминационные практики — расторжения, нарушения трудовых договоров, отказ или сокращение заработной платы, сверхурочная работа, увеличение продолжительности рабочего дня и др. Трансграничные мигранты испытывают трудности с жильем, своевременным получением заработной платы, медицинской помощи. Согласно оценке важности проблем для мигрантов по пятибальной шкале для 22,2% иностранных рабочих представляется актуальным безопасность для себя и членов своей семьи. Основными барьерами в управлении миграционными процессами эксперты считают отсутствие методики учета нелегальных мигрантов, правовые пробелы, нарушения и незнание миграционного законодательства. Причинами нарушения

миграционного законодательства эксперты считают главным образом незнание законов и их игнорирование иммигрантами.

Выводы

В современных условиях властные структуры не рассматривают зарубежную трудовую миграцию фактором развития региона, представляют ее преимущественно с позиций негативных последствий в то время, как соотношение численности населения региона, вступающего в трудоспособный возраст и выходящего из него, приобретает угрожающий характер. В условиях демографического кризиса в стране, особенно в приграничных регионах, миграция является важным ресурсом ее демографического и экономического развития. Эффективная миграционная политика призвана этот ресурс мобилизовать, при соблюдении баланса национальной безопасности и прав человека.

М. С. Блохина

ТРЕНИНГ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ «Я-КОНЦЕПЦИИ»

БЛОХИНА Мария Сергеевна — соискатель кафедры управления персоналом факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; mcalekseeva@mail.ru

Аннотация. В условиях инновационной экономики и активного развития теории управления человеческими ресурсами, к личности руководителя предъявляются повышенные требования: помимо осуществления непосредственных обязанностей, он должен выполнять функции новатора как в отношении себя, так и в отношении ведения дел компании. Тренинг развития инновационных компетенций — мощный инструмент воздействия на инновационный потенциал руководителя, который оказывает непосредственное влияние на формирование его профессиональной «Я-концепции».

Ключевые слова: инновационные компетенции, компетенции, профессионализм, тренинг, современный руководитель

В современной практике, наряду с требованиями к стратегическому мышлению руководителей, существуют требования к их инновационным компетенциям, под которыми понимают набор умений, навыков и способностей, позволяющих руководителям нестандартно подходить к принятию решений и выполнению профессиональных обязанностей, выводить организацию на новый уровень развития за счет использования новейших технологий и достижений науки, поощрять новые идеи и поддерживать их реализацию. Опираясь на данные проведенного в 2015—2016 гг. электронного анкетирования студентов (было опрошено 64 студента из 8 российских ВУЗов — МГУ имени М. В. Ломоносова, РАНХиГС, МГСУ, МЭСИ, МФТИ, ВАВТ, МИИТ, МГУПС), можно выделить следующие тенденции:

1. Инновационные компетенции — важнейшая составляющая модели компетенций современного руководителя (по мнению 85,55 % респондентов). Можно предположить, что респонденты склонны рассматривать инновационные компетенции как тщательную компиляцию из самых актуальных и востребованных компетенций современного руководителя (включая базовые, специальные и другие компетенции), что обуславливает высокую оценку их значения для модели компетенций.

2. Современные руководители должны обладать, прежде всего, такими инновационными компетенциями, как креативность и критическое мышление (по мнению, 68,06 % респондентов). Кроме того, в состав инновационных компетенций, значимых для руководителей, как полагают респонденты, можно включить способность быстро реагировать на изменения, идти на риск и способность грамотно управлять командой (коллективом), умение формировать команду (коллектив), умение прогнозировать результаты работы, способность создавать качественные бизнес-проекты, умение адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам, навыки лидера.

3. Основной инструмент развития инновационных компетенций будущих и состоявшихся руководителей — тренинг (отметили 74,18 % респондентов). Он, как полагают респонденты, имеет приоритетное значение для целенаправленного формирования и развития инновационного потенциала управленческих кадров. Помимо тренинга, для развития инновационных компетенций будущих руководителей респонденты рекомендуют использовать такие инструменты, как мастер-классы, создание и поддержку студенческих проектов, работу в команде, деловые игры, кейс-стади, дебаты. А для уже состоявшихся руководителей — повышение квалификации, лекции с демонстрацией практических выгод от использования инноваций.

Интересно, что мнение респондентов частично коррелирует с результатами некоторых других исследований. Так, например, Ю. А. Малахов в статье «Формирование инновационных компетенций студентов технических ВУЗов» уделяет особое внимание рассмотрению кейс-метода как инструмента развития инновационных компетенций студентов [3]. Исследования Т. М. Пестуновой, И. А. Соболевой, А. Т. Мошеговой, представленные в работе «Пилотная модель развития инновационных компетенций на основе технологических и организационных возможностей 1С», свидетельствуют о значимой роли организации конкурсов, ориентированных на командную работу, в решении поставленной задачи [4].

Учитывая выявленное в ходе проведенного исследования высокое значение тренинга как инструмента развития инновационных компетенций будущих и состоявшихся руководителей, рассмотрим более подробно возможности и ограничения его использования с этой целью. Для начала определим понятие «тренинг». Т. В. Зайцева [1] в своей работе «Теория психологического тренинга» констатирует его неоднозначность: «С. И. Макшанов, — пишет Т. В. Зайцева, — определяет тренинг как многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации. Центральной категорией здесь выступает категория изменения. Тренинговое воздействие направляется

на достижение позитивных изменений участников, повышение степени их «конгруэнтности» с собой и окружающей средой». «Ю. Н. Емельянов дает следующее определение тренингу: «...Термин «тренинг», по нашему мнению, в структуре русской психологической речи должен использоваться не для обозначения методов обучения, а для обозначения методов развития способностей к обучению или овладению любым сложным видом деятельности, в частности, общением» [1]. Анализ существующих подходов к трактовке тренинга позволяет предложить следующее его определение: тренинг, в нашем понимании, — это легко усваиваемый, обобщенный, но способный к индивидуальному дифференцированию инструмент воздействия на рефлексивное поле психики человека, который стимулирует его рефлексивное Я, проблематизирует и заставляет искать свои, индивидуальные способы для достижения своих, индивидуальных, целей и задач.

Тренинг развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций — одно из новых направлений психологического тренинга. При этом он, как и любой другой инструмент обучения и развития, имеет ряд возможностей и ограничений. К его возможностям, как правило, относят:

- 1) Экономия времени участников при поиске путей решения типичных задач в определенном временном континууме;
- 2) Организацию обмена опытом среди коллег;
- 3) Самоидентификацию себя относительно других участников группы, анализ своего профессионального пути и возможностей.

К ограничениям данного инструмента можно отнести:

- 1) Групповую форму работы, которая в большинстве случаев может дать лишь общие ответы на имеющиеся вопросы и сформировать установки на решение какой-либо проблемы;
- 2) Невозможность учитывать индивидуальные особенности каждого участника группы при разработке программы тренинга, что сильно снижает эффективность данного метода.

Основными функциями тренинга развития инновационных компетенций руководителей являются:

- 1) Разрушение сложившихся паттернов сознания, освоение техники разностороннего исследования объекта;
- 2) Развитие инновационных способностей, навыков, умений;
- 3) Проблематизация сотрудников с целью последующего формирования или коррелирования индивидуальной профессиональной «Я-концепции».

Рассмотрим последнюю функцию более подробно. В отечественной литературе наиболее универсальными считаются следующие измерения Я: Я-наличное, Я-идеальное, Я-отраженное, выделенные по критериям реальности и источнику существования отражаемого в них содержания [2].

Функционально-целевое назначение профессиональной Я-концепции определяется в осознании (осмыслении) человеком-субъектом конкретной профессиональной деятельности и личности — себя, своего места, назначения в профессиональной деятельности в соответствии с определенным ценностно-смысловым отношением к ней, что и обеспечивает функционирование, развитие, самореализацию человека в профессии — например, в менеджменте. К дополнительным возможностям и преимуществам тренинга инновационных компетенций как инструмента формирования профессиональной Я-концепции можно отнести:

- 1) «Погружение» участника в контекст профессиональной деятельности, тематически разделенной и структурированной (в отличие от реальной деятельности);
- 2) Работу в группе коллег и обмен опытом с другими руководителями;
- 3) Работу в группе, способствующую самоидентификации личности, глубокому уровню рефлексии, являющуюся источником практического инструментария для решения профессиональных задач.

После прохождения курса упражнений тренинга участник должен не только сформулировать в общем виде свою профессиональную «Я-концепцию» на ближайшее время, но и найти средства или инструменты для ее реализации. Таким образом, тренинг инновационных компетенций направлен на стимуляцию творческого, скрытого и инновационного потенциала личности руководителя, то есть на нестандартное восприятие им своей деятельности. Рефлексивность руководителя при построении своей профессиональной «Я-концепции», самоориентация на развитие и использование инновационных компетенций являются залогом разработки руководителем эффективного сценария и / или стратегии «жизни» организации, невзирая на условия неопределенности и непредсказуемости мировой бизнес-среды.

Список источников

1. Зайцева Т. В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. СПб. : Речь ; М. : Смысл, 2002.
2. Джанерьян С. Г. Психология профессионального самосознания. Ростов-на-Дону : Изд-во Южный федеральный институт, 2008.
3. Малахов Ю. А. Формирование инновационных компетенций студентов технических ВУЗов // ИнВестРегион. № 3. 2009.
4. Пестунова Т. М., Соболева И. А., Мошегова А. Т. Пилотная модель развития инновационных компетенций на основе технологических и организационных возможностей 1С // Новосибирский государственный университет экономики и управления. № 5. 2012.
5. Интернет-ресурс <http://innovation.nstu.ru/zrik.html> (дата обращения: 11.05.2016).

А. Э. Ушамирский**К ПРОБЛЕМЕ СПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
СТАТЬ РЕАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ СОЦИЕТАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ**

УШАМИРСКИЙ Алексей Эдуардович — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета МБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагоги и права», г. Волжский, Россия; viepp@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема способности молодежи стать реальным субъектом социетальных, то есть затрагивающих все общество, изменений. Определяются критерии оценки этой способности: социальное самочувствие, структура молодежных ценностей, жизненные цели и стратегии поведения в социальных конфликтах. Доказывается, что большая часть российской молодежи ориентирована не на социетальные перемены, но на изменение индивидуальных жизненных условий.

Ключевые слова: молодежь, потенциал молодежи, социетальные изменения, ценности, жизненные цели, стратегии поведения, социальные конфликты

Современная российская социология молодежи накопила достаточно теоретического и эмпирического материала, чтобы ответить на вопрос о способности молодежи стать реальным субъектом социетальных, то есть затрагивающих все общество, изменений, преодолев в отношении этой социально демографической когорты крайности как чрезмерного оптимизма, так и социального пессимизма. Разумеется, решение данного вопроса всегда будет неполным, поскольку существует масса неопределенностей, связанных как с положением самой молодежи, так и с тенденциями развития социальной среды. Но главная проблема, определяющая степень точности прогноза, в данном случае заключается в основном в том, что нет ясных критериев оценки субъектного потенциала, а потому представления о ее будущей роли размыты, недостаточно рациональны и часто эмоционально окрашены.

Мы считаем возможным оценить потенциал молодежи к реализации социальных изменений по четырем критериям: социальное самочувствие, структура молодежных ценностей, жизненные цели и стратегии поведения в социальных конфликтах. Именно они были заложены в концепцию ряда социологических исследований, проведенных в Белгородской и Волгоградской областях специалистами НИУ БелГУ: «Молодежь России»

(1997 год, $n = 1000$); «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год, $n = 1500$) и «Оценка эффективности реализации региональной стратегии формирования солидарного общества» (2014 год, $n = 1000$).

При этом мы, во-первых, исходили из того, что социальное самочувствие вполне можно анализировать на основе показателей удовлетворенности молодых людей своими жизненными условиями и представления молодых людей о собственном статусе. В первом случае мы можем оценить восприятие молодыми людьми внешних обстоятельства своей жизнедеятельности; во втором — их самооценку и — до определенной степени — уровень рефлексивности. Последнее обстоятельство позволяет понять, насколько рационально они действуют в реальных жизненных условиях. В целом оба показателя дают основание для вывода о потенциальной настроенности молодых людей на социальные изменения, поскольку ощущение неудовлетворенности условиями своей жизни является одной (не единственной) из предпосылок участия в них. Но исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» показало: большая часть молодежи (79.87%) в той или иной мере удовлетворены своей жизненной ситуацией. Оно подтвердило тезис о высокой степени социальной адаптации молодых людей, которая сочетается с явно завышенным уровнем самооценки. 12.07% респондентов отнесли себя к преуспевающим молодым людям, молодежным лидерам, 41.40% считают, что они — молодые люди, хорошо приспособившиеся к современной ситуации, чувствующие себя комфортно. Лишь 25.93% считают себя молодыми людьми, испытывающими временные трудности, но имеющими хорошую перспективу, и 3.60% — молодыми людьми, не имеющими жизненной перспективы.

Во-вторых, мы учитывали, что важнейшим элементом мотивации молодежи к социальным действиям являются ценности. Их рассогласование с ценностями других групп и общества в целом обычно провоцирует к изменениям социума. Однако исследование «Оценка эффективности реализации региональной стратегии формирования солидарного общества» не выявило серьезных различий между ценностями молодежи и ценностями регионального сообщества в целом (см. таблицу).

Ценности	Молодежь	Все население
Духовность, общественная мораль	20.36%	22.20%
Справедливость	24.43%	29.90%
Благосостояние	16.74%	17.90%
Служение Отечеству, патриотизм	7.24%	11.90%

Ценности	Молодежь	Все население
Законность	19.00%	19.70%
Культура общения, вежливость	23.08%	20.40%
Ответственность за будущее	14.03%	14.50%
Безопасность	17.19%	20.80%
Открытость власти	10.41%	9.90%
Права и свободы	10.86%	12.20%
Толерантность	11.31%	9.20%
Солидарность	13.12%	11.90%

Более или менее явные расхождения выявлены лишь применительно к двум ценностям: служение Отечеству, патриотизм, а также справедливость. Тем не менее, несмотря на то, что различия не столь существенны (около трех пунктов), мы полагаем, что мировоззрение молодых людей в настоящее время довольно адекватно мировосприятию других социальных групп. Различия не провоцируют серьезных конфликтов, не стимулируют, казалось бы, традиционного молодежного нон-конформизма.

В-третьих, нацеленность молодежи на социальные изменения не стимулируется структурой жизненных целей молодежи. Несмотря на их динамичность, приоритетной, с 1997 года и по настоящее время, остается семейное счастье (в 1997 году на эту цель ориентировались 69.73% респондентов, в 2009—65%, в 2014 — только 57.47%). Влияние доминирующей цели на готовность молодых людей к социальным изменениям неоднозначно. Стремление к ней могло бы стимулировать социально-преобразующую деятельность молодежи. Но для этого молодые люди должны ясно видеть зависимость между семейным комфортом, счастьем и общественной ситуацией, а также понимать, что для ее изменения активность должна носить общественный характер и выражаться в стимулировании различных форм самоорганизации. Однако, в молодежной среде имеет место дефицит этих представлений.

Не стимулирует к социальным изменениям и вторая по значимости цель — профессиональная карьера. Ориентируясь на нее, молодые люди, фактически, подчеркивают свое желание действовать в рамках существующей общественной системы, используя представляемые ею, хотя и существенно ограниченные, социальные лифты.

К тому же значительная часть молодежи связывает свое будущее с властью. Если она была главной целью для 7.72% респондентов в 1997 году, то в 2014 уже для 17.07%. И стремление «войти во власть» не означает намерения использовать властные ресурсы для социальных преобразований.

Таким образом, если судить по структуре целевых установок, молодежь, несмотря на то, что составляет значительную часть прекариата, рассчитывает сравнительно успешно интегрироваться в административную социально-политическую систему. Ее «карьероориентированность» не предполагает радикальных изменений социально-политической ситуации, но — напротив — максимальную адаптацию к ней.

В-четвертых, рассматривая специфику поведения молодежи в социальных конфликтах, мы предполагали, что высокий конфликтный потенциал может также провоцировать установку на социальные изменения. Но исследование выявило: конфликты, в которых участвует молодежь, реализуются в основном на микроуровне — в семье, соседской общине. Так 19.40 % молодых людей постоянно вступают в конфликты с членами семьи; 31.00 % — один-два раза в месяц. В то же время с руководителями соответственно — 7.20 % и 14.47 %; с представителями власти — 4.67 % и 6.27 %. Включение молодежи в конфликты преимущественно на уровне микросреды может оцениваться весьма позитивно для общества, так как такие конфликты существенно не угрожают его стабильности.

Таким образом, молодежь в своей основной массе не склонна к радикальным решениям. Анализ специфики молодежного сознания по рассмотренным четырем критериям дает основание предполагать: молодежь в перспективе будет ориентирована преимущественно на изменение (разумеется, понимаемое как улучшение) индивидуальных жизненных условий. При этом она готова активно использовать свои личные ресурсы и социальный капитал, накопленный в семейно-родственной среде. Но она не нацелена на изменение существующих социальных структур. Молодые люди не готовы или не умеют видеть зависимость между их деформацией и личными проблемами. Они более склонны адаптироваться к социальной среде, используя предоставляемые ею возможности, чем не менять ее.

Ю. И. Салимова

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

САЛИМОВА Юлдуз Исаковна — старший научный сотрудник, Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан; otabek222@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы, циклы проведения социологического обследования качества и уровня жизни населения, внедрение ИКТ в данный процесс на примере использования планшетов, проанализированы положительные и отрицательные стороны применения планшетов в опросе и выявлена роль ИКТ в социологическом обследовании.

Ключевые слова: ИКТ, социологическое обследование, качество и уровень жизни населения, процесс

Поддержка и повышение уровня и качества жизни населения является одним из важнейших аспектов взаимодействия государства и населения, при котором выявляется социальное мнение и отношение к социальной, политической, экономической действительности, тем самым выявляя социально-экономические проблемы.

В постиндустриальном обществе большое внимание уделяется развитию ИКТ и внедрению его в проведение социологического обследования уровня и качества жизни населения.

Существуют 3 этапа проведения социологического обследования: подготовительный, полевой опросный, этап обработки и анализа данных.

Циклы проведения социологического обследования:

- Подготовка технического задания и формулировка целей и задач исследования
- Разработка инструментария, в соответствии с задачами исследования: анкеты для проведения социологического опроса; инструкции для супервайзеров полевых работ, интервьюеров; контрольной анкеты и бланков контроля.
- Пилотаж инструментария, по результатам которого составляются рекомендации по доработке анкеты.
- Полевые работы.
- Контроль качества и обработка данных.

- При проведении социологического обследования с бумажных анкет, данные приходится переносить вручную в базу SPSS. При этом необходимо нанимать операторов, вносящих данные с анкеты в базу данных. Учитывая объем выборки, сложность составленной анкеты и качество первичных данных — этот процесс трудоемкий как по затратам времени, так и по силам.

При использовании планшетов в заполнении анкет сокращается процесс «полевого» контроля, т. к. исключается работа кодировщиков и операторов. В результате экономится время, происходит оперативная обработка и быстрый анализ результатов обследования, а также исчезают ошибки при переносе ответов из анкет.

Кроме того, при работе на планшетах для контроля качества работы интервьюеров можно использовать функцию аудиозаписи интервью, который позволит проверять факт их реального проведения и правильность заполнения анкеты, что в дальнейшем может послужить основанием для дополнительного анализа информации, если возникнут вопросы по распределению ответов.

Таблица 1

ПРЕИМУЩЕСТВА СБОРА ДАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЛАНШЕТОВ	
Качество	Гарантия соблюдения логики интервью
	Минимизация ошибок ввода
	Усиление контроля
	Готовый вид
Удобство	Компактность устройства.
	Простота интерфейса
	Возможность использования визуальных материалов
Экономия	Сокращение продолжительности интервью
	Исключение сразу нескольких статей расходов

Источник: Составлено автором

Выше были перечислены важнейшие преимущества использования планшетов в проведении социологического обследования, но надо отметить, что существуют недостатки и трудности.

Применение планшетов в опросах имеет следующие недостатки:

- увеличивается длительность опроса, особенно для возрастных интервьюеров.
- ограниченность работы по времени, дороговизна проведения обследования, быстрый износ планшетов.

- внезапные технические сбои: быстрая разрядка батареи (максимальная работа планшетов 4—6 часов), наличие дефектов работы сенсорных экранов, быстрый износ данного оборудования, который является удорожающим фактором исследования.

При проведении социологического обследования с помощью ИКТ необходимо иметь доступ к Интернету для отправки заполненных анкет в режиме «онлайн», и желательно наличие планшетов с 3G и мобильной связи на месте проведения опроса. Для отправки аудиофайлов из-за объемности необходим Wi-Fi с быстрым Интернетом.

Популярным способом сбора данных является отправка анкет по почте, но этот метод очень редко используется.

Развитие ИКТ и его внедрение в проведение социологического обследования означает на смену бумажным анкетам приходят мобильные электронные устройства. Использование планшетов при проведении количественных опросов выводят качество сбора информации на новый уровень, что позволяет повышать достоверность результатов, делать исследовательскую работу более открытой.

Список источников

1. Зотов В. В. Становление информационно-коммуникативной среды современного общества: социологический анализ институциональных трансформаций : монография. Курск : Курск. гос. техн. ун-т., 2007.
2. Мальцева Е. Ю. Информационные технологии анализа состояния предприятий АПК Краснодарского края // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Вып. 2.
3. Проведение опросов общественного мнения [Электронный ресурс] // IT-портал Fashion Empire. URL: <http://ra-gmc.ru/uslugi/marketing-research/opros/>.

О. В. Ярмак

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ: ФАКТОРЫ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЬ)

ЯРМАК Ольга Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра социологических исследований ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, olga_yarmak@inbox.ru

Аннотация. Приведено краткое описание социологических подходов к термину «социальное самочувствие». Дана характеристика составляющим и факторам, оказывающим влияние на формирование социального самочувствия населения. Приведены результаты социологических исследований социального самочувствия крымчан и севастопольцев, при этом социальное самочувствие рассматривается как обобщенный индикатор реакции населения на социальные преобразования, вызванные новейшими историческими событиями. Представленный анализ социального самочувствия жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь выступает показателем результативности проводимых реформ в новых российских регионах.

Ключевые слова: Социальное самочувствие, социальная адаптация, удовлетворенность жизнью

Измерение социального самочувствия населения региона является одним из важнейших показателей эффективности социальной политики региональной власти и удовлетворенности жизни населения. В этой связи обоснование методологических принципов и поиск эмпирических методов исследования данной проблемы привлекает внимание социологов.

Термин «социальное самочувствие» вошел в социологическую литературу в 1970-х годах. Отечественная социология начала комплексно изучать социальное самочувствие с 80-х годов прошлого века, при этом в ней выделились несколько подходов к анализу и понимания феномена социального самочувствия. Первый заключается в том, что самочувствие определяется через удовлетворенность человека различными сторонами жизни. В рамках этого подхода зачастую отождествляются понятия «социальное самочувствие» и «удовлетворенность жизнью». Второй подход рассматривает социальное самочувствие как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности. В рамках третьего

подхода социальное самочувствие определяется как синдром сознания, отражающий взаимосвязь между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей личности.

Необходимо отметить, что составляющими оптимистического социального самочувствия выступают ожидания перемен к лучшему, уверенность в успехе усилий, направленных на их приближение. И, наоборот, пессимистическое социальное самочувствие, характеризующееся отсутствием четких перспектив и средств их достижения, парализуют общественную активность.

Изучая феномен социального самочувствия севастопольцев, социологи зачастую его рассматривают как обобщенный индикатор реакции населения на социальные преобразования, вызванные новейшими историческими событиями. Анализ социального самочувствия жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь сегодня представляется чрезвычайно важным и актуальным, поскольку именно уровень социального самочувствия может выступать показателем результативности проводимых реформ в новых российских регионах.

Показатели социального самочувствия крымчан и севастопольцев были получены в рамках исследовательского проекта «Открытое мнение — Крым» (openopinion.ru), проведенного в апреле-июне 2016 года, основу которого составлял массовый опрос населения Крыма. Реализованная выборка исследования составила 1100 крымчан и севастопольцев, постоянно проживающих на полуострове, в возрасте 18 лет и старше. В данном исследовательском проекте социальное самочувствие населения Крыма измерялось с использованием замера общей удовлетворенности жизнью и через самооценку материального положения семьи.

Так, уровень удовлетворенности жизнью, декларируемый населением Крыма, является весьма высоким — совокупная доля позитивных оценок («вполне удовлетворен» и «скорее удовлетворен») составила 83 % против 14 % «не удовлетворенных», в том числе половина респондентов (49 %), по их словам, «удовлетворены вполне».

Показатели общей удовлетворенности жизнью высоки во всех социально-демографических группах населения Крыма. При этом можно выделить следующие особенности. Доли ответов «вполне удовлетворен» наиболее высоки среди представителей старшего поколения крымчан (65 лет и старше, 65 %). Наиболее сдержанны в своих оценках жители полуострова средней возрастной категории, они сравнительно реже склонны к выбору варианта «вполне удовлетворен», тем не менее, в этих категориях не менее трех четвертей ответов — в положительной части шкалы.

Высокий уровень социальной адаптации фиксируется среди наиболее обеспеченных категорий граждан (с высокими самооценками материаль-

ного положения, «вполне удовлетворен», 76 %). Соответственно, наименее материально обеспеченные заметно реже выражают удовлетворенность текущей жизнью (более половины ответов «скорее + совершенно не удовлетворен», 58 %).

Уровень удовлетворенности жизнью определяется совокупностью различных факторов и здесь материальный фактор играет немаловажную роль. В рамках исследования респонденты не только оценивали текущий уровень материального положения своей семьи, но также его динамику на последние два года (с момента вхождения в состав России) и ожидания на ближайший год. Несмотря на неоднозначные процессы в экономике Крыма и финансовом обеспечении граждан, нынешние самооценки населения своего материального положения выглядят довольно благоприятными. Почти треть респондентов оценили свое материальное положение как «хорошее», чуть более половины — как «среднее», о низком уровне материального положения своей семьи заявили лишь около 12 % крымчан.

Согласно данным опроса, присоединение к России для населения полуострова сказалось на благосостоянии скорее положительно: во всяком случае, почти половина участников опроса (48 %) отметила его улучшение, каждый третий сообщил об отсутствии изменений, хотя есть и «пострадавшие» (их 16 %). Возможно, в этих самооценках присутствует изрядная доля эйфории от самого факта вхождения в состав России, но пока ожидания остаются оптимистичными. Так, каждый третий крымчанин ожидает улучшения своего материального положения, каждый второй — по меньшей мере, сохранения его на текущем уровне, доля пессимистов не превысила 5 % выборочной совокупности опроса¹.

Результаты исследования «Социального самочувствия населения города Севастополя», проведенного Центром социологических исследований Севастопольского государственного университета в Севастополе в ноябре 2016 года с помощью метода стандартизированного интервью по месту жительства респондентов с выборочной совокупностью 1000 человек показали следующее. Так, 37 % севастопольцев оценили свое материальное положение как среднее, отметив, что не испытывают затруднения в повседневных расходах, но приобретение товаров длительного пользования у них вызывает финансовые трудности. Практически половина (47 %) респондентов сказали, что им денег хватает лишь на основные продукты питания и одежду. 12 % оценили свой материальный уровень как высокий: они достаточно состоятельны, но ограничены в приобретении дорогостоящих товаров.

¹ http://openopinion.ru/content_res/articles/00_Crimea_method.pdf.

Анализируя результаты различных исследований социального самочувствия крымчан и севастопольцев, приходит понимание необходимости изучения данного социального феномена, так как он отражает реальную ситуацию социальной, политической и экономической адаптации жителей полуострова и процесса их интеграции в российское пространство.

Н. А. Якубов, О. Э. Бобамуратов

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ЯКУБОВ Нурбек Алишерович — ведущий научный сотрудник, Институт социальных исследований при Кабинете министров Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан; newfrank@mail.ru

БОБАМУРАТОВ Отабек Эркинович — главный научный сотрудник, Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан; otabek222@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сущность социологии общественного мнения, определены объект и субъект общественного мнения, выявлены основные этапы и факторы формирования общественного мнения, формы его функционирования и проанализирована его роль в общественных процессах.

Ключевые слова: социология, общественное мнение, индивид, социальные группы, институт

Социология общественного мнения — отрасль социологического знания, предметом которой является изучение структуры, закономерностей, каналов, механизмов формирования и функционирования обществ, мнения. Общественное мнение — отношение больших социальных групп к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес. Мнение принято отличать от понятий, установки, ценности, верований, стереотипов и общественных чувств. Общественное мнение менее стабильно, легче изменяется, оно является измеряемым параметром в массовом опросе или другого типа исследований, тогда как установки и ценности являются латентными переменными. В отличие от общественных чувств общественное мнение — продукт интеллектуальный, основанный на некотором количестве изученных фактических доказательств и заключающий некоторую степень отражения, анализа и рационального осмысления.

Объект общественного мнения всегда обладает характеристикой высокой дискуссионности в обществе и относительно высокой общественной значимостью. Общественное мнение формируется по проблемам, представляющим общественный интерес, и возникает только тогда, когда какой-либо общественный интерес по объективным причинам или в силу субъективных факторов становится центром внимания людей,

приобретает высокую степень актуализации. Высокая дискуссионность объекта общественного мнения связана с тем, что общественное мнение возникает в связи с расхождением взглядов людей по интересующему вопросу. В зависимости от сложности внутренней структуры и организации объектов общественного мнения различают мнения о фактах, мнения о событиях, мнения о явлениях и процессах.

Субъектом общественного мнения может являться все население в рамках одной территории (государства, нации и т. д.) или конкретная группа населения. Субъект общественного мнения обладает внутренней структурой, элементами которой выступают различные социальные группы: классы, социальные слои, нации, другие социальные общности.

Предметом изучения социологии общественного мнения являются этапы и факторы формирования общественного мнения, формы его функционирования, его роль в общественных процессах. В ходе своего развития общественное мнение проходит стадии возникновения, формирования и функционирования. Формирование общественного мнения в широком смысле — это качественное изменение мнений, развитие мнений в определенном направлении под влиянием как стихийно складывающихся факторов и сил, так и организованного сознательного воздействия. В более же узком смысле понятие формирования мнения можно употреблять для обозначения процесса организованного воздействия тех или иных социальных групп и сил на людей в целях изменения их мнения. Основные способы (методы) формирования общественного мнения: внушение, убеждение, подражание, авторитет. Основными средствами (каналами) формирования общественного мнения являются СМИ, устная пропаганда и политическая агитация, межличностное общение.

Выделяют следующие этапы формирования общественного мнения: зарождение индивидуальных мнений по значимой для них проблеме, обмен мнениями между людьми, в ходе которого значимость проблемы увеличивается, а также происходит формулировка решений и сужение альтернатив; кристаллизация общей точки зрения из множества мнений.

Основными характеристиками общественного мнения, которые изучаются социологией общественного мнения, являются: направление, сфера распространения (степень господства определенного суждения среди членов общества), информационное содержание (насколько мнение базируется на знаниях или информации), стабильность и интенсивность обществ, мнения.

Делая выводы можно сказать, что значение общественного мнения в жизни любого общества является чрезвычайно важным.

Это состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) к общественным событиям, к деятельности раз-

личных групп, организаций, отдельных личностей; выражает позицию одобрения или осуждения по тем или иным общественным проблемам, регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов, насаждает определенные нормы общественных отношений; действует как в рамках общества в целом, так и в рамках различных социальных групп. Активность и значение общественного мнения определяются характером социальной структуры общества, уровнем развития экономической культуры, демократических институтов и свобод. Общественное мнение находит выражение в выборах органов власти, средствах массовой коммуникации, опросах населения и др.

В условиях тотальной нестабильности системы, резкого политического противостояния все более серьезным фактором борьбы за власть, фактором политики становится и борьба за влияние на СМИ, своего рода «синдром четвертой власти», который перерастает в борьбу за моно влияние как на СМИ — систему, так и на отдельные средства массовой информации. Неудивительно, что при этом проблемы удовлетворения собственно информационных запросов общества уже (или вновь) не являются определяющими и преобладающими в деятельности СМИ и коммуникации.

В то же время для формирования общественного мнения, основанного на информации, адекватной происходящим событиям, важно существование не только разнообразных источников информации, но и условий доступа к ним. Очевидно, что необходимы действия и властей, и общества, направленные на решение двуединой задачи: с одной стороны, укрепление гарантий свободы слова и свободы доступа к информации, с другой — укрепление гарантий, обеспечивающих защиту самого общества от злоупотреблений этими свободами.

Однако она уже не столь безусловна и не носит исключительного характера, как прежде. Многократное повышение стоимости жизни, введение платы за услуги, предоставляемые учреждениями культуры, постоянный рост подписных цен на газеты и журналы ведут к резкому падению уровня информированности, культурной активности населения. Основным каналом приобщения к информации и культурным ценностям для абсолютного большинства населения все больше становится телевизор.

В поле зрения общественного мнения, как правило, попадают лишь те проблемы и факты, которые вызывают общественный интерес, затрагивают интересы и потребности сейчас живущих людей. Общественное мнение может формироваться как стихийно, так и целенаправленно.

Список источников

1. Ладодо И. В. Средства массовой информации // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 580—581.

2. Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации. М., 1999.
3. Stevenson N. Understanding Media Cultures. Social Theory and Mass Communication. Sage Publications, 1995.
4. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. N.Y.: Harper and Brothers, 1948.

03. Каким будет общество будущего

Е. Н. Ядова

ВОСПРИЯТИЕ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ. ГОТОВНОСТЬ К ВНЕДРЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ — STS)

ЯДОВА Екатерина Николаевна — кандидат социологических наук, проректор по дополнительному профессиональному обучению Moscow Business School НОУ ВО МСТех, Москва, Россия; yadova@gmail.com

Развитие технологий в мире стимулирует самые разные процессы в обществе. И для социологии это не только возможность программным обеспечением усиливать инструментарий, как, например, программе FaceReader для анализа выражений лица [1]. Это еще и обязательство тщательно изучать реакцию общества на появление и внедрение новых технологий в повседневную и профессиональную жизнь.

Социальная робототехника — одно из направлений, активно развивающихся и в России, и в мире, в целом. Созданы зооморфные (похожие на животных), антропоморфные (похожие на человека) роботы. Разработаны классификации [2.] Среди людей уже действуют роботы, носящие определенные функции: например, продвижение товара, информирование, снятие стресса. Явление, которое проявляется в социуме, подвергается научному анализу.

Эксперименты по фиксации отношения людей к роботам не ограничиваются классическим экспериментом 1970 года, выявившим эффект «зловещей долины» — страха перед роботами, похожими на человека, но не полностью ему идентичными [3].

Современные исследования в России активно проводят в Национальном исследовательском Томском государственном университете [4]. На российской аудитории получены данные о важности интерфейса социального робота, о значимости совпадения ожиданий от робота с его действиями для комфортного взаимодействия человека и машины.

В Негосударственном образовательном учреждении высшего образования Московском технологическом институте достижения социальной робототехники используются для вовлечения молодежи и взрослых в науку и обучение, для поддержания образовательного процесса, а также для изучения особенностей взаимодействия человека с роботом [5].

Одно из исследований: контент-анализ диалога людей с социальным роботом-промоутером, созданным компанией Promobot. При общении он опирается на более 100 тыс. речевых модулей, способен к обучению, используется для автоматизации процесса консультации, повышения потока клиентов, усиления лояльности и многого другого.

База для анализа (запись диалогов) включала около 10 тысяч вопросов на 150 тыс. знаков.

В результате заданные вопросы были разделены на три направления: 1) личное, 2) социум и познание; 3) функционал и функционирование [6].

В первую группу вошли выражение отношения (комплименты, оценка интеллектуальных способностей и внешних данных, признания в любви, радость от встречи) и вопросы о «жизни» робота. Причем последнее крайне походило на вопросы, которые при встрече человек задает своему знакомому или малознакомому человеку. Примерами служат такие вопросы: «Где ты живешь?», «Как дела?», «А что ты ешь?», «Сколько языков ты знаешь?», «Животных любишь?».

Вторая группа вопросов: «социум и познание», включала общие информационные запросы (прогноз погоды, мировые и российские новости, информация об организациях и компаниях) и темы, связанными в развлечении (вопросы о музыке, фильмах, компьютерах, программах, технологиях, известных личностях).

Третья группа вопросов касалась функциональных возможностей робота. Это были просьбы развлечь человека («расскажи анекдот», «поговори со мной») и поиск конкретной информации (открытие браузеров и сайтов, показ картинок).

В целом, картина взаимодействия свидетельствует, что при восприятии робота, поддерживающего диалог, люди воспроизводят паттерны, сходные с паттернами восприятия другого человека. Иными словами, «гуманизируют» робота.

Результаты разведывательного исследования позволяют строить гипотезы о некоторой сформированной базе готовности взаимодействия с социальными роботами.

В пользу такой гипотезы говорит и другое проведенное в том же Московском технологическом институте исследование: посвященное готовности к использованию новейших технологий в узкой сфере обучения [7].

Анкетирование было проведено в системе дистанционного обучения со 219 слушателями программ дополнительного профессионального образования по направлению Менеджмент (большинство руководители среднего и высшего звена в возрасте 25—45 лет). Аудитория — опытные пользователи Интернет в ежедневном режиме. Больше трети (37 %)

удаленно тратят на обучение 6—12 часов в неделю, еще 33% — 4—6 часов в неделю. В профессиональной и повседневной жизни респонденты используют ноутбуки (63%) и персональные компьютеры (50%) «не-Apple», коммуникаторы на платформе Android (40%), планшеты Apple (45%), Iphone (41%), планшеты «не-Apple» (31%).

Главный вопрос в принятии или отвержении использования ультрасовременных инструментов в образовательном процессе. Для измерения уровня декларируемой готовности к новейшим технологиям, респондентам было предложено выбрать одно из двух утверждений: 1) в обучении необходимо применять все самые современные технологии, такие как, например, считывание сигналов мозга и онлайн-замер утомляемости; 2) лучше, чтобы обучение проходило привычно, классически, не отвлекало от содержания непривычной формой. Большинство выбрали второй вариант ответа, условно говоря, продемонстрировали «традиционный» подход (55%). Вариант, включающий использование новейших технологий предпочли 45%. Такой процент превышает и долю новаторов, и долю раннего большинства в сумме [8].

Готовность позитивно воспринимать внедрение новейших технологий и технологических инноваций в повседневную жизнь хотя бы у части населения, можно использовать для развития комфортного внедрения ценных для общества нововведений, развития современных бизнесов, нивелирования негативных эффектов «неготовности».

Список источников

1. Ларина Т. И. Анализ невербальных реакций респондентов в прикладных социологических исследованиях: технологизация процесса / Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2016. С. 57—61.
2. Зильберман Н. Н. Функциональная классификация социальных роботов // Гуманитарная информатика. 2014. № . 8. С. 30—39
3. Mori M., MacDorman K. F., Kageki N. The uncanny valley [from the field] // Robotics & Automation Magazine, IEEE. 2012. Vol. 19. № . 2. P. 98—100.
4. Зильберман Н. Н. и др. Стереотипные представления детей о статусно-ролевых характеристиках социального робота (экспериментальное исследование) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4 (48).
5. Бубнов Г. Г., Малышев Н. Г., Плужник Е. В., Солдаткин В. И. Высшее профессиональное образование в координатах глобализации // Образование — путь к успеху. Международный форум «YEES 2012»:

Сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Солдаткин. М.: МТИ «ВТУ», 2012. С. 14—19.

6. Ядова Е. Н. Взаимодействие человека с социальным роботом: выводы по результатам исследования для сферы образования // Сборник X Всероссийской научно-практической конференции «Образовательная среда сегодня и завтра», 2015

7. Yadova E. N., Bubnov G., Pluzhnik E. Efficient implementation of high technologies in educational process // SHS Web of Conferences.— EDP Sciences, 2016. Vol. 29.

8. Rogers E. M., Beal G. M. Importance of Personal Influence in the Adoption of Technological Change. *Social Forces*. 36(4): 329—334. Google Scholar: https://scholar.google.com/scholar_lookup?publication_year=1958b&pages=329-334&issue=4&author=+Rogers,+E.M.author=+G.M.+Beal&title=The+importance+of+personal+influence+in+the+adoption+of+technological+changes

Е. В. Камко

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА С УЧЕТОМ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

КАМКО Елена Васильевна — Институт государственной службы и управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Москва, Россия; kamkoev@mail.ru

Необходимое условие технологического прогресса и его движущая сила — инновационная деятельность. Темпы и уровень технологического развития определяется интенсивностью и качественными результатами в инновационной сфере. Необходимостью становится выявление причинно-следственных взаимосвязей и учета эффектов обратной связи [3]. Поэтому наравне с методиками, отражающими фактическую инновационную ситуацию страны, возникает потребность в прогнозировании результирующих величин инновационной сферы, взаимосвязи их с факторами инновационного развития.

В нашей работе (более подробно см. [2]) мы изучили влияние факторов инновационного развития (институциональная среда, кадровый потенциал и сетевые эффекты) на результирующий макропоказатель инновационной сферы, измеряемый как объем инновационных товаров, работ, услуг. Для оценки значений каждого фактора использовались доступные из статистики индикаторы развития инновационной сферы.

Исследование проводилось за период с 2001 по 2012 гг. Поэтому одним из критериев выбора того или иного индикатора было также наличие соответствующих статистических данных за данный промежуток времени.

На основании выбранных индикаторов факторов инновационного развития, была произведена проверка ряда гипотез, которые сформировались на основе анализа современных исследований и успешного мирового опыта.

На первом этапе в результате корреляционного анализа данных были сделаны следующие выводы:

Вывод 1. Анализ показал, что доля организаций, выполнявших исследования и разработки как в государственном секторе, так и в секторе высшего образования, имеет прямую корреляционную зависимость с объемом инновационных товаров, работ, услуг. При этом обратная зависимость наблюдается между долей организаций, выполнявших исследования и разработки в частном секторе, и результирующим показателем. Наличие низкого r -уровня ($\leq 0,05$) говорит о достаточной надёжности результата и высоком уровне доверия к найденной в выборке зависимости между переменными. Результаты произведенного анализа

свидетельствуют: несмотря на опыт ведущих зарубежных стран и выводы аналитиков, о которых говорилось выше, увеличение доли частного сектора сферы исследований и разработок в России не ведет к увеличению результативности инновационной деятельности.

Несмотря на достаточно высокую долю организаций, выполнявших исследования и разработки в предпринимательском секторе еще в 2001 году (55,5%), ее доля постепенно сокращается (2013 г. — 36%). Доля государственного сектора, наоборот, растет: 2001 г. — 31,3%; 2013 г. — 42,4%. Растет также и доля сектора высшего образования, которая в России функционирует в значительной степени за счет средств государственных финансов (2001 г. — 13,3%; 2013 г. — 21,6%). С увеличением доли государственного сектора в исследованиях и разработках наблюдается рост результирующего показателя — объема инновационных товаров, работ, услуг.

Указанные результаты опровергают гипотезу 1 о том, что увеличение доли организаций предпринимательского сектора позволяет повысить результативность инновационной сферы России.

Вывод 2. Между удельным весом организаций, участвовавших в совместных проектах, в общем числе организаций, осуществляющих технологические инновации, и объемом инновационных товаров, работ, услуг связь не выявлена. Об этом свидетельствуют низкий коэффициент корреляции Пирсона (для добывающих и обрабатывающих производств, производства и распределения газа и воды — 0,441; для деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, связи — -0,146) и высокий р-уровень ($> 0,05$).

В связи с этим, на основании данных проведенной работы не подтверждается гипотеза 2 о том, что совместные проекты в области исследований и разработок имеют большое влияние на результаты инновационной деятельности.

Вывод 3. Высокая корреляция была обнаружена между удельным весом организаций, имевших научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в общем числе организаций (добывающие и обрабатывающие производства, производство и распределение газа и воды) и объемом инновационных товаров, работ, услуг. В деятельности, связанной с использованием вычислительной техники, информационных технологий и связи подобная зависимость находится на среднем уровне. Данные выводы подтверждаются высоким значением коэффициента Пирсона (0,83 и 0,564 соответственно) и низким р-уровнем ($\leq 0,05$).

С 2001 по 2012 гг. произошло увеличение удельного веса организаций, имевших научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в общем числе организаций в 2 раза как в отраслях добы-

вающих и обрабатывающих производств, производства и распределение газа и воды, так и в отраслях, связанных с использованием вычислительной техники, информационных технологий и связи. Вышеприведенные расчеты дают основание подтвердить гипотезу 3 том, что растущее число научно-исследовательских организаций дает большой толчок в приросте объемов инновационных товаров.

На втором этапе были получены регрессионные модели, отражающие взаимосвязь индикаторов инновационной среды с объемом инновационных товаров, работ и услуг, позволяющие количественно оценить вероятный результат расчетного значения.

1) с учетом удельного веса организаций, имевших научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в общем числе организаций (добывающие и обрабатывающие производства, производство и распределение газа и воды):

$$Y = 277906,6 \times X1 - 1366897,7 \quad (1)$$

2) с учетом доли организаций, выполнявших исследования и разработки в государственном секторе:

$$Y = 153008,3 \times X5 - 4754867,6 \quad (2)$$

3) с учетом доли организаций, выполнявших исследования и разработки в секторе высшего образования:

$$Y = 318991,6 \times X7 - 4191468,1 \quad (3)$$

По результатам количественной оценки предложенных нами моделей за 2013 год можно отметить, что наибольшей прогностической силой обладает модель 3, учитывающая динамику доли организаций, выполнявших исследования и разработки в секторе высшего образования. Это подтверждается значением расчетного коэффициента П (наиболее приближен к единице). Таким образом мы можем говорить, что в существующих современных российских условиях поддержание и развитие организаций, выполняющих исследования и разработки в секторе высшего образования, важно и значимо.

Проведенный анализ инновационного развития страны с использованием статистического моделирования позволил оценить влияние факторов инновационного развития (институциональные изменения, сетевые эффекты и кадровый потенциал) на результаты инновационной деятельности страны, а также предложить методику оценки этих результатов на основе сравнения фактических и прогностических величин.

Предложенная методика оценки проводимой инновационной деятельности страны с учетом факторов инновационного развития позволяет судить не только о достигнутых фактических результатах инновационной деятельности, но и прогнозировать вероятные результаты будущих периодов. Она не отменяет известных оценок инновационного развития страны (например, методика инновационного развития регионов России, разработанная совместно с представителями Минэкономразвития РФ и Ассоциацией инновационных регионов России [1]; методика, разработанная Минэкономразвития и Ассоциацией инновационного развития по отбору регионов-лидеров согласно поручению Правительства РФ от 29.07.2010 г. № ВП-П13—5144 и от 27.10.2010 г. № СИ-П8—7363 Минэкономразвития России) — она дополняет их. Комплексный анализ позволит более объективно подходить к принимаемым решениям в планировании инновационной стратегии страны.

Список источников

1. Бортник И. М., Сенченя Г. И., Михеева Н. Н. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. № 9.
2. Камко Е. В. Анализ инновационного развития России с использованием статистического моделирования / Новые исследования в гетеродоксальной экономике: российский вклад. Монография / под ред. С. Г. Кирдиной и В. И. Маевского. М.: ИЭ РАН, 2016.
3. Камко Е. В. Концепция инновационного прорыва с учётом институциональной макроструктуры // Журнал экономической теории. 2014. № 3.

А. В. Яковенко

БУДУЩЕ: ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЗИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович — профессор кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, Украина; daoav@rambler.ru

Аннотация. Прогнозирование развития социальных процессов глобального порядка в практической плоскости продолжает сталкиваться с целым рядом сложностей, оказывающих непосредственное и опосредованное влияние на саму возможность давать положительные оценки перспективам развития человечества. В частности, важно учитывать травму исторической памяти, ловушку эффективности, взаимоисключающие установки лидеров, разрыв между экономической и социальной моделями будущего и ограниченность ресурса «человеческой природы». До сих пор отсутствуют прецеденты тождественности прогнозирования позитивных сценариев будущего человеческой цивилизации с результативностью. Напротив, имеет место давление эсхатологических ожиданий, внедряемых в массовое сознание рядом мировых религиозных доктрин, а также отрицательный опыт, связанный с представлениями о скором наступлении общества всеобщей социальной справедливости. Ключевые центры мира по-прежнему конкурируют за право быть первыми на ближних и дальних исторических горизонтах, выстраивая прогнозные сценарии, исходя из собственных локальных интересов. При этом сам глобальный социум уже вошел в стадию стратегического выбора своей судьбы.

Ключевые слова: прогнозирование, будущее, технологии, безусловный базовый доход

Определяя сложности прогнозирования развития общества в его планетарных границах, необходимо исходить из того, что, по всей видимости, мы уже «вошли в будущее». И экстренная мобилизация интеллектуальных ресурсов с попытками обозначить его контуры во многом определяется именно осознанием неподготовленности к надвигающимся и разворачивающимся на наших глазах процессам, суть и последствия которых едва улавливаются. Несколько важнейших и отчетливо обозначившихся факторов определяют тревожность и одновременно колоссальность, неповторимость перспективы, которую стремятся предсказать специалисты и ощущают далекие от науки люди. В альтернативу непрекращающейся, еще более актуализирующей-

ся угрозе (комплексу угроз) тотального уничтожения земной цивилизации стали вырисовываться абрисы общества массовой нетрудовой занятости или трудовой незанятости (как угодно) с увеличивающимся потенциалом обеспечения физико-биологического существования человеческой телесности и беспредельными технологическими параметрами мира вещей, услуг и знаний. Глобальный социум осязаемо стал на пресловутую развилку между прецедентными вариациями собственного будущего: полное или частичное саморазрушение (впрочем, данный вариант уже некогда в историческом измерении реализовывался) и выходом на спираль, где труд и обязательность занятий в их знакомом виде могут перестать существовать. Последнее означает, что абсолютное большинство привычных по сей день принципов организации социальных институтов будут подвергаться коррозии. Мало того, динамичное продвижение к реализации второй альтернативы во многом предопределяет возрастание вероятности осуществления разрушительного сценария, поскольку общество оказывается неподготовленным к трансформациям, которые само же и создает посредством многочисленных инновационных разработок.

Для того, чтобы по традиции представить краткие характеристики сложностей и даже тупиков позитивного прогнозирования остановим внимание на следующих моментах, обозначив их как: травма исторической памяти; ловушка эффективности; взаимоисключающие установки лидеров; разрыв между экономической и социальной моделями будущего и ограниченность ресурса «человеческой природы».

Своеобразной кармой над попытками выстроить «жизнеутверждающие» картины будущего можно считать отсутствие до настоящего времени в истории человечества прецедентов совпадения положительных прогнозов с положительными же итогами. В традициях наиболее массовых мировых религий превалируют эсхатологические ожидания, а после провала вульгаризированных деклараций построения коммунизма была значительно подточена уверенность в рукотворных способностях человечества к созиданию «правильного» малоконфликтного общества без угроз его гибели.

К ловушке эффективности следует отнести уверенность некоторых представителей науки в высокой производительности системного глобального моделирования, реализацию механизмов целенаправленного конфигурирования общественных процессов. Сегодня в период развития технологий, приближающих нас к едва ли не полному контролю над индивидами, тем не менее, подобного рода установки выглядят уязвимыми. На каждую «игру», как известно, находится и осуществляется «контригра», а значит, сохраняется опасность противостояния с малопредсказуемыми неконструктивными последствиями.

Проблемность позитивного образа будущего в значительной степени обуславливается возобладавшем, опять-таки после крушения псевдокоммунистического формата идеала, общим скепсисом, если не цинизмом, вокруг устремлений представлять наш мир в улучшенном виде, подпитываемым очевидной разнонаправленностью целеполаганий влиятельных субъектов мировой экономики, а значит, и политики. Здесь мы сталкиваемся с тем, что было охарактеризовано, как «взаимоисключающие установки лидеров». Пребывание на финансовых, экономических, политических олимпиах нередко создает понятную видимость управляемости, контроля и способности выстраивать будущее по собственному разумению. В данных представлениях управленцев первого звена естественно превалируют собственные интересы, а также интересы государств и корпораций от чьего имени они осуществляют руководство. До сих пор прогнозные оценки базируются прямо или косвенно на отдельных, вступающих зачастую в жесткий антагонизм, социальных заказах. Ключевые форпосты мира, независимо, идет речь о странах или корпорациях по-разному представляют перспективу и желают увидеть себя на первых местах на ближних и дальних горизонтах.

Разрыв между экономической и социальной моделями будущего также очевиден. Большинство прогностических разработок базируются на реалиях сегодняшнего «экономического» дня, закладывая соответствующие критерии оценки назревающей перспективности. Однако, наряду с постоянными пожеланиями ученых-гуманитариев ориентироваться на снижение хотя бы на отдаленных рубежах будущего значимости потребительски-экономизированных показателей, целый ряд фактов-звончков обозначает способность к оформлению общества вне погони за количественными атрибутами прибыльности, производительности и другими привычными для нас магическими цифрами. Один из таких симптомов — включение в общественно-политическую полемику темы «безусловного базового дохода». Какие бы споры сегодня не велись по поводу этого феномена, важен сам прецедент инициирования рассмотрения и апробирования самой возможности значительному числу людей существовать за пределами экономически-обязательно-трудоустроенной сферы. Когда-то развитие технологий позволило перейти на 8 часовую рабочую неделю, что в совокупности с другими изменениями перекроило всю социальную карту мира. Потенциал продвижения к обществу свободного выбора форм и степени занятости/незанятости как таковой — сверхреволюционный посыл с абсолютно непредсказуемой перспективой, которую пытаются просчитывать в архаичных экономических параметрах.

Все вышеуказанные сложности и проблемные моменты коренятся, базируются на последнем «камне преткновения», стоящем на дороге

оптимистического прогнозирования, а именно на ограниченности ресурса «человеческой природы». Постоянно приходится оглядываться на воспроизводство и неразрешимость одних и тех же проблемных вопросов: сибаритствующее, перманентно развлекающееся, а значит разлагающееся или все же деятельно-творчески самоорганизующееся общество; иерархизированный и уже в новых технологических реалиях тоталитаризированный или опять-таки сознательно и конструктивно развивающийся социум. Пока больше доводов в торжество первых частей альтернатив. Лидерство постоянно вступает в едва ли не антагонистические противоречия с солидарностью. Эгоизм практически повсеместно берет верх над альтруизмом, агрессивность над милосердием. Вернее, вначале торжествует агрессия, а потом на разрушительных последствиях ее проявлений возникает возможность самоутвердиться (для многих небескорыстно) в показательном альтруизме.

Весь этот комплекс проблемных моментов и создает обоснованность прогнозов с отчетливым знаком «минус». Можно сколько угодно указывать на тупиковость вечного соперничества, направленного на уничтожение или уничтожение проигравших. Но нельзя отрицать абсолютного доминирования сценариев, в которых очень слабы формы широкого договорного взаимодействия, противостоящие вражде «всех со всеми» или дружбе «друг против друга». Большинство оценок будущего переполнены перебором вариантов, при которых кто-то ослабляется, если вовсе не аннигилируется, а кто-то господствует. Социологам же приходится разрываться между целесообразностью фиксировать сложные по компоновке, но примитивные по целям политические интриги и необходимостью, руководствуясь принципами гуманности, предлагать формы консенсусного устройства мира, рискуя выглядеть при этом весьма наивно.

А. Л. Андреев

РОССИЯ — 2017: ПРЕДЧУВСТВИЕ БУДУЩЕГО

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, зав. кафедрой социологии и гуманитарной культуры НИЯУ МИФИ, член Научного совета ВЦИОМ; sympathy_06@mail.ru

Аннотация. В докладе обсуждаются результаты многолетних исследований Института социологии РАН в той части, в которой они проливают свет на динамику отношений россиян к прошлому, настоящему и будущему.

Ключевые слова: будущее, Россия, динамика

Российская ментальность характеризуется сильной и нередко очень напряженно переживаемой устремленностью к будущему. В качестве верифицированного социологического факта это отчетливо выявилось в ходе исследований, проводившихся на пороге нового тысячелетия и включавших в себя развернутое зондирование ценностных установок населения страны, а также «смысловых матриц» массового сознания. Особенно заметной отмеченная нами черта становится на фоне кросс-культурных сопоставлений. В 2000 г. в рамках скоординированного с немецкими учеными исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на новое столетие»¹ было установлено, что наши сограждане отличаются большим своеобразием в восприятии так называемой стрелы времени. В частности, у них как раз и был зафиксирован повышенный уровень положительных эмоциональных реакций на слово «будущее» — 90%. Для сравнения: в динамично развивавшейся и в те годы намного более благополучной Германии соответствующий показатель составил только 82%². Такая специфическая маркированность понятия «будущее» отмечалась в массовом сознании российского социума и в дальнейшем.

В данном контексте кажется абсолютно естественным, что, несмотря на всем хорошо известные неурядицы российской жизни, на протяжении по крайней мере последних полутора десятилетий россияне смотрели в будущее с достаточной долей уверенности. В том, что касается их

¹ Об этом исследовании см. подробнее: Россия на рубеже веков. М. : РНИСиНП : РОССПЭН, 2000. С. 325—425.

² Андреев А. Л. Россияне и европейцы: культурно-исторические особенности людей и обществ // Россия и Европа. М. : Вече, 2014. Т. 1. История, традиции и современность. С. 59.

личных жизненных ситуаций, они и сегодня сохраняют тот же настрой, хотя, по правде сказать, о каких-либо «радужных красках» в их оценке говорить не приходится. Подавляющее большинство наших сограждан (по крайней мере 19 человек из каждых 20) считает, что их жизнь в целом складывается сносно, а то и вообще хорошо, причем — что немало важно — несмотря на затяжной характер переживаемого ныне страной экономического кризиса, эта пропорция вот уже несколько лет остается неизменной (по крайней мере с 2014 г.). Около четверти опрошенных также полагают, что в ближайшей перспективе (2017 год) их жизнь изменится или может измениться к лучшему.

Если учесть, что, согласно самоотчетам опрошенных, у половины из них уровень материального благосостояния за время кризиса, снизился, такие оценки нельзя не признать достаточно оптимистическими. Для сравнения укажем, что индикатор личных позитивных ожиданий на ближайшие 12 месяцев в России, по-видимому, мало отличается от усредненных значений данного показателя по Евросоюзу в целом. Во всяком случае в 2014 г. (данных за 2016 в нашем распоряжении, к сожалению, нет) среди респондентов, опрошенных в 28 странах ЕС, продемонстрировали уверенность в улучшении своего личного положения около 27 % (среди россиян чуть менее 24 %). Но примерно треть европейцев считает, что *фактически* их жизнь за последние 5 лет ухудшилась, тогда как позитивная динамика (улучшение жизни в целом) зафиксирована только в четверти ответов¹.

Оптимистическое восприятие россиянами *личного* будущего отнюдь не претворяется в столь же оптимистические оценки будущего как *социально-исторической категории*, относящейся к рамочным условиям человеческого бытия — к тому, что можно назвать «состоянием мира в целом». Осенью 2014 г. только 10 % россиян оценили ситуацию в мире как нормальную, тогда как почти 80 % назвали ее беспокойной, кризисной или даже катастрофической. Спустя 2 года, осенью 2016, мы получили практически те же цифры. При этом тех, кто ожидает улучшения в 2017 г. оказалось в 1,5 раза меньше чем уверенных в том, что она будет ухудшаться (29—30 % против 46 %).

Но, может быть, в силу каких-то внутренних причин или особенностей менталитета мир кажется столь нестабильным только россиянам? Стоило бы поразмыслить в этой связи над результатами экспертного опроса представителей деловой элиты, проведенного в преддверии Всемирного экономического форума в январе 2017 г. Давосе. Ведь одним из самых любопытных результатов этого опроса стало то, что он вы-

¹ Ibid., p. 80.

явил растущее неверие в силу и возможности современного глобального капитализма со стороны того социального слоя, который, казалось бы, более чем кто-либо заинтересован в его поддержке и укреплении¹.

Будущее самой России в этом контексте также внушает определенные опасения. Но обращает на себя внимание то, что ее перспективы воспринимаются все же в несколько более спокойной тональности, чем грядущие изменения мира в целом. В частности, если в октябре 2016 ситуацию в мире в целом воспринимали как нормальную всего 11 % наших респондентов, то ситуацию, сложившуюся в России, так оценивали уже 29 %. Через два месяца данный вывод подтвердил опрос, проведенный ВЦИОМом: суммарная позитивная оценка общей ситуации в стране («очень хорошо»+«хорошо»+«скорее хорошо») накануне нового 2017 г. составила 56 % опрошенных, в то время как в декабре 2015 она равнялась 46 %².

Согласно полученным нами данным, 43 % опрошенных в октябре 2016 г. испытывали надежду и уверенность, при этом более 60 % указали на то, что страна в последнее время развивалась довольно динамично и в настоящее время возвращается в число мировых держав. Другой вопрос, что потенциал России как глобального субъекта сугубо персонализирован и недостаточно институционально подкреплён (о чем говорит, в том числе, не слишком большой уровень доверия к большинству государственных и общественных институтов, за исключением армии, церкви и — что довольно симптоматично — Российской академии наук). Соответственно, для массового сознания этот потенциал в значительной мере воплощается в личности Президента, на которого по-прежнему в основном и полагается подавляющее большинство наших сограждан.

Исходя из анализа мнений россиян по широкому спектру вопросов, в это связи следует специально отметить, что их исторический оптимизм не имеет ничего общего с эйфорией, и вряд ли может быть объяснен «головкружением от успехов», навеянным незамысловатой формулой «Крым наш». Просто большинство населения считает, что, несмотря на огромные сложности и постоянные сбои, страна в целом движется в правильном направлении, которое в будущем непременно даст результаты. Осенью 2016 г. такую точку зрения высказывало около 2/3 опрошенных.

Развернувшиеся в российском обществе с конца 1990-х гг. процессы поиска аутентичных ценностей, которые первоначально выглядели лишь как «возвращение к самим себе» и обосновывалось историческим своеобразием России, как сегодня выясняется, имели значительно более

¹ См.: Gersemann O. Dem Kapitalismus gehen die Kapitalisten aus // Die Welt. 16.01.2017.

² См.: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3280. 9.01.2017.

широкий социально-исторический смысл. То, что в 1990-е и 2000-е гг. могло восприниматься как симптом неспособности российского общества вписаться в некую универсальную логику *modernity*, вдруг предстало в совсем ином свете — как некое *предвосхищение* будущего тренда этого самого *modernity*, который лет через 15 проявит себя в некоторых ведущих странах ЕС, а во время президентской избирательной кампании 2016 г. и в США. В ходе непростых и сопряженных со многими ошибками поисков в России сформировалась особая модель развития, которую логично было бы назвать *традиционалистской модернизацией*. В этой связи любопытно отметить, что в российском социуме понятия «традиция» и «прогресс» дают практически одинаковое распределение эмоциональных реакций: примерно 23 положительных и менее 2% отрицательных (см. выше табл.). Российская модель традиционалистской модернизации в сочетании с концепцией многополярного мира выступает в настоящее время как по крайней мере одна из возможных исторических альтернатив доминирующей в настоящее время неолиберальной модели. Это во многом и объясняет непонятный для многих зарубежных политологов феномен чрезвычайно быстрого превращения весьма проблемной в экономическом плане и «не дотягивающей» до принятых на Западе стандартов демократии «региональной державы» в один из главных центров глобального влияния.

Это может показаться странным совпадением, но именно по этой причине Россия вдруг оказалась в той же роли «дизайнера будущего» и своего рода генератора новых исторических смыслов, каким она явилась ровно за 100 лет до этого, в 1917... Пока смыслы эти не вполне отчетливы и нередко довольно противоречивы, что, конечно, снижает потенциал их воздействия. И все же возросший в последние несколько лет авторитет российских взглядов и подходов к современному миру как на правых, так и на левых политических и общественных деятелей в различных странах мира, в том числе в странах «старой» Европы, — это известный, признанный факт. Другое дело, как он оценивается разными политическими кругами и течениями.

Восходящая динамика влияния России в мире не осталось незамеченным и внутри страны: осенью 2016 г. свыше 52% наших респондентов высказали убеждение, что авторитет России в мире, скорее всего, и дальше будет возрастать, причем в мегаполисах, которые как магнит притягивают наиболее активные социальные элементы, значение данного показателя доходит до 2/3 опрошенных. Конечно, о какой-то охватившей российское общество эйфории в этой связи говорить не приходится: примерно 28% граждан все же считают такое развитие событий маловероятным. Но число тех, кто данный вариант совершенно отвергает, ничтожно мало — всего около 5%.

В. А. Сушко

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН

СУШКО Валентина Афанасьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; valentina.sushko@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются основные параметры социальной самоидентификации и степень их влияния на качество жизни людей, так как в условиях социальных трансформаций российского общества проблема социального самоопределения личности становится все более актуальной. В статье приведены данные социологического исследования, показывающие наиболее чувствительные стороны этого взаимодействия.

Ключевые слова: Самоидентификация, Социальное самочувствие, Качество жизни

Социальная самоидентификация индивида — это самоопределение индивидом в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей. Она отражает восприятие, оценивание, классификацию индивидом самого себя как агента, занимающего определённую позицию в социальном пространстве [1]. Социальная идентификация напрямую связана с поведением: то, как именно сам человек определяет себя в социальном пространстве, так он и действует.

Самоидентификация — явление социальное, оно невозможно без других индивидов. Как писал П. Бергер, поддерживать самоидентификацию в собственном сознании невозможно, как только исчезнут люди подтверждающие самоидентификацию индивида, исчезнет и она сама [2].

Чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально-психологические функции. С помощью социальной идентификации индивид включается в систему социальных взаимосвязей, он обретает защиту своих жизненных интересов, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении перед лицом реальной или мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами, общностями и составляющими их индивидами. Она даёт ему критерий оценки и самооценки [3]. Также к функциям социальной идентификации можно отнести и приспособление к состоянию благоприятному или неблагоприятному состоянию общества.

В современной системе научного знания исследование самоидентификации носит междисциплинарный характер. Данный феномен изучается философами, социологами, психологами.

Социально-психологические и социологические теории рассматривают идентичность, во-первых, как осмысление человеком своей групповой или социальной принадлежности, во-вторых, с той точки зрения, как различные группы людей разделяют свою коллективную идентичность, чувство общности и солидарности, готовы действовать сообща, отстаивая свои интересы.

В отечественной социологии исследование проблем идентичности — новое научное направление. Социологические исследования советского времени не затрагивали проблемы социальной идентификации, поскольку ответы на вопросы «К какой общности я принадлежу?» и «Чем мы отличаемся от других?» не составляли научной или общественной проблемы. Они навязывались системой воспитания и пропагандой. Социальная идентичность отождествлялась преимущественно с государственно-гражданской позицией. Это находило свое выражение в безусловном требовании принимать официальную идеологию и систему ценностей «советского человека», безоговорочном признании государственно одобряемых верований и суждений, оценок; в идеологии осуждения «врагов народа» и инакомыслящих, т. е. тех, кто отвергал свою идентичность с тоталитарно-государственной системой. Такая отличительная черта советского человека, как «универсальная простота» [4] (стремление быть, как все, довольствоваться малыми радостями и не желать повысить свой социальный статус), искусно конструировалась властью. Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами.

Специфика социологического подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что она отличается своей социальностью, детерминированностью социальных процессов и взаимосвязей в механизме самоидентификации и его влиянии на социальное самочувствие.

Актуальным для российского общества является исследование самоидентификационных механизмов среди такой возрастной когорты индивидов от 22 до 55—60 лет. Начальный интервал вызван тем, что именно к этому возрасту подавляющее большинство индивидов располагает полным набором социальных статусов и ролей, обладает материальной и социальной самостоятельностью, отличается интегрированностью в общество и проблема самоидентификации выходит на первый план. Вторая возрастная граница установлена по такому принципу, как индивиды старше 55 лет становятся более консервативными и однородными в своей самоидентификационной оценке.

В ходе социологических исследований необходимо рассматривать такие основополагающие для каждого человека сферы, как материальное положение, профессиональная сфера, семейная сфера, отношения с друзьями, полученное образование и условия жизни.

Высокую степень удовлетворённости (вариант ответа «полностью устраивает») испытывает абсолютное большинство людей (78%) в сфере общения с друзьями. Второе место занимает семейная сфера, в которой полностью удовлетворены 65% людей. На третьем месте — полная удовлетворённость полученным образованием, которую испытывают 49% людей. Далее идёт профессиональная сфера: 42% полностью удовлетворены своей профессиональной деятельностью. Затем удовлетворённость условиями жизни, которые полностью устраивают лишь 34% людей. На последнем месте находится удовлетворённость своим материальным положением, высокую степень которой испытывает только 15% людей.

Анализируя такой показатель как самооценка внутреннего состояния, которая состоит из таких составляющих как самооценка своего здоровья, самооценка своего преобладающего настроения, самооценка своего места в жизни, уверенность в завтрашнем дне и вера в будущее.

На вопрос «Насколько, по Вашему мнению, Вы ощущаете себя здоровым?» 29% граждан ответили, что считают себя полностью здоровыми, 65% ответивших посчитали себя отчасти здоровыми и 3% ответивших оказались полностью нездоровыми.

При рассмотрении настроения людей в зависимости от их возраста можно отметить то обстоятельство, что наибольшее количество граждан, находящихся в счастливом, благоприятном настроении — это молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет (19%).

Вопрос «Уверены ли Вы в завтрашнем дне?» имеет следующее распределение. Полностью уверены в завтрашнем дне лишь 18% ответивших, у большинства индивидов присутствуют сомнения и опасения относительно своего благополучия в будущем, поэтому они лишь частично уверены в завтрашнем дне (47%). Совершенно не уверены 29% людей. Среди неуверенных в завтрашнем дне лидируют женщины и категория людей в возрасте 35—44 лет [5].

В соответствии с социогрупповыми идентификациями формируются смыслы новых солидарностей, индивиды и группы объединяются и занимают определённую сторону в разнообразных конфликтах. Данные процессы, конечно же, оказывают формирующее воздействие на социальное самочувствие. Идентификационные стратегии российского населения характеризуются как отходом от традиционной государственной матрицы, так и неприятием моделей гражданской идентичности, опирающейся на институты социального порядка. Такая идентификационная

аморфность объяснима не только недоверием к социальным и государственным институтам, но и стремлением укрепить чувство безопасности посредством принадлежности к микрогруппам, группам социальной взаимопомощи, группам по интересам, что приводит к нарастанию социального хаоса на социальном мезоуровне и делает невозможной интеграцию в обществе через систему базисных идентичностей, достижения идентификационного консенсуса. Таким образом, исследование проблемы влияния самоидентификации на социальное самочувствие взрослого населения в современном российском обществе требует более детального изучения, в частности проведения качественных исследований по данной проблеме, что позволит глубже понять мотивы и причины определённых суждений и мнений респондентов.

Список источников

1. Качанов Ю.Л., Шматко Н. А. Социальная идентичность как базовая метафора рефлексивного жизнеописания // Социальная идентификация личности. М. : Институт социологии РАН, 1994.
2. Бергер П. Приглашение в социологию. М. : Аспект пресс, 1996.
3. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3.
4. Согомонов А. Ю. Социологические исследования. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х / отв. ред. Ю.А. Левада. М. : Изд-во «Мировой океан», 1993. URL: <http://www.socjournal.ru/article/41>.
5. Сушко В.А. Самоидентификация как фактор формирования социального самочувствия// Обозреватель-Observer. 2016. № 3.

04. Будущее уже рядом — I. Исследования молодежи и детей как способ заглянуть в будущее общества

О. В. Сорокин

ДЕВИАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

СОРОКИН Олег Владимирович — кандидат социологических наук, научный сотрудник ФГБУН Института социально-политических исследований РАН; ov.sorokin@gmail.com

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена характером изменения регуляции социального поведения в молодежной среде в условиях новой социальной реальности, ей присуща растущая неопределенность и нелинейность социальных процессов. Черты новой социальной реальности отражаются в общественном сознании молодежи, тем самым, изменяя характер идентификации молодых людей с референтными группами и основания интеграции молодежи в значимые сферы социальной жизни. В условиях новой социальной реальности размываются некогда устойчивые представления о нормативных образцах, ценностных ориентирах, сложнее становится провести четкую границу между нормой и отклонением. Данные противоречия выступают важным основанием для социального развития российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, девиация, трансформация

С точки зрения Зубок Ю. А. и Чупрова В. И., регуляция отражает процесс упорядочения социальных взаимодействий, в ходе которого происходит подчинение данных взаимодействий определенным правилам и нормам. В качестве норм и правил, регулирующих социальные взаимодействия в молодежной среде, выступают представления о должном, о социальном статусе, об образовании, о социальном успехе, карьере и т. д. Соответственно, на микробъективном уровне данные нормы и правила представлены в форме нормативных образцов социальных взаимодействий, транслируемых социальными институтами как целерулирующие образцы.

Одним из следствий ценностно-нормативной неопределенности в современном обществе становится деформация отдельных норм, которая проявляется в том, что нормы перестают выполнять эффективно свои функции по регулированию социальных взаимодействий. В этих условиях в отдельных социальных группах, в т. ч. и в молодежных, снижается дове-

рие традиционным правовым, моральным, этическим нормам. Усилению процесса деформации норм способствует усиливающееся влияние глобализационных образцов, которые часто по своему содержанию противоречат локальным нормативным образцам и выступают как образцы отклоняющегося поведения. Тем самым, образцы отклоняющегося поведения противоречат нормативным образцам социальных взаимодействий, т. к. предлагают альтернативные, часто не одобряемые социальными институтами модели социальных взаимодействий.

В условиях трансформации современного российского общества нормативные образцы социальных взаимодействий в молодежном сознании начинают соседствовать с образцами девиантного поведения. Наличие гибридных моделей регуляции социальных взаимодействий свидетельствует о том, что привычные, традиционные нормативные образцы социальных взаимодействий вступают в противоречие с теми социальными ситуациями, в которых оказываются молодые люди в условиях переходного общества. Подобные противоречия возникают в жизненных ситуациях, связанных с получением образования, мотивацией в сфере труда, создания семьи, участия в политической жизни общества и т. д.

Социальная неопределенность стимулирует активизацию саморегуляционных процессов в молодежной среде в форме конструирования новых нормативных структур. Молодые люди сами определяют для себя границы допустимого и дозволенного, распространяя данное правило, в том числе, и на регуляцию социальных взаимодействий в молодежных группах. Таким образом, в условиях социальной неопределенности складывается новый уникальный феномен — девиантная форма саморегуляции группового поведения молодежи.

Образцы девиантного поведения, встраиваясь в механизм регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде, начинают выполнять функции, которые раньше были возложены на нормативные образцы поведения. Первая функция связана с определением условий применения конкретного образца девиантного поведения. Вторая функция связана с оценкой поступка членами социальной группы, общества, самим субъектом. Третья функция предусматривает санкции за невыполнение конкретных правил, принятых в молодежной группе. Выполнение образцами девиантного поведения функций нормативных образцов означает, что молодые люди делают выбор в пользу инновационных социальных практик. Данные практики позволяют связать образцы поведения, конструируемые в молодежной среде, с конкретными социальными ситуациями. Это означает, что в молодежном сознании данные процессы отражают попытку рационализации оценки степени ответственности личность молодого человека, последствий принимаемых решений. Таким

образом, выбор молодежью в пользу девиантных практик в процессе разрешения жизненных ситуаций рассматривается как один способов рационализации неопределенности.

Действие образцов отклоняющегося поведения можно проследить в процессе саморегуляции социальных взаимодействий в молодежных виртуальных сообществах. Именно виртуальные сообщества (кибер-сообщества) сегодня часто выступают формами регулирования социальных взаимодействий молодых людей, вовлеченных в девиантные социальные практики. Участник виртуального сообщества с самого начала включения в его деятельность начинает осознавать свою принадлежность к конкретной социальной группе, поскольку администратор группы (модератор) наделяет его статусными полномочия, распределяет социальные роли. Как правило, внутри девиантных интернет-сообществ присутствует своя система нормативных ценностей. Данные ценности могут быть закодированы для постороннего участника, о чем свидетельствует применение участниками данного сообщества аббревиатур, специальных обозначений. Одним из примеров подобных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» выступает «А.У.Е» (т. н. Арестантское уркаганское единство). По состоянию на начало 2017 г. число подписчиков данного сообщества составляет свыше 181 тыс. человек. Цели группы напрямую не разглашаются, но предполагается, что его участники обсуждают арестантские порядки, популяризируют образ жизни вора. Администратор группы может исключить участника сообщества, в случае если он выразит свое публичное несогласие с принятыми в группе нормами. Применение в жизни конкретных образцов девиантного поведения участниками группы в большей степени объясняется негласным неприятием официального нормативного порядка. Члены группы выкладывают фотографии, слайды, постеры, которые отражают по своему содержанию негативное отношение к полиции, судьям, ко всей правоохранительной системе. Ориентация на нормы, принятые негласно в данном сообществе, объясняется попыткой адаптации молодых людей к рискованным условиям современного российского общества, в котором следование социально одобряемым, привычным нормам, не приводит к желаемому социальному успеху.

Таким образом, одним из следствий ценностно-нормативной неопределенности в современном обществе выступает деформация социальных норм, когда наблюдается отрыв данных норм от конкретной социальной реальности. Наличие противоречивых образцов социальных взаимодействий в молодежном сознании во многом объясняется возрастными особенностями личности молодого человека. Однако данные особенности дополняются особенностями переходного общества. В этих условиях образцы поведения, которые раньше в обществе однозначно тракто-

вались как отклоняющиеся, встраиваются в механизм саморегуляции социальных взаимодействий. Тем самым, девиация выступает формой рационализации условий социальной неопределенности переходного российского общества в молодежном сознании.

Список источников

1. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : Academia, 2008.
2. Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). М. : Норма-М, 2017.
3. Adler P.A., Alder P. Self-injury in Cyberworld. *International sociology*. Vol. 11. Issue 1. 2012. P. 59—61.

А. Г. Филипова, А. В. Еськова

ПРОГНОЗНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСТВА В РЕГИОНЕ». О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социального проектирования и прогнозирования ДВФУ; filipova.ag@dvfu.ru

ЕСЬКОВА Анна Владимировна — кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных систем КНАГТУ; eskann68@gmail.com

Социальный потенциал детства в регионе определен нами¹ как совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической группы, проживающих на территории какого-либо региона (субъекта РФ), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь [1].

Система «Социальный потенциал детства в регионе» является динамической сложной системой, которая характеризуется низким уровнем точности исходных данных (наряду со статистической информацией используются экспертные оценки), присутствием большого количества факторов. На начальном этапе работы были построены когнитивные карты, отражающие причинно-следственные взаимосвязи факторов (управляющих и целевых). Однако когнитивные карты как качественные модели не позволяют предсказать поведение/динамику системы в количественном измерении. Наряду с использованием знаковых когнитивных карт и инструментов их анализа необходимо использовать потоковые диаграммы системной динамики.

Отечественный исследователь Н. Н. Лычкина к преимуществам использования моделей системной динамики относит: возможность построения модели и при отсутствии полной информации о системе; возможность решения многоцелевых задач; исследование поведения системы во времени; хорошая интерпретируемость потоковых диаграмм для проведения экспертного анализа модели; возможность учета взаимовлияний элементов системы и наличия контуров обратной связи в структурной организации

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

системы; возможность активного участия эксперта на всех этапах имитационного моделирования от формирования ментальной модели до принятия решения [2]. Таким образом, задачами имитационного моделирования являются построение прогнозных вариантов поведения системы, анализ устойчивости и оценка общего равновесия динамической системы.

Среди вариаций направлений имитационного моделирования мы выбрали системную динамику, поскольку используя потоковые диаграммы, можно получить/исследовать описание поведения системы за некоторый промежуток времени. Данный вид моделирования позволяет при построении модели «Социальный потенциал детства в регионе» учесть наличие обратных связей между факторами/концептами модели, например, на уровень здоровья детей влияет уровень здоровья родителей (положительная связь), в свою очередь через определенный промежуток времени дети становятся родителями, формируя замкнутый цикл положительной обратной связи.

Ранее нами была описана схема информационных потоков в контуре «система «Социальный потенциал детства в регионе» — надсистемы» и выделены входные параметры системы, векторы управляющих воздействий, вектор состояния системы. Проигрывая различные сценарии — варианты управляющих воздействий и анализируя результаты (вектор состояния системы) можно выбрать оптимальную стратегию развития системы.

Входные параметры системы (вектор $X(t)$) определяются обществом, его гендерной, возрастной, брачной и пр. структурами. К индикаторам «входных воздействий» могут быть отнесены: численность населения; возрастная структура населения (коэффициенты демографической нагрузки, распределение численности населения по основным возрастным группам), гендерная структура населения, структура расселения населения (удельный вес городского населения в общей численности населения, удельный вес сельского населения в общей численности населения), брачное состояние населения (соотношение браков и разводов) и др.

Векторы управляющих воздействий $U(t)$ и $P(t)$, имеют разную направленность: в первом случае воздействуют — на систему, во втором — на общество в целом. Воздействия государства на детство в регионе принимают форму федеральной социальной политики, продолжающейся в региональной социальной политике.

«Воздействия внешней среды» определяются нами как факторы, слабо поддающиеся управленческому воздействию или поддающиеся воздействию, но в отдаленном будущем. К факторам внешней среды могут быть отнесены: природное богатство (структура и объем полезных ископаемых, в том числе нефти, газа, угля и др., сельско-хозяйственных площадей, площади земель лесного фонда, охотничьих угодий, водных биоресурсов), эко-

логия (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сброс сточных вод, природные и техногенные аварии и катастрофы), экономические показатели (уровень жизни населения, величина валового регионального продукта, характеристика финансов и инвестиций), уровень занятости и безработицы населения (характеристика рынка труда и рабочей силы), уровень цен на рынке жилья, динамика цен на потребительском рынке и в производственном секторе, характеристика внешнеэкономической деятельности.

Для оценивания прогнозов развития потенциала необходимо выбрать критерии развития потенциала в терминах разработанной модели в работе. Вектор состояния системы «Социальный потенциал детства в регионе» $Y(t)$ включает три агрегированных выходных показателя — здоровье, образование, духовно-нравственное состояние детства.

Интегральный показатель здоровья включает следующие составляющие: численность вакцинированных детей; распределение детей по группам здоровья; численность детей и подростков, охваченных профилактическими осмотрами; заболеваемость детей по основным классам болезней; заболеваемость детей и подростков психическими расстройствами и расстройствами поведения; численность детей с социально обусловленными заболеваниями; численность детей с ограниченными возможностями здоровья.

Интегральный показатель образования включает: охват детей детскими дошкольными учреждениями; численность учащихся общеобразовательных учебных заведений, в т. ч. занимающихся во вторую и третью смены, в вечерних школах; численность детей вне образования; численность несовершеннолетних, получающих начальное, среднее и высшее профессиональное образование; участие детей в олимпиадах, конкурсах и других мероприятиях межрегионального и общероссийского, международного уровней.

Интегральный показатель духовно-нравственного состояния детства: число выпускаемых детско-юношеских периодических изданий, число изданных книг и брошюр для детей и юношества; число детских библиотек, досуговых учреждений для детей (художественных и музыкальных школ, театральных и танцевальных студий, домов творчества для детей, спортивных клубов, детских бассейнов, стадионов, эколого-биологических учреждений, туристско-краеведческих, технических, военно-патриотических учреждений); количество детских и молодежных общественных организаций; численность несовершеннолетних, совершивших преступные действия (в т. ч. в состоянии алкогольного и наркотического опьянения).

О развитии потенциала детства в регионе можно говорить в случае положительной динамики, по крайней мере, одного из трех показателей при стабилизации двух остальных.

Следующим шагом на пути моделирования системы является построение потоковых диаграмм с уточнением, при необходимости, исходных данных. Далее будет проведена проверка адекватности модели, ее корректировка и разработан план проведения экспериментов.

Список источников

1. Филипова А.Г., Еськова А. В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // Регионоведение. 2016. № 3.
2. Лычкина Н. Н. Ретроспектива и перспектива системной динамики. Анализ динамики развития // Бизнес-информатика. 2009. № 3.

А. Л. Темницкий

СЛАГАЕМЫЕ ОПТИМИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО, старший научный сотрудник федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; taleksandr@list.ru

Предметный ракурс исследований, посвященных российской молодежи, явно смещен в сторону выявления форм и степени распространенности молодежных девиаций и способов их преодоления. Молодежь, ее социализация и положение рассматривается сквозь призму новых усложняющихся рисков и неопределенности [1] и аномии [2]. Распространенными предметами анализа являются молодежная наркомания [3] и молодежный экстремизм [4]. Иное видение молодежи возможно, если оттолкнуться от ее более успешной части, уверенной в своем настоящем и будущем, демонстрирующей жизненный оптимизм.

Предкризисные исследования (до 2015 г.) в сравнительном анализе с данными 1990-х годов демонстрируют заметно возросший уровень оптимизма молодежи. Указывается, что сейчас молодые люди более чем в два раза чаще заявляют о том, что сегодняшняя жизнь им нравится [5, с. 385]. Оптимизм рассматривается как совершенно естественное состояние современного студенчества, породивший поколение уверенных людей [6, с. 95]. В исследованиях, проведенных в начале 2000-х годов, стало заметным сопровождение указаний на более высокий уровень оптимизма молодежи во взаимосвязи с ориентацией на себя, свои силы при решении собственных проблем и достижении успеха [7, с. 29—30]. Вместе с тем, выявлены существенные различия между оптимизмом в России и странах Запада с учетом фактора возраста. Если в России значимые различия в оценках оптимизма в зависимости от возраста наступают уже после 30 лет, то в таких странах Западной Европы, как Швейцария, Финляндия возраст не является дифференцирующим фактором [8, с. 24].

Сохранился ли выявленный ранее потенциал оптимизма молодежи в кризисный период (2015—2016 гг.)? Имеет ли оптимизм молодежи существенные отличия от оптимизма людей зрелого и пожилого возраста? Как сегодня связаны у молодежи чувство оптимизма и ориентация на свои силы в достижении жизненного успеха? Эти и другие вопросы рассматриваются на материалах общероссийских репрезентативных опросов 4000 респондентов, проведенных Институтом социологии РАН в октябре 2015 и марте 2016 гг..

Предметное рассмотрение оптимизма предполагает выделение и рассмотрение его отдельных видов: эмоционального, экономического, социального и гражданского.

Оптимизм эмоционального настроения

Эмоциональное настроение может рассматриваться как форма реагирования на происходящие в обществе изменения, затрагивающие повседневную жизнь личности. В кризисной ситуации не только такие эмоциональные чувства как ощущение эмоционального подъема, но и чувства спокойствия и уравновешенности могут рассматриваться как показатели оптимистического настроения на жизнь, тогда как ощущение тревоги и чувства раздражения могут оцениваться как показатели пессимизма. Как выяснилось из анализа, показатели эмоционального оптимизма (пессимизма) согласно предложенной интерпретации ответов, существенно различаются в зависимости от возрастной когорты по каждому из годов опроса. Если среди молодежи (до 30 лет), примерно, три четверти, демонстрирует оптимистическое настроение, то у средней по возрасту группе (31—50 лет) таковых оказалось немногим более половины, а у старшей (50 лет и старше) — меньше половины.

Выявлено, что среди молодых оптимистов существенно реже, чем среди молодых пессимистов проявляется готовность сменить профессию (10 и 20 %), сократить расходы и начать экономить (49 и 63 %), поменять место работы (20 и 27 %) и чаще нежелание что-либо предпринимать (10 и 4 %).

Полученные данные позволяют утверждать, что за эмоциональным оптимизмом скрывается более высокий уровень материальной обеспеченности. Проверка указанной гипотезы показала, что в наибольшей мере эмоциональный оптимизм определяется материальным обеспечением, тем, как питаются и как одеваются. Содержание выявленных связей характерно для всех возрастных групп. Объективным подтверждением данного факта является более высокий уровень среднемесячного дохода на члена семьи, а также собственного дохода у оптимистов всех возрастных групп по сравнению с пессимистами.

Экономический оптимизм

Оптимизм соотносится прежде всего с будущим, с позитивными ожиданиями в изменении своего положения, положения своего окружения, страны. В этой связи индикаторами экономического оптимизма могут являться ожидания улучшения в изменении своего материального положения в ближайший год. Эти оценки существенно различаются в зависимости от возраста. По сравнению с ноябрем 2015 г. к марту 2016 г.

заметно повысились пессимистические ожидания у всех возрастных групп, причем наиболее заметно (на 10 %) у молодежи. Тем не менее, четверть молодежи надеется на улучшение своего материального положения в ближайший год, что существенно выше, чем среди представителей средней (18 %) и старшей возрастной группы (10 %).

Для молодежи фактор достижения за последние три года высокого уровня материального положения оказался решающим. Так, среди 18—30 летних 69 % отметивших улучшение материального положения указали на хорошие перспективы по его улучшению, тогда как среди 31—50 летних — 47 %, а старше 50 лет — 32 %. Столь радужные ожидания характерны прежде всего для молодых работников финансовых, страховых компаний и торговли, а также для студентов. Последнее указывает на то, что при ответе учитывались достигнутые изменения в материальном положении семьи.

Социальный оптимизм

Под социальным оптимизмом будем понимать уверенность людей в успешном развитии общества, благодаря чему будут созданы благоприятные условия для реализации их жизненных планов. Если общество имеет перспективы развития, движется в желательном направлении, то и мне будет хорошо в нем жить — так, примерно, рассуждает социальный оптимист, в отличие от оптимиста экономического. Доля социальных оптимистов среди молодежи составила, примерно, 25 %, а среди старших возрастных групп — 20 %.

Выявлено, что социальные оптимисты чаще, чем экономические оптимисты придерживаются суждения, что Россия должна развиваться как особая цивилизация (81 и 75 %) и реже — по тем же правилам, что и современные западные страны (19 и 25 % соответственно). Социальные оптимисты чаще считают, что страна нуждается в стабильности и постепенных реформах, чем экономические оптимисты (77 и 71 %) и соответственно, реже — в переменах, радикальных реформах (23 и 29 %).

Таким образом, чувство социального оптимизма связывается в большей мере с консервативной перспективой России. Фактор возраста здесь не оказывает существенного влияния.

Гражданский оптимизм

В качестве показателей гражданского оптимизма рассматривались положительные оценки возможного влияния граждан на политику государственных, региональных и муниципальных властей. Предполагается, что за такими ответами могут стоять как позиции гражданской активности, сопровождаемые ориентациями на неконформизм, инициативно-

стью и предприимчивостью, готовностью к борьбе за свои права, так и позиции лояльного конформизма к власти, подкрепляемые достигнутым уровнем материальной комфортности жизни, экономического и социального благополучия.

Лишь незначительная доля респондентов (от 16% в отношении государства в целом до одной четверти — на муниципальные власти) положительно оценивает возможности влияния граждан на политику властей. Все же, гражданский оптимизм молодежи здесь является более заметным по сравнению с представителями среднего и старшего возраста.

Оценки гражданского оптимизма (по значениям построенного индекса влияния, рассматриваемого как зависимая переменная) повышаются при более высоком уровне доверия всем институтам политической власти (в наибольшей мере Совету Федерации Государственной Думе, местному самоуправлению, правительству). Повышению уровня гражданского оптимизма способствуют смягченные оценки ситуации в обществе.

Декларируемый более высокий уровень гражданского оптимизма является производным от лояльно конформистской позиции и оценок в отношении институтов власти, проводимой политики, своего более благополучного материального положения в целом.

Список источников

1. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. М. : Наука, 2003. 160 с.
2. Зарубина Н. Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России // *Общественные науки и современность*. 2016. № 2. С. 52—63.
3. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М. : ЦСП, 2003.
4. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. 320 с.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // *Россия и Китай: молодежь XXI века*. М. : Новый Хронограф, 2014. С. 7—32.
6. Овсянников А. А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 1. С. 78—97.
7. Даффлон Д. Молодежь России. Портрет поколения на переломе // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 5 (17). С. 19—35.
8. Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 4. С. 19—35.

В. И. Чупров

МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

ЧУПРОВ Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник этого Центра; chuprov443@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования типологии культуры в молодежной среде и социокультурный механизм ее воспроизводства в изменяющемся обществе.

Ключевые слова: молодежь, культура, социокультурный механизм, саморегуляция социокультурного воспроизводства

Предвидение, являясь фундаментальной методологической функцией науки, заложено в основе любой научной теории, претендующей на объяснение сущности того или иного явления, процесса, тем более на его преобразование. Даже, когда в научном исследовании напрямую не ставится задача прогнозирования изменения в будущем изучаемого объекта, прогностическая значимость выявленных тенденций и зависимостей, отражается затем в общественном самосознании, проявляясь в воспроизводстве научного знания. В полной мере это распространяется на исследования молодежи, роль которой в общественном воспроизводстве является ее важнейшей сущностной характеристикой как социальной группы.

Изучая различные аспекты ее жизнедеятельности, ученые интерпретируют факторы и тенденции выявленных изменений, в соответствии с более общими процессами, происходящими в изменяющемся обществе. Это позволяет не только получить знание об изменениях в молодежной среде, но и обоснованно предвидеть возможные их последствия для изменений в обществе. Скажем, выявляя снижение качества образования, приобретаемое молодежью сегодня, можно прогнозировать отставание во многих сферах общества в дальнейшем.

Ответы на вопросы, поставленные для обсуждения на круглом столе, коренятся в представляемом механизме саморегуляции социальных взаимодействий молодежи, раскрывающем ее роль в общественном воспроизводстве. Действие этого механизма в культурном пространстве молодежи наглядно прослеживается в культурной динамике общества. В основе его методологии лежит теория смены социокультурных типов в динамике общества Питирима Сорокина.

Выделяя две системы культуры, на основании которых выстраиваются культурные типы — идеациональную и чувственную, Сорокин рассматривает их в качестве факторов, регулирующих поведение индивидов и социальных систем. Ментальность, присущая этим типам культур, определяется следующими характеристиками: 1) природой реальности; 2) природой целей и потребностей, которые должны быть удовлетворены; 3) степенью, в какой эти цели и потребности удовлетворяются; 4) способами их удовлетворения. Проанализировав краткосрочные и долгосрочные колебания (флуктуации) этих характеристик, Сорокин раскрыл природу социокультурной динамики.

Прогностические возможности данного подхода реализуются в представляемом саморегуляционном механизме и схематически выглядят следующим образом. Базовые основания для разработки типологии культур российской молодежи воспроизводятся в ее культурном пространстве из исторического прошлого и переходят по наследству от предыдущих поколений, отражаясь в индивидуальном и коллективном бессознательном в виде архетипов, менталитета, габитусов, стереотипов. В индивидуальном и коллективном бессознательном они закрепляются в образной форме: образ «Мы» и образ «Они» в межличностных взаимодействиях, образ семьи, труда, образования, власти и др.

В процессе социальных взаимодействий базовые культурные основания образов преобразуются в массовом сознании в потребности, интересы, ценности и получают дальнейшую конкретизацию в различных сферах индивидуального и группового сознания молодежи. Тем самым достигается единство обеих форм (бессознательного и осознанного) в процессе саморегуляции, которое реализуется в изменяющемся обществе как противоречие между традиционными культурными образцами, воспроизводимыми в бессознательном и современными, представляющими результат трансформаций, произошедших в сознании поколения в ходе эволюции исторического процесса. Насколько существующие типы культур в молодежной среде найдут отражение в моделях будущего общества во многом зависит от практической реализации данного противоречия.

Ю. А. Зубок

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МОЛОДЕЖИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

ЗУБОК Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи ИСПИ РАН, г. Москва, Россия; uzubok@mail.ru

Исследование молодежи и ее социальных взаимодействий представляет интерес с позиций актуальных и будущих состояний не только этой социально-демографической группы, но и всего общества. Адекватному пониманию молодежных феноменов и особенно прогнозированию их связи с будущими состояниями общества служит не столько анализ отдельных тенденций в изменении сознания и поведения различных групп молодежи, сколько изучение социальных механизмов, определяющих эти изменения.

В условиях изменяющейся социальной реальности функционирование механизмов социальных взаимодействий существенно изменяется. Это связано, во-первых, с трансформацией объективной действительности как совокупности независимых от молодых людей обстоятельств их бытия; во-вторых, с подвижками в субъективной реальности, восприятии ее смыслов и социальных ожиданиях. Под влиянием происходящих изменений модифицируются условия и способы взаимодействия молодежи и общества. Наиболее отчетливо они раскрываются в изменении механизмов социального развития молодежи и социальной саморегуляции. Поэтому отправной точкой в анализе функционирования этих социальных механизмов и поиска методологических оснований для социального прогнозирования является сама изменяющаяся реальность. И инструментом познания и прогнозирования становится «переоткрытие социальной реальности» [1: 35].

Характерными ее чертами являются нелинейность, неопределенность, недетерминированность, многовариантность, высокая доля дифференциации множества самоорганизующихся эмансипированных субъектов. Неопределенность, связанная с ускорением трансформационных процессов в обществе активизирует разнонаправленные тенденции, сочетание которых порождает внутренне противоречивую реальность. Она способна объединять в себе сразу несколько противоположных возможностей, а их переход в действительность носит не однозначный, а многовариантный и случайный характер. Случайность как отражение недетерминированности, при котором события могут с равной вероят-

ностью произойти, или не произойти, в свою очередь, выступает фактором нелинейности изменений, т. е. их многовариантности. А характерное для неопределенности расхождение между свойствами объектов и их состояниями, а также разрывы причинно-следственных связей событий и явлений вносят неустойчивость и непредсказуемость в процесс социальных взаимодействий, как между молодежью и обществом, так и между различными группами молодежи.

Как следствие условий неопределенности, в изменяющейся реальности иначе функционирует механизм социального развития молодежи. Если в относительно стабильных социальных условиях развитие связывается с необратимостью, направленностью и закономерностью [2: 305; 3: 385], то в условиях неопределенности и нелинейности эти свойства утрачиваются. Необратимость ставится под сомнение нарушением постоянства процессов накопления количественных и качественных перемен; направленность, как определенная линия, по которой осуществляется накопление изменений, утрачивает однозначность; закономерность, отражающая повторяемость изменений, свидетельствующих о том, что они совершаются с необходимостью и не являются случайными, сменяется недетерминированностью. Исчезновение закономерности, необратимости и устойчивости из числа базовых признаков развития, заставляет по-новому рассматривать этот процесс в аспекте изучения актуальных и будущих свойств и состояний молодежи. В изменяющейся реальности он приобретает многовариантность выборов, совершаемых автономными индивидуализированными акторами на основе конструируемых смыслов и значений. В их основе лежит ориентация на самореализацию, саморазвитие, удовольствия и впечатления. Это означает, что прогнозирование множественных траекторий саморазвития предполагает анализ различных аттракторов, возникающих в межгрупповых и внутригрупповых взаимодействиях молодежи, способных изменить их направленность и устойчивость.

Особенности прогнозирования в изменяющейся реальности связаны с пониманием специфики формирования социальных условий, в которых развивается и взаимодействует молодежь. Условия, необходимые для обретения и изменения тех, или иных характеристик молодежи и образцов социального взаимодействия, представляют собой некоторое множество факторов, при которых эти характеристики или взаимодействия возникают и закрепляются в облике молодежи, а затем и в обществе. Каждый элемент этого множества является необходимым, но только полная их совокупность образует достаточные условия для их возникновения и утверждения. С устранением хотя бы одного элемента условия перестают быть достаточными и становятся неопределенными. Именно

в таких неопределенных условиях и возникают нелинейные процессы в жизненных выборах молодежи, их траекториях и идентичностях. Поэтому в процессе прогнозирования следует учитывать соотношений и вес необходимых факторов, влияющих на те, или иные изменения в молодежной среде и в ее социальных взаимодействиях.

Одним из методологических оснований социального прогнозирования в изменяющейся реальности становится анализ механизмов саморегуляции молодежи. В условиях увеличения числа альтернатив и снижения регулятивного влияния институтов в механизме саморегуляции усиливается экстремальность и риск. Она возникает при реализации притязаний неопределенных социальных условиях. Как одна из характеристик психического состояния, присущего молодежному возрасту, экстремальность отражает различные формы максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Она проявляется в импульсивности мотивации, агрессивности, склонности к риску, эпатаже, или наоборот — подавленности, депрессии, пассивности. Склонность к крайностям регулирует поведение молодежи в ситуации неуспеха, провала в реализации часто завышенных притязаний. Разочарование реализуется в стремлении любой ценой добиться цели (фанатизм), или нигилизме (отказ и эскапизм). В обоих случаях неудачный выбор приводит к изменению реальности, ее переконструированию в соответствии с новыми познанными смыслами. Опирающиеся на них экстремальные формы саморегуляции, характеризуются не только крайностями, но и спонтанностью проявлений, при определенных условиях переходящих в экстремизм.

Реализация экстремальности молодежи связана с риском. В саморегуляции ее жизнедеятельности риск выступает неотъемлемой частью любого смысловознательного выбора и регулируется в диспозиционной структуре личности противоположными аттитудами — опасности и безопасности. Если первый находится в тесной связи с изменением и развитием, то второй — с самосохранением. Как регуляторы поведения в ситуации выбора аттитуды опасности и безопасности изменяют уровень риска в саморегуляционных стратегиях молодежи. Установка на риск является продолжением групповых свойств молодежи (переходности социального статуса, лабильности, импульсивности, экстремальности), и усиливается средовыми условиями жизнедеятельности молодежи. При наличии механизмов снижения неопределенности и средового риска, а также расширения институциональных форм самореализации риск в социальных взаимодействиях молодежи реализуется, обретая социально значимые формы.

Особую роль в механизме саморегуляции играет рационализация. Она предполагает наличие осознанной цели, наполняя взаимодействия

новыми смыслами, исходя из представлений о новых возможностях и их оптимизации в изменяющихся условиях. Отражаясь в мотивационной структуре, представления о желательных вариантах оптимизируются в соответствии с реальностью. Критерий оптимизации приобретает ценностную форму. В условиях неопределенности этот механизм изменяется в силу дифференциации ценностных структур и расслоения внутри молодежи. Рациональность утрачивает значение единственно верного способа реагирования и приобретает многовариантный характер. В отсутствие прямых детерминаций, выбор способов взаимодействия опосредован спонтанно возникающими, случайными факторами. Следовательно, сам процесс рационализации приобретает спонтанный и нелинейный характер, подчиняясь ситуативным мотивам, или более глубинным социокультурным основаниям, отражающим как осознаваемые, так и неотрефлексированные устойчивые образцы коллективного бессознательного.

Таким образом, анализ особенностей функционирования и трансформации социальных механизмов взаимодействия молодежи и общества в условиях изменяющейся реальности, становится основанием не только социологической диагностики, но и прогнозирования возможных изменений в будущем.

Список источников

1. Кравченко С. А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5.
2. Социология. Основы общей теории / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М., 1996.
3. Чупров В. И. Развитие социальное // Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. М. : Академия, 2008.

Ю. И. Жегусов

МОЛОДЕЖЬ И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ: ОЖИДАЕТ ЛИ НАС ТРЕЗВОЕ БУДУЩЕЕ?

ЖЕГУСОВ Юрий Иннокентиевич — кандидат социологических наук, главный специалист Управления госалкогольконтроля Республики Саха (Якутия); sociolog_ykt@mail.ru

Алкоголизация населения — одно из самых злободневных и трудно-разрешимых проблем в современной России. Распространение пьянства и алкоголизма влечет за собой высокий уровень заболеваемости, смертности и преступности. От алкоголя в год умирают 351,7 тыс. мужчин и 1351 тыс. женщин [1, с. 8]. Велики также экономические потери. Так, по данным Общественной палаты РФ совокупные экономические потери России от потребления алкоголя составляют порядка 1 триллиона 700 миллиардов руб. в год [2].

Масштаб алкоголизации населения, являющейся угрозой национальной безопасности страны, побудил российские власти к принятию мер по преодолению этой проблемы. Так, 30 декабря 2009 г. Правительством РФ была одобрена «Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г.». Цель концепции — снижение объемов потребления алкогольной продукции на душу населения до 60—70 % к 2020 году.

Республика Саха (Якутия) не является исключением, начиная с 2010 года, приняты нормативные меры по ограничению доступности алкоголя. Законом РС (Я) «Об установлении дополнительных ограничений времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции в Республике Саха (Якутия) на территории региона запрещена розничная продажа алкогольной продукции с 20.00 часов до 14.00 часов следующего дня. Продажа алкоголя отделена от продуктовых магазинов, т. е. реализация спиртного допускается только в специализированных алкогольных магазинах. Не допускается продажа алкоголя на первых этажах многоквартирных домов. Также, органам местного самоуправления городских, сельских поселений передано право полного запрета розничной продажи алкоголя на своих территориях.

Антиалкогольная политика в Республике Саха не ограничивается запретительными мерами. В целях формирования трезвого общества в республике регулярно проводятся специальные действия по информированию населения и молодежи о вреде алкоголя и преимуществах трезвого, здорового образа жизни. Преимущественно для молодежи

проводятся активные комплексные мероприятия: акции, пропаганда в СМИ, концертные и культурные программы, проекты, форумы, круглые столы, лекции и т. д.

Таким образом, реализация антиалкогольной политики в Якутии происходит в совокупности по двум направлениям: во-первых, это введение законодательных мер по ограничению доступности алкоголя, во-вторых, снижение спроса на алкоголь путем информационно-просветительской работы.

Таблица 1. Частота потребления алкоголя учащимися старших классов и студентами вузов в 2010 и 2015 году по данным социологических исследований

Социальная группа	Частота потребления алкоголя							
	«часто» (1 раз в неделю и чаще)		«регулярно» (1 или несколько раз в год)		«эпизодически» (несколько раз в год)		не потребляют алкоголь	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015	2010	2015
Учащиеся школ	26,0	2,5	14,0	2,1	21,0	9,4	31,0	86,1
Студенты вузов	27,8	3,1	18,1	9,7	41,7	26,0	12,5	61,3

Результаты социологических исследований, проведенных автором в 2010 и 2015 годах среди учащихся старших классов (9—11 кл.) и студентов учебных заведений показывают, что в этих группах молодежи значительно снизилось потребление алкоголя (табл. 1). За исследуемый период, количество часто потребляющих алкоголь (1 раз в неделю и чаще) среди старшеклассников сократилось в 10,4 раза, среди студентов в 8,9 раза. Доля не потребляющих алкоголь за 5 лет выросла среди учащихся в 2,7 раза, а среди студентов 4,9 раза.

Антиалкогольная политика положительным образом повлияла на социальные процессы у населения, связанные с потреблением алкоголя. По данным Росстата, в республике за период с 2010 по 2016 год заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами сократилась на 46,6%. Смертность от внешних причин сократилась на 30,5%, от сердечно-сосудистых заболеваний на 21,7%. Количество умерших от убийств и самоубийств сократилось соответственно на 41,3% и 26,4%. Продолжительность жизни мужчин за время антиалкогольной политики увеличилась приблизительно на 4 года.

Положительная динамика наблюдается и в статистике преступности. Количество преступлений, где доля совершенных в состоянии алкогольного опьянения превышает 60%, идет на существенное снижение. С 2010

по 2016 год преступления по ст. 111 УК «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» снизились на 44,1%, убийства на 21,4%, грабежи и разбои на более чем 70%.

Наблюдая динамику статистических данных и анализируя результаты социологических исследований о молодежи, можно утверждать о прогнозе с позитивными перспективами. Ожидается, что снижение алкоголизации молодежи повлечет за собой улучшение качества жизни в будущем: увеличение продолжительности жизни, снижение заболеваемости, смертности, преступности и других негативных социальных явлений.

Список источников

1. Немцов А. В. Алкогольные проблемы России. М., 2012.
2. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия (Доклад Совета Общественной палаты РФ от 13 мая 2009 г.).

В. А. Касамара

СТРАНОВОЙ ФАВОРИТИЗМ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНОВ: ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ВРЕМЕННАЯ РАЗВЕРТКА

КАСАМАРА Валерия Александровна — заведующая научно-учебной Лабораторией политических исследований НИУ ВШЭ, кандидат политических наук, г. Москва, Россия; vkasamara@hse.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования странового фаворитизма как одного из компонентов отношения к своей стране студентов трех ведущих вузов России (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ). Исследование строится на сопоставлении представлений российских студентов с представлениями студентов Принстонского университета (США). Время проведения опроса: осень-зима 2014 г. В России опрос проводился методом личного интервью (предполагалось опросить по 500 студентов каждого вуза. В ходе исследования получено 496 — МГУ, 363 — МГИМО и 540 — НИУ ВШЭ), в США анкета рассылалась по интернету (всего был опрошен 451 студент. В анализ были включены 382 человека — только студенты — граждане США)¹.

Ключевые слова: молодёжь, страновой фаворитизм, оценки, страна

Страновой фаворитизм, то есть склонность людей тем или иным образом смещать оценки своей и чужих стран в «свою» пользу, представляет собой частный случай группового фаворитизма.

Важно, однако, иметь в виду, что фаворитизм является далеко не единственным способом обеспечения позитивной сопричастности стране. Позитивная сопричастность вполне может существовать и на фоне отрицательных оценок своей страны относительно других стран.

Объектом странового фаворитизма может быть образ страны в целом, равно как и отдельные элементы этого образа. Причем оценки целого и частей могут не только существенно отличаться, но и противоречить друг другу.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет цивилизационно-временная развертка странового фаворитизма, то есть распределение оценок прошлого, настоящего и будущего страны относительно основных цивилизаций мира.

¹ Доклад подготовлен на основе материалов статьи Касамара В. А., Урнов М. Ю. Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ). Статья 2. Аспекты отношения к стране, делающие ее объектом национальной идентичности // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6. С. 82—98.

В психологической теории проблеме временной перспективы в структуре идентичности посвящен целый ряд фундаментальных работ. Что касается эмпирических исследований страновой идентичности, то они эту проблему практически не затрагивают. Между тем сопоставление временных горизонтов странового фаворитизма облегчает возможность исследования такого значимого фактора страновой идентичности, как оптимизм/пессимизм, а также позволяет лучше понять, какие объекты внешнего мира являются референтными при формировании оценок своей страны.

Как видно из таблицы 1, в абстрактных нормативных суждениях подавляющее большинство российских и американских студентов считает страновой фаворитизм явлением «естественным и правильным», то есть заслуживающим одобрения или как минимум имеющим право на существование. При этом среди россиян этот взгляд несколько менее популярен, чем среди американцев.

Таблица 1. **Отношение к страновому фаворитизму**

Вопрос: В какой мере Вы согласны или не согласны с утверждением «Для человека естественно и правильно думать, что его страна лучше других»?

В % к числу опрошенных

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Согласен + Скорее согласен	68	76
Не согласен + Скорее не согласен	28	21
(Согласен + Скорее согласен) — (Не согласен + Скорее не согласен)	40	55

На уровне конкретных отношений к своей стране ситуация складывается по-иному: у российских студентов страновой фаворитизм выражен очень сильно, тогда как у американских он практически отсутствует.

Для получения представления о цивилизационно-временной локализации странового фаворитизма респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- Что можно было бы назвать «лучшими временами» для Вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?
- Что можно было бы назвать «худшими временами» для Вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

Варианты ответов: «прошлое», «настоящее», «будущее», «трудно сказать».

Соотношения полученных оценок показаны на гистограмме 1.

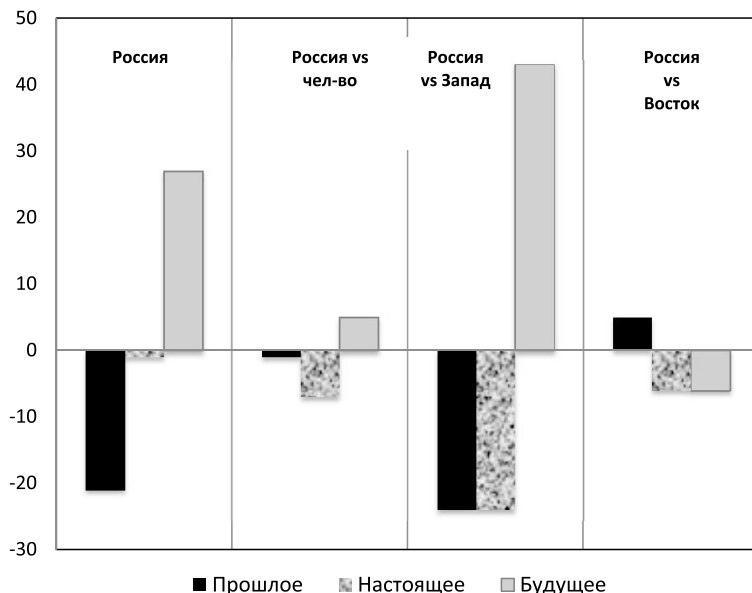
Приведенные данные свидетельствуют о двух важных характеристиках сознания *российских студентов*.

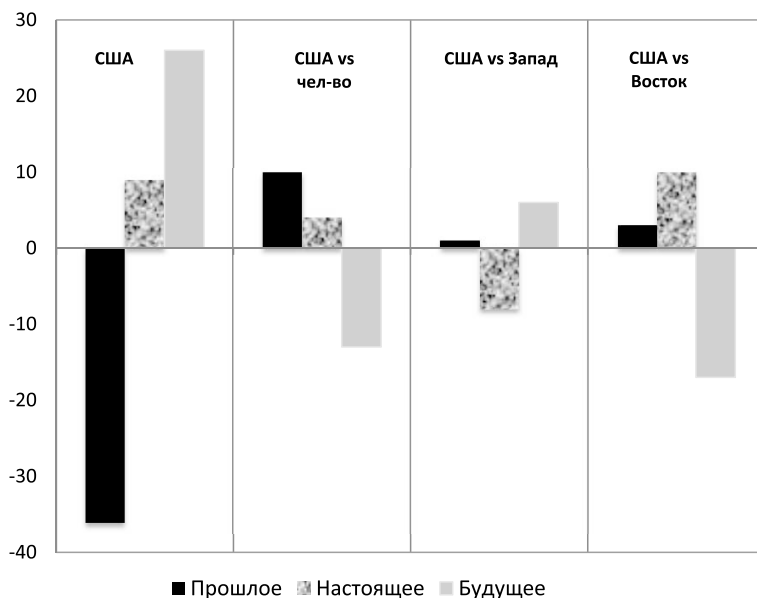
1. Важнейшим объектом сравнения своей страны для них является западная цивилизация. Величины даваемых российскими студентами отрицательных и положительных оценок России относительно Запада на порядок превышают величины оценок России относительно восточной цивилизации и человечества в целом, а амплитуда изменений оценок «Россия/Запад» делает изменения остальных сравнительных оценок малозначимыми. Такой характер оценок говорит о том, что механизм «зеркального имиджа», где в качестве зеркала служит Запад, не чужд и участникам нашего исследования.

2. У российских студентов существует ярко выраженная цивилизационно-временная локализация странового фаворитизма. Речь идет о будущем России относительно западной цивилизации, образ которого порождает мощный всплеск оптимизма (+44), резко контрастирующий с устойчиво негативным взглядом на положение России относительно Запада в прошлом и настоящем (–24).

Гистограмма 1. Оценки прошлого, настоящего и будущего своей страны

а) Российские студенты

б) Американские студенты

Что касается *американских студентов*, то говорить о наличии у них сколько-нибудь четко очерченного цивилизационно-временного локуса странового фаворитизма вряд ли возможно. В цивилизационном изменении конфигурации их оценок США относительно западной, восточной цивилизаций и человечества в целом мало отличаются друг от друга. При этом по абсолютной величине позитивные оценки оказываются всюду несколько меньше оценок негативных. Во временной перспективе у американских студентов наблюдается плавное нарастание негативных оценок положения США относительно человечества в целом, обусловленное прежде всего пессимизмом во взглядах на перспективы страны относительно восточной цивилизации.

Цивилизационно-временная специфика странового фаворитизма той или иной группы зависит от многих факторов, детальный анализ которых является самостоятельной задачей, выходящей за рамки данной работы. Единственный представитель этих факторов, включенный в наше исследование, — выраженность критического отношения к своей стране — будет рассмотрен в следующем параграфе. Но прежде чем перейти к нему, позволим себе краткое замечание о влиянии на сознание наших российских респондентов еще одного фактора — массовой пропаганды. Не учитывая ее эффекта, трудно объяснить одновременное присутствие

у российских студентов оптимистического взгляда на будущее страны и сильной обеспокоенности неопределенностью ее будущего, а также угрозами мировой войны и разрушения цивилизации (см. таблицу 2).

Таблица 2. Уровень обеспокоенности некоторыми политическими проблемами

Вопрос: В какой мере Вас беспокоит (если беспокоит) каждая из следующих проблем?

В % к числу опрошенных

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Неопределенность будущего своей страны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	69	59
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	27	40
Угроза мировой войны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	29
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	34	68
Угроза разрушения современной цивилизации		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	49	22
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	45	76
В среднем по трем позициям		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	37
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	35	61

Существование в здоровом сознании столь противоречивых представлений может поддерживаться лишь верой в то, что никакие глобальные передряги, включая ядерную войну, не смогут лишить Россию блестящего будущего. В свою очередь, наиболее безобидной причиной наличия подобной веры у людей, обучающихся в лучших вузах страны, представляется нам влияние на них массовой пропаганды и очень низкий уровень исторических знаний, который делает молодых людей легкой добычей для любых манипуляций.

Т. А. Орешкина

БУДУЩЕЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ОРЕШКИНА Татьяна Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; t.a.oreshkina@urfu.ru

Исследования мнений свердловской молодежи более двадцати лет проводится группой учёных под руководством профессора Уральского федерального университета Ю. Р. Вишневого в рамках единой методологии¹. Основные подходы к изучению молодежной культуры были сформулированы одним из основателей уральской социологической школы, профессором Л. Н. Коганом².

В 216 году с участием автора проведено два исследования мнений свердловской молодежи, оба из которых традиционно включали в себя отдельный блок вопросов о жизненных планах на будущее. В ноябре 2016 года проведено анкетирование молодежи Свердловской области от 14 до 30 лет, N=2039, из них 37% мужчин и 63% женщин; 50,5% школьников, 12,7% студентов среднего профессионального учебного заведения, 19,7% студентов вузов, 14,9% работающей молодежи и 2,2% безработных и затруднившихся с ответом³. В декабре 2016 года завершена обработка данных седьмого этапа мониторинга «Студент-2016». Методом раздаточного анкетирования опрошено 1827 студентов второго и третьего курсов обучения 14 вузов Екатеринбурга, из них 42% мужчин и 58% женщин⁴.

¹ См. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области: коллективная монография под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. 272 с.; Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общей редакцией Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2016. 205 с.; Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; УрФУ. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. 350 с.; Студент — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 332 с.

² Коган Л. Н. Социология культуры: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1992. 120 с.

³ Исследование проведено по заказу ГАУ СО «Региональный центр патриотического воспитания» при поддержке Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики под руководством профессора Ю. Р. Вишневого.

⁴ Исследование проведено по заказу Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области при поддержке Совета ректоров вузов Уральского федерального округа под руководством профессора Ю. Р. Вишневого.

Рассмотрим основные представления молодежи Свердловской области о своем ближайшем будущем. На рисунке 1 представлены ответы молодежи Свердловской области на вопрос «Какие ожидания у Вас преобладают относительно ближайшего будущего в нашей стране?»

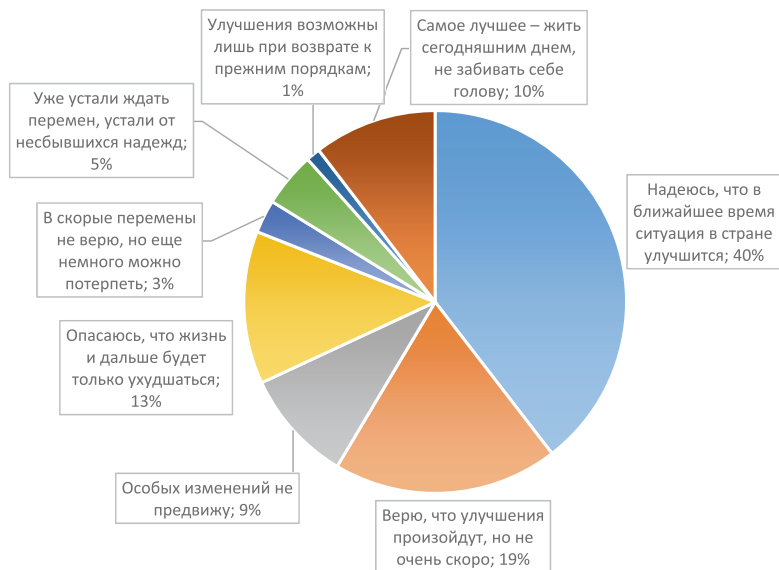

Рис. 1. Представления о ближайшем будущем молодежи Свердловской области (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Почти 40% респондентов надеются на улучшение ситуации в скором времени, еще 19% считают, что улучшения будут не так скоро. Не верят в перемены к лучшему 12,9% молодых людей, 10,4% предпочитают жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем. В таблицах 1 и 2 показаны различия в зависимости от возраста и пола.

Таблица 1. Представления о ближайшем будущем в зависимости от возраста, % (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Варианты ответа	От 14 до 17 лет	От 18 до 24 лет	От 25 до 30 лет
1. Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	43,8	35,6	29,0
2. Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	17,4	20,3	23,0
3. Особых изменений не предвижу	9,7	9,4	9,3

Варианты ответа	От 14 до 17 лет	От 18 до 24 лет	От 25 до 30 лет
4. Опасаюсь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться	10,6	14,4	19,8
5. В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	2,5	3,6	2,4
6. Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	3,5	4,0	11,3
7. Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	0,7	2,2	1,6
8. Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забывать себе голову	11,8	10,6	3,6

Молодые девушки смотрят в будущее более оптимистично, с возрастом настрой становится реалистичнее. «Устали от несбывшихся надежд» 11,3% «тридцатилетних» и только 3,5% «школьников».

Таблица 2. Представления о ближайшем будущем в зависимости от пола, % (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
1. Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	34,6	42,2
2. Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	19,3	19,0
3. Особых изменений не предвижу	13,2	7,4
4. Опасаюсь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться	13,8	12,1
5. В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	3,9	2,2
6. Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	5,1	4,5
7. Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	1,4	1,2
8. Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забывать себе голову	8,8	11,3

В табл. 3 мы видим, что связь между представлениями жителей крупных городов средних и представлениями жителей сел Свердловской области является довольно слабой.

Таблица 3. Представления о ближайшем будущем в зависимости от населенного пункта, % (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Варианты ответа	Крупный город (более 100 тыс.)	Средний город (50—100 тыс.)	Малый город (менее 50 тыс.)	Село, ПГТ
1. Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	37,7	34,3	42,5	38,3
2. Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	21,3	16,2	16,3	36,2
3. Особых изменений не предвижу	9,2	18,9	7,6	4,3
4. Опасаюсь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться	12,4	12,5	14,0	8,5
5. В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	3,4	2,3	2,4	0,0
6. Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	4,6	5,7	4,4	8,5
7. Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	1,3	2,6	0,9	0,0
8. Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забивать себе голову	10,1	7,5	11,9	4,3

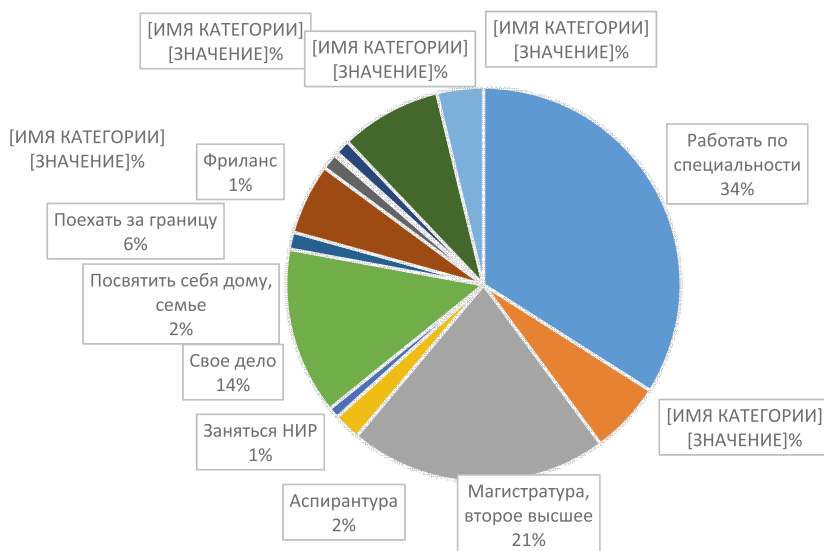

Рис. 2. Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза? (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Для молодого человека планы на будущее во многом связаны с получаемой профессией. Мы спросили студентов вузов Екатеринбурга, планируют ли они работать по специальности (рис. 2) и представляют ли они специфику получаемой профессии. В таблице 5 даны ответы студентов в зависимости от профиля подготовки в вузе.

В том, что будущее для них туманно и неопределенно, признались 8,3% студентов, не имеют планов на будущее 3,8%. Планируют работать по специальности 34%, а часть сегодняшних студентов хотят продолжать обучение в магистратуре (21%) или аспирантуре (2%).

Таблица 4. Сегодня представляете ли вы содержание, характер и специфику будущей профессии? (закрытый вопрос, один вариант ответа)

Варианты ответа	Профиль подготовки в вузе			
	Гуманитарный	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический
Да	60,4	50,6	68,9	51,5
Частично	30,7	37,0	24,4	34,4
У меня остались смутные представления	5,7	9,2	3,7	11,2
Нет, не представляю	3,1	3,2	3,0	2,9

Наиболее осведомлены о характере получаемой профессии студенты естественнонаучного профиля (68,9%), среди студентов социально-экономического профиля таких только 50,6%.

Так же мы спросили студентов, что для них наиболее значимо в будущей работе (выбор нескольких вариантов ответа). Лидируют следующие позиции:

1. Возможность получать большие заработки, высокие доходы — 59,2%
2. Возможность карьеры, повышение профессионализма — 51,3%
3. Возможность постоянного самосовершенствования — 33,2%
4. Хорошие условия труда — 29,6%
5. Возможность полнее реализовать свой потенциал — 28,2%
6. Возможность принести пользу людям — 26,6%
7. Возможность достичь признания, уважения — 25,7%

Таким образом, мы можем констатировать созидательные устремления свердловской молодежи, стремление работать и зарабатывать, повышать уровень образования и профессионализма, несмотря социальные трансформации и общую атмосферу неопределенности.

Список источников

1. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области : коллективная монография / под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2016.
2. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.: итоги социологического исследования : коллективная монография / под общей редакцией Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2016.
3. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году : Научные основы доклада правительству Свердловской области : монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого ; УрФУ. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2016.
4. Студент — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург : УрФУ, 2012.
5. Коган Л. Н. Социология культуры : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992.

А. А. Сорокина

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

СОРОКИНА Анна Андреевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; aasorokina@mail.ru

В ситуации отсутствия четкого представления о том, какие ценности могут объединять людей, что является основой для интеграции и консолидации, представления о прошлом становятся одним из значимых компонентов национальной идентичности. В настоящий момент в российском обществе наблюдается поиск объединяющей идеи, при этом во многом копируются образцы и шаблоны советской эпохи. Нами представлены результаты исследования, посвященного представлениям российских студентов о событиях, которые вызывают у них чувство гордости и стыда за страну, а также их историческим знаниям (в частности, о 1917, 1937, 1991 и 1993 годах). Эмпирическую базу составили данные исследований, проведенных в России научно-учебной лабораторией политических исследований НИУ ВШЭ (количественный опрос 1400 студентов трех ведущих вузов России (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ) в октябре-декабре 2014 года; глубинные интервью с 245 студентами трех ведущих вузов России (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ) в октябре-декабре 2016 г.).

На основе проведенного количественного опроса и глубинных интервью со студентами ведущих российских вузов автор выделяет основные отличительные черты исторических представлений студентов: локализацию во времени, содержательное наполнение, преобладание жесткой и мягкой силы.

Проведенный анализ результатов количественного опроса и глубинных интервью показывает, что в настоящий момент для студенческих представлений о прошлом характерны следующие черты:

- Предметы гордости за достижения страны преимущественно локализованы у молодого поколения в прошлом: победа в Великой Отечественной войне, полет Юрия Гагарина в космос, Отечественная война 1812 года и пр. При этом характер ответов российских студентов на открытые вопросы может наводить на мысли о том, что эти события называются ими иногда автоматически, без осмысления того, о чем идет речь: «Мне кажется, глупо и предсказуемо (называть это событие, но) победа в Великой Отечественной войне. Мне кажется, это вообще круто, когда вот

напали, вероломно, и ты такой: «Не, ну нельзя так». Мало того, что даешь сдачи, так еще и до Рейхстага приходишь, и вообще, мне кажется, очень сильной показала страну и народ» (студент, 17 лет). Например, говоря о победе в Великой Отечественной войне как о событии, вызывающем гордость, многие из респондентов делали оговорку: называть его «банально, но логично».

- Причин для гордости в настоящем практически нет. Если при ответе на вопрос о событиях, вызывающих гордость, и называются события, произошедшие недавно, то только те, которые активно транслировались средствами массовой информации и отложились в памяти респондентов.
- Фрагментарность исторической памяти. У респондентов нет связанного толкования и интерпретации исторических событий. В одном ряду могут стоять Великая Отечественная война и победа на конкурсе «Евровидение», сталинские репрессии и поражение в русско-японской войне.
- Милитаристское сознание. Основой для гордости для российских респондентов в основном являются военные победы.
- Для респондентов характерна позиция «ошибки прошлого — это не мои ошибки», а также представление о том, что «патриот не может стыдиться».

Представления о прошлом являются одним из основных компонентов национальной идентичности и могут оказывать влияние на политическое поведение граждан в настоящем и будущем. Низкий уровень исторических знаний студенческой молодежи, а также ее нежелание вникать в суть политических процессов, происходящих в современной России, легко может стать основной для манипулирования и пропаганды. Если говорить в целом о гордости за историческое прошлое и настоящее, то одной из главных задач, которая может стоять перед российским обществом сегодня, является выстраивание идентичности на основе не милитаристского, а культурного патриотизма, который апеллировал бы к науке, искусству, ориентировался бы на выстраивание международных связей, налаживание отношений с соседями.

Значимым является пересмотр подхода к образованию и воспитанию молодого поколения. Процесс изучения истории не должен строиться только вокруг изучения войн и конфликтов с другими государствами.

Важным также представляется вопрос осмысления ошибок прошлого. Только открыто проговаривая и осмысляя черные страницы истории, называя все своими именами, можно воспитать ответственных граждан, неравнодушных к своей стране.

Г. А. Якупова

ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ, ВЫДЕЛЕННЫХ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ

ЯКУПОВА Гульнара — аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Институт нефтегазового бизнеса, г. Уфа, Россия; gulnara.yakupova.1990@mail.ru

В рамках диссертационного исследования нами в 2016 г. был проведен социологический опрос «Молодая семья в Республики Башкортостан в условиях социальной нестабильности». Исследование проходило в форме анкетирования. В случайную выборку вошли 290 сельских молодых семей. Опрос позволил провести сравнительный анализ уровня и качества жизни, брачных и репродуктивных установок, образа и стиля жизни, ценностных ориентаций сельских и городских молодых семей. На базе данного результатов данного опроса также был выполнен типологический анализ молодых сельских семей на основе показателей уровня жизни.

Мы исходили из того, что социально-экономические условия влияют не только на уровень жизни сельских молодых семей, но и обуславливают их ценностные ориентации, образ мыслей и жизни.

Перед нами стояла задача распределения сельских молодых семей Республики Башкортостан по кластерам, детерминированным не только традиционными переменными, характеризующими социальный статус (доход, уровень образования и др.), но отличающимся субъективным восприятием социальной жизни и определенными социальными установками. В качестве переменных использовались ответы на вопросы об удовлетворенности жизнью в целом, работой, жилищными условиями, здоровьем, отношениями с родителями, семейным положением, возможностями отдыха и развлечений, оценка материального положения семьи в настоящее время. Варианты ответов на вопрос представляют собой номинальную шкалу. Особенностью нашей методики станет использование кодов ответов в качестве порядковой шкалы (от 1 балла до 3, от позитивной оценки к негативной). У переменной «оценка материального положения семьи в настоящее время» обратный порядок шкалы: от «денег не хватает даже на питание» (1 балл) до «денег хватает на все, включая покупку квартиры» (5 баллов). Вариант «затрудняюсь ответить» кодируется как пропущенное значение. Ответы на вопросы о возрасте респондентов, наличии и количестве детей, среднедушевом доходе (среднеинтервальное значение) представляют собой порядковую шкалу.

Кластерный анализ — гибкая процедура, позволяющая варьировать способы переработки данных в весьма широких пределах. Именно на этом этапе происходит вмешательство исследователя в характер процедуры, привносящее субъективный момент в получаемый результат [1].

Кластеризация позволяет разбить всю анализируемую совокупность объектов на небольшое число однородных групп или классов. Это снижает размерности исследуемых признаков для интерпретации анализируемых многомерных данных. Общая постановка задачи классификации заключается в разбиении анализируемых признаков на некоторое число непересекающихся областей. Кластерный анализ включает в себя набор различных алгоритмов классификации, позволяющих организовать наблюдаемые данные в наглядные структуры и содержательно интерпретировать их.

Для проведения кластеризации были отобраны переменные с помощью факторного анализа методом главных компонент. В ходе факторного анализа осуществляется попарное сравнение исследуемых переменных с целью определения их схожести друг с другом, а также формирования группирующих факторов (компонент) [2].

Не вдаваясь особо в подробности кластерного анализа отметим, что далее была проведена классификация 290 сельских молодых семей Республики Башкортостан на 4 группы с помощью кластерного анализа методом «к-средних» на основе выделенных выше переменных. В результате были выявлены следующие сегменты рассматриваемой структуры.

Таблица 1. Характеристики полученных кластеров

Кластеры	Число домохозяйств	Доля кластера в выборке, в%	Доход, в рублях	Оценка материального благополучия (от 1 до 5)
I	116	40	8500	3,47
II	62	21,4	10 173	4,58
III	86	29,7	6169	2,88
IV	26	8,9	6596	2,15

Таким образом, в первый кластер вошли 116 домохозяйств или 40 %, во второй кластер — 62 домохозяйства или 21,4 %; в третий — 86 домохозяйств или 29,7 % и самый последний, четвертый кластер — всего 26 домохозяйств или 8,9 %.

Рассмотрим подробнее характеристики полученных кластеров. В табл. 1 представлены средние значения показателей для каждого кластера по переменным «среднедушевой доход семьи» и оценка «материального благополучия» семьи (от 1 до 5).

Как можно заметить, во втором кластере в большей степени представлены обеспеченные семьи (21,4 % в общей выборке). Среднедушевой доход на одного члена семьи в данном кластере составляет 10 173 рубля, оценка материального благополучия сама высокая среди всех кластеров (4,58). В третьем и четвертом кластерах представлены наименее обеспеченные сельские семьи.

В первом кластере доходы на одного члена семьи от 500 до 7000 рублей имеют 44,1 % молодых семей, в третьем — 81 %, в четвертом кластере — 53,9 семей. Во втором — самом обеспеченном кластере минимальный размер получаемых доходов от 5000 рублей. Всего 30,8 % семей, попавших в данный кластер, имеют доходы от 5000 до 7000 рублей.

Кластеризация показала, что субъективные оценки сельских молодых семей практически совпадают с реальным положением вещей — молодые семьи, за редким исключением, объективно и адекватно оценивают собственное материальное положение.

Таблица 2. Распределение респондентов в кластерах в зависимости от оценки материального положения семьи в настоящее время (в % ко всем ответившим)

	Кластеры			
	I	II	III	IV
Денег не хватает даже на питание	-	-	4,7	23,1
Денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения	5,2	-	16,3	38,5
Денег хватает на питание, но покупка вещей длительного пользования, например, нового холодильника или телевизора, вызывает затруднения	46,6	6,5	65,1	38,5
Денег достаточно для покупки, например, телевизора или холодильника, но покупка нового автомобиля вызывает затруднения	44,8	32,3	14,0	-
Денег достаточно почти на все, за исключением, может быть, новой квартиры	3,4	58,1	-	-
Итого	100	100	100	100

В результате проведенной процедуры кластеризации нами были получены кластеры, которые характеризуются следующими признаками.

Первый кластер характеризуется средним уровнем доходов и материального благосостояния. Уровень доходов в данной группе ниже, чем у представителей второго кластера, но выше, чем у остальных двух кластеров. Почти половина представителей данного кластера не имеют высшего образования. Основные источники доходов — заработная плата, предпринимательская деятельность, доходы от собственности и др.

Молодые семьи, относящиеся к данной группе, характеризуются высокой степенью удовлетворенности жизнью и хорошим социальным самочувствием. Одновременно отличаются миграционными настроениями — тем, что хотят уехать из родного села, деревни.

Второй кластер отличается наиболее высоким уровнем доходов и материального благосостояния. Характеризуется высокой степенью удовлетворенностью основных потребностей и жизнью в целом. Представители данного кластера отличаются высоким уровнем образования и большей долей занятых квалифицированным трудом на руководящих должностях. Ориентированы на здоровый образ жизни и удовлетворение престижных потребностей. Одновременно отличаются ярко выраженными миграционными настроениями.

Третий кластер характеризуется низким уровнем доходов и материального благосостояния. Среди представителей данного кластера большая доля лиц со средним профессиональным образованием, много рабочих, занятых умственным и физическим трудом. Они отличаются патерналистским настроением: важный источник дохода среди представителей данной группы — помощь родителей и родственников.

Четвертый кластер характеризуется низким уровнем доходов и материального благополучия при высоком уровне образования. Большинство представителей данной группы занимаются квалифицированным умственным трудом на должностях среднего уровня. Высоко оценивают значимость интересной работы. Характеризуются высокой иждивенческой нагрузкой. Основным источником дохода — заработная плата. Отличаются активной социальной позицией и социальной неудовлетворенностью всеми сторонами жизни, социальной уязвимостью. У представителей данного кластера ярко выражено стремление к лучшему удовлетворению духовных потребностей. Отмечается наибольшая лояльность к месту жительства и отсутствие стремления его покинуть.

Список источников

1. Барковский С. С., Захаров В. М., Лукашов А. М., Нурутдинова А. Р., Шалагин С. В. Многомерный анализ данных методами прикладной статистики : учебное пособие. Казань : Изд. КГТУ, 2010.
2. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS : учеб. пособие для вузов. М. : Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2007. С. 205—212.

К. Н. Ермошкин, И. П. Зинкевич, К. В. Наумов

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА ЧЕРЕЗ ОСВОЕНИЕ МОЛОДЕЖЬЮ ПРОФЕССИИ ВОЖАТОГО

ЕРМОШКИН Константин — менеджер Отдела аналитики и статистики, Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма», г. Москва, Россия, KErmoshkin@mosgortur.ru;

ЗИНКЕВИЧ Игорь Петрович — начальник Отдела обучения педагогического персонала, Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма», г. Москва, Россия, IZinkevych@mosgortur.ru;

НАУМОВ Кирилл — Начальник Отдела аналитики и статистики, Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма», г. Москва, Россия, KNaumov@mosgortur.ru

В сложившихся условиях социально-экономической нестабильности развития российской экономики, которые определились рядом внешнеполитических обстоятельств, на данный момент упор сделан на развитие регионов и муниципальных образований России, то есть на развитие внутренних ресурсов. По мнению Т. С. Романишиной [6], Т. В. Кузьменко [4] именно «создание внутренних ресурсов напрямую связано с развитием социокультурного потенциала региона, включающего в себя совокупность материальных, социальных, кадровых, духовных ресурсов, а также потенциальные возможности их использования в решении стоящих перед обществом задач культурного, социального и экономического развития».

Кадровый ресурс представляет собой человеческий капитал с имеющимся интеллектуальным потенциалом. Как основная часть кадрового потенциала любого государства, региона, муниципального образования, молодежь — это еще и «носитель» инновационных преобразований.

Интеграция молодежи в сферу труда и формирование трудового потенциала разных групп молодежи складывается спонтанно и через включенность в неформальные и корпоративные связи. В современных условиях реализации программы импортозамещения и дальнейшей модернизации экономики это проявляется особо остро [7, с. 38].

Процесс устойчивого социально-экономического и социокультурного развития региона, муниципального образования во многом зависит от эффективного управления качеством трудовых ресурсов, особенно молодежью, как составной частью регионального менедж-

мента (Г. В. Токарева [8], Г. В. Заярская [2] и др.). Рассмотрение данной идеи на примере развития вожатского сообщества в г. Москве дает возможность не только показать, что это часть единой культурной политики города по включению населения в процессы социокультурного развития региона; но и возможность создания для молодежи (студенчества) рабочих мест посредством ее вовлечения в сферу общественно значимого труда.

Н. С. Чагина утверждает, что на основании изучения состояния детства в Российской Федерации, развитие профессии вожатого, формирование его социально-педагогической компетентности приобретает с каждым годом особую актуальность. Это связано с ростом числа детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, находящихся в социально опасном положении; которые нуждаются в социальной реабилитации, адаптации и интеграции в общество, в том числе и в условиях летних лагерей [11].

Ретроспективный анализ проблемы показал, что, на протяжении девяноста лет существования профессии вожатого, начиная с 24 июля 1927 года, когда в «Артеке» впервые в нашей стране была введена штатная должность отрядного вожатого и по настоящее время, меняются профессиональные требования к личности вожатого, но суть и содержание его деятельности остаются неизменными. Традиции вожатства сохраняются и приумножаются в школах вожатского мастерства, студенческих педагогических отрядах по всей России [12].

«В общественном сознании понятие «вожатый» ассоциировалось исключительно с деятельностью детских оздоровительных лагерей, что наложило свой отпечаток на статус и выбор этой профессии молодежью», — пишет И. И. Фришман [10, с. 13]. Однако, в связи с разработкой профессионального стандарта «Специалиста-воспитателя» в 2015 году была создана ситуация оптимизации функций вожатого и разработки требований к трудовой деятельности по данной специальности, уточнения компетенций.

Создание Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» (РДШ), на основании Указа Президента от 29 октября 2015 г. № 536, наполняет сегодня деятельность вожатого новым смыслом и значимостью.

На основании постановления Правительства Москвы № 29-ПП от 15.02.2011 г. (п. 5.2) и имеющихся статистических данных, Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма» (далее — ГАУК «МОСГОРТУР») ежегодно проводит обучение и аттестацию порядка 4000 вожатых для работы с более чем 50 тысячами детьми города Москвы [5].

Работа вожатым это не только уникальный трудовой опыт, но и возможность поддержать собственный бюджет сезонным заработком. Согласно данным ГАУК «МОСГОРТУР», уровень заработной платы среди вожатых за смену варьируется от 6000 до 30000 руб., в зависимости от сложности реализуемой программы. ГАУК «МОСГОРТУР» предлагает уровень заработной платы выше среднего по России в 1,5 раза, например, в 2016 г. — 17000 руб. за отработанную смену. При этом все вожатые, проживающие в городе Москве, имеют возможность на получение материальной поддержки в рамках программы Правительства Москвы по временному трудоустройству обучающихся и студентов начального, среднего и высшего профессионального образования в свободное от учебы время и в период каникул при постановке на учет в Центре занятости населения города Москвы. В 2016 году размер материальной поддержки составлял 9900 руб. в месяц. Если вожатый отработал одну смену, то средства начисляются пропорционально.

Развитие возможностей освоения профессиональной деятельности, на примере вожатства, повышает конкурентоспособность молодежи на рынке труда, увеличивает социокультурный потенциал региона. Главным положительным эффектом, с точки зрения развития г. Москвы, является вовлечение дополнительно нескольких тысяч будущих профессионалов в структуру региональной экономики каждый год.

По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, к 2030 году ожидается снижение доли численности населения трудоспособных возрастов в интервале от 2,5 до 3,4 процентов от общей численности населения [7]. При этом основным потенциальным источником, покрывающим потребности организаций в работниках, остается молодежь.

В условиях сохраняющегося негативного сальдо естественного движения населения, а также повышения ожидаемой продолжительности жизни вместе с возможным повышением пенсионного возраста стоит вопрос о повышении качества трудовых ресурсов.

Опыт вожатства позволяет получить молодым людям наиболее востребованные утилитарные знания, умения и навыки, которые на сегодняшний день являются ключевыми (помимо оценки профессиональных компетенций) при подборе персонала специалистами [3]. Перечислим их:

- 1) работа в условиях ограниченного, сжатого времени;
- 2) умение планировать свою деятельность;
- 3) работа в паре, работа в коллективе;
- 4) работа со сложными, чрезвычайными случаями;
- 5) развитие чувства ответственности за жизнь и благополучие детей;
- 6) формирование навыков лидера в ходе работы с временным детским коллективом.

Опыт, полученный при работе с детьми в учреждениях детского отдыха и оздоровления, определенно формирует качественный потенциал трудовых навыков у молодежи, повышая их конкурентоспособность на рынке труда.

С целью грамотного управления трудовым потенциалом молодежи профессионального сообщества вожатых, прогнозирования его влияния на развитие трудового (кадрового) ресурса региона необходимо организовывать и проводить социологические исследования на уровне г. Москвы. Делать это важно системно и регулярно. Безусловно, в доступных источниках можно найти результаты различных выборочных социологических исследований молодежи по разным направлениям и проблемам, однако вожатство исследовано недостаточно.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что на примере г. Москвы, профессия вожатого обретает общественное значение для формирования трудового (кадрового) ресурса региона. Социологические исследования молодежи и детей представителей данного профессионального сообщества, предпринимаемые учеными и социологами в этой связи, выступают одним из способов прогнозирования будущего конкретного региона в процессе его устойчивого социально-экономического и культурного развития.

Список источников

1. Гаврилов А. И. Региональная экономика и управление : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. http://vasilievaa.narod.ru/ru/stat_rab/book/Reg_ek_upr_Gavrilov/8—22.aspx.htm.
2. Заярская Г. В. Молодежь России как главный ресурс инновационного развития страны на современном этапе // Евразийский Союз Ученых. № 1 (8) 2015. Ч. 2. С. 31—33.
3. Иванова С. Оценка компетенций методом интервью. Универсальное руководство. М. : Альпина Паблишерз, 2011. 155 с.
4. Кузьменко Т. В. Социокультурный потенциал как ресурс развития сельских регионов // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 303—312.
5. Постановление Правительства Москвы от 15 февраля 2011 г. N 29-ПП «Об организации отдыха и оздоровления детей, имеющих место жительства в городе Москве, в 2011 году и последующие годы» [Текст] // опубликовано на официальном сайте Департамента культуры города Москвы. URL: http://kultura.mos.ru/youth_policy/children_and_family_rest/975723/ (дата обращения — 10.02.2017).
6. Романишина Т. С. Социально-экономическое развитие муниципальных образований на основе социокультурных проектов : автореф. дис. ... канд. эконом. наук / Военный университет. Москва, 2013.

7. Теория и практика устойчивого ценностно-позитивного развития молодежи : коллективная монография / под ред. С. В. Тетерского, Т. К. Ростовской. М. : Перспектива, 2016.
8. Токарева Г. В. Качество трудовых ресурсов как фактор экономического развития региона : автореферат дис. канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону : СтГАУ. 2004.
9. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.xls (Дата обращения: 27.05.2016).
10. Фришман И. И. Роль вожатого в развитии общественной активности подрастающего поколения. Салехард : ГАУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2016. 24 с.
11. Чагина Н. С. Формирование социально-педагогической компетентности вожатого детского оздоровительного лагеря : дисс. ... канд. пед. наук. Ун-т РАО, Москва, 2008.
12. Школы вожатского мастерства. URL: <https://incamp.ru/blog/2015/09/17/shkoly-vozhatyh/> (дата обращения: 07.02.2017).

Т. А. Гужавина, И. Н. Воробьева

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ: К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ГУЖАВИНА Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда, Россия; tanja_gta@mail.ru

ВОРОБЬЕВА Ирина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ЧГУ, г. Череповец, Россия; vorobyova-i-n@yandex.ru

Аннотация: Молодежь, как резерв социального организма, обращает на себя самое пристальное внимание исследователей. В условиях социальных трансформаций при необходимости оживления и приспособления к меняющимся обстоятельствам актуальными становятся прогностические оценки возможностей социальных групп. Значение имеет исследование социального капитала молодежи с учетом особенностей данной социально-демографической группы, поскольку в этот период формируются его запасы. Концепция социального капитала дает возможность изучить его структурные элементы, среди которых выделим доверие, как базовый. Для его характеристики показательно значение радиуса доверия. В молодежной среде преобладает ограниченный радиус доверия, а уровень доверия изменяется в процессе взросления, имея тенденцию к снижению, что является свидетельством преобладания социального капитала закрытого типа. Ресурсы социального капитала открытого типа сокращаются. Социальный капитал молодежи не обладает прочностью. Тем не менее, возможности для его формирования остаются достаточно широкими. На повышение уровня доверия ориентирована установка на готовность к объединению. Значительные возможности для работы с молодежью и построения активной социальной политики в отношении данной социально-демографической группы¹.

Ключевые слова: социальный капитал, типы социального капитала, социальные установки, доверие, молодежь

Для построения активной социальной политики в отношении молодежи, вовлечения ее в процессы, разворачивающиеся в обществе в качестве субъектов важно понимать каковы ее социальные ресурсы и, в частности, каким запасом социального капитала она обладает. Оценить эти

¹ Статья подготовлена при поддержке РФГФ, грант №16-03-00188/16.

ресурсы позволяют исследования, проводимые в течение длительного времени ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области.

Для анализа состояния социального капитала молодежи области были использованы два индикатора — доверие и включенность в социальные сети. Индикатором измерения состояния доверия в молодежной среде служат ответы на вопрос «Кому Вы можете доверять?» Выбор той или иной альтернативы позволяет нам оценить сформировавшийся радиус доверия или круги доверия (в терминах П. Штопки), определить структуру соответствующих им связей, и тем самым охарактеризовать преобладающий тип социального капитала [1].

Полученные данные говорят нам о том, что уровень доверия в молодежной среде незначительно отличается от средних значений по выборке. Некоторые отличия просматриваются при более детальном учете возрастных границ внутри данной категории населения области (см. табл.).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?» (в % от числа опрошенных в зависимости от возраста)

	18—21	22—25	26—30	18—30	31—60	61 и старше	Область
Нельзя никому доверять	18,8	17,8	20,0	19,1	22,6	21,2	21,6
Только самым близким друзьям и родственникам	57,5	55,6	60,0	58,3	55,2	59,3	56,6
Большинству знакомых людей можно доверять	11,3	22,2	14,9	15,9	16,5	12,7	15,8
Можно доверять большинству и всем без исключения	12,5	4,4	5,1	6,7	5,7	6,8	6,1

В молодежной среде превалирует доверие ближнему кругу, к членам семьи, к родственникам и друзьям. Однако можно проследить некоторые внутригрупповые различия и определенную зависимость выбора альтернативы от возрастной позиции. От максимализма ранней юности, когда «можно доверять большинству и всем без исключения» (13%) молодые люди приходят к более взвешенной и зрелой позиции «большинству знакомых людей можно доверять» (22%). Постепенно формируется понимание рисков доверия, которые проявляются в ожидании нежелательного поведения, происходит осознание возможных потерь в случае такого поведения со стороны контрагента.

Радиус доверия индивида формируется в зависимости от типа связи в группе, членом которой он является. Для оценки радиуса доверия ис-

пользуем построение индекса доверия¹, Индекс доверия позволяет оценить сформировавшиеся круги доверия среди респондентов, выбравших различные альтернативы для выражения своей позиции и увидеть «сильные» и «слабые» связи в их контактах (рис. 1). Так среди не доверяющих положительный значимый (от 0,5) для анализа индекс доверия охватывает только категории «члены семьи», «родственники». Индекс показывает значительное снижение при выборе альтернативы «родственники», на категории «друзья» оказывается на нулевой отметке. Респонденты из группы доверяющие избирательно включают в свой круг доверия, прежде всего, членов семьи и друзей. При этом готовность взаимодействовать на основе доверия с другими родственниками и друзьями демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Таким образом, и в данной группе наблюдается преимущественная ориентация на «сильные» связи. Для группы доверяющих индекс доверия в основном находится в зоне положительных значений и снижается с появлением удаленных позиций.

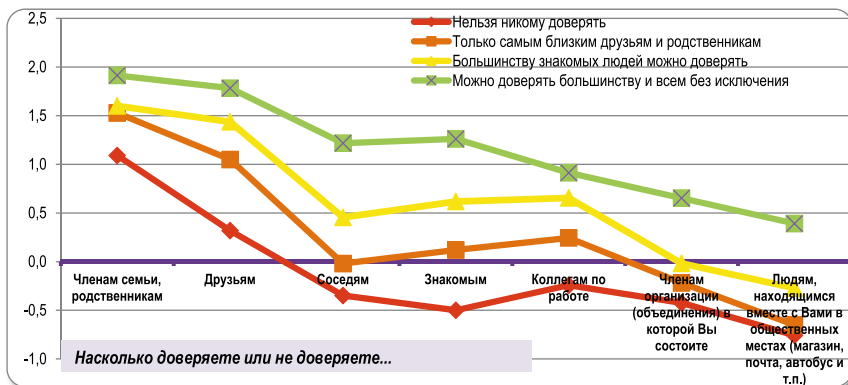

Рис. 1. «Насколько Вы доверяете или не доверяете...»
(графики построены на основе значений индекса доверия; среди респондентов-представителей выделенных четырех групп в возрасте от 18 до 30 лет)

Таким образом, круги доверия в двух последних группах значительно шире, что говорит о возможности взаимодействия молодых людей с представителями различных социальных категорий. Гетерогенная среда спо-

¹ Индекс рассчитывается как разница взвешенных положительных и отрицательных альтернатив. Пределы колебаний индекса находятся в диапазоне от «-2» до «2», где «2» соответствует альтернативе «да» (доверяю), 1 — альтернативе «скорее, да, чем нет», «-1» — альтернативе «скорее, нет, чем да», и «-2» — альтернативе «нет» (не доверяю). Положительное значение свидетельствует о преобладании доверия, отрицательное — недоверия. Значимыми считаются значения больше 0,5 и меньше — 0,5.

способствует формированию широких формальных и неформальных связей. Но, тем не менее, полученная картина имеющихся в молодежной среде кругов доверия, свидетельствует о преобладании сетей так называемого «естественного типа», представляющих собой связи, не требующие от человека специальных усилий или ресурсов [2].

О радиусе доверия мы можем судить и по ответам респондентов относительно имеющегося у них количества близких друзей. Данная категория представляет собой устойчивый круг общения индивида. Наличие круга близких друзей находится в непосредственной связи с уровнем доверия респондентов (рис. 2).

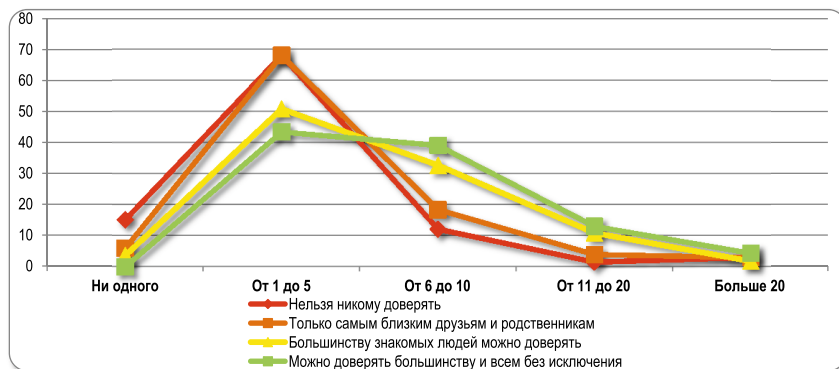

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?» в зависимости от ответа на вопрос «Сколько близких друзей у Вас сейчас?» (данные приведены в %, среди респондентов в возрасте от 18 до 30 лет)

Преобладание в молодежной среде отношений закрытого типа, ведет к тому, что доверие к близким и недоверие к остальным порождает взаимное недоверие, ограничивает реципрокные отношения. Проявляется данная позиция и в готовности молодых людей к объединению. Молодые люди готовы к объединению в период с 18 до 21 года. Значимой в этом вопросе является корреляция с ответами на вопрос «Кому вы можете доверять?» (рис. 3).

Уровень доверия напрямую влияет на готовность объединяться (рис. 3). Обращает на себя внимание и значительная доля тех, кто принадлежит к группе не доверяющих (52%), но выбравших альтернативу «те, кто готов объединяться». В данном случае можно утверждать, что недоверие не отгораживает их от окружающих людей. Но реализовать свои намерения они затрудняются или опасаются в большей степени, чем представители других групп.

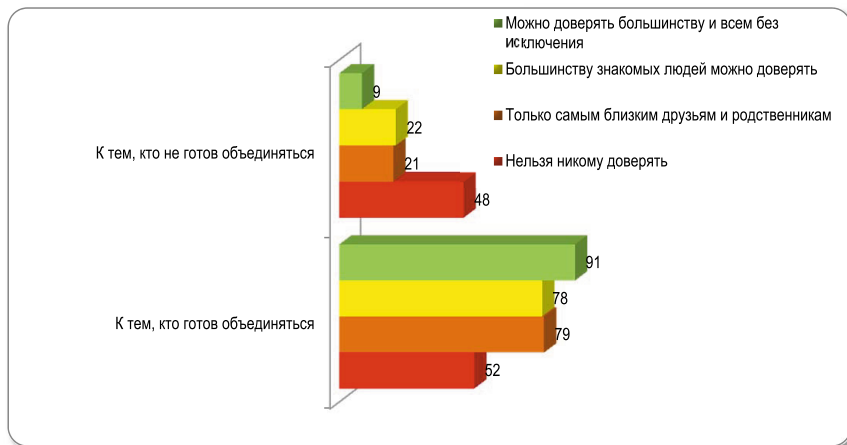

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя — к первым или ко вторым?»

(в % от числа ответивших среди респондентов в возрасте 18—19 лет в зависимости от выбора альтернативы в вопросе «Кому вы можете доверять?»)

Исследование показывает, что социальный капитал распределен в обществе крайне неравномерно. Это касается как территорий, так и различных социальных групп. Данные исследования свидетельствуют о преобладании социального капитала закрытого типа. Молодые люди ориентированы преимущественно на включенность в структуры с сильными связями, основанием которых служат кровнородственные отношения. Для создания условий по формированию открытого социального капитала, расширению кругов доверия, а тем самым и для создания более благоприятной и способствующей общественному развитию ситуации, необходимо активно поощрять и развивать волонтерское движение, включенность в деятельность общественных организаций политической и неполитической направленности, открывать для молодых людей более широкие возможности в сфере образования и профессиональной реализации.

Список источников

1. Штомпка, П. Доверие — основа общества [Текст] / Петр Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2012.
2. Колпина Л. В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 138—150.

Н. В. Агре, В. В. Мельников, Е. А. Борисенко

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДЕТСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАНСПОРТНОЙ СРЕДЕ

АГРЕ Наталья Валентиновна — АНО «Центр по пропаганде безопасности движения на транспорте «Движение без опасности», президент; аспирант кафедры социологии управления Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС, г. Москва, Россия, agre@bezntp.ru;

МЕЛЬНИКОВ Вадим Вячеславович — АНО «Центр по пропаганде безопасности движения на транспорте «Движение без опасности», генеральный директор, магистр социологии, г. Москва, Россия, V. Melnikov@zavod.ru;

БОРИСЕНКО Елена Алексеевна — АНО «Центр по пропаганде безопасности движения на транспорте «Движение без опасности», аналитик, г. Москва, Россия, borisenko@bezntp.ru

Обеспечение детской безопасности на дорогах — от выписки из роддома до ежедневных поездок на школьном автобусе — одна из главных и острых задач как для мировой общественности, так и для России. За 2016 год зарегистрировано 19269 ДТП с участием детей и подростков в возрасте до 16 лет, в результате которых 710 детей погибло. ДТП с детьми составляют 11 % от числа всех ДТП в России. Хотя в целом, за последнее десятилетие можно наблюдать позитивный тренд на снижение числа ДТП с детьми — с 2006 г. их число сократилось на 23 % — статистика показывает, что 26 % ДТП произошло по собственной неосторожности детей. Фактически на данный момент уровень подготовки детей к нахождению в транспортной среде является недостаточным.

Число погибших в ДТП детей с 2006 года сократилось на 44 %. При этом наиболее неустойчивая динамика зафиксирована среди детей-пассажиров. Снижение числа погибших детей в данной категории за 10 лет составило только 24 %. Число погибших детей-пешеходов снизилось на 60 %, детей-велосипедистов — на 67 %, других категорий — на 65 %.

Используя данные статистики ГИБДД можно выделить основные реперные точки для дальнейшей работы по повышению уровня безопасности детей в транспортной среде.

1. Дети-пассажиры. Основная проблема — неиспользование родителями специальных детских удерживающих устройств (ДУУ) либо использование ненадёжных ДУУ, типа бустеров, накладок.

2. Для детей-пешеходов самыми проблемными являются переход через проезжую часть вне пешеходного перехода или переход в неуста-

новленном месте, неожиданное появление детей из-за стоящих или движущихся транспортных средств.

3. Основной причиной ДТП с детьми-велосипедистами по их вине является пересечение ими пешеходного перехода на велосипеде. Также часть ДТП происходит из-за управления велосипедом, не оснащенным светоотражающими элементами.

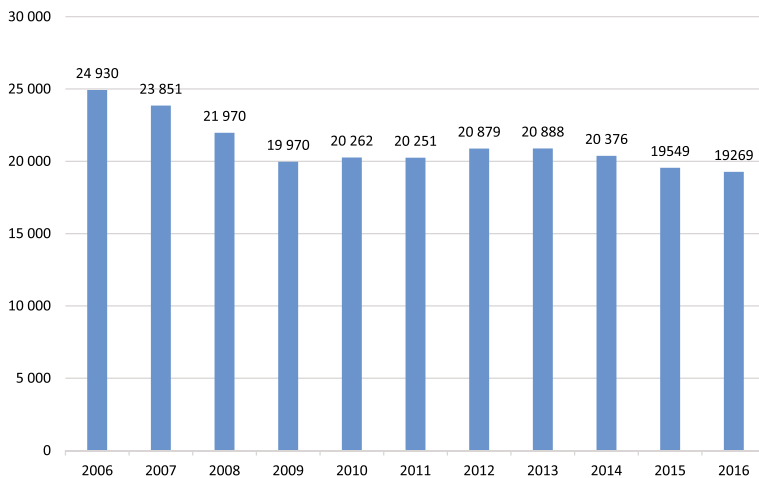

Диаграмма 1. Количество ДТП с детьми до 16 лет, 2006—2016 гг., данные ГИБДД МВД РФ

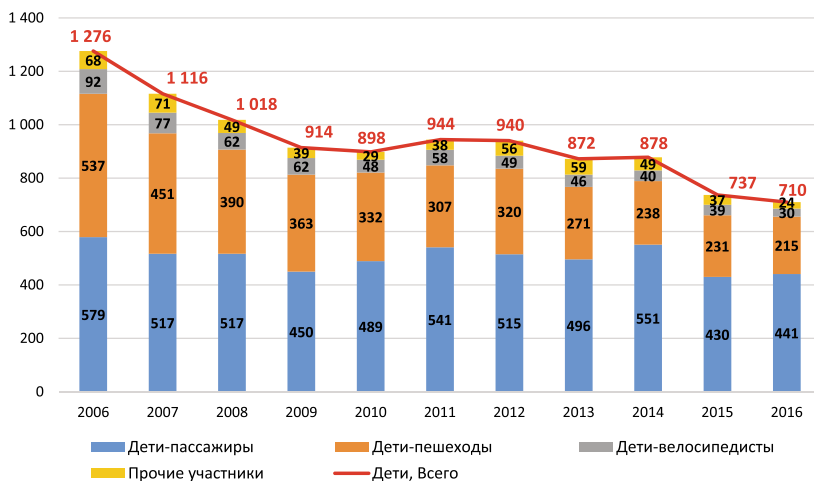

Диаграмма 2. Количество погибших в ДТП детей до 16 лет в разбивке по категориям, 2006—2016 гг., данные ГИБДД МВД РФ

Кабинетные исследования, задействующие статистику ГИБДД РФ, данные ВОЗ и других международных организаций, а также анализ западных социальных кампаний, позволяют выйти на подготовку социальных кампаний в России, выявить опорные точки, выдвинуть гипотезы. После этого запускается количественное исследование с помощью крупнейшего российского центра по изучению общественного мнения ВЦИОМ. Совместные опросы на тему безопасности дорожного движения проводятся ежегодно и позволяют не только проверять гипотезы, выдвинутые на этапе desk research, но и проводить мониторинг изменений привычек и мнений людей на протяжении нескольких лет. Наиболее показательными будут данные опросов по владению ДУУ. Так, по показателям на лето 2016 года (по сравнению с 2013 г.), процент владеющих детским автокреслом или другим детским удерживающим устройством среди родителей детей до 12 лет достиг своего максимума — 71 %.

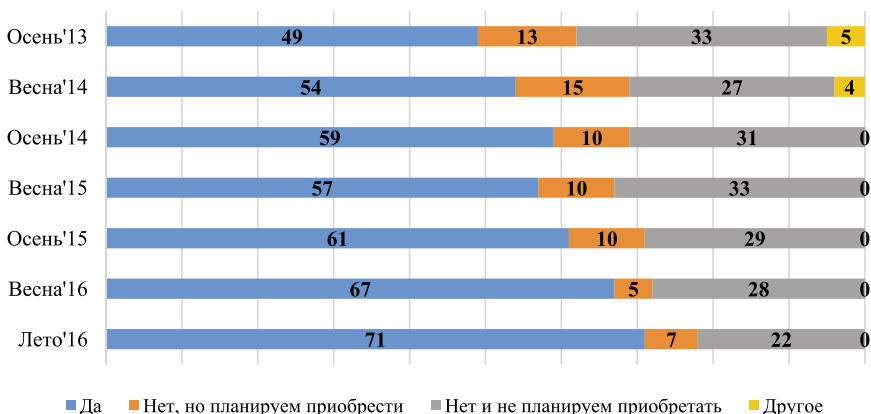
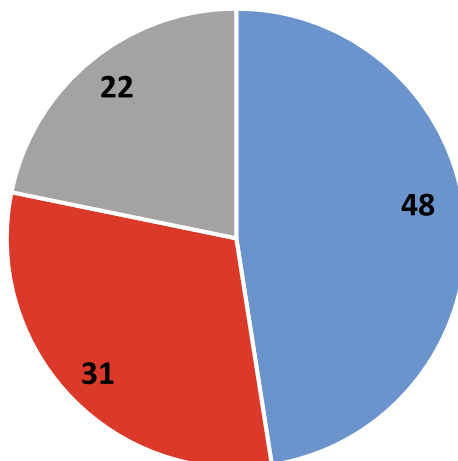

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас детское автокресло или другое детское удерживающее устройство?», в % от всех опрошенных, имеющих детей в возрасте до 12 лет

Исследований детей-велосипедистов в стране практически нет, поэтому в рамках Федеральной целевой программы по повышению безопасности дорожного движения в 2013—2020 гг. в 2016 г. начата работа по сбору и анализу данных о данной категории детей, были проведены пропагандистские мероприятия в разных регионах страны.

В рамках этой работы Экспертным центром Движение без опасности проводился опрос жителей трех регионов РФ (Ленинградская, Псковская и Новгородская). В опросе принимали участие и дети до 12 лет, для них была разработана небольшая анкета, предварительно интервьюеры

получали согласие родителей на опрос ребёнка. Детям задавались вопросы по поводу ношения ими защитной экипировки и соблюдения ПДД за рулём велосипеда. Итоги опроса демонстрируют нехватку знаний о безопасности на велосипеде у детей. Так, в целом по выборке, 31 % детей при пересечении пешеходного перехода не слезают с велосипеда, а едут по переходу прямо на нём.

- Слезаю с велосипеда и перехожу пешком (веду велосипед за руль)
- Еду на велосипеде по пешеходному переходу
- Ни разу не пересекал(а) пешеходный переход на велосипеде

Диаграмма 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Когда ты на велосипеде и тебе нужно пересечь дорогу по пешеходному переходу, ты обычно слезаешь с велосипеда или едешь на нём?», % опрошенных детей

Более половины детей велосипедистов не используют знаки поворота, находясь за рулём велосипеда.

74 % детей не используют шлем при поездках на велосипеде!

И, в целом, ситуация проясняется, когда детям задаются вопросы про их референтные группы — друзей и взрослых родственников. 48 % взрослых и 54 % сверстников не используют шлемы.

Диаграмма 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «При движении по тротуару или по велосипедным дорожкам показываешь ли ты руками, куда собираешься повернуть?», % опрошенных детей

Диаграмма 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Надеваешь ли ты велосллем при передвижении на велосипеде?», % опрошенных детей

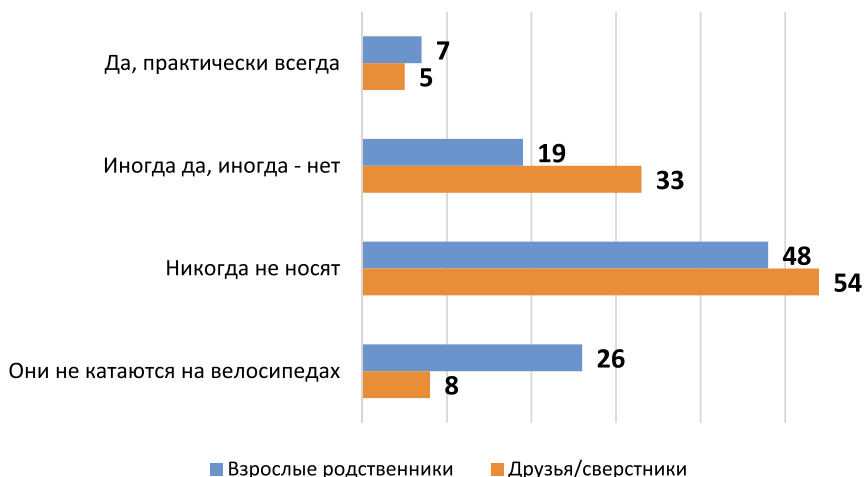

Диаграмма 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Используют ли твои друзья и взрослые родственники велошлемы, когда передвигаются на велосипеде?»

Социальные кампании

Экспертный центр «Движение без опасности» организовывал и принимал участие в реализации десятков проектов, направленных на повышение безопасности детей на дорогах.

Один из примеров таких проектов — «Детство без опасности». Это тренинги для будущих и молодых родителей, которые проходят в центре акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В. И. Кулакова. Тренинги посвящены теме правильного выбора, установки и транспортировки детей в первый год их жизни. Несмотря на то, что детское автокресло способно минимизировать риск получения травм на 75%, не все россияне используют его особенно в первый год жизни, полагая, что перевозка младенца на руках безопаснее. Эта проблема требовала быстрого и эффективного решения, поэтому на базе крупнейшего перинатального центра России была организована серия тренингов, не только пропагандирующих использование ДУУ, но и обучающих всем тонкостям, связанным с ним. Среди слушателей тренингов регулярно проводятся небольшие опросы, фиксирующие эффективность тренингов. На данный момент опрошено уже 1267 молодых мам. Для 97% женщин, прошедших занятия, полученные знания были принципиально новыми, 75% слушательниц отметили, что после прохождения тренингов всегда будут перевозить детей только в ДУУ, начиная с момента выписки из родильного дома, только 1%, посчитал ненужным приобретение автокресла.

Еще одним проектом в сфере детства стала информационно-пропагандистская кампания по профилактике безопасности дорожного движения в рамках Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах» «Навстречу безопасности», которая проходила в 2016 году в Новгородской, Псковской и Ленинградской областях.

Мероприятия с детьми проводились в дошкольных образовательных организациях и начальных классах общеобразовательных организаций. В рамках мероприятий детям рассказывали о правилах перехода дороги, а также напоминали о необходимости использования световозвращающих элементов. Отдельно обсуждалось безопасное поведение на дорогах при использовании двухколесных средств передвижения. Мероприятия с родителями проводились на территории детских поликлиник и роддомов. На мероприятиях проводилась интерактивная лекция для родителей о том, как правильно пристегиваться в автомобиле, как безопасно перевозить детей в автомобиле, как правильно подобрать и закрепить детское удерживающее устройство, демонстрация видеоролика «Ремни и ДУУ». Также по регионам ездил специально оборудованный микроавтобус, участвовавший во всех мероприятиях.

Рис. 1. Реализация проекта «Навстречу безопасности»

В 2016 году стартовал проект «Сложности перехода». Цель кампании — донесение до участников дорожного движения необходимости соблюдения правил дорожного движения, а также о влиянии правильного взаимодействия пешеходов и водителей на безопасность пешеходов, в том числе детей-пешеходов. Одна из активностей кампании — создание безопасного маршрута детей от дома до школы и обратно. Проект продлится до середины 2017 г.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ ДЛЯ ВСЕХ ШКОЛЬНИКОВ!

ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ

[Создать маршрут](#)

[Условия конкурса](#)

Предложите ученикам вашей школы найти и создать самый безопасный маршрут от школы до дома, составьте вместе с ними «Схему безопасных маршрутов детей», примите участие в конкурсе и выиграйте ценные призы!

- 1 Создайте самый безопасный маршрут от дома учащихся до школы и сфотографируйте его.
- 2 Сфотографируйте детей с табличкой «Так вести машину надо, будто дети твои рядом!»;
- 3 Выложите фотографии на www.bezntp.ru и поделитесь новостью в социальных сетях;
- 4 Собирайте «лайки» в поддержку вашей школы и выиграйте главный приз!

Рис. 2. Онлайн активность кампании «Сложности перехода»- безопасный маршрут детей от школы до дома.

Немаловажно отметить, что в рамках поручений Президента РФ на Госсовете в марте 2016 г. началась работа по созданию центров по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма в субъектах Российской Федерации. На данный момент определен перечень из 25 субъектов Российской Федерации, в которые направлено предложение о возможности сотрудничества по созданию Центров, в том числе с использованием детских стационарных или мобильных автоплощадок (автогородков) на базе образовательных организаций. Разработана Концепция организации работы Центров, а также все методологические материалы под разные возрастные категории детей.

В 2017 г. планируется открытие 20 детских Центров.

Заключение

Для реализации социальных кампаний, направленных на детскую транспортную безопасность, наш экспертный центр активно применяет все виды социологических исследований. Их использование помогает в построении и проверке гипотез, а также при мониторинге результатов кампаний.

На данный момент наиболее острыми вопросами в сфере безопасности детей в транспортной среде остаются:

Внедрение повсеместной практики использования родителями качественных детских удерживающих устройств;

Формирование грамотного поведения на дороге детей-пешеходов и велосипедистов;

Работа с родителями и прародителями по информированию о том, как обучать ребёнка правилам, как показывать позитивный пример поведения на дорогах;

Обязательное использование световозвращающих элементов в одежде, как детей-пешеходов, так и детей-велосипедистов, и водителей других механических ТС;

Пропагандирование использования защитной экипировки детьми-велосипедистами.

А. Ю. Карпова

ИНДИКАТОРЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: К ВОПРОСУ О ПРОГНОЗИРОВАНИИ ТЕНДЕНЦИЙ

КАРПОВА Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск, Россия; belts@tpu.ru

Аннотация. На основе анализа и обобщения исследований в области изучения экстремистских настроений в студенческой среде предложена система измерений индикаторов. Данный методический прием позволит оценивать наличие/отсутствие, уровень экстремистских настроений в студенческой среде на различных временных отрезках, в регионах отдаленных от «пояса нестабильности», где тема молодежного экстремизма не стоит столь остро. Обозначена необходимость применения «soft measurement», специфические особенности измерений связанные с формированием мультикультурной студенческой среды.

Ключевые слова: молодежь, студенты, экстремизм, терроризм, метод, индикатор, прогноз

Вирусное распространение радикальных религиозных, политических взглядов исламского мира в XXI веке отражается на сознании всего молодежного населения планеты. И в первую очередь в этом процессе задействованы информационные каналы: интернет, социальные сети. Как утверждает немецкий социолог Гуннар Хайнзон, количество молодежи уже превышает количество населения имеющего средний возраст. Экспоненциальный рост молодого населения в XXI станет угрозой для остального населения планеты. Он назвал эту угрозу «молодежный пузырь» в транснациональном терроре. В книге, которая вышла впервые в 2003 г. «Сыновья и мировое господство. Террор в подъеме и падении наций», он указывает на причину роста опасности «молодежного пузыря» — демографический кризис. Избыток молодых людей становится основной угрозой западному миру в XX веке и «почти всегда ведет к кровопролитию и к созданию либо разрушению империй». В те времена, когда доля молодежи начинает превосходить долю взрослого населения планеты, жизнь превращается в существование на «пороховой бочке» и стоит лишь поднести спичку, как вспыхивает взрыв. Террор, насилие, религиозный фанатизм — это последствия растущего «молодежного пузыря».

Глобальная угроза миру, которую будет создавать молодое поколение, подвергшееся радикальной «чистке мозгов» является результатом применения технологии, которая в исследовательской среде получила название «Спин-лечение». Опасность, прежде всего в том, что молодежь, легко поддающаяся «заражению», представляет реальную опасность миру в будущем, когда примет активное участие в политической борьбе. Экстремистские настроения мы рассматриваем в той трактовке, которая была предложена российскими исследователями В. И Чупровым и Ю. А. Зубок, как «эмоционально-рациональные проявления восприятия молодежью способов реализации своих индивидуальных и групповых интересов в крайних, угрожающих другим людям формах ... и оценочно-смысловое, принимающее форму взглядов, убеждений».

Необходимость регулярных мониторингов молодежи, чье мировоззрение только формируется, является возможностью предотвратить опасность распространения экстремистских настроений, «при оценке вероятности достижения предполагаемого результата — деятельностный риск». На основе анализа и обобщения, ранее проведенных исследований в данной области мы разработали комплексную систему измерения экстремистских настроений. Данная методика может быть использована для определения уровня экстремистских настроений в студенческой среде на различных временных отрезках. Сразу оговорюсь, данную методику предлагаю использовать в регионах отдаленных от реальных очагов угрозы («пояса нестабильности»), где тема молодежного экстремизма не стоит столь остро.

Опираясь на собственный исследовательский опыт, вторичный анализ данных исследований обозначу следующие тезисы:

Первый тезис: необходимо проводить мониторинги экстремистских настроений, в студенческой среде используя «soft measurement». Это означает:

Во-первых: минимизировать социологические мониторинги. Неодуманное фундирование частоты замеров экстремистских настроений в студенческой среде ведет к «усталости поля», существенно снижает качество данных, значительно увеличивает погрешность, приводит к ошибкам в интерпретации данных. Следовательно, обесценивает дальнейшую профилактическую социально-воспитательную работу.

Во-вторых: соблюдение взаимодополняемости, преемственности, непрерывности, комплексности исследований. Это позволит повысить эффективность используемого инструментария, избежать дублирования данных, следовательно, и ненужных потерь в процессе исследовательской работы. Комплексный подход — конвергенция результатов научных исследований по данной проблематике внутри ВУЗа и новейшие исследования международного, российского уровня (изучение вопро-

сов, связанных с возникновением потенциальных угроз и опасностей). Система должна отличаться гибкостью, адаптивностью в соответствии с меняющимися тенденциями и учетом мультикультурной среды ВУЗа.

В-третьих: количественные методы исследования следует дополнять качественными (фокус группы, фокусированные интервью и др.) в том случае, когда по результатам опроса выявлены маркеры экстремистских настроений. Это позволит составить общую картину, подтвердить/опровергнуть наличие проблем, угроз, рисков в конкретных «группах риска».

Второй тезис: в качестве индикаторов, по которым можно будет оценивать наличие/отсутствие, уровень экстремистских настроений в студенческой среде предлагаю использовать следующие:

- Индикатор «Ценностные ориентации». Наиболее серьезный риск социальной интеграции молодежи в общество происходит через включение в общественные отношения и идентификацию с ними, через принятие социальных норм в качестве основных ценностных ориентаций, мотивов поведения. В ситуации отчуждения молодежи от идентификации себя с основными нормами общества (идеологическими, правовыми, распределительными и т. д.) разрушается межпоколенческая преемственность, создается неблагоприятный контекст воспроизводства «поколения целеустремленных индивидуалистов». Негативные тенденции можно кратко обозначить следующими маркерами: социальная пассивность (не понимают, что такое ответственность, хотят только «делать деньги»); ориентация на материальные ценности и индивидуализм; отсутствие/не понимание нравственного и политического принципа патриотизма; антиобщественное, девиантное поведение, социальная дезадаптация; плохое здоровье, наркозависимость, алкоголизм, склонность к насилию и преступлениям.

По данному индикатору необходимо провести измерения: морально-нравственных установок (табу/допущения); идейно-политических ориентаций, социально-экономических, ориентаций на здоровый образ жизни и физическое развитие; ключевых критериев и средств достижения жизненного успеха; факторов оказывающих влияние на развитие карьеры. Ценности могут интерпретироваться как идеалы: персонифицированные, духовные, материальные, вербальные (образные) и др. Измерение морально-нравственных установок позволит выявить наличие/отсутствие «эрозии» моральных ценностей, «дефляции морали», проявлений «лукавого двоемыслия». Ценностные ориентации могут дополняться измерением по двум направлениям: *hard skills*, *soft skills*. Ценностные ориентации, критерии и средства достижения успеха, факторы влияния необходимо выстроить в иерархической последовательности.

- Индикатор «Толерантных установок». В содержании понятия «толерантность» выделяются четыре смысловых аспекта: устойчивость,

терпимость, допустимость, воспитанность. Среди ключевых критериев толерантности выделяются: устойчивость личности — сформированность социально-нравственных мотивов поведения, эмоциональная стабильность, терпимость, социальная ответственность; эмпатия; дивергентность мышления (отсутствие предрассудков, стереотипов, гибкость и критичность мышления); мобильность поведения (коммуникабельность, умение найти выход из сложной ситуации, динамичность); социальная адаптивность (готовность к взаимодействию с людьми разного пола, возраста, национальной и религиозной принадлежности, выстраиванию конструктивных отношений). Измерение необходимо провести по следующим переменным: толерантность (оценочно-смысловое определение); отношение к представителям другой национальности (эмоционально-рациональное восприятие); политико-правовые установки на равноправие и социальное взаимодействие (правовое сознание: знание прав, значимые функции права для общества; соблюдение прав; соблюдение законов); установки на принятие норм цивилизованного компромисса (готовность к принятию иной логики, взглядов, убеждений); готовность к конфликту; «этническая замкнутость» (наличие/отсутствие) — включает выбор близкого окружения (друзья), возможность вступления в брак с человеком другой национальности.

- Индикатор «Радикальных умонастроений». По данному индикатору необходимо измерить: актуальность проблемы терроризма, экстремизма, межнациональных конфликтов в сознании студентов; получить оценку эффективности борьбы с данными проявлениями в конкретный период времени; представления о причинах совершения террористических актов; выявить иерархию позиций в борьбе с терроризмом и экстремизмом (пример классификации позиций: радикально-активная, социально-ответственная, пассивная/отчужденная); определить представления о том, какие социальные противоречия в России являются наиболее острыми (пример: между «местными» и приезжими, русскими и нерусскими, православными и мусульманами и т. п.); выявить иерархию представлений о вариантах решения проблемы межнациональных конфликтов.

- Индикатор «Субкультурные вызовы». С одной стороны, можно сказать, что адаптивная функция субкультуры реализуется в студенческой среде. Через нее производится интеграция молодежи в общество, обеспечивается процесс социализации. С другой стороны, исследователи фиксируют наличие разрушительного воздействия принадлежности к субкультуре на личность, и, что самое главное, зафиксированы маркеры отрицательного влияния: формирование конфликтной среды, отсутствие знаний/понимания в определении «радикальных» и «умеренных» субкультур, эмоционально-экспрессивное восприятие, проявление аномии.

Следует обозначить специфические признаки «Субкультурных вызовов», которые связаны с формированием мультикультурной студенческой среды.

Во-первых, в мультикультурной среде ВУЗа происходит постоянное обновление различных видов молодежных субкультур. Это связано с притоком иностранных студентов. Соответственно, особую значимость приобретает процесс взаимодействия и сосуществования различных расовых, этнических, языковых, религиозных социальных групп молодежи в едином образовательном пространстве. На почве межэтнической и межкультурной напряженности могут возникать конфликты.

Во-вторых, под влиянием притока новых субкультур часть студентов становятся вовлеченными в молодежные субкультуры только ради каких-либо внешних проявлений, стремления к эпатажу, не вникая в суть и философию неформального движения, зачастую не понимая ее. Такой поверхностный взгляд, может стать негативным фактором, при котором, производится вовлечение в субкультурные объединения деструктивного характера, поскольку, зачастую, не разобравшись, молодые люди не знают/не понимают, что эта субкультура основана на стремлении к разрушению.

В-третьих, вовлечение в молодежные субкультуры давно является признанным инструментом «мягкой силы». В мультикультурной среде ВУЗа, возможности эффективного использования такого инструмента: экспорт, распространение и популяризация, которые определяются как «внешняя культурная экспансия» на неофициальном уровне. Угроза такой экспансии — отторжение «внутренней культурной политики», в более широком масштабе — это серьезное влияние на различные политические, экономические, социальные процессы в стране.

По данному индикатору необходимо измерить: знание/понимание понятия «субкультура» (возможны следующие распределения: зрелость понимания, негативное восприятие, следствие навязанных информационных стереотипов, пассивное восприятие, не имеющее эмоционально выраженной окраски); определение отличительных признаков, видов и направленности молодежных субкультур; выявление влияния субкультурной принадлежности на процесс обучения; определение источников актуальной информации о молодежных субкультурах.

«Субкультурные вызовы» можно рассматривать на основе выделения модусов и атрибутов. В качестве модусов, предлагаю рассматривать непостоянные признаки, которые имеют тенденцию меняться (зависят от информационного воздействия): понимание позитивно/негативно настроенных субкультур; соотношение видов субкультур: умеренных — позитивным, радикальных — негативным; представления студентов об ориентации российских молодежных субкультур; актуальность проблемы радикальных молодежных субкультур; причины и степень вовлеченности

в молодежную субкультуру; отношение к действиям представителей радикальных молодежных субкультур.

В качестве атрибутов, предлагаю рассматривать постоянные признаки, то есть неотъемлемые, необходимые для идентификации, которые имеют устойчивый стереотип: признаки принадлежности к субкультуре; отношение представителей субкультур к общественным законам, нормам, порядку; отношение общества к представителям молодежных субкультур; предпочтения молодежи в выборе той или иной субкультуры (возможно влияние следующих факторов: личностный (связан с изменением мировоззрения, взрослением человека, становлением личности), внешний (связан с нестабильностью взглядов, влиянием извне), эвристический (связан с изменением вкусов, увлечений, интересов).

- Индикатор «Доверие». Данный индикатор предлагаю измерять через институциональное доверие власти и доверие официальным источникам информации (государственным СМИ).

Переменные для измерения могут включать: доверие к политическим лидерам; возможность и степень участия в политической жизни; индивидуализация предпочтений в выборе информации (self selection); информационное неравенство и др.

В практике исследований ВЦИОМ накоплен богатый опыт измерения различных видов доверия. В целом, можно использовать методiku измерений ВЦИОМ по индексам институционального доверия: одобрения деятельности власти, оценки положения дел в стране, доверия Президенту. Что касается измерения доверия официальным источникам информации, можно использовать такие распределения: доверие, выборочное доверие, недоверие. Исследовательский опыт позволяет констатировать, что изменения в распределениях связано с количеством и качеством используемых информационных каналов. Причем, чем больше противоречивой информации поступает из официальных источников, тем меньше доверия основному источнику информации — телевидению, повышается уровень доверия информации поступающей через интернет источники.

Третий тезис: в качестве метода исследования экстремистских настроений в студенческой среде считаю наиболее эффективным метод электронного опроса. Преимущества и ограничения данного метода хорошо отработаны в практике ведущих российских и зарубежных исследовательских центров. Опросы следует проводить не чаще одного раза в год. Оптимальное время проведения опроса — конец года (ноябрь-декабрь). В этот период студенты первого курса уже прошли период адаптации. Дополнительные измерения необходимы только в том случае, когда выявлены «группы риска» и «латентная угроза» распространения экстремистских настроений в студенческой среде.

Только в такой ситуации следует «подключать» качественные методы исследований.

Четвертый тезис: влияние и пропаганда экстремистских идей в студенческой среде, несомненно, требует глубокого изучения и активной разработки специальных программ для замеров (направленность, охват, скорость распространения, целевая аудитория и т. д.). Например, примечателен опыт Ставропольских исследователей, по измерению террористической агитации и пропаганды с использованием Интернет-ресурсов. Как отмечают исследователи эффективность использования конкретных интернет-ресурсов «достигается в период 10—12 дней после совершения резонансных террористических актов». Соответственно, именно в этот период активно используются технологии агитации, пропаганды, вовлечения, псевдорелигиозные идеи, оправдывающие терроризм.

Век IT технологий открывает широкие перспективы для применения новых инструментов социологических исследований, которые особенно актуальны для измерений молодежной аудитории. Данную тенденцию еще в июле 2015 года отметил директор ВЦИОМ В. Федоров: «Социология недалекого будущего будет собирать информацию без участия объектов исследования — например, через смартфоны». И это уже не футурологический прогноз, поскольку реальный пример тому, технология электоральных замеров через мобильные платформы в предвыборной кампании Трампа.

Список источников

1. Heinsohn G. *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen.* Verlag, Berlin, 2003.
2. Lisauskene M. V., *The Next Generation: Pragmatic Perfectionists or Romantics of Consumption. Russian Education and Society.* Vol. 49. No. 4. April 2007. P. 76—86.
3. Зубок Ю. А. Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма. *Знание. Понимание. Умение.* 2015. № 4. С. 63—77.
4. Зубок Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи. М. : Социум, 2003.
5. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007.
6. Левада Ю. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 19—27.
7. Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. М. : Российская криминологическая ассоциация ; Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015.
8. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М. : ACADEMIA. 2009.

Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина

ОПРОС СТУДЕНТОВ РОССИИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ОЧЕРТИТЬ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО СТРАНЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОЦИОЛОГОВ)

ВИШНЕВСКИЙ Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и социальные технологии управления» УрФУ (УГТУ—УПИ) им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Региональный вице-президент Российского общества социологов (РОС); soc_stu@e1.ru

ДУЛИНА Надежда Васильевна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, Региональный вице-президент РОС; nv-dulina@yandex.ru

ИКИНГРИН Елена Николаевна — кандидат социологических наук, заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, Первый федеральный вице-президент РОС; ikingrinen@mail.ru

ПРОНИНА Елена Ивановна — старший научный сотрудник Института социологии РАН (г. Москва), Исполнительный вице-президент РОС; eipronina@yandex.ru

Прошедший (2016 год) был отмечен знаковым событием для социологов всей страны — состоялся V Всероссийский социологический Конгресс (ВСК-5) «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 19—21 октября). Стало уже доброй традицией Российского общества социологов (РОС) в преддверии очередного конгресса проводить всероссийский опрос студентов, как авангарда молодежи страны. Не стал исключением и ВСК-5, при подготовке к которому было инициировано социологическое исследование федерального уровня «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости».

В организации и проведении упомянутого выше исследования был использован накопленный опыт уже выполненных ранее федеральных исследований («Гражданская культура российского студенчества», 2007 г., «Студенчество России о Великой Отечественной войне», 2005, 2010, 2015 гг. и др.), когда организаторами исследований выступили региональные отделения РОС.

В качестве инструментария (и его теоретико-методологического обоснования) были использованы материалы Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН. Это позволило поставить и реализовать важную исследовательскую задачу:

сравнить полученные в рамках опроса студентов данные с результатами выполненного ранее по той же анкете исследования, объектом которого являлось население России. Такое сравнение отразило и динамику представлений о социальном неравенстве и социальной справедливости в российском социуме, и особенности таких представлений у российского студенчества.

Объект исследования — студенты высших учебных заведений России. Метод сбора информации — анкетирование. Всего в исследовании было опрошено около 4000 студентов из 71 вуза в 26 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Барнаул, Белгород, Волгоград, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Нижний Новгород, Нижневартовск, Пермь, Сургут, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Якутск, Ярославль, Курск, Магнитогорск, Красноярск, Казань, Тамбов, Ставрополь).

Руководителем исследования выступил Ю. Р. Вишневецкий (региональный вице-президент РОС, УрФУ). В качестве со-руководителей исследования были привлечены Н. В. Дулина (региональный вице-президент РОС, ВолгГТУ), Е. Н. Икингрин (первый федеральный вице-президент РОС), Д. Ю. Нархов (УрФУ), Е. И. Пронина (исполнительный вице-президент РОС, ИС РАН), М. Ф. Черныш (первый федеральный вице-президент РОС, ИС РАН) и Д. В. Шукурин (УрФУ), в задачи которого входили организация онлайн-опроса, техническое сопровождение всего проекта, обеспечение ввода данных на местах и первичная обработка собранных данных. В опросе приняли участие 3964 респондента, из них 2311 человек (58 %) заполнили анкету в бумажном формате, а 1653 человек (42 %) — в электронном (CAWI — опрос через Интернет). Заметим, что одной из отличительных особенностей данного исследования является то, что оно позволяет провести сравнение эффективности on-line и off-line опросов.

Задача репрезентации выборки не ставилась, и строго говоря, полученные результаты не могут быть распространены на всю студенческую молодежь страны, а только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточный объем уникальной информации о современной молодежи России, но и сделать вполне обоснованные выводы.

Результаты проведенного исследования частично уже нашли свое отражение в публикациях участников V Всероссийского социологического Конгресса (см.: [1]) и изданного к началу его работы отдельного сборника [2].

Данные, полученные в ходе опроса, свидетельствуют, что современное российское общество студенты считают скорее несправедливыми, чем справедливым. Вопрос респондентам предлагался в следующей формулировке: «Представьте себе шкалу от 0 до 10 баллов, на одном полюсе

которой находится совершенно несправедливое, а на противоположном — абсолютно справедливое общество. В какой точке этой шкалы находится современное российское общество?». Оценивая справедливость современного российского общества по этой шкале (0 — «Совершенно не справедливое», а 10 — «Совершенно справедливое»), студенты выставили следующие баллы (см. табл.), «точкой перехода», как можно заметить, на данной шкале является оценка в 5 баллов (данная ячейка выделена в таблице рамкой).

Таблица 1. Оценка студентами справедливости современного российского общества

Значения шкалы	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Процент от числа, опрошенных	4,3	6,2	15,2	24,2	19,9	16,6	7,8	4,2	1,2	0,2	0,2

Цифры, приведенные в таблице, показывают, что количество негативных оценок (общая сумма составляет 69,8%) в пять раз (!) превышает количество положительных (13,6%). Подтверждением тому, что распределение оценок именно такое, является и тот факт, что только 49,2% опрошенных студентов хотели бы жить в России на постоянной основе. Более четверти опрошенных (29,4%) испытывают раздражение, когда размышляют о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве, почти столько же (27,1%) испытывают отчаяние, а каждый пятый (22,4%) горечь или надежду (21,7%). Вслед за Г. Е. Зборовским мы можем повторить: «Для российского менталитета существенное значение имеет принцип социальной справедливости, который означает, что не только оплата труда, соответствующая его количеству и качеству, но и другие блага должны распределяться с учетом некоего понимания «правильности» и действия власти на всех уровнях должны соответствовать этим представлениям. Этот принцип означает требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных слоев, групп, регионов) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между заслугами и их общественным признанием» [2, с. 6].

Можно предположить, что молодежь ждет в будущем иного, более справедливого общества. Каким видится справедливое общество молодежи XXI века? Ранжированный ряд значимых характеристик выглядит следующим образом:

- бесплатное здравоохранение (74,3%),
- люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения (73,9%),

- специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией (72,4%),
- государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование (71,4%),
- все люди получают по труду (69,5%),
- каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие (65,8%),
- предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные (57,6%),
- все острые конфликты и противоречия находят решения в суде (54,6%),
- все — и местные, и приезжие из других регионов — имеют равные права (46,5%), и др.

Отдельных характеристик, обозначенных в ходе исследования, достаточно много и перечислять их все смысла, по нашему мнению, нет. Понятно другое, мечтая о будущем (справедливом) обществе, студенты в первую очередь обращают внимание на то, чего им не достает в повседневной реальной жизни, подтверждая, что именно социальная справедливость становится одной из важнейших ценностей и критерием оценки в общественном (особенно молодежном) сознании качества жизни.

Список источников

1. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19—21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса [Электронный ресурс] / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016.
2. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. М. : Российское общество социологов ; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016.

С. А. Константинов

НАРАСТАНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

КОНСТАНТИНОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, общественная организация «Постоянство»; trux@yandex.ru

В России около 30 лет наблюдаются резкие социальные изменения по переходу к капиталистическому обществу. Одними из основных капиталистических ценностей являются индивидуализм, личный интерес, свобода выражения и поведения. Именно эти ценности формируются у молодежи. Тогда как у старших поколений россиян социальные ценности иные. Они сформированы в социалистические времена, в них на первом месте стоят ценности коллективизма, социальной справедливости и равенства. Поэтому наблюдается конфликт между поколениями. Наша гипотеза состоит в том, что конфликт поколений должен только нарастать, так как новые формирующиеся поколения осваивают новые ценности, тогда как прежние поколения остаются приверженцами прежних ценностей. Именно поэтому данная постановка проблемы актуализирована и ее стоит рассмотреть более глубоко.

В российском обществе и государстве идут интенсивные трансформационные процессы, закрытая общественная система постепенно открывается, закономерности советского социума испытывают воздействие извне, отступают и видоизменяются. Россия, осуществляющая социальные трансформации, черпает необходимые ей социальные идеи и технологии за рубежом. Объективно инерционное социальное сознание не всегда успевает за институциональными изменениями, тем не менее, постепенно возникают новые формы социальных отношений, новые социальные иерархии, новые ценностные ориентации людей. Актуален процесс передачи знаний, навыков и культуры от одного поколения к другому, освоение новых дел. Развитие рыночных отношений, распространение либеральных социальных идей и ценностей, формирование и развитие комплекса групповых и частных интересов все больше наполняют социальное пространство российского общества, принципиально видоизменяя и трансформируя его. В результате трансформационных процессов в социальном пространстве возникают новые элементы и структуры, что характеризует социальные изменения, ее динамику, при этом старые структуры видоизменяются, исчезают. Общественная система детерминирована прошлым состоянием, внешней средой, управленческими системами, но главное, определяется ориентациями его агентов.

Проблематика социальных изменений не нова для социологической науки. Эта классическая социологическая проблема связана с вопросами социальной динамики общества и его систем, и с теориями социального времени. В качестве некоторых точек отсчета отметим следующие моменты: 1. Будем считать российское государство и общество некой системой, которая до 1991 года была относительно закрытой, квазизакрытой системой. 2. После 1991 года эта система стала больше напоминать открытую систему, чем была ранее. 3. До 1991 года существенным фактором этой системы был социалистический принцип хозяйствования, с обобществленной формой собственности. 4. В 1992 году страна приняла на себя в качестве образца рыночную модель, предполагающую иной способ производства с частной формой собственности. Существенно в этом процессе было то, что принципы нового существования были взяты извне отечественной системы. 5. Постепенно в обществе нарастают обменные процессы между российской системой и окружающей ее системами. Причем в виду большего числа, большей энергии внешних систем происходило преимущественное проникновение рыночных и квазирыночных идей из-за границы в российскую социальную систему. Можно выделить, что существенными этапами в развитии российской социальной системы являются 1991, 1998, 2008, 2014 года.

Молодежь — социальная группа, характерная для современных обществ, занимающая переходное положение от детей к взрослым. В количественном отношении молодежь составляет значительную часть от общего состава всего общества. По качественным характеристикам ее можно делить по различным основаниям — по уровню образованности, по полу, по возрасту, по месту жительства, по занятости в производственной сфере и другим параметрам. Молодежь в жизни общества играет большую роль, так как оказывает своим существованием в нем (как количественным, так и качественным) огромное влияние на другие группы населения. Молодежь обособляется, вырабатывает свою субкультуру, со своими нормами, ценностями, установками, правилами поведения, но так как она существует в реальном социальном окружении, взаимодействует с другими группами, и рождена им, то эта группа безусловно вбирает в себя элементы общей культуры общества и несет в себе элементы преемственности и воспроизводства его членов. Возможное развитие молодежи проходит через ее дифференциацию на три группы («молодежь без проблем», группа с консервативной ориентацией и группа с альтернативной ориентацией). Естественно, что каждая из выделенных выше групп молодежи имеет свой набор ценностей, норм, установок, жизненных стилей. Функции молодежи связаны в первую очередь с социализацией, с восприятием и усвоением социального

опыта, интериоризацией норм и ценностей общества, со складыванием социальных и профессиональных ожиданий, ролей и статуса. Являясь объектом социализации, молодежь одновременно проявляет себя и как активный социальный субъект становления. Она выступает в обществе как носитель новых социальных форм и способов поведения в различных сферах. Характерным ее состоянием является состояние выбора, которое проявляется в выборе и формировании жизненного плана, определении жизненного сценария. Выбор доминирует во всех сферах жизнедеятельности индивидов данной возрастной группы (профессионального образования и профессии, уровня образования и сферы трудовой деятельности, микросреды для реализации коммуникативных потребностей, супругов и стиля семейной жизни, способа социально-политической активности и культурно-эстетической деятельности).

Обратимся к авторской концепции социального сознания. В ее рамках было акцентировано изучение ценностного среза сознания и представлений различных поколений социума. Социальные представления являются иерархичной совокупностью элементов, организованных вокруг, так называемого, «центрального ядра» — наиболее стабильной части представления, вокруг которой формируются и организуются другие элементы. Отметим особенности формирования социально-ценностных систем: Устойчивые (инерционные) социальные ценностные структуры формируются у индивида один раз и очень редко подвергаются изменению в течение жизни; достраивание их, при необходимости, происходит непротиворечивым включением новых представлений в старые. Сформированные в возрасте 17—25 лет системы абстрактных ценностей, и социальных установок, не меняются существенно в дальнейшей жизни.

Российская молодежь испытывает трудности в своем социальном самоопределении, в трудовом самоопределении и нахождении своего места на нем. Существующие, еще советские структуры постепенно изменяются и адаптируются к новым условиям хозяйствования. При этом молодежь попадает на работу в них, если занимает конформистскую позицию и имеет дефицитные личные связи для проникновения в эти структуры. Широкие группы вновь поступающих поколений молодежи на рынок труда стремятся бесконфликтно осуществить это свое вхождение через формирование новых рыночных структур. Молодежь удачно работает в новых сферах современного отечественного рынка труда, таких как торговля, малое предпринимательство (реклама, туристический бизнес, риэлторство, связь), высокие технологии.

Выводы. Естественное воспроизводство поколений в российском обществе с середины 1980х годов до сегодняшнего дня нарушается тем, что формируемые комплексы их социальных ценностей резко отличаются

у молодежи, социализированные в российских условиях, от комплексов ценностей, сформированных у более старших возрастов в советское время. Поколения российской молодежи, чьи ценностные системы складывались примерно с середины 1990-х годов и до сегодняшнего момента, усваивает капиталистические качества индивидуализма, преобладания частных интересов над общественными. Новые социальные институты в российском обществе только формируются. Некоторые институциональные механизмы социализации оказываются не охваченными ими. Поэтому важно формировать эти социальные институты и пристально изучать радикальное поведение и реагировать. Все это делается в настоящий момент, однако не всегда эффективно и с пользой. Иногда это воспринимается как простое усиление контроля. Таким образом, по нашим предположениям в российском обществе уже возникли и существуют, по меньшей мере, две социальные группы с диаметрально отличными системами социальных ценностей. Одна социальная группа уменьшается в своей численности, другая — увеличивается. Одна занимает пока доминирующее положение во властной системе общества, его институтов, систем, организаций. Другая — только сейчас начинает занимать эти позиции. При уравнении сил этих поколенческих групп неминуем социальный конфликт, при разрешении которого в российском обществе наступит новый этап развития.

Д. Л. Константиновский

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ. ОТБОР ФАКТОРОВ И РЕАКЦИЯ НА ПРОГНОЗ

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович — доктор социологических наук, вице-президент Исследовательского комитета РС04, руководитель отдела социологии образования, главный научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, Россия; konstant@isras.ru

Первое, на что хотелось бы обратить внимание коллег, — отбор факторов, которые будут или могут быть использованы при прогнозировании. Это одна из важнейших, а может быть, и решающая стадия прогнозирования. Возможно, в отношении молодежи она имеет особенное значение. Ошибки, тенденциозность или отсутствие предварительных исследований могут иметь фатальные последствия для предвидения.

Второе, это роль прогноза в жизни общества. Здесь есть особенности, связанные с прогнозированием процессов, связанных с молодежью. Поэтому следует учесть их сразу же, как только ставится задача прогнозирования будущего.

Анализируя возможную эффективность социальных прогнозов, нельзя не учитывать также специфическое свойство, которое связано с их ролью в жизни общества. Социальный прогноз касается перспективного развития процессов, а оно, безусловно, находится в зависимости от деятельности общества в рассматриваемом будущем. Здесь следует принять во внимание, что деятельность людей поддается определенным влияниям; одним из таких влияний может быть социальный прогноз. У общества в целом, у различных групп, у тех или иных организаций социальный прогноз может вызвать ту или иную реакцию, те или иные направленные действия. А они могут, в конечном счете, способствовать появлению изменений в процессах, относительно которых дан прогноз. Каким бы ни казался прогноз «пассивным», будь он «академичным» или, напротив, возникшим на уровне обыденного сознания, распространившимся посредством неформальных каналов коммуникации, — осознанный людьми, он влияет на формирование мнений людей, на общественное мнение и в конечном счете на деятельность людей, на динамику социальных процессов. Проявляться это может либо в виде сформулированных и проводимых в жизнь планов, программ, проектов, решений по социальному управлению, либо «стихийно».

Можно говорить о высокой степени включенности прогнозирующего субъекта в необратимый ход функционирования самого процесса, о существовании обратной связи между прогнозом и прогнозируемым

процессом, о прогнозировании как о методе воздействия на ход процесса и на будущее вообще, о социальных последствиях прогнозирования — в любом случае социальный прогноз развития того или иного процесса, будучи сделан человеком, оказывает воздействие на ход этого процесса. Под воздействием прогноза может быть изменено состояние процесса; может также произойти так называемый прогностический сдвиг — смещение явлений во времени, ускорение или сдерживание процесса; наконец, неблагоприятный прогноз под влиянием направленной деятельности людей может не сбываться вовсе («самоликвидация прогноза»).

Таковы трудности, порождаемые спецификой социального прогнозирования. Перспективы повышения точности и надежности прогноза — в росте его научного уровня, в совершенствовании содержательного анализа социальных процессов и методической оснащенности моделирования и прогнозирования.

Вместе с тем, объективно обусловленные особенности, отличающие подлинные прогнозы от каких-либо прорицаний, предоставляют также широкие возможности и в исследовательском, и в прикладном аспекте. Они могут быть эффективно использованы, в частности, для применения прогнозирования в практике социального планирования и управления.

Прогноз не является самоцелью. Интерес к социальному прогнозированию зиждется не только на любопытстве к будущему, но и на стремлении повлиять на него в желательных направлениях. Таким образом, ценность прогноза состоит не только в том, что он позволяет предвидеть, но и в том, что на основе предвидения он дает возможность активных, целенаправленных, научно обоснованных действий.

Отсюда следует, что в аспекте социального планирования и управления особенно важны прогнозы именно тех процессов, на которые общество может влиять в той или иной степени. Речь идет о случаях, когда обратная связь, диалектическое взаимодействие между прогнозом и человеческой деятельностью, между прогнозом и прогнозируемым процессом особенно ярко выражены. Используя социальный прогноз, общество на основе реалистической оценки прошлого, настоящего и будущего конкретной ситуации может так строить свою целенаправленную деятельность, чтобы либо ускорить тот или иной процесс, либо замедлить его, либо изменить, либо предотвратить его последствия. Можно заключить, что феномен влияния прогнозов на человеческую деятельность и, далее, на динамику социальных процессов не принижает эффективности прогнозов, а, напротив, увеличивает их действенность, их «активный» эффект.

Стохастический характер будущего позволяет на основе анализа прошлого и настоящего рассматривать вероятные варианты грядущего хода социальных процессов. А это в свою очередь дает возможность повы-

сить эффективность планирования и управления. Едва ли не большее значение, чем сам прогноз, приобретает «промежуточная продукция» прогнозирования — получение и анализ данных о вероятных путях развития процесса в зависимости от того или иного изменения ситуации, того или иного воздействия тех или других факторов.

И. А. Симонова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ФОРСАЙТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЕЖИ

СИМОНОВА Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия; Luboe05@mail.ru

Форсайт-технология на сегодняшний день востребована как метод исследования и планирования будущего во многих сферах: в бизнесе, в управлении общественными субъектами разного масштаба, при изучении перспектив официальных социальных институтов. Востребованность этого метода вполне понятна — форсайт имеет возможности прогноза, преодоления проблем будущего при помощи корректировки настоящего. Так, по мысли Е. К. Шибановой «Технология форсайта является проактивной по отношению к будущим событиям. Это означает, что авторы и участники форсайта не просто оценивают вероятности и риски возникновения тех или иных событий, а проектируют свою текущую деятельность таким образом, чтобы усилить позитивные тренды и увеличить вероятность желаемых событий, и предупредить усиление отрицательных, нежелательных трендов» [3, с. 100].

Указанные преимущества видятся весьма желательными, когда речь идет об исследованиях молодежи, поскольку, во-первых, возможность превентивной корректировки потенциальных проблем всецело совпадает с традиционным представлением о смысле и возможностях педагогической работы; во-вторых, благодаря поливариантности сценариев и разносторонней оценке форсайт позволяет прогнозировать несколько вариантов развития с высокой точностью, что соответствует научно-практическим потребностям изучения такого сложного явления как молодежная жизнь. Однако, необходимо помнить, что изучение и прогнозирование развития большинства молодежных феноменов требует специфического подхода именно ввиду особенностей самой молодежи, ее специфической социальной позиции и меняющихся контекстов ее формирования. Следует выделить несколько особенностей, могущих существенно повлиять на качество проводимого форсайт-исследования, на качество полученных результатов, выделенных проблем, и, следовательно, на качество дальнейших решений по их предотвращению.

Первая особенность связана с отстраненностью инициаторов (заказчиков, участников) форсайта от объекта — молодежи. Так, при проведении форсайт-сессии в отношении легитимизированной общности

или институции, например, в бизнес-сфере, организация или услуга находятся как бы в том же лагере, они открыты, доступны, это всегда предметы мира субъекта исследования. Представляя собой легитимный социальный институт (регион, или сфера деятельности) объект форсайта если не содержит в своем составе инициаторов прогноза, то обычно как минимум не чужд им, открыт, поименован, систематизирован. С молодежью складывается совершенно иная картина: эта неинституциональная условная категория людей всегда отделена от заказчиков перемен, так или иначе, остается достаточно закрытой для них, если только те не прибегают специально к сбору информации, который может хоть немного приоткрыть завесу молодежной тайны. Решения, предложенные на основе результатов прогнозирования опять же оказываются внешними самим молодым, они предложены заказчиком и нравятся прежде всего ему, учитывают внешние для молодежи интересы. А что же герои исследования? Они рискуют остаться сбежавшими подопытными кроликами взрослых-экспериментаторов.

Вторая особенность связана со спецификой времени молодежного. Возможность прогноза гарантируется целостностью объекта, тогда как молодежь не только весьма дифференцирована по своему составу, но обладает свойством сменяемости — те, кто был молод сегодня — завтра перестают быть молодыми, что означает: сегодня при проведении форсайта мы опираемся на молодежь, которой уже не будет в период на который мы делаем этот форсайт. Метафора реки, в которую не войти дважды здесь получает непосредственное применение. Ссылаясь на молодежь, которая уже повзрослела, мы пытаемся что-то понять о будущей молодежи, которой пока еще вовсе нет, с тем чтобы предсказать как будет жить нынешняя молодежь, которая вот-вот таковой быть перестанет.

Третья особенность касается неустойчивости и неоднозначности системы ценностей, норм и установок, обуславливающих точки восприятия молодежи, что, в конечном счете, играет роль при анализе проблем, оценке трендов и построении сценариев будущего, т.е. сказывается на всех этапах форсайта, а особенно влияет на превентивные меры, которые могут быть предложены для решения проблем. Но будут ли проблемы проблемами? Вопрос остается открытым. Предложенные решения также с трудом могут претендовать на универсальность, поскольку общество пока не выработало единого мнения о том, какой должна быть молодежь. Транзитивный характер современного социума не позволяет этого.

Четвертая особенность коренится в специфике самой молодежи: размытость ее границ, неоднородность состава, подвижность, изменчивость, транскультурность, склонность к социальному серфингу, к трансгрессии и пр. значительно усложняют возможности для выстраивания прогнозов.

Молодежь генерирует слишком много нового и предвосхитить — что же именно предложит нам следующее поколение, будет ли оно использовать те же социальные формы или предложит нечто совершенно иное может знать только сама молодежь. А может и не знать сама.

Учитывая перечисленные проблемы приходится невольно задаваться вопросом о возможности использования форсайт-технологии применительно к исследованию неинституциональных явлений молодежной среды. На наш взгляд упомянутые выше перспективы могут реализоваться не смотря на выявленные следом барьеры-особенности, если мы будем придерживаться нескольких важных условий:

1. Исследования молодежи, равно как и прогнозы в ее отношении, должны проводиться с максимальным привлечением самой молодежи. Таким образом, на первоначальных этапах форсайта (постановка проблемы, выявление трендов [См. 1, 2], анализ контекстов), а также для построения сценариев среди экспертов доля молодежи должна составлять не менее половины участников;

2. Необходимо обеспечить периодические постфорсайтные рабочие встречи, где эксперты могли бы оценивать степень реализации прогноза и меры по предотвращению выделенных негативных трендов. При этом среди экспертов обязательно должна быть молодежь, в том числе и представители сменяющихся поколений, которые не принимали участия в первых форсайт-сессиях по исследуемой проблеме;

3. Учитывая разнородный характер молодежной аудитории выбор экспертов от молодежи должен быть обусловлен не только демографическими характеристиками, но должен учитывать культурные особенности кандидатов. Вопрос о методиках отбора кандидатов и определения критериев должен быть одним из ключевых на этапе подготовительных работ.

4. Выбор конкретных методов проведения разных этапов форсайта должен учитывать специфику экспертов, в том числе и представителей молодежи.

Выделенные здесь нами проблемы, а также предложенные пути их преодоления носят предельно общий характер и должны адаптироваться в случае с каждым конкретным исследованием. Однако, все они имеют серьезные социальные и культурные предпосылки и в интересах качества исследования, а также во благо молодежи, ощущающей всю силу корректирующих мероприятий, основанных на прогнозах специалистов, все же должны быть приняты во внимание.

Список источников

1. Кучинская Т. Н. Форсайт социокультурного пространства российско-китайского трансграничья в процессе региональной модернизации

ции // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 338—344.

2. Филиппов Ю. Ю., Овечкина О. П., Амурова М., Лутковская П. Д. Методические аспекты разработки прогноза развития туризма Калининградской области на основе использования форсайт-технологий. С. 83—85.

3. Шибанова Е. К. Методика оценки «привлекательности» ВУЗа на основе форсайт-проектирования // СОЦИУМ И ВЛАСТЬ. № 4 (54) 2015 С. 97—102. С. 100.

Е. О. Кубякин, В. В. Плотников

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИНКЛЮЗИИ, СВЕТОМ БУДУЩЕМ И ЭКСТРЕМПАРАНТНОСТИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ ПРОВЕДЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

КУБЯКИН Евгений Олегович — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Краснодарского Университета МВД РФ, г. Краснодар, Россия; tspopz@yandex.ru

ПЛОТНИКОВ Владимир Валериевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Краснодарского Университета МВД РФ, г. Краснодар, Россия; inkognito13@inbox.ru

Эвфемизм «ограниченные возможности» помогает избежать слова инвалидность, так корректнее говорить о физических недостатках. Стоит ли сопоставлять физические и социальные ограничения? Для современной России это актуальная и злободневная тема; скажем так: социальные дефекты экстремпарантны.

Если раньше возможность самореализации напрямую зависела от сословной принадлежности и экономического благосостояния, то современное общество стремится к преодолению такого рода барьеров. Наибольшим потенциалом социализации обладает институт образования, от уровня его развитости напрямую зависит то, насколько молодежь найдет для себя положительные модели социализации.

Получение эффективного образования для молодого человека — основа его достойного будущего, перспектив и уверенности. Для социальной системы — это основа стабильности. Добавим, что самосохранение государства, его борьба с негативными проявлениями, — также должна начинаться с образования.

Здесь не будем говорить о патриотическом воспитании, о понятии национальной идеи и прочих идеологических аспектах по той лишь причине, что идеология без реального социального фундамента способна к порождению чудовищ.

Остановимся на аспекте инклюзии. Ключевым здесь выступает понятие о норме (идеальное и реальное). Интеграция молодого человека в систему социальных отношений основывается на том, насколько такой человек как социальный тип востребован, насколько для него подходят варианты, предлагаемые обществом. Учитывая, что социализация произойдет вне зависимости от того, насколько человека устраивает ее характер, отметим, что ключевым параметром для стабильности

государства является удовлетворение потребности молодых людей в самореализации.

Современное общество формирует и ретранслирует так называемую «шкалу успеха» — совокупность социальных показателей, на основании которых можно судить о положительном коэффициенте самореализации. На сегодня одним из основных показателей успеха является экономический. Но достижение экономических показателей, транслируемых массовой культурой в ряде случаев не совпадает с возможностями людей.

В январе-феврале 2017 года в г. Краснодар проведено исследование «Запросы и прогнозы учащейся молодежи: профессионально-экономический аспект (на основании опроса учащихся вузов)». Респондентами стали 570 учащихся различных по типам учебных заведений (КубГУ, КубГАУ, КрУ МВД России, КубГМУ). Им предлагалось выбрать, что же главное в профессии. Из предлагаемых вариантов (деньги, статус, польза обществу, хороший коллектив, другое) на первом месте (31 % оказался экономический показатель). На вопрос: «Знаете ли Вы, чем будете заниматься после получения диплома?» — только 55 % ответили утвердительно.

На вопрос, «Как Вы считаете, какой у человека должен быть доход, чтобы он чувствовал себя успешным?» — больше половины указали сумму, превышающую 70 тыс. рублей, а около 15 % назвали суммы, превышающие 300 тыс. рублей. Отвечая на вопрос, «Какой доход Вы планируете получать через десять лет?» молодые люди, как правило, называли сумму в полтора-два раза превышающую «сумму успеха».

Вместе с тем, 72 % не считают себя профессионалами, однако считают себя «лучшими» или «средними» на курсе. 43 % не доверяет своим однокурсникам как специалистам. Также учащимся вузов было предложено ответить на вопрос «Хотели бы Вы учиться в другом вузе?». Ответы распределились следующим образом.

Да, в более престижном — 16 %

Да, в том, где качество образования выше — 22 %

Да, потому что уверен, что занимаюсь «не своим» делом — 26 %

Нет — 36 %.

На предложенный вариант прогнозирования времени достижения необходимого уровня благосостояния, мнения распределились следующим образом:

Уже достиг — 2 %

Менее чем через 10 лет — 43 %

Более чем через 10, но менее чем через 20 лет — 21 %

Более чем через 20 лет — 7 %

Никогда — 27 %.

На вопрос «Довольны Вы уровнем справедливости общества, в котором живете?» 62 % ответили отрицательно. Среди основных факторов социальной несправедливости отмечены — коррупция, некомпетентность власти, менталитет.

На вопрос «Если бы была возможность выбирать, хотели бы Вы родиться гражданином другого, более успешного государства, чтобы «на старте» у Вас было больше возможностей?» — 58 % ответили отрицательно.

Проблемные аспекты, выявленные в результате исследования, таковы. Существуют достаточно высокие материальные запросы, высок оптимизм по поводу достижения успеха, но одновременно, присутствует низкая оценка собственных оснований достижения успеха. Опасение вызывает категория респондентов (27 %), уверенных, что *никогда* не достигнут необходимого уровня благосостояния. Отметим, что пессимизм среди учащихся вузов значительно ниже, чем среди тех, кто не имеет и не планирует получить высшее образование.

Проблема экстремпарантности молодежи сложнее, чем кажется на первый взгляд. Это вопрос нереализованных возможностей и неоправданных ожиданий. Хотелось бы, чтобы среди тех, кто оптимистично настроен на будущее, действительно были высокие шансы на успех. Вместе с тем, статистика такова, что только 8—12 % работающих людей в регионе получают доход, сопоставимый с обозначенными запросами (более 70 тыс. руб.).

Не менее проблематична группа пессимистично настроенных молодых людей. Желание успеха требует компенсации или отрицания. Сфера культуры и образования предполагает не только социальный лифт достижения успеха, но и альтернативную форму ценностей.

Современная молодежь экстремпарантна по основанию, но выход экстремпарантности в область актуальных явлений вопрос социальный.

В завершение хотелось бы напомнить о тех молодых людях, которые живут в больших промышленных городах, не учатся и не хотят учиться, не имеют «на старте» высокого уровня благосостояния, но очень хотят иметь все и сразу.

Е. В. Князева**ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
МОЛОДЕЖИ: ВНУТРИВОЗРАСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ**

КНЯЗЕВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, директор социологического центра «Пульс», г. Одесса, Украина; knyazeva.elena@bk.ru

Стремительное развитие науки и технологий привело человечество к новому типу общества — информационному (Ф. Махлуп), информациональному (М. Кастельс), программируемому (А. Турен), сетевому (М. Кастельс), обществу риска (У. Бек), мобильному обществу (Дж. Урри), постсоциальному обществу знания (К. Кнорр-Цетина) и т. п. На сегодняшний день насчитывается несколько десятков концепций, описывающих трансформацию общества под влиянием виртуальных и информационных технологий. В той или иной мере, все они сходятся на идее доминирующего влияния этих технологий на социокультурные процессы. Кроме того, практически все современные концепции признают «интернетизацию» общества свершившимся фактом, и не столько подвергают этот факт сомнению, сколько пытаются на основе этого — уже готового признания общества информационным, программируемым, сетевым — объяснить процессы нашего настоящего и прогнозировать будущее. Однако в разговоре о предметности «жизненного мира» в тени остаются его реальные предметы: чаяния, желания, интересы людей, способы объяснить для себя, происходящее, найти свое место в современных турбулентных процессах...

В этой связи мы хотели бы задать следующий вопрос: в чем же именно состоит влияние Интернета, к каким социальным эффектам он приводит? Безусловно, поставленная проблема обширна, а жанр научного сообщения не позволяет представить всеобъемлющую картину. Мы хотели бы обратить внимание на некоторые эмпирические данные, позволяющие выявить меру влияния Интернет (в частности пользование Интернетом) на формирование экономических, политических ориентаций и социальное самочувствие поколения молодых людей, в жизни которых Интернет присутствует с самого детства. В качестве объекта исследования взята группа одесской молодежи в возрасте 18—24 лет.

Эмпирический анализ влияния Интернет начнем с рассмотрения того, в какой степени население разных возрастов пользуется и доверяет информации Интернет-изданий Украины, публикациям блогеров и информации социальных сетей, форумов. Согласно данным нашего

исследования, уровень доверия и частота обращений к различным СМИ напрямую зависит от возраста респондентов.

Наиболее сильные различия по уровню доверия информации, полученной из Интернета. Так, зрелый сегмент аудитории (50+) чаще выбирает позицию «не читаю/не смотрю информационные Интернет-издания, не читаю публикаций блогеров, не пользуюсь информацией из соцсетей» по сравнению с молодой группой 18—24 года, представляющей объект нашего непосредственного изучения. Что касается традиционных СМИ, то здесь тенденция прямо противоположная. Для поколения 18—24 летних Интернет и социальные медиа постепенно заменяют другие каналы получения информации, уровень доверия к ним гораздо выше, чем к традиционным СМИ. Следует отметить, что хотя абсолютное большинство молодых людей в возрасте 18—24 лет используют Интернет в качестве источника информации (от 87% до 96%), однако доверяют ему не все: доля «доверяющих» (т. е. воспринимающих информацию менее критически) — 38%, доля «недоверяющих» (сомневающих, настроенных более критически) — 36%. Существует предположение, что люди, которые воспринимают информацию менее критически, более податливы для манипуляции. Учитывая сложную социально-политическую ситуацию в Украине, особенно актуальным становится манипулирование посредством Интернет в политических целях.

В процессе исследования мы фиксировали такие показатели социального самочувствия как «удовлетворенность жизнью», «уверенность в завтрашнем дне», «оценка существующего положения дела», «социальные ожидания в отношении будущего». Косвенным показателем социальных настроений являлась «ориентация на миграцию». Наряду с вопросами о социальных настроениях, в анкете были вопросы о доверии институтам власти.

Корреляция ответов на вопрос «В целом, насколько Вы доверяете следующим СМИ?» и «Испытываете ли вы доверие к президенту Украины?» (см. табл. 1) достаточно высока. Следует отметить, что коэффициенты сопряженности Крамера значимы и демонстрируют сильную взаимосвязь доверия (населения в целом и молодежи, в частности) Центральному телевидению и информационным Интернет-изданиям Украины, доверия президенту Украины. Напротив, связь между уровнем доверия президенту и показателями социального самочувствия слабее и скорее свидетельствует о независимости перечисленных признаков.

Данные опроса свидетельствуют: если в социальных настроениях населения в целом прослеживаются симптомы растущей социальной напряженности и социального пессимизма, то молодежь демонстрирует оптимистические настроения, несмотря на ухудшение экономической ситуации в стране. Так, доля позитивно оценивающих свою нынешнюю

жизнь в три раза больше, чем среди населения в целом (42 % против 13 %). Они демонстрируют высокий уровень удовлетворенности жизнью (90 % против 51 %). И хотя, в целом, показатель уверенности в завтрашнем дне имеет отрицательное значение, число «уверенных» среди обследуемой молодежи более чем в три раза превышает это число среди населения в целом (40 % против 11 %).

Таблица 1. Коэффициенты сопряженности Крамера между ответами на вопрос «Испытываете ли вы доверие Президенту Украины?» и показателями социального самочувствия

Показатели	Значение коэффициента Все опрошенные, n = 1200 чел. (население Одессы 18+)	Значение коэффициента Молодежь 18—24 г. n = 202 чел.
Оценка текущей жизни	.12	.08
Удовлетворенность жизнью	.17	.14
Уверенность в завтрашнем дне	.20	.19
Как изменилась жизнь за последнее время	.12	.09
Оценка текущего материального положения	.12	.10
Ожидания изменения материального положения	.18	.17
Доверие ЦТВ	.33	.43
Доверие центральным газетам, журналам	.24	.30
Доверие радио (в том числе FM-станциям)	.27	.21
Доверие информационным Интернет-изданиям Украины	.22	.42
Доверие публикациям блогеров	.17	.33
Доверие информации социальных сетей	.17	.32
Доверие информации, полученной от родственников, друзей, знакомых	.13	.16

Молодежь в целом более оптимистична в силу возраста, оценивает свое собственное положение более удовлетворительно, чем население в целом, протестный потенциал у неё не меньший, но и не больший, чем у населения в целом. Что касается жизненных стратегий, то здесь кроются инфантильные ожидания, проявляющиеся в тесной привязанности к родителям и близким, к которым они готовы обратиться в случае возникновения трудных ситуаций и в меньшей степени рассчитывают на себя. Как видим, молодые люди по-прежнему сильно привязаны к родителям, коммуникативная дистанция сохраняется и цепочка социального наследования не прерывается, как это принято считать. В целом преобладают

инфантильные настроения: поменьше напрягаться и получать высокую заработную плату и т. п.

Особый интерес представляет сравнение экономических ориентаций объекта нашего изучения и населения Одессы в целом. Общим трендом последних лет является снижение уровня трудовой мотивации, а именно: постепенное снижение среди наших сограждан желающих напряженно работать, и значительный рост (в 4 раза!) предпочитающих вообще не работать. Такая неблагоприятная тенденция свидетельствует об отсутствии в обществе механизма стимулирования трудовой деятельности и недоиспользовании человеческого капитала. Интересно, что среди обследуемого нами сегмента молодежи преобладают представители «племени азартных игроков». Так, готовых ради крупного выигрыша рискнуть всем, среди молодежи в 2,5 раза больше чем среди населения в целом.

Таблица 2. Экономические ориентации украинцев, %

ЕСЛИ БЫ ВЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ, ТО ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ? (в %)	Декабрь 1997, N = 774, 18+	Октябрь 2010, N = 1000, 18+	Июнь 2015, N = 1200, 18+	Доверяют Интернету 18—24 лет (N = 202 чел.)	Не доверяют Интернету 18—24 лет (N = 202 чел.)
Работу без особого напряжения, с небольшим, но гарантированным заработком	29	28	26,2	20	32
Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	44	39	30,0	29	26
Заниматься тем, что хоть и связано с большим напряжением и риском лишиться всего, но зато можно стать богатым	5	9	13,3	31	32
Вообще не работать, но иметь какой-либо источник дохода достаточного для нормальной жизни	7	24	30,5	20	9
Затрудняюсь ответить	15				

Представленная модель является лишь первой попыткой классифицировать молодежь в двумерном пространстве в зависимости от степени доверия Интернету. Тем не менее, можно сделать выводы из полученного результата: генезис провластных и оппозиционных настроений в молодежной среде, политические ориентации определяются влиянием Интернета. Вполне можно предположить, что сегодня Интернет — это еще одна игрушка для детей и молодежи. И чем старше становится человек, чем больше у него появляется бытовых, житейских забот, тем менее он «захвачен» сетью, тем более критичен к тому, что «валяется» там. Чем более он настроен на работу — предметную деятельность, тем менее он «захвачен» и более критичен.

Разумеется, проблема требует дальнейшего изучения и продолжения исследований.

А. А. Бесчасная

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА В ОБРАЗАХ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА

БЕСЧАСНАЯ Альбина Ахметовна — кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; aabes@inbox.ru

Проблематика настоящей конференции предлагает социологам выступить в качестве футурологов, не покидая социологического поля актуальной социальной реальности. Увеличение количества факторов объективного и субъективного характера в современном мире нарушает линейность событийного ряда, создает основания для нелинейной динамики социального развития и усложняет предвидение будущего. Прогнозирование будущего можно осуществлять по многим аспектам жизнедеятельности общества (экономическим, технологическим, политическим, культурным и т. д.). Но в каком бы направлении не происходило моделирование, необходимо учитывать, что акторами прогнозов выступают индивиды. Формирование личности, способной к осмысленной и эффективной деятельности, происходит на протяжении всей жизни, но доминирующее значение принадлежит возрастным периодам «детство» и «молодость». Попробуем сквозь призму образа современного детства охарактеризовать будущее российского общества.

Основной спецификой современного детства является «множественность» его образов. Обосновал данную специфику детства И. С. Кон [8, с. 68], она строится на разнообразии критериев социальной дифференциации детей и многообразии социальных практик в повседневности. Поэтому можно сказать, что современное детство демонстрирует «плюрализм траекторий социализации» [14, с. 124].

Уже в детском возрасте современный ребенок имеет возможность достижения определенного социального статуса как результата его личных намерений и действий. Идеология современного общества индивидуализма и детоцентризма обостряет ситуацию конкуренции и соревнования как между детьми, так и между их родителями.

Следствием этого является то, что дети выступают в качестве проекта своих родителей, требующего привлечения финансовых, временных и человеческих ресурсов. Родители подходят к рождению детей с позиций «калькулирующей рациональности» [5, с. 20] и косвенно, через жизнь детей реализуют свои представления о «должном» и «целесообразном», вставляя таким образом собственное «Я» в основание фундамента жиз-

недеятельности ребенка. Результатом подобной аберрации становится ограничение рождения детей и роли ребенка как субъекта деятельности, формирование «негативного детоцентризма» [9, с. 192], зарождение вероятности кризиса в формировании идентичности и потенциала инфантильности среди юных членов общества.

Современные дети являются активными членами общества потребления. Согласно широко распространенной точке зрения, удовлетворение потребностей и интересов детей является обязательным и безусловным. Это формирует высокий потенциал детства на рынке товаров и услуг.

Существенной характеристикой современного детства является интенсивное насыщение жизни детей техническими новинками. Внедрение и активное использование в повседневности технологических инноваций обогащает окружающие предметы обновленными «опциями» атрибутивно-го характера и формирует представление о норме жизни в новом качестве. С технологической точки зрения дети социализируются в обновленной социальной среде. Она трансформирует их коммуникации, увеличивает мобильность, расширяет информационную осведомленность детей.

Интернет для современных детей является формой активного моделирования настоящего мира и собственной личности. В виртуальном мире отношений они выбирают объекты коммуникации, формируют группы, дифференцированные интересами, создают коллективное мнение. Обилие и разнообразие контентов интернет-пространства благоприятствует моделированию «кочующей идентичности» [12, с. 131].

Сензитивность детского возраста к освоению технических новинок позволяет детям принимать на себя роль наставников в отношении представителей старшего поколения. Данное обстоятельство подтверждает замеченную М. Мид тенденцию трансформации отношений детей и взрослых с предвидением их перехода в префигуративный формат [11, с. 322—359].

В связи с расширением информационного поля в интернет-пространстве современных детей тревожат не локальные проблемы, а глобальные — неравномерное региональное развитие на планете и в собственной стране, изменение климата, истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды и др. [3].

Причинами формирования этих и других неупомянутых характеристик современного детства являются усиливающиеся процессы глобализации и урбанизации. С одной стороны, эти процессы унифицируют социальное пространство, а с другой — структурируют его в связи с дифференцированным направлением ресурсных потоков [7, с. 386].

Неравномерность развития территорий РФ сформировало, например, условное деление населенных пунктов на «четыре России» («Россия-1»,

«Россия-2», «Россия-3», «Россия-4») [6]. Различия проводятся по характеристикам демографического воспроизводства, миграционного движения и трудовой занятости населения, секторальной принадлежности к экономике страны, степени концентрации населения на территориях, насыщенности населенных пунктов инфраструктурными объектами и т. д., что в совокупности создает условия для развития человеческого потенциала. Данные обстоятельства жизни формируют внутри населенного пункта определенные социальные практики (от «опривычивания, типизации до объективации» [1]), удовлетворение либо неудовлетворение которыми обуславливает формирование у индивидов определенных типов массового сознания: аграрно-провинциальное, промышленно-урбанистическое и индустриально-столичное [15]. Поэтому по причине неравномерного распространения глобализационных и урбанистических процессов повседневная жизнь детей сохранит «множественность» детства [2].

Очевидно, что общество будущего будет сложно структурированным, с многочисленными основаниями для социальной дифференциации. Увеличение количества коммуникаций, расширение информационной среды и поликультурность в условиях «ускользающего мира» (Э. Гидденс) обостряют вопросы формирования идентичности и самосознания индивидов на индивидуальном и групповом уровнях. Это будет побуждать людей к поиску компромисса между сохранением целостности собственной личности и открытости для взаимодействия с динамично изменяющимся миром. Одним из способов гармонизации, предполагается, будут «зоны стабильности» [13, с. 306], в качестве которых могут выступать семья либо узкий круг единомышленников. Обострению проблем формирования идентичности будет способствовать ситуация пролонгированной аномии как ответ на плюрализм и разнообразие социокультурных образцов, ситуативность ценностных ориентиров [14, с. 124—125]. Индивид все чаще будет оказываться в ситуации выбора.

Повзрослевшие дети, хорошо усвоившие в детстве роль равноправных участников отношений и привыкшие в некоторых вопросах выступать в роли авторитетных знатоков, с определенной долей протеста и несогласия будут принимать на себя роль «обучаемых» и подчиненных. Данное обстоятельство, предположительно, продолжит конфликт «отцов и детей», а также сократит среди населения безоговорочное следование авторитетам и руководящим указаниям, подвергая их сомнениям. Это создаст потенциал обострения противоречий как внутренних, так и внешних.

Владение компьютерными и интернет-технологиями, программными продуктами и степень их доступности обогатит линейку критериев структурирования и стратифицирования населения, будет способствовать его

расслоению и поляризации. Грамотность в области IT позволит субъекту сохранить востребованность и конкурентоспособность на рынке труда в связи с неизбежной модернизацией производств [4].

Техническая модернизация личного и общественного пространств, производительных сил и производственных отношений станет ответом на необходимость в оптимизации использования энергетических, экономических, человеческих ресурсов. Осознание насущности сокращения потребления на индивидуальном и общественном уровнях будет с трудом приниматься представителями «общества потребления», что повысит вероятность социальной напряженности.

Высказанные предположения о будущем общества формируют образ нестабильного, богатого противоречиями социального образования. Однако незащищенность и уязвимость общества и отдельно взятого его представителя нивелируются присущими человеку как социальному существу характеристиками. По нашему мнению, это такие особенности человека, которые одновременно уживаются в нем, и которые на протяжении истории человечества позволяли ему и обществу строить определенный порядок в пространстве хаоса, результатом чего становится цивилизационное развитие и накопление достижений, отшлифовывание общечеловеческих ценностей, генерирование культурных универсалий. Среди характерных черт человека можно назвать такие, как стремление к социальному взаимодействию и сохранению индивидуальности, тяга к познанию и проявление осторожности к новациям, специализация и универсальность одновременно в предметах, сферах деятельности и в самом человеке как деятельном субъекте, гибкость и устойчивость к воздействию разнообразных факторов, адаптивность и изобретательность, рациональность и чувственность и многое другое, что получает свое зарождение и формирование в личности человека в детском возрасте. Детство — это «лаборатория», в которой «изменения впервые апробируются» [10, с. 179].

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знаний. М. : Медиум, 1995.
2. Бесчасная А. А. Паттерны урбанистического детства как отражение многообразия повседневности городских детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2016 г. № 1.
3. Егорова М. С., Зырянова Н. М., Пьянкова С. Д., Чертков Ю. Д. Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире. СПб. : Алетейя, 2001.
4. Жвйтиашвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013 г. № 2.

5. Забаев И. В. Семья и деторождение в России : Категории родительского сознания. М. : ПСТГУ, 2012.
6. Зубаревич Н. Социальная дифференциация регионов и городов [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5278> (дата обращения 20.01.2017).
7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
8. Кон И. С. Ребенок и общество. М. : Академия, 2003.
9. Майорова-Щеглова С. Н. Детство в начале XXI века: парадоксы развития и функционирования // Вестник РГПУ. 2007 г. № 2—3.
10. Майорова-Щеглова С. Н. Трансформация детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. 2014. № 4.
11. Мид М. Культура и мир детства. М. : Наука, 1988.
12. Суковатая В. А. Сайбер-феминизм на пространствах интернета // Человек. 2006. № 1.
13. Тоффлер А. А. Футурошок. СПб. : Лань, 1997.
14. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М. : ИНФРА-М, 2016.
15. Шереги Ф. Э. Дисфункциональность российского профессионального образования // Труд и социальные отношения. 2009. № 12.

Н. Н. Швайба

ИГРАИЗИРОВАННЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ МОЛОДЕЖИ

ШВАЙБА Наталья — студент I курса магистратуры НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; nshvaiba@mail.ru

Проблематика, связанная с категорией игровых практик, прочно вошла в социологический, психологический, философский, педагогический дискурс. Эта тема является актуальной как для модернизма, так и для современного постмодернизма. Резко возрастает многообразие форм игровых практик, вместе с этим увеличивается и их воздействие на общественную жизнь.

Теоретическая методология исследования состоит из рассмотрения понятия «играизация», которое ввел С. А. Кравченко¹, мы заинтересовались этим понятием, так как феномен играизации описан лишь теоретически. Для того, чтобы разобраться с определением, мы рассмотрели труд Й. Хейзинга «Человек играющий»². Играизация — это внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, фактор конструирования и поддержания виртуальной реальности неравновесного типа³. С помощью сравнения игры и играизации и попытаемся лучше разобраться в последнем понятии. В сходствах мы выделяем: они присущи только человеку, происходят свободно, то есть не осуществляются по принуждению, в процессе для них свойственна страсть. Так же сходством будет то, что и в игре и в играизации выделяют зрителей и участников. Отличать игру и играизацию будет то, что у играизации есть прямая практическая целесообразность, она не знает строгих правил, охватывает все слои общества. Игра, в отличие от играизации, выполняет функции первичной социализации, играизация же скорее вторичной. Играизация, это процесс, который протекает ради практической выгоды и встраивается в современные жизненные практики.

На основе теории было проведено исследование, в городе Иванове, в 2016 году. Было опрошено 100 человек, из них 50 мужчин и 50 женщин, в возрастных категориях 18—23 и 24—30. Бюджет времени молодежи был изучен, для того, чтобы увидеть, есть ли у молодежи время

¹ Кравченко С. А. Играизация российского общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6.

² Хейзинга Й. *Homo Ludens* // Статьи по истории культуры. / Й. Хейзинга; пер., сост. и X 35 вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс — Традиция, 1997.

³ Кравченко С. А. Играизация российского общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6.

на игровые практики, рассмотреть, как заполняет молодежь свое время и выявить, куда именно может встраиваться играизация. Большую часть времени респонденты затрачивают на работу, удовлетворение жизненных потребностей и на досуг. Самыми популярными занятиями являются: общение в социальных сетях, посещение других сайтов, просмотр телевизора, прослушивание радио и времяпрепровождение с семьей. Это была подготовка «почвы», перед тем, как перейти к основной теме нашего исследования, игра не настолько популярна, как другие виды занятий, но очень возможно, что респонденты не рефлектируют, сколько игры в их жизни.

Место игровой деятельности в свободном времени через роли и структуру игровой деятельности — у большинства опрошенных респондентов игра занимает около 20% свободного времени, а это, если учесть структуру бюджета времени, примерно час. Самая часто выбираемая роль — это непосредственный участник. Ни один опрошенный не указал, что вообще не играет в этой роли, 14% опрошенных сказали, что каждый день принимают участие в играх. Ни один человек из опрошенных не далек от игр настолько, чтобы их полностью игнорировать.

Таблица 1. Частота выполняемых ролей в игровой практике респондентов, в % (n = 100)

Роль в игре:	Каждый день	1—2 раза в неделю	1—2 раза в месяц	Несколько раз в полгода	Несколько раз в год	Реже одного раза в год	Вообще не играю в этой роли
Непосредственный участник	14,0	25,0	26,0	12,0	14,0	9,0	0,0
Зритель	10,0	25,0	24,0	22,0	16,0	3,0	0,0
Ведущий	0,0	1,0	7,0	4,0	10,0	7,0	71,0
Организатор	0,0	1,0	6,0	4,0	3,0	1,0	86,0

Практически каждый день респонденты смотрят реалити-шоу и игры-конкурсы, мы можем предположить, что это определяется включением в просмотр момента переживания за героев, реалити-шоу и конкурсы чаще всего идут сезонами и подключают больше зрителей, нежели однократные интеллектуальные игры и игры на удачу. Но реалити-шоу — лидеры в ответе «не смотрю эти игры».

Таблица 2. Частота участия респондентов в игровых практиках в роли зрителя, в % (n = 97)

Телеигры	Практически каждый день	Один-два раза в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз за полгода	Несколько раз в год	Реже, чем раз в год	Не смотрю эти игры
Телевизионные игры в форме интеллектуальной игры (Что? Где? Когда?, Своя игра и т.д.)	4,1	7,1	26,5	20,4	21,4	15,3	5,3
Телевизионные игры в форме «реалити-шоу» (Дом-2, Последний герой)	5,1	16,3	13,3	9,2	12,2	11,2	32,7
Телевизионные игры в конкурса (Голос, Танцы со Звездами и тд.)	3,1	15,3	29,6	13,3	12,2	8,2	18,4
Телевизионные игры в форме игры на удачу (Розыгрыши призов, требующие звонка или смс в прямой эфир)	3,1	6,1	7,1	4,1	5,1	12,2	62,2
Обзоры игр в интернете	1,0	9,2	7,1	3,1	2,0	10,2	67,3
Спортивные игры по телевизору	4,1	9,2	6,1	17,3	12,2	4,1	46,9
Спортивные игры в реальности	1,0	3,1	7,1	4,1	16,3	12,2	56,1

Далее рассмотрим особенный вид игр — розыгрыши. Есть такое понятие «игровая стоимость», сейчас товар стоит не только определенных денег, но и наклеек, баллов и пр. Некоторые люди, покупая товар, выбирают из двух одинаковых тот, у которого эта «игровая стоимость» выше. То есть это элемент современного общества, направленный на продажи, рекламу определенного товара. Мы видим, что самым популярным является розыгрыш в социальных сетях. Это пример непосредственной игризации, когда элемент игры встраивается в обычную, повседневную деятельность.

Таблица 3. Частота участия респондентов в различных видах розыгрышей, в % (n = 100)

Розыгрыши	Да, участвую регулярно	Да, участвовал однократно	Нет, не участвовал намеренно	Нет, не участвовал, потому что не сталкивался
Розыгрыши в супермаркетах, типа «Собери наклейки за покупки и получи приз»	11,2	29,6	43,9	15,3

Розыгрыши	Да, участвую регулярно	Да, участвовал однократно	Нет, не участвовал намеренно	Нет, не участвовал, потому что не сталкивался
Розыгрыши в супермаркетах типа «Купи определенный товар, и отправь код с него или какое-то определенное количество этикеток»	4,1	32,7	49,0	14,3
Розыгрыши в супермаркетах типа «лотерейный билет за определенную сумму чека»	0	12,2	17,3	70,4
Розыгрыши на автозаправках за определенное количество литров бензина	4,1	17,3	19,4	59,2
Розыгрыши в социальных сетях за репост определенной записи	20,4	24,5	37,8	17,3
Самостоятельная покупка лотерейных билетов	0	30,6	53,1	16,3
Розыгрыши в журналах, газетах	0	9,2	54,1	36,7
Розыгрыши на радио, типа — «позвони в студию, ответь на вопросы и выиграй»	2,1	7,1	54,1	36,7

Игра на мотивацию — ещё один пример играизации. Она сама в себе предполагает цель. Существуют различные приложения для гаджетов, построенные на том, чтобы мотивировать людей, которые их скачали, на различные действия. Мы видим, что респонденты часто участвовали в играх, направленных на бросание какой-либо вредной привычки.

Таблица 4. Частота участия респондентов в различных играх на мотивацию, в % (n = 100)

Игры на мотивацию	Да, участвовал	О них слышал, но сам не участвовал	Не слышал и не участвовал
Игры, направленные на изучение языка в игровой форме	34,7	30,6	34,7
Игры, направленные на подсчет калорий и похудение	34,7	30,6	54,7

Игры на мотивацию	Да, участвовал	О них слышал, но сам не участвовал	Не слышал и не участвовал
Игры, направленные на выполнение спортивных упражнений	15,3	62,3	22,4
Игры, направленные на бросание вредной привычки	40,3	52,3	7,4
Игры, направленные на появление, закрепление новой привычки (пр.: читать каждый день)	30,6	34,7	34,7
Игры, направленные на изучение чего-то нового (присылающие какие-либо факты каждый день)	34,7	30,6	34,7

В игровых практиках превалирует игра, а не играизация, последняя чаще всего не осознается респондентами как игровая практика. Чаще всего респонденты играют и смотрят игры ради получения удовольствия, расслабления, но иногда для получения выгоды — как материальной, так и не материальной. Из материальной выгоды можно выделить заработок (мы в конце этого блока увидели, что в основном мужчины зарабатывают на играх до 20 % бюджета). Материальной выгодой является и приз, подарок, получаемый, например, в продуктовых магазинах, на розыгрышах на радио, на телевидение, розыгрыши за репост записи и так далее. Из нематериальной выгоды можно выделить знакомства, знания, мотивацию. Главный вывод исследования — игровые практики, такие как игра и играизация, прочно встроились в нашу жизнь. Мы уже не замечаем, когда играем, игра используется для привлечения внимания, мотивации, в рекламе и при покупках. Сложно четко отделить два эти феномена, но мы попытались это сделать и показали, что молодежь города Иванова использует играизированные практики, но не всегда осознает это.

Список источников

1. Кравченко С. А. Играизация российского общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6.
2. Хейзинга Й. *Homo Ludens* // Статьи по истории культуры. М. : Прогресс — Традиция, 1997.

А. Ю. Нестеров

ПОРЯДОК И РЕЖИМНЫЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ-ОСУЖДЁННЫМИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

НЕСТЕРОВ Артём Юрьевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом» МГУТУ имени К. Г. Разумовского, г. Москва, Россия; ne7terov.ay@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся все виды режимных условий исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, а также порядок перевода, несовершеннолетнего-осуждённого с одного режимного условия на другой. Автор при подготовке публикации, руководствуется национальным и международным законодательством. Выявлены такие понятия, как: «правовое положение» и «правовой статус» несовершеннолетнего-осуждённого. Автор вводит в научный оборот такое понятие, как «Воспитательный центр».

Ключевые слова: Ключевые слова: режимные условия исполнения уголовного наказания, нормативно-правовые акты, международные соглашения, Конституция РФ, правовое положение (социальный статус) несовершеннолетних-осуждённых, пенитенциарная система ФСИН России, воспитательная колония, воспитательный центр

Существенным фактором демократизации российского общества служит конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности, а также приверженность им согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [Конституция РФ: 1993, Ст. 2].

Понятия «правовое положение» и «правовой статус» в теории права и доктрине уголовно-исполнительного права рассматриваются как *равнозначные*. В самом общем виде правовой статус несовершеннолетних-осуждённых — *это урегулированное нормами различных отраслей права положение несовершеннолетних-осуждённых во время отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы*.

Основы *правового статуса* несовершеннолетних закреплены в международных правовых актах, таких как: Декларация прав ребёнка (1959), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (1985),

Конвенция ООН «О правах ребёнка» (1989), Правила ООН по Защите Несовершеннолетних, лишенных Свободы («Гаванские Правила» (1990), Европейская Конвенция по Соблюдению Прав Ребёнка (1996) [1, 2, 3, 4, 5], а также Всеобщая декларация прав человека (1948), которая **провозгласила**, «...что каждый человек должен обладать всеми указанными в ней правами и свободами, без какого бы то ни было различия по таким признакам, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иное обстоятельство, принимая во внимание, что ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения, учитывая то, что необходимость в такой специальной охране была указана в Женевской декларации прав ребенка 1924 года и признана во Всеобщей декларации прав человека (1948), а также в уставах специализированных учреждений и международных организаций, занимающихся вопросами благополучия детей, а также аргументируя тем, что человечество обязано давать ребёнку лучшее, что оно имеет»¹.

В свою очередь, правовое положение (социальный статус) несовершеннолетних-осуждённых базируется на общем правовом статусе граждан России, поскольку в ст. 6 Конституции РФ² прямо указывается на то, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства. Более того, согласно ст. 20 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»³, отбывание уголовного наказания служит препятствием для выхода из гражданства Российской Федерации по желанию осуждённого. Сохранение за осуждёнными гражданства государства и правового статуса гражданина Российской Федерации имеет большое международное, социально-политическое и воспитательное значение, так как характеризует подход государства к преступнику с гуманистических позиций. Кроме того, это означает, что правовое положение несовершеннолетних-осуждённых закрепляют и иные федеральные законы, которые устанавливают реализацию конституционного права, свободы и обязанности для всех граждан российского государства.

¹ См.: Всеобщую декларацию прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.02.2017).

² См.: Конституция РФ, 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ).

³ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Общепринятые международные стандарты допускают применение в отношении несовершеннолетних наказаний, связанных с изоляцией от общества, в качестве крайней меры и на недлительные сроки. В соответствии с предписаниями этих нормативных актов УК РФ (1996) в ст. 88 закрепил положение, согласно которому наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним-осуждённым, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, на срок не свыше шести лет [6]. Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше десяти лет и отбывается в ФКУ «Воспитательных колониях» ФСИН России.

Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему-осуждённому, совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним-осуждёнными, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. В исключительных случаях с учётом характера совершенного деяния и личности виновного суд может по таким же правилам назначить наказание лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет.

Для повышения эффективности оказываемого на несовершеннолетних-осуждённых воздействия в ФКУ «ВК» ФСИН России устанавливаются не три, как в исправительных колониях, а четыре вида условий отбывания наказания: обычные, облегченные, льготные и строгие.

Решение о распределении несовершеннолетних-осуждённых по отрядам (отделениям) принимается комиссией ФКУ «Воспитательной колонии» ФСИН России, возглавляемой начальником колонии, с учётом полученных данных об индивидуально-психологических особенностях их личности (в период 2-х недельной пенитенциарной адаптации в карантине ФКУ «ВК» ФСИН России).

Обычные условия — это условия, в которые попадает несовершеннолетний-осуждённый на первоначальном этапе поступления в ФКУ «ВК» ФСИН России, за исключением лиц, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы либо были осуждены за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания. По данным ФСИН России в ФКУ «ВК» ФСИН России в обычных условиях содержится — 75 % осуждённых¹.

В обычных условиях несовершеннолетний-осуждённый может оказаться и в результате перевода за нарушение установленного порядка

¹ См.: Федеральная служба исполнения наказания (ФСИН России) [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://фсин.рф> / (дата обращения: 15.02.2017).

отбывания наказания из условий с более щадящими режимными требованиями (с *облегченных или льготных*) или в результате перевода за хорошее поведение из условий с более суровыми режимными требованиями (с *строгих*).

Срок нахождения, несовершеннолетнего-осуждённого в обычных условиях, исчисляется со дня поступления его в ФКУ «ВК» ФСИН России. Для стимулирования правопослушного поведения подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на стадии проведения следствия или судебного разбирательства закон предусматривает специальное правило, согласно которому при отсутствии у осуждённого в период пребывания в следственном изоляторе нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в обычных условиях исчисляется со дня заключения его под стражу.

Перевод несовершеннолетних-осуждённых из обычных условий отбывания наказания в облегченные связан с соблюдением ими определенных, закрепленных в законе требований, предъявляемых к их поведению. Такие требования являются материальными основаниями перевода и состоят, *во-первых*, в отсутствии у несовершеннолетнего-осуждённого взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания; *во-вторых*, в добросовестном отношении к труду (по данным ФСИН России в ФКУ «ВК» ФСИН России 95 % осуждённых обучаются в профессиональном училище); *в-третьих*, в добросовестном отношении к учёбе. В ФКУ «ВК» ФСИН России 100 % осуждённых обучаются в общеобразовательной школе при ФКУ «ВК» ФСИН России¹.

При рассмотрении вопроса о переводе в облегченные условия не учитываются снятые и погашенные взыскания, а также наличие нарушений режима, за которые в силу их незначительности на него не налагались взыскания. Добросовестное отношение к труду должно проявляться в соблюдении несовершеннолетним-осуждённым трудовой дисциплины, выполнении производственных заданий. Позитивно оценивается и творческое отношение несовершеннолетнего-осуждённого к порученной работе, перевыполнение плана. Воспитанник ФКУ «ВК» ФСИН России, добросовестно относящийся к учёбе, должен соблюдать учебную дисциплину, посещая соответствующее образовательное учреждение и выполняя учебные задания.

Формальным основанием для перевода осуждённых из обычных условий в облегченные является срок нахождения их в обычных условиях, дифференцируемый в зависимости от категории осуждённых.

¹ См.: Там же.

Осуждённые мужчины, впервые отбывающие лишение свободы, а также все категории осуждённых женщин переводятся из обычных условий в облегченные по отбытии трех месяцев срока наказания в обычных условиях; осужденные мужчины, ранее отбывавшие лишение свободы, — по отбытии шести месяцев в обычных условиях.

Таблица 1. Основания перевода несовершеннолетних-осуждённых из одних условий содержания в другие¹

Категория осужденных	Вид перевода		
	Перевод из строгих условий в обычные	Перевод из обычных условий в облегченные	Перевод из облегченных условий в льготные
Осужденные мужчины, впервые отбывающие лишение свободы, и все категории осужденных женщин	По истечении 6 месяцев срока наказания в строгих условиях	По отбытии 3 месяцев срока наказания в обычных условиях	В целях подготовки к освобождению (закон не оговаривает сроков)
Осужденные мужчины, ранее отбывавшие лишение свободы	По истечении 6 месяцев срока наказания в строгих условиях	По отбытии 6 месяцев срока наказания в обычных условиях	В целях подготовки к освобождению (закон не оговаривает сроков)

На завершающем этапе нахождения, осуждённого в ФКУ «ВК» ФСИН России для подготовки к освобождению он может быть переведен в льготные условия отбывания наказания, если до этого находился в облегченных условиях. Ни формального, ни материального основания такого перевода в законе не устанавливается. Однако с учетом специфики льготных условий и основываясь на требованиях, предъявляемых к поведению осуждённого для перевода его в облегченные условия, следует полагать, что такого рода льгота должна применяться к положительно характеризующемуся осуждённым, чье поведение свидетельствует о стойких позитивных изменениях личности и наличии черт, доказывающих его исправление.

Поскольку в ФКУ «ВК» ФСИН России, попадают разные категории несовершеннолетних-осуждённых и в период отбывания наказания они могут вести себя по-разному, в ФКУ «Воспитательных колониях»

¹ См.: Приказ Минюста России от 23.06.2005 № 95 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.07.2005 N 6787).

ФСИН России, предусматривается и такой вид условий отбывания наказания, как строгие. В этом виде условий находятся поступившие в колонию несовершеннолетние, осуждённые за умышленные преступления, совершенные в период отбывания лишения свободы и ранее отбывавшие лишение свободы. По данным ФСИН России в ФКУ «ВК» ФСИН России на строгих условиях содержания отбывает наказание 5 % несовершеннолетних-осуждённых¹.

В срок нахождения каждого вновь поступившего несовершеннолетнего-осуждённого в строгих условиях засчитывается срок пребывания в карантинном отделении, продолжительность которого не должна превышать 15 суток. Срок содержания под стражей засчитывается в срок пребывания в строгих условиях только тем осуждённым, к которым применялась эта мера пресечения, и, если за время нахождения под стражей осуждённый не совершил нарушения режима, за которое он водворялся в ДИЗО (дисциплинарный изолятор).

От поведения, несовершеннолетнего-осуждённого во время отбывания наказания зависит его правовой статус. Одобряемое поведение ведет к улучшению условий отбывания наказания. Последствием признания, несовершеннолетнего-осуждённого злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания является изменение условий его содержания в сторону ухудшения. Основания и порядок признания, несовершеннолетнего-осуждённого злостным нарушителем определены Чч. 1—4 ст. 116 УИК РФ (1997) [7].

Несовершеннолетние-осуждённые, отбывающие наказание в строгих условиях, могут улучшить своё положение, добившись перевода в обычные условия. Основаниями такого перевода являются истечение шестимесячного срока пребывания в строгих условиях, отсутствие взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду и учёбе.

Переведенные в обычные из льготных условий несовершеннолетние-осуждённые, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, могут быть переведены из обычных условий в облегченные, а по отбытии не менее шести месяцев в облегченных условиях — в льготные.

Решение о переводе несовершеннолетнего-осуждённого в иные условия принимает начальник ФКУ «ВК» ФСИН России, но на основании представления действующих в ФКУ «ВК» ФСИН России учебно-воспитательного совета или совета воспитателей отряда. Учебно-воспитательный

¹ См.: Федеральная служба исполнения наказания (ФСИН России) [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://фсин.рф> / (дата обращения: 15.02.2017).

совет состоит из начальника ФКУ «ВК» ФСИН России, его заместителей, начальников отделов и частей, директора общеобразовательной школы воспитательной колонии, директора профессионального училища, заместителя директора школы, начальника психологической лаборатории (психолога), старших воспитателей, а также наиболее опытных сотрудников ФКУ «ВК» ФСИН России.

Совет воспитателей отряда создается при начальнике отряда из представителей сотрудников ФКУ «ВК» ФСИН России, таких как воспитатели, учителя, мастера производства, психологи, работники оперативных и режимных отделов, представители родительского комитета.

К моменту истечения установленного в законе срока пребывания, осужденного в строгих или облегченных условиях либо при признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, действующий в ФКУ «ВК» ФСИН России учебно-воспитательный совет направляет начальнику колонии представление о возможности перевода осужденного в иные условия отбывания наказания.

К постановлению учебно-воспитательного совета ФКУ «ВК» ФСИН России о переводе несовершеннолетнего-осужденного в строгие условия отбывания наказания прилагаются: постановление о наложении на воспитанника-осужденного дисциплинарного взыскания с отметкой о признании его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания; справка о поощрениях и взысканиях; психолого-педагогическая характеристика воспитанника-осужденного; ходатайство совета воспитателей отряда о переводе осужденного в строгие условия отбывания наказания. Начальник ФКУ «ВК» ФСИН России выносит постановление о переводе несовершеннолетнего-осужденного либо отказывает в переводе.

Основанием для перевода из обычных условий в облегченные служит также постановление начальника ФКУ «ВК» ФСИН России, вынесенное на основании представления совета воспитателей отряда.

Перевод в строгие условия отбывания наказания ведет к существенному ограничению прав несовершеннолетнего-осужденного, поэтому при несогласии осужденного с таким переводом он имеет право обжаловать решение о переводе в порядке, определенном Уголовно-исполнительным кодексом РФ.

Обычные, облегченные и строгие условия отбывания наказания в ФКУ «ВК» ФСИН России различаются видом помещений, предназначенных для проживания несовершеннолетних-осужденных, количеством свиданий, размером денежных сумм, которые разрешено расходовать осужденным на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, и некоторыми другими параметрами.

Иные права несовершеннолетних-осуждённых, такие как участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, пользование библиотекой, настольными играми, прослушивание радиопередач, просмотр телепередач, кино- и видеофильмов в установленное время; получение и отправление писем, посылок и бандеролей, денежных переводов в установленном УИК РФ (1997) порядке; пользование телефонными разговорами в порядке, установленном УИК РФ; право на охрану здоровья и личную безопасность; свободу совести и свободу вероисповедания; получение юридической помощи; вступление в самодеятельные организации несовершеннолетних-осуждённых и др., остаются неизменными, но реализация некоторых из этих прав обладает определенной спецификой, зависящей от условий отбывания наказания несовершеннолетними [7].

В обычных и облегченных условиях несовершеннолетние-осуждённые проживают в общежитиях. В строгих условиях — в изолированных жилых помещениях (камерного типа), запираемых в свободное от учёбы или работы время. Помещения оборудуются полным комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от несовершеннолетних-осуждённых, отбывающих наказание в других условиях.

Несовершеннолетним-суждённым, отбывающим наказание в строгих условиях, *разрешено*:

- пользование библиотекой обеспечивается в условиях изоляции от других осужденных;
- обучение в общеобразовательной школе при ФКУ «ВК» ФСИН России, профессиональном училище организуется в специальном кабинете, оборудованном в изолированном помещении;
- трудовая занятость также организуется в рабочих кабинетах, оборудованных в изолированном помещении;
- медицинский осмотр; санитарная обработка, амбулаторное лечение осужденных организуются отдельно от других осужденных;
- культурно-массовые мероприятия с воспитанниками-осуждёнными проводятся в пределах помещения, в котором они проживают [7].

Также, меняется количество и виды свиданий, которые разрешены несовершеннолетним-осуждённым, отбывающим наказание в обычных, облегченных или строгих условиях. В строгих условиях осуждённый может иметь только шесть краткосрочных свиданий.

В облегченных условиях — уже 12 краткосрочных и четыре длительных свидания. При этом длительные свидания администрация колонии может разрешить провести за пределами ФКУ «ВК» ФСИН России (таблица 2).

Наиболее значительно отличаются от иных условий льготные условия. По данным ФСИН России в ФКУ «ВК» ФСИН России на льготных условиях содержится 10 % несовершеннолетних-осуждённых.

Являясь подготовительным этапом к освобождению, льготные условия предназначены для облегчения последующего процесса социальной адаптации осужденного. Поэтому по постановлению начальника колонии, переведенные в льготные условия, несовершеннолетние-осуждённые, могут проживать в общежитии за пределами ФКУ «ВК» ФСИН России, без охраны, только под надзором администрации ФКУ «ВК» ФСИН России (на сегодняшний день в России нет ни одного таково пенитенциарного учреждения ФСИН России для несовершеннолетнего-осуждённого).

Таблица 2. **Содержание режима в различных условиях отбывания наказания в ФКУ «ВК» ФСИН России¹**

Содержание режима	Вид условий отбывания наказания			
	Строгие условия	Обычные условия	Облегченные условия	Льготные условия
Количество краткосрочных свиданий (в год)	6	8	12 (по решению администрации колонии могут проходить за ее пределами)	без ограничений
Количество длительных свиданий (в год)	—	4	4	6
Сумма разрешенных к расходованию средств (в месяц)	3 МРОТ	5 МРОТ	7 МРОТ	без ограничений

Соответственно, несовершеннолетние-осуждённые, отбывающие наказание в льготных условиях и проживающие за пределами ФКУ «ВК» ФСИН России, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за пределами колонии самостоятельно, пользуясь наличными деньгами, а не закупать их в магазинах или ларьках ФКУ «Воспитательной колонии» ФСИН России. Осуждённым разрешается носить гражданскую одежду и пользоваться деньгами без ограничения.

По нашему мнению, создание единого вида режима позволит оградить несовершеннолетних-осуждённых к отбыванию наказания в ФКУ «ВК» ФСИН России усиленного режима от негативного влияния взрослых преступников, даст возможность включить в систему воспитательной работы с несовершеннолетними-осуждёнными общественные объединения

¹ См.: Приказ Минюста России от 23.06.2005 № 95 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о надзоре за осуждёнными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.07.2005 № 6787).

и родителей, облегчит решение вопросов трудового и бытового устройства освобождающихся, позволит полнее воспользоваться предоставленными законом правами. Кроме того, это даст возможность сократить расходы, предусмотренные бюджетом, на перевозки осужденных по территории Российской Федерации.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливают принцип дифференциации назначения и исполнения наказания. Ст. 80 УИК РФ (1997), устанавливает раздельное содержание мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых.

Это требование предусмотрено и в международных стандартах обращения с заключенными (п. 29 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы)¹.

Таким образом, данный принцип определяет инфраструктуру уголовно-исполнительной системы, обязанной обеспечить изоляцию несовершеннолетних и взрослых путем их размещения в различных видах пенитенциарных учреждений ФСИН России. Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет» [6]. Это понятие соответствует определению несовершеннолетнего, данному в Правилах Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, и «Конвенции о правах ребёнка», где указывается, что несовершеннолетним «является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» (ст. 1)².

Вместе с тем как УК РФ (в ст. 96), так и УИК РФ (в ч. 1 ст. 139) допускают отбывание наказания в ФКУ «Воспитательных колониях» ФСИН России лиц старше 18 лет до достижения ими 19-ти летнего возраста, то есть совместное содержание несовершеннолетних и лиц, вышедших из этого возраста [6, 7].

Такое решение в целом позитивно, поскольку позволяет закрепить результаты воспитательной работы с воспитанниками, а также привлечь 18—19-летних к хозяйственным работам, необходимым учреждению, на которых нельзя использовать подростков. Но, и при установлении предельного возраста в 19-го возраста не все осуждённые успевают отбыть назначенный срок наказания.

¹ См.: Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Приняты резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года.

² См.: Конвенцию ООН «О правах ребёнка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

Вместе с тем продление возможности отбывания наказания в воспитательной колонии для лиц, преодолевших восемнадцатилетний возрастной барьер несовершеннолетнего, заметно меняет возрастное соотношение несовершеннолетних и взрослых, с преобладанием последних, влечет рост численности контингента в целом, ставит новые проблемы перед персоналом ФКУ «ВК» ФСИН России, который вынужден перестраивать свою работу с учетом увеличивающегося возрастного диапазона осужденных. Это, возлагает и дополнительные финансовые нагрузки на ФКУ «ВК» ФСИН России, которые вынуждены обеспечивать взрослых, осужденных нормами питания и материально-технического обеспечения, установленными для несовершеннолетних.

Предлагается создание при воспитательных колониях участков, работающих в режиме исправительной колони общего режима, для воспитанников ФКУ «ВК» ФСИН России, достигших 18-летнего возраста, до завершения отбывания ими наказания без возрастных ограничений. Для реализации предложения требуется внести соответствующие изменения в УК РФ и УИК РФ. С учетом указанных проблем и путей их решения предлагается создание воспитательного центра.

По нашему мнению, «Воспитательный центр» — это, прежде всего один из видов пенитенциарного учреждения ФСИН России для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, аккумулирующий направления работы различных видов учреждений уголовно-исполнительной системой (ФКУ «СИЗО-ВК-ИК» ФСИН России). Цель создания такого комплекса — поставить барьер на пути дальнейшей криминализации несовершеннолетних-осужденных. Создание комплекса осуществляется на базе ФКУ «Воспитательной колонии» ФСИН России, и ориентировано на административные центры, что позволит организовать функционирование всех его структурных подразделений¹.

При организации учебно-воспитательного процесса воспитательная работа направлена на подготовку более социализированной личности несовершеннолетнего-осужденного. Перегруженность несовершеннолетних-осужденных негативным опытом не являлась до сих пор предметом коррекции. Напротив, объективные условия воспитания в искусственно созданном замкнутом мире мест лишения свободы создают дополнительные условия для криминализации среды обитания и самих осужденных.

Требования, которые ранее предъявлялись к подростку в местах лишения свободы, были направлены на формирование послушного не-

¹ См.: Нестеров, А. Ю. Системный анализ проблемы отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях [Текст] / А. Ю. Нестеров // Человеческий капитал. 2015. № 5 (77). С. 146—156.

совершеннолетнего-осуждённого. Соблюдение режимных требований, посещение вечерней школы, трудовая занятость оценивались, прежде всего, с точки зрения организации жизни и деятельности мест лишения свободы и того, насколько подросток «вписался» в эту структуру (*не нарушает режим содержания, посещает школу, не отказывается от работы, не противостоит администрации*). Именно это определяло степень его исправления.

В настоящий период, подросток-осуждённый, прибывший в ФКУ «Воспитательную колонию» ФСИН России, обнаруживает признаки социальной дезадаптации. Он, как и все осуждённые, отбывающие наказание в виде лишения свободы в ФКУ «ВК» ФСИН России, не умеют правильно строить отношения со сверстниками, определять линию поведения в социуме, обеспечивать свои физические и духовные потребности, соблюдая общепринятые правовые и нравственные (*аморальные*) нормы.

Основная задача, которую должен решать ФКУ «Воспитательный центр» ФСИН России при проведении воспитательной работы — *это, прежде всего, обнаружить причины социальной дезадаптации личности несовершеннолетнего-осуждённого, исправить те личностные качества, которые мешали ему приспособиться к требованиям правопослушного современного российского общества, подготовить социализированную личность.*

Список источников

1. Конвенция ООН «О правах ребёнка» (ратифицирована в СССР 1990 г.) / Принята резолюцией 44/55 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Вступила в силу 2 сентября 1990 г. // Институт «Открытое общество». М., 2001. 44 с.
2. Европейская Конвенция по Соблюдению Прав Ребёнка (1996 ETS № 160).
3. Правила ООН по Защите Несовершеннолетних, лишённых Свободы («Гаванские Правила», 1990).
4. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») // Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года.
5. Конвенция о Защите Прав Человека и Основных Свобод (1950 ETS № 5, далее ЕСПЧ).
6. Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ.
8. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998.

9. Нестеров А. Ю. Основные принципы исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях (теория, методология, практика)// Человеческий капитал. 2015. № 6 (78). С. 90—100.

10. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. М. : Глобус, 2001.

И. И. Никулина

ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ)

НИКУЛИНА Ирина Игоревна — студентка IV курса Московского государственного лингвистического университета кафедры «Социология», г. Москва, Россия; iranikulina33@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассмотрена проблема доверия московской молодежи системе здравоохранения. Проанализированы эмпирические показатели доверия как объекта социологического анализа с целью определения уровня доверия студенческой молодежи системе здравоохранения. Выявлены и обоснованы характерные особенности рассматриваемого в ходе исследования доверия в разрезе гендерных и социально-демографических различий. Эмпирические данные охватывают рассмотрение доверия компонентам, входящих в структуру системы здравоохранения, а также выявление индекса доверия, исходя из этого. Помимо рассмотрения доверия компонентам института здравоохранения, индекс охватывает эмпирические показатели доверия, выявленные в системном анализе исследования. В ходе решения поставленных задач произведен генетический, структурный, функциональный и факторный анализы объекта исследования. Уделено внимание средствам массовой коммуникации как источнику формирования доверия молодежи системе здравоохранения в виду бурного развития информационных технологий. На основе изученных данных предлагается авторская концептуальная модель объекта исследования, дается определение ключевых понятий.

Ключевые слова: система здравоохранения, доверие, доверие молодежи, доверие молодежи системе здравоохранения, особенности доверия, студенческая молодежь

Актуальность исследования обусловлена множеством факторов. Во-первых, в настоящее время в социологических исследованиях не остается без внимания проблема доверия общества системе здравоохранения. Низкий уровень доверия российских граждан (в том числе молодежи) системе здравоохранения говорит о том, что в системе менеджмента медицинских учреждений отсутствует понимание важности формирования доверия пациентов. Формирование доверительных отношений с пациентами является одним из условий достижения основной цели деятельности учреждений здравоохранения — укрепления общественного здоровья через снижение потерь общества от заболеваемости, инва-

лидности и смертности. Во-вторых, формирование доверия студенческой молодежи системе здравоохранения является значимым направлением государственной социальной политики, поскольку уровень доверия, присущий обществу, в особенности — молодежи, представляет собой важный социальный потенциал, способствующий благополучию нации. В-третьих, по результатам XII ежегодного исследования Edelman Trust Barometer, (31 тыс. респондентов в 26 странах), Россия с самым низким уровнем доверия (36 пунктов) занимает последнее место среди стран, принявших участие в мониторинге [1].

При изучении формирования доверия молодежи системе здравоохранения важно рассмотреть как внутренние, так и внешние источники его формирования, в особенности важны средства массовой коммуникации как один из наиболее эффективных на сегодняшний день способов оказания воздействия на людей. В условиях бурного развития новых информационно-коммуникационных технологий происходят существенные перемены в традиционных СМИ — в печати, радио, телевидении, в доступе к ним, в способах доставки и, естественно, в содержании. Особенно легко коммуникативное воздействие осуществляется в Интернете — именно поэтому важно изучить СМК как фактор формирования доверия московских студентов системе здравоохранения [2]. Интерес молодежи Москвы к различным медицинским форумам, сайтам медучреждений обусловлен её нежеланием прибегать к помощи специалистов, не вызывающих у них доверия, в связи с чем московские студенты стремятся получить максимум информации посредством СМК, чтобы впоследствии получить медобслуживание на необходимом им уровне.

Таким образом, на настоящий этап времени проведено уже множество подобных исследований по общероссийской выборке, но студенчество как категория изучения доверия системе здравоохранения еще не рассматривалась. В связи с этим возникает проблема отсутствия знаний о доверии системе здравоохранения среди студентов г. Москвы.

Целью данной работы было определить уровень и особенности доверия молодежи платной и бесплатной системам здравоохранения.

Прежде всего, по результатам рассчитанных индексов доверия системе здравоохранения, можно утверждать, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения. Значение рассчитанного индекса общего доверия компонентам системы здравоохранения равнялось 0,66; индекса удовлетворенности системой здравоохранения — 0,64; индекса уверенности в системе здравоохранения — 0,65. Исходя из полученных коэффициентов, был рассчитан итоговый индекс доверия молодежи системе здравоохранения, равный 0,65. В связи с этим показатель может быть проинтерпретирован как средний, поскольку входит в интервал

значения индекса от 0,5 до 0,69. Следовательно, можно сказать о том, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения.

При помощи авторского индекса были также найдены различия в доверии молодежи платной и бесплатной системам здравоохранения. Было выявлено, что студенческая молодежь г. Москвы в большей степени доверяет платной медицине, нежели бесплатной. Индексы, позволяющие сделать данный вывод, принадлежат разным уровням доверия – высокому и среднему, соответственно.

В ходе эмпирической части исследования были также рассмотрены источники формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Внешним источникам было уделено особое внимание в связи с развитием информационных технологий и увеличения степени их влияния на столичную молодежь. Для выявления степени эффективности внешних источников были изучены различные показатели (частота, отклик, запоминаемость) СМК. Наиболее эффективными средствами массовой коммуникации стали Интернет и ТВ. В случае с рассмотрением СМК платной и бесплатной медицины оказалось, что платная система здравоохранения эффективнее формирует доверие московских студентов системе здравоохранения.

Говоря в целом об эффекте, который производят используемые респондентами средства массовой информации, можно сделать вывод о том, что московские студенты получают необходимую им информацию в основном в Интернете. Кроме того, формируется определенная степень доверия системе здравоохранения в целом, исходя из той информации, которая предоставляется сайтами медучреждений платной и бесплатной систем здравоохранения.

Наконец, были проанализированы и внутренние факторы формирования доверия системе здравоохранения. Стало ясно, что наиболее значимым фактором формирования доверия студентов системе здравоохранения являются личный опыт и советы близких друзей и родственников. При этом важно отметить, что несмотря на важность изучения СМК как внешнего источника формирования доверия системе здравоохранения у столичной молодежи, все же первостепенную важность оказывают такие внутренние факторы как личный опыт и советы близких друзей и родственников. В дальнейшем важно учесть, что даже внутренние факторы зависят от внешних и требуют более детального изучения сквозь призму СМК.

Таким образом, в работе были представлены результаты проведенного автором эмпирического исследования, в ходе проведения которого была достигнута его основная цель — определение уровня и особенностей доверия молодежи системе здравоохранения – при помощи последовательного выполнения ряда поставленных задач.

Результаты проведенного исследования способствуют углублению теоретических представлений об особенностях доверия столичной молодежи системе здравоохранения и могут быть использованы органами медицинского управления в рамках работы, сфокусированной на формировании и повышении доверия потенциальных пациентов.

Список источников

1. PR-агентство Edelman с 2001 г. осуществляет мониторинг состояния доверия респондентов к социальным институтам, отраслям общественной жизни, к видным государственным, общественным лидерам и бизнесменам. См.: 2013 Edelman Trust Barometer. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/trust-2013/>.
2. Сергеев, Е. Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации / Е. Ю. Сергеев // Общество. Среда. Развитие (Terre Humana). 2009. № 1. С. 117—126.

М. А. Полоннёв

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

ПОЛОННЁВ Максим Андреевич — студент IV курса Московского государственного лингвистического университета кафедры «Социология», г. Москва, Россия; polovnev_maksim@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассмотрена проблема отношения московских студентов к физической культуре и спорту (ФКС). Проанализированы эффекты воздействия средств массовой коммуникации (СМК) на отношение московских студентов к ФКС. Выявлены особенности медиапотребления московскими студентами информации о ФКС. На основе эмпирических данных была выявлена и обоснована типология отношения московской молодежи к ФКС. В ходе решения поставленных задач были выявлены роль и место СМК в формировании отношения столичных студентов к ФКС. Уделено внимание средствам массовой коммуникации как источнику формирования отношения у молодежи к физической культуре и спорту в виду бурного развития информационных технологий. На основе изученных данных предлагается авторская концептуальная модель объекта исследования, дается определение ключевых понятий.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, отношение, ФКС, молодежь, студенты, отношение студентов к физической культуре и спорту

Физическая культура и спорт (ФКС), являясь одной из важных сфер жизни общества и его культурной составляющей, во многом определяет здоровье человека и его поведение в учебе, работе, быту и общении. Несмотря на предпринимаемые усилия государственных органов и активную пропаганду ФКС, по результатам опроса Фонда общественного мнения, 43% российской молодежи в возрасте от 18—30 лет не занимается физической культурой и спортом [1].

Переход от школы к профессиональному образованию приводит к сокращению физической активности. Снижению двигательной активности среди студенческой молодежи способствует также рост популярности пассивных форм досуга, развитие средств коммуникаций и интенсивная образовательная деятельность учащейся молодежи.

Общественная потребность развития ФКС среди молодежи, формирование у нее устойчивой потребности и интереса в физическом совершенствовании предопределили интерес к проблеме изучения источников,

формирующих позитивное отношение студенческой молодежи к ФКС. Особое место среди них занимает формирование позитивного отношения к ФКС и активизация двигательной активности среди студентов с использованием средств массовой коммуникации (СМК).

Современные СМК, активно воздействующие на молодежную аудиторию способны сыграть существенную роль в формировании позитивного отношения к ФКС. Без СМК, особенно в условиях современного информационного общества, трудно решить задачи, связанные с вовлечением и повышением двигательной активности молодежи. Наряду с другими социальными институтами и агентами социализации СМК способны закреплять и изменять поведения молодежи, структуру их ценностных ориентаций и потребностей. Недостаток знаний о характере, степени и направлениях влияния СМК на отношение к ФКС студенческой молодежи сдерживают реализацию потенциала современных масс-медиа в формировании позитивного отношения молодежи к ФКС.

Анализ научных публикаций показал, что работы, исследующие роль, направления и эффективность СМИ в пропаганде ФКС изучались преимущественно до начала 90-х годов, когда развитию массового спорта в стране уделялось большое внимание. На рубеже XX—XXI вв. проблемы развития массового спорта и его пропаганды не подвергались глубокому изучению. За этот период СМК и их роль в формировании общественного мнения существенно изменились и назрел вопрос исследования их воздействия на отношение к ФКС в т. ч. среди студенческой молодежи.

В исследовании стояла цель выявить особенности воздействия СМК на отношение московских студентов к ФКС. Цель была достигнута при помощи последовательного выполнения ряда задач: выявления роли и места СМК в формировании отношения столичных студентов к ФКС, особенностей медиапотребления московскими студентами информации о ФКС и оценки эффектов воздействия СМК на отношение московских студентов к ФКС.

Выведенные в начале исследования гипотезы в основном были подтверждены. Основная гипотеза о том, что СМК, наряду с другими источниками, активно используются московскими студентами для получения физкультурно-спортивной информации, что отражается на их отношении к ФКС, подтвердилась. Первая дополнительная гипотеза о том, что наиболее интенсивно среди московских студентов проявляется агитационно-пропагандистская, информационно-новостная и просветительская роль СМК в формировании отношения к ФКС, подтвердилась. Вторая дополнительная гипотеза о том, что студенты московских вузов активно интересуются информацией о ФКС и для поиска необходимой информации они пользуются разными СМК, подтвердилась. Третья дополнительная

гипотеза о том, что наиболее популярными каналами получения информации о ФКС среди столичных студентов выступают новые (цифровые) медиа и специализированные спортивные масс-медиа, подтвердилась. Четвертая дополнительная гипотеза о том, что СМК способствуют развитию когнитивных, оценочных, мотивационных и поведенческих компонентов отношения к ФКС московских студентов, тем самым способствуя изменению отношения к ФКС в лучшую сторону, подтвердилась.

Результаты полученного исследования способствуют углублению теоретических представлений о СМК как источнике формирования отношения московских студентов к ФКС и могут быть использованы для более активного вовлечения московских студентов в сферу ФКС.

Список источников

1. Ситуация с массовым спортом. «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 27 июля 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11672> (дата обращения: 07.05. 2015 г.).

К. Д. Борисова

КУЛЬТУРА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

БОРИСОВА Кристина Дмитриевна — студентка (бакалавр), Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Кафедра социальной философии и социологии, г. Иркутск, Россия; DontWakeMe2916@gmail.com

Аннотация. В современных условиях социально-культурных трансформаций страна нуждается в определенной подготовке молодого специалиста, так называемого, человека-будущего, к полноценным взаимодействиям, на базе развития у него культуры межличностного общения. Постоянные процессы изменений в обществе выделили определенный ряд проблем, связанных с социокультурной социализацией и самоидентификацией личности в современных условиях. В тезисах подняты следующие актуальные вопросы по заявленной теме: на какие условные группы допускается возможность поделить российскую студенческую молодежь, выйдя за рамки социально-профессиональной деятельности? Как на сегодняшний день у студентов XXI века изменились ценностные ориентации, жизненные установки и приоритеты, а также способы проведения досуга? Какую совокупность личностных качеств следует выбрать из многообразия существующих, чтобы выявить реальную картину внутренней духовной атмосферы российского студенчества? Автор тезисов выделяет основные особенности культуры межличностного общения и подчеркивает важность влияния педагогического состава университета на повышение уровня коммуникативных способностей у современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: культура, общение, межличностные отношения, студенчество, поликультурность

Мнение о том, что современная студенческая молодежь не является, так называемой, серой массой, казалось бы, очевидно для всех. Однако, существует ряд волнующих вопросов, касающиеся негативных и позитивных тенденций в среде современного российского студенчества. Например, на какие условные группы допускается возможность поделить российскую студенческую молодежь, выйдя за рамки социально-профессиональной деятельности? Как на сегодняшний день у студентов XXI века изменились ценностные ориентации, жизненные установки и приоритеты? Какую совокупность личностных качеств следует выбрать из много-

образия существующих, чтобы выявить реальную картину внутренней духовной атмосферы российского студенчества?

Постоянные процессы трансформации общества выделили определенный ряд проблем, связанный с социокультурной социализацией и самоидентификацией личности в современных условиях. Такие актуальные проблемы, как поиск себя, поиск своего любимого дела мотивируют молодежь выходить за пределы своего комфорта, появляется необходимость развивать свою личность, искать возможности для раскрытия своего потенциала, а также активно принимать участие в достижении поставленных перед собой целей.

Следует отметить, что с течением времени интерес к изменению ценностей молодежи только растет. Это, во-первых, имеет определенную связь с тем, что в юношеский период одной из главнейших задач человека является создание своих собственных ценностей. Во-вторых, именно поэтому студенчество можно назвать самым творческим и созидающим периодом в жизни человека. А потому его значение преумножается в несколько раз от того, какое влияние оно окажет и как сформирует сознание студента на выходе из университета, будучи специалистом в какой-либо области.

Как отмечают социологи, в условиях современного развития социума очень важно замечать, какие изменения происходят в области освоения социально-значимых норм, а именно, как меняется отношение к общественным нормам и традициям в обществе. Говоря об отношении к общепринятым нормам в социуме, следует взять во внимание как один из важных аспектов нормативного поведения — культуру межличностного общения современного студенчества. В условиях социальных, политических, экономических, а также духовных изменений, ежедневно происходящих в нашем обществе, имеет востребованность тот человек, который обладает четким набором жизненных принципов и установок, обладает чувством собственного достоинства, а также высоким уровнем культуры общения и ориентированный на умение сотрудничать и толерантно относиться к взглядам и мнениям окружающих людей.

Такое положение будет актуально для высших учебных заведений ввиду взятого нами к исследованию юношеского периода, имеющего целый ряд своих психолого-возрастных особенностей. Студенческая молодежь, так или иначе, всегда была включена в систему межличностных связей или, так называемого, межличностного общения. Межличностное общение оказывает определенное воздействие на формирование ценностно-нормативного уровня. Из этого следует, что ответственность в большей мере возлагается на педагогический состав высшего учебного заведения.

Значение понятия «культура общения» допустимо, на наш взгляд, рассмотреть через такие понятия, как «межличностные отношения»,

а также через понятия «культура» и «общение». Достаточно очевидно, что категория «культура» имеет отношение к числу общенаучных понятий, основной замысел которого следует обозначить в колее изучения данного вопроса. Несмотря на большое многообразие определений понятия «культура», данных философами (Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин), психологами (Н. Б. Крылов), лингвистами (Е. М. Верещагин), педагогами (А. А. Леонтьев), все их можно сформировать в следующие группы:

1. Культура в аспекте духовного развития личности.
2. Культура в аспекте творческого подхода.
3. Культура как образ жизни.

Таким образом, изучив множество определений «культура», упорядочив все его составляющие, в русле поставленного вопроса, нами было предложено следующее, на наш взгляд, узконаправленное определение: Культура — это, так называемый, стиль жизни, который характерен для любой социальной группы, в том числе, взятого за основу нашего исследования — студенчества, его нельзя передать по наследству, он формируется самими участниками данной социальной группы, познается в процессе образования, а также самообразования и любого другого информационного влияния.

К основным составляющим культуры можно отнести историю, язык, традиции, религию, специфику национального характера, совокупность обычаев, обрядов, песен, танцев и т. д. Однако, целесообразно привлечь внимание молодежи не только на общие составляющие, но и на индивидуальные особенности разного рода культур. Тем самым, молодежь научится лучше понимать чужие взгляды, поступки, культуру общения, особенности поведения, чувства, своеобразие мышления и конструктивную деятельность [2, с. 83].

Важно учитывать и тот факт, что человек является пересечением многих культур, из этого следует, что человек поликультурен, даже если он рос, воспитывался и образовывался в конкретном типе культуры. Как утверждает В. С. Библер (1991, с. 83) «Общение в культуре, то есть бытие в культуре, — это всегда — в потенции, в замысле — общение между различными культурами. Даже если мы оба (автор и читатель) живем в одной и той же культуре». Безусловно, в общении зарождаются общественные связи между людьми. Любые человеческие отношения, так или иначе, подразумевают под собой общение, тем самым сопровождаются определенными мыслями, чувствами, эмоциями, за которыми обычно стоят какие-либо интересы и цели. Также в процессе общения образуется некое единство и организация действий и поступков участников той или иной социальной группы, где создается общность взглядов, идей, целей, направленных на определенный результат.

Подводя итоги, необходимо отметить, что межличностное общение, как «переживаемая реальность» и конкретизация общественных отношений, их личностная форма выступает в роли самоидентификации личности, без чего человек мог бы выпасть из коллективной деятельности. Она выступает в качестве существенной побудительной силы внутренней активности личности, которая лежит на базе созревания наиболее значимых черт и личностных характеристик духовного мира человека, например, таких как, мировоззрение, духовно-нравственное самовоспитание, совокупность субъективного мнения об окружающем его мире.

Список источников

1. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1991.
2. Комаров, В. П. Воспитание культуры общения студентов университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 1-1 (51). С. 53.

П. П. Дерюгин, А. В. Дуплинская, Е. П. Дерюгин, Е. А. Косова

ТРУДНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА: ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ДЕРЮГИН Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

ДУПЛИНСКАЯ Анастасия Владиславовна — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

ДЕРЮГИН Егор Павлович — студент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ» им. Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

КОСОВА Елена Александровна — студентка, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ» им. Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

Аннотация. Изложены результаты пилотажного исследования ценностного подхода в диагностике профессиональных ориентаций школьников и студентов младших курсов. Выявлены группы, которые по-разному представляют свои возможности на рынке труда

Ключевые слова: диагностика, ценности, профессиональные ориентации,

Трудности определения профессии для современной молодежи составляет одну из значимых проблем [1]. Это тем более сложно сделать, учитывая колебания рынка труда, нестабильности конъюнктуры его запросов, традиционного понимания престижа профессии и пр. в трансформирующемся обществе [2].

Нами были проведены исследования выбора профессии школьниками старших классов и студентами первых курсов университета в зависимости от тех ценностных ориентаций, которые были значимыми для их профессионального выбора. В пилотажном исследовании были изучены данные 30 респондентов (20 чел. старшеклассники, 10 чел. студенты-второкурсники университета).

Методика исследования включала три процедуры.

Во-первых, обобщение данных ряда социологических исследований, проведенные авторитетными исследовательскими организациями, включая данные ВЦИОМ, характеризующими престижность семи групп

профессий в общественном мнении. Мы получили рейтинговый ряд престижности профессий в общественном мнении, где сгруппированные данные показывали следующее:

- профессии, связанные с необходимостью коммуникации и активного общения — 4 место (условно — Сл);
- профессии, связанные творчеством и искусством — 5 место (условно — И);
- профессии, связанные с физическим трудом — 7 место (условно Ф);
- профессии, связанные с исследованиями, экспериментами, консультированием — 1 место (условно Э);
- профессии, связанные с администрированием, организацией, менеджментом и управлением — 2 место (условно О);
- профессии, связанные с предпринимательством и бизнесом — 3 место (условно Б);
- профессии, связанные с работой в социальной сфере — 6 место (условно — С).

По нашему мнению эти ранги отражали признание авторитета профессий в общественном мнении, а тех респондентов, кто ориентирован в такой же последовательности на престижность выбора профессий можно было определять, как традиционалисты. Условное название шкалы этих рейтингов «Традиционализм — нестандартность, протестность».

Во-вторых, обобщение данных фактического запроса рынка труда по этим семи профессиям (данные РБК). Были получены такие данные: Профессии, связанные с необходимостью коммуникации и активного общения — 6 место (условно — Сл); профессии, связанные творчеством и искусством — 7 место (условно — И), профессии, связанные с физическим трудом — 1 место (условно Ф), профессии, связанные с исследованиями, экспериментами, консультированием — 3 место (условно Э), профессии, связанные с администрированием, организацией, менеджментом и управлением — 2 место (условно О), профессии, связанные с предпринимательством и бизнесом — 5 место (условно Б), профессии, связанные с работой в социальной сфере — 4 место (условно — С). По нашему мнению, эти ранги отражали реальный запрос на профессионалов этих профилей, а тех, кто ориентирован в такой же последовательности выбора профессий можно было определять, как прагматики. Условное название шкалы этих рейтингов «Прагматизм — романтизм».

В-третьих, для респондентов был предложена процедура профориентационного теста [3, 190], включающая 35 вопросов и три варианта ответов на каждый, отражающих рейтинговые выборы важного, интересного, значимого для респондента, т. е. его ценностных ориентаций

в том или ином виде профессиональной деятельности по показанным семи группам профессий.

Таким образом, были получены три группы рейтингов, как это показано в таблице 1.

Таблица 1

Группы профессий	Рейтинги общественного мнения	Рейтинги респондента	Рейтинги запроса рынка труда	Рейтинги респондента
Сл	4		6	
И	5		7	
Ф	7		1	
Э	1		3	
О	2		2	
Б	3		5	
С	6		4	
	Кк1 =		Кк2 =	

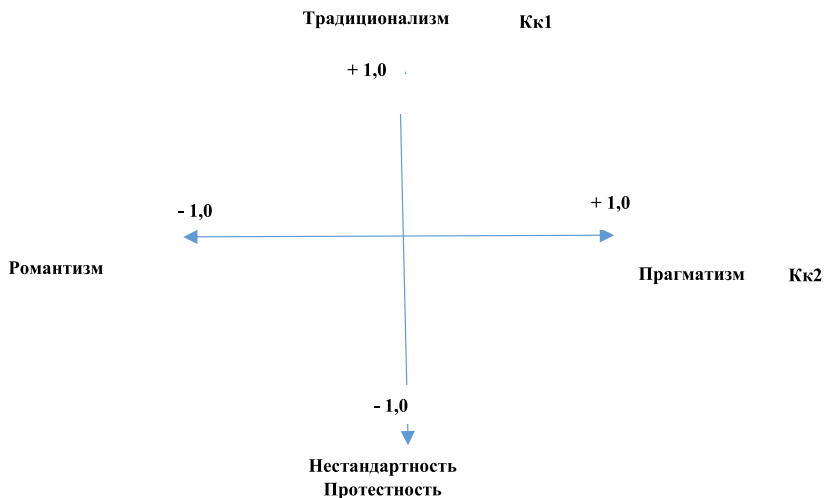

Рис. 1. Координаты измерения характера совпадения ценностей профессионального выбора

Коэффициенты корреляции Кк1 и Кк2 показывали степень связи профессиональных ценностных ориентаций респондентов с рейтингами при-

знания престижа профессий в общественном мнении (Кк1) и рейтингами запроса рынка труда по этим профессиям (Кк2). Значения коэффициентов корреляции измерялись в пределах от +1,0 — полное совпадение рейтингов, до — 1,0 — полное несовпадение, противопоставление рейтингов. На соотношении двух шкал «Традиционализм — нестандартность, протестность» и «Прагматизм — романтизм», формируется четыре ситуации, которые, на наш взгляд позволяют говорить о типичных вариантах ценностного отношения к выборам профессий

Таким образом, в **квадрант 1** попадали результаты тех респондентов, ценностные ориентации которых отражают сочетание признаков традиционализма и прагматизма. Это положение можно считать наиболее важным для выбора профессии, т.е. такие респонденты хорошо ориентированы как на запросы рынка труда, так и на традиции социума. Гипотетически мы предположили, что таковых будет меньше всего в силу сложностей этого выбора. Наша гипотеза подтвердилась. Из 30 человек респондентов в этом квадранте оказалось только 3 человека (2 школьника и 1 студент).

Во **2 квадранте** оказались результаты респондентов, сочетающих традиционализм и некоторый романтизм, это люди, которые плохо понимают запросы современного рынка труда, а выборе профессии скорее всего ориентируются на общественное мнение. Они покладистые, поскольку в целом ориентированы на традиционное понимание профессии. В этом квадранте оказалось 7 школьников и 3 студента. Причем значения данных по респондентам-студентам были значительно меньшими, чем у школьников, т.е. они оказывались на грани выхода за пределы этого квадранта. В целом, значения студенческой группы по шкале «Традиционализм» значительно ниже, чем у школьников.

В **3 квадранте** оказались респонденты, сочетающие романтизм с нестандартностью и протестностью. Они плохо понимают прагматический запрос современного рынка труда, — с одной стороны, с другой — их ценности не сочетаются с традиционными представлениями о престижных профессиях. Таковых оказалось более всего, 6 человек в школьном классе и 6 человек в студенческой группе.

В **4 квадранте** данные респондентов фиксировали сложное сочетание нестандартности, протестности и прагматизма. Здесь оказалось только 2 школьника. Наши дальнейшие наблюдения подтвердили высказанные предположения, эти школьники к выбору профессии подошли весьма прагматично, заняв свои рабочие места в тех видах деятельности, которые оказались легко доступными и могли принести неплохой денежный заработок. При этом такая работа не требовала получения высшего образования или приложения особых усилий.

Выводы пилотажного исследования заключаются в формулировании новых гипотез, которые подлежат дальнейшему исследованию.

В содержательном отношении, очевидна неоднозначность выводов о состоявшейся профессиональной ориентации по факту выбора школьниками той или иной специальности при поступлении в вузы. По результатам исследования подтверждено, что на первых курсах некоторые студенты начинают сомневаться, они, даже менее, чем старшеклассники, понимают обоснованность своего выбора. У них складывается довольно расплывчатое представление о будущей перспективе. Далее, такие низкие показатели фиксирующие минимальные значения респондентов, оказавшихся в первом квадранте, говорят о слабой ориентированности старшеклассников в реальных запросах рынка труда. Результаты анализа показывают, что только 4 респондента смогли адекватно отразить реальный прагматический запрос современного рынка труда. Большинство респондентов не представляют тех сложностей, с которыми они столкнутся после начала трудовой деятельности.

В методическом отношении разработанную процедуру следует адаптировать к региональным особенностям рынка труда. Она не может однозначно применяться в других условиях и при изменяющемся запросе на рынке труда.

Список источников

1. Дерюгин П. П., Колесникова Ю. А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. С. 230—235.
2. Социология профессий. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Л. А. Лебединцевой. М. : Юрайт, 2016.
3. Баррет Д. Протестируй себя. Способности, личность, мотивация, карьера. СПб. : Питер, 203. 254 с.

А. В. Безруков

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРЕССИРУЮЩЕЙ КОНФОРМИЗАЦИИ

БЕЗРУКОВ Антон Витальевич — студент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия; zaratustra23@mail.ru

Аннотация. В статье на основе концепции З. Баумана рассматривается связь между конформизацией молодёжи на уровне ценностей и сокращением протестного потенциала молодёжных объединений. В основе эмпирической базы лежат материалы Европейского социального исследования и базы данных ВЦИОМ. Акцентируется внимание на росте значимости традиционных ценностей и безопасности в молодёжной среде, которое, несмотря на наличие острых актуальных проблем в российском обществе, согласуется с сокращением протестной активности молодёжи. Таким образом, коллективное состояние молодёжи смещается от ориентации на свободу к принесению её в жертву ради безопасности.

Ключевые слова: молодёжь, протестный потенциал, ценности, конформизация, безопасность

Структурные изменения, социальные движения и фрагментация общества бросают вызов прежнему социокультурному порядку по всему миру. Кризис патриархальности [5] перед лицом охватившей все сферы общества модернизации привёл к тому, что порядок стал отождествляться с контролем и управлением.

Российские власти, в свою очередь, обеспокоены потенциалом протестных действий молодёжи и пытаются нейтрализовать его посредством политики. Лейтмотивом властной риторики в отношении молодёжи выступает конструкции «традиционные ценности» и «патриотизм», способствующие конформизму, поддержанию и сохранению «стабильности» [7, с. 49]. Происходит объективация и унификация молодёжи как группы, которая заведомо нуждается в регулировании и моральном исправлении.

Результаты опросов в рамках Европейского социального исследования [4], в котором Россия принимает участие с 2006 года, позволяют проследить динамику значимости «традиционных ценностей» в молодёжной среде. Для их изучения в исследовании отводится блок вопросов по методике Шварца [6]. Индексные показатели представлены в Табл. 1.

Таблица 1. **Значимость ценностей в молодёжной среде, индексы принятия***

Ценности	2006 год	2010 год	2014 год
1. Верность	1,628	1,705	1,650
2. Независимость	1,649	1,596	1,623
3. Государство	1,610	1,676	1,608
4. Природа	1,508	1,573	1,604
5. Безопасность	1,458	1,543	1,523
6. Равенство	1,444	1,523	1,482
7. Окружающие	1,234	1,446	1,399
8. Успех	1,555	1,472	1,397
9. Властность	1,252	1,484	1,394
10. Амбиции	1,430	1,465	1,385
11. Наслаждение	1,322	1,422	1,371
12. Понимание	1,160	1,295	1,360
13. Креативность	1,374	1,329	1,329
14. Неожиданности	1,255	1,281	1,277
15. Традиции	1,034	1,285	1,272
16. Нормативность	1,065	1,288	1,263
17. Веселье	1,165	1,270	1,258
18. Богатство	1,305	1,280	1,225
19. Скромность	0,807	1,027	1,130
20. Приключения	0,885	1,011	0,947
21. Покорность	0,559	0,858	0,942

* Индекс значимости вычислялся по формуле $V = (2n_1 + n_2 - n_3 - 2n_4) / (n)$, где V — соответствующая ценность, n_1 — число «очень похожих», n_2 — «немного похожих», n_3 — «не похожих», n_4 — «совсем не похожих», n — общее число респондентов. Значение индекса изменяется в пределах [-2; 2]. Отрицательные значения свидетельствуют о большей значимости в группе анализируемых ценностей, положительные — приверженность им, 0 означает равную численность групп.

За восемь лет измерений ценностные ориентации молодёжи сместились в сторону таких значимых для взрослого поколения и консервативной политики государства ценностей, как традиции, покорность, нормативность, скромность и безопасность. При этом, бросается в глаза стабильно высокая субъективная важность сильного государства, способного обеспечивать личную и общественную безопасность.

Интересно, что, в то время как многочисленные социологические исследования показывают весьма неудовлетворительное отношение молодёжи и населения в целом к состоянию отечественной экономики, руководству страны, правовому полю, религии [3, С. 117—118] и прочему, продолжает усиливаться социальный консерватизм и молодёжный конформизм.

Результаты опросов ВЦИОМ [1, 2017] свидетельствуют о том, что доля молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, готовых лично принять участие в массовых выступлениях протеста на 2016 года составила 21%. Для сравнения, в 2011 году эта группа была существенно больше — 30%. В целом, если до 2012 года протестный потенциал молодёжи был выше, чем в среднем по стране, то с 2012 года наметилась тенденция к снижению доли положительных ответов о готовности принять участие в акциях протеста.

При этом, говоря о наиболее важных проблемах для страны в целом, молодые люди не исключают их наличие, и, более того, продолжают давать более критичные оценки сложившегося порядка. В большей мере молодёжь ориентирована на внутренние проблемы, связанные с экономическим развитием страны, охватившим её кризисом и, как следствие, с ростом цен. Кроме того, если в оценке внутренних проблем молодёжь делает акцент на экономическом кризисе как таковом, то более старшие поколения рассматривают в качестве проблемы снижение социальных гарантий государства.

Вместе с тем, молодёжь более удовлетворена жизнью в целом, полагает, что дела в стране идут в правильном направлении и, преимущественно, не считает необходимым прибегать к акциям протеста. 30% молодых людей считают, что не существует каких-либо острых проблем, требующих организации акций протеста. Ещё 26% полагают, что, несмотря на наличие таких проблем, в их решении отсутствует необходимость акций протеста, поскольку эти проблемы итак решаются. В этом смысле молодёжи характерен определённый оптимизм в отношении действий Правительства Российской Федерации при решении проблем экономического кризиса — 64% молодых людей считают, что Правительство России имеет разработанный план действий по выходу из него.

Получается, что вместо того, чтобы менять ситуацию, молодёжь предпочитает перекадывая всю ответственность за решение проблем страны, в том числе и за свою личную безопасность, на государство. Лишь 32% высказались в поддержку того, что акции протеста могли бы помочь решить существующие проблемы.

Таким образом, «коллективно гарантированная безопасность становится все более желанной» [2, с. 132]. Наблюдаемая на ценностном уров-

не конформизация молодёжи сопровождается снижением протестного потенциала молодёжи и постепенной потерей критического отношения к социально-политической жизни в стране.

Список источников

1. База результатов опросов россиян «Архивариус». URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения 7.02.2017).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под. ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.
3. Безруков А. В. Стратегии социального самоопределения молодёжи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 111—120. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-111-120.
4. Европейское социальное исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (дата обращения 3.06.2016).
5. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Издательство ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
6. Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология: журнал ВШЭ. 2012. Т. 9. № 1. С. 43—70.
7. Ясавеев И. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодёжи // Russian sociological review. 2016. Vol. 15. № 3. С. 49—67.

С. А. Шапиро

АНАЛИЗ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ РАБОТНИКОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ РАБОТУ С ОБУЧЕНИЕМ

ШАПИРО Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Академии труда и социальных отношений, Москва, Россия; sergey_shapiro@mail.ru

Аннотация. В данном материале рассматривается анализ результатов авторского исследования, проведенного на заочном факультете Академии труда и социальных отношений, и охватившего сто респондентов. Целью исследования стало выявление мотивационных потребностей и доминирующих трудовых ценностей работников, совмещающих работу с обучением в образовательной организации высшего образования, проживающих в городе Москва и Московской области. Для диагностики использовалась, разработанная автором циклическая концепция трудовой мотивации. Были выявлены мотивационные потребности: информационная, материального достатка, социального статуса, семейного положения, вертикального или горизонтального карьерного роста, и самосохранения, различающиеся по своему балльному коэффициенту, в зависимости от гендерного признака и возрастной категории респондентов, и объяснено, почему данные трудовые ценности соответствуют тем или иным социальным группам работников. Сделан вывод, о необходимости проведения периодической диагностики определенных социальных групп, через равные промежутки времени в целях достоверного социального прогнозирования, связанного с изменением трудовых ценностей молодых работников и повышением уровня их трудовой мотивации, а следовательно и качества трудовой жизни.

Ключевые слова: анализ трудовых ценностей, мотивационные потребности, социальная саморегуляция, работники, совмещающие работу с обучением в системе высшего образования, циклическая концепция мотивации труда, социальное прогнозирование

Очень важное значение в результативной деятельности работника имеет содержание его труда. «Содержательную направленность процессу социальной регуляции придают социокультурные механизмы. Они обеспечивают взаимодействие элементов мотивационной сферы сознания

(потребностей, интересов, ценностей), вырабатывая относительно общие критерии и стандарты поведения.» [1, с. 26].

Именно поэтому, в социологических исследованиях трудовой сферы необходимо уделять наибольшее внимание мотивационным факторам, побуждающим работников к труду, и в первую очередь, потребностям и ценностным ориентациям. Поскольку трудовая мотивация должна быть направлена на улучшение качества трудовой жизни всех категорий работников, при достаточно высоком уровне неопределенности в социально-экономической ситуации нашей страны, то на первое место выходят задачи социального прогнозирования на долгосрочную перспективу.

В то же время, необходимо учитывать, что трудовые ценности работников, особенно молодых, подвержены динамическим изменениям в социуме, поэтому для грамотного анализа необходимо использование современного диагностического инструментария. В связи с этим, автором в 2012 году была разработана «циклическая концепция мотивации труда» [2, с.21],[3, с. 98], предлагающая проведение анализа мотивационных факторов по шести группам потребностей работников: информационная, материального достатка, социального статуса, семейного положения, карьерного роста и самосохранения, проиллюстрированных на рисунке 3. Все группы потребностей, актуализируются, затухают и снова становятся востребованными у различных категорий работников на протяжении 12 пятилетних циклов (от 18 до 80 лет), охватывающих практически весь период трудовой деятельности человека. Для подтверждения гипотез, обозначенных в авторской концепции, в 2015 году была создана тестовая диагностическая методика, названная «ЦМК» [4, с.46], с помощью которой проводится анализ мотивационных потребностей и трудовых ценностей разных профессиональных и возрастных групп работников в различных отраслях и сферах деятельности. Методика включает в себя 96 вопросов, распределенных по шести группам указанных выше потребностей, ответы респондентов учитываются с помощью балльной оценки от одного до пяти.

В данной статье мы представляем результаты разового опроса, проведенного в декабре 2016 года, по указанной выше диагностической методике среди работников разных профессий, возраста и пола, однако объединенных в одну социальную страту — все студенты 4-го (выпускного) курса по программе бакалавриата, заочной формы обучения по специальности «Управление персоналом» Академии труда и социальных отношений (г. Москва), проживающие в Московском регионе. В ходе проведения диагностической процедуры было опрошено 100 человек, из которых мужчины — (27,5%); женщины — (72,5%).

Возраст респондентов

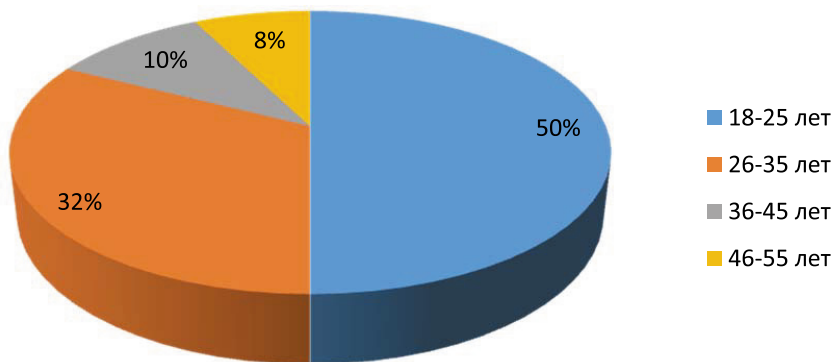

Рис. 1. Распределение респондентов в зависимости от возраста

Распределение исследуемых работников по трудовому стажу представлено на рисунке 2.

Трудовой стаж

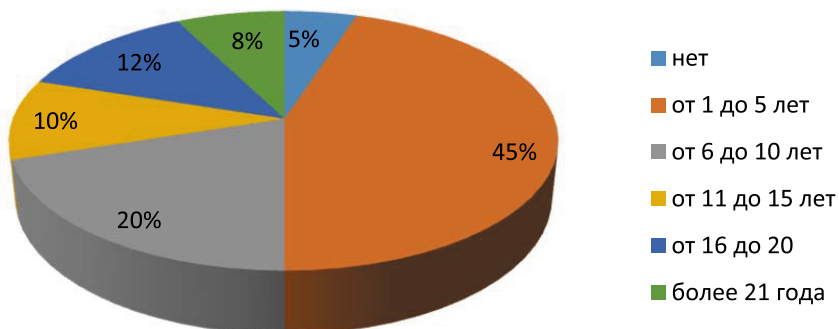

Рис. 2. Диаграмма распределения респондентов в зависимости от трудового стажа

В связи с тем, что в настоящее время, стаж работы является очень важным фактором, оказывающим влияние на трудоустройство, а обучение в образовательных организациях высшего образования — пре-

имущественно платное, то даже молодые работники, составляющие большинство респондентов, имеют трудовой стаж от 1 года до 10 лет.

Анализ семейного положения респондентов показывает, что — женат/замужем — 18 человек (45,0 %); холост/не замужем — 20 человек (50,0 %); разведен(а) — 2 человек (5,0 %); наличие детей: есть 1 ребенок у 9 человек (22,5 %); есть 2 и более детей у 4 человек (10,0 %); нет детей у 27 человек (67,5 %). Таким образом, отсутствие семейного статуса и детей у большого числа респондентов, свидетельствует о наличии других превалирующих трудовых ценностей.

В результате проведенного обследования было выделено следующее распределение мотивационных потребностей, описанных в циклической мотивационной концепции.

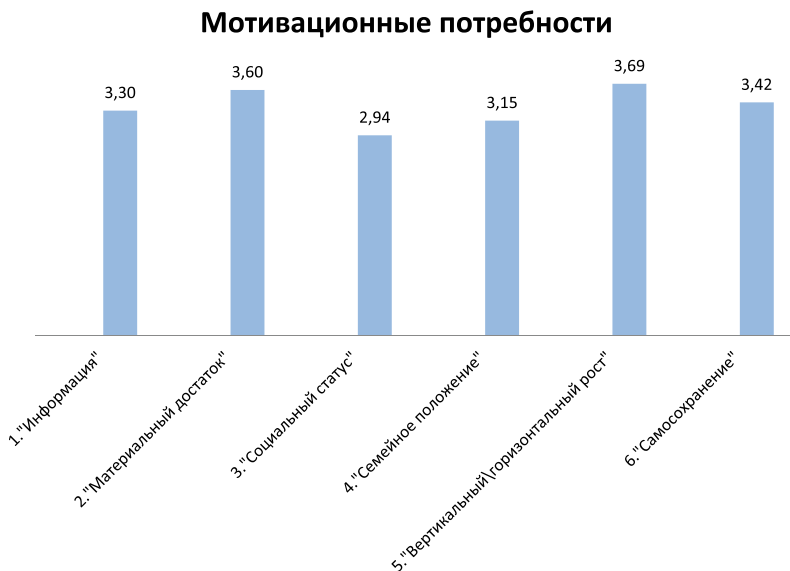

Рис. 3. Диаграмма распределения мотивационных потребностей в рамках циклической мотивационной концепции¹

Структура потребностей, наглядно показывает, что самый высокий показатель — это виды карьерного роста (3,69), что естественно, для

¹ Согласно применяемой балльной методике [4, с.46], уровень искомой потребности определяется от 1 до 5, общая сумма по 16 критериям в рамках определения каждой потребности, делится на число ответов. Величина является безразмерной.

работников, совмещающих работу с обучением, так как более высокий образовательный статус является элементом социально-стратификационного механизма регулирования общественного положения. На втором месте в системе трудовых ценностных ориентаций располагается материальный достаток (3,6), что также очевидно по причине, необходимости оплаты своего обучения, в данный временной период. При этом материальные предпочтения обследованных работников в отношении уровня достатка, удовлетворяющего базовые потребности распределяются следующим образом: 30 000—40 000 рублей — 3 человека (7,5 %); 40 000—50 000 рублей — 11 человек (27,5 %); свыше 50 000 рублей — 26 человек (65,0 %). На третьем месте (3,42) располагается потребность в самосохранении. Эта потребность является многофакторной, отражающей такие ценности, как физическая безопасность, состояние здоровья, признание заслуг в рамках организации. Дополнительный опрос респондентов, показали, что под этим они понимают необходимость сохранения своего рабочего места, что более чем актуально в сложных социально-экономических условиях. На четвертом месте с небольшим отрывом от остальных (3,3) располагается информационная потребность, что очевидно для работников, одновременно являющихся студентами, сознательно тратящими свое время и денежные средства на процесс получения высшего образования. Пятое место занимает потребность в обретении семейного положения (3,15). Как было показано выше, при описании выборки большинство респондентов имеют в настоящий момент другие трудовые ценности. На последнем месте (2,94) располагается потребность в обретении социального статуса, означающая, что кроме профессиональной реализации, работники испытывают интерес к тому, чтобы стать известным поэтом, ученым, художником. Дополнительный опрос показал, что этот статус проявляется в основном у работников более старшего возраста. Таким образом, в данной социальной страте были определены ценностные приоритеты, оказывающие влияние на трудовую мотивацию обследованных работников. Несмотря на мгновенный временной срез и недостаточную численность обследуемой выборки, тем не менее, можно предположить, что трудовые ценности, способствующие социально-стратификационному продвижению работников, являются преобладающими в механизме их социальной саморегуляции. В целях социального прогнозирования изменения трудовых ценностей работников, с использованием авторской концепции следует выбрать экспериментальную социальную группу, и проводить диагностику трудовых ценностей у ее членов через пятилетние временные периоды. При проведении анализа в студенческих группах, это возможно сделать два раза — в начале

и конце обучения, при отсутствии деструктивных внешних факторов, возникающих в условиях социальной неопределенности.

Список источников

1. Зубок Ю.А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи: монография. М. : Academia, 2006.
2. Шапиро С. А. Циклическая концепция мотивации труда // Труд и социальные отношения. 2012. № 6 (96).
3. Шапиро С. А. Циклическая концепция трудовой мотивации и пути ее реализации в практике управления персоналом // Мотивация и оплата труда. 2015. № 2 (42).
4. Шапиро С. А. Диагностика персонала в циклической мотивационной концепции // Мотивация и оплата труда. 2016. № 1 (45).

О. А. Воронкова

ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ВОРОНКОВА Ольга Алексеевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИС РАН, г. Москва, Россия; olden@ianet.ru

Аннотация. Проявление разнонаправленных тенденций начала XXI века: реставрации политико-идеологических механизмов формирования сознания, с одной стороны, и бурного развития мобильных средств коммуникации, с другой, ставит перед молодым поколением сложные задачи поиска своего места в обществе. Вопросы о том, насколько высок потенциал гражданского участия молодежи в современных социальных и политических процессах; готово ли молодое поколение внести свой вклад в формирование новой политической культуры, необходимой для стабильного и успешного развития России пока не имеют однозначных ответов и остаются остро дискуссионными. Образ современной молодежи, складывающийся по результатам социологических исследований, показывает, что она плохо подготовлена к тому, чтобы стать в будущем «гражданским обществом», так необходимым России для того, чтобы страна стала выходить из состояния затяжного кризиса. Вовлечь молодое поколение в общественную жизнь можно лишь путем оздоровления общей социокультурной, коммуникативной и политической среды, с одной стороны, и повышения качества образовательных программ, с другой, с тем, чтобы они были способны не только давать знания, но и развивать навыки участия в социально-политическом дискурсе, способствовать формированию политической культуры.

Ключевые слова: молодежь, кризис социализации, гражданское участие

Для молодого поколения XXI века, как справедливо отмечают политологи, характерно отсутствие необходимости внутреннего перестраивания установок, сложившихся у более зрелой части общества в полярно отличающихся от современности политических реалиях. Некоторые политологи уже оптимистично отмечают «формирование нового тренда, связанного с активным вхождением в политику нового поколения, социализированного в условиях постсоветского развития страны» [1, с. 37]. Это новое поколение, по их утверждениям, отличается высоким уровнем гражданской и политической активности, высокой мотивацией к участию в политической деятельности. Но, к сожалению, оптимизм быстро развеивается, если учесть, что по репрезентативным данным всего 12 %

молодежи проявляет какое-либо участие в общественной деятельности. Еще около 8 % участвуют в гражданской деятельности экологических организаций, ТСЖ, обществ защиты прав потребителей, правозащитных организаций, объединений по восстановлению и защите памятников истории, культуры и архитектуры и пр. А в собственно политической деятельности участвует всего 2—3 % [2, с.248].

Данные социологических исследований (Института Социологии РАН, Лаборатории Крыштановской и др.) свидетельствуют о серьезных проблемах социализации молодежи — разочаровании в возможностях найти достойное применение своим способностям, знаниям и энергии.

В целом молодежь (студенческая и начинающая работать) мало интересуется социально-политической жизнью и не владеет базовыми знаниями об устройстве политических систем. Молодые люди не различают чиновников и депутатов, не отличают правительство от администрации президента. Политическая картина мира молодого человека представляет собой хаотичный набор стереотипов, витающих в публичном пространстве и часто противоречащих друг другу. Молодежь не понимает действительных целей политики партий, подмечая, что в партийной системе названия партий не соответствуют заявленным программам. Молодые люди не находят своего пути в политическом процессе, заявляя, что нет партии, выражающей их интересы, что приводит к индифферентности молодежи как электората.

Молодежь высказывает недовольство сложившейся в современной России элитарно-олигархической моделью капитализма, коррумпированной бюрократической системой. Расхождение официальной политической риторики с наличием возможностей для самореализации не способствуют формированию у молодежи психологической уверенности в завтрашнем дне. Современная молодежь не идентифицирует себя с какой-либо идеологией, скептически оценивая и коммунистическое прошлое, и российский вариант «либеральной демократии» 90-х. С одной стороны, молодежь не против рыночной экономики, политической конкуренции, а с другой — идеей справедливости и социального равенства. При том, что ни одно из представленных в политическом поле мировоззрений не представляется молодым людям подходящим задачам развития государства, она ждет новой национальной идеи, которая могла бы внести определенность в политический курс. В то же время продвижение православия и военизированного патриотизма воспринимаются молодыми людьми с раздражением. Признавая необходимость ясного курса развития, молодые люди отказывают существующим идеологическим концепциям в легитимности как исходящим от коррумпированной власти.

В сознании молодежи преобладают представления о нечестности и некомпетентности представителей власти, тотальной коррумпированности чиновников. Респонденты отмечают непрозрачность процесса принятия государственных решений, цинизм и лицемерие политиков. По мнению большинства молодых людей, политическая элита пополняется не по принципу профессионального отбора, а только лишь через каналы личных связей. Профессионализм и лояльность, при этом, оказываются однозначно противопоставленными категориями. Невозможность влияния на принятие политических решений и что-либо изменить приводит к развитию как апатичных, так и агрессивных настроений, порождающих готовность к радикальным формам поведения.

Недовольство сложившейся системой государственного управления резко повышает степень агрессии, сопровождающей запросы на политические изменения. Главной повесткой дня политической активности должна быть, по мнению молодежи, борьба с коррупцией. Молодежь уверена, что коррупционная система должна быть сломлена самыми решительными мерами.

Политический мир молодежи контрастен. Она не мыслит категориями реформ. Недовольство властью, убежденность в невозможности реформ, политическая некомпетентность, сочетаемые с присущим возрасту максимализмом, склоняют молодежь к радикальным сценариям политических изменений. Однако вербальная критика власти не приводит к готовности к реальным действиям. Подавляющее большинство респондентов никогда не участвовало в протестных акциях, хотя к протесту, как к идее, многие относятся с сочувствием, разделяя общее возмущение коррупцией и несправедливостью. Чем сильнее молодежь осуждает коррупцию, тем в большей степени она готова оправдать протестные акции.

Негативное отношение к существующей власти порождает в сознании образ идеальной власти, которая должна направлять деятельность молодежи и создавать условия для самореализации. Не принимая всерьез лидеров-интеллигентов, работающих в правовом поле и являющихся такими же обычными россиянами, как они сами, молодежь романтически мечтает о героях, не имеющих слабостей, сильных, честных и благородных. По сути, у молодежи воспроизводятся традиционные для России установки на харизматичный, сакральный тип лидерства. Лидеру необходимо обладать некой мистической силой, возвышающей его над остальными людьми и дающей ему право вести их за собой. С этим связана популярность у молодежи образа президента. Хотя многие скептически оценивают результаты деятельности правительства, президент, по мнению молодых людей, обладает харизматичными качествами. Критика в адрес верховного лидера касается недостаточности силы и решитель-

ности (в той же борьбе с коррупцией). Молодежь хотела бы видеть на верховном посту еще более сильного лидера, способного радикальными и быстрыми мерами покончить с коррупцией.

Негативизм, как реакция на отсутствие перспектив самореализации, возможностей влияния на принятие государственных решений стал очень распространенным в молодежной среде. Но критика власти не поднимается до аналитического уровня. Критически настроенная молодежь практически не стремится к участию в политической и гражданской деятельности, предпочитая уход в свой микромир. Из непонимания механизма работы политической системы вытекает отсутствие взвешенных взглядов на происходящие процессы, неспособность видеть альтернативные варианты развития. И в этом смысле выводы о том, что молодое поколение начала XXI века это «потерянное поколение» [3], представляются вполне оправданными. Очевидно, что современный цивилизационный контекст диктует необходимость воспитания молодого поколения как будущего гражданского общества, а не как «одномерной массы», зависящей от сильного лидера. Формирование установок на активное участие в гражданской жизни начинается с созревания критически взвешенного отношения к предлагаемой информации, способности выработки собственного мнения, умения находить и артикулировать аргументы в защиту собственной позиции. Образовательные программы должны не только давать объемные знания, но и способствовать формированию политической культуры, создавать мотивацию гражданского участия.

Список источников

1. Зверев А. Л. О психологических истоках политического поведения молодых российских политиков // Полис. № 6. 2013. С. 37—45.
2. Петухов В. В. «Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России» // Россия и Китай: молодежь XXI века. М. : Новый хронограф. 2014. С. 239—259.
3. Гудков Л. «Молодым в стране не хватает воздуха» // «Независимая газета». 1.03.2016.

И. В. Петрук

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОТНОШЕНИИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В ГРУППЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ПЕТРУК Ирина Владимировна — студент-магистрант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия; irina.irina.petruk@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен проблеме распространения ВИЧ-инфекции и анализу актуальности профилактической работы в отношении ВИЧ-инфекции в группе несовершеннолетних. Представлены результаты социологического исследования 2016 года, направленного на анализ информированности несовершеннолетних Омской области по вопросам профилактики ВИЧ-инфекции.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, здравоохранение, профилактика ВИЧ-инфекции, несовершеннолетние

В настоящее время, по оценкам ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения) и ЮНЭЙДС, в мире официально зарегистрировано более 40 миллионов ВИЧ-инфицированных, в конце 2015 года в мире насчитывалось 36,7 миллионов [1]. На территории России общее количество зарегистрированных людей с ВИЧ на 1 августа 2016 г. достигло отметки 1062 476 человек. ВИЧ влияет не только на здоровье отдельного человека, но и на государство, общество в целом. Проблемы, которые детерминированы распространением ВИЧ-инфекции, касаются, так или иначе, всех нас.

Период, когда возникали диспуты на тему, является ли ВИЧ-инфекция проблемой медицинского характера или это заболевание имеет социальные аспекты, давно закончился. Сегодня ВИЧ перестал быть болезнью маргиналов и успешно «перекочевал» в социально благополучные слои населения. Инженеры, преподаватели, врачи... Вирус иммунодефицита очень демократичен, он с одинаковым успехом вносит коррективы в привычный образ жизни всех людей.

С 2006 года в России отмечается ежегодный рост числа новых случаев ВИЧ-инфекции в среднем на 10% в год. Сейчас проблема ВИЧ-инфекции стоит в России настолько остро, что в октябре 2016 года Правительством Российской Федерации была утверждена Государственная стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Одной из задач дан-

ной стратегии является совершенствование организации деятельности специализированных медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь лицам, зараженным вирусом иммунодефицита человека.

Излечить инфекцию невозможно, поэтому единственно-верным способом сокращения числа новых случаев заражения является профилактика ВИЧ-инфекции. В качестве основных методов профилактики ВИЧ выступают следующие: повышение обеспокоенности населения, то есть информирование населения о реальной угрозе заражения ВИЧ и о негативных последствиях заражения, информирование населения о способах предупреждения заражения, а также формирование у населения мотивации на изменение поведения в сторону менее опасного в плане заражения ВИЧ-инфекцией. Одним из показателей эффективности профилактической работы Российских СПИД-центров является уровень информированности населения по вопросам ВИЧ-инфекции.

Информированность в свою очередь затрагивает ряд ключевых аспектов данного заболевания от путей передачи до мест обследования (тестирования) на ВИЧ. На основе данных социологических исследований уровня информированности населения по вопросам ВИЧ-инфекции планируются и корректируются мероприятия, направленные на профилактику заболевания. Для успешного противодействия распространению ВИЧ население должно быть не только проинформировано об угрозе распространения ВИЧ, последствиях этого распространения для отдельных личностей и общества в целом, но также должны сформироваться устойчивые знания и навыки снижения риска заражения. В общем плане обращение к населению содержит информацию о том, что ВИЧ/СПИД представляет реальную угрозу для здоровья и жизни, как самого человека, так и его близких. Профилактику при этом, стоит начинать с подросткового возраста, чтобы предостеречь будущее поколение от опрометчивых поступков.

Информированность несовершеннолетних является одним из ключевых компонентов в профилактической работе любого СПИД-центра, поскольку позволяет избежать роста рискованного поведения в отношении ВИЧ-инфекции и выработать соответствующую культуру предупреждения заражения. Так, например, в августе 2016 года специалистами БУЗОО «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» было проведено социологическое исследование среди несовершеннолетнего города Омска и муниципальных районов Омской области. Которое показало, что информированность несовершеннолетних по проблеме ВИЧ-инфекции в обеих группах находится на высоком уровне — это свидетельствует о существующей системе профилактики ВИЧ-инфекции на территории региона. О путях передачи ВИЧ информированы 83 % респондента, проживающих в городе Омска, и 78 % — в районах Омской

области. Знаниями, как избежать заражения ВИЧ-инфекцией обладают 78 % и 74 % соответственно. Имеют представление, где можно пройти тестирование крови на ВИЧ — 57 % старшеклассников [2]. В ходе исследования было выяснено, что уровень информированности хоть и находится на достаточно высоком уровне, но все же не достигает придельного положительного значения.

Исследования в группе несовершеннолетних позволяет проводить мониторинг и оценку эффективности профилактики в данной целевой группе, изучить и проанализировать существующий уровень информированности по проблеме ВИЧ-инфекции, в соответствии с полученными данными скорректировать транслируемую информацию, расставив нужные акценты на проблемных точках при организации мероприятий по профилактике.

В свою очередь актуальность проведения профилактических работ в группе несовершеннолетних бесспорна. Поскольку, многие подростки не могут говорить о ВИЧ и о рискованном поведении, которое может привести к инфицированию ВИЧ, ни дома, ни с друзьями. Однако большинство из них ходят в школы, и школа является местом, где эти проблемы можно обсудить. Сильной стороной школы является то, что она может давать им не только информацию, а также учить их навыкам. Профилактическая работы со школьных лет позволит снизить общий уровень неграмотности в отношении ВИЧ-инфекции и снизить риски инфицирования у подрастающего поколения.

Список источников

1. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ). URL: <http://www.who.int/features/qa/71/ru/> (дата обращения: 25.01.2017).
2. Исследование уровня информированности несовершеннолетних Омской области по вопросам профилактики ВИЧ-инфекции. URL: http://www.aidsomsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=678:--2016-&catid=33:sozio&Itemid=65 (дата обращения: 25.01.2017).

О. Б. Савинская

ДЕТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕТСКИЙ САД: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ-ВШЭ, г. Москва, Россия; osavinskaya@hse.ru

Аннотация. В докладе предлагается проблематизация изучения взгляд детей на детство, и в частности на их повседневные практики в детском саду. Цель исследования — увидеть функционирование детского сада с точки зрения детей как социальных акторов, действующих в своей логике и со своими смыслами в пространстве детского сада, как они воспринимают «социальные порядки», нормы и правила пребывания в детском саду, какие ценности детского сада они на самом деле разделяют, и удастся ли им каким-либо образом реализовать эти ценности в повседневной деятельности в детском саду. Обсуждается возможность опроса детей дошкольного возраста и подбор специфических методик, соответствующих возрасту.

Ключевые слова: детство, детский сад, игра, опросные методы изучения детей, геймификация методов опроса, интервью-игра

Изучение детства как особой стадии жизненного пути человека привлекает все большее внимание исследователей в последние десятилетия. За последние два десятилетия подход к изучению детства принципиально изменяется: все больше исследователей уходят от понимания детства как «процесса становления» и развивают новый теоретический подход. Детство изучается как особое «бытие» человека [Холлоуэй, Валлентайн 2003], как мир, конструируемый детьми со своими особыми смыслами вследствие их особой позиции в обществе. Дети понимаются как зависимое от родительского поколения социальное меньшинство, пока еще слабо обладающее своим голосом и позицией в обществе, при этом обладающие малым биографическим прошлым, открытые для усвоения и быстрого применения общественных новаций. Этот подход дает более устойчивый статус детству, и открывает новые эмпирические поля для социальных исследователей.

Вместе с тем, востребованность изучения детства и применения новых подходов имеет не только научную, но и высокую социально-политическую, а вместе с тем практическую востребованность. За последние годы Россия проводит широкомасштабную структурную реформу в сфере обра-

зования, и в частности в сфере дошкольного образования. В 2012 году был принят новый «Закон об образовании в РФ (273-ФЗ от 29.12.12.)», на основании и которого разработан первый стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО). В 2015 году были приняты еще ряд значимых стратегических документов: Концепция семейной политики в РФ и План ее реализации, обновлен план действий по реализации Национальной стратегии в интересах детей на 2012—2017 годы, в мае 2015 г. принята Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Принятые документы свидетельствуют о приоритете реализации комплексной политики в отношении детей, что требует новых исследований, дающих основания для выстраивания «доказательной» политики (evidence-based policy).

Основная исследовательская цель нашего проекта — увидеть функционирование детского сада с точки зрения детей как социальных акторов, действующих в своей логике и со своими смыслами в пространстве детского сада, как они воспринимают «социальные порядки», нормы и правила пребывания в детском саду, какие ценности детского сада они на самом деле разделяют, и удастся ли им каким либо образом реализовать эти ценности в повседневной деятельности в детском саду. Этот взгляд будет соотнесен с тем, как понимается детский сад близкими ребенку взрослыми [Савинская 2015].

Открытие мира ребенка для современной культуры связано с именем Л. С. Выготского и его культурно-исторической теорией. Одним из выдающихся социологов, первым занявшимся проблемой детства как особой субкультуры в конце 1980-х гг., был И. С. Кон. Он выделял в процессе социализации стихийный и организованный компоненты и описывал, как те или иные институты «организуют» социализацию, понимая ее как «способ существования и трансмиссии культуры» [Кон, 1988]. В 2000-е годы проблеме социологии детства были посвящены работы С. Н. Щегловой (2003, 2000). В последние годы обращение к теме социологии детства связано с глобальными исследованиями, обращающими внимание на значимость инвестирования в развитие ребенка в первые годы его жизни, а также на протяжении всего его детства [Naudeau et al., 2011]. Международный проект «Город, дружественный детям», стартовавший в России в 2009 году, стал еще одним стимулирующим фактором развития данного тематического направления. Подход равноправного отношения к миру детства был реализован в нескольких проектах, посвящённых освоению детьми социального пространства города [Сибирева, 2010; Филиппова, 2012].

Детализированное изучение повседневности детей было проведено в работе М. В. Осориной [2008], однако, работы, в которых бы авторы с по-

зиции ребенка разбирали жизненный мир детского сада, в рамках нашего изучения литературы выявлено не было. Родительский взгляд на повседневность детского сада был описан в работах О. Б. Савинской (2015). Имеется достаточно много работ в рамках педагогики, которые изучают мир ребенка с точки зрения педагогов и их роли в развитии ребенка.

Изучение мнения и взглядов детей дошкольного возраста имеет свою специфику. Особенности методов социологического изучения детства посвящены работы как российских авторов (Щеглова, 2000), так и зарубежных [см. например, обзор в Handbook..., 2015]. Имеется повсеместная практика изучения детских взглядов и предпочтений в маркетинговых исследованиях.

Фокусируясь в нашем исследовании на возрасте детей 6—8 лет, необходимо учитывать особенности возрастного развития. Ведущей деятельностью в этом возрасте остается игровая деятельность, которая становится основой для разных других целей: развивающих, образовательных, досуговых, коммуникативных и т. д. Включение игры в методы сбора информации уже были применены в работе в работе Н. А. Селиверстовой (2000).

Идея геймификации методов изучения взглядов согласуется в теории игры Л. С. Выготского (1966), который предполагал, что ребенок в игре легко реконструирует «мнимую» ситуацию, воплощая в ней нереализованные мотивы, интересы и установки в своих фантазиях. причем такое фантазийное творчество дает ребенку удовлетворение, побуждая, вовлекая его в длительное участие в игре.

Учитывая все выше сказанные аргументы, мы предприняли реализовать многометодную качественную стратегию, применив три метода:

- индивидуальная сюжетная игра-интервью, особенность методики — проективные ситуации, которые проигрываются с интервьюером, и по ходу выражаются свои оценки к проигрываемой ситуации. Возрастные границы опрашиваемых — 6—8 лет. Мы решили задействовать опыт первоклассников, поскольку они лучше артикулируют свои впечатления и еще могут живо вспомнить свой опыт посещения детского сада;

- ориентированная на игру групповая дискуссия. Необходимость фокус-групп продиктована тем, что в ходе групповой динамики дети могут взаимно стимулировать друг друга на более реалистичные воспоминания и проигрывание ситуаций, близких к типичным ситуациям в детском саду;

- в качестве дополнительного к первым двум методам добавляются рисуночные проективные методики (будет предложено нарисовать любую ситуацию из жизни детского сада), которые завершают индивидуальную или групповую беседу-игру.

Первый опыт применения этих методик показал высокую познавательную значимость.

Список источников

1. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии 1966. № 6. С. 62—68.
2. Кон И. С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). М. : Наука, 1988. 270 с.
3. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Питер, 2008.
4. Савинская О. Б. Родительская оценка услуг детского сада: ценность воспитания и обучения (на примере г. Москвы) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2. С. 115—129.
5. Селиверстова Н. А. Дети как респонденты (Опыт конкретного социологического исследования) // Социологический сборник. Вып. 6. / Ин-т молодежи ; под общей ред. В. А. Лукова. М. : Социум, 2000. С. 156—162.
6. Сибирева М. Ю. Влияние мегаполиса на социализацию ребенка // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 147—150.
7. Филиппова А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 1 (10). С. 79—94.
8. Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: новые направления социальных исследований // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования : Реферативный сборник / отв. ред. Гирко Л. В. М. : ИНИОН, 2003.
9. Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М. : ЮНПРЕСС, 2000. URL: http://www.ekimovka-x.ru/files/sociolog/sheglova_kak_izuchat_detstvo.pdf (дата обращения 31.03.2015).
10. Щеглова С. Н. «Социология детства» как элективный курс. Опыт преподавания // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 109—112.
11. Handbook of research methods in early childhood education: Research methodologies. Ed. by O. N. Saracho. Charlotte, NC: Information Age, 2015.
12. Naudeau S., N. Kataoka, Valerio A., Neuman M. J., Kennedy Elder L. An Early Childhood Development. Guide for Policy Dialogue and Project Preparation. Wash., DC: World Bank, 2011.

И. В. Шаблий

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ШАБЛИЙ Илона Валерьевна — бакалавр психологии, специалист по УМР кафедры психологии Филиала МГУ в г. Севастополе, г. Севастополь, Россия; ilonsy@mail.ru

Аннотация. С каждым годом процент подростковой преступности возрастает все более стремительно. Это связано с большим количеством факторов. Например, слабая профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, плохая организация общественной работы с подобным контингентом, отсутствие воспитательной функции в системе обучения, излишне мягкая ответственность за совершение преступлений и т. д.

Ключевые слова: Подросток, подростковая преступность, делинквентное поведение, комплекс неполноценности

Принято считать, что недостаточный уровень экономического развития страны, низкий уровень жизни, особенности окружения, в котором растет ребенок влияет на его становление. Бесспорно, это так. Ведь ребенок, который родился в неблагополучной семье, который растет в семье, где один родитель страдает какой-либо зависимостью, а второй является со-зависимым, вырастит скорее с проявлением патологического поведения, с девиантными, либо делинкветными особенностями личности. Подросток, который с детства будет страдать от материального неблагополучия в семье, к тому же при невнимании со стороны девиантных родителей, скорее будет искать доход с помощью грабежей, воровства, разбоев и нападений.

Не мало важным фактором в развитии личности малолетнего преступника является круг его друзей. Так по статистике 70% преступлений, совершенных подростками, были групповые преступления, будь то убийства, грабежи, насилие и пр. Место, в котором проживает малолетний преступник, также оказывает не малое влияние на делинквентное поведение подростка. Так, например, в российской глубинке, поселках и провинциальных городах несовершеннолетняя преступность встречается чаще, в частности преступления, совершенные в алкогольном и наркотическом опьянении. Это связано с не развитой инфраструктурой поселков, отсутствием мест культурного время проведения. Это связано с развитием социального интеллекта в меньшей степени по сравнению с подростками, которые выросли и проживают в больших городах и столицах.

Преступления, совершаемые в больших городах, носят несколько другой характер. Безусловно, они по характеристикам, мотивам и особенностям совершения, практически не отличаются от вышеописанных. Но скорее носят более глубинный характер. Ведь подростки, проживающие в городах и совершающие преступления, зачастую страдают либо от психических заболеваний, либо от невнимания со стороны родителей (что зачастую встречается в больших городах, где старшие члены семьи вынуждены много работать), либо от гиперопеки одного из родителей. Примером такого преступления может служить недавний случай, произошедший в Москве. Подросток, 14 лет, который вырос в обеспеченной семье, воспитывавшийся своей матерью, с детства не знал ни в чем отказа. Он заплатил своим более старшим товарищам деньги, чтобы те убили его мать. На следствии, он полностью признал вину, аргументируя тем, что гиперопека со стороны матери стала его удручать. Работа психиатров и диагностика, признали у подростка множественные расстройства и неврозы, которые были сформированы в следствии материнской гиперопеки.

Большинство подростков, которые в детстве страдали комплексом неполноценности, попадая в какую-либо компанию, стремятся к его подавлению, к превосходству над другими и находят выход для самоутверждения в группе сверстников, с помощью проявления силы, с помощью совершения преступлений внутри группы, либо совместно с группой. Так появляются групповые подростковые преступления. По А. Адлеру, это управляющий тип поведения личности. Если исходить из его теории порядка рождения в семье, то наиболее склонными к совершению преступлений, являются единственные дети в семье, либо последние, так как получаемое ими изнеженное воспитание может приводить к различным внутриличностным конфликтам. Такие дети зачастую склонны к эгоизму, заинтересованы в том, чтобы всегда находиться в центре внимания. И если такой ребенок, выходя из круга семьи, в которой его балуют и изнеживают, попадает в общество других подростков, где он не чувствует превосходства над сверстниками, то подросток начинает совершать противоправные действия, чтобы таким образом утвердиться.

Для решения проблемы подростковой преступности, необходимо формирование специального органа профессиональных соцработников. В их компетенцию следует включить деятельность по сопровождению семьи. Эти работники должны взаимодействовать с детьми, растущими в неблагополучных семьях, воспитанниками приютов. Необходимо также четкое законодательное определение формы проведения такой деятельности. Сегодня уже разработан и внедряется в практику комплекс дополнительных мероприятий. Они направлены:

1. На улучшение здоровья подростков, их психического, физического и умственного состояния.
2. Юридическое выделение деятельности государства, общества и семьи по воспитанию несовершеннолетних в качестве специальной сферы, требующей максимальных привилегий и преимуществ в сравнении с прочими областями социальной и производственной инфраструктуры.
3. Своевременную и полную компенсацию подросткам потерь, обусловленных утратой родителей или неблагополучием семьи.
4. Преодоление безответственности за состояние и судьбу несовершеннолетних, искалеченных субъектами, осуществляющими их воспитание.
5. Формирование условий для сохранения, совершенствования и реализации детского творческого и трудового потенциала.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Личность преступника. М. : Наука, 2004.
2. Криминология: учебник / под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. М., 2004.
3. Кудрявцев В. Н. Социальные причины организованной преступности в России // Социально-правовой альманах. 2000. № 1.
4. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер, 2006

Т. В. Черняк

КАРЬЕРА ВЫПУСКНИКОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ И ВУЗА

ЧЕРНЯК Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия; tatyana.chernyak@yandex.ru

Аннотация. Подготовка профессиональных инновационных кадров для народного хозяйства и государственной службы — приоритетная задача для Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России. Важнейшими показателями качества подготовки выпускников вуза являются конкурентоспособность востребованность молодых специалистов на рынке труда и карьера выпускников вуза. Выполняя обязанности заместителя проректора по организации практики, содействия занятости и трудоустройства, работе с выпускниками в течение восьми лет в Сибирской академии государственной службы (ныне — Сибирский институт управления- СИУ РАНХиГС) автор статьи ежегодно, а также при прохождении вузом очередной аккредитации, проводила изучение мнения выпускников вуза, работодателей-экспертов о качестве подготовки будущих специалистов. Это давало вузу возможность прогнозировать потребности работодателей, обновлять образовательные программы и разрабатывать новые направления подготовки с учетом потребностей перспективного развития региона. В статье приводятся данные сравнительного исследования, проведенного в 2016 году в вузе среди 153 выпускников кафедры управления персоналом СИУ РАНХиГС 2010, 2014, 2015 годов выпуска.

Ключевые слова: выпускники, трудоустройство, карьера, карьерная стратегия, карьерный потенциал

После окончания учебного заведения выпускники сталкиваются с проблемами трудоустройства, поскольку не только не имеют достаточного профессионального опыта, но часто не представляют своей профессиональной карьеры и неадекватно оценивают свою профессиональную перспективу, поскольку вуз не всегда формирует представление о построении карьеры. Это снижает уровень конкурентоспособности выпускников вуза на рынке труда, часто являясь не следствием некаче-

ственной подготовки в вузе, а лишь слабой подготовленностью молодых специалистов к «выживанию» в новых условиях.

Так, в исследованиях автора 2005—2009 года и эксперты-работодатели, и выпускники вуза отметили высокое качество подготовки специалистов в вузе по всем параметрам (от 70 % до 92 %). Оценки высокого качества подготовки выпускников экспертами касались: уровня профессиональной общетеоретической подготовки — 92 %; уровня способности работать в коллективе, команде — 92 %; эрудированности, общей культуры — 88 %; уровня базовых знаний и навыков — 86 %; способности воспринимать и анализировать новую информацию, развивать новые идеи — 85 %; способности эффективно представлять себя и результаты своего труда — 84 %; уровня навыков работы на компьютере, знание необходимых в работе программ — 83 %; готовности и способности к дальнейшему обучению — 81 %; нацеленности на карьерный рост и профессиональное развитие — 77 %; уровня практических знаний, умений — 76 %; осведомленности в смежных областях полученной специальности — 75 % [7].

Но кроме качества подготовки, необходимо оценивать вуз и по такому важному критерию, как развитие карьеры выпускников. В ходе проведенного в 2016 году сравнительного исследования изучались такие аспекты, как трудоустройство выпускников по специальности, степень удовлетворенности выпускников уровнем профессиональной подготовки в вузе; степень влияния различных факторов на профессиональную деятельность выпускников; оценка выбора вуза и специальности выпускниками в настоящий момент. Для реализации задач исследования мы опирались на следующие подходы к содержанию понятий карьеры и ее составляющих в научных источниках.

Трудоустройство рассматривается Н. Н. Деевой как социальное отношение, основными агентами которого выступают, с одной стороны, человек, предлагающий на рынке труда свою рабочую силу (профессиональные знания, навыки и умения), с другой стороны, работодатель [1]. А карьера рассматривается учеными как «поступательный процесс продвижения по должностным этапам профессионального развития, обусловленный повышением конкурентоспособности работника, сопряженный со степенью качественных изменений в профессиональной деятельности (увеличением заработной платы, уровнем должностных прав и обязанностей, степенью самостоятельности и ответственности) и степенью удовлетворенности данным развитием» [6]. По мнению А. П. Егоршина «карьерный рост — это постоянно разворачивающийся процесс запланированных и направленных на достижение жизненных целей и реализацию личной занятости действий» [4]. Профессиональная карьера — это «процесс профессионального совершенствования чело-

века, связанный с реализацией им разнообразных профессионально-должностных ролей и сопровождающийся ростом его профессионального, должностного и социального статуса, по мнению А. А. Деркача [2].

Для построения карьеры необходима определенная карьерная стратегия — как «осознанный выбор человеком одного или нескольких векторов карьеры на основе представлений, которые сложились у него о возможности карьерного роста в определенной организации и его личной жизненной ситуации» [3]. Но для успешной карьеры необходим карьерный потенциал — как «все характеристики, которыми обладает человек для того, чтобы построить свою карьеру» [5]. Все эти теоретические основы позволили обосновать методологию и методы исследования: анализ документов, анкетирование и статистический анализ.

Так, в начале исследования была определена основная организационно-правовая форма трудоустройства выпускников. Выпускники всех изучаемых годов выпуска отдали предпочтение негосударственной организационно-правовой форме (2010—60 %, 2014—65 %, 2015—77 %), так как карьера здесь складывается успешнее. Далее было выявлено, работают ли выпускники по специальности, полученной в вузе или в другой сфере деятельности. Так, по своей специальности работают: в большинстве — (80 %) выпускники 2010 года и только каждый второй выпускник 2014 и 2015 года (47 % и 42 %). Выявлен и должностной рост (вертикальная карьера) выпускников кафедры управления персоналом на данный момент, а именно: в течение 5 лет каждый третий выпускник становится руководителем, т. е. видна благоприятная тенденция в развитии карьеры (2010—26 %, 2014—11 %, 2015—9 %).

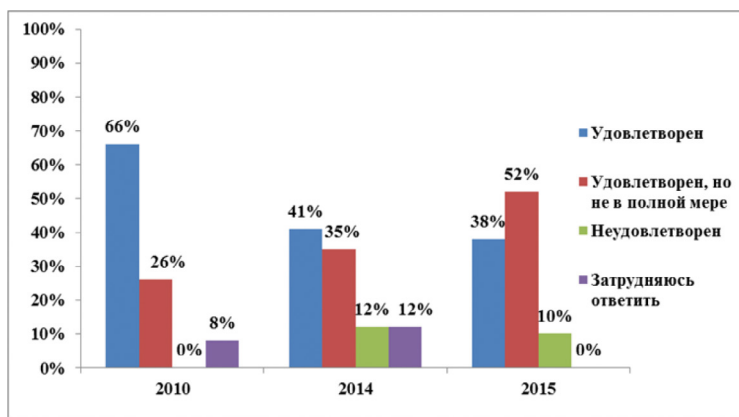

Рис. 1. Степень удовлетворенности выпускников кафедры управления персоналом уровнем полученной в вузе профессиональной подготовки

Была выявлена степень удовлетворенности выпускников уровнем полученной в институте профессиональной подготовки (Рисунок 1).

Так, в 2010 году большинство выпускников были удовлетворены подготовкой в вузе (66 %), но к сожалению, удовлетворенность выпускников 2014 и 2015 года была несколько ниже (41 % и 38 %). В то же время, необходимо учитывать, что это было время самого острого кризиса, когда снизилась потребность в специалистах в сфере управления персоналом.

Была выявлена и степень влияния различных факторов на профессиональную деятельность (рост карьеры) выпускников (Рисунок 2).

Рис. 2. Влияние факторов на профессиональную деятельность выпускников кафедры управления персоналом

Так, по мнению выпускников, вузу необходимо усилить подготовку в сфере: развития способности работать в коллективе, в команде (2010—71 %, 2014—61 %, 2015—55 %); повышения уровня развития эрудированности и общей культуры (2010—50 %, 2014—33 %, 2015—21 %), но остальные параметры подготовки как и в 2005—2009 году получили высокие оценки — до 100 %.

Далее, выявлялась оценка выпускниками выбора специальности и вуза с позиций опыта работы (Рисунок 3).

Большинство выпускников предпочли бы выбрать вновь тот же вуз и специальность (2010—49 %, 2014—51 %, 2015—43 %), что говорит о высокой оценке качества профессиональной подготовки выпускников в СИУ РАНХиГС. Но, к сожалению, часть выпускников предпочли бы другую специальность и другой вуз, в связи с тем, что выпускники хотят попробовать себя и в смежных областях, далёких от специальности (2010—31 %, 2014—28 %, 2015—29 %).

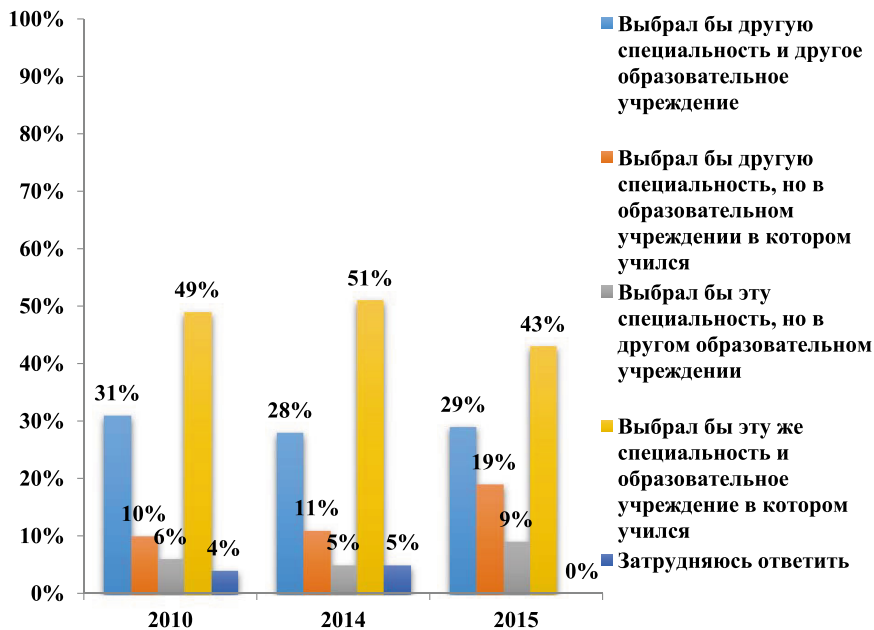

Рис. 3. Оценка выпускниками выбора специальности и вуза

Согласно исследованию 2005—2009 года, 61 % выпускников выбрали бы ту же специальность и вуз; 21 % — выбрали бы другую специальность, но в этом же вузе; и лишь 8 % выбрали бы эту же специальность, но другой вуз; и лишь 3 % выпускников выбрали бы другую специальность в другом вузе.

Как видим, большинство выпускников и ранее, и в 2016 году предпочли бы выбрать вновь тот же вуз и специальность, что вновь говорит о высокой оценке качества профессиональной подготовки специалистов со стороны выпускников вуза.

В исследовании оценивалось и влияние имиджа СИУ РАНХиГС на трудоустройство выпускников и их дальнейшее карьерное продвижение (Рисунок 4).

Выпускники отмечают, что в целом, имидж вуза значительно повлиял на трудоустройство выпускников и на развитие их карьеры, т. к. СИУ РАНХиГС предоставляет качественные образовательные услуги, готовит профессиональные кадры и имеет возможность активно способствовать содействию занятости студентов и трудоустройству выпускников через систему организации практики, а также по месту трудоустройства выпускников вуза прошлых лет.

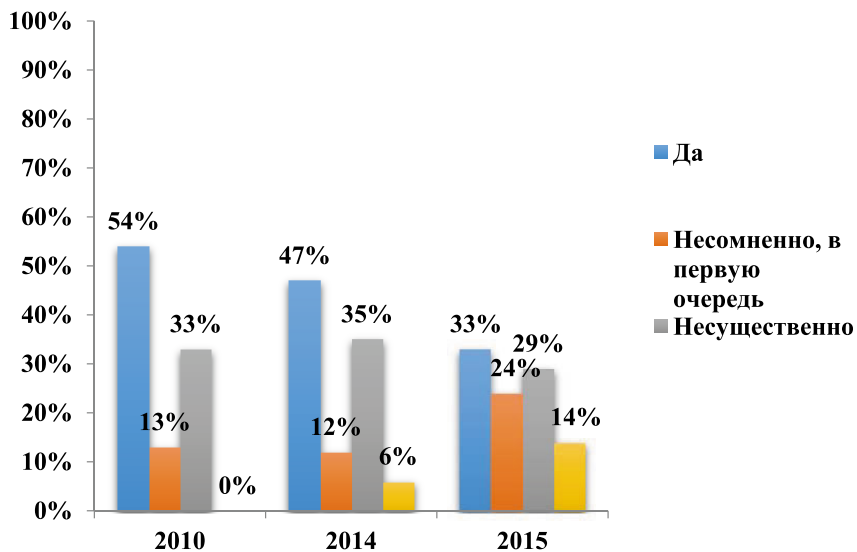

Рис. 4. Влияние имиджа СИУ РАНХиГС на трудоустройство выпускников и их дальнейшее карьерного продвижение

Таким образом, результаты сравнительного исследования выявили положительные тенденции в оценке качества подготовки и карьере выпускников вуза, а именно: высокие оценки качества профессиональной подготовки в вузе выпускниками, стабильный рост их карьеры, подтверждение выбора вуза и специальности с учетом опыта работы. В то же время, для долгосрочного перспективного развития, и кафедре, и вузу необходимо проводить систематические мониторинговые исследования по оценке качества подготовки и карьере выпускников, что позволит выявлять новые потребности специалистов-практиков, удовлетворять эти запросы при разработке новых направлений подготовки конкурентоспособных выпускников.

Список источников

1. Деева Н. Н. Структурный анализ трудоустройства молодых специалистов // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 132.
2. Деркач А. А. Психология профессиональной деятельности. М. : Изд-во РАГС, 2010.
3. Долгорукова О. А. Построение карьеры. СПб. : Питер, 2014.
4. Егоршин А. П. Основы управления персоналом: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2015.

5. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 2011.

6. Миляева Л. Г. Методические аспекты анализа карьерных стратегий молодых специалистов выпускников вузов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6.

7. Черняк Т. В. Востребованность выпускников ФГОУ ВПО СибАГС как показатель качества образовательной деятельности академии / Т. В. Черняк // Государственное и муниципальное управление в Сибири: состояние и перспективы. 2012. С. 309—317.

В. В. Поляничко

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДОГО ОФИЦЕРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОЛЯНИЧКО Владимир Васильевич — адъюнкт кафедры социологии, Военный университет МО РФ, г. Москва, Россия; v9169981823@yandex.ru

Аннотация. Социальный капитал офицера может служить основой для совершенствования эмпирических исследований в области современных коммуникаций, являясь одной из потребностей в интеграции и поступательном движении вперед, в повышении эффективности результативной деятельности исследователя.

Ключевые слова: социальный капитал, мобильность, офицер, авторитет, коммуникация, социальное взаимодействие

Социальный капитал офицера может служить основой для совершенствования эмпирических исследований в области современных коммуникаций, являясь одной из потребностей в интеграции и поступательном движении вперед, в повышении эффективности результативной деятельности исследователя. Необходимость анализа социального капитала при разработке исследовательских стандартов, перспектив их применения обусловлена следующими обстоятельствами:

- возрастаньем роли социального капитала при проведении исследований в области коммуникации;
- необходимостью повышения авторитета исследователя в условиях минимизации социальных отношений, деструктивно влияющих на проведение исследований.

В современной социологии можно выделить всего несколько научных подходов к изучению коммуникации. Во-первых, это разные подходы технократического и интеракционного направления, что уводит нас от понимания сущности коммуникации в рамках социального капитала личности. Во-вторых, что наиболее востребовано в обществе социологов, в рамках интеракционизма, где ученые разделились в решении вопроса о том, что такое современная коммуникация:

- ссылка на индивидуальную осознанную деятельность;
- производная от социальной структуры.

Коммуникация в данных интерпретациях занимает одно из центральных мест в дебатах современных социологов и психологов. Интеракционный подход рассматривает коммуникацию как взаимодей-

стве. Именно интеракционная социологическая теория играет важнейшую роль в теоретическом исследовании коммуникации, которая по своей сути является источником социального обмена и социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие, в свою очередь является центральным понятием многих социологических теорий. В основе его лежит понимание того, что индивид или общество всегда находятся в окружении других действующих лиц, и ведет себя в соответствии с этой социальной ситуацией. Исходя из выше изложенного, социальный капитал определяется автором, как социальное богатство личности, которое формируются и воспроизводятся при условии позитивных межличностных связей с референтным окружением, что обеспечивает доступ этой личности к различным ресурсам партнеров, а с другой стороны дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами для достижения жизненных целей.

Для практического использования социологических знаний о социальном капитале целесообразно проанализировать теоретико-методологические аспекты рассмотрения данного феномена.

На протяжении более чем двух десятилетий социальный капитал занимает одно из центральных мест в социологической науке как теоретическая концепция и как предмет эмпирических исследований. Активный интерес к феномену социального капитала со стороны различных областей социальных наук связан с тем, что данная концепция позволяет измерить количество и качество межличностных связей, присущих людям различных специальностей.

Широкую известность концепция социального капитала получила в результате проведенных исследований Р. Патнэмом, предложившим оригинальную, хотя и несколько упрощенную, интерпретацию его сущности и функций в различных сферах человеческой деятельности [1, 58]. Исследования Р. Патнэма оказали влияние на смещение акцента в анализе социального капитала с его экономической функции на понимание его природы как общественного блага. Данный подход, рассмотренный в работах Ф. Фукуямы [2] и других исследователей, во многом определил современное состояние научных дискуссий в области исследования социального капитала.

В российской социологии концепция социального капитала стала предметом изучения относительно недавно, так понятие и определение теоретических способов его осмысления, во многом остаются не освоенными, а соответствующий понятийный аппарат находится в стадии формирования на основе заимствования зарубежного опыта. Тем не менее, публикации в отечественных научных изданиях в последние годы позволили российским исследователям познакомиться с главными «каноническими» ра-

ботами основоположников теории социального капитала, подключиться к дискуссиям о статусе данной концепции в современной социологии. Теоретические основы концепции социального капитала содержатся в работах Бусовой Н. [3], Дискина И. Е. [4], Радаева В. В. [5,109], Степаненко В. [6], Стрельниковой Л. В. [7], Шихирева П. Н. [8]. Проблематика социального капитала становится предметом дискуссий не только в среде социологов, но и среди представителей других социальных наук [9].

Интерес социологов к категории «социальный капитал» растет не случайно. Опираясь на множество смысловых вариаций и трактовок, применение данного термина поражает своим многообразием:

- а) конвертация социального капитала через образование (В. Г. Вольвач, А. В. Галахова, Н. В. Горбунова, Л. С. Жгун, И. П. Попова);
- б) определение функций социального капитала для индивида и социума в целом (Е. Г. Лукьянова, Н. Л. Русинова, М. С. Татарко);
- в) изучение социального капитала через такой аспект, как доверие (С. Д. Балмаева, А. Селигман, Т. А. Рассадина);
- г) изучение социального капитала через призму социальных сетей (Л. А. Беляева, Д. М. Борисов).

Социальный капитал определяет условия, способствующие сотрудничеству индивидов, и включает в себя социальные сети, идеи, ценности, убеждения, отражающие состояние современной коммуникации.

Автор считает, что основными целями социального капитала личности в условиях современных коммуникаций являются:

1. Социальный капитал формируется на основе принятия офицером коллективных ценностей социальной среды;
2. Процесс формирования и воспроизводства социального капитала в современных условиях позволяет влиять на ценностно-смысловые основы функционирования социальной среды;
3. Социальный капитал выполняет ряд значимых для жизни офицера функций: экономическую, социальную и культурную, тем самым обеспечивая индивиду благоприятные условия для реализации его жизненных приоритетов и целей;

Таким образом, современная коммуникация не возможна без структурного анализа формирования и воспроизводства социального капитала офицера. Дальнейшее изучение этой категории позволит социологам более точно определять основные направления развития взаимодействий как офицеров между собой, так и подразделений в целом.

Список источников

1. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭ и МО. 1995. № 4.

2. Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1.
3. Fukuyama, F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. NY: Free Press, 1995. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
4. Бусова Н. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8.
5. Дискин И. Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1.
6. Дискин И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
7. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность. 2002. Т. 3. № 4.
8. Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 109—130.
9. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2.
10. Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
11. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
12. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

Е. В. Дианина

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РАБОТЕ ПО ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ДИАНИНА Елена Вадимовна — ассистент кафедры рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления, г. Москва, Россия; elena-dianina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль профориентации в России. Представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение традиционных профориентационных мероприятий, оказывающих влияние на профессиональное самоопределение московской учащейся молодёжи. По результатам исследования делается вывод о том, что традиционные методы и формы проведения профориентации являются неинтересными для старшеклассников, что сказывается на эффективности данной работы и на формировании профессионального самоопределения учащихся. В качестве одной из перспективных форм проведения профориентации в школе рассматриваются социальные сети, а также приводятся результаты исследования, направленные на изучения роли, целей использования социальных сетей и анализируется применения их в учебном процессе, в том числе и в профориентационной работе в школе. По результатам исследования сформулированы рекомендации по использованию социальных сетей в работе по профориентации. Таким образом, социальные сети имеют большой потенциал в совершенствовании профориентационной работы в целом и могут стать одним из основных источников получения информации о будущей профессиональной сфере, выборе учебных учреждений.

Ключевые слова: социальные сети, профориентация, профессиональное самоопределение молодежи, формы и методы профориентации

В настоящее время проблема профориентации в России приобретает особую актуальность в связи с экономическим кризисом, непростой политической ситуацией и реформированием системы образования РФ, в том числе введение профильного обучения в старших классах, которое направлено на реализацию личностно-ориентированного учебного процесса [2]. Нельзя не учитывать и стремительное развитие инновационных технологий, которые непосредственно влияют на структуру рынка труда и диктуют новые условия и требования к работникам. В связи с этим возникает необходимость построения эффективной системы управления профессиональной ориентацией молодежи. Вопросы профессиональ-

ного самоопределения молодежи и профориентационной работы вновь становятся объектом обсуждения на государственном уровне, об этом свидетельствует заявление министра образования РФ Ольги Юрьевны Васильевой о необходимости вернуть профориентационную работу в школу [1].

Одной из главных проблем профориентации на сегодняшний день можно считать применение устаревших, мало эффективных методов и форм ее проведения. Эту точку зрения подтверждают многие ученые, занимающиеся профориентацией молодежи.

Для определения эффективности профориентационных мероприятий в московских школах в 2015 году был проведен опрос, в котором приняли участие 238 старшеклассников. Наиболее эффективными, способствующими профессиональному самоопределению в школе старшеклассники считают индивидуальную профконсультацию, психологическую диагностику профессиональной направленности личности, а также встречи со специалистами и с преподавателями вузов (сред.знач.4). Такие традиционные мероприятия как: знакомство с различными профессиями, тематические экскурсии на предприятия и посещение ярмарки вакансий являются менее значимыми (сред.знач.3).

Таким образом, традиционные формы проведения профориентации становятся неинтересны старшеклассникам, которые в большей степени заинтересованы в изучении своих личностных и профессиональных качеств, а также во взаимодействии с представителями вузов и бизнеса. Это диктует необходимость искать новые формы и методы, которые были бы интересные для современной молодежи.

На наш взгляд, для более эффективной работы по профориентации могут быть использованы социальные сети как один из перспективных каналов коммуникации, влияющий на профессиональное самоопределение молодежи, так как социальные сети популярны среди молодежи. По результатам опроса, 85% старшеклассников постоянно пользуются социальными сетями, иногда пользуются социальными сетями 15,1%. Важно отметить, что вариант ответа «не пользуются социальными сетями» не выбрал ни один респондент. Следует заключить, что социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современной молодежи.

Среди социальных сетей наиболее популярными являются «ВКонтакте» (42,8%), Twitter (21,7%), Facebook (18,1%). Наименее популярными социальными сетями, по мнению, респондентов, стали «Одноклассники» (8,7%) и «Мой мир@mail.ru» (8,5%). В среднем старшеклассники проводят в социальных сетях по 5—6 часов в день, то есть значительную часть суток.

По мнению респондентов, социальные сети предназначены для общения с друзьями (31,2%), прослушивания и скачивания музыки (25,3%),

почти четверть старшеклассников социальные сети использует для поиска информации, учебы и просмотра фильмов (19%).

Таким образом, социальные сети несут в себе не только развлекательный компонент, но и задействованы в процессе обучения.

Для старшеклассников наиболее интересной информацией по выбору профессии, размещенной в социальных сетях, прежде всего, является информация о требованиях к абитуриентам (перечень ЕГЭ для поступления, проходной балл льготы) — 31,1% и информация о вузах (рейтинг вуза, направления подготовки, наличие бюджетных мест, стоимость обучения) — 30,4%. Почти в два раза меньше старшеклассников интересует информация о перспективах трудоустройства по выбранной профессии (15,6%), а также информация о возможности трудоустройства молодежи для дополнительной подработки — 13,3%.

Меньше внимания молодежь уделяет информации о состоянии рынка труда (профессиях, потребностях в специалистах, сведениям о работодателях и т. д.) — лишь 9,6%. Необходимо отметить, что современные выпускники подходят к выбору профессии, ориентируясь в основном на информацию о вузе и требованиях к абитуриентам, не учитывая такие важные факторы как ситуация на рынке труда и возможность трудоустройства по выбранной специальности.

В соответствии с результатами исследования, вузам рекомендуется размещать в социальных сетях более подробную информацию о требованиях и правилах поступления, существующих направлениях подготовки, количестве бюджетных мест.

Таким образом, учитывая массовую популярность социальных сетей, можно предположить, что они могут стать одним из основных источников получения информации о специфике будущей профессиональной сферы, выборе высших и средних профессиональных учебных учреждений, а также имеют большой потенциал в совершенствовании профориентационной работы в целом.

Список источников

1. Васильева: профориентация старшеклассников должна возвращаться в школы. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3966532> (дата обращения: 20.02.2017).
2. Концепция профильного обучения на старшей ступени обучения общего образования [Электронный ресурс]. URL: http://omc.zouo.ru/assets/files/prof_klass/informatika/koncepciya_profilnogo_obucheniya.doc (дата обращения: 25.01.2017).

О. К. Крокинская, Н. В. Немирова

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ВОСПИТАННИКОВ СПОРТИВНЫХ ШКОЛ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КЕЙС-СТАДИ

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна — доктор социологических наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; krokinskaya@mail.ru

НЕМИРОВА Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; nnemirova@yandex.ru

Аннотация. Предметом обсуждения в данной статье являются некоторые аспекты подготовки молодых спортсменов-футболистов в сложном взаимодействии специального спортивного и общего школьного образования. Особенности указанной ситуации рассматриваются на базе проведенного исследования (метод кейс-стади), в ходе которого выявлен ряд явных и латентных противоречий в позициях и мнениях участников данной проблемной ситуации. На основе полученных результатов утверждается, что в планировании жизненной стратегии для молодых спортсменов конкурируют между собой две основных цели — сильное стремление к спортивной карьере, нередко выливающееся в вид акцентуации, и императивы хорошего общего образования, потребность в котором диктуется современным обществом.

Ключевые слова: детский спорт, социология спорта, спортивные школы, методы социологических исследований, метод кейс-стади

Актуальность и интерес к обозначенной тематике обусловлен озабоченностью многих семей, особенно в больших городах, вопросами формирования успешной жизненной стратегии своего ребенка. При этом стремление родителей дать ребенку «элитное» образование, создать широкий круг возможностей для самореализации, формировать «портфолио с результатами» начиная с дошкольного возраста становится своего рода самоцелью и приводит к целому ряду сложностей и противоречий, часть, из которых были выявлены в ходе нашего исследования.

В этой статье обсуждаются методы и результаты проекта, осуществленного в 2014—2015 гг. в одной из детско-юношеских спортивных школ Санкт-Петербурга. Целью проекта было изучение эффективности подготовки спортивного резерва для футбольных команд страны. Эта специфика вытекает из характера их подготовки на базе двух обучающих процессов: общеобразовательного и тренировочного. В институциональном смысле подобная

ситуация увеличивает число и спектр проблем, характерных для системы образования, а в социальном выводит на передний план группу детей и подростков с особо сложным образом жизни, который они ведут с раннего возраста для того, чтобы со временем войти в спортивную элиту страны.

Высокий уровень специфики указанных обстоятельств заставляет строить исследование в формате case-study. Несмотря на то, что исследуется единичный и весьма специфический объект, имеющий даже имя собственное, ситуация, вероятно, может рассматриваться как типобразующая — двойная обучающая система элитного профессионального образования с детского возраста, и следовательно, выводы, сделанные на материале ее изучения могут использоваться в качестве модели для анализа проблем других организаций подобного типа.

Дизайн кейс-стади разрабатывался с учетом многофакторных влияний для чего были сконструированы несколько оригинальных методик и проведены несколько видов опросов: фокус-группы с учащимися Академии (7—8 классы и 10—11 классы); анкетирование родителей (родители учащихся 6—7 классов и 10—11 классов); интервьюирование родителей (полустандартизированное интервью); анкетирование учителей (все, кто работает со спортивными классами); анкетирование тренеров (анкетирование с рассылкой по индивидуальным адресам электронной почты). В общей сложности по всем методикам опрошено 110 человек.

Согласно данным опроса, большинство воспитанников Академии начали заниматься спортом рано, с 5—7-ми лет, и первым видом спорта для них сразу стал футбол. Интерес юных спортсменов к футболу — это основной и постоянный мотив, который прослеживается во всех материалах исследования, и который буквально ведет их по жизни. Наше пребывание в среде воспитанников и воспитателей Академии во время работы по проекту, высветило это явление настолько ярко, что заставило дополнительно к основным, программным, гипотезам выдвинуть еще одну — о наличии у воспитанников АФК «футбольной аддикции», то есть определенной акцентированной зависимости от футбола.

Степень вовлеченности учащихся в футбол такова, что ее уже нельзя назвать ни занятиями, ни игрой, ни даже профессией; в жизни этих молодых людей футбол предстаёт как состояние, он непрерывен. Вряд ли найдется много таких видов подготовки к профессии, которые в качестве ресурса формируют и используют, столь высокий уровень мотивированности. Наверное, только спорт и искусство, требующие, кроме хорошо освоенных навыков, ещё и таланта, страсти, гения, самозабвения и пренебрежения другими интересами.

Ни для кого из участников исследования не секрет, что элитная спортивная подготовка связана для ребят с немалыми жизненными рисками.

Серьезные беспокойства вызывают сами напряженные спортивные занятия и здоровье, а также образование юных спортсменов и их последующий социальный и профессиональный статус в зависимости от того, как сложится их спортивная карьера.

В этих обстоятельствах явной жертвой выглядит школьное образование. Это сильный стрессовый момент, и все участники ситуации хорошо понимают его последствия: позиция «недостаток времени для учебы и образования» не просто занимает первое место в системе выявленных беспокойств, но ее численное значение к выпускным классам подсакивает более чем в полтора раза. Мы видим, что в системе жизненных стратегий детей и подростков, профессионально занимающихся спортом, важнейший узел запросов сходится к школе, и она начинает выглядеть как инстанция, дающая или не дающая выход в перспективную взрослую карьеру.

Воспитанники футбольной Академии получают общее среднее образование в обычной школе микрорайона, где она расположена. Но учатся они в специализированных спортивных классах, расписание занятий в которых скоординировано с графиком тренировок. По поводу самого по себе графика почти никто из коммуникантов ситуации неудовлетворенности не высказывал. Тот или иной уровень неудовлетворенности существует по другим вопросам: отношение к учебе, отношения между учениками и учителями, качество получаемого образования.

По вопросу успешности совмещения учебного и тренировочного процесса взгляды родителей и учителей также заметно разошлись. В то время, как родители считают, что детям это вполне удастся или удастся с небольшими затруднениями, все опрошенные учителя говорят о трудностях совмещения учебы и спорта. По мнению некоторых учителей к старшим классам, эти трудности растут. Какая из целевых групп, учителя или родители, более точно понимает ситуацию, неясно, потому что у них разные критерии. Для учителей они расположены в основном, в сфере результатов образования, для родителей, видимо, смещены в сторону спорта.

В итоге, от всех фигурантов изучаемой ситуации мы получаем подтверждения предполагаемой ключевой проблемы, определяющейся как проблема межсистемных противоречий в единстве трех составляющих: дисфункции в работе двойной образовательной структуры «футбольная Академия — общеобразовательная Школа»; необходимость выравнивания в ней статусов молодых спортсменов; потребность в достаточно высоком уровне их успешности в обеих системах. Наиболее фрустрирующим элементом системы в данном случае является программа общего, школьного образования юных спортсменов. Выходом из создавшейся ситуации была бы особая, специально разработанная для спортсменов программа среднего общего (школьного) образования.

О. Г. Зубова

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА МЕТОДОМ ФОКУС-ГРУПП

ЗУБОВА Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; г. Москва, Россия; zubovaoksana@bk.ru

Аннотация. Для более глубокого выявления понимания экстремизма в качественном исследовании, можно эффективно использовать разнообразные проективные методики, определяющие своеобразие отношения личности к различным аспектам социальной реальности. Проективные методики в фокус-группах позволяют раскрыть трудные для понимания неосознанные субъективные причины поведения человека. Внесение в групповую дискуссию элементов игровой деятельности положительно отражается на настрое участников, повышает их интерес, стимулирует активность, позволяет снижать возникающее психологическое напряжение, способствует проявлению большей раскрепощённости участников в обсуждении актуальных проблем.

Ключевые слова: Проективные методики, качественные методы, молодежный экстремизм

Экстремизм создает угрозу безопасности и устойчивому развитию Российской Федерации. В многообразии существующего информационного контента и его дискурсивности, усиливающейся конфликтности и социального напряжения, особую незащищенную категорию представляет молодежь, в силу своих социокультурных и психологических особенностей, более подверженную рекрутингу в экстремистские организации. [1] Поэтому изучение причин, условий и факторов активизации данного феномена, механизмов его функционирования, социальной базы и идеологического оформления важны для поиска эффективных методов профилактики и противодействия экстремизму, формированию толерантного сознания молодежи.

Для более глубокого выявления понимания экстремизма как на рациональном, так и на бессознательном уровнях, можно эффективно использовать разнообразные проективные методики, определяющие своеобразие отношения личности к различным аспектам социальной реальности.

Проективные методики в фокус-группах позволяют раскрыть трудные для понимания неосознанные субъективные причины поведения чело-

века, установки общественного сознания, отношения к обсуждаемым ситуациям и явлениям. Внесение в групповую дискуссию элементов игровой деятельности, положительно отражается на настрое участников, повышает их интерес, стимулирует активность, позволяет снижать возникающее психологическое напряжение, способствует проявлению большей раскрепощенности участников в обсуждении актуальных проблем, открывает новые возможности для поиска потенциальных информантов.

В исследовании по изучению общественного мнения молодежи об экстремизме [3, с. 168—201], для понимания термина в современном массовом сознании, применялись такие проективные методики [2, с. 132—202], как метод свободных и направленных ассоциаций, процедура завершения и техника персонификации.

Сначала респонденты давали свободные ассоциации, когда в ответ на предъявленный стимул отвечали первым пришедшим в голову словом, причем без ограничения ответа, а потом направленные, где выбор предполагаемой реакции ограничивался заданными параметрами, связанными с цветом, животным и запахом.

Методика завершения предложений была рассчитана на работу респондентов с незавершенными предложениями, которые необходимо было закончить. Возможными вариантами данной процедуры может быть завершение истории, разговора, рисунка.

В исследовании респонденты завершали предложение о том, кто такой современный экстремист.

Было выявлено, что понимание термина экстремист в современном массовом сознании молодежи связано с такими более серьезными преступлениями, в которые перерастает экстремизм, как терроризм, убийство, причинение тяжких телесных повреждений, массовые беспорядки, что подчеркивает усиливающуюся опасность изучаемого явления.

Техника персонификации заключалась в том, что модератор просил респондентов

описать портрет типичного представителя изучаемой социальной группы. При помощи персонификации можно также представлять изучаемый предмет в виде человека, создавать прототипы успешного/неуспешного человека. При этом участников фокус-группы просят очертить пол, возраст, характер, семейное положение, стиль жизни, досуг, род деятельности персонифицированного человека, его систему жизненных ценностей и приоритетов.

Портрет современного экстремиста, составленный по фокус-групповому исследованию выглядел следующим образом. Это женщина в парандже от 18 до 30 лет и/или мужчина от 25—35 лет, со средним специальным образованием, семейные или нет, с небольшими доходами,

исповедующие радикальный ислам, имеющие жизненные проблемы, легко поддающиеся влиянию, с отсутствием способности критически мыслить. Это может быть и мужчина нордической внешности (образ Брейвика), замкнутый, недовольный проводимой политикой, в частности миграционной, «псевдоинтеллектуал». Неоднородность в составлении портрета также связана с попыткой классификации участниками фокус-групп самих экстремистских движений, в основном по сферам жизнедеятельности и формам организации.

Процедура методики коллажа основана на раздаче респондентам различных журналов и их выборе иллюстративного материала, соответствующего представлениям по заданной теме, структурно размещенным на бумаге в виде коллажа. Возможно использование, кроме представленных для выбора материалов, собственных слов и рисунков. После завершения работы подгруппы обязательно комментируют свои коллажи, что делает интерпретацию полученных данных более эффективной.

В исследовании методом фокус-группы техника коллажа использовалась для отображения стратегий борьбы в обществе с явлением молодежного экстремизма.

Анализ коллажей, выполненных участниками, разделенными по просьбе модератора, на две группы, отразил ассоциативные представления о современном экстремизме, совмещенные с рациональным пониманием этого социального явления. Участники выделили экстремизм как угрозу национальной безопасности страны и обосновали необходимость пропаганды в обществе терпимости, а также срочное общественное реагирование на происходящее из-за быстрого распространения благодаря развитию социальных сетей в Интернете: «Экстремизм — опасная вещь и распространяется быстро, как огонь (особенно религиозный). Такие люди не боятся ответственности. Ими нередко управляет стадное чувство. Экстремизм можно сравнивать с кроликами, которые достаточно быстро размножаются. Почему так происходит? Люди идут на это из-за непонимания. Мы считаем, что должна быть пропаганда терпимости» (ж, 20 лет).

Другая группа сравнила экстремизм с пауком, в сети которого очень легко можно попасть, поэтому необходимо поддерживать ценности традиционной культуры и ввести активную информационную работу с подростками и молодежью: «Экстремизм — это сбой. Его можно сравнить с пауком, плетущим сети. Попасться в его сети или нет — выбор каждого человека. Только от самого человека зависит — запутаться в паутине или же проскочить. С этим сложно бороться, нужно перетерпеть сейчас и надеяться на следующее поколение, не дать им стать такими» (м., 20 лет).

Все участники были включены в тему разговора, каждый активно высказывал своё видение ситуации с аргументированным обоснованием

своей мировоззренческой и гражданской позиции. В обсуждении было много интересных жизненных примеров, что подчеркивает важность и актуальность выбранной проблематике, и в конце хочется привести еще одно высказывание, прозвучавшее на фокус-группе: «Каждый человек должен сам определять свой жизненный путь, но и уметь нести за свой выбор ответственность» (ж., 19 лет).

Проективные методики, продуманно включенные в фокус-группу, при профессиональной работе модератора могут повысить эффективность проводимого исследования. Кроме того, можно узнать на разных уровнях отношение к изучаемым явлениям и процессам, обойдя психологическую защиту респондентов.

Список источников

1. Зубок Ю.А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37—47.
2. Мельникова О. Т. Фокус-группы в маркетинговом исследовании: Методология и техники качественных исследований в социальной психологии : Учеб. пособие для студ. псих. факультета высших учеб. заведений. / О. Т. Мельникова. М. : Издательский центр «Академия», 2003.
3. Ярмоленко Л.В., Киселева Е. Е., Зубова О. Г., Бочарникова И. С., Мирнова Ю. Г. Механизм рекрутирования молодежи в экстремизм: монография / под общей ред. Л. В. Ярмоленко. Астрахань, 2016.

А. И. Рогозарь

ВЛАСТЬ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

РОГОЗАРЬ Анна Ивановна — аспирантка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; anna_rogozar@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению образов власти и политики в сознании современной российской молодежи как результата политического восприятия. Молодежь как социально-демографическая группа является наиболее динамично развивающейся и играет важную роль в воспроизводстве общества и развитии государства, чем обусловлена актуальность выбранного объекта исследования. Рассмотрение образов власти молодежи в динамическом аспекте представляется также весьма актуальным, ввиду их неустойчивости и подверженности влиянию различных факторов. Автор попытался ответить на вопросы о том, какие формы власти готовы признавать молодые респонденты, и какие политические институты являются наиболее авторитетными для них, каким политическим идеям они отдают свое предпочтение и каким образом готовы участвовать в политической жизни страны. Ответы на эти вопросы помогают определить особенности политического сознания молодежи и очертить проблемные вопросы, требующие решения для налаживания диалога между властью и обществом.

Ключевые слова: образы власти, политическое восприятие, молодежь, молодое поколение

Молодежь представляет интерес для изучения не только с точки зрения ее отличительных особенностей как социальной группы, поколения, но и как источник общественного воспроизводства и ключ к пониманию будущего. Рассматривая взгляды современной молодежи о политике и власти в динамике, мы можем оценивать изменения в сознании молодого поколения и отчасти прогнозировать политическое поведение.

Предметом данного исследования являются образы власти и политики в сознании современной российской молодежи, рассматриваемые нами как результат политического восприятия. Эмпирической базой исследования стали опросы граждан, проведенные в 2013 и 2016 годах кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Нами были отобраны анкеты респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (306 анкет за 2013 год и 113 за 2016 год). Наиболее распространенной

позицией о возрастной сегментации молодежи является выделение границ от 14 до 30 лет, однако в случае изучения политической сферы представляется более релевантным установление нижней границы в 18 лет, поскольку именно в этом возрасте человек приобретает основные политические права.

Приступая к анализу особенностей восприятия власти опрошенными представителями молодежи, важно определить, к каким властным субъектам граждане испытывают наибольшее доверие, кому готовы подчиняться, чью власть принимают добровольно.

С целью выявления психологического отношения «власть — подчинение» респондентам был задан вопрос о том, чью власть они признают над собой. Среди вариантов ответа были предложены такие формы власти, как: государство, начальство, закон и отдельные личности.

Оба замера показали, что большинство респондентов отводит закону универсальную и возможно даже идеальную роль института, регулирующего социальные отношения (в среднем — 88%). Государство также является весомым политическим институтом (в среднем — 76%), что свидетельствует о том, что патерналистские установки достаточно сильно укреплены в сознании молодежи. «Власть начальства» над собой признает в среднем 61% опрошенных. Признание этой формы власти носит социальный характер, так как зачастую она связана с трудовой сферой жизнедеятельности. Молодые люди готовы признавать власть тех, кто «над» ними, так как от этого во многом зависит дальнейшая судьба подчиненного. В политической сфере это отношение проявляется в виде признания полномочий за различными органами власти. Самый низкий процент в ответах респондентов имеет «власть отдельных людей» (в среднем 35%). Это означает, что люди в большей степени испытывают недоверие не к институтам, а к людям, которые занимают те или иные ролевые позиции.

Нами также был изучен вопрос о том, какие именно институты власти представляются молодежи наиболее влиятельными в России. Сравнение полученных данных за 2013 и 2016 годы демонстрирует некоторые изменения в восприятии политических институтов (см. Рис. 1). Среди тех, кто обладает наибольшей властью сегодня респонденты по-прежнему выделяют президента и силовые структуры, причем со временем позиции этих институтов в сознании молодых людей укрепились. Наибольшие изменения произошли в восприятии армии, чье влияние в 2016 году стали отмечать около 30% опрошенных, в то время как в 2013 году данный показатель составлял всего 7%. Можно предположить, что опыт участия российской армии в различных вооруженных конфликтах последних лет вызывает позитивную оценку. Заметным также является значительное

снижение позиций председателя Правительства в глазах опрошенной молодежи. Однако наше исследование не позволяет сделать четких выводов о том, обращено ли недовольство молодежи лично на нынешнего главу Правительства, или же оно связано в целом с неудовлетворенностью социально-экономической ситуацией в стране, ответственность за которую возлагается на данный институт власти.

Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в современной России?

Рис. 1. «Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в современной России?»

В целом, можно констатировать, что структуры исполнительной власти среди респондентов молодого возраста пользуются большей популярностью. На этом фоне законодательная власть имеет весьма низкие показатели, как впрочем и другие ветви и уровни власти.

Кроме того, нами были рассмотрены политические предпочтения и наиболее востребованные формы политического участия респондентов. По сравнению с 2013-м годом, в 2016-м политические предпочтения молодежи не претерпели кардинальных изменений. По-прежнему наиболее высокие позиции занимают либеральные и демократические идеи и ценности (в среднем около 30 % и те, и другие). При этом, доля аполитичных людей составляет около 17 %. Анархические, коммунистические и радикальные позиции вызывают наименьший отклик. Сравнительный анализ полученных нами данных показывает рост приверженности консервативной идеологии (7,4 % в 2013 году и 12,4 % в 2016 году), что требует дальнейшей проверки на репрезентативной выборке.

Переходя к вопросу о приемлемых для молодежи формах политического участия, можно отметить, что наибольшее число респондентов

выражает готовность участвовать в выборах. Однако замер 2016 года показал снижение данной готовности с 82 % до 60 %, а также рост числа тех, кто вовсе не желает участвовать в политической жизни (с 9 % до 18 %). Это достаточно тревожный сигнал, который может свидетельствовать как о росте недоверия к институту выборов, так и о недовольстве политической системой в целом. Для преодоления данных негативных тенденций необходим диалог власти и граждан, расширение возможностей для участия молодежи в политической жизни страны, создание более привлекательного имиджа органов власти и т. д. Митинги в качестве форм политической активности рассматривают около 25 % опрошенных, как в 2013, так и в 2016 году, а привлекательность забастовок снизилась с 23 % до 16 %. Позитивной тенденцией является то, что доля молодых людей, готовых выступить в качестве кандидатов того или иного уровня власти, остается на уровне 20 % и имеет некоторую тенденцию к росту.

Подводя итог, можно сказать, что образы власти в сознании молодежи достаточно подвижны и требуют систематических замеров и исследований. Мы очертили лишь некоторые аспекты восприятия власти молодежью в современной России, обратив внимание на динамический аспект. Так, следует отметить, что существует ряд наиболее устойчивых характеристик в образе власти в сознании молодежи, таких как: приверженность тем или иным формам власти, патерналистские установки, персонифицированность власти, выраженная в ее отождествлении с президентом, приверженность либеральным и демократическим ценностям и идеям, невысокий уровень реальной и декларируемой политической активности. Изменениям в большей степени оказалось подвержено восприятие конкретных институтов власти, которые оцениваются молодыми респондентами преимущественно с позиции реальных дел и силы.

В. А. Одинокова, М. М. Русакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ В СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА

ОДИНОКОВА Вероника Александровна — младший научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; veronika.odinokova@gmail.com

РУСАКОВА Майя Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра социологии детства, Социологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; maia@ngostellit.ru

Аннотация. Благополучие детей (child well-being) — это одно из понятий, на котором сфокусировано внимание исследователей и деятелей в сфере социальной защиты детства в разных странах мира. Понятие благополучия детей широко используется в научной литературе, официальных документах, средствах массовой информации, дебатах. Тем не менее, определение и измерение благополучия детей является сложной задачей. Единого подхода к определению благополучия детей и формулированию его критериев не выработано. Нашей целью¹ является обзор современных публикаций, посвященных определению благополучия детей и систематизации его индикаторов. В большинстве публикаций благополучие детей определяется через перечень показателей благополучия. Показатели подразделяют на две широкие области: показатели результата и показатели контекста. В исследованиях детского благополучия широко используются как субъективные, так и объективные показатели. Показатели благополучия также могут быть классифицированы на позитивные, свидетельствующие о благополучии, и негативные — о недостатке благополучия, проблемах. В целом, в исследованиях детское благополучие понимается как многомерный теоретический конструкт, который обязательно должен учитывать субъективную оценку самим ребёнком, а также позитивные индикаторы благополучия.

Ключевые слова: дети, благополучие, социология детства

Благополучие детей (child well-being) — одно из понятий, на котором сфокусировано внимание исследователей и деятелей в сфере социальной защиты детства в разных странах мира. Понятие благополучия детей

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-18-10372 «Социальные траектории детства в современной России».

широко используется в научной литературе, официальных документах, средствах массовой информации, дебатах. Оно связано с такими разнообразными понятиями, как права, потребности, качество жизни, удовлетворенность жизнью, самореализация, счастье. Тем не менее, определение и измерение благополучия детей является сложной задачей. Понятие благополучия часто используется как всеобъемлющая концепция для описания качества жизни (Dodge R., Daly A. P., Huyton J., Sanders L. D., 2012). Благополучие детей, как отмечает Е. Р. Ярская-Смирнова (2014, стр. 72), «это комплексная и междисциплинарная область исследований, в которой внимание уделяется разнообразным и не всегда однозначно определяемым параметрам благополучия ребенка». В публичном дискурсе современной России пока что распространено другое понятие, а именно «детское неблагополучие» (там же, стр. 73).

Тем не менее, задачи, которые стоят перед исследователями, работающими с сфере социологии детства, требуют большей определенности в отношении того, что такое благополучие детей и как его измерять. Нашей целью стало выполнение обзора публикаций, посвященных определению благополучия детей, и идентификация современных тенденций в этой сфере. В качестве метода исследования использовался библиографический поиск по ключевым словам: «благополучие» «дети», «индикаторы» в базах данных реферируемых научных журналов на русском и английском языках. Нам удалось идентифицировать научные работы, в которых авторы предприняли попытку обобщить известные данные о благополучии детей и предложить развернутые определения.

Как и ожидалось, благополучие детей определяется исследователями через структурированную систему индикаторов.

Наиболее развернутую классификацию сфер и индикаторов благополучия, разработанную на основе анализа современной литературы, предлагает Lee B. J. (2014, с. 2798). Сферы благополучия в рамках данной классификации подразделены на две широкие области: результаты развития и контекст. Под результатами подразумеваются «конструкты развития», демонстрирующие уровень развития (жизнедеятельности) ребенка (здоровье и безопасность, успешность освоения школьной программы, включенность в социальные сети, социальная компетентность). Понятие «контексты» включает в себя окружающую среду и ресурсы, необходимые для поддержания развития ребенка (отношения в семье, школе, со сверстниками, ресурсы развития, доступные ребёнку, социальная поддержка, наличие значимого взрослого и т. д.) (Lee B. G., 2014, с. 2799). В свою очередь индикаторы, соответствующие каждой сфере, могут быть сгруппированы в две основные категории: объективные и субъективные.

На категоризацию показателей благополучия детей как объективных и субъективных обращают внимание и другие исследователи (Ben-Arieh, 2008; Axford N., Jodrell D., Hobbs T., 2014, с. 2700; Selwyn J., Riley S., 2015, с. 6). Объективные показатели благополучия детей, как правило, включают в себя социально-экономические показатели (доход семьи, образование родителей, их занятость, жилищные условия). При изучении благополучия детей также изучаются объективные характеристики детей, связанные с их развитием и здоровьем, такие как заболеваемость, девиантное поведение, школьные достижения и т. д. Субъективные показатели позволяют учитывать, в какой степени дети удовлетворены отдельными аспектами своей жизни или жизнью в целом.

Нетрудно заметить, что благополучие может быть измерено как в позитивных индикаторах (удовлетворённость своей жизнью, академические достижения и т. д.), так и в негативных (девиантное поведение ребенка, депрессия, одиночество) (Lee B. G., 2014, с. 2803). Позитивные и негативные индикаторы возможны и в субъективной, и в объективной категориях.

Нужно отметить, что для традиционного подхода к оценке детского благополучия характерным является фокусирование внимания на негативных и объективных показателях — факторах риска и негативных сторонах жизни ребенка (т. е. на «неблагополучии»). Тем не менее, отсутствие негативных показателей не является гарантом благополучия ребенка. По этой причине исследователи стремятся к достижению баланса между учетом как негативных, так и позитивных индикаторов, слабых и сильных сторон жизни ребенка при оценке благополучия.

В частности, Dodge R., Daly A. P., Huyton J., Sanders L. D. предложили подход к определению благополучия, в рамках которого благополучие представляет собой баланс между ресурсами и испытаниями (задачами) — «устойчивое благополучие наступает, когда люди обладают психологическими, социальными и физическими ресурсами, которые необходимы для того, чтобы справляться с испытаниями в психологической, социальной и физической сферах» (Dodge R., Daly A. P., Huyton J., Sanders L. D., 2012 р. 230). В рассматриваемой модели благополучие рассматривается как динамичное состояние индивида.

По мере роста интереса к измерению и мониторингу детского благополучия и повышения доступности данных, происходивших в последние годы, возросло количество индикаторов, используемых в данной сфере. Основные тенденции в сфере выбора индикаторов связаны с более активным использованием ребенка как информанта (в отличие от традиционного подхода, где оценка благополучия ребенка производилась на основании мнения взрослых и объективных показателей), более широким

использованием административных данных, субъективных показателей благополучия и более широким использованием позитивных индикаторов (Ben-Arieh, 2008).

Таким образом, выбор индикаторов детского благополучия осуществляется исследователями в зависимости от теоретической перспективы исследования и доступности данных. Рядом авторов предпринимаются попытки по разработке системы индикаторов измерения благополучия, которые позволяют учитывать характеристики различных сфер жизни ребенка, а также учитывать мнение детей и положительные аспекты их жизни. Современная социология детства прилагает большие усилия для того, чтобы дети были признаны основными информантами в исследованиях их благополучия.

Список источников

1. Ярская-Смирнова Е. Р. и др. Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России // Политика семьи и детства в постсоциализме. М. : ЦСПГИ, 2014.
2. Axford N., Jodrell D., Hobbs T. Objective or Subjective Well-Being / In: Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspectives / под ред. Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. — Springer Science + Business Media Dordrecht, 2014. P. 2700—2738.
3. Ben-Arieh A. The child indicator movement: Past, parent, and future // Child Indicators Research. 2008. № 1. P. 3—16.
4. Dodge R., Daly A. P., Huyton J., Sanders L. D. The challenge of defining wellbeing // International Journal of Wellbeing. 2012. № 2(3). P. 222—235.
5. Lee B. J. Mapping Domains and Indicators of Children's Well-Being / In: Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspectives / под ред. Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. — Springer Science + Business Media Dordrecht, 2014. P. 2797—2805.
6. Selwyn J., Riley S. Measuring Wellbeing: A Literature Review. Hadley Centre for Adoption and Foster Care Studies Coram Voice. 2015.

С. Ю. Алексеева

БАЛКАНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КОНЦА 1990-Х ГГ.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АЛЕКСЕЕВА Светлана — студентка VI курса Оренбургского Государственного медицинского Университета, г. Оренбург, Россия; svetlana56rus@mail.ru

Аннотация. В своей работе мы исследовали влияние событий конца 90-х гг. XX века на отношения между народами Сербии и России, оценили текущее место России на Балканах, проанализировали отношение молодежи Сербии к России, что позволило дать оценку относительно курса дальнейшего развития отношений между нашими странами. Также мы предложили новый метод укрепления позиции России в Балканском регионе в будущем через влияние на молодое поколение.

Ключевые слова: Югославия, Косово, НАТО, молодежь

Молодежь — это мощный политический инструмент управления общественным мнением посредством СМИ [2]. Дети, воочию видевшие войну 1999 г. в Сербии, сейчас выросли и теперь составляют группу молодежи. Сербия просила помощи у России, но Россия, находясь в глубоком экономическом и политическом кризисе, не смогла помочь в должном объеме [1,3,4,5,8]. Как повлияли эти события на современные российско-сербские отношения и какова теперь позиция сербов по отношению к России, особенно среди молодежи, есть ли еще шанс все исправить и каким будет прогноз наших дальнейших отношений. Все это мы постарались выяснить в своей работе.

Цель работы: выяснить позицию сербов и россиян на историю конфликта 1999 г., особенно среди молодежи; современный характер взаимоотношений; взгляды народов на политическое будущее двух стран и их взаимодействие с Западным миром.

Материалы и методы: Нами проведен очный анонимный социологический опрос, в котором приняли участие 174 респондента. Первая часть опроса проводилась в Белграде (Сербия), в нем приняли участие 86 человек. Вторая часть — в России (Москва, Оренбург) — 88 человек. Отбор респондентов проводился с учетом демографической ситуации в стране (с учетом пола и возраста). Анкета состояла из 9 вопросов для Сербии и 10 вопросов для России, на каждый вопрос приводилось несколько вариантов ответа с возможностью комментария.

Результаты и обсуждение: В ходе анализа анкет мы получили следующие результаты. Значительная часть сербов — 40,7 % (против 31,7 %)

не винит Россию в том, что она не смогла помочь в период активной фазы конфликта, понимая, что это могло спровоцировать глобальную войну. При этом интересен факт, что 17,4 % респондентов (в большинстве своем женщины) проигнорировали вопрос анкеты. Жители Сербии негативно выступают за идею интеграции в Евросоюз (ЕС) (против 59,3 %) или НАТО (против 61,6 %), в то время как вступление в Таможенный союз (ТС) они подавляющим большинством поддерживают — 61,6 %. Многие респонденты писали, что «Евросоюз вскоре развалится». Среди молодежи половине респондентов (50 %) без разницы куда вступать — в ЕС или ТС, хотя 59 % против вступления в ЕС и 36 % за вступление в ТС. Достаточно позитивно сербы смотрят в будущее дальнейших отношений наших стран: 81,4 % считают, что отношения будут складываться отлично, ведь мы — «братские народы». Однако, несмотря на это, мы видим тенденцию к снижению заинтересованности не только в политике в целом, но и в отношении к России среди молодёжи. Молодежь Сербии сейчас находится в состоянии «балансировки» между Западом и Россией.

Результаты опроса в России значительно отличаются от сербских. В целом, интерес россиян к Сербии значительно ослабел по сравнению с 2008 г. и 2014 г. (на основании результатов опроса ВЦИОМ) [6,7]. Так, 20,5 % опрошенных не смогли правильно назвать географическое расположение Сербии, а 43,2 % считают отношения между народами нейтральными или вовсе отдаленными. Не смогли определить территориальную принадлежность Косова почти половина опрошенных (45,5 %). Позитивный настрой на дальнейшие взаимоотношения между Россией и Сербией видят лишь 25 % россиян. На вопрос о возможном вступлении нашей страны в НАТО негативно высказались 70,5 % россиян. Но среди лиц 18—29 лет положительно или нейтрально ответили 61,5 %, что, на наш взгляд является чрезмерно высоким результатом, свидетельствующим о незаинтересованности и политической пассивности молодежи. Это является потенциальной угрозой национальной безопасности России, о силе которой мы можем судить по нынешним событиям на Украине.

Выводы. В результате проведенного нами анализа конфликта 1999г в Югославии и анализа 174 анкет, мы можем сделать следующие выводы:

1. После событий 1999г мир перешел на новую систему миропорядка. В этом конфликте впервые было позволено НАТО вмешаться во внутренний конфликт государства без санкции СБ ООН, мы получили новый вид конфликтов — интернационализированный этно-территориальный конфликт. В дальнейшем мы видели неоднократное вмешательство НАТО во внутренние проблемы государства (Ирак, Ливия, Афганистан). Мы видим необходимость обновления ООН как главного мирового регулирующего органа.

2. Отношение сербов к России очень теплое, дружественное, несмотря на серьезные разногласия в 1990-х гг., многовековая дружба наших народов крепка. Это необходимо использовать для реализации собственных интересов на Балканах, особенно в данный момент, когда взор мирового сообщества отведен на Ближний Восток, США и Украину.

3. Молодежь Сербии колеблется между Россией и Западом. От того какой курс выберет сейчас сербская молодежь, будут зависеть отношения между Россией и Сербией в ближайшие 15—20 лет. Учитывая этот факт, в ближайшее время необходимо принятие мер для популяризации России в Сербии и усиление пророссийского настроения граждан, чтобы получить преимущество в будущем, когда, возможно, перед Сербией встанет выбор решения о вступлении в НАТО. На сегодняшний день мы видим возможность профилактики данной проблемы.

4. Важно укреплять военное и расширять экономическое сотрудничество с Сербией в свете возможного вступления Черногории в НАТО.

5. Необходимо принятие ряда мер по повышению уровня политической грамотности у молодого поколения для защиты национальной безопасности России в условиях нарастания международной напряженности и расширения «информационных войн».

Список источников

1. Арляпова Е. С. Геополитические реалии и российский интеграционный проект: возможности для Сербии // Сравнительная политика. 2014. № 2(5). С. 54—64.
2. Горбатова Н. В., Малькевич А. А. Современные СМИ как инструмент политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2015. № 5(77). С. 52—62.
3. Гуськова Е. Ю. Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в. // Балканские страны и международные организации: модели отношений на примере Болгарии, Румынии и Югославии. М.: ИНИОН, 2000. С. 51—100.
4. Ефремова О. Н. Политические аспекты интернационализации этно-территориальных конфликтов в современных условиях (на примере Югославского кризиса) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 156 с.
5. Сквозников А. Н. Провозглашение независимости края Косово и Метохии: международно-правовая оценка // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 1. С. 17—26.
6. Данные всероссийских опросов ВЦИОМ. 18.09.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10713>.
7. Данные всероссийских опросов ВЦИОМ. 09.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115016>.

8. Козин В. П. «Главные цели бомбардировок Югославии силами НАТО в 1999 году и позиция России» // Доклад на международной конференции «Глобальный мир против глобального интервенционизма и империализма». Белград, 23 марта 2014 г. Материалы опубликованы на сайте Российского Института Стратегических исследований. <https://riss.ru/analytics/5220/>.

М. С. Крошкина

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ

КРОШКИНА Мария Сергеевна — студентка социологического факультета МГУ, г. Москва, Россия; mary-ka93@mail.ru

Аннотация. Для проведения социологического анализа профессиональной жизненной стратегии молодежи существует несколько концепций жизненных стратегий, который по-разному рассматривают социальную природу данного явления. Концепция жизненных планов личности базируется на принципе, устанавливающем приоритет общественных интересов по отношению к индивидуальным интересам человека. Диспозиционная концепция личности рассматривает жизненные стратегии личности через факторы генно-средового взаимодействия. Еще одна концепция к изучению жизненных стратегий рассматривает, в первую очередь, институциональные процессы, структуры и механизмы. Институциональный анализ включает в себя такие аспекты, как: выделение типологии жизненных стратегий; анализ процесса институализации жизненных стратегий с точки зрения механизмов из выбора; объяснение системных связей как внутри самой личности, так и между индивидом и социумом. С точки зрения данной концепции предметом изучения выступают эмпирически фиксируемые, повторяющиеся, типические, упорядоченные формы поведения личности.

Ключевые слова: жизненные стратегии, молодежь, концепция.

Исследование жизненных стратегий студенческой молодежи чрезвычайно важно для понимания перспектив развития всего общества. Именно жизненные стратегии молодежи определяют направление развития социума.

В настоящее время в России происходят процессы, связанные с изменениями в общественно-политической и социально-экономической жизни, а также процессы, связанные с модернизацией образования. В связи с этим, обществу необходимы люди профессионально компетентные, конкурентоспособные, обладающие лидерскими качествами, готовые самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, нести ответственность за судьбу страны.

Молодые люди, обучающиеся в ВУЗах, являются кадровыми ресурсами общества. Ведь именно сегодняшние студенты — это завтрашние

политики, экономисты, социологи и другие специалисты, которые займут лидирующие позиции в той или иной сфере деятельности, и, именно от их решений будет зависеть, то каким образом будет происходить развитие общества.

Для проведения социологического анализа профессиональной жизненной стратегии молодежи существует несколько концепций жизненных стратегий, которые по-разному рассматривают социальную природу данного явления.

Концепция жизненных планов личности базируется на принципе, устанавливающем приоритет общественных интересов по отношению к индивидуальным интересам человека. В рамках данной концепции, при определении места жизненной стратегии в структуре человеческой деятельности, вводится особая категория — категория времени.

Диспозиционная концепция личности рассматривает жизненные стратегии личности через факторы генно-средового взаимодействия. Данная концепция имеет несколько направлений: «жесткое» и «мягкое».

Так, «жесткое» направление рассматривает соответствие между определенными биологическими структурами человека и его личностными свойствами.

«Мягкое» направление, в свою очередь, также придерживается позиции того, что личностные особенности зависят от биологических свойств организма, однако, не ставят перед собой задачу определить, от каких именно свойств и в какой степени зависят личностные особенности. [1]

Главным отличием двух концепций является различный взгляд на направленность жизненной стратегии личности. Концепция жизненных планов личности ориентирована вовне, в то время как диспозиционная концепция личности пытается найти источники жизненных стратегий человека во внутренних составляющих личности.

Еще одна концепция к изучению жизненных стратегий рассматривает, в первую очередь, институциональные процессы, структуры и механизмы. Институциональный анализ включает в себя такие аспекты, как: выделение типологии жизненных стратегий; анализ процесса институализации жизненных стратегий с точки зрения механизмов их выбора; объяснение системных связей как внутри самой личности, так и между индивидом и социумом. С точки зрения данной концепции предметом изучения выступают эмпирически фиксируемые, повторяющиеся, типические, упорядоченные формы поведения личности.

В этом смысле стратегия жизни — это социально обусловленная система ориентирования личности на долговременную перспективу. [2]

Таким образом, в рамках данной концепции, жизненные стратегии рассматриваются как «динамическая саморегулирующаяся система со-

циокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени».

Достоинства данной концепции к пониманию жизненных стратегий личности следующие. Ее использование для теоретического конструирования социологического исследования позволяет получить: во-первых, результирующую оценку разброса видов жизненных стратегий среди молодежи; во-вторых, выявить процент студенческой молодежи с профессиональной жизненной стратегией.

Однако концепция имеет и свои сложности для теоретического конструирования социологического исследования. Дело в том, что, данная концепция включает в себя большое количество теоретических подходов, которые предлагают разную типологию жизненных стратегий, а также разную интерпретацию жизненных стратегий молодежи.

Таким образом, каждый из рассмотренных подходов имеет свои достоинства и недостатки.

Однако, для проведения социологического исследования, направленного на выявление жизненных стратегий современной молодежи, целесообразно использовать последний подход. Именно этот подход дает самое широкое понимание жизненных стратегий и включает в себя большое количество социологических теорий.

Список источников

1. Резник Т. Е. , Резник Ю. М. . Жизненные стратегии личности. М. : Институт человека РАН, 2002.
2. Митрюшин С. А. «Жизненные цели студенческой молодежи как регулятор социального поведения» : дис. ... канд. соц. наук, М., 2008.

Ю. А. Булыжникова

ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

БУЛЫЖНИКОВА Юлия Алексеевна — аспирант социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; y.bulyzhnikova@gmail.com

Аннотация. За последние десятилетия произошли значительные изменения в функционировании института семьи. В частности в реализации её функции социализации и активному переходу данной функции к другим институтам. Данная работа предлагает анализ исследований, посвященных изучению общественного мнения по поводу значимости различных агентов социализации. Основное внимание уделяется оценочным суждениям о внесемейных институтах и их роли в формировании личности ребенка, рассмотрению динамики изменений приоритетных агентов социализации и определению причин данного выбора. Предоставленные данные взяты из общероссийских исследований семейных ценностей таких организаций, как Всероссийский центр общественного мнения, Фонд общественного мнения, Аналитического центра Левада-центр, а также межрегионального социально-демографического исследования проведенного специалистами Кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС.

Ключевые слова: агенты социализации, семейные ценности, общественное мнение, социализация

Организованное и отлаженное функционирование всех социальных структур, как известно, зависит от степени соблюдения людьми норм поведения, принятых в каждом конкретном обществе. Качество и особенности их усвоения напрямую зависит от особенностей условий социализации каждого нового поколения, что в конечном итоге определяет в целом будущее общества. За последние десятилетия учёными, вне зависимости от выбранной парадигмы, отмечается трансформация института семьи. На институциональном уровне она выражается через изменения в функциях семьи: неспецифические функции переходят к другим институтам, а специфические — не выполняются в полной мере. На уровне малой группы изменения семье выражаются через переориентацию базовых

установок членов семей с просемейных на индивидуалистические, несогласование личных мотивов и невыполнение социальных функций [1]. Для исследования процесса социализации детей данные тенденции важны тем, что внесемейные институты начинают играть всё большую роль в процессе формирования личности человека. Еще нельзя говорить о том, что семья потеряла свою приоритетную значимость в данном вопросе, и это подтверждается всеми ниже приведёнными исследованиями. И позиции её более чем устойчивые в представлениях населения нашей страны. Поэтому основной интерес для нас представляет структура внесемейных институтов и общественное мнение по поводу значимости в качестве агентов социализации.

Данные исследования жизненных ценностей и установок населения в регионах России, проведённого на нашей кафедре, даёт возможность проранжировать агенты социализации, имеющие наиболее значимую роль в жизни человека. Мнения респондентов в зависимости от пола и возраста, как наиболее значимые, представлены в таблице 1. Помимо этого также был проведен анализ зависимости мнений от семейного положения, количества детей в семье, дохода и образования респондентов. Часть категорий условно можно разделить на четыре блока: ближайшее окружение, трудовые и образовательные коллективы, средства массовой информации. Отдельно в данном случае остается литература, религия и общественные организации. После семьи следующими по значимости с приблизительно равными значениями идут друзья и школа (3,3 и 3,4 соответственно). Этот факт дает основания сделать предположение о том, что для населения процесс воспитания в первую очередь связан с детским и подростковым возрастом. Второй условных блок, трудовое и образовательное окружение, включает в себя школу, техникум, институт, профессионально-техническое училище и трудовой коллектив. Практически все они идут по очереди в общем распределении по уровню значимости. Важно отметить, распределение вышло таким образом, что четко видна следующая связь: чем раньше (по возрасту) человек сталкивался с тем или иным институтом, тем более важную роль он играет в воспитании. Относительно остальных категорий данного блока следует обратить внимание, что мужчины в целом выше оценивают важность каждого критерия, связанного с работой и образованием, по сравнению с женщинами, которые чаще отдают большее значение роли литературы и искусства в воспитании личности. Значимость искусства и литературы привлекает особое внимание у женщин, а в группе, разделенной по уровню образования, большой перевес в выборе этих критериев показали респонденты с высшим образованием. Средства массовой информа-

ции, представленные в опросе, не имеют однородного распределения по уровню влияния на процесс воспитания.

Таблица 1. Отношение к роли различных факторов в воспитании человека (среднее значение ранга)

	Пол			Возраст		
	Мужской	Женский	Общий показатель	18—29 лет	30—49 лет	50 лет и старше
Семья	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
Друзья	3,2	3,4	3,3	2,8	3,4	3,9
Школа	3,4	3,4	3,4	3,6	3,3	3,3
Профессионально-технических училище	6,7	7,6	7,3	7,3	7,1	7,6
Техникумы, институт	6,2	6,5	6,4	6,4	6,3	6,4
Общественные организации	8,4	8,8	8,6	8,5	8,7	8,7
Трудовой коллектив	7,1	7,5	7,3	7,8	7,2	6,9
Литература	7,1	7,0	7,1	7,0	7,2	6,9
Искусство	8,0	7,6	7,8	7,6	8,0	7,7
Газеты	9,3	9,4	9,4	9,4	9,4	9,1
Радио	10,0	10,0	10,0	10,1	10,1	9,7
Телевидение	8,1	7,6	7,8	7,9	7,6	8,0
Религия	9,1	8,8	8,9	8,7	9,2	8,8

Схожий набор категорий агентов социализации был представлен в исследовании Аналитического центра Юрия Левады, посвященного проблеме воспитания и формированию личности (рис. 1) [2]. Если сравнить значимость агентов социализации по группам, выделенным в первом исследовании, показывают схожесть в приоритетных группах агентов социализации. Эти результаты интересны еще тем, что агенты социализации изучались в течение длительного времени. В результате они дают возможность проследить динамику мнения населения за 20-лет-

ний период. Важным вопросом для исследователей становятся причины резкого снижения всех показателей на последнем временном исследовании, возможные условия в обществе, повлиявшие на данный выбор респондентов, а также выявление появления новых ключевых агентов социализации. К которым, на данный момент, уже, несомненно, необходимо отнести интернет и в частности социальные сети.

Что формирует основы жизненного опыта молодежи?

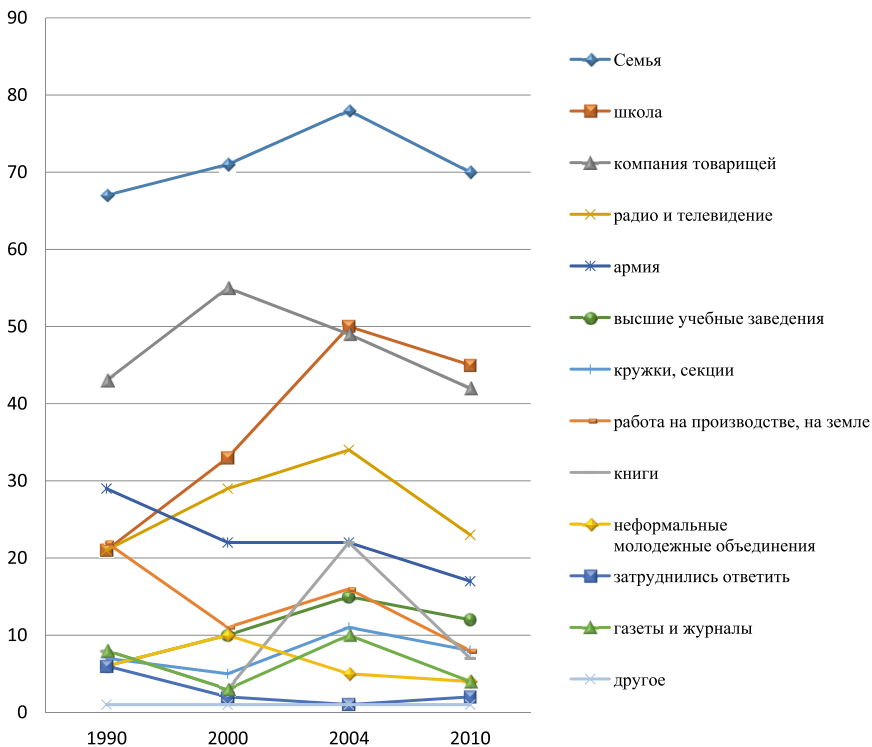

Рис. 1. Мнение населения относительно агентов социализации молодежи (%)

Соотнесение важности семейного и внесемейного воспитания интересны данные исследования «О развитии современных детей», проведенное Фондом общественного мнения в 2013 [3]. Задачей исследования было изучение мнения россиян относительно факторов, под влиянием которого, происходит развитие детей. Первостепенное внимание здесь уделяется противопоставлению семейного воспитания и воздействия средств массовой информации, школьных и дошкольных учреждений

на детей. Особо ценны эти данные тем, что они представляют основные угрозы для развития детей через призму общественного мнения.

Несомненно, все результаты выделяют роль семьи как самого значимого агента социализации. Ценность семьи также крайне важна как для самих респондентов, так и в их ожиданиях относительно своих детей. Однако перед нами встает вопрос о том, что же подразумевают под семьей наше население? Каково их понимание непосредственного процесса воспитания? И насколько остальные агенты социализации играют роль в повседневной деятельности людей? Данное исследование относительно рассмотренного вопроса ценно тем, что оно дало первичное освещение проблем, которое немаловажно для дальнейшей исследовательской работы в рамках представленной тематики.

Список источников

1. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России : коллективная монография / Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы М., 2015.
2. Воспитание и формирование личности. Аналитический центр Юрия Левады. 15.04.2010. URL: <http://www.levada.ru/2010/04/15/vospitanie-i-formirovanie-lichnosti/>.
3. О развитии современных детей. «ФОМнибус». 11. 06. 2013. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10988>.

Л. А. Жукова

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ Г. МОСКВЫ

ЖУКОВА Лариса Алексеевна — аспирант РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, заместитель начальника отдела Минздрава России, г. Москва, Россия; larisa1983@bk.ru

Аннотация. На основе авторского исследования определяются представления о социальной справедливости российской студенческой молодежи. Понимание социальной справедливости сопряжено с равным доступом всех людей к получению образования, медицинскому обеспечению, созданию равных условий для реализации человека в обществе, для достижения того, на что каждый человек способен. Одновременно с этим, существование указанных явлений в России оценено как недостаточное, но, не ярко отсутствующее, что можно объяснить некоторым экономическим ростом, сглаживающим проблемы социальной справедливости. Реализация принципов социальной справедливости, по мнению студентов, если и возможна, то только при социализме.

Ключевые слова: социальная справедливость, молодежь, ценность, несправедливость

Социальная справедливость является одной из основных общественных ценностей, в основе которой лежит система идеальных представлений, отражающих принятые в обществе ценности, убеждения, нормы поведения.

Преломляясь в системе социальных отношений в различных сферах общественной жизни, представление о справедливости наполняется разным содержанием и приобретает своеобразные формы.

В различные исторические эпохи представления о социальной справедливости имеют свою трактовку, а внимание к справедливости обостряется в периоды потрясений, сопровождающиеся разрушением прежнего социального порядка.

Распад СССР и создание рыночной экономики остро поставили вопрос о социальной справедливости в стране, которая ранее связывалась с патернализмом государства.

В этих условиях критерии справедливого меняются, и этот процесс характеризуется различной интенсивностью и глубиной у разных групп населения. Обращение к молодежи как специфическому субъекту — носителю представлений о справедливости — создает условия для создания

точного прогноза, описывающего тенденции, которым предстоит реализоваться в ближайшем будущем. Студенческая молодежь как потенциально наиболее активная часть российского общества в этом контексте вызывает особый интерес.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического анализа социальной справедливости как социокультурного феномена, выявления представлений молодежи о социальной справедливости.

В науке достаточно подробно рассмотрены сущность и содержание понятия «социальная справедливость», проблемы ее реализации находятся в центре внимания зарубежной и отечественной науки. (Д. Ролз, разработавший концепцию и принципы социальной справедливости, Б. А. Кистяковского, П. А. Сорокина, в современной отечественной науке в социологическом аспекте разработке проблеме социальной справедливости посвящены работы Л. А. Зараевой, Л. Д. Чернышовой, О. В. Страхова, К. О. Магомедова, Ю. В. Деньгуб, Л. А. Василенко, А. М. Севастьянова).

Вместе с тем, слабо изученными остаются теоретико-прикладные аспекты социальной справедливости, факторы и содержание социальной справедливости в представлениях современной российской молодежи.

Поэтому целью исследования является определение сущности, факторов, динамики формирования и развития социальной справедливости у современной российской молодежи.

Объект исследования — социальная справедливость как социальная ценность.

Предмет исследования — представления о социальной справедливости у современной российской молодежи г. Москвы.

Основная гипотеза исследования.

Представления о социальной справедливости у граждан российского общества изменились в связи с трансформацией российского общества в конце XX — начале XXI веков. Система ценностей современной российской молодежи формировалась уже в «новой России». С учетом этих обстоятельств можно предположить, что в их представлениях происходит обновление нормативно-ценностной структуры: преобладавшие прежде принципы уравнительности в распределении материальных и иных благ у старшего поколения изменяются под действием факторов трансформации критерии социальной справедливости уже в представлениях современной российской молодежи основываются на принципах неолберальной идеологии — капитализме, свободе и демократии.

Для исследования представлений о социальной справедливости молодежи г. Москвы автором была разработана анкета студента. Опрос проводился методом самозаполнения анкеты в период с 27 ноября

по 5 декабря в образовательных учреждениях высшего профессионального образования г. Москвы:

- Московском государственном медико-стоматологическом университете;
- Московском педагогическом государственном университете;
- Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
- Российском государственном гуманитарном университете.

Всего было опрошено 280 студентов. Организация опроса осуществлялась преподавателями указанных вузов и автором исследования.

Математическая обработка анкет и анализ результатов исследования осуществлялся автором исследования. Единицей наблюдения в массовом социологическом опросе являлись респонденты, представляющие студентов Москвы в возрасте от 17 лет до 24 лет. Объем выборочной совокупности — 280 человек.

В ходе исследования выявлено (рисунок № 4), что современная российская молодежь понимает под феноменом социальной справедливости: это наличие равного доступа к получению образования, медицинского обслуживания, равенство всех людей перед законом. Причем, больший процент согласившихся — 97,1% — считают, что именно получение достаточного медицинского обслуживания является более важным, на втором месте, но несущественно далеко — 95% — находится равенство перед законом, 93% — отметили равный доступ к образованию, что можно объяснить отсутствием яркого проявления именно этого принципа их действующей социальной ролью студентов.

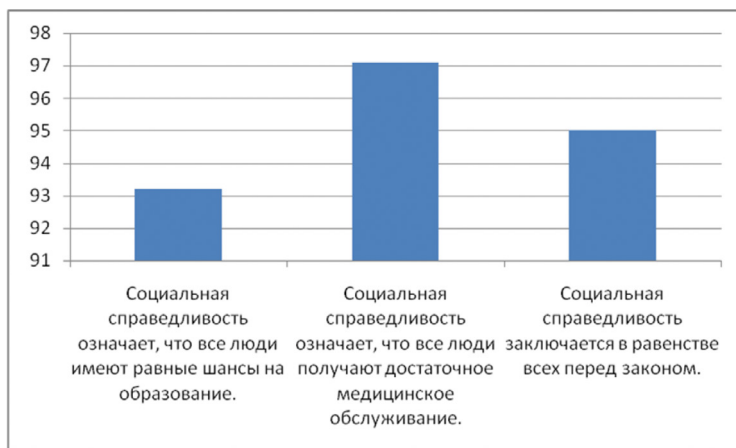

Рис. 4

В этой связи, как видно из рисунка № 5 студенты оценивают шансы к получению образования как равные — больше половины опрошенных, однако, не намного меньше — 41 % соблюдение этого принципа оценивают отрицательно.

«Согласие или несогласие респондентов со следующими высказываниями: «Шансы на получение образования у всех людей в России равны», «У всех людей в России имеются достаточные возможности получить медицинские услуги», «Существующие различия в доходах в российском обществе справедливы»

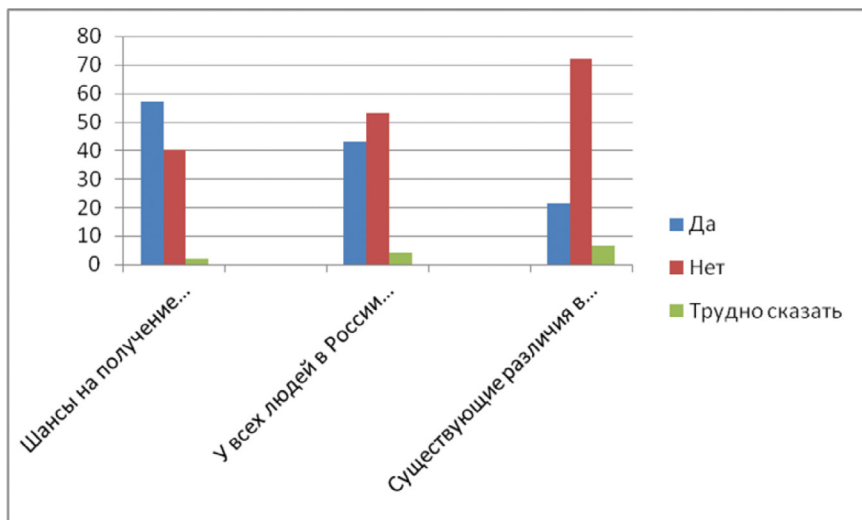

Рис. 5

Проведем сравнение трех исследований по вопросу оценки гражданами того, что они получают в результате своей деятельности. Сравним три исследования: результаты авторского исследования 2012 г. и результаты исследования, проведенного в 2003 г. Социологическим центром Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации «Социальная справедливость в массовом сознании российского общества и данные социологических опроса, проведенного в 2006 г. указанным центром Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации «Источники и очаги социальной напряженности в российском обществе».

«Оценка респондентами в сравнении с другими людьми полученной заслуженной доли благ»

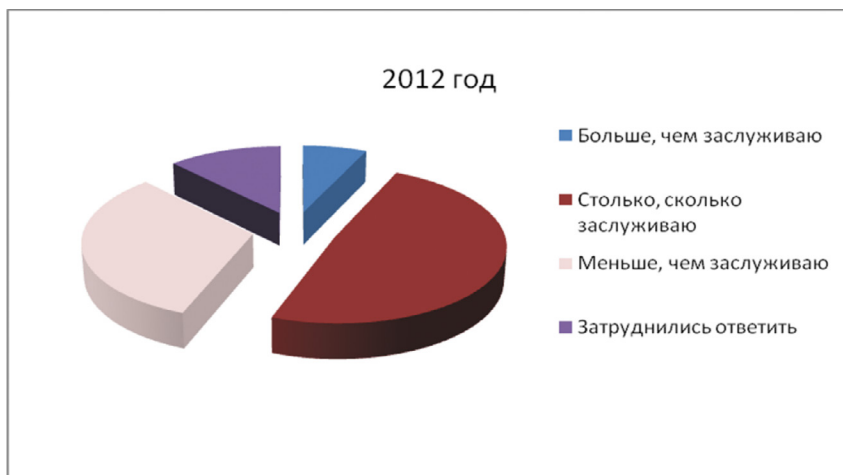
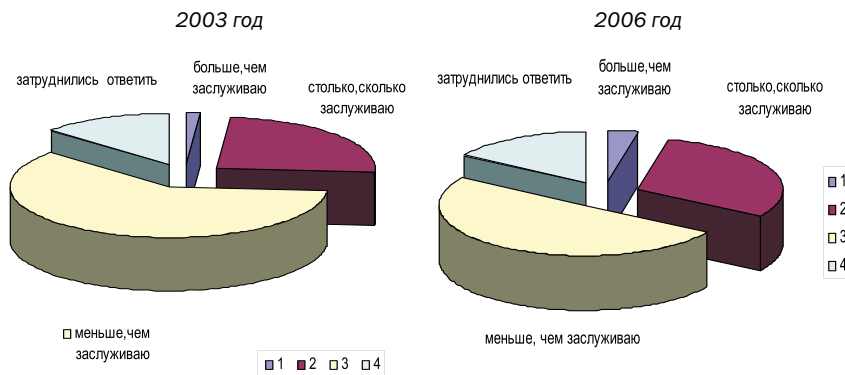

Рис. 6

Из этих диаграмм видно, что меньше становится тех, кто неудовлетворен распределением различных благ, и больше тех, кто считает распределение адекватным своим заслугам — половина опрошенных в 2012 году.

Анализируя третий блок анкеты, ориентированный на выявление иерархии ценностей молодежи, как видно из рисунка № 7, более половины опрошенных считают, что в настоящее время в России престиж и положение человека в обществе определяются владением материальными или другими ценностями (53,9), авторитетом, определяемым служебным

положением (49,6). А вот собственно, личные качества (привлекательность, ум, сила и др.) занимают последнее место (32,5).

Выбор обстоятельств, определяющих сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе»

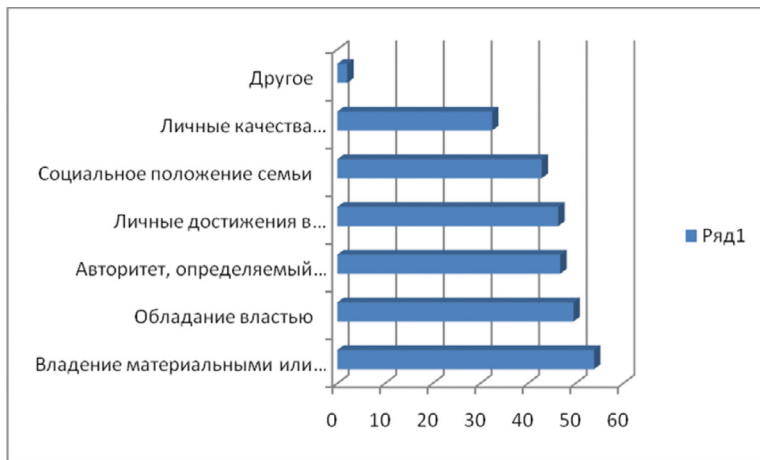

Рис. 7

«Согласие с суждением, что социальная справедливость возможна при капитализме или социализме»

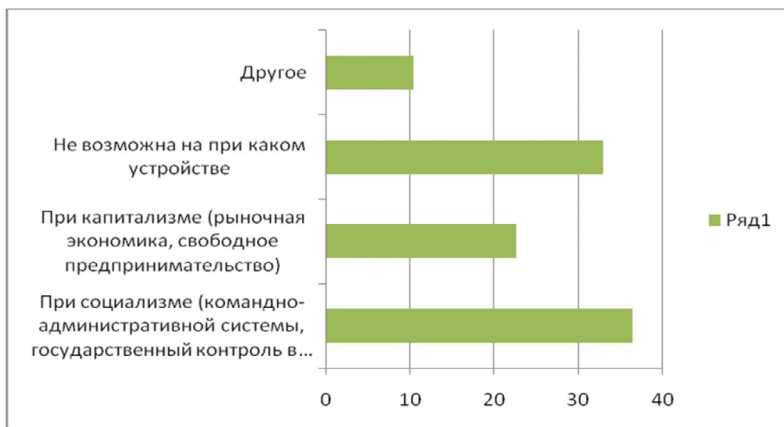

Рис. 9

Из рисунка № 9 становится ясно, что соблюдение принципов социальной справедливости в представлениях студентов связаны с командно-административной системой государственного устройства, при социализме — 36,4 %.

Таким образом, благодаря проведенному исследованию можно с уверенностью сказать, что социальная справедливость является одной из ценностей современной российской молодежи, что в целом у студентов всех опрошенных вузов понимание социальной справедливости сопряжено с равным доступом всех людей к получению образования, медицинскому обеспечению, созданию равных условий для реализации человека в обществе, для достижения того, на что каждый человек способен.

Одновременно с этим, существование указанных явлений в России оценено как недостаточное, но, не ярко отсутствующее, что можно объяснить некоторым экономическим ростом, сглаживающим проблемы социальной справедливости.

Реализация принципов социальной справедливости, по мнению студентов, если и возможна, то только при социализме.

Таким образом, в ходе исследования была опровергнута первоначальная гипотеза о том, что в условиях послеперестроечной России, современная молодежь в своих суждениях «повернулась» лицом к западным ценностям, на основании чего автор предположил то, что реализация принципов социальной справедливости будет связана молодежью с капиталистической формой государственного и экономического устройства.

Реализованный в работе теоретический подход позволяет рассматривать социальную справедливость как неотъемлемую часть ценностной системы российской молодежи, подчиняющуюся общей логике социальных и культурных изменений.

Осуществленное автором исследование позволяет сделать следующие основные выводы. Социальная справедливость является одной из ценностей современной российской молодежи, при этом в их представлениях ее сущность во многом сохраняется в памяти как норма возможности получения образования, медицинских и других социальных услуг, которые предоставлялись их родителям в советский период развития нашей страны.

Учитывая изложенное, важнейшей предпосылкой успеха современных реформ является последовательное осуществление эффективной социальной политики, соответствующим экономическим возможностям, социокультурным традициям и менталитету современной молодежи.

Список источников

1. Аргунова В. Н. Социальная справедливость: социологический анализ : дис. ... д. соц. н. СПб., 2005.

2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.
3. Василенко Л. А., Миронова Н. И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретация / Государственная служба Российской Федерации. 2012. № 1.
4. Григорьев С. И. Представления о социальной справедливости и механизм ее осуществления в современном советском обществе: опыт изучения и обоснования целесообразности социологического исследования проблемы : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Вильнюс, 1989.
5. Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // Коммунист. 1990. № 6.
6. Деньгуб Ю. В. Представления о социальной справедливости в сознании современного российского общества (социологический анализ): дис.к.соц.н. М., 2005.
7. Деньгуб Ю. В. Эволюция научных взглядов на проблемы реализации социальной справедливости // Социология власти. 2004. № 2.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда : Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофман. М. : Наука, 1991.
9. Зараева Л. В. Социальная справедливость как феномен массового сознания: сравнительный социокультурный анализ : дис. ... к. соц. н. М., 2008.
10. Здравомыслов А. Г. Утверждение социальной справедливости — важнейшая задача перестройки. М., 1987.
11. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
12. Казакова Е. О., Малышев М. А. Коммуникативные практики и кадровый потенциал российской молодежной политики (социологический анализ // Коммуникология. 2016. № 6.
13. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008.
14. Карчагин Е. Тело как проблема справедливости Рецензия на книгу Fabre С. (2006) *Whose Body is it Anyway? Justice and the Integrity of the Person*. Oxford University Press / Социология власти. 2016. № 1.
15. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В., Федорова Т. Н. Социальная справедливость и власть в системе ценностно-мотивационного механизма // Социология власти. 2004. № 2.
16. Магадиев М. Ф. Участие российской молодёжи в избирательных процессах как фактор воспитания гражданственности и патриотизма / Коммуникология. 2016. № 5.
17. Магомедов К. О. Социальная справедливость: этико-правовое значение для социального государства и гражданского общества // Социология власти, 2004, № 2.

18. Маркс К. Критика Готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
19. Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23—26.
20. Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Политические исследования. 2001. № 2.
21. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1: Чары Платона.
22. Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. В. В. Целищев ; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск, 1995.
23. Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. Академика РАН Осипова Г. В. М., 1998.
24. Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С. 135.
25. Севастьянов А. М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества и модели ее преодоления : дис. ... к. соц. н. М., 2013.
26. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
27. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М., 2006.
28. Чернышова Л. Д. Социальная справедливость в системе ценностно-мотивационного механизма // Социология власти. 2004. № 2.

Г. В. Заярская, Э. А. Такачева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

ЗАЯРСКАЯ Г. В. — к. п. н., менеджер отдела аналитики и статистики Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма», г. Москва, Россия; galina_zayarskay@mail.ru

ТАКАЧЕВА Э. А. — студент IV курса, направления подготовки организация работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия; e.takacheva@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована актуальность использования PR-технологий в работе с молодежью в рамках развития и продвижения молодежных общественных объединений и государственных учреждений. В ходе выборочного анализа государственных учреждений г. Москвы, выявлены причины низкого уровня вовлеченности в контент-сообщества молодежи и, как следствие, низкого уровня информированности о деятельности учреждений Департамента культуры.

Ключевые слова: PR-технологии, работа с молодежью, социальные сети, коэффициент вовлеченности, SMM-специалист, специалиста по работе с молодежью

Возможность использования технологий связей с общественностью в работе с молодежью в рамках развития и продвижения молодежных общественных объединений, учреждений позволяет сегодня использовать их еще и в рамках развития молодежной политики на государственном уровне. В эпоху быстроразвивающихся высоких технологий, увеличения роли СМИ и социальных сетей становится важно эффективно использовать информационные ресурсы в интересах реализации государственной молодежной политики [4].

Проблемы, которые возникают в ходе решения поставленной задачи, выступают в качестве негативных факторов ее реализации. Одной из ключевых проблем выступает игнорирование руководителями молодежных общественных объединений и учреждений значимости технологий связей с общественностью в работе с молодежью.

Определяя технологии связей с общественностью, мы имеем в виду PR-технологии (от англ. Public Relations — публичные отношения, связи с общественностью). Американский исследователь Р. Харлоу рассматривает PR, как особую функцию управления, призванную:

- устанавливать и поддерживать взаимосвязи, взаимопонимание, взаимопризнание и сотрудничество между компанией и ответственностью; осуществлять управление процессом разрешения проблем или спорных вопросов;
- помогать руководству в изучении общественного мнения и реагировании на него;
- определять и подчеркивать ответственность руководства в вопросах служения общественным интересам;
- помогать руководству эффективно изменяться в соответствии с требованиями времени;
- выступать системой заблаговременного предупреждения, помогая предвидеть тенденции развития;
- в качестве своих основных средств использовать научные методы, основанные на этических нормах PR-общения [2].

Инструментами PR-технологий является SMM и интернет-платформы в целом. Опираясь на определение Д. Халилова, под SMM (Social Media Marketing) здесь мы понимаем — комплекс мероприятий по продвижению в социальных сетях [9, с. 16].

По данным ВЦИОМ, исследование «Соцсети — окно в мир или виртуальная ловушка?», Интернет большинство пользователей в целом считают скорее полезным, нежели вредным изобретением¹. 60% опрошенных, выходящих в Глобальную сеть, положительно оценивают ее влияние на людей, отмечая такие ее свойства, как большое количество информации, возможности общения и т. д. Данной позиции чаще придерживаются москвичи и петербуржцы (84%), 18—24-летние (66%). А 85% участников опроса от 18 до 24 лет пользуются социальной сетью «ВКонтакте» ежедневно, а в Москве 92% [6]. По результатам исследования, проведенного Э. А. Такачевой, оказалось, что 66% используют социальные сети для общения с друзьями и знакомыми, 21% отслеживают новости компаний, людей и брендов. Более 39% респондентов проводят в социальных сетях более 3-х часов в день². 59% молодых москвичей узнают о событиях города в социальных сетях и на сайтах учреждений [7]. Например, о Дне города из Интернета узнали треть посетителей. Молодежь в 1,5 раза чаще других находила информацию о празднике в социальных сетях [8]. Для мероприятия «Ночь в музее» ведущим каналом получения информации

¹ Инициативные всероссийские опросы ВЦИОМ проведены 21—22 марта и 6—7 июня 2015 г. Опрошено (за один опрос) 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%.

² По результатам опроса от 17.12.2015, количество респондентов 217 человек в возрасте от 16 до 25 лет, 84,4% проживающих в городе, 71% являются представителями женского пола.

также стал Интернет. Более трети посетителей узнали про акцию из социальных сетей, и столько же — с помощью других сайтов (но не сайтов самих музеев) [1].

Результаты исследований демонстрируют, что молодежь, в отличие от остальных возрастных категорий, регулярно посещает Интернет. В этой связи, учреждениям культуры, рассчитывающим на привлечение новой и молодежной аудитории, важно запланировать и реализовать свою цифровую стратегию.

Одним из важных показателей эффективной работы в социальных сетях является Engagement Rate, или *коэффициент вовлеченности*. Это метрика, разработанная сервисом Social Bakers, стала стандартом для оценки эффективности контентной политики и коммуникации на площадке. Данный критерий был выбран, так как с помощью него можно наиболее точно определить, насколько эффективно площадка (в нашем случае учреждение/организация) генерирует контент и как на него реагирует аудитория. Низкий уровень индекса вовлеченности (ER) указывает на то, что при большом количестве выпускаемого контента он не имеет обратной связи от целевой аудитории, то есть: контент, который генерирует сообщество, не интересен целевой аудитории.

Выборочный анализ присутствия в социальной сети «ВКонтакте» четырех учреждений Департамента культуры и самого Департамента г. Москвы, которые связаны с деятельностью в молодежной сфере, показал (см. табл. 1) как целевая аудитория реагирует на контент, который генерирует сообщество. Мы сопоставили общее количество участников, количество записей и отклик пользователей на контент. Для последнего была выбрана метрика Engagement Rate.

Таблица 1. Анализ деятельности учреждений Департамента культуры в социальной сети «ВКонтакте» (по состоянию на 2016 г.)

№	Название	Кол-во участников	Кол-во записей	ER* день	ER пост	«Живые»**
1	Московский многофункциональный культурный центр	6896	805	0.311	0.141	97%
2	ГАУК «МОСГОРТУР»	19337	845	1.024	0.443	91%
3	Мосволонтер	21751	2135	0.627	0.108	96%

№	Название	Кол-во участников	Кол-во записей	ER* день	ER пост	«Живые»**
4	Моспродюсер	5149	495	0.519	0.378	96%
5	Департамент культуры	25849	1046	0.347	0.117	92%

* ER — показатель уровня вовлеченности аудитории в активности компании. Индекс для социальных сетей рассчитывается по формуле: сумма лайков, комментариев и репостов поделить на количество подписчиков.

** Живой подписчик — это реальный человек, который зарегистрирован в социальной сети.

«Мертвый» подписчик — это аккаунт, который зарегистрирован в социальной сети, но он либо заблокирован, либо создан для каких-либо иных целей. Например, создается большое количество «мертвых» аккаунтов и все они вступают в группу. Количество подписчиков у группы растет, но при этом, количество целевых действий на странице не увеличивается.

Приведенные в таблице данные иллюстрируют, что ресурс «ВКонтакте» учреждениями используется не полностью, так как по имеющимся данным на 2016 г. в Москве проживало порядка двух миллионов ста сорока двух тысяч молодых людей (примерно — 18%) [5], а их вовлеченность в информационное поле учреждений Департамента культуры составляет менее 1%.

Исследование проблемы позволяет нам перечислить выявленные причины низкого уровня вовлеченности в контент-сообщества молодежи и, как следствие, низкого уровня информированности о деятельности учреждений Департамента культуры, а также сделать следующие выводы.

Одной из *основных причин* является кадровая: отсутствие в государственных учреждениях высокопрофессиональных специалистов на позициях PR-менеджера, пресс-секретаря, SMM-менеджера, digital-специалиста и т. д. Анализ ситуации показал, что заработная плата в государственных учреждениях во многом не конкурентоспособна, по сравнению с коммерческими организациями. Например, заработная плата профессионального SMM-специалиста в крупной московской компании составляет от 120 до 160 тысяч рублей. В учреждении «Московский многофункциональный культурный центр», например SMM-специалист зарабатывает от 30 до 45 тысяч рублей.

Отсюда *следующая причина* — профессиональная подготовка и переподготовка существующих кадров. Ни для кого не секрет, что Интернет — это динамическая система, которая ежедневно развивается. Социальные сети выходят на передовой уровень по скорости передачи информации. Это понимание у руководящих лиц дает возможность развиваться специалистам. В связи с расширением информационного поля в SMM-сфере обновления выходят каждый день, поэтому важно развивать и обучать

сотрудников PR-отделов учреждений/проектов/объединений, наращивая их кадровый потенциал.

Третья причина: отсутствие в компании маркетингового плана развития, соответственно — низкие бюджеты на рекламу и продвижение. В профессиональной event-среде на организацию мероприятия затрачивается от 10 до 15 % от общего бюджета на рекламу. К сожалению, чаще всего в сфере государственной молодежной политики бюджет на продвижение не достигает и 3 %, а чаще всего отсутствует. Например, на продвижение проекта «Школа молодого москвича» в социальных сетях был выделен бюджет только на оплату половины ставки сотруднику. Без привлечения рекламных бюджетов учреждению или проекту сложно выйти за рамки уже существующей целевой аудитории и привлечь «холодную» аудиторию.

В 2015 году Московский институт социально-культурных программ (МИСКП) подготовил сборник Рекомендаций по дизайну для учреждений культуры. Рекомендации были составлены с детальным разбором и представляют собой инструкции с четким планом. Однако, как показывает выборочный анализ практики, не многие учреждения культуры г. Москвы руководствуются Рекомендациями.

Резюмируя выше сказанное, считаем, что все изменения нужно начинать с учреждений, которые непосредственно работают в сфере молодежной политики. Молодежь, как никакая другая возрастная группа, наиболее восприимчива к инновациям [3], поэтому профессиональная задача специалиста по работе с молодежью заключается в том, чтобы быть на шаг впереди целевой аудитории и научиться использовать в своей деятельности PR-технологии.

Список источников

1. Богаткова А., Напреенко И. Успех и будущее городских культурных акций. Результаты социологического исследования «Библионочи» и «Ночи в музее» в Москве [Электронный ресурс]. М. : МИСКП, 2015. URL: https://ekimovka-metod.ru/files/sociolog/uspeh_biblionoch.pdf (дата обращения: 27.01.2017).
2. Душкина М. Р. PR и продвижение в маркетинге: коммуникации и воздействие, технологии и психология : учебное пособие. СПб. : Питер. 2010. 19 с.
3. Заярская Г. В. Молодежь России как главный ресурс инновационного развития страны на современном этапе // Евразийский союз ученых. 2015. № 1 (8). Ч. 2. С. 31—33.
4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года от 29 ноября 2014 г. N 2403-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 03.00.2015).

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm (дата обращения: 20.02.2017).
6. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2860 от 23.06.2015. «Соцсети — окно в мир или виртуальная ловушка?» [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294> (дата обращения: 05.00.2015).
7. Социологическое исследование «Мониторинг культурной жизни города Москвы и оценка эффективности деятельности учреждений культуры Департамента культуры гор. Москвы: статистико-социологический анализ» [Электронный ресурс]. М. : МИСКП, 2012 г. URL: docs.miskp.ru/issledovaniya/gruppy_uchastnikov.pdf (дата обращения: 05.00.2015).
8. Степанцов П. М., Чурсина Ю. А., Ермилов В. А. АУДИТОРИЯ ДНЯ ГОРОДА — 2014. Отчет об исследовании «Аудитория дня города — 2014» [Электронный ресурс]. М. : МИСКП, 2014. URL: <http://miscp.ru/assets/docs/moscow-city-day-2014.pdf> (дата обращения: 05.00.2015).
9. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях / Дамир Халилов. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 16.

Н. В. Аккай

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ, ПОСРЕДСТВОМ ВЫДЕЛЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ АСПЕКТОВ

АККАЙ Наталья Вениаминовна — магистрант экономической политологии, ИГСУ, РАНХиГС при президенте РФ, г. Москва, Россия; akkai.natalia@yandex.ru

Аннотация. Гражданское общество в его современном понимании и значении — это общество, способное противостоять государству, контролировать его деятельность, способное указать государству его место, держать его «в узде». Говоря другими словами, гражданское общество — это общество, способное сделать свое государство правовым. Между тем это не означает, что гражданское общество только тем и занимается, что борется с государством. В рамках принципа социальности, то есть социального государства, гражданское общество позволяет государству активно вмешиваться в социально-экономические процессы. Другое дело, что оно не позволяет государству подмять себя, сделать социальную систему тоталитарной. Такая способность общества к политической самоорганизации возможна лишь при наличии определенных экономических условий, а именно — экономической свободы, многообразия форм собственности, рыночных отношений. В основе же гражданского общества лежит частная собственность. Именно она позволяет членам гражданского общества сохранять экономическое достоинство.

Опираясь, на многочисленные исследования гражданского общества России я решила рассмотреть формирование, развитие и поведение гражданского общества в Республике Калмыкия по четырем аспектам:

1. Политический аспект:

Гражданское общество в его современном понимании и значении — это общество, способное противостоять государству, контролировать его деятельность, способное указать государству его место, держать его «в узде». Говоря другими словами, гражданское общество — это общество, способное сделать свое государство правовым. Между тем это не означает, что гражданское общество только тем и занимается, что борется с государством. В рамках принципа социальности, то есть социального государства, гражданское общество позволяет государству активно вмешиваться в социально-экономические процессы. Другое дело, что оно не позволяет государству подмять себя, сделать социальную систему тоталитарной. Такая способность общества к политической самоорга-

низации возможна лишь при наличии определенных экономических условий, а именно — экономической свободы, многообразия форм собственности, рыночных отношений. В основе же гражданского общества лежит частная собственность. Именно она позволяет членам гражданского общества сохранять экономическое достоинство. Это то, что должно быть в идеале, но что же имеем на самом деле. Гражданское общество в России пока еще только набирает свою политическую силу и всегда способно заставить прислушаться к своему мнению властьдержущих, не умеет гражданское общество четко и аргументированно выдвигать свои требования и пожелания. Хотя надо отметить, что с формированием в России общественных советов и общественных палат во многом ситуация исправляется, приводя к логичному саморазвитию гражданского общества. Остается большой проблемой малая вовлеченность просто «общества» в «гражданское общество», что, несомненно обусловлено отсутствием политической грамотности у подавляющего числа населения нашей страны и страхом перед властью, засевшему с советских времен.

Что касается регионов России, в ряде регионов гражданское общество успешно сформировано и развивается, но это касается крупных городов и центра страны, в то время как на перифериях оно очень слабо.

Если брать для рассмотрения Республику Калмыкия, то могу сказать, что гражданское общество, которое там есть скорее можно назвать «псевдогражданским» в политическом аспекте. Причина этого, во-первых, низкий уровень жизни, отсутствие работы с достойной заработной платой (большой части населения нет времени и сил проявлять свою гражданскую позицию, оно занято выживанием); во-вторых, это боязнь быть отвергнутым, потерять работу, а как следствие средства к существованию.

2. Экономический аспект:

Экономический аспект имеет большое влияние на формирование и развитие гражданского общества, особенно в регионах, в которых региональная экономика далека от совершенства.

Так, например, если мы рассмотрим Республику Калмыкию, которая является дотационным регионом, то здесь влияние экономического аспекта на формирование, развитие и активность гражданского общества колоссально. Большинство граждан боятся потерять то, что имеют и остаться ни с чем, поэтому выбирают позицию пассивных наблюдателей.

3. Социальный аспект:

А вот социальный аспект, как, это не странно, напротив, гражданское общество развивает. Происходит это следующим образом. Люди, находясь в трудной ситуации, начинают объединяться и противостоять трудностям вместе. Отсюда рождаются гражданские инициативы по открытию фондов для сбора средств больным детям, помощи инвалидам, людям,

оказавшимся в трудных жизненных ситуациях, НКО разных направлений. Особенно активно это происходит на перифериях и Республика Калмыкия тоже является примером такого рода проявления гражданского общества.

4. Ментальный (этнический) аспект:

Влияние ментального (этнического) аспекта на формирование гражданского общества в моем регионе огромно. В первую очередь это обуславливается наличием такого феномена как «улусизм». Если обратиться к истории, то мой народ испокон веков жил родами и мнение старшин рода учитывалось безоговорочно. И по сей день сохраняется понятие «род» и принадлежность к нему, что мешает, на мой взгляд, формировать обширное целостное «гражданское общество». Но если говорить о том, как формировать гражданское общество с учетом влияния ментального (этнического аспекта), то возможно это лишь при наличии сильного лидера (хана), способного объединить рода.

Из вышесказанного следует, что условия для формирования и развития гражданского общества неоднозначны и определенного алгоритма нет.

С одной стороны, давление со стороны власти подавляет формирование гражданского общества, с другой стороны, социальные проблемы, заставляют людей объединяться, тем самым формируя гражданское общество.

М. О. Еремеев**СЕМЕЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

*ЕРЕМЕЕВ Максим Олегович — студент, МИИТ МГУПС им. Николая II, г. Москва, Россия;
maxeremeew96@gmail.com*

Аннотация. В данной статье представлено исследование «Представления московского студенчества о семье», проведенного в 2016 г. студентами-социологами МГУПС (МИИТ) под руководством доцента Сазоновой А. Л. при участии автора, объектом которого выступили студенты дневных отделений московских вузов. В качестве объекта исследования выступили студенты дневных отделений московских вузов, в качестве предмета исследования — представления московского студенчества о семье. Целью исследования был определен анализ специфики и структуры представлений студенческой молодёжи о семье, лежащих в основе семейных стратегий. В статье раскрываются проблемы экономической и психологической готовности респондентов к семейной жизни; затрагивается тема оптимального возраста для создания семьи как для мужчины, так и для женщины; выявлено отношение студентов к самым различным формам брака; определяются главенствующие ценности студентов; описаны первичные проблемы, осложняющие жизнь студентам с семьями и показана оценка эффективности социальной политики в отношении молодой семьи.

Ключевые слова: семья, студенты, ценности, семейный потенциал

Институт семьи, по мнению абсолютного большинства специалистов-семьеведов, переживает кризис. Показателем этого являются: сокращение численности населения страны; рост числа разводов, количества мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке; ослабление или даже утрата семьёй своих функций [1, 2]. В результате традиционные российскому обществу, представления о семье и браке претерпевают серьёзные трансформации.

В этой ситуации анализ представлений молодежи о семье представляется очень актуальным, поскольку эти представления во многом определяют формы, приоритеты систем семейной деятельности и семейного поведения, лежат в основе семейных стратегий. Таким образом, становится возможной не только фиксация текущего состояния семейного потенциала молодежи, но и прогноз функционирования института семьи, развития демографической ситуации.

Под семейным потенциалом мы понимаем: «интегральный показатель, характеризующий особенности функционирования и возможности развития семьи в рамках реализации ее основной функции — воспроизводственной. Причем не только функции биологического, но и социально-духовного воспроизводства» [3].

Особую значимость имеет анализ представлений о семье такой специфичной социально-

статусной группы как студенчество, ведь сегодняшняя студенческая молодежь — будущие специалисты во всех областях и отраслях экономики, общественной жизни (учёные, управленцы, педагоги, деятели культуры и так далее), будут, в скором времени, определять векторы и динамику развития страны, выбирать приоритеты, формировать общенациональную систему ценностей.

В исследовании «Представления московского студенчества о семье», проведенного в 2016 г. студентами-социологами МГУПС (МИИТ) под руководством доцента Сазоновой А. Л. при участии автора, объектом выступили студенты дневных отделений московских вузов.

Для сбора эмпирической информации был использован анкетный онлайн-опрос в синтезе с методом «снежного кома». Из всего массива опрошенных была сформирована выборка (224 респондента) очень близко репрезентирующая московское студенчество по таким параметрам как: пол, возраст, профиль обучения, семейное положение, место жительства (Москва, Московская область, другие регионы России).

Для анализа семейного потенциала московских студентов использовалась методика, апробированная в ходе ряда исследований по молодежно-семейной проблематике [1, 3]. В частности, были изучены следующие группы показателей: наличие детей; идеальное и реально ожидаемое их количество; оценка факторов, препятствующих реализации репродуктивных установок; экономическая и психологическая готовность к семейной жизни; отношение к разным формам брака; значимость ценности «семья» в иерархии ценностей.

Приведем некоторые данные. Почти все респонденты хотят иметь детей, но в желаемом и планируемом количестве детей зафиксирован достаточно большой разрыв. Больше 3-х детей никто из респондентов не хочет иметь, а 5,5% указали, что не хотят детей вообще.

Причины, препятствующие иметь желаемое количество детей, по мнению опрошенных, выстроилась в следующей последовательности:

- материальные проблемы указали 53,2% респондентов;
- жилищные проблемы — 39%;
- состояние здоровья — 24,8%;
- моральная и психологическая неготовность — 24,3%;

- страх за будущее своих детей — 24,3 %;
- карьера — 16,1 %;
- возраст — 15,6 %;
- полноценная личная жизнь — 15,1 %.

Таблица 1. **Готовность к семейной жизни**

Готовы ли Вы к семейной жизни в настоящий момент?	Да, готов(а)	Нет, не готов(а)	Затрудняюсь ответить
экономически	18,8%	61,5%	19,7%
психологически	35,3%	36,2%	28,4%

Таблица 2. **Оптимальный возраст для создания семьи**

В каком возрасте, по вашему мнению, оптимально создание семьи?	до 18 лет	18—22	23—27	28—32	33 года и старше
для женщины	0,9%	14,2%	75,3%	8,7%	0,9%
для мужчины	0,5%	6,4%	50,7%	40,2%	2,2%

Опрашиваемым было предложено ответить на вопрос об их отношении (по 3-х балльной шкале) к различным формам брака, как традиционным, так и новым, нетрадиционным. При обработке результатов были подсчитаны индексы положительных, нейтральных и отрицательных оценок каждой формы брака (Табл. 3).

Таблица 3. **Отношение к различным формам брака**

Формы брака	Индекс (min -1, max +1)
Зарегистрированный (официальный) брак	0.80
Брак, освященный церковью	0.40
Временное сожительство (пробный брак)	0.13
Неравный брак (по социально-экономическому статусу супругов)	-0.01
Незарегистрированный («гражданский») брак	-0.06
Неравный брак (по возрасту)	-0.21
Сознательно бездетный брак (child-free)	-0,31

Формы брака	Индекс (min -1, max +1)
Гостевой брак (зарегистрированный, без совместного проживания супругов)	-0.45
Однополый брак	-0.48
Полигиния (многоженство)	-0.64
Открытый брак («свободные отношения» в зарегистрированном браке)	-0.63
Полиандрия (многомужество)	-0.71

В блоке вопросов инструментария исследования, включавшего таблицу из 23 разнопорядковых ценностей, респондентам предлагалось определить значимость каждой из них лично для себя по пятибалльной шкале от позиции «высшая ценность» до позиции «не значима совсем». Выведенный (по специальной методике) рейтинг каждой ценности свидетельствует о том, что ценность «семья», занимая одно из высших мест в сознании московского студенчества, является компонентом ядра ценностной системы этой социально-статусной группы. Это коррелирует с данными многих исследований (в т. ч. — общероссийских) за последние 25—30 лет где ценность «семья» входит в первую тройку иерархии ценностных систем россиян [1, 3, 5].

На основании полученных данных можно сформулировать некоторые выводы.

Результаты проведенного исследования подтверждают основную его гипотезу о сохранении традиционно высокой для России ценности семьи и брака в среде студенческой молодежи Москвы.

При этом растет влияние массовой культуры, либеральных ценностей, агрессивно навязывающих посредством СМИ западные стандарты семейного поведения, по сути своей, разрушающие институт семьи и его основную функцию — биологическое, социальное и культурно-духовное воспроизводство общества. Прикрываясь модной «толерантностью», формируется нейтральное или даже лояльное отношение молодежи к нетрадиционным, порой, извращённым формам брака [4].

В этих условиях очень важным представляется необходимость максимально использовать ещё сохраняющийся социально-культурный и ценностный потенциал наших молодых сограждан, всячески способствовать восстановлению традиционных семейных ценностей, сохранению традиционных семейных практик, повышению привлекательности семейного образа жизни, престижа материнства и отцовства, в сознании молодых людей, не жалея для этого экономических и информационных ресурсов.

Особую значимость в этих условиях приобретает научно обоснованная, комплексная и сбалансированная молодежная и семейно-демографической политика государства, направленная на сохранение и развитие семейного потенциала российской молодежи.

Список источников

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : ИНФРА-М, 2009.
2. Ахмедова М. Г. Функциональная трансформация семьи в системе социального взаимодействия. Социальная политика и социология. 2013. № 4-2 (97). С. 225—232.
3. Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3-1 (23). С. 162—170.
4. Сазонова А. Л. Любовь как демографический фактор. В сборнике: Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Материалы Всероссийской научной конференции. МГУ им. М. В. Ломоносова. Электронное издание. 2016. С. 703—706.
5. Сергеев Р. В. Семейные ценности студенческой молодежи юга России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010.

З. Б. Матвеева

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДВИЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

МАТВЕЕВА З. Б. — студентка I курса специальности «Педагогическое образование» МГПУ, г. Москва, Россия; miss-tiq@yandex.ru

Аннотация. Анализируется движение исторической реконструкции, раскрывается воспитательный потенциал этого движения. На примере эмпирических данных подтверждается гипотеза о высоком духовно-нравственном и воспитательном потенциале движения исторической реконструкции.

Ключевые слова: историческая реконструкция, молодежь, воспитательный потенциал

Историческая реконструкция /военно-историческая реконструкция как движение, возникшее ещё в СССР в конце 1980-х гг.

Термином *историческая реконструкция* (ИР) обозначается: во-первых, деятельность по воссозданию материальной и духовной культуры какой-либо исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников; во-вторых, движение, ставящее перед собой научные цели и использующее метод ролевой игры и научного эксперимента для решения проблем и более глубокого изучения исследуемого вопроса; в-третьих, новый вид хобби.

Сегодня в России существует множество направлений ИР, представленных такими объединениями любителей и профессионалов, как: «Клуб Исторической Реконструкции», «Клуб Исторической Реконструкции и Фехтования», «Военно-Исторический Клуб» и даже спортивными федерациями (исторического фехтования). В рамках ИР регулярно проводятся различного рода турниры и соревнования, фестивали и массовые постановки исторических событий, часто при поддержке администрации областей и городов. Существуют и мероприятия государственного значения (например, реконструкция Куликовской и Бородинской битв). Члены клубов приглашаются для участия в презентациях, выставках исторической направленности, в съёмках исторических фильмов («Александр. Невская битва»), в организации праздников. Надо сказать ещё и о том, что некоторые клубы представляют собой просто коммерческие структуры, неплохо зарабатывающие на интересе молодых людей к истории, склонности к роман-

тике, тяге к необычному, нестандартному. Помимо «клубных», существуют также реконструкторы, не принадлежащие к какой-либо конкретной организации и занимающиеся реконструкцией самостоятельно.

Как правило, в рамках ИР начинает складываться своя особая субкультура, которая проявляется в использовании символики и лексики (в т. ч. сленговой), чтении книг идеологов и вождей, ношения атрибутики (амулеты, значки, нашивки), специфических имиджевых аксессуаров, музыки, песен реконструируемой исторической общности. Это не может не отразиться на поведении, идеологических и мировоззренческих установках участников.

Таким образом, движение исторической реконструкции имеет мощный потенциал патриотического, нравственного, физического воспитания, воспитания направленного на формирование замечательных качеств — ответственности, инициативности, решительности, самостоятельности в принятии решений, потенциал прообщественный, а не антиобщественный, отвечающий объективным потребностям развития российского общества.

Это очевидный тезис можно подтвердить эмпирическими данными, полученными, во-первых, в ходе проведенного автором пилотного исследования, во-вторых, при вторичном анализе данных исследований по близкой проблематике [1—3].

Объектом пилотного исследования, проведенного летом 2016 г., была общность участников ИР из круга общения автора (всего 102 респондента в возрасте от 15 до 35 лет); предметом — ценностные системы участников и социальные качества, приобретенные или развитые за время занятий ИР в данном коллективе; метод сбора информации — анкетный опрос; для анализа ценностных систем использовалась апробированная методика [см.1].

Центральный блок вопросов анкеты представлял собой таблицу из 23 разнопорядковых ценностей (и вариант «другое»), респондентам предлагалось определить значимость каждой из них, лично для себя, по пятибалльной шкале, от позиции «высшая ценность», до позиции «не значима совсем». На первом этапе выводился рейтинг ценностей (высший балл рейтинга = 3, ценности с баллами рейтинга 2,76—3 относятся к рангу *очень высокий*, с баллами 0—0,75 — к рангам *низкий* и *очень низкий*). На втором этапе полученные данные опроса участников ИР сравнивались с данными исследования ценностных приоритетов молодежи Москвы, проведенного в 2013 г. [1] В таблице 1 приводятся результаты сравнительного анализа рейтинга некоторых ценностей.

Таблица 1

Ценности	Балл рейтинга/ место в иерархии	
	Молодёжь Москвы, 2013 г. (n = 2000)	Участники ИР, 2016 г. (n = 102)
Семья	2.65/ 1	2.77/ 1
Любовь между мужчиной и женщиной	2.43/ 2	2.44/ 3
Дружба	2.42/ 3	2.55/ 2
Честность и порядочность	2.27/ 5	2.42/ 4
Любовь к ближнему, готовность помочь ему	2.18/ 8	2.11/ 14
Образование	2.16/ 9	2.21/ 10
Здоровый образ жизни	2.1/ 11	2.4/ 5
Умение приспосабливаться к жизни	2.06/ 14	0.99/ 21
Общественная справедливость	1.99/ 15	2.17/ 13
Уважение к закону	1.83/ 17	2.21/ 10
Гуманизм	1.8/ 18	1.65/ 18
Истина	1.73/ 19	2.09/ 15
Творчество	1.72/ 20	1.55/ 20
Любовь к Родине	1.52/ 21	2.34/ 8
Способность перешагнуть через правовые и моральные нормы ради достижения своих целей	1.07/ 23	0.06/ 23

В целом, обследуемая в 2016 г. совокупность продемонстрировала высокий уровень социально значимых ценностей в ценностной иерархии, причем, во-первых, гораздо более высокий, чем показатели молодёжи Москвы (см. Табл. 1), во-вторых, уровень устойчивый, по всей совокупности позитивных показателей.

В описываемой группе меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные-богатые), но больше высокообразованных. Они, как показало исследование, более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни, любителей алкоголя. Представители этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия в сегодняшней России, по-прежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие и, меньше — в важность связей с нужными людьми, умения приспособиться, способности переступить законы и мораль, эгоизма, а также во власть денег. Среди них более чем в 2.5 раза больше людей, чем по массиву *молодёжь Москвы* (50% и 15,6%), которые,

отвечая на вопрос: «Чего Вы больше всего хотите добиться в жизни?», включили в число трех, разрешённых к выбору позиций, из предлагаемого списка — «*Приносить пользу стране, людям*».

Проанализированные данные характеризуют московскую молодежь. Но результаты исследований, проведенных по общероссийской выборке, демонстрируют близкую картину [2,3].

Таким образом, можно сделать вывод — движение ИР может и должно стать тем социальным и духовным резервом, в котором так сильно нуждается сегодня наше общество. Роль этого движения неопределима с точки зрения формирования высокой нравственности и морали, гражданских качеств российской молодежи. Но реализовать полностью потенциал движения ИР невозможно без широкой государственной поддержки, предполагающей помощь в эффективной организации, соответствующего идеологического, информационного и материально-технического обеспечения.

Список источников

1. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития : монография / под ред. А. А. Сазонова. М. : ИД «Наука», 2013.
2. Социальные проблемы кризисного общества : монография / под ред. Л. И. Михайловой. М. : «Дашков и К», 2011.
3. Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений : монография / под общей редакцией А. А. Возьмителя и Г. И. Осадчей. М. : Изд-во РГСУ, 2009.

М. М. Малышева

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ STEM ПРОГРАММ В ЦЕЛЯХ ПРОДВИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

МАЛЫШЕВА Марина Михайловна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН, г. Москва, Россия; malysheva-08@mail.ru

Аннотация. Развитие инновационного общества в России невозможно без дальнейшей демократизации гендерных ролей, и в этом смысле наша страна обладает огромным потенциалом. Гендерная идеология равных возможностей в России прошла довольно значимую историческую фазу становления.

Развитие инновационного общества в России невозможно без дальнейшей демократизации гендерных ролей, и в этом смысле наша страна обладает огромным потенциалом. Гендерная идеология равных возможностей в России прошла довольно значимую историческую фазу становления. С начала 90-х годов благодаря усилиям различных академических и общественных организаций, широким фронтом по стране шли образовательные и исследовательские программы. Многие из нас сегодня помнят, как они были организованы, как проходили, и какой эффект имели для женщин и развития общественного сознания в России. Встречая сегодня определенное сопротивление со стороны консервативных сил, мы можем смело парировать тем, что время гендерной идеологии не прошло даром, продолжают функционировать многие организации, которые принесли практические результаты движению за равные возможности, работает тот большой задел в системе образования, включая утвержденную специализацию, который позволяет защищать второе десятилетие подряд кандидатские и докторские диссертации. Во многих вузах были открыты соответствующие кафедры, где подготавливались и воспитывались преподавали не только для вузов, но и для средних учебных заведений. Были созданы полезные и редкие библиотеки. Продолжают издаваться журналы, серии публикаций и сборники на базе различного рода конференций и теоретических встреч.

Женщины, как известно, составляют половину населения страны и уровень их образования выше, чем у мужчин. Это огромный потенциал, который может дать не только демографический прирост населения, но поднять на новый уровень развитие образования и здравоохранения в целом (ведь система образования и здравоохранения у нас по-преж-

нему остаются глубоко феминизированными отраслями). Женщины могли бы поднять на новый уровень и науку. Но для этого надо, по крайней мере, дать им возможность объединиться в профессиональные сообщества, где они могли бы вести открытый диалог по прорывным направлениям знаний в области инженерии, нанотехнологий, информационных технологий и т. д. Очень важно создание женских сетевых университетских структур. Так или иначе, в России они организуют рабочие площадки на уровне федеральных округов, но эта работа никогда не носила системного характера и не имела надлежащей финансовой поддержки. Самое слабое звено — это отсутствие в стране Российской ассоциации женщин с университетским образованием, по аналогии с многими другими странами, где такие ассоциации существуют.

Институциональные структуры для женщин в науке и их профессиональные объединения — это важнейший инструмент укрепления их статусных позиций, роста самосознания, достижения экономического благополучия для себя и своих детей, а значит, и для общества.

В мире инициативы по STEM образованию варьируют по своему охвату, масштабам, типам, целевой аудитории и источникам финансирования. Анализ мирового опыта развития STEM программ, ориентированных на становление профессиональной карьеры женщин и их участие в инновационном развитии своих стран, показывает, что необходимо активно задействовать, как минимум, шесть основных стратегий. Две из них я уже назвала выше.

1. Создание профессиональных сообществ женщин со STEM образованием по всем основным направлениям наук, входящих в STEM программы — инженерия, компьютеринг, нано и биотехнологии, робототехника, авиация и др. — как необходимый плацдарм для укрепления позиций женщин с точки зрения расширения и углубления профессиональных знаний, а также обретения видимости в обществе и голоса для лоббирования и продвижения профессиональных интересов и инновационных проектов талантливых женщин.

Так, Бюро за равные права Высшей медицинской школы Ганновера (МНН) удалось содействовать интеграции важной для здравоохранения тематики **по гендерно-сензитивной медицине** в МНН. С этой целью в 2009 году был создан Центр гендерно-сензитивной медицины («Kompetenzzentrum für geschlechtersensible Medizin an der MHN»). Этот центр уже провел серию семинаров и международную конференцию. Он принял также участие в составлении отчета академического экспертного совета Нижней Саксонии (WKN) по самооценке исследований в вузах Нижней Саксонии. В 2015 году Центру удалось получить средства на трехлетний проект по гендерно-связанным аспектам трансплантации почек.

2. Учреждение женских сетевых университетских структур. Традиционно они сильны в США. Многолетнюю историю имеет Американская Ассоциация женщин с университетским образованием. На ее счету десятки проектов по продвижению женщин в науку вообще и в STEM дисциплины в частности. Стоит также присмотреться к немецкому опыту. В Германии формированию таких сетей способствует пост Уполномоченного по равным возможностям. Уполномоченные имеют политическую поддержку, т. к. политики хотят видеть женские ресурсы задействованными в продвижении экономики и науки страны. Уполномоченные каждый день принимают участие в университетских заседаниях и сессиях, чтобы напоминать авторитетным лицам об их обязанности рекламировать свободные места, в том числе доступные для женщин, и не оставлять без внимания проблемы женщин, которые получили контракт только на один год.

Уполномоченные по гендерному равенству немецких университетов работают для реализации и достижения мандата гендерного равенства, причем этот мандат является мандатом самих высших учебных заведений, что означает, что эти заведения должны осуществлять равные возможности для женщин и мужчин и направлять работу на сокращение имеющегося неравенства. Кроме того, они способствуют проведению женских и гендерных исследований, вовлечены в разработку планов по развитию и принятию решений относительно кадрового персонала. Будучи контактными лицами для всего персонала и всех студентов учреждения, у них есть возможность познакомиться с проблемами разных рабочих мест, а также учебного процесса. Это многоуровневое взаимодействие позволяет уполномоченным по гендерному равенству получить всеобъемлющую картину ситуации и не только предложить помощь в индивидуальных случаях, но определить те направления стратегии вуза, где меры по достижению равных возможностей могут принести наибольший эффект.

3. Развивать Интернет-сообщества женщин-профессионалов с открытыми веб-площадками, где они могли бы обмениваться знаниями и новейшей информацией о достижениях в области технических и естественных наук, и особенно информационных технологий. Такие интернет-сообщества работают уже во многих странах и, как правило, являются национальными структурами. Но информация в них часто подается на английском международном языке, что позволяет через Интернет свободно перемещаться и обобщать опыт разных стран.

В России складывается первое Интернет- сообщество «Women Who Code». Эти женщины занимаются программированием, которое интересует их не меньше, чем профессиональный рост в любой другой сфере.

Первая российская встреча сообщества «Women Who Code», прошла в Москве при поддержке «Яндекса». Филиал этой организации в России пока не существует, но активные действия в этом направлении уже ведутся¹. Женщины этого сообщества действительно борются за гендерное равенство в сфере IT. Примечательно, что такие организации популярны в странах с общепризнанной проблемой неравенства, например, на Филиппинах и в странах Южной Африки². Они являются еще одним «спусковым рычагом» для развития деловых контактов и открытия собственного бизнеса. В России IT-сообщества, образуемые по гендерному признаку, пока редкое явление. Обычно девушки-программисты примыкают к международным сообществам или ходят на стандартные мит-апы. Они чувствуют себя там вполне уверенно, но в большинстве своем не любят гендерного деления в этом вопросе.

Как правило, зарубежные сообщества осуществляют редкие попытки взаимодействия с российской действительностью, поскольку с российской стороны присутствует классическая проблема — поиск «идейного» лидера.

4. Сделать эффективной систему наставничества для женщин со STEM образованием. Наставниками или менторами до сих пор в прорывных направлениях знаний во всех странах мира преимущественно остаются мужчины, которым проще и привычнее работать в мужском профессиональном сообществе (кроме того, здесь они традиционно получают большие гонорары). Обремененные стереотипами или равнодушные к ценностям гендерного равенства они не могут выступать в роли эффективных наставников женщин-стеммеров, делающих карьеру и организующих старт-апы для инноваций.

Недавний отчет о женском предпринимательстве Фонда Кауффмана выявил основные барьеры на пути женского предпринимательства. Исследователи опросили 350 женщин предпринимателей, и большинство ссылались в первую очередь на отсутствие соответствующих консультантов. Женское профессиональное выгорание — напрямую связано с дефицитом менторов для молодых женщин. Но женщины, которые продолжают вести игру и в свои 30-ть лет, уже меньше подвергаются сексуальному харассменту, чем их молодые партнерши, с другой стороны, они подвержены враждебному эйджизму, который причиняет им больше страданий, чем мужчинам.

В Германии, чтобы помочь женщинам-ученым Бюро за равные права организует и координирует менторскую программу для молодых жен-

¹ <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/201283-women-who-code-in-russia>.

² <http://rb.ru/opinion/women-communities/>.

щин-ученых (Ina Pichlmayr Mentoring), в которой к настоящему времени принято участие более 170-ти женщин.

5. Поставить на повестку дня всего международного сообщества необходимость принятия обязательств венчурными инвесторами (ВИ) оказывать финансовую поддержку женских инновационных проектов, чтобы преодолеть жесткий сексизм, который сохраняется в сфере фандрейзинга «женщин-стеммеров».

Как известно, каждый успешный старт-ап начинается с проблемы, за которой следует решение и оценка того, сколько людей за него заплатят. Искусство просить деньги не приходит само собой — и это часть проблемы для женщин в технической сфере. Мешает не только сексизм, но также культура, которой женщины не могут похвастаться. Они не могут в той же самой манере, что и мужчины, выставить на продажу идеи для фандрейзинга. С учетом этого обстоятельства «Интел», например, недавно анонсировал, что выделяет 300 миллионов долларов в рамках 5-летней компании за женское лидерство и разнообразие.

Вивек Вадхва (Vivek Wadhwa), инвестор Силиконовой долины, коуч по разнообразию и автор книги «Женщины, делающие инновации» (Innovating Women) считает, что неуверенность — одна из главных вещей, почему женщины отстают. Это вопрос не только о деньгах. Вадхва говорит, что женщины не только отказываются превозносить свои достижения и цели; они привычно занижают их. При этом они профессиональны, не берутся за сомнительные проекты в своих компаниях, в то время как мужчины это делают. Они не говорят реально глупые вещи, которые заявляют некоторые мужчины. Они намного более реалистичны, и практичны и скромны.

Венчурные инвесторы (ВИ) не финансируют женщин. Согласно исследованию Babson College (США), только 2.7 процента из 6,517 компаний, которые получили венчурное финансирование, в 2011—2013 гг., имели женщин среди старших исполнителей. Между тем, из отчета Кауфмана следует, что стат-апы, возглавляемые женщинами, дают доход от инвестиций на 31 % превышающий доходы стат-апов, которые ведут мужчины¹.

Разрыв в финансировании предпринимателей женщин и мужчин огромен. ВИ обычно финансируют женщин на нижнем уровне — \$100,000. Исследование Кауфмана показало, что большинство (около 80 процентов) женщин предпринимателей не были получателями венчурного капитала, но использовали персональные сбережения как их основной источник финансирования.

6. Добиваться через трудовое законодательство и профсоюзы (в тех странах, где они еще имеют силу и не кооптированы полностью пра-

¹ <http://europe.newsweek.com/what-silicon-valley-thinks-women-302821?m=eu>.

вительственными структурами) соблюдения баланса между семейной и профессиональной жизнью. Во всех университетах и STEM профессиональных сообществах учреждать пост уполномоченного по гендерному равенству с наделением полномочий участвовать в принятии ключевых решений относительно мер поддержки гендерного равенства (отцовские отпуска по уходу за ребенком, программы поддержки женщин – стеммеров с детьми в период прохождения квалификационных экзаменов или восстановления в статусе после завершения послеродового отпуска и т. д.)

Надежная и гибкая забота о детях остается важным условием для женщин, которые хотят посвятить себя работе и развиваться профессионально. Только в случае решения этой проблемы они могут делать карьеру, соответствующую способностям и желаниям. Поэтому, например, в Высшей Медицинской Школе Ганновера усилия, направленные на достижение равных возможностей через заботу о детях, являются ключевыми действиями. Так, в 2005 году состоялось проведение **аудита по содействию семье**. Благодаря этому начался процесс, который создал предпосылки для предоставления надлежащего финансирования и инкорпорирования благоприятных по отношению к семье мер, целей и правил в стратегию Высшей школы. Он стал необратимым благодаря многократному повторению аудита (в 2008, 2011 и 2014 годах).

МНН является лидирующей организацией в Германии в отношении создания современных сервисов по уходу за детьми, и имеет три детских учреждения, предоставляющие 397 мест в специальных центрах для детей в возрасте от 8 недель до 14 лет. Она также предлагает следующие сервисы и услуги:

- Присмотр за детьми во время пасхальных, летних и осенних школьных каникул;
- Присмотр за детьми в непредвиденных обстоятельствах;
- Присмотр за детьми во время экзаменов и в период подготовки к экзаменам;
- Присмотр за детьми во время отдельных событий, связанных с работой.

В предоставление услуг по присмотру за детьми также входит:

- Информирование и консультирование по всем аспектам сочетания семейной жизни с учебой и работой;
- Семейный портал — постоянно обновляемая Интернет информация на портале по семейно-ориентированным сервисам;
- Буклеты, постеры и другие опубликованные информационные материалы;
- Детско-родительская Комната родителей и ребенка для студентов;

- Комната для переодевания детей в основном здании, где ведутся занятия;
- Бесплатное питание для детей студентов, являющихся держателями специальных карт «MensaCard Kids» и в скором времени игровая комната в столовой.

В программах повышения квалификации, проводимых бюро за равные права, семейные работники и студенты МНН также получают поддержку. Можно привести примеры:

- Семинары для родителей, и для тех мужчин и женщин, которые хотят стать родителями;
- Семинары по теме ‘Женщины и пенсионное обеспечение’;
- Семинары для персонала работников и студентов, имеющих родственников, нуждающихся в уходе.

В заключение хочется подчеркнуть, что STEM знания очень нужны в целом ряде занятий, в том числе в сфере торговли и в возрастающей степени в сфере социального обслуживания населения. Студенты, которые выбирают связанные со STEM специальности, могут рассчитывать на то, что они войдут в рынок, где число видов занятий возрастет вдвое по сравнению с другими областями в течение последующих 5 лет. Такова позиция бюро трудовой статистики США.

Кроме того, женщины из STEM профессий зарабатывают на 33% больше, чем те, кто находятся вне зоны STEM занятости, и разрыв из зарплат по сравнению с мужчинами — наименьший. STEM карьера также предлагает женщинам возможность войти в наиболее вдохновляющую область открытий и технологических инноваций. Растущие возможности для женщин в этих областях — это важный шаг к реализации большего экономического успеха и равенства женщин сквозь границы¹.

¹ См.: <http://www.southafrica.info/about/science/women-tech-2215.htm#.V5np5nzWjDc#ixzz4FhXotsx7>.

И. А. Поплавская

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; tabirina@live.ru

Аннотация. Решение многих социальных проблем заложено в развитии производственной стратегии. Развитие производства повышает доходы бюджета, создает запрос на образование, нормализует моральную обстановку в обществе. Научоемкая экономика требует высокой квалификации, следовательно, создает запрос на качественное высшее образование в стране.

Решение многих социальных проблем заложено в развитии производственной стратегии. Развитие производства повышает доходы бюджета, создает запрос на образование, нормализует моральную обстановку в обществе. Научоемкая экономика требует высокой квалификации, следовательно, создает запрос на качественное высшее образование в стране.

В 2009 году Президент РФ объявил курс на модернизацию российской экономики и перечислил пять приоритетных направлений: ядерные технологии, информационные технологии, медицинские технологии и фармацевтика, космические системы, энергоэффективность.

Среди трендов последнего времени пристальный взгляд властей нацелен на образование будущего. Российские власти снова возвращаются к теме модернизации и инновационного развития, рассуждая о необходимости диверсифицировать экспорт РФ и уйти от нефтяной зависимости. Однако с существующим подходом к финансированию научных исследований и разработок Россия сейчас явно теряет свои преимущества на ставших для нее уже традиционными рынках сбыта высокотехнологичной продукции, включая вооружения. В России значительную часть расходов на финансирование НИОКР несет государство. По данным Аналитического Центра при правительстве РФ, доля расходов федерального бюджета во внутренних затратах на исследования и разработки составила 80% в 2010—2012 годах и 88% — в 2013 году. При этом Россия заметно отстает от многих других стран по уровню вложений в НИОКР в долях ВВП: в 2013 году в России все затраты на НИОКР составили 1,12% от ВВП. За 10 лет — с 2003 по 2013 год — Россия даже снизила по отношению к ВВП свои расходы на научные и инновационные разработки. В 2003-м показатель был 1,29% ВВП.

Для сравнения: в 2013 году в Германии на эти цели было направлено 2,94 % от ВВП, в США — 2,81 %, в КНР — 2,02 %, в Великобритании — 1,63 %, в Бразилии — 1,21 %. Меньше, чем Россия, в НИОКР вкладывают Турция — 0,95 % ВВП, Индия — 0,81 %, ЮАР — 0,76 %. Мировые лидеры по вложениям в НИОКР — Финляндия, Израиль и Корея — вкладывают в научные разработки и исследования 3,55; 4,2 и 4,36 % от ВВП соответственно.

Система финансирования НИОКР в этих странах кардинально отличается от российской: главным источником инвестиций в научное развитие становятся предприятия, устанавливающие тесную связь с университетами для совместных разработок.

Многие университеты имеют очень плотные связи с предприятиями, большинство лабораторий — совместные. Университеты сами разрабатывают высокотехнологичное оборудование, в том числе военной и космической областях. Благодаря этой кооперации университеты сразу получают понимание, в какую сторону им двигаться: под такое сотрудничество заточены многие магистерские и аспирантские программы. Тесная связь между университетами в США (Массачусетский технологический институт), Великобритании (Йельский университет), Китае (Шэньянский технологический университет). Речь идет об Университетах будущего — формата 3.0. Реагируя на вызовы современной динамичной жизни, Университеты 3-го поколения создают и сам живут в технологической и социальной среде будущего, опережая время на 5—10 лет. Университет 3.0 помимо обучения и научных исследований, занимается инновациями — коммерциализирует научные разработки и результаты своей интеллектуальной деятельности. Безальтернативная идея Университета 3.0 — обучение общества жить в будущем.

Нарастающая скорость, с которой происходят перемены, их размах и системный характер последствий характеризуют конвергенция и синергия нескольких масштабных технологий: нано-, био-, IT, 3D – печати, искусственного интеллекта, новых материалов и робототехники. Такие перемены следует считать не простым продолжением третьей технологической революции, а началом четвертой.

В Университетах 3.0 обучают навыкам и компетенциям, которые человечеству предстоит освоить, что влечет за собой необходимость получения еще более новых знаний. Креативность, критическое мышление, эмоциональный интеллект, способность убеждать и обучать других в будущем будут обладать большой ценностью. Одной из характеристик образования будущего станет цифровое мышление. Количество информации в мире растет по экспоненте, поэтому высокоспециализированный профессионал должен многое знать, уметь быстро анализировать большое

количество данных, понимая суть и отделяя главное от второстепенного. Сюда же относятся и медиаграмотность как умение ориентироваться в источниках информации, и способность к дизайну процессов, и контроль своей загрузки, и виртуальные коммуникации.

Одной из образовательных технологий будущего станет «мышление в формате постоянного прототипирования»: мультимышление как быстрый анализ через быстрое принятие решений и прогнозирование.

Российская модель реализации концепции Университета 3.0 — это долгосрочная межведомственная программа частно-государственного партнерства, направленная на развитие перспективных рынков на базе технологических решений, которые будут определять развитие российской экономики через 20 лет.

Начинать растить отечественную технологическую элиту надо уже сегодня. В настоящее время система дополнительного образования попала в зону внимания властей. В Москве, Алтайском крае, Республике Татарстан, Ханты-Мансийске создается среда ускоренного технологического развития детей с целью подготовки будущих инженерных кадров для отраслей Национальной технологической инициативы. На 2017 год запланировано открытие нескольких технопарков для юных изобретателей «Кванториум», реализующих пилотный проект в рамках «новой модели системы дополнительного образования», которую предложила Ассоциация стратегических инициатив. Идею создания многоуровневой системы внешкольной работы на основе частно-государственного партнерства поддержало Министерство образования и науки РФ. Нейротехнологии, космонавтика, программирование, геоинформатика, мехатроника — направления, к которым дети получают неограниченный доступ, а также к сложнейшему высокотехнологичному оборудованию и реализации сложных задач. Технопарки «Кванториум» станут средой, где будут исполняться заказы промышленных корпораций.

Изобретательское, продуктивное и критическое мышление — вот что необходимо развивать в современных детях для того, чтобы они реализовали принцип «новые люди для новой экономики». Государство и бизнес будут инвестировать в образование будущего.

Е. Н. Икингрин, Н. В. Дулина

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ИКИНГРИН Елена Николаевна — кандидат социологических наук, заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, Первый федеральный вице-президент РОС, Республика Башкортостан; ikingrinen@mail.ru

ДУЛИНА Надежда Васильевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, Региональный вице-президент РОС, г. Волгоград, Россия; nv-dulina@yandex.ru

Аннотация. Преподаватели вузов страны уже не первый год бьют тревогу. Они с сожалением констатируют, что уровень подготовки большинства абитуриентов всех специальностей на разных факультетах делает невозможным чтение ими без предварительной подготовки и адаптации оригинальных текстов по блоку социально-гуманитарных дисциплин (особенно это касается чтения работ классиков философии, социологии и т. д.).

Преподаватели вузов страны уже не первый год бьют тревогу. Они с сожалением констатируют, что уровень подготовки большинства абитуриентов всех специальностей на разных факультетах делает невозможным чтение ими без предварительной подготовки и адаптации оригинальных текстов по блоку социально-гуманитарных дисциплин (особенно это касается чтения работ классиков философии, социологии и т. д.). Полагаем, что во многом это следствие «недочитанного» в средней общеобразовательной школе. Достаточно напомнить что периодически, но все чаще, вспыхивают споры о том, что, например, романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского не по плечу учащимся даже старших классов и что их надо исключить из школьной программы.

Парадоксы «недочитанного» в средней школе современными студентами попробуем проиллюстрировать результатами, которые получены в ходе прикладного социологического исследования «Российское студенчество о Великой Отечественной войне». Исследование, инициированное Российским обществом социологов (РОС), было проведено в ноябре 2014 года — январе 2015 года. Всего в ходе исследования было опрошено около 5 тысяч (4754) студентов из полусотни вузов почти 30 городов России. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневецкий (г. Екатеринбург, УрФУ), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, НВГУ),

Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолгГТУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). Более подробная информация об исследовании представлена на официальном сайте РОС. Задача репрезентации выборки не ставилась. Основные результаты этого исследования представлены в коллективной работе участников проекта [1].

Предваряя представление полученных в ходе исследования результатов, заметим, что в мире опыта человека, как отмечают лингвисты, находятся общие образования, называемые ментальными пространствами. Ментальные пространства — это системы представлений, которые строятся и корректируются на основе житейских и научных фактов [3, с. 28]. «Каждое ментальное пространство описывает свою собственную реальность — реальность человеческого представления, будь то воспоминание о прошлом, мечты о будущем, реконструкция исторической эпохи или образ самого себя» [5, с. 21, 22]. О. В. Лещак пишет: «В долговременной памяти человека может храниться информация о некоторых событиях в виде более или менее упорядоченной последовательности данных, фактов, запомнившихся ситуаций, поступков, картин. При этом подчас неважно, по какому каналу данная информация поступила в память: сенсорному, вербальному или же она в принципе была порождена воображением индивида. Среди подобных «фабул» и «сюжетов» не последнее место занимают когнитивные отпечатки текстов, в т. ч. художественных» [4, с. 309].

Какие отпечатки текстов, в т. ч. художественных хранятся в памяти современных студентов, очерчивая границу их ментального пространства? Одним из вопросов в исследовании, упомянутом выше, был следующий: «Знаете ли Вы художественные произведения о Великой Отечественной войне?». Ответ на вопрос предполагал перечисление тех произведений, с которыми знакомы молодые люди. Тройку лидеров студенческого «рейтинге» литературных произведений о Великой Отечественной войне составили: «Василий Теркин» — 8,7 %, «Судьба человека» — 6,1 %, «Они сражались за Родину» — 5,6 %.

На четверной строчке оказался роман Ю. Бондарева «Горячий снег» — 3,6 %. Его выделяют на фоне других произведений студенты двух городов — Белгорода (его назвали 14,7 % респондентов) и Волгограда (12,0 %). Студенты других городов, за исключением Иваново (7,0 %), Москвы (6,4 %) и Иркутска (5,0 %), можно сказать, что и не знают и не помнят этого романа. В Омске эта книга не была упомянута ни разу, в Тюмени книгу упомянули 0,7 % респондентов, во Владивостоке, Улан-Удэ и Екатеринбурге — 1,0 %, в Якутске — 1,3 %, в Ставрополе — 1,6 %. В остальных городах это «разброс» от 2,0 % до 4,0 %.

Этот факт обращает на себя внимание в силу того, что среди важнейших событий, сражений Великой Отечественной войны более половины опро-

шенных студентов (52,2%) назвали Сталинградскую битву. «Горячий снег» Ю. Бондарева — это события, которые разворачивались в ходе битвы в декабре 1942 года. Вывод напрашивается только один: Сталинградскую битву учили («проходили») на уроках истории в школе и на занятиях в университете, поэтому и в памяти отложилось как важнейшее сражение Великой Отечественной войны, «Горячий снег» просто не читали и не знакомы с духовно-душевными движениями его героев. Но! Фильм «Сталинград» посмотрел почти каждый пятый от числа всех опрошенных студентов (17,6%). В Волгограде этот фильм посмотрели практически каждый третий опрошенный студент в этом городе (29,4%). Мы не будем анализировать фильм Ф. Бондарчука, за нас это сделали профессиональные критики (см., напр., [6, 7] и др.). Но вопрос, о чем напомнил фильм «Сталинград» Ф. Бондарчука студентам, которые нашли время и посмотрели его хотя бы потому, что это первая картина на постсоветском пространстве, снятая по технологии IMAX 3D, что добавил в их ментальное поле, остается открытым.

Современные студенты предпочитают чтению все «увидеть собственными глазами», идут в кинотеатр или же «качают кино из интернета», принимая художественный вымысел за оригинал. Уже неважно, по какому каналу информация поступила в память, и симулякры наполняют ментальные пространства молодежи (см., напр., [2] и др.). Только один пример обращения к истории и освещению ее в разных источниках, дает возможность понять, сколь не прочна ткань ментального пространства молодежи, которой строить будущее страны.

Список источников

1. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2015.
2. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Симулякры памяти о Великой Отечественной войне: мнение современных студентов о фильмах, музыкальных и литературных произведениях (по итогам социологического исследования) [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24—25 февраля 2016 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.
3. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи : Монография / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006.
4. Лещак О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь : Пудручники і посібники, 1996. URL: http://www.ujk.edu.pl/~leszczak/kniga1996_1.doc (дата обращения 01.03.2017).

5. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988.
6. Рецензия на фильм «Сталинград» Федора Бондарчука. URL: <http://yuvision.kz/post/380373> (дата обращения 01.03.2016).
7. Чекулаев А. Жизнь, смерть и судьба: «Сталинград» Федора Бондарчука // Петербургский телезритель. URL: <http://www.tramvision.ru/recensia/2013/stalingrad.htm> (дата обращения 01.03.2016).

Н. В. Дулина, Е. Н. Инкингрин

СТУДЕНТЫ РОССИИ ЧИТАЮТ КНИЖЕЧКИ... (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ДУЛИНА Надежда Васильевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, Региональный вице-президент РОС, г. Волгоград, Россия; nv-dulina@yandex.ru

ИКИНГРИН Елена Николаевна — кандидат социологических наук, заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, Первый федеральный вице-президент РОС, Республика Башкортостан; ikingrinen@mail.ru

Аннотация. Хорошо известна ситуация, когда Альберта Эйнштейна спросили о том, как мы можем сделать наших детей умнее. Его ответ был простым и мудрым. «Если вы хотите, чтобы ваши дети были умны, — сказал он, — читайте им сказки. Если вы хотите, чтобы они были еще умнее, читайте им еще больше сказок». Он понимал ценность чтения и воображения, качества столь необходимые современным студентам. Чтение, и особенно чтение художественной литературы — это таинство, поскольку в процессе чтения «Наш ум постигает то, что постигает другой; наше сердце должно чувствовать то, что переполнило другое»

Хорошо известна ситуация, когда Альберта Эйнштейна спросили о том, как мы можем сделать наших детей умнее. Его ответ был простым и мудрым. «Если вы хотите, чтобы ваши дети были умны, — сказал он, — читайте им сказки. Если вы хотите, чтобы они были еще умнее, читайте им еще больше сказок». Он понимал ценность чтения и воображения, качества столь необходимые современным студентам. Чтение, и особенно чтение художественной литературы — это таинство, поскольку в процессе чтения «Наш ум постигает то, что постигает другой; наше сердце должно чувствовать то, что переполнило другое» [3, с. 347—377]. Для развития творческой мысли читать необходимо, причем читать художественную литературу и, желательно, классику. Ведь пересказать художественную мысль, если она действительно художественно выражена, нельзя. Для доказательства данного тезиса сошлемся на авторитет великого Л. Н. Толстого. Толстой иронически заметил, что критики, видимо, умнее автора, потому что они могут назвать идею «Анны Карениной», между тем если бы такая задача была поставлена перед ним, то ему ничего не оставалось бы сделать, как написать роман заново и так, как он написан (цит. по: [6, с. 416]). Классик отечественной литературы сделал очевидной

трудность постижения художественной мысли, заложенной в произведении. Ведь даже пересказывая текст, мы наполняем его собственными смыслами. Но художественная литература способна стать и фактором социального развития. Она обладает исключительной интенсивностью воздействия, воспитывает духовность, нравственность, вкус, мысль и чувство читателя, воспитывает его воображение, побуждая к работе фантазию, способность воспринимать и анализировать прочитанное. Более того, художественная литература воспитывает чувство патриотизма, того самого патриотизма, о котором много говорят в последнее время, но, к сожалению, мало что делают.

Читают ли современные студенты художественную литературу, чтобы развивать в себе таланты и воображение, чувство патриотизма? Если коротко, то да, читают, но мало (см., табл.).

Таблица 1. Литературные произведения о Великой Отечественной войне, упомянутые студентами в ходе опроса, %

№ п/п	Название произведения	Пол		В целом по массиву
		Муж.	Жен.	
1.	Василий Теркин (А. Твардовский)	7,7	10,2	8,7
2.	Судьба человека (М. Шолохов)	4,7	7,4	6,1
3.	Они защищали Родину («Они сражались за Родину», М. Шолохов)	5,6	6,1	5,6
4.	Горячий снег (Ю. Бондарев)	3,5	3,9	3,6
5.	Завтра была война (Б. Васильев)	0,8	4,5	3,0
6.	Повесть о настоящем человеке (Б. Полевой)	1,8	2,9	2,4
7.	Молодая гвардия (А. Фадеев)	1,2	2,8	2,1
8.	Жди меня и я вернусь (К. Симонов)	0,5	3,1	1,9
9.	Батальоны просят огня (Ю. Бондарев)	1,3	1,7	1,5
10.	Живые и мертвые (К. Симонов)	1,5	1,5	1,5
11.	Война и мир (Л. Н. Толстой)	0,3	2,2	1,4
12.	В окопах Сталинграда (В. Некрасов)	1,1	1,5	1,2
13.	Сын полка (В. Катаев)	0,8	1,4	1,1
14.	Сотников (В. Быков)	0,6	1,4	1,1
15.	Сашка (В. Кондратьев)	0,4	1,1	0,8

Вопрос о знании студентами художественных произведений и Великой Отечественной войне был им задан в рамках социологического исследования «Российское студенчество о Великой Отечественной войне». Исследование, инициированное Российским обществом социологов (РОС), было проведено в ноябре 2014 года — январе 2015 года. Всего в ходе исследования было опрошено около 5 тысяч (4754) студентов из полусотни вузов почти 30 городов России. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневецкий (г. Екатеринбург, УрФУ), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, НВГУ), Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолГГУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). Более подробная информация об исследовании представлена на официальном сайте РОС. Задача репрезентации выборки не ставилась. Частично результаты этого исследования уже представлены в научных публикациях (см., напр., [1, 2, 4, 5] и др.).

В анкете студентам вопрос: «Знаете ли Вы художественные произведения о Великой Отечественной войне?» был предложен в открытой форме, т. е. они сами вписывали знакомые им произведения, без подсказок (предложенных альтернатив) со стороны исследователей. Общий перечень художественных произведений, упомянутых студентами, включил в себя 112 позиций. Понятно, что какие-то произведения встречались значительно чаще, чем другие, какие-то были упомянуты только единожды.

Данные, представленные в таблице, весьма красноречивы, и комментарии, как говорится излишни. Но если обратиться к научным публикациям последних лет существования Советского Союза, то отечественные исследователи следующим образом фиксировали проявление декларируемых духовных намерений в молодежной среде:

- посещать: театры; музеи; выставки; концерты классической музыки;
- ходить: в кинотеатры; дискотеки, танцклубы; на эстрадные концерты; спортивные соревнования; рестораны, ночные клубы;
- читать книги: русскую и зарубежную классику; детективы, бульварные произведения;
- путешествовать, ездить на экскурсии.

«Быть современным» (или просто не быть белой вороной, быть своим среди своих) — такое намерение навсегда останется корневой (ментальной) чертой молодежи, прибегающей к разным (материальным и духовным) средствам, чтобы реализовать ее. Уверенности нет, но сохраняется надежда, что набор качеств, входящих в модуль «современный молодой человек», вновь пополнится желанием читать.

Список источников

1. Ануфриев Д. П., Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань — Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20.)
2. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2015.
3. Гете И. В. Максимы и размышления. М. : Наука, 1964.
4. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Живи и помни: студенты России о Великой Отечественной войне (По итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
5. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Правнуки Победы. Какие они? // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
6. Фортунатов Н. М. Обучающие возможности «внутренней формы» литературного текста (на материале русской классики) // Русский универсум в условиях глобализации : сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26—28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е. В. Валеева ; отв. ред. С. В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ ; Фонд «Русский мир». Саров : Интерконтакт, 2016.

А. Ю. Устинов

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

УСТИНОВ Анатолий Юрьевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, Россия; ustan0902@rambler.ru

«Радость» — базовый концепт, включающий в себя особо важные смыслы, поскольку обозначают жизненные потребности человека. Л. Н. Толстой писал: «Где радость, там и жизнь».

Относительно русской ментальности традиционно существует оценочный стереотип, который состоит в том, что «русские почти не умеют радоваться». Об этом категорично заявил Н. А. Бердяев в эссе «О власти пространств над русской душой»: «Вся внешняя деятельность человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы — не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы» [1: 324].

Косвенно подтверждают это мнение исследователи русского менталитета в сопоставлении с другими (А. Вежбицкая [2], Н. А. Красавский [3] и др.). Они рассматривают на правах ключевых для русской ментальности такие «унылые» концепты, как тоска, печаль, разлука, страх, гнев, жальность, оставляя почти без внимания более «жизнерадостные» и не менее значимые.

Поддерживает это мнение и Ю. С. Степанов. В «Словаре русской культуры» он отмечает, что при описании концепта ‘Радость’, к удивлению для него самого, в его «подготовительных, долгое время собираемых материалах не оказалось на этот счет почти ничего. (Не есть ли это — «значимое отсутствие»?)» [4: 303].

Цель нашего мини исследования — доказать не только высокую ценность радости для русского сознания, но и многогранность этого понятия и его интегрирующий потенциал в сознании студенческой молодежи.

Наша гипотеза состоит в том, что концепт ‘Радость’, в силу своей всеохватности (от бытовых переживаний до религиозных), является особенно значимым для русского самосознания и студенческого в частности.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы мы провели анкетирование. В нем приняло участие 95 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Основной состав опрашиваемых — студенты ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений». Опросный лист включал 5 вопросов.

Вступительный текст анкеты выглядел так:

«Мы рады, что Вы согласились участвовать в эксперименте. Суть его — выяснение особенностей отношения студенческой молодежи к жизни. С Вашей помощью мы хотим уточнить, что есть радость для русского человека, что он воспринимает как радость. Предлагаем Вам ряд вопросов и будем благодарны, если Вы на них ответите. Пусть Вас не смущает, что некоторые вопросы как будто повторяют друг друга. Это условие эксперимента.

Участникам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Что вызывает у Вас радость? (Просим дать не менее 5 причин, поводов, ситуаций).

2. Какие из этих слов ассоциируются с понятием радость? Подчеркните их, пожалуйста.

Удовлетворение, мудрость, эйфория, восторг, удовольствие, веселье, восхищение, праздник, ликование, просвет, торжество, деньги, услада, утеха, победа, свобода, встреча, верность, достижение цели, подарок, очищение, познание, признание, озарение, пища, красота, творчество, любовь, покой, благодать, утешение, удача, добро, вера, надежда, счастье.

3. Какие из данных ниже слов НЕ ассоциируются с понятием радость? Отметьте их.

Нежность, удовольствие, очищение, верность, дотошность, снисходительность, гордость, честность, сытость, пунктуальность, подлость, весна, природа, творчество, мудрость, признание, популярность, путешествие, деньги, любовь, добро, благодать, надежда, утешение, вера, власть, справедливость.

4. В каких ситуациях можно испытать радость?

5. В каких ситуациях Вы испытали радость?

Задачи анкетирования: выявить у испытуемых, что именно их радует: причины, поводы, обстоятельства; активизировать в сознании молодых респондентов ассоциативное поле стимула радость; проверить, насколько предлагаемые вниманию испытуемых слова-ассоциаты стимула радость актуальны в их языковом сознании; выявить потенциальные ситуации, в которых мыслится переживание данной эмоции; зафиксировать реальные ситуации переживания радости, т. е. личный опыт каждого участника анкетирования.

В результате исследования было получено 95 ответов-реакций. Полученные данные были обобщены, классифицированы и представлены по принципу частотности отдельных признаков. По итогам расчета состав-

лена диаграмма, показывающая процентное соотношение понятийных признаков концепта радость.

Следует особо отметить, что детализация признаков, формирующих концепт, осуществлялась (хотя и опосредованно) самими респондентами — в предложенных ими формулировках.

С учетом вышесказанного и на основе обработки фактического материала мы выделили девять понятийных признаков, которые составляют семантический объем концепта: 1) «радость как приятие мира», 2) «духовно-религиозное переживание», 3) «духовно-нравственное переживание», 4) «духовно-коммуникативное переживание», 5) «эстетическое переживание», 6) «чувственное переживание», 7) «материальное удовлетворение», 8) «профессиональная / творческая деятельность», 9) «познавательная деятельность».

Выявленные понятийные признаки распределились по трем следующим сферам. 1. Общее состояние (1 признак). 2. Конкретные переживания (2,3,4, 5,6, 7 признаки). 3. Деятельность (8 и 9 признаки).

Рассмотрим и прокомментируем каждый признак отдельно, в порядке его приоритетности в сознании студентов.

По данным проведенного исследования, признак чувственное переживание имеет самый высокий показатель частотности реакций — 28, это составляет самый большой процент от общего количества ответов-реакций — 28,5%.

Самым радостным событием-переживанием для зрелой молодежи оказывается любимый человек рядом, взаимная любовь (8). На второй позиции — веселые моменты жизни (7). Затем следуют торжественно-ритуальные события (день рождения, бракосочетание и т. п.) — 5, разрешение тревожной ситуации (в т. ч. вернулся из армии, выздоровление близких) — 3, секс — 2, ожидание приятных событий (каникулы, праздник) — 2, приятное событие (подарили цветы) — 1.

Признак радость как приятие мира подразумевает удовлетворение жизнью в целом, способность радоваться жизни уже только потому, что это жизнь, которая и есть самая бесценная и бескорыстно дарованная радость. Об этом хорошо сказал А. Эйнштейн: «Радость видеть и понимать есть самый прекрасный дар природы».

По продуктивности реакций (15) этот признак оказался на втором месте. На его долю приходится 14,8% от общего количества ответов. Этот признак представлен богатым спектром ассоциаций: отдыхаешь (активно, на природе, за границей) — 6, семья вместе, мир, покой, счастье, благополучие в семье (5). По одной реакции имеют хорошая погода (солнечное утро, ясный день) — 1, удовлетворение от жизни, все есть в данный момент (1), стабильность, спокойствие, благосостояние (1), мир на земле (1).

Высокую актуализацию в сознании молодых носителей языка получил признак, обозначенный нами как духовно-коммуникативное переживание. Это переживание удовлетворения, веселья и радости в процессе доброжелательного общения. На его долю приходится 13,7 % исследуемого фактического материала (14 ответов-реакций).

Как показали данные опроса, приоритетное место у молодежи занимает общение через социальные сети (5). Общение с друзьями, общение с родными отходит на второй план (2).

Время расставляет свои акценты: сегодня дружба приравнивается к товариществу, партнерству, сотрудничеству, участию в общем деле. Современности присуща тенденция к установлению кратковременных дружеских связей. Для молодежи общаться (на молодежном сленге — общнуться) значит поддержать контакт. Неважно, о чем говорить, можно о пустяках, главное в общении — поддержание душевного взаимодействия и получение от этого удовольствия или радости. Поэтому радость дружеского общения, основанного на братстве, духовной близости людей, понятна сравнительно немногим — дружбу (старый, близкий друг) назвали 2 респондента, когда как приятные встречи, знакомства с интересными людьми — 5.

Признак концепта, условно обозначенный как материальное удовлетворение, подразумевает получение радости или удовольствия от разного рода вещно-материальных и финансовых приобретений. Он занимает в языковом сознании молодых людей заметное место, что указывает на не самую высокую его актуальность в системе жизненных приоритетов.

Ведущую позицию занимают покупки, приобретения, удовлетворение материальных потребностей (5): хорошая вещь — 3, автомобиль — 2.

Материальное удовлетворение ассоциируется также у молодых с финансовым благополучием — 4: много денег, дополнительный доход, отсутствие материальных проблем. Двое респондентов назвали вечер на халяву.

Признак познавательная деятельность в языковом сознании молодых людей оказался на пятом месте (9,5 %). Познание реального мира, обретение новых знаний, любое открытие в период учебы является важным, но не совсем приятным для большинства студентов событием.

Радость познавательной деятельности напрямую связана с успехами в учебе (3), сдача сессии (1), получение диплома (1).

Умножение знаний, накопление информации (4) — это постоянный процесс, сопровождающий человека всю его жизнь. Здесь респонденты назвали путешествия, поездки — 19, познание нового — 2.

На 6-м месте оказываются духовно-нравственные переживания, которые представляют высокую сферу чувств обыденного существования

и социальной практики. Они занимают в языковом сознании молодежи всего 6%. Эта цифра позволяет сделать вывод о том, что современное российское общество все еще переживает кризис духовности, кризис национальной системы ценностей. Сказывается это и на молодежи. Приоритетное место среди ответов респондентов занимает сорадование, т. е. способность радоваться успехам близких людей (4 реакции). Представление о радости как возможности делать добро — дарить радость другим (1), одаривать подарками, приятными сюрпризами (1) также находит отражение в ответах респондентов. Для других радость — это торжество справедливости (1), полезность обществу (1).

Согласно данным опроса, на предпоследнем месте в иерархии ценностей молодежи оказался признак профессиональная/творческая деятельность (6 реакций), он составил 6,3% от общего количества ответов-реакций.

Радость профессиональной и творческой деятельности у молодых людей пока не актуальна и ассоциируется в первую очередь с решением основной проблемы, которая встанет перед ними после окончания профессиональных учебных заведений, — проблемы трудоустройства. В собственных формулировках респондентов это: получение работы (хорошая должность, любимая работа, успешная работа), победы, достижения и успехи в работе — 6 реакций. На второй позиции — достижение цели (2 реакции).

Последнее 8-е место делят духовно-религиозные и эстетические переживания. Они набрали всего по 4,1%. Однако для студенческого секуляризованного, т. е. по существу безрелигиозного сообщества, находящегося в состоянии духовно-нравственной дезориентации, это вполне закономерно.

В первом случае переживание радости приобретает сакральную значимость, т. к. это радость приобщения к высшей истине. Здесь студентами названы душевный покой (1), внутренняя гармония (1), примирение (1), посещение храма (1), вера (1).

Радость духовного просветления, порождаемого созерцанием красоты и произведениями искусства, отмечена 4 респондентами. В их собственных формулировках это — цветы, рассвет, фейерверк. Затем идут музыка (1), театр (1), музей (1).

Итак, действительно, «мы познаем человека не по тому, что он знает, а по тому, чему он радуется». Необходимо заметить, что среди собственных формулировок, предложенных участниками эксперимента, не нашлось ни одной коннотации, связанной с радостью как со злорадством, удовлетворением от успехов кого-либо, удавшейся мести и др. Анкета была анонимной, поэтому можно предположить, что негативные прояв-

ления радости не являются актуальными для студенческой молодежи. Напротив, их творческий подход был нацелен на конкретизацию пережитых ситуаций, что свидетельствует о добросовестном участии в эксперименте и актуальности концепта радость в языковом сознании зрелой молодежи. Это связано не только с возрастными особенностями. Сам спектр ассоциаций свидетельствует не только об универсальной применимости концепта радость и ценностной синкретичности этого понятия, но и об особой значимости его для русской картины мира и русского самосознания.

Список источников

1. Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М., 2004.
2. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996.
3. Красавский Н. А. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : Монография*. Волгоград, 2001.
4. Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры : Опыт исследования*. М., 1997.

О. И. Щербакова

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ЩЕРБАКОВА Ольга Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», г. Москва, Россия; olga716@bk.ru

Аннотация. В статье представлен обзор теоретических исследований по ценностным ориентациям в трудах Е. В. Золотухиной-Аболиной, А. А. Ивина, В. Н. Сагатовского, М. С. Кагана, Д. А. Леонтьева, В. К. Шохина, П. Ю. Тазова, Н. Хоува и У. Штрауса и др. Также представлены обобщенные результаты исследований ценностных ориентаций разных поколений, начиная с молодежи 80-х годов — по настоящее время. Автор показал в статье результаты социологического исследования ценностных ориентаций современной молодежи и их отличие от предыдущих поколений. Автор делает вывод о том, что: конфликта ценностей между поколениями не избежать, т. к. ценности молодежи являются определенным маркером и показывают особенности социокультурной среды, в которой сформировалось определенное поколение. У поколения середины 90х- начала 2000-х (то есть современного поколения молодежи), конечно же будет происходить переоценка ценностей, этот процесс неизбежен. В современной России, самым острым аспектом конфликта ценностей будет являться культурный аспект, когда современное поколение является носителем всего нового, и зачастую полностью отвергает старые нормы и ценности предыдущего поколения, в то время как старшее поколение- по прежнему консервативно — в этом случае, конфликты будут протекать часто и наиболее остро.

Ключевые слова: ценность, конфликт ценностей, молодежь, жизненные цели молодежи, ценностные ориентации разных поколений, гипотеза недостатка, гипотеза социализации

Анализ опыта предыдущих поколений показывает, что в настоящее время происходит упадок духовных ценностей современной молодежи. Средства Интернет-сети, распространение телевидения, своеобразная музыкальная культура, дефицит российской книги, вытеснение ее продукцией массовой культуры способствовали тому, что современная молодежь не стремится духовно обогащаться.

Происходит определенный ценностный конфликт поколений. Такие понятия как честь, достоинство, скромность, милосердие, сострадание, совесть, настоящая любовь, справедливость, воспитанность, хорошие манеры поведения, религиозность, культурные ценности, вежливость

и гордость являются не приоритетными для современной молодежи и отходят на задний план. Все большее значение приобретают материальные ценности, а также эгоизм, жестокость, хамство.

Сейчас теряется и такая ценность, как ответственность молодежи перед родителями, а затем и перед обществом. Не менее важное значение имеет небрежное отношение молодежи к окружающей природе (растительности, животных, водоемов и т. д.), что негативно сказывается на здоровье, а значит и развитии самого же человека. На сегодня все большее распространение получают неформальные группы, члены которых не могут закрепиться в современном социуме и «убегают» от него, создавая внутри группы собственные духовные идеалы, нормы и правила поведения, что также не всегда являются общепринятыми в смысле «духовных ценностей», а искаженными.

Каждый человек приходит в мир, который существовал до него, имел свою структуру, иерархию вещей и отношений, то есть мир для него никогда не бывает «чистым». Человек находит условия собственного существования уже готовыми, определенными в нем. Это его прошлое, которое он должен впустить к себе для того, чтобы осуществиться как человек и иметь возможность сказать: «Я и Мир есть» (С. Л. Франк).

«Связь деятельности с ценностями такая, по мнению А. А. Ивина, что понятие деятельности вообще не может быть определенным без ссылки на ценности» [6, 32]. На тех же позициях стоят А. Н. Леонтьев («Деятельность. Сознание. Личность») и М. С. Каган («Человеческая деятельность»).

Ценность как философское понятие — это способ вступления человека в связь с миром. В свою очередь общим способом существования ценности, в которой в неразрывном единстве соединены ее идеальность (бытие вообще) и материальность (ценностно-материальное) как ее диалектические стороны является ценностно-деятельностное. Она имеет бинарную структуру (сочетание чувства и мышления, смысла и значения и т. д.). [5] Духовное выражение ценностного отношения проявляется через «высшие», «абсолютные», «общечеловеческие» ценности и мировоззрение, закрепляется в этических и сакральных формах общественного сознания. [5] Под молодежью понимается несколько поколений молодежи, у каждого из которых свое место в культурно-историческом процессе.

Результаты исследования, проводимого среди молодежи в 1961 г. Б. А. Грушиным оказались таковы:

Среди целей молодежи — служить народу, приносить пользу Родине — 33,5 % (в группе молодежи до 17 лет эту цель выделяют 41,6%); стать первоклассным специалистом — 33,2 % (молодежь до 17 лет — 52,8%), стать настоящим коммунистом — 15,6 %. [18]

Анализируя результаты этого исследования, можно заметить, что кроме «романтических» жизненных целей, серьезную роль занимают патриотические, профессиональные цели. Ценности молодежи этого периода заметно связаны с «идеологическими» культурными моделями, т. к. идеология в этом временном отрезке имела под собой достаточно крепкую основу. Также можно отметить, что для того поколения, процесс интеграции в социальные структуры имел преимущественное значение, потому что это обеспечивало возможности для карьерного развития, а значит, исчезало состояние беспокойства за собственную жизнь, как она сложится и т. д. Жизнь страны для большинства этого поколения была связана с собственной жизнью, и отсюда вытекает такая популярность ценности «быть настоящим коммунистом» в исследовании Б. А. Грушина.

Но если мы рассмотрим ценности поколения периода 80-х годов, периода «распада СССР», то мы увидим, что разочарование в идеалах коммунизма и переход к рыночной экономике усиливает ориентацию молодежи на индивидуалистическую культурную модель, то есть усиливает индивидуализм. Можно сказать, что культурное поле сузилось до масштабов собственной семьи и близкого окружения.

То есть, разочарование в самом смысле коммунизма — построении «светлого будущего», рождает ориентацию не на общественные цели, как это было у предыдущего поколения, а на цели индивидуальные. В определенном смысле это поспособствовало тому, что молодежь переориентировалась на более конкретные цели и задачи, связанные с личными потребностями, индивидуализм послужил адаптацией к новым изменениям в социокультурной жизни. Одним словом, если проследить тенденцию в динамике, случился переход от «романтизма» к прагматизму.

Большое значение в понимании ценностей поколений оказал труд американских ученых Уильяма Штраусса (William Strauss) и Нейла Хоува (Neil Howe) «Поколения», написанный под влиянием разработанной ими «теории поколений» в 1991 году.

Глобально, теория поколений описывает ценности и их цикличность в событиях и явлениях, влияющих на формирование ценностей людей определенного поколения. Авторы описывают поколение как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20—22 года.

В основу теории «поколений» Н. Хоув и У. Штраус положили мысль о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях он жил и воспитывался до 12—14 лет. Именно до этого возраста у нас формируется собственная система ценностей, которую мы потом и проносим через всю жизнь, так сказать, сборник правил, не подлежащих сомнению. [20]

На данный момент, наиболее активны сегодня представители трех поколений: Беби-бумеры, рожденные в 1943—1963 годах, «X» (1963—1983) и их наследники — поколение Миллениум, они же Y, появившиеся на свет в 1983—2000-м.

Отдельно стоит сказать про роль воспитания. Цели у родителей разных поколений в общем и целом похожи, но акценты делаются на разных вещах и используются разные слова. К примеру, раньше детей учили «быть храбрыми». Теперь учат тому, как «постоять за себя», «быть лидером». Поколение X дают детям возможность учить иностранные языки — в их время это был пропуск в мир успеха, а Миллениумы (поколение Y) считают важным учить потомков искусству коммуникации (хотя надо отметить, и иностранному языку тоже стараются обучить детей). Беби-бумеры и X расстраиваются, что «Миллениумы» читают мало книг, а используют для развития совсем другие форматы, как — видео, гаджеты.

Нельзя не сказать о том, что в своей работе Н. Хоув и У. Штраус описали некую модель в развитии поколений, на которую влияли исторические события, относящиеся непосредственно к поколениям. Авторы назвали эту модель превращениями (или периодами). В их труде «Поколения», а также более детально в «Четвертом превращении» они выявляют четырёхступенчатый цикл социальных и настроенческих эр (превращений): [21]

- Подъем (пост-кризисный период, когда институты сильны, а индивидуализм слаб. Общество уверено в том, чего оно хочет добиться сообща, однако люди, не включенные в это движение, часто страдают от необходимости следовать правилам, общим для всех)
- Пробуждение (это период, когда институты подвергаются нападкам во имя личной и духовной автономии. Как только общество достигает пика своего развития, людей внезапно начинает утомлять дисциплина и они хотят вернуть себе индивидуальность. Молодые активисты смотрят на период «Подъёма» как на эпоху культурной и духовной бедности.)
- Спад (настроение этого периода во многом противоположно «Подъёму»: институты слабы и лишены доверия, тогда как индивидуализм процветает. Подъёмы следуют за Кризисами, поэтому общество жаждет объединиться и строить. Спады приходят на смену Пробуждениям, вот почему общество разобщено и хочет наслаждаться жизнью.)
- Кризис (это период, когда институциональные структуры разрушены и созданы вновь для выживания нации. Гражданские власти приходят в себя, культура меняет направление и служит нуждам общества, и люди постепенно начинают осознавать себя в качестве членов некой более большой группы). [21]

Исторические события формируют поколения в детстве и молодости; потом, будучи родителями и лидерами в середине жизни и в старости, поколения формируют историю. [21]

Из этого следует, что «теория поколений» интересна даже не тем, что она объясняет, откуда берется конфликт «поколений», а тем, что на ее основе можно строить достаточно четкие прогнозы развития общества, т. к. авторы теории поколений Н. Хоув и У. Штраус открыли закономерность: каждые 80 лет ценности поколений совпадают. [20]. Например, ценности поколения Y сильно совпадают с ценностями поколения GI (1901—1922 г. р.), условно названного «победителями». Цикличность ценностей поколений позволяет предсказать, какие ценности будут у следующего поколения и на чем делать упор в социальной политике страны.

Образ жизни молодежи способствует превращению духовных ценностей общества во внутренние, присущие молодому поколению добродетели, черты характера. Выбор и постижения демократических ценностей, предлагаемых обществом, обусловленные их личной значимостью, то есть тем, является ли она ценностью для самой личности и будет ли способствовать она достижению цели [8].

Ценностные ориентации — это элементы внутренней структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, которые отделяют существенное от несущественного для данного человека через принятие или не принятие личностью определенных ценностей, которые осознаются в качестве содержания и основных целей жизни, а также те, которые определяют допустимыми средствами их реализации. [7]

Ценностные ориентации наиболее часто эксплуатируются в ситуациях, требующих ответственных решений, которые влекут за собой значительные последствия и влияют на дальнейшую жизнь индивида. Ценностные ориентации обеспечивают целостность и устойчивость личности, определяют структуру сознания, программы и стратегии деятельности, контролируют и организуют мотивационную сферу, инструментальные ориентации на конкретные объекты и (или) виды деятельности и общения как средство достижения цели. [7]

Ценностные ориентации, соответственно, определяют: общую направленность интересов и стремлений личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевые и мотивационные программы; уровень предпочтений; степень готовности и решимости (через волевые компоненты) к реализации собственного «проекта» жизни.

Личностные кризисы (часто дополнительно провоцируются кризисами социальными) вызывают, как правило, необходимость в подтверждении или переосмыслении систем ценностных ориентаций, преодоления про-

тиворечий, которые возникают в них, потому что связаны с изменением векторов активности, самоидентификацией и самореализации. В этих случаях успех в разрешении кризисов и минимизации потерь будут зависеть от степени открытости ценностных ориентаций. [14]

Целостность и непротиворечивость системы ценностных ориентаций является показателем устойчивости и автономности личности. Так, противоречия в системе ценностей свидетельствуют о маргинальности личности, также свидетельствует о неспособности человека оценивать и принимать решения или наоборот способности мыслить только стереотипами. [4].

Рассмотрим ценностные ориентации современной молодежи, представленные в трудах российских ученых.

Для данной группы характерна направленность на будущее, а их физические и умственные способности, которые создают определенную уверенность в себе, нередко превращается в самоуверенность. Вместе с тем молодым людям присуща характерная для данного возраста переоценка ценностей, их нравственные взгляды только складываются и структурируются. В анализе сложных явлений окружающей действительности им часто не хватает гибкости и жизненного опыта старших поколений.

Именно поэтому отсутствие достаточного опыта, юношеский максимализм, большая эмоциональная возбудимость делают этот период в жизни достаточно сложным, однако именно в этот период уточняются ценностные ориентации. Достаточно большую роль в формировании ценностей у молодежи играют взрослые, они оказывают поддержку для совершенствования собственной системы саморегуляции, развития самостоятельности и целеустремленности молодого поколения. Знания об окружающем мире и сведения об основах морали объединяются в сознании студента в единую картину [11].

Это способствует изменению системы нравственной саморегуляции молодежи, она становится более полной, гибкой, осмысленной. Убеждения, которые формируются на основе научных знаний и жизненного опыта, все больше становятся главными ориентирами поведения и обуславливают относительную самостоятельность, независимость от ситуационных воздействий.

Если провести исследование ценностных ориентаций данной возрастной группы, то можно увидеть такую закономерность — юноши на первое место ставят свои увлечения и интересы, карьеру и профессию, деньги, а девушки — взаимоотношения с противоположным полом, семью, здоровье в семье. Сегодня, в начале XXI в., развитие и мировоззрение молодежи претерпело большие изменения. По сравнению с предыдущими годами молодежь становится более раскованной и самостоятельной, начинает

ориентироваться в современном обществе. Но не всегда самостоятельность — это положительное явление, ведь сталкиваясь с довольно печальными реалиями жизни подростки становятся циничными и равнодушными к окружающему миру, ухудшаются их взаимоотношения с родителями. Конечно, сейчас изменились и жизненные ценности нового поколения, если лет 10—20 назад главным было обучение, отношение к окружающим людям, то сейчас молодежь не очень интересует мнение их родителей и друзей, заметной тенденцией стало эгоистичное отношение молодежи.

Существует много стереотипов, в которых молодежь воспринимается как единое целое. Но молодежь, как и люди всех возрастов, достаточно отличаются друг от друга. Ценностные ориентации явление динамичное, поскольку каждое новое поколение усваивает ценности предыдущего поколения через призму собственного восприятия, добавляя собственные ценности. Конечно, процесс изменения ценностных ориентаций непосредственно связан с изменениями в экономическом, культурном, политическом и других сферах жизни общества определенной страны. Молодежь последнего десятилетия XX в. и начала XXI века. оказались, так сказать, в стороне — это поколение еще воспитывалось на «старых» началах, а с другой — во взрослую жизнь оно вступает в новых условиях, которые требуют отказа от многого усвоенного ранее [17].

«Не срабатывают» коллективистские идеалы (все больше — индивидуалистические), стал непрестижным ряд профессий, которые ранее уважались и считались общественно полезными, изменилось отношение к своей родине. Поэтому становится очевидным разрыв между поколениями современного общества. Сегодня СМИ контролируют значительную часть досуга молодежной аудитории и выступают важным инструментом формирования социальных установок, ценностных ориентаций молодежи. Ответственность за то, что нынешнее поколение растет такими готовыми потребителями, в большинстве своей лежит на средствах массовой информации.

Сегодняшняя молодежь, как никогда раньше, растет в атмосфере прессинга рекламы и СМИ. Как правило, молодежь скептически относится к тому, что им говорят. Они теряют наивность и начинают верить в то, что видят собственными глазами, а не в то, что им рассказывают. Они учатся распознавать фальшивые обещания, отделять пустые слова от реальных действий, замечать лицемерие и не путать их с правдой и с истинными желанием помочь [1].

Формирование определенных трудовых и профессиональных ценностей происходит в процессе социального взаимодействия с непосредственным окружением в период получения молодым человеком образования. Поэтому сложно рассматривать современное студенческую среду

как постоянную референтную группу профессиональной социализации, однако можно наблюдать, что имеющаяся интериоризация определенных устоявшихся социальных норм труда (или профессиональной деятельности). Эти процессы происходят параллельно с общественными трансформациями, обусловленными общественной постиндустриализацией (постмодернизацией).

Изменения претерпевает собственно характер трансляции ценностей, обуславливая их виртуализацию и информатизацию.

В общем, меняется вся общественно-идеологическая модель общественного развития.

Р. Ингельхарт обосновал постепенный переход общества от приоритета ценностей «материализма» (предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия) к ценностям «постматериализму» — в которых доминирует подчеркнуто значение принадлежности к группе, самовыражения и качества жизни. Радикальное изменение ценностей в современном обществе Р. Ингельхарт обосновал двумя гипотезами, условно названных «гипотезой недостатка» и «гипотезой социализации». [19]

Гипотеза недостатка выводится из предположения о том, что ценности индивида связано с его социально-экономическим окружением. Люди склонны придавать большее значение тем потребностям, которые им не хватает. Когда первичные экономические и психологические потребности индивида удовлетворены, основанные на них ценности теряют свое былое значение и уступают место другим. Если брать за основу эту гипотезу, можно было бы ожидать, что изменение экономических условий немедленно приведет к изменению в ценностных приоритетах. То есть длительный период экономического роста и повышения благосостояния обусловят формирование пост материалистических ценностей, а экономический упадок — к уменьшению их значимости. [19]

Дополнением к гипотезе недостатка служит гипотеза социализации, суть которой в том, что отношение между социально-экономическими факторами и индивидуальными ценностными приоритетами не так откровенно. На социальные и политические ценности взрослого индивида влияет его ранняя социализация. В случае с трудовой социализацией указанный тезис вполне справедлив.

Демонстративная равнодушие молодежи к окружающему касается интересов общества, которые навязывает им старшее поколение. Но это не сопровождается пассивностью молодежи в неформальных, альтернативных видах деятельности. Не принимая предложенных интересов, молодежь проявляет высокую активность в новых видах деятельности, уличных компаниях, субкультурных группах и т. Значительная часть старшего поколения отмечает, что молодежь более активна и свободна.

Вместе с тем большинство молодых людей видит у родителей больше активности и меньше равнодушия. На наш взгляд, равнодушие молодых и старших имеет разную природу. Разочарование среди представителей старшего поколения в одних вызывает повышенную агрессивную активность, а в других — усталость. Равнодушие молодежи имеет как политические, так и психологические причины. Интенсивность информации и общения в условиях дефицита благ вызывает «торможение, предохраняет целостность психики от перегрузок» [2, с. 141].

Анализ оценок, которые старшее поколение дают молодому, свидетельствует о равной пропорции негативных и положительных суждений. Критически оценивая молодежь, родители отмечают, что она более пассивная, безразлична, более замкнутая, не умеет найти себя, более агрессивная, эгоистична, но вместе с тем находят много положительных черт, а именно: меньшую закомплексованность, большую образованность и раскованность, открыто выражения мнений, большую активность и заинтересованность, практичность и веру в свои силы.

Молодежь, анализируя характерные признаки старшего поколения, также придерживается разных позиций. Ее представители считают, что пожилые люди более ответственные, трудолюбивы, более критично относятся к морали, менее безразличны, добрее и честнее, в них больше веры в идеалы. Существуют у молодежи и критические оценки старших: пессимистическое отношение к будущему, отсутствует чувство собственного достоинства, большая осторожность в высказываниях, закомплексованность и т. п.

Сегодня значительная часть молодежи активно ищет новые ценности, но есть и те, кто сожалеет о потерянных — тех, которые некогда принадлежали их родителям. Поэтому так заметно привлечение молодежи к религиозным организациям, формирование альтернативных субкультур, значительное внимание к возрождению национального и культурного достоинства.

Конфликт поколений по-разному переживают различные социокультурные группы. Реакция на моральный и социальный кризис различна: деструктивная, что пытается углубить кризис и конструктивная, которая стремится сохранить страну, паническая, что боится неизвестного будущего, и консервативная, стремящаяся сохранить устоявшиеся ценности. Поэтому самооценка молодежи, на наш взгляд, немного занижена.

Одни не видят в современных представителях своего времени достаточной активности, революционности, другие — обвиняют их в излишней активности, спешке. А это часто приводит к безответственности, инфантилизму, нежеланию самосовершенствоваться, к социальной изоляции [11].

Среди молодежи наблюдается низкий уровень политической культуры, в частности недоверие к деятельности современных политических партий, уверенность в том, что невозможно влиять на ход политических событий. Среди молодежи усиливается также тенденция к аполитичности массового сознания и поведения. По сравнению со старшими поколениями значительная часть молодежи не участвует в выборах власти любого уровня. Среди причин такого негативного отношения к политике молодые люди называют разочарование в способности политиков изменить жизнь к лучшему, абсолютная вера в то, что их позиция и голос ничего не могут изменить, а треть молодежи считает, что это просто неинтересно. Подростающее поколение, под влиянием глобализации несколько меняет характер межнациональных и межрелигиозных отношений. Интересная ситуация складывается относительно религиозной самоидентификации, и, если мы заговорили об этом, то стоит отметить, что молодежь, в отличие от старшего поколения, которое придерживается традиционных форм религии, синтезирует западные и восточные религиозные парадигмы.

Это объясняется тем, что современный верующий — практический, рационализированный, интеллектуализированный — трансформирует религиозные системы или создает собственные. Российское общество в разрезе его более старших представителей в вопросе религиозной самоидентификации все еще сохраняет остатки прежней тоталитарной системы.

Устаревшие нормы, ценности, стереотипы сказываются не только в среде старших поколений, но и среди молодежи. Некоторые из молодых людей все еще находятся под влиянием ультрареволюционной или крайней националистической идеологии и имеют примитивное представление о демократии. С другой стороны, часть молодежи поражена некоторыми западными ценностями, «демократичность» которых, весьма условна. Все это негативно сказывается на политическом сознании и политическом участии молодежи. [15]

Если раньше такие ценности, как «уважение окружающих», хорошие отношения в коллективе «,» уважение других «занимали 2—3 место в иерархии ценностей, то сейчас совсем другая ситуация. Высоко ценится только то, что непосредственно связано с личностью (друзья, семья), а не с коллективом или обществом. Это свидетельствует, что снижается значимость общества в жизни отдельного человека и растет индивидуализм.

Для большинства молодежи устойчивым базисом существования личности может быть только личная жизнь и индивидуалистские ценности. Современная молодежь находится в экстремальных условиях: измене-

ния в социально-экономическом составе сопровождаются мировыми кризисами — кризисами ценностного сознания, кризисом духовности, экономическим кризисом.

Молодым приходится самим решать, что ценнее — обогащение себя духовным или приобретение высокой квалификации, которая дает возможность адаптироваться к новым условиям; отрицание прежних моральных норм или гибкость, приспособление к новой действительности; полная свобода межличностных, межполовых взаимоотношений или семья как залог успешного существования.

Молодежь в ходе своего становления как субъекта общественного воспроизводства вступает в конфликт с социальной системой на всех ее уровнях. Причем, если в условиях социальной стабильности конфликты, как правило, носят локальный характер и решаются преимущественно на микроуровне, то в обществе нестабильном происходит их эскалация до макроуровня, то есть общества в целом [5].

Нами было проведено социологическое исследование ценностей современной молодежи.

Цель социологического исследования: изучение и анализ комплекса социальных ценностей молодежи.

Предмет социологического исследования: социальные ценности молодежи

Объект социологического исследования: молодежь, проживающая на территории РФ.

Методика проведения исследования: полустандартизированное интервью.

Для изучения ценностей были заданы 3 вопроса и соответственно, фиксировались ответы, которые они давали в свободной форме:

1. «Что, по твоему мнению, представляет наибольшую ценность в жизни?»
2. «Хорошая жизнь, по твоему мнению, включает в себя...».
3. «Хочешь ли ты заводить детей на данный момент?»

В исследовании участвовало 30 респондентов, из которых 60,0 % (18 человек) — женского пола и 40,0 % (12 человек) — мужского. Были охвачены 3 возрастные группы молодежи. В процентном отношении это выглядело следующим образом: молодых людей в возрасте от 14 до 16 лет — 20,0 % (6 человек), от 17 до 22 лет — 50,0 % (15 человек), от 23 до 30 лет — 30,0 % (9 человек).

Отдельно стоит отметить, что городских жителей среди интервьюируемых было 80 % (24 человека), а сельских (поселки городского типа) жителей 20 % (6 человек).

Таблица 1. Мнение молодежи о доминирующих ценностях жизни, в % по возрастным группам

14—16 лет	17—22 лет	23—30 лет	
Высокие доходы	43,7	46,8	42,6
Дети	30,7	37,4	63,8
Дружба	55,2	45,5	37,6
Любовь	51,9	51,4	48,5
Материальное благосостояние	29,6	37,7	44,9
Семья, брак	34,4	40	53,9

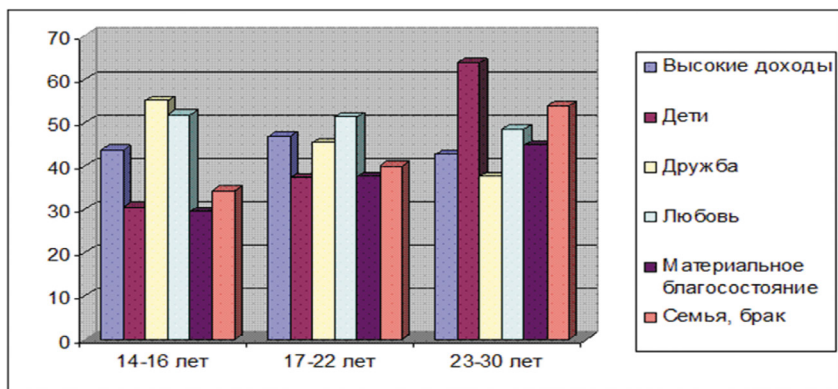

Рис. 1. Распределение мнения молодежи о доминирующих ценностях жизни по возрастным группам

Таблица 2. Факторы, обуславливающие снижение репродуктивных установок молодежи, в группах по месту жительства, %

В целом по выборке	Город	Село	
Дети уже есть	45,7	45,4	46,5
Необходимо закончить учебу	54,0	53,2	55,9
Состояние здоровья	13,7	12,5	16,7
Материальные затруднения	56,9	56,7	57,5
Проблемы с жильем	45,6	48,5	38,5
Детей не хочет супруг(а)	6,4	7,0	4,9
Ребенок будет мешать работе	14,0	11,5	20,0
Хотелось бы сначала пожить для себя	45,0	43,8	47,9
Детей не хотят родители супруга(и)	4,7	5,0	3,8

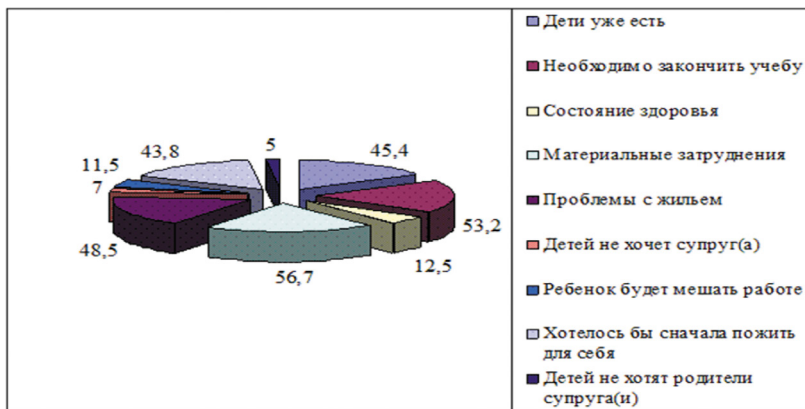

Рис. 2. Факторы, обуславливающие снижение репродуктивных установок городской молодежи, %

Анализ полученных результатов позволил нам сделать следующие выводы: Самым ценным для молодежи является здоровье, причем как для девушек, так и для юношей. Девушки в большей степени ориентированы на семейные ценности, на втором месте для юношей — хорошо зарабатывать, а для девушек — семья.

Для девушек одинаково важно хорошо зарабатывать и самосовершенствоваться. Юноши в большей степени, чем девушки ориентированы на материальные блага. Но, несмотря на это, 30% респондентов мужского пола среди своих главных ценностей отметили семью и воспитание детей, эта ценность для них важнее ценности самосовершенствования. Юноши в плане ценностных ориентаций менее похожи друг на друга, чем девушки. Среди юношей больше, чем среди девушек как тех, кто ориентирован на развлечения, так и тех, кто ориентирован на честный труд. Итак, основные ценности для девушек — это здоровье, семья, самосовершенствование. Для юношей это здоровье, возможность хорошо зарабатывать, семья.

Отдельно следует учитывать группу, для которой важен досуг, творчество, таких около 10%. Положительным моментом в структуре ценностных ориентаций молодежи является ориентация на саморазвитие, более 25% опрошенных считают это важным для себя. Несколько отличаются ценностные ориентации городских и сельских жителей. Для первых, здоровье, более ценное, чем для других. При этом честный труд и уважение окружающих были отодвинуты далеко в конец списка. Однако, среди сельских жителей больше верующих, чем среди городских. Интересные возрастные различия и в ценностных ориентациях. Для младших больше, чем для взрослых важны свобода, творчество и как ни странно, здоровье.

Для 23—30 летних юношей и девушек важны здоровья и семья, воспитание детей, а для 17—22 летней молодежи вопрос большого заработка и общения с любимым человеком является более актуальным, чем для других возрастных категорий. Как мы видим, сегодня преобладают личностные приоритеты — семья, друзья, жилищные условия, работа, собственное здоровье. Это важная тенденция, характеризующая изменения ценностных ориентаций молодежи — откровенное преимущество индивидуализма, акцент на личностно-семейных интересах.

Проведенное исследование подтверждает многие выводы, сделанные социологами и приведенные в теоретической части статьи.

Конфликта ценностей между поколениями не избежать, т. к. ценности молодежи являются определенным маркером и показывают особенности социокультурной среды, в которой сформировалось определенное поколение.

У поколения середины 90х- начала 2000-х (то есть современного поколения молодежи), конечно же будет происходить переоценка ценностей, этот процесс неизбежен.

В современной России, самым острым аспектом конфликта ценностей будет являться культурный аспект, когда современное поколение является носителем всего нового, и зачастую полностью отвергает старые нормы и ценности предыдущего поколения, в то время как старшее поколение- по прежнему консервативно — в этом случае, конфликты будут протекать часто и наиболее остро.

Молодое поколение необходимо учить, как выживать в достаточно жестких условиях, и, вместе с тем, сохранять определенную долю консерватизма, воспитывать своеобразный дух, культуру, мораль и в процессе трансформаций приспосабливаться к новому времени.

И, как следствие, в зависимости от эффективности данного процесса молодежь или будет интегрироваться в общество, то есть распределяться в системе социальных связей, утверждаться в социальных структурах и самоидентифицироваться с ними, или испытывать социальную эксклюзию (исключение).

Список источников

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984—1985. М. : Наука, 1986. С. 82—138.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Философские работы. М. : Гнозис, 1994.
3. Горнштейн Т. Н. Философия Н. Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). Л. : Наука, 1969.
4. Золотухина-Аболина Е. В. О специфике высших духовных ценностей / Е. В. Золотухина-Аболина // Философские науки. 1987. № 4. С. 11—18.

5. Ивин А. А. Ценность и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31—45.
6. Каган М. С. О философском понимании ценности // Вестник Ленинградского университета. Серия 6: философия. 1987. № 3. С. 44—52.
7. Каган М. С. Философская теория ценности / Моисей Самойлович Каган. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997.
8. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15—27.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. С. 393—599.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Алексей Фёдорович Лосев. М. : Искусство, 1995.
11. Маркс К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») / Избранные произведения : в 3-х т. М. : Политиздат, 1983. Т. 1. С. 4—76.
12. Сагатовский В. Н. Ценность и смысл // Философские науки. 1987. № 10. С. 105—106.
13. Скворцов Н. Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты : дисс. ... док. социол. наук, СПб., 1997. С. 221
14. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 314—356.
15. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / пер. с англ. ; общ. ред. Г. В. Бурменской. М., 1993. С. 214—220.
16. Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д., 1996. С. 358—359.
17. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.
18. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М. : Изд-во РУДН, 2006.
19. Тазов П. Ю. Динамика ценностей молодежи в социокультурном анализе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—1.
20. Ингельхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
21. Штраус У., Хоув Н. Поколения «Generations». 1991.
22. Штраус У., Хоув Н. Четвертое поколение «The Fourth Turning». 1997.

Н. Н. Шестакова

О РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОГО ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

ШЕСТАКОВА Наталья Николаевна — к. т. н., старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия, nnshestakova@gmail.com

Аннотация. В свете осознания государством необходимости определения приоритетов государственной политики в области воспитания и социализации детей, основных направлений и механизмов развития институтов воспитания исследован один из вариантов представления о развитии в нашей стране системы воспитания. Анализ проведен¹ в трех аспектах: во-первых, с точки зрения реализации большинства заявленных положений на практике; во-вторых, с позиций соблюдения порядка их значимости и, в-третьих, в отношении достижения поставленных целей в обозначенный в прогнозе 5-летний период. При этом фактическая оценка достижения была проведена по состоянию на конец 2016 года. В результате аргументированного анализа установлено, что в той или иной степени свое подтверждение получили только четыре из представленных 20 позиций.

Ключевые слова: государственная политика в области воспитания, институты воспитания, воспитательные практики, анализ реализации прогноза изменения преобладающих отечественных воспитательных практик

В свете осознания государством необходимости «определения приоритетов государственной политики в области воспитания и социализации детей, основных направлений и механизмов развития институтов воспитания, формирования общественно-государственной системы воспитания детей в Российской Федерации, учитывающих интересы детей, актуальные потребности современного российского общества и государства, глобальные вызовы и условия развития страны в мировом сообществе» [1], любопытно проследить судьбу одного из вариантов представления о развитии в нашей стране системы воспитания с точки зрения достижения заявленных в нем целей.

С этой целью обратимся к исследованию С. Н. Майоровой-Щегловой [2], предложившей среднесрочный (на 5 лет, начиная с 2007 года) про-

¹ Материал подготовлен в рамках темы «Разработка теоретико-методологических основ стратегии трансформации социального и эколого-экономического пространства, ее влияния на развитие человеческого капитала инновационной экономики» (№ 0170-2014-0005).

гноз изменения преобладающих отечественных воспитательных практик. Согласно прогнозу, возможные тенденции в изменении воспитательных практик расположены в установленном экспертами порядке: от наиболее вероятных для исполнения к наименее возможным. В контексте заявленной темы предложенный перечень дает нам возможность проверить достижение сформулированных в прогнозе целей. Причем сделать это в нескольких аспектах: во-первых, с точки зрения реализации большинства заявленных положений на практике; во-вторых, с позиций соблюдения порядка их значимости и, в-третьих, в отношении достижения поставленных целей в 5-летний период. Сопоставление поставленных прогнозных результатов и фактического их осуществления — даже в долгосрочном периоде (до 2016 года) — приведено в таблице 1. Попутно заметим, что какой-либо информации относительно мониторинговых исследований обнаружить не удалось.

Таблица 1. Сравнение поставленных прогнозных результатов воспитательных практик и фактического их осуществления за период 2007—2016 годов

Воспитательные практики (в порядке убывания значимости к 2012 г.)	Фактически достигнутые результаты (в 2016 г.)
Будет расширено участие в воспитании детей групп профессиональных наемных воспитателей (нянь, гувернеров, тренеров и т. п.)	Рассмотрим на примере показателя востребованности обозначенных профессий: динамики количества вакансий по профессиям. Так, по России в целом за период сентябрь 2015-июль 2016 число вакансий по профессии «няня» колебалось от 2248 до 6554 человека, по профессии «гувернер» — от 18 до 82 человек, «тренер» — от 641 до 1207 человек*
Будут расширяться формы и методы патриотического воспитания	Отмечено расширение форм и методов патриотического воспитания (приняты: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы» (Утверждена постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795); Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016—2020 годы» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493)
В разных социально-экономических группах будут применяться различные стратегии воспитания	Фактически имело и имеет место в зависимости от уровня доходов и места проживания детей
Будет принята специальная программа воспитания молодежи, студентов	Принята Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. (Принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N996-п)

Воспитательные практики (в порядке убывания значимости к 2012 г.)	Фактически достигнутые результаты (в 2016 г.)
Будут выделены серьезные бюджетные ассигнования на организацию летних программ отдыха, оздоровления и воспитания детей	Как правило, реализуется на республиканском, региональном и муниципальном уровнях, динамика бюджетных ассигнований невелика и сопоставима с темпами инфляции**
Будет функционировать специальный государственный орган, контролирующий и определяющий стратегии и формы общественного воспитания молодого поколения	—
Будет введена цензура на продукцию СМИ и рекламу с целью ограждения детей от негативного воздействия	Формально согласно Конституции РФ, цензура в РФ запрещена, речь должна вестись о допустимом контроле, который должны регулировать федеральные законы, в частности, Закон о СМИ. Фактически же запрет цензуры присутствует в ст. 8 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»
В семейном воспитании все меньшее участие будут принимать бабушки/ дедушки, старшее поколение	В определенной степени уменьшилась роль старшего поколения в воспитании детей (продолжающееся усиление нуклеарности семей; а также усилия государства по восстановлению сети детских дошкольных учреждений: так, если за период 1990—2010 число детских садов в России сократилось почти вдвое, с 87,9 тыс. до 45,1 тыс., а численность воспитанников в них — с 9009,5 до 5388,0 тыс. чел., то к 2013 наблюдался обратный процесс: в 43,2 тыс. дошкольных образовательных организациях находилось уже 6347,3 тыс. чел. [7])
Родители будут стремиться направить своего ребенка в детское общественное объединение	В условиях тотального дефицита информации удалось обнаружить только одну отсылку: «В Республике Коми охват детей и молодежи общественными объединениями ежегодно растет более чем на 4 % от общего количества молодых людей в возрасте 14—25 лет, проживающих в республике (287,8 тыс. человек)» [8]
Будут развиваться формы общественного трудового воспитания детей и подростков	—
Религиозное воспитание будет применяться в обществе широко, наравне со светским	Несмотря на усилия государства и ряда педагогов (Шаден, Шварц, Новиков), религиозное воспитание в России не пустило глубоких корней [9]
Произойдет бурное развитие детских, подростковых и молодежных общественных организаций, их станет больше, они станут массовыми	Образована общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» (осень 2016)

Воспитательные практики (в порядке убывания значимости к 2012 г.)	Фактически достигнутые результаты (в 2016 г.)
Будет принята государственная программа воспитания, в которой будут четко названы ориентиры воспитанности подрастающего поколения — важные общественные качества личности	Принята Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (Принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. №996-р). Однако четких ориентиров в ней не содержится
В системе среднего образования будут введены должности специальных штатных воспитателей-наставников	Министерство образования и науки РФ планировало с 2014 года ввести в российских школах новые штатные единицы — тьюторов или преподавателей-наставников, помогающих ученикам в школе и вне ее, как замену действующего института классного руководства. В пилотных регионах (например, в Воронежской области) была проведена апробация возможных моделей тьюторства [10]. В отдельных учебных заведениях (как правило, повышенного статуса: гимназии, лицеи и т. п.) фактически действует институт имеющих те же функции классных дам. Массового распространения не получили.
Произойдет полная замена интернатного содержания детей-сирот различными формами семейного воспитания	Одним из неожиданных последствий принятия т. н. Закона Димы Яковлева (декабрь 2012) стало трехкратное сокращение численности детей, содержащихся в детских домах (См., например, [11])
В семейном воспитании отцы будут принимать все большее участие	Нет подтверждающих сведений
Программа воспитания толерантности будет успешно реализована	Не достигнуто (Программы запускались и действуют и сейчас в отдельных регионах, например, в Санкт-Петербурге (2011—2015, 2015—2020), а также в отдельных школах и иных ОУ различных регионов, но результаты слабые)
Школы будут нести ответственность за антиобщественные проступки детей-правонарушителей	Нет подтверждающих сведений
Приемы воспитания девочек и мальчиков в обществе будут серьезно отличаться друг от друга	Нет подтверждающих сведений
В результате улучшения воспитательных мероприятий уровень правонарушений среди несовершеннолетних будет снижен в 2 раза	Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, имеет стойкую тенденцию к снижению: 2005—154,7; 2010—78,5; 2013—67,2; 2014—59,5 тысяч (однако это трудно напрямую связать с «улучшением воспитательных мероприятий») [12]

* Для сравнения число вакансий по профессии инженер колебалось за тот же период от 12 771 до 25 573 человека, учитель — 824—1957, рабочих — от 3104 до 9110 человек [3].

** См., например: [4, 5, 6].

В целом в той или иной степени свое подтверждение получили такие позиции как:

- расширение форм и методов патриотического воспитания (приняты Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2011—2015 и на 2016—2020 годы);
- принята государственная программа воспитания (Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года);
- в определенной степени уменьшилась роль старшего поколения в воспитании детей (продолжающееся усиление нуклеарности семей; государством предприняты существенные усилия по восстановлению сети детских дошкольных учреждений);
- образована общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» (осень 2016).

Однако установленное по результатам экспертной работы распределение значимости предложенных экспертов утверждений своего подтверждения совершенно не получило. Также не получили своего подтверждения и намеченные временные ориентиры достижения прогнозных целей: большая часть из них реализована/начата реализация за пределами обозначенного горизонта планирования. Хотя общие тенденции происходящих в сфере образования перемен уловлены в целом верно.

В то же время очевидно, что подобного рода исследования должны предусматривать в алгоритме своего проведения этап периодического мониторинга, поскольку отсутствие такового (в частности, в рассмотренном случае) не позволяет (не позволило) контролировать процесс продвижения к заявленным в прогнозе целям, а соответственно, не позволяло провести их своевременную корректировку.

Список источников

1. «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (Принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р).
2. Майорова-Щеглова С. Н. Тенденции изменения воспитательных практик в России: опыт использования метода Дельфи в среднесрочном прогнозе // Вестник РГГУ Серия «Социологические науки» № 2 (103), 2013. С. 158—175.
3. Данные портала Trudbox.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trudbox.com/statistics>.

4. Республиканская целевая программа «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей, подростков и молодежи в Удмуртской республике (2011—2015 годы)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: udmedu.ru/...Otdih...ozdorovlenie/programma_otdih.doc.
5. Государственная программа Ленинградской области «Современное образование Ленинградской области на 2014—2020 годы». Подпрограмма VII «Развитие системы отдыха, оздоровления, занятости детей, подростков и молодёжи» [Электронный ресурс]. Режим доступа: pikalsosh3.narod.ru/podprogramma_zanyatosti.doc.
6. Подпрограмма «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков Ядринского района» Муниципальной целевой программы развития образования Ядринского района на 2011—2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: gov.cap.ru/home/78/2009/leto_programma.pdf.
7. Данные сайта Госкомстата РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.
8. Анализ работы общественных движений и объединений в области патриотического воспитания молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/447/4384.php>.
9. Трофимова Е. Религиозное воспитание детей. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/dushepopechenie/Trofim_ReligDeti.php.
10. Классных руководителей в школах заменят тьюторы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551855#ixzz2WTNiAWGG>.
11. Михаил Барщевский: ЕСПЧ объявил «закон Димы Яковлева» неправомерным. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fLiYxRC6ms0>.
12. Данные сайта Госкомстата РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.

Е. Б. Ходырева

УСЫНОВЛЕНИЕ БОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

ХОДЫРЕВА Елена Борисовна — старший преподаватель, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; hodyreva.elena2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются причины роста заболеваемости у детей-сирот и детей, лишённых родительского попечения. Изучается закономерность между социальным статусом ребёнка и состоянием его здоровья. Анализируется появление и выделение в отдельную группу орфанных заболеваний, даётся их определение. Сравнивается лечение и профилактика орфанных заболеваний в России и зарубежом. Анализируются причины низкого уровня усыновлений российскими гражданами детей с отягощённым медицинским анамнезом, предлагаются пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: усыновление, орфанные заболевания, неонатальный скрининг, наследственные заболевания

Одна из главных причин того, что российские граждане неохотно усыновляют больных детей — ненадлежащий уровень социально-экономических условий, в том числе жилищные проблемы, а также отсутствие государственной поддержки детей и семей с детьми. Так, треть россиян живет за чертой бедности, половина их них — это семьи с детьми. Для российских усыновителей одним из препятствий к усыновлению является снижение эффективности детского здравоохранения. Коммерциализация медицинских услуг оставляет все меньше надежд для родителей, в том числе усыновителей, вылечить больного ребенка. Это один из серьезных факторов, тормозящих развитие усыновления внутри страны [1]. По статистике в 2014 г. из 62972 детей, усыновленных россиянами, инвалидами оказались 1666 детей, т. е. 2,6 %, в то время как 76 из 1038 детей, усыновлённых иностранцами за тот же период времени, были инвалидами, т. е. их насчитывается 7,3 %, что практически в три раза больше. Это объясняется тем, что, усыновив ребёнка-инвалида, россиянам пришлось бы оплачивать расходы на лечение и содержание ребёнка из собственных средств, как, например, иностранным усыновителям. Поэтому россияне чаще берут детей-инвалидов в приёмные, патронатные семьи или под возмездную опеку, чтобы иметь возможность получать ресурсы на лечение и содержание ребёнка от государства [2].

К сожалению вполне здоровых детей сейчас и в обычных семьях немного. Сказываются плохая экология, неправильное питание, не очень хорошее состояние бесплатной медицины. Но, естественно, дети, живущие в казенном учреждении, болеют больше. И не потому, что их плохо кормят или не смотрят за ними. Вспомните свое детство: ангина, температура. От чего становилось легче? От маминой руки на лбу, от ее песенки, ласковых слов, от приготовленного специально для вас чая с малиной. Именно этого лишены детдомовские дети. Они не столько больше болеют, сколько хуже выздоравливают — не для кого. К счастью, в любящей семье все налаживается, болезни постепенно уходят и даже самые тяжелые диагнозы остаются в прошлом.

Наряду с этой причиной существует целый ряд т. н. «орфанных» (от английского слова orphan — сирота) заболеваний, которые представляют собой особенно актуальную проблему для педиатрии и клинической генетики детского возраста, так как по данным EURORDIS (Европейского союза организаций больных редкими заболеваниями) более 75 % редких наследственных болезней проявляются в раннем возрасте, в 65 % случаев приводят к тяжелым инвалидизирующим расстройствам, часто имеют неблагоприятный прогноз. Кроме того, в 35 % случаев они служат причиной смерти детей на первом году жизни. Почти половина больных детей с редкими наследственными болезнями страдает задержкой нервно-психического развития, нарушениями психомоторной активности или сопровождается сенсорной недостаточностью. К сожалению, именно такие диагнозы можно встретить у детей-отказников, рожденных в семьях с тяжелыми наследственными патологиями одного или обоих родителей, социальных сирот, родившихся и воспитывавшихся в неблагополучной среде [3]. Так, по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в список орфанных заболеваний входит 216 заболеваний [4].

В рамках национального проекта «Здоровье» все новорожденные проходят диагностику (неонатальный скрининг) на 5 наследственных заболеваний: адреногенитальный синдром, галактоземию, муковисцидоз, фенилкетонурию, врожденный гипотериоз. В первые дни жизни по капельке крови, взятой из пятки младенца, проводится исследование на эти наследственные заболевания [5].

В Российской Федерации проблема редких болезней становится все более актуальной, однако практические врачи мало знают о редких (орфанных) болезнях, заболевания не диагностируются или поздно диагностируются, проблема орфанных болезней мало обсуждается в научной и медицинской печати. Расширение массового скрининга новорожденных в России до 5 нозологий позволило диагностировать одно из редких болезней (галактоземию), в то время как другие редкие заболевания

диагностируются только при появлении клинической симптоматики или проведении селективного скрининга.

Неудивительно, что усыновление больного ребенка в России считается практически подвигом. Несмотря на финансовые сложности и законодательную недоработку, больных детей с врожденными орфанными заболеваниями усыновляют. Однако если заболевание, которым страдает ребенок, внесено в список орфанных заболеваний, принятый в РФ, на которые распространяется государственная поддержка, то его приемные или биологические родители имеют право на значительную финансовую помощь государства. Здесь видится явное несоответствие между реальностью и законодательством: так, в России в таком перечне 24 заболевания, в мире же их 240. Поэтому очень важно, чтобы список заболеваний, на которые распространяется государственная поддержка, как можно скорее максимально расширили. Это большая проблема, поскольку есть огромное количество заболеваний, лечение которых стоит больших финансовых затрат. У большинства родителей нет возможности собирать такие суммы. Кроме того, зачастую больным детям требуются редкие лекарства, которые практически не поступают в свободную продажу, и без помощи государственных структур их чрезвычайно сложно найти. А включение недуга в этот список, как правило, сразу же избавляет от всех сложностей. Государство предоставляет необходимые медикаменты и организует лечение [6].

Но, несмотря ни на что, очередь из усыновителей не уменьшается; существует такая парадоксальная ситуация, что желающих усыновить ребенка больше, чем детей, ждущих усыновления. Тем не менее, в настоящее время в домах ребенка и детских домах ждут усыновления 87,3 тысячи детей [7].

Оказывается, дети из детдомов тоже имеют свою степень ликвидности. Так, наиболее востребованы здоровые дети от здоровых родителей до года, менее востребованы дети до четырех лет, еще меньше — до семи, крайне мало — с десяти. А у нездоровых детей шансов еще меньше, чем у всех перечисленных выше. Причем востребованность нездоровых детей прямо пропорциональна степени их «нездоровья». Словом, потенциальные родители ждут, когда им предложат здоровых маленьких детей. Пришедшие к мысли усыновить ребенка родители хотят получить вместе с ним поменьше проблем. Для них важна хорошая наследственность, и внешний вид, и малолетний возраст, и чтобы ребенок был максимально похож на них, как будто свой, но из детдома. Иметь здорового ребенка в семье хотят как приемные, так и биологические родители. Но в чем тогда смысл усыновления? Ведь основным постулатом института усыновления является обеспечение ребенка любящей и заботливой семьей,

а не подбор усыновителям ребенка в соответствии с различными критериями вплоть до цвета глаз. А первая «заповедь» в Сообществе приемных родителей гласит: детей не выбирают.

Но многие родители, стоящие в очереди за здоровым ребенком, могут иметь своих собственных детей. Более того, уже имеют и часто не одного. Почему бы им просто не родить еще одного, но своего? Но очередь одна и для тех, кто может иметь детей, и для тех, кто по разным причинам не способен выносить и родить здорового ребенка.

Итак, почему люди решают усыновить ребенка? Потому что либо не могут иметь детей, либо хотят помочь. Это не декларация, это действительно так, что может подтвердить не одна история о счастливом усыновлении. Многие усыновители могут иметь своих детей, но берут ребенка из детдома. Что такое ребенок из детдома: это, прежде всего, обделенный вниманием и любовью ребенок. Те, у кого есть дети, прекрасно это понимают. В первую очередь все дети нуждаются в банальных проявлениях любви. Какими бы хорошими не были сотрудники детских домов, они не могут этого дать. Что и говорить о тех детях, для которых в приоритете не человеческое внимание, а спасение здоровья или даже жизни. И усыновляющий ребенка человек должен понимать, что этот акт усыновления будет значить для любого усыновленного им ребенка. Если здорового и маленького отказника по ряду причин не усыновит ни одна пара, его в скором будущем усыновят другие, и он получит так недостававшее ему внимание. Если не усыновят больного маленького отказника, в дальнейшем его не усыновит уже никто и никто ему не поможет. Но самое важное: имея возможность родить своих детей и усыновляя здорового ребенка, усыновители лишают возможности усыновить его тех, кто иметь детей не может. Поскольку очередь общая, выяснять, насколько именно этой паре нужен именно здоровый малыш, никто не будет.

Так возникает резонный вопрос: что же, усыновлять только больных и взрослых детей? Если основным мотивом усыновления является именно филантропический, то есть помощь и спасение (а не последний шанс завести ребенка), то нужно понимать, что в этой помощи нуждаются больше всего дети-инвалиды всех возрастов. Это не означает, что если усыновители не готовы взять больного ребенка, усыновлять не нужно вовсе. Это значит, что если они готовы на этот шаг, лучше усыновить больного [8].

Список источников

1. Летова И. В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы [Электронный ресурс] // Юридический портал LawMix.ru. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1193>. М., 2006. С. 71—90 (дата обращения 12.01.2017).

2. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей за 2014 год [Электронный ресурс] // Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/> (дата обращения: 21.01.17).
3. Медицина. Бесплатный научный интернет-журнал. № 4. 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fsmj.ru/015133.html> (дата обращения 25.01.2016).
4. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент медицинской помощи детям и службы родовспоможения [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/8048-perechen-redkih-orfannyh-zabolevaniy> (дата обращения 23.01.2017).
5. Редкий диагноз: что такое орфанные заболевания? [Электронный ресурс] // Медицинский портал Medweb.ru URL: <http://www.medweb.ru/articles/chto-takoe-orfannye-zabolevaniya> (дата обращения 26.01.2017).
6. Областная Газета. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.oblgazeta.ru/politics/17517/> (дата обращения 27.01.2017).
7. Численность детей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на начало года (тыс. детей) [Электронный ресурс] // Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/2/> (дата обращения 26.01.2016).
8. Д. Романовская. Усыновление без лицемерия [Электронный ресурс] // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/usynovlenie-bez-licemeriya/> (дата обращения 27.01.2017).

Л. В. Рожкова, Д. С. Шилин

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

РОЖКОВА Лилия Валерьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия; tataeva_lv@mail.ru

ШИЛИН Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия; met414@mail.ru

Сегодня проблема трудоустройства выпускников является актуальной государственной задачей. Ежегодно на рынок труда выходит миллионная армия молодых людей. При этом большая часть из них трудоустраивается не по специальности; растет число безработных. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры. По данным на июль 2016 г. безработных выпускников вузов стало больше на 84 % по сравнению с тем же периодом 2015 г.; из них 19 % службами занятости населения уже были направлены на профессиональную переподготовку. Во второй половине 2016 г. среди молодежи в возрасте 20—24 лет уровень безработицы составлял 14,5 %, что практически в два с половиной раза больше этого показателя среди всего населения — 6 %. Данные ВНИИ труда свидетельствуют, что 30 % выпускников, которые на находят работу с достойной оплатой труда, работают не по специальности [1]. Эксперты связывают эти тенденции с экономическим кризисом, который существенно повлиял на деятельность предприятий, а при сокращении объемом производства произошло и сокращение рабочих мест. Как свидетельствуют данные второго мониторинга трудоустройства выпускников, проводимого Министерством образования РФ в 2015 г. из 1 млн 172 тыс. выпускников нашли работу 75 % (практически идентичный показатель был по данным 2014 года). Самый высокий процент трудоустройства наблюдается среди выпускников инженерных (энергетика, химия и др.) и медицинских направлений (80—90 %). Хуже всего показатели трудоустройства у выпускников юридических и экономических специальностей (40 и 20 % соответственно) [2].

Какие же причины вызывают подобные тенденции? Со стороны работодателей — это несоответствие полученного образования требованиям работодателей, специфике будущей работы (эту проблему призваны решить профессиональные стандарты); им нужны высококвалифицированные специалисты со знаниями, умениями и навыками, которые новые сотрудники мо-

гут и способны реально использовать в работе. Отчасти эта проблема связана и с проблемами прохождения практик в вузах, и со взаимодействием в рамках «вуз-работодатели». Таким образом, со стороны вузов — это недостаточно эффективно выстроенный механизм взаимодействия вузов с потенциальными работодателями, порой отсутствие учебно-производственных центров для практик и первичного трудового обучения, формальный подход в отношении прохождения практик студентов. Кроме того, по стране выпускают большое число специалистов в области гуманитарных и социально-экономических специальностей, число которых сегодня явно превышает потребность в них. Но для молодых людей это не помеха. Все они хотят иметь престижные профессии — быть юристами, экономистами, менеджерами, потому как престиж рабочих профессий сегодня невысокий. Со стороны выпускников — это завышенные требования к уровню оплаты труда, условиям работы и др., а также отсутствие необходимого уровня компетентности. Молодежь, как и подобает в демократическом, рыночном обществе, основываясь на примерах Запада, отталкиваясь от своей «высокой» квалификации и «престижной» профессии «уходит» в свободное плавание в поисках подходящей для них работы.

Так может быть стоит возродить старую советскую систему распределения? Система распределения выпускников вузов, молодых специалистов в СССР была четко регламентирована и позволяла устанавливать тесные контакты с учреждениями, принимающими выпускников. Она непосредственным образом управлялась и контролировалась со стороны Министерства высшего образования. Конечно, были некоторые проблемы в области трудоустройства гуманитариев, но они не носили такие негативные масштабы, как наблюдается сейчас. Более того, советское образование считалось лучшим в мире!

Сегодня система распределения, которая действовала в советское время и гарантировала трудоустройство, забыта. Отсутствие государственных гарантий в области трудоустройства вынуждает выпускников после окончания учебы самим искать пути своего продвижения и приложения трудовых усилий, формировать свои трудовые стратегии.

Анализ социологических исследований, проведенных среди студентов Пензенских вузов в 2015 г., позволил выявить некоторые тенденции в области образовательных и трудовых стратегий студентов, влияния институциональных условий на возможности и перспективы их трудоустройства. Подчеркнем, что «ядро» трудовых ценностей студентов составляет высокооплачиваемая, престижная, интересная работа, обеспечивающая карьерный и профессиональный рост. Основными причинами поступления в вуз являются получение престижной и высокооплачиваемой работы и получение хорошего образования (по 40 % соответственно). 60 % студентов поступили в вуз и на ту специальность, куда хотели (также 66 % студентов учатся отлично и хорошо). Однако стратегии, используемые некоторыми

из студентов, оставляют желать лучшего; это касается и посещения занятий и самостоятельной работы студентов. Показательным в этом отношении является то, что только 40 % студентов занимаются самообразованием, получается, что даже часть студентов, нацеленных на получение качественного образования, не считают нужным саморазвиваться. Только 15 % студентов оценивают уровень получаемого образования как отличный; около 60 % — как хороший. Исследования показывают, что только половина студентов говорят о наличии необходимого в вузах технического, методического обеспечения. 50 % студентов при оценке причин недостаточной конкурентоспособности на рынке труда говорят об отсутствии опыта работы, необходимых трудовых навыков; 30 % — об отсутствии необходимой глубины профессиональных знаний. Четверть студентов считают, что современное качество вузовской подготовки не соответствует требованиям работодателей. По мнению трети студентов в вузе отсутствуют гарантии для выпускников по их трудоустройству, а около 45 % респондентов даже не знает о них (следует отметить, что во многих вузах созданы отделы по трудоустройству и адаптации выпускников). Подчеркнем, что в СССР была четко выстроенная вертикаль, обеспечивающая распределение студентов: от Министерств и ведомств по образованию к специально создаваемым в вузах комиссиям по распределению. Исследования показывают, что 40 % современных студентов даже не знакомы с действующими в регионе программами и проектами, которые содействуют трудоустройству молодежи.

Таким образом, сегодняшняя картина в области системы трудоустройства вузовской молодежи показывает неэффективность последней и заставляет искать пути решения этой проблемы. Видится, что перспективы улучшения системы трудоустройства связаны с пересмотром самого механизма с учетом, возможно, и некоторых моментов советской системы распределения. Эта проблема является поликомпонентной: это и повышение качества обучения, и улучшение институциональных условий обучения студентов, и выстраивание взаимоотношений «вуз-предприятия». Целесообразным является не только мониторинг трудоустройства современных студентов, но и разработка с привлечением экспертных комиссий, комплексной программы развития системы трудоустройства вузовской молодежи: «государственные органы — вузы — работодатели».

Список источников

1. Безработных выпускников вузов стало в два раза больше // Известия. 20.10.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/639195> (дата обращения 13.01.2017).
2. Подведены итоги второго мониторинга трудоустройства выпускников. 20.06.2016 / Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/8441> (дата обращения 13.01.2017).

А. В. Рыков

МОЛОДЕЖЬ ДОНБАССА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

РЫКОВ Артем Вячеславович — руководитель аналитического отдела гуманитарной организации «Центр Развития Донбасса», г. Донецк; rikov.artiom@gmail.com

Проблемы и потребности молодежи Донбасса существенно отличаются от подобных проблем в других регионах. Для их выявления проведен ряд фокус-групп среди молодежи 18—35 лет: студентов, работающих и безработных.

Ключевой проблемой молодежи, из которой следуют другие, является продолжение военных действий на Донбассе. Эта проблема не всегда высказывалась напрямую, но часто подспудно всплывала, когда респонденты обсуждали ту или иную тему — за два последних года война стала частью повседневной жизни.

Война в той или иной степени затронула практически все сферы жизни молодежи и вызвала ряд других проблем, многие из которых тесно взаимосвязаны друг с другом. Можно выделить шесть таких проблем — отсутствие уверенности в завтрашнем дне, ограничение передвижения в ночное время, проблему признания документов, плохое материальное положение, проблему пересечения блок-постов, узкий ассортимент и неудовлетворительное качество ряда товаров.

1. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Системной чертой Донбасса является повсеместная нестабильная обстановка. Неопределенность и продолжение военных действий в регионе не позволяют молодежи спрогнозировать свою жизнь на несколько лет вперед. Периодические обстрелы, разрушения объектов инфраструктуры и гибель мирных жителей вызывают опасения за свое здоровье и жизнь. Все это не позволяет молодежи планировать свою профессиональную деятельность, заводить семью и детей. Многие молодые люди не строят долгосрочных планов на будущее и живут сегодняшним днем. В целом, жизнь молодых людей на Донбассе проходит в условиях отсутствия перспектив и четких целей в будущем, социальной дезориентации.

2. Ограничение передвижения в ночное время. В связи с военным временем в Донецком регионе с 23.00 до 05.00 часов действует комендантский час — запрет на уличное передвижение населения, на движение общественного и частного транспорта, в том числе такси. При нарушении режима комендантского часа сотрудники силовых структур (Министерства государственной безопасности и Министерства внутрен-

них дел) имеют полномочия задерживать граждан и транспортные средства для разбирательства.

Привычная для крупных городов «ночная жизнь» в регионе отсутствует. К 22.00 закрываются практически все общественные заведения — рестораны, кафе, бары, магазины, парки. Ночные клубы не работают. Примерно с 20.00 резко снижается интенсивность работы общественного транспорта — автобусов, троллейбусов, трамваев.

Фактически единственным доступным видом транспорта для населения в это время суток остаются только такси, однако к 22.00 интенсивность их работы также снижается. С учетом плохого материального положения молодежи, такой способ передвижения по городу является достаточно затратным.

3. Проблема признания документов. Для молодых людей, получающих среднее и высшее образование, большое значение имеет проблема признания аттестатов и дипломов в других государствах. Респонденты беспокоятся, что они нигде не смогут найти устраивающую их работу, кроме как в Донецком регионе, и скептически оценивают свои карьерные перспективы и свое будущее в целом.

Особенно остро эта проблема стоит для той части молодежи, которая не связывает свое будущее с регионом и собирается уехать отсюда навсегда, в то время как для молодежи, которая связывает свое будущее с регионом эта проблема не столь актуальна. Молодые люди на примере своих друзей и знакомых, выехавших на территорию Украины и закончивших образование в этой стране, видят, что они не испытывают особых проблем с трудоустройством. Такое положение вещей не самым лучшим образом сказывается на самочувствии молодежи.

Наряду с обозначенной проблемой отсутствия признания дипломов об окончании ВУЗов молодежь беспокоит отсутствие признания ряда официальных документов — паспортов, загранпаспортов, водительских прав, свидетельств о регистрации транспортного средства, свидетельств о браке и о рождении ребенка. По этой причине часть молодых людей выезжает на Украину и там оформляет необходимые документы. Эта же причина является препятствием для вступления в брак и рождения ребенка на территории региона.

С документами, которые можно получить в регионе, нельзя поехать за границу, водительские права и документы на транспортные средства действительно только в Донецком регионе и в Ростовской области России. Подобная ситуация серьезно ограничивает мобильность молодежи.

4. Плохое материальное положение. Жалобы на материальное положение высказывались в каждой фокус-группе, однако эта проблема являлась характерной для молодежи региона и в довоенное время. Низкая

стипендия и заработная плата (для работающих), случайные заработки, финансовая зависимость от родителей — все это свойственно также и украинской и российской молодежи. В возрасте 18—25 лет многие молодые люди еще не являются самостоятельными в финансовом плане, не ведут самостоятельную жизнь и живут совместно с родителями, что существенно облегчает им финансовую ситуацию.

Отличия от довоенного положения молодежи заключаются в том, что в настоящее время в Донецком регионе наблюдаются высокие цены на товары потребления, безработица и низкий уровень зарплат в ряде секторов экономики. Это дополнительно усугубляет и без того плохое материальное положение молодежи. Особенно это заметно среди молодых людей, живущих отдельно от родителей, имеющих детей и среди молодежи 25—35 лет.

5. Трудности с пересечением блок-постов. Актуальной проблемой является разделение семей — у многих молодых людей на территории Украины остались родственники и друзья. Никаких технических проблем по коммуникации между жителями Украины и Донецкого региона нет. Здесь можно выделить только две трудности — подорожание проезда и специфику прохождения границы через блок-посты, которое, из-за больших очередей и длительных досмотров отдельных лиц и транспортных средств военными, зачастую может занимать очень долгое время, 8—12 часов. По аналогичным причинам молодые люди испытывают трудности с выездом на Украину на отдых.

6. Узкий ассортимент и неудовлетворительное качество ряда товаров. Молодых людей не устраивает ассортимент продуктов питания (мясо, молочная продукция), одежды и бытовой химии в магазинах. А те товары, которые имеются в наличии, по мнению молодежи, являются низкокачественными и дорогими. Естественная потребность молодых людей в качественном питании, в хорошей и разнообразной одежде в сложившейся ситуации не может быть удовлетворена в полном объеме.

Некоторые, более обеспеченные молодые люди, специально выезжают в Ростовскую область или на Украину для покупки качественных товаров, но большинству молодежи приходится довольствоваться тем, что есть.

Н. В. Проказина

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления (филиал РАНХиГС), г. Орёл, Россия; nvprokazina@mail.ru

Аннотация. На основе результатов социологических исследований, проведенных в регионах России (республика Мордовия, республика Дагестан, Мурманская область, Орловская область), проанализированы особенности миграционных настроений молодежи. Выявлены общие и особенные характеристики миграционных настроений молодежи в регионах. Обоснован вывод о том, что миграционные настроения молодежи в регионах России являются достаточно высокими. Особенности миграционных настроений связаны с социально-экономической обстановкой и территориальным расположением региона.

Ключевые слова: миграция, молодежь, миграционные настроения.

В научной литературе под миграцией понимается сложный социально-демографический процесс территориального перемещения населения, связанный с изменением места (населенного пункта) постоянного проживания. Этот процесс неизбежно связан с ростом социальной и трудовой мобильности с одной стороны, и изменением экономической структуры с другой. Миграционные процессы могут порождать и негативные последствия: нехватку рабочей силы на рынке труда, снижение уровня рождаемости, старение населения, что обуславливает актуальность изучения данной проблемы.

Для вторичного анализа используем результаты исследований, проведенных в нескольких областях Российской Федерации. Выбраны субъекты, принадлежащие к разным федеральным округам Российской Федерации, с целью выявления общих и особенных проблем.

Исследования, проведенные в республике Мордовия [1, 2] показывают, что именно молодежь является наиболее активной мобильной группой. Это достаточно закономерный процесс, вызванный как объективным недостатком рабочих мест для специалистов без достаточного опыта работы, так и социально-психологическими характеристиками молодежи и ее склонностью к переменам и поиску нового [3]. Выявленные тенденции показывают, что снижение намерений молодежи покинуть

республику Мордовия в ближайшем будущем не предвидится [5]. В соответствии с полученными данными 64 % опрошенных имеют желание уехать из республики, из них 56 % нацелены на миграцию, а 44 % скорее хотят уехать нежели остаться. Гендерные различия не влияют на миграционные настроения: у мужчин, и женщин прослеживается приблизительно одинаковый миграционный уровень. Отсутствуют существенные различия и у респондентов разных социально-профессиональных групп и уровня образования. Более высокую миграционную активность демонстрируют респонденты, уже имевшие миграционный опыт.

Рассматривая специфику миграционных настроений отметим, что 85 % опрошенных желает мигрировать в другой город России, 15 % намерены мигрировать в другую страну. Основными мотивами, побуждающими к миграции, выступают в порядке убывания: желание увидеть мир (64,3%), начать новую жизнь (41,5%); невозможность обеспечить своим детям достойную жизнь (39,0%); безработица (39,0%), получение образования за рубежом (39,0%), усталость от нестабильной и непредсказуемой жизни в стране (31,7%). Следовательно, на первое место проблем, приводящих к миграции, выходят экономические проблемы. Цель миграционных намерений в большей степени утилитарна и связана с поисками «лучшей жизни» в ближайшем будущем.

Результаты исследований миграционных настроений молодежи республики Дагестан показывают, что 40,5 % опрошенных собираются выехать за пределы республики; 39,9 % не готовы к переезду; 19,7 % затруднились с ответом. Первичными миграционными мотивами выступают учебные настроения, которые в перспективе трансформируются в трудовые: вернуться работать в свой город (село) собираются 40,18 % опрошенных. Отрицательно ответили на вопрос о желании вернуться в свой город 31,3 %, а 27,9 % вообще не смогли ответить на этот вопрос [6]. Основными факторами, сдерживающими переезд с целью трудоустройства за пределами республики выступают: личные обстоятельства (53,62%), отсутствие опыта работы (29,28%), отсутствие конкурентоспособной специальности (8,41%), предвзятое отношение к лицам кавказской национальности (9,86 %).

Таким образом, в республике Дагестан в настоящее время отмечена высокая миграционная активность, с тенденциями перехода временной миграции в постоянную.

Анализ миграционных настроений молодежи Мурманской области [7] демонстрирует, что лишь треть из числа опрошенных не планирует уезжать из региона. В целом, планируют уехать из Мурманской области 39 % опрошенных, 11 % готовы мигрировать только в пределах Мурманской области. Можно отметить гендерную зависимость в миграционных на-

строениях. На внутрирегиональную миграцию в большей степени ориентированы мужчины (12,7 %) чем женщины (8,8 %).

Исследования позволили выявить статистическую зависимость установки на эмиграцию от места рождения. Так, значительно чаще планируют покинуть регион граждане, приехавшие в Мурманскую область после своего рождения (55,9 %), в отличие от молодежи, родившейся в регионе (39,9 %). Однако, отметим что миграционные настроения «коренной молодежи» также являются достаточно высокими.

Наиболее популярными причинами отъезда выступают: социально-экономические (43,8 %) и природные (34,7 %) факторы.

Результаты исследований, проведенных в Орловской области, показывают, что 33,3 % опрошенных готовы переехать в другую страну [8].

Основными причинами переезда из региона являются: отсутствие постоянной работы, отсутствие перспектив карьерного роста, отсутствие возможности улучшения материального благосостояния семьи, экономическая и социальная бесперспективность региона, невозможность приобрести собственное жилье.

Таким образом, миграционные настроения молодежи в регионах России являются достаточно высокими. Особенности миграционных настроений связаны с социально-экономической обстановкой и территориальным расположением региона.

Список источников

1. Сычев А. А., Борисов Д. М. Оценка миграционного настроения молодежи региона (на примере республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 163—173.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 11.05.2016).
3. Борисов Д. М., Шувалова В. В., Нежданов В. А. [Электронный ресурс] Механизмы регулирования трудовой миграции и сельскохозяйственного переселения в Республике Мордовия. 2014. URL: <http://dogend.ru/docs/index-396764.html> (дата обращения: 11.05.2015).
4. Данилова З. А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115—118.
5. Разживин В. Ф., Широкова И. В. Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX — начало XXI столетия). Саранск : Красный Октябрь, 2007.
6. Мирзабалаева Ф. И. Миграционные настроения молодёжи периферийного региона [Электронный ресурс] // Современные проблемы на-

уки и образования. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9910> (дата обращения: 29.05.2016).

7. Шарова, Е. Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 87—100.

8. Молодежь Орловской области в 2015 году : коллективная монография / А. А. Алексеенок, М. А. Бочанов, Н. В. Проказина и др. Орел, 2015.

**05. Будущее уже рядом — II. Трансформация гендерных ролей:
от прошлого к будущему**
(приурочено к созданию Фонда поддержки женщин в технологических науках и к 25-летию гендерных исследований в России)

О. Б. Савинская, Е. К. Захарова

**ГЕНДЕРНЫЕ КОНТРАКТЫ И КОРПОРАТИВНЫЕ ПОЛИТИКИ
ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА
ПРОДВИЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОТРАСЛЯХ**

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ-ВШЭ, г. Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru;

ЗАХАРОВА Елизавета Кирилловна — магистрант департамента социологии НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия, ekzakharova@edu.hse.ru

В последние годы в России приняты несколько стратегических документов, признающих значимость карьерных устремлений женщин и их профессиональной реализации. В «Концепции семейной политики РФ до 2025 года» первостепенное внимание уделяется механизмам роста доходов семьи от трудовой деятельности — создание условий труда для работающих родителей. В «Концепции демографической политики РФ до 2025 года» также предполагается реализация комплекса мер по содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях обеспечения совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью и указывается на то, что в ближайшие годы прогнозируется снижение трудоспособного населения в РФ на 1 млн человек в год, в связи с чем занятость женщин становится стратегически значимой. В проекте готовящейся к подписанию «Национальной стратегии в интересах женщин» также поставлена проблема поддержки занятости женщин, и прежде всего в тех отраслях, где они меньше представлены — а именно, в высокотехнологичных профессиях и должностях.

Однако, на данный момент цифры, характеризующие представленность женщин в науке и технологических отраслях, говорят о неудовлетворительной ситуации. Сегодня бóльшую часть рабочих мест в гуманитарных сферах занимают женщины, а в технических — мужчины. Так, например, данные Росстата фиксируют, что в аспирантуру по техническим специальностям идут только 28 % женщин и 72 % мужчин. Есть также данные о том, что женщины, даже получив высшее образование уходят из сферы точных наук в другие профессиональные сферы, где присутствие женщин

более одобряемо обществом [Mavriplis et al., 2010]. Несмотря на попытки стереть сложившиеся гендерные границы между профессиями, проблема остается. Гендерная сегрегация [Хазбулатова, 2016] остается одной из характеристик рынка труда. И трудовые стратегии молодых женщин пока картину не меняют. То есть можно констатировать, что занятость женщин в самых перспективных отраслях экономики — это приоритет государственной политики, однако механизмы и реализации этой цели на практике сталкиваются с институциональными барьерами.

Одним из социокультурных барьеров реализации политики продвижения молодых женщин в высокотехнологичную профессиональную деятельность является ряд гендерных режимов или порядков, бытующих в российском обществе. Они подкрепляются гендерными стереотипами о нормативном поведении женщин, а также о признаваемых карьерных планах, которые предписываются обществом как наиболее рационально-выгодные и связываются с жизненным успехом женщин [Gabay-Egozi et al., 2014]. Существующие в обществе гендерные нормы определяют образ мужчин и женщин, а также их обязанности по отношению друг к другу и к обществу, их представления о мужественности и женственности. Гендерная композиция [Connell, 1987] задает определенный гендерный режим, который поддерживается институционально. В свою очередь, сами «гендерные режимы, определяемые правилами игры в разных контекстах, находят свое выражение во множественных практиках уместной и поощряемой мужественности и женственности, а также в гендерном новаторстве временных аутсайдеров» [Темкина, Здравомыслова 2000: 19].

Результатом нашего исследования изучения представлений молодых женщин о нормативно приемлемых женских идентичностях и их вписывания в существующий социальный порядок [Захарова, Савинская, 2017], стало выявление шести типов гендерных контрактов для поколения Миллениум, которые сдерживают карьерные устремления молодых женщин, принижая их потенциал в сфере занятости.

1. «Миф о красоте». Стрешнем такого гендерного контракта является коннотация телесности, концепт которой основан на идеях Н. Вульф (2013). Именно данный тип является примером того, что называла писательница «мифом о красоте». Такой гендерный контракт выражается в стремлении женщин быть привлекательными, так как, по их мнению, именно внешность должна помочь расположить к себе мужчин и добиться успеха. 2. «Контракт многофункциональности». Такой гендерный контракт отчасти восходит к «мифу о красоте» и при этом включает также контракт многофункциональности женщины — сочетание работы, семьи, хозяйства, ухода за собой. 3. «Контракт красивой жены». Гендерный контракт

такого типа основан на сочетании коннотаций телесности и доминирующего патернализма: женщина должна выглядеть привлекательно в глазах мужчины, желать выйти замуж и родить детей. 4. «Контракт традиционной женственности». Гендерный контракт такого формата выражается в коннотации гендерной дифференциации, где происходит четкое разделение «женских» и «мужских» характеристик и обязанностей. Женщинам приписывается эмоциональность и истеричность и обязанность вести хозяйство. Вопросы гендерного неравенства при этом сводятся к тому, что женщина на равных с мужчиной может быть только если она работает. 5. «Контракт гетеросексуальной враждебности». В данный контракт заложены коннотации гетеросексуальной враждебности и гендерной дифференциации. Женщины, следующие такому формату, порицают других женщин, которые выглядят привлекательнее и/или сексуально, и декларируют о том, что женщины могут «подняться» до уровня мужчин только в случае выполнения традиционно мужской работы. 6. «Контракт хозяйственной жены». В рамках такого гендерного контракта происходит смешивание коннотаций доминирующего патернализма и гендерной дифференциации. Женщины говорят о браке, как о «спасательном круге» в случае карьерной неудачи, о том, что именно это дает им преимущество перед мужчинами, так как с таким «кругом» состояться в жизни вероятнее.

Выявленные гендерные контракты характеризуют патриархатность российского общества и слабую эффективность механизмов профессиональной мобилизации молодых женщин, особенно выпускниц вузов, делающих первые шаги в трудовой биографии. Очевидно, что имеющихся усилий недостаточно — необходимо инициировать новые механизмы, которые бы давали большую отдачу. Один из таких механизмов — создание дружественной молодым женщинам среды на промышленных предприятиях высоко-технологического профиля.

Одна из попыток создать такой механизм — городской конкурс «Лучшее предприятие для работающих мам», инициированный МОО «Федерация женщин с университетским образованием» и проводившийся с 2008 по 2015 годы комитетом общественных связей г. Москвы в партнёрстве с Московской федерацией профсоюзов и Московской конфедерацией промышленников и предпринимателей (работодателей). Основной фокус мониторинга московских предприятий в ходе этого конкурса — условия труда для работающих родителей и, прежде всего, матерей. Учитывалось также и продвижение женщин в профессиональной сфере и на управленческие должности. Конкурс был направлен на выявление лучших практик московских предприятий и мультипликацию этого опыта.

Вместе с общественной значимостью, конкурс имел весомый методический результат. Были систематизированы более ста пятидесяти

показателей и создана карта критериев для оценки предприятий, создающих удобные условия труда для молодых женщин. В ходе исследования, проведенного в первые годы проведения конкурса, были выявлены «два важнейших направления в создании рабочих мест, удобных для работников с семейными обязанностями, и прежде всего женщин. Первое — материальная поддержка в виде льготных цен на разные услуги по досугу, присмотру и уходу детьми, а также по поддержанию их здоровья. Второе — развитие удобных рабочих мест, мобильных, с гибким графиком труда как в течение дня, так и в течение недели или года» [Савинская, 2013: 163]. Потребности молодых женщин были учтены в разработке пяти критериев оценки предприятий: финансовая поддержка (выплаты, оплата путевок в детские учреждения, дополнительное медицинское страхование), регулирование рабочего времени (гибкий график, сезонные виды работ, удаленное (мобильное место работы), социальная инфраструктура (наличие социальных объектов на балансе предприятия либо стабильные договорные отношения с аутсорсинговыми организациями, предоставляющих услуги для семей с детьми), семейная политика (организация досуга для детей или семей с детьми), моральная поддержка (создание атмосферы поддержки женщин, в том числе молодых женщин, ориентированных на карьеру). Изначально, разработка критериев основывалась на зарубежном передовом опыте, однако, на этапе адаптации ее к российским реалиям была серьезно трансформирована. С одной стороны, эта трансформация вписала критерии оценки в существующие гендерные режимы жизненных траекторий и сделала методiku конкурса соответствующей российской специфике, с другой стороны, высветила специфичность этих гендерных режимов, их потенциальную силу и ограничения для общественного развития.

На наш взгляд, результат этой работы может быть полезен для других инновационных проектов по поддержке занятости молодых женщин. Однако следующий шаг можно делать только с учетом того, как мы хотели бы менять гендерные режимы, и как это должно отражаться в конкретных шагах, например, при определении приоритетов оценки социальной политики промышленных предприятий.

Список источников

1. Вульф Н. Миф о красоте : Стереотипы против женщин. М. : Альпина Пабlishер, 2013.
2. Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2(67). С. 142—167.

3. Захарова Е. К., Савинская О. Б. Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения Миллениум // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 63—81.
4. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии. Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15—23.
5. Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
6. Connell R. W. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987.
7. Gabay-Egozi L., Shavit Y., Yaish M. Gender Differences in Fields of Study: The Role of Significant Others and Rational Choice Motivations // European Sociological Review. 2015. № 3(31). P. 284—297.
8. Mavriplis C., Heller R., Beil C., Dam K., Yassinskaya N., Shaw M., Sorensen C. (2010). Mind the gap: Women in STEM career breaks // Journal of technology management & innovation. 2010. № 1 (5). P. 140—151.

Ю. Г. Юшкова-Борисова

ШЕСТЬ ТИПОВ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЮШКОВА-БОРИСОВА Юлия Геннадьевна — кандидат философских наук, научный руководитель Некоммерческого партнерства гуманитарных исследований и консалтинга «Экспертный центр «Мера», Нижний Новгород, Россия; info@mera-expert.ru

Аннотация. Под давлением изменения окружающей среды, смены способа производства, контрацептивной революции, сокращения смертности и рождаемости, реального равенства мужчин и женщин в труде, институт брака проходит некое переформатирование. На смену одному типу семьи, патриархальному, приходит несколько типов — патриархальный, матриархальный, демократический, товарищеский, гостевой и игровой. Названные типы весьма условны, однако довольно резко отличаются друг от друга по целям создания союза, разделению ответственности, формированию бюджета и семейных ролей. В патриархальном типе, как и ранее в крестьянском хозяйстве, вся ответственность и вся власть в семье лежит на мужчине. Деньги женщины, если она работает, в семейный бюджет не входят. В матриархальной семье вся ответственность и власть принадлежат женщине, часто старшей женщине в семье, доходы всей семьи стекаются под ее контроль. В демократической, как в демократическом государстве, у каждого равные права и обязанности, все средства идут в совместно формируемый бюджет. В товарищеском браке, общего бюджета может вообще не быть, точно так же, как и в гостевом и игровом. Все типы семьи могут иметь место и быть устойчивой формой союзов, кроме игрового брака, который распадается при появлении детей).

Ключевые слова: семья, типология, брак, дети

Предлагаемая типология семьи весьма условна и носит, скорее, характер научной гипотезы, поскольку базируется на исследованиях методом включенного наблюдения. Тем не менее, наблюдение за жизнью более чем 60 семей дает мне определенную уверенность в том, что данная гипотеза жизнеспособна.

На наш взгляд, на данный момент в России существует несколько типов семьи, разделяющихся по степени ответственности супругов за содержание семьи, за принятие решений, за домашний труд, за уход за детьми. Изменение окружающей действительности с естественно-природной на сконструированную человеком, смена характера производства, равенство мужчин и женщин в труде, контрацептивная революция и сокра-

шение детской смертности, позволившее сократить количество беременностей и родов, подтолкнули институт брака к переформатированию.

Вместо крестьянской патриархальной и дворянской патриархальной семьи, хорошо описанных в литературе [1, 2] сейчас сложилось несколько типов, довольно сильно разнящихся между собой по целеполаганию создания, ответственности за функционирование, за доходы и воспитание детей: **патриархальная, матриархальная, демократичная, товарищеская, гостевая, игровая.**

Патриархальная семья представляет собой современный вариант крестьянской патриархальной семьи, где на мужчине лежит ответственность за финансовое благополучие, за принятие важных решений, а женщине остается домашний труд и уход за детьми. Женщины в таких семьях могут работать, могут не работать. Но если они работают, их труд оценивается как их хобби, а их заработок не входит в бюджет семьи и считается их личными деньгами. Семью содержит муж. Часто супруги не знают о том, кто сколько зарабатывает, как правило, их это не интересует. Жену потому, что это не ее обязанность — содержать семью. Мужа потому, что он не считает деньги жены семейными и тем более своими деньгами. Домашний труд, как правило, целиком на женщине. Причем на ней же лежит ответственность за мелкий ремонт жилища, на который она нанимает работников. Важные решения принимает муж, текущие бытовые — жена. К этому типу чаще всего принадлежат семьи предпринимателей.

Матриархальная семья ответственность за принятие всех решений, за поддержание уклада жизни кладет на плечи старшей женщины. Как правило, матери жены. Содержат семью тоже, как правило, женщины. Старшая или младшая. Часто деньги и банковские карты сдаются старшей женщине. Она ведет бюджет и выдает деньги на расходы. Мужчины, обычно, быстро уходят из таких семей, не выдерживая бесправного положения. Очевидно, этот тип семьи утвердился в течение XX века, при больших потерях мужского населения в войнах, как ответ на этот вызов.

Демократичная семья — порождение новой эпохи равенства труда. Семью содержат вместе, работают оба, бюджет принимают сообща. Этот тип семьи похож на демократическое государство, в котором у всех равные права и равная ответственность. В этом типе семьи могут хорошо ужиться два профессионала в разных областях.

Товарищеская семья создается для совместного достижения неких общих целей, будь то удобное совместное проживание, рождение большого количества детей, совместных профессиональных достижений, регулярного секса. Часто там нет общего бюджета, кроме небольших сумм общих коммунальных расходов, супруги не знают, кто сколько зарабатывает и не строят дальних планов на будущее. В таких семьях хорошо живут

молодые люди. Так называемые «гражданские браки» часто представляют именно такие союзы.

Гостевая семья — это семья двух личностей с большим эго. Как правило, людей уже не очень молодых, свободных по духу, имеющих определенный достаток. Там могут быть некие общие проекты, но в целом имущество в такой семье не объединяется. Супруги большую часть времени проводят отдельно друг от друга.

Игровая семья — пожалуй, единственный тип семьи, который носит патологические черты, поскольку создается для совместного времяпрепровождения, развлечений, игр разного рода. Бюджет формируется стихийно, часто такие пары находятся на содержании своих родителей. Супруги скорее играют в семью, чем живут в ней на самом деле. Это может быть довольно удобно для них, пока в такой семье не появляются дети. Если их не берут на воспитание бабушки и дедушки, то, как правило, такая семья распадается. Супруги не желают признать, что у них появились обязанности и не могут их поделить. Этот тип семьи является ответом на вызов увеличившейся продолжительности жизни, растяжения всех ее периодов — детства, молодости, зрелости. У молодых людей еще очень крепкие и работоспособные родители, занимающие хорошее социальное положение. Занимающие их места в жизни, готовые вместо них воспитывать их детей.

Все описанные мной типы вполне жизнеспособны и будут иметь место в ближайшем будущем. Причем, матриархальный и игровой типы имеют тенденцию к распространению. Однако, вся семейная политика, как правило, исходит из того, что существуют только два типа семьи — патриархальный и демократический. Хотя, на самом деле, они просто понятнее, как вытекающие из крестьянских семей и семей советских служащих.

Вопрос требует изучения. Без понимания того, что сейчас представляет институт брака, невозможно выстроить эффективную социальную политику, результативные программы поддержки рождаемости и воспитания детей. Самое важное, что без утверждения мысли, что различные формы семьи возможны, и что они изначально равны в правах на существование, общество может затормозить процесс реформирования института брака, потерять ценный ответ на вызовы, стоящие перед ним.

Список источников

1. Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М. : Ломоносовъ, 2017.
2. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М. : Новое литературное обозрение. 2017. (Серия «Культура повседневности»).

И. Е. Калабихина

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ОТКЛАДЫВАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В STEM-ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, и. о. заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; ikalabikhina@yandex.ru

В последние десятилетия XX века во многих странах пришло осознание, что конкуренция за технологическое лидерство не может быть успешна без участия половины человечества, обладающего сегодня значительным человеческим капиталом. Кратко выделим основные причины, по которым сегодня важно продвигать программы по участию женщин в науке и высокотехнологичных отраслях в России.

Демографические причины (1):

Старение и сокращение трудоспособной части населения страны в ближайшее десятилетие, что потребует либо экстенсивного расширения трудовых ресурсов за счет внутренних (пенсионеры, инвалиды и пр.) и внешних (мигранты) ресурсов, либо активизации потенциала имеющихся ресурсов. К этому надо готовиться быстро.

Рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни и удлинение всех стадий жизненного цикла, сдвиг старости к старшим возрастам и преобладание женщин в группе населения зрелого возраста повышает востребованность новых технологий в потреблении и на рабочем месте обостряется.

Технологическая причина:

Высокие темпы развития новых технологий и включения их в повседневную жизнь и большинство рабочих мест сделает работников будущего без компетенций из области технологий аутсайдерами рынка труда (2).

Экономические причины:

Стратегия на восстановление в России высокотехнологичных отраслей (3), необходимость роста производительности труда уже сегодня задает рост спроса на инженерные специальности, математические и технические компетенции.

Риск потери накопленного человеческого капитала у женщин (при хорошем уровне образования в школе и «понижающей» стратегии на следующих образовательных ступенях) сегодня обостряется.

Социальные причины:

Потеря женщинами позиций в технических отраслях после кризиса в промышленности в конце XX века в России. Новый виток развития высокотехнологичных отраслей сейчас идет без женщин. Создается риск не включения женщин в процессы развития.

Доступ к высокооплачиваемой и интересной работе — основа борьбы с сексизмом и эйджизмом, которые все еще присутствуют в России (4), мешая экономическому и социальному развитию (5).

IT-отрасль — драйвер размывания гендерных стереотипов (6).

Список источников

1. Калабихина И. Е. Новые подходы к измерению положения женщин в STEM-образовании и STEM-занятости // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (в печати).
2. Бессолова О.А. STEM — выбор для девочек и женщин // STEM: новые перспективы профессиональной занятости женщин / АНО «Совет по вопросам управления и развития». М. : Акварель, 2016. С. 5—8.
3. Национальная технологическая инициатива. Программа мер по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asi.ru/nti/> (дата обращения: 15.02.2017).
4. Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
5. Калабихина И. Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2011. Т. 3, № 1. С. 149—176.
6. Дискриминация на рынке труда города Москвы. Научная серия «Качественные исследования в экономике и демографии» / под ред. И. Е. Калабихиной. М. : МАКС Пресс, 2014. Т. 8.

А. Е. Чирикова

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ТРИ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЯ БУДУЩЕГО

ЧИРИКОВА Алла Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, г. Москва, Россия; chirikova_a@mail.ru

Многие российские аналитики скептически смотрят на возможности продвижения российских женщин на высокие руководящие позиции во власти (Г. Айвазова, Е. Кочкина и др.).

Исследователи справедливо указывают на наличие большого числа барьеров, среди которых основное значение имеют: гендерные и социокультурные стереотипы, закрытость власти от несистемных игроков, нежелание самих женщин двигаться вверх. Несмотря на то, что перечисленные барьеры действительно во многом определяют карьерные траектории женщин во власти, однако дискриминационные факторы нельзя признать единственно определяющими путь женщин во власти.

Нельзя не учитывать, что ценности, установки, стремления самих женщин-управленцев не могут не играть здесь определенной роли. Поэтому изучение того, как сами женщины, достигшие высших позиций во власти, оценивают будущие перспективы, может помочь разобраться в том, какие факторы являются определяющими на самом деле при анализе данной проблемы.

Мы представляем результаты эмпирического исследования перспектив попадания женщин во власть регионального уровня. Исследование проводилось методом глубинного интервью в двух российских регионах: Пермском Крае и Тамбовской области. Всего было проведено 54 интервью с женщинами, занимающими высокие позиции в региональной власти, а также с региональными экспертами.

Краткие результаты исследования: Оценки самих женщин-руководителей в двух регионах относительно перспектив женщин во власти варьируют в широком диапазоне. Все полученные в ходе исследования точки зрения можно интегрировать в сценарный прогноз. Применительно к России участники исследования предлагают три различных сценария женского представительства во власти: пессимистический, инерционный и оптимистический.

Первый сценарий: «Гендерная сегрегация». В данный сценарий укладываются все полученные от участников исследования оценки, согласно которым число женщин во власти в перспективе будет сокращаться. Второй сценарий: «Социальная инерция». Он объединяет оценки тех

участников исследования, которые убеждены, что в будущем доля женщин, занимающих руководящие позиции во власти, будет относительно невысокой, а попадание или непопадание женщин во власть будет, как и сегодня, определяться волей первого лица. Третий, оптимистический, сценарий: «Спираль поступательного развития». Согласно этому сценарию, представительство женщин во власти будет нарастать. Сторонники этой точки зрения не исключают, что через 10 лет соотношение женщин и мужчин на высших этапах российской власти будет примерно равным или почти равным.

Самый распространенный сценарий по упоминаемости среди самих женщин-руководителей и экспертов — это сценарий «Спираль поступательного развития». Вероятность его реализации, по оценкам респондентов, наиболее высока в исполнительной власти. О законодательной ветви власти прогноз более осторожный и свидетельствует о том, что здесь события будут развиваться скорее по инерционному сценарию.

По мнению респондентов, проникновение женщин во власть будет происходить различными путями. Если в федеральном центре респонденты качестве предпочтительной модели попадания женщин во власть называют модель парашютирования, то в регионах этот процесс чаще всего ассоциируется с завоеванием женщинами лидирующих позиций по модели постепенного карьерного роста. В этой логике завоевание женщинами руководящих постов во власти мыслится как постепенный процесс, начинающийся с уровня местного самоуправления. Не менее важная причина — специфика организации российской власти, которая позволяет говорить респондентам о том, что «городской уровень власти женщине ближе.. Чаще всего на высокие позиции в местной власти женщины продвигаются там, где город или район небогат.

Еще одна, не менее интересная версия: в условиях социально-экономического кризиса, высока вероятность того, что власть будет отдана женщинам, поскольку мужчинам она будет неинтересна. Для реализации этого сценария будет достаточно установки из регионального или федерального центра выбирать одних и не выбирать других.

Если во всех регионах четко просматривается тенденция, — чтобы закрепиться во власти, необходим долгий карьерный рост и наличие выраженных профессиональных компетенций.

Е. В. Кочкина

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 28 ЛЕТ СПУСТЯ

КОЧКИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА — кандидат политических наук, руководитель специальных проектов, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия; ekochkina@list.ru

Появление гендерных исследований в недрах Российской академии наук СССР в 1989 г. было связано с госзаказом Совмина СССР, положившим начало институциональной деятельности лаборатории ЦГИ в ИСЭПН РАН в 1990 г. (первый директор Института — проф. Римашевская Н. М., руководитель лаборатории — к. э. н. Посадская А. И.). Важно помнить и то, что хотя этот академический институт действовал в экономическом секторе Академии наук СССР, лаборатория была создана на междисциплинарной основе: ее сотрудницами стали социальные экономисты и демографы, социологи, философы, историки, политологи, психологи. Более того, с целью преодоления академической узости научной лабораторной работы на ее базе в 1990 году была создана общественная структура — Московский центр гендерных исследований (рук. — Посадская А. И., Лунякова Л. Г., Воронина О. А., Константинова В. Н., Хоткина З. А., Мезенцева Е. В., Здравомыслова-Стоюнина О. М., Малышева М. Г., Кочкина Е. В., Баскакова М. Е., Баллаева Е. А., Арутюнян М. Ю. и несколько аффилированных членов — психолог Комисарова Т. А., программист Тройнова Т. Г., врач Зинченко Н. Г.), которая была зарегистрирована сначала в Моссовете в 1993 г., а потом в Минюсте РФ в 1998 г.

На наш взгляд, именно МЦГИ удалось аккумулировать имевшийся к тому моменту феминистский, женский и гендерный академический кадровый потенциал в России.

Конец 80-х и начало 90-х годов — бурное время политических дебатов, демонстраций, клубов, обсуждавших выбор альтернатив реформы. В эпоху «гласности и демократизации» верилось, что разные социальные группы смогут артикулировать и идентифицировать свои политические интересы. Для общественных деятелей той поры было очевидным, что гетерогенное советское общество не может иметь единый и общий социально-политический интерес. Отсюда предполагалось, что новое устройство России должно осуществляться посредством сочетания и конкуренции разных социальных интересов. Однако данный проект предполагал несколько условий: во-первых, все социальные группы должны были иметь возможность выразить свое отношение к реформам, и, во-вто-

рых, должен был существовать механизм их представления. Российская ситуация была более чем далека от достижения этих условий — даже достаточный набор теоретических концепций, в рамках которых каждая из социальных групп могла бы формулировать свою позицию, интересы и стратегию, только формировался.

Гендерные исследовательницы МЦГИ, кажется, единодушно разделяли тезис, сформулированный Посадской А. И.: социальный интерес, не сумевший осознать и выразить себя, будет ущемлен. По их мнению, в таком положении оказалось большинство женщин России в перестроечный и постперестроечный период: «Женщины как социальная группа, на глазах терявшие свой политический статус, систему советской социальной протекционистской политики, оказывались политической гендерной группой». На уровне политической сферы это проявилось в виде сокращения формального представительства женщин в законодательной власти и изменении социокультурного контекста. Чуть позже Посадская А. И. назовет этот феномен «постсоциалистическим патриархатным ренессансом». С лета 1990 г. лаборатория и МЦГИ занимались полевыми исследованиями (КАМАЗ, Набережные Челны, Таганрог и др.); на их базе проводились еженедельные научно-практические круглые столы, орг-комитеты I и II Независимых Форумов (1991, 1992 гг.) в городе Дубна Московской области при поддержке женсоветов наукоградов (и в первую очередь женсовет Центрального аэрогидродинамического института в г. Жуковский, в лице Бессоловой О. А., Федоровой Л. Н., Божковой Е. А.); были запущены инновационные проекты по 10 направлениям (включая и проведение первых летних школ в регионах РФ в 1996 и 1998 гг.). Целью было создание и расширение общественного, научного и образовательного гендерного пространства.

Как эффект этой деятельности, как «грибницы», по выражению Хоткиной З. А., разрастались Центры гендерных исследований — это была довольно большая сеть исследователей и педагогов, стоявших на позициях активистов-исследователей. Разумеется, исследовательницы и активистские группы начинали свою деятельность очень по-разному: 1) как диссидентскую (Петербургский Центр гендерных проблем, рук. — Липовская О. Г.), 2) в рамках творческих союзов (Союз женщин-кинеатографистов, Союза писателей и пр.), 3) как галерейную, выставочную (группа художниц вокруг Сандомирской И., Каменецкой Н.), 4) в рамках женсоветов горбачевского призыва (в том числе и в вузах — например, в МГУ им. М. В. Ломоносова). Но при развитии независимых женских инициатив последующее их организационное оформление на каком-то этапе неизбежно выходило к пересечению с инициативами МЦГИ. Так возникало общее поле — общественное и исследовательское.

Независимо от истории своего возникновения каждая из этих групп создавала собственные интеллектуальные продукты. Кроме того, несмотря на то, что все проекты имели собственные общественно-политические истории, в то же время происходило, на мой взгляд, некоторое сетевое смыкание их вокруг МЦГИ, а позже — вокруг еще двух организаций: ХЦГИ и Гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге. (Следует заметить, что к весне 2017 года все три программы оказались в зоне серьезных институциональных и организационных испытаний). Четверть века назад процессы институционализации шли без уточнения идеологических различий в политических концепциях. Одновременно с сетью гендерных исследований, тогда же активно формировалась «феминистическая» сеть вокруг Ивановского государственного университета (рук. Хасбулатова О. А., д.ист.н., проф.). Уже тогда можно было говорить о политическом водоразделе в бывшем СССР между сетью ГИ и феминистическими исследованиями: если ГИ занимали критические политические позиции в отношении ситуации дискриминации по признаку пола во всех сферах общества, то феминистки скорее ограничивали себя объективной констатацией «половых различий» и воздерживались от критики власти и направления реформ. К середине 2000-х эти различия стерлись в большинстве вузов, так как, возможно, конформистские исследования значительно снизили свою активность под влиянием неопатриотической критики в адрес гендерных исследований.

Стратегия 1990-х годов неиерархической сетевой интеллектуальной экспансии в развитии ГИ поначалу дала хорошие количественные результаты в России: к 2006 году в более чем 100 вузах читались курсы по ГИ, в 40 вузах существовали структурные подразделения в виде программ и вузовских центров гендерных исследований, в девяти академических институтах РАН работали лаборатории и группы гендерных исследований, 15 гендерных центров осуществляют свою деятельность как НКО. О динамичности развития гендерных исследований говорила статистика защит диссертаций: так, например, только за 2002—2004 гг. защищено более 350 диссертаций по гендерной тематике (в рамках гуманитарных и общественных дисциплин. Исключение тогда составляла «юриспруденция»). Наши расчеты показывали динамику удвоения каждые два года численности активных исследователей на рубеже нулевых годов и вплоть до 2005 года: так, если в справочнике гендерных исследовательниц и исследователей, который был составлен Хоткиной З. А. в 2000 г. по итогам проведения летних школ МЦГИ, было включено 220 российских исследователей, то на 2004 г. группа российских исследователей, по базе данных Женской сетевой программы, включала 500 исследователей (расчеты автора).

Таким образом, имеется довольно много количественных свидетельств об успешности проекта интеграции гендерных исследований в академическую и образовательную систему в России в первые 15 лет из существования. К тому моменту расхождения во мнениях и обсуждение степени успешности касалось вопроса качества коллективного проекта ГИ. Очевидно, что российское сообщество гендерных исследователей с необходимостью должно было разделиться во мнениях по разным вопросам — например, должны ли прикладные исследования базироваться на фундаментальных? Или в какой момент эмпирические исследования по заказу общественных инициатив, женских групп, вузов, доноров, бизнеса, государства утрачивают гендерную методологию и т. п.?

Не последним оказывается и вопрос социальной и государственной востребованности научных данных гендерных исследований со стороны женских групп, государства, международных организаций и иных общественных субъектов, их ангажированность и/или общественная дистанция, их вклад в формирование повестки женских инициатив в их городах, регионах и на федеральном уровне, их влияние на представленность женских групп в партийной политике, когнитивная деятельность в интересах женского движения и экспертная продуктивность. После многочисленных законодательных инициатив за прошедшие 28 лет, яркой инициативой оказывается в 2017 году Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017—2022 годы, определяющая основные направления государственной политики в отношении женщин и нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод и создание равных возможностей для женщин в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, международными обязательствами Российской Федерации, предусмотренными Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, рекомендациями IV Всемирной конференции по положению женщин «Действия в интересах равенства, развития и мира» (Пекин, сентябрь 1995 года), резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», рекомендаций Комитета Министров Совета Европы о сбалансированном участии женщин и мужчин в процессе принятия решений в области политики и общественной жизни и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по гендерному равенству в образовании, трудоустройстве и предпринимательстве от 29 мая 2013 г. с учетом современной социально-экономической ситуации и другими.

Стратегия основывается на том, что права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, со-

циальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики в Российской Федерации. При этом следует обратить внимание, что политический процесс крайне противоречив и одновременно с этим мы наблюдаем «волны» отката к атавистическим традиционным призывам.

О. Г. Овчарова, Т. Б. Рябова

ГЕНДЕРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

ОВЧАРОВА Ольга Геннадьевна — доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва, Россия, Ovcharovao@ya.ru;

РЯБОВА Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabova2001@inbox.ru

Гендерная политология — одна из самых молодых отраслей политической науки, и ее проблемное поле, понятийный аппарат и методология до сих пор являются предметом научных (а порой и идеологических) дискуссий. Как политика влияет на положение женщин в обществе, на социальные отношения между полами? Каковы характерные черты и основные этапы государственной политики в отношении женщин? Существуют ли особенности политического поведения мужчин и женщин, в том числе, и, лидерства? Каковы общие и особенные черты российского опыта участия женщин в политике по сравнению с зарубежным? Эти вопросы, основные для гендерной политологии, являются важными для политической науки *per se*. Кроме того, релевантной политологии гендерные исследования становятся и потому, что пути решения государством проблем гендерного равенства, семьи, демографии влияют и на позиционирование страны в мире, выступая частью «мягкой силы» и тем самым фактором геополитического соперничества.

Отвечая на вопрос, что же все-таки является предметом изучения гендерной политологии, напомним, что в гендерных исследованиях для анализа всего спектра политических явлений используется теория социального пола. Если биологический пол рассматривался как предписанный статус, данный человеку при рождении, то социальный пол — гендер связывался с влиянием культуры и социальных факторов, поэтому он определялся как статус достигаемый. В последние годы в гендерной теории акцент делается на отношения власти и доминирования, утверждаемые в обществе через гендерные отношения.

Таким образом, для определения предмета гендерной политологии особое значение имеет именно это свойство пола — роль в отношениях власти/подчинения. Прежде всего, это касается собственно социальных отношений между мужчинами и женщинами, для которых характерно

привилегированное положение первых. Однако в самой оппозиции «мужское–женское» заключена возможность использовать гендерный дискурс и за пределами собственно отношений полов. Гендерное неравенство выступает как матрица прочих видов социального неравенства. По известной оценке Дж. Скотт, «гендер есть первичное средство означивания отношений власти» [4, с. 422]. Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве доминирующего; определяемое как женское — в качестве периферийного. Поскольку «власть» традиционно ассоциируется с такими качествами, как сила, воля, активность, справедливость, постольку она воспринимается как свойство маскулинности. Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию политических акторов, маркировка которых как женственных или как мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и места в политической иерархии.

Следовательно, в основе методологии гендерных исследований лежит изучение отношений власти и подчинения, факторов и форм неравенства между полами и внутри полов. Гендерная политология исследует эти процессы под особым углом зрения: как на них воздействуют политические феномены (прежде всего государство) и, в свою очередь, как гендер влияет на политическую сферу.

Таким образом, гендерная политология — это субдисциплина в рамках политической науки, изучающая политическую обусловленность гендерных процессов и гендерную обусловленность политических процессов.

Гендерная политология активно развивается во многих странах мира. Комитеты по гендерным исследованиям были созданы в 1970—80-е гг. как в Международной Ассоциации Политических Наук (IPSA), так и в большинстве западных национальных политологических ассоциаций.

Гендерная политология в России начинает складываться с конца 1980-х гг. на волне «перестройки», и потребность в данной отрасли знания определялась тем, что достижение подлинного равенства между полами постулировалось как необходимое условие перехода к демократии.

Для зарождающейся гендерной политологии 1990-х была характерна такая черта, как открытая идеологизированность. Другой особенностью стала ее ориентация на практические результаты, тесная взаимосвязь с женским движением. Институциональное оформление гендерной политологии берет начало с Гендерной секции Российской ассоциации политической науки. Она была создана в 1998 г. и впоследствии была преобразована в Исследовательский комитет по гендерной политологии.

Рассмотрим более детально основные проблемы, решаемые российскими политологами в пределах гендерного знания [3, с. 444—460].

Прежде всего, задачей молодой гендерной политологии стала адаптация к анализу российской политики ключевых категорий западных гендерных исследований и выработка собственного категориального аппарата, адекватного для измерения российских политических процессов. Такой категориальный аппарат разработан, преимущественно, в работах С. Г. Айвазовой [1]. Другие политологи предлагают смысловое наполнение дефиниций, ориентируясь на проблематику собственных исследований

Ключевой темой была и остается проблема политического участия и политического поведения женщин и мужчин. Поэтому важным этапом становления российской гендерной политологии (и политической социологии) являются труды С. Г. Айвазовой, в том числе созданные совместно с Г. Л. Кертманом, в которых была предложена методология исследования гендерных аспектов российского избирательного процесса [2]. По сути, тема выборов в России, странах старых и новых демократий становится ключевой для отечественных гендерных политологов.

Большое значение в проблемном поле гендерной политологии, в том числе и российской, играет анализ женского движения: его истории и современных практик. Важной формой не только научной, но и общественно-политической деятельности для исследователей становится гендерная экспертиза законодательства, политических институтов и учебной литературы.

В последнее десятилетие особую актуальность приобретают исследования государственной гендерной и семейной политики. Гендерные аспекты политического лидерства также становится предметом осмысления в трудах отечественных политологов. Исследователи анализируют гендерные стратегии в стиле управления, объясняют специфику репрезентаций женщин и мужчин во власти.

Заметное место в российской политологии занимают исследования влияния гендерных стереотипов на различные аспекты политической жизни: на политические предпочтения, мотивацию мужчин и женщин заниматься (или не заниматься) политикой, стратегии управления и др. Таким образом, гендерный дискурс привлекается и в символическую политику. В результате репрезентации мужественности и женственности выступают фактором политики в самых различных ее аспектах.

Кроме того, гендерная политология исследует процессы политической мобилизации, которая осуществляется с помощью апелляции к гендерной идентичности, в ходе которой устанавливается взаимосвязь между определенными моделями маскулинности и фемининности, с одной стороны, и формами политического поведения индивида, с другой. Самое широкое распространение в трудах политологов различных стран мира получили исследования гендерного измерения нации и национализма.

Репрезентации национальной и этнической специфики мужественности и женственности, а также гендерных и семейных отношений, выступая инструментом включения и исключения, широко привлекаются в производство «своих» и «чужих» в процессе конструирования макрополитической идентичности.

Наконец, использование методологии гендерных исследований обладает большим потенциалом в изучении вопросов международных отношений. В работах отечественных исследователей анализируются такие аспекты проблемы, как использование гендерного дискурса в военной мобилизации; его эксплуатация в качестве оружия пропаганды. Интерес вызывает и привлечение гендерных смыслов в риторику международных отношений в условиях нынешнего обострения отношений России с Западом.

Не вызывает сомнения, что как субдисциплина политической науки гендерная политология состоялась. Она не только успешно решает задачу изучения гендерных аспектов политики, но и помогает понять процессы, которые обычно изучаются с помощью методологии других субдисциплин.

Список источников

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М. : Эслан, 2001. 79 с.; Айвазова С. Г. Гендерные разрывы/гендерная асимметрия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С. В. Патрушева. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 76—80; Айвазова С. Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономика. Социальная политика / под ред. С. Г. Айвазовой, С. В. Патрушева. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. С. 69—83; Айвазова С. Г. Гражданское/политическое в гендерном измерении // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. С. 243—259; Айвазова С. Г. «Эмпауэрмент» как признак и проблема современной массовой политики // Политическая наука. 2014. № 4. С. 75—95.
2. Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. М. : Эслан, 2000. 68 с.; Айвазова С. Г. Российские выборы : Гендерное прочтение. М. : Консорциум женских неправительственных организаций : ИС РАН, 2008; Айвазова С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 3—11.

3. Библиографический обзор работ в области гендерной политологии см.: Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерные политические исследования в России // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : «Аспект Пресс», 2015.
4. Скотт Дж. Гендер : Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Санкт-Петербург : Алетейа ; Харьков : ХЦГИ, 2001. Ч. 2. С. 405—436.

И. Н. Смирнова, О. А. Хасбулатова

ТРАЕКТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

СМИРНОВА Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета, kodina_inna@mail.ru

ХАСБУЛАТОВА Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета, oax37@mail.ru

Национальная технологическая инициатива как государственная программа, определяющая основные направления научно-технологического развития страны, ставит амбициозные задачи перед системой образования — сформировать молодое поколение, способное выбрать профессиональную траекторию, отвечающую технологическим вызовам XXI века. Готовы ли юноши и девушки активно участвовать в реализации программ подготовки специалистов инженерного, естественнонаучного и технологического профиля? Как они относятся к STEM-образованию? Хотят ли сделать карьеру, испытывают ли гендерные барьеры при планировании профессионального пути?

С целью ответа на эти актуальные вопросы, определения степени соответствия профессиональных ориентаций выпускников школ современным технологическим вызовам учеными Ивановского государственного университета проведен социологический опрос (n=500, выборка стратифицированная, непропорциональная). Среди основных задач исследования — определение уровня профессиональных ориентаций старшеклассников на STEM-профессии; оценка уровня профориентационной работы в школе и выявление механизмов ее модернизации в условиях актуализации инженерного образования.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать ряд выводов. Следует отметить, что современные юноши и девушки активны, любознательны, большинство старшеклассников (95,5% девушек и 96% юношей) определились с выбором профессии, более 85% планируют поступать в высшие учебные заведения. Выбор профессий соответствует гендерным стереотипам советского периода: девушки выбирают гуманитарные и социальные профессии, юноши отдают предпочтение инженерным и технологическим специальностям.

При выборе молодежью жизненной траектории выраженной гендерной асимметрии не выявлено. И юноши, и девушки планируют получить

профессиональное образование, работать по специальности, совместить карьеру и семейные обязанности. Число респондентов, считающих, что семья может препятствовать их карьерному росту, невелико, всего 3,7 % у девушек и 0,9 % у юношей.

Вместе с тем, анализ показал, что интерес к технологическим профессиям у юношей и девушек имеет заметные различия. Желание получить STEM-профессии высказали 58,1 % девушек и 76,9 % юношей. Причины, которые этому препятствуют, различны: 44,2 % девушек сомневаются в своих способностях к изучению технических дисциплин, 58,1 % полагают, что у них нет способностей к этим предметам, 56,1 % считают, что родители не одобрили бы их выбор. Подобные сомнения имеют только 23—25 % юношей.

Что же мешает современным юношам и девушкам взять курс на технологическое образование и карьеру?

Исследование показало, что одним из препятствий выступает система общего образования, которая не отвечает современным вызовам в формировании профессиональных траекторий выпускников. Среди агентов, участвующих в профессиональной ориентации, старшекласники отвели школьным учителям 10 место, а урокам «Технология» — последнее, 16 место. 86,5 % девушек и 67,7 % юношей считают, что этот предмет не помогает им в выборе профессии.

Еще одной важной причиной является отсутствие информации и внеучебных технологий популяризации технологических профессий среди молодежи. Более половины участвовавших в исследовании девушек и юношей хотели бы ближе познакомиться с высокотехнологическими профессиями, однако лишены этой возможности. Так, 48,5 % девушек и 39,3 % юношей нуждаются в информации о перспективах развития рынка профессий в России и в мире; 65,3 % девушек и 54,9 % юношей хотели бы вместо уроков технологии изучать новые достижения науки, учиться программированию, ставить опыты.

Большинство старшекласников, юношей и девушек, предлагают пропагандировать высокотехнологические профессии путем реализации специальных профориентационных программ в школах и вузах, пропаганды этих профессий в средствах массовой информации, сети Интернет, открытия технопарков, хотели бы посещать в вузе, школе или системе дополнительного образования факультативные курсы технологической направленности, встречаться с молодыми учеными, работающими в области высоких технологий.

В целом исследование показало, что вовлечение молодого поколения в реализацию Национальной технологической инициативы требует новой концепции технологического образования молодежи, государственной

программы действий по смягчению гендерной асимметрии в профессиональной ориентации школьников, вовлечению девушек в STEM- образование, привлечения к этой работе высших учебных заведений, родительской общественности. Только совместными усилиями возможно создание юношам и девушкам равных возможностей для овладения высокотехнологическими профессиями.

И. Д. Горшкова, О. А. Мирясова

НЕЗАВИСИМЫЕ ПРОФСОЮЗЫ И ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

ГОРШКОВА Ирина Дмитриевна - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии РХТУ им. М. И. Менделеева, г. Москва, Россия, idg9@mail.ru

МИРЯСОВА Ольга Александровна — научный сотрудник Института социологии РАН, verdikt.o@gmail.com

В современной России профсоюзное движение воспринимается, как минимум, неоднозначно. Это не та структура, на которую россияне рассчитывают в трудное время, невысоко оценивается их роль в жизни современного российского общества (1, 2, 3). Одна из причин этого — пассивность большинства профсоюзных объединений, унаследовавших из времен СССР формат безынициативного посредника между работниками и работодателями, не пытающегося обрести субъектность. Одним из немногих исключений из правила является Конфедерация труда России (КТР), объединяющая демократические профсоюзы, созданные самими работниками. КТР охватывает своим членством как производственный сектор, так и сферы культуры, образования и здравоохранения и насчитывает около двух миллионов членов.

В 2015 году на IX съезде КТР было проведено исследование, посвященное гендерной проблематике — сплошной опрос методом раздаточного анкетирования (4). Всего опрошено 70 человек (82 % от общего числа участников съезда), из них: женщин 33 %, мужчин 67 %. Наряду с вопросами на тему гендерного равенства в сфере трудовых отношений, знании соответствующих Конвенций МОТ, наличии гендерной дискриминации на рабочих местах, распространенности профсоюзных практик, ориентированных на достижение гендерного равенства, был поставлен вопрос о необходимости развития гендерной повестки в КТР. Большая часть респондентов поддержала те или иные аргументы в ее пользу. Женщины заметно чаще указывали на необходимость создать специальную структуру по гендерным вопросам.

По результатам опроса ситуация в КТР была охарактеризована как в целом благоприятная для продвижения гендерной повестки. Было зафиксировано наличие у респондентов знаний конвенций МОТ или, как минимум, желание продемонстрировать информированность. Наличие гендерных проблем признало большинство. «Проблемные» характеристики ситуации: реальные практики профсоюзов по выявлению и учету

интересов женщин скудны; позиция мужчин в целом более консервативна; известная декларативность знаний, отсутствие реальных механизмов учета нужд и потребностей работниц с большой вероятностью снижает способность распознавать гендерные проблемы как в сфере трудовых отношений, так и в деятельности собственно профсоюза. Результаты исследования были озвучены прямо на съезде, который принял резолюцию «Об обеспечении равенства женщин и мужчин в социально-трудовой сфере», а в конце 2015 года Совет КТР единогласно принял решение о создании Комиссии по гендерному равенству КТР.

Таблица 1. Аргументы за и против гендерной повестки для КТР.

Суждения	Мужчины n = 46	Женщины n = 24	Всего N = 70
Включение гендерных вопросов в работу КТР будет способствовать более благоприятному имиджу как организации, приверженной демократическим принципам	59	58	59
Подчеркнутое внимание к гендерной проблематике может привлечь больше новых членов	48	38	44
Имеет смысл создать специальную структуру, которая будет продвигать гендерную повестку	26	50	34
В настоящее время нет особой необходимости в том, чтобы уделять специальное внимание гендерным вопросам в работе	11	-	7
Гендерная проблематика — это по большей части просто мода, искусственные вопросы, которые имеют мало отношения к российской действительности	13	-	9

В январе 2017 г. завершился предварительный этап следующего исследования, охвативший сферы автопрома, медицины и высшего образования. Большое внимание на этот раз уделяется работникам с семейными обязанностями (PCO), поскольку экономическая активность женщин в России продолжает оставаться высокой: 80 работающих женщин приходится на каждые 100 мужчин. Женщины в российских семьях в отличие от мужчин тратят существенно больше времени на выполнение домашних обязанностей. Консервативное распределение ролей оборачивается для многих женщин барьером к «достойной работе за достойную оплату», а для мужчин тем, что они «платят» своим здоровьем и невысокой продолжительностью жизни за обязанность быть «кормильцем».

В исследовании 2016—2017 гг. предполагается проверка следующих гипотез: 1) гендерная чувствительность профсоюзных активистов

выше в силу их включенности в анализ и проблематизацию социальной реальности, 2) профсоюзные организации способны выполнить роль проводников изменений в сторону достижения баланса «жизнь/семья-работа» для женщин и мужчин; 3) в профсоюзах «активистского типа» трансформация гендерных ролей более вероятна в связи с высокой включенностью активистов в дискуссии и открытостью профсоюзных лидеров к «нетрадиционной» повестке.

В рамках первого этапа было проведено 22 неформализованных полуструктурированных фокусированных интервью с активистами профсоюзов, а также анкетирование участников съезда одного из профсоюзов в сфере промышленности (29 анкет). Поставленные на этом этапе цели: 1) исследовать актуальное состояние представлений работающих мужчин и женщин о своих гендерных ролях, в том числе, в связи с необходимостью совмещения работы и семейных обязанностей, 2) изучить место тематики РСО в повестке деятельности профсоюзов. Кроме того, использовался метод включенного наблюдения в ходе профсоюзных собраний.

Задачу совмещения семейных обязанностей и работы профсоюзные активисты считают преимущественно личным делом работника и его родственников, отчасти возлагают ответственность на государство и только при соблюдении ряда условий — на работодателя и профсоюз. При этом постановка проблемы как таковой вызывает интерес, в том числе, в связи с многочисленностью группы РСО и рассмотрении темы их рекрутинга в профсоюз.

Опрошенные отметили, что на данном этапе существования профсоюза не уделяется специального внимания проблемам женщин или РСО за исключением помощи отдельным лицам, права которых нарушены. Коллективные договоры ряда организаций и предприятий содержат дополнительные льготы для работников с семейными обязанностями, но их объем невелик. Руководство большинства профсоюзов представлено мужчинами даже в феминизированных отраслях, но это в большинстве случаев не осознается как проблема.

Гендерная чувствительность выше у женщин, а также у работников с детьми, но также ряд мужчин демонстрирует высокую гендерную чувствительность, обусловленную скорее их убеждениями, чем личным опытом или проблемами на работе. В одном из профсоюзов несколько лет назад (6—10 лет) совместно с НКО велись гендерно-ориентированные проекты. Несмотря на то, что специальной работы с учетом гендерной специфики профсоюз давно не проводит, его активисты демонстрируют знакомство с гендерной проблематикой, языком и более высокую гендерную чувствительность. Гендерная чувствительность респондентов меняется даже в ходе интервью, поскольку профсоюзные активисты, как

правило, открыты к любой социально значимой проблематике, а также заинтересованы в привлечении членов и улучшении имиджа профсоюза. Многие участники исследования признают проблему более низкого участия женщин в работе профсоюза, и, анализируя причины, приходят к гендерно-чувствительным выводам: семейные обязанности, стереотипы, низкий социальный статус, вызывающий самолимитирование, отсутствие экономической защищенности женщин являются препятствиями для профсоюзного членства. Гендерная чувствительность профсоюзных активистов растет преимущественно через осознание этой проблемы.

Список источников

1. Опрос Левада-центра, январь 2017. <http://www.levada.ru/2017/01/31/rol-institutov/>.
2. На чью помощь рассчитывают россияне в трудное время. <http://www.levada.ru/2014/12/16/na-chyu-pomoshh-rasschityvayut-rossiyane-v-trudnoe-vremya/>.
3. ВЦИОМ: россияне больше не верят в профсоюзы. <http://izvestia.ru/news/581810>.
4. Irina D. Gorshkova. Gender Agenda in Russian Independent Trade Unions/ Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia/ Editor-in-Chief V. Mansurov, Moscow, 2015.

О. Р. Гура

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГЕНДЕРНОСТИ В СПЕКТРЕ СУИЦИДАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ

ГУРА Оксана Романовна — магистрант II курса «Конфликтология», Институт Социологии и Регионоведения, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; grv999@mail.ru

Проблема суицида сегодня носит актуальный и злободневный характер. Не смотря на относительно глубокое изучение данной проблемы как социальными, психологическими так и медицинскими науками малоизученным остается фактор сексуальных и гендерных переживаний лица, предпринявшего попытку суицидальных действий. В большинстве исследований данные проблемы вуалируют за более широкими формулировками: семейный конфликт, депрессия. Среди факторов сексуальных и гендерных переживаний особую группу составляют расстройства половой идентификации. [3, с. 45]

Половую идентификации, как предмет исследований начинают изучать лишь в середине прошлого века. До этого периода проблема трансгендерности рассматривалась совместно с проблемами расстройства сексуальных влечений. На протяжении длительного периода пол человека рассматривался в качестве инвариантной характеристики. Аксиоматической считалась связь между физиологическим полом и самоидентификацией человека. [1, с. 104] Само желание сменить пол смогло реализовать себя лишь во второй половине 20 века.

Изучая проблему трансгендерности, необходимо четко различать понятия и определения непосредственно с ней связанные. Современная психиатрия выделяет две формы расстройств половой идентификации: трансвестизм и транссексуализм.

Трансвестизм представляет собой поведение человека, переодевающегося в одежду противоположного пола с целью получения временного удовольствия от принадлежности к данному полу, но без желания изменить собственный пол. Если подобное «переодевание» сопровождается сексуальным возбуждением, то пациенту ставится диагноз фетишистский трансвестизм, который относится к расстройствам половых предпочтений. Трансвестизм не относится к проблемам половой идентичности. Однако наблюдаются люди, использующие трансвестизм для частичного решения проблемы собственной трансгендерности по средствам социально-психологического удовлетворения. [5, с. 67]

Следующий термин транссексуализм или гендерная дисфория олицетворяет постоянную уверенность лица во внутренней принадлежности

к противоположному полу, связанный с отказом от физических характеристик врожденного пола, с желанием прибегнуть к хирургическому и гормональному воздействию для реализации гендерных ожиданий, получения социально правового признания. Транссексуал — индивид с гендерной идентичностью противоположной биологическому полу. [6, с. 89]

Трансгендерное лицо — индивид, чья внешность, манеры поведения не соответствуют гендерным ролям, предписываемых обществом его биологическому полу. Трансгендерные лица не однородны. Выделяют: мужчин — андрофилов, испытывающих влечение к мужчинам и проявляющих женскую гендерную идентичность, мужчин — гинефилов, испытывающих влечение к женщинам и проявляющих женскую гендерную идентичность, женщин — гинефилок, испытывающих влечение к женщинам и проявляющих мужскую гендерную идентичность. [5, с. 35] Гендерная идентичность не должна ошибочно связываться с сексуальной ориентацией лица.

Транссексуализм является крайней формой недовольства собственным биологическим полом. При этом транссексуал испытывает сильнейшую дисфорию, которая приводит к депрессиям, деструктивному поведению и суицидальному поведению. Среди транссексуалов наблюдаются случаи самокастрации, обусловленной невозможностью иным путем сменить свой биологический пол.

Трансгендерность встречается во всех этнических, религиозных группах, не зависит от культурного и интеллектуального уровня индивида. По данным сексопатологов в мире среди мужского населения частота данного явления варьируется в районе одного трансгендера на 37000 человек, среди женского населения с частотой 1 трансгендер на 130000 человек. [3, с. 165] По данным Дж. Банкрофта и А. Оффита частота трансгендерности равняется 1 на 11000 мужчин и 1 на 25000 женщин. [4, с. 58] Средний возраст обращения транссексуала к врачам равен 23 годам у мужчин и 25 годам у женщин.

По данным психологических и медицинских исследований расстройства половой идентификации проявляются у ребенка в возрасте 4—5 лет. [2, с. 81] Данная группа детей характеризуется интересом к занятиям и одежде детей противоположного пола, проявляет негативное отношение к собственным половым признакам. [4, с. 49] Данное поведение ребенка в раннем школьном возрасте ведет к насмешкам и издевательствам со стороны сверстников. Мальчики по данным ученых в большей степени испытывают на себе негативное отношение со стороны окружающих. [4, с. 54] 97 % школьников с расстройством половой идентификации подвергаются насмешкам со стороны сверстников, а 53 % сталкиваются с негативным отношением учителей. [6, с. 179] 80 % юных трансгендеров

испытывают одиночество.[2, с. 58] Уже в подростковом возрасте наблюдается высокий процент самоубийств среди трансгендеров.

Исследования В. М. Маслова показывают, что у 60 % мужчин и 26 % женщин с расстройством половой идентичности возникают суицидальные мысли. Реализуют данные намерения 20 % мужчин и 8 % женщин.[4, с. 76] Возраст пиковой активности сомоубийств среди трансгендеров 16—21 год.[3, с. 94] Финские ученые определили, что 8 из 10 трансгендеров заканчивают жизнь самоубийством.[2, с. 64] Каждый четвертый самоубийца во Франции на протяжении нескольких лет проявлял признаки трансгендерности.[4, с. 176]

В Российской Федерации транссексуализм и суицид тесно переплетены между собой. По данным исследования психиатра А. О. Бухановского 86 % самоубийств связаны с общественной агрессией в сторону лиц с расстройствами сексуальных предпочтений и гендерной идентичности. Бухановский доказал, что трансгендеры сталкиваются в 87 % случаев с отрицанием данной проблемы со стороны общества, в 78 % с презрением, в 75 % с удивлением, в 28 % с побоями. Психиатр изучил 541 пациента с расстройством гендерной идентичности и пришел к выводу, что у всех лиц в той или иной степени была развита готовность к совершению суицида. [2, с. 109]

В настоящее время единственной возможностью избежать суицида для трансгендера является смена пола: как полная (хирургическая), так и частичная (гормональная).

Таким образом, трансгендеры, как социальная группа обладают высоким риском совершения суицида. Необходимо изучать не только причины трансгендерности, но и последствия данного феномена. Трансгендеры нуждаются в правовой, социальной и медицинской помощи со стороны государства и общества. Необходимо на ранних этапах развития работать не только с трансгендерным ребенком, но и с его социальным окружением. Актуальным становится просвещение общества по вопросам трансгендерности. Медицинский подход не может являться единственным решением проблемы трансгендерности. Необходим комплексный подход к данному явлению.

Список источников

1. Белкин А. Третий пол. Судьбы пасынков Природы. М., 2005
2. Бухановский А. О. Транссексуализм: клиника. М., 2001.
3. Ворошилин С. И. Расстройства половой идентификации и суицидальное поведение [Электронный ресурс] // Суицидология. 2011. № 2 (3). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rasstroystva-polovoy-identifikatsii-i-suitsidalnoe-povedenie> (дата обращения: 21.03.2016).

4. Гессманн Х. В. Транс-идентичность — стандарты диагностики и лечения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Gessmann.phtm> (дата обращения: 01.03.2016).
5. Дворянчиков Н. В., Новикова З. Д. Проблема диагностики расстройств половой идентичности у лиц с танссексуализмом. М., 2014.
6. Иванченко С. Н. Трансгендерность, гендерная идентичность и гендерные стереотипы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2016).
7. Симакова Л. С., Савина Н. Н. Личностные особенности FtM-трансгендеров // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 3. С. 69—93.

С. И. Кузнецова

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ДОМАШНЕЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

КУЗНЕЦОВА Светлана Игоревна — аспирант Уральского института управления РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия; claire_st@mail.ru

В современном российском обществе отмечается переходный период в становлении новой гендерной матрицы взаимодействия, в которой в настоящее время, на наш взгляд, консервативный поворот и внутренняя установка на эгалитарные семейные отношения находятся в противоречии.

Тенденции в развитии института семьи сегодня связывают с отсутствием четких границ между мужскими и женскими ролями одновременно с сохранением традиционных взглядов на осуществление семейных практик. Появление новых ценностных ориентиров постепенно меняет распределение ролей в семье.

В статье предпринимается попытка рассмотреть данное противоречие на примере ожиданий и исполнений гендерных ролей супругами. Материалы подготовлены на основе проведенного исследования выявления когерентности ролевых ожиданий и ролевого исполнения супругов в зарегистрированных и незарегистрированных браках (114 пар, г. Екатеринбург). Реализована поливариантная методическая стратегия, включающая в себя анкетный формализованный опрос семейных пар с его последующей экспертной концептуализацией. Экспертами выступили кандидаты и доктора социологических и психологических наук, имеющие опыт исследований и/или преподавания по семейной, гендерной тематикам.

Опираясь в большей степени на конструктивистский подход, мы рассматриваем ролевой набор во взаимосвязи гендерного порядка и гендерного проекта. «Гендерный порядок» подразумевает под собой исторически сконструированную схему властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения фемининности и маскулинности [2]. Продуктом гендерного порядка можно считать «гендерный проект», где гендер выступает не как фиксированная идентичность, а как «система символических отношений» [1].

Институционально закрепленные механизмы позволяют регулировать гендерный порядок через систему разделения труда по полу и властные отношения. Гендерное структурирование системы производства, потребления и распределения — часть механизма регламентирования гетеро-

нормативности. В совокупности с усвоением гендерной идентичности человек получает набор маскулинных и феминных черт, их понимание и символическое наполнение.

Гендерный порядок в современной России отмечается консервативными тенденциями и, как следствие, утверждением гетеронормативной матрицы. Наибольшее влияние на такой консервативный курс оказывает РПЦ и политическая элита. Отечественная позиция традиционности находится тем самым в разрыве с зарубежной позицией гендерного равенства.

Однако изменение в гендерных статусах и ролях неизбежно продолжается, сочетая традиционный курс и уже усвоенные эгалитарные модели. Тем самым формируется особое российское гендерное пространство с особым гендерным порядком, для которого характерно проявление противоречивости консерватизма и усвоенных новых ориентиров.

Гендерный порядок, определяя приемлемый набор феминных и маскулинных черт, требует постоянного подтверждения со стороны общества соответствия гендерной идентичности заявленным чертам. И если властная и экономическая структуры сохраняют консервативность, то в обществе назрела потребность и идея ухода от патриархальных паттернов.

В целом ломка стереотипов о разделении домашних обязанностей происходит с очень медленной скоростью. Совокупность ожиданий относительно роли мужчины в семье, как хозяина, смешивает советские и современные представления об устройстве семьи: большая часть нагрузки остается на женщине, однако, мужчина всё чаще вовлекается в домашний быт.

Наше исследование показало высокую степень согласованности ожиданий от распределения домашних обязанностей, в которых обнаружилось смешение эгалитарных и традиционных установок. Два вектора в ожиданиях от мужчины в семье: 1) предполагает самостоятельно участие мужа в домашних делах (примерно 80%); 2) закрепление за женой функцию обслуживания мужа (11%). Согласие с тем, что муж должен заниматься домашними делами наравне с женой, поддержали половина опрошенных мужчин и женщин. Треть опрошенных выступили против данного утверждения. При этом 60% женщин и 40% мужчин любят заниматься домашними делами, что создает предположение, что менее конфликтное изменение в мужском гендерном конструкте возможно примерно у 30—40% мужчин, готовых включаться в ведение хозяйства на равных с женой. С другой стороны, половина мужчин сохраняет маскулинную установку избегания бытовой сферы

Помимо гендерного деления обязанностей существует другая причина избегания мужчинами хозяйственно-бытовой сферы. Предположение,

что отсутствие должного количества времени мешает включаться в домашние дела справедливо для 40 % семей. Ведущим фактором является установка на роль добытчика, исключающая выполнение домашних обязанностей.

Реальные практики распределения обязанностей представляют варианты как более традиционные, так и эгалитарные. Стирка, приготовление еды, уборка сохраняют феминную природу, привязывая их к сфере женского быта. Ремонт техники, ремонт в квартире и мелкие починки входят в мужской ареал домашних дел. Стоит отметить, что сами женщины вводят заботу об уюте дома в свою зону компетентности (60 % женщин), не признавая её за мужчиной. Совместное поддержание порядка в доме ожидают 23 % женщин. Это провоцирует ситуацию, при которой включение мужчины в домашнюю сферу может иметь конфликтный характер по причине женского желания сохранить ведение домашних дел за собой, т. е. символическое наполнение феминного конструкта.

Мужчины в вопросе о создании уюта проявили ориентацию на участие обоих супругов (39%) наравне с традиционным закреплением этой функции за женщиной (40 %). Это подтверждает сохранение среди части семей (и конкретно в гендерном дисплее мужчины) традиционной схемы распределения ролей.

Существенным внутрисемейным фактором распределения домашних обязанностей служит наличие детей, которое укрепляет традиционность ролевых расстановок. Отметим некоторые существенные изменения в перераспределении обязанностей: вынос мусора становится «мужской» функцией, покупка продуктов чаще осуществляется по ситуации, стирка становится исключительно женской обязанностью (рост участия с 64 % до 87 %). Существенно повышается мужское включение в следующие практики: покупка товаров длительного пользования, организация досуга.

Сравнительный анализ распределения обязанностей с данными 2000 года [3] не выявил коренных изменений в организации семейного быта. Примечательно, что тенденция изменений не имеет явного эгалитарного смещения: женщина по-прежнему занята на кухне и в поддержании домашнего уюта. Мужчины, однако, начали принимать большее участие в домашнем ремонте. Такая тенденция отмечается с начала 90-х гг. и продолжается до настоящего времени. Причиной тому могут служить такие факторы, как экономическая выгода самостоятельного ремонта или желание мужчин реализовать традиционный образ хозяина.

В наибольшей степени проявилась консервативность и негибкость гендерной матрицы в хозяйственно-бытовой сфере: рост числа мужчин, признающих необходимость совместного участия в быте семьи, не соответствует реальному распределению домашних обязанностей.

В перспективе противоречивость гендерной матрицы взаимодействий может перерасти в конфликт. «Для женщин все-таки более конфликтной ситуацией остается организация домашних дел» [Эксперт 2], что подтверждается расхождением в частоте определения мужчинами и женщинами разногласий по поводу организации домашних дел (26 % женщин, 16 % мужчин).

Распределение домашних обязанностей соответствует обозначенному противоречию консервативного поворота и уже усвоенных в постсоветское время эгалитарных установок, давая тем самым почву для развития межролевых конфликтов. Возможно предположить, что смена принципов организации быта семьи произойдет в России не скоро по внутренним и внешним причинам.

Исследование подтверждает внутреннюю разбалансировку понимания маскулинного и феминного, начало усвоения эгалитарных ориентиров одновременно с движением в сторону идей консерватизма. Политический курс и отсутствие полной перестройки гендерной матрицы на эгалитарный тип организации семейных отношений позволяет получить поддержку сохранения традиционных установок. Однако внутреннее сопротивление, переигрывание ролей в конкретной семье будет сохраняться. Это определяет необходимость прогнозирования влияния политики на будущее семьи и гендерное устройство в целом.

Список источников

1. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. 2006. № 14.
2. Коннел Р.У. Структура гендерных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2278#sthash.1svf9mxR.dpuf> (дата обращения 10.04.2016).
3. Фасхиев Р.Г. Трансформация мужского гендерного конструкта в современных российских условиях : дисс. ... к. соц. н. Екатеринбург, 2001.

А. Л. Андреев

РОССИЯ — 2017: ПРЕДЧУВСТВИЕ БУДУЩЕГО

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, зав. кафедрой социологии и гуманитарной культуры НИЯУ МИФИ, член Научного совета ВЦИОМ; sympathy_06@mail.ru

В докладе обсуждаются результаты многолетних исследований Института социологии РАН в той части, в которой они проливают свет на динамику отношений россиян к прошлому, настоящему и будущему.

В. В. Бурдюг

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ

БУРДЮГ Василий Викторович — аспирант РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва, Россия; 2270777@mail.ru

Аннотация. В РГУ им. И. М. Губкина, на кафедре философии и социально-политических технологий исследуются проблемы правосознания. В частности, идет поиск решения проблемы улучшения исполнимости социальных норм. Цель исследования проверить гипотезу о повышении исполнимости социальных норм за счет соответствия правосознанию большинства. Для проверки гипотезы в частные правотворческие процессы внедряются прикладные социологические методы.

Ключевые слова: правосознание, социальные нормы

В РГУ им. И. М. Губкина, на кафедре философии и социально-политических технологий исследуются проблемы правосознания.

В частности идет поиск решения проблемы улучшения исполнимости социальных норм. Цель исследования проверить гипотезу о повышении исполнимости социальных норм за счет соответствия правосознанию большинства. Для проверки гипотезы в частные правотворческие процессы внедряются прикладные социологические методы.

По мнению исследователей одним из результатов внедрения методик оценки правосознания в создание норм права может быть гармонизация отношений власти и подчинения, осознанная консолидация общества.

Нормы общежития формируются при взаимодействии личностей как «...обычные, повторяющиеся отношения между членами общества...» [3, 478], поэтому нормы созданные с учетом правосознания исполнителей будут исполняться по убеждению, а не по принуждению. Социально более благоприятен не «..принуждающий..», но «.. разрешающий режим..» [3, 485].

Качественные прикладные методики исследований позволяют формулировать конкретные цели и задачи количественных исследований для определенных видов правоотношений Это может помочь определить нуждаемость общественных отношений в регулировании.

Выяснение отношения и мнения большинства к новому регулированию путем социологических исследований позволит избежать громоздких процедур сплошных опросов, как это делается при референдуме, и получать требуемые данные выборочным методом, поскольку опрос «...1000

человек из всего взрослого населения...дал бы ту же информацию, что и опрос всего населения» [3,734].

Применение прикладных социологических методик изучения правосознания залог более глубокого познания явлений сознания и общественного сознания, выявления их структур, видов и форм взаимодействия, поскольку «Это конструкция созданная мышлением, существующая лишь постольку, поскольку есть знание...» [3,716]. Приведение проявлений сознания в тексты путем применения прикладных социологических методов исследования, дает реальную возможность изучения сознания. Прочитанные в разное время в разных местах «...тексты... как факт сознания...одинаковы» [2,69] «Текст складывается с самими чтением текста, и эта сторона или свойство текста, или такой текст есть фактически состояние сознания, есть конечная вспыхивающая связь, замыкание осознающего с осознаваемым.» [2,67]

При исследовании правосознания каждый респондент входит в роль и законодателя и судьи, и каждый становится «художником естественной правоты» [1, 77]. Такая работа респондента в опросе, требует большого нравственного напряжения, что в свою очередь развивает общественное правосознание.

Использование результатов исследований правосознания в правотворчестве может позволить добиться эволюционного развития общественного сознания, поскольку если каждая последующая социальная норма будет являться выражением воли большинства, то и последующая будет вытекать из нее. Подчинение меньшинства большинству, это социальный компромисс, всем нельзя угодить, и кто-то должен терпеть остальных, но пусть недовольных будет меньше. «Задача людей... в том, чтобы превращать всякий компромисс в явление правовой солидарности» [1,234]

Исследование является междисциплинарным, опирается на две науки: юриспруденцию и социологию, что, возможно, позволит достичь синергетического эффекта.

В заключение добавим слова И. А. Ильина, которые лучше всего характеризуют направление исследования: правосознание ищет свободного, верного и справедливого права и заставляет человека вести борьбу за его обретение и осуществление [1,65].

Список источников

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ. 1993. 235 с.
2. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий 09.09.2007. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. URL: <http://gtmarket.ru/labaratory/basis/3193><http://gtmarket.ru/labaratory/basis/3193>.

М. Р. Радовель

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОПИСАНИЯ СОЦИУМА: КОРРЕЛЯЦИОННО-КАУЗАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

РАДОВЕЛЬ Михаил Рувинович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук Электростальского политехнического института (филиал Московского политехнического университета); Radovel@mail.ru

Аннотация. С некоторой долей условности, современный социологический дискурс может быть разделен на три формата — статический, кинематический, динамический. Первый предполагает рассмотрение наличного состояния социума или конкретного социального сегмента в определенный момент времени; второй — изменение этого состояния, основные тенденции изменения; третий — причинно-следственные (каузальные) зависимости между взаимодействующими социальными факторами.

Ключевые слова: социум, корреляционно-каузальный анализ

1. С некоторой долей условности, современный социологический дискурс может быть разделен на три формата — статический, кинематический, динамический. Первый предполагает рассмотрение *наличного состояния* социума или конкретного социального сегмента в определенный момент времени; второй — *изменение* этого состояния, основные *тенденции* изменения; третий — *причинно-следственные (каузальные) зависимости* между взаимодействующими социальными факторами. (Подробнее об этом см.: [1]). Здесь мы сосредоточимся на динамическом формате исследований. В его рамках раскрываются корреляционные и каузальные связи между социальными явлениями и факторами. Это происходит на основе сопоставления различных процессов, которые выражаются в виде рядов эмпирических данных, выстроенных в хронологической последовательности («темпоральные ряды»).

2. Динамический формат исследований, в свою очередь, реализуется в двух направлениях — *интенсивном* и *экстенсивном*. При реализации интенсивного направления обнаруживается разнообразие каузальных характеристик, проявляющихся в *парных отношениях* между взаимодействующими социальными факторами. В процессе использования экстенсивного направления выявляются корреляционные и каузальные связи *одновременно между множеством* различных явлений и факторов. В итоге конструируется своеобразная каузальная «геометрия», включающая

в себя парные связи, узлы, замкнутые фигуры, сети. Причем, все линии, которыми связываются «точки» в этих «геометрических» фигурах, имеют точное количественное (числовое) выражение. (Подробнее см.: [2]).

3. Как показывает опыт, ряды эмпирических данных («темпоральные ряды ТР»), на основе которых происходит вычисление коэффициента корреляции R , допускают возможность некоторых полезных операций над ними. Полезных — в методологическом и эвристическом плане. Одна из таких операций — асинхронизация ТР, т. е. их сдвиг друг относительно друга. Это позволяет в процессе вычислений выйти за пределы собственно корреляции R и продвинуться в направлении каузальности R' , т. е. к определению *причинно-следственных* (или, по крайней мере, *функциональных*) связей между различными социальными явлениями (факторами). Сначала каузальность только «нащупывается», т. е. выявляются предварительные ее характеристики, а затем — с помощью определенных методических приемов — определяется целый набор каузальных характеристик, которые описывают отношения между соответствующими социальными факторами. К таким характеристикам относятся: *интенсивность* и *направление* каузальности; различные их *сочетания* в каждом конкретном случае связи между социальными явлениями или факторами; *распределение* каузальности между коррелирующими факторами; *межфакторный баланс* каузальности. Последний, кстати говоря, стремится к показателю корреляции между данными факторами (при корректном вычислении каузальных характеристик).

4. *Экстенсивное* направление анализа и описания социальной реальности на основе корреляционно-каузального подхода является продолжением и дополнением *интенсивного* направления. В этом случае осуществляется переход от парных корреляций и причинно-следственных зависимостей к более широким — корреляционным узлам, более или менее сложным геометрическим фигурам, сетям. Это позволяет выстраивать стратегии социального действия, в которых учтены количественные характеристики взаимосвязи и взаимовлияния одновременно между множеством социальных факторов. В том числе — и мера совместного, комплексного воздействия целого ряда разнообразных факторов A, B, C и т. д. на конкретный (целевой) социальный объект O_p (purpose). При этом следует иметь в виду, что комплексное воздействие группы факторов на целевой объект, в силу определенных причин, совсем не равно сумме индивидуальных воздействий этих же факторов на тот же объект: $R^1(A \wedge B \wedge C, O_p) \neq R^1(A, O_p) + R^1(B, O_p) + R^1(C, O_p)$. Учет данного обстоятельства имеет большое значение при подборе необходимых средств влияния на нужные социальные объекты и процессы.

5. Практические результаты от последовательного использования корреляционно-каузального анализа вполне ощутимы. На этой основе становится возможным обнаружение, оценка и преодоление ряда заблуждений, которые остаются вообще незамеченными на уровне обычного использования корреляционного метода. Таким образом, отчетливо выявляется недостаточность показателя корреляции R для понимания реальных параметров, характеризующих взаимодействие социальных факторов. Дело в том, что коэффициент R , на который аналитик пытается опереться для описания меры взаимовлияния коррелирующих факторов, по сути, является только итоговым результатом, более или менее удачным «компромиссом» между реальными индивидуальными действиями каждого фактора, происходящими в коррелирующей паре. Следует иметь в виду, что каждое из этих действий имеет свою собственную «историю», свою неповторимую поведенческую конфигурацию (начало, окончание, интенсивность, направленность и др.). В связи с этим могут иметь место заблуждения, возникающие в силу теоретического неведения и слепоты.

Рассмотрим следующий пример. Если корреляционный показатель слишком низок ($R \approx 0$), это совсем не обязательно означает, что взаимодействие между соответствующими факторами A и B очень слабое. Близкий к нулевой отметке показатель R может объясняться специфическим «балансом» поведения двух факторов, имеющих высокие показатели влияния друг на друга при противоположной направленности этого влияния. Например, возможна ситуация, когда: $R_1(A, B) = +0,7$ и $R_2(B, A) = -0,8$. В таком случае баланс двух индивидуальных действий будет равен $R^1 = R_1 - R_2 = 0,7 - 0,8 = -0,1$. $R^1 = -0,1$ (т. е. близкий к нулю показатель).

Еще один пример того же рода. Если показатель корреляции R в двух парах взаимодействующих факторов (A и B , C и D) оказался одинаковым (напр., $R = 0,7$), то это совсем не означает, что характер поведения коррелятов в двух этих парах (интенсивность действия, его направленность и пр.) одинаков. Такой показатель может быть балансовым итогом совершенно различных каузальных действий в каждой паре. Например, для пары A и B их каузальные показатели $R'(A) = +0,9$ и $R'(B) = -0,2$ (пример противодействия коррелятов), а для пары C и D совершенно иначе: $R'(C) = +0,4$ и $R'(D) = +0,3$ (пример содействия). А баланс один и тот же: $+0,7$.

От заблуждений, связанных с неучетом положений и понятий каузального анализа, следует отличать заблуждения другого рода, например, те, что возникают в силу коммуникационных причин. В этом плане можно выделить «микро- и макрокоммуникационные ситуации». В одном случае (микроситуация) речь идет о взаимонепонимании или неполном понимании между аналитиком и респондентом (не вполне корректные, недостаточно релевантные вопросы анкеты). В другом (макроситуация) —

о «взаимонепонимании» между аналитиком и реальным социумом, который он пытается исследовать и описать. Например, когда он заранее исходит из предположения, что оптимистические настроения в данном конкретном обществе ведут к улучшению материального благополучия их носителей, а пессимистические — наоборот, к ухудшению.

Список источников

1. Радовель М. Р. Ценностный мир современных россиян в контексте «корреляционной геометрии» // Теория и практика современной науки. № 8 (14). 2016.
2. Радовель М. Р. Перспективные возможности воздействия на ценностную сферу социума: корреляционно-каузальный подход // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 11. Часть 3. М., 2016.

Ю. В. Простотина

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ «ГЕНДЕРА» В ПРОГНОЗИРОВАНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ПРОСТОТИНА Юлия Викторовна — ассистент кафедры истории, культурологии, молодежной политики и рекламы МАИ (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия; prostotina@yandex.ru

Гендер является наиболее сущностной характеристикой человека, которая демонстрируется и транслируется им в любой социальной ситуации. Как совокупность личностных качеств и способов социального взаимодействия гендер является культурным (субкультурным) концептом, с которым соотносит себя каждый индивид определенного пола. Гендер упорядочивает индивидуальный опыт, организует и стереотипизирует поведение мужчин и женщин.

Сегодня гендерные исследования — это междисциплинарная область науки, в рамках которой изучаются разнообразные вопросы взаимодействия мужчин и женщин как на уровне общества и социальных групп, так и в семье и в личной жизни.

Теория гендера в социальных науках, сформировавшаяся во второй половине XX века, в качестве своих предпосылок имеет ряд научных направлений, среди которых можно выделить эволюционизм, марксизм, психоанализ и кросс-культурные исследования.

Эволюционистские идеи возникли еще в античности, но приобрели форму развитой научной теории, благодаря трудам социолога Г. Спенсера и натуралиста Ч. Дарвина. Идеи естественного отбора и борьбы за существование в обществе впоследствии были объединены под названием социального дарвинизма (У. Самнер, Д. Смолл, Г. Ратценхофер и др.). С точки зрения социал-дарвинистов, отбор наиболее жизнеспособных форм социальной жизни является предпосылкой и следствием неравенства между людьми (что особенно подчеркивал У. Самнер), и в частности представителей разных полов. Биологическая специализация полов идет по двум направлениям эволюционного процесса: консервативному (сохранение свойств вида), который реализуют женщины, и прогрессивному (приобретение новых свойств), который реализуют мужчины.

Социально-экономическую трактовку формирования семьи и отношений полов предлагает марксизм. В классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс описывает процесс трансформации групповой семьи с материнским правом (наследования по материнской линии) через ряд семейных форм в моно-

гамную семью современного типа. В качестве итога его рассуждений можно привести следующую цитату. «Она [моногамия] отнюдь не была плодом индивидуальной половой любви, с которой она не имела абсолютно ничего общего, так как браки по-прежнему оставались браками по расчету. Она была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия — именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия, откровенно провозглашенная греками».

В качестве третьей предпосылки формирования теории гендера следует назвать психоанализ. Однако поскольку по своим идеям он чрезвычайно разнороден, то мнения различных авторов по проблеме полов часто противоположны друг другу.

Основатель психоанализа З. Фрейд считал, что основные паттерны поведения представителей разных полов определяются их анатомией. По Фрейду, у детей идентификация со взрослыми того же пола, выступающими в роли образцов для подражания, осуществляется на третьей «фаллической» стадии психосоциального развития между тремя и шестью годами жизни.

Последователи Фрейда, и даже его непосредственные ученики, в вопросах пола (да и во многих других) придерживаются других мнений. Так, с точки зрения К.-Г. Юнга, формирование личности происходит не только в детстве и не только в силу возникновения и разрешения биологически детерминированных кризисов, но и в силу переживания комплексов, связанных с различными социально-психологическими темами — свободой, зависимостью, властью и т. п. Кроме того, в структуре личности (по терминологии Юнга — души), а точнее в ее коллективном бессознательном существуют архетипы анима (бессознательная женская сторона личности мужчины) и анимус (бессознательная мужская сторона личности женщины). Таким образом, по Юнгу, человеческая личность андрогинна, т. е. включает в себя и женские, и мужские паттерны.

Понятие андрогении в середине 1970-х гг. было использовано С. Бем для создания теории и методики определения психологического пола. По ее мнению, черты, характеризующие психологический пол, формируются на «пересечении» биологического фактора (например, маскулинные черты определяются половым гормоном андрогеном) и фактора социализации. Поэтому, во-первых, психологический пол может отличаться от биологического, а, во-вторых, личность может характеризоваться не только выраженной психологической маскулинностью или феминин-

ностью, но на паритетных началах сочетать черты обоих типов. Это и есть андрогинность.

Наконец, К. Хорни одновременно является и психоаналитиком, и одной из первых феминисток. Отвергая практически все предположения Фрейда относительно неравенства полов, она считает социальную «второсортность» женщины следствием исторически сложившейся экономической, политической и психосоциальной зависимости ее от мужчины. Другими словами Хорни однозначно постулирует культурную (а не биологическую) детерминацию неравенства полов, что собственно и является отправной точкой гендерного дискурса.

В создание эмпирической базы гендерной теории большой вклад внесли кросс-культурные исследования. Во-первых, антропологические исследования, которые впервые были проведены в 1920-х гг. М. Мид и в 1940-х гг. Дж. П. Мёрдоком. На материалах, собранных в Океании, они показали, что в разных культурах представления о женственности и мужественности довольно отчетливо отличаются. Во-вторых, эмпирическую базу гендерной теории составляют социологические исследования, проведенные в 1960—70-х гг. Г. Хофстеде методом анкетирования в 70 странах мира. Хофстеде изучал страновые культуры, используя пять основных параметров-шкал: высокая/ низкая дистанция власти, индивидуализм/ коллективизм, маскулинность/ феминность, приятие/ неприятие неопределенности, краткосрочная/ долгосрочная ориентация на будущее. По мнению Хофстеде, понимания мужественности и женственности в культуре зависят от мужественности или женственности самой культуры. В маскулинных культурах социальные роли полов оказываются поляризованными с явным доминированием мужчин. Феминным же культурам свойственны взаимная дополнительность полов, и мужчинам, и женщинам позволительно быть внимательными, чуткими и заботиться об отношениях.

Краткое знакомство с вышеуказанными научными направлениями показывает, что гендерная теория состоялась благодаря одним из них и в ожесточенной полемике с другими. К первым относятся культурно ориентированные направления и теории, ко вторым — биологически ориентированные. А различные теории в рамках психоанализа относятся и к тем, и к другим. Отрицание полной или частичной биологической детерминации поведения и взаимодействия полов позволило наряду с понятием пола ввести в научный оборот и понятие гендера, которое с 1960-х гг. начали широко использовать феминистки. Однако еще до введения этого понятия о различии биологического и социального пола писали функционалисты, что можно считать началом гендерных исследований.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 156.
2. Bem S., Martyna W., Watson C. Sex typing and androgyny // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. № 31. P. 634—643.
3. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values (Cross Cultural Research and Methodology). Sage Publication, 1980; Hofstede G., Hofstede G. J. Allemaal Andersdenkenden: Omgaan met Cultuurverschillen. Paperback, 1983 и др.

Д. М. Зотова

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

ЗОТОВА Дарья — студент IV курса факультета социологии Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия; Zotovadaria77@yandex.ru

Аннотация. в статье рассматривается сущность современной женственности, ее различие с традиционным понятием женственности, перечисляются основные особенности и характеристики понятия, раскрываемые через особенности женской индивидуальности, прослеживается влияние среды большого города на развитие женщины

Ключевые слова: мужественное, женственное, традиционная женственность, современная женственность, феминность, маскулинность

Традиционно все общественное бытие делится на два основных начала — мужественное и женственное. Мужественное и женственное — две противоположные, взаимодополняемые категории, каждая из которых характеризует не просто отдельные явления, а группы явлений, которые описываются категориями «мужественное» и «женственно» объединены не столько внешними, сколько внутренними корнями. Устоявшееся деление на «мужское» и «женское» трансформировалось на протяжении всего прошлого столетия.

Женственность — ментальное образование, сформированное социокультурно — историческими представлениями о качествах, значении и месте женщины в обществе [1].

Традиционная женственность отождествляет собой принципы патриархальной картины мира, в которой «мужчине принадлежит ведущая роль в семье и обществе, а женщине — подчиненная, пассивная... Убеждение, что ценностные структуры сознания женщин и мужчин различны: семья и любовь — главные ценности в сознании первых; дело, работа, самореализация вне семьи — в сознании вторых...» [2]. Современная женственность утрачивает эти аксиологические ориентиры, так же как преодолевает «омужествление» женщины как ее стремление проявить себя в качестве разнообразно действующего субъекта через подражание мужскому стилю жизни (поведения) [1]. Современная женственность — результат многочисленных перемен, которые произошли во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

Самыми яркими представительницами современной женственности являются жители больших городов, так как именно в мегаполисах су-

ществует множество возможностей и «помощников» (театры, выставки, тренинги, фитнес клубы, косметологические центры и др.) для саморазвития и самосовершенствования женственности.

В современном мире женщины не только стараются стать похожими на мужчин, они стараются их превзойти во всех сферах жизни общества — будь то экономика, политика или спорт. Они оценивают себя по мужским стандартам, стараясь переделать свою сущность не только физически, но и психологически. Стараясь завоевать уважение в традиционно мужских видах деятельности, женщины, стремясь к лидерству, решили отказаться от таких присущих им качеств, как чуткость, эмоциональность, спонтанность, интуиция, обретая такие качества как жёсткость и агрессивность [3].

Согласно исследованию «Женщина — мечта российского мужчины», больше всего современные мужчины ценят в женщинах такие качества как:

- привлекательность — 37 %,
- доброта, отзывчивость, взаимопонимание — 24 %
- интеллект, ум, образованность — 18 %;

Такие же качества как: скромность, семейность, аккуратность, воспитанность, уравновешенность, нежность и спокойствие остались на последних местах рейтинга. Таким образом, традиционно феминные качества и способности уже не являются притягательными для мужчин.

Еще одной особенностью современной женственности является необходимость постоянного создания своей индивидуальности через мир телесной красоты. Однако, множество образов-стереотипов, транслирующихся в СМИ, провоцируют на постоянную смену внешнего вида. Приходится выбирать, кем быть и как сочетать между собой роли бизнес — леди, мускулистой маскулинной девушки, домохозяйки, изнеможенной модели и др. «Постоянная готовность к перемена — вот стиль, который никогда вас не подведет» [4].

Отличительной чертой женщин России является возрастающий интерес к предпринимательству. По данным статистики около 55 % предприятий малого и среднего бизнеса России возглавляют женщины [6].

Интересны данные, полученные в исследовании «Сегодня в каждом деле на женщины под стать...» В результате выяснилось, что многие предрассудки, которые связаны с возможностями и способностями женщин работать и зарабатывать больше не актуальны. Так, если 25 лет назад половина опрошенных (48 %) считала, что шансы женщин и мужчин на трудоустройство после окончания учебы не равны, то сегодня эта доля снизилась до 36 %. Тогда как число тех, кто уверен в обратном, выросло до 56 % (с 39 %, соответственно): среди мужчин — 60 %, среди женщин — 53 %.

В способностях представительниц прекрасной половины человечества сделать успешную карьеру в бизнесе, сегодня не сомневается подавляющее большинство граждан (93 %). За четверть века эта доля выросла более чем в полтора раза (с 57 %), тогда как число сомневающихся, напротив сократилось до 5 % (с 20 % в 1991 г.).

Современная женственность сочетает в себе амбивалентность с целостностью, гармоничность с неустанной устремленностью к самосовершенствованию, эгалитаризм с патриархальностью, глубокий индивидуализм и жесткими социальными стандартами [1].

Основа современной женственности — способность нести ответственность за себя, за свою жизнь, умение сочетать не сочетаемое (индивидуальное и коллективное, традиции и инновации, свои увлечения, карьеру и семью), а также сила воли для непрекращающегося создания себя. В России это не простая задача, так как в отечественной культуре до сих пор сильны патриархальные взгляды в оценке женского бытия, однако на основе представленных выше исследований, можно сделать вывод о продолжающихся изменениях в российском сознании. У современной женщины всегда есть возможность вернуться к прежним стандартам женственности. Каждая женщина должна выстроить свою жизнь через ориентацию на свои потребности и желания. Не многим женщинам это удастся, но те, кто смог раскрыть в себе/для себя новое видение женственности, чаще всего живут в мегаполисах.

Список источников

1. Ершова Н. М. Женщины большого города в поисках себя: сущность современной женщины // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей. М., 2014.
2. Нечаева Н. Патриархатная и феминистская картины мира: на пути к типологизации // Феминистская теория и практика : Восток-Запад : материалы международной научно-практической конференции. СПб., 1996.
3. Садовникова О. Е. Женские роли в современном обществе // Сборники конференций НИЦ социосфера. 2013. № 18.
4. GLANCE: журнал о том, как быть красивой. 2014. № 3 (31).
5. Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ). URL: infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/holidays-customs/article/krasivaja-dobraja-umnaja-zhenshchina-mechta-dlja-rossiiskogo.html (дата обращения 24.09.2016).
6. Электронный журнал «Женщины бизнеса». URL: ruslady.org/wp-content/uploads/2016/08/журнал-женщины-бизнеса-2.indd_.pdf (дата обращения: 24.09.2016).

Н. Л. Балич

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

БАЛИЧ Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь; nlrMinsk@mail.ru

Аннотация. На основе данных эмпирического исследования анализируются гендерные особенности религиозности православных и католиков, проживающих в Республике Беларусь. Выявляется уровень религиозности и веры респондентов, активность обращения к религиозным практикам в повседневной жизни. Особое внимание уделяется самооценке знаний респондентов религиозных традиций и обычаев, религиозному воспитанию детей, приобщению их к религиозной культуре. Наряду с религиозной активностью в рамках исследования анализируется гражданская активность православных и католиков, их включенность в работу религиозных, общественных организаций различной направленности с учетом гендерных характеристик. Выявлено, что православные и католические женщины более религиозны, чем мужчины. Женщины меньше сомневаются в существовании Бога, имеют выше уровень церковной дисциплины, более активно участвуют в деятельности общественных, религиозных организаций. Женщины уделяют больше внимания приобщению детей к религиозной культуре, чаще оценивают свои знания религиозных традиций и обычаев как хорошие. Мужчины больше ориентированы на участие в деятельности спортивных и досуговых объединений, реже указывают на значимость религии в повседневной жизни.

Ключевые слова: религиозность, вера, гендер, религиозная активность, религиозные практики, религиозное воспитание, православные, католики

Общими характеристиками религиозности в различных социальных дисциплинах является признание наличия объединяющих черт, характерных для мужчин и женщин.

Рассмотрим, насколько это верно на примере представителей наиболее многочисленных религиозных конфессий в Республике Беларусь — православных и католиков. Опрос был проведен Институтом социологии НАН Беларуси в 2016 г. по репрезентативной квотной выборке с элементами случайного отбора респондентов (выборка 1503 респондента,

погрешность $\pm 3\%$). В конфессиональной структуре опрошенных православных — 78,5 %, католиков — 9,5 %, других — 2,1 %. Не пожелали себя отнести к какой-либо конфессии 8,3 %, не дали ответа — 1,6 % опрошенных.

Прежде всего выясним, насколько религиозными считают себя респонденты (таблица 1).

Таблица 1. Мнение респондентов о степени выраженности у них религиозности, %¹

Религиозность	Православные		Католики	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
В достаточной степени	26,0	35,4	38,9	64,0
Меньше, чем хотелось бы	35,0	39,8	25,7	19,9
Качество отсутствует	20,9	8,3	11,2	6,1
Затрудняюсь ответить	16,8	15,3	2,2	10,0

Как видно из полученных данных, женщины православной и католической конфессии считают себя более религиозными, чем мужчины, реже указывают на отсутствие данного качества. Большинство женщин-католиков (64 %) утверждают, что у них качество «религиозность» присутствует в достаточной степени. Женщин-православных с таким качеством почти в два раза меньше (35,4 %).

В целом сравнение религиозности православных и католиков свидетельствует о большей выраженности исследуемого признака у католиков (как мужчин, так и женщин), чем православных, среди которых 35 % мужчин и почти 40 % женщин отметили, что качество религиозность выражено меньше, чем бы им хотелось.

Следующим шагом выявим количество респондентов, назвавших себя верующими, среди которых женщин больше, чем мужчин: более 78 % женщин-православных считают себя верующими и скорее верующими, мужчин — 65 %. Гендерный разрыв наблюдается также среди католиков: верующими, скорее верующими себя назвали около 87 % женщин и 71 % мужчин. Среди православных больше респондентов (по сравнению с католиками) считает себя неверующими и меньше — верующими, доля православных женщин, затруднившихся ответить (8,5 %), в четыре раза больше, чем католических (1,9 %).

¹ Не учтены позиции «нет ответа».

Чтобы выяснить, насколько принадлежность к православию и католичествому подкреплена религиозными практиками респондентов, были проанализированы религиозная активность и поведение женщин и мужчин на основе различных индикаторов.

Из четырех показателей воцерковленного образа жизни православные и католики в большей степени отдают предпочтение молитве и посещению храма, в меньшей — чтению религиозных текстов и постам (таблица 2).

Таблица 2. *Гендерные характеристики религиозной активности православных и католиков, %*

Практики	Частота обращения к практикам											
	Ежемесячно				Эпизодически				Никогда			
	правосл.		католики		правосл.		католики		правосл.		католики	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Посещение церкви	7,6	14,6	22,2	45,3	71,2	78,4	68,0	49,2	21,2	7,1	9,8	5,3
Чтение молитв	8,1	25,4	29,8	55,5	38,0	48,5	36,3	31,7	53,6	25,1	32,8	12,8
Чтение религиозной литературы	4,2	11,0	20,3	37,6	30,0	38,1	34,5	27,8	65,6	49,5	45,1	26,5
Соблюдение постов	2,2	5,0	14,5	25,2	32,3	47,4	48,7	52,4	65,4	47,1	36,9	22,3

Гендерные характеристики религиозной активности и поведения вновь подтверждают, что женщины являются более религиозными, чем мужчины: демонстрируют выше уровень церковной дисциплины: чаще посещают церковь, читают молитвы и религиозные тексты, соблюдают посты. Сравнивая религиозную активность православных, отметим, что женщины в данной группе по всем индикаторам в 1,5—2 раза активнее, чем мужчины. В группе католиков схожая тенденция, однако разрыв между индикаторами религиозной активности у мужчин и женщин меньше.

Наряду с религиозной активностью в рамках исследования анализировалась гражданская активность мужчин и женщин, их включенность в работу общественных объединений, организаций. Выяснилось, что женщины православной и католической конфессии более активно участвуют в деятельности профсоюзов, религиозных или церковных организациях, благотворительных, волонтерских движениях, группах взаимопомощи, мужчины — в деятельности спортивных или досуговых объединений. При этом женщины — католики гораздо более активны в участии в религиозных, спортивных, благотворительных организациях

и группах взаимопомощи, женщины — православные — в деятельности профсоюзов. В целом всем группам присуще пассивное членство (состоят, но не участвуют) в общественных объединениях, за исключением религиозных или церковных объединений.

Женское отношение к сакральному неоднократно исследовалось специалистами в области гуманитарных наук. Высокая религиозность женщин традиционно объяснялась природными качествами, особым психоэмоциональным, физиологическим состоянием. Исследователи западной (католицизм) и восточной (православие) христианских традиций отмечают схожесть женской религиозности еще в XVII—XVIII вв., «несмотря на видимые отличия в облике женщин в религиях Европы и России» [1]. Социологические исследования также не раз подтверждали тезис о высокой религиозности и интенсивности религиозных переживаний женщин. По данным исследований ГК Фонда общественного мнения, ядро группы воцерковленных и полувоцерковленных составляют женщины, слабо воцерковленных и очень слабо воцерковленных — мужчины [2]. Воспроизводство традиционных гендерных ролей мужчин и женщин подтверждают и другие исследования, согласно которым «у мужчин и женщин наблюдается различная акцентуация религиозного чувства и религиозного поведения. Положение женщин в религии базируется на нормах традиции, которые заставляют ее соответствовать» [3]. Исследователи приходят к выводу, что женская религиозность более обрядна, по сравнению с мужской, наполнена внутренним содержанием, демонстрирует связь религиозной традиции и веры. При этом женщины чаще не склонны выделять свою индивидуальность, для них характерно «семейно-безличное отношение к религии» [3], т. е. контекст женского восприятия и воспроизводства религии задается следующими понятиями: «семья», «дети», «воспитание», «традиция». Это подтверждают данные опроса. Согласно им, приобщению детей к религиозным традициям и культуре женщины православной и католической конфессий уделяют больше внимания, в отличие от мужчин (таблица 3).

Таблица 3. Приобщение детей к культуре, религии, традициям, %¹

	Православные		Католики	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Да	46,6	52,0	46,1	61,9
Нет	23,1	19,7	19,7	16,4
Затруднились ответить	28,3	25,3	24,2	19,0

¹ Не учтены позиции «нет ответа».

Рассматривая ценность религии, прежде всего с точки зрения ее влияния на жизнь семьи и отношения, женщина видит реализацию своей основной задачи — воспитание детей в реальных жизненных условиях. По мнению психологов, мир женщины — мир отношений. Женщина не столько анализирует, сколько чувствует и воспринимает отношения, стремясь к гармонии в различных сферах жизни. В этом смысле религия дает нравственные ориентиры в повседневной жизни, сформулированные в десяти заповедях христианства, где четко обозначена грань хорошего и плохого: «почитай отца и мать твою...», «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не произноси ложного свидетельства...» и т.д.

Воспитанием детей традиционно занимаются женщины. В настоящее время это прослеживается не только в семье, но и в образовательных учреждениях. Особенности воспитания отражены в народной педагогике, что нередко иллюстрируется в фольклорных произведениях. Колыбельные, сказки, песни являются богатым культурным наследием и имеют воспитательную функцию: герои сказок борются со злом, проявляют мудрость, мужество, смекалку. В христианской культуре принято с детства приобщать малышей к культуре и традициям. С первых дней жизни через колыбельные, песни, позже — сказки ребенка знакомит с окружающим миром именно мать. Поэтому неудивительно, что среди опрошенных больше положительных и меньше отрицательных ответов получено от женщин православного и католического вероисповеданий, при этом положительных ответов женщин-католиков больше, чем таких же ответов женщин-православных. Что касается оценки респондентами своих знаний народных традиций и обычаев (Иван Купала, Масленица, Спас и др., то женщины-православные (в отличие от женщин-католиков)) чаще оценивают свои знания как хорошие. Меньше среди православных (мужчин и женщин), по сравнению с католиками, тех, кто ответил, что с религиозными традициями и обычаями не знаком.

Исследование подтвердило, что православные и католические женщины более религиозны, чем мужчины. Женщины меньше сомневаются в существовании Бога, имеют выше уровень церковной дисциплины, более активно участвуют в деятельности общественных, религиозных организаций. Женщины уделяют больше внимания приобщению детей к религиозной культуре, чаще оценивают свои знания религиозных традиций и обычаев как хорошие. Мужчины больше ориентированы на участие в деятельности спортивных и досуговых объединений.

Сравнивая религиозную активность православных, отметим, что женщины в данной группе по всем индикаторам в 1,5—2 раза активнее, чем мужчины. В группе католиков разрыв между индикаторами религиозной активности у мужчин и женщин меньше.

Список источников

1. Женщины в христианских мистических течениях Европы и России XVII—XVIII вв. // Женщина в религиях: информационный портал. URL: <http://woman.upelsinka.com/forum.htm> (дата доступа: 17.12.2016).
2. Верит — не верит: особенности российской религиозности // ГК Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/blogs/11820> (дата доступа: 16.11.2016).
3. Кремнева, Н. Гендерные особенности этнической идентификации / Н. Кремнева // Женщина в религиях: информационный портал. URL: http://woman.upelsinka.com/modern/ethnos_1.htm (дата доступа: 17.11.2016).

И. В. Колодезникова

ОРГАНИЗАЦИЯ БИЗНЕСА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИН

КОЛОДЕЗНИКОВА Инна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; inna0105@yandex.ru

Аннотация. При организации бизнеса в сети Интернет женщины могут реализовать свой экономический потенциал наилучшим образом, поскольку фактор скрытой дискриминации по гендерному признаку в значительной степени ослабевает при ведении бизнеса в виртуальном пространстве. Автор считает, что при поддержке со стороны инвесторов и государства «женские проекты» в сети имеют большой потенциал для развития.

Ключевые слова: женщины, экономический потенциал, женский бизнес, Интернет, инвестиции

В последние годы отмечается возрастание роли женщин в бизнесе и экономике в целом. Современные условия ведения бизнеса позволяют женщинам наиболее полно раскрыть свой потенциал и возможности. На сегодняшний день 1 млрд. 200 млн женщин уже заняты в экономике, к 2020 году по оценкам аналитиков их число возрастет еще почти на 900 млн человек. Это позволяет высказать предположение о том, что женщины становятся во многих странах ключевым фактором экономического роста. В России также отмечено возрастание интереса к «женскому бизнесу». Так, участники форума Политического партнерства «Женщины и экономика», проводимого в рамках председательства России в АТЭС отмечали, что необходимы скоординированные действия для того, чтобы обеспечить женщинам равные права и возможности в осуществлении экономической деятельности и продвижении на ключевые позиции в экономике и бизнесе. На 4 Всероссийском форуме «Женщины бизнеса: приоритеты и возможности», говорилось о том, что женщины играют значительную роль в реализации стратегических направлений развития России и имеют огромный потенциал в построении новой экономики. При этом отмечалось, что необходим новый инновационный подход к женскому предпринимательству. Инвестиции в развитие женского предпринимательства являются весьма перспективными по мнению авторов

доклада «Успешные люди: признание роли женщин в стимулировании делового и экономического развития». В докладе отмечено, что эффект от роста экономического потенциала женщин может быть равен появлению в бизнесе и на рынке миллиарда новых работников (так называемый «третий миллиард»).

Женщины могут реализовать свой потенциал в различных отраслях и сферах экономики. Однако, отмечая в качестве важнейшей тенденции последних лет перевод бизнеса в Сеть Интернет, рассмотрим, как потенциал женщин может быть реализован при ведении бизнеса именно в Сети. В первую очередь заметим, что в Интернете стираются многие ограничения, которые мешают женщинам при ведении традиционного бизнеса. Так, фактор скрытой дискриминации по гендерному признаку в значительной степени ослабевает при ведении бизнеса в Сети, что безусловно является привлекательным фактором для женщин. Кроме того, женская часть аудитории Интернета активно растет и в России, например, «равноправие полов» в Интернете уже наступило. Уже в конце 2010 года женская аудитория русскоязычного Интернета превысила мужскую (50.2% против 49.8%), при этом число пользовательниц Рунета продолжает стабильно расти. Такая же тенденция прослеживается и во многих зарубежных странах. Тенденцией последних лет также становится увеличение активности женщин в социальных сетях. При этом по данным социологического исследования, проведенного компанией Comscore, сети при этом все больше используются не только для общения, но и для работы (18% против 93% для общения), хотя общение пока безусловно преобладает. Кроме того, покупатели- женщины все больше используют Интернет для совершения покупок и их оплаты, что позволяет создавать в сети ресурсы, ориентированные преимущественно на женскую аудиторию. Таким образом, Сеть Интернет из платформы для обмена информацией превращается все в большей степени в платформу для бизнеса. Это значительно усиливает позиции женщин как потребителей, так предпринимателей, для которых открываются новые ниши для ведения бизнеса. Важным преимуществом ведения бизнеса в сети Интернет также является то, что при этом женщины могут вести бизнес, не покидая дома, что позволяет, например, молодым мамам, которые по естественным причинам ранее на несколько лет были выключены из активной жизни, реализовать себя, получая при этом доход.

В связи с активным развитием бизнеса в сети многие женщины смогут реализовать свой потенциал, организуя бизнес в Интернете. При этом ограничивающим фактором может служить нехватка финансирования. Опросы и исследования показывают, что женщины

зачастую просто боятся обратиться к инвесторам со своими небольшими проектами. Кроме того, среди инвесторов в большинстве стран преобладают мужчины. Но пока, даже в США, в руководстве только нескольких крупнейших венчурных инвестиционных компаний присутствуют женщины. При этом процент женщин, которые ищут инвестиции, стабильно увеличивается. Выходом может являться поиск альтернативных источников финансирования, например, обращение к «бизнес — ангелам». Их доля в составе инвесторов пока невелика, а еще меньше среди них женщин (в США доля бизнес — ангелов — женщин — 13 %, в России — 1 %), но следует отметить, что активность женщин — инвесторов в развитых странах с каждым годом возрастает. Создаются специальные инвестиционные фонды (в том числе и женщинами) для женщин, а также компании, которые занимаются финансовым консалтингом для женщин. В Великобритании и США уже действуют такие фонды, созданные женщинами как Criterion Ventures и Pipeline Fond. Международная компания Criterion Ventures помогает растущим бизнесам женщин, заинтересованных в инвестициях, найти финансирование для своего проекта. При этом особое внимание уделяется бизнесам, имеющим социальную направленность. Pipeline Fond не только находит инвесторов для «женских стартапов», но и организует специальные программы по обучению женщин венчурным инвестициям. Компании, которые готовы инвестировать в женщин, объединены в Ассоциацию Альтернативного Инвестирования для женщин (под таким же названием проводятся ее ежегодные саммиты). Ассоциация специально создана для консультирования и помощи женщинам-предпринимателям по вопросам привлечения инвестиций (в составе консультантов — женщины — инвесторы с многолетним опытом работы).

В России подобная система пока отсутствует, как отсутствует и инфраструктура по обучению женщин основам инвестирования, а также открытия и ведения бизнеса. В качестве примера попытки преодолеть ситуацию следует отметить создание в 2011г. площадки StartUp Women в сети. Российский проект 2011 года ставит целью объединение женщин-предпринимателей в формате интернет — инкубатора для обмена опытом и общения. На сайте женщины могут получить консультации экспертов, расширить свои деловые связи, пообщаться с единомышленниками. Проект также помогает женщинам в поиске инвестиций при запуске собственного проекта. Создание проектов такого рода автору представляется важной частью создания новой инфраструктуры сетевой экономики и важной площадкой для обучения, общения женщин-предпринимателей, а также «обкатки» новых форматов для ведения бизнеса.

Таким образом, есть все необходимые предпосылки для значительного возрастания активности женщин при ведении бизнеса в Глобальной Информационной сети Интернет. При обеспечении необходимой поддержки со стороны государства и инвесторов «женский бизнес» может внести значительный вклад в повышение конкурентоспособности экономики той страны, которая обеспечит эту поддержку.

А. В. Бочкарева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ВРТ) НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XXI ВЕКЕ

БОЧКАРЕВА Анна Владиславовна — магистрант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; anna.v.boch@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), оказавших влияние на процесс зачатия и рождения ребенка. ВРТ — методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в пробирке), в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства. Автор выделяет ряд аспектов, связанных с трансформацией института семьи в XXI веке и развитием вспомогательных репродуктивных технологий. Вопросы связаны с трансформацией традиционного понимания сущности и функций института семьи, а также с изменением ролей и статусов «родителей» — «детей». Описав процесс применения ВРТ, автор приходит к проблемам, касающимся появления новых форм и видов неравенства. В статье приведен сравнительный анализ правового регулирования применения вспомогательных репродуктивных технологий в некоторых странах постсоветского пространства: Армения, Казахстан, Таджикистан, Россия, Белоруссия и Украина. В заключении рассмотрены морально-этические проблемы, связанные с донорством биологического материала и суррогатным материнством.

Ключевые слова: ВРТ, институт семьи, репродуктивные технологии, ЭКО, суррогатное материнство, социальное неравенство, правовое регулирование

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) в современном понимании представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в пробирке), в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства.

ВРТ помогают преодолеть бесплодие, которым страдают 10—20 % супружеских пар. [1.С.79]. Такие способы репродукции являются не только новым компонентом увеличения рождаемости, но и приводят к появлению новых социальных, правовых и этических норм [1.С.84].

В 1956 году Питирим Сорокин в своей работе «Американская сексуальная революция» дал оценку последствиям сексуальной революции, которые мы наблюдаем сегодня и в большинстве европейских стран: общество принижает ценности материнства и отцовства, женственности и мужественности, детства, брака и семьи. Эти общественные установки стали одной из главных предпосылок утверждения и развития вспомогательных репродуктивных технологий, а также поспособствовали появлению большого числа социальных и этических проблем, опосредованных применением ВРТ. [3.С.92].

И. С. Кон, говоря о сексуальной революции, упоминает и вспомогательные репродуктивные технологии: «Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) и экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) сделали принципиально возможным «непорочное зачатие», без какого бы то ни было сексуального общения и контакта родителей». [4.С.52].

В результате сексуальной революции индивид, реализуя свои репродуктивные права, свободен в выборе степени, времени и способа реализации потенциальной фертильности. Таким образом, он может полностью отказаться от деторождения и оставаться бездетным до конца жизни или произвести на свет определенное количество детей, при этом искусственно ограничивая фертильность с помощью абортов или контрацепции; может отложить появление детей на пострепродуктивный период; может привязать деторождение к определенной форме брака или вовсе не связывать рождение детей с семейным союзом; может заниматься лечением заболеваний, препятствующих зачатию ребенка или вынашиванию ребенка или прибегнуть к помощи репродуктивных доноров; может выбрать традиционную беременность или пригласить суррогатную мать. Эти возможности репродуктивного выбора во многом обусловлены современными социальными и экономическими отношениями, нормами и реализуются при помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Однако, расширение свободы репродуктивного выбора, реализуемое посредством ВРТ, привело к увеличению числа родительских статусов. Сегодня ответ на вопрос «Кого назвать родителем?» часто вызывает затруднения. Даже понятие «биологические родители» становится неоднозначным, помимо «естественных родителей» появились генетические матери и отцы, суррогатные матери. Таким образом, ребенок может иметь одновременно до пяти родителей. [5.С.7].

Ещё Питирим Сорокин прогнозировал наступление кризиса семьи, выражающегося, главным образом, в невыполнении ею своих основных функций. В своём историческом развитии всё больше своих функций семья начинает разделять с обществом. Воспитательно-педагогическая функция уже практически разрушена, так как её выполняет государство — ребенок с первых лет жизни попадает в государственную воспитательно-педагогическую систему (ясли, детский сад, школа). [6.С.127]. Сегодня с появлением вспомогательных репродуктивных технологий, базовая функция семьи — репродуктивная (функция воспроизводства) — может осуществляться за пределами самой семьи, посредством третьих лиц (доноров, суррогатных матерей) или медицинских процедур, зачатием в пробирке. Так, ВРТ позволяют семье разделить с обществом свою основополагающую функцию.

По причине развития вспомогательных репродуктивных технологий, произошло множество изменений в социальной сфере жизни. Большое влияние ВРТ оказали на институт семьи, подвергающийся трансформации в современном мире. Помимо этого, применение вспомогательных репродуктивных технологий привело к созданию парадоксальной ситуации: технологии, изначально призванные решить проблему бесплодия — биологического «неравенства», сегодня стали причиной появления принципиально новых форм неравенства. Многие биологически бесплодные пары не могут стать родителями из-за нехватки финансовых ресурсов, в то время как биологически здоровые люди, не желающие вынашивать своих детей, становятся родителями посредством суррогатного материнства, располагая соответствующими финансовыми возможностями.

Сравним процессы правового регулирования применения методов ВРТ в нескольких странах постсоветского пространства. Среди них Армения, Казахстан, Таджикистан — государства, где были приняты специальные законы, и Россия, Белоруссия, Украина — страны, где применение методов ВРТ регулируется с помощью общих нормативных актов, посвященных здравоохранительной деятельности. Страны используют вспомогательные репродуктивные технологии как инструмент семейной и гендерной политики, поддерживая с помощью него наиболее приемлемую для государства форму семьи. В большинстве случаев ясно, что законодательства нацелено на поддержание традиционной формы семьи. Однополым женским и мужским парам, как и одиноким мужчинам, отказано в праве преодоления бесплодия, хотя отцы-одиночки и гомосексуальные пары, желающие стать родителями — реальность.

В соответствии со статьей 55 главы 6 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», право воспользоваться услугами ВРТ имеют одинокие женщины, а также мужчина и женщина, как состоя-

щие, так и не состоящие в браке. То есть, одинокие мужчины в России не имеют доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям, что является выражением гендерного неравенства, закрепленного в законодательстве.

Помимо вышеперечисленных социальных последствий, применение ВРТ, а особенно суррогатного материнства, затрагивает множество этических аспектов, и невозможно их игнорировать, анализируя социальную сторону процесса.

Спорное отношение с морально-этической точки зрения вызывает донорство спермы и ооцитов. Общество не всегда воспринимает его однозначно положительно: противники донорства биоматериала характеризуют доноров как безответственных к своему потомству, упрекают в корыстных целях — целях получения коммерческой выгоды с помощью донорства. Кроме того, в связи с применением донорского материала встает вопрос инцеста, так как у мужчины-донора теоретически может быть до сотни детей, юридически не являющихся его потомством. Сторонники данной процедуры оценивают ее как средство помощи, сравнимая донорство биоматериала с донорством крови. [7.С.28].

Наличие «третьей» стороны в отношениях семьи всегда требовало осмысления с морально-этических позиций. Иное значение этот вопрос приобретает в таких интимных вопросах, как деторождение. Современная культура, основанная на прагматизме, многие вещи начинает рассматривать только с позиции пользы: выгодно — значит, имеет право быть. То же произошло с суррогатным материнством. Будучи изначально альтруистической формой помощи людям, которые хотят, но не могут родить собственного ребёнка, сегодня эта технология стала прибыльным бизнесом, о чем свидетельствуют многочисленные предложения в интернете различных агентств по подбору суррогатных матерей. Превращение суррогатного материнства в бизнес полностью извращает первоначальный смысл этого явления.

Таким образом, помимо трансформации института семьи, применение ВРТ приводит к появлению множества биоэтических, этических, моральных проблем. ВРТ позволили иметь детей однополым парам, одиноким людям, а в этом процессе могут быть задействованы еще до трех «родителей» — доноры и суррогатная мать — так, вспомогательные репродуктивные технологии не только способствуют появлению новых форм семьи, но и осложняют процесс определения родительских статусов. Кроме того, ВРТ позволяют процессу зачатия, развития плода и, более того, рождения ребенка проходить вне семьи, с участием третьих лиц. Получается, что не только воспитательная, но даже основная функция семьи — репродуктивная — сегодня может быть выполнена за ее пределами и без

участия родителей. Помимо этого, во многом благодаря возникновению вспомогательных репродуктивных технологий, современный человек, обладая безграничной свободой, может в полной мере реализовать свои репродуктивные права.

В связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий возникает большое количество вопросов и споров, и здесь не может быть однозначных ответов, но необходимо понимать, что наука и медицина развиваются, помогая решать очень важную для многих проблему невозможности иметь собственных детей, и морально-этические взгляды неизбежно будут изменяться, учитывая потребности современного общества. При этом постановка и решение этических вопросов — о личностном статусе эмбриона, отношении к донорству и суррогатному материнству, возрождению евгеники, требует объединения усилий представителей научного сообщества, институтов церкви и гражданского общества.

Список источников

1. Римащевская Н. М. Дети и молодежь новой России // *Народонаселение*. 2012. № 3. С. 78—83.
2. Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11. № 1. С. 69—86.
3. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция // *Народонаселение*. 2011. № 1. С. 89—100.
4. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 4. № 1. С. 51—65.
5. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
6. Ломоносова М. В. Вопросы семьи и брака в научном наследии П. А. Сорокина // *Наследие*. 2011. № 1. С. 119—129.
7. Высочина Ю. Л. Философские проблемы вспомогательных репродуктивных технологий // *Инновации в науке*. 2014. № 30-2. С. 26—32.

О. В. Кабайкина

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАБАЙКИНА Ольга Владимировна — аспирант II курса социологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; *kabaykinaov@mail.ru*

Аннотация. Мы наблюдаем высокие темпы развития экономики и включение в нее различных слоев населения для поддержания необходимого уровня и качества жизни. Все больше заявляют о себе женщины, стремящиеся быть равными противоположному полу и занять различные ниши в экономике, которые раньше принадлежали только мужчинам. И для обеспечения гендерного равенства на законодательном уровне принимаются акты, которые запрещают руководителям отказывать женщинам и мужчинам при приеме на работу по признаку пола в целях защиты гендерного баланса. На основании этого, а также многих других причин состав компаний гетерогенен, там присутствуют мужчины и женщины, которые общаются друг с другом, обладая различными моделями коммуникации, и они должны находить точки соприкосновения и взаимопонимание для достижения общих целей организации. Мужчины и женщины обладают своими сильными и слабыми сторонами, которые должны учитываться при приеме на работу и использоваться для эффективной работы компании, поэтому особенности коммуникации между ними должны быть тщательно изучены и использованы во благо.

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, гендерная социология, коммуникация, трудовая сфера

В настоящий момент наблюдаются высокие темпы развития экономики. Поддержание приемлемого качества жизни требует включение различных слоев населения в трудовые отношения. И все больше женщин включаются в борьбу с мужчинами за равные права для того, чтобы проникнуть в те сферы занятости, ниши которых раньше были заняты. Данное противостояние, а также взаимоотношения между мужчинами и женщинами составляют предмет изучения гендерной социологии, которая и исследует различные аспекты их жизни. Одним из значимых моментов является коммуникация между мужчинами и женщинами.

Для эффективной работы компании, необходимо взаимопонимание, сотрудничество и нацеленность на результат среди его членов. Многие руководители стараются делать состав организации гомогенным, однако

для больших компаний это достаточно проблематично. При этом борьба за равенство полов вызвало появление законодательных актов, запрещающих дискриминацию по различным признакам, в частности по полу. И одной из новаций была закреплённая в законе гарантия «принципа оказания предпочтения лицу того пола, в отношении которого в данной организации, существует гендерный дисбаланс». (ФЗ N 284965—3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003) [4]. Это можно расшифровать как то, что при преобладании в компании мужчин, необходимо при приеме на работу отдавать предпочтение женщинам, даже если мужчина имел некоторые преимущества по сравнению с ней в области квалификации и опыта, чтобы снять возможный дисбаланс [2, с. 96].

И как следствие такой политики существуют проблемы коммуникации между мужчинами и женщинами в трудовой сфере как на вертикальном уровне в качестве руководитель — подчиненный, так и на горизонтальном — между коллегами.

Благодаря множеству исследований было выявлено, что женская коммуникация в большей степени социально ориентирована, нежели у мужчин, которые направлены на решение заданий. Исследования показывают, что женщины более склонны улыбаться и предоставляют больше личной информации, их общение более открытое, благожелательное. Они больше мужчин общаются в смягченной или условной манере. И если женское поведение больше можно описать как коммунальное (communal), то мужское — оперативное, индивидуализированное (agentic), направленное на состязание (competent), поддержание статуса, на доминирование [5, с. 130].

Коммуникация с позиций мужского гендерного типа будет вестись с позиции логического, а женскому типу будет соответствовать эстетическое доминирование. Было бы совершенно некорректно утверждать, что одно позитивно, а другое негативно или наоборот. В коммуникативных отношениях необходимо достичь понимания, а не свести все точки зрения, все личностные позиции к одной [3, с. 149].

Женщины признаются лидерами в области управления персоналом и зачастую встают в главе HR-отделов, где необходимо слушать и оценивать других людей, а мужчины ценятся в качестве исполнительных директоров, которые могут быстро оценить ситуацию и принять решение. Они зачастую работают в тандеме и для более плодотворной коммуникации необходимо понимание особенностей психики и возможностей друг друга.

Исследования выявили, что мужчины и женщины с большей теплотой относятся к женщинам, чем к мужчинам. Мужчины по отношению к жен-

щине более мягкие, менее стремятся доминировать, чем к мужчинам. Заметно более коммуникабельное и открытое поведение между женщинами, нежели между мужчинами.

Однако женщины, попадая в мужскую среду, стремятся включиться в соревнования в гонку за статусом и властью, тем самым теряя присущий им способ коммуникации, который даже предписан им гендерными стереотипами. Тем самым получаем явление, которое в западной литературе названо «The double bind» («двойная связь») [5, с. 6].

С одной стороны женщина должна показать более высокий уровень знаний, эрудиции, компетентности, чтобы быть по достоинству оцененной в мире мужчин. Однако ей не предписано быть такой, тем самым она меньше способна оказать влияния. По сути, она должна соответствовать тому поведению, которое от нее ожидается. При этом включаясь в гонку, ее поведение становится похожим на мужскую модель, то есть агрессивное, соревновательное, что также не добавляет ей плюсов. Поэтому она должна лавировать между предписываемым ей поведением и своими амбициями.

У мужчин также наблюдаются затруднения с их моделью коммуникации, их агрессивный, ориентированный на задание тип поведения не способен решить проблемы, связанные с налаживанием контактов с другими людьми. Для улучшения своих коммуникативных навыков мужчины вынуждены посещать тренинги и семинары. Лидер должен слушать и говорить, тем самым мужчины должны перенимать у женщин их модель общения [1, с. 166].

Как мы посмотрели, типы коммуникации мужчин и женщин различны. Они подвергаются многочисленным исследованиям для нахождения путей решения спорных моментов и точек соприкосновения. Ученые выдвигают несколько способов преодоления проблем с коммуникацией, как например, принятие принципов гуманизма, где люди должны уважать позиции друг друга или же обращение к безличной модели коммуникации, которая представляется более реалистичной в настоящее время. Она подразумевает отказ от личных контактов между людьми, которые находятся в непосредственной близости друг от друга, например, в одном офисе, общение происходит через опосредованные технические средства связи, которые в связи с научно техническим прогрессом все в большей степени развиваются в настоящее время.

Мы определили актуальность темы доклада, выявили особенности коммуникации мужчин и женщин, а также черты их коммуникации по отношению друг к другу. Разобрали проблему потери идентичности и препятствия к самореализации. И выделили способы преодоления проблем гендерной коммуникации.

Список источников

1. Кабайкина О.В., Сущенко О.А. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология : Акад. проект. М. 2016. № 4. С. 163—169.
2. Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. — М. : Новый хронограф, 2015.
3. Серебрянская В. Н. Гендер в социальной коммуникации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1. С. 148—151.
4. Ст. 19 конституции РФ ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003).
5. Barret M., Davidson M. J. Gender and communication at work. Aldershot, UK: Ashgate. 2006.

И. Ю. Бондарева

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

БОНДАРЕВА Ирина Юрьевна — магистрант по направлению Социальная аналитика новых медиа, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия; boniu@yandex.ru

Аннотация. Интернет предпринимательство в России в последнее время является прибыльным делом. Женщины, не уступая мужчинам, создают все больше онлайн-проектов, содержат онлайн-магазины. Однако существующие стереотипы о роли женщины в современном мире, нередко являются преградой для открытия малого или среднего бизнеса. В связи с этим встает острый вопрос о том, существует ли гендерное неравенство при ведении предпринимательской деятельности в сети Интернет. Выводы получены на основе проведенного исследования среди самарских женщин-предпринимателей.

Ключевые слова: женское предпринимательство, предпринимательство в сети интернет, гендерное неравенство

На протяжении многих лет, роль женщины заключалась в введении домашнего хозяйства, воспитании подрастающего поколения, однако в настоящее время женщины настроены на равенство с мужчинами во всех сферах жизни, будь то семья, работа или досуг. Появившееся в последнее время предпринимательство в сети Интернет, позволяет женщинам наравне с мужчинами, открыть свое собственное дело не выходя из дома. Будь то женщина воспитывающая детей до 3-х лет, или имеющая несовершеннолетних детей, и даже женщины старшего поколения, с помощью сети Интернет, могут без проблем найти клиентов, расширить круг общения, делиться и перенимать опыт у других людей. Предпринимательство в сети, как быстроразвивающийся вид малого или среднего бизнеса, не знает границ.

Исходя из вышесказанного, был сделан вывод о том, что изучение данного направления актуально. В рамках социологического исследования, нами было проведено 15 интервью с женщинами-предпринимателями, которые открыли «свое дело» не более чем 4 года назад. Время открытия бизнеса женщинами-предпринимателями выбрано нами не случайно, в 2013 году на территории Самарской области было принято Постановление Правительства Самарской области от 29.11.2013

№ 699 (ред. от 01.09.2016) «Об утверждении государственной программы Самарской области «Развитие предпринимательства, торговли и туризма в Самарской области» на 2014—2019 годы» которое предполагает достигнуть следующие результаты по окончании реализации данной программы [1]:

- повышение конкурентоспособности малого и среднего предпринимательства на территории Самарской области;
- увеличение розничного и оптового товарооборота и повышение качества выпускаемой и реализуемой продукции и предоставляемых услуг населению.

По проведенным многочисленным социологическим исследованиям было зафиксировано, что женщины чаще всего открывают бизнес в «традиционно женских отраслях». Опрошенные нами 15 женщин-предпринимателей Самарской области не опровергли данный факт. Все 15 информантов занимаются чисто «женским делом».

«Открыть свой бизнес, хотя это очень громкое слово, пока, я считаю, (смеется) меня сподвигли мои детки. Хочется вот молодым мамочкам заняться чем-нибудь эдаким интересным. А я, как журналист в декрете, не могу сидеть без дела. Но сферу все таки выбрала не по профессии. Мое дело — домашняя выпечка. В общем, кулинарию немного. Начиналось все с родных, теперь, жители нашей «Южки» частые клиенты, да и не только, по области тоже достаточно заказов.» (Екатерина Райс, 27 лет, замужем)

Другие информанты называли такие сферы деятельности, как онлайн-магазин женских вещей, производство украшений для интерьера, собственное производство пошива одежды для мам и детей, школа-студия ногтевого дизайна, художник-портретист, организатор детских мероприятий, а так же фотограф.

На вопрос о том, какие мотивы привели женщин заняться своим бизнесом, были получены следующие ответы:

«Я когда-то просто бредила идеей маникюра, это было в 9 классе. Тогда у нас были даже курсы какие-то, по дополнительному образованию, я выбрала «Салон красоты» и составляла услуги и описания к ним. На курсы пойти возможности не было, младше 18 в то время никто не брал, звонила во все школы. А на втором курсе было уже не ловко брать у родителей деньги, нужна была работа. Так, закупив материал, записав что и как нужно делать, начала пробовать себя в этой сфере. Так и понеслось. <...> Сейчас у меня собственная школа маникюра.» (Горелова Анна, 25 лет, замужем)

«Фотографом мне всегда хотелось быть. Когда исполнилось 18 лет, сразу побежала на курсы фотографии. Первый мой фотоаппарат до сих пор стоит на почетном месте в уже, собственной фотостудии. Да, я уже студию успела организовать, благо дома места достаточно для этого (улыбается). Причина,

можно сказать была одна, просто всегда хотелось заниматься любимым делом.) (Савреева Лилиана, 22 года, не замужем)

Главной задачей, стоявшей перед нами в ходе данного исследования, было выяснить, существует ли по мнению женщин-предпринимателей гендерное неравенство при открытии малого бизнеса. Сделаем отметку о том, что все 9 информантов ответили отрицательно. Никто из женщин не почувствовал на себе ущемление прав. Однако, некоторые из них отметили, что окружающие их мужчины не верили в успешность их проектов.

«Нет, я с этим не сталкивалась. Существующие в данный момент фонды, наоборот, кажется, поддерживают женщин больше чем мужчин. Мне, с моими коллегами по-бизнесу, посчастливилось поучаствовать в проекте «Мама-предприниматель», который проходил у нас в 2013 году, очень интересный проект. О таких проектах для мужчин я ничего не слышала (смеется), так что возможно мы ущемляем их права в какой-то степени» (Тепленькая Елена, 28 лет, замужем). «Мне было тяжело убедить себя, в первую очередь, что это дело может приносить не плохие деньги. Но, и поддержки со стороны мужа особой я не чувствовала. Скорее, вообще ее не было. А лишь «да ладно, зачем тебе это? У тебя же есть работа» «Не выдумывай, кто будет покупать торты по такой высокой цене, когда полки магазинов ломятся от тортов». Первое время было очень тяжело. И начинала я с того, что без его ведома пекла кексы своим знакомым. Но потом, когда он увидел что у меня начало хорошо получаться, вроде бы обрадовался, хотя не знаю, кажется он ревнует меня к тортам (смеется).» (Галина Рахманкулова, 32 года, замужем)

Стоит так же отметить, что при открытии ИП у интервьюируемых женщин-предпринимателей не возникало проблем с Инспекцией Федеральной Налоговой Службы.

«Никаких проблем, ну как, если очереди не считаются проблемой, то точно никаких (улыбается). Сейчас все быстро можно оформить на различных сайтах, а потом прийти и забрать уже готовые документы.» (Анжелика Таирова, 27 лет, замужем) «Нет, проблем не было по оформлению ИП. Я все делала через Единый регистрационный центр на «Глинке». Единственное, бумажная волокита, ну куда без нее, у нас скоро, кажется, и в магазин без бумаг не сходишь (смеется). А так, работники все вежливые, подсказали что да как. Я не думаю, что на данном этапе может проследиваться какое-то неравенство между мужчинами и женщинами» (Юлия Парфюмова, 28 лет, в разводе).

В рамках исследования были рассмотрены и другие аспекты женского предпринимательства. Которые, в совокупности, дают понять исследователям, что гендерное неравенство уходит в прошлое, как и сложившиеся стереотипы о женской роли в обществе. Это, на наш взгляд, говорит о развитии демократического государства и выравнивании позиций мужчины и женщины в обществе.

Список источников

1. Постановление Правительства Самарской области от 29.11.2013 № 699 (ред. От 01.09.2016) Об утверждении государственной программы Самарской области «Развитие предпринимательства, торговли и туризма в Самарской области» на 2014—2019 годы (с изменениями на 1 сентября 2016 года).

С. В. Королева**МУЖСКИЕ ФОБИИ В КОНТЕКСТЕ МАСКУЛИННОСТИ**

КОРОЛЕВА Светлана Викторовна — кандидат социологических наук филиала РГСУ, г. Павловский Посад, Россия; rul1992@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются различные виды страхов и уделяется внимание страхам, необусловленным какими-либо рациональными причинами — фобиям. Указываются признаки фобий и называются некоторые причины их возникновения. Показано, что некоторые фобии могут иметь ярко выраженную гендерную дифференциацию. Выделены фобии, которые чаще встречаются у современных мужчин, чем у современных женщин. Отражено, что природа некоторых мужских фобий обусловлена представлениями о маскулинности, созданными и навязанными идеологией мужественности. Рассмотрена идеология мужественности и определено, что содержащиеся в ней предписания и запреты образуют определенную ролевую модель, которой вынужден следовать современный мужчина. В статье исследованы социальные нормы, в соответствии с которыми мужчина выстраивает модель своего поведения и указаны фобии, отражающие эту модель. Выделены как фобии, имеющие глубокие исторические корни, так и фобии возникшие относительно недавно. Сделан вывод, что различного вида фобии мешают мужчинам реализовывать свой социальный потенциал.

Ключевые слова: мужчины, страхи, маскулинность, фобии, номы, роли

Страх диктует человеку особую модель поведения в любой ситуации, ограничивая его активность и свободу передвижения. Принято выделять два вида страхов: реальные и невротические. Реальный страх представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, то есть ожидаемого или предполагаемого повреждения и рассматривается как выражение инстинкта самосохранения, свойственное любому человеку. Другой вид страха, невротический, может проявляться у слишком впечатлительных людей. Особая разновидность страха невротического — это фобия.

Под фобиями подразумевается вид страхов, появление которых не может быть обусловлено какими-либо рациональными причинами. Иными словами, фобии — навязчивые неадекватные переживания страха конкретного содержания, возникающие в определенной, фобической обстановке. Признаки фобии незначительно отличаются от признаков

реального страха: чувство удушья, спазмы в горле, резкое учащенное сердцебиение.

Причины возникновения фобий следует искать в бессознательном, причем, по каким-либо причинам, фобия является «выгодной» бессознательному. Но и воспитание, и социальное конструирование гендера, со стереотипной основой феминности — маскулинности создают хорошую почву для развития фобий у мальчиков, юношей, мужчин.

В исследованиях, изучающих страхи, мешающие жить человеку, не делается акцента на гендер субъекта фобии, но существуют фобии, присущие только мужчинам (также, как и фобии, присущие только женщинам). Оказывается, современные мужчины подвержены целому списку фобий. Причем, мужские страхи, в отличие от женских, имеют ряд негативных особенностей: они чаще проявляются в патологической форме, приводя к неврозам, или, из-за невозможности выявить проблему и обратиться за помощью к специалисту, к суицидам.

Природа некоторых мужских фобий обусловлена представлениями о маскулинности, созданными и навязанными идеологией мужественности.

Идеология мужественности — набор социальных норм, содержащих предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать. Структура этих ролевых норм складывается из трех факторов. Первый связан с ожиданиями, что мужчина завоевывает статус и уважение других людей (норма статуса). Второй фактор, норма твердости отражает ожидания от мужчин умственной, эмоциональной и физической твердости. Третий фактор — это ожидание того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (норма антиженственности).

Норма успешности/статуса — гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешности на работе. На базе этой нормы могут развиваться так называемые социальные страхи: фобия потери работы и поиска новой работы, фобия начальства, страх потерять состояние.

Норма физической твердости — стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью. Эта норма обуславливает развитие фобий собственной внешности, ярко проявляющейся у юношей в период полового созревания. В зрелом возрасте этот стереотип возникает в виде боязни появления лысины, страха импотенции и других интимных фобий.

Норма умственной твердости — стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть грамотным и компетентным. Боязнь принятия решений (дефидофобия) основывается именно на этой норме. Мужчине приходится принимать решения, касающиеся финансовых

и семейных дел, а на рабочем месте, где свидетелями последствий неправильно принятого решения становятся коллеги и приходится нести ответственность, трудно без ущерба для собственной самооценки оставаться компетентным и знающим.

Норма эмоциональной твердости — стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен контролировать свои чувства и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих. Мужчине не следует быть эмпатийно отзывчивым, в попытке скрыть свою эмоциональность и создать образ «крутого» парня, мужчины могут прятать женофобию и фемифобию.

Норма антиженственности — стереотип, согласно которому следует избегать специфически женских занятий, видов деятельности и моделей поведения.

Следует отметить, что мужчин, страдающих фобиями, становится больше, и, одновременно с этим, растет и число фобий: помимо тех, которые были известны, появляются другие, вызванные развитием цивилизации. Но лишь три разновидности фобии, известные несколько столетий назад, преследуют сильную половину человечества до сих пор: фобии, связанные с собственной внешностью; фобия пола, которая связана со страхом потери половой ориентации, боязнь деиндексации в качестве представителей мужского пола, так называемая интимная фобия; фобия социальной принадлежности, связанная со страхом потерять свое место в социальной иерархии, заниматься не своим делом, работать не по специальности.

Боязнь облысения (пеладобия) — чисто мужская фобия, в основе которой лежит свойственный мужчинам страх потери внешней привлекательности и сексапильности.

Все составляющие идеологии мужественности, стереотипы маскулинности формируют устойчивую гомофобию. Главной причиной существования гомофобии является то, что гомосексуальность воспринимается как угроза для социума и патриархального уклада жизни.

Фемифобия — страх показаться женственным, тесно связан с теорией сексуальной инверсии. У некоторых мужчин проявляется в виде страха показаться женственным, что, возможно, связано со стереотипом сексуальной инверсии, согласно которой женственность у мужчины — это признак гомосексуализма.

Боязнь представителей другого гендера (женофобия) имеет в своей основе ярко выраженный комплекс неполноценности, развитый на почве проблем в сексуальной сфере. Чаще всего это вытесненный страх интимного общения, который выражается в поведении человека в виде навязчивого желания унижить женщину, указать ей на ее недостатки, вторичность и зависимость ее относительно мужчины.

Существует также фобия женитьбы и фобия тещи, которые являются весьма специфическими, и касаются исключительно мужчин.

Боязнь принятия решений (дефидофобию) можно по праву считать типично мужской. Активно развивается родителями мальчика с самого раннего детства. Постоянное упоминание гендера ребенка и указание на связь с маскулинным поведением и умением самому принимать решения являются причинами для созревания дефидофобии.

Страх потери работы и страх поиска новой работы — фобии, базирующиеся на стереотипах об идеологии мужественности и напрямую связаны с потерей главного статуса мужчины — статуса кормильца, «добытчика».

Страх поиска новой работы основывается и на возможной активизации комплекса неполноценности. После нескольких неудачных попыток найти работу формируется специфический комплекс безработного. Очень часто мужчины, оставшиеся без работы, впадают в уныние и депрессию, теряют смысл жизни. Они не регистрируются в центрах занятости, не предпринимают попытку научиться новой специальности, продолжая искать работу, подобную предыдущей, и, в конечном итоге, соглашаются на менее квалифицированную и менее оплачиваемую работу, которая соответствует их теперешней заниженной самооценке.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что представления о маскулинности, созданные и навязанные идеологией мужественности, формируя мужские фобии, не позволяют мужчинам адекватно реализовывать свой потенциал.

Список источников

1. Бендас Т. В. Гендерная психология : Учебное пособие. СПб. : Питер, 2005.
2. Курпатов А. В. Средство от страха. СПб. : Издательский Дом «Нева» ; М. : «ОЛМА-ПРЕСС Инвест», 2003.
3. Порох В. Почему мы боимся, или Практическое руководство по избавлению от страха. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

М. В. Лоскутникова

НОВАЯ ГЕНДЕРНАЯ РОЛЬ: ЖЕНЩИНА КОРМИЛЕЦ В РЕВЕРСИВНЫХ СЕМЬЯХ

ЛОСКУТНИКОВА Мария Владимировна — студент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации факультета Международной журналистики, кафедры социологии, г. Москва, Россия; mshalos@yande.ru

Аннотация. С наступлением 20-го столетия, можно наблюдать не только перемены, во многом меняющие облик привычной семьи, но и появилось множество ее вариативных форм, которые, в свою очередь, продолжают трансформироваться и сейчас, придавая новое значение не только концепту «семья», но и гендерным ролям мужчин и женщин. Привычный образ семьи приобрел множество форм, поскольку супруги получили возможность выполнять разные обязанности, не всегда привычные в разрезе гендера. Также можно говорить о новой современной практике — женщины, выполняющие функцию кормильца в семье, приносящие доход и не участвующие в домашнем труде, в то время как мужчина не только выполняет домашние обязанности, но и выступает в роли «хранителя очага», контролируя семейный быт. Целью данной работы является выявление восприятия образа женщины-кормильца реверсивными семьями.

Ключевые слова: гендер, реверсивные семьи, экономические роли, труд

В докладе ставится проблема соответствия личностных установок и экономических ролей в семье.

Образ семьи приобрел множество форм, поскольку супруги получили возможность выполнять разные обязанности, не всегда привычные в разрезе гендера. Например, в России относительно недавно мужчины получили возможность уходить в декретный отпуск по уходу за ребенком, эта возможность закреплена на законодательном уровне. Также можно говорить о новой современной практике — женщины, выполняющие функцию кормильца в семье, приносящие доход и не участвующие в домашнем труде, в то время как мужчина не только выполняет домашние обязанности, но и выступает в роли «хранителя очага», контролируя семейный быт, отсюда весьма актуально посмотреть, как такие реверсивные семьи оценивают новую социальную роль женщины.

Теоретической основой выступили труды П. Бурдьё, где описано такое социальное явление, как габитус, который «производит практики, как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно — саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей...обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия» [3]. Кроме того, в работе использовались подходы таких специалистов, как В. Радаев, С. Барсукова, Д. Ибрагимова, С. Гупта, С. Ашвин и прочие.

Исследование проводилось в январе-июне 2016 г. Было опрошено 12 семейных пар разного возраста и разного достатка, проживающих в г. Москве. Информанты были отобраны с помощью критериального отбора (то есть осуществлялся отбор тех случаев, которые отвечали критерию, установленному в рамках исследования и продиктованного его целями). Основным критерием являлся тот факт, что женщина приносит в семью основной доход, либо зарабатывает гораздо больше мужа (его заработок, как правило, нерегулярен и зависит от внешних обстоятельств), либо является единственно официально занятой на рынке труда.

Анализ результатов интервью позволил сделать следующие выводы:

- Для некоторых информантов женщина, приносящая основной доход в семью, воспринимается не совсем однозначно. Для опрошенных женщин это не выходит за рамки привычного: «И: я думаю, что сегодня большинство, ну или не большинство, но множество женщин — успешнее мужчин. Они начинают занимать такие же позиции, как и мужчины, они перешли не просто на равную с ними ступень, но и обогнали...поэтому в образе женщины кормильца — я в этом не вижу ничего плохого, я вижу в этом развитие общества», (женщина, 45 лет). Однако мужья (интервью проводилось с каждым членом пары отдельно, в разных комнатах, и слышать ответы друг друга у них не было возможности) описывали свое отношение не столь умиротворенно, рассказывая, прежде всего, о трудностях, с которыми сталкивается женщина.
- Если женщина себя позиционирует как кормилец, то она либо сталкивается с неодобрением в семье и обществе («женщина, которая преподносит себя как кормилец, скорее всего, ей очень тяжело. У нее нет ни мужа, никого. Ну кому нужна такая женщина в семье?», (мужчина, 50 лет)), либо она становится подобием мужчины, теряя свои исконно женские черты: «И: Она может быть ужасно изнурена. Может утратить некие черты, присущие только женщине. Ведь, женщина, которая тянет всю семью...может стать мужеподобной», (мужчина, 35 лет).
- Также стоит отметить, что опрошенных мужчин беспокоит не тот факт, что женщина приносит основной доход, но то, что она пе-

- рестает быть в глазах семьи женщиной, отдавая большую часть времени работе: «женщина должна быть дома с детьми, спокойной, красивой, а не нервной и измотанной работой», (мужчина, 42 года);
- Мужчин также волнует, что женщина с подобной социальной ролью (никто не приводил в пример своих жен, а все ответы давались в довольно пространной и отдаленной от личностей форме), может претендовать на главенствование в браке, а это противоречит внутренним установкам некоторых информантов, так как, по их мнению, за все должен отвечать мужчина: «все-таки желание быть главным появляется у мужа», (мужчина, 42 года). Отсюда появляются в семье недовольства, ссоры и иногда это все заканчивается весьма плачевно — люди разводятся, разрывая отношения от невозможности привыкнуть к новому социальному порядку.
 - Женщина действительно добивается профессиональных высот, но неизменно будут сферы, где возникнет ряд непреодолимых сложностей, а именно — материнство. Семьи, где дети уже взрослые и живут с родителями, либо отдельно, не акцентировали на этом внимания, но пары, у которых есть маленькие дети, несколько раз утверждали, что работающая женщина утрачивает связь с детьми и постепенно отдаляется от роли матери: «И: Я считаю, что это нормально, сейчас уже в принципе это нормально. Но уже после рождения детей, я считаю, что это уже не так нормально... потому что будет что-то страдать, либо дом, ребенок, либо работа», (женщина, 29 лет).

Подводя итоги, при переходе от патриархальной к эгалитарной семье все сложнее определить «главу семьи», так ряд экономических процессов, включая женскую эмансипацию и феминизацию, вкупе с некими социальными изменениями и взглядами на мужчин коренным образом влияют на образ брака. Современный человек воспринимается, как самостоятельная личность: «чем выше уровень цивилизационно-культурного развития общества, тем полнее член такого социума сознает себя как индивидуальность» [4].

Некоторые опрошенные мужчины несколько раз упоминали о концепте женственности в привычном для всех ключе: нежная, домашняя, семейная женщина, которая способна идти на компромиссы, находить баланс между работой и домом, признавать авторитет мужчины и доверять его решениям. Женщины же говорили о равенстве, партнерстве и о том, что для женщины, выполняющей основные экономические функции в семье важно уметь успевать все, оптимизировать личное время, также с умом подходить к семейной жизни и межличностным отношениям, но также отмечали, что до полного понимания и принятия такой ситуации должно пройти какое-то время.

Список источников

1. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. Т. 11. С. 64.
2. Ростовская Т. К. Семья как объект социологического изучения в современном обществе // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. 2012. № 4. С. 38.
3. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Том I. 1998. № 2.
4. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998.

А. В. Швецова

ПАРТНЕРСКИЕ РОДЫ КАК ИНДИКАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия; shvetsovaav@mail.ru

Аннотация. Вариативность форм родовспоможения и культурный символизм, связанный с процессом появления человека на свет, позволяют говорить о родовых практиках как о важнейшем индикаторе гендерных ролей в обществе. Партнерские роды — новое, уникальное явление, свидетельствующее о коренных изменениях в концептах мужественности и женственности. В статье представлены результаты авторского интернет-исследования, а также данные, полученные другими отечественными учеными, иллюстрирующие представления россиян о пользе и вреде совместных родов. В качестве основных преимуществ семейно-ориентированных родов выделены: эмоциональная поддержка супруга, физическая помощь в преодолении болевых ощущений, контроль за действиями медперсонала, высокая степень привязанности отца к ребенку. Сдерживающими факторами являются страх вызвать неприязнь супруга, сомнение в его способности оказать реальную помощь или отказ отца присутствовать на родах. Отмечено, что характерной российской особенностью является героизация участвовавшего в родах мужчины, повышенная степень тревожности женщин за их физическое и моральное состояние.

Ключевые слова: Партнерские роды, родительство, отцовство, гендер, гендерные роли

Гендерные роли отличаются высокой степенью ригидности. Они встраиваются в системы общественного и индивидуального сознания на столь глубинном уровне, что их биологические и социально-культурные составляющие становятся сложноразличимыми. Изменения в гендерной структуре общества происходят лишь при условии их неизбежности, если прежние модели утрачивают свою жизнеспособность. На протяжении большей части человеческой истории, сферы деятельности мужчин и женщин имели четкие разграничения. Выход за пределы своей гендерной роли был чреват как минимум неодобрением. Табу на подобие — основной механизм, регулирующий взаимодействие полов. Для мужчин соблюдение норм антиженственности являлось делом чести, поскольку

большинство традиционных культур исходят из принципа «человек = разум = мужчина».

Философия позднего модернизма поставила под сомнение справедливость данного уравнения. Психоанализ во всеуслышание заявил, что доминирующей инстанцией человека является бессознательное — то, что лишено контроля со стороны разума и не подчиняется ему. Таким образом, понимание человеческой природы исключительно сквозь призму мужественности неправомерно и ограничено. Женственность, через категорию бессознательного, получила право заявить о себе. Исторически это событие соответствует продлению демократических принципов до тех категорий населения, которые прежде были лишены права на субъектность: женщин, детей, инвалидов, душевнобольных.

Эти метаизменения закономерно привели в движение всю систему гендерных отношений, сферу родительства. Вынашивание и рождение потомства перестали быть приватной женской проблемой, получив статус приоритета социальной политики государства. Произошел пересмотр гендерных ролей в сторону уравнения прав и обязанностей родителей. Был признан тот факт, что отстраненность мужчин от рождения потомства не способствует укреплению семьи и формированию родительской привязанности. В понятийно-категориальный аппарат гуманитарных наук вошел термин «отцовство» как показатель активного включения мужчин в процесс воспитания детей начиная с младенчества.

На первый взгляд, практики родовспоможения — сугубо медицинский вопрос. Однако изменчивость их форм и символизм, придаваемый процессу появления человека на свет, позволяют говорить о них как о важнейшем индикаторе гендерных ролей в обществе. Тренд современного родительства — партнерские роды. Вместе с тем сама идея присутствия мужчины на родах является «полем боя» между традиционалистами и модернистами.

Партнерские (семейно-ориентированные) роды — практика родовразрешения, основанная на сопровождении женщины с нормальным течением беременности во время родов членами семьи, участвующими в уходе и поддержке женщины, а также позволяющая семьям получать максимум объективной информации, удовлетворяя их социальные, эмоциональные и бытовые потребности [2]. Преимущественно это право бесплатного пребывания на родах папы с целью облегчить страдания женщины и установить более тесные психологические связи отца и ребенка с момента его рождения.

Данная практика внедряется в целях гуманизации системы здравоохранения и с медицинской точки зрения оправдана рядом преимуществ перед традиционным подходом. Во-первых, присутствие супруга на родах

сдерживает акушерскую активность, уменьшается частота инвазивных манипуляций и медицинских воздействий. Во-вторых, обеспечивается психологическая поддержка женщины, уменьшается риск неоказания матери и ребенку своевременной помощи со стороны медперсонала. В-третьих, значительно возрастает степень эмоциональной привязанности отца к ребенку. По данным российских ученых 94 % женщин, прошедших через партнерские роды, говорят о всепоглощающей любви мужа к ребенку; 83 % мужчин расценивают свое отношение к ребенку как всепоглощающее чувство любви [1].

Результаты научных исследований не подтверждают распространенное убеждение о сексуальных дисфункциях как следствии пребывания мужчины на родах: 55 % мужчин и 39 % женщин отмечают, что сексуальные отношения не изменились, 44 % женщин и 28 % мужчин отмечают улучшение в сексуальных отношениях, 17 % мужчин и 17 % женщин указывают на некоторый спад, однако не связывают его с совместными родами [1; 38]. Кроме того, официальной статистикой не зафиксировано ни одного случая ухудшения физического состояния партнера во время родов, потребовавшего медицинской помощи. Однако значительная часть россиян не спешит «опробовать» новшество, предпочитая традиционные одиночные роды.

Проведенное автором интернет-исследование среди участниц форума популярного портала г. Екатеринбурга показало, что частота партнерских родов в регионе высока (42 % — 2012 г., 54 % — 2016 г.), а опыт, полученный в них, в подавляющем большинстве случаев оценивается респондентами как положительный. В качестве основных преимуществ семейно-ориентированных родов выделены: эмоциональная поддержка супруга, ощущение защищенности; физическая помощь (обезболивающие массажи, дыхательные техники); высокая степень привязанности отца к ребенку; контроль за действиями медперсонала.

Наиболее популярным аргументом против является страх женщины предстать перед супругом «не в лучшем виде», разочаровать его. Такой позиции придерживаются 2/3 опрошенных из числа тех, кто предпочитает традиционную практику родоразрешения. На втором месте по популярности — сомнение в способности мужа оказать реальную поддержку. Кроме того, отмечены непредвиденные обстоятельства, помешавшие быть вместе («Мы собирались вместе рожать, но муж не успел. Я страшно жалею, что его не было рядом») или нежелание супруга присутствовать на родах («Я бы не отказалась от его поддержки, но муж категорически против совместных родов — страшно ему и не хочет он все это видеть»).

Всего за несколько лет практика партнерских родов приобрела огромную популярность в нашей стране. Несмотря на консерватизм рос-

сиян, гендерные установки в отношении прав и обязанностей родителей, степени участия отца в процессе воспитания детей претерпевают качественные изменения в кратчайшие сроки. Характерной особенностью в нашей стране является героизация участвовавшего в родах мужчины, беспокойство женщин не столько за свою жизнь и жизнь ребенка, сколько за мужа, который может увидеть «лишнее», боязнь шокировать, оттолкнуть его. В большинстве развитых стран мира подобная практика существует на правах почетной обязанности отца оказать посильную помощь в появлении на свет нового человека.

Список источников

1. Жукова И. Ф., Мальгина Г. Б. Принципы организации и технология проведения партнерских родов в перинатальном центре // Уральский медицинский журнал. 2008. № 12(52). С. 35—39.
2. Письмо Министерства здравоохранения и социального развития российской федерации от 13 июля 2011 года № 15-4/10/2-6796 «Об организации работы службы родовспоможения в условиях внедрения современных перинатальных технологий».

06. Будущее уже рядом — III. Исследования инновационных социальных практик и механизмов их распространения

И. В. Катерный

ОБУЧЕНИЕ «АНТИХРУПКОСТИ» В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ШОК-ФУТУРИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА МГИМО МИД РОССИИ)

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович — кандидат философских наук, доцент МГИМО МИД России, научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, Россия; yarkus@mail.ru

Еще в 1970 г. Э. Тоффлер зафиксировал, что характерной чертой наступающей эпохи социальных перемен будет перманентный «шок будущего» [2]. С социологической точки зрения это означает качественное ускорение социальных процессов на трех уровнях: (1) технологическом — сокращение времени, требуемого для различных целеориентированных действий и процессов (транспорт, коммуникации, производство); (2) ускорение темпа жизни — переживание дефицита времени на повседневном уровне, перманентный цейтнот и спешка, что становится парадоксальным результатом технологического развития; (3) ускорение общества в целом — рост числа и темпа изменений самих социальных изменений, футуризация настоящего, т. е. постоянная трансформация общества без задержек, ведущая к элиминации социальной статистики и тотализации динамики.

Таким образом, происходит появление и развитие новых форм межличностных отношений и институциональных практик, которые основаны на эпизодичности, временности, сменяемости, актуальности. Проблемами современного мира все больше становятся стресс и депрессия на индивидуальном уровне, уязвимости организационного и институционального стратегического менеджмента на мезоуровне и риски катастроф на уровне глобальных процессов. Общей чертой этой онтологической ситуации является проблематизация человеческого будущего как такового. Если раньше будущее было ожидаемым продолжением прошлого, то сегодня возникает эффект «стрелы времени», т. е. необратимости развития, недетерминистичности появления нового. Будущее теперь не является экстраполяцией прошлого, а становится самостоятельным фактором социальных изменений, потому что новое наступает слишком быстро и непредсказуемо, и оно сливается с настоящим в клубке быстрых перемен. Горизонт прогнозирования в социальной и технологической сферах уже в течение жизни одного поколения резко сокращается. Таким образом, главная функция научного знания — предсказывать будущее —

оказывается под угрозой. Однако тут возникает «футурологический парадокс»: будущее почти непознаваемо, т. к. ветвится в каждый момент времени, но интерес к его познанию и возможностям по его управлению лишь возрастают. Это возможно благодаря качественному усилению роли человеческих действий в открытых кибернетических системах, где происходит постоянный переход от прошлого к настоящему в будущее. Управление будущим как управление неопределенностью оказывается возможным через понимание неопределенности как многообразия, что, в свою очередь, требует применения закона Эшби: «Говоря более образно, только разнообразие в R может уменьшить разнообразие, создаваемое D: только разнообразие может уничтожить разнообразие» [3, с. 294]. На глобальном уровне это означает необходимость перехода от количественных к более качественным методам прогнозирования на основе сценарного подхода, на организационном — это создание системы постоянных внутренних изменений (аджайл), на индивидуальном — применение постклассического тайм-менеджмента и стратегий борьбы с прокрастинацией. Все вместе это призвано формировать важнейшее качество эффективной (жизне)деятельности в эпоху неопределенности и усложняющейся сложности — «антихрупкость» [1].

В этой связи разработка нового учебного курса в МГИМО МИД России под названием «Социологические подходы к управлению будущим» в рамках магистратуры по направлению «Социология» показывает, как возможно обучение студентов стратегиям обретения антихрупкости в условиях повсеместной шок-футуризации. Курс включает в себя три уровня обучения — глобальное прогнозирование; управление организационными изменениями и постклассический тайм-менеджмент.

На уровне глобального анализа будущего исходным является представление о наступлении эры четвертой индустриальной (научно-технической) революции, знаменующей переход к тотальной «плоской онтологии» (М. ДеЛанда, Г. Харман и др.) и «морфологической свободе» (М. Мор, А. Сандберг). При этом целью исследования глобального будущего является не его предсказание, но скорее улучшение понимания существования альтернативных возможных вариантов будущего и роли как случайностей, так и целенаправленного выбора в реализации (или избегании) конкретного возможного варианта будущего. Поэтому на этом уровне анализа отдается приоритет «мягким» методам прогнозирования, основанным на производстве качественных сценариев. На базе методики С. Инаятуллы [5] студенты учатся создавать веер альтернативных вариантов будущего и выделять в их рамках неизбежное, случайное и управляемое будущее. В итоге это дает возможность гибкого перехода между различными моделями поведения, сочетая пробабилистический

(probable) и плаузибилистический (plausible) подходы к построению сценариев. При таком методологическом синтезе нас интересуют, прежде всего, вероятные и очень вероятные сценарии, к которым предстоит готовиться практически, но необходимо иметь в виду и то, что «возможные» сценарии также имеют существенное значение потому, что они достаточно быстро могут превратиться в категорию «вероятных» и даже «очень вероятных» сценариев.

В области организационного управления традиционный акцент всегда делался на стратегический менеджмент и особенно планирование. Однако, нестабильность окружающей среды делает эти инструменты управления, как минимум, неэффективными. Стратегический менеджмент создает больше проблем, чем решений. Как указывает тот же Н. Талеб, ослепленные планами корпорации перестают видеть свои возможности и становятся узниками негибкого метода действий, не зная как реально действовать в новой сверхконкурентной и изменчивой среде [1, с. 355]. Поэтому будущие менеджеры должны быть готовы не к императивам стратегического менеджмента, а к формированию перманентной аджайл-среды организационного поведения. Опережающее мышление должно сочетать способность к обнаружению «голубых океанов» в деятельности организации (В. Чан Ким, Р. Моборн) и созданию потока непрерывных внутренних адаптивных изменений. Таким образом, спрос на новый тип менеджера, а именно «менеджера будущего», требует обучению новых компетенций — видеть и предвидеть стратегии выхода из зоны конкуренции в новое рыночное пространство с целью трансформации продукта или услуги, с одной стороны, и уметь «созидательно разрушать» организацию изнутри, следуя главному принципу аджайла — «готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану» [4].

Технологии управления будущим на личностном уровне имеют долгую историю в западном коучинге. Тем не менее, такие инструменты планирования и распределения времени, придуманные в середине XX века, как пирамида Франклина и матрица Эйзенхауэра до сих пор кочуют из книги в книгу. Однако существенным ограничением классического тайм-менеджмента является присущая ему презумпция длительного планирования. Предполагается, что начав с сегодняшнего дня можно, если четко следовать правилам, распланировать всю свою дальнейшую жизнь, разложив ее на цели, задачи и временные интервалы. Подобный рационалистический оптимизм в духе homo oeconomicus, наверное, возможен был в определенный исторический период и в определенных странах западного мира, но сегодня заставлять людей вести столь рациональный образ жизни оказывается чрезмерным и неосуществимым императивом. Постклассический тайм-менеджмент предлагает переход от планирова-

ния к фланированию, от стратегии гольфиста, последовательно идущего от «лунки» к «лунке», к стратегии серфингиста, балансирующего в постоянном движении. Формирование нового типа личности — одна из важнейших задач на пути к профессиональному успеху в условиях шок-футуризации. Фланирование на волне жизни предполагает усвоение нескольких жизненных принципов — выявление «Я-концепции»; фокусирование на результате, а не планах; тактика маленьких шагов и открытость внутренним изменениям; выход в область уникальности и оригинальности. Новый тайм-менеджмент требует дисциплины, чтобы «позиция на волне» контролировалась. Для этого современному студенту необходимо знать также природу прокрастинации и стратегии борьбы с ней.

Список источников

1. Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2017.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002.
3. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. М. : Иностранная литература, 1959.
4. Manifesto for Agile Software Development. URL: <https://www.agilealliance.org/agile101/the-agile-manifesto/>.
5. Inayatullah S. Six Pillars: futures thinking for transforming // Foresight. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 4—21.

О. В. Кубряк

«ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ» И «СЛЕДЫ БУДУЩЕГО» В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

КУБРЯК Олег Витальевич — кандидат биологических наук, заведующий лабораторией физиологии функциональных состояний человека ФГБНУ НИИ нормальной физиологии имени П. К. Анохина, г. Москва, Россия; o.kubryak@nphys.ru

Попытка прогноза для той или иной научно-технической области, её влияния на общий «узор» общества будущего, вероятно, может быть связана с анализом имеющегося инструментария — набора конкретных приборов, процедур, способов применения результата и базовой теории для их использования. Следствиями из такого предположения можно считать, например: наличие, классификацию и определение «уровней» внедрения техники, при достижении какого-то уровня предполагающее «стабилизацию» влияния на научно-техническую область; обнаружение «готовности» к смене или серьёзному усовершенствованию инструментария, влекущей смену практики, базовой теории или же смещение фокуса внимания в иную область; другие.

В этом контексте нами предпринят анализ достаточно узкой области, связанной с применением стабилметрических платформ для биомедицинских целей (практическая и теоретическая медицина), где в качестве изучаемого материала, потенциально содержащего «следы будущего», были выбраны диссертации. Применение при анализе понятий философии «инструментализма» позволяет соотнести преобладающие в конкретный исторический отрезок теоретические представления о регуляции вертикальной позы человека с создаваемыми инструментами и методиками, в частности для стабилметрического исследования, а также обратного влияния доступного инструментария на идеи, результаты и трактовки результатов выполненных работ. Следует отметить, что «...при анализе соотношения науки и техники допускается весьма существенный порок — нестрогое обращение с обоими понятиями, разговор ведется как бы о науке «вообще» и о технике «вообще»...» [1], но, в нашем случае, «привязка» к конкретному типу техники и фокусировка на относительно узкой области науки, полагаем, представляет возможность, вероятно, одними из первых или же впервые, акцентировать проявления «инструментализма» максимально наглядно, буквально.

Обзор тематических российских диссертаций [2] за период с 2005 по 2015 год, связанных с применением стабилметрии построен по типу систематического. Выборка из 64 работ — 58 кандидатских и 6 доктор-

ских — формировалась неслучайным целевым образом. Анализ значительного числа наблюдений с участием суммарно 9869 человек, указывает на преимущественное применение стабилотрии в неврологии и медицинской реабилитации. Наибольшее внимание исследователей в данный период было связано с определением и эксплуатацией диагностического потенциала метода. Типичная диссертационная работа содержала примерно 6 выводов — медиана и квартили по выборке: $Me = 6$ (5; 7). Всего было получено 366 выводов. Описаны количественные характеристики диссертаций и публикаций соискателей, сформулированы «портреты» типичных работ. Возможная типизация выводов диссертаций из рассматриваемой выборки включает 5 групп, связанных с медицинской диагностикой, контролем состояний человека, разработкой теоретических моделей организации вертикальной позы; изучением физиологии сенсорных систем, применением биологической обратной связи по опорной реакции в целях тренировки и лечения. Определены наиболее активные организации, диссертационные советы, специалисты, национальная география развития стабилотрии в данный период. Работы представлялись в 41 диссертационный совет при 32 организациях, в 18 городах России. Наибольшее число тематических работ из рассматриваемой выборки защищались в Москве (25) и Санкт-Петербурге (11). В научном руководстве или консультировании рассматриваемых 64 работ участвовало 59 специалистов. Было задействовано 37 ведущих организаций. В оппонировании участвовали 117 специалистов. В среднем готовилось 6 работ в год. Обсуждаются итоги диссертационных исследований указанного периода, достижения и недостатки, вопросы стандартизации метода.

Взгляд на развитие исследований стабильности и регуляции вертикальной позы человека, полагаем, позволяет рассмотреть эволюцию парадигмы — условно, это можно отобразить как движение от «рефлекторных» моделей к простым «механическим», типа «однозвенного перевёрнутого маятника», потом к сложным «многозвенным» моделям, и, далее, к концепциям «сенсомоторной интеграции» и «внутренней схемы тела», системным концепциям. С развитием теории развивались и методики исследований, наиболее удачные технические воплощения которых получили международное распространение и оказали большое влияние на проводимые исследования, как в случае с научной и предпринимательской деятельностью Л. Нашнера — основателя, вероятно, первой успешной компании в анализируемой области [3]. Полагаем, что это один из примеров, когда научные исследования, связанные с решением конкретной технической задачи, могут перерастать в солидные исследования, и опосредованно указывать на влияние техники на науку.

В данном случае, проведённый анализ в определённой мере иллюстрирует философскую концепцию, представленную, например, Г. Н. Волковым, что «исторически техника предшествует науке» [4].

Список источников

1. Глозман А. Б. Техника и наука в их историческом взаимодействии // Философия и общество. 2005. № 4. С. 142—157.
2. Кубряк О. В., Кривошей И. В. Анализ научной области на примере обзора диссертационных работ // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 52—68. (doi:10.14515/monitoring.2016.6.04).
3. Natus Medical to acquire Neurocom international [Electronic resource] / Natus Medical Incorporated, Sep. 03, 2008. — URL: <http://investor.natus.com/press-releases/detail/67/natus-medical-to-acquire-neurocom-international> (date of access: 22.12.2016)
4. Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса: социологические проблемы развития науки и техники. М. : Политиздат, 1976.

Е. В. Максимова

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ТУРИЗМА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ИНКЛЮЗИИ ИНВАЛИДОВ

МАКСИМОВА Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», аспирант кафедры социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, Россия; fex0702@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы инклюзивных практик культурного туризма. Использование его инструментальных функций в настоящее время актуально в социальной сфере. Сложные социальные проблемы, связанные с включением в общество людей с инвалидностью, вовлекают в этот процесс множество взаимодействующих между собой участников. Акцент делается на ценностно-нравственные условия изменения социальной среды обитания инвалидов. Основными рассуждениями автора являются принципы инклюзии, которые формируют идею практико-применения методов культурного туризма, как средства социализации людей с ограниченными возможностями здоровья. Это формирует понимание, что существует принципиально новая возможность осуществления целенаправленного воздействия на процессы культурной социализации инвалидов через организацию досуга средствами культурного туризма. Несомненно, в туристской индустрии существует различные особенности, которые затрудняют подход к клиенту с индивидуальными потребностями ввиду его ограниченных возможностей по здоровью, но решение этих вопросов возможно на основе многообразия видов мобильности. К задачам в решении проблемных вопросов относится разработка и описание специальных условий для людей с инвалидностью в процессе реализации программ культурного туризма.

Ключевые слова: культурный туризм, инклюзии туризма, люди с ограниченными возможностями здоровья, доступный туризм, социализация, адаптация

Активное развитие туризма в последние десятилетия формирует тенденцию многогранного права людей, путешествовать независимо от социально-экономических условий и физических возможностей.

Разнообразие организационного процесса расширения структурных особенностей и свойств потребительских качеств туристских услуг способствует развитию сфер культуры и искусства. Рост объема и ассортимента туристской индустрии увеличивает виды туризма и оказы-

вает содействие в развитии зон рекреации. В условиях глобализации сепаратное внимание отводится культурному туризму. Специфика его понимания неоднозначна. С одной стороны, культурный туризм является формой диалога разных культур (его цель — межкультурное взаимодействие и раскрытие потенциала межчеловеческого сосуществования), с другой — он способствует поиску познания и мотивирует к развитию системы духовно-нравственных ценностей.

Культурный туризм отражает идею туризма будущего. Для создания нового продукта необходим поиск нетривиальных возможностей культурного туризма, который позволит накопить бесценный опыт и выработать систему ценностей и приоритетов. Фабула культурного туризма — развитие гармоничной личности и формирование мировоззрения человека на всю жизнь.

В современном мире культурный туризм способствует развитию цивилизованных отношений людей разных уровней социумов.

Культурный туризм для лиц с физическими ограничениями является новым, но динамично развивающимся направлением в туризме. Социальная практика культурного туризма для категорий населения с особыми потребностями, обуславливается тем, что большое количество людей с разными видами ограничения по здоровью, посещая новые места пребывания и знакомясь с другими людьми, с обычаями, существующими в той или иной местности, историческими памятниками, достижениями в архитектуре, искусстве, литературными произведениями и др., совершенствуя свои знания иностранных языков, значительно легче проходят социализацию и ресоциализацию. Таким образом, культурный туризм способствует повышению самооценки личности, расширению кругозора, развитию общения и взаимопонимания между людьми разных социальных кластеров.

Впервые о доступности туризма для инвалидов в России обозначили в 2010 году на VI международной конференции Spa&Health. На сегодняшнем этапе в наличие имеется информационная база, которая формирует у людей с физическими нарушениями активный спрос к путешествиям по приемлемым ценам.

В ходе исследования в области проведения досуга инвалидов-колясочников, проведен анализ и сделаны выводы о том, что традиции, сложившиеся, характерные для этой категории людей не препятствуют востребованности в их среде культурного туризма. В частности, выявленная исследованием доля тех, для кого характерны более активные типы проведения досуга, достаточно высока — не менее 65 %. Таким образом, результаты исследования подтверждают существование факторов развития социальной перспективы культурного туризма для инвалидов-колясочников. Значение культурного туризма как средства

социализации для представителей этой группы в ходе проведенного исследования выявляют такие формы отдыха, как возможность ездить на экскурсии и отдыхать по России, участвовать в походах. Более 80% опрошенных отметили для себя значимость этого направления туризма. Наиболее «плачевное» состояние имеет один из сегментов культурного туризма, — «возможность ездить на экскурсии и отдыхать в другие страны». В понимании инвалидов-колясочников его значимость менее других, и возможность её реализации находится в наихудшем состоянии (на это указали 62,8% опрошенных).

Выявленные факты среди стратегических вариантов проведения досуга инвалидами, которые связаны с активностью «вне дома» несут в себе в том или ином виде определённый развивающий компонент. Это свидетельствует о том, что развитие культурного туризма как способа социализации инвалидов-колясочников может вполне существенно развиваться в среде представителей этой социальной группы. Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения значения культурного туризма, как средства социализации людей с инвалидностью существует социальная перспектива развития этого сегмента туризма.

Культурный туризм для людей с ограниченными возможностями здоровья как социальной группы, выполняет инструментальные функции в их социальной среде (например, является средством социализации, или — фактором самоутверждения, или — выполняет коммуникативные функции как среда для общения и межличностных контактов и т. п.).

Одной из площадок для развития культурного туризма и вовлечения через него в культурную социализацию большего количества инвалидов-колясочников в дальнейшем может стать социальное партнерство государства, бизнеса и некоммерческих организаций как система отношений по разрешению проблем российских инвалидов в масштабе регионов и общества.

Список источников

1. Конвенция о правах инвалидов» (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства РФ, 11.02.2013, № 6, ст. 468.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. Ст. 4563.
3. Лыкова Т.Р. Значение культурно-познавательного туризма в формировании патриотизма // Материалы I Международной научно-практической конференции «Человек в постиндустриальном обществе». Варна : «Център за научни изследвания и информация «Парадигма» (Болгария) ; АНО «Пресс-Лицей» (Россия). 2013. С. 158—164.

И. В. Лескова

ОБРАЗ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ МОСКВИЧЕЙ: К ВОПРОСУ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующий лабораторией социально-политических исследований Академического института социально-политических и этнодемографических исследований ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»; leskova.i@yandex.ru

Аннотация. Поднимается вопрос¹ актуализации разработки системы оценивания образа и качества жизни населения, предполагающей формирование системы индикаторов, комплексно и всесторонне отображающих объективные и субъективные характеристики этих понятий. Подчеркивается, что ключом к пониманию многих тенденций в изменении социальных норм, установок и стратегий поведения населения являются ценности, формирующие тот или иной образ жизни. В общей системе ценностей особо выделяется значение социальных ценностей, в которых весомость явлений и предметов реальной действительности рассматривается с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности. Акцентируется роль социальных ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их достижения и являющихся важнейшим фактором, регулирующим мотивацию личности и ее поведение. Отмечается, что в исследовании образа жизни москвичей принципиально важным является соотношение субъективной оценки наиболее желаемых для них ценностей и степени достигнутого, реализации ценностных ориентаций. Делается вывод, что единое пространство жизнедеятельности, одинаковость условий, сходство социального самочувствия выступают факторами, влияющими на выявленные в статье суждения и установки.

Ключевые слова: образ и качество жизни населения, москвичи, социальные практики, социальное самочувствие, реализация ценностных ориентаций, выявленные суждения и установки, солидарное поведение людей, личная позиция в повышении качества своей жизни

В настоящее время особо актуализируются вопросы разработки системы оценивания образа и качества жизни населения, что предпола-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №16-03-00841 «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России: сравнительный анализ и оценка изменений».

гает формирование системы индикаторов, комплексно отображающих объективные и субъективные характеристики этих понятий. Образ жизни можно определить как совокупность (систему) существенных черт, характеризующих деятельность людей, социальных групп, общностей в исторически определенных социальных условиях.

Для изучения образа жизни населения московского мегаполиса было проведено аналитическое социологическое исследование методом анкетного опроса. Репрезентативность выборки обеспечивалась применением случайного многоступенчатого подхода с использованием метода квот по полу, возрасту и образованию, общий объем выборочной совокупности составил 640 человек.

Учитывая, что ключом к пониманию многих тенденций в изменении социальных норм, установок и стратегий поведения населения являются ценности, остановимся на их роли в формировании того или иного образа жизни. Особое значение в системе ценностей придается ценностям социальным, в которых значимость явлений и предметов реальной действительности рассматривается с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности. Именно они, выступая в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являются важнейшим фактором, регулирующим мотивацию личности и ее поведение составляют ценностные ориентации человека.

Э. Дюркгейм, анализируя взаимосвязи ценностно-нормативных систем личности и общества, указывает, что система ценностей общества является совокупностью ценностных представлений отдельных индивидов, она объективна, будучи «свободной от субъективных и изменчивых оценок индивидов», которые «находят вне себя уже устоявшуюся классификацию, к которой они вынуждены приспособливаться» [1].

В исследовании образа жизни москвичей принципиально важным является соотношение субъективной оценки наиболее желаемых для них ценностей и степени достигнутого, реализации ценностных ориентаций.

Наиболее значимые ценности и стремления москвичей распределились следующим образом. «Крепкая семья и хорошие дети» в качестве доминирующей жизненной идеи в Москве назвали 66,6 % респондентов. Ориентация на материальное благополучие оказалась важной для 39,2 % опрошенных. «Уверенность в завтрашнем дне, благоприятных перспективах» отметили 35,5 % респондентов. Ценности: «заслужить уважение со стороны окружающих» и «иметь интересную работу, позволяющую проявлять свои способности и таланты», отметили соответственно 29,4 % и 28 % опрошенных. Далее по степени значимости расположились следующие ценности: 20,3 % — «жить в безопасности, не ощущая угрозы насилия»; «стараться жить по правде совести и справедливости» — 20,2 %;

«стать богатыми» — 15 %; «жить в экологически чистой среде» — 14,4 %; «сделать карьеру и добиться власти» — 13,1 %; «стремление к Богу, следование его заповедям» — 6,6 %. В нашем перечне была еще одна ценность, правда, мало востребованная респондентами: «полная, неограниченная свобода в высказываниях и действиях». Возможность ее реализации отметили в 5—7 раз больше респондентов, чем считавших ее для себя важной. Правда, их не так уж много — 9,5 %.

Вместе с тем, каждому восьмому жителю Москвы ничего не удалось достичь из задуманного (11,3 %). 9,5 % стараются жить по правде совести и справедливости, 5 % живут в экологически чистой среде, 2,8 % ответили, что живут в безопасности, не ощущая угрозы насилия, 1,6 % пришли к Богу, стараются следовать заповедям, 3,8 % обычно поступают и высказываются как хотят, даже если это идет вразрез с интересами других людей, 5,2 % уверены в завтрашнем дне, благоприятных перспективах, 24,5 % имеют крепкую семью и хороших детей, 2,8 % сделали карьеры и добились власти, 12,3 % заслужили уважения со стороны окружающих, 11,3 % имеют интересную работу, позволяющую проявлять их способности и таланты, 12,8 % хорошо зарабатывают и живут достойно, 1,7 % стали богатыми. Сравнительный анализ желаемого и достигнутого свидетельствует, что неосуществимым рубежом для большинства жителей Москвы является интересная работа, достаток, успешная карьера, уверенность в том, что завтра все будет стабильно и ничего не будет угрожать безопасности, условия жизни будут экологически чистыми.

Выявленные в процессе исследования инструментальные ценностные ориентации имеют скорее либеральный характер. Так, названные большинством респондентов в качестве важнейших для достижения успеха и благополучия в современной России ценности — «деньги» (34,1 %), «связи с нужными людьми» (46,1 %), опережают «трудолюбие и добросовестное отношение к делу» (36 %), способности и талант» (23,4 %). А честность и принципиальность вообще замыкают этот ряд (21,7 %).

Такие далеко не идеальные ценности, вряд ли соответствующие задачам инновационного развития российского общества, очевидно, являются результатом адаптации населения к новым рыночным условиям, сформировавшимся в результате радикальных реформ.

По мнению респондентов, экономическая ситуация сегодня чаще требует людей с не лучшими социальными качествами. Менее половины полагают, что обществом полностью востребованы профессионализм, трудолюбие, образование и культура, 41,5 % опрошенных — честность, достоинство, ответственность. Корыстолюбие, неразборчивость в средствах достижения цели, жестокость, наглость, эгоизм востребованы у 22,2 % опрошенных москвичей: 16,6 % респондентов считают умение

переступить закон, мораль, нравственные ограничители важным, 5,6% — очень важным.

Несмотря на то, что каждый человек в своих действиях руководствуется личными мотивами, намерениями, целями, большинство из них, в силу определенных причин, совершают единые действия [2]. И это имеет важные последствия для общества в целом. Так, по оценке опрошенных, большая часть москвичей стремится работать как можно лучше (15,2% — «почти все» и 43,3% — «большинство»), но ведет нездоровый образ жизни (17,8% — «почти все» и 38,8% — «большинство»).

В оценке таких явлений как «заняты только собой, устройством своего личного благополучия» и «отзывчивы, всегда готовы прийти на помощь другим людям» в отношении массовых действий, мнения респондентов разделились примерно поровну.

Такую черту современных сообществ, как «стремиться взять от общества побольше, а дать ему поменьше», отметили 9,8% респондентов; 65% руководствуются принципом: «сколько дает человек обществу, людям, столько и должен получать от них» и 25,2% считают, что человек должен давать людям, обществу, больше, чем брать от него и от других людей.

Сформированность данных спонтанных действий большинства людей следует объяснять индивидуальными выборами конкретных действий в сложившихся социально-экономическом, социально-политическом контекстах жизни людей. Причем эти условия создаются не всегда властью, СМИ, субъектами гражданского общества сознательно, целенаправленно. Они не учитывают «правильность», «желательность» этих решений для общества, а сами решения принимаются под влиянием рациональных расчетов, традиций, эмоций.

Важным показателем солидарного поведения людей является доминирующая стратегия наших респондентов в решении повседневных проблем, которая все в большей мере артикулируется как «ориентация на себя». Так на вопрос: «А что могут сделать такие люди, как вы, чтобы ваша жизнь и жизнь окружающих вас людей стала лучше, достойнее?» были получены следующие ответы: 19,5% — такие как я вряд ли что смогут изменить в своей жизни, не говоря уже о жизни других людей, 27,5% — чтобы изменить жизнь к лучшему, нам всем достаточно больше и лучше работать, 35,3% — надо брать личную ответственность за обеспечение достойной жизни, 16,5% — нам надо объединяться в новые реально работающие профсоюзы.

Как видим, более половины опрошенных ориентированы на активизацию личной позиции в повышении качества своей жизни и жизни своих близких. При этом, большинство полагают, что в решении возникших у них проблем власть вряд ли станет опорой: 48,4% опрошенных, считают, что

простой человек даже законные свои права перед местным чиновничеством отстаивать не сможет, 37,6 % — считают, что сможет.

Очевидно, что в этой ситуации единое пространство жизнедеятельности, одинаковость условий, сходство социального самочувствия выступают факторами, влияющими на выявленные суждения и установки.

Список источников

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. М. : Канон, 1995.
2. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust-Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 94—107.

Е. Н. Заборова, Т. Л. Маркова

ИННОВАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЕДУЩИЕ АКТОРЫ

ЗАБОРОВА Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия; ezaorova@yandex.ru

МАРКОВА Татьяна Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия; tmark@mail.ru

Аннотация. Цели данной работы — выявить основных приверженцев и противников инноваций в современной высшей школе; исследовать тенденции и противоречия развития инновационных процессов; оценить влияние широкомасштабного внедрения инноваций на устойчивое развитие института высшего образования. Представлен методологический подход, на основе которого осуществляется анализ инновационных процессов в системе российской высшей школы. Выделен ряд инновационных тенденций (изменение структуры подготовки специалистов, содержания образования, методов преподавания и обучения; качественные изменения функций основных акторов образовательного процесса; модификация ролей педагога и студента). Результаты проведённых авторами социологических исследований позволяют сделать ряд выводов: выявлены разнонаправленность и противоречивость интересов основных акторов образовательного процесса: руководителей, студентов и педагогов; тренд от классической модели аудиторного взаимодействия к дистанционному онлайн взаимодействию педагога и студента вызывает определённое отторжение обоих акторов. Главная проблема — это снижение качества образования, получаемого в результате формализации учебного процесса и полного отрыва, обучающегося от педагога. Особенно это касается профессионально значимых качеств и умений, востребованных на современном рынке труда.

Ключевые слова: инновация, высшее образование, социальные акторы, качество обучения

В постиндустриальную эпоху инновации в системе образования имеют исключительное значение для развития страны и повышения её конкурентоспособности на международной арене. Цели данной статьи — выявить основных приверженцев и противников инноваций; исследовать

тенденции и противоречия развития инновационных процессов; оценить влияние широкомасштабного внедрения инноваций на устойчивое развитие института высшего образования.

В отечественной и зарубежной литературе проблеме инноваций уделяется большое внимание, ей посвящено значительное количество публикаций. Нами был выделен ряд методологических подходов, на основе которых осуществляется дальнейший анализ инновационных процессов в системе российской высшей школы.

Во-первых, существуют различные подходы к определению базового понятия «инновация». Как правило, инновацию рассматривают как конечный продукт инновационной деятельности, как создание качественно нового продукта, процесса, подхода. Мы считаем, что данное понятие включает в себя не только результат, но и деятельность, процесс изменений. Такой подход нашёл чёткое выражение в программе «Инновационная Америка», которая положена в основу инновационной политики США. В ней отмечается, что инновация — это процесс, который начинается с системы образования, проходит этап воплощения в конкретных результатах, которые затем используются и потребляются населением.

Во-вторых, при изучении инновации как процесса чрезвычайно важно выделить основных действующих акторов. Как показывают многочисленные примеры из истории и современности, всегда существуют группы (субъекты), заинтересованные в воплощении инноваций в практику, в то же время всегда есть те, кто решительно противостоит инновациям. Вычленив эти группы и понять их мотивацию — основная задача, решение которой позволит снять преграды на пути инновационного процесса.

В-третьих, масштабы внедрения инноваций всегда зависят от конкретного этапа социально-экономического развития данного общества. Проблема инноваций — это не отдельно взятая проблема, она тесно переплетена со всеми аспектами жизни общества, в том числе, с экономикой, культурой и образованием. Проблему инноваций следует рассматривать как комплексную, включённую в общий алгоритм социально-экономического развития общества.

В-четвёртых, необходимо учитывать темпы внедрения инноваций, меру инноваций в текущих процессах функционирования общества. Насколько кардинально можно внедрять инновации? Насколько быстро они могут заменять традиции и сложившееся положение дел в той или иной сфере? Работы специалистов в области эволюции человечества, культурологии и социологии показывают, что любые инновации нужно внедрять постепенно. Человечество готово «переварить» небольшую долю инноваций, поэтому для устойчивого, стабильного развития общества, изменение традиций должно происходить постепенно.

Перечисленные методологические подходы были использованы нами при изучении проблемы инноваций применительно к системе высшего образования. Чтобы оценить значимость инноваций для высшей школы необходимо ответить на ряд вопросов. Что такое инновация в высшей школе? Кто является носителем инновации, какие субъекты иницируют инновации и противодействуют им? Насколько быстрое и масштабное внедрение инноваций благотворно или разрушительно для высшей школы?

Большинство ученых и практиков едины в констатации того факта, что современная российская высшая школа переживает этап внедрения масштабных инноваций. Он проявляется в том, что меняется структура подготовки специалистов, изменяются как содержание образования, так и методы преподавания и обучения. Благодаря широкому распространению современных информационно-коммуникационных технологий, широкое распространение получают виртуальные формы обучения. Происходят качественные изменения функций основных акторов образовательного процесса, модифицируются роли педагога и студента. Так, одной из ведущих функций преподавателя вуза становится организация и управление познавательной деятельностью студента. На смену традиционному преподавателю, ориентированному на монопольную передачу и интерпретирование необходимого знания, приходит современный педагог, выступающий в роли менеджера, исследователя, консультанта, руководителя проектов. Таким образом, технология деятельности преподавателя меняется от информационной к организационной. Модифицируется и роль студента: от простого приёмника знаний он превращается в активного, самоорганизующегося и творческого субъекта образовательного процесса. Инновационные изменения в высшей школе настолько кардинальны, что некоторые авторы безоговорочно оценивают их как позитивные, направляющие российскую высшую школу в русло передовых, прогрессивных трендов; одновременно оппоненты столь же решительно оценивают эти инновации как разрушение института российского высшего образования.

Проведённый концептуальный анализ инноваций в современной российской высшей школе был использован при проведении эмпирического анализа. В период с 2011 по 2016 гг. нами был проведён ряд социологических опросов: в 2011 г. — анкетный опрос преподавателей вузов г. Екатеринбурга и Свердловской области (N=350); в 2015—2016 г. — онлайн опрос студентов магистрантов УрФУ и УрГЭУ (N=830); в апреле-мае 2016 года — анкетный опрос преподавателей «Оценка качества обучения в УрГЭУ» (N=301). Результаты проведённых нами социологических исследований позволяют сделать ряд важных выводов.

Выявлены разнонаправленность и противоречивость интересов основных акторов образовательного процесса: руководителей, студентов

и педагогов. Основным драйвером инноваций в высшей школе выступает руководство вузов, которое вынуждено реагировать на вызовы времени и конкурировать в условиях интернационализации и открытости высшего образования. Второй заинтересованной стороной в реализации инноваций в образовательном процессе выступают студенты. Современное студенчество положительно реагирует на внедрение практико — ориентированных методов и компьютеро-опосредованных форм работы, т. к. они способствуют формированию компетенций, востребованных современным рынком труда. В то же время внедрение новых методов и форм обучения сталкивается с проблемой неготовности современного студенчества к работе в формате, диктуемом новыми инновационными технологиями преподавания и обучения. Последние требуют перехода от убеждающего субъект-объектного взаимодействия к партнёрским субъект-субъектным отношениям.

Выявлено, что тренд от классической модели аудиторного взаимодействия к дистанционному онлайн взаимодействию педагога и студента вызывает определённое отторжение обоих акторов. Главная проблема — это снижение качества образования, получаемого в результате формализации учебного процесса и полного отрыва, обучающегося от педагога. Особенно это касается профессионально значимых качеств и умений, востребованных на современном рынке труда.

В целом, концептуальное изменение идеологии образования (от передачи знаний к управлению знаниями) пока не получило всеобъемлющей оценки, остаётся неясным, насколько эта трансформация повлияет на качество знаний и готовность студентов успешно конкурировать на рынке труда. Мы считаем, что не следует абсолютизировать факторы инноваций, рассматривать их как новое генеральное направление развития общества, которое должно кардинально изменить существующую траекторию развития. Напротив, необходимо соблюдать баланс традиционных и инновационных образовательных технологий, что гарантирует устойчивое функционирование российской высшей школы.

Список источников

1. Заборова Е. Н., Глазкова И. Г., Маркова Т. Л. Эффективная коммуникация и социальное взаимодействие в системе дистанционного онлайн образования // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 146
2. Винокуров В. и др. Основные термины и определения в сфере инноваций // Инновации. 2005. № . 4. С. 6—22.
3. Волков А. Е. и др. Российское образование-2020: модель образования для инновационной экономики. Материал для обсуждения // Вопросы образования. 2008. № . 1. С. 32—64.

4. Диденко Д. В., Ключарев Г. А. Профессиональное образование в России: пути догоняющей и инновационной модернизации // Вопросы образования. 2013. № . 1. С. 183—204.
5. Маркова, Т. Л. Профессиональная деятельность преподавателей высшей школы России и США: сравнительный анализ [Текст] : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Маркова Татьяна Леонидовна. Екатеринбург, 2012.
6. Новиков А. М. Образовательный процесс в постиндустриальном обществе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2009. № . 4.
7. Лызь Н. А., Лызь А. Е. Риски педагогических инноваций в высшем образовании // Высшее образование в России. 2014. № . 7. С. 50—57.
8. Реморенко И. М. Переход к инновационной экономике: возможности и ограничения для системы образования // Вопросы образования. 2011. № . 3. С. 54—72.
9. Fadeeva Z., Mochizuki Y. Higher education for today and tomorrow: university appraisal for diversity, innovation and change towards sustainable development // Sustainability Science. 2010. Vol. 5. № . 2. С. 249—256.
10. Fitzpatrick E. Innovation America: A Final Report // National Governors Association. 2007. URL: <http://www6.sura.org/wp-content/uploads/2014/09/NGAIInnovation07071.pdf>.
11. Ellis R., Goodyear P. Students' experiences of e-learning in higher education: the ecology of sustainable innovation. Routledge, 2013.
12. Schneckenberg D. Understanding the real barriers to technology-enhanced innovation in higher education // Educational Research. 2009. Vol. 51. № . 4. С. 411—424.

В. М. Сазанов

ГИПОТЕЗА СОЦИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ЯДРА И ЕГО ФОРМИРОВАНИЕ

САЗАНОВ Владимир Михайлович — кандидат технических наук, независимый исследователь социально-сетевых технологий, Россия; v-school@mail.ru

Аннотация. Тезисы посвящены ответу на вопрос: «Какие социальные группы являются локомотивами будущего?» Социальная гипотеза культурного сетевого ядра — возможность формирования общественного мнения посредством социально-ориентированных технологий, близкий исторический аналог которых — новгородское вече и римская агора. Социальные сети вызывают интерес тем, что в них возникают качественно новые свойства, категории. Одно из которых — value, которое переводят в контексте социальных сетей как ценность, важность, полезность или мощьность. В полносвязной социальной сети, мощьность нарастает экспоненциально от числа участников. Ценностью становится связность, общественный капитал. В варианте группообразующей социальной сети, критический уровень информационного влияния и воздействия — это культурное ядро из 20 активно взаимодействующих групп, обеспечивающих мощьность в миллион условных единиц.

Ключевые слова: социальная сеть, общественный капитал, культурное ядро, информационное влияние, преодоление вырожденности

С оптимистических рациональных научных позиций, социальная сеть может рассматриваться как генератор смыслов, идей, инновационное общее благо.

По текущему состоянию общества, социальная сеть — скорее эмоциональная «толпа», в которую вбрасываются со стороны групп интересов — консервативные и либеральные представления и идеи, призывы к стабильности как к высшему благу, проповеди социально-христианские, соборные, сакральные, и, даже мистические.

Социальные сети вызывают интерес тем, что в них возникают качественно новые свойства, категории. Одно из которых — value, которое переводят в контексте социальных сетей как ценность, важность, полезность или мощьность.

Согласно [Рейнгольд, 2006], в трансляционной сети (радио, ТВ, СМИ), важно как информационное наполнение, которое оценить количественно сложно, так и число слушателей, легко подсчитываемое. Для

такой сети, ценность в слушателях, («в попугаях») ее мощность — растет линейно.

В полностью связанной социальной сети, мощность нарастает экспоненциально от числа участников. Ценностью становится связность, возможность двусторонней коммуникации с очень большим числом участников, общественный капитал. Причем, некоторые авторы говорят о скачкообразном росте, скачке интеллектуальности в большой, насыщенной связями сети, появлении свойства интеллектуальности, «мыслящего океана».

Исследовательская гипотеза — миллион на улице или в сети — неформальная Власть. Другое наименование «неформального и властного» — культурное ядро.

Что такое ценность и условный миллион в сетевых категориях? Как достижима сравнимая с широковежательным миллионом та же мощность в 1000000 условных единиц в группообразующей социальной сети. Согласно закону Рида, сетевая мощность 1000000 — это 2^20 степени. В варианте группообразующей социальной сети — это общественный социальный капитал, культурное ядро из 20 активно взаимодействующих групп.

Как сформировать сетевое сообщество?

Первый шаг — формирование достаточно обширного круга электронных друзей порядка 2000, круга близких друзей, около 200, лидеров общественного мнения — 20.

Наблюдаемая Лента, дискуссии позволяют знакомиться и узнавать друг друга, «задруживаться». Круг близких друзей дает поддержку комментариями и лайками. Повышает сетевой рейтинг, уровень выдачи в Ленте.

Второй шаг — создание и наполнение первичной информацией группы, ее Стены и Ленты. Приглашение Друзей. Наполнение группы до состояния примерно 200 участников, что вытекает из теории группообразования.

Третий шаг — работа группы, видимость, рейтинг, доверие, статус дискуссии.

Что такое сетевое культурное ядро?

В рамках данной гипотезы — это господствующее мнение активно взаимодействующих сетевых групп с близким мировоззрением. Предположим — светского гуманизма или модели весеннего «солнечного» общества [Сазанов, 2015].

Информационное влияние сетевого культурного ядра (в терминах конференции — локомотива будущего) формируется постепенно в результате дискуссий, обмена мнениями при наличии доверия между участниками.

Как следует из теории информационного влияния по марковской модели [Губанов, 2010:103], итоговое мнение определяется той долей

участников сети, в которой происходит взаимодействие, общественный диалог (группа в терминах теории соцсетей). Пассивные избиратели (спутники) — не оказывают влияния, несмотря на первичное, (пусть до-выборное) состояние их мнений.

В чем текущее ограничение, почему этого не происходит в сети?

Ограничение — вырожденность сети, атомизированность общества.

Вырожденность в терминах теории социальных сетей — обмен мнениями не приводит к изменению мнения оппонента ввиду крайне низкого взаимного доверия, скорее эмоционального, чем интеллектуального общения.

Пути общественного использования социально-сетевых технологий является консолидация посредством создания сетевых сообществ, поиск новых сущностей и метаидеологий, «весеннего солнечного общества», их сетевая проверка.

Подробнее: «Социально-сетевые возможности в общественно-политическом развитии. Обзор и модель влияния» <https://sites.google.com/site/expavia/home/konceptualno/socialno-setevye-vozmoznosti>

Список источников

1. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006.
2. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М. : Изд-во физико-математической литературы, 2010.
3. Сазанов В. М. Общественный потенциал социально-сетевых технологий // Вопросы политологии. № 3. 2015. URL: <https://sites.google.com/site/expavia/eb>.

Ю. А. Кот, Е. С. Петренко, Е. В. Богомолова, Е. Г. Галицкая

ПРЕДСТАВИТЕЛИ PRO-AКТИВНОГО ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

КОТ Юлия Александровна — ведущий специалист, Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия, kot@fom.ru

ПЕТРЕНКО Елена Серафимовна — кандидат философских наук, директор по науке, Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия, petrenko@fom.ru

БОГОМОЛОВА Екатерина Вячеславовна — старший специалист, Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия, bogomolova@fom.ru

ГАЛИЦКАЯ Елена Геннадьевна — главный специалист, ООО «инФОМ», Москва, Россия, galitskaya@fom.ru

Аннотация. В современном обществе главной формой социальной активности становится потребление, посредством которого обозначается социальное положение индивида (или претензии на таковое), конструируется окружение, формируются персональные и социальные аспекты идентичности. Наш объект — люди, которые в своей жизненной практике, идут в ногу со временем. Они проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость. Данные опросов позволяют описать социальный портрет продвинутого потребителя, однако на эти черты можно смотреть иначе: в них можно наблюдать специфические социальные среды, социальные подпространства, которые в разной степени дружелюбны или враждебны к распространению инновационных практик. При этом институциональные ограничения и изменения внешней среды создают особые предпосылки для раскрытия отличительных социально-психологических качеств, составляющих инновационный потенциал таких групп. Освоение новых практик «требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития». В докладе будет представлена типология российского населения, основанная на включенности людей в различные повседневные практики, описан портрет и особенности поведения локомотивных групп.

Ключевые слова: стили жизни, локомотивные группы, потребительские практики, инновационное поведение, pro-активное общество

В современном обществе главной формой социальной активности становится потребление, посредством которого — помимо удовлетворения элементарных потребностей индивида — обозначается его социальное положение (или претензии на таковое), конструируется окружение, формируются персональные и социальные аспекты идентичности. Именно в потреблении принято видеть производство индивидом и самого себя, и своего социального окружения.

Наш объект — люди, которые в своей жизненной практике, идут в ногу со временем, а значит, на этом пути ориентированы на настоящее и, одновременно, скорее на будущее, чем на прошлое. Они проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость.

При этом институциональные ограничения и изменения внешней среды создают особые предпосылки для раскрытия отличительных социально-психологических качеств, составляющих инновационный потенциал таких групп. Освоение новых практик «требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития». Таким образом, мотивация освоения и продвижения инновационных практик, связана с инвестированием в собственный человеческий и культурный капитал, развитием творческих способностей, и заключается в постоянной потребности обнаружения пространства для самореализации, собственной капитализации и эффективных способов продвижения.

Социологические версии социального кластеризма

Возникшая в начале десятых годов теория социального кластеризма [1] позволяет идентифицировать «сословия нового типа, названные социальными кластерами». Здесь речь идет о деятельных акторах, идентификация принадлежности которых к одному из шести кластеров осуществляется по роду занятий: предприниматели, военные, госслужащие, ученые-учителя-врачи, представители культуры и искусства, священнослужители.

Эмпирическая социология использует несколько иной подход к эмпирически верифицируемому конструированию социальных кластеров.

Во второй половине 1970-х Б. А. Грушин публикует в СОЦИСе «эталонную программу эмпирического исследования образа жизни», в которой понятие «образ жизни» интерпретируется через повседневные практики. В эти же годы в ИКСИ АН СССР И. В. Бестужев-Лада развивает проблематику образа жизни. Он вводит понятия — «жизненный уклад», «качество жизни», «стиль жизни», которые эмпирически были также опе-

рационализированы через поведенческие практики респондентов [2]. Эту линию исследований в первой половине восьмидесятых продолжают Л. А. Гордон и Э. В. Клопов [3]. Они, анализируя поведенческие практики респондентов на «работе» и «после работы», конструируют эмпирически обоснованные модели разных стилей жизни трудящихся.

В середине двухтысячных ФОМ продолжает эту линию Гордона-Клопова и эмпирически идентифицирует (с помощью специального тестового вопроса) опережающую по стилю жизни группу «Люди 21» по ее включенности в современные повседневные потребительские практики.

Стили жизни современных россиян

Спустя десять лет (в 2015 году), такими практиками как «работать за компьютером», «пользоваться интернетом, вести переписку по электронной почте» и «пользоваться мобильным телефоном», владеют уже от 50 % до 90 % респондентов. Тогда как остальные практики из этого тестового вопроса (пользование кредитами; поездки за границу; пользование услугами — домработницы, косметических салонов, фитнес центров, доставки товаров на дом; инвестиции свободных средств в акции, ценные бумаги) по-прежнему остаются надежными индикаторами различных стилей жизни россиян.

На основе этих практик с помощью методов многомерного анализа [4] по материалам общенационального мегаопроса (60500 респондентов в возрасте 18+) в марте 2015 года были сконструированы шесть различных стилей жизни современных россиян: инвесторы (1%), путешественники (13%), гедонисты (16%), заемщики (19%), обыватели (43%), аутсайдеры (7%).

Самый богатый (все без исключения тестовые переменные) набор практик у *инвесторов*. При этом только они (60 %) вкладывают деньги в ценные бумаги и только среди них каждый второй (45 %) пользуется услугами домработницы.

Среди *путешественников* практически две трети (62 %) ездят за границу, 71 % летает самолетами, каждый второй (54 %) имеет дело с иностранной валютой, но ценные бумаги ни одного из них не интересуют.

А вот *гедонисты* за границу не ездят, деньги в ценные бумаги не вкладывают, с иностранной валютой дела не имеют и самолетами не летают. Но они заметно чаще представителей других стилей жизни (36 % против 9 % среди все опрошенных) посещают косметические салоны и в 4 раза чаще, чем в среднем по выборке, приобретают спортивные товары (46 %). А каждый пятый (21 %) их них занимается в фитнес-центре или в спортклубе.

Подавляющее число *заемщиков* живут в кредит: 76 % из них брали за последние 2—3 года кредит в банке и 43 % оформляли кредит в ма-

газинах. Естественно, в ценные бумаги денег они не вкладывают, за границу — не ездят, в фитнес центры и косметические салоны не ходят.

А вот самый крупный по численности стиль жизни — *обыватели* (43%) ни в одну из рассмотренных повседневных практик не включены. Тем не менее, 44% обывателей сегодня пользуются интернетом, 20% — водят автомобиль и 16% приходилось расплачиваться за покупки пластиковой карточкой.

И, наконец, *аутсайдерам* (7%) ни одна из современных потребительских практик (даже мобильный телефон) сегодня недоступна.

Естественно предположить, что представители сословий нового типа — социальных кластеров — будут иметь разные стили жизни. Результаты нашего мегаопроса подтверждают такое предположение лишь отчасти. Дело в том, что в любом из сегодняшних социальных кластеров можно встретить в тех или иных пропорциях представителей всех стилей жизни. Другое дело, что в каждом социальном кластере доминирует тот или иной стиль жизни. Так инвесторов чаще всего можно встретить в кластерах *руководители высшего звена* и *предприниматели* (7% и 4%, соответственно, против 1% в среднем по массиву), путешественников — в тех же кластерах (49% и 39%, соответственно, против 13%), гедонистов — среди *студентов* и *специалистов* (35% и 24%, соответственно, против 16%), заемщиков — среди *фермеров* и *рабочих* (45% и 32%, соответственно, против 19%). Обыватели и аутсайдеры доминируют среди *неработающих пенсионеров* (61% и 19%, соответственно, против 43% и 7%).

Наиболее активные группы («Инвесторы», «Путешественники» и «Гедонисты») представляют собой авангардную целевую аудиторию для товаропроизводителей. Они проявляют консюмеристское любопытство и осуществляют мониторинг существующих инновационных продуктов, которые они стремятся осваивать и использовать в рамках своей повседневной жизни. Организация досуга, культурный отдых и потребление этих групп подчинены реализации потребности в собственной капитализации и увеличению эффективности жизнедеятельности. Данные опросов позволяют описать социальный портрет продвинутого потребителя, однако на эти черты можно смотреть иначе: в них можно наблюдать специфические социальные среды, социальные подпространства, которые в разной степени дружелюбны или враждебны к распространению инновационных практик.

Список источников

1. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010
2. Батыгин Г. С. К истории исследований образа жизни в 1970-е годы (доклад на методсеминаре в Институте социологии РАН, 3 апреля)

2002 г.; комментарий к выступлению Г. С. Батыгина — Е. М. Акимкина); Междисциплинарность в социологическом исследовании: Материалы Методологического семинара памяти Г. С. Батыгина (2007—2009 гг.) / отв. ред. Л. А. Козлова ; Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН; ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов». М. : РУДН, 2010. С. 22—43.

3. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Точка отсчета: жизненный стандарт, условия труда, трудовые отношения в советском обществе 1960—1980-х годов // В кн. «Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни». М., 2000. Т. 1. 304 с.

4. Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. Маркетинговые исследования. Теория и практика. М. : Юрайт, 2014 г.

О. Я. Дымарская

ОТ КОГО ЖДАТЬ ИННОВАЦИЙ? ИССЛЕДОВАНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОСКВЕ

ДЫМАРСКАЯ Ольга Яковлевна — кандидат социологических наук, руководитель управления Агентства инноваций Москвы, Москва, Россия; dymarskaya@yandex.ru

Аннотация. В октябре — декабре 2016 г. Агентство инноваций Москвы провело исследование, нацеленное на получение информации о вовлечении молодежи в инновационную деятельность в Москве. Под инновационной деятельностью понималась совокупность возможностей научно-технического творчества и проектной деятельности как основа создания и внедрения новшеств. В исследовании приняли участие жители Москвы от 14 до 27 лет (1400 человек), представители 175 инновационных компаний (отбор компаний производился по соответствующим видам экономической деятельности) и представителей 175 структур дополнительного и неформального образования (кружки, центры дополнительного образования, ЦМИТы, вузы и др.). Исследование показало, что инновационные компании в целом мало участвуют в процессе развития научно-технического творчества и инновационной деятельности среди детей и молодежи. Организации, которые реализуют программы, связанные с инновациями и научно-техническим творчеством, ориентированы, прежде всего, на заинтересованную молодежь, ведущим мотивом которой является самореализация. При этом для молодежи ключевым являются задачи, связанные с основным образованием, сдачей экзаменов и пр.

Ключевые слова: инновационная деятельность, молодежь, вовлечение

В начале 2017 года опубликован отчет о результатах социологического исследования, проведенного Московской высшей школой социальных и экономических наук по заказу Российской венчурной компании и посвященного анализу поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов России. Цель исследования — «оценить влияние социально-культурных и социально-экономических факторов на инновационное развитие и инновационный потенциал России» [1, с. 4]. В документе рассматривается две базовые характеристики, определяющие инновационность поведения в обществе: экономический инновационный потенциал и технологический инновационный потенциал. Последний включает в себя обобщенное доверие к иннова-

циям и установки в отношении конкретных инноваций. Исследование показало, что 48 % опрошенных верят в потенциал научно-технического прогресса, когда при помощи науки и технологий можно решить социальные и экономические проблемы общества [1, с. 22]. Очерчивание таким образом категории «технооптимистов» и выделение среди них тех, кто уже занимается бизнесом или планирует его открыть в ближайшем будущем, позволило исследователям выделить категорию, обозначенную как «потенциальные технологические предприниматели». Среди опрошенных таковых 9 %. Это значительная категория. Однако, и исследователи это подчеркивают, её представители являются потенциальными технологическими предпринимателями по установкам, а не по компетенциям. Здесь возникает вопрос о возможности формирования у россиян соответствующих компетенций и наличия установок на их приобретение.

В октябре — декабре 2016 года Агентство инноваций Москвы провело исследование, нацеленное на получение информации о вовлечении молодежи в инновационную деятельность в Москве. Под инновационной деятельностью понималась совокупность возможностей научно-технического творчества и проектной деятельности как основа создания и внедрения новшеств. Вовлечение в инновационную деятельность рассматривается на следующих уровнях (не всегда последовательно идущих):

1. Запрос на информацию в сфере инноваций.
2. Инновационная (в т. ч. научно-техническая) деятельность как хобби, дополнительное занятие, не несущее материальной выгоды.
3. Реализация инновационного проекта как переход от хобби к основной деятельности.
4. Создание собственного бизнеса на основе научно-технического проекта.
5. Профессиональная деятельность в сфере инноваций.

Важно учитывать, что в Москве и в стране в целом повысился интерес к дополнительному образованию в научно-технической сфере (создаются детские технопарки «Кванториумы» и др.). Условия создаются не только для школьников как для наиболее очевидной целевой категории. Для более широкой аудитории развивается сеть центров молодежного инновационного творчества (ЦМИТов). Однако существующие возможности пока еще в достаточной степени не систематизированы. Существуют сервисы, которые навигируют по ним, но для понимания ситуации этого недостаточно. Таким образом, первый блок задач исследования — охарактеризовать существующее поле вовлечения молодежи (начиная с 14 лет) в инновационную деятельность. Важно понять, какую роль играют разные игроки, на что направлена их деятельность, с какой целевой аудиторией они работают. При этом вовлечение не ограничивается дополнительными

занятиями. Речь идет и об усилиях инновационных компаниях по работе с молодежью — прежде всего, молодыми кадрами, но также и обучающимися, кадровым потенциалом.

Второй блок исследовательских задач связан с характеристикой целевой категории, на которую могут быть направлены меры по вовлечению в инновационную деятельность. Это молодежь — обучающиеся организаций среднего общего и профессионального образования, студенты вузов, аспиранты, а также молодые профессионалы со средним специальным и высшим образованием. Важно понять не только то, насколько молодежь вовлечена в инновационную деятельность, но и с какими трудностями и ограничениями она сталкивается, пробуя себя в инновационной деятельности или задумываясь об этом.

В исследование были включены три категории респондентов: жители Москвы от 14 до 27 лет (1400 человек), представители 175 инновационных компаний (отбор компаний производился по соответствующим видам экономической деятельности) и представителей 175 структур дополнительного и неформального образования (кружки, центры дополнительного образования, ЦМИТы, вузы и др.).

Как показало исследование, 90% инновационных компаний не участвуют в процессе развития научно-технического творчества и инновационной деятельности среди детей и молодежи. Более того, данную деятельность респонденты не считают для себя целесообразной. Исключение составляют крупные заводы и компании, но активную и систематическую деятельность в указанной сфере среди них осуществляют единицы.

В организациях, вовлекающих в инновационную деятельность через услуги дополнительного и неформального образования, самыми распространенными являются программы по робототехнике (выявлено более 100 программ — т. е. в $\frac{3}{4}$ опрошенных организаций) и 3D-моделирование (более 80 программ). В среднем количество участников этих направлений работы/программ — порядка 60. Если говорить о стоимости занятий, то 31% организаций оказывают исключительно бесплатные услуги, 6% организаций работают только на платной основе и 63% организаций сочетают в себе платные и бесплатные занятия.

Среди причин, по которым дети и молодежь участвуют в программах, связанных с научно-техническим творчеством и инновациям, представители инфраструктуры вовлечения отметили две основных. 95% опрошенных считают, что представители указанной категории, обращаясь к их услугам, прежде всего, удовлетворяют интерес и занимаются саморазвитием. На то, что они помогают другим занятиям (например, обучению в школе), указали 58%.

При этом для молодежи ключевым является именно основное обучение. Так, одной из основных причин завершения дополнительных занятий является начало подготовки к школьным экзаменам (45 % ответивших). В целом, доля молодежи, которая рассматривает для себя возможность дополнительных занятий, не связанных с основной учебной, оказывается небольшой. На свое хобби и самостоятельные занятия в обсуждаемой сфере указали 12 % опрошенных.

Информированность молодежи о доступе к инновационному оборудованию, которое, в частности, предоставляют ЦМИТы, крайне низкая. При получении информации, связанной с научно-технической деятельностью, для молодежи наиболее важна информация о стажировках в компаниях научно-технической сферы (36 %), финансовая поддержка научно-технической и инновационной деятельности (34 %), а также информация о востребованных и перспективных профессиях (32 %). На наличие опыта реализации проектов в научно-технической сфере указали 7 % опрошенных. Большинство из них смогли реализовать предварительное исследование проблемы и произвести некоторые научно-технические разработки, но не продвинулись на более поздние стадии инновационного процесса. В целом, предпринимательский потенциал (желание создать собственный бизнес) в рамках исследования не показал себя как индикатор вовлеченности в инновационную деятельность. Изобретатель, очевидно, не равен технологическому предпринимателю, это необходимо учитывать при изучении социальных групп, так или иначе связанных с инновациями. При этом остается открытым вопрос — как в предлагаемых условиях человек, склонный к изобретательству, может научиться создавать продукты, которые станут основой инноваций.

Список источников

1. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М. : МВШСЭН, 2016. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/d10/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 19.02.2017).

В. В. Бояркина

ГОСПОДСТВО И ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ КАК ЧАСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ВАЛЕНТИНА Витальевна Бояркина — студентка 3 курса Иркутского государственного университета Института социальных наук, Иркутск, Россия; boyarkina.valentina@bk.ru

Аннотация. В статье содержатся различные мнения на природу проявления господства и подчинения. Указано авторское отношение к вопросу о тотальном порабощении людей (скрытном и добровольном). Обозначены тенденции в дальнейшей трансформации и открытии новых путей для управления людьми через их внутреннюю зависимость от общественного развития

Ключевые слова: господство, подчинение, свобода, рабство, администрирование

Сегодня в современном обществе складывается впечатление, что и простым людям открыты тайны государственного устройства и механизмы управления. Через средства массовой информации мы можем свободно следить за политической обстановкой в стране и в мире, то, как действует президент, за политикой нашего государства и других стран, за социальным положением населения Земли. Люди ощутили свою уникальность, почувствовали свободу, независимость, ценность, хотя на самом деле, впали еще в большую зависимость.

Власть и подчинение бок о бок вершат свою историю. Так власть имеет среди своих истоков инстинкт господства, который в процессе развивался и давал основу для поведенческих установок людей. Еще М. Вебер говорил о том, что власть являет собой господство человека над человеком [2], (такого мнения придерживались и греческие философы), а социолог Б. де Жувенель — о порождении правления за счет инстинкта господства [1]. Против такого мышления выступали М. Крозье и М. Фуко. Власть не связана напрямую с господством, а выражается во власти над вещами или же, как партнерство между людьми, по мнению М. Фуко [4]. А М. Крозье делает упор на стратегии поведения актеров и маневры (на различную степень влияния друг на друга), в которых власть выступает в качестве силовых отношений [5].

В данной работе предлагается освятить концепцию зависимостей, через признание факторов Господства и Подчинения. Еще в древнее время происходит зарождения таких властных отношений — рабы признавали

абсолютную власть Господина, то есть социальную полюсность взаимоотношений. Чем руководствовались древние люди, отдавшие свою свободу в подчинение другому? В. Желтов видит ответ в чувстве страха, боязни за свою жизнь, возможности смертельного исхода [3].

Жизнь современных людей основывается на первичных основах материальных либо культурных достижений наших потомков. Наш альтернативный выбор является итогом интересов господствующего класса. Протест и неподчинение сложившейся системе кажется уже нецелесообразным и бесперспективным поведением. Все ускоряющийся темп развития нуждается в новых способах реализации, отвечающих последним потребностям общества. Общество порой не подозревает, что находится в подчинении — так умело выглядит административное управление им со стороны государства и других структур.

Удивительно, но и наука тоже является частью поработавшей системы. По мере того как наука освобождала природу от ее первостепенных целей, а в материи остались лишь характеристики измерения и подсчета, общество тоже менялось. Оно также избавляло людей от «естественной» иерархии, делало людей зависимыми друг от друга, превращая их в рабочую силу, измеряемую временем и другими качествами. Демонстрируя инструменталистский характер развития науки, Г. Маркузе определяет ее как одну из форм господства и контроля над обществом [6]. То есть господство над человеком, через подчинение природы.

Порабощение и Господство могут идти одной дорогой, сопровождаясь поиском Свободы. Человеку очень сложно достичь свободы, так как сам он несет рабство другим людям, животным, машинам. О какой свободе и избавлении от зависимости можно говорить, если сам повелеваешь, любое управление предполагает подчинение. Становится очевидным, что когда тебе подчиняются, ты сам тоже подчиняешься высшим структурам, от которых пытаешься освободиться. Добившись свободы для себя, сможешь ли ты освободить от своего влияния других? В этом и состоит сложность для многих людей.

Каждый должен сам определить для себя, что истинно, а что ложно, увидеть, где его обманывают и манипулируют им, выдавая его потребности за истинные. Человек должен избавиться от навязанных ему интересов, и найти собственный путь развития. Для этого и нужно критически мыслить, абстрагировать одни вещи от других, не доверять всему, что говорят, искать предпосылки и причины такого поведения.

Для излечения общества необходим глубокий материалистический психоанализ. Возможно, он поможет человеку освободить свой разум, очиститься, стать счастливым. Для освобождения воображения и восстановления его потенциала требуется избавиться от «репрессивной сво-

боды», навязанной сверху. Конечной целью трансформации мышления, управляющего операциями мыслительными и социальной действительности, может стать Терапия. Стоит обратить внимание на терапевтическую функцию, которая исправляет отклоняющееся от нормы поведение, а также оповещает нас об иллюзиях.

Администрирование жизненного развития является высшей стадией господства над всем миром. Общество настойчиво хочет от этого освободиться, но не продвигается дальше абстрактных понятий. Отказ от системы не возможен, так как он предлагает отвергнуть не только систему как орган управления и порабощения, но и вместе с тем весь жизненный уклад общества, с его ценностями и желаниями, дабы освободиться полностью от зависимости. На что не способен человек, он вживается в искусственную оболочку, из которой его уже не вырвать, и выкрикивает из нее бесполезные, не имеющие реализации в реальность, возгласы о свободе. Но, не известно, чтобы было, если общество освободилось. Как бы оно стало жить тогда? Создавая новые ценности и смыслы жизни. Человеку удобнее жить в мире иллюзий. Не поработав других, во что верится с трудом, ведь пропагандируя свободу, человек желает ее для себя лично, и не говорит об освобождении подчиняющихся ему.

Список источников

1. Баллаев А. Б. Рец. на кн.: Власть. Естественная история ее возрастания Б. де Жувенель // История философии. 2012. № 17. С. 262—267.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
3. Желтов В. В. Теория Власти. М. : Флинта, 2013..
4. Зекрист Р. И. Концепция власти Мишеля Фуко // Изв. Уральского федерального ун-та. 2012. Т. 103. № 2. С. 40—46.
5. Крозье М. Современное государство — скромное государство // Свободная мысль. 1993. № 11.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. Электрон. б-ка Royallib.ru. URL: http://royallib.com/book/markuze_gerbert/odnomerniy_chelovek.html (дата обращения 13.04.2016).

А. Ф. Сокол, Р. В. Шурупова

К ОБОСНОВАНИЮ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА КАК СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ВРАЧА БУДУЩЕГО

СОКОЛ Адольф Фроимович — доктор медицинских наук, доктор социологии, профессор Израильской Независимой Академии развития науки, Беэр-Шева, Израиль, sokoladolf@yahoo.com

ШУРУПОВА Раиса Викторовна — профессор Первого МГМУ им. И. М. Сеченова, г. Москва, Россия, akraisa@gmail.com

Аннотация. Современная медицина характеризуется колоссальной технологической оснащённостью, благодаря которой сделан фантастический рывок в диагностике, лечении и прогнозе многих заболеваний. Однако технологический прогресс и коммерциализация медицины привели к некоторой разобщённости врача и больного и забвению веками формировавшихся основ клинической медицины (искусства врачевания).

Ключевые слова: клиническая социология

Современная медицина характеризуется колоссальной технологической оснащённостью, благодаря которой сделан фантастический рывок в диагностике, лечении и прогнозе многих заболеваний. Однако технологический прогресс и коммерциализация медицины привели к некоторой разобщённости врача и больного и забвению веками формировавшихся основ клинической медицины (искусства врачевания).

Прогресс современных технологий по меньшей мере не уменьшает количество врачебных ошибок, а нередко даже увеличивает их.

Даже самые совершенные алгоритмы не могут учесть индивидуальные особенности течения болезни у конкретного больного. Наблюдаются противоречия между планируемой системой подготовки врачей и конечным результатом этой подготовки в современных социально-экономических условиях: недостатки профессиональной подготовки; изменение профессиональной ментальности с ориентацией на аппаратно-инструментальные методы; когнитивные изменения (снижение уровня клинического мышления и принятие подчас неверных решений, опирающихся исключительно на технологический прогресс), недостаточный уровень общей и профессиональной культуры.

Формирование гармоничной личности врача будущего, другими словами, действенное прогнозирование всех граней личности врача должно начинаться уже сегодня.

В сообщении представлены многолетние разработки авторов по совершенствованию профессиональных и личностных качеств современного врача в медико-социальном, психолого-педагогическом, социологическом направлениях с учетом тенденции развития современной медицины [1—3].

В разных сочетаниях использовались следующие методы: 1) клинические (анализ клинических ситуаций применительно к разным аспектам исследований; практическое использование авторских методов оптимизации диагностического и лечебного процесса); 2) педагогические (оптимизация учебного процесса; использование разработанных экспресс- программ диагностики заболеваний, деловых игр); 3) психологические методы (анализ и пути предупреждения когнитивных ошибок врача и пациента); 4) кибернетические методы (разработка и апробация диагностических и лечебных алгоритмов на целый класс заболеваний); 5) информационные методы (использование основополагающей формулы теории информации Шеннона-Хартли для определения необходимой и достаточной диагностической информации); 6) математические методы (использование теоремы умножения теории вероятности).

На основе современных теоретических и исторических данных, систематизации существующих исследований и собственного опыта и с учетом тенденции развития медицины по крайней мере в ближайшем будущем нами решены следующие задачи:

1. Описаны образы болезни и больного в современной медицине.
2. Описан обобщенный образ современного врача.
3. Разработаны пути оптимизации диагностики заболеваний.
4. Разработаны оптимальные правила медикаментозной терапии.
5. Разработан комплекс диагностических алгоритмов на целый класс заболеваний (на модели эндокринной патологии).
6. С позиций когнитивной психологии и клинической практики изучены ошибки врачей и пациентов и намечены пути их предупреждения.
7. Исследовано взаимовлияние литературы и врачевания.
8. Для повышения профессиональной культуры врача создана Антология высказываний о медицине и врачевании в двух томах [4].

Проведенные исследования позволяют высказать мысль о создании нового раздела социологии медицины — клинической социологии врача и пациента.

С нашей точки зрения, клиническая социология врача и пациента — раздел прикладной социологии, разрабатывающий и использующий ме-

тоды повышения профессиональной культуры, оптимизации мыслитель-ной деятельности врача и пациента, формирования профессиональных и личностных качеств врача с целью его адаптации к профессиональной деятельности и с учетом современных тенденций развития медицины.

Список источников

1. Сокол А. Ф. Диагностические алгоритмы в эндокринологии. Ленинград, 1981.
2. Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Грани личности врача: клинические и социологические аспекты. Беэр-Шева, 2015.
3. Сокол А. Ф. Ошибки мыслительной деятельности врача и пациента: клинические и психологические аспекты. Беэр-Шева, 2016.
4. Сокол А. Ф. Медицина из глубины веков до наших дней. Антология высказываний. Том 1 и 2. Беэр-Шева, 2012.

И. В. Лисовская

РАБОТА ПЕДАГОГА С «ТРУДНЫМИ» ПОДРОСТКАМИ: НОВАТОРСТВО И ТЕХНОЛОГИИ ИЛИ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ АЛЬТРУИЗМ?

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — аспирант департамента социологии НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург, Россия; ilisovskaya@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современной модели российского образовательного процесса в отношении «трудных» детей и подростков. Исследовательский вопрос: Что наиболее важно: новаторство, технологии или альтруизм и активность самого педагога как личности? Статья опирается на данные полевого исследования в Хабаровском крае с применением качественной методологии: проинтервьюировано 8 педагогов методом глубинного интервью.

Ключевые слова: «трудные» подростки, качество образования, альтруизм, активизм

Современный подход к образованию, качественно новые технологии в обучении, инновационные подходы и практики в российских образовательных учреждениях становятся полем дискуссий, проблем и попыток реформации.

В докладе сэра Майкла Барбера поднимались вопросы новой модели успешного образовательного процесса, интеграции человеческих ресурсов, высокого качества управления школой со стороны администрации, включения инновационных технологий и их адаптация в современном образовательном учреждении. Идея создания идеальной системы, где будет осуществляться «учение», а не «обучение» актуальна и сейчас. Согласно разработанной модели, структурные элементы идеальной системы включают человеческий капитал, эффективную структуру и организацию, систему стандартов и отчетности[1]. Но как подобное интегрировано в российскую действительность, особенно в ее периферийных районах и в отношении детей и подростков с нарушениями в поведении?

В российском контексте педагог — это человек особенный, транслатор высоких идеалов, знаний, мотивации и стремления к развитию. Альтруизм педагогов нередко заменяет новации и передовые разработки, а качество достигается путем альтруистических действий, жертвенности педагогических работников. В данной статье речь идет о работе преподавателей с «трудными» детьми и подростками. Актуальной

становится проблема использования особых инновационных продуктов в работе с такими детьми. Главная дилемма — как раскрыть потенциал непростого, запущенного ребенка? Что наиболее важно: новаторство, технологии или все же альтруизм и активность самого педагога как личности, когда нет бюджета для хорошего оснащения? Опираясь на данные вопросы, было проведено качественное исследование в Хабаровском крае в специализированных учебных заведениях. Цель исследования — понять и оценить важность альтруистических действий педагога и потребность в инновационном оснащении. Что способствует трансформации личности ребенка в большей степени: технологии, огромный бюджет или же простые человеческие качества? Основной метод — глубинные интервью с педагогами. Проинтервьюировано 8 человек, 6 из которых работники разных коррекционных специальных учебных заведений для детей с нарушениями поведения, 2 человека — представители общеобразовательных учреждений. Выборка сконструирована методом снежного кома.

Первое, на что следует обратить внимание — это человеческий потенциал педагогов и готовность к активным действиям в условиях низкой оснащенности новейшими технологиями учебных заведений.

«Мы везде просим! Мы ходим просим: «Пустите в боулинг! В ненужные вам часы»... потому что я очень часто вожу даже за свой счет. Но я работаю тоже. Но очень часто у нас все открывают кошелек» (И1, Ж)

«Они еще потом года два-три набегали вот сюда идут, ну, потому что здесь народ такой теплый, располагающий в принципе. Народ, который все время заинтересован помочь.» (И2, Ж)

«Мне недавно наш бывший учащийся... очень давно ушедший, в одно-классники вышел: «Тамара Андреевна, помогите!» Помогаю, пропадаю, помогите. Он отсюда в двух тысячах километров. Я не представляю. Я вот сейчас ищу здесь реабилитационные центры... Я не знаю!!! (пауза) Сижую думаю. Чем можно найти... хотя это уже взрослый дядька, это уже взрослый мужчина, которому уже 24». (И3, Ж)[2]

Необходимо отметить, что представители данного учебного заведения альтруисты по натуре, готовые всегда прийти на помощь, чувствующие высокую социальную ответственность, как за своих воспитанников, так и за выпускников. В отношении учеников с трудной жизненной ситуацией, информанты проявляют высокую личную заинтересованность. Путем личного участия в каждой судьбе достигаются высокие результаты, формируется интерес к обучению и усвоению высоких нравственных принципов среди тех ребят, которые на момент поступления в учреждения не имели 8 классов образования, навыков общения и адаптации к миру (возраст учащихся от 14—18 лет). Истории успеха выпускников инфор-

манты рассказывают с высокой степенью эмоциональности и рефлексии, позиционируя как личное достижение.

Иная картина складывается в другом учреждении подобной направленности, с высоким бюджетом и хорошим техническим оснащением. Однако особенность заведения — это изменение статуса с общеобразовательного на коррекционное и, соответственно, не готовность преподавательского состава работать в новом статусе.

«Как правило, на таких детей вот идет мощное финансирование. Если в других школах за счет родительских средств, то здесь идет все, вплоть, я говорю, и автобус свой школьный и все оборудование поставляется, тратится, деньги — миллионы. Ну как бы многие школы нам завидуют, что «нечего себе! Мы пытаемся где-то что-то купить, а вам все это идет!». Сенсорная комната у нас современная оборудована!» (И4, Ж)[2]

Несмотря на хорошее финансирование, высокую степень внедрения ИКТ, новейших разработок, у работников отсутствует реальная заинтересованность работать с особенными детьми, не наблюдается личного участия в судьбах, иных альтруистических действий. Педагогический потенциал в целом не раскрыт. На вопрос интервьюера о судьбах выпускников выражается некоторая озлобленность.

«Мальчики ... из 30... сколько их... девочек низкий процент, в основном были мальчики. В каждом классе такое соотношение, например, 7 мальчиков, 2 девочки. Вот такое соотношение. Девочки беременные, мальчики в тюрьме!» (И5, Ж)[2]

Из цитаты видно, что педагогический коллектив опустил руки, работать с подростками нет желания и мотивации, потому что не видно отдачи, отсутствуют медалисты и одаренные, с которыми ранее приходилось работать до смены статуса учреждения. Личная включенность в образовательный процесс низкая, педагоги это объясняют тем, что их цель — это дать знания, остальное — удел узких специалистов.

Представители общего образования выражают иное отношение к вопросу о сочетании личного участия и технологий.

«И... я просто стараюсь шагать в ногу со временем — я осваиваю все новые технологии, несмотря на мой возраст, ну как бы без хвастовства, я скажу, что я, скажем, впереди планеты всей. <...> Вот и в этой телешколе мы работаем и в классе, дети работают и дома — очень увлекательные занятия, сейчас распространено олимпиадное движение — мои дети активное участие принимают в интерактивном олимпиадном движении, естественно. Если я это не освою — не освоят и мои дети <...> Да! Да! Да! Вот это, пожалуй, все, о чем я думаю, чтобы мне не отстать» (И6, педагог)[2]

У педагогов общеобразовательной школы в ходе глубинного интервью была зафиксирована высокая степень личного включения в общеобразо-

вательный процесс. Замечена реальная заинтересованность в освоении новых технологий в сочетании с альтруистичными действиями, жертвования своего личного времени для высоких результатов в работе. Сильная личная мотивация, альтруизм, активизм в сочетании с применением новейших разработок дают достойное качество образования.

Таким образом, для развития достойного качества образования для детей с нарушениями в поведении важным компонентом становится раскрытие именно человеческого потенциала педагогических работников, без которого достижение идеальной модели качественного образования трудно представить. Выраженная идентичность педагогов — необходимый компонент системы, на который следует обратить внимание в вопросах достижения качества.

Список источников

1. Барбер М., Муршед М. Создавая будущее: как хорошие образовательные системы могут стать еще более эффективными в следующем десятилетии // Вопросы образования. 2010. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sozdavaya-budushee-kak-horoshie-obrazovatelnye-sistemy-mogut-stat-esche-bolee-effektivnymi-v-sleduyuschem-desyatiletii> (дата обращения: 06.02.2017).
2. Научный отчет о результатах социологического исследования кейса № 1 в г. Хабаровск, 2017 г. Исполнитель: Лисовская И. В., научный руководитель: Омельченко Е. Л.

Д. Г. Передня

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОКОЛЕНИЙ СОТРУДНИКОВ КАК ОСНОВА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

ПЕРЕДНЯ Дмитрий Григорьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России. г. Москва, Россия; 2975829@mail.ru

Аннотация. Опираясь на положения теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, автор описывает свойства представителей различных поколений, которые влияют на управленческую культуру в организациях. Обращается внимание на их отличия в отношении к карьере, труду, времени, власти. Снижению уровня идентификации себя с профессиональной группой, увеличению готовности попробовать себя в нескольких областях деятельности и т. п. Так как происходит постепенное замещение одних поколений другими, зная характеристики молодых поколений, автор обращает внимание на принципиальную возможность прогнозирования способов управления, которые будут преобладать в перспективе в организациях.

Ключевые слова: управленческая культура, организация, поколения, прогнозирование.

Любая организация укомплектована представителями различных поколений. Их временные границы можно обозначить 1999 годом, это минус 18 лет от текущего года, и 1952 г. В этом промежутке времени родились те, кто в настоящее время управляет и те, кем управляют. Для прогнозирования изменений управленческой культуры [1] важно понимать какие поколения сформировались в этот период. Знания основных характеристик поколений, из которых рекрутируются члены организаций, помогут предсказать какой тип управленческой культуры станет преобладать в будущем.

Родоначальниками теории поколений являются Нейли Хоув и Уильям Штраус [2, с. 433]. Поколение — это совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет.

Поколение можно идентифицировать, по трем критериям. Во-первых, представители одного поколения сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь в тех же жизненных фазах. Во-вторых, они разделяют определенные

общие убеждения и модели поведения. В-третьих, у ровесников есть чувство принадлежности к данному поколению.

Поколения первой половины XX в., их представителей можно встретить в ветеранских организациях, они функционируют как «передатчик» ценностей и смыслов для действующих сотрудников. Решающее влияние на ценности этих людей, кроме Великой Отечественной войны, оказали сталинские репрессии, восстановление разрушенной страны. Основные отличительные черты, которые выработались у этих людей — это трудолюбие, ответственность, приверженность идеологии. Среди главных ценностей тех поколений — преданность, соблюдение правил, законов, уважение к должности и статусу, честь, терпение.

Следующее — поколение «беби-бумеров». В СССР люди этого поколения росли под влиянием хрущевской «оттепели», покорения космоса, существования мировой сверхдержавы, холодной войны. Работников этого периода отличает оптимизм, заинтересованность в личном росте и вознаграждении, в то же время им присущ коллективизм и командный дух.

Значительно больше в организациях представителей «поколения икс». Это те, кто родились в 1963—1983 годы, их социализация происходила до 1993-го года. Продолжение холодной войны, перестройка, СПИД, война в Афганистане, наркотики — все это, по мнению специалистов, сформировало готовность этих людей к изменениям. Их характеризуют глобальная информированность и техническая грамотность, прагматизм, надежда на себя. Плюс к этому недовольство властью, недостаток доверия руководству, особенно институциональному. Это многочисленное поколение, которым в различных организациях представлено руководство среднего и высшего звена.

Младшим является «поколение игреков». Годы рождения — 1983—2003. На формирование мировоззрения этого поколения повлияли: перестройка, распад СССР, «лихие 90-е», терроризм, войны в Ираке, в Чечне и др., финансовый кризис. Это поколение вовлечено в цифровые технологии. Их становление пришлось на постсоветский период, они стремятся оттягивать переход во взрослую жизнь, культивируют концепцию вечной молодости. Чаще всего они были единственным ребенком в семье, в детстве их чрезмерно оберегали взрослые.

Представители этого поколения много времени проводят в интернете, являются постоянными пользователями различных медиа-ресурсов. Торрент-трекеры и видеохостинги, мобильная и интернет-связь, социальные сети, виртуальные игры, флешмоб и мем-культуры, онлайн общение, эволюция девайсов и т. п. — вот те моменты, которые не влияли на предыдущие поколения, но оказали воздействие на «игреков».

Игреки, как правило, не получили такого глубинного фундаментального образования, как Иксы. Они отличаются разносторонностью, быстрой адаптацией. Работа в одной профессии для них не обязательно «призвание на всю жизнь». Для представителей этого поколения карьерный рост не является основой успеха. При этом такое поведение не вписывается в логику двух предшествующих поколений. Игрекам важнее развивать свою личность и получать удовольствие от работы, ради этого они готовы попробовать себя в нескольких областях. Они высоко ценят время. Удерживать, мотивировать, управлять сотрудниками «поколения игрек» значительно сложнее.

В отличие от типичного представителя «поколения икс», который способен работать за идею, Игреки не желают посвящать свою жизнь работе. Они хотят, чтобы работа была интегрирована в их жизнь и давала возможность развиваться, не забывая про досуг, семью, свободное время. Это поколение склонно к горизонтальным общественным контактам, например, используют социальные связи как альтернативу государственным услугам [3], в то время как предыдущие поколения придерживаются вертикальной иерархической системы социальных взаимодействий. Также в их среде наблюдается приоритет самореализации в ущерб социальной ответственности.

В их среде наиболее востребованы гибкие графики работы, удаленная работа, самообразование, самореализация, воплощение их идей в жизнь. Все это плохо вяжется с жесткими должностными регламентами сотрудников некоторых организаций, например, силового профиля. Вероятнее всего в этом поколении тенденция идентифицировать себя с профессиональной группой выражена меньше, чем с непостоянными группами, например, сетевыми сообществами. Активные пользователи социальных сетей проводят в них более десяти часов в неделю [4, с. 88].

Пройдет немного времени и представители «беби-бумеров» прекратят активную трудовую деятельность, их заместят Игреки, а на месте последних окажутся представители «поколения зет». В интересах предварительных прогнозов изменения управленческой культуры важно обозначить основные черты, присущие этому поколению.

Представители «поколения зет», родились на рубеже тысячелетий. Их основные кумиры — персонажи игр и мультфильмов, а не реальные люди, это поколение будет трудно мотивировать примерами заслуг старших товарищей. Это при почти полном отсутствии жизненного опыта и визуализации процесса получения информации о мире [5, с. 106]. Жизнь в окружении компьютеров приводит к ослаблению внимания, памяти, пропадает способность высказывать собственные суждения [6, с. 54]. У них много быстрых контактов, но крепкие комфортные связи для многих из этого поколения проблематичны.

Люди этого поколения мечтают создавать пространство под себя, их не устраивают готовые структуры и формы, они требуют регулярного обновления, среди их представителей присутствует тяга к постоянному усовершенствованию, апгрейду. Они привыкли, что все желания исполняются. Так принято в виртуальной реальности и этого они ждут от реальной жизни. В цифровом мире они местные, в это же время представители поколений икс и игрек, — цифровые иммигранты.

Все поколения, что мы описали, это особый собирательный образ разных типов общественной жизни, каждый со свойственным ему мировоззрением, предрасположенностью к управленческим практикам. Среди каждого поколения есть не типичные представители, пограничные, — те, кто имеет смешанные характеристики. Поколение следует рассматривать как социальную общность, тогда можно увидеть, что оно не менее могущественно, чем экономические и социальные классы, расы, пол, религия и политические партии.

В целом, опираясь на проделанный анализ свойств поколений можно предположить, что существует зависимость между историческими событиями и поколенческими типами. Базовые отношения к службе, семье, риску, власти, ценностям детерминируют поведение в сфере управления. Уяснив суть концепции «поколений» станет понятно, что не все, например 50-ти летние руководители 20, 10 лет назад и сейчас действуют одинаково. Они достигли совершеннолетия при разных обстоятельствах и это во многом обусловило их подход к управлению.

В дальнейшем средние и нижние руководящие уровни в деловых организациях будут занимать представители поколения игрек. Но у них ослаблены достиженческие мотивации, это может привести к проблемам неукомплектованности руководящих должностей. Роль начальника — это дополнительные трудности, а воля, направленная на преодоление трудностей ослаблена. Причем эти трудности реальные, если они появляются, то их нельзя не замечать. От них не спрячешься в легкие и привычные этому поколению миры виртуальной реальности социальных сетей интернета.

Еще одна ожидаемая перспектива. В условиях экономии материальных ресурсов, сокращения выплат и надбавок, руководителям все трудней стимулировать труд сотрудников, которые являются носителями ценностей утилитаризма и прагматизма. Свойственные для предыдущих поколений работников романтизм, жертвенность, ориентированность на общее благо исчезают из аксиологического портрета людей нынешнего периода. Каждый второй считает, что у его поколения нет сил и желания что-либо делать [7, с. 94]. Сейчас затруднительно управлять людьми, у которых в картине мира ценности удовольствий, развлечений и материального обогащения стоят на первом плане.

Названные особенности межпоколенческих отношений разнообразят управленческую культуру. Их можно прогнозировать опираясь на выявленные свойства людей определенной возрастной группы, взрослевших в одинаковых исторических условиях. Это является важным объективным фактором, который определяет управленческую культуру, как преобладающий способ управленческой деятельности в организации.

Список источников

1. Передня Д. Г. Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М., 2017.
2. Howe Neil, Strauss William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York. 1991.
3. Филина О. Не в службу, а в дружбу // Огонек. 01.06.2015. URL: www.kommersant.ru/doc/2724673.
4. Плотинский Ю. М. Тенденции развития современных технологий сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.
5. Филимонов О. В. Актуальные вопросы противодействию идеологии экстремизма // Информационное противодействие экстремизму российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России 20 мая 2016 г. / под. общ. ред. О. В. Филимонова. М. 2016.
6. Не позволяй компьютеру думать за себя // Наука и жизнь. 2014. № 7.
7. Овсянников А. А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика 2015. № 1.

И. В. Долгорукова

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ДОЛГОРУКОВА Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; dolgorukovaiv@rgsu.net

Аннотация. В работе предложена интерпретация социального предпринимательства как нового общественного института, представляющего собой форму регулирования и организации инициативной деятельности граждан, направленную на решение широкого спектра социальных проблем и развитие различных сфер общественной жизни. Проанализированы основные теоретико-методологические подходы к социологическому анализу социального предпринимательства. Исследование проблем и моделей формирования социальных предприятий позволяет раскрыть его роль в становлении России как социального государства и выявить значимые факторы формирования социального предпринимательства как социального института. В статье рассмотрены инновационные практики социального предпринимательства как ключевой индикатор выделения данного уникального типа предприятий в экономической среде. Данная информация будет полезна специалистам министерств и ведомств, участвующих в разработке политики в области социального предпринимательства, предпринимателям, научным сотрудникам, аспирантам и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные практики, социальная сфера, инновация

Социальное предпринимательство представляет собой индикатор, который способен быть измерением финансовой устойчивости государственной системы. Посредством создания новых форм занятости оно предоставляет людям с невысокими доходами возможность сформировать и сохранять собственный бизнес, что увеличивает их самостоятельность. Социальные предприниматели — это в основном новаторы, которые принимают для себя непростое решение посвятить себя данной венчурной сфере бизнеса. Они готовы объединять вокруг себя единомышленников, искать нужные средства с целью преодоления социальных проблем, соединять личные познания с наиболее передовыми технологиями.

Сегодня сохранение социальной и экономической стабильности России во многом связано со становлением в обществе атмосферы свободного предпринимательства. В данном аспекте особую роль играют проблемы формирования отечественного социального предпринимательства. Оно не только создаёт инновационные возможности развития социальной и экономической инфраструктуры, но и помогает вовлекать в бизнес слабо защищённые социальные слои. Тем не менее, развитие этого сектора тормозится из-за неразвитости законодательной базы и системы государственной поддержки социальных предприятий.

Внимание исследователей к проблемам развития социального предпринимательства определяется его значением в социальной и экономической жизни страны. В современных условиях важно понять, с какими проблемами сталкиваются социальные предприниматели в процессе экономической адаптации, какие факторы влияют на развитие этого сектора предпринимательской деятельности в России и каков характер этого влияния [1; с. 206].

Нельзя не учитывать тот факт, что социальное предпринимательство — это деятельность, прежде всего направленная на решение какой либо социальной проблемы, и только потом на получение прибыли. Прибыль становится часто дополнительным «бонусом» к социальному эффекту. Однако любой предприниматель — это экономический субъект, стремящийся получить прибыль от своей деятельности. Преодоление данного противоречия возможно только при условии активного участия государства в поддержке социальных предприятий.

При анализе проблем устойчивого развития социального предпринимательства целесообразно применять концепции отечественных и зарубежных ученых по социологии труда, социологии социальной сферы, экономической социологии и социологии предпринимательства. Изучение инновационного потенциала социального предпринимательства может предполагать применение институционального и структурно-функционального подходов.

Основы социологического подхода к анализу экономических систем заложены в трудах К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта, Р. Катильтона, И. Шумпетера, Ж. Б. Сея, Г. Зиммеля, Д. Маклеланда, С. Хантингтона, И. Валлерстайна, З. Баумана и др. Значительный вклад в развитие представлений об организации предпринимательской деятельности внесли труды, написанные учеными в рамках теории управления организацией. Это работы таких западных ученых, как Г. Саймон, Л. Урвик, А. Файоль, Э. Мейо, Ф. Ротлисбергер, Дж. Марч, Ч. Бернард, Ф. Тейлор, А. Этциони, У. Эшби. В российской науке необходимо отметить такое научное направление, как социология управления организацией. Оно представлено в ра-

ботах российских ученых Д. М. Гвишиани, В. Г. Подмаркова, Н. И. Лапина, Е. М. Бабосова, Н. А. Крутикова, О. И. Шкаратана, В. Н. Иванова, А. А. Зворыкина, А. И. Пригожина, О. А. Уржы, Л. А. Калиниченко, В. Н. Шаленко, С. С. Фролова и других.

Проблемы социальной политики предприятий и социальной ответственности предпринимательства привлекли к себе особое внимание исследователей с началом рыночного экономического развития и увеличения числа частных предприятий в современной России. Эта проблематика отражена в трудах таких российских исследователей, как Г. Т. Галиев, В. В. Арутюнов, З. Т. Голенкова, И. Ю. Беяева, А. А. Деревянченко, О. А. Блинов, С. Ф. Гончаров, Н. А. Кричевский, А. Ю. Чепуренко и других.

Первыми основополагающими работами в области социального предпринимательства стали труды таких ученых, как Г. Диз, Дж. Виравардена, С. Венкатараман, Р. Дарт, М. МакЛин, И. Марти, Дж. С. Морт, Дж. Мэр, А. М. Передо, и С. Шейн. В нашей стране данной проблематикой занимались А. В. Барков, Ю. Е. Благов, М. Л. Баталина, Н. И. Зверева, Н. А. Восколович, Д. А. Гафарова, Э. Ю. Есипова, К. П. Егорова, О. А. Захарченко, Г. С. Изотова, Н. Ф. Кадол, И. В. Манахова, Т. Н. Мартынова, А. В. Маслов, А. А. Московская, М. В. Меньшикова, А. В. Мухин, Н. В. Парахневич, Н. С. Поаншваль, З. Э. Сабирова, Л. Д. А. И. Татаркин, Тарадина, Е. М. Шматкова, Д. О. Шеяненко, и другие.

Тем не менее, можно сказать, что целостный социологический анализ инновационных практик социального предпринимательства в современной России пока еще не был проведен.

На территории нашей страны социальные предприятия как правело ведут свою деятельность как организации, деятельность которых связана либо с производством какого-либо товара, либо с оказанием того или иного вида услуг. Чаще всего это создание парикмахерских или прачечных эконом класса, решение проблем занятости многодетных мам, небольшие производства технических средств для людей с ограниченными возможностями.

В сфере социального предпринимательства сегодня нет нормативных актов, которые бы полностью определяли все вопросы, касающиеся этой сферы. Однако на законодательном уровне в последнее время выдвигаются определенные инициативы.

Слабо развита система грантов и конкурсов в этой области. Многие из них сегодня либо проводятся и финансируются частными фондами, либо иностранными инвесторами, в отдельных случаях регионами РФ. На федеральном уровне социальное предпринимательство не стимулируется в необходимом объеме.

Социальное предпринимательство в условиях современной экономики играет важную роль. Оно может осуществляться как на коммерческой, так и на некоммерческой основе. Социальное предпринимательство в России на сегодняшний день постепенно набирает обороты, но стоит обратить внимание на очень сложный аспект в развитии социального предпринимательства — это отсутствие нормативно-правовой основы. Чем скорее будет принят закон, в который необходимо заложить меры государственной поддержки, тем быстрее социальное предпринимательство будет развиваться.

Список источников

1. Долгорукова И. В. Инновационный потенциал социального предпринимательства как фактор повышения уровня и качества жизни населения // в сборнике: Качество жизни человека в нестабильном мире. Материалы выступлений XV Международного социального конгресса. 2016. С. 39—41.
2. Долгорукова И. В. Современные практики реализации корпоративной социальной политики на российских предприятиях // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 206—214.
3. Dees J. Gregory. The Meaning of Social Entrepreneurship. 1998. URL: <http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocialEntrepreneurship.pdf> (дата обращения: 27.01.2016).
4. Yudina T.N., Osadchaya G. I., Leskova I. V., Dolgorukova I. V., Kireev E. Y. The Eurasian Economic Union: Migration Risks // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4. С. 451—457.

А. Н. Пружинин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ

ПРУЖИНИН Александр Николаевич — студент ИСН ИГУ, Иркутск, Россия; mr.wasa80@mail.ru

Аннотация. Сравниваются европейские и восточные представления о счастье, приводятся результаты американских исследователей. В статье рассматривается идеология потребления, как основной противник подлинного человеческого благополучия и счастливости. Приводятся подходы изучения счастья российских психологов-психотерапевтов. Прогнозируется трансформация культуры счастья в Российской Федерации

Ключевые слова: Счастье, бытийственность, благополучие, личностный конструкт

Вопрос о «компонентах» счастья, счастливости человеческой жизни, актуален для большинства современных людей, им задаются крупные экономические компании, стремящиеся получать на этом выгоду, пытаются ответить организации подобные ООН, что же такое человеческое счастье? Какая существует взаимосвязь между внешними социальными, экономическими и бытовыми благами и внутренним эмоционально-психологическом состоянии. Актуальность вопроса счастливости изучается и преподается в Гарвардском университете.

Рассмотрим данный вопрос с точки зрения американского исследования, показавшее; для американца счастье- это 100 тысяч долларов дохода в год. Сегодня среднестатистический доход американской семьи 50 тысяч долларов. При этом 6% респондентов данного исследования говорят, что счастье — это духовная категория и его купить нельзя, 10% респондентов из 1000 утверждают, что для счастья не нужно много финансов и для этого достаточно 30 тысяч в год. Исследование из Принстонского университета рассматривает взаимосвязь между количеством денег и уровень счастливости, который перестает расти после того, как американец начинает зарабатывать больше 75 тысяч долларов. Психологи объясняют это тем, что за деньги человек обретает удовольствия и удовлетворённость от жизни [3].

Крупные Американские компании управляют «счастьем» для более конкретных целей: повышение эффективности работоспособности персонала, увеличение альтернативных «нестандартных» «творческих» «латеральных» путей развития на рынке, инновации в стратегии ведения

дел. Воплощаются технологии «управления счастьем» или как ещё их называют «счастье на работе», «счастье в карьере» в том, чтобы сотрудник приходил на работу полный сил, был свободен в общении с коллегами, имел чувство защищенности, заботу о себе от компании. Достигается это посредством понимания, чем мотивировать конкретного сотрудника, или: нельзя мотивировать всех по шаблону. Расширение социального пакета, сотрудник должен быть спокоен, за гарантии сохранения своего здоровья завтра. Уважение к сотруднику, рассмотрение инициатив, предложенных им, поддержка коллектива. Опытные HR-менеджеры уделяют особое мнение мнением лидирующим сотрудникам в рейтингах компании, особенно когда последние могут находиться на этапе эмоционального выгорания или стресса, и заблаговременно организуют поддержку [1].

Американская культура рассматривает счастливость человека, как обладание внешними экономическими ресурсами в большей мере, гарантий стабильности «завтра» в условиях жесткой конкуренции, иными словами внешнее обладание дает счастливость внутреннюю. Небольшая часть респондентов считает обратное.

Описывая особенности восточной культуры страны Бутан, где термин счастье определяется как сейчас — состояние настоящего момента, когда ни будущее, ни прошлое не важны, а вся полнота жизни сконцентрирована в данном моменте, приведем основные тезисы: Бутанцы считают, что большая часть людей ожидает счастья в будущем в виде материальных благ и удовольствий, и подменяют естественное состояние жизни «быть» в сейчас, на иметь. Суть учения Бутана в том, чтобы познать себя (понять, что ты хочешь), выбрать свой путь (место, профессию и т. п.) и полностью посвятить себя этому. Система ценностей бутанцев такова:

Восточный взгляд основывается на том, чтобы полностью сконцентрироваться на выбранном деле и посвятить ему всё своё внимание, в котором вы можете видеть радость, смысл, учение и т. п., тем самым бытийствовать в этой жизни — находиться в гармонии самим собой, обществом и миром [4].

Среди отечественных психологов-психотерапевтов вопросом о человеческом благополучии и счастье занимаются С. В. Ковалёв, М. Е. Литвак, С. Е. Кургинян. Специалисты сходятся в том, что счастье — это комплексное сочетание реализации желаний человека, смыслов и причин этих желаний, которые по мнению С. В. Ковалева могут быть по двум основным причинам: от страха — чаще всего неконструктивная причина желания для личности, от любви — почти всего конструктивная причина желания для личности. И реализованность сторон благополучия, которое состоит из здоровья, дружбы, любви, материального благополучия (денег), хороших отношений в семье и наполненностью приятными событиями (субъективно для каждой личности).

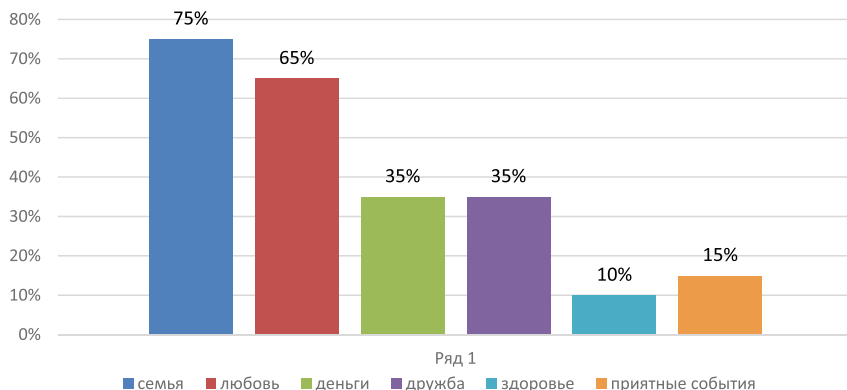

Рис. 1

На данной классификации благополучия было проведено исследование, были опрошены 20 студентов ИСН ИГУ (19—21 год). Задача респондентов заключалась в определении основных источниках благополучия, которые делают вас счастливее. В лидерах оказались семья и любовь, деньги и дружба с явным отставанием от первых двух на одном уровне (см рис. № 1).

Составляющие счастья в России будут изменяться в сторону индивидуализма: личной популярности, уровню доходов и т. п., что обусловлено навязыванием концепции потребления. Как считает С. Е. Кургинян XXI в. время, когда методы технологии роста личности, делающие жизнь счастливее, доступны, но внимание людей захламлено суррогатом развития «чтобы быть более успешным вы должны больше зарабатывать и выглядеть лучше», а не чувствовать верность своего выбора и приятности реализации. Это заменяет человеческое быть, на казаться, важнейшую проблему нашего времени, «жизнь на показ», требующую одобрения со стороны, тем самым создавая «алкоголизм одобрения» зависимость, порождающая глубокие внутриличностные конфликты, или как уже было сказано — противоречит самой сути жизни. Заставляет внимание человека застопориться на заработке денег, частично забывая о константах жизни: здоровье, семье, близким и т. п.

Возможно небольшая когорта психологов сможет внести в массовую культуру российского общества выверенные системы ценностей, экологичные к нашему сознанию, основанные на долговременных смыслах деятельности и развития. Сделав благополучную жизнь намного доступнее [2].

Счастье перестает принадлежать только философии. Сегодня оно встраивается в экономическое понятие. В экономике управляется HR-менеджерами и существует для конечной цели: увеличения доходов,

вбирает в себя мотивирование человека через экономические блага. Входит в область изучения психологии, и находит в ней воплощение, как система ценностей общества и самой личности.

От устойчивой позиции: бытие определяет сознание происходит переход: сознание определяет бытие, когда воля предаёт новые положительные качества личности, раскрывает её потенциал, и скрытые ресурсы. Для этого перехода формируется система психологических тренингов, которые раскрывают и увеличивают ресурсы личности человека. Переводя счастье из разряда недостижимого, в разряд достижимого или обыденного.

Важной деталью счастья населения играет и экономическая составляющая, если экономический кризис в России будет укрепляться, это повлечёт за собой падение уровня экономических благ, а также уровня удовлетворенности от жизни. Нарастающее напряжение способно вылиться в всплеск уровня недовольства политической властью, массовым демонстрациям, подкрепляющим желание «не жить» в России и относиться к большинству происходящему негативно. Очень важна репутация страны в глазах её граждан, которая формируется из социально-экономических показателей — следствие действий власти.

Основной особенностью трансформацией счастья становится переход понимания счастья человека к более прагматичной форме экономических благ и их стабильности, а также новых навыков развития сознания — личностных ресурсов, помогающих человеку найти витальные смыслы своей деятельности и лучше реализовывать поставленные цели, повышать стрессоустойчивость, коммуникабельность и т. д. Возникает и опасность навязывания лживых экономических ценностей, обусловленных идеологией потребления, разрушающей человеческую личность. Возможно культура счастья, отбрасывая от себя все лишнее, что противоречит природе нашего сознания, придет к своей конечной здоровой форме, позволяющей личности конструктивно развиваться и социализироваться в обществе.

Список источников

1. Брагин А. Г. Управление счастьем» сотрудников — просто слова или эффективная мера повышения конкурентоспособности организации // Системное управление. Вып. 4. Саранск : Национальный исследовательский Ин-т МГУ им. Н. П. Огарёва, 2013
2. Левит Л. З. В погоне за счастьем: основные экспериментальные результаты // Смальта. Вып. 4. Киев : Ин-т психологии им. Г. С. Костюка, 2014.

3. Исследование помогло определить, сколько стоит счастье [Электронный ресурс] / Информационная служба «Века». URL: <http://goo.gl/hbOkro> (дата доступа 18.02.17)

4. Рябова Н. М. Счастье как жизненная компетентность: где учат счастью? [Электронный ресурс] / Информационная служба «Века». URL: <http://goo.gl/CVfWVS> (дата доступа 18.02.17).

Е. О. Нидергаус

«ПОСЕДЕНИЕ» ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА КАК РИСК ТРАНСФОРМАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

НИДЕРГАУС Елена Олеговна — старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, УрФУ, г. Екатеринбург, Россия; e. o.nidergaus@urfu.ru

Идея трансформации не нова, эти процессы с определенной периодичностью повторяются, начиная с их возникновения в Средневековье и до перехода к классическому Гумбольдтовскому университету¹ [1].

Проблема дефицита качественных человеческих ресурсов, необходимых для преобразования российской академической среды, а именно «поседение» профессорско-преподавательского состава, часто оценивается как одно из основных возможных препятствий или барьеров на пути успешной трансформации университета [2,3].

Насколько обоснованы эти опасения?

Десять лет назад 53,3% доцентов были в возрасте старше 50-ти лет, а 56,8% профессоров имели возраст старше 60-ти лет [4]. Вместе с тем, начиная с 2007 года, в академической среде происходят существенные изменения, позволяющие говорить о своеобразном «омоложении» состава преподавателей высшей школы.

Для обоснования этого утверждения был проведен анализ статистики преподавательского состава российских университетов [5,6]. Все преподаватели вузов условно были поделены на три возрастные группы, «молодые», чей возраст не превышает 35 лет, «зрелые» (возрастная категория от 36 до 55 лет) и передающие опыт» — старше 56 лет. Возрастная структура профессорско-преподавательского состава, по данным Института социологии РАН и Центра социального прогнозирования и маркетинга, на период 2015 года представлена рис. 1 [5].

Анализ возрастной структуры ППС позволяет сделать вывод о том, что основная масса (42%) преподавателей вуза — сотрудники «зрелого», «золотого» возраста от 36 до 55 лет, имеющие необходимый опыт и достаточную работоспособность. По-прежнему высок, но существенно меньше, по сравнению с 2007 годом, удельный вес категории сотрудников в возрасте старше 56 лет.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержанного РГНФ.

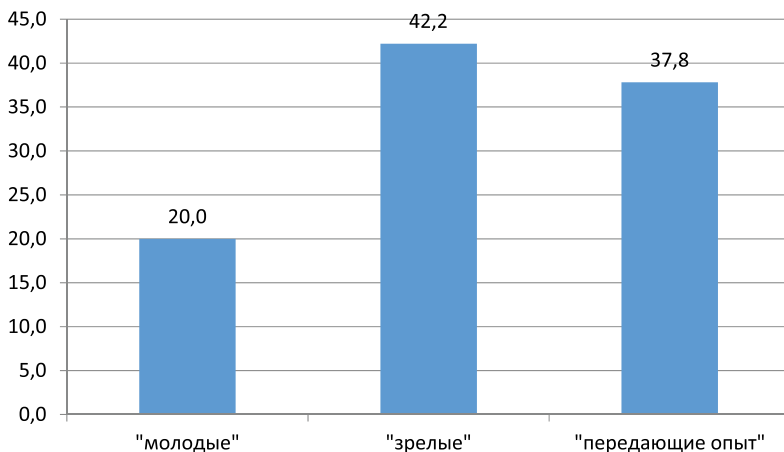

Рис. 1. Возрастная структура ППС в трех группах, 2015 год в %

Для более точной диагностики логично наряду с возрастом рассмотреть опыт работы.

Основная доля сотрудников приходится на преподавателей, чей стаж работы превышает 20 лет. С одной стороны — это показатель качества, чем больше стаж работы, тем большая интеграция в социально-профессиональную общность, и тем выше лояльность сотрудников к своей профессии. Но с другой стороны, это показатель, характеризующий наличие устоявшихся стереотипов профессиональной деятельности.

Наименьшие доли приходятся на преподавателей со стажем работы до 3-х лет и от 3-х до 5-ти лет. Присовокупив к этим данным предыдущие показатели численности молодых преподавателей (в возрасте до 35-ти лет) можно согласиться с утверждением о существовании проблем воспроизводства профессорско-преподавательского состава.

Причинами неполного воспроизводства численности научно-педагогических работников являются высокие барьеры вхождения в профессию. Подобными барьерами, на наш взгляд, являются снижающийся престиж профессии преподавателя российского университета, неконкурентоспособность профессии на рынке труда.

Объективной причиной оттока молодежи из академической сферы служит тенденция сокращения численности преподавательского состава по демографическим причинам, сокращение числа студентов. К субъективным причинам неполного воспроизводства ППС можно отнести, по нашему мнению, высокие требования к качеству «входящего трудового ресурса» (молодых сотрудников) и при этом невысокий (в сравнении с другими отраслями экономики) уровень вознаграждения за труд, не-

стабильность социального статуса, обусловленная заключением срочных трудовых договоров.

Вторая по численности — это группа преподавателей со стажем работы в университете от 10-ти до 15-ти лет и третья — со стажем работы от 5-ти до 10-ти лет. Можно считать, что именно они обеспечивают устойчивость и стабильность социально-профессиональной общности. В то же время, именно данной возрастной группе придется нести на себе основной груз проблем и последствий трансформационных изменений.

Существует расхожее мнение о том, что внедрение новой модели управления университетом сопровождается сокращением численности преподавателей университета. По данным Института социологии РАН, в 2016 году наблюдается сокращение численности ППС. Эта тенденция не нова, она взяла свое начало в 2011 году и постепенно набирает обороты, к 2019 году падение составит 22,6% по сравнению с 2010 годом [5, с. 177].

Данных, указывающих на непосредственное (прямое) влияние внедрения предпринимательской модели управления университетами на численность ППС, нет. Тенденция сокращения численности ППС обусловлена сокращением численности обучающегося контингента как следствие «демографической ямы». В 2018/2019 учебном году численность студентов на 26,7% меньше, чем в 2010/2011 [5, с. 164]. Статистических данных подтверждающих или оправдывающих опасения научно-педагогических работников относительно сокращения их численности в зависимости от внедрения новой модели управления университетом нет.

Таким образом, можно говорить об определенном «омоложении» состава преподавателей высшей школы. В то же время, говорить о полном нивелировании данного вида риска не стоит, так как по-прежнему сохраняется большая доля преподавателей пенсионного возраста.

Следует признать, что опасность влияния возрастных рисков на результаты трансформации академической среды преувеличена.

Исследователи инноваций обосновали положение о двойном назначении выделяемых рисков, поскольку последние являются не только барьерами, но и активными факторами развития трансформационных процессов [7,8]. Задача исследователей при анализе рисков трансформационных процессов заключается в преобразовании слабо контролируемых рисков в контролируемые, оценке степени влияния неконтролируемых рисков. Внедрение предпринимательской модели в академическую среду предполагает использование предпринимательского подхода к управлению университетом, согласно которому любой вид рисков должен анализироваться с точки зрения возможности управления им.

Список источников

1. Нефедова А. И. Университеты в стремлении к глобальному превосходству рецензия на книгу: Münch R. (2014) *Academic Capitalism: universities in the Global Struggle for Excellence*. New York: Routledge // Вопросы образования. 2016. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/university-v-stremlenii-k-globalnomu-prevoshodstvu-retsenziya-na-knigum-nch-r-2014-academic-capitalism-universities-in-the-global> (дата обращения 13.01.2017).
2. Фисенко А. И., Омельченко Л. Ш. Предпосылки и направления трансформации высшего образования в условиях постиндустриального этапа развития России // ТДР. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-napravleniya-transformatsii-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-postindustrialnogo-etapa-razvitiya-rossii> (дата обращения 14.01.2017).
3. Абрамов Роман Николаевич Трансформации академической автономии // Вопросы образования. 2010. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-akademicheskoy-avtonomii> (дата обращения 28.01.2017).
4. Преподаватели российских ВУЗов. Обзор материалов государственной статистики и мониторинга экономики. Юсипова Д. Р. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208184667/10.pdf> (дата обращения 28.01.2017).
5. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М. : Институт социологии РАН : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
6. Труд и занятость в России, 2015 с. 123. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/lssWWW.exe/Stg/04—20.doc (дата обращения 01.12.2016).
7. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996.

Е. В. Головацкий

МОБИЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ

ГОЛОВАЦКИЙ Евгений Васильевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук, социально-психологического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия; xomaik@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются варианты мобилизации социальных ресурсов политических нововведений. Отмечается значение социальных ресурсов в политических нововведениях. Сравнение традиционных и перспективных форм мобилизации ресурсов, подчеркивается перспективная роль современных информационно-коммуникационных практик социально-политического взаимодействия. Само соотношение используемых и перспективных форм мобилизации является компромиссным, т. к. одновременно позволяет сохранить ядровую основу ресурсов, и в то же время открывает дорогу использованию новых приемов и средств. Данное свойство является ценной характеристикой для сохранения устойчивости социально-политического взаимодействия в условиях политических нововведений. Подчеркивается роль виртуальных технологий и современных коммуникаций в повышении мобилизационного уровня ресурсного обеспечения нововведений. Активизация социальных ресурсов в виртуальной среде позволяет практически любое взаимодействие сделать официальным, превращаемое в официальный публичный акт, в т. ч. политический. Отмечается выбор исследовательских методов изучения мобилизации социальных ресурсов нововведений классических опросных социологических методов, а также методов анализа интернет-аудитории, метода «проблемное колесо», социоинженерных методик.

Ключевые слова: мобилизация ресурсов, социальные ресурсы, политические нововведения, социально-политическое взаимодействие

Формирование и освоение политических нововведений в обществе связано с проблемой ресурсного обеспечения новых и заимствуемых (трансфертных) проектов. Наличие у сторон-участников социальных ресурсов еще не обеспечивает гарантированное оснащение политических нововведений, особенно когда речь идет о региональном или местном уровнях социально-политического взаимодействия. Не все вопросы

имеют решение при помощи публичной политики, административного воздействия и силовых мер.

Социальные ресурсы — представляют совокупность запасов, средств, потенциалов социального взаимодействия, которые используются (могут быть использованы) в обществе в социальном взаимодействии и социально направленной деятельности. Социальные ресурсы позволяют людям насыщать, наполнять процессы социального взаимодействия предметно-вещными отношениями, предметами материальной культуры, духовными ценностями, создавать и поддерживать привычную для участников взаимодействия жизненную среду.

Исследователи отмечают, концепты «ресурсной мобилизации» и «структуры политических возможностей» [1], которые наряду с другими коммуникативно-деятельностными подходами могут определять качество и направленность реализации политических нововведений в обществе.

Под политическими нововведениями мы понимаем действующую совокупность актуальных приемов и средств, направленных на качественное изменение, трансформацию существующих практик социально-политического взаимодействия в обществе.

«Современные политики поддерживают связь со своим избирательным округом посредством медиа. Крупные выборы и большая часть политики в целом стали в значительной мере телевизионным феноменом. Телевидение заменяет активное участие и ослабляет местные структуры неформальных общественных организаций (grass-roots); политическое внимание все больше переходит на удаленные источники власти и манипулирования» [4].

Активизация «виртуального»/сетевого политического участия посредством интернет-коммуникаций возможно свидетельствует о формировании нового формата «третьего места». Когда в принципе каждый пользователь начинает играть самостоятельную роль в формировании, обсуждении и принятии решений по поводу того или иного политического события.

По аналогии с подходом М. Липсета базирующимся не столько на примерах реализации политики и выборов, сколько рассматривающим примеры изучения «частного правительства» [3], можно предположить формирование новых практик социально-политического взаимодействия «личного виртуального политического кабинета» определенных пользователей и / или сообществ. При общих правах демократического участия пользователи интернета начинают представлять собой самобытные (насколько это можно представить в глобальной информационно-коммуникационной сети) и дача автономизированные в смысле информационного воспроизводства сообщества заинтересованных пользователей.

В развитии данный пользовательский массив может преобразоваться в самостоятельное политическое нововведение в виде виртуального экспертного сообщества или элемента политического управления.

Сочетание традиционных, современных и перспективных форм мобилизации социальных ресурсов показаны нами на рисунке (см. рис. 1).

Рис. 1. Мобилизационные формы использования социальных ресурсов в политических нововведениях

Автономизированные формы мобилизации гипотетически дают возможность «активизировать» ресурсное сопровождение 24 — часа в сутки, с возможностью удаленного доступа, привлечения консультативно-экспертных систем «on-line» и / или «off-line», а также существует возможность записывать «свою историю» социально-политического взаимодействия.

Новейшие технологии несут элемент непредсказуемости, но еще большая проблема связана с использованием традиционных приемов и технологий [2]. Зачастую отработанные рутинизированные приемы могут оказаться препятствием на пути продвижения нового. В то же время традиционность сохраняет направленность и процессуальность социальных и политических практик, служит связующей тканью для наращивания инноваций.

Мобилизация социальных ресурсов в виртуальной среде позволяет любое взаимодействие сделать официальным, превращает его в ре-

гламентированный и одновременно публичный акт, выполняемый на глазах у «многих других», существует возможность одномоментного коллективного обсуждения и визуального сопровождения (например, фото- видео-ресурсы, инфографика и онтография, методы социального картографирования). Вместе с тем исследователи отмечают существование неравномерных темпов освоения современных информационных технологий населением и представителями власти. В результате формируются риски освоения «вневластных» форм социально-политического взаимодействия граждан.

Отмечаются развивающиеся в обществе спонтанные процессы самоорганизации, существенно отличающиеся от провластных моделей, построенных преимущественно по иерархическому принципу линейно-функционального управления. Новые модели изначально строятся на принципах «диалога и равной коммуникации участников и выступают как субъект-субъектные отношения» [5, с. 267].

Мобилизация социальных ресурсов политических нововведений в принципе связана с сочетанием традиционных современных и перспективных форм и приемов, представляя компромисс между возможностями инициаторов нововведений и общественными ожиданиями.

Общественно-политические акты, осуществляемые в наше время, по сути, являются продолжением таких форм коллективной демонстрации социальных и политических интересов как публичные ритуалы, депутатские представления представителей населения и различных социальных групп, торжественные процессии, народные собрания, майданы и пр.

Среди методов изучения мобилизации социальных ресурсов политических нововведений помимо традиционных социологических методов, можно обозначить метод анализа интернет-аудитории, «проблемное колесо», привлечение социоинженерных методик. Вероятны перспективы использования «мягких» форм мобилизации социальных ресурсов политических нововведений.

В связи с возрастающим влиянием новых сетевых практик социально-политического взаимодействия, ростом инновационных проектов необходимо обратить внимание на реализацию реального сектора социальных и политических инициатив. Особую актуальность данный подход приобретает в связке «социальные и политические инициативы населения — местные сообщества». По итогам исследования проведенного в 2015 г. на кафедре социологических наук Кемеровского госуниверситета (опрошено 600 чел. из 6 городов Кузбасса) мы отметили основные ресурсы, используемые организаторами нововведений. В частности: заимствования: зарубежные политические технологии называют 13,5% респондентов; информационное воздействие СМИ отмечают 13%. Новые

идеи и уникальные знания российских ученых называют 10,7 % респондентов, в тоже время 9,2 % отмечают значимость жизненного опыта старших поколений. Среди ресурсов, которые необходимо активнее использовать инициаторам нововведений в будущем респонденты называют: знания и умения ученых 14,3%; делать ставку на молодежь — 11,8%; и также учитывать опыт и возможности старших поколений — 10,3%. Таким образом, актуализируется перспективная мобилизационная ресурсная модель ориентированная на знание и научный подход, потенциал молодежи, опирающейся на ранее успешно реализуемые социально-политические практики.

В рамках кафедрального социологического исследования проводится изучение мобилизации ресурсных возможностей населения региона, грант РГНФ 17—33—01108 на тему: «Мобилизация инициатив местного населения в решении социальных проблем территорий». Полагаем, что изучение возможностей мобилизации гражданских инициатив в формате региона (включая «сетевые перспективы») позволит рассмотреть скрытые местные возможности, проанализировать перспективы, а также реальные уже реализуемые проекты. Предлагается рассмотреть традиционные и новые формы мобилизационного участия населения в решении социальных проблем территории, в социальном и политическом развитии региона.

Список источников

1. Ачкасов В. А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник СПбГУ. Сер.: 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 3.
2. Дятлов А. В. Социальные ресурсы: условия самодостаточного развития // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2.
3. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. М. : Мысль, 2016.
4. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
5. Расходчиков А. Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 263—273.

Д. В. Гюль

АКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ОНЛАЙН: НАСКОЛЬКО ТЯЖЕЛ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

ГЮЛЬ Ддаря Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия; fisa-f@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается такая характеристика студента как активность и ее значение при обучении онлайн, влияние высокого уровня активности на процесс проигрывания социальной роли «учащийся». Проанализированы характеристики, необходимые для успешного обучения онлайн, выделяемые зарубежными исследователями. Эмпирической базой исследования являются материалы, полученные в рамках исследования по гранту РФФИ «Влияние новых цивилизационных факторов на образовательные форматы университета в современной России: повседневные практики и перспективы», проведенного в 2014—2016 гг. группой исследователей Самарского университета. На основе эмпирических данных, полученных с помощью метода свободного интервью с участниками образовательного процесса онлайн (преподаватели, пользователи онлайн услуг, организаторы онлайн образовательных площадок), выявлены предпосылки более высокого уровня активности онлайн учащихся по сравнению со студентами, обучающимися по традиционной форме, сферы этой активности, специфика активности российских студентов, восприятие учащимися требований к уровню активности.

Ключевые слова: онлайн обучение, онлайн образование, роль студента в онлайн обучении, образовательный процесс онлайн, свободное интервью, активность обучающегося

За прошедший год рынок электронного обучения оценивался в 166.5 миллиардов долларов. По прогнозам эта сумма должна вырасти к 2017 году до 255 миллиардов долларов. По последнему исследованию Global Shapers Survey 78 % из опрошенных 25000 молодых людей имели опыт прохождения онлайн курсов. 48 % заявило, что будет продолжать приобретать сертификаты, подтверждающие владение конкретным навыком, даже после того, как начнут работать. И хотя около половины респондентов считают, что онлайн образование не является настолько же качественным, как классическое образование, 41 % респондентов считает его таким же сильным [1].

Став неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, онлайн обучение привнесло в образовательный процесс много изменений и с точки зрения построения самой учебной ситуации [2], и с точки зрения трансформации основных образовательных институтов: лекции [3], университета [4]. Неизбежно происходят изменения в и социальных ролях акторов образовательного процесса — преподавателей и студентов.

В работе проанализирован такой момент как активная позиция онлайн учащегося. Эмпирическую базу исследования составили около 40 свободных интервью с создателями онлайн образовательных площадок, с руководителями и преподавателями вузов, с пользователями услуг онлайн образования (Грант РФФИ № 14-06-00181 «Влияние новых цивилизационных факторов на традиционные образовательные форматы университета», 2014—2016 гг.).

Студент, обучающийся онлайн, должен быть гораздо более активным, чем учащийся в традиционной форме, который, зачастую, может довольствоваться пассивной ролью слушателя. Рена М. Палофф и Кейт Пратт отмечают следующие характеристики, которыми должен обладать студент для успешного обучения в онлайн форме: открытость, гибкость и чувство юмора, честность, желание принять на себя ответственность за все сообщество, желание работать совместно, максимизация участия для активизации сообщества [5]. Фредерико Боргес называет в качестве обязательных характеристик ответственность, высокую вовлеченность, самообучаемость, работу в упреждающем режиме, саморегулируемое обучение, вовлеченность в регулярную и эффективную коммуникацию, обучение в команде, способности к поиску, отбору, анализу, производству и передаче информации и знаний [6].

Эти характеристики помогают и при традиционной форме обучения, но в онлайн обучении они становятся необходимыми, иначе опыт онлайн обучения будет отрицательным.

Проанализировав тексты интервью, можно утверждать, что активная позиция студента обусловлена:

1. Осознанным выбором того, что надо ему для практической деятельности, насущной потребностью в конкретных знаниях. Эта потребность диктуется современными условиями работы, в которых высок уровень конкуренции, работодатель становится все более «капризным» и требовательным. Не только человеку, находящемуся в поиске работы, но и уже работающему, приходится доказывать, что он лучше, чем его конкуренты. Сертификаты онлайн курсов — способ продемонстрировать работодателю свою способность к обучению, целеустремленность, умение работать на результат, а также практические навыки в своей сфере. Хотя многие информанты подчеркивают, что в онлайн обучении важен как раз не сам

сертификат, а знания, умения, навыки, сам факт успешного прохождения онлайн курса.

2. Возможностью самостоятельного выбора самих курсов, а также наиболее удобного графика и формата занятий. Это дает человеку ощущение, что он управляет процессом, контролирует его, тогда как в классической форме от слушателя порой мало что зависит. Что ему преподносится, то он и должен воспринять. В результате возникли и развиваются такие социальные феномены как *lifelong learning* (обучение на протяжении всей жизни) и *self-driving education* (самостоятельно управляемое образование).

Современный российский студент в рамках онлайн обучения берет на себя многие функции, которые при традиционном обучении были делегированы другим участникам образовательного процесса. Это функция организации обучения (подбор дисциплин, график учебы, выбор форм обучения, организация учебного пространства и др.), функция контроля знаний и обнаружения пробелов в нем, функция стимулирования к познавательной деятельности. При анализе эмпирических данных выявлено, что российский студент, также обладающий высоким уровнем активности в образовательном процессе, несколько отличается от «идеального» по западным образцам онлайн обучающегося в плане коммуникативных потребностей и навыков. Студенты видят возможности для коммуникации как с преподавателями, так с другими студентами, но если с преподавателями они общаются в силу потребности получить как можно больше знаний в своей области, то с другими учащимися необходимости в коммуникации не ощущают. Причем, чем старше студент, тем меньше выражена у него эта потребность в общении с «одногоруппниками», так как он воспринимает онлайн взаимодействие как ущемное, неполноценное. Молодое же поколение студентов воспринимают электронное общение как вполне естественное и в большей мере включено в коммуникации со всеми участниками обучения.

Итак, с одной стороны, возможность самому «рулить» процессом привлекает студентов, с другой стороны, увеличение набора функций, выполняемых студентом в процессе обучения, и является причиной того, что всего около 15% слушателей справляются с программой онлайн курса [7]. Интервью показывают, что студенты осознают этот груз ответственности и благодарны, если онлайн площадка берет часть из вышеуказанных функций на себя, определенным образом сближаясь с привычным форматом классической формы образования. Тем не менее, высокий уровень активности студента онлайн является необходимым условием успешного завершения обучения и влечет за собой изменения в проигрывании социальной роли учащегося.

Список источников

1. Zi Hu, Jiyuan Yu Four Trends that Will Change the Way we Work by 2021, Fast Company. September 2016. <https://www.weforum.org/agenda/2016/09/is-online-learning-the-future-of-education/>.
2. Гюль Д. В. Особенности конструирования образовательной ситуации при обучении онлайн // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансурова. М. : Российское общество социологов, 2016.
3. Лехциер В. Л. О судьбе лекции в цифровую эпоху: теоретический обзор, эмпирической анализ // Вестник Самарской Гуманитарной Академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 62—77.
4. Лехциер В. Л. Университет в глобальном мире: «обитание в руинах» или новый Золотой век? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 12—18.
5. Rena M. Palloff, Keith Pratt (2005) The role and responsibility of the learner in the online classroom — 19 annual Conference of Distance teaching and learning. http://www.uwex.edu/disted/conference/resource_library/proceedings/03_24.pdf.
6. Federico Borges The role of the online learner: onsite students becoming online learners. UOC Girona, juny 2008 Universitat de Girona. <http://dugidoc.udg.edu/bitstream/handle/10256/994/189.pdf?sequence=1>.
7. Долой сомнения. Почему не стоит опасаться онлайн-курсов и как гарантировать результат [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.ua/techno/kurs-na-online/doloy-sommenija-pochemu-ne-stoit-opasatsja-onlajn-kursovi-kak-garantirovat-rezultat-130396.html> (дата обращения 26.02.2016).

И. П. Салтанович

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА ОБЩЕСТВА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ

САЛТАНОВИЧ Ирина Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь; saltan@tut.by

Аннотация. Тезисы поднимают вопрос социокультурного контекста инноваций, связи между культурой и экономикой, творческими индустриями и инновациями. Культура одновременно испытывает на себе воздействие перемен в обществе и несет ответственность за эти перемены, так как глубинные, коренные преобразования основательны настолько, насколько они воплощаются в культуре и, напротив, изменения в культуре основательны настолько, насколько они воплощаются в «фундаменте» жизнедеятельности общества и государства. В русле исследования тесной взаимосвязи культуры и инноваций обозначаются механизмы их взаимодействия. Поскольку процесс устойчивого развития общества находится в интегральной зависимости от состояния и уровня его культуры, культура рассматривается как потенциал социокультурных достижений в совокупности с инновационными способами и результатами современной человеческой практики, определяя управление инновациями как экономику, с опорой на культуру и творческий потенциал развития человеческого общества.

Ключевые слова: социокультурная среда, инновационное развитие, потребность в инновациях, «креативный класс», стратегия, инновационно-продуцирующая, инновационно-восприимчивая среда

Инновация как социокультурный объект — это продукт сочетания креативно-творческой и предметно-практической деятельности субъекта, главной функцией которого выступает позитивное изменение, получающее широкий резонанс в социокультурной среде. Творческие инновации тесно связаны с общественным сознанием и социальной оценкой со стороны общества, поскольку оценочные суждения невозможны вне социально-культурно-исторического контекста [1].

Многолетнее взаимодействие рынка и инноваций лежит в основе всех развитых цивилизаций. Технологии способствуют повышению делового потенциала и уверенности в поступательном движении, а также

безопасности. Рынок мотивирует развитие технологий, а технологии способствуют более эффективному продвижению бизнес-идей, достижению бизнес-целей. Подтверждая очевидный факт, мы наблюдаем за тем, как в современную эпоху связь между экономическим развитием и инновациями становится все более структурированной.

Поскольку движение идей и капиталов в современном мире не ограничивается географически, то именно социокультурные факторы обычно характерны для географически обусловленных обществ. Следовательно, социокультурные характеристики могут рассматриваться с двух сторон: национальных — региональных обществ и профессиональных сообществ.

Культурный капитал — унаследованные или приобретенные качества индивидуума. Унаследованные не на генетическом уровне, а выстроенные во временном пространстве культурные и традиционные признаки конкретного общества, наследуемые обычно в семье через социализацию.

Имеется в виду социокультурная среда и система базовых ценностей, которая характерна для индивидуумов в обществе и которая проявляется через их отношение и привычки, в том числе предопределяя их выбор как потребителей. Здесь можно выделить два главных аспекта: потребность в инновациях — спрос на технологии и технологический толчок — принятие новых технологий.

Исследователями из Канады был опубликован аналитический отчет «Глобальный индекс креативности 2015» [2].

139 стран мира проанализированы по трем креативным показателям, обозначенным как 3Т — «Талант», «Технологии» и «Толерантность». Индекс GCI вывел Беларусь на 37 место. По индексу талантливости страна попала на восьмое место, где учитывалось образование (5 место) и наличие «креативного класса», в графе которого стоит прочерк. Это свидетельствует о том, что статистических данных, позволяющих выявить и посчитать процент «креативного класса» не оказалось.

Для Республики Беларусь понятие — «креативный класс» является абсолютно новым, не проговоренным, не обозначенным, и даже не прогнозируемым. А ведь те черты, которыми Р. Флорида наделяет новый класс людей в современно меняющейся экономике постиндустриального общества, характерные черты представителей новой реальности, формирующиеся в инновационно-восприимчивой, инновационно-продуцирующей среде.

По мнению Л. Табатадзе проблема состоит в том, что общие запросы бизнеса и социума на инновации опережают реальные научные и производственные возможности воплощать эти запросы в конечный продукт. То есть концептуальные идеи опережают возможности их научного

обоснования и реализации. В этом заключается главная социокультурная особенность инновационных процессов в современной Беларуси. О дальнейшем росте остроты этой проблемы свидетельствует тот факт, что отсутствует механизм формирования инновационной культуры у молодежи и населения, непрерывно сокращается численность и снижается качество научно-технических кадров.

Исследования в области кросскультурной психологии и смежных дисциплин указывают на то, что базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, продолжительность жизни, ощущение благополучия и счастья, но и на изобретательность и инновационные диспозиции личности, то есть можно смело утверждать, что оригинальность и «инновативность» зависят от социокультурного контекста.

По данным исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, ценности, задающие самый широкий спектр социальной активности и представляющие не столько индивида или малую социальную группу, сколько общество в целом («карьера, высокое положение в обществе — 8—10%; «творчество» — 5%; «общественное признание, известность, репутация» — около 3%) занимают периферийное положение в шкале предпочтений белорусов, что весьма показательно для нашей страны [3].

Трудная задача — формирование в обществе, не готовом к серьезным изменениям, умение адекватно реагировать на новые, порой радикальные вызовы и условия. При этом не возникает сомнения, культура, базирующаяся на классических ценностях, имеет жизненно важное значение для расширения возможностей маневренности.

Среда, которая стимулирует многообразие, разнородность в восприятии скорее будет питательной почвой для творчества. Но не все так однозначно. Само по себе существование различных, разнообразных коллективов непосредственно не приводит к формированию креативного поля в обществе. Инновации чаще всего происходят тогда, когда неожиданные, порой парадоксальные мысли соединяются с опытом, а также когда присутствует четкое понимание вопросов, которые должны решаться. Ключевым конкурентным преимуществом в инновационном развитии оказывается умение увидеть многообразие, сочетать многофакторность и сделать это приоритетом. При этом быстро уловить вызов или возможность, и из широкого спектра вариантов выбрать наиболее выгодный, возможно непредвиденный, но верный.

В Беларуси научными исследованиями занимаются 457 организаций, 294 из них — частные. Только в прошлом году белорусские ученые создали множество нужных и полезных изобретений. Стали активно работать поисковые кластеры. На базе более востребованных разработок происходит сбор сквозных научно-производственных объединений. НАН

преобразуется в крупную научно-производственную корпорацию. Наука у нас есть. Мощнейшие умы — тоже. Но необходимо преодолеть большой путь от колоссальной идеи до конечного продукта [4].

В развитии на любом уровне стратегия всегда занимала лидирующую позицию, будучи «королевой». Планирование, прогнозирование, выстраивание грамотных ходов создавало потенциал движения, являясь источником энергии всех последующих шагов. Так и будущее бизнеса прочно вписывалось в структурные схемы и рамки, а проще говоря, во всю систему. Грамотное управление, помноженное на хорошую работу, было гарантом успеха. Сегодня в инновационном развитии Беларуси мы можем наблюдать некоторую неопределенность, даже неуверенность в выстраивании стратегических задач с видением конечной точки их выполнения. Усложнилось даже планирование на ближайшую перспективу. Что же говорить о стратегии на ближайшие пять, а то и десять лет. Как будет выглядеть новый процесс, инновационный продукт — что изменится в «правилах игры» — вопрос не риторический.

Культуры, которые ценят и продвигают инновации, поддерживая их через созидание, управление, технологии, обучение и поощрение — более успешны в создании и поддержании инновационного потенциала. Кроме того, организации, которые не боятся риска, не теряются и даже «награждают» неудачи (не ошибается тот, кто не идет вперед), являются значительно более гибкими и инновационными, чем те, которые этого не делают. По существу, государство в инновационном процессе должно позволить его игрокам право на ошибку для проверки своих идей, чтобы у них появлялся реальный опыт, «сын ошибок трудный».

Культура является одним из серьезных факторов инновации, «сердечным ритмом» общественных преобразований. Процветание и рост сопутствует тем государствам, которые постоянно инвестируют в свой народ, стимулируя самостоятельность, активность, выверяя процессы модернизации общества по шкале социокультурной подложки.

Каждый социум рождает свой тип личности. И если говорить о проблемах, то основным барьером на пути инноваций может стать сам человек. Люди и их сопротивление, невосприятость, неумение, а чаще нежелание нового и создают те препятствия, которые блокируют их возможность увидеть вещи по-новому и делать вещи по-другому. Все инновационные методы являются, по своей сути, способами, чтобы заставить людей работать продуктивно и совместно. Для целенаправленного социокультурного развития важен не только сам потенциал, сколько возможности его реализации, капитализации, накопления.

Инновационное развитие социокультурного потенциала опирается на созидательное сознание и креативное мышление, реализуемое в ин-

новациях. Сегодня в качестве целевого ориентира инновационного развития социокультурного потенциала Беларуси должно выступать создание отличительных конкурентных преимуществ в условиях современной модернизации, создание инновационно-восприимчивой среды.

Стратегия должна опираться на силу имеющейся культуры, культурные потребности бизнеса. Если культура сильно резистентна (трудноизменяема), то и стратегия должна опираться на возможности и темп ритм культурной подложки. Требуется годы, чтобы их выстроить, также как и годы, чтобы их изменить.

Инновации чаще всего являются результатом воздействия конкретной социальной среды, которая выстраивает шкалу насущных вопросов и ответов, согласованно и отлажено провоцируя креативный способ мышления. Способность культуры повышать конкурентоспособность, становясь дополнительным ферментом (катализатором) в определенных секторах — еще один способ повлиять на глобальный потенциал роста, как экономики, так и всех сфер социального развития.

Список источников

1. Табатадзе Л. О. Социокультурные особенности управления инновационными процессами. М., 2011.
2. Florida R., Mellander C., King K. Global Creativity Index-2015. University of Toronto, 2015.
3. Лашук И. В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 31—53.
4. Чего нам не хватает, чтобы стать научной сверхдержавой. «Аргументы и факты» в Беларуси. № 37. 13/09/2016.

Т.Л. Маркова

ОБУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

МАРКОВА Татьяна Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия; tmark@mail.ru

Аннотация. Процесс развития инновационной экономики состоит в повышении качества человеческого капитала, в производстве знаний, высоких технологий, инноваций и высококачественных услуг. Цель данной статьи — проанализировать понятие «человеческий капитал», сформулировать задачи, стоящие перед педагогами вузов с точки зрения формирования инновационного человеческого капитала, и выявить противоречия в современной системе преподавания, препятствующие успешной реализации инновационной политики в высшей школе. В период с 2008 по 2016 г. г. был проведён ряд социологических исследований преподавателей Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ). Полученные данные позволяют увидеть позитивную динамику изменений в формах и методах преподавания в высшей школе. В целом, в современной высшей школе наблюдаются заметные положительные трансформации как в содержании, так и в формах и методах преподавания. Растёт понимание того, что качественный рост человеческого капитала выпускников вузов трудно представить без роста профессионального уровня преподавательских кадров.

Ключевые слова: инновационная экономика, человеческий капитал, высшая школа, методы обучения, преподаватель вуза

Процесс развития инновационной экономики состоит в повышении качества человеческого капитала, в производстве знаний, высоких технологий, инноваций и высококачественных услуг. Результаты последних исследований наглядно демонстрируют тот факт, что креативный, инновационный человеческий капитал является «самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природное или накопленное богатство» [6, С. 74] и «основополагающим фактором инновационных преобразований» [9, С. 257] в обществе. Цель данной статьи — проанализировать понятие «человеческий капитал», сформулировать задачи, стоящие перед педагогами вузов с точки зрения формирования инновационного человеческого капитала, и выявить противо-

речия в современной системе преподавания, препятствующие успешной реализации инновационной политики в высшей школе.

В отечественной и зарубежной литературе уделяется большое значение проблеме инновационных образовательных технологий в высшей школе и их влияния на развитие инновационного человеческого капитала. Нами был выделен ряд методологических подходов, на основе которых осуществляется анализ инновационных форм и методов преподавания и обучения в высшей школе.

Во-первых, понятие «человеческого капитала» прошло в своём развитии ряд этапов, которые характеризуются разными подходами к интерпретации самого понятия. К. А. Устинова, анализируя феномен человеческого капитала, приходит к выводу о том, что почти все определения человеческого капитала включают такие структурные элементы как способности, знания и навыки, профессиональный опыт и стаж работы, состояние здоровья, уровень культуры и мотивация [9, С. 257]. Несмотря на разнообразие выделяемых структурных компонентов, большинство авторов считают, что самым важным компонентом человеческого капитала является образование [3,6,7,10]. Т. А. Плаксунова утверждает, что «образование является ведущей отраслью производства человеческого капитала» [6, С. 76] В. В. Радаев говорит о влиянии профессионального образования на уровень дохода [7]. И. А. Крутий и О. В. Красина акцентируют взаимозависимость между полученными во время обучения знаниями, навыками и умениями и успешной реализацией в профессиональной деятельности [3, С. 128]. Н. Ю. Фёдоров указывает на то, что человеческий капитал формируется в процессе творческого труда, а необходимым условием его реализации является инновационная деятельность [10, С. 84]. Таким образом, в научной литературе подчёркивается доминирующее влияние фактора профессионального образования как совокупности приобретаемых знаний, навыков и умений на качество человеческого капитала и его инновационный потенциал.

Во-вторых, учитывая инновационную составляющую человеческого капитала, перед современными педагогами стоят серьёзные вызовы, связанные с необходимостью развития инновационного потенциала современных студентов. Одной из основных задач высшего образования становится раскрытие творческого потенциала студентов, стимулирование их новаторского мышления, формирование способности «добывать», анализировать и оценивать информацию, а так же стремления к постоянному обновлению знаний и повышению квалификации. В современном мире знания быстро устаревают: по оценкам, ежегодно обновляется порядка 5 % теоретических и 20 % профессиональных знаний [4, С. 29]. Обновление знаний и умений, подготовка и переподготовка становятся

решающими факторами, от которых зависит профессиональный успех отдельных индивидов, рост конкурентоспособности предприятий и компаний. Следовательно, в образовательном процессе должны использоваться активные, продуктивные методы и информационные ресурсы для усвоения знаний, формироваться методы познавательной и профессиональной деятельности, развиваться личностные качества [1,5,8]. Среди этих методов ведущую роль имеют проблемное и практико-ориентированное обучение, кейс-технологии, междисциплинарные проекты, деловые игры и творческие мастерские.

Насколько соответствует система преподавания и обучения требованиям инновационной экономики? С какими проблемами сталкиваются преподаватели? Проведённый концептуальный анализ требований инновационной экономики к качеству человеческого капитала был использован нами в качестве методологического при проведении эмпирического анализа. В период с 2008 по 2016 г. г. был проведён ряд социологических исследований преподавателей Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ): в 2008 (N=250), в 2011 (N=350), и в 2016 (N=301). Полученные данные позволяют увидеть позитивную динамику изменений в формах и методах преподавания в высшей школе.

Выявлено, преподаватели вуза, прежде всего, ориентированы на то, чтобы научить студентов учиться, искать нужную информацию, что свидетельствует о современном тренде в образовательном процессе и заслуживает положительной оценки. В то же время согласно последним данным только около половины преподавателей ставят целью формирование таких качеств, как «прививать вкус к знаниям, сформировать установку на непрерывное образование» и «развивать творческие способности, креативность», что очевидно идёт вразрез с ожиданиями работодателей в условиях инновационной экономики.

Обнаружено, что в преподавательской среде наметилась явная тенденция на внедрение активных методов и форм обучения. Независимо от возраста и квалификации, преподаватели интегрируют в учебный процесс деловые игры, тесты, анализируют кейсы, разрабатывают проекты, проводят круглые столы и исследования с последующим использованием в учебном процессе и пр. В то же время свыше половины всех опрошенных преподавателей придерживаются прежней парадигмы передачи знаний (больше внимания уделяется теории, а не практике) и достаточно медленно перестраивают свой подход к преподаванию.

В целом, в современной высшей школе наблюдаются заметные положительные трансформации как в содержании, так и в формах и методах преподавания. Растёт понимание того, что качественный рост человеческого капитала выпускников вузов трудно представить без роста

профессионального уровня преподавательских кадров. Этот факт, в свою очередь, актуализирует задачу повышения требований к педагогической составляющей деятельности преподавателей, «оптимизации системы их профессионально-педагогической подготовки» [2, С. 72]. Только постоянное совершенствование педагогического мастерства вузовских преподавателей позволит им своевременно реагировать на запросы и ожидания инновационной экономики в плане содержания, форм и методов обучения современных студентов. Поэтому одним из приоритетов в деятельности руководства вузов должно стать создание условий для непрерывного профессионально-педагогического образования педагогов высшей школы.

Список источников

1. Диденко Д. В., Ключарев Г. А. Профессиональное образование в России: пути догоняющей и инновационной модернизации // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 183—204.
2. Иванов В. Г., Кондратьев В. В., Кайбияйнен А. А. Современные проблемы инженерного образования: итоги международных конференций и научной школы // Высшее образование в России. 2013. № 12.
3. Крутий И. А., Красина О. В. Человеческий капитал: эволюция представлений // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 127—130.
4. Мартынов А. А. Новая индустриализация: взаимодействие экономической и социальной политики / А. А. Мартынов // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 2. С. 25—34.
5. Новиков А. М. Образовательный процесс в постиндустриальном обществе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2009. № 4. С. 7—11.
6. Плаксунова Т. А. Человеческий капитал в инновационной экономике // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 4—3. С. 74—76.
7. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20—32.
8. Реморенко И. М. Переход к инновационной экономике: возможности и ограничения для системы образования // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 54—72.
9. Устинова К. А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 253—257.
10. Федоров Н. Ю. К социологической интерпретации понятия «Человеческий капитал» // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 10 (29) Часть 3. С. 81—84.

М. А. Гришина

ПРОГНОЗНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

ГРИШИНА Марина Александровна — аспирантка социологического факультета ГАУГН, г. Москва, Россия; Mgrishina730@gmail.com

Аннотация. Коммуникационные программы в области общественного здоровья призваны воздействовать на население, повышая его информированность относительно собственного здоровья и возможных рисков и воздействуя на изменение поведения. Для успешной разработки и функционирования таких программ необходимо проведение прогнозного (предварительного) оценочного исследования, имеющего свою собственную специфику. Тезисы посвящены рассмотрению особенностей проведения прогнозного оценивания коммуникационных программ в области общественного здоровья.

Ключевые слова: Коммуникационные программы, прогнозное исследование, предварительное исследование, общественное здоровье, оценка программ

Во второй половине XX века происходит качественная трансформация социальных институтов и процессов, вызванных изменением характера заболеваемости в большинстве развитых стран мира. На смену инфекционным болезням приходят хронические болезни, связанные с урбанистическим с образом жизни, отсутствием приверженности пациента здоровому питанию, физической активности, наличием вредных привычек. Р. Дюбо назвал такие болезни «болезнями цивилизации». В западноевропейской и американской медицине существенно повышается понимание роли стратегических коммуникационных программ, основной целью которых является воздействие на общественное здоровье, на информированность, установки и поведение людей. В нашей стране в советский период массовая коммуникация в области общественного здоровья осуществлялась посредством санитарно-гигиенического просвещения, однако после распада СССР функционирование системы санитарно-гигиенического просвещения было прекращено, а новая система массовой коммуникации, альтернативная предыдущей, не была сформирована. На данный момент существуют лишь отдельные инициативы — примером может служить деятельность Фонда «Здоровье и развитие», занимающегося разработкой и реализацией коммуникационных

программ в области общественного здоровья. Тем временем именно в современности, характеризующейся увеличением интенсивности использования средств массовой коммуникации для этого направления открываются особые перспективы. Ключевым фактором возрастания роли коммуникаций в современности является научно-технический прогресс, который характеризуется созданием все более совершенных технологических средств массовой коммуникации.

Разработка и осуществление коммуникационных программ на всех этапах сопровождается процедурой оценивания. Согласно логически-функциональной типологии оценивания «полный цикл оценивания включает в себя три этапа: прогнозное, предварительное оценивание (pre-assesment), сопровождающее оценивание (on-going evaluation) и итоговое оценивание (ex-post evaluation). Прогнозное оценивание направлено на оценку ситуации, оценку планируемых результатов, выбор наиболее эффективных мероприятий, прогнозирование затрат. Оно является объективной основой разработки стратегий любого вида» [1]. Так, мы видим, что прогнозное оценивание ложиться в основу разработки любой стратегической программы, в т. ч. коммуникационной. Прогнозирование воздействия программ называют также «ассесмент влияния», в последнее время оно выделяется в особую сферу деятельности. По определению Комитета помощи развитию, «влияние (или воздействие) программы — это позитивные и негативные, главные или второстепенные долгосрочные изменения (эффекты), являющиеся прямыми или косвенными, запланированными или непреднамеренными следствиями выполнения программы» [2]. Согласно определению, данному Гослингом и Эдвардсом, «ассесмент — это процесс, включающий выявление и изучение проблемы, а также планирование действий, направленных на ее решение (полное или частичное). Ассесмент может включать различные этапы, но его конечным результатом всегда является ясный и реалистичный план деятельности, направленной на достижение четко определенных целей» [3].

Коммуникационные программы в области общественного здоровья имеют свои специфические особенности при проведении прогнозного оценивания. По мнению А. Кузьмина [4] существует три возможных подхода к оценке замысла программы: проведение экспертизы, моделирование, осуществление экспериментального проекта. Как, правило, прогнозное оценивание программ общественного здоровья проводится посредством проведения формативных и экспериментальных исследований. На стадии проведения формативных исследований формируется представление о социально-демографических характеристиках целевой аудитории, анализируется ее уровень информированности/знаний о здо-

ровье, выявляется частота посещаемости клиник и других медицинских организаций, способность восприятия информации через различные каналы и т. п. Основными методами на данной стадии является опрос представителей потенциальной целевой аудитории; экспертные интервью и фокус группы с врачами, представителями здравоохранения; фокус группы с потенциальными клиентами; контент-анализ и анализ документов [5].

На стадии экспериментального исследования проводится предварительное исследование небольшого масштаба, позволяющее предсказать необходимый размер выборки и скорректировать коммуникационную программу до ее осуществления в полном масштабе. На этом этапе анализируются характеристики первых пользователей программ, их удовлетворенность контентом получаемой информации, способом получения информации, проводится анализ потребностей, не учтенных при разработке программы, анализируется вероятное воздействие на изменение поведения участников. Среди наиболее распространенных методов выделяют опросы первых пользователей, а также проведение глубинных интервью и фокус групп с участниками экспериментального исследования.

Так, прогнозное оценивание коммуникационных программ в области общественного здоровья позволяет проанализировать потенциальную целевую аудиторию, исследовать ее потребности и включить их в программу, исследовать когнитивные возможности аудитории и барьеры для восприятия информации, предсказать основные способы воздействия на знания, установки и поведение людей, участвующих в программе.

Список источников

1. Беляев А., Цыганков Д. Оценивая эффективность реформы: новые технологии оптимизации государственной и отраслевой политики, Институт оценки программ и политик // «Вестник актуальных прогнозов „Россия. Третье тысячелетие“». 2004. № 11.
2. Development Assistance Committee Glossary of Key Terms in Evaluation and Results Based Management. Paris, France: OECD Publications, 2003
3. ZGosling, L., & Edwards, M. A practical guide to assessment, monitoring, review and evaluation (Vol. 5): Save the Children, 1998.
4. Оценка программ: методология и практика / под ред. А. И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелевой. М. : Издательство «Престо-РК», 2009.
5. Дмитриева Е.В., Фролов С. А. Руководство по созданию программ мобильного здоровья для женщин группы риска. URL: <http://www.fzr.ru/materials.html>.

С. С. Новикова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ РОССИИ: ПАРТИСИПАТОРНЫЙ ПОДХОД

НОВИКОВА Светлана Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии РГСУ, г. Москва, Россия; s_novikova60@mail.ru

Аннотация. Переориентация на новый подход проведения социальной политики в современном российском обществе ведет к изменению ее содержания — от патерналистского к партисипаторному. А также — к перераспределению полномочий и компетенций органов социальной защиты. Новая модель социальной защиты более рассчитана на активность населения, его способность к самоорганизации и соучастию при обеспечении своих конституционных прав. Одновременно будет обновляться понимание и компетенции профессии «социальный работник». Этот подход основывается на возможностях, которые предоставляет информационно-коммуникационная революция, на инновационных, прежде всего, с технологической точки зрения, социальных практиках. Абсолютное большинство социальных услуг в ближайшее время (в течение 10—15 лет) будут в той или иной мере связаны с интерактивной деятельностью населения в электронно-информационной среде. Сегодня цифровое неравенство молодежи и старшего поколения стремительно стирается. Введение инновационных социальных практик потребует создание мониторинговых авторизированных систем диагностики их применения.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, патерналистский и партисипаторный подходы, информационно-коммуникационные технологии

В современной России продолжается трансформация социальной сферы, идет поиск определения стратегии социального развития и соответствующей социальной политики. В научно-практическом дискурсе по этой тематике большое количество исследований сконцентрировано на двух проблемных полях.

Во-первых, на переходе от советской модели социальной защиты населения, которую часто называют патерналистской, к некоей иной модели, индивидуально-ориентированной, более рассчитанной на активность населения, его способность к самоорганизации и соучастию при обеспечении своих конституционных прав, гарантированных российским социальным государством. Эту модель часто называют партисипаторной.

Во-вторых, на тех возможностях, которые предоставляет для этого перехода информационно-коммуникационная революция, на инновационных, прежде всего, с технологической точки зрения, социальных практиках.

Переориентация на новый методологический подход ведет к изменению содержания проводимой социальной политики, перераспределению полномочий и компетенций органов социальной защиты и развития. Она должна строиться не только в расчете на «патронажные», компенсаторные функции, а также на воспитание и поддержку способностей людей к солидарности, ориентацию на позитивную смысловую и деятельностную мотивацию, которым они должны учиться, постоянно улучшать свое умение трудиться, адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности.

Все основные задачи, на решение которых направлена деятельность социальных служб: компенсация бедности, помощь пожилым людям, инвалидам и т. д., видятся в настоящее время под углом партиципаторного подхода при учете возможностей формирования программ цифрового, электронного общества. Утверждение Правительством РФ «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 8 декабря 2011 г., Государственной программы «Социальная поддержка граждан» от 15 апреля 2014 г., нацелены на внедрение инноваций в социальной сфере, что позволит улучшить качество услуг населению, сократит сроки их предоставления, а также поможет обеспечить их доступность и наладить обратную связь.

Сегодня цифровое неравенство молодежи и старшего поколения стремительно стирается: доля пользователей интернетом среди российской молодежи (16—29 года) превышала к 2016 г. 97 %, среди пенсионеров приближалась к 40 % [1]. В 2016 г. количество людей, которые воспользовались сервисами личного кабинета на сайте Пенсионного фонда России почти вдвое превысило уровень 2015 г. и достигло 6,2 млн человек, т. е. 15 % от общего числа пенсионеров [2].

Это означает, что интернет-включенность в скором времени станет тотальной, наряду с использованием телефоном или телевизором. Все чаще звучат обоснованные, с нашей точки зрения, прогнозы о том, что абсолютное большинство социальных услуг в ближайшее время (в течение 10—15 лет) будут в той или иной мере связаны с интерактивной деятельностью населения в электронно-информационной среде. Благодаря новым информационным, мультимедийным технологиям социокультурная и профессиональная адаптация людей всех возрастов и социального положения, процесс их непрерывного обучения получают уникальные возможности. Одновременно будет обновляться понимание и компетенции профессии «социальный работник». А также уменьшится избыточная бюрократизация социальной сферы.

Введение инновационных социальных практик потребует создание мониторинговых авторизированных систем диагностики их применения. Определение оптимального перечня показателей и индикаторов оценки их эффективности, сама процедура диагностики обязательно будет основана на социологических методах сбора и обработки информации.

Список источников

1. Количество пользователей интернета в России [Электронный ресурс] // Интернет в России и мире. 2017. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 18.02.2017).
2. В два раза увеличилось количество пользователей Интернет-услугами ПФР [Электронный ресурс] // Новый пенсионер: электронный журнал. 2017. URL: <http://www.pencioner.ru/news/pfr/v-dva-raza-uvelichilos-kolichestvo-polzovateley-internet-uslugami-pfr/> (дата обращения: 18.02.2017).

Г. И. Щерба [G. I. Shcherba]

CROSS-BORDER COOPERATION OF UKRAINE IN TERMS OF THE ECONOMIC CRISIS

ЩЕРБА Галина Ивановна — кандидат философских наук, доцент Львовского национального университета им. Ивана Франко, г. Львов, Украина; gshcherba@ukr.net

SHCHERBA Galina — Associate Professor of the Department of analytical economics and international economy of the Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine; gshcherba@ukr.net

Аннотация. Cross-border cooperation between Ukraine and the European Union becomes relevant and important because it plays a significant role in solving the problems of border areas, contributes to the acceleration of economic productivity, social and cultural changes that are essential in establishing good relationships between countries. A major role in the development of modern cross-border, Euro-regional cooperation should play regional governments, municipalities and administrative units of these countries.

Ключевые слова: transborder cooperation, European region, external economic relations, Ukraine, European Union

Integration into the EU envisages neighbourhood policy providing. One from elements group for regional development is the implementation of cross-border cooperation. In modern conditions of the globalization processes expansion role of cross-border cooperation of regions is grow and new opportunities for intensification of economic activities are open. Nowadays cross-border cooperation occupied an important place both in the direction of European integration of Ukraine, and in the system of priorities of social-economic development.

The problems of regional development in Ukraine today is increasingly associated with the intensification of cross-border cooperation. The majority of Ukrainian regions bordering with the border regions of other countries, that making cross-border cooperation by effective lever for regional development of our state under globalization. This primarily refers to those administrative units, whose area is tangent to the outer border of Ukraine with the EU, since in terms of European integration thanks to cross-border cooperation in these regions are improving not only the indicators of foreign trade in goods and services, but there is growth not only in attracting of foreign investment, but in the adaptation of European experience in business, management

technologies, business ethics, social culture and standards of the formation of civil society.

For Ukraine the study of the problems of cross-border regions development, formed with the participation of border territories of the states that are members of EU, in particular, with activation of foreign economic activity, is an important factor in the adaptation of best practices and modern mechanisms of international regional integration.

Enhancing of external economic relations of Ukrainian regions with the regions that are partners from the EU in the context of cross-border cooperation development has a significant positive impacts as for these regions such as for the whole Ukraine. However, intensification of foreign economic relations within the cross-border regions with new opportunities bring new risks for increasing the asymmetry of levels of socio-economic development of the adjacent territories of neighboring countries due to faster growth rates in states that are the new EU members of the European Union, compared with Ukraine.

In order to use the potential of the neighborhood within the cross-border regions, that formed at the border of Ukraine with the EU, and also for neutralization of the possible negative impact of the existing differences in living standards on both sides of the border, there is a need to identify the most effective means of solving the development problems of border and transport infrastructure; protection of common areas of borders; facilitation of border crossing procedures; protection from organized crime and combat with it; development of economic relations and increasing of competitiveness of the territory; environment and health security; development of cultural ties on both sides of the border.

Nowadays, cross-border cooperation between Ukraine and the European Union becomes relevant and important because it plays a significant role in solving the problems of border areas, contributes to the acceleration of economic productivity, social and cultural changes that are essential in establishing good relationships between countries.

A major role in the development of modern cross-border, Euro-regional cooperation should play regional governments, municipalities and administrative units of these countries.

The current development of European integration requires to find new priorities for the development of cross-border cooperation between Ukraine and its neighbors, especially when European Union went east. Moreover, geopolitical changes, particularly in Central and Eastern Europe following the EU enlargement to the east, also require the inter-regional relations formation.

The geopolitical status of cross-border cooperation between Ukraine and Central European countries rose to a higher level. Ukraine can address the

problem of strengthening inter-regional relations more effectively not only with each of the Central European countries but also directly with Brussels and Strasbourg.

In its turn, Ukraine can coordinate and carry out joint actions with each state — western neighbor in the EU to obtain financial assistance in the implementation of joint cross-border projects. In spite of better funding from the EU, problems of cross-border cooperation remain the same. Only changes in public policy and management stereotypes of all partners can solve these problems.

Integration of neighbor countries to the EU, NATO and the Shengen area increases the differences between Ukraine and these countries. Indicators of economic and social development are becoming more and more different as well as the level of investment in the border infrastructure. The Ukrainian Law «On cross-border cooperation» [1] doesn't solve the problems associated with the creation of an effective system of cross-border cooperation in the new environment.

Growing disparities as well as the opportunities to raise funds for regional development stimulate the search for appropriate solutions. Therefore, the focus should be on the «concerted actions» of local communities on both sides of the border, working on common goals and interests, and based on the real possibilities of each party [2]. From this perspective, the top priorities should become:

- coordinated development of cross-border networks;
- cross-border tourism;
- scientific, educational and Cultural activities.

After exploring the theoretical principles, forms and legal regulation of cross-border cooperation between Ukraine and the EU, we can conclude that despite all the challenges and unsolved problems, the best source for the mechanisms of cross-border cooperation with EU are European regions. [3; 4]

Implementation of the above will consider the trends of cross-border cooperation of Ukraine and EU. This will give the possibility to Ukraine actively participate in the cooperation. Otherwise, Ukraine as a member of cross-border cooperation will play a passive role and lose a significant share of the positive potential of this process.

References

1. Supreme Council of Ukraine (2004). Law of Ukraine «On cross-border cooperation». Adopted June 24, 1861-IV. Retrieved from <http://www.rada.gov.ua>.
2. Mikula N., Tolkovanov V. (2012). Cross-border cooperation (Manual). Retrieved from http://www.slg-coe.org.ua/wp-content/uploads/2012/10/Book_Trnskordonne_final_14-Aprill-11.pdf.

3. Shcherba, H. I. (2008). The role of European regions and cross-border cooperation in the functioning of social space in Europe. *Ukrayins'kyi sotsium — Ukrainian Society*, 3(26).
4. Shcherba, H. I. (2013). Cross-border cooperation in the context of European integration course of Ukraine in term of crisis. In *Visnyk Odes'koho natsional'noho universytetu. Seriya: Sotsiologiya i politychni nauky [Odessa National University Herald. Series: Sociology and Political Sciences]: Vol. 18.2(3)* (pp. 53—60). Retrieved from [http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vonu_sip_2013_18_2\(3\)_9.pdf](http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vonu_sip_2013_18_2(3)_9.pdf).

А. В. Соколов

ВОВЛЕЧЕНИЕ НКО В ОКАЗАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

СОКОЛОВ Александр — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия; alex8119@mail.ru

Некоммерческие организации непосредственно вовлечены во взаимодействие с населением. В свои уставные цели большинство из них в той или иной форме включает оказание различных услуг населению. При этом оказание услуг население может стать не только механизмом достижения своих уставных целей, но и возможностью получения ресурсов для осуществления деятельности.

В рамках майских указов Президент России В. В. Путин обозначил задачу передачи к 2020 году до 10 % социальных услуг в НКО. Некоммерческие организации и общественные объединения оказывают населению целый спектр социальных услуг, и их роль в системе оказания социальных услуг возрастает. В январе 2015 года Президент РФ В. В. Путин в ходе своего выступления на общероссийском форуме «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» подтвердил возможность участия НКО в системе государственных социальных услуг: «... часть работы в социальной сфере, конечно, может быть передана в сферу деятельности некоммерческих организаций. Они более чутко относятся к проблемам общества и к тем проблемам, которые возникают по ходу решения тех или иных задач. И ничего страшного здесь нет...» [2]. В ряде регионов проводятся мероприятия по расширению доступа негосударственных НКО к предоставлению социальных услуг.

Для анализа¹ процесса передачи оказания части социальных услуг населению из государственных и муниципальных учреждений в НКО в Ярославской области были использованы результаты следующих авторских исследований:

- 16 глубинных интервью с представителями органов власти, НКО и неформальных объединений граждан, членами Общественной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00394а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)»

- палаты Ярославской области и представителей академического сообщества (июнь-сентябрь 2016 года);
- фокус-группа (респонденты: представители органов власти, НКО и неформальных объединений граждан, члены Общественной палаты Ярославской области и представители академического сообщества) (апрель 2016 года);
 - массовый опрос населения Ярославской области методом телефонного опроса выборкой 735 человек (январь 2016 года). Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0 %.
 - опрос 67 сотрудников региональных органов государственной власти Ярославской области и органов местного самоуправления региона (январь 2016 года);
 - опрос 63 руководителей и сотрудников общественных и некоммерческих организаций Ярославской области осуществляющих свою деятельность в 20 муниципальных образованиях (февраль 2016 года).

Результаты исследования демонстрируют, что в связи с новым обстоятельством социально ориентированные общественные организации должны будут трансформировать свою деятельность под соответствующие задачи, установленные нормами, и для включения в рынок поставщиков услуг. Этот процесс уже запущен, и представители НКО начали искать себя в этом процессе. Однако, эксперты считают, что государство в данный момент переоценивает готовность НКО к тому, чтобы взять на себя социальные услуги. В связи с этим, трендом следующих пяти лет может выступить искусственное выращивание отдельных успешных организаций. Речь идет о такой модели подготовки, которая заимствована из бизнес среды (например, посредством инкубаторов и поддержки лучших стартапов общественных организаций).

Однако в Ярославской области сформировался пласт организаций, которые накопили достаточное количество ресурсов и потенциала для того, чтобы быть включенным в процесс оказания социальных услуг населению.

При этом по результатам опроса населения Ярославской области 77,5 % респондентов полагают, что НКО могли бы взять на себя исполнение отдельных видов государственных услуг в социальной сфере. Однако, органам власти следует дифференцированно подходить к вопросу построения перечня отраслей социальной сферы, передаваемых в управление (под ответственность) некоммерческим организациям. По состоянию на январь 2016 года, 21,5 % жителей

региона воспользовались возможностями НКО для получения различных социальных услуг.

Согласно результатам опроса руководителей и сотрудников общественных и некоммерческих организаций Ярославской области, две трети НКО попавших в выборку исследования уже сейчас оказывают социальные услуги населению, как на бесплатной, так и на платной основе. При этом, ассортимент бесплатных социальных услуг, предоставляемых этими некоммерческими организациями, согласно опросу, значительно шире платного. Возможно, это следствие нежелания НКО заниматься предоставлением платных социальных услуг, а возможно и сложностей и недостатков законодательства, административных преград, отсутствие платежеспособного спроса.

В настоящее время, некоммерческие организации сконцентрировали свою работу на предоставлении бесплатных социальных услуг связанных с организацией досуга населения и оказании ему информационно-консультативной помощи (в т. ч. юридической).

Важным вопросом сегодня является механизм передачи НКО 10 % социальных услуг населению. Это связано с узкой специализацией и ограниченностью ресурсов НКО. Платные услуги в настоящий момент предоставляют не более 9 % общественных объединений, попавших в выборку исследования [1, с. 75]. Кроме того существует необходимость внесения изменений в нормативную базу для ее большей адаптации к сложившимся условиям работы.

Представители региональных и местных органов власти неоднозначно оценивают роль и возможности НКО в сфере предоставления социальных услуг населению. Так, в 2015 году две трети экспертов (64,2 %) скептически или вовсе с отрицанием отнеслись к суждению о том, что НКО могут оказывать социальные услуги населению существенно лучше, чем государственные, муниципальные или бизнес структуры. Это на 11 % больше, чем в 2012 году. Причем, критическое отношение к данному высказыванию характерно как для чиновников доверяющих некоммерческим организациям, так и для тех, кто не доверяет им. Еще 11,9 % затруднились ответить на соответствующий вопрос.

Согласно данным, только 22,4 % чиновников полагают, что НКО способны оказывать социальные услуги населению существенно лучше, чем государственные, муниципальные или бизнес структуры (с 2012 года их доля сократилась на 5,6 %).

В целом готовность оказывать социальные услуги у НКО Ярославской области имеется. Она подтверждается и наличием планов на предоставление этих услуг населению и тем, что многие общественные объединения оказывают социальные услуги уже сегодня. Также органы вла-

сти предпринимают ряд действий, которые в будущем создадут более комфортные условия для передачи социальных услуг населению в НКО.

Список источников

1. Соколов А. В., Фролов А. А. Некоммерческий сектор Ярославской области: оценка эффективности деятельности в 2015 г. // Власть. 2016. № 8. С. 74—78.
2. Форум «Государство и гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480#sel=20:2,20:7;20:9,21:8> (дата обращения: 04.01.2017).

07. Прогнозная оценка последствий реформ. О тестировании законодательных инициатив и управленческих решений

Ю. М. Большакова

О ТЕНДЕНЦИЯХ И РЕЗУЛЬТАТАХ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

БОЛЬШАКОВА Юлия Михайловна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, Республика Коми, Россия; academy.prof.com@mail.ru

Аннотация. Кратко раскрываются итоги реформирования административных реформ глазами государственных служащих. Социологический анализ, проведенный автором, позволяет выявить направления и сфокусировать исследовательское внимание на внутренних установках бюрократического аппарата — государственных служащих, занимающих руководящие должности государственной гражданской службы в Республике Коми. Данный анализ позволяет оценить внутренние установки служащего, не только показатели, оказывающие влияние при поступлении на государственную службу, но и особенности ее прохождения, сложившиеся условия реализации карьерных устремлений, принципы кооперации/конкуренции внутри аппарата управления в рамках разнонаправленных тенденций государственной кадровой политики.

Ключевые слова: государственное управление, административные реформы, государственная служба

Сосредоточием всех преобразований, реформ и перестроек системы государственного управления и государственной службы всегда было желание повысить эффективность деятельности исполнительных органов, поднять уровень профессиональной культуры и профессионализма должностных лиц, государственных чиновников, от работы которых во многом зависит благополучие и спокойствие в государстве [3].

К идее и практике «нового государственного менеджмента», в котором другими важными понятиями являются «потребитель», рассматриваемый как лицо или общество в целом, которым предоставляются услуги высокого качества, «эффективность» и «производительность», представляющие собой комплекс показателей результативности и экономичности

деятельности правительственных учреждений, затрачивающих меньшее количество средств и сберегающих ресурсы.

Реформирование государственной службы на основе «нового государственного менеджмента» призвано повысить эффективность государственного сектора, его экономическую отдачу. Ориентация на клиента (потребителя), близость к гражданину дают возможность усовершенствовать также процесс предоставления услуг сферой государственного управления и определить, какие услуги в принципе государственная служба может и должна предоставлять [1].

Социологический анализ проведенный автором позволяет выявить направления и сфокусировать исследовательское внимание на внутренних установках бюрократического аппарата — государственных служащих занимающих руководящие должности государственной гражданской службы в Республике Коми. Данный анализ позволяет оценить внутренние установки служащего, не только показатели оказывающие влияние при поступлении на государственную службу, но и особенности ее прохождения, сложившиеся условия реализации карьерных устремлений, принципы кооперации/ конкуренции внутри аппарата управления в рамках разнонаправленных тенденций государственной кадровой политики.

В блоке вопросов «Поступление на государственную службу и прохождение службы» первым и значимым вопросом является анализ опыта тех или иных ситуаций. На рис. 1 продемонстрированы ответы на ситуации оказавшие влияние на прохождение государственной службы, формат рекрутинга на государственную службу, влияния профессиональных компетенций на карьерные устремления чиновника.

При ответе на вопрос «При поступлении на государственную службу (должностей категории специалисты) образование, опыт и профессиональные качества претендентов, выявленные с помощью конкурса на замещение вакантной должности, определяют кто займет должность» 22% респондентов дают ответ «практически всегда», также наиболее популярным ответом среди респондентов является доминанта оценок «4» или «5» (сумма ответивших составляет 22%), что характеризует определенные колебания ответов относительно проблем реальности и содержания конкурса на государственную службу, для оставшихся 31,5% ответов характерно более чем двоякая ситуация, когда подвергается сомнению учет профессиональных качеств претендентов при назначении на государственную должность.

Система государственной службы предусматривает строгий иерархический порядок должностей, чинов и квалификаций, она в своей основе содержит данный ригористический принцип, который не дано поколебать

или отменить, покоится на строго сословно-корпоративной или корпоративно-сословной основе. То, что ее базисом является сословно-корпоративная организация, говорит о ее силе, мощи и всепроникающем влиянии.

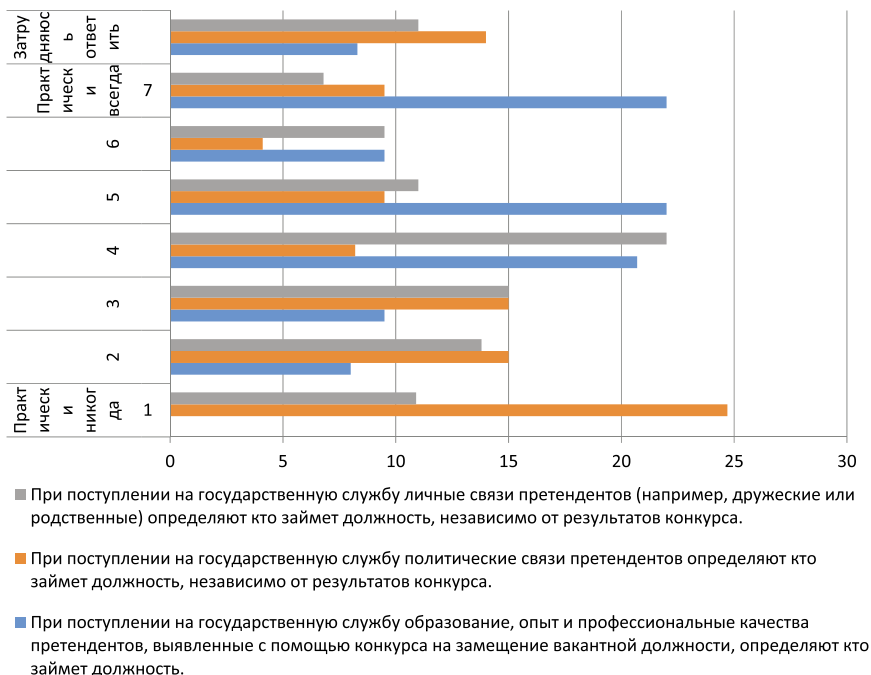

Рис. 1. Ответ на вопрос «Применительно к региону Вашего выбора, как часто, на Ваш взгляд, происходят нижеперечисленные ситуации?» (Республика Коми, 2016, N = 219)

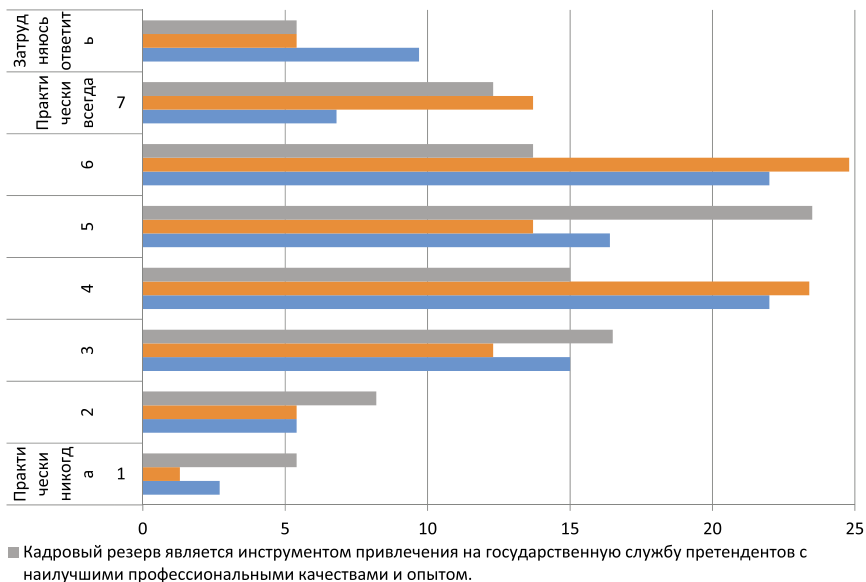
При оценке ситуации поступления на государственную службу на вопрос о политических связях претендентов и попыток определить способствующие факторы для занятия соответствующей должности, независимо от результатов конкурса, 54,7% респондентов (сумма давших отрицательные оценки и оценки «2» и «3» по соответствующей шкале) не признают какие-либо политические связи претендентов при поступлении на государственную службу. Размах ответов на вопрос о влиянии личных связей претендентов (например, дружеских или родственных) при поступлении на государственную службу, способствующих определению кто займет должность, независимо от результатов конкурса, получил сравнительно низкие оценки респондентов, но в тоже время каждый

пятый респондент — 22 % отмечает влияние в той или иной мере значение фактора личных связей и клиентелизма. Современная государственная служба, это спектр порой противоречивых интересов, вступающих в резонанс частных и общих интересов, является профессией сферы публичной политики.

Исследование показало, что более половины респондентов (50,6 %) знакомы с объявлениями о вакантных должностях государственной службы (в т. ч. должностей категории специалисты) в региональных органах власти, их легко найти на официальных сайтах администраций регионов в сети «Интернет», в газетах и в других СМИ. Отрицательные оценки по данному показателю дают только 5,4 % опрошенных государственных служащих Республики Коми. Нельзя не отметить тот факт, что 49,3 % респондентов заявили, что затрудняются с ответом содержат ли такие объявления содержат детальную информацию о профессиональных качествах и опыте, необходимых для занятия данной вакансии, а 16,5 % опрошенных заявили, что объявления на сайтах органов государственной власти практически всегда содержат детальную информацию о соответствующей вакансии. Нельзя не отметить, что около половины государственных служащих получается ни читали и/или не видели объявление о вакансии на государственную службу.

Государственная служба органично совмещает в себе два типа карьеры (в индивидуальном профессиональном продвижении индивида и в должностном его продвижении), когда профессиональное мастерство имплицитно должно нести, содержать в себе должностные успехи и достижения, когда непрофессионал не сможет в принципе продвигаться по служебной лестнице. К сожалению, многолетний, практический опыт России, да и других стран, напрочь опровергает эти суждения.

Не уверенные и весьма расплывчатые ответы даны на вопрос о карьерных устремлениях государственных служащих, так при ответе на вопрос «Карьерный рост государственных служащих не ограничен рамками указанной категории и достигает высших должностей государственной службы, включая категорию «руководители»: соответственно оценки от «4» до «5» баллов по шкале, дал только каждый пятый респондент (22 %), и 16,4 % государственных служащих соответственно также придерживаются позиции об отсутствии ограничений карьерного роста чиновника, вне той когорты и/страты в которой он находится. Необходимо помнить, что карьера государственного служащего — это воплощение, реализация всего его жизненного потенциала, полноценная профессиональная деятельность, которая во многом зависит от меры совмещения личных интересов со служебными.

- Кадровый резерв является инструментом привлечения на государственную службу претендентов с наилучшими профессиональными качествами и опытом.
- Госслужащие при подаче заявлений на замещение вакантных должностей более высокого уровня имеют де-факто преимущества по сравнению с внешними кандидатами (занятыми в частном и третьем секторах), обладающими сходной профессиональной подготовкой и опытом.
- Карьерный рост госслужащих не ограничен рамками указанной категории и достигает высших должностей государственной службы, включая категорию «руководители».

Рис. 2. Ответ на вопрос «Применительно к региону Вашего выбора, как часто, на Ваш взгляд, происходят нижеперечисленные ситуации?» (Республика Коми, 2016, N = 219)

Наиболее характерные устойчивые положительные ответы на вопрос об отсутствии ограничений карьерного роста дан только каждым третьим опрошенным чиновником — 28,8%.

Как со всей очевидностью свидетельствуют факты, 37,2% респондентов не уверены, что кадровый резерв является инструментом привлечения на государственную службу претендентов с наилучшими профессиональными качествами и опытом.

О том, что государственные служащие при подаче заявлений на замещение вакантных должностей более высокого уровня имеют де-факто преимущества по сравнению с внешними кандидатами (занятыми в частном и третьем секторах), обладающими сходной профессиональной подготовкой и опытом положительные оценки дали 38,5% респондентов, отрицательные оценки выставили 19% чиновников. Около половины (46,6%) опрошенных государственных служащих утвердительно ответили на вопрос о том, что положения законов и иных нормативных

актов в сфере поступления на государственную службу, продвижения, увольнения и оплаты труда государственных служащих соблюдаются в действительности.

50,6 % респондентов считают, что в случае возникновения спорных ситуаций при приеме на государственную службу, претенденты, имеющие претензии к условиям проведения конкурса или его результатам, обжалуют их в суде, а 23,5 % респондентов затруднились с ответом.

Исследование показывает, что необходима более ясная дифференциация статуса «карьерных» и «политических» чиновников («политических назначенцев»), расширение и изменение практики контрактов с государственным служащим, внедрение показателей КPI (key performance indicators) ключевых показателей эффективности деятельности, переход на проектный менеджмент решения стратегических задач государственного управления.

Список источников

1. Bolshakov S., Bolshakova Yu. M. Cloud technologies in integrated communications strategy to promote // Asia social science. Special Issue. 2015. № 19.
2. Большакова Ю. М. Инновации в предоставлении интегрированных государственных услуг: опыт Австралии. Региональные проблемы преобразования экономики. г. Махачкала. Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН. 2014. № 10.
3. Игнатов В. Г., Белолипецкий В. К. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность : учебное пособие. Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2000.

А. Н. Курюкин

ПАРАДИГМЫ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ, КАК ОСНОВАНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА НИХ

КУРЮКИН Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, ученый секретарь Отдела анализа социально политических процессов, г. Москва, Россия; kuriukin@inbox.ru

Аннотация. Рассматривая политико-правовые решения органов государственной власти на современном этапе, нельзя не отметить, что они практически полностью, но с известными модификациями укладываются в политико-правовые парадигмы, понимаемые как примеры или образцы поведения, реализуемые в сходных или идентичных ситуациях. В свою очередь, реакция общества на реформы и инновации укладывается концепцию «Социального эха». В соответствии с ней, пытаясь описать, объяснить и спрогнозировать результаты политико-правового воздействия государства и публично-правовых институтов на общество в целом, мы должны использовать три основных термина, которые означают собой три узловых аспекта этого воздействия: это — результат, реакция и рефлексия. Предлагаемая концепция «социального эха» есть выражение общественной рефлексии политико-правового воздействия, обусловленной «социальным ландшафтом». Именно эта концепция при её применении даст возможность развести явления реакции и рефлексии в социологических исследованиях политики и получить более адекватную, чем при использовании многих современных инструментов, картину функционирования и развития общества.

Ключевые слова: государство, решения, политика, право, государственная политика, государственно-политические решения, рефлект, социальный ландшафт

Рассматривая политико-правовые решения органов государственной власти на современном этапе, нельзя не отметить, что они практически полностью, но с известными модификациями укладываются в политико-правовые парадигмы, понимаемые как примеры или образцы поведения, реализуемые в сходных или идентичных ситуациях. В этих условиях уместно вспомнить известное высказывание Аллена Даллеса, которое он использовал, открывая свой большой доклад для Франклина Рузвельта, подготовленный перед Ялтинской конференцией: «Русский человек, ре-

шая стоящую перед ним политическую проблему, скорее, воспользуется идеальным примером из прошлого, нежели чем будет испытывать рискованную политическую модель» [3: 562—568].

Одним из важнейших теоретических корней политико-правовой парадигмы формирования любого законодательства выступает учение о юридических фактах. По сути, они являются субъективными или объективными обстоятельствами, с которыми право связывает возникновения, изменение или прекращение определённых общественных отношений. С другой стороны, понимаемые узко, юридические факты представляют собой социальные обстоятельства, с которыми конкретные нормы права, выраженные в законах, связывают определённые правовые последствия.

Эти две модели, фактически формирующие двуединый корень парадигмы, представляют нам возможность формирования моделей практической реализации учёта реальных событий или их целенаправленного формирования посредством принятия и законодательного оформления перспективных политических решений. Таким образом, юридический факт как объективное или субъективное обстоятельство, может быть отражён в законодательстве постфактум, то есть после своей реализации в действительности, либо, напротив, законодательство целенаправленно моделирует в тексте и осуществляет в условиях механизма реализации совокупность юридических фактов, направленных на возникновение или трансформацию общественных отношений.

Экстраполируя сказанное выше на вопросы практического осуществления реформ, можно отметить, что на передний план в политическом решении вопроса выступают три основных практических парадигмы:

1. Инициативная;
2. «Догонная»;
3. Ситуационная. [1: 142—143]

Первая из них предполагает целенаправленное формирование законодательной модели инновационного развития и модернизации, где в тексте закона излагается принципиальное политическое решение вопроса о сути этих процессов, их направлениях, легальных формах и, что более важно, обязательно должен быть предложен образ осознанно предвосхищённого результата реализации моделей инноваций и модернизации.

Вторая ориентируется на выжидательную позицию. Она длится до тех пор, пока в обществе явочным порядком не проявятся конкретные формы инновационных и модернизационных процессов. Рассмотрев их и обобщив, законодатели будут формировать к ним отношение в тексте законов, поддерживая какие-либо из них, или, напротив, воспрещая.

Наконец, третья предполагает использование двух предложенных образцов поведения в зависимости от специфических трендов и вызовов, которые предъявляет к законодательству окружающая ситуация. Технически этот образец поведения наиболее сложен и ответствен, так как предъявляет повышенные требования не только к выработке политического решения, но и к правильной оценке ситуации, ведущей за собой выбор конкретной модели решения вопроса.

В свою очередь, реакция общества на реформы и инновации укладывается в концепцию «Социального эха», предложенную и разработанную проф., чл.-корр. МАНПО Татьяной Лихачевой. В соответствии с ней, пытаясь описать, объяснить и спрогнозировать результаты политико-правового воздействия государства и публично-правовых институтов на общество в целом, мы должны использовать три основных термина, которые означают собой три узловых аспекта этого воздействия: это — результат, реакция и рефлексия. Эти термины достаточно часто подменяют друг друга. Существуют исследования, в которых речь идёт о социальной реакции на политико-правовое воздействие, но, на самом деле, изучается социальная рефлексия и наоборот.

Итак, социальный результат есть те трансформации социальной действительности, которые будучи выраженными в возникновении, изменении и прекращении соответствующих общественных отношений, выступают следствием конкретной политики. Социальная реакция представляет собой, по мнению автора, деяние или комплекс деяний как ответ социума на реализуемую политику и её результаты. В свою очередь социальная рефлексия есть отражение хода и результатов осуществления политики в индивидуальном/групповом/коллективном общественном сознании. Именно это отражение, эта рефлексия и выступают основой формирования «социального эха», как динамической формы выражения социального рефлекса [2: 167—168].

Рассматривая концепцию «социального эха», необходимо упомянуть ещё об одном важном факторе, обуславливающем его воплощение в действительности. Это, так называемый, «социальный ландшафт», то есть выраженная в виде «ландшафтных» представлений «социальная поверхность», обуславливающая структуру и содержание социального эха, отражённого от неё. При этом, продвигаясь по принципу «отражения от поверхности», «социальное эхо» может быть отражено адекватно, отражено с искажениями или не отражено вовсе.

Технологии использования такого рода построений не новы. Так, американская политология уже достаточно давно выстраивает, так называемые карты «политических температур». Однако, построение «социального ландшафта» предусматривает не простую констатацию факта о высокой

или низкой температуре накала политической борьбы на каком-либо географическом пространстве. Построение «социального ландшафта» призвано осуществить пространственное моделирование общества в виде поверхности с обязательным её качественным районированием.

Конечной технологической целью реализации предлагаемого, может стать моделирование социального ландшафта в объёмах целой страны, например России. Создание такой объёмной модели позволит прогнозировать рефлексию общества на принятые политические решения. При чём, важным фактором здесь станет учёт специфики принятого решения, которая определит «социальное эхо», которое поступит из разных районов ландшафта. Предлагаемая технология обеспечивает также и ощутимые возможности для прогнозирования как самого «социального эха», так и специфики осуществления политических решений, принимаемых на федеральном уровне и в регионах.

Таким образом, предлагаемая автором концепция «социального эха» есть выражение общественной рефлексии политико-правового воздействия, обусловленной «социальным ландшафтом». Именно эта концепция при её применении даст возможность развести явления реакции и рефлексии в социологических исследованиях политики и получить более адекватную, чем при использовании многих современных инструментов, картину функционирования и развития общества.

Список источников

1. Курюкин А. Н. Некоторые парадигмы инновационной и модернизационной политики / Теория и политики инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Полис. 2010. № 2. С. 128—145.
2. Курюкин А. Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы // Власть. 2011. № 2. С. 166—173.
3. Курюкин А. Н. Стенограмма выступления / Международный круглый стол «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России» // Российская многопартийность и российские кризисы XX—XXI вв. : сборник научных статей и материалов круглых столов. М. : Изд-во Ипполитова, 2016. Научный проект «Народ и власть». Вып. 6.

А. Н. Нурутдинова, А. Е. Антипова, В. Н. Аргунова

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ И ОДОБРЕНИЯ

НУРУТДИНОВА Аида Наильевна — доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия, aida-nur@mail.ru

АНТИПОВА Анастасия Евгеньевна — директор, АНО «Независимый исследовательский Центр», г. Самара, Россия, agfs8@mail.ru

АРГУНОВА Вера Николаевна — профессор, профессор кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, v_argunova@mail.ru

Аннотация. В публикации рассматривается отношение россиян к законодательной власти. Представлены результаты всероссийских социологических опросов, проведенных АНО «Независимый исследовательский Центр» в 2015—2016 гг., в которых поднимаются вопросы взаимодействия депутатов Госдумы, как народных избранников, и рядовых граждан РФ, доверия и одобрения деятельности законодателей. Данные опросов показали разрыв между управленцами, принимающими решения, и всем остальным населением. Такие каналы связи как, возможность повлиять на принимаемые решения, доведение отчетов до избирателей, возможность отозвать депутата — по мнению опрошенных россиян практически не функционируют. Респонденты высказывают неодобрение результатов работы Госдумы VI созыва и не доверяют вновь избранным депутатам. В публикации также поднимается вопрос противоречия в оценках рейтингов представителей власти, высказанных социологами, отмечается необходимость детализации понятий «доверия», «одобрения» деятельности государственных институтов. Указанные в публикации проблемы доверия властям актуализируют важность включения сегментов гражданского общества в законотворческий процесс.

Ключевые слова: социологические опросы, отношение к власти, доверие к власти

Отношение к деятельности государственных институтов изучается многими ведущими социологическими центрами. В частности, ВЦИОМ фиксирует в первые два месяца 2017 года уровень одобрения к деятельности Президента РФ В.В. Путина более 80 %, правительства — около 60 %, Совета Федерации и Государственной Думы — около 50 %. [1] В фев-

рале 2017 года социологи Левада-Центра отметили, что высокий рейтинг Президента РФ напрямую связан с «пропагандистской силой телевидения». По их мнению: «По-прежнему огромную роль для общественного мнения играет государственное телевидение [...] Это и неудивительно: новости из ТВ получают 86 % россиян — и эта цифра прямо коррелируется с рейтингом Путина» [2]. Столь противоречивые мнения, на наш взгляд, создают необходимость обсуждения социологического инструментария, а также детализации категорий «доверия», «одобрения / неодобрения» деятельности государственных институтов.

В рамках данной публикации мы остановимся на результатах социологических исследований, проведенных АНО «Независимый исследовательский Центр» (г. Самара), в которых поднимаются вопросы взаимодействия депутатов Госдумы, как народных избранников, и рядовых граждан РФ с позиции последних, доверия и одобрения деятельности законодателей. Важно выяснить, как оценивают россияне эффективность таких практик [3].

Данные всероссийского опроса, проведенного в ноябре 2015 года (проводился в девяти федеральных округах, в 61 регионе России, опрошено 1500 респондентов) фиксируют разрыв между управленцами, принимающими решения, и всем остальным населением. Рассмотрены такие каналы связи как, возможность повлиять на принимаемые решения, доведение отчетов до избирателей, возможность отозвать депутата. Подавляющее большинство опрошенных россиян (83,8 %) считают, что они не могут повлиять на решения и законы, разрабатываемые и принимаемые властью. 85,3 % респондентов ответило, что не обладают правом отзывать людей из органов власти. Более того, 84,9 % опрошенных россиян уверены, что как избиратели они не получают от власти регулярных отчетов об их деятельности. Получается, согласно мнению россиян, важный признак представительной демократии — опосредованное участие граждан в принятии решений и управлении государством через своих представителей — не реализуется должным образом.

Другой немаловажный признак демократии — представительство в органах законодательной власти людей, выражающих интересы групп избирателей. По данным опроса более половины респондентов (68,6 %) ответило, что не могут выдвинуть в органы власти людей, которые действительно выражают их социальные интересы. Подавляющее большинство опрошенных (82,6 %) указало, что в настоящее время отсутствуют равные условия выдвигаться для всех, кого население хочет видеть в органах власти. Полученные данные свидетельствуют об утрате доверия населения к ключевым признакам демократии — представительности, что связано с закрытостью властных групп, ограничениями обновления.

Данный тезис подтверждается и тем, что более половины опрошенных россиян (70,1%) уверены, что политика, проводимая в настоящее время в стране, направлена на повышение благосостояния самой власти, 9% — на повышение благосостояния народа, 17,2% — затруднились ответить.

Отдельный опрос был посвящен оценке деятельности Госдумы VI созыва (опрос проведен 10—16 мая 2016 года в 8-ми федеральных округах, в 45-ти регионах, общая численность опрошенных — 1500). В целом респонденты негативно оценивают итоги работы депутатов Госдумы, полагая, что большинство принятых законов антинародны и способствуют обнищанию народа и страны (38,9%) и защищают интересы власть имущих и олигархов (37,1%). Лишь каждый десятый опрошенный (10%) отметил, что Госдума принимает законы для блага народа и страны, 11% — затруднились ответить. Возрастная группа респондентов до 30 лет склонна более позитивно оценивать результаты деятельности Госдумы. Среди них чаще, чем в среднем по выборке, встречаются те, кто полагает, что депутаты принимают законы для блага народа и страны (17,9%). Это подтверждает вывод социологов, что молодежь более оптимистично настроена.

Опрошенные россияне невысоко оценивают профессиональные способности депутатов. Лишь 28,6% респондентов полагают, что законы пишут сами депутаты. 35,5% опрошенных россиян считают, что законы, которые принимает Госдума, пишут высокооплачиваемые юристы по заказу олигархов, 14,2% — иностранные юридические компании. 18,6% — затруднились ответить на вопрос.

Результаты опроса после выборов в Госдуму 2016 года также подтвердили тенденцию недоверия россиян к законодательной власти как представительному органу власти (опрос проводился с 26 сентября по 2 октября 2016 года, в 8-ми федеральных округах, 46 регионах, общее количество опрошенных — 1460 респондентов). 66,4% респондентов считают новоизбранную Думу нелегитимной, лишённой доверия народа. Большинство опрошенных россиян (71,5%) считают, что большинство мест в парламенте заняли олигархи, каждый десятый респондент (10%) указал на представителей малого и среднего бизнеса, каждый двадцатый (4,9%) — на интеллигенцию и менее одного процента (0,8%) — на рядовых граждан. 14,2% — затруднились ответить.

Результаты массовых опросов показали, что проблема доверия к органам законодательной власти, одобрения сохраняется. Опрошенные россияне отмечают отсутствие устойчивых каналов взаимодействия с представительными органами власти, невозможности повлиять на них. Вместе с тем, полученные данные актуализируют важность включения сегментов гражданского общества в законотворческий процесс.

Список источников

1. Одобрение деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/.
2. Рейтинг Путина социологи привязали к телевизору // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-02-16/1_6930_putin.html.
3. Антипова А. Е., Нурутдинова А. Н. Отношение россиян к избирательной системе (по материалам массовых опросов) // V Всероссийский социологический конгресс — 2016. (19—21 октября 2016, Екатеринбург, Россия). «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». М. : Российское общество социологов. 2016. С. 302—308.

О. А. Александрова

РЕФОРМА БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРОГНОЗЫ, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, ИСЭПН РАН; профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; a762@rambler.ru

Аннотация. Реформа бюджетных учреждений формально не имеет отношения к семейной политике, но, трансформируя социальную сферу, напрямую влияет на настоящее и будущее семей. На старте реформы декларировалось, что она позволит повысить доступность и качество социальных услуг. Однако ее оппоненты в лице представителей медицинского и педагогического сообщества, а также существенная часть руководителей учреждений образования и здравоохранения прогнозировали противоположные результаты. В основе такого прогноза лежали представления о неадекватном размере норматива финансирования и низкой платежеспособности населения. Данные эмпирических исследований говорят о том, что негативные прогнозы в значительной степени сбываются. Еще одной управленческой новацией стала обязательная регистрация новорожденных с экстремально низкой массой тела, имеющих высокий риск развития различных патологий. Однако направленность и промежуточные результаты реформы социальной сферы вступают в противоречие с потребностями таких детей. Налицо коллизия: с одной стороны — переход к чрезвычайно дорогостоящему выхаживанию новорожденных с экстремально низкой массой тела, а с другой — сворачивание, с целью экономии средств, системы коррекционного образования и новая попытка упразднения педиатрического звена. Все это говорит о непоследовательности социальной политики, а также недостаточно эффективной экспертизе законов и других управленческих решений.

Ключевые слова: реформа бюджетных учреждений, образование, здравоохранение, прогноз, человеческий потенциал

Инерция демографических процессов требует проведения политики, способной нивелировать неблагоприятные тенденции. Реформа бюджетных учреждений формально не имеет отношения к семейной политике, но, трансформируя социальную сферу, напрямую влияет на положение семей.

Старт реформе дал закон № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г., кардинально перестраивающий работу бюджетных учреждений. При этом декларировалось: наряду с принятием стандартов и т. п. это позволит повысить доступность и качество услуг, более рационально расходовать бюджетные средств, устранить теневые платежи. Однако оппоненты закона — представители медицинского и педагогического сообщества прогнозировали иное. Утверждалось: при неизменном уровне бюджетного финансирования реформа приведет к «оптимизации» сети учреждений, сокращению персонала, росту нагрузки, расширению платности, «уплотнительным» мероприятиям, снижению качества, «ползучей» приватизации имущества учреждений социальной сферы и т. д.

И уже после вступления закона в силу (но еще до окончания переходного периода) большинство опрошенных нами в 6 регионах России руководителей учреждений здравоохранения и образования также прогнозировали: без приведения норматива финансирования к реальным потребностям (во что большинство не верило) практически все негативные прогнозы сбудутся и затронут большинство учреждений, следствием чего станет снижение качества и доступности услуг, особенно, для социально-уязвимых групп. Об этом же говорили и данные проведенного тогда же опроса населения Твери и Новосибирска: даже в еще благополучном 2012 году существенная часть респондентов, в случае заметного расширения платности, планировала отказаться (полностью или частично) от платных медицинских и образовательных услуг.

К сожалению, данные наших исследований, проведенных в 2013—2016 гг., говорят о том, что негативные прогнозы в значительной степени сбываются. Но прежде, чем проиллюстрировать это примерами, коснемся еще одной управленческой новации. С 2012 года в России регистрации подлежат все дети, родившиеся после 22 недель беременности и весящие от 500 г. Выполнению дорогостоящей задачи реанимации и интенсивной терапии новорожденных с ЭНМТ — экстремально низкой массой тела (один такой ребенок обходится бюджету более чем в 20 млн руб.) призвано служить создание крупных перинатальных центров.

Отложим вопрос о биологической оправданности вмешательства в естественный отбор — оставим его философам, рассуждающим с позиций морали, и генетикам, разбирающимся в механизмах здоровья нации. Будем исходить из того, что для семьи сохранение жизни ребенка — благо. Однако возникают вопросы к последовательности проводимой социальной политики.

Проблема в том, что даже в США половина детей, родившихся с массой тела от 750 г до 1 кг, к 20-ти годам имеют тяжелые патологии; среди же весивших 500—750 г ими страдает 70 %. Например, среди родившихся

при сроке 23—24 недели ДЦП страдает 14 % детей, после 27,5 недель — 3 %. Тяжелые формы ретинопатии встречаются у родившихся на 22—23 неделе в 64 % случаев, на 24—25 неделе — в 2,5 раза реже, а на 25 неделе — в 4 раза реже. Тяжелые функциональные нарушения возникают у 33 % родившихся в 22 недели, у 19 % родившихся в 23—24 недели, у 13 % — у родившихся в 25—27 недель.

Таким образом, добиваясь высокой выживаемости младенцев с ЭНМТ, надо иметь в виду: отдаленные результаты по состоянию здоровья у этих детей не столь обнадеживающие. В то же время, число недоношенных детей будет нарастать. Причем не только в силу общемировых тенденций, но и вследствие «оптимизации» сети лечебных учреждений. Реализуемая без учета экономико-географических факторов, она затрудняет своевременное попадание женщин с патологиями беременности под контроль медиков. А «оптимизация» внутри медицинских учреждений ведет к росту нагрузки на врачей и снижению времени на прием больных. Например, в московской КДП № 121 из 18 гинекологов осталось 6, и если раньше 1 врач одновременно вел 60—70 беременных, то теперь — свыше 120; общее же количество пациенток, приходящихся на одного гинеколога, доходит до 5000—6000 человек.

Но, допустим, беременность закончилась родами, и усилиями медиков жизнь ребенка с ЭНМТ спасена. Настроена ли социальная инфраструктура на оказание ему адекватной помощи? Нет, напротив: реформы в здравоохранении и образовании вступают в прямое противоречие с прогнозируемым ростом числа детей с патологиями. В медицине материнства и детства полным ходом идет «оптимизация», подоплекой которой нередко оказывается интерес бизнеса к занимаемой медучреждениями земле, зданиям и т. д. Другая причина «оптимизации» — расценки на медицинские услуги: за 10 дней содержания в стационаре беременной государство перечислит 12 тысяч рублей, а один день содержания кардиологического больного может стоить и сотню тысяч. Следствие — манипуляции с диагнозами: гиподиагностика, когда госпитализировать не выгодно, и гипердиагностика — в противоположном случае. И как показывают наши исследования, такие манипуляции могут приобретать запредельный характер, когда, например, новорожденных начинают массово лечить от отсутствующей у них внутриутробной пневмонии...

Вернемся от детей здоровых, которым из корысти либо необходимости отчитаться о повышении средней заработной платы в учреждении ставят серьезные диагнозы, к детям, родившимся с ЭНМТ и реально нуждающимся в патронаже педиатрического звена, над которым нависла угроза даже не «оптимизации», но упразднения. Впервые подобная идея прозвучала в 2004 г., но ее реализации воспротивился Союз педиатров.

Год спустя атака повторилась, но вновь была отбита — светила педиатрии указывали: от врачей общей практики на Западе уже отказываются. Однако в 2015 г. этот вопрос — снова на повестке дня. И педиатры приводят новые аргументы: Польша недавно приняла закон о возврате к отдельным поликлиникам для взрослых и детей.

А как грядущий рост числа детей с серьезными патологиями учитывается специально предназначенной для таких детей системой коррекционного образования? Поразительно, но одновременно идут два противоположно направленных процесса. С одной стороны — переход к чрезвычайно дорогостоящему выхаживанию новорожденных с ЭНМТ, а с другой — сворачивание, с целью экономии средств, системы коррекционного образования.

Так, в ходе реализации в 2014 г. очередного этапа знаменитого проекта «Таганрог», в типичном российском городе нами был обнаружен серьезный дефицит учреждений для детей с патологиями. Своевременности медицинской помощи препятствует и закрытие учреждений типа кабинета охраны зрения, информировавших родителей о наличии специализированных учреждений. Резко снизилась доступность логопедической помощи. Инклюзия, в том виде как она внедряется, негативно сказывается как на больных, так и на здоровых детях. И обычным педагогам, и специалистам по коррекционному образованию очевидно: социализация больных детей и привитие толерантности здоровым детям должны проходить не в процессе освоения основной образовательной программы, а в сфере дополнительного образования и досуга. Сокращение списка медицинских показаний для признания ребенка инвалидом наряду со стимулированием врачей к гиподиагностике заболеваний, дающих право на обучение в коррекционных учреждениях, препятствует своевременной помощи и подрывает здоровье подрастающих поколений. Сжатие сегмента коррекционного образования ведет к деградации системы подготовки кадров и утрате традиций, делавших Россию в этой сфере одним из всемирно признанных лидеров.

Итак, социальная политика остается весьма противоречивой. При нынешнем уровне платежеспособности населения перевод социальных отраслей на коммерческие рельсы резко ограничивает доступность для огромной массы семей самых необходимых социальных благ. И это не может не сказаться на человеческом потенциале страны.

К. Д. Титаев

ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС РЕФОРМ: ПРИМЕРЫ ИЗ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ И ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ

ТИТАЕВ Кирилл Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия; ktitaev@eu.spb.ru

Аннотация. В докладе на основании опыта многочисленных исследований, проведенных Институтом проблем правоприменения в сфере подготовки реформ, показывается роль социологических и иных эмпирических исследований в подготовке реформ. Разбираются отдельные примеры, когда новые данные о работе правоприменительных органов позволяли корректировать повестку реформ. Приводятся примеры простых шагов, которые позволяют влиять на повестку реформ, но не требуют участия в законопроектных группах.

Ключевые слова: социология права, эмпирическое правоведение, оценка реформ, подготовка реформ

С 2009 года Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге занимается эмпирическим анализом правоприменительной деятельности. Такой анализ опирается на приложение методов социологического, в первую очередь, а также экономического анализа и методов политической науки к реальной деятельности правоприменительных органов. По сути, конечной целью такого анализа является описание реальных механизмов функционирования правовой нормы (Волков, 2017). Такое описание является обязательным фундаментом для оценки реформ как на стадии их подготовки, так и на этапе их завершения. В предлагаемом докладе разобрано несколько примеров такого анализа и показаны конкретные шаги и типовые ошибки, которые можно сделать в ходе такого анализа.

В качестве первого примера целесообразно привести ситуацию анализа эффективности реформы *post factum*. Ирина Четверикова (2016) провела на базе Института анализ реформы по снижению уголовного давления на предпринимателей. В начале 2010-х был достигнут консенсус по поводу снижения уголовно-правового давления на бизнес. Был принят ряд мер на уровне изменения законодательства — сформулированы специальные «предпринимательские» составы, введены специальные ограничения для борьбы с преступлениями в сфере пред-

принимательской деятельности. Анализ пяти миллионов статистических карточек на подсудимых, который был проведен, показал, что гуманизация коснулась в равной мере всех подсудимых и отдельных эффектов для предпринимателей не наблюдается. Из этого можно сделать вывод, что конфигурация правоохранительной системы такова, что в дальнейшем попытки достигать такого рода целей инструментами выделения отдельных «предпринимательских» преступлений и создания особых условий работы правоприменителей по ним — путь неэффективный.

В качестве примера анализа реформы на ранней стадии можно рассмотреть ситуацию реформирования судебной системы. Одной из целей такой реформы обозначалось снижение нагрузки на судебную систему (уменьшение количества рассматриваемых дел). В качестве одной из частей этой проблемы и предпосылок к решению эксперты и инсайдеры указывали потенциал для снижения количества необоснованных исков. Однако эмпирический анализ (на базе статистики Судебного департамента) показал (Волков (ред.), 2016), что это мнение лишено оснований. Суды удовлетворяют более 95 % исков по гражданским делам. Соответственно, поскольку мы полагаем, что ситуация удовлетворения необоснованного иска является вещью редкой и исключительной (об этом говорит также крайне низкий уровень обжалований решений об удовлетворении иска), мы должны полагать что все необоснованные иски входят в 4,5 % исков, по которым истцам отказано. Тогда даже если каждый второй из отклоненных исков является необоснованным, и предлагаемыми реформами удастся снизить их количество в два раза, то речь идет о снижении нагрузки чуть более чем на 1 % то есть очень незначительном.

Этот пример позволяет легко перейти к следующей части — описанию нескольких типовых приемов при анализе правоприменительной практики с целью ее дальнейшего совершенствования. И, одновременно, к анализу ошибок, которых такой анализ позволяет избежать при реформировании той или иной отрасли.

Первая из них, частично проиллюстрированная выше — это эмпирическая проверка суждений экспертного консенсуса, которые, как правило, находятся в основании реформ. Наряду с приведенным примером, касающимся необоснованных исков можно привести суждение о том, почему в России так мало оправдательных приговоров (0,2 % от числа дел, по которым велось следствие). Эксперты говорили, что потому, что все «сомнительные» дела прекращаются на следствии. Это не так, на следствии реабилитируется лишь 0,2 % лиц, признанных подозреваемыми / обвиняемыми. Демонтаж таких экспертных заблуждений позволяет сильно скорректировать цели и задачи реформ.

Второй принципиальный шаг — это описание того, как на практике работает реформируемая сфера — выявление типовых траекторий развития событий, массово принимаемых решений и т. д. Так, например, эмпирические исследования показали, что основной способ рекрутинга судей — это набор их из помощников и секретарей, которые имеют, как правило, заочное юридическое образование и, обычно, не имеют опыта работы кроме как в стенах суда (судебным клерком). Выявление этого факта позволило существенно изменить повестку судебной реформы.

Третья вещь, на которую следует обращать внимание — это региональная вариация. Эксперты и авторы реформ, как правило, ориентируются на ту ситуацию, которую знают лично, реже — на предельно обобщенные статистические данные. Деконструкция этих данных позволяет сильно изменить видение начальной ситуации. Так, например, существует массовое заблуждение о фатальной перегрузке арбитражных судов. Однако на практике это касается только столиц (с опытом которых знакомы, обычно, эксперты), в остальных регионах ситуация куда менее ужасная, следовательно, нужно принимать не системные меры по снижению этой нагрузки, но точечные меры по снижению этой нагрузки в двух-трех судах.

Понятно, что существует множество других шагов, которые позволяют создать эмпирический социологический фундамент под проводимыми реформами. Приведенные три примера, во-первых являются самыми простыми, быстрыми и эффективными. Кроме того, во-вторых, они не требуют включенности исследователей в законопроектную команду. Сведения, похожие на рассмотренные примеры основываются на открытых данных, пользуются популярностью в СМИ и вызывают живой интерес экспертного сообщества. Таким образом, можно повышать качество реформаторской деятельности (при условии благонамеренности реформаторов), даже оставаясь внешним, независимым игроком. Это приемы, которые вполне доступны для структур гражданского общества, но, тем не менее, имеют эффект.

Список источников

1. Волков В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 30—38.
2. Волков В. (ред.) Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. СПб. : ИПП ЕУСПб, 2016.
3. Четверикова И. Либеральные реформы уголовного законодательства в сфере экономической деятельности 2009—2012 гг. и судебная практика // Вопросы экономики. 2016. № 6.

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУР НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАБОТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ДУДЧЕНКО Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия, odoudchenko@gmail.com

МЫТИЛЬ Анна Владимировна — старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия, amytal@yandex.ru

Аннотация. Реализуемый в последние годы широкомасштабный (во многих регионах РФ) проект по независимой оценке качества (НОК) работы организаций, предоставляющих услуги населению, актуализировал проблему квалифицированного исследовательского обеспечения оценочных процедур в условиях жесткого нормативного регулирования. Авторы описывают свой опыт участия в комплексе исследований, связанных с независимой оценкой качества работы социальных организаций Москвы, оказывающих услуги семьям с детьми (2015 г.). С помощью сочетания количественных и качественных методов исследования проведена не только оценка работы организаций, но и методико-методологический анализ утвержденных показателей и критериев оценки, рекомендованных процедур и инструментария оценочного исследования, разработаны рекомендации, направленные на обеспечение адекватности результатов НОК интересам потенциальных пользователей. Один из выводов авторов состоит в том, что чрезмерная конкретизация нормативных документов по НОК создает риски для дальнейшего развития практики оценочных исследований.

Ключевые слова: независимая оценка качества (НОК), показатели НОК, критерии НОК, процедуры НОК, социальные организации, оценочные исследования, стратегия смешивания качественных и количественных методов исследования

Проблема научной экспертизы чрезвычайно актуальна для всего российского гуманитарного сообщества, поскольку культура отношения к экспертам, практики ассимиляции их рекомендаций все еще находится в стадии становления. Сфера независимой оценки качества (НОК) работы организаций, оказывающих услуги населению — один из примеров

этого, поскольку получившая развитие в последние годы практика НОК — инновационный социальный проект, инициированный государством, в котором вопросы сочетания жесткого нормативного регулирования и возможностей для профессиональной реализации необходимых исследовательских процедур, требующих определенной гибкости и пространства для творчества, стоят весьма остро. Неслучайно на посвященной НОК секции VI международной социологической Грушинской конференции многие авторы так или иначе касались проблем роли, возможностей, ответственности экспертов в этой сфере [например, 2, 6].

Авторы тезисов были участниками проекта по независимой оценке качества работы социальных организаций, оказывающих услуги семьям с детьми в Москве (проект осуществлен Центром социальной экспертизы по заказу Департамента труда и социальной защиты населения Правительства Москвы (ДТСЗН) в 2015 г.). В отличие от некоторых других регионов, в Москве техническое задание не предусматривало возможности проведения на подготовительном этапе специальных исследовательских процедур, направленных на разработку инструментария оценки. Однако в ходе проведения НОК исследовательская команда ставила себе задачу не только составить по результатам оценочного исследования итоговый рейтинг социальных центров, но и осуществить экспертизу описанных в нормативных документах [3, 5] критериев, показателей и процедур независимой оценки. Для этого формализованные методы оценки были дополнены рядом качественных процедур, позволяющих тщательно фиксировать наблюдения специалистов по ходу исследования. Результаты этой работы подробно описаны [4].

Работа в этом направлении была продолжена и в 2016 году (исследовательский проект осуществлен АНО «Совет по вопросам управления и развития» по заказу ДТСЗН, в этом материале описана та часть исследований, в которых авторы принимали личное участие). Мы снова использовали стратегию смешивания методов, но в данном случае не вариант «дополнительное покрытие», как в 2015 году, а вариант «последовательные вклады» (quan — QUAL) [7]. В частности, были проведены экспертные интервью с руководителями социальных учреждений (8 интервью), групповые интервью с получателями социальных услуг (8 фокус-групп), контент-анализ содержания дискуссий по теме НОК в рамках Общественного совета при ДТСЗН, экспертных рабочих групп. Помимо качественных методов исследования (интервью face to face, телефонное интервью, фокус-группы) при опросе экспертов применялась формализованная методика сопоставления оценок [1].

Сопоставление мнений различных акторов НОК позволяет сделать вывод о том, что чрезмерная конкретизация нормативного регулиро-

вания НОК (в частности, утверждение единого списка показателей НОК приказом Минтруда России [3], как и само содержание этого списка) приводит к искажению изначально декларированного смысла независимой оценки, который состоит в выявлении лучших организаций и, напротив, организаций, имеющих проблемы в работе, стимулировании организаций к повышению качества услуг. Исходя из этого, одной из наиболее актуальных задач в настоящее время является коррекция утвержденного списка показателей НОК, а в идеале — общее изменение подходов к нормативному регулированию НОК на более гибкое, учитывающее особенности различных видов деятельности, групп потребителей услуг, регионов.

Применительно к социальным организациям Москвы, в соответствии с принципами «респонсивности» и «полезности» оценочных исследований, мы определили основное направление коррекции списка показателей НОК как движение от формального контроля соответствия нормативно-правовой базе, профессиональным стандартам к учету интересов всех участников и потенциальных пользователей результатов НОК. Мы выделили три группы показателей, требующих коррекции.

1. Показатели, не связанные с оценкой работы конкретной организации.

В основном это показатели, характеризующие комфортность условий и доступность получения услуг, в том числе для граждан с ограниченными возможностями здоровья. Возможности влиять на эти показатели на уровне организации весьма ограничены, а доля этой группы показателей в интегральном рейтинге достаточно весома. Это оказывает демотивирующее воздействие на руководителей организаций и подрывает общее доверие к объективности оценки. Единственное, что можно рекомендовать в отношении этой группы показателей при существующей нормативно-правовой базе — учитывать их на региональном уровне с нулевыми коэффициентами (наблюдать, но не использовать при подсчете рейтинга организаций). Такое решение имеет свои плюсы и минусы: оно делает региональные рейтинги более адекватными, но ставит регион в невыгодные условия при сопоставлении с другими.

2. Показатели, методология измерения которых сомнительна.

Таких показателей немного, они касаются, прежде всего, времени ожидания предоставления социальной услуги. Рекомендации в отношении этой группы — методическая коррекция при сохранении смысла показателей. Это легко может быть реализовано без ущерба для региональных сопоставлений.

3. Показатели, важные для оценки социальной организации, но отсутствующие в утвержденном перечне.

По результатам проведенного исследования разработан набор показателей, характеризующих различные стороны работы социальных организаций и имеющих существенное значение для москвичей, получающих различные социальные услуги. Их рекомендуется использовать при составлении региональных рейтингов организаций. Это сделает процесс оценки несколько более трудоемким, зато повысит доверие к результатам НОК, сделает их более полезными, отвечающими интересам получателей услуг.

Список источников

1. Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Опыт применения методики сопоставления оценок в исследованиях трудовой сферы // Ядовские чтения: перспективы социологии. Санкт-Петербург : издательство Эйдос, 2016. С. 405—412.
2. Михайлова Е. А. Независимая оценка качества оказания услуг организациями социальной сферы: проблемы реализации // Жизнь исследования после исследования. Москва. 2016. С 844—847. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf (вход осуществлялся 18.02.2017).
3. Приказ (2014) Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания. Приказ Минтруда России от 08 декабря 2014 г. № 995н.
4. Савинская О. Б., Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Методический аудит независимой оценки качества в социальной сфере: возможности и ограничения // Журнал исследований социальной политики (в печати). URL: https://jsps.hse.ru/data/2016/12/07/1113163268/JISP_FV_Savinskaya_Dudchenko_Mytil.pdf (вход осуществлялся 18.02.2017).
5. Федеральный закон (2013) Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ.
6. Щукина Н. П. Ценностные основания формирования независимой оценки качества государственных услуг // Жизнь исследования после исследования. Москва. 2016. С 865—869. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf (вход осуществлялся 18.02.2017).
7. Morgan D. L. Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications. 2014.

А. Г. Тюриков

ЧТО НАМ МЕШАЕТ РЕФОРМИРОВАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ В БУДУЩЕЕ?

ТЮРИКОВ Александр Георгиевич — руководитель Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации доктор социологических наук, профессор, г. Москва, Россия; t-ag2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию препятствий и узких мест на пути реализации реформ в современной России. Особое внимание уделяется исследованию вопросов доверия в обществе между обществом, наукой и властью.

Ключевые слова: реформы, эффективность, узкие места, доверие, модель будущего

Очень часто мы слышим вопросы: «Почему современная Россия «тормозит» в своем развитии? Почему Россия с таким запасом и объемом ресурсов не развивается так, как другие, но более обделенные ресурсами, страны?» и т. д. Представляется важным поставить вопрос в другой плоскости — «Что нам мешает развиваться и реформироваться, изменять реальность в желаемое будущее?» и сделать попытку на него ответить.

В конце 2016 года экспертное сообщество обсуждало 25-летние итоги Гайдаровской экономической реформы. По мнению участников дискуссии, реформа позволила преодолеть системную угрозу распада России, заложила фундамент новой российской государственности и рыночной экономики. Вместе с тем, одним из выводов о том, что реформа была бы более успешна и вывела бы Россию на более устойчивую прогрессивную траекторию развития, является признание факта, что власть не смогла объяснить населению суть реформы и включить его в процесс изменений. Для успеха был необходим другой уровень и качество контакта между властью и народом. Необходимо было не только взять ответственность на себя, но и разделить, поделить ее с обществом. Речь идет о социальном капитале — доверии и солидарности в обществе по поводу цели, ресурсов, рисков, процедур и результата реформ. *Это первое узкое место в реализации реформ.*

Сегодня, оглянувшись на десять лет назад, можно проанализировать успешность той или иной стратегии принятой в государстве. Эффект тот же — имитация обсуждения и с претензией на всестороннюю экспертность, но опять без общества, без задействования социального капитала,

без включения в обсуждение всех заинтересованных акторов. Так эксперты ЦСР подсчитали эффект от прошлых стратегий: Стратегия 2010 выполнена всего на 39%, Стратегия — 2020 — на 29,5, национальные проекты — до 30%. [1]. Еще более яркой иллюстрацией неэффективной деятельности органов власти является крайне низкая оценка результатов проводимых реформ, реализованных в России с 2000 по 2008 гг. Так, по мнению экспертов, из более 30 реформ и национальных проектов — более половины оценены как «неуспешные», треть оценена «скорее, как неуспешные» и лишь около 20% реформ получила оценку «скорее успешные» [2, с. 87]. Одной из основных причин является то, что все задуманные благие начинания превращаются в бюрократические имитации и словесные интервенции, ибо отданы на откуп власти, реализуются и оцениваются властью. Общество, наука находятся в стороне. Максимум влияния происходит при экспертном обсуждении документов и то в составе узко приближенного и прикормленного к власти пула экспертов. *Второе узкое место в реализации реформ — они продумываются узким кругом специалистов, как правило, технократами, а реализуются силами бюрократического аппарата власти.*

И сегодня концепций разрабатывается очень много: «Стратегия развития 2018—2025», «Энергетическая стратегия России до 2035 года», «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г.» и др. Но, как правило, аргументы и меры из одних перетекают в другие, а институциональных преобразований не затрагивают, принципиальная оценка реальной ситуации не происходит, анализ роли самих институтов власти в уже проведенных реформах не осуществляется. В России уже более 25 лет регулярно проводятся те или иные реформы, в том числе административные, государственного и муниципального управления, здравоохранения и образования, сельского хозяйства и финансовых институтов, малого и среднего бизнеса, реализуется море дорожных карт. Но серьезного анализа эффективности и, прежде всего, социальной эффективности, плюсов, минусов реализуемых реформ нет, успешные и негативные практики не обсуждаются. *Отсутствие серьезного всестороннего анализа плюсов и минусов уже реализованных или реализуемых реформ не осуществляется — это третье узкое место в управлении развитием.*

И вроде бы все стратегии ставят целью улучшение жизни россиянина, но, вот беда — ни в одном документе — ни человек, ни его семья, ни трудовой коллектив, местное сообщество не являются главными действующими субъектами. Взамен включенности человека и общества в реформы сегодня главный публичный вектор в государственном и муниципальном управлении — формирование лояльности. Власть через это демонстриру-

ет свой страх перед любым инакомыслием, выдвижением альтернатив, инициативами. Более того, власть загнала себя в ловушку лояльности. Вместо определения стратегии и поиска путей развития России в обществе целенаправленно раздувается псевдопатриотизм, поиск врагов, людей отвлекают от реально существующих в обществе проблем. Позиция власти на развитие линии конфронтации в обществе: между центром и периферией, рабочими и интеллигенцией, пятой колонной и патриотами, религиозно ущемленными и творческой элитой и др. превращается в мощный тренд. К таким устойчивым трендам можно отнести: формирование образа внешнего врага и списание на него внутренних проблем; конфронтация со всяким инакомыслием, вследствие чего наука превращается в прикладную «служанку» власти; имитационная экономическая симулякра — между либеральным и консервативным пониманием вектора экономического развития страны.

Представляется, что уже более 10 лет в России сложилась уникальная ситуация, когда при «зашкаливающем» уровне поддержки населением Президента РФ, последний не решается на кардинальные социально-экономические преобразования в стране. В таблице 1 представлена оценка доверия россиян к основным социальным институтам в сравнении с гражданами стран Евросоюза и США [3, с. 111].

Таблица 1. Сравнительная оценка доверия к социальным институтам в обществе

Социальные институты	Россия	Евросоюз	США
национальный лидер	74—85	42	45—54
правительство	26	25	23
парламент	22	33	8
суд	22	42	32
армия	60	63	72
полиция	24	65	52
банки	13	48	28
благотворительность, волонтерство	7	58	65

Анализ данных представленных в таблице свидетельствует, что российский лидер В. В. Путин, по сравнению с его зарубежными коллегами, пользуется, по сути, абсолютным доверием в обществе, имеет необходимые социальные ресурсы для прогрессивных преобразований в России. И это четвертое узкое место — есть лояльность и высокий уровень доверия власти, а стратегических реформ нет.

Более того не слышно — о серьезных стратегиях развития территорий, сфер жизнедеятельности, планах муниципальных образований, местных

сообществ. Даже личные планы строит небольшое количество россиян. Так, согласно результатам исследования ФОМ лишь 48 % россиян строят планы на год и менее, каждый пятый (20 %) — на 3—5 лет, а еще 24 % не строят планов вообще. Тех, кто заглядывает за горизонт 20 лет — у нас всего около 2 % [4].

Российскому обществу уже длительное время не предлагается реальная стратегия развития, образ желаемого будущего — и это пятое узкое место. Журналисты предприняли такую попытку создать «вижен» из мыслей наших современников (Г. Греф, А. Кудрин и др.) [5]. Это должно быть общество, которое:

1. будет создавать новые идеи, смыслы, технологии и где доминирует экономика знаний, ценностей и креативная индустрия, главным принципом управления, которого будет создание условий для раскрытия человеческого потенциала;

2. сможет само решать разные вопросы, фиксировать контракты и договоренности и в котором, современные технологии заменят многие функции государства и бюрократии;

3. формирует свободного человека-творца, и если мы хотим быть конкурентоспособным обществом с высоким уровнем жизни, нам нужно отвечать на вызовы новой технической революции. Чтобы быть уважаемыми и сильными — мы должны быть свободными и творческими;

4. функционирует посредством мощнейших горизонтальных связей между людьми, между организациями, учеными, бизнесменами.

В заключение необходимо отметить, что узких мест и обстоятельств, мешающих нам развиваться гораздо больше, чем представлено в статье. Но направления «главного удара» по современному застою можно достаточно четко конфигурировать. Это реформа эффективности государственного и муниципального управления, реформа правового пространства и, прежде всего, судов, прокуратуры и полиции, реформа пространства предпринимательства, стратегическое изменение правил взаимодействия «центра», регионов, муниципалитетов, гражданского общества и собственно гражданина России.

Список источников

1. ЦСР нашел причины провала прежних стратегий России. URL: [www/vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369](http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369)\$.
2. Тюриков А. Г., Тюриков Р. А. О критериях оценки эффективности государственного и муниципального управления // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2014. С. 85—89.

3. Тюриков А. Г. Доверие как базовое условие формирования экономического поведения россиян // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (25 октября 2016 г., Москва) / АНО «Совет по вопросам управления и развития ИСЭПН РАН. М. : Акварель, 2016.

4. Кто-то сделает страну лучше. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/23/674398-sdelat-stranu-luchshe>.

5. Чтобы быть уважаемыми и сильным, мы должны быть свободными и творческими URL: http://echo.msk.ru/blog/znak_com/1877466-echo/.

А. В. Добронравов, Е. В. Брызгалина

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДОБРОНРАВОВ Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, dobronravov.a.v@mail.ru

БРЫЗГАЛИНА Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии образования Философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; evbrz@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний день сформировано и озвучено решение о создании экспертно-консультационных советов при комитетах Государственной Думы. Экспертные группы предполагается создать, используя имеющиеся ресурсы ведущих вузов страны: МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, НИУ Высшая школа экономики, РАНХиГС, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, Российский аграрный университет им. К. А. Тимирязева и Московский университет имени О. Е. Кутафина. Также были предложены Финансовый университет при правительстве РФ и Московский государственный строительный университет. Дальнейшее регулирования состава, форм деятельности, методов работы экспертно-консультационных групп для ведения экспертного сопровождения деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации посредством привлечения ведущих классических и научно-исследовательских университетов, а также отраслевых вузов в качестве экспертных центров необходимо регламентировать Федеральным Законом «Об организации экспертного сопровождения деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Внутренняя работа экспертных групп должна быть регламентирована внутренними документами Государственной Думы, определяющими бюджеты, основания и формы деятельности.

Ключевые слова: Экспертно-консультационный совет, экспертное сопровождение, Государственная Дума, методы проведения экспертных сессий

На сегодняшний день сформировано и озвучено решение о создании экспертно-консультационного совета при Председателе Государственной

Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Экспертную группу предполагается создать, используя имеющиеся ресурсы ведущих вузов страны: МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, НИУ Высшая школа экономики, РАНХиГС, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, Российский аграрный университет им. К. А. Тимирязева и Московский университет имени О. Е. Кутафина. Также были предложены Финансовый университет при правительстве РФ и Московский государственный строительный университет.

Дальнейшее регулирование состава, форм деятельности, методов работы экспертно-консультационной группы для ведения экспертного сопровождения деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации посредством привлечения ведущих классических и научно-исследовательских университетов, а также отраслевых вузов в качестве экспертного совета необходимо регламентировать положением «Об экспертном совете при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Деятельность вновь созданного экспертного совета должна быть направлена на комплексную оценку и прогнозирование тенденций политического, социально-экономического и культурного развития Российской Федерации, государств-участников Содружества Независимых Государств и других государств мира. В его задачи должна входить подготовка предложений по тематическим приоритетным направлениям законопроектной деятельности Государственной Думы, экспертная и научная оценка последствий принятия системных законодательных решений с целью совершенствования деятельности Государственной Думы, а также обеспечение взаимодействия институтов гражданского общества с руководством Государственной Думы и содействие повышению авторитета Государственной Думы.

В целях выполнения поставленных задач экспертному совету необходимо осуществлять сбор и анализ информации, разработку прогнозов и сценариев развития социально-экономического положения России, информировать Председателя Государственной Думы о новых доктринах в области политики, экономики и культуры, обеспечивать Председателя Государственной Думы информацией и материалами, содержащими научно-экспертную оценку политических и социально-экономических процессов, проходящих в Российской Федерации, государствах-участниках Содружества Независимых Государств и других государствах мира.

Для улучшения качества законотворческой деятельности экспертный совет должен определять стратегические направления развития законопроектной деятельности Государственной Думы и обеспечивать Председателя Государственной Думы информацией и материалами

по проектам наиболее социально-значимых законов, проводить анализ и подготовку материалов, содержащую экспертную оценку последствий принятия и реализации актов органов государственной власти всех уровней, вносить предложения Председателю Государственной Думы о разработке федеральных законов, в том числе с участием законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

При проведении экспертизы законодательных инициатив экспертный совет должен подготавливать предложения по реализации законов, принимаемых Государственной Думой, организовывать работы по формированию перечня научных исследований, выполняемых в интересах Председателя Государственной Думы.

Для обеспечения взаимодействия институтов гражданского общества экспертный совет должен организовывать и проводить исследования и семинары с привлечением высших учебных заведений, научных организаций, фондов, консультационных и экспертных советов, а также структурных подразделений Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, участвовать в организационном и методическом сопровождении издательских, научных, образовательных и иных проектов, оказывать содействие укреплению связей Государственной Думы с научной общественностью, освещать деятельность Государственной Думы в научных публикациях и средствах массовой информации, организовывать и обеспечивать взаимодействие Государственной Думы с российскими и зарубежными научно-исследовательскими, экспертно-аналитическими организациями.

В состав экспертного совета должны входить депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители государственных органов, Российской академии наук, научных организаций, высших учебных заведений, профильных организаций и независимые эксперты. В составе экспертного совета возможно участие сотрудников Аппарата Государственной Думы. Председателем экспертного совета должен быть Председатель Государственной Думы, а его заместителем — председатель комитета Государственной Думы по регламенту и организации работы Государственной Думы.

С целью повышения эффективности работы экспертного совета должны создаваться секции экспертного совета по основным направлениям его деятельности. Для обеспечения непрерывности и оперативности деятельности экспертного совета необходимо создание президиума экспертного совета, который будет предварительно обсуждать перечень вопросов, предполагаемых для рассмотрения на заседаниях экспертного

совета, рассматривать вопросы, связанные с реализацией задач, функций и решений экспертного совета, вносить предложения председателю экспертного совета о приоритетных направлениях научно-экспертного обеспечения деятельности Председателя Государственной Думы.

Обсуждение вопросов экспертного совета необходимо проводить как на заседаниях экспертного совета в очной форме, так и посредством каналов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Заседания экспертного совета необходимо проводить в очной форме по мере необходимости, но не реже двух раз за квартал. Заседание президиума экспертного совета проводятся в очной форме по мере необходимости, но не реже двух раз за период сессии Государственной Думы.

Решения экспертного совета должны приниматься простым большинством голосов присутствующих на заседании членов экспертного совета и носить консультационный, рекомендательный характер.

Обеспечивать деятельность экспертного совета при Председателе Государственной Думы должен аппарат комитета Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы. Аналитическое сопровождение деятельности экспертного совета должно осуществлять экспертно-аналитическое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Следует отметить, что, не смотря на содержательно-оправданный механизм научного обеспечения законодательных инициатив, посредством привлечения ведущих классических и отраслевых вузов, а также научно-исследовательских институтов в качестве экспертных центров, данное решение имеет ряд потенциальных рисков:

1. Возможная бюрократизация процесса. Вуз может требовать от экспертов согласования позиции с ответственными лицами вуза. В качестве примера подобной проблемы возможно привести внутренние нормы СПбГУ о согласовании выступлений преподавателей в средствах массовой информации;
2. Возможная подмена экспертной работы позиционированием сотрудников администрации вузов;
3. Лоббирование интересов академических научных школ в условиях существования множества теоретических моделей, особенно в социогуманитарном знании;
4. Затягивание сроков подготовки экспертных решений в условиях совмещения экспертами научной, педагогической и экспертной деятельности.

Снижение данных рисков необходимо осуществить путём формирования чёткого регламента взаимодействия аппарата Государственной Думы Российской Федерации с ведущими вузами страны.

Е. В. Камко, Ю. А. Камко

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ РОССИИ

КАМКО Елена Васильевна — младший научный сотрудник сектора эволюции социально-экономических систем Центра эволюционной экономики ИЭ РАН, Институт государственной службы и управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; kamkoev@mail.ru

КАМКО Юрий Александрович — кандидат экономических наук, профессор Российской Академии Естествознания, Институт государственной службы и управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; kamkoya@yandex.ru

На современном этапе развития инновационная сфера любой страны представляет собой «мотор» интенсивного экономического роста, т. е. роста, связанного с применением более совершенных факторов производства и технологий. Иными словами, этот рост осуществляется не за счет увеличения объемов затрат ресурсов, а за счет роста их отдачи. Подходя комплексно к данному вопросу, страны стремятся совершенствовать систему социально-экономических отношений между государственными, негосударственными и смешанными структурами, связанную с генерированием, распространением и практическим использованием инноваций.

В России реформирования в данном направлении проводятся в рамках реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года от 8 декабря 2011 года. В целях воплощения инновационной политики в практику Россия, как и большинство стран, широко применяет институты развития.

Сложившаяся к настоящему времени структура государственной поддержки развития экономики России включает в себя достаточно много институтов развития, способных поддержать процесс воспроизводства основного капитала страны. Институты развития представлены финансовыми и нефинансовыми организациями.

К числу первых можно отнести Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), Фонд развития промышленности (ФРП), ОАО «РВК», ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк) и др. Эти институты используют такие инструменты как инвестиции в капитал, займы, страхование, гранты предоставление государственных гарантий и поручительств. С каждым годом объем финансовой поддержки российских институтов развития растет (2008 г — 80 млрд руб, 2010—200 млрд руб, 2012—340 млрд руб.) [1].

Нефинансовые институты развития представлены такими организациями как АО «Роснано», ИЦ «Сколоково», особые экономические зоны (ОЭЗ), промышленные парки и др. Они предлагают частному бизнесу налоговые льготы и иные преференции, участвуют в создании инновационной инфраструктуры страны.

Созданные институты развития способствуют выполнению стратегических задач. Они являются рычагами в поддержании баланса взаимодействия государства, науки и бизнеса.

Переход страны к следующему уровню демократии основан на консолидации усилий, а не разделении. Вопросы распределения ответственности и полномочий между государством и частным сектором становятся значимыми. Бизнес структуры функционируют не только на микроуровне, но и выходят на макроуровень. Президент РФ распорядился привлечь их к выработке нового экономического курса [4]. Это существенно важно, поскольку присущая России централизация институтов сказывается на деловом климате в стране. Уровень российской деловой среды, в рейтинге Doing Business, согласно оценке Всемирного банка, еще в 2011 году был на 123-м месте. Планомерные кооперативные связи государства и бизнеса подняли Россию в 2016 году уже на 40-е место.

В содействии формированию благоприятных условий для развития предпринимательства и частной инициативы важную роль сыграл союз предпринимателей России «Деловая Россия» совместно с институтом развития Агентство стратегических инициатив. Исследователи отмечают, что такой институт развития как Агентство стратегических инициатив (далее — АСИ) является эффективной институциональной инновацией [5]. Деятельность АСИ ориентирована на проектный подход с определенными целевыми критериями. Оно имеет прямой выход на первое лицо в государстве.

Институты развития предоставляют финансовые вложения в проекты на разных стадиях их реализации. Данный механизм финансирования жизненного цикла проекта от зарождения идеи до его исполнения получил название «инновационный лифт». Каждый институт развития специализируется на определенной стадии «инновационного лифта» (таблица 2).

Таблица 2. **Институты развития по стадиям «инновационного лифта»**

	Стадии «инновационного лифта»			
	Стадия генерации идей, предпосевное и посевное финансирование	Стадия раннего развития, венчурное инвестирование	Стадия расширения, прямые инвестиции	Стадия роста, поздняя стадия
Институты развития	Фонд посевных инвестиций АО «РВК», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Фонд «Сколоково», Фонд инфраструктурных и образовательных программ	Фонд «ВЭБ Инновации», венчурные фонды с участием АО «РВК», региональные венчурные фонды	АО «Роснано», АО «Росинфоком-инвест», Российский фонд технологического развития	АО «МСП Банк», ГК «Внешэкономбанк»

Составлено авторами на основании [2].

Проводимая современная политика в области функционирования институтов развития обусловлена социально-экономическими и геополитическими реалиями. Они проходят свою трансформацию, подстраиваясь под требования современности [3]. Инновационная политика всё больше проникает во все сферы жизни социума. В связи с этим, становится важным ее дальнейшее стимулирование, а также регламентация и регулирование ее направлений. Для этих целей государство формирует институты развития. Они связывают всех участников инновационного процесса (государство, наука и бизнес), пытаясь поддержать баланс их интересов.

Список источников

1. Андрианов В. Концептуальные подходы к разработке стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. 2016. № 7.
2. Институты развития. URL: <http://innovation.gov.ru/ru/taxonomy/term/2341>.
3. Камко Е. В. Концепция инновационного прорыва с учётом институциональной макроструктуры // Журнал экономической теории. 2014. № 3.
4. Послание Президента Федеральному Собранию от 01.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.
5. Яковлев А. А. Фрейнкман Л. М. Агентство стратегических инициатив как институт развития нового типа // Вопросы экономики. 2014. № 6.

М. В. Александрова

ПОЛИТИКА КАК ИГРА И ТЕАТР

АЛЕКСАНДРОВА Мария Валерьевна — студентка III курса Иркутского государственного университета направления «Социология», г. Иркутск, Россия; Marija2010—13@yandex.ru

Аннотация. Каждый политик — это игрок. И каждый идет к своей цели не к власти, а ее всегда мало. Политическая игра, основываясь на потребности человека в самореализации, поддерживается на азарте, непредсказуемости и блефе. Опытные политики знают, как ввести в заблуждение не только своих противников, но и электорат, воздействуя на чувства и эмоции. Посредством игры актера происходит управление зрителем. Политические действия не стараются задействовать зрителя, а просто показываются им в СМИ. Поле политики заполняется идеями, и начинает воздействовать на зрителя через интернет, газеты, радио и много другое. В каждой новой ситуации политик представляет себя «другим». Все это помогает манипулировать людьми. Каждый стремится на публике выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. Театральная политика — это то, где политическая сфера все больше наполняется виртуальностью. Политика становится зрелищем, в котором есть декорации, костюмы, разыгрываются сцены.

Ключевые слова: игра, театр, политика, публика

С увеличением роста информационных потоков происходит развитие общественно-политических связей. Интернет-ресурсы, телевидение, радио, СМИ позволяет говорить о разыгрывании политического действия на публике. Благодаря быстрой работе СМИ при принятии каких-либо политических решений все политические действия непременно становятся игрой на публику и перед публикой для достижения конкретных целей политика, а как раз вся наша информационная площадка помогает создать пространство для функционирования всего того, что представит политик.

Итак, вообще игру можно представить, как иной мир, который является полной противоположностью реальному повседневному миру. Внутри каждой игры есть свои правила, язык, знаки и также пространство, где происходит игра. Игру также можно представить, как борьбу, соревнование. А если это борьба, то должен быть победитель, это и считается главным целью игры — победить противника любыми средствами.

Джордж Герберт Мид видит игру как соревнование, она создает единое смысловое пространство, а также согласует отдельные индивидуальные установки между собой. В жизни игра представляет переход

от принятия роли других в театрализованном представлении к организованной части. [2, 540]

Й. Хейзинг считает, что игра протекает по определенным правилам: «Игра есть добровольное действие или занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени, по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам, с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознание «иного бытия», нежели «обыденная» жизнь». [5, 64]

Что же касается политической игры, то она находится в таком пространстве, куда попасть непросто.

Применяя понятие «игра» к полю политики, П. Бурдьё считает, что «поле политики — это своего рода игра, где действуют агенты с ограниченным числом участников, имеющие свои правила.» [1]

Для Ореховского П. А. «политическая игра — это борьба муниципальных и региональных элит за контроль над ресурсами. Под политикой он понимает борьбу за перераспределение власти.» [4]

В политической игре существуют объект, субъект и цель. Объектом является то, на что направлена политика в целом. Субъектом может быть и отдельный человек, и группа людей. Ну и целью политической игры выступает власть.

Каждый политик — это игрок. И каждый идет к своей цели т.е к власти, а ее всегда мало. Политика не подчиняется правилам, в ней постоянно происходит скрытие реальности, представление вторичной реальности. Политическая игра, основываясь на потребности человека в самореализации, поддерживается на азарте, непредсказуемости и блефе. Опытные политики знают, как ввести в заблуждение не только своих противников, но и электорат, воздействуя на чувства и эмоции (создание мифов, организация слухов). В обычной игре изначально в основе лежит обман, хитрость, навязывание своих понятий и правил. Блеф в политической реальности чаще всего предстает то в виде спекуляций, ссылки на авторитеты, то через манипуляции недостоверными или некорректными цифрами и фактами, например, при публикации рейтинга лидирующих политиков. [3, 65]

Например, политические партии в каком-то смысле находятся в игре, и каждая хочет добиться власти путем представления своей фантастической программы, публичных выступлений, представление себя в самых разных образах помощников людям, борцов за справедливость. Они показывают, что действительно идут соревнования, борьба за голоса, что для них важны проблемы народа, но на самом деле все это просто театр, спектакль.

Сравнивая политику и театр, можно сказать, что у них есть что-то общее. Одним из сходств является целевая аудитория, что политике, что

театру нужен зритель и его внимание. Политики в целях привлечения внимания аудитории проводят все различные мероприятия, направленные на массу (митинги, забастовки), а также предвыборные агитации, когда политику приписывают имидж и определенную роль.

Хочется еще отметить, что можно распределить роли: политик — актер, электорат — зритель, политический консультант (PR- менеджер) — режиссер-постановщик. Посредством игры актера происходит управление зрителем. В политическом спектакле зритель не имеет возможности принимать участие и влиять на ход событий. Все, что они могут, это только наблюдать за происходящим и подвергаться эмоциональному воздействию. Политические действия не стараются задействовать зрителя, а просто показываются им в СМИ.

Сама же идея сценария зависит от интересов политических групп. В результате деятельности режиссеров-постановщиков, представляющих различные интересы, поле политики заполняется идеями, и начинает воздействовать на зрителя через интернет, газеты, радио и много другое.

Кроме того, что нужно представить идеи, нужно еще и политику как-то показаться. В каждой новой ситуации политик представляет себя «другим». Все это помогает манипулировать людьми.

Каждый стремится на публике выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. И в свою очередь каждое средство массовой информации по-своему представляет какую-либо ситуацию. Поэтому в глазах зрителей образ политика очень сильно меняется.

На сегодняшний день мы видим шоу — театральная политика, где политическая сфера все больше наполняется виртуальностью, т. е. реальный избиратель имеет дело не с конкретными людьми, готовыми представлять интересы граждан, а с образами героев, спасителей, лучшими спортсменами, звездами кино и шоу-бизнеса. Политика становится зрелищем, в котором есть декорации, костюмы, разыгрываются сцены (торжественные открытия, награждения, встречи, обеды, дебаты и т. д.).

Таким образом, такое представление политики, создает основу для понимания того, что все оказываются под манипуляционным воздействием и имеет огромные возможности благодаря СМИ.

Список источников

1. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/03/04/968/> (дата обращения: 20.12.2016).
2. История социологии : в 3 кн.: учебник / под ред. проф. В. И. Добренкова.). М. : ИНФРА-М, 2004.

3. Новикова О. Н. Игра как атрибут политической деятельности // Социум и власть. 2016. № 3. С. 61—66.
4. Ореховский П. А. Игры элит и региональное развитие [Электронный ресурс] URL: <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php?htmlfile=orekhovsky-17.htm> (дата обращения 20.12.2016).
5. Туронок С. Г., Бахтина И. А. «Игра» в политику (теоретический аспект массовых политических коммуникаций) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 4. С. 59—74.

А. Х. Тезйел

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ АСПИРАНТУРЫ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОПРОС ЭФФЕКТИВНОСТИ

ТЕЗЙЕЛ Алсу Ханифовна — кандидат социологических наук, заведующая аспирантурой и докторантурой, младший научный сотрудник, факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; alsu.msu@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются предпосылки и особенности реформирования российской системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, начатого в 2014 году. Раскрывается суть нормативно-правовых актов и положений, задавших новые правила функционирования аспирантуры. Показывается, что в результате реформы увеличилась образовательная составляющая программы подготовки аспирантов, обязательными стали педагогическая практика, курсы педагогических дисциплин, а также государственная итоговая аттестация. Эффективность аспирантуры больше не связана с защитой кандидатской диссертации, как раньше. Продемонстрированы результаты общероссийского и локального анализа основных показателей деятельности аспирантуры (на примере факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова). Подчеркивается, что в научном сообществе не прекращаются острые дискуссии на тему целесообразности обновления существовавшей ранее системы подготовки научно-педагогических кадров. Обозначаются многочисленные организационные, финансовые, кадровые проблемы, связанные с реализацией реформы. Делаются прогнозы о том, что учиться в обновленной аспирантуре сможет лишь незначительная, «избранная» часть молодежи. Единого мнения в связи с отсутствием данных по первому выпуску аспирантов, освоивших новую программу подготовки, пока не выработано, однако актуальность поставленной темы только нарастает и требует дальнейшей разработки.

Ключевые слова: Болонский процесс, реформа аспирантуры, эффективность аспирантуры, реформа образования, третий уровень высшего образования

Глобализация науки и образования потребовала модернизации отечественной системы подготовки и аттестации научных кадров. Согласно Государственной Программе РФ «Развитие образования» на 2013—2020 годы, «особым вызовом является необходимость полноценного разво-

рачивания современной магистратуры и аспирантуры в соответствии с принципами Болонского процесса». В соответствии с ней аспирантура в России преобразована в третий уровень высшего образования.

Обновленные правила функционирования аспирантуры определены, в первую очередь, федеральным законом об образовании РФ от 2012 г. и федеральными государственными образовательными стандартами по направлениям аспирантуры, вступившими в силу в 2014 году. Согласно государственным стандартам, обязательными для аспирантов стали педагогическая практика и курсы педагогических дисциплин, увеличилась образовательная составляющая учебной программы. Аспиранты-выпускники проходят обязательную процедуру государственной итоговой аттестации: сдают государственный экзамен и защищают перед экспертной комиссией научно-квалификационную работу, содержащую основные результаты исследовательской деятельности в аспирантуре. После успешного прохождения итоговой аттестации выпускнику выдается диплом об окончании аспирантуры и присваивается квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь». Успешность выпускника аспирантуры рассматривается в рамках компетентностного подхода: оцениваются универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [3, с. 7—8]. Дипломированный выпускник может по желанию подавать документы в Диссертационный совет по соответствующей научной направленности и идти на защиту для получения степени кандидата наук.

Как известно, до вступления в силу федеральных государственных стандартов результатом освоения аспирантской программы была защита кандидатской диссертации. Эффективность работы аспирантуры рассматривалась по показателю количества защит закончивших аспирантуру выпускников. Так, согласно данным Госкомстата за 2009—2014 гг., эффективность деятельности аспирантуры в российской системе образования была стабильно низкой: общая численность выпускников аспирантуры в соотношении к численности выпускников, защитивших кандидатскую диссертацию, составляла пропорцию примерно 4:1, или около 25% (см. табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели деятельности аспирантуры, РФ.

Всего по РФ		
Годы	Выпуск из аспирантуры, чел.	В том числе с защитой диссертации, чел.
2009	34 235	10 770
2010	33 763	9 611
2011	33 082	9 635

Всего по РФ		
Годы	Выпуск из аспирантуры, чел.	В том числе с защитой диссертации, чел.
2012	35 162	9 195
2013	34 733	8 979
2014	28 273	5 189

Локальный анализ основных показателей деятельности аспирантуры (на примере факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова) показал схожие результаты (см. табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели деятельности аспирантуры, факультет гос. управления МГУ

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего по факультету	31	40	38	46	43	32	22
Из них с защитой диссертации	9	6	3	8	0	0	0
Из них с обсуждением диссертации	13	15	20	6	19	9	18

Учитывая столь низкие показатели за последние годы, очевидно, что проведение реформы российской аспирантуры ставит собой задачу повысить эффективность ее деятельности за счет увеличения количества выпускников, получивших новые дипломы, а не за счет количества защитивших кандидатскую диссертацию.

Однако в научном сообществе не прекращаются острые дискуссии на тему целесообразности обновления существовавшей ранее системы подготовки научно-педагогических кадров. Одни исследователи утверждают о низкой эффективности отечественных научных исследований и о давно назревшей необходимости реформы в соответствии с международными стандартами. Другие аналитики подчеркивают несоответствие проведенной реформы существующим потребностям в области подготовки научно-педагогических кадров и подробно анализируют многочисленные недоработки новых управленческих инструкций. Выделяются такие проблемы, как финансовая, организационная, кадровая, причем в научных организациях проблемы стоят гораздо острее, чем в вузах. Подчеркивается, что по федеральному стандарту на научные исследования и подготовку научной работы отводится не более 40 % трудоемкости программы. Делаются прогнозы о том, что учиться в обновленной ас-

пирантуре сможет лишь незначительная, «избранная» часть молодежи. Действительно, загруженность образовательной составляющей программы аспирантуры и при этом крайне низкие размеры стипендии, как правило, не оставляют выбора перед молодыми людьми и заставляют искать работу.

В целом можно согласиться с тем, что необходима особая осторожность при реформировании подготовки научно-педагогических кадров, недопустима слепая экстраполяция так называемой Болонской системы образования в России. Эффективность же первого выпуска аспирантов, обучающихся по новой программе, можно будет оценить только по итогам первой государственной итоговой аттестации в текущем учебном году.

Список источников

1. Государственная Программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013—2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15—Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf/.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.
3. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям аспирантуры // Официальный Портал Федеральных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7>.
4. Boldysheva N. Реформа аспирантуры в условиях Болонского процесса: от кандидатской к PhD // *European Review of Social Sciences*. 2015. № 1. С. 5—13.
5. Россия в цифрах. 2015 : Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2015.
6. Серякова С.Б., Красинская Л. Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // *Высшее образование в России*. 2013. № 11. С. 22—30.
7. Федюкин И. И. Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста // *Экономическая политика*. 2009. № 5. С. 62—74.
8. Современная аспирантура и судьба института повышения квалификации / Круглый стол журнала «Высшее образование в России» // *Высшее образование в России*. 2014. № 6. С. 130—150.

Н. Н. Ламскова

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЙ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ЛАМСКОВА Наталья Николаевна — ФГАОУ ВО Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия; verhovceva-natal@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию публичных слушаний как одной из форм реализации социальной политики. описаны основные принципы общественных/публичных слушаний, а также значимость публичных слушаний по бюджетам регионов страны в установлении диалога власти и общественности на поле социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, публичные слушания, диалог

Гражданская жизнь представляет собой сложную систему взаимонаправленных действий субъектов. Современная ситуация предъявляет человеку, обществу в целом, особые, повышенные требования. Чтобы решить встающие перед ними в процессе повседневной жизни проблемы, требуются огромные усилия разного рода субъектов. Однако даже при самых максимальных затратах никакая сложная проблема не может быть решена, если не будет организовано взаимодействие между субъектами, участвующими в решении данной проблемы.

В настоящее время формируются и получают развитие практики взаимодействия публичных социологов с властью и общественностью на поле социальной политики, значимую роль в динамике которых играют сегодня публичные слушания по бюджетам регионов страны. Однако эти практики, участие в них публичных социологов до сих пор фактически не стали предметом научного интереса.

В нашей стране публичные слушания определены законодательно как один из институтов гражданского общества [1]. Их проведение в градостроительстве, например, предполагает участие граждан в местном управлении. В нашем случае — проведение публичных слушаний по расходованию бюджетных средств способствует развитию механизмов независимой общественной экспертизы и государственно-общественных консультаций на ранних стадиях подготовки и принятия решений [2]. Целью проведения публичных слушаний по расходованию бюджетных средств является влияние на распределение бюджетных средств в соответствии с общественными интересами, которая включает в себя:

- оценку соответствия/несоответствия стратегических целей развития региона общественным интересам;
- оценку соответствия/несоответствия существующего распределения бюджетных средств стратегическим целям развития региона (как их понимает эксперт) и общественным интересам (как их понимает эксперт);
- оценку качества плановых показателей результативности (включая методы их достижения – программной и непрограммной деятельности);
- оценку эффективности вложения бюджетных средств в соответствии с плановыми показателями результативности с точки зрения эксперта;
- разработку, внесение и лоббирование предложений по использованию бюджетных средств — рекомендаций по распределению бюджетных средств

В силу сказанного выше наш интерес к данному институту гражданского общества обусловлен тем, что в ходе публичных слушаний так или иначе фокусируется внимание на реализуемых программах разного уровня, уже в силу того, что программный формат проводимой в стране социальной политики стал нормой жизни. Иными словами, включенность в работу института публичных слушаний — непосредственное или опосредованное — дает исследователю уникальную возможность для изучения социальной политики, способов и форм взаимодействия на ее поле власти и общественности, в ходе обсуждения реализуемых программ, в том числе.

Организация и проведение подобных мероприятий, лишь в общих чертах прописанные в нормативных актах, могут значительно отличаться друг от друга в зависимости от культурных особенностей и интересов населения, социально-экономической и политической обстановки в исследуемом регионе, сложившихся практик взаимодействия власти и общественности на поле социальной политики и т. п.

Резюмируя сказанное выше относительно публичных слушаний как института гражданского общества, а также одной из форм реализации социальной политики подчеркнем, что в процессе участия общества и власти в публичных слушаниях происходит не просто передача информации, а совместная выработка на этой основе новой результирующей информации. В рамках их проведения вырабатываются достоверные знания и формы организации, происходит обмен информацией, и заключаются соглашения. Поступательное развитие общества становится результатом взаимодействия общественных сил.

Список источников

1. Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении Порядка проведения публичных слушаний по проекту закона Самарской области об областном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период и по годовому отчету об исполнении областного бюджета за истекший финансовый год».
2. ФЗ N 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти.

И. К. Масалков

БЛИЖАЙШИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

МАСАЛКОВ Игорь Константинович — кандидат философских наук, доцент социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; home@home.soc.msu.su

Аннотация. В наши дни российские и связанные с ними исследовательские центры испытывают на себе последствия принятия положений об университетской реформе, по сути меняющей саму парадигму университетского образования. Университеты Западной Европы и Америки четко обозначили тренды развития, которые начали хорошо отслеживаться в других странах. Общение с коллегами из российских и западных университетов показывает, что это общий тренд и для России, которая, как и любая другая страна, имеет свою специфику.

Ключевые слова: революция менеджеров, университетская реформа, парадигма университетского образования, прекариат

Волна революции менеджеров, как один из аспектов глобализации, накрыла и сферу российского высшего образования. Менеджерская власть, распространяясь в настоящее время во всех сферах общества, производит похожие результаты: культуру чрезвычайщины, отсутствие дебатов о принимаемых мерах, навязывание системы оценок, квантофрению (одержимость оцифрованными результатами), индивидуализацию, потерю смысла, уныние и депрессию.

В наши дни российские и связанные с ними исследовательские центры испытывают на себе последствия принятия положений об университетской реформе, по сути меняющей саму парадигму университетского образования. Университеты Западной Европы и Америки четко обозначили тренды развития, которые начали хорошо отслеживаться в других странах. Общение с коллегами из российских и западных университетов показывает, что это общий тренд и для России, которая, как и любая другая страна, имеет свою специфику.

Прежде всего, следует отметить мировую тенденцию к продолжающейся демократизации высшего образования. Подавляющее большинство выпускников средних школ поступают в ВУЗы. Во Франции, к примеру, чтобы устроиться кассиром в супермаркет, почтальоном, полицейским, требуется уровень образования средней школы плюс 2—3 года университета. В России в ВУЗы поступает в последние годы около 90% выпускников средних школ.

Суть проводимой реформы состоит в том, чтобы, ссылаясь на затянувшийся с 2008 г. экономический кризис, сокращать имеющиеся у университетов средства для того, чтобы сделать несостоятельными существовавшие десятилетиями формы управления, заменяя их имеющими место в частном секторе моделями менеджмента. Под лозунгом предоставления показной самостоятельности скрывается, как тренд, резкое сокращение финансирования со стороны государства. По заключениям экспертов, в США в государственных и частных учебных заведениях государственная финансовая поддержка покрывает не более 30 % всех расходов [1].

В социологическом сообществе никто не отрицает настоятельной необходимости проведения реформ университетского образования и исследовательской деятельности в целом, поэтому в ряде стран борьба идет не с самой идеей этой реформы, а, главным образом, с той концепцией, которая за ней стоит. Сутью «нового государственного управления» является копирование западной модели «New public Management», которая уходит корнями в неолиберальный курс, установленный правительствами М. Тэтчер и Р. Рейгана в Англии и США. О существующей радикальной антиномии между парадигмами, которые служат основой New public Management и социологии, красноречиво говорит французский социолог Винцентде Гольжак [2]: «Новое управление создает парадоксы. Знаменитый лозунг «работайте больше, чтобы зарабатывать больше» — на деле оборачивается для некоторых из нас работать все больше и зарабатывать все меньше и не иметь работу для других, не зарабатывающих совсем ничего».

Другим следствием менеджерской революции является установление внутреннего финансового контроля и аудита, превращающихся в повседневный рычаг давления во всех технологических звеньях университетского «производства». Вузовские преподаватели попадают в отряд так называемого «прекариата» — людей, чей финансовый и профессиональный статус является временным, неустойчивым, а будущее — зависящим от прохождения фильтров, придуманных менеджерами, чей статус становится все более и более значимым.

Исследования, которые проводятся в университетах, больницах и даже в лидирующих на мировом рынке западных компаниях, подтверждают деградацию социальных отношений и непрерывное увеличение таких симптомов как стресс, профессиональное истощение, чувство ущемления на работе и рост числа самоубийств, связанных с работой. Сотрудники становятся бессильными, потому что уже и не знают «под какой смысл подстраиваться», но при этом они сталкиваются с постоянными изменениями, со срочностью. У них нет времени выполнить или оспорить одно предписание, как появляется следующее. Данный тренд можно обозначить как ожесточение борьбы за рабочее место, губящее существующие коллективы и нейтрализует любую попытку возражения.

Другим важным вопросом, стоящим перед российскими социологами является вопрос: «Для чего и для кого служит их знание, кто является его адресатом?» В отмене преподавания социологии в российских непрофильных ВУЗах мы видим атаку на социологию, которая не была бы столь серьезна, если бы она не подхватывалась другими атаками на любую форму критической мысли. Ценности в основе «становления социологом», которые делают эту профессию для нас стержнем идентичности, — те ценности, которые основывают социальную связь [3]. Проповедники политики *New public Management* не любят социологию. Они рассматривают ее как бесполезную и негативную, а, следовательно, и вредную, потому что она ставит под сомнение основания, на которых зиждется их самоуверенность, и доказывает наличие связи между жестокостью реформ и страданием [4]. Сами социологи становятся в глазах правящей элиты «опасным классом».

Одержимые идеей иметь измеримый результат деятельности как преподавателей, так и исследователей, подняться на более высокое место по Шанхайской классификации, авторы реформ попутно забывают то, что находится в центре университетской деятельности: производство и передача знания. Многие страны начинают вводить собственные рейтинговые системы оценки успешности преподавателей и университетов.

Российское общество никогда так не нуждалось в знании о самом себе, в элементах самопонимания, чтобы противостоять событийной сложности и пресловутой «потере смысла». Однако это требование времени, тем не менее, не стало пока обращением к социологии и к социологам. Все наоборот. Социология скорее отстранена, если не сказать просто отброшена в сторону. Отныне университет как храм науки превращается в *market place* в самом широком смысле этого понятия, где студенты начинают выступать в новой роли — в качестве клиентов, покупателей на рынке образовательных услуг. От преподавателей требуется овладение «мягкими» полуразвлекательными технологиями обучения: *Power Point*, мультимедийность, игровые методы, психодрамы и пр. [1].

Список источников

1. Покровский Н. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? [Электронный ресурс] // Русский Журнал. Обзоры. Образование. URL: <http://www.russ.ru/culture/education/20040805.html> (дата публикации: 5 Августа 2004, дата обращения: 27.02.2017).
2. Гольжак (де) В. Инаугурационная речь на открытии Генеральных Штатов социологии в Париже 15 апреля 2009 г. (Стенограмма речи).
3. Bouilloud J.-P. *Devenir sociologue*. Toulouse, ÉRÈS, 2009.
4. Gaulejac (de) V. *La société malade de la gestion*. Paris, Seuil, 2009.

А. Б. Хашаева

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ/ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ХАШАЕВА Анастасия Борисовна — научный сотрудник отдела социологических исследований БНУ РК ИКИАТ, г. Элиста, Россия; khashaeva_a@mail.ru

Аннотация. В настоящей публикации представлены результаты социологического исследования качества предоставления государственных и муниципальных услуг органами исполнительной власти Республики Калмыкия.

Ключевые слова: Административная реформа, государственное управление, государственные/муниципальные услуги, оценка качества, мониторинг

В настоящее время в России особую социальную значимость приобретают вопросы, связанные с повышением качества предоставления государственных/муниципальных услуг населению. В рамках административной реформы Российской Федерации актуализируется проблема становления адекватной системы государственного управления, определение параметров, способствующих повышению эффективности деятельности органов государственной власти. Активное развитие системы государственного управления предполагает необходимость формирования показателей результата их деятельности, к числу которых относятся и показатели качества. В связи с этим существует необходимость создания системы оценки качества предоставления государственных/муниципальных услуг и дальнейшего мониторинга.

Востребованность мониторинга оценки качества услуг со стороны управленческих структур высока. Однако проблема оценки качества в современной науке и практике решается достаточно трудно, поскольку ее решение связано с определенным количеством трудностей как теоретического, так и практического характера.

В аналитической практике зарубежных исследовательских центров, изучающих качество услуг, ведется активная разработка методов расчета индексов удовлетворенности услугами организаций. Анализируя отечественный и зарубежный опыт, можно выделить применение таких методов расчета индексов, как:

- расчет отношения ожидаемого и воспринимаемого потребителем уровня отдельных аспектов качества и доступности предоставляе-

мой услуги как набора частных индексов критериев, характеризующих качество услуги с последующим построением комплексного индекса как среднего из частных индексов;

- построение индекса как разницы суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок качества и доступности предоставляемой услуги;
- расчет национальных индексов.

На сегодняшний день в нашей стране также разработана и апробирована унифицированная методика проведения мониторинга оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг [1]. В методике четко прописаны целевые значения показателей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». По данной методике ежегодно проводятся мониторинги во всех регионах РФ.

Проведение мониторинга оценки потребителями качества предоставляемых услуг является неотъемлемой частью изучения современного состояния в области предоставления услуг и разработки путей дальнейшего совершенствования этих услуг с учетом потребностей и ожиданий самих получателей услуг.

Обобщив и проанализировав результаты социологического исследования по оценке качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия, можно сделать некоторые выводы [2].

Качество предоставленных государственных/муниципальных услуг в целом положительно оценили 86,6% опрошенных. Следовательно, этот показатель весьма близок к показателю целевого достижения (к 2018 году — 90,0%).

Скажем также, что все оценки отдельных показателей процесса оказания государственных /муниципальных услуг достаточно высоки. Например:

- вежливость персонала органов власти или учреждения, предоставляющего государственные услуги — 89,2% получателей услуг;
- профессионализм персонала — 87,1%;
- внимательность персонала — 86,0%;
- количество обращений, которое потребовалось сделать для сбора, сдачи запроса и получения результата услуги — 82,3%;
- количество документов, необходимых для получения государственной услуги, — 86,0% опрошенных;
- условия ведения приема посетителей в органе власти или местного самоуправления — 87,5%.

Вместе с тем, один из ключевых, на наш взгляд, показателей предоставления услуг — время ожидания в очереди на подачу запроса — оценен заметно ниже — 70,4 %.

Большая доля (70,4 %) опрошенных получателей государственных услуг не понесла каких-либо материальных затрат при получении услуги.

По нашим подсчетам, среднее время ожидания в очереди при обращении заявителя в орган власти для сдачи документов на получение государственных услуг составило 23 минуты, на получение результата услуги — 28 минут.

Следовательно, фактический показатель среднего ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти для получения государственной услуги (весь процесс получения услуги) составил 25,5 минут.

Доля представителей бизнес-сообщества, получавших государственную услугу для целей предпринимательства, в выборочной совокупности составила 13,0 % респондентов. Показатель числа обращений для получения одной государственной (муниципальной) услуги составил 2,26 раза.

Основной причиной повторного обращения заявителя в орган власти явилось отсутствие полного пакета документов, необходимых для получения услуги (69,5 %).

Уровень информированности получателей услуг о наличии многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг — 73,0 % (сумма ответов «знаю», «что-то слышал»). Между тем, из числа осведомленных опыт обращения в МФЦ за 2014—2015 годы составил 34,4 % опрошенных.

Уровень информированности получателей услуг о Едином портале государственных и муниципальных услуг — 44,8 % (сумма ответов «знаю», «что-то слышал»). Доля тех (из числа информированных), кто имел опыт использования ресурсов портала за период 2014—2015 годы, составил 13,7 % от общего числа опрошенных.

Доля респондентов, имевших опыт получения оцениваемой услуги ранее, составила 66,0 % общей выборки. Из них каждый четвертый (сумма ответов «улучшилось» — 12,0 %, «скорее улучшилось» — 16,0 %) могли сказать, что за 6 прошедших лет (по условиям опроса) качество предоставления услуги повысилось. 43,4 % из этой группы получателей услуги не видят какой-либо динамики в качестве предоставления услуги.

Полученные в ходе опроса данные позволяют говорить о том, что для достижения целевых показателей качества предоставления необходимых населению услуг потребуются определенная работа и эффективные управленческие решения для совершенствования инфраструктуры и ад-

министративного процесса предоставления государственных и муниципальных услуг, создания надлежащих условий в комплексе.

Список источников

1. Методика проведения социологического исследования и оценки удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг, среднего числа обращений представителей бизнес-сообщества в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения одной государственной (муниципальной) услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности, времени ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения государственных (муниципальных) услуг.
2. Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Калмыкия : социолог. опрос (проводился в 2015 году г. Элиста) / Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий ; С.Э. Лиджи-Горяева, А. Б. Хашаева, Л. Н. Сангаева // Архив отдела социологических исследований ИКИАТ.

Н. Б. Розенгрин

ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

РОЗЕНГРИН Наталья Борисовна — социолог-маркетолог, ООО Золотая Середина-Барнаул, г. Барнаул, Россия; natalja20@yandex.ru

Аннотация. Пенсионная система России как объект социологического анализа. Роль изучения информации, необходимой населению для понимания сути и последствий происходящих реформ в пенсионной сфере.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионное страхование, прикладные социологические исследования

Пенсионная система России является объектом изучения представителей различных областей знания. Однако, количество социологических исследований, посвященных месту и роли пенсионной системы в обществе, структуре и процессам, происходящим в ней, до сих пор недостаточно. В частности, пенсионная система отсутствует в рейтингах оценки одобрения и неодобрения общественных и государственных институтов, регулярно (ежемесячно) проводимых ВЦИОМ.

Подобное невнимание социологов к проблемам, существующим в современной пенсионной системе России, ее положение в «тени» более крупных экономических, политических и социальных проблем, способствует тому, что система, главным двигателем которой должно быть понимание и принятие населением всех ее черт и деталей, основной и подавляющей его частью не понимается и соответственно не принимаются «правила» поведения в этой системе. Все это обуславливает неоднозначность понимания и оценки населением своих возможностей и прав, а также стратегии жизнедеятельности, в конечном счете, «конечного продукта пенсионной системы» достойной пенсии. Это приводит к обесцениванию мероприятий, проводимых в рамках реформирования пенсионной системы России, утрате смысла многих мер, предпринимаемых для стабилизации в ее проблемных сферах.

Социологическому аспекту изучения пенсионной системы должно уделяться не менее пристальное внимание, чем изучению ее экономической сути. В соответствии с этим актуализируются социологические исследования не только таких аспектов функционирования пенсионной системы, как жизнедеятельность пенсионеров, их проблем как группы, но и модели поведения разных социальных групп в сфере трудовых отно-

шений, влияющие на формирование пенсионных прав и соответственно отношение к своим будущим пенсионным правам — эта сфера требует более детального изучения социологами. Ведь пенсионная система охватывает не только пенсионеров, но практически все население — будущих пенсионеров.

Как известно, представители разных социальных и возрастных групп используют разные источники информации, что влияет на адекватность и объем их представлений о пенсионной системе и их пенсионных правах, как настоящих, так и будущих. В связи с этим возрастает значимость прикладных социологических исследований, которые, с одной стороны, должны изучить эффективность источников информации, которые используются субъектами и объектами пенсионной системы; с другой стороны — запросы населения; выявить специфику этих запросов у представителей разных социальных групп. В частности, важно выявить стратегии формирования отношения разных групп населения к своей будущей старости: на какие средства люди рассчитывают жить, на кого склонны возложить ответственность за свое будущее — на государство, на членов семьи, на себя и свои накопления.

Задача происходящего реформирования — переложить часть ответственности за материальную сторону (денежное обеспечение) будущего с государства на лично каждого ее гражданина. Но до сих пор пенсионная система России остается по сути распределительной. Пенсионное страхование, являющееся ядром формирующейся системы, еще не принято большинством населения. Соответственно, нет того импульса, который бы поддерживал успешное функционирование пенсионной системы в целом, так как обязательным условием этой успешности является активное участие населения в формировании и реализации системы социального страхования и пенсионного страхования, в частности.

Таким образом, социологический мониторинг оценки реформирования пенсионной системы, отношения к этому реформированию разных групп населения повысит как эффективность этого реформирования, так и ответственное отношение к формированию и реализации пенсионных прав населения.

О. В. Епархина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В РФ

ЕПАРХИНА Ольга Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия; gelaq@mail.ru

Аннотация. При проведении исследований коррупционных практик на региональном уровне и прогнозировании восприятия коррупции целесообразно использование параллельное использование количественных и качественных методов.

Ключевые слова: Коррупция, население, количественная и качественная методология

Социологические опросы, посвященные коррупционной проблематике, являются одними из наиболее проблемных с точки зрения социологической этики и методики реализации. Это связано как со сложностью освоения респондентом информационной составляющей такого исследования, так и с методическими проблемами его организации [2].

Доминирование в массиве региональных исследований количественной методологии и почти полный отказ от качественной, обусловленные спецификой государственного заказа, приводят к следующим сложностям: рост доли уклоняющихся от ответа, отказ от ответа на шкальные вопросы, излишняя схематизация ответов на вопросы; селекция вопросов по степени их сложности для респондента, ведущее к усечению информации, низкая информативность вопросов шкального типа (выставление усредненных оценок либо универсально низких оценок), особенно в ситуации их обилия, практически полное отсутствие правдивых ответов среди респондентов малых населенных пунктов (в силу большей по сравнению с горожанами личной зависимостью от местных коррумпированных органов), неэффективность методики ситуативного вопроса [3], громоздкий инструментарий.

Отдельную проблему при построении количественных выборок представляет формирование маршрута. Использование квартирного опроса, к сожалению, пока не имеет альтернативы при проведении столь чувствительного исследования. Однако, формирование маршрута традиционными способами приводит к значительным смещениям, так, в частности, маршрут позволяет формировать выборку из более пожилого населения, для которого либо коррупционные практики кажутся

неотъемлемым элементом российской культуры (даже при отсутствии личного опыта участия в них), либо они затрудняются в идентификации практик как коррупционных (отрицательный ответ на вопрос об участии в коррупционных практиках сопровождается положительными ответами на вопросы-конкретизаторы и вопросы-ловушки). Аналогичные проблемы возникают и у молодых респондентов. Имеется и ряд более сложных проблем, связанных со смещением.

Еще одной проблемой выступает крайне негативное восприятие факта опроса респондентами. При кажущейся остроте и актуальности проблемы для населения (коррупция по данным региональных опросов стабильно на протяжении нескольких лет входит в первую пятерку значимых проблем региона) люди крайне неохотно говорят не только об опыте личного коррупционного участия, но и дают обобщенные оценки (например, отвечая на вопрос об оценке интенсивности коррупционных проявлений на определенном уровне власти в баллах). Часто встречается агрессивное восприятие интервьюера в силу отождествления его с коррумпированной властью, обобщение оценок и т. п.

Попытка решения указанных выше проблем была реализована в региональном исследовании населения, проведенном в Ярославской области в 2016 году по кластерной выборке.

Перспективными направлениями оптимизации методики такого исследования являются: параллельное проведение на исследуемом массиве опрошенных 4—6 фокус-групп либо формирование небольшого массива экспертных интервью, что возможно в рамках социально-антропологического подхода к изучению коррупции [1]; реализация четырех подвыборок предпринимателей; расстановка фильтров, увеличение в выборке доли городского населения; отказ от планшетных опросов в пользу традиционного «бумажного» варианта; отказ от вопросов ситуативного характера, изменение пропорций выборки в сторону ее некоторого «омоложения», использование вопросов — апрейзеров как основного типа, сокращение количества шкальных вопросов.

Список источников

1. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. Олимпиаева И. Б., Паченков О. В. СПб. : Алтейя, 2007.
2. Епархина О. В. теоретические основы изучения коррупционных проявлений в РФ. Ярославль : Литера, 2011.
3. Роуз Р., Мишлер У. Коррупция ее оценка и участие в ней (на примере России) // Вестник общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 22—34.

08. Образ будущего России в элитных группах и общественном мнении

А. А. Зайцева

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЗАЙЦЕВА Анастасия Андреевна — магистрантка II курса Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, nas89043419793@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются данные статистики, социологических опросов и мнения экспертов об ухудшении отношения «пророссийских» настроений в армянском обществе. Автор анализирует особенности изменения демографии, мнений среди армянской молодежи, статуса русского языка в Армении.

Ключевые слова: Россия, Армения, «пророссийские» настроения в Армении, армянское общество, армянская молодежь

На сегодняшний день во времена сложных и противоречивых геополитических разногласий в мире, Армения остается стратегическим союзником России как в вопросах безопасности, так и в гуманитарной сфере. С другой стороны постсоветские страны все сильнее начинают отдаляться от России, выбирая самостоятельный путь, зачастую пренебрегая собственными интересами. В Армении так же наблюдаются некоторые противоречия в общественных настроениях, одним из которых является «уход» пророссийского населения: смена поколений и тенденция изменения отношения к России.

Согласно официальному сайту статистической службы Армении, численность населения этой страны на сентябрь 2016 года составляла 2999 300 чел. [6] В то время как около 750 тыс. человек, то есть четверть населения родились после 1991 года, то есть в уже независимой Армении. Таким образом, происходит постепенное старение населения и вырастает новое поколение, которое осознает страну как суверенное государство, которое должно развиваться самостоятельно, независимо ни от какой другой, в том числе и России.

Другим фактором, указывающим на риск, связанным с охлаждением отношения к России в Армении, являются данные, отраженные в некоторых публицистических статьях. Так, например, в статье «Социолог: Пророссийские настроения в Армении растут, но есть и неблагоприятные

тенденции» автор пишет, что происходит «размывание содержательных основ пророссийской ориентации, особенно среди молодежи» [Социолог...]. Он ссылается на социолога Манукяна С. и доказывает это статистическими данными о том, что лишь 30 % в возрасте 18—29 лет положительно оценивают выход Донбасса и состава Украины, и 64 % — к вхождению Крыма в состав России, что указывает на снижение положительного отношения на 24 % и 22 % в сравнении со старшим поколением. Однако если все население Армении считает справедливым независимость Нагорного Карабаха от Азербайджана и дальнейшее воссоединение с Арменией, то такое же отношение должно быть к проблемам Крыма и Донбасса. Манукян объяснил такую картину тем, что 22 % респондентов возрастной группы 18—29 лет не слышали о событиях в Донбассе, а 14 % — не имеют об этом процессе, который длится уже третий год, сформированного мнения. То есть в целом, для 36 % молодежи такой проблемы не существует. Причем уровень отрицательного отношения к событию 35 % превышает уровень положительного отношения — 30%. Несомненно, Россия остается одной из наиболее дружественных стран для Армении, однако, этот уровень с 2013 г. на 2016 г. снизился на 8 % — с 83 % до 75%. В то же время, как и в Грузии, растет число считающих, что «у Армении нет дружественной страны», с 2011 г. на 2015 г. с 1 % до 11%.

Согласно другому опросу, проведенному в рамках социальной сети Facebook, 36,22 % ответили, что в качестве стратегического союзника Армении скорее видят Россию, 18,11 % — Европейский союз, 9,45 % — США, 9,06 % — Иран. [Атанесян, 2015] Вопрос о втором гражданстве и вовсе отбрасывает Россию на 4 позицию после отдельных стран Евросоюза, США и других стран. Автор делает вывод, «что понимая и поддерживая политику Армении по стратегическому взаимоотношению с РФ, респонденты тем самым ставят государственную политику выше своих личных приоритетов, которые, судя по ответам, существенно отличаются от государственного курса». Согласно ответам на вопрос о проводимой политикой России по отношению к Армении, большинство считает, что «осуществляется постоянно» экономическое давление, дипломатическое давление и ограничение, и информационно-идеологическое давление. С другой стороны, не осуществляется дипломатическая поддержка, информационно-идеологическая поддержка, экономическая помощь. Таким образом, мы видим, что меняется только психологический аспект — давление сменяется помощью и поддержкой. Основными проводниками и сторонниками пророссийской политики в Армении являются следующие субъекты: президент РА, правительство РА, живущие в Армении родственники живущих, учащихся и работающих в РФ, олигархическая элита Армении, прослойка бедноты. Респонденты считают молодежь Армении

наименее пророссийски настроенной (7,87%), она в основном выступает или за более тесные отношения с ЕС или за более высокую независимость страны от всевозможного присутствия внешних игроков. Данный факт, кроме всего прочего, подтверждает гипотезу о слабости российской «мягкой силы». Наименее эффективными сферами взаимодействия стран, по мнению респондентов, являются: наука, образование, культура и спорт. В сфере здравоохранения и экологии они вообще отсутствуют. На эти показатели необходимо обратить внимание, и в соответствии с ними строить стратегию гуманитарного сотрудничества.

Общий характер информации о России в информационном поле Армении в целом был и остается недружественным к России. С 2004 по 2014 г. возросло число антироссийских публикаций в армянских СМИ. Индекс агрессивности по отношению к России вырос с 0,32 до 0,48, тогда как индекс доброжелательности снизился с 0,24 до 0,15 [Манукян, 2016]. Крылов А. Б. и Накопия Б. Т. пишут, что в армянских СМИ уже много лет используются любые реальные или выдуманные поводы для дискредитации России, но ничего подобного не наблюдается в соседних Азербайджане и Грузии после отстранения от власти М. Саакашвили [Крылов, Накопия, 2015].

Еще одной проблемой является статус и значимость русского языка в республике Армения. Многие показатели и статистика в этом вопросе значительно разнятся — от самых низких показателей до самых высоких. В 2012 году русский язык приравнен к иностранным языкам. По некоторым показателям, в настоящее время его знание среди школьников и студентов по сравнению с советским периодом стало значительно хуже [Куровская, Мариносян, 2015]. Некоторые исследователи считают, что русский язык вовсе не нужен армянам, так как это «не международный научный язык и на нем не создаются серьезные научные новшества» [Уровень использования...]. Таким образом, армянское общество начинает думать, что нет никакой необходимости учить русский язык, ведь его не нужно применять в повседневной жизни. С другой стороны, согласно статистике, на сегодняшний день в Армении существует 47 школ со специальными классами, в которых русский язык является языком обучения, 26 школ с билингвальным и углубленным изучением русского языка, 2 школы — полностью русские и 5 школ РФ — для детей граждан России без преподавания армянского. По мнению армянских русистов, до 70% населения республики (около 2,5 млн человек) русским языком владеют на коммуникативном уровне, в том числе примерно 35% в возрасте старше 40 лет имеют хорошие навыки владения русским языком. Однако зачастую это скорее жители крупных городов и столицы — города Еревана, а в селах русский язык забывается. Сохраняется уверенная

позиция русского языка в культурно-информационном пространстве. Из университетов образование на русском ведется лишь в Российско-Армянском славянском университете. В целом образовательная система Армении постепенно трансформируется по западному образцу. На сегодняшний день в школе введено 12 классов с 10-ти балльной системой оценки. Как и в России, в высшем образовании две ступени: бакалавриат и магистратура. Таким образом, продолжение обучения за границей и, отнюдь, не в России, вполне перспективно для армян, закончивших школу или для тех, кто хочет поступать в магистратуру в Европу или Америку.

Одним из существенных рисков взаимоотношений России и Армении является то, что российская внешняя политика и так называемая культурная дипломатия, в отличие от работы американских дипломатов, сконцентрирована на элитах, а не на обществе [Дворников, 2016]. Армянские дипломаты и государственные деятели рассматриваются в обществе как «пророссийские» наемники, которые в итоге не получают ни денег, ни преференций. «Главная проблема в российско-армянских отношениях заключается в крайней непопулярности в Армении нынешней политической элиты, причем не только представителей власти, но и основных оппозиционных партий. В условиях господства протестных настроений общество склонно воспринимать российско-армянское межгосударственное сотрудничество как поддержку Россией непопулярного режима» [Крылов, Накопия, 2015]. Армяне все чаще недовольно твердят о перипетиях в международных отношениях, когда расклад оказывается не в пользу Армении: продажа оружия Азербайджану, низкий экономический рост Армении в рамках ЕАЭС и неоправданные ожидания, высокие цены России на газ и электричество для Армении. Люди устали от экономических проблем, социальной несправедливости, отсутствия перспектив и оттока населения в Россию, Европу и другие части света [Дворников, 2016]. Представленность молодежи в существующих государственных органах крайне мала, и она будет стремиться к достижению власти, способная стать основной протестной силой.

Таким образом, несмотря на то, что отношения России и Армении довольно позитивны, серьезным вызовом для российской дипломатии является снижение уровня положительного настроения по отношению к России среди населения Армении, в особенности молодежи. Этому способствует система образования Армении, старение просоветского поколения, деятельность СМИ, снижение важности русского языка и особенности современных международных отношений. Одним из наиболее эффективных направлений деятельности, необходимой для улучшения отношений двух стран, является политика «мягкой силы» или гуманитарной дипломатии, которая способна воздействовать не силовыми способами.

Список источников

1. Атанесян А. В. Армения и Россия: актуальные проблемы и потенциал сотрудничества (в восприятии пользователей социальной сети FACEBOOK в Армении) // Современные евразийские исследования. Саратов. 2015. С. 50—65.
2. Дворников Д. Риски «пророссийской» Армении [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд» . URL: <http://vz.ru/opinions/2016/9/16/832692.html> (дата обращения: 8.11.2016).
3. Крылов А.Б., Накопия Б. Т. Россия-Армения: сохранить взаимное доверие // Россия и новые государства Евразии. № 1 (XXVI). 2015. С. 50—56.
4. Куровская Ю.Г., Мариносян Т.Э. Положение русского языка в условиях интеграции и дезинтеграции стран Россия — Армения [Электронный ресурс] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 3 (24). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-russkogo-yazyka-v-usloviyah-integratsii-i-dezintegratsii-stran-rossiya-armeniya> (дата обращения: 18.01.2017).
5. Манукян С. Угрозы и вызовы Российско-Армянскому стратегическому союзу: состояние и динамика общественных установок [Электронный ресурс]. URL: http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=2058 (дата обращения: 16.12.2016).
6. Национальная статистическая служба республики Армения. Средняя численность постоянного населения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstat.am/ru/?nid=126&id=11001> (дата обращения 18.12.2016).
7. Официальный сайт Россотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/?locale=ru> (дата обращения: 20.12.2016).
8. Российская молодежь ненавидит армян и азербайджанцев [Электронный ресурс]. URL: <http://matul.am/ru> (дата обращения: 20.12.2016).
9. Социолог: Пророссийские настроения в Армении растут, но есть и неблагоприятные тенденции [Электронный ресурс] // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. URL: <http://russia-armenia.info/node/32584> (дата обращения: 18.12.2016).
10. Уровень использования русского языка в Армении и Азербайджане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publicdialogues.info/Уровень%20использования%20русского%20языка%20в%20Армении%20и%20Азербайджане> (дата обращения: 20.12.2016).

Е. В. Смирнова

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ И ИДЕОЛОГИЯ

СМИРНОВА Елизавета Валерьевна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ev-philos@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему поиска путей формирования духовного единства в будущем России. В связи с этим в статье сравниваются понятия идеологии и национальной идеи, при этом показано, что идеология всегда имеет своей целью легитимацию того или иного общественно-политического и социально-экономического режима и/или программ его изменения. Это означает, что она по самой своей сути неотъемлемо носит политический характер, и именно это является ее главным отличием от национальной идеи, которая также выполняет функцию консолидации общества, но необязательно политична по своей природе. Сложности, связанные с оценкой политической и социальной роли идеологии связаны, по утверждению автора, с негативным отношением к данному феномену. Первая причина такого отношения является следствием понимания идеологии в качестве лжи, обмана, иллюзии, вторая — ассоциации между идеологией и несвободой, тоталитарностью общества. Автор критикует оба этих положения.

Ключевые слова: консолидация общества, идеология, национальная идея, Россия, ценности

Говоря о будущем России, многие современные исследователи, общественные и политические деятели постулируют необходимость поиска путей формирования духовного единства, объединяющей системы ценностей, так называемой «национальной идеи». В таких случаях имеются в виду цели и ценности, которые сплотили бы общество и способствовали процветанию страны. Иногда в этом контексте ставится вопрос о создании идеологии.

Несмотря на то, что понятия идеологии и «национальной идеи» часто используются в качестве синонимов, они не тождественны. Если перед нами стоит задача консолидации общества, то они в равной мере способны ее выполнить. Однако связь между ними неоднозначна. Чтобы избежать подобной путаницы, важно четко определить понятие идеологии и основные ее характеристики.

Мы предлагаем понимать под идеологией определенный вид духовной деятельности (и одновременно совокупности продуктов, этой деятельно-

стью производимых), целью которого является легитимация того или иного общественно-политического и социально-экономического режима и/или программ его изменения. Таким образом, идеология по самой своей сути неотъемлемо носит политический характер, и именно это отличает ее от других форм духовной деятельности: морали, религии, философии и т. д., а также их продуктов. Роль национальной идеи, консолидирующей общество, могут играть практически любые ценности, разделяемые большей частью населения страны. Они вовсе необязательно должны носить исключительно политический характер (так, национальная идея может быть, к примеру, религиозной), а потому необязательно являются идеологиями. Таким образом, создание идеологии — это лишь один из возможных путей решения проблемы интеграции общества. Стоит также отметить, что при единой общенациональной системе базовых ценностей могут иметься несколько различных противоборствующих идеологий (на что указывает конституционно закрепленное право на свободу мысли, которое, в частности, выражается в допустимости идеологического многообразия).

С объективной оценкой социальной роли идеологии связаны и другие сложности, вызванные не только многозначностью трактовок термина, но и зачастую встречаемым негативным отношением к данному феномену. Еще со времен К. Маркса и Ф. Энгельса за идеологией закрепилась слава «иллюзорного сознания», лжи, обмана, иллюзии. Однако «ложность» как таковая не является необходимым свойством идеологии. В ее сердцевине всегда лежат определенного рода ценностные постулаты (например, ценность свободы или равенства), которые, как показывают многие исследователи (например, К. Х. Момджян), не подлежат процедуре гносеологической верификации или фальсификации. Действительно, в отличие от науки, для идеологии подлинное объективное познание мира не является первостепенной задачей, однако это еще не повод отказывать идеологии в возможности выполнять другие полезные социальные функции (например, как указано выше, консолидирующую).

Вторая причина негативного отношения к идеологии — ассоциация самого факта ее наличия в той или иной форме с «несвободой», недемократичностью общества. Действительно, наиболее известные и влиятельные идеологии прошлого столетия — это идеологии тоталитарных государств: фашизм и коммунизм. Однако в самой сути идеологии нет того, что делает ее непременно атрибутом только тоталитарного общества. Важно не смешивать идеологию как таковую и идеологию государственную, не путать идейное единство с навязанным единомыслием. Государственная идеология представляет собой набор ценностей и ориентиров, навязываемых государством гражданам. Общенациональная — наличие духовного

единства, согласия людей по поводу необходимости той или иной формы правления. Идеология, даже будучи общенациональной, необязательно будет поддерживаться принуждающей силой государства, как это происходит в тоталитарных режимах. Статья 13 Конституции РФ гласит: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Мы видим, что она не означает полный запрет на идеологию в России, только на навязывание и принудительное ее насаждение. Отсутствие государственной общеобязательной идеологии не означает отсутствие идеологии как таковой. Многообразие само по себе не влечет за собой полного отсутствия ценностей. Многие мыслители, например, Р. Барт, показывают, каким образом идеология продолжает функционировать в западных демократических обществах.

Формирование образа будущего России подразумевает создание общенациональных систем ценностей (что не означает навязанного единомыслия). Создание образа политического будущего России подразумевает создание идеологии. Следует помнить, что, когда речь идет о дезинтегрированности общества, о необходимости поиска общенациональных ценностей, речь вовсе необязательно идет о поиске идеологии, однако формирование образа будущего государства (в политическом его аспекте) — это важная и непосредственно идеологическая задача. Именно поэтому следует избегать негативных трактовок данного феномена — в качестве иллюзорного сознания или атрибута тоталитарного режима. И в то же время необходимо помнить о запрете на создание государственной идеологии, на ее принудительное насаждение.

Е. Б. Шестопап, С. В. Нестерова, Т. Н. Пищева

НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В ВОСПРИЯТИИ СВОЕЙ СТРАНЫ ГРАЖДАНАМИ РОССИИ

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, shestop0505@rambler.ru

НЕСТЕРОВА Светлана Викторовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, clarita13@mail.ru

ПИЩЕВА Татьяна Николаевна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, pishева@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования является образ России в сознании граждан, который представляет собой уникальную перцептивную структуру, базирующуюся на взаимовлиянии системы ценностей, национальных интересов, характеристик экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов, обычаев и иных параметров. Мы рассматриваем образ России через анализ его структуры, включающей в себя представления о политической власти своей страны, образы лидеров, образы территории, образы населения и их эмоциональную оценку. Образ страны представляет собой, во-первых, отражение реальных характеристик объектов восприятия, т. е. своей страны, тех реальных политических изменений на фоне которых формируется образ в сознании людей. Во-вторых, образ страны включает в себя проекцию ожиданий субъекта восприятия. В докладе обобщаются данные исследований образов настоящего, прошлого и будущего в процессе восприятия своей страны в начале 2017 года в сравнении с образами настоящего, прошлого и будущего, проведенные на предыдущем этапе исследования — в 2009—2010-х. Присоединение Крыма и санкции против России со стороны Запада повлияли на восприятие гражданами своей страны. Этот контекст изменил образ России и наша задача состоит в выявлении степени этих изменений и их направление.

Ключевые слова: образы России, образы страны, политическое восприятие, политические представления

Тема образов будущего представляет в настоящее время особый интерес: в стране идет широкая дискуссия о путях дальнейшего политического и экономического развития страны. В немалой степени успех предлагаемых разными группами элит стратегий развития будет зависеть от того, насколько в них будут учтены особенности восприятия своей страны ее гражданами.

Объектом нашего исследования является образ России в сознании ее граждан. В современной политической науке накоплен значительный опыт изучения образа России. При этом одни авторы отдают предпочтение исследованиям образа государства, анализируя образы преимущественно с точки зрения психологии принятия решений лидерами и в контексте психологии международных отношений (К. Боулдинг, М. и Р. Котам, Д. Ларсон). Другой подход, который чаще встречается в отечественной политической науке сосредоточен на анализе национально-государственной идентичности и международных аспектах имиджа России. Здесь следует указать на работы И. Семененко, Э. Соловьева, а также ярославских исследователей И. Киселева, А. Смирновой.

Насколько много внимания уделяется образам других стран, настолько невелико число исследователей, которые изучают, как граждане воспринимают свою собственную страну. В отечественной науке внимание относительно небольшой группы ученых фокусируется (преимущественно когнитивных географов) на изучении внутреннего образа страны. Однако, использование когнитивного подхода, не позволяет в полной мере выявить и описать эмоциональную составляющую образов, а значит и неосознаваемых слоев восприятия в целом.

Таким образом, предметом данного исследования является именно «внутренний» образ страны, который представляет собой уникальную перцептивную структуру, базирующуюся на взаимовлиянии системы ценностей, национальных интересов, особенностей географического положения, характеристик экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов, обычаев и иных параметров.

Теоретическая модель исследования. Мы рассматриваем образ своей страны через анализ его структуры, включающей в себя представления граждан о политической власти своей страны, образы лидеров, образы территории, образы населения и их эмоциональную оценку.

Образ страны представляет собой, как и любой психологический образ, во-первых, отражение реальных характеристик объекта восприятия — то есть своей страны, тех реальных политических изменений, на фоне которых формируется образ в сознании людей.

Во-вторых, образ страны включает в себя проекцию ожиданий субъекта восприятия. Отсюда задача исследования — учесть оба эти фактора:

объектный и субъектный. Включение в схему интерпретации субъектного фактора предполагает, что структурное и содержательное наполнение образа определяют особенности самого субъекта восприятия, т. е. потребности, мотивы, ожидания, ценности воспринимающего субъекта, а также социально-демографические параметры: возраст, пол, место проживания, статус.

В-третьих, в нашей теоретической модели мы выделили пространственный или территориальный фактор. Мы предположили, что описание страны как территории может встречаться в описаниях своей страны, которое дают наши респонденты

В-четвертых, в нашей модели важное место занимают темпоральные характеристики образа. Анализ представлений граждан относительно образов прошлого, и будущего России, позволяет определить фундамент, на котором строится современный образ России. Образы настоящего прошлого и будущего в образе страны и будут темой данного доклада.

Методология исследования

Описание исследования. Первый этап эмпирического исследования проводился в 2009—2010 годах. За этот период нами было проведено 10 фокус-групп и 240 глубинных интервью с российскими гражданами в регионах России: Москва, Приволжский ФО, Уральский ФО, Сибирский ФО, Центральный ФО, Южный ФО, Северо-Кавказский ФО. Отдельное внимание мы уделили национальным образованиям, таким как Татарстан и Бурятия. Новый этап начался в конце 2016 году и пока получены лишь первые данные, скорее всего, можно говорить о пилотаже исследования. В настоящее время собраны 200 анкет по Москве и Московской области.

В ходе исследования для изучения образов России использовались различные политико-психологические методы и процедуры, включающие глубинное интервью и групповую дискуссию, проективные политико-психологические методики, такие как метод психологического рисунка страны, метод семантического дифференциала, метод фиксированных ассоциаций и метод неоконченных предложений. Это позволило нам определить предпочтения респондентов не только на рациональном, но и на бессознательном уровнях восприятия.

В дальнейшем ответы респондентов проходили контент-анализ, феноменологический анализ и типологический анализ.

В докладе обобщаются данные исследований образов настоящего, прошлого и будущего в процессе восприятия своей страны в начале 2017 года в сравнении с образами настоящего, прошлого и будущего, проведенные на предыдущем этапе исследования — в 2009—2010-х. Присоединение Крыма и санкции против России со стороны Запада по-

влияти на восприятие гражданами своей страны. Этот контекст изменил образ России и наша задача состоит в выявлении степени этих изменений и их направление.

Предыдущее исследование показало, что негативные компоненты образа России в сознании наших респондентов черпались большей частью из образа России настоящего, как на рациональном, так и на бессознательном уровнях. Позитивные эмоции вызывают элементы образа прошлого, гордость за былое величие. Когнитивная насыщенность образа была достаточно сильной, но не обуславливала образы будущего, которое виделось в начале 2010-х респондентам смутным и неясным, если речь идет о стране, и крайне радужным и позитивном, если речь идет о личном будущем респондентов. В сознании респондентов Россия представляла собой слабой, во многом благодаря сравнению с былым величием СССР. Однако в их сознании присутствовала параллель великое прошлое — великое будущее, которая и обуславливала собой положительные компоненты, характеристики силы и активности, которые в образе настоящего отсутствуют, но в целом в образе России имеют место быть.

Таким образом, мы можем проследить однозначную связь между восприятием настоящей страны и отношением к её будущему, а также к прошлому. Образ России в 2017 году более позитивен, однако, имеющиеся положительные характеристики, большей частью заимствуются из образа России прошлого. Анализ рисунков позволяет говорить об уходе респондентов от реальности на иррациональном уровне. В образе России на сегодняшний момент доминируют элементы, заимствованные из образа России прошлого. Образ будущего нейтрален, большей частью за счёт компенсаторного механизма ухода людей от существующего тяжелого положения и неуверенности в завтрашнем дне. Примечательным же является тот факт, что общее положительное отношение респондентов к прошлому России, обуславливает собой и положительные характеристики будущего. Так, параллель «великое прошлое — великое будущее» достаточно часто применяется респондентами при оценке будущего положения страны.

И. С. Шушпанова, В. К. Левашов, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ «КАК ЖИВЕШЬ, РОССИЯ?» КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГНОЗА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ И ОЖИДАНИЙ

ШУШПАНОВА Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, г. Москва, Россия, i.s.shushpanova@mail.ru

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович — доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, г. Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

АФАНАСЬЕВ Владимир Александрович — старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, г. Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru

НОВОЖЕНИНА Ольга Петровна — старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru

Аннотация. В наших работах о развитии и состоянии российского общества конца XX–начала XXI века разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» как исследование тенденций отношений государства и общества в прошлом, настоящем и будущем. Также исследуется состояние гражданского общества в настоящем и будущем, измеряемое в многообразии социально-политических признаков, отражаемых сознанием граждан¹.

Ключевые слова: гражданское общество, социально-политические риски, устойчивое развитие общества, социальное государство, потенциал гражданского общества, резервы гражданского общества

¹ Публикация подготовлена на основе исследований, проведённых при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00289 Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях кризиса и санкций» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг», проект № 16-03-18035 «Организация и проведение полевого этапа социологического исследования на тему: «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Два важных обстоятельства определяют процесс поиска моделей общественного развития, которые соответствовали бы новым планетарным вызовам. Во-первых, глобальный характер производства и рынков определил конечные границы и масштабы возможных моделей жизнедеятельности. Они уже не могут быть запущены на условиях безграничных ресурсов, вовлекаемых в производство. Такое ресурсное ограничение определяет второе важное обстоятельство. Новая модель развития не может в своей конструкции и режимах работы копировать модель либеральной экономики США, основанной на диктате экономических и политических интересов.

Будущая сбалансированная по диспаритетам и дефицитам глобальная модель и режим устойчивого развития должны и будут выстраиваться не только на принципах конкуренции, но и кооперации и согласия. Кооперация, замещающая конкуренцию, не может вырасти без отношений доверия как императивного правила новой этики социально-культурного взаимодействия стран, наций, поколений, бизнесов, всего гражданского общества и правового государства. Доверие как стержневое качество формирующейся глобальной социально-политической этики создает условия для ее системной цельности, в основе которой просматриваются характерные черты русских и российских духовных и производственных практик — справедливость, коллективизм, религиозная толерантность и патриотизм. В этом отношении российские традиции жизнедеятельности органично корреспондируются с глобальными вызовами, которые в своей остроте и рисках проявления требуют объединения и координации усилий всей мировой цивилизации.

В наших работах о развитии и состоянии российского общества конца XX—начала XXI века разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» как исследование тенденций отношений государства и общества в прошлом, настоящем и будущем. В этих исследованиях мы опираемся на результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого коллективом исследователей под руководством В. К. Левашова в Институте социально-политических исследований РАН в 1992—2017 годах.

Согласно нашей методике, состояние гражданского общества в настоящем и будущем может измеряться в многообразии социально-политических признаков, отражаемых сознанием граждан. Как видно из динамики представленных индексов (см. рис. 1), все они имеют тенденцию к росту. Величина индикаторов рассчитывается на основе полученных данных по авторской методике. Вокруг сущностного ядра можно выделить, наблюдать и измерять другие характеристики, стороны жизнедея-

тельности гражданского общества. Авторы модели отмечают, что «в своей теоретической конструкции ядро и оболочки составляют концептуальную модель гражданского общества, тогда как совокупность измерений ядра и оболочек дает эмпирическую модель гражданского общества в России» [1, 59]. Экстраполировав результаты на будущее, можно сделать предположение о том, что российское гражданское общество будет расширять свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны — 75,1%. **К современному историческому моменту развития российское гражданское общество в конкретных социально-политических формах своего бытия оказалось приблизительно на четверти вечного пути к идеальному гражданскому обществу.**

Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России

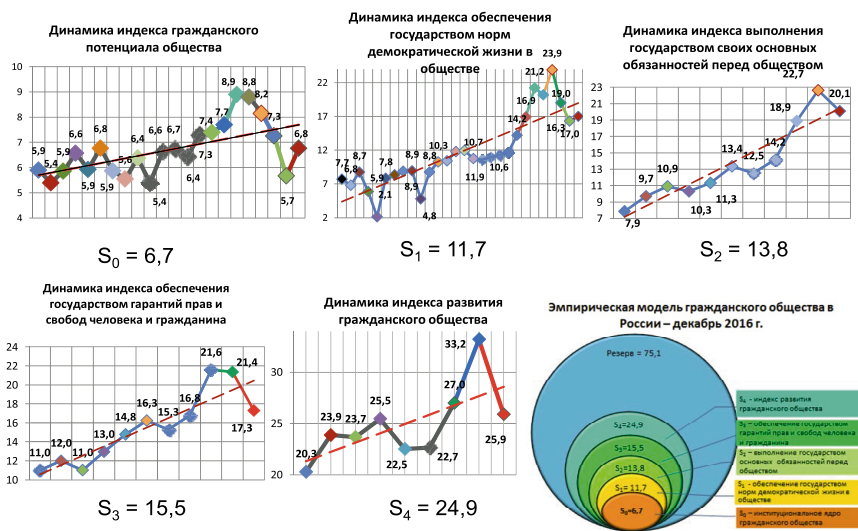

Рис. 1. Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России. Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

На протяжении двадцати пяти лет мы измеряем интегральный индекс социально-политической устойчивости общества (ИСПУ), позволяющий выявить тенденции развития общества в настоящем и будущем. Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ори-

ентаций, ожиданий, прогнозов и т. д., которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. Социально-политические отношения выражаются через интересы и изменяются в процессе деятельности, имеющей целью удовлетворение потребностей и интересов различных классов, групп, слоев общества и отдельных индивидов.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы социальных индикаторов, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, и поэтому могут служить свидетельством выражения интересов тех или иных субъектов социально-политических отношений и общества в целом. Эта система строится из шести отдельных социологических индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений, в своей совокупности они использованы авторами для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества. Обобщенное выражение динамики индикаторов социально-политической сферы представлено в условном квантифицированном континууме от $+100$ до -100 (устойчивость — стабильность — кризис — катастрофа — распад) за весь период наблюдений (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

ИСПУ позволяет увидеть генеральную тенденцию изменения общественного мнения по различным индикаторам. В период реформ Б. Н. Ельцина с 1991 по 1999 гг. индекс социально-политической устойчивости общества находился в зоне кризисного развития и имел тенденцию к снижению своих количественных значений. В зоне «распада» на уровне «катастрофы» были зафиксированы такие индикаторы как «отношение россиян к курсу экономических реформ», «обеспечение государством норм демократического общества», «уровень доверия россиян социальным и политическим институтам». С приходом к власти команды В. В. Путина социально-политическая ситуация в России стала постепенно меняться. Согласно нашим измерениям, начиная с декабря 1999 г., социально-политическая устойчивость развития российского общества стала повышаться. К июню 2014 г. интегральный индекс социополитической устойчивости достиг положительного значения (0,57) и вошел в зону стабильного развития. Однако в конце 2014 г. значение индекса вернулось в зону кризисного развития. В декабре 2016 г. индекс социополитической устойчивости составил — 9,22. С большой степенью уверенности можно утверждать, что такая динамика задается глобальными и локальными условиями социально-политической среды: последствиями политики санкций и, как их следствие, кризиса развития и потребления. **Из графика видно, что большинство индексов имеют отрицательное значение, и находятся в зоне, которая обозначена как зона кризисного развития.**

Каждый из показателей как бы «высвечивает» определенную сторону социально-политической жизни российского общества со своими особенностями проявления. Тем не менее, общая тенденция массового отчуждения населения от проводимых реформ выразилась в том, что большая часть российского общества определенно осознала для себя проигрыш от их осуществления. Будучи отстраненной от управления собственностью и практически только на выборах участвуя в демократических процедурах, подавляющая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Низко доверие к должностным лицам госаппарата, полиции, суду и прокуратуре. Время от времени обостряется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, устало и не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований.

Результаты социологического мониторинга показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономиче-

ского положения оставался на довольно высоком уровне и практически не поменял своего характера за прошедшие двадцать пять лет. Основной социально-экономической тревогой российского общества по-прежнему остается дороговизна жизни. Большинство граждан оценили гражданское общество в России как дорогое для жизни общество: общество низких денежных доходов и высоких цен на товары и услуги. С июня 2016 г. возобновился рост числа россиян, которых тревожит произвол чиновников. По данным мониторинга за 1,5 года выросли тревоги граждан, связанные с «разделением общества на богатых и бедных» и «страхом перед будущим». По мнению россиян, пенсионерам стало значительно труднее выживать в условиях кризиса. Обострились социально-политические риски в трудовой сфере.

За три года число «ограниченных в средствах» россиян снизилось на 5 п. п. При этом количество «бедных» граждан возросло на 5 п. п. С конца 2012 г. наблюдалось снижение числа «обеспеченных» граждан с 20 % до 15 %. Таким образом, с начала нового витка кризиса российское общество постепенно беднеет.

Другим компонентом социально-политических рисков устойчивого развития общества является уровень противоречий и неприязни между гражданами. В декабре 2016 г. большинство граждан считали, что в российском обществе значительны противоречия и неприязнь «между бедными и богатыми» и «между низшими и высшими классами». **Главный эффект неолиберальных реформ и экономических кризисов, которые в России совместились и переросли к настоящему моменту в системный институциональный кризис реформ, заключается в том, что российское общественное сознание и большая часть политического класса постепенно избавились от ряда иллюзий, которые были сформированы в предыдущие годы.** Главная из них — об императивном позитивном эффекте либеральных реформ. Долгое время в обществе и политическом классе доминировало мнение, что вступив на путь либеральных рыночных реформ, Россия автоматически получает гарантии стабильного устойчивого экономического развития в будущем. Актуальная социально-политическая реальность доказала, что на уровне политического класса это суждение явилось стратегическим заблуждением, а на уровне общественного и массового сознания — иллюзией, результатом политической наивности и манипуляций. Постепенно пришло понимание той ситуации, что никто не ждал Россию на мировых рынках с распростертыми объятиями. Современная система мирохозяйственных связей продолжает в целом функционировать на принципах жесткой экономической конкуренции. Когда необходимо, эта экономическая конкуренция за ресурсы и рынки перерастает в военно-политическое противостояние.

За тридцать лет перестройки и рыночных реформ, с момента их провозглашения на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1985 году, страну, экономику и общество, по крайней мере, шесть раз сотрясали экономические и финансовые кризисы. Последний мировой экономический кризис 2008 года, который чуть не обрушил мировую финансовую систему, укрепил в общественном сознании мнение, что страна потеряла экономический суверенитет, а надежды на то, что неолиберальные реформы принесут стабильность и процветание, являются иллюзией. Граждане поняли, что их благосостояние теперь напрямую зависит от мировой политической конъюнктуры, а государство и общество стали стратегически уязвимы в своем выборе путей развития.

Вторая иллюзия, с которой рассталось российское общественное сознание — это комплекс вины, неполноценности, несправедливого исторического социального, политического прошлого. На протяжении последних трех десятилетий в российском обществе искусственно культивировался комплекс политической вины, как русских, российских царей, так и советских вождей. Преследовалась цель демонизации русской российской истории, слома политической воли и сноса на свалку всего слоя русской политической культуры. Но оказалось, что при живом народе — носителе этой культуры это невозможно осуществить, не разорвав страну и русский мир на части с кровью и огромными человеческими потерями. Граждане почувствовали и поняли, что превращение иллюзии «побежденной России» в реальность означает конец мирной жизни, а значит и конец страны в ее нынешней геополитической и геоэкономической конфигурации. Общество не согласилось с таким замыслом.

В целом, в начале 2017 года общество и государство, несмотря на кризис и санкции, находились в состоянии динамического социально-политического равновесия. Гражданское общество в своем большинстве продолжает поддерживать В. В. Путина и проводимый им политический курс, накапливая вопросы о перспективах своего будущего устойчивого социально-политического и социально-экономического развития.

Список источников

1. Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П., Шушпанова И. С. Современное состояние гражданского общества в России. XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. М. : ИСПИ РАН, 2014.
2. Левашов В. К. Неолиберальные реформы и российское общество // *Sociologie člověka*. 2016. № 2. Прага : «Sociosféra-CZ». С. 45—52.
3. Левашов В. К. Общественное сознание и эффекты кризиса // VI-я международная социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными». 16—17 марта 2016 г. Материалы конференции. М., 2016. С. 390—393.

В. Н. Аргунова, А. Н. Нурутдинова, А. Е. Антипова

ОТНОШЕНИЕ К ТЕРРИТОРИЯМ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ (ТОР): ДИСКУРС ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

АРГУНОВА Вера Николаевна — доктор социологических наук, профессор Вятского государственного университета, Россия, v_argunova@mail.ru

НУРУТДИНОВА Аида Наильевна — доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, доцент кафедры общей и этнической социологии, aida-nur@mail.ru

АНТИПОВА Анастасия Евгеньевна — магистр социологии, АНО «Независимый Исследовательский Центр», Самара, Россия

Аннотация. Ставится цель проанализировать общественное мнение о создании ТОРов и точку зрения властных структур. Используются результаты социологических опросов населения, проведенных АНО «Независимый Исследовательский Центр», (Самара) в 2015—2016 гг. Показано, что население негативно относится к ключевым положениям закона. Делается вывод о необходимости учета общественного мнения в практической деятельности по созданию данных территорий.

Ключевые слова: региональная политика, территории опережающего развития, иностранные инвестиции, иностранная рабочая сила

В конце 2014 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития» [1]. Целью принятия этого закона, согласно официальным заявлениям, является привлечение инвестиций в развитие российских территорий, начиная с Дальнего Востока, а затем и моногородов по всей стране. ТОР создается на территории одного или нескольких муниципальных образований. Для ее создания выделяется территория на условиях аренды сроком на 70 лет с правом продления. Распоряжаться землей и имуществом этих территорий будет управляющая компания — акционерное общество. Перечень полномочий управляющей компании позволяет говорить о том, что фактически выделенная территория вместе с населением поступает в полное распоряжение бизнеса, а население лишается права влиять на решения управляющей компании.

В границах ТОР создаются свои органы государственного управления, делающие ТОР самостоятельным субъектом в структуре государства.

В этой зоне устанавливается особый правовой режим предпринимательской и иной деятельности. Предусмотрен льготный режим налогообложения и облегченные правила ведения бизнеса. Закон разрешает принудительное отчуждение земельных участков (изъятие) и/или расположенных на них объектов недвижимости. Разрешается привлекать в качестве рабочей силы иностранных граждан без получения дополнительных разрешений.

Принятие этого закона вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Федеральные и региональные чиновники говорят о благоприятных последствиях создания таких экономических зон: привлечение частных инвестиций, особенно иностранных; создание рабочих мест; диверсификации производства; производстве сельскохозяйственной продукции и т. д. Так, министр по развитию Дальнего Востока Александр Галушка заявил, что они будут способствовать улучшению жизни людей, здесь появятся новые рабочие места. ТОРы помогут задействовать потенциал региона, где могут выпускать высокотехнологичную продукцию [2].

Предприниматели высказывают более сдержанную оценку. Так, предприниматели Дальнего Востока, с территории которого начинается внедрения новшества, высказали свое отрицательное мнение о планируемой реформе [3]. Со стороны гражданских активистов высказывается, преимущественно, негативное мнение.

АНО «Независимый исследовательский Центр» (Самара) в течение 2015—2016 гг. провел изучение общественного мнения по отношению к нововведениям: октябрь 2015 г. всероссийский социологический опрос (n=1500); октябрь 2015 г. опрос в Забайкальском крае (n=400), в январе 2016 г. опрос в Мурманской области (n=400) [4]; ноябрь 2016 г. опрос в Республике Саха (Якутия) — (n=400). Учитывая, что население страны вряд ли знакомо с содержанием этого закона, анкета отражала содержание основных положений закона.

Результаты проведенных опросов показывают отрицательное отношение населения к ключевым положениям принятого закона: отстранение народа от распоряжения землей и ее недрами; передачи управления территориями бизнесу; широкому проникновению иностранного капитала и иностранной рабочей силы.

Респонденты единодушны во мнении, что вся земля и природные ресурсы РФ являются неотъемлемой собственностью народа России и должны охраняться государством. 97,7 % участников всероссийского опроса согласились с таким высказыванием. Анализ материалов в сети интернет посвященных ТОРах, показывает, что именно этот вопрос — отчуждение общенародной собственности без согласия народа — вызывает больше всего протестов.

Результаты опроса в Забайкальском крае показывают, что подавляющее большинство опрошенных (90,5 %) не хотят жить на территории, управляемой не государственными органами и местным самоуправлением, а управляемыми компаниями (бизнесом), иностранным в том числе. Также подавляющее большинство респондентов Забайкальского края (93,7 %) разделяют мнение, что вопросы передачи территорий в собственность, в длительную аренду бизнесу и иностранцам должны решаться с учетом мнения коренного населения. В республике Саха (Якутия) согласны с этим мнением 80 % опрошенных; не согласны — 4,3 %; затруднились с ответом 15,7 % респондентов.

Одним из официальных объяснений сдачи в долгосрочную аренду земель сельскохозяйственного назначения является констатация факта их запустения. Мнения опрошенных россиян в ходе всероссийского опроса о причинах запустения сельскохозяйственных земель разделились примерно поровну: 62,3 % полагают, что государство не заинтересовано в развитии отечественного сельского хозяйства; 59 % считают, что виной тому уничтожение колхозов и совхозов как социалистического сельского хозяйства. Лишь 5,3 % респондентов указали, что фермеры не хотят и не умеют работать.

89,3 % участников всероссийского опроса не одобряют сдачу в долгосрочную аренду земли; одобряют такую практику — 2,2 %; затруднились ответить 5,6 %. Аналогичные показатели в региональных опросах. Согласно закону о ТОРах, жить и работать там будут преимущественно иностранцы, а у коренного населения и местного бизнеса могут изыматься земли. В настоящее время на Дальнем Востоке широко присутствует китайский бизнес и китайские рабочие. Оценивая деятельность китайцев в России, россияне не проявили оптимизма. В ходе всероссийского опроса 85,7 % респондентов высказали мнение, что существует угроза для России и ее народа заселения китайцами под видом благоустройства территорий и обработки сельскохозяйственных территорий. В целом же деятельность китайцев в России расценивается как: колониальный захват (60,7 %); взаимовыгодное сотрудничество (12,9 %); братская помощь (0,8 %); 19,5 % — затруднились ответить.

В ходе опросов проведенных в Забайкальском крае и республике Саха (Якутия) был задан вопрос о возможных последствиях действия закона о ТОРах (табл. 1).

Мнения респондентов о значимости тех или иных последствий в целом совпадают. Среди возможных последствий преобладают пессимистические высказывания.

В ходе опросов перед респондентами ставился вопрос о том, чьи интересы, по их мнению, выражает закон о ТОРах. Получены такие результаты:

интересы чиновников (62,7%), иностранцев (60,4%), крупного бизнеса (35,6%). Лишь несколько процентов россиян считают, что закон выражает интересы всего российского народа (3,1%), коренного народа (2,5%), мелкого бизнеса (0,9%).

Таблица 1. Мнения респондентов Забайкальского края и Республики Саха (Якутия) о возможных последствиях закона о ТОРах (%)

№	Последствия действия закона	Забайкальский край	Ранг	Республика Саха (Якутия)	Ранг
1.	Заселение иностранцами	74,5	1	56,4	1
2.	Экономическое развитие территории	25	5	28,3	5
3.	Разорение местного бизнеса	67,8	2	36	2
4.	Сокращение численности коренного населения	55	3	30,3	4
5.	Расцвет иностранного бизнеса	43,8	4	35,3	3
6.	Улучшение жизни коренного населения	13	6	14,3	6

Нам представляется, что практическая реализация положений закона без учета общественного мнения может привести к усилению социальной напряженности, усугубить региональные проблемы.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (действующая редакция, 2016) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/. Дата обращения 27.11.2016.
2. Комсомольск-на-Амуре получил статус ТОР. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/07/30/n_7420205.shtml (Дата обращения 18.11.2016).
3. Малый и средний бизнес против ТОРов // Свободные новости – n2ru/ URL: <http://n2ru.info/story/13805/> (Дата обращения 08.07.2016).
4. Антипова А. Е., Аргунова В. Н. Создание ТОРов: решение региональных проблем или их усугубление // V Всероссийский социологический конгресс — 2016. (19—21 октября 2016, Екатеринбург, Россия). «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость».

Р. В. Евстифеев

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ОЖИДАНИЯ ОТ БУДУЩЕГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: СЛУЧАЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ЕВСТИФЕЕВ Роман Владимирович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия, roman_66@list.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования социального самочувствия и представлений о будущем населения Владимирской области. Внимание автора сосредоточено на измерение социального самочувствия граждан и их оценка будущего. Кроме того, в статье приводятся результаты анализа аналогичных исследований в России, ее регионах и за рубежом. Несмотря на невысокий уровень самооценки своего материального положения, у населения региона сохраняется стабильное и консервативно-оптимистическое видение окружающей реальности с преобладанием позитивных надежд на будущее. За последний год основные страхи и опасения жителей области потеряли в среднем 2—5 процентных пункта. В фокусе внимания граждан и их ожиданий от будущего находятся запросы на самореализацию, солидаризацию, достижение справедливости и равенства в обществе. Усредненные данные по тридцати двум регионам России близки к ситуации во Владимирской области, однако, можно отметить более оптимистическое видение настоящего и будущего во Владимирском регионе. Общими проблемами социального самочувствия являются проблемы бедности, неравенства, взаимодействия власти и общества. Оценки россиянами своего будущего в целом близки и носят осторожно-оптимистический характер, не отличаются конкретикой и, скорее, выражают некоторые надежды, чем рациональные расчеты.

Ключевые слова: Социальное самочувствие, видение будущего, оптимизм, социальные ожидания, социальные запросы

Поиски эффективных путей развития российского общества невозможны не только без инфраструктурных изменений, но и без трансформаций общественного сознания, включенности населения в происходящие процессы и позитивного видения будущего. Значимость субъективных представлений жителей о реальности, о своем месте в ней и в будущем подтверждается целым рядом современных исследований.

В 2016 году во Владимирской области при поддержке администрации Владимирской области было проведено исследование социального согласия и социального самочувствия населения региона. В основе исследования лежали качественные и количественные методы: наблюдение, интервью, анкетирование, экспертный опрос, контент-анализ, фокус-группы и др.

Среди задач исследования было и определения уровня социального самочувствия граждан, и их оценка будущего.

Опрос проводился по специально разработанной выборке, репрезентирующей население Владимирской области по основным характеристикам. Объем выборочной совокупности опроса — 2034 респондента. При разработке выборки учитывались следующие критерии: пол, возраст, тип населенного пункта постоянного проживания. Ошибка выборки не превышает 3,2%. Кроме того, были проведены пять фокус-групп с основными категориями населения, опрос экспертов.

Проведенное исследование зафиксировало положительную динамику в оценке респондентами своего социального самочувствия: соотношение респондентов, оценивших свое самочувствие позитивным образом, и респондентов, оценивших свое состояние негативно, составляет 67,4%: 32,6% (2015 год — 64%: 36%).

Вместе с тем, можно сказать, что социальное самочувствие населения во Владимирской области находится в определенной переходной фазе, сутью которой является достижение определенной ступени позитивно оцениваемого качества жизни граждан, с одной стороны, и рост внимания населения к нематериальным ценностям и ресурсам, с другой стороны. В фокусе внимания граждан и их ожиданий от будущего находятся запросы на самореализацию, солидаризацию, достижение справедливости и равенства в обществе.

Несмотря на некоторое снижение по сравнению с прошлым годом, по-прежнему велика доля респондентов, оптимистично оценивающих будущее: оптимизм и уверенность в будущем ощущают 21,3% (2015—24,6%), ощущают надежду при размышлениях о будущем 31,9% (2015—37,6%). В сумме эти два ответа набрали при опросе более 50%, что можно расценивать как определенные устойчивые позитивные ожидания населения области.

Почти не изменилась доля тех респондентов, которые ощущают негативные эмоции при размышлении о будущем — разочарование, тревогу, опасения, страх и отчаяние (все вместе — чуть больше 25%).

Наиболее оптимистично смотрят в будущее молодые люди от 18 до 30 лет: более 60% молодежи, думая о будущем, испытывают оптимизм, уверенность и надежду. В других возрастных когортах оптимизм проиг-

рывает пессимистическим настроениям. При этом, во всех возрастных когортах невелика доля тех, кто испытывает разочарование.

Несмотря на невысокий уровень самооценки своего материального положения, у населения региона сохраняется стабильное и консервативно-оптимистическое видение окружающей реальности с преобладанием позитивных надежд на будущее. Более того, исследования показывают, что за последний год снизились основные страхи и опасения жителей области — в среднем на 2—5 процентных пункта.

Исследование позволило выявить три основных вида страхов людей, подпитывающих общественную напряженность: это страх большой войны, боязнь утраты здоровья, опасения за судьбу своих детей.

Продолжают оставаться в целом оптимистическими и оценки населением социально-экономической ситуации в области и в своем муниципальном образовании — около 70% респондентов оценивают ситуацию в области и в своем городе/селе как среднюю или хорошую.

Вполне ожидаемо больший позитивный фон и надежды испытывают респонденты с высоким материальным статусом, тогда как весьма критичны к настоящему и будущему в основном респонденты, испытывающие материальные затруднения. Разница в ответах на вопрос об оценке текущего состояния, оценке ситуации в области, месте проживания и об оценках перспектив между ответами достигает 50—60 пунктов.

Вместе с тем, динамика социального самочувствия, как показали дискуссии в фокус-группах, характеризуется наличием глубинных напряжений, рисков и противоречий. По всей видимости, в сознании жителей происходят определенные трансформации, которые, с одной стороны, усиливают критическую оптику граждан при взгляде на происходящие процессы, а, с другой стороны, стимулируют готовность жителей к высказываниям своих требований. При этом практически сравнялись доли респондентов выражающих готовность участвовать в акциях протеста (37%) и респондентов, которые заявили, что не готовы участвовать в протестных акциях (36%).

В ходе исследования была также проведена работа по анализу современных исследований на эту тему в России, в ее регионах и за рубежом. Оценивались методология и используемые в исследованиях критерии оценки социального самочувствия и взглядов респондентов на будущее, а также интерпретация основных результатов измерений.

Отметим, что из 40 изученных опубликованных результатов исследований более 70% так или иначе проводились по заказу органов власти. При этом проанализированные зарубежные исследования (7 публикаций) на 100% организованы и профинансированы правительственными учреждениями.

Самыми популярными методами исследования оказались массовый опрос, мониторинг, построение индекса социального самочувствия. Крайне редко используются качественные методы исследования, такие как интервью и фокус-группы. Кроме того, недостаточно развиты пока межрегиональные и межстрановые сравнительные исследования.

Оценки уровня социального самочувствия и в российских регионах выглядят довольно разнообразно. Это можно объяснить разнообразием условий и различиями в методиках, применяемых исследователями.

В целом самочувствие рассматривается довольно критически, при этом акцент делается на существующих проблемах, среди которых чаще всего выделяют проблемы бедности, неравенства, взаимодействия власти и общества. Оценки россиянами своего будущего в проанализированных исследованиях в целом носят осторожно-оптимистический характер, не отличаются конкретикой и, скорее, выражают некоторые надежды, чем рациональные расчеты.

Усредненные данные по тридцати двум регионам России близки к ситуации во Владимирской области, однако, можно отметить более оптимистическое видение настоящего и будущего во Владимирском регионе.

Список источников

1. 2014—2015 годы: экономический кризис — социальное измерение / под ред. Т. М. Малевой. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
2. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45—50.
3. Отчет о научно-исследовательской работе по изучению общественного мнения населения Владимирской области по теме: «Социальное согласие и социальное самочувствие» / под ред. Р.В. Евстифеева. Владимир: издательство Владимирского филиала РАНХиГС, 2016. Т. 1.

М. С. Максименкова

БУДУЩЕЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

МАКСИМЕНКОВА Марина Сергеевна — эксперт Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия, tmaksimenkova@hse.ru

Аннотация. В докладе приведены результаты исследования, проведенного Лабораторией политических исследований НИУ ВШЭ и направленного на выявление ценностных ориентаций студентов элитных вузов России, то есть потенциальных представителей политической, интеллектуальной и экономической элит страны. Для лучшего понимания особенностей менталитета российских студентов проект носил компаративистский характер: параллельно с проведением исследования в России он также был осуществлен в США. Результаты исследования свидетельствуют о том, что несмотря на то, что и российские, и американские студенты смотрят на будущее своих стран в позитивном ключе, причины для оптимизма у них различны. Для первых образ позитивного будущего связывается, в основном, с двумя факторами: с приходом к власти «идеального» лидера или с изменением ситуации на международной арене. Вторые делают акцент на подробном описании изменений, которые необходимо осуществить в конкретных сферах для того, чтобы улучшить текущее положение дел и минимизировать возможные риски. Принципиальная разница заключается также в желании влиять на будущее своей страны и оценке своих шансов на возможность оказывать такое влияние. Российские студенты не ощущают свою причастность к политической жизни страны и не воспринимают себя ответственными за будущее.

Ключевые слова: политические представления, образ будущего страны, студенты топовых университетов, сравнительное исследование

Эмпирическая база

Результаты качественного исследования представлений американских студентов основаны на индивидуальных и групповых глубинных интервью с 30 студентами Принстонского университета, проведенных в 2014—2015 гг. Интервьюирование же российских студентов осуществлялось в несколько этапов. В данном докладе используются результаты двух последних волн интервьюирования, проведенных в 2013 и 2014 гг. Всего за этот период было опрошено 353 студента МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ. Что касается количественной части исследования, то она основана

на проведенном в 2014—2015 гг. анкетном опросе 450 американских и 1400 российских студентов, из которых 540 — студенты НИУ ВШЭ, 496 — МГУ, а 364 — МГИМО.

Результаты исследования

В целом, можно говорить о том, что и российские, и американские студенты смотрят на будущее своих стран в позитивном ключе, о чем свидетельствуют их схожие ответы на вопрос о том, когда, по их мнению, были или будут «лучшие» и «худшие» времена для их стран (таблица 1).

Таблица 1. «Лучшие» и «худшие» времена для страны
(в процентах от числа опрошенных респондентов в каждой группе)

		Прошлое	Настоящее	Будущее	Затруднились с ответом
«Лучшие» времена	Американские студенты	19	19,5	34,5	27
	Российские студенты	19	18	34	29
«Худшие» времена	Американские студенты	55	9	10	26
	Российские студенты	40	19	7	34

Относительное большинство респондентов обеих групп верит в то, что «лучшие» времена ждут их страну в будущем. Однако если говорить об основаниях такого оптимизма, то они, конечно, совершенно различны.

В нарративах российских студентов, где практически не упоминаются негативные сценарии развития, образ позитивного будущего связывается, в основном, с двумя факторами: с приходом к власти лидера, удовлетворяющего их нормативным требованиям, и с изменением ситуации на международной арене (или же выбором «правильных» геополитических союзников).

Что касается первого фактора, то он напрямую связан с патерналистскими настроениями и спецификой персонифицированного восприятия власти, характерными для многих групп российского населения: *«Лично мой взгляд на всю вот эту политическую систему: очень многое зависит от лидера — самого главного человека, который всем этим управляет. Если лидер знает, что он делает и как он это делает, и что нужно для достижения целей, то в таком случае будет идеальна монархическая система»*.

Второй фактор, который будет определять будущее России, связан, по мнению студентов, с успешностью ее деятельности на международной арене вне зависимости от того, представляется ли успешность как

способность «отбиться» от всех внешнеполитических врагов (*«Настоящая Россия — это Россия, которая сплотится в кулак. Сплотится и даст отпор всей нечести. В общем, хочу сказать, что Россию ждет очень светлое будущее»*) или как возможность наладить отношения с другими странами: *«... мы сможем интегрировать международную систему, установим дружеские отношения с нашими партнерами через океан, с Китаем все будет хорошо, с другими все будет хорошо, и все вообще будет хорошо!»*.

Ключевым же моментом, определяющим эту успешность, по мнению российских студентов, будет являться выбор между восстановлением внешнеполитических отношений с Западом или налаживанием отношений с Востоком.

При этом следует отметить, что вера в принадлежность России к особому типу цивилизации свойственна 60 % опрошенных российских студентов. 6,5 % респондентов полагает, что Россия является, скорее, «Восточной» цивилизацией, 20 % — что «Западной» (13,5 % затруднились с ответом на этот вопрос). Тем не менее, несмотря на преобладание в сознании российской студенческой молодежи идеи об «особом пути», необходимость переориентации России на Восток воспринимается респондентами весьма неоднозначно, но так или иначе актуализируется практически всеми, для кого образ страны неразрывно связан с ее положением на международной арене.

Помимо этих факторов, способных решить большую часть политических и социально-экономических проблем страны, есть еще субъективное измерение: ничем не обоснованная «надежда на лучшее будущее».

Образ будущего страны в представлениях американцев более разносторонен и менее однозначен. Отвечая на вопрос о том, какой им представляется собственная страна через 10—15 лет, они также обращаются к позиции страны на международной арене, подчеркивая, однако, что США ждет дальнейшее ослабление позиций. Однако этот аспект хоть и упоминается в первую очередь, по степени важности отходит на второй план.

Более того, основной акцент в ответах американских респондентов смещен даже не на оценку вероятности позитивного или негативного сценария, а на подробное описание изменений, которые необходимо осуществить в конкретных сферах для того, чтобы улучшить текущее положение дел и минимизировать возможные риски. Так среди основных желаемых и ожидаемых изменений называются появление женщины-президента, реформа полиции, снижение уровня экологической угроз и остроты проблемы межрасовых отношений. Единственная проблема, которая называлась респондентами в качестве важной, но пока неразрешимой — это проблема социального неравенства. Напротив, американ-

ские студенты полагают, что население страны ждет сокращение зарплат, что еще больше увеличит разрыв в доходах.

Однако даже апелляция к конкретным сферам политической и социальной жизни страны — это не главное, что отличает представления студентов топового американского вуза от представлений студентов российских топовых вузов. Принципиальная разница заключается в желании первых влиять на будущее своей страны и весьма высокая оценка своих шансов на возможность оказывать такое влияние: *«Я могу использовать свою позицию здесь — позицию представителя образованной американской элиты, чтобы иметь какое-то влияние, несколькими различными способами. Во-первых, я могу пойти непосредственно на политическую арену в качестве стажера в демократической партии и продолжать работать там в дальнейшем».*

Как значимый аспект участия в политической жизни воспринимается и возможность участвовать в выборах (*«Хотя я и испытываю разочарование от всего текущего политического процесса, я чувствую, как с помощью голосования я могу участвовать в нем и как-то изменять ситуацию к лучшему»*), и протестная активность (*«Протесты, «климатический марш» в Нью-Йорке, протесты в Фергюсоне... Я верю, что все это способно изменить ситуацию. Необязательно напрямую, но демонстрируя людям проблемы»*). И хотя некоторые респонденты делают акцент на том, что возможностей участвовать в политической жизни страны и влиять на ее будущее у них меньше, чем хотелось бы, ответственность за это будущее, как правило, не перекладывается на потенциального лидера.

В этой связи в сравнительном плане весьма показательной является такая характеристика, как число российских студентов, затруднившихся с ответом на вопросы о собственном материальном положении и социальном статусе в будущем. Не ощущая свою причастность к политической жизни страны, не воспринимая себя как людей, ответственных за будущее, и перекладывая обязанности осуществления важных изменений на некоего лидера или элиту, они оказались не в состоянии предсказать собственное благосостояние. Очевидно, что, несмотря на то, что респонденты учатся в топовых российских вузах и в целом положительно оценивают будущее страны в целом, уверенности в собственной жизни это им не прибавляет.

А. А. Тимофеев

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ — КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

ТИМОФЕЕВ Александр — соискатель ученой степени кандидат политических наук Института социально-политических исследований РАН г. Москвы, адвокат МКА «Тимофеев, Фаренвальд и Партнеры», г. Москва, Россия; a.timofeev1978@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию состояния современной российской политической элиты. В ней представлены характеристика и особенности формирования современной российской политической элиты. Основное внимание концентрируется на наиболее значимых существующих проблемах в исследуемой теме — закрытости и консервации политической элиты, отсутствии механизма ее сменяемости и пополнения. Следствием этого является трудность принятия эффективных решений, поскольку неконтролируемая сменяемость политической элиты влияет на дестабилизацию обстановки в системе государственного управления. Институты, характерные для развития полноценной элиты в настоящее время не сформированы, а изменения в такой элите возможны либо в течении длительного времени, либо под влиянием каких-то экстраординарных событий. Автор проводит важную параллель зависимости экономики от политики и делает обоснованный вывод — отсутствие ротации политической элиты создает опасность для стагнации экономики страны. Подробно анализируется необходимость обновления политической элиты новым поколением политиков, используя механизм свободных выборов.

Ключевые слова: политическая элита, механизм формирования, демократия, закрытость, обновление, свободные выборы, экономика

Согласно результатам исследования Института социологии РАН, модель российской демократии носит элитистский характер [Кононенко, 2013: 205]. Следовательно, в современных условиях важно и актуально всестороннее и системное исследование политической элиты России. В системе изучения политических элит вопрос об особенностях формирования политической элиты является ключевым. Социальная представительность и качественный состав политической элиты во многом зависят от механизма формирования (рекрутирования) политической элиты.

Выделяются наиболее распространенные системы формирования политической элиты: антрепренерская (предпринимательская), система гильдий, номенклатурная система.

Механизм формирования политической элиты в России представляет собой симбиоз систем рекрутирования, где все больше схожих черт с советской номенклатурой, но с определенной спецификой (адаптирование под себя демократических институтов).

Специфической чертой российской действительности является неопределенность критериев, по которым происходит отбор в высшие социальные слои. Связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения. Элита сама выбирает кандидатов для инкорпорации. Исключения составляют выборы, которые, хотя бы теоретически, являются входной дверью для всех желающих.

Во время ельцинского периода были разрушены советские механизмы рекрутинга, а новые не возникли. На сегодняшний день ситуация не изменилась, так завсектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН А. Дука отмечает, что никакой продуманной и внятной схемы рекрутирования людей в российскую политическую элиту не существует [Дука, 2013: 16].

Единой системы продвижения наиболее толковых и ярких людей наверх нет, социальный лифт в российской политике почти всегда персональный, на ручном управлении.

Современная политическая элита формируется из представителей узкого привилегированного слоя и воспроизводится на своей собственной основе. Обновление состава политической элиты происходит за счет неформальных каналов формирования элиты — через родственников, знакомых, земляков, сослуживцев. В России отсутствуют открытые механизмы формирования политической элиты.

Можно констатировать то, что сегодня в Российской Федерации полноценной системы обновления политической элиты не существует. Особенно это касается высшего эшелона, где ротация носит характер не регулярный, а ситуативный: освободилось место — ищут замену. При этом причины назначения человека очень часто непонятны и завуалированы, раскладываются внутри элитные «пасьянсы», кто-то кого-то в чьих-то интересах лоббирует.

В связи с этим образовалась замкнутость российской политической элиты, ее необновляемость. Высшие политические чиновники уже на протяжении 20 лет плавно перетекают из одной должности на другую [Крыштановская, 2005: 101].

Эффективность системы рекрутирования обеспечивается такими факторами, как широта ее социальной базы, круга лиц, осуществляющих отбор элиты, процедуры, механизма отбора.

На сегодняшний день социальная закрытость политических элит России стала доминирующей тенденцией, препятствующей осуществ-

влению социально-политических перемен в стране [Пляйс, 2010: 14; Пономарева, 2006: 201].

Российская политическая элита все больше становится похожей на советскую номенклатуру.

Таким образом, можно отметить реставраторские тенденции трансформации политической элиты.

Произошел «реванш номенклатуры, застой и коррупция» [Орешкин, 2015: 42].

По мнению Л. Гудкова, силовые структуры, оставшиеся от советского режима, сегодня сами являются держателями власти. Избавившись от контролирующих партийных органов и подчинив парламент исполнительной власти, они получили неограниченные возможности для обеспечения своих частных, кланово-групповых интересов.

Отсутствие горизонтальной (через другие ветви власти) и вертикальной (через независимые СМИ и общественные организации) подотчетности исполнительной власти блокирует возможность стратегического развития страны. Единственное, на что способна власть в такой композиции, — воспроизводство самой себя и удержание статус-кво.

Без создания конкурентного и прозрачного механизма формирования и функционирования политической элиты не будет реальной политики, партийной системы, развитых институтов гражданского общества, а без этого невозможно на сегодняшний день представить стабильное экономическое развитие страны.

Россия потеряет конкурентоспособность. Замкнутость политической элиты также несет в себе риски социальных взрывов. Следует помнить, элиты эффективно защищаются от нововведений, если это угрожает их собственной власти.

Технологические инновации приносят человеческому обществу процветание и в то же самое время они ведут к замене старого новым, в том числе это касается и политических элит. Боязнь созидательных разрушений — вот главная причина отсутствия устойчивого экономического роста [Аджемоглу, Робинсон, 2016: 209].

Сегодня люди, человеческий капитал являются главным ресурсом страны. Особенную значимость приобретает качество человеческого капитала в политической элите. Циркуляция креативных людей в политическую элиту.

Только реально конкурентные выборы способны вплеснуть в жизнь новых амбициозных пассионарных людей, которые смогут двигать страну дальше.

Рассчитывать на успешную реализацию курса реформ в рамках авторитарного авторитаризма, опирающегося на бюрократию нет никаких оснований.

Неотразимый шарм авторитарного роста — дефектен. «...Россия и некоторые другие авторитарные режимы, переживающие в настоящий момент определенный экономический рост, через некоторое время упрутся в потолок этого роста и не преодолеют его, пока не трансформируют свои политические институты в более инклюзивном направлении...» [Аджемоглу, Робинсон, 2016: 693].

Отсутствие конкурентных политических институтов неминуемо ведет к экономическому спаду. Свободные выборы в 90-е годы дали целую плеяду талантливых, креативных людей во власть, были и негодные губернаторы, но не так уж и часто ошибался народ. А если где и ошибался, то надо дать народу право учиться на ошибках.

Иного выхода нет — без пассионарных людей нового поколения в политической элите — не будет изменений — без изменений Россия безнадежно отстанет в своем экономическом развитии и будет технологически порабощена.

Время сна ушло безвозвратно.

Список источников

1. Аджемоглу Д., Робинсон А. Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : Изд-во АСТ, 2015.
2. Дука А. В. Политически гибкие и морально всеядные // Огонек. 2013. № 24 (5284). С. 16—17. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2211335> (Дата обращения: 20.08.2016).
3. Кононенко В. А. Состояние современной российской политической элиты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 205.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005.
5. Орешкин Д. Б. Гибридный реванш // The New Time. 2015. № 19. С. 42—43.
6. Пляйс Я. А. 2010. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия. М. : Изд-во РОССПЭН, 2010.
7. Пономарева Е. Г. Современная Россия: политические отношения и политические институты. М. : МГИМО-Университет, 2006.

С. В. Мареева

ОБРАЗ ВЕРОЯТНОГО И ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО РОССИИ В ГЛАЗАХ НАСЕЛЕНИЯ

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия; smareeva@hse.ru

Аннотация. Представления о желаемом и вероятном будущем страны, сформировавшиеся в общественном сознании, могут оказывать значимое влияние на вектор ее развития, поскольку для успешности социально-экономических преобразований они должны приниматься и поддерживаться населением на микроуровне. Данные общероссийского репрезентативного Мониторинга ИС РАН 2012—2016 гг. позволяют получить представление о том, каким хотели бы видеть будущее страны россияне и как они оценивают реалистичность реализации этой модели. Данные приводят к выводу о том, что на данный момент образы вероятного и желаемого будущего в общественном сознании совпадают далеко не полностью: если оценки реального будущего России на мировой арене скорее соответствуют представлениям населения о желаемом положении в этой сфере, то социально-экономические модели общества в образах вероятного и желаемого будущего расходятся.

Ключевые слова: образ будущего, социальная справедливость

Представления о желаемом и вероятном будущем страны, сформировавшиеся в общественном сознании, могут оказывать значимое влияние на вектор ее развития, поскольку для успешности социально-экономических преобразований они должны приниматься и поддерживаться населением на микроуровне. Данные общероссийского репрезентативного Мониторинга ИС РАН 2012—2016 гг. позволяют получить представление о том, каким хотели бы видеть будущее страны россияне и как они оценивают реалистичность реализации этой модели. Данные приводят к выводу о том, что на данный момент образы вероятного и желаемого будущего в общественном сознании совпадают далеко не полностью: если оценки реального будущего России на мировой арене скорее соответствуют представлениям населения о желаемом положении в этой сфере, то социально-экономические модели общества в образах вероятного и желаемого будущего расходятся.

При выборе вариантов лозунгов, которые в наибольшей степени выражали бы желаемое будущее страны, наибольшее количество сторонников (причем среди представителей как разных доходных групп, так и групп с разными типами мировоззрения) получил осенью 2014 г. вариант, связанный со справедливо устроенным обществом — социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах (47 %). Другие варианты заметно от него отставали — так, лозунг возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем, а также лозунг великодержавности России, объединяющей разные народы, поддержала треть россиян (35 % и 32 %, соответственно). Далее по популярности следовали лозунги о правах человека, демократии, свободе самовыражения личности (27 %) и сильной жесткой власти, способной обеспечить порядок (26 %).

Смысловое наполнение идеи «справедливого общества» выступает в роли консолидирующей идеи желаемого будущего страны для населения, однако его наполнение несколько различается в разных социальных группах. В целом по результатам анализа эмпирических данных можно говорить о том, что ключевыми его элементами, с точки зрения россиян, являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, поддерживающей всех оказавшихся в сложном положении, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах.

При этом для россиян активного типа (характеризующихся декларируемыми ориентациями на инициативность и предприимчивость, готовность к переменам в жизни, внутренний локус-контроль) социальная справедливость должна достигаться через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, а также Россию как державу, объединяющую разные народы; для россиян инертного типа (характеризующихся внешним локус-контролем, ориентацией на устойчивость, воспроизводство себя в неизменной форме) более характерен запрос на жесткую власть, которая сможет обеспечить порядок, а также возвращение к традиционным ценностям.

На периферии общественного сознания оказались при этом такие представления о желаемом будущем России, как свободный рынок с минимумом вмешательства государства в экономику (13 %) и сближение с Западом (11 %), что свидетельствует о том, что западное общество не является «идеальной» моделью для будущего России в представлениях населения. И действительно, выбирая между альтернативами «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны»

и «Россия — особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни», три четверти населения устойчиво придерживаются позиции об особом пути России (если десять лет назад в этом отношении выделялись представители среднего класса, более активно поддерживающие модель развития России по западному пути, то сегодня и они выражают консенсусное с остальным населением мнение). Это подтверждается и тем, что только четверть россиян согласны с суждением о том, что Россия должна двигаться вперед, к современной экономике и образу жизни, такому как в Европе (24%), а 60% поддерживают точку зрения, что Россия не является в полной мере европейской страной.

В целом, представления о будущем страны, которые сформированы в обществе, можно рассматривать в двух сферах — положение России на мировой арене и ситуация внутри страны. Что касается первого аспекта, то россияне считают, что в XXI веке страна должна стремиться одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира (51% по данным осени 2016 г.) или даже к возвращению статуса супердержавы (26%). При этом в отношении положения страны на международной арене прогнозы россиян относительно будущего оптимистичны. Так, 61% населения считает, что за последнее десятилетие Россия возвращается в число мировых держав, а не отстает от них, более того, более половины отмечает, что страна уже входит в число ведущих, влиятельных стран мира.

Если же говорить о положении дел внутри страны, то здесь россияне гораздо менее оптимистичны. Так, характеризуя изменения ситуации в стране в различных сферах за последние годы с точки зрения имеющих у населения возможностей, наибольшая доля россиян обычно отмечает, что ситуация либо не изменилась вообще, либо улучшилась — но лишь для узкого круга людей, констатируя, тем самым, вполне определенное направление развития российского общества, ориентированное на укрепление положения изначально наиболее благополучных слоев и закрывающее социальные лифты для остальных массовых групп — что не соответствует общественному запросу на желаемую модель общества в будущем. Не очень верит население и в реализацию на практике принципов справедливого общества; при этом сложившаяся ситуация не отвечает их представлениям о справедливости, и они не видят в этой сфере положительных сдвигов (актором которых они хотели бы видеть, прежде всего, государство).

Наконец, более половины населения считает, что такие изменения, как повышение уровня жизни большинства населения, увеличение численности среднего класса до 60% и активизация реформ в социальной сфере (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение) для

России в ближайшие годы скорее маловероятны. При этом россияне в наименьшей степени верят в возможности повышения доли среднего класса до 60 % (хотя именно модели общества с преобладанием массового среднего класса оцениваются ими как «идеальные» для страны) и в наибольшей — в активизацию социальных реформ (правда, как именно они оценивают их возможные последствия — вопрос, который остается открытым).

Б. Т. Пономаренко

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ПОНОМАРЕНКО Борис Тимофеевич — доктор исторических наук, профессор, Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; pbt2006@mail.ru

Аннотация. Исследование влияния социальных факторов на эффективность работы государственных гражданских служащих представлено как важная для социологии управления и актуальная в плане прогнозирования будущего образа системы государственного управления научная задача. Определено, что социальные факторы, как сущностная переменная в российском обществе и его институтах, а также движущая сила развития в сторону позитивных изменений, оказывают влияние не только на поведение, самочувствие и состояние здоровья государственных служащих, но и воздействуют на их профессионализацию, социальные условия будущего государственного управления. Приведены результаты социологической оценки профессионализма государственных служащих. Социологический анализ влияния социальных факторов на профессионализацию кадров управления способствует обоснованию направлений профессионализации государственной службы, совершенствования государственного управления, выбора компонентов концепции государственной кадровой политики. Охарактеризовано влияние социальных факторов на воспроизводство человеческого капитала, профессионализацию государственной службы, исходя из интересов и потребностей граждан, необходимости повышения эффективности системы государственного управления.

Ключевые слова: социальные факторы, социология управления, социологический анализ, профессионализация, стратегия, социальный механизм, государственные служащие, государственное управление, кадровая политика

В условиях масштабных преобразований, происходящих в российском обществе, повышается актуальность и социальная востребованность проблемы реформирования системы государственного управления, в т. ч. развития института государственной службы, как базисного ее компо-

нента. Эффективность управленческой функции государственной службы в значительной мере обусловлена воздействием социальных факторов на ее профессионализацию как составляющую кадровой политики государственных органов власти. Исследование влияния социальных факторов на эффективность работы государственных гражданских служащих представляет важную для социологии управления и актуальную в плане прогнозирования будущего образа системы государственного управления научную задачу (1). Будущее государственного управления всецело определяется гражданскими, нравственными и профессиональными качествами государственных служащих, которым предстоит в ближайший период и в стратегической перспективе предопределять эффективность управления государством и тенденции развития российского общества и государства в целом.

Социальные факторы, как сущностная переменная в российском обществе и его институтах, а также движущая сила развития в сторону позитивных изменений, оказывают существенное влияние не только на поведение, самочувствие и состояние здоровья государственных служащих, но и определяющее воздействие на их профессионализацию, социальные условия будущего государственного управления.

Процесс профессионализации представляем как совокупность мероприятий, которые осуществляются в процессе управления человеческими ресурсами организации и направлены на выявление потенциала, способностей, возможностей человека, оказание ему помощи при выборе профессии, формирования и совершенствования профессионального опыта. Профессионализация на государственной службе означает постоянное совершенствование специальной подготовки кадров, которое позволяет государственному служащему, наделенному должностной компетенцией, включаться в решение проблем обладая соответствующей компетентностью компетентности. (2). В процессе профессионализации служащих формируется система профессиональных отношений, норм и оценок, а специальные знания, умения и навыки становятся показателем статуса и мерой общественной активности социальных групп и служащих.

Социологический анализ влияния социальных факторов на профессионализацию кадров управления может подсказать исследователям возможные направления профессионализации государственной службы, пути совершенствования государственного управления, компоненты концепции государственной кадровой политики. (3). Значение социологического изучения проблемы влияния социальных факторов на профессионализацию государственной службы определяется запросом институтов гражданского общества на его результаты в плане развития человеческого потенциала и освоения современных методов управления

человеческими ресурсами. В отношении прогнозирования и оценки эффективности профессиональной деятельности социологический анализ открывает возможность изучения влияния групп социальных факторов (социально-организационные, правовые, экономические, кадровые, социокультурные, мотивационные) на профессионализацию государственной службы.

Влияние социальных факторов на профессионализацию государственных служащих осуществляется через государственную кадровую политику. Исходным пунктом выработки кадровой политики на этапе реформирования и развития системы государственной службы должен выступать принцип единства обновления, профессионализации и стабильности кадрового потенциала. Это позволит сохранить профессиональную преемственность на государственной гражданской службе, обеспечить выполнение квалификационных требований к служащим, использовать освоение современных кадровых технологий.

В ходе социологического исследования актуальных проблем кадровой политики и управления персоналом, проведенного учеными ИГСУ РАНХиГС (19 субъектов РФ, 1204 респондента) было установлено следующее. (4). На вопрос: «Как бы Вы оценили уровень профессионализма государственных служащих в России?» — 35,9% респондентов сочли его «высоким или скорее высоким, чем низким»; 50,2% — отметили как «низкий или скорее низкий, чем высокий». Причины низкого профессионализма части государственных служащих 62,2% из числа опрошенных видят в отборе кадров по знакомству и родству, а 35,5% указали на недостатки в работе по формированию профессионального состава государственной службы. Уровень профессионального образования (23,6%) и высокое качество профессиональной служебной деятельности (38,5%) отмечаются в качестве преимущественных параметров оценки труда служащих. При этом, 38,1% опрошенных выделили необходимость профессионального развития как социального фактора воспроизводства кадров в системе государственного управления, разработки и освоения соответствующих социальных механизмов.

Раскрытие сущности, состояния и совершенствования процесса профессионализации кадрового обеспечения, под влиянием социальных факторов, а также путей повышения его эффективности на этапе реформирования государственного управления приобретает особый социологический смысл. Решение задачи улучшения кадрового обеспечения, противодействия проникновению деструктивному профессионализму в кадровую среду государственных органов власти, следования принципу меритократии относится ко всем видам и уровням государственной службы. На процесс стабилизации государственной службы влияют со-

циальные нормы и факторы, среди которых выделяются нормы права, нормы морали и нормы этики поведения государственных гражданских служащих.

В условиях глобальной профессионализации общества и усложнения его социальной структуры проблема профессионализации, как качественная характеристика профессиональной деятельности государственных служащих, выходит за рамки государственных органов, а также определенного социально-профессионального слоя российского общества, приобретая под влиянием социальных факторов статус актуальной государственной проблемы.

Для эффективного управления процессом профессионализации государственных служащих важное значение имеет создание их интерактивного окружения, стимулирование самообразования и обратных связей (передачи знаний, информации от государственных служащих, граждан, руководства государственных органов).

Прокладывая магистральные пути навстречу будущему, государственные органы должны учитывать влияние социальных факторов на качественное и полноценное воспроизводство человеческого капитала, профессионализацию государственной службы, прежде всего, исходя из интересов и потребностей граждан, необходимости повышения эффективности системы государственного управления. При этом, надежным регулятором процессов воспроизводства и развития кадрового потенциала общества могут и должны выступать социальные отношения и ресурсы, социальный механизм управления профессиональным образованием, целенаправленная научно-педагогическая и управленческая деятельность образовательных организаций всех уровней.

Список источников

1. Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: современные вызовы и возможности : сб. статей / под общ. ред. С. А. Шачнева. Брянск : Изд-во Бр. филиала РАНХиГС, 2016.
2. Турчинов А. И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М. : Флинта, 1998.
3. Актуальные проблемы кадровой политики и управления персоналом предприятий, организаций и учреждений различных направлений деятельности и форм собственности в Российской Федерации. Информационные материалы социологического исследования. (январь — февраль 2016 г.) / под ред. К. О. Магомедова. М. : РАНХиГС. 2016.
4. Турчинов А.И., Магомедов К. О., Кононенко Т.А. Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях; социологический анализ: Монография. М. : Изд-во МАКС-Пресс, 2013.

Е. А. Васильева

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

ВАСИЛЬЕВА Елена Александровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), Российская Федерация; Vasilieva_ea@bk.ru

Аннотация. Принципы взаимодействия между органами государственной власти и экспертным сообществом в настоящее время рекомендуется строить на основе принципов участия, прозрачности и ориентации на согласие (концепция «Good Governance»). Однако в Российской Федерации реализация этих принципов столкнулась с рядом проблем, в том числе важнейшей — недостатком доверия населения. В нашей общественной лексике под доверием понимается не процесс согласования интересов, а процесс одобрения решений, принятых государственными органами. Именно поэтому закрытость и формализация взаимодействия с населением является одной из наиболее воспроизводимых ценностей государственной службы. При этом служащие, в соответствии с требованиями концепции «Нового государственного менеджмента», признают, что основной задачей органов государственной власти является обеспечение социального благополучия граждан, однако взаимодействие должно происходить, по их мнению, на основе принципов патернализма, то есть приоритета государства при принятии общественно важных решений. По нашему мнению, низкий уровень доверия к органам государственной власти объясняется тремя факторами: эксперты не готовы к дискуссионному взаимодействию; органы государственной власти не стремятся привлечь экспертное сообщество к сотрудничеству; эксперты, прошедшие процедуру отбора и допущенные к сотрудничеству, в силу своей лояльности оказываются склонны к формализации своей деятельности.

Ключевые слова: good governance, доверие, государственная служба, экспертное сообщество, ценности, патернализм

Взаимодействие между органами государственной власти и экспертным сообществом, по мнению многих авторов, особенно работающих в рамках концепции «Good Governance», является одним из факторов повышения эффективности государственного управления. Так, одними из важнейших принципов этой концепции являются участие, прозрачность и ориентация на согласие [1], то есть обеспечение максималь-

но возможного участия различных общественных слоев в обсуждении социально-значимых вопросов и принятии государственных решений. В Российской Федерации эти принципы нашли отражение в концепции «Открытого правительства», основными целями которой являются:

- повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления;

- расширение возможностей непосредственного участия гражданского общества в процессах разработки и экспертизы решений, принимаемых федеральными органами исполнительной власти;

- качественное изменение уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти;

- развитие механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти [2].

К сожалению, практическая реализация этой концепции столкнулась с рядом проблем. Многочисленные общественные советы, созданные как в федеральных, так и региональных и даже муниципальных органах власти, наделенные полномочиями общественного контроля и экспертизы, к сожалению, не выполнили основную свою задачу — повышение уровня доверия населения, который, как свидетельствуют опросы общественного мнения, не превышает 30 % (за исключением высших должностных лиц).

Доверие — это сложная социальная категория. В самом общем виде, под доверием понимается субъективное ощущение, веру в то, что стороны взаимодействия искренни, добросовестны, стремятся в обоюдной выгоде и учитывают мнение друг друга. В отечественной публицистике эта категория имеет большое значение как фактор организации политического процесса [3], так как позволяет акцентировать внимание на субъектности не только государственной службы, но и институтов гражданского общества. Доверие в социально-политической сфере подразумевает, что все участники транзакции — и чиновники, и политики, и эксперты — равноправны и равноценны, а собственно взаимодействие заключается в согласовании различных интересов в ходе открытого, честного и беспристрастного обсуждения. Однако в нашей общественной лексике термин «доверие» чаще употребляется в контексте «признания» и «авторитета», то есть под доверием понимается не процесс согласования интересов, а процесс одобрения решений, принятых государственными органами.

Именно в этом контексте рассматривают взаимодействие с институтами гражданского общества сами чиновники. Исследование ценностных установок государственных гражданских служащих Республики Саха

(Якутия), проведенное в 2015 году методом анкетного опроса и глубинного интервью, показало, что закрытость и формализация взаимодействия с населением является одной из наиболее воспроизводимых ценностей государственной службы. Установлено, что общение с гражданами и общественными организациями занимает только 8,4 % рабочего времени, в то время как межведомственное взаимодействие занимает 24,7 %, а административная и нормотворческая деятельность — 32,6 %. При этом служащие, в соответствии с требованиями концепции «Нового государственного менеджмента», признают, что основной задачей органов государственной власти является обеспечение социального благополучия граждан, однако взаимодействие должно происходить, по их мнению, на основе принципов патернализма, то есть приоритета государства при принятии общественно важных решений.

По нашему мнению, низкий уровень эффективности взаимодействия экспертного сообщества и государственной службы можно объяснить тремя факторами. Во-первых, низкий уровень доверия к органам государственной власти и их закрытость не способствует готовности экспертов к дискуссионному взаимодействию. Как отмечают многие авторы [4; 5; 6], институты гражданского общества уверены в невозможности повлиять на принятие государственных решений. Во-вторых, сами органы государственной власти отнюдь не стремятся привлекать экспертное сообщество к сотрудничеству. Они уверены в том, что доверие проявляется в одобрении, а не в совместном поиске наиболее приемлемого решения, а потому стремятся формировать общественные советы таким образом, чтобы максимально устранить саму возможность иного мнения. Так, например, Общественная палата Республики Саха (Якутия) формируется следующим образом: Глава республики по собственному усмотрению и выбору утверждает половину кандидатов, которые принимают решение о приеме второй половины кандидатов, выдвинутых общественными движениями на конкурсной основе. Таким образом, можно констатировать, что как минимум 50 % республиканской Общественной палаты будут крайне лояльны руководству республики. И, наконец, в-третьих, сами эксперты, прошедшие процедуру отбора и допущенные к сотрудничеству, в силу своей лояльности оказываются склонны к формализации своей деятельности. Они зачастую стремятся встроиться в систему исполнительной власти, в определенном смысле, институционализироваться, приобрести статус равный или близкий к статусу государственных служащих, и, соответственно, вынуждены интериоризировать ценности и нормы государственной службы как социального института. Примером подобного может послужить «Открытое правительство» и многочисленные экспертные форумы.

Итак, именно кризис доверия, по нашему мнению, является основной причиной низкой эффективности взаимодействия экспертного сообщества и органов исполнительной власти. Прогнозная аналитика — это практически единственный вид экспертной активности, который приветствуется в органах исполнительной власти, однако ее результаты, в силу отмеченных выше факторов, зачастую приводятся в соответствие с ожиданиями и интересами заказчика. Таким образом, отсутствие доверия к органам государственной власти снижает уровень научной экспертизы, в результате снижается уровень доверия к научному сообществу в государственной службе.

Список источников

1. What is Good Governance? // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. <http://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>.
2. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти».
3. Васильева Е.А., Рубцова М.В. «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике // Социс. 2016. № 1. С. 58—65.
4. Астанин В.В., Стороженко И.В., Санатин В.П. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования) // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 12—24
5. Нисневич Ю.А. Кризис доверия как доминантный для России социально-политический фактор // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 107—110.
6. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126—132.
7. Севрюгин К.В. О принципах института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 3. С. 157—168.

А. П. Сегал**ПРОГНОЗ КАК ТЕХНОЛОГИЯ PR**

СЕГАЛ Александр Петрович — кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; segal.alexander@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения прогноза в качестве инструмента PR. Очевидные факты такого использования проиллюстрированы примерами из практики и охарактеризованы как тренд в бизнес-коммуникациях. Автор исследует причины и драйверы этого тренда и анализирует, в каком случае и при каких условиях прогноз возможно, необходимо и допустимо использовать в целях PR.

Ключевые слова: прогноз, предвидение, виртуальная реальность, форсайт, репутация, имидж

Не так давно поклонники творчества Роберта Земекиса отметили дату прибытия в наше время из 1985 года доктора Эмметта Брауна и Марти Мак-Флая. Этому событию было посвящено множество серьезных и не-серьезных публикаций, роликов, демотиваторов и картинок.

В нашем ответвлении времени Мак-Флая ожидало жестокое разочарование. Антигравитационные скейтборды и автомобили, трехмерная реклама, самозатягивающиеся шнурки и самоподгоняющаяся куртка с автотопросушкой — всё это оказалось где-то в другой реальности. Попросту, говоря — в воображении футурологов.

Нассим Н. Талеб как-то саркастически заметил, что «...аналитики не предсказывали ничего: наивный прогноз человека, просто переносящего цифры из истекшего периода в следующий, был бы немногим хуже». [1, с. 249] Далее он привел прогнозы цен на нефть: «...В январе 2004 года [правительственной] ведомство предсказывало, что через 25 лет баррель нефти будет стоить 27 долларов... В июне, когда цены удвоились, им пришлось повысить планку до 54 (сейчас, когда я пишу эти строки, цена подскочила до 79 долларов)». [1, с. 265] Не отстают и наши аналитики. Достаточно вспомнить взаимоисключающие прогнозы курса «рубль-доллар» конца 2014 года: от возврата к 30 рублям за доллар до взлета к 100. Кстати, именно эти примеры обнажают истинные мотивы, которые зачастую движут футурологами и прогнозистами: «быков» и «медведей» никто не отменял!

Как и почему возможны взаимоисключающие и/или не сбывающиеся прогнозы? В сущности, прогноз — это виртуальная реальность:

исконный латинский смысл слова «виртуальный» — «не существующий, но возможный».

Любая виртуальная реальность, в том числе прогноз, неполна: в ней субъект абстрагируется от тех сторон предметов и от тех правил, которые в данный момент ему неизвестны либо для данных действий несущественны (или субъект считает, что они несущественны). С другой стороны, в силу вариативности, в прогнозе могут сосуществовать взаимоисключающие причинно-следственные связи, события, образы. Примерно так все картины посмертного пути человека сосуществуют на древнеегипетской фреске (суд Осириса), или на известном полотне «Мытарства блаженной Феодоры» в Киево-Печерской лавре.

Странное сочетание неполноты и избыточности делает виртуальную реальности прогноза сродни «обыденному способу представления»: она «удерживает противоположности врозь друг от друга, как будто они противоположны лишь определенным образом...» [2, с. 166].

Реципиентом, наиболее адекватным такой реальности, может стать (и с необходимостью становится) обыденное сознание, поскольку его атрибутами выступают «нерациональный характер, игнорирование законов логики, отказ от научной информации». [3, с. 95] Добавим от себя еще и неспособность рефлексировать моменты выхода за пределы собственной компетентности. [4]

В каком случае такой инструмент необходим в PR — и нужен ли он вообще?

На основании собственной практики и опыта успешно практикующих коллег (М. Ю. Тайц) автор склонен считать, что PR практически синонимичен репутационному менеджменту. Действительно, вряд ли можно отрицать существенное технологическое и содержательное различие между коммуникациями, направленными на построение имиджа и бренда, с одной стороны, и «профилирование» репутации — с другой.

В свою очередь, репутация всегда связана с субъектом и его деятельностью. И более того: отсутствие деятельности — это даже не отсутствие репутации, а негативная репутация. Типичный пример бездеятельного субъекта — помещик Манилов: он ставит цель, бурно обсуждает детали, но для ее реализации не делает ничего.

Иной случай — деятельность, которая еще не начата или далека от завершения. Она может стать основанием для репутации, но только ближе к финалу. А до тех пор она виртуальна: вариативна, неоднозначна, слабо детерминирована, — следовательно, относится к вероятным, виртуальным событиям, которые по определению есть не основание репутации, а лишь ее возможность, предпосылка.

Таким образом, рассказ о будущем есть рассказ о том, чего еще нет, а, следовательно, аудитории может быть предложен не результат, а лишь его виртуальный образ, имидж. Попытка строить на этом PR сводит коммуникацию к постмодернистскому нарративу, «смерти субъекта», точнее к его небытию, ибо действия еще нет — и субъекта тоже нет. Таким образом, потенциально прогноз представляет собой идеальный инструмент манипуляции: он говорит о том, чего нет, он по определению неполон, а потому чаще всего эмоционален, бессистемен и алогичен.

Делая мотивом прогноза PR, а инструментом PR прогноз, мы направляем коммуникативную активность в сторону про-активных, рекламных технологий.

На наш взгляд, это происходит в ситуациях, когда исчерпаны или изначально отсутствуют рациональные основания коммуникации, и настает время манипуляций. Их несколько.

1. Классический случай «самореализующегося прогноза» разобран многими авторами. Собственно, здесь мы имеем классическую же манипуляцию с сознанием публики, когда желаемое выдается за неизбежное. Такой вид «PRогноза» типичен для политических организаций и властных структур, а также близкого к ним бизнеса, госкорпораций и т. п.

2. Близкий по форме первому случаю прогноз «успешного развития», заявляющий четкую и далекую перспективу, но реально рассчитанный на краткосрочный эффект. Инструмент стартапов и прочих венчурных проектов, включая блаженной памяти MMM.

3. «Объективный прогноз», опирающийся на попытки выявить детерминирующие факторы и приспособиться к ним. Характерен для ситуации сильного воздействия со стороны государства и крупных корпораций, когда собственное планирование (целеполагание) неэффективно.

4. «Субъективно-конспирологический» прогноз — зеркальный вариант предыдущей ситуации. Сама корпорация рассматривает себя как объект воздействия чуждых стихийных сил (враждебных субъектов) и пытается угадать их волю или цели, дабы приспособиться или противостоять. Естественно, что в большинстве случаев супостатами оказываются ветряные мельницы. Однако для мобилизации общественности этот вариант крайне эффективен.

В последнее время наблюдается два устойчивых тренда:

а) Дрейф первой формы в сторону второй. Это связано с кризисом на мировом рынке и проблемами реального долгосрочного планирования.

б) Дрейф третьей формы в сторону четвертой. Это связано с кризисом рационального целеполагания. Втянутые прямо или косвенно в международную рыночную систему корпорации вынуждены действовать в ее

логике, по определению внешней и навязанной. Как следствие, устойчивое и небезосновательное ощущение потери собственной субъектности.

Ну и, конечно же, всегда остается простой соблазн манипуляции. Ведь надежда на лучшее будущее постоянно пользуется спросом.

Список источников

1. Талев Н. Н. Черный лебедь. Под знаком предсказуемости. М. : КоЛибри, 2009.
2. Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб. : Наука, 1994.
3. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М. : Смысл, 2001.
4. Сегал А. П. Проблемное поле исследования обыденного сознания // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2013. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10957> (дата обращения: 6.08.2016).

Д. С. Сидоров

герменевтика как методология и метод социальной теории: от гранд-теории до программы социологического исследования

СИДОРОВ Даниэль Сергеевич — магистрант факультета социологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия; 13arhzy2015@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблема применимости герменевтического метода в социологическом анализе текстов. На основе герменевтического анализа, предложенного П. Рикёром, предлагается операционализировать основные положения данного анализа к исследованию учебной социологической литературы по общей социологии, с целью выявления внутренних и внешних детерминаций текста.

Ключевые слова: Герменевтика, теория двойной герменевтика, социологическая теория, анализ учебной социологической литературы

Э. Гидденс в работе «Новые правила социологического метода» [1], а также несколько позднее в работе «Устроение общества» [4] предлагает теорию двойной герменевтики, смысл которой сводится к тому, что знание, разработанное в рамках социальных наук, имеет двухуровневую структуру, в силу того, что объекты этих наук способны к рефлексии. Таким образом, наличествует интерпретативная и диалектическая связь между социальным научным знанием и человеческой деятельностью. Однако верно и обратное: наличествующий социальный порядок во многом определяет характер теоретизирования. Так, Г. Гефдинг утверждает, что определение метафизической стадии в теории прогресса О. Конта как чисто негативной стадии во многом связано с тем обстоятельством, что учёный негативно оценивал действия якобинцев, которые оправдывали насилие многочисленными ссылками на работы Ж. Ж. Руссо[2].

В корпусе SSK существует довольно длительная традиция интерпретации содержания научного знания сквозь призму социологической оптики, путём выявления социально значимых детерминант при конструировании научного знания. Однако, если содержание научного знания и его связь с социальным порядком изучены в достаточной степени, исследование репрезентации этого знания в учебной литературе всё ещё представляется эвристичным. Действительно, в русле SSK, а также STS социологи науки утверждали, что на содержание научного знания оказывают влияние, в том числе, экономические, политические, социальные,

психологические и прочие детерминанты. Стало быть, если «на входе» знание подвержено подобному влиянию, то «на выходе» оно непременно ещё более изменено существующим социальным порядком.

К сожалению, многие исследователи, например, И. А. Сыкалов [13], отмечают, что степень методологической разработанности в исследованиях общей учебной социологической литературы на предмет содержания и интерпретации накопленного социологической наукой знания является недостаточной. Основными барьерами на пути разработки методологической базы, языка описания и пр. при подобных исследованиях являются с одной стороны отсутствие технического аппарата для проведения данных исследований, с другой — этическая неоднозначность данных исследований. Например, в первом случае речь идёт об отсутствии русскоязычных программ, по функциональным характеристикам схожими с ProSpero, во втором — с этикой научного социологического сообщества; ведь, если в ходе исследования выяснится, что авторы при написании данных учебников подверглись влиянию экономических, политических и прочих факторов, то научная объективность учёного, написавшего этот учебник, будет поставлена под сомнение.

Таким образом, цель данной статьи проанализировать два потенциально наиболее продуктивных, на наш взгляд, теоретических подхода при исследовании учебной социологической литературы: герменевтику и социологию знания.

Основатель герменевтики, в её современном понимании, Ф. Шлейермахер исходил из интуиции, унаследованной от романтической традиции, согласно которой понимание и интерпретация текста возможны лишь благодаря психологической редукции личности автора, с последующей объективацией смысла [15]. Определяя предмет герменевтической науки как тексты, являющиеся культурными памятниками, учёный выделяет два необходимых пласта герменевтического анализа: первый, как мы уже говорили, психологический, который направлен на реконструкцию исторической личности автора, второй — грамматический. Разумеется, психологическая интерпретация представляется весьма сложной и вряд ли выполнимой, однако нам интересен сам ход размышления учёного. По мнению Шлейермахера, автор, погруженный в конкретную культуру или исторический период, обладает некоторым комплексом предпонятий, которые непроблематичны для данной культуры. Таким образом, интерпретатор, реконструируя исторические особенности периода и психологию автора текста, будет более объективен в своей интерпретации, если ему удастся понять эти самые непроблематичные «факты мышления».

Понятие герменевтического круга у учёного также отличается от средневековых теологов. Учёный вводит два вида этого круга: первый, когда

часть текста соотносится с целым, и мы выясняем смысл целого относительно его частей; второй, когда текст рассматривается как часть культуры, а культура рассматривается как целое [16]. Именно на втором виде следует остановиться подробнее, т. к. она наиболее интересна для социологического анализа текстов. Второй вид круга связан с внешними и внутренними детерминациями автора (будь то психология автора, различные социальные институты, социальные, экономические, политические детерминации того времени и т. п.).

Однако психологизм учёного, конечно, вряд ли возможно применить при исследованиях в рамках психологической науки. Именно по этой причине мы также не будем рассматривать герменевтику В. Дильтея [7], который определял цель герменевтики как «вчувствование» в текст.

Вместо этого мы остановимся на герменевтических проектах непосредственно применимых в методологии социологической науки.

П. Рикёр творчески переработав М. Вебера и определяя социальное действие как действие, направленное на других и понятное другим, предлагает заменить слово «понятное» — «прочитанным». «Макс Вебер, — пишет Рикер, — определяет предмет своего исследования как понятное по смыслу поведение людей. Можем ли мы заменить определение «понятное по смыслу» на «прочитываемое»?» [8, С97]. И именно этот теоретический ход позволяет ввести П. Рикёру герменевтику в фокус социологической науки. Таким образом, мы имеем дело с «герменевтикой действия». Понимая под текстом материально зафиксированную форму дискурса, учёный отмечает, что дискурс, превращенный в текст, теряет свои атрибутивные свойства: во-первых, теряет смысл темпоральности, во-вторых, экстериоризация дискурса приводит к дистанцированию от производящего субъекта, в третьих, текст утрачивает причастность к ситуации «здесь и сейчас». Данные тезисы направлены, в первую очередь, на критику феноменологической традиции герменевтики в лице Э. Гуссерля [5] и М. Хайдегера [12]. Социология, имеющая дело с человеческими поступками, не может игнорировать смыслы, которые люди вкладывают в свои действия и которыми их наделяют окружающие. Приемы истолкования, рассматриваемые в таком ключе, позволяют избежать ограниченности дихотомии «объяснение и понимание». Здесь в процедурах интерпретации может быть реализован принцип Рикера: «больше объяснять, чтобы лучше понимать».

Существует и альтернативные в социологии герменевтические проекты. Ю. Хабермас [11] предлагает исследовать «живую речь», то есть ситуацию непосредственного говорения, дискурс. Здесь учёный предстаёт как последовательный представитель Франкфуртской школы, предлагая исследовать в первую очередь коммуникативное действие, т. е. действие,

приводящее к согласию. Кроме того, рассматривая язык как некоторое «сверх-установление», учёный тут же отмечает, что сама практика использования языка не является нормативной. Вследствие этого, уже сам язык может содержать некоторые допущения, предпоятия и т. п., который суть инструменты власти и господства. Подобная герменевтика, таким образом, есть критическая герменевтика языка.

Есть ещё значительное количество герменевтических проектов в социологии, например, К. О. Майвальда [17], упомянутого нами Э. Гидденса [1] и даже Т. Парсонса [18]. Однако мы остановимся на проекте П. Рикёра как на основополагающем проекте при исследовании социологической учебной литературы.

Написание учебной социологической литературы, особенно по общей социологии, представляет собой крайне трудоёмкий и неоднозначный процесс. С одной стороны, социология, будучи кентаврической наукой, вмещает в себя пласт знаний, накопленный в психологии, культурологии, философии, религиоведении, менеджменте, экономике, политологии и т. п., что делает невозможным, в рамках одного учебника, осветить все подходы, направления, школы, проблемные области и др. С другой стороны, сама социологическая наука — не однородна и включает в себя почти полтора века истории развития дисциплины, что обуславливает различные точки зрения на объект науки, предмет, цели, задачи и т. п. Кроме того, следует особенно подчеркнуть, что у социологии нет каких бы то ни было априорных или конвенциональных допущений, что также затрудняет отбор материала. Также следует заметить, что учебник по общей социологии не есть учебник по истории социологии, а стало быть раскрываемые в учебнике темы должны носить скорее разъясняющий, проблематичный и утвердительный характер.

В этих условиях наиболее интересно проанализировать то, как и почему исследователи включают в учебники одни разделы, главы и параграфы и игнорируют другие. Например, в известном учебнике П. Сорокина «Общедоступный учебник по социологии» [10] учёный отводит 2/5 учебника биологическим интерпретациям социального, а 1/5 революции как объекту социологического анализа, в то время, как Э. Гидденс отводит биологизаторским концепциям только 1/20 часть своего учебника, а революцию и вовсе не рассматривает [3]. Логичной здесь кажется гипотеза о внешних детерминациях авторов учебников. А если это так, то учебники следует рассматривать как часть культуры.

П. Рикёр предлагает «новую парадигму» в методологии социальных наук, основанных на методе «вопросания». Другими словами, к тексту, как к части культуры, задаются вопросы, связанные с характером его написания, культурными и социальными детерминантами, быть может,

этосом сообщества, к которому принадлежит автор и т. п. Учёный предлагает следующую схему анализа феномена, запечатлённого в тексте, включающую в себя три стадии:

1) Предварительная стадия исследования, смыслом которого является описание наиболее характерных аспектов феномена, где особое внимание отдаётся интенции авторов текста

2) Описание актов сознания (в нашем случае описание непосредственного содержания текста)

3) Заключительная стадия — стадия онтологического описания предполагает описание статуса знания в тексте в общей онтологической структуре (в нашем случае в структуре научного социологического знания и в научном дискурсе в целом)

Огромное значение здесь придаётся т. н. предпонятиям. С одной стороны, предпонятиями обладает автор написания текстов, с другой — интерпретатор. Поэтому, по мнению учёного, интерпретатору необходимо постараться сразу заявить, с предпонятиями какого рода он подошел к анализу текста. Это позиция относительно предпонятий близка к позиции Дж. Клифорда, утверждающего, что при этнографическом описании необходимо, по возможности, указывать нарративы какого рода инкорпорированы в сознание и автора как учёного [6].

Таким образом, если операционализировать общетеоретические предложения Рикёра относительно нашей проблематики, возможно предложить следующую программу исследования:

На первой стадии социологического герменевтического исследования необходимо раскрыть содержание следующих аспектов: цель написания, год написания, задачи, поставленные в тексте, предлагаемые решения, афиляция автора (этот аспект наиболее важен, т. к. на заключительной стадии анализа мы сможем попытаться реконструировать этос различных научных сообществ не путём их анкетирования, как это делал, например, М. Соколов [9], а путём анализа текстов), заказ перевода и др.

На второй стадии предлагается исследовать содержание знания, представленного в текстах, путём определения следующих аспектов: господствующая парадигма, критическое рассмотрение материала, соотношение теории и эмпирических примеров, перечень тем, характер оценочных суждений, выбранные персоналии и др.

На третьей стадии предлагается встраивание изученного содержания смысла в современный автору социальный и культурный порядки с целью определения внешних детерминаций. Третья стадия представляется наиболее сложной и трудоёмкой. Здесь необходимо проследить влияние внешних референций, например, таких как: интеллектуальная традиция конкретной школы или институции, к которой принадлежит

автор, характер проблематизации социального порядка, присущей конкретному научному сообществу (или же вовсе отказ от проблематизации), выявление характерных особенностей и факторов, влияющих на характер теоретизирования, а, следовательно, и составления учебников и т. п.

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное, следует отметить, что герменевтические проекты в социологии имеют длительную историю. Однако переход от общетеоретических положений до конкретных методических приёмов представляется нам ещё малоизученной областью. В данной статье была представлена попытка такого перехода.

Список источников

1. Баньковская С. П. Теоретическая социология : Антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2.
2. Гефдинг Г. Философия религии. СПб. : Общественная польза, 1912.
3. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл ; пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2005.
4. Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005.
5. Гуссерль Э. Логические исследования : Прологомены к чистой логике. СПб., 1909. Ч. 1.
6. Клиффорд Дж. Об этнографической аллегории // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3. С. 94—125.
7. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.
8. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук. М. : АО «КАМІ» : Изд. центр Academia, 1995.
9. Соколов М. Величие классиков : Скромная попытка преодолеть пропасть между институциональными и интеллектуальными объяснениями // Мониторинг общественного мнения. 2007. Том 84(4). С. 144—164.
10. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М. : Наука, 1994.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, 2006.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Республика, 1993.
13. Сыкалов И. А. Степень и характер представленности методологической проблематики в учебной социологической литературе. URL: <http://www.km.ru/referats/335973-stepen-i-kharakter-predstavlenosti-metodologicheskoi-problematiki-v-uchebnoi-sotsiologicheskoi>, время доступа: 30.01.2017.

14. Anthony Giddens. *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies* / Second Edition: Polity Press, 1993.
15. Ueber den Unterschied zwischen Naturgesetz und Sittengesetz» (1825);
16. Schleiermacher Fr., *Werke. Auswahl in vier Bänden. Bd. 4., 1911.*
17. Maiwald K.-O. Competence and Praxis: Sequential Analysis in German Sociology. *Forum: Qualitative Social Research*. 2005. Vol. 6. No. 3. Art. 31 URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/viewArticle/21/45>.
18. Talcott Parsons, «comment on 'Parsons as a symbolic interactionist' by Jonathan Turner. *Sociological Inquiry*. Vol.45. No.1. 1975. P. 62—65.

Н. А. Романович

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ЕГО ОСНОВАНИЙ

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал), г. Воронеж, Россия; nelly@qualitas.ru

Аннотация. Феномен социального оптимизма и его функции неоднократно привлекали внимание исследователей из различных научных сфер: философии, психологии, социологии, педагогики, истории. В целом социальный оптимизм характеризуется положительным восприятием действительности и уверенностью в возможности улучшения жизни. Как говорится, уверенностью в завтрашнем дне. Казалось бы, его основания должны иметь экономический базис. Социальное и экономическое благоденствие, а также политическая стабильность должны были бы способствовать росту социального оптимизма, а отсутствие стабильности и кризисные явления — провоцировать его снижение. Но последние социологические исследования, проведенные в городе Воронеже Институтом общественного мнения «Квалитас», свидетельствуют об обратном — росте социального оптимизма, несмотря на политико-экономический кризис. Автор предполагает, что реальным основанием для социального оптимизма может служить не экономическая, а идеологическая подоплека, а именно, вера в то, что страна шествует «правильным путем». Эта вера помогает переносить трудности материального характера, а на политический кризис реагирует не депрессией, а сплачиванием народа вокруг собственной власти, на которую и возложена обязанность вести страну «верным путем». Исследования показывают необычайный рост упомянутой веры в настоящее время.

Ключевые слова: социальный оптимизм, социальный прогноз, социологический опрос, правильный путь

К феномену социального оптимизма ученые обращались неоднократно. В частности, в трудах Канта есть работа: «Опыт некоторых рассуждений магистра Иммануила Канта об оптимизме с одновременным оповещением о его лекциях на предстоящее полугодие» [1].

Среди зарубежных авторов можно упомянуть тех, кто проявил интерес к этой теме, исследуя надежды и чаяния электората в современном обществе, а именно, таких ученых, как М. Зелигман, К. Маннгейм, Т. Парсонс,

К. Кенстоун и др. Социальный философ Шарифат Боташева отмечает в своей работе, что оптимизм не пассивен, а выполняет различные социальные функции, в частности, побуждение к деятельности, формирования и регулирования, конструирования и творчества, познания и оценки. По мнению ученого, *социальный оптимизм* как мотивация представляет собой «единый механизм, основанный на синтезе, композиции когнитивных, аффектных, волевых психических процессов, способный осуществлять непрерывное взаимодействие с постоянно меняющимся *социальным* контекстом, детерминирующим поведение человека» [2, С. 53]. Иначе говоря, можно согласиться с мнением французского историка Франсуа Гизо: «Мир принадлежит оптимистам, пессимисты — всего лишь зрители».

Социальный оптимизм современные словари определяют как духовное состояние людей, характеризующееся положительным восприятием действительности и уверенностью в возможностях улучшения жизни [3].

При проведении социологических опросов сами граждане зачастую определяют оптимизм как уверенность всего общества и каждого его члена в сегодняшнем и завтрашнем дне; веру в будущее своего народа и т. п. Опросы, результаты которых здесь представлены, проводятся ИОМ «Квалитас» ежемесячно, выборка репрезентативна для жителей города Воронежа старше 18 лет по полу, возрасту и образованию, размер выборки колеблется от 600 до 1000 человек [4].

Данные социологических исследований сегодня свидетельствуют о том, что наступило время оптимизма, который вроде бы не имеет очевидных оснований. Это социально-психологический феномен, который сам по себе удивительно интересен и заслуживает тщательного изучения.

Для измерения социального оптимизма Институт общественного мнения «Квалитас» в декабре 2016 года обратился к воронежцам с вопросом: **«Как Вы полагаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий?»**. Были получены ответы: лучше — 56 %, хуже — 16 %, таким же — 19 %, затрудняюсь ответить — 9 %.

Как видим, в социальном прогнозе уверенно превалирует надежда на лучшее будущее (**56 %**), в три с половиной раза превышая негативные ожидания (**16 %**). Оптимистичнее всего настроены молодые и богатые люди. Не ожидают каких-либо изменений для России в наступающем году только **19 %** жителей города.

Если сравнить социальные прогнозы, то можно заметить, что вот уже восьмой год подряд начиная с 2009 г. позитивные прогнозы по поводу следующего для России года держат верх над негативными (см. рис. 1).

Рис. 1. Как Вы полагаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий?

По отношению к прошлому замеру (2015 г.) позитивные оценки выросли с **40%** до **56%**, а негативные сократились с **24%** до **16%**. Иными словами, ожидания населения на 2017 год весьма позитивны. Пожалуй, за все время измерения (около двадцати лет) никогда не было такого оптимистического прогноза на наступающий год, какой получил приходивший 2017 г.

При сравнении социальных прогнозов на предстоящий год и оценок по итогам уходящего года, также убеждаемся, что прогнозы обычно позитивнее итоговой оценки (таблица 2). То есть ожидания населения, что в наступающем году страна будет жить лучше, как правило, не оправдываются. Но большая часть населения упрямо надеется, что в следующем году ситуация изменится к лучшему. Неоправданные ожидания не уменьшают

Судя по сопоставлению социальных прогнозов и итогов прошедших лет, самыми счастливыми для страны годами были 2011—2013 гг. Позитивные оценки их итогов превалировали над негативными. А самым плохим годом для страны за рассматриваемый период был 2015 год — тогда негативные оценки более чем в два раза превышали позитивные (48/21). По итогам 2016 года разрыв между отрицательными и положительными оценками несколько сократился: 36/21.

Выходит, что социальный прогноз, как правило, в последние годы исполнен оптимизма. Только два раза оптимизм уступал пессимизму: в 2004 и 2008 годах. Сегодня трудно сказать, что послужило причиной этого. Если пессимизм 2008 года можно связать с мировым экономическим кризисом, то в 2004 году выпуклых кризисных явлений не было, но зато были выборы Президента РФ, как впрочем, и в 2008 году. Напрашивается вывод — связать тревожные ожидания со сменой в стране президента, и, возможно, этот вывод наиболее близок к истине, так

как прогноз на 2012 год был наименее оптимистичный за последние пять лет (38/20). Значит, уровень социального оптимизма снижается, а пессимизма повышается, если стране предстоит смена власти.

В итогах года позитивные оценки обыкновенно ниже, чем в прогнозе. Фактически всегда позитивные ожидания части населения не оправдываются. Но неоправданные ожидания вовсе не уменьшают социального оптимизма и завышенных ожиданий от следующего года. Самый высокий уровень оптимистических ожиданий за последние 16 лет связан с наступившим 2017 годом.

Озадачивает тот факт, что не обнаружено непосредственной связи между экономической ситуацией в стране и социальным оптимизмом. Нынешнюю экономическую ситуацию нельзя назвать благоприятной, кроме того, налицо политический кризис, тем не менее, социальный оптимизм необычайно высок. На чем он зиждется, в чем его причины?

Вера в правильности выбранного пути, пожалуй, даже более веское основание для оптимизма, чем экономика. Верят ли воронежцы, что страна «шагает» верным путем?

Оказывается, да. Большинство воронежцев разделяет убеждение, что выбранный страной путь в принципе верен, хотя улучшения пока не видно (**59%**). Это означает, что население готово терпеть встречающиеся трудности. В том, что трудности будут, мало кто сомневается, поскольку только **7%** населения считают, что самое трудное уже позади. На рис. 2 продемонстрирована динамика ответов воронежцев на этот вопрос, начиная с 1999 года [5].

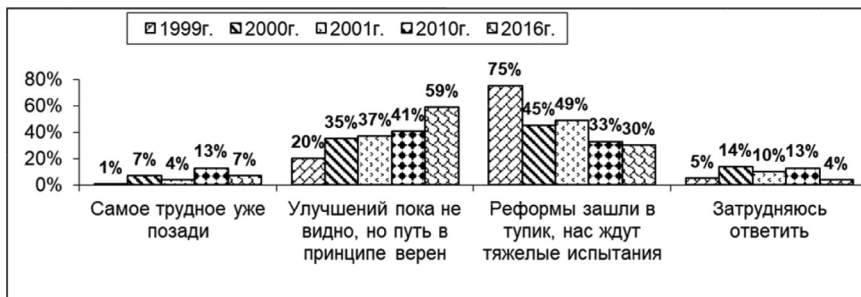

Рис. 2. Какое мнение о положении дел в стране представляется Вам наиболее верным?

Обращает на себя внимание, что за семнадцать последних лет число убежденных в верности выбранного страной пути увеличилось с **20%** до **59%**. А количество горожан, подозревающих, что реформы зашли в тупик, и ожидающих тяжелых испытаний, сократилось с **75%** до **30%**.

Иными словами, сегодня, как никогда ранее с начала века, крепка вера населения в то, что Россия движется в верном направлении.

Само же понятие «правильного пути» относится к идеологической сфере, зависит от социально-культурных факторов и имеет своим основанием «багаж» определенных ценностей, которые трансцендентны (по Парсонсу) по отношению к материальной сфере. Власть при этом рассматривается как проводник, который должен вести общество по «правильному пути». Если власть «сбивается с пути», она теряет свою легитимность. Учитывая то обстоятельство, что именно «доминирующая в массовом сознании модель образа власти предопределяет вектор общественных изменений» [6, С. 396], как доказывают научные исследования, то в ближайшее время нам предстоит пойти по тому пути, который большинством народа признан «правильным» и вызывает существенный рост социального оптимизма.

Список источников

1. Кант И. Опыт некоторых исследований об оптимизме : соч. в 6 т. М., 1963—1966.
2. Боташева Ш. Х. Социальный оптимизм и пессимизм как философская антропология. М., 2001.
3. Национальная педагогическая энциклопедия. URL: <http://didacts.ru/termin/socialnyi-optimizm.html> (дата обращения 18.12.2016).
4. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н. А. Романович. Воронеж : ИОМ «Квалитас», 2016. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/December> (дата обращения 21.12.2016).
5. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н. А. Романович. Воронеж : ИОМ «Квалитас», 2016. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/July> (дата обращения 03.02.2017).
6. Романович Н. А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2009.

К. Б. Джгамадзе

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СТРАНЫ СОГЛАСНО СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН)

ДЖГАМАДЗЕ Кристина Бадровна — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; di-an-a@yandex.ru

Аннотация. Тезисы содержат часть результатов политико-психологического исследования образа России в сознании ее граждан, связанные с особенностями субъективной оценки страны на осознаваемом уровне восприятия. В качестве инструментария исследования использовался метод семантического дифференциала с выделением субъектных показателей оценки страны. В качестве показателей автором были зафиксированы: «привлекательность страны», «сила страны», «стабильность страны», «авторитет страны» и «активность страны». Наиболее сильными показателями являются первые три — привлекательность, сила и стабильность, доминирующие при формировании образа страны в сознании российских граждан. Для каждого показателя существует своя формула, благодаря которой возможно изменение образа будущего страны в сознании россиянина. Для привлекательности страны необходимы социальная справедливость и перспективы в будущем; для силы страны — национальное единство и безопасность; для стабильности страны — материальное благополучие; для авторитета страны — международное влияние; и наконец, для активности страны нужны открытые коммуникации и развитие.

Ключевые слова: образ страны, образ будущего, семантический дифференциал, российское общество

В рамках исследования образа России в сознании ее граждан мы рассматривали особенности оценки страны на осознаваемом уровне восприятия с помощью метода семантического дифференциала. Выборка исследования составила 340 глубинных интервью в Центральном, Южном и Приволжском федеральных округах России. Для страны в целом исследование не было репрезентативно, однако, выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

В качестве методологической основы были взяты труды В. Ф. Петренко и О. В. Митиной, которые подробно описали методы экспериментальной

психосемантики¹. Согласно позиции ученых, семантические пространства выступают операциональными моделями категориальных структур сознания и дают синхронический срез в понимании сознания. Метод семантического дифференциала позволяет применить различные формы анализа по отношению к исследуемому объекту².

Процедура семантического дифференциала состояла в том, что респондентам предлагалась карточка с дихотомическими категориями, характеризующими страну. Перед испытуемыми стояла задача — прокалибровать все понятия в соответствии с собственными убеждениями от минус трех до трех, где «-3» — это самая негативная оценка, «0» — нейтральная оценка и «3» — самая позитивная оценка.

Полученная матрица расстояний шкал (см. таблицу № 1) подверглась факторному анализу с выделением факторных структур (показателей субъективной оценки образа России) в программе SPSS Statistic. Факторный анализ включал в себя³: анализ главных компонент, метод варимакса и ограничение рассматриваемых показателей пятью. Далее, показатели подлежали интерпретации с присвоением каждому из них названия — «привлекательность», «сила», «стабильность», «авторитет» и «активность».

Таблица 1. Матрица расстояний шкал. Категориальная оценка интервьюированных россиян своей страны

Категории	-3	-2	-1	0	1	2	3	Категории
	%							
Слабая	3,5	3,1	3,1	4,4	14,0	26,3	45,6	Сильная
Неблагополучная	3,4	8,6	11,6	12,9	30,6	25,4	7,3	Благополучная
Закрытая	3,0	4,8	6,5	13,0	21,7	25,7	25,2	Открытая
Отсталая	4,7	7,3	10,8	11,6	29,3	25,0	11,2	Развитая
Тревожная	7,4	10,0	14,7	14,7	23,8	17,3	12,1	Спокойная
Распадающаяся	3,0	2,2	3,0	14,7	19,4	25,4	32,3	Единая
Зависимая	5,2	5,2	4,8	6,5	14,3	24,7	39,4	Независимая

¹ Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. № 3. С. 27—40.

² См. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 480 с.

³ См. главу 19: Бююль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб. : ДиаСофтЮп, 2005. 608 с.

Категории	-3	-2	-1	0	1	2	3	Категории
	%							
Разобщенная	4,7	3,4	5,2	11,6	22,0	28,0	25,0	Сплоченная
Опасная	3,0	9,1	12,9	15,5	22,8	22,0	14,7	Безопасная
Бедная	5,2	9,9	11,6	15,1	18,1	20,7	19,4	Богатая
Несправедливая	14,2	7,8	16,8	14,7	16,4	15,9	14,2	Справедливая
Неуважаемая	3,5	3,0	6,9	10,8	17,7	29,4	28,6	Уважаемая
Враждебная	3,0	4,8	5,2	17,3	13,0	24,7	32,0	Дружественная
Невлиятельная	2,6	1,3	1,3	7,8	20,4	32,2	34,3	Влиятельная
Отталкивающая	2,6	3,0	5,6	20,3	18,6	26,8	22,9	Привлекательная
Ненадежная	6,0	5,6	6,9	18,1	19,0	22,0	22,4	Надежная
Неперспективная	5,7	2,6	3,1	11,0	15,8	25,0	36,8	Перспективная

Ведущий показатель «**привлекательность страны**» представлен 6 шкалами, причем по первым четырем шкалам этот показатель доминировал. Ниже приводятся шкалы, с указанием нагрузки каждой шкалы по этому показателю:

неперспективная-перспективная	0,770
отталкивающая-привлекательная	0,728
ненадежная-надежная	0,635
несправедливая-справедливая	0,585
бедная-богатая	0,486
неблагополучная-благополучная	0,458

Формула первого показателя: «*Привлекательность страны через будущие перспективы*». Это означает, что респонденты связывают привлекательность своей страны с образом-будущего, испытывая ожидания по поводу улучшения социальной защищенности и справедливости в российском обществе.

Вторым показателем стала «**сила страны**», в который вошли 5 шкал, причем в четырех из них этот показатель оказался доминирующим:

распадающаяся-единая	0,792
разобщенная-сплоченная	0,695
слабая-сильная	0,608
опасная-безопасная	0,556
зависимая-независимая	0,457

Формула второго показателя: «Сила страны через национальное единство». Интервьюированные россияне рисуют в своем сознании образ сильной страны через сплоченность, единение всей нации, видя в этом ресурс повышения общественной безопасности.

Третий показатель, представленный 6 шкалами, можно назвать «**стабильность страны**». Шкал, в которых этот показатель доминировал, оказалось четыре:

тревожная-спокойная	0,748
бедная-богатая	0,616
неблагополучная-благополучная	0,513
отсталая-развитая	0,487
опасная-безопасная	0,498
несправедливая-справедливая	0,457

Формула третьего показателя: «Стабильность страны через материальное благополучие». Устойчивость образа страны определяется материальной обеспеченностью ее граждан.

Четвертый выделенный показатель — «**авторитет страны**», который представлен 4 шкалами, с тремя доминирующими:

неуважаемая-уважаемая	0,783
невлиятельная-влиятельная	0,684
зависимая-независимая	0,536
отсталая-развитая	0,443

Формула четвертого показателя: «Авторитет страны через международное влияние». Здесь внимание интервьюированных россиян сосредоточено на внешнем образе страны — особенностях внешнеполитического восприятия государства, какое стратегическое положение оно занимает в мировом сообществе.

Пятый показатель, обозначенный как «**активность страны**», является самым слабым из представленных и включает в себя 4 шкалы, только две из которых доминируют:

закрытая-открытая	0,882
враждебная-дружественная	0,696
отсталая-развитая	0,471
неблагополучная-благополучная	0,417

Формула пятого показателя: «*Активность страны через открытую коммуникацию*». В семантическом пространстве респондентов увязаны открытость, дружелюбность, развитость и благополучие как признаки активного государства.

Факторный анализ нашего исследования подтвердил универсальность выделенных Ч. Осгудом параметров — «оценка/привлекательность», «сила» и «активность»¹. Также, были обнаружены показатели «авторитет» и «стабильность», которые можно использовать в будущих политико-психологических исследованиях образа страны. Наиболее сильными факторными структурами стали первые три показателя — «привлекательность», «сила» и «стабильность». Это означает, что при исследовании особенностей восприятия российскими гражданами какой-либо страны, ученый в первую очередь должен обратить внимание на показатели «привлекательность», «сила» и «стабильность».

Таким образом, метод семантического дифференциала позволил определить характер отношения опрашиваемых к исследуемому объекту, т. е. какой личностный смысл и аффективную окраску имеет образ страны в сознании респондентов.

Список источников

1. Бюль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб. : ДиаСофтЮп, 2005.
2. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005.
3. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Сер.16. 2015. № 3. С. 27—40.
4. Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. 1962. V. 17.

¹ Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. 1962. V.17.

М. Н. Яковлева

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ РОССИИ: ВВП ИЛИ ЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

ЯКОВЛЕВА Марина Николаевна — научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия; m-m-21-42@mail.ru

Аннотация. Движущая сила любой экономики — жизненные идеалы и цели людей, способы их достижения, представления о счастье и смысле жизни. На основе сравнительного анализа эмпирических данных по московскому региону за 8 лет выявлены противоречивые тенденции в российском социуме. С одной стороны, растут космополитические установки, прежде всего молодежи, которые способствуют росту эмигрантских настроений и отъезду из страны наиболее способных и талантливых молодых людей. С другой стороны, наблюдается рост патриотических настроений и готовность более половины россиян работать на благо страны, а не только не себя. Однако недостаточно цивилизованные каналы достижения успеха, недооцененность способностей и уровня образования являются препятствием для перехода на новый качественный уровень развития страны и ее экономики. В то же время устойчивая ориентация четверти россиян только на индивидуальный успех может иметь как отрицательное, так и положительное значение, но только при условии включенности их в цивилизованные социально-трудовые отношения. Именно здесь сегодня просматриваются наибольшие проблемы для будущего цивилизованного развития России.

Ключевые слова: цели, межпоколенческие различия, социально-трудовые отношения, идентичность, интересы, патриотизм, индивидуализм, космополитизм

Перспективы развития общества и страны в целом, включают такие понятия как устойчивость и стабильность, в перспективе — процветание. Движение в этом направлении невозможно без выработки адекватных управленческих решений, которые не могут сводиться только к разработке стратегий сугубо экономического развития (рост ВВП, повышение уровня жизни населения и т. п.), не затрагивая вопросов развития социальных процессов. Именно люди, их **жизненные идеалы и цели, способы их достижения, представления о счастье и смысле жизни и т. п.**, являются движущей силой развития любой

экономики от состояния деградации и стагнации до мобилизационного прорыва.

С этой точки зрения важен ответ на вопрос, какие формы человеческой активности, типы взаимодействия между людьми могут способствовать, а какие препятствовать цивилизованному развитию России в перспективе? Как люди понимают главные цели своей деятельности? Ответы на эти вопросы могут прояснить понимание стихийно действующих факторов и вероятностного характера социальных процессов.

Для ответов на поставленные вопросы мы использовали методики сравнительного анализа по данным эмпирических исследований по московскому региону 2008 и 2016 г. г.¹ Если исследование 2008 г. отражало ситуацию стабильности, то к 2016 г. она заметно изменилась. Как реагирует социум на произошедшие перемены?

Наши данные фиксируют наличие противоположных тенденций в российском социуме: от крайнего индивидуализма с космополитическими установками до патриотических настроений. Эти тенденции обусловлены как социально-политическими и экономическими событиями, так и межпоколенческими различиями.

Межпоколенческие различия начинают играть все большую роль в современной России, поскольку постепенно на смену старшим поколениям с советским опытом жизни приходит молодежь, не имеющая такого опыта. Эти различия отчетливо проявляются в изменениях гражданской идентичности россиян. Советская идентичность характерна для представителей старших поколений. За 8 лет ее доля снизилась почти в 2 раза (до 8,6%). Причем среди молодежи до 30 лет сейчас таких нет вообще. Однако постепенный уход советской идентичности не означает автоматического роста российской, которая фактически не становится более распространенной (68% в 2008 г. и 63% в 2016 г.). Наоборот, все больше россиян стали идентифицировать себя как граждан мира — 19% (6% в 2008 г.), в меньшей степени как европейцев — 6,6% (2,9%). Причем наибольший рост космополитических идентичностей прослеживается у поколения нынешних тридцатилетних: гражданами мира считают себя сейчас 29% (10%), а европейцами — 6,5% (0%). В целом же рост космополитических установок (граждан без отечества) характерен для поколений до 50 лет.

Возникает вопрос, а в чьих интересах в этом случае готовы работать современные россияне: только в своих личных, и в этом случае отечество для них там, где лучше условия жизни, или их заботят и интересы родной страны.

¹ Автор методики исследований — д. соц. н. А. А. Возьмитель. Эмпирический объект исследования — взрослое (от 18 лет и старше) население Москвы и Московской области. Объем выборки в 2008 г. — 253 человека (Москва и Московская область), в 2016 г. — 640 человек (Москва).

С одной стороны, наши данные фиксируют устойчивую в количественном отношении (около 25 %) на протяжении времени группу индивидуалистов, готовых работать только на себя.

С другой стороны политические события последних лет привели к росту патриотических настроений в обществе. В результате в 1,5 раза (до 56 %) выросла доля тех, кто считает, что «надо работать на благо страны, а не только на себя». Этот рост связан с тем, что сделали свой выбор в пользу патриотизма те, кто не имел до этого четкой позиции (доля не определившихся снизилась почти в 2 раза с 30 % до 17 %). И хотя эту установку традиционно чаще разделяют представители старших поколений, рост патриотических настроений в равной мере характерен для всех возрастных групп.

Однако патриотические настроения могут проявляться по-разному: от готовности «затянуть пояса» во имя высоких идеалов до установки «процветание каждого есть условие процветания всех». Судя по нашим данным российский социум движется в сторону второго варианта. Если в 2008 г. подавляющее большинство (82 %) не разделяло установку на достижение личного богатства любой ценой, то в 2016 г. их доля снизилась уже до 58 %. Эта тенденция характерна для всех возрастных групп. Но при этом в 2 раза (до 28 %) выросла доля не определившихся, и больше за счет старшей возрастной группы от 50 лет, а доля сознательно ориентирующихся на богатство увеличилась до 13,8 % (с 3,2 % в 2008 г.) больше за счет поколений до 50 лет.

Но какие способы достижения материального благополучия россияне считают наиболее эффективными в современной России? В такой постановке вопроса необходимо обратить внимание на характер цивилизованности социально-трудовых отношений. Если в основе успеха лежит трудолюбие, способности, образование (характеристики цивилизованности), то добываясь личного материального успеха, люди способствуют развитию экономики и страны в целом. Если же — нецивилизованные (связи с нужными людьми, деньги, приспособленчество, нарушения закона), то сумма индивидуальных богатств не означает движение страны (ее экономики) в направлении цивилизованности. Рост ВВП обеспечить в этом случае можно, а вот перейти на новый качественный уровень развития вряд ли.

Как видно из таблицы 1 сегодняшнюю Россию характеризуют недостаточно цивилизованные каналы достижения успеха.

Несмотря на то, что первое место стабильно занимает трудолюбие и добросовестное отношение к делу, устойчиво лидируют в основном средства достижения успеха и благополучия в жизни нецивилизованного характера (деньги, связи с нужными людьми, умение приспособиться),

несколько потеснив за 8 лет роль образования. Эта ситуация отражает современную ситуацию в социально-трудовых отношениях, когда стратегия «приспосабливайся и вкалывай» россиянам представляется несколько эффективнее, чем «твори и созидай».

Таблица 1. **Ответы на вопрос: «Что важно, а что не важно для достижения успеха, благополучия в жизни?» (Очень важно + важно) (в % к числу ответивших)**

	2008 г.	%	Вес группы	2016 г.	%	Вес группы
1	Трудолюбие, добросовестное отношение к труду	87,9	87	Трудолюбие, добросовестное отношение к труду	84,4	83
	Образование	87,6		Связи с «нужными» людьми	83,6	
	Деньги	87,4		Деньги	82,8	
	Связи с «нужными» людьми	83,9		Умение приспособиться	82,2	
2	Способности, талант	80,9	80	Способности, талант	79,5	78
	Умение приспособиться	78,6		Образование	76,7	
3	Забота прежде всего о себе	70,9	67	Честность, принципиальность	58,4	57
	Честность, принципиальность	66,1		Отзывчивость, чуткость к другим людям	57,3	
	Отзывчивость, чуткость к другим людям	64,6		Забота прежде всего о себе	55,8	
4	Умение переступить: закон, мораль, нравственные ограничители и т. п.	24,5	24	Умение переступить: закон, мораль, нравственные ограничители и т. п.	22,2	22

Также мы видим некоторое снижение роли этической рефлексии в представлениях респондентов о способах достижения успеха (3-я группа).

Из этого следует, что пока не наблюдается положительных изменений в сторону более цивилизованных социально-трудовых отношений.

Выводы. Движущая сила развития страны — ее граждане, их труд, в основе которого лежат жизненные идеалы и цели, а также способы их достижения. В российском социуме наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, растут космополитические установки, прежде всего молодежи, которые способствуют росту эмигрантских настроений и отъезду из страны наиболее способных и талантливых молодых людей.

С другой стороны, наблюдается рост патриотических настроений и готовность более половины россиян работать на благо страны, а не только не себя. Однако недостаточно цивилизованные каналы достижения успеха, недооцененность способностей и уровня образования являются препятствием для перехода на новый качественный уровень развития страны и ее экономики. В то же время устойчивая ориентация четверти россиян только на индивидуальный успех может иметь как отрицательное, так и положительное значение, но только при условии включенности их в цивилизованные социально-трудовые отношения. А именно здесь сегодня просматриваются наибольшие проблемы.

Э.З. Галимуллин [E. Galimullin]

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «УСПЕШНОСТЬ РАЗВИТИЯ» В КОНТЕКСТЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ МИРОВЫХ РЕЙТИНГОВ

ГАЛИМУЛЛИН Эдуард Зульфатович — студент, магистрант II курса, кафедры Политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; edmsk11@gmail.com

Аннотация. Целью статьи — доказать необходимость проведения процесса операционализации понятия «успешность развития», продиктованное существованием в мире глобальных рейтингов развития, показатели которых в большей степени не являются универсальными и, как следствие, не позволяют объективным образом оценить уровень развития того или иного государства. Своей задачей автор считает определение методов и способов проведения операционализации, то есть выработки и принятия в качестве критериев оценки государственного управления и развития страны в целом определенной системы показателей и индексов, а также установление предпочтительного порядка действия для осуществления данного процесса. В результате проведенной работы автором была выработана доказательная база для необходимости проведения операционализации успешного развития для каждой из стран мира, в особенности для России, исходя из которой (базы), данная необходимость им обоснована корреляцией между существованием установленных критериев оценки успешности страны и ее успешным развитием.

Ключевые слова: успешность развития, операционализация, рейтинги, универсальность, государственной управление

Само слово «успешность», как известно, традиционно воспринимается в исключительно положительном смысле, являясь производным от слова «успех». Успешная женщина, успешный бизнесмен, успешное государство и т.д. Но есть ли какое-либо универсальное представление об успехе? Или, переформулировав вопрос, является ли западное понимание феномена успеха универсальным и не имеющим оппонированных ему иных представлений? Основываясь на росте, либо стабильности каких показателей и величин мы должны судить о некоей степени «успешности» (в дальнейшем будет употребляться без кавычек) государственного управления?

Преуспевание наций в экономической, социальной, политической и прочих сферах в последние десятилетия измеряется разнообразными

рейтингами: экономических и политических свобод, уровня развития демократии, восприятия коррупции и т. д. Здесь мы имеем дело с двумя сторонами проблемы — во-первых, действительно, рассуждая в рамках «Realpolitik» разумно предположить, что США и европейским странам выгодно использовать свое лидирующее положение в мире и, путем составления рейтингов, принятых многими странами за универсальные методы измерения успешности в развитии но, однако, изначально игнорирующих многие культурные и цивилизационно-исторические аспекты, утверждать год за годом свое лидерство и укреплять превосходство. С другой стороны, западные ценности и, соответственно, показатели развития доказали свою универсальность после победы США в противостоянии с Советским Союзом. Иначе говоря, Запад по праву победителя утверждает свои индексы успешности в качестве единых для всех, исходя из этих индексов, оценивает уровень развития остальных государств, разумеется, в контексте либеральной и демократической направленности. Но действительно ли эти рейтинги, а, соответственно и показатели, применяемые в них, универсальны?

Итак, какие же индексы успешности применяются в западных рейтингах? Это, безусловно, экономические показатели, такие как ВВП, ВНП, доход на душу населения, уровень инфляции, расходы на различные направления и сферы (образование, медицина, культура), и, например, количество людей, живущих менее чем на 1.90 доллара в сутки (extreme poverty line). К этим рейтингам вопросов обычно не возникает — они объективно отражают уровень промышленного развития государства, величину его экономической мощи и влияния. Претензии чаще всего высказываются в отношении так называемых «субъективных» или неэкономических рейтингов. Например, рейтинг уровня развития демократий, ежегодно составляемый журналом The Economist. На вершине рейтинга, вполне ожидаемо, располагаются западные страны. России отведено 134 место в группе так называемых авторитарных государств, по соседству с Египтом (133) и Катаром (135). В пример также можно привести рейтинг индексов человеческого капитала. Для нас очевиден тот факт, что универсализм в какой-то определенной мере необходим, но при составлении различных рейтингов должны учитываться, или, хотя бы, подразумеваться, специфические особенности государства.

Далеко не все страны, однако, принимают в расчет данные рейтинги при планировании государственной политики или принятии важных политических решений. Китай, например, уже давно дает понять, что претендует на статус второй сверхдержавы. ВВП Китая стремительно догоняет американский, и по этому показателю китайцы соответственно занимают второе место, а прочие многочисленные рейтинги, отводящие

Китаю менее высокие позиции, руководящая элита этой страны попросту игнорирует. Ведь если изменится баланс сил — изменится система, а за ней и ценности, исходя из которых формируется представление об успешности и отсутствии таковой.

Россия в этом смысле операционализацию успешности, по-видимому, для себя еще не провела, хотя в последние годы, благодаря четкой и твердой позиции руководства страны в реализации внешней политики очевидны значительные изменения. Мы уверены в том, что многие мировые рейтинги целенаправленно занижают роль нашего государства на мировой арене, но сокрушаемся при очередном низком показателе в каком-нибудь далеко не транспарентном по методике своего составления рейтинге «счастливых стран». Нет ничего зазорного в том, что страна, располагающаяся на огромной территории, тратит значительную часть бюджета на военные нужды. И сторонники сохранения государств в существующих территориальных границах должны «мимо ушей» пропускать заявления либералов о том, что эти деньги разумнее было бы потратить на нужды каких-либо иных отраслей. Размер выделяемых средств — это уже другой вопрос, но он однозначно должен превышать субсидии стран меньшего размера.

В России предпринимались и предпринимаются попытки определить список необходимых критериев и индексов, характеризующих успешность развития. Задачей государственных органов нашей страны, в этой связи, является проведение операционализации успешности, применительно к нашей стране, на высшем формальном уровне, и донесение соответствующей информации до общества посредством использования средств массовой информации. Не может не радовать, что работа в данном направлении уже осуществляется. К разработке стратегических концепций развития страны на официальном уровне должны привлекаться как можно больше экспертов, общественных деятелей и инициативных граждан. Должны проводиться опросы, социальные исследования, и, не исключено, референдумы, для определения ключевых пунктов развития государства. Затем, на основе выработанной, официально принятой и одобряемой обществом Стратегии, экспертами должны быть определены соответствующие задачам критерии и индексы, по которым в дальнейшем необходимо будет оценивать качество и успешность государственного управления.

Так, по нашему мнению, в мировых рейтингах, несмотря на их ангажированность, уже присутствуют индексы, позволяющие объективно оценить развитие той или иной страны в независимости от выбранной модели развития. Это экономические индексы, которые уже были упомянуты выше. Помимо этого, для определения степени влияния страны

на мировое сообщество полезно, например, знать, сколько людей в мире говорит на языке какого-то конкретного государства, фильмы производства каких стран бьют рекорды по кассовым сборам или выигрывают престижные кинопремии. Двигаться в направлении распространения «soft power» можно и нужно, не уделяя этому внимания невозможно будет научиться использовать «smart power» — один из основных элементов могущества сверхдержавы в современном глобальном мире.

Таким образом, проведя соответствующие рассуждения и продемонстрировав подтверждающую их информацию, мы пришли к выводу, согласно которому определение и выработка собственных индексов и критериев оценки деятельности органов государственной власти и управления, а также успешности страны в целом, основанных на детальном изучении особенностей, интересов и потребностей государства и общества, является важнейшим элементом Стратегии развития страны в контексте существующей системы глобальных (мировых) рейтингов.

Список источников

1. Poverty and shared prosperity 2016: Taking on inequality // World Bank Group. Cover design: Patricia Hord Graphik Design. 2016.
2. Democracy Index 2016: Revenge of the «deplorables» // A report by The Economist Intelligence Unit. 2016.
3. Human Development Report 2015: Work for Human Development // Published for the United Nations Development Programme (UNDP). 2015.
4. WORLD HAPPINESS REPORT 2016: VOLUME I / Edited by John Helliwell, Richard Layard and Jeffrey Sachs // Sustainable Development Solutions Network. 2016.
5. Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование // Материалы Всероссийской научной конференции, 21 октября 2011 г. М. : Научный эксперт, 2012.
6. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М. : Научный эксперт, 2012.
7. Summary by language size // SIL International Publications. URL: www.ethnologue.com/statistics/size.
8. Nye, Joseph S. The powers to lead // New York: Oxford University Press, 2008.

М. Н. Яковлева

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ: А МОЖЕТ ЛИ ОН РЕАЛИЗОВАТЬСЯ? ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

ЯКОВЛЕВА Марина Николаевна — научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия; m-m-21-42@mail.ru

Аннотация. Образ родной страны в массовом сознании — явление комплексное, отражающее как настоящее, так прошлое и будущее. Временной горизонт таких представлений связан с особенностями человеческой психики, которые позволяют представить себе только нечто относительно знакомое. В сравнительном эмпирическом исследовании оценивались представления россиян о будущем России через 10 лет. Сравнительный анализ данных за 2008 и 2016 гг. показал позитивные изменения образа России в массовом сознании как относительно сегодняшней ситуации, так и относительно будущего страны. Россияне стали оптимистичнее смотреть на положение России в мире, хотя в этой уверенности прослеживаются и определенные опасения, сможет ли страна удержать достигнутое. Представления о характеристиках государства, определяющих ситуацию внутри страны, также отражают положительную динамику. Наибольший оптимизм населения прослеживается относительно развития демократии в России. В целом динамика образа России в массовом сознании созвучна социокультурному коду россиян за исключением такого базового для них принципа жизнеустройства, как коллективизм. Вместо этого растет распространенность индивидуализма, что значительно превышает запросы населения.

Ключевые слова: образ России, массовое сознание, социокультурный код

Образ родной страны в массовом сознании — явление комплексное. На его формирование влияет целый комплекс разнообразных факторов, относящихся как к настоящему, так и к прошлому, и к будущему. В нем отражаются социокультурные характеристики россиян, те цивилизационные ценности, представления о базовых принципах жизнеустройства для данного социокультурного пространства, которые проносятся народом через века, и которые обладают достаточной (хотя и не безусловной) устойчивостью во времени.

Говоря об образе будущего страны на уровне массового сознания необходимо учитывать как временной горизонт таких представлений, так

и особенности человеческой психики, которые позволяют представить себе только нечто относительно знакомое. Горизонт планирования населения сегодня ограничивается одним годом. А периодически принимаемые государственные планы развития страны стабильно не выполняются. Что ждет Россию через 50 лет?... Кто знает...

Исходя из этого представляют интерес вопросы, а насколько совпадают и отличаются на уровне массового сознания образы России сегодняшней и России будущего? Насколько представления о будущем России, высказанные 8 лет назад, реализовались сегодня? Ответы на эти вопросы могут прояснить реальное направление развитие страны — насколько оно отвечает потребностям населения, и насколько эти потребности удовлетворяются.

Для ответов на поставленные вопросы мы использовали методику сравнительного анализа по данным эмпирических исследований по московскому региону 2008 и 2016 г. г., проведенные по единой опросной анкете.

В наших исследованиях мы просили респондентов оценить, насколько присущи те или иные характеристики государства России сегодняшней и России через 10 лет. Как показывают наши данные только незначительная часть характеристик на уровне массового сознания со временем практически не изменилась (или изменилась незначительно). Это касается как представлений о сегодняшней России, так и о ее будущем. К ним относятся представления о России, как стране слабой, деспотической, зависимой от других и основанной на коллективизме.

Положение России в мире

Представление о внешнем положении страны характеризуют такие параметры государства, как сильное / слабое и зависимое / независимое.

Как «зависимую от других» Россию сегодняшнюю стабильно оценивает порядка 40 % жителей московского региона. А Россию будущего — около 16%. Эти показатели за 8 лет не изменились. Несмотря на произошедшие за рассматриваемый период глобальные политические и экономические перемены оценки респондентов говорят о сохранении представлений о неустойчивости сегодняшнего положения России в мире. Разница же оценок «сегодняшних» и «будущих» свидетельствует о фактическом запросе населения на более самостоятельную политику страны в мире. И этот запрос со временем не меняется, что не удивительно, учитывая историческую память народа.

С другой стороны, произошедшие глобальные перемены отразились на оценках России как «независимой от других». Данные 2008 г. отражали значительный пессимизм населения по поводу положения России как

самостоятельного государства: только 25 % считали Россию независимой, а 35 % видели Россию такой через 10 лет. Очевидно, запрос на изменение геополитической политической и макроэкономической ситуации в пользу России был. И этот запрос фактически реализовался. В 2016 г. как «независимую от других» Россию сегодняшнюю оценивали уже 46 %, а Россию будущего — 47 %. Неудивительна с этой точки зрения массовая поддержка населением президента России В. В. Путина. Но вот совпадение оценок сегодняшних и будущего скорее всего говорит о том, что путей дальнейшего движения в этом направлении население пока не видит.

Что касается таких характеристик России, как «слабой» то здесь прослеживается близкая картина: очень медленное снижение пессимистических оценок России сегодняшней и сохранение запроса населения на кардинальное улучшение ситуации. Как «слабую» Россию сегодняшнюю охарактеризовали 36 % в 2008 г. и 30 % в 2016 г. (10—11 % — Россию будущего соответственно).

При этом впечатляет рост позитивных оценок по противоположному по смыслу параметру «сильное государство» с 19% до 54%. Однако в оценках будущего представления о «сильной» России хотя и выросли с 36% до 46%, но население, судя по данным, сомневается, что страна сможет удержать достигнутые позиции.

Ситуация внутри страны

Что касается параметров государства, влияющих на внутренне положение дел в стране, в оценках населения отчетливо прослеживается положительная динамика, несмотря на ухудшение его экономического положения в последние годы. Выросло восприятие России как правового государства — «сегодняшней» России с 19% до 46%, и России будущего — с 30% до 49% — при одновременном значительном снижении оценок криминального характера государства (с 71% до 32% — Россия сегодня).

Аналогичная ситуация прослеживается по безопасности России для своих граждан. Несколько медленнее улучшается в массовом сознании ситуация относительно помощи государства своим гражданам: рост с 14% до 37% оценок России «сегодняшней», и с 28% до 45% — России будущей. Значительно снизилась доля оценок сегодняшней России, как «обирающей своих граждан» — с 50% до 34%. Но в будущем видят эту характеристику стабильно не более 10% респондентов. Но эта оценка рискует войти в серьезное противоречие с социально-экономической политикой сегодняшнего правительства России.

По крайне важному для россиян параметру, касающемуся базовой социокультурной ценности справедливости, также прослеживается позитивная динамика: с 10% до 37% по России сегодняшней, и с 32%

до 47 % — России будущего. Но вот ощущение несправедливости сегодняшней России снижается заметно медленнее (с 53 % до 42 %), тогда как в будущем эту негативную характеристику видят не более 10 % респондентов.

Но сильнее всего изменились оценки населением характера демократичности России. Оценки России «сегодняшней» как «демократической» в массовом сознании выросли с 36 % до 69 %, а России будущего — с 35 % до 99,7 %! Если в 2008 г. можно было говорить об определенном пессимизме населения относительно демократии в России, то сегодня население в этом отношении чувствует себя намного лучше. Вероятно эта динамика отражает проснувшееся самосознание русского народа после «Крымской весны». Безальтернативное представление о будущей демократичной России созвучно социокультурному коду россиян — ценности свободы, понимаемой в нашей культуре как волю, т. е. возможность самому быть хозяином своей жизни. И хотя этот запрос постепенно удовлетворяется, но еще далек от желаемого состояния. Именно этот запрос прежде всего необходимо учитывать при выработке управленческих решений. Любой откат от движения в этом направлении население может воспринять негативно.

Противоположные же представления о России как о «деспотическом» государстве распространены мало (около 10 %), что судя по всему отражает реальность.

Однако несмотря на положительную динамику многих оценок принципы жизнеустройства в России развиваются в прямо противоположном социокультурному коду россиян направлении. Значительно растут оценки распространенности индивидуализма, как основе государственного устройства (с 55 % до 72 %), тогда как в будущем респонденты стабильно прогнозируют снижение на 30 % от текущих значений. Явно развитие идет не в ту сторону. Коллективизм же как основа жизнеустройства в современной России на уровне массового сознания практически не просматривается (менее 10 %). Но в 2016 г. россияне оценивают его рост в будущем в 2 раза.

Таким образом, динамика образа России в массовом сознании демонстрирует в целом позитивный тренд, но нуждается во внимании к отдельным направлениям, касающихся социокультурных (цивилизационных) особенностей россиян. Прежде всего это касается развития демократии в стране, укрепления принципов справедливости во внутренней политике государства, а также усиление коллективизма как принципа жизнеустройства, созвучных социокультурному коду россиян.

А. Ю. Егорова

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ БЮРОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЕГОРОВА Анастасия Юрьевна — студентка-магистр социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; Egorovaau94@rambler.ru

Аннотация. Если задать вопрос простому человеку из «массы» как рядовому носителю общественного мнения: «Бюрократия — хорошо это или плохо?» — вероятнее всего ответ будет однозначно отрицательным, а зачастую и спрашивать не приходится, жалобы на бюрократию и все, что с ней связано, являются обыденной частью коммуникации и темой для разговоров среди большинства групп населения. Совершенно не важно, какое из множества смыслов понятия подразумевается в тот, или иной момент, априори накладывается негативный оттенок, заложенный в восприятии практически каждого. Так и государственная бюрократия в России играла и положительную роль на определенных этапах нашей истории. Именно слаженная работа бюрократического аппарата позволяла решать сложные, масштабные задачи управления колоссальной державой, особенно явно это проявлялось в военной сфере. А бюрократия микроуровня (корпоративная бюрократия) является необходимым способом организации для крупных компаний: эффективное функционирование требует четко установленных и отлаженных формальных административных и производственных процедур. Именно бюрократия отвечает этому требованию, выстраивая строгую должностную и ролевую иерархию, систему правил, предписаний и стандартов, а также разделяя области функционирования и властный ресурс.

Ключевые слова: бюрократия, власть, восприятие, стереотипизация, общественное мнение

Отношение к бюрократии в России всегда было резко негативным, и причин тому найдется немало: от вполне объективных провалов функционирования бюрократии, до определенного массового стереотипного восприятия, которое формировалась столетиями. Характерное для России дистанцирование власти также сыграло немаловажную роль в формировании негативного отношения к бюрократии, ментальная установка противопоставления «человек-власть» на любом уровне, уже по умолчанию усваивается людьми в процессе социализации. Можно ли говорить

о стереотипизации понятия «бюрократия» в современном Российском обществе? «Стереотипизация — это восприятие, классификация и оценка объектов социальных (событий) путем распространения на него характеристик некоей группы социальной и прочего на основе определенных представлений — стереотипов социальных» [2]. Данное определение позволяет дать положительный ответ. В России слово «бюрократия» уже давно приобрело новый смысл, оторванный от оригинального варианта, оно означает некий собирательный образ неэффективности власти, или провалов функционирования сложных систем.

Если обратиться к современным печатным СМИ из политической, социальной, экономической, или бизнес областей, то можно заметить, что слово «бюрократия» встречается довольно часто, однако контекст употребления зачастую резко негативный. В подавляющем большинстве публикаций на соответствующую тему: «бюрократию необходимо устранить», «с бюрократией нужно бороться», «бюрократия препятствует», «бюрократия тормозит» и т. д. Интересно, что зачастую никакого конкретного содержания под понятием не подразумевается, это просто безличное собирательное негативное значение. Если кого-либо называют «бюрократом», то вероятнее всего, имеется в виду не должностное лицо, формально исполняющее свои обязанности, следуя букве инструкции закона, а напротив, некто, выполняющий свои обязанности непрофессионально и неэффективно. Общепринято в общественном сознании, что бюрократия — это плохо, стереотипы диктуют одни доводы (резко негативные) и вытесняют другие (позитивный эффект), противоположные первым.

Однако, как уже было отмечено выше, формирование стереотипов вполне может быть основано и подкреплено фактами объективной реальности, что и происходит в случае с бюрократией. Многочисленные провалы и дисфункции, продиктованные как несовершенством системы, так и личностями особенностями индивидов, нанесли неизгладимый отпечаток на явление в целом. Бюрократия стала полностью отождествляться с бюрократизмом.

Формирование массового восприятия бюрократии — процесс долгий, уходящий к истокам, появлению бюрократии в России. Множество факторов обуславливают данный процесс.

В самом первом приближении можно выделить 2 группы факторов: факторы личностного уровня (субъективные) и объективные факторы. Первая группа — это личностный уровень, каждого индивида, его субъективное восприятия, и то, что оказывает на него влияние: социально — демографические факторы (уровень образования и род деятельности формируют у индивидов различный образ мышления); факторы восприятия окружения (то, как «принято» относится к бюрократии в окружение); влияние СМИ и об-

щественного мнения; менталитет. Вторая группа — объективные факторы. В данном случае имеются в виду факторы, объективные, несвязанные с субъективным восприятием индивида, «реальное положение вещей»: эффективность функционирования и провалы власти; качество государственного регулирования (том числе бюрократии); исторические факторы и т. д. Обе группы факторов также можно охарактеризовать как факторы прямого (субъективные) и косвенного (объективные) влияния.

Таблица 1. **Факторы, влияющие на восприятие бюрократии в России**

Факторы	
<i>Личностного уровня (субъективные)</i>	<i>Объективные</i>
Социально-демографические: уровень образования профессия место проживания (центр, периферия) социальный статус	Объективное функционирование власти: провалы функционирования дисфункции и частота их возникновения эффективность дистанция власти (со стороны власти) степень централизации
Факторы восприятия окружения: семья друзья коллеги референтные личности/группы	Государственно правовые факторы: степень жесткости законодательства политический режим степень контроля за бюрократией
СМИ и общественное мнение: характер публикаций в СМИ образы в художественной литературе принятое отношение в обществе отношение населения к власти	Факторы организационного уровня: организационная структура корпоративная культура сфера функционирования принятый стиль управления
Менталитет: отношение к работе отношение к содержанию труда дистанция власти (со стороны общества) принятая модель управления культура подчинения, исполнения	Исторические факторы: знаковые события и их последствия (реформы, революции) условия становления и формирования государственной власти и аппарат в разные исторические периоды стабильность государственной власти взаимоотношения общества и власти

Общественное мнение в России всегда было не на стороне бюрократии, которая ассоциировалась скорее с закрытым классом, властью, а не рациональным инструментом управления [1]. Иными словами, в массовом сознании, бюрократия — это скорее «что», а не «как», а если и «как», то однозначно плохо. Вместе с тем, классические принципы бюрократической концепции, заложенные в основе большинства со-

временных организаций, не вызывают негативных откликов и отторжения. Иерархичная организационная структура, наличие подчиненных и вышестоящих должностей, функциональное разделение труда, система правил и должностных обязанностей — все это описывает любую крупную организацию и воспринимается как нечто абсолютно нормальное и общепринятое.

Список источников

1. Козенко А. Бюрократия и власть в новой России // Материалы с официального сайта Российской Академии наук. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=d8ee21b2-2ea8-40b1-9e04-ac7baafb24d6&Language=ru>.
2. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ : Харвест, 1998.

И. В. Лескова

ЕВРАЗИЙСКАЯ ВАЛЮТНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЕ О БУДУЩЕМ

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социологии, заведующий лабораторией социально-политических исследований Академического института социально-политических и этнодемографических исследований, г. Москва, Россия; leskova.i@yandex.ru

Аннотация. Дается характеристика внешних условий протекания интеграционных процессов на Евразийском экономическом пространстве. Раскрываются вопросы осмысления современной макроситуации, благоприятствующей не только экономическому сближению стран евразийского макрорегиона, но и способствующей запуску масштабной валютно-экономической интеграции. Рассмотрены некоторые возможности, перспективы и трудности функционирования Единого экономического пространства (ЕЭП). Исследован ряд существующих условий ключевого характера для понимания перспектив Евразийского интеграционного образования. Анализируются возможности и перспективы, имеющиеся у России в плане реализации своих национальных интересов в евразийском регионе. Подчеркивается, что успешность и интенсивность интеграции зависят от взаимопонимания правящих политических и хозяйственных элит. Указываются наиболее важные аспекты привлекательности в области экономики и в социальной сфере в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Анализируются побудительные мотивы валютно-финансовой интеграции, указывается, что глобальные задачи валютного союза и введения единой валюты стран-участниц пока не проработаны.

Ключевые слова: Евразийское пространство, валютно-финансовая интеграция, «Восток — Запад», «Запад — Евразия — Восток», наднациональные институты, социальная и экономическая политика, интеграционные процессы, рынки товаров, услуг, капиталов, рабочей силы

Интеграционные процессы, начавшиеся на Евразийском пространстве после распада СССР, к настоящему времени получили исторический шанс перейти в действительно конструктивную фазу. Складывается макроситуация, способствующая запуску масштабной валютно-экономической интеграции — сращиванию национальных хозяйственных комплексов, включая рынки товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, валютные рын-

ки, формирование единого рыночного пространства, валютно-финансовой системы, наднациональных институтов, координация внутренней и внешней экономической политики стран-участниц [4, с. 25].

Традиционная модель евразийства — связка «Восток — Запад» — на фоне ситуации XXI в. теряет свой смысл. Моделью позиционирования Евразии в мировом хозяйстве становится связка «Запад — Евразия — Восток» [3, с. 23].

Чтобы стать в новой связке, хотя и «асимметричным», но субъектом триады, России необходимо участвовать в новой связке не только индивидуально, но и как лидеру регионального интеграционного объединения. Главным отличием новой конфигурации, отражающим доминирующие тенденции, стало укрупнение несущих структур при существенном снижении разногласий позиций стран Евразийского континента [2, с. 130].

ЕАЭС — проект с большим внутренним и внешним потенциалом, хотя его стартовый период и становление совпал с конфликтной ситуацией в Украине, санкциями Запада и новой волной мирового экономического кризиса

Страны-участницы процессов экономической интеграции на Евразийском пространстве получили реальную возможность не только преодолеть «рамочный» характер большинства из достигнутых за прошедшие после распада СССР годы договоренностей, но и перевести дальнейшее развитие интеграционных процессов с преимущественно-политической на преимущественно-экономическую основу.

Важнейшим элементом экономической интеграции евразийского пространства является сотрудничество в валютной сфере ее стран-участниц [1]. Однако, процесс создания валютного союза оказался задачей проблемной и сложной. Анализ функционирования экономического евразийского пространства обнаружил целый комплекс проблем, препятствующих развитию евразийской валютно-финансовой и экономической интеграции.

Для лучшего понимания перспектив Евразийского интеграционного образования рассмотрим ряд существующих условий ключевого характера.

Сегодня влияние России на евразийском пространстве (и, прежде всего, в Центрально-азиатском регионе) становится всё более ограниченным. Каждая из Центрально-азиатских стран региона ведет многовекторную внешнюю политику, в которой России отводится не первостепенное и переменчивое место. Наиболее последовательные дружественные отношения у России там складываются, пожалуй, лишь с Казахстаном. Есть все основания утверждать, что ядром дальнейшего развития интеграционных процессов по созданию Евразийского союза в регионе являются именно российско-казахстанские отношения.

Главные интересы России на постсоветском пространстве Центральной Азии сопряжены: с сохранением влияния в регионе; со сдерживанием проникновения внешних сил (прежде всего, США и КНР); с минимизацией потерь от снижения объемов транзита энергоносителей через российскую территорию; со сдерживанием процесса распространения наркотиков [5, с. 8].

При этом, в плане реализации своих национальных интересов в регионе у России имеются следующие возможности.

Во-первых, сохранить свое влияние, которое будет носить очаговый, «анклавный» характер и проявляться через решение в отдельных странах конкретных задач. Во-вторых, российскому руководству по силам конструктивно взаимодействовать с находящимися там у власти руководителями и входящими во власть новыми группами в сфере выработки общих политических и экономических целей. В-третьих, у России есть неплохие стратегические шансы оптимизировать в перспективе взаимоотношения с США и Китаем в регионе. В-четвертых, для предотвращения политической и экономической изоляции в регионе, Россия должна участвовать в совместных проектах по транзиту энергоносителей в обход ее территории. В-пятых, Россия обладает реальными потенциалом межгосударственного сотрудничества с центральноазиатскими и с «внешними» правительствами в сфере борьбы с наркомафией и возможностями ограничения ввоза и транзита наркотиков через свою территорию в «западном» направлении. Новым обстоятельством, имеющим в евразийском регионе важное потенциально объединительное значение, стала миграция. Однако, она порождает и много нерешенных проблем [5, с. 9—11].

Всё перечисленное требует от России достижения не только разумного паритета между двусторонними отношениями (которые были, и остаются доминирующими), но и продуктивного использования различных организаций и форм взаимодействия, действующих как в рамках, так и за пределами региона. В связи с этим, актуализируется идея о необходимости приложения специальных усилий по обеспечению жизнеспособности таких образований.

Но до настоящего времени практические действия стран-участниц интеграционных процессов в Евразийском экономическом пространстве были направлены преимущественно на создание торговой системы, по правилам и стандартам взаимодействия близкой к ВТО. Хотя оставшаяся в наследство от советского периода система преференций действительно может выполнять функции инструмента поощрения консолидации и интеграции распавшегося постсоветского пространства, но принципы и схемы ее действия многократно менялись в угоду политической конъюнктуры, а ее рудименты крайне волатильны. Управление

экономическим взаимодействием в ее рамках осуществляется, по большей части, в режиме конъюнктурных политических действий и решений, что мешает ей стать инструментом успешной интеграции [2, с. 141—142].

Однако, ЕЭП — проект, который реализуется именно с учетом опыта, а не исключительно «по шаблону» создания ЕС, ведь, существуют разительные отличия в менталитете, отличия экономик переходного периода и специфики традиций политико-управленческой культуры на постсоветском пространстве от того, что наблюдается и сложилось на «западе», в странах с развитыми традициями выборной демократии и рыночной экономики.

Валютно-финансовая интеграция в рамках ЕАЭС, в целом, еще не проработана и остается предметом обсуждений и дискуссий. В настоящий момент речь может идти только о реализации мер, направленных на экономическое сближение и гармонизацию основных подходов к формированию единой денежно-кредитной и валютной политики стран ЕАЭС. Глобальные задачи валютного союза и введения единой валюты стран ЕАЭС пока не проработаны, не изучены реальные экономические и политические выгоды и сложности проекта, воспринимаются как «проекция будущего», что отодвигает их реализацию на неопределенный срок.

В сегодняшней ситуации важным для жизнестойкости ЕАЭС является формирование единых принципов функционирования экономики государств-членов и обеспечение их эффективного взаимодействия. Это позволяет создать условия для повышения внутренней устойчивости экономики государств-членов, включая обеспечение макроэкономической стабильности, а также устойчивости к внешнему воздействию.

Среди множества задач, стоящих перед новой структурой, первоочередной, по нашему мнению, является задача модернизации национальных экономик. Следует признать, что достигнутый экономический рост при отсутствии модернизации не приведет к качественному улучшению. Но на сегодняшний день экономический рост, сложившийся в странах — членах ЕАЭС ведет к закреплению низкой конкурентоспособности базовых отраслей, высокой зависимости от конъюнктуры мировых сырьевых рынков, всплесками инфляции, дефициту платежного баланса и зависимости от внешних источников финансирования.

Особое значение для начального периода ЕАЭС (и всего региона) приобретает задача добиваться опережающего роста внутрирегиональной торговли, кооперации, инвестиций, других форм экономических связей, создание современной региональной инфраструктуры, т. е. необходимых условий для формирования жизнеспособного международного экономического региона на территории Евразии [3, с. 22].

Успешность и интенсивность интеграции стран в ЕЭП, преимущественно, зависит от взаимопонимания правящих политических и хозяйственных элит.

Список источников

1. Глазьев С. Ю. Прогрессивные формы международной экономической интеграции // Вестник Финансового университета. 2015. № 1 (85). С. 64—68.
2. Зевин Л. З. Евразийское экономическое пространство: возможности и пределы консолидации // Россия и мир в XXI веке. 2010. № 1. С. 124—144.
3. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: научный доклад. М. : Ин-т экономики РАН, 2015.
4. Котляров Н. Н., Алексеев П. В. Оценка перспектив евразийской валютноэкономической интеграции // Деньги и кредит. 2014. № 6. С. 24—30.
5. Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М. : РОССПЭН, 2012.

Я. В. Швец

ОБ ОЦЕНКЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

ШВЕЦ Яна Валерьевна — аспирант, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра государственной службы и управления ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Россия; yv.shvets@migsu.ru

Аннотация. Автором обосновывается предположение о том, что нельзя реформировать систему государственного управления, не изучив специфику проблемного поля профессиональной деятельности государственных служащих. Особая роль духовно-нравственного фактора управления предназначается культуре, которая должна рассматриваться не просто как один из институтов формирования и реализации духовных потребностей социума и каждого человека в отдельности, но и способна стать мощным ресурсом эффективного социального управления, развития общества в целом.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, управленческая деятельность государственных служащих, качества государственных служащих

Любая система управления рано или поздно устаревает по отношению к обществу и появляется вопрос о совершенствовании этой системы. Настает время реформирования — постепенного изменения, преобразования, переустройства кого или чего-нибудь посредством реформ [1]. На ликвидацию сложившихся негативных тенденций «в системе» были направлены многие преобразования, проводимые в государственном аппарате, в том числе реформа государственной службы.

Одним из актуальных направлений данных решений являлось устранение пробела в законодательном регулировании государственно-служебных отношений. Особо хочется отметить признание необходимости уравнивания соответствия социального и правового положения государственного служащего. Однако, стоит признать, что нельзя реформировать систему, не изучив специфику проблемного поля профессиональной деятельности государственных служащих.

Существует то, что привносит в функционирование социально-правового института, которым является государственная служба свои особенности. Одно из ключевых — это специфика духовно-нравственного содержания сознания населения, культура взаимоотношений общества,

государства и личности. Именно она во многом определяет сущность, конкретные направления, формы воплощения и, в конечном счете, эффективность социальных реформ. Поэтому без учета, без знания основ российской ментальности вряд ли можно продуктивно работать над возрождением российской государственной службы, разбираться в ее сложных общественных и духовных процессах [2].

Всё чаще в литературе встречается употребление термина «культура» по отношению к государственной службе в целом и госслужащим в частности, не в контексте самостоятельного духовно-нравственного фактора, существенно влияющего на баланс интересов субъектов управленческой деятельности, а в связи с каким-либо элементом деятельности. Речь идёт об устоявшихся словосочетаниях «профессиональная культура», «организационная культура», «этика и культура государственного служащего» и проч. Все они зачастую переплетены с требованиями к служебному поведению кадров государственных органов. И именно поэтому существуют требования к работникам, осуществляющим профессиональную управленческую деятельность в органах государственной власти (закрепленные на уровне федерального законодательства). Это говорит об особой «миссии, возложенной на «службу народа». Государственная служба, как институт реализующий в том числе и социальную политику государства не должна находиться в отрыве от общекультурных ценностей и негативно оцениваться гражданами.

Однако в действительности, мы наблюдаем обратную картину, которая свидетельствует о том, что общество дает весьма низкую оценку и государственной службе и государственным служащим [3]. Если суммировать данные различных источников, анализирующих эту проблему, то выявляются конкретные негативные нравственные качества государственных служащих, которые в наибольшей мере возмущают людей. Госслужащие обвиняются в стремлении использовать должностную позицию в корыстных целях, во взяточничестве, неуважительном отношении к людям, незнании подлинных нужд населения, оторванности от общества и граждан и пренебрежении к законам. Первое место среди человеческих качеств, которыми наделены государственные служащие, респонденты значительным большинством голосов (почти 2/3) отдают равнодушию к людям, второе — продажности (58,5%), третье — безразличию к интересам страны (41%) [4]. Как не печально, но сложившаяся тенденция показывает, что негативные оценки нравственных характеристик современных государственных служащих от года к году принципиально не улучшаются, а нравственная ситуация в сфере государственной службы по-прежнему характеризуется как противоречивая, неустойчивая, конфликтная.

Есть все основания утверждать, что результаты экспертного опроса 2015 года [3] подтвердили огромную важность фактора культуры в совершенствовании и повышении эффективности управленческой деятельности. Если говорить более подробно, то они подтвердили и положение о том, что значительная (если не большая) часть провалов в экономике и социальной сфере современной России следует искать, прежде всего, в слабой профессиональной подготовке и низжайшем уровне или полном отсутствии необходимых морально-нравственных качеств и традиционных культурных ценностей у большинства российских руководителей.

Культура управленцев является наглядным примером, показателем целостности, эффективности и в какой-то мере зрелости системы управления. От этого фактора зависит способность госслужащих «идти в ногу со временем», быть готовым к изменениям в любой из сфер жизни, что должно обеспечивать устойчивость в управлении и стабильность в системе государственного управления в целом.

Именно поэтому переосмысление роли культурных ценностей в управленческой деятельности государственных служащих, должно стать одним из ключевых направлений развития системы государственного управления прогрессивной страны.

Список источников

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Мир и Образование, 2017.
2. Салахова Л. Р. Этика и культура управления. Казань : Юниверсум, 2013.
3. Тавокин Е. П. Госслужащие о культуре как о факторе эффективного управления // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125).
4. Андреев А. А. Российское общество: запрос на нравственность и компетентность // Государственная служба. 2006. № 1.

Г. П. Зинченко

БУДУЩЕЕ КАК ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ЗИНЧЕНКО Геннадий Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия; gennadij-zinchenko@yandex.ru

Тема будущего, его ожидания и прогнозирования близка российским социологам. Будущее представляет собой один из модусов социального времени. Мы ощущаем его влияние в настоящем, строим в соответствии с ним свои планы, ищем пути и методы их претворения. Учёные осмысливают перспективы становления и развития социологии будущего [1].

В социологическом дискурсе происходит методологический поворот, смена парадигмы понимания будущего. Оно представляется нелинейно, вариативно. Этот тезис заставляет пересмотреть роль стратегического управления. Стратегия — это своеобразный код, программирующий развитие поселений. Она обеспечивает влияние будущего на нынешние решения. Поэтому стратегическое управление как бы перекидывает мост в будущее.

Под влиянием внешних вызовов и внутренних условий нашей страны в регулятивной деятельности государства формируется практика стратегического управления. При Президенте РФ образован Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. За постсоветский период властно-управленческие структуры разработали порядка 300 стратегических документов. Реализация ряда стратегий принесла весомые результаты. Вместе с тем, по оценке специалистов, [2] многие из них так и не стали эффективными инструментами административного инжиниринга. Налицо проблема осуществимости стратегий федерального, регионального и местного уровней.

Основной вопрос стратегического развития поселения любого типа (страна, регион, город, деревня) — создание эффективных инструментов, которыми требуется оснастить администрацию для работы с ключевыми компонентами управленческого цикла: предвидения и прогнозирования.

Предвидение — опережающее отражение социальной действительности. Оно имеет разные формы конкретизации: предчувствие, предугадывание и др. Высшей формой предвидения считается научное определение будущих изменений общественной жизни людей. Для этого используются методы анализа (исследование) и диагностики (распознавание). Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, применяются в отдельности или в комплексе, исходя из решаемых задач.

Проблемно-целевой анализ проводится для определения поля проблем поселения. Сначала формируется список проблем посредством активной коммуникации экспертов. Затем осуществляется оценка проблем по критериям их значимости, степени решаемости усилиями администрации, тенденции к обострению или затуханию. Далее устанавливаются причинно-следственные связи между выявленными проблемами, и выстраивается дерево проблем поселения. На следующем этапе дерево проблем преобразуется в дерево целей, которое, в свою очередь, трансформируется в дерево решений.

Кластерный анализ связан с выделением в рамках поселения группы компаний, поставщиков ресурсов, учебных и научных учреждений, взаимодополняющих друг друга и, тем самым, усиливающих свои конкурентные преимущества. Такая группа организаций образует кластер, самодостаточный для своего функционирования. Кластеры оцениваются с точки зрения их соответствия особенностям развития поселения и рыночной привлекательности.

Маркетинговый анализ определяет публичные услуги, которые администрация может предложить населению для удовлетворения потребностей в получении работы, жилья, образования, медицинской помощи и т. п. Маркетинг применяется также для внешних потребителей услуг, например, инвесторов — привлекательный климат для размещения капитала, туристам — качественный отдых и др.

SWOT — анализ, позволяющий определить сильные и слабые стороны поселения (факторы внутренней среды), оценить возможности и угрозы, связанные с его потенциальными изменениями (факторы внешней среды). Например, администрация города влияет на свои бюджетные учреждения — это внутренний фактор, но законы, регулирующие их деятельность неподвластны ей — это внешний фактор.

Выводы, сделанные на основе указанных видов анализа, носят описательный характер без рекомендаций. Для выявления основных тенденций, определения стратегии развития поселения, расстановки приоритетов, установления генеральных направлений, применяется диагностика.

Состояние любого поселения, будь то город, деревня, регион или страна, можно оценить определённым количеством показателей, отражающих жизненно важные факторы его функционирования, например, уровень социального напряжения, доминирующие ориентации населения, лояльность к власти и т. д. Диагностика осуществляется в режиме мониторинга при наличии нормативной модели, необходимость которой обусловлена тем, что данные о реальном объекте бессмысленны с точки зрения управления, если не выработаны конкретные критерии. Такая модель отражает уровень социального развития, который можно счи-

тать нормой. Скажем, нормативная модель по жилью это, когда каждая семья имеет отдельную благоустроенную квартиру. Выявляя реальное положение с жильём, управленцы сравнивают его с нормативной моделью и определяют тем самым направленность и величину отклонений. Совокупность этих отклонений даёт информацию для принятия решений.

Прогнозирование — это определение наиболее приемлемого варианта развития поселения с помощью научно обоснованных инженерных средств. Его особенностями являются обратная связь между предсказанием и решением в вариантах будущего. В этом состоит разница между прогнозированием и предвидением. Описание образа будущего поселения в прогнозировании допускает высокую степень вероятности и этим оно отличается от проектирования. Прогнозирование не обладает директивным характером, что отличает его от программирования. Прогнозирование в отличие от планирования заранее не намечает мероприятия, предусматривающие порядок, последовательность, ресурсы и сроки выполнения определённых работ.

Обычно вырабатываются прогнозы двух типов: поисковые, призванные показать возможное состояние поселения путём экстраполяции наблюдаемых тенденций, и нормативные, определяющие формы, методы и сроки достижения желаемого состояния поселения на основе заранее заданных критериев оптимума. Прогнозирование реализуется посредством социального моделирования.

Модель — есть аналог оригинала. Алгоритм моделирования предполагает построение исходной модели поселения посредством выявления тенденций, определения точек «роста» и «спада» предшествующего развития. Качество модели зависит от полноты показателей, отражающих принципиальные изменения реального объекта.

Поисковая модель поселения связана с разработкой параметров его развития в перспективе на основе выявленных тенденций. Проводится экстраполяция с учётом факторов внешней среды. Это даёт возможность выстроить альтернативы будущей динамики поселения, определить поле проблем, возникающих под влиянием факторов внешней и внутренней среды.

Нормативная модель поселения устанавливает параметры преодоления выявленных проблем в поисковой модели. Прогноз в нормативной модели даёт значения идеального, оптимального и нормативного состояния поселения. Они выражаются в матрице с ограниченным количеством факторов, воздействующих на принципиальные перемены в жизни людей поселения. Таким образом, если известны основные факторы, определяющие развитие поселения, выявлены их взаимосвязи, то, изменив какой-либо параметр, можно смоделировать изменения объекта управления.

Моделирование представляет собой отражение объекта управления на информационных носителях разных уровней сложности: математическом, цифровом, технологическом и др. Управление интересует информация, отражающая процесс развития поселения. Для этого создаются компьютерные модели, минимизирующие искажение информации. Это даёт возможность принимать решение, предварительно апробировав его на модели.

При формировании прогноза развития того или иного поселения, следует учитывать, прежде всего, глобальные мировые тенденции изменения содержательных аспектов, интенсификации конкуренции за людей, компании и т. д. Далее, прогноз должен учитывать общие для страны тенденции и особенности развития её регионов. Наконец, необходимо оценить ресурсный потенциал города или села, возможности их включения в национальные и региональные проекты развития.

Предметно-проблемное поле стратегии развития поселения концентрируется на социально-значимых вопросах с учётом данных прогноза. Характер этих вопросов требует социологического подхода к разработке стратегических проектов. Между тем, изучение материалов дискуссий о национальных проектах, опубликованных в монографиях и статьях, показывают доминирование экономического подхода.

Мы разделяем мнение специалистов о том, что социологический подход переориентирует государственные и муниципальные органы управления на ценностно-нормативное управление социальными процессами [3]. И здесь не обойтись без социологической информации, без эффективных методов, процедур и технологий стратегического управления.

Список источников

1. Волков Ю. Г. Социология будущего: монография. М., 2016.
2. Клейнер Г. П. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России // Стратегическое планирование и управление. М., 2011; Рыбалкина В. В., Сутырина Т. А. Стратегии инновационного развития российских регионов. М., 2013; Рыженко Л. И. Методы управления развитием поселений. Омск, 2010.
3. Корнилович В. А. Стратегическое управление : Социологический подход. М., 2015.

Д. В. Катаев

ВОЗМОЖНОСТИ ПОНИМАЮЩЕГО ОБЪЯСНЕНИЯ ВЕБЕРИАНСКОЙ СИНТЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

КАТАЕВ Дмитрий Валентинович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия; dmitrikataev@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности рефлексивной сопряженности теоретико-методологических основ вебериаинства с эмпирико-прикладными данными ведущих социологических организаций. Проанализированы перспективы применения модели понимающего объяснения социологии Макса Вебера с точки зрения многоуровневости его социологии, микро-макро-взаимосвязи, разграничения субъективированных, интенциональных и объективированных аспектов смысловых взаимосвязей акторов.

Ключевые слова: понимающее объяснение, микро-макровзаимосвязь, интенциональность актора, смысл

На основании социологической рефлексии синтетических моделей макро-микро-перехода выделим 4 феномена, подлежащие социологическому понимающему объяснению: Макрофеномен исходного социального (институционального) состояния (1) (исходная объективированная смысловая взаимосвязь), микрофеномен (2) субъективный смысл актора (рефлексия актором), микрофеномен (3) интенциональность актора, дефиниция ситуации, закрепление типа действия соотнесение с объективным смыслом и действиями других акторов, макрофеномен (4) конечное, ожидаемое социальное (институциональное) состояние акторами (новые объективированные смысловые взаимосвязи).

Исследовательская стратегия включает в себя 4 этапа: I этап начинается с социологического объяснения, или, как подчеркивает М. Вебер, с предварительной функциональной постановки вопроса, называя это «универсальным методом» [5, S.8] или, выражаясь в терминологии Х. Эссера, с анализа ситуации или выявления макросоциологических констелляций, который переходит в анализ влияния макрофеномена (1) на микрофеномен (1); II этап реализует веберовскую теорию действия, социальное действие, предполагающее осмысленность поведения, ориентацию на других как координацию действия, благодаря которому происходит микро- микроанализ с переходом на макроуровень на этапе

III через категорию социального отношения как «действия нескольких людей, соотнесённые по своему смыслу друг с другом и ориентирующиеся на него» [5, § 3]. IV этап как социологическое прогнозирование включает в себя объяснение, понимание и понимающее объяснение (I, II, III этапы), изменение состояния макрофеномена (1) к макрофеномену (2).

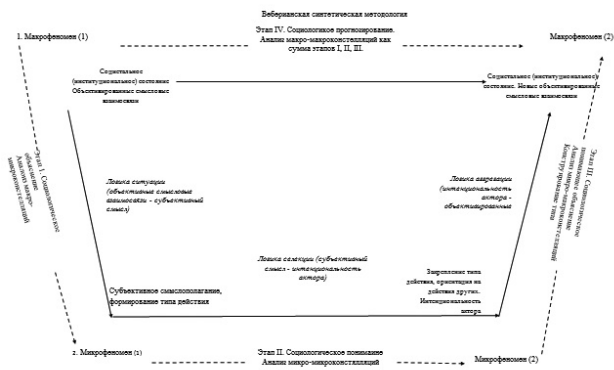

Рис. 1. Синтетическая методология Д. В. Катаева

Социальные образования — макрофеномен (1), — которые состоят из носимых акторами структур (норм, ценностей и т. д.), а также из ориентированных на эти структуры совместных действий акторов, создают для каждого отдельного актора — микрофеномен (1) и таким образом оба эти феномена находятся во взаимной макро-микроконstellации. Так, например, это показано в «Протестантской этике»: «Современный капиталистический хозяйственный строй — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае, для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными» [1]. «Ориентируются» — означает, что актор следует воспринятым структурам или же отклоняется от них. Макрофеномены, согласно Веберу, не только воздействуют на индивидов, но и воспроизводятся и изменяются ими [1, с. 76]. Таким образом, веберовская синтетическая методология обнаруживает как стратегию макро-микроперехода, микро-макроанализа, так и микро-макроперехода, которые в совокупности позволяют исследовать макро-микроконstellации в рамках социологического прогнозирования.

В веберовской традиции любое социальное образование (макрофеномен (1)) является одновременно и результатом совместной деятельности акторов, и принимаемыми ими структурными рамками деятельности.

Ситуация макрофеномен (1) может быть описана, и здесь мы соглашаемся с Х. Эссером [4, S.6], в рамках трех шагов: 1) определение способов производства и распределения ресурсов; 2) определение укорененных институциональных правил; 3) определение культурных рамок (фреймов), т. е. мыслительных моделей как коллективно значимого описания ситуации, маркированные определенными символами, которые отличают и характеризуют макрофеномен (1). Здесь, однако, Эссер упускает значимую эвристическую компоненту, за что, собственно и критикуется, которая отличает веберовскую методологию — предварительный анализ культурно значимых исторических явлений и процессов.

Поэтому при анализе становления предпринимательского капитализма следует учитывать условия, необходимые для его возникновения, с точки зрения веберизма, и проанализировать их в перспективе актуальных социологических данных, представленных ВЦИОМ и ФОМ.

Производственный (предпринимательский) капитализм как макрофеномен (1) (подлежащий непосредственному анализу) представляет собой в нашей схеме социальное образование, состоящее из объективируемых акторами (микрофеномен (1) смысловых структур (норм, ценностей и т. д.), а также из ориентированных на эти структуры совместных действий акторов, создают для каждого отдельного актора — макрофеномен (1). Таким образом, оба эти феномена находятся во взаимной макро-микро и микро-макроконstellации. Сам капитализм (предпринимательство) не связан у респондентов с производственным капитализмом или, как пишет Ю. Н. Давыдов, с «продуктивным трудом», а в большей мере с торгово-спекулятивным, авантюрным, деланием «денег из денег» [2, с. 467], как это следует из данных ВЦИОМ от 30.05.2016 Пресс-выпуск № 3115 [6].

Большинство респондентов хотели бы открыть свое дело в сфере торговли или посредничества, но не в сфере производства, то есть само рыночное, капиталистическое хозяйство в глазах респондентов ближе к авантюрно-спекулятивному, торговому капитализму, но не к рациональному, производственному. При этом динамика за последние 25 лет явно не в пользу созидательного предпринимательства, если в 1991 г. — это 14 % респондентов, то в 2016 г. — это 24 %. Также сократилось число желающих заниматься предпринимательством в сфере реального производства и в сфере услуг — на 9 %.

Благодаря веберизанской рефлексии становится очевидной проблема формирования производственного (созидательного) капитализма уже не на уровне макрофеномена (1), т. е. в институциональных рамках (здесь, на наш взгляд, руководством страны предпринимается достаточно усилий в рамках различных национальных стратегий, проектов и программ, направленных на поддержание и развитие малого и среднего

бизнеса [7]), а в контексте межуровневых взаимосвязей макро-микро и микро-макро. Макрофеномен (1) возможен лишь в случае наличия объективированных смысловых взаимосвязей акторов, 41 % которых, в нашем случае, рассматривают предпринимательство как феномен, не связанный с производством.

Обращает на себя внимание исследование ФОМ и ВЦИОМ относительно условий, которые сформировались в России на современном этапе для предпринимательского, а не торгово-спекулятивного капитализма. Эти данные отличаются, однако наша схема синтетической методологии веберизма позволит объяснить различия. Согласно данным опроса Фонда общественного мнения [8], 38 % респондентов на 14 июня 2016 г. считают, что в России созданы неблагоприятные условия для предпринимательства, что, однако, на 9 % меньше, чем в 13 марта 2011 г. При этом 21 % респондентов отметили высокие налоги, 9 % коррупцию, взяточничество, столько же отметили бюрократию и административные проволочки и т. д. ФОМ.

По данным ВЦИОМ, главным препятствием для организации собственного предпринимательства акторы считают отсутствие денежных средств, т. е. первоначального капитала (одно из важнейших условий формирования и становления капитализма, согласно Веберу, Марксу, Броделю, Коллинзу, Гидденсу (здесь у них нет разногласий)).

Данные ВЦИОМ и ФОМ относительно препятствий развитию свободного предпринимательства могут показаться противоречивыми. ВЦИОМ приводит данные, согласно которым на первом месте среди факторов, мешающих заняться предпринимательской деятельностью актору — это отсутствие денежных средств, в то время как по данным ФОМ — это высокие налоги, мешающие предпринимательству. Разработанная нами схема позволяет объяснить отличия в приведенных данных двух ведущих социологических организаций. Для этого необходимо разграничить субъективный и объективированный смыслы, а также интенциональность актора. Благодаря объективированным смысловым взаимосвязям (общего подразумеваемого содержания смысла [5, S.13]) возможно, согласно Веберу, существование длительных социальных отношений и образований. Вопрос «Как вы считаете, что в первую очередь мешает сегодня развитию предпринимательства в России?» ФОМ затрагивает в большей степени макроконstellацию или макрофеномен (1), т. е. объективированные смыслы акторов, в то время как вопрос «Если Вы не можете или не хотите создать собственное предприятие, то по каким причинам?», заданный ВЦИОМ, следует отнести к микроуровню или к микрофеномену (1), и здесь уже речь идет об интересубъективном смысле актора, определяющем его интенциональность.

При этом макрофеномен (1) — как социальное образование, образуют в большей мере сами предприниматели, и данный вопрос следовало задавать акторам, которые являются участниками данной объективированной смысловой взаимосвязи. В условиях, когда, согласно мониторингу НИУ ВШЭ [3, с.2], который во многом опирается на данные ВЦИОМ, доля населения, у которого денег не хватает на покупку одежды или даже продуктов питания, в июне увеличилась до 41,4% (в мае было 40%), а доля тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое или очень плохое, выросла до 23,2% (с 21,1% в предыдущем месяце), задавать вопрос относительно желаний заняться предпринимательством, выглядит также не в полной мере целесообразным. Поскольку даже поверхностный взгляд на теории капитализма Маркса, Вебера, Броделя, Коллинза и т. д. дает нам априорную предпосылку первоначального накопления капитала и концентрации денежных средств. Для раскрытия данной проблемы достаточно было обратиться к «логике ситуации» (Эссер) либо же к «предварительной постановке проблемы» (Вебер), проанализировав статистические данные или данные мониторинга.

Разработанная схема позволяет объяснить отличия в эмпирических данных социологических организаций. Для этого необходимо разграничить субъективный и объективированный смыслы, а также интенциональность актора. Благодаря объективированным смысловым взаимосвязям (общего подразумеваемого содержания смысла) возможно, согласно М. Веберу, существование длительных социальных отношений и образований, для анализа которых применима как стратегия макро-микрореперехода, микро-микроанализа, так и микро-макрореперехода, которые в совокупности позволяют исследовать макро-макрореконстелляции в рамках социологического прогнозирования.

Список источников

1. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
2. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998.
3. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л. Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ, 2016.
4. Esser H. Soziologie. Spezielle Grundlagen. Institutionen. Frankfurt/M., 2000.
5. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft / M. Weber. Tübingen: Mohr, 1980.
6. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3115. Свой бизнес: сегодня и 25 лет назад. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115707>.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHvEytq7hfPO96.pdf> (дата обращения 30. 07. 2016 г.).

8. ФОМ. Отношение к предпринимательству и предпринимателям. О пользе и вреде от предпринимательской деятельности. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12735>.

09. Социология интернета

С. Г. Ушкин

«ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ» МЕСТНОЙ ПОЛИТИКИ: КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПОМОГАЮТ ВЫЯВЛЯТЬ НЕОЧЕВИДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ?

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел мониторинга территориального управления, Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социального мониторинга»; ushkinsergey@gmail.com

Аннотация. В настоящее время фиксируется множество событий, которые не могут быть предсказаны ни социологами, ни политиками, ни журналистами — к ним относятся и относительно высокий процент голосования за Алексея Навального на выборах мэра Москвы 2013 г., и победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. и т.д. Вполне возможно, что посильную помощь в прогнозировании подобного рода «черных лебедей» могут оказать социальные сети, пользователи которых, как правило, высказывают свои мнения относительно накопившихся проблем местного уровня, зачастую не замеряемая в массовых анкетных опросах населения. В качестве примера рассматривается кейс Темниковского района Республики Мордовия, где заданный перечень вопросов и ответов к ним выявил одни проблемы, а контент анализ одного из крупнейших онлайн-сообществ жителей муниципального образования — совершенно иные. Делается вывод, что даже если информация, размещаемая в сообществах социальных сетей, не является в полной степени эффективной для оперативного мониторинга мнений пользователей, то пригодна для формирования альтернативных вариантов ответа в социологических опросах населения и в качестве сенситивного инструмента поиска «черных лебедей».

Ключевые слова: черные лебеди, социальные сети, проблемный фон, количественные методы, качественные методы

«Черными лебедями» принято называть труднопредсказуемые и не вписывающиеся в контекст повседневности события, которые имеют значительный социальный эффект [Талеб 2016: 5]. Прогнозные методы (в том числе социологические) перед ними пасуют, и если и могут предложить рационалистическое объяснение произошедшему, то только в ретроспективе, а не перспективе.

Роль подобного рода событий, как и само их количество, во всем мире неуклонно растут. Непросто в этих условиях приходится поллстерам, которые регулярно проводят замеры общественного мнения, но то и дело попадают впросак. Репутационный урон российским исследователям был нанесен в ходе выборной кампании мэра Москвы в 2013 г., когда ни ВЦИОМ, ни ФОМ, ни Левада-центр не смогли более-менее точно предугадать итоговые рейтинги кандидатов. Но, как оказалось, то были еще цветочки, которые в подметки не годились тому, что произошло в кузнице мировой прогнозной индустрии, а именно — в Америке, когда победу на президентских выборах 2016 г. одержал Дональд Трамп.

Несмотря на то, что после каждого фиаско социологов устраивается мощная коллективная рефлексия, к которой подключаются не только представители отрасли, но и журналисты, политики, и т. д. вместо ответов зачастую возникают лишь новые вопросы. Ключевой из них — можно ли минимизировать прогнозные риски и повысить достоверность получаемой первичной информации? Некоторые исследователи предлагают совершенствовать методический аппарат опросных методов посредством корректирования выборок [Мамонов 2014], другие — внедрять новые методические процедуры, техники и приемы [Рогозин 2014], третьи — триангулировать количественные и качественные методы [Савинская и др. 2016].

Гораздо реже поллстеры спрашивают себя, насколько адекватен опросный инструментарий, поскольку (не)верное формулирование вопросов оказывает серьезное влияние на восприятие ответов респондентов [см. Садмен, Брэдбери 2002]. Нередко в нем присутствуют понятия из разных сфер общественной жизни, и выбор респондента равносителен ответу на вопрос «Что для Вас важнее — еда, свобода или престижное образование?» [Долгаева, Крылова 2015: 59]. Подобного рода огрехи, вероятно, возникают ввиду ускорения темпов проведения социологических исследований — не применяются методики формирования альтернатив, не проводится пилотаж и т. д.

Между тем, подобного рода вопросы, как правило, направлены на измерение фонового уровня напряженности, но игнорируют некоторые обстоятельства местного значения. В качестве иллюстрации данного тезиса целесообразно привести данные исследования «Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа Саранск и муниципальных районов в Республике Мордовия», проведенного сотрудниками ГКУ РМ «НЦСЭМ» в апреле 2016 г. методом очного формализованного интервью жителей региона по месту их проживания. Поскольку выборка репрезентативна по полу, возрасту, уровню образования и территориальной структуре населения для каждого му-

ниципального образования, нами выбран кейс Темниковского района ($N = 378$, погрешность $\pm 5\%$).

В числе прочих, респондентам задавался вопрос о том, что их не устраивает в работе органов местного самоуправления. Две трети опрошенных заявили, что это недостаток рабочих мест (65%), чуть более трети — неразвитость социальной инфраструктуры (37%), пятая часть — неэффективная работа органов местного самоуправления (21%). Другие альтернативы выбирались существенно реже, в том числе традиционно не пользовался популярностью и вариант ответа «другое» (таблица 1).

Таблица 1. Что прежде всего не устраивает Вас в работе органов местного самоуправления (муниципального района, городского округа)? (не более пяти ответов, % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Всего
Недостаток рабочих мест	65
Неразвитость социальной инфраструктуры	37
Неэффективная работа органов местного самоуправления	21
Недостаточное внимание со стороны органов местного самоуправления к вопросам организации	11
Плохое состояние дорог местного значения и тротуаров внутри населенных пунктов	9
Усложненная процедура получения государственных и муниципальных услуг	7
Другое	7
Затрудняюсь ответить	1

Практически одновременно с опросом проведен контент-анализ сообщений пользователей социальных медиа относительно проблем рассматриваемого района. Наиболее массовым и влиятельным объединением пользователей оказалось сообщество «Подслушано. Темников» в социальной сети «ВКонтакте» (более 6 тыс. подписчиков при численности населения муниципального района в 15 тыс. чел.). Данные ресурс представлен преимущественно молодыми жителями в возрасте от 18 до 29 лет (47%); значителен сегмент и людей 17 лет включительно (15%), и людей среднего возраста от 30 до 49 лет (13%); доля жителей, в возрасте от 50 лет и старше незначительна (4%).

Среди последних наиболее обсуждаемых местных проблем социально-политического толка (в порядке значимости их обсуждений) здесь можно выделить:

— Проблемы благоустройства. Периодически возникают гражданские инициативы по сбору средств и самостоятельному благоустройству города. В частности, предлагалось отремонтировать стелу с изображением

Ф. Ф. Ушакова, что вызвало широкий общественный резонанс. В итоге часть денежных средств была собрана гражданами, значительная сумма поступила от ВИАМ, которым руководит один из уроженцев Темниковского района Е. Н. Каблов. Также поступали жалобы на несвоевременный вывоз мусора, стаи бродячих собак, стада коров на центральных дорогах города, вырванные кресла на недавно отремонтированном стадионе (что скорее указывает на невысокий уровень культуры самих жителей).

— Плохие дороги. Фактически — это «ахиллесова пята» района на протяжении нескольких последних лет, поскольку на ремонт асфальтного покрытия у администрации длительное время не было денег. В текущем году стали выполняться работы по реконструкции моста через р. Мокша, который находился в аварийном состоянии, скорость передвижения по нему не превышала 20—30 км/ч. Также отремонтирована значительная часть дорожного полотна в центре города, где раньше практически невозможно было ездить. Но пользователями подобного рода преобразования воспринимаются достаточно неоднозначно: в то время как одна часть из них не сдерживает позитивных комментариев, другая — относится со скепсисом и полагает, что асфальт не продержится более, чем до конца выборов в органы исполнительной власти 2016 г.

— Недовольство местной властью. Несколько постов авторов были посвящены лично главе района и мэру города. Преимущественно в вину ставятся проблемы благоустройства и плохих дорог, разворовывание целевых средств.

Перейдем к некоторым выводам. Во-первых, получается, что фоновая напряженность обуславливается рядом проблем, представленных в опросном инструментарии, но говорят люди совершенно о других проблемах, зачастую опосредованных именно локальными факторами. Необходимо учитывать, что в подобного рода обсуждения вовлекается значительное количество пользователей сообщества, которые могут не только комментировать, но и выражать социальное одобрение автору поста и другим комментаторам в форме «лайков» и «репостов». Во-вторых, информация, размещаемая в сообществах социальных сетей может быть эффективна если не для оперативного мониторинга мнения пользователей, то хотя бы для формирования альтернативных вариантов ответа в социологических опросах населения и в качестве сенситивного инструмента поиска «черных лебедей».

Список источников

1. Долгаева Е. И., Крылова В. В. Претензии населения к власти: что остается за рамками количественных измерений // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 58—64.

2. Мамонов М. В. Новые риски электоральной социологии (по результатам анализа осенних выборов 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 56—69.
3. Рогозин Д. М. Насколько корректен телефонный опрос о Крыме: апостериорный анализ ошибок измерения // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 4—25.
4. Савинская О. Б., Истомина А. Г. Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21—29.
5. Садмен С., Брэдбери Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
6. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2016.

К. Ю. Лукьянов

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

ЛУКЬЯНОВ Кирилл Юрьевич — студент III курса направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия; lku-15@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен интернет-мема в эпоху глобального информационного общества с позиции манипулятивной функции на примере политического сознания. Приводятся конкретные примеры использования интернет-мема как средства политической борьбы. Приводятся конкретные примеры трансформации политических интернет-мемов в сети Интернет в связи с последними политическими событиями: выбора Президента в США, вопросы присоединения Крыма к Российской Федерации, события общественной жизни. Рассматривается деятельность российских политических лидеров, ставших жертвами интернет-меминга. Также отчасти затрагиваются вопросы легализации или запрета интернет-мемов.

Ключевые слова: интернет-мем, политическое мышление, информационное общество, политическая борьба, манипуляция сознанием

Интернет-мемы — неотъемлемая часть интернет-культуры в контексте всеобщей информатизации, отражающая личные переживания создателя, события действительности, транслирующие мировоззрение авторов другим пользователям.

Изначально биолог-эволюционист Ричард Докинз, создатель термина «мем», определял его как некий аналог гена в генетике, культурный репликатор, «единица передачи культурного наследия, единица имитации» [2]. Динамика культурного развития позволила изменить мем с наследия до саркастической насмешки.

Под политическим интернет-мемом исследователи [7] предлагают понимать специфический жанр интернет-коммуникации. В этом качестве рассматриваются отдельные сообщения в новых медиа, представляющие собой реакцию на то или иное политическое событие, тем самым манипулируя, отчасти формируя, политическое сознание.

Наиболее успешные мемы чаще всего зарождаются спонтанно [3, с. 195]. Интернет-мемы первоначально распространяются, «обкатываются» чаще всего среди молодежной аудитории и среди тех, кто имеет желание и возможность достаточно долгое время проводить в Интернете

(подростки, студенты). Поэтому, политические мемы в таком контексте являются неотъемлемым фактором влияния на политическую социализацию и формирование видения о политической жизни общества.

Никто не говорит о формировании положительного видения. Именно поэтому многие страны предлагают запретить политические интернет-мемы. Главной претензией правительств к мемам является то, что они «оскорбляют человеческое достоинство и являются косвенным обвинением в преступлениях».

В свою очередь, противники контроля над мемами со стороны государства настаивают на том, что ущемляется их свобода. Что это значит? Смех во все эпохи был мощнейшим политическим оружием — об этом писал Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», об этом говорил Лихачёв в книге «Смех в Древней Руси» [5]. С помощью смеха в эпохи более суровые осуществлялась критика — в такие эпохи, когда лишь под маской иронии возможно было высказать то, что напрямую высказывать было опасно. Но ирония всегда имеет свой объект — «дурака». Дети в цирке смеются над клоуном, потому что, созерцая его дурачества, они чувствуют себя умнее. И этот аспект нельзя обойти вниманием: смех зачастую воспринимается как агрессия, потому что так или иначе несёт в себе критику, особенно в таких «всенародных» формах, как мем.

Вместе с тем, в другой ипостаси, политтехнологи все чаще используют социальные сети как инструмент политической борьбы, в том числе и мем.

В частности, во время недавно прошедшей предвыборной гонки в США, кандидат в президенты США от демократов Хиллари Клинтон осудила своего конкурента-республиканца Дональда Трампа за распространение вирусного мема с лягушкой Пепе, который в сети ассоциируют с пропагандой фашизма. Популярность мема с лягушонком Пепе можно объяснить тем, что он содержит в себе образ ехидного трикстера. Довольно очевидно, что, как любой трикстер, Пепе отличается тем, что нарушает правила и не боится говорить неприятные вещи. Тем самым он противостоит либеральной политкорректности. «Война мемов» — это часть битвы за интернет как платформу в ходе электоральной борьбы и, в частности, за молодых избирателей.

Параллельно политический мем является «орудием для отвода глаз». Провокация, вызванная политическим мемом может на руку сыграть политическим лидерам. В качестве наглядного примера можно привести историю медиамема «**рында**». Во время летних пожаров 2010 г. блогер *top_lar* опубликовал в своем журнале эмоциональный пост, критикующий государственную власть за бездействие, равнодушие и неорганизованность [3]. В результате, переписка премьер-министра и блогера на протяжении нескольких недель переписка очень активно обсуждалась в масс-медиа, что, по сути, отвлекло внимание общественности от самих пожаров.

Мемы выражают политические изменения, идеологии и упрощают их [6, С. 89]. Один из самых популярных политических мемов, связанных с аннексией Крыма в РФ — это мем «Крым Наш» или «крымнаш». Изначально было прямое высказывание: «Крым — наш», одобряющее включение полуострова в состав России. Люди, которые выступали за присоединение Крыма, считают, что следует писать «Крым наш» (раздельно и с большой буквы). Однако вскоре слова «соединились», а получившийся неологизм буквально через день после референдума был осмыслен иронически. В данном случае мем является способом передачи определенного отношения к совершившемуся историческому событию.

Среди объектов политической меметики можно выделить В. Жириновского. Жириновский на вершине популярности благодаря эксцентричному поведению и прямолинейности фраз. Во время предвыборной гонки стал популярен мем с изображением жестов Жириновского, где он в недоумении разводит руками.

Распространение мема, в том числе политического, связывают с появлением определенных стереотипного, порой «замещенного» отношения к власти. Аналогия с симулякрами Ж. Бодрийяра. Согласно Ж. Бодрийяру, единицами гиперреальности являются симулякры — «знаки или несамостоятельные феномены, отсылающие к чему-то другому, а потому симулятивные» [1]. Проходя через фазы развития образа, мем в итоге обладает сложившимся комплексом значений.

Таким образом, в условиях тотальной дигитализации интернет- мемы служат орудием информационного воздействия и активными инструментами мифологизации общественного сознания, формируя современные социальные мифы и манипулируя политическим сознанием.

Однако постоянное критическое осознание и переосмысление — это необходимая часть общественной жизни, которая никогда не сводится к застывшей схеме. Медиаем выступает как защитный механизм.

Политические мемы обобщают информацию о действительности, политических изменениях, проявлениях экстремистских направлений, а также переводят ее в медиаформат. Они являются ярким проявлением политических изменений в жизни страны. Создатели политических мемов не относятся к ним как к самоцели, мемы для них являются одним из способов передачи информации и воздействия на аудиторию, с целью предложить или навязать свое собственное отношение к политическому событию.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. URL: http://royallib.com/book/bodriyyar_gan/simulyakri_i_simulyatsiya.html.

2. Докинз Р. Эгоистичный ген. URL: <http://knigosite.org/library/read/73002>.
3. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195—200.
4. Квят А. Г. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254>.
5. «Почему политики боятся мемов?» URL: http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/219457-pepe_strikes_again.
6. Церегородцева С. С., Коршунова И. Г. Политические мемы как средство отражения экстремизма. Крым : Краснодарский университет МВД России (Крымский филиал), 2015.
7. Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/27/1098324363/%D0%A8%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>.

К. Р. Бойченко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

БОЙЧЕНКО Кристина Романовна — студент III курса направления «Социология» Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия; kristina96@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается анекдот как отражение поведения общества в разные эпохи правления политических лидеров, как функционирует современный политический анекдот в России кто и зачем его использует в политической борьбе и как происходит неосознанный процесс влияния политического анекдота как вида неформальной коммуникации на формирование мнения о власти и политической жизни общества.

Ключевые слова: идеология, политический анекдот, трансформация

«Идеология — это важнейшая составляющая жизни общества. Она выполняет функцию общественного целеполагания, укрепления гражданственности, формирования идентичности и в целом способствует развитию и процветанию страны. Эволюция понимания роли и места идеологии в политике позволяет судить о постоянной трансформации содержания данного понятия» [5, с. 20].

Говоря о роли и месте идеологии в политике, стоит отметить о трансформации данного понятия. Жилинская А. В. в своей статье ««Трансформация идеологии в мире политики»» делает вывод о том, что в условиях отсутствия конфронтации в публичной политике относительно фундаментальных воззрений по поводу политического развития государства место глобальных человеческих представлений начинают занимать ситуативные житейские интересы, которые можно называть «идеологией повседневности» [4, с. 968]. Поэтому идеологию на сегодняшний день можно понять, как систему взглядов, затрагивающих повседневные интересы общества.

Понятие «идеология» и взаимодействие власти и общества на протяжении всей истории прослеживается во статьях, монографиях, исследованиях социологов, политологов и т. д. Так и отношение общества к власти и наоборот можно увидеть в одном из жанров фольклора как анекдот. «Политический анекдот — текст, являющийся средством передачи политической информации в комической форме, что позволяет ему выступать как вариантом политической идентификации, так и средством политической социализации. При этом героями и темами могут быть по-

литические лидеры, какие-либо события, политическая ситуация и т. д.» [4, с. 110]. Можно сказать, что одним из показателей идеологической трансформации общества выступает политический анекдот.

Рассматривая судьбу политического анекдота в Советское время, стоит начать с времен правления Ленина, где анекдот отражает личные качества и отношение общества к лидеру. Анализ анекдотов говорит о том, что Ленин действительно был эффективнейшим организатором и политиком, который мог убедить любого в идее коммунизма. В других анекдотах про Ленина отражается явная антипатия народа к своему вождю: вместо «друга народа» в них Ленин представляется или глупым, или жёстким. В одном анекдоте, связанном с продовольственной развёрсткой в условиях военного коммунизма, встречается тема неравенства народа с руководителями, к примеру «пусть народ кушает траву в то время как руководитель питается мёдом»:

«Приходят крестьяне к Ленину и говорят:

— Владимир Ильич, нам есть нечего.

— А вы косите траву и ешьте.

— А мы боимся, что мычать начнем.

— А я вчера баночку медку съел и ничего — не жужжу.» [2]

Данный анекдот говорит также о том, что после революции условия жизни не стали лучше, а наоборот, в следствие неудачной принудительной коллективизации крестьяне голодали.

Политический анекдот был проявлением критики существующей системы. Один из примеров политического анекдота:

«Учитель спрашивает школьников:

— Кто Ваши отец и мать?

Один из них отвечает:

— Россия — моя мать, Сталин — мой отец.

— Верно, — говорит учитель. — А кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Сиротой.» [2]

Несмотря на огромную популярность анекдотов, этот жанр до середины 1980-х гг. находился под негласным запретом. Анекдоты почти не публиковались и совершенно не изучались советской фольклористикой, что даже в библиографическом указателе «Русский фольклор. 1981—1985», вышедшем в 1993 г., раздел «Анекдоты» отсутствует. По мнению исследователей, анекдоты были популярны среди достаточно узкой прослойки населения — городской интеллигенции.

Хотелось бы отметить, что Сталин имел своих «придворных» юмористов, которые не только писали анекдоты, но и рисовали карикатуры. Отличие между этими официальными и подпольными анекдотами именно в том, что официальный анекдот никогда не потешался над

коммунистической системой или над советским политическим руководителем во власти.

Проанализировав эпоху Сталина в анекдотах, можно сделать вывод, что в большинстве политических анекдотах отражается жесткость и деспотизм.

«Американскому президенту приснилось, что к нему прибежали несколько чертенят.

— *Что вам от меня надо? — спрашивает он, слегка испугавшись.*

— *Вы знаете, умер Сталин и попал в ад.*

— *Ну и что?*

— *А мы первые беженцы.»* [3]

Следуя из этого анекдота, личность и деятельность Сталина вызвала страх среди народа. В его правление за политический анекдот можно было получить 10 лет лагерей по статье «Анτισоветская агитация и пропаганда».

«Объявлен конкурс на лучший политический анекдот.

Первая премия — 25 лет.»

Одним из механизмов функционирования современных политических анекдотов можно увидеть на примере PR-проекта «Анекдоты от Зюганова», созданного Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ) в 2007 г. «Лидер партии КПРФ, экс-капитан команды КВН физмата Геннадий Зюганов выпустил новую книжку «100 анекдотов от Зюганова». Причинами написания книги нигде четко не указаны, но всем было очевидно, что это событие — один из этапов агитационной кампании КПРФ перед выборами в Государственную Думу, которые были запланированы на 2 декабря 2007 г. Эксперты прогнозировали, что победителем на выборах станет партия «Единая Россия», поэтому КПРФ, остро нуждалась в пиар-акциях, которые помогли бы привлечь СМИ, уделявшие коммунистам слишком мало внимания. «Издание книги анекдотов оказалось удачным предвыборным ходом, а «привязка» к информационному поводу — Дню смеха — помогла обеспечить дополнительное внимание журналистов.» [1]

Несмотря на значительную разработанность теории вопроса, с социологической точки зрения политический анекдот изучен недостаточно. В особенности это касается эмпирических разработок.

В заключении хотелось бы отметить, что анекдоты в политической социологии рассматриваются в качестве элемента неосознаваемого массового поведения, так как являются движущейся формой неформальной коммуникации. В то же время они выступают и значимой сферой политического PR. В политических анекдотах отражается многообразие оценочных характеристик, определяющих отношение народа к власти

и демонстрирующих общественные настроения. Нужно сказать, что большая часть исследований, посвященных отечественному политическому анекдоту, базируется исключительно на советском материале.

Таким образом, исследование идеологической трансформации общества, где показателем является политический анекдот, как при новом политическом режиме, так и в старых социокультурных обстоятельствах, может помочь понять некоторые закономерности развития и специфику отношения между властью и народом. В той или иной мере, происходит неосознанный процесс влияния политического анекдота как вида неформальной коммуникации на формирование мнения о власти и политической жизни общества, содержит в себе ценную информацию о политических стереотипах, свойственных в той или иной мере мышлению значительной части населения, особенностях восприятия современниками власти и ее основных мероприятий.

Список источников

1. Алексеевский М. Д. Анекдоты от Зюганова: фольклор в современной политической борьбе // Антропологический форум. 2010. № 12. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/anekdoty-ot-zyuganova-folklor-v-sovremennoy-politicheskoj-borbe> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Анекдоты о Ленине В. И. URL: <http://smeshok.com/main/humor/anekdots/politics/lenin/index-00001.shtml> (дата обращения 21.12.2016).
3. Анекдоты про Сталина И. В. URL: <http://sovietera.net/anekdot/stalin.php> (дата обращения 21.12.2016).
4. Жилинская А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 968—970.
5. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5—23.

И. Е. Штейнберг

ОПЫТ ТРАНСПОНИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ НА ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМУ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ (НА ПРИМЕРЕ МЕХАНИКИ ПЕРЕНОСА ТРАДИЦИИ «ТОЛОКИ» («ПОМОЧЕЙ») НА ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМУ GRANATUM

ШТЕЙНБЕРГ Илья Ефимович — кандидат философских наук, научный консультант Бизнес-школы «Диполь» (Саратов), автор и ведущий курса «Школа-студия исследователя качества» НИИ ИС РАН, г. Москва, Россия; ilya.shteynberg@gmail.com

Аннотация. Описывается опыт транспонирования традиционных форм групповой работы на онлайн-платформу для решения исследовательских задач (на примере механики переноса традиции «толоки» («помочей») на онлайн-платформу Granatum. Теоретическими рамками для механики переноса форм общения из оффлайна в онлайн являются концепты «чистых форм» Г. Зиммеля и «транспонирование И. Гофмана. В тезисах перечислены некоторые выявленные феномены при процессе транспонирования традиционных форм организации групповой работы и практик фасилитации, такие как «синдром покинутости» пользователя на платформе и др.

Ключевые слова: транспонирование, чистые формы, механики переноса, конвергенция оффлайна и онлайн на платформах, виртуальная фасилитация, «синдром покинутости», онлайн-платформа, геймификация

1. Конвергенция миров оффлайна и онлайн. Скорость конвергенции оффлайн и онлайн миров обгоняет самые смелые прогнозы. Все большая часть нашего покупательского поведения, различные платежи, передвижение по территории происходит под влиянием онлайн. Развиваются технологии переноса практик фасилитации групповой работы над решением производственных, социальных и исследовательских задач на онлайн-платформах. Понимание механизмов этого процесса схождения оффлайн и онлайн – практик даст возможность прогнозировать различные треки этой конвергенции, в том числе и в отрасли социальных исследований. В перспективе может появиться возможность получения контроля над этим процессом.

2. Проблемы изменения установок восприятия информации в онлайн-коммуникациях. Темпы развития информационных технологий многократно превышают темпы изменения в психологии восприятия,

переработки и усвоения информации ее получателей. Еще медленнее происходят изменения в установках, определяющих это восприятие, которые коренятся в традиционных нормах и ценностях культуры общества. Как известно, изменения в культуре идут со своей скоростью, которая определяется социальной и биологической природой человека, включенного в социум.

3. Эмоциональная насыщенность онлайн-коммуникации на платформе. Сегодня сфера создания онлайн-платформ похожа на огромное кладбище стартапов. Главная причина — потеря интереса пользователя, которому стало скучно и он не прощаясь уходит. (скучно и заморочено, заполни карточку и перешли. Не было чувака, который бы просил: «давай еще идею, еще» Это был шаблон, где тебе просили *сложными инструментами записать 4 идеи*. (м. 35 лет, руководитель службы персонала)

4. Онлайн-платформа как микс форм социальных коммуникаций. В ходе разработки и проведения процедур социально-психологического тестирования геймифицированной онлайн-платформы Granatum, предназначенной для дистанционной и асинхронной работы с рабочими группами в сфере бизнеса и некоммерческого сектора, мы столкнулись с феноменом одновременного сосуществования на одной платформе народных традиций коллективной взаимопомощи и «новых» форм виртуальной коллаборации. Это приводит к поиску форм коллаборации, которые связаны с эмоционально насыщенными социальными технологиями коллективной работы, глубоко укорененными в традициях культуры данного общества, которые заведомо воспринимаются, как нечто полезное и эмоционально позитивное.

5. Традиция «толоки» на онлайн-платформе. Тестирование платформы выявило, что установки на взаимодействие между собой участников коллаборативных процедур можно сравнить с установками традиции коллективной помощи в крестьянстве, т. н. «помочами» или «толокой». Это касается способов «приглашения» к участию в коллективной работе, таймингу работ, способа оценки вклада участника, требований к посильности заданий для участников, включение игровых элементов в рутинную работу (геймификацию), осмысленность действий через формулирование актуальных целей и конкретных задач, поэтапное подведение итогов работы и нематериальные формы вознаграждения.

6. Теоретические рамки для создания «механик переноса» форм коллаборации из оффлайна в онлайн. Поиск теоретических рамок для данного подхода привели нас к двум концептам, с помощью которых можно, хотя бы приблизительно объяснить коммуникационное поведение пользователей на платформе. Это понятие «**чистой формы**» в интеракциях, как коммуникативной основы существования общества

в парадигме формальной социологии Георга Зиммеля (Зиммель, 2015) и понятие **«транспонирование»** в теории фреймов Ирвинга Гофмана.

7. По Зиммелю в общении как форме социальной жизни можно выделить «чистые формы», которые существуют в отрыве от предмета общения. Например, спор, дискуссия, совещание и проч. (Зиммель, 1996, 488). «Толока» является такой «чистой формой» коллективной взаимопомощи, которая существует вне зависимости от объекта деятельности и закреплена в своих собственных правилах, ритуалах и нормах. Однако перенос традиции коллективной взаимопомощи в «чистой форме» в виртуальный мир онлайн-платформы невозможен. Нужны механики переноса, которые по Гофману могут осуществить транспонирование из одной среды общения в другую. Суть использования этого музыкального термина «транспонирование» в сфере общения, заключается в переносе содержания отношений из одной формы в другую, но как в музыке, «либо на полтона выше, либо на полтона ниже». (Гофман, 2004).

8. **Транспонирование «толоки» в онлайн.** Чтобы показать коллаборационную рефлексию на экране гаджета мы пытаемся транспонировать рабочую дискуссию в форму стикеров на виртуальных досках, которые не являются реальными стикерами, а нечто большим, как смартфон не является продвинутым телефоном, а иной формой коммуникации из-за визуализации инфографики, иконографики и прочих механик. У виртуальных стикеров есть возможности для показа «на полтона выше» — это возможность их тиражирования, текстового комментирования, архивирования, асинхронности и удаленности, встроенности в доску с тематической компьютерной графикой и т. п. Для того, чтобы перенести живую дискуссию на экран гаджета и, чтобы это не было скучно это не должно выглядеть как реальная дискуссия, а может выглядеть как интерактивное действие с элементами компьютерной игры, визуализации и инфографики. А транспонирование коммуникации «на полтона ниже» — заключается в замене живой невербалики на особую форму «коллонар».

9. **«Синдром покинутости».** Одна из нерешенных пока задач транспонирования «чистых формы» коллаборации на онлайн-платформы -это спонтанное возникновение у пользователя «синдрома покинутости». Это состояние, когда он теряет ориентацию и осмысленность своего участия в процедуре из-за ощущения запутанности в навигации по платформе, в понимании своих задач и потери в определенный момент общей цели деятельности. Одна из причин в том, что на платформе одновременно присутствуют не менее четырех типов «чистых форм» общения с различными паттернами коммуникационной культуры: культура повседневного разговора, культура деловой беседы, культура общения в игре и культура общения в контенте социальных сетей Интернета. Это можно отчасти

сравнить с потерей респондента в телефонных интервью, когда инструкция интервьюера входит в противоречие с «чистой формой» обыденного общения по телефону. Стоит задача понять, как возможно одновременное транспонирование этого микса на платформу, какие наиболее эффективные способы управления переключением этих жанров.

10. Вывод. Использование этих понятий дает нам возможность взглянуть на проблему коммуникационной природы онлайн-платформы не через обеспечение технических возможностей взаимодействия человека и компьютерной программы, как это делается в исследованиях HCI (Human-Computer Interaction), что никак не дает объяснить, почему пользователю на платформе вдруг становится скучно или небезопасно.

Список источников

1. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. СПб. : Изд. «Университетская книга», 2015.
2. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А.Д. Ковалева, О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М. : Институт социологии РАН : ФОМ, 2004.

З. А. Махмутов

ТАТАРСКИЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ: МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧНОСТИ

МАХМУТОВ Зуфар Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, Казань, Россия; zufar@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию виртуальных татарских сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Они были типологизированы по основным консолидирующим социальным и этническим маркерам. Три крупнейших татарских сообщества «Иң шәп татарча жырлар | Татарстан | Казань | Челны», «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» «Татары и татарочки» изучались авторами при помощи методов статистического анализа и контент-анализа. Для изучения многочисленной аудитории сообществ использованы популярные приложения https://vk.com/compare_groups и <http://allsocial.ru/communities>, для выявления наиболее популярных публикаций — <http://popsters.ru>. Категориями контент-анализа выступили: культура, новости, религия, политика, история, экономика, спорт, юмор, автостереотипы, браки и знакомства. В результате исследования была определена основная аудитория сообществ, тематический и лингвистический контент их публикаций, языковое поведение пользователей, установлены основные функции исследованных пабликов. Это позволило рассмотреть татарские сообщества как механизм воспроизводства этнической идентичности.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальные сообщества, татары, национальный Интернет, этническая идентичность, коммуникация

Проникновение Интернета во все стороны современной жизни привело к формированию новых феноменов, одним из которых являются и этнические виртуальные сообщества. Под этническим виртуальным сообществом мы понимаем сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к этнической группе. Целью настоящего исследования является комплексное изучение татарских сообществ с точки зрения объединяющих маркеров, лингвистического контента, языкового поведения участников, технологий конструирования и воспроизводства этничности, воздействия данных пабликов на реальную жизнь.

Исследовательским полем для нас стала социальная сеть ВКонтакте. Этот выбор связан с тем, что, несмотря на то, что в 2000-е годы начинают появляться первые татарские форумы, чаты, социальные сети (duslar.ru и tatarland.ru)¹, они так и не получили широкого распространения.

В настоящее время татарские виртуальные сообщества значительно шире представлены на самой популярной в России русскоязычной социальной сети ВКонтакте где насчитывается более 6000 сообществ. Их условно можно разделить на те, которые объединяют пользователей на основе общетатарской или субэтнической идентичности «Татары и татарочки» (113603 участника)², «Мишари»³ (1634) и т. д.), по территориальному признаку («Татары и татарочки Москвы» (9365 участника)⁴, «كسفنون اي لوأ» «Татары и татарочки» Ульяновска «ون اي لوأ» (6098)⁵ и др), на основе узкой этнической тематики («Иң шәп татарча жырлар | Татарстан | Казань | Челны» (215314 подписчиков)⁶, «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» (Татарча юмор) (122999)⁷.

Нами были исследованы самые популярные сообщества в ВКонтакте: «Иң шәп татарча жырлар | Татарстан | Казань | Челны», «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» и «Татары и татарочки». Для изучения многочисленной аудитории сообществ использовали популярные приложения SMM Tools, https://vk.com/compare_groups, <http://allsocial.ru/communities>, ресурс popsters.ru. а также метод контент-анализа.

Как показало наше исследование, более 60 % членов сообществ — это молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Они живут в разных городах России (Казань, Москва, Уфа, Санкт-Петербург и др), а также в других странах (Казахстан, Украина, Узбекистан, США).

Основными функциями татарских пабликов является:

- распространение информации, аудио- видео- и текстовых материалов (в том числе, по татарской истории и культуре);
- внутриэтническая коммуникация;
- организация и координация разных мероприятий (включая этнические).

Опубликованную информацию в группах читают не только члены сообщества. Например, несмотря на то, что в паблике «Иң шәп татарча жырлар

¹ Сибгатуллин А. Татарский Интернет. Н. Новгород, 2009.

² URL: https://vk.com/tatar_vk (дата обращения: 28.08.2016).

³ URL: <http://vk.com/club1007720> (дата обращения: 28.08.2016).

⁴ URL: <http://vk.com/msktatarlar> (дата обращения: 28.08.2016).

⁵ URL: <http://vk.com/tatari73> (дата обращения: 28.08.2016).

⁶ URL: <https://vk.com/tatarchamusic> (дата обращения: 28.08.2016).

⁷ URL: http://vk.com/kizik_mizik (дата обращения: 28.08.2016).

«Татарстан | Казань | Челны» численность 200.000 человек, публикации в нем за один месяц просматривают порядка 400.000 пользователей.

Тематика контента разнообразна: культура, новости, религия, политика, история, экономика, спорт, юмор, представления татар о самих себе, браки и знакомства. Особой популярностью пользуется обсуждение татарской культуры (85 % постов «Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань | Челны» — татарские песни), новости, юмор, политика, религия. Отметим, что несмотря на то, что среди татар есть и христиане, вся религиозная тематика сообществ связана исключительно с исламом.

Достаточно популярна в группе «Татары и татарочка» историческая тематика, связанная с этногенезом татар, Золотой Ордой. Особое внимание в исторической перспективе уделяется и таким трагическим событиям из жизни казанских и крымских татар, как взятие Казани Иваном Грозным¹, голод 1920—1921 года², депортация из Крыма в 1944 году³, которая получила название «Татарская «Катынь»»⁴.

Пользователи сообществ создают виртуальные библиотеки, в которых выкладывают электронные книги по истории татар.

Наши данные свидетельствуют о том, что если в этнонишевых объединениях доминирующим языком публикаций является татарский, то в общенациональной группе — русский язык.

Если рассмотреть в целом выделенные нами темы, то татарский язык доминирует в культурном, религиозном, юмористическом контенте. На русском же языке написано большинство сообщений, связанных с рекламой, экономикой, историей, политикой, спортом, браком и знакомствами. Приблизительно в равной степени на русском (51 %) и татарском языке представлены новости (45 %), в 4 % публикациях нами отмечен билингвизм (одновременное использование двух языков в одном информационном сообщении).

Татарские виртуальные группы характеризуются высокой степенью вовлеченности, выражающейся в том, что сообщения пабликов активно читаются аудиторией и получают ответную реакцию в виде большого количества лайков, репостов и комментариев.

Различные темы в блоке «обсуждения», игры, знакомства набирают по несколько тысяч сообщений пользователей.

По их комментариям мы можем судить о языковом поведении самих пользователей. Как правило, татарский язык употребляют пользователи,

¹ URL: http://vk.com/wall-1777_94755 (дата обращения: 29.08.2016).

² URL: http://vk.com/wall-1777_414717 (дата обращения: 29.08.2016).

³ URL: http://vk.com/wall-1777_107643 (дата обращения: 29.08.2016).

⁴ URL: http://vk.com/wall-1777_107643 (дата обращения: 29.08.2016).

проживающие в Республике Татарстан и Башкортостан, русский — лица, проживающие за пределами данных республик.

Разная частотность использования татарского и русского языков подписчиками наблюдается и в исследованных нами объединениях.

Так в этнонишевых сообществах «Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань | Челны» и «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» подписчики в дискуссиях предпочитают оставлять сообщения на татарском языке, а в общеэтнической «Татары и татарочки» — на русском, национальный язык в ней практикуется слабо.

Если сравнивать языковые контенты публикаций и дискуссий, то мы видим, что администраторы сообществ значительно чаще используют татарский язык, чем сами подписчики.

Татарские виртуальные сообщества являются генераторами различных проектов как в виртуальном, так и в реальном мире. Одно из самых популярных коллективных мероприятий — публикация фотографий в рамках флешмоба «Доброе утро, Татарстан!», инициатором стал Президент РТ Р.Н. Минниханов. Он выложил в социальной сети фотографию из кабинета с подписью «Доброе утро, Татарстан!». На сегодня в социальной сети, ориентированной на публикации фотографий «Instagram», опубликовано более 60000 снимков с данным хештэгом.

В 2015 году участники группы «Татары и татарочки» призвали виртуально поддержать сохранение института Президентства в Татарстане, разместив на главной фотографии своей личной страницы прикрепленный плакат с надписью: «Сохранить институт Президентства в Республике Татарстан» и предложив сделать запись в комментариях на личной страничке Р.Н. Минниханова: «Хәерле иртә, Президентбыз!» («Доброе утро, Президент!» — З.М.). Интернет-площадку активно используют московские татары, с ее помощью организуются коллективные поездки в Казань на каникулы, игры в волейбол, вечера живого общения, фестивали татарской молодежи под открытым небом.

Итак, этнонишевые сообщества «Иң шәп татарча җырлар | Татарстан | Казань | Челны» и «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор) | Татарстан | Казань» являются виртуальными площадками активного использования татарского языка, что не только поддерживает его функционирование, но, по мнению известнейшего теоретика национализма Э. Геллнера, является важнейшим в формировании групповой идентичности¹. В то же время и русскоязычная группа «Татары и татарочки» в своем контенте в самом широком охвате актуализирует все важнейшие компоненты этнического самосознания (автостереотипы, представления о культуре, языке, исто-

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

рии, территории проживания, государственности)¹, а также выполняет роль посредника между национальными интеллектуалами и массами, распространяя «символическую продукцию» и транслируя этнические ценности в виде цитат и лозунгов на широкую молодежную аудиторию.

¹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.

М. О. Макушева

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

МАКУШЕВА Мария Олеговна — кандидат социологических наук, аналитик Всероссийского центра изучения общественного мнения, г. Москва, Россия; makusheva_m@wciom.com

Аннотация. В тезисах поднимаются вопросы возможностей и ограничений использования анализа сообщений в социальных сетях, связанные с тем, что анализируемые сообщения фактически представляют совокупность авторов, а не все население и не всех пользователей социальных сетей. Это предполагает ряд смещений (отличия совокупности производителей сообщений по социально-демографическому профилю, образу жизни, взглядам, социально-политическим ориентациям), которые необходимо учитывать при интерпретации результата и генерализации выводов. Такого рода вопросы встают при использовании данных любого типа. Например, анализируя данные массового опроса мы имеем в виду, что они структурированы нашим инструментарием, носят реактивный характер, что они получены на выборке, соотносящейся с определенной генеральной совокупностью и т. д.

Ключевые слова: социальные сети, интернет

Анализируя данные статистики, мы принимаем в учет факторы, которые могли сказаться на результате, например, условия сбора и особенности фиксации. Далее предлагается описание нескольких особенностей данных, получаемых в социальных сетях, которые ограничивают возможности генерализации. Используются данные (1) всероссийского опроса населения, проведенного ВЦИОМ (февраль 2016 г., объем выборки 1600 человек, выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта, максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайнера) с вероятностью 95 % не превышает 3,5 %); (2) опроса пользователей социальных сетей (январь 2017 г., объем выборки 4000 человек, выборка целевая).

Первое и крайне очевидное ограничение для генерализации вывода — использование интернета и социальных сетей. По данным ВЦИОМ, пользуются интернетом 70 % населения, имеют аккаунт в социальных сетях 78 % пользователей или 55 % населения. Наиболее значимое отличие пользователей от не-пользователей — в среднем возрасте (36 лет против 54), а также в связанных с ним профиле занятости (среди пользователей

всего 8 % пенсионеров, тогда как среди не-пользователей их оказывается 41 %), образовании (среди пользователей значительно меньше людей без высшего образования), отчасти — в уровне достатка. Также пользователи несколько чаще проживают в городах-миллионниках.

Второе ограничение связано с тем, что мы фиксируем и анализируем высказывания. Границы совокупности «авторов» подвижны, но можно выделить определенные тенденции, так как представители разных социальных групп с разной вероятностью входят в категорию авторов. Долю производителей контента мы рассчитали на основе выбора хотя бы одного из вариантов в двух вопросах о действиях в интернете и социальных сетях: «Размещал свои сообщения в социальных сетях», «Комментировал чужие сообщения в социальных сетях», «Создавал сообщения, посты на своей странице», «Обсуждал, высказывал свое мнение о событиях из жизни города, страны, мира». Недостаток такого подхода состоит в том, что он не учитывает степень активности, а только фиксирует факт публикации — было ли это единичное высказывание или регулярная практика, мы не знаем. Выделенная таким образом доля производителей контента составила 65 % от пользователей социальных сетей. Анализируя различные переменные в разрезе групп производителей и пассивных пользователей социальных сетей, можно указать на следующие отличия:

- в месте проживания (33 % «авторов» проживают в городах-миллионниках» против 24 % для пассивной аудитории);
- в уровне достатка («авторы» в среднем более обеспеченные люди);
- значимого различия в возрасте и уровне образования больше не наблюдается.

Однако наиболее существенные отличия проявляются не столько в социально-демографическом профиле, сколько во взглядах, социально-политических ориентациях:

- «авторы» более скептично настроены в отношении всех уровней власти чем пассивные пользователи;
- «авторы» чаще, чем пассивные пользователи, относятся с недоверием ко всем партиям парламентской оппозиции (при этом нельзя сказать, что они значимо чаще относятся с симпатией к каким-либо партиям непарламентской оппозиции);
- «авторы» отличаются от пассивных пользователей по социально-политическим ориентациям — **чаще** выступают за гражданские свободы, в частности, за свободу слова и невмешательство государства, а также за перемены (а не за стабильность); **реже** поддерживают консервативные тенденции, идею «сильной руки», являются государственниками, а также реже симпатизируют советскому прошлому.

На наш взгляд, важнейшее отличие «авторов» от пассивных пользователей — в гражданской активности: различие в пользу производителей контента наблюдается во всех ее видах, будь то участие в субботниках, волонтерство, сбор средств или участие в коллективных петициях.

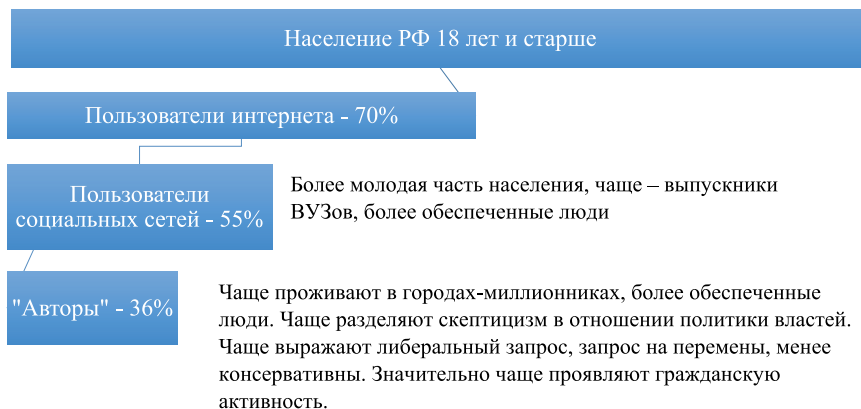

Рис. 1. Отличия в структуре совокупностей пользователей социальных сетей и производителей контента

Таким образом, во-первых, переходя от населения к совокупности пользователей социальных сетей, мы теряем значительную часть старшего поколения и получаем сдвиг в сторону жителей мегаполисов, в среднем более обеспеченных, людей с высшим или неоконченным (в том числе в силу возраста) высшим образованием. Во-вторых, переходя от пользователей социальных сетей к производителям анализируемых сообщений, мы получаем еще один сдвиг в сторону жителей мегаполисов, более обеспеченных людей. Важнее всего то, что в анализируемом сообществе оказываются лучше представлены люди, скептически настроенные в отношении проводимой властями политики, партийной системы, разделяющие либеральный запрос и выступающие за перемены. И отличие, которое мы подчеркнули особо, — большая гражданская активность.

Доступные для наблюдения в социальных сетях высказывания лучше представляют взгляды указанных категорий людей. Это и ограничивает возможность генерализации и открывает возможности для позиционирования исследований в социальных сетях как изучения наиболее активной, включенной в повестку, возможно, наиболее ангажированной части общества, которая способна к мобилизации и формированию повестки.

Есть еще несколько аспектов, которые было бы необходимо учесть, однако, в силу отсутствия данных этого пока сделать не удалось.

Во-первых, если мы анализируем наблюдаемое, мы должны понимать его границы, задаваемые не только тем, что одни люди пользуются социальными сетями, а другие — нет, но и практиками закрытия — можно предположить, что тенденция к закрытию страниц проявляется неравномерно и также приводит к ряду сдвигов.

Во-вторых, если единицей наблюдения является высказывание, нужно также учитывать активность, интенсивность, с которой пользователи разных групп производят контент. Наиболее активные группы лучше представлены в общем массиве высказываний.

Наконец, в-третьих, мы имеем дело со спонтанным высказыванием. Каждое действие, в том числе и публикация в сети, встроено в свой смысловой алгоритм (например, высказываются люди, включенные в повестку, так или иначе заинтересованные в исходе; высказывание — это часть самопозиционирования, выражение принадлежности к какой-либо группе и т. д.). Изучение этих смысловых акцентов, необходимых для понимания природы данных и влияющих на интерпретацию результата, представляется перспективным направлением.

Э. Д. Дряева

ФАБРИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДРЯЕВА Элла Давидовна — кандидат философских наук, старший преподаватель, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; dryaeva.ella@gmail.com

Аннотация. В работе раскрываются сущностные характеристики Интернет-коммуникации, проводится сравнение между коммуникацией в реальной жизни и в виртуальной. Анализируются проблемы достижения целостной идентичности в Интернет-пространстве и формулируются некоторые решения данных проблем. По мнению автора, в виртуальной среде возможно быть успешно презентованным, однако это не является гарантией обретения подлинной идентичности. Самопрезентация здесь представляет собой поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции, а идентичность является синонимом Я- концепции, ее центральным образующим, что выводит нас к проблеме: «подлинного» и «мнимого». В виртуальной реальности присутствует потенциал развития человека и главным вопросом становится этическое регулирование и включение человеческой осознанности для раскрытия его творческого потенциала.

Ключевые слова: идентичность, самопрезентация, интернет, коммуникация, виртуальная реальность, личность

В Интернете выстраивается особое культурное поле существования человека. Для того чтобы гармонично существовать в этом новом типе культуры необходимо понимать законы его развития. В этом мире достижение бытия не является чем-то предопределенным, а требует огромных целенаправленных усилий для непрерывного развития. Как и прежние формы культуры, Интернет-культура нуждается в четких этических границах. Человеческое бытие обретает целостность через гармонизацию личностных мотивов, актуализацию всех жизненных стремлений и их реализацию в творчестве, результаты которого могут удовлетворить экзистенциальные потребности человека. Как пишут Джаред Коэн и Эрик Шмидт, в ближайшее время состоится «переход от ситуации, когда личность формируется офлайн и позднее проецируется в сеть, к созданию онлайн-личности, которая затем воплощается в реальном мире, окажет огромное влияние на граждан, государства и компании. И от того, как

удастся решить проблемы конфиденциальности и безопасности личных данных, будут зависеть границы человеческой свободы».

Проблема соотношения самопрезентации — реальной самоидентификации личности в виртуальном пространстве — является одной из дискутируемых при изучении данного вопроса. Общественное мнение играет огромную роль при выборе способа самопрезентации. Виртуальное пространство нивелирует этот выбор, возвращая нас к дихотомии «быть или казаться». Мы понимаем самопрезентацию как поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции, а идентичность либо как синоним Я- концепции, либо как ее центральное образующее, что выводит нас к проблеме: «подлинного» и «мнимого».

По нашему мнению, в виртуальной среде возможно быть успешно презентованным, однако это не является гарантией обретения подлинной идентичности.

Интернет-среда транслирует преимущественно рациональное восприятие в связи с текстовой основой взаимодействия. Коммуникация в реальной жизни всегда телесна. Человек получает информацию о своем собеседнике из вербальных, невербальных и паравербальных источников. Такое общение насыщает человека эмоциями и наполняет экзистенциальным опытом. Общение же с виртуальным собеседником носит исключительно информационный характер в виду своей бестелесности. Сегодняшний ускоренный ритм жизни диктует необходимость в таком общении. Осуществляя коммуникацию на бегу, закрывшись в телефоне, человек ищет возможность спрятаться, закрыться сетевой маской и новыми ролями. В виртуальном мире нет напряжения и потребности поиска сакрального. С одной стороны технические возможности симулируют явление, имеющие физическую природу, но воплощение вкуса, запаха и прикосновения находится в зачаточном состоянии. Футурологи предсказывают, что в ближайшем будущем сигналы из виртуальной реальности будут обходить органы чувств и идти напрямую в мозг. Однако эмоции, которые мы испытываем и можем испытать в виртуальной реальности, не являются настолько интенсивными и долговечными, а носят скорее рационально-прагматический характер. Для полноценного человеческого взаимодействия такие эмоции не являются достаточными.

Одной из важных проблем достижения целостной идентичности в виртуальной реальности является разрешение дихотомии «быть/казаться». Сетевые роли отображают лишь те сущностные черты человек, которые приятны ему в реальной действительности. В этом случае сетевая идентичность не является созданием новой индивидуальности, а является всего лишь серией карнавальных масок. Как пишет В. В. Миронов «Блестящим условиям для нарастания и закрепления карнавала стано-

вится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия».

Решением такой проблемы может быть некоторое целенаправленное ограничение присутствия в виртуальном пространстве. На этапе перехода из одной реальности в другую, человек осознает свои реальные потребности. Такой переход можно сравнить с переходом от сна к реальности. Будучи погруженным в Интернет-коммуникацию, человек теряет ощущение пространства и времени, тоже самое происходит во сне, где сон подменяет реальность. Но просыпаясь, человек понимает, что событий, произошедших во сне, в реальности не происходило, и воспринимает переход из одной реальности в другую адекватно. Для целостного восприятия самого себя человеку необходим момент «цифрового детокса» (период времени, когда человек сознательно отказывается от использования смартфонов, компьютеров, планшетов), когда человек может сконцентрироваться на самом себе и почувствовать опыт экзистенциального переживания, отсутствия самоидентификации и понимания, что все вокруг является «не я», а «я» это наше естество и природа. Моменты такой саморефлексии могут стать путем возобладания «быть» над «казаться», толчком для большей осознанности и виртуальном пространстве.

Следующая сложность на пути к осознанному построению идентичности в виртуальном пространстве являются всевозможные развлекательные ресурсы, образцы массовой культуры. Ввиду нерегулируемости массовая культура зачастую оказывается доминантной в Интернет-среде. Более того, артефакты массовой культуры устроены таким образом, что практически отсутствует возможность упустить их из виду. Один случайный клик мышью — и человек увязает в бесконечных эпатажных фотографиях и рекламных слоганах. Таким образом, легкий досуг начинает конкурировать с серьезными образовательными и научными ресурсами, до которых фактически человек может и не добраться. Возможно, образовательные ресурсы также должны привлекать яркими вывесками? Нам представляется, наука, и образование в виртуальном пространстве имеют огромный потенциал развития. С этим запросом связано появление игровых компьютерных технологий и таких порталов как, Coursera, Khan Academy, Пост Наука и другие. За счет использования новых форм представления информации, ее восприятия, анализа и осмысления, эффективность процесса обучения повышается в несколько раз. В процессе учебной игры развивается целеустремленность, активность, динамичность и продуктивность мышления, прочность и оперативность памяти,

стремление к совершенству и вера в свои силы. Важно отметить, что новые формы обучения не противостоят традиционному формату обучения, не противоречат современным педагогическим теориям, а дополняют их, т. к. базируются на принципе единства теории и практики, позволяя развивать и интегрировать имеющиеся навыки и умения.

Таким образом, свобода, как порождение новой коммуникативной реальности, приносит с собой множество позитивных новаций (в искусстве, образовании, науке). Она лишь требует четкой и грамотной координации ее ценностно-смысловых оснований. В этом смысле, Интернет на наш взгляд, является возможностью вслед за экономической и социальной интеграцией, реализованной в глобальном пространстве прийти к интеграции духовной и открытой решать общечеловеческие проблемы на общемировом уровне. В виртуальной реальности присутствует потенциал развития человека и главным вопросом становится этическое регулирование и включение человеческой осознанности для раскрытия его творческого потенциала.

Список источников

1. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М. : Издательство Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. Миронов В. В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2010. № 3. Сер.7. Философия. 2010. № 3. С. 16—17.

Д. Ю. Радионов, Р. Ю. Удовиченко

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

РАДИОНОВ Дмитрий Юрьевич — менеджер избирательной кампании, Россия

УДОВИЧЕНКО Роман Юрьевич — историк, политконсультант, Россия; bumaga11@list.ru

В демократической стране выборы органов управления различного уровня — важный элемент легитимности власти. В нашей стране выборы органов управления проходят регулярно и являются неотъемлемой частью политического процесса, избирательной кампании.

Актуальность указанной темы авторы видят в необходимости предвидеть условия развития избирательной кампании в конкретном месте в ограниченное время. Объектом нашего внимания выступают особенности проведения социологического опроса. Предметом — специфика работы в населенных пунктах от 500 до 10000 избирателей. Подготовка интервьюеров на месте. Ведь пригласить профессиональных опытных сотрудников порой нет ни временной, ни территориальной возможности.

Основные этапы на пути к получению результатов социологического опроса в рамках заявленного предмета.

1. Подбор интервьюеров. В малых населенных пунктах жители друг друга знают лучше. Живут и работают, как правило, в одном населенном пункте. Но не у всех есть возможности коммуникации в рамках задач анкетирования. Поиск проходил среди работников библиотек, домов культуры, поселковых администраций, фельдшерско-акушерских пунктов, торговых точек. Предварительный отбор проходил как при личной встрече, так и в телефонном разговоре. Рекомендованный человек должен был способен оперировать абстрактными понятиями, внятно формулировать мысли. Иметь физическую возможность работать, а также не препятствующие семейные обстоятельства.

2. Мотивация. Для потенциальных интервьюеров возможность работать для себя лично была одним из стимулов. Жители чувствовали большую сопричастность друг к другу. И значимым стал стимул заработать и приобрести на заработанные средства что-то в общее пользование. Например, микрофон в дом культуры, поливочный шланг, травкосилку, материалы для ремонта. Используя разнообразную мотивацию, удалось в короткие сроки повысить решимость приступить к работе подходящих сотрудников и увеличить степень взаимной ответственности за результат работы.

3. Рабочий процесс. Окончательное решение о работе с конкретным претендентом принималось в ходе и по итогам инструктажа. Учитывая, что подобного опыта никто из претендентов не имел, было принято решение проводить подробный анализ анкеты в малых группах по 2—4 человека. Например, инструктаж (квоты, маршрутизация, карточки, вхождение в контакт, пробное заполнение) на анкету из 16 вопросов, продолжался 2 и более часа. Учитывая специфику того, что обеспечить обезличенность между интервьюером и респондентом представлялось крайне сложным, на инструктаже отдельно обсуждались условия проведения опроса, понимание своей роли не как односельчанина, а сотрудника по выполнению важного внешнего задания. Но при этом отмечалось, что входить в контакт с потенциальными респондентами проще, чем в крупных населенных пунктах. Ротация интервьюеров из одного населенного пункта для работы в другом также имела место. По итогам каждого рабочего дня интервьюеры сообщали о результативности работы. Были предупреждены о проведении внешнего оперативного контроля 100% передаваемых анкет со стороны заказчика.

4. Контроль. Сроки ограничены. Интервьюеры работали впервые. Поэтому от каждого интервьюера требовалась скорая передача не сразу всех анкет, а по одной — две фотокопии анкет по мере готовности по электронной почте. Это позволяло выявить на первых анкетах ошибки и не повторять. И быстро связываться с респондентами, контролировать работу интервьюеров. О такой методике было рассказано на инструктажах и согласие было достигнуто заранее, что анкеты без адресов и номеров мобильных телефонов к оплате не принимаются. Для обеспечения запаса анкет, были предусмотрены 15% превышения необходимого количества анкет.

5. Аналитика по итогам обработки анкет.

Пройдя указанные этапы, удалось получить необходимую информацию о восприятии жителями тематики избирательной кампании, организовав социологические исследования.

А. В. Добронравов, Е. В. Брызгалина

ФОРМИРОВАНИЕ РЕПУТАЦИОННОГО КАПИТАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕСУРСА ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ДОБРОНРАВОВ Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, dobronravov.a.v@mail.ru

БРЫЗГАЛИНА Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии образования Философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; evbrz@yandex.ru

Аннотация. С целью увеличения репутационного капитала регионального политического ресурса депутатов Государственной Думы, формирования и поддержания образа Федеральных политиков как региональных политических лидеров, привлечения общественного внимания к депутатам Государственной Думы и их деятельности на федеральном и региональных уровнях, считаем целесообразным дополнительно к предусмотренным нормативным документами каналам информирования о деятельности депутатов Государственной Думы Российской Федерации рекомендовать создание ряда информационных ресурсов (Аккаунтов) в социальных сетях сети интернет (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter), ориентированных на средства массовой информации, лидеров общественного мнения, широкую общественность и в частности, на молодёжь региона в котором депутат осуществляет свою представительскую деятельность.

Ключевые слова: Региональный политический ресурс, публичное управление, Государственная Дума

С целью увеличения репутационного капитала регионального политического ресурса, формирования и поддержания имиджевого образа и общественного внимания считаем целесообразным дополнительно к предусмотренным нормативным документами каналам информирования о деятельности депутатов ГД РФ и парламентариев субъектов РФ рекомендовать создание ряда информационных ресурсов (Аккаунтов) в социальных сетях сети интернет (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter), ориентированных на лидеров общественного мнения, СМИ и широкую общественность региона в котором депутат осуществляет свою представительскую деятельность.

Контентное наполнение аккаунта необходимо осуществить по различным направлениям с учётом интересов целевых аудиторий. Контентное наполнение должно включать в себя:

- персональные данные;
- информацию, направленную на создание образа «личности, укоренённой в регионе»;
- информацию, направленную на создание образа «личности, максимально включенной в события региональной жизни»;
- информацию, позиционирующую депутата как «человека федерального уровня, решающего конкретные проблемы»;
- информацию, позиционирующую депутата как человека, интересующегося делами людей различного возрастного, социального и профессионального статуса;
- информацию, позиционирующую депутата как «человека, разбирающегося в международной политике»;
- информацию, позиционирующую депутата как «реального земного человека со своими ценностями, интересами, увлечениями».

Информация, направленная на создание образа «личности укоренённой в регионе» включает в себя:

- личные посты;
- элементы биографии;
- воспоминания депутата;
- личные фотографии с комментариями (любимые места, путешествия, увлечения, хобби, досуг);
- людей региона «из прошлого» (родственники, друзья, одноклассники, учителя, коллеги и т. д.);
- воспоминания других людей, связанных с событиями прошлого и участием в них депутата, имеющих личное и социально-политическое значение, (демонстрации, митинги, выборы и прочее);
- специальные напоминания о деятельности Общероссийского народного фронта в республике Коми, как структуре, работавшей под непосредственным руководством депутата.

Информация, направленная на создание образа «личности, максимально включенной в события региональной жизни», влияющей на них, принимающей конкретные решения по конкретным ситуациям и регионе включает в себя:

- Информацию о формальных мероприятиях с участием депутата в регионе (встречи с избирателями, выезды по обращениям граждан, информация о решении конкретных проблем, присутствие на значимых для людей событийных мероприятиях и праздниках);

- Реакцию депутата на события в регионе (состоявшиеся без личного участия) — как информационную, так и эмоциональную.

Информация, позиционирующую депутата как «человека федерального уровня, решающего конкретные проблемы» включает в себя:

- Принятые законопроекты, внесённые конкретно депутатом и результаты от законопроектов;
- Сбор позиций широкой общественности относительно законопроектов, находящихся в обсуждении, внесённые депутатом в виде указания на конкретные механизмы и результаты, достигаемые при принятии (неприятии) конкретного законопроекта. Возможен формат «голосования» с аргументами;
- Сбор позиций отдельных целевых аудиторий (например, директоров школ, главных врачей больниц и так далее) относительно законопроектов, находящихся в обсуждении (внесённых депутатом);
- Информацию о конкретных примерах эффективности депутатской деятельности, фото и рассказы людей от «первого лица» об оказанной помощи, поддержке в решении локальных вопросов (стилистика и форма сообщений не должны модерироваться).

С целью широкого вовлечения молодёжной аудитории дополнительно необходима разработка и использование конкретных хештегов на встречах с молодёжью, активное фотографирование с депутатом, стимулирование выкладывания фото с хештегами — возможно в варианте конкурсов.

Отдельного обсуждения требует использование технологий «зачистки» информационного поля. Конкретные механизмы реализации указанных направлений, их уточнения и дополнения могут быть сделаны при принятии концептуальных, магистральных линий позиционирования.

А. В. Германова

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ: ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

ГЕРМАНОВА Анастасия Владимировна — студентка IV курса факультета управления и социально-гуманитарного образования, направление подготовки 39.03.01 «Социология», ГБОУ ВО МО «Технологический университет», г. Королёв, Россия, missisgav@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется влияние социальных сетей на процессы социализации молодёжи. Приводятся краткие результаты авторского исследования «Жизнь онлайн: молодёжь и социальные сети». Автор отмечает, что активное погружение молодёжи в виртуальную реальность оказывает негативное влияние на процессы социализации. Была предпринята попытка спрогнозировать возможные деструктивные последствия. Так же автором были предложены некоторые меры предотвращения этих последствий.

Ключевые слова: молодёжь, социальные сети, социализация

Одна из проблем современной молодёжи заключается в том, что виртуальная жизнь вытесняет реальную. Молодёжь — социальная группа людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции. В социологии термин «социализация» начал использовать американский социолог Ф. Г. Гиддингс¹. Под социализацией понимается процесс усвоения индивидом социальных норм и ценностей, образцов поведения, необходимых для функционирования в данном обществе. Начиная с подросткового возраста, молодые люди активно включаются в социальные отношения. Погружение в виртуальную реальность ставит эти процессы под угрозу.

Теоретико-методологической основой исследования являются работы М. Гранноветтера², Р. Эмерсона³ и М. Кастельса⁴. Они рассматривали со-

¹ Старостина Н. Н. Процесс социализации подростков // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 4—6. С. 106.

² Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2012.— С. 343.

³ Кравченко С. А. Социология в 2-х тт. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. Издание 2. М. : Юрайт, 2014. С. 208—211.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. // Twirpx.com <http://www.twirpx.com/file/63184/>.

циальные сети как социальное и экономическое явление; через призму социального взаимодействия; как источник и результат развития общества. Термин «социальная сеть», представляющий некий круг знакомых человека и определённые социальные связи внутри этого круга, вошёл в научный оборот Дж. Барнз¹. В современной науке под этим термином традиционно понимается сайт, построенный на основе персональных анкет пользователей, позволяющий обмениваться сообщениями и мультимедийным контентом.

Такие социологические организации как ВЦИОМ² и Левада-Центр³ изучают влияние социальных сетей на людей, обращают внимание на нравственную сторону этого взаимодействия. Социальные сети как феномен современного информационного общества изучают Р.Э. Бараш⁴, И. В. Ксенофонтова⁵, В. В. Брюно⁶.

В ноябре 2016 года автором было проведено исследование «Жизнь онлайн: молодёжь и социальные сети». Объектом исследования выступает студенческая молодёжь города Королёва. Предметом является отношение молодёжи к социальным сетям. Цель исследования: выявление степени зависимости молодёжи от виртуальной реальности. Рабочие гипотезы: 1. Девушки сильнее зависимы от социальных сетей, чем юноши. 2. Поведение юношей в социальных сетях чаще, чем поведение девушек, не соответствует нормам морали и этики. Первичные данные собраны методом анкетного опроса.

В качестве генеральной совокупности выступили студенты образовательной организации ГБОУ ВО МО «Технологический университет», в состав которой входят: Технологический университет, Техникум технологий и дизайна, Колледж космического машиностроения и технологий. Объём выборки составил 150 респондентов. Половозрастной состав: 50% юношей и 50% девушек в возрасте от 15 лет до 21 года. В опросе

¹ Жуков В. И. и др. Теория социальной работы. М. : Издательство РГСУ, 2011. С. 165—166.

² Соцсети — окно в мир или виртуальная ловушка? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2860. Дата публикации: 22.06.2015 г. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294>.

³ Убрать из друзей. // Левада-Центр. Дата публикации: 29.06.2015 г. <http://www.levada.ru/old/29-06-2015/ubrat-iz-druzei>.

⁴ Бараш Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и самоорганизации. // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены». 2012. № 3. С. 103—105.

⁵ Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения. // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены». 2012. № 3. С. 115—116.

⁶ Брюно В. В. Рискованное сексуальное поведение молодёжи в Интернете. Социология медицины: векторы научного поиска. Сборник статей. М. : Издательство Перо, 2015. С. 33—36.

приняли участие студенты, обучающиеся на гуманитарных, экономических, технических и творческих специальностях.

При изучении зависимости молодёжи от социальных сетей, необходимо рассмотреть гендерный аспект её формирования. Для проверки первой гипотезы данного исследования был использован критерий χ^2 Пирсона. Данные, полученные в ходе статистического анализа, говорят о том, что зависимость одинаково сильна у представителей обоих полов. Для анализа морально-этического поведения молодёжи в социальных сетях так же был использован критерий χ^2 Пирсона. Результаты показали, что поведение юношей в социальных сетях чаще не соответствует этическим нормам, чем поведение девушек.

В ходе исследования поведения молодёжи в социальных сетях было установлено, что гендерная принадлежность не оказывает влияния на зависимость от социальных сетей. А значит, представители обоих полов проявляют одинаково сильную зависимость от них. Кроме того, в ходе исследования выяснилось, что юноши чаще, чем девушки, не соблюдают нормы морали и этики в социальных сетях. Эта тенденция говорит о том, что в социальных сетях существует атмосфера, неблагоприятная для социализации подрастающего поколения. Поскольку социальные сети позволяют людям игнорировать нормы морали и этики — молодёжь младших возрастов усваивает поведенческие шаблоны, не соответствующие культурным и моральным ценностям общества.

Существующие в современном мире устойчивые тенденции к уходу молодёжи в виртуальную реальность могут привести к серьёзным изменениям в фундаментальных общественных процессах:

Изменение культурно-нравственных ориентиров современной молодёжи и последующих поколений. Следовательно, возможна кардинальная смена основополагающих культурно-нравственных ценностей и общественных норм всего через несколько поколений.

Вследствие переориентации молодёжи уже сегодня происходит переход к новым формам установления социальных связей и социального взаимодействия. Коммуникативные процессы так же испытывают на себе давление происходящих изменений. Возникает риск утраты коммуникативных навыков в реальной жизни.

В конечном итоге, все эти процессы представляют собой угрозу для нашего общества, ставя под вопрос саму способность общества к аутопойезису через коммуникацию и взаимодействие его членов.

Очевидно, что благодаря высокой проникающей способности социальных сетей принимать какие-либо радикальные меры по ограничению доступа молодёжи к ним — бессмысленно. Следовательно, необходимо искать более дипломатичные, компромиссные способы. Для решения

проблем зависимости и нравственной деградации молодёжи в социальных сетях можно предпринять следующие меры:

Обеспечение качественного внутрисемейного воспитания. Увы, в современном мире дети с малых лет воспитываются телевизорами, компьютерами и прочими гаджетами, родители попросту не уделяют должного внимания своим детям. Такое воспитание — первый шаг на пути к зависимости от социальных сетей и нарушениям процессов социализации. В интересах каждой семьи и всего общества воспрепятствовать этому.

Активное привлечение молодёжи в сферы культуры, спорта и науки. Если у подрастающего поколения свободное время будет уходить на саморазвитие, его представителям некогда будет целыми днями сидеть в Интернете. Это приведёт не только к личностному развитию каждого, но и к развитию общества в целом.

Организация элективных занятий по культуре и этике общения в Интернете среди школьников и студентов. Как уже было сказано, оградить молодёжь от социальных сетей нельзя. Но можно привить культурные и этические нормы взаимодействия в Интернет-пространстве. Это поспособствует установлению в социальных сетях благоприятной атмосферы для социализации молодёжи.

Список источников

1. Бараш Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и самоорганизации // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 103—105.
2. Брюно В. В. Рискованное сексуальное поведение молодёжи в Интернете // Социология медицины: векторы научного поиска. Сборник статей. М. : Издательство Перо, 2015.
3. Жуков В. И. и др. Теория социальной работы. М. : Издательство РГСУ, 2011.
4. Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура. Twirpx.com. <http://www.twirpx.com/file/63184/>.
5. Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. Издание 2. М. : Юрайт, 2014.
6. Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения. // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 115—116.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2012.
8. Соцсети — окно в мир или виртуальная ловушка? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2860. Дата публикации: 22.06.2015 г.
9. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294>.

10. Старостина Н. Н. Процесс социализации подростков. // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 4—6. С. 106—108.
11. Убрать из друзей // Левада-Центр. Дата публикации: 29.06.2015 г. <http://www.levada.ru/old/29-06-2015/ubrat-iz-druzei>.

А. А. Ефанов

НОВЫЕ ФОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК ПОСРЕДСТВОМ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

ЕФАНОВ Александр Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия; yefanoff_91@mail.ru

Модернизация новейших средств коммуникации оказывает амбивалентное влияние на жизнедеятельность современного общества. Сокращая время на передачу и получение информации до нескольких секунд, сетевые коммуникации (своего рода, новый тренд второго десятилетия XXI века), с одной стороны, оптимизируют социальные процессы, с другой, — могут продуцировать аффективные реакции в социальной среде, последствия от которых становятся неконтролируемы и трудно прогнозируемы. Моральные паники представляют собой «чрезмерно эмоциональные реакции общества на ряд проблем, которые интерпретируются со стороны СМИ как серьезные угрозы устойчивой системе духовных норм и ценностей и в перспективе способны привести к разрушению социальной структуры» [1, с. 58].

В настоящее время Интернет (официально признан СМИ в 2010 году) стал основным полем для инспирирования моральных паник. Это можно объяснить «засильем в Сети деструктивной информации, разрушающей моральную целостность социума, ее свободным доступом в неограниченном объеме, создающим в обществе ощущение неизбежной «вселенской беды», порождая стигмы и фобии — первооснову моральной паники» [2, с. 90]. В качестве инструмента конструирования моральной паники используется интерактивная функция Интернета — «форумы и социальные сети, нередко распространяющие не соответствующую действительности информацию, порождающую слухи и сплетни» [3, с. 147].

Предметом рассмотрения настоящего исследования являются новые формы конструирования моральных паник посредством сетевых коммуникаций. За основу были взяты материалы сетевых средств коммуникации («посты» пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook», а также сообщения в мессенджерах «WhatsApp» и «Viber»). Использовался комплекс методов: количественный контент-анализ, дискурс-анализ. При проведении контент-анализа применялось манифестное кодирование, построенное на фиксировании маркеров: наркотики; школьники; дети; почта; Коран; пакетики; яд. Хронологические рамки исследования: апрель — ноябрь 2016 года.

Так, в 2016 году были предприняты две попытки конструирования моральных паник посредством сетевых коммуникаций. Первая из них началась в апреле. Более 440000 репостов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» собрало следующее сообщение: «ВНИМАНИЕ! Появились наркотики в виде жевательной резинки. Оформлено красиво: наклейка с Винни-Пухом. По вкусу ничем не отличается от простой жвачки, но в ней находится доза героина, которая сразу действует на ребенка. Необратимые последствия вызывает. Предлагают ее на улице (бесплатные акции), могут даже продавать в ларьках. Просят ребенка пожевать. Зависимому уже ребенку предлагают приводить еще детей, тогда эти жвачки дают им бесплатно, если он приходит за ней один — 500 рублей просят. Целенаправленно хотят уничтожить наших детей. Поработайте со своими знакомыми о том, чтобы они ни от кого ничего не брали. Да благословит нас всех Бог и даст нам мудрости. Предупрежден — значит вооружен. Максимальный репост, ребята!»

Информация распространялась более чем в 10 российских городах (Мурманск, Якутск, Владивосток, Хабаровск, Казань, Уфа, Оренбург, Киров и др.). При этом, подобно медиа-вирусу, данная моральная паника проникала в разные субъекты страны поэтапно, двигаясь с восточной части России (в апреле-мае) в центральную (в сентябре-октябре).

Используя риторику опасности и концентрируясь вокруг проблемы посягательства на безопасность детей («сразу действует на ребенка», «необратимые последствия вызывает», «целенаправленно хотят уничтожить наших детей»), моральная паника начала распространяться одновременно по двум каналам: как в виртуальном пространстве через социальные сети, так и в реальном — посредством устной коммуникации (инструктажи учеников в школах, оповещение родителей на собраниях и т. д.).

Механизмом контрдействия моральной паники стало публичное заявление представителей Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД РФ: «Такой жвачки не существует, это слух. Тем не менее, мы призываем родителей быть бдительными и обращать самое пристальное внимание на то, как ведет себя ребенок. В первую очередь, это связано с широким распространением «спайсов» и того, в каком виде их продают» [4]. Медики также подтверждали, что «детей с отравлениями вследствие употребления такой жвачки в наркологические диспансеры не поступало» [4].

Моральную панику в отношении распространения наркотиков среди детей и подростков пользователи социальных сетей вскоре назвали «фейко-паникой». Однако необходимо отметить, что наряду с деструктивными изменениями (намеренное искажение картины социальной действительности, усиление тревог и страхов в обществе), данное явле-

ние имело и конструктивные последствия (повышение уровня информированности среди населения, укрепление социальных границ).

Вторая попытка конструирования моральной паники произошла осенью 2016 года. В мессенджерах «WhatsApp» и «Viber» стали распространяться голосовые сообщения следующего содержания: «Привет! Меня сейчас оповестили друзья. В ящики почтовые кидают пакетики — по типу подарочных. Бумажка какая-то внутри лежит. В общем, запакованные пакетики. Открывать ни в коем случае нельзя. Внутри содержатся вырезка из Корана и ядовитое вещество. И уже несчастные случаи были зарегистрированы по России. Поэтому никакие пакетики ни в коем случае не открываем в своем ящике. Я просто в ужасе. Максимальному количеству людей — знакомым, близким — пересылаю это сообщение. Будьте, пожалуйста, аккуратными».

В данном конструкте также применялась риторика опасности («и уже несчастные случаи были зарегистрированы по России», «я просто в ужасе»), а для достижения максимальной убедительности и создания эффекта экспромта использовались разговорные фигуры речи («меня сейчас оповестили друзья», «максимальному количеству людей — знакомым, близким — пересылаю это сообщение»). Моральная паника распространялась в разных российских городах (Благовещенск, Москва, Оренбург и др.).

В отличие от предыдущего прецедента, данное явление имело меньшее влияние на общество (в социальных сетях встретилось около 300 репостов, при этом особого обсуждения подобные сообщения не вызывали). Это объясняется тем, что моральная паника в отношении распространения наркотиков была направлена точно и концентрировалась вокруг «сильного» объекта — детей и потенциальной угрозе разрушения данной социальной группы.

Однако не случайно на волне антитеррористической миссии России против ИГИЛ (запрещенной организации) в сообщении упоминается Коран — священная книга всех мусульман. В этой связи рассматриваемое явление представляет собой пример антиисламской провокации, демонизации религиозных ценностей второй по численности адептов конфессии в России. Таким образом, подобный прецедент можно расценивать как попытку разжигания межрелигиозного конфликта в поликонфессиональном государстве.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что новые формы конструирования моральных паник посредством сетевых коммуникаций стали свидетельством перераспределения сил основных «игроков» современного медиапространства. Несмотря на то, что в 1990—2000-е годы главным полем для инспирирования моральных паник было телевидение, в настоящее время Интернет, поэтапно расширяя свои воз-

возможности (социальные сети, мессенджеры и проч.), усиливает влияние на социум. Подобно технологизации общества, данный процесс будет иметь необратимый характер, обуславливая постепенное сокращение аудитории «традиционных» СМИ.

Список источников

1. Ефанов А. А. Использование дискурсивных стратегий при конструировании моральных паник в региональной медиа-повестке // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: в 2 ч. Ч. 1. Материалы Международной научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября 2016 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. Оренбург : ООО «Издательство «Оренбургская книга», 2016. С. 58—61.
2. Ефанов А. А. Моральные паники как дисфункция Интернет-коммуникации // Перспективы науки. 2014. № 2 (53). С. 89—92.
3. Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Саранск, 2016.
4. Фейко-паника-2: жвачка с героином // Фонтанка.ру. 2016. URL <http://blog.fontanka.ru/posts/189117/> (дата обращения: 14.01.2017).

Е. Г. Осипюк

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

ОСИПЮК Елена Григорьевна — студентка IV курса Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия; waoshiteruv@mail.ru

Аннотация. В результате развития информационных технологий, обусловленной развитием медиатехнологий и их укоренением в структуре общества, можно выделить создание новой социальной реальности. Интернет-пространство стало одним из значимых способов коммуникаций, сформировав, таким образом особую медиасреду.

Ключевые слова: медиасреда, социальные медиа, феномен, контент

В результате развития информационных технологий, обусловленной развитием медиатехнологий и их укоренением в структуре общества, можно выделить создание новой социальной реальности. Интернет-пространство стало одним из значимых способов коммуникаций, сформировав, таким образом особую медиасреду. Выявить влияние медиатехнологий на современное общество становится сложнее с каждым годом, новые медиа ежедневно воздействуют на общение людей, производство и потребление информации. Социологической науке становится все сложнее фиксировать и анализировать социальные изменения под влиянием медиа. Становится все тяжелее ввести конкретные социологические понятия из-за постоянной трансформации формы и содержания медиапространства. Распространению такого термина как «медиа» способствовали многие западные авторы, в частности Т. Фридман, К. Хэйлис, П. Райд, А. Дьюдни.

Понятие «социальных медиа» появилось сравнительно недавно в связи с появлением ряда новых технологий (RSS, блоги и т. д.) и интернет-ресурсов (онлайновые социальные сети, видеохостинги и т. д.). Круг этих, на первый взгляд, разнородных явлений объединяет то, что все они служат облегчению обмена информацией между пользователями по сравнению с технологиями предыдущего поколения, когда интернет состоял преимущественно из статических страниц. П. Гиллин определяет «социальные медиа» следующим образом: «социальные медиа — многозначный термин, объединяющий различные онлайн-технологии, позволяющие пользователям общаться и взаимодействовать между собой» [1]. Главной особенностью «социальных медиа» по П. Гиллин является равноправное общение между участниками интернет-коммуникации,

то есть пользователи не только сами выбирают себе контент, но и сами создают себе социальные связи. Социальные медиа можно назвать одним из факторов демократизации общества, ведь они не просто не знают границ, но и стирают уже существующие (территориальные, социальные, возрастные и т.д.).

Социальные медиа, как общественный феномен уходят своими корнями в до цифровую эпоху. Термин «социальная сеть» появился в 1954 году, автором термина является Д. Барнс, он первым стал исследовать взаимоотношения между людьми с помощью социограмм, визуализируя индивидов в виде точек, а взаимодействия между ними в виде линий [2]. Хотя термин «социальные сети» являются лишь одним из видов социальных медиа, но и также является их неотъемлемой частью. Появление социальных сетей помогли социальным медиа перейти на четвертую стадию развития социальных медиа. В данный момент они остаются на этой стадии, но не избежать появления новых ресурсов, которые помогут перейти пятую стадию развития.

Сегодня необходимо проведение социологических исследований социальных медиа, прежде всего, как социального феномена, существенно поменявшего социальную реальность и ставшего новым способом коммуникации. Кроме этого, считаю необходимым исследовательским направлением социальных медиа выделить особенности создания контента, возможность создавать свой контент для широкой аудитории, которая по сути уникальна, механизмы порождения актуализированной повестки дня, особенности самоорганизации и взаимодействия. Это открывает новые границы для общества, раскрывая креативность социальных медиа и возможность использования их для создания новых способов и стратегий взаимодействия в целом (например как электоральные каналы, бизнес-модели и т.д.). Сегодня очевидно одно: виртуализация социального мира будет продолжаться, принимать качественно новые формы и оказывать влияние на все сферы общества.

Список источников

1. Жилавская И. В. Медиаповедение личности. Материалы к курсу. М. : РИЦ МГУ им. М. С. Шолохова, 2012.
2. Крайникова Т. С. Медиапотребление: обзор рецепций явления // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 167—170.

**Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов,
А. В. Чередник**

**ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН
ПО ЦИФРОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ УСТАНОВОК
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ 2013—
2014 ГОДОВ И МОЛДОВЫ 2015 ГОДА)**

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна— доктор политических наук, доцент, зав.кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; brodovskaya@inbox.ru

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна— доктор социологических наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; an-doc@yandex.ru

КАРЗУБОВ Д. Н.— аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета г. Москва, Россия; karzubovdn@gmail.com

ЧЕРЕДНИК А. В.— аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета г. Москва, Россия; anastasiyachv@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты киберметрического исследования¹, сочетающего методы сегментирования протестных сообщений социальных сетей Украины и Молдовы 2013—2015 годов с использованием специальных инструментов онлайн сервиса для мониторинга социальных сетей, ивент-анализ и дискурс-анализ социально-медийных сообщений протестного характера в данных сетях. Определено соотношение конвенциональной и радикальной протестной риторики украинцев и молдаван в разные периоды протестного периода. Выявлены общие и отличительные черты формирования протестных установок в социальных сетях Украины и Молдовы 2013—2015 годов. Делаются выводы о возможностях разработки прогностической методики протестной активности по цифровым маркерам и определяются перспективы исследования, связанные с определением пользовательских хабов, взвешиванием силы социальных контактов

¹ Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 01201451097 «Методология интеллектуального поиска маркеров в Интернет-контенте».

в протестных групп социальных сетей стран постсоветского пространства, установлением лидеров общественного мнения, формирующим протестную активность, их технологии манипуляции сознанием и разработкой технологий, противопоставляющих формирование установок на государственный переворот и направленных на поддержание социальной и политической стабильности в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, протестная онлайн-активность, конвенциональное онлайн-поведение, неконвенциональное онлайн-поведение, прогнозирование по цифровым маркерам.

Задачи сохранения и поддержания общественной стабильности требуют разработки киберметрических инструментов, позволяющих выявить потенциально опасные влияния на ситуацию в обществе, способную перерасти в радикалистскую политическую активность. Особую актуальность сегодня приобретает разработка методики прогнозирования протестной активности в странах постсоветского пространства. Настоящее исследование ставит цель описать возможности создания методики прогнозирования по цифровым маркерам протестного поведения пользователей социальных сетей Украины в 2013—2014 г. г. и Молдовы 2015 году. Исследовательские вопросы, которые ставились перед исследованием протестной онлайн-активности в этих странах, позволили выявить общие черты предпротестного состояния контента социальных сетей. В настоящий момент ведется активная работа по созданию методики прогнозирования протестной активности по цифровым следам, в данной публикации представлены некоторые результаты, на основе которых осуществляется данная разработка.

Теоретическую основу настоящего исследования составляют труды, рассматривающие протест как процесс и выделяющие различные стадии протестного цикла. Это работы Н. Смелзера [17], Р. Теда [18], В. Костюшева [6], Дж. Маккарти [15] и М. Залда [15]. Фундаментом исследования также следует считать группу теорий, которая описывает и объясняет сущность воздействия Интернет-коммуникации и отдельно коммуникации в рамках социальных сетей на формирование сознания и поведения людей, в том числе, протестных установок (М. Кастельса [13], С. Грина, [14], А. Манойло [8—9], А. Днепров [4]).

Эмпирическая модель исследования включает:

- ивент-анализ, позволивший интерпретировать артефактную компоненту анализируемых сообщений социальных сетей;
- типологизацию релевантных документов, основанную на выделении типов сообщений (с помощью функционала онлайн интернет сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz);

- дискурс-анализ наиболее часто повторяемых сообщений и анализ метафор, используемых в выражении протестной активности [1—2].

В рамках данной публикации сделаем акцент на результатах киберметрического анализа и на том, что эти факты могут дать для разработки методики прогнозирования протестной активности по цифровым следам.

На рисунке 1 представлена динамика удельного веса сообщений конвенционального и неконвенционального характера в украинских сетях в начальный (18—30 ноября 2013 г.), кульминационный (1 декабря 2013 г.—16 января 2014 г.) и завершающий (17 января—22 февраля 2014 г.) периоды протестных событий.

Класс документов, содержащих лексику нигилистического характера (призывы неконвенциональной оппозиции к активным и радикальным протестным действиям), составляет примерно треть всей выгрузки (см. рис. 1). Компаративный анализ количественного выражения протестных настроений в текстах сообщений социальных медиа приводит к следующим выводам: по сравнению со вторым выделенным этапом протеста (1 декабря 2013—16 января 2014 г.) на первом и третьем этапах наблюдается довольно невысокий процент активно-нигилистических сообщений. Данная тенденция может быть объяснена тем, что на первом этапе у конвенциональной оппозиции не было такого ресурса формирования общественного протеста, как «кровавый прецедент», который появился, как известно, в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 г. А на третьем этапе активная мобилизационная фаза протестных действий имела нисходящую тенденцию в связи с тем, что основная цель протестующих была достигнута на втором этапе. Поэтому основной целью неконвенциональной оппозиции на последнем этапе являлось не столько мобилизация, сколько информирование о происходящем и поддержание высокого протестного уровня. Согласно результатам ивент-анализа, на третьем этапе продолжалось силовое противостояние между сторонниками Евромайдана и представителями органов правопорядка, однако само противостояние приобрело рутинный и обыденный характер. Можно утверждать, что к началу третьей фазы расстановка сил в Киеве окончательно устоялась, достигнув предела вовлечения киевских жителей.

В числе наиболее значимых результатов анализа кейса, связанного с молдавскими протестными событиями,— определение особенностей данного кейса в сравнении с другими на постсоветском пространстве и данные типологизации выгруженных из глобальной сети сообщений об этих событиях в Молдове сообщений (выгружено 100000 сообщений, за период с 21.05.2015 по 12.02.2016 годов, при ошибке выборки

4 % — отобрано 515 сообщений, шаг отбора = 194) и дискурс-анализа содержания отобранных документов.

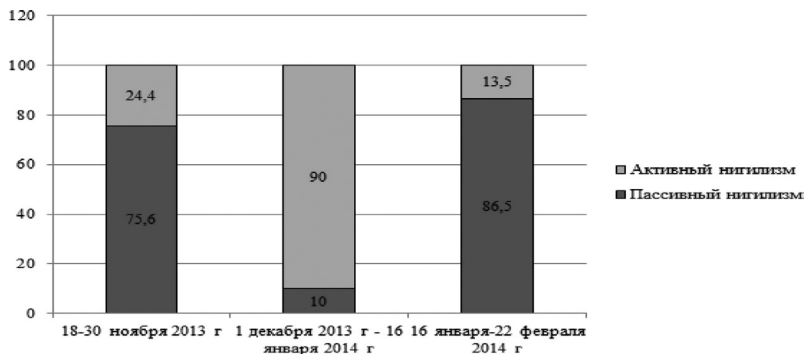

Рис. 1. Распределение сообщений с лексикой активного и пассивного нигилизма в украинских сетях (с 18 ноября 2013 по 22 февраля 2014 годов)

Отобранные в ходе систематического отбора сообщения подлежали количественному и качественному анализу. В ходе количественной стратегии обработки была осуществлена типологизация сообщений в соответствии с критериями, использованными в процессе автоматизированной типологизации протестных сообщений украинского кейса. Результаты типологизации представлены на рис. 2.

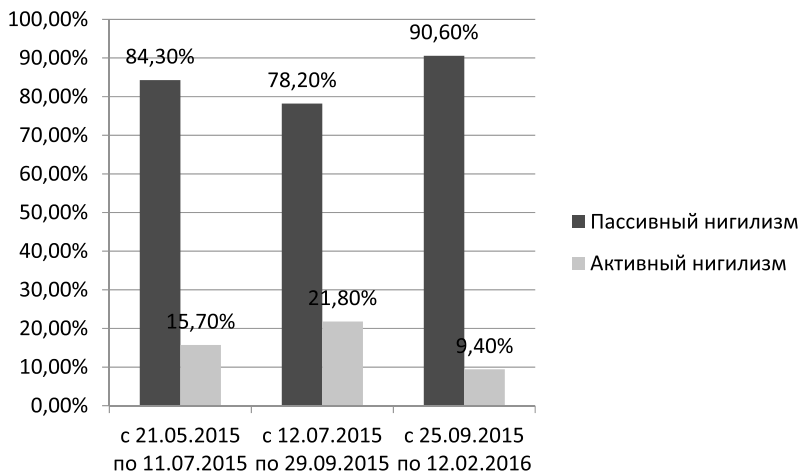

Рис. 2. Распределение сообщений с лексикой активного и пассивного нигилизма в молдавских социальных сетях (с 21 мая 2015 года по 12 февраля 2016 года).

Выгруженные с помощью онлайн сервиса для мониторинга социальных сетей 100000 сообщений молдавских сетей за период с 21 мая 2015 года по 12 февраля 2016 года были разделены на группы, относящиеся к 3 этапам: формирование протестных настроений (21.05—11.07.2015 г.); конфликтному (разгар и эскалация протеста) (12.07—24.09.2015 г.) и постконфликтному (спад протестной волны) (25.09.2015—12.02.2016 г.г.) — см. рис. 2. В соответствии с результатами ивент-анализа, период до 21 мая 2015 можно считать фазой формирования протеста. Интересен тот факт, что первые митинги против коррупции во власти произошли уже в конце февраля и продолжались в течение всей весны 2015 года. Вместе с тем, в социальных сетях Молдовы сообщения протестного периода фактически не фиксировались. Резкий всплеск протестной риторики и его дальнейший рост произошел 21 мая. В соответствии с данными ивент-анализа, этот рост протестной активности в социальных сетях мог объясняться реакцией на прошедший 16 мая 2015 года марш унионистов в центре Кишенева с требованиями немедленного присоединения к Румынии в целях реализации «проекта европейской интеграции». В этот период удельный вес активно-нигилистской риторики достиг 15,7 % в числе всех сообщений, идентифицированных как сообщения протестного характера. Отметим, что в аналогичный начальный период протестной активности в Украине данный показатель составлял 24,4 % (см. рис. 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что даже в разгар протестных событий, удельный вес радикалистских сообщений в молдавских социальных сетях составлял чуть более пятой части (21,8 %) от общего числа документов с протестной риторикой. Отметим, что в украинских сетях аналогичный показатель достигал 90 % — см. рис. 1. Таким образом, молдавские пользователи продемонстрировали несравнимо более высокий уровень конвенциональности в выражении своего несогласия с курсом власти, нежели украинские граждане, вовлеченные в коммуникацию посредством социальных сетей.

Компаративный анализ удельного веса активно-нигилистических сообщений украинского и молдавского кейсов в разные периоды развития протестных событий показал, что общим для предпротестной фазы является умеренный рост радикалистской риторики в социальных сетях и достижение удельного веса активно-нигилистических сообщений на уровне, не менее шестой части всех протестных сообщений. В разгар протестного процесса вполне объяснимой представляется наибольшая доля неконвенциональных протестных сообщений в сравнении с аналогичным показателем в иные периоды протеста. И, наконец, общей чертой украинского и молдавского кейсов следует назвать наименьшую репрезентацию

радикалистского контента в социальных сетях в постпротестный период (не более седьмой части всех протестных сообщений). Данная закономерность может стать основой разработки прогнозирования оффлайновых протестных событий при использовании автоматической типологизации протестных сообщений социальных сетей различных стран и определения соотношения в них конвенциональной и радикалистской риторики.

Список источников

1. Абрамов М. В., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 56—74.
2. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А. А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63—78.
3. Днепров А. Уроки украинского Евромайдана // NB: Международные отношения. 2014. № 4. С. 33—44.
4. Костюшев В. Социальный протест в поле политик: Потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. 2011. № 4. С. 144—157.
5. Манойло А. В. Вооруженный мятеж в Украине может стать для России последним тревожным звонком // NB: Международные отношения. 2014. № 2. С. 24—37.
6. Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age. vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
7. Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization. URL: <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет> (date of access 25.12.2012);
8. McCarthy J.D., Zald M. N. The Enduring Vitality of the Resource Mobilization Theory of Social Movements/ Handbook of Sociological Theory. NY: Kluwer Academic, 2002
9. Mills W. The Power Elite. Oxford: Oxford University Press, 1999.
10. Smelser N. The Theory of Collective Behavior. NY: Free Press, 1963
11. Ted R. Gurr Handbook of political conflict: theory and research. «The» Free Press, 1980.

Е. Е. Скворцова, О. Н. Вершинская

ИНТЕРНЕТ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

СКВОРЦОВА Елена Евгеньевна — научный сотрудник, ИСЭПН РАН, г. Москва, Россия; skvortsova_e@mail.ru

ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСЭПН РАН, г. Москва, Россия; vershinskaya@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается взглянуть на проблему использования Интернет людьми старшего возраста с двух сторон: классической статистики и междисциплинарного подхода. Статистический анализ проблемы показывает, что большая часть людей старшего возраста в РФ еще не живёт в виртуальном пространстве. Однако предлагаемые объяснения строятся без понимания сути природы возникновения и развития самого явления, не позволяя ответить на вопрос, почему и кто из людей старшего возраста еще не пользуется Интернетом. Сделана попытка показать разницу в оценках и их глубине при статистическом и междисциплинарном подходах. Ведущая роль в междисциплинарных исследованиях придается личностным смыслам, неформальным правилам и отношениям.

Ключевые слова: социология интернет, ИКТ, адаптация, культурно-информационный фактор, личностные мотивации, модели потребления, межпоколенческий культурный разрыв

Наступила эпоха IV коммуникационной революции, меняющая правила и возможности коммуникации между людьми. Первой революцией в коммуникации было изобретение письменности, второй — изобретение книгопечатанья, затем телеграфа и теперь — Интернета, радикально меняющего формы и способы коммуникации.

Россию по показателю вовлеченности населения в сеть можно отнести к развитым странам, хотя по показателю экономического развития в целом она обычно относится к категории «развивающаяся экономика».

Вовлеченность в Интернет населения России в целом соответствует мировым тенденциям [1]. В 2015 г. в РФ количество интернет-пользователей на 100 человек приблизилось к США (71 и 84 человек соответственно), но темпы роста этого показателя за период 2005—2015 гг. у России намного выше, чем у США — показатель вырос с 43 (2005 г.) до 71 (2015 г.) — в 1,6 раза, а в США — с 72 до 84 [2,3]. Процесс интер-

нетизации в России начался позднее, чем в США, но проходит высокими темпами, и разница между этими показателями двух стран быстро сокращается.

Возрастная структура интернет-пользователей в 2015 г. по сравнению с 2005 г. демонстрирует значительное увеличение количества пользователей старших возрастов (60+) — 23 % против 2 % соответственно [4]. Однако хотя для групп пожилых людей, людей со средним уровнем образования, с низким уровнем дохода вовлеченность в Интернет значительно выросла по сравнению с 2005 г., она еще далека до максимума, что свидетельствует о наличии существенных перспектив роста.

На основании вторичного анализа эмпирических данных о целевом использовании Интернет [5] можно сделать вывод о том, что удовлетворение коммуникационно-информационных и эмоциональных потребностей (общение, поиск информации, обращение к мультимедиа) становится нормой повседневной жизни интернет-пользователей старшего поколения. Социально-функциональные потребности, которые связаны с комфортностью жизни, заработком, экономией времени, уменьшением усилий, рисков, стоимости и т. д., реализуются ими в меньшей степени, вероятно, в силу ограниченности ресурсов адаптации старшего поколения к интернет-пространству. Но это одновременно свидетельствует о наличии перспективы роста удовлетворения пенсионерами социально-функциональных потребностей при целенаправленной адресной помощи.

В целом ситуация в РФ соответствует глобальными трендами распространения Интернет:

- сокращение числа людей вне Интернет;
- рост числа женщин интернет-пользователей;
- рост числа пенсионеров интернет-пользователей;
- сокращение числа интернет-пользователей со стационарных компьютеров, рост числа интернет-пользователей с мобильных устройств.

Классический статистический анализ проблемы показывает, что большая часть людей старшего возраста в РФ еще не живёт в виртуальном пространстве. Ответить на вопрос почему и кто из людей старшего возраста уже живет в виртуальном мире и почему, можно, если попробовать посмотреть на проблему не с позиций позитивизма, изучающего проблемы ставшего, а не становящегося, используя междисциплинарный подход к проблемам становления. Объяснение через подведение под общую категорию, исключение актора деятельности и его мотивации являются слабостями позитивизма. В социальных науках важно не просто констатировать и описывать ситуацию, но и понять процесс ее возникновения и развития.

Новые информационные ресурсы играют в условиях распространения ИКТ ключевую роль. На фоне возрастания интенсивности коммуникации

становится ясно, что упорядоченная и систематическая коммуникация ведет к закреплению новых традиций. Существуют сюжеты, которые традиционно недооценивались профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении других наук: философии, психологии, социологии, культурологии. Ведущая роль в междисциплинарных исследованиях придается личностным смыслам, неформальным правилам и отношениям. Личностные мотивации — это мотивационная цепочка: намерения (хочу \не хочу), возможности (могу — не могу, ресурсы, способности), решение (моё \не моё), воля, оценка как обратная мотивирующая связь (обществом, группой или личностью) намерений, действий, средств, результатов. Для анализа намерений участников коммуникации используются методы психологии, так как нельзя забывать психологическую реальность изучаемой деятельности и социально-психологические риски, возникающие в результате потребления растущего количества электронных услуг.

Какие мотивации руководят поведением людей, когда они используют или не используют ИКТ? Проведенные исследования показывают, что ведущая роль в развитии информационного общества в России принадлежит социокультурным и социально психологическим факторам.

Долгие годы существовали чисто российские феномены, которые автор назвал «информационными болезнями социализма», тормозящие (и тормозящие до сих пор для лиц старшего возраста) восприятие информации в нашей стране. Это до сих пор относится к старшему поколению, 77% которого находится вне сети. Для выяснения того, кто еще не в сети, в странах ЕС появился проект Agism, Сегрегация людей старшего возраста.

Группа сотрудников ИСЭПН РАН, занимающаяся изучением социальных последствий распространения ИКТ, приняла решение изучать процессы адаптации старшего поколения к виртуальному миру прежде всего чтобы понять насколько удовлетворяет Интернет познавательные потребности, потребности повседневной жизни, эстетические потребности (специализированные сайты — литература, музыка, выставки, театр, кино), потребности в эмоциях (любви, единомыслии, уважении и др.), в самореализации (реализация целей, способностей и пр.). Результаты проводимых нами углубленных интервью будут готовы летом 2017 г.

Адаптация определяется нами как выработка модели потребления в соответствии со своими ресурсами. Ресурсами адаптации являются:

- возраст и пол,
- уровень информированности,
- уровень образования,
- имеющиеся социальные связи,
- способности.

ИКТ изменяют модели жизнедеятельности людей, включая людей старшего возраста. Для новых возможностей, допускающих разные новые варианты действий, еще нет современных и адекватных правил. Еще не всегда понятно, какой тип поведения и знаний является нормативным, общепринятым. Однако уже появились реликты доцифрового века: стационарные телефоны, телефонные будки, факсы, справочники, географические карты,

В интернете нет одиночества, и нет старости. Не сходя с места, люди и в концерты, и в галереи, и в путешествия попадают. Все это перестало звучать обыденно, а стало фактом реальности жизни онлайн-поколения. На глазах меняется понятие частной жизни. Для людей не имеет значения, что про них читают миллионы, главное, что с ними общаются, что им отвечают, что им пишут и присылают свои фото и высказывания.

Нам представляется, что для людей старшего возраста интернет-пространство становится дружественной средой, адаптация к которой необходима. Интернет приносит старшему поколению пользу в плане не только психологического и физического комфорта, но и социальной активности. Ситуация — когда младшее поколение обучает старшее интернет-грамотности и безопасному поведению, а старшее, имея большой жизненный опыт и, будучи избирательным в контенте, препятствует негативным влияниям сети, передает младшему элементы традиционной культуры — уменьшает культурный разрыв между поколениями, взаимобогащает их. Поэтому, информационную активность людей старшего возраста необходимо стимулировать.

Рост технологической мощи повышает внешнюю устойчивость общества, но вместе с тем увеличивается и количество угроз, связанных с недальновидным использованием новых технологических возможностей. Если не происходит притирка к новым технологиям, общество подрывает природные (и/или геополитические) основы существования и становится жертвой собственного декомпенсированного могущества.

Для выживания в искусственно созданном виртуальном мире еще не разработана система правил и ограничений осуществления виртуальной деятельности. Выявить эти новые ограничения поможет изучение отношений между ИКТ и их пользователями. С точки зрения самых разных наук человек должен знать предельно допустимые значения главных параметров виртуального мира. Виртуальное пространство повседневности расширилось колоссально. «Люди-цифры» заменяют «Людей-слово».

Список источников

1. Technology, Media, and Telecom Practice. Offline and falling behind: Barriers to Internet adoption. October. 2014. McKinsey & Company.

2. World Development Indicators. [http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx? Code=IT.NET.USER.P2&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopula](http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=IT.NET.USER.P2&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopula).
3. PEW Research Center. JUNE 26, 2015.
4. ФОМ. Опрос «Интернет в России» 18+. Выпуск 11. Весна 2005 — http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/o051101; Интернет-аудитория растет быстрее, чем ожидалось — http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/pressr_150611.
5. ФОМ. О пользе и вреде интернета и особенностях его использования. Опрос недельной аудитории интернет-пользователей. 15—19 января 2016 года. <http://fom.ru/SMI-i-internet/12494>.

Е. В. Ковалевская

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И СТУДЕНТЫ

КОВАЛЕВСКАЯ Елена Викторовна — кандидат социологических наук, доцент МИИТ, г. Москва, Россия: evkyand@yandex.ru

Аннотация. Проведен опрос среди студентов гуманитарных и экономических специальностей с целью выяснить, отношение к социальным сетям, оценка студентами информации, получаемой через социальные сети и интернет. Выяснилось, что студенты проводят значительное время в социальных сетях, но, в тоже время, невысоко оценивают свое общение в них и получаемую там информацию.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, студенты, информация.

Интернет прочно вошел в жизнь современного человека. Интернет и социальные сети являются одними из самых современных средств связи, без которых сегодня трудно представить жизнь очень многих людей. Интернет сегодня является одним из самых популярных источников информации по любым направлениям, темам, видам (от текстовой информации до визуальной и звуковой). Более того, интернет теперь предоставляет возможность каждому, кто владеет элементарными навыками работы с компьютером, попробовать самому стать этим источником информации. Особенно хорошо справляются с этим социальные сети, где люди обмениваются информацией практически обо всем. Например, 72,8% опрошенных нами студентов, ответили, что социальные сети нужны им для получения разной информации. Почти половина студентов (53,1% от общего числа опрошенных) используют социальную сеть для того, чтобы слушать аудиозаписи. 41,3% студентов смотрят на фотографии и картинки в социальных сетях. 34,6% респондентов интересуется видео, размещенное в социальных сетях, а 11,1% студентов социальные сети дают возможность поделиться своими эмоциями с другими посетителями сети.

Социальные сети очень популярны среди молодежи, к числу которой относятся и студенты. Сегодня трудно найти студента, который не посещает социальные сети. Все опрошенные нами студенты достаточно активно посещают социальные сети, чтобы получать разную информацию и обмениваться этой информацией друг с другом. Результаты проведенного среди студентов опроса показали, что на вопрос о том, какой информацией чаще всего обмениваются между собой студенты в социальной сети, 71,6% студентов ответили, что чаще всего они обмениваются

информацией, которая касается их и их друзей. На втором месте по популярности у студентов стоит информация о культурной жизни, событиях в сфере искусства, к которым относится информация о художественных выставках, вернисажах, концертах, театрах — все это представляет интерес для 27,2% респондентов, принимавших участие в опросе. 22,2% студентов интересуются в социальных сетях информацией о кинофильмах. Общественно-значимая информация (политика, экономика, события в мире) интересует 21,0% опрошенных. Информация о спорте важна для 7,4% студентов. Можно сказать, что студенты больше интересуются своим окружением и тем, что с ними происходит. В последнее время это подтверждает и тот факт, что люди все больше и больше занимаются тем, что можно назвать самопрезентацией в виртуальном пространстве. Например, большинство людей, посещая какие-либо мероприятия или путешествуя, фотографируют не то, ради чего они посетили данные объекты или мероприятия (узнать что-то новое, увидеть то, что они всегда мечтали), они стремятся увековечить себя на фотоснимке на фоне того, что их может быть интересно, и отправить эту визуальную информацию в социальную сеть, а из нее она может попасть и дальше, то есть оказаться в глобальном виртуальном пространстве и остаться там надолго, или до тех пор, пока существует интернет.

Интерес представляют ответы студентов на вопрос о том, какую роль в их жизни играет интернет с общением в социальных сетях. Так, 29,6% студентов ответили, что интернет с общением в социальных сетях на них не оказывают никакого влияния. 63,0% опрошенных студентов признались, что интернет и социальные сети отчасти влияют на них, но, все же, у них есть другие интересы и занятия. Для 7,4% студентов интернет и социальные сети стали значительной частью их жизни и играют очень большую роль в их жизни. Полученные ответы, показали, что студенты, когда им были заданы прямые вопросы о влиянии на них социальных сетей, не очень хотели признавать это влияние и воздействие на них. В то же время, на другой заданный студентам вопрос о том, смогут ли они совсем отказаться от общения в социальных сетях, 22,2% студентов ответили, что не могут совсем отказаться от такого общения. 23,5% студентов считают, что смогут совсем отказаться от общения в социальных сетях, а для 54,3% опрошенных отказ от общения в социальных сетях зависит от обстоятельств. Можно сказать, что общение в социальных сетях сегодня для большей части студентов все же является необходимой формой социального взаимодействия. Это можно сказать и о той части студентов, которые считают, что могут отказаться от такого общения. Виртуальное общение для некоторых молодых людей становится привычкой, а от привычного труднее всего отказываться.

Интернет и социальные сети является общепризнанным источником информации. В информационном обществе особенно важно, какая информация доступна человеку, важна достоверность и качество информации, которую он получает. В современном обществе так много информации, что порой трудно выделить ту, которая нужна человеку в каждом конкретном случае. В недавнем прошлом, до создания интернета, основными источниками информации были газеты, журналы, радио и телевидение. Информационные сообщения об общественной и научной жизни создавались специалистами в той или иной области, профессиональными журналистами, которые имели соответствующую подготовку и заботились о качестве предоставляемой ими информации. Сегодня в социальных сетях никого не смущает отсутствие профессиональных навыков и элементарной грамотности, поэтому каждый, кто хочет что-то сообщить другим, делает это в социальных сетях и интернете так, как он это умеет делать и без особой подготовки. Студентам, общающимся друг с другом в социальных сетях, был задан вопрос о том, является ли полезной для них информация, которую они получают при общении в социальных сетях. Только 7,4 % студентов ответили, что в социальных сетях они получают очень нужную и полезную для них информацию. 88,9 % опрошенных ответили, что кое-что полезное они в сетях узнают и это используют, а 3,7 % респондентов признались, что получаемая в сетях информация для них является бесполезной. Однако, отказываться от общения в социальных сетях студенты пока не хотят.

Развитие современных информационных технологий не только способствуют, а порой даже подталкивают людей включаться в такую форму социального взаимодействия друг с другом. Сегодня интернет внедряется везде, где это позволяют материальные и технические возможности. Wi-Fi подключают на линия метро, им снабжают маршруты автобусов и троллейбусов, электропоезда, магазины, кафе и другие места, где бывает большое количество людей. Где есть интернет, там появляется возможность подключиться к социальной сети, внедриться в эту невидимую глазом паутину. Современные телефоны с поддержкой интернета позволяют их обладателям быть постоянно в сети и на связи. Такие погруженные в виртуальность люди, а особенно, молодые люди, иногда очень странно выглядят на улицах города. Они превращаются в глухих, погруженных в себя личностей, которым невозможно ничего сказать, потому что они ничего не услышат из-за наушников, из которых к ним поступает разная информация. Некоторые молодые люди уже оглохли настолько, что музыка из их наушников слышна окружающим и их музыкальные вкусы могут оценить сидящие рядом пассажиры. Это новая реальность, которую надо учитывать и изучать. Так, на вопрос о том, сколько

сетей посещает студент, позволил выявить, что одну социальную сеть посещают 30,9% респондентов. Такое же количество студентов (30,9%), зарегистрированы и посещают две социальные сети. 25,9% студентов посещают три социальные сети. Среди опрошенных студентов 8,6% посещают четыре социальные сети, 2,5% студентов зарегистрированы и посещают пять сетей, а 1,2% опрошенных посещают шесть социальных сетей. Посещение социальных сетей и прогулки по интернету требуют значительных временных затрат. О том, что это время тратиться порой впустую свидетельствуют весьма скромные успехи, которые студенты показывают при сдаче зачетов и экзаменов.

Д. Е. Добринская

ЦИФРОВОЕ КОЧЕВНИЧЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; darya.dobrinskaya@gmail.com

Аннотация. Влияние интенсивных процессов технологического развития способствовало возвращению к кочевому (полукочевому) образу жизни. Это явление получило название «цифровое кочевничество». В условиях сетевого общества современные индивиды, имея при себе набор портативных мобильных устройств, а также постоянный выход в интернет с целью непрерывного доступа к многослойной сети коммуникаций, становятся своего рода цифровыми кочевниками, особенностью образа жизни которых является сбор, хранение и обработка данных, а также обмен и фильтрация информации. Цифровые кочевники принадлежат инновационному типу культуры, где господствуют принципы индивидуализации, постоянное стремление к инновациям и новым социальным связям, не ограниченным в пространстве и во времени, что является для них не просто стилем, но и смыслом их жизни. Явление цифрового кочевничества представляется относительно новым для социологии, поскольку связано оно непосредственным образом с процессами оформления и развития современных обществ.

Ключевые слова: цифровое кочевничество, номадизм, сеть, сетевое общество

Явление цифрового кочевничества представляется относительно новым для социологии, поскольку связано оно непосредственным образом с процессами оформления и развития современных обществ. Термин «цифровой кочевник», впервые используют Т. Макимото и Д. Маннерс, в работе «Цифровой кочевник», опубликованной в 1997 году [1]. Однако еще до появления этой книги многие исследователи, в попытках поставить диагноз современной эпохи начали обращаться к образу кочевников, полагая, что именно кочевой образ жизни является одной из тех характеристик, которая способна в полной мере отразить новые важные тенденции развития современного мира.

Так, в 1970-е гг. появляется идея нового миропонимания в проекте номадологии, предложенном Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Именно номадическая наука, по мнению авторов, способна адекватным образом

объяснить и описать состояние современной философии и культуры. Номадические науки предлагают отказаться от классической категории «структуры» в пользу «ризомы»; оппозиционного восприятия реальности посредством деления на «внешнее-внутренне», «прошлое-будущее»; идеи строгого детерминизма и принципа жесткой централизации [2]. Еще одним примером теоретических построений, фиксирующих трансформацию эпистемологических оснований изучения социальной реальности, являются идеи Р. Брайдотти, которая вводит понятие «номадического субъекта», позволяющее продемонстрировать осознание подвижности границ и готовность к постоянным перемещениям. Выводы этих мыслителей являются ярким примером глубокого интеллектуального поиска, в процессе которого критическая интерпретация категории «субъекта» приводит к переосмыслению фундаментальных оснований современной реальности в терминах номадологии.

Существует также целый ряд исследовательских попыток с эссенциалистских позиций описать современные тенденции к возрождению кочевого образа жизни, посредством большого числа эмпирических наблюдений. Так, Ж. Аттали, утверждает, что человечество, вступая в новый постиндустриальный век, создает новую кочевую элиту, освобожденных и наделенных властью номадов, которые связаны между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией и не придают ценности связям со своим народом, своими ближними, а также не имеют привязанности к своим родным местам [3]. З. Бауман характеризует современное состояние общества как «реванш кочевников», констатируя, что «большая историческая эпоха, начавшаяся с триумфа оседлых племен над кочевыми, теперь подходит к концу» [4]. И З. Бауман, и Ж. Аттали, а также А. Бард и Я. Зодерквист, У. Митчелл заявляют о новой иерархии власти, которая свойственна в большей степени кочевым, нежели оседлым обществам. «Путешествие налегке», отсутствие длительной привязанности к собственности, обладание большим количеством номадических предметов, готовность жизни среди хаоса — вот основные характеристики новой экстерриториальной элиты, тех, кто находится на вершине властной иерархии современного мира. Цифровое кочевничество — это явление постиндустриальных информационных, сетевых обществ. Именно под влиянием широкого распространения информационных технологий одним из фундаментальных социологических понятий, используемых для описания современных обществ, становится понятие «сети». «Фактически речь идет о том, что структурно-функционалистская и интеракционистская морфология социологической ортодоксии в целом ряде современных социологических теорий заменяются сетевой морфологией общества» [5].

Кочевничество (номадизм) — это регулярное перемещение отдельных индивидов или групп населения; вид его пространственной подвижности, обусловленный характером производства и особым образом жизни. Кочевничество, в традиционном понимании этого явления, характеризуется набором определенных качеств, присущих этим народам и отличающих их от тех, кто ведет оседлый образ жизни. Во-первых, это особый тип хозяйственной деятельности, во-вторых это уникальные культурные и мировоззренческие установки кочевых народов и в-третьих, это совершенно определенный образ жизни.

Цифровые кочевники — это индивиды, которые, в процессе своей профессиональной деятельности (обучения, творчества, досуга), не ограничиваются единственным местоположением, что становится возможным благодаря применению интернет-технологий и мобильной связи. Таким образом, явление цифрового кочевничества связано исключительно с процессами сетевизации и повсеместного распространения информационно-коммуникационных технологий в обществах с высоким уровнем мобильности, возможной благодаря глобализации [6].

Электронная форма кочевничества основана не на территории, а на беспроводной инфраструктуре, совмещенной с другими сетями и развернутой по всему земному шару. Сегодня функционирование сетей поддерживается сложным сочетанием личных контактов на месте и в путешествиях, почтовой связи, синхронных контактов через телефонную и видеосвязь и асинхронных — через электронную почту [7]. Мобильность современных кочевников обеспечивает им большие возможности — как расширение интеллектуальных горизонтов, новые знакомства, связи, новые открытия, сотрудничества со специалистами по всей планете. Идентичность современного индивида, цифрового кочевника, связана с развитием и распространением новых технологий. Технологические инновации, оказывая серьезное влияние на профессиональную структуру современного общества, по-новому ставят вопрос о роли труда в процессе формирования идентичности [8]. Возможности и привилегии доступа становятся важнее традиционных форм владения и управления имуществом. Благодаря кредитной карте, паспорту и переносному электронному оборудованию посредством подключения ко всемирной сетевой структуре появляется возможность доступа в любое время и в любом месте.

Вместо кочевого племени появляются электронные племена, где действуют собственные нормы и правила. Они проявляются в нормах сетикета, и нарушивших будет ожидать виртуальное заключение — исключение из жизненно важных сетей [9]. Поиск общности в условиях неограниченных возможностей виртуального кочевого племени ведет к формированию новых подвижных семейных структур. Племенное рас-

слоение культуры, этот виртуальный возврат к кочевым временам благодаря электронным сетям знаменуется тем, что идея постоянного дома перестает играть свою прежнюю роль «точки опоры», что стимулирует дальнейшие эксперименты с различными жизненными стилями.

Как указывают А. Бард и Я. Зодерквист, мобильность нетократии — вначале виртуальная, но теперь все больше физическая — оставляет глубокие следы в обществе и культуре. Мобильность общества и скорость перемен, усиливают ощущение оторванности от корней. Оазисами для новых номадов становятся сети, а идея дома выходит из употребления. Чем выше статус индивида, тем выше степень его мобильности. Функцию постоянной резиденции теперь выполняет домашняя страница в интернете, при условии, что она постоянно обновляется [9].

Ж. Аттали отмечает, что люди всегда владели кочевыми предметами, которые помогали человеку выжить. Сначала камень и кремь — для разведения огня; амулеты — чтобы уберечься от злых духов и болезней; молотки и прочие инструменты — для строительства жилья; оружие — для защиты во время войны; монеты и аккредитивы — на предмет покупки и продажи товаров. Эти ценные предметы часто служили определенным мерилom могущества их владельца. В современном мире такими предметами становятся номадические предметы небольшого размера, которые изменяют взаимоотношения во всем спектре современной жизни. Они являются тем же, чем являлись для язычника амулеты. Поэтому обладание номадическими предметами становится признаком свободы и могущества [3].

Таким образом, цифровое кочевничество эпохи господства сетей является совершенно новым явлением для человеческих обществ. Цифровые кочевники принадлежат инновационному типу культуры, где господствуют принципы индивидуализации, постоянное стремление к инновациям и новым открытиям, а также новым связям, что является для них не просто стилем, но и смыслом их жизни.

Список источников

1. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. New York: Wiley, 1997.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения. М. : У-Фактория, 2007.
3. Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York: Random House, 1991.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
5. Полякова Н. Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 29—46.

6. Kuzheleva-Sagan I., Nosova S. Culture of Digital Nomads: Ontological, Anthropological, and Semiotic aspects. http://www.iass-ais.org/proceedings/2014/view_lesson.php?id=64 (дата обращения: 20.02.2017).
7. Митчелл Уильям. Я++. Человек, город, сети. М. : Strelka Press, 2012.
8. Вершинина И. А., Маркеева А. В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2015. № 14. С. 27—32.
9. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Е. В. Романова

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ — НЕМНОГО О ТЕРМИНАХ

РОМАНОВА Елена Витальевна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры Прикладных информационных технологий Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия; romanova_yelena@inbox.ru

Аннотация. Про глобальную информатизацию написано очень много. Из книги в книгу перелетает цитата «кто владеет информацией — тот владеет миром». Тогда надо владеть информацией! В этой связи очень интересным является вопрос, на который современное информационное общество почему-то не дает ответа. И мы поговорим о так называемом информационном обществе. Почему о так называемом? Ответ довольно прост, в разных учебниках, описывая информационное общество, утверждается что это такое общество, где основным ресурсом является информация. Пикантность такого термина заключается в том, что общего, признаваемого всем научным миром определения, что же такое информация и в каких единицах ее можно измерить, нет. Например, во всех учебниках говорят о, как минимум, трех подходах к измерению информации: вероятностном, тезаурусном, прагматическом. Самый загадочный из них — прагматический, количество информации связывается в нем с пользой от ее получения. Кто готов посчитать однозначно пользу?

Ключевые слова: информация, информационное общество, измерение информации, тезаурус, информационный ресурс, потребности человека, информатизация

Про глобальную информатизацию написано очень много. Из книги в книгу перелетает цитата «кто владеет информацией — тот владеет миром». В этой связи очень интересным является вопрос, на который современное информационное общество почему-то не дает ответа. И мы поговорим о так называемом информационном обществе.

Почему о так называемом? Ответ довольно прост, в разных учебниках, описывая информационное общество, утверждается что это такое общество, где основным ресурсом является информация. Пикантность такого определения заключается уже в том, что общего, признаваемого всем научным миром определения, что же такое информация и в каких единицах ее можно измерить нет. Например, во всех учебниках говорят о, как минимум, трех подходах к измерению информации: вероятност-

ном (по К. Шенону и Р. Хартли), тезаурусном [1, с. 28], прагматическом (С. Д. Хайтун). Самый загадочный из них — прагматический, количество информации связывается в нем с пользой от ее получения. Кто готов посчитать однозначно пользу? При тезаурусном подходе утверждается, что вы получили столько информации, сколько узнали новых слов в результате коммуникации. Три подхода говорят сами за себя — ясности в вопросе нет.

Значит информация — это важный ресурс, но только в том случае, когда все остальные потребности человека удовлетворены? Эти потребности удовлетворяются в рамках индустриального общества. Не может быть никакого особого информационного общества без индустриального? А тогда, информационное общество — это только этап развития индустриального общества.

Такое, конечно, не прошло мимо внимания специалистов. Более развитые страны оставили себе право работать с информацией. Информационное общество в развитых странах построено примерно за последние 30 лет. Интересно, как это происходило? Когда говорят об информационном обществе, всегда подразумевают развитые страны, которые уже в этом обществе живут. Как строилось информационное общество у них? В развитых странах было продекларировано, что к 2000 году были в основном реализованы программы информатизации, построено информационное общество. Что же было сделано?

Анализируя достижения ведущих в информационном отношении стран, можно выделить следующие их достижения:

1. Созданы машиночитаемые информационные ресурсы (базы данных), доступные всем, кому это необходимо;
2. Созданы сети связи большой пропускной способности, обеспечивающие все потребности в них общества;
3. Созданы и доступны любому члену общества устройства доступа к машиночитаемым информационным ресурсам и государственным услугам (персональные компьютеры).

Еще до постановки конкретного вопроса о создании информационного общества и его инфраструктуры в США решался вопрос по ISDN (Integrated Services Digital Network) — созданию высокоскоростной линии связи. Доступной на всей территории страны массовому пользователю [3]. Реально для обывателя это означает, что в квартиру не идут три кабеля — телефонный, телевизионный, интернет. В каждой комнате присутствует розетка типа телевизионной, куда подключается все, что абонент пожелает. Вначале эта технология основывалась на телефонных линиях связи. Но в 90-е годы произошло революционное изменение — появились ВОЛС — волоконно-оптические линии связи, в которых практически

скорости передачи данных могли достигать сотен гигабит в секунду. Для примера по такой линии связи за несколько минут можно всю британскую энциклопедию передать.

ВОЛС появились весьма своевременно — аккуратно к программе построения информационного общества. И информационное общество было готово к тому, чтобы покрыть всю территорию страны этими кабелями. Мгновенно появилась фирма, которая под лозунгом «каждый доллар, вложенный в сферу IT даст 10 долларов дохода» начала сбор денег и работы по прокладке кабеля. Кстати, не подумайте, что все дружно взялись канавы копать, кабели эти легкие и прекрасно в США на деревянных столбах висят. Дело пошло весьма быстро. Акционеры уже подсчитывали прибыль. Но в целом интернет с его ВОЛС оказался предприятием убыточным. Пришлось выдумывать технологию социальных сетей, чтобы хоть чем-то заполнить эти высокоскоростные каналы.

Другая сторона вопроса — создание баз данных. Конечно весьма соблазнительно иметь машиночитаемый информационный ресурс, [2, с. 26] хранящийся на компьютере, доступный по сетям связи любому гражданину в любой точке страны, т. е. иметь доступ к соответствующей базе данных. Современные базы данных в основном бывают трех типов:

- фактографические, где данные хранятся в виде таблиц;
- документальные, где данные хранятся в виде страниц текстов;
- геоинформационные, где данные хранятся в виде географических карт.

В общем объеме накопленной человечеством информации фактографические базы данных составляют примерно 80 %.

Кстати, определение баз данных: машиночитаемый информационный массив, имеющий общие принципы представления, хранения и манипулирования данными.

При решении задач построения информационного общества при создании баз данных государство и бизнес действовали совместно [3, с. 95]. Нужна фирме «Боинг» база данных по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам, пожалуйста. Государство готово половину денег на ее создание дать. Нужна юридическому сообществу база данных по законодательству — вкладывайте половину, другую половину минюст добавит. Кстати по поводу БД по законодательству. В РФ, основные организации здесь ГАРАНТ и КОНСУЛЬТАНТ, чисто коммерческие организации, их базам данных наш минюст почему-то ни помощник, ни конкурент.

Так создавалась информационная инфраструктура информационного общества — базы данных. Кстати, удовольствие не из дешевых. Организационную работу по объединению всех баз данных библиотек выполнила Библиотека Конгресса США.

К 1980-м годам усилиями С. Джобса всем стало очевидно, даже фирме IBM, которая упиралась до последнего, что таким устройством станет персональный компьютер (ПК). Надо было только, чтобы ПК стал устройством массового спроса. [2, с. 28] Первые ПК стоили довольно дорого, нужно было, чтобы ПК стоил не более 1000 \$, тогда он станет массовым, и к 2000 году эта задача была решена, через массовое производство и технический прогресс. С 1980 по 2000 годы шел процесс увеличения мощности ПК, появлялись все более быстродействующие процессоры, например, по линейке продуктов INTEL. Цены на процессоры удавалось понижать за счет массового производства и роста спроса на них.

И, конечно, качественный скачок для компактности ПК дало появление в этот же временной период жидкокристаллического (ЖК) дисплея взамен электронно-лучевой трубки.

Персональный компьютер стал дешевым, массовым, удобным инструментом для работы с информацией, с которым человечество вступило в новое тысячелетие.

Список источников

1. Романова Е. В. Формирование информационно-лингвистического обеспечения систем электронной коммерции : дис. ... канд. экон. наук [Машинопись]. М., 2006. 300 с.
2. Колпаков Ю. А., Романова Е. В. Проблемы анализа вербальных моделей в экономике. НТИ. Сер.2. 2010 г. С. 26—29.
3. Гиляревский Р. С. Информационный менеджмент: управление информацией, знаниями, технологией : учебное пособие. СПб. : Профессия, 2009.
4. Российский индекс научного цитирования [Электронный ресурс]. [2007. URL: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp (дата обращения: 20.03.2012).

В. А. Губченко

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГУБЧЕНКО Владимир Анатольевич — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; vladgubchen@gmail.com

Аннотация. Современные исследования массовой политической коммуникации основываются на теоретических наработках по социологии, психологии, политическим наукам и коммуникативистике. Поскольку сегодня Интернет стал одним из ключевых каналов массовой коммуникации, его изучение в данном качестве не представляется возможным без определенной систематизации накопленного научного капитала по интересующему нас направлению. Автор предлагает к рассмотрению классификацию основных научных трудов, составляющих базу исследований массовой политической коммуникации как в «оффлайне», так и в интернет-пространстве. Классификация представлена в виде шести теоретических блоков, в каждом из которых определены важнейшие авторы и кратко охарактеризованы их концепции и подходы к изучению массовой коммуникации. Классификация выстроена от общих фундаментальных исследований масс, массового сознания и массовых настроений, до политических коммуникаций, коммуникаций в интернет-пространстве и, наконец, массовой политической коммуникации в Интернете. Кроме того, данная классификация позволяет сфокусироваться на специфическом взаимодействии двух коммуникационных каналов, Интернета и СМИ, как феномене современной массовой политической коммуникации.

Ключевые слова: Интернет, СМИ, массовая политическая коммуникация, повестка дня

В современном мире Интернет стал пространством массовой коммуникации. Согласно данным нового исследования центра GfK и фонда «Общественное мнение», аудитория Рунета в 2016 году составила порядка 84 млн человек, то есть 70,4% от всего населения России старше 16 лет [11].

Особый интерес представляет массовая политическая коммуникация, поскольку политический дискурс среди интернет-пользователей особенно острый и динамичный. Например, мобилизационный эффект

социальных сетей и блогосферы сыграл особую роль в серии оппозиционных протестов в России 2011—2013 годов.

Необходимым шагом представляется систематизация ключевых теоретических наработок на стыке социологии, психологии, политической науки и коммуникативистики, которые чаще всего служат базой для современных исследований массовой политической коммуникации в Интернете.

В качестве первого блока исследований выступают фундаментальные работы о феноменах массы и толпы (Г. Лебон, Ж.-Г. Тард, В. Райх, Э. Фромм и другие). Так, в работе «Психология народов и масс» Гюстав Лебон, отмечая решающую роль эмоций в политических процессах, утверждал, что поведение и сознание масс определяют психологические механизмы, такие как внушение, подражание и заражение. Жан-Габриэль Тард, описав возможности влияния печатных СМИ на массы и определив такие социальные функции газет, как интеграция и социальный контроль, дал толчок исследованиям массовой коммуникации с позиции изучения общественного мнения [5].

Исследования массового сознания и массовых настроений составляют второй блок ключевых работ для изучения массовой политической коммуникации в Интернете. К данной категории относятся труды С. Московичи, А. Н. Леонтьева, К. Юнга, М. Элиаде, Б. Грушина, Б. Поршнева и А. Ахiezера. Развивая идеи Лебона, Серж Московичи описывает все большее вовлечение масс в политику, где авторитет и эмоциональное воздействие превалируют над доводами рассудка. В работе «Век толп» Московичи подчеркивает роль механизма внушения, расширяющий манипуляционные возможности массовой коммуникации [8].

Третьим блоком выступают исследователи общественного мнения: У. Липпман, Д. Цаллер, Э. Нозль-Нойман и другие. Управление массовым сознанием и поведением раскрывается в теории стереотипов Уолтера Липпмана, описанной в работе «Общественное мнение» [6]. Манипуляционные практики в рамках процесса формирования представлений о происходящем в мире описываются также Элизабет Нозль-Нойман в работе «Общественное мнение. Открытие спирали молчания». Выводы Нозль-Нойман подтверждают концепцию формирования и установления повестки дня, предложенную американскими социологами [9].

Наработки в обширном четвертом блоке исследований предлагается обозначить как «коммуникативные исследования». В данную категорию включаются работы: Г. Лассуэлла, М. Мэскона и У. Шрамма, П. Бурдые, М. Маклюэна, Ж. Бодрийяра, Н. Лумана, М. Кастельса и В. В. Миронова. Вслед за «эрой масс» Лебона, Маршалл Маклюэн представил оригинальную концепцию мира как «глобальной деревни», пронизанной массовыми

коммуникациями [7]. Гарольд Лассуэлл сформулировал классическое определение массовой коммуникации и смоделировал коммуникативную цепь [4]. Мануэль Кастельс вывел изучение коммуникационного пространства на новый уровень, обратив внимание на феномен сетевых сообществ. Это послужило отправной точкой в рассуждениях об Интернете как новой форме социально-политической коммуникации, например, в качестве публичной площадки гражданского общества [2].

Феномен политических коммуникаций рассматривается исследователями пятого блока: П. Лазарсфельдом, Р. Мертоном, Д. Томпсоном, С. В. Володенковым, О. Ю. Малиновой и рядом других ученых. Поль Лазарсфельд и Роберт Мертон посвятили свои исследования роли традиционных СМИ в избирательных кампаниях США. Их подход опирается на идею о целенаправленном управлении массовым сознанием и поведением, в том числе политическим поведением граждан [3].

Последний шестой блок теоретической базы представляет собой политико-психологический подход к изучению массовой политической коммуникации (как в «оффлайне», так и в Интернете). Авторами ключевых работ в данном направлении являются: Е. Б. Шестопал, Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева, А. Л. Зверев и Д. В. Ольшанский. В работе «Психология политического восприятия в России» Елена Борисовна Шестопал отмечает роль новых коммуникативных технологий, определяющих специфику политического восприятия граждан и, соответственно, политических образов как результата процесса восприятия [10]. Политическое восприятие характеризуется как опосредованное, преимущественно через СМИ, но в последние годы и через Интернет. Работы Т. В. Евгеньевой и А. В. Селезневой фокусируются на изучении психологических закономерностей процесса массовой политической коммуникации и формирования политических представлений, политических ценностей, политических образов и символов в условиях массовой коммуникации [1].

Продемонстрированная классификация учитывает свойственную современным исследованиям массовой политической коммуникации междисциплинарность. Структурированный массив научных работ дает представление об этапах появления и развития концепций массовой коммуникации, специфических чертах и эффектах массовой коммуникации, разнообразии подходов к их изучению, что позволяет сделать научное исследование с соответствующей теоретической базой более наглядным и выпуклым. Наконец, предложенная классификация позволяет грамотно сфокусировать исследование на феномене массовой политической коммуникации в Интернете и взаимодействии интернет-пространства с традиционными каналами массовой коммуникации, например, со СМИ.

Список источников

1. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Психология массовой политической коммуникации. М. : Издательство Московского университета, 2013.
2. Кастельс М. Галактика интернет : Размышления об интернете, бизнесе и обществе. Ек. : У-Фактория, 2004.
3. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. Хрестоматия. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
4. Лассуэлл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. Хрестоматия. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
5. Лебон Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М. : Институт психологии РАН : КСП+, 1998.
6. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
7. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. : «Кучково поле», 2003.
8. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. : Академический Проект. 2011.
9. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
10. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопал. М. : РОССПЭН, 2012.
11. GfK: Тенденции развития Интернет-аудитории в России [Электронный ресурс] / GfK Russia: Market research. 2017. Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii/>.

Е. В. Митягина, Е. В. Котельников

«У КОГО НЕТ «АВАТАРА» В КОНТАКТЕ?» ИЛИ КАК АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОЗВОЛЯЕТ ИЗУЧАТЬ ЛИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

МИТЯГИНА Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия; mityagina2004@yandex.ru

КОТЕЛЬНИКОВ Евгений Вячеславович — кандидат технических наук, доцент, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия; kotelnikov.ev@gmail.com

Аннотация. В статье представлен социологический анализ социальной сети ВКонтакте. Описаны этапы анализа и предложен вариант решения проблемы полноты данных, связанными с искусственными ограничениями, накладываемыми администрацией социальной сети. Приводится анализ аватаров в социальных сетях как пример изучения личностей пользователей в социальных медиа.

Ключевые слова: Социальные медиа, социальная сеть ВКонтакте, методы социологического анализа социальных медиа, аватары в социальных сетях

За последние несколько лет в связи с развитием информационных технологий и Интернета стали доступны огромные массивы данных в электронном виде. Источниками этих данных являются социальные сети, блоги, форумы и т. п. Современность диктует необходимость использования электронных данных для социологических исследований, что позволит расширить перечень тематик, ускорить процесс сбора информации, сократить сроки исследований и наладить междисциплинарное взаимодействие между социальными и компьютерными науками [1].

В 2017 г. в рамках работы над государственным заданием Минобрнауки РФ № 34.2092.2017/ПЧ был осуществлен анализ социальной сети ВКонтакте (*далее — ВК*), состоящий из следующих этапов.

На первом этапе был осуществлен сбор доступных в электронном виде данных из социальной сети ВКонтакте обо всех зарегистрированных кировчанах.

Доступ к данным из социальной сети ВК был осуществлен при помощи интерфейса прикладного программирования (Application Programming Interface, API), предоставляемого администрацией сети [2]. API ВКонтакте содержит более 350 методов, на основе которых возможно программ-

ным путем извлекать общедоступную информацию об учетных записях пользователей, их сообществах, друзьях, сообщениях и т. п.

При этом возникает проблема полноты данных, связанная с искусственными ограничениями, накладываемыми администрацией ВК. Например, при попытке получения всех пользователей, указавших в своем профиле в качестве места проживания г. Киров, соответствующий метод API ВК вернет только тысячу учетных записей при общем количестве более 520 тысяч человек.

Для решения указанной проблемы был разработан следующий алгоритм. На первом шаге поиском по ключевому слову «Киров» были получены 1000 сообществ пользователей ВК (здесь действует такое же количественное ограничение на результаты поиска). В них всего состоят 1759 305 уникальных пользователей. На втором шаге из этих пользователей отобраны кировчане, которых оказалось 244050. На третьем шаге у кировчан найдены друзья-кировчане — 168911 человек. Затем третий шаг повторяется для новых обнаруженных пользователей-кировчан, то есть для всех них ищутся друзья-кировчане. В результате четырех выполнений третьего шага сформировано множество пользователей-кировчан, состоящее из 424821 учетных записей. Время выполнения всего алгоритма составило 10 часов.

Для всех найденных кировчан была извлечена общедоступная информация из их профилей, включающая фамилию и имя, год рождения, пол, наличие фото на аватаре и т. п.

На втором этапе база данных была экспортирована в статистический пакет SPSS Statistics 23.

На третьем этапе полученные данные обрабатывались при помощи традиционных методов социологического анализа (методы частотного анализа, методы выявления статистически значимых связей между переменными и др.).

Рассмотрим пример социологического анализа ВК. Одной из задач исследования стало изучение наличия изображения на «аватарке» пользователя и анализ пользователей, у которых изображение отсутствует.

Термин «аватар», имеющий религиозное значение в философии индуизма, переводимый с санскрита как «нисхождение», в русском языке принято использовать как «явление», «проявление» или «воплощение». Благодаря социальным сетям термин получил широкое распространение и новое нерелигиозное звучание. Роль аватара переоценить сложно. Аватар — это картинка в профиле пользователя, по которой мы его идентифицируем. Она может быть как текстовой, что встречается крайне редко, так и в виде изображения или, чаще всего, фотографии. Рассматривая аватар, можно сделать выводы о психологическом состоянии владельца профиля, определить его настроение.

В рамках статьи авторы проанализировали профили пользователей, аватары которых остались пустыми, без каких-либо символических изображений фотографий или текстов. На 28 февраля 2017 г. в социальной сети ВК зарегистрировано 520273 пользователя, указавших в качестве места жительства г. Киров. По данным Росстата на 01.01.16, численность населения города составляет 523119 человек [3]. Примерно 94,3% пользователей ВК из Кирова имеют картинку на аватаре, однако 5,7% (29642 человека), предпочитают оставаться безликими.

Неолицетворёнными несколько чаще предпочитают оставаться мужчины. Вероятно, это связано с большей заинтересованностью женщин в демонстрации личной привлекательности или с разными целями нахождения в данной социальной сети: для женщин — желание познакомиться, для мужчин — общение с друзьями (табл. 1).

Таблица 1. Пол пользователей, не имеющих аватара ВК

	Численность	Процент
Женщины	13556	45,7
Мужчины	16086	54,3
Все пользователи	29642	100

Склонность оставаться инкогнито у этих пользователей проявляется не только в аватаре, но и при заполнении других полей: 5722 пользователя без аватара (19%) не указали про себя никакой информации. У них нет ни данных о возрасте, ни о семейном положении, нет друзей и подписчиков. Можно предположить, что часть из них, зарегистрировавшись, не нашли социальную сеть интересной и забыли о ней (не заходили в ВК как минимум последние два месяца). Таких в базе 3427 человек. Условно назовём их «не интересующимися». У второй части пользователей с полностью пустыми полями — 2295 человек — были посещения ВК за последние два месяца. Можно обозначить их как «полные инкогнито». Вероятно, причиной их посещения является общение с какими-то конкретными людьми или наблюдение за кем-то.

У оставшихся пользователей без аватара есть хотя бы один подписчик и заполнена часть информации. Причем количество подписчиков может быть очень высоким — до 4000 человек. 1770 человек имеют более 50 подписчиков. Назовём их — «активные пользователи без лица». Вероятные их цели — скрыться от знакомых в «реальной жизни» или рекламная деятельность. Описание этих пользователей может быть темой отдельного исследования.

Поле *год рождения* не заполнили 65,5% пользователей без аватара. Из 34,5% указавших дату рождения наиболее распространенным является возрастной диапазон от 18 до 37 лет (56,6%). Пользователи, которые не достигли совершеннолетия, реже предпочитают оставаться «безликими» — 565 человек (5,5%). Отмечена тенденция, что чем старше пользователь, тем менее у него выражено желание оставаться без аватара. Старшее поколение (старше 56 лет), оказавшиеся без аватара (18,4%), в большинстве случаев, вероятно, просто не смогли ее установить, либо не нашли подходящего фото.

Социальные медиа являются одним из важнейших инструментов социологического анализа как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества в целом. При анализе социальных медиа возникает ряд проблем, связанных с доступом к необходимой информации, её хранением, анализом, возможностями для экспорта данных в статистические пакеты и т. п. Решение этих проблем должно стать совместной задачей социальных и компьютерных наук в ближайшее время.

Список источников

1. Митягина Е. В., Котельников Е. В., Окулов С. М. Применение автоматических технологий анализа социальных медиа в социологических исследованиях // Перспективы развития информационных технологий. 2016. № 33. С. 56—60.
2. API ВКонтакте. URL: https://vk.com/dev/first_guide (дата обращения 10.02.2017).
3. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2016 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 10.02.2017).

Е. Г. Смолина

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*СМОЛИНА Елена Григорьевна — Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Россия; smolina_elen1989@mail.ru*

Аннотация. В тезисах описывается актуальность прогнозирования в интернет-пространстве. Дается характеристика взаимосвязей «интернета» и «прогноза» как научных понятий. Автор указывает на повседневный характер интернет-практик и делает утверждение об их значимости в связи с высокой привычностью и неотделимостью от жизни современной молодежи. Автор целенаправленно анализирует поведение молодежи в интернете по причине высокой степени ее «включенности» в данный тип пространства. Одним из самых популярных ресурсов интернета являются социальные сети, которые на настоящий момент являются местом самопрезентации молодых людей. Поэтому их аудиовизуальная активность — настолько характерная для поколения «клипового мышления» — демонстрируемая в сетях, позволяет судить и проследить взаимосвязи с реальными социальными практиками. Автор делает вывод о том, что социальные сети выступают новым инструментарием анализа личности пользователя, позволяя прогнозировать поведение молодых людей.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, прогнозирование, молодежь

Достижения научно-технического прогресса привели к возросшей популярности аудиовизуальных средств передачи сообщений по сравнению с традиционными вербальными. При этом изменился характер потребления информации: структурированный текст сменился «картинками» или «клипами». Превалирование аудиовизуального восприятия информации как отдельных запоминающихся фрагментов в современной науке именуется как формирование «клипового мышления». Данный тип мышления определяет популярность новых информационно-коммуникативных технологий, которые также участвуют в научно обоснованном процессе предсказания событий будущего — прогнозировании.

Прогноз как вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления имеет прямое отношение к интернету: интернет-социализация молодежи предстает как механизм — транслятор социокультурных и институциональных норм и правил, практик

повседневной культуры, а значит, может показать тенденции развития общества в целом. Итак, интернет носит вероятностный характер, так как сопряжен с неопределенностью; во-вторых, интернет не имеет временных рамок — создаваемый в интеракции как коммуникативное пространство, он существует только тогда, когда взаимодействуют участники сети; в-третьих, поведение пользователей в социальной сети часто определяется ожиданием, то есть периодом между действием одного пользователя и ответной реакцией другого. Ожидание таким образом одновременно отграничивает и связывает нас с будущими состояниями. Подобные зависимости актуализируют интернет как область для осуществления прогнозирования, хотя этим его значимость не ограничивается.

Интернет на настоящий момент представляет собой часть повседневной реальности — неотделимую составляющую жизни человека. Особенно «повседневным» он является для молодежи как наиболее восприимчивой к новым технологиям социальной группе. Повседневная, то есть привычная, неоднократно повторяемая или типичная интернет-практика имеет субъективную значимость для молодого человека и как феномен повседневной жизни она интерпретируется им как некий образец. Присутствие в интернете становится обязательным условием существования в современном социуме. В частности данная тенденция связана с наличием аккаунта в социальных сетях: его отсутствие понимается остальными «включенными участниками сетей» как желание «обратить на себя внимание» либо как признак «отсталости». Таким образом, интернет воспринимается индивидом как «естественная установка» — нормальная и самоочевидная, которая объективирует современный мир. На этом основании интернет-практики возможно отнести к стереотипным, то есть повторяемым в неизменном виде шаблонам поведения, имеющих высокую устойчивость. Несмотря на негативный характер понятия стереотипа как упрощенного и предсказуемого представления, по мнению автора, интернет-практики именно благодаря своей привычности обладают большим прогнозным потенциалом. Самым простым полем для исследователя является личная страничка в социальных сетях: анализ контента аккаунта социальной сети может представить много информации о пользователе, который эту информацию размещает.

Дело в том, что «новостная лента» на страничке ярко демонстрирует информационный контент, интересный пользователю сети. Этими текстовыми и визуальными наполнениями автор виртуальной странички формирует свою сетевую идентичность и показывает ее остальному социуму. Все действия молодого человека в социальной сети, в конечном счете, связаны с главным — желанием заявить о себе другим. При этом широкие возможности, предлагаемые сетями для общения и виртуаль-

ной активности, нацелены на длительное пребывание на данных сайтах. По мнению автора, цель таких платформ как «Вконтакте», «Одноклассники» и Facebook — это рассказать о своих новостях, продемонстрировать себя другим и просмотреть чужие страницы (по принципу — «других посмотреть, себя показать»). Факт оценки, получения комментария, в конечном счете, направлен на желание получения одобрения, похвалы (например, наличие «лайкирования», репостов и их количество). Следовательно, самопрезентация в социальных сетях призвана нести хорошее впечатление о человеке, выгодное или точнее сказать — желаемое для пользователя (хотя многими конструируемый образ в силу рассеянности и невнимательности к характеру выкладываемой на публику информации не прибавляет плюсов к оценке личности). Что касается информации о себе, которую пользователи делают публичной, то по итогам авторского исследования из 150 опрошенных молодых людей посредством анкетирования 51 % респондентов ответили, что помимо необходимого для регистрации минимума выкладывают дополнительные сведения и фотоматериалы; 21 % активно делится с другими пользователями соцсетей своими видео и фото, еще 20 % предпочитают больше информировать друзей в сети о своем хобби или мировоззрении. Остальная часть опрошенных ограничивается именем, данными о месте учебы или рождения и десятком фотографий.

Вместе с тем, отметим, что в социальной сети молодые люди вправе одним кликом изменить личные сведения и совершенно по-новому заявить о себе другим участникам. Еще одним риском является намеренное конструирование «себя» путем наполнения контента в сети. Поэтому необходимо тщательно определять параметры прогнозирования. Подобная изменчивость в поведении молодежи, ее неустойчивость в наполнении профиля и гибкость в возможностях конструирования сетевого Я говорят о пластичности сетевой идентичности как новой форме самоидентификации.

Социальные сети выступают в данном случае новым инструментарием анализа личности пользователя, а главное позволяют составить прогнозы будущего поведения молодого человека.

М. Г. Галаева

ПОВЫШЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ГРАЖДАН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

ГАЛАЕВА Маргарита Германовна — магистр кафедры «Политологии и политического управления» РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; margarita.galaeva@mail.ru

В современном мире информационное пространство стало фактически параллельным измерением и даже состоянием жизни общества, которое отличается большей свободой, мобильностью, оперативностью, а порой и меньшей ответственностью. Действительно, сегодня многие процессы общественной жизни оказываются более доступными для наблюдения, сбора данных и анализа. Однако не всегда истинные цели применения информационно-коммуникационных технологий совпадают с задачами обеспечения международной и национальной безопасности — поэтому, сегодня информационная сфера жизни общества является одной из самых важных и в тоже время опасных в стратегическом плане.

В условиях единого мирового информационного пространства необходимо обеспечить информационно-психологическую безопасность России — защитить граждан от негативных информационно-психологических воздействий. Составляющей информационно-психологической безопасности является уровень цифровой грамотности граждан. На основе 11 показателей в 2007 году был разработан индекс развития информационно-коммуникационных технологий, который сегодня активно применяется для компаративистского анализа на глобальном, региональном и национальном уровнях. Эти показатели касаются доступа к информационно-коммуникационным технологиям и их использования, а также количества пользователей Интернета, уровня цифровой грамотности и т. д.

Обеспечение информационно-психологической безопасности России зависит от уровня цифровой грамотности ее граждан. На практике доказано, что страны или регионы с низким уровнем цифровой грамотности подвержены различным информационно-психологическим атакам сильнее, чем территория, где уровень цифровой грамотности высокий. Для того, чтобы дать объективную оценку цифровой грамотности в стране — нужно проанализировать, что происходит в регионах. Необходимо понимать, чем больше вовлечено пользователей в Интернет, тем точнее будут исследования цифровой грамотности. Во многих странах и регионах существуют серьезные проблемы в этом направлении.

Хотелось бы выдвинуть несколько предложений по повышению цифровой грамотности граждан России:

1. Систематически организовывать в регионах «День Интернета», в течение которого бесплатно показывать, как пользоваться Интернетом тем жителям, кто еще им не пользовался. Главным здесь является — не просто показать, а научить жителей и будущих пользователей тому, что сможет улучшить качество их жизни.

2. Постоянно улучшать качество сервиса. Интересен пример «Сбербанка», который на протяжении нескольких лет решает проблему цифровой грамотности. 5 лет назад в банке был популярен sms-трафик, который позволял осуществлять транзакции. Сегодня они внедрили сервис, с помощью которого можно не только производить транзакции, но и общаться. Результат — увеличение числа транзакций. Представитель «Сбербанка» Азима Раджабова отметила, что, несмотря на мошенничество (схемы которого, в связи с развитием технологий, также усложнились), главное — развивать доверие пользователя к среде, а также получать обратную связь. Необходимо, чтобы пользователь делился опытом, в том числе и негативным. Для того чтобы решить проблему цифровой грамотности, нужно дать понять, что если у пользователя есть вопросы, их можно (даже нужно) задавать и получать на них ответы. Своим сотрудникам «Сбербанк» передает различные прикладные материалы о том, как легко можно воспользоваться той или иной технологией, как определить и избежать мошенничества или других информационных и информационно-психологических воздействий.

3. Систематически организовывать бесплатные курсы по Интернет-грамотности и работе с мобильным интернетом. Подобную практику нужно распространять во все регионы страны.

4. К проблеме цифровой грамотности можно отнести и сам язык Интернета. К сожалению, сегодня мы не научились говорить языком Интернета. Если оценить язык, который используются на различных сайтах, в том числе и государственных, можно сделать вывод, что для его понимания необходим даже не средний, а профессиональный уровень образования. Если сравнить российские сайты с англо-саксонскими можно сделать вывод, что в англо-саксонских странах существуют некие правила «play-english», по которым должны писаться сайты, чтобы быть понятными для пользователей. В России таких правил не существует. Поэтому, для того, чтобы индекс развития информационно-коммуникационных технологий рос, необходимо создать руководство по упрощению русского языка в Интернете («простой русский»), а также вести zero-дизайн на государственных сайтах. Главное — понимание текста и получение нужной информации, а не иллюстрации. Истинная проблема цифровой грамотности

сти заключается в том, что люди не понимают, какие интернет-сервисы помогают облегчить их жизнь и начинают использовать не те сервисы и верить не той информации — иными словами, легко подвергаются различным информационно-психологическим воздействиям.

Таким образом, уровень цифровой грамотности граждан является важной составляющей обеспечения информационно-психологической безопасности России, а также создает определенный информационный потенциал страны, который зависит от способности и возможности аудитории воспринимать ту или иную информацию в Интернете.

Список источников

1. Галаева М. Г. Тренды IT- сферы и как решить проблему цифровой грамотности [Электронный ресурс] // Сайт POLITSECRETS. URL: <http://politsecrets.ru/articles/raznoe/trendy-it-sfery-i-kak-reshit-problemu-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 04.07.2016).

Е. В. Запорожец

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

ЗАПОРОЖЕЦ Екатерина Валерьевна — студент (магистр), МГИМО-Университет МИД России, г. Москва, Россия; KatikaKatina@gmail.com

Аннотация. В современной России процесс и результат потребления информации потенциальными и реальными потребителями становится неотъемлемой частью исследований в области социологии и маркетинга. Необходимо отметить, что все больше продвижение товаров переходит в глобальную сеть Интернет. Согласно статистическим данным Фонда Общественного Мнения доля месячной аудитории Интернета в России составляет 69 % населения, что делает глобальную сеть одним из наиболее эффективных каналов продвижения. Большой интерес для социологов представляет выявление тенденций поведения целевой аудитории при определенных условиях, как в виртуальном пространстве, так и в реальном мире. Каналы продвижения в современной России за последние годы имеют все больше и больше распространяются на просторы сети Интернет. Наряду с привычным всем продвижением товаров через трансляции по теле- и радиовещанию, появилось продвижение через социальные медиа, поисковую оптимизацию и контекстную рекламу.

Ключевые слова: целевая аудитория, глобальная сеть Интернет, потребление информации, социальные факторы

В современной России процесс и результат потребления информации потенциальными и реальными потребителями становится неотъемлемой частью исследований в области социологии и маркетинга. Необходимо отметить, что все больше продвижение товаров переходит в глобальную сеть Интернет. Согласно статистическим данным Фонда Общественного Мнения доля месячной аудитории Интернета в России составляет 69 % населения, что делает глобальную сеть одним из наиболее эффективных каналов продвижения. Большой интерес для социологов представляет выявление тенденций поведения целевой аудитории при определенных условиях, как в виртуальном пространстве, так и в реальном мире.

Индивиды постоянно потребляют информацию о различных товарах. Независимо от того, находится ли человек дома, на работе, в общественном транспорте, в кафе с друзьями, он получает информацию (аудиальную, визуальную, кинестетическую) о том или ином товаре. Некоторая

доля информации о товаре воспринимается сознательно, какая-то часть бессознательно, что-то может отторгаться, а на восприятие другой информации может возникнуть реакция. Эмоции также могут быть разнообразными, от умиления и радости, до сопереживания и грусти. Все потоки информации, которую индивиды, так или иначе, получают, разработаны специалистами по продвижению товаров, которые, в зависимости от социальных, психологических и географических особенностей индивида, распространяют знания о различных продуктах [3].

Интерес современного потребителя к определенному товару довольно сложно привлечь, а, особенно, удержать. Даже такие гиганты, как Procter & Gamble, General Motors не всегда могут быть уверены в успешности кампании по продвижению [1]. Теперь недостаточно просто предоставить товар хорошего качества по приемлемой цене и наилучшим образом поместить его на определенных полках в магазинах. В реалиях настоящего времени потребителям необходимо получить информативное и привлекательное сообщение о таком товаре, который бы отвечал их потребностям и желаниям. В связи с этим маркетологи совместно с социологами выявляют особенности поведения определенной целевой аудитории к определенному виду товаров. При этом используются качественные и количественные методы исследования, по большей части заимствованные из социологии. К качественным методам исследования целевой аудитории необходимо отнести глубинные интервью, фокус группы, экспертные интервью, обработка вторичной информации и другие. К количественным методам относят уличные опросы и опросы в местах продаж, in-home тесты и т. п.

Основными факторами влияния на поведение целевой аудитории являются культурные, социальные, личностные и психологические факторы. Социологический анализ охватывает социальные факторы, в состав которых входят референтная группа, семья, роли и статусы; а также личностные факторы, включающие в себя возраст и стадии жизненного цикла, профессию, экономическое положение, образ жизни, особенности характера [4]. Непосредственное общение с референтной группой оказывает сильное воздействие на поведение людей, нередко люди могут попадать под влияние той референтной группы, к которой они не относятся. Примером такого влияния может быть публикация в социальных сетях авторитетными персонами личных фотографий с той или иной продукцией; при этом, данная персона должна быть уважаема целевой аудиторией данной продукции.

Каналы продвижения в современной России за последние годы имеют все больше и больше распространяются на просторы сети Интернет. Наряду с привычным всем продвижением товаров через трансляции

по теле- и радиовещанию, появилось продвижение через социальные медиа, поисковую оптимизацию и контекстную рекламу [2]. Главной особенностью продвижения товаров через глобальную сеть является возможность отслеживания популярности не только сайта, но и возможность отслеживать движение мыши внутри самого сайта. Владельцы страниц могут отслеживать половозрастные характеристики своих посетителей, а также время посещения. А наличие обратной связи с потребителем через глобальную сеть вселяет чувство защищенности и уверенности в вендере.

Необходимость в социологическом анализе поведения целевой аудитории возникает, когда наиболее эффективно и за короткий срок необходимо изменить имидж бренда или повысить его узнаваемость. С точки зрения социологии анализ целевой аудитории представляет интерес в отслеживании тенденций поведения и нахождении корреляций между стимулом и реакцией.

Список источников

1. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. СПб. : Питер, 2001.
2. Кожушко О. А., Чуркин И., Агеев А. и др. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования : учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Компания «Интелсиб». Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015.
3. Мельникова Н. А. Медиапланирование. Стратегическое и тактическое планирование рекламных кампаний. М. : Издательско-торговая корпорация Дашков и Ко, 2014.
4. Kotler Ph. Principles of marketing. Pearson Education, Inc., 2012.
5. Интернет-ресурс: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12610> (дата обращения: 18.02.17).

Е. И. Москальчук

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С КОНСУЛЬТАТИВНЫМ СТАТУСОМ ЭКОСОС ООН)

МОСКАЛЬЧУК Елена — специалист Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; elena.udenko@yandex.ru

Аннотация. В современных западных и отечественных исследованиях гражданского общества значительное внимание уделяется методу анализа социальных сетей. В статье рассмотрено использование метода АСС на примере российских неправительственных организаций, которые имеют консультативный статус при ЭКОСОС ООН. Был выявлен: 1. характер сетевой структуры российских НПО в зависимости от сферы деятельности организации; 2. конфигурацию сети, состоящей из следующих категорий НПО: российские НПО с консультативным статусом при ЭКОСОС ООН, российские НПО, не имеющие официального статуса и иностранные НПО.

Ключевые слова: гражданское общество, неправительственные организации, ООН

В современных западных и отечественных исследованиях гражданского общества значительное внимание уделяется методу анализа социальных сетей¹. Сетевой подход к исследованию меняет обычное восприятие понятия власти, так как он позволяет сделать структурный анализ того, как власть распределяется в сети, какой властью обладает каждый конкретный узел этой сети, и каковы взаимоотношения между узлами. При этом, выделяется такое понятие как социальная власть. Так, наибольшей социальной властью обладает тот узел, который имеет сильные связи с элементами сети и обладает доступом к ресурсам и информации других узлов².

Метод АСС основывается на математической теории графов. Основным его достоинством является то, что он позволяет: 1. сделать структур-

¹ Примеры использования метода сетевого анализа: Katz H., Anheier H. Global connectedness: The structure of transnational NGO networks // Global civil society. 2005. Vol. 6. P. 240—265; Murdie A., Davis D. R. Looking in the mirror: Comparing INGO networks across issue areas // The Review of International Organizations. 2012. Vol. 7. № 2. P. 177—202.

² Emilie M., Hafner-Burton M. K. Network analysis for international relations // International Organization. 2009. T. 63. № 3. С. 570.

ный анализ того, как информация распределяется в сети; 2. установить, какова степень влияния каждого конкретного узла этой сети; 3. выявить, каковы взаимоотношения между узлами. При этом, выделяется такое понятие как социальная власть (*social power*). Так, наибольшей социальной властью будет обладать тот узел, который имеет связи с другими узлами, имеющими доступ к ресурсам и информации, которыми обладают другие узлы¹. Социальная власть напрямую связана с влиянием, которое имеют узлы. Влияние узла внутри сети определяется рядом параметров. Во-первых, размером сети (или подсети) в которую он включен. Чем больше узлов, тем интенсивнее будут потоки различных ресурсов. Во-вторых, важную роль играет положение узла в сети. Так, центральные акторы (т.е. те, которые имеют наибольшее число ребер и для которых расстояние до остальных вершин минимально) имеют значительно больше влияния внутри сети, чем те, которые находятся на периферии. В силу своего положения они получают возможность контролировать потоки ресурсов и информации. В-третьих, актор может находиться в связанных подгруппах, т.е. участвовать в формировании подсетей, акторы которых имеют большее количество связей друг с другом, чем со сторонними акторами. Внутри таких подгрупп информация от одного актора к другому передается с минимальным искажением. Такие подсети характеризуются большей стабильностью и эффективностью своей деятельности².

Мы рассмотрим использование метода АСС на примере российских неправительственных организаций, которые имеют консультативный статус при ЭКОСОС ООН. Исследование проводилось летом 2016 года, был исследован 61 сайт рассматриваемых организаций в сети Интернет. Был выявлен: 1. характер сетевой структуры российских НПО в зависимости от сферы деятельности организации; 2. конфигурацию сети, состоящей из следующих категорий НПО: российские НПО с консультативным статусом при ЭКОСОС ООН, российские НПО, не имеющие официального статуса и иностранные НПО. Сбор данных проводился путем анализа гиперссылок³ с сайтов российских НПО с консультативным статусом ЭКОСОС ООН. На сегодняшний день гиперссылки более не являются просто операционным техническим понятием, а представляют собой

¹ Emilie M., Hafner-Burton M. K. Network analysis for international relations // International Organization. — 2009. Т. 63. № 3. С. 570

² Подробнее о методе анализа социальных сетей: Чураков А. Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 109—121.

³ Пример использования метода анализа гиперссылок: Shumate M., Dewitt L. The north/south divide in NGO hyperlink networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. Vol. 13. № 2. P. 405—428.

иллюстрацию того, как формируются сети не только в виртуальном, но, и в реальном пространстве¹.

По данным на 2016 год этим статусом обладает 61 российская организация. Они все представлены на графе. (отмечены зеленым цветом) При этом, 13 организаций не включены в граф, они находятся на периферии. Мы не утверждаем, что у этих организаций нет контактов с другими негосударственными акторами в физическом пространстве, но, в виртуальном они не являются участниками сети, соответственно, не участвуют в трансферах информации. В основном в этой группе различные НПО, деятельность которых связана с образованием и наукой, лишь несколько из них посвящены социальным вопросам. На графе также отмечены российские негосударственные акторы (синий цвет) и иностранные (оранжевый). При этом, ссылок на различные российские негосударственные структуры значительно больше (158 — российские, 91 — иностранные). Характер их связей различный, в частности, различна степень их включенности в маршруты между другими узлами сети. Так, наибольшей центральностью обладают крупные российские НПО, российские фонды, православные организации. Примерами таких сайтов являются: Патриархия, Портал-НКО, сайт «Российская общественная инициатива» и пр. Именно они обладают большей социальной властью, и влиянием внутри сети, контролируют потоки ресурсов и информации. Если та или иная организация имеет связи с иностранными НПО, то эти связи не распространяются за пределы двусторонних отношений и не являются центральными, т. е. их влияние на потоки ресурсов и информации в сети незначительно.

Далее, мы провели анализ подгрупп внутри исследуемой сети. Все российские НПО с консультативным статусом ЭКОСОС ООН были разделены по сферам деятельности. Мы предположили, что связанные подгруппы будут формироваться в соответствии со сферами деятельности организаций, потому что это будет способствовать тому, что процесс передачи информации по той проблеме, которой занимаются организации будет наиболее эффективным.

Большинство НПО эквивалентны по отношению друг к другу, т. е. они мало взаимодействуют друг с другом, ресурсы и информация распространяются не так эффективно.

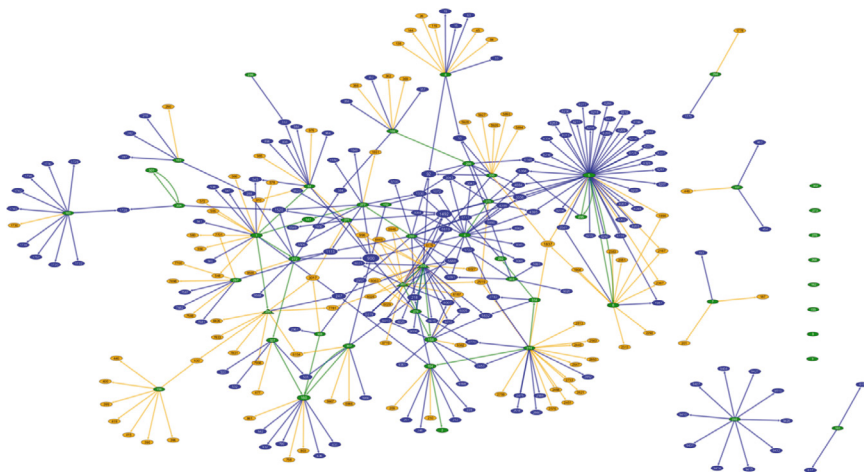
Тем не менее, мы выделили ряд подсетей, которые можно назвать существенными. Самая крупная подсеть образуется из организаций, которые занимаются поддержкой, защитой малочисленных народов.

¹ Пп.см.: Shumate M., Dewitt L. The north/south divide in NGO hyperlink networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. Vol. 13. № 2. P. 405—428.

(Ассоциация малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ; Информационно-образовательная Сеть коренных народов «Лььюравэзтльан»; Центр содействия коренным малочисленным народам Севера; Международный фонд развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — БАТАНИ). Такая развитая сеть говорит о налаженном в этой подгруппе процессе передачи информации и ресурсов, она стабильна и эффективна. Другие узлы этой подсети — это российские и негосударственные акторы, деятельность которых направлена на решение тех же вопросов, которыми занимаются НПО с консультативным статусом ЭКОСОС ООН. (можно назвать примеры)

Другой характерный пример формирования отношений между организациями — это профсоюзные НПО и профессиональные организации. Часть графа, где представлены такие НПО, содержит большее количество связей с российскими НПО. Они формируют развитую сеть российских профессиональных организаций. Как показал качественный анализ этой части графа, те иностранные НПО, которые попали в эту область, представляют профессиональные объединения стран СНГ.

И последняя подсеть, которую мы хотели бы выделить, формируется из организаций, деятельность которых связана с социальными вопросами. Стоит отметить, что лишь часть организаций, занимающихся социальными вопросами включена в эту подсеть. Кроме рассматриваемых нами организаций, в ней преобладают различные фонды или другие российские и иностранные организации, занимающиеся социальными вопросами.

Список источников

1. Чураков А. Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 109—121.
2. Davis D. R. Looking in the mirror: Comparing INGO networks across issue areas // The Review of International Organizations. 2012. Т. 7. № 2. С. 177—202.
3. Emilie M., Hafner-Burton M. K. Network analysis for international relations // International Organization. 2009. Vol. 63. № 3. P. 570.
4. Katz H., Anheier H. Global connectedness: The structure of transnational NGO networks // Global civil society. 2005. Vol. 6. P. 240—265.
5. Shumate M., Dewitt L. The north/south divide in NGO hyperlink networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. Vol. 13. № 2. P. 405—428.

А. Р. Сафина, Б. Б. Борисов

АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ БОТОВ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

САФИНА Айсылу Рустемовна — студент (бакалавр), Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; safina.aysylu.95@yandex.ru

БОРИСОВ Борис Борисович — студент (бакалавр), Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; pierce96@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуются появления новых феноменов в киберпространстве — феномен «Веб-ботов». Также введено новое понятие для обозначения иного типа ботов — «Human-bots». Подробно рассмотрено поведение ботов в российском политическом киберпространстве на основе российских политических блогов. Важное место уделено особенностям и проблемам феномена ботов в России и их роли в разработке киберпространства.

Ключевые слова: политическое киберпространство, боты, human bots, political cyberspace, политическая система, политическая коммуникация

В условиях процесса глобализации информационных технологий появляются неограниченные возможности оказания воздействия на личность и общество. Между тем, с развитием и внедрением в нашу жизнь новых информационных технологий возникают новые угрозы и вызовы, которые проявляются в манипулировании общественным мнением и контроле распространения информации политической элитой. С развитием информационных навыков человечества данное манипулирование так же возрастает. По данным ВЦИОМ около 70% граждан старше 18 лет активно используют интернет. Число ежедневных веб-пользователей неуклонно растет (в 2015 г. — 52%)¹. В проведенном исследовании мы выявили появление новых феноменов в киберпространстве — феномен «веб-ботов», а также ввели новое понятие для обозначения иного типа ботов- «Human-bots». На сегодняшний день существует огромное разнообразие форм и каналов современной коммуникации в киберпространстве. Интернет стал использоваться не только как средство добычи информации и коммуникации, но и как эффективная платформа для выражения общественного мнения.

¹ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (дата обращения: 24.02.2017).

Во многих переходных политических режимах наблюдается противостояние проправительственных и оппозиционных сил, которые стремятся реализовать свою главную цель — добиться общественной поддержки и повлиять на формирование общественного мнения. В связи с этим особого внимания заслуживает отдельный пласт киберпространства — политическое киберпространство, в котором осуществляется политическая коммуникация между политическими веб-актерами и пользователями, а также транслируется политическая повестка дня. Для формирования наиболее благоприятного общественного мнения стали использоваться новые программы — боты. Боты (сокр. от «робот») — автономная программа в киберпространстве, взаимодействующая с системой и интернет-пользователями. Согласно теории, выдвинутой С. В. Володенковым, боты выполняют следующие функции¹:

- Создание атмосферы массовой поддержки либо массового неприятия определенной политической силы среди населения;
- Инициирование искусственно созданных информационных поводов в онлайн-пространстве для формирования выгодной повестки дня;
- Генерирование псевдо-поводов, не имеющих отношения к действительности;
- Распространение дезинформации («гиперболизации» информации);
- Мобилизация масс для офлайн-активности;
- Создание (внедрение) в массовое сознание отличной от существующей системы ценностей;
- Создание массовых стереотипов;
- Формирование выгодных моделей массового поведения;
- Управление политическим имиджем различных субъектов политики, как в позитивном, так и в негативном направлении.

Помимо обычных «Веб-ботов» появился новый феномен, который в нашей работе мы назвали «Human Bots». «Human Bots» — это интернет-пользователи, выполняющие функции ботов, но не ограниченные программным алгоритмом действий. Немецкий исследователь З. Хегелих вводит понятие «Social bots», которое на первый взгляд схоже с понятием «Human Bots», но обладает существенным отличием². «Social bots» — это боты, имитирующие людей, в то время как «Human bots» — это непосредственно люди.

¹ Володенков С. В. Новые формы массовой коммуникации в киберпространстве и современное политическое управление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 6. С. 52.

² Hegelich S., Janetzko D. Are Social Bots on Twitter Political Actors? Empirical Evidence from a Ukrainian Social Botnet // Proceedings of the Tenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2016). 2016.

Таблица 1. Сравнение характеристик «веб-ботов», «Human bots» и Social bots»

	Human Bots	Web Bots	Social Bots (3. Хегелих)
«Ядро» / «Сущность»	Человек	Программа	Программа, имитирующая человека
Создание позитивного образа	+	+	+
Агрессия с призывом к провокационным действиям	+	+	+
Участие в обсуждениях	–	–	–
Рациональная конструкция предложений	+	–	–

В настоящей работе был использован рейтинг российских блогов о политике по версии журнала «Ридус», где представлена классификация популярных блоггеров согласно условным политическим, идеологическим платформам: 1. Радикально-оппозиционная; 2. Умеренно-оппозиционная; 3. Патриотично-охранительная ориентация¹. Для исследования нами была сделана выборка из десяти блоггеров (по два блога по двум первым ориентациям и три по патриотично-охранительной ориентации).

Так как же мы можем идентифицировать ботов? Поле комментариев является «естественной средой обитания» ботов. Как уже упоминалось ранее основной и единственной функцией ботов является публикация привлекающих внимание комментариев для формирования определенной точки зрения аудитории. Таким образом, мы вывели классификацию из следующих критериев, которые позволили нам выявить ботов:

- Характер комментариев (идеологический контекст). Боты, выступая элементами политической коммуникации в киберпространстве, могут также давать оценку определенным событиям и транслировать определенные идеологические паттерны.
- Объем комментариев (2—4 предложения). «Веб-боты» запрограммированы на определенный алгоритм построения комментариев и на определенный стиль сообщения. В основном это простые комментарии, построенные на нелогичном наборе слов.
- Наличие пропаганды («лозунговые» сообщения). Комментарии «веб-ботов» и «Human Bots» должны быть максимально просты для понимания обычными интернет-пользователями.

¹ URL: <https://www.ridus.ru/news/110257/>.

- Одним из наиболее важных критериев является также соотношение даты регистрации и даты комментария бота. Мы сделали тщательный анализ и отбор тех пользователей Интернета, чьи аккаунты казались нам «искусственными». Пользователи-боты регистрируются и оставляют свои комментарии в основном в один и тот же день, после чего их активность попросту сводится к нулю.
- Следующий критерий — активность интернет-пользователя. По нашему мнению, количество постов и последние обновления аккаунта являются сильным аргументом, чтобы заключить, что комментарий был написан ботом.
- Количество подписчиков (либо их отсутствие). Следующий критерий совпадает с предыдущим и говорит о популярности пользователя в сетях. Пустая персональная страница без каких-либо подписчиков и постов приводят нас к выводу, что данный пользователь — бот.
- И последний критерий — информация об аккаунте. Это относится к деталям идентификации бота: ник, имя, место, дата рождения и т. д. Специфика «веб-ботов» заключается в том, что «никнеймы» данных пользователей часто представляют собой простую цифровую комбинацию (популярны среди ботов «никнеймы» `ivanov1`, `ivanov2` и так далее).

Приведенные выше критерии не ранжируются по значимости. Только в случае того, если представлены все критерии, мы можем сделать вывод, что пользователь является ботом. В случае отсутствия, по крайней мере, одного критерия наша гипотеза не подтверждается. В выбранных нами блогах мы проанализировали все комментарии в двух репрезентативных постах и попытались определить ботов, соотнося их с нашей классификацией критериев. Таким образом, мы достигли следующих результатов. Мы подсчитали количество комментариев ботов в выбранных блогах. Кроме того, в соответствии с первым критерием, который относится к идеологическому контексту, мы классифицировали ботов на патриотично-охранительно ориентированных и оппозиционно настроенных, в том числе, вычисляя их количество. Так, согласно нашим подсчетам, средний показатель наличия ботов в разделе комментариев составляет 34,6%.

Мы пришли к выводу, что боты занимают особое место в структуре политического киберпространства и играют огромную роль в разработке структуры киберпространства. Роль ботов чрезвычайно важна, они формируют политическое киберпространство, которое, вероятно, формирует реальную политику. Можно отметить, что политическое киберпространство обладает характерными чертами реальной политики. Более того, с развитием информационных технологий реальная политика перемещается на другую платформу — на платформу киберпространства.

Таблица 2. Подсчет комментариев в выбранных блогах, вычисление количества ботов

Блогер	А			В			С			D			E		F		G	
	Комм-в к посту	64	134	86	53	67	12	72	49	111	23	43	46	79	51	45	65	67
Комм-и ботов	27	55	32	12	17	5	32	8	33	11	11	16	20	11	19	28	31	12
Патр. охр-е боты	14	25	17	7	6	3	21	8	19	9	6	8	18	11	12	20	15	7
Оп. боты	13	30	15	5	11	2	11	0	14	2	5	8	2	0	7	8	16	5
Проц. ботов	42,2%	41%	37,2%	22,6%	25,4%	41,7%	44,4%	16,3%	29,7%	47,8%	25,6%	34,8%	25,3%	21,6%	42,2%	43,1%	46,3%	35,3%
	40,2%			29,9%			30,1%			36,1%			23,4%		42,6%		40,8%	
	35,1%						33,1%						35,6					
	34,6%																	

Список источников

1. Володенков С. В. Новые формы массовой коммуникации в киберпространстве и современное политическое управление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 6.
2. Зубарев Д. Ю. Общественное мнение: дискуссии о дефиниции // Армия и общество. 2014. № 3.
3. Hegelich S., Janetzko D. Are Social Bots on Twitter Political Actors? Empirical Evidence from a Ukrainian Social Botnet // Proceedings of the Tenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2016). 2016.
4. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (дата обращения: 24.02.2017).
5. URL: <https://www.ridus.ru/news/110257>.

А. Н. Пархоменко

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТКРЫТОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

ПАРХОМЕНКО Анастасия Николаевна — аспирант кафедры социальной философии и социологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; sawnast@yandex.ru

Аннотация. Один из самых заметных процессов, характеризующих современное общество — трансформации, которые оно претерпевает вследствие развития интернет-технологий. На смену старым общественным ценностям приходит ценность открытости во всех ее возможных социальных проявлениях. Открытость технически связана с самим функционированием Интернета. Открытость является основой для общественного контроля по отношению к государственному управлению. Открытость может реализовываться в трех направлениях — по отношению к информации, по отношению к формам ее использования и формам контакта с другими, опосредованным данной информацией. Прозрачность — открытость по отношению к информации — является основным интегрирующим и инструментальным понятием общественного контроля. Она подразумевает уровень и качество доступа к государственной информации, качество реализации подотчетности в условиях открытости. В свою очередь участие — это реализация общественного контроля, целью которой является использование всех возможностей прозрачности государства. Интернет-коллаборация позволяет делегировать задачи контроля посредством Интернета открытой части граждан, обладающей определенными навыками.

Ключевые слова: интернет, общественный контроль

В условиях стремительных изменений и экономических преобразований, происходящих в социальном пространстве России, современное общество претерпевает трансформации вследствие развития интернет-технологий. На смену старым общественным ценностям приходит ценность открытости во всех ее возможных социальных проявлениях.

Открытость является основой для общественного контроля по отношению к государственному управлению. Открытость может реализовываться в трех направлениях — по отношению к информации (прозрачность), по отношению к формам ее использования (участие) и формам контакта с другими, опосредованным данной информацией (коллаборация).

Прозрачность является основным интегрирующим и инструментальным понятием общественного контроля. Она подразумевает уровень и качество доступа к государственной информации, качество реализации подотчетности в условиях открытости.

В законодательном плане прозрачность регулируется следующими формами публичной отчетности:

- самостоятельная публикация информации о работе ведомства;
- раскрытие информации в сети Интернет;
- публикация различных видов отчетности;
- раскрытие информации по запросам граждан;
- аудит со стороны контролирующих органов, местного самоуправления, некоммерческих организаций, журналистов;
- предоставление физического доступа представителям общественности для наблюдения;
- передача некоторых полномочий другим структурам;
- гласность коллегиальных заседаний [2, с. 133].
- Общественное участие — это инструмент обеспечения прав и возможностей общественности для участия в процессе принятия решений.

Уровни участия (по отношению к информации):

- пассивное — потребление информации;
- активное — действия на основе информации;
- проактивное — трансляция информации и/или действий;
- интервентивное — изменение информации.

Большинство авторов сходятся во мнении, что в первую очередь, интернет обеспечивает более активное и эффективное участие в управлении:

- тех, кто уже был в него вовлечен;
- тех, кого не удовлетворяли существовавшие ранее формы политического участия;
- ранее пассивных членов общества.

Один из уже признанных исследователями фактов — пользователи, имеющие большое количество фолловеров, в большей степени склонны использовать свою страницу для активного участия. Также они способны транслировать большому числу пользователей формы политического участия, о которых они иначе бы не узнали [1, с. 303].

Чем больше контактов пользователь имеет в социальных сетях, тем более активное участие он принимает в дискуссиях об управлении, и высказывает в них мнение, что, в свою очередь, положительно коррелирует с реальной вовлеченностью в управленческую активность.

Еще одно направление развития открытости в интернете — это коллаборация, т. е. совместная деятельность двух и более человек или ор-

ганизаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия [2, с. 166].

Коллаборация отличается от профессиональных ассоциаций прошлого тем, что это не предполагает коллективное принятие решений. Фактически, это идеальная ситуация коллективного решения, лишенная основного недостатка — взаимного влияния — усреднения результата или сведения его к минимуму. Коллаборация позволяет создавать коллективное решение, созданное людьми, самостоятельно приходящим к выводам и полагающимся на собственную информацию.

Интернет-коллаборация как общественный контроль — это процесс делегирования контрольных задач через Интернет открытому сегменту граждан с определенными навыками. Особую роль в создании сотрудничества играют социальные сети. Они связывают пользователей не с наличием особенных умений, а с наличием особенной мотивации для принятия коллективных решений.

Социальные сети используются для объединения вокруг задач, требующих не технического, а социального решения. Создание сетей волонтеров, координируемых онлайн, организация ячеек помощи и групп по реализации государственных решений — коллаборации, создаваемые на основе возможностей социальных медиа контролировать социальные процессы. Важность роли таких коллабораций в острые моменты политической жизни (выборы, революции и т. д.) уже мало кто оспаривает, однако, их роль в гражданской активности граждан только начинает осмысляться.

Таким образом, можно сделать вывод, что ключевым фактором развития общественного контроля является развитие интернет-технологий, создавших технологические условия, которые позволяют реализовать «право знать» для граждан. Изменение формы реализации открытости, связанной с развитием Интернета, облегчает преобразование инструментов общественного контроля и позволяет привлечь наибольшее число участников процесса мониторинга.

Список источников

1. Лосенков О. И. Интернет-технологии как фактор политического процесса в современном глобальном пространстве // Вестник АГТУ. 2006. № 3.
2. Потупчик К., Федорова А. Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете. М. : Издательство «Алгоритм», 2014.

Н. И. Даудрих

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

ДАУДРИХ Наталья Ивановна — руководитель проектов ВЦИОМ, преподаватель НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; daudrih_n@wciom.com

Аннотация. Уровень гражданской активности активных пользователей социальных сетей примерно в два раза выше, чем среди россиян в целом: (более 80 % указали, что были вовлечены хотя бы в один из изучаемых видов общественной деятельности). Хотя наиболее популярными видами гражданской активности является участие в субботниках, благоустройстве территории (45 %) и в сборе средств для нуждающихся (36 %), но подписание коллективных обращений, петиций в Интернете выходит на третье место (33 %, среди пользователей Facebook данный вид отметили 52 %). Интернет-формы гражданской активности чаще называют более ресурсные группы: пользователи социальных сетей, проживающие в городах-миллионниках, респонденты с хорошим материальным положением, высшим образованием. Возраст слабо влияет на уровень гражданской активности, но сдвигает приоритеты в выборе ее способов проявления, например, для молодежи до 25 лет, Интернет-петиции сопоставимы с субботниками (40 % и 44 % соответственно), а в группе старше 45 лет — занимают только четвертое место по распространенности (29 %). Респонденты с высоким протестным потенциалом чаще отмечают вовлеченность во все виды гражданской активности, существенных отличий в выборе Интернет-форматов выявлено не было.

Ключевые слова: гражданская активность, социальные сети

В настоящее время более 80 % населения России старше 18 лет являются **пользователями социальных сетей**; по **уровню доверия** данный источник занимает уверенное второе место (после телевидения), а для некоторых групп (например, молодежь, люди с высшим образованием) становится приоритетным.

Социальные сети для активных пользователей становятся не только источником информации об окружающем мире, общественно-политической ситуации и пр., но и **способом организации и реализации коллективных социальных действий**. За последние несколько лет появился ряд форм гражданской активности, возможных только на базе сообществ, формирующихся внутри сети Интернет. Коммуникации в рамках тема-

тических групп социальных сетей становятся организующей основой для обсуждения и решения ряда социальных проблем, инструментом общественного давления на органы власти, компании.

В феврале 2017 году ВЦИОМ провел комплексное исследование **активных пользователей социальных сетей** (телефонный опрос, выборка 4000 респондентов), одним из сюжетов которого стал анализ гражданской активности, в том числе и сетевого формата.

Уровень гражданской активности активных пользователей социальных сетей примерно **в два раза выше**, чем среди россиян в целом¹ (более 80 % указали, что были вовлечены хотя бы в один из изучаемых видов общественной деятельности).

Наиболее популярным декларируемым видом гражданской активности является **участие в субботниках, благоустройстве территории** — его отметили 45 % активных пользователей социальных сетей (для россиян в целом 19 %); второе место занимает участие в **сборе средств** для нуждающихся — 36 % и 7 % соответственно.

Треть опрошенных активных пользователей социальных сетей (33 %) указали, что за последний год они подписывали **коллективные обращения, петиции в Интернете**, каждый пятый (21 %) обращался с **заявлением, письмом в органы власти через электронную приемную** на сайте, 17 % участвовали в защите коллективных интересов через **группу в социальной сети**, 10 % в общественном **обсуждении законопроектов и решений, общественных слушаниях через Интернет**.

Анализ вовлеченности различных категорий опрошенных в гражданскую активность на базе Интернет-инструментов показывает, что к значимым **факторам можно отнести место жительства, самооценку материального положения, приоритетный аккаунт в социальной сети, образование** — гражданская активность через Интернет ожидаемо чаще характерна для жителей городов-миллионников, респондентов с хорошим материальным положением, высшим образованием, пользователей Facebook. **Возраст** оказывает сравнительно небольшое влияние на уровень гражданской активности в целом, при этом есть отличия в **приоритетах разных форматов**; так, например, молодежь 18—24 лет чаще всего указывает участие в субботниках (44 %) и подписание петиций в Интернете (40 %), а для

¹ Результаты сравниваются с данными всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного в июле 2015 г. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках (объем выборки 1600 человек, выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта; выборка многоступенчатая стратифицированная, с пошаговым отбором домохозяйств, с применением квот на последнем этапе отбора; метод опроса — личные формализованные интервью по месту жительства респондента).

группы 45—60 лет аналогичные показатели 56 % и 29 %, причем петиции находятся на четвертом месте.

Респонденты, декларирующие готовность участия в протестных действиях, обладают более высоким уровнем гражданской активности, в том числе и через форматы, связанные с Интернетом.

Таблица 1. Вовлеченность в гражданскую активность среди респондентов с разным протестным потенциалом, % по столбцу

Сейчас я зачитаю возможные способы участия в общественной жизни. Укажите, что из перечисленного Вы делали хотя бы раз за последний год?	Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?	
	Скорее всего, приму	Скорее всего, не приму
Участвовал в субботниках, благоустройстве территории	51	42
Участвовал в сборе средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение	39	35
Подписывал коллективные обращения, петиции в Интернете	37	31
Участвовал в управлении своим домом (собрания дома, ТСЖ, голосования)	30	26
Обращался с заявлением, письмом в органы власти через Интернет (электронная приемная)	25	20
Участвовал в защите коллективных интересов через группу в социальной сети	23	13
Направлял письма и обращения в органы власти своего города/района, области	19	14
Участвовал в деятельности общественной организации (некоммерческая организация)	16	13
Участвовал в проведении выборов в качестве наблюдателя	14	7
Работал волонтером	13	10
Участвовал в митинге, демонстрации, пикете по поводу событий в жизни страны, региона, населенного пункта	13	7
Участвовал в общественном обсуждении законопроектов и решений, общественных слушаниях через Интернет	12	8
Лично участвовал в общественном обсуждении законопроектов и решений, общественных слушаниях	7	5
Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	12	19

А. Н. Тимохович, С. С. Филенко

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ТИМОХОВИЧ Александра Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью ГУУ, г. Москва, Россия; 3178720@list.ru

ФИЛЕНКО Степан — студент IV курса бакалавриата направления подготовки «Социология» ГУУ, г. Москва, Россия; stephanfilenko@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся основные результаты эмпирического исследования особенностей использования социальных сетей и их влияния на политическую активность студенческой молодежи. Исследование проведено на базе Политехнического университета города Порту, Португалия.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, молодежь, политическая активность

На протяжении всего двадцатого века происходило масштабное технологическое развитие, которое послужило основой для расширения коммуникативных свойств, возможностей человека, посредством использования новых технологий, которые изменили форму коммуникации людей. Главенствующим моментом данного процесса стало появление глобальной сети «Интернет», с помощью которой люди получили возможность контактировать друг с другом в реальном режиме времени, обмениваться информацией, быть вовлеченными в различные социальные процессы. Одним из важнейших аспектов использования интернета и социальных сетей является повышение политической активности пользователей.

Проникновение интернета в разных странах мира и в различных регионах внутри отдельно взятой страны не является одинаковым. В Португалии по данным «Internet World Stats» интернетом пользуются более семи миллионов человек, из них пять с половиной миллионов — пользователи социальной сети Facebook.

На современном этапе развития общества интернет — это не только средство коммуникации, это пространство, в котором люди создают свою информационную среду [1]. Ключевым фактором для людей является взаимодействие, и именно такие ресурсы, которые дают людям пространство для организации разного рода взаимодействия друг с другом, получили название социальных сетей [3].

Социальные сети раскрывают новые стороны интернета. Они выступают как средство самореализации, являются главенствующим средством коммуникации людей, а также с помощью социальных сетей появилась возможность влиять на восприятие пользователями интернета различных социальных и политических процессов, вовлекать пользователей в определенные виды деятельности в разных сферах общественной жизни [2].

Большое количество студенческой молодежи Португалии используют социальные сети как для коммуникации, так и для решения более прикладных задач, а именно для поиска информации об истории страны, политических партиях, о различных событиях и процессах, происходящих как в Португалии, так и за ее пределами. В социальных сетях появляются сообщества, посвященные взаимодействию молодых людей, которые являются приверженцами определенных политических взглядов. Данная область требует дополнительного анализа и изучения.

В настоящей работе остановимся на изучении особенностей использования социальных сетей в контексте их влияния на политическую активность студенческой молодежи Португалии.

Объект исследования: студенческая молодежь Португалии.

Предмет исследования: особенности использования социальных сетей студенческой молодежи Португалии.

Цель исследования: изучить особенности использования и влияния социальных сетей на политическую активность студенческой молодежи Португалии.

Гипотеза: социальные сети оказывают влияние на формирование на политическую активность студенческой молодежи Португалии.

Методы исследования: анализ документов, опрос (онлайн анкетирование на сайте Google Forms).

Эмпирическое исследование было проведено весной 2016 года на базе Политехнического университета города Порту (Португалия). Было опрошено 260 студентов университета, в том числе иностранные студенты, обучающиеся по программам академической мобильности. Среди опрошенной молодежи 60 % составляют девушки, 40 % — юноши; 80 % всех респондентов относится к возрастной группе от 19 лет до 22 лет, 20 % — старше 23 лет. Основным видом занятости для абсолютного большинства опрошенных является учеба (80 % респондентов).

В ходе опроса было выявлено, что наиболее активно студенческая молодежь использует социальную сеть Facebook: 100 % респондентов зарегистрированы в социальной сети Facebook; половина опрошенных (50 %) указали, что зарегистрированы в социальной сети Google+; чуть больше половины респондентов имеют аккаунт в Instagram (57 %); 28,6 %

указали, что у них есть аккаунт в Twitter; также респонденты называли и другие социальные сети, в частности, Snapchat и LinkedIn — по 14 % опрошенных. На основе этих данных можно сделать предположение о том, что для оперативного и широкоохватного распространения информации, направленной на молодежную студенческую аудиторию, необходимо использовать социальную сеть Facebook как канал распространения информации.

Абсолютное большинство респондентов (98 %) отметили, что используют смартфон для выхода в социальные сети. Данный факт можно объяснить активным распространением мобильного интернета, большинство провайдеров предлагают бесплатное использование интернет-связи в рамках пакетов телефонных услуг, также широким покрытием точек доступа Wi-Fi и наличием мобильных приложений конкретных социальных сетей, которые облегчают их использование через смартфон. Следует отметить, что вторым по популярности способом использования социальных сетей является ноутбук, этот вариант ответа выбрали 85,7 % всех респондентов. Поскольку респондентами выступали студенты вуза, столь высокие показатели можно объяснить тем, что ноутбук для студента является неотъемлемой частью учебного процесса. В меньшей степени респонденты выходят в социальные сети через персональный компьютер (14,3 %), через планшеты (7,1 %), через иные гаджеты (7,1 %).

На вопрос о причинах использования социальных сетей мнения респондентов распределились следующим образом. Наиболее часто респонденты выбирали следующие варианты ответа: оставаться на связи с семьей и друзьями (92,9 %) и следить за новостями (85,7 %). Следующими по частоте выбора респондентами альтернативами были: находить информацию разной направленности (71,4 %) и делиться фотографиями и видео (71,4 %). Как свидетельствуют ответы респондентов, коммуникативная и информационная функции социальных сетей находятся на первом плане.

Среди видов новостей, за которыми респонденты наиболее активно следят через социальные сети, были перечислены следующие: новости социальной сферы (85,7 %), новости науки (71,4 %), новости политики (64,3 %), новости о технологиях (64,3 %), новости экономики (42,9 %). Более половины опрошенных следят за политическими новостями посредством информации, публикуемой в социальных сетях.

Респондентам был задан отдельный вопрос о том, используют ли они социальные сети для мониторинга политических событий, для отслеживания информации, связанной с политическими новостями и событиями.

Большинство респондентов указали, что используют социальные сети для отслеживания политических новостей (64,3 %), однако, 35,7 % опро-

шенных респондентов предпочитают не использовать социальные сети для таких целей.

Наиболее популярными каналами мониторинга политических новостей среди респондентов являются: Facebook (78,6%), местное телевидение (57,1%), Twitter (28,6%), сайт CNN (14,3%), сайт Dairio de Noticias. Социальная сеть Facebook среди перечисляемых респондентами каналов мониторинга политических новостей находится на первом месте с большим отрывом от других каналов.

По мнению более половины респондентов их отношение к политическим событиям менялось под влиянием информации в социальных сетях. То есть социальные сети представляют собой не только канал формирования мнений и отношения к чему-либо, но и способ изменения отношения, в том числе к политическим событиям.

Более половины респондентов в той или иной мере выразили свое согласие с тем, что их политическое поведение менялось под влиянием социальных сетей.

Результаты исследования показали, что абсолютное большинство студенческой молодежи использует социальные сети с разными целями, в том числе для мониторинга политических событий. Большинство студенческой молодежи подвержены влиянию политической информации из социальных сетей, под воздействием которой они не только формируют свое отношение к политическим событиям, но и меняют политическое поведение.

В социальных сетях, в частности в социальной сети Facebook, существует большое количество сообществ, открытых и закрытых групп политической направленности, в которых состоит значительное число пользователей интернета, молодежи.

Требуется дальнейшего изучения эффективности деятельности подобных групп и значение их в политическом процессе общества.

Список источников

1. Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ. М. : Либроком, 2014.
2. Кремнёв Д. А. Продвижение в социальных сетях. СПб. : Питер, 2011.
3. Сазонов В. М. Социальные сети — публичная сфера. М. : Лаборатория СВМ, 2012.

10. Демографическое будущее России

А. В. Галкина

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Иркутский Государственный университет, г. Иркутск

A. V. Galkina. Irkutsk State University, Irkutsk

Аннотация. В данной статье проблема роста преступности рассматривается как следствие различных социально-экономических факторов, одним из которых являются неудовлетворенные социальные потребности граждан. Анализу подвергаются различные статистические данные, которые подтверждают наличие взаимосвязи степени удовлетворенности социальных потребностей россиян и уровня преступности. На данном этапе развития общества ситуация с криминализацией населения неоднозначна и тяжелая экономическая обстановка в стране является одним из значимых факторов этой динамики.

This article examines the problem of crime as a result of various socio-economic factors, one of which is the social needs of citizens. Analysis subjected to various statistics, which confirm the existence of the relationship satisfaction of social needs of the Russians and the crime rate. At this stage of development of society the situation with the criminalization of the population is ambiguous and difficult economic situation in the country is one of the most important factors of this dynamic.

Ключевые слова: социальные потребности, уровень жизни, криминализация, уровень преступности, кризис.

Keywords: social needs, quality of life, criminalization, crime, crisis.

В настоящее время Россия находится в глубоком экономическом кризисе, который охватывает всё большие сферы повседневной жизни людей. В связи с этим россияне зачастую вынуждены отказывать себе в тех или иных услугах, товарах, так как элементарно на некоторые блага, даже на необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности, у среднестатистического жителя нашей страны не хватает денежных ресурсов. (для более четкого представления сложившейся ситуации ре-

комендуется дополнить данное общее утверждение конкретными примерами) По данным Росстата, на июль 2016 года реальные располагаемые доходы россиян, то есть «свободные» деньги, которые человек может потратить на собственные нужды или отложить после того, как сделает все обязательные платежи, упали по сравнению с июлем предыдущего года сразу на 7 % [4]. Помимо этого, глава Счетной палаты Татьяна Голикова заявила, что число людей, находящихся за чертой бедности, растёт [2]. Наряду с этим усугубляется сложившаяся ситуация ещё одним показателем — ростом неравенства доходов населения, который был впервые зафиксирован с начала кризиса в стране.

Одним из главных условий правомерного поведения является существующая возможность реализовать основные потребности и интересы человека законным путем. К числу таких потребностей относятся потребности материального характера (трудовая занятость и оплата труда, жилье, питание, содержание детей, имущество, и др.), потребности в самосохранении и саморазвитии (поддержание здоровья, отдых и развлечения, защищенность от вредоносных посягательств, образование, пользование культурными ценностями); потребностей морального характера (в социальной справедливости, в уважении личного достоинства и личных интересов со стороны других людей и государства). Возможность их реализации обеспечивается правовой системой государства, которая гарантирует права на их реализацию и определяет законный порядок реализации, а также обеспечивает социальную справедливость в реализации. (рекомендуется перестроить предложение, сократив число повторений) На этот счёт А. П. Назаретян на основе анализа исторических фактов, приходит к выводу, что усиление социального напряжения и связанное с ним ухудшение правопорядка происходит в тех случаях, когда не оправдываются возрастающие ожидания населения [1, с. 10]. В этом случае обостряется их неудовлетворенность, что провоцирует правонарушающие настроения. (рекомендуется расширить теоретико-методологическую базу и использовать ссылки на других ученых социологов для доказательства причинно-следственной связи)

В связи с этим падает и общее настроение граждан, обостряется ситуация относительно богатых и бедных, также ухудшается и уровень жизни. Всё это является причиной обострения одного из негативных явлений нашего общества — преступности, так как уровень зарплат снижается, а по причине безработицы часть людей вообще остаются без источника постоянного дохода. Как всем известно, уровень криминализации общества является признанным индикатором состояния общества и социального благополучия населения.

В ходе вторичного анализа данных, предоставляемых ежегодно Управлением МВД России, было выяснено, что в целом по России роста преступности не наблюдается, так, в 43 регионах страны наоборот, можем наблюдать небольшой спад этого явления, но тут же в 42 регионах имеет место быть рост числа преступлений [4]. При этом мы можем увидеть, что почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж, грабежей и разбоев. Один из самых больших показателей роста за период с января по июль 2016 года показывает такое правонарушение как мошенничество, где увеличение числа деяний фиксируется на отметке 19,1 % (в сравнении с аналогичным периодом 2015 года), ухудшает обстановку и тот факт, что правоохранительные органы всё реже могут предотвратить данное явление. (рекомендуется расширить эмпирическую базу и использовать данные других исследований, а также провести компаративный анализ) Обусловлено такая ситуация также тем, что отрасль преступности всесторонне развивается, появляются новые способы и методы нарушения законов, иногда о которых даже и не приходится думать. Всё чаще мы слышим от СМИ о тех или иных правонарушениях, которые относятся к категории «резонансные», причём совершаются они в разных сферах, начиная от домашнего насилия и краж, заканчивая масштабными экономическими и политическими преступлениями, которые приносят вред всему государству.

Обратной стороной этого является и изменение в системе наказаний. Так, была возобновлена система домашнего ареста, запрещенная в нашей стране с 1960 года. Стоит напомнить, что до 1960 года эта мера наказания была очень популярной, суд мог применить это наказание только в тех случаях, когда никто не пострадал, в основном в домашнем заточении в СССР сидели сплетники и клеветники [1]. Однако сейчас мы наблюдаем, что часто данную меру наказания применяют в отношении влиятельных слоёв общества, не смотря на тяжесть совершенного ими преступления, так, сюда входят и взяточничество в особо крупном размере, и мошенничество, и дорожно-транспортные происшествия со смертельными исходами. (данный абзац можно сократить, так как тема наказаний в статье раскрывается совсем поверхностно и не несет сильной смысловой нагрузки)

Анализируя представленную статистику, складывается негативное отношение к происходящему, но наше Правительство не оставляет эту ситуацию и активно разрабатывает новые законопроекты по предотвращению преступности в стране [1, с. 7]. Так, совсем недавно, 22 сентября 2016 года вступил в силу закон о профилактике правонарушений [5]. Под профилактикой здесь подразумевается оказание воспитательного

воздействия на лиц в целях недопущения совершения преступлений или антиобщественного поведения. В законе отмечается, что антиобщественное поведение — это действия лица, не влекущие административную или уголовную ответственность, но нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц. Осуществлять такую программу будут федеральные органы исполнительной власти, прокуратура, органы Следственного комитета РФ, а также региональные и местные органы. При этом помощь могут оказывать и все неравнодушные граждане РФ. Помимо этого на данный момент реализуется государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», в рамках которой также ожидается повышение эффективности работы правоохранительных органов, что должно привести к усилению уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов [1, с. 10]. Также был разработан план деятельности МВД до 2018 года, действие которого начинается с 2014 года, так, начиная с 2015 года, мы можем наблюдать повышение числа раскрытых преступлений, что говорит о результативности данного плана. (рекомендуется проанализировать и другие законопроекты, принятые в последнее время, чтобы отобразить существующую ситуацию в полной мере)

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что ситуация в России и в регионах с уровнем преступности и криминализации населения является напряженной, что обусловлено падением уровня жизни населения страны. Однако немаловажным является тот факт, что правительство страны активно занимается данной проблемой и направляет множество усилий на стабилизацию криминальной обстановки в стране.

Список источников

1. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 1. С. 7—14.
2. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru/>. (дата обращения: 10.10.2016).
3. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. М.: Астрель, 2006.
4. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф /Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2016).
5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

Комментарий

В статье не разграничиваются такие понятия как «преступность» и «безопасность»; статья не носит содержательного характера, отсутствует какой-либо анализ существующей ситуации, нет информации, несущей ценность; выводы слишком неглубоки и поверхностны; недостаточные теоретико-методологическая и эмпирическая базы.

С. В. Бояринцева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДЕКСА НРАВСТВЕННОЙ АНОМАЛИИ ОБЩЕСТВА С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ОБЩЕЙ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

БОЯРИНЦЕВА Светлана Владимировна — врач, психолог, Независимый исследовательский центр, г. Самара, Россия; svetlano1@yandex.ru

Аннотация. Цель работы состоит в обосновании необходимости количественной оценки нравственного состояния общества как важнейшего компонента социальной атмосферы и в разработке методики его измерения. На основе анализа реакции населения России на общественно-политические события в стране синтезирован критерий состояния социальной атмосферы, использующий статистические показатели, характеризующие наиболее сильные аморальные явления.

Ключевые слова: нравственное состояние общества, социальная атмосфера, методики оценки, уровень духовности

Социальная атмосфера представляет собой социально- психологический феномен, являющийся носителем смыслов и ценностей, жизненных целей и задач людей, живущих в обществе. Это общий ментально- эмоциональный фон, который формируется из различных общественных настроений и мыслей, охватывающий все сферы жизни общества. В то же время социальная атмосфера представляет собой самостоятельное макросоциальное явление, оказывает непосредственное влияние на жизнь каждого человека. Люди вольно или невольно насыщаются мыслями и чувствами всего общества. В этой связи состояние социальной атмосферы является одним из важнейших факторов здоровья населения [1].

Динамика смертности населения России определяется текущей социально-политической обстановкой в стране, в зависимости от которой изменяется социальная атмосфера. Экстремальные точки кривой смертности соответствуют степени психологической реакции населения на наиболее значимые общественно-политические события. [2].

В основу методики оценки состояния общества положен критерий, позволяющий количественно судить об уровне духовности в стране. Так как ощутить духовность органами чувств или измерить физическими приборами невозможно, то приходится судить о её свойствах и изменениях опосредовано, через материальные феномены, являющиеся следствием воздействия социальной атмосферы на людей. Такими феноменами слу-

жат совокупности стандартных медико-демографических показателей, регистрируемых органами государственной статистики, определённым образом сформированные в единый комплекс, характеризующий отклонения в поведении людей от общепринятых морально-этических норм [3].

Такой мерой может служить индекс нравственной аномалии общества (НАО), компонентами которого являются наиболее сильные аморальные явления, прямо или косвенно влияющие на смертность. Безнравственными считаются поступки и деяния человека, противоречащие традиционным, в том числе религиозным, нормам и правилам поведения.

Для формирования индекса были выбраны следующие стандартные демографические показатели:

1) число убийств, на 100000 населения; 2) число самоубийств, на 100000 населения; 3) число умерших от случайного отравления алкоголем, на 100000 населения; 4) общая преступность, на 1000 жителей; 5) заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, на 100000 населения; 6) число детей и подростков без попечения родителей, тыс. человек; 7) суммарный коэффициент рождаемости (число рождений на 1 женщину). Рождаемость, безусловно, не относится к числу безнравственных явлений. Аномальным является её более низкий, по сравнению со смертностью, уровень за всю послевоенную историю России. Эта демографическая катастрофа известна под названием «Русский крест»; 8) число разводов на 1000 браков; 9) смертность от психических расстройств и расстройств поведения, на 100 000 населения.

Индекс НАО за текущий год рассчитывался как сумма произведений нормированных к шкале [0,1] значений статистических показателей за этот год на весовые коэффициенты, определяющие относительные вклады соответствующих показателей в суммарную величину индекса. При нормировке наихудшему качеству показателя присваивалось значение нуль, а наилучшему — единица. Вычисление весовых коэффициентов осуществлялось в математическом пакете Statistica путем факторного анализа всего массива нормированных статистических показателей.

Таблица 1. **Весовые коэффициенты статистических показателей**

Статистический показатель	Вес показателя, %	Коэффициент корреляции с индексом НАО
число умерших от случайного отравления алкоголем	51.3	-0.789
число самоубийств	28.0	-0.520

Статистический показатель	Вес показателя, %	Коэффициент корреляции с индексом НАО
число убийств	11.0	-0.627
число детей и подростков без попечения родителей	4.3	-0.713
суммарный коэффициент рождаемости	3.1	0.542
общая преступность	1.4	-0.431
заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения	0.72	-0.403
смертность от психических расстройств и расстройств поведения	0.15	-0.819
число разводов	0.09	-0.674

Негативная часть социальной атмосферы на 99% состоит из шести «вредных газов», индивидуальная «концентрация» которых превышает 1%. Среди них резко выделяются три компонента: число умерших от случайного отравления алкоголем, число самоубийств и число убийств, в сумме составляющие 90,2%. Динамика индекса статистически тесно взаимосвязана с динамикой каждого из выбранных показателей независимо от их веса, что свидетельствует о единообразном характере протекания различных аморальных процессов в обществе.

Взлёты и падения индекса НАО полностью согласуются с динамикой смертности населения. Из сопоставления кривых на рис. 1 следует, что колебания индекса и смертности происходят в противофазе: при ухудшении нравственного состояния общества смертность растёт и наоборот, смертность снижается, если нравственное состояние людей улучшается. При этом существует сильная отрицательная корреляция индекса и смертности: коэффициент корреляции $\rho = -0,88$. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу закона «духовно — демографической детерминации», сформулированного И. А. Гундаровым[4].

Для оперативного слежения за состоянием социальной атмосферы желательно небольшое число показателей. Как видно из таблицы, наибольшее влияние на индекс НАО оказывают отравления алкоголем, самоубийства и убийства. Сумма этих «летальных» показателей образует синдром социальной патологии и имеет значимую корреляционную связь со смертностью от психических расстройств и расстройств поведения ($\rho = 0.82$), с рождаемостью ($\rho = -0.72$), с абортами ($\rho = 0.48$), с числом детей — сирот ($\rho = 0.46$). Его можно считать не только адекватным, но и предельно простым в методическом и вычислительном отношении индикатором нравственного состояния общества благодаря тесной статистической связи между компонентами индекса.

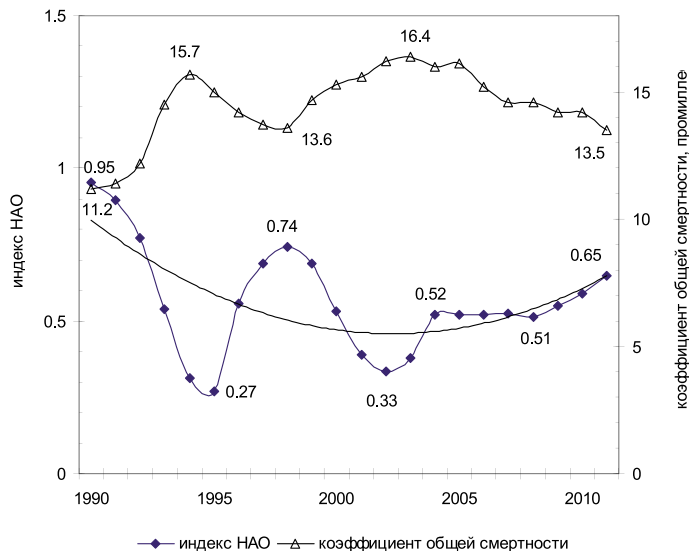

Рис. 1. Сопоставление динамики индекса НАО и коэффициента общей смертности

Выводы. Динамика смертности населения России определяется текущей социально-политической обстановкой в стране, в зависимости от которой изменяется социальная атмосфера.

Колебания уровня негативной части этой атмосферы, измеренного с помощью разработанного индекса нравственной аномалии общества (НАО), имеют жесткую причинно-следственную связь со смертностью и совершаются в противоположных направлениях: при ухудшении нравственного здоровья людей смертность возрастает, а при улучшении — падает.

Духовную аномалию общества в достаточной мере характеризуют три главных социальных фактора: отравления алкоголем, самоубийства и убийства.

Их сумма — синдром социальной патологии — является релевантным критерием качества общественной атмосферы.

Список источников

1. Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Изменения в социальной атмосфере как фактор здоровья населения. М. : Изд-во Перо, 2015.
2. Аргунова В. Н., Бояринцева С. В. Влияние патологии социальной атмосферы на здоровье населения. России // Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты. М. : Изд-во Московского университета, 2016.

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.

4. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М. : Центр творчества «Беловодье», 2001.

А. С. Мясникова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА СОЗНАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ И ЛИЦ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА)

МЯСНИКОВА Анастасия Сергеевна — студентка Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия; nymeria96@mail.ru

Аннотация. На современном этапе развития общества средства массовой информации выступают в качестве одного из важнейших компонентов существования личности. Среди прочих средств массовой информации телевидение выделяется как наиболее распространенное. В настоящее время телевизор присутствует практически в каждом доме. И его значение в нашем быту неоспоримо. Рождается закономерный вопрос, подвержено ли наше сознание влиянию со стороны телевидения и насколько это воздействие (если оно имеет место) эффективно. За последние пару лет было проведено немало исследований по данной проблематике. В статье рассматривается подверженность разных возрастных групп населения влиянию со стороны телевидения. В качестве основных социальных групп были взяты молодежь и лица третьего возраста. В статье приводится вторичный анализ исследований на представленную тему таких исследовательских центров, как ФОМ и ВЦИОМ. На основе вторичного анализа приводится аргументация позиции автора.

Ключевые слова: телевидение, молодежь, лица пенсионного возраста, воздействие

В настоящее время средства массовой информации (в первую очередь телевидение) занимают значительное место в жизни общества. Телевидение предоставляет нам информацию практически по любым вопросам: о состоянии мирового рынка, ситуации на политической арене, также дает нам познавательную и развивающую информацию. Наряду с этим «средства массовой информации являются эффективным инструментом воздействия на поведение и общественное мнение индивидов, мотивируя и направляя их на достижение тех или иных целей. Развитие информационного общества исключает возможность полноценного существования индивида без потребления и использования масс-медиа» [1].

Согласно данным ВЦИОМА на май 2015 года, для большинства граждан (62%) основным источником о новостных событиях в стране выступа-

ет телевидение. На втором месте новостные, аналитические и официальные сайты в сети Интернет (только 16 % респондентов). (По результатам исследования «СМИ в России: потребление и доверие». Проводимого в мае 2015 года, в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Выборка составила 1600 респондентов.) [2].

Становление личности происходит под влиянием множества факторов, но все большее место в процессе социализации занимают именно средства массовой коммуникации, зачастую опережая такие базовые агенты, как институт семьи, образования. События, произошедшие в России в 90-е годы XX в., и последовавшие за ними экономические реформы, сломали прежнюю систему социально-политического и духовно-нравственного просвещения молодого поколения. Вследствие этого элементы новой демократической системы образования, воспитания и социальной адаптации молодежи находятся в стадии формирования. Особую роль в процессе создания обновленного общественного сознания играют СМИ.

«Можно сказать, что личность в процессе своего становления проходит через три фазы.

Первая — человек целиком управляется процессами, протекающими в социуме.

Вторая — становление индивидуальности, через самоутверждение, через умение ставить цели и их добиваться.

Третья — участие в решении глобальных проблем, требующее творческого сотрудничества. Здесь необходимо подчеркнуть, что только состоявшиеся личности, оформившиеся индивидуальности могут составлять креативные группы, способные влиять на глобальные процессы в любой сфере общественной жизни, будь то культура, экономика, политика или экология.

Развитие некоторых людей останавливается на первой фазе. Для того чтобы выйти из этой «клетки» и перейти на следующий этап, человеку следует начинать замечать влияние сторонних факторов на его сознание. Знание о том, как это происходит необходимо, в первую очередь для того, чтобы понять, зачем нами манипулируют и к каким последствиям это может привести» [1].

Основной источник информации для большинства молодых — телевидение. Телевизор смотрят 77 % молодежи, доверяет ему значительно меньшая доля опрошенных (36 %), но у остальных источников информации этот показатель еще ниже (согласно опросу «Опрос молодежи: источники информации», проведенному ФОМом в сентябре 2016 года. Участие в опросе подверглись молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет из 53 субъектов РФ. Выборка составила 1500 респондентов.) [4].

По результатам вышеприведенного исследования, у молодежи в возрасте от 18 до 22 лет наибольший интерес вызывает информация, связанная со спортом (33%) и разделом науки и техники (29%). Более старшая группа респондентов (в возрасте от 23 до 30 лет) особенно внимательно относятся к теме «семья, дом, дети». Это обусловлено тем, что в этом возрасте молодые люди более склонны заводить семью и иметь собственный дом. И, соответственно, у них появляется интерес к этой теме.

Следует отметить, что в условиях информационного общества просмотр телевидения занимает достаточную часть нашей жизни. В августе 2016 года фондом Общественное мнение было проведено исследование, получившее название «Что смотрят по телевизору?» [5]. Согласно результатам, больше половины респондентов указали, что просматривают телевизионные программы каждый день (61%). Приоритетной возрастной группой в этом вопросе оказались лица старше 60-ти лет (83%). Среди молодых людей (18—30 лет) каждый день просматривают телевизионные программы лишь 36% респондентов. 57% телезрителей, принадлежащих возрастной группе «31—45 лет» также просматривают телевизор каждый день. И среди лиц в возрасте от 46 до 60 74% ежедневно смотрят телевизор [5].

Таким образом, мы можем проследить следующую закономерность. С возрастом интерес к просмотру телевидения возрастает, и все большее число людей начинают уделять этой деятельности достаточное количество своего времени. Это связано, на наш взгляд, в первую очередь с избытком свободного времени у людей, находящихся на пенсии. Такие люди просматривают телевизионные программы намного чаще, чем прочие возрастные группы, поскольку большую часть своего времени находятся дома. На основе этой же информации можно говорить о том, что пенсионеры в большей степени подвержены влиянию телевидения, чем молодое поколение. Одной из причин этого является нехватка информации у лиц третьего возраста. Из-за частого пребывания в ограниченном пространстве, они лишаются прочих источников информации за исключением телевидения. У молодых людей помимо этого есть еще и новостные сайты в Интернете, рабочий/учебный коллектив и прочие социальные группы, в которых безостановочно движется «водоворот» информации. Итак, вследствие того, что лица пенсионного возраста испытывают некий информационный голод, им приходится поглощать огромные потоки информации, предоставленные телевидением. Соответственно, из-за отсутствия сравнения этих знаний с другими, полученные сообщения представляются единственно верными и часто даже не подвергаются сомнению.

Согласно исследованию, проведенному в январе 2016 года Всероссийским Центром Изучения Общественного Мнения [3], лица

в возрасте старше 60 лет (51 %) более склонны доверять телевидению, чем те, кто относится к возрастной группе от 18 до 30 (42 %) [3]. Что подтверждает нашу теорию о том, что пенсионеры более подвержены воздействию со стороны телевидения.

Резюмируя вышесказанное, мы с полной уверенностью можем говорить, в условиях развития информационного общества телевидение играет одну из ведущих ролей в жизни общества. «Высокий уровень доверия к телевидению подтверждается тем фактом, что в случае наличия противоречивой информации о каком-либо событии в различных СМИ, именно телевизионному сюжету скорее поверит более половины граждан (53%) — однако в последние несколько лет наблюдается снижение этой доли (с 60% в 2013 г.). Предпочтение сайтам и блогам в этом вопросе отдадут 22% опрошенных. В то же время таким традиционным средствами массовой информации, как радио (3%), газеты (2%) и журналы (менее 1%) респонденты готовы довериться не столь охотно, как «сарафанному радио» (7%)» [2]. Однако, благодаря этому, телевидение имеет возможность влиять на наше подсознание. Наиболее подвержена воздействию группа лиц третьего возраста в силу ограниченности поступающей к ним информации. Молодые люди в этом отношении чувствуют себя более защищенно.

Список источников

1. Мясникова А. С. Манипуляция общественным сознанием посредством СМИ / А. С. Мясникова // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: VIII Всерос. Науч. Интернет-конф.: материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 103—108.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Официальный сайт] / Результаты исследования «СМИ в России: потребление и доверие» / [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248> (дата обращения: 14.02.17).
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Официальный сайт] / Результаты исследования «ТВ, Интернет, газеты, радио: доверяй, но проверяй?» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (дата обращения: 14.02.17).
4. Фонд Общественное мнение [Официальный сайт] / Результаты исследования «Опрос молодежи: источники информации» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12873> (дата обращения: 14.02.17).
5. Фонд Общественное мнение [Официальный сайт] / Результаты исследования «Что смотрят по телевизору?» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12824> (дата обращения: 14.02.17).

Л. С. Шилова

ВЕКТОР РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ШИЛОВА Людмила Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института Социологии РАН, г. Москва, Россия; Liudmila-shilova@yandex.ru

Аннотация. По материалам качественного исследования представлены оценки пациентами московских государственных поликлиник некоторые условия предоставления медицинских услуг в 2015—2016 г.г. Пациенты положительно оценили информатизацию поликлиник, введение электронной записи на прием к врачам и диагностические исследования. Электронная запись позволила удалить из коридоров поликлиник очереди, сократить время ожидания приема, убрать напряженность в отношениях между пациентами. Положительную оценку получили созданные в помещениях поликлиник комфортные условия пребывания. Неудовлетворенность пациентов вызывает растущие материальные затраты на медицинские услуги: уменьшается количество бесплатных услуг, растут тарифы платных услуг, растет стоимость лекарств. Это вынуждает пациентов отказываться от дорогостоящего лечения. «Кустовое» объединение поликлиник породило проблему территориальной доступности услуг, неравенство между пациентами филиалов и центральных поликлиник. Оптимизация трансформировала цели и задачи реформ и привела к негативным последствиям.

Ключевые слова: здравоохранение, оптимизация, платные и бесплатные услуги, «кустовое» объединение поликлиник, материальная и территориальная доступность услуг, неравенства

Реформирование проходит в условиях экономического кризиса в стране и снижения уровня доходов населения. Кроме того, продолжилась сформировавшаяся намного ранее тенденция снижения финансирования здравоохранения. Ситуация с финансированием здравоохранения в России идет в разрез с мировой практикой. Так, во всех развитых странах здравоохранение является самой затратной частью расходов, и финансируется, по меньшей мере вдвое, а то и втрое, как в Америке выше, чем образование, например. В России устойчиво наблюдается обратная конфигурация социальных расходов. Так, 2017—2018 г.г. расходы из бюджета на здравоохранение составят 0.22 млрд руб., в 2019—0.17 млрд руб. (В то время как на образование — 14.8, 14.3 и 14.0 соответственно) (1).

Естественно, что при снижении финансирования целью очередного этапа реструктуризации, начавшегося в 2014 году, стала оптимизация и структуры и деятельности здравоохранения. В 2015—2016 г. г. мы изучали оценки пациентами новых условий получения услуг в московских поликлиниках.

Пациенты традиционно выражают недовольство снижением материальной доступности медицинской помощи: соотношение платных и бесплатных услуг меняется в пользу платных, их тарифы постоянно растут, растет стоимость диагностики, «лекарства за последний год (2015) дорожали дважды». Особенно недоступными, по мнению пациентов, стали протезирование в стоматологии и хирургические услуги.

Высокая стоимость лечение подталкивает население к практикам самолечения или обращения к врачам на поздних стадиях заболеваний. Критические ситуации со здоровьем ставят пациентов перед выбором, какие заболевания лечить, а от каких отказаться. Приоритет делают в пользу лечения зрения, «без чего жить совсем нельзя» и кардиологии, «а от лечения, например, зубов и слуха приходится отказываться». Органы социальной защиты выделяют пенсионерам материальную помощь на медицинские нужды в размере 3 тыс.руб., которые можно получить только раз в году. Для сравнения: операция по удалению катаракты, самая востребованная среди пенсионеров, стоит 50 тыс.руб.

Поликлиники по новым правилам финансирования должны зарабатывать себе на все: на коммунальные платежи, расходные материалы, на премии и зарплаты. Это вынуждает их подталкивать пациентов к платным услугам путем манипулирования записью на диагностические исследования. Например, искусственно создавая перед пациентом выбор между быстрым (за плату) и длительным получением услуг по ОМС. Так, для госпитализации в стационар основной диагностический пакет пациент должен получить в поликлинике. Это от 6 до 10 исследований. Часть из них устаревает в течении 10 дней, часть имеет более длительные сроки действия. Если растянуть запись на получение УЗИ органов, МРТ и КТ, то сданные ранее анализы мочи, крови устаревают, а повторно их уже придется сдавать за деньги.

По-прежнему остается острой проблема роста цен на лекарства, которая особенно волнует хронических больных. Как говорили респонденты, «некоторые лекарства за последний год (2015) дважды дорожали». Пожилые респонденты, с 2—3-мя, как правило, хроническими заболеваниями, называют в среднем ежемесячные траты на лекарства в 5—10 тысяч рублей. Для одних это треть, а для других это половина пенсии: «Мы с мужем одну пенсию полностью тратим на лекарства, а на вторую живем». Ситуация с обеспечением лекарствами «льготников»

хронически неблагополучная: эффективные лекарства заменяются на дешевые и неэффективные, список бесплатных лекарств время от времени сокращается. Но и их по-прежнему всем не хватает. Это происходит, несмотря на то, что очень многие заменили бесплатные лекарства на денежную компенсацию, хотя она и не покрывает стоимости необходимых лекарств.

Основное изменение в организации предоставления услуг в поликлиниках — «кустовое» объединение — вызывает со стороны пациентов самую большую критику. 4—5 участковых поликлиник (теперь они филиалы) объединили вокруг одной центральной, которую оснастили современным оборудованием. Средств хватило только на обеспечение одной, отсюда идея «куста». Пациентов филиалов посылают в центральную. Это-то и вызывает недовольство пациентов. Кустовая организация исключила шаговую доступность диагностики и помощи специалистов, увеличила потери времени пациентов исключила своевременное получение услуг. Объединение поликлиник происходило формально, без учета численности населения и транспортного сообщения между объединенными учреждениями. Например, филиал поликлиники и центральная поликлиника могут находиться на разных ветках метро. Пожилые пациенты зимой стараются услугами центральной поликлиники не пользоваться. В некоторых районах чтобы сдать анализы для госпитализации в больницу, пациентам приходится посещать 4 разных поликлиники. Численность населения, обслуживаемого стоматологическими поликлиниками, которые предоставляют наряду с платным и бесплатное обслуживание по полисам ОМС, еще больше, и достигает численности административных районов города. А в целом возникло территориальное неравенство между пациентами филиалов — а их большинство, и пациентами центральных поликлиник.

Вместе с тем, есть и положительные результаты реструктуризации, по мнению пациентов. Это электронная запись к врачам и на диагностику, и ремонт поликлиник. Электронная запись убрала из поликлиник очереди, сократила время ожидания приема врача. Улучшенные условия комфортности в медицинских учреждениях пациенты оценивают как проявление уважения к ним.

Основной вывод исследования банален и состоит в том, что нельзя проводить реформы в условиях нехватки финансирования. Оптимизация могла стать позитивной практикой. По мнению врачей, действительно есть много звеньев сокращения маршрутов пациентов, сокращения времени получения услуг. Но вместо этого созданы механизмы, подталкивающие пациентов к платным услугам, и маршрут порою только удлинился. Оптимизация вылилась, по сути, в сокращение персонала поликлиник, к сокращению самих учреждений, что позволило повысить

зарплаты оставшимся сотрудникам, при этом увеличив их рабочие нагрузки. Данный этап реформ не только не достигает поставленных целей, но и трансформирует результаты предпринятых усилий до негативных.

Рост финансирования здравоохранения — объективная потребность, основной фактор роста продолжительности жизни населения и эффективности трудовой деятельности взрослого населения. Международная практика показывает, что снижение темпов роста расходов на здравоохранение наносит государствам гораздо больший экономический ущерб, чем его поощрение. Именно поэтому в некоторых странах расходы на здравоохранение растут даже в случае падения ВВП (2).

Список источников

1. RBK от 20.10.2016. URL: <http://www.rbc.ru/politics/20/10/2016/580761699a7947d5e9c16953>.
2. Садовничий В. А., Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире. М. : Экономика, 2012.

А. К. Гузанова

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ИХ ТРУДОВЫЕ МОТИВАЦИИ, УРОВЕНЬ ДОХОДОВ И ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

ГУЗАНОВА Алла Константиновна — старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия; alla.guzanova@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования являются российские домохозяйства. Основным источником эмпирических данных стало социологическое обследование, проведенное ИСЭПН РАН в 2014 году в городе Таганроге (723 домохозяйства). Предметом исследования являются репродуктивное поведение, трудовые мотивации, доходы и жилищные условия домохозяйств. Анализ показал, что теряющий свое доминирующее значение демографический тип — супруги с детьми — несет главную трудовую нагрузку. Полная семья с детьми создает серьезные мотивации для трудовой активности. Налицо сильная корреляция между бедностью и количеством несовершеннолетних детей. По субъективным оценкам домохозяйств своего материального достатка в худшую сторону выделяются неполные семьи и одинокие в трудоспособном и пенсионном возрасте. Выявлены стесненные жилищные условия семей с детьми, у которых сравнительно высокие трудовые доходы. Именно у них имеются большие планы и намерения в улучшении жилищных условий. Но они не могут это реализовать. Не говоря уже о том, что нерешенность жилищной проблемы отрицательно влияет на репродуктивные установки семей. Проведенное исследование приводит к выводу о необходимости целенаправленной семейной политики. Не последнюю роль в ней следует отвести повышению доходов и решению жилищных вопросов обычных семей с детьми.

Ключевые слова: семья, воспроизводство населения, домохозяйство, демографические типы домохозяйств, уровень зарплаты, среднедушевые доходы, жилищные условия, субъективные оценки

Объектом исследования являются российские домохозяйства. Основным источником эмпирических данных стало социологическое обследование, проведенное ИСЭПН РАН в 2014 году в городе Таганроге. Репрезентативная выборка составила 723 домохозяйства. Предметом исследования являются социально-демографические характеристики домохозяйств.

Анализ современных тенденций в изменении демографической структуры домохозяйств в России свидетельствует об увеличении доли домохозяйств из одного человека, сокращении доли домохозяйств с несовершеннолетними детьми, доминировании однодетности. Согласно результатам Всероссийских переписей населения [Итоги, 2002; Итоги, 2010], общей тенденцией, которая отчетливо прослеживается по всем демографическим типам домохозяйств из двух и более человек, является сокращение доли семей с детьми до 18 лет (с 52 % в 2002 году до 44 % в 2010 году) и, соответственно, увеличение доли домохозяйств, состоящих только из взрослых. Исследования [Гузанова, 2015] показывают, что это характерно как для простых, так и для сложных семей. Существенным для понимания проблем является рассмотрение демографических процессов при сочетании статистической информации и данных социологических опросов.

В настоящей работе рассматриваются проблемы демографического состава, уровня благосостояния, экономического поведения и реальных возможностей домохозяйств. Для сравнительного анализа нами были выделены основные демографические типы домохозяйств с учетом состава, степени родства, наличия в них детей, а также возраста членов семей [Доброхлеб, Гузанова, 2016]. С использованием этой типологии предполагалось ответить на следующие вопросы. Во-первых, хотелось исследовать различия в репродуктивном поведении семей. В каких семьях лучше обстоит дело с рождением детей? По типам семей, каково соотношение населения в трудоспособном и нетрудоспособном возрасте, а также детей до 18 лет? Небезынтересно было оценить, какой вклад вносят семьи разного демографического типа в трудовую активность населения. Какие семьи требуют социальной защиты, прежде всего из-за большого числа иждивенцев. Наконец, какова дифференциация доходов домохозяйств? Какие типы семей можно отнести к категории бедных, в том числе по самооценке? Рассматривались также жилищные условия в зависимости от демографических типов домохозяйств.

Как и в России в целом, преобладающим типом семей в г. Таганроге остается супружеская пара с детьми до 18 лет — 28,5 % опрошенных домохозяйств, средний ее размер — 3,5 человека. Вместе с тем довольно много (6,4 %) супругов со взрослыми детьми семей, в которых дети не создали своих семей и вопреки законам жизненного цикла продолжают жить с родителями. Второе по распространенности типичное домохозяйство — одиноко проживающие (15,9 %). Ощутимую группу составляют неполные семьи (14 %), половина которых с детьми до 18 лет (7,1 %), а другая половина — со взрослыми детьми (6,9 %). Много также супругов без детей — пенсионного возраста (8 %) и тех, кто моложе (7,6 %). Сложные

семьи — полные и неполные — с родителями представлены в несколько меньшем числе — 5 %-6 %.

Что касается наличия детей, то во всех демографических типах с детьми до 18 лет преобладают однопотные семьи. Несколько больше детей в обычных полных семьях, однако и это в среднем всего 1,35 ребенка на семью, в неполных и сложных домохозяйствах еще меньше — 1,17—1,23 ребенка.

Анализ показал, что теряющий свое доминирующее значение демографический тип — супруги с детьми — несет главную трудовую нагрузку. Работают, как правило, оба супруга. Безработных практически нет. Средний уровень зарплаты (и, тем самым, трудового вклада) здесь заметно выше, чем в домохозяйствах других демографических типов. Это обусловлено наличием в полных семьях мужчин, у которых зарплата существенно выше, чем у женщин. При этом также оказалось, что семейные мужчины, имеющие детей, зарабатывают больше по сравнению с одинокими и проживающими без детей. Таким образом, полная семья с детьми создает серьезные мотивации для трудовой активности.

Данные по уровню среднедушевых доходов демонстрируют значительные различия по демографическим типам. Прежде всего налицо сильная корреляция между бедностью и количеством несовершеннолетних детей. Но дело не только в наличии иждивенцев, но и в самом типе домохозяйства. Скажем в полных семьях с детьми доля иждивенцев почти такая же, как в неполных семьях. Тем не менее среднедушевые доходы последних существенно ниже. Это объясняется более высокими заработками полных семей. А матери-одиночки в силу ряда причин, в том числе не всегда высокого уровня квалификации, не могут устроиться на хорошую работу.

Что касается субъективной оценки домохозяйствами своего материального достатка, то всего 9,2 % отнесли себя к категории бедных. В худшую сторону выделяются неполные семьи со взрослыми детьми (16 %) и с детьми до 18 лет (14 %). Плохие оценки дали одинокие в трудоспособном и пенсионном возрасте (13,3 % и 17,3 %, соответственно). Думается, что не последнюю роль здесь сыграло неблагоприятное положение таких домохозяйств и серьезные жизненные проблемы, особенно в старости. Следует отметить также, что полные семьи с несовершеннолетними детьми, имея большую иждивенческую нагрузку, в сравнительно редких случаях (6,9 %) называют себя бедными — сообща справляются с житейскими трудностями.

Были проанализированы жилищные условия с точки зрения их влияния на семейные и репродуктивные установки домохозяйств. Самые плохие жилищные условия имеют сложные домохозяйства из нескольких поколений. Несколько лучшее, но в целом тяжелое положение и у су-

прузеских пар с детьми. Сравнительно неплохо обстоит дело у супругов без детей. И, наконец, одиноко проживающие в основном являются владельцами просторного жилья. Обращают на себя внимание стесненные жилищные условия семей с детьми, у которых сравнительно высокие трудовые доходы. Именно у таких семей были выявлены большие планы и намерения в улучшении жилищных условий. Но они не могут это реализовать, что вряд ли можно назвать справедливым. Не говоря уже о том, что нерешенность жилищной проблемы отрицательно влияет на репродуктивные установки семей.

Проведенное исследование приводит к выводу о необходимости целенаправленной семейной политики. Не последнюю роль в ней следует отвести повышению доходов и решению жилищных вопросов обычных семей с детьми.

Список источников

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 20.01.2016 г.).
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm (дата обращения 20.01.2016 г.).
3. Гузанова А. К. Демографическая структура домохозяйств в России: изменения последних лет, новые тенденции // Коллективная монография «Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире». М. : ИСЭПН РАН 2015.
4. Доброхлеб В. Г., Гузанова А. К. Городское население и семья в современной России // Народонаселение. 2016. № 2. С. 75—84.

К. И. Казенин, В. А. Козлов

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИГРАЮТ ЛИ РОЛЬ ФАКТОРЫ «РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ»?

КАЗЕНИН Константин Игоревич — кандидат философских наук, директор Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва, Россия; kz@ranepa.ru

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры демографии Национального Исследовательского Университета Высшей Школы Экономики, г. Москва, Россия; vakozlov@hse.ru

Аннотация. Одно из устойчивых представлений о регионах Северного Кавказа состоит в том, что рождаемость там существенно выше, чем в России в целом. Это представление, с одной стороны, противоречит текущим статистическим данным: рождаемость в северокавказских республиках в последние десятилетия заметно приблизилась к общероссийской и на сегодня не демонстрирует тенденции к тому, чтобы снова уйти от нее «в отрыв». С другой стороны, социальные явления, наблюдаемые сегодня в ряде республик Северного Кавказа, — значительная сохранность традиционных форм семейной организации, а также рост социальной роли ислама — позволяют, с учетом результатов современных демографических исследований, ожидать отличий и в сфере воспроизводства населения. В нашем докладе на основе количественного полевого исследования, проведенного нами в 2016 году в Дагестане и Карачаево-Черкесии, мы делаем попытку оценить, в какой мере эти факторы в действительности влияют на репродуктивные намерения женщин в данных республиках.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные установки, традиционализм, религия, Северный Кавказ

Рождаемость на Северном Кавказе: данные официальной статистики. В настоящее время основной параметр, характеризующий уровень репродуктивной активности населения по годам — Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) — на Северном Кавказе не демонстрирует резких отличий от общероссийского.

На рисунке 1 показана динамика СКР у сельского населения шести северокавказских республик и РФ в целом в 2000—2015 гг. Как видно, у республик Северо-Восточного Кавказа — Дагестана, Чечни

и Ингушетии — СКР в этот период регулярно превышал общероссийский, будучи одновременно выше уровня простого воспроизводства населения (2,2). Однако в 2015 году в этих трех республиках СКР превышал общероссийский уровень, а также уровень простого воспроизводства менее, чем на 30 %, и демонстрировал тенденцию к снижению. Что касается республик Северо-Западного Кавказа — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии — там СКР в 2000—2015 гг. почти все время был даже ниже общероссийского. (На Рис. 1 мы ограничиваемся сельской местностью, поскольку там во всех регионах Северного Кавказа меньше доля неавтохтонных этносов, вследствие чего сопоставление СКР в сельской местности более адекватно для сопоставления рождаемости именно коренных народов Северного Кавказа; отметим, что рождаемость в городах на Северном Кавказе, как и в РФ в целом, регулярно ниже, чем на селе.)

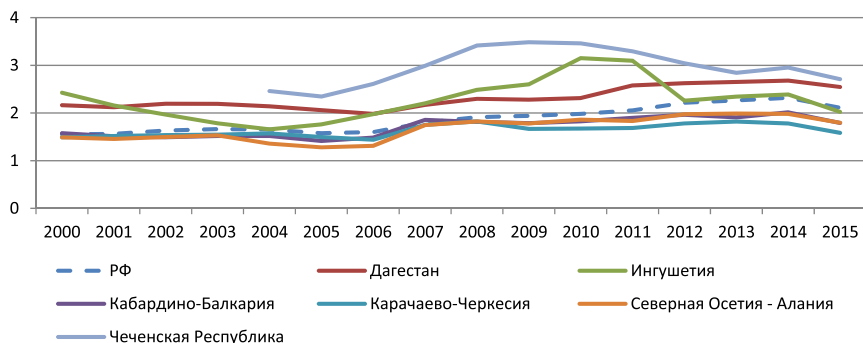

Рис. 1. Суммарные коэффициенты рождаемости в республиках Северного Кавказа и в России в целом (село), 2000—2015 (источник: Росстат)

Вместе с тем, официальная статистика указывает и на ряд отличий Северного Кавказа от других регионов РФ по рождаемости. Во-первых, имеются отличия возрастного характера. В республиках Северо-Восточного Кавказа, в противоположность большинству других российских регионов, в последние годы наблюдается не повышение, а медленное снижение среднего возраста матери при рождении первого ребенка [1]. Снижение возраста «старта» материнства — явление, достаточно редкое на сегодняшний день в мире — регулярно является предвестником повышения рождаемости [2]. Кроме того, между Северным Кавказом и Россией в целом имеют важные демографические различия «исторического» характера: в северокавказских республиках рождаемость снизилась заметно позже, чем, например, в Центральной России [3:231—233].

Если, например, в регионах Центральной России рождаемость вблизи уровня простого воспроизводства «устоялась» к середине 20 века, то на Северном Кавказе такая рождаемость — результат изменений последних трех-четырёх десятилетий, не обретший пока долговременной стабильности и, как можно предположить, потенциально более подверженный изменениям.

Есть ли основания ожидать «самобытность» репродуктивного поведения? Говоря о традиционных формах семейной организации, мы имеем в виду действие на уровне семьи поколенческой и гендерной иерархии. Поколенческая иерархия создает зависимость младшего поколения от старшего в принятии ключевых жизненных решений. Гендерная иерархия устанавливает, что основной задачей женщины является уход за мужем и детьми (а также, возможно, другими родственниками), а ее возможность учиться и работать за пределами семьи и право самостоятельно принимать ключевые жизненные решения существенно ограничены.

Вопрос о том, в какой мере поколенческая и гендерная иерархии действуют на сегодняшнем Северном Кавказе, как показано в литературе, далеко не прост. Во-первых, в этом отношении имеются существенные различия между регионами; во-вторых, внутри регионов наблюдаются отличия по степени традиционности семейного уклада между городом и селом, между разными сельскими территориями и разными этносами (см. напр., [4] — [6]). Тем не менее, исследовательский консенсус состоит в том, что поколенческие и гендерные иерархии у народов Северного Кавказа на сегодня действуют в большей степени, чем, например, у русского населения РФ, хотя и подвергаются значительной эрозии.

Ожидание того, что сохранение традиционного семейного уклада оказывает «поддерживающее» влияние на рождаемость, связано с аналогичным эффектом, обнаруженным для ряда других стран: там бóльшая традиционность коррелирует с бóльшим числом детей (ср., напр., [7] для Индии; [8] для Узбекистана и мн. др.). Такой эффект вполне закономерен, поскольку гендерные иерархии делают деторождение ключевым и иногда единственным для женщины способом укрепления своего положения внутри семьи и в обществе в целом.

Что касается социальной роли ислама, то ее рост на постсоветском Северном Кавказе является общепризнанным фактом (см., напр., [9], [10]). При различии регионов по распространенности среди населения религиозных практик, общим для Северного Кавказа 1990-х — 2010-х годов является большой интерес к исламу со стороны молодежи. Корреляция между соблюдением исламских религиозных норм и более высокой рождаемостью не является универсальной, однако ранее была

обнаружена для ряда стран с большой долей мусульманского населения (см., напр., [8], [11], [12]; современную дискуссию о связи исламской религиозности с рождаемостью см., напр., в [13]). Это делает осмысленной проверку данной корреляции и для Северного Кавказа.

Полевое исследование в Дагестане и Карачаево-Черкесии: основные характеристики и некоторые дескриптивные результаты.

Опрос замужних женщин 16—39 лет был проведен нами в сельской части двух северокавказских регионов — Дагестана (940 респонденток) и Карачаево-Черкесии (605 респонденток) в 2016 году. Опрос проводился в двенадцати селах Дагестана и семи селах КЧР, различающихся по национальному составу и высотному поясу. В каждом селе опрашивалось равное количество женщин возрастных групп 20—24, 25—29, 30—34 и 35—39 лет; доля женщин 16—19 лет, опрашиваемых в селе, определялась пропорцией там замужних в этой возрастной группе. Доверительные интервалы по ключевым количественным демографическим показателям (число детей к разным возрастам, возраст при рождении ребенка определенного порядка) не превышали 5% от соответствующей величины на 95-процентном уровне значимости.

Респонденткам задавались вопросы об их возрасте на момент опроса и на момент наступления основных демографических событий. Также им задавались вопросы из следующих блоков:

— вопросы об образовании и трудовой деятельности: вопрос об учебе после окончания школы, об учебе после вступления в брак, о работе за пределами домохозяйства после вступления в брак, о планах работать в будущем;

— вопросы, позволяющие установить роль родителей и родственников старшего поколения при вступлении женщины в брак: была ли она знакома с будущим супругом до свадьбы; сама ли она познакомилась с будущим супругом или их познакомили родственники; сама ли приняла решение о вступлении в брак или сделала это по совету родителей;

— «исламский» блок вопросов: совершает ли женщина ежедневную пятикратную молитву по нормам ислама; соблюдает ли мусульманский пост; считает ли важным религиозное воспитание детей; считает ли свою семью религиозной.

Очевидно, что из трех этих блоков вопросов первые два касаются степени традиционности уклада семьи, членом которой является респондентка (первый блок — действительности гендерной иерархии, второй — поколенческой), а третий касается личной религиозности женщины и ее оценки религиозности своей семьи.

Опрос показал, что Дагестан отличается большей приверженностью женщин требованиям ислама и большей традиционностью семейной

организации по сравнению с Карачаево-Черкесией (см. Таблицу 1; в таблице для краткости отражены не все вопросы каждого из блоков). При этом степень традиционности семейной организации в части действительности поколенческой иерархий (измеряемой степенью самостоятельности женщины при вступлении в брак) в обеих республиках убывает от более старших поколений к более младшим, а в части гендерных иерархий (измеряемых учебой и работой женщины) не показывает однозначной динамики между поколениями. Что касается степени религиозности, то в Карачаево-Черкесии она убывает к более младшим поколениям, а в Дагестане не убывает, а по отдельным параметрам даже демонстрирует рост.

Социальные параметры, связанные с желанием продолжать деторождение: результаты статистического анализа. Нами была исследована связь параметров традиционности семейного уклада и параметров религиозности с разными аспектами брачно-репродуктивного поведения женщин Дагестана и КЧР. Так, в [14] нами показано, что религиозность женщины и действие в ее семье гендерных иерархий в Дагестане значимо связаны с более младшим возрастом вступления в брак и более коротким интервалом между рождениями первого и второго ребенка. Здесь мы рассмотрим связь исследуемых параметров не с объективными характеристиками брачно-репродуктивного поведения, а с субъективными установками на деторождение. Среди задававшихся респондентам вопросов был вопрос о желаемом количестве детей. Сопоставляя желаемое и фактическое количество детей, мы получили переменную, показывающую, желает ли женщина продолжать деторождение. Она определялась только для женщин, имеющих хотя бы одного ребенка. Переменная получала значение «1», если женщина желает иметь еще детей, и «0», если не желает. Эта переменная была включена в качестве зависимой в модели, построенные с использованием бинарной логистической регрессии. В качестве независимых в модели включалось по одному параметру, отражающему традиционность семейного уклада или религиозность. Во всех моделях в качестве контрольных параметров присутствовали возраст и национальность женщины, а также число имеющихся у нее детей. Для каждого из двух регионов модели строились отдельно. Результаты моделирования для Дагестана представлены в Таблице 2, а для Карачаево-Черкесии — в Таблице 3 (отражены только модели, где независимый параметр оказался значимым; контрольные параметры не включены в таблицы для экономии места).

Как видно из таблиц, в обеих республиках религиозность оказалась значимо связана с более высокой вероятностью наличия у женщины желания родить еще одного ребенка (в Дагестане значимыми оказались

два параметра религиозности, в КЧР — один). Также в обоих регионах значимыми оказались параметры, связанные с учебой и работой женщины. Конкретный состав значимых параметров этой группы в Дагестане и КЧР оказался разным, но и наличие у женщины «послешкольного» образования, и ее работа за пределами домохозяйства предсказуемо оказались негативно связанными с желанием иметь еще одного ребенка. Менее ясной оказалась картина с параметрами, отражающими зависимость женщины от старших родственников. В КЧР они незначимы, а в Дагестане у двух значимых параметров связь с желанием иметь еще детей оказалась взаимно противоположной: позитивной у факта выхода замуж по совету родственников, и негативной у отсутствия знакомства с будущим супругом до брака.

Выводы. Итак, некоторые из параметров, отражающих социо-культурную самобытность Северного Кавказа, являются значимыми для репродуктивных установок женщин в этой части РФ. Такой результат, прежде всего, существенно дополняет выводы ряда демографических исследований, в которых показано, что вероятным стимулом рождаемости в регионах с низким уровнем жизни населения, к каковым относятся и республики Северного Кавказа, является возможность получить материнский капитал [15]. По-видимому, экономическая мотивация всё же не является единственным, что определяет репродуктивное поведение в северокавказских республиках.

Одновременно со значимостью фактора религиозности для репродуктивных установок женщин в северокавказских республиках, мы обнаружили, что в исследуемом нами регионе Северо-Восточного Кавказа, Дагестане, религиозность не снижается у младших поколений по сравнению со старшими. Иными словами, значимый «мотиватор» рождаемости сохраняется у поколений, только начинающих свою репродуктивную историю. На этом основании можно предположить, что, по крайней мере, для этой республики демографическая «конвергенция» с РФ в целом не является единственным возможным сценарием ближайшего будущего.

Таблица 1. Доля женщин, давших положительный ответ на вопросы, отражающие традиционность семейной организации или личную религиозность, в Дагестане и КЧР

Дагестан						КЧР					
Возраст	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	Возраст	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39
Не была знакома с будущим мужем до свадьбы	11 %	25 %	27 %	32 %	38 %	Не была знакома с будущим мужем до свадьбы	0 %	2 %	4 %	4 %	17 %

Дагестан						КЧР					
Возраст	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	Возраст	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39
Вышла замуж по совету родственников	40%	48%	47%	54%	48%	Вышла замуж по совету родственников	10%	10%	7%	9%	20%
Совершает ежедневную пятикратную молитву	79%	75%	74%	78%	76%	Совершает ежедневную пятикратную молитву	10%	18%	24%	27%	22%
Считает важным религиозное воспитание детей	81%	67%	71%	67%	56%	Считает важным религиозное воспитание детей	30%	48%	63%	64%	51%
Не работала после вступления в брак	100%	62%	41%	20%	26%	Не работала после вступления в брак	86%	76%	59%	47%	37%
Не училась после окончания школы	91%	53%	42%	53%	54%	Не училась после окончания школы	40%	17%	14%	15%	17%
Не училась после вступления в брак	92%	29%	28%	72%	75%	Не училась после вступления в брак	30%	39%	56%	59%	64%

Таблица 2. Связь параметров религиозности и традиционности семейной организации с вероятности желанна женщины родить еще одного ребенка (логистические модели; в таблице даны отношения риска (ODDS) наличия такого желания при варианте ответа, кодируемом «1», к риску при ответе, кодируемом «0», Дагестан

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Планирует работать в будущем (0 — нет, 1 — да)	0,666**				
Была знакома с будущим супругом до свадьбы (0 — да, 1 — нет)		0,475***			
Познакомилась с будущим супругом самостоятельно (0 — да, 1 — нет)			1,364*		

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Соблюдает мусульманский пост (0 — нет, 1 — да)				1,623**	
Считает важным религиозное воспитание детей (0 — нет, 1 — да)					1,8645***
Псевдо R ² (Найджелкерке)	0,296	0,305	0,286	0,284	0,302
N	753	808	748	812	820

*** $p < 0,001$ ** $p < 0,05$ * $p < 0,1$; в таблицу не включены контрольные параметры — возраст, число имеющихся детей, национальность.

Таблица 3. Связь параметров религиозности и традиционности семейной организации с вероятности желания женщины родить еще одного ребенка (логистические модели; в таблице даны отношения риска (ODDS) наличия такого желания при варианте ответа, кодируемом «1», к риску при ответе, кодируемом «0», КЧР

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Училась после окончания школы (0 — нет, 1 — да)	1,759***			
Работает в настоящее время (0 — нет, 1 — да)		1,473*		
Работала после вступления в брак (0 — нет, 1 — да)			1,523*	
Совершает ежедневную пятикратную молитву (0 — нет, 1 — да)				1,769**
Псевдо R ² (Найджелкерке)	0,437	0,436	0,436	0,436
N	508	508	508	503

*** $p < 0,001$ ** $p < 0,05$ * $p < 0,1$; в таблицу не включены контрольные параметры — возраст, число имеющихся детей, национальность.

Список источников

1. Казенин К. И., Козлов В. А. Раннее материнство в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты опроса сельского населения) // Демографическое обозрение. № 3. 2016.

2. Bumpass L., Rindfuss R., Janosik R. Age and Marital Status at First Birth and the Pace of Subsequent Fertility // *Demography*. Vol.15. No.1. 1978. P. 75—86.
3. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : О.Г.И., 2004.
4. Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. СПб. : Петербургское востоковедение, 2011.
5. Molodikova, I., Watt, A. Growing up in North Caucasus: Society, Religion, Family and Education. Routledge (Central Asian Studies), 2013.
6. Стародубровская И. В., Казенин К. И. Северокавказские города: территория контрастов // *Общественные науки и современность*. № 6. 2014.
7. Dyson T., Moore M. On Kinship Structure, Female Autonomy, and Demographic Behavior in India // *Population and Development Review*. Vol.9. No. 1. 1983. P. 35—60.
8. Barbieri M., Blum A., Dolgikh E., Ergashev A. Nuptiality, Fertility, Use of Contraception, and Fertility Policies in Uzbekistan // *Population Studies*. Vol. 50. No.1. 1996. P. 69—88.
9. Кисриев. Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М. : О.Г.И., 2004.
10. Стародубровская И. В., Казенин К. И. Северный Кавказ: quo vadis? // *Polit.Ru*. 13.01.2014.
11. Shah N. Women's Socioeconomic Characteristics and Marital Patterns in a Rapidly Developing Muslim Society // *Journal of Comparative Family Studies*. Vol.35. No.2. 2004. P. 163—183.
12. Hirschmann C., Rindfuss R. Social, Cultural, and Economic Determinants of Age at Birth of First Child in Peninsular Malaysia // *Population Studies*. Vol. 34. No.3. 1980. P. 507—518.
13. Stonawski, M., Potančoková, M., & Skirbekk, V. Fertility Patterns of Native and Migrant Muslims in Europe // *Population, Space and Place*. Vol.22. No. 6. 2016. P. 552—567.
14. Казенин К. И., Козлов В. А. Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа // *Вестник Отделения экономики РАН*. № 2. 2017 (в печати)
15. Захаров С. В. Дают ли тенденции рождаемости 2007—2013 гг. повод для оптимизма // *Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад*. М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2015.

А. В. Халявкин

БИМЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕЛОМИТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИИ. ВЗГЛЯД ГЕРОНТОЛОГА

ХАЛЯВКИН Александр Викторович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт биохимической физики РАН и Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, ученый секретарь московского отделения Геронтологического общества при РАН, г. Москва, Россия; antisenesc@mail.ru

Аннотация. Текущая экономическая ситуация в России и наблюдаемые в ней нежелательные демографические тенденции приводят к необходимости предпринимать неотложные меры по изменению ситуации и перелому тенденций. Сейчас эти меры носят преимущественно оперативно-тактический характер и опираются на наше сегодняшнее понимание потенциальных возможностей и ограничений. К ним относятся попытки упорядочения миграционной политики (что на фоне оттока квалифицированных «своих» и притока неквалифицированных «иных» довольно непростая задача), стимуляции рождаемости и снижение смертности, особенно в трудоспособных возрастах. Повышение количества рождений на фоне нестабильной экономики может дать нежелательный эффект. Об этом свидетельствовал печальный опыт Румынии времен Н. Чаушеску. Снижение смертности тоже во многом зависит от улучшения социально-экономических параметров. Но не только от них. Например, достижения и наблюдаемые тенденции в геронтологии, науке, изучающей причины и механизмы старения, уже позволяют наметить радикальные пути снижения смертности и существенного увеличения активного долголетия. Об этом, в год ухода из жизни Бориса Андреевича Грушина, была опубликована статья в *Анналах Нью-Йоркской Академии наук* [1]. В ней и в других публикациях мы опираемся как на биологические, так и на демографические данные. Ведь именно интерпретация основных закономерностей статистики смертности позволила понять, почему потенциально нестареющие стволовые клетки взрослых снижают эффективность функционирования, приводя к старению людей. Такое понимание дает принципиальную возможность повлиять на этот процесс, замедлить старение и снизить связанную с ним смертность.

Ключевые слова: закономерности статистики смертности, геронтология, замедление старения, снижение смертности

Как оказалось, закономерности статистики смертности помогли понять биологическую причину старения. Ведь старение загадочно не потому, что пока не выявлен его главный инициатор, а потому, что оно существует, несмотря на то, что компоненты сложного организма, способны к полному самообновлению [2]. Поэтому и возник вопрос «почему стареет организм, состоящий из потенциально бессмертных клеток» [3]. На возможный ответ указали две идеализированные закономерности статистики смертности.

Первая из них — закон Гомперца:

$$M(t) = M_0 e^{at},$$

где $M(t)$ — это зависимость силы смертности от возраста t ,

M_0 — начальная сила смертности,

a — кинетический параметр, характеризующий темп старения.

Напомним, что сила смертности это удельный темп вымирания когорты ровесников с увеличением их возраста t . То есть,

$$M(t) = -[1/N(t)][dN(t)/dt],$$

где $N(t)$ — текущее количество членов когорты ровесников.

Второй закономерностью является зависимость между параметрами закона Гомперца — начальной силой смертности M_0 и кинетическим параметром a . Это, так называемая, корреляция Стрелера-Милдвана $\ln M_0(a) = \ln M - aT$ с коэффициентами M и T .

Напомним, что стабильная надежность (нестарение) и плановая устойчивость систем и режимов возможны лишь в некотором, расчетном, диапазоне внешних условий. При выходе из зоны устойчивости система постепенно теряет надежность (старееет). И темп ее старения будет тем больше, чем дальше условия жизнедеятельности отстоят от границ зоны устойчивости. Поэтому при выходе из зоны адекватных режимов функционирования, диктуемых внешней средой, даже такие нестареющие объекты, как иммортализованные клетки и гидры, начинают стареть по Гомперцу, т. е. с ростом силы смертности по экспоненте.

Сравнение возрастных зависимостей силы смертности в странах с разным уровнем жизни, или в одной стране в исторической ретроспективе, подтверждает, что ход цивилизации отдаляет людей от адекватных «самоподдерживающих» режимов жизнедеятельности, ускоряя темп старения, т. е. увеличивая кинетический параметр „ a “ в гомперцевском приближении возрастной зависимости силы смертности $M(t) = M_0 e^{at}$. При этом, несмотря на ускорение старения (снижающее рекорды сверхдолголетия), ожидаемая продолжительности жизни растет за счет цивилизационного

снижения начальной интенсивности смертности $M_0 = Me^{-aT}$, в согласии с корреляцией Стрелера-Милдвана.

Мы уже упоминали [4], что в результате этого кривая дожития ректангуляризуется — становится более прямоугольной, стремясь приблизиться по форме к «магическому квадрату 100×100 ». То есть к идеалу, кажущемуся недостижимым, когда 100% новорожденных смогут дожить до, так называемой, видовой границы в 100 лет. Динамика этого процесса сейчас такова, что доля пожилых в популяции неуклонно растет, даже без учета снижения рождаемости. При сохранении нынешней пенсионной системы этот рост становится одним из важных факторов дестабилизации социэкономии.

С другой стороны возможности современной медицины и других достижений цивилизации способны внести весомый вклад в увеличение средней продолжительности именно трудоспособного периода жизни населения. Тем самым они могут способствовать решению социально важной тактической задачи геронтологии — приблизить средние сроки активной жизни к ее условному видовому пределу. Это позволит дольше сохранять адекватный уровень здоровья, работоспособности, физической и умственной активности и даст возможность возрастному контингенту выходить на пенсию позже, ближе к условным видовым срокам жизни, что значительно снизит объем пенсионных трат.

Есть также и потенциальная возможность преодоления видовой границы продолжительности жизни (а это уже стратегическая задача фундаментальной геронтологии) путем существенного замедления старения (напр., [1, 5—8]) и даже его обратимости [2]. Вмешательством в регуляторные контуры лабораторных организмов удалось совместить минимально возможную начальную силу смертности с минимально возможным темпом старения. Это привело к 10-кратному росту их видовой продолжительности жизни [9]. И нет никаких фундаментальных причин полагать, что подобное невозможно для человека. Однако очевидно, что инфраструктура и механизмы функционирования современного общества совершенно не готовы к такой, потенциально достижимой, перспективе. Поэтому, еще до разработки надежных и безопасных методов управления старением человека, необходимо предусмотреть возможные нежелательные последствия от этого для общества в целом, наметить пути их преодоления и создать контуры социума будущего, в который органично впишется долгоживущий Человек нестареющий (Homo non-senescent), не нуждающийся в пенсии по старости.

Список источников

1. Khalyavkin A.V., Yashin A. I. Nonpathological senescence arises from unsuitable external influences // Annals of the New York Academy of Sciences. 2007. № 1119.

2. Rando T.A., Chang H. Y. Aging, rejuvenation, and epigenetic reprogramming: resetting the aging clock // *Cell*. 2012. № 1—2.
3. Frolkis V.V., Muradian Kh. K. Life span prolongation. Boca Raton: CRC Press, 1991.
4. Халявкин А. В. Пути разрешения пенсионного кризиса — взгляд геронтолога. Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2016.
5. Халявкин А. В. Взаимодействие «организм-среда» и причины старения // *Успехи геронтологии*. 1998. № 2.
6. Khaliavkin A. V. Influence of environment on the mortality pattern of potentially non-senescent organisms. General approach and comparison with real populations // *Advances in Gerontology*. 2001. № 7.
7. Халявкин А.В., Крутько В. Н. Старение есть, простой депривационный синдром, вызываемый квазипрограммированным предотвратимым и обратимым дрейфом уставок управляющих систем из-за несоответствующего взаимодействия «организм-среда» // *Биохимия*. 2014. № 12.
8. URL: www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin/publications.
9. Ayyadevara S., Allen R., Thaden J. J., Shmookler-Reis R. J. Remarkable longevity and stress resistance of nematode PI3K-null mutants // *Aging Cell*. 2008. № 1.

Н. Е. Русанова

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ МЕДИКАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЯ

РУСАНОВА Нина Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия; ninrus238@mail.ru

Аннотация. Медикализация здоровья оказывает существенное влияние на рождаемость за счет сокращения бесплодия. Благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ) в мире практически не осталось бесплодных, вопросом стали лишь варианты зачатия, вынашивания, родов и генетических характеристик будущего ребенка. Из более чем 5 млн человек, «зачатых в пробирке» часть уже сами стали родителями, причем без помощи экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Современные медицинские технологии позволили выхаживать недоношенных младенцев и иметь детей при наследственных заболеваниях, что снижает общий уровень здоровья населения. ВРТ как инновационная отрасль опережает потребности общества, возникает спрос на ЭКО по немедицинским показаниям («социальное бесплодие» у одиноких женщин, суррогатное материнство и проч.), что учитывается в репродуктивном законодательстве. В России число ЭКО-детей растет (>20 тыс. в 2014 г., ок. 1% от общего числа родившихся), но обеспеченность циклами ВРТ в полтора раза ниже расчетной. Изменение стандартов медицинской помощи при бесплодии позволяет родителям не ограничиваться единственным ЭКО-ребенком, а реализовать репродуктивные установки на желаемое число детей.

Ключевые слова: здоровье, медицинская помощь, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, желаемое число детей

1. Одной из главных характеристик здоровья во всем мире сегодня является его медикализация, т. е. регулирование с помощью лекарственных средств и медицинских технологий. В частности, медикализация оказывает сильное влияние на современную рождаемость. Предпосылки для этого сформировались очень давно, но были направлены лишь на ограничение числа рождений (контрацепция) и сокращение перинатальной смертности (родовспоможение). Только в 18—19 вв. появились первые методы, способствующие увеличению числа родившихся за счет снижения числа родительских пар, неспособных к зачатию (искусственная

инсеминация), однако прорывом можно считать распространение после 1978 г. «зачатия в пробирке» (экстракорпорального оплодотворения, ЭКО), после которого в мире практически не осталось бесплодных, вопросом стали лишь варианты зачатия, вынашивания, родов и генетических характеристик будущего ребенка.

2. Репродуктивные трудности всегда неоднозначно воспринимались обществом, вплоть до стигматизации бесплодия, поэтому развитие ВРТ не везде имело социальную поддержку. Хотя и сегодня степень включенности вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в практику общественного здравоохранения во многом определяется институциональными возможностями конкретной страны, в мире живет уже более 5 млн человек, «зачатых в пробирке». Часть из них сами стали родителями, причем без помощи ЭКО.

3. Другим направлением медиализации рождаемости стало расширение возможностей выхаживания недоношенных детей, отразившееся в изменении критериев живорожденности: сегодня подлежит выхаживанию плод весом 500 г., появившийся на свет после 22 недель беременности. Одновременно развиваются отрасли медицины, направленные на внутриутробную и неонатальную коррекцию аномалий развития плода, а также криоконсервацию половых клеток, позволяющую повысить качество жизни молодежи, вынужденной отложить рождение детей по медицинским или немедицинским показаниям.

4. Возникло некое «социально-биологическое противоречие»: ЭКО увеличивало рождаемость, но способствовало «отрицательной селекции населения» [1], когда в населении стали накапливаться заболевания, которые раньше просто пресекались из-за того, что носители не передавали их по наследству (вплоть до «наследственного бесплодия», обусловленного врожденными расстройствами репродуктивной системы) [2], а слабые новорожденные не выживали.

5. По экспертным оценкам, ЭКО требуется лишь каждому пятому пациенту с бесплодием [3]. Официально в РФ в 2014 г. было проведено ок. 96 тыс. циклов ЭКО, после которых родилось ок. 22,5 тыс. детей, т.е. главный показатель эффективности ЭКО, ТВН («take-baby-home», соотношение количества начатых циклов и рожденных детей), составил 23,44% [4]. Примерно то же отмечают и пациенты репродуктивных клиник: в среднем успех приносит каждый пятый цикл [5]. Ориентировочная потребность в числе процедур ЭКО в РФ на 2017 г. определяется из расчета 1000 циклов на 1 млн чел. (146545 циклов), хотя в некоторых странах этот показатель достигает 2000 циклов (Бельгия, Дания, Ирландия, Словения) [6].

6. ВРТ и перинатология как отрасли медицины: с одной стороны, создают очень дорогой продукт, который не может быть оплачен сред-

нестатистическим пациентом самостоятельно и требует, как минимум, государственного софинансирования, а значит, повышает нагрузку на налогоплательщика. Это вызывает недовольство тех, кто детей вообще не имеет и иметь не хочет (например, чайлд-фри, но их мало). С другой стороны, высокие технологии инновационны, их возможности часто опережают потребности общества и создают маркетинговые прецеденты («создай товар, а потребитель найдется»), как это было с суррогатным материнством, популярность которого прямо связана не с уровнем рождаемости в стране, а с особенностями репродуктивного законодательства (Индия, Украина).

7. Изменение социально-экономической ситуации и государственного регулирования ВРТ отражается на репродуктивных установках населения. Высокотехнологичные медицинские инновации быстро становятся рутинными процедурами, выполняемыми в обычных лечебно-профилактических учреждениях и не требующими специального финансирования: в России стандартное ЭКО с 2015 г. входит в систему ОМС. Это делает его общедоступным, что проявляется в изменении медико-социального портрета пациентов репродуктивных клиник: они стали моложе, выросла доля сочетанных патологий репродуктивной системы, отягощенных сердечно-сосудистыми, эндокринными и прочими проблемами, а также все больше становится одиноких женщин, которым требуется репродуктивный донор. Такой диагноз «социальное бесплодие» сегодня чаще всего ставится женщине 30—40 лет, имеющей образование, стабильную работу, финансовую самостоятельность и неудачный опыт официального или неофициального супружества, хорошо представляющей сложности одинокого материнства; впервые такие пациентки стали появляться в крупных столичных репродуктивных центрах в начале 2000-х гг., их было не более 5%, но в последующие годы доля достигала 20% (расчеты автора). Весьма консервативные российские традиции все же допускают материнство одиноких женщин и официально неоформленное супружество, общественное одобрение внебрачных рождений возрастает, подтверждая тот факт, что репродуктивные и брачно-партнерские трансформации соответствуют генеральным тенденциям второго демографического перехода, отражая количественные и качественные изменения населения. Индивидуализация демографического поведения закрепляется институционально, и проявляется, в частности, через государственное регулирование доступности ВРТ для разных категорий населения.

8. Готовность населения использовать ВРТ не только при бесплодии, но и по немедицинским причинам, учитывается в репродуктивном законодательстве: приказ МЗ РФ № 107н от 30.08.2012 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказа-

ниях и ограничениях к их применению», Федеральный закон № 180-ФЗ от 23.06.2016 «О биомедицинских клеточных продуктах» и проч. [6].

9. После внедрения ВРТ в практику общественного здравоохранения изменились стандарты медицинской помощи при бесплодии в сторону сокращения времени от первоначального обращения до рождения здорового ребенка: рекомендуемая длительность обследования для установления причин бесплодия составляет 3—6 месяцев; если проведенное лечение, включая лапароскопическую и гистероскопическую коррекцию, стимуляцию овуляции и терапию мужского фактора бесплодия, признано неэффективным (отсутствие беременности в течение 9—12 месяцев), пациенты направляются на ЭКО (женщины старше 35 лет по решению консилиума врачей направляются на ЭКО до истечения указанного срока); беременность после ЭКО относится к группе высокого риска [3]. Это позволяет родителям не ограничиваться единственным ЭКО-ребенком, а реализовать репродуктивные установки на желаемое число детей.

Список источников

1. Римащевская Н. М. Социальная политика сбережения народа. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 5 (110). С. 75—82.
2. Число мальчиков с половыми расстройствами. URL: <http://uroweb.ru/news/chislo-malchikov-s-polovymi-rasstroistvami> 27.11. 2016.
3. О повышении эффективности процедуры ЭКО за счет средств ОМС Письмо МЗ РФ № 15-0/10/1-7577 от 22.12.2016. URL: http://rahr.ru/d_pec_h_mat_norm/Pismo%207577.pdf.
4. Регистр ВРТ в России. Отчет за 2014 г. URL: http://rahr.ru/d_registr_otchet/registr_BRT_RARCH16.pdf.
5. Портал о бесплодии probirka.ru. URL: <http://www.probirka.org/statistika-eko/9792-effektivnost-eko-narisuem-budem-zhit.html>.
6. По вопросу о доступности процедуры ЭКО в субъектах РФ. Письмо МЗ РФ № 15-4/207-07 от 26.01.2017. URL: http://www.rahr.ru/d_pec_h_mat_norm/mz_dostupnost.pdf.

З. А. Данилова

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН СЕВЕРНОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

ДАНИЛОВА Зинаида Андреевна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник БИП СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия; zih@ mail.ru

Аннотация. Цель статьи: выявить уровень социально-демографической безопасности стран северного Шелкового пути, в Китае, Монголии и России. В статье изучены темпы прироста населения, угрозы человеческому развитию. Выявлен уровень старения населения, пенсионной нагрузки на лиц трудоспособного возраста, дисбаланс в половом соотношении, особенно в КНР. На основе индикаторов социально-демографической безопасности представлена неравномерность социального и демографического развития изучаемых стран, отражены предельно-критические значения основных показателей. Рассмотрены индексы человеческого развития, которые в изучаемых странах достаточно высоки. Определены лидеры и аутсайдеры в рейтинге общих расходов на здравоохранение. Социальные и демографические индикаторы изучаемых стран даны в сравнении с мировыми показателями. Представлены некоторые итоги массового опроса населения по социальной безопасности

Ключевые слова: социально-демографическая безопасность, индикаторы, шелковый путь, человеческое развитие, рейтинг угроз

Актуальность исследования. Стратегический план создания нового Экономического Шелкового пути «Один пояс — один путь», разработанный в 2015 г. по инициативе КНР, предполагает укрепление экономического и социально-культурного взаимодействия на просторах крупнейшего евразийского континента мира. В 1992 г. был открыт неизвестный ранее древний маршрут Великого Шелкового пути, пролегающий из Пекина через Монголию и Сибирь. В маршруте северного Шелкового пути важное значение придавалось г. Кяхта (приграничный город на юге Бурятии) — песчаной сибирской Венеции, через которую происходил экономический и социокультурный обмен новыми продукцией, знаниями и идеями Востока и Запада.

Изучение уровня социально-демографической безопасности, выявление какими человеческими ресурсами располагают страны нового Шелкового пути для обеспечения экономических проектов являются актуальными и не исследованными в научной литературе. В рассматри-

ваемых странах одни и те же риски, угрозы жизнедеятельности носят неоднозначный, а порою и противоречивый характер. В частности, для России угроза депопуляции является насущной проблемой, в то время как для Монголии она не столь важна [1]. В Китае длительное время наблюдался процесс искусственного сокращения населения. В то же время основные социально-демографические угрозы в странах Шелкового пути носят межгосударственный, межрегиональный характер.

Результаты исследования.

1. Темпы прироста населения по сравнению с 1990 г. в России, КНР, Монголии существенно снизились. Если в Китае это явление объяснялось политикой, направленной на снижение рождаемости и демографической экспансией, то в России и Монголии — нестабильностью социально-экономической ситуации в период реформирования. Наиболее критичная демографическая ситуация остается в РФ. Несмотря на то, что депопуляция в стране приостановилась, темпы прироста населения остаются низкими (2015 г. 175 место в мире). Частичная компенсация населения происходит за счет иммигрантов. В Монголии наблюдается естественный прирост населения за счет высокого уровня рождаемости. В рейтинге стран по естественному приросту населения первые три места занимают страны африканского континента — Нигер, Гамбия и Уганда. По общему темпу прироста населения лидируют арабские страны — Оман, Ливан, Кувейт.

Таблица 1. Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 чел.)

Страны/ годы	2015	2010	2005	2000	1990	Рейтинг/ место
РФ	-1,14	-3,66	-6,23	-5,70	5,08	172
КНР	5,43	5,68	5,87	6,83	18,51	136
Монголия	18,44	15,36	11,70	12,94	25,55	62
Нигер	40,18	38,08	37,06	35,72	31,61	1
Болгария	-5,70	-5,10	-5,99	-6,14	1,01	187

Источник: Мировой атлас данных. Электронный ресурс

2. В России и Китае наблюдается достаточно высокий коэффициент пенсионной нагрузки или количество человек в возрасте 65+ на 100 человек в возрасте 15—64 лет. Нагрузка на трудоспособный возраст за период с 1990—2015 гг. возросла в Китае и России, в то время как в Монголии она снизилась. Самая высокая пенсионная нагрузка на трудоспособный возраст остается в Японии, а низкая в Объединенных Арабских Эмиратах. По сравнению с Монголией, в России и Китае более высоким остается медианный возраст населения. В Монголии он составляет 27,33, в РФ — 38,70 и Китае 36,96 лет. Самое молодое население

в мире проживает в африканских странах — Нигер, Уганда, Чад и наиболее старое — в Японии, Германии, Италии. Вызывает тревогу соотношение полов в Китае и РФ. Если в КНР на 100 женщин приходится 106 мужчин, то в РФ — 87 мужчин. Самый высокий дисбаланс в пользу мужчин наблюдается в ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн. В 2015 г. на 100 женщин в ОАЭ приходилось 274 мужчин, в Катаре — 265. Наибольший дисбаланс в пользу женщин в этом же году отмечался в Латвии (85 мужчин на 100 женщин), Литве (85), Украине (86).

Коэффициент пенсионной нагрузки, чел.

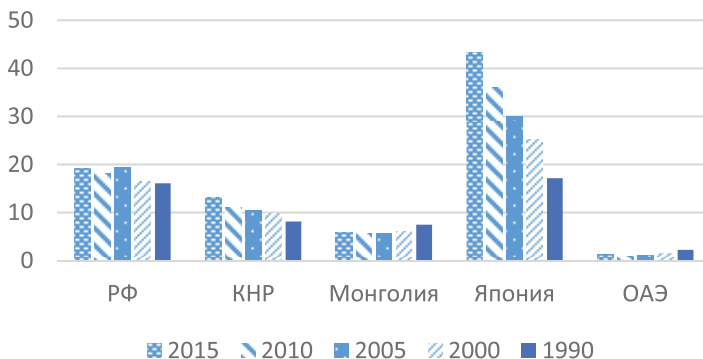

Рис. 1. Источник: Мировой атлас данных. Электронный ресурс

3. Отражены некоторые индикаторы безопасности, на основе которых выявлена неравномерность социального и демографического развития изучаемых стран, даны пороговые значения основных показателей. Монголия существенно отстает от России и Китая по индикатору валового внутреннего продукта на душу населения. Здесь наблюдается высокая степень младенческих смертей, заболеваемости населения туберкулезом, которые одни из самых высоких в мире. Превышает пороговые значения показатель заболеваемости туберкулезом и в РФ и КНР. В России и Монголии продолжительность жизни приблизительно на одном уровне, в Китае она несколько превышает предельно-критические значения. Остается высоким коэффициент смертности в РФ. Суммарный показатель государственных и частных расходов на здравоохранение в РФ несколько выше, чем в Китае и Монголии. Лидерами данного показателя являются развитые страны — США, Швеция, Швейцария и др. небольшие страны. Аутсайдерами в рейтинге общих расходов на здравоохранение, оказание медицинских услуг и экстренной помощи населению, планирование семьи являются Лаос, Туркменистан. Индекс человеческого развития,

определяющий уровень средних достижений в трех основных измерениях человеческого развития: долгая и здоровая жизнь, знания и достойный уровень жизни в рассматриваемых странах довольно высокий.

Таблица 2. **Индикаторы социально-демографической безопасности в РФ, КНР и Монголии**

Индикаторы	Предельно критическое значение	РФ	КНР	Монголия
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на женщину), чел., 2015 г.	2,14—2,15	1,70	1,57	2,64
Коэффициент смертности, на 1000 чел., 2014 г.	не более 10	13,1	7,2	6,1
Коэффициент младенческой смертности (младенческих смертей на 1000 рожденных живыми), 2015 г.	Не более 10	7,67	10,35	22,49
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2015 г.	73 года	70,26	75,96	69,81
Уровень общей безработицы,%, 2016 г.	Не более 5	5,8	4,1	7,9
ВВП на душу населения (долл.США), 2016 г.	Рост показателей	8838	8261	3704
Расходы на здравоохранение (% от ВВП), 2014 г.	5,0	7,1	5,5	4,7
Заболеваемость населения туберкулезом (на 100 тыс. чел.), 2014 г.	35,0	82,0	69,0	428,0
Индекс человеческого развития 2014 г.	0,50	0,80	0,73	0,73

Составлено по: Мировой атлас данных. Электронный ресурс; Росстат.

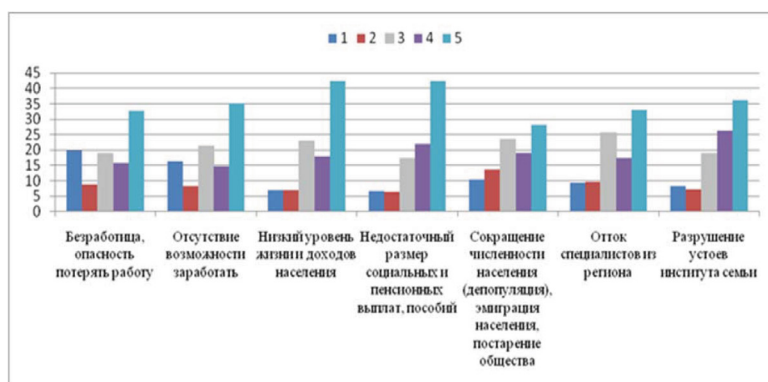

Рис. 2. Рейтинг социально-экономических и демографических угроз в регионе, в %

4. На основе массового опроса населения Республики Бурятия [2] составлен рейтинг социально-экономических и демографических угроз, проведено их ранжирование по пятибалльной шкале, где 1 балл — не представляет угрозу, 5 баллов — наивысшая степень угрозы. Респонденты к наиболее опасным видам угроз (5 баллов) относят низкий уровень жизни и доходов, недостаточный размер социальных выплат, пособий, безработицу и опасность потерять работу, а также разрушение устоев института семьи (Рис. 1).

Жители села данные угрозы оценивают более высоко, чем горожане. В частности, безработица представляет в наибольшей степени (5 баллов) угрозу для 42,3% жителей села и 31,5% города. В целом, около 45% респондентов отмечает средний уровень угроз (3 балла) в регионе, приблизительно одна треть — высокий и высший; незначительная часть — низкий уровень и отсутствие угроз.

Выводы. Показатели уровня отдельных аспектов социально-демографической безопасности отражают направление, эволюцию параметров угроз. Незначительные темпы прироста населения и углубление процесса старения общества, за исключением Монголии, высокая смертность в трудоспособном возрасте, распространение социальных болезней в рассматриваемых странах снижают возможности эффективного использования человеческого ресурса в выполнении программы Шелкового пути. Реакции населения на угрожающие ситуации оцениваются преимущественно в пределах 4—3 баллов, что указывает на наличие серьезных рисков в изучаемом социуме и достаточно высокий их уровень.

Список источников

1. Данилова З. А. Социальные риски Байкальской Азии (на материалах Бурятии и Монголии). М. : Проблемы прогнозирования, 2015.
2. Отчет «Социальная безопасность региона». Массовый опрос населения Республики Бурятия, проведенный под руководством автора в 2014 г.

Ю. Г. Юшкова-Борисова

НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ЗАДУМЫВАЮЩИХСЯ О СОЗДАНИИ СЕМЬИ

ЮШКОВА-БОРИСОВА Юлия Геннадьевна — кандидат философских наук, научный руководитель Некоммерческого партнерства гуманитарных исследований и консалтинга «Экспертный центр «Мера», г. Нижний Новгород, Россия; info@mera-expert.ru

Аннотация. Молодые люди, вступающие в детородный возраст — это первое поколение в России, полностью испытывающее на себе последствия контрацептивной революции. Когда рождаемость перешла из плоскости фатальности в плоскость планирования, им пришлось отвечать на вопрос, зачем им дети, и когда именно они им нужны. Как правило, они не готовы на него ответить и пребывают в состоянии душевного смятения. Большие требования, которые сейчас предъявляются к «качеству» человека, медиализируют процесс зачатия, уже полностью лишая его спонтанности и естественности. Сложился определенный механизм регуляции рождаемости, она регулируется влиянием количества детей в семье на качество каждого из них, где искомым уровнем качества задается социальными претензиями родителей и достигается получением ребенком ухода, воспитания и образования. Что заставляет родителей из средних по положению общественных страт сокращать количество детей в семье, и наоборот, позволяет людям социального дна увеличивать количество детей. Демографические перспективы страны не кажутся автору благополучными.

Ключевые слова: Регуляция рождаемости, медиализация зачатия, контрацептивная революция

Основой моего выступления станут исследования, проведенные Экспертным центром «Мера», исследования коллег, а также несколько сот часов коуч-сессий по созданию семьи, которые я провела, будучи сертифицированным коучем.

Контрацептивная революция (термин Эгона Дисфалузи переключал из медицины в социологию) уже почти полностью отделила секс от рождения детей. Зачатие ребенка теперь сильно медиализировано, оно носит характер одной из ряда медицинских процедур, которые требуются для того, чтобы был зачат здоровый ребенок.

Кроме того, сейчас зачатие является серьезным социальным актом, имеющим тотальные последствия, поскольку родители берут на себя со-

циальные и финансовые обязательства по отношению к ребенку длиною в собственную жизнь. Подробнее см. [1]

Эта ситуация новая для российского общества, и тем более для молодых людей. Все чаще они должны аргументировать, доказывать, с финансовыми документами и справками в руках, самим себе, друг другу, своим родителям, что они имеют право и могут себе позволить завести ребенка. Причем с каждым последующим ребенком, накал обсуждений и споров может нарастать.

В целом, современная семья склонна сокращать количество детей, наращивая их «качество». Связь между количеством и качеством детей была исследована довольно подробно Г. Бэккером. [2]

По моему мнению, рождаемость регулируется влиянием количества детей в семье на качество каждого из них, где искомым уровнем качества задается социальными претензиями родителей и достигается получением ребенком ухода, воспитания и образования. Подробнее см. [3].

На материалах фокус-групп с многодетными и малодетными родителями я сделала вывод, что важнейшей частью механизма регуляции рождаемости является именно социальная цель, вершина, которую должен, по замыслу родителей, одолеть ребенок. Да, «богатые предпочитают более дорогих детей», по выражению..., но не потому, что они предпочитают все дорогое, а потому, что перед их детьми, по факту рождения в определенном социальном слое, стоят задачи, выполнить которые способен только человек с большим человеческим капиталом, очень «качественный», «дорогой» человек. Многодетные же родители не ставят ни перед собой как родителями, ни перед своими детьми амбициозных задач. Они хотят вырастить «хорошего человека», а хорошие люди, по их мнению, вырастают в больших семьях. [4]

По этой же причине много детей и в неблагополучных семьях. Там задач вообще никаких нет, и даже снижение количества не может поднять качества. Более того, если на детей получаются хорошие пособия, семье выгодно завести большое количество детей. Аккумуляция средств может повысить уровень качества всех.

Молодые люди, попадающие в детородный возраст, по моей практике, часто обладают противоречивыми, вплоть до взаимоисключения, представлениями о семейной жизни и рождении детей. Одни достались им в наследство от родителей, другие почерпнуты из фильмов и литературы, третьи — плод их собственного опыта и опыта друзей. Этот разношерстный ряд не может быть базой адекватного ответа на вызовы времени, поэтому часто молодые люди пребывают в состоянии перманентного и уже даже не слишком заметного им душевного смятения. К этому стоит прибавить и увеличение трудовой нагрузки на молодое поколение.

Откладывание времени создания семьи и обзаведения детьми, особенно для молодых людей, живущих в крупных городах, уже значительное сейчас, будет нарастать. Демографические перспективы страны мне кажутся не слишком благополучными.

Список источников

1. Юшкова-Борисова Ю. Г. Профессиональное самоопределение молодежи как функция воспроизводства человеческого капитала // Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая. Материалы исследования. Н. Новгород : Издательство «Автор», 2009.
2. Gary S. Becker, H. Gregg Lewis. Interaction between Quantity and Quality of Children // Economics of the Family: Marriage, Children, and Human Capital, Chapter pages in book: (p. 81—90) URL: <http://www.nber.org/chapters/c2963> (дата обращения 15.02. 2011).
3. Юшкова-Борисова Ю. Г. Дети в семье// Народонаселение, ежеквартальный научный журнал. № 2(52)—2011 (апрель—июнь) с. 76—84.
4. Материалы фокус-групп «Сравнительного исследования многодетных и малодетных семей», проведенного Экспертным центром «Мера» в Нижнем Новгороде, 2012 г.

Е. В. Желнина

ГРАЖДАНЕ О БУДУЩЕМ РАЗВИТИИ РОССИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры «Социология» ФБГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Россия; ezhelnina@yandex.ru

Аннотация. Освещаются результаты комплексного социологического исследования представлений и ожиданий граждан России на 2050 год. В анкетировании приняли участие 783 респондента. Полученный образ может быть положен в основу формирования долгосрочной стратегии государственного управления. Актуальность темы детерминирована противоречием внешних и внутренних факторов инновационного развития. На сегодняшний день чёткого, конкретного образа России, даже на ближайшую перспективу, не существует. Среди наиболее важных сфер жизнедеятельности российского общества в 2050 году респонденты выделили экономику (18 %) и семью (17 %). Больше половины респондентов указали, что численность населения Российской Федерации в 2050 году будет расти (за счёт повышения рождаемости и усиления миграции). В результате анализа мнений респондентов относительно значимости социальной группы для индивида, была выявлена достаточно явная тенденция к индивидуализации. Подавляющее число респондентов отметили непреходящую важность института семьи и в 2050 году (95,81 %). Результаты исследования могут быть использованы как на уровне государственного, так и на уровне муниципального управления в качестве основы для формирования долгосрочной стратегии последующего развития, для разработки конкретных программ и мероприятий инновационного развития. Материал подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003.

Ключевые слова: социологическое исследование, Россия, образ, социальный портрет, прогноз

Интерес к проблематике формирования стратегического развития российского государства сегодня достаточно высок. Развитие исследований в этом направлении приводит к убеждению в том, что рассредоточенные отдельные экономические, политические, социальные, финансовые примеры создания стратегии развития не дают целостную и объективную картину. Методологических подходов и методических разработок

существует множество, каждый из них предназначен для определённых научных целей, например, для сравнения стратегий развития различных стран. Однако сегодня недостаточно разработан ключевой элемент стратегии — образ будущего состояния государства. Таким образом, в современной практике государственного стратегического управления назрела необходимость проведения комплексного социологического исследования для формирования образа России-2050 как основы государственной инновационной политики.

В теории и практике стратегического управления утверждается, что разработка стратегии развития государства должна начинаться с определения миссии и видения того, к чему оно стремится. Российская Федерация — огромная страна с населением 146 70033 человек, включающая 89 субъектов федерации, 7 федеральных округов, множество больших и малых населённых пунктов. Каждый из этого числа элементов, включённых в структуру государства, представляет свою собственную картину будущего. Каким бы эффективным и оперативным ни было управление, важно, чтобы все смотрели в одном направлении. К сожалению, сегодня целостного образа России, даже на ближайшую перспективу, не существует. Исследуя опыт других государств, мы можем увидеть, что Казахстан уже сформировал собственную стратегию на основе видения будущих социально-экономических показателей [1], на основе которой и в строгом соответствии с ней разрабатываются среднесрочные и краткосрочные планы по достижению намеченных результатов. Кроме того, сегодня Россия налаживает с различными государствами (Китай, Бразилия, Венесуэла) долгосрочные партнёрские отношения, которые должны строиться на прочном фундаменте, в основе которого стратегия стабильного, устойчивого развития государств-партнёров [2, 3] Для инновационного стратегического управления большое значение имеет измерение факторов, связанных с оценкой социально-экономических условий для формирования приоритетов будущего развития и эффективного достижения поставленных целей.

Следует сказать, что сегодня исследования, посвящённые проблеме формирования социального портрета, образа, осуществляются преимущественно в экономическом и демографическом аспектах. Ощущается недостаток социологического анализа данной проблемы с позиции комплексного исследования, объединившего бы экономический, политический, социальный, демографический, культурный и духовный аспекты. Ведь государство — это не только политический институт, но и, как справедливо отмечает А. А. Мешков, «комплексный социокультурный процесс и социально-психологический феномен» [4].

Среди наиболее важных сфер жизнедеятельности российского общества в 2050 году респонденты выделили экономику (18 %) и семью

(17 %). Естественно, выделять какую-то одну сферу категорически нельзя, поскольку в этом случае получается ущербное развитие, несколько перекошенное: высокий уровень достижений в одних областях и очень низкий — в других.

Одним из первых был задан вопрос о будущей численности населения России в 2050 году. Больше половины респондентов указали, что она будет расти (правда, с различной долей интенсивности — 47 % (расти) и 13 % (значительно расти). Среди причин, которые будут способствовать росту численности населения страны в 2050 году, респонденты выделили в равной степени повышение рождаемости и усиление миграции (36 % и 38 % соответственно). Но, немного забегаая вперёд, отметим, что ответы респондентов на последующие вопросы не позволяют в полной мере рассчитывать на повышение рождаемости. Поэтому, исходя из совокупного результата, рассчитывать можно только на миграцию в случае, если государство не сосредоточит свои усилия на демографической политике.

Нам было интересно узнать, как будут обстоять дела с высшим образованием в России 2050 года. Средневзвешенный показатель представленности работников с высшим образованием составит 58 %. Это чуть больше половины работников. Показатель достаточно конструктивный, не обнаружена тенденция к латентной необходимости приобретения гражданами диплома о высшем образовании для получения работы.

Респонденты назвали более 100 профессий, которые, по их мнению, будут престижными в 2050 году. Обобщая показатели, можно получить следующий рейтинг наиболее востребованных профессий в 2050 году: 1. Инженер. 2. Врач. 3. Программист. 4. Педагог. 5. Юрист. 6. Экономист. 7. Менеджер. 8. Эколог. 9. Учёный. 10. Строитель.

Согласно ответам респондентов, важным для россиянина в 2050 году будут семья, достаток, работа (указано в порядке убывания значимости) Также участниками анкетирования были высказаны: «мир во всем мире», «соблюдение прав и свобод гражданина».

Проведенное комплексное социологическое изучение мнения граждан о будущем России позволит создать модель будущего образа российского государства.

Список источников

1. Казахстан — 2050 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://strategy2050.kz/ru> (дата обращения: 12.07.2015 г.).
2. Грудкина Т. И., Ловчикова Е. И., Артемова Н. В., Чурсин С. С. Организационно-экономические проблемы влияния зарубежных санкций на субъекты рынка, импортозамещения и пути их решения // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6—1 (59—1). С. 631—636.

3. Квасов И. А., Бутурлакина Е. Г. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов стран Таможенного Союза // Вестник Российского Нового Университета. Выпуск 2. М., 2014. С. 152—162.
4. Мешков А. А. Концепции формирования нематериальных маркетинговых активов // Вестник Академии предпринимательства при Правительстве Москвы. 2013. № 4. С. 42—44.

М. В. Корнилова

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

КОРНИЛОВА Марина Валерьевна — кандидат социологических наук, методист Центра мониторинговых исследований Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы; младший научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, Россия; mmrr@mail.ru

Аннотация. В современном мире когорта пожилых людей является наиболее быстро растущей. Согласно общемировой демографической тенденции, доля пожилых людей будет ежегодно увеличиваться и в России. Особенно рост численности пожилых людей характерен для мегаполисов. При такой социально-демографической ситуации, сохранение здоровья населения и предоставление качественной медицинской помощи особенно важно. В Москве за последние годы было проведено не мало преобразований в сфере государственного медицинского обслуживания. В статье рассматривается как оценивают собственное здоровье и медицинскую помощь старшее поколение жителей столицы, и изменились ли их оценки за последние годы.

Ключевые слова: пожилые москвичи, демографические тенденции, состояние здоровья, медицинское обслуживание, мониторинг уровня и качества жизни пожилых москвичей

Уже шесть лет специалистами Центра мониторинговых исследований Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы по заказу Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы проводится Комплексный мониторинг уровня и качества жизни пожилых жителей столицы [1].

За это время удалось собрать и систематизировать большой объем данных об образе жизни пожилых москвичей. Основные блоки исследования направлены на изучение состояния здоровья и жизненного уклада, социального самочувствия и социальной активности, форм досуга и отдыха, материального положения и социального статуса старшего поколения столицы. Количество опрошенных: 7 тыс. человек ежегодно. Возраст участников: от 55 лет для женщин, от 60 лет для мужчин.

Данная социальная общность выбрана не случайно. В современном мире — когорта пожилых является наиболее быстрорастущей группой населения. Например, в России, доля лиц старше трудоспособного воз-

раста составляет почти $\frac{1}{4}$ от общего количества жителей страны (24,6%), а доля лиц моложе трудоспособного — 18%. При этом, согласно среднему варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики к 2031 году, доля лиц моложе трудоспособного возраста составит 18,4% (+0,4%), а доля лиц старше трудоспособного возраста — 27,7% (+3,6%) [2]. Причем данная демографическая тенденция характерна не только для нашей страны, но и для большинства Европейских стран. Кроме того, численность населения старшего возраста в мегаполисах растет быстрее, чем в городах с меньшим количеством жителей. Данный процесс обусловлен несколькими неблагоприятными и благоприятными демографическими факторами: с одной стороны, суммарным коэффициентом рождаемости, который составляет 1—2 ребенка в расчете на 1 женщину, что явно недостаточно даже для воспроизводства населения, и высокой смертностью населения трудоспособного возраста (особенно мужчин), а с другой стороны, увеличением общей продолжительности жизни и научно-техническими разработками в медицине, позволяющими бороться с различными видами заболеваний.

Все вышеперечисленные факторы позволяют сделать вывод о долгосрочной демографической тенденции — старении общества. Поэтому демографическое будущее нашей страны — общество пожилых людей. При такой социально-демографической ситуации, сохранение здоровья населения и предоставление качественной медицинской помощи особенно важно.

В Москве за последние годы было проведено не мало преобразований в сфере государственного медицинского обслуживания. Рассмотрим, как оценивают собственное здоровье и медицинскую помощь старшее поколение жителей столицы, и изменились ли их оценки за последние годы [1].

Сравнивая данные предыдущих этапов мониторинга с результатами 2016 года, необходимо отметить, что оценка пожилыми москвичами физических характеристик состояния своего здоровья является стабильной. В 2016 году, так же, как и ранее, более 70% опрошенных охарактеризовали свое здоровье как удовлетворительное.

Здоровье человека складывается из многих факторов: генетика, образ жизни, гастрономические пристрастия, вредные привычки. Пожилые москвичи признались, что занимаются физкультурой (45%), путешествуют (49%), ходят на спортивные и культурно-досуговые мероприятия (44%), интересуются театром, кино, музеями (57%), посещают парки отдыха (64,5%) [1, с. 142].

Оценивая способности к самообслуживанию, опрошенные отметили, что меньше всего сложностей по-прежнему испытывают с надеванием

одежды и поддержанием личной гигиены, а больше всего — с передвижением за пределами квартиры: «подниматься пешком по лестнице на два пролета сложно для 52,5%, пройти расстояние в 1 км. — 54,1%» [1, с. 114]. Конечно такие трудности испытывают в основном долгожители. Более 70% опрошенных в возрасте 80 лет и старше сложно подниматься пешком по лестнице и пройти расстояние в 1 км [1, с. 115].

Начиная с IX-го этапа (2015 год) впервые исследовались, как вопросы организации профилактики заболеваний, так и вопросы качественных характеристик медицинского обслуживания.

Среди респондентов IX-го и X-го этапов мониторинга 2/5 (40%) отметили, что они прошли диспансеризацию за прошедший год, а к 2016 году, доля респондентов, прошедших диспансеризацию увеличилась еще на 20% и составила почти 2/3 от общего количества опрошенных. Если учесть, что с 2013 года все пожилые граждане РФ имеют право на прохождение диспансеризации на бесплатной основе 1 раз в 3 года, то это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о том, что пожилые люди стремятся использовать возможности поликлинической медицинской помощи и с большим вниманием стали относиться к состоянию своего здоровья.

Результаты мониторинга XI этапа показывают, что наиболее востребованной среди всех видов медицинской помощи по-прежнему остается услуга амбулаторной помощи участкового терапевта, ситуация с обращением за помощью к врачам специалистам в 2016 году примерно такая же, как и в 2015 году, в 2016 году в 1,6 раза увеличилась доля не обращающихся за услугами скорой медицинской помощи, и в 6 раз увеличилась доля респондентов, не обращавшихся за стационарным медицинским обслуживанием. Люди пожилого возраста как правило планируют лечение в стационаре заранее, и даже если врач настаивает на экстренной госпитализации, не всегда соглашаются поправить здоровье в больничных стенах.

Доля респондентов, удовлетворенных организацией бесплатного лекарственного обеспечения (наличием бесплатных лекарств в аптеках, информацией о наличии таких лекарств, доступностью лекарственных средств) в целом увеличилась на 10 п. п. по сравнению с результатами мониторинга 2015 года. Но, удовлетворенность бесплатным лекарственным обеспечением по-прежнему далека от максимальных значений: только 2 из 5 удовлетворены данным показателем работы государственной системы медицинского обслуживания. Перебои с поставками необходимых лекарств, необходимость месяцами ждать поступления медикаментов — вот основные причины неудовлетворенности бесплатным лекарственным обеспечением.

Показатели, характеризующие удовлетворенность отдельными характеристиками медицинского обслуживания, также демонстрируют существенный рост: почти $\frac{3}{4}$ опрошенных удовлетворены возможностью выбора врача, что в 1,5 раза выше показателя 2015 года (46%); доля респондентов удовлетворенных доступностью врачей-специалистов выросла в 2 раза в 2016 году по сравнению с 2015 годом (с 22,3% до 55,6%), а показатель оценки вежливости медперсонала по отношению к пациентам увеличился в 3 раза (с 24,9% до 73,4%). Доля удовлетворенных отсутствием очередей на прием к врачу выросла в 4 раза (с 16,7% до 67,5%) [1, с. 119].

Проблематичность выбора врачей различного профиля и наличие очередей для получения медицинских услуг уже не так критично воспринимаются пожилыми москвичами, как это было, например, на IX этапе мониторинга, но это, к сожалению, не означает, что медицинское обслуживание стало качественнее. Более сдержанные оценки респондентов демонстрируют «принятие» ситуации, отсутствия иллюзий и надежд в восприятии существующей действительности, когда система государственного медицинского обслуживания кардинально менялась, а результаты проведенных реформ не всегда были удачными.

Та же тенденция наблюдается и в оценках собственного здоровья. Пожилые москвичи достаточно сдержанно оценивают свое здоровье, выбирая нейтральные оценки. Люди пожилого возраста несмотря ни на что стараются сохранять позитивный настрой, быть активными и вести здоровый образ жизни.

Список источников

1. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве: информационно-аналитический доклад. 11 этап. / Бобровский В. А., Грачева О. Е., Комарова Н. Ю., Корнилова М. В. и др./ под ред. В. А. Петросяна, Е. И. Холостовой. М., 2016.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 14.01.2017).

М. Н. Кичерова, В. В. Мельник

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

КИЧЕРОВА Марина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия; marina-kicherova@yandex.ru

МЕЛЬНИК Владимир Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия; v_v_melnic@mail.ru

В далеком теперь 1955 году отважная афроамериканка Роза Паркс, пересела со своего и заняла в автобусе место «только для белых», решив, после ареста, суда и освобождения, историческую проблему инклюзии «black» people. Однако в настоящее время проблема сохраняет свою остроту, она по-прежнему актуальна не только в аспектах дискриминации, но и для многих сторон социальной действительности.

Отметим, прежде всего, что социальная инклюзия (social inclusion) — это возможность социального участия, включения в жизнь общества. Инклюзия может рассматриваться применительно к мигрантам, людям с инвалидностью, пожилым гражданам, этническим меньшинствам. В общем плане, это предложение «войти» куда-то, быть «допущенным» («including») куда-то. Для научного понимания этого процесса, важно «включить» в программу исследования не только сами проблемы, но и операционализацию данного понятия, ставшего значимым для социологов многих стран мира, задавшись простыми вопросами: кто обладает правом «пригласить» входящего, и как тот может войти (индивидуальность актора и сам процесс), кто «автор» инклюзии и т. д. Наверное, наиболее очевидный ответ, это то, что мы все часть этого мира и приглашены в него его творцом. Следовательно, нам остается только признать эту всеобщую «самость», хотя мы все индивидуальны.

Понятия инклюзии и эксклюзии тесно связаны друг с другом. Задача науки и общества — разработать рекомендации и решения для преодоления проблемы социального исключения, начинающейся с рождения ребенка и, создания системы для всех, кто нуждается в поддержке, в сложных условиях жизнедеятельности, рассматривая инклюзию как ответственность общества, а не «одолжение». Помимо сферы дискриминации и заботы о детях с врожденными недостатками, это явление стало рассматриваться в сферах образования, науки, культуры, технологии, социума в целом, как на макро, так и на микроуровнях. На микроуровне,

это процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции. На макроуровне, это процесс, требующий определенных усилий для достижения равных возможностей всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности, для обеспечения полноценного участия во всех сферах жизни. В этом же пространстве необходимо рассматривать и новый возникающий социальный слой — прекариат, располагающийся на всем пространстве континуума «инклюзия/экслюзия».

В значительной мере расширение проблематики социальной инклюзии/экслюзии в мире, явилось следствием процессов глобализации, в том числе нарастающего разнообразия трудовых ресурсов с точки зрения расы, социального положения, этнического происхождения, религии, сексуальной ориентации, пола, способностей и профессиональных компетенций работников. Н. Луман предупреждал об этой опасности, говоря что: «наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра. Что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения. В некоторых местах мы уже можем наблюдать это состояние» [1, с.102—103].

Эту идею развивал и А. Турейн, по его мнению, мы переживаем переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии, то есть речь идет не о понятиях «верх-низ», а о понятиях «внутри-вне» [2]. Таким образом, изучение процессов социальной инклюзии / экслюзии представляется весьма перспективным, так как позволяет заглянуть в будущее и исследовать структуру грядущего общества.

Системы, обладающие потенциальным свойством инклюзии / экслюзии многообразны. По мнению Ф. Фарингтона, можно выделить пять таких систем [3]:

1. Социальная система, включающая семью, рынок труда, соседство, этническую близость, локальное сообщество, общество.
2. Экономическая система, включающая материальные и не материальные ресурсы, зарплату, социальную безопасность, страхование, активы, рынок товаров и услуг.

3. Институциональная система, включая законодательство, образование, здравоохранение, политические права, суд, бюрократию.

4. Территориальная система, включая демографию, миграцию, коммуникации, транспорт и связь, депривированные территории.

5. Символические отношения, включая идентичность, социальный статус, самооценку и самоуважение, интересы и мотивацию, возможности и перспективы.

Дисфункция одной или нескольких систем приводит к социальной эксклюзии не только индивидов, групп, но и более крупных общностей. И, наоборот, синергичность социального процесса способствует эффективности различных видов деятельности. На основании выше приведенной классификации можно утверждать, что явление инклюзии/эксклюзии многомерно и может быть оценено в исследовательской практике на континууме ординальной ранговой шкалы, измеряя «разные стороны границы». По нашему мнению, с использованием такого подхода, могут быть исследованы и оценены, в том числе, и массовые социальные процессы, с точки зрения их положительной динамики, как значимый фактор будущего социетального развития общества.

Одной из таких, чрезвычайно важных в современных условиях, сфер технологического развития экономики и общества в целом, является область инноватики. Процесс социальной инклюзии в инновационной деятельности предполагает наличие следующих компонентов: включенность в функциональную группу, утверждение ролевой функции, субъективность – чувство вовлеченности, принадлежности, позитивную самоидентификацию, эмоциональный контакт с окружением, инклюзию во внешнюю среду с продуктами деятельности. В этой сфере, одним из наиболее ранних известных и разработанных подходов, как в Северной Америке, так и в Европе, к проблемам инклюзии был осуществлен в концепции «управления разнообразием» и компетентностного подхода в менеджменте формирования человеческих ресурсов организации. В рассматриваемом ниже подходе, авторами были предложены пять групп характеристик личности работника: видимые физические, физические функциональные, характеристики «истории жизни» индивида, социальные и характеристики организационные. Их общее количество составило сорок переменных [4,5].

Представленные в этом перечне типы являются все же некоторыми абстрактными образами («идеальными типами» по М. Веберу, «идеальными объектами» по П. Шедровицкому), необходимыми для сбора конкретной эмпирической информации и перехода от этих абстрактных образов к конкретным социальным процессам инклюзии.

Поскольку социальная инклюзия предполагает исследование проблем включенности человека в экономическую и социальную жизнь нации, ре-

гиональной общности, начиная с занятости, достаточности дохода, тесных связей с социальным окружением и местным сообществом, то было бы закономерным, поставить в ряд исследований проблем инклюзии, вопросы использования социального капитала регионального сообщества и в частности, использования, в целях роста экономики региона, инновационной деятельности его жителей. И способствовать, таким образом, будущему развитию региона, путем воплощения его человеческого потенциала, с учетом сетевого взаимодействия правительства, бизнеса, локальных профессиональных сообществ.

В этой предметной области принципиально важным представляется реализация ролевых функций и профилей целостного процесса инновационной деятельности основных его акторов: авторов и соавторов идей, разработчиков технологий, прототипистов, маркетологов и других «производителей» инноватики, что в инновационной деятельности регионального социума способствуют отраслевому экономическому и технологическому росту. Такой фокус инклюзии сдвигает проблему с позиций «технологического разделения» и разрыва инновационных экономик наций, в область оценки имеющегося уровня и потенциала технологического развития, его необходимого обеспечения в организациях и, что еще более важно, к определению возможностей каждого человека эффективно участвовать в создании и использовании имеющихся «высоких технологий» в реальной и значимой социальной практике.

Все поставленные выше нами проблемы и социетальные процессы требуют ответа на вопрос о том, как прогнозировать тенденции развития этих и им подобных сложноорганизованных систем и какие управленческие модели могут иметь надежду на успех. Как представляется, одним из парадигмальных (в смысле Т. Куна) направлений в этой области является теория самоорганизации (синергетики), которая, на наш взгляд, может и уже выступает, в качестве методологической основы для прогностической и управленческой деятельности в современном мире. Рассматривая, в частности, проблемы инноватики в рамках социетальных процессов инклюзии, можно отметить, что последняя, представляет собой определенный аналог биологических процессов морфогенеза или, как мы это определяем — социально-культурного генотипа социума, исторически приспособленного к освоению нового. В этом случае инновационная среда способна реагировать на малые, случайные события на микроуровне, посредством которых осуществляется связь между макро- и микроуровнем региональной системы, а микрофлуктуации, кажущиеся хаотичными и случайными (на уровне личности, группы), могут разрастаться в макроструктуры, когда инновационная деятельность овладевает социумом, отраслью, организацией. Управленческую

деятельность в региональной инновационной системе, поэтому следует понимать не как произвольное сочетание и перераспределение элементов социального материала (ресурсов), его инклюзию в инновационную деятельность по какому-то вынужденному административному проекту, включая все меры материального и организационного стимулирования, а как иницирующее возбуждение системы субъектом. В данном случае, как показывает опыт наших эмпирических исследований, со стороны, прежде всего региональной власти, и последующее самовыстраивание и самодооформление структуры в соответствии с ее внутренними потенциалами, в направлении к одному из аттракторов — базисных макросоциальных состояний — высокому уровню инновационного, прежде всего технологического развития региона, отрасли, страны.

Список источников

1. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 94—108.
2. Touraine A. Face à l'exclusion // Esprit. 1991. № 141.
3. Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» (online): <http://www.nof.org.uk>.
4. Le management de la diversité. Enjeux, fondements et pratiques. Harmattan. 2012.
5. Annie Corne, Philippe Warland. GRH et la gestion de la diversité. DUNOD. Paris, 2008.

Н. Н. Швайба**СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК
ЖЕНЩИН РОССИИ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РМЭЗ)***ШВАЙБА Наталья — студент I курса магистратуры НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; nshvaiba@mail.ru*

Воспроизводство населения является одним из важных факторов жизнеспособности любого государства и его будущего экономического развития. Одним из механизмов воспроизведения населения является рождаемость. Именно потому регулярное изучение намерений населения в отношении рождения детей имеет актуальность в качестве уточнения среднесрочных прогнозов показателя рождаемости. Мы провели исследование на основе данных Российского мониторинга экономического положения населения НИУ ВШЭ. Цель исследования — анализ принятия решений индивидов о рождении ребенка и ожидаемом числе детей в качестве формы экономического поведения семей, а также выявление факторов, которые влияют на эти решения.

В теоретическом анализе отдельно стоит сказать о работе А. О. Тындик «Репродуктивные установки и их реализация в современной России»¹. Исследование посвящено анализу взаимосвязи между различными элементами репродуктивного поведения, а также возможности расхождения между желаемым и фактическим числом детей по социальным группам населения. По итогам работы, автор обнаружила самый большой разрыв среди мужчин и женщин с высшим образованием, что говорит о наибольшем потенциале рождаемости для конкретной группы. Тындик считает, что данный потенциал можно реализовать «при условии проведения мер семейной политики в отношении баланса семьи и родительства, наиболее востребованной именно этой группой». Это выступало одной из ключевых гипотез работы.

Был проведен анализ данных РМЭЗ за 2006—2016 год², проанализированы вопросы, касающиеся репродуктивных установок и возможных факторов, на них влияющих. Индикаторами репродуктивных установок выступали вопросы о желаемом и фактическом количестве детей. Работа построена на сравнении этих двух показателей. В среднем, современная российская женщина хочет 1,97 ребенка за всю

¹ Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). Данные в формате SPSS // URL: <https://www.hse.ru/flms/spss> (дата обращения 18.12.2016).

жизнь. Фактическое количество детей в выборке, где учитывались женщины от 18 до 50—1,59 ребенка. Это не открытие, фактическое будет всегда меньше желаемого, во-первых потому, что многие женщины из-за календаря рождений еще не успели родить, во-вторых, желаемое в принципе всегда больше фактического, так как фактическое количество детей ограничивает больше факторов.

С помощью экономических методов анализа, были выявлены факторы, которые влияют на тот и другой показатель. Проверялся одинаковый набор факторов. На желаемое количество детей велико влияние возраста, это не удивительно, так же из-за календаря рождений. Но влияние возраста является не линейным (с повышением возраста увеличивается количество детей), а степенным. Уравнение нелинейной регрессии выглядит вот так:

$$A = 1,55 + B^{0,07} + \varepsilon,$$

где A — желаемое количество детей,
а B — переменная возраста.

Данная нелинейная модель объясняет 86 % вариации признака. Мы рассчитали эластичность, и получается, что при изменении возраста на 1 %, желаемое количество детей увеличивается на 0,07 %. На фактическое количество детей возраст влияет линейно.

Был проведен логит- и пробит-анализ не количественных переменных, было выявлено, что на желаемое количество детей более всего влияет основное занятие — при изменении статуса женщины на «работает», вероятность желаяния детей увеличивается на 0,1. Так же значимыми факторами являются — брак, возраст, частота употребления алкоголя. Но остановим внимание на двух влияемых переменных — тип населенного пункта — при смене места жительства женщины на областной центр, город, вероятность желаяния детей увеличивается на 0,07. Скорее всего, это можно объяснить тем, что в городе лучше условия для воспитания детей. Образование — влияние образования было одной из главных гипотез работы, мы видим, что при получении высшего образования, вероятность желаяния детей увеличивается на 0,09.

При анализе фактического количества детей, получилась совсем иная картина: влияние типа населенного пункта отрицательно, то есть при смене села на город, вероятность того, что женщина имеет детей уменьшается, получается, что в селе больше женщин имеют детей, и, следовательно, меньше женщин хотят еще детей, в городе же иначе. Это можно попытаться объяснить темпом городской жизни, то есть условия лучше, чем в селе, но женщина дольше откладывает рождение. Коэффициент влияния образования так же с отрицательным знаком, то есть у женщин со средним образованием и ниже вероятность наличия детей больше

на 0,06. Опять же, возможно, что женщины, получая образование, откладывают рождение на потом, в то время как их сверстницы со средним образованием его уже получили и родили. Как писала Тындик, очень часто женщины с высшим образованием не успевают выполнить свой репродуктивный план до конца.

Таблица 1. *Logit-модель для желаемого количества детей, данные РМЭЗ, (n = 8970)*

Индикатор	Характеристики индикатора	Хар-ка коэф-фициентов	Хар-ка mfx (пред.эфф)
Семейное положение	1-Состоите в зарегистрированном браке, Живет вместе, состоит в браке 0-никогда не состояла в браке, разведена, вдова	0,63 значим (0,05)	0,06 (0,03)
Тип населенного пункта	1-Областной центр, город 0-Село, ПГТ	0,37 значим (0,12)	0,07 (0,02)
Удовлетворенность жизнью	1-Полностью и скорее удовлетворен 0-И да, и нет, не очень удовлетворен, совсем не удовлетворен	0,17 не значим (0,1)	0,04 (0,02)
Возраст	Числовая	-0,16 значим (0,007)	-0,04 (0,001)
Основное занятие	1-Работает 0-Не работает	0,49 значим (0,11)	0,1 (0,02)
Образование	1-Высшее 0-Среднее и ниже	0,41 значим (0,12)	0,09 (0,03)
Религия	1-Христианство 0-Другие религии	-0,35 не значим (0,23)	-0,07 (0,05)
Возможность оплачивать дополнительные занятия детей	1-Да 0-Нет	0,13 не значим (0,1)	0,02 (0,02)
Частота употребления алкоголя	1-Раз в неделю и чаще 0-Реже раза в неделю	0,25 значим (0,3)	0,05 (0,02)

Если сравнить влияющие на фактическое количество детей факторы, то мы увидим, что за 10 лет влияние возраста уменьшилось, раньше корреляция с возрастом была выше, то есть алгоритм — чем больше возраст, тем больше детей — был вероятнее. Так же корреляция с удовлетворенностью жизни изменила знак — в 2006 чем больше детей, тем больше удовлетворенность женщины жизнью. Сейчас наоборот, женщины с большим количеством детей жизнью удовлетворены менее.

Таблица 2. Корреляция переменной — фактическое количество детей с различными показателями, за 2006 и 2014 год

Показатель	Кендалл		Спиремен	
	2006	2014	2006	2014
Тип Населенного пункта	0,177	0,141	0,196	0,157
Законченное образование	-0,081	-0,082	-0,090	-0,092
Количество полных лет	0,315	0,157	0,390	0,195
Деньги за последние 30 дней по основному месту работы	-0,065	-0,76	-0,081	-0,095
Удовлетворенность жизнью	0,069	-0,11	0,078	-0,012
Частота употребления алкогольных напитков	0,87	0,009	0,096	0,010

Рассмотренная нами разница во влияющих факторах определяет разницу и в количестве в фактическом и желаемом количестве детей. Для всех интервалов разница около одного ребенка. Но в последнем возрастном интервале самая большая разница — 1,3. То есть к концу репродуктивного возраста, возможно, женщины понимают, что их желания не оправдались.

Таблица 3. Распределение женщин по фактическому и желаемому числу рождений, по возрастам

Возраст	Фактическое количество детей	Желаемое количество детей	Разница
16—20	1,04	1,85	-0,81
21—25	1,07	2,06	-0,99
26—30	1,09	1,96	-0,87
31—35	1,22	2,09	-0,87
36—40	1,33	2,09	-0,76
41—45	1,37	2,26	-0,89
46—50	2,00	3,30	-1,30

Мы увидели, что фактическое число детей более определяется материальными переменными, например заработной платой. Желаемое же количество детей в большей мере коррелирует с удовлетворенностью жизнью и образованием респондентов. Причем, с удовлетворенностью жизнью растут желания респондентов в количестве детей. С образованием сложнее, чем выше уровень образования, тем респонденты больше хотели детей, но в то же время, эта категория женщин самая малоро-

жающая. При сравнении количества желаемых и фактических детей, мы обнаружили, что в среднем разница между этими двумя параметрами — 1 ребенок. У женщин с высшим образованием эта разница 1,5 ребенка. Даже к концу репродуктивного возраста эта цифра не уменьшается. То есть, женщины с высшим образованием более всех остальных женщин не выполняют свой репродуктивный план.

Список источников

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). Данные в формате SPSS. URL: <https://www.hse.ru/rims/spss> (дата обращения 18.12.2016).
2. Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3.

А. В. Шастало

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ БРАКИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

ШАСТАЛО Анна Владимировна — студент магистратуры Московского государственного университета им. Ломоносова, факультет: ВШССН, г. Москва, Россия; an2nshastalo@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с трансформацией института семьи и брака в условиях модернизации российского общества. В теоретико-методологическом плане анализируется кризис семьи, его причины, новые типы семьи, обозначаются перспективы развития брачно-семейных отношений. Проведен анализ незарегистрированных браков в современной России. Показаны причины распространения незарегистрированных браков и социальные последствия, которые влекут за собой незарегистрированные браки.

Ключевые слова: институт семьи, кризис семьи, семейные ценности, брачно-семейные отношения, незарегистрированные браки

Брачно-семейные отношения сохраняют свою значимость на протяжении всей истории человечества, так как они являются частью общественных взаимодействий. Семья выступает важнейшей ячейкой общества.

Однако на протяжении последних 10 лет в литературе активно употребляется понятие «кризис семьи». Подобные процессы происходят и в современной семье России, которая в настоящее время характеризуется крайней нестабильностью. Изменения в российской семье фиксируются различными показателями демографической статистики. Это в первую очередь, снижение показателей рождаемости, в период с января по сентябрь 2016 года появилось на свет 1275,5 тыс. детей, что на 1,9 тыс. человек меньше, по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. [4]. Вторая негативная тенденция — увеличение частоты разводов и снижение уровня брачности, в первом полугодии 2016 года число зарегистрированных браков снизилось на 12%, а число разводов увеличилось на 2% по сравнению с тем же периодом 2015 года. Противоположная ситуация происходит с разводами, в 2016 году за январь-сентябрь разводов зафиксировано 402,4 тысяч, а в 2015 году за этот же период 393,1 тыс. [4].

Одной из причин создания такого положения является возрастание количества незарегистрированных браков. Число супружеских пар составило 33 миллиона по переписи 2010 году (в 2002 г. — 34 млн.). Из общего

числа супружеских пар 4,4 млн. (13 %) состояли в незарегистрированном браке (в 2002 г. — 3,3 миллиона, или 9,7 %). [2].

Незарегистрированный брак представляет собой семейную жизнь мужчины и женщины официально не зарегистрированную в соответствующих государственных органах. Сам термин «незарегистрированный брак» употребляется только в итоговых отчетах переписей населения страны с 2002 года. В юридической среде используется термин «сожитительство».

Причинами распространения незарегистрированных браков являются особенности окружающего мира. Глобальная взаимосвязь мирового человеческого сообщества во многом изменила ценностные установки и модели поведения человека в обществе. Суть изменений заключается в толерантности и восприимчивости индивида к новым ценностям и моделям поведения. Центр тяжести социального контроля сместился с институционально-коллективного уровня на индивидуальный. Это находит свое выражение в снижении контроля государства над личностью и дает свободу индивидуального выбора индивида практически во всех сферах жизнедеятельности и, особенно, в личной жизни. Интимные отношения уходят из-под морального контроля общества и основываются на личном удовольствии и удовлетворении. Происходит раннее психофизиологическое развитие молодежи под воздействием окружающей среды (ослабление сексуального контроля над подростками в современных семьях и отсутствие ограничений на сексуальные темы в современных СМИ).

К росту незарегистрированных браков ведут негативные явления, происходящие с зарегистрированными браками. Выше были приведены факты сокращения числа зарегистрированных браков в 2016 году, а также факты роста разводов. По статистике, в России за 2016 год на 1200 млн зарегистрированных браков приходится 660 тыс. разводов молодых семей. [1] Главными причинами разводов являются: наркомания и алкоголизм — 51 % опрошенных, квартирный вопрос — 51 % опрошенных, бедность — 29 % опрошенных, что свидетельствует о несовершенности государственной семейной политики. [3].

Современная семейная политика в России признает только официальные зарегистрированные браки и в качестве объекта своего воздействия выделяет семьи, созданные в результате подобных союзов. Незарегистрированные браки как бы выпадают из поля зрения официальной семейной политики. Государство предоставляет полную свободу индивидам в определении путей создания семейного очага, и практически не осуществляет никакого контроля над их существованием. Исключением являются следующие моменты, что с 2002 года в ходе всесоюзных переписей населения страны стали учитывать количество незарегистрированных браков, также относительно официальной реги-

страции детей, родившихся в семьях, образованных в результате незарегистрированных браков. Статья 53 Семейного Кодекса Российской Федерации, преследуя интересы несовершеннолетних, устанавливает принцип равенства прав детей, рожденных в браке и вне брака.

Исходя из того, что незарегистрированные и зарегистрированные браки имеют много общих черт и характеристик, анализ выполнения ими основных семейных функций показывает, что незарегистрированные браки не в полной мере выполняют эти функции, и, что сегодня для определения таких отношений и разграничения их с официальными браками необходима выработка комплекса критериев.

Автором был выработан блок критериев, разграничивающих незарегистрированные и официальные зарегистрированные браки. В основе критериев заложены свободное принятие партнерами обязанностей и ответственности в созданном незарегистрированном союзе.

Блок критериев включает в себя:

I. психологические:

- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке социальной роли: муж/жена.
- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке реально существующей или гипотетической социальной роли: отец/мать;

II. экономические:

- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке, обязанности по стабильному экономическому обеспечению себя, своего партнера и имеющих (если таковые имеются) детей;
- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке, обязанности по хозяйственно-бытовому обеспечению себя, своего партнера и имеющих (если таковые имеются) детей;

III. социальные:

- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке, ответственности за поведение свое, своего партнера и имеющих (если таковые имеются) детей в обществе;
- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке, ответственности за совместное проведение досуга, со своим партнером и имеющимся (если таковые имеются) детьми в обществе;
- принятие людьми, живущими в незарегистрированном браке, ответственности за обеспечение партнеру и детям (если таковые имеются) потребностей в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите;
- восприятие социумом как супругов людей, живущих в незарегистрированном браке.

Незарегистрированные браки входят в противоречие с законными браками в вопросе следования человеческим ценностям. Основная ценность, которую хотят получить партнеры в незарегистрированном браке — «личная свобода», «свобода от детей», что противоречит основным семейным ценностям — воспроизводству и воспитанию будущего поколения. Приведенные положения дают основания для утверждения, что институт незарегистрированных браков является социальной проблемой для современного российского общества. Незарегистрированные браки практически находятся вне компетенции государства. На них не распространяется ряд прав, характерных для зарегистрированных союзов. Это пенсионные выплаты по утере кормильца, наследственные, материальные и жилищные вопросы, вопросы установления отцовства.

К числу социальных последствий незарегистрированных браков следует отнести снижение воспроизводства населения страны. Подобные союзы не выполняют характерные для семьи основные функции: репродуктивная, экзистенциальная, что находит негативное отражение в обществе. Особо в числе последствий незарегистрированных браков следует выделить положение детей. Отдельную проблему создают незарегистрированные браки матерей-одиночек и достаточно высокая вероятность возникновения ситуации, именуемой «крутящаяся дверь» («revolving door»), когда один партнер сменяет другого. В результате ребенок оказывается без должного присмотра, воспитания. Негативным фактом служит то, что ребенок в принципе не видит примера счастливой семейной жизни, что может в будущем привести к отрицанию семейных ценностей как таковых.

Вышеизложенные явления, связанные с незарегистрированными браками, являются трансформацией существующей модели семьи. В России, всегда имевшей многоукладную семью, растет число семей с одним-двумя детьми, растет количество семей-одиночек, а также возникает множество альтернативных брачно-семейных союзов, в том числе и незарегистрированных браков.

Для решения этой проблемы необходимо совершенствование семейной политики государства. Просматриваются четыре направления: создание условий для стабильного полноценного функционирования семьи; обеспечение условий воспитания и социализации детей; подготовка молодежи к семейной жизни; продвижение положительного образа зарегистрированного брака в СМИ.

Список источников

1. Все о разводах [Электронный ресурс]. URL: <http://orazvodah.ru/razvod-v-raznyih-stranah/statistika.html>.

2. Всероссийская перепись населения 2010. М. : Изд-во Демоскоп Weekly. 2011. Выпуск № 491—492. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>.
3. Причины разводов в России URL: <http://bbcont.ru/psychologies/prichiny-razvodov-v-rossii-statistika.html>.
4. Численность населения. ФСГС. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood.

А. В. Половнёв

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

ПОЛОВНЁВ Андрей Викторович — кандидат социологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; polovnev_av@mail.ru

Аннотация. В публикации представлена динамика ожидаемой продолжительности жизни населения в России. С использованием регрессионной модели оценивается влияние уровня потребления алкоголя на ожидаемую продолжительность жизни мужчин и выявляется потенциал увеличения продолжительности жизни за счет дальнейшего сокращения в стране уровня потребления водки и ликероводочных изделий.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, алкоголь, потребление алкоголя, гендерные различия, регрессионная модель

Демографическая ситуация в России в последнее десятилетие улучшалась, в результате чего численность россиян увеличивается уже восемь лет подряд. Однако основным источником роста остается миграционный прирост, т. к. в большинстве субъектов РФ наблюдается естественная убыль. В 2016 г. в 55 российских регионах количество умерших еще превышало абсолютное число родившихся, что свидетельствует о том, что проблемы низкой рождаемости и высокой смертности решены еще далеко не во всех субъектах РФ.

Важнейшей интегральной характеристикой смертности, измеряющей уровень преждевременной смертности и позволяющей судить о тенденциях смертности во времени и пространстве является ожидаемая продолжительность жизни [1, С. 615]. В 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла в России чуть более 69 лет (табл. 1).

В течение девяностых и начале двухтысячных годов значения ожидаемой продолжительности жизни в России колебались, но преимущественно уменьшались, сократившись к 2000 г. до 64,3 лет. С 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни в России стала непрерывно возрастать. Наиболее интенсивно она увеличивалась в период с 2005 по 2010 гг., когда общий прирост продолжительности жизни при рождении составил 3,5 года. В 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни впервые превысила характерное для 1990 г. значение, однако темп прироста продолжительности жизни в последние годы стал замедляться, увеличившись с 2010 по 2015 гг. на 2,4 года [2,3,4].

Таблица 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в России с 1990 по 2015 гг., лет

	Мужчин и женщин	Мужчин	Женщин	Отставание мужчин
1990	69,19	63,73	74,30	10,6
1995	64,52	58,12	71,59	13,5
2000	65,34	59,03	72,26	13,2
2005	65,37	58,92	72,47	13,6
2010	68,94	63,09	74,88	11,8
2015	71,39	65,92	76,71	10,8

Источники: Данные Росстата.

Несмотря на положительную динамику ожидаемой продолжительности жизни Россия по данному показателю существенно отстает от большинства развитых стран. В 2010 г. отставание России от ЕС-15 составляло среди женщин 9,1 года, от США — 6,3 года, а от Японии — 11,4 лет [5]. Отставание мужчин в продолжительности жизни еще более заметное. В 2014 г. мужчины в России жили в среднем на 11 лет меньше, чем в США, почти на 13 лет меньше, чем во Франции и на 14 лет меньше, чем в Японии [2, С. 207].

Основной причиной относительно низкой продолжительности жизни российского населения является высокая смертность граждан трудоспособного возраста. Из общего числа умерших около четверти составляют граждане трудоспособного возраста, причем подавляющая часть из них мужчины (около 80%). Разница в уровне смертности мужчин и женщин в трудоспособном возрасте в последние годы стала сокращаться, но еще остается достаточно высокой. В 2014 г. коэффициент смертности в трудоспособном возрасте у мужчин был больше, чем у женщин почти в 3,5 раза (8,7‰ у мужчин и 2,4‰ у женщин). Перевес мужской смертности в трудоспособном возрасте отражается на разнице продолжительности жизни между полами. В 2015 г. мужчины жили почти на 11 лет меньше женщин, а двадцать лет назад разница составляла еще больше — 13,5 лет (табл. 1).

Одним из источников существенных различий в ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин и женщин являются гендерные особенности в частоте, объеме и модели потребления алкоголя. Мужчины в России чаще употребляют алкоголь и чаще предпочитают крепкие напитки. По данным выборочного наблюдения Росстата в течение года различные алкогольные напитки выпивает около 78% мужчин и 63% женщин, из них крепкие алкогольные напитки в течение месяца употребляет 75% мужчин и 45% женщин [10]. Среди тех, кто потребляет

алкоголь по несколько раз в неделю около 85 % мужчин и 15 % женщин [7]. По данным 24 волны исследовательского проекта RLMS-HSE в 2015 г. среди употребляющих алкоголь мужчин каждый второй (54 %) выпивал не реже одного раза в неделю, тогда как среди женщин таковых 26 % [6].

Гендерные различия в употреблении алкоголя по-разному отражаются на смертности среди мужчин и женщин. Линейная взаимосвязь смертности с уровнем потребления алкоголя позволила Немцову А. В. и Терехину А. Т. оценить алкогольные потери населения. Для периода 1980—2001 гг. в среднем они составили 426 тыс. человек в год: 272,1 тыс. мужчин и 153,9 тыс. женщин [9] или 29,6 % смертности у мужчин и 17 % у женщин [1, С.603].

Одним из доступных показателей уровня потребления алкоголя, хотя и не отражающим в полной мере всего объема, являются данные Росстата по розничной продаже алкогольных напитков по годам, регионам РФ и видам алкогольных изделий. Согласно официальным данным наиболее популярной группой алкогольных напитков среди россиян, не считая пива и пивных напитков, является водка и ликероводочные изделия [8]. Корреляционный анализ позволил выявить, что именно данная группа алкогольных напитков теснее всего связана с ожидаемой продолжительностью жизни в России. Коэффициент корреляции Пирсона между показателями ожидаемой продолжительности жизни и объемом реализации водки и ликероводочных изделий с 1998 по 2015 гг. ($-0,94$, $p=0,01$) свидетельствует о том, что сокращение продажи данной группы алкогольных напитков устойчиво сопровождалось в данный период линейным увеличением ожидаемой продолжительности жизни.

Регрессионный анализ¹ региональных значений ожидаемой продолжительности жизни и объемов реализации водки и ликероводочных изделий в 2015 г. показал, что дальнейшее сокращение уровня потребления данной группы алкогольных напитков способно в будущем позитивно отразиться на продолжительности жизни населения России, особенно среди мужчин. Анализ показателей качества регрессионной модели позволил установить, что в 2015 г. от 36 % до 46 % региональных изменений в ожидаемой продолжительности жизни мужчин объясняется влиянием официально реализуемого, а значит и потребляемого, объема водки и ликероводочных изделий (табл. 2). Коэффициенты регрессии показывают, что в 2015 году в регионах, с уровнем реализации алкоголя ниже 20 литров на душу населения, увеличение уровня потребления водки и лике-

¹ Регрессионные модели для улучшения качества были построены отдельно для двух групп регионов РФ, отличающихся общим уровнем потребления алкоголя (ниже 20 и выше 20 литров на душу населения). Для исключения выбросов, противоречащих общей тенденции, из данных были удалены г. Москва и Республика Тыва.

роводочных изделий на 1 литр сокращало ожидаемую продолжительность жизни мужчин на 0,63 года (7,5 месяцев). В регионах с уровнем продажи алкоголя более 20 литров на душу населения, сокращение ожидаемой продолжительности жизни мужчин составляло 0,69 года (8,2 месяца).

Таблица 2. Коэффициенты регрессионных моделей изменения ожидаемой продолжительности жизни мужчин от изменения объема продажи водки и ликероводочных изделий в регионах РФ в 2015 г.

Общий уровень потребления алкоголя в регионах	Модель	Нестандартизованные коэффициенты		T	Значимость	R	R-квадрат	
		B	Стандартная ошибка					
Ниже 20 литров на душу населения	1	(Константа)	68,783	0,631	109,003	0,000	0,60	0,36
		Продажа водки и ликероводочных изделий в 2015 г	-0,634	0,103	-6,141	0,000		
Выше 20 литров на душу населения	2	(Константа)	71,907	2,488	28,906	0,000	0,68	0,46
			Продажа водки и ликероводочных изделий в 2015 г	-0,686	0,224	-3,058		

Регрессионные коэффициенты показывают, что при нулевом уровне потребления водки и ликероводочных изделий ожидаемую продолжительность жизни мужчин можно увеличить до 68,8—71,9 лет, т. е. на 3—5 лет больше, чем текущие показатели. Поэтому потенциал повышения продолжительности жизни в России за счет сокращения потребления алкоголя в современных условиях вряд ли можно считать исчерпанным.

Статистика розничной продажи алкоголя свидетельствует, что сохранение тенденции ежегодного снижения уровня продажи алкоголя, и прежде всего крепких алкогольных напитков, вполне посильная задача. Уровень продажи водки и ликероводочных изделий в России с 2004 г. непрерывно снижался (с 14,6 л. на душу населения до 6,6 л. в 2015 г.). Только за 2015 г. объем розничной продажи водки и ликероводочных изделий сократился на 1,1 литра на душу населения или 14,3% [8]. Сокращение объемов продажи водки зафиксировано в 2015 году в 74 субъектах РФ, причем в 21 регионе сокращение составило более 1 литра на душу населения. Для продолжения существующей тенденции должны разрабатываться и внедряться новые меры, ограничивающие продажу алкоголя и снижающие не только его доступность, но и интерес населения к потреблению алкоголя.

Список источников

1. Демографическая энциклопедия. / редкол.: Ткаченко А. А., Аношкин А. В., М. Б. Денисенко и др. М. : ООО Издательство «Энциклопедия», 2013.
2. Население России 2014 (Текст): двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом. Высшей школы экономики», 2016.
3. Демографический ежегодник России. 2015 : Стат. сб. / Росстат. М., 2015.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : Стат. сб. / Росстат. М., 2016.
5. Как преодолеть отставание России по продолжительности жизни? // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3.
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.
7. Женщины и мужчины России 2016. Статистический сборник / Росстат. М., 2016.
8. Продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения. Данные ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31432>.
9. Немцов А. В. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. Т. 2. № 4. 2015.
10. База микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Sdp2013.Bfs.Publisher/index.html.

А. М. Волошенюк

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

ВОЛОШЕНЮК Антон Максимович — студент-магистрант I курса социологического факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия; voloshenukanton@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ современной демографической ситуации в России. Демографический кризис является наиболее «алармистской» угрозой для нашей страны, нашего народа, равно как и для нашей культуры. Ключевая «головоломка» заключается в том, как нам выбраться из него. Способно ли государство подать нам руку помощи, помочь решить эту проблему? Какова роль общества в этом вопросе, обладает ли оно волей к жизни? В чём же искать основные причины нынешнего демографического кризиса, чтобы нам удалось «прикрыть Ахиллесову пяту России»? С помощью каких средств можно преодолеть демографический кризис в нашей стране? Это очень важные вопросы, требующие незамедлительного ответа. В работе рассматриваются особенности современной семейной политики России и даётся перечень наиболее важных аспектов семейной политики в нашей стране. Прделана попытка продемонстрировать один из возможных инструментов трансляции ценностей семьи в современном обществе — позитивную социальную рекламу семьи, которую можно использовать во благо демографического развития России.

Ключевые слова: демография, демографический кризис, Россия, редукция численности населения, семейно-демографическая политика, семья, трансляция ценностей семьи

Говоря о народоописании, о роли семьи в обществе, вспоминаются такие многоуважаемые древние философы, как Конфуций, согласно которому семья — сердцевина общества [1], и Аристотель, благодаря которому впервые было введено в оборот прекрасное выражение «семья как ячейка государства», суть которого состоит в том, что семья — кирпичик, при разрушении которого любое государство просто канет в лету [2].

Если сконцентрироваться именно на нашей стране, то можно упомянуть нашего соотечественника и чрезвычайно гениального мыслителя, М. В. Ломоносова, который написал в своём письме к Шувалову «О размножении и сохранении российского народа» [3].

На сегодняшний день окончательно выкристаллизовывается задача умножения народа, которая, очевидно, должна быть первостепенной

для нашей страны. Мы должны осознавать, что будущее нашего народа непосредственно сопряжено с его способностью к размножению. Ежели демографию не поставить на первое место среди всех вопросов и не пытаться принять меры по его решению, то через непродолжительное время все остальные вопросы станут бессмысленными.

Демографический кризис является наиболее «алармистской» угрозой для нашей страны, нашего народа, равно как и для нашей культуры. Ключевая «головоломка» заключается в том, как нам выбраться из него. Способно ли государство подать нам руку помощи, помочь решить эту проблему? Какова роль общества в этом вопросе, обладает ли оно волей к жизни? Это очень важные вопросы, требующие незамедлительного ответа.

Безусловным является тот факт, что решить демографическую проблему невозможно без отчётливого политического участия власти, выражающегося в общесистемном противоборстве процессам, связанным с редукцией численности населения, а также, не имея в наличии яркой позиции общественно-политических сил, способных отразить дух народа, его желание существовать. Вместе с тем, нельзя оставлять без внимания ту роль, которую играют благосклонные общественные воззрения, гражданское «уразумение» и чувство собственного достоинства, так как, не принимая данные обстоятельства в расчёт, «посевы» нашей демографической политики не смогут «дать всходов», что в очередной раз подтверждает ту простую истину, согласно которой сами люди должны уложить в своём сознании «первородство» социально-демографической политики. Мы должны усвоить, что государство просто физически не сможет решить эту проблему в одиночку, хоть оно и осознаёт глубину этого вопроса, и только лишь тесные совместные «эффорты» государства и общества могут стать залогом к успеху в нашей операции по «аннулированию» этой серьёзной проблемы, подобной «ножу, вонзающемуся в спину нашему народу, с каждым днём проникающему всё глубже и глубже». Осознав это, мы будем в силах укрепить институт семьи, что означает, наконец решить демографическую проблему.

Ясно как день, что сверхважными вопросами нашего «жития-бытия» до сих пор были темпы экономического роста, уровень инфляции, цены на нефть и курс доллара, в то время как, демографические проблемы оставались на периферии общественного внимания [5]. Однако, последствия демографического провала проявятся уже довольно скоро, то бишь на протяжении жизни нынешнего поколения, при всём при этом, «крен лавинного сокращения» населения не просто станет настоящей катастрофической социальной драмой, но и грозит стать необратимым. Мы просто обязаны «держаться в нашем сознании», что у нас нет никакого

исторического и морального права откладывать эссенциальные решения, касаемо сферы демографии «в долгий ящик».

В чём же искать основные причины нынешнего демографического кризиса, чтобы нам удалось «прикрыть Ахиллесову пяту России»? С помощью каких средств можно преодолеть демографический кризис в нашей стране?

Что сегодня действительно является человеческой трагедией, так это эгоизм, в своих самых ничтожных проявлениях. На мой взгляд, институт семьи в нашей стране находится под угрозой именно из-за воинствующего индивидуализма, одномерности и гедонизма, иными словами из-за стремления жить «в свое удовольствие». А ведь жизненные установки людей определяют суть онтологии народа. Нельзя допустить краха института традиционной семьи из-за натиска своеобразного, своевольного внесемейного образа жизни, всякого рода нетрадиционных семей, наркомании, алкоголизма, проституции и порнобизнеса. Нужно всеми силами постараться избавиться от модели современного общества, построенной на «ячности», и прививать людям общественные ценности.

Но, как мне кажется, проблема состоит в том, что у молодых людей уже сформировалась в головах определённая, в некотором роде сродни «мальтузианской», норма: оставаться бездетными либо заводить всего одного ребёнка (максимум двоих детей, что является скорее исключением из правил), они просто в теории даже не могут приставить себе как это иметь многодетную семью, что уж тут говорить о практическом аспекте. «Затухает» надобность в нескольких детях, малодетность становится нормой, появляются сообщества, популяризирующие самовольный «чайлдфри». Молодёжь сплошь и рядом предумышленно откладывает рождение ребёнка, тем самым высвобождая время для иных задач таких, как получение образования, карьерный рост, эксперименты с имиджем и лайфстайлом.

Адам Смит, например, в своё время выдвинул весьма спорное, но весьма интересное суждение, что экономически благоприятное состояние граждан обратно коррелирует с деторождаемостью. Само собой разумеется, я не говорю о том, что дети не стоят денег и не следует помогать материально семьям с детьми и улучшать их условия жизни. Тем не менее, становится всё более очевидным, что справиться с демографическим кризисом только экономическими средствами, не принимая в расчёт духовную составляющую, не представляется возможным. А связано это в первую очередь с тем, что ведь главные причины демографического кризиса состоят не в деньгах, а в моральных ценностях людей, в их душах.

Семью просто необходимо возрождать, сохранять и защищать. Тот, кто считает, что в нынешние дни российская семья всего лишь стара-

ется «вылавировать» из «дремучей пучины» условностей, заблуждений и «анахронизма минувших дней», сильно заблуждается. Многочисленные аккумулированные данные дают полное право свидетельствовать о том, что в смысле жизненного благополучия, люди, находящиеся в браке, значительно «обгоняют» одиночек.

Что касается краеугольной особенности современной семейной политики России, то здесь бесспорно следует отметить «эктазию» репродукции населения посредством повышения рождаемости, направленное на увеличение многодетных семей и специальную их поддержку со стороны государства и общества. Нашей стране присуще стремление ко всевозможной поддержке воспроизводства семейного образа жизни, содействию институту семьи в нынешних, далеко не простых условиях ее существования. Наиболее важными аспектами семейной политики в нашей стране являются следующие: инсталляция традиционных семейных ценностей и семейного жизненного уклада, восстановление и хранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, проработка кондиций с целью гарантировать семейное благополучие, формирование ответственного родительства, ревалоризация авторитета родителей в семье и обществе, поддержание социальной стабильности каждой семьи и обеспечение условий для выполнения семьей ее основных функций [4].

Всё это хорошо, но, помимо этого, было бы неплохо попытаться более тщательно использовать информационно-рекламные возможности с целью транслировать ценности семьи, формируя у людей положительное мнение о ней как о здоровье и счастье каждого человека, что совершенно точно будет являться благом для демографического развития России.

От благополучия каждой отдельной семьи зависит благоденствие всего общества, наше будущее. Закон жизни, который надо соблюдать, уважать и поддерживать, состоит в том, что счастливые люди формируют благополучное общество, а счастливые дети становятся в будущем любящими родителями.

Список источников

1. Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. П. Попова. СПб. : Издательская группа «Лениздат» : «Команда А», 2014.
2. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. М. : Издательство АСТ, 2016.
3. Ломоносов М. В. О сохранении и размножении российского народа. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-381-.htm>.
4. Петров А. В. / Демографические изменения и семейная политика в России и Китае/ XIII российско-китайская социологическая конференция. 23—24 октября 2015 г., Санкт-Петербург.

5. Миронов С. М. Будущее семьи — будущее России. Выступление на конференции «Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизм осуществления». URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=394.

С. В. Королева**НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

КОРОЛЕВА Светлана Викторовна — кандидат социологических наук, г. Павловский Посад, Россия; rul1992@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу поведенческих особенностей нового поколения россиян. Тех, кто через несколько лет будет определять облик нашей страны. Если сегодня социальными акторами являются представители поколения эпохи развитого социализма — люди возраста, приближающегося к пенсионному и поколение эпохи крушения советского государства — люди среднего возраста, то поколение новой трансформирующейся России — молодежь — это ее будущее. В статье рассмотрены дифиниции понятия «поколение», выделены социализационное влияние информационных процессов, ориентаций в сфере потребления, ценностных и трудовых воззрений детей и подростков. Отражена роль экономических и технологических условий, в которых развивается новое поколение. Отмечено, что важными факторами, обуславливающими развитие детей и подростков, являются гиперопека, ориентация референтных групп на престижное потребление. Выделяются психологические качества и свойства нового поколения, в числе которых клиповость и стереотипность мышления, низкий уровень внутренних поведенческих барьеров.

Ключевые слова: поколение, дети, подростки, молодежь, гиперопека, престижное потребление

Процесс развития общества неизбежно связан со сменой поколений. И довольно часто более молодое поколение отличается своей качественной и ценностной структурой от предыдущего поколения.

Понятие «поколение» довольно многоаспектно. Лисовский В. Т. приводит следующие категории данного понятия [1].

1. Демографическое поколение, или когорта, означает совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно время и образующих возрастной слой населения.
2. Антропологическое поколение указывает на ступень происхождения от общего предка и дает представление о генеалогии семьи.
3. Историческое поколение — отрезок времени, равный интервалу между рождением родителей и рождением их детей. Статистически этот период равен приблизительно 20—25 годам.

4. Хронологическое поколение — период времени, в течение которого живет и активно действует данное поколение.
5. Символическое поколение означает общность современников, жизнь которых совпала с особым периодом истории, сделав именно их свидетелями и участниками событий, реформ, революций.

Сегодня в современном российском обществе поколенческие аспекты проявляются довольно ярко. Социальными акторами сейчас являются представители поколения эпохи развитого социализма — люди возраста, приближающегося к пенсионному; поколение эпохи крушения советского государства — люди среднего возраста; поколение новой трансформирующейся России — молодежь.

Каждое из этих поколений имеет собственные уникальные характеристики, ценностные ориентации, жизненные устремления, являющиеся основаниями для межпоколенческих взаимодействий.

С каждым годом снижается социальная роль поколения «дедов» и возрастает социальная роль поколения «внуков». И в скором времени процессы социального воспроизводства выведут на историческую сцену новое поколение — поколение людей, рожденных в эпоху посттрансформационного периода. Периода, когда не происходило кардинальных социально-политических перемен, экономических катаклизмов.

Новое поколение россиян, находящееся пока еще в детском возрасте, социализируются и развиваются в социальных, экономических, технологических условиях, существенно отличающихся от условий, в которых развивались их родители, и тем более родители их родителей.

Условия, в которые помещены современные дети, придают им определенные социальные и личностные качества, формируют устойчивые поведенческие паттерны, создают характерный ценностный набор.

И уже сейчас можно выделить некоторые характеристики, присущие современным детям и условия их определяющие.

Одним из условий, формирующих характеристики детей, является поведение их родителей, проявляющееся в гиперопеке.

Гиперопека — это чрезмерная забота о детях, которая выражается в стремлении родителей окружать ребёнка повышенным вниманием, желанием защищать даже при отсутствии реальной опасности, постоянно удерживать детей около себя, «привязывать» к своему настроению и чувствам [3].

Гиперопека современных детей родителями имеет сильный, пока не осознаваемый всеми участниками педагогического процесса побочный эффект. При гиперопеке ребёнок лишается возможности самостоятельно преодолевать трудности, и в результате теряет способность к мобилизации своей энергии в трудных ситуациях, всегда ждёт помощи

от взрослых, прежде всего от родителей. У ребёнка развивается так называемая выученная беспомощность — реакция на любое препятствие как на непреодолимое. Родители гиперопекаемых детей постоянно находятся на связи с ребенком, даже когда тот в школе, и телефонный звонок ребенка по любому поводу служит сигналом к проявлению активности родителей.

Ориентируясь на престижное потребление, родители часто выбирают для детей получение элитных, а иногда и экзотических навыков. Современные дети имеют возможность заниматься конным спортом, горными лыжами и дайвингом, функционируют школы экономики и предпринимательства, программирования, а альтернативой бальным, спортивным и эстрадным танцам являются модные ныне тверк и капоэйра.

Приобретая элитарные навыки, дети не имеют возможности получать практический опыт автономного поведения в быту. Современные дети не умеют убираться, стирать, готовить, а у родителей нет цели научить детей всему этому, так как эти навыки не вписываются в систему престижного потребления.

Мышлению современных детей свойственна «клиповость», стереотипность. Дети мыслят яркими образами и картинками.

У многих современных детей можно обнаружить проблему, связанную со способностью сосредотачиваться и концентрироваться.

Вопрос получения информации современными детьми решается иначе, нежели детьми предыдущих поколений. Дети, развивающиеся в настоящее время крайне мало читают, нет потребности и умения работать с книгой, чтение книги не ассоциируется с удовольствием.

Многим современным детям свойственна поведенческая модель, в которой отсутствуют внутренние ограничения на совершения каких-либо действий. В рамках этой модели реализуется принцип «В жизни надо все попробовать». Следует пояснить, что речь чаще всего идет о получении удовольствий.

Детям сегодня присуща высокая степень индивидуализации, где важны лишь собственные эмоциональные переживания. Эмоции окружающих часто игнорируются. При этом собственное эмоциональное состояние выносится на публичное обозрение. Это происходит посредством использования интернет-технологий, где в различных социальных сетях ребенок указывает свой «интернет-статус».

Присущие современным детям характеристики через довольно непродолжительное время потребуют их учета при осуществлении трудового процесса. Это произойдет, когда дети, повзрослев, выйдут на рынок труда. Но уже сегодня можно говорить о том, чем будущие работники отличаются от тех, кто сегодня занят в общественном производстве.

Как отмечает Королев И. В., сегодня воспроизводство трудового потенциала молодежи затрудняет ограниченное включение молодежи в производственную деятельность, получение молодыми работниками низких доходов и недостаточное удовлетворение их потребностей, нестабильность в экономике и социальных отношениях, которые сказываются на положении молодых работников, их месте в социальной структуре общества. Данные процессы снижают востребованность трудового потенциала молодого поколения таким сложным социально-экономическим явлением, как рынок труда [2].

Современные дети легко оспаривают принятые правила, отвергая аргумент, что правила обусловлены законами, технологиями, педагогическими методиками, и, наконец, проверены временем. У них нет авторитетов, заслуги человека дети тесно связывают с внешними показателями доходов. Дети хотят понимать, что делают и зачем, а узнавая, пытаются сократить этапы, чтобы быстрее получить результат: все и сразу, и как можно быстрее. Они крайне болезненно воспринимают критику, с легкостью бросают начатое дело после услышанного замечания.

Таким образом, можно сделать вывод, что новые экономические, социальные, технологические условия придают современным детям ряд качеств положительного характера. Благодаря им дети легко ориентируются в современной насыщенной информационной среде, быстро воспринимают новые технологии, приобретают новые знания, навыки и умения. Но старые образовательные и воспитательные технологии не дают того эффекта, который можно было получить с их помощью еще в недалеком прошлом.

Сегодня необходимы новые подходы к осуществлению взаимодействия субъектов и объектов социализации. И без понимания тех особенностей, которые присущи новому поколению россиян обеспечить это взаимодействие невозможно.

Список источников

1. Лисовский В. Т. Социология молодежи. URL: <http://robotlibrary.com/book/265-sociologiya-molodezhi-lisivskij-vt/42-Page42.html>.
2. Королев И. В. Трудовая активность современной российской молодежи: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / И. В. Королев. М., 2009.
3. Педагогический терминологический словарь. URL: http://pedagogical_dictionary.academic.ru/758/Гиперопека.

Л. С. Мурашова

РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

МУРАШОВА Любовь Сергеевна — студентка, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; lyuba.m.95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается значение высшего образования в реализации демографической политики в России. В статье исследуется взаимосвязь уровня образования с численностью населения. Автор статьи рассматривает влияние университетов на демографическую ситуацию и предлагает различные варианты увеличения рождаемости и повышения качества населения в России.

Ключевые слова: высшее образование, университет, численность населения, демографическая политика, уровень рождаемости

В современном мире увеличивается значение высшего образования как важнейшего фактора формирования устойчивого социального, духовного и, в целом, нового общества. Увеличивается влияние института образования и на многие другие социальные институты, такие как институт государства, институт рынка труда, институт религии, а также немало влияет и на институт семьи. Так, образование ускоряет культурный обмен и способствует созданию новой культуры, в том числе и в плане организации семейных отношений.

Может показаться абсурдным, но получается, что с большим распространением высшего образования (особенно среди женского населения) уровень рождаемости уменьшается. Именно с конца 90-х годов уровень рождаемости в России — один из самых низких в мире. В то же время наблюдается стремительный рост числа высших учебных заведений и студенческих контингентов: с 1991 г. по 2009 г. число вузов выросло более чем в 5,3 раза, численность студентов с 1995 г. по 2009 г. увеличилась в 2,3 раза. Только лишь за последние пару лет с 2010—2011 гг. по данным Росстата можно проследить рост численности населения и его естественный прирост в России. Интересно, что и в системе высшего образования произошли существенные изменения: за последние годы можно отметить сокращение численности, как высших учебных заведений, так и численности самих студентов [3]. Иными словами, получение высшего образования (часто и получение ученой степени) видится важнее, чем вступление в брак и рождение ребенка. Однако естественный

прирост населения отмечается, главным образом, в городской среде, где качество образования априори выше сельского.

Также было проведено исследование, проведенное лично автором в период с марта по апрель 2017 года в г. Иркутске, которое предполагало интервьюирование экспертов. В качестве экспертов были определены лица компетентные в вопросе образования. В опросе принимали участие эксперты от власти регионального уровня и высшего образования. Во время исследования было взято интервью у 12-ти экспертов. В начале нашего исследования было выяснено отношение респондентов к качеству образования. Было выявлено, что для абсолютного большинства экспертов качество высшего образования в той или иной степени ухудшилось (81,9% опрошенных экспертов).

Тем не менее, несмотря на некоторое понижение качества высшего образования, современная тенденция такова, что «женщины, получившие или получающие высшее образование, как правило, позже выходят замуж, имеют больше информации и доступа к планированию семьи, чаще и более эффективно используют современные способы контрацепции» [1] (например, по сравнению с развивающимися странами Африки). Таким образом, в России главное не качество передачи и получения знаний в университетах, а лишь его наличие. Так, как уже отмечалось выше, молодое население стремится все больше и больше повышать свой профессиональный уровень в надежде на более высокую должность и заработную плату. Кроме того, в последнее время становится популярным непрерывное образование, где вовсе не остаётся времени и желания заводить семью и детей.

Главным способом влияния университета на рождаемость является появление и распространение новых представлений о желаемой рождаемости и идеальном размере семьи. Поэтому роль образования в увеличении рождаемости оказывается одной из самых значимых, поскольку оно влияет на ценности, формирующие личность и определяет желаемое число детей в семье или их наличие. Ведь именно в период обучения в высшем учебном заведении молодые люди начинают всерьез задумываться о дальнейшей семейной жизни. К счастью, и в наше время некоторая часть студентов создают свои семьи уже в период студенчества.

Однако, «пропагандируемые в рамках учебной программы ценности и поведенческие паттерны, в том числе относящиеся к созданию семьи, ведению семейной жизни, распределению ролей в семье и т. д., типичны именно для западного среднего класса» [1]. Ведь главное на Западе — это не вырастить детей, а позаботиться о своей личной жизни. Карьера стала заменять семью, а женщина выполняет не свойственную ей роль: вместо вековых традиций, где женщина — мать и хранительница домашнего оча-

га, на Западе стал господствовать культ «бизнес-леди», которая работает и зарабатывает наравне с мужчиной, делает карьеру, курит, выпивает и т. д. Потребность в детях уходит на второй план.

Важно отметить такое исследование: в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 15—06—08543 осенью 2016 года студенткой ИГУ О. И. Родак под руководством Е. В. Гольцовой проводилось социологическое исследование на тему «Специфика репродуктивного поведения российской молодёжи в условиях современной социальной среды (на примере Иркутской области)». В данном исследовании принимали участие 500 человек в возрасте от 17 до 34 лет из них 250 мужчин (50,0%) и 250 женщин (50,0%). Исследование проводилось методом анкетирования. В рамках данного опроса респондентам был задан вопрос: «Если у Вас нет детей, до какого возраста Вы планируете родить первого ребёнка?». Если говорить о молодых людях, обучающихся в вузе или уже получивших высшее образование, то они больше ориентированы на позднее рождение ребенка, в отличие от респондентов лишь со средним образованием. На основании данного анализа мы можем заключить: чем выше образования у человека, тем он более ориентирован на позднее рождение, либо такие респонденты вообще не планируют детей (8,2%). Это может происходить из-за того, что человек, прежде чем обзавестись детьми, сначала должна получить высшее образование (по желанию продолжить обучение) и, возможно, продвинуться по карьерной лестнице, что не удивительно в современном мире (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если у Вас нет детей, до какого возраста Вы планируете родить первого ребёнка?», в зависимости от образования респондента, в %

№ п/п	Варианты ответов	Образование респондента									
		Среднее или среднее специальное		Неполное высшее		Высшее		Нет ответа		Всего	
		Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %	Кол-во чел.	Доля в %
1.	До 20 лет	0	0,0%	1	0,6%	0	0,0%	0	0,0%	1	0,3%
2.	До 25 лет	18	34,0%	63	38,9%	27	24,5%	0	0,0%	108	32,4%
3.	До 30 лет	25	47,2%	84	51,9%	60	54,5%	6	75,0%	175	52,6%
4.	От 30 лет и старше	7	13,2%	8	4,9%	14	12,7%	0	0,0%	29	8,7%
5.	Не планирую вообще	3	5,7%	5	3,1%	9	8,2%	2	25,0%	19	5,7%
Всего		53	100%	162	100%	110	100%	8	100%	333	100%

Получается для того, чтобы достичь высокого уровня рождаемости нужно уподобиться, например, странам Восточной Африки, где рождаемость близится к населению России и вовсе упразднить высшие учебные заведения? Однако именно наличие университетов может гарантировать качество населения, а не его количество. Таким образом, мы говорим о таком явлении как «переход количества в качество». Если это применить к репродуктивным установкам, то, несмотря на то, что в семьях предполагается рождение меньшего числа детей, подразумевается большее вложение в каждого ребенка в плане его воспитания, образования и, в целом, культурного просвещения. Так, родители, получившие высшее образование, имеют большую возможность получить интересную и высокооплачиваемую работу, и соответственно будут способны дать своему ребенку все необходимое для его роста и развития, что будет способствовать качественному приросту населения.

Но есть и другой способ достичь высокой и качественной рождаемости. Как отмечалось выше, высшее образование играет важнейшую роль в формировании мировоззрения взрослеющего поколения. На сегодняшний день при формировании ценностных ориентиров и взглядов на организацию своей личной жизни, семейные ценности не находят должного отражения в высших образовательных учреждениях, а следовательно, они не находят отражения и в сознании молодого поколения. Происходит разрушение нравственной семейной традиции, падение общего уровня культуры человеческих взаимоотношений, непонимание духовного смысла семьи, а также отрицание отцовства и материнства. Так, в качестве решения данной демографической проблемы в университете предлагается освещать интересы семьи, связанные с подготовкой студентов к будущей семейной жизни, с ориентацией на супружество, на продолжение рода. Также стоит уделить внимание обсуждению вопросов сохранения семьи в кризисные периоды её жизненного цикла [2].

Итак, высшее образование, несомненно, оказывает влияние на осуществление демографической политики по России. Главным образом, образование в университете уменьшает или отодвигает на второй план потребность в детях, что полностью соответствует современным тенденциям, идущих из Запада. Чтобы этого избежать и повышать уровень рождаемости необходимо менять установленные западом ценности, то есть создавать новую культуру, направленную организацию семейных отношений и на развитие личности в целом.

Список источников

1. Зинькина Ю. В. Способно ли образование предотвратить социально-демографические коллапсы в Тропической Африке? // Историческая пси-

хология и социология истории.— 2014.— № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposobno-li-obrazovanie-predotvratit-sotsialno-demograficheskie-kollapsy-v-tropicheskoy-afrike> (дата обращения: 15.02.2017);

2. Мурашова Л. С. Роль университета в реализации демографической политики в регионе / Л. С. Мурашова // Социально-демографические процессы в XXI веке: кризис, вызовы, стратегии безопасности : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Служба ЗАГС Иркутской области ; науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. В. Аргучинцев. Иркутск : ООО Оперативная типография «На Чехова», 2017. С. 220—222.

3. Образование [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru/> (дата обращения: 15.02.2017);

С. В. Вараксин, Н. В. Вараксина, Н. П. Гончарова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ПОМОЩЬЮ НЕЧЕТКИХ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

ВАРАКСИН Сергей Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры алгебры и математической логики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; varaksin@bk.ru

ВАРАКСИНА Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; varaksins@yandex.ru

ГОНЧАРОВА Наталья Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры эмпирической социологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; g-natalia@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются два подхода к исследованию временных рядов на основе нечетких множеств. Нечеткая линейная регрессия рассматривается как альтернатива стандартной статистической линейной регрессии в случае коротких временных рядов и отсутствия предположений о законе распределения. С помощью построенного алгоритма находятся коэффициенты нечеткой регрессии для демографических процессов. Для сравнения построены линии обычной регрессии по методу наименьших квадратов. Также рассматривается подход к моделированию временного ряда с помощью построения нечеткого логического отношения. Составлен алгоритм, вычисляющий для временного ряда нечеткое логическое отношение 3-го порядка. С его помощью построена модель динамики населения России.

Ключевые слова: нечеткое множество, нечеткая линейная регрессия, нечеткая логика, демографическое прогнозирование

Научные исследования, привлекающие технику нечетких множеств и нечеткой логики, ведут начало от основополагающей работы Л. Заде [1]. Отличие нечеткого множества от обычного в том, что характеристическая функция принадлежности $\mu(x)$ нечеткого множества может принимать произвольные значения от 0 до 1, соответственно степени достоверности принадлежности элемента этому множеству. Нечеткое число — это нечеткое множество с выпуклой унимодальной (т. е. имеющей один максимум) функцией принадлежности, значение в точке максимума которой равно 1. Одними из наиболее употребительных нечетких чисел являются треуголь-

ные числа (a, b, c) , ненулевые части графика функции принадлежности которых образованы двумя наклонными отрезками. Нахождение значений функций принадлежности нечетких множеств на основе обычных, четких данных называют фазификацией, а нахождение обычного, нечеткого значения для нечеткого множества — дефазификацией. Нечетким временным рядом называют набор соответствующих определенным моментам времени нечетких чисел.

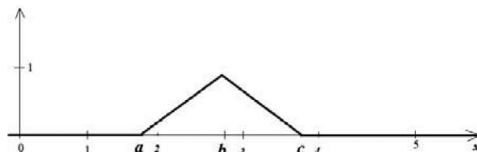

Рис. 1. График функции принадлежности треугольного числа (a, b, c)

1. Построение модели нечеткой линейной регрессии демографического поведения

В стандартной вероятностной регрессии возникают проблемы при исследовании коротких временных рядов, с неясными законом распределения и зависимостью между входной и выходной переменными. При построении модели нечеткой регрессии не требуются подобные предположения. Первой в разработке моделей нечеткой линейной регрессии стала работа Х. Танака [2], базовая модель нечеткой линейной регрессии в которой имеет вид

$$x = kt + b,$$

где k и b — некоторые треугольные числа.

В данной работе использован частный случай модели Танака, равномерной нечеткой регрессии, в которой k является четким числом, а b — нечетким числом вида $(b - \Delta, b, b + \Delta)$. Исходный временной ряд $\{x(t)\}$ является обычным числовым рядом, а его значения считаются дефазификациями соответствующих нечетких чисел A_i . Согласно работе Пономарева И.В., Славского В.В [3], параметры подобной нечеткой линейной регрессии находятся из условия наибольшего правдоподобия как параметры наиболее узкой полосы между двумя параллельными линиями, содержащей все точки временного ряда $\{x(t)\}$. Эта задача сводится к задаче линейного программирования,

$$2\Delta = u - v \rightarrow \min, u \geq kt_i - x_i, v \leq kx_i - x_i, i = 1, \dots, n, b = (u + v)/2,$$

которую можно решить симплекс-методом в два этапа с введением искусственных переменных, т.к. исходная задача не имеет подходящего исходного опорного решения. В работе авторов [7] предложено использовать аппарат нечеткой линейной регрессии для моделирования демографических процессов.

1. Моделирование динамики численности населения России. Численность населения России с 1991 по 2016 годы по данным Федеральной службы государственной статистики взята с сайта единого архива социологических и экономических данных и записана в таблицу.

Таблица 1. **Численность населения России**

год	тыс.чел.	год	тыс.чел.	год	тыс.чел.
1991	148 543	2000	145 925	2009	141 900
1992	148 704	2001	146 304	2010	142 962
1993	148 673	2002	145 649	2011	142 914
1994	148 366	2003	144 964	2012	143 103
1995	148 306	2004	144 168	2013	143 395
1996	147 976	2005	143 474	2014	143 700
1997	147 502	2006	142 754	2015	146 267
1998	147 105	2007	142 220	2016	146 546
1999	146 693	2008	141 980		

Применение симплекс-метода применительно ко всему периоду дает коэффициенты $k = -90$, $b = 330\,330$, $\Delta = 2650$, линию регрессии изобразим на графике, построенным, как и все остальные графики, в системе MatLab:

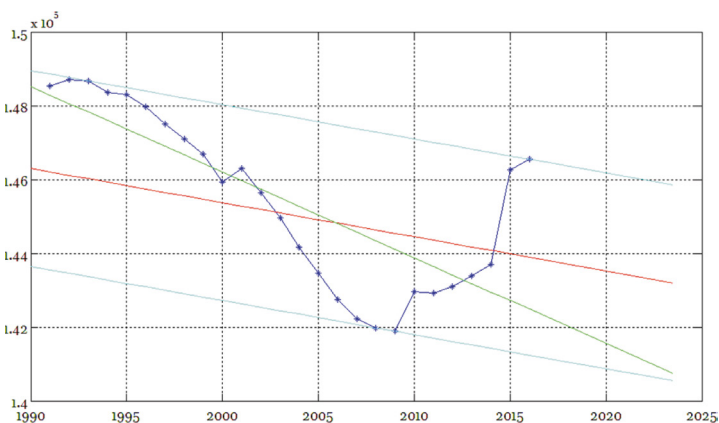

Рис. 2. Динамика числа жителей России в 1991—2016 гг. с линиями нечеткой и статистической регрессий

Для сравнения построена линия обычной статистической регрессии. Ее коэффициенты $k = -232$ и $b = 610\,430$. На графике четко видно изменение тренда, поэтому применим данный алгоритм к периодам 1991—2009 и 2009—2016 г., получим соответственно $k = -400$, $b = 936\,220$, $\Delta = 860$ и $k = 70$, $b = -118\,660$, $\Delta = 100$:

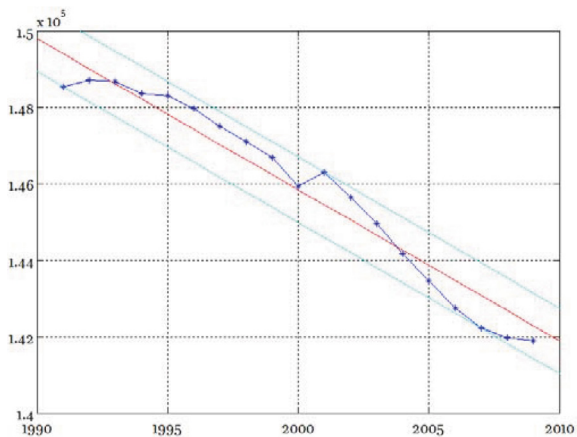

Рис. 3. Динамика числа жителей России в 1991—2009 гг. с линией нечеткой регрессии

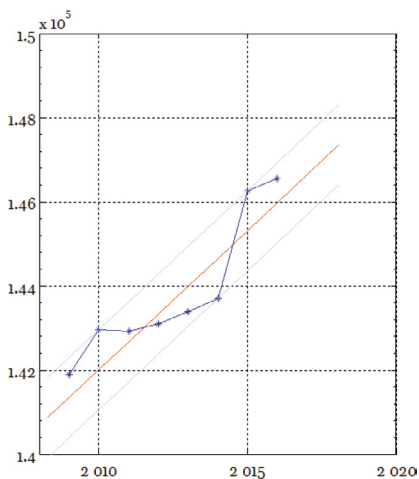

Рис. 4. Динамика числа жителей России в 2009—2016 гг. с линией нечеткой регрессии

2. Математическая модель коэффициента рождаемости. Исходная таблица приводится по данным Федеральной службы государственной статистики и также взята с сайта единого архива социологических и экономических данных

Таблица 2. Коэффициент рождаемости в России с 1991 по 2016 г.

год	на тыс.	год	на тыс.	год	на тыс.
1991	12.1	2000	8.7	2009	12.4
1992	10.7	2001	9	2010	12.5
1993	9.4	2002	9.7	2011	12.6
1994	9.6	2003	10.2	2012	13.3
1995	9.3	2004	10.4	2013	13.2
1996	8.9	2005	10.2	2014	13.3
1997	8.6	2006	10.4	2015	13.3
1998	8.8	2007	11.3		
1999	8.8	2008	12.1		

Применение симплекс-метода применительно ко всему периоду дает коэффициенты $k=0.057$, $b=-104$, $\Delta=2.13$, линию регрессии изобразим на графике красной прямой.

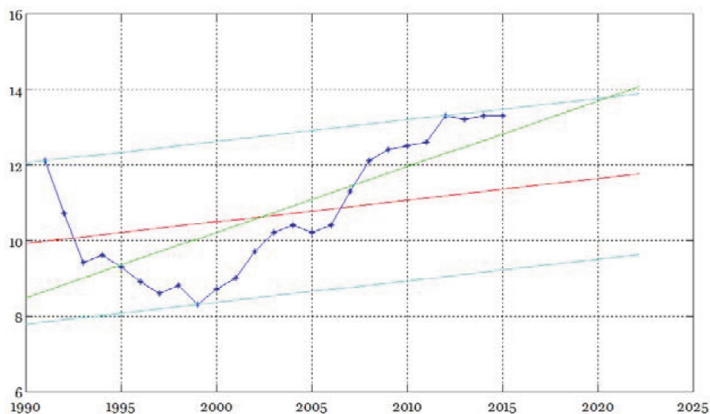

Рис. 5. Динамика коэффициента рождаемости в России за 1991—2015 гг. с линиями нечеткой и статистической регрессий

Обычная статистическая линия регрессии имеет коэффициенты $k=0.173$ и $b=-337$ и изображена зеленой прямой.

Также найдем линии регрессии отдельно для интервалов 1991—1999 и 1999—2015 гг: $k = -0.47$, $b = 950$, $\Delta = 0.88$ и $k = 0.32$, $b = -635$, $\Delta = 0.53$ с соответствующими графиками.

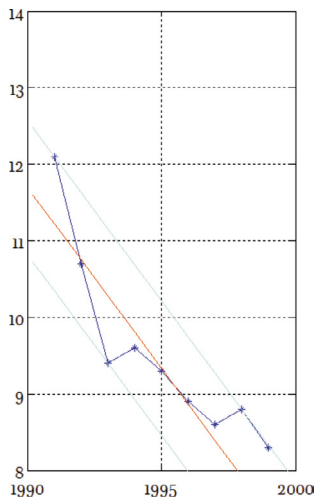

Рис. 6. Динамика коэффициента рождаемости в России в 1991—1999 гг.

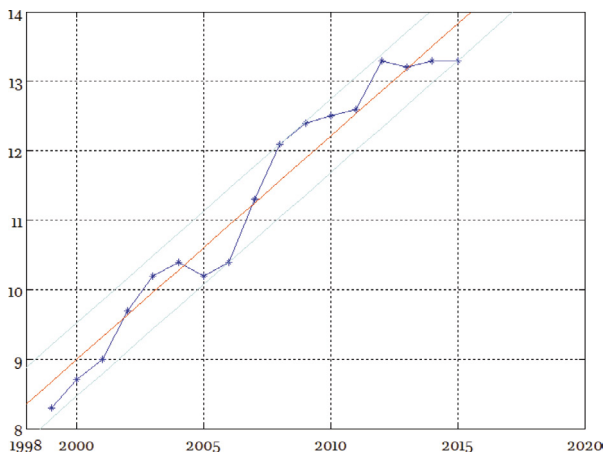

Рис. 7. Динамика коэффициента рождаемости в России в 1999—2015 гг.

3. Найдем параметры линейной регрессии коэффициента смертности в России с 1991 по 2015 годы, также пользуясь данными Федеральной службы государственной статистики с сайта единого архива социологических и экономических данных

Таблица 3. Коэффициент смертности в России с 1991 по 2016 г.

год	на тыс.	год	на тыс.	год	на тыс.
1991	11,4	2000	15,4	2009	14,2
1992	12,2	2001	15,6	2010	14,2
1993	14,5	2002	16,2	2011	13,5
1994	15,7	2003	16,4	2012	13,3
1995	15	2004	16	2013	13,1
1996	14,2	2005	16,1	2014	13,1
1997	13,8	2006	15,2	2015	13,1
1998	13,6	2007	14,6		
1999	14,7	2008	14,6		

Параметры нечеткой регрессии $k=0.071$, $b=-128$, $\Delta=2.1$. Построим график линии нечеткой регрессии.

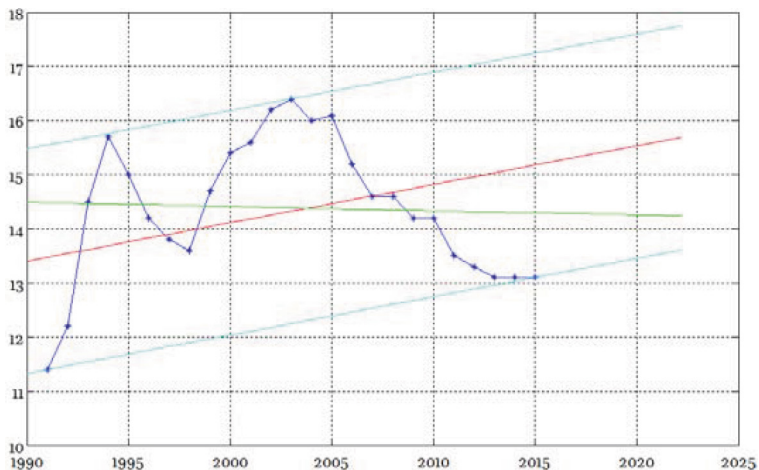

Рис. 8. Динамика коэффициента смертности в России в 1991—2015 гг. с линиями нечеткой и статистической регрессий.

Коэффициенты статистической регрессии $k=-0.0078$ и $b=30$. Вычисление параметров нечеткой регрессии отдельно с 1991 по 2003 и с 2003 по 2015 гг. дает значения $k=0.31$, $b=-613$, $\Delta=1.7$ и $k=-0.30$, $b=-617$, $\Delta=0.45$ с соответствующими графиками.

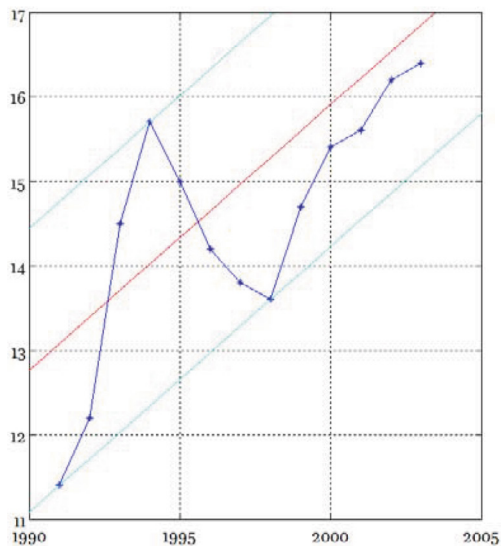

Рис. 9. Динамика коэффициента смертности в России в 1991—2003 гг.

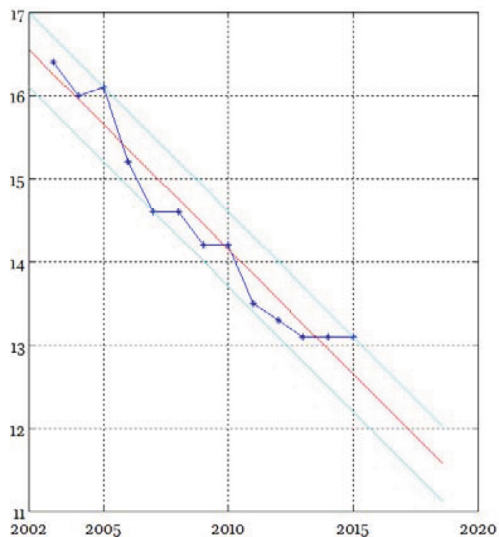

Рис. 10. Динамика коэффициента смертности в России в 2003—2015 гг.

4. Построим регрессионную модель количества браков на тысячу жителей, пользуясь данными сайта Росстата:

Таблица 4. Число браков и разводов в России на 1000 человек

Годы	На 1000 человек населения		Годы	На 1000 человек населения	
	браков	разводов		браков	разводов
1990	8,9	3,8	2007	9,0	5,3
1995	7,4	4,4	2008	8,6	5,3
2000	6,9	4,2	2009	8,6	5,2
2001	7,6	5,0	2010	8,7	4,7
2002	7,8	5,8	2011	9,0	5,3
2003	8,1	5,6	2012	8,9	5,1
2004	7,5	4,7	2013	8,5	5,5
2005	7,7	4,8	2014	7,7	5,5
2006	8,0	5,1	2015	6,8	4,5

Применение симплекс-метода дает коэффициенты $k = -0.0067$, $b = 21.3$, $\Delta = 1.09$. Для сравнения коэффициенты обычной статистической регрессии $k = 0.014$ и $b = -20$:

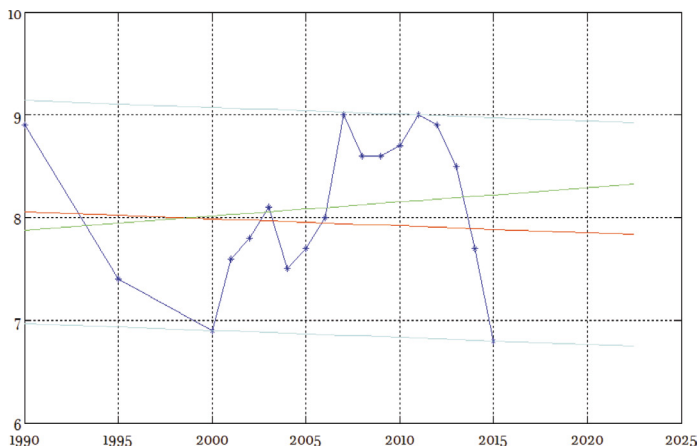

Рис. 11. Динамика числа заключенных браков на тысячу жителей России в 1990—2015 гг. с линиями нечеткой и статистической регрессий

Красной прямой отмечена линия нечеткой линейной регрессии, зеленой — обычная статистическая регрессия.

Построим регрессионную модель количества разводов на тысячу жителей. Применение симплекс-метода дает коэффициенты $k = 0.028$,

$b = -51$, $\Delta = 0.83$. Для сравнения коэффициенты обычной статистической регрессии $k = 0.042$ и $b = -80$. В данном случае линии нечеткой и статистической регрессии не сильно отличаются друг от друга:

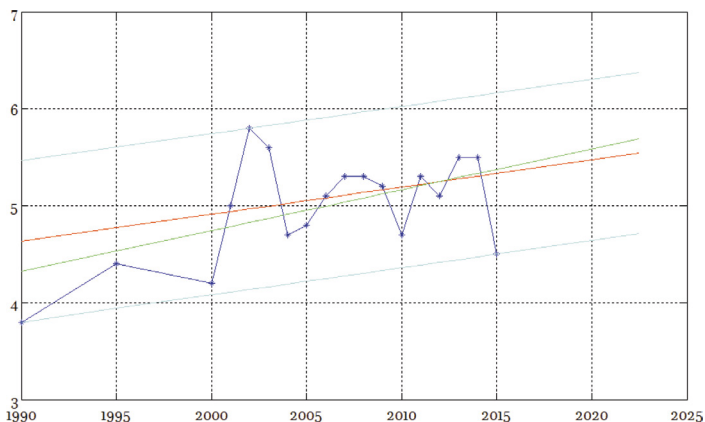

Рис. 12. Динамика числа произошедших разводов на тысячу жителей России в 1990—2015 гг. с линиями нечеткой и статистической регрессий

Статистическая регрессия находится по принципу метода наименьших квадратов, а рассматриваемая нечеткая – из условия минимизации наибольшего отклонения $\max(x_i - kt_i - b) \rightarrow \min$.

2. Использование нечеткой логики для прогнозирования временного ряда

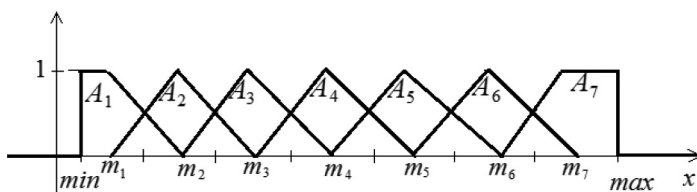

Рис. 13. Графики функций принадлежности нечетких множеств $A_1 - A_7$

Впервые прогнозировать поведение временного ряда с помощью нечеткой логики предложили Q.Song и B. S. Chissom [4,5]. Дан исходный временной ряд $\{x(t)\}$. Все множество значений ряда разбивается на n интервалов одинаковой длины u_i с центрами m_i , по которым строятся нечеткие множества A_i . Пусть дан нечеткий временной ряд $f(t)$, т. е. по-

следовательность нечетких множеств A_t . Пусть значение этого ряда в момент времени t определяется его значениями в m предыдущих моментах времени с помощью нечеткого отношения $R(t, t-1, \dots, t-m)$:

$$f(t) = (f(t-1), \dots, f(t-m)) \lceil R(t, t-1, \dots, t-m).$$

Это равенство называется моделью m -го порядка. Если $R(t, t-1, \dots, t-m) = R(t-1, t-2, \dots, t-m-1)$, то отношение называют стационарным. В работе Wangren Qiu, Xiaodong Liu, and Hailin Li [6] введено понятие обобщенного нечеткого логического отношения, в котором учитываются не только те нечеткие множества, которые при фазификации имеют наибольшее значение функции принадлежности, но и следующие за ним до номера N включительно — N -тые главные нечеткие логические отношения. В данной работе процесс прогнозирования использует построение стационарного обобщенного нечеткого логического отношения 3-го порядка с использованием первых и вторых главных нечетких логических отношений.

Используем для построения модели данные таблицы 1 динамики численности населения России. Построены главные и вторые главные нечеткие логические отношения порядков 1, 2 и 3, на основе которых построено обобщенное логическое отношение. Процесс построения прогнозируемых значений заключен в фазификации трех последовательных значений временного ряда, определения прогнозируемых нечетких множеств и дефазификацию — определение четких значений, в данном случае как среднее арифметическое мод полученных нечетких множеств. Полученные данные отображены на графике, на котором знаками „*“ отмечены исходные данные, а „+“ — спрогнозированные.

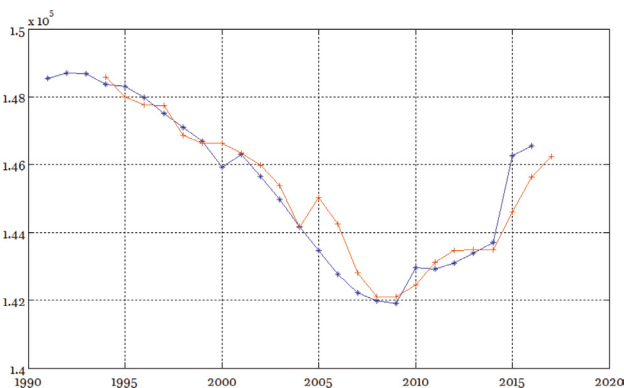

Рис. 14. Результаты прогноза динамики численности населения России на основе вычисленного нечеткого отношения

Полученные результаты показывают, что методы нечетких временных рядов применимы для моделирования демографических процессов.

Список источников

1. Zadeh L. A., Fuzzy sets // *Information and Computation*. Vol. 8. P. 338—353, 1965.
2. Tanaka H., Uejima S., Asai K., Linear Regression Analysis with Fuzzy Model // *IEEE Transactions on Systems, Man and Cybernetics*. 1982. Vol. 12. No. 6. P. 903—907.
3. Пономарев И. В., Славский В. В. Нечеткая модель линейной регрессии // *Доклады Академии наук*. 2009. Т. 428. № 5. С. 598—600.
4. Q. Song and B. S. Chissom, Forecasting enrollments with fuzzy time series. Part I // *Fuzzy Sets and Systems*. 1993. Vol. 54. No. 1. P. 1—9.
5. Q. Song and B. S. Chissom, Forecasting enrollments with fuzzy time series. Part II // *Fuzzy Sets and Systems*. 1994. Vol. 62. No. 1. P. 1—8.
6. Wangren Qiu, Xiaodong Liu, Hailin Li, A Generalized method for Forecasting based on fuzzy time series // *Expert Systems with Applications*. 2011. Vol. 38. P. 10 446—10 453.
7. Гончарова Н. П., Вараксина Н. В., Вараксин С. В. Потенциал математических моделей в прогнозировании демографического поведения населения // *Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, социологический факультет: Материалы конференции / под общ. ред. В. П. Васильева. М. : МАКС Пресс, 2016. С. 572—576.*

Н. П. Гончарова

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

ГОНЧАРОВА Наталья Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; g-natalia@mail.ru

Аннотация. Представлены общие результаты исследования общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в приграничном регионе. Проанализированы отношение населения Алтайского края к миграции и интеграции, характер межэтнических отношений и существующие мигрантофобии. Показано, что миграционная и этническая ситуация в регионе характеризуется общественным спокойствием. Одной из причин изоляции мигрантов от местного населения является слабое знание или незнание русского языка, недостаточность развития практик межкультурного взаимодействия. Отношение местного населения к выходцам из отдельных стран обусловлено не столько масштабами их притока в регион, сколько уровнем самоудовлетворенности индивидуальными условиями жизни, а также реальной или воображаемой способностью к интеграции и бесконфликтному сосуществованию. Значительный вклад в формирование общественного отношения к мигрантам из отдельных стран и распространение рисков национализма вносят стереотипы относительно их агрессивности и склонности к противоправным действиям, тиражируемые СМИ. Представлены основные направления улучшения общественного отношения к миграции и культурной интеграции.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, межкультурная интеграция, общественное мнение, отношение к миграции, межэтнические отношения, миграционная ситуация

Вопросы интеграции мигрантов находятся сегодня в зоне приоритетного общественного внимания, поскольку связаны с их объективной значимостью для всего мирового сообщества. В нашей стране, как и во всем мире, до сих пор нет однозначного решения этого вопроса. С одной стороны, рассматриваются перспективы ограничения потоков мигрантов из-за рубежа и уменьшения расходов на их адаптацию и интеграцию. С другой стороны, — активизации программ интеграции постоянно возрастающего миграционного потока и развития института правовой помощи мигрантам [1]. В связи с этим для российского общества важен

систематический анализ проблематики интеграции мигрантов во всем многообразии ее измерений — концептуальном, общественно-политическом, нормативно-культурном и административном [2]. Поэтому помимо изучения зарубежного опыта интеграции большой интерес представляют современные исследования данной проблемы не только на государственном, но и региональном уровнях.

С целью изучения общественного мнения населения Алтайского края о проблемах интеграции мигрантов в сентябре 2015 г. был проведен опрос взрослого населения (18 лет и старше). В опросе приняли участие 44 % мужчин и 56 % женщин. Состав респондентов по возрастным группам: 18—29 лет — 28,5 %, 30—59 лет — 51 %, 60 лет и старше — 20,5 %. Структура выборочной совокупности совпадает со структурой генеральной совокупности — в числе участников опроса населения Барнаула 92 % русские.

Восприятие миграционной и этнической ситуации в регионе характеризуется общественным спокойствием. Отношение местного населения к выходцам из отдельных стран обусловлено не столько масштабами их притока в регион, сколько уровнем самоудовлетворенности индивидуальными условиями жизни, а также реальной или воображаемой способностью к интеграции и бесконфликтному сосуществованию. Однако, опасения возможной «этнической концентрации» представителей других культур может быть выражено острее, чем нынешний уровень недовольства собственными социальными правами и условиями жизни. Значительный вклад в формирование отношения к мигрантам из отдельных стран и распространение рисков национализма вносят стереотипы относительно их агрессивности и склонности к противоправным действиям, тиражируемые СМИ. При этом в большей предрасположенности иностранных мигрантов к преступлениям уверены лишь 18,7 % опрошенных. Респонденты, охарактеризовавшие отношения местного населения и мигрантов как «напряженные», чаще приписывают совершение преступлений приезжим, чем коренным жителям (47,2 %).

Отношение к детям мигрантов респонденты выражают несколько мягче: положительно относятся к совместному обучению собственных детей (внуков) с детьми мигрантов (как средству интеграции, приобщения к российской культуре) 29,5 % опрошенных, нейтрально — 54,9 %. Большинство опрошенных полагают, что совместное обучение способствует взаимной адаптации и более успешной интеграции.

Одной из причин изоляции значительной части мигрантов от местного населения является не только слабое знание или незнание ими русского языка, но и недостаточность развития практик межкультурного взаимодействия мигрантов и местного населения, а также дефицит знакомства с культурными особенностями обеих сторон. Поэтому населению

Алтайского края следует внимательно относиться к культуре мигрантов, больше узнавать об их истории, языках, традиционной кухне — так считают 44 % опрошенных. Среди других ответов встречались мнения, что знакомство с культурой мигрантов — это личное дело каждого, «если есть интерес и желание узнавать, тогда возможно». Другие оценки касались необходимости первостепенного знакомства мигрантов с культурными особенностями Алтайского края и страны в целом.

Оценки населения в отношении действий властей по улучшению жизни мигрантов в Барнауле значительно различаются. Мнения, что власти должны что-то делать для улучшения жизни мигрантов, придерживаются 19,2 % опрошенных. К таким управленческим решениям они относят «установление равноправия между местными жителями и мигрантами», предоставление мигрантам определенных льгот, решение жилищного вопроса, помощь в поиске работы и предоставление рабочих мест, обеспечение доступа к медицинским услугам, предоставление мест в детских садах для детей мигрантов, помощь в решении вопросов регистрации по месту пребывания или жительства, помощь в изучении русского языка («нужно создавать центры по изучению русского языка для мигрантов»). Однако против политики поддержки властей в отношении мигрантов выступают 40,9 % респондентов, которые полагают, что в Барнауле власти не должны улучшать жизнь мигрантов. В первую очередь, полагают опрошенные, все действия властей необходимы для местных жителей.

В свете новых миграционных трендов для улучшения общественного отношения к миграции и культурной интеграции, предупреждения рисков национализма необходимо не только усилить реализацию существующих мер миграционной политики по первичной адаптации мигрантов, связанных с изучением русского языка и культуры страны, региона, местных сообществ, но и совершенствовать политику более глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий более комфортного их проживания в локальных социумах путем содействия трудоустройству и открытию своего бизнеса, решению жилищных проблем, обеспечения медицинским и социальным страхованием, оказания социальной помощи, развития активно взаимодействующих с местным сообществом национально-культурных организаций мигрантов, реализации программ культурного сотрудничества и совместной деятельности.

Список источников

1. Юдина Т. Н. Будет ли у России государственная миграционная политика? // Социальная политика и социология. 2011. № 3. С. 183—198.
2. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2015.

Е. Н. Новоселова

ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

НОВОСЕЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; alena_n_@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию ожидаемой продолжительности жизни (ОЖП) населения России. Проведен сравнительный анализ существующих и прогнозных показателей продолжительности жизни в нашей стране и в странах Западной Европы, США и Японии. Особое внимание уделяется поведенческим факторам смертности и ОПЖ, подробно рассматривается влияние чрезмерного употребления алкоголя и курения табака на смертность и продолжительность жизни населения обоих полов. Приведены статистические данные, характеризующие смертность и продолжительность жизни в гендерном аспекте, даны объяснения колоссальной разницы в ОПЖ мужчин и женщин в нашей стране, приведены как биологические, так и социальные причины данного разрыва. Автором определены резервы снижения смертности и повышения продолжительности жизни в России. Обосновывается необходимость хорошо продуманной экономической, социальной, информационно-пропагандистской политики государства, которая поможет отодвинуть смерти граждан на более поздний срок и увеличить продолжительность их жизни.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, смертность, поведенческие аспекты смертности, чрезмерное употребление алкоголя, потребление табака, гендерные аспекты смертности.

Показатели смертности и продолжительности жизни населения страны являются барометром общественного здоровья, выступают индикатором качества жизни, отражают уровень и особенности социально-экономического развития страны. Анализ указанных показателей дает возможность найти сферы, требующие наибольшего внимания государства и общества, выработки отдельной политики.

На сегодняшний день, в целом по миру наблюдается тенденция к увеличению ожидаемой продолжительности жизни, которая с середины прошлого века увеличилась более чем на 20 лет и составляет на 2010—2015 годы 69 лет, что безусловно является несомненным достижением, «ве-

личайшим триумфом человечества». Продолжительность жизни будет и далее устойчиво расти, по прогнозам экспертов к 2030—2035 гг. этот показатель составит 73,3 года (68,4 года для мужчин и 77,9 для женщин), а к 2095—2100—81,8 года (78,4 и 85,2 для мужчин и женщин соответственно). Как видно из приведенных данных наблюдается тенденции не только в сторону увеличения продолжительности жизни, но и в сторону уменьшения гендерного разрыва, который сократится более чем на 6 лет с и составит к 2100 году 6,8 года.

В наибольшей степени такая динамика характерна для развитых странах Европы, США и Японии. Продолжительность жизни европейца выросла на 8 лет с середины XX века, а к 2050-му году, согласно прогнозам, она вырастет еще на 5 лет. По оценкам экспертов, данный показатель в странах «большой семерки» в 2050 г. достигнет следующих значений: США — 82,9; ФРГ — 83,1; Великобритания — 83,8; Канада — 85,3; Италия — 86,3; Франция — 87,8; Япония — 90,9.

В России по данным на 2015 год продолжительность жизни составляет — 71,39 года, при этом, продолжительность жизни российских женщин — 76,7 года, мужчин — 65,92. Таким образом Россия занимает по разным оценкам 111—129-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни.

Помимо низкой продолжительности жизни для нашей страны также характерна огромная разница в ОПЖ мужчин и женщин — около 11 лет. Гендерные дифференциации могут быть объяснены как биологическими или генетическими, причинами, так и социальными факторами. По расчетам специалистов биологический фактор обуславливает разницу в продолжительности жизни мужчины и женщины 1,9—2,1 года, все остальное — социокультурные факторы.

К основным детерминантам, обуславливающим продолжительность жизни, уровень смертности и здоровье населения той или иной страны относятся состояние здравоохранения, экологические и природно-климатические условия, генетика, биология человека и преобладающие стратегии самосохранительного поведения населения. Причем если на долю здравоохранения падает 8—10% ответственности, то на поведенческие факторы уже около 50%.

Среди причин, приводящих к низкой продолжительности жизни особое значение занимает злоупотребление алкоголем. Всемирная организация здравоохранения ставит алкоголизм на третье место среди причин смерти. В целом по миру злоупотребление алкоголем ежегодно приводит к смерти 3,3 млн человек, из них более 15% приходится на Россию. По данным ВОЗ каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина в нашей стране умирает из-за проблем, связанных с алкоголем, уро-

вень употребления которого в России 11,2 литра в пересчете на чистый спирт, что сильно выше рекомендованного ВОЗ «порога безопасного потребления».

Если рассматривать потребление алкоголя в России в гендерном аспекте, то степень женской алкоголизации значительно ниже мужской, однако по оценкам экспертов эта разница неуклонно сокращается и стремительно растет число больных алкоголизмом женщин.

Помимо потребления алкоголя, другой немаловажной причиной сверхсмертности в России является курение. По данным ВОЗ от употребления табака умирает примерно 1 взрослый из 10 во всем мире, кроме того курение нередко становится причиной многих заболеваний и является одним из главных факторов предотвратимой смерти.

В России ежегодно от причин, связанных с курением умирает около 300 тыс. человек, она занимает одно из первых место в мире по потреблению табака. Нашей стране курят 60 % мужчин и почти 22% женщин. Как видно из приведенных данных, на сегодняшний день среди сильного пола показатели употребления табака значительно выше аналогичных показателей среди женщин, но по данным многих исследований этот разрыв уменьшается и женщины семимильными шагами догоняют мужчин, особенно это характерно для малообразованных и малообеспеченных женщин.

В уровне смертности мужчин причины, связанные с курением, занимают весьма существенные позиции. Связь между смертностью российских женщин и курением не так очевидна, однако это во многом объясняется более низким процентом курящих женщин среди старших возрастных групп, но доля курящих женщин повышается, что неизбежно приведет к росту числу смертей, связанных с курением.

Описанные в данной работе личностно-деятельные компоненты низкой продолжительности жизни населения России являются ведущими, они же могут послужить резервом для минимизации предотвратимой смертности не только мужчин, но и женщин, в особенности трудоспособного возраста мерами социальной, экономической, информационно-пропагандистской политики, которая поможет отодвинуть смерти граждан на более поздний срок и увеличить продолжительность их жизни.

Список источников

1. 10 ведущих причин смерти в мире / ВОЗ. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/index2.html>.
2. Васин С. Россия стареет хуже других стран// Демоскоп Weekly. 2008. № 357—358. URL: <http://demoscope.ru>.
3. Гендерный фактор и употребление табака / ВОЗ. URL: <http://www.who.int/tobacco/control/populations/gender/ru/index1.html>.

4. Ефимова Л. А. Продолжительность жизни в России: динамика и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 39.
5. Колосницына М. Г., Хоркина Н. А., Доржиев Х. Н. Влияние ценовых мер государственной антиалкогольной политики на потребление спиртных напитков в России // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 5.
6. Ларионов В. Г., Чернова Д. В. Значение экологии городов в формировании здоровья населения // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. 9(107).
7. Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 2.
8. Щербакова Е. Ожидаемая продолжительность жизни будет устойчиво расти, превысит 73 года в 2030-е годы и достигнет почти 82 лет в конце столетия // Демоскоп Weekly. 2011. № 465—466. URL: <http://demoscope.ru>.
9. World Health Organization. Global status report on alcohol and health. 2014.

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАКСИМОВА Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия; svet-maximova@yandex.ru

НОЯНЗИНА Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия; noe@list.ru

МАКСИМОВА Маргарита Максимовна — студент, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия; maximovamargaritam@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования параметров социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп в трех субъектах Российской Федерации: Алтайском крае, Забайкальском крае, Кемеровской области, отражающий как процесс исключенности (динамичные характеристики), так и состояние исключенности (статичные характеристики). Социальная эксклюзия рассматривается с позиций «дистрибутивного измерения эксклюзии» через материальное (экономическое) выражение, так и с позиций «относительного измерения эксклюзии» через нематериальные характеристики. На основе проведенных социологических исследований рассчитан индекс социальной эксклюзии, включающий шесть компонентов: социально-экономической (материальной) депривации, депривации социальных прав (доступ к социальным институтам и услугам), депривации безопасности (безопасная среда), депривации социального участия, культурной (нормативной) дезинтеграции и социального аутизма. Все компоненты индекса социальной эксклюзии операционализированы через соответствующие наборы индикаторов.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, лица старшего возраста, индекс социальной эксклюзии

В современной России радикально меняется ряд процессов и явлений, оказывающих влияние на состояние общества, таким определяющим процессом является «старение» населения.

Рассматривая вопросы трансформации, происходящие в демографической сфере Silver H. [1], Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М., Щеглова Д. К. замечают, что «модернизация и урбанизация в современной России привели к качественным сдвигам в образе и уровне жиз-

ни разных поколений, начался процесс «возрастной сегрегации», который постепенно превращает пожилых в социальных изгоев. Большинство геронтологов и социальных историков связывают истоки современной проблемы пожилых с такими процессами, как изменение характера труда в индустриальном обществе по сравнению с аграрным, «географическое» разделение поколений, вызванное ростом крупных городов, предоставивших работу молодым, разрушение «семейного производства» и патриархального мультипоколенного клана, распространение нуклеарной семьи, резкое ускорение темпов научного и технического развития, которое обесценивало опыт старших поколений, перераспределение «монополии на знания» в пользу молодых, введение системы принудительного увольнения по возрасту. В начале XXI столетия пожилые и старые люди не только утратили экономическую независимость и были вытеснены с рынка рабочей силы, они оказались лишенными того традиционного ореола мудрости, который служил охранной грамотой прежним поколениям 70-летних и отчасти компенсировал им неизбежные превратности старости» [2].

Представим результаты реализации проекта, связанный с созданием концептуальной модели изучения социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп, отражающей как процесс исключенности (динамические характеристики), так и состояние исключенности (статические характеристики). Социальная эксклюзия рассматривается с позиций «дистрибутивного измерения эксклюзии» через материальное (экономическое) выражение, так и с позиций «относительного измерения эксклюзии» через нематериальные характеристики.

На основе проведенных социологических исследований рассчитан индекс социальной эксклюзии, включающий шесть компонентов: социально-экономической (материальной) депривации, депривации социальных прав (доступ к социальным институтам и услугам), депривации безопасности (безопасная среда), депривации социального участия, культурной (нормативной) дезинтеграции и социального аутизма. Все компоненты индекса социальной эксклюзии операционализированы через соответствующие наборы индикаторов.

Оценка социальной эксклюзии пожилых людей в трех регионах Российской Федерации проведена на основе результатов социологического исследования, в котором приняли участие 779 респондентов в возрасте от 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет (2016 год, Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская область).

Оценка факторов риска социальной эксклюзии строилась с учетом различий в возрасте выхода на пенсию: для женщин 55 лет, мужчин — 60 лет. В итоге 28,5% респондентов составили мужчины, 71,5% — жен-

щины. В женской подвыборке 30,7 % составили женщины в возрасте 55—59 лет, 32,0 % — 60—64 года, 21,0 % — 65—69 лет, 16,3 % — возрасте от 70 лет и старше. Среди мужчин 55,0 % — возрасте от 60 до 64 лет, 27,5 % — 65—69 лет, 15,8 % — от 70 до 74 лет и 1,8 % — от 75 лет и старше. В Алтайском крае (33,6 % общей выборки) практически в равной мере представлены как городские (53,1 %), так и сельские (46,9 %) респонденты. В Забайкальском крае (33,0 % общей выборки) выборка смещается в сторону горожан: 74,7 % городских и 23,5 % сельских пенсионеров. В Кемеровской области (33,4 % общей выборки) поселенческая диспропорция еще заметнее: 86,5 % горожан и 13,5 % сельчан.

В целях проверки гипотезы о зависимости социальной эксклюзии от ряда социальных позиций, социально — демографических и иных характеристик респондентов проведен сравнительный анализ выраженности социальной эксклюзии в разных группах респондентов.

В группе женщин, первые пять лет находящихся на пенсии, и женщин старше 70 лет значения индексов всех компонентов ситуации эксклюзии (материальная депривация, депривация социальных прав, депривация безопасности) возрастают, а значения индексов компонентов ситуации эксклюзии (депривация социального участия, культурная дезинтеграция, социальный аутизм), наоборот, снижаются. Можно предположить, что выход на пенсию сопровождается угрозами прежде всего, связанных с адаптацией в материальной сфере, образа жизни к новым условиям при резком сокращении прежнего числа контактов и социальных связей. Далее, с увеличением стажа нахождения на пенсии, утраты работоспособности, здоровья и возможности подрабатывать в старческом возрасте увеличивают риск социальной эксклюзии при одновременной оценке достаточности социальных контактов (или стабилизации их числа).

У мужчин, напротив, высокие значения материальной депривации, депривации социальных прав и депривации безопасности с момента выхода на пенсию постепенно снижаются, видимо, мужчины лучше адаптируются к своему исключенному положению и не расценивают его в качестве ограничивающего фактора в социальной жизни, снижая свои потребности в социальной и экономической сферах. При этом во всех возрастных группах очевидно выражено проявляется депривация социального участия, культурная дезинтеграция и социальный аутизм.

Чем выше уровень образования опрошенного, тем более выраженной является ситуация эксклюзии на уровнях материальной депривации, депривации социальных прав и депривации безопасности, но при этом высокий уровень образования способствует снижению риска попасть в состояние эксклюзии и снижает значения индексов депривации социального участия, культурной/нормативной депривации и социального аутизма.

Чем выше размер пенсии опрошенного, тем ниже вероятность попадания в ситуацию эксклюзии, что, при этом не снижает угрозу культурной дезинтеграции и социального аутизма. Если пенсионер продолжает работать после выхода на пенсию, то по всем компонентам социальной эксклюзии он демонстрирует низкие значения индексов, а если состояние здоровья плохое и очень плохое, то, наоборот — высокие. Жители городов имеют существенно больше шансов оказаться в ситуации социальной эксклюзии и испытать на себе депривацию социального участия, тогда как сельские пенсионеры имеют более высокие индексы культурной дезинтеграции и социального аутизма.

Можно сделать вывод о том, что, во-первых, быть социально исключенным, не значит испытывать депривацию во всех измерениях эксклюзии. Можно лишь быть более или менее исключенным в тех или иных ипостасях социальной эксклюзии. Во-вторых, потеря физических возможностей, ограничение в здоровье, свободе передвижения безусловно увеличивают риск социальной эксклюзии. В-третьих, практически каждый из рассмотренных факторов риска, увеличивая вклад части компонентов общей социальной эксклюзии, неизбежно снижает вклад других компонентов эксклюзии.

Таким образом человек становится зависим от семьи и от общества в целом. Все вышесказанное актуализирует необходимость исследования факторов, усиливающих социальную эксклюзии пожилых с целью выработки механизмов их успешной адаптации в обществе.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15—03—00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015—2017).

Список источников

1. Silver H. (1997) Poverty, exclusion and citizenship rights/ in C. Gore and J. B. Figueiredo, eds. P. 78—82.
2. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М., Щеглова Д. К. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // Вестник АГАУ. 2015. № 5 (127). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-eksklyuziya-lits-starshih-vozzrastnyh-grupp-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty> (дата обращения: 10.02.2017).

Е. О. Солнцева

СИРОТСТВО — КАК ОДНА ИЗ САМЫХ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИИ

СОЛНЦЕВА Екатерина Олеговна — студент (магистр), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра методологии социологического исследования, г. Москва, Россия; e.solntseva29@yandex.ru

Социальная политика государства в современных условиях направлена на деинституционализацию детей-сирот. В условиях работы новой федеральной программы, на 2013—2020 годы, «Россия без сирот», подготовленной уполномоченным при президенте РФ по правам ребенка Павлом Астаховым, происходит сокращение детских учреждений для данной категории детей. Основные цели представленной программы — сокращение семейного и детского неблагополучия, профилактика социального сиротства, обеспечение приоритета семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, расширение правовых, материальных и социальных гарантий их полноценного развития и воспитания.

Множество исследований в области психологии сиротства, показывают, что практика институционального воспитания не всегда способствуют успешному становлению личности выпускников государственных учреждений для детей — сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей.

И. В. Дубровина пишет, что в результате психологических исследований младших школьников, воспитывающихся в детских учреждениях интернатного типа, обнаружены специфические отклонения в развитии интеллектуальной и мотивационно-потребностной сфер их психики. Они выражаются в задержке (или отсутствии) развития у детей образного мышления, требующего внутреннего плана действия, что приводит к последовательному нарастанию трудностей в усвоении учебного материала.

В подростковом возрасте особенности психического развития воспитанников детских домов и интернатов проявляются в первую очередь в системе их взаимоотношений с окружающими людьми. Они (отношения) связаны с устойчивыми и определенными свойствами личности этих детей. Так, к 10—11 годам у подростков устанавливается отношение к взрослым и сверстникам, основанное на их практической полезности, формируются «способность не углубляться в привязанности», поверхностность чувств, моральное иждивенчество (привычка жить по указке), осложнения в становлении самосознания (переживание своей ущербности) и многое другое. Последние выражаются в уходах (побегах) детей,

бродяжничестве, воровстве (до 30 % подростков) и других формах делинквентного поведения.

Наряду с экономическими потерями в результате пребывания детей в детских домах общество несет огромные социальные издержки, связанные с социализацией выпускников учреждений данного типа, многие из которых испытывают трудности с адаптацией в обществе, и подвержены высокому риску социальной дезадаптации и противоправного поведения.

По данным ИТАР-ТАСС количество детей — сирот в РФ снизилось со 120 тыс. — в 2012 г. до 96 тыс. — в 2014 г., а число детских домов за 5 лет уменьшилось на 20 %.

На семейные формы устройства в 2013 году в семьи российских граждан было передано 62,9 тыс. детей, из них 8,2 тыс. — на усыновление, 34,9 тыс. — под опеку (попечительство), в том числе 19,7 тыс. на возмездную форму опеки (попечительства). В 2013 году сохранилась тенденция уменьшения числа детей, оставшихся без попечения родителей (в 2013 г. — 68770 чел., в 2012 г. — 74722 чел., 2011 г. — 82177 чел.).

Согласно данным Генпрокуратуры РФ, 40 % выпускников детских домов, школ-интернатов и других аналогичных заведений становятся алкоголиками и наркоманами, 40 % пополняют преступный мир, 10 % кончают жизнь самоубийством, в том числе и потому что не имеют крыши над головой, и только 10 % адаптируются к нормальной жизни. Эти цифры заставляют задуматься. Исходя из этих условий, становится важным решение вопроса поиска новых форм жизнеустройства, которые реализуют идею создания развивающей среды для детей-сирот, способствующей их интеграции в широкую социальную среду.

Стоит отметить, что основная часть детей, проживающих в детских учреждениях — это социальные сироты (95 %) — то есть, те, у которых есть родные родители, но они были лишены родительских прав по различным причинам (алкоголизм, наркомания). Несмотря на девиантные поступки и поведение родных родителей, многие дети очень привязаны к ним, и не готовы уйти в новую семью, какой бы доброй и надежной она не являлась. В связи с этим возникает много трудностей и проблем, прежде всего психологических, с переходом ребенка под опеку приемной семьи. В 2012 году в России было отменено 75 решений судов об усыновлении детей, то есть 1,1 % сирот переживают эти трудности. Процент не большой, но, за ним стоят судьбы еще не сформировавшихся личностей. Следовательно, у новой федеральной программы существуют и недостатки.

Для решения этой проблемы необходимо, для начала, реанимировать институциональные учреждения для детей данной категории (детские

дома, школы-интернаты и др.), создать эффективный институт профессиональной замещающей семьи, усилить гражданскую позицию к проблеме сиротства в обществе, решить вопрос нехватки персонала и повышения его уровня профессионализма, обеспечить условия для интеграции детей с особенностями развития в общество, создать службы по интеграции в общество выпускников. Решение этих проблем требует участия всех уровней государственной администрации, общественных организаций, а также различных профессионалов и граждан России.

Список источников

1. REFNEWS — новостное интернет-издание. URL: <http://www.refnews.ru/read/article/841851> (дата обращения: 4.02.2017).
2. Дубровина И. В. Психическое развитие воспитанников детского дома М.: Педагогика, 1990.
3. Президент России. Администрация Президента РФ. URL: <http://state.kremlin.ru/face/17518> (дата обращения: 2.02.2017).
4. РИА Новости. Данные Российского детского фонда. URL: <http://ria.ru/economy/20040531/601772.html> (дата обращения: 6.02.2017).
5. Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка. URL: <http://www.rfdeti.ru> (дата обращения: 18.02.2017).
6. Усыновление в России. Информационно-консультационный портал Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/1/> (дата обращения: 2.02.2017).
7. Центр научной политической мысли и идеологии. URL: <http://rusrand.ru/events/vozvrat-usynovlennyh-detej-v-detdoma> (дата обращения: 13.02.2017).

О. И. Родак

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

РОДАК Олеся Игоревна — студент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; rodak1995@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальная политика государства, направленная на увеличение числа детей в молодых семьях. Большое внимание к вопросам репродуктивного поведения возникает на фоне необходимости обеспечения воспроизводства населения в условиях снижения его численности. Автор затрагивает особенности репродуктивного поведения в молодых семьях, которые приводят к демографическому кризису. В связи с этим в статье приводится анализ социологического исследования, проведённого лично автором в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 15—06—08543 под руководством Евгении Викторовны Гольцовой, в котором затрагивается проблема эффективности социальной политики. Автор перечисляет меры социальной политики, которые в большей степени влияют на решение респондентов иметь большее число детей, чем они имеют или планируют. Автор статьи даёт перечень практических рекомендаций органам государственной власти на основании проведённого исследования, а также затрагивает приоритетные задачи государственной семейной политики.

Ключевые слова: социальная политика, государство, репродуктивное поведение, демографическая ситуация, молодая семья

В современном мире растёт необходимость развития политики государства в отношении молодой семьи. В Конституции Российской Федерации зафиксировано, что в России «обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, ... устанавливаются пособия и иные гарантии социальной защиты» [1]. Но на данный момент мы можем наблюдать снижение репродуктивных установок у молодых семей, рождение детей откладывается на более поздний срок, сокращается число браков и увеличивается количество разводов. Число прерываний беременности в России до сих пор является одним из самых высоких в мире и свидетельствует о репродуктивной деградации, неизбежном ухудшении здоровья молодых женщин и девушек, а значит — нарастание демографического кризиса.

Основным механизмом влияния на изменение поведения и установки людей, имеющих представление «сколько» и «когда» им нужно иметь детей выступает, в первую очередь, государство. Приоритетные задачи государственной семейной политики должны быть направлены на усиление мер поддержки многодетных семей, стимулирование семейного благополучия, уменьшение бедности семей, обеспечение качественного и доступного жилья молодым семьям, а также создание комфортной среды для семей с детьми.

В рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 15-06-08543 осенью 2016 года под руководством Е. В. Гольцовой нами проводилось социологическое исследование на тему «Специфика репродуктивного поведения российской молодёжи в условиях современной социальной среды (на примере Иркутской области)». В данном исследовании принимали участие 500 человек в возрасте от 17 до 34 лет из них 250 мужчин (50,0%) и 250 женщин (50,0%). Исследование мы проводили, используя метод анкетирования. В проведении анкетного опроса основным инструментом опроса являлась анкета, которая представляла собой список определенным образом сгруппированных специальных вопросов, связанных с центральной задачей исследования. Ошибка выборки составила 4,39%.

В рамках данного опроса респондентам был задан вопрос: «Каким образом перечисленные меры социальной политики могут повлиять на Ваше личное решение иметь большее число детей, чем Вы имеете или планируете?». Мнения респондентов распределились так, что очень сильно повлияют на решение иметь большее число детей такие меры социальной политики как: предоставление молодой семье жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях (45,0%); гарантированное предоставление детского сада с 1 года (43,2%); значительное увеличение ежемесячного пособия на ребенка в семьях с низкими доходами (34,6%); значительное увеличение «материнского (семейного) капитала» (32,6%); увеличение частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет (29,2%); значительное увеличение пособия по беременности и родам (28,4%); значительное увеличение единовременного пособия при рождении ребенка (26,0%); значительное увеличение, «стандартных налоговых вычетов» на детей (20,8%).

На основании данного исследования мы можем заметить, что молодых семей на сегодняшний день больше всего тревожит именно жилищный вопрос. Данный факт мы можем подтвердить еще одним вопросом, который был задан респондентам: «В какой степени влияют на увеличение числа детей в семье, перечисленные факторы окружающей среды?». На основании полученных данных, мы можем сделать вывод, что каче-

ственное и комфортное жильё как фактор окружающей среды в большей степени влияет на увеличение числа детей (56,8 %).

Тем не менее, государство предоставляет определенные возможности тем, кто нуждается в собственном жилье. «Одной из таких возможностей является участие в федеральной программе «Молодой семье — доступное жилье», действие которой с 2016 года продлевается на еще один полный 4-летний цикл до 2020 года. Она была разработана специально для того, чтобы наиболее незащищенные слои общества — недавно образовавшиеся семьи — могли жить в комфортных условиях, и чтобы проблема нехватки жилья была нивелирована» [2]. Но новая программа не совсем устраивает своими условиями, поскольку в ней есть и некоторые минусы. Во-первых, постоянное увеличение очереди за счёт новых участников программы. Во-вторых, программа направляет людей на постройку жилья для среднего класса, а не на покупку нового. В-третьих, помощь будет оказана лишь семьям с постоянным уровнем дохода. В-четвертых, финансовая помощь по федеральной программе составит не более 30 %, при том, что для семьи, к примеру, из трёх человек она не сможет превысить 800 тысяч рублей. В-пятых, максимальная сумма ипотечного кредита не может превышать 2,2 миллионов рублей. В-шестых, субсидию нельзя потратить на приобретение вторичного жилья. И последний недостаток данной программы заключается в том, что необходимо ежемесячно выплачивать ипотеку, поскольку пока семья не погасит её, молодые люди не будут являться полноправными собственниками жилья.

Резюмируя всё вышесказанное, можно дать практические рекомендации органам государственной власти. Бесспорно, в первую очередь, молодым семьям необходимо предоставить жилищные кредиты и субсидии на льготных условиях. Также у молодых семей нехватка финансовых средств, что заставляет «молодых мамочек» рано выходить на работу, поэтому государству необходимо гарантировать предоставление детского сада с 1 года, а также увеличить ежемесячное пособие на ребенка. Значительное увеличение «материнского» (семейного) капитала также может улучшить демографическую ситуацию в нашей стране. Возможно, необходимо увеличение частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, чтобы женщинам не приходилось «бросать» детей и рано выходить на работу. Можно еще очень долго перечислять меры социальной политики, которые следует улучшить в пользу молодых семей. Остаётся лишь государству действовать в данном направлении...

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компа-

нии «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=2875#0> (дата обращения: 22.02.2017).

2. Программа молодой семье — доступное жилье [Электронный ресурс] / Программа Молодая семья 2014—2017. URL: <http://программа-molodaja-semja.ru> (дата обращения: 25.02.2017).

Г. А. Ковалева

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ Г. ЧЕРЕПОВЦА МЕР ПО БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НЕМЕДИЦИНСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

КОВАЛЕВА Галина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Россия; galoka1960@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы результаты комплексного исследования немедицинского употребления наркотиков в рамках реализации подготовки плана по профилактике употребления наркотиков. Приведена статистика злоупотреблений. Примечательно, что исследование проводилось по инициативе мэра г. Череповца.

Ключевые слова: немедицинское употребление наркотиков, зависимости, вредные привычки, профилактика

В современной социальной жизни как российского, так и мирового общества все большую опасность приобретает проблема распространения и немедицинского употребления наркотических веществ. В быденном сознании любое употребление наркотических средств характеризуется как наркомания, однако в рамках данной работы необходимо четко разграничить такие понятия, как «наркомания» и «немедицинское употребление наркотических веществ». На российском рынке помимо традиционных психоактивных веществ появляется огромное количество новых дешевых синтетических наркотиков, которые пользуются большим спросом среди населения. Например, в 2014 году изъятия героина возросли на треть по сравнению с 2013 и составили 3,2 тонны [1].

Внимание широкой общественности проблема немедицинского употребления наркотических веществ привлекла осенью 2014 года, когда по ряду регионов страны прокатилась волна массовых отравлений новыми синтетическими наркотическими средствами, приведшая к резкому росту смертности среди наркопотребителей. Это связано с активно проходящей в настоящий момент реструктуризацией российского наркорынка, связанной с частичной заменой «традиционных» наркотических веществ дешевой синтетической продукцией. Например, общий вес изъятых правоохранительными органами синтетических наркотиков составил 4,2 тонны, более чем в 2 раза превысив сопоставимый показатель за 2013 год. Не может не вызывать опасений следующая тенденция: если в 2012 году

удельный вес изъятых синтетических наркотиков в общей массе составлял около 3 %, в 2013 — превысил 5 %, а в 2014 году — достиг уже 13 % [1].

Череповец является большим промышленным городом с достаточно развитой инфраструктурой и относительно высокими доходами населения, расположенным на пересечении крупных транспортных путей. Все это не может не сказаться на существовании в Череповце определенного спроса на немедицинское употребление психоактивных веществ, и сюда постоянно поступают партии наркотических веществ. Более того, с каждым годом растет объем изымаемых правоохранительными органами запрещенных психоактивных веществ, однако наркорынок продолжает функционировать и насыщается новыми, обладающими неизученными и иногда смертельно опасными наркотическими веществами.

Для решения проблемы распространения наркотических средств среди череповчан было принято Постановление мэра города № 4728 от 28.12.2008 «О городской антинаркотической комиссии», направленное на улучшение координации усилий заинтересованных органов в проведении мероприятий по сдерживанию роста наркомании в городе [2].

В связи со всем вышеизложенным, назрела необходимость комплексного изучения проблемы немедицинского употребления наркотиков среди горожан. В городе в течение последних лет уже проводились опросы, посвященные данной тематике, также велся статистический учет различных аспектов употребления наркотиков как социального явления рядом государственных и муниципальных органов. По данным Управления ФСКН России по Вологодской области, по всему северо-западному региону сохраняется и увеличивается спрос на синтетические вещества, обладающие сильным психостимулирующим действием. Потребление курительных «миксов» занимает существенную долю среди незаконного оборота наркотиков. «Спайс» (Spice), «Юкатан» (Ucatan-Fire), «Зум» (Zoom), «Гидра» (Gidra) — всего более двадцати торговых марок курительных смесей, которые распространены как по всей области в целом, так и в городе Череповце, в частности [3]. Правоохранительные органы в Вологодской области изымают огромные партии психоактивных веществ. Согласно существующей статистике, в 2014 году на территории городов Вологда, Череповец, Великий Устюг, управлением изымались подобного рода веществ более 70 раз [3]. Только в самом Череповце, по данным итогового отчета Череповецкого МРО Управления ФСУН России по Вологодской области за 2014 год за означенный период было осуществлено 21 значительное изъятие по классификации ООН наркотических средств и психотропных веществ (2013 год — 16). Общее количество изъятых наркотических средств и психотропных и сильнодействующих веществ — 26799,314 грамма (2013 год — 23736,708

грамм). Из них новых видов психоактивных веществ и наркотических средств — более 1100 грамм [1]. Нужно отметить, что в Череповце, как в крупном промышленном городе с относительно высоким материальным положением населения, употребление наркотиков несколько более распространено, чем по стране в целом. Социологический мониторинг «Оценка влияния факторов риска на здоровье городского населения Череповца» [4] проходивший в рамках проекта «Социологическое сопровождение проекта «Здоровый город» в марте 2008 г. и в июне 2010 г. содержал блок вопросов, посвященный проблеме наркотиков. Данное исследование ярко показало бытующее негативное отношение населения к проблеме наркотиков и довольно пессимистичные настроения в отношении динамики темпов роста данной проблемы. Треть респондентов были уверены, что ситуация с употреблением наркотиков в будущем будет только ухудшаться, а еще четверть — что останется без изменений. Более половины опрошенных горожан полагали, что правоохранительные органы недостаточно хорошо справляются с разрешением проблемы распространения наркотиков, и только пятая часть согласилась с тем, что данная работа достаточно успешна.

Между тем информация, описывающая отношение горожан к проблеме наркотиков, не была достаточно полной и не позволяла выявить некоторые конкретные моменты. Один только статистический учет государственных и муниципальных органов не мог комплексно и исчерпывающе описать ситуацию с употреблением психоактивных веществ в г. Череповце, поскольку не учитывал существующие знания и мнения населения города о данной проблеме. В результате того, что работа по борьбе с распространением психоактивных веществ часто направлена, прежде всего, не на решение социально-психологических проблем, стимулирующих ретритное поведение и лежащих в основе немедицинского употребления наркотиков, а зачастую на ликвидацию их последствий, данная не всегда максимально эффективна. Что касается ситуации в городе Череповце, то интерес вызывают ответы респондентов по поводу их информированности о мерах борьбы с распространением психоактивных веществ. Большинство респондентов, то есть 2/3 от числа опрошенных, дали утвердительный ответ по поводу своей осведомленности по этому поводу. Между тем только 17 % считают, что обладают четкой информацией, тогда как 49 % заявили о наличии фрагментированных знаний, о том, что «что-то слышали».

Однако респонденты затруднились с оценкой эффективности мер по борьбе с распространением психоактивными веществами. Судя по тому, что мнения респондентов разделились практически 50 на 50, можно сделать вывод о том, горожане не обладают какой-либо четкой

картиной наркоситуации в городе. Хотя население и знает о факте работы наркоконтроля, однако не обладает достаточно конкретной непротиворечивой информацией о проблеме незаконного распространения и употребления наркотических средств в Череповце, чтобы с уверенностью делать какие-либо выводы. С этим соглашается майор полиции Мойсов Ф. Д.: «Хотелось бы сделать так, чтобы рядовому горожанину был полностью виден результат нашей службы, но, к сожалению, в большей степени он незаметен». Ответы респондентов на вопрос «По Вашему мнению, как за последний год, в городе Череповце, изменилось количество людей, употребляющих наркотики / курительные смеси?» позволяют утверждать, что, по мнению горожан, число употребляющих курительные смеси возросло, поскольку данную позицию отметила половина опрошенных (46 %). Между тем, как говорят эксперты, «здесь нельзя говорить однозначно, что возросла распространяемость, потому что правоохранительные органы тоже работают, у них значительно увеличилась выявляемость... а исследования, которые применяются в медицинских структурах, например, в том же наркодиспансере, совершенствуются. И это тоже даёт плюсом картину по людям, которые впоследствии будут стоять на учёте, либо на профилактическом наблюдении».

Практика же употребления наркотических веществ в Череповце чрезвычайно распространена, и население весьма пессимистично оценивает темп её роста. Соответственно, сказывается недостаток конкретной информации о работе органов, борющихся с данным социальным злом, поскольку горожане не в состоянии четко оценить эффективность подобной борьбы.

Список источников

1. Итоги деятельности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков в 2014 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru/>.
2. О городской антинаркотической комиссии: Постановление мэра города Череповца от 26.12.2008 № 4728 // Официальный интернет-портал Мэрии г. Череповца. URL: <http://www.cherinfo.ru/decree/5138>.
3. Об итогах деятельности Череповецкого МРО Управления ФСУН России по Вологодской области за 2014 год, в т. ч. по пресечению распространения новых видов наркотиков и психотропных веществ на территории города // Официальный интернет-портал Управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Вологодской области. URL: <http://fskn35.ru>.
4. Результаты социологического исследования «Изучение отношения жителей города Череповца к своему здоровью и основным факторам риска». Аналитический отчет. URL: <http://www.cherinfo.ru/>.

Т. В. Фомичева

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ — ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

ФОМИЧЕВА Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия; fomitchevatv@mail.ru

Аннотация. Публикация посвящена обзору проблемы здоровья как одной из детерминант демографического поведения россиян. Выявлены факторы, формирующие отношение к здоровью, как к залогу дальнейшего устойчивого демографического развития России. Подчеркнута важность распространения и популяризации концепции самосохранительного поведения россиянина. В публикации учтены модели здоровья, обуславливающие представления о здоровье как о социальном феномене (гармоническая, антропоцентрическая и адаптационная модели здоровья). Автор публикации согласен с трактовкой здоровья в Федеральном законе РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где здоровье определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Различают духовное, нравственное, социальное здоровье и пр. Цель публикации — привлечь внимание социологической общественности к прогнозам относительно демографического развития России. По мнению автора публикации, здоровье как социальный феномен, возможно и необходимо изучать в контексте социальных последствий для демографического будущего России.

Ключевые слова: здоровье, население, демографическое развитие

В теоретической и эмпирической отечественной социологии, здоровье изучается как на макроуровне (здоровье популяции), так и на микроуровне (индивидуальное здоровье личности). Интегральным показателем популяционного здоровья является «продолжительность предстоящей жизни (ППЖ)». Круг индикаторов при оценке динамики популяционного здоровья дополняется также некоторыми показателями смертности, а именно: а) младенческая смертность (число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми); б) материнская смертность (число женщин, умерших от осложнений беременности, родов и послеродо-

вого периода на 100000 родившихся живыми); в) умершие по основным классам причин смерти.

Таблица 1. Динамика показателей продолжительности предстоящей жизни россиян (ожидаемая продолжительность жизни при рождении) (число лет) [1], [2]

Год	1990	1994	2003	2014	Динамика, число лет
Все население	69,2	63,9	65,1	70,9	1,7
Мужчины	63,8	57,6	58,8	65,3	1,5
Женщины	74,3	71,2	72,0	76,5	2,2

Наблюдаемая динамика показателей (в таблице 1), говорит о повышательной тенденции в сторону незначительного увеличения продолжительности жизни россиян за последние 24 года.

За последние девять лет коэффициент младенческой смертности циклично дважды снижался (см. таблицу 2) — с 11,0 в 2005 году до 7,4 в 2011 и в 2014 г. В итоге, можно отметить существенное снижение показателя.

Таблица 2. Коэффициент младенческой смертности (число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми), Россия, [2]

2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
11,0	9,4	8,5	8,1	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4

Исходя из данных, (изложенных в таблице 3), можно отметить, что относительно благополучное положение в аспекте материнской смертности населения наблюдается в тех странах, где имеется наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни населения (70—80 лет) и сравнительно высокий уровень подушевого ВВП, а также в тех странах, где доступно качественное медицинское обслуживание для широких слоев населения и уровень развития медицины в целом, достаточно высок; осуществляется борьба с массовыми инфекционными и эпидемиологическими заболеваниями.

Таблица 3. Выдержки из сравнительной таблицы суммарных коэффициентов материнской смертности (страны мира 2009—2014 гг.) (число умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми) [2]

Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости	Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости
Россия	2014	10,8	Страны ЕС, из них:		
Страны БРИКС, из них:			Австрия	2013	1,3
Бразилия	2011	59,5	Болгария	2012	4,3
Индия	2013	167,0	Германия	2013	4,3
Китай	2013	23,2	Италия	2011	2,6
ЮАР	2009	187,9	Литва	2013	6,7
Другие страны, из них:			Нидерланды	2012	3,4
Аргентина	2011	42,0	Польша	2013	1,0
Норвегия	2013	3,4	Румыния	2013	13,6
Республика Корея	2012	11,6	Соединенное королевство (Великобритания)	2011	6,6
США	2010	20,6	Финляндия	2013	1,7
Турция	2013	23,5	Франция	2011	5,7
Япония	2011	4,1	Швеция	2013	6,2

Факторами и группами факторов, которые формируют здоровье россиян можно назвать следующие: биогенетические, экологические, социально-экономические, социальные и другие. Как мы видим, отмечается незначительный естественный прирост населения России, наметившийся с 2012 г. (см. таблицу 4).

Таблица 4. Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения (на 1000 чел. населения), Россия [2]

Родившиеся						Умершие						Естественный прирост населения					
2005	2010	2011	2012	2013	2014	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2005	2010	2011	2012	2013	2014
10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	-5,9	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,2

Учитывая статистические данные, (изложенные в таблице 5), можно отметить, что относительно благополучное положение в сфере рождаемости населения в тех странах, где наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни населения (70—80 лет) и сравнительно высокий уровень подушевого ВВП, а также ярко выражена значимость религиозной мотивации поведения населения, (в том числе такие страны, как Индия, Турция, Аргентина).

Таблица 5. **Выдержки из сравнительной таблицы суммарных коэффициентов рождаемости (страны мира 2011—2014 гг.) [2]**

Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости	Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости
Россия	2014	1,8	Страны ЕС, из них:		
Страны БРИКС, из них:			Австрия	2012	1,4
Бразилия	2013	1,8	Бельгия	2012	1,8
Индия	2013	2,3	Германия	2012	1,4
Китай	2012	1,7	Италия	2012	1,4
ЮАР	2013	2,6	Литва	2012	1,6
Другие страны, из них:			Нидерланды	2012	1,7
Аргентина	2011	2,4	Польша	2012	1,3
Норвегия	2012	1,9	Румыния	2012	1,3
Швейцария	2012	1,5	Соединенное королевство (Великобритания)	2012	1,9
США	2013	1,9	Финляндия	2012	1,8
Турция	2012	2,1	Франция	2012	2,0
Япония	2012	1,4	Швеция	2012	1,9

Говоря об основных причинах смертности населения, необходимо отметить, что в нашей стране смертность среди мужчин традиционно выше, чем смертность среди женщин. Одной из основных причин смерти россиян выступают «внешние причины смерти», в частности алкоголизм (и его последствия), курение, отравления, дорожно-транспортные происшествия. В странах с относительно низким уровнем жизни высок показатель «внешние причины смерти» (см. таблицу 6). Региональный аспект (в частности, проживание в сельских регионах), также отмечается как фактор, косвенно снижающий продолжительность жизни россиянина [1].

Таблица 6. **Выдержки из сравнительной таблицы «Смертность населения по причинам смерти» (умершие на 100000 человек населения) (страны мира 2004—2014 гг.) [2]**

Страна	Годы	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Россия	2014	17,7	114,8	320,5	31,5	42,2	102,4
Страны БРИКС, из них:							
Бразилия	2010	26,6	99,5	184,1	66,5	32,1	71,8
Индия	2004	175,2	100,4	381,5	107,5	39,7	116,4
Китай	2004	35,6	142,7	279,5	135,9	25,1	73,4
ЮАР	2009	318,6	101,4	285,2	196,8	38,4	104,1
Другие страны, из них:							
Аргентина	2010	27,8	118,0	173,2	86,0	25,4	43,6
Норвегия	2012	8,5	115,4	106,4	35,7	12,2	30,7
США	2010	13,8	116,2	136,4	42,3	18,7	50,3
Япония	2011	7,0	105,1	83,7	41,5	13,2	43,2
Страны ЕС, из них:							
Австрия	2011	4,1	118,2	143,0	19,6	17,9	31,6
Германия	2012	8,5	118,2	142,6	26,1	20,9	23,1
Италия	2010	6,7	119,9	116,2	20,2	15,4	21,9
Великобритания	2010	4,7	130,0	121,8	49,8	24,6	23,5
Финляндия	2011	3,4	102,9	149,4	16,2	24,7	50,0
Франция	2010	7,4	123,9	83,5	18,7	17,7	37,0
Швеция	2010	7,8	107,4	132,2	20,2	12,5	30,4

Итак, выделим основные характеристики, значимые для продолжительности жизни россиян: пол: женский организм более устойчив, женщины менее подвержены стрессам, вредным привычкам, инфекциям; образ жизни менее подвержен «отклонениям»; регион проживания: отмечается приоритет городского региона (город-мегаполис, крупные и средние города), прежде всего, с точки зрения качества оказания медицинской помощи и более широких возможностей трудоустройства и повышения уровня жизни населения; образ жизни россиянина.

Список источников

1. Римашевская Н. Здоровье человека-здоровье нации. Экономические стратегии. 2006. № 1. С. 36—41
2. Российский статистический ежегодник, 2015 : Стат. сб. / Росстат. Р76. М, 2015. С. 669—672.

П. П. Шевель, М. В. Барановский

ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИЗЫВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШЕВЕЛЬ Петр Петрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического, Вооруженных Сил РФ), г. Москва, Россия; shevelpetr@mail.ru

БАРАНОВСКИЙ Максим Витальевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического, Вооруженных Сил РФ), г. Москва, Россия; m.baranovskij@gmail.com

Аннотация. Учитывая военно-политическую обстановку в мире, сложности в экономической сфере и складывающуюся демографическую ситуацию в стране, авторы осуществили демографическое прогнозирование призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации до 2030 года. Помимо количественной характеристики призывного потенциала, в работе приведены факторы изменения численности призывного потенциала ВС РФ, а также альтернативные пути комплектования ВС РФ в условиях недостатка призывного потенциала. В заключение делается вывод, что даже в условиях возможного мирового экономического кризиса, нарастания военных угроз и сложной демографической обстановки Вооруженные Силы Российской Федерации должны обеспечивать обороноспособность российского государства, а граждане страны должны ощущать защищенность и уверенность в своем будущем.

Ключевые слова: демографическое прогнозирование, призывной потенциал, призывной возраст, военная демография, Вооруженные Силы Российской Федерации

В феврале 2007 г. ООН опубликовала прогнозный доклад, в котором говорится, что к 2050 г. численность населения России сократится до 104 млн чел., то есть почти на 40 млн чел. или на 1/3. Причинами столь быстрого сокращения населения, по мнению авторов доклада, являются сокращение рождаемости и старение наций. Есть еще ряд демографических прогнозов, но в большинстве своем они склоняются к уменьшению численности населения.

В частности, обращает на себя внимание проведенный Федеральной службой государственной статистики РФ демографический прогноз изме-

нения численности населения Российской Федерации до 2030 г. по вариантам прогноза: низкий (наиболее пессимистичный), средний (наиболее вероятный) и высокий (наиболее оптимистический)¹. Прогнозируемая численность населения России в 2030 г. будет составлять от 127910,1 тыс. чел. (при осуществлении низкого варианта прогноза), до 147589,9 тыс. чел. (при осуществлении высокого варианта прогноза).

В этой связи особую актуальность получает проблема прогнозирования численности демографического потенциала страны, которая в перспективе может быть задействована для защиты целостности и суверенитета Российской Федерации [7, С. 136—144].

Сложившаяся демографическая ситуация и тенденции ее развития оказывают влияние на многие сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на военную сферу, военную организацию общества и ВС РФ в частности. Боевая готовность Российской Армии обуславливается не только технической оснащенностью, степенью профессиональной подготовки военнослужащих, но прежде всего уровнем укомплектованности кадрового состава, потенциалом мобилизационных ресурсов.

Сегодня уже ясно, что демографический ресурс способен оказать серьезное влияние на обороноспособность и национальную безопасность страны. Прошло время, когда в армию отбирали только образованных, совершенно здоровых, выносливых молодых людей. Все чаще и чаще руководители всех степеней задумываются о том, как бы увеличить объем призывного потенциала, как оптимизировать деятельность силовых структур с учетом частичной неуккомплектованности личным составом. В данной связи важно понимать, что ближайшее будущее, с точки зрения мобилизационных (людских) ресурсов, по крайней мере, до 2030 г., уже предопределено существующей демографической ситуацией [4, С. 130]. Уже родились дети, которые, повзрослев, будут участвовать в защите государства, в его внешней и внутренней политике, в воспроизводстве новых поколений.

Напряженная военно-политическая обстановка в мире, сложности в экономической сфере и складывающаяся демографическая ситуация в стране актуализирует вопрос анализа призывного потенциала ВС РФ и прогнозирования его изменения на долгосрочную перспективу (до 2030 года). В настоящее время назрела необходимость теоретического и эмпирического обоснования принципов комплектования Вооруженных Сил, которые даже в условиях возможного мирового эко-

¹ См.: Изменение численности населения по вариантам прогноза / Демографический прогноз до 2030 года // URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography> (дата обращения: 28.10.2015).

номического кризиса, нарастания военных угроз и сложной демографической обстановки должны обеспечивать обороноспособность российского государства, а граждане страны должны ощущать защищенность и уверенность в своем будущем.

Под демографическим прогнозированием призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации мы понимаем научно обоснованное предвидение основных параметров будущей демографической ситуации относительно человеческих ресурсов, которыми обладает российское государство, общество и армия, удовлетворяющих законодательно установленным критериям призыва на военную службу, и которые могут быть использованы для решения перспективных задач в военной сфере. В качестве такой перспективной задачи может выступать защита государства, поддержание боеготовности армии, осуществление миротворческих миссий, ликвидация последствий стихийных бедствий, катастроф техногенного характера и др.

Для осуществления прогноза призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2030 г. были использованы методы демографического и социального прогнозирования.

Согласно типологии прогнозов, предложенной отечественным ученым И. В. Бестужевым-Ладой [1, С. 270], социальное и демографическое прогнозирования выступают в качестве направлений обществоведческих (социальных в широком значении этого термина) прогнозов. Рассмотрим их более подробно.

Под демографическим прогнозированием принято понимать научно обоснованное предвидение основных параметров движения населения (рождаемости, смертности, миграции) и будущей демографической ситуации (численности, половозрастной и семейной структуры населения) [5, С. 120].

Его основными методами являются: метод экспертных оценок, метод возрастных передвижек, метод экстраполяции, метод математического моделирования (аналитический).

Важно отметить, что на достоверность демографического прогнозирования большое влияние оказывает ряд факторов:

- точность исходной информации;
- обоснованность гипотез об изменении демографических процессов;
- продолжительность периода прогнозирования.

В результате реализации демографического прогнозирования, с учетом соблюдения требований к достоверности, есть возможность получить достаточно точные количественные данные, которые в дальнейшем можно подвергнуть качественному анализу с помощью методов социального прогнозирования.

В отечественной науке социальное прогнозирование рассматривают как способ определения вариантов развития и выбор из них наиболее приемлемого, оптимального, исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить его реализацию. Это работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантность возможных решений [6, С. 259].

Исходя из сравнительного анализа возможностей социального и демографического прогнозирования, можно выделить основные методы [5, С. 122], позволяющие с определенной долей вероятности рассчитать численность демографического потенциала ВС РФ до 2030 г.:

- метод математического моделирования (аналитический метод);
- метод экстраполяции;
- метод экспертных оценок;
- метод передвижки возрастов (метод компонент).

На основе анализа указов Президента Российской Федерации о призыве граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву в конкретный период времени, можно отследить динамику использования призывного потенциала ВС РФ (см. табл. 1).

Таблица 1. Число граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по призывным кампаниям

Год	Призывная кампания		Общее число, чел.
	Весенняя	Осенняя	
2003	175050	175806	350856
2004	166050	176393	342443
2005	157700	140900	298600
2006	124550	123310	247860
2007	133500	132500	266000
2008	133200	219000	352200
2009	305560	271020	576580
2010	270600	278821	549421
2011	218720	135850	354570
2012	155570	140140	295710
2013	153200	150030	303230
2014	154000	154100	308100
2015	150145	147100	297245

Для проведения прогноза «призывного потенциала» нам необходимо знать численность граждан РФ мужского пола в возрасте от 18 до 26 лет. Эти данные можно взять из статистических сборников. Кроме этого нам

необходимо проследить изменение численности рассматриваемой нами категории граждан на период до 2030 г. В этой связи важно учитывать факторы, оказывающие влияние на численность призывного потенциала. Выделим основные из них:

- уровень смертности населения;
- уровень рождаемости;
- уровень пространственной мобильности (миграция);
- уровень заболеваемости в стране.

На основе данных факторов, а также сложившейся демографической ситуации, проведем расчеты, используя метод компонент или, как его иначе называют, метод передвижки возрастов, который был разработан американским демографом Паскалом Киддером Уэлптоном. Суть метода заключается в отслеживании движения отдельных когорт населения во времени в соответствии с заданными прогнозными параметрами рождаемости, смертности, миграции.

В интересах прогнозирования был выбран период основания, равный 22 годам (1992—2014 гг.). Начало периода основания выбрано исходя из того, что при проведении переписи 2010 г. молодые люди 1992 г. рождения (находясь в возрасте 18 лет) были учтены как основа призывного потенциала страны. Период упреждения составил 16 лет (2015—2030 гг. включительно).

В нашем случае для повышения достоверности при расчетах в качестве базовых данных используется число уже родившихся мальчиков. Причем данные берутся из результатов переписи населения России 2010 года и текущих данных о рождаемости за 2014 год. Миграция (пространственная мобильность) при вычислениях не учитывается, тем более что степень ее влияния на конечный результат (увеличение призывного потенциала) незначительна. Раскроем подробно этапы проведения расчетов.

На первом этапе мы из общей численности населения России выбрали молодых людей мужского пола, которые согласно ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» подлежат призыву на военную службу. Их возраст лежит в рамках закрытого интервала от 18 до 26 лет.

На втором этапе вычислялся P_x — коэффициент дожития (вероятность дожития) различных возрастных групп до следующего возраста, который представляет собой соотношение двух смежных групп чисел из таблицы смертности, характеризующей тенденции смертности в прогнозном периоде¹.

¹ См.: Таблица смертности населения России, мужчины // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета — Высшей школы экономики // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ltmenu.php (дата обращения: 30.10.2015).

На третьем этапе производились возрастные передвижки с учетом коэффициентов дожития каждой возрастной группы на год вперед.

На четвертом этапе производился учет тех граждан РФ мужского пола, которые не могут проходить службу по состоянию здоровья. Для этого из общего числа молодых людей 18—26 лет вычитались 27 %. Такие же вычисления проводились по каждой возрастной когорте отдельно.

На пятом этапе проводились простейшие математические вычисления. Использовалось допущение о том, что в каждой возрастной когорте доля проходящих военную службу одинакова: внутри возрастных групп 18—19 лет (составляют 70 % от общего числа призывников, соответственно по 35 % для каждой когорты) и внутри возрастных групп 20—26 лет (30 % от общего числа призывников и, соответственно, по 4,3 % для каждой из семи возрастных когорт).

Зная, что общая потребность армии в призывниках за год составляет 300 тыс. человек, найдем, сколько человек требуется призвать от каждой возрастной когорты.

На долю 18—19 летних приходится:

$$300000 \text{ чел.} \times 70\% \div 100\% = 210000 \text{ чел.}$$

Из числа 18 летних (столько же и для 19 летних):

$$210000 \text{ чел.} \div 2 = 105000 \text{ чел.}$$

На долю 20—26 летних приходится:

$$300000 \text{ чел.} - 210000 \text{ чел.} = 90000 \text{ чел.}$$

Из числа 20 летних (столько же и для остальных возрастов):

$$90000 \text{ чел.} \div 7 = 12857 \text{ чел.}$$

Таким образом, мы получили численность призывного потенциала, дифференцированного по полу и возрасту (см. табл. 2).

Таблица 2. Прогнозируемая численность призывного потенциала ВС РФ на период до 2030 года, с учетом отслуживших молодых людей, (человек)

Возраст	Год							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
18	508376	481828	496080	475510	504255	491612	523956	542066
19	434223	403376	376828	391080	370510	399255	386612	418956
20	358622	329223	298376	271828	286080	265510	294255	281612
21	355514	345765	316366	285519	258971	273223	252653	281398
22	431232	342657	332908	303509	272662	246114	260366	239796

Возраст	Год							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
23	495421	418375	329800	320051	290652	259805	233257	247509
24	587707	482564	405518	316943	307194	277795	246948	220400
25	597174	574850	469707	392661	304086	294337	264938	234091
26	619386	584317	561993	456850	379804	291229	281480	252081
Всего	4387654	3962955	3587575	3213951	2974213	2798879	2744464	2717909
Возраст	Год							
	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
18	546732	542707	541634	587933	619406	623323	615401	661512
19	437066	441732	437707	436634	482933	514406	518323	510401
20	313956	332066	336732	332707	331634	377933	409406	413323
21	268755	301099	319209	323875	319850	318777	365076	396549
22	268541	255898	288242	306352	311018	306993	305920	352219
23	226939	255684	243041	275385	293495	298161	294136	293063
24	234652	214082	242827	230184	262528	280638	285304	281279
25	207543	221795	201225	229970	217327	249671	267781	272447
26	221234	194686	208938	188368	217113	204470	236814	254924
Всего	2725418	2759749	2819554	2911408	3055303	3174372	3298162	3435717

На основе анализа полученных данных можно констатировать, что к 2030 г. при сохранении существующих показателей смертности численность призывного потенциала сократится с нынешних 4 млн 387 тыс. чел. до 3 млн 435 тыс. чел.

Результаты прогноза также показывают, что наиболее критическим выглядит 2018 г., когда численность 18—19 летнего призывного потенциала будет составлять 866,5 тыс. чел. (в настоящее время — 942,6 тыс. чел.). Это заставляет задуматься о том, кого можно будет привлекать к защите государства в ближайшем будущем с учетом сохранения сложившейся демографической ситуации. Важность данного вопроса заключается и в том, что этот же потенциал будет востребован обществом для воспроизводства населения, развития страны в целом. Требуется найти эффективное решение данной проблемы.

Также необходимо обратить внимание на то, что наряду с демографическими факторами, снижающими численность призывного потенциала, есть и другие. Видится целесообразным проанализировать и их с тем, чтобы предлагаемые пути преодоления напряженности обосновывать с точки зрения системного подхода.

В целом, к факторам, объективно влияющим на численность молодых людей с момента рождения до достижения ими 18 летнего возраста, относятся:

- уровень смертности населения (в частности, смертность среди молодых людей мужского пола, не достигших призывного возраста);
- уровень рождаемости. Основное внимание уделяется количеству рожденных мальчиков — будущих защитников Отечества;
- уровень пространственной мобильности (миграция). На численность призывного потенциала оказывает двойственное значение. За счет эмиграции она снижается, а за счет иммиграции — увеличивается. Однако в современных условиях влияние данного фактора статистически не значимо;
- уровень заболеваемости в стране. Один из важнейших факторов, оказывающих влияние на качественные параметры призывного потенциала, а именно — на состояние здоровья призывников.

В совокупности вышеприведенные факторы влияют на формирование призывного потенциала. Кроме того, его структуру и дальнейшее изменение количества обуславливают следующие факторы:

- отсрочки по различным основаниям (по болезни, по семейным обстоятельствам, в связи с учебой в школе/вузе и др.);
- судимость, употребление наркотических и токсических веществ;
- уклонение граждан от призыва на военную службу, в том числе и получение незаконных отсрочек от военной службы;
- альтернативная гражданская служба
- прохождение службы по призыву ранее и другие.

На основании анализа всех приведенных нами альтернативных путей комплектования армии в условиях ограниченности призывного ресурса, можно сделать вывод, что основной выход в сложившейся демографической ситуации видится в постепенном развитии контрактной формы комплектования армии при сохранении обязательного призыва на военную службу. Институт контрактной службы должен обеспечить возможность компенсировать снижение численности призывников за счет более длительного прохождения службы по сравнению с военнослужащими по призыву.

Список источников

1. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М. : Педагогическое общество России, 2002.
2. Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М. Демография : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009.
3. Журавлев П. В., Карташов С. А., Маусов Н. К. Персонал. Словарь понятий и определений. М. : «Экзамен», 2001.

4. Медков В. М. Некоторые демографические аспекты комплектования Вооруженных Сил // Социология войны и мира: Материалы «круглого стола» / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2006.
5. Половнев А. В. Демография в схемах и таблицах. М. : Военный университет, 2008.
6. Социологическая Энциклопедия : в 2 т. / Руководитель научного проекта Семигин Г. Ю.; Главный редактор Иванов В. Н. Т. 2. М. : Мысль, 2003.
7. Шевель П. П., Оборский А. Ю. Демографическое прогнозирование призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации до 2030 года // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России» / М. : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2015.

Н. Р. Лапшина

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОК: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛАХ Г. ВОЛГОГРАДА)

ЛАПШИНА Наталия Романовна — студентка IV курса, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия; Sypernetka@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что трансформационные процессы, протекающие в российском обществе, с неизбежностью приводят к переосмыслению социальной ценности роли семьи как важнейшего института общества. На сегодняшний день на студенческую молодежь возложена большая ответственность за их будущее, поскольку от того, в какой степени сформированы репродуктивные установки, которыми должен обладать каждый, зависит организация процесса деторождения в будущем. Таким образом, крайне необходимо обладать сведениями о состоянии репродуктивных установок у студенток.

Ключевые слова: репродуктивные установки, студентки, брачные установки, установки детности, репродуктивные установки современных российских студенток

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что трансформационные процессы, протекающие в российском обществе, с неизбежностью приводят к переосмыслению социальной ценности роли семьи как важнейшего института общества. На сегодняшний день становится очевидным влияние на семью таких характерных тенденций современности, как индивидуалистские ориентации, многовариантность свободного выбора, социокультурный плюрализм и т. д.

В современных условиях вопросы трансформации института брака, поиска «новых форм» брачных отношений, увеличение числа разводов, уменьшение числа браков приобретают особую актуальность. В быстро меняющемся мире, на обломках традиционной системы ценностей, молодежь создает новые приоритеты, что находит отражение и в содержании её представлений о семье [1].

Студенчество как социальная группа является наиболее важным объектом исследования, так как наиболее подвержена трансформации репродуктивного поведения, а молодые студентки как будущие жены и матери оказываются в зоне прямого воздействия изменения семейных ценностей и репродуктивных установок.

Так, на студенческую молодежь возложена большая ответственность за их будущее, поскольку от того, в какой степени сформированы репродуктивные установки, которыми должен обладать каждый, зависит организация процесса деторождения в будущем [3]. Таким образом, крайне необходимо обладать сведениями о состоянии репродуктивных установок у студентов.

Проблема формирования репродуктивных установок у современных российских студенток имеет первостепенное значение и в наше время. В ряде научных публикаций предложены различные трактовки данной проблемы. В их основе лежит общий тезис о том, что уровень брачных и репродуктивных установок современных российских студенток неуклонно падает [4]. Многие вторы приходят к выводу о том, что перед Россией стоит задача выработки новой идеологической системы, которая в наибольшей степени будет способствовать репродуктивному воспитанию современных российских студенток [2].

Изучение данной проблематики осуществлялось нами на основе социологического исследования, проведенного с применением метода анкетирования в феврале 2017 г. среди студенток 1—4 курсов Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (сплошной опрос, $N = 326$).

Анкета включала в себя три основных блока вопросов: общие представления о семье и детях, вопросы, связанные с репродуктивными установками и установками детности, а также вопросы, связанные с отношением молодых девушек к средствам контрацепции и искусственному прерыванию беременности.

Анализ полученной информации позволил сделать вывод о том, что формирование репродуктивных установок происходит уже в детском возрасте и закладывается в семье через такие понятия, как любовь к детям — 32 %, материнство — 15 %, а также счастливая семья — 11 %. При ответе на вопрос «Как Вы относитесь к детям?», 43 % высказали мнение о том, что положительно относятся к детям, но вот при ответе на вопрос «Хотели бы Вы родить ребенка в ближайшие три года» только 17 % ответили положительно.

Среди наиболее важных факторов, которые оказывают влияние на решение завести ребенка молодые девушки выделяли такие как: стабильное материальное и финансовое положение — 39 %, свадьба — 23 %, примеры друзей и знакомых, у которых есть дети — 21 %, а также достаточный возраст, в котором люди уже сознательно подходят к вопросу о детях — 19 %. Важно также отметить, что 64 % девушек высказали мнение о том, что в будущем хотят иметь только одного ребенка. Это говорит о том, что установки детности в современном мире подверглись особой

трансформации. Если раньше для семей было естественным рождение и воспитание как минимум двоих детей, то сегодня молодые девушки считают, что с появлением детей у них не будет шанса построить успешную карьеру и выделить время на собственные потребности и нужды. Именно поэтому при ответе на вопрос «Согласны ли Вы с распространённым мнением о том, что современная женщина сначала должна сделать успешную карьеру, а только потом рожать детей?» 84 % опрошенных девушек ответили, что полностью согласны с данным высказыванием.

Говоря об отношении молодых девушек к средствам контрацепции и искусственному прерыванию беременности, многие студентки отмечали, что положительно относятся к первым — 37 %, и отрицательно относятся ко второму явлению — 42 %. При этом, некоторые из опрошенных отмечали, что искусственное прерывание беременности является хорошим шансом для тех, кто не может родить ребенка по состоянию здоровья — 53 %.

Подводя общий итог, отметим, что проведенный анализ результатов нашего исследования позволил выявить некоторые решения поставленной проблемы. Так, перед государством и образовательными учреждениями стоит первостепенная задача в своевременном и правильном формировании репродуктивных установок у молодых девушек, от которых зависит демографическая ситуация страны в целом. Целью учебных учреждений должны стать тематические вечера, тренинги и обучающие семинары, которые способствовали бы формированию репродуктивных установок современных российских студенток и избавили бы молодых девушек от страха перед ответственностью и материнством. Реализация этих мероприятий является одним из вариантов совершенствования системы репродуктивного воспитания, функционирование которой должно быть согласовано с изменениями, которые происходят в современном обществе, где меняются акценты и формируется новая модель поведения молодёжи.

Список источников

1. Осадчая Г. И. Семейные ценности и репродуктивные установки россия: мифы и реальность // Социальная политика и социология. 2011. № 3. С. 79—89.
2. Попова Л. А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 57—71.
3. Пруд В. А. Особенности сексуального поведения и репродуктивных установок девушек: региональное измерение // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 1. С. 135—138.
4. Сурвилло Е. В. Сравнительный анализ репродуктивных установок студенток высших учебных заведений // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2016. № 2. С. 152—155.

А. Л. Сазонова, А. А. Сазонов

ЛЮБОВЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

САЗОНОВА Анна Львовна — кандидат социологических наук, доцент, МГУПС (МИИТ), г. Москва, Россия; an-netic@yandex.ru

САЗОНОВ Александр Александрович — кандидат социологических наук, доцент, независимый исследователь, г. Москва, Россия; saa747@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «Любовь между мужчиной и женщиной» как демографического фактора. Использовались материалы многих социологических исследований с участием автора, а также «Фом» и «Левада-Центра». Основные, рассматриваемые вопросы: представления о любви россиян; места любви в ценностном сознании россиян; детерминация феноменом демографического поведения, функционирования института семьи; актуальность формирования и развития социального свойства — «Способность любить» для развития личности и для воспроизводства общества

Ключевые слова: любовь, универсальный тип социального взаимодействия, социальный конструкт, социальные функции любви, репродуктивная функция, демографическое поведение

Любовь один из самых удивительных социокультурных феноменов, присутствующий во всех сферах жизнедеятельности общества, оказывающий влияние на их функционирование и развитие, занимает огромное место в жизни человека, наполняя её смыслом, заставляя ярче, ощущать включенность в процессы бытия, иницируя желание творить, изменять мир, делая его более счастливым.

С точки зрения социологии, любовь является особым типом социальных взаимоотношений, универсальным типом социального взаимодействия, выполняющим роль системно-образующего компонента, некоего «социального конструкта». В этом аспекте она отражает представления о базовых ценностях и «экзистенциальных благах», в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели и стоит в одном ряду с конструктами счастья, веры, надежды, свободы, познания, труда, творчества, общения, наконец самой жизни человека.

В этом качестве любовь выполняет ряд социально значимых функций: социализирующую, социально-регулятивную, коммуникативную, интегра-

тивную, нравственно-воспитательную, творческую, и другие. В этом ряду стоит, и, пожалуй, является важнейшей с т. з. объективных потребностей общества, функция репродуктивная

Во-первых, потому что демографическая ситуация в современной России характеризуется специалистами-демографами как крайне неблагоприятная. По прогнозам Росстата к 2026 г. население России сократится до 137 млн, по ряду показателей ситуация в стране характеризуется значениями, близкими к зоне пороговых, за которыми неизбежны депопуляция и деградация населения.

Во-вторых, потому что любовь между мужчиной и женщиной (а именно этот её вид, есть именно то, что наиболее часто подразумевается под словом «Любовь») является мощным фактором демографического поведения т. е. поведения, связанного с биологическим и социальным воспроизводством, миграцией, мобильностью населения и т. п.

В-третьих, потому что любовь является одной из форм первичной социальной связи. Ведь нет ни одного человека, который не вступал бы в продолжении своей жизни в различного рода многообразные отношения с другими членами социума. И, причем, часто, в результате этих отношений, образуются различные социальные группы. В первую очередь малые или первичные. В таких группах, будь то дружеский союз или соседская община, или семья отношения между людьми носят, как правило, интимный, доверительный характер, основаны на чувствах личной привязанности, надежности, взаимовыручки, товарищества, ..., любви. В этом ряду любовь и как фактор продолжения рода и, просто, как фактор общения выполняет функцию первичного связующего звена между обществом и личностью.

В-четвёртых, потому что любовь организует (или способствует способствует организации) важнейшие социальные институты — брака и семьи. Здесь речь идет о таком феномене как социальная сила любви (таинственная энергия любви по П. Сорокину). Это свидетельствует о традиционно очень большом влиянии духовного явления «Любовь» на функционирование этих институтов в России (сохраняющемся даже в наше время). Причем классической Любви, с присущим ей отсутствием сверхценности сексуальных отношений. Исследования 60—80-х гг. А. Г. Харчева, С. И. Голода, И. С. Кона, В. П. Лисовского и др., посвящённых проблемам семьи и брака, свидетельствуют о том, что любовь является ведущим мотивом вступления в брак и брачного выбора, главным фактором создания крепкой семьи, супружеского счастья, удовлетворённости семейной жизнью (см. работы). Опросы 1990—2000-х гг. показывают, что и в постсоветской России любовь оценивается большинством как необходимое условие для прочности и стабильности брака.

О значимости любви между мужчиной и женщиной в жизни россиян, свидетельствуют, например, данные опросов ФОМ и «Левада-Центра» собственных исследований [см.1,4—6]. Большинство россиян (76 %) признается, что для них важно ощущать себя любимыми [4]; более 80 % довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти имеют любимых женщин/мужчин [5]. Давая определение любви наши соотечественники, характеризовали ее как «важнейший элемент жизни, определяющий её суть»; нечто «возвышенное, светлое, прекрасное, невыразимое словами», без чего «...нет счастья», и даже «если нет любви, нет и жизни» и т. п. [6]. Для многих любовь это прежде всего понимание, доверие и уважение, постоянство в отношениях, верность, бескорыстие, самопожертвование [1]. И конечно, любовь это семья, дети, теплые отношения между близкими родственниками, сексуальная гармония [1,6].

Но, увы, общегуманитарный кризис современного общества ведёт к деградации целого комплекса социальных отношений, а вместе с тем и системы личностных и социальных ценностей, определяющих социально-нравственную ориентацию человеческой жизнедеятельности. С обострением экономических, политических и прочих противоречий происходит девальвация таких ценностей как любовь, альтруизм, бескорыстие, сострадание к ближнему... Любовь как особое качество социальных отношений теряет сегодня свою социально- регулятивную значимость.

Поэтому формирование и развитие важнейшего социального свойства способности любить крайне актуально как для развития личности, так и для воспроизводства общества. Общество может и должно активно влиять на этот процесс посредством своих институтов семьи, культуры, образования и др. Понятно, что целенаправленное воздействие не должно сводиться к навязыванию любви к кому-либо, чему-либо. Общество должно способствовать развитию самого свойства, качества любить; оказывать помощь в выборе, предлагать достойные развитой личности объекты любви с про- а не антиобщественными параметрами; вырабатывать критерии различения любви как высочайшего проявления личности от псевдолюбви и суррогатной любви. К сожалению, отечественные СМИ насаждают в российском обществе то, что Б. Рассел определял как «социальную модель патологии любви». Программы подготовки молодёжи к браку и семейной жизни (целью которых должно быть просвещение в сфере брачно-семейных отношений и формирование убеждений, установок, способствующих построению успешной, стабильной семьи и соответствующего им типа брачного поведения) часто сводятся к подмене отношений, основанных на любви и ответственности «безопасным сексом», потребительским поведением, а иногда обоснованием нормальности гомосексуальных отношений.

Сегодня, когда ослабевают экономические связи между членами семьи, а развод становится социальной нормой, все большее значение для стабильности семьи и брака имеют отношения, которые Э. Гидденс назвал «чистыми отношениями», основанные исключительно на чувстве взаимной эмпатии, удовлетворенности семейными отношениями и т. п., в основе которых лежит любовь.

Список источников

1. Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А. А. Сазонова. М. : Издательский Дом «Наука», 2013. С. 50—65.
2. Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3—1 (23). С. 162—170.
3. Сазонова А. Л. Любовь как демографический фактор. В сборнике: Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Материалы Всероссийской научной конференции. МГУ им. М. В. Ломоносова. Электронное издание. 2016. С. 703—706.
4. Псковская лента новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://plnpskov.ru>.
5. О любви и Дне всех влюбленных [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10813>.
6. «Как Вы думаете, что такое любовь?» [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506.
7. Климова С. Социальный феномен любви. Социологические исследования. № 9. 2008. С. 79—88.

О. Е. Гусева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА К СОВРЕМЕННОМУ

ГУСЕВА Ольга Евгеньевна — студентка II курса магистратуры социологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; guseva.oe@mail.ru

Аннотация. В данной статье речь пойдет о кризисе традиционного типа семьи и его трансформации в современный тип, имеющий свои особенности, которые, в свою очередь, могут привести к неблагоприятным для России последствиям.

Ключевые слова: Семья, трансформация, кризис, функции, демография, брак

Семья — это «основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью, один из важнейших элементов социальной структуры» [1]. Таким образом, она выполняет большинство самых значимых для всего общества функций, к которым можно отнести:

- Репродуктивную — рождение детей;
- Воспитательную — социализация детей;
- Коммуникативную — удовлетворение потребности в общении;
- Экономическую — материальное обеспечение членов семьи;
- Рекреационную — восстановление энергетических ресурсов человека.

Однако, несмотря на всю важность данного социального института для развития человечества, в последние годы особенно остро встает поставленная еще Пителимом Александровичем Сорокиным проблема кризиса семьи [2], выраженная в:

- Увеличении количества разводов;
- Уменьшении числа заключаемых браков;
- Росте популярности сожительства;
- Падении демографических показателей;
- Снижении уровня соблюдения верности супругов;
- Рост числа людей, занимающихся проституцией;
- Изменение гендерных ролей в семье;
- Отсутствие религиозной основы брака.

Все это ведет к отмиранию традиционного типа семьи и замене его на новый — эгалитарный тип, имеющий свои определенные особенности.

Во-первых, это полоролевая трансформация взаимоотношений супругов. Дело в том, что вследствие происшедших в XX веке исторических событий (эмансипация женщин, переход к рыночной экономике, освобождение от влияния церкви) мужчины перестали играть доминирующую роль в семье и разделили ее с женщинами. Во-вторых, серьезный демографический спад, отражающий то, что те 17 %, которые составляют молодые семьи и на чьи плечи приходится примерно $\frac{3}{4}$ рождения детей [3], предпочитают иметь в большинстве случаев всего лишь одного, максимум двух малышей. И в-третьих, это профессионализация семьи, выраженная в перекладывании стандартных ее функций на различные государственные структуры (школы, детские сады).

Таким образом, описанный портрет современной семьи является довольно привлекательным для нынешней молодежи, и даже более того — становится для нее некой стандартной формой. Последняя же имеет под собой определенное рода последствия, которые нельзя назвать благоприятными для нашей страны. К таким можно отнести:

- Старение института семьи;
- Демографическая яма;
- Исчезновение некоторых функций семьи.

Старение института семьи наблюдается уже сегодня и выражается во все более позднем заключении брачного союза мужчины и женщины. Так, например, если еще в 2000-м году большее количество семей было создано в возрасте от 18 до 24 лет, то в 2015-м году этот показатель сместился в группу от 25 до 34 лет [4]. Другими словами, с каждым годом наблюдается уменьшение количества заключаемых браков в молодом возрасте и их увеличение в более зрелом приблизительно на 1,1 %. Кроме того весь этот процесс происходит на фоне роста количества разводов и общего спада числа создаваемых семей в соотношении один к двум. При такой тенденции семья вообще может исчезнуть как социальный институт.

Демографическая яма, преобладающая в основном в мегаполисах нашей страны (Москва, Санкт-Петербург), грозит распространиться и на другие ее области. Дело в том, что прирост населения в России происходит в большинстве своем за счет миграции, а не за счет естественного фактора. Сегодня наиболее комфортным, а, следовательно, и наиболее желаемым для молодежи является тот состав семьи, где проживает не более двух детей. А, как известно, двое малышей у своих мамы и папы лишь заменяют последних, не давая необходимого для перекрытия показателя смертности прироста. Что и говорить об одном ребенке, который не может восполнить даже утрату двоих родителей.

Также возможно исчезновение некоторых функций семьи вследствие того, что государство во многом стало брать на себя процесс социализа-

ции детей. Помимо этого, родители малолетнего ребенка предпочитают как можно быстрее выйти на работу, из-за чего последнее время особо популярным стала профессия няни. Таким образом, в институте семьи возможно сведение до минимума или полное исчезновение воспитательной функции.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в настоящее время происходит активный процесс трансформации семьи от традиционного типа к современному, который может привести к более тяжелой форме кризиса, отражающего названные негативные последствия.

Список источников

1. Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд ; руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин ; главный редактор В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003.
2. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 1997. № 3. С. 65—79
3. Киселева Е. В. Современная российская семья в традиционно-конфессиональном аспекте / Вестник славянских культур. 2012. Т. 1. № XXIII. С. 42.
4. Федеральная служба государственной статистики / Официальная статистика / Население / Демография / Браки и разводы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

А. И. Белов**СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И РЫНОК ТРУДА В РОССИИ**

БЕЛОВ Александр Игоревич — магистрант, Факультет социальных наук, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; aibelov@edu.hse.ru

Аннотация. Переход к низкой рождаемости и смертности приводит к медленному старению населения. Россия вступила на путь увеличения доли пожилого населения в середине нулевых годов, до этого росло только трудоспособное население, то есть на него снижалась нагрузка пожилыми и детьми, это так называемый демографический дивиденд, которым, Россия не воспользовалась. С 2010 года демографическая нагрузка на трудоспособную часть населения увеличивается в нашей стране преимущественно за счет людей пожилых возрастов. По прогнозу ООН до 2100 года демографическая нагрузка пожилыми людьми по сравнению с 2015 годом увеличится почти в два раза. Сокращение численности трудоспособного населения уже происходит, но в ближайшие 5 лет этот процесс ускорит темп, так как на рынок труда выйдут малочисленные поколения 90-х годов. Решением проблемы сокращения трудоспособного населения, уменьшения напряжения на рынке труда может быть усиление иммиграции, особенно, квалифицированных работников, так как увеличение рождаемости маловероятный процесс, как и снижение смертности, которые не дадут ощутимого прироста численности населения, также решением проблемы может стать увеличение экономической активности группы до 24 лет и групп старше пенсионного возраста. К сожалению, вышеназванные меры все равно не «покроют» убыль трудоспособного населения.

Ключевые слова: демография, старение, рынок труда, демографическая нагрузка, прогноз численности населения

Россия вследствие процессов демографического перехода получила демографический дивиденд примерно в конце 1990-х — начале 2000-х годов. С начала 1990-х годов уменьшалась доля детей (с 1992 по 2006 год сократилась на 12 млн, а с 1998 года сократилась доля пожилых почти на 1,5 млн человек к 2005 году [1]). Росла только численность трудоспособного населения, но продлилось это недолго. С 2010 года растет общая демографическая нагрузка, преимущественно за счет пожилых возрастов (рис. 1).

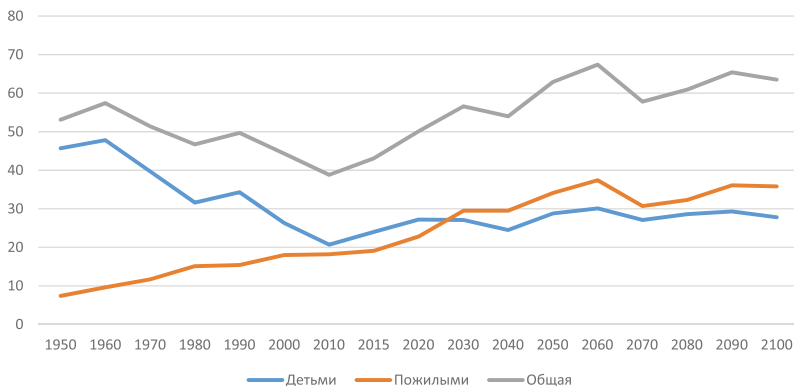

Рис. 1. Прогноз демографической нагрузки в России детьми, пожилыми, общая, 1950—2100 гг. Источник: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40der.php>

Однако сумела ли Россия воспользоваться этим дивидендом? Вложило ли государство ресурсы в развитие человеческого капитала?

Вероятно, нет. Россия относится к 15 % наименее успешных стран по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства. Это значит, что вклад сырьевых ресурсов в общественное богатство крайне высок в нашей стране, а человеческий капитал при этом не развивается (образование, здравоохранение) [2]. По этому показателю Россия превосходит даже большинство самых бедных стран, оказываясь по соседству с Гайаной, Венесуэлой, Молдавией, Габоном, Сирией и др.

Неблагоприятная демографическая обстановка в России усложняет увеличение вклада человеческого потенциала в общественное благо. Уменьшение трудоспособного населения может привести к замедлению экономического роста, и приведет к увеличению нагрузки на работающее население и пенсионную систему.

Согласно демографическим прогнозам в России уже сокращается численность трудоспособного населения, а в будущем, возможно это сокращение ускорится. Без притока мигрантов численность трудоспособного населения уменьшится к 2030 году на 11 млн человек (сокращение наблюдается во всех вариантах прогноза: по среднему варианту с учетом миграции убыль составит 6,6 млн человек, по низкому варианту — порядка 9,6 млн а по высокому варианту — около 3,7 млн человек) [3]. В России существует проблема структурной диспропорции рынка труда: когда не хватает специалистов в определенной отрасли, например, инженеров, квалифицированных рабочих, но есть избыток специалистов с высшим образованием [2].

Рассмотрим внимательней структуру населения трудоспособного возраста. По одному из вариантов Института демографии НИУ ВШЭ в трудоспособном населении будет сокращаться доля работников до 40 лет.

По другому прогнозу, составленному ИДЕМ НИУ ВШЭ, доля работников от 40 лет до пенсионных возрастов увеличится с 44 % до 52 % к 2030 году, доля работников до 35 лет уменьшится с 16,7 % до 10,5 % [2]. С одной стороны, чем старше работник, тем он опытней, но с другой — максимальный уровень занятости населения находится в промежутке 25—54 года, то есть вместе со старением населения будет падать производительность труда. Из этого можно сделать еще один простой вывод — в долгосрочной перспективе сокращение трудоспособного населения приведет к неустойчивости экономического роста (если не стагнации). Возможно, будет увеличиваться доля населения с образованием, которое не потребуется в будущем, следовательно, этим людям придется переучиваться, поэтому перед обществом возникает еще одна задача — непрерывного образования в любом возрасте.

Как же решить проблему уменьшения ЭАН и снизить напряжение на рынке труда? По результатам прогнозов ИДЕМ НИУ ВШЭ, существенно изменить численность ЭАН сможет только миграция (повышение рождаемость маловероятный вариант, снижение смертности тоже). Кроме миграции стоит повысить экономическую активность крайних возрастных групп (молодежь, пожилые) и инвалидов, но этому мешает низкая продолжительность жизни, плохое здоровье, негибкое трудовое законодательство. Лишь миграция может компенсировать убыль населения, но рынок труда она сможет поддержать, если среди мигрантов будут присутствовать люди разной квалификации. Также ускорить рост экономики могут увеличение производительности труда и отдача от использованных ресурсов.

Увеличение продолжительности жизни (в том числе здоровой) в России, особенно, мужчин позволило бы сохранить трудоспособность, значит, и «растянуть» трудоспособный возраст. Увеличение экономической активности средней возрастной группы уже практически невозможно, поэтому остаются крайние группы: молодежь, которая занята образованием (с 2005 года заметен спад занятых в 18—25 лет, см. доклад Росстата «Труд и занятость в России»), имеет высокий уровень безработицы (при этом сохраняющийся во времени) и пенсионеры, чья производительность труда и востребованность на рынке низки.

Примерно четверть пенсионеров работает, так как нет запрета для них на трудовую деятельность, только на пенсию в современных условиях пожилые люди положиться не могут. Кроме того, в старших возрастах резко ухудшается здоровье, что приводит к преждевременному выходу

с рынка труда, особенно, если сфера занятости требует крепкого физического здоровья (транспорт, промышленность).

К сожалению, среди мигрантов, которые могли бы решить проблему депопуляции или замедлить ее, преобладают неквалифицированные кадры, преимущественно занятые в неформальной экономике. России для покрытия дефицита рабочей силы требуется несколько миллионов мигрантов (называются цифры вроде 15 млн, причем самой разной квалификации, но это приведет к социальным конфликтам, если вливание рабочей силы произойдет слишком быстро по историческим меркам. Получается, что мигрантов прежде чем устроить в формальный сектор нужно обучать, так как в России требуются квалифицированные рабочие и средний технический персонал (см. пример с ЮФО [2]). Но мигранты предпочитают прибывать в страну на короткий срок, поэтому на повышение их квалификации рассчитывать не приходится. Другая проблема миграции — отношение к ним российского общества. Государство с одной стороны поддерживает въезд иностранной рабочей силы с помощью продуманной миграционной политики, но с другой — дискурс отношения к мигрантам с начала 2000-х годов ужесточается, мигранты предстают в СМИ бандитами, носителями болезней и т. п., общество негативно относится к приезжим из Средней Азии (основной донор рабочей силы) и Кавказа, поэтому даже обсуждение увеличения иммиграции является потенциально опасным.

Итак, по некоторым подсчетам меры демографической и миграционной политики вместе с некоторыми экономическими факторами могут дать прирост в 5,2—6,3 млн человек трудоспособного населения, но даже эти огромные числа покроют лишь половину демографической убыли [2]. Потеря трудоспособного населения в России неизбежна по всем прогнозным сценариям.

Список источников

1. Васин С. А. Прощание с демографическим дивидендом // Демоскоп Weekly. 2008. № 317—318. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema01.php>.
2. Дмитриев М. Э., Малева Т. М., Синявская О. В. Демографические вызовы и экономический рост // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. М. : UNDP, 2009. с. 121—151. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0429/analit02.php>.
3. Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r13/acrobat/glava7.pdf.

Ф. Ф. Ишкинеева, К. А. Озерова, А. Д. Кавеева

«СИНДРОМ АНДЖЕЛИНЫ ДЖОЛИ» В КОНТЕКСТЕ КАНЦЕРОГЕННЫХ РИСКОВ

ИШКИНЕЕВА Фарида Фалесовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии ИСФН, заведующая лабораторией социологических исследований Казанского федерального университета, г. Казань, Россия; farida1967@mail.ru

ОЗЕРОВА Карина Адгамовна — аспирантка кафедры общей и этнической социологии, КФУ, г. Казань, Россия; karina-usm@yandex.ru

КАВЕЕВА Аделя Динаровна — аспирантка кафедры общей и этнической социологии, КФУ, г. Казань, Россия; adele.kaveeva@mail.ru

Аннотация. В структуре причин смертности населения мира, в том числе жителей России, растет доля канцерогенных факторов. В ситуации угрозы известность получил «синдром Анджелины Джоли»: профилактическая операция по удалению органов с мутацией в генах. Может ли этот случай стать примером для российских женщин в аналогичной ситуации? В статье представлены результаты анкетного опроса жительниц Республики Татарстан в возрасте от 20 до 55 лет по отношению к вопросам генной диагностики и превентивных методов лечения таких заболеваний, как рак молочной железы и рак яичников.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, генетический анализ, мутации генов, социологический опрос, рак молочной железы, рак яичников

В структуре причин смертности населения мира, в том числе жителей России, растет доля канцерогенных факторов. В ситуации угрозы известность получил «синдром Анджелины Джоли»: профилактическая операция по удалению органов с мутацией в генах. Может ли этот случай стать примером для российских женщин в аналогичной ситуации?

Социологи лаборатории социологических исследований Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ совместно с исследователями Института фундаментальной медицины и биологии КФУ в период с 3 по 22 марта 2016 г. провели анкетный опрос жительниц Республики Татарстан в возрасте от 20 до 55 лет для выявления их отношения к вопросам генной диагностики и превентивных методов лечения таких заболеваний, как рак молочной железы и рак яичников. Выборка

составила 2100 женщин разного возраста, образования, уровня доходов и рода занятий. Возрастные группы представлены равномерно — примерно по 15 % каждая (с пятилетним возрастным интервалом). По уровню образования это лица с высшим образованием — 64 %, со средне-специальным — 27 %, со средним — 8 % (др. — 1 %). По роду занятий это студентки (18 %), специалисты с высшим образованием в бюджетной сфере и в коммерческом секторе (по 16 %), государственные и муниципальные служащие (10 %), служащие без высшего образования (10), домохозяйки (6 %), пенсионерки (6 %), квалифицированные и неквалифицированные рабочие (5,5 %), в декретном отпуске (5,5 %), предприниматели (4 %). Более половины опрошенных замужем или состоят в незарегистрированном брачном союзе — 61 %, остальные в браке или брачных союзах не состоят. Большинство опрошенных (73 %) отмечают, что ни они, ни их родственники никогда не болели раком груди или яичников, 14,5 % опрошенных отмечают, что этими видами онкологии болели они сами или члены их семей.

Большинство опрошенных женщин (80 %) слышали о том, что существует генетическая предрасположенность развития рака груди и яичников, и хотели бы определить состояние своих генов, отвечающих за такую предрасположенность. Однако для большинства эта осведомленность носит общий, поверхностный характер. Существует зависимость между наличием жизненного опыта, связанного с раком груди или яичников, и желанием пройти генетический тест: те, кто имеет такой опыт, в шесть раз реже выражают нежелание пройти обследование, чем те, кто такого опыта не имеет. Доля респондентов, желающих сделать такой анализ, не зависит от возраста: в среднем в каждой возрастной группе около 80 % опрошенных одобряют идею такого исследования. Однако если рассматривать долю тех, кто не хотел бы делать такой анализ, можно заметить, что с возрастом растет доля лиц, не желающих заранее знать о наличии/отсутствии мутаций, связанных с повышением риска развития рака груди и яичников: среди респонденток группы 32—44 года их 10,3 %, группы 51—55 лет 9 %, тогда как в группе 20—25-летних таких 2,6 %. Вместе с тем прослеживается прямая зависимость между показателями готовности сделать обозначенный анализ и показателями уровня доходов: среди респонденток с низким уровнем доходов 30 % не стали бы делать такое обследование, среди респонденток со средним и высоким уровнями доходов — только 5—7 %.

Респонденты, высказавшиеся против генетического обследования (на предрасположенность к раку груди и яичников), не всегда осознают, что исследование имеет профилактический характер и связано не с выявлением конкретного заболевания, а только с определением наличия или отсутствия признаков предрасположенности к раку.

Возможность профилактического удаления органа при обнаружении высокого уровня генетического риска развития рака груди или яичников выразили 38,0 % респондентов. Отказ от подобной операции при условии регулярного посещения маммолога для выявления рискованных мутаций на ранней стадии выразили 34,6 % опрошенных. Категорически отвергли возможность такой операции 6,4 % опрошенных, пятая часть не определилась с ответом. Профилактическая операция по удалению органов воспринимается как нежелательная мера большинством женщин.

Большинство отказов от обследования связано с нежеланием нарушить душевное спокойствие без веских причин («вескими» признаются уже выраженные симптомы заболевания). Основные причины неприятия профилактической операции связаны с неприятием хирургического удаления еще здорового органа лишь при потенциальной угрозе (70%-й риск признается недостаточным) и с уверенностью в эффективности нехирургических методов лечения рака при ранней диагностике. Значительна группа тех, кто боится медицинских манипуляций в целом, кто боится остаться «эстетически неполноценной» после операции, боязнь неверного диагноза и страх остаться с болезнью «один на один», нарушить свой «душевный покой» и т. п.

Не обнаружена зависимость от возраста, образования, семейного положения, уровня дохода (кроме категории наименее обеспеченных респонденток около 40 % из них не знают, посоветовать близким генетический тест или нет). Однако в целом для всех групп опрошенных самый популярный вариант «Да, порекомендую».

Важной составляющей профилактики онкологических заболеваний репродуктивной системы является посещение гинеколога и маммолога. Значительная часть опрошенных (40 %) посещает маммолога раз в несколько лет, около 30 % — несколько раз в год и чаще, (так же) около 30 % никогда не были на приеме у маммолога. Большинство опрошенных (71,5 %) бывают на осмотре у гинеколога раз в год и чаще, еще 27,5 % — раз в несколько лет и только 1,0 % никогда не были у гинеколога. Больше всего тех, кто никогда не был у гинеколога, в возрастной группе 20—25 лет (57,2 %), с увеличением возраста количество тех, кто не посещал данного специалиста никогда заметно сокращается, для самой старшей возрастной категории (51—55 лет) — это 14 %.

Наблюдается также связь с уровнем образования — женщины с высшим и средним специальным образованием в среднем посещают маммолога один раз в несколько лет. Среди респонденток со средним образованием меньше всего тех, кто посещает маммолога раз в год и чаще (13,7 % при среднем по выборке 29,6 %). Среди респонденток со средним неполным образованием больше всего тех, кто никогда не был на приеме у маммолога (55 % при среднем 29,6 %).

Наблюдается также связь частоты посещения маммолога и рода деятельности: регулярно посещают данного врача те респондентки, которые так или иначе связаны с государственными службами (и) (специалисты с высшим образованием в бюджетной сфере, Государственная или муниципальная служащая, Военнослужащая в органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ). Среди них самая высокая доля тех, кто посещает маммолога один раз в несколько лет и чаще. Однако для всех профессиональных групп стабильно высок уровень тех, кто никогда не был на данном обследовании — около 25—30 %.

Исключениями могут быть только категория государственных и муниципальных служащих: 10 % никогда не были у маммолога и военнослужащих в органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ (100 % опрошенных в этой категории были у маммолога).

Такое распределение, во-первых, указывает на то, что работницы данных категорий попадают под действие специальных программ обследования, организованных и контролируемых их ведомствами. Во-вторых, очевидно, что с другими профессиональными категориями женщин, даже занятых в бюджетной сфере, работа по организации регулярных медосмотров не ведется, либо осуществляется формально.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что при достаточно высокой информированности респондентов о возможности генетической предрасположенности к раку молочной железы и яичников, большинство опрошенных женщин готовы, скорее, к консервативным методам лечения. Хотя часть российских женщин могла бы последовать примеру Анджелины Джоли в случае обнаружения мутации в генах, абсолютному большинству женщин недостаточно имеющейся информации для формирования устойчивых установок на самосохранительное поведение. Актуальны комплексные мероприятия по популяризации и пропаганде методов ранней диагностики и профилактики онкологических заболеваний с учетом специфики целевой аудитории, ее достатка, менталитета и культурологических особенностей.

С. А. Ахметова

МОДЕЛЬ ТРЕХДЕТНОЙ СЕМЬИ В РОССИИ И ШВЕЦИИ: ИЛЛЮЗОРНАЯ ИЛИ ВОЗМОЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

АХМЕТОВА Симбуль Абдуллоевна — доцент кафедры общей и этнической социологии кандидат философских наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, г. Казань, Россия; gjacint7@mail.ru

Аннотация. Сбережение народа — одно из приоритетных направлений деятельности правительств европейских стран, в том числе России и Швеции. При всем различии демографических процессов в этих странах наблюдаются сходные тенденции, вызванные старением населения, уровнем естественного прироста, недостаточным для замещения поколений, ростом иммиграции. В данной статье¹ предпринята попытка выявления возможного способа возобновления населения. Представляется, что действительное сбережение народа может быть реализовано с помощью распространения модели двух-трехдетной семьи, однако вместе с тем не покидает осознание иллюзорности этой возможности.

Ключевые слова: воспроизводство населения, депопуляция, «старение снизу» и «старение сверху», уровень замещения поколений, материнский капитал, иммиграция, народосбережение

Решение задач, касающихся жизненно важных проблем, связанных с множеством сценариев развития, неопределенностью социальной среды, имеющей рискогенный характер, значительным числом участников с разнонаправленными интересами, возможно на основе применения методологии форсайта, корректно определяющей приоритеты развития, в том числе применительно к демографическому воспроизводству населения страны, региона.

Жизнеспособность и устойчивое развитие страны непосредственно связаны с возобновлением человеческих поколений. Вместе с тем многие современные страны испытывает трудности с воспроизводством населения. К ним относятся европейские страны, в том числе Швеция, в которой население численно растет, но катастрофически стареет. К ним относится и Россия, в которой население численно убывает и тоже стареет.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 16-06-01064 «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза»).

ет. Шведскому обществу необходим рост рождаемости, поскольку темпы роста молодежи значительно отстают от темпов роста численности пожилых и старых людей: в 2015 г. доля детей составила 17,4%, доля стариков — 19,8%. Низкий уровень рождаемости (в 2015 г. — 11,7 на 1000 чел.) — «старение снизу» сочетается со «старением сверху» — ростом продолжительности жизни (в 2014 г 80 лет у мужчин и 84 года — у женщин) [1]. Рост рождаемости необходим и российскому обществу, в котором уровень рождаемости ниже уровня замещения поколений. С 2013 года в Швеции наблюдается тенденция роста населения преимущественно за счет мигрантов: численность родившихся составила 113593 человек, численность иммигрантов — 115845 человек. Для самовоспроизведения населения (без помощи иммиграции) необходимо, чтобы каждая жительница страны за детородный период родила двух-трех детей. В период с 1900 по 1970 гг. рождаемость соответствовала репродуктивному уровню, после 1970-х гг. уровень в 2,1 единицы был превышен только в 1990, 1991 и 2010 гг. (в 1999 году он составлял 1,5 единицы). Эти данные свидетельствуют о том, что в принципе самовоспроизведение возможно, необходимо определить основные факторы, детерминирующие спад естественного прироста населения страны. Ответ кроется и в изменении структуры ценностей современной шведской семьи, в частности, в утрате детоцентризма, и в распространении множества альтернативных семейных союзов, в том числе модели «шведской семьи».

В России (далее — РФ), начиная с 1992 года, в результате системного кризиса, охватившего страну, наблюдается депопуляция: Однако постепенно в стране, в том числе в Республике Татарстан (далее — РТ), в последние годы наблюдается медленный естественный прирост населения. Считается, что это следствие действия Государственной программы материнского капитала, которая реализуется в России на основании Федерального Закона № 256-ФЗ от 29.12.2006 г., преследующей две основные цели: а) стимулирование рождения вторых и последующих детей женщинами детородного возраста; б) повышение уровня жизни семей с детьми, в том числе за счет улучшения жилищных условий или возможности получения платных образовательных услуг для детей.

Население РТ, в отличие от многих других регионов страны, растет с 2009 г. и занимает по численности восьмое место среди 85 субъектов РФ, Темпы естественного прироста населения в регионе несколько выше, чем в России, за счет более высоких показателей рождаемости и более низких показателей смертности. Особенно благоприятная ситуация сложилась в ряде крупных городов республики. Позитивные процессы исследователи связывают с более молодым населением в городах, достаточным репродуктивным потенциалом, с полиэтничным составом

населения. Республика лидирует в Приволжском федеральном округе по числу выданных сертификатов на государственный материнский капитал. Разработана и действует региональная Программа материальной поддержки семей, в которых одновременно рождается трое и более детей (единовременные и ежемесячные пособия на каждого ребенка до достижения ими полутора лет). Кроме того, в республике действует Программа обеспечения многодетных семей бесплатными земельными наделами для индивидуального, дачного строительства или огорода. Земля оформляется в собственность всех членов семьи, включая детей. Размер надела зависит от численности детей в семье и составляет 6—20 соток [2]. Все эти программы, несомненно, значимы и способствуют, в той или иной мере, воспроизводству населения, однако вряд ли их можно считать достаточными для достижения основной цели — уровня рождаемости, необходимого для возобновления поколений. В Концепции демографической политики России и ее регионов, а также Шведского королевства, целесообразна постановка приоритетной задачи — распространение модели трехдетной семьи и поиск средств ее достижения.

В Швеции — благоприятные возможности для естественного воспроизводства населения: а) численность мужчин и численность женщин сбалансирована; б) уровень рождаемости выше уровня смертности; в) уровень младенческой смертности низкий. Однако наблюдаются и неблагоприятные тенденции: а) низкий уровень рождаемости (ниже уровня замещения поколений); б) «старение сверху»; в) низкий репродуктивный потенциал. В результате в процессе возобновления поколений начали доминировать иммигранты.

В России, в том числе в РТ, медленный естественный прирост населения происходит в ситуации неопределенности, нестабильности общества, на фоне кризисных явлений. Не случайно исследователи оценивают демографическую динамику в стране и регионах с позиции сдержанного оптимизма. В этих условиях для сохранения тенденции роста численности населения, формирования сбалансированной половозрастной структуры, репродуктивного потенциала необходимы радикальные меры институционального характера. Российское правительство озабочено народосбережением, формулирует в качестве одного из приоритетных направлений демографической политики «повышение уровня рождаемости (в том числе за счет рождения в семьях второго и последующих детей)» [3]. Однако представляется необходимым сделать на этом — приоритетном — направлении акцент, держать в фокусе внимания именно этот феномен — рождение двух-трех детей в семье для действительного сбережения народа.

В России и Швеции в конечном счете сложилась сходная демографическая ситуация, хотя и в результате действия различных процессов.

Сбережение народа — приоритетное направление в деятельности правительств обеих стран. Различия заключаются в способах достижения народосбережения.

Список источников

1. Население и его изменение 1749—2015//Статистическое управление Швеции. URL: [http://www.scb.se/en_/Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Population/Population-composition/Population-statistics/Aktuell-Pong/25795/Yearly-statistics - The-whole country/26046/](http://www.scb.se/en_/Finding-statistics/Statistics-by-subject-area/Population/Population-composition/Population-statistics/Aktuell-Pong/25795/Yearly-statistics-The-whole-country/26046/).
2. URL: http://capital-msk.ru/?utm_source=banner&utm_campaign=promaterinskiy-kapital (Обращение 20.02.2017).
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 17.02.2017).

К. С. Таракановская, М. Г. Желвицкая

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ БРАЧНОСТИ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РМЭЗ)

ТАРАКАНОВСКАЯ Ксения Сергеевна — студентка НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; nvkz-ksenia@mail.ru

ЖЕЛВИЦКАЯ Мария Геннадьевна — студентка НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия; mariyazhelviczkaya@mail.ru

Аннотация. Данная работа направлена на рассмотрение основных количественных характеристик анализа брачности, главными среди которых выступает выявление доли лиц когда-либо вступавших в брак и доли не вступавших в брак. Для изучения брачности были использованы данные РМЭЗ за 2015 год. Анализ произведен с помощью прикладного программного обеспечения SPSS. Выделен возраст вступления в брак мужчин и женщин, определено соотношение между долей замужних женщин и женатых мужчин, а также замечена тенденция снижения доли лиц, состоящих в браке моложе 30 лет. Показана направленность увеличения возраста вступления в первый и повторный браки, а также их сокращение. Обозначено соотношение долей между мужчинами и женщинами по признаку вступления в повторный брак и по признаку овдовения. В целом обрисована высокая роль изучения брачности, так как данный демографический процесс имеет непосредственное отношение к тенденциям рождаемости и формирования семьи.

Ключевые слова: брачность, первый брак, повторный брак, возраст вступления в брак

На протяжении большого количества времени семья представляет базовый элемент общества, без которой невозможно представить его существование и на современном этапе развития социума. Брак же является союзом между мужчиной и женщиной, оформленным в установленном законом порядке, главной целью которого в итоге выступает создание семьи [5]. Заключение брака — это один из основных параметров брачности, а его прекращение приводит к разводимости, возможны и довольно часты случаи овдовения. Для демографии такие факты рассматривают как демографические события и как изменение брачного состояния населения страны. Демографический процесс, в данном случае, представляет собой изучение последовательности таких фактов в каждом поколении. Значение брачности для демогра-

фии сложно переоценить, так как данный процесс тесно связан с воспроизводством населения и является важнейшим демографическим фактором формирования семьи, рождаемости, изменения семейной структуры.

Основные количественные характеристики, используемые при анализе брачности, выражаются долей лиц в каждом поколении когда-либо вступавших в брак и долей не вступавших в брак, возрастом вступления в первый брак, долей населения, которые вступают в повторный брак, интервалами между разводами и повторными браками [1].

Для анализа брачности в России мы использовали данные РМЭЗ за 2015 год (репрезентативная выборка).

Целью данной работы является анализ статистического уровня брачности в Российской Федерации.

Гипотезы исследования были обозначены следующие:

- Возраст вступления в первый брак и последующие увеличивается со временем.
- Наблюдается разница между возрастом жениха и невесты.
- Доля замужних женщин превышает долю женатых мужчин.

Выборка составила 12667 человек. Возраст респондентов находится в интервале от 0 до 102 лет. Здесь стоит сразу уточнить, что в анализ вошли возраста от 16 и старше, так как при определенных обстоятельствах брак разрешено заключать в 16 лет. Тех, кто младше 16 лет мы не учитывали, используя фильтр. В опросе приняли участие респонденты, которые заключали браки с 1948 по 2015 год.

Для оценки брачности населения России необходимо было выяснить, состоят ли респонденты в зарегистрированном браке. Так, были получены следующие результаты: большинство ответивших состоят в первом зарегистрированном браке (42%), затем идет на половину меньшая группа тех, кто никогда в браке не состоял (24,2%). 14,6% являются вдовами/вдовцами, а 11,8% разведены. В повторном зарегистрированном браке состоят 6,7% респондентов. И самая малочисленная группа тех, кто зарегистрирован, но вместе не живут (0,6%).

Для определения возраста вступления в брак нами была создана новая переменная. Было выявлено, что в первые браки характерно вступать в возрасте 21 года, в повторные браки — в возрасте 27 лет. Если обратиться к двум последним годам (2014 и 2015 гг.), то можно заметить, что большинство вступает в брак в возрасте 30 лет (7,8%), а наиболее частые повторные браки наблюдаются в возрасте 42 лет (8,2%). Таким образом, наблюдаем увеличение возраста, в котором люди вступают в первые и повторные браки. Изучая тенденции брачности, С. В. Захаров приходит к выводу, что с 1990-х гг. происходит снижение значимости

браков, как для мужчин, так и для женщин, а тем самым увеличивается средний возраст жениха и невесты [2].

Иванов С. В. утверждает, что во всех странах мира невесты моложе, чем женихи [3]. Данное утверждение нашло подтверждение в ходе нашего исследования. По всей выборке наибольшая доля мужчин вступили в брак в возрасте 23 лет, а женщин в возрасте 21 года. Откладывание брака, по его мнению, оборачивается снижением доли состоящих в браке людей моложе 30 лет, что существенно влияет на динамику рождаемости. Так, анализируя брачность по возрастным группам, мы сформировали 3 возрастные градации: молодежь (16—31), старшие возраста (32—54), пенсионные возраста (55 и более). Это позволило наглядно увидеть некоторые существенные отличия в брачности. Подавляющее большинство молодежи не состояли в браке (65,86%) по сравнению с двумя другими группами. Таким образом, наблюдается тенденция откладывания браков молодежью (возраст до 30 лет), следовательно, данной группе присуще меньшее количество зарегистрированных браков и характерна наибольшая доля никогда не состоявших в браке. Это положение подтверждает гипотезу о том, что при откладывании брака, происходит снижение доли состоявших в браке людей, моложе 30 лет. Повторные союзы больше присущи старшим возрастам и составляют более половины опрошенных данной возрастной группы. Также на эту группу приходится больше всего разводов.

Если посмотреть различия по половой принадлежности, то здесь обнаруживаются такие результаты. Среди женщин больший процент тех, кто состоит в первом (51%) и повторном браке (53,3%), нежели среди мужчин (49% и 46,7%). Следовательно, подтвердилась гипотеза о том, что доля замужних женщин превышает долю женатых мужчин. Никогда не состоящих в браке больше мужчин (52,5%), тогда как женщин (47,5%). Доля разведенных женщин в два раза больше, чем доля разведенных мужчин (68,6% и 31,4% соответственно). Также закономерно, что доля вдов больше (89,4%), чем вдовцов (10,6%), что связано со спецификой смертности страны, при которой продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин.

Некоторый провал браков наблюдается в 2003 году (снижение до 1,3%). Наблюдается некоторое снижение числа зарегистрированных браков. Действительно, если в 2013 году было зарегистрировано 2,6% браков, в 2014—2,3%, то в 2015 году произошло еще большее снижение и составило 1,9%. Данная тенденция требует дальнейшего изучения для сопоставления как реальных установок на брачность, так и рассчитанных коэффициентов.

Таким образом, изучение брачности — это особенно важная составляющая демографических исследований. Так, Е. М. Щербакова связывает

тенденцию к снижению рождаемости с уменьшением числа зарегистрированных браков, следствием чего выступает увеличение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака [4]. Нами было определено некоторое увеличение браков в 2011 году (3,1%), а затем постепенное снижение от 2013 года к 2015 году (2,6% и 1,9% соответственно). Вышеизложенное требует дальнейшего рассмотрения и изучения тенденций брачности, а также сопоставления результатов в разрезе временных интервалов для сопоставления и прогнозирования будущих тенденций.

Список источников

1. Антонов Г. В. Основные тенденции брачности и разводимости в России за последние 50—60 лет // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 4 (289).
2. Захаров С. В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. № 545—546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>.
3. Иванов С. Ф. Глобальные тенденции брачности и разводимости // Демоскоп Weekly. 2013. № 565—566. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit01.php>.
4. Щербакова Е. М. Россия: предварительные демографические итоги 2015 года (часть I) // Демоскоп Weekly. 2016. № 677—678. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0677/barometer677.pdf>.
5. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001. 1272 с.

11. Мобильность населения: потенциал развития или угроза стабильности

В. Ю. Леденева

РИСКИ И УГРОЗЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

ЛЕДЕНЁВА Виктория Юрьевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой конфликтологии и миграционной безопасности РАНХиГС, г. Москва, Россия; ledeneva-vy@ranepa.ru

Среди вызовов и угроз современного мира, особое место занимает нелегальная миграция, ставшая следствием стремительно развивающихся глобализационных процессов в разных частях света. Нелегальная миграция представляет собой перемещение людей с нарушением законодательства того или иного государства, подразумевает незаконный въезд с использованием мигрантами любых методов и средств, осуществление ими трудовой деятельности в стране пребывания в обход действующего законодательства.

В подавляющем большинстве стран мира нелегальная миграция — это уголовно наказуемое деяние, предусматривающее, в случае наличия отягчающих обстоятельств (совершение различных сопутствующих преступлений), весьма суровые санкции [1].

Нелегальная миграция тесно связана с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, морским пиратством, похищением и торговлей людьми, а также другими видами преступной деятельности. Транснациональные организованные преступные группировки гибко реагируют в ответ на происходящие изменения и быстро адаптируются к новым методам перевозки и транспортным маршрутам. Лица, содействующие незаконной миграции, находят новые маршруты, если правоохранительные органы сосредоточены на нескольких пропускных пунктах, вызывая тем самым сдвиг миграционного потока по месту и времени. Различные способы транспортировки используются для сокрытия незаконных товаров, наличных денег или людей. К примеру, незаконные мигранты прячутся в автомобилях, микроавтобусах, поездах или на паромов.

Основные пути незаконной миграции проходят через территорию региона Западных Балкан, и большое количество незаконных мигрантов также проходит именно через этот регион. Западные Балканы являются не только транзитным регионом, но и основным источником оружия, продаваемого на международных оружейных рынках, и наркотиков. Отмывание

денежных средств также имеет место в указанном регионе посредством вложения инвестиций в недвижимость и коммерческие компании.

В странах-источниках или странах транзита организованные преступные группировки используют этнические или национальные связи с диаспорами на территории ЕС. Этнические диаспоры часто предлагают организованным преступным группировкам (ОПГ) определенное присутствие на рынках стран, в том числе в структурах легального бизнеса, предприятиях и при перевозке товаров. ОПГ также вовлечены в организованную преступность в сфере недвижимости, используя существующие диаспоры для логистической поддержки [2].

Отношение к миграции и мигрантам на территории старой Европы не отличается единообразием. Оценка тех или иных деяний человека, несомненно, несет в себе печать формирующегося в обществе под воздействием СМИ общественного мнения. В свою очередь, насколько хорошо известно, общественное мнение есть область, которая весьма подвержена манипулированию. Столкнувшись с пагубными последствиями колоссальных миграционных потоков, буквально захлестнувших Европу в 2013—2016 гг., общественное мнение в европейских странах с благодушно-радостного резко сменилось на злобно-агрессивное [3].

Анализируя проблемную ситуацию в области незаконной миграции на территории Европейского Союза, можно отметить, что самая тяжелая обстановка с мигрантами складывается в настоящее время в Германии. Миграционная политика ФРГ на современном этапе претерпевает весьма существенные изменения в контексте сложной демографической ситуации, складывающейся в стране. Данная ситуация также определяется рядом противоречий, характерных для обстановки, складывающейся в настоящее время в сфере миграции в Германии:

1. Несоответствием миграционного законодательства Германии, куда стремится попасть подавляющее большинство нелегальных мигрантов, быстро меняющейся геополитической ситуации в мире.

2. Растущим дисбалансом между коренным населением данной страны и прибывающими мигрантами.

3. Отсутствием знания у мигрантов немецкого языка, а также необходимой квалификации для устройства на работу.

4. Демонстративным нежеланием большинства мигрантов соблюдать законодательство Германии и интегрироваться в немецкое общество.

5. Стремление мигрантов силовым путем устанавливать свои порядки в определенных районах Германии, создавать территории, свободные от власти законов данной страны.

6. Ростом в этой связи преступности, и, прежде всего, числа тяжких и особо тяжких преступлений (убийства, изнасилования, грабежи),

увеличением незаконного оборота наркотиков, оружия, торговли людьми и т. д.

Существование и деятельность этнических диаспор в Германии воспринимается как формирование замкнутых анклавных образований, не желающих ассимилироваться в немецкое общество, соблюдать его законы и культурные традиции. Все это не может не накладывать отпечаток на современную миграционную политику Германии.

По мнению многих ученых, речь идет о крупнейшем за последние полвека, прошедшем с момента окончания Второй Мировой войны, переселении народов. Как оказалось, существующая в Германии политико-административная система регулирования международных отношений в сфере миграции оказалась не готова к такому развитию событий, равно как и перестало соответствовать быстро меняющейся геополитической ситуации немецкое миграционное законодательство. К слову сказать, с 1954 г. по настоящее время в Германию на постоянное место жительства переехало порядка 31 млн мигрантов [4].

За минувшие полтора десятилетия Европейскому союзу удалось разработать и ввести в действие правовые инструменты, позволяющие эффективно противодействовать традиционным вызовам безопасности в области незаконной иммиграции и торговли людьми. Система законодательства отражает передовой опыт по борьбе с нелегальной иммиграцией и может служить основой для ее рецепции другими странами.

Список источников

1. Лянной В.А. К вопросу об определении понятие «нелегальная миграция» // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 64—65.
2. <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/soc2013.pdf>.
3. <http://anthropology.ru/ru/text/alieva-gm/problemy-protivodeystviya-prestupnosti-socialno-filosofskiy-aspekt>.
4. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, В. Ю. Артемов и др. / отв. Ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М. : Институт законодательства и сравнительного анализа при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2013.

И. А. Васькин

СВЯЗЬ НЕКОТОРЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ТЕРРОРИЗМА С ТЕРАКТАМИ-СУИЦИДАМИ

ВАСЬКИН Илья Андреев — магистрант, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; ilja-vaskin@yandex.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено связи организационной структуры террористических организаций и террористов-одиночек и вероятности совершения теракта-суицида. С точки зрения организации основную роль играют два фактора: интернационализация теракта и массовость (теракт совершил одиночка или член террористической группировки). Из анализа данных, предоставленных Global Terrorism Database, следует, что если теракт интернационален, то вероятность того, что он будет суицидальным выше. Другим важным следствием является факт того, что члены организаций чаще совершают суициды по сравнению с террористами-одиночками. Таким образом, наиболее опасными в плане суицидальных атак являются международные террористические организации, наименее опасны местные террористы-одиночки.

Ключевые слова: международный терроризм, внутренний терроризм, теракты-суициды

Проблемы терроризма в наши дни являются актуальными в связи с активизацией деятельности Исламского государства (запрещено в России). Однако проблема терроризма гораздо шире. Следует отметить, что терроризм неоднороден — он бывает индивидуальным и коллективными, внутренним (domestic) и международным (international). Целью данного исследования является анализ указанных выше организационных факторов терроризма в связи с терактами-суицидами. Для анализа этой зависимости была разработана типология террористических организаций, которая будет описана ниже.

Теория

В современной науке существует множество определений термина «терроризм». Однако в данном исследовании, в силу того, что в нём будет использоваться Global Terrorism Database (START, 2016), будет применено определение терроризма авторов этой базы. Согласно этой базе данных, терроризм — это «угроза или использование нелегальной силы и насилия негосударственным актором для достижения политической,

экономической, социальной или религиозной цели через страх, насилие или запугивание» (GTD Codebook, 2016: 9).

Террористический акт, согласно GTD, обязательно должен обладать следующими признаками: 1) быть волевым актом; 2) должно быть применено насилие или угроза насилия; 3) актер не должен быть национальным государством. Также теракт должен обладать как минимум двумя из трёх дополнительных признаков: 1) преследовать политическую, социальную, экономическую или религиозную цель; 2) он должен намерением посредством атаки запугать аудиторию, которая находится за пределами непосредственной цели; 3) он должен находиться вне контекста легитимных боевых действий (GTD Codebook, 2016: 9).

Исходя из рамок данного исследования, можно выделить 4 типа террористических организаций (см. таблицу 1), которые соответствуют типу терактов. Следует сделать оговорку о том, что местная террористическая организация также может быть и международной. Также местные и международные террористы-одиночки могут быть членами террористических организаций, однако в данном случае теракт-суицид они совершают в качестве одиночек.

Таблица 1. Типы организационной структуры террористических организаций

Интернационализация	Одиночка	Местная террористическая организация
	Одиночка — международный террорист	Международная террористическая организация
Массовость		

Массовость в данной таблице является аналогом принадлежности к «цепочке» терактов. Эта принадлежность всегда свидетельствует о том, что данный теракт был совершён организацией, а не одиночным террористом-смертником.

Данные и методы

Что касается разграничений международного и внутреннего терроризма, в данной базе присутствуют 3 переменных: 1) логистическая —

отличается ли национальность атакующего от места проведения атаки; 2) идеологическая — отличается ли национальность атакующего от национальности жертвы; 3) смешанная — отличается ли место проведения атаки от национальности жертвы. Также есть четвёртая — любой из этих критериев (GTD Codebook, 2016: 55—57). В этом исследовании будет использована первая переменная, поскольку она является наиболее показательной для анализа международного терроризма.

Будет использована переменная, которая отвечает за принадлежность теракта к «цепочке». Если теракт принадлежит к ней, то это значит, что несколько атак связаны, но при этом разные действия не создают вместе единый инцидент (GTD Codebook, 2016: 15).

Таблица 2. Теракты в мире, 1970—2015 гг.

		Принадлежность к «цепочке» терактов		Всего	
		Нет	Да		
Интернационализация	Нет	Количество	55 206	10 863	66 069
		%	83,6%	16,4%	100,0%
	Да	Количество	5119	720	5839
		%	87,7%	12,3%	100,0%
Всего		Количество	60 325	11 583	71 908
		%	83,9%	16,1%	100,0%

Данные переменные при этом слабо закоррелированы — уровень корреляции составляет $-0,031$, но значимость корреляции стремится к нулю.

В целом видно, что большая часть терактов (83,6%) является изолированной, и не принадлежат ни к какой «цепочке» инцидентов, при этом они в основном происходят внутри страны, а не снаружи.

Тесты

Одним из основных результатов тестов является тот факт, что теракты с суицидами и теракты без суицидов неравно распределены между собой по принадлежности к «цепочке» и интернационализации (см. Таблицы 3 и 4).

Таблица 3. Теракты без суицидов в мире, 1970—2015 гг.

		Принадлежность к «цепочке» терактов		Всего	
		Нет	Да		
Интернационализация	Нет	Количество	53692	10431	64123
		%	83,7%	16,3%	100,0%
	Да	Количество	4931	677	5608
		%	87,9%	12,1%	100,0%
Всего	Количество	58623	11108	69731	
	%	84,1%	15,9%	100,0%	

Таблица 4. Теракты-суициды в мире, 1970—2015 гг.

		Принадлежность к «цепочке» терактов		Всего	
		Нет	Да		
Интернационализация	Нет	Количество	1514	432	1946
		%	77,8%	22,2%	100,0%
	Да	Количество	188	43	231
		%	81,4%	18,6%	100,0%
Всего	Количество	1702	475	2177	
	%	78,2%	21,8%	100,0%	

Как показывают результаты, различие между терактами-суицидами и всеми остальными в качестве международных, принадлежащих к «цепочкам», отличаются на 6%, что является значимым различием.

Таблица 5. **Результаты регрессионного анализа**

Не-суицид	B	Стандартная ошибка	Значимость
<i>Intercept</i>	2,851	0,080	0,000
<i>Не «цепной»</i>	0,396	0,053	0,000
<i>«Цепной»</i>	0 ^b		
<i>Внутренний</i>	0,324	0,071	0,000
<i>Международный</i>	0 ^b		

Как показал регрессионный анализ зависимости типа теракта от принадлежности к «цепи» и интернационализации (см. таблицу 5), вероятность теракта-суицида значимо зависит от того, является он «цепным», международным или нет. При этом принадлежность теракта к «цепи» является более значимым фактором, по сравнению с интернационализацией теракта.

Всё это говорит о том, что теракты-суициды более склонны организовывать международные террористические организации. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в международных организациях существует среда, которая способствует появлению террористов-суицидников, что ведёт к большому количеству жертв в среднем (Alakos, 2015). При этом международные террористические организации радикализованы значительно сильнее, чем местные.

Это может быть объяснено тем, что сам по себе факт принадлежности к террористической организации повышает радикализацию. Как показал случай теракта на Бали 12 октября 2012 г., наличие отношений «лидер — последователь» значительно способствовало повышению радикальности настроений внутри Джаммат Исламия и Дар-ул Ислам (террористические группировки, организовавшие этот теракт) (Milla, Faturomchan, Ancok, 2013). Во-вторых, значимым фактором является наличие внешнего врага, который способствует мобилизации участников группировки, что является дополнительной причиной радикализации (Schmid, 2013: 26).

Выводы

Таким образом, вероятность того, что теракт будет суицидальным, значимо зависит от того, является он «цепным» или нет, а также его интернационализация. Одновременно большее количество терактов-суицидов относятся к международным «цепным». Всё это свидетельствует о том, что теракты-суициды скорее склонны совершать организованные группы в иностранных, по отношению к национальности террористов, государ-

ствах. Наиболее склонны к терактам-суицидам международные террористические организации, менее — местные террористические организации.

Список источников

1. Alex P. Schmid. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. ICCT Research Paper. March 2013. Burcu Pinal Alakoc. Competing to Kill: Terrorist Organizations Versus Lone Wolf Terrorists // *Terrorism and Political Violence*. 2015. Vol. 0. Pp. 1—24.
2. Global Terrorism Database Codebook. (2016). Available at: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf> (accessed 25 November 2016).
3. Mirra Noor Milla, Faturomchan, Djalumudin Ancok. The impact of leader-follower interaction on terrorists: A case of the Bali Bombers // *Asian Journal of Social Psychology*. 2013. N 13. Pp. 92—100.
4. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) (2016). Global Terrorism Database. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed 25 November 2006).

М. Р. Ткаченко (Чушева)

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (НА ПРИМЕРЕ ИЖЕМСКОГО РАЙОНА)

ТКАЧЕНКО (Чушева) Мария Рейсовна — ассистент кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. П. А. Сорокина; maria-vorkuta@mail.ru

Аннотация. Данная статья представляется значимой как с точки зрения теоретического осмысления процессов трансформации социальной идентичности, так и с точки зрения практического решения проблем, связанных с социальным поведением человека и социальных групп. Автор ставит целью раскрыть категорию региональной идентичности через призму жизненных стратегий информантов. Основу исследования образует метод полуструктурированного интервью. Результаты исследования заключаются в том, что региональная идентичность в Республике Коми носит слабо выраженный и отрицательный характер в силу неблагоприятных факторов формирования территориального сообщества. Осознание комплекса проблем, связанных с экономической и транспортной раздробленностью региона делают необходимым формирование региональной идентичности как механизма интеграции регионального сообщества в российский социум. Связано это еще и с теми жизненными стратегиями, которые выстраиваются вокруг региона по принципу пассивного наблюдателя, замкнувшегося только на решении своих проблем, или по принципу бегства из региона. Материалы исследования могут быть использованы на уровне деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов государственной власти при выработке управленческих решений, разработке планов развития территорий.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, жизненная стратегия, интервью

Понятие региональной идентичности тесно связано с понятием «малая родина», в котором сочетаются аспекты пространства и местного патриотизма. Исходя из этого региональная идентичность представляет собой солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории и готовность к жизни и развитию на данной территории, способность к различным формам активности.

В последнее время исследователи фиксируют неуклонный и быстрый рост региональной идентичности в России. По мнению О. И. Шкаратана, региональная идентичность начала складываться в России только в конце XX столетия на основе качественно новых городских локальных субкультур. Также исследователи отмечают, что региональная идентичность наиболее актуализирована в тех регионах, где достигнуто оптимальное соотношение между традицией и модернизацией, что говорит об идентичности как о маркере успешности региона.

Для поиска ответов на проблемные вопросы и углубленного понимания поведенческой стратегии как реакции на социальные изменения было проведено исследование, целью которого стало исследование региональной идентичности и жизненных стратегий жителей Ижемского района Республики Коми. Исследование было проведено посредством метода полуструктурированного интервью. Отбор информантов производился методом снежного кома, то есть каждый предыдущий респондент рекомендовал последующего. Подобный выбор для сбора интервью был обусловлен пространственными и временными ограничениями исследования.

В рассказах респондентов отчетливо звучит мотив расколотости регионального сообщества, который связан с экономическими и культурными аспектами, при этом чаще актуализируется в повествованиях информантов, имеющих опыт проживания в городах, как правило, столице республике, Сыктывкаре. Вот как описывает свой опыт один из респондентов: «Когда я поступила в университет, то сразу заметила, как городские отличаются от тех, кто приехал учиться из села. Они были уверенные в себе, в завтрашнем дне, их жизнь уже была распланирована, они знали, как будут жить завтра, послезавтра, через год. А мы такие скромные, не знали, куда шагу ступить ...» (женщина, 34 года). «В городе люди злые стали, даже в магазине обслужить не могут вежливо ... Деньги совсем испортили ...» (женщина, 61 год).

Разделение жителей республики на городских и сельских представляет собой определенную линию социальной напряженности, особенно учитывая тот факт, что в целом представители коренных народов республики большей частью проживают на селе. Таким образом, на социальный разлом накладывается этнический фактор. Наиболее острыми социальными проблемами являются безработица, социальная и экономическая апатия, алкоголизм, высокий уровень суицидов, чрезмерное употребление алкоголя, что не позволяет реализовать имеющийся человеческий потенциал. Высокий уровень смертности приводит к депопуляции населения. «Ну как в таких условиях можно оставаться человеком? Не всем под силу... Женщин еще как-то дети держат, а мужики наши сами как дети,

не выдерживают — кто спивается, кто еще хуже — сам из жизни уходит» (женщина, 39 лет).

Размежевание север-юг выражается и в культурных практиках, и обычаях. Информанты указывают на разность менталитетов, обычаев гостеприимства, укладов хозяйствования, языковые особенности. Кроме этого, информанты в своих повествованиях достаточно четко определяют символы, объединяющие россиян как гражданское сообщество (в первую очередь, это Победа в Великой Отечественной войне), жителей их муниципального района и представителей этнической группы, но затрудняются определить подобный же символ, объединяющий региональное сообщество.

Кроме этого информанты очень часто сами отмечают дезинтегрированность регионального сообщества: «В городах, например, живут маргиналы, особенно в Воркуте, это не жители республики. Они родились там, живут здесь, завтра уедут еще куда-то. Не любят они республику и не знают ее ...» (мужчина, 46 лет). Таким образом, жители Ижемского района не рассматривают население республики как единое территориальное сообщество, существование которого, является залогом формирования региональной идентичности. С другой стороны, наши информанты признают вклад народов, приехавших из других регионов, в развитие республики, но опять-таки подчеркивает следующее: «Все, что есть в республике, ничего ей не принадлежит, все налоги уходят в Москву, а предприятия принадлежат олигархам» (мужчина, 41 год). Информанты подчеркивают потребительское отношение к республике со стороны приезжих, называя их временщиками, которые «...поработали в свое время, денег заработали, кто успел — уехали, кто нет — остались как заложники здесь» (мужчина, 42 года). Кроме этого в рассказах информантов часто фигурирует такой негативный момент связанный с освоением Республики Коми, как система принудительного заселения территории: «Вы сами представьте, если их сюда в Печору, Воркуту, Инту семьями привозили без всего, оторвав от дома, они лишились всего, их кинули здесь на холод, на голод, тяжелую работу. Выживай как хочешь... Конечно, они никогда не будут любить особо республику. Хотя знаю, что некоторые из них прикипели, кто-то остался, потому что некуда уже было вернуться. Я их не осуждаю, я их могу понять. Жизнь к ним была не совсем справедлива...» (женщина, 50 лет). «Коми была раньше сплошная зона... и я думаю, это плохо сказалось. Кто потом здесь оставался? Уголовники, воры, убийцы? Потому и пошла про Коми такая слава... Ну, сейчас-то, слава Богу, уже нет... Но все равно нас получилось, что чуть ли не каждый второй был заключенным, что в том хорошего... Да ничего!» (мужчина, 39 лет). Но, не смотря на такие пессимистические оценки, информанты связыва-

ют свое будущее, как со своим районом проживания, так и с республикой в целом: «Надеюсь, что будет у нас жизнь лучше, и дети наши будут жить здесь, развивать наш район, нашу республику, не хотелось бы куда-то срываться...» (женщина, 54 года).

В ходе интервью информанты затруднились выделить те признаки или символы, которые могли бы объединять жителей республики в единое сообщество. По мнению респондентов, с натяжкой к этому признаку можно отнести общность территории, но и то, как отметил один из интервьюируемых «как я могу знать нашу республику, если мне в Нарьян-Мар, например, добраться легче, чем в нашу столицу, не говорю уже про остальное» (мужчина, 53 года). Практически все информанты затруднились описать такие формальные символы республики, как флаг, герб и гимн. «Я даже не знаю, какие символы, что отличает... Нет у нас ничего такого... Даже в России никто Коми-то и не знает. Скажешь, что из Коми, никто не слышал, Сыктывкар тоже никто не слышал. Вот, скажешь, что там, где Воркута, все знают!» (женщина, 27 лет).

Анализ интервью также продемонстрировал, что республика не является достаточно привлекательным регионом для жизни, в особенности для молодежи, как в социально-экономическом, так и в культурном смысле: «республика — это только дом для нас, тех, кто в ней родился и чьи роды здесь жили испокон веку, а для остальных это только временное пристанище, чтобы денег заработать и то только раньше так было, а сейчас даже и работы и зарплата нормальных здесь нет, вот и вынуждены многие здесь прозябать, пока шанс не появится отсюда уехать. Да и что здесь делать? Для молодежи нет ни рабочих мест, ни жилья, выкручивайся сам, как можешь» (женщина, 26 лет).

Еще одной из важных характеристик региональной идентичности является оценка своего региона в сравнении с другими территориями. В данном контексте мы также получили нелицеприятные высказывания: «Вот Коми считается богатая республика, все есть: и лес, и уголь, и нефть, и газ, а люди от этого ничего не имеют. Я вот бываю иногда Марий-Эл у родственников, ведь там маленькая республика, ничего нет, а живут не хуже, а даже лучше нас и условия жизни лучше. Мы газоносный регион, а вот в наших домах у многих газа нет. И так во многом» (мужчина, 70 лет). «Все наши богатства идут в Москву, здесь местным ничего не остается. Кормим мы другие региона, а сами ни с чем остаемся, к сожалению» (мужчина, 37 лет).

Таким образом, можно констатировать, что осознание социально-экономической отсталости, отсутствия приемлемых условий для проживания в республике по сравнению с другими регионами страны препятствует формированию целостной позитивной региональной идентичности.

В данной группе актуализирована стратегия замыкания на собственных интересах. Как отмечает Шабаев Ю. П., такая тенденция в совокупности с тем, что с давних времен социальные контакты ижемцев с жителями Ненецкого автономного округа гораздо теснее, чем с жителями южных территорий Коми, демонстрирует дистанцирование жителей Ижемского района от общереспубликанской региональной идентичности. Это прослеживается и в настроениях наших информантов: «Вот вы знаете, нас как государство бросило на произвол судьбы... я говорю про себя, конечно, не знаю, как там другие, но у меня все слава Богу нормально, но я никому ничего не должен, сам всего добился, детей вырастили без помощи, и думаю, что никому ничего не должен, и детей своих тоже учу, чтобы только на себя надеялись. Хочется только одного, чтобы не мешали нам, предпринимателям...» (мужчина, 41 год).

Можно сказать, что отношение к региону и региональной идентичности самым непосредственным образом отражается на жизненной стратегии людей, то есть на моделях поведения членов регионального сообщества по отношению к своему региону. Таких основных стратегий применительно к нашему объекту исследования мы выявили четыре. Суть первой заключается в активной работе на благо региона на основе долгосрочных планов пребывания в нем, когда респонденты не смотря на все явные недостатки и трудности пребывания в регионе, не планируют уезжать и надеются на лучшее. Смысл второй заключается в замыкании на решении личных проблем и задач выживания по принципу «сам решу свои проблемы лишь бы не мешали» или «нас и в других местах не очень-то и ждут». Третья стратегия связана со стремлением сменить регион на тот, который сделает индивида более счастливым и даст ему не только более высокий уровень жизни, но и чувство надежности и возможность самореализации. Четвертая модель достаточно четко описана в словах одного из информантов: «Да, у нас не заработаешь, детей тяжело растить, потом многие едут в Москву, Питер. Вот наши знакомые врачи в Москве работают, а здесь врачей нет. Так вот они там хорошо зарабатывают в частной клинике, дети их там учатся в хорошей школе. Они уже себе в Ижме дом хороший отстроили, чтобы на пении здесь жить подальше от города, в спокойствии. Многие, кто может так делают. Я вот тоже подумываю, отучусь, в армию схожу, поженимся с моей девушкой и уедем. В Калининград, думаем...» (мужчина, 22 года). Исходя из этого, на наш взгляд, можно утверждать, что первая стратегия, будет приводить к росту человеческого капитала территории и эффективности отдачи от него, повышая конкурентоспособность и устойчивость развития региона. Вторая приведет, скорее всего, к стагнации региона, а третья — к его деградации.

Проведенное нами продемонстрировало, что региональная идентичность в республике слабо актуализирована. Это связано с отсутствием каких бы то ни было ярко выраженных символов и социальных практик, а также отрицательной оценкой интегрированности регионального сообщества. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что стратегия региональной идентичности жителей Ижемского района Республики Коми замыкается на решении собственных проблем и проблем выживания.

Список источников

1. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3.
2. Шкаратан О. Н. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. № 3.
3. Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. № 4. 1998.
4. Шабаетов Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования. № 10. 2009.
5. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. № 3. 2011.

В. А. Никонов

МИГРАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ

НИКОНОВ Владимир Александрович — ассистент кафедры правового обеспечения Мичуринского государственного аграрного университета, г. Мичуринск, Тамбовская область, Россия; nikon561@yandex.ru

Современное реформирование российской экономики вызывает большое количество проблемных вопросов у предпринимателей — от совершенствования законодательной базы и правового регулирования предпринимательской деятельности — до создания условий, способствующих развитию свободного предпринимательства, вынуждает многих из них закрывать свой бизнес.

Исследователи [1; 2; 3] отмечают, что за последние пять лет Россия лишилась более 2,5 млн рабочих мест; только по итогам 2013—2014 гг. более 650 тыс. предпринимателей ликвидировали свой бизнес. Неблагоприятные социально-экономические показатели отдельных регионов страны вкуче с сильнейшим давлением административной машины и местными налогами вынуждают бизнесменов в конечном счете увеличивать нагрузки на покупателей. К социальным проблемам можно отнести недостаточные доходы для социальных выплат руководств регионов, с одной стороны, и низкая покупательная способность населения, как следствие его низких доходов, с другой стороны, что приводит к недостатку оборотных средств предпринимателей, заставляя последних задумываться о целесообразности дальнейшей предпринимательской деятельности в данном регионе.

Виду данных обстоятельств предприниматели вынуждены мигрировать, иногда со своими работниками, тем самым вызывая сокращение рабочих мест, ослабление рыночного пространства и «вымывается» квалифицированной рабочей сила, отток трудовых ресурсов с территорий. Так, в 2014 г. абсолютные размеры эмиграционного потока стремительно возросли и достигли максимума за последние десять лет. Наибольший миграционный отток наблюдается в страны СНГ: в 2014 г. по сравнению с 2011 г. он возрос более чем в 10 раз и составил 259,3 тыс. человек. На этот раз, согласно данным социологического исследования, эмигрируют в первую очередь предприниматели, опытные технические, научные и управленческие кадры. Наиболее значимая функция потенциальной миграции — экономическая [4, с. 66].

Социальная причина миграций кроется в обострении противоречий между потребностями людей и возможностями их удовлетворения в ме-

стах постоянного проживания, а это наиболее мобильные представители населения — амбициозная и активная молодежь, воспитанная в условиях рыночных отношений, предпочитает жить и зарабатывать в экономически благоприятных и конкурентоспособных регионах. Мигрирующая часть населения, как правило, состоит из потенциальных предпринимателей, пользующихся своими законными правами. Как подчеркнули в Министерстве финансов, «бизнесмены имеют право выбирать тот регион для работы, который им кажется наиболее привлекательным, а переезды компаний фактически работают на повышение конкуренции между регионами» [5].

Однако, в силу обозначенных причин, сокращение предпринимательской миграции — приоритетная задача для властей субъектов РФ, ее решение необходимо начинать с создания для предпринимателей ряда особых условий работы — вводить дополнительные льготы, снижать ставки налогов и административный ресурс. Предотвратить миграцию предпринимателей поможет грамотная государственная политика по созданию благоприятного социально-экономического климата в регионах. Для этого региональным властям надлежит выработать ясные экономические и социальные критерии того, мотивирующие предпринимателя перебраться со своим бизнесом и семьей из одного региона в другой.

Так, губернатор Аман Тулеев, обеспокоенный миграций предпринимателей из Кузбасса в другие территории страны, выступил с предложением принять на федеральном уровне меры для облегчения ведения бизнеса. Цифры говорят сами за себя: из 653 юридических лиц и предпринимателей, снявшихся с налогового учета в 2015 году, только 393 налогоплательщика из других регионов встали на учет. По сравнению с 2014 годом, уровень миграции вырос на 33%. Как отмечается, основными причинами предпринимательской миграции в данном случае являются высокие штрафы и пенни налоговиков, частота и длительность проводимых ими проверок [6].

Определено, что до настоящего времени статистическая база по бизнес-миграции среди регионов недостаточна и относительна. Эксперты определяют фактор привлекательности региона для бизнес-миграции, его экономический потенциал. Однако помимо этого выделяют и другие факторы, вынуждающие предпринимателя к миграции, например, плохая экология, низкая социальная защищенность населения (уровень жизни, степень криминализации региона и т. д.). По мнению президента «ОПОРЫ России», для миграции бизнеса, кроме Татарстана, привлекательны такие субъекты как Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург, Сочи, Калужская, Белгородская области [7].

Сложный характер российской бизнес-миграции обуславливает необходимость учета в государственной миграционной и налоговой поли-

тике регионов-доноров и регионов-реципиентов с целью проведения на федеральном уровне сегментации предпринимательского рынка труда. Между тем исследователи утверждают, что работ, в которых анализируется миграция отдельных групп людей, например, определенной возрастной категории или экономического статуса, мало или нет вообще. Отмечается об увеличении масштабов потоков движения занятого населения в ЦФО. Особенно ярко эта тенденция выражена для потоков из ПФО, СКФО и ЮФО. [8, с. 17—19].

Современные инструменты государственной миграционной политики не предусматривают важнейшего инструмента управления — информационно-статистического обеспечения и анализа ситуации миграционных проблемы. Не организовано статистическое наблюдение и не введены формы статистической отчетности, отражающей основные социально-демографические и профессиональные характеристики предпринимательского слоя. Подобное отсутствие информационно-статистического и социологического отражения ситуации с бизнес-миграцией на российском рынке труда исключает возможность мониторинга реальной ситуации, что в целом снижает уровень социальной защищенности населения.

Для создания системы социального мониторинга по бизнес-миграции, на наш взгляд, необходимо решить ряд соответствующих задач:

1. Осуществлять ежегодный мониторинг территориального движения занятого населения, особенно в вопросах учета регистрации предпринимательской деятельности по всем федеральным округам РФ.
2. Систематически выявлять особенности структуры и интенсивности бизнес-потоков между федеральными округами РФ.
3. Исследовать зависимость интенсивностей миграционных бизнес-потоков и занятого населения от социально-экономического положения того или иного федерального округа РФ.
4. Разработать статистическим и налоговым службам регионов технологию по сбору наиболее подробных информационно-статистических данных миграции предпринимателей.
5. Сформулировать единые рекомендации по налоговому контролю для всех территориальных подразделений федеральной налоговой службы, которые сформируют универсальный подход к проверкам.
6. Проводить статистический анализ для предотвращения массового характера (более 3 %) бизнес-миграции.
7. Снижать административного давления на бизнес, повышать экономический комфорта, оптимизировать региональную часть налогов.
8. Оптимизировать антимонопольную политику регионов для предотвращения «выдавливания бизнеса» из конкретного региона, территории.

Список источников

1. Гладунов О. Предчувствие суверенного банкротства [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/107567> (дата обращения: 03.02.2015).
2. За полгода свое дело закрыли более 650 тысяч ИП и фермеров [Электронный ресурс] // Петербургский правовой портал. 2013. 7 июня. URL: <http://ppt.ru/news/118509> (дата обращения: 03.02.2015).
3. Карпенко Е. Малый бизнес ждет в тени [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2013/06/06/5370215.shtml> (дата обращения: 07.05.2016).
4. Иванова Е. И. Социальный вектор миграционной подвижности россиян // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 66—73.
5. Бизнесу с долгом больше 1 миллиона могут отказать в переезде в другой регион [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/137369> (дата обращения: 15.08.2016).
6. Бердникова А. Аман Тулеев предложил принять на федеральном уровне меры по облегчению ведения бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kem.kp.ru/daily/26589/3604909/> (дата обращения: 07.10.2016).
7. Андреев А., Иванов А. Бег по кругу: какие факторы влияют на миграцию предприятий между регионами [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/04/06/reg-pfo/l> (дата обращения: 12.05.2016).
8. Единак Е. А. Межрегиональное движение занятого населения в системе макроэкономических взаимосвязей (на примере федеральных округов РФ) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. М., 2014.

К. В. Грибун

МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ

ГРИБУН Ксения Валерьевна — студент, Уральский Федеральный университет имени первого Президента Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; ksyshenka_2906@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается проблема миграций из малых городов в большие. Для анализа сложившейся ситуации анализируются результаты работ отечественных исследователей с 1989 года, а также современные исследования. Приведены статистические данные, подтверждающие, что проблема существует, и жители, действительно, покидают малые города и стремятся в мегаполисы. Особенно это касается столичных городов (Москва, Санкт-Петербург), постоянно притягивающих миграционные потоки. В связи с этим появляется новая тенденция уменьшения количества малых городов вообще и переход их в другую категорию населенных пунктов. В тексте приводится краткое методологическое описание исследования, проведенного в городе Екатеринбург Свердловской области с целью понять, почему мигранты покидают малые города. На основе полученных данных выделяются основные причины миграционных процессов, модели миграционного поведения жителей малых городов, которые зависят от социально-демографических характеристик. Данные могут помочь в правильном выстраивании социальной политики, основанном на мнении самих мигрантов.

Ключевые слова: Внутренние миграции, малый город, мегаполис, поведенческие модели, факторы, мотивы.

Современный человек находится в постоянном движении, и это касается его перемещений не только по городу, к примеру, из дома на работу, или поездок в необычное место во время отпуска. Речь идет о переезде индивида и смене места его жительства. Теперь переезды в соседние города и регионы встречаются в повседневности все чаще. За последние десятилетия многими отечественными исследователями отмечается тенденция роста внутренней миграции, причем чаще всего люди покидают малые города и едут в мегаполисы.

В 1990-х годах в миграционных процессах появился феномен «западного дрейфа», когда население направилось с Севера в Центр, Приволжье и на Юг [3]. Данное направление до сих пор сохраняется, и мигранты уже стремятся конкретно в столичные города, особенно

в Москву и Санкт-Петербург: в период с 2011 по 2012 года миграционный прирост в Москве, Санкт-Петербурге и их областях составил 305 тыс. и 101 тыс. человек, соответственно[4].

Кроме этого, можно отметить и другой тренд — с каждым годом растет поток населения из малых городов в другие города-миллионники. К примеру, «в 2012 году крупные города (100-тысячники и региональные столицы) увеличили прирост за счет внутрисоссийской миграции на 150 тысяч человек в сравнении с 2010 годом»[4]. Более того, за период с 1989 по 2014 года отмечается сокращение количества малых городов вообще, и численности населения в них на 12 % [2]. При этом важно отметить, что среди всех городов России доля малых городов на данный момент превышает 50 %.

Итак, проблема миграций из малых городов в большие существует и остается неразрешимой уже многие годы. В чем же ее причина и можно ли остановить жителей малых городов и попытаться задержать их в населенном пункте?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к микроуровню миграции, то есть к самому мигранту. Именно его усилиями формируются миграционные потоки, и только сам субъект сможет дать достоверную информацию о том, почему население «бежит» из малых городов, и что оно хочет получить в переполненных региональных центрах.

Так, нами было проведено исследование в период с ноября по декабрь 2016 года в городе Екатеринбург, целью которого было выявление поведенческих моделей миграций из малых городов в большие. В ходе исследования методом онлайн анкетирования мы опросили 150 мужчин и женщин совершеннолетнего возраста, которые переехали из малого города в Уральскую столицу за последние 8 лет. Еще 8 человек мы были опрошены методом глубинного интервью.

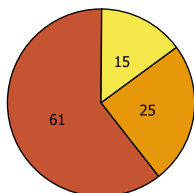
Перед тем, как перейти к анализу полученных результатов, необходимо пояснить, что мы понимаем под моделью миграционного поведения.

Поведенческая модель состоит из цели, средств и результата. Цель — это опредмеченная потребность, то есть, при актуализации потребности у человека формируется цель и мотивация для ее достижения. Для того чтобы добиться цели индивид использует различные средства. Безусловно, не всегда цель совпадает с конечным результатом, но это во многом зависит от факторов, которые постоянно воздействуют на индивида извне. Внешние факторы могут влиять косвенно, быть краткосрочными и постоянными, но они всегда есть и проявляются на всех этапах, и это нельзя не учитывать в нашей работе.

Итак, по результатам проведенного исследования мы получили следующую картину.

По каким причинам Вы решили сменить место проживания? (ОБ)(Альтернативная)

- Проблемы с работой
- Не развиты культурна
- Другое

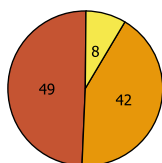

Укажите, пожалуйста, интервал, которому соответствует Ваш возраст: (ОБ)

$n=150 \mid \chi^2=23,329(0,000) \mid DF=2 \mid \text{на}1DF=11,664$

Молодые люди до 30 лет

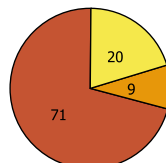
31 год и старше

Вы приехали в Екатеринбург:
 $n=68 \mid \chi^2=7,204(0,028) \mid DF=2 \mid \text{на}1DF=3,602$

Вместе с семьей

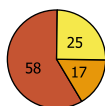
Один/одна, Вместе с друзьями/коллекгами

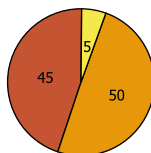
Кто из окружающих повлиял на Ваш переезд? (ОБ)
 $n=80 \mid \chi^2=11,725(0,003) \mid DF=2 \mid \text{на}1DF=5,862$

Никто из перечисленных (принял(а) решение самостоятельно)

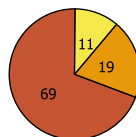
Окружающие

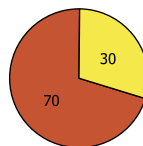
$n=12$

$n=56$

$n=36$

$n=44$

Общий процент правильной классификации: 61,49% (+2,03%)

Рис. 1. Модель принятия решения мигранта о переезде

Вариант «Проблемы с работой» чаще всего выбирали респонденты старше 31 года, на решение которых повлияли окружающие. Мы объясняем это тем, что люди старшего возраста связаны семейными узами, поэтому вынуждены думать не только о себе, но и о финансовом положении близких родственников (детей, супруга, родителей). Их волнуют проблемы с работой, низкие заработные плат, отсутствие возможности для развития.

Низкий уровень развития культурной, образовательной, досуговой сфер жизни малого города чаще беспокоит молодых людей до 30 лет, которые переехали в Екатеринбург либо самостоятельно, либо вместе

с друзьями и коллегами. Молодежь, действительно, не всегда строит планы на будущее, а оценивает ситуацию в данный момент, и если ее не устраивает образ жизни в малом городе, отсутствие в нем разнообразного и интересного досуга, то она его покидает. Молодые люди редко стремятся приспособиться к существующим условиям в отличие от старшего поколения. Наоборот, они оценивают жизнь своих ровесников в крупных городах и едут туда.

Мы также оценивали возможность переезда мигрантов в другие города или возвращение их обратно. Так, чаще всего планируют переезд мужчины, которых частично не удовлетворяет жизнь в Екатеринбурге, женщины, в свою очередь, больше склоняются к дальнейшему проживанию в последнем. Возможно, мужчины больше заинтересованы в карьерном росте и самореализации, поэтому не останавливаются на достигнутом, стремясь в Москву и Санкт-Петербург.

Итак, на наш взгляд, экономические мотивы для мигрантов первичны, а за ними следуют вторичные — досуг, образование, культура города. Данные выводы подтверждаются и другими отечественными исследованиями. Л. Л. Рыбаковский, В. И. Переведенцев, Д. Н. Кулешов сходятся во мнении, что «Вполне естественное стремление людей к благополучию, бытовому комфорту во многом обуславливает всю мотивационную основу их переезда»[1].

Факторы выталкивания также могут носить экономический характер, то есть быть связанными с уровнем жизни в малых городах, жилищным устройством. В качестве демографических факторов выделяются семейное положение, возраст и пол.

Глубинное интервью показало нам, что большинство респондентов добились того, чего хотели: *«Как оказалось, ничего страшного нет, если работа нравится... Так что меня сейчас все устраивает... ну помимо жилья — снимаем пока. Все остальное хорошо, даже очень!»* (Светлана Владимировна, 48 лет). Другой опрошенный также переехал из-за проблем с работой в городе Чайковском, Свердловской области: *«в тот момент для меня было главное приехать и найти работу. У меня у родителей не было возможности мне помочь, хотя вначале полгода мне мама как-то еще помогала, но потом я полностью сама себя обеспечивала. В течение месяца где-то я нашла работу»* (Галина, 31 год).

Итак, несмотря на то, что миграционные потоки из малых городов только увеличиваются, мигранты все же добиваются своих целей в условиях растущей конкуренции. По их мнению, малые города обладают рядом преимуществ, и, чтобы исправить ситуацию, нужно учитывать это. Мы считаем, что государственным органам, разрабатывая программы и меры по развитию малых городов, необходимо основываться не толь-

ко на сухой статистике и экономических показателях, но и на желаниях мигрантов. Именно тогда вектор миграционных потоков может изменить свое направление.

Список источников

1. Кулешов Д. Н. Теоретико-методологические аспекты изучения миграции населения // Вестник ВЭГУ. 2009. № 31/32.
2. Волкова О., Соколов А., Терентьев И. Исследование РБК: как вымирают российские города. URL: <http://www.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f> (дата обращения: 08.10.2016 г.).
3. Мкртчян Н. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0431/analit01.php> (дата обращения: 08.05.2016).
4. Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php> (дата обращения: 08.05.2016).

К. А. Крупенёва

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

КРУПЕНЁВА Ксения Андреевна — студент-бакалавр, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; kseniya.krupeneva@mail.ru

Аннотация. В настоящее время миграция молодого поколения имеет для многих регионов России, в том числе и Иркутской области, важное значение, поскольку миграционный отток молодежи может привести к ухудшению демографической ситуации, а также к возрастанию проблем в экономической и социальной сферах. В статье анализируется миграционное поведение молодого поколения Иркутской области. Рассматриваются основные факторы миграции молодежи и ее последствия. Приводится анализ основных показателей миграционных процессов за определенный период. Автор статьи предлагает рекомендации для формирования эффективной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция молодежи, миграционные процессы, социально-средовые факторы, регулирование миграционных процессов

Проблема межрегиональной миграции населения России, в том числе и такой социально-возрастной группы как молодежь, является актуальной и давно исследуемой. Молодежь занимает довольно важное место в экономической и политической жизни общества. Как государство, так и само общество заинтересовано в молодежи, как в активной группе населения, которая с энтузиазмом и творчеством подходит к работе. Отсюда можно сделать вывод, что молодежь является «интеллектуальным потенциалом народа», что оказывает существенное влияние на развитие общества в целом. Для этого необходимо государству задуматься о положении молодежи в регионах и проводить особую политику в отношении молодого поколения. А также необходимо выявить те социально-средовые факторы, которые влияют на миграционный отток молодежи из региона. Подход к молодому поколению постоянно считался актуальным для государства и общества [3].

Молодое поколение не считается саморазвивающейся системой. На жизнь молодежи в большей степени оказывают свое влияние социально-экономические и политические процессы, в ходе которых молодому поколению необходимо определить свой дальнейший путь.

Для Иркутского региона, по данным ежегодного доклада о молодежи иркутской области, характерным является межрегиональный миграци-

онный отток. Основными причинами внешней для региона миграции молодого поколения являются высокий уровень безработицы, недостаточное количество бюджетных и целевых мест в вузах, низкий уровень зарплат, отсутствие перспектив карьерного роста, трудности в приобретение собственного жилья.

Важной доминантой в принятии решения о том, где человек будет работать, жить, учиться, выступает именно предполагаемое место жительства. За выбором этого места кроется масса факторов. Прежде всего, здесь огромную роль играет сама среда. Следовательно, средовые факторы выступают важной составляющей мотивации миграционного поведения молодежи. По данным Иркутскстата, 80 % уезжающих из иркутской области в другие регионы России — это люди в возрасте от 20 до 30 лет. В Иркутске в период с января по июль 2015 года наблюдался миграционный отток 8 тысяч 24 человек в другие регионы. Основную часть покинувших областной центр составили выпускники школ и вузов [5].

Молодежь, как особая социально-возрастная группа, обладающая высоким трудовым, интеллектуальным и профессиональным потенциалом, рассматривается в качестве главного социально-экономического ресурса государства.

Изучение средовых факторов формирования миграционного поведения молодежи проводилось в Институте социальных наук ИГУ в рамках гранта РФФИ № 15—06—08543. Методом глубинного интервью было опрошено 10 молодых людей, имеющих миграционный опыт или миграционные намерения. Эксперты отвечали на вопрос: «Какие именно составляющие социальной среды имеют большую значимость для принятия решения о миграции?». При этом, на первое место они поставили трудовую составляющую социальной среды, на втором месте экономическая составляющая, на третьем — образовательная, на четвертом — рекреационная, обеспечивающая возможность отдыха, проведения выходных, и т. д. отпуска [1, с. 199—200].

Также в процессе исследования затронуты основные потребности, наиболее мотивирующие молодежь к миграции. Экспертам были выбраны экономические и трудовые, а также социальные потребности: гражданские свободы, гарантии, степень уверенности в завтрашнем дне, чувство нужности обществу.

Что касается жестких административных мер по уменьшению миграционного оттока, то абсолютное большинство экспертов считает, что подобная практика не целесообразна и невозможна. Экспертами, в частности, отрицательно была оценена перспектива возвращения планового распределение молодых специалистов. [1, с. 201].

Возрастающий миграционный отток молодежи из региона может повлечь за собой тяжелые последствия, включая снижение численности и ухудшения структуры трудовых ресурсов, снижение престижности Иркутского региона, ухудшение демографической ситуации, а также возрастание проблем в экономической и социальной сферах.

Основные мероприятия государственной молодежной политики осуществляются в соответствии со «Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р» [4]. Основной задачей данной стратегии является информированность молодежи о ее правах и возможностях в основных сферах жизнедеятельности.

В рамках государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014—2018 годы разработаны и действуют мероприятия, направленные на содействие реализации молодёжью своих профессиональных возможностей, а также на воспитание личности, способного к самоорганизации и самореализации. Задачами данной государственной программы являются качественное развитие потенциала и восприятие молодежи, обеспечение защиты прав и свобод граждан, внедрение в социальную практику установок толерантного сознания, повышение эффективности реализации государственной молодежной политики, а также совершенствование системы патриотического и гражданско-патриотического воспитания. Ожидаемыми конечными результатами реализации поставленных задач государственной программы являются: миграционный отток молодежи уменьшится, в общей численности молодежи — 0,25 %, а численность молодежи, вовлеченной в реализацию мероприятий государственной молодежной политики, составит 280000 чел. [2].

Таким образом, молодежный фактор в Иркутском регионе важен практически во всех сферах жизни общества. Миграционное поведение в современных условиях обуславливается потребностями в качественной среде жизнедеятельности, которая обеспечивает, в свою очередь, развитие потенциала личности. Для формирования научно обоснованной и экономически перспективной миграционной политики следует применить социологический и политический инструментарий для постоянного контроля миграционного поведения, в частности, молодого поколения. В обязательном порядке необходимо проанализировать миграционную ситуацию и своевременно принять меры о внесении корректив в законодательные акты и программы федерального и регионального уровня.

Список источников

1. Гольцова Е. В. Социально-средовая мотивация миграционного поведения молодежи в условиях глобализации: региональный аспект /

Е. В. Гольцова.— Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы VII Всероссийской научной Интернет-конференции. 2015. С. 197—202.

2. Государственная программа Иркутской области «Молодежная политика» на 2014—2018 годы [Электронный ресурс]: пост. Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 года N 447-пп. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460206938> (дата обращения 09.02.16 г.).

3. Ильинский И. М. Государственная молодежная политика. Уроки недавнего прошлого [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/gosmolpol.php>] (дата обращения: 09.02.2016).

4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.referent.ru/1/118228?l4>] (дата обращения: 09.02.2016).

5. Федеральная служба государственной статистики по Иркутской области: сайт. URL: <http://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения: 12.02.2016).

А. В. Саблуков**СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ГРАЖДАН, УВОЛЕННЫХ
С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ОПЫТ
МОНИТОРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

САБЛУКОВ Александр Валентинович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МО и СПН МГЛУ, г. Москва, Россия; asablukov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание социологических мониторинговых исследований процесса социальной адаптации граждан, уволенных с военной службы и членов их семей. Основное внимание в статье уделено перечню социологической и статистической информации используемой в целях мониторинга. Предложена группа методов сбора, обработки и анализа социологической и статистической информации для решения задач мониторинга: системный анализ, сравнительный анализ, анализ документов, анализ статистических наблюдений, анкетный опрос, опрос экспертов, фокус-группы, аудит, статистическая обработка и построение линейных, условных и перекрестных распределений, построение динамических рядов, социальное прогнозирование, расчет статистических показателей (частности, среднее, дисперсии, коэффициенты корреляции и связи), построение и расчет индексов, построение моделей, кластерный анализ. Подчеркивается, что выборка, условия проведения исследования, распределение респондентов по количественному составу, социальным группам, месту проживания, семейному положению позволили сделать достоверные выводы о социальных процессах, происходящих в среде граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, и сформулировать обоснованные предложения по улучшению их правового и социально-экономического положения.

Ключевые слова: социальная адаптация граждан уволенных с военной службы, социологический мониторинг, социологическая и статистическая информация

В числе актуальных проблем военно-социальной политики на современном этапе занимает проблема социальной защищенности инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы.

Во исполнение статьи 29 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и постановления Правительства РФ от 27 февраля 1999 года № 232 по заказу Минтруда России осуществляется ежегодный мони-

торинг социально-экономического и правового положения данной категории граждан. Важной составной частью мониторинга являются социологические исследования.

Рассмотрим, каковы же реалии решения социальных проблем инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы

По результатам запросов, направленных в органы социальной защиты субъектов Федерации, получены объективные статистические данные, касающиеся инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы по состоянию на 01 октября 2016 г. Результаты мониторинга предыдущих лет позволили выделить динамику ряда важных показателей.

В ходе исполнения конституционного долга по защите интересов России часть военнослужащих получили ранения, контузии, военные травмы, тяжелые заболевания и стали инвалидами военной травмы или инвалидами по заболеванию, полученному в период прохождения военной службы. По данным Минтруда России, на 01 октября 2016 г. количество бывших военнослужащих, стоящих на учете в военных комиссариатах, органах МВД, ФСИН и МЧС России и получающих военную пенсию по инвалидности, составило 91600 человек (6,8% от общего количества военных пенсионеров). Кроме того, в муниципальных органах социальной защиты состоят на учете 264432 инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы.

Снижение количества инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, стоящих на учете в муниципальных органах социальной защиты связано как с упорядочением различий между группами военных инвалидов и уточнением понятия военный инвалид, так и с необходимостью для многих из них ежегодно подтверждать группу инвалидности.

Следует обратить внимание на то, что абсолютная численность инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, состоящих на учете в муниципальных органах социальной защиты и стоящих на учете в военных комиссариатах, органах МВД, ФСИН и МЧС России и получающих военную пенсию, снижается после скачка в 2010 г. Тенденция к снижению абсолютной численности всех категорий инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, будет сохраняться и в ближайшие годы.

Самой многочисленной группой инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания как среди стоящих на учете в военкоматах,

органах МВД, ФСИН и МЧС России, так и среди стоящих на учете в органах социальной защиты, являются участники Великой Отечественной войны. Их доля составляет 32 %. Однако их количество в последние годы резко уменьшается. Ежегодно уходят из жизни от 3 до 4 тыс. инвалидов этой войны. Уменьшается по той же причине число инвалидов вследствие военной травмы или заболеваний, полученных в ходе ликвидации аварии на ЧАЭС и др. радиационных аварий, инвалидов из подразделений особого риска.

В последние годы практически не меняется количество граждан, получивших инвалидность в ходе боевых действий в Чеченской Республике и на прилегающих территориях, участников боевых действий на территории других государств.

За последние годы в России со 129 в 2009 г. до 303 в 2016 г. выросло количество учреждений, специализирующихся на лечении и реабилитации инвалидов вследствие военной травмы, ветеранов войны и боевых действий. В настоящее время среди них, по данным Минтруда России, 297 федеральных и муниципальных лечебных и реабилитационных учреждений, в том числе: 131 госпиталей и иных учреждений здравоохранения и 166 дневных стационаров. Принимают пациентов также 7 негосударственных лечебных и реабилитационных учреждений.

Количество инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, прошедших реабилитацию или лечение в специализированных учреждениях здравоохранения меняется из года в год. Общее количество ежегодно пролеченных до 2010 года находилось в пределах 70—80 тыс. человек. С 2011 г. отмечается резкое падение количества инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, прошедших реабилитацию или лечение в специализированных лечебных учреждениях. В частности, в 2016 г. прошли курс реабилитации или лечились в госпиталях и дневных стационарах только 35344 инвалидов (в 2015 г. было пролечено 40143 инвалидов). Динамика цифр последних лет не вызывает оптимизма.

Впервые получены статистические данные о количестве военных пенсионеров, инвалидов вследствие военной травмы, ветеранов войны и боевых действий, получивших путевку в ведомственные санатории и дома отдыха Минобороны, МВД, ФСИН и МЧС России. Всего получили такие путевки в 2016 году 24530 человек, в том числе: военных пенсионеров, не имеющих инвалидности — 18791 чел., инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы — 2331 чел., ветеранов войны и боевых действий — 3409 чел.

Проведенный анализ состояния государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы позволяет сделать ряд выводов:

- Проблемы поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы постоянно находятся в центре внимания органов государственной власти и управления и находят отражение в проводимой военно-социальной политике.

- Существует ряд проблем в законодательном регулировании социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, участников боевых действий. Это, во-первых, множественность нормативных правовых актов, во-вторых, значительная часть правовых норм, содержащихся в указанных выше законах, не являются нормами прямого действия, а рассчитаны на совокупность подзаконных нормативных правовых актов, в-третьих, нестабильность законодательства, подверженность законов в данной сфере частым изменениям и, наконец, наличие значительного числа правовых пробелов и противоречий в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере военно-социальной политики Российской Федерации.

- Исходя из сложившейся социально-правовой практике в Российской Федерации было бы целесообразно разработать и принять ряд специальных законов регулирующих меры социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы.. В частности, речь могла бы идти о таких законах, как «Об инвалидах военной службы» и «О льготах для военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях», в которых бы были закреплены статус и государственные гарантии для уволенных в запас инвалидов военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, льготы и возможности по реабилитации, а также приложен уточненный Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации, повлекших за собой гибель или непосредственную угрозу жизни лицам, находившимся на военной службе.

С. Г. Максимова

ТРАНЗИТНАЯ МИГРАЦИЯ И ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ

МАКСИМОВА Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; svet-maximova@yandex.ru

Аннотация. Усложнение этносоциальных и этнополитических процессов, в значительной мере обусловленных неконтролируемостью потоков мигрантов и беженцев, стало одним из главных вызовов для мирового сообщества. Проблема транзитной миграции в России берет свое начало в 1990-е годы, когда после развала страны и разрушения целостной системы охраны государственных границ на ее территории стали образовываться многочисленные скрытые и явные транзитные маршруты из стран Азии и Африки в Европу. Несмотря на предполагаемое краткосрочное пребывание в России, на деле мигранты зачастую изменяют свои намерения и остаются в стране надолго, нарушая сроки и условия предоставленной им визы, зарабатывая на жизнь и следующий миграционный шаг. В тезисах рассмотрены проблемы, связанные с транзитной миграцией, представлены результаты апробации социологического исследования в приграничных регионах России, включающие оценку воздействия различных типов миграции на уровень демографической, социальной и экономической безопасности в регионе.

Ключевые слова: транзитные миграции, приграничные регионы, социально-экономическое развитие

Проникая во все уголки земного шара, миграция превратила все страны из обособленных государств в страны назначения, происхождения и транзита для международных мигрантов, изменяя их экономические, культурные основы и социальные структуры. Динамично изменяющиеся социально-экономические и геополитические условия создали предпосылки для усложнения миграционных потоков, возникновения новых форм и практик миграции, поставивших под угрозу коллапса десятилетиями складывающиеся системы социального обеспечения и социальной безопасности в развитых странах.

Проблема транзитной миграции в России берет свое начало в 90-е годы прошлого столетия, когда после развала страны и разрушения целостной системы охраны государственных границ на ее территории стали

образовываться многочисленные скрытые и явные транзитные маршруты из стран Азии и Африки в Европу, используемые организациями, занимающимися незаконной перевозкой рабочей силы. Россия стала естественным, с географической точки зрения, транзитным регионом для мигрантов из Юго-Восточной Азии, Афганистана, Ирака, Пакистана и иных стран при их перемещении на Запад, поскольку находится между развитыми и развивающимися странами. Нестабильность политического и социально-экономического положения в странах, граничащих с Россией и СНГ, провоцирует рост нерегулярной миграции в этот регион. Согласно данным исследовательских отчетов, в России «застряли» более 300 тысяч транзитных мигрантов из Афганистана, Китая, Анголы, Пакистана, Индии, Шри Ланки, Турции, Эфиопии и других стран [1].

Несмотря на предполагаемое краткосрочное пребывание в России, на деле мигранты зачастую изменяют свои намерения и остаются в стране надолго, нарушая сроки и условия предоставленной им визы, зарабатывая на жизнь и следующий миграционный шаг. В итоге, возникает явление асимметричности границ, означающее большую легкость въезда в страну, и труднодоступность выезда в силу более строго охраняемых границ тех государств, в которые стремятся мигранты. Слабость мотивации к уважению обычаев и традиций, слабое знание языка и культуры, не способствует легализации положения и интеграции мигрантов в местное сообщество, демонстрируется пренебрежительное отношение к нашей стране [2]. В наибольшей степени от негативных последствий транзитной миграции страдают приграничные регионы, принимающие на себя большую часть миграционных издержек по контролю за въездом и первичной адаптации транзитных мигрантов, последствий от их криминальной и нелегальной деятельности [3]. К сожалению, современное состояние транзитной миграции не позволяет в полной мере использовать ее возможности и преимущества, скорее она представляет угрозу национальной безопасности России.

Объекты и методы. В целях разработки научных основ для решения упомянутых проблем, связанных с транзитной миграцией, на первом этапе исследования проведена апробация социологического исследования миграционных показателей в приграничных регионах России, включающая оценку воздействия различных типов миграции на уровень демографической, социальной и экономической безопасности в регионе. Оценка осуществлялась на основе результатов социологического опроса населения, проведенного в 2015—2016 гг. в четырех приграничных регионах России (Алтайский край, Забайкальский край, Республика Бурятия, Омская область, выборка населения составила 2400 чел., в возрасте 15—75 лет).

Результаты социологического опроса в целом показывают, что многие респонденты согласны с тем, что миграция способствует пополнению рынка труда рабочей силой (13,6% ответов в совокупной выборке по всем регионам) и увеличению численности населения (9%). Однако для большинства населения миграция также означает поддержку низкоквалифицированной работы, невостребованной у местных жителей (14,6% от всех ответов по совокупной выборке), снижение уровня оплаты труда (13%), рост социальной напряженности (9,9%). В числе наименее часто указываемых следствий миграции отказались такие, как приток высококвалифицированных специалистов (1,3%), обогащение местного населения знаниями о других культурах (1,6%). Только 2,6% опрошенных считали, что привлечение трудовых мигрантов способно улучшить социально-экономическую ситуацию в регионе.

Сравнение результатов, полученных в разных регионах, свидетельствует, что респонденты из Алтайского края и Омской области чаще других связывали миграцию населения со снижением уровня оплаты труда (таблица 1). В Алтайском крае и Забайкальском крае также был отмечен наиболее высокий из всех регионов процент ответов, согласно которым миграция способствует межэтническим конфликтам (21% и 22% соответственно). Кроме того, жители Алтайского края в большей степени, чем жители других регионов, были склонны видеть в миграции населения фактор роста преступности и коррупции (21%). Участники опроса в Республике Бурятия чаще других респондентов отмечали, что миграция способствует снижению численности населения региона и «утечке» специалистов.

Таблица 1. Воздействие миграции на социально-экономическую ситуацию: межрегиональное сравнение
(указан % выбора того или иного ответа в каждом из регионов исследования)

Ответ	Алтайский край	Республика Бурятия	Забайкальский край	Омская область
улучшает социально-экономическую ситуацию в регионе	3,42	6,88	5,44	6,29
пополняет рынок труда рабочей силой	28,83	32,45	31,97	22,12
снижает численность населения вследствие миграционного оттока	7,75	10,93	5,78	3,78
способствует «утечке» высококвалифицированных специалистов	11,89	19,93	12,93	12,05
снижает уровень оплаты труда	30,09	22,93	19,56	38,31
увеличивает социальную напряженность в регионе	23,60	16,93	19,90	23,56

Ответ	Алтайский край	Республика Бурятия	Забайкальский край	Омская область
увеличивает численность населения региона	20,18	19,93	16,33	20,14
поддерживает низкоквалифицированную работу, за которую не берутся местные жители	29,73	31,75	31,46	30,94
способствует притоку специалистов верхнего сегмента рынка труда	2,70	3,70	2,04	2,16
способствует возникновению межэтнических конфликтов	21,44	15,34	22,45	11,33
увеличивает рождаемость вследствие появления смешанных браков	9,01	10,76	18,03	5,22
способствует росту преступности и коррупции	21,44	16,23	12,76	11,15
обогащает местное население знаниями о культуре и традициях стран мигрантов	2,52	5,82	3,40	1,62
усиливает нагрузку на объекты социального обслуживания населения	7,57	8,99	5,78	8,27

Указываемые респондентами негативные следствия миграции оказались в определенной степени регионально-специфичными. Так, в Алтайском крае респонденты чаще, чем в других регионах, говорили о снижении уровня заработной платы, повышении вероятности межэтнических конфликтов, росте преступности и коррупции. Для жителей Бурятии наиболее значимым оказался процесс миграционного оттока, они чаще отмечали, что вследствие миграции снижается численность местного населения, из региона уезжают специалисты. В то же время опрошенные в Бурятии отличались от участников других региональных выборок большей частотой ответов о том, что миграция обогащает местное население знаниями о культуре и традициях стран мигрантов. В Забайкалье респонденты чаще, чем в прочих регионах, говорили о миграции как факторе межэтнических конфликтов и повышения рождаемости вследствие межнациональных браков. В Омской области, как и на Алтае, был высоким процент респондентов, связывающих с процессом миграции снижение уровня оплаты труда в регионе.

В целом можно заключить, что население приграничных регионов чаще связывают миграцию с ростом численности населения и пополнением рынка труда рабочими кадрами, а также с социальной напряженностью, снижением уровня заработной платы, дефицитом специалистов, поддержкой низкоквалифицированного труда.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

Список источников

1. Ивахнюк И. В. Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути. М. : МАКС Пресс, 2011.
2. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Трудовая миграция в алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 5 (103). С. 129—133.
3. Мукомель В. И. Миграционная политика России для Дальнего Востока: цели, акторы, компетенции // Стратегическое планирование на межрегиональном, региональном и городском уровнях: каким будет Дальний Восток после кризиса. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». 2010. № 207: 105—116.

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова

МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

КОСТИНА Елена Юрьевна — кандидат социологических наук, руководитель ОП «Социология», доцент Департамента социальных и психологических наук ШГН ДВФУ, г. Владивосток, Россия; kostina.eyu@dvfu.ru

ОРЛОВА Надежда Александровна — старший преподаватель Департамента социальных и психологических наук ШГН ДВФУ, г. Владивосток, Россия; orlova.na@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы демографической безопасности Дальневосточного федерального округа. Особое внимание уделяется анализу динамики таких важных для дальневосточного региона социально-демографических показателей как уровень рождаемости и миграции, выступающих индикаторами социального благополучия населения. Дальневосточный регион России (ДФО) представляет собой уникальную территорию по ряду социальных, экономических и демографических показателей, хотя бы потому, что это самый большой в России федеральный округ по занимаемой площади, но при этом он на последнем месте по численности населения и его плотности. Данная территория одна из последних была присоединена Российской империи и заселена. Основным направлением роста населения здесь всегда выступала миграция: массовое переселение крестьян до революции, промышленное развитие и комсомольские стройки в советский период. В послеперестроечное время сложилась неожиданная ситуация массового «исхода» населения из региона, когда по данным статистики регион покинул каждый 5 человек трудоспособного возраста и младше. И настоящее время, когда политические и экономические интересы смещаются со стран старого света и США в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, можно говорить об острой необходимости разработки и реализации специальной политики направленной на заселение данных стратегически важных для России территорий.

Ключевые слова: миграция, демографическая безопасность, воспроизводство населения, Дальний Восток

В свете существующей социально-экономической дифференциации российских регионов, актуальным остается вопрос исследования демографического благополучия населения, с учетом региональной специфи-

ки. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является одним из самых молодых по характеру хозяйственного освоения и заселения. Территория ДФО — это 6215,9 тысячи квадратных километров (36,4% территории России), а население округа составляет 6440,4 тысячи человек (4,9% населения России)[1], то есть субъект является одним из слабозаселенных регионов России.

Таблица 1. **Распределение территорий и доля населения ДФО [4, с. 7]**

Субъекты Дальневосточного федерального округа	Доля в территории Дальневосточного федерального округа, %	Плотность населения, чел./км²
Республика Саха (Якутия)	49,98	0,3
Камчатский край	7,53	0,3
Приморский край	2,67	11,7
Хабаровский край	12,77	1,7
Амурская область	5,87	2,2
Магаданская область	7,50	0,7
Сахалинская область	1,41	0,3
Еврейская автономная область	0,59	4,6
Чукотский автономный округ	11,69	0,1

В настоящее время ДФО занимает особое геополитическое положение, вызванное его оторванностью от центра страны и территориальной близостью активно развивающихся стран Азиатско-тихоокеанского региона. Необходимость защиты и удержания данных территорий, а как следствие их заселение и экономическое развитие, всегда было приоритетом для правительства страны. Царское было ориентировано на переселение крестьянского населения и казаков, которым предоставлялась земля на данных территориях, проводимая политика была довольно успешной, так как менее 2% переселенцев вернулись назад. В советский период упор делали на промышленном развитии территории. Так в период с 1926 по 1941 гг. темпы роста промышленности превышали общий показатель по СССР в 3—4 раза, данная тенденция сохранилась и дальнейшем. Достичь таких показателей было не возможно без постоянной трудовой миграции в регион. Существовали специальные программы обеспечивающие регион трудоспособным населением, которому предоставлялись возможности более крупных заработков (так еще со времен в СССР выплачивались так называемые «северные» или «дальневосточные» надбавки призванные обеспечить компенсацию проживания в неблагоприятных погодных условиях и отдаленность от центра) и более раннего

выхода на пенсию. Данная система рухнула с переходом страны к рыночной экономике, производство остановилось, а рост цен на продукты, транспорт и тарифы не покрывались данными надбавками. Так период с 1991 года иногда называют «исходом» населения с дальневосточных земель, когда сокращение населения на 70 % было обусловлено миграционным оттоком, а не на естественные причины.

Хотелось бы надеяться, что сложившаяся ситуация достигла своего дна и начинает стабилизироваться, но, к сожалению, анализ показателей численности населения за два последних года (2015 и 2016 гг.) не дает возможности прогнозировать благоприятное развитие событий. Так, на 1 января 2015 года численность постоянного населения Приморского края составила 1933,3 тыс.чел.; Хабаровский край — 1338,3тыс.чел.; Республика Саха (Якутия) — 956,9тыс.чел.; Амурская область — 809,9тыс.чел.; Сахалинская область — 488,4тыс.чел.; Камчатский край — 317,3тыс.чел.; Еврейская автономная область — 168,4тыс.чел.; Магаданская область — 148,1тыс.чел.; Чукотский автономный округ — 50,5тыс.чел.[5]. А на 1 января 2016 года численность постоянного населения Приморского края составила 1929,0тыс.чел., Хабаровский край — 1334,5 тыс.чел.; Республика Саха (Якутия) — 959,7 тыс.чел.; Амурская область — 805,7 тыс.чел.; Сахалинская область — 487,3 тыс.чел.; Камчатский край — 316,1 тыс.чел.; Еврейская автономная область — 166,1 тыс.чел.; Магаданская область — 146,4 тыс.чел.; Чукотский автономный округ — 50,2 тыс.чел.[14].

Стоит отметить, что во всех субъектах, за исключением Республики Саха, наблюдалось сокращение населения, в основном за счет миграционных процессов. Но все же стоит отметить положительную тенденцию в последнее время к росту за счет естественных показателей, а не за счет приезжих. Так в 2012 году, в отличие от предыдущих лет, рождаемость превысила смертность, и естественный прирост составил 0,9[2] в 2014 естественный прирост возрос до показателя 1,4[3]. Наибольшее количество детей в 2014 было рождено в Якутии (17,8), наименьшее в Магаданской области[3]. К сожалению, данная тенденция не позволяет прогнозировать, что естественный прирост позволит достичь требуемых для обеспечения демографической безопасности региона показателей без притока трудовых ресурсов извне.

Показатели миграционной активности населения, а именно ее объемы и направления выступают явными маркерами, позволяющими судить о неблагоприятных условиях в регионах, характеризующихся оттоком населения, и не возможностью обеспечить социальное и экономическое благополучие. Так, из данных приведенных в Таблице 2 видно, что регион до сих пор имеет отрицательные показатели миграционного прироста населения.

Таблица 2. **Общие итоги миграции в ДФО [6,7,8,9,10,11,12]**

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Прибыло	115489	93872	96875	187335	232140	238122	240862	247821
Убыло	134688	111791	124319	205101	252021	271164	265614	271985
Миграционный прирост	-19199	-17919	-27444	-17766	-19881	-33042	-24752	-24164

Показатели миграционных связей ДФО с другими федеральными округами различны. Просматривается существенная диспропорция с европейскими районами РФ, туда уезжает в 2,5 раза больше населения, чем приезжает оттуда. В основном происходит потеря населения трудоспособного возраста и младше трудоспособного возраста. При этом не стоит забывать, что они и составляют трудовой и воспроизводственный потенциал, так необходимый для данного региона.

Стоит отметить, что если существующие тенденции будут сохраняться, то это приведет к обострению и без того сложной ситуации в регионе, а также в геополитическом раскладе в АТР, вследствие чего может ухудшиться национальная безопасность. Неблагоприятная демографическая ситуация делает регион все менее привлекательным для въездной миграции и инвестиций. Только продуманная миграционная политика государства сможет вернуть сюда трудоспособное население и гарантировать демографическую безопасность региона.

Список источников

1. Дальневосточный федеральный округ // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25> (дата обращения: 08.02.2016).
2. Естественное движение населения Российской Федерации — 2012 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_106/Main.htm (дата обращения: 20.01.2015 г.).
3. Естественное движение населения Российской Федерации — 2014 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_106/Main.htm. (дата обращения: 20.01.2015 г.).
4. Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6—14.
5. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2015 года // GKS.RU: официальный сайт Федеральной государственной службы

статистики. 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 22.01.2016).

6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

7. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b10_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

11. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

13. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

14. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm (дата обращения: 20.01.2016 г.).

М. И. Черепанова

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ КАК ПРОГНОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

ЧЕРЕПАНОВА Мария Ивановна — доцент социологического факультета АлтГУ, г. Барнаул, Россия; cher_67@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты мониторинга проблем гражданской и этнической идентичности населения приграничных регионов России. Описана специфика отношения к мигрантам. Выявлен потенциал толерантности к приезжему иноэтничному населению. Определены региональные отличия прогнозов межнациональных отношений, основанных на миграционных процессах. Выявлены социальные индикаторы, обуславливающие специфику отношения к мигрантам. Доказана возможность использования данных мониторингов для социального контроля межнациональной безопасности региона.

Ключевые слова: миграция, мигранты, национальная безопасность.

В данной статье представлены результаты социологического опроса проблемы этнической идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации, проведенного научным коллективом исследователей социологического факультета Алтайского государственного университета в Алтайском, Забайкальском краях, Кемеровской, Омской, Оренбургской, Амурской, Еврейской автономной областях, республике Алтай. Общая выборка составила 3960 членов домохозяйств.

Национальная безопасность регионов современной России во многом определяется спецификой миграционных процессов, включая субъективные эмоциональные и поведенческие аспекты отношения к иноэтничным мигрантам [1]. Представим распространенные в приграничных регионах оценки населения относительно миграционных проблем и возможности их эффективного решения. В исследуемых регионах выявлены общие существенные проблемы, которые заключаются в том, что каждый второй житель считает необходимым запретить въезд иностранных граждан в свой регион. Более всего данное мнение преобладает среди жителей Омска. Тогда как другая половина населения лояльно относится к возможному притоку иноэтничных граждан. Наибольшую лояльность проявляют жители р. Алтай. Пятая часть населения всех регионов проявляет индифферентное отношение, констатируя, что в регионах есть наиболее

социально-значимые проблемы. Рейтинг неприязни к приезжему иноэтничному населению возглавляют жители Кавказа, а также выходцы из Китая. При этом наибольшую нетерпимость к данным этносам демонстрируют жители Забайкальского края и Амурской области. В других исследуемых регионах выявлено по 10% населения, настроенного против выходцев из Средней Азии. Наибольшей распространенностью жесткого отношения, отличается населения г. Омска, где каждый пятый житель считает необходимым запретить въезд мигрантов в регион. На наш взгляд, это является прогнозным индикатором межнациональной напряженности в регионе. Кроме того, по 10% жителей Алтайского края, Кемеровской области, Забайкалья также негативно настроены к приезжим мигрантам.

Наиболее толерантно настроены к возможности миграции в регион население р. Алтай, Оренбурга и Еврейской области [2].

Анализ социально-демографических, социально-экономических, культуральных особенностей данных тенденций позволил выявить обобщенный портрет интолерантной социальной группы, который включил преимущественно население мужского пола, молодого возраста (в большей степени до 30 лет), а также население пенсионного возраста обоего пола. Кроме того, в данную группу вошли те представители населения, которые испытывают наибольшие затруднения в материальной сфере, имеющие проблемы с занятостью. Одной из интересных тенденций, явилось снижение враждебных отношений к мигрантам по мере роста образования. Кроме того, оценки достаточного социального благополучия населения, а именно наличие семьи, хорошей работы, относительная удовлетворенность своим материальным положением, также выявила достоверные корреляции с более дружественным и толерантным отношениям к приезжим «иностранцам» [3]. Наиболее адекватные отношения к мигрантам, проявили также те группы населения, которые констатировали наличие у них веры, серьезное отношение к религии, влияние ее на образ жизни и мировоззрение.

Подводя итоги статьи, необходимо сделать вывод о том, что подобные социальные корреляты отношения к мигрантам, необходимо использовать для формирования эффективных миграционных мероприятий, направленных на социальный контроль и регуляцию межнациональных конфликтов, а значит сохранение национальной безопасности в регионах современной России.

Список источников

1. Вишневецкий А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? / докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета — Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества,

Москва, 6—8 апреля 2010 г. М. : Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.

2. Черепанова М. И. Особенности этно-национальной ситуации в республике Алтай // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: сборник статей. Уфа : АЭТЕРНА, 2015. С. 241—243.

3. Черепанова М. И. Забайкальский край: оценка конфликтогенного межэтнического потенциала // Наука и современность: сборник статей. Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 271—274.

Т. Н. Юдина

УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ В МОСКВЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

ЮДИНА Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, г. Москва, Россия; ioudinatn@mail.ru

Аннотация. Автор на основе данных по итогам переписей населения и результатам социологических исследований показывает особенности украинской миграции в Москву в различные исторические периоды: в советский, постсоветский до 2013 года и современный, связанный с пятой волной эмиграции из Украины. Особое внимание в статье уделено выявлению жизненных и поведенческих стратегий украинских мигрантов, проживающих в Москве с 2005 года. Данный анализ основан на результатах проведенного в апреле — мае 2016 года авторского социологического исследования методом глубинного структурированного интервью «Мотивационные установки украинцев, проживающих в Москве», в ходе которого было опрошено 132 выходцев из Украины, проживающих в Москве и не имеющих российского гражданства.

Ключевые слова: миграция, мигранты из Украины, стратегии украинских мигрантов

Как известно из истории, выходцы из Украины стали селиться в Москве на Мещанских улицах во второй половине XVII века. Это были ремесленники, торговые люди и мастеровые. К 1912 году доля украинцев в этнической структуре Москвы стала составлять 0,2% населения. В советский период эта доля стала постепенно увеличиваться и в 1989 году к украинской общине принадлежало примерно 2,8% москвичей (см. табл. 1).

Таблица 1. Доля украинцев в населении Москвы по итогам переписей¹

	1912	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Доля в %	0,2	0,8	2,2	2,3	2,6	2,6	2,8

После 1991 года в Москву стали приезжать десятки тысяч жителей Украины разных специальностей: строители, водители, сезонные рабо-

¹ ВПН-2010. Приложение 1. Численность населения по районам города Москвы. Проверено 16 августа 2014. Архивировано из первоисточника 16 августа 2014.

чие. По данным переписи населения, в 2002 году в Москве проживало 254 тыс человек, или 2,4% населения года¹. В 2010 году в этнической структуре населения Москвы украинцы составляли 1,34% в населения или 154,1 тыс..² Особенностью Москвы является то, что доля украинцев и ряда других национальностей в миграционных потоках на порядок ниже, чем в среднем по России. Так, например, доля украинцев в миграционных потоках в Москву составила в 2003 году лишь 1% миграционного прироста, когда как по России он составлял 10%³. По-нашему мнению основная причина в том, что многие из приехавших украинцев по разным причинам не вносили свою этничность в листки переписи населения.

До распада Советского Союза и после, в Москву приезжали совершенно разные украинцы. Как правило, до 1991 года в Москву стремились лучшие кадры из Украины. Например, Иосиф Давыдович Кобзон и другие. Приезжала естественно работать и учиться в Москву и молодежь. Самые целеустремленные и смелые оставались в Москве. После 1991 года судьбы этих выходцев из Украины сложились по-разному. В основном благополучно, потому что они нашли в Москве работу, у них естественно не было проблем с языком.

Распад СССР и образование СНГ привело к качественному изменению миграционных потоков в Россию. Появились новые виды миграции, такие как краткосрочная миграция для коммерческих целей, в Россию поехали трудовые мигранты. По данным социологических исследований для выходцев из Украины были характерны следующие черты: отсутствие четкой специализация в занятости на рынке труда Москвы. Среди выходцев из Украины, как показывали исследования того периода, «было достаточно много предпринимателей, торгующих на столичных рынках, или наемных работников (грузчиков, продавцов). Значительная часть работников из Украины работала на неформальных условиях в сфере малого бизнеса и полуправильного бизнеса (так называемые подпольные цеха), швеями, раскройщиками, упаковщиками (легкая промышленность), а также рабочими разных специальностей на обрабатывающих предприятиях и в пищевой промышленности. Немалая часть украинцев была

¹ Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2006. 264 с.

² Национальный состав населения Москвы. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ab3ade00436779d3a052e174665da2b8 (дата обращения: 10.02.17).

³ Национальный состав населения Москвы. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ab3ade00436779d3a052e174665da2b8 (дата обращения: 10.02.17).

занята в качестве строителей, которые возводили дома в коммерческом секторе. Многих украинцев москвичи нанимали в частном порядке для ремонта квартир, строительства и обустройства дач, поскольку их расценки на порядок были ниже, чем в официальном секторе ремонтных услуг¹. В Москве значительная часть трудовых мигрантов из Украины работала в неформальных бригадах сантехников, в сфере общественного транспорта и маршрутных такси. Благодаря отсутствию проблем с языком, а также близости социальной и духовной культур между русским населением столицы и выходцами из Украины, процесс интеграции происходил без конфликтов. Это ситуация с некоторыми модификациями была характерна до 2012 года.

В 2013 году в Украине началась пятая волна эмиграции², которая продолжается и сегодня. Процесс эмиграции усугубляется из-за войны и экономического кризиса. По образному выражению авторов статьи «Пинок под зад правительству: 8 шокирующих фактов об эмиграции из Украины» украинской BusinessViews «средняя зарплата украинца заставляет гондурасцев смеяться»³, так как средняя заработная плата в 2014 году в Украине составляла 178 евро, а в Гондурасе — 310 евро.

Согласно исследованию, проведенному в 2015 году агентством GfK Ukraine, в ближайшем будущем 8% (3 млн наших сограждан планируют устроиться на работу в другой стране, в том числе и в странах ЕС⁴.

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в 2014 году в Россию прибыло 115,5 тысяч украинцев, в 2015 году — 5,2 млн. (вместе с гражданами Крыма)⁵. Заметим при этом, в этом же году наибольшее количество пересечений границы РФ также отмечено у украинских граждан и составило 27,8 млн. В 2016 году, как и в 2016 году, Украина осталась лидером по въезду своих граждан в Российскую

¹ Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2006. С. 143—144.

² Массовая эмиграция: сколько украинцев начинают собирать чемоданы. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/64851-massovaya-emmigratsiya-skolko-ukraintsev-nachinayut-sobirat-chemodanyi.htm> (дата обращения: 12.02.17); Пинок под зад правительству: 8 шокирующих фактов об эмиграции из Украины / URL: <http://businessviews.com.ua/ru/studies/id/8-faktov-pro-emigrantov-kak-namek-na-buduschuju-nehvatku-kadrov-918/> (дата обращения: 16.02.17).

³ Пинок под зад правительству: 8 шокирующих фактов об эмиграции из Украины. URL: <http://businessviews.com.ua/ru/studies/id/8-faktov-pro-emigrantov-kak-namek-na-buduschuju-nehvatku-kadrov-918/> (дата обращения: 12.02.17).

⁴ Молодикова И. Н., Юдина Т. Н. Вектор миграционных стратегий украинских мигрантов: ЕС или Россия / Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 3 (116). С. 99—107.

⁵ Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. С. 8.

Федерацию. Ото всех въехавших в Россию в 2016 году доля граждан Украины составила 21,8%. Доля граждан Украины, находящихся на территории РФ в 2016 году составила 25,9% или 2512 647 человек. То есть каждый четвертый иностранный гражданин, находящийся на территории РФ — это гражданин Украины. В абсолютном значении большинство лиц, незаконно находящихся на территории РФ, также составляют граждане Украины (735,6 тыс. или 21,3%). При этом наибольшее число таких граждан находится в Москве¹.

Заметим, что с начала 2014-го, когда на Майдане заканчивали жечь покрышки, в Москву потянулись состоятельные покупатели с Украины. Их интересовали дорогие объекты в центре мегаполиса. Чуть позже появилась менее денежная публика, желающая также приобрести здесь жилье. Этот поток не иссякает. В целом украинские мигранты отличаются наиболее дисперсным расселением в Москве². О. Веденина объясняет это достаточно нейтральным отношением к украинцам. Украинские гастарбайтеры почти равномерно представлены во всех районах на периферии Москвы, включая юго-западный и западный сектора. Фильтры социального предубеждения пропускают украинских мигрантов, вызывающих доверие у москвичей, в районы, обладающие хорошей репутацией³.

Среди российских аналитиков в связи с большим притоком населения из Украины в Россию, идет дискуссия. Одни видят в этом положительную сторону для России, считая, что поток украинских мигрантов может смягчить демографические трудности, которые испытывает Россия. Кроме этого они отмечают, что рабочие и специалисты из Украины сопоставимы по квалификации и образованию с российскими, что также является весомым плюсом для рынка труда России⁴. Другие аналитики предполагают, что если военные действия в наиболее обозримом будущем прекратятся, то в России на ПМЖ останется лишь 10—20% тех, кто приехал сегодня⁵.

¹ Итоги деятельности Главного управления по вопросам миграции МВД России и подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2016 год.

² Вендина О. Мигранты в российских городах. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/v40.html> (дата обращения: 12.02.17).

³ Вендина О. Мигранты в российских городах. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/v40.html> (дата обращения: 12.02.17).

⁴ Поготов А. СМИ: Приток эмигрантов с Украины в Россию увеличился вдвое. URL: <http://zagrandok.ru/emigraciya/es/emigraciya-iz-ukrainy-v-2014.html> СМИ: Приток эмигрантов с Украины в Россию увеличился вдвое (дата обращения: 12.02.17).

⁵ Основные направления и программы эмиграции из Украины в 2017 году. URL: <http://zagrandok.ru/emigraciya/es/emigraciya-iz-ukrainy-v-2014.html> (дата обращения: 10.02.17).

Эти различные точки зрения, легли в основу нашей основной гипотезы социологического исследования, направленного на выявление жизненных и поведенческих стратегий украинских мигрантов, проживающих в Москве и имеющих разные основания для нахождения на территории российского государства, а именно, временный вид на жительство, разрешение на работу в виде патента, статус беженца, участник Государственной программы по содействию по переселению соотечественников, обучение в российских вузах и др.. а также не имеющих правовых оснований для нахождения в России — «хочу и живу»¹. Было взято 132 глубинных интервью у украинских мигрантов, проживающих в Москве с 2005 года и не имеющих российского гражданства. Данное исследование позволило выявить жизненные стратегии различных категорий, приехавших в Россию/Москву украинских мигрантов: кто нацелен на получение российского гражданства и как они видят свою жизнь в России через 5 лет. И наоборот, кто рассматривает Россию как временное место пребывания для зарабатывания денег и не планируют связать свою жизнь с Россией и почему. Для большинства опрошенных характерно следующее высказывание: «Мне нравится жить в Москве, очень красивый город, очень добрые люди на самом деле, в принципе не было никогда трудностей каких-то прям конкретных, плюс мне очень нравится образование, которое дает мне мой вуз» (Анастасия, 22 года, в Москве с 2012 года) или «да нравится, меня все устраивает, хорошо все очень, зарплата меня устраивает, это, наверное, самое главное, что должно меня устраивать. Да, поэтому доволен в принципе. Конкретно в Москве с зарплатой все хорошо, поэтому все устраивает» (Алексей, 25 лет, в Москве с 2013 года) и как следующий этап своей жизни в Москве данные респонденты заявляют: «Буду делать шаги в направлении получения российского гражданства». Вторая категория респондентов (около 1/4 от числа опрошенных) воспринимает сегодняшнее пребывание в Москве прямо противоположно: «Не нравится мне тут. Поганая страна, простите» (Егор, 29 лет, в Москве с 2005 года) или «Ну, нравится не нравится, вопрос тяжелый достаточно... скажем так, нет выбора у меня сейчас, просто я вынужден просто это делать, жить в России, работать... зарабатывать на хлеб, кормить свою семью. Просто я на самом деле оказался в безвыходной ситуации, поэтому я здесь, а нравится не нравится ... человек должен приспособливаться к тем условиям, которые его окружа-

¹ «Мотивационные установки украинцев, проживающих в Москве». Исследование проводилось в апреле- мае 2016 года. Метод исследования: глубинное структурированное интервью методом снежного кома. Опрошено 132 выходцев из Украины, проживающих в Москве и не имеющих российского гражданства или вида на жительство. Руководитель: д-р социол. наук, профессор Юдина Т. Н. (РГСУ), члены ВТК: Ph. D. Молодикова И. Н. (Центральный Европейский университет); магистрант Сичко А. (РГСУ)

ют» (мужчина, 27 лет, приехал в Москву в 2105 году) или: «Домой хочу. Тут обстановка чужая. Жить тут страшно. Все злые. Того и гляди, сожрут друг друга из зависти». Установки данных респондентов как правило сводятся к следующим намерениям: «Нет, ну у меня корни украинские, я все равно планирую вернуться на родину, через какое-то время короткое, длинное, как покажет ситуация, но ... нет, планирую вернуться в Украину, к родным, близким, к хозяйству в основном, то есть все планы на возвращение домой» (мужчина, 28 лет, в Москве с 2014 года).

Важным аспектом результатов данного исследования стала оценка респондентами влияния на их жизненные планы и повседневные практики желание Украины усложнить процедуры въезда и выезда из Украины и ввести визовый режим с Россией, а также их видение, когда на Украине возможна стабилизация и улучшение ситуации (через год, через 2, не вижу этого в перспективе).

Список источников

1. Вендина О. Мигранты в российских городах. URL: magazines.russ.ru/oz/2012/3/v40.html (дата обращения: 12.02.17).
2. ВПН-2010. Приложение 1. Численность населения по районам города Москвы. Проверено 16 августа 2014. Архивировано из первоисточника 16 августа 2014.
3. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2006.
4. Итоги деятельности Главного управления по вопросам миграции МВД России и подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2016 год.
5. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год.
6. Массовая эмиграция: сколько украинцев начинают собирать чемоданы URL: <https://www.obozrevatel.com/society/64851-massovaya-emigratsiya-skolko-ukraintsev-nachinayut-sobirat-chemodanyi.htm>(дата обращения: 12.02.17).
7. Молодикова И. Н., Юдина Т. Н. Вектор миграционных стратегий украинских мигрантов: ЕС или Россия // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 3 (116). С. 99—107.
8. Национальный состав населения Москвы. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ab3ade00436779d3a052e174665da2b8 (дата обращения: 10.02.17).

9. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2006.

10. Основные направления и программы эмиграции из Украины в 2017 году. URL: <http://zagrandok.ru/emigraciya/es/emigraciya-iz-ukrainy-v-2014.html> (дата обращения: 10.02.17).

11. Пинок под зад правительству: 8 шокирующих фактов об эмиграции из Украины. URL: <http://businessviews.com.ua/ru/studies/id/8-faktov-pro-emigrantov-kak-namek-na-buduschuju-nehvatku-kadrov-918/> (дата обращения: 16.02.17).

12. Поготов А. СМИ: Приток эмигрантов с Украины в Россию увеличился вдвое. URL: <http://zagrandok.ru/emigraciya/es/emigraciya-iz-ukrainy-v-2014.html> СМИ: Приток эмигрантов с Украины в Россию увеличился вдвое (дата обращения: 12.02.17).

С. А. Гришаева

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

ГРИШАЕВА Светлана Алексеевна — доцент, доцент кафедры социологии и психологии управления ГУУ, г. Москва, Россия; grishaeva@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положительные и отрицательные последствия образовательной миграции, которая является на сегодняшний день достаточно устойчивым трендом развития мировой образовательной системы. Учащиеся-мигранты могут быть «агентами положительного влияния» как в своей стране (после возвращения), так и в принимающей стране, т. к. их позитивное отношение к принимающей стране позволяет выстраивать более лояльные и дружественные взаимодействия между страной-донором и страной-реципиентом. Но образовательная миграция — процесс неоднозначный, т. к. помимо позитивных последствий, она содержит в себе некоторые риски. Так, например, возможны конфликты между представителями различных культур в результате противоречий в ценностных ориентациях страны-донора и страны-реципиента. К рискам образовательной миграции относятся также: отток молодых людей из страны-донора, проявления ксенофобии и мигрантофобии в принимающей стране, которые могут напрямую затрагивать и студентов-мигрантов, а, следовательно, вместо лояльности по отношению к стране-реципиенту может сформироваться недоверие к ней, а также риск «двойственности», возникающий у учащихся-мигрантов.

Ключевые слова: Образовательная миграция, экспорт образования, импорт образования, последствия миграции

Современное образовательное пространство является достаточно открытым для обучающихся различных форм обучения, что объективно задано целым рядом факторов, например, таких как:

1. Переход к информационному обществу, в котором знания, а, следовательно, качественное образование, играют ведущую роль (основным фактором производства являются знания).
2. Усиливающаяся глобализация в экономике и политике, что приводит к необходимости интеграции образовательных систем разных стран.
3. Развитие информационных технологий, позволяющих образовательным учреждениям увеличивать свою информационную открытость, повышать доступность своих услуг для потенциальных учащихся.

4. Создание и эффективное функционирование международных программ студенческого обмена.

Очевидно, что процессы образовательной миграции будут все более интенсивными, а, следовательно, будут влиять на различные аспекты жизни как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах. Последствия данных процессов неоднозначны. К положительным последствиям, на наш взгляд, можно отнести такие как:

1. Взаимный культурный обмен и, как следствие, повышение эффективности межкультурного взаимодействия в политике, экономике и т. д.

2. Возможность получить квалифицированную рабочую силу, владеющую языком страны-реципиента, знающую ее культуру, получившую знания, умения и навыки в соответствии с запросами национального рынка труда и т. д.

3. Появление лояльных к стране-реципиенту бывших студентов в стране-доноре, т. к. студенты, возвратившиеся домой после обучения, являются в некотором роде «послами доброй воли», т. е. агентами положительного влияния на общественное мнение по поводу страны-реципиента (конечно, при условии позитивных воспоминаний о процессе обучении) [1].

4. Улучшение образовательного потенциала страны-реципиента, т. к. от количества иностранных студентов зависит рейтинг вуза и всей образовательной системы страны.

Но, как уже было сказано выше, последствия процесса образовательной миграции неоднозначны и помимо положительных эффектов, данный процесс может содержать и некоторые риски, например, такие как:

1. Столкновение систем ценностей при взаимодействии представителей разных культурных систем (например, достаточно часто возникают конфликты на межрелигиозной почве).

2. Отток молодых людей из страны-донора, т. к. очень высок риск невозврата образовательных мигрантов.

3. Проявления ксенофобии и мигрантофобии в принимающей стране, которые могут напрямую затрагивать и студентов-мигрантов, а, следовательно, вместо лояльности по отношению к стране-реципиенту может сформироваться недоверие к ней.

4. Риск «двойственности» (по мнению Блиновой М. С. [2], «социокультурная трансформация отражает изменения в области социальной и культурной принадлежности современных мигрантов и приводит к появлению так называемой «двойственности» мигрантов («bifocality»), принадлежащих к нескольким социальным мирам». Эта двойственность — дополнительный стрессор, дополнительный фактор неопределенности для мигранта, зачастую находящегося в маргинальном положении «застрявшего» между двумя культурами).

Таким образом, при формировании образовательной стратегии нужно учитывать все возможные последствия, как положительные, так и отрицательные, т. к. экспорт и импорт образования является достаточно устойчивым трендом развития мировой образовательной системы. Именно сейчас происходит процесс распределения и закрепления сфер влияния различных образовательных программ и государств, реализующих эти программы. На сегодняшний день, согласно рейтингу британской компании QS, Россия занимает лишь 26 место (из 50) по приему иностранных студентов, а в пятерке лидеров: США, Великобритания, Германия, Австралия и Канада [1]. Поэтому России очень важно не упустить шанс занять конкурентное место в международном образовании.

Список источников

1. Гришаева С. А. Миграционный потенциал иностранных студентов // Материалы 21-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления — 2016». М. : ГУУ, 2016.
2. Юдина Т. Н. Отношение населения России к мигрантам: фиксация проблемы в массовом сознании // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции. М. : ФМС России, 2009.

А. В. Лядова

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ПАЦИЕНТОВ: ПУТЬ К ОБЩЕСТВУ БЕЗ БОЛЕЗНЕЙ ИЛИ НОВЫЕ РИСКИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

ЛЯДОВА Анна Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; annaslm@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию медицинского туризма. В работе анализируются причины, направления развития медицинского туризма. Рассматривая его как социальную практику в рамках структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, автор выделяет два направления в изучении данной проблематики. С одной стороны, медицинский туризм есть объективное следствие тех институциональных трансформаций, которые происходят в развитии социума, в том числе, медицины, на современном этапе под влиянием глобализации и информационных технологий. С другой, рассматривая его как новую социальную практику в сфере здравоохранения, автор указывает на его неоднозначное влияние как на традиционные формы организации оказания медицинских услуг, так и на здоровье тех, кто является его потребителями. В заключении автор отмечает, что в современном социуме явление трансграничной мобильности пациентов становится одним из ведущих направлений в развитии глобального здравоохранения, что делает актуальным вопросы его социальной и правовой институционализации.

Ключевые слова: трансграничная мобильность пациентов; медицина; медицинский туризм; система здравоохранения; институциональные изменения; социологическое исследование; социальная практика; риски; здоровье

Одним из специфических феноменов, зародившихся под влиянием глобализации и информационных технологий, ставшим характерным признаком общества эпохи Модерна, является, по выражению Дж. Урри, «мобильный переворот» [1]. Несмотря на дискуссионность этого термина, масштабы современной мобильности беспрецедентны [2]. Перемещаются не только люди, товары, но и идеи, технологии, услуги. По сути, все сферы и институты современного социума оказываются вовлеченными в этот процесс. Система здравоохранения не является исключением. Более того, ее можно отнести к тем сферам общественной деятельности, в которых новые тенденции вызвали трансформацию, как

структуры, так и механизмов их функционирования. В медицине к одному из таких трендов в развитии можно отнести явление трансграничной мобильности пациентов или, в более общепризнанном обозначении, — медицинский туризм.

Данным термином чаще всего обозначают временные выезды (путешествия) людей в другие страны с целью получения медицинских услуг и решения существующих проблем со здоровьем [3]. Несмотря на парадоксальность данного словосочетания, оно уже не вызывает недоумения, и более того, сам термин является предметом активных дискуссий [4,5,6,7].

В качестве основных причин развития медицинского туризма эксперты указывают: а) экономические и б) социальные.

По данным статистики, наиболее востребованными областями медицины, в которых чаще всего практикуется оказание «выездных» услуг, являются косметология, стоматология, кардиоваскулярная терапия, ортопедия, онкология, трансплантология [10]. К ведущим странам-экспортерам медицинских услуг относятся Индия, Таиланд, Израиль, Корея, Китай, Германия, Чехия, Венгрия, Польша, страны Латинской Америки (Мексика, Бразилия) [9]. Основной приток «медицинских» туристов происходит из стран Северной Америки, Западной Европы [11].

Учитывая общую тенденцию увеличения продолжительности образа жизни, с одной стороны, и сокращение расходов государств на гарантированное (бюджетное) медицинское обслуживание, с другой, эксперты прогнозируют рост потока «медицинских» туристов в ближайшем будущем на 15—25% [9]. Однако, несмотря на актуальность данного вопроса, в литературе представлены ограниченные данные о роли и влиянии медицинского туризма.

Рассматривая его как социальную практику в рамках структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, можно выделить два направления в изучении данной проблематики. С одной стороны, медицинский туризм есть объективное следствие тех институциональных трансформаций, которые происходят в развитии социума, в том числе, медицины, на современном этапе под влиянием глобализации и информационных технологий. С другой, рассматривая его как новую модель трудовых отношений в сфере здравоохранения, необходимо остановиться на аспектах его влияния на традиционные формы организации оказания медицинских услуг, а также на последствиях для здоровья тех, кто является его потребителями.

В целом, есть как положительные, так и негативные факторы.

Анализируя влияние медицинского туризма в позитивном аспекте, следует отметить, прежде всего, экономический эффект как для потребителей медицинских услуг, так и для экономики тех стран, которые являются их ключевыми поставщиками [8,10].

Для стран-экспортеров медицинских услуг преимущества развития медицинского туризма связаны также с повышением занятости населения, что особенно актуально для Латинской Америки, Азии, Индии, поэтому развитие этой практики активно поддерживается на государственном уровне [11].

Также медицинский туризм благоприятствует созданию интернациональных клинических баз, содействующих обмену, как опытом, так и технологиями, что, в частности, представляется актуальным для национальных систем здравоохранения развивающихся стран [9].

Однако, наряду с указанными положительными последствиями, есть и негативные. Их можно разделить на четыре группы: медицинские, социальные, экономические, правовые.

К первой группе относится угроза распространения инфекционных заболеваний, к которым иммунитет у приезжающих на лечение туристов не является резистентным, что может стать причиной расширения очагов распространения этих инфекций, а также влиять на успешность оказанного лечения. Такие осложнения могут стать дополнительной статьей расхода для национальных систем здравоохранения и социального обеспечения (например, если осложнения приводят к инвалидизации). Связанный с этим — юридический аспект: вопрос правовой неопределенности поля ответственности за последствия.

Как отмечалось ранее, одна из особенностей развития медицинского туризма — это продвижение информации о предоставляемых медицинских услугах с помощью сетевых ресурсов. Учитывая возрастающее число «медицинских» туристов во всем мире, вопрос о качестве, достоверности такой информации становится крайне важным [11].

К актуальным следует отнести и вопросы этики. Современная модель взаимоотношений между врачом и пациентом основана на информированном согласии последнего на оказание обозначенных в договоре медицинских услуг и манипуляций. Однако, учитывая ограниченность предоставляемой агентами экспортеров медицинских услуг информации о возможных последствиях, больной не всегда способен принять взвешенное решение и объективно оценить возможные риски от лечения за рубежом. Кроме того, в разных странах стандарты медицинской этики могут отличаться, например, в сфере трансплантологии или применения стволовых клеток.

Таким образом, очевидно, что в современном социуме явление трансграничной мобильности пациентов становится одним из ведущих направлений в развитии глобального здравоохранения, что делает актуальным вопросы его социальной и правовой институционализации.

Список источников

1. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.

2. Русаков В.М., Русакова О. Ф. Философия мобильности в современном мире // Дискурс-Пи. 2015. Том 12. № 2.
3. Kangas B. Travelling for Medical Care in a Global World // Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness. 2010. No. 29. С. 344—362.
4. Lee C., Spisto M. Medical Tourism: The future of health services // 12th International Conference on ISO 9000 and TQM. Taichung. 2007. С.1—7.
5. Щекин Г.Ю., Седова Н. Н. Медицинский туризм: история, теория, практика. М. : ООО Издательская группа «Юрист». 2014.
6. Conell J. Medical tourism: see, sun, sand and ... surgery // Tourism management. 2006. Vol. 27. No. 6. С. 1093—1100.
7. Segouin C., Hodges B., Brechat P. Editorial Globalization in health care: is international standardization of quality a step toward outsourcing? // International Journal for Quality in Health Care. 2005. Vol.17. No.4. P. 277—279.
8. Whittaker A. Pleasure and pain: Medical travel in Asia // Global Public Health: An International Journal for Research, Policy and Practice. 2008. No.3. P. 271—290.
9. Anchana NaRanong, Viroj NaRanong. The effects of medical tourism: Thailand's experience // Bulletin of the World Health Organization. 2011. No/ 89. P. 336—344. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/5/09-072249/en> (дата обращения: 26.01.2017).
10. Vijaya R. Medical Tourism: Revenue Generation or International Transfer of Healthcare Problems? // Journal of Economic Issues. 2010. No. 44. P. 53—70.
11. Freire N. A. The Emergent Medical Tourism: Advantages and Disadvantages of the Medical Treatments Abroad // International Business Research. 2012. Vol.5. No.2. P. 41—50.

Н. Г. Деханова

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

ДЕХАНОВА Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; ndehanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам регионального неравенства в России. Трудовая миграция в ряде стран является одним из способов смягчения данного вида неравенства. Однако современная Россия характеризуется низкой мобильностью населения и рядом институциональных ограничений по перемещению.

Ключевые слова: социальное неравенство, региональное неравенство, мобильность, трудовая миграция, человеческий капитал

Неравенство относится к тем явлениям, которое существовало на всех этапах развития человеческого общества. Социально-территориальное (региональное) неравенство является частным случаем социального неравенства. В этом контексте социально-территориальное неравенство можно определить как различное отношение социально-территориальных общностей (как коллективных субъектов) друг к другу, социальным и политическим институтам (прежде всего — государству), различный доступ к ресурсам, благам и привилегиям, опосредованный, главным образом, социально-демографическими и пространственно-территориальными факторами [1, с. 143].

Современные тенденции таковы, что уровень и качество жизни человека всё в большей степени определяется регионом проживания: страновое неравенство выросло самым радикальным образом. Средний представитель 10% самых бедных американцев богаче, чем 90% индийцев; 5% самых бедных датчан богаче, чем 5% самых богатых граждан Мали; ВВП на душу населения Норвегии, в 55 раз выше, чем у Мозамбика (при этом нужно учитывать тот факт, что в Норвегии доходы распределены очень равномерно среди населения). Россия является ярчайшим примером неравенства регионов: доходы населения в самом богатом регионе в 25 раз выше, чем в самом бедном. Разрыв больше только в Венесуэле и Таиланде; ВРП на душу населения различается по регионам России в 32 раза. Данные цифры ничего нам не говорят о распределении доходов внутри регионов, о реальном качестве жизни населения. Так, например, в крайне малочисленном Ненецком автономном округе

(40 тыс. чел) ВРП составляет 91,8 тыс. долларов, что при более равномерном распределении могло бы поднять доходы жителей этого округа на третье место в мире, уступив по данному показателю лишь Катару и Люксембургу. Соответственно, в социологии используются более точные методы измерения неравенства: коэффициент фондов (различия по краям), коэффициент вариаций (лучше измеряет отклонения от середины), индекс Джини (более чувствителен к изменениям в середине ряда). Экономическое неравенство регионов может быть результатом объективной реализации конкурентных преимуществ. В данной связи значительное экономическое выравнивание снижает стимулы развития для сильных регионов. Социальное же неравенство регионов необходимо смягчать, так оно непосредственно влияет на воспроизводство человеческого капитала. В России перераспределение ренты происходит крайне неравномерно как по горизонтали (между регионами, в том числе на основе геополитических приоритетов), так и по вертикали (между богатыми и бедными).

Традиционным выходом для людей в современном мире является пространственная мобильность — миграция. Но Россия здесь отличается своей ярко выраженной спецификой. В чём же особенность внутренней миграции России, её отличие от таких стран с высокой внутренней трудовой миграцией, как США или страны ЕС? Во-первых, крайняя мозаичность, неоднородность в уровне социально-экономического развития регионов ведёт к существованию лишь нескольких точек притяжения для трудовых мигрантов. Во-вторых, опять же из-за этой неравномерности в развитии, рынок жилья сильно различается. Жильё в некоторых населённых пунктах, особенно в депрессивных моногородах, по сути, неликвидно. То есть продать его и купить себе что-то приемлемое в другом месте, где можно найти достойную работу, не представляется возможным. Рынка аренды жилья с адекватными ценами (не превышающими среднюю заработную плату в регионе за весьма посредственную типовую квартиру) в России нет. Между тем, трудовые мигранты часто попадают в сектор условно называемой масс-маркет, под которым понимается ряд постоянно открытых вакансий в крупных компаниях с большой текучкой, и работа, не требующая квалификации. Оплата труда в этом секторе соответствующая. Нельзя не учитывать и ментальность наших граждан: как показывают данные многочисленных социологических исследований, население в условиях кризиса использует стратегии выживания и самообеспечения, а не развития. Это не просто снижение уровня жизни, а негативная трансформация образа жизни, резко ухудшающее социальное самочувствие, ведущее к падению уровня человеческого капитала [2, с. 41].

Необходимо также отметить, что миграционный отток населения с Дальнего Востока, северных территорий России несёт в себе массу скрытых угроз целостности страны.»...Появились все признаки реального кризиса системы расселения, который уже привёл не только к обезлюдению огромных территорий страны, но также и к деградации и люмпенизации значительной части её трудового потенциала, и к социально-ущербному характеру межпоселенческих миграций.» [3] В самом уязвимом положении в этом отношении оказались малые города. Между тем, роль их в отечественной системе расселения уникальна: именно они, а не крупные города фактически соединяют пространство сельской и городской России в транспортном и социально-инфраструктурном отношении.

Таким образом, можно констатировать, что миграция, как один из способов смягчения социального неравенства, не является для современной России столь однозначным выходом ввиду низкой мобильности населения и рядом ограничений по перемещению.

Список источников

1. Рязанцев И. П. Социология региона. М. : КДУ, 2009.
2. Зубаревич Н. География кризиса: экономика, занятость, доходы // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 11.
3. Лексин В. Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. 2004. № 2 (82).

Н. В. Проказина

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Орёл, Россия; nvprokazina@mail.ru

Аннотация. В статье на основе результатов социологических исследований, проведенных в регионах России (республика Мордовия, республика Дагестан, Мурманская область, Орловская область), проанализированы особенности миграционных настроений молодежи. Выявлены общие и особенные характеристики миграционных настроений молодежи в регионах. Обоснован вывод о том, что миграционные настроения молодежи в регионах России являются достаточно высокими. Особенности миграционных настроений связаны с социально-экономической обстановкой и территориальным расположением региона

Ключевые слова: миграция, молодежь, миграционные настроения

В научной литературе под миграцией понимается сложный социально-демографический процесс территориального перемещения населения, связанный с изменением места (населенного пункта) постоянного проживания. Этот процесс неизбежно связан с ростом социальной и трудовой мобильности с одной стороны, и изменением экономической структуры с другой. Миграционные процессы могут порождать и негативные последствия: нехватку рабочей силы на рынке труда, снижение уровня рождаемости, старение населения, что обуславливает актуальность изучения данной проблемы.

Для вторичного анализа используем результаты исследований, проведенных в нескольких областях Российской Федерации. Выбраны субъекты, принадлежащие к разным федеральным округам Российской Федерации, с целью выявления общих и особенных проблем.

Исследования, проведенные в республике Мордовия [1, 2] показывают, что именно молодежь является наиболее активной мобильной группой. Это достаточно закономерный процесс, вызванный как объективным недостатком рабочих мест для специалистов без достаточного опыта работы, так и социально-психологическими характеристиками молодежи и ее склонностью к переменам и поиску нового [3]. Выявленные тенденции показывают, что снижение намерений молодежи покинуть

республику Мордовия в ближайшем будущем не предвидится [5]. В соответствии с полученными данными 64 % опрошенных имеют желание уехать из республики, из них 56 % нацелены на миграцию, а 44 % скорее хотят уехать нежели остаться. Гендерные различия не влияют на миграционные настроения: у мужчин, и женщин прослеживается приблизительно одинаковый миграционный уровень. Отсутствуют существенные различия и у респондентов разных социально-профессиональных групп и уровня образования. Более высокую миграционную активность демонстрируют респонденты, уже имевшие миграционный опыт.

Рассматривая специфику миграционных настроений отметим, что 85 % опрошенных желает мигрировать в другой город России, 15 % намерены мигрировать в другую страну. Основными мотивами, побуждающими к миграции, выступают в порядке убывания: желание увидеть мир (64,3%), начать новую жизнь (41,5%); невозможность обеспечить своим детям достойную жизнь (39,0%); безработица (39,0%), получение образования за рубежом (39,0%), усталость от нестабильной и непредсказуемой жизни в стране (31,7%). Следовательно, на первое место проблем, приводящих к миграции, выходят экономические проблемы. Цель миграционных намерений в большей степени утилитарна и связана с поисками «лучшей жизни» в ближайшем будущем.

Результаты исследований миграционных настроений молодёжи республики Дагестан показывают, что 40,5 % опрошенных собираются выехать за пределы республики; 39,9 % не готовы к переезду; 19,7 % затруднились с ответом. Первичными миграционными мотивами выступают учебные настроения, которые в перспективе трансформируются в трудовые: вернуться работать в свой город (село) собираются 40,18 % опрошенных. Отрицательно ответили на вопрос о желании вернуться в свой город 31,3 %, а 27,9 % вообще не смогли ответить на этот вопрос [6]. Основными факторами, сдерживающими переезд с целью трудоустройства за пределами республики выступают: личные обстоятельства (53,62%), отсутствие опыта работы (29,28%), отсутствие конкурентоспособной специальности (8,41%), предвзятое отношение к лицам кавказской национальности (9,86 %).

Таким образом, в республике Дагестан в настоящее время отмечена высокая миграционная активность, с тенденциями перехода временной миграции в постоянную.

Анализ миграционных настроений молодежи Мурманской области [7] демонстрирует, что лишь треть из числа опрошенных не планирует уезжать из региона. В целом, планируют уехать из Мурманской области 39 % опрошенных, 11 % готовы мигрировать только в пределах Мурманской области. Можно отметить гендерную зависимость в миграционных на-

строениях. На внутрирегиональную миграцию в большей степени ориентированы мужчины (12,7 %) чем женщины (8,8 %).

Исследования позволили выявить статистическую зависимость установки на эмиграцию от места рождения. Так, значительно чаще планируют покинуть регион граждане, приехавшие в Мурманскую область после своего рождения (55,9 %), в отличие от молодежи, родившейся в регионе (39,9 %). Однако, отметим что миграционные настроения «коренной молодежи» также являются достаточно высокими.

Наиболее популярными причинами отъезда выступают: социально-экономические (43,8 %) и природные (34,7 %) факторы.

Результаты исследований, проведенных в Орловской области, показывают, что 33,3 % опрошенных готовы переехать в другую страну [8].

Основными причинами переезда из региона являются: отсутствие постоянной работы, отсутствие перспектив карьерного роста, отсутствие возможности улучшения материального благосостояния семьи, экономическая и социальная бесперспективность региона, невозможность приобрести собственное жилье.

Таким образом, миграционные настроения молодежи в регионах России являются достаточно высокими. Особенности миграционных настроений связаны с социально-экономической обстановкой и территориальным расположением региона.

Список источников

1. Сычев А.А., Борисов Д. М. Оценка миграционного настроения молодежи региона (на примере республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 163—173.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 11.05.2016).
3. Борисов Д.М., Шувалова В. В., Нежданов В. А. Механизмы регулирования трудовой миграции и сельскохозяйственного переселения в Республике Мордовия [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://dogend.ru/docs/index-396764.html> (дата обращения: 11.05.2015).
4. Данилова З. А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115—118.
5. Разживин В.Ф., Широкова И. В. Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX — начало XXI столетия). Саранск : Красный Октябрь, 2007.
6. Мирзабалаева Ф. И. Миграционные настроения молодёжи периферийного региона [Электронный ресурс] // Современные проблемы на-

уки и образования. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9910> (дата обращения: 29.05.2016).

7. Шарова Е. Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 87—100.

8. Молодежь Орловской области в 2015 году : коллективная монография / Алексеенок А. А., Бочанов М. А., Проказина Н. В. и др. Орел, 2015.

А. В. Волчинский

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

ВОЛЧИНСКИЙ Артем Владимирович — аспирант, ассистент кафедры социологии ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия; volchin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются перспективы социальной мобильности средних слоев населения в условиях глобальных вызовов, которые предполагают все более глубокое разделение труда и — как следствие — все большую дифференциацию внутри среднего класса. Средним слоям в условиях глобального финансово-экономического кризиса приходится выбирать из двух возможных вариантов развития событий. Первый — заключается в накоплении уникального инновационного человеческого капитала, в том числе и через институт образования, что позволит представителям среднего класса подняться на ступень выше в социальной иерархии, став «когнитариатом» в терминах А. Гоулднера. Вторая — предполагает усиление эксплуатации средних слоев, нарастание отчуждения и нисходящую мобильность многих его представителей. В статье приводятся данные ведущего международного экономического агентства, подтверждающие тенденцию «размывания» среднего класса в глобальном масштабе.

Ключевые слова: средний класс, дифференциация, кризис, когнитариат

Приобретающие все большую интенсивность процессы социального расслоения как в глобальном, так и в региональном масштабе оказывают влияние на доступность массового высшего образования, которое все в меньшей степени выполняет функции канала вертикальной мобильности.

Процессы дифференциации труда порождают многообразие профессиональных компетенций, однако сокращение периода обучения в высшей школе до четырех, а иногда и до трех лет приводит к тому, что уровень образования выпускников не соответствует запросам работодателей. Показатели безработицы в таких европейских странах, как Испания, Португалия и Италия свидетельствуют о сокращении числа профессиональных позиций в экономике этих стран; качество и объем получаемого образования не соответствует вызовам все более усложняющихся производственных отношений. Наиболее болезненно данные эффекты ощущаются средними слоями стран с сервисной/постиндустриальной

экономикой, во многом обязанной своей устойчивостью именно финансовому сектору.

Фактор производства технологий ведет к образованию внутри постиндустриального общества ядра, связанного с наукоемкой сферой и периферии в виде сервисных слоев. Концепция А. Гоулднера описывает технологию конвергенции культурного и образовательного капитала, при помощи которого техническая интеллигенция завоевывает высокие позиции в социальной структуре. А. Гоулднер называет новый класс «культурной буржуазией» в противовес «денежной буржуазии». Формируют новый класс «когнитариата» две слагаемые — «интеллигенция», под которой в отличие от отечественной традиции подразумеваются просто квалифицированные специалисты и высший слой, «интеллектуалы», носители целостного гуманитарного знания, многогранного культурного капитала. Однако в современном постиндустриальном обществе такая прослойка так и не стала многочисленной, как силу недостатка соответствующих позиций в социальной структуре, так и в силу набирающих все большую интенсивность циклов мирового финансового кризиса. Оппонируя А. Гоулднеру, американский социолог Г. Браверман обосновывает, что в процессе развития производственных отношений современные технологии не обогащают труд, а способствуют все большей деквалификации профессиональных групп, занятых умственным трудом. Разделение труда все углубляется, как следствие упрощаются функции, выполняемые работником, что приводит к замене высококвалифицированного специалиста, обладающего широким кругом навыков и способностей многочисленными неквалифицированными «интеллектуальными ремесленниками». Причем большинство работников, подвергаясь растущей деквалификации, все более впадают в зависимость от монополистического капитала.

Тенденцию к обнищанию широких слоев во сем мире подтверждают ежегодно публикуемые показатели глобального дохода на душу населения. Если сравнить данные экономической статистики, публикуемой исследовательским институтом Credit Suisse за 2010 и 2016 годы, можно увидеть, что доля населения в глобальном масштабе, традиционно относимая к среднему классу, с показателем годового дохода от 10000 до 100000 долларов, сократилась с 23,5% в 2010 году до 18% в 2016 году, как показано на Рисунке 1 и Рисунке 2. При этом численность наименее обеспеченных слоев с доходом менее 10000 долларов США в год увеличилась с 68,4% в 2010 году до 73,2% в 2016 году. Таким образом, можно сделать вывод, что тренд на сжатие среднего класса носит глобальный характер.

Описанные выше концепции и на сегодняшний день не теряют своей актуальности, поскольку деквалификация массовых социально-профес-

сиональных групп, в следствии все большего дробления труда создает предпосылки для растущей востребованности мультиквалифицированных профессионалов, способных решать широкий круг производственных и управленческих задач, что автоматически перемещает их на более высокую социальную позицию с большим доходом. При этом положение массового «сервисного класса», в результате кризисных процессов, сотрясающих глобальную экономику, становится все более уязвимым

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: социальное и профессиональное неравенство в постиндустриальном обществе в обозримом будущем будет иметь тенденцию к нарастанию, поскольку на смену массовому «сервисному классу», во многом составлявшему базу среднего класса, придёт более компактное социальное образование, которое с некоторой долей условленности можно именовать «пост-финансовый когнитариат».

Список источников

1. Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century / Monthly Review Press. Kindle Edition.
2. Gouldner A. The future of intellectuals and the rise of new class / The Seabury press. New-York, 1979.
3. Credit Suisse Research Institute. Global Wealth Databook. 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=88DC07AD-83E8-EB92-9D5C3EAA87A97A77>.
4. Credit Suisse Research Institute. Global Wealth Report 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=AD783798-ED07-E8C2-4405996B5B02A32E>.

Т. Н. Иванова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ИВАНОВА Татьяна Николаевна — доцент, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия; IvanovaT2005@tltsu.ru

Аннотация. Трансформационные изменения, происходящие в российском социуме, обусловлены изменением рыночных отношений, и переходом к инновациям, которые не обошли стороной и такую социально-демографическую группу, как молодежь. В настоящее время положение молодежи является крайне сложным и противоречивым. Молодежь наделена важным в современной жизни качеством, как социально-трудовая мобильность, что помогает ей в сложных различных ситуациях и способствует быстрой адаптации к окружающей действительности. Исследовательский интерес по данной тематике представляет изучение категорий «социальная мобильность и «трудовая мобильность»», так как разработка данных понятий в научной социологической литературе еще не завершена. Не разработана структурная модель и показатели состояния социального и трудового потенциалов молодежи, что не позволяет сформулировать общую совокупность мер по повышению социальному и трудовому потенциалов российской молодежи.

Ключевые слова: Социальная и трудовая мобильность, рынок, труд, городская среда, пространство, население, город, потенциал, интеллект, поколение, регион

Трансформационные изменения, происходящие в российском социуме, обусловлены изменением рыночных отношений, и переходом к инновациям, которые не обошли стороной и такую социально-демографическую группу, как молодежь. В настоящее время положение молодежи является крайне сложным и противоречивым. Молодежь наделена важным в современной жизни качеством, как социально-трудовая мобильность, что помогает ей в сложных различных ситуациях и способствует быстрой адаптации к окружающей действительности. С другой стороны, в условиях динамичных экономических изменениях, захлестнувшего весь мир, молодежь сталкивается с проблемами, которые ей трудно решать самостоятельно. Снижается социальный и трудовой статусы молодежи, а также

ограничиваются пути доступа к образовательной траектории и социальным и культурно-историческим установкам при мобильном разрастании девиантного поведения и преступности, а также росте безработицы.

Исследовательский интерес по данной тематике представляет изучение категорий «социальная мобильность и «трудовая мобильность»», так как разработка данных понятий в научной социологической литературе еще не завершена. Не разработана структурная модель и показатели состояния социального и трудового потенциалов молодежи, что не позволяет сформулировать общую совокупность мер по повышению социальному и трудовому потенциалов российской молодежи. В этом контексте нами было проведено конкретное социологическое исследование социальной и трудовой мобильности и трудовых траекторий молодежи, программа которого включает в себя глубинное интервью и программу анкетирования.

В ходе исследования нами были выявлены характеристики современной молодежи. По заявленным трем позициям:

- современная молодежь Самарского региона направлена на приобретение навыков, знаний и умений, которые в будущем будут способствовать молодежи построить свою образовательную траекторию со своими жизненными приоритетами и ценностями;
- молодое поколение недостаточно социализировано, в период кризиса их направленность на досуг, увлечения и развлечения, различными субкультурами говорит о желании уйти от кризиса, отложить момент взросления, чем возникает желание мобильно внедриться в процесс вхождения, с учетом изменившийся социально-экономической среды.;
- профессии, которые не приносят ни статусного, ни материального вознаграждения, получают по преимуществу дети из менее ресурсностатусных семей, а наиболее перспективными профессиями овладевают выходцы из семей с большими финансовыми возможностями.

Для того, чтобы определить показатели и желание поменять свой социальный и профессиональный статусы, в исследовательской работе нами применен дисперсионный анализ. В результате выделены значимые критерии, однако степень значимости их весьма различна. Значимость влияния критериев оценено по критерию Хи-квадрат Пирсона, поскольку переменные, рассматриваемые нами, имеют номинальный тип шкалы.

Результаты исследования позволяют констатировать, что связь не имеет линейного характера. Наибольшее влияние на желание повышать свой социальный и профессиональный статусы оказывает уровень образования отца, на втором месте стоит собственное образование, а на третьем — уровень образования матери.

Сложную ситуацию для общества и молодежи создает разрыв между намерениями и притязаниями молодого поколения и кадрово-профессиональными потребностями современного общества. Для сферы труда и занятости это означает в первую очередь то, что усилится тенденция к трудовой адаптационной системе работников. В таком случае современному молодому человеку в настоящее время необходимо быть готовым к различным новым требованиям и изменениям в трудовой деятельности и мобильно на них реагировать.

Самыми стойкими оказываются специалисты, обладающими универсальным набором умений, знаний и навыков, готовые к резким переменам места работы, ориентированные на регулярное (пере)обучение, способные активно изменять собственную трудовую деятельность в пространстве и во времени, исходя из текущей конъюнктуры.

Современная российская молодежь в настоящее время реализует себя в очень сложных условиях, где разрушаются многие старые ценности и формируются новые социальные отношения. Отсюда пессимизм, стагнация и непонимание своего будущего, где таким образом возрастает уровень напряженности, экстремизм, шовинизм и криминальность. Социологический анализ показывает, что в условиях общего социального кризиса, который сегодня переживает современная молодежь, такие социальные институты как образование, здравоохранение, семья и другие также находятся в кризисном состоянии.

Но, несмотря на значительные изменения в обществе, у молодежи все-таки развиваются и сохраняются базовые ценности. Это ценности рыночной экономики в контексте монетарного поведения молодежи, где несмотря на все трудности переходного периода, обладают притягательной силой и формируется «рыночный» тип мышления, который характеризуется отсутствием всесторонне развитой, нравственно и духовно богатой личности, что негативно сказывается на социальном, трудовом и интеллектуальном потенциалах молодого человека.

Следует отметить, что в современной России в целом и в Самарском регионе в частности большая часть молодежи является политически пассивной группой. Большинство молодых людей не состоят в политических объединениях, профсоюзах и политических партиях.

Таким образом, оценка жизненных перспектив современной молодежи неоднозначна. Оптимисты говорят о том, что перед молодежью открыты самые широкие перспективы профессиональной и личной жизни. Многие из представителей молодого поколения уверены в собственных силах, они решительны, амбициозны, настойчивы и ориентируются на современные стандарты потребления. Ориентация на новые и высокие стандарты, в рамках материального потребления стимулирует активное

рыночное и монетарное поведение молодежи. Трудности при трудоустройстве молодых людей объясняются известными причинами: отсутствием стажа, отсутствие опыта и навыков работы по специальности и низким уровнем квалификации.

Список источников

1. Анисимова С. Г. Воздействие социальных институтов на профессиональное самоопределение молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.
2. Иванова Т. Н. Социально-трудовая мобильность современной молодежи: состояние и перспективы (региональная специфика) // Иванова Т. Н. диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / ГОУВПО «Саратовский государственный университет». Саратов, 2011.
3. Кухтерина Е. А. Социальная мобильность молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Т., 2005.

12. Перспективы развития межнациональных отношений: от методологии к измерению и социальной практике

Р. Р. Яппарова, А. М. Буранчин

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОЦЕНКА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

ЯППАРОВА Розалия Рависовна — кандидат социологических наук, начальник научно-исследовательского отдела Центра гуманитарных исследований Минкультуры РБ, г. Уфа, Россия; yapparova@mail.ru

БУРАНЧИН Азамат Мажитович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных исследований Минкультуры РБ, г. Уфа, Россия; buranchin@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе результатов социологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в 2016 г. по многоступенчатой, территориальной, квотной выборке анализируются межэтнические установки и оценка межэтнической ситуации в регионе. Результаты опроса показали, что жители Башкирии в целом удовлетворены той ситуацией, которая сложилась в регионе. Такая стабильность восприятия является дополнительным индикатором отсутствия напряженности, сколь угодно серьезных конфликтов на национальной почве. В то же время исследование выявило настороженное отношение местного населения к мигрантам, что, скорее всего связано в первую очередь с социально-экономическими аспектами.

Ключевые слова: нации, этносы, регион, межнациональные отношения, межэтническая напряженность, гармонизация межнациональных отношений

Республика Башкортостан является одним из крупных и полиэтничных регионов России. По численности населения она занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место среди субъектов Российской Федерации. На территории Башкортостана по данным переписи населения 2010 г. проживают представители 160 народов. Здесь насчитывается 9 наиболее многочисленных национальностей, численность населения которых превышает 10 тыс. человек. Из них на три этноса (русские, башкиры и татары) приходится 90 % населения республики (более 3,6 млн человек).

Вместе с тем, несмотря на проводимую большую профилактическую работу, современный Башкортостан, как и все многонациональ-

ные территории, подвержен политическим рискам, которые связаны с межнациональными отношениями. В настоящей статье рассмотрены вопросы межэтнической стабильности и напряженности в Республике Башкортостан. Авторы анализируют состояние межнациональных и общественно-политических отношений, складывающихся между людьми различных национальностей, проживающих в регионе. Основным источником для анализа стали результаты социологического исследования «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан», проведенного Центром гуманитарных исследований Министерства культуры РБ в ноябре 2016 г. (руководитель исследования к. с. н. Р.Р. Яппарова).

Анкетный опрос был проведен в ноябре 2016 г. в городах и районах Республики Башкортостан. Выборка составила — 1201 человек. Выборка многоступенчатая территориальная, квотная. Ошибка выборки не превышает $\pm 5\%$ при доверительной вероятности 0,95. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, национальности, месту проживания (Уфа, город, село).

Для анализа актуальности проблемы межэтнических отношений в обществе в анкету был включен вопрос о том, что на сегодняшний день вызывает у населения наибольшую обеспокоенность. Самые злободневные проблемы имеют социально-экономический характер, прежде всего, рост цен (75,9%), безработица (54,5%), кризис в экономике (39,2%), коррупция, взяточничество (34,6%), развал сельскохозяйственного производства (33,5%). Вариант ответа «Состояние межнациональных отношений в республике» выбрало всего 4,1% респондентов. Таким образом, проблемы социально-экономического состояния страны, особенно на фоне нарастающего кризиса в экономике, волнуют жителей Республики Башкортостан в первую очередь, и лишь затем идут вопросы, связанные с межнациональными отношениями.

Одна из основных задач проведенного социологического исследования — это оценка доли населения, положительно оценивающего состояние межнациональных отношений в стране и в регионе. Большинство опрошенных (61,4%) оценили современное состояние межнациональных отношений в России в целом как «спокойные», 29,8% — как «напряженные». При этом ситуация в Республике Башкортостан оценивается лучше, чем в стране (вариант ответа «спокойные» выбрало 49% опрошенных, скорее спокойные, чем напряженные — 34%).

В этой связи показательно, что большинство опрошенных, достаточно стабильными считают межнациональную ситуацию на локальном (субтерриториальном) уровне, то есть относительно места своего проживания. Данный параметр особенно важен, учитывая, что граждане республики

непосредственно включены в обыденной практике в систему межэтнических отношений. Соответственно на вопрос «Как за последние пять лет изменились межнациональные отношения в Вашем городе (селе, деревне)?», «изменились в лучшую сторону» считает 23,0%; «не изменились» — 66,0%, «изменились в худшую сторону» — 7,8%; а 2,2% затруднились с ответом.

В целом можно отметить, что большинство принявших участие в настоящем опросе, считают свои культурно-языковые вопросы решенными в достаточной мере. Так, на вопрос: «Удовлетворяют ли Вас в целом возможности приобщения к Вашей национальной культуре, языку в Вашем городе, районе?», то есть не на уровне республики, а по месту проживания, «да» ответило 63,9%, «нет» — всего лишь 13,3%, остальные 22,7% затруднились с ответом.

В этом смысле интересно также, что сегодня позитивно оценивают деятельность этнополитических движений Башкортостана подавляющее большинство опрошенных. Так на вопрос: «Как Вы относитесь к деятельности организаций, выступающих за национальное возрождение, развитие языка и национальной культуры?», одобряет их деятельность — 53,0%. С безразличием относится — 21,9%, довольно большое количество затруднилось ответить (18,2%), одинаковый процент принимающих в них участие и относящихся отрицательно — 3,4%.

При этом нужно иметь в виду, что речь идет не о политических, а в первую очередь культурно-языковых потребностях. Собственно, политический аспект затронутый в социологическом опросе, дает несколько иную картину, которая указывает на то, что население Республики Башкортостан в целом лояльно настроено в отношении государства и проводимой сегодня национальной политики. Так на вопрос: «Укажите степень Вашего возможного участия в массовых политических мероприятиях в защиту прав Вашей нации?», ответ «я не буду принимать участие в массовых политических мероприятиях ни при каких обстоятельствах» выбрало 36,3% респондентов. Большой процент затруднилось с ответом 24,3%. Далее идет ответ характерный для патерналистски-ориентированного населения Башкирии — «готов (а) поставить свою подпись под обращением к Главе Башкортостана в защиту прав своей нации» (24,0%), затем «приму участие в митинге, пикетировании, организованных национальными общественными организациями» — 6,8%, затем «готов (а) по возможности помочь деньгами национальным организациям» — 4,1%. Наконец, процент выбравших радикальный ответ: «готов выступить в защиту прав моей нации с оружием в руках», составил лишь 3,6% от числа опрошенных.

По мнению опрошенных основными причинами обострения межнациональных отношений являются кризис в экономике, социальная

нестабильность, высокий уровень безработицы, социальная несправедливость. Башкиры и татары чаще всего связывают напряженность в межнациональных отношениях с кризисом в экономике, социальной нестабильностью, высоким уровнем безработицы (около 20%). При этом представители русского этноса в качестве причин напряженности в равной мере отмечают кризис в экономике, высокий уровень безработицы и деятельность некоторых общественных объединений, организаций» (более 10%). «Другие» этносы наряду с социальной-экономической нестабильностью отмечают также вариант ответа «поведение, привычки, отношение мигрантов к местному населению» (15%).

Почти половина опрошенных (47%) считает, что в ближайшем будущем невозможны или практически невозможны конфликты, столкновения на национальной почве. Каждый пятый респондент затруднился ответить на данный вопрос. Вместе с тем, каждый третий опрошенный (32,9%) такую возможность не исключает. Среди молодых доля, рассматривающих пессимистичный сценарий в два раза выше, чем среди пожилых (40,1 против 19,2%, соответственно). По сравнению с башкирами, русскими и татарами, представители «других» этносов чаще отмечают возможность столкновений на этой почве (41,7 против 33,2% башкир).

Одним из важнейших показателей состояния отношений между различными этносами является уровень толерантного отношения к представителям другой национальности. Результаты нашего исследования выявили высокое значение показателя — 86,8%. Абсолютное большинство опрошенных считают себя терпимыми к лицам другой национальности и только 4,6% — нет.

Более высокий уровень толерантности характерен скорее для женщин, чем для мужчин (91,1 против 81,4%, соответственно). Обнаружены незначительные различия в возрастном, образовательном, территориальном и этническом разрезе: более толерантны лица старше 40 лет, чем более молодые респонденты (88,8 против 84,6%, соответственно), горожане, чем жители сел (88 против 85%, соответственно), «другие» этносы (91,7%) по сравнению с башкирами (86,2%), русскими (86%), татарами (88%).

Отвечая на вопрос о том, какие чувства в целом респондент лично испытывает по отношению к людям другой национальности и религиозной веры, 51,8% отметили безразличие, 42,1% — уважение, 8,4% — симпатию, 2,8% — раздражение, 2,3% — неприязнь, 1,6% — страх.

Когда респондентов спросили о том, чувствуют ли они в настоящее время враждебность к людям других национальностей, 77,8% респондентов ответили отрицательно. Среди этносов, вызывающих враждебность, чаще называют: 9,5% — таджикских цыган, 7,4% — украинцев, 7% — ар-

мян, 6,9% — таджиков и узбеков, 5,8% — азербайджанцев, 4,8% — грузин, 3,7% — вьетнамцев и др.

В этой связи особый интерес вызывает сфера отношений местного населения к мигрантам. Так, на вопрос: «Как бы Вы оценили в целом отношение местного населения к мигрантам, прибывшим в Башкортостан из ближнего и дальнего зарубежья?» положительное отношение высказало 16,1% респондентов. Вариант ответа «скорее положительно, чем отрицательно» выбрало 16,3%, «не положительно и не отрицательно» — 21,5% респондентов. Ответ «скорее отрицательно, чем положительно» отметили 19,5%, «отрицательно» — 13,9% опрошенных, затруднилось ответить — 12,7%.

В этом контексте интересны ответы на вопрос: какое влияние оказывает приток мигрантов на состояние межнациональных отношений в Башкортостане? Большинство опрошенных считает, что никак не влияет — 25,5%. Варианты ответов «положительно» и «в основном положительно» — 5,9%, 7,4% соответственно. «В основном отрицательно» и «отрицательно» — 21,2% и 17,2%. Довольно большой процент (22,7%) затруднилось в выборе ответа.

Последнее вероятнее всего вызвано в целом с настороженным отношением к мигрантам со стороны большинства населения России и региона, и связано в первую очередь с социально-экономическими аспектами.

Таким образом результаты проведенного опроса общественного мнения позволяют сформулировать вывод о том, что ситуация в сфере межнациональных отношений в Республике Башкортостан, по оценкам жителей региона, по-прежнему более благополучна и стабильна, чем в России в целом. Несмотря на определенные точки напряжения, в регионе отсутствуют явные или имеющие негативную динамику разногласия на национальной почве.

С. Д. Савин

ДИНАМИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ОТ КСЕНОФОБИИ К ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ

САВИН Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия; ssd_sav@mail.ru

Аннотация. По результатам авторского социологического исследования 2015—2017 гг. анализ конкретных проблем этноконфессиональных отношений показал, что у россиян существует некое стабилизационное ядро этнического самосознания, которое формирует национальную идентичность. Ориентации на мирное, конструктивное решение этнических проблем, на консенсус, использование регулятивных механизмов и правовых методов свидетельствуют о понимании россиянами задач модернизации России только как полиэтнического общества. Однако на данный момент еще сохраняется высокий уровень конфликтности, а соответственно, и ксенофобских установок, что неизбежно в переходном обществе. Но по результатам социологических исследований видно, что колебания негативных установок в некоторых кризисных ситуациях достигают пороговых значений, однако не выходят за их уровень. В исследовании в форме социологического опроса жителей Санкт-Петербурга выявлялись как глубинные ценностные ориентации национальной политики, составляющие национальную идентичности, так и отношение населения к узловым проблемным точкам этнических конфликтов. Среди них поддержка соотечественников за рубежом, проблемы этнонационализма, толерантности, религиозной терпимости, моделирования поведения в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, национальная политика, этнический конфликт, ксенофобия, национальная идентичность, толерантность

В российском обществе национальный (этнический) и конфессиональный вопросы традиционно находятся в центре внимания государственной политики. Во многом это связано с высокой политизацией проблемы межэтнических отношений в период распада Советского Союза и сложными процессами строительства российского федерализма и поиска новой национальной идентичности в условиях острого социального

кризиса. Социологические исследования конца 1980-х — нач. 2000-х гг. диагностировали усиление ксенофобских настроений, конфликтных установок в сфере межэтнических отношений. Эти установки и сопутствующие им этнонационалистические идеологии приводили не просто к росту социальной напряженности, но переходили в конфликты разных уровней и остроты протекания: от бытовых конфликтов и криминальных разборок между мигрантами и местным населением, до политической борьбы федеральных властей с сепаратизмом национальных республик. Отдельную трагическую страницу в новейшей истории этноконфессиональных отношений в России представляет чеченский кризис, вылившийся в продолжительный вооруженный конфликт с десятками тысяч жертв. Но ситуация кризиса в этнической политике постепенно была преодолена. Сначала стабилизировалась через механизм договорных федеральных отношений нач. 1990-х гг., а затем при помощи унификации конституционных требований для всех субъектов Российской Федерации в начале 2000-х годов.

Поворот к интеграционным процессам не произошел в один момент. Помимо политической воли центральной власти и жестких административно-правовых мер необходимо было выстроить национальную политику на принципах консолидации общества, формирования гражданской идентичности, толерантности. Такие задачи национальной политики предполагают последовательные меры по реализации с задействованием механизмов и культурно-информационной, и образовательной, и молодежной политик. Для формирования целостных политической культуры, исторического сознания, национального самосознания требуются годы последовательной политики. Естественно, что в период стабилизации первого десятилетия 2000-х гг. в российском обществе сохранялся относительно высокий уровень конфликтности этнического сознания, широкое распространение имели ксенофобские установки, прежде всего, в отношении мигрантов. Как реакция на «обиды» прежних десятилетий дезинтеграции и распада СССР активизировалась деятельность националистических сообществ русских и попытки сформировать правое националистическое движение. Так называемые «русские марши» с лозунгом «Россия для русских» сильно пугали либеральную общественность, вызывали опасения их широкого воздействия на массовое сознание и провоцирования новых этнополитических конфликтов. Большой общественный резонанс имели события массовых беспорядков в связи с происшествиями локально-криминального характера, послужившими детонаторами протеста: Кондопога (сентябрь 2006 г.), Манежная площадь (Москва, декабрь 2010 г.), Западное Бирюлево (Москва, октябрь, 2013).

Пик ксенофобских установок в отношении мигрантов, который пришелся на период 2011—2013 гг., сменился тенденциями развития установок на межэтническую солидарность и консолидацию российского общества. Этому способствовали помимо указанных плодов комплексной реализации национальной политики успехи власти в борьбе с экстремистскими националистическими сообществами и религиозным экстремизмом, а также внешнеполитический фон информационных войн с Западом и военно-политическим конфликтом на Украине. Консолидировалось общество и на фоне опасности проникновения в Россию группировок международного исламского экстремизма. Востребованным оказался межконфессиональный диалог традиционных религий основных религиозных общностей России.

Рассмотрим состояние общественного сознания в области этноконфессиональных отношений на примере результатов нашего эмпирического исследования «Этнический статус, этническое неравенство и этноконфессиональные конфликты в массовом сознании россиян», проведенного при поддержке РФФИ (грант № 15—18—00119) ресурсным центром социологических и интернет-исследований СПбГУ в 2015—2016 гг. в форме телефонного опроса по квотной выборке среди жителей Санкт-Петербурга. В частности в опросе, проведенном в марте 2016 г. выявлялись как глубинные ценностные ориентации национальной политики, составляющие национальной идентичности, так и отношение населения к узловым проблемным точкам этнических конфликтов. Среди них поддержка соотечественников за рубежом, проблемы этнонационализма, толерантности, религиозной терпимости, моделирования поведения в конфликтной ситуации.

Выделим для примера несколько выявленных характеристик указанных процессов и начнем с конфессионального фактора. Уровень религиозной толерантности — важный индикатор обобщенного отношения к этноконфессиональным группам. В своем исследовании мы узнали насколько сами верующие люди толерантно относятся к соседству с другими религиозными общинами.

Таблица 1. Религиозная толерантность жителей Санкт-Петербурга

Варианты ответа на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы недалеко от Вашего дома построили храм представители другой религиозной веры?»	мечеть	дацан	синагогу	протестантскую церковь
Спокойно, толерантно	59,5	64,5	68,6	63,3

Варианты ответа на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы недалеко от Вашего дома построили храм представители другой религиозной веры?»	мечеть	дацан	синагогу	протестантскую церковь
Негативно, с возмущением	32,5	26,2	23,3	25,7
Затрудняюсь ответить	8	9,3	8,1	11
Всего	100	100	100	100

Подсчитано: По результатам телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга ($N = 847$)

Как видно из табл. 1, общий уровень религиозной толерантности высокий, который вполне соответствует основаниям стабильности поликонфессионального общества. Тревогу вызывает лишь несколько более высокий уровень интолерантности по отношению к исламу, но на фоне захлестнувшего мир религиозно-идеологического экстремизма и больших миграционных потоков в Петербурге данный факт не вызывает удивления.

Другой показательный вопрос о развитии этноконфессиональных отношений о готовности к состраданию и личной поддержке.

Таблица 2. **Опыт личного гуманитарного этноконфессионального взаимодействия**

Варианты ответа на вопрос: «Доводилось ли Вам лично оказывать помощь, поддержку людям другой веры и национальности?»	Частота	Проценты
Да, много раз	321	26,5
Да, один-два раза	432	35,6
Нет	417	34,4
Затрудняюсь ответить	42	3,5
Всего	1212	100,0

Подсчитано: По результатам телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга ($N = 1212$)

Большинство петербуржцев (2/3) оказывали поддержку людям другой этнической и конфессиональной принадлежности. Это тоже свидетельство открытости и толерантности жителей Петербурга.

Таблица 3. **Адресат помощи**

Варианты ответа на вопрос: «Кому была оказана эта помощь?»	Ответы		Процент наблюдений
	N	Проценты	
Это мои близкие люди, друзья, родственники	202	19,2%	26,8%
Это мои соседи	104	9,9%	13,8%
Коллеги по работе, учебе, общественной деятельности, клубу и т. п.	240	22,8%	31,9%
Организованная благотворительная или волонтерская помощь незнакомым людям	57	5,4%	7,6%
Случайная помощь незнакомым людям под воздействием чувства долга или эмоций	412	39,2%	54,7%
Другое	35	3,3%	4,6%
Затрудняюсь ответить	2	,2%	,3%
	1052	100,0%	139,7%

Подсчитано: По результатам телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга (N = 1212)

И обращает на себя внимание, что в большинстве случаев это была случайная помощь незнакомым людям под воздействием чувства долга или эмоций. Хороший показатель не только толерантности, но и высокого потенциала для развития гражданского общества, институтов благотворительности (волонтерства) в России.

Выделенные нами эти и другие особенности восприятия конфликтных условий, ситуаций, сценариев позволяют сделать выводы о некоем общем уровне «этноконфликтности» в сознании россиян. Мы бы его оценили

на данном этапе как средний, принимая во внимание доминирующие установки на этносоциальный мир и согласие, но в то же время, заметные показатели социальной напряженности в этой области, связанные с переживанием последствий тех или иных этнических конфликтов в российском обществе и на постсоветском пространстве.

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко, Н. П. Гончарова

СОСТОЯНИЕ СФЕРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

МАКСИМОВА Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; svet-maximova@yandex.ru

НОЯНЗИНА Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; noe@mail.ru

ОМЕЛЬЧЕНКО Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; daria.omelchenko@mail.ru

ГОНЧАРОВА Наталья Петровна — кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия; g-natalia@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования параметров состояния сферы межнациональных отношений девяти субъектов Российской Федерации, расположенных вблизи государственных границ: Алтайского края, Амурской области, Еврейской Автономной области, Забайкальского края, Кемеровской области, Республики Карелия, Омской области, Оренбургской области, Республики Алтай. Сбор первичных данных осуществлен методом анкетного опроса. Между исследованными регионами выявлены существенные различия в характере межнациональных отношений, сделаны выводы об их динамике и уровнях межэтнической напряженности в каждом из регионов. Наиболее проблемными в этом отношении регионами среди вошедших в исследование называются Забайкальский край и Омская область.

Ключевые слова: межнациональные отношения; межэтническая напряженность; жители приграничных регионов; трансграничные регионы

В последние десятилетия в России одной из значимых задач является поиск источника национального единства. Давно ведутся дискуссии об источниках солидаризации общества, о том, что могло бы выступить национальной идеей страны. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. говорится о необходимости поддержки программ формирования национально-государственной идентичности россиян, единой российской нации [1]. Для приграничных регионов страны как более открытых для

взаимодействия с другими государствами, миграционных потоков, эта задача наиболее актуальна.

Межнациональные отношения в государстве — это совокупность социальных взаимодействий между народами, населяющими его территорию по поводу различных сторон социальной жизни. На характер межнациональных отношений воздействует множество факторов, среди которых важную роль играет национальная политика государства. Россия всегда была многонациональным, полиэтничным государством, и от гибкости проводимой здесь национальной политики зависело многое: отсутствие крупных межнациональных конфликтов, целостность территории, уровень политической и социальной стабильности в отдельных регионах и стране в целом.

В настоящее время национальная политика Российской Федерации направлена на формирование многонационального народа России, единой российской нации. В данном случае необходимость построения общегражданской нации сочетается с сохранением и развитием этнокультурного многообразия.

Анализ состояния в сфере межнациональных отношений в девяти регионах России (Алтайский край, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Амурская область, Еврейская автономная область и Республика Карелия, выборка составила 4437 респондентов в возрасте от 15 до 75 лет) был проведен на основе изучения оценок населением выраженности проявлений уважительного, толерантного либо дискриминационного, конфликтного отношения к представителям различных национальностей в социальном пространстве, а также характеристик эффективного управления в сфере межэтнических отношений.

Один из важных аспектов непосредственно влияющий на уровень согласия в полиэтничном государстве, — взаимоотношения между представителями разных этносов. В результате опроса было выяснено, что большинство респондентов испытывают нейтральные (50,9%) или положительные (39,6%) чувства по отношению к представителям других национальностей. Наибольшую расположенность к другим этническим группам проявили жители Республики Алтай и Еврейской автономной области — субъектов федерации, в первом из которых этнический состав наиболее разнороден, во втором, напротив, проживают представители наименьшего числа этнических групп среди исследованных регионов. Негативные чувства по отношению к представителям других национальностей чаще всего испытывают жители Омской области (16,0%) и Забайкальского края (10,9%). Различия между регионами в отношении к представителям других этносов коррелируют с их местами в рей-

тинг-межэтнической напряженности Центра изучения национальных конфликтов «Гроздья гнева» [2]. Согласно этому рейтингу, среди восьми исследуемых регионов наиболее спокойная, бесконфликтная обстановка наблюдается в Амурской области, Еврейской автономной области, Оренбургской области и Республике Алтай — именно в этих регионах было зафиксировано наиболее доброжелательное отношение к представителям других этнических групп. В Алтайском крае, Забайкальском крае и Кемеровской области ситуация несколько более напряженная: отмечаются преимущественно ненасильственные конфликтные действия или единичные не связанные друг с другом этнически мотивированные насильственные действия. Наконец, в Омской области была присвоена средняя степень межэтнической напряженности: зафиксированы неоднократные случаи целенаправленных этнически мотивированных насильственных действий, а также массовые ненасильственные действия, что соотносится с повышенной распространенностью негативного отношения к представителям других национальностей [3].

Враждебность к людям других национальностей часто чувствуют 9,9% жителей приграничных регионов, в то время как враждебность к себе со стороны людей других национальностей часто ощущают 5,1%. Свою антипатию к представителям некоторых наций и народов чаще всего аргументируют их нежеланием считаться с российскими обычаями и нормами поведения (22,7%) и предполагаемой угрозой терроризма (20,8%). Возможность массовых кровопролитных столкновений на национальной почве в России допускают 23,4% опрошенных, в месте своего проживания — всего 7,6%. Несмотря на наличие документальных подтверждений различий в уровнях межэтнической напряженности в восьми регионах, оценки возможности возникновения конфликтов жителями разных регионов различаются несущественно.

Отношение к представителям других этносов выражается и в отношении к проживанию на одной территории с ними. Идею «Россия для русских» в той или иной степени поддерживают 43,6% опрошенных, отрицают ее право на существование 31,6%. Аналогично за ограничение потока приезжих на территорию России выступают 45,1%, против такого ограничения — 32,3%. Существенная часть жителей приграничных регионов считает, что следует ограничить проживание на территории России представителей других этнических групп — в большей степени выходцев с Кавказа (26,1%), китайцев (22,9%), цыган (16,8%). За ограничение проживания выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР выступают 12,6% респондентов. Против таких ограничений высказываются 29,6% жителей обследованных регионов. По этому вопросу наблюдаются большие различия между регионами, вошедшими в исследование.

Так, в Забайкальском крае, Амурской области и Еврейской автономной области, граничащих с Китаем, наблюдается наибольшее отторжение по отношению к китайцам. В Забайкальском крае также отмечается наибольшее среди всех регионов неприятие выходцев с Кавказа и украинцев. В Кемеровской области наиболее существенная доля респондентов высказалась против неограниченного проживания в стране выходцев с Кавказа. В Омской области 20,5% опрошенных выступили за ограничение проживания на территории России всех наций, кроме русской. Наиболее лояльными по отношению к представителям других национальностей, живущих в России, оказались респонденты из Алтайского края.

Оценивая динамику межэтнических отношений в России, большинство (41,3%) утверждает, что они не изменились, 26,4% отмечают, что они стали более напряженными, нетерпимыми, 19,8% говорят об их изменении в сторону большей терпимости. Повышение напряженности реже всего отмечают жители Омской области (14,8%), чаще всего — жители Амурской области (35,3%), доли жителей Еврейской автономной области, Оренбургской области и Республики Алтай, заявляющих об ухудшении межэтнических отношений, также превышают среднее значение. Таким образом, если ситуация в наиболее конфликтном регионе видится относительно стабильной, в наиболее спокойных регионах возможно усиление противоречий.

Также была проведена оценка выраженности конкретных параметров межэтнической сферы приграничных регионов с применением 10-балльной шкалы. В среднем по выборке как наиболее часто проявляющиеся (оценка выше 6 баллов) были отмечены следующие параметры: «Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности», «Дружба между представителями разных национальностей», «Уважительное отношение к представителям другой национальности». Как наименее выраженные (ниже 4 баллов) были оценены следующие характеристики: «Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие», «Психологическое давление», «Осуждение межнациональных браков», «Недружелюбные высказывания о людях иной веры».

Таким образом, общественное мнение населения всех девяти регионов весьма поляризовано в отношении оценки межэтнических и этноконфессиональных процессов в регионе. Гармонизация межнациональных отношений возможна при соответствующем уровне демократизма социально-политических и других отношений, а также демократизации и гуманизации их между народами, национального сознания и деятельности политических институтов.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

Список источников

1. Горшков М. К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. М., 2008. № 1. С. 177.
2. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России // ЦИНК, 2014. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html> (дата обращения: 20.02.2017).
3. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 347—358.

В. Е. Журавлёв

О НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ КАТЕГОРИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЖУРАВЛЁВ Виталий Евгеньевич — кандидат социологических наук, координатор экспертного совета клуба «Российский парламентарий», г. Москва, россия; proektru1@yandex.ru

Аннотация. В работе даётся краткий анализ категориальных подходов П. И. Ковалевского, Н. Г. Дебольского, С. М. Широкогорова, советских обществоведов, евразийцев и современных российских исследователей в области межнациональных отношений. Рассматривается соотношение понятий «нация», «этнос», «народ», групповая идентичность, типизация групповой идентичности, взаимосвязь этнических и социальных процессов. Материал может быть полезен для публицистов, а также при проведении теоретических и эмпирических исследований.

Ключевые слова: нация, этнос, советский народ, этническая идентичность, типизацию этнической идентичности, социальная структура

Межнациональные отношения проявляются в экономике, политике, культуре, экологии и других областях жизни общества. Для исследования межнациональных отношений следует, прежде всего, рассмотреть субъекты этих отношений. В разных теоретических подходах у российских авторов присутствуют существенно отличающиеся трактовки понятий «нации» и «этноса».

П. И. Ковалевский в работе «Психология русской нации» (1915 г.) дал определение: «нация это большая группа людей, объединённых между собою единством происхождения, единством исторических судеб и борьбы за существование, единством физических и духовных качеств, единством культуры, единством веры, единством языка и территории» [7. С. 37].

Н. Г. Дебольский в работе «О начале народности» (1909 г.) писал о родственных, культурно-духовных и политических основах нации: «Племя, становясь началом и источником государственного единства, обращается в национальность». «Пределом культурного развития должно считаться состояние народа, при котором его государственный союз будет спаян не насилем, а духовными узами народности, или национальности» [6].

С. М. Широкогоров в работе «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (1923 г.) ввёл понятие «этнос» и дал ему следующее определение: «Этнос это группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхож-

дение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [12].

В советской общественной науке нация рассматривалась как высшая стадия развития этноса, пришедшая на смену более ранним формам, таким как племя и народность, что объяснялось последовательным изменением общественно-экономических формаций. Согласно ст. 1 Конституции 1977 года «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» [8].

В тоже время в СССР была выдвинута концепция новой наднациональной общности — советский народ, которая была озвучена в докладе, посвящённом новой партийной программе, Генеральным секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым на XXII съезде КПСС (1961 г.). В соответствии с данной концепцией, советских людей объединяет: общая социалистическая Родина; социалистическое народное хозяйство; социально-классовая структура; марксистско-ленинское мировоззрение; цель — построение коммунизма; общие черты в духовном облике и психологии [13].

В Политическом докладе Генерального Секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва на XXVII съезде КПСС (1986 г.) говорилось: «советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей» [4].

Отдельным направлением развития отечественной интеллектуальной мысли является евразийство. Согласно взглядам евразийцев, в каждом народе есть определенное число персон, наделенных пассионарной энергией, которая ориентирует их на достижение высшей идеальной цели. В фазе подъёма пассионарность вначале устойчиво растёт и из разрозненных, но близких этносов в результате интеграции возникает суперэтнос. Затем наступает обратный процесс — суперэтнос разрушается из-за спада пассионарности. Россия является евразийским миром, объединяющим славян и тюрков, где под влиянием особого месторазвития, включающего леса и степи, исторически возник своеобразный хозяйственный тип и культурный тип, основанный на приоритете духа и религиозных ценностей [5].

В современный период, как отмечает российский учёный В. А. Тишков, преобладает точка зрения, что «этническая идентичность формируется и существует в контексте того социального опыта и процесса, с которыми идентифицируют себя люди, или идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения, идентичность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены

группы отличают себя от всех других групп, даже если они в культурном отношении очень близки. В контексте этих представлений возможно дать общее определение этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям» [9;10].

«Групповую этническую идентичность следует рассматривать как операцию социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными, и даже природными связями» [27. С. 122].

В.А. Тишков обращает внимание на политико-идеологическую сторону дискуссии вокруг этничности: «этнические проблемы в многоэтничной России — это всего лишь проблемы меньшинств, их культурных статуса и запросов; национальные проблемы в многонациональной России — это проблемы наций и их самоопределения» [11. С. 146].

Российские социологи Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и А. А. Сусоколов проводят типизацию этнической идентичности в зависимости от социально-психологических установок: нормальная идентичность, при которой положительный образ своего народа сочетается с толерантными установками на общение с другими народами; этноцентричная идентичность при которой присутствуют элементы этноизоляционизма; этнодоминирующая идентичность, когда достижение национальных (этнических) целей воспринимается как безусловно доминирующая ценность; этнический фанатизм, при котором абсолютное доминирование этнических интересов и целей сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия; этническая индифферентность, когда люди равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений; этнонигилизм, представляющий собой отрицание этничности и этнокультурных ценностей; этноущемленная идентичность, связанная с осознанием низкого статуса своей этнической группы; амбивалентная, невыраженная идентичность в этнически смешанной среде; гибридная идентичность, связанная с наложением культурных и этнических идентичностей, что характерно для мигрантов и диаспоры [1].

Вышеназванные исследователи отмечают, что существенным значением для межэтнических отношений является место и роль этносов в социальной структуре общества. Социальное расслоение в полиэтничном обществе сопровождается этносоциальной дифференциацией и этносоциальной мобильностью. К числу главных проблем социальной структуры и мобильности относятся: направление и интенсивность социальной мобильности людей разных национальностей; изменение их трудовой биографии (занятий, статуса, социального положения, ролевых функций); мера заданности этих перемещений национальностью, социальным происхождением, образованием; степень наследуемости

социальных ролей людьми разных национальностей в разных социально-этнических средах и др. [4].

Как резонно констатирует в своей работе Ш. С. Асланов «в трансформирующемся полиэтничном обществе обоснованным является использование понятия этносоциальная структура, которое учитывает влияние социально-экономических, политических и культурных факторов. Она демонстрирует взаимосвязь этнических и социальных процессов, это особый вид социальной структуры, который определяет положение и социальную роль этнических групп в полиэтничном обществе. В отличие от традиционного национально-этнического критерия структурирования общества этносоциальный критерий позволяет выявить влияние этнического фактора на саму социальную структуру общества» [3].

Существенным представляется и то обстоятельство, что «монополизация политическими лидерами титульного этноса доминирующих позиций в сфере управления решает исход конкурентной оппозиции во многих других сферах» [3].

Список источников

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. Социально-психологический уровень этнического самосознания. Типы идентичности. М., 1998.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. Социальная мобильность и национальная вариативность в политическом сознании. М., 1998.
3. Асланов Ш. С. Трансформация этносоциальной структуры Северного Кавказа. Автореферат диссертации. Краснодар : КубГАУ, 2009
4. Горбачёв М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза Избранные речи и статьи. Т. 3. М. : Политиздат, 1987.
5. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев, С. Б. Лавров. М. : Прогресс, 1993.
6. Дебольский Н. Г. О начале народности. Библиотека учебной и научной литературы. <http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/debolskiy-o/>.
7. Ковалевский П. И. Психология русской нации. Москва : АКИРН, 2005.
8. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987.
9. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001.
10. Тишков В. Личный сайт. Этнос или этничность? http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html.

11. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии М. : Наука, 2003. 544 с.
12. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923.
13. Материалы XXII съезда КПСС М. : Госполитиздат, 1961.

В. А. Сапрыка

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ И УКРАИНЫ

САПРЫКА Виктор Александрович — кандидат социологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ», Белгород, Россия; sapryka@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены возможности анализа при формировании культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины. Процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах требует разработки прогнозных сценариев формирования культурно-цивилизационных идентичностей населения этих геополитических образований. Выделена экспертная оценка основных тенденций культурно-цивилизационной идентификации населения приграничных регионов России и Украины.

Ключевые слова: сценарии, культурно-цивилизационные идентичности, приграничные регионы

Глобализация воздействует как на многие процессы в традиционном социокультурном, экономическом и политическом пространстве, так и на основы современного мироустройства, но прежде всего на процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей. Особенно это касается приграничных регионов, которые зачастую становятся своеобразным фронтиром цивилизаций современного мира. Изменениям подвержены и ключевые субъекты в рамках политического и социокультурного глобального пространства.

Взаимодействие акторов процессов идентификации носит сложный, взаимозависимый, а порой и взаимоисключающий характер. Развитие мировых процессов во многом будет зависеть от умения субъектов идентичности договариваться друг с другом, корректировать свои позиции, находить консенсус, предотвращая конфликты и насилие.

Кризис советской идентичности с распадом Советского Союза привел к острой борьбе по поводу формирования новых идентичностей государств постсоветского пространства. Применительно к современной ситуации можно сказать, что причиной кризиса идентичности населения многих стран становится глобализация современного мира[1].

Процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах требует от нас разработки прогнозных сценариев формирования культурно-цивилизационных идентичностей населения этих геополитических образований.

Метод сценариев, опираясь на системный подход, позволяет организовать и направлять процесс активного сбора, оценки и переработки имеющейся первичной информации и воспроизводства новой (вторичной) — как аналитического, так и прогнозного характера.

В рамках работы над прогнозным сценарием формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах нами были использованы следующие методы:

- экстраполяция трендов;
- экспертные панели;
- сопоставительный анализ.

Разработанный прогнозный сценарий формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах включает анализ трендов, которые позволяют рассмотреть основные культурно-цивилизационные сценарии развития мирового сообщества, сценарии развития для Украины, сопоставление украинских и российских сценариев, а так же оценки экспертов. Одной из проблем экспертного сообщества на постсоветском пространстве является самоцензура. Значительное число экспертов из академической среды можно назвать «дипломатами», а экспертов-практиков — «политтехнологами». То есть, первые стараются зачастую обходить неполиткорректные вопросы (например, возможное изменение границ и распад существующих государств), вторые же выдают зачастую желаемое за действительное, и предлагают так называемые формирующие прогнозы, а не реальную аналитику. И тот и другой подходы, безусловно, не лишены смысла, однако представляется, что сегодня есть необходимость вести откровенную экспертную дискуссию, рассматривая самые различные варианты развития событий.

В нашем понимании сценарный подход должен опираться на понятие социального хронотопа, связанное с представлением о необходимости методологического синтеза темпорального и топологического подходов в процессе изучения структурно-пространственной динамики процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах.

Несмотря на то, что государственность Украины и Российской Федерации находится в стадии становления, мы рассматриваем их взаимодействие как систему сложившихся взаимоотношений. В своей работе мы придерживаемся реальности будущих событий, то есть берем за основу предельных сценариев политические решения, изменение со-

циокультурного ландшафта, внедрение новых политических и социальных технологий и т. д.

Эксперты Центра научной политической мысли и идеологии Игорь Путинцев и Иван Березина видят возможность развития ситуации на Украине по одному из четырех сценариев:

- 1) сохранение status quo;
- 2) федерализация Украины;
- 3) «приднестровский» сценарий;
- 4) «крымский» сценарий[2].

Представленные сценарии являются прогностическими трендами для 2014 и 2015 года с точки зрения российского экспертного сообщества. Их реализация, несомненно, окажет влияние на процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах.

С украинской стороны, так же проводится анализ тех или иных сценариев. Он основывается в первую очередь на «концепции войны» и агрессии России против Украины. Так, в сценариях Института стратегических исследований «Новая Украина» и Информационно-аналитического центра факультета международных отношений выделяются два сценария[3]. Сценарии являются приоритетными для экспертного сообщества Украины, но не один из них не подразумевает нахождение конструктивного диалога с Россией. А культурно-цивилизационные идентичности приграничных регионов Украины в случае реализации любого из представленных сценариев, согласно экспертам, будут формироваться на основе образцов, предложенных западной цивилизации.

Рассмотрев основные сценарные тренды в государственном развитии, необходимо сформировать прогнозные сценарии формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах.

Это задача решена нами на основе экспертных панелей и при помощи сопоставительного анализа, который позволяет рассмотреть ценности, характерные постсоветского пространства, модели приграничного взаимодействия, влияющие на формирование идентичностей в приграничных регионах.

Проведение экспертных панелей позволило рассмотреть вопросы построения сценариев будущего развития отношений Украины и России, их государственного устройства и принадлежности к общей цивилизации. Работа с экспертами в области трансформаций культурной цивилизационных идентичностей в приграничных регионах, как уже было отмечено, проводилась с применением углубленной методики. В этой связи необходимо рассмотреть социологические данные, полученные в рамках данного сектора отдельно.

Отмечая особенности трансформации идентичности населения приграничных регионов, эксперты отмечали в первую очередь высокую степень влияния границы и присущих ей контактных и барьерных функций, которые выражаются, как в интеркультурации жителей соседних государств, так и в наличии административных барьеров, которые могут снижать частоту и качество коммуникаций, в сравнении, например, с внутренними регионами одного государства.

Большая часть участников фокус-группы отметила, что характерные процессы трансформации идентичности населения приграничья проявляются, прежде всего, в регионах с доминирующей контактной функцией границы, формальными или отсутствующими административными барьерами и развитым приграничным сотрудничеством, которое помимо всего прочего характеризуется заинтересованностью и вовлеченностью населения в данный процесс.

В целом, характеризуя основные тенденции культурно-цивилизационной идентификации населения приграничных регионов России и Украины, следует отметить наличие как центробежных, так и центростремительных векторов. При сохранении высокой степени культурно-цивилизационно единства населения двух стран жители украинских приграничных регионов демонстрируют большую ценность аморфности.

Список источников

1. Чигарева В. В. Цивилизационно-культурная идентичность в условиях глобализации // Известия ИГЭА. 2006. № 5 С. 94—97.
2. Россия и Юго-Восточная Украина: четыре сценария. URL: <http://rusrand.ru/events/rossija-i-jugo-vostochnaja-ukraina-chetyre-stsenarija> (дата обращения: 01.02.2017).
3. Сценарії, що можливі після досягнутих Мінських домовленостей. URL: <http://iac.org.ua/http-iac-org-ua-stsenariyi-rozvitku-situatsiyi-na-shodi-ukrayini-otsinka-mezh-rozsudu-chast-1/> (дата обращения: 01.02.2017).

P. Binder

COGNITIVE INTERVIEWING IN INTERNATIONAL COMPARATIVE RESEARCH: CASE OF THE EUROPEAN SOCIAL SURVEY (ESS)

BINDER Piotr — PhD, Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Sciences, Poland; pbinder@css.edu.pl

The aim of the proposed presentation is the analysis of the Polish experiences related to the application of the procedure of cognitive interviewing during the preparatory phases of the European Social Survey rounds 7th and 8th. Although in Poland the reflection on pilot studies has been developed since 1970s, especially by the circle of methodologists from the University of Lodz (Grzeskiewicz-Radulska 2012), cognitive interviews are still a relatively innovative methodological approach in academic research. In contrast within the American context (where they originated from), they rapidly gained popularity and became the dominating approach within this area in market as well as academic research (Beatty, Willis 2007).

Currently cognitive interviewing has developed to the extent, that it is possible to say, that this is an umbrella term for various research techniques and procedures. What they have in common is that in the pursue of improvement and refinement of the survey questions they refer directly to the perspective of the research participants. What is worth noting, they also are an excellent example of a fruitful cooperation of the qualitative and quantitative methodologies.

The application of the cognitive interviewing with the ESS was initiated during the preparations for the 4th round of the ESS, however at the time this exercise was limited to the UK and questions formulated in English. (Fitzgerald et al. 2011). This paper will be based on the Polish experiences with application of this procedure in the years 2013 and 2015, when selected ESS questions were tested in several national languages. I would like to discuss the key elements of the applied research procedures, share the experiences of the Polish research team, present the examples as well as the most important conclusions drawn from both research projects. In the final part of the paper I will also refer to the experiment conducted by German researchers (GESIS), where as a way of verifying the efficiency of improving and refining survey questions by cognitive interviewing, they were re-tested the same way after modifications were introduced.

Л. М. Дробижева

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН, г. Москва, Россия, drobizheva@yandex.ru

Аннотация. Понимание гражданской идентичности актуализировалось в связи с поручением Президента РФ по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшемся 31 октября 2016 года о подготовке проекта нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства межнационального народа Российской Федерации (российской нации). Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление с гражданами страны, государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы» и чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране. Ассоциативная гражданская идентичность позитивно влияет на готовность к реальным межэтническим контактам в деловой и неформальной сферах, способствует поддержанию уважительного отношения к людям иной национальности. Но она не всегда снимает этнические предубеждения.

Ключевые слова: гражданская идентичность, межэтническое согласие, доверие, этнический негативизм

1. Понимание гражданской идентичности актуализировалось в связи с поручением Президента РФ по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшемся 31 октября 2016 года о подготовке проекта нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства межнационального народа Российской Федерации (российской нации).

Дискуссии идут вокруг необходимости принятия такого закона, содержательного наполнения понятия российской нации, возможности замены названного нормативно-правового акта законом «О государственной национальной политике в Российской Федерации».

2. В любом варианте будет ставиться задача укрепления гражданской идентичности. По поводу неё тоже идут дискуссии, в которых наиболее острым является вопрос: можно ли говорить о гражданской идентичности, если гражданская нация у нас только формируется. Данные

опросов показывают, что от 70 до 80 % респондентов и по общероссийским, и региональным опросам отвечают, что ощущают общность с гражданами России.

3. Раскроем наше понимание гражданской идентичности и межэтнического согласия. Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление с гражданами страны, государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы» и чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране. Как и в других коллективных идентичностях, в ней содержатся когнитивные, эмоциональные и регулятивные компоненты. Исследования, проведенные нами в 2010—2013 гг., фиксировали доминирование идеи объединительной роли государства в представлениях россиян о гражданской идентичности. На вопрос «Что больше всего объединяет Вас с гражданами страны?» 75—80 % респондентов в республиках (Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии)) отвечали «общее государство». На общероссийских выборках в мониторинговых опросах ИС РАН в 2015 г. 66 % респондентов также сделали этот выбор. Другие консолидаторы — общая территория, государственный язык, общие символы, праздники — набирали (соответственно) 54—32 %; «Ответственность за дела в стране» выбирали 32 % по общероссийским опросам и 35—50 % по республикам. Это давало нам основания характеризовать общероссийскую идентичность как государственно-гражданскую. Гражданская идентичность, в том числе и государственно-гражданская, многовариантна в своих проявлениях, которые, в свою очередь, могут иметь диффузные очертания. В одних случаях она может оказаться номинальной, то есть просто наименованием, указанием на гражданскую принадлежность, в других — категориальной и обозначать присоединение, отождествление себя с называемой общностью. При выделении номинальной, а также категориальной и ассоциативной идентичностей, мы опирались на идеи Д. Хандельмана и Р. Дженкинса. Первый разработал типологию этнических связей в зависимости от того, как сильно они объединяют людей: этническая категория, этническая связь, ассоциация, община. Второй предложил различать номинальную и «действительную» идентичности, а также идентичность, приписываемую извне, и идентичность изнутри, выражающуюся в ассоциировании себя с коллективным именем. Гражданская идентичность не предполагает обязательного реального взаимодействия, но она невозможна без восприятия себя как части «Мы» и чувства общности. В зависимости от конкретной ситуации это чувство может осознаваться с различной интенсивностью и частотой. Кроме того, существует еще и ассоциативная идентичность, когда люди не только осознают значимую для них

связь с называемой общностью, но и готовы действовать во имя общих интересов. Мы используем этот подход для операционального изучения связи такой идентичности с межнациональными (межэтническими) установками.

В «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» использован термин межнациональное согласие, которое стоит среди целей и приоритетов политики. Этот термин позволил соединить прошлое, из которого люди еще не забыли «дружбу народов», настоящее и будущее, в котором есть норма толерантности, зафиксированная в Декларации ЮНЕСКО. Межнациональное согласие понимается как благоприятные межэтнические отношения, готовность взаимодействовать с людьми иных национальностей в деловой и неформальных сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее «видение мира», способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости.

4. Очевидна связь гражданской идентичности с преодолением этнического негативизма по данным RLMS-HSE в 2015 году. Ассоциативная гражданская идентичность позитивно влияет на готовность к реальным межэтническим контактам в деловой и неформальной сферах, способствует поддержанию уважительного отношения к людям иной национальности. Но она не всегда снимает этнические предубеждения.

В нашем исследовании прямой ассоциативной связи «с людьми своей национальности», т. е. этнической идентичности и негативных межэтнических установок, о чем писал Т. Петигрю, не прослеживалось. Только этническая гиперидентичность связана с предубеждениями. В ряде проведенных в других странах исследованиях фиксировалось разнонаправленное влияние гражданской и этнической идентичности. Высокий уровень этнической идентичности считается индикатором межэтнической напряженности. При этом очевидна связь гражданской и этнической идентичности, прежде всего, у русских. Вывод на ближайшую перспективу: предрассудки и стереотипы останутся надолго. Гражданская идентичность может влиять на регулятивные межэтнические установки в лучшую сторону в случае сценария позитивного взаимодействия институтов государства и гражданского общества.

Список источников

1. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013.

2. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / автор проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : Academia, 2002.
3. Handelman D. The Organization of Ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1. P. 187—200.
4. Jenkins R. Rethinking ethnicity. London: SAGE publications, 2008.

И. С. Савин

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ХОДЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ МОСКВЫ)

САВИН Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, заведующий сектором Центральной Азии Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия; savigsa@inbox.ru

Аннотация. В докладе представлена серия исследовательских и прикладных проектов 2013—2016 гг. по разработке и внедрению в практику нескольких моделей локальной интеграции мигрантов в ходе повседневного взаимодействия.

Ключевые слова: миграция; интеграция мигрантов

В период 2013—2016 годов нами была проведена серия исследовательских и прикладных проектов по разработке и внедрению в практику нескольких моделей локальной интеграции мигрантов в ходе повседневного взаимодействия. В 2013—2014 работа осуществлялась НКО «Международное ненасилие» в рамках Президентского гранта, в 2015 году — в сотрудничестве с Институтом «Стрелка» и Центром межкультурной коммуникации, в 2016 году с Поликультурным центром.

Целенаправленно были апробированы разные контексты интеграции, разные модели и разные виды партнерского взаимодействия с различными институтами.

В каждом случае практической работе предшествовали социологические исследования, охватывающие как территориальный, так и тематический (экстерриториальный) аспекты интеграционной работы.

В рамках исследования территориального контекста проводилось фокусированное изучение факторов интеграции в конкретном микрорегионе:

В 2013—2014 гг. дворовая территория вокруг «этнического кафе» (район метро Войковская), в 2015 г. — пространство, прилегающее к библиотеке (район Хохловка), в 2016 г. — группа домов вокруг поликультурного центра (район Братеево).

Были проведены экспертные, глубинные интервью, включенное и не включенное наблюдение стратегий повседневного взаимодействия разных категорий жителей, анализ «ментальной» карты микрорайона

с выяснением наиболее и наименее посещаемых и комфортных зон с выяснением факторов, влияющих на это распределение.

Среди наших собеседников были как представители разных категорий «местного» населения, старожилов (активисты местного самоуправления, ветеранских, неправительственных организаций, депутаты муниципалитетов, представители локальных администраций, управ), так и люди, представляющие мигрантов, «новомосквичей», новожителей Москвы: организации, привлекающие мигрантов, активисты диаспорных, правозащитных организаций, инициативные неформальные лидеры мигрантских сообществ.

Итоги исследований, в виде перечня наиболее неблагоприятных факторов взаимодействия в рамках конкретных ситуаций были обсуждены с их участниками и были выработаны стратегии их преодоления на основе интересов всех сторон.

Например, в случае ситуации вокруг недовольства местными жителями «этническим кафе», которое представлялось им «чужим» в «их» привычном районе были найдено следующее совпадение интересов.

— Совет собственников жителей домов был заинтересован в создании благоприятной атмосферы во дворе (куда выходит и кафе), так как население двора многонационально и иногда на стенах дома появляются националистические надписи. Жители также были озабочены проблемой досуга детей и рассматривали мероприятия проекта как условия для организации их досуга.

— Администрация кафе заинтересована в повышении лояльности жителей окружающих домов к своей продукции, к доброму отношению со стороны жильцов. Эти мероприятия повысят узнаваемость кафе, помогут преодолеть отрицательное к нему отношение той части жителей, чьи квартиры расположены прямо над кафе

— Этнокультурные организации заинтересованы в расширении площадок, где мигранты и «новожители» из числа их сообществ имели бы возможность на регулярной основе взаимодействовать со «старожилами» и вливаться в их социум.

Успешное преодоление напряженности и содействие интеграции разно-культурных сообществ, как правило, требует не только эффективной исследовательской деятельности и организации диалога различных сторон, но и проведения практических мероприятий, в ходе которых представители различных сообществ объединяют свои усилия. Важно, чтобы такая практическая деятельность отвечала двум основным условиям:

— она должна вести к изменению ситуации, которая на уровне дискуссий описывалась как проблемная и неблагоприятная;

— в ней должны реализовываться повседневные интересы или пожелания всех участников ситуации.

В нашем случае для того, чтобы это недоверие уменьшилось, нужно, чтобы эти «другие», вместе с «нами», решали бы общие с «нами» задачи, сохраняя при этом свое культурное своеобразие, но становясь членами «нашего» условного дворового социума. На протяжении года в этом кафе регулярно проводились совместные празднования Новруза, Пасхи, Дня победы, 8 Марта, мастер классы по этнической кулинарии, рукоделию, встречи детей, ветеранов, творческих работников, в которых участвовали как «старожилы», так и «новомосквичи», живущие и работающие по соседству. Это позволило изменить ситуацию во дворе и заложить основы совместных действий разных организаций.

В рамках экстерриториального контекста были опробованы модели работы в двух клубах восточных единоборств. Таких клубов только киргизских в Москве насчитывается несколько десятков, некоторые из них моноэтничны и представляют собой способы сохранения для себя комфортной зоны для тех мигрантов, которые плохо говорят по-русски и не общаются за пределами «своих»

Именно на них были ориентированы упражнения по актуализации потребности в интеграции, которые представляют собой не лекции, на которых спортсменов убеждают быть «более интегрированным», а игровые мини-тренинги, в ходе которых разыгрываются и анализируются различные стратегии взаимодействия в конфликте (избегание, компромисс, доминирование, сотрудничество) и участники через собственный опыт убеждаются, что те группы, которые использовали стратегию «сотрудничества» быстрее выполняли поставленные задачи.

Опыт деятельности на нескольких площадках в Москве можно отметить, что важным результатом стали как многочисленные модели интеграционной деятельности, которые были опробованы или обсуждены участниками проектов, так и изменения в отношении к интеграционным процессам и своему месту в них. Об этом говорили как высказывания, так и действия участников проектов. Для мигрантов главным итогом стали вера в себя как в активного участника своей собственной «миграционной истории» и как в человека, жизнь которого заслуживает интереса и внимания со стороны окружающих. Для старожилов Москвы очень важна возникшая у них способность, а может быть и потребность, увидеть в новых людях новые грани «нас», «нашего» общества. И эта потребность вытекает не из абстрактного гуманизма, а из понимания того, что, чем лучше мы будем знать людей окружающих нас, тем уютней и комфортней будет наша собственная жизнь.

Тем не менее, нужно отметить те обстоятельства, изменение которых может сделать подобные проекты еще более успешными:

- При проведении мероприятий, направленных на содействие интеграции, очень значительна роль организаторов из числа сообществ мест-

ных жителей. Если мигранты вынужденно объединяются в формальные или неформальные сообщества, то местные жители зачастую с трудом обретают способность к осуществлению совместных действий. Это повышает роль местных активистов или лидеров местного самоуправления: собственников жилья, жилищных кооперативов, старших по подъездам. На них должно быть обращено местных органов власти, которые будут осуществлять интеграционные мероприятия на локальном уровне;

- Важно включать во все миграционные мероприятия непосредственных нанимателей иностранных трудовых мигрантов, поскольку они влияют на характер работы и свободного времени мигрантов. Это организации ЖКХ, строительства, торговли. Без их искреннего желания невозможно объяснить местным жителям вклад и роль мигрантов в социальном развитии Москвы в целом, и отдельного двора в частности. И без них же невозможно активно привлекать мигрантов в интеграционное взаимодействие. Учитывая, что, по разным причинам, наниматели не всегда настроены содействовать успешной интеграции своих подчиненных, представляется разумным, чтобы городские власти стимулировали их на подобную деятельность;

- Очень важно органам власти дополнять традиционные для этой сферы мероприятия праздничного и фольклорного характера другими видами активности, вовлекающими в совместную, взаимовыгодную деятельность на регулярной основе мигрантов и местных жителей. Так же важно, чтобы эти мероприятия происходили в зоне шаговой доступности и отражали бы локальные запросы людей: чтобы они были обращены не к носителям разных культур вообще, а к конкретным людям, живущим по соседству и составляющим социальный контекст каждого двора;

- Это, в свою очередь, повышает значимость прикладных локально фокусированных исследований, которые должны помогать в планировании различных практических начинаний. Не всегда речь идет о массовых социологических опросах. Важно проводить небольшие сфокусированные опросы, фокус-группы, интервью, использовать методы наблюдения за различными сообществами, анализировать пространственное распределение социальных ресурсов в каждом микро-регионе, изучать рутинную практику общественных и государственных институтов;

Успех интеграционной работы зависит от сотрудничества с различными общественными организациями — от Советов ветеранов до «диаспорных», просветительских и миротворческих гражданских объединений. В рамках подобной работы могла бы осуществляться практическая подготовка тех сотрудников государственных и общественных институтов, которые призваны реализовывать общественно значимые проекты в сфере укрепления внутреннего единства граждан. По итогам работы подготовлена брошюра с практическими рекомендациями.

С. Б. Бережкова

УСЛЫШАТЬ КРЫМСКИХ ТАТАР: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ ФАДН РОССИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

БЕРЕЖКОВА Софья Борисовна — кандидат филологических наук, советник Управления мониторинга, анализа и прогноза ФАДН России, г. Москва, Россия; sofia67@mail.ru

Аннотация. В докладе представлены качественные и количественные исследования с крымскотатарскими респондентами, инициированные ФАДН России в 2015—2016 гг в Крыму. Цель исследований — глубоко понять проблемы, волнующие крымских татар, выработать предложения по снижению уровня социальной напряженности.

Ключевые слова: социологический мониторинг межнациональных отношений, Крым, крымские татары, медиаисследования

В рамках мониторинга ситуации в зонах повышенного социального напряжения ФАДН России, в задачи которого входит обеспечение межнационального согласия и раннее предупреждение конфликтов на национальной почве, регулярно проводит исследования в Крыму. Известно, что единственной национальной группой, в большинстве своем не принявшей воссоединение Крыма с Россией, являются крымские татары, составляющие сегодня 13% населения Республики. Исследования, экспертные оценки, обращения граждан в федеральные органы исполнительной власти свидетельствуют о том, что и в настоящее время около трети крымских татар считают, что испытывают дискриминацию по отношению к себе, не чувствуют себя российскими гражданами, не видят желанья государства решать их проблемы. ФАДН России стремится глубоко понимать проблемы, волнующие крымских татар, помогать им интегрироваться в российское общество, купировать очаги социальной напряженности. Вот почему, начиная с 2015 года, осуществлено три крупных комплексных проекта, включающих в себя репрезентативные опросы, серии фокус-групп и экспертных интервью. Постоянно совершенствуется методика и технология опросов: так, в 2016 году была сформирована крымскотатарская интервьюерская сеть, впервые в Крыму были проведены опросы на планшетах, а респонденту предлагалось выбрать язык интервью — русский или крымскотатарский. В рабочую группу, возглавляемую советником Руководителя ФАДН России С. Р. Хайкиным, входят не только специалисты агентства, но также представители Инсомар, ВЦИОМ, Института социологии РАН.

Тематика исследований разнообразна. В центре внимания — восприятие крымскими татарами ситуации с республике, мнения по актуальным событиям, проблемное поле. В докладе будет более подробно рассмотрено проведенное в декабре 2016 года медиаисследование. Его цель состояла в том, чтобы наметить пути более эффективной коммуникации с крымскими татарами.

Интерес проживающих в Крыму крымских татар к информации весьма высок: в ежедневном режиме узнают новости большинство (61%), причем 30% делают это несколько раз в сутки. Наиболее активно демонстрируют интерес к информации более возрастные респонденты: 40% опрошенных в возрасте от 45 лет следят за новостями чаще одного раза в сутки.

Доступ к источникам информации обеспечивается прежде всего техническими возможностями. Наиболее высок уровень обеспеченности телевизионными приемниками (96%) и мобильными телефонами (98%).

Самым популярным источником информации для крымских татар является телевидение: 96% заявили, что у них дома есть телевизоры, а 90% — что они смотрели телевизор хотя бы раз за «последние семь дней». Почти две трети аудитории (63%) принимают сигнал через спутник, заметно меньше (43%) также смотрят обычное эфирное телевидение; 15% опрошенных пользуются услугами интернет-телевидения, а 13% — кабельного.

Три четверти опрошенных (76%) также назвали важным источником информации друзей и родственников. Родственники считаются наиболее надежным источником — им доверяют 94%, друзьям — 79%. В общественной сфере коммуникации почти нет: от религиозных деятелей и их лидеров, руководителей администрации районов, национальных организаций крымских татар и их лидеров, а также из политических партий информацию регулярно не менее раза в неделю получают до 10% опрошенных. Уровень недоверия к ним, как правило, превышает уровень доверия как минимум вдвое.

Весьма популярны так называемые «новые медиа». 63% респондентов хотя бы раз в неделю получают новости из интернета, 55% — из соцсетей, 49% используют для этого свои мобильные телефоны, 18% — мобильные приложения, 14% смотрят прямые интернет-трансляции. В целом, 78% крымских татар хотя бы раз в неделю используют те или иные «новые медиа» как источники новостей, что сравнимо с популярностью телевидения. Неудивительно, что им отдает предпочтение более молодая часть населения.

Почти вся регулярная интернет-аудитория крымских татар (99%) пользуется русскоязычным контентом; доля тех, кто также пользуется и крымскотатарским контентом, составляет 30% всей аудитории. Англоязычный контент интересуется 13% недельной аудитории, турецкоязычный — 11%.

Наиболее популярный контент в интернете — видео. Среди «недельных пользователей» интернета видеоролики за последний месяц смотрели 59 %. Поиском и чтением новостей интересуются 47 %, электронной почтой пользуются 36 %, информацией в соцсетях обмениваются 36 %, фото и видео загружают в сеть 33 % аудитории; остальные виды деятельности (прослушивание аудио, чтение и написание блогов, обмен мнениями на форумах и загрузка мобильных приложений) популярны менее чем у трети пользователей.

Другие традиционные СМИ гораздо менее популярны — лишь 28 % хотя бы раз в неделю читают газеты и журналы, а радио слушают 19 %.

В ходе исследования получены рейтинги основных СМИ; выявлена и обобщена реакция аудитории на их содержание. На базе исследования сформулированы рекомендации по повышению эффективности коммуникации с крымскими татарами через СМИ.

Е. В. Родионова

ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ: В ПОИСКАХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ЕДИНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

РОДИОНОВА Елиавета Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербургский институт истории российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия; e.v.rodionova@spbu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты¹ социологических исследований, направленных на выявление этнических установок в массовом сознании как граждан России, так и мигрантов. Для исследования была использована модифицированная шкала социальной дистанции Эмори Богардуса. На основании полученных данных были выделены три группы этнических общностей: народы-братья, народы-коллеги, народы-изгои. В группу народов-братьев вошли русские, белорусы, украинцы и евреи. К группе народов-изгоев была отнесена лишь одна этническая общность — цыгане. Результаты опроса среди мигрантов также зафиксировали значительную этнокультурную закрытость данной группы. Среди мигрантов положительные установки на установление семейных контактов присутствуют только в отношении представителей народов Средней Азии (что представляется весьма логичным, так как большинство опрошенных были гражданами этих государств) и русских, тогда как к другим этническим группам было выявлено весьма настороженное отношение. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что другие этносы рассматриваются как конкуренты на рынке труда и в борьбе за экономические блага. А установление брачных отношений с русскими рассматривается как своего рода социальный лифт.

Ключевые слова: этнический статус, этнический конфликт, этнические группы, мигранты, толерантность, этническое неравенство

Постоянное изучение межэтнических конфликтов и этнического статуса различных народов как фактора возникновения этих конфликтов, позволяет диагностировать конфликт в его латентной фазе и предпринять профилактические меры для его разрешения. На решение этой задачи

¹ * Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

направлены исследования, проводимые Институтом этнологии и антропологии РАН, Всероссийским Центром изучения общественного мнения, Центром исследования национальных конфликтов и других исследовательских организаций.

М. В. Савва отмечает, что этнический статус личности является элементом её социального статуса. «Этнический статус указывает место индивида или группы в системе межэтнических отношений на личностном и групповом уровне и в некоторой степени определяет структуру социальных связей личности. Но в еще большей степени этнический статус определяется феноменами группового сознания: самооценкой этноса в целом, различных групп и слоёв внутри этноса, а также оценкой его контактирующими этническими общностями по целому ряду критериев (другими этносами и этническими группами)» [1, с. 34]. Проблема этнического статуса различных народов всегда представляла интерес для исследователей, причём к категории этнический статус подходили с разных теоретико-методологических позиций. Прежде всего, необходимо отметить исследования посвящённые положению различных народов в иноэтнической среде, исследования этнического статуса титульного народа в сравнении с другими этническими группами, положение малых народов в полиэтничных регионах.

В декабре 2015 г. на базе Ресурсного центра интернет-исследований СПбГУ был проведен телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга, направленный на выявление этнического статуса различных этнических групп в массовом сознании. Объём выборки составил $N = 723$. Дополнительно был проведен уличный опрос мигрантов, не граждан РФ, объём выборки составил $N = 301$. Полученные данные позволяют говорить о том, что в общественных представлениях присутствует определенная иерархия народов, каждый из этносов имеет свой статус.

В группу братских народов можно включить: русских, белорусов, украинцев и евреев. Причём данные показывают, что респонденты наиболее близкими считают для себя белорусов: 81,5% — готов принять русских как близких посредством брака, а для белорусов этот параметр составил 70,7%. Для украинцев и евреев этот показатель составил 59,9% и 51% соответственно. Если анализировать данные по каждому вопросу, то мы увидим, что, не смотря на то, что украинцев готовы принять в качестве близких родственников почти 60% опрошенных, но по другим параметрам данная этническая группа уступает евреям. Так 62,4% опрошенных готовы принять евреев как личных друзей, тогда как для украинцев этот показатель составляет 58,5%.

В группу народов-коллег, к которым отношение скорее нейтральное, чем отрицательное или положительное, входят выходцы из республик

Северного Кавказа, выходцы из стран Закавказья, китайцы, выходцы из республик Средней Азии, американцы. Отнести все эти этнические группы к народам коллегам можно в силу того, что доля респондентов, готовых к сотрудничеству с ними, достаточно велика, а доля респондентов, не желающих вообще видеть их в стране, очень низка и колеблется в диапазоне от 8 до 13 %.

Единственной этнической группой по отношению, к которой респонденты высказали больше отрицательных утверждений стали цыгане. Доля респондентов, готовых принять цыган в качестве близких родственников посредством брака, составила лишь 12,5 % (для сравнения выходцев из республик Средней Азии готовы принять посредством брака 23,5 % опрошенных), тогда как 30 % опрошенных предпочли бы не видеть их в своей стране. Если сравнить данные по последнему утверждению, то мы увидим, что этот показатель почти в три раза ниже для других этнических групп, и более чем в десять-пятнадцать раз выше, чем в группе народов-братьев.

Таким образом, мы видим, что среди русских наблюдается определённая закрытость, нежелание допустить в свой ближний круг представителей другой нации. Полученные данные, с нашей точки зрения, нельзя однозначно интерпретировать как показатель этнофобии. Стремление к закрытости семейного круга мы можем увидеть и в результатах исследований Дробижевой Л. М. в Татарстане, в 1999 году 34,6 % русских и 46 % татар отрицательно относились к межнациональным бракам. Л. М. Дробижева отмечает, что в данном случае «речь идёт о стремлении сохранить свою культуру, обычаи и язык на уровне семьи». [2., С. 252]

Уличный опрос среди мигрантов также показал стремление к сохранению своей культуры и обычаев на уровне семьи в среде мигрантов. Полученные данные фиксируют различное отношение к народам. Отношение к другим этносам среди мигрантов очень настороженное, хотя к славянским народам (украинцам и белорусам) оно лучше, чем к представителям Кавказским республик и стран Закавказья. В данном случае необходимо отметить, что представители других этносов воспринимаются как конкуренты на рынке труда и в борьбе за экономические блага.

Так как более 60 % были представителями республики Средней Азии, то принять как близких родственников готовы, прежде всего, представителей этих народов, 65,8 % опрошенных готовы принять выходцев из Средней Азии в качестве близких родственников посредством брака. Второе место в этом рейтинге этносов занимают русские, 50,5 % опрошенных готовы принять их как близких родственников посредством брака. Все остальные этнические группы значительно уступают по данному показателю. Наиболее оптимальным объяснением такого отношения

к русским и готовности к межэтническим бракам среди мигрантов является тот факт, что в данном случае межэтнический брак рассматривается как своего рода социальный лифт, который позволит значительно улучшить своё социально-экономическое положение.

Список источников

1. Савва С. М. Этнический статус : Анализ социально-политического феномена. М. 1999
2. Дробижева Л. М. «Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность» М., 2002.

Ю. А. Дроздова

**ИММИГРАЦИЯ КАК ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГРАНТА РФФИ № 16-13-34011
«МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ:
СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)**

ДРОЗДОВА Юлия Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского института управления РАНХиГС, г. Волгоград, Россия; juliadrozdova@mail.ru

Среди множества научных подходов в исследовании миграции самым разработанным является экономический, рассматривающий миграцию как результат неравномерного географического распределения труда и капитала [1, с. 45]. Э. Д. Равенстейн, начавший исследование миграционных процессов, указывал, что ни одна из причин не может сравниться по размаху с теми явлениями, которые возникают из-за стремлений, присущих большинству людей «улучшить свое материальное положение» [Цит. по 1, с. 50].

Классические и неоклассические (А. Льюис, М. Пиоре и др.) макро- и микроуровневые теории причины миграции объясняют сегментацией рынков современных индустриальных обществ, рациональностью выбора, максимизацией пользы, фактором мобильности и дифференциацией заработной платы при территориальном перемещении.

Но в экономическом подходе есть существенный недостаток, — объясняя рациональные причины выбора миграции как жизненного сценария, эти теории не рассматривают мигрантов как личностей, обеспечивая представление о них как о некой статистической совокупности. На сегодняшний день существующая типология миграции, дифференциация миграционных потоков не вписывается в экономическое объяснение причинно-следственной обусловленности социальных процессов, в том числе миграционных.

На первый план в объяснении причин и феномена миграции выходит развивающийся социологический подход. Акцент в данном подходе делается на социальном содержании встроенности мигрантов в конкретный социум [2, с. 9—10]. В рамках этого подхода «миграция» понимается как территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [3]. Территориальные перемещения могут быть обусловлены различными факторами, причинами, которые

выявлялись в ходе полевого этапа комплексного социологического исследования в рамках реализации гранта РФФИ № 16—13—34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (опрос прибывшего населения, Волгоградская область, n =150, июль — август 2016 года; экспертные интервью с представителями научного сообщества и органов власти, общественных организаций, N=35, июль — ноябрь 2016 года; глубинные интервью с иммигрантами, N=15, июль — сентябрь 2016 года).

Как показало проведенное исследование, основной причиной миграции в Волгоградскую область, по мнению респондентов, является поиск работы (73,1 %), к экономическим причинам можно отнести и выбор ответа «улучшение материального положения» (47,8 %), были названы и военные действия в прежнем месте жительства (Украина) (25,5 %); 7,6 % участников опроса отметили негативное отношение к национальности мигрантов в стране исхода.

Миграцию трудовую, добровольную, по экономическим причинам можно считать на сегодняшний день основными типами миграции, но в Волгоградской области можно выявить и другие виды миграции (вынужденную, военную, условно-добровольную), что увеличивает количество миграционных рисков и усложняет региональную типологию миграции.

В глубинных интервью информантами наиболее распространенными причинами миграции были названы: «отсутствие перспектив на своей Родине (работы, качественного образования, инфраструктуры)»; «переезд в связи с военными действиями на предыдущем месте жительства», что подтвердило гипотезу — следствие нашего исследования о том, что недостаточность рабочих мест, низкое качество жизни, необеспеченность жильем, отсутствие перспектив для получения качественного образования, медицинского обслуживания вызывают недовольство населения, выбирающего миграцию как жизненную стратегию.

Стоит отметить, что информанты — иммигранты также, несмотря на сложности, с которыми им приходилось сталкиваться при поиске жилья, работы в Волгоградском регионе, спустя определенное время, обустроились и заняли свою нишу, чувствуя себя в ней уверенно: «...Сам искал, сам заинтересовался этим, Интернет даёт возможности — я ими воспользовался. Это было самообразование, работаю на себя...можно сказать, как предприниматель» (мигрант № 9 из Тындинского района, мужчина); «В основном занимаюсь бахчеводством, плантацией. Как переехали, так занимаемся этим. Чем у себя занимались, тем и здесь. Не..., никто не помогает. Сами...» (мигрант № 11, мужчина, из Таджикистана).

Проведенное исследование подтвердило одну из гипотез — следствие о том, что мигранты — люди, обладающие более активной жизненной

позицией, готовые терпеть временные трудности ради перспектив и лучших возможностей, открывающихся перед ними по сравнению с жизнью в стране исхода. Об этом говорила в своем интервью и О. Д. Воробьева, эксперт гранта, доктор экономических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра социально-экономических проблем народонаселения МПСУ: «У всех мигрантов, есть одна замечательная черта, они — очень энергичные и инициативные. Все. Эмигранты, которые, очертя голову, едут в неизвестность. Знаете, инертные люди дома сидят. И они энергичные не только в том, что переехали. Они совершенно по-другому себя позиционируют. Они совершенно по-другому себя ведут. Их дети по-другому себя ведут. Их дети по-другому учатся. Они стремятся. У них целеполагание гораздо серьезнее, чем у детей, у которых все есть».

Ярким примером, иллюстрирующим социальные характеристики мигрантов, является образовательная миграция, являющаяся жизненным сценарием для молодежи с её пространственной мобильностью. Образовательные мигранты обладают высокой коммуникативной компетентностью и, безусловно, более привлекательны для принимающего сообщества, чем остальные мигранты, так как могут оказать положительное влияние на развитие региона или страны. Согласно информации УФМС России по Волгоградской области за 2015 года на учебу в регион приехало около 3749 зарубежных студентов, что составляет 4,5% от иммигрантов [4], что также косвенно свидетельствует о средней привлекательности Волгоградской области как образовательного центра.

Какими бы не были индивидуальные жизненные стратегии и характеристики прибывающего населения, большинство информантов и респондентов, принявших участие в исследовании, говорили о своей готовности выстраивать солидарные отношения с принимающим населением, по возможности адаптироваться и интегрироваться в страну, регион — реципиент, даже если для некоторых из участников опроса это является только декларативными намерениями и, безусловно, не свойственно сезонной, маятниковой миграции.

Так, 93% участвующих в опросе студентов — иностранцев одного из вузов Волгограда в вопросе по методике Ч. Кули об идентификационных соотношениях себя с определенной социальной группой среди других идентичностей выбрали региональную идентичность, соотнеся себя с жителями Волгоградской области. Региональная идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам, как принимающего населения, так и иммигрантов, и поэтому её формирование является важным этапом жизненного сценария иммигрантов.

Рассмотрение иммиграции как жизненного сценария, в основе которого находятся разнообразные мотивы, причины, не только основные —

экономические, но и индивидуальные траектории: «рекреационные цели, ... не на заработок, ... миграция — это приключение, испытание своих сил, возможностей, новая жизнь, надежды на лучшее будущее. Люди любопытны, хотят поменять культуру в широком смысле слова, как некий прорыв» (эксперт, ИС РАН, Москва), — позволяет сформировать новые подходы в исследовании миграции, признать её как изменившийся социальный факт, свидетельствующий о трансформации мира и общества. Новое осмысление причин миграции позволит совершенствовать миграционную политику и через понимание адаптационных и интеграционных индивидуальных жизненных стратегий способствовать переходу во взаимодействия принимающего населения и иммигрантов от толерантности к солидарным отношениям.

Список источников

1. Аранго Х. Объяснения миграции: критический обзор // Международный журнал социальных наук. 2001.
2. Этнические мигранты в принимающем обществе / под ред. В. Н. Петрова. Краснодар : Изд-во «Просвещение-Юг», 2005.
3. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. М. : Изд-во «Эконом-Информ», 2016.
4. Гладков Е. С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год. Волгоград : Архив Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, 2015.

А. М. Астахов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СМИ АСТРАХАНСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

АСТАХОВ Александр Михайлович — кандидат социологических наук, руководитель аналитического отдела ООО «Агентство информационно-социологических технологий», г. Ростов-на-Дону, Россия; tu87-11@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме представления национального вопроса в СМИ Ростовской и Астраханской областей. На основании проведённого в 2016 году исследования выделяются тематические блоки, анализируются информационные поводы, контекст высказываний. В работе подтверждаются сделанные в более ранних исследованиях тезисы о наличии общих тем, которые присутствуют в СМИ субъектов, таких как формирование позитивных и дружеских межэтнических взаимодействий, освещение практик противодействия экстремизму. Выявляются потенциально опасные тенденции: наличие значительного числа публикаций, с указанием национальности правонарушителя; наличие материалов в которых затрагиваются дискуссионные вопросы истории казачества; публикации с описанием правонарушений граждан Украины и др.

Ключевые слова: СМИ, контент-анализ, межэтнические отношения, гармонизация межэтнических взаимодействий, экстремизм.

Вопрос межнационального согласия, без преувеличения можно назвать одним из наиболее важных для сохранения России как государства. Для Юга страны этот вопрос имеет особое значение, учитывая историю формирования региона, его сложный национально-этнический состав.

Данную специфику неоднократно подчёркивали политики, эксперты, исследователи. Высокая значимость этой проблемы нашла отражение в многочисленных исследованиях проводимыми социологами, политологами, и др. [1]. В данной работе проблема рассматривается, через призму одного из важнейших инструментов формирования общественного мнения, — СМИ.

Исследование было проведено в 2016 году, на основании анализа прессы Ростовской (16 изданий) и Астраханской области (6 изданий), и является продолжением более ранних работ 2014, 2015 годов [2], с незначительными изменениями. Подбор изданий был осуществлён на основании принципов репрезентативности. Для поиска и анализа публикаций применялись методики качественного и количественного контент анализа.

Первичная выборка публикаций основывалась на присутствии в тексте слов индикаторов. На основании выработанных критериев (проблема межнациональных взаимоотношений отдельных национальностей, находится в центре внимания публикации; более 1/3 публикации, посвящено данной проблеме и т. д.) из первичной выборки была сформирована группа публикаций, непосредственно участвовавшая в исследовании. В дальнейшем анализ происходил, основываясь на выявлении тематических блоков, информационных поводов, контекста сообщений, публикаций.

Краткое описание выборки. Общее количество публикаций первичной выборки составило 11285. Значимых публикаций 3200, что составляет примерно 28.3% от общего числа публикаций выборки. В Ростовской Области 9060 первичной выборки и 2186 вторичной. В Астраханской 2225 и 1014 соответственно. Распределение публикаций по тематическим блокам представлено в Таблице 1 (Тематические блоки с количеством публикаций более 30.).

Таблица 1

Регион	Тематический блок	Количество публикаций	% от общего количества публикаций по региону
Астраханская Область			
	Формирование бесконфликтной среды	88	8,6%
	Межнациональное и межрегиональное сотрудничество	76	7,4%
	Противодействие экстремизму	51	5%
	Казачество	42	4,1%
	Преступления граждан с заявленной (в публикации) национальностью	37	3,6%
	Миграция и иммиграция	30	2,9%
Общее		1014	100%
Ростовская Область			
	Казачество	269	12,3%
	Формирование бесконфликтной среды	171	7,8%
	Ситуация на Украине и её влияние на жизнь региона	148	6,8%
	Противодействие экстремизму	78	3,6%
Общее		2186	100%

Была выявлена общая для двух областей группа тематических блоков «Формирование бесконфликтной среды» и «Противодействие экстремизму».

В публикациях, которые были в них включены, фактически отражаются усилия различных уровней и ветвей власти в формировании межнационального мира и согласия, противодействию радикальным течениям. Так же, велика роль правоохранительных органов, национальных объединений, общественных организаций. Основными информационными поводами стали: организации массовых мероприятий, специальные программы силовых органов, деятельность СМИ.

В отношении противодействия распространению экстремистских идей можно выделить два компонента. Первый, описание борьбы с представителями ИГИЛ, «кавказских» и «украинских» террористов, анализ их активности, профилактические мероприятия, суды и аресты. При этом если в РО, вследствие наличия специальных институтов, публикации ориентировались в основном на судах над обвиняемыми и преступниками, то в астраханских СМИ большее внимание уделяется материалам, посвящённым противодействию вербовки граждан России, участию жителей астраханской области в незаконных вооружённых формированиях. Второй компонент борьба против «бытового экстремизма» — в основном преследование авторов и распространителей музыки, книг, изображений «постов» в сети интернет.

Так же можно отметить наличие регионального компонента, — тематических блоков присущих каждой области.

Астраханская Область. «Межнациональное и межрегиональное сотрудничество». В СМИ Астраханской области достаточно чётко видна позиция власти по отношению к месту, которое должен занимать регион.

Публикации, описывающие усилия по позиционированию области в качестве одного из центров Каспийского региона, присутствуют в каждом месяце. Описывается организация конференций, — культурных, языковых, научных, экономических, политических, посещение губернатором руководителей регионов соседних стран, политических лидеров. Данная специфика оказывает влияние и на сферу межнациональных отношений, формируя образ области как регион межнационального согласия, форпост России, русского языка и культуры.

Зафиксированы публикации с прямым указанием национальности преступника. В основном они касались преступлений связанных с браконьерством, совершением хулиганских действия, мошенничества. Можно отметить наличие публикаций, где национальная принадлежность преступника не озвучена, но контекст позволяет предположить к какой этнической группе он относится.

В прессе **Ростовской области** центральной темой является казачество. В центре внимания находится социальная активность представителей казачества, участие в массовых мероприятиях, культурных и исторических событиях, возрождение казачества, открытие новых учебных заведений. Активно освещались участие в правоохранительной деятельности, в качестве дружинников, охранников. Анализировался туристический потенциал области в контексте этно-туризма. Были выявлены публикации акцентирующие внимание на историческом прошлом казачества, участие во второй мировой войне, первой мировой, гражданской, жизни в иммиграции. Стоит отметить наличие публикаций потенциально способных вызвать дискуссию в обществе, в частности публикации касающиеся деятельности белого движения, вопросы наличия музея, памятника атаману Краснову.

Больше влияние на жизнь региона продолжает оказывать события на Украине. В 2016 году практически разрешился вопрос беженцев. Частично закрыты пункты приёма, решены вопросы компенсацией, финансирования. Большой интерес СМИ вызвали уголовные дела и судебные процессы против граждан Украины, обвинённых в военных преступлениях («дело Савченко»). Значимым информационным поводом становится вопрос правонарушений, совершёнными гражданами Украины. Самыми распространёнными становятся нарушения, связанные с пересечением границы, а именно незаконный ввоз товаров и продуктов, сигарет, текстильной продукции, боеприпасов. Зафиксированы правонарушения, связанные с участием граждан Украины в наркоторговле.

Межнациональные конфликты. В СМИ данных областей имело место минимальное количество сообщений, где затрагивались ситуации, которые можно интерпретировать как межнациональные конфликты. События, в которых данные конфликты можно выявить, в дальнейшем «расшифровывались», с помощью сообщений силовых органов, журналов, чиновников, как бытовые.

В ходе исследования получили подтверждения тезисы, заявленные по итогам работы 2016 года, в частности: «Основной целью, которая в неявном виде структурирует освещение событий в сфере межэтнических отношений во всех рассматриваемых регионах, является конструирование позитивных и дружеских межэтнических взаимодействий» [2].

Для областей характерно наличие центрального тематического блока, определяющего общую информационную картину. Для Ростовской области это казачество, для Астрахани международная и межгосударственная роль области как одного из лидеров Каспийского региона. Эти блоки раскрываются, в том числе в сфере межнациональных взаимоотношений.

Вместе с тем выделены тенденции потенциально опасные для мирного сосуществования граждан:

- Сообщений о преступлениях, совершённых гражданами Украины (Ростовская Область).
- Большое количество публикаций о «бытовом экстремизме» в сети интернет.
- Материалы с указанием национальности преступника.
- Зафиксированные спорные вопросы истории казачества, что учитывая общую политику, направленную на поддержку казачества, вызывает особое опасение.

Список источников

1. Межнациональное согласие в региональном контексте. Информационно-аналитический бюллетень. ИНАП № 2-2015 [Электронный ресурс] / рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижеева. М. : Институт социологии РАН, 2015.
2. Денисова А. В., Астахов А. М. Роль региональных СМИ в конструировании межэтнических отношений: по материалам мониторинга прессы южно-российских регионов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 8-92016.

В. Н. Муха

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОСТИ САМОСОЗНАНИЯ ЭТНОСА: НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

МУХА Виктория Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия; v.mukha@bk.ru

Аннотация. Этническая идентичность является мотивационно-когнитивным ядром самосознания этноса, именно она влияет на внутригрупповые и межгрупповые взаимодействия, а также выступает наглядным индикатором состояния межэтнических отношений и показателем этномобилизационных процессов. На основе сравнительного анализа эмпирических данных за 2005, 2012 и 2016 гг. представлены общие показатели этнической идентичности русского населения Краснодарского края. Определено, что преобладающим типом этнической идентичности русского населения за рассматриваемый период является идентичность по типу «нормы». Выявлено, что при доминировании этноидентичности по типу нормы для обоих полов, этноизоляционные тенденции в большей степени характерны для женщин, этноцентрические — для мужчин, несколько выше количество респондентов с этноцентрическим типом в группе 18—25 лет. Преобладающим типом этнической идентичности русского населения края является позитивная этноидентичность, выступая своеобразным гарантом поддержания стабильных межнациональных отношений в крае, устойчивости самосознания русского этноса. Сделан вывод, что анализ изменений этнической идентичности выступает значимым, но не единственным индикатором состояния самосознания этнического сообщества, и только в комплексе с другими инструментами позволяет выстраивать прогнозные оценки.

Ключевые слова: Этническая идентичность, самосознание этноса, полиэтничный регион

Этническая идентичность является мотивационно-когнитивным ядром самосознания этноса, именно она влияет на внутригрупповые и межгрупповые взаимодействия, а также выступает наглядным индикатором состояния межэтнических отношений и показателем этномобилизационных процессов [1, с. 104]. Устойчивость идентичности, ее позитивное наполнение свидетельствуют о готовности к конструктивному межэтни-

ческому сотрудничеству и стабильности полиэтничного социума, тогда как гипертрофированность этнической идентичности зачастую говорит о наличии конфликтного потенциала и напряженности в отношениях между этносами, в свою очередь размытость и неопределенность могут выступать показателем ассимиляционных процессов.

Обратимся к анализу изменений происходивших в системе социальной идентичности русского населения Краснодарского края на основе сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в ходе реализации трех проектов: проект РГНФ № 04—03—38013а/Ю «Особенности этнического самосознания русских в полиэтничном регионе» (выборка 1200 человек, русские — 1200 человек), 2004—2005 гг., проект РГНФ, № 12—23—01000 а(м) «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России» [2,] (общая выборка 1200 человек, русские — 1090 человек) 2012—2013 гг., и проект РГНФ № 15—23—01005 а (м) «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» (выборка общая 1317, русские — 1122 человека) (2015—2016 г).

Важным представлялось рассмотреть соотношение государственно-гражданской, этнической и региональной идентичности. Выявлена следующая тенденция: за 11 лет данное соотношение существенно изменилось, так если в 2005 году этническая идентичность в данном соотношении доминировала, то к настоящему времени этническое самоопределение уступает общегосударственному и региональному (таб. 1).

Таблица 1. Соотношение типов идентичности, %

	Прежде всего			В определенной степени			Совсем не чувствую		
	2005	2012	2016	2005	2012	2016	2005	2012	2016
Житель Краснодарского края	59,8	61,1	74,3	29,7	32,6	20,8	10,6	6,3	4,9
Гражданин России	69,2	72,9	79,1	22,3	23,6	16,2	8,5	3,5	3,4
Представитель определенной национальности/ этнической группы	75,6	73,9	72,1	18,7	21	20,7	5,7	5,1	4,3

В целом, обозначенная тенденция соотносится с данными общероссийских опросов, которые фиксируют в российских регионах выход на первое место государственно-гражданской идентичности.

Так же в опросный лист включался блок вопрос, ориентированный непосредственно на выявление типа этнической идентичности (использовалась модификация методики «Типы этнической идентичности» Солдатовой Г. У., Рыжовой С. В). Вот как выглядит соотношение разных типов этнической идентичности (табл. 2)

Таблица 2. *Типы этнической идентичности, %*

Тип этнической идентичности	2005	2012	2016
Идентичность по типу нормы	67	64	65
Этноэгоизм	12	9	11
Этноизоляционизм	8	11	9
Этническая индифферентность	7	9	8
Этнофанатизм	4	5	5
Этнонигилизм	2	2	2
Всего	100	100	100

Преобладающим типом этнической идентичности русского населения за рассматриваемый период была идентичность по типу «нормы». В полиэтнической среде данный тип этноидентичности обеспечивает стабильно существование собственного этноса и позволяет толерантно относиться к другим этническим группам. Следующим по распространенности следует гиперидентичность в таких формах как этноэгоизм, который может быть выражен по-разному: от безобидных формулировок «наш народ», до проявления раздражения в общении с представителями других этнических групп и этноизоляционизм, который проявляется уже в стремлении обеспечить «чистоту» этноса, являясь разновидностью ксенофобии. Крайняя форма, признающая интересы и права народа превыше прав личности — этнофанатизм выражена у незначительной части респондентов. Респондентов либо отрицающих, либо демонстрирующих равнодушие к своей этнической принадлежности немного (9% в 2016 г.). Этническая индифферентность, связанная с неопределенностью этнической принадлежности, безразличием к этническому фактору в социальной жизни индивида, выражена у 7% в 2005 г. и у 9% опрошенных в 2012 г., 8% в 2016 г. Этнонигилизм, при котором индивид отходит от собственной этничности и ищет другие идентификационные критерии, выражен только у 2% опрошенных, стабильность показателей, свидетельствует об устойчивости данной категории респондентов.

Выявлены значимые различия между результатами мужчин и женщин, так если в группе респондентов, демонстрирующих этноидентичность по типу нормы соотношение мужчин и женщин примерно одинаковое

(48% и 52% соответственно), то по остальным типам такой согласованности ответов не фиксируется. Так в группах с типом этноидентичности «этнонигилизм» (66% женщины и 34% мужчины) и «этническая индифферентность» (57% женщины и 43% мужчины), то в большей степени присутствуют женщины, тогда как в группах «этнозоизм», «этноизоляционизм» и «этнофанатизм» преобладают мужчины. Таким образом, при доминировании этноидентичности по типу нормы для обоих полов, этноизоляционные тенденции в большей степени характерны для женщин, этноцентрические — для мужчин. Существенных отличий в разных возрастных группах не было выявлено, но несколько выше количество респондентов с этноцентрическим типом в группе 18—25 лет (на 2—5% по сравнению с другими группами).

Отметим, что равновесие позитивной этноидентичности, гиперидентичности и гипоидентичности (этнонигилизм) обеспечивают самоорганизацию мотивационно-когнитивного ядра самосознания этноса. Гиперидентичность в крайних формах и этнический нигилизм ведут к росту энтропии: в случае с доминированием гипоидентичности идет расшатывание основ самосознания и угроза отчуждения от этнических основ, тогда как преобладание гиперидентичности — чревато потерей этнокультурного разнообразия общества, закрытости системы, изоляционизму. Преобладающим типом этнической идентичности русского населения края является позитивная этноидентичность, выступая своеобразным гарантом сохранения, и поддержания стабильных межнациональных отношений в крае, устойчивости самосознания русского этноса. В определенной степени это обусловлено как численным доминированием русских в этносоставе населения края, так и действиями властей в сфере гармонизации межэтнических отношений в крае [1, с. 105]. Так с 2005 года начала реализовываться целевая краевая программа по гармонизации межнациональных отношений, кроме того существенно уменьшилась интолерантная риторика официальных лиц и краевых СМИ, поскольку это наносило ущерб имиджу и инвестиционной привлекательности региона.

Безусловно, анализ изменений этнической идентичности выступает значимым, но не единственным индикатором состояния как самого этнического сообщества и его самосознания, так и процессов межэтнического взаимодействия, и только в комплексе с другими инструментами позволяет выстраивать прогнозные оценки.

Список источников

1. Муха В. Н. Русский этнос в полиэтнической среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. Краснодар, 2014.

Л. Н. Панкова, М. В. Паутова

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ. MAIN TRENDS IN ANALYSIS OF ETHNOCULTURAL INTERACTIONS IN THE ETHNOZOOLOGY

ПАНКОВА Людмила Николаевна — доктор философских наук, профессор, ПСТГУ, г. Москва, Россия; pankovaln@mail.ru

ПАУТОВА Марианна Владимировна — кандидат политических наук, доцент, ПСТГУ, г. Москва, Россия; mpautova@mail.ru

Аннотация. В современном глобальном мире происходит усиление влияния глобальных рисков и глобальных экономик. Экономическое развитие становится зависимым от внешних факторов. Все более актуальной становится проблема реструктуризации жизнеобеспечения этнических систем. Первый аспект этой проблемы связан с сохранением в структуре мировой экономики «этнизированных компонентов». Второй аспект связан с необходимостью интеграции в мировое хозяйство «хозяйственно-культурных типов», которые, за редким исключением, не конкурентоспособны. Третий аспект проблемы связан с разрушением природных ландшафтов. Техногенный мир нарушает механизмы саморегуляции биоценозов, видоизменяя природную среду этнических систем. Четвёртый аспект проблемы связан с радикальными изменениями типов поселений, архитектурными инновациями, предпочтениями в системе питания и т. д. Пятый аспект проблемы связан с экономической интеграцией, укрупнением миграционных потоков и изменением существующих этнических границ, что приносит специфику в современную этносоциологию. Интеграционные процессы глобализации обуславливают важность решения проблемы этнокультурных коммуникаций.

Ключевые слова: этносоциология, культура, антропология, этнокультурное взаимодействие, межкультурные коммуникации, этнология, ethnosociology, culture, anthropology, ethnocultural interaction, intercultural, communications, ethnology

В типологии изучения этнокультурных взаимодействий, по определению К. Харта, возможно выделить следующие подходы: традиционный, интерпретативный, критический, интегрированный.

В глобальном сообществе обретают второе рождение идеи культурного релятивизма, сформулированные известным американским ученым У. Соммером. Главная его идея состоит, как известно, в признании равноправия культурных ценностей, созданных и создаваемых разными народами. Принцип культурного релятивизма исходит из уважения и толерантности к нормам, ценностям, традициям иных культур.

Актуальным представляется три методологических подхода к изучению этнокультурного взаимодействия: функциональный, объяснительный и критический.

Любой процесс межкультурной коммуникации может быть охарактеризован культурным взаимопринятием, культурным взаимопониманием.

Взаимодействие культур необходимо для прогресса человечества. Известный российский ученый С. А. Арутюнов выделил четыре варианта результата этнических процессов контактирующих этносов:

- прибавление — результат освоения этносом сторон культуры иных этносов;
- усложнение — качественное изменение культуры этноса под влиянием более богатой и зрелой культуры;
- убавление — потеря некоторых традиционных форм культуры в результате контакта с более развитой культурой;
- объединение (эрозия) — постепенное исчезновение этнической культуры вследствие изменения условий жизни и глобализации.

В анализе современных этнокультурных коммуникаций необходимо учитывать влияние коммуникативных, психологических и культурных факторов.

В современном глобальном мире происходит усиление влияния глобальных рисков и глобальных экономик. Экономическое развитие становится зависимым от внешних факторов. Все более актуальной становится проблема реструктуризации жизнеобеспечения этнических систем. Первый аспект этой проблемы связан с сохранением в структуре мировой экономики «этнизированных компонентов». Второй аспект связан с необходимостью интеграции в мировое хозяйство «хозяйственно-культурных типов», которые, за редким исключением, не конкурентоспособны. Третий аспект проблемы связан с разрушением природных ландшафтов. Техногенный мир нарушает механизмы саморегуляции биоценозов, видоизменяя природную среду этнических систем. Четвёртый аспект проблемы связан с радикальными изменениями типов поселений, архитектурными инновациями, предпочтениями в системе питания и т. д. Пятый аспект проблемы связан с экономической интеграцией, укрупнением миграционных потоков и изменением существующих этнических границ.

Многокультурность выражается в множественности экономических моделей и совместной хозяйственной деятельности представителей разных стран. Использование таких ее ресурсов, как предрасположенность к бизнесу представителей определенных диаспор, принадлежность экономических агентов к одной культуре и синергетика компетенций носителей разного менталитета, благоприятствует повышению динамизма и устойчивости экономики.

Интеграционные процессы глобализации обуславливают важность решения проблемы этнокультурных коммуникаций в региональном аспекте. В данном контексте возрастает роль понимания стереотипов в этнокультурных коммуникациях. Формирование и усвоение стереотипов происходит различными путями. Они усваиваются в результате процессов социализации и инкультурации, личных контактов, под воздействием СМИ. Как известно, различаются групповые, профессиональные, этнические, возрастные и иные стереотипы. Наряду со стереотипами поведения, существуют и стереотипы восприятия.

Преодоление стереотипов и формирование адекватных представлений (и поведения) зависит во многом от межкультурных взаимодействий и их интенсивности в глобальном сообществе. Последовательность преодоления стереотипов поведения и восприятия коммуникаций возможно проанализировать на основе модели развития межкультурной восприимчивости Милтона Беннета (DMIS — Development Model of Intercultural Sensivity). Процесс восприятия этнокультурной сферы может быть разделен на два этапа: этноцентристский и этнорелятивистский.

Стереотипы восприятия могут носить и конструктивный характер. Это возможно в следующих случаях: если стереотипы являются описательными, а не оценочными; если стереотипы точны и представляют лишь косвенные знания об этнической группе; если стереотипы модифицированы.

Региональная идентичность, осознание себя в границах регионального сообщества — важный элемент идентификации. Формирование положительного образа регионов — актуальная задача для стабильного развития России.

Список источников

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment // *Journal of Modern African Studies*. 1973.
3. Sumner W. *Folkways*. New-York: Dover, Inc., 1959.
4. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. *Measuring Cultural Diversity and its Impact on Innovation*. Norface Migration DP, 2013.

5. Brunow S., Trax M., Suedekum J. Cultural Diversity and Plant-Level Productivity. Norface Migration DP, 2012.
6. Montalvo J., Reynal-Querol M. Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars. The American Economic Review. 2015.
7. Bennett M. J. (2004). Becoming interculturally competent. In J. S. Wurzel (Ed.) Toward multiculturalism: A reader in multicultural education. Newton, MA: Intercultural Resource Corporation. (Originally published in The diversity symposium proceedings: An interim step toward a conceptual framework for the practice of diversity. Waltham, MA: Bentley College, 2002).

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков, Э. Б. Гаязова, С. А. Алексеев

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗИНУРОВА Раушания Ильшатовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, ФГБОУ ВО «КНИТУ», г. Казань, Россия; rushazi@rambler.ru

ТУЗИКОВ Андрей Римович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, КНИТУ, г. Казань, Россия; atuzikov@rambler.ru

ГАЯЗОВА Эльвира Баязитовна — кандидат социологических наук, заведующая лабораторией «Инновации в подготовке кадров по приоритетным направлениям развития», доцент кафедры Менеджмента и предпринимательской деятельности, ФГБОУ ВО «КНИТУ», г. Казань, Россия; starella@rambler.ru

АЛЕКСЕЕВ С. А. — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, ФГБОУ ВО «КНИТУ», г. Казань, Россия; alekseyev75@mail.ru

Аннотация. В последнее десятилетие многие отечественные и зарубежные исследователи все чаще обращаются к вопросу сложносоставности, многоуровневости структуры идентичности, ее функционального и деструктивного характера на фоне разнообразия квазиидентичностей, господства псевдоценностей и метанестабильности во всех сферах. Может ли «Я-идентичность» формироваться вне влияния конкретного, локального социально-исторического и социокультурного пространства? Так ли важна коллективная идентификация для человека на позитивной стадии интеллектуального развития, на такой как метафизическая или теологическая? Что актуализирует противопоставление ин- и аут- групп, дихотомии «свой» — «чужой», «мы» — «они» как оппозицию доминирования и маргинальности? Что является эталоном поведения современного инфантилизованного общества в век виртуализации культуры? В нашей трактовке¹ идентификации представляют собой феномен, то есть нечто возникающее в контексте социального взаимодействия и имеющее веер конфигураций. Авторами были проведены фокус-группы по проблемам формирования идентичностей в молодежной среде.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00303 «Конфигурация новой российской идентичности молодежи: тенденции и региональная специфика».

Ключевые слова: идентичность, идеология, типы идентичности, социокультурные аспекты идентичности, множественная (плавающая) идентичность, конфигурация идентичности

Изучение феномена социальной идентичности личности интересовало исследователей разных научных направлений в течение длительного времени, что помогло накопить значительный информационный капитал знаний по данной тематике. Вместе с тем смена культурно-исторических эпох, впоследствии приводившая к смене научных парадигм, обуславливала необходимость рассматривать проблемное поле социальной идентичности индивида в изменяющихся контекстах, таких как культурно-исторический, научный. Вслед за учеными авторский коллектив провел исследование по проблемам определения конфигурации идентичностей молодежи на современном этапе развития России и мира.

Авторами были проведены фокус-группы по проблемам формирования идентичностей в молодежной среде. В случае нашего исследования для фокус-группы были отобраны молодые люди (в основном студенческая молодежь). Модератором были определены три сферы проявления идентичностей молодежи — гражданская, социально-профессиональная и потребительская (кибер). В целях нашего исследования метод фокус-групп актуализируется из-за того, что участники формировали социальную реальность и, даже не отдавая себе отчета в этом, определили наиболее важные идентичности как для самих себя, так и для всей молодежи России. Авторским коллективом в рамках исследования было проведено несколько фокус-групп в Кирове и Кировской области, Республике Башкортостан и Республике Татарстан.

Анализ группового интервью методом фокус-группы показал видение идентичностей российской молодежи. По мнению молодежи, российские молодые люди в одинаковой степени облают и социально-профессиональными, и потребительскими идентичностями. Вопросы по поводу социально-профессиональной идентичности молодежи не возникает: почти все респонденты указывают, что молодые люди либо студенты, либо где-то работают и имеют множество амбиций и далеко идущие планы. Поэтому наличие главной идентичности в области социального и профессионального статуса у людей, только начинающих свой путь, объяснимо. Вопрос возникает с идентичностью в сфере потребления. Сюда же в рамках методологии нашего исследования мы причисляем понятие «кибер-идентичность», так как интернет с его социальными сетями, покупками и вообще с сетевой реальностью становится неотъемлемой частью жизни молодых людей.

Выявлена тенденция к проявлению низкой идентификации в гражданской сфере. Из того небольшого количества самоидентификации в гражданской сфере можно выделить следующие мысли респондентов: «я — башкир» или «я — россиянин», или же «я армянин, соответственно я христианин»; «гражданин России, патриот». Причем позиция гражданка Российской Федерации превалирует над региональными, этническими, религиозными позициями. Интересно рассмотреть причины выбора такой идентичности. Довольно важным моментом по результатам проведенных фокус-групп стало то, что в независимости от того, какую наиболее важную идентичность для самих себя указали молодые люди, ни один из респондентов не смог назвать сферу или приложение жизнедеятельности, где она могла бы ему помешать. Из этого можно сделать вывод о том, что, несмотря на небольшое количество гражданских самоидентификаций в молодежной среде, эти идентичности выступают осознанными и позитивно оцениваемыми. Примерно четверть респондентов фокус-групп при вопросе модератора о дополнительных идентичностях определили их в зоне гражданской.

Этническая и религиозная идентичности в некоторых случаях уже назывались респондентами в качестве основных или дополнительных идентичностей. Но также мы получили ряд интересных заявлений по этому поводу в ходе работы фокус-групп: «именно на религиозных и на этнических идентичностях у нас строится духовное развитие каждого человека»; «Люди чаще всего определяют себя через эту идентичность» и проч.

Результаты фокус-групп свидетельствуют о тенденции современной идентичности молодежи: молодежь считает важным осознание своей национальности, религии, места проживания и гражданственности, но политическую жизнь она не рассматривает как что-то важное или зависящее от нее.

Очень интересна точка зрения молодежи касательно вопросов потребления. Молодежь понимает, что сегодня потребительство очень распространено, однако часто делают подобные следующим высказываниям выводы: «Если видишь человека, одевающегося в дорогих магазинах, на крутой машине, можно сказать, что у него статус, должность и т.д. Но! Не всегда так (он может быть завален кредитами и жить в бедном районе)»; «Потребление свойственно каждому человеку в той или иной сфере. Отношусь скорее отрицательно, поскольку большинство людей нацелено на потребление, а не на то, чтобы производить. Поэтому считаю, что современная идеология должна настраивать современную молодежь на производство» и проч. Более половины всех респондентов по результатам фокус-групп относятся негативно к идеологии потребления и не считают себя сторонниками и участниками групп, пропаган-

дирующих данные ценности, но к представителям подобных групп все молодые люди относятся нейтрально.

Таким образом, авторские исследования выявили возможные конфигурации идентичностей молодежи современной России, которые позволяют определить дальнейший вектор развития государственной молодежной политики в России и мероприятия, необходимые для оптимальной идентичности молодежи в целях развития страны.

А. А. Пустарнакова**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: ГДЕ ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА?**

ПУСТАРНАКОВА Анна Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального университета им. академика С. П. Королева, г. Самара, Россия; apustarnakova@gmail.com

Аннотация. Вопрос о конструировании национальной идеи России в условиях современности, несмотря на процессы глобализации и распространение западных стандартов и ценностей, сохраняет свою актуальность. При этом, национальная идея может рассматриваться с нескольких позиций: как социальный конструкт, как политический проект, как основа для объединения граждан в единую нацию, как инновационное развитие, патриотизм. Нередко в российской практике патриотизм сводится к приверженности именно русскому народу, русской культуре и православию. Возникает вопрос: рассматривая русскую культуру и православие как составляющие национальной идеи России, не переходим ли мы границу? Зачем нарушать баланс, пытаться заменить гражданскую идентичность русской и православной? Где та золотая середина в концептуализации понятия «национальная идея» в научном поле и практическом применении, которая позволит российскому народу превратиться в единую нацию со своим стержнем? Этот вопрос пока, к сожалению, не получил однозначного ответа, а значит тема остается актуальной для дискуссии и дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова: национальная идея России, российская нация, патриотизм

Вопрос о конструировании национальной идеи России в условиях современности, несмотря на процессы глобализации и распространение западных стандартов и ценностей, сохраняет свою важность и актуальность. В начале прошлого столетия этот вопрос активно обсуждался в философском поле, предлагались оригинальные идеи о том, что же должно стать сердцем русской (российской) нации.

Сегодня, после распада СССР, Россия формирует новую идеологию и национальная идея — это попытка объединить граждан в нечто единое, создать общую мотивацию, ценности и основы для налаживания конструктивного диалога в различных сферах жизни — семейной, профессиональной, культурной, политической, экономической и т. д. Кроме того,

национальная идея — это способ обособиться от западных и восточных соседей, от их влияния, это некий способ идеологической защиты.

При этом, национальная идея может рассматриваться с нескольких позиций: как социальный конструкт, как политический проект, как основа для объединения граждан в единую нацию, и этот список можно продолжить.

Довольно длительное время попытки найти национальную идею витали в воздухе, высказывались различными известными деятелями, политиками, журналистами, артистами, с одной стороны, и с другой стороны — обычными гражданами, которые по-своему преломляли все эти «сообщения» и давали свой «ответ» в виде одобрения, критики, протеста или поддержки.

У социальных исследователей существует свой взгляд на сущность национальной идеи России. Они отмечают, что «национальная идея России является чрезвычайно интересным объектом исследований» [1]. Само словосочетание «национальная идея России» предполагает именно гражданское понимание слова «нация» и движение государства вперед в глобальном мире, ее инновационное развитие, объединение всех граждан, как русских, так и представителей всех других этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, в единое целое.

При этом на уровне официальной власти появилась вполне четкая позиция о том, что национальная идея — это «патриотизм». Патриотизм как идеология не должен быть привязан к какой-то этнической группе или религии. Однако, если продолжить рассматривать этот подход, то в российской практике патриотизм часто сводится к приверженности именно русскому народу и русской культуре. Достаточно часто, даже в научном дискурсе, мы можем встретить приравнивание национальной идеи к русской идее. И здесь в качестве факторов национальной идеи могут рассматриваться и «русский национализм», и православие. Например, А. В. Митрофанова анализирует идеологию политического православия в ее различных вариантах и рассуждает о перспективах православного национального проекта в России. Она считает, что «возможность появления в России национальной идеологии, основанной на православии» вполне реальна; нынешняя власть прилагает немало интеллектуальных и политических усилий по созданию собственной версии гражданской религии» [2.]. И это — не пустые слова. Уже подготовлен проект нового курса изучения православия в школе, который рассчитан на 600 часов и должен преподаваться в школе с 1-го по 11-й класс. Формально курс назван факультативным. Однако на местах, как выяснилось при обсуждении, не прекращаются попытки сделать религиозные предметы обязательными [3].

Авторы программы говорят, что она призвана формировать у детей «основы российской гражданской идентичности». Но откуда возьмется эта идентичность? Возможно ли сделать идентичными им детей из семей атеистов и агностиков, мусульман и иудеев? [4]. Ответ очевиден... И дальше только интереснее.. Продолжают приниматься не только новые программы по преподаванию православия в школе, но начинают открываться теологические кафедры в университетах и защищаться диссертации по теологии. Все это подталкивает к мысли о том, что на государственном уровне одной из важнейших составляющих национальной идеи выступает православие и все, что с ним связано.

Эту мысль транслируют и СМИ, которые активно и широко начинают освещать православные традиции и традиции русского народа, которые якобы необходимо возрождать. Так главный редактор газеты «Русский Вестник» А. А. Сенин считает, что «в России есть идеология и она необходима. Ее не нужно выдумывать. И тогда все другое отпадет как шелуха, как ненужное России... Россия строилась на основах Православия и может существовать только на этой основе.» [5].

На научном поле разворачивается множество дискуссий и критики подобных практик. Православие рассматривается как «прививка», — прививка от «Ванги», от инородцев, от мигрантов, от террористов, от многих социальных проблем [6]. Ученые пишут, что даже «русские» сегодня уже «другие» и им нужно не возрождение старинных традиций, а создание «новых», которые были бы адекватны изменяющемуся и глобализирующемуся обществу.

Возникает вопрос: рассматривая русскую культуру и православие как составляющие национальной идеи России, не переходим ли мы границу? Зачем нарушать баланс, пытаюсь заменить гражданскую идентичность русской и православной? Где та золотая середина в концептуализации понятия «национальная идея» в научном поле и практическом применении, которая позволит российскому народу превратиться в единую нацию со своим стержнем? Этот вопрос пока, к сожалению, не получил однозначного ответа, а значит тема остается актуальной для дискуссии и дальнейшего научного осмысления.

Список источников

1. Овсеенко Ю. С. Национальная идея современной России: инновационный фактор // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-sovremennoy-rossii-innovatsionnyy-faktor>.
2. Митрофанова А. В. Политическое православие: Как создается новый национальный проект // Политический журнал. 2006. № 1 (96).

3. Девочку успели отравить ненавистью»: изучение православия в школе оценили педагоги // «Московский комсомолец» № 27280 от 15 декабря 2016 // URL: <http://www.mk.ru/social/2016/12/14/devochku-uspeli-otravit-nenavisty-izuchenie-pravoslaviya-v-shkole-ocenili-pedagogi.html>.
4. Курс православной культуры в школах нацелили на смирение с бедностью. Детей научат «сознательному самоограничению в потреблении жизненных благ» // «Московский комсомолец» № 27267 от 30 ноября 2016. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/11/29/kurs-pravoslavnoy-kultury-v-shkolakh-nacelili-na-smirenie-s-bednostyu.html>.
5. Православие — национальная идея Русского народа // Трибуна русской мысли № 14. URL: http://www.cisdf.org/TRM/TRM14/senin_14.html.
6. Православие — это прививка от Ванги и от торсионных полей. URL: meduza.io/feature/2015/03/31/pravoslavie-eto-privivka-ot-vangi-i-ot-torsionnyh-poley.

Н. С. Байша, Д. А. Неяскина, Н. А. Николенко

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Г. ВОЛГОГРАДА

БАЙША Наталья Сергеевна — студентка II курса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия; baishanatalia@mail.ru

НЕЯСКИНА Дарья Александровна — студентка III курса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия; darya.neyaskina@mail.ru

НИКОЛЕНКО Наталия Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры Социология ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия; nikolenko-kus@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу особенностей социальной адаптации иностранных студентов — участников программы академического обмена в условиях социокультурного пространства города-героя Волгограда. Акцентируется внимание на выявлении проблем социальной адаптации иностранных студентов и путей их решения.

Ключевые слова: социальная адаптация, социокультурное пространство

Программы академического обмена студентами высших учебных заведений в мире пользуются достаточной популярностью. В частности, ежегодно в Россию пребывают учебные мигранты, с целью получения образования и/или повышения уровня знаний по получаемой специальности. В Волгограде международная программа студенческого обмена существует достаточно долгое время. В процессе обучения иностранными студентами усваиваются новые социальные нормы и приобретаются знания о социокультурном пространстве России.

Основываясь на том, что социальная адаптация, по мнению Э. Дюркгейма, есть усвоение индивидом социальных норм [1], следовательно, социокультурное пространство г. Волгограда можно представить в качестве определенного социального агента влияния на социальную адаптацию учебных мигрантов.

В этой связи, принципиально важно рассмотреть вопрос социальной адаптации иностранных студентов — участников программы студенческого обмена, а также выявить проблемы и пути их решения.

Следует подчеркнуть, что в ВУЗах г. Волгограда обучаются более 2 тысяч студентов из разных стран мира. В Волгоградском государственном

техническом университете сегодня учатся 850 иностранных студентов из 30 государств (Хорватия, Таджикистан, Узбекистан, Нигерия и др.); в Волгоградском государственном университете обучаются 283 иностранных студентов из 26 стран мира (Китай, Украина, Узбекистан, Армения, Сирия и др.); в Волгоградском Государственном Медицинском университете обучаются свыше 1200 иностранных студентов (Индия, Республика Гана, Палестина и др.) [2].

В рамках исследования, на основе выдвинутых нами задач, было проведено 25 интервью, в которых респондентами являлись иностранные студенты государственных ВУЗов Волгограда (ВолГУ, ВолГГУ, ВолГМУ).

В процессе интервьюирования было выявлено:

1) Город Волгоград из выбранной группы респондентов, которые, в основном, прибыли из Таджикистана, Киргизии, Армении является привлекательным по причине того, что в нем проживают их родственники.

2) Часть респондентов были включены в программы по академическому обмену согласно заключению между ВУЗами договоров. В этой связи и выбор волгоградских ВУЗов был осуществлен высшими учебными заведениями в родных странах иностранных студентов.

3) Выбор волгоградских ВУЗов в некоторых случаях был сделан иностранными студентами по рекомендации родителей «Мои родители хотели, чтобы я учился в университете, поэтому они выбрали Волгоград — город с интересной военной историей» (М., 21 год).

4) В процессе интервьюирования было установлено, что для большинства студентов основными отличиями между Родиной и г. Волгоградом являлись: Волгоград — город с интересной военной историей, приемлемые климатические условия, высокий уровень российского вузовского образования (особенно медицинского), доброжелательное население, места проведения досуга (посещение городских мероприятий, различных образовательных форумов), организация транспортной системы (использование маршрутных такси), а также «своеобразное географическое положение» (М., 21 год).

5) Однако, город, по мнению некоторых иностранных студентов, имеет существенные недостатки. Например, организация транспортной системы не вызывает удовлетворения у половины респондентов «Волгоград является красивым городом, но он совершенно не развивается. Кажется, что как будто он отстает на шаг от всего мира» (Ж., 20 лет).

6) Стоит также отметить, что интерес к истории, в большинстве случаев, нельзя назвать достаточно высоким. Около половины респондентов признают, что историю Волгограда знают не очень хорошо «Историю Царицина-Сталинграда-Волгограда знаю поверхностно и считаю это достаточным» (М., 24 года). В то же время, было выявлено, что все ре-

спонденты проявляют огромный интерес к посещению достопримечательностей, значимых, исторических мест Волгограда, различных городских мероприятий, в основном, таких как: «9 мая», «День города», «День России». И, в основном, иностранные студенты выражают положительные эмоции от посещения достопримечательностей «Я восхищаюсь и горжусь тем, что есть в мире страна настоящих героев» (Ж., 20 лет).

7) И, несмотря на положительные моменты, для иностранных специалистов-выпускников Волгоград представляется не совсем примечательным местом постоянного проживания, по причине того, что их «Родина важнее всего» (М., 25 лет) и они должны использовать полученные знания во благо своей страны.

8) На базе высших учебных заведений Волгограда проходят различные фестивали и концерты, главной задачей которых является не только повысить интерес иностранных студентов, обучающихся в ВУЗах, к русскому языку, к русским традициям и обычаям, но и ускорить процесс их социокультурной адаптации. Данные мероприятия, по мнению половины респондентов, являются «очень полезными и душевными. Очень хочется, чтобы студенты России приобщились к нашей культуре. А мы, в свою очередь, будем изучать русские традиции и русскую литературу» (Ж., 21 год).

Отметим, что роль ВУЗа в культурно-образовательной деятельности по отношению к иностранным студентам чрезвычайно высока и, действительно, существует необходимость в продолжение работы по реализации апробированных ВУЗами воспитательных методик и существующих проектов, способствующих благоприятной адаптации иностранных студентов. Также, однозначно, следует реализовывать постоянно действующие комплексные программы по изучению иностранными студентами культуры и истории России (в том числе, включая их в мероприятия военно-исторической направленности). Кроме того, важно отметить, что иностранные студенты, в большинстве своем, очень коммуникабельные, открытые люди. Поэтому необходимо создать условия для регулярного общения с российскими студентами за пределами учебных групп (совместное посещение театров, музеев), что поможет иностранным студентам скорее приобщиться к новой социокультурной среде.

Таким образом, помимо работы в традиционном плане, неформальная обстановка и общение между студентами из России, которые выполняли бы роль тьюторов, и иностранными студентами, проводивших свободное время с ними, однозначно, показали бы высокий результат в ускорении адаптации и в приспособлении учебных мигрантов в культурно-образовательном, воспитательном, повседневном плане.

Список источников

1. Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии.
2. Трудности перевода. Как живется в Волгограде студентам-иностранцам. URL: http://www.vlg.aif.ru/society/details/trudnosti_perevoda_kak_zhivetsya_v_volgograd_studentam-inostrancam (дата обращения): 14.02.17.

В. П. Бабинцев, А. В. Пастюк

ОЦЕНКА РИСКОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ И УКРАИНЫ

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия; babintsev@bsu.edu.ru

ПАСТЮК Александр Владимирович — аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия; pastyuk@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализ рисков, связанных с формированием культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины. Приводятся результаты собственного социологического исследования процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в российско-украинском пограничье. На основании результатов исследования представлены 3 основных риска: дискретность приграничного пространства и времени — для основной массы представителей региональных сообществ, прежде всего, распадается на части социальное время, выступая в виде периодов, лишенных общей логики, контрастных по отношению друг к другу; мозаичность идентичности — социокультурный и политических фон приграничных регионов представляет собой сочетания зачастую трудно сопоставимых феноменов, это, прежде всего, выражается в социокультурной неоднородности; ипертрофированная восприимчивость к внешнему воздействию.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность, приграничные регионы, российско-украинское пограничье

Риск является одной из наиболее адекватных характеристик жизнедеятельности современного социума: с одной стороны, он выступает частью объективной реальности, а с другой — необходимым условием реализации социальных практик в динамично меняющемся мире. При этом в XXI веке интенсивность проявления рисков нарастает, что позволяет охарактеризовать его как общество некалькулируемого риска.

В развитии современного социума можно выделить хронотопические структуры, в рамках которых риски развития приобретают особое значе-

ние. К числу таких структур, несомненно, относится зона приграничного взаимодействия.

Понятие риска всегда являлось одним из ключевых в современной социологии. Данный термин с позиции общественных отношений рассматривался и зарубежными и отечественными авторами [1,2,3,4,5].

Риск в рассматриваемом контексте может быть определен как процесс выбора альтернатив в ситуации неопределенности, выбор действия в которой определяется случаем. В частности, А. П. Альгин определяет его как деятельность или действие по «снятию» неопределенности [6]. Риск — это выбор способа действия и его оценка в пределах конкретной социокультурной ситуации, характеризующейся стремительно изменяющимися условиями.

Ее особая рискогенность определяется несколькими обстоятельствами:

1. Дискретность приграничного пространства и времени. Для основной массы представителей региональных сообществ, прежде всего, распадается на части социальное время, выступая в виде периодов, лишенных общей логики, контрастных по отношению друг к другу. Под влиянием современных СМИ и политически ангажированной науки досоветский, советский и постсоветский периоды предстают собой как относительно самостоятельные фрагменты, что создает почву для манипуляций историческими фактами в политических и экономических интересах.

Дискретность приграничного пространства стимулирует риск утраты преемственности культурно-цивилизационной идентичности и своеобразной «манкуртизации». Он наиболее возможен именно в приграничье, поскольку здесь изначально многие граждане затрудняются четко определить собственную идентичность. Проведенное социологическое исследование¹ подтверждает, что данная тенденция имеет место. В частности, в приграничных регионах Украины только 15.8% респондентов считают себя представителями украинской культуры (таблица 1).

Таблица 1. К представителям какой культуры Вы себя относите? (Украина)

К представителям какой культуры Вы себя относите?	Количество	
	абс.	%
Украинской	79	15.8%
Европейской	93	18.6%

¹ Исследование проведено в 2016 году методом методом анкетного опроса респондентов в 8 приграничных регионах России (Белгородская, Брянская, Воронежская и Курская области) и Украины (Луганская, Сумская, Харьковская и Черниговская области). Общий объем выборочной совокупности составил 1000 респондентов, в т. ч. 500 человек из приграничных регионов Украины и 500 из приграничных регионов России.

К представителям какой культуры Вы себя относите?	Количество	
	абс.	%
Евразийской	56	11.2%
Мировой	121	24.2%
Затрудняюсь ответить	70	14.0%
Русской	59	11.8%
Славянской	21	4.2%
Нет данных	1	0.2%
Всего	500	100.0%

Только 63.8% участников опроса гордятся своей страной, следовательно, для них не играет особой роли социокультурная традиция, они не ощущают с нею органической связи.

В российском сегменте приграничья риск, очевидно, меньше. К представителям российской культуры здесь относят себя 70.8% респондентов (таблица 2).

Таблица 2. К представителям какой культуры Вы себя относите? (Россия)

К представителям какой культуры Вы себя относите?	Количество	
	абс.	%
Российской	354	70.8%
Европейской	44	8.8%
Евразийской	13	2.6%
Мировой	46	9.2%
Затрудняюсь ответить	43	8.6%
Всего	500	100.0%

Тем не менее, дискретность развития российско-украинского приграничья служит источником и позитивной возможности открыть для себя новые перспективы культурно-цивилизационной интеграции. Именно такая возможность была с энтузиазмом воспринята частью украинского населения в ходе так называемого «Евромайдана». Впрочем, анализ показывает, что в приграничных украинских регионах потенциальными сторонниками идеи европейской интеграции являются менее 20% респондентов.

2. Мозаичность. Социокультурный и политических фон приграничных регионов представляет собой сочетания зачастую трудно сопоставимых феноменов. Как уже отмечалось, это, прежде всего, выражается в социокультурной неоднородности. Однако не менее мозаичными являются

политическая и экономическая системы. По меньшей мере, это весьма характерно для Украины. Противопоставление восточной и западной частей Украины стало своего рода общим местом.

Мозаичность порождает множество противоречий, конфликтов и усиливает нелинейность развития как самих регионов, так и систем приграничного взаимодействия. Но одновременно, она расширяет его возможности.

В частности, возникает негативный риск нарастания зависти к более успешным референтам и — как следствие — намеренного искажения их имиджа путем приписывания типичных негативных качеств и свойств.

Исследование показало, что для населения в российских приграничных регионах только меньшинство участников опроса признают наличие типичных отрицательных качеств, свойственных большинству представителей украинской культуры. Наиболее значимыми среди них респонденты считают агрессивность, лень и скупость (таблица 3). Однозначно отрицает наличие подобных качеств 31 % опрошенных.

Таблица 3. Есть ли типичные отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей украинской культуры? (Россия)

Есть ли типичные отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей украинской культуры?	Количество	
	абс.	%
Лень	114	22.8%
Агрессивность	171	34.2%
Скупость	105	21.0%
Нетерпимость	62	12.4%
Замкнутость	34	6.8%
Тугоумие	65	13.0%
Отрицание традиций	43	8.6%
Отсутствие взаимовыручки	44	8.8%
Раболепие	34	6.8%
Бездуховность	51	10.2%
Никакие	155	31.0%
Сейчас это не реально оценить	1	0.2%
Ограниченное мировоззрение	1	0.2%
Зависть	1	0.2%
Все	2	0.4%
Не ответили	19	3.8%
Всего	500	100.0%

Примечательно, что в украинских регионах жители более толерантны к российским контрагентам. Здесь отрицают наличие типичных отрицательных качеств, свойственных большинству представителей российской культуры 52.4% респондентов. Среди тех, кто признает их существование, чаще всего популярны ответ — лень (таблица 4).

Таблица 4. Есть ли типичные отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей российской культуры? (Украина)

Есть ли типичные отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей российской культуры?	Количество	
	абс.	%
Лень	101	20.2%
Агрессивность	48	9.6%
Скупость	43	8.6%
Нетерпимость	46	9.2%
Замкнутость	40	8.0%
Тугоумие	28	5.6%
Отрицание традиций	24	4.8%
Отсутствие взаимовыручки	49	9.8%
Раболепие	42	8.4%
Бездуховность	18	3.6%
Никакие	262	52.4%
Неорганизованность	3	0.6%
Не ответили	20	4.0%
Всего	500	100.0%

Безусловно, мозаичность приграничных регионов потенциально способна продуцировать позитивную возможность публичной конкуренции моделей культурно-цивилизационной идентичности. Однако она возможна лишь в условиях открытости российской и украинской культур в отношении друг друга и в отношении других культур.

3. Гипертрофированная восприимчивость к внешнему воздействию, которое осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это воздействие регионов, находящихся, по разные стороны границы друг на друга. Такое воздействие сохраняется, несмотря на наличие границы, и проявляется в миграционных обменах, реализации экономических проектов, а в некоторых случаях — во взаимном морально-психологическом влиянии. В современных условиях регион, несмотря на административные границы, политическую или идеологическую конфронтацию, остается открытой системой, вовлеченной в сферу межрегиональных взаимодействий. Во-вторых, воздействие центра на периферию, в ходе

которого региональные интересы могут существенно корректироваться под влиянием общегосударственных. В-третьих, воздействие на приграничье глобальных центров.

Таким образом, в ходе формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины возникает комплекс как позитивных, так и негативных рисков, управление которыми требует стратегически ориентированного подхода.

Список источников

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.
3. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2003.
4. Зубков В. И. Социологическая теория риска. М. : Академический проспект, 2009.
5. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 12—28.
6. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М. : Мысль, 1989.

В. А. Сапрыка, В. М. Захаров, А. Н. Вавилов

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРОЦЕССАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

САПРЫКА Виктор Александрович — кандидат социологических наук, и. о. заведующего кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия; sapryka@bsu.edu.ru

ЗАХАРОВ Виктор Михайлович — кандидат социологических наук, директор Института управления НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия; zakharov@bsu.edu.ru

ВАВИЛОВ Андрей Николаевич — кандидат политических наук, г. Москва, Россия; an_vavilov@bk.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема поддержки гражданской экспертизы, которая актуальна для развития постсоветского общества на современном этапе, так как позволяет активизировать весь потенциал населения в конструктивном диалоге властей и общественности. Приведены данные собственного социологического исследования, позволяющие оценить готовность населения к принятию участия в практиках общественной и народной дипломатии. Даются практические рекомендации для внедрения гражданской экспертизы в процессы общественной дипломатии государств-участников СНГ.

Ключевые слова: гражданская экспертиза, общественная дипломатия, проекты, гражданский актор, государств-участников СНГ

Усиление роли общественного сектора в процессе межгосударственных отношений, требует поиска новых методов и механизмов гражданского участия в проектах и программах общественной дипломатии. Институт общественной дипломатии формируется на фундаменте гражданского общества, именно гражданское общество воплощает идею свободного общества и инициирует создание многочисленных свободных ассоциаций граждан [1]. Проблема поддержки гражданской экспертизы актуальна для развития постсоветского общества на современном этапе, так как позволяет активизировать весь потенциал населения в конструктивном диалоге власти и общественности. В процессах общественной дипломатии мы наблюдаем активизацию инициатив граждан, которая зачастую не находит поддержки из-за проблем организационного, финансового и другого характера. В тоже время заметно усилили деятельность общественные организации на региональном уровне, и они требуют реальной организационной и научно-методической поддержки в сфере

общественной дипломатии не только от государства, но и от научного и экспертного сообщества.

Стоит отметить, что рост влияния общественного сектора на развитие международных отношений, а также в международных интеграционных проектах, требует разработки новых моделей развития общественной дипломатии и на региональном уровне. Актуальность данного проекта обусловлена возрастанием роли населения и общественного сектора в области общественной дипломатии. В настоящее время, вопросам мягкой силы и общественной дипломатии уделяется все больше внимания, как в государственных органах власти Российской Федерации и стран СНГ, так и в экспертном сообществе. Высокая роль общественного мнения и общественных образов других государств требует реализации новых механизмов для гражданских инициатив в этих процессах. Актуализируется изучение социальных практик общественной дипломатии возможно в условиях применения теоретических подходов, основанных на позициях конструктивизма, стратегической коммуникации и дихотомии «соперничество — сотрудничество», в которых социальная деятельность имеет системообразующее значение [2].

Участие граждан в делах государства является необходимым условием формирования прозрачной и открытой системы осуществления внешней политики и общественной дипломатии. Основными проблемами организации общественного участия являются его формальность, низкий уровень активности населения, отсутствие выработанного общественного мнения, учитывающего интересы различных групп населения.

Одним из способов гражданского участия в процессах общественной дипломатии, является гражданская экспертиза, как независимый от органов государственной власти комплекс социально значимых практик, реализуемых исходя из общественных интересов и потребностей, который отстаивает гражданский актор (гражданский активист, гражданская инициативная группа, общественная некоммерческая организация, экспертное сообщество).

На данном этапе развития российского общества и отечественной управленческой практики ресурс гражданской экспертизы задействован в области общественной дипломатии крайне слабо, хотя несет в себе огромный потенциал развития, как для межгосударственных проектов, государства, так и для регионов.

Очевидно, назрела необходимость большей открытости внешнеполитической деятельности, информирование о ней общественности стран-участниц межгосударственных проектов, привлечение молодежи к проектам общественной дипломатии, а также экспертного сообщества для оценки процессов общественной дипломатии. При такой переори-

ентации начинают играть исключительно важную роль общественное мнение и общественное участие, которое обеспечивается внедрением механизмов гражданской экспертизы в общественной дипломатии государств-участников СНГ на региональном уровне.

Проблема привлечения населения и гражданского сообщества к реализации процессов общественной дипломатии приобретают особую значимость для внешней политики современной России. В связи с новым пониманием роли гражданина, а также его участия в процессе межгосударственных отношений, возникает реальная необходимость поиска новых методов и механизмов реализации гражданских инициатив в процессах сотрудничества регионов на международном уровне.

По данным исследования, проведенного Институтом приграничного сотрудничества и интеграции 71 % жителей приграничных территорий (Воронежская, Курская и Белгородская области) считают, что необходимо использовать инструменты общественной дипломатии при формировании Евразийского союза и/или реализации других интеграционных проектов, а 48 % отметили, что готовы принимать участие в практиках общественной и народной дипломатии [3].

Так же участники исследования отметили, что одной из проблем при реализации проектов общественной дипломатии является отсутствие организационной поддержки в процессе разработки и реализации этих проектов.

В тоже время, согласно опросу 2016 года, проведенному Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития, молодежь почти всех стран СНГ заметно реже выбирает «евразийский вектор» в своих экономических и культурных предпочтениях, чем более взрослое население. Особенно велик межпоколенческий разрыв в европейских странах СНГ — Беларуси, Молдове и Украине. Это выводит проблему на уровень общественной дипломатии, так как она является инструментом конструктивного межгосударственного и межнационального диалога. Формирование благоприятного образа нашей страны, СНГ и Евразийского экономического союза прямо пропорционально зависит от поддержки гражданских инициатив в сфере общественной дипломатии.

Одной из наиболее перспективных форм общественной дипломатии является реализация гражданской экспертизы, представляющая собой независимый напрямую от государства комплекс практик участие наиболее заинтересованных представителей гражданского сообщества в международных процессах.

Гражданская инициатива в области общественной дипломатии выполняют несколько важных функций:

- во-первых, они служат одним из важных каналов участия граждан в поиске общих взглядов и интересов;
- во-вторых, гражданские инициативы позволяют реализовать проекты общественной дипломатии недоступные для официальных органов власти;
- в-третьих, она служит фактором формирования гражданской и политической культуры, гражданского и политического воспитания населения.

Одновременно с этим гражданские инициативы в области общественной дипломатии могут реализовываться в рамках экспертизы. Она может осуществляться по нескольким направлениям и включает в себя:

- оценку проектов нормативных актов в сфере международных отношений;
- оценку практики реализации интеграционных проектов в области международных отношений;
- оценку проектов общественной дипломатии;
- оценку процедур осуществления политики «мягкой силы».

Таким образом, для становления социального института общественной дипломатии на постсоветском пространстве, который позволил бы сохранить традиционное добрососедское социокультурное пространство необходимо реализация проектов по активизации гражданской экспертизы.

Список источников

1. Шершнев И. Л. Роль неправительственных организаций в институализации Российской общественной дипломатии // ЗПУ. 2012. № 1 С. 52—58.
2. Бобров А. Н. Теоретические подходы к исследованию социальных практик публичной дипломатии // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1 С. 201—218.
3. Общественная дипломатия как инструмент приграничного взаимодействия Евразийского союза. URL: <http://icbci.info/analytics> (дата обращения: 02.02.2017).
4. Интеграционный барометр ЕАБР — 2016. URL: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/integration_barometer/?id_16=48993 (дата обращения: 02.02.2017).

А. В. Бедрик

ЧЕЧЕНСКАЯ ОБЩИНА В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

БЕДРИК Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; abedrik@bk.ru

Аннотация. Наиболее многочисленной этнической группой из числа северокавказского компонента этнокультурной структуры населения Дона являются чеченцы, хотя их представительство в регионе стабильно уменьшается. Так в 1989 году они являлись пятой по численности этнической группой Ростовской области, в 2002 же году они уже занимали восьмую позицию, а в 2010 году переместились на десятую строчку. Несмотря на это, именно чеченцы чаще других этнических сообществ региона выступают объектом этнофобии со стороны основной части населения Дона. Как свидетельствуют результаты социологического опроса населения Ростовской области, который проводился в октябре-ноябре 2015 года сотрудниками Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, преобладающей этнической фобией в регионе является именно чеченофобия.

Наиболее многочисленной этнической группой из числа северокавказского компонента этнокультурной структуры населения Дона являются чеченцы, хотя их представительство в регионе стабильно уменьшается. Так в 1989 году они являлись пятой по численности этнической группой Ростовской области, в 2002 же году они уже занимали восьмую позицию, а в 2010 году переместились на десятую строчку. Несмотря на это, именно чеченцы чаще других этнических сообществ региона выступают объектом этнофобии со стороны основной части населения Дона. Как свидетельствуют результаты социологического опроса населения Ростовской области, который проводился в октябре-ноябре 2015 года сотрудниками Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, преобладающей этнической фобией в регионе является именно чеченофобия. Так в 2016 г. 23,4 % респондентов отметили, что испытывают чувство страха или напряжение в ситуациях, в которых им приходится взаимодействовать с представителями чеченского этноса. Актуальность чеченофобии обусловлена, прежде всего, развитием крупномасштабного вооруженного конфликта в Чечне и прилегающих территориях, связанного на первоначальном этапе с сепаратистскими требованиями части

чеченской элиты, а на последующих этапах — распространением в регионе исламского радикализма и его террористической активностью во многих субъектах России.

Рост демографического присутствия в регионе чеченцев (как и в случае с народами Дагестана) относится к периоду конца 1970-х — 1980-х гг. Формирование чеченской общины было обусловлено приглашением в регион специалистов в области пастбищно-отгонного овцеводства. В этот период численность чеченцев на территории Ростовской области выросла на 88,7 %. В дальнейшем в 1990-х гг. в связи эскалацией военно-политического конфликта в Чеченской Республике и вводом на её территорию вооруженных сил Российской Федерации начался массовый миграционный отток населения республики. При этом, если до 1994 г. выезжали преимущественно русские и другие нетитульные народы республики, то со второй половины 1990-х гг. основную часть вынужденных переселенцев стали составлять сами чеченцы. Следуя сетевому механизму этнической миграции, направленность анропотоков из Чечни в этот период была нацелена на территории, на которых ужесуществовали чеченские общины. В связи с этим размещение чеченцев по территории Ростовской области имеет ярко выраженную локальную специфику. Основной ареал их проживания приходится на юго-восточные районы Донского региона: Заветинский, Зимовниковский, Дубовский, Ремонтненский, Орловский и Пролетарский. В общей совокупности в этих районах проживает более 70% всех чеченцев Дона. Однако даже такая локальная концентрация чеченцев на территории области мало изменила этнодемографический портрет обозначенных районов, хотя и совпала с тенденцией центростремительной миграцией трудоспособного населения (особенно молодежи) этих районов, стремящегося переехать в Ростовскую агломерацию, к месту учебы или работы.

Следует отметить, что в ситуации социально-экономического и этнополитического хаоса 1990-х гг. миграционные потоки чеченцев на территорию Ростовской области слабо поддавались в это время статистическому анализу и даже результаты первой постсоветской всероссийской переписи населения, зафиксировавшие сокращение численности чеченцев ставились многими под сомнение. Результаты последней переписи также подтвердили устойчивость тренда сокращения демографического присутствия чеченцев в Ростовской области и в большинстве других регионов Юга России, основной причиной чего выступает возвратная миграция чеченцев. Данная тенденция интерпретируется уже как объективно обусловленная и связывается с изменением политического и социально-экономического положения в республике, в которой расширяются возможности трудоустройства и получения социальных гарантий от государства.

Инвестиционная политика федерального центра в отношении Чечни контрастно выглядит на фоне депрессивной социально-экономической ситуации в соседних с данной республикой регионах — Ингушетии и Дагестана. Комплексом социально-экономических проблем и, прежде всего, молодежной безработицей обусловлен иммиграционный поток в регион ингушей и дагестанцев. Именно Северо-Кавказский федеральный округ выступает основным донором внутрироссийской миграции для Ростовской области на протяжении последних лет. На 75 % миграционный поток в Ростовскую область из Северо-Кавказского федерального округа сформирован за счет населения республик Чечни, Ингушетии и Дагестана. В гендерном отношении в общей совокупности переселенцев из обозначенных республик превалирует мужской сегмент трудоспособного возраста (48 %). При этом на молодежь в возрасте до 25 лет приходится порядка половины всех переселенцев. Иммиграционный тренд имеет преимущественно трудовую и учебную мотивацию. Однако если ингушская иммиграция циркулирует в направлении Ростовской агломерации, то территориальное размещение переселенцев из Чечни и Дагестана носит дисперсный характер и охватывает как сельские, так и городские муниципальные образования Дона.

Мониторинговые опросы населения Ростовской области, проводимые Институтом социологии и регионоведения ЮФУ, свидетельствуют, что отношение старожильческого населения к представителям северокавказских этносов (преимущественно чеченцам) трансформировались в последние 10—12 лет. Так в 2004 году в оценках респондентов превалировали негативные аттитюды в отношении присутствия в регионе переселенцев из Чечни и других регионов Северо-Восточного Кавказа (54,6 %). По результатам социологического опроса 2016 года только 23,4 % респондентов из числа жителей Ростовской области испытывает чувство страха или напряжение в отношении чеченцев. Однако оценки респондентов дифференцированы исходя из территории их проживания. Так в юго-восточных районах Ростовской области респонденты продемонстрировали в целом высокий уровень кавказофобии, так как 42,4 % опрошенных негативно рассматривают соседство с представителями данных групп. Именно юго-восточные районы региона являются зоной локализации чеченцев и других этносов Северо-Восточного Кавказа.

Таким образом, ситуацию в сфере динамики этнической миграции и ее проекционного воздействия на межнациональные и межконфессиональные взаимодействия на территории Ростовской области по результатам анализа статистических данных и мониторинга общественного мнения можно охарактеризовать как содержащую определенный конфликтно-генный рискованный потенциал, на который на данном этапе нивелиру-

ется факторами исторического и социально-экономического свойства. Происходит накопление негативного потенциала в межнациональных отношениях, который в будущем может быть использован для эскалации межэтнических столкновений. Социальная напряженность, складывающаяся под влиянием экономических и внешнеполитических факторов, может быть в любой момент переориентирована в сферу национальных отношений.

Список источников

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М. : ОГИ, 2005.
2. Хоперская Л. Л. Этнические миграции на Юге России в периоды резкого изменения социальной структуры общества // Актуальные социально-политические и экономические проблемы ЮФО. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.
3. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия : монография / отв.ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2016.

Г. П. Дегтярев

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ДЕГТЯРЕВ Григорий — главный научный сотрудник, доктор экономических наук, Институт Экономики РАН, г. Москва, Россия; dgp48@yandex.ru

На панельной дискуссии «Перспективы развития межнациональных отношений: от методологии к измерению и социальной практике» VII социологической грушинской конференции были представлены крайне интересные доклады, затрагивающие широкий спектр вопросов. Естественно стремление исследователей попытаться сформулировать некоторые обобщающие выводы или хотя бы предложить подходы, которые могут стать основой комплексных, системных обобщений в сфере межнациональных обобщений.

Предлагается применить институциональный подход, заключающийся в анализе исторически сложившихся или созданных целенаправленными усилиями активных субъектов социальных институтов.

Социальные институты выполняют функции по закреплению и воспроизводству определенных социальных отношений и практик. Наряду с явными функциями социальный институт может осуществлять неявные, латентные (скрытые) функции.

Сформулированы следующие основные функции социальных институтов:

- закрепления и воспроизводства общественных, в том числе межнациональных отношений, в соответствии с нормами и правилами, делающими поведение предсказуемым и обеспечивающим устойчивость структуры общества;
- регулятивная функция, обеспечивающая предсказуемость поведения;
- интегративная функция, обеспечивающая сплоченность, взаимозависимость и взаимную ответственность членов;
- транслирующая функция, заключающаяся в передаче социального опыта
- коммуникативная функция, заключающаяся в распространении производимой информации внутри института, так и во взаимодействии между институтами.

Из социальных институтов, отличающихся структурными и функциональными качествами, для целей предлагаемого исследования, выделены:

- политические институты — государство, партии, профсоюзы, общественные организации, преследующие политические цели, на-

- правленные на установление и поддержание определённой формы политической власти и обеспечивающие воспроизводство, устойчивое сохранение идеологических, религиозных и иных ценностей;
- социокультурные и воспитательные институты, ставящие целью освоение и воспроизводство культурных и социальных ценностей, включение индивидов в определённую субкультуру, а также социализацию индивидов через усвоение устойчивых социокультурных стандартов поведения и, наконец, защиту определённых ценностей и норм.

Для профессиональных социологов изложенное очевидно: все об этом знают. Но знание является лишь интеллектуальным ресурсом, который становится средством только при смысловом и системном понимании необходимости последовательного применения знаний для достижения конкретных исследовательских целей.

При применении результатов социологического мониторинга как инструмента (средства) для реализации государственной национальной политики возникают риски и сложности принятия конструктивных решений в сфере национальных отношений из-за «остроты» и недостаточности информации, констатирующей, являющейся индикатором состояние дел в данной сфере. Естественно стремление сделать закрытой «острую» информацию, поскольку ее распространение может усугубить социальное напряжение.

В центре внимания национальной политики находится человек, что делает «сферу очень тонкой, чувствительной и эмоционально заряженной, затрагивающей интересы носителей разных культур, традиций, языков и верований. Поэтому и на нас, и на СМИ лежит огромная ответственность за то, что мы делаем, какой контент формируем, что транслируем во внешний мир». И здесь работает только один принцип — «не навреди».

Разработанная и частично опробованная Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) концепция социологической оценки состояния межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации направлена на выявление зон повышенного социального напряжения. Те регионы, где «система выявила значительное отклонение от среднестатистического уровня, находятся в зоне нашего постоянного внимания и более глубокого социологического исследования, по итогам которого разрабатываются индивидуальные «дорожные карты» решения выявленных проблем».

ФАДН предлагает пошагово, поэтапно применять многоуровневые исследовательские программы, в частности, проводить «сравнительный социологический мониторинг состояния этноконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации; сфокусировать социологические

исследования на выявленных реальных и потенциальных конфликтных точках».

Индикаторы, используемые для оценки состояния межнациональных отношений, являются определенными сигналами. Однако констатирующих сигналов недостаточно для принятия оперативных решений должностными лицами политических институтов. Поэтому и предполагается проведение глубинного социологического исследования, результаты которых могут быть положены, в том числе, и в разработку социальных практик и последующего их применения (реализация) конкретными социальными институтами. Социальные практики, применяемые в повседневной жизни, важны в процессах интеграции, адаптации и социализации.

В Докладе Мустафина Д. М. показано, как результаты мониторинга межнациональных отношений в Татарстане используются для формирования и реализации конкретных социальных практик.

ФАДН России осуществляет полномасштабное внедрение система мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций всех субъектов Российской Федерации «в целях оперативного получения информации о формирующихся межнациональных конфликтных ситуациях, а также процессах, воздействующих на состояние межнациональных отношений», совершенствование «взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества».

Важно изучение процессов формирования, становления и развития общественно-политических движений, различных этнических и религиозных образований. Такие институты создаются по инициативе активистов, либо властных органов.

Системный анализ и систематизация данных процессов важна, поскольку позволяет понять и дать адекватную оценку процессу институционализации таких движений, направленности движений, формировать политику взаимодействия с лидерами движений и повседневные социальные практики. Публикуемые, излагаемые в СМИ, в социальных сетях позиции лидеров движений, образований представляют интерес как экспертная информация, которая, наряду с данными социологических исследований, может быть использована при анализе сложившейся ситуации и выявления ключевых точек социального напряжения и в прогнозных целях.

В случае выявленных разногласий при принятии политических решений в межнациональных отношениях желательно ориентироваться на применение не жестокого подхода, а «мягкой силы». Данный термин и подход был введен в научный оборот американским политологом Джозефом Наем для обозначения внешнеполитической стратегии, пред-

лагающей добиваться желаемых результатов в ходе переговоров, проходящих в атмосфере взаимного уважения, профессионального знания и понимания ситуации, вовлекая и привлекая оппонентов в добровольное участие, добиваясь расположения, симпатии, создавая атмосферу доверия. Тогда как применение «жесткой силы» означает использование силы и жесткого принуждения, что обычно вызывает аналогичную встречную реакцию.

Дж. Най, введший термин «гибкая (мягкая) сила» («Soft power»), указывал на то, что знание и понимание языка, истории, культуры, традиций играют ключевую роль в международных отношениях, прямо или косвенно влияя на политику и деловые связи. Вполне уместно, конструктивно и плодотворно применение такого подхода и в межнациональных отношениях.

В. Л. Примаков

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ

ПРИМАКОВ Вячеслав Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО МГЛУ, г. Москва, Россия; vprim2007@yandex.ru

Осмысление и развитие этноконфессиональных отношений в России, предупреждение и урегулирование межнациональных конфликтов и предконфликтных ситуаций невозможно без систематического оценивания и прогнозирования этноконфессиональной напряженности между этническими и конфессиональными сообществами, группами, их представителями.

Прогнозный анализ этноконфессиональной напряженности осуществлялся нами на основе создания и анализа классической модели поискового прогнозирования [1]. Реализация этой концептуальной модели в рамках конкретного прогнозного исследования позволила не только выявить основные тенденции формирования напряженности в стране в целом, но сконструировать и описать содержание и динамику факторного поля, а также проективные сценарии ее развития в регионах [4]. Вместе с тем, исследовательские усилия, а также анализ подобных тематических работ, актуализировали ряд методологических проблем, осмысление которых представляется особенно важным и полезным в контексте оценки и дальнейшего прогнозного изучения обозначенного объекта.

Тезис 1. Практически любой научный прогнозный анализ невозможен без создания и обоснования исходной (базовой) эмпирической модели, позволяющей представить объект в структуре и взаимосвязи эмпирических показателей. Именно обоснование такой модели этноконфессиональной напряженности вызывает серьезные методологические проблемы. Конечно, во многом такая модель определяется сущностным и содержательным пониманием этой напряженности. В связи с этим возникает ряд вопросов: в какой взаимосвязи находятся этническое и конфессиональное?; как проявляется напряженность?; в какой степени она рациональна, и/или эмоциональна, и/или поведенчески выражена?; находит ли свое место конфликтное взаимодействие в напряженности? Например, в некоторых эмпирических моделях реализуются попытки даже рейтинговать регионы страны по некоторым проявлениям межэтнической напряженности, «гроздьям гнева»: от наличия этнической символики до массовых столкновений с применением оружия и смер-

тельными исходами [2], что вызывает определенное несогласие с их авторами. Наиболее обоснованной представляется модель, реализуемая в мониторинге межнациональных отношений, осуществляемом ВЦИОМ и ФОМ при участии ИС РАН. Ее эмпирическую составляющую весьма четко обозначила Л. М. Дробижева [3]. Добавлю настоятельную необходимость включения и последующего анализа в оценке напряженности поведенческой составляющей, как ретроспективной (наличие негативного опыта, проявлений, конфликтов и пр.), так и проективной (готовности участия в конфликтах, меры использования насилия и пр.). Без сомнения, такая модель должна опираться на региональную и даже местную специфику, как в наборе эмпирических признаков, так и проявлений этноконфессиональной напряженности.

Тезис 2. Особое место в прогнозировании занимает характеристика прогнозного фона, факторного поля формирования и развития этноконфессиональной напряженности. Полагаю, что при всем обилии различных фоновых детерминант, можно сосредоточить внимания на основных:

а) национально-политических (социально-политический статус титульного, коренных и иных народов региона; особенности этноконфессиональной стратификации; особенности национально-политической автономии и др.);

б) этнодемографических (этнический и конфессиональный состав населения; особенности этнической и конфессиональной локализации; динамика естественного конфессионального и этнодемографического баланса; динамика миграционных потоков; особенности расселения и др.);

в) социально-экономических (уровень жизни населения в целом и в социально-национальной структуре; основные социальные и экономические проблемы, их структура, дифференциация и локализация и др.);

г) социально-политических (социально-политическая активность населения; уровень развития гражданского общества; политические ориентиры региональных, местных, национальных, религиозных элит и др.);

д) социально-культурных (исторических фон этноконфессиональных отношений; существо и острота этноконфессиональных проблем; особенности этноконфессиональной культуры народов, сложившиеся традиции, оценки, предубеждения; состояние и содержание национальной и конфессиональной самоидентификации, самосознания, идеологии и др.).

Без сомнения, все эти факторные детерминанты несут региональную специфику остроты влияния на этноконфессиональную напряженность.

Тезис 3. Он касается проблем формирования источниковой базы. В силу существенных различий в методологических и идеологических установках авторов, разнопредметности изучения различных аспектов

межэтнических и межконфессиональных отношений, наличия расхождений в исходных и факторных эмпирических моделях, методиках исследования и оценки этноконфессиональной напряженности складывается, порою, парадоксальная ситуация, когда в одном и том же регионе одни исследователи оценивают напряженность как «среднюю», а другие ее вообще «не видят».

Тезис 4. Не меньше проблем в методиках анализа прогнозных состояний и оценок этноконфессиональной напряженности. Во-первых, налицо сложности и недостатки формальных методик, в том числе экстраполяции, невозможности найти адекватную сложности явления модель аппроксимации динамических процессов. Во-вторых, анализ и оценка напряженности с помощью индексных методик далеки от необходимого уровня релевантности, чаще всего реализуют варианты упрощенной оцифровки содержательных оценочных суждений. Например, представляется интересным вывод о связи уровня межэтнической напряженности со степенью (индексом) этнической мозаичности (ИЭМ) населения. Однако, в одних мультинациональных сообществах эта связь прослеживается, а в других — полностью отсутствует. В-третьих, не обеспечивают необходимой валидности и используемые качественные методики (по крайней мере, те, с которыми знаком), нередко отражающие субъективные исследовательские (что объяснимо), но чаще, идеологические (и политические) установки интерпретаторов содержательной информации. В-четвертых, даже используемые содержательные экспертные прогнозные модели (например, прогнозные сценарии, оценки, тенденции), так или иначе, предполагают, с одной стороны, необходимость учета изменчивой динамики развития прогнозного фона, а с другой, высокую вариативность, вероятностность и интервальность оценки пограничных состояний. Что размывает, деконкретизирует такой прогноз.

Тезис 5. В связи с оценкой уровня этноконфессиональной напряженности объективно возникает еще один важный методологический вопрос. Практически во всех монографиях постулируется как непреложный и неподвергаемый сомнению посыл о том, что межэтническую напряженность необходимо снижать. Вопрос: до какого уровня? Какова та норма, до которой необходимо ее снижать? Ведь всем понятно, что напряженность объективна в силу социокультурных различий, сложившейся идентичности, истории и практики межкультурного взаимодействия, особенностей восприятия и оценки. Она всегда была, есть и будет, хотя бы на фоновом уровне. Более того, даже снизив напряженность, нельзя быть уверенным в том, что она не появится вновь в условиях постоянного социального риска. Используя аналогию в медицине, можно сказать, что напряженность — есть «социальная температура» этноконфессиональных отноше-

ний, но от температуры полностью избавиться невозможно. Когда же речь идет о необходимости, путях и средствах снижения напряженности, то есть об управленческом воздействии на этот объективный процесс и прогнозе его состояния, важно ясно понять то нормативное и/или идеальное состояние, к которому необходимо устремлять снижение. Иначе регуляция будет бесцельной, с неопределенными путями и средствами. Ведь температура — это показатель и важный инструмент не только болезни, но и здоровья. Так и в регуляции этноконфессиональных отношений: есть смысл знать «температуру», постоянно ее отслеживать, прогнозировать и «удерживать» в определенных границах нормативного межкультурного «здоровья».

Список источников

1. Бестужев-Лада А. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М. : Педагогическое общество России, 2002.
2. Гроздьа гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России // Сайт федеральной экспертной сети «Клуб регионов». [Электронный ресурс]. URL: <http://club-rf.ru/rating> (дата обращения: 09.01.2017).
3. Дробижева Л. М. К вопросам методологии мониторинга межнациональных отношений // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. М. : АО «ВЦИОМ», 2016.
4. Примаков В. Л., Образцов И. В., Маткаримова Г. В. Этноконфессиональная напряженность в Российской Федерации: опыт социологического изучения и анализа / под ред. В. Л. Примакова. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014.

13. Будущее в наших городах. Использование социологических инструментов в формировании городских пространств

Е. В. Мартынова

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА УРОВНЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

МАРТЫНОВА Екатерина Владимировна — аспирант кафедры общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, katefrommail@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено изучению процессов, происходящих в локальной территориальной общности под влиянием глобализации. Локальная территориальная общность представляет собой относительно замкнутое пространство. Характерной особенностью общности является осознание членами общности своей принадлежности к ней. Эмпирическим объектом исследования был выбран Академгородок как специфическая территориальная общность. Академгородок является частью района г. Новосибирска и представляет собой общность научного типа, поскольку он изначально создавался как относительно замкнутое и самодостаточное образование в рамках города, в котором наука являлась основной сферой деятельности людей. Глобализация оказывает непосредственное влияние на все сферы жизни общества, в том числе на локальную территориальную общность. В современных условиях в общности наблюдаются одновременно дезинтеграционные и интеграционные процессы. Вследствие глобальных процессов в общности наблюдается тенденция к ослаблению внутренних связей и усилению связей с внешней средой. Объектом исследования выступают процессы глобализации на уровне локальной территориальной общности. Предметом — влияние процессов глобализации на изменения, происходящие в процессе воспроизводства локальной территориальной общности.

Ключевые слова: локальная территориальная общность, глобализация, члены общности, анализ текстов

В настоящее время глобализация затрагивает все сферы: экономику, политику, культуру. Она оказывает влияние не только на общество, в целом, но и на локальные общности.

В современных условиях в общности наблюдаются одновременно дезинтеграционные и интеграционные процессы. Вследствие глобальных

процессов в общности наблюдается тенденция к ослаблению внутренних связей и усилению связей с внешней средой.

Объектом исследования выступают процессы глобализации на уровне локальной территориальной общности. Предметом — влияние процессов глобализации на изменения, происходящие в процессе воспроизводства локальной территориальной общности.

Эмпирическим объектом исследования был выбран Академгородок как специфическая территориальная общность. Хотя Академгородок и является частью района г. Новосибирска, но он представляет из себя специфическую территориальную общность.

Была проведена серия интервью с жителями Академгородка и теми, кто работает в нем. В качестве информантов были выбраны представители трех групп, которые наиболее активно включены в процессы глобализации: сотрудники научных институтов, руководители IT-компаний и преподаватели языковых школ.

Семантический анализ текстов интервью был проведен с помощью программы «TextAnalyst» для определения ключевых слов интервью. Использование этой программы также позволило определить слова, которые напрямую связаны с ключевыми. Эти результаты позволяют сделать выводы о том, какие характеристики Академгородка, глобализации и сферы занятости информантов являются основными.

Семантический анализ интервью сотрудников научных институтов

Ключевыми понятиями стали: «Академгородок», «наука», «экономика», «страны». Информанты описывали Академгородок и глобализацию через науку, экономику и отношения с другими странами. По мнению научных сотрудников, типичный житель Академгородка — это тот, кто связан с наукой. Глобализацию описывали как отсутствие экономических барьеров, изменение отношений с другими странами и ухудшение экономической ситуации в России.

Для каждой из этих ключевых понятий представилось возможным выделить смежные или связанные с ним понятия. Такими понятиями для «Академгородка» стали «НГУ» и «институт». Для понятия «наука» связанными являются «научные исследования» и «институт». Понятие «экономика» включает в себя понятия «экономические процессы», «регионы», «Россия» и «государство». Наличие связи между этими понятиями свидетельствует о том, что в сознании информантов экономические процессы и внешняя политика тесно взаимосвязаны. Для понятия «страны» связанным понятием также выступило «государство». Стоит отметить, что понятие «глобализация» не стало ключевым для этой группы интервью, но представляется возможным выделить его

как более общее понятие, которое связано с понятиями «страны» и «Академгородок».

Семантический анализ интервью сотрудников IT-компаний

Ключевыми понятиями интервью сотрудников IT-компаний стали «компания», «Академгородок», «программа» и «страны». Все эти понятия можно связать со сферой занятости информантов: разработка программного обеспечения и их продажа клиентам из других стран. Академгородок также фигурировал как ключевое понятие интервью как место жительства или работы информантов, но напрямую со сферой занятости это понятие связано не было.

Для каждого ключевого понятия был выделен ряд дополнительных понятий. Для понятия «компания» такими словами стали: «российская компания», «офис», «иностранные компании», «партнеры» и «бизнес». Понятие «иностранные компании» стало ключевым и для термина «страны». Для этого термина также были выделены слова «взаимодействие» и «клиенты». Термин «программа» включает в себя «программное обеспечение» и «программный продукт». Все эти слова, по сути, являются синонимами для описания того, что производит IT-компания. С термином «программа» также тесно связан термин «бизнес», поскольку бизнесом для всех IT-компаний является производство и продажа «программ». Для понятия «Академгородок» было выделено слово «бизнес», т. к. территориально все IT-компании, в которых работают информанты, расположены в Академгородке. В отличие от интервью с сотрудниками научных институтов тесной связи между Академгородком и глобализацией семантический анализ не выявил. С другой стороны, так же как и в случае с сотрудниками научных институтов, сотрудники IT-компаний упоминали термин «глобализация» лишь косвенно, что не позволило выделить его как ключевое понятие. Термин «глобализация» чаще всего упоминался в контексте взаимодействия с другими странами. Можно сделать вывод, что для сотрудников IT-компаний глобализация и Академгородок являются лишь внешними факторами их профессиональной деятельности, они не являются включенными в глобальные процессы (на персональном уровне) и затрудняются дать оценку развитию Академгородка.

Семантический анализ интервью преподавателей языковых школ

В ходе семантического анализа интервью преподавателей языковых школ удалось выделить два ключевых понятия: «Академгородок» и «язык». Как и в случае анализа интервью сотрудников научных институтов и IT-компаний, основной акцент в интервью преподаватели языковых школ сделали на сферу своей занятости. Понятие «глобализация» также упо-

минается косвенно, но тем не менее, удалось установить связь между этим понятием и «языком».

Итак, в результате семантического анализа интервью были выделены две независимых группы понятий, ключевым термином для первой группы стало слово «язык», для второй — «Академгородок». Основными понятиями для слова «язык» стали: «преподавание», «иностранный язык», «английский» и «французский». Словосочетание «иностранный язык» также связано с термином «глобализация», но в явном виде термин «глобализация» в качестве основного выявить не удалось.

С термином «Академгородок» связаны такие слова как: «жители», «Новосибирск», «город», «интеллигентный», «поколение». Данные слова в явном виде демонстрируют два интересных аспекта интервью. Информанты проводили четкое разграничение между Академгородком и Новосибирском. Информанты отметили две характерные черты жителей Академгородка: интеллигентность и наличие в общности поколений жителей.

Жизнь и рабочая деятельность преподавателей языковых школ никак не связаны с глобализацией, за исключением того, что они помогают ученикам в изучении иностранных языков, что способствует включению учеников в глобальные процессы. Преподаватели языковых школ оказались наиболее включенными в жизнь Академгородка как территориальной общности, они четко проводят границы своего поселения и отделяют Академгородок от остального города Новосибирска.

Основные выводы

Семантический анализ текстов позволил выявить ключевые слова в трех группах интервью. Во всех группах ключевым стало слово «Академгородок», но описывали его информанты по-разному. Для сотрудников научных институтов Академгородок является местом их жительства, научной деятельности, для сотрудников IT-компаний Академгородок — это место работы. Преподаватели языковых школ делали акцент на особенностях Академгородка. Тем не менее, все информанты оказались включенными в жизнь общности через взаимодействие с другими членами общности, они воспринимают себя как членов данной общности. Для тех, кто живет в Академгородке, он является неким замкнутым аналогом общества, в котором сосредоточена вся повседневная жизнь. Информанты подчеркивали, что редко покидают пределы общности, поскольку работа и дом находятся в Академгородке. Те, кто только работает в Академгородке, все равно осознают свою причастность к нему, осознают себя членом общности.

Термин «глобализация» ни в одной из групп интервью не стал ключевым, но его связь с другими терминами установить удалось. Для инфор-

мантов из всех групп глобализация является «фоном» профессиональной деятельности, на данный момент глобальные процессы не оказывают на повседневную жизнь информантов существенного влияния.

В настоящее время Академгородок как локальная территориальная общность сохраняет свою уникальность и относительную закрытость. Члены общности по-прежнему осознают границы Академгородка и свою принадлежность к данной общности.

А. Г. Филипова, Е. А. Купряшкина

КЕЙС «ПОДРОСТКИ ЛИЦЕЯ Г. ВЛАДИВОСТОКА»: ОТ МОБИЛЬНОСТИ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ОПТИМАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

ФИЛИПОВА Анна Геннадьевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социального проектирования и прогнозирования ДВФУ, г. Владивосток, Россия; filipova.ag@dvfu.ru

КУПРЯШКИНА Евгения Алексеевна — аспирант кафедры социальных наук ДВФУ, г. Владивосток, Россия; zhenya.gorelowa@yandex.ru

Аннотация. Городское пространство привлекает событийной насыщенностью, разнообразием возможностей для деятельности, широтой социальной информации, предоставляя простор для раскрытия личности и проб себя. Однако в современном городе свое место могут найти далеко не все жители, особенно остро это переживают подростки. В статье представлены результаты пилотажного исследования подростковой независимой мобильности как самостоятельного перемещения со свободным выбором маршрутов. Эмпирический материал исследования собран с помощью методов анкетирования, интервью и наблюдения и разделен на блоки Маршрут «дом—школа», маршруты второй половины дня, маршруты выходного дня, маршруты свободной мобильности. В исследовании приняли участие 70 подростков 11—15 лет, учащиеся лицея, проживающие в г. Владивостоке. Результаты исследования позволили выделить особенности подростковой мобильности, степень доступности и ориентированности городской среды на подростков, а также определить ориентиры прогнозного варианта развития среды г. Владивостока.

Ключевые слова: подростковые мобильности, город, маршруты, свободная мобильность, Владивосток

Формирование научной проблематики современных детских мобильностей происходит в русле так называемого «мобильного поворота — нового способа различных видов путешествий, коммуникаций с тем, как во времени и различных пространствах организуется экономическая и социальная жизнь» [1]. Мобильность — это социально сконструированное движение, обладающее конкретной целью, определенным смыслом и компетенциями (Т. Кресвелл и В. Кауфманн) [2]. Трантер и Вайтлег (Tranter и Whitelegg) ввели понятие детской независимой мобильности

как «свободы детей перемещаться по своему району или городу без присмотра взрослых» [3].

Целью настоящего исследования стало построения сценариев городского развития с учетом выявленных особенностей городских мобильностей подростков. За основу изучения городских мобильностей взяты кейсы — подростки, обучающиеся в лицее г. Владивостока.

Подростки выбраны в качестве объекта исследования, поскольку являются одной из уязвимых групп как исключительно детского, так и всего городского населения. Для них городская среда порождает множественные риски с одновременным ограничением ресурсов. Сами подростки-участники настоящего исследования отмечают игнорирование своих потребностей организаторами городских пространств: «Для взрослых — бары, клубы, для детей — развлекательные центры и аниматоры, а что для подростков? Мне некуда позвать друзей» (Лера, 13 лет), «Я бы рада чаще гулять, но как представляю, сколько ехать до центра...» (Катя, 15 лет).

В лицее г. Владивостока обучается 320 человек с 5 по 11 классы. В исследовании приняли участие 70 лицеистов — 38 девочек и 32 мальчика в возрасте 11—15 лет. Методами сбора эмпирической информации были выбраны наблюдение, методика незаконченных предложений и анкетирование.

Данные, полученные в ходе использования методики незаконченных предложений, и данные зарубежного исследования «Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971—2010)» легли в основу нашей анкеты [3]. Анкетирование проводилось в онлайн формате с использованием опросных форм Google платформы.

Результаты проведенного исследования представлены ниже.

Таблица 1. Путь до школы: способ

Как ты обычно добираться до школы?	Результаты
Пешком	55 %
На общественном транспорте	23 %
На машине	22 %

Таблица 2. Путь до школы: компаньоны

С кем ты обычно добираться до школы?	Результаты
Один	34 %
С родителями	51 %
С другими взрослыми	8 %
Со сверстниками	7 %

Таблица 3. *Путь до школы: время в пути*

Сколько времени у тебя занимает путь до школы?	Результаты
5—15 минут	26%
16—30 минут	33%
31—40 минут	19%
Больше 41 минуты	22%

Обратный путь, по результатам анкетирования, представляет больше возможностей для свободной мобильности подростков, так как более половины опрошенных возвращаются из школы самостоятельно на общественном транспорте (64%), что связано с занятостью родителей в дневное время. Компаньонами на обратном пути чаще всего являются сверстники (47,5%), а в 40% случаев подростки возвращаются домой в одиночку. Таким образом, перемещения в городе после занятий происходят без сопровождения взрослых. Поэтому важно сделать этот путь более безопасным и комфортным для детей.

Также респондентам было предложено высказать свои идеи по поводу способов перемещений в школу и обратно. 35% респондентов указали школьный автобус, что, возможно, связано с потребностью в общении, возможностью выстроить более удобный маршрут, избежать пересадок и сократить время нахождения в пути. На данный момент практика использования школьных автобусов не применяется ни в одной из школ города.

Из следующего блока вопросов мы выяснили, что 78% респондентов после школьных занятий занимаются в различных секциях с частотой посещения: 2—3 раза в неделю — 35%, каждый день — 15%, 1 раз в неделю — 15%, 3 и больше раз в неделю — 13%. Путь до места дополнительных занятий в 41% случаев занимает от 16 до 30 минут, 25% — 5—15 минут, 19% — больше 41 минуты, 15% — от 31 до 40 минут. Большая часть подростков добирается до кружков, секций и репетиторов на общественном транспорте (63%).

Для повышения степени доброжелательности городской среды к детям важно синхронизировать систему маршрутов общественного с местами расположения учреждений дополнительного образования, оборудовать автомагистрали регулируемые пешеходными переходами и виадуками.

Блок вопросов, посвященный прогулкам, позволил получить следующие данные: 34% опрошенных гуляют только в выходные дни, 22% не гуляют, 18% лицеистов гуляют 2—3 раза в неделю, 15% — больше 3 раз в неделю, 11% гуляют каждый день. В качестве мест прогулок с использованием средств активного передвижения (велосипеды, ролики, скейтборды) подростки чаще всего указывали центр города и открытые

общественные пространства (набережные, скверы, парки). Лишь в 9 случаях местами для прогулок названы придомовые территории — «мой двор», «вокруг своего дома», «на районе», «100—500 метров от дома».

Таким образом, в большинстве случаев для свободных перемещений по городу у подростков остаются только выходные дни, чаще всего в компании сверстников (82 % — «гуляю с друзьями»). Это связано с удаленностью наиболее привлекательных и удобных для прогулок общественных пространств от места жительства детей — участников исследования.

Безусловно, городская среда Владивостока сегодня переживает положительные изменения, в т. ч. в области расширения возможностей для свободной мобильности детей. За последние несколько лет созданы новые интерактивные пространства — центр современного искусства «Заря», новый формат молодёжных библиотек «Бук», город профессий для детей «Кидбург», увеличено количество прокатов активных средств передвижения. В планах работ по городскому благоустройству — реконструкция парка Минного городка, где будут выделены специальные полосы для велосипедистов и т. д.

Однако свободное перемещение в городе осложняется проблемами преобладания при возведении новых построек частных интересов над общественными, а в сфере дорожного движения — интересов автовладельцев над интересами пешеходов; сосредоточения доступных общественных пространств исключительно в центре города; некомфортности общественного транспорта (очереди на остановках, переполненные автобусы, отсутствие отопления в автобусах, вынужденные пересадки, отсутствие информационной системы общественного транспорта); неразвитости зон активной мобильности (во Владивостоке нет ни одной велодорожки и мало велопарковок).

В этой связи можно выделить ориентиры прогнозного варианта развития среды г. Владивостока: (1) деление общественных пространств на зоны с учетом возрастных особенностей детей; (2) создание зон активной мобильности; (3) изменение маршрутов общественного транспорта с ориентацией на образовательные учреждения и учреждения дополнительного образования, а также городские общественные пространства; (4) улучшение качества общественного транспорта — оснащение системой навигации и информационной системой оповещения, повышение комфортности и безопасности остановок; (5) развитие придомовых территорий с ориентацией на потребности детей школьного возраста — создание спортивных площадок, беседок и т. д.

Список источников

1. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.

2. Söderström O., Crot L. The Mobile Constitution of Society: Rethinking the Mobility-Society Nexus: MAPS, 2010.

3. Shaw B., Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M. Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971—2010), Policy Studies Institute, London, 2013.

Т.Л. Касимова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОЦИОЛОГА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕДВИЖИМОСТИ В НЕЖИЛОЙ ФОНД (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

КАСИМОВА Татьяна Леонидовна — магистр социологии (НИУ ВШЭ), ответственный секретарь редакции средства массовой информации — международного журнала «Городские исследования и практики (Urban studies and practices)» Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского, г. Москва, Россия; belgian.soup@gmail.com

Аннотация. В сфере недвижимости существует потребность в профессиональных компетенциях социолога, так как некоторые сделки, такие, как перевод квартир в нежилой фонд и их перепланировка, заключаются через проведение общедомовых собраний. За перевод и перепланировку в соответствии с законодательством города Москвы должно проголосовать не менее двух третей собственников. Совокупность собственников дома нуждается в проведении социологического анализа, сегментирования, выработке коммуникационных подходов. В исследовании, основанном на эмпирическом анализе 17-ти ситуаций перевода недвижимости в нежилой фонд, описаны факторы, на которые обращает внимание организатор общедомового собрания при анализе совокупности собственников. Делается вывод о существовании взаимосвязи между поведением собственников и конструктивными особенностями дома, формой представительства интересов собственников, наличием конфликтных историй с нежилыми помещениями. В заключение описываются задачи в сфере недвижимости и городского хозяйства, для эффективного решения которых также требуются компетенции социолога.

Ключевые слова: социология города, рынок недвижимости, общедомовые собрания

Сфера недвижимости приходит на ум далеко не первой, когда думаешь об областях, где бы социолог смог реализовать себя в профессиональном качестве. Однако и здесь существует потребность в компетенциях, которые оказываются сопоставимыми с навыками организации социологического исследования, сегментации аудитории, понимания позиции каждой выявленной категории, продумывания наиболее подходящих форм коммуникации. В своем выступлении я расскажу о сути вопроса,

для решения которого требуются компетенции социолога, а также о формах институционализации спроса на эти навыки.

Значительная часть операций с недвижимостью в соответствии с законодательством проводится через организацию общедомового собрания собственников помещений. К числу таких операций относится согласование перепланировок квартиры, согласование использования части общедомового имущества. Для того, чтобы перевести квартиру в нежилой фонд, что требуется для открытия офиса, магазина или кафе, собственник должен использовать часть общего имущества дома (например, часть фасада для организации отдельного входа), а потому должен добиться согласия на то двух третей собственников помещений многоквартирного дома. Собственников может быть много, в домах, где число квартир достигает нескольких сотен, их число сопоставимо с размером стандартной выборки для социологического исследования.

Чтобы заручиться поддержкой двух третей такой совокупности, необходимо провести тщательный анализ ее мнений по теме перевода и открытия на месте квартиры какого-либо коммерческого учреждения. На мнение жителей влияет целый набор факторов, которые будут представлены в исследовании. Материал для работы был собран методом включенного наблюдения за отдельными ситуациями перевода помещений в многоквартирных домах за период с сентября 2015 по июль 2016 года. География кейсов: районы Митино (2 случая), Пресненский (3), Тверской (3), Нагорный (1), Арбат (1), Северное Бутово (1), Бабушкинский (1), Басманный (1), Перово (1), Марфино (1), Преображенское (1), Кунцево (1), таким образом, 8 объектов в центре города, 9 — на окраинах.

В целом жители отрицательно относятся к переводу квартиры в нежилой фонд, к какому-либо переустройству в принципе. Это объяснимо: выгоды от перевода сомнительны, издержки — очевидны (шум, лишние потоки людей, возможные нарушения фасада и конструкции дома при перепланировке и т. д.). Но на этом общем фоне существуют особенности, которые специалист, организующий собрание, принимает во внимание.

Во-первых, на ход переговоров влияет форма представительства интересов собственников в доме: есть ли в нем ТСЖ, ЖСК, есть ли influential старший по дому, общественный советник и т. д. Чем сильнее оформлено представительство, тем большая вероятность, что у жителей дома есть сформированные коллективные интересы по отношению к общедомовому имуществу (планы провести ремонт, установить шлагбаум, провести озеленение и т. д.). С ними можно проводить переговоры, предметом которых станет компенсация на общедомовые нужды в обмен на подписи за перевод. На очное собрание собственников здесь может

прийти несколько десятков жителей, в случае ЖСК может прийти треть и больше собственников. В ситуации сильного представительства можно сразу понять вероятность перевода: если руководство ТСЖ и, особенно, ЖСК, против, значит, следует сэкономить время и не пытаться проводить собрание. Если дом не имеет сформированного представительства интересов, то переговоры и сбор подписей в нем делятся дольше, но могут обойтись дешевле в силу того, что нет необходимости делать компенсацию на общедомовые нужды. На очное собрание собственников жители здесь могут не прийти вообще. С каждым собственником в таком случае договариваются по отдельности, собственники, живущие в отдалении от переустраиваемой квартиры (например, в другом подъезде), могут сразу поставить подпись «за».

Во-вторых, на отношение собственников влияют конструктивные особенности дома и его расположение. Чем ближе к центру — тем выше стоимость квартир и благосостояние жильцов, поэтому выше окажется компенсация. Чем дом старше, тем больше опасений, не повредит ли перепланировка конструкциям и облику дома. В новостройках, особенно качественных, также сложно получить согласование, так как собственники приобрели там квартиры самостоятельно (а не получили по наследству или приватизировали), а потому с особым вниманием относятся к объекту своих инвестиций. Если дом представляет какую-либо архитектурную ценность, возможность получить согласование резко снижается. Наиболее простой для получения согласования объект — дом средней «устроенности», расположенный в малоудобном для проживания месте (на шоссе), в котором много квартир сдается в аренду. В таких домах чаще всего грязные подъезды, сломанные мусоропроводы, плохой ремонт, — все это признаки безразличия собственников к общедомовому имуществу и признаки легкости получения согласования. Также легко получить согласование в доме, у которого имеется небольшой конструктивный недостаток, например, отсутствие ремонта в подъезде, и этот недостаток осознается в качестве проблемы большим числом собственников. Его можно устранить в обмен на согласование.

В-третьих, организатору собрания необходимо выяснить, возникали ли у жителей дома конфликтные ситуации по теме уже существующих в доме нежилых помещений, и, если да, то каково их содержание. Если на фасаде дома после перепланировки возникла трещина, если существуют жалобы на шум от ресторана, на разгрузку товаров для магазина во дворе, то получить согласование на перевод будет практически невозможно.

Совокупность собственников тщательно анализируется исходя из этих факторов, делится на категории, для каждой из которых продумываются свои формы коммуникации. Даже компенсация может быть выдана

только одной категории собственников (жители подъезда с переводимой квартирой, правление ТСЖ/ЖСК, группа «недовольных» и т. д.), либо разным категориям могут быть сделаны разные компенсации.

Компетенции социолога могут применяться не только в ситуациях проведения общедомового собрания для перевода и перепланировки квартиры. Они нужны для решения конфликта с собственником / группой собственников, анализа мнений по поводу планируемого в районе строительства и реконструкции, открытия соседского центра, переустройства рынка, то есть, во всех случаях, когда необходимо выяснить и урегулировать мнения жителей по вопросам использования каких-либо вещественных объектов (находящихся в собственности и/или часто эксплуатируемых). Этот спрос часто не осознается как спрос на именно профессиональные социологические услуги, но, по сути являясь таковым, имеет большой потенциал к институционализации.

Список источников

1. Постановление от 27 октября 2015 г. N 692-ПП о переводе жилых (нежилых) помещений в нежилые (жилые) помещения, признании нежилых помещений жилыми помещениями, пригодными для проживания. URL: https://dgi.mos.ru/upload/iblock/278/postanovlenie-ot-27.10.2015-_692_pp-perevod-zhiloe-nezhiloe.pdf.
2. Административный регламент по предоставлению государственной услуги «Согласование переустройства и (или) перепланировки жилых и нежилых помещений в многоквартирных домах и жилых домах и оформление приемочной комиссией акта о завершенном переустройстве и (или) перепланировке помещений в многоквартирных домах и жилых домах» в городе Москве (Утвержденный Постановлением Правительства Москвы от 25.10.2011 N 508-ПП «Об организации переустройства и (или) перепланировки жилых и нежилых помещений в многоквартирных домах и жилых домах»). URL: <http://mgi.mos.ru/legislation/lawacts/651310/?special=y>.

Д. А. Нанактаев, В. А. Землянский

АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ ХАРАКТЕРОМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ЧАСТОТОЙ СОВЕРШЕНИЯ УЛИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В Г. РАДУЖНЫЙ, ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

НАНАКТАЕВ Дмитрий Андреевич — студент кафедры архитектуры (бакалавриат V г. о.), Владимирского Государственного Университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Радужный, Россия; nanaktaev@gmail.com

ЗЕМЛЯНСКИЙ Виталий Андреевич — студент географического факультета (магистратура I г. о.), Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, г. Радужный, Россия; minaytirit@gmail.com

Аннотация. Данное исследование направлено на выявление главных очагов уличной преступности в городе Радужном (Владимирская обл.), анализе причин их формирования и предложении возможных решений, способных улучшить криминогенную обстановку. Радужный — малый город Владимирской области. Общая численность населения — 18368 человек. В качестве исходных данных использовались архивные записи о совершении уличных преступлений на территории города в период за 2010—2016 гг. В результате систематизации и обработки данных выделено 14 классов уличных преступлений различного характера. На основе официальных градостроительных данных и спутниковых снимков была построена картосхема, охватывающая основную часть города (без учета промышленной зоны). На картосхеме отмечены места совершения уличных преступлений, для каждого из классов преступлений выделено собственное цветовое обозначение. Преступления, совершенные ночью и днём, вынесены на отдельные слои. В результате анализа полученной картосхемы выявлены основные очаги уличной преступности, выявлена их приуроченность к объектам торговли и транспортной инфраструктуры, слабо освещенным участкам жилых кварталов. Разработаны меры, направленные на сокращение случаев противоправной деятельности на данных территориях. Рекомендации будут предложены вниманию муниципальных органов власти.

Ключевые слова: преступность, анализ, город

В разных участках города уличные преступления совершаются с различной частотой [1]. Определенные черты городского пространства, такие как уровень освещенности, просматриваемость территории из окон

жилых домов, соседство с теми или иными общественными зданиями и т. д., способны сильно влиять на криминальную обстановку. Данное исследование направлено на выявление главных очагов уличной преступности в городе Радужном (Владимирская обл.), анализе причин их формирования и предложении возможных решений, способных улучшить криминогенную обстановку.

Радужный — малый город Владимирской области, расположенный в 25 км к юго-западу от областного центра, в стороне от основных транспортных путей. Общая численность населения — 18368 человек, средний возраст — 38,5 лет. Уровень безработицы — 1,4%. Важной чертой города является его закрытый статус — Радужный был основан в 1972 г. как рабочий поселок при Государственном лазерном центре «Радуга», в 1998 году преобразован в ЗАТО [2].

Город состоит из пяти жилых кварталов (два из них застроены индивидуальными жилыми домами), функции которых распределены неравномерно: основной объем социальной инфраструктуры сосредоточен в первом квартале. Большая часть населения проживает в первом и третьем кварталах. В центре города находится т. н. межквартальная полоса, участок между первым и третьим кварталом, административно принадлежащий к первому кварталу, но фактически отделенный от него автомобильной дорогой — место сосредоточения большого количества объектов торговли и основное транспортное ядро города. Промышленные предприятия вынесены за пределы основной части города и отделены от него лесопарковой зоной.

В качестве исходных данных использовались архивные записи о совершении уличных преступлений на территории города в период за 2010—2016 гг. В результате систематизации и обработки данных выделено 14 классов уличных преступлений различного характера. На основе градостроительных данных из схемы современного использования территории, схемы градостроительного зонирования [3] и спутниковых снимков «Яндекс» была построена картосхема, охватывающая основную часть города (без учета промышленной зоны). На картосхеме отмечены места совершения уличных преступлений, для каждого из классов преступлений выделено собственное цветовое обозначение. Преступления, совершенные ночью и днём, вынесены на отдельные слои.

В результате анализа полученной картосхемы выявлены основные очаги уличной преступности, выявлена их приуроченность к объектам торговли и транспортной инфраструктуры, слабо освещенным участкам жилых кварталов. Разработаны меры, направленные на сокращение случаев противоправной деятельности на данных территориях. Рекомендации будут предложены вниманию муниципальных органов власти.

Список источников

1. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое Издательство, 2011.
2. ЗАТО город Радужный Владимирской области. Официальный сайт органов местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raduzhnyi-city.ru/city/index.php> Город — общая информация (дата обращения: 15.02.2017).
3. ЗАТО город Радужный Владимирской области. Официальный сайт органов местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raduzhnyi-city.ru/city/master-plan/index.php> Генеральный план (дата обращения: 15.02.2017).

Д. А. Радченко

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЕ ФОТОГРАФИИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЖИЗНИ МОНОГОРОДОВ

РАДЧЕНКО Дарья Александровна — кандидат культурологии, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ Стрелка; директор Центра исследований фольклора и антропологии города Московской высшей школы социальных и экономических наук, г. Москва, Россия; radchenko@strelka-kb.com

В современном мире фотографии, сделанные в своем или чужом городе, являются достоянием не только автора и его ближайшего окружения, но и выкладываются в социальные сети. Как и другие сообщения в социальных сетях, они призваны обеспечить подтверждение социальной востребованности индивида (в форме лайков и комментариев), однако пересматривать и тем более комментировать бесконечные сотни одинаковых фотографий невозможно. Поэтому пользователю социальных сетей необходимо отобрать не просто наиболее качественные и художественно удачные фотографии, но те, которые имеют шансы на максимальный успех — а для этого нужно представление об ожиданиях целевой аудитории и ее умении интерпретировать визуальное сообщение (в отсутствие рассказчика, дающего комментарии о содержании каждого снимка, зритель должен суметь реконструировать «нарратив об увиденном», дешифруя те знаки-объекты, которые запечатлел фотограф). В итоге материалы, выложенные в сеть, оказываются социально нормированы — именно это позволяет сделать по ним выводы о предпочтениях не отдельных индивидов, а крупных социальных конгломератов. Большие массивы данных, созданных благодаря распространенности любительской фотосъемки и выкладыванию ее результатов в социальные сети, могут рассказать о том, как люди видят город — на что они обращают внимание, а что в нем остается «слепой зоной», какие участки они считают престижными, для чего посещают те или иные места.

Этот взгляд оказывается особенно значимым в ситуации, когда происходит выработка стандартов благоустройства для городских пространств разного масштаба. Одно из ключевых решений в этом процессе — типологизация пространств по ряду параметров, в том числе, по особенностям пользования ими, и определение границ применимости стандартов для уникальных территорий. Для того, чтобы корректно произвести эти решения, необходима такая методология исследований, которая, с одной стороны, позволит выявить паттерны пользовательского поведения, а с другой — ранжировать территории по тем или иным их особенностям.

Анализ пользовательских фотографий в социальных сетях успешно применяется в качестве одного из инструментов предварительного комплексного обследования.

Как правило, для анализа таких массивов применяется подход big data, нацеленный на автоматизированный анализ фотографий ([Tifental et al, 2015; Crandall et al, 2009; Popescu et al, 2009] и др.). Однако чем меньше размер изучаемой территории и интенсивность фотосъемки в ее границах, тем выше уровень ошибки при анализе данных, вызванной некорректным определением объекта, неверным геотегингом и т. п. Поэтому в настоящем исследовании, нацеленном на изучение относительно небольших городских поселений, мы опираемся на корпусный подход, активно применяемый в анализе туристических маршрутов (см. напр.[Haywood 1990; Garrod 2008; Donaire et al 2014]).

Активность общественных пространств

Популярность территории определяется не только абсолютным количеством сделанных здесь фотографий, но и по косвенным признакам. Одним из наиболее ярких показателей такого рода является режим освещенности фотографий: доля снимков, сделанных в темное время суток, закономерно выше на тех территориях, где безопасно находиться после захода солнца и есть возможности для вечерней досуговой активности.

В целом, для моногородов (независимо от их размера) преимущественно характерна дневная активность. Количество фотографий, сделанных в темное время суток, редко превышает 15% (для сравнения, средневзвешенный показатель для центра Москвы составляет 30%). Наиболее благополучными (безопасными и обеспеченными вечерними сервисами) оказываются города Новотроицк и Кумертау.

Прямой корреляции между размерами моногорода и его освоенностью не наблюдается, хотя крупные города — Набережные Челны, Миасс, Кумертау, Краснотурьинск — в целом более центрированы: жители и гости города более склонны фотографировать незначительное число значимых улиц, в основном центральных и/или насыщенных сервисами. Небольшие по размеру города освоены гораздо плотнее — здесь фотографируются почти везде, не только на центральных улицах, но и по месту жительства. Неожиданно, по равномерности освоения города (числу активно фотографируемых улиц) лидируют Суворов, Камешково и Володарск. Напротив, в городе Сокол 75% снимков сделано всего на четырех улицах города (из 193).

Группы пользователей

В целом, молодежь посещает те же ключевые территории, что и остальные жители моногорода. Однако можно сказать, что молодежь выбирает

скорее не локализацию, а время для социальной активности: вечерняя активность характерна именно для этой группы населения. Таким образом, пользование публичными пространствами города, по-видимому, распределено во времени: днем оно «занято» семейной и возрастной аудиторией, вечером — молодежными компаниями. Городские праздники, в основном, притягивают семейную аудиторию, молодежь здесь оказывается в меньшинстве. В целом, во многих городах наблюдается дефицит досуговых сервисов для молодежи, в связи с чем ее социальная активность разворачивается либо дома, либо во дворах в непосредственной близости от места проживания или учебы, либо в «неподнадзорных» территориях, где молодежь может уклониться от контроля взрослых (спортивные площадки, неблагоустроенные озелененные территории, крыши и т. п.).

Одним из важных показателей «здоровья» территории является количество сделанных на ней портретных фотографий. В общем случае, высокая доля портретных фотографий на фоне какого-то объекта говорит о повышенном интересе пользователей к этому объекту. Так, среди фотографий зданий ГУМа в Ветошном переулке 73 % составляют портретные фотографии (при том, что в среднем портретное изображение человека присутствует на 30 % фотографий обследованных улиц центра Москвы). Снимаясь на их фоне, посетители устанавливают телесную связь с этим центром престижа. При этом в Москве поведение местных жителей и приезжих по этому критерию практически не различается: и те, и другие охотнее фотографируются в одних и тех же местах.

Однако на ряде территорий, не имеющих статусных объектов, уровень портретной фотосъемки резко возрастает до 90 и более процентов. Это территории, где люди проводят достаточно много времени, но при этом визуально монотонные. Здесь нечего фотографировать, кроме самих себя; территории «неинтересные», «привычные», которые не обладают эстетической ценностью и которые не хочется сфотографировать «на память». В крупных городах такими территориями, где де оказываются парки: когда взгляду не за что зацепиться, люди фотографируют свое времяпровождение, друг друга.

В обследованных моногородах такая ситуация оказывается типичной: во всех случаях фотографии людей доминируют над «пустыми» городскими ландшафтами с большим отрывом. Город, даже исторический центр, не воспринимается как привлекательное место — это всего лишь территория проведения досуга. Интерес к самому городу несколько выше у приезжих, которые охотно фотографируют «открыточные виды» на память (если у местных в среднем 93 % фотографий содержат целенаправленное изображение человека, то у приезжих — 84 %).

Так, в г. Канаш основные достопримечательные объекты фотографируются приезжими (15 % от всех фотографий гостей города составляют снимки памятников и городских скульптур, тогда как у местных жителей — только 6 %, причем обычно в связи с особыми событиями — например, свадьбой). В то же время зеленые зоны привлекают в основном местных жителей.

Интересно, что разница показателей местных и приезжих в каждом городе уникальна. Так, в городе Тутаеве разница составляет 23 % — приезжим интересны старинные храмы, которые не привлекают местных жителей. В то же время в богатом историческими памятниками Гороховце эта разница всего 9 %: жители города не обращают большого внимания на архитектурные памятники в силу привычки, а приезжих в основном притягивает не исторический ландшафт, а «монотонный» горнолыжный комплекс, где они фотографируют друг друга.

Список источников

1. Crandall D., Backstrom L., Huttenlocher D. and Kleinberg J. Mapping the World's Photos // WWW '09 Proceedings of the 18th international conference on World wide web. P. 761—770.
2. Donaire Jose A., Camprubi Raquel, Gali Nuria. Tourist clusters from Flickr photography // Tourism management perspectives. 2014. Vol.11. P. 26—33.
3. Garrod B. Exploring place perception. A Photo-based Analysis. Annals of Tourism Research. 2008. 35(2). P. 381—401.
4. Haywood K. M. Visitor-employed photography: an urban visit assessment. // Journal of Travel Research. 1990. 29(1). P. 25—29.
5. Popescu Adrian, Grefenstette Gregory, Moellic Pierre-Alain. Mining tourist information from user-supplied collections // CIKM '09 Proceedings of the 18th ACM conference on Information and knowledge management. ACM New York, NY, 2009. Pages 1713—1716 Tifentale, Alise, Manovich, Lev. Selficity: Exploring Photography and Self-Fashioning in Social Media // Postdigital Aesthetics. David M. Berry, Michael Dieter, eds. Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 109—122.

Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В МУЛЬТИПЛИКАЦИИ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗРИТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, по-литологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия; nl_nsk@mail.ru

СТОРОЖЕВА Светлана Петровна — кандидат культурологии, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия; sv.stor@yandex.ru

Аннотация. Авторы обращаются к вопросам исследования визуальных образов этнокультурного многообразия, создаваемых в мультипликационном кино. В статье рассматриваются возможности мультипликационного кино в формировании межкультурной компетентности, диалогичного познания своей и чужой культуры, подчеркивается, что в условиях визуализации и массовизации культуры, мультипликация выступает одним из действенных каналов трансляции культурного многообразия, в том числе и этнокультурного. Авторы приводят некоторые результаты исследования аспектов зрительского восприятия средствами мультипликации этнокультурного многообразия. Анализируют представления и интерпретации зрительской аудитории (студенты младших курсов) культурного многообразия, интерес и чувствительность аудитории к особенностям культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, мультипликация, этническая культура, этнический «другой», познание культуры, диалог культур.

Современная анимация позиционирует себя как часть единого социокультурного пространства информационного общества, причем, сфера её приложения постоянно расширяется: от рекламы на ТВ до компьютерных игр, от Интернета до игрового и научно-популярного кинематографа [1]. Благодаря тому, что мультфильмы отражают характерные черты той или иной страны, они становятся важным транслятором культурных, моральных и ценностных установок.

Примером социологического исследования динамики моральных ценностей населения России на материале детских мультипликационных фильмов периода 1980—2006 годов является работа М. А. Елецкой [2].

Предметом исследования был выбран образ положительного и отрицательного героя, отражающего ценностные ориентации россиян. Автор подчеркивает, что мультипликация как вид искусства является частью массовой культуры и потому мультипликационный герой, как положительный, так и отрицательный, является выразителем моральных норм и ценностей современного общества [2, с. 497]. Поэтому представляет интерес изучение мультипликации в аспекте ее восприятия зрителями, в том числе в вопросах восприятия визуальных репрезентаций этнокультурного многообразия.

Несмотря на то, что в мультфильмах часто встречаются сюжеты, представляющие многообразие культур, гораздо чаще пространство мультипликационного фильма маркировано по типу поселения (городское/сельское) или по профессиональным признакам, и на первый план выходят универсальные черты, ситуации, культурные практики. Мультипликационные фильмы представляют психологические типы, различные аспекты взаимоотношений, качества личности (трудолюбие, коммуникабельность, мастерство, гендерное распределение ролей, виды деятельности, модели действия в определенных ситуациях) не зависимо от типов культуры. Мир людей рассматривается в антиномии мира не-людей (животных, птиц, насекомых, техники и т. п.). Такие визуализации социального мира являются одним из способов формирования толерантного отношения к другому, подчеркивают не столько различия, сколько сходства. Тем не менее, культурное многообразие признается значимым социализирующим фактором, который не может не приниматься во внимание.

Задача исследования состояла в том, чтобы выявить картины и сюжеты, в которых юные зрители находят образы культурного многообразия, и в особенности этно-культурного многообразия мира, и оценки, которые зрители дают этим сюжетам, выявить зрительские предпочтения в мультпросмотре (страна-производитель картины, жанровые предпочтения, информированность о существующих российских примерах визуализации этнокультурного многообразия средствами мультипликации).

В исследовании приняли участие 241 студент (64% юноши и 36% девушки) разных курсов, обучающиеся на факультетах технического, экономического и гуманитарного направлений Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск). Особенности респондентов как зрителей анимационного кино можно охарактеризовать следующим образом. Исследование проводилось среди молодежной студенческой аудитории, которая следит за новинками, в том числе, и в мультипликационном кино. Многие являются зрителями полноэкранных мультипликационных картин (приводимые примеры

отражают осведомленность респондентов в современном репертуаре анимационных лент, демонстрируемых в кинотеатрах). 90 % опрошенных смотрят мультфильмы и согласны с тем, что мультипликация есть «искусство для всех возрастов». Только 10 % ответили, что анимация — это «искусство для детей дошкольного и младшего школьного возраста». Среди причин, по которым студенты не смотрят мультипликационные фильмы, были отмечены: мало свободного времени; не интересно; не нравится; не нахожу в них информацию, полезную для меня; не смотрю, потому что считаю себя взрослой; просто не люблю; современные мультфильмы глупые; созданы для определенной аудитории, в которую я не вхожу. В семьях 32 % респондентов есть дети дошкольники и младшие школьники, что позволяет сделать предположение об их более широком знакомстве с современным анимационным искусством и его репертуаром, который ориентирован на младшие возрастные группы. Респондентам были заданы вопросы об их интересе к анимации. Распределение ответов на эти вопросы приведены в таблице 1.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопросы анкеты*

Вопросы	Юноши (100 %)		Девушки (100 %)	
	Да (%)	Нет (%)	Да (%)	Нет (%)
Смотрите ли Вы мультипликационные фильмы на иностранных языках?	55	45	35	65
Читаете ли Вы литературу о мультипликации?	16	83	16	83
Известны ли Вам сайты о мультипликации?	52	48	20	80
Путешествуете ли Вы?	50	50	55	54

На открытый вопрос назвать пять наиболее запомнившихся сюжетов, в которых нашли отражение черты той или иной культуры ответ дали 73 % респондентов, однако многие из приведенных сюжетов можно рассматривать как этнографические только в очень широком аспекте.

В качестве примеров назывались мультипликационные фильмы российского производства «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Сказка о рыбаке и рыбке», мультсериал «Лунтик», серия полнометражных мультипликационных фильмов «Три богатыря». Только дважды был назван один из крупнейших проектов в истории отечественной анимации мультипликационный сериал по мотивам сказок народов России «Гора Самоцветов» (Студия «Пилот»), где тема

этнокультурного многообразия раскрыта глубоко и многогранно. Еще один российский проект, получивший высокие оценки экспертов и зрителей — «Колыбельные мира» не назвал ни один респондент. Специалисты отмечают не только художественную значимость этого проекта, но и интерес к картинам мира, ценностям, мироощущениям других культур, ставших ключевой темой мультсериала. В изобразительном решении узнаваем колорит того народа, чья колыбельная звучит.

Гораздо полнее в примерах приведены мультипликационные фильмы производства США, такие как Алладин, Анастасия, Белоснежка, Зверополис, Золушка, История игрушек, Красавица и чудовище, Ледниковый период, Маугли, Мадагаскар, Покахонтас, Рапунсель, Рататуй, Рио, Тайная жизнь домашних животных, Тарзан, Тимон и Пумба, Храбрый сердцем, Ясон и герои Олимпа и даже Том и Джерри.

Среди названных мультипликационных сюжетов отдельную группу составили фильмы производства японских аниматоров Сайлор Мун, Наруто, Аниме как направление, отражающее особенности культуры.

Для выявления интереса и чувствительности к особенностям культуры мы поинтересовались у респондентов, обращают ли они внимание на культурные особенности в повседневной жизни. 44 % респондентов ответили, что обычно обращают внимание на особенности других культур, 42 % обращают на них внимание, когда это не совпадает с их представлениями и привычками, 13 % — выбрали подсказку «нет, я не обращаю на это внимания». Выражая свое отношение к культурным отличиям, 70 % респондентов ответили, что они им интересны, так как помогают понять особенности своей культуры. 9 % студентов признались, что культурные особенности усложняют общение между людьми, 20 % отметили, что они их не замечают.

По мнению Ирины Боковой, генерального директора ЮНЕСКО, культурное «разнообразие является источником обновления идей и обществ. Оно представляет огромный потенциал для роста, диалога и социального участия» [3]. М. М. Бахтин писал «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже... Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, новые смысловые глубины. ... При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются» [4, с.335]. Таким образом, вся палитра визуальных репрезентаций этнокультурного многообразия в мультипликации, зачастую выполненная в стиле наив, способствует созданию условий для диалогичного познания культуры, осознания полифоничности мира и единства цивилизации в многообразии культур.

Список источников

1. Ермилова Г. И. Постмодернизм и воплощение его основных принципов в современной анимации : автореф. дис. ... к. филос. н. [Электронный источник]. М., 2006. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/content/postmodernizm-i-voploshchenie-ego-osnovnykh-printsipov-v-sovremennoi-animatsii>.
2. Елецкая М. А. Эволюция ценностных ориентаций россиян: положительные и отрицательные герои российских мультфильмов // Традиции и инновации в современной России/Под ред. Гофмана А. Б. М. : РОССПЭН. 1998.
3. 21 Мая — Всемирный День культурного многообразия. Сайт Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные Города и Местные власти» [Электронный источник]. URL: <http://test.adimo.ru/news/novosti-partnerov-i-chlenov-ogmv/21-maya-vsemirnyy-den-kulturnogo-raznoobraziya/>.
4. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Художественная литература, 1979.

А. Н. Попадин

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯДРО И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДА И КЁНИГСБЕРГА

ПОПАДИН Александр Николаевич — историк архитектуры, культуролог, г. Калининград, Россия; popadin@tuwangste.ru

Аннотация. На примере урбанистического проекта «Сердце города» в Калининграде и формирования нового ядра ставится проблематика проектирования символических смыслов и функционального периметра новых общественных пространств, с учётом опыта Калининграда и Кёнигсберга в этой части.

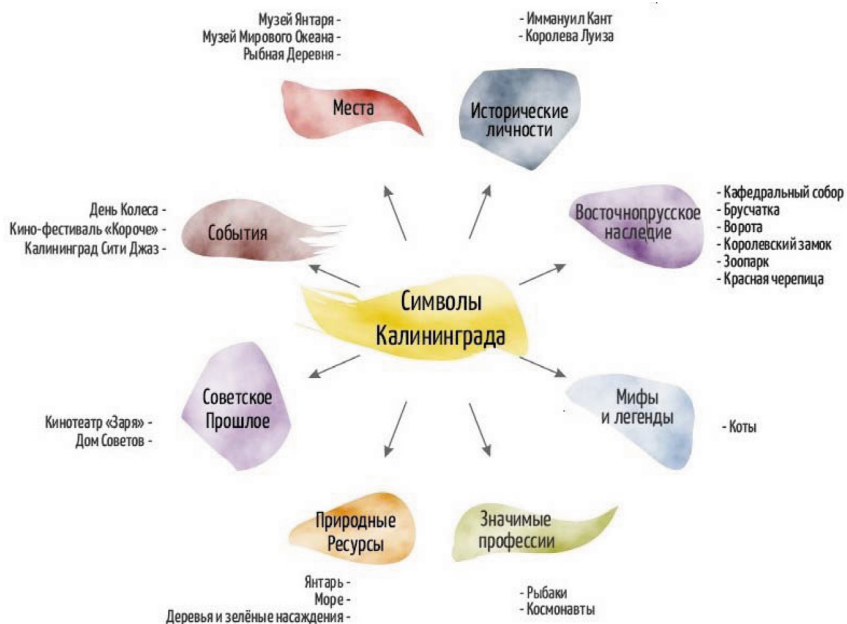
Ключевые слова: город, общественное пространство, площадь, символическое значение, функция, социологический инструмент, проектирование, соучастное проектирование

1. «Это не благоустройство!!» — проектирование общественных пространств как новая старая практика. Система общественных пространств районного и общегородского типа: иерархия и типология.

Если сравнивать сложившуюся городскую структуру довоенного Кёнигсберга и послевоенного Калининграда (наложенную зачастую «поверх» структуры улиц Кёнигсберга, палимпсестом), то видна типологическая разница общественных пространств, причём советский Калининград скуднее немецкого Кёнигсберга. В практике советских градостроителей как типология отсутствует торговая\пешеходная улица, «ринг» (Ганза-ринг, ныне начало пр. Мира), ландшафтный парк в черте города (Луизенваль и Макс-Ашман-парк), классицистическая площадь (бывшая Парадеплац в районе нынешней ул. Университетской усилиями советских градостроителей потеряла форму и структурные признаки), общерайонная площадь (пример — район бывшего кинотеатра «Победа» на пр. Победы), квартальный микроплац (на пересечении крупных районных улиц, пример — перекрёсток улиц Вагоностроительной и Радищева). Основная идея, структурирующая советские общественные пространства, лежала в плоскости идеологии, мемориализации ВОВ либо (что реже) развлечений. (Пример: пл. Василевского, пл. Победы, сквер возле монумента «Мать-Россия», парк им. Калинина). Функционал общественного

пространства советского Калининграда понимался скорее в обслуживании идеологии, чем в хоть как-то понимаемом «городском комфорте».

Сегодня задача формирования общественных пространств общегородского или общерайонного масштаба встречает два препятствия: непонимание со стороны муниципальных политиков самой задачи как отличной от «благоустройства»; и тот факт, что общепринятая технология такого проектирования в РФ только складывается и в ней не последнее место предстоит занять социологическим инструментам.

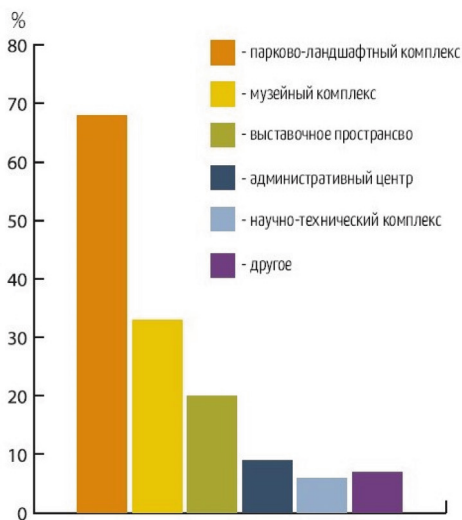

2. Пространственное ядро и функциональный периметр: общегородские общественные пространства в связке с функциональной структурой периметра. Социологические инструменты в проектировании ядра и функционального периметра.

Для Калининграда сейчас стоит стратегическая урбанистическая задача формирования «Столичного ядра» на месте исторического возникновения Кёнигсберга, в районе Королевской горы (район ул. Шевченко\ Московского проспекта). В том числе здесь неизбежно возникнут общественные пространства общегородского и межрайонного масштаба, которые необходимо проектировать раньше (либо параллельно) окружающей их застройке. В этом проектировании предполагается со-

четание как минимум двух слоёв смысло- и формо-образования: слой символический (идеологический) и слой функционального окружения (периметра) общественного пространства, ведь зачастую именно второй слой задаёт прагматическую составляющую всему проекту. В частности, в Калининграде планируется формирование новой Главной площади в указанном ареале Королевской горы, а также система общественных пространств, от Нижнего озера до реки Преголи. В выработке символического и функционального наполнения этих пространств необходимо использовать как минимум два социологического инструмента: выработка идей через формат «мозгового штурма», и тестирование этих идей на нескольких контрольных группах: «соседних жителей», ЛПР, экспертах в сфере туризма, в бизнес-сообществах (потенциальных держателей бизнес-функций на этих общественных пространствах).

Каким Вы видите район "Сердце города" в будущем?

3. Соучастие населения в проектировании общественных пространств: ожидания (надежды) и реальные технологические пределы участия. Роль социологических инструментов в связке «постановка рамок и первичных задач — выработка идей — уточнение задач — соучастное проектирование — формирование проекта — контроль за строительством — эксплуатация».

В части использования социологических инструментов в проектировании общественных пространств существует конфликт между описательной и проектной модальностью в использовании социологических инструментов. Сложные общегородские пространства требуют методики многоступенчатых фаз проектирования, и если отталкиваться только от описания «положения вещей», то проектное действие будет воспроизводить идеи, но не генерировать новые идеи или дополнительные качества. Продуктивнее методика «соучастного проектирования», когда в проектной технологической цепочке «постановка рамок и первичных задач — выработка идей (в т. ч. с «мозговым штурмом») — уточнение проектных задач — соучастное проектирование — формирование профессиональной части проекта — обсуждение его с ЛПР и с жителями — контроль за строительством — эксплуатация»; но его ограничения состоят в двух пунктах: риск «пустого продукта» (ничего не придумали, а признать это всегда затруднительно для участников) и постановка задачи вне контекста исчерпывающей цепочки проектирования и достижения конечной цели.

Figure 2. Из отчёта А. Ненько, Т. Адаменко

3. Ненько А., Адаменко Т. Отчёт по социологическому исследованию «Калининград. Сердце города. Проект развития глазами калининградцев». Школа городских трансформаций, НИУ «ИТМО», MLA+, 2014 г. Официальный сайт проекта. URL: <http://sg39.ru/publications/#kaliningrad-serdtse-goroda-proekt-razvitiya-glazami-kaliningradtsev>.
4. Отчет по функциональному программированию «Пост-замка». Off-The-Grid Studio, июнь 2015. Официальный сайт проекта. URL: <http://sg39.ru/publications/#otchet-po-funktsionalnomu-programmirovaniyu-post-zamka-iyun-2015>.
5. Итоговый альбом открытого Международного архитектурно-градостроительного конкурса (январь—сентябрь 2014) / отв. редактор А. Попадин, Калининград :«Пикторика» : НП «Градостроительное бюро «Сердце города», 2014 г.
6. Кристофер Александр. Язык шаблонов. Города—Здания—Строительство. Изд. Студии А. Лебедева, 2014.
7. Aymonino A., Mosco V.P. Contemporary Public Space Un-volumetric Architecture. Skira editore, 2006.

А. П. Сегал

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА. НЕОЖИДАННЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕКЛАМУ

СЕГАЛ Александр Петрович — кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; segal.alexander@gmail.com

Аннотация. В контексте современной динамики социальных трансформаций, обусловленных распространением информационно-коммуникационных технологий, особую актуальность обретает проблема адекватных и корректных коммуникаций, в значительной мере формирующих городскую среду. Социальная ответственность таких профессионалов коммуникационной отрасли, как специалисты по связям с общественностью, бренд-менеджеры и рекламисты, в современных условиях существенно возрастает.

Ключевые слова: реклама, коммуникации, PR-технологии, обыденное сознание

Мы уже привыкли к алармизму, связанному с воздействием человека на окружающую среду. Но СМИ и «общественность» крайне редко вспоминают, что социокультурная среда окружает горожан еще плотнее, чем природная. Архитектура, реклама, дизайн, тексты, световые и цветовые сочетания, звуки, шумы и мелодии формируют (или деформируют) повседневную среду обитания, — а вместе с ней и культуру, образование, язык, сознание тех, кто в ней живет, а в особенности тех, кто *начинает* жить.

Реклама — один из самых заметных и, увы, агрессивных элементов городской среды. Вот пример.

Известные рекламные слоганы гласят:

- «Мечты сбываются **вместе с Данон!**»
- Пейте **Кока-Кола!**

Нормы русского языка предусматривают *склонение* имен собственных, включая названия заводов, газет, пароходов: вместе с «Даноном», пьем «Кока-Колу», в «Известиях». Если название изменять нежелательно, можно добавить родовое имя: с *компанией* «Данон», пьем *напиток* «Кока-Кола», в *газете* «Известия». К сожалению, владелец бренда платит и «заказывает музыку». И вот уже беспредежное именование «переползает» с брендов на географические названия и фамилии. Форма: «Я из города Орёл» — становится нормой. В случае с фамилиями от склонения отказы-

ваются на всех сколько-нибудь сомнительных ситуациях. А что же словари и учебники? К сожалению, по тиражам и присутствию в медиа-поле они безнадежно проигрывают рекламе.

А ведь падежи в синтетическом языке демонстрируют *отношение субъекта и объекта*. Нет падежа — и непонятно, кто действует, и на что действие направлено. Мысль превращается в рыхлую субстанцию рекламы. И сегодня нас позовут в магазин за Данон и Кока-кола, а завтра, быть может, — за мясо и хлеб.

Еще одна заметная особенность современной письменной культуры вообще и рекламы в частности — вольное обхождение с кавычками. С одной стороны, — упорное нежелание закавычивать бренды. По-видимому, бренд-менеджеры слышали где-то, что в русском языке кавычки отражают ироничное отношение: мол, если йогурт «Данон» — то это не совсем и йогурт...

Напротив, в административном новоязе — тысячи кавычек на всех уровнях — от федерального до муниципального.

Вот некоторые шедевры:

- Муниципальное образование «Городской округ Химки»;
- Муниципальное образование «Сельское поселение Ильинское»;
- «...Наделить муниципальное образование «Щелковский район Московской области» статусом муниципального района...»;
- Городской округ «город Липецк»;
- ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Плоды этого «административного творчества» с вывесок многочисленных учреждений ежедневно мозолят глаза тысячам граждан, вместе с безграмотной рекламой уродуя городское культурное пространство.

Вот, к примеру, новые таблички с названиями улиц. «Профсоюзная улица» — нормально. А вот рядом — «Архитектора Власова улица» и «Академика Пилюгина улица». В документах это может быть удобнее — для автоматической расстановки по алфавиту. Но есть еще живой русский язык и его носители, вынужденно включающие эти корявые конструкции в свой мыслительный процесс.

Судьба числительных достойна отдельной печальной повести. «Двухтысяче семнадцатый» год — это наше время, радио и ТВ. Говорящие *так* сами чувствуют неправильность, но *как* нужно правильно, — узнать не стремятся. Казалось бы, если не знаешь, как сказать, — напиши цифрами. Но тут сразу появляется улица «26-ти Бакинских комиссаров» и «Белоснежка и 7-мь гномов». И это притом, что все справочники и учебники буквально вопиют: буквенные окончания пишутся только у *порядковых* числительных! Предполагается, что *количественные* числительные

будут правильно читаться по умолчанию. Но «новые грамотеи», основываясь на своем уровне грамотности, экстраполируют его на других.

Не менее корява, чем наружная реклама, речь ведущих на ТВ и радио. Самым впечатляющим словом на футбольном чемпионате был не «гол!» и не «штанга!», а «подскользнулся». А самое страшное слово в репортажах о ДТП и о дорожном строительстве — «асфальт».

Так многократно и публично воспроизведенные глупости и ошибки становятся источником ложной мысли. Как сказал Буало, а за ним Шопенгауэр, «кто ясно мыслит — ясно излагает». И *vice versa*: плохое изложение убивает ясность мысли.

Еще один фактор деградации культурной среды — ущербная **логика** рекламы, избилующая *запрещенными приемами аргументации*. Мы уже неоднократно показывали: сознание становится *обыденным* тогда, когда его носитель перестает рефлексировать переход в зону своей некомпетентности. Именно поэтому реклама постоянно стремится «затянуть» сознание в эту зону: там оно беззащитно, ибо не замечает обмана. Городская среда — идеальное место для этого злодейства: будучи повседневной, *обыденной средой обитания*, она расслабляет и дает ощущение ментальной безопасности. Реклама же, являясь, элементом этой среды, протаскивает в нее вещи, которые априорно лежат за пределами компетенции большинства. Но реклама убеждает обывателя, что тот в состоянии судить компетентно обо всём, а она лишь предлагает «помощь» — в виде ложных суждений. Носитель *обыденного сознания* заглатывает вместе с наживкой сами суждения — и формирует внутри себя заведомо ложный рассудочный аппарат. Порочная логика **формирует** неправильный образ мышления, воспроизводит его и поощряет самонадеянность *обыденного сознания*.

Один из самых распространенных приемов некорректной аргументации — т.н. «апелляция к авторитету» (*argumentum ad verecundiam*), — приобрела современный вид: «(Британские) ученые доказали». Примерно в той же плоскости лежит «логика celebrities». Она опирается на заведомо ложное умозаключение: успех в одной области => авторитетность во всем. И вот полуграмотные модели и певцы обучают вас всем премудростям жизни — от здоровья и моды до политики и эзотерики.

Популярна в рекламе и **магия чисел** — иногда в комплекте с загадочностью: «Средство *** убивает до 99 процентов микробов», «Семь признаков здоровых зубов», «Три секретных коробочки с опасными продуктами».

Разнообразные шоу эрудитов формируют культ поверхностного **бессистемного знания**: умным признается тот, кто знает столицу Мьянмы или год рождения Димы Билана.

Модные «story-telling» и нейминг внедряют бездумное отношение к историческим событиям, именам и фактам. К примеру, ресторан «Китайский летчик Джао-да» явно поименован исходя из уверенности, что в Китай-городе, где он расположен, не могли не жить китайцы. Кафе в ТЦ «Черемушки» получило название «Cherry» — по созвучию: дескать, неважно, что это вишня, а не черемуха, у нас вот *такая* рекламная ботаника. Владельцы сети кофеен «Хлѣб насущный», видимо, хотели придать своему бизнесу солидности, но не додумали до конца — а по старой грамматике в конце слова «хлѣбъ» писался еще и «ерь».

Впрочем, зачастую авторы странных названий вообще не задумываются над тем, как их детища будут прочитаны. Весной 2014 года на московских троллейбусах появилась оклейка, призывающая размещать рекламу. При этом троллейбус, несущий рекламу, именовался «медиа-борт». Значительная часть граждан, естественно, восприняла это как рекламу определенных медицинских услуг. До рекламодателей это дошло только к октябрю, и они стыдливо заклеили окончание слова-монстра пиктограммой.

Итак, массовая реклама размывает структуру языка и его логику.

А это, в свою очередь, деформирует культурную среду города, воспроизводя и, что хуже всего, формируя «функционального дурака», невежду.

С точки зрения сиюминутного интереса невежды удобны, ими проще управлять. Но для будущего страны «инкубатор дураков» крайне опасен. Отказ от взаимодействия (коммуникаций) в пользу *воздействия* (манипуляций, каковыми, в частности, является реклама) приводит к отказу от обучения и/или воспитания в пользу конъюнктуры спроса и предложения.

И корпорации, дурившие население, рискуют через 10—15 лет упереться в созданный ими самими дефицит квалифицированных кадров.

А. В. Чернов

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ГОРОДСКИХ ПРОЦЕССОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕОДАННЫХ

ЧЕРНОВ Андрей Владимирович — кандидат технических наук, директор некоммерческого партнерства «Поволжский центр космической геоинформатики», доцент Самарского научно-исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия; chernov@geosamara.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы получения городских геоданных из различных источников, их объединения в хранилище «big geodata», а также построения различных тематических моделей развития города (транспортной, оценки недвижимости, образования и др.) и влияния пространственных факторов на целевые функции качества жизни.

Ключевые слова: геоинформационные системы, моделирование развития города, большие данные

При анализе влияния различных факторов среды на качество жизни и городские процессы необходимо существенно учитывать неоднородность территории крупных городов. Эти взаимосвязанные факторы могут быть как общегородского или районного уровня, так и локальные (уровня квартала, микрорайона) и даже гиперлокальные (уровня дома и двора), поэтому наиболее эффективным инструментом для их анализа и представления являются геоинформационные системы и цифровые карты. Различные «слои» хранилища «big geodata» имеют различную природу, точность, достоверность и собираются из различных источников — государственных и муниципальных информационных ресурсов (публичная кадастровая карта, федеральная информационная адресная система, «Электронный ЖКХ», региональные и муниципальные геопорталы и др.), справочных систем и сайтов (2ГИС, Яндекс.Карты, OpenStreetMap, сайты продажи/покупки недвижимости и др.), социальных сетей (Twitter, 4square, Вконтакте и др.), а также большого количества непространственных источников данных с адресной информацией с помощью процедуры геокодирования. В первой части доклада рассматриваются методы извлечения геоданных из различных источников для наполнения общего хранилища. Данные визуальных «полевых» наблюдений и подсчета, уличных опросов при этом используются и как самостоятельные источники информации, и как независимый источник для калибровки моделей или обучения/контроля качества процедур классификации.

Во второй части доклада приводятся примеры решения некоторых задач на территории г. о. Самара.

1) Построение транспортной модели для решения задач «если-то» при изменении транспортного спроса (строительства новых районов, объектов притяжения) или транспортного предложения (строительство или перекрытие дорог, изменение организации дорожного движения, расписания и маршрутной сети общественного транспорта).

2) Анализ влияния факторов среды на здоровье населения по данным деперсонифицированных сведений о фактах обращения за медицинской помощью за 2011—2013 годы. Рассматривается пример влияния морфологии застройки (малоэтажное, многоэтажное жилье) в рядом расположенных районах на статистику обращения за медицинской помощью.

3) Построение и анализ групповых и индивидуальных характеристик выпускников различных школ по данным социальных сетей. Отдельно рассматривается задача «привязывания» записи в социальных сетях к школе и году выпуска по информации о социальных связях школьника с использованием байесовских сетей.

4) Анализ влияния неоднородности территории города на статистические характеристики явки и распределения голосов на выборах в Государственную Думу в сентябре 2016 года.

5) Анализ влияния локальных и гиперлокальных факторов среды на стоимость недвижимости (по данным предложений продажи и аренды квартир и офисов) как фактора, агрегирующего ценность территории.

6) Размещение объектов торговли и сервиса на основе карты «неудовлетворенного спроса» по карте «ночного» и «дневного» населения.

Проведенные предварительные исследования показали, что наиболее значимые и интересные результаты получаются при взаимодействии традиционных социологических, социально-психологических и иных методов исследования с математическими моделями на основе big geodata и интеллектуальных геоинформационных систем.

Конечной целью исследований является построение многоаспектной геоинформационной модели, связывающей различные целевые переменные, характеризующие качество жизни и среды с набором эффективно получаемых факторов. Эта модель будет являться основой для мониторинга и эффективного управления территорией, разработки документов территориального планирования, создания комплексных транспортных и иных отраслевых схем, а также обоснования тех или иных решений на основе принципа «Лучше считать, чем говорить».

К. В. Железникова

ГРАНИЦЫ ГОРОДА В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

ЖЕЛЕЗНИКОВА Ксения Викторовна — аспирант 1 года обучения по направлению 22.00.08 «Социология управления, ассистент кафедры корпоративного управления, Волгоградский институт управления РАНХиГС, г. Волгоград, Россия; sno-vags@mail.ru

Аннотация. Содержание понятия «город» и сами города на протяжении веков постоянно претерпевали изменения. Города, среди прочих населённых пунктов, выделяли по характеру трудовой деятельности преобладающего количества жителей, по численности населения, по качеству и количеству предоставляемых возможностей, по его системным, социально-экономическим и политическим признакам и многим другим параметрам. В свою очередь, количество моделей городских территорий, развивающихся за счет процессов урбанизации и субурбанизации, в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии достаточно велико. Таким образом, в связи с трансформацией городских пространств значимыми для изучения становятся вопросы, касающиеся локальной идентичности, восприятия города в целом и в частности границ локальных и глобальных районов различными категориями горожан. С социолого-управленческой точки зрения также интересны вопросы, касающиеся формирования городских пространств и восприятия города мигрантами и принимающим населением.

Ключевые слова: город, городское пространство, городская среда, восприятие города, локальная идентичность

Уже больше века «город», «городская среда», «городское пространство» являются объектом междисциплинарных исследований, использующих знания, накопленные в географических, психологических, социологических и других науках. При этом фокус рассмотрения этих объектов в каждом конкретном случае индивидуален. Так, среди современных отечественных исследователей, В. Глазычев в своих работах в большей степени касался вопросов организации и развития городской среды [2,3], В. Вахштайн — повседневных практик в городской среде [10], А. Желнина и А. Хохлова посвящают свои труды креативным пространствам и креативному классу в городской среде [4,6]. В зарубежной практике одни исследователи изучают субъективное восприятие города его жителями (С. Милграм [11]), другие говорят о социальной репрезентации пространства (А. Лефевр [8]), третьи — о повседневных практиках в городе

(Э. Амин и Н. Трифт [7]) и о городах в эпоху информации и глобализации (М. Кастельс, С. Сассен [11]).

Несмотря на достаточно большое количество работ по урбанистике, социологии города, до сих пор у исследователей нет единого мнения, что считать городом, каково восприятие города в целом и в частности границ локальных и глобальных районов различными категориями горожан. С социолого-управленческой точки зрения также интересны вопросы, касающиеся формирования городских пространств и восприятия города мигрантами и принимающим населением.

Законодательно в Российской Федерации и большинстве стран мира какое-либо поселение считают «городом» на основании численности населения или по совокупности нескольких признаков (среди ключевых — % жителей незанятых в сельском хозяйстве). Критерий численности населения города в зависимости от страны разнится. К примеру, в одних странах Европы в городе должно проживать не менее 200—400 человек (Исландия, Дания, Норвегия, Швеция, Албания), в то же время в других европейских странах это требование увеличено более чем в 10 раз — до 10000 жителей в Италии, Португалии, Греции, Испании и Швейцарии. В субъектах Российской Федерации понятие города разнится, так в Волгоградской области городом признается населенный пункт, имеющий численность не менее 10000 человек, 85% которых составляют рабочие, служащие и члены их семей, который также является промышленным и культурным центром [1]. В то же время, по состоянию на 1 января 2016 года на территории Российской Федерации городами официально признаны Магас (6880 жителей), Верхоянск (1125 жителей) и даже Иннополис (96 жителей) [12].

При этом формальные (административные) и реальные (воспринимаемые жителями) границы «города» и «городского пространства», на наш взгляд, часто не являются идентичными и зависят, в том числе, от времени пребывания в городе, от социально-экономической и географической мобильности населения и многих других социокультурных и демографических факторов.

Так, если рассматривать город с позиции системного подхода, стоит отметить, что города стали чрезвычайно сложными объектами и поэтому трудными для восприятия (как исследователями, так и жителями, туристами, мигрантами). Города разрастаются на расстояния во множество километров, все чаще включают в себя населенные пункты различного состава, заброшенные парки и скверы, междворовые территории, овраги, пустыри, заводы, гаражные кооперативы и многие другие объекты ранее пригородной инфраструктуры. Восприятие города при этом связано у большинства населения с конкретными публичными пространствами или ассоциациями населения:

Москва — столица нашей Родины или Москва — Красная площадь; Санкт-Петербург — культурная столица или Санкт-Петербург — Нева; Волгоград — город-герой, Волгоград — Родина-Мать; Урюпинск — столица российской глубинки или Урюпинск — Хопер. Однако Москву, Санкт-Петербург, Волгоград, Урюпинск и многие другие города некорректно характеризовать только с точки зрения индивидуальных или групповых ассоциаций.

Города, являющиеся раньше локальными пространствами, становятся глобальными территориями, поэтому некоторые ученые считают логичным восприятие городов и районов как пространственных формаций или образов. Так, Стив Пил определяет три аспекта распознавания городов как пространств:

- отличие в концентрации людей, вещей, институтов и архитектурных форм;
- разнородность жизни: они помещены рядом в непосредственной близости;
- расположение вариантов сетей коммуникаций: через города и за пределами городов [9].

Важно отметить, что кроме интенсивных пространственных городских трансформаций (смешения форм или перехода от локального к глобальному), изменения коснулись и характера организации человеческих взаимоотношений в городах, которые также влияют на восприятие города.

Эш Амин и Найджел Трифт предлагают рассматривать города одновременно как своеобразные поля неопределенностей и социальные арены, полные возможностей [7, с. 105—130]. С управленческой точки зрения важно понимать, кто является субъектом создания возможностей в этих полях и пространствах на территории города. Так, по мнению Анри Лефевра, общество может выступать в роли создателей (creators) места, а повседневные практики и способы интерпретации места создают его как таковое [8, с. 37—38]. Кроме того, в своих работах Анри Лефевр вводит важное понятие — «право на город», которое представляет собой процесс постоянного присвоения пространства местными жителями. Рассуждая в аналогичном направлении, в одной из работ В. Л. Глазычев пишет, что в городе могут жить «горожане» и «слобожане» [3]. У последних ответственность за город заканчивается на пороге их квартиры. Мусор сразу за порогом, грязные дворы, а также пустой театральный зал, — крепко связаны между собой раздельностью жителей, отсутствием «комьюнити», без которого невозможно достичь определенного уровня качества жизни в городе. Можно заключить, что «горожане» воспринимают себя, обладающими тем самым «правом на город», заинтересованными в создании и поддержании культурной, экологически чистой и информационно-насыщенной городской среды.

При рассмотрении границ города также стоит обратить внимание на работы М. Оже, который уделяет внимание меняющимся характеристикам пространства и места для населения из-за особенностей их освоения и проживания. Он противопоставляет понятию «места» понятие «неместа». «Неместа», не являясь пунктом конечного назначения (т. е. «местами»), на время объединяют путников, следующих каждый по своему маршруту. «Неместа» объединяют как незнакомые места / части города, которые не связаны с воспоминаниями, знаниями о городе субъекта, так и места настолько хорошо знакомые, что становятся незаметными в повседневных, рутинных практиках [11].

Таким образом, восприятие города индивидуально и субъективно, как и понимание его границ. Так, в одной из своих работ американский социолог Ричард Флорида говорит о том, что разными категориями населения (богатыми, бедными, средним классом; семьями с детьми или без детей, представителями расовых или национальных меньшинств) одно и то же место (город, городское пространство) может восприниматься по-разному из-за разницы в ожиданиях от места [5]. Также важными факторами, оказывающими влияние на восприятие города, являются мобильность респондентов и их ежедневные практики, перемещения и передвижения, а также психологические, культурные и ментальные характеристики воспринимающих, что является предметом изучения при исследовании городского пространства и его границ.

Список источников

1. Закон Волгоградской области от 07.10.1997 «Об административно-территориальном устройстве Волгоградской области» № 139-ОД / Российская Федерация. Законы. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW180&n=119876&from=2676-0&rnd=0.2909029093785387�> (дата обращения: 04.02.2017).
2. Глазычев В. Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга академии городской среды. М. : Ладья, 2008.
3. Глазычев, В. Л. Урбанистика. М. : Европа, 2008.
4. Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2011. № 2. С. 48—69.
5. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика или выбор места жительства. М. : Strelka Press, 2014.
6. Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // *Общество потребления: социальные и культурные основания*. 2011. № 14(5). С. 182—191.

7. Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the urban. USA: Blackwell Publishers Inc., 2002.
8. Lefebvre H. Critique of Everyday Life. Verso, Vol. 1. London, 1991.
9. Pile S. 'What is a city?' / D. Massey, J. Alien and S. Pile. City Worlds, Routledge. London, 1999.
10. Вахштайн В. Социология повседневности: курс лекций // Образовательный портал «ПостНаука». URL: <https://postnauka.ru/courses/17477> (дата обращения: 20.01.2017).
11. Филько А. Изучение феномена города и городского пространства в современных социальных исследованиях (историографический обзор) // Сетевое издание «Социодинамика». URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_15933.html#1 (дата обращения: 27.01.2017).
12. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 04.02.2017).

И. А. Вершинина**ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ**

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; urbansociology@yandex.ru

Аннотация. Глобальные города — стратегические площадки, центры принятия экономических и политических решений, значимых для всего мира. Они притягивают мигрантов, поскольку предлагают большое количество рабочих мест с разным уровнем оплаты труда. Глобальные города, где расположены штаб-квартиры транснациональных корпораций, нуждаются как в высококвалифицированных специалистах, так и в неквалифицированных работниках. В статье анализируются идеи С. Сассен, которая увидела новую экономическую логику, начавшую формироваться в рамках нынешней экономической системы. Рассматриваются изменения в функционировании глобальных городов. Отмечается переход от мультикультурности к формированию глобальной культуры в городах, являющихся мировыми экономическими центрами. На основе анализе сделок по купле-продаже недвижимости делается вывод о том, какие города обладают наибольшей инвестиционной привлекательностью. Рассматриваются возможные последствия крупномасштабных вложений в недвижимость со стороны транснациональных корпораций, редевелопмента отдельных территорий и целых районов для жителей глобальных городов.

Ключевые слова: город, глобализация, транснациональные корпорации, недвижимость, миграция, культура

Первая десятка глобальных городов дает свыше 10% всего ВВП мира [1, 19], они стали мощнейшими экономическими центрами. В работе «Глобальный город» (1991) С. Сассен выдвинула тезис о том, что мировая экономика остро нуждается в конкретных территориальных единицах, особенно для функционирования сильно глобализированных и дигитализированных секторов, таких, как финансы. Этот тезис противоречил широко распространенным к 1991 году представлениям о том, что мировая экономика преодолела территориальные ограничения и привязанности. Формирующиеся оракулы цифрового мира в 1980-е годы утверждали, что все меньше и меньше нуждаются в таких местах, как города [2, 103]. В то время как многие говорили об уходе компаний из городов, С. Сассен неожиданно для себя выяснила, что в Нью-Йорке появляется множество очень необычных маленьких фирм из разных стран мира. Поэтому в Нью-

Йорк по-прежнему тянулись мигранты, поскольку количество рабочих мест не сокращалось, а наоборот, росло. С. Сассен увидела новую экономическую логику, которая начала формироваться в рамках еще активной и динамичной старой экономики. Новые процессы были не для всех очевидны, однако, в XXI веке они стали намного более явными, поэтому С. Сассен по-прежнему продолжает развивать идеи, сформулированные в 1991 году в «Глобальном городе».

Вовлеченность в мировую экономику приводит к тому, что связи глобальных городов со своим регионом и даже государством ослабевают. Это противоречит положениям традиционной урбанистики, в которой город рассматривается как главный посредник в интеграции региональной и национальной экономик [3, 92], однако, по мнению С. Сассен, подтверждается статистическими данными.

С. Сассен рассматривает городское пространство как стратегическое, полагая, что тезис о значимости городов подтверждается данными о сделках с недвижимостью. С середины 2013 года до середины 2014 года корпорации приобрели недвижимость в 100 ведущих городах мира на сумму 600 миллиардов долларов США; с середины 2014 года до середины 2015 года эта цифра возросла до 1 триллиона долларов США [2, 105]. Причем в большинстве случаев покупателями выступают зарубежные компании. Первая десятка городов, недвижимость в которых пользуется наибольшим спросом, выглядит следующим образом:

	Город	Сумма сделок (долларов США)
1.	Нью-Йорк	74,799,870,615
2.	Лондон	55,206,679,357
3.	Токио	37,971,179,153
4.	Лос-Анджелес	37,457,376,509
5.	Сан-Франциско	32,355,485,613
6.	Париж	22,955,312,136
7.	Чикаго	20,036,200,994
8.	Вашингтон	18,515,548,212
9.	Даллас	16,296,780,618
10.	Атланта	16,022,394,226

Sassen S. *The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs* // *City & Community*. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 106.

Очевидно, что наиболее привлекательными для инвесторов являются города США. Семь городов из первой десятки — американские. Интересно, что в первой тройке оказались именно те города, названия которых С. Сассен вынесла в 1991 году в подзаголовок своей работы — Нью-Йорк, Лондон и Токио. Причем, даже последовательность, в которой они расположены, не изменилась.

Однако необходимо понимать, что сумма сделок с недвижимостью — лишь один из многих критериев, по которым глобальные города сравнивают друг с другом. Но С. Сассен считает этот момент чрезвычайно важным для анализа текущей ситуации. Она полагает, что при сохранении нынешних темпах приобретения недвижимости, произойдет системная трансформация в структуре собственности на землю в глобальных городах (от общественной к частной), изменится их историческое значение. Подобное преобразование, по ее мнению, будет иметь серьезные последствия для справедливости, демократии и прав личности [4]. Облик ныне космополитичных городов может кардинально измениться. Крупномасштабные вложения могут привести к редевелопменту в интересах корпораций и утрате городов для их жителей.

Новые квадратные метры появляются, в том числе, и в результате джентрификации, когда старые строения сносятся, а на их месте возводятся новые, более роскошные и с большим числом этажей. Прежние жители выдавливаются из привычных для них районов крупными корпорациями. Это происходит не только в результате сноса их жилья, но и с помощью косвенных методов, например, с помощью сокращения количества общественно значимых, но не сверхприбыльных учреждений, которые вытесняются корпоративной собственностью. Вместо организаций, необходимых жителям города, в инвестиционно привлекательных районах появляются корпоративные штаб-квартиры или охраняемые роскошные жилые комплексы. Часть из них пустует, так как инвесторы порой покупают не столько квадратные метры, которые собираются использовать, сколько право доступа к городскому пространству в условиях, когда все большее число городов повышает свою значимость в мировой экономике. Инвестирование в объекты недвижимости в глобальных городах является неизбежным следствием того огромного значения, которое корпорации придают этим производственным площадкам.

Переход от малого и/или общественного к огромному и частному ведет к утрате общественной ткани улиц и площадей в результате реализации мега-проектов. Город приватизируется, а потому фрагментируется и теряет свою целостность. Глобальные города теряют разнообразие людей, социальных слоев и культур. Новые владельцы недвижимости — выходцы из разных стран, международные транснациональные корпорации, но это

вовсе не означает, что они представляют собой множество различных культур и традиций. По мнению С. Сассен, все они представляют собой одну культуру — новую глобальную культуру успешности, вследствие чего они удивительно однородны, независимо от того, насколько разнообразны их страны происхождения и родные языки [4]. Это один глобальный «корпоративный» субъект, влияние которого растёт. Сегодня крупномасштабные сделки по приобретению корпорациями городского пространства в его разнообразных формах ведет к сокращению разнообразия. Города расширяются за счет постоянного увеличения числа схожих роскошных высотных зданий.

Большая часть городских изменений традиционно основывается на исключении того, что было раньше. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня. Глобальные города превращаются из мультикультурных и гетерогенных в гомогенные, унылые, однотипные, управляемые корпорациями. Об опасности реализации подобного сценария предупреждали американские урбанисты еще в середине XX века. Наиболее яркими фигурами, участвовавшими в борьбе с корпорациями, отнимавшими город у его жителей были, Л. Мамфорд и Дж. Джекобс.

Список источников

1. IV Московский урбанистический форум // Urban Agenda. 2015. № 4.
2. Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016.
3. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge, 2012.
4. Sassen S. Who owns our cities — and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all> (accessed: 11.01.2017).

Е. В. Желнина

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, ezhelnina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и методологические принципы социально-управленческого моделирования процессов интенсификации инновационной активности современных российских промышленных предприятий¹. Применительно к социологии, моделирование представляет собой метод исследования социальных объектов на основе их моделей, то есть, опосредованное изучение, в процессе которого во вспомогательной системе (модели) социальные отображаются объекты. Данная модель замещает в познавательном процессе оригинал и позволяет получать новое знание о предмете исследования. Для того, чтобы обеспечить эволюцию, развитие общества, необходимо изучать его, определяя его структуру, анализируя имеющиеся тенденции, выстраивая прогнозные сценарии и отслеживая их. При рассмотрении моделирования как исследовательского процесса необходимо определить его основные цели. Принимая во внимание сложность, тонкость и остроту социальных объектов, на основе анализа многочисленных теоретических источников и отчётов практических работ автором были выявлены основные цели социального моделирования. Сформированные выводы по текущему состоянию социального объекта, корреляционный анализ взаимовлияния различных показателей (факторов) а также разработанные автором научно обоснованные рекомендации в своей совокупности представляют концептуальную модель инновационной активности современного промышленного предприятия.

Ключевые слова: инновационная активность, математическое моделирование, модель

Непременное требование современности — расширение объёма использования инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества — создаёт благоприятную почву для возникновения целого ряда противоречий, которые приводят к нестабильности и конфликтам. В связи

¹ Материал подготовлен в рамках поддержанного РФГФ научного проекта № 16-13-63003.

с этим возникает вопрос о необходимости разработки и использования гибких социальных технологий управления инновационной активностью субъектов, соответствующих постоянно меняющимся условиям их (социальных субъектов инновационной активности — прим. автора) функционирования. Кроме того, на значимости субъектного подхода настаивают многие современные российские ученые [1, 2, 3]. Удобно выстраивать данные технологии на основе моделей, показывающих взаимодействие и взаимовлияние факторов, наиболее существенно проявляющихся в инновационных процессах.

Применительно к социологии, моделирование представляет собой метод исследования социальных объектов на основе их моделей. Другими словами — это опосредованное изучение, в процессе которого во вспомогательной системе (модели) социальные отображаются объекты. Данная модель замещает в познавательном процессе оригинал и позволяет получать новое знание о предмете исследования. Но, важно отметить, что далеко не все социальные процессы и явления могут быть измерены и проработаны в количественных показателях. Сложность заключается в том, что данный тип моделируемых объектов отличается высокой вариативностью, зависимостью от большого числа разнообразных факторов, которые в различных условиях воздействуют неоднозначно, а также наличием подвижных причинно-следственных связей различной интенсивности. Кроме того, необходимо учитывать, что субъектом социальных процессов является человек, мысли, потребности, чувства и поступки которого также не поддаются числовому отображению. В связи с этим, при изучении социальных объектов незаменимыми становятся методы, позволяющие проводить анализ качественного содержания исследуемого процесса или явления. Поэтому необходимы особые модели, которые позволили бы осуществить более глубокое познание исследуемых объектов и на основе этого выявить основные их характеристики и возможности последующего их развития.

Рассматривая критерии эффективности модели, можно выявить два её аспекта, наличие оптимального баланса между которыми и будет свидетельствовать о её качестве. Достаточно правомерно при разработке модели руководствоваться её чётким подобием объекту-оригиналу, при котором автор-исследователь строго придерживается свойств и параметров объекта. Но, с другой стороны, должна быть обеспечена некая «свобода» модели от оригинала. Это расхождение необходимо для того, чтобы можно было в зависимости от изменения условий и обстоятельств менять параметры модели. Альтернативность как непереносимое свойство модели способствует вариативности методов изучения объекта и выявлению большего спектра прогнозов его развития.

В ходе создания модели инновационной активности промышленного предприятия важное значение имеет оценка эффективности применения полученной модели в возможных реальных условиях функционирования современного промышленного предприятия. Необходимо отметить, что оценка эффективности является неременным этапом, присутствующим в общепринятом и универсальном алгоритме процесса моделирования. Важность обеспечения реальности прогнозных вариантов развития и интенсификации инновационной активности с учетом этапов его разработки, адаптации и внедрения обуславливает необходимость прогнозирования возможных изменений не только в функционировании самого предприятия, но и его ближайшего и даже отдалённого окружения (рынок и конкурентная среда, социальная сфера, политическая обстановка и т. д.). Прогнозы даже на долгосрочную перспективу (более 10 лет), разработанные в определённых предсказуемых и формализованных условиях и для стабильной среды характеризуются высокой степенью надёжности. Но современное общество (динамичное, многофакторное и полисубъектное) не предоставляет исследователю такой возможности. Таким образом, и процессы инновационной активности в функционировании промышленного предприятия характеризуются высокой степенью неопределённости, то есть в данном случае принятие решений происходит в ситуации, когда промежуточные и конечные цели, воздействующие факторы и последствия действий доподлинно не известны. В связи с тем, что ключевой задачей интенсификации инновационной активности промышленного предприятия тесно связана с долгосрочным прогнозированием, то возникают существенные трудности в процессе однозначного, точного и полного описания исследуемых процессов. Поэтому целесообразно вести речь о представлении лишь приблизительной модели инновационной активности, учитывающей наиболее важные факторы, воздействующие на неё, ключевые условия её интенсификации, раскрывающей возможные варианты и тенденции развития инновационных, производственных, управленческих, организационных и иных процессов в функционировании промышленного предприятия.

Несмотря на это, традиционно понимание процессов функционирования промышленных предприятий отождествляют с возможностью их точного количественного анализа, результаты которого вполне укладываются в плановые и фактически полученные показатели эффективности хозяйственной деятельности. Подтверждением этого является применение для моделирования таких методов исследований как марковские случайные процессы, метод динамики средних, метод статистических испытаний (метод Монте-Карло) [4, 5, 6, 7], которые широко используют математический аппарат теории вероятностей. Если рассматривать

в ретроспективе, то теория вероятностей явилась первым инструментом математики, представляющим неопределённости в математических моделях. Именно поэтому любая неопределённость достаточно длительное время признавалась стохастической и ей присваивались, иногда искусственно, свойства случайного события. Помимо этого, стохастическая неопределённость проявляется в ситуациях, когда определённое исчерпывающе описанное событие в стабильных условиях имеет два варианта: может произойти, а может не произойти [8]. Важно отметить, что в ходе развития степень неопределённости, связанная с изучаемым событием, может измениться. В итоге — результат любого частного осуществления вероятностного события является исключительно вопросом случая, и, следовательно, предсказать последовательность событий не представляется возможным. Для любого вероятностного процесса выявляется допустимым лишь точное описание статистических параметров усреднённых характеристик.

Список источников

1. Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М. : «Когито-Центр», 2016.
2. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М. : «Когито-Центр», 2017.
3. Патрушев В. И., Астахов Ю. В. Кадровое обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона и муниципальных образований // Регионоведение. 2016. № 1 (94). С. 56—63.
4. Абчук В. А. Справочник по исследованию операций / В. А. Абчук, Ф. А. Матвейчук, Л. П. Томашевский. М. : Воениздат, 1979.
5. Вентцель Е. С. Исследование операций. М. : Советское радио, 1972.
6. Квейд Э. Анализ сложных систем. М. : Советское радио, 1969.
7. Чув Ю. В. Прогнозирование в военном деле / Ю. В. Чув, Ю. Б. Михайлов. М. : Воениздат, 1975.
8. Леоненков А. Нечёткое моделирование в среде MATLAB и FuzzyTECH. СПб. : БХВ — Петербург, 2003.
9. Гуц А. К., Коробицын В. В., Лаптев А. А. Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование. Омск : Омский государственный университет, 2000.

Т. А. Рязанова

ЭЛЕКТРОННЫЕ МЕДИА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА)

РЯЗАНОВА Татьяна Александровна — старший преподаватель кафедры Социологии и массовой коммуникации Новосибирского Государственного Технического университета, г. Новосибирск, Россия; ps1970_2010@mail.ru

Аннотация. Электронные коммуникации быстро превратились из технического нововведения в повседневное информационное средство, которое может предоставить любому пользователю или же потенциальному пользователю огромные массивы данных на любой вкус. И теперь, в обществе XXI века интернет — коммуникации уже проникли практически во все сферы повседневной деятельности людей, что в свою очередь безусловно влияет на формирование современного образа города.

Ключевые слова: электронные медиа, суб-образ, город

Изучив теоретические и эмпирические источники по проблематике образа города, можно сказать, что большим пробелом является отсутствие электронных медиа вне поля зрения исследователей образа города, а если быть более точным, то электронные медиа рассматриваются как средство, т. е. как посредник передачи уже сформированного образа города. Как фактору, который оказывает влияние на формирование образа города и по сути определяет его, не уделяется должного внимания в социологических исследованиях. Электронные медиа не только передают получателям уже сконструированный образ города, но и определяют его характер, основные черты и являются источником воздействия на его формирование.

Следует отметить, что возросшая популярность электронных медийных ресурсов обусловлена не только специфическими особенностями, которыми они обладают в отличии от традиционных СМИ, но и развитием компьютерных коммуникационных сетей.

В условиях конкуренции, в борьбе за ресурсы, при помощи которых возможно улучшить социальную среду комфортного проживания и социальное самочувствие жителей наиболее эффективным средством с нашей точки зрения является образ города, который во многом формируется под воздействием современных электронных медиа. Автор Савельева О. О. определяет образ как «...сформировавшееся у аудитории впечатление о каком-то лице, объекте, месте и т. д.».

Исследуя образ города, следует помнить об изменчивости, историчности, относительной устойчивости, плюрализме точек зрения и факторах формирования образа города.

Нами было проведено разведывательное исследование – методом контент-анализа. Из совокупности всех региональных электронных медийных ресурсов г. Новосибирска были отобраны наиболее посещаемые и цитируемые сайты, 3 электронных медийных ресурса Новосибирской области: НГС..ru, Сибкрай.ru, Тайга.info.

Проанализировав полученные данные в ходе исследования контента (за 2016 год) электронных медийных ресурсов (НГС, Тайга-инфо, Сибкрай.Ру.) можно говорить о том, что электронные медиа не формируют положительный образ города Новосибирска, а формируют в большей степени криминально-девиантный суб-образ. В количественном отношении, наиболее ярко проявляется криминально-девиантный суб-образ (31,05%), который преподносится через призму различных отрицательных происшествий, и в котором наиболее ярко освещаются ДТП (12,9%) и громкие происшествия (ЧС и ЧП) 10,53%. Тематический контент криминально-девиантного суб-образа достаточно разнообразен: взятки, убийства, мошенничество (7,38%), чрезвычайные происшествия (10,53%), ДТП(12,9%), морально этические девиации (0,23%). Интересен тот факт, что в исследовании 2013 года очень часто в криминально-девиантном суб-образе фигурировали представители различных государственных структур, в исследовании 2016 года таких тенденций обнаружено не было.

Далее по степени выраженности в большей степени электронные медиа преподносят экономический суб-образ (23,07%), где в большей степени транслируются медиа-сообщения от застройщиков (так называемые «проплаченные» рекламные сообщения) 9,07% от всех публикаций, это очень серьезная цифра, ведь по результатам предыдущего исследования, которое было проведено в 2013 году этот показатель от общих публикаций был равен 5,7%, практически в 2 раза меньше. К тому же, экономический суб-образ стал в большей степени проявляться с негативным окрасом, что скорее всего так же связано с экономической ситуацией не только в регионе, но и в стране в целом. «Дешевле, если ничего не покупать. Новосибирцы активно снижают расходы, многие совсем отказываются от крупных покупок», - подобных сообщений в публикациях зафиксировано 7,4% (в исследовании 2013 года этот показатель был равен 2,4%).

Почти каждая пятая статья проанализированного массива посвящается суб-образу среды — это 18,87% от всех публикаций. Наиболее ярко выраженной в этой категории темой оказались проблемы, касающиеся транспорта и дорог (5,4%), носящих преимущественно отрица-

тельный окрас 3,18 %, (следует отметить что в исследовании 2013 года медиа- сообщения, касающиеся проблематики транспортных средств и дорог носили в большей степени положительный характер) примерно одинаково в средовом суб-образе освещены проблемы жилья и ЖКХ, благоустройства и здравоохранения, около 3,7 % каждая. Привлекает внимание то, что проблемы ЖКХ и жилья в пять раз чаще проявляются с негативным окрасом (2,4 %) (к примеру, для отрицательного суб- образа среды характерны сообщения об обрушениях зданий, некачественные ремонты в домах, проведенные УК и т.д.), чем с положительным(0,5 %), впрочем, показатель практически не поменялся с 2013 года. Благоустройство носит более положительный окрас, чем отрицательный, а здравоохранение выражено в большей степени нейтрально, например медиа- сообщения в виде памяток для оказания первой помощи, правда и мифы о клещах в ожидании их сезонной активности.

Что касается политического суб-образа, то он оказался на 4 месте по степени выраженности (18,53%), в нем нет ярко выраженных положительных или отрицательных коннотаций, об этом говорят примерно одинаковые показатели, 5,77% и 5,93% соответственно. Нейтральный характер носит 6,83% проанализированных статей, к которым относятся рабочие поездки, кадровые перестановки и т.д. В сравнении с данными, полученными в 2013 года этот суб-образ существенно потерял свои позиции, ведь в 2013 году этот показатель был на первом месте, и освещался в 31,7% медиа сообщений.

Инновационный суб-образ находится практически на последней месте (9 место), упоминается он лишь в 3,7% статей, практически половина из которых 1,32% посвящена инновациям в сфере медицины.

Таким образом, доминирующими являются «криминально-девиантный», «экономический», «политический», а так же суб-образ среды. В меньшей степени проанализированные пресс-релизы электронных медийных средств конструируют «научно-образовательный», «культурный», «событийный», «природно-экологический», «инновационный» и «исторический» суб-образы. Необходимо учитывать, что к примеру одним из механизмов формирования положительного образа города в программе представляются медийные ресурсы, которые должны целенаправленно его формировать, посредством увеличения количества публикаций в федеральных, региональных и международных средствах массовой информации, и в содержательном отношении в которых будет говориться о достижениях, потенциале и перспективах развития города Новосибирска, а в реальности картина не соответствует этому.

Список источников

1. Савельева О. О. Социология рекламного воздействия. М. : «РИП-холдинг», 2006.
2. Комплексная целевая программа «Формирование имиджа города Новосибирска до 2020 года». Решение № 457 от 26.10.2011 г.
3. Информационная аналитическая система «Медialogия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/2602/19/0/0/
4. Яковлева П. В., Рязанова Т. А. Социологический анализ репрезентации образа города в электронных медиа. М. : Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой международной заочной научно-практической конференции. 2015. № 5 (24).

Н. Н. Роготень

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

РОГОТЕНЬ Наталья Николаевна — кандидат географических наук, доцент кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, ФГБОУ ВО МГППУ; доцент кафедры экономической и социальной географии им. акад. В. П. Максаковского, ФГБОУ ВО МПГУ, г. Москва, Россия; nnrogoten@yandex.ru

Аннотация. Распад Советского Союза и, последовавшие за ним события и процессы, привели к появлению населенных пунктов с особым статусом: закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), монопрофильные города (моногорода), наукограды. Особенности их развития в новых экономических условиях, проблемы муниципального управления и реализации социальной политики обсуждаются в научной литературе и СМИ, но специализированных социологических данных для грамотного принятия управленческих и прочих решений недостаточно.

Ключевые слова: закрытые административно-территориальные образования, моногорода, наукограды, социальное положение, системные социологические исследования

Первые специальные «режимные» города СССР были созданы во время работы над атомным проектом. Им отводилась особая роль в обеспечении научно-технического лидерства по ведущим направлениям науки. В строительство, планировку и организацию их жизни закладывались самые передовые для тех времен принципы и направления, учитывались перспективы роста, выделялись огромные финансовые и материальные средства. Они располагали самой развитой научно-исследовательской и опытно-производственной базой, инфраструктурой. Население комплектовалось выпускниками ведущих вузов страны, жители пользовались целым рядом льгот и привилегий. Уровень благоустройства городов был выше, лучше развита сфера обслуживания, медицина и образование.

Распад СССР и социально-экономический кризис поставили ЗАТО на грань исчезновения. Финансирование НИОКР сократилось или прекратилось с падением спроса и проблемами реформирования ВПК, привилегии отменили. Специалисты высокой квалификации столкнулись со значительным падением уровня жизни. Из-за режима секретности не было возможности развивать альтернативные сферы занятости.

Интеллектуальный потенциал оказался невостребованным, что породило проблему «утечки умов».

Правовой режим и список ЗАТО установлен ФЗ № 3297 — «О закрытом административно-территориальном образовании» (1992). В настоящее время в России насчитывается 44 ЗАТО. По переписи 2010 г. в них проживало 1,25 млн чел., т. е. каждый 115-й россиянин [5].

В литературе подробно описаны основные характеристики социально-экономического состояния закрытых городов, но в основном они имеют экономический и управленческий аспект. Предлагаются различные сценарии развития ЗАТО: консервативный, либеральный, инновационный. В последнем случае требуется согласованное действие всех уровней власти, активное привлечение потенциальных инвесторов [1, 4].

Управленцам, малому бизнесу и инвесторам для принятия верных управленческих и бизнес-решений остро необходимы результаты системных социологических исследований по трансформации занятости жителей ЗАТО, исследования, выявляющие их проблемы, образовательные, социальные, демографические, миграционные и политические предпочтения.

К населенным пунктам, имеющим особый статус и особую социально-экономическую ситуацию, относятся наукограды. Под наукоградом понимается муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом (НПК) [7].

Прообразами наукоградов считаются созданные в нашей стране во второй половине XX в. города и поселки, вся деятельность которых имела отношение к развитию важнейших направлений фундаментальной и прикладной науки. Изначально они создавались как обособленные закрытые населенные пункты с жестким режимом пропуска. В 1999 г. был подписан ФЗ № 70-ФЗ «О статусе наукограда РФ», в котором закреплялось понятие «наукоград» и определялись основные положения по сохранению форм собственности и организационно-правовых форм организаций научно-производственных комплексов наукоградов [6].

Условия жизни во всех научных городках времен СССР были значительно лучше, чем на других территориях. Средняя заработная плата на 25—40% превышала среднюю по стране, причем высоко оплачивался труд всех категорий работников. Привлекательность наукоградов для проживания и работы объяснялась не только высокими зарплатами, социальными льготами, но и высоким престижем ученого, специалиста, особенно работающего в ВПК.

С началом экономических реформ наукограды стали превращаться в зоны социального риска и бедствия с критическим уровнем безработи-

цы. Ухудшение положения происходило неравномерно. Наиболее уязвимыми оказались центры, в которых все «завязано» на работе учреждения, относящегося к одной отрасли науки (монопрофильные и моноориентированные) или удаленные от крупных городов. Большой устойчивостью отличались наукограды, в которых проводились комплексные НИОКР. Социальная деградация многих наукоградов привела к потере кадрового потенциала.

В настоящее время в России насчитывается 73 поселения, имеющих на своей территории НПК, с численностью работающих в них не менее 15% от числа всех занятых на территории данного муниципального образования, а объем научно-технической продукции превышает 50% от общего объема продукции, производимой всеми хозяйствующими субъектами. Общая численность населения, проживающего на этих территориях, превышает 3 млн чел. [3].

Государственная политика по отношению к городам науки в постсоветский период существенно изменилась. Переход к рыночной экономике потребовал снятия с государства большей части ответственности за социальную сферу и перевода ее на рыночную основу. Изменения, внесенные ФЗ № 100 от 20.04.2015, носят концептуальный характер. Теперь наука должна стать основой социально-экономического развития территории. Присвоение статуса наукограда предполагает изменение механизма финансирования, что сделает выгодным для потенциальных инвесторов вложения во внедрение и продажу научных разработок, даст толчок развитию университетских комплексов [7]. Важная роль в создании рабочих мест отводится малому бизнесу (предпринимательство в сфере инноваций).

В решении социально-экономических проблем наукоградов значение имеют не только общие для всех моногородов программы по преодолению моноотраслевой специализации, налоговые льготы, но и специальные программы, связанные с развитием местного самоуправления. Специфика поддержки наукоградов в настоящее время заключается в выделении субвенций на развитие социальной, инженерной и инновационной структуры города. В этом случае потенциальным инвесторам также крайне необходимы достоверные социологические данные о предпочтениях, установках и настроениях населения наукоградов. И именно такого рода исследования дефицитны.

Россия считают страной малых городов. По отечественной классификации к этой категории относятся населенные пункты с численностью населения от 12 до 50 тыс. чел. Из 1115 городов РФ к малым относится 778 населенных пунктов. В них проживает более 18% горожан. Около половины малых городов (319) — монопрофильные города.

Это означает, что основу их существования составляет одно предприятие (или несколько, но относящихся к одной отрасли) и весь город находится «на содержании» нестабильно работающих предприятий и имеет огромные проблемы с наполнением бюджетов. Уменьшается финансирование образования, здравоохранения, ЖКХ и городского благоустройства.

Проблемы финансирования «тянут» за собой проблемы кадрового обеспечения практически всех сфер социальной жизни малых поселений от образования и здравоохранения до муниципального управления. Происходит т. н. «отрицательный отбор», когда сокращение людности малых городов за счет отъезда молодежи (и особенно образованной молодежи) в крупные города, приводит к обострению существующих проблем и появлению новых. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и снижение квалификации делает невозможным даже простое поддержание имеющихся производств, не говоря уже об их развитии. Уменьшение численности населения, но сохранение жилого фонда увеличивает нагрузку на городские бюджеты и оставшееся население по содержанию инфраструктуры ЖКХ. Активная миграция молодежи приводит к старению населения и т. н. демографической смерти города.

Моногорода занимают особое место в территориальной организации хозяйства и расселении населения современной России. На их территории функционирует более 900 градообразующих предприятий, которые производят около 30% всего объема промышленной продукции страны [6]. По оценкам экспертов, в докризисных условиях на территориях моногородов создавалось 40% ВВП.

Проблемы моногородов носят сходный характер, но практическое решение в каждом конкретном случае должно быть индивидуальным и требует «ручной настройки». Унифицированные подходы и программы проблемы не решают. Проблема моногородов в целом должна решаться на государственном уровне в направлении постепенного сокращения доли городов данного типа. Одной из форм поддержки моногородов является развитие малого бизнеса, без которого сохраняется их социально-экономическая уязвимость. Малый бизнес позволяет даже в условиях кризиса обеспечить большую устойчивость моногородов.

Таким образом, число заинтересованных пользователей социологической информации — социальных менеджеров, представляющих государственные органы управления, политические партии, общественные организации, масс-медиа, коммерческие бизнес-структуры и т. п. велико, а социологические исследования должны касаться всех территорий, включая населенные пункты с особым статусом.

Список источников

1. Бетехтина А. К вопросу о статусе ЗАТО: открыть или оставить закрытыми? // Человек и труд. 2013. № 9. С. 70—72.
2. ЗАТО России. Объединенный портал закрытых административно-территориальных образований РФ. URL: <http://zato.tv/> (дата обращения 09.09.2016).
3. Кутепова Н. И. Социальные проблемы наукоградов и подходы к их решению // Экономика. Налоги. Право Международный научно-практический журнал. 2015. № 6. С. 15—22.
4. Петров Р. Н. Тенденция развития закрытых территорий в России // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. № 6. С. 54—62.
5. Секретные города России. URL: <http://fb.ru/article/171308/sekretnyie-goroda-rossii-zakryityie-goroda-rossii-spisok-zakryityih-gorodov> (дата обращения 09.02.2017).
6. Фаттахов Р. В., Строев П. В. Пространственный аспект модернизации экономики России // Экономика. Налоги. Право Международный научно-практический журнал. 2015. № 6. С. 6—14.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации» и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 20.04.2015 N 100-ФЗ (действующая редакция, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178309/ (дата обращения 30.01.2017).

Н. М. Байков

ДОСТУПНОСТЬ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ: ОТ ПОЗНАНИЯ ДО СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

БАЙКОВ Николай Михайлович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС, г. Хабаровск, Россия; nprodvags@mail.ru

Аннотация. Тезисы содержат научные и правовые подходы к пониманию феномена «доступная среда» для инвалидов, которые реализуются в российской практике в соответствии с международно-признанными нормами. Результаты эмпирических социологических исследований, полученные в Хабаровском крае, дают определенное представление о динамике изменений в общественном мнении инвалидов и жителей края, не имеющих инвалидности в отношении доступности приоритетных сфер жизнедеятельности. Выявлены и обоснованы факторы и условия, детерминирующие достижение доступности среды, обоснованы прогнозные возможности преодоления существующих барьеров в регионе

Ключевые слова: доступная среда, универсальный дизайн, инвалиды, не инвалиды, результаты социологических исследований, приоритетные сферы жизнедеятельности

Современная широкая трактовка «доступности среды» предполагает равноправное участие людей с ограниченными возможностями во всех сферах жизнедеятельности общества. Она опирается на ряд основополагающих международно-правовых актов, призванных регулировать права инвалидов. Россия подписала (2008 г.) и ратифицировала (2012 г.) Конвенцию о правах инвалидов, что обусловило масштабные задачи по имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство и подзаконные акты [1]. Он направлен на создание взаимовязанной системы полномочий, функций органов государственной власти и порядков содействия инвалидам в реализации установленных общегражданских прав.

В узком смысле термин «доступная среда» употребляется как синоним «универсальному дизайну», призванному сделать предметы, обстановку, программы и услуги максимально в возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации. В российскую нормативную практику принцип универсального дизайна впервые был инкорпорирован в 2011 году [2]. Благодаря этому, доступная для

инвалидов среда, воздаёт преимущества и для других пользователей их числа маломобильных групп населения (пожилые, дети, беременные и др.).

В современных экономических условиях реализация государственной программы по созданию условий для доступной среды инвалидам, с одной стороны, подчеркивает ее социально ориентированный характер и приверженность своим социальным обязательствам, с другой, свидетельствует о наличии объективных причин, затрудняющих достижение определенных целей и задач.

Эффективная и успешная деятельность по созданию доступной для инвалидов среды — задача непростая. Однако понимание доступности среды для инвалидов только как технико-технологической задачи является ошибочным, так как в демократическом обществе владение человеческим, культурным, символическим капиталом открывает доступ к экономическому капиталу, повышает качество жизни.

В Хабаровском крае проживают около 78 тыс. инвалидов, в то время как еще три года назад их было более 85 тыс. человек. За этот период был реализован ряд программных мер по доступной среде для инвалидов [3]. Результаты социологических исследований за этот период (2014—2016 гг.) дают определенное представление о состоянии и динамике изменений в обеспечении доступности среды жизнедеятельности инвалидами в регионе [4]. Так, осведомленность инвалидов о том, что в Хабаровском крае реализуется государственная программа «Доступная среда» не претерпела существенных изменений за исследовательский период, но оставляет желать лучшего. Доля респондентов, знающих о ней «подробно и точно», а также «содержание и запланированные мероприятия» составляет четверть и не изменилась существенно (2014 г. — 23,2%, 2016 г. — 27,8%). При этом сократилось количество тех, кто «не знает ничего» об этом жизненно важном для них документе с (40,1% до 31,5%) и возросло число тех, кто отметил «знание в целом тематики» (с 35,9% до 40,7%). Среди тех, кто больше всего осведомлен об этом документе — это инвалиды по зрению (слабовидящие) (32,6%), менее всего — инвалиды, требующие постоянного постороннего ухода (18,1%). В поселенческом разрезе более глубокие знания о документе отмечают опрошенные инвалиды г. Хабаровска (34,2%), чем г. Комсомольска-на-Амуре (15,7%).

За исследовательский период укрепилось представление инвалидов о том, что достижение цели государственных программных мер по доступности среды — это одна из самых актуальных и важных задач в российском обществе. Если в 2014 году это понимание разделяли 52,9%, то в 2016 году — 60,0% инвалидов.

Следует отметить, что наиболее доступными сферами жизнедеятельности для инвалидов (по критерию «доступны») являются объекты, свя-

занные с решением личных жизненных проблем. Лидирующее место среди них занимают учреждения социальной защиты и здравоохранения. В последние годы существенно возросла доступность для инвалидов сеть Интернета и телефонной связь. Большинство же сфер жизнедеятельности, связанных с интеграцией инвалидов в социум, доступны в значительно меньшей степени. Так, для каждого второго инвалида Хабаровского края по — прежнему недоступными являются жилье и транспорт, для четырех из десяти — спорт и физкультура, для третьей части — культура, каждый четвертый сталкивается с доступностью объектов здравоохранения и образования (табл. 1).

Данные опросов инвалидов свидетельствуют как о достижениях (прогнесе), так и ухудшении (проблемах) в доступности приоритетных сфер жизнедеятельности за последние годы (2014—2016 гг.). В большей степени инвалиды края отмечают позитивные изменения в доступности за эти годы лишь в таких сферах как социальная защита (с 34,2% до 41,5%), здравоохранение (с 19,9% до 28,8%) и культура (с 11,9% до 18,6%)

Среди инвалидов доминируют представления об ухудшении доступности для них транспорта (с 17,4% до 34,6%), жилого фонда (с 19,6% до 32,9%). Как показали результаты, сфера здравоохранения оценивается инвалидами достаточно противоречиво: при росте позитивных ответов, более четверти респондентов фиксируют сохранение проблем и ухудшение в доступности. Это может свидетельствовать о различных возможностях инвалидов в получении квалифицированной медицинской помощи, а также о различных подходах к предоставлению медицинских услуг инвалидам различных групп. Так, по данным опроса значительно большую самостоятельность в доступности среды проявляют лишь инвалиды по слуху и требующие помощи при передвижении.

Таблица 1. Оценки инвалидами доступности основных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности (в % от числа опрошенных)

Сферы жизнедеятельности	Доступны		Недоступны		Трудно сказать	
	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.
Здравоохранение	64,2	65,5	28,6	25,0	7,2	9,4
Культура	49,2	51,3	38,5	31,4	12,3	17,3
Транспорт	44,6	38,5	45,9	48,2	9,5	13,3

Сферы жизнедеятельности	Доступны		Недоступны		Трудно сказать	
	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.
Интернет, телефонная связь	62,6	69,6	23,7	16,3	13,6	14,1
Образование	37,5	49,8	41,5	26,0	21,1	24,3
Социальная защита	73,5	77,5	19,7	13,2	6,8	9,3
Спорт и физкультура	46,2	34,5	36,6	42,5	17,3	22,9
Жилье	35,4	30,0	41,8	47,1	22,8	22,9

* В сумме вариантов ответа «доступны» и «скорее доступны»

** В сумме вариантов ответа «не доступны» и «скорее не доступны»

Результаты опроса свидетельствуют об ухудшении материального положения большинства инвалидов за исследовательский период. Доля тех респондентов, кто отмечает доход ниже среднего, т. е. денег хватает или с трудом хватает на продукты питания, но покупка одежды и других необходимых услуг вызывает затруднения, возросла с 52,7% до 60,4%. Лишь менее десятой части (7%) опрошенных инвалидов по-прежнему имеют доходы выше среднего уровня.

Следует отметить о постепенном позитивном изменении отношения к проблемам инвалидов как в их самооценках, так и жителей — не инвалидов. При этом существенной разницы в их оценках — не выявлено. Так, доля инвалидов, считающих, что «общество скорее внимательно настроено на решение их проблем» возросла с 30% (2014 г.) до 37% (2016 г.), а среди не инвалидов — соответственно с 35% до 40% опрошенных. При этом сократилась (с 41% до 35%) количество ответов инвалидов, кто отметил о равнодушном отношении к их проблемам, а у жителей края, не имеющих инвалидности, эта доля осталась на уровне 41% опрошенных. Только один из десяти опрошенных инвалидов и не инвалидов по-прежнему считают, что общество игнорирует их проблемы.

Таким образом, результаты региональных опросов свидетельствует о незначительных позитивных изменениях и существенных проблемах в доступности инвалидов к объектам и услугам приоритетных сфер жизнедеятельности. С учетом дефицита бюджетных средств, а также неготовностью субъектов общественного развития к решению большого объема проблем инвалидов, трудно ожидать достижение принципа «равный среди равных» в прогнозируемый период реализации государственной программы «Доступная среда» (2020 г.).

Список источников

1. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171577/.
2. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. Ст. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
3. Количество инвалидов в Хабаровском крае сократилось на 11 процентов за три года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvnovosti.ru/khab/2016/12/02/58962/>.
4. Репрезентативное социологическое исследование оценки инвалидами отношения граждан РФ к проблемам инвалидов, оценки инвалидами состояния доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности», ДВИУ — ф РАНХиГС. В качестве объекта исследования выступали инвалиды Хабаровского края (2014 г. $n = 1228$, 2016 г. $n = 1000$), а также жители края — не инвалиды (2014 г. $n = 1000$, 2016 г. $n = 1000$) статистическая погрешность не превышает 5%. Научные руководители — д. с. н., профессор Н. М. Байков и к. с. н., доцент Ю. В. Березутский.

Е. А. Анисина

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

АНИСИНА Елена Алексеевна — кандидат культурологии, доцент РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия; Anisina_L@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность и значимость комплексных социологических исследований города (территории) как социокультурного феномена. Автор отводит важную роль населению в независимой оценке при разработке стратегии и перспектив регионального развития, культурно-символического содержания городских объектов, адаптации и комфортности пребывания горожан в городской среде, что позволяет сформировать системное, комплексное представление о территории. На конкретных примерах показана возможность эффективного использования результатов независимой оценки, в сочетании с другими методами социологических исследований, для корректировки и выработки задач по повышению качества оказываемых услуг населению.

Ключевые слова: город, население, развитие территории, независимая оценка

В XXI веке изучение состояния и перспектив развития любого поселения как комплекса социальных взаимоотношений очень актуально и требует углубленных социологических исследований. Город как социокультурный феномен является многоаспектным объектом исследования таких дисциплин как история, культурология, экономика, архитектура, градостроительство и т. д. Это объясняется новыми потребностями, сформированными на стадии такого уровня развития общества, когда вопросы образа, бренда, имиджа становятся факторами изменения реальности.

Образ города представляется как относительно устойчивая и воспроизводящая в массовом и индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений о городе. Он формируется на основе всей информации, полученной о нем из собственного опыта, впечатлений и различных иных источников.

Так как каждый город, регион и любое поселение без исключения в настоящее время борется за все виды ресурсов (инвестиционные, интеллектуальные, трудовые, туристические и пр.), местные власти стремятся сформировать положительный образ в глазах населения, а особенно

в глазах молодого поколения, от которого зависит будущее благосостояние города, региона, страны, нации.

Что же такое «образ города»? Каков «механизм» его создания? Как он формируется? Можно согласиться с теоретическим обоснованием, которое предлагает А. С. Старцева: «Образ города можно описать через субъективное отношение к городу различных групп населения, и представляет собой прежде всего представление о городе. Однако при описании образа необходимо учитывать и объективные характеристики состояния и развития города, т. к. именно посредством отношения к ним у человека и формируется образ города» [3, с. 51].

Действительно, интересно изучать то, как население интерпретирует факты и события истории, действительности и повседневности своего города, как люди «чувствуют» и воспринимают свой город. Всё это и объясняет «нашествие» разного уровня исследований различных аспектов социологии города.

Социологические исследования, посвящённые перспективам регионального развития, культурно-символическому содержанию городских объектов, адаптации и комфортности пребывания горожан в городской среде и многие другие направления — всё это в совокупности позволяет сформировать системное, комплексное представление о территории.

В условиях жёсткой конкуренции возрастает роль позиционирования, позволяющая городу привлекать и наращивать ресурсы для своего развития. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы позицию властей по отношению стратегии развития города разделяли его жители. Однако часто мы встречаемся с формальной оценкой потребностей населения, в основном это статистические данные (социально-демографические показатели, уровень безработицы, данные БТИ и т. д.) Такая информация позволяет проверить выбранные показатели на соответствие нормам, но не даёт представления о структуре потребностей населения, его культурных требованиях и нужд в отношении жизненного пространства, степени удовлетворенности местом проживания [4, с. 78].

Так, например, в 2013 году министерством культуры и туризма Рязанской области утверждён туристический бренд — «Рязань — берёзовый край». Графический знак бренда представляет собой три вышитых берёзовых листочка. В основе визуального образа — две характерные особенности региона — это уникальная природа и традиционная рязанская вышивка. Образ вызывает, как утверждают разработчики, «устойчивую ассоциацию с есенинской темой» [1, с. 27].

В целом данный бренд, по их мнению, «опирается на уже известные туристам места — например, музей-заповедник в Константинове и может быть использован для формирования не только узнаваемого туристиче-

ского образа, но и образа региона в целом» [3]. Однако, опрос участников фокус-группы, сформированный из социологов, культурологов, историков и краеведов Рязани показал, что данный бренд не ассоциируется с богатством культурно-исторического наследия рязанского края. С их мнением согласились и рязанцы: лишь 8 % проголосовали за этот бренд, в то время как 64 % отнеслись крайне отрицательно, а 10 % — безразлично. В данном случае, торопливость, отсутствие чёткой программы разработки и продвижения бренда территории, попытка решить задачу формирования бренда «в одно действие», выбор и концентрация на одном, игнорирование стереотипов, существующих в обществе и стране по отношению к региону, привели к тому, что рязанцы относятся к «своему» бренду «Рязань — берёзовый край» крайне неодобрительно.

На сегодняшний день осуществляются попытки различных инициативных групп разработать как бы альтернативный бренд Рязанского региона. Используются различные интернет-технологии (создаются форумы, порталы, группы в социальных сетях, ставятся «лайки» и т. д.), собираются виртуальные фокус-группы и пр. Можно сказать, что идёт активная работа с горожанами, с использованием сплошных и выборочных исследований городских сообществ.

Начиная с 2013 г. в России формируется институт независимой оценки качества оказания услуг в социальной сфере, и как показывает опыт Рязанского региона, население очень позитивно относится к мониторингу, деятельно участвует в нём и ожидает реальных позитивных изменений качества услуг.

Важной составляющей функционирования и развития института независимой оценки является не просто формальное получение обратной связи от потребителей услуг, а принятие по результатам оценки конкретных управленческих решений и их последовательное исполнение. Положительный опыт организации мониторинга оценки социальных услуг можно показать на примере министерства культуры и туризма Рязанской области. Была поставлена задача — изучить мнение населения о современном состоянии рязанских театров, определить круг зрительских предпочтений, оценить качество оказываемых услуг. В этой деятельности министерство использовало все имеющиеся ресурсы: привлечение членов Общественного совета при министерстве в качестве независимых экспертов, внутренние интернет-опросы самих учреждений культуры и сотрудничество с Центром социологических исследований РГУ имени С. А. Есенина (ЦСИ РГУ) для проведения массовых опросов потребителей услуг.

Суммировав и проанализировав результаты исследований, министерство разработало комплексные рекомендации для каждого театрально-

зрелищного учреждения культуры и заложило в бюджет необходимые финансовые средства. Что же в итоге? В ряде учреждений прошли ремонтные работы, во всех учреждениях появилась возможность on-line покупки билетов через интернет, совершенствуются способы «обратной связи» с разными категориями граждан посредством социальных сетей и др.

Ещё один положительный пример — мониторинг качества государственных услуг по публичному информированию в сфере налогообложения, проводимый ЦСИ РГУ для УФНС России по Рязанской области.

В условиях сложной экономической ситуации взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов очень важно для обеспечения стабильности налоговых поступлений в бюджет города, не исключением является и город Рязань.

В связи с этим одной из важнейших задач для налоговиков города Рязани является повышение качества услуг, предоставляемых налогоплательщикам, в том числе информационных. Каждая налоговая инспекция должна стать своеобразным аналитическим центром по переработке налоговой информации с хорошей сервисной службой, с помощью которой любой налогоплательщик легко сможет заполнить любую отчетную форму, рассчитать и вовремя уплатить налоги.

Налогоплательщикам было предложено оценить наиболее действенные способы доведения информации до налогоплательщиков. В результате было определено, например, что наибольшее предпочтение рязанцы отдают адресной рассылке налоговой квитанции — 61,9% опрошенных. В то же время только 14,3% физических лиц не сталкивались с проблемами, связанными с неполучением налоговых квитанций. Остальные респонденты (85,7%) отметили те или иные проблемы получения квитанций: нерегулярность получения (16,7%), иногда не приходят (33,3%) получение просроченных квитанций (16,7%), приходится самому отслеживать своевременность налоговых выплат (19%).

Кроме того, исследование показало, что 31% ответивших считает печатные издания и буклеты самым эффективным способом доведения информации до налогоплательщиков. Треть респондентов отметили телевидение, информационные стенды и интернет-сайт ФНС России.

Поэтому были разработаны буклеты с целью публичного информирования налогоплательщиков о необходимости уплатить своевременно налог на имущество физических лиц, транспорт и землю, а также довести до налогоплательщиков информацию об электронном сервисе ФНС России. Буклеты представляют собой пошаговую инструкцию с пояснениями о способах подключения «Личного кабинета налогоплательщика для физических лиц», разъяснение и доведение до налогоплательщиков

информации о налоговом калькуляторе для физических лиц, и как записаться *on line* на приём в инспекцию, пошаговую инструкцию о том, что делать, если налоговое уведомление не пришло и по каким причинам оно может не прийти.

По похожей схеме работает и рязанская полиция. Вот уже второй год подряд, привлекая Центр социологических исследований РГУ, осуществляется мониторинг качества работы участковых, сотрудников ДПС, ГАИ и др. Таким образом, выстраивается социологический портрет полицейского, сельского участкового и т. д. Вырабатываются критерии качества работы, доверия населения к человеку в погонах.

Резюмируя, можно утверждать, что подобные исследования не пустая трата денег, если есть заинтересованность и руководителей, и каждого служащего. Всё это говорит о том, что ведомства, заинтересованные в развитии собственной деятельности, серьёзно относятся к исследованиям подобного рода. Кроме того, регулярная, постоянно проводимая независимая оценка позитивно влияет на саморазвитие организации.

Эти данные и их мониторинг могут использоваться и используются при определении дальнейших путей формирования основных направлений для создания подлинно правового, социально ответственного государства.

Список источников

1. Анисина Е. А., Кузина Е. С. Основные принципы создания регионального бренда // IV Рязанские социологические чтения : Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 22—23 ноября 2013 г. Рязань, 2014. С. 25—28.
2. Дубейковский В. Бренд Рязани. Отчего так в России...// Режим доступа: <http://citybranding.ru/brend-ryazani/> (дата обращения: 25.02.2017).
3. Старцева А. С. Специфика создания и продвижения культурного бренда Омской области // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 30. С. 49—60.
4. Щербак И. В. Социологическое исследование города: диагностика проблем и гражданская дипломатия // Территория и планирование. 2010. № 5. С. 78—82.

М. В. Мельников

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К ОГРАЖДЕНИЮ ПРИДОМОВОЙ ТЕРРИТОРИИ)

МЕЛЬНИКОВ Михаил Васильевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления и Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия; Halkidon_N@list.ru

Аннотация. Анализ различных форм ограничения свободного доступа и использования публичного пространства был направлен на выявление общих признаков, позволяющих рассматривать изменения, происходящие с публичным пространством, как его приватизацию. Одной из форм приватизации публичного пространства было посвящено исследование отношения жителей Новосибирска к ограждению придомовой территории. Не только жители огражденных домов, но и жители не огражденных домов относятся к ограждению придомовой территории большей частью положительно. Желательность ограждения связывается респондентами с практической выгодой — сделать огражденную территорию более чистой и безопасной. Также было выявлено, что респонденты из огражденных домов, имея более высокие доходы и статус, не воспринимают себя как людей высшего класса по сравнению с жителями не огражденных домов. Новая информация о приватизации придомовой территории получена благодаря контент-анализу форумов сайта VDOLVKE.RU. Были выделены четыре формы приватизации общего пространства. Анализ показал, что отношение к приватизации общего пространства зависит от обстоятельств и последствий осуществления приватизации. Большинство дольщиков поддерживают установку ограждения и осуждают парковку жителями огражденного дома личного автотранспорта в неполюженном месте. Меньшую солидарность дольщики проявляют по отношению к хранению на лестничных площадках вещей, принадлежащих проживающим в доме людям.

Ключевые слова: приватизация публичного пространства; ограждение придомовой территории; опрос; контент-анализ

Традиционно термин «приватизация» рассматривается как передача/продажа в собственности государства предприятий, имущества, контрактов под частный контроль/в частную собственность, то есть определяется,

изучается и оценивается как экономический феномен. Иное, например, социологическое рассмотрение приватизации позволяет увидеть те её стороны, место и значение для общества, на которые экономическая наука не обращает внимание. Это не значит, что социологическая трактовка приватизации является более верной, чем экономическая её трактовка. Это значит, что приватизация представляет собой феномен, разные стороны которого могут быть описаны и осмыслены как экономически, так и социологически. В работах Х. Арендт, Р. Сеннета, Ю. Хабермаса, Н. Элиаса, Д. Рисмена, Р. Патнэма, Дж. Урри, М. Кон выделены существенные стороны понятия приватизации, позволяющие определить контуры его использования в социологии. Понятие приватизации применяется как для выражения состояния покоя, безопасности и недостижимости, в котором пребывает или желает пребывать человек или группа людей, так и для выражения идеи вызывающего в обществе осуждение нелегитимного и несогласованного присвоения общественных ресурсов. Проведенная автором в 2010—2016 годах работа по сбору и анализу информации позволила при определении сущности приватизации публичного пространства обратить главное внимание на понимание приватизации как присвоения и превращения в частное, личное, ограниченное для общего пользования, недоступное чего-то, что раньше было открыто-публичным, общедоступным. В связи с чем, с опорой на М. Кон [1], сущность приватизации публичного пространства определена как изменение в использовании этого пространства (от общего и открытого к частному и ограниченному), благодаря которому пространство становится для пребывания в нем одних лиц и групп более доступным, а для других лиц и групп менее доступным.

Это можно продемонстрировать на пример публичного, или общественного пространства. С помощью понятия приватизация публичного пространства описываются процессы уменьшения общей площади публичного пространства и возрастание колонизированных рынком пространств. Отдельные стороны приватизации публичного пространства становились объектами социологических исследований, но при этом оставалась слабо изученной общность их содержания и происхождения. Анализ различных форм ограничения свободного доступа и использования публичного пространства направлен на выявление общих признаков, позволяющих рассматривать изменения, происходящие с публичным пространством, как его приватизацию.

Одной из форм приватизации публичного пространства было посвящено исследование автором отношения жителей Новосибирска к ограждению придомовой территории [2]. Был проведен анкетный опрос новосибирцев, проживающих в многоквартирных домах повышенной

комфортности, доступ к которым ограничен посредством установки забора, шлагбаума и поста охраны, и новосибирцев, проживающих в соседних домах обычной планировки, доступ к которым открыт. Оказалось, что не только жители огражденных домов, но и жители не огражденных домов относятся к ограждению придомовой территории большей частью положительно. Желательность ограждения связывается респондентами не со статусными и символическими границами, а с практической выгодой — сделать огражденную территорию более чистой и безопасной. Опрос жителей огражденных домов подтвердил, что огражденная территория стала чище и безопасней. Также было выявлено, что респонденты из огражденных домов, имея более высокие доходы и статус, не воспринимают себя как людей высшего класса по сравнению с жителями не огражденных домов. Очевидно, что в России социальная и физическая дистанция между людьми, проживающими в огражденных элитных и не огражденных обычных домах, еще не стала недостижимой, а места проживания людей с доходами выше среднего еще не превратились в своеобразные «гетто для богатых». Еще один вывод заключается в том, что респонденты, проживающие в огражденных домах, продемонстрировали больше желания объединить свои усилия, связанные с намерениями поставить ограду, чем жители не огражденных домов, часть которых высказалась за установку ограждения. По сравнению с ними респонденты, проживающие в не огражденных домах и желающие их оградить, не знают, с чего начать, и признают, что многие соседи по дому не поддерживают предложение об установке ограды. Отсутствие солидарности между жителями не огражденных домов указывает на то, что они не воспринимают себя как людей, имеющих какие-то символически значимые и общие для них все черты признаки их социального статуса.

Новая информация о приватизации придомовой территории получена благодаря выполненному автором контент-анализу форумов сайта VDOLVKE.RU [3]. Эти форумы содержат обсуждения, посвященные предложениям осуществить ограждение общей придомовой территории и уже выполненных отдельными жильцами новых многоэтажных домов частных ограждений. Структура сайта позволяет пользователям отслеживать дискуссии, которые ведутся в рамках одного проекта, застройщика, города, и присоединяться к ним. Благодаря открытым обсуждениям и дискуссиям дольщики знакомятся друг с другом как будущими соседями и образуют первоначально виртуальные сообщества людей, которым придется принимать согласованные решения по общему управлению своим домом. В случае с новостройкой факт достижения согласия по вопросу об установке ограждения может рассматриваться как свидетельство появления и, возможно, укрепления в сознании собственников восприятия себя

и других как членов сообщества. Если дух сообщества отсутствует или еще не выявлен, об открытых за пределами квартир, принадлежащих жителям, пространствах площадки, подъезда, двора вернее говорить как о пространствах общих-абстрактных, а не общественных (общих-интерперсональных). В соответствии с подходом К. С. Федоровой такое общее пространство не дорого жильцам потому, что никто не считает его своим [4].

Были проанализированы сообщения на форумах дольщиков Самары, Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. Изучение содержания 134 отобранных сообщений позволило выделить четыре формы приватизации общего пространства. 1. Установка ограждения, частично ограничивающего доступ на территорию (шлагбаума). 2. Установка ограждения, полностью ограничивающего доступ на территорию (забора). 3. Парковка личного автомобиля во дворе многоквартирного дома в неприемлемом для других его жильцов и несогласованном с ними месте. 4. Складирование на лестничных площадках вещей, принадлежащих проживающим в доме людям. Анализ показал, что отношение к приватизации общего пространства зависит от обстоятельств и последствий осуществления приватизации. Большинство дольщиков поддерживают установку ограждения и осуждают парковку жителями огражденного дома личного автотранспорта в неполюженном месте. Меньшую солидарность дольщики проявляют по отношению к хранению на лестничных площадках вещей, принадлежащих проживающим в доме людям. Эта форма приватизации общего пространства как осуждается, так и оправдывается дольщиками.

Список источников

1. Kohn M. Brave New Neighborhoods: the Privatization of Public Space. Taylor & Francis e-Library, 2005.
2. Мельников М. В. Отношение новосибирцев к ограждению придомовой территории // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1.
3. Мельников М. В. Хотелось бы изолироваться, конечно! (опыт контент-анализа форумов сайта VDOLVKE.RU) // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 1.
4. Федорова К. С. Общество: между всем и ничем // От общественного к публичному: Коллективная монография. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

О. С. Сидорова, Н. Л. Мосиенко

СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ НОВОСИБИРСКА

СИДОРОВА Ольга Станиславовна — аспирантка, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Россия; o.sidorova.s@gmail.com

МОСИЕНКО Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, Россия; nmosienko@ngs.ru

Аннотация. В работе анализируется социально-пространственная сегрегация города по статусному признаку с позиций рынка жилой недвижимости. В качестве индикаторов использованы стоимость и престижность жилья. Методика основана на сочетании картографического метода и экспертного опроса специалистов рынка недвижимости. Выделены территориальные кластеры — относительно гомогенные по стоимости и престижности и достаточно компактно расположенные участки города Новосибирска, как правило, застроенные жильем одного типа. На основе проведенного анализа рынка новостроек описаны типы территориальных кластеров, отличающиеся стоимостью и престижностью жилья. Анализируются способы поддержания однородности жителей той или иной территории.

Ключевые слова: социально-пространственная сегрегация, рынок жилой недвижимости, стоимость и престижность жилья, территориальный кластер, городские сообщества

Социально-пространственная сегрегация является одним из естественных процессов, существующих в социальном пространстве города и городской агломерации. Сложность данного феномена обусловлена связанностью в нем процессов, происходящих одновременно и в физическом пространстве города, и в социальных отношениях. В социологии города под социально-пространственной сегрегацией обычно понимается полное или частичное обособление в физическом пространстве социальных групп, обусловленное различиями в их социальных характеристиках.

В данном исследовании рассматривается сегрегация по статусному признаку, выраженная в концентрации групп со схожими статусными характеристиками в городском пространстве.

Актуальность исследований сегрегации в пространстве города обусловлена, прежде всего, теми социальными последствиями, которые возникают в результате данных процессов, как негативными, так и позитивными. Наиболее явными негативными последствиями являются ухудшение жизненных шансов некоторых групп горожан и сложности интеграции и взаимодействия различных социальных групп. К положительным последствиям можно отнести, например, возможность проживания среди «своих» и актуализацию самоидентификации, способствующих формированию локальных городских сообществ.

Несмотря на достаточно широкий круг исследований по данной проблематике, остается потребность в разработке методологических и методических подходов для изучения данных процессов в современных условиях: меняется ситуация на жилищном рынке, в том числе заметны новые тенденции в жилищном строительстве. Особенностью данной работы является то, что основной акцент сделан на исследовании сегрегации в городском пространстве через оценку процессов, происходящих на рынке жилой недвижимости. Разработана методика, основанная на сочетании картографического метода и экспертного опроса. Первый этап работы включал также апробацию разрабатываемой методики на примере рынка новостроек г. Новосибирска.

Объектом исследования является социально-пространственная сегрегация, исследование которой происходит через два индикатора — стоимость жилья и престижность жилья.

Для того, чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации г. Новосибирска через стоимость жилья, мы сформировали базу новых жилых домов и комплексов города, которая включает 198 объектов, которые были введены в эксплуатацию не ранее 2012 года и еще полностью не распроданы.

Так как новые жилые дома строятся сразу с учетом того, какая именно статусная группа в них живет, и поэтому являются наиболее показательными для выявления социально-пространственной структуры города, то именно новые жилые дома и комплексы были выбраны для определения социально-пространственной сегрегации города. Затем эти данные будут уточнены с помощью анализа вторичного рынка жилья.

Именно стоимость жилья, а точнее минимальная стоимость одного квадратного метра, взята за основной критерий разделения всех новых жилых домов и комплексов на группы. Этот критерий, на наш взгляд, хорошо отражает социальное распределение жителей в пространстве города, так как минимальная стоимость квадратного метра вкупе с размером выбранной квартиры составляют своего рода входной билет в то или иное городское сообщество. Информация о минимальной стоимости 1

квадратного метра взята с сайта www.2gis.ru, из раздела «Новостройки». Недостающая информация получена с сайтов компаний-застройщиков.

После разделения всех жилых домов и комплексов было получено 6 групп, разбитых по интервалам минимальной стоимости 1 квадратного метра, затем эти группы были отражены на интерактивной карте Новосибирска в программе 2ГИС, а полученное территориальное распределение проанализировано. Была построена карта-схема, наглядно иллюстрирующая особенности социально-пространственной структуры Новосибирска (рис. 1).

Рис. 1. Социально-пространственная структура г. Новосибирска на основе индикаторов рынка новой жилой недвижимости

Вторым индикатором является престижность жилья. Применительно к социально-пространственной сегрегации можно говорить, что одни территории являются более престижными, чем другие, то есть, используются в основном представителями высшей страты, элитой.

Для того, чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации г. Новосибирска через престижность жилья, был проведен ряд экспертных интервью с представителями рынка недвижимости. Экспертами выступали руководители и риэлторы новосибирских агентств недвижимости, известный в Новосибирске аналитик рынка недвижимости, представитель застройщика, маркетолог агентства недвижимости. Всего было опрошено 14 экспертов.

Совокупный анализ составленной карты и экспертных интервью помог выявить, что территория Новосибирска разбита на множество участков, отличающихся друг от друга стоимостью и степенью престижности. Эти районы в данной работе получили наименование «территориальных кластеров». Итак, территориальный кластер — это относительно однородный по стоимости и престижности и достаточно компактно расположенный участок города, зачастую застроенный жильем одного типа. Территориальный кластер — это условное название, которое, на наш взгляд, хорошо описывает территориальные единицы при анализе социально-пространственной сегрегации на рынке нового жилья. Видится, что оно может быть дополнено при анализе вторичного рынка.

При анализе первичного рынка жилья, на наш взгляд, можно выделить следующие типы территориальных кластеров: Дорогостоящее жилье в центре города; Дорогостоящее жилье за городом вблизи природных объектов; Дорогостоящее жилье в уникальных районах; Жилье для среднего класса недалеко от центра; Жилье для среднего класса на периферии; Бюджетное жилье на периферии.

Помимо создания карты новых жилых домов и кварталов, также был проведен анализ способов, которыми поддерживается однородность жильцов территориального кластера, так называемых фильтров, которые обеспечивают возможность вхождения в престижные городские сообщества.

На наш взгляд, можно выделить следующие фильтры: высокая стоимость жилья; улучшенная инфраструктура; высокие коммунальные платежи; статус дома клубного типа; принадлежность к профессиональной группе; принадлежность к социальной группе.

Тем не менее эти инструменты не единственный способ избавиться от «чужаков», представителей другой социальной группы. Отдельно можно выделить физические и ментальные границы, которые создаются застройщиками и жителями дома. К физическим границам можно отнести

заборы, ограждения, пункты допуска на территорию жилого комплекса с пропускной системой, организованную охрану, общий архитектурный облик застройки: К ментальным границам можно отнести существующие в восприятии границы, закрепляющие социально-пространственную сегрегацию в сознании людей.

Полученные типы кластеров описывают только первичный рынок жилья, поэтому при анализе рынка вторичного жилья могут быть изменены на более подходящие, учитывающие не только привязку к территории, стоимость и престижность, но и исторически сложившуюся социальную действительность. Тем не менее, полученная кластерная структура демонстрирует как социальное неравенство материализуется в пространстве города.

Е. О. Беликова, В. А. Парамонова

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР ИЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР?

БЕЛИКОВА Екатерина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия; eo_belikova@volsu.ru

ПАРАМОНОВА Вера Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия; paramonova69@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс конструирования городского пространства с учетом процессов глобализации. На основе существования «маркеров» глобализации предпринята попытка создания моделей городов. Среди них выделяются: «традиционная (или для молодых)»; «города для пожилых» (или «американской»), мировая (мультикультурной); «экологическая (эко-город)», «умный город».

Ключевые слова: Модели города, «Единообразие» городов, уникальность города

Современный мир — это глобальный мир: почти в любой точке земного шара можно найти Макдональдс, рестораны азиатской кухни и т. д. Распространение привычных «маркеров» образа жизни создает ощущение мира «под копирку»: когда человечество «проживает» в единой коммунальной квартире с общей кухней, однообразным питанием, обсуждением одних событий, одетым в «униформу», навязанную мировой модой и т. д., и т. п.

Знакомство с историческими городами, с их неповторимостью архитектуры, «воздуха» и т. п., разрушает мир единообразия. Исторические города Востока и Запада невозможно перепутать, ведь каждый развивался в своем цивилизационном поле. Такие города обладают неуловимым «духом», сохраняемый, несмотря на засилье всемирно известных «маркеров» глобализации. И параллельно с уникальностью в городском пространстве присутствуют «элементы» глобального мира (строения из стекла и бетона), что нивелирует городскую самобытность. Общемировые тенденции в строительстве «унифицируют» западные и восточные города.

«Единообразие» городов в глобальном мире — это явление современности. Исторические города формировались различными цивилизациями, а глобальный мир подавляет уникальность города. Создается ситуа-

ция из кинофильма Э. Рязанова «Ирония судьбы...» [1]: ул. Строителей, стандартные многоквартирные квартиры «как у всех» (с евроремонтом, пластиковыми окнами, остекленными балконами и пр.) «перекочевывают» из города в город.

Глобализация ярко проявляется в формировании следующих моделей города: «традиционной (или для молодых)»; «города для пожилых» (или «американской»), мировой (мультикультурной)»; «экологической (эко-город)», «умный город» [2; 3; 4; 5; 7, с. 233—234; 8; 9].

«Традиционная» модель города — эта модель ориентирована на сильных и здоровых: минимальное приспособление социального пространства к потребностям людей с ограниченными возможностями, всех, кто имеет, в определенный момент своей жизни, те или иные ограничения психофизического характера.

Модель города «для пожилых» (или «американская») — это своеобразная реакция на «традиционную» модель. Для «американской» модели (вторая половина XX в., США [2]) характерны: развитая городская инфраструктура; приспособленность помещений к потребностям людей «третьего возраста»; доступность медико-социального обслуживания и т. п. В этих городах проживают только люди, достигшие пенсионного возраста. Это нарушает социальные связи пенсионера и усугубляет разрыв между поколениями.

«Мировая (мультикультурная)» модель предполагает трансформацию социального пространства «традиционного» города [3; 5; 6; 7, с. 234; 8]. Эта модель не нарушает привычного образа жизни людей «третьего возраста» и способствует улучшению комфорта жизнедеятельности всех проживающих в городе, а не отдельной группы: решаются вопросы экологической безопасности, энергосбережения и т. п. приводит к внедрению новых технологий и методов управления в пространстве «традиционного» города, хотя и проблем, требующих незамедлительного решения, «традиционный» город ставит больше, чем любой иной, возведенных «с нуля».

Модель «эко-город» (или «умный» город) — это попытка включить третью переменную — природу, в уже сформировавшуюся дихотомию «человек — город». Подобные города предлагается возводить «с нуля», с применением передовых идей в планировке и управлении: с использованием новейших «чистых» технологий. Основной принцип подобных городов — экологичность. «Эко-города» ориентированы на небольшое количество проживающих в них [4; 9; 10]. Внедрение данной модели затруднено: доступностью жилья; утилизацией отходов жизнедеятельности города и пр.

Общий недостаток «американской» модели города и модели «эко-город» — «отгороженность» таких городов (наличие высоких стен, слагбау-

мов, пропускного режима и т. п.), что позволяет проводить определенную аналогию с резервациями, по возрасту, по уровню достатка. К тому же обслуживающий персонал вынужден постоянно затрачивать время, финансы и ресурсы (время, топливо и пр.) на постоянную миграцию «дом — работа — дом».

Выбор модели города определяется социокультурными традициями общества, готового внедрять ту или иную модель. Хотя, при всех негативных моментах формирования социального пространства городов «под копирку», свойственную глобализму, именно «мировая (мультикультурная)» модель имеет больше оснований для распространения в мире, т. к. она формируется на разнообразном культурном материале.

Список источников

1. Рязанов Э. Ирония судьбы или с легким паром [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iri.ru/watsh/ironia_sudby/ (дата обращения: 07.03.2016).
2. Американский «Город Солнца»: рай для пожилых [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elsa.gorod.tomsk.ru/index-1306112035.php?Comment_act=deleteCommentForDocument&Comment_page_num=1&Comment_comment_id (дата обращения: 01.08.2011).
3. ВОЗ объявляет о создании Глобальной сети городов с благоприятными условиями для пожилых людей [Электронный ресурс. Режим доступа: // http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2010/age_friendly_cities_20100628/ru/index.htm (дата обращения: 01.08.2011).
4. Дрожжинов В. Сонгдо — «умный город» для бизнеса. Режим доступа: http://www.cnews.ru/reviews/it_v_organah_gosudarstvennoj_vlasti_2013/articles/songdo__umnyj_gorod_dlya_biznesa/ (дата обращения: 28.02.2016).
5. Новое руководство по созданию в городах благоприятных условий для пожилых людей [Электронный ресурс] / ВОЗ. Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2007/pr53/ru/index.html> (дата обращения: 30.06.2011).
6. ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Руководство по осуществлению Мадридского международного плана действий по проблемам старения на национальном уровне. Нью-Йорк. 2008.
7. Парамонова В. А. Современные городские модели «для пожилых» // Ученые записки Таврического национального университета. 2011. Т. 26 (63). № 3—4.
8. Сеть городов работает над созданием благоприятных условий жизни для пожилых людей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.>

who.int/bulletin/volumes/88/6/10-020610/ru/index.html (дата обращения: 01.08. 2011).

9. 9. Экогород Масдар-Сити. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://globalfutureevents.ru/ekogorod-masdar-siti.html> (дата обращения: 01.03.2016).

10. 10. Kingsley P. Masdar: the shifting goalposts of Abu Dhabi's ambitious eco-city [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wired.co.uk/magazine/archive/2013/12/features/reality-hits-masdar> (дата обращения: 28.02.2016).

Б. В. Сердюков

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ

СЕРДЮКОВ Борис Владимирович — генеральный директор, ООО «Агентство «Сфера», г. Санкт-Петербург, Россия; skipjunior@mail.ru

Аннотация. Перед органами исполнительной власти сегодня наиболее остро стоит проблема обеспечения общественной безопасности в крупных городах. В области формирования городской среды государство всё чаще выступает инициатором и заказчиком различных автоматизированных систем, направленных на повышение уровня безопасности в жилых кварталах. В связи с этим растёт спрос на использование прикладных исследований, направленных на сбор социологической информации, требуемой для проектирования таких систем. Авторы связывают этот процесс со включением прикладных социологических исследований в перечень обязательных работ выполняемых при проектировании аппаратно-программных комплексов, направленных на формирующие городской среды. В статье представлено комплексное социологическое исследование, проведённое в части проектировочных работ, выполняемых для создания автоматизированной системы внутриквартальной безопасности. Авторами раскрыты проектировочный принцип, логика и организационный план исследования. Отмечены особенности проведения подобного прикладного социологического исследования в области проектирования аппаратно-программных комплексов.

Ключевые слова: Прикладные социологические исследования, социологическое обеспечение проектирования, безопасность жилых кварталов

Современная городская среда несёт для человека множество угроз техногенного, экологического и социального характера. Перед исполнительными органами государственной власти (ИОГВ) сегодня наиболее остро стоит проблема обеспечения общественной безопасности в городах-мегаполисах.

В Санкт-Петербурге ведется работа Аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город», включающего: городскую систему видеонаблюдения, служба экстренных вызовов 112, комплексную систему обеспечения безопасности объектов социальной инфраструктуры, а также центр обработки вызовов 004, городской портал «Наш Санкт-

Петербург», городскую автоматизированную систему фиксации нарушений правил дорожного движения, региональную автоматизированную систему централизованного оповещения.

Наша компания (ООО «Агентство «Сфера») в течении нескольких лет принимает участие в исследовательских и проектировочных работах, связанных с разработкой различных подсистем АПК «Безопасный город» в части подготовки концепций, проектирования, моделирования и социологического обеспечения, разработки служебных регламентов. В ходе проведения данных работ нами были отмечены положительные сдвиги в повышении значимости и востребованности ИОГВ социологической информации, как основы для выявления характеристик разрабатываемых систем, оценки их востребованности и определения условия для дальнейшей их эксплуатации.

Прикладные социологические исследования проводились в период с 2014—2016 год специалистами ООО «Агентство «Сфера» на условиях субподряда с СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр» по государственному контракту с Комитетом информатизации и связи в рамках разработки автоматизированной системы внутриквартальной безопасности жилого квартала (далее АС ВБЖК). Основной принцип данной подсистемы — это сохранение и использование существующих систем обеспечения безопасности жизнедеятельности в жилых кварталах и в многоквартирных домах, объединение разрозненных систем в единый комплекс АС ВБЖК с сохранением прав, функций управления как собственников объектов в жилых кварталах, так и собственника программных продуктов, которым является город.

В рамках проектирования было проведено комплексное социологическое исследование, которое сочетало в себе качественный и количественный методы получения данных. Программа исследования предполагала проведение сбора эмпирических данных методом полуструктурированного интервью в два этапа. Выборочная совокупность каждого этапа составила 640 человек, а половозрастная структура выборки соответствовала общим социальным характеристикам исследуемой территории (Муниципальный округ «Пороховые», г. Санкт-Петербург).

Качественная составляющая исследования была реализована стандартным методом проведения фокусированного группового интервью. Основная задача, которая была поставлена перед исследователями — апробировать и уточнить подготовленный для количественных исследований инструментарий. Было проведено 6 фокус-групп, в которых приняло участие 52 человека. Системный отбор участников проводился среди жителей жилых кварталов, специалистов в области правопорядка и безопасности, представителей правоохранительных органов, специа-

листов, обслуживающих многоквартирные дома и сферу благоустройства, представителей территориальных ИОГВ и органов местного самоуправления. В результате проведенных фокус-групп были получены данные, позволившие уточнить содержание анкеты с целью ее актуализации.

Первый этап поквартирного опроса проводился осенью 2014 года. Весь перечень получаемой в ходе опроса информации можно разделить на две части. Одна часть содержала ответы на следующие вопросы:

- где устанавливать аппаратное оборудование (камеры видеонаблюдения, датчики контроля доступа и т.д.);
- каким образом (по каким каналам) сделать информацию, поступающую с аппаратного оборудования, доступной для граждан;
- какие компетентные органы и на каких правах должны быть допущены в качестве пользователей АС ВБЖК;
- из каких источников должно происходить финансирование установки и дальнейшей эксплуатации разрабатываемой АС ВБЖК.

Другая группа вопросов была ориентирована на сбор сведений о криминогенной обстановке в жилых кварталах, в которых предполагалась пробная установка и эксплуатация разрабатываемой системы. Основная задача, которую поставил разработчик исследователям — сделать замер, необходимый для дальнейшего анализа эффективности АС ВБЖК. Ответы на эти вопросы дали необходимую информацию для:

- выявления оценки жителями уровня личной и общественной безопасности на территории своих жилых кварталов;
- определения перечня угроз и проблем, существующих в области общественной безопасности на территории жилого квартала;
- сведениях о наиболее часто совершаемых правонарушениях, с которыми приходится сталкиваться жителям жилых кварталов.

Требования жителей, полученные в ходе проведения первого этапа были учтены разработчиками АС ВБЖК и на их основании принято решение о целесообразности дальнейшего внедрения и развития различных её компонентов. Сведения о криминальной и криминогенной обстановке, существующих проблемах и угрозах в области общественной безопасности учтены при проектировании квартального и внутрядомовых проектов.

Второй этап поквартирного опроса проводился осенью 2015 года. На этот раз инструментарий полуформализованного интервью содержал вопросы, направленные на: оценку криминогенной обстановки; оценку эффективности введённых в эксплуатацию компонентов АС ВБЖК.

Особенность прикладных исследований, направленных на формирование городской среды путём применения мер автоматизированного контроля, заключается в том, что сведения, полученные таким образом, не могут быть интерпретированы по-разному или игнорироваться, так как

область социологического замера обсуждается при составлении технического задания. В исследовательский инструментарий включаются только те социологические индикаторы, которые требуются разработчикам для проектирования, а процедура их учета, как правило, предусмотрена в техническом задании.

Включение прикладных социологических исследований в перечень работ, обязательных при разработке систем, направленных на формирование городской среды, внушает нам, как исследователям, определенный оптимизм. Считаем, что наличие социологических исследований в нормативно закреплённом порядке формирования государственных заказов, позволит значительно повысить уровень социологической обеспеченности ИОГВ, что в свою очередь будет способствовать повышению их социальной эффективности их деятельности.

А. С. Бондарева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО Г. ВОЛГОГРАДА В ОЦЕНКЕ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

БОНДАРЕВА Анна Сергеевна — студент магистратуры, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия; pochtanamaile.ru@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения социально-экономического пространства г. Волгограда в оценке его жителей. В статье даны результаты количественного и качественного исследований, связанных с комфортностью жизни в городе, удовлетворенностью темпами его развития, осмыслением приоритетных направлений этого развития и основных тормозящих социально-экономическое развитие факторов.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, глобализация, урбанизация, зонирование, районирование, экономическое прогнозирование

Обращение к теме исследования обусловлено тем, что вследствие таких процессов как глобализация и урбанизация социальное и экономическое пространство городов преобразуется. Это рождает потребность в его изучении для того, чтобы прогнозировать актуальные закономерности его развития.

Глубокое изучение закономерностей формирования и функционирования социально-экономического пространства современного города могло бы быть полезно с точки зрения понимания механизмов возникновения новых социально-экономических практик, а также экономического поведения индивидов и социальных групп. Зонирование и районирование экономического пространства может быть рассмотрено как основа распределения производственных сил, а также как одна из причин возникновения латентных социальных конфликтов и особенностей расселения людей в пределах города.

Эффективная практика зонирования и районирования городского пространства невозможна без теоретического осмысления в работах: Г. Зиммеля [7], И. Гофмана [6], Э. Гидденса [4; 5], П. Бурдьё [1], М. Кастельса [8]; социология города была объектом изучения таких социологов, как М. Вебер [3], Р. Парк [12; 13], К. Дэвис [16], Д. Харви [17]; особенности экономического пространства рассматривали Я.Л. Морено [11], Дж. Кей-Шаттлуорт [2], А. Лефевр [9], П. Сорокин [14], К. Маркс [10],

Ф. Энгельс [15]. Однако, несмотря на широкую изученность феномена городского пространства, социально-экономическое пространство города изучено недостаточно.

Было проведено количественное (анкетный опрос жителей Волгограда в возрасте от 18 до 65 лет, N = 50) и качественное (глубинное интервью с жителями г. Волгограда в возрасте от 18 до 65 лет, N = 20) исследование. Критерии операционализации объекта исследования включали в себя социально-демографические и социально-экономические характеристики; критерии операционализации предмета исследования включали в себя удовлетворенность развитием социально-экономического пространства, комфортность жизни, удовлетворенность темпами развития города, наличие социальных программ и информированность о таковых, основная сфера развития города и основные тормозящие социально-экономическое развитие факторы.

В ходе анализа результатов исследования были сделаны следующие выводы:

1. Респонденты отмечают неразвитость инфраструктуры в среде развлечений, культуры, отдыха и досуга.

2. Высокая корреляция присутствует между удовлетворенностью развитием сферы здравоохранения и оценкой темпа развития города, что может свидетельствовать о том, что уровень здравоохранения и качество медицины являются важными показателями развития города и его социально-экономического пространства.

3. Основными направлениями развития респонденты считают промышленность, инфраструктуру, сферу культуры и досуга, транспортную систему.

4. Обнаружена прямая зависимость между уровнем комфорта и нахождением в прямой близости дома от служб помощи (скорая, полиция и т.д.), что свидетельствует о значимости ощущения безопасности у респондентов. Большинство опрошенных удовлетворены близостью подобных служб.

5. Помимо ощущения безопасности комфортность жизни связана у респондентов с такими индикаторами, как транспортная доступность, наличие организованных общественных пространств, удобная планировка уличной сети, а также доступность необходимых услуг и сервисов (от государственных до коммерческих услуг).

6. Обнаружена невысокая удовлетворенность доступностью информации в сфере информирования о социальных программах, городских мероприятиях.

7. В качестве фактора, мешающего социально-экономическому развитию города, респонденты в большинстве случаев отметили недо-

статочность государственного урегулирования общественных проблем, отсутствие обратной связи и диалога с респондентами, географический фактор (город отличается высокой протяженностью, также он расположен в стороне от основной транспортной артерии (трассы Москва-Краснодар), что не способствует его привлекательности). Также были выявлены проблемы коррупции чиновников, недостаточности инвестиций и инертности представителей власти и бизнеса.

Для решения выявленных проблем, во-первых, необходимо развивать сферу культуры и досуга, а также повышать уровень информированности горожан о проходящих мероприятиях: нужны интересные, яркие проекты, которые помимо всего прочего смогут заинтересовать и сектор бизнеса, что позволит получить дополнительное финансирование.

Во-вторых, крайне важно развивать инфраструктуру и транспортную систему, потому как очевидна связь между этими показателями и уровнем комфорта жизни горожан. Необходимо усовершенствование логистической системы города, обновление парка общественного транспорта, развитие сети инфраструктуры.

В-третьих, необходим диалог власти с горожанами, создание налаженной обратной связи. В этом могут помочь горячие линии (например, антикоррупционная), электронная «книга жалоб и предложений» на сайте города или активное привлечение горожан к решению важных проблем города путем электронных голосований или конкурсов на лучшую идею или проект в той или иной сфере.

Если эти условия будут выполнены, то развитие Волгограда, в частности как образовательного центра может стать мощным фактором привлечения в город новых жителей, молодых квалифицированных специалистов и даст дополнительный импульс развитию научно-образовательного комплекса и инновационного бизнеса.

Список источников

1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. М., 2007.
2. Вальдес Одриосола М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2.
3. Вебер М. Образ общества. М., 1994.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
7. Зиммель Г. Венеция // Логос. 2002. № 3—4.

8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
9. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
10. Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. М., 1983.
11. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.
12. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
13. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.
14. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
15. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1955.
16. Davis K. Some Principles of Stratification. URL: <https://people.eou.edu/socprob/files/2013/01/davismoore.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
17. Harvey D. The right to the city // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. No. 27(4).

А. С. Петухов, С. В. Пирогов

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ

ПЕТУХОВ Александр Сергеевич — аспирант Философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия; petuhov.alex-r@yandex.ru

ПИРОГОВ Сергей Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Философского факультета Томского государственного университета. г. Томск, Россия; pirogoff@ngs.ru

Аннотация. В данных тезисах задаются теоретические основания для наиболее глубокого изучения городского пространства. Суть данного теоретического подхода, заключается в переходе от социально-структурной парадигмы к социально-пространственной. Как утверждали А. Лефевр, Д. Харви, Э. Сойя, М. де Серто, в результате данного перехода в центре внимания оказывается не система объектов (физических или социальных), а система отношений между людьми и физическими объектами городского пространства, выраженная в пространственных практиках, которые формируют само пространство — место осмысленного существования и взаимодействия с другими. Именно акцент на пространственных практиках, по мнению авторов, поможет «пролить свет» на процесс и механизмы формирования городского пространства. Помимо постановки основной проблематики исследования городского пространства, в тезисах предпринята попытка дать основания для классификации пространственных практик. Выделены такие виды практик как: Практики освоения пространства; Конфликтные практики присвоения пространства; Перформативные практики; Девиантные практики. Данная постановка вопроса, позволит исследователям по-иному проанализировать отдельные городские пространства (общественные пространства, парки, скверы) и город целом. Результатом подобного анализа должны стать альтернативные способы конструирования новых городских пространств, а также качественное преобразование уже имеющихся.

Ключевые слова: город, городское пространство, пространственные практики

1. Пространственный взгляд на город. Одним из условий будущего является изменение взгляда на настоящее. Во взглядах на город и условиях его развития происходит переход от социо-структурной парадигмы

к социо-пространственной. В методологических рассуждениях идёт речь о пространственном и прагматическом поворотах в социальной теории. Представления о городе как системе объектов (физических и социальных) сменяется представлением о городе как системе отношений: «посмотрим на город как на порядок отношений — отношений между людьми и вещами, между людьми и зданиями, между местами и людьми, между местами и зданиями (а также между отношениями и отношениями) et cetera» [1]. Городское пространство в этом методологическом горизонте выглядит не как система объектов, а как конструкции сознания, которые постоянно меняются, как поведенческие практики, как интерсубъективные представления о приоритетах развития, как утверждали А. Лефевр, Д. Харви, Э. Сойя, М. де Серто.

2. Пространственные практики. Говоря о пространственных практиках, мы будем придерживаться следующего определения: «искусство решения практических задач в ситуации неопределённости» [2, 15]. Речь идёт о ситуациях, когда привычка повседневности уже не работает, а рациональность ещё не работает. Это действия в определённом контексте, действие и контекст соотносятся как фигура и фон, которые взаимоопределяют друг друга. «Метафора «фигуры и фона»... передает две отличительные черты «практической» дефиниции контекста: индексичность (отсутствие жесткой границы между контекстом и самим действием) и рекурсивность (фигура и фон, действие и его контекст способны меняться местами, как изображения на картинах Эшера)» [3, 86].

М. де Серто полагает, что пространство организуется двумя видами практик: практиками власти, которые он называет стратегиями и практиками сопротивления власти, которые он называет тактиками. «...Используя смутную, но упорную тактику, они объединяются, составляя саму ткань повседневных предписаний и скрытой креативности, всего лишь маскируемую истеричными механизмами и дискурсами надзирающей организации» [4]. По его мнению, в повседневной жизни происходит постоянная апроприация: освоение и выборочное присвоение городской среды.

Пространственные практики понимаются шире, чем поведение в общественном или публичном пространстве — как практики, формирующие само пространство — место осмысленного существования и взаимодействия с другими. Новые практики открывают «некоторые перспективы для появления чего-то иного, для реального выхода за пределы монотонной повседневности...» [5, 145]. В этом плане нас интересует вопрос: как практики изменяют пространство. В качестве механизмов можно рассмотреть следующие: использование в новом контексте (новое применение), переинтерпретация (правил использования), реконструирование (образов среды).

3. Проблемы управления пространственными практиками. Управление пространственными практиками — это нечто иное, чем управление поведением или деятельностью. Здесь целью управления является не тотальная организация, а создание условий для саморазвития и самореализации всех горожан. Управление пространственными практиками по своему смыслу совпадает с реализацией права на город. Об этом первым начал говорить А. Лефевр, который понимал под этим словосочетанием не просто право горожан выходить на улицы или пользоваться многообразными возможностями городской жизни, но и их право «обживать» город. Примером реализации права на город может быть проблематика формирования городского пространства для детей и инвалидов. Что касается так называемых общественных пространств, «то напрашивается вопрос, что вы можете себе позволить в таком пространстве в российском городе, чтобы вас не арестовали. Довольно немного, гораздо меньше, чем даже в кафе» [6].

В контексте как использования, так и трансформации городских пространств появилась и развивается тема локальных городских сообществ как акторов развития города. «Многие успехи, приписываемые по привычке организациям, структурам, партиям, властным вертикалям — на деле всего лишь паразитирование на инициативе и активности граждан, которые сами подправляют никуда не годные практики и создают новые» [7, 89]. Здесь появляется теоретическая и практическая проблема согласования интересов и форм взаимодействия локальных сообществ и институтов власти.

Однако утверждать, что власть всегда консервативна было бы неверно. Изменение городских пространств, инициированное не горожанами, далеко не всегда позитивно воспринимается последними, порой отторгаются ими, «по той причине, что они воспринимаются... как образы отчужденной действительности, как порождение опасных социальных практик, как знаки доминирования не принятых коллективным сознанием новых элит» [8].

Неоднозначные последствия имеют и действия бизнеса по формированию креативных пространств с целью получения прибыли. Во-первых, рекультивирование деградирующих территорий сопровождается переселением местного населения, сопровождающееся потерей ими былых преимуществ или просто привычного образа жизни. Во-вторых, в случае неоправдавшейся выгоды, креативные специалисты превращаются в маргиналов.

Наконец, малоразработанной теоретической проблемой является классификация пространственных практик. Здесь есть две теоретические трудности: их демаркация — порой сложно разграничить практики потребления и трансформации пространства и проблема их конвертации.

Нисколько не претендуя на исчерпывающий характер классификации и единство её логического основания, позволим всё-таки себе выделить некоторые типы пространственных практик. Более всего в литературе речь идёт о практиках освоения пространства; появляются исследования и новых пространств, характеризующихся своими специфическими практиками: любимые места, вернакулярные районы, практики поведения в пространстве двора. Достаточно традиционным предметом изучения являются конфликтные практики присвоения пространства — символическая борьба за место, за право определять и пользоваться ресурсами среды. Хочется отдельно выделить перформативные практики, изменяющие порядок (традиционный или формальный) взаимодействия. Важным предметом по-прежнему является изучение досуговых практик, что проливает свет на процессы трансформации в обществе. Наконец, есть ещё один вид практик, изучение которых только начинается — девиантные практики: курение, употребление алкоголя, отношение к непосредственной (подъезд, придомовая территория) и более широкой среде обитания. Как известно, изучение девиантного поведения проливает свет на процесс перехода от одного макросоциального пространства к другому.

Список источников

1. Вахштайн В. Как изменилась городская среда? [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/29572> (дата обращения: 10.02.2017).
2. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
3. Вахштайн В. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение Том 7. № 1. 2008. С. 65—95.
4. Серто М. де. Практика повседневной жизни. Часть 3. Пространственные практики // Журнальный клуб Интелрос «Прогнозис». 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/prognosis/pr_1-20-2010/7605-praktika-povsednevnoj-zhizni.html (дата обращения: 5.02.2017).
5. Божков О. Б. Понятия повседневности и практик: к уточнению социологического смысла // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 133—154.
6. Паченков О. Об аллергии горожан на коллективное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/public-space/124341-pachenkov> (дата обращения: 20.02.2017).
7. Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88—95.

8. Юхно И. В. Креативные пространства: возможности социальной интеграции и практики социального исключения [Электронный ресурс]. SCI-ARTICLE.RU. 2014. № 13 (сентябрь) URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1411555840> (дата обращения: 25.02.2017).

М. А. Корсун, Б. А. Никитина

СТИХИЙНЫЕ ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: АКТОРЫ И АКТАНТЫ

КОРСУН Мария Александровна — ассистент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», г. Самара, Россия; forposts@bk.ru

НИКИТИНА Бэла Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», г. Самара, Россия; belanik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен стихийных физкультурных практик в городе. Авторы анализируют практики использования специально оборудованных мест для занятий физкультурой, а также пространства в городе, на которых подобные практики возникают стихийно. В данной статье авторы через понятийный аппарат акторно-сетевой теории описывают тематически структурированное пространство площадок для занятий физкультурой, а также взаимодействия, осуществляющиеся в рамках данных пространств. В качестве методики использовался визуальный анализ изображений, тематически связанных с предметом исследования, находящихся в открытом доступе. Основные исследовательские вопросы, отраженные в данной статье, состоят в том, какое влияние оказывает на пользователей площадок для занятия физкультурой их состояние, определяются ли виды осуществляющейся на площадках деятельности её контентом, какие группы населения наиболее активно реализуют свое право на занятия физкультурной деятельностью на данных площадках и как подобная деятельность связана со здоровьем населения.

Ключевые слова: физкультурные практики, акторно-сетевая теория, физическая активность, социология пространства, социология города, социология физкультуры и спорта

Повышение качества здоровья населения в современном обществе связывается прежде всего с его физической активностью, которая может организованной или стихийной. Включенность в организованную спортивную деятельность предопределяет осознанную зависимость человека от внешних дисциплинарных рамок (расписания, интенсивности занятий и др), определяемых спортивными функционерами, которые также сле-

дят за корректным использованием спортивного оборудования. Иначе выглядит ситуация тогда, когда человек остается один на один со своей средой проживания. Вероятно, уровень физической активности зависит не только от того, каково социальное окружение человека, но и от того, какие актанты [1] присутствуют в шаговой доступности. Для уточнения данного положения сфокусируем внимание на том, как специально оборудованное пространство может стимулировать физическую активность населения, в чем особенности этого влияния на разные социально-демографические группы [2].

Для изучения данного вопроса мы использовали метод визуального анализа изображений, тематически связанных с нашим предметом исследования, выложенных современными пользователями в открытом доступе. Для анализа было отобрано 50 фото, найденных в поисковых системах Google и Яндекс по поисковому запросу «Физкультура во дворах», с изображенными на них различными видами физической активности, локализованными на придомовых (дворовых) территориях. Отбор фото производился по следующим критериям: изображения должны быть именно фотографиями (т. е. изображениями, полученным с помощью фототехники, без дальнейшей графической обработки); на фото должны быть изображены не только предметы/спортивные актанты, но и люди, вступающие с ними во взаимодействие; при этом фото не должны быть постановочными или репортажными, что не отображает повседневные практики использования запечатленного пространства, а фокусируют внимание на эксклюзивных моментах или ракурсах. Кроме того, из выборки были исключены фото, демонстрирующие зарубежную действительность. Полученный таким образом массив фотографий был отобран из более чем 870 изображений, что представляет возможность говорить об характеристиках городских актантов, стимулирующих развитие физической культуры современных российских граждан. Данный массив далее был проанализирован с помощью методического аппарата визуальной социологии.

Наиболее характерной чертой на данных фотографиях является социально-демографический состав акторов, осуществляющих физкультурные практики: как и следовало ожидать, это прежде всего дети и подростки. При этом следует отметить, что чаще на таких площадках запечатлены мальчики и юноши, что вполне соответствует гендерным стереотипам. Индикатором стихийности их физической активности является одежда, не являющаяся специализированной, унифицированной; отсутствуют защитные приспособления (наколенники, защита голени, шлемы и т. д.). Реже на фото присутствуют другие группы населения — это преимущественно женщины пенсионного возраста, что иллюстрирует присущую

российскому обществу феминизацию старости [3], а также женщины молодого и среднего возраста, которые присматривают за играющими на площадке детьми дошкольного возраста.

Типы физической активности, которые представлены на проанализированных фото, включают в себя игры с мячом, бег, подвижные игры, гимнастику на турниках и тренажерах, на зимних фотографиях — катание на коньках и хоккей, также встречаются просто прогулки и нахождение на свежем воздухе.

Очевидной особенностью отобранных фото является их четкая климатическая ориентация. Большая часть фото сделана в летнее время. Этот период является самым комфортным для занятий физкультурой на свежем воздухе. Часть фото сделана весной и осенью, это касается фотографий с уличными тренажерами (т. к. для их использования не столько важна температура воздуха, сколько отсутствие осадков) и фотографий юношей, играющих в футбол. Также часть фото сделаны в зимний период. Физическая активность на таких фото представлена типично зимними видами спорта: хоккей, катание на коньках.

Таким образом, очевидной является зависимость физической активности населения от условий ее осуществления, поскольку отсутствие твердого и относительно сухого покрытия, снега или дождя фактически определяют поведение населения. Погода, выступающая актантом, отражающая специфику российского климата, фактически довлеет над тем, как складывается стихийная физическая активность, что отличает ее воздействие на организованные занятия физкультурой.

Анализ характеристик городской среды в данном случае будет несколько ограничен тем, что наличие элементов жилых зданий было критерием отбора фотографий. В этих рамках укажем, что изображения легко распадаются на несколько групп. Зимние изображения предполагают катание на коньках и фото активной игры в хоккей. Особенности этой группы изображений является обязательное наличие хоккейной коробки. Наличие ворот для хоккея прослеживается не всегда, однако на фотографиях, сделанных в темное время суток, есть фонари. Таким образом, налицо специфическая роль специально подготовленных площадок для вовлечения населения в такую физическую практику, как катание на коньках.

Летние же фото распадаются на две группы: игровая и гимнастическая активность. В первой группе преобладают изображения хорошо оборудованных площадок (с футбольными воротами, баскетбольными щитами и т. д.) со специальным покрытием и ограждением. Однако присутствуют и фото игр в футбол на практически необорудованных площадках (на полянках, во дворах). В обеих группах на фотографиях спортом зани-

маются только мальчики и юноши. Что касается групп, тренирующихся на тренажерах, то там присутствуют более разновозрастные категории, включая пожилых людей. Последние на фото изображены явно в ситуациях знакомства с новыми и интересными предметами/актантами. Они интересуются устройством этого оборудования, но и используют его, иногда не совсем по назначению.

Еще одной группой изображений являются традиционные спортивные снаряды, такие как турники и брусья. Здесь отметим, что ими пользуются на разных фотографиях разные демографические категории, однако если молодые парни и подростки занимаются на них преимущественно физическими упражнениями, то дети помладше в основном осваивают их как среду пребывания на свежем воздухе в компании сверстников и родителей, а также как место для игры. Отметим, что для группы фотографий со снарядами и спортивными тренажерами характерно большее смешение возрастов и полов, а также вовлечение в физическую активность людей среднего и старшего возраста.

Проанализировав отобранную совокупность фотографий можно сделать вывод о том, что важнейшими актантами, способствующими осуществлению физической активности молодого населения в рамках спортивных игр, являются не столько особое спортивное оборудование, сколько пространство и погода. Погода также является значимым фактором для work-out тренировок, которые по определению очень зависимы от наличия оборудования. С другой стороны, для пожилого населения более важным актантом является наличие комфортных и интересных тренажеров, а также специально выделенных зон для физической активности. Однако население среднего возраста, как свидетельствует наше исследование, не имеет соответствующих материальных актантов, вовлекающих их в физическую активность, предопределяя им роль преимущественно контролеров и стихийных тренеров для детей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что существующие на данный момент площадки для занятий физкультурой ориентированы, в основном, на детей и подростков. Представленные на них актанты не всегда могут взаимодействовать с людьми старшего и пожилого возраста (например, оборудование на площадке может быть небольших размеров (для детей) или слишком опасным (шведские стенки и брусья для work-out)). Следовательно, на включение разных групп населения в осуществление физической активности влияет как наличие пространства, воспринимаемое большинством людей как приемлемое для занятий физкультурой, так и характеристики спортивного инвентаря (актантов), расположенного на данной площадке. Отсюда следует, что методологический потенциал акторно-сетевой теории возможно использовать для

улучшения качества здоровья населения и оптимизации планировки придомовых (дворовых) территорий.

Список источников

1. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 79—96.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : «Медиум», 1995.
3. Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е. В. Вьюговской, А. А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59—78.

М. А. Захарова, М. Л. Фомичева, С. В. Чусовлянова

УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТАХ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ЗАХАРОВА Мария Александровна — доктор социологических наук, кандидат медицинских наук, заведующая бюро МСИ отдела мониторинга ФР ХНИЗ и КД ЦЗ ГКУЗ НСО «Региональный центр медицинской профилактики», г. Новосибирск, Россия; marymaria@mail.ru

ФОМИЧЁВА Марина Леонидовна — кандидат медицинских наук, директор ГКУЗ НСО «Региональный центр медицинской профилактики», заведующая лабораторией профилактической медицины НИИТПМ СО РАН, г. Новосибирск, Россия; cl0506@yandex.ru

ЧУСОВЛЯНОВА Светлана Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, социолог бюро МСИ отдела мониторинга ФР ХНИЗ и КД ЦЗГКУЗ НСО «Региональный центр медицинской профилактики», Россия; 79139227485@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена информация о международных проектах «Мониторинг факторов риска неинфекционных заболеваний. Принцип поэтапной реализации (STEPS)» и «Здоровые города», рассказано о принципах и аксиомах проектов.

Ключевые слова: мониторинг факторов риска, медико-социологическое исследование

Понимание здоровья и его значение для развития общества совершенно изменились в настоящее время. В сознании людей успешность и, возможности все больше связываются со здоровьем. Поэтому «Медицинская модель здоровья», которая основывается на лечении болезней и индивидуальных особенностях, вытесняется «социальной моделью», согласно которой здоровье рассматривается как результат ряда социально-экономических, культурных и внешних факторов, таких как уровень дохода и качество жилья, уровень образования и культуры, благоустройство мест обитания и развитие транспорта и т. д.) [1]. Понимание такой модели привело к осознанию того, что комплекс взаимосвязанных мер по изменению среды обитания должен быть включен в практический подход к программам оздоровления. Проект Всемирной организации здравоохранения «Здоровые города» является наилучшим вариантом реализации «социальной модели здоровья» на сегодняшний момент. Данный проект является одним из самых эффективных инструментов согласования межведомственных действий, которые будут направлены на улучшение здоровья и повышение

качества жизни в городской среде. Данный проект развивается более 20 лет во многих Европейских городах, он признан инструментом внедрения принципов стратегии ООН «Здоровье для всех» [1, 2, 4, 5, 6]. Являясь международным, он основан на одних стандартах в рассмотрении здоровья как «социальной модели» при учете возможностей территорий, а также национальных особенностей. ВОЗ в качестве методических рекомендаций разработал и предлагает оптимальную модель реализации проекта [4]. Технология осуществления проекта предусматривает участие в нем большого числа экспертов, а также всех ведомств, заинтересованных в реализации проекта. Один из методов проекта в решении задач сохранения и укрепления здоровья горожан — программно-целевое планирование [1, 2, 5], т. е. механизм, позволяющий объединить усилия всех муниципальных объединений, которые направлены на создание и выполнение комплексных социальных программ по улучшению качества жизни населения.

С момента вступления в проект в городах-участниках улучшились показатели, связанные с оценкой комфортности проживания, городской среды, что подтверждается опросом жителей об экологической ситуации по таким показателям, как состояние воздуха и озеленение города [4]. Выполнение комплексного социологического исследования с целенаправленным многоцелевым мониторингом, охватывающим все сферы жизнедеятельности города можно считать преимуществом проекта «Здоровые города», поскольку он представляет разноплановую, целостную и объективную картину города как среды здоровья.

С 2013 года в России стартовал проект Всемирной организации здравоохранения «Мониторинг факторов риска неинфекционных заболеваний. Принцип поэтапной реализации (STEPS)». Этот проект рекомендован ВОЗ как инструмент контроля над распространением неинфекционных заболеваний. Цель этой работы — получить возможность сравнивать данные во времени и по странам. Принцип поэтапного осуществления мониторинга дает возможность странам с низким и средним доходом планомерно разворачивать программы по контролю распространения неинфекционных заболеваний [4].

Особая ценность и значимость этого исследования в том, что оно позволит определить степень распространенности основных факторов развития неинфекционных заболеваний с традиционно высоким рейтингом влияния: курения, алкоголизма, неправильного питания, отсутствия физической активности, повышенного кровяного давления и уровня глюкозы в крови, гиперхолестеринемии, ожирения.

Первый этап предполагает сбор данных по основным факторам риска в результате анкетирования, при этом под основными факторами риска понимаются факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на здоровье населения и в наибольшей степени поддающиеся воздей-

ствию. Затем на втором этапе проводятся простейшие физикальные обследования, и только затем рекомендуется осуществлять забор крови для биохимических исследований (3 этап) [4].

Предполагается, что принцип поэтапного изучения факторов риска будет использоваться не только при создании системы, но и на этапе ее реализации, постоянно развиваясь и совершенствуясь. После завершения анализа факторов риска неинфекционных заболеваний принцип поэтапного мониторинга будет применяться для контроля неинфекционных заболеваний и для разработки методов оперативной оценки возможностей страны по контролю неинфекционных заболеваний [4].

Характерной особенностью системы мониторинга является связь между собираемой информацией и ее применением при формировании политики в области здравоохранения. Кроме того, мониторинг может использоваться для оценки политики в области здравоохранения и эффективности профилактических мероприятий. Пересечение результатов научно-исследовательской работы и мониторинга дает возможность повышать экономическую эффективность политических решений и программ в области здравоохранения и подтверждать обоснованность применяемых мониторинговых методик.

Список источников

1. Абросимова Ю., Иванов С., Дементьева Л. и др. Здоровые города. URL: <http://emsu.ru/um/view.asp?c=33&p=1> (дата обращения — 25.02.2017).
2. Абросимова Ю. Е. Проект «Здоровые города» — развитие условий для здоровой жизни. Вестник МАГ. 2011; 3(31): 94—97.
3. Амлаев К. Р. Итоги деятельности по проекту «Здоровые города» в городе Ставрополе за 10 лет. Перспективы развития проекта. URL: <http://www.zor-da.ru/sgoo/metodicheskie-materialy/itogi-deyatelnosti-po-proektu-zdorovye-goroda-v-gorodestavropole-za-10-let-perspektivy-razvitiya-proekta/> (дата обращения: 25.02.2017).
4. Бонита Р., де Куэртен М., Дуайер Т., Ямрожок К., Винкельман Р. Мониторинг факторов риска неинфекционных заболеваний. Принцип поэтапной реализации, предложенный ВОЗ. Краткий обзор. Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2001 г.
5. Жиленко Е. Л., Гомерова Н. И., Захарова М. А., Львов А. А., Шалыгина Л. С. Об опыте создания «профиля здоровья города» в международном проекте «Здоровые города» // Вестник РАМН. 2012. № 5. С. 38—42.
6. Материалы для проведения круглого стола политиков Ставропольского края по проекту «Здоровые города». URL: <http://www.zor-da.ru/sgoo/metodicheskie-materialy/materialydylya-provedeniya-kruglogo-stola-politikov-stavropolskogo-krayapo-proektu/> (дата обращения: 25.02.2017).

В. И. Пустобаева

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В Г. ИРКУТСКЕ)

ПУСТОБАЕВА Валерия Игоревна — студентка IV курса направления подготовки «Социология», Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; valeriya.pustobaeva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения культурного наследия крупного российского города. Автором разработан инновационный проект по формированию социальной ответственности за состояние исторических и архитектурных памятников в городе Иркутске. Излагаются результаты пилотажного социологического исследования, приоритетными методами которого оказались экспертное интервью и опрос населения. Приводится сравнительный анализ результатов исследования, полученных указанными методами, в котором выделяются общие и частные факты.

Ключевые слова: культурное наследие, город, памятник, социальная ответственность

Проблема сохранения культурного наследия в условиях современных угроз и потерь приобрела особую актуальность. На сегодняшний день президент, региональные и муниципальные органы власти неоднократно подчеркивают необходимость принятия мер по предотвращению утраты памятников истории и культуры. Город Иркутск — один из древнейших городов России и один из немногих, сохранивших деревянную застройку. Однако в настоящее время объекты культурного наследия города Иркутска находятся в состоянии, близком к критическому [1]. Исправить сложившуюся ситуацию в сфере сохранения объектов культурного наследия в городе Иркутске, по нашему мнению, необходимо путем реализации инновационного проекта по формированию социальной ответственности за состояние исторических и архитектурных памятников.

В рамках инновационного проекта по формированию социальной ответственности горожан за состояние исторических и архитектурных памятников города нами разработана система мероприятий по организации различных форм участия населения в сохранении культурно-исто-

рического наследия города. Планируется привлечение горожан к участию в работах по восстановлению памятников, вовлечение их в обсуждение наиболее значимых и актуальных вопросов по формированию их ответственности за состояние памятников истории и культуры, а также создание специализированного Интернет-сайта.

С целью выявления мнений и отношений жителей города Иркутска по вопросам формирования социальной ответственности горожан за состояние исторических и архитектурных памятников в родном городе проведено пилотажное социологическое исследование на базе кафедры социальной философии и социологии и Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с октября 2015 г. по май 2016 г., которое предполагало экспертное интервьюирование и опрос жителей города Иркутска путем анкетирования. Объем выборочной совокупности экспертов составил — 3 чел. В опросе жителей г. Иркутска использована случайная выборка (выборка заинтересованной части населения и пассивной). При объеме генеральной совокупности в 620099 единиц [2], объем выборочной совокупности составил 50 чел. Статистическая погрешность не превышает 5 %.

В ходе исследования выяснилось, что большинство респондентов (15,9 %) и экспертов (22,2 % ответов) в первую очередь под культурным наследием подразумевают церкви, соборы, мечети, монастыри, синагоги, другие религиозно-культурные сооружения. В то же время эксперты (22,2 % ответов) под культурным наследием имеют в виду районы / кварталы исторической застройки.

Неоднозначность мнений респондентов проявляется в распределении ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние объектов культурного наследия в г. Иркутске?». 48,0 % респондентов считают состояние исторических и архитектурных памятников хорошим, а 40,0 % респондентов — плохим. Эксперты же выразили однозначную позицию по данному вопросу: большинство экспертов (66,7 %) отмечают плохое состояние объектов культурного наследия в г. Иркутске. Приведенные данные экспертного интервью и анкетирования свидетельствуют о том, что проблема сохранения объектов культурного наследия в г. Иркутске актуальна и требует немедленного разрешения.

По результатам исследования было выявлено, что наибольшее количество респондентов (72,0 %) и все эксперты (100,0 %) полностью поддерживают идею разработки проекта, имеющего целью привлечение внимания горожан и вовлечение их в обсуждение наиболее значимых и актуальных вопросов по формированию их ответственности за состояние исторических и архитектурных памятников. Также большинство респондентов (74,0 %) и все опрошенные эксперты поддерживают идею

создания специализированного Интернет-сайта, на котором горожане смогут высказывать собственное мнение относительно проблем сохранения объектов культурного наследия.

Анализ ответов респондентов на вопрос: «Какие мероприятия Вы хотели бы видеть в рамках проекта по формированию социальной ответственности горожан за состояние исторических и архитектурных памятников в г. Иркутске?» показал, что самыми распространенными по количеству варианты ответов были «организация бесплатных экскурсий» (30,3 %) и «создание исторической карты города» (25,3 %). Наименьшую долю ответов среди респондентов набрало мероприятие «организация круглых столов и конференций по проблемам сохранения объектов культурного наследия» (8,1 %). Однако среди экспертов данное мероприятие по количеству ответов было самым популярным.

Методом анкетирования выяснилось, что в качестве инвесторов/спонсоров данного проекта в Иркутской области, по мнению респондентов, могут выступать органы региональной власти (26,2 %) и бизнес-сектор (23,3 %). В наименьшей степени (2,9 %) респонденты видят в качестве инвестора/спонсора проекта некоммерческий сектор. Следует отметить, что, по мнению экспертов, в качестве инвесторов/спонсоров данного проекта в Иркутской области могут выступать бизнес-сектор (22,2 % ответов) и органы разных уровней власти (по 22,2 % ответов).

Результаты анкетирования и экспертного опроса позволяют сделать вывод о том, что отсутствие поддержки со стороны органов власти (43,0 % ответов респондентов и 75,0 % ответов экспертов), прежде всего, может помешать реализации проекта по сохранению объектов культурного наследия г. Иркутска. Также трудностями реализации проекта могут выступать нелегальные действия градостроительных компаний (20,9 % ответов респондентов и 25,0 % ответов экспертов). Одинаковый процент ответов среди респондентов (по 17,4 %) получили варианты ответа «усиление финансовых рисков» и «отсутствие интереса со стороны общественных структур».

Практическими рекомендациями для органов власти в формировании социальной ответственности за состояние исторических и архитектурных памятников стали увеличение финансирования по данному направлению (4,0 %), взаимодействие с горожанами (4,0 %), а также популяризация культурных мероприятий в городе (2,0 %). Согласно мнению респондентов, решения должны сопровождаться с архитекторами города, значимостью объекта и целесообразностью (2,0 %). Также были предложены разработка и показ фильмов о городской градостроительной деятельности (2,0 %), создание конкурсов для детей, направленных на поисковую деятельность (2,0 %).

В целом хотелось бы подчеркнуть, что в г. Иркутске уже сформировались определенные условия для внедрения инноваций, в том числе для реализации инновационного проекта по формированию социальной ответственности горожан за состояние архитектурных и исторических памятников города. Благодаря реализации данного проекта улучшится облик городской среды, увеличится посещаемость памятников истории и культуры, также горожане будут подчеркивать важность этих памятников, их консолидирующую функцию, повысится чувство любви к родному городу, чувство патриотизма.

Список источников

1. Муниципальная программа «Сохранение объектов культурного наследия города Иркутска на 2013—2017 годы»: Постановление администрации г. Иркутска от 15 октября 2012 г. № 031-06-2047/12-1. Официальный сайт администрации города Иркутска [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://admirk.ru/Pages/RelatedDocuments.aspx?group=98>.
2. Численность постоянного населения Иркутской области по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/42d3dd804e795ee69d78bdcdf892b611/Численность+пост+насел.pdf.

14. Технологии будущего: прогнозирование гуманитарных рисков

М. В. Ломоносова, Е. С. Богомягкова

СОЦИАЛЬНОE VS. БИОЛОГИЧЕСКОЕ: СОЦИОЛОГИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 21 ВЕКА

ЛОМОНОСОВА Марина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; nm.lomonosova@spbu.ru, lomonosovamv@mail.ru

БОГОМЯГКОВА Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; e.bogomyagkova@spbu.ru, elfrolova@yandex.ru

Аннотация. Бурное развитие биотехнологий вызывает множество острых медицинских, социальных, этических, политических вопросов, противоречий. Использование и распределение современных медицинских биотехнологий не просто отражает существующую структуру социально-экономической дифференциации, но производит новые конфигурации неравенства как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран. Различия в доступе к медицинским биотехнологиям вызывают новые формы социальной мобильности, в том числе на глобальном уровне. Сегодня уже с уверенностью можно также говорить о репродуктивной биоэкономике, основным элементом которой выступает репродуктивный труд (например, суррогатное материнство), а основным средством обмена — донорские органы и генетический материал. ВРТ трансформируют институт семьи и традиционные родительские роли, а также представления о материнстве. В итоге, вспомогательные репродуктивные технологии служат примером того, как современная наука и биотехнологии могут оказывать влияние на социальные отношения и социальные практики. Таким образом, открытия в биологии и генетике за последние 20 лет вновь поставили вопросы о соотношении биологического и социального не только в самом человеке, но и в социальных структурах. В 21 веке социологи вынуждены «вернуться» к биологическим основаниям человеческой жизни, поскольку они приобретают все большее социальное и культурное значение и становятся основанием новых форм групповой сплоченности и социального неравенства.

Ключевые слова: конвергентные технологии, биотехнологии, вспомогательные репродуктивные технологии, социальное неравенство, биополитика, биоэкономика

В середине прошлого века Питирим Сорокин в своем фундаментальном исследовании «Социальная и культурная динамика» (1937—1939), ставшем классикой мировой социологии, на основе обобщающего анализа социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории, обозначил основные тенденции и проблемы современной науки. «Чтобы жить достойной жизнью, человек нуждается во многих других ценностях, помимо научных. Например, члены общества должны вести себя надлежащим образом; нужны какие-то добродетели, начиная с готовности чем-либо пожертвовать; необходимы некоторая доля альтруизма и стремление к исполнению долга, а также многое другое. Нынешняя же позиция эмпирической науки абсолютно аморальна, безрелигиозна и асоциальна <...> Нравственно безответственная наука ставит под вопрос само будущее человечества», — категорически утверждал Питирим Сорокин [Сорокин, 2000: 319—320]. Но был ли он прав? Действительно ли современная наука является угрозой для Человека? Если говорить о развитии военных технологий, то ответ на этот вопрос очевиден, действительно развитие науки в геометрической прогрессии увеличило «шансы человечества на самоуничтожение». Но если этот вопрос касается биологии, генетики и медицины, то ответ не столь однозначен: современная наука значительно увеличила продолжительность и повысила качество жизни людей. И здесь возникает одна важная и актуальная проблема — проблема использования научных достижений в области биотехнологий, что затрагивает в свою очередь, фундаментальные характеристики человеческого бытия на индивидуальном уровне и на уровне общества.

«После тоталитарных экспериментов XX столетия в виду новых беспрецедентных техногенных угроз старые проблемы философии, политического, социального и биологического в человеке переосмысливаются по-новому. Перед лицом новых угроз и опасностей человек может оказаться беззащитным в его «голой жизни», поскольку сегодня конвергируются между собой не только технологии и научные достижения, но и различные типы кризисов. В условиях глобализации и комплексных социальных трансформаций разворачивается яростная схватка за будущее» [Ковалев, 2014: 105—106].

Конвергентные технологии — это «большая четверка» технологий, в которую входят информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии. Несмотря на то, что конвергентные технологии традиционно являются областью исследования естественных наук, их развитие в долгосрочной перспективе неизбежно приведет к изменению жизненного мира человека, что является объектом исследования наук социальных. Первые признаки этих

изменений хорошо прослеживаются на примере влияния на общество вспомогательных репродуктивных технологий. Само понятие «вспомогательные репродуктивные технологии» (ВРТ) является уже не только профессиональным термином биологов и врачей — оно уверенно вошло в семантическое поле повседневности, отражая тем самым глубинные трансформации человеческого бытия.

Использование репродуктивных технологий и связанные с ними вопросы, затрагивают фундаментальные этические проблемы, относящиеся к пониманию целостной (холистической) природы человека и ее современной фрагментацией. Мы остановимся на таких аспектах воздействия ВРТ на социальные отношения, практики и социальную структуру, как воспроизводство новых видов и форм социального неравенства [Ломоносова, Богомягкова, 2015; Bogomiagkova, Lomonosova, 2016], трансформация института семьи, а также особенности современной социальной политики (как части современной биополитики).

Открытия в биологии и генетике за последние 20 лет вновь поставили вопросы о соотношении биологического и социального не только в самом человеке, но и в социальных структурах. Активное развитие биотехнологий раздвигают представления о границах человеческой жизни, которые до сих пор лежали вне досягаемости технических возможностей человека. В результате, природное (биологическое) становится одним из измерений социального, приобретает культурное значение, а также конвертируются в социальный и политический капитал. «Теперь, помимо уровня дохода, доступа к властным ресурсам, «популярности» в сообществах Интернет и т. д., такие характеристики, как структура ДНК, определяющая вероятность тех или иных заболеваний, особенности здоровья и физиологии человека оказываются значимыми компонентами его статуса, а также основанием групповой сплоченности и солидарности. Для описания подобных феноменов в понятийном аппарате современной науки используются такие категории, как биологическое и генетическое гражданство, концепт «биосоциальности»» [Богомягкова, 2016: 1610].

Ученые оказались перед необходимостью повернуться лицом к биологии и вынуждены включать в свой анализ не только классические представления о социальном, но и вновь актуализировавшиеся биологические и генетические реальности. Эти реальности все чаще выступают основанием новых различий и практик исключения, а здоровье человека, его физиологическое благополучие становится не просто биологической данностью, но и полем выбора, ответственности, прав и обязанностей. Традиционные структуры социального неравенства трансформируются в результате социальных изменений, вызванных современными открытиями генетики и биологии. Прежде всего, речь может идти о новых фор-

мах символического исключения и дискриминации людей с «опасными генами» как следствии расшифровки генома человека, позволяющей предсказывать вероятность развития хронических и неизлечимых заболеваний, а также ряд поведенческих практик человека (например, склонность к переяданию, застенчивость и т.д.). Биологические и генетические особенности становятся одним из элементов как социальной идентичности, так и практик идентификации и исключения. Случаи прямой генетической дискриминации уже зафиксированы в США.

Однако, наибольшие возможности трансформации социального неравенства открываются в результате объективации и коммодификации человеческого тела, органов, клеток, тканей, а также информации о ДНК. Теперь не только здоровье из средства достижения блага превращается в главное благо и цель человеческого существования, в материальную ценность и даже товар, который можно купить и продать, но и тело человека, его биологические ткани и генетические материалы приобретают самостоятельное экономическое значение. Сегодня для описания потребностей в органах и тканях используются экономические категории спроса и предложения, а со стороны ученых и практиков звучат призывы к формированию национальных и международных специализированных рынков. Появляются новые потребители (реципиенты) и поставщики (доноры) услуг и товаров в области репродуктивной медицины. В результате этих процессов складывается ситуация, когда представители наиболее уязвимых в социально-экономическом отношении слоев населения подспудно подталкиваются к продаже собственных органов, тканей, биологических и генетических материалов, тогда как сами имеют ограниченный доступ к современным медицинским технологиям. Распространение новых форм экономических отношений на глобальном уровне может рассматриваться как «новая форма колониализма и эксплуатации» [Кожевникова, 2015: 74]. Глобальные и внутристрановые различия в доступе к технологиям и биологическим материалам, который регулируется национальными законодательствами, вызывают новые формы социальной мобильности, например, репродуктивный туризм.

Термин биоэкономика покрывает не только вопросы воспроизводства населения, но и интересы фармакологических компаний, индустрию медицинских экспериментов и организацию научной деятельности, которые также нуждаются в биологических материалах, и стимулируют включение в эти практики все большего числа людей. Таким образом, социологи вынуждены «повернуться» к биологическим основаниям человеческой жизни, поскольку они приобретают все большее социальное и культурное значение и становятся основанием новых форм групповой сплоченности и социального неравенства [Богомяккова, 2016].

В результате, технологические вызовы XXI века заставляют социологов открывать новые феномены, пересматривать основания социальной природы человека, оценивать риски и перспективы дальнейшего развития общества.

Список источников

1. Богомягкова Е. С. Социология в поисках новых форм неравенства. Последствия и вызовы «поворота к биологии» // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию русского социологического общества имени М. М. Ковалевского 10—12 ноября 2016 г. / отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2016. 1634 с. 1610—1612.
2. Ковалёв В. А. Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим. Монография. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014.
3. Кожевникова М. Люди «из пробирки». Обзор этических проблем, связанных с ВРТ // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 66—80.
4. Ломоносова М. В., Богомягкова Е. С. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. № 9. С. 90—97.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : РХГИ, 2000.
6. Bogomiagkova E., Lomonosova M. Role of Assisted Reproductive Technologies in the Production of New Forms of Social Control and Discrimination // Proceedings of Papers of International Conference on Knowledge and Politics in Gender and Women's Studies 2015, Gender and Women's Studies, GSSS, ODTÜ, Ankara, Turkey, 2016. P. 307—317.

Е. А. Гаврилина

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕХНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ГАВРИЛИНА Елена Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия; gavrulina@bmstu.ru

Аннотация. Для современной цивилизации характерен интенсивный рост количества технических новинок и поэтому на их разработку и изготовление тратится большое количество общественных ресурсов. Однако технические новшества, внедряемые человеком в практику, имеют амбивалентный характер. Несмотря на осознание амбивалентности техники и изменение ее восприятия, существует не столь уж много попыток найти какое-либо конкретное решение тех проблем, которые перед нами ставит техническое развитие. Одну из таких попыток представляет собой так называемая оценка техники (Technology Assessment/TA). Социальная оценка техники может выступить инструментом не только оценки рисков, связанных с научно-техническим развитием, но и управления ими.

Ключевые слова: социальная оценка техники, риск, управление риском, технико-технологическое развитие

Для современной цивилизации характерен интенсивный рост количества технических новинок и поэтому на их разработку и изготовление тратится большое количество общественных ресурсов. Однако технические новшества, внедряемые человеком в практику, имеют амбивалентный характер. С одной стороны, развитие техники и технологии позволяет человеку разрешить множество проблем, обеспечивает благосостояние населения, служит основанием, на котором стоит вся техногенная цивилизация. С другой стороны — технический прогресс приводит к росту непредвиденных негативных последствий, которые невозможно ни прогнозировать, ни контролировать [1].

Несмотря на осознание амбивалентности техники и изменение ее восприятия, существует не столь уж много попыток найти какое-либо конкретное решение тех проблем, которые перед нами ставит техническое развитие. Одну из таких попыток представляет собой так называемая оценка техники (Technology Assessment / TA) [2].

Оценка техники — это специфическая область междисциплинарных проблемноориентированных исследований, имеющих проектный харак-

тер. Одновременно — это определенная последовательность организационных процедур, ориентированных на поддержку принятия политических решений и повышение уровня социального принятия этих решений [3].

Основными характеристиками оценки техники, как институализированной области исследований, представляются [4]:

а) делегирование части социальной ответственности специализированному институту;

б) ориентация на изучение последствий (включая долгосрочные и непредвиденные) человеческих решений и действий в отношении техники и с помощью техники;

в) независимость научной экспертизы технических решений;

г) направленность к адресатам, не включенным в научный дискурс (включая политиков и широкую общественность);

д) осуществление этической экспертизы еще на стадии проектирования техники;

е) ориентация на практическую рациональность, состоящую из когнитивной, оценочной и инструментальной компонент.

Оценка техники, как практическая попытка решения проблем, рождаемых техникой, открывает перспективу как преодоления этических противоречий в инженерной деятельности (например, ценностных конфликтов из-за вмешательства в механизмы наследственности или из-за несанкционированного доступа к конфиденциальной информации), так и осуществления научной поддержки политических решений, и актуализацию институционального и социального уровней ответственности, ориентированной в будущее.

Таким образом, современное человечество, «производя» риски, способно вырабатывать средства управления ими. *Управление рисками* предполагает целенаправленное воздействие: устранение или минимизацию причин, породивших риск. Для этого используют особые процедуры анализа. Выделяют три основных подхода такого анализа [5]:

Инженерный — применяется при оценке риска в промышленных технологиях. Если исследователь имеет дело с традиционной технологией, то он может использовать статистические данные о ее работоспособности, вероятности отказов, аварий и т. д. Имея подобную статистику, инженер может использовать *вероятностный анализ риска*. Когда же рассматривается новая технология, то строятся так называемые *деревья отказов и деревья событий*.

Модельный — разрабатываются модели процессов, приводящие к нежелательным событиям. Например, строится статистическая зависимость между действием опасных веществ на человека и увеличением числа тех или иных заболеваний.

Экспертный — выявляет степень приемлемости риска в соотношении с получаемой выгодой. При оценке степени риска люди полагаются не только на статистические данные, сколько на свой жизненный опыт и интуицию. Отмечено, что в случае добровольного участия в какой-либо деятельности человек склонен принимать большую степень риска, чем в случае вовлечения его в эту деятельность насильно.

Таблица 1. Обзор научных подходов и соответствующих им стратегий управления риском [6]

Ситуации риска	Научное описание	Политическая структура / действия по регулированию / примеры
Риск (классический подход)	Известные эффекты, измеримые вероятности, оставшиеся неопределенности, могут иметь статистическую (например, стохастическую) природу	Управление риском с помощью определения пороговых (допустимых) значений исходя из выбранного уровня защиты, осуществление минимизации риска: применение принципа ALARA (использовать как можно меньшее количество средств для достижения цели — as low as reasonably achievable) и т. д.
Неисчислимый риск, недостаток знаний	Известные эффекты, но неизвестны или неопределены причинно-следственные связи, поэтому неизвестны вероятности тех или иных состояний	Примеры: антибиотики в кормах, охрана Северного моря. Применение принципа предосторожности и превентивные меры для устранения возможных причин может быть оправдано
Эпистемологическая неопределенность: научные споры, отсутствие знания	Неизвестный масштаб ущерба, степень и / или характер его серьезности, в связи с выбранным уровнем защиты, могут быть оценены только в качественном выражении	Примеры: генетически модифицированные организмы (ГМО), изменения климата, истощение озонового слоя. Применение принципа предосторожности оправдано
Предполагаемый эффект, мнимая опасность	Аргументы базируются полностью на гипотетической основе, нет никаких научных указаний на возможность возникновения риска	Применение принципа предосторожности не оправдано

Однако подобный подход к управлению рисками применим только в ситуациях «классического описания» риска, т.е. когда последствия риска более или менее предствимы, их можно просчитать с помощью статистических методов, а возникающие неопределенности носят стохастический характер. В современной же науке и технике преобладают риски, которые весьма затруднительно описать в классической парадигме. Армин Грунвальд, директор института оценки техники и системного анализа г. Карлсруэ, предлагает в подобных ситуациях применять принцип предосторожности. Суть этого принципа состоит в том, что при оценке риска не существует каких-либо «стандартных ситуаций» как в моральном, так и в эпистемологическом смысле. Это значит, что текущее положение «не доказано существование вреда» не должно быть истолковано как «доказано отсутствие вреда». Оправданность применения принципа предосторожности описана в таблице 1.

Итак, деятельность по созданию технологических новшеств в существенной степени должна регулироваться осознанием тех рисков, которые порождаются в профессиональной сфере, но распространяются на все общество. Область процессов и измерений, не подлежащих непосредственному расчету в терминах естественных и технических наук, значительно расширилась: инженерно-техническая активность встроена в социально-гуманитарный контекст. Это, безусловно, требует новых способов оценки и управления потенциальными технологическими рисками. Оценка техники и может стать таким инструментом.

Список источников

1. Гаврилина Е. А. Техническое развитие в контексте антропологических рисков. URL: <http://spkurdyumov.ru/misc/tehnicheskoe-razvitie/> (Дата обращения 15.05.17).
2. Гаврилина Е. А. Социальные риски инженерной деятельности / Социология. Курс лекций : уч. пособие / И. А. Акимова, Н. Г. Багдасарьян, Е. А. Гаврилина, В. Г. Горохов, А. В. Литвинцева, И. Е. Моторина, Г. В. Панина, Ю. П. Полуэктов, А. В. Чернышева ; под ред. И. А. Акимовой. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. С. 22—32. URL: <http://ebooks.bmstu.ru/catalog/84/book494.html> (дата обращения 15.05.17).
3. Grunwald A. Auf dem Weg zu einer Theorie der Technikfolgenabschätzung: der Einstieg // Technikfolgenabschätzung. Theorie und Praxis. 2007. No. 1. 16. Jg., März 2007. URL: http://www.tatup-journal.de/tatup071_grun07a.php (дата обращения 18.02.2017).
4. Grunwald A. Zur Theorie der Technikfolgenabschätzung // Technik und Politikberatung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. P. 285—294.
5. Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений. М. : Университетская книга, Логос, 2008. С. 252—262.

6. Grunwald A. Nanoparticles: Risk management and the precautionary principle. In: Jotterand F. (Hrsg.): Emerging conceptual, ethical and policy issues in bionanotechnology. Berlin: Springer 2008. P. 85—102 (Philosophy and Medicine, Volume 101).

А. А. Обознов, Ю. В. Бессонова, Д. Л. Петрович

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ И МЕНТАЛИТЕТ ПЕРСОНАЛА

ОБОЗНОВ Александр Александрович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; aao46@mail.ru

БЕССОНОВА Юлия Владимировна — кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; farandi@mail.ru

ПЕТРОВИЧ Дарья Леонидовна — кандидат психологических наук, ассоциированный научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, г. Москва, Россия; dlpe@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена роль менталитета в формировании культуры безопасности и психологических рисках происшествий на потенциально опасных технических объектах¹. Обобщены и представлены основные положения проактивного подхода к обеспечению безопасности. Разработана методика диагностики культуры безопасности. Представлены результаты эмпирического исследования культуры безопасности проектировщиков, машинистов и пассажиров общественного транспорта. Проведено сравнение особенностей когнитивного, эмоционального, ценностного и конативного (поведенческого) компонентов культуры безопасности представителей этих групп. Выявлены проблемные зоны, обусловленные особенностями менталитета и рассогласованием отношения к безопасности указанных групп.

Ключевые слова: человеческий фактор, культура безопасности, менталитет, психологические риски, транспорт, готовность к действиям, психология безопасности, методика диагностики

Анализ статистики происшествий на потенциально опасных технических объектах различных типов — транспорте, энергетике, производстве — показывает, что аварийность и совершенствование технических средств безопасности идут «рука об руку». Внедрение активных и пассивных автоматизированных систем безопасности ведет к эффекту перекладывания ответственности человека на технику, повышению уверенности и самоуверенности, зачастую к неоправданно рискованному поведению.

Теории управления производственными рисками уже в 1980-е годы показали несостоятельность концепции нулевого риска. Комбинированный

¹ Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО № 0159-2017-0010.

подход предполагает минимизацию рисков, которая достигается за счет понимания риска как системного явления на стыке технических, организационно-управленческих, социологических, экономических, психологических аспектов и признания приоритетной роли человеческого фактора в обеспечении безопасности. Предотвращение психологических рисков чрезвычайных ситуаций опирается на три базовых положения. Первое — рассмотрение психологических рисков техногенных чрезвычайных событий основывается на идее всестороннего влияния психологических свойств человека на техническую систему на этапах ее проектирования, функционирования и потребления конечного продукта. Второе — влияние психологических свойств человека опосредовано организационными, средовыми, техническими и технологическими факторами. Третье — поскольку их можно целенаправленно изменять, появляется принципиальная возможность управлять психологическими рисками техногенных чрезвычайных событий.

Современная идеология обеспечения безопасности, реализуемая в настоящее время в лидирующих отраслях обеспечения безопасности — атомной энергетике и авиации, предполагает переход от ретроактивного подхода, констатирующего и расследующего причину уже произошедших событий, к проактивному подходу, предполагающему упреждающее выявление и устранение опасных факторов. Обзор литературы и ряд проведенных нами исследований позволил обобщить основные положения проактивного подхода:

1. Наличие прототипа, образца должного отношения персонала к обеспечению безопасности, включающего единство традиционных компонентов: когнитивного, эмоционального, ценностного и конативного (поведенческого) компонентов.
2. Осознанное отношение к обеспечению безопасности, прежде всего, приоритетную ценность безопасности и личную ответственность за ее обеспечение.
3. Реализация принципа приоритетности безопасности на всех уровнях управления — от управляющего звена до рядовых исполнителей.
4. Реализация принципа приоритетности безопасности на всех этапах функционирования технической системы: проектирования, эксплуатации, обеспечения функционирования и ремонта, потребления результатов деятельности технической системы.
5. Внимание не только к явным ошибкам и нарушениям, но также учет «едва-не-произошедших» событий и незначительных нарушений.
6. Расширенное понимание безопасности как безопасности технической системы (безаварийность, надежность), безопасности технического объекта для персонала, населения и окружающей среды, психологической безопасности работника.

7. Оценка психологических, организационных, средовых, технических и технологических предикторов безопасности, в том числе чёткое распределение и персонификация ответственности; сформированность профессиональных навыков безопасного (безаварийного) поведения; наличие организационных, технических, технологических и психологически возможностей для их реализации в профессиональной деятельности.

Опираясь на эти положения и рекомендации, мы разработали систему оценки культуры безопасности, которая позволяет решить задачи выявление существующего состояния культуры безопасности, ее мониторинга, разработки предложений по ее развитию.

Методика состоит из двух блоков, первый из которых направлен на субъективную оценку факторов, косвенно влияющих на культуру безопасности, в том числе оценку по шкалам: инструкции и рабочая документация; организация работы и функциональные обязанности; техника и оборудование; рабочее место; обучение и квалификация; контроль соблюдения требований безопасности; коммуникации в организации. Второй блок включает оценку когнитивного, поведенческого, эмоционального и ценностного компонента культуры безопасности, в том числе: оценку теоретических знаний и практических навыков поведения в условиях опасности, степени восприятия опасности и сферы личной ответственности за обеспечение безопасности.

Методика позволяет проанализировать субъективные представления о потенциальных источниках опасности, границы допустимого поведения, психологическую готовность к действиям в условиях опасности и сопоставить ее с реальными знаниями о правильном поведении, оценить эффективность различных средств обеспечения безопасности и смещение фокуса внимания в нестандартных ситуациях, определить флуктуацию доверия в штатных и нестандартных ситуациях.

Методика объединяет технологии опросника и решения кейсовых задач. Одной из задач методики является сопоставление культуры безопасности представителей разных этапов функционирования технической системы: проектирования, эксплуатации, потребления конечного продукта.

Проведено экспериментальное исследование культуры безопасности на транспорте. В исследовании приняли участие 30 проектировщиков (руководители проектного бюро, конструкторы и программисты технического комплекса), 415 машинистов, 87 пассажиров.

Результаты исследования подтвердили особенности и несогласованность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов культуры безопасности на транспорте разных групп — проектировщиков,

машинистов, пассажиров. Показаны принципиальные отличия культуры безопасности представителей обследованных групп. Особенности менталитета конструкторов, имеющих отношение к безопасности, заключаются в сужении сферы личной ответственности, материальной заинтересованности специалистов проектных организаций. Даже наиболее опытные специалисты подавляющее внимание уделяют техническим и технологическим аспектам безопасности, психологический аспект проектирования потенциально опасной техники остается за гранью внимания. В отношении машинистов преобладает мотивация избегания неудач, связанная с системой штрафов и наказаний; противоречивые психологические установки; недостаточный уровень доверия технике; делегирование ответственности пассажирам за соблюдение техники безопасности. Для пассажиров наиболее тревожной тенденцией остается перекалывание ответственности за безопасность на персонал; крайне низкий уровень мотивации по обеспечению безопасности, пассивность. Свойственна полярность эмоционального отношения к безопасности — либо неоправданно позитивный настрой, либо переоценка опасности. Отмечено превышение границ допустимого в отношении собственного поведения; отсутствие знаний и навыков действий в случае опасности при высокой личной уверенности в своей информированности. Выявлена неэффективность традиционных способов побуждения пассажиров к соблюдению правил безопасного поведения. Существующие способы — памятки, краткие инструктажи, напоминания и т. п. — информируют о необходимости выполнения конкретных правил, однако они недостаточны для создания у пассажиров осознанного отношения и повышения культуры безопасности. Информированность не коррелировала с количеством допускаемых пассажирами нарушений правил безопасности.

Сопоставление результатов исследования культуры безопасности обследованных групп выявлены типы опасного поведения, определены «узкие места», связанные с неопределенностью зон ответственности либо с существующими противоречиями когнитивного, поведенческого, эмоционального и ценностного компонентов культуры безопасности.

В зависимости от типа культуры безопасности, несформированного того или иного ее компонента, ведущих ценностных установок обоснован комплекс факторов (психологических, организационных, технических) и способов воздействия для повышения культуры безопасности.

В. В. Сократилин

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ. КАК ПРЕДСКАЗАТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ?

СОКРАТИЛИН Владимир Владимирович — исполнительный директор ЗАО «Решение: консалтинг и исследования рынка», г. Санкт-Петербург, Россия; sokrat@decision.ru

Разработка методики, о которой идет речь ниже началась в 2006 году, когда наша компания выполняла заказ для мэрии Петрозаводска. В ходе этих работ мы оказались вовлечены в события, связанные с массовыми протестами в Кондопоге. Анализируя действия, которые были тогда предприняты и сравнивая их с другими похожими социальными конфликтами, мы, как нам кажется, нашли подход к оценке и прогнозированию развития подобных явлений в обществе. В результате была разработана модель, позволяющая оценивать текущую ситуацию и наблюдать динамику развития процесса. Основные предположения модели и следствия из них сформулированы ниже.

1. Важность описания такого явления, как социальная напряженность давно осознается социологами и психологами. Однако построить модель, позволяющую описать это явление, оказывается не так просто. Очень подробный обзор существующих определений и описание трудностей использования их для построения модели приведен в [5]. Мы рассматриваем ограниченную ситуацию, которая, упрощает обоснование начальных предположений, необходимых для создания модели, но позволяет описывать многие актуальные ситуации.
2. Мы сосредоточились на случаях, в которых социальная группа обращается с требованием решить какую-либо проблему к власти и не получает адекватного ответа. При этом часто, представители социальных групп обращались к власти с требованием решить проблемы, которые возникали не в результате непосредственных действий власти. Под властью, мы в данном случае понимаем, органы исполнительной и законодательной власти всех уровней и органы местного самоуправления.
3. **Исходное предположение 1.** В качестве участников, влияющих на развитие ситуации, мы рассматриваем только социальные группы и органы власти. Мы предполагаем, что действия, которые производятся представителями социальных групп, определяются состоянием общественного сознания этих групп. Мы ориентировались на определения понятия социальная напряженность, которые приведены в [5].

4. **Исходное предположение 2.** Рассматриваемые ситуации не могут быть описаны как классический конфликт в смысле указанном, например, в [2]. Так как в ряде случаев властные структуры вообще не имели никакого мнения по поводу проблемы, а интересы, которые возникали у них в связи с конфликтом, находились в ином, по сравнению с возможными решениями конфликта, поле.
5. **Исходное предположение 3.** Существует набор показателей, который позволяет описать состояние общественного сознания социальной группы. Значения показателей можно оценить, задав правило, по которому каждому состоянию общественного сознания может быть сопоставлено некоторое численное значение оценки каждого из показателей.
6. **Исходное предположение 4.** В качестве показателей, которыми может быть описана ситуация, мы рассматриваем существующие в общественном сознании:
 - отношение к власти — мы предполагаем, что если в общественном мнении существуют представление о том, что власть не собирается или не в состоянии решить их проблему (проблемы), то это способствует поиску альтернативных методов решения;
 - отношение к общественным и государственным институтам, которые позволяют разрешать подобные ситуации в обществе — например, суды, прокуратура, СМИ, профсоюзы, политические партии, общественные организации и т. п. Мы предполагаем, что доверие к таким институтам, может направить процесс разрешения проблем в русло переговоров и поиска компромиссов;
 - представление о скорости ухудшения ситуации, вызывающей социальную напряженность — мы полагаем, что представление о резком ухудшении ситуации по рассматриваемому вопросу служить фактором резкого изменения в общественном мнении в пользу радикальных действий.
7. Численные значения исследуемых показателей мы предлагаем получать путем опроса представителей рассматриваемой социальной группы. В анкете для каждого из трех показателей используются вопросы, отвечая на которые, респондент оценивает ситуацию по 10-бальной шкале. По каждому из показателей может быть задано 2—4 вопроса.
8. После процедуры нормирования и масштабирования оценок все возможные состояния общественного сознания социальной группы можно представить в виде точки в трехмерном пространстве, находящейся внутри куба со стороной 1 (Рис. 1.). В процессе «измерения» состояния общественного сознания будет получен некоторый раз-

брос оценок, поэтому положение будет более точно характеризоваться не точкой, а некоторым множеством точек, однако, здесь для простоты объяснения мы рассматриваем только средние значения полученных оценок. Методы использования характеристик разброса в дальнейших расчетах достаточно очевидны.

9. Вершины куба имеют в этом случае понятный содержательный смысл (Рис. 2.). Самой «безопасной» является точка с координатами $(1,1,0)$, соответствующая состоянию общественного сознания, при котором имеется доверие к власти и другим общественным институтам, и отсутствует ощущение отрицательной динамики ситуации. Самой «опасной» точкой является точка с координатами $(0,0,1)$, соответствующая такому состоянию, в котором отсутствует доверие, как к органам власти, так и к общественным институтам, и есть ощущение резко ухудшающейся ситуации. Именно окрестности этой точки и рассматриваются нами, как потенциальная зона «социального взрыва».
10. **Исходное предположение 5.** В пространстве, в котором каждое состояние общественного сознания может быть представлено точкой, может быть введено расстояние. Расстояние между двумя состояниями с координатами, соответственно (x_1, y_1, z_1) и (x_2, y_2, z_2) может быть введено, как евклидова метрика [3]:

$$r_{1,2} = \sqrt{(x_1 - x_2)^2 + (y_1 - y_2)^2 + (z_1 - z_2)^2}$$

11. Введение расстояния позволяет (Рис. 2.): рассчитывать отклонение текущего состояния от «опасной» точки, определять величину изменения состояния в зависимости от времени и определять направление изменений (через углы отклонения перемещения от направления на «опасную» точку).
12. **Исходное предположение модели 6.** Само по себе введение расстояния не позволяет оценить реальную угрозу возникновения «социального взрыва». Однако приближение состояния к «наиболее опасной точке» — точке с координатами $(0,0,1)$ повышает опасность «социального взрыва». Для того, чтобы оценить опасность каждого состояния, мы предлагаем каждой точке приписать вероятность возникновения социального взрыва в зависимости от расстояния от текущей точки до «опасной точки». Мы рассматриваем вероятность не как аналог частоты, а придаем ей тот смысл, который придается вероятности в математике после формулировки аксиоматического подхода к понятию вероятность [1]. Такое понимание вероятности, как возможности, описано в [4]. Понятия «достоверное событие»

(событие с вероятностью 1) и «невозможное событие» (событие с вероятностью 0), мы рассматриваем в формулировке принятой в теории вероятности [6].

13. Зависимость вероятности «социального взрыва» от расстояния до «опасной точки», обозначим ее через $p(r)$, должна обладать определенными свойствами, среди которых:

- непрерывность;
- условие на значение в граничных точках: $p(0)=1$; $p(\sqrt{3})=0$.

Более тщательный анализ позволяет включить в число таких требования еще и требования существования производных и требования к равенству их 0 в граничных точках. Качественный график такой функции представлен на Рис. 3.

Аналитическое выражение для подобной зависимости с помощью элементарных функций можно представить, например, с помощью функций вида:

$$p(r) = \frac{1}{2^a} \left(1 + \cos \frac{\pi r}{\sqrt{3}} \right)^a,$$

где a — параметр.

14. В качестве метода сбора исходных данных представляется возможным предложить личный уличный опрос представителей целевой социальной группы. Анкета опроса могла бы состоять из пяти блоков вопросов:

- для отбора респондентов;
- для оценки отношения к власти;
- для оценки отношения к другим институтам общества;
- для оценки динамики ситуации;
- социально-демографических.

Общее количество вопросов, не превысит 20—25, а общее время опроса — 15 минут.

Список источников

1. Боровков А. А., Теория вероятностей : Учебное пособие для вузов. М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит. 1986
2. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект-Пресс, 1996 г.
3. Курош А. Г. Курс высшей алгебры. М. : «Наука», 1968.
4. Налимов В. В. Облик науки. СПб. ; М. : Центр гуманитарных инициатив, Издательство МБА, 2010 г.
5. Толстова Ю. Н., Воронина Н. Д., Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напря-

женности (Часть 1) // Мониторинг общественного мнения. № 5 (105).
Сентябрь — октябрь 2011 г.

6. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. М. : Мир,
1984 г.

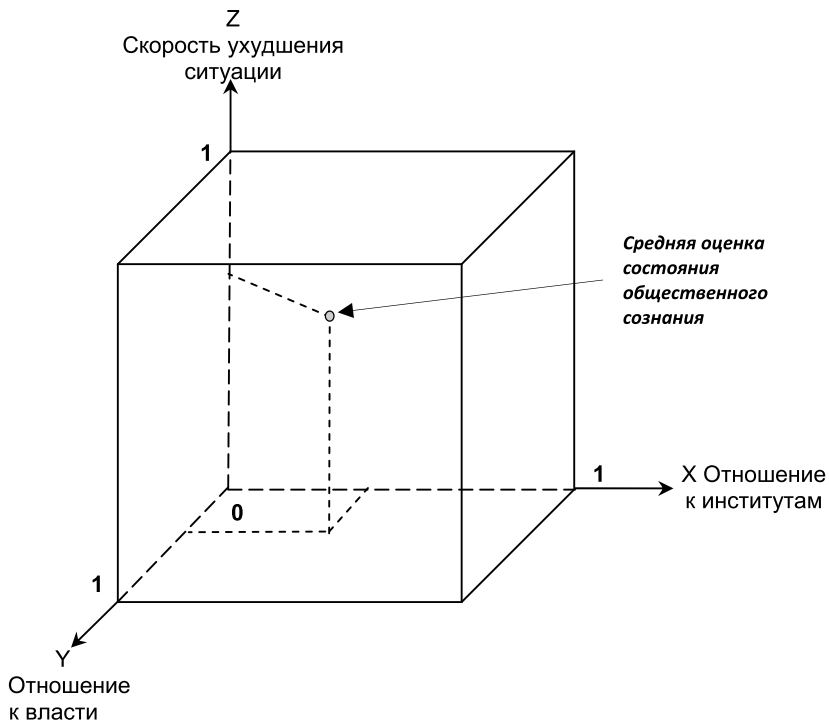

Рис. 1. Пространство состояний общественного сознания

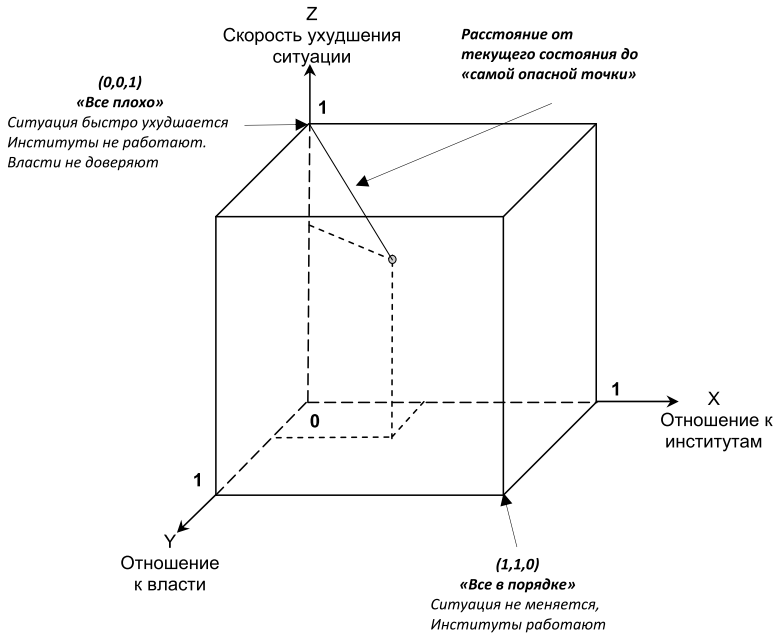

Рис. 2. Содержательный смысл отдельных вершин и расстояние от текущей до «опасной» точки

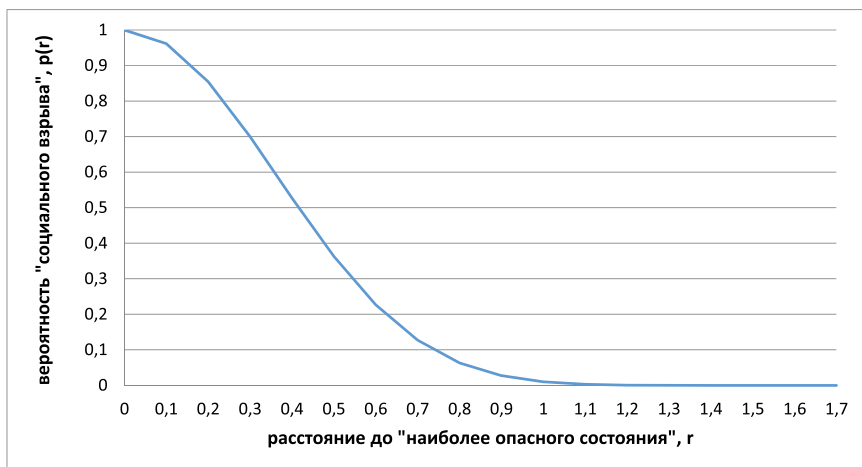

Рис. 3. График зависимости вероятности «социального взрыва» $p(r)$ от расстояния до «опасной» точки r

Э. Д. Дряева

ФАБРИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДРЯЕВА Элла Давидовна — кандидат философских наук, старший преподаватель, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; dryaeva.ella@gmail.com

Аннотация. В работе раскрываются сущностные характеристики Интернет-коммуникации, проводится сравнение между коммуникацией в реальной жизни и в виртуальной. Анализируются проблемы достижения целостной идентичности в Интернет-пространстве и формулируются некоторые решения данных проблем. По мнению автора, в виртуальной среде возможно быть успешно презентованным, однако это не является гарантией обретения подлинной идентичности. Самопрезентация здесь представляет собой поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции, а идентичность является синонимом Я- концепции, ее центральным образующим, что выводит нас к проблеме: «подлинного» и «мнимого». В виртуальной реальности присутствует потенциал развития человека и главным вопросом становится этическое регулирование и включение человеческой осознанности для раскрытия его творческого потенциала.

Ключевые слова: идентичность, самопрезентация, интернет, коммуникация, виртуальная реальность, личность

В Интернете выстраивается особое культурное поле существования человека. Для того чтобы гармонично существовать в этом новом типе культуры необходимо понимать законы его развития. В этом мире достижение бытия не является чем-то предопределенным, а требует огромных целенаправленных усилий для непрерывного развития. Как и прежние формы культуры, Интернет-культура нуждается в четких этических границах. Человеческое бытие обретает целостность через гармонизацию личностных мотивов, актуализацию всех жизненных стремлений и их реализацию в творчестве, результаты которого могут удовлетворить экзистенциальные потребности человека. Как пишут Джаред Коэн и Эрик Шмидт, в ближайшее время состоится «переход от ситуации, когда личность формируется офлайн и позднее проецируется в сеть, к созданию онлайн-личности, которая затем воплощается в реальном мире, окажет огромное влияние на граждан, государства и компании. И от того, как

удастся решить проблемы конфиденциальности и безопасности личных данных, будут зависеть границы человеческой свободы».

Проблема соотношения самопрезентации — реальной самоидентификации личности в виртуальном пространстве — является одной из дискутируемых при изучении данного вопроса. Общественное мнение играет огромную роль при выборе способа самопрезентации. Виртуальное пространство нивелирует этот выбор, возвращая нас к дихотомии «быть или казаться». Мы понимаем самопрезентацию как поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции, а идентичность либо как синоним Я- концепции, либо как ее центральное образующее, что выводит нас к проблеме: «подлинного» и «мнимого».

По нашему мнению, в виртуальной среде возможно быть успешно презентованным, однако это не является гарантией обретения подлинной идентичности.

Интернет-среда транслирует преимущественно рациональное восприятие в связи с текстовой основой взаимодействия. Коммуникация в реальной жизни всегда телесна. Человек получает информацию о своем собеседнике из вербальных, невербальных и паравербальных источников. Такое общение насыщает человека эмоциями и наполняет экзистенциальным опытом. Общение же с виртуальным собеседником носит исключительно информационный характер в виду своей бестелесности. Сегодняшний ускоренный ритм жизни диктует необходимость в таком общении. Осуществляя коммуникацию на бегу, закрывшись в телефоне, человек ищет возможность спрятаться, закрыться сетевой маской и новыми ролями. В виртуальном мире нет напряжения и потребности поиска сакрального. С одной стороны технические возможности симулируют явление, имеющие физическую природу, но воплощение вкуса, запаха и прикосновения находится в зачаточном состоянии. Футурологи предсказывают, что в ближайшем будущем сигналы из виртуальной реальности будут обходить органы чувств и идти напрямую в мозг. Однако эмоции, которые мы испытываем и можем испытать в виртуальной реальности, не являются настолько интенсивными и долговечными, а носят скорее рационально-прагматический характер. Для полноценного человеческого взаимодействия такие эмоции не являются достаточными.

Одной из важных проблем достижения целостной идентичности в виртуальной реальности является разрешение дихотомии «быть/казаться». Сетевые роли отображают лишь те сущностные черты человек, которые приятны ему в реальной действительности. В этом случае сетевая идентичность не является созданием новой индивидуальности, а является всего лишь серией карнавальных масок. Как пишет В. В. Миронов «Блестящим условиям для нарастания и закрепления карнавала стано-

вится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия».

Решением такой проблемы может быть некоторое целенаправленное ограничение присутствия в виртуальном пространстве. На этапе перехода из одной реальности в другую, человек осознает свои реальные потребности. Такой переход можно сравнить с переходом от сна к реальности. Будучи погруженным в Интернет-коммуникацию, человек теряет ощущение пространства и времени, тоже самое происходит во сне, где сон подменяет реальность. Но просыпаясь, человек понимает, что событий, произошедших во сне, в реальности не происходило, и воспринимает переход из одной реальности в другую адекватно. Для целостного восприятия самого себя человеку необходим момент «цифрового детокса» (период времени, когда человек сознательно отказывается от использования смартфонов, компьютеров, планшетов), когда человек может сконцентрироваться на самом себе и почувствовать опыт экзистенциального переживания, отсутствия самоидентификации и понимания, что все вокруг является «не я», а «я» это наше естество и природа. Моменты такой саморефлексии могут стать путем возобладания «быть» над «казаться», толчком для большей осознанности и виртуальном пространстве.

Следующая сложность на пути к осознанному построению идентичности в виртуальном пространстве являются всевозможные развлекательные ресурсы, образцы массовой культуры. Ввиду нерегулируемости массовая культура зачастую оказывается доминантной в Интернет-среде. Более того, артефакты массовой культуры устроены таким образом, что практически отсутствует возможность упустить их из виду. Один случайный клик мышью — и человек увязает в бесконечных эпатажных фотографиях и рекламных слоганах. Таким образом, легкий досуг начинает конкурировать с серьезными образовательными и научными ресурсами, до которых фактически человек может и не добраться. Возможно, образовательные ресурсы также должны привлекать яркими вывесками? Нам представляется, наука, и образование в виртуальном пространстве имеют огромный потенциал развития. С этим запросом связано появление игровых компьютерных технологий и таких порталов как, Coursera, Khan Academy, Пост Наука и другие. За счет использования новых форм представления информации, ее восприятия, анализа и осмысления, эффективность процесса обучения повышается в несколько раз. В процессе учебной игры развивается целеустремленность, активность, динамичность и продуктивность мышления, прочность и оперативность памяти,

стремление к совершенству и вера в свои силы. Важно отметить, что новые формы обучения не противостоят традиционному формату обучения, не противоречат современным педагогическим теориям, а дополняют их, т. к. базируются на принципе единства теории и практики, позволяя развивать и интегрировать имеющиеся навыки и умения.

Таким образом, свобода, как порождение новой коммуникативной реальности, приносит с собой множество позитивных новаций (в искусстве, образовании, науке). Она лишь требует четкой и грамотной координации ее ценностно-смысловых оснований. В этом смысле, Интернет на наш взгляд, является возможностью вслед за экономической и социальной интеграцией, реализованной в глобальном пространстве прийти к интеграции духовной и открытой решать общечеловеческие проблемы на общемировом уровне. В виртуальной реальности присутствует потенциал развития человека и главным вопросом становится этическое регулирование и включение человеческой осознанности для раскрытия его творческого потенциала.

Список источников

1. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М. : Издательство Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. Миронов В. В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник Московского университета. 2010. № 3. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 16—17.

А. В. Халявкин

БИМЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕЛОМИТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИИ. ВЗГЛЯД ГЕРОНТОЛОГА

ХАЛЯВКИН Александр Викторович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт биохимической физики РАН и Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, ученый секретарь московского отделения Геронтологического общества при РАН, г. Москва, Россия; antisenesec@mail.ru

Аннотация. Текущая экономическая ситуация в России и наблюдаемые в ней нежелательные демографические тенденции приводят к необходимости предпринимать неотложные меры по изменению ситуации и перелому тенденций. Сейчас эти меры носят преимущественно оперативно-тактический характер и опираются на наше сегодняшнее понимание потенциальных возможностей и ограничений. К ним относятся попытки упорядочения миграционной политики (что на фоне оттока квалифицированных «своих» и притока неквалифицированных «иных» довольно непростая задача), стимуляции рождаемости и снижение смертности, особенно в трудоспособных возрастах. Повышение количества рождений на фоне нестабильной экономики может дать нежелательный эффект. Об этом свидетельствовал печальный опыт Румынии времен Н. Чаушеску. Снижение смертности тоже во многом зависит от улучшения социально-экономических параметров. Но не только от них. Например, достижения и наблюдаемые тенденции в геронтологии, науке, изучающей причины и механизмы старения, уже позволяют наметить радикальные пути снижения смертности и существенного увеличения активного долголетия. Об этом, в год ухода из жизни Бориса Андреевича Грушина, была опубликована статья в *Анналах Нью-Йоркской Академии наук* [1]. В ней и в других публикациях мы опираемся как на биологические, так и на демографические данные. Ведь именно интерпретация основных закономерностей статистики смертности позволила понять, почему потенциально нестареющие стволовые клетки взрослых снижают эффективность функционирования, приводя к старению людей. Такое понимание дает принципиальную возможность повлиять на этот процесс, замедлить старение и снизить связанную с ним смертность.

Ключевые слова: закономерности статистики смертности, геронтология, замедление старения, снижение смертности

Результаты научно-технологического прогресса влияют на все стороны общественной жизни и свидетельствуют об увеличивающейся вероятности возникновения качественно новых направлений общественного развития. Однако на этом пути могут возникнуть, и возникают, препятствия двоякого рода. С одной стороны, это понятная инерция привычных стереотипов, мешающая общественному сознанию принять внедрение новых технологий. С другой стороны (и это, на наш взгляд, более важное препятствие), лица, принимающие решения, могут опасаться повсеместного применения ряда новых технологий до тех пор, пока не будет уверенности в оперативной минимизации непредвиденных рисков от их распространения.

По экспертному мнению, основным тормозом глобального применения результатов революционных биогеронтологических технологий является отсутствие разработки механизмов, которые могли бы предотвратить возможные нежелательные последствия внедрения результатов этих технологий. Таких последствий несколько. И одно из них это увеличение темпа роста населения планеты. Эксперты, в том числе российские (Н. Тимофеев-Ресовский, Н. Моисеев и др.), исходя из параметров экологической емкости Земли, подсчитали, что для устойчивости биосферы оптимальное количество населения планеты не должно превышать 0,5—1,0 млрд. Нас уже в 7, 5 раз больше этой величины и рост продолжается, приводя к дальнейшему усугублению глобального кризиса. Напрашивается аналогия с автомобильными пробками. Известно, что емкость улиц Москвы рассчитана на 0,5 млн движущихся машин. В Москве около 4 млн авто (т. е. в 8 раз больше). Отсюда пробки и стремление властей уменьшить число автомобилей, повысив стоимость владения. Поэтому при существующей инфраструктуре города гипотетическое предложение «безлошадному» населению недорогих и надежных автомобилей будет встречено властями, как минимум, с непониманием.

Но вернемся к проблеме замедления темпа старения и продления сроков жизни. Как оказалось, клеточные линии, составляющие организм человека могут не стареть. При этом темп старения людей может быть не только различным (в зависимости от внешних условий и образа жизни), но и точно таким же, каким бы он был у потенциально нестареющих индивидов, которые, тем не менее, испытывают старение из-за функционирования в неадекватных условиях жизнедеятельности, в разной степени препятствующих полному самообновлению всех структур организма.

Анализ складывающихся тенденций показывает, что ход цивилизации все дальше уводит нас от условий, в которых могли бы реализоваться режимы жизнедеятельности, способствующие не старению [1—5]. Это ускоряет темп старения и сокращает рекордные сроки жизни. Однако

параллельно, из-за снижения смертности в молодом и средних возрастах, ожидаемая продолжительность жизни людей постепенно нарастает. Сочетание достигнутого в ходе цивилизации низкого уровня смертности с адекватными условиями, способствующими полному самоподдержанию организма, «остановит» биологический возраст человека на уровне 25 лет при значительном увеличении средних сроков жизни.

Но целенаправленному подбору режимов жизнедеятельности, сколь угодно близких к нестареющим, препятствует ряд обстоятельств. Среди них далеко не последнее место занимают сложившиеся стереотипы, досадная предвзятость некоторых геронтологов и, несмотря на кажущееся обратным, фактическое отсутствие социального заказа на конечные результаты их деятельности, проявляющееся, в том числе, в нерациональном финансировании.

Анализ научных и организационных трудностей геронтологии, мешающих достичь решающих успехов, позволяет увидеть, что рациональный подход к проблеме радикального продления жизни должен базироваться на осознании комплексности этой проблемы. Во-первых, необходимо показать, что она в принципе имеет решение. Во-вторых, нужно убедиться в безвредности глобальных последствий и разработать оптимальные сценарии социума долговечных нестареющих людей. И только в-третьих, следует активизировать усилия по целенаправленным поискам условий, способствующих радикальному продлению жизни. Именно в такой последовательности этапов залог успехов. Пока же все происходит наоборот. И лица, от которых зависит государственная и научная политика, в реальности не очень поощряют геронтологические исследования, возможно полагая, то радикальное увеличение продолжительности жизни людей может стать мощным дополнительным фактором дестабилизации общественных институций.

Анализ проблемы свидетельствует о том, что проект радикального замедления старения так же реален, как в свое время были реальны атомный и космический проекты. Он потребует гораздо меньше временных, материальных и интеллектуальных ресурсов. А реализация этого проекта способна облегчить целый ряд общечеловеческих и социальных задач, касающихся охраны здоровья, экономики воспроизводства трудовых ресурсов, предотвращения катастрофы демографического постарения населения и т. п.

Сроки осуществления проекта зависят от информированности научного сообщества, ревизии сложившихся стереотипов, социальной мобильности общественных структур и количества исследователей, переориентированных на проект. А до его реализации крайне необходимо тщательно предусмотреть все глобальные последствия и создать

оптимальные сценарии мира будущего мира, чтобы в обновленные общественные институты органично вписался бы долгоживущий человек.

Список источников

1. Khalyavkin A.V., Yashin A.I. Inadequate intensity of various components of total environmental signals can lead to natural aging // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. № 1067.
2. Халявкин А.В., Яшин А. И. Старение: роль управляющих сигналов // *Геронтология in silico ... М. : БИНОМ*, 2007.
3. Халявкин А. В. Неканоническая роль внешних факторов в возникновении старения // *Радиационная биология. Радиоэкология*. 2010. № 3.
4. Khalyavkin A. V. Phenoptosis as genetically determined aging influenced by signals from environment // *Biochemistry (Moscow)*. 2013. № 9.
5. www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin/publications.

П. А. Левич

ГУМАНИТАРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

ЛЕВИЧ Петр Александрович — директор департамента взаимодействия науки, технологий и общества Московского технологического института, основатель Future Foundation; Московский технологический институт, г. Москва, Россия; levich.pet@gmail.com

Аннотация. Технологический образ будущего формируется технологическими компаниями, в то время игроков, которые бы занимались формированием гуманитарного образа будущего — комфортного существования общества с новыми технологиями — исчезающе мало. Предлагается формат влияния на желаемый образ будущего, заключающийся в создании гуманитарных инициатив.

Ключевые слова: технологии, генетика, нейротехнологии, киборгизация, гуманитарные инициативы, будущее

1. Технологии, которые могут быть изобретены — будут изобретены.

Технологический образ будущего создается технологическими компаниями, и поэтому я не волнуюсь за то, что он будет реализован, ведь эти компании зарабатывают на нем деньги. Он может реализоваться чуть раньше или чуть позже. Может быть в США, и как следствие, Кремниевой Долине, будет введен запрет на все исследования, мало ли кто придет к власти... Но это лишь замедлит развитие технологий. В мире найдется место — будь то «пиратская» Исландия (премьер-министр страны — из Пиратской партии) или незаконный биоофшор на маленьком острове с Тихом Океане. «Геометрия Лобачевского» была открыта почти одновременно и Карлом Гауссом, и Яношом Бойяи, потому что все читали примерно в одно и то же время одни и те же книги и примерно с одной и той же скоростью думали. Сейчас мир гораздо более связанный, чем во времена Лобачевского: как только выходит препринт статьи, ее может прочитать весь мир, этому миру еще и в e-mail рассылку ее вставят. Наука международная и открытая. Поэтому, если какая-то компания или научная группа создает некоторую технологию, то почти наверняка параллельно с ней работают еще несколько по всему миру. Вспомним хотя бы пример технологии CRISPR/Cas9, за патент на которую сейчас бьется несколько университетов. На это накладывается конкуренция и амбиции. Амбиции порой не только финансовые, не только желание славы, но и более глубокие.

Есть теория, что, отчасти, направление технического прогресса есть следствие глубинных мечтаний человечества. Вот взять хотя бы робототехнику и искусственный интеллект: люди создают их в том числе чтобы уподобиться богу. Это такой древний вызов, причем заниматься этим вызовом могут как атеисты, так и верующие. Даже если человек не верит в существования бога, тем не менее, это вызов — уподобиться ему и сказать: бога нет, а вот я — бог. Ведь кроме функционального значения, создание существа «по образу и подобию» человека — один из сильных мотивирующих факторов данной индустрии, один из вызовов человечества. Такое часто случается — многие глубинные мечты человечества, которые сначала проявляются в мифах и религии, впоследствии, с развитием технологий, обретают реальную форму. Можно вспомнить мечту человека о полете: сначала была, например, легенда об Икаре и Дидале, затем, спустя много веков, мы построили самолеты. Это подводит нас к идее движения технического прогресса вслед за глубинными мечтами человечества.

Таким образом, если какая-то научная группа подойдет к созданию технологии, некоторые применения которой могут быть опасны, вряд ли у кого-то хватит осознанности остановиться. Да и должны ли мы возлагать ответственность за применение технологии (а почти все технологии можно применить негативно) на изобретателя? Так же, как технологии лишь расширяют наше пространство выбора, а мы его совершаем, так и изобретатель технологии лишь дает нам выбор.

2. Мы можем активно влиять лишь на то, насколько комфортным будет этот новый мир.

Итак, образ технологического будущего более-менее ожидаем. Не стоит вопрос, будем ли мы там жить — будем. Вопрос есть в том, какие ценности мы заложим в нашу жизнь с этими технологиями, в взаимодействие с ними. Вспомним башни контроля сознания из романа «Обитаемый остров» братьев Стругацких. Как не допустить такого сценария применения нейротехнологий? Будет ли генно-модифицированный ребенок объектом издевательств сверстников в школе? Будет ли киборг поражен в правах, потому что он не такой, как все? Будем ли мы видеть кафе «только для полностью органических существ»? Моя гипотеза заключается в том, что ответы на эти вопросы лежат в большей степени не в области технологий, а в области гуманитарных инициатив («гуманитарных технологий», если хотите).

3. Технологии: быстрые, мощные, общедоступные.

Раньше, чтобы навредить глобальной цивилизации, нужно было создать ядерное оружие, а это требовало сложных компетенций, многих лет НИОКР и огромных капиталовложений. Теперь такой вред можно нанести, например, редактированием генома вируса, и это не требует ни большого

числа людей, ни денег, ни времени. Набор для редактирования генома комнатных растений вы можете купить себе или своему ребенку за 100 долларов. Это приводит к тому, что в разы больше игроков получают доступ к таким возможностям, а значит, нам придется научиться гораздо лучше договариваться. Доверять. Не стоит ли попробовать заменить ее на риторику кооперации и доверия? «Качество, которое я хотел бы улучшить — это эмпатия, сочувствие. Она удерживает нас в состоянии мира и любви,» — писал Стивен Хокинг.

4. Люди боятся новых технологий. Это зря, бояться нужно людей.

До изобретения Сильного ИИ, человек — единственное существо, обладающее целеполаганием. Ни одно приложение мессенджера не отравило свой ключ шифрования спецслужбам по собственному желанию. Ни одна молекула химического оружия не имела собственного желания нас уничтожить. Лишь целеполагающий человек может использовать технологии во благо или во вред. На любом технологическом пакете можно построить как свободное общество, так и тоталитаризм. Технологии этически нейтральны, их наличие лишь расширяет наше пространство выбора.

5. Идентичность. Кто это — человек будущего?

В первую очередь стоит рассматривать технологии, меняющие человеческую идентичность, потому что варианты применения таких технологий могут изменить образ будущего в самом широком спектре сценариев: от наиболее позитивных до наиболее негативных. Речь идет о биотехнологиях (в том числе редактирование генома), нейротехнологиях, киборгизации и других.

Какой может быть новая идентичность человечества, наше самоопределение? В век, когда критерий «сотворен Богом» уже устраивает далеко не всех, а критерий, предложенный новым временем — «определенный геномом *homo sapiens*» уже разваливается под натиском CRISPR, когда нейронные сети могут копировать нас до степени прохождения визуального, текстового и прочих Тестов Тьюринга, что остается нам, людям, как критерий чело-вечности, кто это такой — человек ближайшего будущего?

6. Будущее как пространство личной ответственности

Как можно было бы решить эти проблемы? Все мы, наверняка, замечали, что гораздо сложнее терпеть те неудобства, которые нам навязали извне, и гораздо проще — те, которые есть следствия наших собственных решений. Продолжая эту мысль, одним из вариантов решения этой проблемы является переход от отношения к будущему как к неизбежным обстоятельствам, изменениям (не важно — плохим или хорошим), которые нам навязываются, к отношению к будущему как к пространству нашей персональной ответственности, пространству творчества, недетерминированной системе.

Было бы целесообразно не только сформировать образ желаемого будущего, но и увидеть свою личную позицию в нём. К тому же, если продолжить уже существующие тренды, можно предположить, что уже при нашей жизни большая часть деятельности будет передана роботам и ИИ, то людям останется лишь создание смыслов самого высокого уровня, целеполагание и коммуникация. Люди без собственной повестки будут выдавливаться из общества (быть может, они будут получать, скажем, безусловный базовый доход, но только лишь финансовая независимость делает нас счастливыми?).

А вот с целеполаганием и собственной повесткой у нас проблемы — мы про-стат не готовы к такому будущему. Я люблю задавать людям вопрос — а что вы делали, если бы вам не нужно было зарабатывать деньги. Это очень сложный вопрос. Нас с детства учили «учись, или будешь голодать», «работай или будешь голодать». Как следствие, мы почти не можем выстроить прокативную позицию по отношению к миру. Наш мир — в большей степени мир наемных сотрудников, а не целеполагающих людей. У этого вопрос есть и следующий уровень сложности: а если все же я сам себе хозяин, то и вся ответственность на мне. Я смотрю сериалы дома после работы, а не помогаю детям в Африке не потому что мне самому нужно работать и зарабатывать деньги, чтобы не умереть, а потому что это мой выбор, и мне нужно его принять, так ведь? Ну а дальше есть третий уровень сложности — а если все же менять мир, то как? Все дороги открыты, что выбрать? Это проблема «Буриданова осла».

7. И какое же это будущее? Вечная дискуссия — идеалы против методов.

Желаемый образ будущего для всех разный, конечно, но мне, например, хочется формировать будущее, включающее ценности: выживание и развитие человечества, свобода выбора, разнообразие, уважение к человеческому достоинству и других. Но как нам совместить работу на все разные образы будущего? Тут стоило бы использовать принцип «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека». И это нас подводит к идее того, что не столько важны цели, идеалы, сколько методы, которыми мы к ним идем. Мораль идеалов приводит к тоталитаризму, мораль методов — к гуманизму. То есть важно какие ценности и методы мы используем сейчас при прототипировании этого будущего. Наша жизнь сейчас перетекает в будущее так, что мы и не замечаем.

Е. В. Желнина

ФАКТОРЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия; ezhelnina@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются результаты комплексного социологического исследования «Инновационная открытость» в части изучения барьеров для использования инноваций населением¹. В анкетировании приняли участие 704 респондента. Актуальность темы детерминирована зависимостью успешности внедрения инноваций от готовности и открытости отдельного человека принять ее, а также «бессубъектностью развития» государства и его отдельных институтов. Среди основных барьеров процесса освоения инноваций респонденты указали бюрократию и коррупцию (24 %); отсутствие государственной поддержки (20 %); недоработку и непродуманность самих инноваций (17 %); отсутствие информированности об инновационном развитии (16 %). Наиболее важный вывод исследования заключается в том, что основная масса барьеров и препятствий в процессе освоения и использования новшеств в жизни является сам человек, его опыт и отношение к окружающей действительности.

Ключевые слова: инновации, барьеры, препятствия, хабиитуализация инноваций, габитус, инновационная личность, инновационная активность

В современном обществе каждому человеку необходимо осваивать все новые и новые практики: технологические, коммуникационные, социальные, управленческие, культурные и т. д. Данный процесс является достаточно сложным, состоящим из нескольких этапов, сопровождающихся воздействием различного рода факторов и возникновением многочисленных проблем. Одной из значимых проблемных зон процесса освоения инноваций является фактор сопротивления новшествам, который может быть порожден различного рода причинами: психологическими и социальными, экономическими и производственными, политическими и правовыми. Кроме того, сопротивление инновациям может принимать различные формы: коллективную и индивидуальную. Также сопротивление новшествам может быть представлено в различных проявлениях:

¹ Материал подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003.

прямой отказ или латентное игнорирование. Упомянутые выше препятствия инновационного развития включены в группу субъективных и отличны от технологических, производственных, экономических и прочих. Именно барьеры инноваций, идущие от субъекта, деятеля, актора мы и будем рассматривать в данной статье.

Актуальность выбранной тематики обусловлена следующим. Во-первых, успешность внедрения инноваций как на производстве, так и в масштабах всего общества будет иметь успех не только от удачности, продуманности, своевременности самой инновации, но и от готовности и открытости отдельного человека принять ее. В случае неготовности либо нежелания субъектов инновации могут приживаться с большим трудом или быть вовсе бойкотированы. Во-вторых, современные исследователи отмечают отсутствие активного начала — сегодня в России фиксируется «бессубъектность развития» [1, с. 21], что приводит к «тяжелому комплексному кризису» [1, с. 9] государства. Указанные факторы детерминируют необходимость проведения социологического исследования инновационной открытости жителей Самарского региона в целях выявления субъективных механизмов сопротивления различного рода нововведениям и инновациям.

Исследование было проведено в ноябре 2016 г. методом анкетирования. Была применена квотная выборка, критериями отбора стали: пол, возраст, район проживания в Самарской области. Всего было опрошено 704 респондента. При допустимой ошибке выборки $\pm 4\%$ и доверительном интервале 97 % полученные результаты могут быть распространены на всю генеральную совокупность — трудоспособное население Самарской области. Результаты обрабатывались посредством программного обеспечения SPSS Statistic 2.0.

Опрашивалось трудоспособное население Самарской области. Минимальное значение возраста — 18 лет, максимальное — 69. Медианное значение в возрастном ряду — 44 года. Что касается распределения по возрастным группам, то полученные результаты во многом повторяют статистические данные по Самарскому региону. Распределение респондентов по полу также соответствует статистическим данным по структуре населения Самарской области: 54 % женщин и 46 % мужчин.

Что касается образовательного статуса респондентов, то большинство (52 %) имеют высшее образование, треть — среднее профессиональное, несколько больше 10 % в момент проведения исследования учились в высшем учебном заведении. Интересно, что два респондента из возрастной группы «50—59 лет» и четверо из группы «40—49 лет» на время проведения исследования также получали высшее образование.

Среди основных барьеров процесса освоения инноваций респонденты указали (подробнее см. рис. 1):

- бюрократия и коррупция (24 %);
- отсутствие государственной поддержки (20 %);
- недоработка, непродуманность самих инноваций (17 %);
- отсутствие информированности об инновационном развитии (16 %).

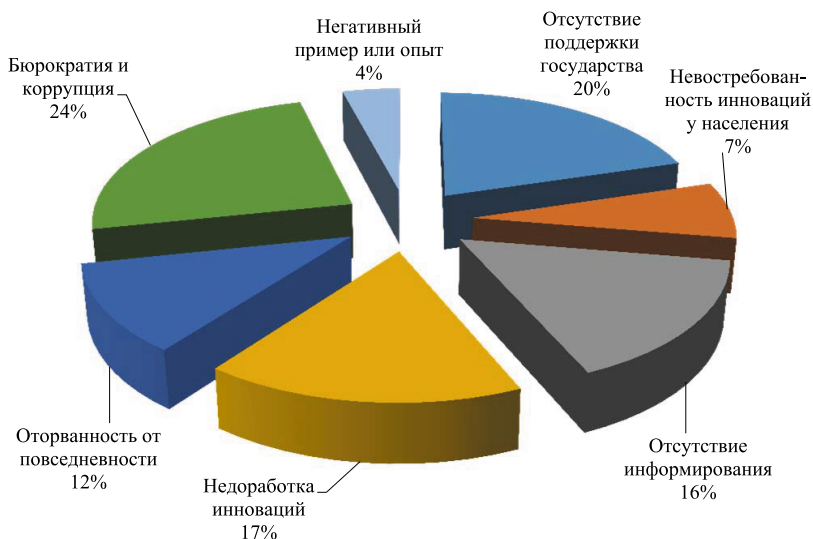

Рис. 1. Барьеры инноваций (по результатам социологического исследования)
Источник: составлено автором

Для более полного понимания сложившейся картины проведем более детальный анализ полученных результатов.

Известный французский социолог Пьер Бурдьё утверждал, что выбор стратегии поведения агентами (субъектами) по отношению к нововведениям обусловлен жизненным опытом и приобретенными в ходе социализации предрасположенностями, т. е. габитусом [2, с. 74]. Феномен габитуса может быть наполнен следующими выделенными в проведенном исследовании барьерами инноваций: 1) негативный пример или опыт; 2) отсутствие информирования; 3) оторванность от повседневности; 4) недоработка инноваций. Суммируя доли представленных барьеров получаем достаточно значительный процент (49 %) препятствий, связанных с субъектом-агентом. Важно отметить, что негативный пример или опыт является существенным барьером для освоения и использования новшеств для людей с высшим образованием, среднего материального достатка и в целом успешно адаптирующихся в стремительно меняющихся условиях окружающей их действительности.

Социокультурный подход, применимый нами в исследовании процесса хабиитуализации инноваций, позволил прояснить, почему, несмотря на создание всех необходимых условий для принятия и использования инноваций, агенты байкотируют или сопротивляются им. В данном контексте уместно вспомнить высказывание П. А. Сорокина: «изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и убеждениях и без предварительного психического изменения оно не может наступить» [3]. Именно оторванность от повседневности (12%), неумение и неспособность граждан использовать новшества является значительным препятствием для их использования. Интересно, что этот вариант оказался не популярен среди респондентов с высоким материальным достатком (0,3%), что может свидетельствовать о большей информированности и лучшей ориентированности представителей данной категории в потоке инновационных предложений.

Использование аксиологического подхода позволило нам определить и проанализировать ценности, которые накладывают отпечаток на процесс принятия новшеств. Ценности являются одним из наиболее важных факторов, детерминирующих процесс встраивания инноваций в повседневность современного общества. Э. Хаген, предлагая понятие «инновационная личность», указывал ее характерные особенности: любознательное отношение к миру, поддержка инноваций, творческий дух, стремление к новизне [4]. Отсутствие информированности агентов (16%) об инновационном развитии является свойством личности. Данное свойство прослеживается в выборе источников информирования (см. табл. 1).

Таблица 1. Источники информированию об инновациях

№ п/п	Источники информации	% от числа ответивших
1	Телевидение	41,03
2	Радио	2,56
3	Печатные СМИ	5,13
4	Интернет СМИ	34,07
5	Форумы, блоги, социальные сети	7,69
6	Родные, коллеги, друзья	7,33
7	Другое	2,20
	Итого:	100,00

Источник: составлено автором

Так, в нашем исследовании мы выделили активные источники информирования, свойственные именно «инновационной личности», инноваторам по духу. Это печатные СМИ, Интернет СМИ и отчасти — форумы, блоги, социальные сети. Данные источники предполагают непосредственную активность агента инноваций по поиску необходимой информации. Другая группа — пассивные источники информации, которые не предполагают какой бы то ни было активности субъекта.

Список источников

1. Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М. : «Когито-Центр», 2016.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

**О. Ю. Колесниченко, Г. Н. Смородин, Н. В. Присяжная,
Л. Л. Мякиньюкова, Ю. Ю. Колесниченко, Н. Д. Литвак**

ИОТ-СОЦИУМ: КАКОЕ ОБЩЕСТВО БУДЕТ ОБЪЕКТОМ ИЗУЧЕНИЯ?

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Юрьевна — кандидат медицинских наук, главный редактор Бюллетеня «Анализ безопасности», г. Москва, Россия; oykolesnichenko@list.ru, green-apple_2000@mtu-net.ru

СМОРОДИН Геннадий Николаевич — кандидат технических наук, MBA, руководитель Академического Партнерства Dell EMC в России и СНГ (Dell EMC External Research and Academic Alliances), г. Санкт-Петербург, Россия; gennady.smorodin@dell.com

ПРИСЯЖНАЯ Надежда Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования ФГБОУ ВО Первого Московского государственного медицинского университета им. Сеченова, г. Москва, Россия, niisocmed@mail.ru

МЯКИНЬКОВА Лидия Львовна — кандидат биологических наук, начальник отдела исследований научно-технической и инновационной деятельности в области биотехнологий, медицины и здравоохранения ФГБНУ НИИ Республиканского исследовательского научно-консультативного центра экспертизы Минобрнауки РФ, г. Москва, Россия; LLM@extech.ru

ЛИТВАК Николай — врач-кибернетик, ведущий редактор ГК «Ремедиум», г. Москва, Россия; grimoire@mail.ru, litvak@remedium.ru

Аннотация. Обозримое будущее для социума можно обозначить коротким выражением «Будущее — это Интернет вещей» (Internet of Things is the future). В настоящее время идеология IoT подкреплена всеми необходимыми техническими возможностями, чтобы все вещи, устройства и объекты могли быть соединены друг с другом в сети, формируя экосистему IoT как новую среду для жизни социума. Одним из трендов, меняющих экономику, будет массовое использование потребителями технологии 3D печати для изготовления нужных товаров / продуктов для себя (custom-ordered 3D products), что интуитивно еще в 80-х годах прошлого века предвидел Элвин Тоффлер, указав на новый принцип «prosumer» («producer / производитель» и «consumer / потребитель» в одном) со стиранием разрыва между производителем и потребителем. Данный общий технологический тренд проникает в здравоохранение и распространяется на уровень самообслуживания пациента. Облачные

технологии позволяют мониторировать медицинские показатели пациента вне медицинских учреждений, вся экосистема IoT выносит за рамки традиционного здравоохранения процессы обеспечения здоровья населения. Меняется сама суть понятия «пациент», и меняется масштаб понятия «социология медицины». Технологическую эволюцию в ближайшей перспективе можно представить цепочкой: информатизация — автоматизация — Digital трансформация и IoT — аналитика Больших данных — экспертная поддержка от AI — подключение человека к AR — управление процессами в режиме Context-as-a-Service. Здравоохранение меняет конфигурацию, все будет идти от человека, который будет не пациентом в стационаре, а субъектом социума (IoT-социума). Дисциплина «социология медицины» становится выше уровня таких новых и, казалось бы, релевантных прогрессу дисциплин, как персонализированная медицина и медицинская кибернетика и информатика. И то, и другое — лишь составные части общего. А общее — это всеобъемлющее обеспечение человека как единицы IoT-социума.

Ключевые слова: Интернет вещей, Internet of Things, IoT-социум, пациент, 3D печать, prosumer, Облачные технологии, Context-as-a-Service, социология медицины, социально-медицинская этика

Если искать ответ, каким наиболее емким определением можно обозначить обозримое будущее для социума, то этот ответ несет в себе короткое выражение «Будущее — это Интернет вещей» (Internet of Things is the future) [1]. Идеи общего использования вычислительных ресурсов по принципу системы коммунального хозяйства высказывались еще в 60-х годах прошлого века. В настоящее время идеология IoT подкреплена всеми необходимыми техническими возможностями, чтобы все вещи, устройства и объекты могли быть соединены друг с другом в сети, формируя экосистему IoT как новую среду для жизни социума. Влияние этого процесса на все области экономики, включая здравоохранение, и на общество как социальную систему, можно назвать преобразующим.

Фундаментальным основателем идеологии информационной эры по праву считают американского ученого Элвина Тоффлера (Alvin Toffler), который описал три периода в развитии человечества, обозначив их как три «волны» преобразований [2]. Первая волна — сельскохозяйственный уклад. Вторая волна — промышленная эра. Третья волна, нынешняя, является информационной. Информация и управление информацией составляют основу информационной эры. Сегодня необходимо анализировать новые тенденции, формировать «образ будущего», устанавливать ориентиры. Образ будущего дает социуму не только ощущение

стабильности, но и защищает социум от катастрофы, высвечивая риски и вызовы нового пути [3].

Согласно докладу McKinsey Global Institute [4], одним из трендов, меняющих экономику, будет массовое использование в ближайшем будущем потребителями технологии 3D печати для изготовления нужных товаров/продуктов для себя (custom-ordered 3D products). Это интуитивно еще в 80-х годах прошлого века предвидел Тоффлер, он указал на новый принцип «prosumer» («producer / производитель» и «consumer / потребитель» в одном) со стиранием разрыва между производителем и потребителем. Данный общий технологический тренд проникает и в здравоохранение, 3D печать на современном этапе занимает профессиональную нишу в высокотехнологичной медицинской помощи, а в ближайшем будущем она распространится и на уровень самообслуживания пациента.

Облачные технологии позволяют мониторировать медицинские показатели пациента круглосуточно и дистанционно, вне медицинских учреждений. Экосистема IoT подразумевает перенос всей диагностической базы в реальную жизнь пациента. Благодаря круглосуточному мониторингу медицинских параметров, экспертным алгоритмам оценки здоровья, заложенным в мобильные приложения различных smart-устройств или connected-устройств, вся экосистема IoT выносит за рамки традиционного здравоохранения процессы обеспечения здоровья населения.

Меняется сама суть понятия «пациент». И меняется масштаб понятия «социология медицины», так как социум в рамках принципа «prosumer» берет на себя обязанности по самообеспечению в профилактике, диагностике и контроле лечения заболеваний благодаря помощи экосистемы IoT. Впервые в истории можно говорить о том, что человек окружает себя полностью средой медицинского контроля. Это смещает акценты с вопросов организации здравоохранения на вопросы социальной самоорганизации и саморегуляции. Востребовано продумывание цифровой (Digital) стратегии с поиском направлений, способных разгрузить систему здравоохранения благодаря социальной самоорганизации, с созданием сервисов, способных дать приток новых финансовых поступлений в систему здравоохранения.

Основоположник российской школы социологии медицины академик А. В. Решетников, обозначая общество в качестве социокультурной системы, особо отмечает роль медицинской культуры [5], которая регулирует поведение людей, задает нормы и правила, мотивирует или налагает ограничения. Медицинская культура в основном распространяется на социальный институт медицины. Но сегодня социальный институт медицины становится все более размытым, переходя через Internet of Health в общее пространство IoT и IoT-социума. Значит и медицинская культура

приобретает иное, более значимое для социума значение, а также социальный кризис оказывает на институт медицины и медицинскую культуру намного большее влияние, чем раньше.

В основе социального института медицины находится пациент [6, 7]. В экосистеме IoT понятие «пациент» размывается и фактически теряет свои рамки, ограниченные временем пребывания в медучреждении. От простого «пациента», человек трансформируется в «Internet-пациента». Все больше людей вовлекаются в дополненную реальность (Augmented Reality, AR), пациент становится «Digital-пациентом». А далее ожидается некий кибернетический прорыв в технологиях, которые сегодня обозначают как NBIC-технологии (нано-, био-, инфо-, когно- конвергенция), либо GRAIN-технологии (генетика, робототехника, AI /Artificial Intelligence/ или искусственный интеллект, нанотехнологии) [8].

Конечная цель кибернетического прорыва — трансгуманизм (Transhumanism, Humanity Plus, кратко H+). Концепция H+ предполагает «совершенствование» человека — его интеллекта, физических возможностей, психологических характеристик, социальных аспектов — при помощи ИТ-технологий, электроники, дополнительных устройств и чипов, гаджетов, биотехнологий. Главным объектом преобразования в кибернетическом прорыве будет сам человек, поэтому медицина должна стать центральным и объединяющим звеном нового технологического уклада [8]. Трансформация человека неизбежно будет сопровождаться трансформацией социума и социальных взаимоотношений, из чего следует, что медицина становится центральным звеном не только для управления новыми технологиями, но и для управления социумом.

Технологическую эволюцию в ближайшей перспективе можно представить цепочкой: информатизация — автоматизация — Digital трансформация и IoT — аналитика Больших данных — экспертная поддержка от AI — подключение человека к AR — управление процессами в режиме Context-as-a-Service. С точки зрения медицины концепция Context-as-a-Service переворачивает здравоохранение образно «с ног на голову». Все будет идти от человека, который будет не пациентом в стационаре, а субъектом социума (IoT-социума), и на каждом его шагу будет выстраиваться и подстраиваться под него медицинское обеспечение Smart Health (Smart Home, Smart City, Smart Environment). Вот почему авторы смеют утверждать, что дисциплина «социология медицины» становится выше уровня таких новых и, казалось бы, релевантных прогрессу дисциплин, как персонализированная медицина и медицинская кибернетика и информатика. И то, и другое — лишь составные части общего. А общее — это всеобъемлющее обеспечение человека как единицы IoT-социума.

В целом социум уже претерпевает несколько трансформирующих его процессов, которые можно обозначить так: хаотизация, виртуализация и ускорение. От взаимодействия в контуре «People-to-IT» (люди управляют информационными технологиями) в будущем есть риск перехода к социуму с контуром «IT-to-People», когда технологии (искусственный интеллект) станут управлять людьми. И если этот сценарий кажется далеким будущим, то промежуточное состояние, с излишним директивным проникновением технологий в жизнь социума, может нести в себе риски дискриминации, потери прав и свобод, потери духовности и ценностей гуманизма, вплоть до полного разрушения кода цивилизации (расчеловечивания). Для противостояния этим катастрофическим сценариям необходимо формировать социальную этику и социально-медицинскую этику в качестве механизма контроля и сдерживания.

Список источников

1. Vermesan O., Friess P. Digitising the Industry. Internet of Things Connecting the Physical, Digital and Virtual Worlds // River Publishers Series in Communications. Vol. 49. River Publishers, Denmark-Netherlands, 2016.
2. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М. : АСТ, 2004.
3. Колесниченко О.Ю. XXI век: человеческое измерение и вызовы информационной глобализации. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015.
4. Manyika J., Ramaswamy S., Khanna S., Sarrazin H., Pinkus G., Sethupathy G., Yaffe A. Digital America: A tale of the haves and have-mores // McKinsey Global Institute Report. New York, United States. December 2015.
5. Решетников А. В. Социологическая теория общества и личности // Журнал «Социология медицины». № 1. 2004. С. 3—15.
6. Решетников А.В., Ефименко С. А. Социология пациента. М. : «Здоровье и общество», 2008.
7. Решетников А.В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Петров М. А., Исенов С. К. Медико-социологические исследования проблем здоровья: зона социальной ответственности // Журнал «Социология медицины». № 15 (2). 2016. С. 68—79.
8. Гринин Л.Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Конратьевские волны: наследие и современность: ежегодник / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Изд-во «Учитель», 2015.

Е. В. Масланов

КРАУДСОРСИНГОВАЯ ПЛОЩАДКА КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)

МАСЛАНОВ Евгений Валерьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия; evgenmas@rambler.ru

Аннотация. Применение новых технологий требует оценки их возможного влияния на различные стороны жизни общества. Технологические инновации в процессе своего использования обычными людьми могут изменяться. Эти изменения не всегда могут быть предсказаны экспертами. Для корректной оценки технологий они должны быть проанализированы не только экспертами, но и обычными гражданами. Поэтому необходимо проведение гуманитарной экспертизы новых, в том числе социальных, технологий. Для гуманитарной экспертизы необходимо привлекать «обычных» людей. В настоящее время созданы краудсорсинговые платформы, на которых «человек с улицы» может решать задачи по разработке новых предложений в различных областях жизни общества. Эта технология достаточно активно используется бизнес-сообществом. В последнее время в РФ она несколько раз применялась для оценки проектов законов, разработки программ оптимизации работы учреждений здравоохранения и других проектов. Использование технологии краудсорсинга в процессе гуманитарной экспертизы новых технологий позволит создать инфраструктуру для массового участия граждан в деятельности по оценке технологических решений, в том числе и социальных технологий.

Ключевые слова: краудсорсинг, гуманитарная экспертиза, новые технологии, Интернет

Развитие технологий и переход к новому технологическому укладу остро ставят вопрос о необходимости экспертизы внедряемых в жизнь инноваций. Новые, в том числе социальные, технологии обладают колоссальной сложностью, а поэтому предполагается, что оценить их может лишь профессиональный эксперт. Он должен быть хорошо знаком с областью знаний, к которой принадлежит технология, способен анализировать её влияние на социальное, экономическое, культурное развитие общества, оценить этическую составляющую её применения.

Иногда в результате использования технологий обывателями она может претерпеть изменения, которые не предполагались в процессе

её создания. Технологии и технические приспособления могут становиться «текучими». К примеру, зимбабвийский водяной насос становится успешной технологией потому, что это изменчивая технология. «Если бы технология была жесткой, — пишет Дж. Ло, — ... тогда бы насос и близко не был бы столь успешным, каким он является в действительности. Его текучесть, способность изменять форму и переделывать свой контекст оказывается ключом к успеху» [1, С. 170]. В итоге можно выделить две серии рисков связанных с новыми технологиями: риски, поддающиеся профессиональной оценке, и риски, которые могут возникнуть в процессе «неожиданного» использования технологии, её изменения в конкретных условиях функционирования.

Изменения, которые вносят в технологию «непрофессиональные» пользователи, вряд ли может предвидеть эксперт. Основываясь на профессиональной точке зрения, он может проанализировать стандартные риски, связанные с применением инноваций. Для анализа рисков связанных с «неожиданным» использованием или изменением технологий ему необходимо перестать быть экспертом, занять точку зрения «человека с улицы». Для оценки таких рисков необходима гуманитарная экспертиза технологий, их оценка с позиции жизненно-обиходного знания. Для неё важно «чтобы человек сам, и притом осознанно, мог участвовать в принятии затрагивающего его решения» [2, С. 190]. Гуманитарная экспертиза должна постараться предсказать «неожиданные» последствия внедрения новых, в том числе и социальных, технологий, показать каким образом они могут применяться в различных контекстах, постараться выделить «слепые» зоны, которые не могут быть описаны экспертами.

Вовлечение «человека с улицы» в деятельность по оценке технологий может вызывать трудности. Если непрофессионал непосредственно участвует в работе группы, связанной с оценкой технологий, он затрачивает время как на знакомство с ними, так и на непосредственное взаимодействие с участниками группы, часть из которых является экспертами. «Обыватель» оказывается в ситуации, когда его деятельность имеет строгие временные рамки. Он находится под непосредственным контролем экспертов. Они могут вынести вердикт о том адекватно или нет он оценивает технологии, возможности их применения и последствия с этим связанные. Все это затрудняет непосредственное участие «человека с улицы» в оценке технологических решений и социальных инноваций.

В настоящее время в сети Интернет создаются интерактивные площадки, на которых решаются различные творческие задачи не только экспертами, но и обычными людьми. Они работают на основе технологии краудсорсинга, т. е. мобилизации ресурсов и усилий людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед раз-

личными социальными акторами и обществом в целом. Эта технология активно применяется бизнес-сообществом. По данным платформы eYeKa.com, позиционирующей себя как «глобальное сообщество талантливых авторов, любящих решать сложные задачи для разных брендов благодаря своему мышлению, творческим идеям и увлекательному контенту», количество обращений ведущих мировых компаний для проведения краудсорсинговых проектов с 2013 по 2015 год выросло более чем на 60 % [3, р. 6]. В России проекты в области краудсорсинга активно реализуются «Сбербанком», «Аэрофлотом», «Росатомом» и другими компаниями.

Технология может использоваться для проведения экспертизы проектов предлагаемых органами власти. В России было реализовано несколько проектов ориентированных на вовлечение граждан в экспертизу и оценку законопроектов. В Интернете проводилось обсуждение проектов федерального закона «О полиции» и «Об образовании в Российской Федерации». В настоящее время на платформе <http://edu.crowdexpert.ru> проводится «общественная экспертиза нормативных документов в области образования» [4] и проектов в области образования. В обсуждениях можно оставлять комментарии и вносить предложения по усовершенствованию проектов. На портале <http://sntr-rf.ru> проводились дискуссии связанные с разработкой «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Создатели портала рассчитывали на то, что на площадке «будут обсуждаться наиболее значимые вопросы Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Здесь можно будет высказать мнение, поделиться идеями, открыть обсуждение по интересующим вопросам государственной научной политики, обменяться полезной информацией. Все предложения будут учтены при разработке Стратегии» [5]. Реализовывались проекты по экспертизе и улучшению работы отдельных элементов системы здравоохранения и ряд других проектов. В работе этих проектов приняло участие более 130 тысяч человек.

Использование технологии краудсорсинга в процессе гуманитарной экспертизы новых технологий позволит создать инфраструктуру для массового участия граждан в деятельности по оценке технологических решений, в том числе и социальных технологий. Создание таких платформ в сети Интернет позволит любому заинтересованному лицу в удобное для него время участвовать в экспертизе новых технологий. В результате можно получить относительно массовый анализ новых технологических решений не только с позиции экспертного знания, но и с точки зрения жизненно-обиходного знания. Это даст возможность учесть мнения возможных потребителей технологий или объектов их воздействия в процессе их внедрения в общественную жизнь, что позволит оптимизировать процесс внедрения и функционирования технологий. В итоге

можно будет установить баланс между профессиональной экспертизой и массовой предварительной оценкой технологий, что улучшит качество технологий и общественной жизни. «Качество любой культуры и цивилизации, — пишет А. Герц, — зависит от динамического равновесия, которое она способна создавать между интуитивным жизненно-обиходным знанием и знанием формализуемым, научным. Это качество зависит от синергии, позитивного взаимодействия, устанавливающегося между развитием того и другого» [6, С. 111].

Список источников

1. Ло Дж. Поле метода: беспорядок и социальная наука. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. Юдин Б. Г. Необходимость и возможность гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 187—194.
3. The State of Crowdsourcing in 2016.
4. <http://edu.crowdexpert.ru> (дата доступа 20.02.2016).
5. <http://sntr-rf.ru/about/> (дата доступа 20.02.2016).
6. Герц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : Изд. Дом Гос. Ун-та Высшей школы экономики, 2010.

М. И. Черепанова

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ КАК ПРОГНОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

ЧЕРЕПАНОВА Мария Ивановна — доцент, доцент социологического факультета АлтГУ, г. Барнаул, Россия; cher_67@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты мониторинга проблем гражданской и этнической идентичности населения приграничных регионов России. Описана специфика отношения к мигрантам. Выявлен потенциал толерантности к приезжему иноэтничному населению. Определены региональные отличия прогнозов межнациональных отношений, основанных на миграционных процессах. Выявлены социальные индикаторы, обуславливающие специфику отношения к мигрантам. Доказана возможность использования данных мониторингов для социального контроля межнациональной безопасности региона.

Ключевые слова: миграция, мигранты, национальная безопасность.

Современное развитие общества, социологи все больше характеризуют, как сложную, нелинейную глобальную бифуркацию, провоцируемую большим количеством разнонаправленных социальных рисков. По образному выражению П. Штомпки, «настоящая современность стала слишком пугающей» [1]. Одним из самых драматических экзистенциальных рисков, является суицидальный риск. На наш взгляд, суицидальный риск, это вероятность совершить фатальный суицид, в основе которого лежит низкая вероятность или полная невозможность реализовать те компоненты социального благополучия, субъективная значимость которых слишком высока. При этом, по нашему мнению, роль современной социологической науки, заключается в соединении воедино сложной теоретической трактовки мира с реальными социальными практиками, в нашем случае с вероятностью проявления суицидального поведения. Оценка траектории воспроизводства суицидального риска, на наш взгляд, является ярким прогнозным индикатором социального неблагополучия того или иного региона, социальной группы или социального субъекта. В данной статье представлены результаты исследования суицидального риска в Сибирском федеральном округе, так как по оценкам федеральной государственной статистики, в 2014—2015 г.г. уровень законченных суицидов превысил критический в 2 и более раза, а в некоторых территориях, например в р. Бурятии достиг наиболее высоких беспрецедентных уровней. Автором

представлен фрагмент массива данных широкомасштабного социологического исследования в контексте воспроизводства суицидального риска следующих регионов: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область, республика Бурятия. Выбор данных территорий обусловлен тем, что с одной стороны здесь представлены приграничные регионы, где происходит суммация социальных рисков, опасностей и угроз, а с другой стороны, выбранные территории, на наш взгляд имеют определенную специфику различных административных образований Сибирского Федерального округа (республика, край, область). Таким образом, возможно, не только изучить общие закономерности воспроизводства суицидальных рисков, но и выявить региональную специфику разных административных образований данного социального явления. В связи с этим нами была проанализирована роль социально-экономических условий, выявлены субъективные оценки населением Сибирского Федерального округа своего благополучия и определен их вклад в формирование шансов для роста суицидальных настроений в регионе. По данным официальной статистики в 2015 г. уровень безработицы в приграничных исследуемых территориях Сибирского федерального округа фиксировался примерно на треть выше, чем в среднем по России [2]. По данным анализа полученных результатов, во всех территориях отмечается линейная зависимость уровня фатальных суицидов от количества безработных в регионе. Выявлена статистически значимая связь допустимости суицидов в Алтайском крае, Новосибирской области в зависимости от длительности безработицы ($p < 0.001$) [4]. Согласно анализу наших данных мужчины преобладают в группе длительно безработных, но не имеющих статуса безработного и не стоящих на бирже труда. Именно данная категория населения более подвержена латентному риску суицидального поведения, что подтверждается данными статистики совершенных суицидов в различных регионах России, в том числе в СФО. Каждый второй житель СФО имеет опасения и тревогу, связанную с возможностью потери настоящей работы. Опасения безработицы обусловлены объективными причинами — плохое экономическое положение предприятий, что отражает экономическую депрессивность регионов. Пятая часть сибиряков выражает справедливое опасение не найти в последующем работу. Вызывает пессимизм тот факт, что население региона среди причин тревог потерь рабочего места выделяет множество субъективных факторов — таких как семейные обстоятельства, квалификация, здоровье, межличностные отношения и др. Таким образом, можно констатировать наличие выраженного стресса у значительной части населения Сибири, не благоприятности своего будущего, что значительно снижает ее адаптивные резервы. Известно, что ожидание негативного события в некоторых ситуациях действует более разрушительно на эмоцио-

нально — психическое здоровье личности, чем само событие. На примере населения Красноярского края показано, как уровень тревоги, связанный с опасением потерять работу способен повысить толерантное отношение к суициду. Удовлетворенность профессиональной деятельностью вносит значительный, иногда решающий вклад в общую удовлетворенность жизнью, создает основу для ощущения благополучия. Среди респондентов СФО удовлетворены своей работой и карьерой только 40 % респондентов. Главными факторами, снижающими базовую удовлетворенность карьерой, являются, недовольство заработной платой (каждый второй). Часто испытывают чувство обиды, от того, что карьера недостаточно успешна 22 % жителей. Большинство жителей Сибири считают, что достойны более высокого социального положения. Половина населения испытывают большие перегрузки, усталость в процессе работы, которые никак не соответствуют получаемой зарплате. Выявленные тенденции особенно ярко проявляются у мужского населения среднего возраста (30—50 лет). По данным статистики самоубийств в Российской Федерации, выявленная когорта населения представляет самую многочисленную среди законченных суицидов [3]. Доказан рост толерантности к суицидам населения Новосибирской области в зависимости от отношения к своей заработной плате ($p \leq 0,001$). Согласно данным опроса, можно констатировать, что финансовых средств хватает только на продукты питания и оплату коммунальных услуг — у пятой части опрошенных. Данные группы населения можно отнести к категории высокого суицидального риска. В среднем каждый 8-й житель СФО считает, свой доход гораздо меньше, чем у других, что усиливает ощущение своей ущербности, материальной несостоятельности ($p \leq 0,0001$). Выявлен суицидальный риск в зависимости от растущего ощущения неопределенности в будущем. Выявленная тенденция особенно показательна для республики Бурятия, где определяется наивысший уровень суицидов во всем СФО. В целом, более трети представителей населения СФО не уверены в завтрашнем дне. Ситуация крайней нужды значительно усиливает суицидальные настроения жителей Красноярского края, так 8 % респондентов согласились с утверждением «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг», из них 30 % допускают для себя возможность суицида ($p \leq 0,09$). Согласно результатам исследования, подавляющее число сибиряков (около 80 %) испытывают социальную фрустрацию, все более растущее несоответствие желаемого социального, экономического статуса тому, который имеют в действительности. Следствием выявленных тенденций, является рост социальной апатии. Более трети жителей исследуемых приграничных регионов Сибири констатировали

«В последнее время меня ничего не радует», с вопросом «Если жизнь бессмысленна, то незачем жить» согласились 22 % жителей [4].

Выявленные установки имеют ярко выраженный суицидогенный характер. Суицидальный риск у населения во многом связан с отношением к своему будущему, неблагоприятным прогнозам относительно разных аспектов жизнедеятельности, в частности своего материального положения ($p \leq 0,002$).

Согласно результатам опроса, каждый второй житель сибирского приграничья ощущает рост социально-экономической нестабильности, непредсказуемости жизни в своем регионе. Данные тенденции выявлены среди всех изученных регионов СФО [4]. Так как существует линейная и достоверная зависимость суицидогенности от негативных субъективных оценок качества своей жизни, как несоответствующего желаемому и достойному, допустимость суицидов при низкой оценке качества своей жизни значительно возрастает ($p \leq 0,000$). В целом, полученные данные позволяют прогнозировать, что около 10% населения СФО могут совершить суицидальные попытки в ближайшем будущем. Таким образом, исходя из вышеизложенного, социальное прогнозирование и социальный контроль неблагополучия региона, должен опираться на всесторонний анализ вероятности суицидального риска и его возможную минимизацию.

Список источников

1. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с польского С. М. Червонной. М. : Логос, 2005.
2. Официальная статистика. Занятость и безработица [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 8.05.17).
3. Официальная статистика. Население. Демография. Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 8.05.17).
4. Черепанова М. И. Модели воспроизводства суицидального риска в приграничных регионах России : дисс. ... докт. соц. наук. СПб., 2016.

Т. В. Черепанова

НЕГАТИВНЫЕ СМЫСЛЫ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ КАК ФАКТОР КАТАСТРОФИЧЕСКИХ ОЖИДАНИЙ: ОПЫТ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

ЧЕРЕПАНОВА Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики Филаиала МГУ им. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Россия; cherepan71@rambler.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос формирования комплекса тревожных ожиданий в обществе, в котором одну из основных ролей играют средства массовой информации. В процессе подготовки плодотворной почвы для принятия обществом политических, экономических, управленческих решений активно используются возможности средств массовой информации, зачастую применяющие манипулятивные технологии для подготовки общественного мнения к инновациям. В информационном потоке современных медиа сообщения с негативной и агрессивной лексикой присутствуют достаточно регулярно, однако ее количество возрастает в отдельные периоды. Большой массив негативной информации и агрессивной риторики делает общественную психику уязвимой. Массовое сознание погружается в иррациональное состояние ожидания катастрофических событий, где негативный финал абсолютно очевиден. В этих условиях общество готово принять избавителя от гнетущего дискомфорта в виде харизматического лидера, чей образ должен точно соответствовать образу мифологического героя.

Ключевые слова: медиасообщения, негативные смыслы, катастрофические ожидания, харизматический лидер

Современный политический медиа-дискурс содержит большое количество негативных сообщений в отношении России и ее граждан. При постоянной трансляции негативных оценок России и русских как исторического этноса, рано или поздно в общественном сознании сформируется картина враждебного окружения. СМИ играют главную роль в формировании образа враждебного окружения нашей страны, повышают уровень тревожности, ожидания агрессии в отношении России, тем самым формируют в общественном сознании установки неизбежности катастрофы.

Эти установки пробуждают архетипические образы героя, сильного лидера, способного сплотить вокруг себя общество для скорейшей победы. В этих условиях общество ищет опору внутри себя, идеи, элиты, лидера, сплаци-

вающих его во имя единства, в противостоянии внешнему миру. Объяснить этот феномен можно опираясь на концепцию социальных потребностей А. Маслоу, в которой социальное одобрение действий индивида со стороны значимых людей или сообществ, стоит на одном из важных мест в определении жизненных ориентиров индивида [1]. Экстраполируя данную концепцию на социум, можно предположить, что общество прислушивается к мнению других, значимых для него сообществ и его оценка воспринимается как способ самоутверждения общества в своих действиях. Так, негативные оценки действий внешнеполитического курса страны и деятельности политического лидера, имеющего высокий уровень поддержки внутри страны, приводят к реакциям общества в виде напряженного ожидания катастрофы. Это инициирует интеграционный процесс как способ утверждения единства и сплоченности общества в агрессивной внешней среде.

Другой механизм развертывания комплекса катастрофического ожидания лежит в негативном опыте и историческом прошлом народа. Общество, в чьей ментальной памяти имели место трагические события, с напряженным вниманием всматривается в текущие политические события, выискивая в них признаки прежнего опыта. Так, по некоторым косвенным признакам общество в состоянии тревожного ожидания определяет потенциал негативного развития ситуации, некогда уже имевшей место в истории народа. Этот механизм обусловлен ментальной памятью народа, закрепленной в её генетическом бессознательном. Соответственно, тревожность находится в более напряженной форме в культуре русского народа, имевшего в своей истории многократный опыт агрессии со стороны других стран. Ряд исследователей определяют данный феномен как закрепленный в архетипах, актуализирующийся в критические периоды или в условиях неопределенности и тревожного ожидания. Катастрофическое ожидание становится решающим для развертывания многих социальных процессов.

Медиа формируют реальность, которая может как воспроизводить реальность действительную, так и формировать иную, по определенному алгоритму. Современные медиа способны эффективно формировать мнение и поведение общественности не только своих стран, но и оказывают влияние на те страны, на которые распространяется их информационное воздействие. Эти задачи СМИ решают за счет отбора новостного потока, его обработки и интерпретации. СМИ изменяют свою традиционную роль по уменьшению неопределенности с помощью информирования, на обратную — повышение неопределенности в условиях увеличения количества информации, но с определенной её модификацией.

Для определения степени влияния медиа сообщений на формирование катастрофических ожиданий контекстуальному анализу под-

верглось 90 выпусков новостей десяти федеральных телевизионных каналов России в период с начала сентября по конец ноября 2016 года. В сюжетах новостей выявлялось присутствие негативных высказываний. В качестве несущих угрозу были определены четыре блока: Россия представляется врагом стран западного мира; негативные оценки нашей страны и россиян; угрозы и порицания наших действий; появившееся недавно в лексиконе тележурналистов упоминание о ядерной войне в разных интерпретациях.

В ежедневных новостных выпусках, а также в еженедельных информационно-аналитических программах было зафиксировано в среднем 2,7 сюжетов содержащих искомые индикаторы. Эти новостные сюжеты, как правило, касались текущих мировых событий, тем или иным образом затрагивающих Россию и ее народ. Так, в первые две недели сентября большое количество тем посвящено дисквалификации наших олимпийцев и отстранением параолимпийцев от Олимпиады в Рио-де-Жанейро. Также сентябрь 2016 года запомнился очередными санкциями, обвинениями Российских ВКС в бомбежках Сирийских городов. В октябре накаляется президентская борьба за президентское кресло в США. Борьба кандидатов выстраивалась вокруг российского вопроса, оба кандидата использовали образ России для позиционирования своих президентских курсов. Позиция Х. Клинтон явно выстраивалась на агрессии в отношении России, что естественным образом оттолкнула от нее российское общество. Журналисты, демонстрируя позиции кандидатов, комментировали и подчеркивали ее угрозы развязать военное противостояние с Россией. В этот период в сообщениях отмечается самое высокое содержание агрессивно окрашенных посланий, общее настроение и тревожность возрастает максимально именно в октябре на пике предвыборной кампании США.

Надо отметить, что сюжеты, содержащие искомые индикаторы, как правило, находятся в новостной повестке на 2—3 позициях и никогда на первых и последних местах. Это дает возможность предположить, что перед журналистами не стоит задача максимально воздействовать на картину миру общества.

Общество достаточно ярко демонстрирует развертывание комплекса катастрофических ожиданий, зафиксированных в исследованиях ВЦИОМ и ФОМ в тот период. Исследование общественных настроений, проводимые социологами этих организаций выявляют рост в осенние месяцы 2016 года тревожности россиян на фоне усиления страхов перед развертыванием вооруженного конфликта России с другими странами. При этом заметны позитивные сдвиги в поддержке внешнеполитического курса России, отраженные в соответствующем исследовании [2]. По опросам

ФОМ также можно проследить усиление негативных высказываний населения об отношении других стран к России в конце 2016 году по сравнению с показателями 2015 года [3]. Эти данные позволяют предположить, что увеличение в медиа сообщениях числа негативных высказываний в отношении России, ее народа и правительства, влечет ухудшение общего настроения россиян, вызывает рост тревожности и как следствие усиление катастрофических ожиданий среди россиян.

Список источников

1. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. Мастера психологии. СПб., 2013. Материалы размещены на сайте Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov/.
2. Материалы размещены на сайте Фонда Общественное Мнение (ФОМ) [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/>.

М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова

БУДУЩЕЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЕХНОКРАТИЗАЦИИ И ГУМАНИЗАЦИИ?

БУРЛУЦКАЯ Мария Георгиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии медицины УГМУ, руководитель новационных проектов Фонда «Социум», г. Екатеринбург, Россия; mary-bu@yandex.ru

ПЕТРОВА Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, проректор по научной и инновационной работе ЕАСИ, г. Екатеринбург, Россия; docentpetrova@gmail.com

Аннотация. Медицина и здравоохранение, как и другие социальные институты, в настоящее время находится под мощным влиянием техногенных факторов развития общества. Но в профессиональном сообществе сильны ценности гуманизма и тренды гуманизации и технологизации воспринимаются как альтернативы. На данных исследований мы анализируем восприятие этого противоречия медицинскими работниками.

Ключевые слова: социология медицины, будущее здравоохранения, социология профессий

Медицина и здравоохранение, как и другие социальные институты, в настоящее время находится под мощным влиянием техногенных факторов развития общества. Но специфика здравоохранения как социального института заключается в том, что само его возникновение и развитие связано с идеями гуманизма и милосердия. Первые учреждения здравоохранения появляются в рамках благотворительной деятельности монахов или монархов [1].

Сама профессия врача — а это одна из так называемых «классических» профессий — корпораций с четкими признаками социальной закрытости и ценностной, идейной определенности — формируется вокруг идеи помощи тем, кто в ней нуждается. Неслучайно в медицинском сообществе такое сопротивление вызывает разговор о медицинских услугах, привычно и идейно ближе «медицинская помощь» [2].

Гуманистическая направленность сохраняется у здравоохранения на протяжении столетий, даже институционализация института и государственное его регулирование существенно не изменили гуманитарную суть института здравоохранения и профессии врача. Очевидно, при этом, что, как и в любой другой профессии, в работе врача есть технологическая составляющая, которая характеризует использование разнообразных

средств труда (технологий, методов, инструментов, техники, информации, убеждения, внушения и т. д.). В последние десятилетия развитие медицинских технологий шло такими мощными темпами, что будущее медицины нередко стало прочно связываться именно с технологическим прогрессом. Именно такое понимание, преувеличение роли техники и технологий в развитии социальных процессов, в частности, медицины, вкладывается в понятие технократизм [3].

При этом мы отдаем себе отчет в условности противопоставления технократизации и гуманизации. Конечно, эти два тренда вполне сочетаемы, но пока их воспринимают как противоречащие друг другу, в чем-то альтернативные, сами медики, а отчасти — и пациенты [2]. Общие с пациентом, внимание к нему, интерпретация его ощущений — против обследований, использования компьютеризированных баз данных и рекомендаций диагнозов и лечения на основе bigdata. До сих пор представление о том, что гуманитарная экспертиза пациента — атрибут любого врачебного действия, крайне мало распространено. Профессионалы считают, что она должна быть, но в реальности такая практика отсутствует [4].

Мы провели несколько исследований, в ходе которых выясняли отношение медицинского сообщества к технократизму и гуманизации медицинской сферы. А именно: анкетный опрос врачей в Свердловской области 2014 года (объем выборки 472, выборка квотная по типу ЛПУ и врачебной специальности), анкетные и он-лайн опросы студентов УГМУ (2014—2016 гг., общий объем выборки 829 человек). Данные получились вполне сопоставимыми. Вопрос задавался один и тот же: «В современной медицине сочетаются две тенденции — технократизма (новые технологии, препараты, стандарты и пр.) и гуманизации (возможность и умение выслушать пациента, оценить его индивидуальную ситуацию и пр.). Охарактеризуйте свое отношение к этим процессам». Данные представлены в Таблице 1.

Наше исследование зафиксировало очевидное противоречие в оценках технократизма и гуманизации в современном отечественном здравоохранении. В гуманизации, по общему убеждению профессионалов, заинтересованы в первую очередь пациенты. И сами медики, в целом, готовы соответствовать именно этой тенденции. Здесь существенно отличается мнение студентов-первокурсников — их нередко очаровывает именно технологическая сторона медицины, но к выпускному курсу гуманистически стандарты профессии начинают преобладать.

В тоже время, поражает общая уверенность в том, что преобладающий тренд развития медицины — именно технократичный, в технологиях заинтересованы ЛПУ и здравоохранение в целом, за ними — будущее.

Таблица 1. Отношение врачей и студентов-медиков к процессам технократизации и гуманизации здравоохранения

	первокурсники		выпускники		врачи	
	Техно-кратизм	Гумани-зация	Техно-кратизм	Гумани-зация	Техно-кратизм	Гумани-зация
Важно для пациентов	15,2	84,8	14,7	85,3	15,1	85,0
Важно для меня лично как для врача / будущего врача	41,5	58,6	38,3	61,7	28,6	71,4
Этого больше в здравоохранении	72,2	27,8	79,0	21,0	79,8	20,3
Это важно для ЛПУ	83,9	16,1	88,7	11,3	81,0	19,0
За этим будущее медицины	86,7	13,3	75,3	24,7	76,1	23,9

Таким образом, специалисты-медики фиксируют технократизацию здравоохранения как общий тренд. Для студентов более очевидно, что за этим — будущее. Но при этом собственные интересы и устремления все категории работников здравоохранения — и текущие, и будущие — связывают с гуманизацией. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии интериоризации профессионалами современной модели оказания медицинской помощи, об определенной (явно в сторону гуманизации) оценке эффективности своей работы, но слабыми возможностями реализовать такую ценностную установку, поскольку она противоречит общему направлению развития медицины.

И в этом, как представляется — источник будущих противоречий и сложностей. Будет ли сопротивление технологизации здравоохранения в медицинском сообществе? Отчасти оно уже происходит. Отчасти, хоть это и не артикулируется и, вероятно, четко не осознается самими врачами или студентами медвуза, технократизация медицины может восприниматься как угроза профессиональному статусу, угроза стандартизации медицинской помощи и сопутствующего обесценивания профессиональной квалификации медицинских звезд. Гуманизация, помимо прочего, подтверждает важность личности врача, индивидуализации подхода к каждому конкретному случаю, что противопоставляется стандартиза-

ции медицинских услуг и силе диагностических приборов. То есть тренд гуманизации может усиливаться в ответ на наступления техногенной эры.

Отдельным кейсом для рефлексии служит описание будущего медицины, представленное в «Атласе новых профессий», подготовленном Агентством стратегических инициатив и Фондом «Сколково» [5]. Из 16 описанных в режиме форсайта медицинских профессий только 4 не будут технологически и технически зависимы: консультант по здоровой старости, биоэтик, проектант жизни медицинских учреждений, R&D менеджер здравоохранения. Возможно, технократизация и гуманизация — еще один фактор специализации в медицине, но можно ли специализировать гуманизм?

Очевидно, что говорить о будущем здравоохранения невозможно без нахождения баланса между двумя трендами, но пока они в медицинском сообществе воспринимаются как оппозиции.

Список источников

1. Кузьмин К. В. История социальной работы за рубежом и в России. Екатеринбург, 2011
2. Кузьмин К. В., Семенова (Павленко) Е. В., Петрова Л. Е., Закроева А. Г. Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее, будущее (исторический и медико-социологический анализ). Екатеринбург, 2016.
3. Петрова Л. Е., Кузьмин К. В. Технократизм и гуманизация в профессиональной деятельности врача в современном российском обществе // Самореализация личности в современном социуме. Сборник научных трудов по материалам IV международного форума «Духовная самореализация личности в современном социуме». 2015. С. 125—129.
4. Петрова Л. Е. Гуманитарная экспертиза пациента: реальность теоретического конструкта // Политика и общество. 2013. № 10. С. 1224—1230.
5. Атлас новых профессий. М., 2015. Режим доступа: <http://atlas100.ru/catalog/>.

А. С. Готлиб

КАЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ?

ГОТЛИБ Анна Семеновна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского НИУ им. С. П. Королева, г. Самара, Россия; annagotlib@mail.ru

Известно, что *классическая социология* на своем эмпирическом уровне самым тесным образом связана с прогнозированием как с областью практического использования ее результатов. Собственно, определение «*научное прогнозирование*» как новый тип предвидения социальных процессов в отличие от предшествующих прогностических моделей, сконструированных массовым мистическим, мифологическим и теологическим сознанием на разных этапах развития человеческой цивилизации [1, с. 20], как раз и фиксирует эту связь. Вместе с тем, в этой связке «социология — прогнозирование» не все так гладко.

С одной стороны, классическая социология как нововременная форма научного знания с его «заряженностью» на преобразование, на овладение миром, на его контроль, «заточена» на практическую полезность полученного знания вообще и возможность создания научных прогнозов как «вероятностных утверждений о будущем с относительно высокой степенью достоверности» [1, с. 30], в частности. С другой стороны, прогнозирование, на мой взгляд, — достаточно тяжелая ноша для социологии не только потому, что достаточно трудно получить достоверное знание, лежащее в основании надежных прогнозов [2, с. 41]: достоверное знание необходимо, так как значительное количество методов научного прогнозирования использует простую или сложную экстраполяцию, представляющую собой перенос тенденций, выявленных сегодня, на ситуацию в будущем. В этой связи достоверность социологической информации, используемой для целей прогнозирования, трудно переоценить. Вместе с тем и сама социологическая наука в своей предметной и методической ипостасях обладает ограниченными возможностями для прогнозирования: частые претензии к социологии, время от времени вспыхивающие, в российском и других обществах, когда, например, *реальное электоральное поведение людей не совпадает с прогнозами*, причем с идентичными прогнозами, сделанными разными социологическими фирмами по одному и тому же поводу, во-многом объясняется, на мой взгляд, именно этим.

Каковы же эти ограничения? Прежде всего, социология, как известно, изучает «*вербальное поведение*», а не реальное. Предметом социологиче-

ского исследования в этом случае выступают *социально-психологические установки* изучаемой социальной группы на поведение в ситуации того или иного выбора. Известно, и это доказано знаменитым экспериментом Лапьера, что между социально-психологическими установками личности и ее реальным поведением лежит дистанция огромного размера: если верить диспозиционной системе регулирования социального поведения личности, поведение людей особенно в ситуации значимого выбора детерминируется не только диспозициями определенного уровня, *но всей системой диспозиций личности*, включая и ее ценностные ориентации [3]. Проблема в том, что именно ценностные ориентации как раз и не изучаются в большинстве случаев в электоральных исследованиях, результаты которых используются в прогнозировании.

Еще одно ограничение, обусловленное спецификой социологического знания, заключается в том, что социология в своих массовых опросах ориентирована на изучение только рациональной сферы человека, его рационального обоснования своего выбора в той или иной области. В то же время поведение, экономическое, политическое, досуговое, семейное и пр., в определенной мере обусловлено и иррациональными, (интуитивными) факторами, эмоциями, традиционно не входящими в предметное поле социологической науки. Социология, использующая массовые опросы, кроме того обречена на довольно редкие, но все же имеющие место быть уникальные ситуации. Уникальность их состоит в том, что значительное число респондентов в процедуре общения с интервьюером говорят заведомую неправду, становятся массово неискренними по тем или иным соображениям: такая ситуация была зафиксирована, например, в России, в 1994 году в процессе выбора в Государственную Думу. Тогда результаты прогноза и реальное электоральное поведение россиян резко разошлись [2, с. 28].

Качественная методология социологического исследования с ее антинаучным (речь идет о неприятии нововременной формы научного знания) и антивластным пафосом, с ее гуманистической идеологией, принципиально отвергающей участие социологии в контроле над людьми, на мой взгляд, занимает *двойственную позицию* по отношению к управлению социальными процессами и прогнозированию как его основы. Принципиально, провозглашая индетерминизм, рассматривая социальную реальность как результат человеческих взаимодействий, живую социальную ткань, некий кубик Рубика, каждый раз новый, качественная методология противостоит жесткости социального порядка и потому *отрицает возможность «работы» на задачи управления, а значит и прогнозирования*. Вместе с тем, и практика это убедительно показывает, научно ориентированные качественные исследования, претендующие

на обоснованное научное понимание социальных процессов, могут использоваться в практических управленческих, а значит и прогностических целях [4, с. 150]. Правда, у этой возможности есть много ограничений.

Первое и, пожалуй, самое важное ограничение, состоит в том, что качественное исследование *не производит достоверного знания*, знания, отражающего истинное положение дел, «знания – зеркала» в терминологии Л. А. Микешиной [5, с. 60]. Продуктом исследования такого типа всегда выступает *правдоподобное знание*, т. е. знание, являющееся продуктом обобщения социологом-исследователем смыслов, определений, которыми опрошенные люди наделяют события вокруг себя, представленных в транскриптах интервью, в Дневниках наблюдений, в текстах документов. Правдоподобное знание не претендует на описание закономерностей, не является достаточно устойчивым, исчерпывающим: появление новых информантов может его изменить. Более того, интерпретативный характер полученного знания, принципиальная возможность множества интерпретаций одних и тех же качественных данных другими исследователями — также значимая характеристика результата качественного исследования, не имеющего права претендовать на достоверное описание социального явления или процесса.

Еще одно ограничение состоит в том, что знание, полученное в качественном исследовании в его научном варианте (мини-теория) невозможно распространить на большие совокупности: целевой отбор, являющийся в качественном исследовании основным способом отбора, не дает математических (статистических) оснований сделать это. Важным ограничением является и представленность качественных данных в нечисловой форме, невозможность количественно описать (а значит, и прогнозировать) состояние изучаемого социального явления в будущем. Означает ли это принципиальную невозможность использования качественных данных для нужд прогнозирования? Нет, на мой взгляд, не означает.

Полагаю, что качественное исследование только вкуче с количественным (в последовательном варианте такого сочетания) может быть надежной базой прогнозирования [4,6,7]. Преимуществом такого сочетания является, на мой взгляд, то обстоятельство, что первый, качественный этап позволяет представить изучаемое явление в *горизонте тех его типичных смыслов*, которые существуют в социуме: с позиции феноменологической социологии именно смыслы явления определяют поведение человека в той или иной ситуации. На этом этапе создается и *эмпирическая классификация таких смыслов*. Вместе с тем для надежного прогнозирования необходимо знать и количественную представленность этих смыслов в той или иной социальной группе, в социуме в целом. Второй количественный этап социологического исследования как раз решает эту задачу.

Список источников

1. Ленков Р. Социальное прогнозирование и проектирование. М. : ЦСП, 2013.
2. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. М. : Флинта, 2005.
3. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : НИУ «Высшая школа экономики», 2013.
4. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара : «Универс-групп», 2004.
5. Микешина Л. А. Философия науки. М. : Флинта, 2005.
6. Савинская О. Б., Истомина А. Г. Понятийный аппарат стратегии смешивания методов: по материалам Круглого стола // Социология: 4М, 2015. № 41.
7. Morgan D.L Integrating Qualitative and Quantitative Meethods; APragmatic approach. Thousand Oaks, Calif, Sage, 2014.

Т. Е. Серикова

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОСТИЖЕНИЙ МЕДИЦИНЫ

СЕРИКОВА Татьяна Евгеньевна — старший преподаватель кафедры социологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, Украина; tajako8@rambler.ru

Аннотация. Современные и перспективные открытия в области медицины способны кардинальным образом повлиять на конфигурирование социальных отношений будущего миропорядка. В настоящее время социологическая наука должна все больше внимания уделять прогнозированию прямого и косвенного воздействия внедряемых и предполагаемых к применению медицинских инноваций на весь спектр проблем личностного, межличностного и общественного порядка. Появление и открывающиеся возможности массового внедрения революционных разработок, в значительной мере увеличивающих продолжительность жизни, например, посредством замены различных искусственно выращенных органов, постоянной, оперативной и многофункциональной самодиагностики, «исправления» генокода и иных еще вчера казавшихся фантастическими научных достижений, создают почву для изменения общественного микроклимата. В тоже время на базе степени доступности/недоступности медицинских услуг передового характера могут сформироваться новые и обостриться старые социальные противоречия. Кроме того, сама сфера здравоохранения все более становится мощнейшим производственно-технологическим комплексом, расширяя степени и формы влияния.

Ключевые слова: будущее, медицина, здравоохранение, инновации

Неотъемлемой частью картины моделирования будущего общества в обязательном порядке должна выступать его медико-социальная составляющая. Если исходить из глобального контекста, то именно от качества оказания медицинских услуг, уровня развитости всей системы здравоохранения зависят многие характеристики ближайшей и отдаленной перспективы, начиная от возрастных параметров населения планеты, отдельных государств, и завершая показателями качества жизни всех без исключения социальных групп.

Попытки рассмотреть, как осуществляется взаимовлияние технологических инноваций в медицине и общественных отношений предпринимались неоднократно. И, тем не менее, можно констатировать дефицит

фундаментальных разработок и широкого интереса профессионального социологического сообщества на данном важнейшем направлении. Достаточно отметить, что в рамках недавно прошедшего V Всероссийского социологического конгресса (г. Екатеринбург, октябрь 2016 г.), несмотря на наличие двух секций, посвященных проблемам здоровья и медицины: «Социальное неравенство в сфере здоровья: современное состояние и перспективы» и «Социология медицины: векторы научного поиска», нам удалось выделить всего лишь три доклада, которые тематически касались собственно будущего медицины с учетом развития передовых технологий.

Проафишированные и уже апробированные достижения современной медицины начинают даже самим фактом демонстрации потенциальных, перспективных возможностей создавать среду восприятия будущего, как пространства едва ли не безграничных возможностей в плане поддержания физического ресурса человеческого организма. Только беглый перечень некоторых анонсированных разработок, еще недавно считавшихся фантастическими, ныне уже становятся или могут в ближайшее время стать рутинной практикой: воссоздание (регенерация) значительного числа органов и тканей; коррекция генокода, стволовая терапия, вживление в организм человека микрочипов, запрограммированных на выполнение определенных функций, использование виртуальной реальности, 3D-технологий и робототехники в различных сферах медицины и т. д.

Последствия широкого внедрения данных и им подобных разработок неизбежно станут воспроизводить в модифицированном виде, как прежние, традиционные проблемы, так и уже заставляют общество постепенно сталкиваться с новыми социально-психологическими дилеммами, отчетливо обозначившимися за последнее время. В частности, почти без особых оглядок на сюрреалистичность начинают рассматриваться варианты создания условий, когда может возникнуть вопрос о существовании индивида, самостоятельно определяющего собственный временной цикл пребывания в состоянии, которое сегодня называют жизнью. Благодаря развитию технологий конфигурируются условия, когда любой человек потенциально может быть «сам себе врач» (минимум диагност). Поэтому можно наблюдать парадоксальный процесс постепенного отдаления пациента от сферы здравоохранения, с одновременным усилением зависимости и привязки к медицине красоты, медицине по производству обновленных органов и т. п.

Если говорить о привычных атрибутах социальных противоречий, которые продолжают получать подпитку на базе внедрения медицинских инноваций, то здесь, прежде всего, можно предположить, что еще более разительной станет статусная и имущественная полярность общества. Если раньше элитные (по материальному признаку) группы были не ме-

нее уязвимы перед лицом эпидемий и массовых болезней, нежели иные, то в перспективе высока вероятность углубления социального расслоения, включая и его макрорегиональную и межстрановую составляющие. Сегодня достаток обеспечивает значительную фору в использовании средств омоложения, замены изношенных органов и т. д. Мало того, может поставить отчетливые барьеры на право жить и право умирать. Глобальная конкуренция все отчетливее включает наряду с военной, промышленной и финансовой сферами соперничество и беспощадную борьбу за монополию в области медицинского промышленно-технологического комплекса.

Предполагается дальнейшее обострение противоречия между возрастающей значимостью социального института медицины, как самовоспроизводящейся системы, и увеличением числа факторов и условий, демонстрирующих искусственность, преимущественно экономическую подоплеку мероприятий медицинского характера. Развитие информационно-коммуникативной среды все отчетливее подтверждает подозрения в существовании медицины ради медицины и лечения ради осуществления процесса лечения. Другое дело, что, скорее всего, медицина с учетом перспектив высвобождения трудовых ресурсов из традиционных производственных сфер занятости, будет становиться все более полифункциональным социальным институтом организации общественной жизни.

И, наконец, медицина давно и динамично трансформировалась, как отмечалось, в полноценный промышленно-производственный комплекс, и данная тенденция будет только количественно и качественно развиваться. При этом не снимаются прежние вопросы морального плана. Например, как сопрячь нравственный долг работников здравоохранения по обеспечению здоровья граждан и зависимость достатка врачей от количества вовлеченных в потребление продукции данного промышленного комплекса.

На базе новых достижений в области медицины естественно получает активную подпитку имевший место, правда, и в других исторических условиях, культ здоровья. Без существенной коррекции морально-нравственного порядка общество рискует получить все возрастающее число заикленных на здоровье эгоцентриков.

Поэтому очень важно понимать и просчитывать последствия революционных достижений в медицинской сфере, способных существенным образом изменять социальный микроклимат, инициировать общественные проблемы глобального уровня. В идеале речь идет о моделировании развития медицинского промышленно-технологического комплекса, как органической части социальной системы, не усугубляющей, а, напротив, позволяющей смягчать нарастающие антагонизмы.

Список источников

1. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19—21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016.

15. Будущее сферы труда

Е. Е. Гришина, В. Ю. Ляшок

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НА РЫНКЕ ТРУДА

ГРИШИНА Елена Евгеньевна — кандидат экономических наук, заведующая лабораторией исследований рынка труда и пенсионных систем Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; egrishinawork@gmail.com

ЛЯШОК Виктор Юрьевич — научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; victorlyashok@gmail.com

Аннотация. Согласно демографическим прогнозам ожидается серьезное снижение численности рабочей силы. Для смягчения эффекта для экономики страны целесообразно разработка мер, направленных на повышение экономической активности групп, в меньшей степени представленных на рынке труда: молодежи, женщин с несовершеннолетними детьми и лиц старшего возраста. Для разработки таких мер в исследовании выделяются наиболее важные социально-демографические факторы, влияющие на экономическую активность и занятость этих групп. Показано, что в целом, один набор факторов определяет вероятность быть экономически активным и занятым для всех групп населения. В то же время результаты по отдельным подгруппам показывают небольшие отличия в действии ряда факторов: например, нахождение в браке и наличие детей и внуков в домохозяйстве действует разнонаправленно для мужчин и женщин; а низкий уровень здоровья и получение пенсии оказывает существенно более сильное негативное влияние на экономическую активность лиц старших возрастов.

Ключевые слова: экономическая активность, занятость, молодежь, женщины с несовершеннолетними детьми, лица старшего возраста

В соответствии с демографическими прогнозами, в ближайшие 10 лет будет происходить снижение численности рабочей силы [1]. Создание условий для продления периода трудовой деятельности работников старшего возраста, а также повышение конкурентоспособности на рынке труда молодежи, не имеющей опыта работы, и женщин, имеющих несовершеннолетних детей, являются актуальными вопросами в сфере содействия занятости.

В исследовании с помощью различных эконометрических методов выявляются особенности экономической активности и занятости молодежи, женщин с несовершеннолетними детьми и лиц старших возрастов. Анализ проводился на основании данных за период 2000—2015 годов.

Заметим, что хотя на российских данных неоднократно проводился эмпирический анализ влияния различных факторов на экономическую активность и молодежи [2], и женщин с несовершеннолетними детьми [3], и пожилых [4], не известно ни одной работы, где особенности предложения труда представителей этих групп сравниваются между собой, в том числе во времени. Используемый сравнительный анализ в то же время позволяет оценить насколько те или иные факторы по-разному влияют на различные группы населения, что позволяет рассматривать особенности экономической активности в России с более широкой перспективой.

Для анализа использовались данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, репрезентативная часть выборки. Из выборки исключались лица, моложе 15 и старше 72 лет. Каждая группа определялась следующим образом:

- Молодежь: мужчины и женщины в возрасте от 15 до 24 лет включительно.
- Женщины с несовершеннолетними детьми: женщины, в домохозяйстве которых находился их сын/дочь в возрасте до 7 лет.
- Лица старшего возраста: мужчины в возрасте от 55 лет, женщины в возрасте от 50 лет.

Соответственно оставшиеся респонденты в выборке считались контрольной группой. В случае пересечения групп, то есть женщина с несовершеннолетним ребенком была моложе 25 или старше 50 лет, то она относилась к группе молодежи или пожилых соответственно.

В работе исследовался широкий ряд факторов, которые могут влиять на экономическую активность и занятость как населения в целом, так и отдельных рассматриваемых групп. Все факторы можно разделить на несколько категорий:

- Индивидуальные социально-экономические характеристики: пол, возраст, образование, плохое здоровье согласно оценке индивида; наличие супруга/супруги, в том числе проживание вместе без официального оформления отношений.
- Характеристики домохозяйства: нетрудовые доходы; дамми-переменные наличия детей и внуков до 3 лет, от 3 до 7 лет; количества детей (2, 3 и более).
- Другие характеристики, общие для всей выборки: тип местности проживания (город или село); федеральный округ; уровень региональной безработицы относительно средней безработицы в регионе (по-

зволяющий охарактеризовать региональные диспропорции на рынке труда); год опроса.

Отдельные факторы рассматривались в пересечении с тремя рассматриваемыми группами: общий стаж работы, образование, семейный статус, проживание в городе. Также включались дамми-переменные принадлежности к исследуемой группе.

Проведенный регрессионный анализ показал, что на экономическую активность и занятость молодежи, женщин с детьми до 7 лет и пожилых лиц в целом оказывают значимое влияние такие факторы как возраст индивида, его семейное положение, наличие у него детей/внуков, уровень его образования, наличие у него высоких нетрудовых доходов и характеристики места его проживания.

На экономическую активность положительно влияет мужской пол, высокий уровень образования, проживание в городе; отрицательно — принадлежность к группам молодежи, женщин с детьми и пожилым, плохое состояние здоровья, высокий уровень безработицы в регионе относительно среднего по стране и высокие нетрудовые доходы.

Семейные факторы влияют на мужчин и женщин в России разнонаправленно. Нахождение в браке увеличивает экономическую активность у мужчин и снижает у женщин. Подобным образом действует и фактор наличия детей и внуков в домохозяйстве. Таким образом, женщина в России продолжает выполнять главенствующую роль в семье по уходу за детьми, тогда как на плечи мужчин ложится обеспечение семьи.

В то же время результаты регрессий по отдельным подгруппам населения показывают небольшие отличия от описанного выше в действии ряда факторов. Во-первых, для молодых женщин нахождение в браке не снижает уровень экономической активности, в отличие от женщин в возрасте старше 24 лет с детьми и пожилых женщин. Что может объясняться тем, что на ранних этапах карьеры молодые женщины в меньшей степени обременены семейными обязанностями. Во-вторых, высокий уровень безработицы в регионе относительно среднего по стране не оказывает существенного влияния на экономическую активность женщин с несовершеннолетними детьми. В-третьих, в старших возрастах вероятность быть экономически активным для одиноких мужчин и женщин при прочих равных одинакова. В старших возрастах наибольшую важность оказывает фактор плохого здоровья, ограничивающего возможность работать, а также возможность получать пенсию.

Вероятность оказаться занятым при условии экономической активности индивида повышается у лиц, состоящих в браке, живущих в городе и имеющих высокий уровень образования, а снижается у лиц, принадлежащих к группам молодежи, женщин с детьми и пожилым, а также у лиц,

имеющих плохое состояние здоровья, живущих в регионах с высоким уровнем безработицы относительно среднего по стране и имеющих высокие нетрудовые доходы. Влияние последнего фактора может быть объяснено тем, что лица с высокими нетрудовыми доходами готовы дольше искать работу, так как имеют дополнительные источники доходов.

В то же время результаты регрессий по отдельным подгруппам населения показывают небольшие отличия от описанного выше в действии ряда факторов. Если молодые мужчины вне зависимости от семейного статуса с меньшей вероятностью оказываются безработными, чем молодые женщины, то одинокие пожилые мужчины с большей вероятностью оказываются безработными, чем одинокие пожилые женщины. Кроме того, в отличие от молодежи, факт проживания в городе для женщин с несовершеннолетними детьми и для пожилых не повышает вероятность быть занятым.

С учетом выводов, полученных на основе анализа факторов, влияющих на вероятность экономической активности и занятости молодежи, женщин с детьми до 7 лет и пожилых лиц, необходимо разработать и осуществить меры, направленные на содействие занятости данных групп.

Список источников

1. Кудрин, А. Л. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52—79
2. Сапаниди П. Молодежь на рынке труда // Человек и труд. 2011. № 4.
3. Карабчук Т. С., Нагерняк М. А., Панкратова М., Панкратова В., Колотова Е., Сухова А. Женщины на российском рынке труда после рождения ребенка // Вестник РМЭЗ ВШЭ. 2012. Вып. 2. С. 66—95.
4. Ляшок В. Ю., Назаров В. С., Дормидонтова Ю. А. Анализ факторов, влияющих на принятие решения о выходе на пенсию // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 4. С. 66—86.

А. В. Мытиль, О. Н. Дудченко

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

МЫТИЛЬ Анна Владимировна — старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия; awmytil@gmail.com

ДУДЧЕНКО Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва, Россия; odoudchenko@gmail.com

Аннотация. Старение населения — это вызов, с которым столкнулись развитые страны и Россия. В настоящее время каждый пятый россиянин — это человек в возрасте 60 лет и старше. Прогнозы, которые делает официальная статистика и отдельные эксперты, едины в оценке тенденций: старение населения будет продолжаться в ближайшем обозримом будущем. Социальная инклюзия пожилых людей — наиболее эффективное направление реакции на этот вызов. Данные исследований, проведенных авторами тезисов в 2014—2016 гг., позволяют сформулировать выводы и гипотезы относительно факторов, влияющих на готовность пожилых людей участвовать в трудовой деятельности, на восприятие ими развития сферы социальных услуг, которые предоставляют Центры социального обслуживания. Через призму оценок россиян рассматриваются некоторые аспекты реализации «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», утвержденной Правительством РФ в 2016 г. В том числе, обсуждаются барьеры, препятствующие более активному вовлечению пожилых людей в экономическую деятельность.

Ключевые слова: пожилые люди, социальная политика, рынок труда

Один из серьезных вызовов, который определяет направление и содержание трансформаций в сфере труда, а также необходимость переосмысления государственной социальной стратегии — это старение населения. В 2016 г., по данным официальной статистики, каждый пятый россиянин (20,3 %) был в возрасте 60 лет и старше. В «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» (далее — Стратегия) отмечается, что в 2025 г. доля пожилых россиян (60 лет и старше) составит 23,9 %, а к 2050 г. увеличится до 28,8 % [1]. Существуют и более пессимистические прогнозы: в 2050 г.

практически каждый третий россиянин (32 %) будет пожилым человеком в возрасте 60 лет и старше [5].

В этих условиях на передний план выходит задача более активной инклюзии пожилых людей в социальную и трудовую сферу. Сама по себе эта задача является нетривиальной, поскольку, во-первых, в настоящее время в мировой практике не выработано универсальных эффективных моделей ее решения. Во-вторых, внедрение в отечественную практику успешных зарубежных проектов неизбежно требует предварительной их культурологической и законодательной адаптации. В-третьих, российские программные документы, задающие вектор развития социальной и трудовой сферы в условиях старения населения, к числу которых можно отнести и уже упоминавшуюся Стратегию, и Ф3-442 от 28.12.2013 г., нуждаются в глубоком осмыслении через призму существующих практик и экспертного анализа.

Эмпирической основой для подготовки тезисов явились результаты нескольких исследований, проведенных авторами. Первое — «Старшее поколение: активное долголетие. Московская модель» (качественные методы, 55 москвичей в возрасте от 60 лет и старше, 12 экспертных интервью с работниками социальных служб, 2015 г.). Второе — исследование социальной сферы (качественные методы, 28 москвичей в возрасте от 55 лет и старше, 2016 г.). Оба исследования проводились в г. Москве, были инициированы Департаментом труда и социальной защиты населения г. Москвы.

В качестве одной из позитивных инноваций, обеспечивающих социальную инклюзию пожилых людей, необходимо отметить развитие деятельности Центров социального обслуживания (далее — ЦСО), которые предоставляют не только экономическую, бытовую, реабилитационную помощь пенсионерам, но и развивающие мероприятия. Как показали результаты наших исследований, крайне высокая оценка работы ЦСО со стороны потребителей социальных услуг обусловлена несколькими моментами.

Во-первых, в ЦСО создан доброжелательный микроклимат, который, по общей оценке респондентов, контрастирует с отношением к пожилым людям в других государственных учреждениях и обществе в целом. Необходимо отметить, что недружелюбность внешней среды по отношению к пожилым россиянам — это печальный факт, который констатируют и другие исследователи [2]. Во-вторых, клиенты ЦСО получают дружеское общение, чувство «коллектива», которого, по их признанию им так не хватало после окончания трудовой деятельности. Подтверждается вывод о том, что социальное одиночество — это одна из наиболее серьезных проблем для пожилых людей [3]. В-третьих, некоторые ЦСО привлекают

своих клиентов к обсуждению проблем района, города, которые происходят на разных площадках. Это очень ценно, особенно для «молодых» пенсионеров, которые страдают от отсутствия своей профессиональной, социальной востребованности.

Результаты наших исследований показали, что желание стать клиентом ЦСО не конкурирует у пожилых людей со стремлением продолжать трудовую деятельность «как можно дольше, пока позволяет здоровье». Таким образом, можно отметить, что возможность продолжать трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста является одним из важных элементов качества жизни пожилых россиян.

Данные еще одного нашего исследования «Отношение россиян к пенсии» (5 регионов России, фокус-группы с 127-ю работающими россиянами в возрасте 25—50 лет, 2014 г.) показывают, что высокую готовность к продолжению работы после наступления пенсионного возраста определяют два момента.

Первый — экономический: по общему мнению опрошенных, «прожить на пенсию нельзя», самостоятельно заниматься тем или иным видом пенсионных накоплений в зрелом возрасте — практически «нереально». Интересно, что в качестве периода для накопления «на старость» рассматриваются те годы, когда работающий пенсионер получает одновременно и пенсию, и зарплату.

Второй — социальный. Большинство опрошенных россиян боятся социальной эксклюзии, невостребованности, стремительного сужения круга непосредственного общения после окончания трудовой деятельности.

Является ли высокая готовность россиян к работе после наступления пенсионного возраста ресурсом для разработки государственной стратегии, программ, реагирующих на вызов старения населения? Безусловно, да, но с учетом, с одной стороны, специфики факторов, которые определяют нынешнюю высокую готовность россиян, с другой стороны, тех барьеров, которые препятствуют более активному включению пожилых людей в трудовую сферу.

Барьеры неоднократно анализировались в научных исследованиях, зафиксированы в Стратегии [1]. Основной из них — нежелание работодателей заключать (продлевать) контракт с пенсионерами [4], которое в определенной степени является отражением преваширования в нашем обществе восприятия пожилых людей в качестве «балласта». Второй — это низкая, по сравнению с развитыми странами, продолжительность жизни россиян и, особенно, продолжительность качественной жизни [2: 11]. Третий — необходимость организации системы поддерживающего обучения пожилых работников в условиях стремительного развития информационных технологий.

Другое дело, что, несмотря на очевидность этих барьеров, их обозначение в государственных программных документах, они продолжают действовать. Возможно, в какой-то степени это связано с тем, что решение этих проблем требует системного подхода, основанного на данных углубленного исследования пожилых людей.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/.
2. Старшее поколение и будущее / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н. М. Римащевской. М. : Экономическое образование, 2014.
3. Старшее поколение москвичей: качество жизни и условия для активного долголетия / под ред. Е. А. Савостиной. М. : ООО «Деловые и юридические услуги «ЛексПраксис»», 2015.
4. Четвернина Т. Я. Пожилые работники на российском рынке труда: уязвимость положения и формы дискриминации // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М. : МОТ, 2003.
5. Щербакова Е. Мировой демографический барометр // Демоскоп Weekly. 2006. № 261—262. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0261/barom03.php>.

А. И. Маскаев**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКАРИТИЗАЦИЯ**

МАСКАЕВ Артём — аспирант, стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; maskaev@sfnedu.ru

Аннотация. Воздействие науки на жизнь человека сегодня велико, как никогда прежде, но оно остается невидимым для макроэкономических индикаторов. Знание с незапамятных времен было важным фактором экономического развития и повышения уровня жизни. Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причем гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее. Наряду с позитивными последствиями в виде повышения труда, продолжающаяся автоматизация производства ведет к изменению рынка труда. Изменение структуры экономики и продолжающаяся глобализация ведут к высвобождению избыточной рабочей силы и трансформации существующих форм занятости в сторону большей гибкости и снижения социальной защищенности работника. Неустойчивость занимаемого положения на рынке труда и отсутствие видимых перспектив и характеризует прекариат. Увеличение численности прекариата ведет к разрушению профессиональной идентичности, что затрудняет передачу неявного знания. Отсутствие доступа к внутренним, имплицитным практикам снижает возможность передачи опыта, традиций, формирования профессиональной идентичности и как следствие ведет к снижению производительности труда.

Ключевые слова: прекариат, институты, профессиональная идентичность, неявное знание

Воздействие науки на жизнь человека сегодня велико, как никогда прежде, но оно остается невидимым для макроэкономических индикаторов. Знание с незапамятных времен было важным фактором экономического развития и повышения уровня жизни. Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причем гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее [1]. Наряду с позитивными последствиями в виде повышения труда, продолжающаяся автоматизация производства ведет к изменению рынка труда. Изменение структуры экономики и продолжающаяся глобализация ведут к высвобождению избыточной рабочей силы и трансформации существующих форм занятости в сторону большей гибкости и снижения социальной защищенности работника. Неустойчивость занимаемого положения на рынке труда

и отсутствие видимых перспектив и характеризует прекариат. Увеличение численности прекариата ведет к разрушению профессиональной идентичности, что затрудняет передачу неявного знания. Отсутствие доступа к внутренним, имплицитным практикам снижает возможность передачи опыта, традиций, формирования профессиональной идентичности и как следствие ведет к снижению производительности труда.

Непрерывная смена мест работы не позволяет усвоить эксплицитные практики и стать профессионалом в определенной сфере, и, как следствие, сформировать профессиональную идентичность. Что ведет к сокращению благосостояния на индивидуальном уровне и препятствует экономическому развитию общества через снижение производительности труда. В случае непостоянной занятости человек мелькает как элемент мозаичного набора в калейдоскопе ситуативных технологий, лишаясь личностной целостности [2].

Стремительная урбанизация и продолжающийся процесс глобализации изменяют прежние формы социальной жизни.

Технические достижения оказывают заранее непредсказуемое влияние на ресурсы, находящиеся в коллективном пользовании, создают и разрушают трудовые иерархии, меняют условия труда, создают угрозу для ренты, обеспечиваемой существующими технологиями, оборудованием, навыками [3]. Поэтому всегда возникает проблема включения научных открытий в культуру, их состыковки с доминирующими в культуре того или иного общества мировоззренческими установками. Такое включение во многом осуществляется благодаря процедуре философского обоснования фундаментальных научных открытий.

Поток технологических инноваций не только интегрирует уже существующие источники труда и капитала, но и создает новые. Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причем гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее [4]. Повышения уровня автоматизации производства не только способствует увеличению выработки, но и поднимает острые социальные проблемы: высвобождение занятых в промышленности и замена их индустриальными роботами, и как следствие сокращение платежеспособности населения [3]. Так в США, численность занятых в промышленности за период с 2004 по 2014 сократилась на 2121 тыс. человек, при этом к 2024 году прогнозируется сокращение еще на 814 тыс. человек. Таким образом за двадцать лет численность, занятых в промышленности сократится с 14,3 до 11,4 миллионов человек. Следует отметить, что прогноз Департамента труда США учитывает, как возможность реиндустриализации, путем возвращения производств из развивающихся стран, так и возрастающий уровень использования промышленных роботов в мировой экономике (к 2018 году количество

роботов, используемое в промышленности, практически удвоится, достигнет 2,4 миллионов и будет прирастать по 400 тыс. в год) [5].

В результате институциональных и технологических изменений возрастает нестабильность и неопределенность положения жителя современного мегаполиса, что сопровождается изменением привычных форм занятости в сторону «увеличения гибкости» и, как следствие, — прекариатизации. Прекариат стал значимым явлением современного общества [6].

Состояние прекариата не означает полной нищеты и отверженности, а говорит о нестабильности и ненадежности трудовых отношений, о потенциальной возможности потери рабочего места и необходимости переосмысления социального устройства. Исключение из профессионального сообщества, переход с рабочего места на место, эксплуатация препятствуют передаче и использованию профессиональных навыков (навыки, полученные в одном месте, могут быть не применимы в другом, особенно если труд неквалифицированный), исключают из производственных связей с другими сотрудниками. Качество институтов зависит от множества факторов, которые невозможно предусмотреть заранее. Такие события, влияющие на формирование институтов можно отнести к классу «случайных исторических событий», которые рассматривались Б. Артуром в контексте зависимости от предшествующего пути развития [7].

Неявное знание выступает в роли передаточного механизма между профессиональной идентичностью и положением прекариата на рынке труда. С одной стороны, отсутствие профессиональной идентичности — барьер для получения неявного знания и включения в профессиональную сеть [2]. Непрерывная смена мест работы не позволяет усвоить эксплицитные практики и стать профессионалом в определенной сфере, и, как следствие, сформировать профессиональную идентичность. Что ведет к сокращению благосостояния на индивидуальном уровне и препятствует экономическому развитию общества через снижение производительности труда. В случае непостоянной занятости человек мелькает как элемент мозаичного набора в калейдоскопе ситуативных технологий, лишаясь личностной целостности [8, с. 27].

Список источников

1. Маскаев А. И. Последствия прекариатизации для социализации неявного знания // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского 10—12 ноября 2016 г. / отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2016. С. 1321—1323.

2. Посухова О. Ю., Маскаев А. И. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. Т. 8. № 4. С. 92—105.
3. Султанов Ш. Мы вступили в зону, которая связывает настоящее с будущим // «БИЗНЕС Online» от 10 января 2015. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/123178>.
4. Мокир Д. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. Москва : Издательство Института Гайдара, 2014.
5. International Federation of Robotics. *World Robotics 2015 Industrial Robots*. 2015.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014.
7. Arthur W. B. Inductive reasoning and bounded rationality (the El Farol Problem) // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 2. Pp. 406—411.
8. Петров М. К. Самоосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992.

А. Н. Сошнев

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СФЕРЫ ТРУДА

СОШНЕВ Александр Николаевич — кандидат экономических наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; alexander.soshnev@gmail.com

Современный рынок труда России — сложный социальный институт. Он наследует как формально, так и неформально, родовые моменты социалистического периода. Влияют на рынок труда качественные изменения в экономике, вызванные структурной перестройкой, многоукладность, технологические изменения, появление иностранной рабочей силы, активизация теневого сектора экономики, которая по разным оценкам составляет от 40 до 50 процентов общего объема производства.

Регулирование рынка труда предполагает следующие процедуры: 1) определение целей, на достижение которых ориентирован трудовой потенциал (рынок труда); 2) выявление факторов рынка труда и их субординация по времени действия, степени влияния (эффективности) на конкретный сектор рынка, результативности действия на экономику и на другие сферы общественного воспроизводства (культуру, политику, право); 3) выбор механизмов функционирования рынка труда и регулятивных инструментов, включая правовые, морально-нравственные, политические и экономические, внедрение и отладку механизмов и инструментов регулирования рынка труда.

Рынок труда периода перестройки стал центром социальных противоречий, труд как социальный ориентир утратил свою привлекательность. Главной ценностью стало материальное богатство. Общество устремилось компенсировать накопленное недопотребление разными способами. В результате в процессе приватизации была сконструирована экономическая структура частно-государственного капитализма, существовавшего за счет ресурсов, накопленных в советский период. Одним из важнейших ресурсов был трудовой потенциал, который фактически даром достался частному капиталу.

Постперестроечный период характеризуется не только кризисами, но и сменой поколений трудоспособного населения. Их включение в трудовой процесс происходит в принципиально новых условиях. Они состоят в следующем:

а) вследствие того, что российское общество вступило в мировое пространство как открытое, у людей изменились представления о цен-

ностных ориентирах и, в первую очередь, об уровне социальных свобод, уровне потребления;

б) не смотря на то, что Россия наследует СССР, её экономика имеет другую структуру и другое устройство. Неопределенность целей экономики порождает иждивенчество капитала по отношению к государству, формируется сырьевая экономика.

в) экономическое положение населения в некоторых государствах, возникших в результате распада СССР, оказалось менее благополучным, чем в России, что способствовало активации миграционных потоков из этих стран в Российскую Федерацию;

г) в России произошла резкая дифференциация регионов по состоянию экономического развития, что стало причиной активизации внутренней трудовой миграции;

д) обострение политических противоречий между Россией и странами НАТО и ЕС, введение взаимных санкций, в свою очередь, сказалось на состоянии национальной экономики. С одной стороны, они способствовали развитию некоторых сфер национального хозяйства, а, с другой — были ограничены возможности доступа на мировые финансовые рынки, доступа к новым технологиям.

В этих обстоятельствах регулирование рынка труда должно быть ориентировано не только на текущее состояние национального хозяйства как субъекта, предоставляющего рабочие места, но и на создание условий для работника, гарантирующих его конкурентоспособность на весь период его трудовой деятельности.

Современный рынок труда в России, помимо наемного работника и работодателя, включает: государство, определяющее правила рынка и контролирующего их для каждого из субъектов; общественные объединения работодателей; профсоюзы работников; коммерческие организации, оказывающие услуги по подбору кадров и рабочих мест; учреждения профессионального образования, которые способствуют трудоустройству своих выпускников. Однако в реальности эта модель может не включать все эти элементы. В частности, в Санкт-Петербурге банк вакансий службы занятости содержит около 40 тыс. вакансий, а оценочная потребность города в кадрах составляет более 100 тыс. человек. Единой системы учета потребности фактически нет, как и нет учета незанятого населения. Безработным считается только тот, кто зарегистрирован в службе занятости.

Чтобы оценивать эффективность рынка труда, необходимо определиться с понятием эффекта. По нашему мнению, эффектов по крайней мере два.

Для наемного работника эффект состоит в получении доступа к рабочему месту, удовлетворяющему его потребности. Для работодателя он

состоит в получении работника (рабочей силы), способного выполнять производственную программу с минимальными затратами капитала. Основным условием для достижения названных эффектов выступает консенсус между работником и работодателем.

Первый должен предъявить свой уровень квалификации и компетентностные характеристики, а второй — предложить приемлемый уровень оплаты труда — цену товара «рабочая сила». Эти классические отношения капиталистического рынка труда модифицируются разнообразными обстоятельствами: состоянием производства, его уровнем технологического развития, политикой региональных органов власти, трудовым потенциалом населения, миграционной политикой, состоянием системы профессионального образования и другими.

Государство остается главным регулятором рынка труда. Оно берет на себя инициативы по организации саморегулирования в отдельных сферах, в том числе и в сфере труда. Одной из таких инициатив стало введение профессиональных стандартов, что по идее должно обеспечить подъем национальной экономики за счет изменения качества работников, включенных в трудовую деятельность. Профессиональные стандарты для работников — совокупность требований к уровню профессиональной подготовки, квалификации, компетенциям работника, выполняющего конкретную трудовую функцию.

Для работодателя — характеристика рабочего места, трудовой функции, которую должен выполнять работник. Для учреждения профессиональной подготовки — требования к образовательному стандарту. По сути дела, профессиональный стандарт становится ядром соответствующей профессиональной сферы, на котором концентрируются отношения конкретного синтеза рынка труда.

2016 год стал ключевым в формировании системы профессиональных стандартов. 3 июля 2016 года был принят Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» № 238-ФЗ. В соответствии с этим законом созданы:

- 1) Национальный Совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям;
- 2) Советы по профессиональным квалификациям;
- 3) Центры оценки квалификации.

Методическая работа по оценке квалификаций возложена на Автономную некоммерческую организацию «Национальное агентство развития квалификаций».

В соответствии с нормативными документами профессиональные стандарты призваны изменить характер взаимоотношений между работником и работодателем, обеспечивая каждому искомый эффект рынка

труда и взаимные гарантии. Можно предположить, что внедрение профессиональных стандартов станет инструментом регулирования рынка труда и, прежде всего, будет способствовать повышению профессиональных компетенций работников.

Д. В. Франчук

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ-СОЦИОЛОГОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ФРАНЧУК Дарья Викторовна — студентка магистратуры факультета социологии РГСУ, г. Москва, Россия; dasha.franchuk@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные проблемы, связанные с трудовой адаптацией выпускников социологических факультетов при устройстве на работу. Разрабатываются основные механизмы решения данных проблем и обеспечения благоприятного протекания процесса трудовой адаптации.

Ключевые слова: трудовая адаптация, высшее профессиональное образование

В настоящее время ситуация в трудовой сфере характеризуется нестабильностью, неопределённостью, изменчивостью, в результате чего молодым людям приходится приспосабливаться к любым изменениям. В трудовой сфере московского мегаполиса происходит небывалый рост конкуренции, требующей высокого профессионального уровня, к которому могут быть не готовы неопытные выпускники социологических факультетов московских вузов.

Сегодня многие работодатели выделяют несоответствие качества вузовской подготовки молодых специалистов-социологов требованиям практической трудовой деятельности. Выпускник вуза обладает положительными деловыми качествами в профессиональной деятельности. Он энергичен, инициативен, общителен, исполнительен, легко осваивает новые знания, имеет разносторонние интересы, активен, имеет стремление к профессиональному росту. Но работодатели среди положительных качеств выпускников отмечают и отрицательные. Среди них выступают: неопытность в практической деятельности, завышенные амбиции по отношению к карьерному росту, ожидания высокой по размеру заработной платы, неопытность, завышенная самооценка, отсутствие умения работать в команде.

Несовпадение взаимных ожиданий работодателей и молодых специалистов способствует появлению стресса у начинающих социологов, только начинающих свой профессиональный путь и затрудняет трудовую адаптацию.

Таким образом, можно выделить самые острые проблемы молодых специалистов-социологов: несоответствие вузовской подготовки молодых

специалистов с реальной трудовой деятельностью, отсутствие или же недостаточный опыт работы выпускников, неспособность к конкуренции с более опытными специалистами.

Переход к новой организации высшего профессионального образования (ВПО) требует социологического осмысления подходов к профессиональной подготовке специалистов, анализа их карьерных планов и процесса трудовой адаптации. В силу общественной значимости государство регулирует образовательный процесс нормативными документами, содержание которых не всегда соответствует реальному запросу сферы труда. Между тем современный работодатель нуждается в специалисте, который владеет не только умениями, навыками и знаниями в рамках своей профессии, но и обладает профессиональными компетенциями, позволяющими находить баланс между знаниями и ситуациями, адекватно применять знания при решении проблем профессиональной деятельности.

Исходя из сказанного, представляется обоснованным, что сопоставление, с одной стороны, профессиональных компетенций работника, востребованных работодателями; с другой — их описания, закрепленного в государственных нормативных документах, с третьей — содержания обучения, способно стать основой повышения качества и эффективности образовательных программ ВПО.

Поскольку государственное регулирование процессов трудовой адаптации молодых специалистов является недостаточно эффективным, данной проблемой должны заниматься также предприятия, где начинают работать молодые специалисты.

Для решения проблем трудовой адаптации молодых людей работа предприятий должна быть направлена на улучшение подготовки кадров, развитие системы стимулирования молодых специалистов, установление координированной связи с государством.

Таким образом, в настоящее время возникает острая необходимость усиления частно — государственного регулирования трудовой адаптации. Прежде всего, нуждаются в регулировании предприятиями следующие основные аспекты социальной и профессиональной адаптации молодых людей:

- обновление образовательных программ студентов социологических факультетов в связи с реальными запросами сферы труда;
- развитие трудовых навыков молодых работников посредством привлечения специально обученного персонала по развитию молодых специалистов;
- развитие системы трудовой мотивации работников — повышение оплаты труда молодым специалистам, увеличение заработной платы работающим студентам;

— улучшение трудовых условий молодых работников, развитие новейших технических систем;

— установление особого порядка увольнения молодых специалистов, в том числе, путем увеличения временного периода до 3-х месяцев в случае увольнения по сокращению;

— разработка совместных с государством выплат на правах частного — государственного партнерства, специализированных программ по созданию и поддержке курсов профессиональной подготовки и переподготовки молодых специалистов.

Важную роль в процессах интеграции производственного и образовательного и комплексов должна сыграть система частного — государственного партнерства (ЧГП).

В настоящее время налоговые льготы при выплате зарплаты молодым работникам, а также выделение поощрительных грантов, которые должны выплачиваться работодателям, использующим труд молодых специалистов, могут стать действенным способом улучшения процесса трудовой адаптации молодых специалистов.

Таким образом, для создания благоприятных перспектив трудовой адаптации молодых выпускников-социологов, необходимо установить тесное сотрудничество между государством и предприятиями, направленное на облегчение процесса трудовой адаптации, стимулирование трудовой деятельности, развитие навыков работы начинающих специалистов.

Список источников

1. Арискин М. В., Медведева Л. М., Немова Е. Ю. Адаптация выпускников вузов при выходе на рынок труда. Основные проблемы // Молодой ученый. № 10. 2015.
2. Мельник А. Ю. Политика социальной адаптации молодёжи на рынке труда. Бизнес в законе, 2011.
3. Набиуллина К.А., Солодников В. В., Цыбикова Д. Г. Выпускники социологических факультетов на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 81—89.

Д. А. Нарожная

МЕТОДЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

НАРОЖНАЯ Диана Анатольевна — ассистент, факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; dianayaveru@gmail.com

Аннотация. Опыт истории убедительно свидетельствует, что в основе эффективного управления организацией лежит понимание мотивов и потребностей работников. Мотивация сотрудников, в том числе руководителей, их стремление к добросовестному и инициативному труду являются одним из ключевых факторов успеха и неудач любой деловой организации. Деструктивная мотивация персонала приводит к снижению темпов производства, прибыли, качества продукции или услуг, конфликтам в коллективе, напряженным отношениям между работниками и работодателями и другим негативным последствиям. Все это угрожает стабильности организации, а нередко и самому ее существованию. В статье предложены методы по ограничению данного негативного феномена.

Ключевые слова: мотивация, деструктивная мотивация персонала, социально ориентированная организация

Для стабилизации макроэкономических и социальных параметров российского общества, а также формирования возможностей его развития необходимо обращение к решению конкретных социально-экономических проблем организации человеческой деятельности, в числе которых воспроизводство и распространение деструктивной мотивации персонала.

Деструктивная мотивация представляет собой побуждение работников к деятельности или бездействию, которые наносят ущерб организации, являющееся результатом взаимодействия личностных качеств работника, а также факторов внутренней и внешней среды организации.

Существование деструктивной мотивации персонала в организации является результатом взаимодействия характеристик трех уровней: внешней и внутренней среды организации, а также личности работника. Взаимодействие этих трех уровней можно упрощенно отразить следующей схемой.

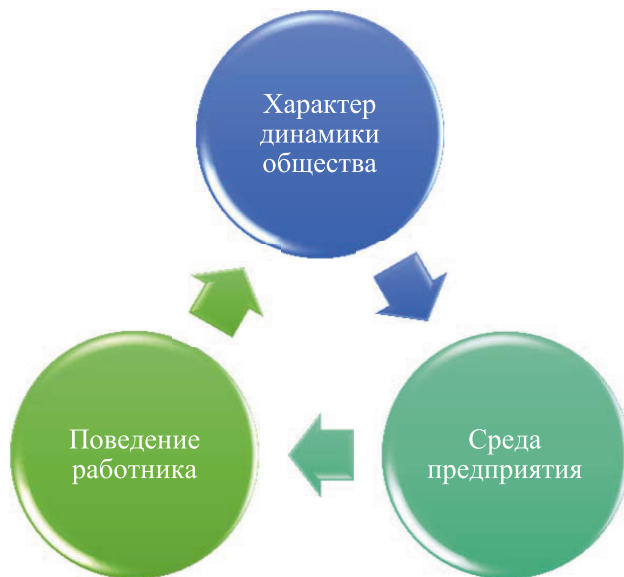

Рис. 1. Взаимосвязь общества, предприятия и поведения работника¹

Так, характеристики ключевых общественных подсистем и институтов обуславливают особенности организационной среды, которая влияет на конечный тип организационного поведения работника. В свою очередь отношение к труду, тип и степень мотивации труда, а также формы организационного поведения работников оказывают влияние на функционирование и развитие основных структур и институтов данного общества.

В основе причин воспроизводства деструктивной мотивации персонала лежит конфликт интересов работника и организации, обусловленный характеристиками общественной среды. Согласование интересов наемных работников и работодателей позволит минимизировать данный конфликт и, как следствие, ограничить распространение деструктивной мотивации на организационном уровне. В соответствии с этим, на уровне всего общества необходимым представляется:

- усиление целенаправленного влияния государства на формирование конструктивных трудовых ценностей;
- переориентация существующих юридических, социальных и политических норм и институтов на уменьшение конфликтности среди потребностей и целей сотрудников и организаций;

¹ Источник: составлено автором.

- формирование системы санкций за нарушения в сфере трудового права.

Эти действия на уровне всего общества позволят снизить конфликтность взаимоотношений наемных работников и организации, что в свою очередь приведет к росту и распространению конструктивного организационного поведения.

Рекомендации, позволяющие снизить распространение деструктивной мотивации персонала, имеют своей целью получение необходимого поведения и результатов труда со стороны сотрудников.

В связи с тем, что в основе деструктивной мотивации персонала в организации лежит конфликт интересов, представляется, что наиболее эффективным методом по ограничению данного негативного феномена, является выстраивание системы управления персоналом, ориентированной на соблюдение принципов социального партнерства. В основе социального партнерства лежит соблюдение интересов работников и работодателей, направленное на достижение целей организации и ее конструктивное развитие. В связи с этим мы разработали модель организации, минимизирующей распространение деструктивной мотивации персонала.

Таблица 3. **Модель организации, минимизирующей распространение деструктивной мотивации персонала**

Основные элементы модели организации, минимизирующей распространение деструктивной мотивации персонала	Характеристики элементов модели
Основные ценности	Ценности партнерства; свободы и ответственности при выполнении задач; высокий профессионализм; высокий уровень самосознания.
Миссия	Осуществление максимально возможного вклада в развитие экономики общества за счет разработки и создания общественно значимых ценностей, внедрения передовых технологий, развития заинтересованности и вовлеченности персонала и урегулирования конфликта интересов работника и организации.
Общая стратегическая установка	Создание новых материальных и нематериальных ценностей, достижение высоких результатов за счет максимального согласования целей работника и организации

Основные элементы модели организации, минимизирующей распространение деструктивной мотивации персонала	Характеристики элементов модели
Стратегии управления капиталом	<p>Человеческий капитал: систематическая забота о вовлеченности и удовлетворенности персонала;</p> <p>морально-нравственный капитал: соблюдение морально-этических норм, создание позитивного психологического климата;</p> <p>информационный капитал: разработка и внедрение в деятельность новых информационных технологий;</p> <p>производственный капитал: модернизация производства, обеспечение благоприятных условий труда за счет внедрения новых технологий и инструментов деятельности;</p> <p>финансовый капитал: финансовая поддержка разработки новых технологий, продуктов, внедрения инноваций на всех уровнях организации.</p>
Стратегия развития человеческих ресурсов	<p>Применение методов развития персонала в процессе работы — создания кадрового резерва, расширения видов деятельности, обогащающих труд, увеличения количества групповых проектов, выполнения стратегически важных проектов и др.;</p> <p>применение активных форм обучения для увеличения вовлеченности и лояльности персонала — тренингов, деловых и ролевых игр, кейс-стади и др.</p>
Методы управления персоналом	<p>Преобладание социально-психологических методов управления персоналом: создание доверительной атмосферы, подчеркивающей важность вклада каждого сотрудника в процесс достижения целей организации, участие работников в управлении, удовлетворение культурных и духовных потребностей, развитие у работников инициативы и ответственности.</p>
Основные принципы управления	Соответствуют принципам, выделенным А. Файолем
Структура управления	Гибкая, адаптивная структура управления организацией.
Стиль руководства	Ситуативный стиль руководства с преобладанием принципов демократического стиля.
Мотивация и стимулирование труда персонала	Гибкая система мотивации персонала, базирующаяся на результатах анализа мотивационных профилей сотрудников, справедливая система стимулирования, ориентированная на результаты и достижения работников.

Основные элементы модели организации, минимизирующей распространение деструктивной мотивации персонала	Характеристики элементов модели
Подбор персонала	Использование психологических тестов при подборе персонала, ориентация на выбор сотрудников, чьи цели и ценности наиболее совпадают с целями и ценностями организации. Подбор сотрудников со смыслообразующими мотивами профессионального роста и самореализации.
Оценка и аттестация персонала	Систематическая оценка результатов деятельности на основе профессионально разработанных и известных работникам критериев, обеспечение обратной связи по ее результатам.
Организационная культура, социокультурные условия труда	Отсутствие коммуникативных барьеров между руководителями и подчиненными; гибкий график работы; отражение в корпоративном кодексе и иных нормативных документах значимости работников, их целей и ценностей для организации; использование легенд, мифов и других элементов организационной культуры для демонстрации значимости роли персонала в процессе функционирования организации.

Устранение деструктивной мотивации возможно только при удовлетворении потребностей работников и максимально полном использовании их потенциала, создании благоприятного психологического климата в организации.

Список источников

1. Файоль А. Общее и промышленное управление [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий ; пер. Б. В. Бабина-Кореня. М. 1923. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5783>.

И. В. Новикова

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РАБОТНИКА

НОВИКОВА Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Амурская область, Россия; irakrasa@mail.ru

Аннотация. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий трансформирует экономическую категорию «занятость населения», что требует новых подходов к исследованию данного процесса. Одним из таких направлений, по мнению автора, является изучение новой характеристики сферы занятости — информационный потенциал сферы занятости населения. Данный потенциал формируется в результате взаимодействия информационной компетентности работника и информационных компетенций рабочего места. Основываясь на официальных статистических индикаторах оценки информационного общества, используя собственную методику отбора и распределения критериев, автор предлагает систему показателей оценивания информационной компетентности работника, которая позволит многоаспектно и полностью характеризовать данную компетентность, что повысит эффективность регулирования занятости населения в современных условиях.

Ключевые слова: информационный потенциал сферы занятости, информационная компетентность работника, информационные компетенции рабочего места, занятость населения, индикаторы оценки, информационно-коммуникационные технологии, IT-отрасли

Информационное общество трансформирует экономическую категорию «занятость населения», формирует ее новую характеристику — информационный потенциал сферы занятости населения. Информационный потенциал сферы занятости населения (ИПСЗН) — социально-экономический потенциал, формируемый взаимодействием информационной компетентности работника и информационных компетенций рабочего места [1]. Информационная компетентность работника (ИКР) — качества работника (сформированные и изменяющиеся), позволяющие ему функционировать в экономике, использовать в своей деятельности информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Для характеристики ИКР была проанализирована имеющаяся официальная статистическая база индикаторов оценки информацион-

ного общества, отобраны и дополнены критерии, входящие в область исследования объекта [1].

Исходя из разработанного автором базового профиля информационной компетентности работника [2] индикаторы были распределены по соответствующим группам.

Качество ИКР — «Мотивы»

Имеющиеся индикаторы [3]:

1. Основные показатели использования ИКТ в домашних хозяйствах;
2. Основные показатели использования персональных компьютеров и Интернета в домашних хозяйствах;
3. Домашние хозяйства, использующие Интернет, по видам устройств доступа;
4. Использование персональных компьютеров населением;
5. Использование населением мобильных устройств для выхода в Интернет;
6. Использование персональных компьютеров населением по возрастным группам;
7. Использование мобильных устройств для выхода в Интернет по возрастным группам населения;
8. Использование Интернета для заказов товаров и/или услуг по возрастным группам населения;
9. Цели использования Интернета населением;
10. Использование Интернета населением для заказов товаров и/или услуг;
11. Приобретение населением товаров и услуг через Интернет;
12. Способы взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;

Дополнительные индикаторы, предложенные автором [1]:

13. Удельный вес работников, осуществляющих свою деятельность дистанционно посредством Интернет, в общей численности работников организации (по видам экономической деятельности, по формам собственности, по величине организации, по полу, по возрастам);

Качество ИКР — «Психофизиологические особенности»

Имеющиеся индикаторы [3]:

14. Численность специалистов по ИКТ в организациях;
15. Факторы, сдерживающие использование Интернета в домашних хозяйствах;
16. Основные показатели использования ИКТ населением;
17. Удельный вес специалистов по ИКТ в общей численности работников организаций;
18. Структура ИКТ-специалистов по полу;

Дополнительные индикаторы, предложенные автором, распределенные, в том числе, по видам экономической деятельности, по формам собственности, по величине организации, по полу, по возрастам [1]:

19. Удельный вес работников, не обладающих специальным образованием в области ИКТ, использующих в своей профессиональной деятельности ИКТ, в общей численности работников организации;

20. Удельный вес работников, не обладающих специальным образованием в области ИКТ, использующих в своей профессиональной деятельности Интернет, в общей численности работников организации;

21. Удельный вес работников, не обладающих специальным образованием в области ИКТ, использующих в своей профессиональной деятельности мобильные средства связи, в общей численности работников организации;

Качество ИКР — «Я-концепция»

Имеющиеся индикаторы [3]:

22. Частота использования Интернета населением по возрастным группам;

23. Частота использования Интернета населением;

24. Места использования Интернета населением;

25. Места использования Интернета по возрастным группам населения;

Дополнительные индикаторы, предложенные автором, распределенные, в том числе, по возрастным группам [1]:

26. Использование персональных компьютеров населением для организации деятельности, приносящей им доход;

27. Использование мобильных устройств населением для выхода в Интернет с целью организации деятельности, приносящей доход;

28. Использование Интернета населением для организации деятельности, приносящей им доход;

29. Использование профессиональных информационных программных средств населением для организации деятельности, приносящей им доход;

Качество ИКР — «Знание»

Имеющиеся индикаторы [3]:

30. Удельный вес работников, имеющих среднее профессиональное, высшее образование, в общей численности работников организаций сектора ИКТ по видам экономической деятельности;

31. Удельный вес работников, имеющих среднее профессиональное, высшее образование, в общей численности работников организаций ИТ-отрасли по видам экономической деятельности;

Дополнительные индикаторы, предложенные автором, распределенные, в том числе, по формам собственности, по величине, по видам экономической деятельности, по полу, по возрастам [1]:

32. Удельный вес работников, имеющих среднее профессиональное, высшее образование, в общей численности работников организаций сектора ИКТ;

33. Удельный вес работников, имеющих среднее профессиональное, высшее образование, в общей численности работников организаций ИТ-отрасли;

34. Удельный вес работников, имеющих среднее профессиональное, высшее образование, в общей численности работников организаций сектора контента и СМИ;

35. Удельный вес работников, прошедших в течение трех последних лет переподготовку, повышение квалификации, в общей численности работников организаций ИТ-отрасли;

36. Удельный вес работников, прошедших в течение трех последних лет переподготовку, повышение квалификации, в общей численности работников организаций сектора контента и СМИ;

Качество ИКР — «Навык»

Имеющиеся индикаторы [3]:

37. Занятое население, имеющее среднее профессиональное, высшее образование по специальности, связанной с ИКТ, по возрастным группам;

38. Занятое население, имеющее среднее профессиональное, высшее образование и основную работу по профессии, связанной с ИКТ, по видам экономической деятельности и возрастным группам;

39. Численность специалистов по ИКТ высшего уровня квалификации в расчете на 10000 работников организаций (по видам экономической деятельности, по формам собственности, по величине);

40. Численность специалистов по ИКТ среднего уровня квалификации в расчете на 10000 работников организаций по видам экономической деятельности (по видам экономической деятельности, по формам собственности, по величине);

41. Структура занятых в секторе ИКТ по возрастным группам и видам экономической деятельности;

42. Структура занятых в ИТ-отрасли по возрастным группам и видам экономической деятельности;

43. Возрастная структура занятого населения, имеющего среднее профессиональное, высшее образование и основную работу по профессии, связанной с ИКТ;

44. Навыки работы на персональном компьютере;

45. Навыки работы на персональном компьютере по возрастным группам населения;

Дополнительные индикаторы, предложенные автором распределенные, в том числе, по формам собственности, по величине, по видам экономической деятельности, по полу, по возрастам [1]:

46. Удельный вес работников, обладающих навыками ведения переговоров посредством ИКТ, в организациях;

47. Удельный вес работников, обладающих навыками осуществления профессиональной деятельности посредством ИКТ, в организациях;

48. Удельный вес работников, обладающих навыками поиска профессиональной информации посредством ИКТ, в организациях;

49. Удельный вес работников, обладающих навыками обработки профессиональной информации с помощью профессиональных программ посредством ИКТ, в организациях;

50. Удельный вес работников, обладающих навыками поиска работы посредством ИКТ, в организациях;

51. Удельный вес работников, обладающих навыками заключения трудового договора посредством ИКТ, в организациях;

52. Удельный вес работников, обладающих навыками продвижения своей карьеры в сети посредством ИКТ, в организациях.

Сформированная группа показателей позволяет составить полноценную характеристику информационной компетентности работника, а также выявить факторы, оказывающие основное влияние на ее развитие.

Список источников

1. Новикова И. В. Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке Российской Федерации: монография. М. : ООО «Русайнс», 2017.
2. Ноосферизм — новый путь развития: коллективная научная монография : в 2-х кн./ под науч. ред. Г. М. Иманова и А. А. Горбунова. СПб. : Астерион, 2017.
3. Индикаторы информационного общества: 2016: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, М. А. Кевеш и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2016. URL: www.gks.ru.

Г.З. Файнбург

БЫСТРЫЙ РОСТ ПРЕКАРИАТА КАК УГРОЗА БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО И БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ОХРАНЫ ТРУДА)

ФАЙНБУРГ Григорий Захарович — доктор технических наук, профессор, директор Института безопасности труда, производства и человека Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия; faynburg@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены угрозы благополучию современного и будущего общества из-за быстрого роста прекариата в России, спровоцированного недоработками законодательства о трудовых отношениях. Оценена численность прекариата.

Ключевые слова: прекариат, будущее общество, труд

Формирование рынка труда в пост-советской России происходило и происходит в рамках сложившихся ранее в иной социально-экономической системе социально-трудовых отношений, несмотря на то, что новая экономическая система объективно нуждается в новых типах организации труда и, следовательно, в новых типах правоотношений по поводу труда. Они же в свою очередь активно влияют на социальные процессы и структуру общества.

Изменение технологических процессов, нарастание применения автоматизированных поточных линий объективно вытесняет «живой труд» за рамки непосредственного производства и порождает возможность использования вместо постоянно полной занятости пролетариата частичную временную занятость лиц, названных емко и четко — прекариатом. Это название отражает их основной характерный признак — неустойчивость правоотношений по поводу труда и отсутствие так называемого «социального пакета», обеспечивающего индивидууму нормальное существование в буржуазном обществе.

Долгие годы основным источником формирования прекариата в России являлось самозанятое население (работающее по найму по договорам гражданско-правового характера). Число таких лиц долгое время было достаточно небольшим и не меняло общую картину рынка труда лиц, вступающих или вступивших в трудовые отношения с работодателем. Однако с 1 января 2016 года Трудовой кодекс РФ популистски провозгласил запрещение заемного труда и одновременно его фактически легализовал. С этого момента темпы роста прекариата в России

стали быстро нарастать, а численность прекариата достигла значения, когда он начал нести пока плохо осознаваемые Регуляторами угрозы производству, рынку труда, всему российскому обществу.

В докладе эти угрозы рассматриваются через призму «возмещения вреда» пострадавшим и механизмов обеспечения охраны труда работников. Это позволяет разделить всех работающих по найму лиц на работников, т.е. лиц, работающих в интересах работодателя, и связанных с последним «трудовыми отношениями», закрепленными «трудовым договором» трудового права, и на иных лиц, трудящихся «вне трудового права» и для многих категорий которых нет даже юридического либо общепринятого краткого наименования.

Центральным и социально-значимым «поражением в правах» лиц, занятых трудом, является несомненно совершенно различные и неравноправные механизмы «возмещения вреда» при «утрате трудоспособности», профессиональной и (или) общей, превращающая производительного члена общества (кормильца) в его бремя.

Эти механизмы могут рассматривать и формироваться с различных точек зрения.

Социальные науки рассматривают эти механизмы с позиции «безопасного и устойчивого развития» общества, фиксируя свое внимание на утрате трудоспособности, поскольку трудоспособный и трудящийся человек не только обеспечивает свое существование, но обеспечивает своих иждивенцев и т.п., приносит пользу обществу. Утративший трудоспособность человек становится бременем для общества.

В условиях «серой» экономики такой подход оказывается методологически полезным и эвристически ценным, поскольку позволяет следить за макропроцессами, не вдаваясь в их микроструктуру и микродинамику.

В нашей стране (по данным доклада Минтруда России в Правительстве РФ) 71,4 млн работающих и 48,7 млн рабочих мест. Из этих работающих (по данным ФСС РФ) только 57,8 млн застраховано от утраты трудоспособности. При этом в России около 5,2 млн работодателей-страхователей и 504 тыс. получателей обеспечения по страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Расходы ФСС РФ составляют более 51 млрд рублей!

Эти цифры позволили нам впервые относительно объективно оценить число лиц прекариата, единственным средством существования которого является труд, оформленный правоотношениями, не вытекающими из трудового договора. Проведенная нами по простой оригинальной методике оценка дает порядка 13—20 млн лиц, полностью лишенных социальной защиты от экономических и социальных последствий утраты трудоспособности.

Показано, что число таких лиц стремительно растет, поощряемое рен-тоориентированным законодательством. Оно бездумно создает условия «дрожжевого роста» прекариата, выгоды от существования которого привлекают лишь отдельные лица и отрасли экономической деятельности, а убытки и издержки ложатся на плечи бюджета всей страны и тем самым — всех граждан.

Произведена оценка возможного бремени общества от пострадавших на производстве, если и дальше все они окажутся вне юрисдикции охраны труда — 10 млн получателей того или иного социального обеспечения при полном необеспечении внебюджетными средствами необходимых затрат.

Более того, упрощая проблемы занятости для отдельных работодателей, повышая рентабельность их производств, прекариат грозит обществу в целом и многими другими бедами. Эти беды связаны с «выпаданием» лиц прекариата из рабочих коллективов, утрату ими чувства принадлежности тому или иному «родному заводу». Эта, чисто социальная проблема, зачастую отвергаемая по идеологическим причинам — «совком запахло». Представители прекариата связаны с его социализацией, индивидуализацией, готовностью за три копейки выполнить не только любую работу, но и выйти на массовые демонстрации организованного «протеста». Это создает дополнительные угрозы устойчивому развитию нашей страны.

В заключение отметим, что трансформация всей законодательной базы системы охраны труда — серьезная проблема, но она необходима, а, главное, возможна. Безумному формированию прекариата надо ставить заслон. Предложены варианты таких «заслонов», опирающиеся на практику Республики Беларусь.

У Яао

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕКАРИЗАЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ

У ЯАО — аспирант социологического факультета МГУ им. Ломоносова, г. Москва, Россия;
abril510@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу прекаризации в современной России и Китае. Формирование и развитие прекаризации носит негативный характер, и оказывает значительное влияние на социальную стабильность общества. В статье автор анализирует проблему нестабильной занятости двух стран, пытаясь определить причины возникновения этого социального явления.

Ключевые слова: прекаризация, рабочий класс, прекариат, Россия, Китай, рабочие мигранты

Изменение социальной структуры в трансформирующемся обществе повлекло за собой целый ряд значимых социальных последствий. Произошло существенное расслоение в одном из главных социальных субъектов — рабочем классе. Кто-то смог в достаточной мере приспособиться к новым условиям и овладеть новыми технологиями, кто-то продолжает продавать не знания и способность ими владеть, а только свою рабочую силу в ее преимущественно физическом виде.

Как известно, понятия «рабочий», «пролетариат», существуют в нашей культуре уже не одно столетие. В истории их рассматривают как самый бедный слой населения, который и сегодня представляет собой сословие рабочих, совокупность неимущих людей. Но поскольку отношения в сфере производства больше не определяют социальный статус граждан, для описания современной структуры общества требуются новые подходы. Например, Андре Горц давно уже в труде «Прощание с пролетариатом» упомянул о «конце рабочего класса». Р. Кастель придал динамику сферы труда последних тридцати лет «прекаризация», отмечая, что всё больше людей борются с неопределенным будущим.

В целях определить характеристики тех, кто принадлежит к рабочему классу или тех, кто остался без работы, социолог Ульрих Бек, профессор Мюнхенского Университета, ввел термин «прекариат», который образован от двух частей: «precarius» (в переводе с английского означает «нестабильный», «неустойчивый») и всем известного термина — «пролетариат». Считается, что прекариат характеризуется следующими признаками:

нестабильная занятость, низкий уровень заработной платы, слабая социальная защищенность, ограничение возможностей воспроизводства профессиональных навыков, отсутствие прав представительства, легкая заменяемость и т. д.

Прекаризация, как отмечал член зиновьевского клуба П. И. Родькин, её возникновение и развитие в Европе и США было тесно связано с фундаментальной реструктуризацией труда и общественного дохода в процессе глобализации и неолиберальной политики второй половины 20-го века. Рост прекариата имеет отношение к ряду социальных и экономических явлений (в первую очередь к развивающейся рыночной экономике), в результате чего изменялась и продолжает изменяться структура экономики и социального порядка современного общества.

В России формирование прекариата было связано с приватизацией 90-х годов прошлого века. В то время российское общество осуществлялось переход к новым рыночным правилам игры, вместе с тем многие работники не были готовы к этому. Следовательно, возник кризис занятости, который в первую очередь отражается в росте процента безработицы. По данным Федеральной службы государственной статистики, с 2000 по 2010 г. в течение 10 лет из экономически активного населения доля безработных занимала не меньше 7%. Более того, прекаризация имеет отношение к неустойчивой занятости, которая при исследовании учёные привязали к росту неформальной занятости. По официальным данным Росстата, за последние 15 лет показатель неформальной занятости увеличился с 14,1% (2001 г.) до 20,5% (2015 г.). Неустойчивая занятость касается не только неформальной занятости, но и части занятости формального типа, в российской экономике такие формы формальной неустойчивости занятости получили широкое распространение, как занятость с заключением срочного трудового договора; занятости в режиме неполного рабочего времени; договоры аутстаффинга, занятость на основании трудовых договоров с условием работы вне места нахождения. Согласно исследованию В. Н. Бобкова, половина наемных работников России обладают одним из признаков высокой неустойчивости занятости: низкий уровень заработной платы, неразвитости социальных прав и гарантий.

По мнению китайского социолога Сун Липина, в Китае проблема прекаризации является одним из неизбежных результатов реформирования и реконструкции государственных предприятий в 90-х годов прошлого века. Много из бывших работников не могут найти новую работу, вместо чего опускаются на социальное дно. А для тех, кто является наемными рабочими, им бросили серьезный вызов — конкуренция жизненных шансов с рабочими мигрантами, т. е. те, кто представляет собой бывших крестьян из деревень, но перестал заниматься сельским хозяйством,

вместо этого работает в городском пространстве, в индустриальной и торговой сферах, а также в сфере услуг. Рабочие мигранты сталкиваются с многочисленными проблемами при устройстве на работу: частичная смена работы, недостаточное социальное обеспечение, слабая социальная защищённость и т. д. Они характеризуются неустойчивой занятостью, так как много из них не заключают договор с работодателями (63,8 % в 2015 г). По данным государственного статистического управления КНР, в 2015 году общая численность наёмных рабочих в городах составляла 404 мл, из них число рабочих мигрантов достигло 277 мл. С одной стороны, значительное число избыточной рабочей силы из деревень обеспечивает гарантийный запас на рынке труда, а с другой стороны, их конкуренция с традиционными рабочими приведёт к формированию замкнутого круга: чем острее между ними борьба, тем хуже условия занятости, а чем хуже условия занятости, тем острее борьба.

Кроме того, в современном Китае существует еще один особый род рабочих, которые принадлежат к прекариатам — молодые рабочие (выпускники вузов). Их называют «муравьиное племя» (ant tribe). Этот термин был введен китайским социологом Лянь Сы, так как считал, что «они во всех отношениях напоминают муравьев. Они умные и трудолюбивые, живут колониями в ужасной темноте. При этом безымянные и низкооплачиваемые». Из-за замедления экономического роста и несовершенной образовательной подготовительной системы в Китае, много выпускников находятся перед трудностью устройстве: процент занятости китайских выпускников вузов в 2014 г. составлял 82,1 %. В том же году средняя зарплата муравьиного племени была 3487 юаней (512,8 долл.) Ежегодно более чем 7 мл. выпускников оканчивают вузы, проблема интеллектуальная безработица продолжает усиливаться.

Рассмотрев положение прекаризации в России и Китае, мы приходим к выводу, что, различаясь конкретными проблемами, последствия формирования прекариата в двух странах могут носить негативный характер, и это вполне определяет нестабильность общества. Как отмечают З. Т. Голенкова и Ю. В. Голиусова: прекаризация в сфере занятости порождает эмоциональную, психологическую и социальную нестабильность, которая ведет к латентному социальному конфликту и провоцирует протестное поведение людей.

Список источников

1. Бобков В. И. Неустойчивость занятости в России и Казахстане: сущность, масштабы, последствия. URL: <http://www.astanaforum.org/2014/ru/events/kazakhstan-2050-in-the-age%20of-ten-global-challenges-of-xxicentury>.

2. Голенкова З. Т. Новые слои в социальной структуре российского общества // Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : Институт социологии РАН, 2008.
3. Индикаторы достойного труда // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/.
4. Мамедов А. К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестн. Моск. Уни-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 2.
5. Федорова А. Э., Парсюкевич А. М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. 2013. № 5.
6. Castel, R. Die Wiederkehr der sozialen Unsicherheit /R. Castel, K. Dörre, (Hrsg.) Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., New York, 2009.
7. Lian Si. Ant tribe II. Whose time? Beijing, 2010.

В. Н. Бобков

ВЫЗОВЫ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ

БОБКОВ Вячеслав Николаевич — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор генеральный директор Всероссийского центра уровня жизни, главный научный сотрудник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия; bobkovvn@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вызовы неустойчивости занятости в аспекте реализации инициативы МОТ о будущем сферы труда. Показано, что современные тенденции развития «нестандартных» форм занятости, с организационно — технической стороны, обусловлены быстрыми структурными изменениями производства товаров, услуг и информации, расширения гибкости рынков труда (*labour market flexibility*), а с социально — экономической стороны, они же выражаются в неустойчивости занятости (*precarity of employment*). Обращено внимание на: а) вынужденное, для работников, а не добровольное сужение сферы занятости на основе официальных бессрочных трудовых договора со стандартной рабочей неделей и ущемление их трудовых и социальных прав; б) недооценку этой проблемы со стороны российского государства, деятельность которого направлена преимущественно компенсацию экономических потерь страны от неуплаты налогов и страховых взносов. Предложено шире использовать социологическую науку для изучения и выработки мер по сокращению размеров прекаризации занятости. Определены те ее формы, которые могут быть выявлены в процессе социологических исследований.

Ключевые слова: будущее сферы труда; международная организация труда, неформальная экономика, нестандартные формы труда, неустойчивость занятости; трудовые и социальные права работников; экономические и социологические методы исследования

1. В инициативе столетия о будущем сферы труда МОТ поставлена проблема о рисках и эрозии замены «... прочных социальных сетей, основанных на общем трудовом опыте, длительных личных отношениях и обязательствах, вытекающих из стабильных трудовых отношений (*stable employment relationship*), на ... ситуации, в которых отдельные лица теряют социальную идентичность, которую придает им труд, становясь изолированными, неуверенными и отчужденными в силу своего трудового опыта...» [1, 2015, с. 10—11].

2. Постановка этой проблемы непосредственно увязана МОТ с такими характеристиками экономики и сферы труда как «неформальная экономика» (informal economy), «нестандартные формы труда» (non — standart forms of work), распространение гибких, краткосрочных и переходных форм занятости (flexible, short — term and transient forms of work), когда работники будут все более мобильными в пространственном и функциональном отношении.

3. МОТ выдвинута гипотеза, состоящая в том, что «...там, где трудовое правоотношение существует, оно может все дальше отходить от классического бессрочного правоотношения, предусматривающего занятость на условиях полного рабочего времени, вместо этого принимая одну из множества «нестандартных» форм, в том числе занятости на условиях неполного рабочего времени, срочных и гибких трудовых договоров. Кроме того, некоторые предприятия обходятся прямым наймом рабочей силы для всех или большинства производственных операций, как правило, на основе субподряда, аутсорсинга, сторонних агентств и систем поставок, которые все чаще принимают глобальные формы» [1,2015, с. 14].

4. Тот факт, что долгосрочная тенденция роста доли наемных работников в составе глобальной рабочей силы в настоящее время застыла, свидетельствует, по мнению МОТ, о том, что представление о прогрессе на рынке труда «... в виде одностороннего движения от неформального статуса работников к формальному, может страдать существенными изъянами. Повышается вероятность того, что различные постоянные формы самозанятости превратятся в конечную альтернативу в сфере занятости...» [1,2015, с. 14].

5. Проходящая в настоящее время дискуссия по осмыслению этих тенденций в сфере труда, на наш взгляд, должна опираться на два теоретико — методологических положения:

— с организационно-технической стороны, отмеченные выше процессы в сфере труда, обусловлены быстрыми структурными изменениями производства товаров, услуг и информации, расширения гибкости рынков труда (labour market flexibility) и появлением новых форм занятости. Это отвечает интересам работодателей.

— с социально-экономической стороны, современные формы воспроизводства рабочей силы, обуславливают неустойчивость занятости (precarity of employment). Вынужденное для работников сужение сферы занятости на основе официального бессрочного трудового договора со стандартной рабочей неделей и ее расширение на условиях срочных, гражданско — правовых и иных отношений занятости, а также при неформальной занятости в формальной экономике, скрытом производстве,

при незаконной деятельности и безработице, ущемляет их трудовые и социальные права [2, 2014, с.90—91].

6. Прекаризация занятости имманентно присуща рыночным экономикам с преобладанием частно — капиталистических форм собственности на средства производства. МОТ этот феномен общественных отношений в сфере труда рассматривает сквозь призму двух категорий контрактного соглашения, характеризующихся четырьмя неустойчивыми условиями труда[3,2012].

7. Неустойчивость занятости является глобальной проблемой современности. Ее огромные масштабы и многообразие форм, том числе, внешняя трудовая миграция, представляют собой источник избыточного социальн-экономического неравенства и роста неустойчивости общественного развития.

8. В России, начиная 90-х годов прошлого столетия, мере формирования рыночной экономики и капиталистических трансформаций, внимание, в основном, обращалось на анализ новых форм занятости. Они рассматривались, преимущественно, с организационно — технической стороны, в аспекте обеспечения адекватности структуры экономики и рынков труда.

9. Практика хозяйствования и обеспечивающие ее научные исследования были подчинены, прежде всего, созданию работодателям условий для эффективного ведения бизнеса, нередко, в ущерб народнохозяйственной эффективности экономического развития. Следствием этого стали огромные масштабы теневой экономики и занятости, что перестало отвечать интересам развития страны.

10. Начиная с середины второго десятилетия 2000-х годов, государство непосредственно обратилось к проблематике сокращения неформальной занятости в официальной экономике и в скрытом производстве, в которую к тому времени оказались вовлечены, по разным оценкам от 16 до 30 млн человек. Однако, в решении этих проблем преобладает трансформация условий ведения бизнеса и занятости, направленная на компенсацию экономических потерь страны от скрытого производства и неуплаты налогов, и страховых взносов.

11. Незащищенность экономических и социальных прав работников от неустойчивости занятости до сих пор не выдвинута в число приоритетных задач государственной политики. Первоначальный этап накопления капитала и быстрое формирование российской финансовой олигархии, породили множество уродливых форм прекаризации занятости. Работникам приходится самостоятельно искать способы экономического и социального выживания в обществе преобладания антагонистических классовых интересов.

12. Инструменты сокращения сферы неустойчивости занятости лежат в плоскости использования современных достижений научно — технического прогресса, позволяющих трансформировать общественные отношения в сфере труда в направлении расширения сферы достойного труда.

Для этого необходимо всестороннее изучение современных трендов трансформации сферы труда экономической и социологической науками.

В России сфера неустойчивости занятости больше широко исследуется экономической наукой. Однако, целый ряд существенных характеристик этого явления не может быть выявлен без широкого социологического контекста ее изучения и оценивания.

13. Выявление самооценок работников позволит охарактеризовать следующие формы и степень неустойчивой занятости:

— в области природы трудового взаимоотношения: занятость на основе устной договоренности, вынужденный характер отношений, прекаризацию занятости в результате мошеннических действий работодателей, скрытые отношения найма, фиктивную самозанятость, выявить характеристики дистанционной занятости, самозанятости и др.;

— в области неустойчивых условий труда: охарактеризовать защищенность от прекращения трудовых отношений, отсутствие доступа работников к механизмам социальной защиты, к реализации своих прав на рабочем месте и благам, ассоциирующимся со стандартной занятостью и др.

14. Широкий контекст трансформации общественных отношений, порождаемых неустойчивостью занятости, может быть выявлен социологической наукой в результате изучения общественных институтов семьи, профессиональных объединений и др., а также неустойчивости глобального общественного развития.

Список источников

1. Доклад Генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» на Международной конференции труда, 104 Сессия. Женева, 2015.
2. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь/ под. общ. ред. В. Н. Бобкова. Москва: ВЦУЖ; «Русаки», 2014.
3. ILO. 2012. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_dialogue/-actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (24.08.2016).

Д. С. Сидоров

ДАУНШИФТИНГ КАК ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТНОГО АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

СИДОРОВ Даниэль Сергеевич — магистр I курса, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия; 13arhyz2015@gmail.com

Аннотация. В статье с позиции теории аномии рассматривается явление дауншифтинга — нового способа проявления социального ретретизма. Приводится авторская типология, предполагающая характеристику основных видов добровольной нисходящей вертикальной мобильности, дан обзор особенностей дауншифтинга в России. Явление дауншифтинга рассматривается не только как новое явление в жизни современного общества и как способа проявления социального ретретизма, но и как мощного посыла для формирования новой страты в социальной структуре

Ключевые слова: формы отклоняющегося поведения, поведенческое приспособление, способы проявления социального ретретизма, добровольная нисходящая вертикальная мобильность, социальные сообщества, «общество потребления».

Изучение отклоняющегося от социальных норм поведения членов общества всегда было одной из центральных тем теоретических исследований ученых различных научных направлений: социологов, психологов, психиатров и т. д. Особое значение подобные исследования приобретают в период аномии — особого состояния общества, характеризующегося кризисом и даже распадом его ценностно-нормативной системы. Описанное впервые в классической социологии Э. Дюркгеймом, это явление изучалось целым рядом исследователей: в социологии Р. Мертоном, Т. Парсонсом, Р. Дубиним, психологами — Р. Маккайвером, Д. Рисменом, Л. Сроулом и др. Эти исследования внесли значительный вклад в развитие социологической теории и сегодня являются прочным методологическим фундаментом для изучения всех форм отклоняющегося поведения.

В нашей работе отклоняющееся от нормы поведение рассматривается как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения. Это означает, что в некоторых случаях источником поведенческого приспособления индивидов является частично отвергаемая социальная структура. В концепции аномии Роберта Мертона одной из таких форм приспособ-

ления выступает ретретизм [3]. Ретретизм, как форма приспособления к жизни в обществе, характеризующаяся бегством от действительности, отрицанием целей и социально одобряемых средств их достижения, по сравнению с другими формами приспособления встречается довольно редко. Отметим, что в разные времена и исторические эпохи ретретизм имеет свои характерные черты и особенности. В социологическом смысле индивиды, предпочитающие такую форму приспособления к жизни в обществе, являются «чужаками», ибо, не разделяя общую ориентацию, они могут быть отнесены к числу членов данного общества чисто формально. Индивиды, выбравшие для себя такой путь приспособления, отказываются от общепризнанных в данной культуре ценностей и норм и их поведение не находится в согласии с институциональными нормами. Положения классической теории дают возможность анализа, сформировавшегося в современном обществе нового способа выражения ретретизма, к которому прибегает все большее количество индивидов. Сторонники такого способа предпочитают отказ от социально признанных целей в пользу своих собственных, индивидуальных интересов и ориентацию на свои внутренние желания, потребности и «высшие» ценности [1].

Такой способ ретретизма носит название — дауншифтинг (считается, что термин «дауншифтинг» был впервые использован в печати американской журналисткой Сарой Бен Бреатна в статье «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е» (*Living in A Lower Gear: Downshifting: Redefining Success in the 90s*), опубликованной в газете «Вашингтон Пост» 31 декабря 1991 г.). Движение дауншифтинг распространилось на рубеже XX—XXI вв. в странах Запада как добровольное долгосрочное изменение стиля повседневной жизни, которое может проявляться в изменении трудовой занятости, повседневных практик, социальной и географической мобильности [10]. Необходимо заметить, что явление дауншифтинга, освещаемое в данной статье, не является абсолютно новым в жизни общества. Пример классического дауншифтинга — это, так называемое, движение «опрощения» — выбор человеком образа жизни, связанного с отказом от большинства благ современной цивилизации. Причины такого выбора могут быть различными — этическими, религиозными, экологическими и т.д. Этот способ выражения ретретизма, ухода и отказа от общепринятых ценностей не следует смешивать с аскетизмом, так как не всех сторонников опрощения будет правильно назвать аскетами.

Знаменитым примером опрощения является жизнь классика русской литературы Льва Николаевича Толстого. После глубокого мировоззренческого кризиса, сопряженного с религиозными исканиями, писатель пришел к мысли, что настоящая жизнь — это жизнь земле-

дельца, крестьянина, «простого трудового народа», не обремененного излишними материальными ценностями [5]. Следствием такой позиции оказался уход от общепринятых общественных ценностей: высоких чинов, вертикального продвижения по службе и прочих материальных благ, переход к более простой жизни, следование высшим человеческим ценностям — таким, как семья, духовность, гармония и единение с природой и т. д. Масштабность такого способа проявления ретретизма, как дауншифтинг в разных оценках варьируется, однако независимо от оценки данного явления, речь идет о естественном процессе образования нового социального сообщества — формировании группы со специфическими особенностями поведения и потребления, которую следует проанализировать с точки зрения теории стратификации [2].

Социологический анализ предполагает изучение причин подобного рода мобильности. На наш взгляд, ими могут стать как смена ценностно-ориентационных установок, так и психологические проблемы, такие как: стресс, усталость, неудовлетворенность собственной жизнью и т. д. Так как сообщество дауншифтеров нельзя назвать однородным, важно дать характеристику основным направлениям внутри социального сообщества и выделить типы дауншифтинга.

На основе проведенных исследований в Европе и США, а также на основе анализа научных и научно-популярных статей о дауншифтинге, разработана авторская типология, предполагающая характеристику основных видов добровольной нисходящей вертикальной мобильности. По степени активности можно выделить активный и пассивный дауншифтинг. Пассивный дауншифтинг. В основе идеологии данного типа поведения лежит ориентация на внутренние, индивидуальные потребности, желание отказаться от общественных ценностей. Акции протеста, громкие призывы, показательное асоциальное поведение — все эти черты не характерны пассивному дауншифтеру, ценностью является лишь его внутреннее мироощущение и гармония. В рамках данного типа можно выделить 2 степени ухода: «легкий» дауншифтинг и «глубокий» дауншифтинг. «Легкий» дауншифтинг проявляется в уменьшении рабочих часов, переходе на свободный, гибкий график (freelance), снижении уровня потребления и, как следствие, снижении уровня затрат, переходе на более «экономичный» вариант жизни. Так, работники, занимавшие ранее позиции топ-менеджеров, начинают больше уделять время досугу, семье и своему внутреннему миру, меняют дорогие автомобили на велосипеды, жители мегаполисов мигрируют в деревни и страны третьего мира, переходят на экологически чистое питание и к так называемому стилю «simple living» (простая жизнь).

Отметим, что впервые термин «simple living» появился в 1981 г. в книге Дюэйна Элгина «Voluntary Simplicity» (Добровольная простота), представляющую собой конспект убеждений и методик, вытекающих из идей контркультуры 1960-х гг. Эта книга породила одноименное движение, которое представляет собой намеренную попытку отстраниться от цикла «работа-траты- долги», характеризующего современную жизнь. Это движение не выступает за бедность и примитивизм, а призывает лишь пользоваться благами цивилизации для более полного насыщенного существования, для привнесения порядка и ясности в жизнь индивида [6].

Основываясь на результатах исследований, проводившихся европейскими и американскими исследовательскими центрами, мы можем дать характеристику данного типа дауншифтинга. Последователей данного движения можно охарактеризовать, как людей старающихся меньше и разумнее потреблять, задумываясь об окружающей среде, энергоресурсах, своем внутреннем, психологическом здоровье. Данный тип особенно развит в США и Великобритании, по данным исследований доля дауншифтеров в Великобритании на 2005 г. составляла 28% [9]. К пассивному типу относится и зарождающееся движение дауншифтеров в России.

Анализ интернет-сообщества показал, что дауншифтинг в России имеет свои особенные, характерные черты. В нашей стране на данный момент дауншифтеров значительно меньше, чем в странах Запада, это связано, в первую очередь, с социально- экономическими причинами, но их количество может увеличиваться в ходе трансформации общественного устройства. В России по-прежнему высока значимость материальных благ и ценностей, а дауншифтинг возникает в ходе пресыщения благами вследствие высокого экономического развития. Но эта ситуация меняется, экономика России становится стабильней, постепенно формируется средний класс и уровень идентификации россиян с жителями Европы и США непрерывно растет, следовательно, мы можем говорить о прогрессировании дауншифтинга в современной России. Исходя из данных, полученных в ходе анализа содержания интернет-ресурса сообщества дауншифтеров, можно выделить основные темы, интересующие российских дауншифтеров.

На основании анализа интернет-дневников участников сообщества на сайте LiveJournal.com [4] нами выявлены основные темы «постов» (записей в интернет-дневниках членов сообщества). По данным на 9.03.2015, в сообществе дауншифтеров состоят около 1200 человек. По нашим расчетам 65% из них активно участвуют в жизни сообщества: идентифицируют себя с дауншифтерами: ведут свои дневники, делятся опытом «дауншифтинга», комментируют дневники других пользователей,

остальные 35 % пользователей играют роль сторонних наблюдателей: активно в жизни сообщества не участвуют. Были проанализированы записи участников интернет — сообщества во временном промежутке с 2012—2015 г., всего за этот период было опубликовано более 350 записей на тему дауншифтинга, при этом 50 записей были посвящены организационным проблемам, поэтому были исключены из анализа.

Тематический анализ показал, что среди тем, интересующих членов сообщества, на первое место выходят темы жизни в деревне и сельского быта (125 из 300). В данных постах авторы поднимают вопросы, связанные с обустройством жизни в деревне, такие как: вопросы земледелия и животноводства, «как построить дом», «как построить печку», «методики земледелия», «простые способы сделать незаменимые в хозяйстве вещи своими руками», взаимодействие с сельскими жителями «трудности сельской жизни», «изнанка жизни на селе» и т. д.

Тема экопоселений оказалась на втором месте среди вопросов, интересующих современных российских дауншифтеров. 67 тем из 300 посвящены так называемым «экопоселениям» — поселение, созданное для организации экологически чистого пространства для жизни группы людей, как правило, исходящих из концепции и организующих питание за счет (одна из форм общины) [8]. В рамках этой категории авторы пишут на тему создания новых экопоселений, правилах жизни в них, делятся опытом жизни в таких общинах и т. д. Сюда же примыкают посты, посвященные экологии и здоровью (10 тем из 300): сбережение энергоресурсов, производство экологически чистых продуктов питания, темы вегетарианства и «разумного» потребления.

Как показывает анализ, определенное место авторы живых дневников посвятили вопросам «миро- устройства» (54 из 300 тем): посты были посвящены проблемам общества потребления, строительству «другого общества», «мои представления об ответственной, естественной жизни», «проблемы современности и мои предложения по их решению», «бегство от потребительства к счастливой жизни», «город как черная дыра человечества» и т. д. Из этих показателей можно сделать вывод, что русский дауншифтинг в определенной степени носит идеологический характер.

Наиболее интересным для нашего исследования был вопрос о причинах дауншифтинга, так как личные истории каждого дауншифтера помогут глубже охарактеризовать и понять явление дауншифтинга в целом. 25 тем посвящены описанию собственного опыта «дауншифтинга»: участники сообщества говорят о том, почему предпочли вариант «упрощения» собственной жизни, пожертвовав карьерой, социальным статусом и жизнью в мегаполисе. Также авторы дневников приводят в пример дауншифтинг своих западных единомышленников. Дауншифтеров инте-

ресуют также проблемы альтернативной занятости (8 тем): поднимаются вопросы «фриланса». В современных исследованиях фрилансер-человек, выполняющий работу без заключения долговременного договора с работодателем, нанимаемый только для выполнения определенного перечня работ (наемный работник). Рассматриваются такие темы, как: «альтернативная занятость в сельской местности», «работа в деревне» и т. д. Практически не затронуты темы «дети и образование» (6 тем из 300), темы, посвященные дауншифтингу в странах третьего мира (4 из 300). Есть несколько постов, посвященных обсуждению фильмов и телепередач о дауншифтинге.

Из проведенного исследования можно сделать вывод: основной чертой российского дауншифтинга является пространственное перемещение (переезд в деревню или экопоселение, смена жизни в мегаполисе на более «экологичный» образ жизни). Важно подчеркнуть, что российские дауншифтеры предпочитают переезд в российские деревни, переезду в страны третьего мира (Индия и т. д.) как правило не предполагается (1,3% постов). Русский дауншифтер стремится к более спокойной, размеренной жизни, к сохранению психического и физического здоровья. Проблемы образования и социализации детей практически не затрагиваются (всего 2% из обсуждаемых тем), причиной подобной ситуации является «инфантилизация» дауншифтеров, ибо такой дауншифтер стремится уделять большее внимание видам деятельности, доставляющим удовольствие (что характерно для детей).

В рамках «пассивного» типа дауншифтинга следует выделить «глубокий» дауншифтинг, представляющий особый интерес для социологов. Это своеобразная форма выражения ретретизма, при которой индивид кардинально меняет свою жизнь и максимально понижает свой социальный статус. В основе этого способа ухода лежит идеология особого рода (например, идеология «опрощения», как у последователей движения Л. Н. Толстого). Приверженцы данного способа ухода от общества переселяются из мегаполисов в глухие деревни, отвергают любые блага цивилизации, сознательно опускаются на самую последнюю ступень социальной лестницы. В крайних случаях индивиды отказываются от использования денежных средств (так называемое движение «money free»), потребляют пищу из мусорных бачков и т. д. Такое поведение проявляется в полной изоляции от общества, затворничестве. Необходимо отметить, что некоторые из последователей такого образа жизни, «испытав себя», вновь возвращаются к нормальной жизни в обществе по общепринятым нормам и порядкам. Активный дауншифтинг. Более редкий, но активно набирающий обороты способ отказа от общественных ценностей. Данный способ выражения ретретизма еще не характерен для российского общества,

но в США и странах Европы вид радикального дауншифтинга становится популярным и формируется в определенное движение, преследующее свои цели, имеющее в своей основе определенную миссию.

Активный дауншифтинг представляет собой тип полного отказа от ценностей общества, резкое понижение по социальной лестнице. Приверженцы данного способа проявления ретретизма склонны к кардинальной смене места работы и занимаемой должности: от позиции топ-менеджера до разносчика газет или уборщика (денежные средства воспринимаются ни как показатель статуса, а как средства к выживанию). Как правило, активный дауншифтинг основывается на какой-либо идеологии. Чаще всего представители данного типа являются приверженцами так называемой «зеленой экономики» (выступающей против фокуса на экономической составляющей и за смещение акцентов в сторону социологии и биологии), движения против «общества потребления» [7] и т. д. В данном случае прежние достижения индивида обесцениваются и устаревают с течением времени, поэтому продолжать прежний путь существования становится бессмысленно и невозможно по причине отсутствия значимых внутренних стимулов. Естественным образом возникает необходимость обретения новых целей и смены пути, зачастую радикальной. Если в первом типе дауншифтинга шла речь о желании избавиться от чего-то чуждого, подменяющего и подавляющего собственное Я, то в данном случае речь идет о следовании индивида какой-либо идее. В рамках данного типа дауншифтер бросает вызов обществу своим асоциальным поведением, выражает протест призывами к уменьшению уровня потребления, борьбы с международными корпорациями и возвращению человечества к истинным ценностям. В некоторых работах западных ученых «активные» дауншифтеры рассматриваются как последователи идеологии хиппи и панков. В США и Европе увеличивается и развивается сообщество «активных» дауншифтеров; проходят акции протеста, например, «freegan», в ходе которой дауншифтер на глазах у прохожих употребляет в пищу отходы. Также широкий резонанс получила акция «Захвати Уолл-стрит!» — все эти способы выражения социальной активности и позиции освещаются в СМИ и, безусловно, влияют на общественное мнение.

Антипотребительский активизм дауншифтеров однороден с экологическим активизмом, борьбой с глобализацией и активизмом по защите прав животных, защитниками окружающей среды. Именно общество потребления, набирающее все большие обороты, заставляет людей «снижать скорость» жизни и потребления как ее части. На первый план выходят новые ценности, которые были заменены в обществе культом потребления и карьеризмом. Активные дауншифтеры могут в будущем

организовывать политические партии и влиять на общественное мнение, привлекая в свои ряды все большее количество людей. Данный тип представляет наибольший интерес для социологического исследования, так как количественные и качественные методы исследования данной группы помогут спрогнозировать дальнейшее образование и функционирование подобных направлений дауншифтинга. Безусловно, дауншифтинг, как новое явление в жизни современного общества, требует дальнейшего изучения и прогнозирования не только как способа проявления социального ретретизма, но и как мощного посыла для формирования новой страты в социальной структуре, которую невозможно измерить прежними критериями стратификационного анализа. Группы занятых и безработных в обществе становятся все более различными, следовательно, анализ факторов, детерминирующих эту разнородность — актуальнейшая задача современного социологического анализа и прогноза общественного развития.

Список источников

1. Козырева Л. Д. Нисходящая вертикальная мобильность — добровольно // Социология в системе научного управления: мат-лы IV Всерос. социологического конгресса. М., 2012. С. 260—261.
2. Лисова Е. В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология: электрон. журн. 2008. Т. 9. № 2. С. 56—65. URL: <http://ecsoc.msses.ru>.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 272—275.
4. Сообщество дауншифтеров // LiveJournal. URL: <http://simple-life-ru>.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Дневники. М., 1978. Т. 21. С. 7.
6. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу: турист в поисках аутентичности. М., 2007. С. 122—126.
7. Фромм Э. Иметь или быть. М., 2010. С. 92.
8. Экологическое поселение // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
9. Hamilton C. Downshifting in Britain: a seachange in the pursuit of happiness. Discussion papers. Cambridge, 2003. С. 25.
10. Ray P., Anderson S. Cultural Creatives. New York: Harmony Books, 2000. С. 123.

Г. О. Вяткина

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ВЯТКИНА Галина Олеговна — студентка III курса Брянского филиала РАНХиГС направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», г. Брянск, Россия; galya.vyatkina.00@mail.ru

В данной проблемно-поисковой работе на основе проведенного эмпирического исследования верифицированы отдельные теоретические компоненты концепции управления будущим, в частности, установлено, как чувствуют и воспринимают будущее нынешние государственные гражданские служащие (далее — ГГС) и студенты очной формы обучения направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», которые составят в перспективе кадровый резерв органов власти и управления.

Мною был проведен анкетный опрос чиновников, замещающих должности государственной гражданской службы в шести органах государственной власти: 1) управлении лесами Брянской области; 2) департаменте сельского хозяйства; 3) управлении государственного регулирования тарифов; 4) инспекции гостехнадзора; 5) управлении Роспотребнадзора; 6) УФМС по Брянской области ($N=135$), и студентов очной формы обучения направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Брянского филиала РАНХиГС ($N=122$). Ошибка выборки не более 5%. Анкетирование анонимное, носило раздаточный характер, проводилось в период с 5 по 17 сентября 2016 года. Анкета полужакрытого типа, двух разновидностей — для чиновников и студентов, большая часть вопросов имела сходные формулировки в целях последующего сопоставления мнений.

Рассмотрим некоторые вопросы, которые были представлены в анкетировании.

В первую очередь меня интересовал вопрос о месте прогностической деятельности, анализе альтернатив будущего развития, построении соответствующих сценариев в профессиональной деятельности государственного служащего.

Очевидно расхождение предпочтений респондентов. Практически все студенты расценивают это умение как важное или, по крайней мере, одно из важнейших. Ответы чиновников более прозаичны, это, на мой взгляд,

связано с реалиями служебной жизни, в которой стратегическое видение — удел немногих руководителей. 3 % госслужащих назвали прогнозирование никому не нужным занятием. По всей видимости, чиновники куда менее охотно используют умение анализировать и прогнозировать будущее.

Считаете ли Вы важным в профессии чиновника уметь анализировать альтернативы будущего развития подведомственной отрасли и прогнозировать возможные последствия?	ГГС	Студенты
иное (что именно)	1,5	1,7
это никому не нужное занятие	3,0	0,0
не могу согласиться, что это самое важное: в профессии чиновника есть куда более значимые дела	23,7	1,6
это, одна из важнейших функций, хотя не все удается предвидеть	54,8	67,2
да, я думаю, что это самое важное дело	17,0	29,5

Касаясь вопроса видения будущих проблем, я обнаружила явные различия позиций респондентов.

Как Вы думаете, способны ли Вы предвидеть проблемы в сфере своей профессиональной служебной деятельности, возможные в будущем?	ГГС	Студенты
иное (что именно)	0,0	0,9
практически это невозможно, у меня что ни день — то какая-нибудь проблема, и в самый неподходящий момент	9,7	0,0
вряд ли, чаще всего проблемы приходят неожиданно	42,2	27,0
я часто могу предугадать ход будущих событий, но невозможно всегда опережать время	43,7	63,9
я всегда наперёд вижу, что может произойти, ведь я большую часть своего времени уделяю поиску выхода из ситуаций, которые еще не наступили, но могут случиться	4,4	8,2

Свыше 40 % ГГС уверены в своей способности предугадывать будущие события. Однако почти столько же посетовали, что чаще всего проблемы приходят неожиданно. Это противоречивые суждения скорее обнажают сложность управленческих проблем, чем говорят об истинном прогнозно-аналитическом потенциале работников органов власти. Разумеется, определенным потенциалом чиновники обладают, но он используется неэффективно либо вовсе остаётся невостребованным. Более 60 % студентов считает, что может предугадывать ход будущих событий. В два раза меньше обучающихся, по их мнению, не могут справиться с неожиданно возникающими проблемами. Это свидетельствует о том, что будущие госслужащие обладают всеми необходимыми задатками для данной профессии. Удастся ли студентам развить эти задатки? На этот вопрос мы узнаем ответ только в будущем.

Скорее всего, опрошенных нечасто волнуют проблемы отдалённого будущего, которые их не касаются прямым образом. Это иллюстрируют ответы на следующий вопрос, который задавался исключительно ГГС, как людям, уже погруженным в управленческую реальность.

Задумывались ли Вы о том, как будет выглядеть система государственного управления в России в отдалённом будущем, скажем, лет через 50?	%
иное (что именно)	0,0
никогда не думала(а) на эту тему, мне хватает и повседневных забот	23,7
я редко, можно сказать, практически никогда не задумываюсь о подобных вещах	26,7
меня иногда посещают такие мысли	43,7
да, я часто размышляю об этом	5,9

Ответы на оба вопроса корреспондируют между собой. Размышляя об отдалённом будущем, чиновники ведут себя рационалистично. В данный момент их заботит в большей степени собственное служебное положение. Менее 6 % чиновников часто задумывается о том, как будет выглядеть система государственного управления в России в отдаленной перспективе.

Зато когда дело касается непосредственно своих должностных обязанностей и их возможного изменения, оказалось, над этим задумывается большинство ГГС.

Приходилось ли Вам размышлять о том, какие новшества в Ваших служебных обязанностях могут ожидать Вас в ближайшее время?	%
иное (что именно)	0,7
никогда не думала(а) на эту тему, мне хватает и повседневных забот	7,4
я редко, можно сказать, практически никогда не задумываюсь о подобных вещах	9,6
меня иногда посещают такие мысли	46,7
да, я часто размышляю об этом	35,6

И это логично, ведь речь идёт не об отдалённом будущем, а ближайшем, в котором чиновником могут поджидать неприятные карьерные сюрпризы.

Представляется важным выяснить мотивационные установки студентов, которые раскрываются в ответах на вопрос о сущности должностных обязанностей чиновника:

Задумывались ли Вы о том, чем конкретно Вам придется заниматься, если Вы поступите на государственную или муниципальную службу?	%
иное (что именно)	0,9
никогда не думала(а) на эту тему, мне хватает и повседневных забот	1,6
я редко, можно сказать, практически никогда не задумываюсь о подобных вещах	7,4
меня иногда посещают такие мысли	47,5
да, я часто размышляю об этом	42,6

Около 40 % опрошенных студентов часто размышляет о своих будущих служебных обязанностях. Однако почти половина редко задумывается об этом. Это значит, что большинство студентов имеют размытые представления о том, чем им предстоит заниматься в будущем. Снова получается, что респонденты более всего задумываются либо о настоящем, либо о ближайшем будущем, что не даёт гарантий достойного исполнения своих будущих служебных обязанностей в постоянно меняющейся действительности.

Итоговый результат проведенного эмпирического исследования позволил на основе анализа базовых положений концепции «управления будущим» и эмпирического социологического исследования проанализировать, как ГГС и студенты направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» воспринимают взаимосвязь и взаимозависимость прошлого, настоящего и будущего в контексте профессии государственного гражданского служащего.

1. Установлено, что студенты, оценивая факторы, влияющие на развитие, гораздо больше уделяют внимание событиям, имевшим место в прошлом, нежели будущему, в отличие от госслужащих, которым постоянно приходится предчувствовать события завтрашнего дня.
2. Эмпирически подтверждено предположение о том, что чиновники в отличие от студентов менее охотно используют умение анализировать и прогнозировать будущее, которое содержит в себе аттракторы, объективирующие конкретные управленческие решения.
3. Выявлено, что значительная часть опрошенных студентов и чиновников считает, что они так или иначе занимаются самообразованием, но не все в этом процессе выступают как сознательные субъекты конструирования собственного будущего.
4. Установлено, что большинство студентов имеют размытые представления о конкретных должностных обязанностях государственного служащего.
5. Определено, что в кадровом корпусе государственных гражданских служащих Брянской области имеется кадровое ядро, обладающее повышенной настроенностью на будущее, и определенным прогнозно-аналитическим потенциалом, но он используется неэффективно, либо вовсе остаётся невостребованным.
6. Установлено, что данное кадровое ядро может послужить основой для формирования кадрового резерва инновационного типа, что особенно актуально в условиях реформирования организационно-штатной структуры органов государственной власти в Брянской области и планируемого обновления кадрового состава.

А. М. Шаповалова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОССЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ШАПОВАЛОВА Анна Михайловна — доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; annasfedu@gmail.com

Аннотация. Основной целью государственной политики является формирование кадрового потенциала, который позволял бы обеспечивать эффективное развитие и функционирование управленческого аппарата, в профессиональном и деловом отношении. Обеспечивать эффективное функционирование государственной службы должны профессионалы, обладающие соответствующими компетенциями. Вопрос о профессионализме очень актуален для современной России, это связано с усилением требований к уровню профессионализма, профессиональной ответственности, передаче знаний и умений, и освоении профессиональных знаний в новых экономических условиях. Формирование профессиональной идентичности происходит не автоматически и не одномоментно. Идентичность имеет место в том случае, когда профессиональное сознание государственного служащего и его деятельность хотя бы относительно гармонизированы с существующей системой. Социально-профессиональная идентичность играет важную роль в солидарности, единстве коллектива, определяет тип профессионального поведения личности, что приводит к повышению уровня владения профессиональными компетенциями и вследствие, формированию профессиональной идентичности у государственных служащих.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, компетенции, государственные служащие, государственная служба

В настоящее время проблема национальной идентичности становится актуальной и привлекает внимание многих исследователей различных сферах. Кризис состояния национальной идентичности носит глобальный характер, оно характерно в той или иной мере для большинства сообществ которые вовлечены в современный мир. Люди стремятся найти себя и отнести к той или иной группе. Трансформация всех институтов, процессы интеграции и глобализации, вопросы религиозного характера актуализируют проблему национальной идентичности.

Рассмотрим проявление профессиональной идентичности как одной из составляющих национальной идентичности. Основной целью государственной политики является формирование кадрового потенциала, который бы позволял обеспечивать эффективное развитие и функционирование управленческого аппарата, в профессиональном и деловом отношении.

В настоящее время преобразования в органах власти выходят на новый уровень, это связано с необходимостью повышения качества и эффективности управления, внедрения новых научных методов использования инновационных технологий в формировании профессиональных компетенций на всех уровнях власти.

Обеспечивать эффективное функционирование государственной службы должны профессионалы, обладающие соответствующими компетенциями. У разных авторов в определении понятия компетентность на первый план выходят различные ее аспекты. Такие как: Т. Хайлунд, рассматривает компетентность как способность выполнять специфическую деятельность по предписанному стандарту; Дж. Бургойн как способность и желание выполнять задачу; М. Малдер как способность добиваться определенных достижений; А. Фурнхам как способности и умения, необходимые для успешной работы и т. д.

На разных уровнях освоения профессиональной деятельности необходимы и разные результаты. Это показывает, что необходимо предусмотреть несколько уровней развития компетенции. Что касается вопроса рассмотрения сущности профессиональной компетенции специалиста, то различные зарубежные и отечественные ученые вкладывают разный смысл в ее трактовку.

Настоящий профессионал — это индивид, овладевший высоким уровнем профессионального мастерства, нашедший призвание в конкретной профессиональной сфере, внесший творческий вклад в профессиональное дело, добившийся значительных успехов в процессе труда на благо Отечества, синтезирующий в себе профессиональную культуру [4].

Применительно к современному, трансформирующемуся российскому обществу, недостаточно быть только человеком знающим, достигнувшем высокого профессионального статуса, выделяющим смыслы своей деятельности. Современный чиновник не может быть лишь послушным функционером. Он должен быть человеком деятельным, способным к самостоятельному принятию решений. В этом плане вызывает интерес активистская социологическая парадигма, в рамках которой О. Н. Яницкий развивает понятие профессионального активизма, направленного на приумножение социального блага [5: 45].

Формирование профессиональной компетентности государственных служащих во многом зависит от профессиональной идентичности. В на-

шей стране бюрократия отождествляется с управлением. Между тем, в профессиональной деятельности чиновников имеются особые признаки, отличающие их от управленцев [1: 317]. Государственные служащие выступают в роли не только контролирующего звена, но и организационного и мотивирующего элемента модернизационного развития России. Для реализации своих полномочий в качественном объеме служащие должны обладать профессиональными компетенциями инновационного характера, способствующими реализации модернизационной политики. Уровень владения компетенциями выявляет показатели и степень профессионализма государственного служащего. Профессионализм является необходимым условием для формирования профессиональной идентичности государственных служащих. Без развития профессиональных компетенций невозможно качественное формирование профессиональной идентичности государственных служащих.

Особенности профессиональных компетенций государственных служащих объясняются спецификой государственного управления, с присущей ему высокой степенью ответственности за принимаемые управленческие решения в масштабах государства, их социальной значимостью. Главными признаками компетенций государственного служащего являются личные и профессиональные навыки, умения и знания в различных сферах: от общих юридических компетенций до знаний специализированной сферы деятельности, курируемой служащим, ценностные установки и ориентации.

Вопрос о профессионализме очень актуален для современной России, это связано с усилением требований к уровню профессионализма, профессиональной ответственности, передаче знаний и умений, и освоении профессиональных знаний в новых экономических условиях. Тенденции глобализации, которые происходят в современной международной системе, кардинально меняют структуру профессионального рынка труда, создавая новые условия развития профессиональной активности и повышения требований в ее модернизации, создавая проблемы работникам и работодателям. Эти проблемы связаны с постоянной необходимостью получать новые компетенции, следить за нововведениями в профессиональной сфере, осваивать новые знания и формировать соответствующие профессиональные компетенции.

Развитие профессионализма является необходимым условием для позитивной, корпоративной социально-профессиональной идентичности государственного служащего, которая представляет собой полное отождествление человека с профессиональным сообществом, принятием его ценностно-ролевых установок и правил поведения, освоение и трансляцию знаний, умений и навыков в выбранной социальной среде.

Таким образом, профессиональная идентичность представляет собой механизм «врастания» в профессию, результатом которого становится формирование профессионализма [2: 97].

Вопрос идентичности встает в вопросе реализации человеком своего профессионализма, подготовки профессионального специалиста. Формирование профессиональной идентичности происходит не автоматически и не одномоментно. Назначение на должность не является достаточным условием того, что государственный служащий становится обладателем соответствующей идентичности. Она требует наличия развитого профессионального и личного опыта, а также мировоззрения. Идентичность имеет место в том случае, когда профессиональное сознание государственного служащего и его деятельность хотя бы относительно гармонизированы с существующей системой. Это не исключает, конечно, внутренних и внешних конфликтов, которые неотделимы от государственной деятельности и могут порождать кризисы идентичности различного рода [3].

Сущностной характеристикой, определяющей любую социально-профессиональную группу, выступает социально-профессиональная идентичность. Она играет важную роль в солидарности, единстве коллектива, определяет тип профессионального поведения личности. Идентичность облегчает процесс взаимодействия индивида и группы, что необходимо для самоутверждения, самореализации, успешности функционирования в рамках данной социально-профессиональной группы. В свою очередь идентификация позитивно влияет на результаты деятельности социальной группы, на ее презентацию. Она повышает кооперацию, старания, увлеченность, мотивацию, взаимовыручку и поддержку между ее членами.

Таким образом, для повышения уровня профессионального роста, который основан на мотивации самостоятельного развития своих профессиональных компетенций, должно привести к осознанию государственными служащими о постоянном образовании и повышению уровня квалификации для выполнения профессиональной деятельности и развития профессионализма. Что в свою очередь будет способствовать формированию профессиональной идентичности у государственных служащих и развитию профессионализации государственной службы.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16—18—10306.

Список источников

1. Зинченко Я. Г. Формирование профессиональной компетентности государственных служащих // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. № 3—4 (июль — декабрь). 2015. С. 318—321.

2. Луканина Ю. Р. Развитие компетенций государственных служащих как условие формирования их профессиональной идентичности // Общественные науки. Социология № 4 (32). 2014. С. 95—104.
3. Резников Е. В. К вопросу о профессиональной идентичности судьи // Вестник пермского университета. Юридические науки. № 3 (17). 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-3172012/20-2010-12-01-13-31-58/-3-17-2012/366-reznikov-k-voprosu-o-professionalnoj-identichnosti-sudi> (дата обращения: 12.07.2016).
4. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. 2007. С. 12—32.
5. Яницкий О. Н. Профессионал как социальный актор: случай или правило? // Вестник института социологии. № 5. 2012. С. 43—60.

А. Н. Покида

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

ПОКИДА Андрей Николаевич — кандидат социологических наук, директор Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; pokida@rambler.ru

Аннотация. На основе социологических данных проанализировано состояние социального партнерства на российских предприятиях. Рассматривается значение и роль профсоюзов на предприятиях разной формы собственности, участие работников в обсуждении или принятии решений по важнейшим проблемам предприятия, отношение руководства предприятий к рядовым работникам. Реализация принципов социального партнерства на уровне организации может и должна выступать гарантом социальной защиты работников, способствовать решению вопросов социальной справедливости, привлечению граждан в официальную экономику. При этом в настоящее время можно говорить о несовершенстве системы социального партнерства в российской действительности, особенно на предприятиях частной формы собственности. Снижается число работников, участвующих в обсуждении и принятии решений по вопросам функционирования предприятия. Число профсоюзов, представляющих интересы работников, и численность в них членства за последние годы только уменьшается, а роль таких общественных организаций оценивается респондентами пока довольно низко.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальная защита, профсоюзные организации, социально-трудоуственные отношения

Производственный процесс предполагает взаимодействие, прежде всего, двух сторон: работника и работодателя, имеющих разные первоочередные задачи. Если работники, например, стремятся обеспечить себе достойные условия труда, то работодатель — стабильное функционирование предприятия и получение прибыли. Поэтому для достижения определенного баланса интересов необходимо использование рациональных и эффективных форм сотрудничества в сфере труда, одной из которых является социальное партнерство — неконфронтационный способ регулирования социально-трудоуственных отношений на законодательной основе.

Согласно статье 23 Трудового кодекса, «социальное партнерство — система взаимоотношений между работниками (представителями работни-

ков), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»¹.

Социальное партнерство в сфере труда, содействуя нормализации отношений сторон производственного процесса, гармонизации их интересов и потребностей, тем самым способствует реализации принципов социальной справедливости в обществе и социальной защищенности работников.

Кроме того, конструктивный диалог субъектов социального партнерства способствует снижению социальной напряженности в трудовых коллективах и обществе в целом. Регламентируя систему социально-трудовых отношений, социальное партнерство способствует регулированию поведения граждан в социально-трудовой сфере, ограничению «теневых» процессов в обществе.

Социальное партнерство направлено на согласование интересов работников и работодателей в процессе их сотрудничества, на выработку единой позиции по широкому кругу вопросов, касающихся режима и условий труда, его оплаты, социальных гарантий и льгот работникам, их роли в деятельности предприятия и других проблем.

Как показывает социологический опрос, в настоящее время система социального партнерства функционирует несовершенно, зачастую представляя собой «декоративную» форму. Данные общероссийского социологического опроса работающих граждан, проведенного Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС с 16 по 23 мая 2016 г., демонстрируют снижение активности работников в жизнедеятельности предприятия, на котором они трудятся. В 2016 г. 37,7 % занятого населения заявили о том, что работники их предприятия принимают участие в обсуждении или принятии решений по важнейшим проблемам предприятия, десять лет назад такие оценки выражали несколько больше занятых — 43,1 %².

¹ Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4a31b57741dfbf7b99756f5338ab052b3fb209cc/ (дата обращения: 20.03.2016).

² Опрошены 1600 человек занятого населения в возрасте 18 лет и старше в 35 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности, а также основные социально-демографические характеристики. Опрос проводился методом личного интервью («face to face») по месту работы или жительства респондентов. Данные опроса представлены в сравнении с результатами исследований, проведенных Центром ранее по сопоставимой методике.

Интересы работников в системе социального партнерства представляют профессиональные союзы, поэтому вполне логично рассматривать особенности функционирования социального партнерства через призму профсоюзных организаций.

Охват профсоюзными организациями предприятий постепенно сокращается. Об этом свидетельствуют как статистические, так и социологические данные.

По данным Росстата, на 1 января 2016 г. в России зарегистрировано 25768 профессиональных союзов, в то время как на 1 января 2005 г. насчитывалось 57515 профсоюзов¹.

Аналогичную тенденцию демонстрируют результаты социологических опросов. В настоящее время только около трети опрошенных (31,5%) среди работающего населения сообщают о наличии профсоюза в организациях, где они работают. Вместе с тем, доля таких ответов в исследованиях 2006 и 2003 гг. составляла 52,2% и 55,8% соответственно. Как правило, профсоюзами охвачены чаще всего организации государственной и муниципальной формы собственности.

Снижение числа профсоюзов в России, однако, сопровождается повышением доверия к этим организациям. Как показывают социологические данные, за десятилетний период доля работающих граждан, уверенно рассчитывающих на помощь профсоюза в случае конфликта с администрацией, увеличилась с 7,4% до 26,7%. Преобладание скептических оценок сменилось на менее критичные, но все же опрошенные не считают пока профсоюзы эффективным механизмом регулирования взаимоотношений сторон (рис. 1). В целом роль профсоюзов оценивается весьма низко.

Об эффективности профсоюзов свидетельствуют различные показатели, в том числе степень участия рядовых работников в обсуждении и принятии решений по важнейшим проблемам организации, соблюдение их трудовых прав, создание условий профессионального роста для работников, состояние социального обслуживания работников на предприятии.

Так, на предприятиях, имеющих профсоюзы, 45,2% работников, занятых по найму, включены в решение проблем предприятия и имеют право голоса. В свою очередь, в организациях, где профсоюзы отсутствуют, только 31,8% рядовых работников принимают участие в обсуждении и принятии решений по важнейшим проблемам организации.

Еще один показательный факт: при наличии профсоюза в организации 77,0% занятых по найму устраивает соблюдение их трудовых прав, доля

¹ Официальный сайт Росстата. Государство, общественные организации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/ (дата обращения: 10.09.2016).

таких ответов среди работников предприятий, не имеющих профсоюзов, ниже — 68,2%.

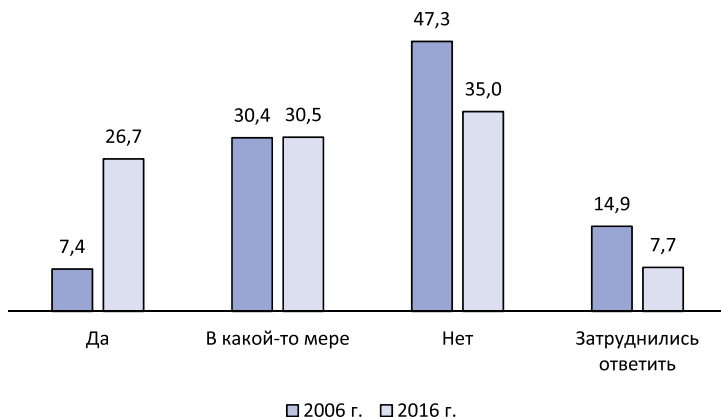

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Рассчитываете ли Вы на помощь профсоюза в случае конфликта с администрацией?» (в % от количества респондентов, указавших на наличие профсоюзов в их организациях)

Весьма положительно наличие профсоюзов на предприятии отражается и на снижении вовлеченности сотрудников в «теневую» сферу. Аналогично, заметно первенство предприятий, имеющих профсоюзы, по наличию социальной инфраструктуры: организации питания, медицинского обслуживания, физкультурно-оздоровительной работы, организации отдыха в отпускное время. Особенно заметна разница в ответах по наличию на предприятии медицинского обслуживания и организации отдыха в отпускное время.

В системе социального партнерства вторая сторона производственного процесса представлена работодателем. Интересы работодателя представляет руководитель организации. От того, каким образом будет построено взаимодействие руководства организации с рядовыми работниками зависит мотивация сотрудников к труду, их инициативность, стремление отстаивать интересы организации, и, соответственно, производительность труда. Плохое отношение руководства к работникам может проявляться в неуважительном отношении, сверхурочной работе, чрезмерном контроле, задержках заработной платы, отсутствии возможностей профессионального и карьерного роста и др. В случае, если работа не оформляется официально трудовым соглашением, положение работников может еще более усугубиться в связи с его бесправностью: отсутствием каких-либо гарантий занятости, гарантий выплаты заработ-

ной платы, регламентации рабочего дня в соответствии с законодательством и др.

В целом, занятые по найму благоприятно оценивают отношение к ним руководства предприятия (организации): 71,1 % наемных работников дают положительные оценки. Вместе с тем, доля отрицательных оценок составила 20,3 %, 8,6 % — затруднились ответить.

Отношение руководства предприятий государственной (муниципальной) формы собственности к своим сотрудникам, по мнению респондентов, несколько лучше, чем в организациях частной формы собственности: 74,4 % — положительные оценки рядовых работников предприятий государственной (муниципальной) формы собственности по данному вопросу, 67,8 % — частной формы собственности.

Аналогичная связь отмечается в зависимости от наличия юридического оформления основной работы. В тех организациях, где занятость граждан оформляется в соответствии с нормами трудового права, значительно выше доля ответов о положительном отношении работодателей к рядовым работникам: 72,8 % составили ответы наемных работников в случае официального оформления занятости, 52,6 % — ответы не оформивших свою основную работу.

Таким образом, реализация принципов социального партнерства на уровне организации может и должна выступать гарантом социальной защиты работников, способствовать решению вопросов социальной справедливости, привлечению граждан в официальную экономику. При этом в настоящее время можно говорить о несовершенстве системы социального партнерства в российской действительности, особенно на предприятиях частной формы собственности. Снижается число работников, участвующих в обсуждении и принятии решений по вопросам функционирования предприятия. Число профсоюзов, представляющих интересы работников, и численность в них членства за последние годы только уменьшается, а роль таких общественных организаций оценивается респондентами пока довольно низко.

Н. В. Зыбуновская

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЗЫБУНОВСКАЯ Наталья Владимировна — научный сотрудник Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; nzyb@mail.ru

Аннотация. В материалах представлены статистические и социологические данные, свидетельствующие об остроте проблемы социальной справедливости, сохраняющейся в российском обществе на протяжении длительного времени. Справедливость выступает оценочным критерием, определяющим социальное положение каждого человека, социальных групп в соотношении с положением других людей и социальных общностей во всей системе распределения общественных благ. Отсутствие социальной справедливости выражается, прежде всего, в значительных разрывах в уровне доходов людей, а также в разном уровне возможностей в доступе к социальным благам. Значительная поляризация в доходах населения может вызывать протестные чувства, способствовать отчуждению населения от власти, приводить к укреплению субкультуры «теневого» рынка труда. Эмпирические данные демонстрируют оценки россиян относительно распределения благ в обществе. На представления россиян о реализации принципа социальной справедливости в обществе определенное влияние оказывает статус занятости респондентов.

Ключевые слова: социальная справедливость, материальное положение, социальное неравенство, социальные блага, поляризация доходов населения

Стремление к справедливости — основная черта российского человека. Острая потребность в реализации социальной справедливости связана в сознании россиян с низким уровнем качества жизни, высоким уровнем тревожности относительно своего будущего, недостаточной социальной защищенностью, но главное — с сильнейшей социальной поляризацией «богатые — бедные» в современной России. Именно поэтому в представлении россиян социальная справедливость преимущественно связывается с идеей материального распределения благ в обществе.

По данным Росстата, коэффициент Джини в России, характеризующий степень неравномерности в распределении доходов населения, составил

в 2015 г. 0,412 (чем ближе данный показатель к 1, тем более неравномерно распределены в обществе доходы)¹. На долю 20 % наиболее состоятельного населения страны в 2015 г. приходилось 47 % совокупного денежного дохода. По этому показателю Россия сильно отстает от других развитых стран и приближается к странам Латинской Америки, лидирующим в этом плане.

Разрыв между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения, согласно децильному коэффициенту фондов, составил в России в 2015 г. 15,6 раза, увеличившись с 1995 г. более чем на 2 пункта (в 1995 г. — 13,5 раза). Начиная с 2007 года, постепенно соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения страны сокращается (в 2007 году децильный коэффициент достигал 16,7). Однако он далеко не сопоставим со значениями европейских стран. Например, в скандинавских странах (Швеция, Норвегия) в течении многих лет децильный коэффициент поддерживается на уровне 4—5.

Следует также привести показатель, свидетельствующий о низком уровне доходов населения. По данным Росстата, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2015 г. составила 13,3 % от общей численности населения, то есть каждый седьмой житель в России находится за чертой бедности.

Такая острая проблема социального расслоения общества опасна тем, что избыточное неравенство по доходам препятствует развитию человеческого потенциала, демотивирует людей к активной трудовой деятельности, к профессиональному самосовершенствованию. Проблема дифференциации в доходах усугубляется тем, что сильно поляризованные по доходам группы населения различаются не только в плане материальной обеспеченности, они имеют разные возможности в получении социальных благ, в самореализации, разные стартовые возможности для достойной жизни, например, в получении образования, медицинских услуг и т. п. Эти группы населения различаются также и в психологическом плане, поскольку длительное нахождение «за чертой бедности», на уровне выживания может приводить к психологическим срывам, вплоть до совершения противоправных действий.

Именно поэтому социальное неравенство является основной причиной социальной напряженности в обществе, а достигнув в восприятии россиян запредельных масштабов, может привести к социальному взрыву.

¹ Официальный сайт Росстата. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения и основные показатели социально-экономической дифференциации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 10.09.2016).

Социологический опрос, проведенный среди разных категорий работников, занятых в различных секторах экономики, подтверждает актуальность реализации принципа социальной справедливости¹. По оценкам респондентов, несмотря на положительную динамику, острота проблемы распределения благ сохраняется на довольно высоком уровне. О несправедливости в распределении благ в обществе (получают меньше благ, чем заслуживают) заявляют 42,3% граждан среди занятого населения (рис. 1). Вместе с тем за период 2004—2016 гг. доля граждан, считающих, что в сравнении с другими людьми они получают меньше благ, чем заслуживают, сократилась на 10%.

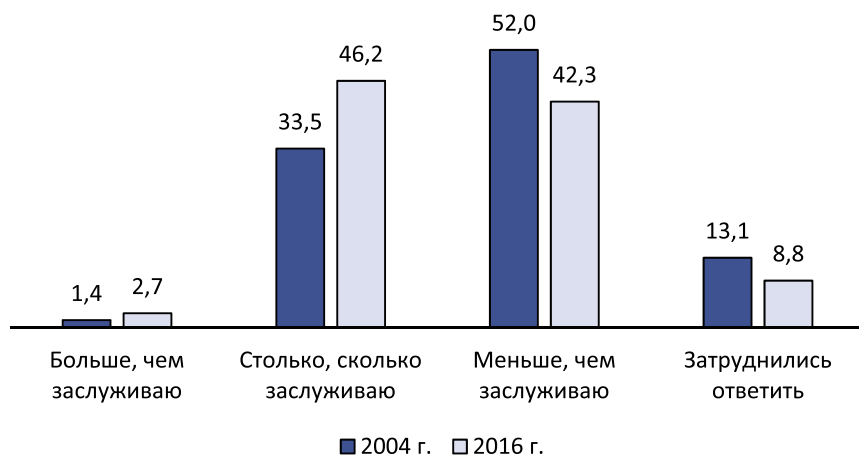

Рис. 1. Мнения занятого населения о получении заслуженной доли благ (в %)

На представления россиян о реализации принципа социальной справедливости в обществе большое влияние оказывает статус занятости респондентов. Если о несправедливости в распределении благ в обществе заявляет более 40% наемных работников (рис. 2), то среди работодателей и самозанятых такие ответы встречаются реже (около 30% ответов «меньше, чем заслуживаю»).

¹ Социологический опрос проведен Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС в мае 2016 года. Опрошены 1600 человек занятого населения в возрасте 18 лет и старше в 35 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности, а также основные социально-демографические характеристики. Опрос проводился методом личного интервью («face to face») по месту работы или жительства респондентов. Данные опроса представлены в сравнении с результатами исследований, проведенных Центром ранее по сопоставимой методике.

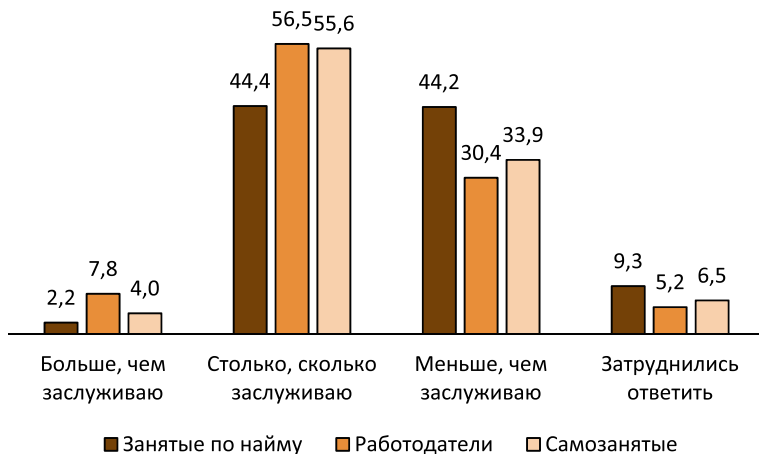

Рис. 2. Мнения респондентов о получении ими заслуженной доли благ в зависимости от статуса занятости (в % по каждой выделенной категории)

Логична и следующая тенденция, выявленная в ходе опроса. Чем ниже материальное положение респондентов, тем проблема социальной справедливости острее. В группе с низким материальным положением 70,2% респондентов считают, что в сравнении с другими людьми они получают заслуженную долю благ в меньшей степени.

Оценки россиян относительно распределения благ в обществе определенным образом влияют на их участие в неофициальной экономике. Граждане, считающие, что получают недостаточно заслуженных ими благ, чаще других участвуют в «теневых» процессах. Так, среди тех, кто получает «меньше, чем заслуживает», доля участников «теневой» экономики (не оформляющих официально свою основную или дополнительную работу или получающих заработную плату «в конвертах») составила 47,6%. В свою очередь, среди россиян, заявляющих о справедливом распределении благ в обществе, доля так или иначе занятых в неофициальной экономике меньше — 33,6%.

В качестве резюме можно отметить, что социальная справедливость занимает важное место в жизни каждого гражданина. Отсутствие социальной справедливости выражается, прежде всего, в значительных разрывах в уровне доходов людей (заработной плате), а также в разном уровне возможностей в доступе к социальным благам. Чувство ущемленности в материальных и социальных благах может вызывать беспокойство и возмущение населения, способствовать отчуждению населения от власти, приводить тем самым к укреплению субкультуры «теневого» рынка труда.

В. И. Гладцына

МОТИВАЦИОННАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ГЛАДЦЫНА Василина Игоревна — бакалавр социологии, студент-магистр, Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия; gladtsyna-vasilina@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические аспекты трудовой мотивации, а также особенности мотивации персонала в период социально-экономического кризиса, представлены результаты социологического исследования системы мотивации на одном из российских предприятий. Объектом исследования выступают руководство и работники организации. Предметом исследования является система мотивации персонала и потребности работников в период социально-экономического кризиса. Цель — изучение мотивационной системы предприятия на предмет ее соответствия потребностям работников в условиях социально-экономического кризиса. Методами исследования являются интервьюирование руководителей, анкетный опрос работников и анкетный опрос руководителя по методу Шляпентоха. В процессе проведенного исследования выявлен ряд характерных особенностей системы мотивации и потребностей работников «Арт-металлика» в условиях кризиса. Сделан вывод о несоответствии мотивационной политики руководства и потребностей персонала. Однако на основании результатов проведенного социологического исследования возможно выделение направлений для корректировки и совершенствования системы мотивации на предприятии.

Ключевые слова: мотивация персонала, система мотивации, потребности работников, социально-экономический кризис

Проблемы грамотной мотивации персонала всегда были и остаются актуальными для организации системы управления на любом предприятии, поскольку от решения данных проблем зависят и конечные результаты производственной деятельности, и удовлетворенность работников своим трудом.

В условиях экономической нестабильности интерес к разработке и внедрению систем мотивации персонала особенно возрастает, поскольку в периоды экономических кризисов могут меняться потребности работников — то, что было актуально и востребовано ранее, уходит на второй план. В соответствие с этими изменениями потребностей персонала должна меняться и проводимая руководством мотивационная

система организации, необходима корректировка старых и внедрение новых методов.

Проблемы мотивации исследовались в трудах ведущих теоретиков и практиков социологии, внесших огромный вклад в разработку теорий мотивации и их применение на практике [3; 5; 6; 7; 8; 9]. В настоящее время внимание исследователей сосредоточено на изучении проблем мотивации персонала в периоды нестабильности и неопределенности экономической ситуации [1; 2; 4].

На основании изученных работ сформулирована цель настоящего исследования — это изучение мотивационной системы предприятия на предмет ее соответствия потребностям работников в условиях социально-экономического кризиса.

С данной целью было проведено социологическое исследование в калязинском филиале организации «Арт-металлика». Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что система мотивации в организации не соответствует потребностям работников в период кризиса. Также было выдвинуто несколько дополнительных гипотез.

Методами сбора первичной информации выступили глубинное интервью с руководителями, анкетный опрос работников и анкетный опрос директора организации. Всего было проведено три глубинных интервью. Анализ текстов интервью осуществлялся по обоснованной теории А. Страусса: применялось осевое кодирование информации.

Анализ текста, полученного в ходе интервью, позволил выявить все составляющие действующей мотивационной системы «Арт-металлика» на исследуемый период времени, а также те трансформации, которые были характерны для системы мотивации в период кризиса.

Также проводился анкетный опрос персонала «Арт-металлика» с целью изучения потребностей работников в период кризиса. В исследовании приняли участие 37 работников.

Согласно полученным результатам можно сделать вывод о том, что размер заработной платы, ее официальность, регулярность, а также выплата премий и бонусов выступают ключевой потребностью и основополагающим мотивом к трудовой деятельности. Для повышения мотивации персоналу также необходимо наличие интересных задач и проектов, возможностей развития и профессионального совершенствования, необходимо внимание и похвала со стороны руководства. Такие факторы как коллектив, удобство и социальный пакет менее актуальны и востребованы работниками по сравнению с предыдущими.

Для анализа соответствия действующей системы мотивации в «Арт-металлика» потребностям работников выделено несколько критериев. Согласно критерию «заработная плата» действующая система мотивации

и потребности работников не соответствуют друг другу. Размер заработка выступает основополагающим мотивом деятельности среди сотрудников, однако вследствие кризиса работодатель был вынужден пойти на сокращение премиальной части.

Предоставление дополнительных льгот социального пакета не является мотивирующим фактором к трудовой деятельности, как, по мнению персонала, так и с точки зрения директора организации.

Важность критерия «отдачи от работы» имеет высокую оценку среди персонала, однако его наличие значительно менее выражено. Выраженное несоответствие может быть обусловлено как ситуацией экономического кризиса: отсутствие интересных заказов и проектов, так и спецификой самой организации: размеры предприятия не предполагают карьерного продвижения и роста.

По критерию «атмосфера в коллективе» проводимая руководством система мотивации и потребности работников соответствуют друг другу. Работники отмечают благоприятную внутриколлективную атмосферу, а сплочение коллектива выступает одной из приоритетных задач руководства.

Критерий «удобство» также важен для сотрудников, однако выражен не в должной степени.

Таким образом, система мотивации в организации и потребности персонала соотносятся лишь по двум из рассмотренных критериев. По остальным критериям — они не соответствуют друг другу. Гипотеза-основание о том, что система мотивации в организации не соответствует потребностям работников в период социально-экономического кризиса, подтвердилась.

Также было проведено дополнительное исследование по методу Шляпентоха с целью изучения знания руководителем организации потребностей своих работников. Результаты показали, что директор хорошо знаком с текущим положением дел на предприятии, с потребностями и нуждами своего персонала.

Таким образом, в процессе проведенного исследования выявлен ряд характерных особенностей системы мотивации и потребностей работников «Арт-металлика» в условиях кризиса. Сделан вывод о несоответствии мотивационной политики руководства и потребностей персонала. Однако на основании результатов проведенного социологического исследования возможно выделение направлений для корректировки и совершенствования системы мотивации на предприятии.

Список источников

1. Багирова И. Х. Мотивация персонала в условиях кризиса // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4. С. 83—88.

2. Бобрышев А. Д. Выявление проблемных полей в организации деятельности компаний под влиянием кризиса // Экономика и предприятия. 2012. № 4. С. 127—136.
3. Врум В. Труд и мотивация / В. Врум. СПб. : Евразия, 1964. 293 с.
4. Ильин И. В. Влияние нематериальной мотивации на трудовое поведение персонала // Вестник МГЛУ. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. № 542. С. 58—68.
5. Макгрегор Д. Человеческая сторона предприятия / Д. Макгрегор. М. : Республика, 1960. 414 с.
6. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. СПб. : Питер, 2007. 672 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. СПб. : Евразия, 1999. 478 с.
8. Оучи У. Методы организации производства: японский и американский подходы / У. Оучи. М. : Прогресс, 1984. 183 с.
9. Herzberg F. Motivation to work / F. Herzberg, B. Mausner, B. Snyderman. Transaction Publishers, 1959. 240 p.

Т. О. Гусельникова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

ГУСЕЛЬНИКОВА Татьяна Олеговна — студентка 4 курса Иркутского государственного университета. Иркутск, Россия; tanya.ignateva211195@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с трудоустройством молодых специалистов после окончания вуза. Первый аспект проблем связан с работодателями, второй — с самими студентами, и замыкающим звеном выступает государство. Проанализирована ситуация на рынке кадров Иркутской области. Выделены приоритетные направления региона в сфере бизнеса, а также менее востребованные профессии. Положение молодежи на рынке труда оценивается в рамках синергетического подхода. Отмечается, что в современных условиях проблема трудоустройства и трудовых отношений резко обострилась.

Ключевые слова: молодой специалист, рынок труда, высшее образование, нестабильные условия, идентификация, адаптация, мотивация.

Тема трудоустройства занимает важное место в обществе и в жизни каждого гражданина. Еще со школьной скамьи школьник начинает задумываться «Какую профессию выбрать, чтобы потом трудоустроиться?», наиболее же остро данный вопрос встает в момент завершения обучения в вузе.

На современном этапе развития общества мы можем наблюдать непосредственное взаимодействие рынка труда и системы образования. Современный этап развития информационного общества требует от системы образования обновления своих функций и компетенций, а также обновление образовательных программ в соответствии с потребностями рынка кадров. Данное взаимодействие контролирует государство, а именно создавая государственные по поддержке специалистов, разработке законопроектов в сфере защиты труда и др., а также при распределении бюджетных мест в вузах, что помогает подчеркнуть востребованность отдельных профессий.

В настоящее время для индивида на первый план выходит его социальная и экономическая конкурентоспособность на рынке труда.

Данная тема находит свое освещение еще во времена Платона и Аристотеля, которые размышляли о разделении труда и устройством в обществе. Уже в Древней Греции можно найти зачатки современного

устройства, так разделение труда Платон считал неизбежным явлением в обществе, а вот к торговле он относился отрицательно и считал, что ее должны заниматься рабы и иностранцы. Со временем эта гипотеза претерпевала изменения, и на современном этапе отношение к бизнесу со стороны государства изменилось, но некоторые элементы остались еще с древности.

Аристотель поддерживает мысль, что каждый должен заниматься своим делом, а вот рабам он отводит самое низшее положение, которое он не в праве изменить.

В Новой истории на роль труда в жизни общества обратили внимание такие выдающиеся мыслители Западной Европы, как Ш. Фурье, А. Сен-Симон, О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель. Данный период отмечается ростом социальных конфликтов. Примечательно, что в данный период появляется сама социологическая практика и наравне с мыслителями, работники и владельцы предприятий также изучают процесс трудоустройства и функционирования внутри организации.

В России изучение данной темы ассоциируется с такими выдающимися именами как В. Берви-Флеровский, Е. Дементьев, С. Прокопович, П. Тимофеев, С. Булгаков.

Прежде чем рассматривать региональный рынок труда необходимо оценить состояние российского рынка. Первое что необходимо отметить - это несоответствие спроса и предложения на рынке труда. Например, отрасль промышленности нуждается в молодых кадрах, которые в свою очередь считают данную область не престижной и выбирают ее по остаточному принципу. В данной отрасли происходит «застой кадров», возраст людей занятых на производстве варьируется в диапазоне от 40—60 лет, данные тенденции сказываются негативно на производстве и невозможности внедрения новых технологий, а как следствие отсутствие развития экономики региона и страны. А вот в сфере государственного управления, торговли наоборот переизбыток кадров. На региональном рынке труда тенденции не отличаются от российских. Спрос зависит напрямую от сформированности тех или иных кластеров в регионе, что касается Иркутской области, то это: машиностроительный, в который входит 40 резидентов, фармацевтический, объединяющий около 60 компаний и полимерный, который включает в себя около 10 предприятий. Также предполагается создание четвертого кластера, а вот именно какого на данный момент обсуждается в Центре кластерного развития, на его место претендует сельскохозяйственная, туристическая отрасль, а также IT сектор [2]. В зависимости от наличия тех или иных кластеров в регионе зависит спрос как на специалистов с высшим образованием: учителя и преподаватели — 10,0 тысяч человек, врачи различных специ-

альностей — 8,9 тысяч человек, инженеры разного профиля — 5,1 тысяча человек и другие, так и на специалистов со средним профессиональным образованием: машинисты широкого профиля — 16,8 тысяч человек, строительные профессии — 13,4 тысячи человек, водители разных категорий — 11,5 тысяч человек и другие [3].

А вот избыток юридических и экономических кадров не уменьшается, по данным обследования Иркутскстата на 31 октября 2012 года, организациям региона требовалось лишь 24 специалиста в области права или 1,8% их списочной численности, а это лишь малая часть тех выпускников, которые выходят из стен ВУЗа [1]. Переизбыток кадров в данных отраслях приводит к тому, что государство таким образом неэффективно расходует бюджетные средства, сначала, затрачивая ресурсы на обучение, а в последующем на выплаты по безработице и их последующее переобучение.

Только треть учащихся общеобразовательных организаций ориентировались при выборе будущей профессии на критерий реального спроса на региональном рынке труда. Около 80% выпускников 11-х классов выбирают высшее образование, вместе с тем, на рынке труда существует спрос в основном на специальности среднего профессионального образования [1]. В результате, наблюдается нарушение связей между получением образования и дальнейшим трудоустройством по специальности.

Данные проблемы на рынке труда пытаются разрешить посредством увеличения количества бюджетных мест по приоритетным программам подготовки, но необходимо ведь еще и продемонстрировать престижность данной профессии для специалиста путем социальной пропаганды, увеличения заработной платы, через СМИ. Ведь у большинства выпускников школ заложен стереотип о том, что юристы и экономисты — это самые престижные и высокооплачиваемые профессии, а пропагандируется это все с экранов телевизора интернета и газет, где мы видим успешных адвокатов, которые знамениты и богаты. А как показан образ машиниста или бульдозериста? Он либо вовсе отсутствует или освещается сторона материального недостатка. В связи с тем, что мы находимся в информационном обществе, то необходимо взаимодействовать со СМИ для отражения спроса на рынке труда и формирования положительно образа у выпускников школ разных профессий и уровней., проблема безработицы и отсутствие профессионального самоопределения молодежи является достаточно острой проблемой. Основное противоречие, характерное для современного молодежного рынка труда, — увеличивающийся разрыв между трудовыми притязаниями молодых и возможностями их удовлетворения. Поскольку молодежь, как правило, не имеет практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточный), ее высокие требования к оплате труда делают проблематичным поиск подходящей

работы. Поэтому в структуре безработных по возрасту преобладает количество молодых людей в возрасте 15—29 лет.

Список источников

1. Концепция развития кадрового потенциала Иркутской области до 2020 года [Электронный ресурс] / Министерство труда и занятости Иркутской области: сайт. URL: <http://irkzan.ru> (дата обращения: 07.10.2016, 10.02.2017).
2. Создание четвертого кластера в Иркутской области [Электронный ресурс] / Российская кластерная обсерватория: сайт. URL: <http://cluster.hse.ru/news/2013/> (дата обращения: 07.10.2016, 11.02.2017).
3. Структура потребности в кадрах по уровням образования в Иркутской области [Электронный ресурс] / Министерство труда и занятости Иркутской области. URL: <http://irkzan.ru> (дата обращения: 07.10.2016, 14.02.2017).

О. Ю. Посухова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ» В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ

ПОСУХОВА Оксана Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, belloks@yandex.ru

Аннотация. Хотя Россия до сих пор является страной средних и малых городов, в течение постсоветского периода мегаполисы стали центром социальной, политической, культурной и экономической жизни страны. Жизнь в мегаполисе накладывает отпечаток на профессиональное развитие и позиционирования профессиональной группы в социальной структуре города. В статье в качестве референтной группы избраны «белые воротнички», как одна из многочисленных социально-профессиональных групп российского общества. Делается вывод о том, что в условиях мегаполиса профессиональная идентичность данной группы, испытывает разнонаправленные влияния и не выступает стартовой для самооценки, самовосприятия. Формирование представлений о профессиональной идентичности определяется воспроизводством социальной ресурсности, тем, что можно квалифицировать как хороший заработок и стабильная работа. Делается вывод о том, что в мегаполисах, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, «белые воротнички» остаются работниками государственного сектора. И их структурные позиции связаны с бюджетными ресурсами, зависят от официальной политики в сфере регулирования занятости и заработной платы.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, мегаполис, адаптация, социальный капитал

В условиях социально-территориальных и региональных диспропорций мегаполисы, с одной стороны, являются центрами экономического, социального и культурного развития, с другой — оказывают деструктивное влияние на социально-демографическую среду, институциональное доверие и социальную коммуникацию. Не смотря на поощрение развития мегаполисов, они создают специфический социальный фон, характеризуются анонимностью социального общения, господством неформального социального контроля, сегментации образа жизни различных слоев населения.

При анализе профессиональной идентичности жителей мегаполисов следует исходить из конструктивистского подхода с использованием по-

ложений о практических группах П. Бурдые. Как писали Ю. Л. Качанов и Н. А. Шматко, практические и конструируемые социальные группы требуют определения того какие объективные и субъективные предпосылки должны действовать, какие практики должны осуществлять индивиды, чтобы социальные различия между ними производились/воспроизводились в качестве относительно устойчивой системы? [1] Фиксация объективации позиций социально-профессиональной группы, субъективации социальных капиталов позволяет определить возможности развития профессиональной идентичности, того, что можно назвать представлениями группы о себе и степени ее мобилизованности в рамках общих интересов и общей профессиональной судьбы.

Согласно данным Института социологии РАН, в мегаполисах наблюдается более высокая, по сравнению со среднероссийской, доля представителей наиболее квалифицированной группы («белых воротничков», имеющих высшее образование — 37 %), доля «белых воротничков» без высшего образования — 17 %, доля высококвалифицированных рабочих составляет 21 %, рядовых работников сферы торговли и бытового обслуживания — 13 %, предприниматели и самозанятые — менее 1 % жителей мегаполиса [2: 62].

Локализация представителей различных профессиональных групп происходит в разных секторах российской экономики, но необходимо отметить, что более чем две трети «белых воротничков» разного уровня квалификации на сегодняшний день сосредоточены на государственных предприятиях. Остальные профессиональные группы распределяются следующим образом: 59 % работников торговли и бытового обслуживания работают в частном секторе, как и более 60 % рабочих независимо от уровня их квалификации [2: 63].

Сложившаяся социально-профессиональная конфигурация в российских мегаполисах, указывает на то, что очевидна тенденция к деиндустриализации, а так же росту сферы банковских, страховых и посреднических услуг и сферы услуг. В этом смысле, можно говорить о том, что социально-профессиональная иерархия жителей российских мегаполисов связана не столько с квантификационными параметрами, сколько с объемом экономического, социального, властного капиталов.

Поэтому следует отметить то, что среди представителей наиболее квалифицированной группы «белых воротничков» существенную часть составляют офисные работники, менеджеры торговых сетей, представители сферы посреднических услуг. Эти социально-профессиональные слои испытывают влияние конкуренции на рынке труда и обесценивания социального капитала. Дело в том, что деятельность указанных социально-профессиональных слоев определяется «прекариатизацией», то есть

преобладанием исполнительской, рутинной деятельности, не требующей профессиональной самореализации, нестабильным социально-профессиональным положением, обусловленных контрактной основой, высокой текучестью на уровне перемены профессии и мест работы.

Этот вывод подтверждается тем, что в российском обществе социальное позиционирование «белых воротничков» не предполагает высшего образования: часто образовательный и профессионально-квалификационный потенциал остаются невостребованными. В этом контексте, более благополучной выглядит ситуация с высококвалифицированными рабочими, сохранившими профессиональный этос и высокий уровень стабильности рабочих мест.

Профессиональная идентичность, таким образом, коррелирует с социально-профессиональным самочувствием, с тем, как представители конкретной социально-профессиональной группы формируют собственную самооценку, и какой образ профессиональной группы доминирует в массовых настроениях. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что возникает ситуация когнитивной рассогласованности, определяемой тем, что «белые воротнички», имеющие наиболее высокую концентрацию в российских мегаполисах, характеризуются сложностями формирования профессиональной идентичности, так как социальное позиционирование (объективация социальных капиталов) основывается на уровне доходов и, таким образом, содержит ограничение по отношению к воспроизводству иных форм капитализации.

В этом отношении важным фактором формирования профессиональной идентичности выступает самооценка материальной обеспеченности, однако, такая позиция обуславливает падение интереса к социально-профессиональным установкам, к тому, что профессиональная идентичность перестает быть фокусом социальной самооценки и не связывается с перспективами профессиональной карьеры. Формирование представлений о профессиональной идентичности определяется воспроизводством социальной ресурсности, тем, что можно квалифицировать как хороший заработок и стабильная работа. Показательно, что объективация социальных позиций «белых воротничков» в российских мегаполисах наблюдается на социальном микроуровне, на том, что можно охарактеризовать, как внутрикорпоративный этос, выработка определенных поведенческих кодов, ориентированных на адаптацию в профессиональной среде.

Такая позиция барьерна по отношению к субъективации социальных капиталов, поскольку приводит к индивидуальному восприятию своей личной ситуации и не способствует закреплению профессиональных установок, осознанию профессиональных интересов, как общих для всей

социально-профессиональной группы. Важно отметить, что ситуация с формированием профессиональной идентичности «белых воротничков» парадоксальна дуалистична: с одной стороны, проявляется декларация к тому, чтобы иметь интересную работу и самореализоваться в профессии (24%), а с другой стороны, актуализируется позиция относительно положения, статуса в обществе (28%) [3: 151].

Эти внешне схожие позиции в реальности содержат различные практические последствия. В силу того обстоятельства, что статус в обществе для населения мегаполисов связан с материальным положением и с тем, как оценивают личность «знакомые», поэтому статусные притязания могут и не реализоваться в схеме профессиональной идентичности. Более влияющей на профессиональную идентичность является возможность реализации в профессии.

Очевидно, что профессиональная идентичность не выступает стартовой для самооценки и самовосприятия. Удовлетворенность различными аспектами повседневной жизни связана с тем, что среди «белых воротничков» наблюдается дифференциация по критерию позитивных — негативных оценок происходящего. Очевидно, что наибольшую тревогу и неудовлетворенность жизненной ситуацией испытывают «белые воротнички», реализующие профессиональную деятельность, которая не требует высшего образования. Таковых среди «белых воротничков» насчитывается 17% [2: 62]. Структурные позиции этого субслоя являются слабыми, поскольку обладают слабой конкурентоспособностью, не характеризуются профессиональным потенциалом, достаточным для успешной адаптации на новом месте работы.

Кроме того, влияние на устойчивость этого субслоя оказывают особенности их профессиональных мотиваций, точнее, преобладание адаптивных ориентаций над достиженческими, невысокое стремление к овладению новой профессией. Важно, что в мегаполисах, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, «белые воротнички» остаются работниками государственного сектора. И их структурные позиции связаны с бюджетными ресурсами, зависят от официальной политики в сфере регулирования занятости и заработной платы.

При этом, в условиях затяжного социально-экономического кризиса, ориентация на профессиональную идентичность ослабевает, так как приоритетным становится оценка динамики жизненных доходов. Иными словами, ухудшение материального положения коррелирует с «обидами» по поводу недооценки профессионального потенциала.

Формирование профессиональной идентичности в условиях российских мегаполисов характеризуется дефицитом профессионально-идентификационной матрицы, как основной в идентификационных стратегиях

основных социально и экономически самостоятельных групп. В условиях, когда традиционные соответствующие предшествующему советскому периоду идентификационные схемы ориентированы на гордость профессии, общественный альтруизм, практически исчезают, наблюдается рост интереса к демонстративным идентичностям.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 16-18-10306.

Список источников

1. Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. № 1.
2. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М. : 2015.
3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2016. Т. 2.

Е. В. Ольшанская

ЛИДЕРСТВО — ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ОЛЬШАНСКАЯ Екатерина Владимировна — ассистент в Московском государственном университете путей сообщения Императора Николая II (МГУПС (МИИТ), Москва, Россия; olshanskaya.katerina@yandex.ru

Аннотация. Анализируются перспективы развития лидерства в российском контексте. Исследуются возможности развития лидерского потенциала с конкретным примером в зарубежной компании. Рассматривается эффективность лидерских качеств, значимость их проявления в той или иной мере как у менеджеров низшего и среднего звена, так и у руководителей, стоящих верхних ступенях управления. В работе также исследуются современные концепции лидерства, выдвинутые западными учеными двадцать первого века. Проведена тематическая систематизация и анализ теорий лидерства, на примере конкретных статей, которые до этого времени не были представлены на русском языке. В статье поднимаются вопросы, связанные с влиянием личности лидера на стиль руководства. Проводится сравнительный анализ задач и стилей управления лидеров и менеджеров. Исследуются виды лидерства и ситуации, в которых они наиболее эффективны. Рассматриваются основные задачи руководителей в новой социокультурной ситуации.

Ключевые слова: лидерство; деструктивные лидеры; лидерские компетенции; трансформационное лидерство; транзакционное лидерство

Проблема лидерства становится все более актуальной во всем мире. И это закономерно: в настоящее время в большинстве компаний приходят к пониманию, что результат их деятельности во многом связан с силой лидерского потенциала их организации. Функциональный подход, в котором рассматриваются стратегия, организация, операционная деятельность как самоподдерживающиеся функции, корректируется в связи с важностью лидерства в качестве значимой причины их успешного воплощения в жизнь.

В ведущих, наиболее преуспевающих, компаниях мира развитие лидерства определено как систематическая деятельность, которой главы компании отводят большую часть времени. Для российского бизнеса это ещё новшество, однако основная часть крупных российских компаний выросла до того момента развития, на котором слабый лидерский потенциал превращается в сильное препятствие к будущему росту и повышению эффективности.

Тема лидерства имеет особую важность еще и потому, что современным отечественным компаниям достаточно часто приходится встречаться с зарубежными конкурентами, как на российском, так и на иностранных рынках. Международные компании в свою очередь обладают не только преимуществами, относящимися к функциональному менеджменту, но и многолетним опытом осознания и усовершенствования лидерского потенциала.

Прежде чем углубиться в перспективы развития лидерства и его значения для организаций стоит разобраться с тем, что означает современная трактовка этого феномена. Обращаясь к первоначальному смыслу, можно сказать, что лидер — это вождь, руководитель, авторитетная личность, которая занимает ключевое место в совместной деятельности группы в качестве её организатора, в функции которого также входит управление взаимоотношений в данном сообществе.

Однако современное понятие лидерства уже выходит за рамки этого определения. По мнению Росса Перо «людьми нельзя управлять. Управлять можно запасами, а людей необходимо вести за собой». Среди современных экспертов между понятиями лидер и менеджер достаточно часто проводится параллель, которая во многих аспектах не пересекается. По мнению профессора Гарвардского университета Абрахама Залезника, бизнес-лидеры больше схожи с художниками, учеными и представителями других творческих профессий, нежели с менеджерами. Как считает Залезник, для выживания и успешного развития предприятиям нужны и менеджеры, и лидеры. Однако позиция менеджеров стимулирует коллективную ответственность и стремление отказываться от рисков, создавая формализованную среду и тем самым мешая развитию лидеров. Именно те компании, в которых возвращают и лидерские, и менеджерские качества, легко могут адаптироваться к изменяющимся условиям, ритму жизни 21-го века. Это, в свою очередь, ожидает нового, более неформального подхода к организационной структуре.

В последнее время фокус внимания все чаще направляется на возвращение лидерских черт у руководителей среднего и низшего звена, так как во многих организациях уже пришли к осознанию, что успех детерминирован лидерским потенциалом в самом широком понимании. Так в статье написанной бизнес-экспертами Wharton говорится о том, что качества лидера могут реализоваться на каждом уровне предприятия. В настоящее время существуют такие транснациональные компании как, например General Electric, которые известны не только своими выдающимися управленцами, но и способностью развивать лидерские качества на всех уровнях организации.

В зависимости от ступени карьерной лестницы, которую занимает сотрудник, необходимы различные лидерские качества. Так на нижних ступенях от лидера требуется способность брать на себя ответственность, личностное отношение к возложенной работе, инициативность. По мере роста по карьерной лестнице уже важнее становится способность развивать нужные черты в других сотрудниках. Видение будущего компании и способность вести за собой людей становятся решающими качествами на самых верхних ступенях управления. [1]

В зависимости от различных факторов выделяют разнообразные стили лидерства. Интересна классификация стилей лидерства соответственно особенностям эмоционального интеллекта. Так компания Huawei, опросив около 4000 топ-менеджеров, обнаружила шесть стилей лидерства, связанными в большей или в меньшей степени выраженными факторами эмоционального интеллекта: лидеры-«диктаторы», «авторитетные», «партнеры», «демократы», лидеры, предпочитающие образцовый стиль и лидеры-«наставники». [1]

Как выяснилось, элементы «эмоционального интеллекта» исследуемых топ-менеджеров влияют на рабочий климат организации, а значит, и на финансовый успех. Один из самых важных выводов сделанных авторами исследования: лидеры, достигающие самых высоких результатов, способны одинаково хорошо применять несколько стилей руководства.

Согласно результатам экспертов Института Гэллага существует только один фактор, который позволяет точно прогнозировать уровень эффективности труда работников — им является ощущение заботы, признания или похвалы со стороны руководителей, помощь в развитии.

К теориям лидерства «нового поколения» можно отнести трансформационное лидерство, альтруистическое лидерство, рассматривающее лидерство, как служение и духовное наставничество. [4, 5]

К отдельной категории можно отнести деструктивное лидерство, исследующее разрушительное поведение лидера и его влияние на последователей. [3]

Согласно теории «целостного лидерства» существует три ключевых стороны лидерства: «голова» (целесообразная, критическая оценка ситуации), «сердце» (взаимосвязь с другими), «живот» (способность брать на себя ответственность в экстремальных ситуациях).

По мнению авторов модели «случайного лидерства», противопоставляться должны не персонал и задачи организации, а прошлое и настоящее компании.

Значительную известность имеют «модели компетенций», в которых исследуются соотношение потенциала лидера, связанное с внесением свежих идей и их прикладным исполнением.

Интересна идея «человеческих порталов», согласно которой, для эффективного взаимодействия, позволяющего налаживать связи можно использовать социальный потенциал, круг знакомых в надлежущей области, которые могут содействовать знакомству руководителя с нужными людьми.

«Воспитание» лидерских качеств необходимо реализовать как элемент более масштабной стратегии, ориентированной на умножение компетентности всех работников. Система тренинга тому, как управленец грамотно и продуктивно руководит, должна постоянно развиваться, при том, что границы между ее различными элементами со временем исчезают. Между профессиональным развитием руководителей и развитием организации должен сохраняться баланс, связанный с ежедневными интересами компании и позволяющий четко детерминировать перспективы развития в будущем.[1]

Данный обзор современных концепций лидерства дает возможность посмотреть на проблему выявления эффективного лидера под новым более широким углом. Одной из тенденций современного подхода к изучению лидерства является поиск возможностей для «воспитания» эффективного управленца, связь с практикой, появления новых концепций, а также модернизация старых теорий, исходя из экономических и социальных условий нового времени.

Список источников

1. Лёнайзен Эберхард фон. Развитие лидерства: российский контекст // «Вестник McKinsey». № 2—2004.
2. Крапенко Л. А., Петровский А. В. Ярошевский М. Г. Ростов-н/ Д. : Феникс, 1999. 512 с.
3. Dr. George Sparks, Ph.D., Dr. Patricia Wolf, Dr. Andryce, M. Zurick (2015). Destructive Leadership: The Hatfield And Mccoy Feud. Kaplan University, USA
4. Bass, B., & Riggio, R. Transformational leadership, 2006, NY: Taylor and Francis.
5. Robert J., Fitzgerald. Becoming Leo: Servant Leadership as a Pedagogical Philosophy. University High School Illinois State University Laboratory Schools. Critical Questions in Education, 2011. P. 75—85.

А. И. Яицкова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАБОТНИКА

ЯИЦКОВА Алена Игоревна — стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; yaitskova_a@mail.ru

Аннотация. Анализируется взаимосвязь уровня профессиональной идентичности работника и его профессионального развития. Профессиональная идентичность рассмотрена как интегративное (личностно-групповое) социально-психологическое явление, которое может быть охарактеризовано тремя основными компонентами: когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Приводится классификация уровней развития профессиональной идентичности: невыраженная, выраженная (пассивная) и выраженная (активная). На основе эмпирических исследований профессиональной идентичности представителей различных профессий сделан вывод о существовании прямой корреляции между уровнем профессиональной идентичности работника и его профессиональным развитием. Чем выше идентификация работника со своей профессией, тем более развиты его профессиональные навыки, выше его авторитет в профессиональной группе, мотивация к достижению успеха, и, в конечном счете, эффективнее его профессиональная деятельность.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональная группа, уровни профессиональной идентичности, профессиональное развитие, профессионализм

Возможность решения различных профессиональных проблем работников ученые связывают с изучением явления профессиональной идентичности. Представление о себе как профессионале определяет стиль межличностного взаимодействия в профессиональном сообществе, позволяет определить свое место в социальном мире, а также развить систему моральных и профессиональных ценностей и убеждений. Иными словами, явление профессиональной идентичности тесно связано с профессиональным развитием, а также понятием профессионализма.

Цель данной статьи состоит в определении взаимосвязи профессиональной идентичности работника и уровня его профессионального развития.

Формирование профессиональной идентичности происходит в процессе овладения субъектом профессией (в рамках учебной, а затем профессиональной деятельности) и вовлечения его в профессиональную группу

посредством общения. С одной стороны, у субъекта складывается представление о своей профессии и отношении к ней и профессиональной группе, с другой — профессиональная группа формирует представление и отношение к субъекту. Таким образом, профессиональную идентичность следует понимать как интегративное (лично-групповое) социально-психологическое явление.

Профессиональная идентичность, согласно Л. Б. Шнейдер, может быть построена через три основных компонента [1]:

1. когнитивный (профессиональные знания и профессиональные убеждения, осознание профессионального «Я — образа»);
2. эмоциональный (эмоционально-оценочное отношение к профессиональным убеждениям и знаниям, к самому себе как «деятелю»);
3. поведенческий (стиль взаимодействия в профессиональной среде).

В зависимости от опыта работы, личностных характеристик и иных факторов профессиональная идентичность работника может быть развита в различной степени. Л. Б. Шнейдер выделяет три уровня профессиональной идентичности личности [1]:

1. Невыраженная: осознание дальней и ближней профессиональных целей, стремление понять своё дело, овладеть им в полном объёме; соответствие человека и профессии устанавливается в модальности «хочу»; характеристика субъекта деятельности — «мечтающий»;
2. Выраженная, пассивная: усвоение базовых знаний, требований профессии к человеку, осознание своих возможностей, осуществление деятельности по образцу; соответствие человека и профессии устанавливается в модальности «знаю»; характеристика работника — «осведомлённый»;
3. Выраженная, активная: использование добавочных, индивидуальных путей профессионального развития; практическая реализация выбранных профессиональных целей, самостоятельность и ответственность в выполнении служебной деятельности, формирование индивидуального стиля; соответствие человека и профессии устанавливается в модальности «могу»; работника можно охарактеризовать как «умелого».

Исходя из предложенной классификации, можно сделать вывод, что профессиональная идентичность работников влияет на уровень их профессионального развития, а, следовательно, и на эффективность их деятельности. Это объясняется тем, что профессиональная идентичность обеспечивает высокий уровень самопринятия себя как профессионала, быструю адаптацию к новым условиям деятельности. Сформированная профессиональная идентичность выступает в качестве внутреннего источника профессионального развития и личностного роста субъекта [2].

Этот тезис подтверждается эмпирическими исследованиями профессиональной идентичности представителей различных профессий.

Так, Н. В. Евтешина при составлении портрета высоко-, средне- и низко идентичных специалистов-психологов исходит из представления, что уровень профессиональной идентичности складывается когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Исследование, проведенное с использованием комплекса методов (метод ассоциативного эксперимента, письменного опроса, тестирование и др.) дало следующие результаты [3]:

1. Психологи с низким уровнем профессиональной идентичности (невыраженная идентичность по классификации Л. Б. Шнейдер) характеризуются низкими показателями всех трех указанных компонентов.
2. Психологи со средним уровнем идентичности (выраженная, пассивная) характеризуются низкими (либо средними) показателями когнитивного компонента, а также средними — по эмоциональному и поведенческому компонентам.
3. Психологи с высоким уровнем профессиональной идентичности (выраженная, активная) характеризуются высокими показателями трех компонентов.

Работников, достигших высокого уровня идентичности, можно охарактеризовать как профессионалов, т. е. людей, способных систематически, эффективно и надёжно выполнять сложную профессиональную деятельность в самых разнообразных условиях [4]. Профессионализм как включает компетентность как необходимое качество, но не сводится к нему. Профессионализм — это и особое профессиональное мировоззрение, и система отношений — к себе, своей деятельности, профессии, и профессиональная мотивация [5]. Иными словами, профессионализм складывается из компетентности и ответственности.

В. Н. Мухортова, исследуя профессиональную идентичность российских врачей, отмечает определенную корреляцию опыта работы и формирования профессиональной идентичности [6]. Осознание своей профессиональной роли осуществляется у большинства врачей в период от трех (38%) до пяти лет (26,7%), у шестой части — в первый год работы [7]. Таким образом, для более полной идентификации себя как «врача» требуется некоторое время пребывания в профессии, в течение которого происходит оттачивание полученных в ходе обучения навыков, взаимодействие с профессиональной группой, формирование позитивной оценки работника как профессионала со стороны коллег и руководства.

Подводя итог, необходимо отметить следующую эмпирически подтвержденную закономерность: уровень профессиональной идентичности

работника находится в прямой корреляции с уровнем его профессионального развития. Чем выше идентификация работника со своей профессией, тем более развиты его профессиональные навыки, выше его авторитет в профессиональной группе, мотивация к достижению успеха, и, в конечном счете, эффективнее его профессиональная деятельность.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Список источников

1. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учебное пособие. М. : «МОДЭК», 2004. 600 с.
2. Родыгина У. С. Диагностика профессиональной идентичности студентов-будущих психологов // Со временные технологии и активные методы обучения в вузе как условие подготовки специалиста: материалы IV межрегион. межвуз. науч.-метод. конф. Киров, 2006.
3. Евтешина Н. В. Профессиональная идентичность психологов : Учебное пособие. Рязань : Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2012. 106 с.
4. Дружилов С. А. Обобщенный (интегральный) подход к обеспечению становления профессионализма человека // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. № 1 (21).
5. Климов Е. А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд). М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та (МПСИ) : Флинта, 2003. 320 с.
6. Мухортова В. Н. Профессиональная идентичность российских врачей: результаты социологического исследования // Социология и право. 2015. № 4 (30). С. 63—77.
7. Поздеева Е. Г. Социологический портрет врача: постановка проблемы и методы исследования : дис. ... канд. социол. наук. СПб. : СПбГУ, 1994. 143 с.

В. А. Рафикова, А. С. Шарф

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

РАФИКОВА Вероника Айдаровна — студент 4 курса, кафедры социальной работы, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; neonve@mail.ru

ШАРФ Александра Сергеевна — ассистент кафедры социальной работы, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; nobel2023@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы профессиональной идентичности социальных работников в рамках теории конструирования; социальные работники представляются как субъекты процесса конструирования идентичности профессии. Показано, что идентичность социальных работников является важным фактором институционализации профессии «социальная работа», выявлена трехуровневая структурная модель исследования профессиональной идентичности, предполагающая изучение осознаваемых и неосознаваемых установок социальных работников в отношении своей профессии.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, социальная работа, идентичность социального работника

Состояние и динамика развития социальной работы как профессии детерминирована историческими, экономическими, социальными, географическими и другими факторами. Влияние этих факторов говорит о неоднозначности феномена социальной работы; сложность в его определении также диктуется тем, что социальная работа носит эклектичный характер.

Одним из глобальных вызовов современной социальной работы являются проблемы профессионализации и институционализации. Социальная работа — неоднозначный феномен, раскрывающийся в нескольких компонентах: теории, практике, образовательной дисциплине и в их взаимодействии. Противоречия, существующие между этими плоскостями, а также большая степень зависимости социальной работы от факторов социальной среды делают ее сложным и неоднозначным социальным явлением.

Социальная работа как профессия — явление более узкое, однако не менее сложное для интерпретации. Как отечественные, так и зарубежные авторы отмечают, что для профессии социального работника

актуальными проблемами были и остаются проблемы формирования профессиональных границ, идентичность социальной работы, неоднозначное отношение к профессии и ее специфический статус [7: 8; 8: 52]. В России сложность идентификации этого понятия усугубляется в силу практически одновременного появления в стране «специалиста по социальной работе» и «социального работника», профессиональные функции которых составляют содержание профессии. Трансляция однозначного образа в обществе представляется сложной еще и в силу отождествления этой профессии с непрофессиональной деятельностью — благотворительностью, и нравственными категориями — «добротой», «эмпатией», «милосердием» [6: 124].

Социальную работу можно рассматривать как конструируемое явление, детерминируемое факторами социальной среды. Внимание исследователей акцентируется на факторах этого процесса: идентичность профессии конструируют политические и экономические силы, а также общественные ожидания [4: 245]. Однако поскольку сама социальная работа является социальным явлением, она не может существовать вне сознания конструирующих ее субъектов. Одним из важнейших участников этого процесса являются сами социальные работники.

Мы считаем необходимым обратиться к такому аспекту развития профессии как идентичность субъекта социальной работы. Это объясняется тем, что роль специалистов в развитии социальной работы можно определить как ведущую: «Профессионализация [социальной работы] нуждается в осознании того, что составляет профессию — самоидентификация социального работника должна быть связана с чувством принадлежности к четко ограниченной профессиональной группе, чего в современном российском обществе пока не наблюдается» [2: 32].

Для дальнейшего анализа необходимо представить точные определения субъектов профессии «социальная работа». В качестве основного вида деятельности специалиста по социальной работе в соответствии с профессиональным стандартом выступает деятельность по планированию, организации, контролю и реализации социальных услуг и мер социальной поддержки населения¹. Более узкий перечень действий представлен в профессиональном стандарте социального работника: предоставление клиентам услуг социального плана².

¹ Профессиональный стандарт 03.001. Специалист по социальной работе (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 октября 2013 г. № 571н) [Электронный ресурс]. URL: <http://classinform.ru/profstandarty/03.001-spetcialist-po-sotcialnoi-rabote.html>.

² Профессиональный стандарт. 03.002. Социальный работник (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от «18» ноября 2013 г. № 677н) [Электронный ресурс]. URL: <http://classinform.ru/profstandarty/03.002-sotcialnyi-rabotnik.html>.

Социальная работа находится в процессе становления и активного развития, существенным компонентом которого является конструирование ее сущности как социального явления. Формирование идентичности профессии можно рассматривать как часть процесса институционализации [4: 245], а специалисты по социальной работе, являясь активным элементом этой профессии, оказывают на социальную работу большое влияние: сложности в однозначной идентификации содержания деятельности социальных работников обуславливают значительную степень свободы субъектов отношений «специалист — клиент»; даже тенденция к формализации и бюрократизации социальной работы как профессии не отменяет значительной доли субъективности в действиях специалистов: «получается, что сколько проблем, столько и знаний в социальной работе» [4: 248].

Таким образом, в качестве предмета исследования выступает процесс конструирования профессиональной идентичности социальных работников как аспект развития профессии.

Под социальной работой как профессией мы будем понимать профессиональную деятельность, осуществляемую социальными работниками с целью реализации мер поддержки и содействия в преодолении клиентом трудной жизненной ситуации.

Профессиональную идентичность мы понимаем как результат процесса выработки комплексных характеристик представлений субъектов о профессии, выражающийся в тождественности, определенности и устойчивости. Процесс конструирования профессиональной идентичности — результат целенаправленного воздействия субъекта/субъектов, выражающийся в формировании установок, устойчивых представлений относительно профессии.

Социальных работников и специалистов по социальной работе мы будем рассматривать как субъектов этого процесса.

Основополагающим в определении идентичности является принцип субъективности: «...результат активного процесса, отражающего представления субъекта о себе, собственном пути развития...» [5: 15]. В контексте субъективных установок акторов профессиональной деятельности становится адекватным применение феноменологического подхода, получившего развитие в теории социального конструирования реальности.

В соответствии с вышесказанным, профессиональную идентичность социальных работников можно определить как совокупность осознаваемых и неосознаваемых субъектом установок в отношении профессии, выражающихся в смыслах, оценках, ощущении своей тождественности.

Специалисты по социальной работе могут выступать в роли одного субъекта реальности, который видит объективную картину мира в виде

профессии одним образом, а другие субъекты — как-то соприкасающиеся с этой же общей для всех реальностью (профессией) граждане как отдельная категория, СМИ, студенты и т. д. — совершенно иным. И, хотя объективность профессии как «высшей реальности», которую конструируют различные субъекты, представляется сомнительной по отношению ко всей повседневной действительности (хотя бы потому, что она является частью этой действительности, и только последняя, по мнению исследователей, имеет право называться высшей реальностью), но логичным будет предположить, что трансляция единого мнения относительно профессии как объективности, исходящая от одного субъекта, сможет повлиять на представления о нем у другого.

Так, исследование профессиональной идентичности специалистов по социальной работе можно представить в виде структуры, каждый из уровней которой предполагает изучение значимых аспектов проблемы.

Во-первых, представляется необходимым четкое определение профессиональных границ и поиск ответа на вопрос, кто такой специалист по социальной работе, как это определение соотносится со смежными профессиями, в чем специфика данной профессии и ее место в современном обществе. Этот аспект предполагает изучение и самого феномена социальной работы, подходов к ее изучению, что позволит выявить механизмы, отражающиеся на институционализации профессии.

Во-вторых, установки специалистов по социальной работе как субъектов профессии; представления о повседневности профессионалов, и, в частности, — о своей профессиональной деятельности, позволят увидеть субъективное восприятие реальности акторов профессии и проанализировать такой важный уровень анализа, как профессиональная идентичность. Этот аспект анализа является многоуровневым, поскольку личностные и профессиональные установки необходимо разграничить. Однако и те, и другие компоненты являются важными, поскольку специфика профессиональной идентичности социальных работников связана с нравственными профессиональными ориентирами специалиста [5: 198] и испытывает влияние деонтологического аспекта деятельности.

Так, структура установок социальных работников отношении своей профессии будет включать уровни по возрастанию по степени персонализации.

Говоря о профессиональной идентичности, следует учитывать личностный компонент, поскольку у работников социономических профессий возможно затруднение в разграничении этих компонентов идентичности. Так, если рассматривать личностную и социальную идентичность (частью которой является профессиональная идентичность) [3: 194], необходимо отметить отсутствие полярности между ними и рассматривать их как кон-

тинуум, в их взаимосвязи; так, первая является регулятором социального поведения и, соответственно, влияет на профессиональную идентичность как компонент социальной идентичности. Для социальных работников необходимо выявить уровни этих идентичностей по степени осознанности.

Так, основу идентичности социальных работников составляют глубинные, персонифицированные значения: представления о самой профессии, ее миссии, содержательных отличительных характеристиках, которые носят бессознательный характер и выражаются в стереотипах субъекта профессии, наличия у него ассоциаций, связанных с образом профессии.

Следующий уровень — прототипы — некие устойчивые образцы поведения в данной реальности, артефакты, носящие безоценочный и более осознаваемый характер: этот уровень выражается в представлениях социальных работников об атрибутах профессии, функциях и умениях специалиста, его роли в профессиональной деятельности.

Третий уровень — более субъективированный и приближенный к повседневной реальности: его изучение основывается на видении специалистом своих конкретных задач, профессиональных приоритетов и ожиданий от профессиональной деятельности.

Ограничения социального конструирования заключаются в том, что конструирование профессии требует от субъекта большего уровня теоретизирования, а процесс мышления по поводу собственной реальности, как склонны считать исследователи социологии знания, является естественным, и рефлексия в абстрактных категориях свойственна, как известно, меньшему количеству людей. В этом заключается сложность манипуляций с формированием более или менее единой реальности, объектом которой является профессия: представления о конкретной профессии затруднены в силу требуемого уровня абстракционирования, при том, что профессия — явление, по крайней мере, на первый взгляд, намного более узкое, чем вся объективная реальность. Повседневность можно представить в виде вещей материального мира, представления о ней подкрепляются уже давно сконструированными устойчивыми системами вроде языка, общественной иерархии. Конкретная профессия же, скорее всего, вряд ли видится ее представителям как комплексное явление, не говоря об остальных людях, не имеющих к ней отношения. А именно, субъективные представления людей о своей профессии в большинстве случаев ассоциируются с их повседневным опытом осуществления этой деятельности [1: 13, 18]. В этом состоит еще одна сложность единого восприятия профессии «социальная работа» ее представителями: деятельность специалистов данной области относительно сильно дифференцирована: они заняты в учреждениях разного организационного типа, уровня, направленности и структуры; более того, содержание деятельности специалистов также не имеет

четкого набора действий, а зачастую разнятся и в целях. Это указывает на немаловажный аспект проблемы идентичности профессии: в обществе затруднено не только формирование образа профессии, но и осмысление этого явления у самих специалистов по социальной работе.

Безусловно, изучение процессов институционализации, становления и развития профессии не сводится к анализу установок ее представителей; существует множество механизмов процесса формирования профессии. Однако наложение теории социального конструирования реальности на проблемы представлений человека и профессии позволит нам более глубоко понять сущность данного явления. Мы считаем необходимым сфокусировать внимание именно на профессиональных установках личности, поскольку достижение их единства может влиять на субъективное восприятие социальной работы другими общественными образованиями и институтами, что сформирует объективную идентичность профессии, а также может способствовать выработке механизмов трансляции адекватного образа социальной работы.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : «Медиум», 1995.
2. Бетурлакин В. В. Актуальные проблемы профессионализации социальной работы // Вопросы научной теории и социальной практики. БИТТУ СГТУ. Вып. 2. 2005.
3. Дроздова С. А. Структурные компоненты идентичности личности сотрудников таможенных органов // Мир науки, культуры, образования. № 3 (22) 2010.
4. Шалковская О. В. Проблема формирования профессиональной идентичности в социальной работе как один из ключевых вызовов институционализации профессии // Журнал исследований социальной политики. № 2. Т. 14. 2016.
5. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность : монография. М. : МОРУ, 2001.
6. Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М. : ООО «Вариант», 2015. С. 124
7. Asquith S. The role of the social worker in the 21st century. [Электронный ресурс]. URL: www.scotland.gov.uk/socialresearch.
8. Navrátil P. Social construction of social work identity in the processes of its institutionalisation // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 38. 2012.

Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КЛИМЕНКО Людмила Владиславовна — доктор социологических наук, доцент экономического факультета Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, Россия; lucl@yandex.ru

ПОСУХОВА Оксана Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, Россия; belloks@yandex.ru

Аннотация. На материалах федеральных статистических наблюдений и экспертных оценок анализируются масштабы и структурные особенности неформальной занятости в контексте прекариатизации социально-трудовых отношений в российском обществе. По данным Росстата число занятых россиян в неформальном секторе выросло с 8,2 млн чел. в 2001 г. до 14 млн чел. в 2015 г. В свою очередь динамика неформально занятых в долевых показателях составила 12,5 % в 2011 г. и 19,4 % в 2015 г. Деформализация трудовых отношений получает все большее распространение из-за невозможности устроиться на работу с формализованными контрактами и гарантированными социально-трудовыми правами. В последние годы в зону прекариатизации попадают квалифицированные кадры. Кризис занятости, нестабильность трудовых отношений, ведущей к размыванию критериев профессиональной стратификации, теневизации профессиональной деятельности и другие проявления прекариатизации трудовых отношений ослабляют интеграционный потенциал социально-профессиональной структуры.

Ключевые слова: неформальная занятость, прекариатизация, социально-трудовые отношения, профессиональная идентичность

Распространение в большинстве стран либеральных моделей социально-экономического развития, активные процессы глобализации, изменение параметров стратификации современных обществ вызвали феномен прекариатизации социально-трудовых отношений, который в последние годы обращает на себя пристальное внимание ученых. Обычно под прекариатизацией понимается деформация/ кризис трудовых отношений, выражающийся в возникновении многочисленных групп работников,

постоянно занятых временным, негарантированным трудом, что связано с ущемлением социально-трудовых прав этой категории населения и уязвимостью, ненадежностью их социального положения.

Массовая неустойчивая, деформализованная занятость — явление глобальное. По оценкам специалистов Организации сотрудничества и развития более половины экономического активного населения мира, что составляет 1,8 миллиардов человек, работают без заключения контрактов и без социально-трудовых гарантий [6]. В 28 странах Европейского союза показатели неполной занятости значительно возросли с 1995 года и достигли 14,2% от общего уровня занятости в 2015 году. По данным Евростатата с 2002 по 2015 гг. численность временно работающих в 28 странах ЕС увеличилась на 5 млн человек. Причем в период экономического кризиса 2008 г. под сокращение попали, в первую очередь, временно занятые. [7]

На постсоветском пространстве процессы прекариатизации социально-трудовых отношений также приобрели угрожающие масштабы. Вице-премьер правительства РФ О. Голодец озвучила, что в российской экономике вообще 45% или 38 млн человек трудоспособного возраста «непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты» [2]. Более взвешенные оценки дают эксперты, когда численность постоянно занятых временным, негарантированным трудом составляет от 30% до 40% экономически активного населения [1; 5], что в абсолютных цифрах превышает население некоторых европейских стран.

Через экономические кризисы в России (2008—2009 гг., 2014—2015 гг.) обострилась асимметричность взаимоотношений работников и работодателей. Рабочие места сократились с 1991 г. по 2015 г. на 8,1 млн рабочих мест [3]. Фиксируется ухудшение ситуации с соблюдением социально-трудовых прав работников, рост трудовой нагрузки, который не сопровождается повышением оплаты труда.

По данным Росстата число занятых россиян в неформальном секторе выросло с 8,2 млн чел. в 2001 г. до 14 млн чел. в 2015 г. В свою очередь динамика неформально занятых в долевых показателях составила 12,5% в 2011 г. и 19,4% в 2015 г. (рис. 1). По методологии Росстата, под неформальной занятостью понимается занятость на предприятии, у которого отсутствует государственная регистрация в качестве юридического лица (занятые по найму у физических лиц, самозанятые, занятые в домашнем хозяйстве). По другим оценкам Центра макроэкономических исследований Сбербанка России число неформально занятых по нижней границе составляет около 20 млн чел. или четверть экономически активного населения, а также существует еще около 4 млн самозанятых. [4]

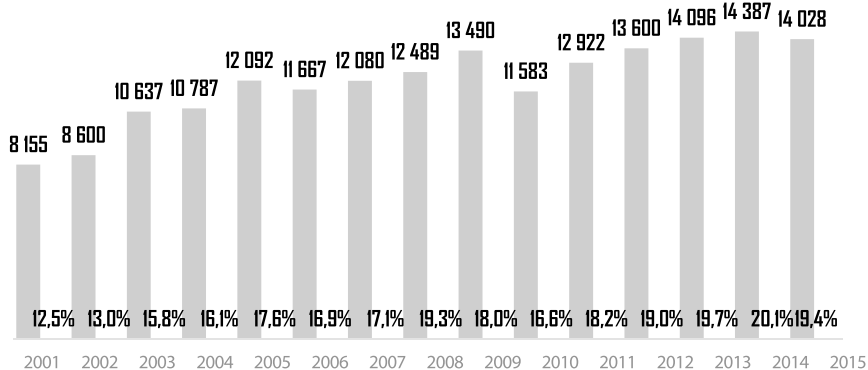

Рис. 1. Занятые в неформальном секторе, в тыс. человек и в % к общей численности занятого населения (по данным Росстата)

В структуре неформального сектора наиболее емкие по количеству занятых являются оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. Практически каждый третий деформализованный работник трудится в этом секторе (31,8%). Значительна доля неформального труда в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (23,1%), строительстве (11,7%), транспорте и связи (9,2%), на обрабатывающем производстве (8,8%) (рис. 2).

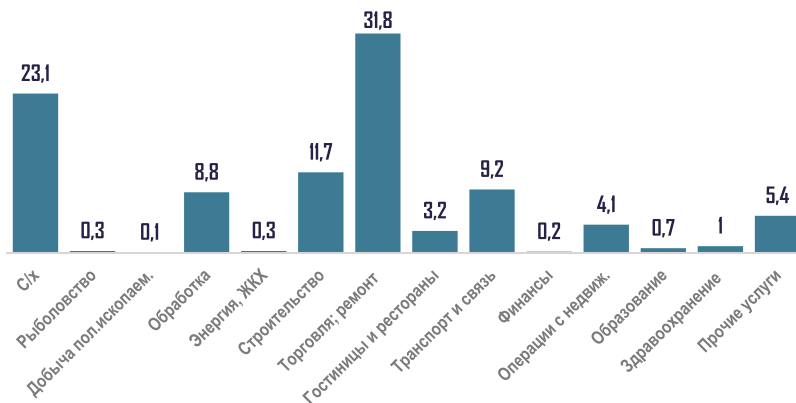

Рис. 2. Структура занятых в неформальном секторе по видам деятельности, в % (по данным Росстата)

Деформализация трудовых отношений получает все большее распространение из-за невозможности устроиться на работу с формализованными контрактами и гарантированными социально-трудовыми правами. В последние годы в зону прекариатизации попадают квалифицированные кадры. По официальным данным с 2004 по 2015 г. практически в два раза увеличилась доля занятых в неформальном секторе, имеющих высшее профессиональное образование (табл. 1).

Таблица 1. Структура занятых в неформальном секторе по уровню образования, в % (по данным Росстата)¹

Год	Всего	В том числе имеют образование						
		Высшее профессиональное	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Не имеют основного общего
2004	100	11,1	1,9	21,7	20,2	30,8	12,2	2,1
2005	100	10,9	1,9	20,8	20,5	31,2	12,5	2,1
2006	100	11,6	1,7	20,8	21,2	31,0	11,7	1,9
2007	100	12,2	1,6	21,6	20,3	31,9	10,8	1,6
2008	100	13,0	1,7	22,8	21,6	30,9	8,6	1,5
2009	100	14,5	—	22,9	21,3	31,4	8,9	1,1
2010	100	14,5	—	22,3	22,1	31,5	8,4	1,1
2011	100	14,7	—	22,4	22,7	31,1	8,1	1,0
2012	100	14,9	—	22,2	22,4	32,2	7,6	0,7
2013	100	15,8	—	21,8	22,1	32,2	7,4	0,7
2014	100	16,7	—	22,9	23,1	29,6	7,1	0,6
2015	100	18,0	—	22,4	22,5	30,3	6,4	0,4

Таким образом, масштабность прекариатизации социально-трудовых отношений создает риски новых социальных неравенств в российском обществе. Кризис занятости, нестабильность трудовых отношений, ведущей к размыванию критериев профессиональной стратификации, теневизации профессиональной деятельности и другие проявления прекариатизации трудовых отношений ослабляют интеграционный потенциал социально-профессиональной структуры. Кроме того, распространение неустойчивой или вынужденной занятости, ослабление социально-трудовых гарантий, социально фрустрируют работников, ослабляют трудовую мотивацию и депрофессионализируют лично, диверсифицируют

¹ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

профессиональную идентичность. Все это в совокупности может привести к росту протестных настроений среди большого числа не только низкоквалифицированных работников, но и среди множества профессионалов и людей с высоким уровнем образования, которые все чаще попадают в зону прекариатизации.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Список источников

1. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 7.
2. Голодец: 38 млн россиян заняты «непонятно где и чем» // Ведомости. 11.08.2013 URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (дата обращения 9.08.2016).
3. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / ред. Горшков М. К., Петухов В. В. Институт социологии РАН. М. : Издательство Весь Мир, 2015. С. 49—51.
4. Россия: неформальная занятость как новый феномен // Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. Выпуск 14.02.2014. URL: <file:///C:/Users/s/Downloads/neformaltrudF.pdf> (дата обращения 13.08.2016).
5. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 4.
6. Федорова Е. П., Яковлева А. В. Неформальная занятость в России: тенденции, причины // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2014. № 1.
7. Klimentko L. V., Posukhova O. Y. Signs and Scope of Precarization of Labor Relations in Modern Russia // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Volume 11. Issue 18. P. 11 063.

И. А. Огородникова, К. В. Павленко

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ОГОРОДНИКОВА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия; ogorodnikova.irina@gmail.com

ПАВЛЕНКО Ксения Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия; pavlenko.ks@gmail.com

Аннотация. По материалам исследования, проведенного в Омске, рассматривается проблема увеличения пенсионного возраста. Результаты позволяют утверждать, что рынок труда к такому шагу не готов. Рассматриваются два фактора: трудовые предпочтения пенсионеров, трудности для их «входа» на рынок труда. Вопросы трудоустройства людей старшего возраста возникают раньше выхода на пенсию, их решение требует институционализированных средств увеличения человеческого капитала.

Ключевые слова: трудовая активность, пенсионеры, пенсионный возраст, рынок труда, человеческий капитал

Увеличение доли людей старшего возраста в структуре населения актуализирует не только вопросы социальной защиты и помощи, но и сохранения активности людей, вышедших на пенсию. В исследовании изучался потенциал трудовой и социальной активности пенсионеров, проживающих в Омске. Методом массового поквартирного опроса проинтервьюировано 780 пенсионеров в возрасте 60—75 лет, мужчины, и 55—75 лет, женщины. В полуформализованном интервью участвовало 14 людей пенсионного возраста, 10 представителей организаций потенциальных работодателей, 6 представителей инфраструктуры рынка труда, 2 участника общественных организаций, представляющих интересы пенсионеров. Проведен контент-анализ газет, специализирующихся на объявлениях о трудовых вакансиях. Методом систематического отбора было выбрано 2400 вакансий. Рассмотрим результаты исследования в контексте возможностей повышения возраста выхода на пенсию.

В основу изучения структуры трудовой активности пенсионеров была положена классификация трудовых маршрутов, предложенная М. Греллером [1]. В результате исследования получены следующие результаты. Продолжают работать 28 % пенсионеров, при этом 12 % смени-

ли место работы после выхода на пенсию, а 16 % продолжают работать на том же месте. Не работают и не хотят работать 63 % опрошенных. Среди них 16 % на момент выхода на пенсию хотели продолжать трудиться, но не смогли сохранить за собой рабочее место или найти новое. Не работают, но хотят работать 9 % опрошенных. Две последние группы можно характеризовать как «вытолкнутых на пенсию».

Помимо привычной работы по найму, значительная часть пенсионеров (37 % изучаемой группы) трудится, неся социальную нагрузку. Они ухаживают за больными родственниками, воспитывают внуков. Среди работающих и неработающих пенсионеров процент таких людей одинаков. С учетом социальной нагрузки можно сказать, что доля людей пенсионного возраста, не проявляющих трудовой активности и не заявляющих о своем желании работать, составляет около 40 %. Только половина членов этой группы находится в возрасте 70—75 лет. Это значит, что, повышение возраста выхода на пенсию заставит часть людей работать, невзирая на их желание и возможности.

Готов ли рынок труда к переходу на новый возраст выхода на пенсию? Выше говорилось о наличии группы, характеризуемой как «вытолкнутые на пенсию». Может быть, для них есть другие позиции на рынке труда? Анализ именно этой, наиболее мотивированной на трудовую активность группы, показал, что есть препятствия к реализации трудового потенциала старшего поколения. Треть от данной группы пытались вернуться на рынок труда, но столкнулись с определенными трудностями. Среди них 34 % работу находили, но отказались от нее. Но большая часть (64 %) не нашли вакансию, на которую их готовы были принять. Следовательно, можно рассматривать два фактора, препятствующих трудоустройству пенсионеров.

Во-первых, трудовые предпочтения самих пенсионеров. В ходе исследования был получен вывод, что среднестатистический пенсионер согласен на понижение статуса в обмен на снижение интенсивности труда. Пенсионеры имеют особые требования: только 56 % людей согласны на полный рабочий день, желателен «щадящий» график работы. Большинству (64 %) хотелось бы работать рядом с домом: *«Вся проблема в том, чтобы недалеко от дома. Ездить на двух автобусах куда-нибудь — это уже смысла нет»*. В ходе интервью обсуждались трудовые предпочтения пенсионеров. Предложения работы на дому не воспринимаются всерьез, о такой работе сложилось мнение как о фикции, обмане. Пенсионеры востребованы в сетевом маркетинге. Но сами они скептически оценивают возможности заработка в этой сфере в связи со сдельной оплатой труда и одновременно низкой покупательской способностью населения. Отношение к монотонному, неквалифицированному труду (вахтер, кассир,

сторож и т. д.) у пенсионеров негативное, и соглашаются они на такую работу от безысходности. Идеальный вариант, как он выглядит по результатам интервью с пенсионерами, это работа в офисе «с бумажками, с людьми», «мелкая руководящая работа».

Во-вторых, существуют препятствия для «входа» пенсионера на рынок труда. Результаты контент-анализа объявлений о вакансиях в омских СМИ иллюстрируют вывод, что ситуация на рынке труда не является благоприятной для трудоустройства пенсионеров. Больше всего предложений о вакансиях в сфере услуг, но именно она имеет наиболее сильные возрастные ограничения. Промышленность, вторая по количеству вакансий сфера, предполагает интенсивный труд, поэтому часто не соответствует возможностям людей старшего возраста. В сумме вакансии этих двух сфер занимают половину объявлений. Наименьшие возрастные ограничения отмечены в рубрике «Работа для всех», но это вакансии, предполагающие неквалифицированный, монотонный труд. В сфере «офисные работники», которая желательна пенсионерами, средняя верхняя граница возраста не превышает 35 лет.

Следовательно, можно с большой долей уверенности сказать, что к такому шагу, как увеличение возраста выхода на пенсию рынок труда не готов. Людям старшего возраста, потерявшим работу до выхода на пенсию, придется платить пособия по безработице и бедности. Если к этому добавить, что уже сейчас каждый десятый пенсионер (омич в возрасте до 75 лет) работает по устной договоренности с работодателем, становится понятно, что государственный бюджет ничего не выгадает. Чем более уязвимым окажется трудовое положение людей, тем активнее работодатели будут предлагать им нелегальное трудоустройство. Бюджет не будет получать налоговые отчисления, неся одновременно затраты на содержания по безработице и бедности.

Значение параметра возраста на рынке труда заставляет актуализировать проблему человеческого капитала. Контент-анализ показал, что средняя максимальная возрастная граница в объявлениях о вакансиях составляет 41,5 год. Наиболее часто встречающееся ограничение возраста — 35 лет (21,7 % вакансий от общего количества объявлений с возрастными ограничениями содержат данное значение). Следовательно, время для профессиональных маршрутов очень короткое. Такие ограничения не позволяют человеку увеличивать свои профессиональные ресурсы. Получается, что с рынка труда выталкиваются опытные работники, а работодатель, выбирая между опытом и современными актуальными знаниями, делает выбор в пользу последних. Очевидно, что работники, обладающие и тем и другим преимуществом, были бы наиболее конкурентоспособны и ценны для экономики в целом. Что мешает появиться

работнику такого типа? К числу препятствий относится эйджизм и слабое развитие системы повышения квалификации для возрастных работников [2]. Можно резюмировать, что вопросы трудоустройства людей старшего возраста возникают гораздо раньше выхода на пенсию, и их решение требует институционализированных средств увеличения человеческого капитала.

Список источников

1. Греллер М. Старение и работа: человеческий и экономический потенциал // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 55—60.
2. Огородникова И. А., Павленко К. В. Экономически активные пенсионеры: характеристика потребности в образовании // Вестник Омского университета. 2010. № 3 (57). С. 190—195.

В. Л. Шварцблат, О. Н. Сысолятина

ДЕФИЦИТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ШВАРЦБЛАТ Владислав Львович — студент 4 курса бакалавриата социологии ВятГУ, Киров, Россия; vlad3295@mail.ru

СЫСОЛЯТИНА Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и социальной философии ВятГУ, Киров, Россия; sisolyatina@yandex.ru

Аннотация. Одной из основных проблем современного предпринимательства является нехватка квалифицированных специалистов. Предполагается, что решением данной проблемы может стать механизация и роботизация определенных сфер труда. Подобная ситуация может вызвать рост безработицы. Чтобы не допустить тяжелых социальных последствий, предпринимательскому сообществу следует заранее определить, какие сферы труда стоит механизировать, а в каких предпочтительнее использовать рабочую силу и совместно с органами государственной власти и некоммерческими организациями проводить мероприятия по популяризации данных профессий в обществе.

Ключевые слова: предпринимательство, развитие, рынок труда, механизация труда, квалифицированный специалист

Отсутствие необходимого количества квалифицированных специалистов на бирже труда является актуальной проблемой современного предпринимательства. Работодатели не могут осуществить отбор квалифицированных специалистов на вакантные рабочие места, а многие специалисты работают не по специальности. В соответствии с данными социологического исследования, проведенного в 2011 году в Кировской области, почти 60 % опрошенных предпринимателей заявили, что испытывают потребность в кадрах. 30,3 % от всех опрошенных предпринимателей испытывают потребность в молодых специалистах, инженерных специальностях и руководящих кадрах [1: 102—103].

Треть опрошенных предпринимателей (32,3 %) заявили, что занимаются поиском сотрудников через друзей и знакомых, в то время как, лишь 2,7 % опрошенных предпринимателей заключили договоры с учебными заведениями [1: 103—104]. Следует отметить, что данная проблема наиболее очевидна не в крупных городах, а в районных центрах и моногородах. По мнению

К. Г. Казимова в регионах страны, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, качество рабочей силы становится критическим. Более 50 процентов занятого в отраслях экономики населения являются работниками простого неквалифицированного труда с узкой специализацией или труда средней сложности. Средний возраст работников в отечественной промышленности составляет 53—57 лет. В настоящее время большое количество выпускников СПО получают рабочие профессии 3-го разряда, в то время как большинство предприятий нуждается в рабочих 5—6 разрядов [2: 78]. Тенденция урбанизации способствует высокому оттоку активной молодежи в более крупные населенные пункты. В настоящее время, для предприятий, расположенных в районных центрах, проблема поиска квалифицированных кадров является особенно значимой.

Можно предположить, что подобная ситуация становится общероссийской тенденцией. Сегодня наиболее востребованными в России являются рабочие и инженерные профессии, в соответствии с этим на государственном уровне принимаются законодательные решения. Основные из них — это «Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров на период до 2020 года» [3], а также распоряжение правительства РФ от 05.03.2015 [4] задают вектор развития государственной политики в данном направлении.

О проблеме нехватки квалифицированных рабочих кадров сегодня много говорят, намечают стратегии решения, но не так часто строят прогнозы относительно будущего. Учитывая стремительное развитие новых технологий, можно предположить, что трудовая деятельность будет активно механизироваться и роботизироваться. Примеры индустриальных революций уже случались в истории человечества. Это дало основание предполагать, что многие профессии, как особые виды человеческой деятельности, со временем станут исчезать. В подобной ситуации предпринимателям важно вовремя сориентироваться, оценить перспективы развития собственной деятельности, понять, какие отрасли экономики могут стать бесперспективными, а в каких рыночных секторах, напротив, следует занять свободную нишу.

Можно предположить, что ситуация нехватки квалифицированных кадров способна ускорить процесс механизации. С позиции предпринимателя, вложение денег в будущих специалистов и развитие системы их подготовки является менее рентабельным занятием, по сравнению с вложением денег в механизацию процесса своей деятельности. Но нужно понимать, чем более квалифицированным является труд, тем сложнее его механизировать. Предпринимателям важно правильно определить какую сферу деятельности их предприятия следует механизировать, а в какую осуществлять набор работников.

В подобной ситуации представителям бизнеса следует уже сегодня проводить профориентационные мероприятия со школьниками и их родителями, с целью их будущего привлечения к востребованным профессиям. Необходимо проводить пропаганду труда, привлекать молодежь участием в различных форумах и олимпиадах. Подобная работа должна проводиться не только в крупных городах и на базе ведущих российских университетов, а стать повсеместной практикой. Также важно усилить взаимодействие со службами занятости населения, учебными заведениями и школами.

Кроме того, важным должно стать взаимодействие предпринимателей с государственными органами власти и некоммерческими организациями, которые создадут качественные условия для формирования будущих специалистов и поставят в приоритет обучение по востребованным специальностям.

Список источников

1. Ануфриев П. Н., Плотников А. В. Малый бизнес Кировской области: состояние, проблемы и перспективы развития. — Киров: ООО «Кировская областная типография», 2012. — 168 с.
2. Кязимов К. Г. Государственная политика в области совершенствования воспроизводства квалифицированных рабочих кадров // Труд и социальные отношения. М. : Академия труда и социальных отношений. 2015. Вып. 6. С. 75—86.
3. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров на период до 2020 года. URL: http://edu.inesnet.ru/wp-content/uploads/2013/11/strategy_06.pdf.
4. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2015 года № 366-р «Об утверждении плана мероприятий по популяризации рабочих и инженерных профессий. URL: <http://government.ru/media/files/jWQG6SqaAJU.pdf>.

Г. И. Чикарова

ФРИЛАНС КАК НОВАЯ ФОРМА ТРУДОВОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

ЧИКАРОВА Галина Игоревна — стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного Федерального Университета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону, Россия; galia201292@gmail.com

Аннотация. Рассматривается относительно новая форма трудовой практики современных россиян — фриланс. Автором прослежена тенденция развития российского рынка фриланс-услуг, сложившаяся в последнее десятилетие. Также, на основе вторичного анализа социологических данных по данной проблематике, автором произведен анализ основных социально-экономических особенностей, определяющих основные характеристики фриланса. Подчеркивается наличие положительных и отрицательных составляющих новой формы трудовой занятости для профессиональных акторов. В работе также отмечены основные ценностные трудовые установки, присущие современным фрилансерам. Рассмотрены векторы возможного влияния данной формы трудовой занятости на дальнейшее развитие всего современного российского рынка труда в целом. А также названы риски, связанные с тем, что фриланс находится в теневом секторе экономики, оказывающие негативное влияние не только на самих профессиональных субъектов, выбравших для себя данную форму трудовой практики, но и на развитие всего российского рынка фриланс-услуг.

Ключевые слова: фриланс, фрилансер, трудовая занятость, форма трудовой практики, рынок труда, рынок фриланс-услуг

Экономические потрясения, изменения рынка труда и всего устройства хозяйственной сферы общества в целом в последнее время все чаще становятся причинами повышения интереса индивидов к более гибким и нестандартным формам занятости. Одной из таких неформальных форм занятости наравне с удаленной и портфельной занятостью, а также самозанятостью, в настоящее время становится фриланс.

Одними из первых исследователей данного феномена можно считать представителей Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас и др.). Так как именно они, основываясь на теории отчуждения труда К. Маркса, подвергали глубокому анализу основополагающие принципы сущности фриланса: принципы отчуждения труда и принципы свободы. [1]

Но несмотря на то, что фриланс набирает в последние годы все большую популярность не только на зарубежном, но и на отечественном рынке труда, сегодня в России в научной литературе нет точного и единого определения данного понятия. Одни из исследователей, занимающихся изучением данного социально-экономического явления, определяют фриланс, как один из видов нестандартной занятости, другие относят его к внештатной трудовой деятельности индивидов. Но все же большинство отечественных научных работ по данной тематике, предполагает в основной своей массе определение и изучение сущности самих работников, занятых во фрилансе, так называемых фрилансеров. [2]

Согласно учениям современной экономики труда, определение фриланса заключается в понимании его как одного из видов самозанятости, ориентированного на фактическое выполнение работы по подряду. А образ типичного фрилансера, в свою очередь, представляет собой портрет легкого на подъем работника, имеющего высокую квалификацию по эпизодически востребованной на рынке труда профессии. [3]

В контексте же данной работы фриланс рассматривается с точки зрения особой формы трудовой занятости индивида, предполагающей отсутствие постоянного членства в определенном трудовом коллективе и какое-либо включение в традиционные трудовые отношения.

Стоит отметить, что в последнее время российский рынок фриланс-услуг расширяется и набирает высокие темпы развития. Если в 2009 году количество зарегистрированных пользователей сайта самого крупного российского интернет-портала, посвященном фрилансу, Freelance.ru составляло 350 тысяч человек, то на сегодняшний день численность зарегистрированных фрилансеров данного интернет-ресурса насчитывает уже 754966 человек. Также, с каждым годом происходит увеличение не только новой категории работников — фрилансеров, но также и со стороны самих работодателей, готовых работать в дистанционном режиме, отмечается постоянное увеличение. Сегодня на российской бирже фриланс-услуг выставлено более 3,5 тысяч проектов общей суммой более 33 миллионов рублей. [4]

Таким образом, сегодня уже можно говорить о фрилансе не просто как об единичных проявлениях особого вида трудовой занятости отдельных индивидов, а как о новой, широко распространенной на современном рынке труда, форме постоянной трудовой практики индивидов, набирающей все большую и большую популярность, в условиях нестабильной экономики и сложной ситуации на рынке труда.

Цель данной работы рассмотреть характерные особенности фриланса как новой формы трудовой практики современных россиян.

Основной акцент в данном исследовании сделан в большей степени на выявление основного перечня характерных особенностей, составляющих основу, новой формы трудовой практики индивидов, а также анализ тенденций их возможного влияния на субъектов труда, выбирающих для себя данную форму трудовой занятости, и весь современный рынок фриланс-услуг в целом.

Полученные результаты данного исследования, сформулированы на основе вторичного анализа уже проведенных социологических исследований по данной тематике, а также результатов Всероссийских переписей фрилансеров. Так, благодаря системному анализу имеющегося массива социологических исследований рынка фриланс-услуг, был выявлен ряд отличительных особенностей новой формы трудовой занятости населения — фриланса.

К основному перечню важных и неотъемлемых составляющих анализируемой формы трудовой практики было отнесено: высокая степень свободы работников данной формы труда, полное отчуждение фрилансеров от каких бы то ни было формализованных трудовых отношений, большое значение самоконтроля и готовность индивида к постоянной социально-экономической мобильности.

Анализируя, каждый из названных выше основополагающих принципов фриланса, стоит отметить, что, согласно мнению самих фрилансеров, высокая степень свободы индивидов, занятых в сфере фриланс-услуг, складывается из таких составляющих как: гибкий рабочий график (данный показатель выбрало большинство респондентов – 83%), отсутствие привязанности к рабочему месту и возможность работать на дому являются вторым значимым преимуществом фриланса (83% опрошенных) и завершает тройку лидеров такая важная, по мнению участников исследования, характеристика как возможность самостоятельного выбора перечня выполняемой работы, и как следствие отсутствие трудовой рутины (58%). [5]

Названное выше полное дистанцирование работников рынка фриланс-услуг от формализованных трудовых отношений, влечет за собой ряд важных последствий. С одной стороны, у представителей данной трудовой практики отмечаются высокий уровень самоконтроля, повышенная стрессоустойчивость, постоянная готовность к социально-экономической мобильности. [2]

Но с другой, из-за того, что фриланс сегодня находится в теневом секторе экономики, отсутствие оформленных трудовых отношений влечет за собой высокий уровень финансовых и социальных рисков для представителей данной трудовой практики. Так, в ходе переписи фрилансеров 2014 года около 88% интернет-фрилансеров отмечали факт

нарушения первоначальных договоренностей со стороны заказчиков. Которые в свою очередь также сообщают о высоком уровне нарушения договоренностей со стороны уже самих фрилансеров. [6]

Особое внимание необходимо также уделить рассмотрению трудовых ценностей, складывающихся среди представителей данной формы трудовой практики. Проанализировав результаты «Первой Всероссийской переписи фрилансеров», было выявлено, что первостепенное значение в системе трудовых ценностей современных фрилансеров занимает «интересная работа» (82%). В то время как многое из традиционных трудовых ценностей уходит на второй план профессиональных установок современных фрилансеров. Так, важность «соответствия работы способностям» отмечается 33% респондентов, «работа, вызывающая уважение у людей» (22% опрошенных), и всего 15% фрилансеров, принявших участие в исследовании, говорят о ценности «ответственной работы». [7]

Таким образом, если первоначально фриланс на российском рынке труда рассматривался как возможный эксперимент с различными стратегиями индивидуального поведения индивидов в трудовой профессиональной сфере, то сегодня уже можно говорить об уверенном становлении фриланса как новой формы трудовой практики индивидов, являющейся результатом осознанного карьерного выбора в пользу самостоятельной занятости.

Также как и в любой другой форме трудовой практики индивидов, во фрилансе есть ряд своих достоинств и недостатков. Так, основными характеристиками, способствующими увеличению числа приверженцев данной формы трудовой практики являются: высокая степень свободы, возможность выбора предмета своей трудовой деятельности, отсутствие жестких правил, корпоративной культуры и ежедневной трудовой рутины. В то время как высокие финансовые и социальные риски выстраивают существенный барьер повсеместному распространению рынка фриланс-услуг.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16—18—10306.

Список источников

1. Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1999.
2. Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54—63.
3. Лопухин В. Ю., Очкин Д. Н., Змеев В. Н. «Фрилансеры» инновационная форма трудовой занятости // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9.
4. Официальный сайт «Freelance» — сервис для поиска удаленной работы [Электронный ресурс]. URL: <https://freelance.ru/> (дата обращения: 20 февраля 2017 г.).

5. Стребков, Д.О., Шевчук А.В., Спирина, М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009—2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров) [Текст] / Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. ; отв. ред. сер. В.В. Радаев ; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; Лаб. экон.-социол. исслед. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 225 с.
6. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удалённой работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106.
7. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45—56.

О. А. Нор-Аревян

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ИНДИКАТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

НОР-АРЕВЯН Оксана Аведиковна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия; noroks@yandex.ru

Аннотация. Исследуются актуальные вопросы формирования профессиональной идентичности молодых специалистов в процессе вузовской социализации. Отмечено, что вторичная занятость студентов по специальности выступает фактором успешного формирования профессиональной идентичности и способствует последующему трудоустройству по специальности. Однако, результаты общероссийских и региональных исследований (приводятся данные исследований по Ростовской области) свидетельствуют о сложившейся отрицательной тенденции в сфере трудоустройства молодых специалистов, продуцировании рисков безработицы и депрофессионализации личности.

Ключевые слова: вторичная занятость, трудоустройство, профессиональная идентичность, депрофессионализация

В современной России в условиях перехода к новому этапу информационно-технологического развития возникает ситуация растерянности, особенно остро отражающаяся на молодых людях, находящихся в процессе профессионального самоопределения и формирования своей профессиональной идентичности. В формирующемся постиндустриальном обществе доминантной ценностью становятся знания, выступая индикатором конкурентоспособности на рынке труда. В связи с этим исследования социокультурных процессов, протекающих в сфере высшего профессионального образования, не утрачивают своей актуальности, а, наоборот, только ускоряют темпы и рассматриваются в новых ракурсах.

Так, в условиях модернизации образования приобретает значимость вопрос востребованности специалистов на рынке труда, ставший вновь актуальным в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в современной России.

В последние десятилетия было проведено достаточно большое количество социологических исследований положения молодежи на рынке

труда, ее включенности в структуру профессиональной занятости, рассматривались и вопросы совмещения учебы и работы, выявлялась мотивация и тенденции вторичной занятости.

В целях успешного решения проблем трудоустройства, профессионального развития и карьеры современная студенческая молодежь неизбежно вовлекается в сферу вторичной занятости. На протяжении последнего десятилетия число работающих студентов колеблется в пределах 40—45 % [1]. По данным Фонда общественного мнения половины молодых людей в возрасте 15—29 лет в России учится, но при этом каждый пятый совмещает учебу с работой.

Предметно проблема вторичной занятости как объективная реальность в структуре профессионального становления и выбора траектории профессионального поведения студенческой молодежи уже рассматривалась автором ранее на материалах проведенных в 2006—2013 гг. региональных социологических исследований [2;3].

Региональные исследования показали, что стратегия поведения студента на рынке труда во время и после окончания вуза во многом зависит от того профессионального уровня, которого студент достиг за время обучения в вузе. Так, анализ ответов студентов показывает что, половина связывает свою будущую карьеру с хорошей учебой, каждый пятый не видит этой связи, и почти четверть студентов затрудняются ответить однозначно. Таким образом, подтверждается гипотеза о формировании тенденции взаимосвязи в представлениях студентов уровня образовательной и профессиональной подготовки и будущей трудовой деятельности. Примерно также распределяются ответы о значении диплома о высшем образовании для достойного места в профессиональной сфере: уверены в этом 43,6 % опрошенных студентов, треть сомневается, каждый пятый не согласен с этим утверждением.

Больше трети всех опрошенных студентов вузов планируют работать по получаемой специальности, при этом лидируют студенты вузов сельской местности (39,8 %), затем студенты вузов средних городов (38,8 %) и студенты вузов областного центра (32,9 %). Искать хорошее место с высоким заработком намерен каждый четвертый студент вуза областного центра и среднего города и только каждый пятый студент вуза сельской местности.

Студенты всех типов вузов одинаково стабильно ориентируются на гарантированное трудоустройство и среднюю заработную плату, однако большую долю риска в решении проблемы занятости видят студенты вузов областного центра (22,2 %) по сравнению со студентам вузов средних городов (21 %) и вузов сельской местности (16,7 %).

В ходе проведенного исследования удалось выявить формирующуюся благоприятную тенденцию, связанную с представлениями студентов

о наличии взаимосвязи трудоустройства и профессиональной карьеры с хорошей учебой и получаемыми знаниями, а не только с наличием диплома о высшем образовании.

В то же время по мере обучения в вузе возрастает прагматизм молодежи в отношении будущей профессии и как следствие больше разочарований и больше тревог относительно дальнейшего трудоустройства. Будущий социальный и профессиональный статус для многих оказывается неопределенным и не всегда непосредственно связанным с получаемой в вузе профессией, также становится более устойчивым представление о возможности стать безработным после окончания вуза.

Неверие студенческой молодежи в гарантированность своего будущего трудоустройства является одной из побудительных основ к «плотному знакомству» с работодателями. Потребность попробовать себя, свои силы в будущей профессии, определиться с желаемым местом работы, узнать о своих возможностях на рынке труда как молодого специалиста становятся движущими причинами вторичной занятости у студенческой молодежи. Не смотря на то, что основной причиной, все-таки остается материальная заинтересованность и даже потребность в источнике средств к существованию.

Очевидно, что для многих сегодняшних студентов обретение соответствующего вузовской подготовке места в профессионально-квалификационной структуре является проблематичным. В условиях безработицы среди выпускников вузов, юношам и девушкам трудно найти применение своим способностям по избранной профессии. Возникают дополнительные психологические сложности в случае необходимости переориентации для выполнения работы, не соответствующей приобретенным знаниям и личным интересам.

Эти региональные тенденции нашли свое подтверждение в данных всероссийских мониторинговых исследований, подтверждающих существующую тенденцию трудоустройства не по специальности. Так, в соответствии с данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (2015 г.), почти каждый второй занятый (44,8 %) работает совсем по другой специальности и только каждый пятый (19,5 %) по близкой к той специальности, которую получили в учебном учреждении. Не по специальности чаще трудоустраиваются работники со средним профессиональным образованием (47,7 %.), а среди респондентов с высшим образованием по другой специальности работают 32,5 % опрошенных. Это объясняется тем, что профессиональное образование ориентировано на удовлетворение социальной потребности в образовании, но не отвечает потребностям современного рынка труда.

Таким образом, пройдя успешно этап первичной профессиональной социализации в вузе, молодые специалисты готовы и желают приступить к трудовой деятельности по специальности. Однако в социальных практиках трудоустройства они скорее сталкиваются с барьерами на рынке труда, который оказался не готов принять молодых специалистов, подвергая их рискам безработицы и создавая условия вынужденной занятости. В результате этого личность депрофессионализируется и утрачивает свою профессиональную идентичность.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Список источников

1. Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 107.
2. Нор-Аревян О. А. Проблемы вторичной занятости студентов и стратегии профессионального поведения после окончания вуза // Философия права. 2013. № 1 (56). С. 67—73.
3. Нор-Аревян О. А. Мотивация и тенденции вторичной занятости студенческой молодежи (на примере социологического исследования в вузах Ростовской области) // Социология образования. 2013. № 8. С. 53—61.

Ю. Ф. Косинцева

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

КОСИНЦЕВА Юлия Феоктистовна — кандидат технических наук доцент, доцент каф. социальных технологий, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия; ju.f.kosintseva@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа мнения трудоспособного населения о рынке труда, его динамике.

Ключевые слова: трансформационные процессы, региональный рынок труда, приоритеты социальной поддержки

В последнее время произошли существенные изменения в российском обществе. Изменилось положение страны в мире, условия жизни населения, его оценки потенциальных и реальных возможностей влияния на формирование непосредственной социально-экономической ситуации семей, оценки сложившегося в новых условиях качества и уровня жизни местного сообщества. Эти обстоятельства актуализировали проведение исследования качества жизни в регионе, определение динамики трансформационных процессов на рынке труда. Актуальность исследования жизненной ситуации социальных субъектов в контексте определения качества жизни детерминируется её способностью отражать некую целостную специфику производимых социальных практик во всех сферах жизнедеятельности индивидов. Подобный подход, во-первых, ориентирует на анализ действительности в области социального воспроизводства и решение конкретных социальных проблем, а во-вторых, позволяет выявить механизмы упорядочения различных сторон действительности, определить приоритетные траектории социально-экономического развития территории, повысить эффективность функционирования социальных структур и регулирования социальных отношений и процессов. Последнее связано, прежде всего, с практикой целенаправленных социокультурных изменений. Отсутствие достоверной социальной информации о качестве жизни населения, социальном самочувствии и приоритетах жизнедеятельности в оценке социальных субъектов, не позволяет принимать эффективные и адекватные социально-культурной, социально-экономической ситуации управленческие решения. Соответственно, неопределенными оказываются и общепринятые детерминанты качества жизни населения региона.

В Ставропольском крае проживает 2,8 млн чел. (начало 2016 г.), генеральная совокупность составляет 2,28 млн.ч. В комплексном исследовании приняли участие: население 26 муниципальных образований Ставропольского края выборочно по типам поселений и население городов краевого значения (свыше 100 тыс. жителей). Выборка стратифицированная, многоступенчатая, сформированная по кластерному принципу с учетом типа поселений, особенностей административного деления района, возрастно-полового состава населения, всего 3125 чел. Ядром формирования кластера является административный центр муниципального образования (крупнейшее поселение района) или группа поселений (если равновеликих поселений несколько). Поиск респондентов осуществлялся маршрутным методом, на последнем этапе случайным образом. При расчетах оценочных индикаторов во всех случаях использовалась методика, разработанная на каф. социальных технологий СКФУ (проф. Ткаченко В. С., доц. Косинцева Ю. Ф.), [1].

Одним из направлений исследования качества жизни населения в 2014 и 2016 гг. являлось выявление социально-экономической ситуации региона в оценках социальных субъектов, определение проблемных зон функционирования региональной социальной системы, условий и качества труда. В крае проживает население, имеющее (по рангу) специальное профессиональное образование (25,3%), общее (полное) образование (24,68%), высшее профессиональное образование, включая незаконченное высшее (19,86%), начальное профессиональное (12,2%), имеют ученую степень (0,12%). Большая часть малообразованного населения проживает в Восточной и Центральной социально-экономических зонах.

Рынок труда и условия трудовой деятельности. В среднем по краю 33,56% респондентов (40% в 2014 г.) имеют постоянную работу, временную — 5,3% (6% в 2014 г.). Находятся на пенсии — 36,94% (30% в 2014 г.). Сократилась численность: работающих пенсионеров до 4,35% (6% в 2014 г.), совмещающих работу и учебу — 0,85% (1% в 2014 г.), безработных 2,79% (3% в 2014 г.). Снижение численности занятых в целом, в т. ч. работающих пенсионеров, увеличение числа пенсионеров при сохранении уровня безработицы свидетельствует о сокращении регионального рынка труда.

Большинство респондентов работают (или работали) в сельском хозяйстве — 22,27% (23% в 2014 г.) и с большим отрывом — в торговле и общественном питании — 10,24% (9% в 2014 г.), образовании и науке — 8,85% (9% в 2014 г.), на транспорте — 5,9% (7% в 2014 г.). Большую часть респондентов составляют представители рабочих профессий — 39,49% (41% в 2014 г.), затем служащие и специалисты — 34,68% (34% в 2014 г.). На рынке труда региона слабо представлены инженер-

но-технические работники и бизнесмены (индивидуальные предприниматели). Распределение ответов указывает на изменение сегментации рынка труда в сторону увеличения доли специалистов и служащих за счет сокращения регламентированного труда (рабочие). Сокращается и доля мелкого и среднего бизнеса.

Подавляющее большинство работников устраивает имеющаяся работа, степень удовлетворенности в среднем по краю повысилась и составляет $J_{\text{удовл. работой}} = 0,5682$ (0,315 в 2014 г.). Важнейшими аспектами трудовой деятельности (I—II ранг) в 2016 г. в целом по краю остались надежность места работы — 0,4273 (0,38 в 2014 г.), хороший заработок — 0,4258 (0,41 в 2014 г.), хорошие условия труда — 0,4242 (0,34 в 2014 г.), хорошие товарищи по работе — 0,4115 (0,34 в 2014 г.). В среднем по краю напряженность поиска работы составила $Strain_{\text{ср. СК}} = 0,5325$ ($Strain_{\text{ср. СК}} = 0,5192$ в 2014 г.). Особенно сложно в восточных районах края ($Strain = 0,64$). В случае потери работы респонденты будут обращаться прежде всего в службу занятости 21,55% (23% в 2014 г.), к друзьям и родственникам 16,98% (25%), затем воспользуются Интернет 11,21% (11%). Фирмы по трудоустройству востребованы слабо (как и в 2014 г.). Впервые выявлена группа работников (0,22%), которая в случае увольнения работу искать не будет. Более сложное положение на рынке труда сложилось в Западной и Восточной СЭЗ (по рангу ответов). Проблемными зонами рынка труда являются: плохой заработок 17,69% (19% в 2014 г.), маленький отпуск 7,83% (9%), большая ответственность 5,79% (7%). Уровень мобильности весьма низок и составляет в среднем по краю $Lev_{\text{мобил.}} = 0,1422$ (0,1538 в 2014 г.).

Задачи жизнеобеспечения население решает за счет рационального использования имеющихся ресурсов: экономят на ремонте жилья $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,7523$ (0,7775 в 2014 г.); на одежде и обуви, которые действительно необходимы $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,5548$ (0,5600); на медицинском обслуживании $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,4787$ (0,5), лекарствах $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,5064$ (0,4725). В 2016 году семьи более активно стали экономить на продуктах питания первой необходимости $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,4406$ (0,3975 в 2014 г.). Увеличилась экономия за счет проведения досуга $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,3955$ (0,3625), а также на покупке печатных изданий $Lev_{\text{ср. СК 2016}} = 0,4390$ (0,4300). Налицо самоограничение респондентов, приводящее к ухудшению здоровья, условий проживания, сужению личного социально-культурного пространства. Основными источниками дохода семей в среднем по краю являются интегрально пенсии и пособия по безработице 45,69% (35% в 2014 г.), доход на основном месте работы 41,36% (47%), затем выращивание сельхозпродукции 25,87% (23%). Выдвижение пенсий и пособий по безработице на первое место в ранге подтверждает ухуд-

шение положения семей, рост востребованности общественных мер поддержки.

В целом анализ мнения населения показал, что региональными особенностями функционирования рынка труда является увеличение иждивенческой нагрузки, низкая мобильность трудоспособного населения, снижение удовлетворенности работой. Основной проблемой рынка труда, по мнению респондентов, является низкая оплата труда, её несоответствие трудовому вкладу работника.

Список источников

1. Косинцева Ю. Ф. Инновационные социальные технологии в оценке качества социального обслуживания // Материалы подсекции «Проблемы развития полиэтничного региона: социально-политические и психологические контексты» III-й ежегодной научно-практической конференции преподавателей и студентов Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука — региону». 16—30 апреля 2015 года, г. Ставрополь, СКФУ. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. С. 61—65.

М. В. Кольчугина

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

КОЛЬЧУГИНА Марина Владиславовна — студентка ИГУ направление «Социология», г. Иркутск, Россия; kolchugina.marina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы трудоустройства выпускников, проводится анализ рынка труда в Российской Федерации.

Ключевые слова: трудоустройство, молодежь, работа, выпускник.

Положение молодежи на российском рынке труда рассматривается с точки зрения двух факторов:

- во-первых, молодые люди составляют около трети (примерно 31,7 %) трудоспособного населения нашей страны;
- во-вторых, они — будущее страны, и от исходных условий их деятельности зависит последующее развитие.

С одной стороны молодые люди во многом определяют политические, экономические и социальные структуры общества, а с другой — молодое население является одной из наиболее уязвимых групп на рынке труда, особенно это ощущается в нашей стране. Несмотря на актуальность названных выше проблем, им уделяется мало внимания в научных исследованиях, средствах массовой информации, правительственных документах.

Российская статистика может отразить в полной мере ситуацию на рынке труда в молодежном сегменте. Молодежь регистрируется на бирже труда реже всех остальных возрастных групп населения. Статистика позволяет оценивать тенденции развития только официальной части открытого рынка труда и преимущественно в государственном секторе. В результате не учитываются некоторые элементы новых явлений в сфере занятости, связанных с особенностями рыночных отношений в России, и в частности скрытая безработица. Приняв во внимание спад производства, ее можно считать равной 40 %, примерно четверть, которой составляет работающая молодежь. Скрытая безработица для молодых людей не менее опасна, чем зарегистрированная, так как именно они рискуют в первую очередь оказаться за воротами предприятий. Поэтому большинство молодежи стремится установить свой трудовой статус и различными способами пытается не потерять свой заработок. Снижение общего уровня жизни населения привело к избыточной занятости среди учащейся молодежи,

вынужденной работать в свободное от учебы время. Растет количество предложений рабочей силы за счет выпускников учебных заведений. Отсутствие механизма регулирования трудоустройства выпускников профессиональных учебных заведений приводит к серьезным проблемам.

Основной причиной невозможности трудоустроиться выпускнику университета — это в большинстве случаев незнание реалий рынка труда и отсутствие активного поиска для своего трудоустройства. Студенты, а в будущем выпускники не имеют доступа к университетским бюро по трудоустройству или консультационных центров по проблемам трудоустройства [1]. Таким образом, выпускники вынуждены к полной самостоятельности при выходе на рынок труда.

Следующими проблемами выпускников — отсутствие прозрачности рынка труда (отсутствие полной и достоверной информации о вакансиях) и непредсказуемостью рынка труда (отсутствие планирования карьеры, а также неопределенность в постоянстве существующих должностей). Выпускники не готовы к взаимному соперничеству за рабочие места на местном или национальном рынке труда. Неготовность эта связана в первую очередь с отсутствием обучения и курсов в сфере поиска работы во время учебы в университете. Более того, молодые выпускники университетов убеждены в необходимости совершенствования квалификации, поэтому идут на обучение в приобретении еще одного образования, что создает собственные дополнительные затраты или затраты для работодателя.

Кроме знаний и навыков, которыми обладают выпускники российских вузов, на их конкурентоспособность значительно влияют такие факторы, как: использование знаний на практике, личные характеристики выпускника, престиж законченного университета, обладание опыта и ожидания по зарплате.

По результатам всего вышесказанного, для решения проблем трудоустройства выпускников образовательных организаций необходимо, прежде всего, совершенствование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики, развитие механизма профориентации и профессиональной подготовки для повышения конкурентоспособности выпускника на рынке труда в современных условиях с активным привлечением органов исполнительной власти, местного самоуправления, службы занятости, государственных и общественных организаций, а также внедрение механизма госзаказа на подготовку специалистов в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования.

В нашем государстве для решения проблем молодежи принята Федеральная целевая программа «Молодёжь России». Остаётся лишь

только надеяться, что данная программа поможет нашей молодёжи найти своё достойное место в обществе и стать на правильный путь.

Список источников

1. Доклад специалистов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по заказу Федерального агентства по делам молодежи. Молодежь России 2000—2025: развитие человеческого капитала. 2013.

В. С. Казанбаева, Т. А. Таршилова

ПРОФЕССИИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДУТ

КАЗАНБАЕВА Виктория Сергеевна — студент, Государственный Архитектурно-строительный Университет, Санкт-Петербург, Россия; vikakazanbaeva@mail.ru

ТАРШИЛОВА Татьяна Александровна — студент, Государственный Архитектурно-строительный Университет, Санкт-Петербург, Россия; tarshilova.tta@yandex.ru

Аннотация. Рынок труда постоянно меняется. Некоторые профессии исчезают. Они больше не нужны современному социуму. На их место приходят новые. Но, как известно, новое — это хорошо забытое старое. Ученые предполагают, что человека на его рабочем месте в недалеком будущем полностью сможет заменить робот. Однако существуют профессии, к которым искусственный интеллект пока не готов. Мы считаем, что есть такие профессии, которые будут жить всегда, например, врачи, учителя и няни. Эти люди работают и с детьми, а чтобы доверить своего ребенка машине, нужно научиться верить механизму.

Ключевые слова: будущее, профессии, роботы, замена, адаптация

Наш мир не стоит на месте. Каждый день все меняется вокруг нас. Рынок труда — не исключение. Некоторые профессии исчезают, на их место приходят новые, но есть и те, что всегда будут востребованы. Причиной устаревания являются многие факторы, главный из которых современные технологии. Продукт деятельности науки — модернизированные машины, способные заменить тяжелый, изнуряющий и монотонный труд человека, увеличив при этом производительность. С течением времени совершенствуется не только техника, но и социальный уклад. По причине появления гуманистических идей в сознании общества в большинстве стран отменили смертную казнь, следствием чего стало исчезновение палачей.

Но не все профессии вымерли, некоторые сумели адаптироваться под постоянно изменяющиеся условия социальной среды. Например, цирюльники стали парикмахерами, лудильщиков заменили современные электрогазосварщики, ямщики-извозчики приобрели новое название — водители. Сокращение рабочих мест на рынке труда, а также быстрое развитие техники привело к тому, что люди стали искать работу в сфере услуг. Профессии лакей и дворецкий, исчезнувшие вместе с классом аристократии во времена революции, сейчас снова находят место в со-

циальной структуре, но под другими именами. А можно ли сказать, что исчезли должности шутов и скоморохов? А как же клоуны? Кроме того существует профессия, дошедшая до наших дней из глубокой древности. Куртизанки были востребованы во все времена, несмотря на незаконность их деятельности.

Согласно исследованиям многих социологов, рынок труда в будущем сильно изменится. Можно предположить, что с развитием компьютерных технологий, специалисты данной области не останутся без работы. Столь известные нам программисты, аналитики, различные специалисты технической поддержки приобретут популярность на трудовом рынке.

А ведь действительно, компьютер может заменить многие профессии современности. Так, например, программисты создали программу, способную заменить бухгалтеров. По данным, «Российской газеты» «работу в ближайшее время могут потерять сотни тысяч бухгалтеров¹. В минфине считают, что их вполне может заменить компьютерная программа. При этом количество рабочих вакансий в России будет только расти». Однако Андрей Покида, директор Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук (ИОН) РАНХиГС, уверен, что еще рано хоронить профессию бухгалтера. «Когда-нибудь, естественно, она исчезнет. Все меняется, информационные технологии заменяют собой отдельные профессии, которые уходят в прошлое. Но это не дело ближайших дней. В течение 5—10 лет этого точно не произойдет», — заявил он «РГ».

Исследователи давно размышляли над темой, смогут ли роботы потеснить человечество в той или иной сфере. Мнения их расходятся. Одни согласны с данной гипотезой, другие настроены крайне скептически. Мы считаем, что роботы способны заменить многие профессии, такие как библиотекари, водители, пилоты, официанты, кассиры. Таким образом, можно сделать вывод, что под угрозой исчезновения для человека находятся профессии сферы обслуживания. Уже сейчас в Японии созданы специализированные магазины, в которых весь персонал заменен на роботов.

Но нельзя забывать, что многие профессии актуальны были, есть и будут. Такие как врачи. Несмотря на многие операции, которые проводят лазером, и другой техникой, человек является главной персоной в проведении той или иной операции (помощи человеку). На наш взгляд, учителей тоже нельзя заменить на роботов. Хотя в современном мире очень актуально дистанционное образование, в будущем совсем отказаться от учителя будет невозможно. Наверное, они модернизируются

¹ Е. Березина, М. Гусенко. Меняем счеты на половник [Электронный ресурс] // Российская газета — Федеральный выпуск. 2016. № 7084 (216). URL: <https://rg.ru/2016/09/25/buhgalterov-v-rossii-zamenit-kompiuternaia-programma.html> (дата обращения: 28.02.2017).

уже в репетиторов и будут работать с каждым персонально. Но все же она будет! А как же профессии няни? Разве вы сможете оставить своего ребенка с роботом-машиной?

Нельзя не согласиться с тем, что есть задачи, с которыми гораздо лучше справятся роботы, нежели человек. «В США крупный магазин Amazon уже не первый год тестирует сервис Prime Air, при помощи которого покупатели смогут купить товар в Интернете, а беспилотник доставит его прямо к дому уже через полчаса» — сообщает Live.ru¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что все в этом мире переменчиво, в том числе и рынок труда. Чтобы выжить в современной среде, необходимо подстраиваться под постоянно изменяющиеся условия. Но хочется верить, что высококвалифицированные специалисты будут всегда востребованы. А нам остается только ими стать.

¹ Глинкин А. Шесть профессий, которые роботы уничтожат первыми [Электронный ресурс] // Life#ТЕХНОЛОГИИ. 2016. URL: https://life.ru/t/%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8/873327/shiest_professii_kotoryie_roboty_unichtozhat_pierвыми (дата обращения: 28.02.2017).

А. Б. Неустроева

РИСК-РЕФЛЕКСИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ О СОСТОЯНИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ

НЕУСТРОЕВА Аиза Борисовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда АН РС(Я), доцент кафедры североведения СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия; aizok@mail.ru

Аннотация. Социально-трудовая сфера Республики Саха (Якутия) характеризуется такими рисками, как более высокий уровень безработицы по сравнению со среднероссийским показателем; постоянный рост доли безработных и высокая напряженность на рынке труда особенно в арктических и сельскохозяйственных районах; резкая поляризация доходов по отраслям; дефицит предложения на рынке труда квалифицированных рабочих и специалистов; высокие показатели производственного травматизма, смертности и заболеваемости. Автор на основе экспертного опроса глав и заместителей глав муниципальных образований выявляет оценки ситуаций, сложившихся в сфере социально-трудовых отношений на региональном и муниципальном рынке труда. Опрос показал, что на сегодня наиболее высокими для работающих являются такие трудовые риски, как низкая оплата труда, занятость в неформальном секторе, либо неполный рабочий день, плохие условия труда.

Ключевые слова: риск, социально-трудовая сфера, муниципальная власть, риск-рефлексия, социальные риски, безработица, занятость

В современных условиях производство рисков возникает во всех сферах жизнедеятельности человека — экономической, политической, социальной, трудовой. Разработки в области рисков ведутся в контексте различных научных дисциплин: математики, философии, медицины, экологии, экономики, социологии, психологии, страховании, управлении. Это повлекло за собой многочисленные трактовки понятия «риск». В самом широком смысле слова под рисками подразумевается угроза, опасность возникновения ущерба [1]. В различных исследованиях риск понимается и как процесс (процесс выбора вариантов действия), и как деятельность (действие в неясной, неопределенной обстановке), и как событие, наступление которого содержит возможность каких-либо потерь [2]. Научной базой социологии риска являются теоретические концепции таких западных ученых как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, Д. Белл, П. Бернштейн, М. Дуглас, К. Лау, С. Лаша, Ф. Найт, М. Алле. В отечественной социологии

представления о социальных рисках развиваются в работах А. П. Альгина, О. Н. Яницкого, В. И. Зубкова, Ю. А. Зубок, С. А. Кравченко, А. В. Мозговой и других.

На сегодняшний день среди множества рисков особое место занимают социальные риски, возникающие в социально-трудовой сфере. Социально-трудовая сфера представляет из себя сложную общественную систему, основными составляющими которой являются: трудовая сфера (рынок труда, занятость, безработица, мотивация, производительность труда, оплата труда и т. д.), социальная сфера (демографические и миграционные процессы, отрасли социально-культурного комплекса) и система социальной защиты (социальное страхование, условия и охрана труда, пенсионная система и др.) [3]. Обширный круг процессов и отношений, охватываемых социально-трудовой сферой, предопределяет высокую степень неопределенности его связей и отношений, внутренних и внешних взаимосвязей, множество возможных состояний.

Именно социально-трудовая сфера занимает определяющее место в реформировании общественного уклада, повышении эффективности общественного производства, преодолении социально-экономических противоречий, создании экономической и социальной безопасности страны. Однако в России в начале перехода к рынку проблемы труда были отодвинуты на второй план, государство практически ушло от регулирования социально-трудовых отношений, оставив за собой только законодательный контроль минимального размера оплаты труда, формирование величины минимального прожиточного уровня различных групп населения и оказание посильной помощи малоимущим и малообеспеченным слоям российского общества. Была прекращена поддержка профсоюзов, практически отменены права трудовых коллективов на участие в управлении предприятиями, а права работодателей в области увольнений работников, в области заключения срочных контрактов и прочего были расширены, соотношение в доходах между крайними группами населения резко возросло, возникла массовая безработица и теневой рынок труда, были подорваны основы нормального функционирования социально-трудовых отношений. Растущие по масштабам и распространению риски системы социально-трудовых отношений привели к фактическому обесцениванию человеческого и социального капитала, породили нестабильность, неопределенность. На сегодня остро встают такие проблемы социально-трудовой сферы, как социальная защита работников, регулирование социальных процессов в сфере труда, эффективность работы институтов занятости, обеспечение трудовой мобильности, квалифицированного кадрового отбора, отлаживание системы оплаты труда, удовлетворенность, мотивация и стимулирование труда.

Под рисками в социально-трудовой сфере подразумевают совокупность неблагоприятных последствий, образующихся в процессе взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений, определенных политических и экономических решений, угрожающих социально-трудовому благополучию значительных групп населения или социальной стабильности общества в целом. Несмотря на то, что существует достаточно научных и эмпирических работ, публикаций и учебников по теории управления рисками, риск менеджменту в финансовой сфере, в сфере экономики и политики, предпринимательским, экологическим рискам, по восприятию риска, риски в социально-трудовой сфере и методы их исследования практически не рассматриваются и остаются недостаточно изученной и разработанной темой. Публикации по теме рисков в сфере занятости населения касаются в основном проблем государственного страхования на случай безработицы. Вместе с тем, необходимость изучения социальных рисков в сфере социально-трудовых отношений очевидна и чрезвычайно актуальна.

Источники (факторы) возникновения рисков в социально-трудовой сфере могут находиться как внутри самой сферы (современное состояние, демографические и миграционные процессы, отраслевая и социально-профессиональная структура занятости населения, уровень и качество жизни), так и за ее пределами (такие внешние факторы, как природные, географические, региональные и экологические условия развития, социально-экономические, политические, правовые факторы).

С точки зрения индивида социальный риск в социально-трудовой сфере выражается в виде риска безработицы, потери работы, вынужденной неполной занятости или занятости в неформальном секторе, риска «недополучения» дохода и феномена «работающих бедных», рисков для жизни и здоровья работников, профессиональных рисков и слабого контроля за охраной труда на предприятиях, социальной незащищенности работников при распространении «нетипичных» трудовых соглашений», отсутствия социальных гарантий, недостаточного размера социальных и пенсионных выплат, пособий, незащищенности трудовых прав, риска затрудненного выхода на рынок труда для определенных социально-демографических групп.

С точки зрения предприятий социальными рисками являются риск потери имеющейся рабочей силы вследствие воздействия внешних факторов, формирующих и влияющих на функционирование инфраструктуры рынка труда; риск низкого уровня экономической поддержки малого предпринимательства; риск оттока квалифицированной рабочей силы; риск трудовых протестов и конфликтов; риск социальной эксклюзии уязвимых групп населения; недостаточная социальная и трудовая активность населения, незаинтересованность в труде.

Оценка уровня риска, то есть определение вероятности наступления того или иного негативного события для каждого индивида, а также определение частоты таких событий на уровне всего общества, происходит на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне экспертного знания; во-вторых, восприятие риска его носителями, то есть теми индивидами и/или социальными группами, которые подвергаются данному виду риска. Интерес представляет риск-рефлексия органов власти о ситуации в социально-трудовой сфере, о существующих рисках на рынке труда для отдельных социально-демографических и социально-профессиональных групп. Развитая риск-рефлексия управленческих кадров по поводу принятия соответствующих управленческих решений является важнейшей гарантией обеспечения социальной безопасности населения на рынке труда [4].

С целью оценки состояния социально-трудовой сферы в регионе, степени напряженности на региональном и муниципальном рынке труда, выявление наиболее проблемных моментов в социально-трудовой сфере, определение основных рисков, влияющих на функционирование регионального рынка труда; оценка способности региональных властей обеспечить достаточную защищенность для групп риска на рынке труда в 2016 году был проведен экспертный опрос руководителей, заместителей руководителей, специалистов муниципального управления, муниципальных служб занятости населения из 15 населенных пунктов Республики Саха (Якутия) (N=60 экспертов).

Опрос обнаружил высокую долю муниципальных специалистов, оценивающих сегодняшнюю ситуацию с безработицей в России и в Республике Саха (Якутия), как тревожную (61,8 % и 60 % соответственно) и кризисную (20 % и 23,6 % соответственно). Только 3,6 % опрошенных экспертов ответили, что ситуация с безработицей в России и в Республике Саха (Якутия) нормальная. 10,9 % специалистов считали, что ситуация с безработицей, сложившаяся на сегодня в России катастрофическая. В то же время оценки состояния рынка труда в районе и населенном пункте, где проживает и работает эксперт, были более оптимистичными: более 13,7 % и 11,1 % оценивали ситуацию с безработицей в районе и в населенном пункте как вполне нормальную. Ухудшение ситуации с работой выделили фактически все эксперты из арктических и сельскохозяйственных районов.

Большинство экспертов считали, что на сегодня менее всего население защищено от понижения оплаты труда по причине текущего экономического кризиса (коэффициент защищенности 0,438). По оценкам Владимира Гимпельсона, зарплата, а это основной источник потребительского спроса домохозяйств, в реальном выражении за год потеряла 10 %, в долларовом выражении зарплата снизилась в 2,5 раза с 900 \$ в 2013 году до 400 \$ по итогам 2015 года, что есть уровень 2006 года [5].

Вторым важным риском, от которого большинство работающих на сегодняшний день оказались не защищенными, это занятости в неформальном секторе, неполная занятость, сокращения и увольнения (0,462). Так по данным Департамента занятости населения РС(Я) в 2014—2015 годах возросли темпы увольнения рабочей силы по причине реорганизации и ликвидации организаций, в 2,2 раза возросла неполная занятость. Сокращение работников происходило в сферах транспорта, связи, обрабатывающего производства, госуправлении и образовании.

Кроме этого многие эксперты отмечали незащищенность работающего населения от вредных опасных условий труда (0,571), неправильных управленческих решений руководства (0,572) и отсутствии спроса на выбранную профессию (0,572). Как более стабильные муниципальные руководители отметили социальные гарантии, соблюдение трудовых прав.

Большинство опрошенных специалистов отметили, что в условиях экономического кризиса риски, возникающие на рынке труда, только возрастают и аккумулируются, что требует от государства вмешательства и решения проблем сохранения, закрепления и перераспределения трудовых ресурсов, обеспечения нормального уровня дохода и благосостояния, социальной защиты работников.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-33-01185-а2 «Риски в социально-трудовой сфере северных регионов России».

Список источников

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. М. : АСТ, 2000. Том I.
2. Тэпман Л. Н. Риски в экономике : учебное пособие / под ред. В. А. Швадара. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 9—10.
3. Каменецкий В. А. Социально-трудовая сфера в условиях трансформации российской экономики : дис. ... д-ра экон. наук / В. А. Каменецкий. М., 2003. С. 16.
4. Бочко М. Э. Риски в сфере занятости молодежи // Вестник челябинского государственного университета. 2006. № 5. С. 96—99.
5. Гимпельсон В. Безработицы в России не будет. Но не будет и прежних зарплат [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.ru/posts/66301> (дата обращения: 22.05.2016).

Э. А. Рагимова

ТЕРМИНАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ- УПРАВЛЕНЦЕВ РАНХИГС

РАГИМОВА Эльнара Асифовна — студент-магистр кафедры социологии факультета Международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; elnara-ragimowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению структуры ценностей у современного студента-управленца. В основу исследования положена теория М. Рокича о терминальных и инструментальных ценностных ориентациях. Проблема, поставленная в исследовании, затрагивает вопросы выпуска вузами специалистов управленческого профиля в большом количестве, что не соотносится с ситуацией на рынке труда. В связи с некой дисфункцией данного института крайне важно обладать информацией относительно ценностной модели, лежащей в основе поведения студентов-менеджеров. Кроме того, работодатели тестируют не только профессиональные качества будущих управленцев, но и их моральные и нравственные характеристики, убеждения и установки, так как специфика работы предполагает глубокую коммуникацию в различных сферах и областях. Исследование представляет собой первый этап, методологией для которого послужили анкетирование (329 чел.) и глубинное интервью (15 чел.). Полученные результаты свидетельствуют о наличии в общей структуре как терминальных, так и инструментальных ценностей относительно будущей карьеры студента.

Ключевые слова: терминальные ценности, инструментальные ценности, управление, государственная и муниципальная служба, студент

В докладе поднимается проблема ценностной состоятельности студентов, обучающихся по направлению «государственное и муниципальное управление». С одной стороны только в г. Москва в 6-ти ведущих вузах (Академия гражданской защиты МЧС России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, РАНХиГС при Президенте РФ) каждый год выпускается большое количество специалистов (более 300 человек), с другой — после окончания

вуза далеко не все из них становятся государственными и муниципальными служащими. Так возникает некая дисфункция данного направления в вузах. При этом необходимо учитывать, какая ценностная модель лежит в основе поведения студентов-менеджеров, в особенности тех, кто собирается работать в данной области. Работодатель, несмотря на профессиональные качества, предъявляет требования и к определенным личностным характеристикам потенциального государственного служащего [1].

Базисной теорией была выбрана теория М. Рокича, которая отражает наличие в структуре ценностей индивида терминальных и инструментальных ценностей, подчеркивая, что так или иначе все обладают одинаковым набором ценностных ориентаций, только в разной степени выраженности [2]. Кроме того, для выявления специфики ценностных ориентаций были использованы подходы таких специалистов, как С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, С. Круглов, С. С. Бубнова, В. И. Слободчиков, М. С. Каган.

В докладе был использован опрос, проведенный в апреле-мае 2016 г., который является первым этапом исследования. Число респондентов составило 329 человек для анкетного опроса и 15 — для глубинного интервью. В качестве респондентов были отобраны студенты-управленцы 1—4 курсов, выборка — сплошная.

Первая часть опроса была направлена на определение структуры терминальных ценностей у респондентов. Был составлен рейтинг терминальных ценностей, где выяснилось, ценность познания (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие) отметили более половины респондентов всех курсов, что делает ее лидирующей в общей терминальной ценностной структуре (52,3%, 31,0%, 55,0%, 52,0% соответственно 1—4 курс). Семейная ценность также занимает лидирующую позицию в составленном рейтинге и является одной из основных в структуре терминальных ценностей. Распределение ответов в разрезе пола на вопрос о намерениях создания семьи дает понять, что у будущих управленцев присутствует яркая ориентированность на семейные ценности, причем у мужской составляющей опрошенных больше, чем у женской (96,6%: 88,5%). Кроме того, одними из основных были выделены ценности общественного признания и материально обеспеченной жизни. Как составляющее данных ценностей на первое место были выдвинуты материальное благополучие, карьера, самореализация. Последние места в структуре терминальных ценностей занимают ценности красоты природы и искусства и здоровья.

Во второй части опроса акцент был сделан на выявление структуры инструментальных ценностей. В рейтинге ценностных ориентаций доми-

нирующими были отмечены ответственность (абсолютное большинство первокурсников и по 85,0% в среднем остальных курсов), профессионализм (наиболее высоко оценен выпускниками — 96,0%), честность (по мнению студентов 4 курса, отдавших 72,0% голосов и первокурсников — 55,8%), преданность своему народу (почти половина опрошенных выпускников — 48,0%), законопослушность (45,1% и 40% студентов 2 и 3 курсов соответственно). Отдельную группу ценностей в структуре инструментальных ценностных ориентаций составляют нравственные, где лидирующими были отмечены добросовестность в исполнении обязанностей (было отмечено 63,7% второкурсников и 60,0% третьекурсников), объективность (примечательно, что именно студенты 1 и 2 курсов отметили данное качество как важное — 51,2% и 65,5% соответственно), ориентированность на рациональное использование ресурсов (максимальное значение было достигнуто студентами 3 курса — 70,0%).

На третьем этапе исследования были организованы глубинные интервью с представителями 1—4 курсов студентов направления ГМУ. Были получены следующие результаты. Выяснилось, что большая часть опрошенных считают, что главное в жизни — состояться, добиться продвижения по службе, а также самосовершенствоваться. *«В первую очередь, состояться на работе, чтобы было уважение, также независимость, быть самодостаточным, самому уметь о себе позаботиться. Наверное, какое-то самосовершенствование, продвижение в плане работы, карьеры и также просто состояться как человеку»* (девушка, 2 курс). Данный пункт можно расценить как проявление терминальных и инструментальных ценностей в общей структуре по М. Рокичу, а именно: активная деятельная жизнь, интересная работа, общественное признание (терминальные) и лидерские качества, уверенность в себе (инструментальные). Отношение к труду определяется М. Рокичем как инструментальная ценность трудолюбия. Респондентов, в основном, мотивируют достижения в будущем, интересная работа, что перекликается с терминальными ценностными ориентациями: *«Я очень трудолюбивый, это черты ментальности, которые присущи народам, которые во мне превалируют — Украина и Россия, плюс воспитание родителей повлияло. Работать я начал с 14 лет, постоянно ищу пути развития»* (юноша, 4 курс).

Студенты-управленцы ВФ РАНХиГС обладают разнообразными ценностями, которые находят отражение в структуре терминальных и инструментальных ценностных ориентаций. Терминальные ценности у студентов-управленцев выражены в виде стремления к материально обеспеченной жизни (карьере), самореализации (работе над собой, развитии), интересной работе, свободе и активной гражданской позиции, семейной жизни. Из инструментальных ценностных ориентаций были

выделены как основные в структуре — патриотизм, добросовестность, коммуникабельность, уверенность в себе, справедливость, способность к сотрудничеству, порядочность, надежность, профессионализм и неподкупность.

Подчеркнем, что ценности счастливой семейной жизни и любви являются одними из основных у студентов, причем абсолютное большинство подходит к данному вопросу серьезно. Также было выяснено, что при наличии у респондентов хобби, они зарабатывают или занимаются саморазвитием, что свидетельствует о присутствии у них ценностей самостоятельности и саморазвития.

В целом можно сказать, что современный студент-управленец РАНХиГС — это довольно гармонично развитая личность с нацеленностью на профессиональный рост и помощь людям, обладающая широким набором терминальных и инструментальных ценностных ориентаций, что является хорошей базой для карьеры в государственном учреждении.

Список источников

1. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 2011. № 5.
2. Рокич М. Природа человеческих ценностей. М. : Нью-Йорк. 2014.

Е. И. Кайшаури

РАБОТАЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ И ПРЕКАРИЗАЦИОННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

КАЙШАУРИ Елена Игоревна — научный сотрудник, ФГБНУ Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия; elenai@isras.ru

Аннотация. Современные вызовы в экономической, социальной и политической жизни нашей страны оказывают свое определенное влияние на население в целом, а также на отдельные сферы жизни. Молодые люди на рынке труда являются наиболее гибкой категорией работников. Однако, их занятость сопряжена с определенными нюансами, которые связаны с наличием или отсутствием опыта работы, возможностями совмещения учебы и работы (работа в режиме неполного рабочего дня), полной занятостью и самоопределением в выборе предпочтительной сферы деятельности путем апробации различных профессий. Все эти аспекты зачастую не приветствуются работодателями с точки зрения соблюдения трудового законодательства и обеспечения социальными гарантиями. Ввиду этого появляются новые формы занятости, отвечающие рассмотренным вызовам. Кроме того, в обиход входят новые термины (прекариат, прекаризационная занятость), которые характеризуют новый социальный слой со своими особенностями и характеристиками. Изучение и анализ последних тенденций в формах занятости молодых людей представляется необходимым для определения положения молодежи на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, молодежь, прекариат, прекаризационная занятость

В настоящее время рынок труда продолжает переживать период нестабильности. Значительное влияние на это оказал экономический кризис, обрушившийся на Европу в 2008 г. и затронувший значительное число стран; затем санкции, выдвинутые против России в 2014 г. Однако, это не единственный фактор, оказывающий влияние на развитие и состояние современного рынка труда. На спрос труда влияет экономическая конъюнктура, политика государства, трудовое законодательство, научно-технический прогресс, который определяет уровень технической оснащенности производства, автоматизации и механизации его. В свою очередь, на предложение труда оказывает воздействие численность экономически активного населения, населения в трудоспособном возрасте,

численность квалифицированных работников, условия труда и заработной платы, уровень жизни работников, государственное регулирование на рынке труда и другое.

Также серьезные последствия имеет факт все растущего числа мигрантов, прибывающих в крупные города для трудоустройства.

В рамках молодежного рынка труда существуют дополнительные аспекты, иногда усложняющие трудоустройство, особенно, если это первое место работы молодых специалистов. Выбор и обучение специальности, актуальной в настоящее время и востребованной на рынке. Таким образом, положение молодежи на рынке труда весьма неустойчивое.

Молодежный рынок труда представляет собой совокупность молодых людей разного уровня образования, заинтересованных в трудоустройстве. Это могут быть выпускники среднеспециальных общеобразовательных учреждений, среднетехнических и высших учебных заведений, а также молодые люди, демобилизовавшиеся после прохождения военной службы.

Молодежный рынок труда имеет свою специфику. Нестабильность спроса и предложения — ключевая особенность этого вида рынка. На нее влияет неопределенность большинства молодых специалистов в социальной и профессиональной сфере, а также в плане личностного развития, что влечет за собой нестабильность в выбранной сфере деятельности. Кроме того, для рынка труда молодежи свойственна низкая конкурентоспособность по сравнению с другими возрастными группами работников ввиду недостатка профессиональных знаний, умений и навыков. Соответственно, работодатели заинтересованы в найме молодых специалистов на рабочие места, на которых не требуется высококвалифицированный специалист, с соответствующей низкой оплатой труда. Это влечет за собой сокращение возможностей трудоустройства молодых специалистов, впервые вступающих на рынок труда.

Кроме того, стоит отметить, что на молодежный рынок труда вступают выпускники учебных заведений с различным уровнем подготовки по различным профессиям. Однако, отсутствие спроса на многие из специальностей (особенно это касается региональных рынков труда) приводит к трудоустройству молодых людей не по выбранным при обучении специальностям.

Таким образом, основными сложностями для молодых людей, выходящих на рынок труда, являются отсутствие опыта работы, низкий профессиональный статус, иногда завышенные требования со стороны работодателей на этапе собеседования, проблема дисбаланса спроса и предложения на рынке труда. Иногда фактом, смущающим работодателей, становится незрелость молодого специалиста как личности, что

влечет за собой нестабильность в поведении, эмоциональность, максимализм, недостаточный уровень социализации.

Однако, молодые специалисты — это категория работников, основной характеристикой и достоинством которых является высокая социальная и трудовая мобильность, гибкость к изменяющимся условиям, относительно легкая адаптация к инновациям. Но при этом часто не выдерживает конкуренции с более квалифицированными и опытными специалистами.

Молодые люди, осуществляющие трудовую деятельность, часто сталкиваются с прекаризационной занятостью, которая характеризуется такими основными признаками, как:

- отсутствие официального оформления при трудоустройстве;
- периодическая занятость на условиях краткосрочных трудовых договоров — временная, сезонная работа (например, фриланс);
- нестабильная оплата труда;
- гибкий график работы;
- заемный труд.

В последние годы получил распространение термин «прекариат», обозначающий определенный социальный слой, «который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качестве жизни» [1: 3]. То есть в части занятости, представители этого социального слоя имеют вышеуказанные признаки.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В. и Гасюкова Е. Н. провели анализ результатов работы таких исследователей, как Бизюков П., Frase P., McKay S., Tucker D., Jonsson I., Nyberg A., Standing G., Гришнова Е. А., Бринцева Е. Г. и др. и пришли к выводу, что двумя ключевыми характеристиками работающих, относящихся к прекариату, являются «нестабильность занятости» или отсутствие «гарантий занятости» [2: 101]. Данное утверждение может быть поддержано, ввиду того, что работающие молодые люди зачастую сталкиваются именно с проявлениями социальной незащищенности, которая послужила следствием отсутствия официального оформления на настоящем месте работы. Кроме того, все больше молодых людей осуществляют свою профессиональную деятельность в форме фриланса, т. к. это позволяет самостоятельно распоряжаться своим временем и планировать этапы выполнения работы.

Рассмотрим ещё один аспект. Как выразился Тощенко Ж. Т. [1; стр. 7], «прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда». И это справедливо, ведь, согласно статистике и практике, далеко не все молодые люди начинают свой путь по карьерной лестнице, во-первых, именно по той специальности, по которой

они получают образование, а, во-вторых, апробация различных сфер профессиональной деятельности позволяет самореализоваться и определить именно ту стезю, в которой хотелось бы работать и развиваться. И это только позитивный взгляд на ситуацию. Однако, имеет место и иной нюанс, характеризующийся ограничением возможности занятости молодых людей без опыта работы и договоренностей. Речь идет об ограниченном круге профессий и должностных позиций (как правило, в сфере услуг), на которые работодатель готов взять молодого человека. И здесь предусматриваются особые условия — гибкий график работы (для совмещения трудовой деятельности и учебы), низкая оплата труда, минимальные социальные гарантии (в случае оформления срочного трудового договора), что в совокупности делает занятость незащищенной, нестабильной, прекаризационной.

Список источников

1. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социоадльный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—13.
2. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994—2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99—110.

И. В. Королев

КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

КОРОЛЕВ Иван Владимирович — кандидат социологических наук, РГСУ, филиал в г. Павловский Посад, Павловский Посад, Россия; iv_king@mail.ru

Аннотация. Анализируется качественный аспект социального обслуживания населения. Указывается необходимость стандартизации процесса социального обслуживания. Федеральное законодательство довольно точно определяет понятие «социальное обслуживание» из которого следует, что главным свойством социального обслуживания является его сервисность. Это требует от субъекта социального обслуживания понимания особенностей управления качеством услуг. В статье приводится перечень Национальных стандартов, регулирующих качество социальных услуг, приводился перечень показателей оценки этого качества. Показывается, что социальные услуги будучи социально значимыми, являются при этом трудно коммерциализируемыми, что не способствует вхождению в сферу социального обслуживания коммерческих структур. И при довольно большом спросе на социальные услуги основными игроками в этой сфере являются некоммерческие государственные, муниципальные и общественные организации. Указывается, что несмотря на законодательно зафиксированную возможность взимать с получателей социальных услуг плату, также законодательно установлен внушительный перечень граждан, которые имеют право на получение социальных услуг бесплатно. Что порождает проблему финансирования организаций сферы социального обслуживания.

Ключевые слова: Социальное обслуживание, социальные услуги, качество социальных услуг

В Федеральном законе № 442-ФЗ от 28.12.2013 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определено, что социальное обслуживание граждан является деятельностью по предоставлению социальных услуг гражданам¹.

Социальное обслуживание выражается в оказании услуг социально-бытового, социально-психологического, социально-педагогического, социально-экономического и социально-правового характера. Подобное

¹ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон № 442-ФЗ от 28.12.2013. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации (с изменениями на 21 июля 2014 года) [принят Государственной Думой 28 декабря 2013]. Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (ч. I). 30.12.2013. Ст. 7007.

сервисное содержание социального обслуживания позволяет понимать проблему качества социального обслуживания как проблему качества социальных услуг.

Базовые свойства услуг, такие как неосязаемость, невозможность сохранения, неразделимость производства и потребления, гетерогенность затрудняют процесс управления качеством услуг.

Для того, чтобы снизить неопределенность уровня качества услуги прибегают к методу стандартизации. В нашей стране качество социальных услуг, оказываемых населению регулируется рядом Национальных стандартов: ГОСТ Р 52142—2013, ГОСТ Р 53061—2014, ГОСТ Р 54342—2011 и др.¹.

Общие критерии оценки качества оказания социальных услуг организациями социального обслуживания регулятор, в качестве которого выступает Министерство труда и социальной защиты требует оценивать через следующие показатели:

- I. Показатели, характеризующие открытость и доступность информации об организации социального обслуживания;
- II. Показатели, характеризующие комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их получения;
- III. Показатели, характеризующие время ожидания предоставления социальной услуги;
- IV. Показатели, характеризующие доброжелательность, вежливость, компетентность работников организаций социального обслуживания;
- V. Показатели, характеризующие удовлетворенность качеством оказания услуг².

Особенности социальных услуг проявляются через присущие им свойства: социальную значимость и низкую или нулевую коммерциализацию. То есть при довольно большой численности потенциальных потребителей социальных услуг (по данным Росстата в 2015 году у 13,2% населения среднедушевой денежный доход был ниже величины прожиточного минимума; 5,6% трудоспособного населения являлись безработными; 29,1% являлись пенсионерами)³ затруднительно или невозможно со-

¹ Консорциум «Кодекс». Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/search/intellectual?q=ГОСТ+Социальное+обслуживание+населения.+Качество+социальных+услуг> (20.10.2016).

² Приказ Минтруда России от 08.12.2014 № 995Н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2015 № 35579) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (20.10.2016).

³ Официальная статистика. Население [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat.ru/statistics/population/.

здать приносящую бизнес-модель по удовлетворению потребностей в социальных услугах. Как следствие деятельность по оказанию социальных услуг населению по больше части осуществляется государственными, муниципальными и общественными некоммерческими организациями.

Для подобных организаций прибыль не является главной целью деятельности. В отличие от коммерческих организаций, качество функционирования которых можно оценить через динамику прибыли, выручки, издержек, капитализации и т. д., финансовые показатели, не могут использоваться в качестве индикаторов качества работы некоммерческих организаций, осуществляющих социальное обслуживание граждан. Более адекватно качество их деятельности отражают социальные показатели: повышение качества жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту; улучшение их состояния здоровья, психологического состояния, снижение случаев поведенческого отклонения у получателей социальных услуг, рост числа граждан — получателей социальных услуг, нашедших работу из числа, тех, кто нуждался в помощи в трудоустройстве, рост числа граждан, получивших юридическую помощь и сумевших в следствие этого отстоять свои законные интересы, рост коммуникативного потенциала у получателей социальных услуг, имеющих ограничения по здоровью, рост числа решенных срочных социальных проблем.

Несмотря на то, что в Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» позволяет организациям, осуществляющим социальное обслуживание граждан взимать с получателей услуг плату, он ограничивает платный характер социальных услуг. В качестве таких ограничителей выступает перечень категорий граждан, которые имеют право на получение социальных услуг бесплатно, а также размер среднедушевого дохода получателя социальных услуг.

Безусловно, обеспечение доступа к бесплатным социальным услугам большого числа граждан имеет положительный социальный эффект. Однако это обостряет проблему финансирования организаций, оказывающих такие услуги, обеспечения их необходимыми ресурсами. В условиях недостатка средств в бюджете актуальной задачей является использование моделей социального обслуживания граждан, в которой расходы на социальное обслуживание граждан будут дополняться доходами, без увеличения финансовой нагрузки на получателей социальных услуг.

Т. С. Мартыненко

БУДУЩЕЕ ТРУДА: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

МАРТЫНЕНКО Татьяна Сергеевна — ассистент, Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ts.martynenko@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен рассмотрению трансформации сферы труда под влиянием процессов автоматизации и роботизации. Труд долгое время являлся фундаментальной характеристикой человеческого общества, организующей жизнь больших социальных групп и каждого отдельного человека. Сегодня в связи с информационно-коммуникативной революцией происходят изменения, способные лишить общество его трудовой основы. Широкое распространение новых технологий вытесняет за пределы трудовой сферы большое число людей. Сфера услуг, в которой во второй половине XX в. появилось много новых рабочих мест, также подвергается автоматизации. Приближение четвертой промышленной революции ставит новые вопросы о будущем труда, занятости. Появление роботов во многих сферах трудовой деятельности приводит к вопросам о новой трудовой этике, способах и формах взаимодействия человекоподобных роботов и людей. В статье рассматривается внедрение «безусловного базового дохода» как возможного способа решения указанных проблем и некоторые проблемы, связанные с его внедрением.

Ключевые слова: современная социология, «конец труда», четвертая промышленная революция, неравенство, робототехника

Четвертая промышленная революция быстро проникает в страны третьего мира. Несмотря на то, что человеческий труд все еще имеет значение, технологии вытесняют людей во всех развивающихся отраслях. Глобальные корпорации сегодня способны производить беспрецедентный объем товаров и услуг при минимальном количестве рабочей силы. Новые технологии переносят нас в эру производства без людей. Как отмечает К. Шваб: «Четвертая промышленная революция создает проблемы в основном на стороне предложения, в мире труда и производства» [1: 15].

Глобальное сокращение трудящихся оказывает влияние как на конкретного индивида, так и на общество в целом. Основными последствиями являются снижение общего уровня материального благосостояния населения, рост криминала и преступности, межэтнические конфликты и ксенофобия, снижение ментального и физического здоровья населения.

По данным международной организации труда (МОТ), в 2017 г. армию безработных пополнят еще 3,4 млн людей во всем мире, тем самым лишены занятости окажутся 5,8% населения мира (или около 201 млн человек) [2: 1]. При этом в Латинской Америке и странах Карибского бассейна безработица достигнет 8,4%. При незначительном снижении уровня безработицы в Европе наибольшую обеспокоенность вызывает уязвимое положение 1,4 млрд людей во всем мире, формы занятости не предполагают стабильности и гарантий [2: 2]. По данным МОТ, каждый второй рабочий в развивающихся странах находится в подобном уязвимом положении.

В социологии осмысление проблем, связанных с трансформацией сферы труда, произошло в рамках так называемых теорий «конца труда». Теории конца труда получили широкое распространение и обсуждение еще в 70-е-80-е гг. XX в. Появление этих теорий было обусловлено всеобщей автоматизацией производства, технологизацией общества, научный прогресс которого заставил людей пересмотреть как их текущее состояние, так и смысл жизни в целом. Среди авторов, разрабатывающих данную проблематику необходимо указать многих западных социологов, таких как Р. Дарендорф, Г. Маркузе, К. Оффе, А. Турен, Э. Гидденс, А. Горц, О. Тоффлер, М. Кастельс, Д. Белл, Д. Рисмен, У. Бек и других. А также российских социологов: Н. Л. Полякову, В. Л. Иноземцева, А. В. Бузгалина, А. И. Колганова и др.

В настоящее время эти теории являются как никогда актуальными. Как отмечает один из крупнейших разработчиков программного обеспечения М. Форд, «информационные технологии становятся по-настоящему универсальными, и их влияние будет ощущаться одинаково сильно во всех сферах. ... мы вступаем в эпоху перемен, которые будут сопровождаться колоссальным давлением на экономику и общество» [3: 16].

Радикальная трансформация сферы труда заставит социологов не только отвечать на такие вызовы, как безработица, старение населения, но и определить и предложить решение проблем, связанных с появлением роботов в качестве новых помощников и даже коллег. По данным американского эксперта в области инноваций А. Росса, высокие темпы внедрения робототехники в западных странах, в Японии и Китае, а в дальнейшем и в большинстве других стран, будут способствовать вытеснению значительного количества работников из разных сфер: от официантов и рабочих до высококвалифицированных хирургов и ученых [4: 27—59]. В то же время создаются компьютерные программы, которые пишут книги и музыку. Первое издание одной из таких книг было продано тиражом более 15 тыс. копий [5: 159]. Тем немногочисленным гражданам, у которых будет постоянная занятость, придется учиться взаимодействовать с роботами, все больше напоминающих людей.

Все это способствует формированию новой системы еще более радикального социального неравенства. Человек все больше отстраняется от производства товаров. В то же время организации становятся «тотальными институтами» и оказывают все большее влияние на социальную жизнь. Многие компании специально создают так называемые «стрессовые системы» для увеличения скорости производства, сокращения числа рабочих или машин, или использования рабочих для разнообразных задач. Ненормированные условия работы ведут к росту артериального давления, возникновению проблем с сердцем и других заболеваний. Многие ученые говорят о необходимости стабилизации ритмов в современной культуре, где все измеряется наносекундами [3: 186].

Уже сегодня обсуждаются многочисленные варианты предотвращения катастрофы, связанной с утратой труда значительной частью населения. В теориях и докладах международных организаций широко обсуждается идея «безусловного базового дохода». Первой страной, вынесшей на общественное обсуждение вопрос о выплате всем прожиточного минимума, стала Швейцария. 5 июня 2016 г. в Швейцарии прошел референдум о необходимости введения «безусловного базового дохода». Сторонники инициативы указывали, что подобное нововведение могло бы стать адекватным ответом на проблему занятости в условиях повсеместного сокращения числа рабочих мест и предлагали гражданам страны проголосовать за гарантированную выплату в размере 2500 швейцарских франков для взрослых (приблизительно 2300 евро) и 625 швейцарских франков для детей (приблизительно 575 евро) [6: 81—82]. Отрицательное решение приняло подавляющее большинство жителей, пришедших на референдум, что еще раз свидетельствует о фундаментальном значении труда для каждого отдельного человека и общества в целом.

Таким образом, представляется, что анализ трансформации сферы труда в целом и технологических инноваций и социальных последствий их внедрения являются одной из основных задач современной социологии.

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.
2. World Employment and Social Outlook: Trends 2017. International Labour Office. Geneva: ILO, 2017. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/--dcomm/--publ/documents/publication/wcms_541211.pdf (accessed: 12.02.2017).
3. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.
4. Росс А. Индустрии будущего. М. : АСТ, 2017.

5. Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York, 1996.

6. Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 74—91.

Е. А. Тришина

ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТА РЕСПОНДЕНТОВ ДЛЯ ФОКУС-ГРУПП

ТРИШИНА Елена Александровна — рекрутер в АО «ВЦИОМ», г. Москва, Россия; trishina_e@vciom.com

«...Для выполнения задачи на высоком профессиональном уровне, для обеспечения нормального сбора материала нам необходимо четко представлять, каким образом, с помощью какой системы вопросов мы надеемся получить в блокнот мысли собеседника — следовательно, располагать набором методов, средств и приемов, облегчающих людям возможность думать и говорить. Детальный разбор этих методов и приемов нам еще предстоит, а пока скажу главное: только та, полагаю, беседа плодотворна, которая основана как минимум на интересе к ней собеседника»

В. Агроновский. Ради единого слова

Фокус-группы появились в середине XX века и до сих пор для ряда исследовательских задач являются наиболее предпочтительным методом. Конечно, появилось множество проективных техник, были доработаны сами алгоритмы проведения фокус-групп, что позволяет получить больше практически-ценной информации.

Рекрут — это один из первых этапов проведения исследования. Непосредственно на него стоит обратить внимание, если Вы хотите получить качественные данные. От того, кого мы приглашаем, зависит качество получаемой информации — достоверная или не очень.

Как выбрать нужных респондентов на группу? Как избежать ситуации, когда половина группы просто молчит? Почему нельзя или наоборот можно приглашать людей, участвующих в опросах совсем недавно? Почему мы не приглашаем людей из одного места работы? Как влияет личность модератора на отношение к теме участника? Об этом расскажу на примере собственного практического опыта.

Многие компании предпочитают не называть участникам тему опроса. Почему? На мой взгляд, это ошибка. Давайте рассмотрим это на примере. Вдруг в группу попадут люди, интересующиеся политикой и даже знающие многое о данной теме, но совершенно не любят на эту тему говорить — такой респондент нам явно не подойдет. Почему? Во-первых, это респондент, который не хочет говорить на заданную тему, то есть «Молчун» или «Слушатель», и это проблема. А если бы мы обозначили тему в момент рекрута, скорее всего, он бы просто не пришел. Это нас возвращает в главу из книги Агроновского, цитата которого приведена

выше, для качественного интервью, нам нужен интерес собеседника. Интерес можно определить во время рекрута, двумя способами:

1. Домашним заданием — попросить участника нарисовать/написать свои мысли на эту тему — можно тезисно или принести заготовку, коллаж — фото, рисунок, и т. д. (Данные задания часто используют в маркетинговых исследованиях.);
2. Поговорить с ним, задав несколько «ситуационных» вопросов, которые дадут человеку возможность пофилософствовать и раскрыть свой потенциал. (На которые нельзя однозначно ответить — да или нет).

Вопросы и домашние задания стоит включать в скринер или приложением к нему. Когда люди приносят домашние задания, по ним также можно выбирать участников, помимо отбора по критериям.

Бывает, что тема участнику интересна, но тип его поведения таков, что становится ясно: высказывать свое мнение, он вряд ли будет. Как отказать, человеку, который по всем квотным параметрам подходит, но совершенно не хочет/не умеет размышлять на тему? Здесь важно уточнить, насколько ему интересна данная тема, если она ему не очень интересна, предложить участие в другой раз, в дискуссии на более интересную для него тему. Другой вариант, можно объяснить, что на данный опрос у нас строгие правила по отбору участников, людей с его точкой зрения мы уже набрали. (Оба приведенных примера отбора действуют на момент телефонного разговора, они абсолютно не подойдут, если участник приехал на опрос. Про отбор участников, непосредственно перед группой, можно прочесть ниже).

Если мы совершили отбор на данном этапе — мы уже упростили задачу модераторам.

Перед самой группой ведущий, должен поговорить с участниками, ведь все они приходят со своим настроением, «очень активных» и «совсем уж молчаливых» можно определить через несколько минут разговора. Кстати говоря, есть модераторы, которым опыт позволяет по внешним признакам отобрать участников и даже по почерку и пр.

Однажды я вела фокус группы, на которых присутствовали все люди из одного места работы. В чем минусы? В любом коллективе существует определенное отношение друг к другу, кроме того при руководителе большинство участников разделяло его точку зрения. Заставить людей высказывать свою точку зрения, а не «поддакивать» — крайне сложно... Проще попросить директора выйти. Не знаю, как это сделать и далеко не все из модераторов, с кем я говорила на эту тему, смогли что-то эффективное предложить. Но один метод заслуживает внимания. Нужно спросить директора в шуточной форме: «А вот представьте, что Вы не директор, а стажер, пришедший несколько месяцев назад в данную организацию,

и оклада Вашего едва хватает на проезд и еду. Представили? Что бы Вы тогда ответили?» и прочее. Вообще профессионализм и работа модератора заслуживают детального внимания и анализа. Думаю, этому можно даже обучать в вузах. Но вернемся к рекруту.

Теперь давайте рассмотрим два условия, соблюдение которых обязательно при отборе участников, проанализируем их плюсы и минусы.

Вопросы из скринера:

1. Работаете ли Вы или кто-то из родных и близких в какой-либо из перечисленных сфер: реклама, журналистика, сфера маркетинга, арт-дизайна, социологии, пиара, психологии или в одной из сфер, связанных с темой опроса?

Например, если тема опроса связана с «диетическими продуктами», то нам категорически нельзя приглашать диетолога. Почему? Как только он заявит о своей профессиональной деятельности, участники поймут, к кому стоит прислушиваться, совершенно забыв про собственное мнение. Следовательно, понять, кто и как думает станет сложно. Что делать, если это произошло, в группе есть человек, который явно будет влиять на мнение других участников?

Вариантов решения два:

— Обыграть эту ситуацию; во время модерирования, как только вопрос озвучен, сказать: сначала спросим мнение данных уважаемых людей, которые поделятся со своими мыслями, а потом обратимся к Вам как эксперту. Прошу раньше других, не высказывать свои мысли.

— Попросить человека выйти, объяснив ему, почему он не может участвовать. Но это может привести к неблагоприятной атмосфере в группе и «зажиму» участников.

Рассмотрим другой пример, когда респондент не подходит по скринеру. Например, это человек с должностью IT-специалиста, который работает в маркетинговой компании. По правилам его брать нельзя. Возникает вопрос — почему? Кстати, нельзя брать человека в группу даже если его сестра работает психологом в детском саду... Я попробовала разобраться в данном вопросе и попыталась разузнать мнение руководителей проекта, когда работала в Ipsos-Comcon. Ответ был прост — если сам участник психолог или кто-то из его родных и близких, есть высокая вероятность, что мыслит он иначе, не как простой потребитель. Мне это оценка показалась немного не объективной, по опыту не могу сказать, что психологи сильно отличаются от «обычных потребителей» и уж тем более, члены их семьи. Ниже приведены несколько вариантов ответа опытных специалистов, прокомментировавших этот вопрос.

Вопрос: «Почему IT специалист из маркетинговой компании не может участвовать в фокус группе на тему «диетических продуктов?»»

Ответ: «Потому что наш потенциальный респондент, который занимается IT-технологиями, может быть знаком с людьми в своей компании из пиар-отдела или из отдела по работе с клиентами и на фокус-группу он придет с целью заполучить данные, которые впоследствии может использовать конкурирующая компания в своих интересах. И были примеры. Например, когда крупные заказчики ведущих журналов проводили фокус-группы на тему выпуска следующего номера, но вынуждены были прервать исследование потому что их основной конкурент выпустил все эти материалы через некоторое время после первых двух фокус групп».

Да, такие риски бывают, особенно в маркетинговых исследованиях, но тут как говорится — доказать вину кого-либо из участников крайне сложно, ведь абсолютно любой из пришедших на группу может иметь «свой интерес», и в случае, если интерес имеется, вряд ли участник об этом расскажет в момент рекрута или выдаст, что работает или знаком с кем-то из конкурирующей компании. Тем более, где доказательства, что утечка данных была произведена кем-то из участников фокус групп?

Но что предпринимают крупные компании, для того что бы обезопасить свою компанию от такого рода мошенников? Совершенно верно, они не берут участников, чьи друзья и родственники работают в запретных сферах... Кроме того, перед началом фокус группы и после заполнения скринера, каждый участник подписывает соглашение о неразглашении информации, нередко с указанием паспортных данных и описанием личной ответственности, в случае нарушения данного правила. Помогает ли такая бумага? Не знаю, но по крайней мере, она дает повод задуматься каждому, кто её подписывает.

Есть и другая «сторона медали». Печально, что большинство рекрутеров, спотыкаясь на данном критерии и сильно расстраиваясь, что большинство респондентов им не подходят, начинают врать и просят врать респондентов.

Пример. Однажды я записывала девушку, которая работает в тату-салоне набивщицей, тема исследования была «Сладости». Мне сказали, что она не подходит, потому что, сфера деятельности связана с рисунком и людей с художественным типом мышления мы не берем. И потом, при написании аналитики, человек, который связывает в отчете сферу деятельности и ответы участников, пишет, что строитель (который на самом деле стоматолог) или библиотекарь (который водитель) думают так, по причине... и так далее.

Кстати, нет ничего странного в том, что пришедшие на группу участники, — сплошь бухгалтер, экономисты и специалисты по недвижимости... Это нас возвращает к теме написания скринера и отбору участников. Стоит заметить, что человек, который был на опросе, которому сказали:

«Только не говори, кем работаешь, иначе тебя не возьмут!» — начинает представляться работником другой отрасли, если хочет быть отобранным вновь. Поэтому, когда в телефонном разговоре мне говорят — образование высшее эконмическое, работаю бухгалтером в строительной компании, я задумываюсь и начинаю по всем базам прогонять участника, чтобы понять, не из тех ли он, кто подстраивается под критерии умышленно и на группе будет точно так же себя вести.

2. Участвовали ли Вы в каких-либо опросах за последние 6 месяцев? Как правило, если ответ положительный, нам участник не подходит. Есть еще одно правило, если участник участвовал за всю жизнь более трёх раз в опросах, он тоже нам не подходит. И этих правил придерживаются почти все маркетинговые компании. Я поинтересовалась у ведущих модераторов, как они относятся к данным требованиям и почему? Мнения разделились. Причины были разные и я выделила четыре основных.

А) Личностная. Модератор на фокус-группе использует приемы, которые позволяют людей рассмешить или, наоборот, заставить задуматься. В случае, если участник был у модератора на фокус-группе ранее, он уже знает, что сейчас произойдет, поэтому либо преждевременно комментирует, либо, напротив, не проявляет интереса, что «сбивает» модератора и усложняет его работу.

Б) Риск получения неверных данных. Чаще всего такого участника называют «профессиональным респондентом». Например, совсем недавно он участвовал в опросе в качестве эксперта в области стоматологии, а на следующий день пришёл на группу как водитель без основного места работы; пару месяцев назад он был на группе малообеспеченных, а спустя короткий промежуток времени участвует как человек с высоким доходом... Можно много таких примеров привести, но как правило подобные факты сложно проверить. Например, он мог быть глав врачом, но остаться без работы и начать «таксовать»... Причин может быть масса, но если вести базу и отмечать, как ответы участника меняются от запроса, можно сделать вывод, что респондент «подстраивается под критерии» и нам не подходит.

В) Риск отправить заказчику повтор данных. Если участник приходит второй раз на одну и ту же тему/ разные темы, но на проект от одного заказчика. Бывает, что темы похожи, а человек имеет ярко окрашенную точку зрения, которая сильно выделяется на основном фоне. В случае, если заказчик при прослушивании записи исследования или просмотре видеоматериала узнает респондента, он усомнится в качестве выполненных работ.

Г) Статус эксперта. Некоторые модераторы сошлись во мнении, что после посещения двух-трех фокус-групп, участник чувствует, что большей

весомостью пользуются те респонденты, которые в данной теме лучше разбираются. И после такого вывода начинают готовиться, читать и интересоваться темой опроса заранее. Это приводит к тому, что на группе появляется некий «Эксперт» и остальные участники начинают невольно прислушиваться к его мнению, менять свое или бояться высказать обратную точку зрения.

Выводы. Для проведения качественного рекрута нам необходимо:

1. Вести базу, в которой есть отметки и о дате, и о теме исследования с персональными данными респондента.
2. Нужно делать большой запас участников, что бы из них можно было выбрать подходящих.
3. Перед фокус-группой необходимо взять с каждого участника соглашение о неразглашении.
4. Крайне желательно в момент отбора переговорить с каждым участником хотя бы по 2 минуты.

Некоторые модераторы просят респондентов представиться, сказать, где кто работал, сколько кому лет и пр., чтобы аналитик при написании отчета мог проанализировать персональные данные участников. Но другие модераторы принципиально не просят представляться, потому что считают, что после этого у участников появится предвзятое представление друг о друге. К примеру, уборщице не захочется спорить с директором и проч. Это сугубо личное решение, ведь у рекрутера можно попросить список участников с подробной информацией, модератор со второй точкой зрения ничего не теряет... А если по-другому взглянуть на этот вопрос и предположить, что участники раскрываются лучше, когда понимают, что в их группе есть «земляки», люди с равным статусом или одним составом семьи и проч.? Все индивидуально.

Интересным фактором является состав группы. Для общественно-политических исследований чаще всего используют группы, равные по количеству мужчин и женщин, а в маркетинговых исследованиях — состав групп одного пола. Почему? Вот что пишет, по этому поводу Ю. С. Колесников: «Важнейший принцип при формировании групп — обеспечение однородности, гомогенности состава групп. В случае несоблюдения этого правила динамика группы может быть существенно заторможена. Например, характер участия в дискуссиях мужчин и женщин существенно различается в смешанных группах и в группах, разделенных по половому признаку. Это связано с тем, что некоторые люди весьма чувствительны к реакции лиц противоположного пола и поэтому часто говорят не то, что чувствуют на самом деле. Бывает и так, что присутствие женщин побуждает некоторых мужчин говорить с большим апломбом (так называемый «павлиний эффект»), что иногда раздражает участников.

Конечно же, большое значение имеет тема дискуссии. Поэтому вряд ли целесообразно включать мужчин и женщин в одно групповое интервью, посвященное потреблению пива, или, например, предметам туалета, моющим средствам. Одновременно опыт показывает, что разделение не имеет смысла, когда обсуждаются профессиональные проблемы. Женщины, в какой бы сфере ни трудились, высказываются без оглядки на своих коллег противоположного пола.»

Было бы интересно взять тему, близкую мужчинам, например, тему пива и выслушать их мнение в мужском составе (лучше провести 3—4 группы), а затем в общем составе с женщинами. Или на половине группы, «запустить», якобы «опоздавших» 3—4 дам... Смею предположить, что участники первой части дискуссии вели бы себя несколько иначе. Но в данном вопросе решение за заказчиком. Хочет ли он узнать мнение только мужчин или мнение мужчин и женщин в динамике общения?

Кстати, некоторые модераторы отмечают интересную закономерность, связанную с полом. Они считают, что на «мужские темы» лучше приглашать модератором женщину. К примеру, тема связана со строительством, модератор мужчина, с опыт ремонтных работ и строительства, разговор складывается так, что участники и модератор говорят на одном языке и друг друга понимают «с полу слова», или другой пример, тема та же, но ведет группу девушка лет 25—30, которая в жизни не то что со стройкой, она вообще с инструментами дела не имела и даже названия инструментов далеко не всех, знает. И тут наступает момент, когда участники на простом языке объясняют все тонкости данной тематики, при этом лучше объясняют свою мысль, раскрывая ее более подробно. Интересно, не правда ли? Но утверждать на все сто процентов, что, если тема женская, лучше приглашать модератора мужчину и наоборот, не стоит. Ведь опыт и профессионализм каждого ведущего групповой беседы различен и специфика темы, может быть разной.

Был в моей практике интересный пример. Однажды я пригласила для участия в фокус-группе родственника своей приятельницы, прослушивая фокус-группу (за стеклом), я была приятно удивлена, тем, что молодой человек высказывает свое мнение по существу, деликатно ведет себя и даже задает «фон» всей беседе. После фокус-группы я подошла к нему и уточнила, как ему опрос? Он был просто счастлив, а в конце беседы, уточнил замужем ли модератор, попросил передать ей, что она красивая и милая девушка. Через некоторое время я вновь пригласила данного участника на опрос, но уже к другому модератору (тоже к девушке). Наблюдая за ходом группы (за стеклом, там, где часто присутствуют клиенты или аналитики), была крайне удивлена открывшейся картиной: молодой человек не проронил ни слова, хотя тема ему была близка. Я вновь

спросила его мнение, на что он мне ответил, что просит больше его не приглашать, и что его безумно раздражал «тупой» модератор. Значит, далеко не последнюю роль играет «личность» модератора, умение произвести на группу приятное впечатление. Такой же вывод, я получала, когда после групповой беседы с одним модератором, люди выходили с улыбкой на лице и с желанием еще обсуждать данную тему. Когда по тому же гайду группу вел другой модератор — люди выходили злые, уставшие, получали деньги и побыстрее убегали домой. Однажды я присутствовала на лекции, по управлению собственным голосом и преподаватель, говорила, что от голоса человека очень многое зависит. Другими словами, во время разговора с разными ведущими (манера говорить у обоих кардинально противоположные), одна и та же группа, на одну и ту же тему рассуждают по-разному. Глубоко уходить в данную проблематику не будем, но, на мой взгляд, она требует внимания.

Вернемся к теме рекрута. Есть еще один интересный момент. Назову его «отпуск». Отбирать участников крайне сложно, но и тем, кого «отпускают» психологически трудно... Некоторые даже устраивают истерику, обидевшись, что других взяли, а их нет. В данной ситуации, очень спасают денежные средства, надо «бедняге» предложить две суммы отпускных, и его настроение улучшается «на глазах». А после этого, можно внести персону в черный список, если поведение было крайне агрессивным и неадекватным... Но ведь не секрет, что большинство людей, когда их отпускают, начинают думать: «Ну чем, я хуже других?». Мне часто звонят после отбора те, кто не принял участие в группе и говорят (парадоксально, но факт), одну и ту же фразу: «Они набрали не понятно кого! А именно я по этой теме мог(ла) высказать столько важных моментов. Мне обидно». И тут я конечно же, объясняю, что он хороший, и что это не личная оценка, а отбор по критериям. И что очень скоро, я позову его (её) вновь и проч. Однажды, я попробовала такую схему, я заходила в аудиторию с потенциальными респондентами и говорила: «Вы все по критериям подходите, и я с радостью, всех взяла бы, но мне надо отпустить троих. Кто хочет пойти домой и не участвовать?» Бывали случаи, когда кто-то говорил, что готов взять «отпускные», но в 80% случаев все молчали и никто не хотел уходить.

Думается, для комфортного и не обидного «отпуска людей», важно, чтобы «отпуск» был не менее половины суммы вознаграждения за участие, а также важно приглашать людей на следующий опрос.

Я сообщила Вам об особенностях рекрута для фокус-групп. Безусловно, это лишь малая доля того, что следовало бы обсудить... Здесь не упомянуто, какими способами проходит рекрут и какой способ лучше использовать? Ничего не сказано, про условия организации фокус-групп. И я не раскрыла секрет, как делать качественно рекрут, когда в ТЗ критерии крайне слож-

ные. Это сделано не случайно. Мне хотелось бы, что бы Вы мою работу захотели прочесть и в следующий раз... До новых встреч, коллеги.

Список источников

1. В. А. Агроновский. Ради единого слова. М. : Мысль, 1978.
2. URL: http://royallib.com/book/agranovskiy_valeriy/radi_edinogo_slova.html.
3. Ю. С. Колесников. Прикладная социология. Ростов-н/Д., 2001.
4. URL: http://psyfactor.org/lib/focus_group.htm.
5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности/ В. А. Ядов. М. : Омега-Л, 2007.
6. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=585>.

В. Н. Бобков

ВЫЗОВЫ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ

БОБКОВ Вячеслав Николаевич — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор генеральный директор Всероссийского центра уровня жизни, главный научный сотрудник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия; bobkovvn@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вызовы неустойчивости занятости в аспекте реализации инициативы МОТ о будущем сферы труда. Показано, что современные тенденции развития «нестандартных» форм занятости, с организационно — технической стороны, обусловлены быстрыми структурными изменениями производства товаров, услуг и информации, расширения гибкости рынков труда (*labour market flexibility*), а с социально — экономической стороны, они же выражаются в неустойчивости занятости (*precarity of employment*). Обращено внимание на: а) вынужденное, для работников, а не добровольное сужение сферы занятости на основе официальных бессрочных трудовых договора со стандартной рабочей неделей и ущемление их трудовых и социальных прав; б) недооценку этой проблемы со стороны российского государства, деятельность которого направлена преимущественно компенсацию экономических потерь страны от неуплаты налогов и страховых взносов. Предложено шире использовать социологическую науку для изучения и выработки мер по сокращению размеров прекаризации занятости. Определены те ее формы, которые могут быть выявлены в процессе социологических исследований.

Ключевые слова: будущее сферы труда; международная организация труда, неформальная экономика, нестандартные формы труда, неустойчивость занятости; трудовые и социальные права работников; экономические и социологические методы исследования

1. В инициативе столетия о будущем сферы труда МОТ поставлена проблема о рисках и эрозии замены «... прочных социальных сетей, основанных на общем трудовом опыте, длительных личных отношениях и обязательствах, вытекающих из стабильных трудовых отношений (*stable employment relationship*), на ... ситуации, в которых отдельные лица теряют социальную идентичность, которую придает им труд, становясь изолированными, неуверенными и отчужденными в силу своего трудового опыта...» [1, 2015, сс.10—11].

2. Постановка этой проблемы непосредственно увязана МОТ с такими характеристиками экономики и сферы труда как «неформальная экономика» (informal economy), «нестандартные формы труда» (non — standart forms of work), распространение гибких, краткосрочных и переходных форм занятости (flexible, short — term and transient forms of work), когда работники будут все более мобильными в пространственном и функциональном отношении.

3. МОТ выдвинута гипотеза, состоящая в том, что «...там, где трудовое правоотношение существует, оно может все дальше отходить от классического бессрочного правоотношения, предусматривающего занятость на условиях полного рабочего времени, вместо этого принимая одну из множества «нестандартных» форм, в том числе занятости на условиях неполного рабочего времени, срочных и гибких трудовых договоров. Кроме того, некоторые предприятия обходятся прямым наймом рабочей силы для всех или большинства производственных операций, как правило, на основе субподряда, аутсорсинга, сторонних агентств и систем поставок, которые все чаще принимают глобальные формы» [1,2015, с.14].

4. Тот факт, что долгосрочная тенденция роста доли наемных работников в составе глобальной рабочей силы в настоящее время застыла, свидетельствует, по мнению МОТ, о том, что представление о прогрессе на рынке труда «... в виде одностороннего движения от неформального статуса работников к формальному, может страдать существенными изъянами. Повышается вероятность того, что различные постоянные формы самозанятости превратятся в конечную альтернативу в сфере занятости...» [1,2015, с. 14].

5. Проходящая в настоящее время дискуссия по осмыслению этих тенденций в сфере труда, на наш взгляд, должна опираться на два теоретико — методологических положения:

— с организационно — технической стороны, отмеченные выше процессы в сфере труда, обусловлены быстрыми структурными изменениями производства товаров, услуг и информации, расширения гибкости рынков труда (labour market flexibility) и появлением новых форм занятости. Это отвечает интересам работодателей.

— с социально — экономической стороны, современные формы воспроизводства рабочей силы, обуславливают неустойчивость занятости (precarity of employment). Вынужденное для работников сужение сферы занятости на основе официального бессрочного трудового договора со стандартной рабочей неделей и ее расширение на условиях срочных, гражданско — правовых и иных отношений занятости, а также при неформальной занятости в формальной экономике, скрытом производстве, при незаконной деятельности и безработице, ущемляет их трудовые и социальные права [2, 2014, сс. 90—91].

6. Прекаризация занятости имманентно присуща рыночным экономикам с преобладанием частно — капиталистических форм собственности на средства производства. МОТ этот феномен общественных отношений в сфере труда рассматривает сквозь призму двух категорий контрактного соглашения, характеризующихся четырьмя неустойчивыми условиями труда[3,2012].

7. Неустойчивость занятости является глобальной проблемой современности. Ее огромные масштабы и многообразие форм, том числе, внешняя трудовая миграция, представляют собой источник избыточно-социально — экономического неравенства и роста неустойчивости общественного развития.

8. В России, начиная 90-х годов прошлого столетия, мере формирования рыночной экономики и капиталистических трансформаций, внимание, в основном, обращалось на анализ новых форм занятости. Они рассматривались, преимущественно, с организационно — технической стороны, в аспекте обеспечения адекватности структуры экономики и рынков труда.

9. Практика хозяйствования и обеспечивающие ее научные исследования были подчинены, прежде всего, созданию работодателям условий для эффективного ведения бизнеса, нередко, в ущерб народнохозяйственной эффективности экономического развития. Следствием этого стали огромные масштабы теневой экономики и занятости, что перестало отвечать интересам развития страны.

10. Начиная с середины второго десятилетия 2000-х годов, государство непосредственно обратилось к проблематике сокращения неформальной занятости в официальной экономике и в скрытом производстве, в которую к тому времени оказались вовлечены, по разным оценкам от 16 до 30 млн человек. Однако, в решении этих проблем преобладает трансформация условий ведения бизнеса и занятости, направленная на компенсацию экономических потерь страны от скрытого производства и неуплаты налогов, и страховых взносов.

11. Незащищенность экономических и социальных прав работников от неустойчивости занятости до сих пор не выдвинута в число приоритетных задач государственной политики. Первоначальный этап накопления капитала и быстрое формирование российской финансовой олигархии, породили множество уродливых форм прекаризации занятости. Работникам приходится самостоятельно искать способы экономического и социального выживания в обществе преобладания антагонистических классовых интересов.

12. Инструменты сокращения сферы неустойчивости занятости лежат в плоскости использования современных достижений научно — техниче-

ского прогресса, позволяющих трансформировать общественные отношения в сфере труда в направлении расширения сферы достойного труда.

Для этого необходимо всестороннее изучение современных трендов трансформации сферы труда экономической и социологической науками.

В России сфера неустойчивости занятости больше широко исследуется экономической наукой. Однако, целый ряд существенных характеристик этого явления не может быть выявлен без широкого социологического контекста ее изучения и оценивания.

13. Выявление самооценок работников позволит охарактеризовать следующие формы и степень неустойчивой занятости:

- в области природы трудового взаимоотношения: занятость на основе устной договоренности, вынужденный характер отношений, прекаризацию занятости в результате мошеннических действий работодателей, скрытые отношения найма, фиктивную самозанятость, выявить характеристики дистанционной занятости, самозанятости и др.;
- в области неустойчивых условий труда: охарактеризовать защищенность от прекращения трудовых отношений, отсутствие доступа работников к механизмам социальной защиты, к реализации своих прав на рабочем месте и благам, ассоциирующимся со стандартной занятостью и др.

14. Широкий контекст трансформации общественных отношений, порождаемых неустойчивостью занятости, может быть выявлен социологической наукой в результате изучения общественных институтов семьи, профессиональных объединений и др., а также неустойчивости глобального общественного развития.

Список источников

1. Доклад Генерального директора МОТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» на Международной конференции труда. 104 Сессия. Женева, 2015.
2. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под. общ. ред. В. Н. Бобкова. М. : ВЦУЖ : «Русаки», 2014.
3. ILO. 2012. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO, 2012. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_dialogue/-actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (24.08.2016).

Н. В. Вяткина

МЕНЕДЖЕРЫ СРЕДНЕГО ЗВЕНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ)

ВЯТКИНА Наталья Владимировна — аспирант кафедры социологии и политологии ПНИПУ, г. Пермь, Россия; zxcx1@yandex.ru

Аннотация. По результатам проведенного автором социологического исследования (в организациях сферы услуг) анализируется социально-профессиональная группа менеджеров среднего звена с точки зрения социального состава, основных компонентов социального статуса, профессионально-управленческих показателей, ценностных ориентаций, исследуется социальная динамика основных социальных характеристик.

Ключевые слова: менеджеры среднего звена, социально-профессиональная группа, руководители, социальный статус

Глубинные процессы трансформации общественного строя в последние десятилетия, возникновения и развития отношений собственности обусловили интенсивное становление группы профессиональных управленцев — менеджеров, среди которых особо выделяется наибольший по численности слой менеджеров среднего звена. Генезис этой социально-профессиональной группы в нашей стране характеризовался стремительным, противоречивым характером, в отличие от эволюционного, поступательного процесса в западных обществах, где на протяжении столетия в процессе индустриальной революции и развития массового производства произошла профессионализация менеджеров.

Как результат, для социально-профессиональной группы менеджеров среднего звена в современном российском обществе свойственны следующие противоречия: группа гетерогенна как по составу, так и по ресурсным характеристикам, уровню человеческого и профессионального капиталов; проявляется «дестабилизированность» профессии [1, стр. 150] — существует несоответствие между достаточно высоким физическим (материальным капиталом) группы и недостаточным уровнем ее результатов и квалификационного развития; группа претендует на отнесение к «новому среднему классу», однако уровень человеческого капитала, информационной компетентности не позволяет это сделать; низкий уровень инновационно-ориентированного поведения; облада-

ние властью, подкрепленное нормативным формализованным уровнем образования и соответствующим уровнем компетенций (и результатов) в западных обществах, в России часто не передается полностью от топ-менеджера (собственника) ввиду недоверия и недостаточных квалификационных характеристик менеджеров. Группа находится в процессе профессионализации и поиска своей идентичности.

Эмпирическое исследование, проведенное автором в 2013—2016 г. г. в организациях сферы услуг, позволило выявить основные черты социального портрета менеджера среднего звена в сфере услуг в современном российском обществе. Феминизация исследуемой социально-профессиональной группы (отметим существенную разницу с группой топ-менеджеров, где, наоборот, большая часть мужчин) обусловлена, на наш взгляд, двумя факторами: сферой услуг (где доминирующее большинство занятых по России — женщины), и уровнем управления, подтверждая выявленную социологами тенденцию [4, стр. 24] о преобладании женщин-руководителей в малом бизнесе и на средних уровнях управления. Средний возраст 36 лет, значительная доля представлена возрастной группой 21—39 лет, что демонстрирует различия возрастной структуры исследуемой группы как от занятых в сфере услуг, так и в России. Профессия «менеджер» особенно на среднем уровне управления — предполагает активность, работоспособность, инициативность, стрессоустойчивость, получение новых знаний, возможность осваивать новое программное и технологическое обеспечение, что предопределяет кадровые требования к возрасту. Большинство респондентов имеет семью и детей, причем показатели семейного статуса у мужчин выглядят значимо благополучней, чем у женщин. Несмотря на стратегии женщин-руководителей по поиску и реализации баланса между карьерой, работой и личной жизнью, сопоставимой амбициозности и карьерной ориентированности женщин с мужчинами в одинаковых возрастных группах, фиксируются тенденции развития женской карьеры зачастую в ущерб семье, и негативного взаимовлияния брака/деторождения и карьеры.

Показатели физического капитала менеджеров среднего звена выглядят весьма благополучно: более половины менеджеров среднего звена имеют доходы выше среднего, остальные — средние. Более половины владеет жилищной собственностью, значительное число респондентов решают этот вопрос с помощью ипотеки. Показатели доходов и имущественной обеспеченности менеджеров среднего звена, во-первых, значительно выше, чем у среднего россиянина, во-вторых, уже несколько лет демонстрируют тенденцию роста. Заработная плата менеджеров среднего звена примерно в полтора раза выше, чем у специалистов аналогичных отраслей сферы услуг [3, стр.72]. По материальному ста-

тусу менеджер среднего звена проигрывает только топ-менеджерам и предпринимателям, опережая все остальные социальные группы. Доминирующее большинство менеджеров подтверждает, что их работа — «социальный лифт», благодаря которой имущественные позиции (а также уважение окружающих, возможность самореализации) значительно укрепились. Тем не менее, исследование зафиксировало значительную дифференциацию материального положения в зависимости от отрасли занятости: максимальное благосостояние демонстрируют менеджеры в государственном управлении, юриспруденции, торговле, финансовом секторе, операциях с недвижимостью, наименьшее — здравоохранение, транспорт, культура, что соответствует ситуации по размерам заработной платы по отраслям в целом по рынку труда РФ.

Комментируя образовательный статус и тенденции человеческого капитала менеджеров среднего звена, отметим, что данные нашего исследования зафиксировали значительную положительную динамику по этим показателям: значимо возрастает количество менеджеров с высшим и двумя высшими образованиями, большинство респондентов осознают потребность в повышении образовательного уровня и собираются ее реализовать (их количество также растет в динамике), растет компетентность. Уровень образования менеджеров среднего звена в сфере услуг значительно выше, чем у занятых в этой сфере. В основе этой тенденции несколько факторов: естественным образом нарастает количество молодых менеджеров до 40 лет, которые наиболее активны в вопросах повышения образовательного уровня; возрастает запрос рынка и общества на грамотных квалифицированных менеджеров; происходит процесс профессионализации изучаемой социально-профессиональной группы — повышается возможность и качество бизнес- и специализированного образования в ответ за социальный запрос. Тем не менее, менеджеры среднего звена проигрывают группе профессионалов по уровню образования [2, стр. 83], языковая и информационная компетентность хотя и растут, но все еще фиксируются на невысоком уровне, что говорит о значительном потенциале развития человеческого капитала.

Анализируя профессионально-управленческий потенциал менеджеров среднего звена, мы выявили, что функциональное содержание труда респондентов заключается в явном преобладании функций оперативного управления: — организация, координация, регулирование, распределение функций, задач и ресурсов, в то же время, присутствуют (в значительно меньшей степени) функции конструктивного управления (свойственного для менеджеров высшего уровня) и результирующего управления (свойственного техническому уровню в организации). Это отражает специфику функционального содержания труда для среднего уровня

управления. Отметим дефицит использования большинства компетенций в сравнении с необходимостью их использования, т. е. менеджеры среднего звена не имеют возможности, либо достаточной квалификации реализовать актуальные в их работе профессионально-управленческие навыки. Что подчеркивает важность вывода о «деструктуризации» профессии менеджера: несоответствия высокого материального вознаграждения и недостаточных профессиональных навыков. При этом, большинство менеджеров указывают на значительные риски принятия решений и осуществления деятельности (цена ошибок очень высока), весомую интеллектуальную и нервную нагрузку, что негативно влияет на удовлетворенность жизнью и количеством свободного времени.

Таким образом, несмотря на существующие возможности увеличения, прежде всего, человеческого капитала, некоторых профессиональных компетенций и инновационной направленности, можно констатировать происходящий процесс профессионализации группы менеджеров среднего звена в современном российском обществе, проявляющийся в росте образовательного уровня, адаптированности и удовлетворенности профессией, увеличения количества менеджеров, отождествляющих себя как единый слой, росте возможностей трудовой мобильности, в институционализации базового менеджерского образования, появления и расширения возможностей бизнес-образования.

Сформулированы группы мер по повышению эффективности деятельности менеджеров среднего звена в организациях современной России:

1. Необходимо на уровне организации мотивировать менеджеров к повышению своего человеческого капитала и профессионального потенциала: проводить дополнительное обучение, формировать мотивационные программы для побуждения повышать уровень образования и компетенций, проводить конкурсы профессионального мастерства, обмениваться профессиональным опытом на отраслевом уровне.

2. Создавать условия для повышения информационной, коммуникационной, технической компетентности менеджеров среднего звена, внедряя на предприятиях и в организациях новые технологии, программные продукты, системы внутрифирменной коммуникации.

3. Нуждается в пересмотре система базовой подготовки, переподготовки и бизнес-образования для менеджеров. Акцент необходимо сделать на повышении качества образования с целью возможности практического применения знаний в реальной деятельности менеджеров.

Внедрение данных мероприятий в практику работы с руководителями среднего звена позволит максимально реализовать возможности профессиональной группы, ускорит процесс профессионализации, повысит качество работы этих руководителей и приведет к улучшению резуль-

татов их деятельности, что в масштабе страны повысит эффективность управленческого труда и, как следствие, функционирования российского общества.

Список источников

1. Абрамов Р. Н. Экспертная власть менеджеров в современной России: социологический анализ // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 5. С. 150—153.
2. Инясевский С. А. Российские менеджеры: социально-экономические характеристики и позиции на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 77—99.
3. Труд и занятость в России. 2015 : Стат. сб. Росстат, М., 2015.
4. Шабанова М. А. Новое поколение предпринимателей и менеджеров в меняющейся институциональной среде // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 2. С. 23—38.

Е. В. Кузуб**К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ**

КУЗУБ Екатерина Васильевна — старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами ФГБОУ ВО РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия; kuzub_ev@mail.ru

Аннотация. Особой социальной группой, которая способна оказать существенное влияние на состояние рынка труда в ближайшем будущем, является молодежь, получающая сегодня профессиональное образование. Как показывает опыт, даже в условиях стабильной экономической ситуации и относительной доступности информации о рынке труда, значительное количество выпускников оказывается в определенной степени не готовым к успешному переходу от учебы к работе. В России маркетинговые стратегии вузов по большому счету направлены на запрос со стороны родителей и абитуриентов, которые, выбирая специальность и место обучения, ориентируются не на ситуацию на рынке труда (и тем более не на прогнозы по ее изменению), а на социальные стереотипы, в том числе престижность высшего образования. В работе рассматриваются факторы, влияющие на выбор профессии. Определены актуальность грамотного выбора профессионального пути и его влияние на развитие карьеры. Раскрывается значимость профориентационных мер при выборе профессии.

Ключевые слова: молодежь, профессиональная ориентация, выбор профессии, рынок труда

Существующий уровень научной разработки проблемы занятости молодежи характеризуется различными исследованиями в данной области. Вполне правомерно утверждать, что изучение особенностей, закономерностей и возможностей развития профессионального пути молодых людей — один из способов формирования и становления молодежи в качестве профессионала. Под действием массового влияния, навязанных ценностей молодой человек нередко делает выбор в пользу общепринятых и доступных профессий. Все это ведет к тому, что после получения образования выпускники не желают или не могут трудоустроиться по полученной специальности. В то же время необходимо учитывать финансовую составляющую: государство в течение 4 лет за свой счет готовит специалистов, которые затем не могут реализовать свои знания на рынке труда.

Современный рынок труда постоянно повышает требования к кандидатам на вакантные рабочие места, условия подчас таковы, что сотруд-

нику приходится не просто постоянно повышать свою квалификацию, но и осваивать смежные профессиональные области, а вузы готовят студентов без какой-либо взаимосвязи с предприятиями.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что проблема выбора профессии молодежью требует нового подхода к ее решению, в том числе и с позиции профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодого специалиста.

Вопрос осложняется еще и тем, что современная молодежь делает выбор в быстроменяющихся условиях, когда достаточно сложно предсказать перспективы развития экономики и общества. В связи с тем, что выбор профессии делается в 14—15 лет, а на рынок труда специалист с высшим образованием может выйти в 21—22 года, отметим, что за период в 7—8 лет профессия может не просто кардинально измениться, но и исчезнуть за ненадобностью. Таким образом, наблюдается отсутствие баланса между периодом обучения и быстрым обновлением видов профессиональной деятельности. Так, Президент Superjob.ru Алексей Захаров в своем прогнозе на ближайшие 15—20 лет сообщает, что на рынке труда исчезнут такие профессии, как водитель, специалист по автострахованию, преподаватели иностранного языка другие [1]. В такой ситуации наиболее важным является наличие у специалиста навыков, позволяющих быстро адаптироваться к изменившейся ситуации.

От правильно сделанного выбора профессии зависят различные факторы. Во-первых, повышается мотивация к обучению в образовательных учреждениях. В соответствии с этим теоретическая подготовка студента значительно выше у тех, для кого дальнейшая профессиональная деятельность вызывает значительный интерес. В противном же случае учеба носит формальный характер — нередко студенты, неудовлетворенные своей профессией, учатся по инерции, зачастую «для родителей». Во-вторых, если профессия выбрана с учетом склонностей и способностей молодого человека, увеличивается мотивация трудоустройства по полученной специальности. Человек нацелен получить практический опыт и реализовать свои знания на практике. Часто такие специалисты начинают работать уже на 2—3 курсе, что способствует повышению уровня успеваемости. Так, по данным исследования НИУ ВШЭ, среди тех, кто работает по профилю (полный и неполный рабочий день), доля тех, кто учится отлично выше, чем среди неработающих студентов. Возможно, данный факт характеризуют различия в мотивации у работающих по специальности, работающих не по специальности и неработающих студентов [2; 228].

В-третьих, производительность труда сотрудников, которые выбрали профессию исходя из внутренних потребностей в 1,5—2 раза выше, чем у тех, кто выбрал профессию случайно или по решению родителей [3; 48].

В-четвертых, эти же исследования показывают, что текучесть кадров уменьшается в 2—2,5 раза среди тех, кто выбрал профессию, основываясь на итогах профессиональной ориентации.

Исследователи единодушны во мнении, что основной функцией профессиональной ориентации является помощь в профессиональном определении и самореализации личности, социальной поддержке молодежи и защиты от безработицы. Необходимо реализовывать программы профессиональной ориентации таким образом, чтобы молодежь имела возможность не просто сделать правильный выбор профессии, но и строить свою карьеру, испытывая чувство удовлетворения от работы, и приносить пользу экономике и обществу. Поэтому суть профессиональной ориентации состоит в том, чтобы найти оптимальный вариант между способностями молодого человека, его склонностями и потребностями рынка труда.

Список источников

1. Иностранные языки в российских школах и большинстве вузов перестанут преподавать в ближайшие 10—15 лет. URL: <http://www.superjob.ru/news/211750/>.
2. Янбарисова Д. М. Работа во время учебы в вузах Татарстана: влияет ли она на успеваемость? // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 217—237.
3. Митюрникова Л. А. Концептуальные подходы профессиональной ориентации молодежи в России (социологические исследования): монография. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014.

К. Е. Голодова

НОВАЯ ФОРМА ТРУДОВОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ-СИМУЛЯКРОВ

ГОЛОДОВА Катерина Евгеньевна — студент-магистр I курса, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; golodova.katerina@mail.ru

Аннотация. Современная система производственных отношений характеризуется размыванием стоимостной основы производства. Это происходит в результате всё возрастающей доли интеллектуальной составляющей в процессе производства товаров, которые больше не отражают реально затраченный труд или полезность. Современный товар становится отражением символического блага и трансформируется в симулякр. Данная ситуация сложилась в результате перенасыщения реального сектора экономики, которое произошло во времена Великой депрессии. Производство обычных товаров больше не характеризовалось получением высокой нормы прибыли, и тогда капитализм пошёл по пути формирования симулятивных рынков. Высокая норма прибыли современных товаров-симулякров является результатом новой формы прибавочной стоимости, а значит новой формы эксплуатации. Капитал выходит за пределы производственных отношений и присваивает результат общего творческого труда. Это проявляется и в юридическом закреплении частной интеллектуальной собственности. Подобная ситуация приводит к тому, что творческая деятельность людей, которая ранее была всеобщим достоянием, становится собственностью капиталиста — доступ остальных людей к её результату ограничивается. Всё это сигнализирует о внутреннем кризисе капиталистической системы. Возникает необходимость практического освоения новой парадигмы социально-экономических отношений

Ключевые слова: производственные отношения, товар-симулякр, трудовая эксплуатация

Современная модель производственных отношений существенно отличается от описанных в трудах классической и неоклассической школы. С точки зрения марксистской методологии, труд — исходный элемент системы производственных отношений, с его помощью создаются товары. В условиях современного неолиберального капитализма природа товара меняется — в его основе теперь лежит результат творческой деятельно-

сти. Итогом чего становится изменение самой природы стоимости товара. Происходит размывание стоимостной основы производства, которая теперь не отражает затраченный труд или полезность. Товар становится отражением символического блага и трансформируется в симулякр.

Симулякр — ключевое понятие постмодернизма, которое дополняет ряд ключевых категорий этой методологической парадигмы, отрицающей значимость любых парадигм. Ключевой элемент понятия симулякра — деконструкция, в результате которой товар перестаёт быть отражением затраченного труда или собственной полезности, а превращается в текст. Повышение цены происходит за счёт маркетинговой деятельности создания определённого образа в сознании покупателей. Таким образом, если обратиться к марксистской теории интеллектуальная компонента начинает играть все более значительную роль по сравнению с обычными затратами труда, что и подрывает стоимостную основу производства. При этом капитал эксплуатирует труд не только обычным образом, при котором присваиваются плоды прибавочного труда, но в результате повышения интеллектуальной составляющей, происходит присвоение капиталом результатов всеобщего творческого труда.

Подобная ситуация возникла в результате ограниченных возможностей инвестирования в реальный сектор экономики при условии получения прибыли. Предел такого развития был достигнут ещё в период Великой депрессии. И тогда капитализм пошел по пути формирования симулятивных рынков. Таким образом, сегодня, в постмодернистском обществе, происходит уход рынков от производства товарных отношений, искажается трудовая составляющая стоимостей.

Трансформация природы современного товара открывает новую форму производства прибавочной стоимости, то есть эксплуатации. Капитал выходит за пределы производственных отношений и прибегает к паразитизму на социально-культурной сфере общественной жизни, присваивая им результаты творческого труда. Это проявляется в юридическом закреплении частной интеллектуальной собственности.

Данная тенденция вкупе со всё возрастающим технологическим замещением сигнализирует о внутреннем кризисе капиталистической системы. Трансформация трудовых отношений приводит к тому, что творческая деятельность людей, которая ранее была всеобщим достоянием, становится собственностью капиталиста. Таким образом, ограничивается доступ к интеллектуальным достижениям человечества, что препятствует всестороннему его развитию. Кроме того, обусловленный лишь непрерывностью движения капитала процесс бесконечного умножения рынков человеческого и образовательного капитала не гарантирует стабильности системы, поскольку повсеместная автоматизация производства

приводит ко всё возрастающей безработице и вытеснению среднего класса. В результате складывается ситуация, когда огромное предложение товаров-симулякров сталкивается со снижением спроса на эти товары вследствие падения покупательной способности населения. Всё это диктует необходимость практического освоения новой парадигмы социально-экономических отношений. В качестве перспективного направления научного поиска может стать критическое переосмысление марксистской теории.

Список источников

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М. : ЛЕНАНД, 2015. Т. 2.
2. Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. № 2. 2016.
3. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. № 1. 2010. С. 37.
4. Шляков А. В. Экономика постмодерна от товаров к симулякрам // Общество: политика, экономика, право. 2016. С. 90—92.

16. Повышение квалификации и компетенций заказчиков в вопросах социального и политического прогнозирования

К. О. Магомедов

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕЙ ФАНДРАЙЗИНГА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

МАГОМЕДОВ Керем Османович — доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, руководитель социологической лаборатории ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Россия; m-kerem@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия социологов — исследователей и заказчиков социологической информации, в которых проявляется ряд проблем коммуникативного характера. Эти проблемы часто имеют своим источником недостаточную компетентность руководителей и специалистов — представителей заказчика в вопросах современной социологии, слабое знание о ее возможностях и практических результатах. Такое положение затрудняет взаимодействие социологов и заказчиков, поэтому актуальной становится использование коммуникативных целей фандрайзинга в социологии, которые ориентированы не столько на прямое решение вопросов материального обеспечения научной работы, сколько на повышение компетентности потенциальных заказчиков посредством демонстрации им результатов социологических исследований, объяснения их прикладного значения; также возможно привлечение широкого круга потенциальных заказчиков к сотрудничеству, которое может выражаться в проявлении заинтересованности со стороны административных структур (предоставление «административного ресурса»), содействие в проведении исследований на основе краудсорсинга (например, для заинтересованных научных работников, научно-учебных организаций, аспирантов и докторантов и т. д.). Приводится пример реализации коммуникативных целей фандрайзинга в научно-исследовательской практике социологической группы (лаборатории) ИГСУ РАНХиГС.

Ключевые слова: взаимодействие социолога и заказчика, социологическая компетентность заказчика, фандрайзинг в социологии, коммуникативные цели фандрайзинга, коммуникативные средства фандрайзинга в социологии

Российская социология, вступив на переломе 80—90-х гг. XX века в новую стадию своего бытия, прошла к настоящему времени достаточно большой путь развития, и в теоретическом, и в прикладном аспектах. Социология перестала быть замкнутой на себя наукой, которую могли привлекать для своего рода «научной легитимизации» уже определенных решений. Сегодня основы социологического знания входят в стандарты подготовки специалистов для всех направлений деятельности, а по тем, которые связаны с управлением (персоналом, государственным и муниципальным и др.) предусмотрена возможность получения дополнительных компетенций из различных областей социологии.

Интеграция социологических знаний в компетентностную сферу современных руководителей и специалистов определяет и характер их отношений и взаимодействий с «поставщиками» этих знаний, научно-аналитической информации, методических и социально-технологических разработок, то есть, с социологами, социологическими организациями, социологическим сообществом, которые тоже заинтересованы в востребованности своего «продукта». Об этом очень верно высказался Ж. Т. Тоценко: «Назревающие серьезные перемены в социально-экономической и политической сфере важны и для научного анализа — статьи на эту тему не могут не обходиться без выхода на практику, без попыток повлиять на решение многих проблем».[1]

Но далеко не всегда взаимодействия реальных, или потенциальных потребителей социологического продукта с его производителями носят прямолинейный характер отношений заказчика и исполнителя. Такого рода отношения имеют место, например, когда определен целевой заказ на научно-информационное обеспечение маркетинговой политики организации, либо на проведение тематических исследований по плану НИР, соответствующих интересам органов государственной власти и управления. Как правило, в этих случаях заказчик проявляет достаточную компетенцию в социологических вопросах, чтобы определить основные контуры технического задания для планируемых работ. Но достаточно часто встречается и другая ситуация, когда исследователь имеет собственные перспективные и актуальные научные разработки, дальнейшее продвижение которых возможно только при наличии интереса со стороны заказчика. В этом случае большое значение имеют процессы коммуникации между исследователем-исполнителем и заказчиком, которые должны иметь современный формат, в том числе, по проявляемому уровню компетентности со стороны заказчика.

В этой связи необходимо отметить, что научные организации, исследовательские коллективы в реализации стратегии собственного развития и обеспечения своей деятельности используют различные инструмен-

ты. К таким инструментам, прежде всего, можно отнести фандрайзинг, который активно стал культивироваться в российской науке с 90-х гг. прошлого столетия. Предназначение этого инструмента может показаться утилитарным: «Когда мы говорим о фандрайзинге в гуманитарных науках, то, по сути, имеем в виду научное проектирование, искусство подготовки, написания и сопровождения заявок на конкурсы, организованные научными фондами и иными благотворительными учреждениями, с целью привлечения денежных средств для реализации проектов по проведению научных исследований и научно-организационных мероприятий».[2] Действительно, в этом определении фандрайзинга, сформулированном А. Б. Тарасовым, выражено основное предназначение его применения в научной практике. Но полноценное применение фандрайзинга возможно на устойчивой коммуникативной основе между исследователем и заказчиком, причем последний должен обладать необходимым запасом современных знаний, чтобы квалифицированно оценить содержание научного проекта и потенциальную выгоду от его реализации.

Данное обстоятельство актуализирует коммуникативные цели фандрайзинга в социологических исследованиях, среди которых можно выделить:

- налаживание постоянного контакта с реальными и потенциальными потребителями социологической информации, выяснение их потребностей и интересов в научно-аналитическом обеспечении их деятельности;
- представление возможным заказчикам материалов собственных исследований с разъяснением поставленных в них целей и задач и достигнутых результатов, а также исследовательских возможностей, реализованных и перспективных;
- поддержание у представителей заказчика (руководителей и специалистов) интереса к расширению собственных компетенций в сфере социально-гуманитарного знания, например, в области социологии управления, социологии организаций, социальных процессов и др.

Основные элементы коммуникационной практики фандрайзинга реализуются социологической группой ИГСУ РАНХиГС уже более 15 лет, и уже имеются значимые результаты. Так, социологической группой в мониторинговом режиме осуществляются такие крупные социологические проекты, как «Актуальные проблемы государственной гражданской службы» (2003—2016 гг., проведено более 12 основных и промежуточных исследований, изданы ряд монографий и учебных пособий, множество статей в научных журналах и сборниках научных трудов) [3; 4], «Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в Российской Федерации» (2005—2015 гг., проведено 3 исследования общероссийского масштаба, выпущено более 10 статей в научных журналах и сбор-

никах научных трудов) [5; 6], «Актуальные проблемы кадровой политики и управления персоналом в российских организациях» (2007—2015 гг., подготовлены и изданы монографии, статьи по различным рассмотренным аспектам) [7; 8]. В основном эти исследования носили инициативный характер, то есть, не имели целевого финансирования, поэтому при их реализации коммуникационный фандрайзинг имел очень большое значение, например, по активизации интереса к исследованиям среди научных и административных элит в субъектах РФ, по привлечению региональных специалистов к сотрудничеству на основе краудсорсинга и т. п. Тем не менее, результаты этих исследований были представлены достаточно широко не только в научном плане, но и в виде аналитических записок, направленных в различные заинтересованные в этой информации государственные структуры — в аппараты Администрации Президента и Правительства Российской Федерации, в общественную палату и др. Это позволило социологической группе получить ряд заказов в рамках НИР РАНХиГС и расширить тематику своих исследований, повысить их прикладное значение, например, в вопросах кадровой коррупции в органах государственной власти и управления Российской Федерации. [9]

Список источников

1. Тощенко Ж. Т. Время акме. Социологическим исследованиям — 40 лет // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 3—7.
2. Тарасов А. Б. Фандрайзинг в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 167—170.
3. Магомедов К. О. Социология государственной службы : учебное пособие. М. : Изд-во РВАГС, 2010.
4. Магомедов К. О. Кадровая политика в системе государственной власти и управления: мониторинг основных направлений // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 40—46.
5. Магомедов К. О. Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 96—103.
6. Современные проблемы местного самоуправления в России: опыт социологического анализа. М., 2015. (Серия «Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». № 3/2015).
7. Магомедов К. О. Организационная культура в России: содержание, состояние, влияние на управление // Государственная служба. № 4 (102). 2016.

8. Итоги социологического мониторинга проблем функционирования российских организаций. М., 2016. (Серия «Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». № 7/2016).

9. Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Сулемов В. А. Кадровая коррупция в системе государственного управления: социологический мониторинг. Монография / общ. ред. Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Сулемов В. А. М. : Изд-во «Реал Принт», 2015.

Е. В. Карпенко**НЕЗАВИСИМАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ**

КАРПЕНКО Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры правовых и социально-гуманитарных дисциплин РАНХиГС (Брянский филиал), г. Брянск, Россия; kev@br.ranepa.ru

Анализ российской практики последних десятилетий позволяет говорить о том, что основные сбои реализуемой государством политики обусловлены сложностью её легитимации в рамках существующих в современном обществе коммуникативно-дискурсивных жизненных форм. В случае блокирования оснований коммуникативного действия (например, в результате упразднения площадок публичной политики) функции социальных интеграторов могут взять на себя только власть и деньги (т. е. прямое административное или фискальное давление на социальные субъекты). Однако в этом случае резко снижается эффективность государственного управления и распадается его легитимность (что, как один из вариантов, проявляется в политической аномии).

Список источников

1. Карпенко Е. В. Конструктивно-коммуникативная стратегия как ресурс повышения эффективности государственного и муниципального управления (региональный аспект) [Текст] / Е. В. Карпенко // Материалы международной научно-практической социологической конференции «Продолжая Грушина» Москва, 11—12 ноября 2010 г. 2010. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha_2010/media/Karpenko.pdf.
2. Карпенко Е. В. Типология коммуникативных барьеров в государственном управлении // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2. С. 14—17.
3. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 39.
4. Ермизина Е. В. Социальная ответственность средств массовой коммуникации в аспекте семиосоциопсихологической парадигмы [Текст] / Е. В. Ермизина // Вестник РУДН, серия Социология, 2009, № 1. С. 37—42.
5. Те, кто смотрит по ТВ передачи про здоровье, не здороваются в регистратуре поликлиники... [Электронный ресурс] // Департамент здра-

вохранения Брянской области. URL: <http://www.brkmed.ru/article/te-kto-smotrit-po-tv-peredachi-pro-zdorove-ne-zdorovayutsya-v-registrature-polikliniki> (дата обращения: 1.03.2017).

Н. Л. Смакотина

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЗАКАЗЧИКА

СМАКОТИНА Наталья Леоновна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; smakotina@mail.ru

Аннотация. Модернизация социально-экономических процессов обусловила появление новых социально-экономических явлений, нуждающихся в отдельном систематизированном научном изучении. В этой связи научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта, развитии в будущем или альтернативных путях осуществления являются важнейшей задачей социального прогнозирования.

Ключевые слова: заказчик, компетентность, социальное прогнозирование

Модернизация социально-экономических процессов обусловила появление новых социально-экономических феноменов, нуждающихся в отдельном систематизированном научном изучении. В этой связи научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта, развитии в будущем или альтернативных путях осуществления являются важнейшей задачей социального прогнозирования. Выявление перспективных социальных проблем и наилучших путей их решения в интересах оптимизации управления социальными процессами, а также предвидение тех или иных социальных событий, как желательных, так и нежелательных.

Однако достижение данной цели является затруднительным в современных условиях. Объективными причинами можно назвать быстро меняющиеся события в мире, санкционные ограничения, действующие на территории России, оказывающие влияние на существенное изменение всех сферы жизни нашего общества. Они кардинально изменили экономическую ситуацию в стране, как на международном, так и на предпринимательском уровне. Существенные изменения затронули и социальную сферу: российское общество характеризуется состоянием социальной неопределенности и социальной напряженности. Несмотря на тот факт, что изначально большая часть населения была уверена в отсутствии влияния санкционных ограничений на жизнь общества, опросы общественного мнения показывают постепенное уменьшение данного показателя, однако, при этом высокая степень

доверия и поддержки деятельности руководства страны остается неизменным¹.

Субъективные факторы играют не менее важную роль в социальном прогнозировании. Одним из таких факторов следует назвать заказ на исследование социальных проблем в обществе. Среди множества разных заказчиков, основными заказчиками являются: органы государственной власти, формирующие заказ, негосударственная структура (органы местного самоуправления, общественные объединения выступающие заказчиками — чаще всего в альтернативном порядке). Всех этих субъектов объединяет то, что они принимают решения нормативного характера, способные влиять на жизнедеятельность людей, на общественные отношения, данное обстоятельство позволяет назвать их общим термином — «органы принимающие решения». Принятие решения о проведении исследований — это стандартный управленческий акт, с присущими ему характеристиками. Применительно к рассматриваемой деятельности центральными становятся вопросы компетенции и компетентности, от которых зависят целеполагание и достижимость результатов обоснованных научных суждений.

В связи с этим, есть необходимость выделить ряд проблем, связанных с компетентностью заказчиков исследований.

Одной из проблем является профессиональное образование и система повышения квалификации, в части формирования у обучающихся ряда профессиональных компетенций. Продолжающаяся актуализация Федеральных государственных стандартов высшего образования все еще не сформулировала профессиональные компетенции специалистов, принимающих решения и индикаторы их достижений.

Как результат заказчик не всегда имеет представление о том, что такое социальные связи, социальные контакты, социальные действия, социальные взаимодействия, социальные отношения. Не всегда имеет представление о социально-политической организации общества. Слабо владеет навыками взаимодействия в социальных группах, навыками успешной ориентации в условиях социально — экономических, социально-политических, социокультурных трансформаций. Данное обстоятельство приводит к тому, что заказчик не всегда способен ориентировать на актуальный круг проблемных областей.

В случаях, когда организации, заказывающие социологическое исследование, по вопросам, на которые их компетенция не распространяется

¹ Политические индикаторы. <http://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения 02.03.2017); Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3299. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116049> (дата обращения 01.03.2017); Работа полиции: доверие и оценки. <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 20.02.2017 г.).

или в которых она недостаточна, должна проявляться компетентия — способность корректировать целеполагание исследовательских работ: информационные, ориентационные, прогнозные. Иным образом видоизмененные по цели и ожидаемым результатам (например, предусматривающие инициативную разработку вопроса либо составляющие часть работ, проводимых другими организациями, обладающими должной компетенцией, и т. д.), что не всегда проявляется при общении с заказчиком.

Порядок заказа социологического исследования предполагает последовательность действий органа, принимающего решения. Заказчик при принятии решения о проведении социологического исследования должен сформулировать задание на такое исследование, определить социальную проблему подлежащую исследованию, что требует определенных сформированных компетенций соответствующих социальным преобразованиям в обществе.

Таким образом, в условиях быстроменяющихся правил игры в обществе, особо актуальным становится компетентность заказчиков на социологические исследования.

17. Репутационный аудит: прошлое и будущее коммуникаций

А. Е. Новиков

ЧТО ВАЖНЕЕ ДЛЯ РОСТА РЕПУТАЦИИ — ЧТОБЫ О ВАС ЗНАЛИ, ИЛИ ТО, ЧТО ЗНАЮТ О ВАС?

НОВИКОВ Александр Евгеньевич — генеральный директор ЗАО «МАСМИ», Москва, Россия, alexander.novikov@masmi.com

Аннотация. С точки зрения маркетинга — репутация компании связывается с ее коммерческой успешностью и может, таким образом, выступать одним из маркетинговых показателей компании, наряду с другими показателями эффективности. Другой вопрос — какие факторы влияют на репутацию компании, изменение которых приводит к ее улучшению или, наоборот, ухудшению. Несмотря на то, что хорошая репутация компаний является важным маркетинговым показателем, полноценные исследования репутации встречаются довольно редко. Поэтому информации о практическом использовании этих факторов, а также наличии других характеристик, определяющих успешность репутации, недостаточно. Цель данного выступления — продемонстрировать на примерах из практики, как исследования репутации позволяют не только решать поставленные задачи, но и приводить к интересным, и, порой, неожиданным выводам. Перед тем, как решать вопросы, связанные с репутацией своей компании, ее руководителям нужно оценить осведомленность их целевой аудитории об этой компании, и уже затем принимать решения, в каком направлении работать над репутацией.

Ключевые слова: репутация, коммуникация, драйверы репутации, имидж компании

Важна ли репутация и почему? Этот вопрос имеет давнюю историю, еще в 2005 году журнал Fortune в 2005 году проанализировал отношение рынка к репутации компаний и сделал следующие выводы(1,2):

1. Хорошая корпоративная репутация увеличивает продолжительность получения максимального дохода (эффект отсрочки).
2. Хорошая корпоративная репутация может сократить время, которое требуется фирме, чтобы достичь финансовых показателей, сопоставимых со средним уровнем (эффект ведущего показателя).
3. Хорошая корпоративная репутация способствует получению и сохранению максимальной прибыли.

Таким образом, репутация компании связывается с ее коммерческой успешностью и может, таким образом, выступать одним из маркетинговых показателей компании, наряду с другими показателями эффективности. Другой вопрос — какие факторы влияют на репутацию компании, изменение которых приводит к ее улучшению или, наоборот, ухудшению. Среди специалистов, работающих над созданием положительной репутации компании, бытует мнение, что формирование ее основано на «трех китах» (3):

1. Безупречное качество продукта, высокий уровень обслуживания клиентов, должное поведение персонала.
2. Правильно определенная миссия компании, основанная на вычленинии положенной в основу ее деятельности социально значимой идеи.
3. Оценка деятельности компании в СМИ, отношения к ней государственных и общественных структур

Если какой-либо один из этих трех факторов ухудшился, то можно ожидать и снижения репутации. Так ли это? Несмотря на то, что хорошая репутация компаний является важным маркетинговым показателем, полноценные исследования репутации встречаются довольно редко. Поэтому информации о практическом использовании этих факторов, а также наличии других характеристик, определяющих успешность репутации, недостаточно.

Цель данного выступления — продемонстрировать на примерах из практики, как исследования репутации позволяют не только решать поставленные задачи, но и приводить к интересным, и, порой, неожиданным выводам. Например, в ходе исследования выяснилось, что при построении своей коммуникации, компании должны уделять первостепенное значение запоминаемости своих сообщений, а не только их содержанию и восприятию своими клиентами и СМИ. Это связано с тем, что высокое знание о компании само по себе является ведущим фактором, влияющим на репутацию.

Доклад построен на двух примерах из практики:

Исследование репутации Финансовой Корпорация в Саудовской Аравии.

В компании клиента один из ключевых руководящих постов занимает женщина, которая не только управляет одним из крупнейших национальных бизнес-конгломератов, но и активно борется за права женщин в Саудовской Аравии. В связи с этим возникли следующие вопросы:

- Несет ли это репутационные риски для компании в стране с ультра-традиционным менталитетом?
- Может ли компания под руководством женщины успешно существовать на рынке Саудовской Аравии и конкурировать с компаниями, транслирующими «традиционные» арабские ценности?

По результатам исследования эта корпорация действительно имела один из самых низких индексов репутации. Однако, как выяснилось, это не было связано с вышеуказанными опасениями. К удивлению Клиента, наряду с такими очевидными показателями как качество управления и качество работы с клиентами, важным оказалось то, что компания имела один из самых низких уровней знания, который, в первую очередь, влиял на репутацию.

Оценка репутации сайтов по поиску и покупке авиабилетов

Российский сервис по поиску и покупке авиабилетов Aviasales регулярно в шуточной форме обыгрывает популярные новости, выпуская «шутливые посты» в своих аккаунтах. А в дальнейшем принимает участие в горячих дискуссиях об этичности этих постов в той же провокационной манере. В связи с этим, актуальным становится вопрос о влиянии репутации и информационного фона на потребителей и, в целом, проблема репутации и грамотной работы по выстраиванию коммуникаций.

Как и в предыдущем примере, несмотря на то, что это, казалось бы, разные категории бизнеса, влияние уровня знания компании на ее репутацию снова было одним из самых существенных факторов. Оказалось, что «провокационный» характер сообщений о компании Aviasales позволил повысить их запоминаемость, поднять знание компании выше конкурентов, и в результате, Aviasales заняли лидирующую позицию по индексу репутации. Получается, что «провокационный» характер сообщений не ухудшил репутацию, а наоборот, сыграл положительную роль в ее повышении.

Таким образом, репутацию, как один из маркетинговых показателей, нужно исследовать наравне с другими. А отвечая на вопрос темы доклада, можно сказать, что, перед тем, как решать вопросы, связанные с репутацией своей компании, ее руководителям нужно оценить осведомленность их целевой аудитории об этой компании, и уже затем принимать решения, в каком направлении работать над репутацией.

Список источников

1. FORTUNE Magazine. The List of Industry Champs AMERICA'S MOST ADMIRED COMPANIES By Abrahm Lustgarten, March 7, 2005. URL: http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune_archive/2005/03/07/8253449/index.htm?iid=sr-link1.
2. America's Most Admired Companies. Falling prices. Squeezed margins. Brutal competition. For this elite set of corporations, it's the perfect time to do business. Here's why the best prevail. By JERRY USEEM, March 7, 2005. URL: http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune_archive/2005/03/07/8253419/index.htm?iid=sr-link2.
3. Шилина Ю. Безупречность — как основа капитала // Продвижение Продовольствия. Prod&Prod. 2010. № 4. С. 1—12.

Е. В. Гамерник

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

ГАМЕРНИК Екатерина Вячеславовна — студентка 4 курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия; katty.gam@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития туризма в Иркутской области. Автор затрагивает вопросы, касающиеся проблем туризма в целом, его развития, взаимосвязи туризма и культуры, статистики туристического притока в регион. Выявлены страны, туристы из которых являются постоянными гостями области, и с чем связана тенденция к росту байкальского туристского продукта.

Ключевые слова: межкультурные контакты, межкультурная коммуникация, туризм, туристы, культура, Иркутская область, регион, развитие.

Взаимодействие между культурами является важной и неотъемлемой частью культурно-исторического процесса. Межкультурные контакты продолжают быть мотиватором национального развития, а также средством формирования единой системы международных связей.

Туризм — один из эффективных способов познания чужой культуры. Это весьма сложное и многогранное явление. С ним связана сфера досуга, взаимодействие человека с окружающей средой, а также феномен потребления и проч. Взаимообогащение транснациональных форм общечеловеческой культуры происходит во многом благодаря обмену социокультурной информацией между туристами. В этом отношении феномен туризма играет важнейшую роль культурного взаимообогащения [1].

В Иркутской области туризм развивается достаточно медленно и бессистемно. Причина кроется в отсутствие крупных инвесторов, кроме того имеет место кадровый вопрос и проблема развития туристской инфраструктуры. Сдерживающими факторами является малое количество гостиниц среднего класса, слабое развитие сферы коммунальных услуг, в таких условиях туристы, особенно иностранные, лишены элементарных для них удобств.

По итогам 2016 г. Иркутскую область посетило 1525,8 тыс. человек, в том числе из них 158,6 тыс. иностранных туристов, что на 21,7 % больше по сравнению с 2015 г. Прирост обусловлен не только изменением курса рубля, но и межгосударственной политикой, направленной на снижение въездных и выездных барьеров [2].

Необходимо отметить, что первое место по количеству туристских прибытий в наш регион среди иностранных граждан на протяжении ряда лет занимает Китай, а также высокую долю среди иностранных туристов занимают такие страны как: Германия, Франция, Республика Корея, Монголия, США, Великобритания, Швейцария и Польша.

Иностранные гости и жители других регионов посещают Иркутскую область с культурно-познавательными, лечебно-оздоровительными целями, частными визитами, осуществляют экологические туры и деловые поездки.

Иркутская область является весьма популярным местом среди туристов. Одним из главных мест отдыха является знаменитое озеро Байкал. Среди всех красот и богатств Сибири озеро Байкал занимает особое место. Это величайшая загадка природы, которая не устает восхищать туристов. Мы наблюдаем, что в последние годы есть тенденция к росту качества байкальского туристского продукта. Это связано с тем, что люди предпочитают благоустроенные базы отдыха и хорошую экскурсионную программу, даже несмотря на достаточно высокую стоимость.

Поэтому мы можем сделать вывод, что наш регион имеет огромный потенциал для дальнейшего развития и большего количества привлечения туристов. Хотелось бы сказать, что путешествуя по миру, туристы встречаются с новыми людьми, обретают новые знакомства, заводят друзей, тем самым устанавливая взаимные связи между людьми разных стран. По нашему мнению, туризм помогает устранить физические и психологические барьеры, которые разделяют людей различных рас, культур и религий, проживающих в разных странах и находящихся на разных уровнях социально-экономического развития.

Индустрия туризма, ставшая одной из крупнейших отраслей экономики, может служить примером для подражания в других сферах человеческой деятельности, поэтому необходимо дальнейшее изучение роли межкультурных коммуникаций в развитии туризма.

Список источников

1. Гализдра А. С. Феномен туризма: методология исследования // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 147—150.
2. Отчёт агентства по туризму Иркутской области [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Иркутской области. URL: <http://www.http://irkobl.ru/> (дата обращения: 11.02.2017 г.).

М. В. Иванова, Э. С. Клюкина

БУДУЩЕЕ АРКТИЧЕСКИХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ: О СОХРАНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ИВАНОВА Медея Владимировна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН, Апатиты, Россия; medeya99@yahoo.com

КЛЮКИНА Элина Сергеевна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общих дисциплин, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия; elina_klukina@mail.ru

Аннотация. В связи с уникальным геополитическим положением России в Арктическом регионе и возрастающей заинтересованностью государства в развитии арктических территорий и реализацией различных арктических проектов проблема сохранения населения Российской Арктики и обеспечения Арктической зоны трудовыми ресурсами приобретает все большую актуальность. Сокращение численности населения, отток трудовых ресурсов — негативные тенденции, характеризующие текущее состояние социально-экономического развития многих регионов и муниципальных образований Арктической зоны РФ. Важным фактором реализации приоритетных направлений и задач развития регионов Российской Арктики является качество проживающего и работающего в них населения. Качество населения имеет особую значимость для развития данной территории страны наряду с экономическими, производственными, политическими, природными и другими видами ресурсов. Проблема привлечения людей в Арктику — одна из наиболее сложных, требующих решения. По экспертным оценкам к 2018 г. регионы АЗРФ в целом начнут испытывать нехватку трудовых ресурсов. В числе основных вызовов формирования «арктических трудовых ресурсов»: активизация человеческой мобильности и миграционных процессов; новые квалификационные потребности экономики; борьба за квалифицированные трудовые ресурсы.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, качество населения, Арктическая зона

Уникальное геополитическое положение России в Арктическом регионе обуславливает необходимость комплексного решения проблем социально-экономического развития территорий Российской Арктики.

Важным фактором в реализации приоритетных направлений и задач развития регионов, входящих в состав Арктической зоны РФ¹, является качество проживающего и работающего в них населения. Качество населения имеет особую значимость для развития данной территории страны наряду с экономическими, производственными, политическими, природными и другими видами ресурсов [4: 13]. Особое внимание при анализе показателей качества населения уделяется профессионально-образовательным способностям людей, образующим их интеллектуальный потенциал [5: 34—35]. В этой связи одним из актуальных вопросов при изучении комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем сохранения населения территорий Российской Арктики является проблема формирования трудовых ресурсов. Без решения данной проблемы невозможна разработка прогнозов и планов развития Арктического региона.

Изучение проблемы формирования трудовых ресурсов регионов Российской Арктики имеет стратегическое значение для их развития. Сокращение численности населения, отток трудовых ресурсов — негативные тенденции, характеризующие текущее состояние социально-экономического развития многих регионов и муниципальных образований Арктической зоны РФ.

Так, наибольшая убыль населения за период 1990—2014 гг. имела место в Чукотском автономном округе (68%), Мурманской области (36%) и Республике Коми (30%). Единственный регион, в котором наблюдался прирост населения — Ямало-Ненецкий автономный округ (численность населения возросла на 10% по сравнению с 1990 г.). Кроме того следует отметить, что убыль населения обеспечивается главным образом за счет миграционного оттока населения, а не за счет естественного движения. Результаты анализа изменения численности рабочей силы и количества потенциальных рабочих мест свидетельствуют о том, что уже в ближайшем будущем данные регионы будут испытывать дефицит трудовых ресурсов [1]. По экспертным оценкам к 2018 г. регионы АЗРФ в целом начнут испытывать нехватку трудовых ресурсов [2: 54].

При этом в таких регионах как Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и Чукотский автономный округ нехватка трудовых ресурсов имеет место уже на протяжении нескольких лет. Это объясняется развитием в данных регионах добывающей промышленности (Ямало-Ненецкий автономный округ — газовая промышленность, Ненецкий автономный округ — нефтедобыча, Чукотский автономный

¹ Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377>.

округ — золотодобыча) и, соответственно, потребностью в работниках при относительно стабильной численности населения.

В Архангельской области и Республике Саха (Якутия) дефицит трудовых ресурсов возникнет в 2018—2019 гг. Причем в Архангельской области он обусловлен снижением численности населения при стабильной потребности в работниках, а в Республике Саха опережающим ростом потребности в работниках над ростом населения.

В таких регионах как Мурманская область, Республика Коми и Красноярский край на протяжении как минимум ближайших пяти лет численность трудовых ресурсов будет превышать потенциал рабочих мест, но и это превышение в силу убыли населения постепенно нивелируется.

В совокупности, выявленные тенденции, условия и факторы определяют и вызовы формирования «арктических трудовых ресурсов», к ним можно отнести следующие:

- активизация человеческой мобильности и миграционных процессов;
- новые квалификационные потребности экономики;
- борьба за квалифицированные трудовые ресурсы.

Проблема привлечения людей в Арктику — одна из наиболее сложных, требующих решения. Так, арктические регионы с развитыми системами расселения, крупными городскими поселениями и относительно высокой плотностью населения должны проводить политику привлечения населения (особенно молодежи) на постоянное место жительства посредством экономических и социальных стимулов. Привлечение молодежи будет способствовать не только обеспечению регионов трудовыми ресурсами, но и ускорению темпов естественного прироста [2: 58]. В то же время результаты проведенных социологических исследований позволяют говорить об ограниченности целого ряда ресурсов молодых северян [3: 138]. В этой связи важна политика, направленная на решение задачи повышения удовлетворенности молодежи Арктического региона условиями и качеством жизни в целом.

В отношении малоосвоенных территорий с наиболее суровыми условиями жизни возможно использование вахтового метода организации работ (как внутри- так межрегионального) [2: 59].

Таким образом, формирование и прогнозирование трудовых ресурсов имеет огромное значение для решения задачи сохранения и привлечения населения в регионы Российской Арктики, являющиеся «зоной риска» по многим показателям. Внимание исследователей к вопросам качества населения данной территории является одним из ведущих факторов для усиления ее ресурсного потенциала. Особое значение имеет проведение сравнительных социологических и экономических исследований проблем формирования трудовых ресурсов в разных регионах Арктической зоны РФ.

Список источников

1. Иванова М. В., Зайцев Д. В. Арктические трудовые ресурсы: текущее состояние и будущие вызовы // Региональная экономика: теория и практика. № 10 (433). 2016 октябрь. С. 46—62.
2. Иванова М. В. Актуальные вопросы формирования арктических трудовых ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. 2016. С. 46—61.
3. Ключкина Э. С. Качество жизни молодых северян // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Выпуск 5. 2014 (21). С. 136—146.
4. Ключкина Э. С. Качество населения в структуре ресурсного потенциала регионов Северо-Арктической зоны РФ: к постановке проблемы (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4 (47). С. 13—22.
5. Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34—48.

С. И. Копкарева

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

КОПКАРЕВА Светлана Игоревна — кандидат социологических наук, главный аналитик, ООО «Митос продакшн», Москва, Россия, svetlana_expert@list.ru

Аннотация. Выводы и обобщения, содержащиеся в тезисах, базируются на серии исследований, проведенных в ЦФО в 2015—2017 гг. Эмпирические данные получены посредством анкетного опроса и фокус-групповых интервью. В рамках исследования измерялись степень известности, уровень доверия и оценка деятельности должностных лиц и органов региональной власти и местного самоуправления, а также выявлялись причины положительного или негативного отношения к ним населения муниципалитетов. В статье описываются общие тенденции, связанные с восприятием муниципальных и региональных органов власти и их представителей. Рассматриваются как стереотипы, не зависящие от деятельности конкретного органа, так и последствия деятельности и информационной политики муниципальных и региональных органов власти и их должностных лиц. В отношении должностных лиц описываются факторы, которые благоприятно влияют на образ руководителя в глазах населения муниципалитета, а также факторы, которые способны как оказать положительное влияние, так и нанести ущерб имиджу руководителя. Отдельно рассматриваются требования, которые предъявляются жителями к деятельности первых должностных лиц субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: репутационный аудит, имидж должностного лица, местное самоуправление, региональные органы власти, губернатор, глава поселения, глава городского округа, глава муниципального района

Тезисы составлены по результатам серии исследований, проведенных в ЦФО в 2015—2017 гг. Репутационный аудит осуществлялся в отношении должностных лиц местного самоуправления и региональной власти, также была проведена оценка деятельности коллегиальных представительных (Совет депутатов, дума, законодательное собрание) и исполнительно-распорядительных (правительство, администрация) органов местного самоуправления и региональной власти.

Для проведения аудита были использованы как качественные, так и количественные методы. На первом этапе посредством шкальных оце-

нок в рамках анкетного опроса проводились замеры известности должностных лиц и уровень доверия, оказываемый им со стороны жителей. На втором этапе с помощью фокус-групповых интервью, проводимых с жителями, исследовались причины проставления той или иной оценки.

По результатам исследования были выявлены общие тенденции, связанные с восприятием муниципальных и региональных органов власти и их представителей.

1. Коллегиальные органы, как правило, получают от жителей более низкую оценку, чем отдельные должностные лица. Жители привыкли связывать проекты, решения, изменения с «управленческой волей» конкретных лиц. Коллегиальные органы, напротив, воспринимаются в свете нерешенных проблем ЖКХ, дорожного строительства, благоустройства и социального обеспечения.

2. Роль представительных органов оценивается значительно ниже, чем исполнительно-распорядительных органов. Показательным является образ представительного органа, сформированный на основании новостных передач федеральных каналов телевидения: полупустой зал, спящие депутаты, голосование за отсутствующих коллег. Жители считают, что Советы депутатов муниципалитетов являются полностью «карманными»: депутаты единогласно одобряют любое решение главы, то есть их роль сводится к тому, чтобы вовремя «поднять руку».

3. Узнаваемость и оценка участия в жизни муниципалитета главы городского округа или муниципального района в значительной мере зависит от того, кем он фактически является: руководителем администрации (сити-менеджером) или председателем Совета депутатов. Неодобрение вызывают «свадебные генералы» — главы, которые занимают должность председателя Совета депутатов, и, соответственно, публичная деятельность которых сводится к появлению на официальных мероприятиях. Отсутствие необходимых полномочий для того, чтобы влиять на принятие управленческих решений, в глазах жителей не является «оправданием» для подобного главы.

4. Наибольшей известностью пользуются главы сельских поселений: чем меньше поселение, тем выше узнаваемость главы. Как правило, для жителей важна возможность лично подойти к главе и в неформальной обстановке попросить обратить внимание на какую-либо проблему. Чем демократичнее ведет себя глава, тем больше уважения он вызывает у жителей, даже если не всегда может помочь. Примечательно, что жители легко прощают главе «человеческие» недостатки: злоупотребление алкоголем, излишнюю резкость. Подобные моменты, напротив, могут трактоваться в пользу главы, подчеркивать его связь с «обычными жителями».

5. Не смотря на ограниченность возможностей глав муниципалитетов первого уровня, жители отводят им главную роль в обеспечении развития территории: по мнению жителей, именно они лоббируют интересы поселения на уровне района и региона.

Помимо общих тенденций был выявлен ряд факторов, которые способствуют созданию благоприятного образа должностных лиц органов власти и управления.

Факторы, которые благоприятно влияют на имидж представителей муниципальных и региональных органов власти:

1. Является уроженцем района/округа, либо длительное время в нем проживает.

2. Трудоспособный возраст: характеристики должностных лиц в возрасте 35—45 лет, как правило, сопровождаются эпитетом «молодой, энергичный». Данный фактор, с одной стороны, вселяет в жителей веру в положительные изменения и появление новых идей для развития территории, с другой стороны, создает для управленца определенный буфер защиты от критики за ошибки («набирается опыта»).

3. Наличие видимых шагов по решению проблем поселения или района: в актив должностного лица записываются даже неудачные попытки получить финансирование или иную поддержку. Жители отдают себе отчет, что многие вопросы приходится «продавливать», поэтому каждая попытка рассматривается как шаг, приближающий решение проблемы. Напротив, худшей характеристикой для должностного лица является обвинение в бездействии, в этом случае жители начинают подозревать либо «коррупционную составляющую», либо другую личную заинтересованность в сохранении существующего положения дел.

Факторы, которые могут трактоваться как в пользу должностного лица, так и против него:

1. Длительность пребывания в должности: «знает каждую улицу», но «неминуемо оброс коррупцией», «может он и хороший, но уже так надоел!». Таким образом, данный фактор необходимо рассматривать в тесной связи с другими составляющими портрета руководителя. Значительно ударяет по имиджу подобного главы низкая явка на выборы, в этом случае ставится под сомнение его легитимность.

2. Посещаемость населенного пункта и частота появления на публике. Основополагающим моментом является характер публичных мероприятий. И на местном, и на региональном уровне ценятся встречи с жителями, на которых последние имеют возможность обратиться к руководству. На местном уровне высокую оценку получает организация праздников и гуляний. Присутствие руководства на открытии объектов напрямую связывается с важностью самого объекта, в противном случае подоб-

ное появление рассматривается как «самопиар на пустом месте». Ярким примером последнего является открытие таких памятников, культурная ценность которых вызывает у жителей сомнения.

3. Наличие крупных проектов и информирование о них населения. Как и в случае с появлением руководителей на публике, проекты могут вызывать как одобрение, так и раздражение. Например, комплексные шаги по благоустройству в крайне проблемных районах могут рассматриваться как попытки «пустить пыль в глаза», либо как неумение руководства правильно расставить приоритеты в своей деятельности. В свою очередь, чтобы информирование о достижениях вызвало положительную реакцию и работало на имидж руководителя, оно должно быть избирательным и максимально нейтральным по тональности. Официальные местные газеты и каналы телевидения у многих жителей вызывают ассоциации с «передовицами» советского времени, в то же время, сравнение с реалиями жизни подсказывает им, что поводов для эйфории от успехов не наблюдается.

Необходимо понимать, что отдельные ожидания жителей находятся за пределами правового поля. Так, многие жители не признают самостоятельность и автономность местного самоуправления, в том числе:

- новые главы округов (районов) воспринимаются как ставленники губернатора;
- губернатор и муниципальная власть рассматриваются как одна команда;
- губернатор несет субсидиарную ответственность за бездействие и ошибки органов местного самоуправления;
- губернатор должен самостоятельно контролировать деятельность органов местного самоуправления, а также реагировать на жалобы на действия органов и должностных лиц местного самоуправления;
- у жителей должна быть возможность прямого обращения к губернатору по вопросам, относящимся к сфере местного самоуправления, далее администрация (аппарат) губернатора обязаны «спустить» задачу в органы местного самоуправления, которым она подведомственна, и проконтролировать ход выполнения.

В приведенном выше контексте, «сильные» главы муниципалитетов (как правило, к ним относятся управленцы, которые начинали административную деятельность еще в советское время и приняли руководство муниципалитетом в девяностых — двухтысячных годах) воспринимаются, с одной стороны, как «пережиток прошлого», с другой — как последний оплот самостоятельности местной власти.

С. Н. Першуткин

О НОВОЙ РОЛИ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОРЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ПЕРШУТКИН Сергей Николаевич — доктор социологических наук, заведующий отделом социологии государства автономной некоммерческой организации «Московский институт социологических исследований», Москва, Россия; academ2011@mail.ru

Аннотация. Анализируется соотношение информации и информационных технологий. На основе методов кейс-стади формулируются предложения по повышению роли информации при прогнозировании общественных процессов.

Ключевые слова: информация, прогнозирование, общественные процессы, политическая социология, информационные технологии

Роль информации как фактора управления и прогнозирования убедительно доказана в многочисленных публикациях отечественных [1; 2; 3; 6; 13] и зарубежных авторов [4; 9; 14; 15]. О необходимости и важности этой проблематики в XXI веке свидетельствуют:

- *во-первых*, возрастающий темп жизни и усложнение человеческой деятельности;
- *во-вторых*, новые технические возможности по автоматизации сбора и обработки многоплановой информации (событий, фактов, Интернет-активности потребителей и многое другое);
- *в-третьих*, переход от обработки выборочных или агрегированных данных к большим массивам сведений, когда приобретает решающую значимость не столько запрос на сбор информации, но ее детализированная обработка;
- *в-четвертых*, разработка новых видов программно-аппаратного обеспечения и алгоритмов, позволяющих собирать и агрегировать данные о прежде неформулируемых и нерешаемых задачах (включающих, например, учет и анализ параметров потребительского поведения (при совершении тех или иных покупок или приобретении услуг, что фиксируется техническими средствами наблюдения и учета действующих на рынке компаний что позволяет говорить о «больших данных» как совокупности подходов, инструментов и методов обработки огромных объемов информации (по аналогии

с расхожими в деловой англоязычной среде метафорами «*большая нефть*», «*большая руда*») [4; 5; 11; 12].

В этих условиях возникает ряд вполне объяснимых вопросов: «Сохраняется ли обозначенная в минувший период роль информации в условиях «*больших данных*»?

«Как соотносятся информация и информационные технологии, когда основополагающее понятие «информация» утрачивает свою определенность, растворяясь в побочных явлениях и процессах?»

«Позволяют ли новейшие технические средства, например, аппаратно-программные комплексы последнего поколения гарантировать своевременность, надежность, достоверность обработанных данных?»

Вопросы не только важные, но и сложные, выходящие за рамки отдельных отраслей социологии к междисциплинарному анализу и оценкам, что требует развертывания основательных теоретических и эмпирических исследований. Однако первые шаги по решению этих задач уже могут быть предприняты с помощью пилотажных исследований.

Одно из них было предпринято в автономной некоммерческой организации «Московский институт социологических исследований» в 2015—2016 гг. с помощью метода «кейс-стади» [10: 81—85] в целях создания некоей эмпирической базы для проверки гипотез и получения тех или иных ответов по проблеме соотношения «информация — информационные технологии».

Определив в качестве *объектов анализа* экспертно-аналитические семинары по тематике, касающейся современной технологии мониторинга, анализа и *прогнозирования*¹ удалось выйти на интересные результаты

¹ Показателен один из семинаров, состоявшийся в июне 2015 г. в Кубинке Московской области, организатором которого были «силовые» структуры, а в качестве целей определялись выработка предложений по использованию современных технологий мониторинга, анализа и прогнозирования кризисных ситуаций для обеспечения информационной поддержки принятия решений в реальном масштабе времени. Тематика докладов и сообщений касалась широкого круга вопросов, включая концепцию построения автоматического мониторинга кризисных ситуаций, разработку экспериментальной технологии нейросетевого картирования и мониторинга центров силы, роль слабоструктурированной информации от разнородных источников для системы поддержки принятия решений.

Помимо того обсуждались визуализация аналитических данных в центрах принятия решений, использование системы распределенного хранения, интеллектуальной обработки и предоставления информационных ресурсов для обеспечения поддержки принятия решения и ряд других аспектов, включающих к тому же опыт создания отраслевой системы мониторинга критически важных объектов и опыт разработки программного комплекса автоматизации процессов мониторинга, анализа и прогнозирования кризисных ситуаций.

Как видно, вопросы злободневные, но находящиеся в русле технических наук, о чем свидетельствует и состав участников, представляющих ведущие академические институты, инженерно-технические вузы страны, военно-научные и образовательные учреждения ЦНИИ Минобороны, федеральные агентства и Министерства, а также промышленные корпорации выпускающие технику и оборудование для средств связи и информационных систем.

и подтверждение гипотез, предварительно разработанных на основе отечественных публикаций.

Подтвердилось доминирование в ходе обсуждения на семинарах таких аспектов как информационные технологии и задачи их реализации, мониторинг Интернет-пространства, организационно-технические аспекты, наладка и эксплуатация технических систем управления, что, безусловно, важно, но свидетельствует, помимо всего прочего, об игнорировании человеческого фактора в контексте прогнозирования и анализа конкретных процессов и ситуаций, а в широком смысле, игнорирование характера социума и его составных частей. Подобный подход представляется ограниченным, технократическим и механистическим.

По итогам проведенного пилотажного исследования с помощью «качественных методов» удалось зафиксировать недооценку информации, необходимой для управления и прогнозирования кризисными ситуациями, недооценку потребностей в информации, игнорирование субъективных и объективных параметров качества информации, без которой затруднительны обоснованные решения.

При использовании в прогнозировании и в управлении лишь событийной информации резко сужается спектр решаемых задач, а, соответственно, снижается результативность поскольку игнорируется социокультурный контекст и вся совокупность социальных связей.

Чтобы снизить вероятность разработки и реализации подобных прогнозистических проектов видится необходимой более широкий спектр информации о социуме с помощью выполненных социологических исследований.

В более широком контексте появилась возможность увидеть, что проблемы прогнозирования и роль информации — это не только технические проблемы, но также информационно-социологические. Игнорирование этого обстоятельства приводит к серьезным упущениям в проведении экспертно-аналитических мероприятий.

С целью возвращения традиционного внимания к роли информации просматриваются *некоторые пути повышения ее качества* в целях управления обществом, планирования и прогнозирования просматривается не только повышение достоверности и надежности государственной статистики с учетом критических замечаний российских парламентариев¹,

¹ На «правительственном часе» в Государственной Думе 16 сентября 2016 года по итогам выступления главы Росстата А Суринова, выступая в среду, депутатами были высказаны конкретные претензии из-за невысокой достоверности информации Росстата и сформулированы предложения, чтобы государственную статистику «вырвать из рук Минэкономразвития, выступающего с неверными прогнозам («ведь орган власти, который формирует эту недостоверную статистику, тоже находится при нем»). См. Депутаты раскритиковали руководство Росстата из-за невысокой достоверности расчетов // Парламентская газета См. эл.ресурс: <https://www.pnp.ru/economics/2015/09/16/deputy-raskritikovali-rukovodstvo-rosstata-iz-zanevysokoy-dostovernosti-raschetov.html>.

но, что особенно важно, активизация социологических исследований по проработке различных аспектов разработки и реализации методологии и методики «больших данных», учитывая, например, методологию «двойной рефлексивности», уже обоснованную и разработанную на конкретном материале [7: 54—74], но заслуживающую корректного использования в рамках новой проблематики:

- создание специальных социологических подразделений в так называемых ситуационных центрах (как организационно-технических комплексах, предназначенных для информационно-аналитического и коммуникационного обеспечения решения задач управления в органах государственной власти, оснащенных средствами коммуникаций для оперативного принятия управленческих решений);
- развертывание в нашей стране системы практико-ориентированных («действенных», «активистских») исследований, именуемых за рубежом AR (action research), о возможностях которых уже доводилось писать [8]¹ и которые могут вывести к углубленному анализу роли информации как фактору прогнозирования и к разработке проектов управленческих решений для органов власти различных уровней.

Обобщая, отметим, несмотря на объективные потребности управления в информации, увы, ее роль деформируется из-за субъективных факторов (чрезмерного внимания к информационным технологиям), хотя информация и ее качество заслуживают специального внимания. О новой, видоизмененной роли информации в современных условиях свидетельствуют не только взрывные объемы данных, но также смещение акцентов между информацией — информационными технологиями.

В этих условиях пути повышения качества информации заслуживают дальнейших исследований, причем решающую значимость имеет обобщение и многоплановая интерпретация сведений, которые ранее не удостоивались специального внимания экспертов-аналитиков.

Список источников

1. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. второе. М. : Либроком, 2013. 408 с.

¹ Речь идет о научной деятельности, целью которой является не столько получение новых знаний, сколько решение практических задач по улучшению ситуации в какой либо организации, включая государство. Широкая сфера применения **AR**, позволяет видеть ее универсальность и широкие возможности, что важно когда речь идет о подготовке законодательных инициатив социологического сообщества современной России, а также, о содержательном наполнении практических функций социологии управления и обозначенной функциональной деятельности. Пожалуй, здесь просматривается и отдельный (самостоятельный) предмет специальных исследований, нацеленных на проектирование потребностей в социально-управленческом обеспечении государственных решений (достаточно важных в условиях обозначенной модернизации российского общества).

2. Берг А. И., Черняк Ю. И. Информация и управление. М. : «Экономика», 1966.
3. Колмогоров А. Н. К логическим основам теории информации и теории вероятностей // «Проблемы передачи информации». 1969. Т. 5. Выпуск 3.
4. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М. : «Манн, Иванов и Фербер», 2014.
5. Марц Н., Уоррен Дж. Большие данные. Принципы и практика построения масштабируемых систем обработки данных в реальном времени. Издательский дом «Вильямс», 2016.
6. Морозова Е. А. Информация и ее роль в управлении социальными процессами // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6.
7. Першуткин С. Н. Транзитный социум: молодежная политика и социализация : монограф. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005.
8. Першуткин С. Н. О новом содержании практических функций социологии управления // «Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития». Материалы Всероссийской научно-практической конференции XII—XIII Дридзеvских чтений. (21—22 ноября 2013 г.) / редкол. А. В. Тихонов (отв. ред.) М. : Институт социологии РАН, 2014. С. 84—85.
9. Риза С., Лезерсон У., Оуэн Ш., Уилисс Дж. Spark для профессионалов. Современные паттерны обработки больших данных. СПб. : Питер, 2017 г.
10. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М. : Добросвет, 1998.
11. Форман Дж. Много цифр. Анализ больших данных при помощи Excel. Альпина Паблишер, 2017 г.
12. Фрэнкс Б. Укрощение больших данных. Как извлекать знания из массивов информации с помощью глубокой аналитики. Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2014.
13. Урсул А. Д. Информация. М. : Наука, 1971.
14. Черри К. Человек и информация. М. : «Связь», 1972.
15. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М : ИЛ, 1963.

Я. И. Каткова

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ PR-КОММУНИКАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО БАНКОВСКОГО РЫНКА

КАТКОВА Яна Игоревна — аспирант, ассистент, кафедра маркетинга фирмы НИУ ВШЭ, Москва, Россия; yanakatkova@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено оценке финансовой результативности положительных и отрицательных PR-коммуникаций на российском банковском рынке. В соответствии с проведенным обзором зарубежных работ и реалиями российского рынка выстроена методология исследования. Ежедневные данные из СМИ и московской биржи за 2016 г. собраны и использованы в работе. На примерах трех крупнейших российских банков найдено и объяснено влияние положительной информационной активности о банке в СМИ на стоимость его ценных бумаг и капитализацию, что не было подтверждено на отрицательной информации в СМИ. Также в исследовании обнаружена и показана значимая отрицательная взаимосвязь между тональностью информационных сообщений о банке и объемами продаж его ценных бумаг. Полученные результаты сочетаются с выводами зарубежных исследователей. Также в работе даны рекомендации для PR-отделов компаний по работе с информацией и ее тональностью в СМИ.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, медиа, PR, связи с общественностью, СМИ, продвижение, результативность, фондовый рынок, ценные бумаги, банки

Информация о компаниях ежедневно появляется в разнообразных средствах массовой информации (СМИ). Такая информация может быть положительной, отрицательной или нейтральной. Положительная информация — это результат работы PR-отделов компаний: их взаимодействия с изданиями и журналистами, участие в отраслевых конференциях и выставках, интервью, ток-шоу, рейтингование и т. д. Отрицательная информация — это результат сбоев в работе, негативных новостей и проблемных ситуаций, с которыми столкнулась компания. PR-отдел в этом случае работает над минимизацией ущерба для репутации компании. Так или иначе, вся информация в СМИ доносится до различных заинтересованных сторон: клиентов, поставщиков, инвесторов, которые принимают решения в новых условиях. Таким образом, PR-коммуникации через решения различных стейкхолдеров влияют на финансовые показатели компаний. Но в силу ряда причин оценка финансовой результативно-

сти PR-коммуникаций зачастую не проводится. В периоды финансовой стабильности такая ситуация не является критичной, но в периоды экономического спада, когда компании оптимизируют свою деятельность, работа PR-отделов должна быть оценена с финансовой точки зрения.

В научном сообществе тематике результативности маркетинговых коммуникаций и PR посвящено множество исследований. Одной из первых работ, посвященных связям с общественностью, стала статья Нагента Веддинга [4], в которой автор обосновывает важность PR в репутации и продажах компаний.

Помимо ряда теоретических работ, посвященных обзору связей с общественностью, есть эмпирические исследования в этой области. Например, Фэнг и Пересс [2] доказали, что медиа-активность компаний влияет на доходность их акций, Чэн [1] показал, что влияние новостей на доходность и объемы продаж ценных бумаг полностью проходит в краткосрочном периоде (в течение 1 месяца), а Притамани и Сингал [3] уделили особое внимание тональности информации и сделали вывод о большем влиянии положительной информации на увеличение доходности ценных бумаг, чем отрицательной — на ее сокращение. Таким образом, тематике результативности маркетинговых коммуникаций и связей с общественностью посвящено много зарубежных исследований, но все они имеют ряд недостатков и ограничений и могут быть неприменимы на современном российском рынке, что и необходимо проверить.

Объектом для данного исследования был выбран российский банковский рынок, так как, во-первых, из-за принадлежности к сфере услуг репутация компаний и PR-коммуникации здесь играют ключевую роль, а, во-вторых, из-за кризиса этот рынок сейчас претерпевает глобальные изменения, которые необходимо изучить. Исследуемыми компаниями стали Сбербанк, банковская группа ВТБ и Альфа-банк — три крупнейших игрока российского рынка, занимающие в 2016 г. 50% всего банковского рынка по размеру активов, с долями 29%, 17% и 3% соответственно. Поскольку все три компании выпускают ценные бумаги на фондовом рынке, то в качестве показателей финансовой результативности могут быть использованы цены и объемы продаж ценных бумаг (акций Сбербанка и ВТБ, облигаций Альфа-банка).

Целью исследования является оценка взаимосвязи PR-коммуникаций и финансовой результативности российских банков.

Основные задачи исследования:

1. Выявить взаимосвязи между PR-коммуникациями и финансовой результативностью банков.
2. Разработать рекомендации по работе с PR-коммуникациями банковского рынка.

Из различных информационных источников была собрана база данных о PR-активности в СМИ, ценах и объемах продаж ценных бумаг Сбербанка, ВТБ и Альфа-банка за 2016 г. (ежедневные данные). PR-активность измерялась в количестве информационных сообщений и по их тональности была условно поделена на позитивную и негативную, чтобы отдельно рассмотреть ее взаимосвязь с ценами и объемами продаж.

Методом исследования выбран корреляционный анализ между PR-активностью и ценой/объемом продаж ценных бумаг.

Для каждого из исследуемых банков проведен отдельный корреляционный анализ. Результаты, полученные по данным Сбербанка, можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1. Корреляции между PR-активностью и ценой, объемом продаж акций Сбербанка

Сбербанк		Количество_сообщений_позитив	Количество_сообщений_негатив
Цена закрытия	Correlation Coefficient	,320	-,047
	Sig. (2-tailed)	,000	,272
	N	251	251
Объем продаж	Correlation Coefficient	-,167	,099
	Sig. (2-tailed)	,000	,020
	N	251	251

По корреляционным коэффициентам и их значимости видно, что позитивная информация связана с ценами положительно, а с объемами — отрицательно, а негативная информация значимо связана только с объемами продаж.

Результаты по ВТБ отражены в табл. 2.

Таблица 2. Корреляции между PR-активностью и ценой, объемом продаж акций ВТБ

ВТБ		Количество_сообщений_позитив	Количество_сообщений_негатив
Цена закрытия	Correlation Coefficient	-,075	,033
	Sig. (2-tailed)	,077	,443
	N	251	251
Объем продаж	Correlation Coefficient	-,125	,108
	Sig. (2-tailed)	,003	,013
	N	251	251

Корреляционные коэффициенты и их значимости для объемов продаж ценных бумаг ВТБ идентичны Сбербанку. Положительные сообщения взаимосвязаны с сокращением объемов продаж, т.е. инвесторы перестают продавать имеющиеся у них бумаги банка, и наоборот, отрицательные сообщения связаны с ростом объемов продаж, т.е. инвесторы активно продают акции компании. Коэффициенты для цен незначимы при любой тональности сообщений.

Полученные в исследовании результаты для Альфа-банка показаны в табл. 3.

Таблица 3. Корреляции между PR-активностью и ценой, объемом продаж облигаций Альфа-банка

Альфа-банк		Количество_сообщений_позитив	Количество_сообщений_негатив
Цена закрытия	Correlation Coefficient	,107	-,134
	Sig. (2-tailed)	,050	,015
	N	160	160
Объем продаж	Correlation Coefficient	-,042	-,004
	Sig. (2-tailed)	,434	,943
	N	160	160

В данной таблице все коэффициенты для объемов продаж незначимы, а для цен, напротив, любые информационные сообщения взаимосвязаны с ними значимо: позитивные — положительно, негативные — отрицательно. Т.е. цены на рынке растут одновременно с положительной информацией о компании и падают одновременно с отрицательной информацией.

Полученные отдельно по трем крупнейшим российским банкам данные были объединены в единую таблицу 4.

Таблица 4. Взаимосвязи между PR-активностью и ценой, объемом продаж ценных бумаг на банковском рынке

	Положительная PR-активность	Отрицательная PR-активность
Цена закрытия	+	0
Объем продаж	-	+

Так как рассмотренные компании занимают около 50% российского банковского рынка и обладают разными долями и местоположением

на нем (с государственным участием и без него), то можно предположить, что для банковского рынка России в целом характерны: положительные PR-коммуникации значимо положительно взаимосвязанные с ценами и отрицательно связанные с объемами продаж ценных бумаг на фондовом рынке, а также отрицательные PR-коммуникации не связанные с ценами, но прямо значимо взаимосвязанные с объемами продаж на бирже.

Таким образом, PR-отделам в российских банках необходимо активно работать со СМИ для увеличения цен на выпускаемые на фондовом рынке ценные бумаги и сокращения объемов их продаж инвесторами. Иными словами, банку необходимо заниматься положительным освещением в СМИ для увеличения капитализации.

А в ситуации появления проблемной, негативной информации, не зависящей от PR-отдела, банку для сохранения капитализации необходимо приложить максимальные усилия для смены тональности сообщения с негативного на нейтральное или положительное.

Список источников

1. Chan W. S. Stock price reaction to news and no-news: drift and reversal after headlines // *Journal of Financial Economics*. 2003. Vol. 70. P. 223—260.
2. Fang L., Peress J. Media coverage and the cross-section of stock returns // *The Journal of Finance*. 2009. Vol. 64. No. 5. P. 2023—2052.
3. Pritamani M., Singal V. Return predictability following large price changes and information releases // *Journal of Banking and Finance*. 2001. Vol. 25. No. 4. P. 631—656.
4. Wedding N. Advertising and public relations // *The Journal of Business of the University of Chicago*. 1950. Vol. 23. No. 3. P. 173—181.

Л. И. Глазова

ИЗУЧЕНИЕ РЕПУТАЦИИ: ОТ ПОИСКА ИНСАЙТОВ ДО КОНСАЛТИНГА

ГЛАЗОВА Лилия Ильдаровна — Генеральный директор ООО «Пи Ар Ньюс Партнерс», Москва, Россия; glazova@prnews.ru

Аннотация. Сформулированы ключевые тренды рынка исследования репутации как одной из областей коммуникационных исследований. Рассматриваются основные модели, стратегии аудита, факторы, влияющие на качество реализации исследования.

Ключевые слова: репутационный аудит, методология, оценка эффективности репутационного менеджмента, влияние на бизнес-результаты, консалтинг

Сложно представить другой коммуникативный феномен, о котором было бы так много написано, но по существу известно все равно мало. И в профессиональной среде и в коммуникации с конкретными клиентами все еще обсуждаются такие вопросы, как необходимость проведения «открытого» репутационного аудита или только с помощью легендрованных опросов; требования к выбору целевых аудиторий и выборке в целом; подходы к интерпретации. В каких случаях стоит использовать стандартные и апробированные подходы к оценке, а в каких — инициировать поиск характеристик, подходящих для конкретного рынка и ситуации, и многое другое.

Оценка качества репутационного менеджмента становится задачей, требующей постоянного обновления с точки зрения: во-первых, изменяющихся потребностей клиентов, компаний; во-вторых, подходов, поддержания конкретных методик.

По нашим оценкам, сегодня речь должна идти о формировании особой культуры изучения репутации, которая затрагивает и самих исследователей, и клиентов: их взаимодействие, совместную постановку целей и задач, определение «глубины» и «широты» анализа, механики обсуждения результатов. Не секрет, что сегодня исследователи, выступая в качестве экспертов-консультантов, не всегда оказываются готовы к нестандартным задачам, необходимости погружаться в конкретную рыночную ситуацию. С другой стороны, и клиенты не всегда открыты к диалогу, к исследовательским экспериментам. Формулируя классическую задачу о разработке рекомендации по улучшению, коррекции коммуникацион-

ной стратегии, не раскрывают ее суть, содержание, особенно, детали. Все это затрудняет поиск наиболее оптимального исследовательского решения и может привести к тому, что полученные результаты окажутся *банальными, предсказуемыми, нерабочими*.

Краеугольным «камнем» стратегии репутационного аудита является само понятие репутации, а также согласованность подхода клиента и идей, которые закладываются в методологию исполнители.

В рамках аудита мы рассматриваем эффективную репутацию как управленческий инструмент, способствующий оптимальному решению совершенно конкретных бизнес-задач, в первую очередь, за счет своей ключевой функции: создания и поддержания благоприятной, выгодной, «конкурентоспособной» коммуникативной среды вокруг компании.

Репутация «живет» на разных плоскостях, которые важно охватывать и анализировать в совокупности:

- в информационном поле — в виде деклараций, заявлений, инициированных посылов самой компании и стихийного обсуждения конкурентами, потребителями, партнерами, властью и т. д.
- в восприятии всех заинтересованных сторон, включая внутренние и внешние аудитории: сотрудники и менеджмент, клиенты и партнеры, власть и регулирующие органы, деловое сообщество и журналисты, общественные деятели и т. д.

Важным элементом «договора» между исполнителем и клиентом является выбор объектов для сравнения. В большинстве случаев в качестве ориентира выступает образ «идеальной компании». Но как показывает практика, этот выбор не всегда оправдан, не всегда дает верные направления. В качестве эталонных в аудите целесообразнее рассматривать оценки «успешной компании» изучаемого сегмента рынка — не идеальной, а именно успешной, эффективной, или «компании, с которой хотелось бы сотрудничать, взаимодействовать». И ориентироваться на эти оценки, как на ожидания аудитории в отношении операторов конкретного рынка, как на востребованный образ.

Другое направление: это правильный выбор конкурентного окружения. От того, насколько верно выбраны ключевые конкуренты, зависит в целом репрезентативность полученных результатов. Это решение принимается на стыке результатов внутреннего аудита, который в идеальном варианте всегда предшествует опросу внешней аудитории, анализа информационного поля, изучения рыночной ситуации. Рекомендуем также бенчмаркинг, как дополнительный прием для получения полных и содержательных сведений.

Опираясь на наш опыт исследовательский опыт, мы можем говорить о существовании двух принципиально отличающихся стратегий репу-

тационного аудита, на основании которых могут строиться различные комбинированные варианты.

Первая стратегия: регулярный диагностический срез. Исследование репутации в связи с необходимостью следовать международным стандартам менеджмента и отчетности, подготовить компанию к сделкам на финансовом рынке, либо оценить динамические изменения, эффективность и качество управления «нематериальными активами», модернизировать существующие системы KPI. В большинстве случаев подобное исследование направлено на получение оперативной экспертной информации о текущем состоянии, выраженности репутационных параметров. Осуществляется с опорой на те или иные международные модели, критерии аккредитованных рейтинговых агентств и т. д. Также возможно включение дополнительных модулей, качественных или количественных, по отдельным составляющим репутации. К примеру, известность и авторитет первого лица, работа пресс-службы, корпоративное управление и т. д.

Вторая стратегия: «поисковый» аудит. Ее актуальность возрастает в тех случаях, когда исследование репутации сопровождается: выход на рынок или увеличение масштабов бизнеса, поиск новых ниш на рынке, инсайтов для дальнейшего продвижения, решение кризисных ситуаций или работу с активностями конкурентов.

Важным методологическим вопросом является формат проведения репутационного аудита. Ряд исследователей и самих клиентов транслируют убежденность в необходимости проведения репутационного аудита посредством закрытых, легендированных опросов. В нашей практике наибольшая отдача достигалась при проведении открытых исследований — от имени клиента. Помимо исследовательского результата, компания получает возможность самим опросом влиять на репутацию, транслировать свою заинтересованность, обращаться за обратной связью, советами. Хотя, безусловно, не для всех аудиторий и случаев этот подход правомерен и эффективен.

При обсуждении объемов репутационного аудита с клиентом дискуссионным часто становится вопрос о количестве респондентов со стороны экспертного делового сообщества (вопрос о выборке массовых опросов базируется на весьма стандартизированных и универсальных правилах). Желание клиентов увеличить выборку — легко объяснимо, поскольку есть уверенность, что «достаточные» количественные показатели придадут результатам больший вес и значимость. Однако для экспертных опросов, которые относятся к группе методов с малыми выборками, это условие не применимо. Ключевым является соответствие эксперта, его статуса, компетентности и уровня осведомленности — поставленной цели. Мнение каждого эксперта рассматривается и интерпретируется как зна-

чимое и существенное, даже если оно кардинально отличается от мнений и оценок других экспертов. Сама идея метода состоит в том, что мы обращаемся к эксперту — транслятору установок конкретной аудитории, группы стейкхолдеров. При анализе делается акцент на доминирующих мнениях и оценках, степени согласованности оценок, единодушии экспертов и т. д. В практике репутационных аудитов достаточной считается выборка для одной аудитории — 7—15 респондентов (при условии, что общее количество опрошенных — не менее 30). Несмотря на то, что увеличение количества экспертов не является методологическим нарушением, оно с малой вероятностью расширит палитру оценок и установок аудитории, и точно отразиться на продолжительности и стоимости проведения исследования.

Резюмируя, подчеркнем, что оптимальная исследовательская стратегия репутационного аудита определяется на стыке следующих факторов и условий:

- методология: что вкладывается в понятие репутации, каковы ключевые маркеры для сравнения и диагностики, качество и глубина анализа (или «интерпретационная модель»);
- целевые установки компании — клиента;
- количество целевых аудиторий — групп стейкхолдеров;
- набор исследовательского инструментария: кабинетные исследования, анализ информационного поля, глубинное неформализованное интервью или формализованное анкетирование с большим количеством шкальных вопросов, экспертным оцениванием;
- качество и глубина анализа.

18. Круглый стол «Каким будет опрос будущего?»

Ю. Т. Саидова

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДОРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

САИДОВА Ю. Т. — кандидат медицинских наук, заместитель руководителя проекта Института социальных исследований при Кабинета Министров Республики Узбекистан; saidova.yu@mail.ru

Аннотация. В Республике Узбекистан вопросам обеспечения здорового питания населения, особенно детей, уделяется большое внимание, были приняты ряд программных документов в области безопасного и рационального питания, реализуются комплексные мероприятия. В обеспечении здорового питания детей остается ряд вопросов требующих своего решения. В частности, оценки реального и фактического потребления продуктов питания детьми, их сопоставления с разработанными нормативами потребления. Представляется важным провести анализ физиологически обоснованных норм потребления пищевых компонентов в условиях Узбекистана, исходя из традиций и специфики потребляемых продуктов питания. Учитывая отсутствие определенных статистических данных по объему и структуре потребления продуктов питания детей, основным методологическим подходом выступает проведение специального выборочного обследования домашних хозяйств. В целом данное исследование позволит разработать региональные нормы потребления продуктов питания детьми с учетом фактического потребления и фактического уровня питания детей с оценкой характера потребляемых продуктов, а также пищевой ценности суточных рационов первостепенная задача. Выявленные системные проблемы и выработка конкретных практических мер в отношении питания детей будет служить основой для разработки стратегии к Концепции рационального питания детей в Узбекистане.

Ключевые слова: питание, рациональное, прикорм, детей, смеси, качество, микронутриент

Структура и качество питания является, неотъемлемой частью обеспечения жизнедеятельности человека, дефицит или переизбыток определенных компонентов создают дисбаланс, который может привести к нарушению обменных процессов, а также к развитию различного рода патологических состояний, особенно в процессе роста и развития орга-

низма детей. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) рекомендуются международные стандарты потребления пищевых веществ и энергии, которые приняты во всех странах мира как безопасный минимум продуктов питания и используются при расчетах физиологических потребностей в питании населения.

В Республике Узбекистан вопросам обеспечения здорового питания населения, особенно детей, уделяется большое внимание, были приняты ряд программных документов в области безопасного и рационального питания, реализуются комплексные мероприятия. Несмотря на определенные сдвиги в обеспечении здорового питания детей за последние годы остаются ряд вопросов требующих своего решения. В частности, назрела необходимость проведения оценки реального и фактического потребления продуктов питания детьми, их сопоставления с разработанными Минздравом РУз нормативами потребления. Представляется важным провести анализ физиологически обоснованных норм потребления пищевых компонентов в условиях Узбекистана, исходя из традиций и специфики потребляемых продуктов питания.

В настоящее время в Узбекистане в недостаточной мере проведены исследования, позволяющие оценить особенности питания детей в возрасте до 14 лет, которые позволили бы выявить диспропорции и возможные дефициты основных макро- и микронутриентов, изучить распространенность нарушений структуры питания и сложившихся среди детей стереотипов нерационального питания. Особо важным является также выявление степени информированности жителей о принципах рационального и здорового питания.

Имеются также проблемы связанные с недостатком производства детского питания в стране, как для основного питания, так и в качестве прикорма в дополнительном питании. Когда речь идет о питании детей, предоставляется особенно важным иметь статистические данные о том, какой% детей до 1 года питается только детскими смесями, какой% детей нуждается в дополнительном питании.

Требует изучение, насколько предназначенные для детей продукты питания (смеси, каши, овощные и фруктовые пюре и т.п.) способствуют растущему организму и как они комплексно влияют на детский организм. Необходимо отметить, что природно-климатические условия, которые позволяют выращивать широкий спектр овощей и фруктов, высокое содержание в них ценных веществ, а также низкое использование пестицидов и гербицидов в процессе выращивания аграрной продукции в Узбекистане позволяют организовать широкий ассортимент качественных детских продуктов питания, как для внутреннего потребления, так и на экспорт.

К сожалению, такой потенциал Узбекистана не реализован в достаточной мере и остро стоит вопрос привлечения современных технологий и зарубежных инвестиций в создание таких производств в стране. Кроме того, не всегда производители детского питания представляют истинную информацию для потребителя, в том числе размещаемую на упаковке продукции о составе продукта, содержании витаминов и микроэлементов, наличии компонентов потенциально вызывающие аллергию и т. д.

Возникает вопрос, сможет ли питание полностью удовлетворить физиологическую потребность организма, как детей, так и взрослых даже при рациональном приеме пищи, если существуют изменения в качестве выращиваемой и производимой продукции.

С появлением новых видов полуфабрикатов и готовых продуктов, иногда высокоэнергетических в последние годы наблюдается тенденция раннего ожирения среди детей.

Известно, что в почве наблюдается уменьшение источника микро элементов (например, нехватка количества йода в продуктах), в этой связи идет снижение в овощах и фруктах важных микро и макро элементов на 100 граммов продукции, это должно озадачить специалистов этих отраслей.

Социологические обследования, дают уникальные возможности в анализе скрытой, не всегда улавливаемой официальной статистикой информации, в особенности об осведомлённости, знаниях и практике, реальной ситуации в домохозяйствах, выявления структуры питания детей и взрослых в семьях и т. д. Учитывая отсутствие определенных статистических данных по объему и структуре потребления продуктов питания детей, основным методологическим подходом выступает проведение специального выборочного обследования домашних хозяйств.

Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан на постоянной основе ведет анализ ситуации по различным направлениям социально-экономического развития страны. Основным методом анализа является проведение социологических обследований посредством анкетирования и опросов населения, в том числе экспертов и специалистов по тем или иным изучаемым вопросам. В текущем году Институтом планируется проведение социологического исследования в регионах страны, направленного на изучения особенностей и структуры детского питания. Основная цель исследования — разработка научно-методических основ и практических рекомендаций по формированию здорового питания детей в Узбекистане. При этом планируется проведение комплексного анализа фактического питания детей с оценкой характера потребляемых продуктов и блюд, а также пищевой ценности суточных рационов.

Вопросы, задаваемые респондентам, направлены на выявление:

- продолжительности грудного вскармливания,
- использования заменителей грудного молока и дополнительного прикорма,
- возраста ребенка, с которого начался ввод прикорма,
- состава прикорма (в т. ч. указываются как варианты ответов: соки, смеси, пюре из овощей и фруктов, мучные изделия, каши из злаков, обычная пища, приготавливаемая для всех членов семьи и т. д.).

В процессе анкетирования и опроса планируется выявление причин ввода прикорма, среди которых нехватка грудного молока, а также, изучение последствия прикорма (аллергии, малокровии, соответствия веса и роста, появление зубов и т. д.)

В числе важных вопросов, требующих изучения, планируется выявление осведомлённости и знаний молодых матерей о преимуществах и недостатках готовых продуктов для детей, т. е. степени лояльности и восприятия готовых детских продуктов в качестве безопасного и адекватного питания.

Планируется проведение анализа наряду со структурой питания и режима питания, частота приема пищи, состав питания по видам продуктов, обычно употребляемым в домохозяйствах Узбекистана и т. д.

По итогам проведенной работы планируется подготовка предложений и рекомендаций в правительство для устранения выявленных недостатков, выработка консолидированной врачебной тактики в отношении питания детей, актуализация проблематики детского питания, в том числе организации производства такой категории пищевых продуктов в стране.

В целом данное исследование позволит разработать региональные нормы потребления продуктов питания детьми с учетом фактического потребления и международных стандартов.

Проведение данного исследования через анализ фактического уровня питания детей с оценкой характера потребляемых продуктов, а также пищевой ценности суточных рационов — первостепенная задача. Выявленные системные проблемы и выработка конкретных практических мер в отношении питания детей будет служить основой для разработки стратегии к Концепции рационального питания детей в Узбекистане.

Д. П. Исаев

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОПРОСА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ИСАЕВ Дмитрий Петрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт истории и международных отношений ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия; disaew@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются основные проблемы организации интервью при проведении полевых исследований профессиональной идентичности. Изучение идентичности является в современной социогуманитарной науке одним из ведущих трендов, актуализирующих конструктивистский взгляд на социальную реальность. По мнению автора, для реализации такого рода работ перспективна именно методология качественной социологии с ее вниманием к субъективности, неформализуемому эмпирическому материалу и т. д. Профессиональная идентичность выступает важным исследовательским звеном в познании социального пространства современного российского общества, поскольку очевидно, что человек осознает свое место в обществе и социальных группах, в том числе и через профессиональную принадлежность. Основными проблемами, возникающими в процессе исследований такого типа, а именно, при организации личного опроса, интервью, а затем качественного анализа полученных данных, выступают: роль корреспондента и респондента, тип анкеты/интервью, уровень темпорализации (без рефлексивного присутствия личного прошлого в рассказе о себе не обойтись), учет различных возрастных категорий респондентов и т. д.

Ключевые слова: качественная социология, опрос, интервью, профессиональная идентичность, респондент

Изучение идентичностей, то есть представлений индивида о себе, выполняющих роль точки опоры в позиционировании по отношению к внешнему миру, обогащаются в социогуманитарной науке все новыми перспективами. Основным эпистемологическим трендом современной науки является осознание, что индивид «конструирует» самого себя, в результате чего рождается новая субъективность. Научное познание, отражая изменившийся взгляд на социальную реальность, первичными признает представления о ней, образы действительности, меняет познавательный инструментарий. Классическая парадигма с ее ориентацией на объективацию структурно-функциональных связей, формирующих общество, приходит в противоречие с подобной заданностью на субъек-

тивность. В этом смысле традиционная социология с ее методологией, категориальным аппаратом, субъект-объектными отношениями мало подходит для изучения сферы воображаемого, ментальных конструктов.

Обратимся к такому объекту исследования как «профессиональная идентичность». Раскрыть потенциал данного объекта способна сегодня «понимающая» социология, опирающаяся на неклассическую методологию, с ее интересом к человеку в социуме, то есть к поведенческим практикам, жизненному миру и т.д. Очевидно, что через свою профессию, трудовое сознание человек определяет свое место в обществе в целом, в отдельных социальных группах [2]. Соответственно, социальные исследования профессиональной идентичности делают новые вызовы устной истории, которая становится благодатным поставщиком эмпирического материала. Как пишет Р.С. Черепанова, «практически любая история о пережитых индивидом событиях может быть рассмотрена как нарративное конструирование им собственной идентичности» [4: 82].

Обозначим основные проблемы, возникающие в процессе исследований такого типа, а именно, при организации личного опроса, интервью, а затем качественного анализа полученных данных. Большое значение играет роль корреспондента и респондента, тип анкеты/интервью, уровень темпорализации (без рефлексивного присутствия личного прошлого в рассказе о себе не обойтись), учет различных возрастных категорий респондентов и т.д. Остановимся на некоторых из них.

1. Немаловажной проблемой в социологическом изучении профессиональной идентичности становится выбор способа интервьюирования, а затем вида интерпретации полученных результатов. И здесь можно отметить возможности качественного подхода, с его ориентацией на биографический метод с целостным анализом истории жизни, трудового опыта, конврсационный анализ и др. [3: 222]. Далее, на первый план выступает также нарративный анализ текста, позволяющий выявлять «смысловые категории», которыми оперирует респондент при рассказе о своем жизненном опыте [5: 175]. Применение специальных методик помогает исследователю работать с неявной, скрытой информацией, проливающей свет на способы конструирования трудовой идентичности.

2. Важен вопрос о роли интервьюера при проведении опроса и получении данных исследования. Необходимо отметить проблему умения направить разговор в нужное русло, задать во вновь возникшем контексте нужный вопрос и т.д. Очевидно, однозначного ответа здесь быть не может, поскольку ее решение зависит от множества факторов, начиная от целеполагания проекта, избранного способа интервью до индивидуальных характеристик интервьюируемого. Ведь на сам ход опроса, разговора,

активность или пассивность корреспондента влияет так называемый тип рассказчика. Так, Н. А. Моторина выделяет два типа: увлекающегося «художника» и краткого, связного «логика» [1]. Ясно, что тексты состоят из константы фактографических данных и подверженного изменениям нарративного материала. Учет указанных закономерностей в образовании документальной базы «идентификационных» исследований, несомненно, будет способствовать выработке специальных методик в устной истории, позволяющих ставить научно корректные вопросы и плодотворно решать поставленные задачи. Поэтому организация правильного порядка вопросов-связок в ходе просто необходима, чтобы не упустить те самые смысловые категории, о которых шла речь выше.

3. В исследовательском арсенале накоплены разнообразные классификации типов интервью: лейтмотивные и нарративные, тематические и биографические. Собственно, все это многообразие моделей основано на двух принципиально разных подходах: с одной стороны, ориентации на выявление измеряемой, открытой, содержательной информации, а с другой — на поиски уникальной, латентной, смысловой информации. Данный факт необходимо учитывать при обращении к интервью как источника изучения социальной и профессиональной идентичности. Заметим, что такая разность взглядов на природу устного материала коренится не в нем самом, а в парадигмах социальной реальности, исповедуемых исследователями. Очевидно, что критический взгляд обусловлен представлением на реальность как на объективно существующую субстанцию. Ему противостоит конструктивистский взгляд, признающий самоценными представления об этой социальной реальности.

4. Проблема технического оснащения анкетирования/интервью. Так, неоднозначную реакцию вызывает использование современных диктофонов в ходе разговора. Например, Т.К. Щеглова начинающим исследователям предлагает использовать традиционную методику письменной фиксации разговора, полагая, что диктофон расслабляет: «интервьюер станет слушать «вполуха», потеряет интерес к беседе и не будет способен генерировать новые незапланированные вопросы» [5: 144]. Скажем, что данное суждение вызывает возражения. Ведь можно вполне обоснованно представить, что при использовании технических средств интервьюер, не отвлекаясь на стенографическую запись, может внимательно следить за ходом мысли информанта, вовремя задавая уместные вопросы. Иначе говоря, более качественно воссоздавая трудовое сознание собеседника.

В качестве заключения предложим предварительный список вопросов анкеты для полевых исследований профессиональной идентичности основных социально-профессиональных групп современного российского общества.

Примерная анкета для опроса

1. О какой профессии вы мечтали в детстве?
2. Как пришли в профессию?
3. Расскажите о своей профессии.
4. Вы человек одной профессии?
5. Расскажите о себе в профессии.
6. Менялось ли ваше отношение к профессии?
7. Было ли разочарование?
8. Думали ли вы о смене профессии?
9. Какую роль в вашем профессиональном пути играло образование?
10. Какое место в вашем профессиональном самоопределении играл/играет трудовой коллектив?
11. Какую роль для вас играло/играет содержание труда?
12. Что для вас означает «настоящий профессионал»?
13. Сколько внимания нужно уделять профессиональному совершенствованию?
14. Значение вашей профессии в жизни общества.
15. Вам удалось соответствовать этой роли?

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306, «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества».

Список источников

1. Моторина Н. А. Речевой портрет автора устного текста // Устная история (Oral History): теория и практика : Материалы всерос. науч. семинара 25—26 сентября 2006 г. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2007. С. 303—306.
2. Нор-Аревян О. А., Посухова О. Ю., Шаповалова А. М. Профессиональная идентичность как предмет научных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 65—75.
3. Реброва И. В. К вопросу междисциплинарности устной истории // Этнография Алтая и сопредельных территорий : Материалы международной научной конференции, 27—30 ноября 2008, г. Барнаул. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. С. 220—225.
4. Черепанова Р. С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 80—85.
5. Щеглова Т. К. Устная история : учеб. пособие. Барнаул : АлтГПА, 2010. 364 с.

19. Экспертное прогнозирование: возможности и ограничения

В. А. Шведовский, А. С. Стандрик

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ОСНОВЫ ДЛЯ ПЛАНШЕТА «ДОРОЖНЫХ КАРТ» — ИНСТРУМЕНТА ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

ШВЕДОВСКИЙ Вячеслав Анатольевич — доктор социологических наук, доцент, ВШССН МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; tatosp@mail.ru

СТАНДРИК Антон Сергеевич — магистрант, ВМиК им. МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; astandrik@gmail.com

Аннотация. Среди методов экспертного прогнозирования, особенно при выходе на многовариантные прогнозы на базе значительных массивов разнокачественной информации наиболее актуальными становятся морфологический метод и метод построения прогнозных сценариев, требующих активного использования математических методов и современных информационных технологий, — естественным их синтезом становится экспертный прогноз с использованием математического моделирования

Ключевые слова: Дорожная карта, экспертный прогноз, математическая модель, эволюционная траектория, социальное неравенство, социальная справедливость, экономическая эффективность

Введение. Среди методов экспертного прогнозирования, особенно при выходе на многовариантные прогнозы на базе значительных массивов разнокачественной информации наиболее актуальными становятся морфологический метод и метод построения прогнозных сценариев, требующих активного использования математических методов и современных информационных технологий, — естественным их синтезом становится экспертный прогноз с использованием математического моделирования [1].

Цель сообщения. На конкретном примере вычислительных экспериментов с балансами социальной справедливости и экономической справедливости, удерживающими доверие российского социума к властным структурам в условиях динамического изменения макропараметров системы общественного воспроизводства (СОВ) показать возможность представления спектра экспертных прогнозов его устойчивой эволюции на макете «планшета дорожных карт».

В работах [2, 3] была показана принципиальная возможность удерживать ситуацию развития СОВ без сползания к социальному взрыву. Накопленный совокупный потенциал эволюционного развития СОВ России, позволяет формулировать динамический критерий «как ставить и искать конструктивное решение проблемы последовательного смещения упомянутого баланса от менее справедливого, но «терпимого», к более справедливому», отвечающему большему объёму произведённых ресурсов и более точному их приложению в рамках названного критерия.

В начале данного пути использовался такой прагматический критерий исследуемого баланса как эволюция СОВ в условиях не снижения занятости и не уменьшения реальной зарплаты. В выступлениях Президента РФ прозвучал ещё более реалистичный критерий, в котором вместо не уменьшения реальной зарплаты было предложено не возрастание инфляции. Естественно задаться вопросом, а не могут ли являться предложенные два отсчёта, расположенных последовательно во времени, параметров определения обсуждаемого баланса неявным проявлением проекции стратегического вектора развития России?

Смысл такого государственного регулирования, на наш взгляд, состоит в макро обосновании как условий ограничения социального неравенства, его практической реализации, так и сопряжения временных масштабов усилий.

Постановка задачи. Общий подход и постановка задачи в данном исследовании адекватны подходу и постановке задачи в работах [2, 3]. Это значит, что в основу исследования заглавного баланса полагается функциональное уравнение для факторов — «истоков» произведённых благ и их «стоков» в сферы приложения, — в виде уравнения в частных производных первого порядка:

$$\Phi(K, L, I, F(K, L, I), pI, , pI, pK) = 0 \quad (1)$$

Далее, согласно методике В. И. Арнольда, в соответствие (1) строится система обыкновенных дифференциальных уравнений (ОДУ) характеристик, в которых условие $\partial F / \partial F \neq 0$ — условие построения модели СОВ в виде системы ОДУ (теорема о неявной функции), интерпретируемое как требование наличия социального неравенства — выписывается как конкретная функция, зависящая от индекса Джини (в современном понимании):

$$\left\{ \begin{array}{l}
 \mathbf{dK}/dt = \partial\Phi/\partial p_K \\
 \mathbf{dL}/dt = \partial\Phi/\partial p_L \\
 \mathbf{dI}/dt = \partial\Phi/\partial p_I \\
 \mathbf{d}(\partial F/\partial K)/dt = - (\partial\Phi/\partial K + a (G_0 - G)^*) \partial F/\partial K \\
 \mathbf{d}(\partial F/\partial L)/dt = - (\partial\Phi/\partial L + a (G_0 - G)^*) \partial F/\partial L \\
 \mathbf{d}(\partial F/\partial I)/dt = - (\partial\Phi/\partial I + a (G_0 - G)^*) \partial F/\partial I \\
 \mathbf{dF}/dt = \partial F/\partial K * \mathbf{dK}/dt + \partial F/\partial L * \mathbf{dL}/dt + \partial F/\partial I * \mathbf{dI}/dt
 \end{array} \right. \quad (2)$$

При этом \mathbf{K} — капитал; \mathbf{L} — труд; \mathbf{I} — знание, измеряемое годовым объёмом информации, используемой в системе общественного воспроизводства (СОВ); $\mathbf{F} = \mathbf{F}(\mathbf{K}, \mathbf{L}, \mathbf{I})$ — национальный доход; $\partial\mathbf{F}/\partial\mathbf{K} = p_K$ — ставка% на кредит; $\partial\mathbf{F}/\partial\mathbf{L} = p_L$ — средняя зарплата; $\partial\mathbf{F}/\partial\mathbf{I} = p_I$ — усреднённая цена ПК; \mathbf{I} — годовой объём обрабатываемой информации на средствах вычислительной техники и информации России — байт/год, G_0 — порог оправданного социального неравенства (Кирута-Шевяков).

Новым, по сравнению с прежней постановкой задачи является конкретный вид функции F :

$$F = Lp_L + K(\mu_a + p_K) + Ip_I \quad (3),$$

где Lp_L — фонд зарплаты; $\mu_a K$ — амортизация ОПФ, Ip_I — инвестиции в ИТ — технологии; Kp_K — инвестиции в капитальное строительство.

Кроме этого, используются следующие обозначения и выполняются дополнительные требования:

- 1) F не убывает, т. е. $dF/dt \geq 0$;
- 2) p_L не убывает: $dp_L/dt \geq 0$;
- 3) отсутствие падения фондоотдачи, т. е. $d(F(t)/K(t))/dt \geq 0$;
- 4) справедливость уравнения Попова « $dF/dI = 1$ », где « $d(\cdot)$ » означает прирост показателя, нормированный на его текущую величину;
- 5) условие невозрастания инфляции — $\partial^2 F/\partial K^2 \leq 0$

Общая схема применяемых методов: а) все экспертные решения принимаются на социально-экономическом фоне, т. е. на множестве динамических траекторий макроэкономических параметров СОВ;

б) на основе 2-х потенциального подхода (социально-экономического и социально-психологического потенциалов), двух частного подхода к рассмотрению социума (трудящиеся и элита) с двухслойным уточнением

(«social-, economical map») создаётся функция благосостояния населения России — Z ;

в) используя метод неопределённых множителей при ограничениях (пункты 1—5) функции Лагранжа — L , построенной для вышеуказанной функции Z , получается система (ОДУ), решение которой определяет множество точек экстремумов функции L ;

г) применение достаточных условий позволяет сепарировать множество значений решения ОДУ, в которых функция благосостояния, зависящая в экономической составляющей от производственной функции F , а в социально-психологической от уровня доверия, обратно пропорционального уровню социальной напряжённости, принимает максимальные значения, — т. е. создаётся сетка сценариев, на которой эксперты имеют возможность строить «дорожную карту» прогноза;

д) найденные связи между переменными (которые выражают условия максимума) подставляем в систему уравнений (2) и решаем задачу Коши, определяющую новый социально-экономический и социально-психологический фон.

Результаты и их интерпретация: в итоге проведённых согласно разработанной выше схемы расчётов были получены следующие результаты.

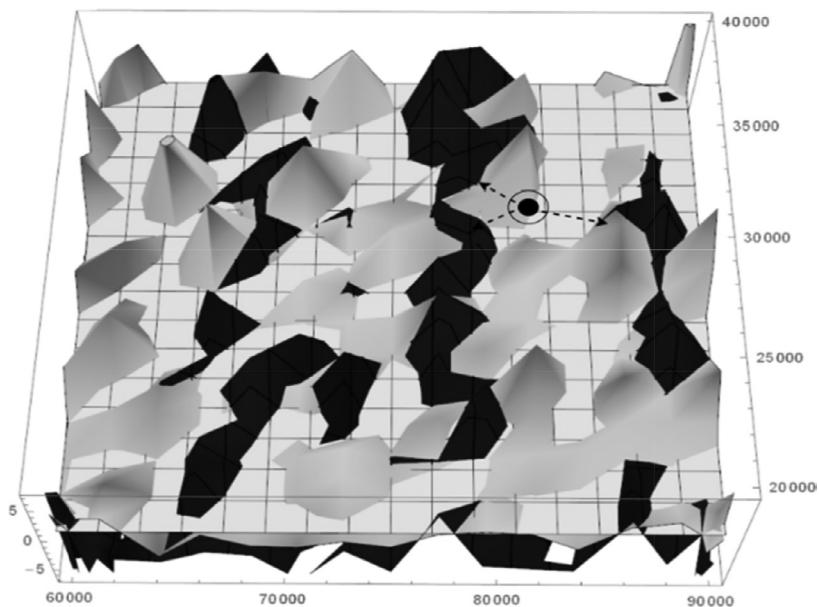

Рис. 1. Расчёт планшета «карты» для определения на ней маршрутов эволюции СОВ, т. е. построения «дорожной карты».

Ось X — численность занятого населения (L), ось Y — вложенный в общественное производство K , ось Z — значения миноров. Функция L достигает максимума там, где есть пересечение множеств значений миноров гессиана, то есть нужно ориентироваться на островки «тах L ». Перед построением экспертами «дорожной карты» определяется стартовое значение (L , K). На «карте» имеется заметное число зон неустойчивости эволюции общественного воспроизводства. Правая стрелка даёт рост L , левые — спад L .

Эксперту рекомендуется: 1) найти на карте — Рис. 1 стартовые координаты, отвечающие бюджетным данным РФ («жирная» точка);

2) прокладывать далее маршрут к ближайшим областям, на которых максимизируется функция Z причём так, что растут а) внутренний рынок; б) средний класс, прежде всего, за счёт ИТ-специалистов; в) метаболизм таможенного союза (товарооборот, число рабочих мест и т. д.); г) число патентов на изобретения и открытия; д) объём внешних инвестиций; е) фондоотдача; ж) рождаемость и т. п.

Это значит, что при всех а) — ж) и т. д. сохраняется или возрастает удалённость от порога социального взрыва. Общая рекомендация: отбор факторов роста осуществлять с учётом эффекта мультипликации на последовательности временных интервалов и отвечая критерию максимума для совокупного эволюционного потенциала на этой последовательности.

Заключение

Использование математической модели для генерирования изменяющегося социально-экономического и социально-психологического фона экспертного прогноза существенно повышает степень его многовариантности для выбора ЛПП спектра эволюционных траекторий.

Разработана система принципов модельного построения данного фона.

Реализован пилотный проект макета «признакового пространства», т. е. планшета, этого фона, позволяющий экспертам выстраивать «дорожную карту» для отработки маршрутов макроуправления эволюцией COB без сползания в ловушки «социального взрыва».

Планшет маршрутизации на «дорожной карте» эффективен с точностью до построения функции Лагранжа — L , т. е. выбора функций F , Z и уравнений (неравенств) ограничений.

Список источников

1. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред.: И. В. Бестужев-Лада. М. : Мысль, 1982.

2. Шведовский В. А. Условия баланса социальной справедливости и эффективной экономики в общественном воспроизводстве современной России // Сб. Тезисы докладов на VI Международной грушинской конференции. ВЦИОМ. М., 2016. С. 215—222.

3. Шведовский В. А., Докторович А. Б., Стандрик А. С. О балансе эффективности экономики и социальной справедливости на базе 2-х и 3-х аргументной производственной функции в модели системы общественного воспроизводства. Международная научно-практическая конференция «Россия: Государство и общество в новой реальности. Модели и проекты». М., 2016.

А. Б. Каримова**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ ПРЕДВИДЕНИЯ**

КАРИМОВА Алла Бекмухамедовна — доктор политических наук, профессор РГГУ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, г. Москва, Россия; albecar@yandex.ru

Один из первых теоретиков предвидения Н. Д. Кондратьев уже в середине 1920-х гг. рассматривал прогноз как особый вид научного знания — знание будущего, актуализированного потребностью в организованном управлении «стихийными силами жизни». Ученый считал прогноз рабочей гипотезой, без которой нельзя обойтись на практике, поскольку в ней содержится совокупность изменений окружающей действительности, отражающих жизненный опыт, личностные смыслы, научные знания, логическое мышление. Построенный им алгоритм накопления и производства знания будущего наряду с набором исследовательских методик включал в себя владение навыками моделирования.

В нынешних условиях методология социального прогнозирования Н. Д. Кондратьева имеет особое значение. Так, он подчеркивал, что естественные процессы происходят в устойчивой среде. Поэтому физики и химики имеют лучшие возможности для изолированного эксперимента и, следовательно, экстраполяция данных лабораторного опыта на естественную среду, не приведет к существенным искажениям. Однако социальная действительность или динамический порядок не позволяет соблюсти все необходимые для математического измерения условия.

Вторым ограничением теоретик назвал доверие статистическим данным, в которых элемент времени выключен. «Статистические закономерности сами по себе не могут ничего сказать нам о предстоящем изменении» [Кондратьев, с. 531].

Н. Д. Кондратьев обозначил два подхода к проблеме предвидения: социологический и собственно прогнозный. На базе социологического подхода возникло автономное направление — социальное прогнозирование. Второй подход стал фундаментом исследований будущего — прикладного направления, развивающегося с 60-х гг. прошлого века.

Если Н. Д. Кондратьев выражал осторожную уверенность в возможность составления более или менее точных социальных прогнозов на основе выявленных тенденций, то автор концепции технологического прогнозирования В. А. Базаров-Руднев «предложил анализ и оптимизацию трендов условно продолженных в будущее наблюдаемых тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны» [Бестужев-Лада, с. 611]. К каждому уровню

прогнозирования ученый разработал количественные методы измерения социально-экономических процессов «по образцу точного естествознания»: экстраполяция, аналитическая модель, экспертиза. Фактически он методологически решил задачу приведения в действие желаемого будущего, в механизме которого первостепенная роль отводится подчинению процессов производства целевым установкам.

В 40-е гг. XX в. методология исследований будущего начинает дополняться ценностными подходами, высказанными исследователем политических процессов О. Флехтхеймом. Германский профессор хотя и не ответил на вопрос «что это?», однако едва ли не первым попытался его поставить. Настаивая на введении новой дисциплины *futurology* в университетскую практику, ученый предметизировал исследования будущего, заложив новую парадигму. Выявляя будущее как феномен, он подчеркивал: «В периоды стабильности основные социальные изменения происходят слишком медленно, чтобы иметь последствия для своих современников. В их глазах прошлое, настоящее и будущее являются в основном идентичными, представляясь только одним из звеньев в бесконечной цепи повторяющихся событий развития человека. Однако людям, живущим в период кризиса, в таком, как наш, будущее представляется принципиально отличным от прошлого. В такие исторические моменты настоящее время ощущается, так сказать, просто как переломный момент между прошлым, которое безвозвратно потеряно, и будущим, которое является принципиально новым явлением». По мнению О. Флехтхейма, задача прогностика состоит в переосмыслении прошлого и будущего с позиций настоящего [Flechtheim, p. 460—461]. Это замечание имело, как минимум, два методологических последствия. Во-первых, была установлена необходимость диагностики настоящего. Во-вторых, введен критерий темпоральности, вместе с которым будущее становилось моделью распределенных ценностных установок.

В 70-е гг. прошлого века большинство прогнозов стали носить вероятностный характер. Тем не менее, множественность его альтернативных вариантов не только не исключала, но всегда способствовала поиску средств воздействия на настоящее. Постепенно западные исследователи переключились на изобретение будущего, создание больших генеративных идей (загрязнение окружающей среды, глобализация) и формирование регулятивных образов будущего (постиндустриальное общество, общество, основанное на знании и пр.).

В следующем десятилетии наибольшую актуальность в прогнозировании приобрела проблема неопределенности и конфронтаций, природу которых футурологи объясняли нарастанием глобальных проблем нево-

енного характера. Ключевое решение предложил венгерский философ Э. Ласло: указывая на необходимость реформы принципов организации общества путем разработки глобально ориентированных стратегий выживания, чем спровоцировал установку на формирование глобального сознания.

В целом западные исследования будущего, опираясь на аксиологический подход, приобрели характер трансляции определенного набора ценностей, учет систем ценностей и предотвращения их возможных смещений, все больше двигаясь к необходимости реформы образования с позиций подготовки к грядущим изменениям. Проблема обучения людей была введена в список глобальных вопросов прогнозирования. Найденное решение — применение инновационных приемов для приспособления к меняющимся условиям окружающей среды и социально-экономическим кризисам. Это означает умение перенести фокус с размышлений о том, кем люди «являются», на размышления о том, кем они «станутся», вследствие чего приобретает способность безболезненно воспринимать новое; «используя компьютеризованные системы, быстро собирать ситуативные группы, соединять индивидуумов с консультантами...» [Тоффлер, с. 419].

Создание образа будущего превратилось в непрерывный процесс между двумя его категориями: от неопределенного будущего к желаемому будущему. При этом в политико-экономическом прогнозировании используется математическое представление о непрерывности, разработанное французским математиком XIX в. О. Коши в теории пределов, впервые примененной в докладах Римского клуба.

Однако, как отмечал в статье «Риск и опасность» (1990) германский социолог Н. Луман, к институционализации социальной значимости будущего или приданию ей формы, которая позволит осмыслить еще не решенные социальные вопросы как политические проблемы, социологи не готовы. Эти средства разработаны в области менеджмента, а также исследователями, изучающими природу конкуренции, что предопределило внимание к человекомерной реальности.

В 2000-х гг. создание вариантов будущего стало осуществляться на основе Форсайт-платформы, предусматривающее сканирование горизонтов, прогнозирование, оценку эффектов.

Современные теоретики предвидения дифференцируют понятия прогноз, тенденции, сценарии и видение (визионерство).

Анализ литературы позволяет назвать основными функциями предвидения генерирование и регулирование. Это предполагает высокую культуру моделирования, владение методологией работы со сложностью и экспертизу.

Список источников

1. Кондратьев Н. Д. Теория предвидения и методология перспективного планирования / Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 507—751.
2. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование / Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 610—621.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002.
4. Flechtheim O. Teaching the future // Journal the High Education, 1945. Vol. 9. P. 460—465.

Б. М. Пранов, Т. В. Рассохина

СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ АНАЛИЗА, ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

ПРАНОВ Борис Михайлович — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС, н. Москва, Россия; boris.pranov@gmail.com

РАССОХИНА Татьяна Васильевна — кандидат географических наук, доцент, декан факультета гостеприимства и туристкой индустрии РМАТ, г. Сходня Московской области, Россия; rassohina@gmail.com

Аннотация. На основе документа ООН «Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации» выделены и подготовлены для анализа соответствующие основные параметры Российской Федерации

Ключевые слова: ООН, параметры, глобальный, прогнозирование, Российская Федерация

Генеральной Ассамблеей ООН утверждена Система показателей достижения целей в области устойчивого развития для осуществления контроля на глобальном уровне, которая разработана по итогам всеохватывающего, открытого и гласного консультативного процесса с участием многочисленных заинтересованных сторон, которые руководствовались в своей работе просьбами и рекомендациями, сформулированными государствами-членами на Генеральной Ассамблее. Утвержденные 17 целей сопровождаются целевыми показателями, ориентированными на поддающиеся количественной оценке результаты. Они имеют практическую направленность, являются глобальными по своему характеру и универсально применимыми. Но они не всегда учитывают различные национальные условия, потенциал и уровень развития, а также национальные стратегии и приоритеты.

В Российской Федерации на национальном уровне Аналитическим центром при Правительстве РФ подготовлен «Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год». В ходе исследования группой авторитетных экспертов сделан вывод о том, что: «Сегодняшняя модель развития России является неустойчивой. Устойчивое развитие — это вовсе не устойчивый рост ВВП, а многокомпонентная система, синергия экономики, социальной сферы и экологии. Стратегия устой-

чивого развития есть во всех развитых странах, но, к сожалению, пока нет в России».

Научно-исследовательской лабораторией Устойчивого развития туристских дестинаций Московского филиала Российской международной академии туризма инициировано и проводится исследование, целью которого является разработать методологию оценки уровня устойчивого развития в регионах Российской Федерации на принципах международной сопоставимости посредством применения на региональном уровне стандартов, согласованных на национальном и международном уровне, в целях совершенствования механизмов управления субъектами РФ.

Исходя из степени актуальности Глобальных показателей, характеризующих степень достижения Глобальных целей устойчивого развития для Российской Федерации, их методологической проработки и общего объема имеющихся официальных статистических данных, нами выявлены индикаторы, анализ которых возможен на основе официальных статистических данных представленных Федеральной службой государственной статистики (Росстат)¹. Причем, для соблюдения методологической повторяемости исследования и оценки все индикаторы для регионов РФ приведены к формулировкам, утвержденным Росстатом.

Для анализа всех индикаторов в совокупности обычно используется математическое моделирование, точнее, многомерное математическое моделирование. В настоящее время имеется возможность строить сложные модели, зачастую нелинейные. Для этого был разработан ряд программных комплексов (к их числу можно отнести SPSS, STATISTICA и ряд других [3, 4]), с помощью которых можно проводить квалифицированную обработку данных на всех этапах социологического исследования. Однако всегда остается актуальным вопрос о выборе вида математической модели. Действительно, исторически первыми моделями, используемыми для обработки рядов наблюдений, были такие, которые соответствовали графикам известных функций, по возможности наиболее простой структуры. Если данные на графике приблизительно укладываются в сравнительно узкую полосу на плоскости, то разумно использовать линейную модель вида

$$y_i = a + bx_i, \quad (1)$$

где x_i , y_i — значения соответственно независимой и зависимой переменных для наблюдения с индексом i .

¹ Федеральная служба государственной статистики Регионы России. Социально-экономические показатели — 2016 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm.

Модель (1) называют линейной однофакторной. Дальнейшее ее развитие — добавление независимых факторов в правую часть модели (1):

$$y = a_0 + a_1 x_1 + \dots + a_k x_k. \quad (2)$$

Такие модели называют линейными многофакторными. Особый интерес представляет выяснение того, какие из факторов в правой части модели (2) являются независимыми друг от друга, а какие — нет. Для решения этой проблемы используют корреляционный, дисперсионный и факторный анализы [7]. Если же зависимости типа (2) недостаточно адекватно описывают совокупность наблюдаемых данных, приходится обращаться к нелинейным моделям.

Множество функций, применяемых для конструирования нелинейных моделей, оказывается слишком обширным. Поэтому стараются в моделях применять такие функциональные зависимости, которые можно разумно интерпретировать в рамках исследуемой предметной области. Примером такой зависимости является мультипликативная модель

$$Y = A \cdot x_1^{\alpha_1} \cdot x_2^{\alpha_2} \cdot \dots \cdot x_n^{\alpha_n}, \quad (3)$$

где Y — зависимая переменная, а x_1, \dots, x_n — независимые переменные.

При этом основной задачей при расчете модели (3) является нахождение показателей $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$. Модели вида (3) достаточно эффективно применяются в экономике. Дело в том, что если Y считать количеством продукции предприятия (или административно-территориальной единицы) за единицу времени, а переменные x_1, \dots, x_n — факторами, способствующими ее производству, то модель (3) имеет разумную интерпретацию: 1) при нулевом значении любого из факторов x_1, \dots, x_n произведенная продукция равна нулю; 2) при увеличении значения любого из факторов количество произведенной продукции увеличивается т. д. Такое поведение модели хорошо согласуется со статистическими рядами наблюдений в экономике. В связи с этим модели типа (3) называются производственными. Отметим, что производственная функция (3) недавно с большим успехом применена к описанию и прогнозированию общего числа пожаров как в России, так и в зарубежных странах [3].

В ходе исследования нами выявлены важнейшие направления устойчивого развития, по контролю которых в РФ отсутствуют официальные статистические данные, или они не сопоставимы с международными.

В ходе дальнейших исследований нами будут построены математические модели анализа количественных значений индикаторов устойчивого развития и на основании проведенного анализа будут выявлены группы регионов со схожими проблемами и предложены модели их стратегического развития как устойчивых туристских дестинаций.

Список источников

1. Гуляев В. Г., Рассохина Т. В., Голодяева В. И. и др Социально-экономические факторы устойчивого развития туризма в регионах Российской Федерации в условиях экономических санкций // В мире научных открытий. 2015. № 10. С. 221—231.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/111138.pdf>.
3. Пранов Б. М. О некоторых подходах к моделированию и прогнозированию временных рядов пожарной статистики // Технологии техносферной безопасности. Вып. № 5 (57). 2014. С. 209—213. <http://ipb.mos.ru/ttb>.
4. Пранов Б. М. Система SPSS для анализа результатов обследований // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции 16017 марта 2016 г. М. : АО «ВЦИОМ», 2016. С. 1688—1691.
5. Рассохина Т. В., Голодяева В. И. Методические подходы к исследованию местного сообщества туристской дестинации // Вестник РМАТ. 2016. № 4. С. 188—192
6. Рассохина Т. В., Сеселкин А. И. Анализ современных проблем и приоритетов в области устойчивого развития туризма // «Экономика устойчивого развития». 2016. № 1 (25). С. 318—323.
7. Бутузов С. Ю., Коробко В. Б., Пранов Б. М., Станкевич Т. С., Членов А. Н. Нейро-нечеткая модель поддержки управления тушением пожаров в морских портах// Системы управления и информационные технологии. № 4(66). 2016. С. 91—96

В. Л. Римский

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИДЕЙ АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ Т. СААТИ

РИМСКИЙ Владимир Львович — заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ, Москва, Россия; rim@indem.ru

Аннотация. Кратко описана методика экспертного прогнозирования, основанная на идеях анализа иерархий Т. Саати. Эта методика может применяться в условиях необходимости учёта многих внешних и внутренних факторов развития прогнозируемой ситуации и их динамики. Экспертные оценки могут помочь в прогнозировании социальных, экономических и политических ситуаций и тогда, когда факторы этих ситуаций в большинстве своём не поддаются количественному и объективному измерению, а могут быть оценены только фрагментарно. Эксперты, обладающие специальными знаниями и опытом анализа таких ситуаций, могут своими оценками существенно способствовать формированию достаточно обоснованных прогнозов их развития. Для этого экспертам можно предлагать оценивать только влияния одних факторов и акторов развития ситуации на другие, а интегрирование этих экспертных оценок осуществлять с помощью тех или иных математических процедур. Эти особенности предлагаемой методики позволяют интегрировать оценки экспертов, имеющих разные позиции и идеологии, за счёт того, что они не отвечают на вопросы о смыслах и содержании целостных сценариев развития ситуации, а оценивают только их элементы. Предлагаемая методика не является робастной, этот её недостаток в той или иной степени может быть компенсирован подбором экспертов. Применение этой методики будет кратко продемонстрировано на примере проекта краткосрочного сценарного прогнозирования развития гражданского общества (ЦИРКОН, 2008—2009 гг.).

Ключевые слова: экспертное прогнозирование, анализ иерархий Т. Саати, прогнозирование развития гражданского общества

Принципы и некоторые ключевые характеристики метода анализа иерархий Томаса Саати, которые применяются в экспертном прогнозировании развития сложных систем большой размерности и принятие управленческих решений на основе этих прогнозов, описаны в лите-

ратуре [См. например: 4, 5, 6] и могут быть использованы в условиях современной России.

В обычно используемых методиках сценарного или программно-целевого прогнозирования экспертам предлагается тем или иным способом оценивать логически или семантически сформированные целостные сценарии развития ситуации. Недостатком таких методик является сильное влияние на результаты прогнозирования идеологических и культурных предпочтений экспертов. Отбирать близких по таким предпочтениям экспертов — значит получать необъективные и ангажированные результаты прогнозирования. Привлекать экспертов с разными предпочтениями можно, но их оценки, как правило, бывает невозможно интегрировать в единый наиболее вероятный прогноз [3: 8—9].

При использовании в прогнозировании метода анализа иерархий Томаса Саати экспертам предоставляются возможности только сравнивать влияния на те или иные сценарии развития ситуации различных факторов, акторов и их целей. Интегрирование и содержательная интерпретация экспертных оценок проводится не самими экспертами, а инициативной группой исследователей, которая сначала разрабатывает конкретную методику и инструмент экспертного оценивания, проводит предварительные экспертные обсуждения вариантов прогнозных сценариев, затем — анкетирование экспертов с получением оценок влияния факторов, акторов и их целей. В заключение экспертного прогнозирования эта же инициативная группа интегрирует полученные экспертные оценки теми или иными математическими методами и формирует итоговый прогноз. Поэтому методом анализа иерархий Т. Саати оказывается возможным формировать во многом объективный прогноз при привлечении экспертов с разными предпочтениями [3: 8—9].

Методика экспертного прогнозирования, основанная на этих идеях, была предложена и реализована автором в исследовательском проекте «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России», осуществленного в феврале-апреле 2009 года Исследовательской группой ЦИРКОН совместно с Институтом экономических стратегий в рамках гранта Президентской программы поддержки организаций гражданского общества [1: 28; 2: 143—144].

Инициативной группой было разработано 4 контрастных, т. е. существенно отличающихся друг от друга сценариев развития гражданского общества в ближайшем будущем, на 3—5 лет. Предполагалось, что в чистом виде не будет реализовываться ни один сценарий, но их элементы существенно определяют реальный сценарий развития с большей или меньшей вероятностью [1: 28; 2: 147]. В Таблице 1 показаны основные характеристики этих контрастных сценариев [2: 148; 3: 15—18].

Таблица 1. Сравнительные характеристики контрастных сценариев

Характеристики контрастных сценариев:	Контрастные сценарии			
	Партнёрский	Государственный	Конфронтационный	Демократический
1. Уровень гражданской активности в обществе	Высокий	Низкий	Высокий для активистов, низкий для остальных	Высокий
2. Уровень воздействия государства на гражданское общество	Сильный	Сильный	Сильный	Слабый
3. Уровень поддержки государством организаций гражданского общества	Высокий	Высокий для близких, низкий для остальных	Высокий для близких, низкий для остальных	Низкий
4. Уровень финансирования зарубежными организациями организаций гражданского общества	Любой от низкого до высокого	Низкий	Низкий	Высокий

Анкета для экспертного оценивания содержала набор заданий на заполнение 4 таблиц по строкам которых располагались элементы текущего уровня доминантной иерархии, а по столбцам — элементы предшествующего уровня этой иерархии, т. е. более высокого. В клетках таблиц эксперты ставили свои оценки в баллах значимости элементов текущего уровня для каждого элемента предшествующего уровня. В результате, в таблице 1 предлагалось оценить значимость каждого из 16 показателей развития гражданского общества для каждого из 4 контрастных сценариев, в таблице 2 — значимость каждого из 8 факторов в определении состояния гражданского общества, в таблице 3 — значимости каждого из 11 типов акторов для каждого из 8 факторов предыдущей таблицы, в таблице 4 — значимости каждой из 11 целей для каждого из 11 акторов, а в таблице 5 — значимости каждого из 4 контрастных сценариев для реализации каждой из 11 целей. Таким образом, все таблицы экспертного оценивания были связаны между собой последовательностями оценок [2: 148; 3: 19—22].

Для повышения точности и отсутствия дробных значений оценок значимости экспертам предлагалось использовать шкалу баллов от 0 до 100. Для удобства оценивания экспертам предлагались примерные словесные описания баллов значимости, объединённых интервалы, соответствующие тем или иным величинам процентов, указанные в таблице 2 [3: 22].

Таблица 2. **Описания баллов экспертного оценивания**

Интервалы баллов значимости	Примерная словесная формулировка уровня значимости
100	Точно полная, стопроцентная
95—100	Близкая к полной, стопроцентной
85—95	Весьма высокая, но заведомо не полная, не стопроцентная
60—85	Не слишком высокая, но заведомо выше средней
40—60	Примерно средняя, 50-процентная
15—40	Вполне ощутимая, но заведомо ниже средней, 50-процентной
5—15	Весьма малая, но заведомо не нулевая
0—5	Близкая к нулевой
0	Точно нулевая

В таблицах для оценивания экспертам необходимо было указывать не интервалы, а конкретные значения баллов внутри этих интервалов. При выставлении баллов им рекомендовалось ориентироваться на приведённые выше словесные формулировки их уровней. Эксперты часто не следили за тем, чтобы суммы баллов по столбцам таблиц были равны 100, эта корректировка проводилась при обработке полученных от них данных.

При обработке сначала по строкам таблицы 5 анкеты считались веса контрастных сценариев как средние для каждого эксперта в отдельности. Аналогично по таблицам 4, 3 и 2 анкеты считались веса целей акторов, самих акторов и факторов состояния гражданского общества. По таблице 1 анкеты такими же средними с весами контрастных сценариев из расчётов таблицы 5 считались оценки показателей развития гражданского общества по обобщённому сценарию. Затем по каждой таблице из экспертной анкеты расчётные веса снова усреднялись [3: 33—34].

В результате, например, получились такие средние веса контрастных сценариев (Таблица 3), которые были проинтерпретированы как вероятности их осуществления [3: 34].

Таблица 3. **Средние веса контрастных сценариев**

Контрастные сценарии:	Средние веса (вероятности осуществления)
Партнёрский	0,272
Демократический	0,269
Конфронтационный	0,231
Государственнический	0,223

По данным Таблицы 3 в представлениях экспертов наиболее вероятны были в ближайшем будущем партнёрский (27,2%) и демократический (26,9%) сценарии, менее вероятны конфронтационный (23,1%) и государственный (22,3%) сценарии. Но уровни вероятностей осуществления каждого из этих сценариев были невелики и примерно равны $\frac{1}{4}$ каждая. Получилось, что эксперты не имеют выраженных предпочтений в реализации того или иного контрастного сценария. Причина, скорее всего, была в том, что в период проведения экспертного оценивания (2009 год) развитие гражданского общества могло примерно с равной вероятностью пойти по любому из направлений, определяемых тем или иным контрастным сценарием. Следовательно, по оценкам экспертов в тот период реализация обобщённого сценария примерно в равных долях состояла из реализации 4 контрастных сценариев [3: 34—35].

Список источников

1. Гонтмахер Е. Ш., Задорин И. В., Зайцев Д. Г., Римский В. Л., Шаталова Е. Ю. Экспертные оценки в прогнозировании развития гражданского общества в России // Эмпирические исследования гражданского общества: сборник материалов общественных слушаний (25.09.09) / сост. А. М. Лопухин. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2009. С. 25—29. URL: <http://www.oprf.ru/files/Sbornik-2009.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Задорин И. В., Зайцев Д. Г., Римский В. Л. Гражданское общество России в ближайшем будущем: результаты экспертного исследования // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. № 4(55). 2009. С. 143—157. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-rossii-v-blizhayshe-buduschem-rezultaty-ekspertnogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России. Итоговый аналитический доклад. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН) / авторский коллектив: Задорин И. В. (руководитель), Зайцев Д. Г., Римский В. Л. Москва, 2009. URL: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/090530.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).
4. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем. М. : Радио и связь, 1991.
5. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. М. : «Радио и связь», 1993.
6. Саати Томас Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях : Аналитические сети / пер. с англ. ; науч. ред. А. В. Андрейчиков, О. Н. Андрейчикова. М. : Издательство ЛКИ, 2008.

Ю. Н. Благовещенский, Г. А. Сатаров**СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ**

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Юрий Николаевич — доктор физико-математических наук, профессор, старший научный сотрудник фонда ИНДЕМ, г. Москва, Россия; vkbun@yandex.ru

САТАРОВ Георгий Александрович — кандидат технических наук, президент фонда ИНДЕМ, г. Москва, Россия; moskars@mail.ru

Аннотация. В основе методики — данные опроса референтной группы экспертов о шансах событий в пределах прогнозного горизонта из «настоящего» и из «будущего». Технология прогнозирования базируется на формуле Байеса об апостериорных вероятностях, на робастном усреднении дискретных распределений и на специально разработанной для этих задач методике имитационного моделирования.

Ключевые слова: референтная группа экспертов, формулы Байеса, робастное усреднение распределений, имитационное моделирование

Суть сценарного прогноза можно выразить несколькими тезисами:

- a. В основе прогноза — данные опроса референтной группы экспертов, так что прогнозирование можно сравнить с проявлением фотоснимков того, что «видят» в туманном будущем представители экспертного сообщества и с восстановлением по этим снимкам некой общей картины грядущего.
- b. Экспертиза предполагает наличие небольшого числа сценариев (3—5). Такие сценарии — это словесные описания возможных вариантов будущего. Сценарии — это первое, что должно быть задано, описано и согласовано с экспертами.
- c. Далее формируется список из 15—35 тематических факторов, существенно влияющих на будущее, а также события — варианты проявления каждого из факторов. Например, цена на нефть как фактор, может расти, падать, держаться в узком диапазоне или колебаться в непредсказуемых границах (4 варианта событий).
- d. Для каждого фактора эксперты оценивают распределение шансов среди событий, определяющих варианты проявления данного фактора, в пределах горизонта прогнозирования, и условные шансы тех же событий в предположении, что развитие заведомо пойдет в направлении каждого из сценариев.

е. Методика прогнозирования опирается на формулы Байеса, на имитационное моделирование и робастное усреднение для агрегирования ответов экспертов.

Эта же по существу методика пригодна для классификации респондентов на небольшое число латентных групп, например, по типу их адаптации к существенным изменениям в жизни страны (например, креативная адаптация, приспособление за счет сужения своего «пространства», смирение с происходящим, потеря своих социальных позиций и маргинализация). В этом случае латентная классификация является аналогом набора сценариев, а в качестве факторов выступают анкетные вопросы, зондирующие проявление различных видов адаптации в установках и поведении респондентов. Опыт показывает, что вполне хорошие результаты дает набор примерно из десяти вопросов, затрагивающих разные аспекты классификационной базы. Экспертные данные представляют оценки шансов того, что респондент из конкретного латентного класса выберет тот или иной вариант ответа на заданный вопрос. Расчетные процедуры почти идентичны процедурам сценарного прогнозирования.

Разработка сценариев и полученные от референтной группы экспертов данные можно использовать для изучения настроений (отношений к сценариям) в специализированных группах населения (студенты, кадровые офицеры, судьи и т. д.), давая им в качестве анкеты вопросы об оценке шансов среди событий, определяющих варианты проявления отдельных факторов. Их позиции будут определяться шансами сценариев, вычисленными по их ответам с использованием условных оценок шансов от экспертов. При этом полезно иметь в виду, что экспертиза по назначению условных шансов практически не зависит от политической ангажированности эксперта, а скорее от его знаний и профессиональной ориентации.

Г. З. Файнбург

СУПЕРЭКСПЕРТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ БУДУЩЕГО В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ З. И. ФАЙНБУРГА

ФАЙНБУРГ Григорий Захарович — доктор технических наук, профессор, директор Института безопасности труда, производства и человека Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия; faunburg@mail.ru

Аннотация. Рассматривается методология суперэкспертного прогнозирования в рамках социологии будущего, опирающаяся на синкретичный образ, выраженный в форме художественного произведения социальной научной фантастике, разработанный З. И. Файнбургом

Ключевые слова: Социология будущего, образное прогнозирование, суперэкспертное прогнозирование, научная фантастика

Стремительные и все более глобализующиеся изменения в человеческом обществе все настойчивее требуют адекватного прогнозирования наметившихся тенденций и грядущих изменений для принятия тех или иных мер воздействия на исторический процесс, а, следовательно, и разработки самой методологии прогнозирования.

Именно эти вопросы фактически составляли ядро сугубо научных исследований Захара Ильича Файнбурга (часто в содружестве с его основным соавтором — Галиной Петровной Козловой) на протяжении почти полувека (см., например, [1—4]). Однако господствовавший во время их активной жизни идеологизм и жесткая редакционная цензура не позволяли и не позволили опубликовать подавляющее большинство написанных работ, ибо они противоречили основной парадигме общественных наук того времени. Настоящая работа построена на неопубликованных материалах архива З. И. Файнбурга.

Время, в котором он работал, было временем, когда наша страна была активно занята «прогнозированием» своего будущего, особенно в начале 60-х годов — в эпоху так называемого «строительства коммунизма», так и конце 80-х годов — в эпоху так называемой «перестройки», готовившей демонтаж советской административной системы и «советского социализма».

Захар Ильич был едва ли не первым ученым-обществоведом, кто оценил значение социальной научной фантастики как формы общественного

сознания, как неотъемлемого элемента социального прогнозирования, как возможного средства моделирования тенденций общественного развития и их результатов.

Социальная фантастика была для Захара Ильича не столько средством (объектом) литературоведческого анализа одного из жанров литературы, сколько средством (методом) образного решения научных проблем развития современного (и возможного будущего) общества.

«Современная фантастика ставит перед нами проблемы в такой области, где мы имеем дело с тенденциями, конечный результат которых науке пока не ясен. Научная догадка доходит до определенного предела, а дальше начинается область гипотез, а еще дальше — область чистой фантастики. То есть мы пытаемся эту тенденцию рассмотреть в фантастике как реализованную, продолженную» — писал З.И. Файнбург. Это позволяло построить «суперэкспертную» целостную модель прогнозирования, несколько отличного от «футурологии», а потому науку, необходимую для анализа социальных процессов в будущем, З.И. Файнбург еще в начале 60-х годов назвал «социологией будущего».

В процедуре социального прогнозирования фактическую функцию реального индивида в процессе прогнозирования принимает на себя то лицо (или те лица — эксперты), которые составляет данный прогноз. Лицо (или лица), принимающие окончательное решение в процессе разработки социального прогноза, корректируют и интерпретируют представленные в самом абстрактном виде человеческие потребности в соответствии со своими сугубо индивидуальными представлениями о социальном будущем и его потребностей и т.п. Основанные на индивидуальной социально-прогностической интуиции, такого рода оценки могут содержать весьма значительные отклонения от реально типических потребностей. Вычленение объективного в субъективном, несомненно, критический пункт социального прогнозирования.

Этот пункт опирается на реальная возможность предотвратить отождествление индивидуальных оценок и фактической общественной тенденции. Эту возможность создают, во-первых, проведение систематических эмпирических социологических исследований относительно представлений представителей различных компонентов социальной структуры о своем и общем социальном будущем, во-вторых, целенаправленный социологический анализ художественного творчества (в рамках научной фантастики).

Любому индивиду свойственно то, что условно можно назвать «утопическим сознанием»: образ идеализированного гипотетического способа «деятельности». С точки зрения шкалы социального времени он всегда тяготеет к будущему (поскольку в прошлом и настоящем наличествуют

реалии, а не утопии). По своему истинному содержанию такого рода образы будущего представляют собой: превращенную форму фиксации в индивидуальном сознании тенденции социального развития, назревших социальных изменений, с которыми индивид связывает и свою собственную судьбу, свои ожидания; интерпретацию реальности (то есть в превращенной форме) с позиций своих индивидуальных и групповых (вплоть до классовых) интересов, своих специфических ценностных представлений, своего мировоззрения.

Оба эти аспекта образного видения будущего отражают, хотя и в превращенной форме, реальные жизненные ожидания, направленные в будущее, а их фиксация и интерпретация в эмпирическом социологическом исследовании позволяет в решающей степени заместить индивидуальные представления о будущем эксперта представлениями достаточно репрезентативной общности людей.

Другой формой, в которой аккумулируется в превращенном виде обусловленное социальным развитием представление о будущем, является художественное творчество. Прежде всего, здесь должны быть выделены те формы его, в которых это будущее положено в основу сюжета, т. е. социальная научная фантастика. Художественное произведение, содержанием которого является гипотетическая социальная ситуация в будущем, представляет собой сублимированное, превращенное, интегрированное отображение интерпретаций тенденции социального развития в общественном сознании, с отличием от индивидуальных, чаще всего точечных, дискретных, несистемных представлений о каких-либо тенденциях социального развития. Поэтому художественное произведение дает достаточно обобщенную и относительно много более системную образную интерпретацию тенденций социального развития.

Нормирование сюжета в сознании автора, тем более выдающего мастера своего жанра, художественного произведения социальной научной фантастики всегда представляет собой обобщение (интеграцию) интуитивных представлений о тенденциях социального развития, о будущем, «висящих» в воздухе. Они — эти представления — преломляются через индивидуальное сознание писателя, через его мировоззрение и мироощущение, однако, несмотря на это, эффект интегрирования, обобщения здесь будет ярче и сильнее, чем практически в любом репрезентативном эмпирическом социологическом исследовании.

Социологическая прогностическая научная интерпретация художественного произведения, где отображена гипотетическая социальная ситуация, очень не проста, однако она возможна в современных условиях и безусловно необходима при осуществлении социальных прогнозов (особенно долгосрочных).

Список источников

1. Файнбург З. И. Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. 1967. № 6. С. 32—43.
2. Файнбург З. И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики / Мемориальное издание под общей редакцией проф. Г.З. Файнбурга. Пермь, 2007.
3. Файнбург З. И., Козлова Г. П. Коллективистское общество : Идеал. Теория. Реальность : Мемориальное издание / подготовка к изданию — проф. Г.З. Файнбург. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та., 2012.
4. Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира... : Социализм и «культ личности» : Очерки теории. М. : Политиздат, 1991.

В. А. Жук, Г. К. Подшивалов, В. Б. Терновсков

ДИССИПАТИВНЫЕ СТРАЖИ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЖУК Виктория Аркадьевна — студентка IV курса Академии Маймонида, г. Москва, Россия; rky10@mail.ru

ПОДШИВАЛОВ Геннадий Карнильевич — кандидат экономических наук, профессор кафедры прикладной математики и информатики Московского государственного гуманитарно-экономического университета, г. Москва, Россия; g_podshivalov@yahoo.com

ТЕРНОВСКОВ Владимир Борисович — кандидат технических наук, Академия Маймонида, доцент кафедры «Прикладной информатики, программирования и телекоммуникаций», г. Москва, Россия; vternik@mail.ru

Аннотация. Анализируя критерии оптимизации выигрышей, ограничения и аксиомы теории игр, необходимо прийти к выводу, что эта теория является «линейной», поскольку при принятии управленческих решений в ней не учитываются нелинейные процессы и влияние хаоса. Данная теория применима лишь при рассмотрении линейных процессов с «медленными» фазовыми режимами. Безопасность предприятия сопряжена с рисками, которые можно классифицировать по совокупности признаков: по внешним и внутренним факторам, месту и времени их возникновения, методам из анализа и выработки решений — ответных реакций на возникшие конфликтные ситуации, которые связаны с риском и неопределенностью. Наибольшую прибыль, как правило, приносят рыночные операции с повышенным риском. Однако для оценки риска нужна мера. Мера должна быть рассчитана с учетом максимально допустимого предела. Как известно, все рыночные оценки носят многовариантный характер. И поэтому важно постоянно корректировать систему действий с позиций максимума прибыли. Множественное регулирование по принципу обратной связи, или самонастройка развивающегося организма, лежит в основе поддержания устойчивого состояния, обеспечивает сохранение устойчивости процесса развития при нерегулярно меняющихся внешних условиях. Таким образом, адаптация системы происходит: за счет избыточности элементов-признаков, за счет накопления информации в системе о состоянии окружения. Эти диссипативные стражи обеспечивают надежность достижения результата развития в регулярно меняющихся условиях среды, селекцию и отбор оптимальных вариантов.

Ключевые слова: риск, неопределенность, теория игр, гуманитарная безопасность, принятие решений в стратегическом менеджменте

Гуманитарная безопасность предприятия, фирмы или банка сопряжена с рисками, которые можно классифицировать по совокупности признаков: по внешним и внутренним факторам, месту и времени их возникновения, методам из анализа и выработки решений — ответных реакций на возникшие конфликтные ситуации, которые связаны с риском и неопределенностью. Наибольшую прибыль, как правило, приносят рыночные операции с повышенным риском. Однако для оценки риска нужна мера. Мера должна быть рассчитана с учетом максимально допустимого предела. Как известно, все рыночные оценки носят многовариантный характер. И поэтому важно постоянно корректировать систему действий с позиций максимума прибыли.

Гуманитарная безопасность во многом зависит от правильной классификации рисков. Такая система включает в себя категории, группы, виды и веса рисков, создает предпосылки для эффективного применения соответствующих методов управления рисками [3]. Управление рисками представляет собой последовательность изменений состояний экономического субъекта, его внешней среды, которые необходимо учитывать при достижении поставленной цели.

В зависимости от возможного результата или рискового события экономические риски можно подразделить на две большие группы — тактические и стратегические. К первой группе можно отнести:

- **производственные** — связаны с убытками из-за остановки производства вследствие аварий или повреждения основных и оборотных фондов (оборудования, сырья, транспорта и т. п.);
- **транспортные** — связаны с перевозкой грузов транспортом;
- **коммерческие** — возникают из-за опасности потерь в процессе финансово-хозяйственной деятельности, являются следствием неопределенности результатов коммерческих сделок. Последние (коммерческие риски) подразделяются по структурному признаку:
 - **имущественные**, вызванные возможностью потери имущества по причине краж, диверсии, халатности, нарушений в эксплуатации техники и технологий;
 - **торговые**, связанные с возможностью убытков по причине задержки платежей, отказа от платежа в период транспортировки товара, срыва поставки товара;
 - **финансовые**, связанные с изменениями: покупательной способности денег, валютных курсов, ликвидности;
 - **дефляционные**, связанные с ростом дефляции, падением цен, ухудшения экономических условий для предпринимательства и снижения доходов;

- **снижения доходности**, которые подразделяются по структурному признаку:
 - на **процентные** — возникают из-за потерь, которые могут понести коммерческие банки, кредитные учреждения, инвестиционные институты в результате превышения процентных ставок, выплачиваем ими по привлеченным средствам, над ставками по предоставленным кредитам. К ним также относятся риски потерь, которые могут понести инвесторы в связи с текущими изменениями дивидендов по акциям, процентных ставок по облигациям, сертификатам и др. ценным бумагам на фондовом рынке. Этот вид риска имеет значение в условиях инфляции, когда наблюдается быстрый рост процентных ставок краткосрочных ценных бумаг;
 - на **кредитные** — возникают в результате неуплаты заёмщиком основного долга и процентов, причитающихся кредитору. Этому (кредитному) риску подвержены эмитенты, которые выпустили долговые ценные бумаги, но не в состоянии выплачивать проценты по ним или основную сумму долга;
 - на **биржевые** — связаны с опасностью потерь в биржевых сделках. К этому типу риска относятся неплатежи по коммерческим сделкам, а также неплатежи комиссионного вознаграждения брокерской фирме.

Важную роль в теории ожидаемой полезности [6] играет понятие **неприятия риска** (*risk aversion*). Если некоторая игра является **менее** (или **более**) **предпочтительной**, чем **достоверное получение суммы денег**, равной **ожидаемому выигрышу**, то такие **предпочтения** связаны с **неприятием риска** (или соответственно **стремлением к риску**). **Вогнутая функция ожидаемой полезности** характеризует **неприятие риска** (*лотерей*), пропорциональное степени вогнутости функции, т. е. для таких предпочтений достоверные эквиваленты будут меньше ожидаемых денежных выигрышей в лотереях. Американские экономисты-математики Кеннет Джозеф Эрроу¹ и Джон Пратт² независимо друг от друга предложили использовать в качестве **локальной меры неприятия риска** отношение второй производной функции полезности $U(x)$ к первой, взятое с отрицательным знаком:

¹ Кеннет Джозеф Эрроу (род. в 1921) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1972 год (совместно с Джоном Хиксом) за вклад в общую теорию равновесия и теорию благосостояния.

² Джон Пратт (род. в 1931) — профессор Гарвардского университета.

$$R(x) = - \left(\frac{\frac{d^2U(x)}{dx^2}}{\frac{dU(x)}{dx}} \right)$$

Критерий минимакса (пессимизма) основан на пессимистическом принципе, согласно которому в условиях неблагоприятной внешней среды управляемые факторы могут быть использованы неблагоприятным образом. Тогда матрица эффекта E выбирается из условий обеспечения минимума эффективности:

$$E^{\min} = \min_i \left(\min_j (e_{i,j}) \right)$$

Критерий максимина (крайнего пессимизма) основан на **пессимистическом принципе Вальда**, согласно которому выбирается тот вариант, результат которого является **самым благоприятным** среди **наименее благоприятных**.

Этот критерий имеет вид:

$$G_i = \max_i \left[\alpha \cdot \min_j (a_{i,j}) + (1 - \alpha) \max_j (a_{i,j}) \right]$$

где $a_{i,j}$ — выигрыш при i -м решении и j -м варианте ситуации (или состоянии внешней среды).

При параметре $\alpha = 0$ выбирается линия поведения в расчете на **лучший исход**, а при параметре $\alpha = 1$ выбирается линия поведения, рассчитанная на **худший исход**.

Можно сказать без преувеличения, что парадигма ожидаемой полезности Фон Неймана-Моргенштерна, начиная с 50-х годов XX века, является **основной парадигмой** всех исследований в области принятия решений. В управленческих дисциплинах (в особенности в анализе решений) она использовалась для предписаний, в финансовой и экономической теории — для предсказаний, она играла центральную роль во всех концепциях измеримой (количественной) полезности, поэтому ее формулировка подвергалась многочисленным интерпретациям и модификациям. Предметом исследований явился процесс принятия решений в условиях маловероятных, но масштабных по своим последствиям рисков. Мы связываем с этим две ситуации: *когда рассматриваются существенные потенциальные потери (low-probability and high-losses*

risks (LP/HL)); рассматривается высокий потенциальный выигрыш (low-probability and high-profit risks (LP/HP)).

Принятие решений в этих ситуациях на практике связано с **противоречиями** и **парадоксами**, на которые ссылаются многие исследователи. Если подвергнуть анализу ограничения, положенные в основу модели **ожидаемой полезности** фон Неймана-Моргенштерна, то можно прийти к выводу, что **теория игр** является «**линейной**» теорией. А поэтому в ней не могут рассматриваться **нелинейные процессы**, происходящие **со сменой «медленных» и «быстрых» фазовых режимов**.

И поскольку синергетика экономической безопасности [2, 5] должна учитывать «**нелинейный**» **характер конфликтов**, то можно сделать вывод: **теория игр применима к рассмотрению конфликтов исключительно в процессах с «медленными» фазовыми режимами, что, фактически, означает ее неприменимость к нелинейным процессам, в которых учитывается влияние хаоса.**

Неопределенность предполагает наличие **сильной нестабильности**, при которой результаты действий не обусловлены, поскольку степень возможного влияния различных факторов в создавшихся рискованных ситуациях на результаты часто неизвестна.

В последнее время понятие «неопределенность» связывают с такой наукой как синергетика. В рамках синергетики рассматривается динамика открытых нелинейных систем, которые происходят между полюсами «порядка» и «хаоса» в промежутках между состояниями равновесия, а смена фазовых режимов происходит в точках бифуркаций.

Следуя теории синергетики, в точках бифуркаций возникает **неопределенность состояний**. Поэтому любое действие в условиях неопределенности, оказывающее влияние на будущее, имеет **неопределенный исход**. Этим можно объяснить тот «разрыв», который возник между теорией игр и «**нелинейной экономической безопасностью**». Синергетика изучает коллективные процессы самоорганизации, охватывающие практически все отрасли современных знаний. Она строится как обобщенная наука, включающая нелинейную динамику и теорию самоорганизации. Из этого следует, что синергетика должна изучаться студентами различных специальностей современного университета. В течение короткого времени она как наука превратилась во всеобщую теорию развития, имеющую весьма широкие мировоззренческие позиции. Отметим два фундаментальных свойства синергетических систем любой природы — это: **во-первых, обязательный обмен с внешней средой энергией, веществом и информацией; во-вторых, взаимодействие, т. е. когерентность поведения между компонентами системы.**

Структурная устойчивость при этом не нарушается, а только **усиливается**. Поэтому понятие **структурной устойчивости** играет важную роль в теории самоорганизации. Концепция **структурной устойчивости** в наиболее сжатом виде выражает **идею инноваций** — появление нового механизма и новых элементов.

Механизм **структурной устойчивости** можно описать так. Под воздействием флуктуаций (как внутренних, так и внешних) в **самоорганизующейся системе** появляются приспособительные признаки (это может выражаться в появлении новых признаков у существующих элементов, либо новых элементов, новых взаимосвязей между элементами). Новая **сеть элементов-признаков** обеспечивает адаптацию системы к флуктуациям. Если при этом не меняется способ функционирования системы, то такую систему называют **структурно устойчивой**. Если один из основателей теории систем Берталанфи объединил понятия «**поток**» и «**равновесие**» для описания открытых систем, то другой — основатель теории сложных систем — Пригожин объединил понятия «**диссипация**» и «**структура**», чтобы связать воедино две кажущиеся противоречивыми тенденции, которые «сосуществуют» во всех экономических и живых системах. *Множественное регулирование по принципу обратной связи, или самонастройка развивающегося организма, лежит в основе поддержания устойчивого состояния, обеспечивает сохранение устойчивости процесса развития при нерегулярно меняющихся внешних условиях. Таким образом, адаптация системы происходит:*

- за счет избыточности элементов-признаков,
- за счет накопления информации в системе о состоянии окружения.

Эти диссипативные стражи обеспечивают надежность достижения результата развития в регулярно меняющихся условиях среды, селекцию и отбор оптимальных вариантов.

В исследованиях [2—6] дано дальнейшее развитие понятий «хаос», «неопределенность», «частичная неопределенность» и сделана возможность их количественной оценки.

Список источников

1. Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение: Монография. Научное издание. М.
2. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М. : Мир, 1999.
3. Подшивалов Г. К. Метод исчисления прогнозных оценок хаоса // Страховое дело. 2011. № 12. С. 43—57.
4. Подшивалов Г. К., Терновсков В. Б., Демидов Л. Н., Тарасов Б. А. Безопасность в условиях неопределенности// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2. С. 242—257.

5. Paul J. H. Schoemaker. The Expected Utility Model: Its Variants, Purposes, Evidence and Limitations // Journal of Economic Literature. June 1982. v.XX. no.2. p.529—563.

6. О. Ю. Челнокова. Национальный исследовательский университет как социально-Гуманитарная система в условиях хаоса и неопределенности. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. Выпуск № 1—2. том 14. 2014.

О. В. Филимонов

ФУТУРОФОБИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ИХ ПРОГНОЗНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ФИЛИМОНОВ Олег Викторович — доктор социологических наук, доцент, профессора кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, Москва, Россия; ofilimonov@yandex.ru

Аннотация. Автор поднимает проблему готовности руководителей органов внутренних дел РФ к прогнозной деятельности, связанной с непрерывной угрозой преступности, видоизменение которой происходит постоянно и нарастающе. Основным препятствием на этом пути является низкая готовность руководителей ОВД к прогнозно-проективной деятельности. В настоящее время руководители ориентированы, прежде всего, на борьбу с преступностью, имеющей в своем начале достаточно предсказуемый характер. Но стандартные управленческие процедуры перестают быть результативными. Это происходит вследствие усложнения самой преступности, ускорения динамики ее изменения и ростом требовательности к эффективности деятельности полиции со стороны общества, представители которого готовы взять на себя часть нагрузки по обеспечению своей безопасности. Перечисленные обстоятельства требуют готовность к новому типу управленческой деятельности, основанному на прогнозном видении проблем. Препятствием на пути к этому являются отсутствие необходимых компетенций, опасение перед будущим, своеобразная футурофобия.

Ключевые слова: Органы внутренних дел, полиция, руководители, управление, прогнозирование, преступность, футурофобия, презентизм

С ростом нестабильности внутренней и внешней сред неопределенность будущего возрастает. Это касается не только геополитических, экономических, духовных, но и правоохранительных процессов, включая социально-политические, социально-культурные и др. изменения, влияющие на взаимоотношения общества и государства. Появляются новые угрозы, и готовность к реагированию на них снижается (западает). Однако постоянно действующей является угроза преступности, видоизменение которой мы наблюдаем последнюю четверть века.

Ученые постоянно обращаются к теме прогнозирования будущей преступности. Так, О. Шуваева отмечает, что «... новые, усовершенствован-

ные средства массовой коммуникации ускоряют принятие человеком преступных решений. Все более широкое распространение получает подростковая «легкая» преступность, вызванная погружением в виртуальную реальность не только с помощью различных наркотических средств, но и посредством новых психических заболеваний: игромании, интернет-зависимости и т. п. Подростковая преступность связана с различными проявлениями экстремизма, лишённого всякого компромисса и, как следствие, пренебрегающего ценностями социального согласия и терпимости» [1: 89]. Эти обстоятельства закономерно приводят к осознанию необходимости заглянуть «за горизонт» привычной проекции будущего, который находится, как правило, в пределах нормативно-обязывающего периода (не более года).

Однако, как отметил М. Бабаев, «наши попытки заглянуть в будущее преступности пока, как правило (и почти без исключений), ограничиваются сферой статистики и, естественно, получением прогностической информации лишь об ожидаемых *количественных* параметрах криминальных процессов. Это очень важная и актуальная работа, но даже самых успешных ее результатов недостаточно, чтобы в полной мере удовлетворить реальные потребности науки и практики» [2: 18]. Одной из причин такого положения вещей является низкая готовность руководителей органов внутренних дел РФ (ОВД) к прогнозно-проективной деятельности, хотя они и являются основным субъектом прогнозирования как проекции будущего. Конечно, в их стандартных планирующих документах присутствует некий прогноз, но доля его мизерна. В основном все управление социальными процессами основано на поддержании условного «правоохранительного гомеостаза». Известно выражение, что генералы всегда готовят армию к прошлым, а не будущим войнам. В ОВД оно нашло максимальное воплощение. Основные управленческие практики здесь имеют реактивный характер, «от достигнутого». Руководители ориентированы, прежде всего, на борьбу с преступностью, имеющей в своем начале достаточно предсказуемый характер. Динамика резких ее скачков связана, как показывает опыт, с социально-политическими изменениями. Так, резкий рост преступности в 90-х гг. XX в. связан именно с дезинтеграционными процессами, произошедшими на территории бывшего СССР. Понадобилось полтора десятка лет, чтобы справиться с социально-угрожающим уровнем «старой» преступности или выработать тактики борьбы с «новой» — транснациональной (трансграничной), организованной и прочей. В дальнейшем вся деятельность руководителей ОВД была направлена на, как уже отмечено, сдерживание преступности на социально-безопасном уровне.

Но именно сегодняшний день дает основания утверждать, что наступает своего рода точка бифуркации, когда стандартные управленческие

процедуры перестанут быть сколь-нибудь результативными. Это утверждение обусловлено рядом обстоятельств.

С одной стороны, развитие технического прогресса резко увеличивает возможности по противодействию преступности и другим противоправным девиациям. С другой, именно технический прогресс выводит преступность на иной уровень. И хотя появляются «... новые (оригинальные) технические решения, которые (позволяют) оптимизировать деятельность оперативно-розыскных органов при решении задач...» [3: 32] противодействия преступности, опривыченные практики борьбы с ней перестают быть эффективными. За примерами далеко ходить не надо: 3D-печать позволила производить фактически в домашних условиях огнестрельное оружие — и стандартные оперативно-розыскные мероприятия, основанные на металловедении, баллистике и прочих технологиях, просто перестают работать. Аналогично обстоят дела с преступностью в сфере высоких технологий, когда она занималась в основном крупным (чаще всего банковским) бизнесом, соответствующие подразделения, работая на пределе своих возможностей, достигали необходимого (не всегда эффективного) результата. Но в связи с массовым переводом денежного обращения в «пластик» угроза потери средств граждан возросла в геометрической прогрессии — и в той же мере возросли требования граждан к полиции по защите их денег. Но если, как показывает опыт, нарастить и довести до функционального состояния оперативно-розыскные подразделения, ориентированные на борьбу с кражами традиционным способом (вспомним «Кирпича» из кинофильма «Место встречи изменить нельзя») еще можно, то подготовить подразделения с высокой интеллектуальной составляющей крайне проблематично.

С другой стороны, органы внутренних дел как производитель наиболее массовой правоохранительной услуги, перестают быть монопольным ее обладателем. Общество готово взять на себя часть нагрузки по обеспечению своей безопасности (в относительных, конечно, пределах; хотя и пределы тоже относительны). Граждане (их объединения) самостоятельно определяют границу своей безопасной среды и в состоянии (в перспективе) обеспечить их охрану, становясь своеобразным просьюмером (от англ. *prosumer*) — (само)производителем-потребителем.

Время не стоит на месте. В настоящее время требуются новые подходы к реагированию на новые угрозы (в том числе и угрозы преступности). К сожалению, быстрое изменение социальных отношений, понимания роли и пределов государства в их регулировании не находит такого же быстрого принятия в миропонимании руководителей ОВД. Инерция и стереотипность мышления не позволяют осознать не только отдаленное, но и ближайшее будущее. Примером может быть отношение к декрими-

нализации общественных отношений посредством выведения ряда противоправных деяний, подпадающих под уголовное наказание и перевод их в сферу административного санкционирования. Многие руководители ОВД в частных беседах негативно оценивают данные решения, апеллируя к выражению персонажа в упомянутом кинофильме (талантливо сыгранном В. Высоцким): вор должен сидеть в тюрьме. При этом совершенно игнорируется то обстоятельство, что ценность ряда вещей перестала быть таковой, и криминальная потеря ее, естественно, выводится за рамки уголовного наказания. Тем не менее, инерционные практики противодействия преступности продолжают сохраняться, что вызывает своеобразный внутренний конфликт: с одной стороны, есть устойчивое «антиэнтропийное» желание оставить все как есть, с другой — обстоятельства не дают возможности это сделать. В этих условиях может возникнуть, по мнению Э. Тоффлера, «шок будущего» [4]. Осознание этого заставляет руководителей ОВД «капсулироваться», уходить от решения проблем, т. е. отказываться от прогнозирования вообще. Тем более что, как отметил Д. Передня, «... сотрудник (*руководитель ОВД*) все чаще выступает как «предмет одноразового потребления», когда его проще уволить и заменить новым» [5: 75—76]. «Высовывание» из общего ряда может привести к изъятию из него, и закрепляется устойчивая рефлексия «молчи, за умного сойдешь». Особенно это касается аргументирования прогнозной ситуации, о которой сотрудник имеет слабое представление (в отличие от оперативно-служебной).

В этих условиях важным становится не столько знание технологий прогнозирования, понимания желаемых результатов, сколько готовность к (фактически) новому виду управленческой деятельности, появлению своеобразного, как отметили Н. Андреев и В. Коробов, интеллектуального продукта «... в виде образа идеального предвосхищения стратегических целей по выстраиванию будущей системы безопасности общества от угроз преступности» [6: 29], что, соответственно, требует специальной подготовки руководителей, обладающих навыками стратегического анализа и прогнозирования в правоохранительной сфере. В противном случае может возникнуть устойчивое состояние, которое И. Бесстужев-Лада назвал «эффектом футурофобии», основанном на презентизме первобытного мышления [7].

Список источников

1. Шуваева О. М. Проекты будущей преступности в научной фантастике // *Философия права*. 2015. № 2 (69).
2. Бабаев М. М. Об исследованиях взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего преступности (тезисы доклада) // *Научный портал МВД России*. 2009. № 4.

3. Павличенко Н. В. Научно-технические исследования в оперативно-разыскной науке // *Оперативник (сыщик)*. 2015. № 1 (42).
4. Тоффлер Э. *Шок будущего*. М. : АСТ, 2008.
5. Передня Д. Г. *Управленческая культура в системе органов внутренних дел: монография*. М. : Библио-Глобус, 2017.
6. Андреев Н. А., Коробов В. Б. *Интеллект в стратегическом управлении правоохранительной сферой // Труды Академии управления МВД России*. 2015. № 3 (35).
7. Бесстужев-Лада И. В. «Эффект футурофобии» в обыденном и бюрократическом сознании // *Социологические исследования*. 1990. № 11.

Д. А. Медведев

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ПОЛИТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Андреевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления и национальной безопасности РАНХиГС, Москва, Россия; medvedev-da@ranepa.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности политемпоральности социально-политических процессов, обусловленной неоднозначностью восприятия политического времени в исследованиях стратегического будущего. Множественность видений стратегического будущего детерминируются национальным самосознанием государств, их пониманием своей социально-политической, исторической и иной идентичности. Неоднозначность восприятия политического времени приводит к «раздробленности» картины общего мирополитического будущего, усиливая турбулентность и нелинейность развития мирополитики.

Ключевые слова: прогноз, политемпоральность, социально-политические процессы

Сопровождающая глобализацию конкуренция мировидений углубляет неоднозначность понимания акторами долгосрочных перспектив мирового развития. Эта множественность видений стратегического будущего детерминируются национальным самосознанием государств, их пониманием своей социально-политической, исторической и иной идентичности. Наличие подобных идентичностей характерно для всех государств, однако их содержание, баланс и доминирование одних факторов по отношению к другим существенно отличается

Исследуя долговременные социально-политические процессы, А. Бадью настаивает на необходимости изучения феномена политемпоральности социально-политического развития [1]. Специфика восприятия социального и политического времени задает контуры видения долгосрочного будущего, а также дальность периода стратегического упреждения. Исследуя темпоральный аспект восприятия социально-политических процессов, П. Штомпка пишет: «на одном полюсе — одержимая озабоченность течением, прохождением, недостатком времени и т. д. (синдром «время — деньги»), на противоположном — безразличие, пренебрежение временем, вседозволенность обращения с ним (синдром

«отложим на завтра»)» [3: 75]. При этом темпоральные аспекты политического мышления чаще не осознаваемы носителями и относятся именно к особенностями аналитического менталитета.

Так, для интеллектуальных кругов стран Запада характерно видение долгосрочного будущего как равномерного прямолинейного движения или «количественного развертывания вечного теперь» [2: 10]. Тезис о достижении предела историко-политического развития, в частности, аргументируется в политико-футурологической концепции «конца истории» американца Ф. Фукуямы. Победа либеральной демократии в ней провозглашалась не только как решающая, но и окончательная и безальтернативная, так как мирополитическое развитие воспринималось как поступательное поэтапное линейное движение.

Такое восприятие политического времени обуславливает инструментальное, потребительское отношение к политической прогностике и игнорирование возможности появления *качественного иного* в будущем. Соответственно, в стратегических исследованиях большинства западных аналитических центров аргументируется состоятельность сложившегося статус-кво в международных отношениях и отрицается жизнеспособность качественных альтернатив развития мирополитики.

В частности, в работе «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» З. Бжезинский критикует нежелание политических элит США признавать то, что сложившийся в конце XX в. миропорядок неизбежно будет качественно трансформироваться. Он констатирует масштабное перераспределение мирового баланса сил, которое приведет к изменению роли Соединенных Штатов в мировом развитии. В долгосрочной перспективе однополярный мир с единственным гегемоном и «мировым полицейским» в лице США несостоятелен, однако разработчики стратегических документов (например, Стратегия национальной безопасности США — 2015) по-прежнему опираются именно на эту модель развития.

В этой связи нехарактерным для американского стратегического сообщества стал документ «Глобальные тенденции-2030: альтернативные миры» (Global Trends-2030: Alternative Worlds), где эксперты постарались отойти от классического американоцентризма и признали тенденции к формированию полицентричного миропорядка. Однако, как отмечают авторы прогнозного документа, их усилия были направлены на то, чтобы отрицательные для США, «радикальные» сценарии будущего не смогли реализоваться.

В свою очередь, интеллектуальные круги стремительно азиатских стран обладают иным аналитическим менталитетом. Для научно-аналитических центров стран Азии характерна разработка долгосрочных прогнозов на 25—50 лет с акцентом на инновационные, нетривиальные

возможности развития общественной системы. В разработках этих прогнозных сценариев и планов участвуют Академия общественных наук, Академия наук, исследовательские центры Госсовета КНР и Комитета по планированию развития Китая. В частности, в 1980 г. был разработан трехступенчатый план развития КНР до 2050 (China Three-step Development Strategy for the 2001—2050), который содержал в себе концептуальное основание, стратегическое видение перспектив мирового развития на полвека вперед. Стоит отметить другую особенность аналитического менталитета Китая — долгосрочные прогнозы социального и политического развития в азиатских государствах часто зависят от вековых доктринальных и партийных установок.

Существование крупных взаимодействующих социальных субъектов в различных временных циклах и ритмах обеспечивают политемпоральность современных социальных и политических процессов. Неоднозначность восприятия политического времени приводит к «раздробленности» картины общего мирополитического будущего, усиливая турбулентность и нелинейность развития мирополитики.

Список источников

1. Бадью А. Мета / Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М. : Логос, 2005.
2. Панарин А. С. Глобальное стратегическое прогнозирование. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996.

М. А. Старкова

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

СТАРКОВА Марина Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия; voms5@mail.ru

Аннотация. Изучение локальных политических процессов становится актуальным и приобретает особую значимость, учитывая их влияние на развитие региональных политических процессов. Конфликтные ситуации в политическом пространстве на муниципальном уровне могут привести к изменениям в политической ситуации региона, например, к кадровым перестановкам на уровне региональной власти или реструктурированию групп влияния.

Ключевые слова: прогнозирование, политические процессы

Политические условия, в которых существовала локальная политическая элита, значительно изменились после 2005 г. в связи с реализацией проекта муниципальной реформы, как отмечает в своем диссертационном исследовании Т. Витковская [1]. Имевшее место снижение автономии местного самоуправления поставило вопрос о существовании политической элиты на локальном уровне. В настоящее время можно оценить последствия реформы местного самоуправления 2005 г. и дать предварительную оценку начала реализации муниципальной реформы 2014 г., наиболее спорным моментом которой, по оценкам в СМИ и мнению экспертов, является отмена механизма рекрутирования глав муниципалитетов и упразднения прямых выборов глав муниципалитетов: «уход от прямых выборов на местах — федеральный тренд. Эксперимент, чтобы понять, что перевесит: плюсы дополнительного контроля или минусы избыточной ответственности. Для региональной власти это проба собственных сил и шанс проявить себя перед федералами с лучшей стороны»¹.

Поэтому для выявления направлений и тенденций развития локальных политических процессов представляется целесообразным определить методы и возможности экспертного прогнозирования со стороны локаль-

¹ Субботин И. «Не демонизируйте Басаргина!» Реформа МСУ по-пермски: камень на шее губернатора или отказ от суррогата выборов? [Электронный ресурс] URL: <http://ura.ru/articles/1036263457>.

ной политической элиты как экспертной группы и акторов локального политического процесса.

Локальная или местная политическая элита может быть определена как социальная группа, оказывающая приоритетное влияние на принятие стратегических политических решений, влияющих на локальное сообщество и территорию, и обладающая необходимыми для этого степенью автономии и ресурсным потенциалом [1]. Результаты исследований экспертов — в первую очередь, профессора А. Е. Чириковой [3] на примере двух городов Пермского края наглядно демонстрируют факт, что занятие статусной позиции во власти и обладание необходимыми формальными ресурсами не гарантирует полноты реальной власти. Только сочетание формальных и неформальных ресурсов позволяет сформировать должный потенциал влияния на локальную политическую ситуацию. Потому при выборе экспертов среди представителей локальной элиты для проведения исследования необходимо учитывать, как формальный, так и неформальный ресурс влияния. Экспертный потенциал представителей локальной элиты оценивается, таким образом, посредством репутационного компонента, который также измеряется в ходе исследования.

Метод репутационного анализа Ф. Хантера, используемый для оценки репутационного потенциала местных элит, является популярным в политической социологии, исследованиях локальных элит. Метод позволяет концентрироваться непосредственно на изучении распределения репутационного потенциала персон для принятия решений на уровне локальной общности (города/района). Метод репутационного анализа, впервые примененный Ф. Хантером в его новаторской работе, посвященной исследованию структуре власти в Атланте, позволяет выявить кадровый потенциал локального сообщества и особенности взаимодействия местных элит [2]. Сторонники подобного метода исходят из того, что для выявления людей, обладающих властью, необходимо опросить активных наблюдателей или участников политических событий: их экспертные оценки позволят отличить тех, кто занимает высокие посты, но реально не имеет авторитета, от тех, кто на деле влияет на происходящее на политической сцене. Таким образом, с помощью метода репутационного анализа возможно оценить степень влияния представителей локальных политических элит на процесс принятия решений внутри территории, формальный и неформальный ресурс, а также степень погружения в локальные политические процессы, уровень информированности о ситуации и возможность экспертного прогнозирования развития локальных политических процессов.

Для оценки субъективности в прогнозировании локальных политических процессов необходимо выявить структуру межэлитных отношений

внутри территории, коммуникативный контекст и группы влияния внутри локальной элиты. С этой целью возможно использование метода социальной психологии — социометрического анализа. Социометрический метод для выявления коммуникационного контекста в общественно-политических процессах был использован в практике изучения местных элит для социометрического построения внутриэлитных связей. Суть «общей теории социометрии» состоит в утверждении того, что социальные системы являются притягательно-отталкивающе-нейтральными системами, включающими в себя не только объективные, внешне проявляемые отношения (макроструктура), но и субъективные, эмоциональные отношения, часто невидимые внешне (микроструктура). В ходе исследования выявляется данная микроструктура взаимодействия представителей элит в городе/районе. В ходе данной исследовательской стратегии задачами становятся: выявление лидеров и их группы влияния, определение аутсайдеров, а также выявление характера взаимодействия как между отдельными акторами, так и между группами влияния: позитивный, конфликтный, нейтральный.

Данные методы были использованы в практике мониторинга политической ситуации в отдельных муниципалитетах для прогнозирования развития локальных политических процессов на уровне региона в 2009—2015 гг.: был организован комплекс исследований в 38 из 48 муниципальных образований Пермского края методом экспертного интервью, где в качестве экспертов выступали представители локальных элит (от 15 до 40 экспертов в отдельном муниципальном образовании).

В ходе исследований в применении данных исследовательских методов проводились индивидуальные глубинные интервью с представителями местных элит локальных сообществ. Приоритет в исследовании элитных групп отдан именно качественным методам, так как они ориентированы на достижение углубленного понимания социальных явлений.

Практика экспертного прогнозирования локальных политических процессов, когда в качестве экспертов выступают акторы данного процесса — представители локальных элит, позволяет с высокой степенью эффективности спрогнозировать сценарии политического развития муниципального образования, выявить риски и возможные конфликтные сферы в общественно-политическом пространстве территории. В ходе исследования выявляется системная микроструктура локальных политических процессов, матрица взаимодействия представителей элит, что позволяет оценить формальный и неформальный потенциал влияния.

Основное внимание исследований направлено на выявление субъективно-специфических факторов в формировании представления о направлениях политической стратегии, понимание тех смыслов, которые

вкладывают представители локальных элит, проявляющих активность в локальных политических процессах, в свои действия и которыми руководствуются в своей деятельности. Также в фокусе исследования находятся особенности взаимодействия локальных политических акторов, групп влияния, неформальных объединений, влияющее на функционирование и развития локальных политических процессов.

Список источников

1. Витковская Т. Б. Локальная политическая элита в регионах РФ: особенности формирования, структура и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 : Пермский государственный университет. Пермь, 2008. 25 с.
2. Ледяев В. Г., Ледяева О. М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях власти в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4.
3. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Локальные элиты и политические режимы в малых российских городах: формальная и неформальная власть // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. № 1 (12). С. 129—162.

Л. П. Федоренко

СОЦИАЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ КАК ФАКТОР РИСКА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

ФЕДОРЕНКО Людмила Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани, Россия; FLP2008@yandex.ru

Аннотация. Оценивается риск возникновения отклонений в социализации личности при наличии отклонений в выполнении функции социальной селекции институтами общества. При этом учтены различные подходы к анализу самого процесса социальной селекции. Отмечается необходимость построения системы профориентационной работы в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальная селекция, социализация личности, социализационная норма, профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация.

*Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник...
И. А. Крылов*

Любое общество заинтересовано в максимальном удовлетворении своих потребностей, то есть в том, что бы все его социальные институты максимально эффективно справлялись со своими функциями, или, другими словами, что бы все виды деятельности осуществлялись максимально качественно. Это возможно при условии, что каждым видом деятельности занимаются люди, обладающие необходимой компетентностью и опытом, то есть, профессионалы. Чем выше уровень профессионализма, тем качественнее выполняемая деятельность. Компетентность, как основа профессионализма, обеспечивается институтом образования в основном посредством функции обучения, состоящей в передаче знаний и формировании навыков. В меньшей степени для достижения компетентности используется функция воспитания, состоящая в формировании личностных качеств, необходимых для профессии. Известно, что качество усвоения знаний зависит от мотивации обучающегося, а мотивация получающего профессиональные знания, в свою очередь, зависит от того,

насколько эта профессия желанна для него, то есть, является ли она его жизненным призванием. Для идеального качества удовлетворения общественных потребностей необходимо, чтобы каждым видом деятельности занимались не только хорошо обученные специалисты, но специалисты, предназначенные самой своей природой для выполнения этой деятельности. В этом интересы личности и общества счастливо пересекаются: любимая работа, осознание своего признания традиционно считаются одним из критериев жизненного успеха.

Поиск своего призвания — одна из важнейших задач в процессе социализации личности. Помочь в решении этой задачи призвана социальная селекция, то есть, контроль, не пропускающий людей, не способных к определенной деятельности, в сферу этой деятельности. В современной науке существуют подходы к социальной селекции, как к процессу, осуществляющемуся на трех уровнях: естественный отбор, культурный отбор и социальный отбор [1]. С позиций такого подхода, в данном случае речь идет о социальном отборе, имеющем «надприродный», нечувствительный характер [1]. Социальная селекция понимается как «...своего рода «сито», которое просеивает индивидов и определяет им то, или иное место в обществе. Основная цель этого контроля — распределить индивидов в соответствии с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо выполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество: оно дезинтегрируется» [9: 405]. Но и сам индивид в этом случае страдает, переживая отсутствие успеха в своей деятельности.

Выполняя функцию социальной селекции (социальной фильтрации), институт образования на уровне средней школы предлагает разнообразные кружки по интересам, где можно обрести опыт в различных видах деятельности. В сфере профессионального образования функцию фильтра выполняет оценка знаний: неудовлетворительные оценки приводят к отчислению и, тем самым, не допускают некомпетентных лиц к профессиональной деятельности. Но этих средств для качественной фильтрации недостаточно и, в рамках средней школы, они дополняются профессиональной ориентацией. Хотя, в законе об образовании профорientация, как обязанность школы, не упоминается. Само образование трактуется в Статье 2 как «...целенаправленный процесс воспитания и обучения, ... в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека...»¹. Возможно, под

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <https://zakonobrazovanii.ru/> (дата обращения: 17.02.2017).

профессиональным развитием понимается процесс, априори начинающийся с профессионального самоопределения, которое, в свою очередь, является результатом профессиональной ориентации, но, поскольку, напрямую требование профориентации не оговаривается, то и широких масштабов профориентационной работы в школе ожидать не приходится. Недостаток профориентации в школе сегодня осознается на всех уровнях российского общества, и решение этой проблемы находится под контролем Президента¹.

Но следует отметить, что профориентация может осуществляться не только школой. Современный исследователь этой проблемы Е. Ю. Пряжникова положительно оценивает советский опыт такой работы и говорит о том, что профориентация должна рассматриваться как система взаимодействия различных социальных институтов. Предприятия, фирмы, организации могли бы оказывать школам помощь, которую раньше называли шефской, благодаря чему школьники могли бы попробовать себя на уровне скромных участников в программах, чтобы изнутри посмотреть, как работают специалисты. Семья, как важнейший социальный институт, должна в целях будущего профессионального самоопределения ребенка, с раннего детства приобщать его к труду, показывать необходимость труда в жизни человека. Участие правоохранительных институтов в профориентационной работе могло бы выражаться в том, чтобы содействовать профориентационной помощи подросткам, которые находятся в группе риска. Например, ходатайствовать о том, чтобы таких людей устраивали на работу, взять на себя ответственность за этих людей. Средства массовой информации могли бы активнее развивать циклы передач, посвященных выбору профессии и трудоустройству [8: 47]. Другие исследователи, оценивая профориентацию в современной России с позиций системного подхода, делают вывод о том, что она не является высокоэффективной, поскольку не соблюдается главный принцип — целостность. Составляющие ее субъекты профориентации связаны между собою слабо, следовательно, результативность с точки зрения реализации конечной цели низкая [3].

Пока эффективная система профориентации в нашем обществе не построена, в помощь профессиональному самоопределению школьников предлагаются профильные классы. Такое распределение в старших классах, безусловно, полезно для тех, кто, собственно, определил свой профиль. Но в условиях профессиональной диффузии профильное обучение не расширяет возможности старшеклассника, а, наоборот, их

¹ Президент призвал развивать профориентацию учащихся еще со школы / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/04/16/proforientazia-anons.html> (дата обращения: 19.02.2017).

ограничивает. Возможно, поэтому введение профильного обучения занимает второе место в ряду неодобряемых россиянами реформ школьного образования [4]. И лишь 7 % россиян считают, что молодежь выбирает профессию «по сердцу»¹. Пять лет назад ситуация с профессиональным самоопределением складывалась так, что лишь 9 % учащихся 9—11-х классов твердо знали, какую профессию будут получать. 30 % соглашались с выбором, сделанным за них родителями, и 61 % опрошенных еще не определились². Судя по тому, что вопрос о профориентации озвучен в рамках «Прямой линии» с Главой государства, ситуация существенным образом не поменялась³. Подтверждают актуальность этой проблемы и данные о том, что 25 % уже обучающихся в вузах выпускников не уверены в правильности своего профессионального выбора [2].

Таким образом, функция социальной селекции в современном российском обществе не выполняется на должном уровне ни образованием, как наиболее приспособленным для этого социальным институтом, ни другими структурами. Следует отметить, что среди современных исследователей встречается восприятие социальной селекции как негативного процесса, усиливающего неравенство [6]. Оценка необходимости поиска личностного призвания так же не однозначна. Маркс, в свое время, говорил о том, что призвание сильно ограничивает человека, так как закрепляет его за определенной трудовой функцией: «Признавая призвание, мы вынуждены признать фатальность человеческой жизни, но человек — это творец своей судьбы» (цитируется по [7: 12]). И сегодня существует мнение о том, что западный опыт отсутствия привязки индивида к определенной профессии следует оценивать как положительный [4].

Тем не менее, отсутствие профессионального самоопределения воспринимается самой личностью как нежелательное для себя состояние. Профессиональная диффузия — это отклонение от социализационной нормы. Социализационная норма определяется, во-первых, как результат успешной социализации, позволяющий индивидам воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности данного общества и обеспечивать их дальнейшее развитие; во-вторых, как многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик; в-третьих, как устоявшаяся в обществе совокупность правил передачи социальных

¹ Петрова А. С. Профориентация. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of022205> (дата обращения: 19.02.2017).

² Осипова Ю. Беспризванница / Московские новости 00:05 20/04/2012. URL: <http://www.mn.ru/friday/80373> (дата обращения: 19.02.2017).

³ Президент призвал развивать профориентацию учащихся еще со школы / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/04/16/proforientazia-anons.html> (дата обращения: 19.02.2017).

норм и культурных ценностей от поколения к поколению [5: 17]. По сути, профессиональное самоопределение — один из элементов эталона социализированности выпускника школы. Низкая эффективность социальной селекции создает риск возникновения отклоняющейся социализации личности в форме профессиональной диффузии.

Список источников

1. Внутских А. Ю. «Социальная селекция» как категория социально-гуманитарных наук: версия Уолтера Рансимена // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 659—659.
2. Гаспаршвили А. Т. Выпускники ссузов о своих планах на будущее [Электронный ресурс] // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19—21 октября 2016 года) Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016. С. 6732—6741.
3. Землянухина Н. С., Фурсов А. Л. Системный подход к профессиональной ориентации в регионе // Саратовский государственный университет. 2013. Том. 13. № 3—2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20810663_89267403.html (дата обращения: 19.02.2017).
4. Казун А. П. Проблема выбора профессиональных траекторий: новая концепция профориентации старшеклассников // В кн.: Izaicinajumi un iespeju laiks: problemas, risinajumi, perspektivas. Starprautiska jauno petnieku un studentu zinatniski praktiska konference // Time of challenges and opportunities: problems, solutions and perspectives. International scientific-practical conference of young scientists and students // Время вызовов и возможностей: проблемы, решения, перспективы. Международная научно-практическая конференция молодых ученых и студентов. SIA «ETRA», 2011. С. 239—244.
5. Ковалева А. И. Социализационная норма в современном российском обществе : автореф. дис. ... д. с. н. М., 1997.
6. Мержоева А. Х. Социальная селекция в условиях модернизации системы образования российского общества : автореф. дис. ... канд. философ. н. Ростов-на-Дону, 2011.
7. Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения : Учебно-методическое пособие. М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : Издательство нпо «МОДЭК», 2002. 400 с. (Серия «Библиотека школьного психолога»).
8. Пряжникова Е. Ю. Профориентация : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. Ю. Пряжникова, Н. С. Пряжников. М. : Издательский центр «Академия», 2005.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

20. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения

И. Е. Штейнберг

ЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ПОСТРОЕНИЯ ПРОГНОЗНОЙ МОДЕЛИ МЕТОДОМ «ДЛИННОГО СТОЛА» ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ: «ТРЕХФАЗНЫЙ ДВИЖОК»

ШТЕЙНБЕРГ Илья Ефимович — кандидат философских наук, автор и ведущий курса «Школа-студия исследователя качественника НОЦ ИС РАН (Москва), научный консультант Бизнес-школы «Диполь», г. Саратов, Россия; ilya.shteynberg@gmail.com

Аннотация. В тезисах представлена описание логической схемы построения прогнознй модели методом «длинного стола» по результатам экспертных интервью: «Трехфазный движок». Логическая схема разделена на три фазы организации качественного исследования: 1) построение модели феномена по результатам экспертных интервью с респондентами, согласно созданной до поля выборки. Процедура создания этой выборки предполагает построение «дополовой» объяснительной модели изучаемого явления. 2) Сбор и анализ первичных данных экспертных интервью с целью уточнения объяснительной модели, с выделением факторов, определяющих состояние объекта в будущем. 3) Построения инструментария для экспертных интервью «на тонких срезах» (Gladwell, 2007) для экспертов, которые имеют представления о трендах по каждому их перечисленных факторах в формате статистики.

Ключевые слова: качественное исследование, экспертное интервью, метод «длинного стола», драйверы и барьеры, прогнозная модель, «тонкие срезы», школа-студия исследователя качественника

- 1. Описание — объяснение — прогноз.** Существует устойчивое представление, что качественные методы исследования имеют слабый потенциал в области социального прогнозирования. Они больше предназначены для подготовки программы исследования, выдвижения гипотез, описания социального феномена, т. е. носят разведовательный характер. Результаты качественных исследований полезны при выявлении мотивации поведения индивидов или небольших социальных групп. Слабая формализация исследовательских процедур задает много вопросов относительно достоверности и надежности первичных данных, полученных с помощью индивидуальных и групповых интервью, наблюдения или различных процедур работы с экспертами. Соответственно, прогностическая ценность таких

исследований имеет значение только в сочетании с количественными исследованиями в качестве пояснения вопроса, что стоит за цифрой. Порой и сами исследователи-качественники отказываются верить в прогнозные возможности метода, а видят только ограничения и дальше описания стараются не идти.

2. **Что делать, если статистики нет, а прогноз нужен?** Однако, сегодня все больше и больше ситуаций, где собрать необходимую статистику нет возможности из-за отсутствия надежных данных, либо от переизбытка разнообразной информации, как в big data. Роль интуитивной экспертизы возрастает, т.к. многие социальные процессы невозможно предугадать на основе экстраполяции имеющихся трендов. В своем выступлении я бы хотел поделиться опытом постановки качественного исследования, когда изначально ставится задача создать не только описание феномена и его объяснительную модель, но и сделать на основании этой модели прогноз развития данного феномена в будущем. В основе этого подхода лежит известное высказывание Зигмунда Баумана о том, что понимать — это знать, что будет дальше.

3. **Метод «длинного стола».** Для того, чтобы настроить качественное исследование на прогноз нужны специфические методические навыки у исследователя. Поскольку для формирования навыков исследователя —качественника мы используем метод «длинного стола», который представляет групповой метод «производства полевого исследователя в процессе самого исследования», то не лишне будет дать краткую справку о его происхождении и сути. «Метод» родился в ходе крестьяноведческих экспедиций Теодора Шанина в 1990—1996 гг с целью сокращения «разрыва компетенций» между знаниями и умениями участников полевых исследований. Он основан на методологии «двойной рефлексивности», автором которой был руководитель экспедиции. Доведен до уровня обучающей технологии по организации исследования и подготовки исследователей в 2006—2011 гг в «Школе-студии полевого исследователя И. Штейнберга».

Метод «длинного стола» представляет собой сочетание мини-лекций, научных семинаров и дискуссий по теме конкретного исследования со специальными заданиями, упражнениями, тренажерами по развитию специфических и не специфических навыков, необходимых полемому исследователю для получения достоверных данных, их интерпретации и анализу качественными методами исследования (критико-аналитическое мышление, рефлексия, умение работать в группе и т.п.). Особенностями данной обучающей системы является наличие необходимого для овладения базовым элементом ремесла «качественного исследователя» уровня формализации основных процедур (гипотезы,

первый контакт, ключевые вопросы, выборка, структура интервью и наблюдения, полевые записи, анализ) и синхронизация трех основных этапов производства полевого исследования («до поля — в поле — после поля») с 8 фазами цикла «производства исследователя» («замысел — кураж и мандраж» — полевой шок — кризис — адаптация и ассимиляция — аналитический шок — презентация результатов — замысел нового исследования»). Весь процесс обучения метода исследования происходит по ходу проведения реального полевого исследования от его замысла до презентации результатов.

4. Прогнозная модель строиться на основе логической схемы, получившей название «Трехфазный движок», т. к. состоит из трех фаз исследовательской процедуры:

- 1) построение модели феномена по результатам экспертных интервью с респондентами, согласно созданной до поля выборки. Процедура создания этой выборки предполагает построение «долевой» объяснительной модели изучаемого явления (Штейнберг, 2014).

- 2) Сбор и анализ первичных данных экспертных интервью с целью уточнения объяснительной модели, с выделением факторов, определяющих состояние объекта в будущем. В построении прогнозной модели особое внимание уделяется выявлению драйверов и барьеров для объяснения текущего состояния предмета исследования.

- 3) Построения инструментария для экспертных интервью «на тонких срезах» (Gladwell, 2007) для экспертов, которые имеют представления о трендах по каждому их перечисленных факторах в формате статистики. Как правило, эксперт в своей отрасли редко ошибается в порядках цифр. Например, если речь идет о примерном размере бюджета, выделенным на будущий год по сравнению с текущим, о порядке сокращения или увеличения рабочих мест, закупке лекарственных препаратов и проч. Т.е. эти экспертные интервью имеют целью наполнить модель количественным выражением значения факторов, которые признаются доминирующими для объяснения феномена и для прогноза его изменения в будущем.

5. На примере конкретных исследований, выполненных участниками Школы-студии будут продемонстрированы логические схемы качественного исследования построения прогнозов на основе экспертных интервью.

Список источников

1. Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: 4М. № 38. С. 38—71.
2. Gladwell Malcolm. Blink: The Power of Thinking Without Thinking. NY. Back Bay Books, 2007.

А. Н. Болотина

ФОКУС-ГРУППЫ: ОТНОШЕНИЕ К РЕАЛЬНОСТИ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА

*БОЛОТИНА Александра Николаевна — кандидат социологических наук, Москва, Россия;
ale-bolotina@yandex.ru*

Аннотация. На сегодняшний день отношение между мнениями, полученными в результате фокус-групп и мнениями, бытующими за пределами такой исследовательской ситуации должным образом не проблематизировано. Данные фокус-групп рассматриваются: 1) либо в логике концепции «моделирования общества», постулирующей принципиальное сходство между мнениями «в» и «вне» исследовательской ситуации, 2) либо в логике не прагматистски ориентированного «качественного подхода», ограничивающегося констатацией того, что данные интервью конструируются совместно исследователем и информантом. Первый подход неадекватен. Второй — не решает задачу анализа отношений между мнениями «в» и «вне» исследовательской ситуации, установления связи между ними. Между тем, как представляется, такая задача должна быть решена применительно к методу фокус-групп, имеющему инструментальное использование. Опираясь на данные фокус-групп, в т. ч. и для социального прогнозирования, становится возможным, если обращаться не столько к «выявляемым» мнениям, сколько к процессу, логике их «изготовления». Мнения, полученные на фокус-группах, во многом, это потенциальные мнения, мнения будущего, а фокус-группа дает возможность изучать возможные логики, траектории «изготовления» такого будущего.

Ключевые слова: фокус-группа, исследовательская ситуация, отношение к социальной реальности, концепция «моделирования общества»

Давно известен тезис о том, что «общественное мнение не существует» [Бурдые П., 1993], полученного в результате массовых опросов. Имеется обширный пул литературы на эту тему, посвященной анализу того, как производится «общественное мнение» в процессе опроса. Большинство из этих направлений критики опросов «общественного мнения» П. Бурдые и другими [см. напр., Шампань П., 1997], так или иначе, посвящены тому, что мнения, бытующие в социальной жизни, не затронуты опросами, отличаются от мнений, произведенных посредством опроса.

Другой распространенный метод опроса — метод фокус-групп пока не получил проблематизации в аналогичном ключе. Между тем, подобная

проблематизация востребована прагматическими соображениями. Сама эволюция метода и ситуаций его использования требует такой проблематизации. Речь идет о том, что основатели метода использовали его применительно к ситуациям бесспорно общего опыта, переживаемого непосредственно на фокус-группе. Основатели метода, как известно, изучали восприятие агитационных материалов военными во время второй мировой войны. [Мертон, Фиске, Кендалл, 1991] В таком случае возможность «не существования» мнений (для простоты используем это понятие) практически исключалась. Впрочем, второй момент, способный повлиять на различие между мнениями, высказанными на фокус-группах, и мнениями вне них — разные ситуации переживания опыта, влияние исследовательской ситуации на наблюдаемый объект — существовал и тогда, но не был проблематизирован.

Сейчас же нередко групповая дискуссия оказывается сфокусированной не на одном конкретном и бесспорно вместе пережитом всеми участниками опыте, а на нескольких тематических опытах, пережитых вне ситуации фокус-группы и в разной мере релевантных жизненному миру информантов. Так бывает, в частности, при различных вариациях социально-политических исследований, когда обсуждаются политические предпочтения граждан, их отношение к тем или иным событиям и явлениям общезначимого, просто публичного, резонансного характера и т.д. Тогда, велика вероятность, что информанты, как и респонденты Бурдые, отвечают на разные вопросы, не имеют определенного мнения и т.д. Иными словами, ситуация фокус-групп значительно приближается к ситуации количественного опроса по мере своей искусственности для участников исследования.

Только решив как соотносятся между собой мнения, полученные в результате фокус-групп и мнения, которые были бы, если бы исследование не состоялось, возможно определиться с любой инструментальной ценностью полученных данных, в том числе, их возможностью использования в целях социального прогнозирования.

До сих пор, как представляется, по отношению к данным фокус-групп не был поставлен вопрос, аналогичный вопросу, который проблематизировал Бурдые по отношению к количественным опросам по многим обстоятельствам. Вопрос «существуют ли» мнения, полученные на фокус-группах, как они соотносятся с мнениями, циркулирующими вне исследовательской ситуации.

Конечно, нельзя сказать, что вопрос об отношении между мнениями в исследовательской и «жизненной» ситуациях совсем не обсуждается. Но обсуждается он в том ключе и/или в таком проблемном контексте, которые не переводят эти расхождения в русло развития и решения отмеченной проблемы.

Можно выделить два способа осмысления или проблематизации вопроса о соотношении данных, полученных на фокус-группах с мнениями в естественной социальной среде. Во-первых, рассмотрение данных фокус-групп (точнее, данных полученных «качественными» вариациями метода опроса в целом) как произведенных совместно информантами и исследователями. [Квале, 2003; Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А., 2009] Во-вторых, негласное постулирование соответствия между данными фокус-групп и мнениями в «обществе», происходящее за счет утверждения, что фокус-группы выступают в качестве «модели общества» или малой группы. [Белановский, 2001; Мельникова, 2007 и др.].

Рассмотрим подробнее эти позиции.

3. Указание на то, что данные в ходе «качественного» интервью производятся информантом совместно с интервьюером. [Квале, 2003; Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А., 2009] при этом подходе постулируется производимость информации, но этот факт не становится проблемой для исследователей, темой для дальнейшего развития. Указание на совместное производство данных в ходе опроса делается, скорее с тем, чтобы подчеркнуть особенность роли интервьюера при «качественном» исследовании. Как представляется, у авторов, склонных к осмыслению и фиксации специфики «качественных» методов, вопрос о соотношении мнений, полученных в ходе «качественных» интервью и в естественной социальной среде и не может получить развития. Возникновению и разработке такого вопроса, возможно, мешает изначальная ориентация на «единичные», уникальные единицы наблюдения и нерепрезентативные данные. Если нет претензий на репрезентацию естественной социальной среды, значит и проблематизации соотношения исследовательской и естественной социальной среды нет места. Вместе с тем, вопрос о репрезентативности данных не исчерпывает проблемы соотношения данных исследовательской и естественной среды.
4. Рассмотрение фокус-групп как «модели общества» или малых групп [Белановский, 2001; Мельникова, 2007 и др.]. Здесь также признается, что в ходе фокус-групп происходит изменение, развитие мнений. Ситуация опроса (фокус-группы) рассматривается как ситуация, позволяющая проявить, а то и «сформировать» мнение или ценности. Но разрыв между ситуациями исследования и мира рассматривается в перспективе латентного или явного наличия мнений. Фокус-группа проявляет, делает видимым то, что в латентной форме содержится и без нее. О каких-то других отношениях, более далеких от отношения тождества речи не идет. Разница между

ситуациями обыденной жизни и исследовательской рассматривается в терминах группового влияния, которое выполняет крайне противоречивые функции: с одной стороны, позволяет проявить мнение и проверить его на прочность, а с другой — способно помешать проявлению «собственного мнения» респондентов.

Понимание фокус-групп как «модели общества» несостоятельно. Такая трактовка и соответствующее ей представление об отношении полученных данных к социальной реальности, исходят из упрощенных представлений о принципиальном сходстве параметров ситуаций в обычной жизни и в исследовательской среде. Развернутая критика представлений о «моделировании», структурных соответствий между «обществом» или «малыми группами», с одной стороны, и фокус-группами — с другой, представляется избыточной. Можно ограничить критику этого представления простым указанием на то, что на фокус-группах информанты часто сталкиваются с новой информацией, которая не появилась бы на их горизонте в обычной жизни. Такая информация может исходить как от других участников, так и от модератора — неожиданная постановка вопроса, новый ракурс рассмотрения, новые факты от хорошо или просто иначе информированных участников групп.

Принимая общее для «качественной методологии» положение о формировании «мнений» в ходе интервью, нельзя не признать, что эти мнения зависимы от появляющейся в исследовательском процессе информации. Следовательно, «на выходе» этого процесса будут такие мнения, которые не возникли бы в обыденной жизни информантов. И вряд ли есть основания считать эти возникшие в ходе групп мнения, мнениями лишь проявившимися, имевшимися до исследования как бы «в потенциале», а благодаря ему ставшими явными.

Но останавливаться на констатации того, что фокус-группы производят новые, иные по сравнению с естественной социальной средой, мнения, также нельзя. Фокус-группы, в отличие от других «качественных» методов — инструмент прагматический, используемый при принятии решений, а значит, ориентированный на будущее. При такой прагматике метода не правильно думать о нем в рамках непрагматичной, неориентированной на решения «качественной методологии». Если мы признаем, с одной стороны, несопоставимость мнений «в» и «вне» фокус-групп и неизбежную прагматику метода, с другой, то возникает вопрос о том, как мнения, не соответствующие мнениям естественной социальной среды могут служить прагматическим целям, выступать ориентиром при принятии решений?

Выход в том, чтобы сменить оптику анализа метода. Отказаться от концепции «моделирования» и перейти к теоретическому языку, позволяю-

щему описывать и анализировать отношение между разными порядками мнений (мнениями «в» и «вне» исследовательской ситуации).

Возникает задача поиска языка для более детального изучения и концептуализации отношений между разными порядками мнений. Кажется очевидным, что такой язык должен обладать более высокой дифференцирующей способностью, чем концепт «моделирования общества». Предварительно представляется, что такой язык может быть близок к какому-то из «диалектов» АСТ подхода. В частности, кажется продуктивным взгляд на фокус-группы как на сеть отношений, состоящей из различных «актантов», действующих сил, совершенно различных по своей природе (актантом может быть человек, материальный объект, идея, собственно, «мнение» и т. д.). Процесс производства мнений тогда предстанет как «практики изготовления» [Ло Дж., 2015]. Плюс, следуя за Б. Латуром, мы сможем различать стабилизированные или не стабилизированные сети. [Латур, 2013 и др.].

Идея моделирования делает незначимым сам процесс «прояснения» (в его версии) мнений, поскольку каким бы он не был, он соответствует процессу «прояснения» мнений в реальной жизни. Единственный фокус на процесс в этом случае — чтобы никто никому не мешал высказать «собственное», правдивое, «проясненное» мнение. Если мы признаем ошибочность концепции «моделирования» и расхождение между порядками мнений и производящий, а по сути, посреднический между этими порядками, характер фокус-групп, у нас меняется фокус исследовательских интересов.

В итоге мы переходим от изучения будто бы уже наличествующих мнений к тому, как изготавливаются потенциальные новые мнения, являющиеся потенциальными по отношению к социальной ситуации вне исследования.

Прагматика метода теперь видится в том, чтобы опираться не на «проясненные» в ходе групп мнения, а на логику производства мнений.

Мнения, «изготовленные» на фокус-группах — это мнения часто (не всегда, но это тема для отдельных уточнений) потенциальные, мнения будущего. Это мнения, способные реализовать свой потенциал в условиях, тождественных той конфигурации сети, при которой это мнение было произведено на группе, или релевантных для формирования мнения составляющих этой сети.

Фокус-группы дают нам возможность не столько говорить об уже существующих мнениях, сколько строить гипотезы о последовательности воздействий, о возникновении одних мнений (значащих, смысловых) единиц под воздействием других таких единиц или их конфигураций. В этом смысле, фокус-группы дают нам информацию о будущем, о том, какие смыслы могут возникнуть и под воздействием каких других смыслов. Именно в таком статусе фокус-группы могут служить, в том числе, интенциям социального прогнозирования.

Резюмируем. На сегодняшний день отношение между мнениями, полученными в результате фокус-групп и мнениями, бытующими за пределами такой исследовательской ситуации должным образом не проблематизировано. Данные фокус-групп рассматриваются: 1) либо в логике концепции «моделирования общества», постулирующей принципиальное сходство между мнениями «в» и «вне» исследовательской ситуации, 2) либо в логике не прагматистски ориентированного «качественного подхода», ограничивающегося констатацией того, что данные интервью конструируются совместно исследователем и информантом. Первый подход неадекватен. Второй — не решает задачу анализа отношений между мнениями «в» и «вне» исследовательской ситуации, установления связи между ними. Между тем, как представляется, такая задача должна быть решена применительно к методу фокус-групп, имеющему инструментальное использование. Опирайтесь на данные фокус-групп, в т. ч. и для социального прогнозирования, становится возможным, если обращаться не столько к «выявляемым» мнениям, сколько к процессу, логике их «изготовления». Мнения, полученные на фокус-группах, во многом, это потенциальные мнения, мнения будущего, а фокус-группа дает возможность изучать возможные логики, траектории «изготовления» такого будущего.

Список источников

1. Белановский С. А. Метод фокус-групп : учебное пособие. М. : Никколо-Медиа, 2001.
2. Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : SocioLogos, 1993.
3. Дмитриева Е. В. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М. : Центр, 1998.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003.
5. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
6. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2015.
7. Мельникова О. Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М. : Аспект Пресс, 2007.
8. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М., 1991.
9. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / пер. с фр. под ред. Осиповой Н. Г. М. : Socio-Logos, 1997 г. (*Faire l'opinion le nouveau jeu politique*. Paris, Minuit, 1990).
10. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб. : Алетей, 2009.

М. И. Бубнова

ГЕНДЕРНЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

БУБНОВА Мария Ивановна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова; maribib@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается использование гендерного фактора в исследовании и прогнозировании социальных процессов. Гендерный подход основан на использовании в прогнозируемых процессах устойчивых тенденций и способствует более адекватному пониманию интересов различных групп российского населения и выполнению государством обязательств по преодолению гендерной асимметрии.

Ключевые слова: гендер, гендерный фактор, гендерный подход, прогнозирование социальных процессов

Любое научное исследование прямо или косвенно предполагает перспективы развития исследуемых процессов и факторов. Прогнозирование как научное обоснование вероятностного развития событий или явлений осуществляется на основе социологических, статистических, социо-культурных, социально-экономических и других научных данных о социальных фактах. Любой прогноз имеет целью выстраивать перспективы развития, ориентируясь на перемены в обществе, протекающие с различной длительностью. Факторный подход в прогнозировании предполагает выявление круга факторов, воздействующих на прогнозируемый объект. Один из таких факторов — гендерный, он основан на использовании в прогнозируемых процессах устойчивых тенденций, придающих развитию объекта управления социальными процессами и инерционный и динамичный характер.

Включение гендерного фактора в социальную стратегию, по созданию условий для устойчивого развития России обоснованно тем, что в соответствии со ст. 19 Конституции Российской Федерации «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Это означает, что женщины и мужчины обладают равным статусом, имеют равные условия для реализации своих прав, чтобы иметь возможность полноценно реализоваться, внося свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие, удовлетворятся его результатами.

Сегодня государственная политика Российской Федерации, нацеленная на осуществление равенства женщин и мужчин в многообразных

социальных процессах. Она направлена на преодоление различных форм проявлений дискриминации по половому признаку, на создание здоровых предпосылок, необходимых социальных условий для полноценной реализации природных способностей женщин и мужчин в трудовой, общественной и личной жизни. С другой стороны, гендерные отношения испокон веков имеют непростой характер, что в значительной мере обусловлено социально-политическими процессами, предполагающими глубокие социологические исследования.

Гендерный подход в исследовании и прогнозировании этих процессов способствует более адекватному пониманию интересов различных групп российского населения и выполнению государством обязательств по преодолению гендерной асимметрии.

По утверждению Г. Г. Силласте в российской социологии теоретическая интерпретация понятия «гендер» и его ретроспектива в отечественной социологии, связанная с понятием «пол» идентифицировалась с принадлежностью «индивида к одной из двух половых групп, отличающихся не только биологически и анатомически, но и социально [1: 77—86].

В процессе прогнозирования социальных процессов понятие «гендер» нельзя сводить только к понятию «пол», или к понятию «полоролевые модели поведения», гендер охватывает не только социально-половые различия в социальном или индивидуальном выражении, но и включает в себя целый комплекс социальных условий: общественное разделение труда, специфические социальные функции, культурные стереотипы и т. д. и различные способы общественных организации. В социологической интерпретации понятие «гендер» определяется концепцией задач, социальных функций и ролей, предназначенных для женщин и мужчин в их общественной и личной жизни.

Гендерный анализ также может дать объяснение того, как происходит формирование самоидентичности человека, как она проявляется в его поведении, что она значит для него и как это выражается в социальных действиях.

Социолог В. П. Шейнов в исследовании гендерных процессов, использует понятие «ассертивность», т. е. способность мужчины или женщины уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав «другого». Также под ассертивностью можно понимать личностную черту, как автономию, независимость от внешних влияний и оценок, допустимую возможность самостоятельно регулировать собственное поведение. В таком контексте ассертивность схоже с понятием — самодостаточность. Таким образом, ассертивное поведение — это наиболее конструктивный способ межличностного взаимодействия, являющийся альтернативой деструктивным методам манипуляции и агрессии. Ассертивность, считает В. П. Шейнов, оказывает существенное влияние

на формирование половой идентичности, так как исследования различия мужской и женской асертивности сильно зависят от ситуаций межличностного взаимодействия. Гендерный аспект концепции полоролевой асертивности позволяет обеспечивать методы идентификации в воспитании будущих мужчин и женщин. В мальчиках, юношах воспитываются качества, необходимые будущему мужчине: уверенность, дух соперничества, независимость и агрессивность. Будущих женщин, девочек, девушек растят как воспитателей, матерей их будущих детей, формируя в них покорность, послушание, так что в итоге они ведут себя гораздо менее асертивно, чем мужчины. «Несколько исследований о полоролевых стереотипах выдвигают предположение, что асертивное поведение является желательной чертой у мужчин и при этом нежелательной — у женщин [2].

В конечном итоге, данные исследования асертивности, способствуют формированию рабочих гипотез, позволяющих сравнивать получаемые результаты, осуществлять их межкультурную адаптацию и т. д.

Одна из существенных тенденций современного развития российского общества, считает Г. Г. Силласте, его неуклонная феминизация. Согласно переписи 2002 г., количество мужчин в России сократилось до 46,5% населения. Если в 2003 г. женщин было на 6,5% больше, чем мужчин, то к 2015 г. этот разрыв прогнозируется на уровне 10—11%, а к 2050 г. — 15%. Феминизация демографической структуры населения — общемировая тенденция, развитие которой уже сегодня ставит перед социологическим сообществом сложные задачи [1: 77—86].

Сегодня результаты социологических исследований демонстрируют соответствие идентичностей мужчин и женщин гендерным стереотипам по следующим качествам: доминантности, асертивности, тревожности, агрессивности. Эти результаты можно считать свидетельством существования некоторых устойчивых гендерно-типичных черт, позволяющих прогнозировать ряд социальных процессов. Так в рамках гендерного анализа осуществляется сбор качественной информации о динамике трансформации статусных характеристик мужчин и женщин, отражающей гендерные тенденции в экономике, социально-политических и социокультурных процессах общественного развития, степени гендерных различий на каждом историческом этапе.

Качество и уровень жизни населения России во многом зависит от того, насколько ответственно и оперативно реагирует государство и гражданское общество на динамику изменений в сфере гендерных отношений, предупреждая возникновение и распространение негативных тенденций и стимулируя развитие гендерной солидарности. От этих факторов зависит политическая и социальная стабильность, доверие народа к власти и престиж нашей страны в глазах мирового сообщества.

Эффективность государственной политики и степень ее социальной ответственности предопределяется характером и объемом долгосрочных инвестиций в «человеческий капитал», в свою очередь слагающийся из востребованных обществом способностей, знаний и навыков, имеющих, в том числе, и гендерные аспекты. Основу этого капитала составляют духовное, психическое и физическое здоровье женщин и мужчин: важнейшую роль в его воспроизводстве играет рождение и воспитание детей. Данный факт делает приоритетными функциями государственной политики в области защиты материнства и детства, повышение социального статуса женщины-матери, совмещающей свои семейные обязанности с работой, выполнением общественных функций, гражданской активностью. Одним из эффективных способов рациональной политики является своевременное выявление устойчивых тенденций гендерных факторов, в том числе методом социологических прогнозов, объективно отражающих их позитивные и негативные проявления в многообразном комплексе социальных процессов.

Список источников

1. Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 77—86.
2. Шейнов В. П. Возрастные и гендерные факторы асертивности // Системная психология и социология. 2014. № 10.

М. Б. Люскин

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИЛИ ОЧЕРЕДНАЯ «НАУЧНАЯ МОДА»

ЛЮСКИН Михаил Борисович — доцент, Национальный исследовательский университет (МЭИ), г. Москва, Россия; LiuskinMB@mpei.ru

Аннотация. Приводится обобщение недостатков качественных и количественных методов в социологии. Качественные методы описываются как основной тренд 21-го века. Делается вывод о необходимости сочетания этих методов в исследовании независимо от методологической научной «моды».

Ключевые слова: наука, метод, количественный, качественный, рациональный, методология

21 век в социологии постепенно становится веком качественных методов. Этот тренд особенно очевиден в свете интереса социологов к изучению личности. Массовые опросы общественного мнения постепенно уходят в прошлое (долго, дорого, не всегда эффективно). Качественные методы стали отдельным разделом социологии (микросоциология). Нарративное интервью, метод фокус-групп, кейс-стади, исследования этнографического типа, «устная история», grounded theory, life story, методы психологической диагностики становятся локомотивом развития социологии.

Однако проблемой социологического сообщества является противостояние «качественников» и «количественников». Признавая право на существование обоих подходов в эмпирическом исследовании, большинство исследователей продолжают оставаться убежденными приверженцами какой-либо одной из стратегий.

Попробуем разобраться, хорошо это или плохо. Классическая «количественная» социология — это, прежде всего, «точная» наука, прекрасное прошлое которой приходится на 20-е – 50-е гг. минувшего века.

Данные, полученные в результате массовых опросов, становятся все более точными, но недостатки все же есть и они очевидны. Попробуем их перечислить.

Опросные методы

Большинство опрошенных не задумывается о причинах своих поступков, а в ответ на подобные вопросы приводит рациональные основания. При анализе стандартизированных анкет невозможно определить источ-

ники и причины высказанного отношения — мнения, что существенно снижает их информативность и практическую ценность. Возможности инструментария ограничены парадигмой и моделями, известными исследователю, а неполнота представлений о реальности — скрывает факты новых зарождающихся явлений.

Анализ данных

Ограничения наиболее популярных математических методов обработки данных:

1. Наиболее часто используемые коэффициенты корреляции Пирсона, Спирмена, Кендалла говорят о силе только линейных зависимостей, тогда как в социуме связи часто нелинейного характера;
2. Факторный анализ, как инструментальный выявления зависимостей, в социологии имеет много ограничений, поэтому он редко дает адекватные результаты;
3. Регрессионный анализ, позволяющий описывать нелинейные многопараметрические зависимости в основном на наблюдаемом интервале, для прогнозирования (экстраполяции) в социологии может дать результат только на очень коротком временном интервале в силу изменчивой природы социума.

Под качественными данными в социологической практике понимают данные, которые выражаются нечисловым способом. От количественных данных качественные отличаются тем, что содержание последних несет в себе смысл, непосредственно характеризующий самого их носителя.

Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном в описании целостной картины социальных практик.

С точки зрения методологии качественная или гуманистическая социология является по своей сути микросоциологией; исследователь концентрирует внимание на субъекте, агенте социального действия и обращается, прежде всего, к его личностному повседневному опыту. Качественные исследования предназначены для получения с помощью специальной техники, так называемой глубинной информации. Качественное исследование можно назвать интерпретационным. Качественное исследование позволяет получить информацию о мотивах поведения, установках людей, то есть получить ответ на вопрос: «Почему?».

Однако минусы качественных исследований не менее очевидны, чем количественных.

1. Качественные данные нельзя проанализировать математически тем же всесторонним способом, что и количественные результаты, а можно лишь дать информацию об общих тенденциях.

2. Любой качественный метод исследования обычно уникален и не может быть воспроизведен в точности, а это значит, что такие эксперименты практически невозможно копировать.
3. При малой (ограниченной, нерепрезентативной) выборке они не позволяют производить корректную количественную оценку выделенных параметров.
4. Смещение изначальных задач исследования в результате меняющейся природы контекста.
5. Формулирование выводов, которые несут в себе личностную окраску исследователя.

Качественные и количественные методы сегодня должны дополнять друг друга. Только комбинация количественных и качественных методов позволяет охватить исследованием как широту явления (социальное распространение), например, бедности, отсутствия социальной защиты и т. п., так и его глубину, а также наметить практические шаги для предотвращения или активного вмешательства социального работника.

К сожалению, в науке существует «мода». Социология как «молодая» наука этой моде особенно подвержена.

Выбор того или иного метода исследования не всегда можно обосновать рационально. Например, как могло получиться, что метод группового фокусированного интервью, широко применявшийся на практике, не составлявший особой тайны, тридцать лет оставался практически незамеченным, а в середине 80-х годов вдруг вошел в моду, затмив все прочие методы вместе взятые?

Из существования различных школ и направлений в науке (особенно в социологии) вытекает множество разных методологий и методик, которые использует та или иная школа.

Качественные методы в социологии, безусловно, будут всемерно развиваться и активно использоваться в XXI веке. Это обусловлено, прежде всего, развитием микро(гуманистической) социологии и смещением акцента изучения с общества на личность. Рост интереса к использованию качественных методов в социологии обусловлен также необходимостью проведения многочисленных исследований в маркетинге и рекламе, где эти методы особенно необходимы.

И. А. Савельев

ПОСТВЫБОРНЫЕ ОПРОСЫ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

САВЕЛЬЕВ Иван Александрович — кандидат философских наук, доцент. Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия; ivansave80@gmail.com

Аннотация. Показана предметная сфера применения поствыборных опросов. Их возможный методологический потенциал в контексте социального прогнозирования. Описаны две основных методики проведения экзит-поллов.

Ключевые слова: поствыборный опрос, экзит-полл, социальное прогнозирование

Изучение специфики поствыборных социологических исследований — актуальная задача современной социологии. Остается открытым вопрос и об их роли в социальном прогнозировании и моделировании.

Социальное прогнозирование — это одна из методологически сложнейших форм исследования перспектив процессов и явлений, предметной направленностью которого являются общественные и, в частности, политические процессы.

Обобщенно можно выделить следующие тенденции общественно-политического процесса в современной России: его локализацию, рост протестных настроений, нарастание экспектакционной депривации в отношении деятельности первых лиц государства, усиление роли медиа и пр. [3: 5—6]. Вследствие этого, внимание социологов к различным аспектам избирательного процесса объективно только возрастает.

Сами выборы, будучи объектом многогранным и многоаспектным, являются не только механизмом легитимации власти, но оценкой, вердиктом общественно-политической и социальной ситуаций как первичными, так и вторичными субъектами политики. Еще С. Липсет, говоря об определенной «емкости легитимности», отмечал, что власть может накапливать легитимность в успешные годы и тратить ее в кризисные периоды.

Поэтому представляется, что предметным полем приложения усилий современной политической социологии остаются различные факторы легитимности власти: личная харизма политических лидеров, электоральная поддержка власти избирателями, эффективность реализуемого общественно-политического курса, материальное благосостояние на-

селения, наличие консолидирующей внешней угрозы, идеологическая интеграция общества вокруг национальной идеи и др.

Поствыборные исследования постепенно становятся самостоятельной разновидностью таких исследований. Действительно, функциональное назначение как критерий классификации позволяет выделить следующие социологические исследования электоральных процессов:

- *поисковые*, главное назначение которых — поиск округа для баллотирования кандидата с точки зрения его потенциально-позитивного восприятия электоратом; обычно проводятся за несколько месяцев до начала выборной кампании;
- *базовые*, цель которых — сбор информации для разработки и корректирования избирательной кампании, они дают основную информацию об электоральных предпочтениях;
- *пропагандистские*, наименее заслуживающие статуса научных и представляющие собой попытку косвенно сориентировать электорат на поддержку кандидата;
- *прогностические*, представляющие собой оперативные опросы за два-три дня до голосования, в основном ориентированы на поиск информации относительно определившегося и неопределившегося электората;
- *поствыборные*, наименее применяемые исследования, скорее всего вследствие отсутствия долгосрочной стратегии кандидатов и общего эмоционального выгорания в конце кампании.

К поствыборным методам сбора данных можно отнести обычное анкетирование населения избирательного округа относительно соответствующих установок; телефонные опросы и анализ документальных источников, которые могут дать информацию о составе реального электората, активности микрорайонов, показателей округа на фоне других и т. д. Однако наиболее применяемые и описанные в специальной литературе поствыборные исследования сегодня — это экзит-поллы (опросы на выходе).

С. В. Львов называет следующие объективные преимущества экзит-поллов: доступность респондентов и актуальность проблематики для них самих [2: 43]. Он же отмечает положительные результаты использования экзит-полла ВЦИОМом в четырех случаях, не связанных напрямую с выборами: опросы на выходе пользователей социальных услуг, доноров, получателей льгот и участников эксперимента по введению новых технологий голосования.

Баскакова Ю. Н. отмечает, что данные, получаемые социологами в ходе экзит-поллов, помогают составить фактический портрет электората той или иной партии, выявить дополнительную информацию о процессе принятия решения избирателями, степени доверия самому процессу

выборов и много другой ценной информации, которая впоследствии может быть использована при прогнозировании электорального процесса [1: 38].

Безусловно, вышеназванная информация может быть использована при возможном социальном прогнозировании.

Методика экзит-поллов может быть двух видов:

- классический подход предусматривает заполнение анкеты на выходе из избирательного участка, когда человек отвечает на вопрос, за кого он проголосовал;
- имитация голосования: в коробку, имитирующую урну, избиратели бросают заполненную анкету в виде бюллетеня — такая методика позволяет сохранять конфиденциальность и тайну голосования, а также нивелировать погрешность и уменьшить возможные ошибки.

Обзор источников по исследованию описываемого метода позволяет выделить следующие его *достоинства*:

- фактически отсутствие необходимости в проектировании выборки и обеспечении ее репрезентативности;
- оперативность исследования и его сравнительная дешевизна;
- предполагается, что у большинства избирателей нет причин лгать, поэтому традиционно предполагается объективность данных, причем можно применять различные виды этого опроса
- высокая степень информированности респондента по проблеме и его эмоциональная вовлеченность в предмет исследования;
- суждения респондента с большой долей вероятности выражают именно его мнение, еще не подверженное влиянию референтных источников: друзей, родственников, коллег и пр.

Возможные *ограничения* метода:

- возможный недостаток интервьюеров;
- применение стихийной выборки для отбора участков может снижать объективность данных;
- возможны неадекватные реакции, недоверие членов комиссии, обвинения в агитации.

В социологической литературе отмечается, что недостаточное применение поствыборных исследований может быть связано как с консерватизмом заказчиков, так и с неосведомленностью об их возможностях.

В то же время ценность экзит-полла может заключаться в том, что он позволяет оценить расхождение между намерениями людей и их реальными действиями, а попутно протестировать качество работы региональной сети и косвенно проверять объективность самого голосования.

Заслуживает внимания идея Ю. М. Баскаковой, что восприятие экзит-полла можно рассматривать как проекцию отношения населения

к политической системе в целом: в ситуации высокого доверия институту выборов вопрос использования экзит-полла для контроля результатов выборов просто не возникает. Процесс проходит ровно наоборот — оценке подвергаются не выборы, а социологическая компания и ее методика. В ситуации отсутствия доверия институту выборов вопрос об использовании экзит-поллов в качестве инструмента контроля теряет смысл.

Действительно, если у населения есть основания предполагать, что власть имеет достаточный ресурс для массовой фальсификации бюллетеней, логично также предположить, что она имеет достаточный ресурс для имитации экзит-полла.

Вышесказанное позволяет считать поствыборные опросы определенным ресурсом социального прогнозирования.

Список источников

1. Баскакова Ю. М. Экзит-полл и его задачи // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4. С. 37—41.
2. Львов С. В. Опросы на выходе: перспектива метода // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4. С. 42—46.
3. Мамонов М. В. Поствыборная ситуация в России: перспективы и риски // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 2. С. 5—13.

21. Новые методы и перспективные технологии исследований

В. И. Дудина

ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ДУДИНА Виктория Ивановна — кандидат социологических наук, доцент СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия; viktoria_dudina@mail.ru

Аннотация. В связи со снижением эффективности использования опросных методов в социологических исследованиях, возникает необходимость разработки исследовательских дизайнов, основанных на применении нереактивных методов, потенциал для развития которых содержат цифровые данные и методы. Но использование таких данных и методов будет продуктивным только в том случае, если результаты смогут получить адекватную социологическую интерпретацию, учитывающую особенности этого типа данных. Эффективное использование цифровых данных в социологических исследованиях требует пересмотра, как минимум, базовых социологических моделей — модели социальной реальности и модели социального актора. Одно из возможных направлений модификации модели социальной реальности предполагает переход от двухуровневой модели «деятель — структура» к одноуровневой модели, одним из примеров которой является модель сети. Возможный подход к пересмотру модели социального актора предлагает постдемография, позволяющая строить модели объяснения на связи «действие — действие», когда социально-демографические характеристики перестают рассматриваться в качестве основного способа организации социальных данных.

Ключевые слова: цифровые данные, нереактивные методы, действие, структура, социальный актор, постдемография

Под влиянием развития цифровых технологий изменяется логика исследовательского процесса во многих областях науки. В социологии вместо использования опросных данных появляется возможность исследовать так называемые цифровые следы — от транзакционных данных и информации в «журналах событий», регистрирующих простейшие факты поведения, до привычных социологам-качественникам описаний личного опыта, визуальных образов, развернутых нарративов и детальных комментариев по определенным темам, которые можно найти в социальных медиа. При использовании цифровых данных, сокращается полевой этап

работы — задача производства записей под конкретную исследовательскую задачу заменяется поиском следов, уже произведенных пользователями, тем самым оставляя больше времени на аналитическую работу с данными. В то же время, недостаточное осмысление специфики цифровых данных с точки зрения их влияния на исследовательский процесс в социальных науках, ведет к тому, что потенциал цифровых данных для изучения социальных процессов и явлений остается недоиспользованным. Проблема состоит в том, что пролиферация данных нового типа, которые содержат потенциал для широкомасштабного изучения социальных процессов, входит в противоречие с существующими теоретическими моделями, языками описания и исследовательскими логиками в социологии.

Развитие новых методов работы с данными, ведет к тому, что значительное число исследований с использованием цифровых социальных данных проводится специалистами в сфере компьютерных технологий, которые активно осваивают поле, раньше принадлежавшее представителям социальных наук. Такие исследования практически не опираются на социологические модели, тем самым потенциал социологического знания в объяснении и интерпретации выявленных взаимосвязей, остается незадействованным. У самих социологов ситуация не лучше, поскольку традиционные социологические модели и способы интерпретации не слишком согласуются с данными нового типа. Цифровые данные отличны от тех данных, с которыми традиционно работали социологи, и чтобы получить значимые результаты при работе с ними, нужны не только новые методы, но «фундаментальное переопределение того, что именно должно объясняться и пониматься социальными науками» [1: 3].

В связи со снижением эффективности использования опросных методов в социологических исследованиях, возникает необходимость разработки исследовательских дизайнов, основанных на применении неактивных методов, потенциал для развития которых содержат цифровые данные и методы. Но использование таких данных и методов будет продуктивным только в том случае, если результаты смогут получить адекватную социологическую интерпретацию, учитывающую особенности этого типа данных. Использование цифровых данных вместо «традиционных» социальных данных, получаемых через опросы или анализ статистики, порождает ряд сомнений относительно их качества. Например, К. Льюис выделяет 3 ошибки цифровых данных: ошибка репрезентативности, ошибка медиации и ошибка контекста [3]. Цифровые данные не репрезентативны, поскольку их оставляют только пользователи соответствующего ресурса, кроме того эти данные представляют события, а не отдельных индивидов. Цифровые данные зависят от особенностей того ресурса, на котором

они были произведены. Цифровые данные, спонтанно произведенные пользователями определенного ресурса, непрозрачны по сравнению с данными, собранными традиционными социологическими методами под четкую исследовательскую задачу. Сама цифровая среда специфическим образом конструирует данные, соответственно эти данные отражают свойства цифрового посредника, а не реального мира. Цифровой контекст диктует свои специфические нормы и правила. Использование цифровых данных будут давать искаженную информацию, если подходить к ним с оптическими инструментами, настроенными для социологических данных, полученных опросными методами.

Несмотря на то, что исследования с использованием цифровых данных активно развиваются, интерпретация этих данных пока основывается на теоретических моделях, появившихся в то время, когда большинство данных социологи получали опросными методами. Продуктивное использование цифровых данных в социологических исследованиях требует пересмотра, как минимум, базовых социологических моделей — модели социальной реальности и модели социального актора [7].

Одно из возможных направлений модификации модели социальной реальности в контексте использования цифровых данных, обозначил Б. Латур, предложив т. н. модель «одного уровня», вместо господствующей в настоящее время двухуровневой модели [2]. С точки зрения Латура, выделение двух уровней социальной реальности — микро/макро, действие/структура является следствием определенного этапа развития методов работы с данными, а не отражение существования двух сфер социальной реальности. Когда сбор социологических данных был медленным и затратным, то относить одни данные к уровню целого, а другие — к уровню части, было вполне обоснованным, поскольку традиционные методы социальных наук не позволяли быстро «переключаться» между этими двумя уровнями. Невозможность проследить все единичности, образующие сеть, вызвала необходимость использовать понятие «целое». С развитием цифровых данных, выделение микро- и макро- феноменов становится излишним, поскольку появляется возможность гораздо быстрее «переключаться» между «уровнями». Если есть техническая возможность собрать полные данные о самых разнообразных характеристиках индивида и о той сети, частью которой он является, то отпадает необходимость основываться на двухуровневых моделях социальной реальности.

Отсутствие надежных данных о демографических характеристиках и затрудненный доступ к ним, например, при анализе социальных медиа, и, в то же время, увеличение объема информации о самих действиях — таких как предпочтения, вкусы, выборы, траектории передвижения и т. п., ведет к переосмыслению модели социального актора и к трансформации

моделей объяснения. Привычная связь переворачивается — вместо того, чтобы объяснять действия социально-демографическими характеристиками, появляется возможность строить предположения о социально-демографических характеристиках на основании данных о поведении [5]. Один из возможных подходов к пересмотру модели социального актора предлагает постдемография — способ изучения персональных данных в социальных сетях, в особенности, изучение того, как формируются профили пользователей. Основанием формирования социальной группы служит профиль, который не сводится к набору социально-демографических характеристик. При изучении профилей пользователей объектами интереса выступают не традиционные демографические переменные — раса, этничность, возраст, доход, образование и пр., а, например, вкусы и предпочтения пользователей в различных сферах [4]. В условиях, когда социально-демографические характеристики перестают рассматриваться в качестве основного способа организации социальных данных, правомерно говорить о репрезентации не индивидов, а моделей поведения, зон внимания, категориальных структур и тематик обсуждения.

Список источников

1. Burrows R., Savage M. After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology // *Big Data & Society*. 2014. 1 (1). P. 1—6.
2. Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S. and Boullier D. The Whole is Always Smaller Than It's Parts — A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads // *British Journal of Sociology*. 2012. 63 (4). P. 590—615.
3. Lewis K. Three fallacies of digital footprints *Big Data and Society* Big Data & Society July–December 2015: 1—4.
4. Rogers R. Post-demographic machines // *Walled Garden* / Edited by Dekker A., Wolfsberger A. Amsterdam: Virtueel Platform, 2009.
5. Sloan L., Morgan J., Housley W., Williams M., Edwards A., Burnap P., Rana O. Knowing the Tweeters: Deriving Sociologically Relevant Demographics from Twitter // *Sociological research online*. 18 (3). 2013.
6. Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 21—30.

Д. В. Руденкин

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПОИСКА РЕСПОНДЕНТОВ В ОНЛАЙН-ОПРОСЕ

РУДЕНКИН Дмитрий Васильевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель факультета социологии Уральского Государственного Педагогического Университета, г. Екатеринбург, Россия; d-rudenkin@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена методологической рефлексии относительно перспектив использования социальных сетей для набора респондентов в онлайн-опросе. Опираясь на данные собственного пилотажного исследования, автор анализирует основные особенности тиражирования ссылки на онлайн-анкету в социальной сети и выявляет качественные характеристики людей, которые ее заполняют.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-опрос, анкетирование, выборка

Как таковая идея проведения опросов в Интернете для российской социологии не нова. Бурный рост числа пользователей Интернета и совершенствование виртуальных опросных технологий еще несколько лет назад привлекли внимание ученых к этой некогда мало распространенной технике. Новизна нынешней ситуации заключается скорее в том, что современный уровень развития социальных сетей и их расширяющийся инструментарий предоставляют исследователям новые возможности для организации подобного опроса, эффекты и риски которых изучены мало. Противоречие между относительной простотой тиражирования информации в социальных сетях и фактическим отсутствием директивности такого тиражирования актуализирует сложный методологический парадокс. С одной стороны, у современного социолога существует соблазнительная в своей простоте возможность разместить анкету в социальной сети и в относительно короткие сроки собрать практически неограниченное количество ответов. С другой стороны, исследователь, пользуясь подобной возможностью, получает данные, научная состоятельность которых не подлежит однозначной оценке, ведь традиционные модели выборки в данном случае по сути не работают. Иными словами, актуализируется важный вопрос, насколько допустимо использовать столь удобный инструментарий социальных сетей в целях организации социологического опроса. В данной работе мы намерены сделать шаг в осмыслении этого парадокса, представив опыт собственного эмпирического исследова-

ния, ориентированного на реконструкцию основных особенностей заполнения онлайн-анкеты, ссылка на которую распространяется через социальную сеть.

Сам вопрос о выборке, пригодной для онлайн-опроса, изучен относительно широко и в российской, и в зарубежной науке. М. Купером [1] и А. И. Мавлетовой [5] анализировались перспективы применения различных выборочных процедур к разным типам опросов, реализуемых в Интернете. М. Шонлау и его коллеги [2, с. 294] предпринимали попытки адаптации традиционных процедур выборки для онлайн-опроса представителей узких или труднодоступных групп. К. Вейнертом и В. Хекаторном разработана технология так называемой «выборки, направляемой респондентом» (Respondent-Driven Sampling), адаптированной для опроса людей в Интернете по принципу «снежного кома» [3, с. 107]. Тем не менее, большинство существующих наработок опираются на имплицитное допущение о способности исследователя систематически контролировать процесс сбора данных, адресно рассылая анкеты нужным респондентам. Тиражирование анкеты через социальные сети часто отличается как раз ограниченными возможностями исследователя контролировать получение ответов: можно разместить ссылку на анкету в социальной сети, но нельзя заранее знать, кто именно увидит эту ссылку, как отреагирует на нее и передаст ли информацию другим пользователям. Поэтому перечисленные наработки в данном случае помочь могут едва ли. Разрешение проблемы требует реконструкции тех особенностей, которые проявляются при заполнении анкеты пользователями социальной сети.

Стремясь разобраться в соответствующей проблематике, осенью 2016 г. мы реализовали собственное пилотажное исследование, в ходе которого намеревались провести первичную оценку особенностей людей, склонных заполнять анкету, встретив ссылку на нее в социальной сети. Эмпирической базой для исследования мы выбрали сеть «ВКонтакте» (как одну из наиболее динамичных в своем развитии), а основной группой потенциальных респондентов — студенчество (как одну из наиболее многочисленных категорий пользователей [4]). Пользуясь платформой «GoggleDocs», мы составили короткую анкету, ссылку на которую в дальнейшем разместили в социальной сети: на персональных страницах двух пользователей, а также в двух студенческих сообществах: «Подслушано УрГПУ» и «Подслушано УрФУ». Сами вопросы анкеты, которая была посвящена практикам использования Интернета, позволяли подробно описать типические характеристики людей, которые заполнили анкету. Кроме того, мы уточняли у респондентов, как именно они узнали об анкете и почему решили ответить на ее вопросы. Наконец, инструментарий платформы «GoogleDocs» позволял собирать дополнительный пласт дан-

ных о времени и дате заполнения анкеты. Таким образом, мы получали возможность делать относительно разносторонние выводы о том, какие закономерности проявляются при тиражировании ссылки на анкету через социальные сети.

Весь период сбора данных занял ровно 1 месяц и суммарно в ходе исследования было получено 438 анкет. На основе анализа ответов мы смоли сделать несколько выводов.

Первый вывод. Ссылка на анкету практически не вышла за пределы пользователей самой социальной сети «ВКонтакте». Лишь 1,8% опрошенных (всего 8 человек) указали, что узнали об анкете за пределами Интернета. По электронной почте получили сообщение только 8,9% (39 человек). Все остальные респонденты отметили, что получили ссылку на анкету с помощью внутреннего инструментария самой социальной сети: от друзей или через сообщества.

Второй вывод. Наибольший эффект для распространения анкеты дало ее тиражирование через сообщества, а не через персональные страницы: более 65% опрошенных отметили, что встретили ссылку на анкету в сообществе социальной сети в виде прямой записи или хотя бы в виде «репоста» (См. Рис. 1).

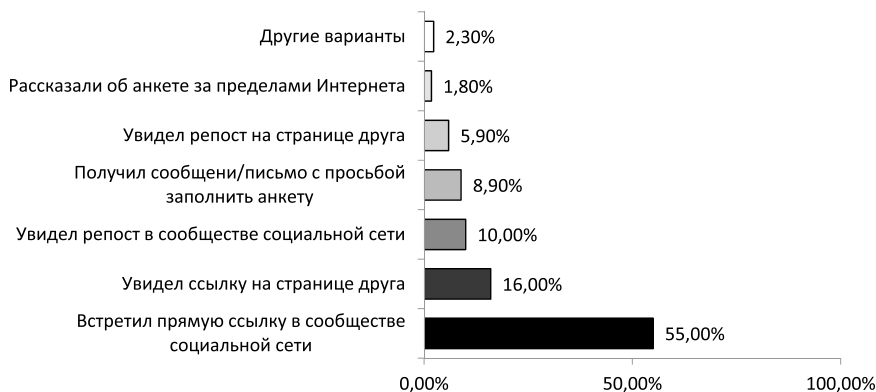

Рис. 1. Характер получения опрошенными информации об анкете

Третий вывод. Наибольший эффект от тиражирования ссылки на анкету был достигнут в первые двое суток сбора данных. Мы намеренно избегали дополнительного привлечения интереса к ссылке на анкету после того, как она уже была разово размещена в социальных сетях, именно для того, чтобы оценить, насколько долго эта ссылка может привлекать новых респондентов. В итоге, хотя новые анкеты приходили на протяже-

нии всего периода исследования, 85,6% из них были получены именно в первые 48 часов

Четвертый вывод. Анкета привлекла крайне малый процент пользователей. Суммарное количество пользователей в сообществах «Подслушано УрФУ» и «Подслушано УрГПУ» на момент проведения исследования составляло 23823 человека: соответственно 6970 и 16853 пользователей. При этом респондентов, указавших, что ссылку на анкету они встретили в сообществе социальной сети, оказалось лишь 241. Даже если сделать поправку на то, что не все подписчики сообществ заходят в них регулярно, картина предстает красноречивая: фактически анкета, размещенная в сообществах, вызвала отклик лишь у 1 процента тех людей, которые потенциально могли увидеть ссылку на нее.

Пятый вывод. Чаще всего анкету заполняли пользователи социальной сети, ориентированные скорее на потребление информационного контента, нежели на его создание: суммарно 70,1% опрошенных признались, что читают и комментируют чужие сообщения, но при этом или вовсе не делают своих записей, или делают их очень редко (См. Рис. 2). Также большинство из них заходит в социальные сети не ради создания собственных записей: так поступают лишь 3,9% из них, тогда как ради общения с друзьями в сеть выходят 80%. Показательно и то, что большинство респондентов (57,5%) считают себя не склонными к участию в дискуссиях с другими пользователями.

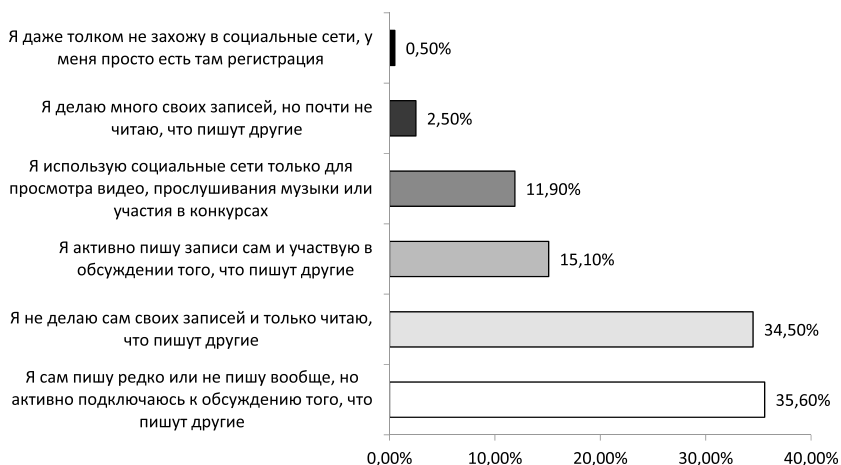

Рис 2. Оценка опрошенными своего типичного поведения в социальных сетях

В целом результаты исследования позволяют заключить, что противоречие, обозначенное в начале работы, разрешается скорее в пользу неоправданности использования социальных сетей для сбора социологических данных. При всей заманчивой простоте тиражирования социологической анкеты через социальные сети, это методологическое решение обладает слишком спорными эффектами, потенциально губительными для качества данных. Анкета, ссылка на которую распространяется через социальную сеть, привлекает внимание лишь очень узкого и малочисленного сегмента потенциальных респондентов, наиболее выраженной характеристикой которых является ориентация на потребление информационного контента, а не на его производство. К тому же эффект от размещения ссылки на анкету в социальной сети — очень краткосрочный, не превышающий по большей части 48 часов. Поэтому, хотя это был лишь пилотный проект и делать окончательные выводы пока рано, та информация, которая имеется в нашем распоряжении сейчас, говорит о необходимости крайне осторожного использования социальных сетей при организации социологических опросов.

Список источников

1. Couper M. Web Surveys: A Review of Issues and Approaches // *Public Opinion Quarterly*. 2000. Vol 64. № 4. P. 464—494.
2. Schonlau M., van Soest A, Kapteyn A., Couper M. Selection Bias in Web Surveys and the Use of Propensity Scores // *Sociological Methods & Research*. 2009. Vol. 37. Number 3. P. 291—318.
3. Wejnert C., Heckatortn D. Respondent-Driven Sampling for Online-Research // *Sociological Methods & Research*. 2008. Vol. 37. P. 105—134.
4. Арушанов Х. Р. Проникновение социальных сетей: факты и прогнозы. URL: <http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s4/Arushanov.pdf> (доступ проверен 17.02.2017).
5. Мавлетова А. М. Социологические опросы в сети Интернет: возможности построения типологии // *Социология 4М*. 2010. № 31. С. 115—134.

П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, И. А. Баруздин, М. В. Сивоконь

КОРПОРАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СЕТЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДЕРЮГИН Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна — доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; llebedintseva879@gmail.com

БАРУЗДИН Иван Анатольевич — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; ppd1@rambler.ru

СИВОКОНЬ Мария Викторовна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)), г. Санкт-Петербург, Россия; mariasivokon@mail.ru

Аннотация. Сделана попытка на основе изученных публикаций российских и зарубежных социологов сформировать системное представление о корпоративных ценностях, которое в свою очередь может быть положено в основание сетевой их диагностики. Полученная модель применена в проведенном эмпирическом исследовании

Ключевые слова: корпоративные ценности как система, роль, источники, способы формирования ценностей, функции корпоративных ценностей, основные элементы методики диагностики корпоративных ценностей

Корпоративные ценности рассматриваются сегодня как центральный феномен, который обеспечивает развитие самых различных потенциалов корпорации, более всего корпоративной культуры. Не случайно поэтому в XXI в. управление по ценностям становится основным подходом в деятельности корпораций, сменяя бюрократическое управление и управление по целям [1]. Наряду с этим в научной литературе подход к исследованию ценностей скорее отождествляется с пониманием личных ценностей, хотя надындивидуальный характер корпоративных ценностей требует иных подходов к организации диагностической процедуры.

В нашем исследовании корпоративные ценности рассматриваются как системное [2,3] образование, обладающее рядом достоинств и преимуществ при построении их сетевой модели. На наш взгляд в современных источниках описано целый ряд таких элементов, о которых следует говорить, как о значимых и позволяющих рассматривать их как системное явление. Перечислим некоторые из этих элементов:

— важная роль корпоративных ценностей в деятельности корпорации (в особенности как фактор достижения конкурентоспособности, обеспечения устойчивости, как управленческий ресурс и связующее звено между учредителями, менеджментом и рядовыми сотрудниками, как единые критерии контроля и мотивирующий фактор, как основа организационной культуры, как способ связи с внешней средой и способ формирования микросреды сотрудников корпораций. Наряду с этим отмечаются опасности гипертрофированного развития корпоративной культуры, негативно влияющие, как на отдельных личностей, так и на общество в целом);

— источники корпоративных ценностей (к ним отнесены субкультуры, госкультура, национальная культура, культура владельцев-учредителей, менеджмента, каждого сотрудника, стейкхолдеров. Подчеркивается противоречивый характер этих ценностей);

— типы корпоративных ценностей (ценности-цели или содержательные, терминальные ценности, которые в свою очередь делятся на социальные и личные. Ценности-средства или инструментальные, которые представлены как компетентностные и моральные. Ценности-результаты, как объективный совместно приобретенный опыт деятельности. Отдельным типом корпоративных ценностей рассматриваются идеологемы у А. И. Пригожина. Наиболее активно разрабатывается проблематика ценностей-средств, как эффективных средств управления);

— разнообразие способов формализации корпоративных ценностей (философия корпорации, миссия, кредо, издания специальных материалов и пр.);

— практическое влияние корпоративных ценностей на деятельность и поведение персонала (лидерство компании в своем секторе рынка, иерархии, старшинство и власть, принципы общения, принятие решений, критерии выбора на руководящие посты, стиль руководства, оценка эффективности, лояльность и единство);

— основные функции корпоративных ценностей (интеграция внутренней среды, адаптация во внешней среде);

— качества корпоративных ценностей (клиентоориентированность, самостоятельность, лидерство, основанное на ценностях, включенность этических и экологических ценностей в систему ценностей корпорации, гибкие и плоские структуры управления);

— внешние и внутренние корпоративные ценности (динамика формирования современной концепции внешних ценностей корпораций — от корпоративной ответственности 50-х гг. до концепции общих ценностей в начале 21 в. Внутренние ценности структурированы по сферам, образующим структуру корпорации);

— отличие и единство корпоративных ценностей и ценностных ориентаций сотрудников корпораций (с 50-х гг. прошлого века используется понятие ценностных ориентаций, под которыми понимаются субъективные ценности — представления-идеалы (формальные и неформальные), сформированные акционерами, менеджментом и сотрудниками корпорации в процессе создания материальных и духовных продуктов).

Исходя из методологических позиций показанных ранее, под корпоративными ценностями в нашем исследовании понимаются материальные и духовные продукты социального взаимодействия учредителей, менеджмента и иных сотрудников корпорации, выраженные как в объективных результатах, так и в субъективных представлениях-идеалах (как ценностные ориентации) о значимом и важном, иерархизированные и подтвердившие свою реальность в прошлом опыте, пригодные для удовлетворения разнообразных потребностей в настоящем, а также в будущем для сохранения автономности, самостоятельности и самоорганизации, отстаивания своей уникальности и специфики корпорации.

Корпоративные ценности как основание сетевого подхода характеризуются множеством противоречий, среди которых диагностирование совпадения-противопоставления наиболее важно осуществить по двум осям: ценности руководителя-ценности рядовых сотрудников и ценности-цели — ценности средства. Выявление и характеристика рефлексии по этим двум направлениям развития и формирования ценностей корпорации выступает центральным моментом постановки диагноза, поскольку наличие рефлексии доказывает, что корпоративные ценности формируются вокруг целей деятельности — с одной стороны. С другой — наличие (или отсутствие) факта рефлексии подтверждает, что требования руководства становятся нормой поведения и действий сотрудников корпораций. Подробно методика проведения такой диагностики описана в [4].

На протяжении последних трех лет нами проведены эмпирические исследования в корпоративных организациях, нацеленные на формирование методик сетевой диагностики, отражающей момент рефлексии и взаимопереходов между слоями и уровнями ценностей [5].

Основные элементы методики таковы:

1. Определение актуальных целей и ценностей корпорации, построение ранжированного ряда ценностей на основе обобщений и ранее проведенных исследований, руководящих документов и пр. Ранжированный

ряд ценностей играет роль эталона, на основании которого в последствии сравниваются ценностные ряды сотрудников корпорации.

2. Проведение тестирования персонала организации (выстраивание иерархии ценностей) по заранее выявленным ценностям (пункт 1).

3. Корреляционный анализ ранжированных рядов ценностей, полученных по пункту 1. и по пункту 2.

4. Анализ результатов корреляции.

5. Визуализация полученных материалов и доведение обобщенных материалов до общественности

В результате проведенных исследований доказана основная гипотеза, которая раскрывает, что эволюция и сближение ценностей персонала корпорации с целями компании и ценностями руководителей является эмпирическим свидетельством рефлексии. Наличие положительных корреляций между целями и ценностями, между слоями ценностей, ценностями сотрудников различных социальных статусов и ролей, верифицирует факт интеграции внутренней среды и может быть применено в качестве основания управления по ценностям.

Список источников

1. Collins J. C., Porras J. I. *Built to Last: Successful Habits of Visionary Companies*. Harper Collins Publishers: N. Y., 1997.
2. Кабалина В. И., Чеглакова Л. М. Корпоративные ценности в управлении российскими компаниями // *Российский журнал менеджмента*. 2013. Том 11. № 3. С. 5—30.
3. Reino A., Vadi M. 2010. What factors predict the values of an organization and how? University of Tartu Faculty of Economics & Business Administration // Working Paper. 2010. Series 71. P. 3—45.
4. Дерюгин П. П., Шиялева А. С., Сивоконь М. В., Рассказов С. В. Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организаций в стратегии сетевого подхода // *Дискурс*. 2016. № 3. С. 99—110.
5. Баруздин И. А. Сетевое моделирование корпоративной культуры на основе концепции Э. Шейна // *Казанские студенческие социологические чтения: сборник материалов конференции студентов и аспирантов с международным участием*. Казань, 14—15 марта 2016 г. / под ред. Р. Р. Гариповой, К. А. Озеровой. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016.

Ш. Ф. Фарахутдинов**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ТРАДИЦИОННЫМИ МЕТОДАМИ**

ФАРАХУТДИНОВ Шамиль Фаритович — кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия; fshamil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые методологические различия, между данными, полученными традиционными методами и Big data. На основании обобщения литературы, а также опыта автора выделены четыре критерия различия. 1. Отсутствие необходимости использования выборки. 2. Автоматизация сбора и обработки данных. 3. Девальвация принципа эмпиризма. 4. Снижение значимости поиска причинно-следственных связей. В завершении работы делается вывод о необходимости методологического осмысления при использовании больших данных. Это важно сделать до того, как Big Data заменят традиционные эмпирические исследования, что прогнозируются многими современными специалистами.

Ключевые слова: Big Data, большие данные, методология и методы социологических исследований, анализ данных

Аналитика Big Data стремительно становится доступной для широкой аудитории. В интернете появляются ресурсы, позволяющие использовать её в маркетинговых и исследовательских целях. В качестве примеров можно привести проект «Открытые данные Сбербанка», содержащие информацию о значительной части экономических процессов, происходящих в стране, или «Портал открытых данных РФ», где сосредоточены наиболее актуальные сведения органов власти и иных организаций. В социальных сетях внедряется система таргетированной рекламы, которой может воспользоваться любой желающий, крупные телекоммуникационные компании открывают собственные школы анализа данных и т.д. Всё это переводит большие данные из разряда «перспективных» в «актуальные» направления анализа. Соответственно актуализируется и ряд методологических аспектов, требующих осмысления.

Несмотря на то, что о больших данных говорится уже довольно давно и много, тема их «природы», практически не становилась предметом общественной дискуссии. Обзор литературы показал, что большинство

авторов относят Big Data к принципиально новому типу информации (см. напр. [1] или [2]), при этом, не погружаясь в детальные описания их отличий от результатов «традиционных» эмпирических исследований.

Обобщив доступные источники, а также личный опыт, автор попытался выделить ключевые различия, которые помогли бы частично прояснить сущность, а также обозначить вопросы к большим данным как инструменту, работа с которым в ближайшее время станет повседневной необходимостью.

1. Отсутствие необходимости использования выборки

Выборочные исследования — это вынужденная мера, которая позволяет получить валидную информацию при ограниченном количестве ресурсов и невозможности охватить всю генеральную совокупность. С появлением технологий, способных непрерывно собирать информацию и инструментов, способных её анализировать, необходимость в выборочных исследованиях заметно снизилась. Сегодня выборочные исследования по-прежнему широко распространены — остаётся довольно много сфер, где данные обо всей генеральной совокупности просто отсутствуют. Кроме того, всегда будут осуществляться небольшие исследования, где необходимость в сложной аналитике отсутствует. Тем не менее, тенденция снижения выборочных исследований в общем объёме современных социальных исследований налицо.

В чём же основная проблема выборочных исследований? Существует один важный недостаток — элемент случайности. В основе любой выборки лежит теория вероятности, которая позволяет собрать микромодель объекта исследования из отдельных его частей. Любые небольшие погрешности в ходе расчёта или формирования выборки способны очень серьёзно повлиять на конечный результат исследования. В условиях динамичных изменений, информационной пресыщенности современного социума, этот недостаток становится практически неустранимым.

Понятие выборки тесно связано с именем Джорджа Гэллапа, предложившего использовать эту технологию. Крупнейший русскоязычный исследователь наследия Гэллапа, методолог Б.З Докторов указывает на то, что сегодня «гэллаповский этап завершился и начался постгэллаповский». Свой тезис он иллюстрирует выводами из наблюдений предвыборных кампаний США 2008, 2012 и 2016 годов. «В методологии и технологии опросов, в логике и математике прогностических процедур, в коммуникационном пространстве, в котором проходили выборы (имеются в виду 2016 год), обнаружилось многое, чего не могло быть в 2008 году и что очень робко заявляло о себе в 2012 году. В совокупности, все это новое позволяет говорить о том, что 2016 год стал переломным в истории исследований общественного мнения. Причём, не только в американской,

но в глобальной практике изучения общественного мнения, в частности — электорального сознания и поведения».

При работе с большими данными не существует понятия выборки. У исследователя появляется возможность работать с огромным количеством, а зачастую и всей информацией, связанной с исследуемой сферой. Это даёт практически неограниченные возможности поиска скрытых закономерностей, детализации нужных результатов.

2. Автоматизация сбора и обработки данных.

В традиционных социальных исследованиях полевой этап самый ответственный. Его организация довольно трудоёмкое мероприятие. Необходимо сформировать группу технического персонала, включающую интервьюеров, кодировщиков, супервайзеров и др. Важно тщательно проинструктировать сотрудников, а иногда — полностью обучить их с учётом специфики конкретного исследования. Координация и постоянный контроль полевых работ обеспечивают необходимое качество, что также требует существенных усилий. Эти и множество других нюансов связаны со значительными временными и ресурсными затратами.

В случае с большими данными ситуация иная. Здесь нет необходимости в специальной подготовке и организации исследования. Данные являются «побочным продуктом» экономических, политических, социальных, и других процессов. Сбор информации, изначально предназначенный для обеспечения текущей деятельности или сопровождающий её, осуществляется автоматически. С увеличением объёма информации количество превращается в качество, что даёт возможность извлекать из неё новые сведения.

То же самое касается и обработки данных. Результаты исследования проведённого по традиционным технологиям представляют собой большое количество заполненных бумажных бланков анкет, аудио и видеозаписи интервью и фокус-групп. Этот массив требует первичной обработки: внесения данных из анкет в статистический пакет, транскрибирование аудио и видео материала и других трудоёмких действий. Большие данные автоматически заносятся в базы данных, что избавляет аналитика от рутинной работы.

Таким образом, сегодня в исследовательской практике больших данных «выпадают» этапы, связанные со сбором и первичной обработкой эмпирической информации. Имея доступ к базам с большими данными исследователь может сразу осуществлять их анализ. Два вышеописанных отличия являются, по большей части, техническими и связаны с методическими аспектами социальных исследований. Ниже рассмотрим методологические отличия.

3. Девальвация принципа эмпиризма

Эмпиризм, эмпирицизм направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и предполагающее, что содержание знания может быть либо представлено как описание этого опыта, либо сведено к нему [3]. Иными словами, эмпирическое — это знание, полученные опытным путём. Опыт, в свою очередь, определяется как совокупность знаний и навыков (умений), приобретённых в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий и т. д. Знания, достигнутые посредством умозрительного абстрактного мышления, не являются опытом.

Традиционные исследования оперируют эмпирическими данными, которые в количественных исследованиях заключаются в числовых значениях (абсолютные значения, доли, проценты и др.). Качественные исследования, несмотря на меньшую формализованность также опираются на эмпирические данные — это цитаты респондентов, фотографии, описания событий из жизни и пр. Любые выводы, которые исследователь формулирует в научной работе, должны подтверждаться эмпирически — это основной принцип позитивистской науки, который доминирует по сей день.

В эмпирическом исследовании всегда осуществляется предварительный анализ степени разработанности проблемы, делается обзор существующих подходов и др. И только на этой основе выстраивается дальнейшее исследование. У данных всегда есть автор, который обосновывает применяемые методологию и методики. Большие данные же «безлики» и представляют собой, скорее, информационное поле, «подключившись» к которому можно искать ответы на возникающие вопросы без предварительной формулировки задач и выдвижения гипотез.

Сказанное порождает ряд принципиально новых методологических вопросов, на которые необходимо ответить любому исследователю при работе с большими данными. Можно ли интегрировать большие данные и данные опросов? По каким критериям оценивать достоверность выводов, полученных с использованием аналитики больших данных? Что делать, если они противоречат «традиционным» данным? Кто будет нести ответственность в случае возникновения ошибок в результате анализа больших данных?

Большие данные трудно назвать эмпирическими. С философской точки зрения их природу ещё предстоит объяснить, но уже сейчас ясно, что они занимают особый статус.

4. Снижение значимости поиска причинно-следственных связей.

В традиционных исследованиях всегда присутствует логика в виде причинно-следственных связей. Знакомясь с результатами исследования, мы можем проследить весь путь формирования данных с момента

возникновения идеи проекта и обоснования актуальности до авторской интерпретации полученного материала. На всех этапах исследователь последовательно отвечает на два ключевых вопроса: «почему?» и «что из этого следует?».

При использовании больших данных совершенно не обязательно задавать эти вопросы, чтобы получить необходимые ответы. Например, всем известны программы-навигаторы или приложения, дающие информацию о пробках на дорогах. Для этих целей используются GPS приемники и данные о местоположении абонентов мобильных сетей. Большое количество данных о геолокации отдельных людей обрабатывается и визуализируется на карте. Пользователь при этом даже не задумывается о процессе формирования информации, которую он получает. Он просто пользуется ею, чтобы решить свои задачи.

Вероятно, список приведённых различий не окончательный и может быть дополнен. Однако этого достаточно чтобы сделать один важный вывод. Использование больших данных требует серьёзного методологического осмысления. Желательно чтобы это было сделано до того, как Big Data заменят традиционные эмпирические исследования, что прогнозируются многими современными специалистами.

Список источников

1. Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 48—58.
2. Майер-Шенбергер В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / Виктор Майер-Шенбергер, Кеннет Кукьер ; пер. с англ. Инны Гайдюк. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
3. Эмпиризм // Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983.

Н. А. Рябченко

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

РЯБЧЕНКО Наталья Анатольевна — кандидат политических наук, доцент факультета управления и психологии КубГУ, г. Краснодар, Россия; rrrnatali@mail.ru

Аннотация. Современные технологии изменяют окружающую действительность, стимулируя развитие новых методов исследования явлений и процессов, протекающих в социально-политических системах. Сетевой анализ позволяет не только выявить связи между пользователями, но и определить характер этих связей, а также классифицировать пользователей в зависимости от роли, которую они играют в сетевом сообществе. Формирование глобального общества посредством включенности пользователей в деятельность различных социальных сервисов интернета (ВКонтакте, Facebook, Twitter, Одноклассники) способствует не только развитию конструктивных практик, но и деструктивных, таких как фейковые новости. Подобные практики требуют анализа и разработки стратегий борьбы с ними, а также созданию различных сетевых моделей, описывающих сетевые коммуникации с целью предотвращения деструктивных практик манипулирования сетевым сообществом. Все это требует от современной гуманитарной науки развития междисциплинарных исследований с включением математических методов и методик¹.

Ключевые слова: фейковые новости, сетевой анализ, социальные сети, интернет, современные методы исследования

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к формированию глобального общества и необходимости изучения процессов, протекающих в нем и являющихся источником данных для анализа и прогнозирования развития событий социально-политической сферы в целом. Само глобальное общество возникает как множество небольших объединений — сообществ: школьные друзья, коллеги по работе, соседи одного дома, любители футбола — эти группы играют важную роль в формировании сообществ и глобального общества. Различные социальные приложения и социальные платформы (ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram, Одноклассники, WhatsApp, Viber, Telegram, YouTube), выступая технологическими посредниками коммуникации внутри глобаль-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-33-01313 «Сетевые ресурсы развития локальной политики в условиях новой политической реальности» (2015—2017 гг.).

ного сообщества, позволяют проанализировать последнее, используя многочисленные данные, которые осознанно или неосознанно оставляют пользователи различных сообществ и групп. Эти данные, такие, например, как данные геопозиционирования, ID-номер пользователей социальных платформ [2], не говоря уже о многочисленной контент-активности в виде сообщений, комментариев и лайков, становятся новым инструментом гуманитарных исследований, включающих в себя новую тенденцию научных исследований – междисциплинарность. Вследствие чего возникают новые направления научного знания такие, как Digital humanities и BigData. Одним из направлений в Digital humanities является сетевой анализ, основанный на математической теории графов и теории сложных сетей.

Каждая социальная сеть и сетевое сообщество, функционирующие в online-пространстве, по сути, есть ничто иное как граф, следовательно, пользователь в той или иной роли («лидеры мнений», «сенсоры», «реализаторы», «читатели», «репутационные игроки») является вершиной или узлом этого графа, а социальные связи — ребрами графа. «Лидеры мнений» запускают волновые эффекты распространения информации и, как следствие, изменяют информационно-новостное поле. К «лидерам мнений», в том числе, можно отнести активных авторов. «Сенсоры» — пользователи, собирающие значимую информацию в рамках того или иного смыслового концепта, они составляют контекст той информации, которую вносят лидеры мнений. «Реализаторы» — пользователи, которые посредством гипертекстурируемости технологически запускают блогволну, при этом роль реализатора может быть выбрана пользователем как сознательно, так и нет. «Читатели» составляют большинство как в online-пространстве, так и в отдельно взятой online социальной сети. Особенность этих пользователей заключается в том, что они постоянно находятся в online социальной сети и практически не генерируют публичных сообщений. Однако при определенных условиях эти пользователи могут изменить свою роль на «Реализатор». В качестве «репутационных» игроков в online сетевых сообществах выступают представители бизнеса и власти, чаще всего они входят в online сетевое сообщество в тот момент, когда популярность сообщества достаточна высока [3]. Online сетевые сообщества, которые образуются в online социальных сетях, в теории графов определяются как кластеры, которые характеризуются модулярностью — свойством графа, определяющим его разбиение на подграфы, а, соответственно, определяющим и границы online сетевых сообществ. С точки зрения общественных наук, online сетевые сообщества будут рассматриваться нами как неиерархичное и самовоспроизводящееся социальное объединение акторов/групп акторов, связанных общими ценностями, целями и уча-

ствием в едином информационно-коммуникационном поле. Определение границ online сетевого сообщества осуществляется путем разделения связей на лежащие внутри и во вне сообществ. Связи, лежащие вне сообществ, осуществляют взаимосвязь между сообществами и образуют единую сеть — социальный граф. Социальный граф строится благодаря обмену контентом между пользователями online социальной сети [6].

Чаще всего пользователи не ищут online сообщества самостоятельно — их «приглашают» друзья, коллеги, знакомые или же социальные платформы. Исходя из анализа предпочтений пользователей социальные платформы делают предложения о вступлении в то или иное сообщество/группу [4], что приводит к персонализированности контента, окружающего пользователя. и срабатыванию эффекта «Пузырь фильтров», когда различные информационные системы, в том числе поисковые системы и социальные платформы, определяют какую информацию хотел бы увидеть пользователь, исходя из контента просмотренного ранее, его местоположения, поисковых предпочтений и запросов. В результате чего пользователь получает только тот контент, который согласуется с его прошлыми точками зрения, делая весь другой контент недоступным для него. Последствия эффекта «Пузырь фильтров» могут сказываться негативно как на личности, так и на обществе в целом, создавая своего рода информационное слепое пятно, влияя на формирование гражданского мнения и делая пользователей более уязвимыми к пропаганде и манипуляциям [5]. Это становится реальной угрозой устойчивого развития социально-политической системы любого государства. В независимости от того, какие социальные платформы использует гражданское население, принципы их работы с точки зрения используемых технологий одинаковы.

Применение сетевого анализа способно также разрешить проблему формирования фейкового новостного контента. Фейковая новость используются «сенсорами» для построения и реализации конструктивных или деструктивных практик в рамках определенного смыслового концепта, заданного лидерами мнений. Слово «фейк» происходит от английского «fake» — поддельный, фальшивый. Основной целью «фейков» служит изменение общественного мнения в отношении того или иного политического деятеля, организации, партии и т. д. От «фейков» в первую очередь страдают имиджевые и репутационные составляющие объектов, против которых они применяются. В феврале 2017 года Министерство иностранных дел РФ на своём официальном ресурсе создало раздел посвящённый фейковым новостям о России в зарубежных СМИ [1], все это свидетельствует о влиянии глобального информационного пространства на социально-политические системы и необходимость

применения современных методов анализа для изучения трансформационных процессов под влиянием информационно-коммуникационных технологий.

Список источников

1. Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. URL: <http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii>.
2. Рябченко Н. А. Топонимика сетевого ландшафта online-пространства // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 4. С. 41—53.
3. Рябченко Н.А., Гнедаш А. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 40—54.
4. Building Global Community. URL: <https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634>.
5. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.
6. Ryabchenko N., Gnedash A. Structure, types of users and the practices of online-social networks as a field of political practices // International Review of Management and Marketing. 2015. № 5. С. 115—120.

С. И. Кузнецова

ПОСТРОЕНИЯ ВНУТРИВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УГМК (Г. ВЕРХНЯЯ ПЫШМА)

КУЗНЕЦОВА Светлана Игоревна — аспирант Уральского института управления РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия; claire_st@mail.ru

Аннотация. На базе Технического университета Уральской горнодобывающей компании (ТУ УГМК, г. Верхняя Пышма) реализована комплексная модель оценки ППС. В статье представлена многоэтапная полиметодическая оценочная процедура работы преподавателей корпоративного ВУЗа, специфика проведения оценки, основные достоинства и недостатки. Перспективность развития методики обращает внимание на поиски новых подходов к оценке качества образования.

Ключевые слова: Качество образования, компетентностная модель, оценка преподавателей, методы оценки

Необходимость системы контроля качества образования обусловлена поиском решений вопросов о требованиях к преподавателю, результатах обучения и набора диагностических средств оценки. Срез объективной информации о деятельности преподавателей становится ведущим критерием оценки соответствия педагога требованиям предоставления высшего образования.

Задача объективизации оценки процесса преподавательской деятельности сталкивается с тем фактом, что педагогический процесс субъективно насыщен. Снижение субъективизма необходимо осуществлять в компромиссной форме без перегибов в сторону исключительно рейтинговой системы.

Наиболее эффективной, на наш взгляд, является модель комплексного оценивания преподавательской деятельности. Она комбинирует целеориентированный, нормо-ориентированный и ценностно-ориентированный подходы. Жесткость постановки задач обеспечивает достижение объективности оценки, анализ входных и выходных показателей.

Снизить субъективизм оценки возможно за счет сопоставления оценок разных субъектов, разграничения их сферы компетенций и обоснованности системы критериев и показателей. Вместе с тем и сам субъективизм является важным фактором, заслуживающим выявления, изучения и учета в педагогическом процессе.

На базе Технического университета Уральской горнодобывающей компании (ТУ УГМК, г. Верхняя Пышма) реализована комплексная модель оценки ППС. Сплошное обследование с использованием методики оценки апробировано на 8 преподавателях дисциплин естественно-научного и гуманитарного блока (история, английский язык, информатика, высшая математика, начертательная геометрия, физика, химия, физкультура).

Среди целей построения внутривузовой системы оценки стоит выделить следующие: 1) регулярное получение объективной информации о качестве деятельности преподавателей; 2) анализ полученных результатов деятельности преподавателей; 3) содействие выработке эффективных управленческих решений руководством университета в области повышения качества образовательной деятельности.

На выстраивание модели оценки повлиял комплекс факторов: прямое сотрудничество с предприятиями УГМК, корпоративные профессиональные стандарты УГМК и корпоративные компетенции, осуществление первого набора студентов очного отделения в 2016 г., привлечение преподавателей в структуру ТУ УГМК.

Модель мониторинга качества образования ТУ УГМК представляет собой многоэтапную полиметодическую оценочную процедуру из 5 компетентностных модулей с привлечением экспертов (корпоративных преподавателей, заведующих кафедрами, сотрудников учебной части, методического эксперта, сотрудники Центра оценки ТУ УГМК) и студентов. Методика оценки ППС включает расширенный спектр методов: 1) анкетный опрос; 2) интервью; 3) наблюдение; 4) анализ документов.

Каждый аспект деятельности преподавателя (пять модулей) имеет свой максимальный балл оценки. Взвешенная оценка каждого компонента деятельности выставлена пропорционально ее важности для задач университета по результатам экспертных оценок. В анкете студента вес каждого оцениваемого модуля выстроен на основе возможности получения информативных данных. По результатам составляется сводная таблица показателей оценки деятельности преподавателя и полученных баллов, максимальное количество которых равно 300 (200 — оценка экспертов, 100 — оценка студентов).

Первый этап оценки (входной контроль) включает документарную оценку представляемых преподавателем формальных данных. Документарная оценка выявляет соответствие преподавателя основным квалификационным требованиям.

Второй этап предполагает оценку деятельности преподавателя по пяти модулям с привлечением экспертов и студентов.

1) Организационный модуль включает анализ деятельности преподавателя с позиции соответствия параметров ведения учебного занятия требованиям к организации учебного процесса в университете.

2) Содержательный модуль предполагает анализ деятельности преподавателя с позиции соответствия учебного материала федеральным государственным образовательным стандартам и нормативно-правовым актам по высшему образованию, оценивают актуальность учебного материала и его полезность с точки зрения формирования компетенций, закрепленных за дисциплиной.

3) Практикоориентированный модуль является наиболее значимым в механизме оценки и анализирует деятельность преподавателя с позиции практико-ориентированной направленности.

4) Методический модуль раскрывает деятельность преподавателя с позиции методологического и технологического построения аудиторного занятия. Экспертам необходимо оценить целесообразность и эффективность применяемых методов, приёмов и технологий.

5) Коммуникативно-педагогический аспект охватывает групповую динамику во время занятий, систему выстраивания коммуникаций со студентами, мотивацию последних.

Эксперт оценивает деятельность преподавателя в зависимости от своего профиля деятельности не реже одного раза за семестр по каждой дисциплине, которую реализует преподаватель. Студенческая оценка проводится два раза в год.

Экспертами выступают корпоративные преподаватели, руководители и специалисты организаций УГМК (практикоориентированный модуль); заведующие кафедрами университета (практикоориентированный, содержательный, методический модули, документарный анализ); специалисты Учебной части университета (организационный, методический модули, документарный анализ); специалисты Центра оценки персонала ТУ УГМК (коммуникативно-педагогический модуль).

Бланк оценки включает в себя полярную шкалу критериев деятельности преподавателя с положительными и негативными проявлениями работы преподавателя и проведения занятия. Эксперт оценивает представленные критерии, отмечая наиболее близкое значение к степени проявления качества по пятибалльной системе оценки (от – 5 до 5). Анкета студентов составлена по аналогичному принципу с разницей в содержании формулировок.

Представленный механизм оценки ориентирован на уравнивание субъективных и объективных факторов в оценке ППС через комплексный анализ показателей эффективности деятельности педагогов, привлечение различных категорий экспертов и студентов. Перевод

оценки в балльную систему сопровождается комментариями субъектов оценки.

Количественные результаты сопровождаются раскрытием каждого критерия и комментариями экспертов, что способствует гибкости системы. При необходимости исключается модуль оценки, который на данном этапе или ввиду особенности дисциплины невозможно отследить (например, исключен блок практикоориентированности для дисциплины «История»).

Главным преимуществом выстроенной модели оценки является комплексность оцениваемых критериев, развернутый, многоступенчатый анализ деятельности преподавателя, открытие резервов роста и гибкость.

Наиболее информативными оказались методический и коммуникативно-педагогический модули, которые сопровождались письменным заключением по оценке преподавателя и раскрывали количественные показатели.

Трудности реализации такой системы оценки заключается в привлечение большого числа экспертов, наличии необходимых ресурсов, высокой трудозатратности в перспективе.

Заложенные критерии оценки требуют переработки, поскольку не сводимы к универсальным для всех дисциплин. Практикоориентированность, как наиболее значимый показатель, по объективным причинам существенно отличается между специальными и фундаментальными дисциплинами. Производственные задачи косвенно касаются в гуманитарном блоке, что не позволяет оценить ориентацию на практическое применение по ряду дисциплин.

Для улучшения модели оценки видится необходимыми переработка содержания критериев оценки. Необходимо найти решение для единой оценки гуманитарных, фундаментальных и профессиональных предметов по представленным модулям и не замкнуться при этом только на количественные показатели. Апробирование модели оценки позволило взглянуть на плюсы и минусы выстроенной модели, с которой после внесения корректировок ТУ УГМК планирует продолжать работать.

М. М. Басимов

ПРЕОДОЛЕНИЕ «КОРРЕЛЯЦИОННОГО» СОГЛАШАТЕЛЬСТВА В СОЦИОЛОГИИ

БАСИМОВ Михаил Михайлович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и специальной психологии, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; basimov_@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно к общественным наукам, а с другой, за исключением отдельных единичных исследований, социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей. Для демонстрации рассматриваемых проблем была решена модельная задача. В модельном примере представлены параметры (всего 58): математические функции (30 параметров), их регрессионные модели (28 параметров), основанные на линейной корреляции. Среди математических функций представлены зависимости с максимумом, зависимости с минимумом, монотонные возрастающие и убывающие зависимости, в том числе линейные. В тезисах рассмотрена в качестве примера зависимость, которая наглядно показывает проблемы социологов при рассмотрении ими в своих статьях «значимых» корреляций. Зависимость представляет собой кривую с максимумом, но несимметричной формы. В этом случае, в отличие от симметричной кривой с нулевой корреляцией, корреляция ненулевая, хотя и незначительная (очень слабая) по абсолютной величине. Но в тоже время это случай, когда корреляция подпадает под гипотезу о равенстве нулю и может трактоваться как «значимая».

Ключевые слова: зависимость с максимумом, коэффициент корреляции, регрессионная модель, математические функции, методологические ошибки

В настоящее время в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно к общественным наукам [12], а с другой стороны, за исключением отдельных единичных исследований, социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей, интерпретации только линейных моделей.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [18; 3; 2] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11; 21], демографические планы

населения [4; 20], социология профессий [19], политическая социология [1] и т. д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13] апробировалось также в различных психологических исследованиях: психология дошкольников и подростков [5; 6], этнопсихология [7; 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т. д.

Большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает предпоследний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается кроме наших материалов [14; 15; 16; 17] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов).

Значит, социологи (как и психологи) в подавляющем большинстве по-прежнему «живут» в рамках методологии конца XVIII века (линейность, принцип суперпозиции и т. д.). А в исследованиях обычно предлагается набор так называемых «значимых» коэффициентов корреляции.

Приходится наблюдать такую парадоксальную картину: имеется достаточная выборка объемом порядка 100 и более, критическое значение в этом случае порядка 0.2 или меньше. Таким образом, очень слабая корреляция (0.2—0.3), которую называют «значимой», трактуется часто как достаточно сильная. Иначе какой смысл имеет описывать и интерпретировать маловероятное событие, искать причины для него, и при этом игнорировать противоположное событие, вероятность которого значительно больше.

Таким образом, прослеживается массовый уход (намеренный или неосознаваемый) в область низких значений коэффициента корреляции, когда «ненулевая корреляция» (гипотеза о равенстве нулю коэффициента корреляции) становится достаточной для описания связей как достаточно сильных. Это можно объяснить нехваткой при анализе действительно сильных линейных связей по абсолютному значению больших 0.6 (или хотя бы 0.5), когда изучаются объекты преимущественно нелинейные по своей природе, а используется по-прежнему инструментарий, представляющий линейные модели, и исследователи не хотят или не осознают, что пришло время другого анализа экспериментальных данных в рамках синергетической парадигмы и нелинейных моделей.

Например, в статье кандидата технических и кандидата философских наук «Корреляционный анализ в социологических исследованиях» приводится и одобряется (судя по содержанию статьи) мнение из учебного пособия по политической социологии: есть мнение, что в социологических исследованиях значения коэффициентов корреляции выше 0.5 встречаются не очень часто, поэтому можно принимать во внимание те из них, которые равны или превышают 0.3, т. е. характеризуют умеренную взаимосвязь признаков.

Для демонстрации рассматриваемых проблем была решена модельная задача с 58 параметрами, которые представляют собой как математические функции (30 параметров), так и их регрессионные модели (28 параметров) основанные на линейной корреляции. Среди математических функций представлены зависимости с максимумом, зависимости с минимумом, монотонные возрастающие и убывающие зависимости, в том числе линейные.

Рассмотрим в качестве примера зависимость, которая наглядно показывает проблемы социологов и психологов при рассмотрении ими в своих статьях «значимых» корреляций. Зависимость представляет собой кривую с максимумом, но несимметричной формы. В этом случае, в отличие от симметричной кривой с нулевой корреляцией, корреляция ненулевая, хотя и незначительная (очень слабая), но она подпадает под гипотезу о равенстве нулю коэффициента корреляции и может трактоваться как «значимая».

Зависимость для функции с несимметричным максимумом (обрезанным справа):

$$Y = -X^2 \text{ (слева от максимума);}$$

$$Y = -0.7 \times X^2 \text{ (справа от максимума).}$$

Коэффициент корреляции в этом случае равен 0.25.

1. Зависимость параметра Y от параметра X в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X :

Квинты по шкале X		Сравнительная весомость параметра Y для квинт
X-5		-10978
X-4		-3362
X-3		-742
X-2		-4658
X-1		-12902

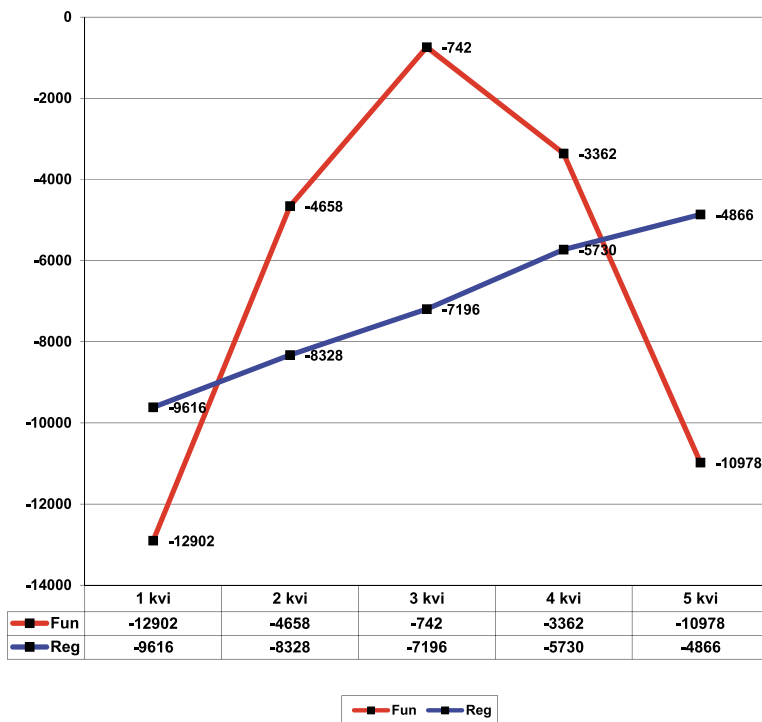
2. Зависимость параметра Y (регрессионная прямая) от параметра X в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X :

Квинты по шкале X		Сравнительная весомость параметра Y для квинт
X-5		-4866
X-4		-5730
X-3		-7196
X-2		-8328
X-1		-9616

Задача изучения связей решалась для квинт независимого параметра, поэтому график кривой (параболы) основан на пяти точках-квинтах. Аналогично построен график и для модели регрессионной прямой, которая и в этом случае практически остается прямой. График зависимости параметра «Y» от параметра «X»: $Y = -X^2$ ($X < 0$); $Y = -0.7 \times X^2$ ($X > 0$) представлен на рисунке.

Из графиков наглядно видно, какую малую часть причинно-следственной связи (причем явно односторонней) описывает регрессионная прямая вблизи среднего значения зависимого параметра.

Таким образом, линейное приближение в анализе данных приводит к содержательным и методологическим ошибкам значительного количества, что недопустимо в научном исследовании, т. к. способствует формированию крайне искаженного представления об изучаемом предмете.

Список источников

1. Басимов М. М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и по-

- литическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 474—491.
2. Басимов М. М. Множественное сравнение в социологических исследованиях : Монография. Курган : Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М. М. Нелинейная социология: Монография. Курган : Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М. М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2 / редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН. 2011. С. 195—203.
5. Басимов М. М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. № 2. С. 83—93.
6. Басимов М. М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. № 4. С. 142—158.
7. Басимов М. М., Хромов А. Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 209—222.
8. Басимов М. М., Хромов А. Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 140—155.
9. Басимов М. М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология. Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 54—57.
10. Басимов М. М., Достовалов С. Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 57—61.
11. Басимов М. М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч. I. / Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 522—528.
12. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М. : КомКнига, 2005. 240 с.
13. Basimov M. M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.
14. Basimov M. M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.
15. Basimov M. M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.

16. Basimova P. M., Basimov M. M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.
17. Basimov M. M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988—989.
18. Basimov M. M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.
19. Basimov M. M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.
20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208—223.
21. Basimov M. M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.

Р. В. Редько, З. З. Видакович

АВТОМАТИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПРОСОВ

РЕДЬКО Роман Васильевич — руководитель Data Science и перспективных исследований ООО «Глобал Социум Консалтинг», Москва, Россия; rredko@gmail.com

ВИДАКОВИЧ Зорица Зорановна — генеральный директор ООО «Глобал Социум Консалтинг», Москва, Россия; info@gljsocon.ru

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты и преимущества внедрения IT-решений в социологических исследованиях, их влияние на качество сбора и обработки данных опросов методом личных интервью.

Ключевые слова: автоматизация, актуальность данных, выборка, репрезентативность, планшетные технологии, аудит опросов

Введение

Стремительное развитие современных информационных технологий во все сферах жизнедеятельности человечества существенно повлияли на применяемые методики и инструментарии социологических исследований. В частности, использование IT-решений позволило не только существенно расширить возможности для сбора количественных данных за счет массового применения онлайн-опросов, смс-анкетирования и мобильных приложений, но существенно повлияло на применение традиционных методов, в частности на проведение исследований с помощью личного интервьюирования респондентов (face-to-face).

Необходимость перехода к безбумажным технологиям в исследованиях неоднократно обсуждалась социологическим сообществом, представители которого отмечали преимущества внедрения «планшетных» методов работы. Эволюционные процессы внедрения современных IT-решений в отечественной прикладной социологии стали не только ответом на вызовы технического прогресса, но и оказали позитивное влияние как на создание и развитие новых направлений в исследовании общественного мнения, так и позитивно отразились на качестве социологических данных [1].

Полный переход к автоматизации основных этапов исследований: планирования, составления опросников, получения, а также обработки,

хранения и анализа данных, на основе социологической платформы IQR, позволил компании «Глобал Социум Консалтинг» не только оптимизировать логистические процессы, но и снизить себестоимость опросов для социологических компаний. Возможность использования массивов ретроспективных социологических данных делает привлекательным последующее их применения в перспективных исследованиях, а также в контексте технологий BigData и машинного обучения. В тоже время, стоит отметить существенное влияние на ряд важных аспектов при проведении опросов общественного мнения.

Актуальность данных социологических опросов

Вопрос актуальности социологических данных, полученных путем опроса face-to-face, в последнее десятилетия являлся одной из ключевых проблем и объектом критики не только исследователей, но и заказчиков. Медленные и рутинные бумажные технологии не успевали за быстрыми изменениями общественного мнения. Это сказывалось на результатах при интерпретации полученной информации и прогнозировании ситуаций, а также на доверии к данной форме проведения исследований. Устаревание данных вызвано молниеносной оперативностью и доступностью информационных интернет ресурсов для всех слоев населения. Традиционные способы социологических исследований попросту отстают и зачастую анализируют общественное мнение в давно прошедшем времени [2].

Использование IQR позволяет в течение короткого периода (от нескольких минут до одного дня) провести опрос и получить качественный, актуальный и точный результат исследования. Это достигается за счет применения специальных мобильных приложений для интервьюеров, куда вносятся данные опросов и сразу же поступают на сервера платформы для дальнейшей обработки. Таким образом, полученная информация не устаревает и качественно отличается от данных, полученных путем традиционных бумажных технологий.

В случаях, когда необходимо провести временной срез и замерять общественное мнение до и после наступления ожидаемого события или срочно спрогнозировать развитие социальных процессов, отслеживание динамики в режиме реального времени особенно востребовано.

Большие выборки и детализация данных

На этапе планирования исследований, а именно при определении выборочной совокупности и уровня репрезентативности, неизбежно возникает дилемма между стремлением обеспечить достаточный охват респондентов и ограниченностью ресурсов. Во многих случаях жела-

ние снизить затраты, за счет сокращения количества опрашиваемых респондентов, побеждает, в итоге исследования даже на больших территориях с высокой плотностью населения ограничиваются выборками в 200—5000 опрошенных человек. Кроме того, для построения выборки социологи используют статистические данные о демографической ситуации, переписи населения, а также справочно-адресные базы данных, информация в которых не всегда актуальна и достоверна. Поэтому, при опросе часто возникает проблема ошибок выборки, вызванная ограниченностью количества опрашиваемых респондентов.

Программное обеспечение IQR позволяет в несколько раз увеличить количество опрашиваемых респондентов в рамках ограниченного бюджета, как за счет сокращения издержек на подготовку и обработку данных с бумажных носителей, так и вследствие широкого применения ГИС на этапе планирования маршрутов и технических возможностей удаленного мониторинга геолокации каждого интервьюера. Увеличение выборки не является самоцелью — это необходимое требование для достижения репрезентативности, обработки данных со сложной энтропией, а также максимальной детализации полученных данных (например, до небольшой локации уровня поселка, отдельного предприятия, избирательного участка, улицы или дома).

Также, работа с большими выборками позволяет эффективно компенсировать высокий процент отказов потенциальных респондентов отвечать на вопросы или неполных ответов на все вопросы и ошибок при внесении интервьюерами данных.

Контроль качества работы интервьюеров

Высокие требования к качеству социологических данных — еще один камень преткновения, возникающий в процессе полевых исследований. Безусловно, что тщательный подбор интервьюеров, их обучение, психологическая подготовка и тренировки на тестовых испытаниях, позволяют существенно повысить релевантность получаемых данных. Но все же, приходится констатировать, что на этапе удаленной работы при сборе данных, возможностями аудита действий интервьюеров, контролем маршрутов и недопущением фальсификации собираемой информации, не стоит пренебрегать.

Изложенные выше возможности функционала IQR, в частности системы ГИС и геолокации, в полной мере позволяют координаторам полевых исследований контролировать перемещение и руководить работой интервьюеров, путем визуального отслеживания трекинга на детализированной карте, наблюдать за интенсивностью опроса и сравнивать данные по соседним (похожим) локациям. Реализуемые

алгоритмы программы отслеживают частоту внесения отдельных опросов и их уникальность.

Использование планшетных технологий при опросе face-to-face предоставляет уникальные возможности дополнительной демонстрации или воспроизведения графической, видео — или аудио информации в качестве вариантов ответа. Такой метод не только увеличивает интерес к опросу и доверие у целевой аудитории, но позволяет расширить применение опросов, например, в маркетинговой сфере при изучении потребительских предпочтений.

Важным моментом при использовании передачи информации с мобильных приложений респондентов по общим каналам связи в IQR предусмотрены высокие стандарты защиты, как на уровне идентификации и авторизации пользователей, так и на уровне алгоритмов шифрования данных.

Выводы

Комплексная автоматизация и повсеместное внедрение передовых IT-технологий в отечественной социологической сфере продвигается достаточно активными темпами. Если 10 лет тому назад, это считалось фантастикой, то сейчас компьютеризация основных этапов исследований является стандартом качественной работы. Замена трудоемких и затратных традиционных технологий производительными компьютерами, отнюдь, не уменьшает весомость участия в исследованиях профессиональных, квалифицированных научных кадров. Наоборот, возможность использования собственных разработок, программно-аппаратных комплексов, а также сервиса уже существующих решений, например, IQR, позволяет значительно увеличить возможности для роста и развития науки, как социологии, в целом.

Список источников

1. Материалы круглого стола «Автоматизация полевых опросов: современные методы, безбумажные технологии». IV международная социологическая конференция «Продолжая Грушина». М., 2014.
2. Американские практики электорального прогнозирования: доклад по результатам исследования / Ю.М. Баскакова, А.А. Демин, Н.В. Лашук, Н.Н. Терентьева. М., 2016. 38 с.

И. А. Щеглова

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОПРОСНИКА

ЩЕГЛОВА Ирина Александровна — аспирант НИУ ВШЭ, аналитик в центре социологии высшего образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия; sheglova.i@mail.ru

Аннотация. Современная теория тестирования (IRT) чаще всего применяется для оценки академических достижений, но постепенно она начинает приобретать популярность в социальных и психологических науках. Отойдя от традиционного факторного анализа, некоторые исследователи нашли применение IRT в оценке качества опросников. В данной работе используется модель Раша для оценки батареи вопросов на вовлеченность студентов в образовательный процесс. Представлен детальный анализ вопросов и способы улучшения качества батареи.

Ключевые слова: современная теория тестирования, опрос, студенческая вовлеченность

Современная теория тестирования (IRT) чаще всего применяется для оценки академических достижений, но постепенно она начинает приобретать популярность в социальных и психологических науках. Отойдя от традиционного факторного анализа, некоторые исследователи нашли применение IRT в оценке качества опросников.

Современная теория тестирования появилась во второй половине 20-го века, чтобы преодолеть недостатки классической теории тестирования (КТТ). Задача IRT состоит в том, чтобы преобразовать формальные наблюдения за исходом отдельных случайных событий в измерения, то есть непрерывные переменные со значениями на метрической шкале [1]. Рон Хамбалтон и его коллеги выделяют следующие предположения IRT [3]:

- Одномерность теста: только одна переменная измеряется данным набором заданий.
- Локальная независимость: ответы испытуемого на любую пару заданий статистически независимы.
- Характеристическая функция задания отражает истинную связь между ненаблюдаемыми переменными (уровнем подготовленности) и наблюдаемыми (ответами на задание).
- Предположения о характеристиках заданий, которые влияют на выполнение задания испытуемыми.

IRT может использоваться для оценки качества бинарных заданий, где ответы будут представлены в формате верно или неверно или степени согласия с утверждением, например, шкала Ликерта. Существуют разные IRT модели — 1-параметрические, 2-х параметрические, многофасетные и другие. В данном исследовании мы будем использовать модель Раша, разработанную датским математиком Г. Раш. Модель Раша измеряет абстрактные конструкты и представлена в виде функции, в которой отражены: а) способность респондента или его характеристики, б) трудность задания [2].

Данные и метод

В данном исследовании применяется Rating Scale Model — модель с фиксированными промежуточными категориями выполнения заданий. Данные были получены в ходе опроса «Студенческий опыт в исследовательском университете (SERU-I)» 2012 года, общий размер выборки составляет более 33000 студентов-бакалавров, обучающихся в 15 ведущих исследовательских университетах США. Для анализа использовалась программа Winsteps версия 3.73 (<http://www.winsteps.com>), предназначенная для обработки данных в рамках моделей Раша.

Проект SERU-I — это широкомасштабный онлайн опрос, направленный на оценку студенческого опыта в ведущих исследовательских университетах мира. Данный проект координируется центром по изучению высшего образования Калифорнийского университета в Беркли и Института образования НИУ ВШЭ. Опрос состоит из 6 модулей: основной модуль включает вопросы, оценивающие вовлеченность студентов в образовательный и исследовательский процессы, распределение времени, результаты обучения, личностное развитие, цели, удовлетворенность; модуль 2 — академический опыт и глобализация; модуль 3 — вовлеченность в общественную жизнь; модуль 4 — студенческая жизнь и личностное развитие; модуль 5 — использование технологий в образовании; модуль 6 — иностранные студенты.

Данная работа представляет анализ батареи вопросов на вовлеченность в образовательный процесс студентов-бакалавров американских исследовательских вузов. Все вопросы, общее количество которых составляет 21, представляют собой рейтинговую шкалу Ликерта. Варианты ответов варьируются от 1 = никогда до 6 = очень часто. Батарея вопросов представлена в приложении А.

Результаты

Согласно общему описанию характеристик вопросов и респондентов, можно сделать вывод о том, что данные демонстрируют хорошие психометрические показатели и хорошее согласие с используемой моделью

измерения. Средние значения статистик INFIT и OUTFIT показывают, что абсолютное большинство испытуемых подходят модели, так как коэффициенты статистик согласия Infit и Outfit не выходят за рамки согласованного интервала MNSQ (0.5; 1.5), ZSTD (-2; 2) (Табл. 1 и 2).

Надежность показателей по респондентам = 0,8, по заданиям = 0,99. Однако, если посмотреть на показатель валидности — log-likelihood Chi-Square, который в идеале должен быть незначим — чем больше, тем лучше, в нашем случае он показывает нарушения в модели.

Таблица 1. Таблица по респондентам (N > 500)

	TOTAL		MODEL		INFIT		OUTFIT	
	SCORE	COUNT	MEASURE	ERROR	MNSQ	ZSTD	MNSQ	ZSTD
MEAN	67.2	20.6	-.16	.19	1.01	-.2	1.04	-.1
S.D.	15.2	2.0	.49	.02	.54	1.8	.58	1.7
MAX.	110.0	21.0	1.84	.40	3.97	5.4	4.74	6.4
MIN.	16.0	7.0	-1.65	.18	.13	-4.8	.11	-4.8
REAL RMSE	.21	TRUE SD	.44	SEPARATION	2.09	PERSON RELIABILITY	.81	
MODEL RMSE	.19	TRUE SD	.45	SEPARATION	2.36	PERSON RELIABILITY	.85	
S.E. OF PERSON MEAN = .02								
MAXIMUM EXTREME SCORE:			2 PERSON					
MINIMUM EXTREME SCORE:			1 PERSON					
LACKING RESPONSES:			5 PERSON					

Таблица 2. Таблица по заданиям (N = 21)

	TOTAL		MODEL		INFIT		OUTFIT	
	SCORE	COUNT	MEASURE	ERROR	MNSQ	ZSTD	MNSQ	ZSTD
MEAN	1746.4	535.0	.00	.04	1.05	-.1	1.05	-.1
S.D.	367.8	7.6	.54	.00	.34	5.4	.34	5.3
MAX.	2250.0	545.0	1.38	.05	1.78	9.0	1.72	9.9
MIN.	895.0	525.0	-.66	.03	.64	-7.7	.64	-7.5
REAL RMSE	.04	TRUE SD	.53	SEPARATION	12.86	ITEM RELIABILITY	.99	
MODEL RMSE	.04	TRUE SD	.53	SEPARATION	14.16	ITEM RELIABILITY	1.00	
S.E. OF ITEM MEAN = .12								
UMEAN=.0000 USCALE=1.0000								
ITEM RAW SCORE-TO-MEASURE CORRELATION = -.99								
11172 DATA POINTS. LOG-LIKELIHOOD CHI-SQUARE: 33450.27 with 10606 d.f. p=.0000								
Global Root-Mean-Square Residual (excluding extreme scores): 1.1848								

Большинство заданий теста показывают хорошее согласие с моделью. Однако присутствуют несколько заданий, у которых значения статистик согласия INFIT и OUTFIT выходят за пределы установленных критических значений. Эти вопросы (№ 8, № 12, № 14) отмечены серым цветом

в табл. 3. Однако, как утверждает Лай и его коллеги (2003), статистики ZSTD сильно зависят от размера выборки. Если выборка довольно большая, то даже маленькие отклонения могут быть статистически значимыми. Поэтому мы не будем сильно концентрироваться на данном показателе.

Таблица 3. Характеристики заданий: проблемные вопросы

ENTRY NUMBER	TOTAL SCORE	TOTAL COUNT	MEASURE	MODEL S.E.	MNSQ	INFIIT ZSTD	OUTFIT MNSQ	PT-MEASURE CORR.	EXACT MATCH OBS%	ITEM
8	1014	537	1.12	.05	1.78	9.0	1.53	6.3	A .47 .46	Q8
14	1767	526	-.11	.04	1.57	9.0	1.72	9.9	B .07 .47	Q14
12	1107	536	.92	.04	1.71	8.8	1.60	7.3	C .50 .46	Q12
15	1526	527	.21	.04	1.41	6.5	1.52	7.7	D .11 .48	Q15
16	1361	525	.44	.04	1.39	5.8	1.47	6.7	E .15 .47	Q16
13	895	529	1.38	.05	1.30	3.6	1.36	4.0	F .33 .44	Q13
MEAN	1746.4	535.0	.00	.04	1.05	-1.1	1.05	-.1		32.1 30.9
S.D.	367.8	7.6	.54	.00	.34	5.4	.34	5.3		4.7 4.2

На рис. 1 представлена карта переменных, на которой показано распределение испытуемых и вопросов относительно друг друга на общей метрической шкале. Слева на рисунке находится шкала логитов. На рисунке видно, что для респондентов, находящихся в самом низу карты, нет подходящих вопросов. Также вопросы 8 и 13 считаются самыми сложными, так как на них ответили мало респондентов.

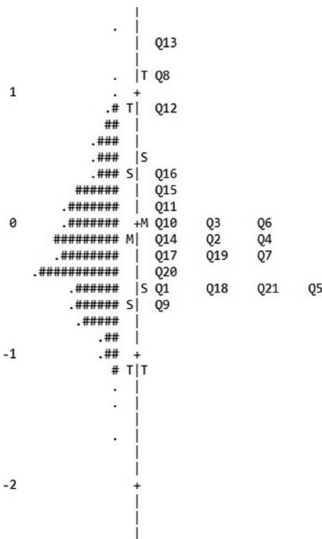

Рис. 1. Карта переменных

Несмотря на то, что статистики согласия (Infit и Outfit) находятся в пределах нормы, можно наблюдать нарушения распределения категорий ответов (Табл. 4). Расстояние между категориями 4, 5, 6 (Andrich threshold) меньше одного логита, что говорит о слабой различительной силе категорий. Карта распределения категорий ответов дает аналогичную информацию (Рис. 2).

Таблица 4. Структура распределения категорий ответов

CATEGORY LABEL	OBSERVED SCORE	OBSVD COUNT	AVRGE %	SAMPLE EXPECT	INFIT MNSQ	OUTFIT MNSQ	ANDRICH THRESHOLD	CATEGORY MEASURE	
1	1	1684	15	-.98	-.93	.95	.97	NONE (-2.43)	1
2	2	2220	20	-.46	-.51	1.05	1.06	-1.01 -1.04	2
3	3	2662	24	-.18	-.18	.90	.90	-.52 -.26	3
4	4	1889	17	.09	.09	.92	.93	.30 .33	4
5	5	1671	15	.31	.33	1.03	1.15	.33 1.03	5
6	6	1109	10	.55	.56	1.08	1.19	.90 (2.32)	6
MISSING		210	2	.04					

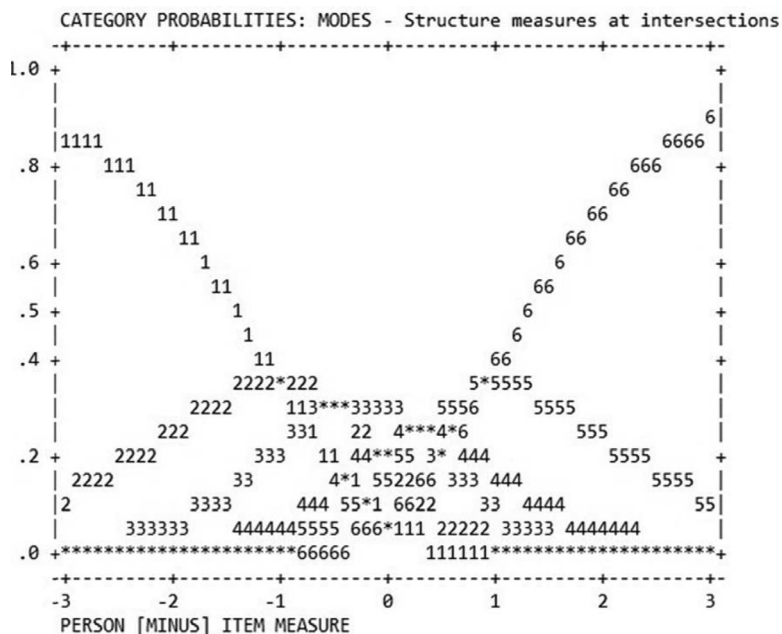

Рис. 2. Карта распределения категорий

Для исследования одномерности теста в социологических исследованиях чаще всего используется факторный анализ — статистический метод, который позволяет определить, сколько отдельных характеристик (факторов) измеряется данным набором заданий. Исследование размерности заданий батареи показывает наличие второй размерности, так как на долю первого фактора приходится нагрузка больше 2 (Табл. 5). Чтобы проверить предположение о наличии второй размерности, необходимо смоделировать данные, полностью аналогичные анализируемым, то есть с таким же количеством заданий, испытуемых и с такими же распределениями характеристик анкеты, но находящиеся в полном согласии с моделью измерения.

Таблица 5. *Исследование размерности батареи теста*

	-- Empirical --		Modeled
Total raw variance in observations =	35.2	100.0%	100.0%
Raw variance explained by measures =	14.2	40.4%	40.6%
Raw variance explained by persons =	2.5	7.1%	7.1%
Raw Variance explained by items =	11.7	33.3%	33.4%
Raw unexplained variance (total) =	21.0	59.6%	100.0%
Unexplned variance in 1st contrast =	3.9	11.1%	18.7%
Unexplned variance in 2nd contrast =	2.4	6.9%	11.6%
Unexplned variance in 3rd contrast =	2.0	5.6%	9.4%
Unexplned variance in 4th contrast =	1.4	4.0%	6.6%

Выводы

Результаты анализа данных в рамках современной теории тестирования показали, что батарея вопросов, измеряющая вовлеченность студентов в образовательный процесс, должна быть пересмотрена. Существует вероятность того, что в батарее присутствует вторая размерность, или есть проблемные вопросы. Кроме этого, особое внимание стоит уделить категориям оценочной шкалы и их описанию, так как респонденты слабо отличают четвертую и пятую категории ответов.

Приложение А

During this academic year, how often have you done each of the following?

1. Contributed to a class discussion
2. Brought up ideas or concepts from different courses during class discussions
3. Asked an insightful question in class
4. Found a course so interesting that you did more work than was required
5. Chosen challenging courses, when possible, even though you might lower your GPA by doing so

6. Made a class presentation
7. Had a class in which the professor knew or learned your name

How frequently have you engaged in these activities so far this academic year?

8. Taken a small research-oriented seminar with faculty
9. Communicated with a faculty member by e-mail or in person
10. Talked with the instructor outside of class about issues and concepts derived from a course
11. Interacted with faculty during lecture class sessions
12. Worked with a faculty member on an activity other than coursework (e. g., student organization, campus committee, cultural activity)
13. Turned in a course assignment late
14. Gone to class without completing assigned reading
15. Gone to class unprepared
16. Skipped class
17. Raised your standard for acceptable effort due to the high standards of a faculty member
18. Extensively revised a paper at least once before submitting it to be graded
19. Sought academic help from instructor or tutor when needed
20. Worked on class projects or studied as a group with other classmates outside of class
21. Helped a classmate better understand the course material when studying together

Список источников

1. Карданова Е. Ю. Моделирование и параметризация тестов: основы теории и приложения. М. : Федеральный центр тестирования, 2008.
2. Bond T. G., Fox C. M. (2007). Applying the Rasch Model: Fundamental Measurement in the Human Sciences (2nd ed.) // Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
3. Hambleton R. K., Swaminathan H., & Rogers H. J. (1991). Fundamentals of Item Response Theory. Measurement Methods for the Social Sciences Series // Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc.
4. Lai J., Cella D., Chang C. H., Bode R. K., & Heinemann A. W. (2003). Item banking to improve, shorten, and computerize self-reported fatigue: An illustration of steps to create a core item bank from the FACIT-Fatigue scale // Quality of Life Research, 12, 485—501.

И. А. Щеглова

СБОР И АНАЛИЗ ДАННЫХ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

ЩЕГЛОВА Ирина Александровна — аспирант НИУ ВШЭ, аналитик в центре социологии высшего образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия; sheglova.i@mail.ru

Аннотация. Интенсивное развитие информационной среды и системы глобальной коммуникации сделали Интернет, с одной стороны, массовым благом современного поколения, которое люди используют для решения своих повседневных нужд — поиск информации, общение, обучение, развлечение. С другой стороны, появился электронный банк данных о социальной жизни в ее разнообразных проявлениях, а именно: современное общество получило свободный доступ к персональным данным участников социальных платформ (например, Facebook, Vkontakte, Twitter, YouTube и другие). Цель данной работы — провести анализ способов использования данных из социальных сетей, принимая во внимание достоинства и недостатки таких данных. Анализ исследований в области данных из социальных сетей показывает, что использование таких данных не только открывает новые возможности перед исследователями, но и ставит перед ними серьезные этические вопросы, на которые обществу еще предстоит найти правильные ответы.

Ключевые слова: социальные сети, социальные данные, преимущества и недостатки данных из соцсетей, методы анализа, этика в социальных сетях

Введение

Интенсивное развитие информационной среды и системы глобальной коммуникации сделали Интернет, с одной стороны, массовым благом современного поколения, которое люди используют для решения своих повседневных нужд — поиск информации, общение, обучение, развлечение. С другой стороны, появился электронный банк данных о социальной жизни в ее разнообразных проявлениях, а именно: современное общество получило свободный доступ к персональным данным участников социальных платформ (например, Facebook, Vkontakte, Twitter, YouTube и другие).

Цель данной работы — провести анализ способов использования данных из социальных сетей, принимая во внимание достоинства и недостатки таких данных.

Задачи:

- определить наиболее популярные сферы применения данных из социальных сетей;

- описать методы сбора и обработки данных из социальных сетей;
- установить ограничения использования данных из социальных сетей.

Современные исследования на основе данных из социальных сетей

Форумы и социальные сети открывают возможности получения социальных данных различного характера. Наиболее часто используемые типы данных — сообщения, публикации, репосты и лайки пользователей. Социальные данные пользуются спросом среди маркетологов, экономистов, психологов, к ним обращаются службы безопасности и представители других сфер. На основе данных из социальных сетей крупным ретейлерам удастся повысить эффективность коммуникаций с потенциальными клиентами и значительно увеличить продажи. Даже такой простой элемент социальных сетей, как лайк (отметка «Мне нравится»), сегодня считается ценным источником информации. С помощью лайков исследователи могут составить личностный портрет пользователя. Например, исследователи из университета Стэнфорда в США и университета Кембриджа в Великобритании смогли описать личностные черты пользователей на основе данных из Facebook и доказали, что составленный ими портрет более валиден, чем личностный портрет, составленный с использованием бумажных опросников [3]. Таким образом, лайк — это цифровой след, несущий пласт ценной информации. Например, если человек лайкает какой-то продукт или бренд в социальных сетях, маркетологи расценивают такое действие как форму выражения потребителями своих предпочтений.

Методы сбора и обработки данных

Для того чтобы получить массив данных из социальных сетей необходимо обладать навыками программирования. Для этого нужно использовать скрэперы — автоматизированные компьютерные программы, которые могут автоматически обрабатывать контент, таким образом, делая содержание сайта пригодным к использованию в качестве данных. Также популярностью пользуются спайдеры — специальный класс программ, который следует по рёбрам связей и собирают информацию [2]. Наиболее часто используемыми языками программирования являются Python, Perl и Java.

Важно принимать во внимание

Данные, собираемые в социальных сетях, привлекают исследователей своей доступностью и низкой стоимостью. Несмотря на то, что они

пользуются большой популярностью, с ними нужно работать осторожно и не делать поспешных выводов. Следует принимать во внимание такие факторы, как:

- нестабильность качества пользовательского контента (например, спам и ложные аккаунты);
- необходимость постоянного совершенствования алгоритмов работы с большими данными;
- проблемы с обеспечением приватности личных данных пользователей при хранении и обработке [1].

Этические вопросы

Отдельно стоит затронуть вопросы этики, связанные со сбором и использованием данных из социальных сетей. С одной стороны, доступность информации о поведении человека, его личностных чертах, с другой стороны, сильное желание исследователей узнать как можно больше об интересующем их объекте (например, покупателе, будущем сотруднике) ставит серьезные вопросы по отношению к праву на частную жизнь и защиту персональных данных. Регистрируясь в социальных сетях, люди принимают пользовательское соглашение, тем самым дают разрешение на размещение информации в открытом доступе. Однако пользователи редко задумываются о том, что может стоять за «безобидным» согласием на обработку данных.

Выводы

С уверенностью можно сказать, что сбор и анализ данных из социальных сетей сегодня считается одним из самых перспективных направлений в онлайн исследованиях. Однако качество данных из соцсетей вызывает сомнение. Несмотря на это, в последнее время количество исследований, использующих доступные в соцсетях данные, растет. Несомненно, в ближайшем будущем будут появляться новые методы сбора и анализа данных из социальных сетей, которые, вероятно, смогут гарантировать качество полученной информации. На данный момент для обеспечения валидности и надежности результатов исследований рекомендуется совмещать данные, полученные из разных источников, например, с помощью опросов и наблюдений. Также необходимо уделять должное внимание идентификации и очистке данных от ложной информации. Важно помнить, использование данных из социальных сетей не только открывает новые возможности перед исследователями, но и ставит перед ними серьезные этические вопросы, на которые обществу еще предстоит найти правильные ответы.

Список источников

1. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С. Анализ социальных сетей: методы и приложения. Труды Института системного программирования РАН. 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-setey-metody-i-prilozheniya>(дата обращения: 13.02.2017).
2. Хоган Б. Анализ социальных сетей в интернете // Постнаука. 2013. URL: <https://postnauka.ru/longreads/20259> (дата обращения: 15.02.2017).
3. Youyou W., Kosinski M., Stillwell, D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015, 112(4), 1036—1040.

А. Д. Яколенко

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ЯКОЛЕНКО Анастасия Данииловна — магистрант факультета социологии; Санкт-Петербург, Россия; staiise-95@mail.ru

Аннотация. Сегодня наблюдается возрастающий интерес к неоинституционалистскому подходу ввиду усложнения социальных институтов и структур, их содержания, а также динамичностью и нелинейностью. Данная концепция представляет собой прогрессивное изучение социальных институтов и факторов влияния на них: фактор неопределенности, ограниченности информации, многообразие мотивов поведения, несовпадение интересов. В этом неоинституциональное направление сближается с позицией неоавстрийской школы и эволюционной экономической теории. Актуальность изучения существующего метода заключается в специфике регулирования деятельности социальных субъектов, формальных и неформальных правилах в разных полях взаимодействия: экономическом, социальном, правовом, политическом, социальнокультурном. Всюду могут существовать свои правила и игры, регламентируемые суверенными социальными институтами и принятыми практиками. Стоит отметить, что концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты — структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Это переносит фокус внимания исследователя с институтов как структур на процессы их формирования.

Ключевые слова: неоинституционализм, институты, структуры, социальные группы, индивид, правила.

Неоинституционалистский подход представляет собой прогрессивное изучение социальных институтов и факторов, прямо или латентно влияющих на них: фактор неопределенности, объективности информации и ее доступности, многообразие мотивов поведения, несовпадение интересов. В этом неоинституциональное направление напрямую обращается к приоритету нематериальных факторов, тем самым сближается с позициями неоавстрийской школы и эволюционной экономической теории [1]. В данном контексте общество представляется как связь «рациональных интеракций».

Дж. Майер, один из основоположников теории неоинституционализма, считал, что все существующие социальные группы и объединения суще-

ствуют в едином социальном пространстве, которые определяют «норму», и вследствие реализуются практически. Существующее «поле» оказывает влияние на все имеющиеся элементы системы. Деятельность социальных акторов контролируется формальными и неформальными правилами и установками в разных коммуникативных полях: социально-экономическом, политико-правовом и др. Правила, обычаи и принятые социальные нормы регламентированы социальными институтами [4].

Концепция неонституционализма выдвигает на передний план акторов, изменяющих либо влияющих на социальные институты [5]. Это переносит фокус внимания исследователей с институтов как структур на процессы и особенности их формирования.

Неонституционализм придерживается нескольких принципов:

- институт столько формальные, сколько неформальные практики и традиции, а также содержащиеся в них символы, смысловые коды;
- неформальные правила устанавливаются социальными акторами на основе рационального выбора, которые в дальнейшем принимают более формальные формы, нередко закрепляясь законом, нормативными актами;
- новые нормы и практики институционализируются и становятся главенствующими.

Неонституционализм отсылается к Лукману и Бергеру, утверждая, что институты представляют собой смыслы, которые общество интернационализирует и воплощает в традициях, обычаях и языке [6]. Индивид в данной концепции представляется как порождение тех обычаев и смыслов.

Социальные институты порождаются обществом и социальными акторами, а также постоянно воспроизводятся, (Гоффман, Гидденс — структура и правила воспроизводятся людьми [2]). Неонституционалистский метод обращен на осмысление внутренних «пружин» развития сложных социальных объектов, являющихся социальными или обладающими признаками социальных институтов. Институт понимается в классическом варианте как поведенческие практики людей и коллективных социальных акторов в соответствии с данными нормами и правилами, они копируют свое «рационализированное» окружение, тем самым транслируя нормы общества и государства.

Неонституционализм как метод базируется на представлениях о возможности объективных совпадений или произвольно устанавливаемого единства социальных акторов по поводу целей и направлений своей деятельности, оценок ситуации. Рациональность и наличие совпадений в поведении акторов подводит их к возможности и необходимости формирования институтов разного уровня [3]. Воздействия «поступают на вход»,

однако, важнейшие процессы происходят внутри самого института. Он трансформирует поступившие сигналы, выдавая «на выходе» определенные решения, которые затем посредством различных конверсионных процессов воплощаются в конкретные функции данного института. Применение данного метода в совокупности с изложенными выше специфическими особенностями обеспечивает исследователю понимание существа происходящих внутренних перемен. В контексте неонституционализма нормой для социальных институтов являются изменения и динамика.

Актуальность изучения социальных феноменов с помощью неонституционалистского подхода заключается в самой проблематике изучения социальных субъектов. Некоторые обладают существенными политико-правовыми, экономическими, социальными (наличие «сетей взаимодействия»), статусными, культурными ресурсами, другие же представляются как слабонересурсные и вынуждены подчиняться устанавливаемым правилам, влиянию более сильных. Отметим, что первая категория социальных субъектов разрабатывает и закрепляет практики социальных коммуникаций, традиций и норм проектируя собственные интересы, что позволяет им расширять поля своего влияния, наращивать свой капитал, человеческие ресурсы, контролировать СМИ, бизнес-структуры. В связи с этим, неонституционалистский подход позволит снизить «монопольную политику» одних социальных институтов над другими, укрепить слабонересурсные институты путем наращивания своих нематериальных, социальных активов.

Список источников

1. Барбашин М. Ю. Методологические Возможности «Блумингтонской Школы» и Перспективы Развития Современного Неонституционализма // Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2014. С. 98—111.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М. : «КАНОН-пресс-Ц» : «Кучково поле», 2000. 304 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.
4. Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений М. : Инфра-М. 2008, 271 с.
5. Хасс Дж. Социологический неонституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2007. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiiy-neoinstitutsionalizm-i-analiz-organizatsiy-predislovie-k-razdelu-1> (дата обращения: 01.03.2017).
6. Berger P.L., Luckmann T The Social Construction Of Reality: Anchor Books, 1967.

А. В. Одинцов

«БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ» ИЗ «МАЛЕНЬКИХ ДАННЫХ»: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МАССОВЫХ ОПРОСОВ

ОДИНЦОВ Александр Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия; yugrasil@yandex.ru

Аннотация. Существенным вызовом для современной отрасли социологических исследований являются «большие данные», но сообщество исследователей общества имеет достаточные объемы данных, собранные на протяжении последних десятков лет. Фактически каждое социологическое исследование является штучным товаром, который достаточно сложно связать с другим, следуя всем процедура научности. Таким образом, социология как институт имеет «большие нарративы» лишь в области теории, а ее практика рассыпается на множество малых рассказов даже в том случае, если это социология общественного мнения. Это происходит по причине отсутствия единой среды существования социологических данных, которая позволяла бы их интегрировать в единое целое — «социологическую историю». Для создания такой среды необходимо решить 4 взаимосвязанные проблемы: анонимность данных опроса; использование выборочного метода; использование различных методов и шкал регистрации данных; фрагментарность метаданных исследований в социологии.

Ключевые слова: социология общественного мнения, социологическая история, большие данные, малые данные

На VI Грушинской социологической конференции руководитель группы ЦИРКОН И. В. Задорин отметил, что российское исследовательское сообщество накопило значительные объемы данных на протяжении более чем 20 летней истории развития отрасли. Но «социологической истории» современной России так и не сформировалось. Год назад И. В. Задорин объяснял этот факт разрозненностью хранения информации, тем, что многие коллективы ученых неоднократно, но пока безуспешно пытаются собрать все базы данных в единый архив. Но даже наличие подобного центра хранения данных не станет решением проблемы создания социологического нарратива современной России, так как у него не будет единой «повествовательной» среды, то есть не будет того, что сделало бы

данные не арифметической, а синергетической суммой. Фактически это означает то, что в лучшем случае пока что мы обладаем некоторым прерывистым набором небольших рассказов, а не единой социологической историей. Но именно «социологическая история» является лучшим ответом на вызов 'Big Data'.

'Big Data' как специфический набор регистрации, обработки и анализа данных претендует на то, чтобы перехватить у социологии общественного мнения право конструировать максимально полное (на текущий момент) описание общественной реальности. Этому способствуют сущностные характеристики «больших данных» условно можно разделить на базовые и дополнительные. Под базовыми характеристиками понимают, как правило «три В» ('3V' — volume, velocity and variety):

- «Огромные по объему, состоят из терабайтов и петабайтов данных;
- высокодинамичные, создаются в реальном времени или близком к нему;
- разнообразны в многообразии типов данных, будучи структурированы и неструктурированы по природе, часто связаны с временем и местом» [1: 100].

К дополнительным, но не менее важным характеристикам относят следующие характеристики:

- «исчерпывающие по своему охвату, стремясь захватить целые популяции (народы) или системы ($n = \text{all}$), или, по крайней мере, более крупные объем выборок, чем применяемые в традиционных, 'Small Data' исследованиях;
- состоящие из множества точек (fine-grained in resolution), нацеленные на максимальную детализацию, способные к однозначности в определении конкретных случаев;
- реляционные по своей природе, содержащие общие поля, которые позволяют объединять различные наборы данных;
- гибкие, содержащие способность к расширению (легко можно добавлять другие поля) и масштабируемые (быстро могут увеличивать объем)» [1: 101].

При этом 'Big Data' это не просто очередное проявление «веры в числа», которое свойственно и социологии общественного мнения, это вызов самой природе данных, которые прежде собирались социологией. Отсутствие выборок и непосредственная работа с генеральными совокупностями или очень крупными их частями, масштабируемость данных, постоянный автоматизированный сбор данных в архивы и возможность их быстрой обработки приводят, в конечном итоге, к высокой достоверности прогнозирования на основании 'Big Data'. Именно это, учитывая постоянную критику прогнозирования, базирующегося на массовых

опросах, делает 'Big Data' все более привлекательным для исследования общества.

Если пытаться определить сущность имеющихся баз данных социологических опросов, отталкиваясь от феномена больших данных (Big Data), то они, безусловно, являются малыми данными (Small Data).

Процедуры анализа в больших данных (Big Data) ограничиваются поиском корреляций между переменными, в то время как парадигма гипотетического знания, в которой существуют малые данные (Small Data) социологических опросов, строится на поиске детерминационной связи между исследуемыми признаками. То есть, благодаря процедурам интерпретации понятий и их дальнейшей операционализации, базы данных массовых опросов становятся «базами смыслов». Особенности баз данных социологии общественного мнения задают специфику их объединения.

Объединение данных осуществляется по неким общим полям, которые позволяют однозначно приписывать переменные к конкретным объектам, поэтому их принято называть реляционными. В практике больших данных (Big Data) уникальные идентификаторы (ID) от идентификаторов компьютеров до номеров сотовых телефонов. В традиционных базах данных опросов общественного мнения таким идентификатором является номер анкеты (строки, записи), которые позволяет свести все значения переменных, снимаемых вопросами анкеты, к одному наблюдению — респонденту. По этой причине реляционное объединение в том виде, который мы наблюдаем в больших данных (Big Data) невозможно. К этому добавляется проблема полипарадигмальности социологического знания и различных интерпретаций одной и той же категории [3]. Но и одного понимания тождественности переменных недостаточно.

В социологии существует отсутствие единства мнений относительно измерения переменных. Одна и та же переменная может не только пониматься, но и измеряться с помощью различных шкал. Несмотря на отсутствие единой теории шкал, наиболее принятой в социологии, является классификация шкал С. Стивенса, которые на основании представления исследователя об изучаемом свойстве, а также допустимости процедур математического анализа, выделил 4 типа шкал: номинальные, порядковые, интервальные и шкалы отношений (ratio) (подробнее о проблемах объединения шкал см. [2]). Это означает не только расширение количества возможных процедур математического анализа с ростом типа шкалы, но и возможность перевести шкалу высокого типа в более низкий тип. Таким образом, в случае однозначной идентификации переменной и несовпадения типа шкалы, объединение возможно в рамках шкалы более низкого типа.

Следующей проблемой интеграции, которую необходимо решить в онтологии является проблема выборочного метода. В рамках объединения данных выборочность исследований может быть преодолена двумя способами: обработки единиц наблюдения непосредственно, либо с помощью мер средней тенденции. В силу того, что второй вариант предполагает существенные потери данных и сокращение возможностей анализа в результате объединения, первый путь является более приемлемым. Необходимым условием такой интеграции является достаточный объем метаданных (данных о данных) интегрируемых массивов.

На данный момент онтология объединения баз данных должна решить 4 взаимосвязанные проблемы:

- анонимность данных опроса;
- использование выборочного метода;
- использование различных методов и шкал регистрации данных;
- фрагментарность метаданных исследования.

Ключевыми стремлениями объединения 'small data' в массивы больших размеров, хотя бы частично соответствующие критериям 'Big Data', является повторное вовлечение прежде собранных данных в научный оборот, а также получение новых, не определяемых в каждом отдельном массиве корреляций.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 15-06-02758.

Список источников

1. Kitchin R. The Data Revolution. Big Data, Open Data, Data Infrastructures & Their Consequenses, Los Angeles, London, Singapore, Washington DC: SAGE. 2014.
2. Одинцов А. В. Объединение баз данных в социология: проблема уникальных измерений // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия политология и социология. 2015. № 4. С. 36—44.
3. Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9.

22. Смотрим в хрустальный шар: будущее электорального и политического прогнозирования

А. И. Руденкина

КАКИХ ПРОТЕСТОВ ЖДАТЬ РОССИИ В БУДУЩЕМ?

РУДЕНКИНА Алена Игоревна — аспирант кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия; alenarudenkina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу применимости концепции Н. Зубаревич «Четыре России» в ходе осуществления прогнозирования протестов в России. Эмпирической базой послужил опрос, проведенный в Свердловской области на рубеже 2015—2016 гг. В рамках данного исследования были опрошены 1036 чел., проживающих в 17 населенных пунктах региона, в том числе в г. Екатеринбурге. В статье высказывается предположение, что в связи с рядом факторов, протесты в России будут носить социально-экономический характер, а не политический. Это подтверждается данными проведенного исследования и согласуется с тезисами Н. Зубаревич об особенностях влияния экономического кризиса на политические практики россиян после присоединения Крыма и введения санкций против России.

Ключевые слова: протест, социальный протест, политический протест, прогнозирование

Как мы могли увидеть, по событиям конца 2011 — начала 2012 гг., опросы общественного мнения не смогли спрогнозировать массовые протесты в некоторых городах России [13]. Проблема прогнозирования встала достаточно остро перед социально-гуманитарными науками не только в России, но и в мире, например, в США опросы также не смогли предсказать победу Трампа в гонке за президентское кресло [12]. Очевидно, что ранее социологам и политологам удавалось скорректировать свои прогнозы так, что они учитывали некий процент тех людей, кто неискренне отвечал на заданные вопросы и в большинстве случаев прогнозы сбывались. Сейчас же, по не ясным до конца причинам, это не всегда удается. Тем не менее, усложнение задачи по прогнозированию политических процессов не говорит о том, что такую задачу решить в принципе невозможно. И в данной работе мы намерены представить

один из частных вариантов того, как это может быть реализовано — на примере прогнозирования политических протестов в г. Екатеринбурге.

За основу своих прогнозных рассуждений мы возьмем концепцию «Четыре России» Н. В. Зубаревич. Исходя из этой модели, Екатеринбург можно отнести к так называемой «Первой России», к городам, в которых преобладает население среднего класса, и концентрируются «рассерженные горожане» [8]. Собственно, это подтверждается тем, что в Екатеринбурге до недавнего времени регулярно проходили митинги. Представляется, что большинству запомнились митинги «В защиту человека труда», которые были ответом на акции протеста, проходившие в Москве и других городах страны в декабре 2011 — марте 2012 [14]. Но в городе возникали и неполитические митинги: против монетизации льгот в 2005 г. [3], против отмены региональных льгот в 2009 г. [1], против строительства храма в центре города в 2010 г. [2] и регулярные протесты против точечной застройки [4]. Можно сказать, что в городе существует некая традиция выражения протеста при помощи митингов.

Подход Н. В. Зубаревич позволяет по-разному оценивать вероятность того, будут ли такие митинги происходить и дальше. С одной стороны, после присоединения Крыма к России практически повсеместно произошла консолидация населения вокруг Президента и власти как таковой, что снизило интенсивность протестных настроений в обществе, и Екатеринбург не стал исключением. С другой стороны, сама автор отмечает, что мобилизация населения, сложившаяся после присоединения Крыма не навсегда, и эффекты от падений уровня жизни рано или поздно начнут сказываться. Как отмечает Н. Зубаревич, первостепенно проблему ощутят муниципалитеты, у которых нет возможности наполнять свои бюджеты, затем регионы и только потом проблема затронет федеральный бюджет [7]. Значит, логичным представляется, что социально-экономические протесты начнутся в крупных городах, где население знакомо с практикой протестов, и обращены они будут к местным властям.

Возвращаясь к Екатеринбургу, важно отметить, что в городе развито гражданское самосознание, горожане «умеют протестовать», для них это достаточно привычная практика, которая не вызывает отторжения. Это показало исследование, которое было проведено нами в конце 2014 — начале 2015 года. Оно также продемонстрировало, что жители Свердловской области и Екатеринбурга, в частности, четко разделяют «зоны ответственности» федеральных, региональных и местных властей. Исследование было выполнено на базе Уральского государственного педагогического университета в период с ноября 2015 г. по январь 2016 г. Непосредственной эмпирической базой исследования послужил анкетный опрос. В рамках данного исследования были опрошены 1036 чел.,

проживающих в 17 населенных пунктах региона. Согласно результатам исследования жители связывают свои проблемы именно с деятельностью местных властей [11]. Если обратить внимание на результаты по городу, то одобряют деятельность главы Екатеринбурга только 21,8%, а не одобряют — 32,7% опрошенных. При этом деятельность Президента России одобряет 71,6% екатеринбуржцев и лишь 19% не одобряют. Такое значительное различие мы связываем с тем, что население возлагает ответственность на Президента в основном за внешнюю политику, а ответственность за проблемы на местах на региональные и местные власти [10].

Учитывая всё это, мы полагаем, что развитие событий, описываемой современной версией концепции «Четыре России», будет постепенным и начнется с высказываний претензий к местным властям. Мобилизация на фоне санкции и консолидация населения на фоне воссоединения с Крымом будет ещё долгоиграющей в политической сфере жизни общества, политических протестов по своей сути не будет. Но население страны, в частности Екатеринбурга, будет постепенно возвращаться к практике защиты своих интересов и прав в публичном пространстве, в том числе и через участие в митингах. Важно подчеркнуть, что проблематика таких митингов будет носить социально-экономический характер, что не удивительно, учитывая наличие объективных проблем, в особенности связанных со снижением покупательской способности граждан.

Одним из ярких примеров такого «возвращения» концепции «Четыре России» мы можем назвать конфликт между жителями Екатеринбурга и администрацией по вопросу внедрения новой транспортной схемы. Летом 2017 года в городе планировалась отмена около 113 маршрутов городского транспорта, в связи с этим исчезла бы возможность без пересадок добраться до многих районов города. Эти нововведения, по мнению жителей и экспертов, привели бы к тому, что люди были бы вынуждены тратить на проезд сумму в два — три раза большую, чем сейчас. Также эта реформа могла негативно отразиться на людях с ограниченными возможностями, тех, кто передвигается с детьми в колясках на общественном транспорте и студентах. То есть данная реформа серьезно бы пошатнула и финансовое благосостояние многих слоев населения, и создала бы чисто механистическую проблему в передвижениях по городу. На данный момент, помимо бурных дискуссий в социальных сетях, уже состоялся митинг против обозначенной реформы общественного транспорта. Хоть митинг был проведен в будний день, в час дня, на нем присутствовало около 800 человек, что, несомненно, стало сигналом для власти [9]. При самом негативном сценарии вполне вероятным виделось повторение событий 2009 года, когда участники стихийного митинга перекрыли дви-

жение части общественного транспорта. Возможно, понимая подобное развитие ситуации, городские власти отказались от проведения данной реформы этим летом и отложили её до 2019 года [5].

Мы видим, что население готово выходить на митинги и отстаивать свои интересы. На данный момент, это такие митинги, на которых затрагивается социально-экономическая проблематика и на которых граждане скорее склонны «просить помощи» у федеральных властей, чтобы «усмирить» местных чиновников. В частности, на упомянутом митинге в Екатеринбурге против новой транспортной системы, были собраны подписи для того, чтобы отправить их в аппарат Президента. Нам кажется, что до выборов Президента России в 2018 году протестная активность населения Екатеринбурга, как и всей страны, будет ограничиваться акциями в защиту своих социальных и экономических интересов, но не политических. После выборов возможны различные сценарии, которые так или иначе сводятся к тем, что были обозначены Н. Зубаревич в одной из статей, которая была опубликована по материалам книги 2015 года «Путинская Россия: Как она возникла, как существует и как может закончиться» [6]. Самым вероятностным нам видится сценарий «постмодернистский жесткий авторитаризм», который будет выражаться в усилении отдельных тенденций, связанных с ностальгией по советскому прошлому. Но это, на наш взгляд, не ограничит возможность населения митинговать по вопросам, связанным с социально-экономическим развитием страны.

Список источников

1. Беспрецедентная акция протеста в Екатеринбурге: пенсионеры на 3 часа перекрыли движение машин и трамваев в центре города. URL: https://newdaynews.ru/ekb/221537.html?utm_source=urfo.org.
2. В Екатеринбурге прошел митинг в защиту площади Труда. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/1272574.html>.
3. В Екатеринбурге прошел митинг против монетизации льгот. URL: <https://regnum.ru/news/395683.html>.
4. В Екатеринбурге прошел очередной митинг против точечной застройки. URL: http://www.ekburg.tv/novosti/gorod/v_ekaterinburge_proshel_ocherednoj_miting_protiv_tochechnoj_zastrojki.
5. Внедрение новой транспортной схемы в Екатеринбурге перенесли на 2019 год. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-461484.html
6. Наталья Зубаревич Четыре России и новая политическая реальность. URL: http://www.polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/.
7. Наталья Зубаревич: Четыре России отменяются. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya>.

8. Перспектива: Четыре России. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii.
9. Полный коллапс будет. В Екатеринбурге с песнями и плясками прошел митинг против реформы транспортной системы. URL: https://www.znak.com/2017—01—31/v_ekaterinburge_s_pesnyami_i_plyaskami_proshel_miting_protiv_reformy_transportnoy_sistemy.
10. Руденкин Д. В. Экономический кризис как фактор снижения доверия граждан к российской исполнительной власти: миф или реальность? // Власть. 2016. № 10. С. 108—115.
11. Руденкина А. И. Протестный потенциал в Свердловской области: результаты социологического опроса населения. URL: <http://journal-s.org/index.php/nk/article/view/9312/pdf>.
12. Социологи гадают, почему не оправдались опросы на выборах президента США. URL: https://ria.ru/us_elections2016/20161110/1481045630.html.
13. Социологи не заметили протестный настрой россиян. 23.12.2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112252>.
14. Уральские рабочие создали движение «В защиту человека труда». URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/02/labour/>.

С. И. Суслов

СЕТЬ ДРУЖБЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВА ПЕТЕРБУРГА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

СУСЛОВ Сергей Игоревич — специалист, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Россия; s.suslov@spbu.ru

Аннотация. В работе проводится сетевой анализ общественно-политического пространства петербургского сегмента социальной сети «ВКонтакте». Исследователи проанализировали пользователей социальной сети, входящих в кластеры математической модели — графа смежной аудитории политического дискурса онлайн-пространства. На основании факта участия в виртуальном сообществе, была построена сеть дружбы ядра коммуникативного пространства, другими словами — участников, входящих в более чем два сообщества одновременно. Полученная модель имела порядок графа — 319504 узла и размерность графа — 7070 030 ребер. В работе проанализирован социальный капитал пользователей и их количество контактов в кластерах дискурсивного пространства. Проведен корреляционный анализ данных переменных с проверкой результатов расстоянием в сети дружбы отдельного кластера. Данные показали структурные особенности каждого кластера, где величина коэффициента корреляции в значительной степени соответствовала диаметру и средней длине пути на графе. Кроме того, исследователи сравнили атрибутивные показатели со страниц пользователей с результатами телефонного опроса петербуржцев, проведенного в «Центре социологических и Интернет-исследований» СПбГУ.

Ключевые слова: data mining, сетевой анализ, социальные сети, политическая коммуникация

Объектом нашего исследования выступают онлайн-сообщества, а предметом анализа — политические и общественные сообщества петербургского сегмента сети как региональная группа сообществ.

Целью является выявление структурных особенностей дружеских сетей участников политических виртуальных сообществ.

Выборка виртуальных сообществ производилась методом снежного кома с применением алгоритма расширения выборки, и составила 440 сообществ. В результате кластерного анализа были обнаружены следующие кластеры: общественно-политический, националистический, кластер ЛГБТ, спортивный кластер и группа социалистических кластеров

[Сулов]. Численность уникальных подписчиков кластеров представлена на Рисунке 1.

Мы создали сеть «дружбы» ядра политико-общественного коммуникационного онлайн пространства петербургского сегмента социальной сети «ВКонтакте». Под ядром мы понимали тех людей, которые подписаны минимум на 2 сообщества из выборки. Переход к ядру коммуникационного пространства имеет несколько преимуществ. Так, не имея ни типологии пользователей социальной сети «ВКонтакте», ни алгоритмов учета неаутентичных страниц, оптимальным способом фильтрации искусственного увеличения пользователей в сообществах нам представляется в изучении ядра коммуникационного пространства. Кроме того, в ядре сообщества в большей степени окажутся пользователи, проявившие интерес к общественно-политической теме, чем случайные участники.

Таким образом, полученная модель имела порядок графа — 319504 узла и размерность графа — 7070 030 ребер. К сожалению, единственной вычисляемой метрикой графа оказалась степень узла. Средняя степень узла, то есть сколько друзей пользователей имеет в коммуникационном ядре, составила 44,256.

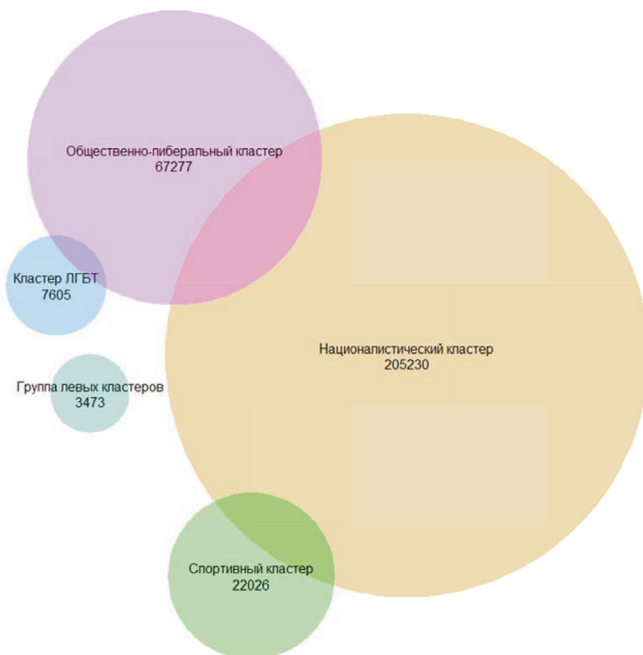

Рис. 1. Круги Эйлера ядер кластеров. Цвета обозначают границы кластера

Средняя степень узла отличается от числа Данбара [Dunbar] (диапазон от 100 до 230): она меньше. Кроме того, стоит обратиться к результатам опроса «Интернет в жизни петербуржцев», выполненного Ресурсным Центром «Центр Социологических и Интернет-исследований»¹. Выборка опроса случайная стратифицированная и составила 1200 человек. Инструментарий опроса содержал переменную доверия к людям: «В какой степени вы доверяете людям, с которыми познакомились в Интернете?» — см. Таблица 1.

Таблица 1. **Степень доверия к людям, с которыми познакомились в Интернете?**

В какой степени вы доверяете людям, с которыми познакомились в Интернете?	
Абсолютно доверяю	1,8%
Скорее доверяю	13,7%
Скорее не доверяю	29,7%
Не доверяю абсолютно	28,9%
Затрудняюсь ответить	26%

Так, респонденты в целом, не доверяют другим людям в Интернете. Кумулятивный процент недоверия больше — 58,6% против такого же показателя доверия — 15,5%. С другой, стороны, сопоставляя эти данные со средней степенью узла, можно предположить, что скорее всего плотность связей довольно низкая по причине недоверия, что косвенно выражается в расколах внутри коммуникационного пространства.

Многие пользователи не указывают свои персональные данные в социальных сетях. Это отчасти связано с чувством страха и отсутствия безопасности в Интернете. Это подтверждают результаты опроса «Интернет в жизни петербуржцев».

Таблица 2. **Ощущение безопасности в Интернете**

Скажите, пожалуйста, в Интернете Вы чувствуете себя в безопасности?	
Определенно, да	15,1%
Скорее, да	30,5%
Скорее, нет	27,6%
Определенно, нет	19,7%
Затрудняюсь ответить	5,8%

Из результатов в таблице 2 видно, что преобладает чувство небезопасности: кумулятивный процент — 47,3% («скорее, нет» — 27,6% и «опреде-

¹ rcsoc.spbu.ru.

ленно, нет» — 19,7 %). Безопасно себя чувствует лишь 45,6 %, из которых определенно безопасно себя ощущает лишь 15,1 %.

Результаты выборки ядра коммуникативного сообщества подтверждают данные цифры. Метод `user.get VK API` возвращает расширенную информацию о пользователях. При использовании его без `access_token` он возвращает параметр `hidden`, что при значении `hidden:1` есть настройка пользовательской приватности показа страницы «только пользователям ВКонтакте». Пользователей, которые посчитали нужным настроить приватность своей страницы оказалось 43,16 %, что близко к кумулятивному проценту недоверия в результатах телефонного опроса.

Важно отметить, что практически все параметры (кроме пола) являются неполными. В ядре распределение по полу имело следующую пропорцию: 58,08 % являются пользователями мужского пола, 41,9 % — женского. В остальных параметрах процент неучтенных значений разный: у 26 % пользователей не указан возраст, у 7 % — страна, у 14 % — город, у 64 % — образование. Кроме того, стоит учитывать, что многие указанные параметры могут не соответствовать действительности.

Однако, полнотой обладают связи пользователей. Пользователи содержат две атрибутивные переменные связи. Одна — это степень узла, а другая — это сколько вообще друзей имеет пользователь.

Таблица 3. Коэффициенты корреляций количество друзей и степени узла в сети «дружбы»

Кластер	Коэффициент корреляции	p-value
Вся сеть	0.67	$<2.2e^{-16}$
Националистический кластер	0.69	$<2.2e^{-16}$
Общественно-политический кластер	0.75	$<2.2e^{-16}$
Спортивный кластер	0.68	$<2.2e^{-16}$
Кластер ЛГБТ	0.59	$<2.2e^{-16}$
Группа левых кластеров	0.89	$<2.2e^{-16}$

Как видно из вычислений в Таблице 3, корреляция существует, что вполне логично: чем больше друзей у человека, чем выше его социальный капитал, тем будет больше друзей в коммуникативной сети. Более того, заметно, что от кластера к кластеру эти показатели меняются. Мы создали отдельные модели сетей дружбы для каждого из кластеров ядра и посчитали расстояние на графах — см. Таблицу 4.

Таблица 4. Метрики расстояния на сетях «дружбы» в каждом кластере

Кластер	Диаметр	Средняя длина пути
Националистический кластер	11	4,122
Общественно-политический кластер	13	4,415
Спортивный кластер	14	5,754
Кластер ЛГБТ	15	5,592
Группа левых кластеров	10	3,412

Так, наименьшими параметрами расстояния отличаются дружеские связи в группе левых кластеров. Этот кластер обладает самым небольшим диаметром и средней длиной пути. Это меняет в корне представление о них. Левые разорваны в структуре потребления информации, но при этом имеют самые тесные дружеские связи между собой. Чем больше друзей у пользователей в группе левых кластеров, то больше из них являются их соратниками. Это подтверждает и самый высокий коэффициент корреляции — 0,89.

Выделяется и общественно-политический кластер. Он имеет небольшой диаметр и короткую среднюю длину пути (меньше, чем кластер ЛГБТ и спортивный). Более того, коэффициент корреляции значительно отличается: он больше, чем у остальных кластеров. Чем больше пользователей в друзьях у представителей данного кластера, тем больше доля пользователей из коммуникативного ядра.

Националистический кластер также отличается. Диаметр данного кластера меньше всех — 11 и он обладает самой короткой средней длиной пути после группы левых кластеров. Однако, стоит понимать, что данное значение диаметра сохраняется при высоких количественных показателях. Например, он в три раза больше общественно-политического кластера по количеству участников и его диаметр, и средняя длина пути все равно меньше, когда в комплексных сетях с увеличением порядка графа обычно замечается увеличение диаметра и средней длины пути. Таким образом, скорее за счет определенного числа хабов и плотной топологии националистического кластера поддерживают такие структурные особенности.

Список источников

1. Суслов С. И. Сетевой анализ общественно-политических онлайн-сообществ Петербурга в социальной сети «ВКонтакте»: создание карты и кластеризация // Вестник СПбГУ Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. № 4.
2. Dunbar R. I. M. Neocortex size as a constraint on group size in primates // Journal of human evolution. 1992. Vol. 22. № 6. P. 469—493.

М. Г. Мацкевич

«ПРОВАЛ ОПРОСНОЙ ИНДУСТРИИ» В США—2016 — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ПРЕДВЫБОРНЫЕ ОПРОСЫ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

МАЦКЕВИЧ Мария Георгиевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия; mmatskevich@yandex.ru

Аннотация. Сразу после подведения итогов президентских выборов в США распространилось обвинение поллстеров в некачественной работе, вплоть до предсказаний смерти опросной индустрии. Очевидно, что предвыборные опросы являются «проверкой качества» опросов в целом, а любой неуспех (или то, что публично будет считаться таковым) отразится на всей отрасли. Среди возможных причин систематического преувеличения преимущества Клинтон назывались, например, «ошибка неответов», недопредставленность в выборке социальных групп-потенциальных сторонников Трампа, «спираль молчания» и др. Однако расхождение итогов голосования с результатами опросов в 2016 г. как минимум не превышает аналогичных показателей нескольких прошлых выборов, хотя уровень ошибок выше для опросов в штатах. Среди главных недостатков предвыборных опросов — ошибки совершены «в одном направлении». Особенно важным это для т. н. колеблющихся штатов. В докладе рассматривается роль прогнозов в распространении убеждения в «провале опросов». Отмечается, что в 2016 г. использование Big Data не оказало решающего влияния на точность прогноза. Также в докладе обсуждается тезис о 2016 г. как годе «раскола» и демонстрируется тенденция поляризации, наблюдавшаяся с 90-х гг.

Ключевые слова: президентские выборы в США, опросы, ошибки измерения, предвыборные прогнозы, «раскол общества»

Сразу после подведения итогов прошлогодних американских президентских выборов чрезвычайно распространенным стало обвинение поллстеров в некачественной работе, а результаты опросов были объявлены ошибочными и ненадежными. Некоторые популярные комментаторы даже предполагали, что опросная индустрия будет уничтожена как бизнес¹. Очевидно, что предвыборные опросы, их точность являются «проверкой

¹ <http://thehill.com/blogs/ballot-box/presidential-races/305133-pollsters-suffer-huge-embarrassment> (доступ 19.02.2017).

качества» опросов в целом, а любой неуспех (или то, что публично будет считаться таковым) отразится на всей отрасли, и не только в Америке.

Пессимистические настроения захватили и самих поллстеров, причем в разных странах. Например, в российском сегменте Фейсбука профессионалы дискутировали, с какой ошибкой предвыборного прогнозирования в США сравнить ошибку-2016 — с 1936 г. («соломенные опросы» *Literary Digest*) или с 1948 г. (Гэллуп предсказал победу Т. Дьюи, а выиграл Г. Трумэн)¹. Американские же поллстеры, социологи, политологи страстно обсуждали и продолжают обсуждать до сих пор причины расхождения между прогнозом и результатом. Особенно заметной была склонность к признанию изъянов самой методики опросов в первые дни после подведения итогов голосования, когда разрыв между кандидатами по итогам общего голосования (0,1% на 9.11.2016) казался значительно меньшим, чем предполагали национальные опросы (3% в пользу Клинтон). После окончательного подведения итогов преимущество Клинтон в *popular vote* оказалось близким к опросным данным и составило 2,4%².

Среди возможных причин систематического преувеличения преимущества Х. Клинтон назывались недооценка протестных настроений в обществе, направленных против истеблишмента, «ошибка неответов», недопредставленность в выборке социальных групп-потенциальных сторонников Трампа, феномен «*shy Trumpers*» («стеснительных избирателей Трампа»), «спираль молчания», большее, чем на предыдущих выборах, количество неопределившихся до последнего момента, трудности с прогнозированием явки. Впрочем, большинство исследователей достаточно скептически оценивали вклад каждого из этих факторов³. Подробное обсуждение невозможно в формате тезисов, поэтому ограничимся несколькими замечаниями. Сомнения, в первую очередь, вызывал тот аргумент, что избиратели Трампа чаще прочих отказывались разговаривать с интервьюерами — практически все опросные центры на протяжении

¹ <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10210811604036571&set=a.10210811610996745.1073741828.1545039248&type=3&theater> (доступ 19.02.2017).

² Интересно, что автор газеты *Washington Post* обновил статью, опубликованную 10 ноября под названием «How much did the polls miss their marks on Trump and why?» <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/10/how-much-did-polls-miss-the-mark-on-trump-and-why/>. Доступ 27.11.2016). Теперь ссылка ведет на статью, слегка переработанную по сравнению с ноябрьской публикацией «The 2016 national polls are looking less wrong after final election tallies» от 6 февраля https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/10/how-much-did-polls-miss-the-mark-on-trump-and-why/?utm_term=.1aaf8c4b80ee (доступ: 18.11.2017).

³ <https://fivethirtyeight.com/features/the-polls-missed-trump-we-asked-pollsters-why/> (доступ 19.02.2017).

нескольких месяцев демонстрировали в среднем очень близкий уровень поддержки обоих кандидатов. В последний месяц различия Клинтон/Трамп зачастую не превышали ошибки выборки¹.

Однако аргумент о систематической недопредставленности определенных социальных групп, среди которых было больше всего сторонников Трампа, серьезно рассматривается в настоящее время. Это группы со сравнительно низким уровнем образования (без обучения в колледже), белые мужчины, проживающие в сельской местности или небольших городах².

За прошедшие четыре месяца обсуждения итогов выборов поллстеры не раз указывали на то, что расхождение итогов голосования с результатами опросов в 2016 г. не превышает аналогичных показателей 2012 и 2008 гг., а в некоторых случаях оказывается меньшим. Так, согласно расчетам Национального совета по опросам общественного мнения (National Council on Public Polls), по сконструированному ими показателю «средней ошибки для кандидата» (average candidate error), его уровень в 2012 составил 1,5%, в 2008 и 2004 гг. — 0,9%³, а в 2016 г. — 1,1%⁴. Этот уровень выше для опросов, которые проводились в штатах. Неоднократно указывалось, что ошибки измерений в отдельных штатах могут существенно превосходить аналогичный уровень в масштабах страны. Некоторые эксперты утверждали, что опросы в штатах нельзя даже назвать «научными», т. е. соблюдающими определенные методические требования, в т. ч. и потому, что качество опросов стоит дорого, и мало желающих за него платить⁵. Однако в целом нельзя утверждать, что работа поллстеров в 2016 г. была хуже, чем в годы предыдущие. Очевидно, однако, отличие нынешней кампании от прошлых — имя победителя тогда было названо правильно, а в 2016 г. — нет.

Среди главных недостатков предвыборных опросов оказалось то, что все ошибки измерения, возможные и неизбежные, были совершены «в одном направлении» — а именно, переоценивали шансы Клинтон и недо-

¹ http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/general_election_trump_vs_clinton-5491.html (доступ 19.02.2017).

² S. Trende & D. Byler. How Trump won. Conclusions. http://www.realclearpolitics.com/articles/2017/01/20/how_trump_won_-_conclusions_132846.html Доступ 19.02.2017; Hopkins, D. What Trump supporters were doing before Trump. <https://fivethirtyeight.com/features/what-trump-supporters-were-doing-before-trump/> (доступ 17.02.2017).

³ <http://www.ncpp.org/files/NCPP%20Election%20Poll%20Analysis%202012%20-%20FINAL%20012413.pdf> (доступ 19.02.2017).

⁴ https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/10/how-much-did-polls-miss-the-mark-on-trump-and-why/?utm_term=.1aaf8c4b80ee (доступ 18.02.2017).

⁵ <https://fivethirtyeight.com/features/the-polls-missed-trump-we-asked-pollsters-why/> (доступ 19.02.2017).

оценивали шансы Трампа¹. Это проявилось в итогах опросов в отдельных штатах и особенно важным стало в т. н. колеблющихся штатах, важных для победы в коллегии выборщиков. В то же время, едва ли не самые большие ошибки в «штатных» опросах отмечены там, где победитель указан верно. В то же время, часто в тех штатах, где победил другой кандидат, отличия от итогов опросов невелики и укладываются в ошибку выборки, а перевес победителя составил десятки доли процента. Так же очевидно, что ошибались поллстеры не только в колеблющихся штатах, но и в традиционно про-Демократических или про-Республиканских.

В то же время, сами исследователи предположили, что общая уверенность в победе Клинтон, результаты коллег, свидетельствующие в ее пользу, могли явным или неявным образом влиять на тех, чьи результаты отличались от подавляющего большинства остальных².

Таблица 1. Голосование за Трампа по сравнению с усредненными опросными данными

Штат	Преимущество Трампа в Среднем по опросам	Результат выборов	Отличия голосования от опросов
Юта	+9.9	+18.4	+8.5
Огайо	+2.0	+8.6	+6.6
Висконсин	-5.4	+1.0	+6.4
Айова	+3.4	+9.6	+6.2
Пенсильвания	-3.7	+1.2	+4.9
Миннесота	-5.9	-1.4	+4.5
Северная Каролина	-0.7	+3.8	+4.5
Мичиган	-4.0	+0.3	+4.3
Мэн	-6.9	-3.0	+3.9
Нью-Хэмпшир	-3.5	-0.2	+3.3
Аризона	+2.4	+4.4	+2.0
Флорида	-0.6	+1.3	+1.9
Колорадо	-3.8	-2.1	+1.7
Джорджия	+4.0	+5.7	+1.7
Вирджиния	-5.4	-4.7	+0.7

¹ Преимущество Трампа показывали только опросы LA Times Fox News, однако сдвиг в сторону Республиканских кандидатов в их данных был известен по предыдущим выборным кампаниям.

² <https://fivethirtyeight.com/features/the-polls-missed-trump-we-asked-pollsters-why/> (доступ 19.02.2017).

Штат	Преимущество Трампа в Среднем по опросам	Результат выборов	Отличия голосования от опросов
Невада	-0.7	-2.4	-1.7
Нью-Мексико	-5.3	-8.3	- 3.0

Источник: FiveThirtyEight project. <https://fivethirtyeight.com/features/the-polls-missed-trump-we-asked-pollsters-why/> (доступ 18.02.2017).

Очевидно, что дискуссии будут продолжаться, скорее всего, не утихнут они и после появления совместного отчета AAPOR, WAPOR и ESOMAR, который должен появиться в мае с. г.¹

В публичных дискуссиях об итогах голосования часто звучит, что 2016 год выявил, что страна «расколота», и появление Трампа обнажило этот факт. Стоит отметить, что «раскол»-2016 (45,94 % против 48,03 %) практически не отличается от голосования в 2012 г. (47,2 % против 51,1 %) и предыдущих голосований 2000-х годов, за исключением первых выборов Б. Обамы, когда его преимущество составило 7,2%. В то же время, об углубляющемся с 1990-х гг. разделении свидетельствовали как данные опросов (см. рис. 1), так и академические исследователи².

Например, накануне президентских выборов Р. Инглехарт и П. Норрис писали о международном феномене успеха популистских левых и правых партий и о причинах такого явления. Помимо экономических факторов, они указывают на решающее влияние того, что они назвали *cultural backlash* («культурной обратной реакцией»)³.

Впрочем, уже с момента появления Трампа в качестве потенциального кандидата, многие исследователи обращали внимание, что до сих пор именно журналисты и эксперты не уделяли должного внимания имевшимся данным, и, в свою очередь, обвиняют тех в предвзятости и про-Демократической ориентации⁴.

¹ <http://www.aapor.org/Publications-Media/Press-Releases/AAPOR-to-Examine-2016-Presidential-Election-Pollin.aspx> (доступ 19.02.2017).

² См. Напр., Layman, G.C., Carsey, T. and J. Horowitz. Party Polarization in American Politics: Characteristics, Causes, and Consequences. *Annual Review of Political Science*, Vol 9, Issue 1, pp. 83—110; Hetherington, M.J. (2009) 'Review Article: Putting Polarization in Perspective', *British Journal of Political Science*, Vol. 39(2), pp 413—448; Ashley E. Jochim, Bryan D. Jones. (2012) Issue Politics in a Polarized Congress. *Political Research Quarterly*, Vol 66, Issue 2, pp. 352—369; Drutman, L. American Politics has reached peak polarization. <http://www.vox.com/polyarchy/2016/3/24/11298808/american-politics-peak-polarization>.

³ Inglehart, R. and P. Norris. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. HKS Working Paper No. RWP16—026. https://papers.ssrn.com/sol3/papers2.cfm?abstract_id=2818659 (доступ 17.02.2017).

⁴ Thorson, E. 5 Political Myths Trump is Exploding. Why the Donald's rise surprise so many pundits? <http://www.politico.com/magazine/story/2016/03/donald-trump-2016-political-science-213755> (доступ 19.02.2017).

Можно предположить, что для выборов 2016 г. и распространенного убеждения, что «опросы провалились», немаловажной является популярность предвыборных прогнозов, оценивавших вероятность победы кандидатов в процентах. Хотя представление таких прогнозов было вполне корректным и их авторы подчеркивали, что речь идет не о голосах, но о шансах, не стоит недооценивать психологическое воздействие оценок шансов Х. Клинтон в промежутке от более 66 % (FiveThirtyEight, июнь) до 86—88 % (17—24 октября)¹ и 92 % (The New York Times 28 октября)². На этом фоне прогноз 8 от FiveThirtyEight — 71,4 % на победу Клинтон³, можно назвать сдержанным, по сравнению с 85 % The New York Times⁴, 90 % Predict Wise⁵, или 98 % от Huffington Post⁶.

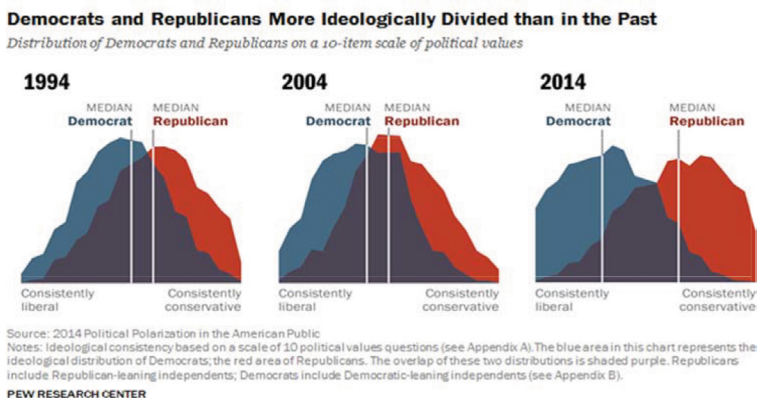

Рис. 1. Разделение по шкале 10 политических ценностей Республиканцев и Демократов.
 Источник: Pew Research Center

Среди важных для будущих предвыборных опросов и прогнозов обстоятельств стоит отметить роль, которую сыграло/не сыграло использование Big Data. Так, FiveThirtyEight, Princeton Election Consortium и The New York Times применяли статистические модели, включавшие многие показате-

¹ <https://projects.fivethirtyeight.com/2016-election-forecast/> (доступ 19.02.2017).

² https://www.nytimes.com/interactive/2016/upshot/presidential-polls-forecast.html?_r=0#other-forecasts.

³ <https://projects.fivethirtyeight.com/2016-election-forecast/> (доступ 19.02.2017).

⁴ https://www.nytimes.com/interactive/2016/upshot/presidential-polls-forecast.html?_r=0#other-forecasts.

⁵ <http://predictwise.com/politics/2016-president-winner> (доступ 19.02.2017).

⁶ <http://elections.huffingtonpost.com/2016/forecast/president> (доступ 19.02.2017).

тели, использовали Big Data. Нэйт Сильвер из FiveThirtyEight делал это на предыдущих президентских выборах — и вполне успешно. Однако организации, использовавшие «большие данные» ошиблись так же, как и те, кто таких данных не использовал, а опирался, например, исключительно на усредненные данные многочисленных опросов (RealClearPolitics, Huffington Pollster и др.) или на анализ сделанных ставок (PredictWise) или на экспертные оценки (Cook Political Report).

О. В. Попова

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ОСНОВЕ ОПРОСОВ: ПОТЕНЦИАЛ ИСЧЕРПАН?

ПОПОВА Ольга Валентиновна — доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия; pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru

Аннотация. Обсуждаются возможности и ограничения использования опросов как основания для прогнозирования электорального поведения. Указываются техники, лежащие в основе прогнозирования. Предлагаются результаты множественного регрессионного анализа голосования за политические партии на последних парламентских выборах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, построенные на основании данных опросов, проведенных как за несколько месяцев до выборов, так и непосредственно за 2—3 недели до голосования. Обосновывается тезис о необходимости разграничения задач прогнозирования электорального поведения и построения прогноза исхода выборов. Автор считает, что для решения первой из названных задач потенциал опросов не исчерпан.

Ключевые слова: выборы, результаты выборов, электоральное поведение, прогнозирование, электоральные опросы

В научной среде все чаще высказываются сомнения по поводу возможности точного прогнозирования электорального поведения граждан и использования процедур прогнозирования на основе традиционных предвыборных опросов. Это касалось и явки на думские выборы в начавшемся электоральном цикле в России, и исхода президентских выборов в США в 2012 г. (ошибка института Гэллапа) и 2016 г. Подчас высказывается радикальный взгляд, что точные прогнозы — всего лишь случайные совпадения даже при использовании сложных методов математических расчетов и моделирования, поскольку на итог голосования влияет слишком много факторов, помимо электоральных намерений избирателей, включая погоду, использование административного ресурса, голосование на временных и закрытых избирательных участках. Декларируется, что «социологи прежде всего не должны брать на себя роль прогнозистов, они должны быть диагностами, экспертами», поскольку «получаемое ими знание в значительной степени замешано на субъективном факторе»

[3, с. 45]. Кстати, Б. Докторов интерпретировал ошибку сотрудников Института Гэллага в 2012 г. как лишь сбой локального характера, который «касался лишь технологии опросов одной уважаемой полстерской службы и не ставил под сомнение возможности современных методов изучения общественного мнения» [2, с. 37].

Как показал опыт прогнозирования выборов в современной России, применение метода среднего темпа роста даже при значительном числе предварительных мониторинговых замеров или введение поправочных повышающих и понижающих коэффициентов для прогноза явки (учитывается отношение процента заявивших о своем намерении участвовать в голосовании к данным явки официальной статистики в предыдущем избирательном цикле) и оценки интересующих ученых категорий избирателей (1) учитываются все активные избиратели, убежденно высказавшие готовность проголосовать за политика, и 30—50 % тех, кто, говоря о своих намерениях, высказывает при этом некоторое сомнение; 2) производится перевзвешивание результатов ответов респондентов с исключением затруднившихся с ответами; 3) учитывают ответы неопределившихся, но планирующих прийти на выборы, задавая им дополнительный вопрос о симпатии к кандидатам; 4) моделируется оценка вероятности поведения респондентов, ориентирующихся на различных кандидатах), не всегда оказывается удачным, поскольку «результаты статистической обработки данных социологических опросов не могут быть более точными, чем сами исходные данные» [1, с. 44]. Остается трудноразрешимой и проблема отличия вербальной декларации относительно участия в выборах и электоральных предпочтений и фактического поведения на выборах («спираль молчания» Э. Нозль-Нойман). Данные электоральной статистики и серии опросов задолго до выборов могут успешно использоваться в прогнозе только в случае линейного развития событий в избирательном процессе, когда нет скрытых или явных качественных изменений в фоновых политических событиях, структуре претендентов на выборные должности и качественных скачков в характеристиках самих избирателей.

Наиболее точные результаты дают опросы, проведенные непосредственно накануне выборов, но они имеют ценность, скорее, в теоретическом плане, чем в практическом, так как команды кандидатов уже ничего не могут предпринять для исправления ситуации.

Стандартными при проведении предвыборных опросов являются следующие приемы: построение рейтингов на основе выявления наиболее предпочтительных для избирателя кандидатов/партии (техника «укол»), построения позитивного рейтинга и антирейтинга участников выборов (техника «весы»), выявления узнаваемости, авторитетности, эмоциональ-

ного восприятия, доверия, готовности проголосовать за претендентов в ходе предвыборных опросов избирателей (техника «сита»); использование косвенной техники (вопросы о том, как проголосует большинство избирателей или такие люди, как респондент); система повторяющихся вопросов-синонимов с целью установления устойчивости позиции респондента, ответы респондентов об электоральных предпочтениях на бланке, максимально схожем с бюллетенем; «железнодорожные тесты» в ходе личного интервью (демонстрация рисунка с беседами о предстоящих выборах в купе пассажирами и вопросом о личном предпочтении респондента). Модели прогнозирования должны различаться в зависимости от уровня информированности респондентов о выборах и их участниках.

Тестирование регрессионных моделей готовности проголосовать за партии на базах исследований Центра эмпирических политических исследований СПбГУ (февраль 2016 г.) и Ресурсного центра социологических и интернет-исследований СПбГУ (август–начало сентября 2016 г.) показало, что единой модели голосования избирателей на парламентских федеральных и региональных выборах в 2016 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области не было.

Проведенный за полгода до выборов опрос точно определил набор партий, имеющих высокий шанс прохождения в федеральный парламент на основе теоретической модели партийной идентичности. Сложности возникли с прогнозированием поведения активного электората в отношении тех 10% респондентов, которые четко высказывали готовность голосовать на выборах не за парламентские партии, но не высказывали явного предпочтения участвующих в выборах партий–новичков (доля поддерживающих любую из этих партий групп не превышала 3%).

Независимые переменные регрессионной модели в ходе опросов за 2–3 недели до выборов обнаружили следующие факторы голосования за «Единую Россию»: а) высокое доверие В. В. Путину (срабатывает ассоциативная связь образа президента РФ и «Единой России»); б) лояльность избирателей «партии власти» в отношении проводимой внутренней политики и ситуации в стране (голосующие за «партию парламентского большинства» склонны считать, что дела в России идут в правильном / в целом в правильном направлении); в) представление об инструментальной эффективности партии; для избирателей значимо наличие ресурсов для выполнения предвыборных обещаний.

В отношении ЛДПР эффективным оказалось включение в множественную регрессионную модель следующих независимых переменных: а) идентификация с лидером партии; б) невысокий социальный капитал избирателей (относительно невысокие уровень образования и дохода

избирателей); в) самооценка избирателями своих взглядов как либеральных по названию поддерживаемой партии, что говорит о недостаточном культурном капитале и низком уровне политической культуры.

В модели голосования за КПРФ «сработали» следующие независимые переменные: а) идеологическая самоидентификация с коммунистическими идеями; б) партийная самоидентификация с КПРФ; в) персонафицированная самоидентификация с лидером партии; г) ориентация на интересы государства. Эту партию поддерживают преимущественно люди старшего возраста, мужчины.

Были выделены следующие независимые переменные регрессионной модели голосования за малые / новые партии: а) выраженные идеологические взгляды (левые или правые); б) нелояльность в отношении проводимой государственной властью политики (негативная оценка политики российского государства); в) относительно высокие доходы.

Множественную регрессионную модель голосования за «Справедливую Россию» и «Яблоко» построить не удалось, хотя стандартизованные остатки в таблицах сопряженности свидетельствуют, что люди, считающие соответственно С. М. Миронова и Г. А. Явлинского политиками, лучшим образом выражающими их интересы, склонны голосовать за эти партии.

Можно выделить три основные стратегии поведения протестного электората: а) сознательный отказ от голосования; трудно определить долю просто индифферентных к выборам избирателей и тех, кто сознательно отказывается от участия от выборов; возможно, определенную информацию мы можем подчерпнуть из следующих данных; около 19% избирателей полагали, что могут быть фальсификации, которые приведут к существенным изменениям результатов выборов; б) голосование по «разорванному билету» в случае одновременного участия в выборах в региональный и федеральный парламент (около 3—4% избирателей); в) готовность испортить бюллетень или проголосовать против всех (около 2,5%).

Самая большая методическая проблема для прогнозирования электорального поведения на основе опросов — необходимость учитывать в модели феномен мотивационного смещения (более мощный стимул вытесняет слабый / актуализированный в сознании человека ранее). Теоретически она проработана в так называемой «воронке причинности», но надежного эмпирического инструмента, который мог быть учтен в построении объясняющих электоральное поведение моделей, нет. Кроме того, нельзя не учитывать принципиального отличия исследовательской задачи прогнозирования электорального поведения и прогнозирования исхода выборов.

Список источников

1. Баскакова Ю. М. Опыт прогнозирования итогов выборов с применением экспертных оценок // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 42—51.
2. Докторов Б. Почему в 2012 году организация Гэллапа не предсказала победу Барака Обамы? // Телескоп. 2014. № 1 (103). С. 37—43.
3. Протасенко Т. Э. Социология — не руководство к действию, не инструкция по применению, а лишь повод для размышления (Рецензия на книгу «От плебисцита — к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011—2012 гг.» // Телескоп. 2013. № 5 (101). С. 45—49.

А. О. Земцов

АВТОРИТАРНОСТЬ: «СИЛЬНАЯ РУКА» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ

ЗЕМЦОВ Артём Олегович — магистрант программы «Прикладная политология» Департамента политической науки Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Лаборатория сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ, учебный ассистент Департамента политической науки, г. Москва, Россия; artyom.zemtsov@gmail.com

Аннотация. Исследование «Авторитарность: «сильная рука» в политических представлениях современных россиян. Количественные и качественные оценки» опирается на данные «Левада-Центра» последних лет. Автор рассматривает склонность к «сильной руке» как один из ключевых аспектов авторитарности в политических установках современных россиян, для которого характерны желание подчиняться сильному политическому лидеру, концентрирующему всю полноту власти в одних руках, восприятие носителей власти как «отцов» нации, людей «высшей породы». Автор анализирует зарубежные и отечественные теоретические концепции, рассматривающие теорию авторитарности, а также эмпирические исследования, связанные с изучением тяги к «сильной руке». Также с помощью матриц (таблиц) сопряженности и данных фокус-групп рассматривается влияние социально-демографических и социально-психологических характеристик на авторитарные политические представления, в том числе на такую характеристику авторитарности как тяга к «сильной руке». В том числе это свойство рассматривается через призму концепции гражданской культуры Алмонда и Верба как аспект смешанной парохияльно-подданнической культуры. Автор рассматривает авторитарные политические представления и ценностные ориентации современных россиян как один из аспектов, существенно необходимых при политическом прогнозировании и политическом анализе.

Ключевые слова: политическое прогнозирование, политические представления, коллективные установки, общественное мнение, авторитарность, «сильная рука»

В контексте настоящего исследования авторитарность и ее ключевой признак (тяга к «сильной руке») сопоставляется с проявлением специфических аспектов как подданнической, так и парохияльной политической культуры по Алмонду и Верба, для которых характерно подчинение

сильному лидеру по умолчанию, полное делегирование власти и всех полномочий, а также представление о «наличии специализированной правящей (в том числе правительственной) власти; он [индивид] эмоционально ориентирован на нее и при этом, возможно, гордиться ею или, быть может, относится к ней неприязненно... по сути, это пассивное отношение».

Мои исследования, опирающиеся на количественные данные «Левада-Центра» показали, что в случае с российским контекстом такая характеристика авторитарности как тяга к «сильной руке» не так сильно зависит от возраста респондента, что опровергает большинство западных концепций и исследований в области политической науки, социологии, психологии — ее прямой зависимости от такого социально-демографического показателя как возраст — то есть, чем меньше возраст, тем ниже авторитарность в политических представлениях и, соответственно, чем возраст выше, тем вероятностная возможность авторитарности будет выше. Это же подтверждают и, анализируемые мной, количественные данные «Левада-Центра», где в «сильной руке» нуждаются примерно в одинаковой степени как 25—39-летние, так и 40—54—55-летние и старше жители России.

Основываясь на данные «Левада-Центра», для авторитарности в российском контексте, как оказалось, также не значим такой социально-демографический параметр, как доход, что полностью опровергает концепцию Мартина Липсета, по которой авторитарность напрямую связана с экономическими возможностями индивида, то есть — чем выше его доход, тем индивид более демократичнее, чем доход ниже, тем вероятность быть более авторитарным становится выше.

Тип поселения являлся не очень значимым, но по многим, имеющимся у меня замерам, жители Москвы всегда значительно менее авторитарны, чем жители любых других городов и особенно сельских поселений. Жители столицы значительно меньше идеализируют «сильную руку». Во всех остальных типах поселений (города более 500 тысяч человек, города от 100 до 500 тысяч, города до 100 тысяч) приверженность «сильной руке» примерно одинакова — что также опровергает западные исследования в области авторитарных политических представлений. Но сельская местность все же более патерналистски настроена, чем города всех типов.

Тип занятости также не значительно влияет на вероятностное распределение авторитарности. Но все же наиболее склонны идеализировать «сильную руку», пенсионеры, затем идут рабочие, служащие, управленцы, частники, безработные и студенты. Это распределение примерно соответствует и итогам западных исследований.

Фокус-группы, проведенные в 2015—2016 годах с двумя подгруппами («Взрослые» и «Молодые» жители Москвы), показали, что приверженность, тяга к «сильной руке», как одна из ключевых характеристик авторитарности, и у той, и у другой группы достаточно сильны. Причем в группе «Молодые» идеализация «сильной руки» оказалось выше, чем у «Взрослых», что, как я уже отмечал ранее, опровергает многие западные исследования по авторитарности, а также в какой-то мере и количественных оценки «Левада-Центра», которые свидетельствовали все же о том, что москвичи менее всех поддерживают курс «сильной руки». Конечно, фокус-групп не является репрезентативным методом, но он, на мой взгляд, показывает некоторые тенденции, свидетельствуют о том, что в анкетных ответах москвичей присутствуют довольно отчетливо некая декларативность, лукавство, манифестация поверхностных убеждений, предназначенных для публичного поля, но которыми в реальной жизни, в моменты принятия конкретных решений респонденты в большей степени не готовы следовать.

Обе группы — и «Молодые», и «Взрослые» — демонстрируют примерно одинаковую приверженность «сильной руке», причем парадоксально, но «Молодые» еще более тяготеют к ней. Однако обе группы, в меньшей степени «Взрослые» не испытывают перед ней трепета, ощущения ее сакральности, избранности, но считают, что традиционно «в России власть всегда такой была». Нет и особого раболепия перед властью «сильной руки», есть пассивное, расчетливое подчинение, безусловное принятие существующего порядка без желания его как-то изменить, повлиять на него.

У респондентов из обеих групп сходное представление о «сильной руке» в сфере политического, и это представление, пожалуй, характерно для подданического типа культуры, чем парохильного, так как, это было отмечено ранее, склонность исключительно нормативная и эмоциональная, но не когнитивная. Тяге утратила свою архаичную сакральность, беззаветное раболепие и подчинение, растворение в государстве как сверхсубъекте, отождествление себя с безликим субъектом политики. Эта тяга к «сильной руке» не является тягой в привычном понимании этой характеристики в рамках концепции авторитарности. Скорее, это даже не тяга, а нормативная практика, пассивное подчинение, в большей степени рационально осознаваемое, это целеориентированная практика, которая помогает индивиду социализироваться, извлекать личные выгоды, предпочтения в рамках авторитарного режима, это некий механизм адаптации к репрессивному государству. Это прагматичное понимание своего бессилия перед ним.

На мой взгляд, авторитарные политические представления, ценностные ориентации подавляющего числа современных россиян, связанные,

пусть даже и декларативно, с тягой к «сильной руке», опираясь на концепцию Алмонда и Верба, соответствуют парохияльно-подданническому типу политической культуры, которая является доминирующей в трехчастной гражданской культуре, объединяющий — парохияльный, подданнический и участнический типы. Эта некая культурная смесь, где парохияльно-подданнический тип превалирует над типом участническим, который присутствует в гражданской культуре современных россиян значительно меньше. Эту трехчастную конструкцию гражданской культуры можно сравнить, например, с кругом Шаломы Шварца, где присутствуют разные ценностные классы (класс самоутверждения, открытость изменениям и т. д.), и каждое общество представляет собой особую смесь этих ценностных классов, ориентаций. Также как и «обобщенный «гражданин» представляет собой специфическую смесь участнических, подданнических и парохияльных ориентаций, а гражданская культура — это специфическая смесь граждан, подданных и парохиялов».

Для доминирующего сейчас смешанного парохияльно-подданнического типа политической культуры характерно, что подавляющая часть граждан ориентируется на некую размытую, диффузную структуру центральной власти, которая недосыгаема, не анализируема, по своей природе она всегда будет оторвана от индивида, в таком типе культуры он всегда будет объектом политики. Восприятие подавляющим большинством современных россиян существующего на данный момент режима носит весьма размытый, мифологизированный, неструктурированный характер. Подчинение законам, нормативам, «правилам игры» текущего политического режима для многих современных россиян носит подданнический, иерархический характер.

Список источников

1. Алмонд Г, Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014.
2. Липсет М. Политический человек/ Социальные основания политики. М. : Мысль, 2016.

М. М. Басимов

ПРОБЛЕМА «КОРРЕЛЯЦИОННОГО» СОГЛАШАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

БАСИМОВ Михаил Михайлович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и специальной психологии, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; basimov_@mail.ru

Аннотация. Если формулируется достаточно сложная тема исследования, мы скорее всего не обнаружим сильных линейных связей между неродственными параметрами. В результате возникает непонимание и неприятие нелинейности как методологической основы. Кроме того предпринимаются попытки использовать линейные модели, не дающие результатов, и осуществляется подмена, выдающая очень слабые корреляции (0.2—0.3) за «значимые». На примере конкретного социологического исследования, посвященного изучению политических установок студентов, разобраны типы ошибок при таком подходе. Линейных зависимостей, с одной стороны, «значимых» по критическому значению в рамках гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции ($abs(R) > 0.2$), а, с другой стороны, относящихся к очень слабым корреляциям ($abs(R) < 0.3$) было найдено 22. И если в 7 случаях из 22, мы просто не имеем интересных связей для интерпретации, то в 16 случаях при рассмотрении «значимых» корреляций и описании связи между параметрами как линейной по своей природе, получаем грубейшие ошибки, так как в этих случаях наблюдаются достаточно сильные связи простейшей нелинейной формы.

Ключевые слова: статистическая связь, линейный, нелинейный, корреляция, политические предпочтения

В современных условиях линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным, и даже опасным, в нелинейной сложной реальности [22]. «Нелинейность» — фундаментальный концептуальный узел новой синергетической парадигмы [12].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это, например, подтверждает предпоследний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается кроме наших материалов [14; 15; 16; 17] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов).

Для анализа данных использовался авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) в социологических исследованиях [3] посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2] для квантильных разбиений данных по каждому измеряемому параметру.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11; 21], демографические планы населения [4; 20], социология профессий [19], политическая социология [1] и т. д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13] апробировалось также в различных психологических исследованиях: психология дошкольников и подростков [5; 6], этнопсихология [7; 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т. д.

Если формулируется достаточно сложная тема исследования, мы скорее всего не обнаружим сильных линейных связей между неродственными параметрами. В результате имеем в массовом сознании, с одной стороны, непонимание и неприятие нелинейности как методологической основы (что также усугубляется отсутствием доступного инструментария для анализа экспериментальных данных), а, с другой стороны, попытку, цепляясь за линейные модели и не находя в их рамках решение проблемы (за исключением в основном тривиальных результатов), сделать осознанную или неосознанную подмену, которая позволяет очень слабые корреляции (0.2—0.3) выдавать за «значимые», которые дают возможность говорить о результатах, представленных большим набором выявленных связей между изучаемыми параметрами.

Рассмотрим обозначенную проблему на примере конкретного исследования, посвященного изучению политических установок студентов (2014 г.). Для изучения связей (линейных и нелинейных) были отобраны 24 количественных параметра.

Всего была выявлена 21 сильная линейная (близкая к линейной) зависимость. Линейные зависимости, как правило, связывают родственные параметры, они легко предсказуемы, а, значит, не представляют большого эвристического интереса для исследователя. Но именно такие зависимости человек в силу своей обычной исследовательской логики предвидит, формулирует в виде гипотез исследования, логически выводит и ему часто кажется, что других закономерностей просто не существует. Чтобы подчеркнуть сказанное, перечислим выявленные сильные линейные зависимости для 2 из 7 смысловых групп:

1. Связи пар параметров: «Отношение к В. В. Жириновскому» и «Отношение к партии ЛДПР»; «Отношение к Г. А. Зюганову» и «Отношение к партии КПРФ».

2. Связи пар параметров: «Отношение к В. В. Путину» и «Отношение к партии «Единая Россия»; «Отношение к Д. А. Медведеву» и «Отношение к партии «Единая Россия»; «Отношение к Д. А. Медведеву» и «Отношение к В. В. Путину».

Линейные зависимости могут пригодиться лишь в одном, это контроль искренности ответов респондентов, проверка результатов на отсутствие фальсифицированных ответов по анкете (аналог психологическим шкалам на лживость).

В целом в модели для кварт независимой переменной были выявлены 107 простейших нелинейных зависимостей, интересных для интерпретации по силе связи.

Линейных зависимостей, с одной стороны, «значимых» по критическому значению в рамках гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции ($abs(R) > 0.2$), а, с другой стороны, относящихся к очень слабым корреляциям ($abs(R) < 0.3$) было найдено 22.

При этом для тех же пар параметров было выявлено 16 достаточно сильных нелинейных связей (с коэффициентом связи больше 0.6), которые могли бы попасть в рассмотрение в терминах «значимой» корреляции, как линейные связи представляющие интерес для интерпретации в рамках линейных моделей.

И если в 7 случаях из 22, мы просто не имеем интересных связей для интерпретации: очень слабая линейная корреляция по коэффициенту Пирсона, коэффициент силы связи по авторскому методу также интереса не представляет. А значит, эти зависимости просто не должны входить в описание результатов исследования.

То в 16 случаях при рассмотрении «значимых» корреляций и описании связи между параметрами как линейной по своей природе, получаем грубейшие ошибки, так как в этих случаях наблюдаются достаточно сильные связи простейшей нелинейной формы и интерпретировать их нужно уже в рамках синергетических представлений, нелинейной природы закономерностей при изучении политических предпочтений.

Рассмотрим кратко интерпретацию зависимости, представляющей пример грубейших исследовательских ошибок, которые в рамках линейных представлений большинство исследователей обычно рассматривает как «значимые» корреляции, достойные внимания, хотя на самом деле это очень слабые линейные связи, но сильные, как простейшие нелинейные связи, представляющие несомненный интерес.

Зависимость параметра «Отношение к А. А. Навальному» (Y) от параметра «Отношение к партии КПРФ» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

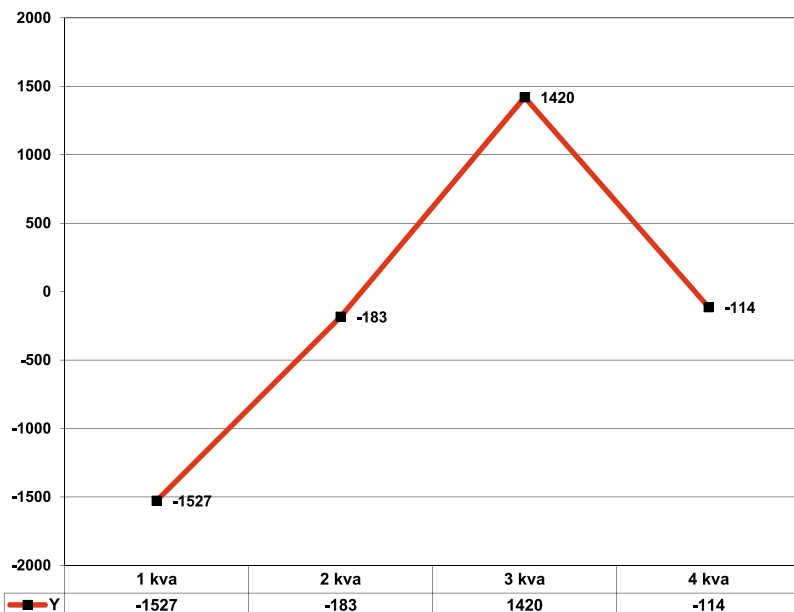
X-1 ($Y = -1527$); X-2 ($Y = -183$); X-3 ($Y = +1420$); X-4 ($Y = -114$)

Коэффициент силы связи = 0.97 (0.29)

Коэффициент корреляции = 0.22

В зависимости можно выделить два неравнозначных участка. Вначале наблюдается близкий к линейному рост (с -1527 до $+1420$) зависимой переменной с 1 по 3 кварту независимой переменной (отношение к КПРФ), а потом спад параметра «Отношение к А. А. Навальному» на 4 кварте независимой переменной, но до значений (-114) значительно больших, чем первоначальные (-1527) для 1 кварты. Наблюдается общая положительная динамика в принятии А. А. Навального (с -1527 до -114 по сравнительной весомости), что и выражается значением слабой, но не нулевой корреляции.

Графически зависимость имеет вид:

Список источников

1. Басимов М. М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и по-

- литическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 474—491.
2. Басимов М. М. Множественное сравнение в социологических исследованиях : монография. Курган : Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М. М. Нелинейная социология : монография. Курган : Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М. М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2 / редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН. 2011. С. 195—203.
5. Басимов М. М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. № 2. С. 83—93.
6. Басимов М. М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. № 4. С. 142—158.
7. Басимов М. М., Хромов А. Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 209—222.
8. Басимов М. М., Хромов А. Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 140—155.
9. Басимов М. М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 54—57.
10. Басимов М. М., Достовалов С. Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология. Научно-практический журнал. 2011. № 3 (специальный выпуск). С. 57—61.
11. Басимов М. М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I / Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 522—528.
12. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М. : КомКнига, 2005. 240 с.
13. Basimov M. M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.
14. Basimov M. M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.
15. Basimov M. M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.

16. Basimova P. M., Basimov M. M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.
17. Basimov M. M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28—31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988—989.
18. Basimov M. M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.
19. Basimov M. M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.
20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208—223.
21. Basimov M. M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.
22. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. Berlin: Springer-Verlag, 1994.

А. В. Горвая, И. Е. Огнева

«БОРЬБА» ЗА ВЛАСТЬ: ИГРА В ПОЛИТИКУ

ГОРВАЯ Арина Валерьевна — студентка III курса ИГУ ИСН, г. Иркутск, Россия; ternavskaia96@mail.ru

ОГНЕВА Ирина Евгеньевна — студентка III курса ИГУ ИСН, г. Иркутск, Россия; ira-ogneva19@mail.ru

Аннотация. Рассматривается отсутствие реальной борьбы за власть как проблема современной российской политики. Авторы проводят сравнение между борьбой как видом спорта и политической борьбой за власть. Борьба за власть должна быть похожа на бокс, где есть противостоящие стороны, и главная цель такой борьбы — победа в схватке. Анализируя современную политическую обстановку в стране и констатируя кризис в данной области, авторы пришли к выводу, что борьба за власть больше похожа на реслинг, т. е. на зрелищное шоу, с заранее определенным победителем, это не соревнование и не соперничество, хотя видимость борьбы сохраняется. Рассмотрение механизмов политической власти с данной точки зрения представляет научно-практический потенциал, так как этот подход обличает недостатки существующих политических институтов.

Ключевые слова: власть, борьба, политика, соперничество, реслинг

«Сливаясь воедино, власть и борьба часто означают одно и то же, поскольку нет первой без проявлений второй»

П. Бурдые

Борьба определяет многие сферы жизнедеятельности общества, она является основой многих процессов и явлений, и одним из таких явлений является политическая власть. Борьба — это действия, направленные на захват лидирующей позиции: схватка, соперничество, достижение и принуждение, направленные на искоренение кого или чего-либо. Можно сказать, что борьба предопределяет власть.

Мы проведем сравнение борьбы как вид спорта с борьбой за политическую власть. Борьба как вид спорта появилась в Древней Греции, ее суть заключается в том, что из схватки выходит только один победитель. Процессы борьбы и власти имеют много общих характеристик и правил.

В них существуют определенные приемы, техники, законы и запреты, соблюдение которых приводит к победе.

Многие научные деятели изучают законы и механизмы осуществления власти. В предисловии к работе Роберта Грина «48 законов власти» написано: «Правила остаются неизменными. Внешне вы обязаны уважать честную игру, но на деле быстро научаетесь расчетливости и осмотрительности и поступаете по совету Наполеона: надеваете бархатную перчатку на железную руку. Если [...] вы сможете овладеть искусством действовать исподтишка, обучитесь очаровывать, льстить, плести интриги и изящно обводить вокруг пальца своих соперников, вы достигнете самых высот власти» [2:2]. В свою очередь, Элиас Канетти в своем труде «Масса и власть» говорит о том, что существуют определенные элементы, с помощью которых можно захватить власть. Это скорость и умение настигать и хватать, также Канетти делает акцент на определенных психологических элементах власти, а именно на умении молчать и задавать вопросы, и что особенно важно — на способности хранить и распространять тайны. Эти и многие другие авторы показывают, что власть представляет собой сложные совокупные механизмы, работающие по определенным принципам и законам.

Борьба за власть похожа на спортивную борьбу тем, что профессиональной подготовке и спортсмена и политика уделяется много времени и сил, ведь он должен уметь выбирать тактику боя в зависимости от соперника. Тактика боя в боксе — это система применения технических приемов с учетом своих технико-тактических, морально-волевых и физических возможностей в борьбе с разными по стилю противниками. Профессиональные боксеры проводят не просто бой, они создают сложные комбинации, оценивают обстановку и применяют специальные тактики, которые приведут к победе. Каждый бой — это новая комбинация, это новая тактика и политика ведения сражения. Та же борьба происходит и на арене борьбы за политическую власть. И боксер и политик должен уметь своевременно оценить противника и продумать тактику ведения боя именно с этим противником.

Борьба за власть на политической арене не носит физический характер, здесь играют роль такие факторы, как: хитрость, изворотливость, смелость, скорость в принятии решений, публичность, планирование, умение просчитывать действия и реакцию соперников, репутация. Политик, обладающий данными качествами, умеющий грамотно пользоваться ими, комбинировать и применять в нужный момент, обычно одерживает верх над соперниками.

Примером реальной политической борьбы может служить борьба за политическую власть между партиями во время революции 1905 г.

Тогда все зависело от программы партии, если она понравится людям, то за партию будут голосовать. Таким образом, партии старались делать свои программы максимально рациональными, продуманными и привлекательными для народа. Программа партий — это как тактика боя в боксе, она необходима для того, чтобы показать себя в лучшем свете, привлечь зрителя и обрести его поддержку. Борьба здесь является стимулом для развития и совершенствования.

Также можно отметить, что в боксе существует практика «покупки» проигрыша одного из участников. Одному из боксеров поступает предложение заплатить ему за проигрыш в предстоящем бою. Таким образом, он проиграет в бою, но останется при больших деньгах. Похожие механизмы мы находим и во власти. Мы не можем сказать наверняка, какие коррупционные механизмы имеют место во властных структурах. Но, в современном обществе политика и коррупция — это неотделимые друг от друга явления.

Современная политика РФ находится в состоянии кризиса. В первую очередь мы связываем это с отсутствием реальной борьбы за власть. Борьба за власть больше напоминает собой не борьбу, а реслинг. Под реслингом мы подразумеваем зрелищное, хорошо отрепетированное шоу, с заранее прописанным сценарием, где победитель уже заранее определен. Это не соревнование и не соперничество, хотя видимость борьбы сохраняется.

В современном обществе иллюзия борьбы создается посредством выборов. Каждый год производятся какие-либо выборы: в государственную думу, в совет федерации, президентские выборы, которые предполагают собой борьбу за посты, за власть. Партии начинают свою активность перед выборами, проводят митинги, «парад добрых дел», представители партий активно обсуждают друг друга, выявляя свои плюсы и минусы противника, обещая невероятные изменения и борьбу с социальными проблемами. Но обычно результаты ясны уже заранее. И даже если победит представитель другой партии, то ничего в политической жизни не изменится. В современной России существует монополия власти, потому что наличие других партий и кандидатов в депутаты, министры, президенты не меняет реальное положение политики. Примером могут послужить выборы в Госдуму 2016 года: «Единая Россия» получила конституционное большинство в 343 мандата (76,22 % мест) в нижней палате парламента (из 450 мест), а также победу одержали 203 из 206 выдвинутых «Единой Россией» кандидатов по округам [1]. Таким образом, борьбы нет, есть театр, есть представления для публики, соперники обладают почти одинаковым набором качеств, борются по похожим схемам и не имеют действительного желания завладеть и обладать властью.

«Реслинг требует отличной спортивной подготовки, знание боевых техник, хорошего актёрского умения и харизмы» [3]. Точно также как и любые выборы требуют тщательной подготовки, знания законов и механизмов представления власти, хорошего театрального мастерства и харизмы, умения находить контакт с публикой.

В настоящее время создается иллюзия выбора и борьбы, на самом деле выбора нет, разницы между партиями, депутатами нет никакой. Если к власти приходит представитель не правящей партии, сам курс политики не меняется, изменяется только представительное лицо. Необходимо вернуть конкуренцию и соперничество между партиями и кандидатами, чтобы исчезла монополизация власти, чтобы на самом деле у индивидов был выбор между разными подходами, программами, партиями и их представителями. Честная борьба за власть заставляет участников на самом деле бросить все свои силы и ресурсы для достижения победы, она стимулирует их к действиям, к завоеванию доверия у народа. Для того чтобы вернуть политику в «политику», чтобы политическая власть приносила свои плоды государству и обществу необходимо превратить ее из показательного шоу в настоящую борьбу за власть.

Список источников

1. Выборы — 2016: Итоги — монополия на власть и на госсодержание, как распорядятся? [Электронный ресурс] // Русская правда. URL: <http://ruspravda.info/Vibori-2016-Itog-monopoliya-na-vlast-i-na-gossoderzhanie-kak-rasporyadyatsya-23600.html> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Грин Р. 48 Законов власти [Электронный ресурс]. URL: <http://48zakonov.ru/> (дата обращения: 22.12.2016).
3. Реслинг это [Электронный ресурс] / АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1120941> (дата обращения: 22.12.2016).

М. С. Вольвач

ШАНСЫ ОППОЗИЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В МОСКВЕ В 2017 Г.

ВОЛЬВАЧ Марина Сергеевна — магистрант II курса РАНХиГС, Институт общественных наук, факультет государственного управления, кафедра политологии и политического управления, г. Москва, Россия; ms.volvach@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен институту всеобщих выборов, а именно избирательным кампаниям оппозиции и их шансам занять лидирующие позиции на предстоящих муниципальных выборах в Москве в 2017 г. Организация избирательных кампаний — весьма важный и трудоемкий процесс вне зависимости от использования административного и технологического ресурсов. Этот процесс содержит в себе множество нюансов, начиная от формирования штаба и построения ментальной карты местности и заканчивая организацией предвыборной агитации. Но важно понимать, что, во многом, именно грамотное использование политических технологий позволяет политическим акторам добиваться поставленных целей: победа на выборах, увеличение электората, повышение узнаваемости и авторитета в глазах избирателей. Возможно опыт оппозиционных сил на выборах в мэры города Москвы в 2013 г. и в Государственную Думу в 2016 г., особенно степень участия в предвыборной гонке и масштабы применения избирательных технологий, позволит предпринять все необходимые меры и как итог — достичь желаемого на муниципальных выборах в Москве в 2017 г.

Ключевые слова: институт всеобщих выборов, избирательный процесс, политические технологии, одномандатный округ, оппозиция

Сегодня в России наблюдается становление качественно новой по содержанию, роли, целям и задачам политической системы общества, основанной на принципах многопартийности и политического плюрализма. Вновь воссозданная многопартийность, свобода вероисповедания, слова и печати открывают широкие возможности для самореализации различных коллективных интересов, как в обыденной жизни, так и на политическом поле. И в этих условиях все большее значение приобретает теоретическое и практическое исследование проблемы проведения избирательных кампаний, методов воздействия и влияния на общественное мнение в Российской Федерации.

Во многом именно организационно-технологические приемы и методы определяют успех предвыборных кампании того или иного кандидата или политической партии, особенно это касается оппозиционных сил.

Для успешной избирательной кампании требуется грамотная агитация, слаженная работа всего избирательного штаба, сбор и контроль денежных средств в избирательном фонде, работа с электоратом и многое другое.

Практика показывает, что при минимальных затратах все же возможно организовать успешную предвыборную политическую кампанию. Яркий тому пример, предвыборная кампания А. Навального на выборах мэра города Москвы. Он смог в кратчайшие сроки мобилизовать все имеющиеся ресурсы — волонтеров, готовых работать только за идею в штабе, у станций метро, в агитмобилях, на встречах с кандидатом, в социальных сетях; Интернет-сети и печатные СМИ; возможность проведения митингов и демонстраций, о которых оповещал также при помощи социальных сетей и созданных им и его командой интернет-порталов¹.

На региональных выборах в сентябре 2015 г А. Навальный с партией ПАРНАС продолжил свой курс. Он провел серьезную предвыборную кампанию в Костромской области, где были задействованы всевозможные механизмы и ресурсы для прохождения 5 % барьера. Многие специалисты называли эти выборы последней репетицией перед схваткой на выборах в Государственную Думу седьмого созыва. Но результаты выборов в Костроме не оправдали надежд оппозиционных сил.

Более того, неудача постигла оппозицию, как системную, так и несистемную, и на выборах в Государственную Думу. Несмотря на то, что выборы в Думу впервые после длительного перерыва проводились по смешанной системе, что обещало быть интересным, так как половина народных избранников должна была сражаться за получение мандата на своих одномандатных округах, а не как раньше по спискам своих партий, правящая партия все равно получила большинство голосов. Удивительно и то, что оппозиция практически не прилагала усилий для победы на выборах. Согласно данным, предоставленным Центризбиркомом, Единая Россия получила 54,20 % голосов, что значительно превысило процент голосов, отданных в 2011 на выборах в Госдуму шестого созыва. Следом за Единой Россией следовала коммунистическая партия во главе с Зюгановым, оторвавшаяся от ЛДПР всего на 0,20 % и набравшая 13,34 % голосов, далее ЛДПР с 13,14 % голосов и Справедливая Россия с 6,22 %²

¹ Подробнее см. на сайте А. Навального: URL: <http://navalny.ru/%20index136256.html> (дата обращения: 12.03.2014).

² Подробнее см. на сайте «Выборы. Избирком»: URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 (дата обращения: 12.03.2014).

Во многом результаты выборов связаны с отсутствием интереса избирателей. Предвыборную борьбу за мандаты в Государственной Думе, сложно назвать как таковой борьбой, на политической арене не происходило никаких активных действий, кандидаты и их команды не смогли «зажечь» избирателей, что привело к рекордно низкой явке. Это также может быть связано и с значительным сужением оппозиционной среды из-за присоединения Крыма в 2014 г. и неоднократного продления санкций. Возможно, люди не хотят усложнять и без того накалившуюся обстановку в стране, не хотят вводить нового актора на политическую арену, доверяют более опытному игроку — Единой России.

В сентябре 2017 г. состоятся муниципальные выборы в Москве, слухи о переносе которых на весну 2017 г. распространялись всю осень и начало зимы. Многие специалисты связывают идею о переносе выборов с желанием вывести из гонки оппозицию, так как у нее не будет достаточно времени для проведения действенной агитации. Результаты последних выборов лишни раз подтверждают, что без проведения яркой кампании оппозиционные силы оказываются «за бортом корабля» под названием «Власть». Тем не менее, мы полагаем, что если оппозиция объединится и выдвинет из своих рядов активных, инициативных и ярких лидеров, которые будут способны учесть все плюсы и минусы предыдущих кампаний и смогут грамотно воспользоваться организационно-технологическим ресурсом, то у нее есть все шансы продвинуть своих представителей на муниципальных выборах в Москве в 2017 г.

Я. А. Цуканов

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ЦУКАНОВ Ярослав Александрович — аспирант кафедры «Социология и информационные технологии» Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, г. Орел, Россия; yatsukanov@gmail.com

Аннотация. Ставится вопрос о взаимоотношении понятий «протестная активность» и «протестный потенциал» в контексте их социального прогнозирования

Ключевые слова: протестная активность, протестный потенциал, социальное прогнозирование, социальная напряженность

Под протестной активностью понимается форма проявления, качественное своеобразие социальной напряжённости, поведенческая установка на протестные действия, направленные на нейтрализацию источников неудовлетворенности, вплоть до открытых социальных и насильственных конфликтов [1]. Во многих отечественных работах протестная активность рассматривается как один из индикаторов социальной напряжённости и как следствие накопившейся социальной напряженности [4],[5],[6]. Некоторые отечественные авторы в своих научных статьях о политической и протестной активностях вовсе не приводят четких определений понятиям, которыми оперируют.

Под протестным потенциалом понимают готовность личности и больших социальных групп к открытым протестным действиям (митингам, демонстрациям и т.д.) [3]. Сравнение этих двух понятий позволяет сделать следующий вывод: протестная активность выражается в протестных социальных действиях уже совершённых или совершаемых, а протестный потенциал включает в себя ещё не совершённые протестные социальные действия, т.е. выражает уровень готовности к ним индивида или социальной группы.

При прогнозировании будущих трендов протестной активности мы получим протестный потенциал в силу того, что социальные протестные действия ещё не совершены.

Обращение к структуре социального действия М. Вебера даёт нам следующие его, обязательно включаемые, элементы:

— актор;

- потребность актора, выступающая непосредственным мотивом действия;
- стратегия действия (осознанная цель и средства её достижения);
- индивид или социальная группа, на которого(–ую) ориентировано действие;
- конечный результат (успех или неудача) [2].

5-й элемент закрывает действие и трансформирует его в единицу социального действия. В случае отсутствия результата (успех или неудача) действие считается незавершённым и перестаёт быть социальным действием. При отсутствии результата и при выполнении первых 4-х пунктов, действие можно назвать потенциальным социальным действием, т. е. несовершённым (незавершённым), но имеющим вероятность быть социальным действием в будущем.

Исходя из этого протестная активность, при её трендовом прогнозировании, трансформируется в протестный потенциал. Таким образом, объект (процесс) социального прогнозирования на «входе» в «прогнозируемое поле» будет являться протестной активностью, а на «выходе» — трансформироваться в протестный потенциал. Имея на «входе» только протестную активность (т. е. совершённые протестные социальные действия) мы теряем из виду остальную часть, ранее не проявлявшей подобной активности, но которая протестно-потенциальна, в той или иной мере, в силу самого существования образа подобного действия в общественном сознании. Данное предположение знакомит нас с ещё одной логической нестыковкой. Если на «входе» «прогнозного поля» протестная активность, со своим набором компонентов и правил, передаёт их на «выходе» протестному потенциалу, то протестный потенциал, принимая их (компоненты и правила протестной активности), не способен самостоятельно дополнить их или отменить в силу завершённости самого процесса прогнозирования, который, в довершение всего, не является ни объектом, ни предметом прогнозирования.

Приведём пример. Одним из главных показателей протестной активности служат количественные и качественные данные о *свершившихся* митингах, забастовках, пикетах и т. д. (количество человек, принявших участие в протестной акции; направленность протеста; количество проведённых митингов в месяц и т. д.). Одним из методов прогнозирования может служить экстраполяция уже существующих (совершённых) количественных данных на определённый будущий временной интервал. В нашем случае это количество проведённых акций протеста на единицу времени, количество человек, принявших участие в протестной акции и время проведения протестной акции. Собрав и формализовав эти сведения, мы можем различными методиками экстраполировать

их на будущий временной промежуток, получив представление о возможном значении уровня протестной активности в будущем, выявить возможные тренды.

Однако компоненты протестного потенциала представлены в данном прогнозе лишь отчасти. Проблема кроется в исходных данных, которые мы экстраполируем. Значения этих данных, так или иначе, уже свершились, а значит, могут крыть в себе лишь часть потенциала из возможного.

Так можно ли дополнить получившийся результат прогнозирования в виде протестного потенциала на «выходе» отсутствующими компонентами?

На данный момент это представляется нам сложением двух сумм: сумма спрогнозированного уровня протестной активности из данного примера и сумма значений протестного потенциала, приходящийся на тот же временной промежуток. Но если временной промежуток первой суммы находится в будущем (ещё не наступил), то и протестный потенциал, согласно условию нахождения в том же временном промежутке, также спрогнозирован. Если протестный потенциал спрогнозирован, то теряется необходимость в прогнозировании протестной активности, поскольку является частью протестного потенциала в будущем (на «выходе» прогноза). Поменяем условия: значения протестного потенциала находятся в настоящем, т. е. образовался временной разрыв со значениями протестной активности.

Возможно ли их взаимодополнение?

При складывании двух сумм произойдёт наслаивание значений, которые могут быть одновременно отображены в двух исследованиях, т. е. повторяться и, следовательно, привести к завышению результата прогноза.

Пример. Возьмём исследование о социальной напряжённости. Как правило, при использовании метода опроса (анкетирование) в данных исследованиях, используется анкета с наличием закрытых вопросов о готовности респондента принять участие в протестных акциях и т. д., что служит одним из индикаторов уровня протестного потенциала. Готовность — не значит участие. Однако исключать возможности, что данный респондент ещё ни разу не участвовал в протестной акции, нельзя, только если не присутствует такой вопрос в опроснике. Таким образом, респондент, и выборка, в которую он входит, уже могли бы оказаться в поле зрения двух исследований: о протестном потенциале и о протестной активности. Даже если это происходит в рамках одного исследования, и в опроснике есть вопросы о фактическом участии респондента в акциях протеста, то двум понятиям будут присвоены разные индикаторы. В протестный потенциал, грубо говоря, будут включены индикаторы готовности

и фактического участия респондента в акциях протеста, а в протестную активность только индикатор фактического участия.

Если мы сложим значения индикаторов обоих понятий, то увидим, что уровень протестного потенциала окажется завышенным, поскольку включает в себя тот же индикатор, что и понятие протестной активности, т. е. значения индикатора протестной активности, и там и там, будут повторяться и наслаиваться друг на друга.

Отвечая на поставленный ранее вопрос о возможности дополнить получившийся результат прогнозирования отсутствующими компонентами представляется нам если не невозможным, то весьма время затратным и нецелесообразным.

Таким образом, протестный потенциал в социальном прогнозировании скорее должен являться частью протестной активности и прописываться в её определении на начальных этапах исследования. После построения прогноза (на конечном этапе) протестная активность трансформируется в протестный потенциал в силу несовершенности протестного (социального) действия.

Список источников

1. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Г. В. Баранова. М. : Социс. 2012. № 10. С. 144—145.
2. Кравченко А. И. Социология : учебник для бакалавров / А. И. Кравченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Из-во ЮРАЙТ, 2013. С. 35—36.
3. Перова М. Б. Протестный потенциал России // М. Б. Перова. XII Всероссийское совещание по проблемам управления. М. : ВСПУ, 2014. С. 62—52.
4. Родимушкина О. В. Черникова И. А. Яковлев О. В. Социальная напряженность и протестная активность в России // Общество и право. 2015. № 1. С. 300—304.
5. Смутьский С. В. К вопросу о методологии изучения и оценки развития протестной активности населения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 45—49.
6. Соколов А. В. Протестная активность в регионах России в 2013 году // Конфликтология. 2015. № 2. С. 43—59.

24. Поведенческая экономика современности и формирование рынков будущего

Н. И. Киселёва

МОНИТОРИНГ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГНОЗА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА

КИСЕЛЁВА Наталья Ильинчина — кандидат социологических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; silinat@yandex.ru

Аннотация. В условиях отсутствия стратегии развития экономики ее формирует поведение потребителей, в условиях отсутствия стратегии развития науки и образования ее формирует поведение рынка труда, в усилиях отсутствия стратегии развития сегментов рынка труда ее формирует поведение потребителей. Поэтому только сближение науки, образования и рынка труда определяет будущий профиль проведения выпускников на рынке труда. В этих условиях организация систематического мониторинга позволяет минимизировать предстоящие риски несогласования интересов, определить перспективные формы развития отраслей, том числе социологической.

Ключевые слова: мониторинг, образование, рынок труда, удовлетворенность образованием, социальное взаимодействие

С момента своего возникновения система образования находится в перманентном состоянии реформ. И не смотря на все принимаемые меры, она никогда не удовлетворяла запросы и ожидания текущей экономики. В современных условиях интеграции в мировое сообщество, информатизации и переходу к постиндустриальным формам развития происходят коренные изменения не только структуры, но и содержания образования всех уровней с жесткой ориентацией на запросы рынка труда. Так, вхождение в болонский процесс, кардинально изменило образовательное пространство России, привело в уровневой системе образования. И хотя не все изменения можно считать позитивными, одним из её главных, а может быть и единственным достоинством является внедрение системы качества образовательного процесса, позволяющей оценить результаты деятельности организации.

В вузах создаются Центры качества образования, центры взаимодействия с работодателем, центры трудоустройства и карьеры студентов,

основной целью которых является создание, функционирование и постоянное развитие эффективной, адекватной и результативной системы менеджмента качества, осуществление внутреннего контроля качества образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности, а также других процессов, обеспечивающих функционирование организации. Однако учебный процесс требует постоянного пристального внимания со стороны руководства и постоянной актуализации методов и инструментария исследования.

Традиционно качество образования оценивалось через педагогические показатели: студенческая успеваемость, результаты текущей и итоговой аттестации. Современный подход к оценке качества выпускников дополняется отзывами работодателей и иногда самих выпускников.

Анализ проведенных вузами опросов среди работодателей и выпускников позволили сделать несколько методологических и методических выводов по организации мониторинга качества подготовки.

- Реализация мониторинга предполагает организацию по возможности постоянного слежения (оценку, изучение) за объектом. Мера постоянства определяется особенностями объекта и ресурсными возможностями организации.
- Объекты мониторинга динамичны, находятся в постоянном развитии. Целесообразно для объективности оценки качества подготовки выпускников проводить мониторинг не только среди ключевых работодателей, но и студентов старших курсов, выпускников вуза. Более того анализ удовлетворенности выпускников необходимо осуществлять от 1 курса до выпуска и после выпуска не менее 2-х лет. Причиной подобных выводов служит не только динамика оценки и самооценки своих профессиональных результатов, но и тот факт, что студенты поздно приступают к трудовой деятельности и выводы о своих компетенциях не всегда объективны.
- Каждая конкретная система мониторинга ориентирована на определенного потребителя.
- Мониторинг позволяет прогнозировать перспективные варианты развития (изменения состояния) объекта. Поэтому важными показателями является анализ перспектив развития отрасли, предстоящие изменения в организации, развитие удаленных форм занятости и т. д.
- Меняющиеся условия на рынке труда, занятости и профессий, а также вхождение в многоуровневую систему подготовки профессиональных кадров вынуждают организовывать систематические наблюдения за конфликтами интересов между рынком труда, вузом и студентами.

- «Идеальный» портрет выпускников в оценках работодателей представляет собой молодого профессионала, который обладает рядом профессиональных (обладание базисными знаниями, знание языков, наличие стажировки за границей, знание компьютера и переговорных навыков и т. д.), личностных (коммуникабельность, лояльность, лидерство, неконфликтность) и коллективных качеств (возможность работы в коллективе).
- В тоже время выявленные позиции работодателей о качестве подготовки позволяют заключить, что иногда сами работодатели не знают, что требовать, чего желать от молодого выпускника. Многие «прячутся» за термин «практическая подготовка выпускников», и сами слабо представляют, какие конкретные навыки необходимы будут в ближайшей перспективе. Иногда ответы несколько категоричны, прагматичны, в них четко прослеживается желание получить готовый продукт, способный приносить немедленную прибыль. Очень немногие работодатели готовы вложиться в разработку и карьерное становление молодых специалистов, отсюда и перекладывание ответственности за уровень профессиональных навыков на вуз.
- Ключевыми формами взаимодействия вуза с работодателем является комплекс мероприятий, повышающий статус образовательного учреждения: систематический анализ рынка труда; заключение соглашений, договоров о сотрудничестве с организациями-работодателями; взаимодействие с работодателями при формировании и корректировке учебных планов, программ профильных дисциплин; привлечение работодателей к учебному процессу по основным образовательным программам высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования; повышение квалификации преподавательского состава с учётом изменяющихся потребностей рынка; содействие трудоустройству студентов и выпускников; взаимодействие с выпускниками как реальными и потенциальными работодателями; оценка и мониторинг удовлетворенности работодателей уровнем подготовки выпускников вуза; информационно-рекламное обеспечение взаимодействия с работодателями.

Безусловно, все эти мероприятия помогут вузу расширить зону своего авторитета, однако, без систематического исследования показателей качества вуза это реализовать трудно.

В целом можно заключить, что мониторинг позволяет применять полученные эмпирические данные о состоянии социокультурной практики и использовать их как познавательные ценности, добываясь прибли-

жения к истинности познания, точности, строгости, доказательности, обоснованности. Потенциальные возможности мониторинга как исследовательского метода уже сейчас позволяют эффективно использовать его на многих исследовательских направлениях: выявлять приоритеты общественных интересов; находить оптимальные пути решения управленческих задач; своевременно прогнозировать возможные социальные конфликты и пути их преодоления.

Список источников

1. Киселева Н. И., Селезнева Л. М. Социологический мониторинг качества подготовки экономистов Финансового университета. М. : Финансовый университет, 2011.
2. Киселева Н. И., Селезнева Л. М. Организация социологического мониторинга качества подготовки экономистов: методологические подходы // Содержание и методы обучения в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / ФИРО: Вып. 10). М., 2014.
3. Расташанская Т. В., Мансурова С. Е. Комплексный мониторинг как условие обеспечения качества дополнительного профессионального образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2014. № 4. С. 3—8.

Т. А. Аймалетдинов, И. В. Соколова

ВИРТУАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

АЙМАЛЕТДИНОВ Тимур Алиевич — кандидат социологических наук, доцент, директор по исследованиям Аналитического центра НАФИ, г. Москва, Россия; aimaletdinov@nacfin.ru

СОКОЛОВА Ирина Викторовна — доктор социологических наук, профессор, консультант по научно-исследовательской работе Аналитического центра НАФИ, г. Москва, Россия; sokolova@nacfin.ru

Аннотация. Экономическое, в т. ч. финансовое, поведение привлекает постоянное внимание исследователей. Однако центр тяжести современного экономического поведения смещается в виртуальную среду, что делает актуальным его социологический анализ именно в этом контексте.

Ключевые слова: поведенческая экономика, виртуализация, маркетинговые исследования

Экономическое, в том числе финансовое, поведение привлекает постоянное внимание исследователей [11]. Однако центр тяжести современного экономического поведения смещается в виртуальную среду, что делает актуальным его социологический анализ именно в этом контексте.

Представляется, что социология должна вносить свой значительный вклад в предметное поле поведенческой экономики как междисциплинарного направления, анализируя и формируя социально-ориентированные поведенческие экономические практики, в том числе в контексте их виртуализации, в то время, как современное внимание исследователей преимущественно привлечено к изучению «сдвига» потребителей в сторону иррационального поведения в контексте психологии и нейронауки.

Современный экономический анализ также должен всесторонне учитывать социально-поведенческие аспекты. Феномен мотивации как основа поведенческих наук, по природе сугубо психологический, проявляется в постепенном переходе от индивидуальной к групповой и межгрупповой мотивации. Перспективно изучение тенденции сочетания категорий «качество жизни» и «качество продукции и услуг», трансформации модели экономического поведения по формуле «экономика — человек — экономика» в модель формулы «человек — экономика — человек» [5].

Экономическое поведение человека — это поведение, направленное на субъективную оптимизацию результата в условиях ограниченных ре-

сурсов. Главной же чертой социологической модели человека является отказ от акцента на личном интересе индивида в пользу социальных институтов, норм и правил поведения. Значительный вывод содержится в высказывании социолога Т. Корвера (2001): экономическая дисциплина теоретически опирается на микроанализ индивидуального поведения. Социологией же при объяснении социальных явлений часто не принимается во внимание теоретическая ведущая роль индивидуального поведения. Следует признать, что теоретическим приоритетом обеих дисциплин является теория индивидуального действия, а аналитическим приоритетом — общество [6].

Исследователями выделяются три типа социологических теорий для объяснения снижения рациональности поведения: первый связывает это с постоянным усложнением социально-экономической системы; второй — с турбулентностью и текучестью социально-экономических процессов; третий — с субъективными предпочтениями нерациональных решений [7].

По мнению авторов, особенное внимание в социологическом контексте должно быть привлечено к изучению экономического поведения, способствующего повышению социального статуса в социокультурном плане с учетом особенностей виртуального поведения. Такое поведение, в отличие от изучаемого психологией и экономикой, непосредственно связано с социальной реальностью (конструирование социальной идентичности, развития личности, компенсации социальной несправедливости и т. д.), а также социальной структурой общества, что является собственно предметом социологии.

Очевидно, что нельзя сводить исследовательский интерес к изучению «статусного» (престижного) потребления знаковых, позиционных товаров и услуг, которые не являются предметами жизненной необходимости, но используются только для поднятия собственного «статуса» и имиджа.

Виртуализация общества может быть определена как процесс усиления знаковой составляющей в его жизнедеятельности, выражающийся в переходе от преимущественного обмена материальными предметами к преимущественному обмену образами этих предметов [8: 172].

Следуя этому подходу, виртуальное экономическое поведение — это вид социального поведения, отражающий участие личности в экономической жизни общества посредством деятельности виртуальной по форме и содержанию, обусловленной социально-культурным интересом и материальными возможностями индивида.

Интернет-среда меняет характер экономического поведения: осуществляется переход от физических субъект-объектных отношений к нефизическим технологически опосредованным отношениям; оценке товаров

и услуг в виртуальном формате; экономической активности в специализированных группах в социальных сетях и т. д. [9, 10]

Примерами теоретических подходов к виртуализации экономического поведения могут быть:

- максимизация удовлетворения индивидуумом социальных (экономических) потребностей в Интернете выбором тематического виртуального сообщества, ибо Интернет — является средой упрощенной реализации социальных потребностей индивидуума [2].
- рассмотрение информационного поведения как более широкого понятия, чем медиаповедение и интернет-поведение. Так, информационное поведение — это поведение индивида в информационной среде в целом; медиаповедение — поведение индивида в медиасреде; интернет-поведение — поведение индивида в интернет-среде [3].

В исследовательской практике социологам необходимо применять и развивать методический арсенал, используя:

- методические ресурсы визуальной социологии: методы анализа контента визуального текста (иконологический анализ; контент-анализ, сопоставительный анализ) и методы анализа контекста визуальных данных (интервью; дискурсивный анализ, партиципаторные методы) [4].
- возможности трансформации классических методов исследований в контексте цифровых технологий (например, перенос метода «таинственный покупатель» в виртуальную среду) [1] и т. д.

Представляется важным сделать следующие выводы:

- социологический подход к анализу экономического поведения отличает комплексный характер, позволяющий ранжировать детерминацию факторов экономического поведения человека, выделяя информационно-коммуникативные, социокультурные, социально-статусные, экономические.
- основные перспективные направления социологических исследований экономического поведения: выбор научно-образовательных кредитов, формирование экономических (финансовых) субкультур (сообществ) и т. д.
- необходимо развитие социологического направления «социология экономического поведения». Для конституирования этой специальной социологической теории помимо развития понятийного аппарата необходимо обоснование и специальных методов сбора и анализа информации. Существенное значение имеет также развитие в данной предметной области аппаратов факторного анализа и множественной корреляции.

Список источников

1. Божук С. Г., Краснов А. С. Развитие методов маркетинговых исследований поведения потребителей в виртуальной среде // Практический маркетинг. 2016. № 12-1 (2381). С. 11—16.
2. Котляров И. Д. Виртуальная реальность как пространство удовлетворения потребностей // Прикладная информатика. 2006. № 6 (6). С. 101—111.
3. Фаблинова О. Н. Поведение в интернете как объект изучения социальных наук // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 543—549.
4. Соболева К. В. О методах анализа визуальных данных // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 33. С. 62—68.
5. Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда: монография / Н. И. Захаров. М. : ИНФРА-М, 2017.
6. Михеева С. А. Рациональность и экономическое поведение: междисциплинарный подход // Проф. самосозн. и экон. поведение личности : Тр. IV междунар. науч. интернет-конф. / под ред. М. Семенова, Е. Ефремова. К. : Простобук, 2011. С. 36—47.
7. Новикова Е. Ю. Парадигмы социологии и экономическая рациональность // Международная торговля и торговая политика. 2014. № 9 (88). С. 107—116.
8. Социология массовых коммуникаций / Осипова Е. А., Орлова И. В., Соколова И. В. : учеб. для студ. учрежд. высш. образ. М., 2014.
9. Еременко С. Л. Экономическое поведение россиян в глобальной компьютерной сети Интернет: социол. анализ : дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014.
10. Еременко С. Л. Экономическое поведение россиян в глобальной компьютерной сети Интернет: социол. анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014.
11. Энциклопедия финансового поведения россиян / Аймалетдинов Т. А., Имаева Г. Р., Лобанова И. А., Любимова М. В. М., 2013.

Н. В. Кириллина

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК

КИРИЛЛИНА Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Россия; nata.kirillina@gmail.com

Аннотация. Представленные тезисы направлены на апробацию авторского подхода к анализу коммуникативных процессов в аспекте их социального потенциала в рамках секции «Поведенческая экономика современности и формирование рынков будущего» VII Грушинской социологической конференции. Рассматривается один из динамично развивающихся сегментов современных коммуникаций, маркетинговые коммуникации, как оперативно отражающий ключевые изменения медиасреды и предполагающий относительно четкий алгоритм управления с заданным набором критериев оценки эффективности системы. Предпринята попытка проанализировать социальный потенциал маркетинговых коммуникаций как элемент бинарной системы, продолжающей себя репродуцировать или прекращающей самовоспроизводство под влиянием набора технических и социальных факторов (кодов). Поставлен вопрос о правомерности применения показателя вовлеченности в оценке социального потенциала коммуникации. Работа выполнена на основе феноменологической традиции в интерпретации коммуникативных процессов и метамодели коммуникации Р. Крейга; использованы методы сравнительного анализа, аналогии, обобщения, объединяемые методологией междисциплинарного анализа.

Ключевые слова: коммуникация, маркетинговые коммуникации, социальный потенциал коммуникации, социальное воспроизводство, рекурсия, кодирование, вовлеченность

Маркетинговые коммуникации являются предметом исследования в силу изначальной амбивалентности этого феномена: экономические задачи маркетинга решаются в социально-информационной среде посредством обмена (коммуникации), что подразумевает применение социологического инструментария и предполагает не только экономический, но и, в первую очередь, значимый социальный эффект. Это неизбежно ведет к методологическим противоречиям, решение которых, как представляется, следует искать в социальных ресурсах и механизмах, формирующих современное пространство коммуникации. Последнее,

заметим, видоизменяет понимание маркетинга, который в топе англоязычного сегмента поиска (Google) сегодня определяется как форма коммуникации с потребителем...

Тем более актуальной представляется проблема оценки результативности коммуникации как необходимого элемента маркетинг-менеджмента в частности, и теории управления — в целом. Так, по определению Т. Криппендорфа, современная теория коммуникации возникла из кибернетики, статистики и теории управления [Krippendorf]. Исходя из этого, нижеследующий текст посвящен поиску критериев оценки социального потенциала в сегменте маркетинговых коммуникаций в контексте развития интерактивных (новых) медиа.

С позиций кибернетической теории, интерпретирующей коммуникацию как последовательный процесс передачи и обработки информации и предполагающей соответствующий системный анализ, коммуникация является намеренным действием субъекта (источника) для достижения определенного результата: например, информирование возможно большей доли потребителей (паблисити). Следуя этой логике, вирусные коммуникации могут быть представлены как классический пример рекурсии и измерены количеством повторов (референций). В определенном смысле, на этом основан активно применяемый в социальном медиа менеджменте (SMM) коэффициент вовлеченности, изначально применяемый в оценке социальных ресурсов: например, активности, компетентности и продуктивности персонала во взаимодействии с клиентом при осуществлении прямых продаж. Коэффициент вовлеченности в социальных медиа является производной активных действий принимаемых активными пользователями в отношении полученных сообщений и, в целом, является отражением социального потенциала коммуникации с точки зрения её способности или неспособности к дальнейшему воспроизводству.

Вышеизложенное подразумевает т. н. «социальный резонанс», но, во-первых, не имеет прямой связи с продажами (маркетинг), и, во-вторых, оставляет за рамками социальный эффект. Проблема выходит за рамки самовоспроизводства: пользователь (потребитель) является активным участником (субъектом) коммуникации и самовоспроизведения системы, дополняя ее собственным жизненным опытом, и социальным кодом. Структурное сопряжение субъектов коммуникации внутри воспроизводящей себя системы возникает на основе опыта участвующих в коммуникации субъектов и само является таким опытом (практикой). Иными словами, в феноменологической интерпретации следовало бы искать взаимосвязь тождества и различий в доверительных человеческих отношениях и источник совершенствования коммуникативных практик,

обеспечивающих существование и воспроизводство таких отношений: «подлинная коммуникация, или диалог, основана на опыте прямого, не опосредованного контакта с другими <...> понимание начинается в дорефлективном опыте» [Craig, 1999: 138].

Полиреференция современного медиапространства 1) предполагает бесконечное воспроизводство дополнительного «внутреннего знания», пополняемого добавляемыми субъектами и производимыми ими действиями (like, share, repost) и, следовательно, позволяет интерпретировать итерации в отдельно взятых коммуникативных цепочках в рамках системы как техно-социальные объекты, наделенные способностью к самовоспроизводству (рекурсии); 2) ставит вопрос о прогнозируемости у управляемости процесса. Пользователь (потребитель маркетинговой коммуникации) наделен правом выбора не только предмета и способа, но и дальнейшего маршрута коммуникации, т. е. определяет тональность и направление последующих референций, сообразно собственному опыту. Каждая последующая референция не идентична предшествующей в силу набора а) субъективных социальных и психологических факторов на стороне пользователя, б) технико-технологических ресурсов, применяемых для передачи сообщения на следующем этапе.

Следуя логике Р. Крейга, коммуникативный процесс в феноменологической традиции обусловлен проблемой поддержания доверительной коммуникации между людьми. Проблемой становится сам факт поддержания и воспроизводства качественной коммуникации, обусловленной индивидуальными различиями субъектов [Craig, 1999: 139]. Развитие диалога в медиапространстве с использованием «произвольных ориентиров (традиций)» [Craig, 2015; Myers, 2011] иначе концептуализирует пространство коммуникации и может стать основой критической рефлексии при принятии теоретических и методологических решений в выявлении социального потенциала коммуникации, как и содействовать дальнейшему развитию этого коммуникативного поля.

Список источников

1. Craig R. T. Communication theory as a field // *Communication Theory*. Vol. 9. Issue 2. 1999. P. 119—161. DOI: 10.1111/j.1468-2885.1999.tb00355.
2. Craig R. T. The Constitutive Metamodel: A 16-Year Review // *Communication Theory*. Vol. 25. Issue 4. 2015. P. 356-374. DOI: 10.1111/comt.12076.
3. Myers D. A pox on compromises: reply to Craig // *Communication Theory*. Vol. 2. Issue 11. 2011. P. 218-230. DOI: 10.1111/j.1468—2885.2001.tb00240.
4. Krippendorf K. Cybernetics // E. Barnouw, G. Gerbner, W. Schramm, T. L. Worth, & L. Gross (Eds.), *International encyclopedia of communications* (Vol. 1). N. Y.: Oxford University Press, 1989.

Ю. П. Бенчарова, В. А. Годван

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕДИТОВ СРЕДИ СРЕДНЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ

БЕНЧАРОВА Юлия Павловна — студентка, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; brainstormulia@mail.ru

ГОДВАН Виктория Александровна — студентка, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; v.godvan@yandex.ru

Аннотация. Исследуются современные социальные практики использования банковского кредитования как одной из физических форм множественных денег. Раскрывается значение кредита в контексте социальных практик современного общества. Представлены результаты социологического исследования, отражающего отношения средней возрастной группы населения к кредитам. Делается вывод, что кредит как явление социальной действительности имеет как негативные, так и позитивные последствия, которые в большей степени имеют отношение к культуре потребления. Исследование позволило определить перечень наиболее популярных среди современных российских потребителей объектов кредитования. По мнению авторов, факт, что в современных условиях кредит является общественной нормой, свидетельствует о необходимости повышения уровня экономической грамотности среди населения.

Ключевые слова: кредит, исследование, потребление, доступность, экономическая грамотность

Изучение денег как социального феномена имеет достаточно богатую историю. Однако вопрос о социальном значении денег до сих пор остается открытым. Особенно остро он стоит сейчас, когда современное российское общество еще не до конца освоило устоявшиеся рыночные технологии, а в социальное пространство уже широко внедряются новые финансовые механизмы представляющие собой новые формы денег: мобильные банки, электронные кошельки, безналичные расчеты, основанные на использовании кредитных и дебетовых карт и т. д.

Подобные экономические процедуры свидетельствуют о том, что развитие множественных форм денег не только в социальном, смысловом, символическом, но и в физическом плане, влияет на повседневные потребительские практики людей.

Кредит как одна из физических форм множественных денег представляет собой движение ссудного капитала, где банки дают займы за плату на принципах материальной обеспеченности, целевой направленности, срочности, возвратности и платности.

Основоположники экономической мысли, А. Смит, Д. Рикардо, Ж. Симонди рассматривали кредит как способ перераспределения уже существующих материальных ценностей в натуральной форме, поэтому в их понимании участие банка не предполагалось [2:42].

Другой взгляд прослеживается в работах таких ученых как Дж. Ло, Й. Шумпетер, Дж. Кейнс. С точки зрения этих авторов кредит — это не что иное, как средство создания капитала и его эффективного использования. Й. Шумпетер и А. Ган признавали безграничное влияние банков как основных кредиторов, так как любой кредит — это капитал, следовательно, он представляет собой движущую силу воспроизводства и содействует постоянному экономическому росту. Американские ученые А. Голдсмит, Х. Дугел и Д. Кример исследовали «кредитный рынок, институциональную структуру кредитной системы и ее отдельные звенья» [4:44].

На современном этапе изучение кредитных отношений актуально, и оно широко представлено в российской научной литературе. Например, современный российский исследователь Д. О. Стребков занимался изучением кредитного поведения населения. В своей работе «Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России» ученый показал влияние факторов возраста, образования, рода занятий и сферы занятости на отношение населения к неинституциональному займу [3:112]. Е. Б. Тихомирова анализировала состояние кредитного рынка России и пришла к выводу, что за кредитной системой должен осуществляться контроль со стороны Центрального Банка России посредством «консолидированной отчетности, подготовленной материнской компанией соответствующей группы в целях предотвращения накопления рисков» [5:37]. Исследование Д. Александрова, А. Бессуднова и Е. Богдановой показало, что продвижение новых финансовых механизмов кредитования зависит от самих банков и других финансовых организаций, так как большинство населения уже внедрено в систему кредитования и открыто для новых предложений [1].

Решение о вступлении в кредитные обязательства перед банком должно являться результатом длительной рефлексии, однако упрощенность процедуры получения кредита и возможность быстро стать обладателем желаемой суммы способны заставить человека совершить необдуманный выбор. Поэтому, следует подчеркнуть значимость потребительской культуры и экономической просвещенности, которые крайне необходимы обществу в современных условиях.

Целью нашей работы является исследование современных социальных практик использования кредитов среди средней возрастной группы (35—60 лет). Исследование отношения к кредиту, а также причин использования кредита и кредитных карт было проведено с помощью опросного метода — интервью.

В исследовании приняли участие 20 человек в возрасте от 35 до 60 лет. Качественный и количественный анализ результатов показал, что большинство опрошенных респондентов (90 %) сталкивались с практиками использования банковского кредитования. Также все респонденты считают, что на данный момент довольно многие люди пользуются кредитными услугами банков. Как выяснилось, чаще всего предметом кредитования выступает движимое и недвижимое имущество, бытовая техника и мебель; реже всего берут кредиты на отпуск, подарки, и погашение других задолженностей. По мнению респондентов, остальные люди вступают в кредитные отношения для приобретения бытовой техники и ремонта квартиры; также респондентами были отмечены такие категории как мелкие покупки для дома, ипотечное кредитование, автокредиты, кредиты на развитие или создание собственного бизнеса, плюс ко всему на лечение, образование и на погашение других задолженностей. Перед оформлением кредита все опрошенные, у которых есть или был кредит, изучали условия различных банков. Кроме того, результаты исследования показали, что большая часть респондентов довольна своим существующим финансовым положением на данный момент независимо от наличия кредитов.

Исследование отношения интервьюеров средней возрастной группы к практикам использования кредитования не выявило корреляции между вступлением в кредитные обязательства перед банком и такими социальными факторами как образование, профессия, наличие детей в семье и их количество. Это позволило сделать вывод, что в настоящий момент кредит стал очень распространенным явлением социальной действительности.

Кредиты — это явление, которое проникло в социальное пространство и прочно укрепилось в нем. С социальной точки зрения кредит имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, благодаря кредитной политике индивиды получают широкие возможности в области потребления: появляется возможность сделать необходимую дорогостоящую операцию, открыть собственный бизнес, становится более доступной недвижимость, крупная бытовая техника. С другой стороны, всеобщая доступность кредитов порождает у людей желание безграничного потребления, так как теперь вещи, которые символизируют престиж и успех, становятся доступными для всех слоев населения. Так же стоит

отметить, что в современном мире кредит является нормой повседневной жизни, которую используют почти в каждой современной семье, и поэтому возрастает необходимость повышения уровня экономической грамотности среди населения, а также потребительской культуры, что позволит рационально контролировать доходы и расходы.

Список источников

1. Александров Д. Рационализация необратима [Электронный ресурс] / Д. Александров, А. Бессуднов, Е. Богданова // Эксперт-Урал. 2005. № 27. URL: hse.ru/news/1122619.html (дата обращения 14.12.2016).
2. Караченцева Т. Теории кредита и его функциональная роль в экономике [Электронный ресурс] / Т. Караченцева // Журнал «Вестник БГЭУ». 2006. С. 41—46. URL: <http://www.nbrb.by/bv/articles/1185.pdf> (дата обращения 18.12.2016).
3. Стребков Д. О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 109—128.
4. Тимошина А. Роль денег в межличностном взаимодействии: обзор микросоциологических концепций денег // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 2. С. 50—59.
5. Тихомирова Е. Б. Рынок банковских кредитов: подходы к изучению и структура в современных условиях // Финансы и кредит. 2011. Выпуск № 17 (449). С. 32—37.

Т. А. Лещенко

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО

ЛЕЩЕНКО Татьяна Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе; г. Севастополь, Россия; tatvy@yandex.ru

Аннотация. Анализируется явление отчуждения в разных формах его существования. Виртуальное отчуждение мыслится как специфическая форма отчуждения коммуникации, понимаемого как «разрыв» между субъектом и миром отчужденных смыслов. Представлены некоторые результаты исследования содержания публикаций российских средств массовой информации в 2016—2017 гг. Для анализа были отобраны материалы, сопряженные с проблематикой виртуализации и агрессии, полагаемой индикатором отчуждения. Предпринята попытка соотнесения отчуждения с экономическим поведением, в частности, с потребительским поведением. Сделан вывод об объективном характере потребительского отчуждения, в том числе, агрессивной его формы. Оно тесно связано с сетевизацией всех типов социальных отношений и ростом агрессии. Потребительское отчуждение — только одна из точек приложения виртуального отчуждения. Последнее не является феноменом только лишь виртуальной реальности, а активно формирует осязаемое в реальности социальное взаимодействие.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальное отчуждение, агрессия, виртуализация, потребительское отчуждение

Проникновение информационных технологий во все сферы бытия человека не ограничивается влиянием на его деятельность. Виртуальность как потенция, кажимость, стала основным индикатором «информационной многокачественности материи наряду с ее физической многокачественностью» [2:6. Виртуальный мир стал *субъективированным социумом*, более ярким и, в какой-то мере, альтернативно более действенным для индивида. Сетевизация общества в глобальных масштабах, виртуализация всех социальных процессов: экономических, культурных, политических, — за несколько последних десятилетий привела субъективированный социум к состоянию прочной ячеистой структуры.

Ячейка — это уже ограничение. Вкупе с транспарентностью интерактивной виртуальной среды это сродни «оголению», когда столь желанная

поначалу свободно-анонимно-безграничная коммуникация трансформировалась в точно известный IP-адрес и паспортные данные. Общей чертой в обоих случаях стала обезличенность. Ответной реакцией — рост отчуждения. Если принять во внимание универсальность этой категории, характеризующей «разрыв» между сущностью и существованием [6], в виртуализированной коммуникативной среде мы получаем *отчуждение коммуникации* [3], «разрыв» между субъектом и *миром отчужденных смыслов*. Специфической формой отчуждения коммуникации становится *виртуальное отчуждение*.

В многочисленных дискуссиях о том, что излишне активная «сетевая жизнь» человека повышает агрессивность его реального поведения, не всегда отражен, как представляется, важный момент. Погружение в виртуальную среду чаще всего связывают с желанием уйти от проблем реальности, отчуждением от реальности. Парадокс состоит в том, что в прозрачной виртуальной среде спрятаться негде. Как бы повторное виртуальное отчуждение не приводит к снятию отчуждения изначального, поскольку является не отрицанием, а усиленной формой отчуждения. Пытаясь приспособиться к агрессивной среде, постоянно вовлекающей его в конкурентную борьбу, человек становится агрессивнее в своем взаимодействии с другими и в сети. А также — с самим собой, утрачивая смысл конкретного действия, а затем и смысл жизни [7].

Агрессия выступает одним из маркеров максимизации отчуждения. Она проявляется как в реальном, так и в виртуальном поведении индивидов. Образую «облако» агрессивного интегрированного взаимодействия отчужденных субъектов, агрессия становится элементом надындивидуального социального, метапатологией, по А. Маслоу [4:55—56]. Почему анализ уровня агрессии, как и отчуждения, в реальной или виртуальной группе, сообществе, обществе в целом, — становится значимым? Потому что это определенная рубежная линия, за которой отчуждение приобретает характер латентного явления, которое труднее обнаружить.

Убедительными представляются результаты исследований отчуждения как предиктора выгорания, полученные Е. Осиным [5]. Его опросник субъективного отчуждения разработан с учетом четырех форм отчуждения, описанных С. Мадди: вегетативность (максимум отчуждения), бессилие, нигилизм, авантюризм (минимум отчуждения) [там же]. Нигилизм — это активная деструктивная позиция, демонстрация убеждения в отсутствии смысла. Это и есть та *ь* отчуждения, при которой агрессия обнаруживает себя в социальных отношениях наиболее явственно, что репрезентируется в пространстве средств массовой информации.

По результатам проведенного автором контент-анализа публикаций в российских СМИ (период 06.2016—01.2017, N = 219) 61% материалов,

тематически связанных с проблематикой виртуальной среды, оценивают ее влияние на реальность негативно. При этом 54 % публикаций из этого негативного информационного поля указывают на обусловленность реального агрессивного поведения виртуальным: от вербальной формы до дискриминации, преследований, нарушения норм; в 16 % описанных случаев дело доходит до суицида, насилия, убийства, совершенных под воздействием ссор в социальных сетях, давления сетевого сообщества (рис. 1).

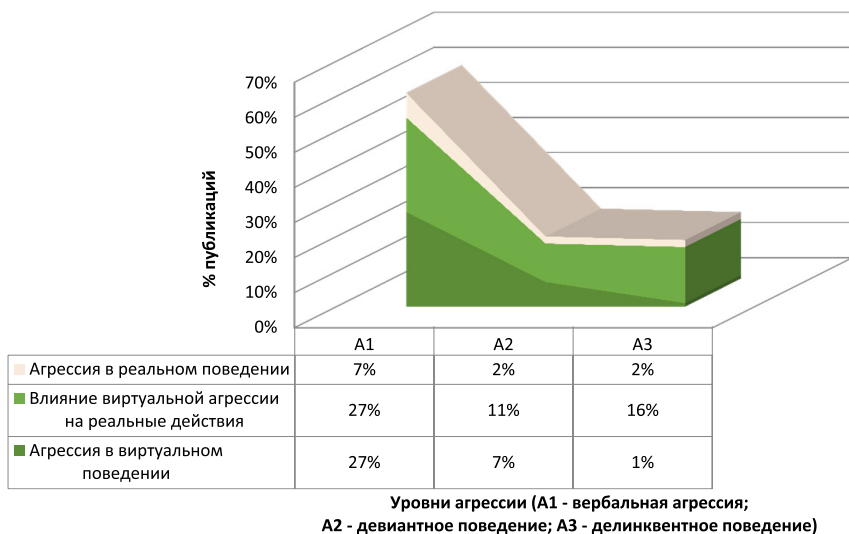

Рис. 1. Проявления агрессии, описанные в публикациях российских СМИ

В характеристике этих процессов неоднократно используются категоричные формулировки: «интернет-насилие», «виртуальная жертва», «цифровая агрессия», «виртуальное уничтожение», «интернет-травля», «виртуальный травматизм» и др. Появились конструкции «селфи-зависимость», «сетеголизм». Анализируется явление «интернета вещей», которое характеризуется как автономная отчужденная среда технически коммутируемых экономических процессов независимо от субъектов.

Безусловный лидер по числу упоминаний — «интернет-зависимость». Закономерно, что это явление стало одним из анализируемых в предметном поле социологии [1]. В условиях виртуализации потребления указанный вид зависимости неизбежно оказывает влияние на реальное потребительское поведение. С нарастанием отчуждения проблема усугубляется. Если градуировать отчуждение во всех его формах, как соотносить это с поведением субъекта в сфере экономики? Очевидно,

что необходимо принять во внимание всю матрицу экономического поведения, включающего производственное, обменное, дистрибутивное и потребительское поведение, — на всех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом.

Коротко остановимся на гипотезе влияния отчуждения на индивидуальное потребительское поведение. Только самая «безобидная» форма отчуждения, авантюризм, является символом относительно легко принимающей решения личности экономической. На стадии же нигилизма ее потребительское поведение может принимать агрессивную форму: чрезмерности в требованиях, в объеме потребления; неадекватной оценки кредитоспособности и т. п. И далее наступает пресыщенность или бессилие, потеря интереса, низложение необходимости потребления, бессмысленность обретения чего бы то ни было (указанная выше вегетативность).

Возникает потребительское отчуждение, в изучении которого уже есть определенные наработки. Д. Берн приводит шкалу потребительского отчуждения Н. Аллисона, которая иллюстрирует стадию «смирения» потребителей с ненадлежащим качеством товаров и сервисов, производством и ложью производителей. В дальнейшем он разработал свою шкалу установок к так называемому свободному перемещению («Free Riding») потребителей по рынку в поисках выгоды, что сопряжено с неадекватными затратами другой стороны на коммуникации с потенциальными покупателями, которые «оттягивают» на себя массу усилий и ничего не покупают [8]. В результате возникает устойчивое отношение уже взаимной отчужденности.

Потребительское отчуждение, отчасти, символическое признание нецелесообразности фетишизма. И только одна из точек приложения виртуального отчуждения, которое становится всепроникающим и может реализовываться в любом виде социальных отношений.

Список источников

1. Варламова С. Н., Гончарова Е. Р., Соколова И. В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 165—182.
2. Кушелев В. А. Природа организационных революций : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. СПб., 1993.
3. Лещенко Т. А. Философия и социология отчуждения коммуникации // Образование и общество. 2015. Т. 5. № 94. С. 117—119.
4. Маслоу А. Г. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. М. : Альпина нон-фикшн : Смысл, 2011.

5. Осин Е. Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Т.: 20. № 4. С. 57—74.
6. Тиллих П. Систематическая теология / пер. Т. Лифинцева и др. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. Т. 1—2.
7. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М. : ИОИ, 2015.
8. Burns D. J. Consumer Alienation and Attitudes toward Consumer Free Riding // The Journal of Business Inquiry. 2010. 9. Issue 1. P. 22—36.

И. В. Соколова, С. С. Антонян

ВОСПРИЯТИЕ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКИХ БАНКАХ

СОКОЛОВА Ирина Викторовна — доктор социологических наук, профессор, консультант по научно-исследовательской работе Аналитического центра НАФИ, г. Москва, Россия; sokolova@nacfin.ru

АНТОНЯН Сергей Сейранович — руководитель направления исследований финансовых технологий Аналитического центра НАФИ, г. Москва, Россия; santonian@gmail.com

Аннотация. Облачные технологии способны стать драйвером развития для российской банковской отрасли, поскольку дают возможность банкам перевести часть капитальных затрат на информационные технологии в оперативные расходы, сократить стоимость обслуживания неосновных функций и ускорить цикл создания и вывода на рынок новых продуктов и сервисов. Но на практике российские банки относятся к облачным технологиям с настороженностью и предпочитают хранение данных, в особенности по наиболее значимым направлениям бизнеса, на серверах внутри банка, что определяется целым рядом объективных и субъективных причин. В обществоведческой литературе существует немало исследований значимости виртуальной реальности, информатизации социальной жизни, электронного правительства в функционировании общества и прочих аспектов использования информационных и коммуникационных технологий. Однако на практике специалисты не уделяют внимание целому ряду таких явлений, как облачные вычисления, аналитика Больших Данных, Интернет вещей и т. д. в контексте развития социально-экономической сферы. Редким исключением являются публикации, где затрагивается тема цифровой трансформации банковского бизнеса, облачных технологий как необходимой платформы для оперативного развёртывания цифровых банковских продуктов и услуг, что и определяет актуальность настоящей публикации.

Ключевые слова: облачные технологии, российские банки, восприятие преимуществ и недостатков облачных сервисов, глубинные интервью, количественный онлайн-опрос

В банковском секторе потребление облачных технологий растет примерно на 75% в год. Основной рынок находится в США: банки страны покупают облачных услуг в среднем в четыре раза больше, чем банки

всех остальных стран, вместе взятые. Среди стран БРИКС российские банки наиболее быстро переводят свои ИТ-системы в облака, однако это скорее фактор низкой базы, так как в денежном выражении российский рынок вместе с южно-африканским замыкают группу, отставая от лидера Бразилии почти в два раза. Исследователи отмечают достижение определенного этапа зрелости рынка в восприятии и подходах к использованию облачных вычислений. [1]

Облачные технологии способны стать драйвером развития для российской банковской отрасли, поскольку дают возможность банкам перевести часть капитальных затрат на ИТ в оперативные расходы, сократить стоимость обслуживания неосновных функций и ускорить цикл создания и вывода на рынок новых продуктов и сервисов, но на практике российские банки предпочитают хранение данных, в особенности по наиболее значимым направлениям бизнеса, на серверах внутри банка, что определяется целым рядом объективных и субъективных причин.

В обществоведческой литературе существует немало исследований значимости виртуальной реальности, информатизации социальной жизни, электронного правительства в функционировании общества и прочих аспектов использования информационных и коммуникационных технологий. Однако практически специалисты не уделяют внимание целому ряду таких явлений, как облачные вычисления, аналитика Больших Данных, Интернет вещей и т. д. в контексте развития социально-экономической сферы. [5] Редким исключением являются публикации, где затрагивается тема цифровой трансформации банковского бизнеса, облачных технологий как необходимой платформы для оперативного развёртывания цифровых банковских продуктов и услуг [7].

Факторы, формирующие позитивное восприятие пользователями облачных технологий, таковы [3:121]:

- использование программного обеспечения на удаленных компьютерах.
- экономия пространства (не нужно помещения под сервера).
- доступ к ресурсам с любого устройства, имеющего подключение к сети Интернет.

Однако руководители банков зачастую не хотят доверять обработку и хранение информации «облаку», беспокоясь за сохранность и конфиденциальность данных.

Для сбора эмпирических данных в авторском исследовании [6] использовались:

- глубинные интервью с топ-менеджерами российских банков. Основные критерии отбора экспертов — рейтинг кредитной организации (не ниже ТОП-100 по размеру активов), должность —

не ниже руководителя направления, принятие решений и участие в выборе ПО для автоматизации компании. Выборка — 30 глубинных интервью.

- количественный онлайн-опрос менеджеров (средний и высший менеджмент) российских банков по полуформализованной анкете. Размер выборки — 250 интервью.

Практика использования и восприятия облачных технологий в банковской сфере может быть представлена следующими тезисами [1:55—56]:

- облака не считаются инновацией, а стандартной практикой, важность применения которой растет;
- облачные приложения не столько способ оптимизации ИТ, сколько поддержки всей экосистемы бизнеса;
- преимущества облаков рассматриваются уже не только в контексте сокращения затрат, а и в контексте развития организационной гибкости и адаптивности;
- облака критически влияют на трансформацию розничного банкинга и дают возможности для развития конкурентоспособности;
- регуляторные требования тормозят распространение облачных технологий, однако не являются непреодолимыми ограничениями и не останавливают этот процесс;
- банкам нужно иметь облачную стратегию в долгосрочной трансформации бизнеса.

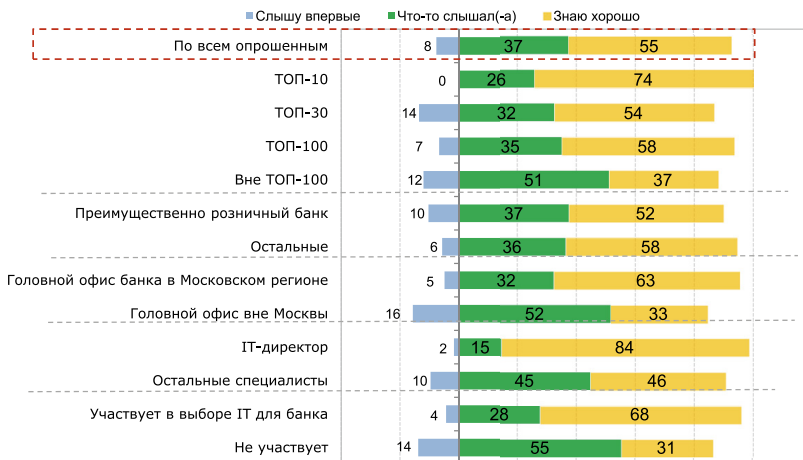

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы что-нибудь знаете или слышите сейчас впервые о том, что такое Облачные сервисы?», в % от числа опрошенных (Источник данных: [6])

Чуть более половины опрошенных (55 %) считают себя хорошо информированными по облачным сервисам. В ТОП-10 уровень знания выше — 74 %.

Респонденты почти в равной степени согласны со всеми суждениями о преимуществах облачных сервисов, кроме одного: «Подключение к облачным сервисам просто для банков» (не согласна треть опрошенных).

Около половины респондентов из банков первой тридцатки полагают, что подключение к облачным сервисам — просто, среди остальных доля таких ответов — около 30 %.

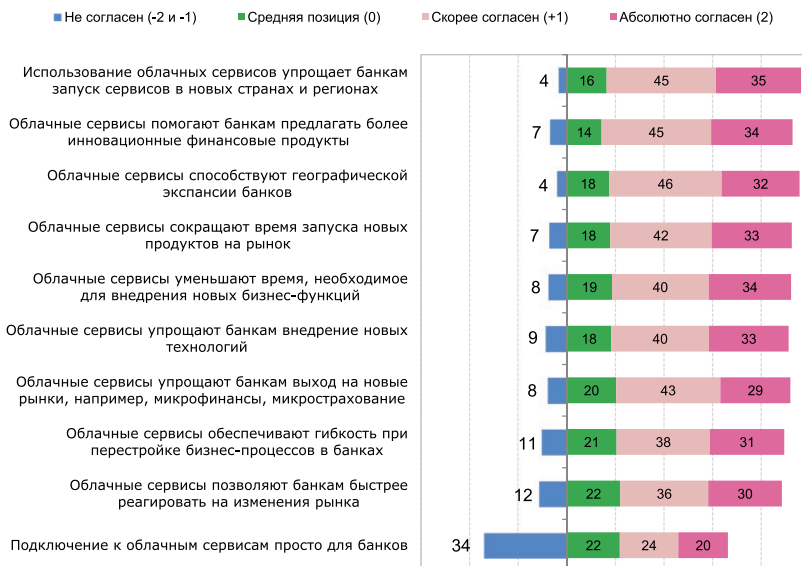

Рис. 2. Восприятие преимуществ и недостатков облачных сервисов, в % от всех опрошенных (Источник данных: [6])

Таблица 1. Перспективы вывода отдельных направлений в облако, в % в разрезе групп

Направления	ТОП-30	Прочие	ТОП-30	Прочие
	Розница	Прочие	Розница	Прочие
Управление ИТ	59	41	40	14
Разработка нового продукта в ИТ-системах банка	59	41	33	13

Направления	ТОП-30	Прочие	ТОП-30	Прочие
	Розница	Прочие	Розница	Прочие
Оmnikanальное управление взаимоотношениями с клиентами	61	44	42	13
Розничный Банкинг	63	39	40	12
Маркетинг (коммуникации)	54	34	29	18
Корпоративный Банкинг	51	37	38	18
Обработка платежей	47	37	31	11
Управление Рисками и Компаенс	49	32	29	12
Управление Закупками	51	34	25	10
Управление Персоналом	49	34	25	11
Управление Финансами	51	27	29	13
Управленческая отчетность и аналитика для принятия решений	41	29	33	13
Создание нового продукта (продуктовая фабрика)	47	34	31	7
Управление Безопасностью	41	27	25	13
Обязательная отчетность (в ЦБ)	39	24	29	10

Источник данных: [6]

Четверть респондентов (24 %) представляют банки, которые входят одновременно в тридцатку крупнейших и считают себя преимущественно розничными — их показатели текущего использования облаков заметно выше.

Сочетание обеих характеристик дает максимальную разницу, например, облачные технологии используют в omnikanальном управлении 61% банков розничной тридцатки и только 13% в группе корпоративных банков вне первой тридцатки.

Очевидно, что в ближайшем будущем использование облачных технологий в банковской сфере будет расширяться. С одной стороны, это способ снижения издержек на поддержание внутренней ИТ-инфраструктуры, а с другой — возможность поддерживать удобный для клиентов формат коммуникации. Эксперты прогнозируют разное отношение к облачным технологиям в зависимости от их важности для банка. Ключевые услуги вряд ли будут быстро переводиться в «облако», в то время как дополнительные сервисы вполне могут быть реализованы в «облачном» формате [2:23].

Исследователями также отмечается, что в определенной мере «облачное производство» сумело синтезировать в себе преимущества централизации и децентрализации подобно тому, как франчайзинг в рамках форм

организации бизнеса соединил в себе позитивные аспекты крупного и малого бизнеса. [4:25].

Таким образом, можно констатировать, что восприятие облачных технологий в российских банках в целом можно считать позитивным.

Список источников

1. Жиляев А. Н. Некоторые вопросы использования облачных технологий в российских и зарубежных банках // Деньги и кредит. 2016. № 1. С. 55—60.
2. Харитонов М. А. Облачные технологии в банках // Банк. услуги. 2016. № 5—6. С. 14—23.
3. Ибраимов А. Г., Сейтвелиева С. Н. Облачные вычисления: перспективы и возможности // Информац.-компьют. технол. в экон., образ. и соц. сфере. 2016. № 3 (13). С. 118—123.
4. Барков С. А., Носуленко С. В. «Облачные технологии» как этап в развитии информационного общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 16—26.
5. Шевчун В. Н. Новая социальная реальность в контексте становления информационно-коммуникационных технологий : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Дону, 2013.
6. Восприятие облачных технологий в российских банках. Отчет по результатам исследования. SAP, НАФИ, АРБ.2015. URL: <http://www.nafi.ru/projects/finansy/oblachnye-tekhnologii-v-rossiyskikh-bankakh/>.
7. Антонян С. С. Российский рынок банковских услуг достиг предела. Куда он будет двигаться дальше? // Банк. дело. 2016. № 11. С. 82—87.

С. С. Белик

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ДЕТСКОЙ ОДЕЖДЫ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 17 ЛЕТ)

БЕЛИК Сергей Сергеевич — руководитель направления социально-экономических исследований Аналитического центра НАФИ, г. Москва, Россия; Belik@nacfin.ru

Аннотация. Потребительское поведение родителей является важным аспектом изучения рынка детской одежды. В современных экономических условиях родители все чаще реализуют сберегающую стратегию: сохраняют одежду для будущих детей и внуков, отдают ее друзьям и родственникам, совершают покупки преимущественно в период акций и распродаж. Это непосредственным образом отражается на темпах развития рынка детской одежды в России.

Ключевые слова: потребительское поведение, потребности, детская одежда, интернет-торговля, рынок, стратегии домохозяйств, покупатели.

С каждым годом рынок детской одежды набирает обороты, становясь целой индустрией. Расширяется ассортимент товаров, модные дизайнеры создают отдельные коллекции. Учитывая последние события (активную фазу экономического кризиса, введение санкций, политику импортозамещения), следует детально и структурированно исследовать и проанализировать ситуацию на российском рынке, чтобы оценить конкурентоспособность отечественных игроков рынка перед иностранными производителями. В настоящее время основными странами-конкурентами являются: Китай, Турция, страны Юго-Восточной Азии в целом, Финляндия, Испания и Италия.

Для обеспечения конкурентоспособности российских производителей, рынок детской одежды контролируется со стороны государства по следующим направлениям: во-первых, установление норм и контроля качества за безопасностью товаров для детей. Во-вторых, это — экономическая защита отечественных производителей.

Проблематика потребительского поведения на протяжении многих лет остается актуальной и востребованной для детального изучения. Например, еще в конце XVIII в. А. Смит впервые рассмотрел его в качестве объекта исследования, выделив следующие свойства экономического человека: во-первых, экономический человек склонен обменивать

один предмет на другой; во-вторых, экономическому человеку присущ собственный интерес, эгоизм, стремление улучшить свое положение [1]. Позже, в рамках институционализма, Т. Веблен внес в описание поведения потребителя многие психологические и социальные факторы. В частности указал на мотив, лежащий в основе собственности — соперничество [2]. Также стоит отметить теорию, согласно которой привычкам и вкусам социальной группы, обладающей свободным финансовым ресурсом, подражают слои общества, находящиеся на более низких позициях в социальной иерархии. Представители данной концепции: Г. Спенсер, У. Самнер, Г. Тард, Ф. Теннис, Г. Зиммель.

В XXI в., основываясь на трудах классиков, А. А. Карпунин выделил ключевые особенности предпринимательской деятельности в розничной торговле детской одеждой: высокая доля импорта, сегментация рынка по возрастным группам, региональная неоднородность требований потребителей, наличие санитарно-гигиенических требований к товарам и услугам, неоднородность предпочтений родителей и детей. Спецификой поведения российского потребителя занималась и Е. Г. Пчелинцева. М. М. Карпова, синтезируя теории психического развития, выделяет ряд особенностей сегментирования рынка товаров для детей.

Наше исследование было проведено в марте 2016 г. Сбор эмпирической информации осуществлялся путем проведения глубинных интервью среди родителей, имеющих детей в возрасте до 17 лет (20 интервью) и среди дистрибьютеров детской одежды в Москве и Московской области (20 интервью). Выборка строилась путем «снежного кома».

Мы смогли выявить и охарактеризовать ряд тенденций, а также обозначить возможные тренды. В условиях экономического кризиса ситуация как в странах-производителях, так и в странах-держателях брендов ухудшилась. Фиксируется снижение объемов продаж детской одежды, рост цен. Среди внешнеполитических факторов, влияющих на объем экспорта товаров — административные барьеры, введение санкций, ограничения на импорт в России, девальвация российской валюты. В сложившихся условиях российские производители выходят на данный рынок, предлагая товары среднего уровня комфорта и качества, однако уступая в плане модных тенденций и уровня цен. Российские производители на сегодняшний день не являются конкурентоспособными игроками на рынке детской одежды. Во-первых, экономический кризис, введение санкций, политика импортозамещения непосредственным образом отразились на состоянии рынка детской одежды. Во-вторых, возникли сложности с приобретением необходимого импортного «сырья» высокого качества (ткань, фурнитура) для производства. В-третьих, уровень развития текстильной отрасли в России сегодня находится на стадии становления, качество производимых товаров

не удовлетворяет потребности покупателей, привыкших к гармоничному соотношению цены и функциональности приобретаемой вещи.

Сильные стороны российского рынка детской одежды: обширный рынок сбыта; разнообразный ассортимент товаров; большой покупательский потенциал (рост рождаемости); «культ ребенка» — удовлетворенность ребенка как высшая семейная ценность; малая представленность сегмента детской одежды в Интернет-пространстве (минимальное число интернет магазинов); необходимость приобретения верхней одежды («стараясь не экономить, покупают хорошую и качественную»).

Ключевыми проблемами российского рынка детской одежды являются: низкая степень доверия к новым технологиям в одежде (мембрана, новые тонкие утеплители в одежде); консерватизм (модные тренды не сразу воспринимаются покупателями, особенно в регионах); перенасыщенность рынка; большое количество дешевого и некачественного товара; нестабильная экономика в целом; отсутствие достойной производственной базы для изготовления фурнитуры, тканей и т. д.; сложности выхода на рынок небольших компаний из-за очень дорогих арендных ставок в крупных торговых центрах; завышенные санитарно-гигиенические требования к изделиям.

Доминирующая потребительская модель — сберегающая. Большинство опрошенных родителей предпочитают отдавать неиспользуемую детскую одежду родственникам или знакомым, или же оставлять ее для будущих детей и внуков. Это является существенной проблемой для развития рынка детской одежды в целом. При этом ключевым ориентиром при покупке является качество изделия, что подразумевает более длительный цикл его использования, нежели это ожидается производителем. Дизайн, модность изделия сегодня являются периферийными факторами, слабо побуждающими к приобретению.

Стоит отметить, что покупки сегодня делаются скорее по необходимости, а не для удовольствия или разнообразия. Однако это — так называемая «планируемая необходимость». Что объясняется активизацией покупателей в сезон распродаж и проводимых акций, соблюдение сезонности покупок. Однако большинство тем не менее вдумчиво выбирают и ищут подходящий вариант, спонтанные покупки — редкое явление.

Реклама детской одежды должна быть ориентирована преимущественно на мам, которые являются основными покупателями на данном рынке. Следует учитывать, что при покупке окончательное решение остается за родителями, хотя в ряде случаев имеет место быть совместное решение с ребенком (более старшего возраста).

Перспективным направлением для российского рынка детской одежды является сегмент интернет-продаж. Основным каналом получения

информации о новинках на рынке детской одежды среди родителей является Интернет. Крайне популярным направлением являются покупки в Интернет магазинах. Неосвоенность данного сегмента отмечалась также экспертами. Так по данным GFK Russia в России по прежнему остается 70,4 % пользователей интернетом (2015 и 2016 гг.) [3]. Только 53 % из них пользуются услугами интернет-магазинов для покупки одежды и аксессуаров [4].

Список источников

1. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М. : «Эксмо», 2017. 960 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : «Прогресс», 1984, 219 с.
3. Nielsen What's in — store for online grocery shopping [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/reports/2017/connected-commerce-Q4-2016-report.html> (дата обращения: 11.02.2017).
4. GFK Russia Тенденции развития Интернет-аудитории в России [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii/> (дата обращения: 29.01.2017).

М. А. Атаева

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

АТАЕВА Мария Алевдиновна — аналитик Управления мониторинговых и электоральных исследований ВЦИОМ, г. Москва, Россия; Ataeva_m@wciom.com

Аннотация. Если раньше правомерно было говорить о том, что изготовитель или продавец товара определял выбор покупателя (в силу большей информированности, обладания рядом эффективных инструментов, таких как реклама, бренд или репутация), то сегодня ситуация в значительной мере изменилась. Пул информации, представленной в Интернете, позволяет потребителю делать продуманный и осознанный выбор, минимизирует взаимодействие с продавцом. Это приводит к трансформации типичной модели поведения покупателя, формированию уникальных запросов.

Ключевые слова: потребительское поведение, рынок, модель поведения, тенденции.

На сегодняшний день число работ, посвящённых изучению моделей потребительского поведения и влияющих на него факторов неуклонно растёт. При этом накопившийся теоретический и практический опыт нельзя назвать достаточным, поскольку рынки динамично развиваются, зачастую даже не вследствие внедрения инноваций со стороны производителей, а по причине более активной трансформации самого спроса, потребностей самих потребителей. Можно выделить ряд ключевых изменений, обусловивших тренды потребительского поведения. Во-первых, это изменение платформ предоставления услуг: автоматизация, кибернетизация, виртуализация рынка в целом. Во-вторых, это коррекция существующих и создание новых каналов финансовых потоков и реализации продукции (в том числе внедрение платежных систем, открытие автоматизированных банковских отделений, контактный менеджмент, почтовые рассылки и т. д.). В-третьих, увеличение информированности потребителей (в том числе о конкурентах), формируется запрос на уникальный товар, потребности целевых аудиторий значимо дифференцируются. Б. Кинг также заявляет о бесповоротном сдвиге парадигмы маркетинга — формировании рынка одного потребителя и вводит в оборот обозначение потребителей 2020 г. как «населения цифрового мира» [1].

Фундаментальное исследование потребительского поведения началось в 1960-х гг. Актуализировались идеи теории рационального выбора,

представленные в трудах Дж. С. Милля, Ст. Найта, Л. Роббинса, Г. С. Беккера. Позже широкое распространение получил маркетинговый подход, использованный в трудах М. Б. Холсбрука и Э. С. Хиршмат. Детализированная классификация была приведена Д. Энджелом, Р. Д. Блэуэллом, П. Миниардом. Стоит также отметить представителей теории личности, позволяющей понять выбор потребителя через индивидуальные различия в основных схемах поведения, К. Юнга, К. Хорни, Д. Рисмана.

Говоря о потребительском поведении, мы имеем ввиду комплекс потребительских решений. На данный момент практически все потребительские решения описываются стандартной схемой, включающей последовательные этапы: осознание потребности; поиск информации о возможностях удовлетворения потребности; анализ существующих альтернатив и принятие решения; покупка; потребление; дополнительно — избавление от товара [2]. Даже в условиях трансформирующихся рынков данная модель являлась универсальной. Однако сегодня потребителями сформирован запрос, ограниченно вписывающийся в указанную схему. В последнее время все большую популярность набирает практика приобретения «боксов», коробок — посылок с неизвестным содержимым. Потребитель знает исключительно тему набора, категорию товара — косметика, продукты питания, книги и т. д. Однако конечное содержимое ему неизвестно вплоть до момента получения. По данным проведённого кабинетного исследования, наибольшую известность в России сегодня получили так называемые бьюти-боксы, наборы тестовой косметической продукции (например, AllureBox, GlamourBag, ElleBox, NewBeautyBox и др.). Данное направление сформировалось из «семплинга» — маркетинговых акций с раздачей бесплатной тестовой продукцией и за последние годы превратившееся в самостоятельное бизнес-направление. На втором месте — боксы с органическими продуктами, зачастую классифицированные по рациону питания: фруктовые, сырные, мясные, вегетарианские и т. д. (например, «Ласточка» — экзотические фрукты, «Edoque» — фрукты и овощи, CheeseBox — сыры). Новое направление — книжные посылки («Book Pleasure»).

Однако на рынке присутствуют также и так называемые «коты в мешке» — наборы-сюрпризы, ни категория (продукты, товары), ни состав которых не известен покупателю до его получения («набор для именинника», «набор для путешественника»), например, MegaBox. Таким образом, традиционная схема потребительского поведения деформируется, поскольку основана на положении, что выбор в большей степени рационален. Описанный же тренд свидетельствует об актуализации эмоциональной составляющей товара как доминантной. Кроме того, принято считать, что выбор потребителя определяется следующими факторами (приведены основные): 1) приемлемость — соответствие ожиданиям; 2) финансовая

доступность — способность и готовность приобрести продукцию по указанной цене; 3) физическая доступность — возможность без промедления приобрести и использовать товар; 4) осведомленность — информированность о характеристиках продукта. Первый указанный фактор (приемлемость) перестаёт быть в данной ситуации определяющим первую покупку, его функциональное назначение трансформируется в инструмент рефлексии и фактора трансформации в лояльного клиента. Другими словами, речь идёт об удовлетворенности товаром, а не причине его выбора. Актуальность второго фактора (финансовая доступность) в значительной мере нивелирована за счёт того, что потребитель до получения покупки не осведомлён о ее содержимом и, таким образом, не может заранее просчитать выгодна ли она или убыточна, рационально ли подобное расходование средств или нет. Третий фактор (физическая доступность) не играет в данном случае роли, так как подобные товары доставляются преимущественно по почте или с помощью курьерских служб. Возможность самовывоза — крайне ограничена. Четвёртый фактор (осведомленность) в данном случае противоречит самой концепции товара.

Анализируя вышесказанное, мы можем выделить следующие зафиксированные тенденции: повышение значимости эмоциональной составляющей товара, принятие решения о выгодности покупки постфактум, минимальное влияние продавца на повышение лояльности потребителя (речь о коммуникативной составляющей).

Таким образом, поведение потребителей обуславливается типом приобретаемого продукта. И формирование нового предложения может как закрепить существующий формат отношений «покупатель — продавец», так и значимо его трансформировать. Вследствие этого, по нашему мнению, актуально проведение исследования, направленного на изучение доминантных и периферийных моделей поведения на развивающихся (традиционных и виртуальных) рынках. Ведь как отмечают Я. С. Матковская и Ю. Мордашкина, «рынок определяется не вещами, товарами и услугами, а потребностями и нуждами конкретного сегмента потребителей» [3].

Список источников

1. Кинг Бретт. Банк 2.0. Как потребительское поведение и технологии изменят будущее финансовых услуг / пер. с англ. М. Мацковской. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012.
2. Маркер А. В. Мотивация потребительского поведения : учеб.-метод. пособие / А. В. Маркер. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016.
3. Матковская Я. С. Потребительское поведение на развивающихся рынках : монография / Я. С. Матковская, Ю. Мордашкина ; ВолгГТУ. Волгоград, 2015.

О. Ю. Стасевич

ВЫЯВЛЕНИЕ ИНСАЙТОВ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИОННОЙ КАМПАНИИ: НА ПРИМЕРЕ РЫНКА ЗАРПЛАТНЫХ КАРТ

СТАСЕВИЧ Ольга Юрьевна — руководитель направления корпоративных исследований, Аналитический центр НАФИ, г. Москва, Россия; stasevich@nacfin.ru

Аннотация. Рассматриваются методологические основы выявления потребительских инсайтов. Пристальное внимание к данной теме породило ряд дискуссий и споров относительно методологических основ ее изучения и поисков иных, отличных от классических, подходов для их получения. Под потребительским инсайтом понимаются реальные причины поведения потребителя, отличные от декларируемых. Приводится описание кейса из практики маркетинговых исследований с применением методики ZMET, направленной на выявление визуальных метафор, которые выступают инструментом выявления инсайтов.

Ключевые слова: ZMET, потребительское поведение, инсайт, методология социологических исследований, глубинные интервью, nVivo

Для привлечения целевой аудитории уровень коммуникации с ней должен соответствовать ее потребностям и мотивационно-ценностной структуре. Однако нередко понять причины поведения человека сложно: во-первых, он сам может не осознавать причины своего поведения; во-вторых, может умышленно не говорить о мотивах; в-третьих, иногда человеку сложно выразить словами мысли и чувства, так как большую часть информации он получает посредством визуальных образов, а выражает информацию вербально [4:641—657]. Язык выступает барьером, искажающим информацию, полученную визуально. Такое несоответствие способов получения информации и ее последующего выражения приводит к разрыву между декларируемыми и реальными причинами поведения, а получение информации через вербальный канал (например, опросными методами) — к искаженным выводам о поведении человека.

Поэтому, для обеспечения валидности исследований требуются более релевантные методики, например, ZMET (Zaltman Metaphorical Elicitation Technique) [2:35], суть которой заключается в извлечении с бессознательного уровня метафорических образов, оказывающих влияние на восприятие выходной информации. Существует ряд особенностей методики:

— Сбор информации методом глубинных интервью.

- Получение респондентом перед интервью домашнего задания (отбор 8—12 тематических изображений), что важно для более глубокого его «погружения» в проблему.
- Использование определенной структура гайда, что обусловлено двумя предпосылками: визуально-образное мышление, подсознательный уровень большей части мыслительной деятельности человека.
- Отбор респондентов должен осуществляться на основе психологического теста по оценке степени вовлеченности в пользование продуктом или услугой [5:59—70].

Автором в октябре 2014 г. было проведено инициативное исследование с применением методики ZMET [2:35], целью которого было выявление основных инсайтов держателей зарплатных карт для разработки коммуникационной стратегии кампании, а также «образа» идеальной зарплатной карты.

Исследовательская проблема заключалась в том, что с одной стороны, введение возможности выбирать банк для открытия зарплатного проекта привело к пересмотру стратегий продвижения зарплатных карт со стороны банков, с другой стороны, для реализации новых стратегий банкам необходима информация для разработки эффективной коммуникационной кампании. Учитывая, что зарплатная карта ранее не выбиралась самостоятельно, уровень осознанности и вовлеченности в ее выбор низок, требовались новые подходы для получения валидной информации о поведении потребителей.

Задачи исследования — выявление:

- продуктовых атрибутов, выгод и персональных ценностей потребителей, связанные с идеальной зарплатной картой;
- взаимосвязи продуктовых атрибутов, выгод и персональных ценностей потребителей;
- наиболее встречающихся категорий анализа (продуктовые атрибуты, выгоды и персональные ценности);
- ключевых продуктовых атрибутов в зависимости от пола респондента.

Объект исследования: держатели зарплатных карт не менее 6 месяцев, мужчины и женщины в возрасте от 23 до 30 лет, жители г. Москвы, со средним и выше среднего уровнем дохода и вовлеченности в использование зарплатных карт.

Метод сбора информации: глубинное интервью. Метод анализа данных: контент-анализ с применением программы nVivo. Выборка: 12 интервью.

При описании идеальной зарплатной карты автор основывался на теории means-end-chain Т. Дж. Рэйнолдса и Дж. Гутмана [3:11—31], установ-

ливающей причинно-следственные связи между свойствами продукта, выгодами его использования и ценностями потребителей.

Схема кодирования реализовывалась на качественном и количественном этапах. Качественный этап осуществляется в рамках обоснованной теории. На этапе количественного контент-анализа было использовано фокусированное кодирование.

На этапе качественного анализа были выделены ключевые атрибуты идеальной зарплатной карты. Эти атрибуты (индивидуальный дизайн карты, защищенность карты, возможность оплачивать картой товары и услуги по всему миру, наличие бонусных программ и дистанционного банковского обслуживания) легли в основу ментальной карты (Рис. 1).

Согласно теории means-end-chains были выделены «мыслительные цепочки» респондентов, связывающие продуктовые атрибуты с персональными ценностями через выгоды. На Рис. 1 продуктовые атрибуты выделены зелеными, функциональные выгоды — желтым, социально-психологические выгоды — красным, ценности — голубым цветом.

Построение ментальной карты позволяет проникнуть в мышление респондента, выйти с общего уровня (продуктовые атрибуты) на более глубокий, ценностный уровень. Кроме того, плюс ментальной карты заключается в возможности понять, какими способами можно апеллировать к одним и тем же ценностям. Например, апеллировать к ценности «эмоциональная удовлетворенность» можно через:

бонусы, дающие выгоды и эмоциональную удовлетворенность;
возможность оплачивать товары и услуги по всему миру без наличных, свободно передвигаться по миру, а это — комфорт, и в итоге — эмоциональное удовлетворение.

Таким образом, ментальная карта дает дополнительные возможности маркетинговым отделам различных компаний при выстраивании коммуникации с потребителями.

На этапе количественного анализа было осуществлено укрупнение категорий, полученных на этапе качественного анализа, и осуществлен анализ частоты упоминаний категорий, в том числе в разрезе социально-демографических групп.

Анализ текста показал (Табл. 1), что среди мужчин наиболее часто упоминаемой категорией является «Индивидуальный дизайн карты», на втором месте — «Обслуживание в банках и банкоматах», далее следуют категории «Бонусы». Для женщин наиболее часто упоминаемой категорией является «Обслуживание в банках и банкоматах», на втором месте — «Индивидуальный дизайн карты», на третьем — «Бонусы».

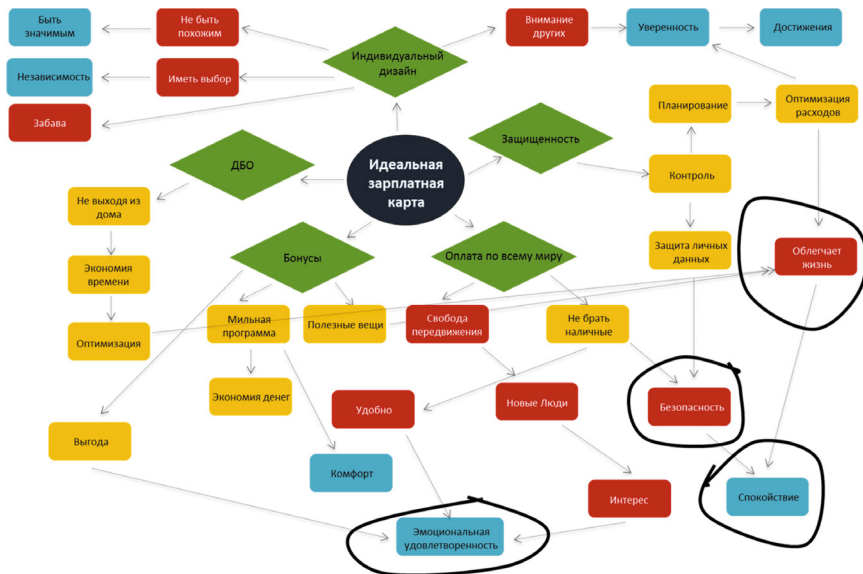

Рис. 1. Ментальная карта по результатам исследования

Таблица 1. Представленность категорий в разрезе пола
(с применением Матрицы кодируемых данных Matrix Coding Query)

Категории	Мужчины, кол-во раз	Женщины, кол-во раз	Мужчины, %	Женщины, %
Банк и банкоматы	24	23	0,29	0,39
Бонусы	7	9	0,08	0,15
Дополнительные характеристики	7	0	0,08	0,00
Индивидуальный дизайн карты	27	22	0,32	0,37
Надежная защита	7	5	0,08	0,08

Таким образом, можно сделать следующие выводы: при разработке коммуникационной кампании на рынке зарплатных карт важно помнить о таких атрибутах, как индивидуальный дизайн карты, обслуживание в банке и банкоматах, функциональность карты, а также отличии важности этих атрибутов среди мужчин и женщин. При выстраивании коммуникации с потребителями необходимо иметь в виду, что функциональные

и эмоциональные выгоды одинаково важны для целевой аудитории, надо транслировать не просто функции или эмоции, а функции через эмоции. Кроме того, основные потребности и ожидания держателей зарплатных карт связаны с такими категориями, как спокойствие, уверенность в себе, комфорт, независимость и значимость.

Список источников

1. Инициативное исследование Аналитического центра НАФИ [Электронный ресурс] / Спецпроекты. URL: <http://nafi.ru/projects/>.
2. Coulter R. H., Zaltman G. Seeing the voice of the customer: Metaphor-based advertising research // *Journal of advertising research*. 1995. Т. 35. № . 4. P. 35—51.
3. Reynolds T. J., Gutman J. Laddering theory, method, analysis, and interpretation // *Journal of advertising research*. 1988. Т. 28. № . 1. P. 11—31.
4. Sugai P. Mapping the mind of the mobile consumer across borders: An application of the Zaltman metaphor elicitation technique // *International marketing review*. 2005. Т. 22. № . 6. P. 641—657.
5. Zaichkowsky J. L. The personal involvement inventory: Reduction, revision, and application to advertising // *Journal of advertising*. 1994. Т. 23. № . 4. P. 59—70.

Л. В. Спиридонова

УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ РОССИЯН РАБОТОДАТЕЛЯМ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

СПИРИДОНОВА Людмила Валерьевна — руководитель направления HR-исследований Аналитического центра НАФИ, Москва, Россия; spiridonova@naefin.ru

Аннотация. Рассматривается лояльность россиян работодателям в условиях экономического кризиса в качестве динамической характеристики, которая является результатом взаимодействия множества факторов — как субъективных, так и объективных. Проблематика лояльности в современном контексте заключается во влиянии кризисных явлений экономики на поведение работников, которое перестает быть предсказуемым и линейным. В статье представлены данные общероссийского опроса занятых, который был посвящен теме лояльности работодателю и готовности сменить текущее место работы. Результаты исследования продемонстрировали, что большая доля россиян неудовлетворенных текущим местом работы не готова уволиться и попытаться трудоустроиться на новом месте. Подобная модель поведения негативно сказывается как на работнике, который находится в ситуации постоянного дискомфорта, так и на организации, поскольку эффективность и производительность труда таких работников, как правило, не высока. В связи с данным явлением остро встает вопрос о развитии системы мотивации и попытке нивелировать негативный настрой сотрудника.

Ключевые слова: лояльность россиян работодателю, трудовая деятельность, мотивация работников, eNPS (Employee Net Promoter Score), общероссийский опрос занятых

В условиях экономического кризиса вопрос лояльности сотрудника работодателю встает наиболее остро, поскольку лояльность может быть основана не столько на мотивации, искренней вовлеченности, удовлетворенности содержанием труда и преданности работника работодателю в достижении общеорганизационных целей, сколько на страхе потерять работу и не найти новую.

Факторы, лежащие в основе лояльного отношения работника к работодателю, напрямую отражаются на производительности и эффективности труда. В связи с этим важно понимать, что именно лежит в основе лояльности работников.

Применительно к трудовой деятельности «лояльность» можно рассматривать как социально-психологическое отношение работника к органи-

зации, для которого характерно принятие её целей и ценностей, желание работать в ней [2: 159].

Проблематика лояльности в современном контексте заключается во влиянии кризисных явлений экономики на поведение работников — оно перестает быть линейным: работник со сниженной лояльностью к работодателю не уходит из организации, а продолжает работать из страха не найти новую работу и остаться без какого-либо заработка. Подобная модель поведения негативно сказывается как на работнике, который находится в ситуации постоянного дискомфорта, так и на организации, поскольку эффективность и производительность труда таких работников, как правило, не высока.

Исследователями отмечается, что лояльность является динамической характеристикой, результатом изменения совокупного влияния формирующих ее факторов. Отсюда ключевой тенденцией исследовательской индустрии в данном предметном поле сегодня является ориентация на исследовательские продукты, индивидуально разрабатываемые под конкретные задачи, часто изменяющиеся в условиях развития рынка [4: 62].

В октябре 2016 г. было проведено авторское исследование, целью которого стало выявление доли россиян, которые не лояльны к текущему месту работы, но по каким-либо причинам не собираются его менять. [1]

Исследование было проведено в рамках Всероссийского репрезентативного опроса. Респондентами выступили 1012 человек, которые работали в период исследования.

В ходе исследования задавались два вопроса, в рамках которых замерялся показатель индекса eNPS (Employee Net Promoter Score):

«Насколько вероятно, что Вы порекомендуете своим друзьям и знакомым устроиться на работу в ту компанию, в которой Вы работаете в настоящий момент? Для оценки используйте, пожалуйста, шкалу от 0 до 10, где «10» означает, что Вы точно порекомендуете, а «0» — точно НЕ порекомендуете» (11-ти балльная шкала ответов),

а также оценивалась вероятность смены текущего места работы работником в ближайшие 6 месяцев:

«Оцените, пожалуйста, насколько вероятно, что Вы смените по собственному желанию место работы в ближайшие 6 месяцев?» (5-ти балльная шкала ответов)

В результате исследования выяснилось, что 56 % российских работников не собираются менять текущее место работы в ближайшие 6 месяцев, однако при этом значение индекса eNPS составило «-47». Это позволяет сделать предположение о том, что значительная доля занятых россиян вынуждена в настоящее время работать в компаниях, к которым они не лояльны.

Основываясь на полученных ответах на два выше приведенных вопроса, представилось возможным разделить всех респондентов на четыре группы для описания структуры работающих россиян в аспекте их лояльности работодателям:

- «Архитекторы» — истинно лояльные работники, которые не готовы сменить работодателя, и полностью удовлетворены местом работы — **12 % занятых россиян;**
- «Наемники» — работники, удовлетворенные текущим местом работы, но готовые сменить место работы, если им предложат более выгодные условия — **3 % занятых россиян;**
- «Заложники» — работающие россияне, которые не стали бы рекомендовать текущее место работы своим друзьям и знакомым, но в это же время не готовы уволиться и сменить место работы — **44 % занятых россиян;**
- «Критики» — также неудовлетворенная часть работников, не считающих возможным рекомендовать свое место работы друзьям и знакомым, и намеренных в ближайшие 6 месяцев уволиться — **41 % занятых россиян.**

Таким образом, исследование показало, что 85 % россиян демонстрируют низкий уровень лояльности к текущему месту работы, отказываясь от рекомендации работодателя своим друзьям и знакомым, при этом половина из них является его «заложниками», не решаясь уволиться. Очевидно, что данная ситуация требует развития системы мотивации [3].

Проведенное общероссийское исследование демонстрирует, что на уровне исследований лояльности персонала внутри отдельно взятой компании, необходимо принимать во внимание, что истинные причины лояльности могут носить латентный характер, и продиктованы не столько субъективной удовлетворенностью сотрудника текущим местом работы, сколько сложившейся кризисной объективной реальностью и опасениями остаться без работы.

Список источников

1. По материалам исследования «Сотрудники российских компаний не готовы рекомендовать своих работодателей». НАФИ, октябрь 2016 года. <http://nafu.ru/analytics/ne-loyalny-rabotaem-dalshe/>.
2. Долженко Р. А. Удовлетворенность, лояльность, вовлеченность персонала: уточнение и конкретизация понятий // Вестн. Алтайск. госуд. аграрн. ун-та. 2014. № 9 (119). С. 157—162.
3. Мосина В. С., Соловьева Е. И. Нематериальная мотивация как инструмент повышения лояльности работников в условиях кризиса // Инновац.

менеджмент и технол. предпринимательство: мат. Всерос. молод. науч. форума. Новосибирск. госуд. техн. ун-т. 2015. С. 75—80.

4. Аймалетдинов Т. А. О подходах к исследованию лояльности клиентов в банковской сфере // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 55—63.

25. Модели прогнозирования потребительского поведения

И. В. Лескова

СТАНДАРТЫ ЖИЗНИ: МОСКОВСКАЯ СПЕЦИФИКА

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующий лабораторией социально-политических и этнодемографических исследований АИСПиЭИ ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, Россия; leskova.i@yandex.ru

Аннотация. Подчеркивается, что достижение высоких стандартов жизни есть условие построения благосостояния государства¹. Анализируются основные сферы жизнедеятельности москвичей: их быт, общественная жизнь, выявляются причины их поведения, изучается стиль жизни, обусловленный укладом и качеством жизни. Исследуется уровень социального самочувствия, социально-трудовые отношения, занятость и труд. Акцентируется, что уровень социального самочувствия москвичей в значительной степени связан с их материальным положением и с условиями жизнедеятельности. Среди экономических аспектов стандарта жизни выделяются качественные характеристики: содержание труда; качество и объем питания; комфортность жилья; качество медицинских услуг; продолжительность свободного времени; качество и комфортность, модная одежда; качество сферы услуг; состояние здоровья, уровень стрессовых ситуаций; морально-психологический климат; душевный комфорт. Поднимается проблема низкого значения порога бедности и высокой дифференциации доходов россиян, что является источником социальной напряженности и социального распада, разрушения позитивных связей поколений.

Ключевые слова: москвичи, стандарт жизни, образ жизни, уровень жизни, качество жизни, стиль жизни, правила, нормы, привычки, которых придерживается человек в повседневной жизни, уровень социального самочувствия

Исследование образа жизни населения никогда не теряет актуальности, т. к. достижение высоких стандартов жизни — неотъемлемая составляющая построения всеобщего благосостояния государства.

¹ Тезисы подготовлены при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00841 «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России: сравнительный анализ и оценка изменений».

Основными формами конкретизации «образа жизни» являются категории «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», «стандарт жизни». Уровень жизни определяется такими показателями, как уровень реальной заработной платы; прожиточный минимум; средняя продолжительность жизни; уровень образования населения; потребительская корзина; объем потребления продуктов в калориях; обеспеченность населения жильем; доля расходов населения на товары длительного пользования, на получение услуг; уровень безработицы и т. п. Качество жизни в широком понимании, характеризуется обеспеченностью материальными благами, безопасностью жизнедеятельности, в т. ч. экологической, доступностью медицинского обслуживания, возможностями получения образования и развития способностей, удовлетворением духовных и культурных потребностей, социальными отношениями в обществе и т. п. Стиль жизни выражает поведение человека в процессе жизнедеятельности, которая также формируется под влиянием различных аспектов: религиозных, культурных, социальных, экономических, политических. Конкретизация образа жизни определяет определенный стандарт жизни — совокупность правил, норм, привычек, которых придерживается человек в повседневной жизни.

Таким образом, категория «образ жизни» дает возможность комплексно, во взаимосвязи рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей их труд, быт, общественную жизнь и культуру, выявлять причины их поведения (стиль жизни), обусловленного укладом, уровнем, качеством жизни [2, с. 291].

Современное государство может устойчиво развиваться только при условии, если его экономическая политика направлена на повышение стандартов жизни граждан, расширения их возможностей формировать собственное будущее. Среди чисто экономических аспектов стандарта жизни можно выделить следующие качественные характеристики: содержание труда; качество и объем питания; комфортность жилья; качество медицинских услуг; продолжительность свободного времени; качество и комфортность, модная одежда; качество сферы услуг; состояние здоровья населения, в том числе психического; уровень стрессовых ситуаций; морально-психологический климат; душевный комфорт и т. п.

Для изучения образа и стандарта жизни населения московского мегаполиса было проведено аналитическое социологическое исследование методом анкетного опроса, репрезентативность выборки обеспечивалась применением случайного многоступенчатого подхода с использованием метода квот по полу, возрасту и образованию. Общий объем выборочной совокупности составил 640 человек, из них высшее образование имели 55,4 % опрошенных, среднее специальное — 30,4 %, среднее общее — 11,4 % и 2,8 % — неполное среднее и ниже. Среди участвовавших в опросе

москвичей: 16,9% — руководители высшего звена, 19,1% — руководители среднего звена, 14% — руководители низшего звена, и 49,9% — работники, не связанные с выполнением руководящих функций.

Уровень социального самочувствия москвичей в значительной степени связан с их материальным положением и с условиями жизнедеятельности. Социальное самочувствие проявляется также и в субъективном восприятии людьми своего социального положения, уровня удовлетворения своих потребностей и интересов. На состояние социального самочувствия оказывает воздействие степень социального оптимизма. На вопрос «Какое настроение преобладает у вас в последнее время?», были получены следующие ответы: для 53,6% опрошенных москвичей оно нормальное, ровное; для 29,8% — хорошее, оптимистичное; у 13,8% респондентов нынешняя ситуация вызывает беспокойство, раздражение; для 2,8% москвичей — страх отчаяние, безысходность.

Определенный интерес вызывают ответы наших респондентов на события, которые оказывают серьезное влияние на жизнь людей и которые случались с ними за последние 5 лет. Так, 40,1% опрошенных брались за любую тяжелую или непривлекательную работу, чтобы обеспечить себе (семье) достойный уровень жизни; 18,1% опрошенных рисковали (имуществом, репутацией, возможно даже жизнью) ради получения большого дохода; 15,6% москвичей, участвовавших в опросе, не раз серьезно сожалели о вступлении в тот брак, в котором состояли; у 45,9% опрошенных была длительная любовная связь; 42% опрошенных имели кратковременные увлечения (связи); у 45,6% респондентов в семье возникали серьезные конфликты.

Первым показателем уровня социальной удовлетворенности населения, считающимся одним из наиболее важных при определении социальной активности населения и его отношения к дальнейшему развитию своего города, является материальное положение человека и его семьи. В настоящее время бедность и дифференциация доходов россиян содержат высокий потенциал социальной напряженности и социального распада, разрушения позитивных связей поколений. Из данных статистики, в России 14,6% населения относятся к числу малоимущих (при этом следует помнить от относительности установленного в России порога бедности — БПМ, его низком значении). Индекс концентрации доходов или «индекс справедливости» составил в 2016 году 0,399 и соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой (коэффициент фондов) — 14,1 раз. [1]. Как известно, допустимым значением этого показателя считается до 8—9 раз.

Такая ситуация чревата политической нестабильностью, поскольку вызывает у людей неудовлетворенность своим положением в обществе,

а политические компромиссы между богатыми и бедными, как известно, труднодостижимы. В свою очередь, политическая нестабильность увеличивает риски инвестирования в экономику страны, отпугивает потенциальных инвесторов и тем самым наносит огромный ущерб перспективам экономического развития страны.

Материальное положение в первую очередь определяется доходами, в которых центральное место принадлежит заработной плате, и расходами. По этому показателю 20,6 % опрошенных москвичей искренне считают, что их работа хорошо оплачивается, 45,1 % в целом довольны уровнем заработной платы, 26,7 % в основном не довольны и 7,5 % опрошенных считают, что их труд плохо оплачивается.

Несмотря на сравнительно высокий уровень заработной платы субъективная оценка москвичей, принявших участие в опросе, не позволяет говорить о полном удовлетворении своим материальным положением. Так, только 6,1 % респондентов указали на свое полное материальное благополучие, позволяющее в настоящее время купить все что захотят, отдыхать как хотят и ни в чем себе не отказывать; 36,6 % опрошенных респондентов более свободны в выборе своих расходов, однако не могут себе позволить приобретение жилья, машины и других предметов, связанных с крупными тратами; для 40,4 % москвичей трудности вызывает покупка нового холодильника или телевизора; 12,5 % респондентов живет от зарплаты до зарплаты, имея возможность оплачивать свои счета и покупать продукты питания, они не находятся в зоне риска, имеют доход больше прожиточного минимума, но в то же время для покупки одежды приходится занимать или откладывать; для 4,4 % опрошенных, находящихся в зоне риска, подчас приходится занимать деньги на самое необходимое, о сбережениях не может быть и речи.

Проведенный анализ материального положения позволяет заключить, что уровень доходов москвичей свидетельствует о достаточно высокой степени социально-экономической удовлетворенности жителей столицы и их возможности поддерживать приемлемый уровень и стандарт жизни. Не случайно больше половины респондентов считают, что смогут повысить свое материальное положение, если для этого будут созданы определенные условия, и только около одной трети опрошенных москвичей или затруднились с ответом на этот вопрос, или считают невозможным повысить свой достаток.

Выявленные в процессе исследования инструментальные ценностные ориентации наших респондентов показывают, что для достижения успеха и материального благополучия, важными и необходимыми качествами являются способности и талант, эти свойства отметили соответственно 56,1 % и 23,4 % опрошенных (для 2,8 % они не важны, и для

17,7% — не очень важны). 76,7% респондентов обозначили важность образования, тогда как для 23,3% опрошенных москвичей образование не является ценностью.

Список источников

1. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. URL: <https://isp.hse.ru/monitoring>.
2. Образ жизни // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008.

С. В. Назаренко

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

НАЗАРЕНКО Сергей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; svnazarenko@fa.ru

Аннотация. Кредитное поведение — это деятельность кредитных институтов (организаций), социальных общностей (групп), а также отдельных индивидов по вопросу мобилизации и использования денежных средств. Кредит повышает материальное благосостояние граждан, предоставляя возможность досрочного, опережающего потребления. С каждым днем потребность в кредитах увеличивается, вследствие того, что одна социальная группа людей вынуждена занимать денежные средства по причине своего временного тяжелого финансового положения (безработицы, невыплаты заработной платы), другая — относительно обеспеченные люди, имеющие средние доходы — для совершения крупных покупок (недвижимость, автомобиль, мебель, бытовая и электронная техника). Культивирование взвешенных стратегий кредитного поведения возможно в рамках реализации направлений: во-первых, повышение уровня личной ответственности заемщика за принимаемые им кредитные решения, за экономическое благополучие семьи (домохозяйства); во-вторых, предотвращение возможных негативных фактов и их последствий на кредитном рынке. При этом путями реализации этих направлений являются: а) повышение информированности потенциальных и реальных заемщиков, их финансовой компетентности; б) совершенствование нормативно-правовой базы относительно защиты прав граждан как обманутых заёмщиков; в) повышение уровня доверия граждан к кредитным институтам; в) социальная политика, целеориентированная на улучшение качества и повышение уровня жизни; г) рост реальных денежных доходов населения; д) обеспечение стабильности социального, экономического и политического развития страны.

Ключевые слова: социальный контроль, кредитное поведение, потребитель

Исходной точкой социально-экономического развития страны является социологическое понимание каждым индивидом своей социальной роли в экономике общества. Россияне, сравнивая свою жизнедеятельность с жителями западноевропейских государств, латентно формиру-

ют личное стремление жить не хуже их, что проявляется в повышении и расширении уровня потребностей в материальных благах, приобретение которых, как правило, возможно, только в кредит [3, 35—46]. Вследствие этого изменяется (повышается) статус кредита в обществе, а именно: а) кредиты всё более активно предоставляются не столько на покупку необходимых вещей, сколько на покупку предметов роскоши; б) пользоваться кредитом становится модно и престижно, ибо он становится своеобразной привилегией среднего класса; в) кредитная карточка все более становится социальным показателем статусной позиции её владельца, так как ее получить может не каждый желающий. Именно поэтому, домохозяйства выстраивают свою стратегию финансового поведения не столько «догоняющую», основанную на сбережении, накоплении, как сколько «опережающую», основанную на кредитовании, потреблении. При этом, если одних побуждает брать кредит необходимость «свести концы с концами» (вынужденное кредитование), то других — желание жить и потреблять «здесь и сейчас», позволить себе «немного лишнего», поучаствовав в «гонке потребления» (опережающее потребление).

Социальными характеристиками обычного (типового) заемщика являются: а) стремление к более высокому уровню благосостояния и как следствие склонность к кредитному риску; б) относительная финансовая грамотность, уровень которой повышается с увеличением кредитного опыта; в) наличие хорошей кредитной истории; г) высокий уровень ориентированности на положительный опыт социального окружения, рекламу и стиль испытанного узнаваемого банка. Согласно им в кредитной практике конструируется типовой социальный портрет «идеального заемщика»: 1) возраст — 27—45 лет (формально кредит может получить любой гражданин в возрасте 18 до 75 лет); 2) семейное положение — женат (замужем), не более 2 детей в возрасте старше 3 лет, супруга (супруг) работающая; 3) трудовой стаж — не менее 1 года на последнем месте работы, общий трудовой стаж не менее 2 лет; 4) ежемесячный доход — достаточный для погашения кредита и стабильный, выше среднего по региону (подтвержденный справкой 2-НДФЛ), а после ежемесячных вычетов по кредиту каждому члену семьи должен быть обеспечен прожиточный минимум; 5) образование — высшее; 6) имущество — в собственности квартира или дача, автомобиль; 7) профессионально-должностной статус — руководитель, заместитель руководителя, ведущий специалист; 8) карьерный рост — за последние 3 года повышался должностной статус; 9) кредитная история — есть, незапятнанная не только у заемщика, но и членов его социальной сети; 10) законопослушность — отсутствие судимости.

Кредитная активность домохозяйств обусловлена рядом факторов: а) уровень доходов; б) стадия жизненного цикла домохозяйства; в) стадия экономического цикла; г) колебания процентных кредитных ставок [1, 78—79]. Основанные на принципе «жизнь в кредит (взаимы)» социальные установки и поведение членов домохозяйств различны. Особенно в разрезе принадлежности к различным социально-демографическим и социально-профессиональным группам. Это свидетельствует о существовании асимметрии кредитного (долгового) поведения — гендерной, возрастной, семейной, образовательной, территориальной, трудовой, профессиональной, имущественной, а также в зависимости от отношения к риску, наличия кредитного опыта.

Социологическая характеристика домохозяйств и их членов включает в себя ряд особенностей кредитного поведения. Доходы населения (домохозяйств) растут, а срок кредита уменьшается. Каждый третий клиент банка как заемщик повторно обращается за кредитом. В общественном мнении наблюдается тренд от рассмотрения кредита как средства конкретного целедостижения (покупки жилья, автомобиля, оплаты обучения, отдыха, лечения и т. п.) к кредиту как инструменту формирования стиля жизни поощряющего удовлетворение потребительских нужд. Отношение индивида к кредиту (долгу) изменяется в зависимости от его самоидентификации себя как заемщиком (должником) или кредитором, от того, кто является контрагентом взаимодействий — другой индивид или кредитный институт. Кредитное поведение людей в отличие от сберегательного более целенаправленно, так как заимствованные денежные средства реализуются не столько на текущее, сколько на расширенное потребление. При выборе стратегии кредитного поведения, заемщик учитывает мнение членов социальной сети, группы с которыми сложились наиболее устойчивые контакты. Социальное окружение предлагает иногда даже диктует заемщику нормы-правила. Оно побуждает его поступать определенным образом, вести определенный образ (стиль) жизни, что воспроизводит доминирующую культуру кредитного поведения. Кредитное поведение домохозяйств неоднородно. Если одни занимают деньги в долг для решения актуальных материальных затруднений и проблем, а другие хотят взять кредит, но боятся, что не успеют вернуть его своевременно или рассматривают действующие процентные ставки довольно высокими, то третьи — принципиально не желают брать деньги в долг. При этом, чем благороднее цели, связанные с использованием кредита (долга), тем он менее обременителен для заемщика.

С позиции внутриличностного нормативного самоконтроля принципиально по-разному воспринимается индивидом предоставленная возможность взять деньги в кредит (долг) на развлечение и различного

рода иные слабости или на жилье, оплату образования, восстановление здоровья, основание собственного дела, покупку крупной вещи. Именно поэтому кредит как средство оправдывается (или осуждается) собственно целями кредитного поведения. Каждый третий заемщик использует кредит в целях: а) увеличения личного платежеспособного спроса; б) создания удобных условий жизни через удовлетворение потребности в дорогих товарах, вещах длительного пользования. При этом, если 2/3 граждан связывают высокий уровень и качество жизни с высоким уровнем потребления (экономический аспект), то для 1/3 — высокое качество жизни это возможность: а) иметь уверенность в завтрашнем дне; б) решить актуализировавшую проблему; в) реализации свободы и независимости; г) выстроить оптимальный баланс между рабочим и свободным временем; д) получить хорошее образование; е) иметь высокооплачиваемую и интересную работу; ж) сделать административную (должностную) или профессиональную карьеру. Значительная часть граждан испытывают потребность не столько в получении «дешевого» потребительского кредита, сколько в расширении возможностей воспользоваться расширяющимся спектром кредитных услуг. При этом, если гражданам со средним уровнем дохода преимущественно необходимы относительно крупные средне- и долгосрочные займы, то малообеспеченным слоям населения — мелкие краткосрочные займы. Потребители, которые обращаются за кредитом, индифферентны к изменению процентных ставок, но скрупулёзны в вопросе размера ежемесячных выплат по кредитному договору. Парадоксально, но взимаемая процентная ставка по кредиту предопределяет объем осуществляемых выплат при погашении кредита. Именно поэтому уровень ставки в большинстве случаев не является для заемщиков значимым фактором. Граждане, сформировав первые навыки кредитования поняли, что ничего страшного в том, чтобы жить в кредит (взаимы) нет. Более того, выплаты по кредитам помогают им контролировать свои расходы, однако при этом они не делают жизнь проще и приятнее. В понимании финансовой информации, предоставляемой банками о кредитах, более уверенными являются заемщики: а) мужчины; б) в возрасте 25—39 лет; в) с высшим образованием; г) имеющие высокий социально-профессиональный статус. Из-за относительно низкого уровня жизни и несистемных финансовых компетенций заемщиков формируется у них скептическое отношение к кредиту [2, 74—81; 4, 95—99].

Так, рост предложения кредитных услуг обусловлен не столько институциональными изменениями в кредитной сфере экономики общества, сколько изменениями ценностно-нормативных и социальных установок граждан по отношению к кредиту (долгу).

Список источников

1. Аукина А. И. Модернизация финансово-кредитных отношений: проблемы и перспективы : монография. Саратов : Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2012.
2. Назаренко С. В. Социальный контроль поведения домохозяйств на рынке кредитных услуг // Экономика, социология и право. 2016. № 11. С. 74—81.
3. Олимпиев А. Ю. Преступления в кредитно-банковской сфере: общая характеристика, виды и методические рекомендации по их расследованию: учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
4. Финансовая социология: учебное пособие / под ред. д-ра социол. наук, проф. А. В. Новикова, д-ра эконом. наук, проф. А. В. Ярашевой. М. : Финансовый университет, 2016.

В. П. Коломиец

ПРОГНОЗ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕДИАИНДУСТРИИ

КОЛОМИЕЦ Виктор Петрович — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; vikkolomiets@yandex.ru

Аннотация. Представлены различные технологии прогнозирования медиапотребления. Прогноз медиапотребления необходим как технологический инструмент функционирования медиаиндустрии (прогноз рейтингов для продажи рекламы) и здесь используются алгоритмические модели, в том числе и для минимизации инвестиционных рисков, когда применяются форсайты, строятся визионерские модели.

Ключевые слова: медиапотребление, медиаиндустрия, экстраполяция, тренды, форсайт

Медиапотребление — один из видов социальной практики, связанный с использованием технических средств коммуникации (телевизора, радио, компьютера, планшета, мобильного телефона) для удовлетворения потребностей в информации и развлечении. Эта социальная практика позволяет создателям и распространителям информации и развлечений монетизировать контент, что превращает медиапотребление в рыночное пространство, требующее маркетингового анализа и прогноза. Социологи и маркетологи медиакомпаний и медиахолдингов отслеживают тренды медиапотребления, строят прогнозные модели, направленные на минимизацию инвестиционных рисков.

Медиапотребление, хотя и выступает как единый целостный процесс, сегментировано по носителям, территориям, социальным группам и т. п. Каждый из сегментов представляет самостоятельный сегмент рынка. Поэтому, прогноз включает в себя как общие тренды, связанные с медиапотреблением, фиксирующим рост или падение (выраженное во времени) медиапотребления в целом, так и перераспределение аудитории внутри этого пространства по отдельным сегментам (медиапотребление платного и бесплатного контента, на стационарных или мобильных медианосителях и т. п.).

При прогнозировании медиапотребления используются практически все существующие технологии прогноза. Наиболее распространенной и естественной выступает экстраполяционная модель прогнозирования.

Экстраполяция состоит в выделении определенного численного параметра системы и предположении, что он будет изменяться в будущем так же, как и в прошлом. Например, наиболее популярные телеканалы российского телевидения, так называемая «большая тройка» («Первый канал», «Россия», «НТВ»), теряет аудитории уже больше десяти лет. Нетрудно экстраполировать эти показатели дальше и «спрогнозировать» смерть этих каналов к середине 30-х годов.

Экстраполяционный прогноз лежит в основе прогнозирования рейтингов телевизионного эфира, необходимых для продажи телевизионной рекламы. На телевидении продажа (финансовая операция) аудитории рекламодателю осуществляется до выхода рекламы в эфир, когда продаваемая аудитория соберется у телевизионного экрана. Сделка осуществляется по прогнозным рейтингам, поставляемым на рынок социологами продавца рекламных возможностей телевидения (селера). В основе лежит гипотеза традиционности (низкой волатильности) телесмотрения, рейтинговая история определенного временного интервала прогнозируемого канала и особенности распространяемого контента. История всех этих параметров (премьерный контент, как правило, имеет аналогию) позволяет алгоритмизировать процедуру прогнозирования, добиваться консенсуальных погрешностей в прогнозе (до 10%). Прогноз сверяется с фактическими результатами, поставляемыми измерительной компанией после показа рекламного сообщения в эфире.

В 2007 г. нами был применен экспериментальный подход для прогноза изменения рекламного инвентаря на телевидении, при переходе от городской выборки (100+) при измерении телевизионной аудитории к общероссийской. В основе лежал все тот же принцип экстраполяции. Прогноз позволил выявить нерентабельность вложения денег в расширение панели телевизионных измерений (включить в нее сельского населения), так как, полученный в результате этого дополнительный инвентарь был относительно мал.

Очень близким с экстраполяцией выступает прогноз, построенный на трендах — главным направлениям развития, по отношению к которым остальные параметры являются ведомыми. При выделении трендов, которые являются изменяющимися и влияющими друг на друга, принципиально важным являются представления о том, какие свойства реальности мы полагаем неизменными, игнорируя возможность перемен в них. Например, считаем, что доместикация коммуникационных технологий является одним из основных трендов современной медиарекламной индустрии, который влечет за собой насыщение индивидуальных практики медиапотребления их диверсификацию, а мобильность, о которой, например, пишет английский исследователь Джон Урри, придавая ей он-

тологию социальности, не будет играть значимую роль в индустриальных переменах. Вполне возможно, что в данном случае выделение главного и второстепенного неверно.

Основные недостатки экстраполяционного и трендового прогнозов заключаются в том, что они предполагают «картину» будущего, базирующуюся на том, что уже было. Проанализированное прошлое выступает «научным» аргументом для доказательства того, что будет. А мир не развивается линейно. Важную роль в развитии оказывает феномен, который Николас Талеб обозначил, как «Черный лебедь», который аномален (ничего в прошлом его не предвещало) и обладает огромной силой воздействия. Если бы в 2010 г. кто-то из исследователей спрогнозировал, что доля аудитории Первого канала в 2016 составит 12,7 (в 2010 была почти 18), его бы сочли ненормальным и назвали шарлатаном — никаких предпосылок для такого падения не было.

Микшировать эти недостатки призван сценарный подход, процедура которого широко известна, но редко используется. Зачастую «сценарии» базируются на экстраполяции имеющихся данных, когда в качестве прогноза предлагается триада: оптимистический, реалистический и пессимистический прогноз. Этот подход редко используется для прогнозирования медиапотребления, чаще он охватывает прогнозирование развития медиаиндустрии в целом.

К этому же, более широкому аспекту прогнозирования относится, приобретаемые все большую популярность, форсайты. В широком смысле слова «форсайт» — это системное видение текущей ситуации и будущего. В более узком смысле слова это размышление экспертов о будущем, споры об этом будущем и представление будущего, которое сложилось в результате всех этих упражнений. Идеология такого типа прогнозирования базируется на гипотезе, что будущее «находится» в головах тех, кто творит это будущее. И если собрать мнение наиболее влиятельных творцов («экспертов»), то можно получить относительно правдоподобное представление о будущем. Недостатком такого подхода выступает ангажированность экспертов интересами бизнеса. Зачастую дискуссии экспертов сводится к доказательству безбрежных перспектив собственного сегмента бизнеса. Не удастся его микшировать и приглашением специалистов из других областей. Их не погруженность в бизнес дает «свежий взгляд», но, не позволяет им воспользоваться в связи с его оторванностью от этого бизнеса.

Методология форсайтов базируется на деятельностно-активистском подходе, который в социологии начал активно разрабатываться с 1960-х гг. XX столетия (см.: Дж. Александер, М. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка и др.). Суть его сводится к тому, что историче-

ский процесс есть результат разновекторной деятельности социальных субъектов (агентов), включая технологические достижения, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан. Данная методологическая установка позволяет утверждать, что медиарекламная индустрия развивается под воздействием современных коммуникационных технологий, достижений цифровой революции и изобретений Интернета как социальных агентов с широким потенциалом, направленным на преобразования. В каком направлении, и какими темпами будет двигаться индустрия, зависит от людей, которые в этой индустрии работают. То есть деятельно-активистский подход позволяет каждую структурную единицу медиарекламной индустрии представить как социального актора, от активности которого зависят темпы и направление развития бизнеса. При таком подходе прогноз приобретает не столько технологическую задачу, сколько проблему видения будущего, построение визионерских моделей.

А. Г. Филипова, В. Е. Яровая

ОТ ДЕТСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ К КОНСЬЮМЕРИЗМУ БУДУЩЕГО

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социального проектирования и прогнозирования ДВФУ, г. Владивосток, Россия; filipova.ag@dvfu.ru

ЯРОВАЯ Вероника Евгеньевна — старший преподаватель кафедры философии и юридической психологии ВГУЭС, г. Владивосток, Россия; ronika11@mail.ru

Аннотация. Потребление является актуальной проблемой современных исследований. Распространение потребительских практик и моделей среди разных групп населения, в т. ч. детей, требует поиска новых концептуальных подходов и разработки нового исследовательского инструментария. Вхождение в общество потребления начинается в дошкольном возрасте. Одним из участников процесса потребительской социализации являются разнообразные магазины, стремящиеся учесть предпочтения ребенка и повлиять на них, используя разные маркетинговые приемы. Современный детский магазин нацелен на выполнение сразу нескольких функций наряду со своей прямой функцией организации продаж. Это — рекреационно-развлекательная, коммуникативная, игровая, гедонистическая функции. Нами было организовано наблюдение в сетевых детских магазинах г. Владивостока. Для анализа были выбраны 3 крупных детских сетевых магазина, находящиеся в разных районах города. Владивостока, Сравнительный анализ показал использование магазинами одинаковых способов организации пространства (цвета, музыка, зонирование). Однако замечено, что продавцы-консультанты не всегда справляются со своими функциями агентов потребительской социализации детей.

Ключевые слова: детское потребление, магазин, агенты потребительской социализации, наблюдение

Во всем мире придается огромное значение проблемам потребления. Современный человек неразрывно связан с обществом потребления, являясь его структурной единицей. Вхождение в общество потребления начинается довольно рано. Уже в дошкольном возрасте ребенок сталкивается с разными аспектами потребительской социализации, овладевает разными моделями потребительского поведения. Все это является неотъемлемой частью адаптации личности в современном обществе.

Особую значимость в период ранней потребительской социализации приобретают институты, занимающиеся сосредоточением и распределением данных благ. Одним из участников процесса потребительской социализации являются разнообразные магазины: розничные магазины и гипермаркеты; общие и специализированные детские магазины; магазины, включающие или нет детские рекреационные зоны. В современных торговых центрах можно обнаружить целые этажи, выделенные под детские нужды с представленными сетевыми и розничными магазинами, детскими игровыми зонами, иногда с детскими кафе. Супер- и гипермаркеты общей направленности, как правило, также стараются учесть нужды маленьких потребителей. В них могут быть созданы детские игровые зоны, где ребенок находится под наблюдением институционального взрослого, пока родители заняты покупками.

Ребенок рано познает многообразие мест розничной торговли. Одни служат для покупки продуктов и сладостей, другие содержат игрушки. В третьих можно покупать гаджеты. Но особый интерес представляют для ребенка специализированные детские магазины.

Современный магазин стремится учесть предпочтения ребенка и повлиять на них, используя разные маркетинговые приемы. Через детские магазины могут воздействовать на взрослых.

Современный детский магазин совмещает в себе выполнение сразу нескольких функций:

- Место распределения вещей. Современный магазин поражает воображение ребенка наличием огромного количества товаров. Для облегчения выбора товары распределяются по секциям, происходит выделение зон тематических товаров.
- Пространство для совместного времяпрепровождения родителей с детьми. Существуют целые традиции, когда семья посещает один и тот же магазин с некоей периодичностью. Современные магазины активно подкрепляют данные тенденции путем выдачи разнообразных карт, например «карты постоянного покупателя», организуя разнообразные акции, например, программу накопления бонусных баллов.
- Место для игр и развлечений, что проявляется как в виде разнообразных тележек, так и в форме выделения игровых зон.
- Место взаимодействия с другими взрослыми — консультантами и продавцами, которые в условиях магазина выступают агентами потребительской социализации. Ребенок приобретает опыт общения с доброжелательными взрослыми, которым он может задавать вопросы, которые объяснят ему, как обращаться с той или иной вещью.
- Место получения удовольствия. В магазинах на входе детей могут встречать взрослые, переодетые в сказочных персонажей. Детям

могут раздавать подарки, например, шарики. Процесс покупки сопровождается приятная музыка, какие-то видео.

Нами было организовано наблюдение в сетевых детских магазинах г. Владивостока. Для анализа были выбраны три крупных детских магазина, находящихся в разных районах города. Все они отличаются удобным расположением — близостью остановок общественного транспорта, возможностью парковки личного автомобиля (см. табл. 1.).

Таблица 1. Сравнительная характеристика детских сетевых магазинов, г. Владивосток

Характеристика	Магазин Б.	Магазин С.	Магазин Д.
Наличие специализированных зон товаров	Выделены зоны детского питания, одежды, тематически разделены товары для малышек, мальчиков и девочек.	Выделены зоны детского питания, одежды, тематически разделены товары для малышек, мальчиков и девочек.	Выделены зоны детского питания, одежды, тематически разделены товары для малышек, мальчиков и девочек.
Наличие дисконтных карт	имеются	имеются	собственной карты нет, но можно воспользоваться картами других детских магазинов
Места для игр, игровые приемы	Тележки выполнены в виде машинок. На входе детям раздают шарики.	Рядом с магазином построена специализированная детская площадка	Находится в торговом центре с отдельной выделенной игровой зоной
Агенты потребительской социализации	Есть продавцы-консультанты, ответственные за разные отделы, но, по отзывам покупателей, их не всегда можно быстро найти	Есть продавцы-консультанты, ответственные за разные отделы. Продавцы-консультанты активно работают с покупателями	Есть продавцы-консультанты, ответственные за разные отделы. Продавцы-консультанты активно работают с покупателями
Интерьер, музыка, видео как средства поднятия настроения	Магазин выполнен в ярких тонах, активно используется цветное зонирование, доминирующий цвет — желтый. Присутствует музыкальное сопровождение	Магазин выполнен в ярких тонах, активно используется цветное зонирование, доминирующий цвет — розовый. Присутствует музыкальное сопровождение	Магазин выполнен в ярких тонах, активно используется цветное зонирование, доминирующие цвета — голубой и желтый. Присутствует музыкальное сопровождение

Сравнив характерные черты трех выделенных сетевых детских магазинов г. Владивостока, можно сделать вывод об использовании ими одинаковых

способов организации пространства (цвета, музыка, зонирование). Однако можно заметить, что продавцы-консультанты не всегда справляются со своими функциями агентов потребительской социализации детей. В отличие от сетевых магазинов городов-мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург), детские магазины г. Владивостока по причинам меньших площадей имеют меньше возможностей для развития разных детских активностей, к примеру, игры на оборудованной детской площадке. Во Владивостоке нет примеров концентрации детских магазинов в пределах гипермаркетов, торговых центров, когда появляются дополнительные возможности для выделения пространств для детских игр, отдыха, питания и т. п.

Пока можно констатировать движение сетевых детских магазинов г. Владивостока к комплексному времяпрепровождению детей, формированию у детей благодаря профессиональной работе продавцов-консультантов новых навыков потребления: навыка формулирования требований, предъявляемых к детскому товару, как правило, игрушке; навыка получения дополнительной информации о потребительских свойствах товара; навыка сравнения схожих товаров и выбора товара, наиболее соответствующего потребительским запросам и др.

Посещая магазин, ребенок включается в мир вещей, которые становятся неотъемлемой частью его социальных отношений. Например, ребенок начинает напрямую связывать то, как сильно его любят взрослые, с тем, что и в каком количестве они для него покупают. Как отмечал Ж. Бодрийяр, одна из опасностей современного потребления заключается в том, что вещи постепенно подменяют межличностные и социальные отношения [1]. Вещи могут приобретаться не для удовлетворения конкретной нужды, а стать способом разрешения психологических и социальных проблем.

Эту компенсаторную функцию потребления активно поддерживают взрослые, когда стараются вытеснить неприятности и негативные переживания ребенка посещением детского магазина. Привычка компенсировать негативные переживания через потребление вещей становится в последующем главной моделью поведения уже взрослого человека. И здесь мы можем столкнуться с проблемой. С одной стороны, торговые сети заинтересованы в том, чтобы поскорее ввести ребенка в общество потребления, с другой стороны, это может привести к тому, что активное детское потребление трансформирует в будущем систему ценностей взрослого человека и, возможно, негативно скажется на его взаимодействиях с окружающими.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика. Культурная революция, 2006.

Е. В. Гурьева

ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТУРИСТОВ КАЧЕСТВОМ ОТДЫХА

ГУРЬЕВА Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры археологии, зарубежной истории и туризма Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия; gurlena@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются подходы к оценке удовлетворенности потребителей и качества услуг в сфере туризма, реализованных и представленных в моделях К. Гронруза, SERVQUAL-модели А. Парашурамана, В. Зайтмала, Л. Бери и HOLSAT-модель Дж. Трайба и Т. Снейта. Описаны особенности использования вышеупомянутых моделей, их ориентация на применении в сфере туризма. Нередко компании, работающие в сфере туристских услуг, испытывают потребность в исследовании потребительского поведения и ожиданий клиентов. Потребители зачастую остаются разочарованными предоставленными туристскими услугами. Происходит это по причине отсутствия или недостаточного использования современных методов исследований ожиданий и поведений клиентов. Сформулированы основные преимущества в использовании моделей оценки удовлетворенности потребителя для туристических компаний, позволяющих с помощью анкетирования определить степень удовлетворенности и ожидания клиентов, предоставленными услугами, что позволит разработать стандарты, улучшить качество предоставляемых услуг, повысить уровень сервиса, что приведет к переориентации на потребности людей и привлечению большего количества клиентов.

Ключевые слова: потребители, туризм, туристские услуги, потребительское поведение, инструменты оценки качества, потребительские практики

В настоящее время большое количество научных исследований ориентировано на изучение потребительской удовлетворенности различными видами товаров и услуг, в том числе и в сфере туризма. Для формирования туристского продукта, улучшения качества предлагаемых услуг, развития сферы туризма необходимо учитывать потребительские практики, ожидания клиентов и восприятие ими таких элементов отдыха как реклама туров, авиаперелет, принятие решения о путешествии, выбор отеля и т. п.

В целях интерпретации действий потребителей разработаны ряд моделей оценки потребительской удовлетворенности туристскими услу-

гами. Одной из них является модель, разработанная в 1984 г. американским экономистом К. Гронрузом, который ввел понятие «воспринятое качество» [1]. Для описания «воспринятого качества» необходимо учитывать наличие двух параметров: техническое качество (качество результата оказания услуг или процесса обслуживания) и функциональное качество (качество процесса взаимодействия). Функциональное качество следует определять, как потребители получили услуги, а техническое — что потребители получили при взаимодействии с туристической фирмой.

Одной из эффективных моделей, разработанной в 1985 г. А. Парашураном, В. Зайтамлом, Л. Бери, является модель SERVQUAL [2]. Данная модель по пяти параметрам измеряет качество услуг:

- осязаемость (интерьер офиса туристической фирмы, внешний вид сотрудников, наличие рекламных брошюр и т. п.);
- надежность (репутация туристической фирмы, выполнение своих обязательств и т. п.);
- реактивность (клиентоориентированность персонала, дисциплинированность и т. п.);
- компетентность (грамотное консультирование, предоставление полной и достоверной информации и т. п.);
- эмпатия (стремление сопереживать, сочувствовать и понимать клиента).

Методика модели SERVQUAL предполагает оценку качества услуг потребителями по специально разработанной анкете, включающей в себя 22 вопроса и состоящей из трех отдельных блоков. Первый блок вопросов оценивает ожидания потребителей качества предоставляемых услуг. Второй блок направлен на оценку степени важности определенных критериев услуг для потребителей. Третий блок ориентирован на измерение восприятия качества услуги клиентом. Структура первого и третьего блока является единой и включает в себя 22 вопроса, сгруппированных по 5 параметрам качества услуг:

- осязаемость — утверждения с 1 по 4;
- надежность — утверждения с 5 по 9;
- отзывчивость — утверждения с 10 по 13;
- уверенность — утверждения с 14 по 17;
- сопереживание — утверждения с 18 по 22.

Особенностью модели SERVQUAL является ее направленность на интервальный метод оценки оказываемых услуг, позволяющий измерить разницы между ожиданиями потребителей в отношении предоставленных туристских услуг и их восприятием качества сервиса. Модель позволяет провести оценку удовлетворенности потребителя туристскими

услугами, а также получить информацию об ожиданиях туристов по отношению к фирмам, функционирующим в сфере туризма.

Помимо вышеописанных моделей существуют и современные технологии, такие как австралийская HOLSAT-модель [3]. Данная модель разработана в 1998 г. исследователями Т. Снейтом и Дж. Трайбом, изначально применена в 2001 г. в качестве инструмента для оценки степени удовлетворенности путешествиями во Вьетнам австралийских туристов. Разработана HOLSAT-модель в целях проведения анализа ожиданий туристов и их итоговой оценкой совершенной поездки. Данная модель основана на пяти элементах:

- привлекательность (факторы, привлекающие туристов для совершения поездки в определенную местность);
- досуговые мероприятия (развлекательные программы и рекреация);
- размещение (стандарты и виды средств размещения);
- дополнительный сервис (возможность осуществлять покупки, помещать салон красоты в месте отдыха и т. п.);
- доступность (медицинская страховка, получение визы и т. п.).

HOLSAT-матрица содержит два поля: «Выигрыш» (показывает уровень удовлетворения туристских ожиданий) и «Поражение» (отражает уровень неполучения потребителями желаемого сервиса, услуг и впечатлений). Указанные поля разделяются диагональной линией в 45 градусов на матрице. Данная матрица позволяет представить визуально положительные и негативные элементы для каждой услуги, входящей в турпакет (питание, рекреация, размещение и т. п.).

С помощью анкетирования и применения моделей оценки потребительской удовлетворенности компании, работающие в сфере туризма, могут анализировать качество предоставляемых услуг и улучшать свою деятельность, а именно:

- понимание ожиданий потребителей туристских услуг;
- предоставление реальной рекламной информации об имеющихся услугах;
- внедрение стандартов обслуживания;
- предоставление услуг согласно внедренным стандартам обслуживания.

Оптимизация своей деятельности позволит компаниям, работающим в туристской сфере улучшить свой имидж, переориентироваться на потребности потребителей и привлечь большее количество клиентов.

Список источников

1. Gronroos C., A Service Quality Model and its Marketing Implications// European Journal of Marketing, Vol. 18. No 4. 1984.

2. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. SERVQUAL: a Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality // Journal of Retailing. Spring, 1988.
3. Tourism Management in the 21st century / Edited by P.R. Chang. N.Y.: Nova Science Publishers Inc., 2007. P. 87—88.

Н. П. Старых

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

СТАРЫХ Наталья Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социология и информационные технологии ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Среднерусский институт управления — филиал, Орел, Россия; npstaryh@rambler.ru

Аннотация. В эпоху экономической нестабильности страны особую значимость приобретает исследование потребительского поведения. Потребительское поведение — это процесс формирования спроса покупателей, осуществляющих выбор товаров с учетом цен и собственных денежных доходов. Однако поведение каждого отдельного потребителя уникально, так как имеет множество аспектов, которые зависят от его индивидуальных физиологических и психологических особенностей, социального окружения и статуса, прошлого опыта, а также специфики той или иной ситуации, и его состояния на данный момент времени. В связи с чем актуальность приобретает выяснение особенностей современных факторов повседневной жизни человека, влияющих на его потребительское поведение. В частности экономические изменения, происходящие в обществе. В докладе внимание акцентировано на потребительских настроениях россиян в условиях экономического кризиса. Выводы и основаны на вторичном анализе эмпирических исследований ведущих социологических центров России.

Ключевые слова: потребитель, потребительское поведение, потребительские настроения, экономический кризис

В настоящее время изучение потребительского поведения стало одним из востребованных направлений социологических исследований. Социологическое изучение потребительского поведения направлено не только на анализ цены и полезности товара или услуги, но и на учет влияния статусных позиций потребителя, его самоидентификации в социально-классовой структуре, культурных и ценностных установок. Особую актуальность изучение потребительского поведения приобретает в условиях экономического кризиса, поскольку именно под воздействием изменений материального положения населения, их уровня жизни, так или иначе, происходит изменение потребительского поведения граждан.

Поведение потребителя зачастую во многом определяется потребительскими настроениями, связанными с оценкой стабильности мате-

риального положения семьи, экономических условий в стране в целом в настоящее время и в ближайшей перспективе, возможностей совершения крупных покупок.

Стабильность материального положения семьи в условиях экономического кризиса во многом зависит от цен на основные потребительские товары и услуги. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) большинство россиян считают, что цены на основные потребительские товары и услуги будут расти. Причем на основании данных, представленных в табл. 1 можно отметить, уверенность в росте цен сохраняется в течение последних четырех лет. Однако необходимо отметить, что в феврале 2016 г. наметилось снижение до 41 % числа россиян, считающих, что цены на основные товары и услуги серьезно вырастут и рост числа россиян, считающих, что цены вырастут не значительно — 43 %.

Таблица 1. Изменение цен на основные потребительские товары и услуги в ближайшие один-два месяца¹

Вариант ответа	Январь 2013	Декабрь 2013	Январь 2014	Декабрь 2014	Январь 2015	Декабрь 2015	Февраль 2016
Серьезно вырастут	52	51	49	63	47	54	41
Незначительно вырастут	37	35	35	27	35	36	43
Останутся на нынешнем уровне	8	9	10	7	10	5	9
Незначительно снизятся	1	0	0	1	2	1	1
Серьезно снизятся	0	0	0	0	1	1	0
Затрудняюсь ответить	3	4	5	3	5	3	6

Наличие и влияние экономического кризиса на россиян можно проследить, опираясь на данные Всероссийского исследования Gf K. По результатам исследования в ноябре 2014 г. кризис непосредственно за-

¹ Таблица составлена по данным опросов ВЦИОМ, URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=888&q_id=61654&date=13.01.2013 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=942&q_id=64764&date=21.12.2013 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=946&q_id=64959&date=26.01.2014 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=997&q_id=68603&date=14.12.2014 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1007&q_id=69247&date=25.01.2015 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1053&q_id=72768&date=13.12.2015 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1060&q_id=73292&date=28.02.2016.

тронул относительно небольшую часть россиян — 16 %. В 2015 эта доля выросла до 45 %, а в феврале 2016 составляла уже 56 %. Далее доля тех, кого затронул кризис, начала медленно падать, так как в апреле 2016 она составила 53 %, а в июле 2016—46 % [1]. Что, по мнению экспертов, свидетельствует не о снижении кризисных явлений, а о том, что российский потребитель привыкает к жизни в условиях экономического кризиса.

Потребительские настроения россиян относительно их готовности совершать крупные покупки и брать кредиты, представлены в таблицах 2 и 3 соответственно.

Таблица 2. *Время для совершения крупных покупок*¹

Вариант ответа	Март 2009	Сентябрь 2010	Июль 2011	Сентябрь 2012	Август 2013	Сентябрь 2014	Август 2015	Август 2016
Скорее хорошее	32	31	32	38	46	36	18	24
Скорее плохое	48	52	50	48	38	50	64	60
Затрудняюсь ответить	20	17	18	14	16	14	18	16

Таблица 3. *Время, чтобы брать кредиты*²

Вариант ответа	Август 2009	Сентябрь 2010	Июль 2011	Сентябрь 2012	Август 2013	Сентябрь 2014	Август 2015	Август 2016
Скорее хорошее	11	20	21	24	25	23	9	9
Скорее плохое	73	64	64	63	61	63	77	79
Затрудняюсь ответить	16	16	15	13	14	14	14	12

¹ Таблица составлена по данным опросов ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3204. Потребительские настроения россиян: осторожный оптимизм [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115877>.

² Таблица составлена по данным опросов ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3204. Потребительские настроения россиян: осторожный оптимизм [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115877>.

Как показано в табл. 2, большинство россиян считают, что настоящее время скорее неблагоприятно для совершения крупных покупок. Причем данная тенденция достаточно устойчива, так как сохраняется на протяжении восьми лет, относительно благоприятным временем для совершения крупных покупок, по мнению россиян, было только 2013 г.

По данным ВЦИОМ, начиная с 2009 г. большинство россиян считают настоящее время неблагоприятным для того, чтобы брать кредит. Данные таблицы 3 свидетельствуют, о том, что 2015 г. и 2016 г. стали наиболее плохим временем, по мнению большинства, для того, чтобы брать кредит.

Результаты социологических исследований потребительских настроений позволяют предположить, что в ближайшее время россияне будут склонны к более экономному потребительскому поведению и к сбережению имеющихся средств (табл. 4).

Таблица 4. **Время для того, чтобы тратить, или для того, чтобы сберечь**¹

Вариант ответа	Август 2015	Декабрь 2015	Январь 2016	Август 2016
Сейчас лучше побыстрее потратить зарплату или пенсию на необходимые покупки, а сбережения — побыстрее вложить во что-нибудь ценное	27	27	28	27
Сейчас лучше тратить по минимуму, стараясь сохранить максимально возможную сумму на будущее	58	59	61	61
Затрудняюсь ответить	15	14	11	12

Стремление к более экономному потребительскому поведению россиян подтверждается и данными Всероссийского исследования GfK, представленными на официальном сайте компании. По мнению Александра Демидова, автора обзора «Российский потребитель 2016» российские потребители привыкают к кризису. Большинство граждан в 2016 г. продолжает отказываться от многих привычных приобретений и экономить на всем. 75 % россиян заявляли о готовности отказаться от планируемых покупок товаров. По данным потребительской панели GfK, падает потребление мяса в натуральном, и в стоимостном выражении. Также наблюдается продолжение падения потребления рыбы и морепродуктов.

¹ Таблица составлена по данным опросов ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3204 Потребительские настроения россиян: осторожный оптимизм [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115877>.

Снижается потребление сладостей, хлебобулочных изделий и бакалеи. Наибольшую экономию российский потребитель стремится получить за счет сокращения посещений салонов красоты, покупок бытовой техники, автомобилей и косметики. По-прежнему остается актуальным совершение покупок там, где подешевле. Поиск приемлемой цены привлекает внимание россиян обращать к скидкам и промоакциям [1].

Таким образом, можно отметить, что в условиях экономического кризиса потребительские настроения россиян связаны с экономным потребительским поведением, с накоплением и со сбережением имеющихся денежных средств.

Список источников

1. Демидов А. Российский потребитель 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2016/GfK_Rus_Report_Russian_Consumer_and_Crisis_2016.pdf.

26. Рынок исследований

Ю. А. Кот, Е. С. Петренко, Л. А. Паутова, Е. В. Богомолова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ БИЗНЕС. НАСТРОЕНИЯ-2017 (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПАРТНЁРОВ ФОМ)

КОТ Юлия Александровна — ведущий специалист, Фонд «Общественное мнение», г. Москва, Россия; kot@fom.ru

ПЕТРЕНКО Елена Серафимовна — кандидат философских наук, директор по науке, Фонд «Общественное мнение», г. Москва, Россия; petrenko@fom.ru

ПАУТОВА Лариса Александровна — доктор социологических наук, управляющий директор, Фонд «Общественное мнение», г. Москва, Россия; pautova@fom.ru

БОГОМОЛОВА Екатерина Вячеславовна — старший специалист, Фонд «Общественное мнение», г. Москва, Россия; bogomolova@fom.ru

Аннотация. Сейчас исследовательская отрасль переживает период быстрых методологических и технологических перемен. И в ответ на эти изменения среды меняется и поведение компаний на рынке. До недавнего времени любая компания, оценивая успешность своей деятельности, ориентировалась на величину получаемой прибыли, однако сегодня этот критерий уже не работает. Сегодня мы наблюдаем, что исследовательские компании идут по пути «игроков» из других сфер бизнеса и расширяют сферу своих интересов: сначала их интересовали только продукты, потом — потребители, а теперь в фокус их внимания приходят проблемы человечества. На этом этапе жизненно важным условием развития становится необходимость постоянно быть в курсе положения дел на рынке, формировать и направлять целевым аудиториям нужные информационные потоки, компании рассматриваются уже не как самостоятельные, отдельные организации, работающие в конкурентном мире, но как сообщество лояльных партнеров. В докладе будут рассмотрены результаты экспертного опроса руководителей региональных партнеров ФОМ: о проблемах исследовательской отрасли и путях их решения, целях региональных компаний на ближайшие три года, роли профессиональных объединений в деятельности компаний и предпочтительных каналах коммуникаций внутри сообщества.

Ключевые слова: региональный исследовательский бизнес, экспертный опрос, профессиональные объединения, рынок исследований

Введение. О проекте

Сейчас исследовательская отрасль переживает период быстрых методологических и технологических перемен: меняется макроэкономическая среда, и, как следствие, меняется и поведение потребителей, что в свою очередь приводит к изменению поведения компаний.

За последние 60 лет во всех бизнес-отраслях (и исследовательская отрасль не исключение) наблюдается стремительное изменение маркетингового поведения компаний. Оно перешло от версии, в которой главное место отведено продукту («маркетинг 1.0»), к версии, где в центре внимания находится потребитель («маркетинг 2.0»). А сегодня в ответ на новые изменения среды мы видим еще один переходный этап. Компании расширяют сферу своих интересов: теперь в фокусе их внимания находятся проблемы человечества. Этот этап, когда компании переходят от ориентации на потребителя к ориентации на человека и когда погоня за рентабельностью сочетается с корпоративной ответственностью, принято называть «Маркетинг 3.0» [1].

На этом этапе компании рассматриваются не как самостоятельные, отдельные организации, работающие в конкурентном мире, но как сообщество лояльных партнеров; в их число входят служащие, распространители, продавцы, поставщики. Если компания выбирает своих партнеров тщательно, если цели всех сторон совпадают, если вознаграждения распределяются честно и служат хорошим стимулом для работы, то компания вместе со своими партнерами становится мощным игроком конкурентного рынка. Однако такое возможно только при условии, что у компании и членов ее команды общие миссия, видение и ценности. В этом случае все члены команды действуют в унисон для достижения общей цели.

До недавнего времени любая компания, оценивая успешность своей деятельности, ориентировалась на величину получаемой прибыли, однако сегодня этот критерий уже не работает. Жизненно важным условием развития становится необходимость постоянно быть в курсе положения дел на рынке, формировать и направлять целевым аудиториям нужные информационные потоки. Поэтому в 2016 году Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) запустил комплексную программу «репутационного аудита». Цель программы — понять текущее положение дел в отрасли и получить реальную картину коммуникационного поля, в котором существует компания, чтобы иметь возможность скорректировать направления развития и найти новые форматы работы.

Частью программы «репутационного аудита» стал экспертный онлайн опрос представителей региональных партнеров ФОМ. Основные задачи опроса — получение информации о непосредственном взаимодействии региональных партнеров с ФОМ (степень удовлетворенности и вовлеченности их в основные направления деятельности ФОМ), так и на выявление актуальных проблем компаний и степени удовлетворенности положением дел в отрасли в целом.

Экспертный опрос проходил в декабре 2016 года — январе 2017 года. Анкета была отправлена по электронной почте в 68 организаций, с которыми ФОМ сотрудничает регулярно. Опрашивались компании, специализирующиеся как на количественных, так и на качественных методах исследований, в том числе колл-центры. Вопросы предназначались руководителям организаций, так как многие темы, затрагиваемые в анкете, касались стратегии развития и ситуации на рынке.

Предварительные результаты. Какие основные задачи развития ставят компании на ближайшие три года?

В ходе проведенного опроса было получено 47 заполненных анкет. В исследовании приняли участие представители столичных (Москва и Санкт-Петербург) и региональных исследовательских центров из разных городов России: Краснодар, Белгород, Казань, Саратов, Нижний Новгород, Архангельск, Пермь, Екатеринбург, Ижевск, Курган, Махачкала, Самара, Кострома, Чита, Новосибирск, Томск, Биробиджан, Владикавказ, Тверь, Брянск, Омск, Чебоксары, Великий Новгород, Ульяновск, Владивосток, Ярославль, Курск, Йошкар-Ола, Магадан, Симферополь, Волгоград, Уфа, Воронеж, Новосибирск, Владимир, Красноярск, Кемерово, Калининград, Иркутск.

Стоит отметить, что с учетом небольшого объема выборки результаты статистического анализа носят по большей части иллюстративный характер, и их следует рассматривать, обращая внимание в первую очередь на структуру распределения, чем на конкретные числовые значения.

Предварительный анализ результатов показал, что среди опрошенных компаний большинство (26 компаний) сегодня в целом довольны тем, как обстоят дела в их компаниях, и какое положение они занимают на рынке.

Данные открытого вопроса показали, что заметное большинство участников исследования в качестве приоритетных задач на ближайшие три года ставят развитие своего бизнеса в целом или отдельных его составляющих:

1. «расшириться» (открытие нового офиса в соседнем регионе, открытие нового офиса в своем регионе, увеличение количества проектов, увеличение штата сотрудников, выход на европейские рынки) стремятся 29 компаний;

2. «обновить материально-техническую базу» (улучшение инфраструктуры, переоборудование офисов, программная модернизация, переход к опросам на планшетах) планируют 9 компаний;
3. «улучшить качество продукта» — 7 компаний;
4. представитель одной компании сказал о цели «работать над имиджем компании»;
5. в еще одной — ставят цель «популяризация социологических и маркетинговых исследований».

Однако о развитии думают далеко не все компании, для 18 компаний основной задачей на ближайшие три года является «остаться на рынке» (не закрыться, найти новую финансово устойчивую нишу, приспособиться к изменившимся условиям, найти новое/дополнительное направление деятельности).

ФОМ стремится понять, чем мы можем помочь нашим коллегам в решении проблем развития бизнеса и налаживании коммуникаций между компаниями внутри отрасли.

В докладе также будут рассмотрены мнения руководителей компаний: о проблемах исследовательской отрасли и путях их решения; что дает компаниям участие в профессиональных объединениях, ассоциациях; какие каналы коммуникации предпочитают представители сообщества и можно ли сказать, что на рынке существует «информационный голод».

Список источников

1. Котлер Ф. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее — к человеческой душе. Эксмо, 2011
2. Асаул А.Н., Асаул М.А., Ерофеев П.Ю., Ерофеев М.П. Культура организации: проблемы формирования и управления. СПб. : Гуманистика, 2006.

В. В. Токарев

ВНЕШТАТНЫЕ СОТРУДНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ: МОТИВАЦИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ

ТОКАРЕВ Василий Владимирович — кандидат технических наук., доцент, генеральный директор ЗАО ЦСМИ «Аналитик», г. Волгоград, Россия; vasily-tokarev@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты инициативного исследовательского проекта «Внештатные сотрудники исследовательских компаний: мотивация и удовлетворенность». Проект проводится Ассоциацией «Группа 7/89», начиная с 2012 года.

Ключевые слова: удовлетворенность, внештатные сотрудники, Ассоциация «Группа 7/89», методика Ф. Райхельда

Исследование «Мотивация и удовлетворенность внештатных сотрудников исследовательских компаний» (кратко — «ИнтерОпрос») — инициативный проект Ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89». Проект проводится ежегодно, начиная с 2012 года (в настоящее время проводится шестая волна исследования). В рамках исследования компании, входящие в Ассоциацию «Группа 7/89», проводят сплошной опрос внештатных сотрудников, работающих с компанией. Основные характеристики исследования могут быть описаны в следующих предложениях:

Цель исследования: Получение социальной информации, необходимой для оптимизации работы с внештатными сотрудниками региональных исследовательских компаний.

Основные задачи: Оценка показателей динамики удовлетворенности и лояльности внештатных сотрудников исследовательских компаний, входящих в «Группу 7/89»; отладка технологии оценки, допускающей проведение сравнительных исследований удовлетворенности сотрудников (как «во времени», так и «в пространстве»).

Объект и предмет исследования: Объект исследования — внештатные сотрудники региональных исследовательских компаний, входящих в «Группу 7/89». Предмет исследования — оценка удовлетворенности и лояльности сотрудников, оценка отношение внештатных сотрудников компаний к своей работе и к компании-работодателю в целом.

Методика сбора информации: Индивидуальный анкетный опрос с использованием формализованного инструментария (в 2017 году в ряде компаний используется технология CAWI).

Принципы формирования выборки: Сплошной отбор. В каждой из компаний, участвующих в исследовании, в течение определенного периода (как правило — один месяц) опрашиваются все внештатные сотрудники, лично обращающиеся в организацию. Срок проведения полевого этапа исследования, как правило, март–май (даты старта и финиша проекта различаются в разных организациях и зависят от загрузки компании и графиков реализации проектов).

Число участников и объем выборки: В разных волнах исследования в проекте принимало участие от 19 до 27 компаний. Опросом было охвачено от 24 до 29 городов. Общий массив исследования одного года составляет от 943 до 1290 анкет в одной волне.

Особенности методики: Несмотря на то что инструментарий исследования изменялся от волны к волне, его «ядро» во всех случаях составляла методика оценки удовлетворенности и чистой поддержки Ф. Райхельда. В волне 2016 года традиционный количественный компонент был дополнен качественным исследованием (была проведена серия глубинных интервью с менеджерами полевых проектов).

Представление результатов: Основным инструментом представления результатов исследования стали вебинары. Ежегодно (как правило, в сентябре) Ассоциация «Группа 7/89» проводит открытый вебинар, на котором представляются основные результаты проекта «ИнтерОпрос». В качестве слушателей в вебинаре принимают участие не только члены Ассоциации, но и иные компании и специалисты, работающие на рынке PO&MR.

Результаты проекта «ИнтерОпрос-2016», в котором приняли участие 22 исследовательские компании из 25 городов, опросившие в совокупности 1140 внештатных сотрудников (интервьюеров, рекрутеров, операторов CATI), позволяют сделать следующие выводы:

1. Нет оснований говорить о том, что общая удовлетворенность внештатных сотрудников от волны к волне сколько-нибудь серьезно меняется. Эффект «постоянства удовлетворенности», в целом, — положительная тенденция. Изменение рынка и технологий, усложнение проектов, кризис в экономике — все это могло бы привести к снижению удовлетворенности.

2. Характерной тенденцией последних лет является некоторое снижение удовлетворенности внештатных сотрудников, не специализирующихся на «регулярных проектах» (не являющихся операторами CATI и интервьюерами на маршрутных опросах). Удовлетворенность операторов CATI нестабильна, однако имеет тенденцию к повышению.

3. Между компаниями, принимавшими участие в исследовании, существуют весьма заметные различия в показателях удовлетворенности внештатных сотрудников. Однако для интерпретации причин снижения

или повышения удовлетворенности «на уровне одной компании» необходимо привлечение информации, которой обладают только руководители компаний в регионах и не обладают организаторы общероссийского исследования.

Значительный практический интерес, на наш взгляд, представляет анализ ответов респондентов на группу «открытых» вопросов, относящихся к анализу причин удовлетворенности / неудовлетворенности работой. Всего в инструментарий исследования в 2016 году было включено четыре подобных вопроса, ответы на которые обрабатывались «единым массивом». Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы:

1. В отношении интервьюеров, работающих на маршрутных опросах, справедливо следующее утверждение: тем, кто доволен работой (группа «промоутеров» в терминах Ф. Райхельда), важны не только деньги, но и многое другое (свободный график, объем загрузки, четкость организации работы и т. д.). Те, кто не удовлетворен работой, практически всегда недовольны из-за низкой (с их точки зрения) оплаты труда.

2. Для операторов САТІ, удовлетворенных своей работой и относящихся к группе «промоутеров», на первом месте по важности стоит «график» (свободный), и почти так же, как деньги, важны условия и содержание труда. Основной причиной неудовлетворенности детракторов из числа операторов САТІ (так же, как и для интервьюеров на маршрутах) является уровень оплаты труда.

3. Для «промоутеров» из числа «прочих категорий» внештатных сотрудников (все категории, кроме «интервьюеров на маршрутах» и «операторов САТІ») относительно большее значение имеет «система выплат», возможность регулярно выполнять большой объем работ («загрузка проектами»), а также — «трудовой коллектив» как среда общения и референтная группа.

4. Для значительной части внештатных сотрудников работа в исследовательской компании — это подработка, дополнение к «другой работе». Для «промоутеров» из числа интервьюеров на маршрутах и «прочих категорий» «другая работа» чаще всего связана с коммуникациями (продавец, преподаватель, менеджер и т. д.). Для «детракторов» «другая работа» — это чаще всего работа интервьюера (как правило, в другой исследовательской компании).

5. Для операторов-«промоутеров» «другая работа» — это, как правило, «прошлая работа» (для многих операторов работа в исследовательской компании — основная или единственная). Здесь наблюдается заметно большее разнообразие и нет явного перевеса в сторону «коммуникационных» профессий. Операторы-детракторы в прошлом, как правило, уже работали операторами или выполняли более квалифицированную работу, чем «промоутеры» (бухгалтер, преподаватель).

Ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89» приглашает коллег (в первую очередь — региональные исследовательские компании, занимающиеся организацией полевых работ) к участию в проекте «ИнтерОпрос». Массив проекта «ИнтерОпрос» (как массив последней волны, так и агрегированный массив, включающий в сопоставимой форме результаты всех волн исследования) находится в открытом доступе и предоставляется заинтересованным исследователям по запросу.

27. Быть этичным проблематично?

Н. П. Шукина

К ВОПРОСУ О ДИЛЕММЕ МОЛЧАНИЯ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

ШУКИНА Нина Петровна — доктор социологических наук, профессор, Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия; nina_shukina@mail.ru

Аннотация. В данной работе речь идет о развитии государственно-церковного взаимодействия с акцентом на региональной практике такого взаимодействия. Проблематизируются эффективность растущего бюджетного финансирования религиозных организаций, формы сотрудничества образовательных организаций с Русской православной церковью, обозначаются этические дилеммы такого сотрудничества.

Ключевые слова: дилемма, молчание, постсекулярное общество, духовно-нравственное образование и воспитание, социальные программы, бюджетирование социальных программ

С 1990-х годов осуществлены кардинальные изменения во всех сферах жизни российского общества, включая духовную. Происходит возрождение Русской православной церкви (других религий), включая восстановление и строительство монастырей, храмов, учебных заведений, благотворительных учреждений. Данная тенденция находит отражение в исследовательских практиках, растущем внимании социологов к таким направлениям исследований, как «Религия и неравенство», «Вызовы современной социологии религии», «Религия и конфликт», «Современные инновации религиозного поля в России», нашедшим отражение в материалах последнего Всероссийского социологического конгресса.

Усиление роли и влияния религии в современном российском обществе проявляется и в растущем бюджетном финансировании деятельности Русской православной церкви (далее — РПЦ): строительства храмов и монастырей, образовательных организаций, включая вузы и некоммерческие фонды, осуществляющие обучение детей по программам дополнительного образования. Нарастает вмешательство церкви практически во все сферы общественной жизни, что выражается в политизации и коммерциализации религии. Актуализируется тема вмешательства церкви в деятельность светского государства.

Воспользуемся стратегией кейс-стади и методами наблюдения и анализа документов при проблематизации темы, заявленной в названии данной работы. При этом в качестве кейса выступает Самарская область, на протяжении ряда лет выступавшая в качестве региона модерниста и пилотной площадки по внедрению в жизнь разного рода инноваций. Что касается наблюдения, то оно ведется за взаимодействием власти и общественности на поле публичных слушаний по региональному бюджету с конца 2009 г. при проигрывании нами роли общественного эксперта.

Заметим, что в западных странах с 1960-х гг. получают развитие «бюджеты участия» в связи с неспособностью власти в значительной степени отражать интересы граждан. В России же институтом включенности населения в бюджетный процесс все активнее выступают публичные слушания по ключевым вопросам социального развития (далее — ПС), в фокусе нашего внимания — по региональному бюджету, на которые выносятся, в том числе, вопросы результативности реализуемых программ, социальной политики в целом как практической социологии (П. Сорокин).

Обозначим ряд факторов и конструкторов, создаваемых официальными акторами региональной социальной политики, позволяющих проблематизировать светский характер деятельности государства, региональной образовательной политики в том числе.

Так, в Самарской области даже в условиях дефицитного областного бюджета в 1,5 млрд руб. в 2014 г. только одно министерство социально-экономического развития, инвестиций и торговли (далее — МЭРИИТ) на строительство разного рода религиозных организаций выделило, согласно реестру расходных обязательств, 473988 100 руб. (изначально планировалось менее 300 млн руб.) при общих расходах министерства в 4931 252950 руб. [1]. Примечательны статьи расходов, включающие в себя строительство Православного института в г. Тольятти, проектирование и строительство Храма Серафима Саровского, проектирование и строительство Духовно просветительского центра Кирилло — Мефодиевского собора г. Самары с соответствующим распределением бюджетных средств в 210, 155 и 22, 7 млн руб. В 2015 г. в условиях жесткого бюджета сохраняется та же тенденция финансирования строительства, не реставрации зданий, являющихся памятниками истории и культуры, что законно, а строительства культовых зданий наряду с Православным институтом: выделено соответственно на названные выше организации 75; 18, 2 и 1, 5 млн руб. В целом в 2015 г. МЭРИИТ выделил религиозным организациям 123 млн руб. Ключевые слова в обосновании расходов МЭРИИТ — «строительство» [1], в то время как такая статья расходов в бюджете светского государства не предусмо-

трена: ни согласно Конституции РФ, ни согласно ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

Что касается регионального министерства образования и науки (далее — МОиН), то для финансирования им только одной организации — некоммерческого фонда «Детский епархиальный образовательный центр (далее — НФ ДЕОЦ) характерен рост с 32,8 млн руб. в 2012 г. до 88,4 млн руб. в 2015 г. [2]. Примечательно, что финансирование всех других некоммерческих организаций (далее — НКО) в разы меньше, причем религиозные организации в соответствии с законодательством — в числе НКО, однако в реестрах бюджетных расходов МОиН, например, они прописываются отдельной строкой.

Другой фактор — освоение представителями региональных министерств таких терминов и словосочетаний, как «церковно- государственные мероприятия», «окормление образовательных учреждений», «празднование Светлого Христова Воскресенья — Пасхи» используемых ими соответственно на ПС и в документах о сотрудничестве, реестрах расходных обязательств, а также портале регионального Правительства, других официальных текстах [3], позволяющие солидаризироваться с точкой зрения о процветании официальной религии — православия — и сращивании государства с церковью [4, с. 29]. Так, в реализуемой с 2012 г. МОиН программе долгосрочного сотрудничества с Самарской митрополией РПЦ до 2017 г. представлены такие мероприятия, как «организация детских православных клубов» на базе мужского монастыря (п. 2.4), «окормление образовательных учреждений», подведомственных МОиН, священниками близлежащих приходов (п. 2.1), «разработка паломнических маршрутов по святым местам Самарской области» (1.11), [3]. В этой связи заметим, что монастырь — это «религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой отдельную церковно-хозяйственную организацию» [5]. К тому обозначенный нами монастырь размещен в селе Винновка, с численностью населения менее 100 чел. [6]. Что касается окормления, то это — наставление духовного лица мирянину, ведение его духовным путем, путевождение, управление [7]. В свою очередь, паломничество — это странствие верующих для поклонения святым местам (у христиан в Иерусалим, Рим, у мусульман в Мекку и др.) [8].

В силу сказанного выше, не логичным ли выглядит становление института кураторов при образовательных учреждениях, в роли которых выступают священники. Со ссылкой на названную выше программу сотрудничества МОиН и Самарской митрополии РПЦ, постулируется, закрепление за каждой школой священника-куратора [9]. Проводятся совещания Самарской митрополии РПЦ с директорами школ г. Самара, начинающиеся с молебна, на которых священнослужители выступают

с темами воспитания «верноподданных» [10]. Кстати сказать, именно автор такого выступления является и автором «Православной педагогики», рекомендуемой НФ ДЕОЦ в качестве методического пособия для педагогов. Во введении к нему читаем, что в современном мире сосуществует большое количество разнообразных вероисповеданий и религиозных учений. «Духовно неопытный человек, будучи не в силах разобраться в их истинности и ложности, защищается от них, и такая защитная реакция может привести к атеизму, который является не столько отрицанием бытия Божия и реальности духовного мира, сколько попыткой устраниться от проблемы выбора» [11, с. 10]. Иными словами, атеизм — это результат духовной неопытности человека, результат устранения от проблемы выбора? Но разве не в светском государстве мы живем? Разве отменена статья 14 Конституции РФ о светском характере государства? Не является ли процитированный текст нарушением права каждого россиянина на свободу совести и вероисповедания, гарантируемыми российским законодательством [12, ст. 3.4]?

Возвращаясь к теме воспитания «верноподданных, заметим, что если верноподданный — это слуга, верность своему государю, монархическому строю, то в анализируемом случае о верности кому идет речь? И в чем смысл использования священнослужителем именно этого термина?

В силу сказанного выше, не логичным ли выглядит и факт размещения на сайте ДЕОЦ в рубрике «Независимая система оценки качества образования» ряда анкет: для общественности, родителей и учащихся с призывом ответить на вопросы о деятельности учреждений дополнительного образования. Постулируется, что такое анкетирование «позволит провести действительно независимую оценку качества образовательной деятельности, получить более точную информацию о проблемах, возникающих при организации дополнительного образования детей в Самарской области» [13]. Примечательна и анкета, в инструкции по заполнению которой читаем, что респондент в затруднительных случаях «может воспользоваться мнением тех людей, кто обладает необходимой информацией», и мнению которых он доверяет (например, детей, посещающих учреждение дополнительного образования). Вопрос: в каком качестве в данном случае выступает НФ ДЕОЦ, явно не социолога и явно не уполномоченного МОиН органа, уже в силу того, что инструмент такого опроса страдает целым рядом изъянов структурного и содержательного плана? Но тогда возможно ли в принципе воспользоваться результатами такой «независимой экспертной» оценки?

Продолжая рассмотрение темы, заявленной в данном тексте, обратим внимание и на такой факт — не логично ли звучащий — в обозначенном выше контексте, как заявление представителя Самарской епархии на ПС

от 5.05.2016 г., что НФ ДЕОЦ «бесплатно» обучает детей по программам дополнительного образования. Тем не менее, вопрос: бесплатно для кого? Из областного бюджета на эти программы, результативность которых на протяжении последних трех лет подвергается сомнению на ПС, ежегодно, повторим, идет до 100 млн руб.

И тогда «нужна ли школе «светская этика»? Зададимся этим вопросом вслед за протоиереем Б. Пивоваровым [14]. Действительно, нужна ли, если в регионе, повторим, создан институт кураторства при образовательных организациях, деятельность которого осуществляется священнослужителями, если в Духовной семинарии проводятся семинары не с участием, а для руководителей образовательных учреждений по проблемам духовно-нравственного просвещения и образования детей и молодежи [15], если духовно — нравственное образование по сути отождествляется с православным [16]. Наряду с этим происходит освящение дорог, и в результате постулируется сотрудниками ГИБДД сокращение аварий [17]. При этом акцент делается на программы профилактики дорожно-транспортных происшествий. Вопрос: какие это программы? Если речь идет об областных программах, то ни в программе безопасности дорожного движения, закончившей действие в 2014 г., ни в программе «Развитие транспортной системы Самарской области на 2014—2025 г.», такие мероприятия не предусмотрены.

Резюмируя сказанное выше, зададимся ключевым для нас вопросом: социальное молчание в светском государстве относительно фактического сращивания органов власти и церкви, а также фактического отождествления духовности и православия обусловлено принятием такого положения дел как значимого и необходимого или данное молчание обусловлено стремлением сохранить свой внутренний мир, внутреннюю свободу пониманием того, что запущенный механизм, повторим, формирования «верноподданных» уже не остановить? Возможно, стоит вести речь не о дилемме, а дилеммах социального молчания в условиях турбулентного социума?

Список источников

1. Реестры расходных обязательств регионального министерства экономического развития, инвестиций и торговли за 2014—2015 г.; общественные слушания от 05.05.2016 г. в данном министерстве. Сайт министерства. URL: <http://economy.samregion.ru/>.
2. Реестры расходных обязательств регионального министерства образования и науки за 2012—2016 г. // Сайт министерства. URL: <http://educat.asurso.ru/>.
3. Программа долгосрочного сотрудничества министерства образования и науки Самарской области и Самарской митрополии Русской

Православной Церкви до 2017 г. Предоставлена общественным экспертам МОиН, при подготовке к ПС в 2015 г. по их запросу; сайт регионального правительства. URL: http://www.samregion.ru/press_center/news/01.02.2013/date/1/65814/.

4. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2.

5. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1990.

6. Численность и размещение населения Самарской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник. Самара : Самарстат, 2012. Табл. 16.

7. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). URL: http://spiritual_culture.academic.ru/ (дата обращения: 23 мая 2016 г.).

8. Большой энциклопедический словарь. 2012. URL: <http://slovar.cc/enc/bolshoy/2108243.html>.

9. Самарская епархия. Информационная справка. URL: http://samara.orthodoxy.ru/content/life_of_the_diocese/news/news.php?ID=3033.

10. Порядок проведения совещания с директорами школ г. Самара. 24.09.2014. URL: <http://oroiksamara.ru/images/pdf/%201%20.pdf> (дата обращения: 23 мая 2016 г.).

11. Шестун Е. Православная педагогика. Самара : ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998. URL: http://otechnik.narod.ru/shestunp_1.htm (дата обращения: 23 мая 2016 г.).

12. О свободе совести и о религиозных объединениях. ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=law; n=16218> (дата обращения: 23 мая 2016 г.).

13. НФ ДЕОЦ. URL: <https://nsoko.asurso.ru/index.php?r=dod16> (дата обращения: 21 мая 2016 г.).

14. Пивоваров Б. Нужна ли школе «светская этика»? Адресуется всем православным учителям и родителям. URL: <http://www.pravoslavie.ru/51477.html>.

15. БЕЗ ФОРМАТА.РУ. URL: <http://samara.bezformata.ru/listnews/informatcionnaya-spravka/10514495/> (дата обращения: 24.05.2016 г.).

16. Шукина Н. П. Конструирование духовно-нравственного образования как православного в официальном дискурсе // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 184—197.

17. Самарское ГИБДД: после освящения дороги число аварий резко сократилось // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/accidents/2125800.html>.

Е. В. Князева

ОСТОРОЖНО, ДЕТИ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ С ДЕТЬМИ

КНЯЗЕВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, директор социологического центра «Пульс», г. Одесса, Украина; knyazeva.elena@bk.ru

Аннотация. Многие из этических вопросов, которые относятся к взрослым в равной степени могут быть отнесены и к детям. Автор фокусирует внимание исследователей на этических нормах и принципах исследований с детьми. Особое внимание уделяется трудностям, с которыми приходится сталкиваться исследователям при проведении исследований среди детей и с детьми.

Ключевые слова: дети, этика, информированное согласие, онлайн-исследования

В современных социальных и маркетинговых исследованиях значительное место отводится опросам среди детей. Формы и методы таких исследований полностью легитимны, но требуют от исследователей особой тщательности в соблюдении этических норм (см. пункт 6 правил Международного кодекса ESOMAR). В научной литературе широко обсуждаются вопросы этики социальных исследований с детьми. Особенно актуальны эти вопросы в таких научных направлениях как, например, психология развития, социология детства. Отметим, что при проведении исследований как со взрослыми так и детьми исследователи обязаны придерживаться двух базовых этических принципов: добровольное информированное согласие и право отказаться от участия в исследовании на любом этапе его проведения. Но есть четыре принципа, которые характерны для исследований с участием детей:

- 1. детские компетентности (когнитивное развитие) отличаются не только от взрослых, но имеют внутривозрастную вариативность.** Проблема состоит еще и в том, что сейчас не существует единого международного определения понятия «ребенок», «дети», «юношество», «молодежь» и др. Даже в пределах одной страны определение может меняться в зависимости от контекста. Кроме того сложно найти такое определение, в содержании которого учитывались такие факторы как когнитивные способности детей. Чаще всего исследователи руководствуются практическим подходом

к решению данной проблемы: используют то определение, которое содержится в национальном законодательстве, а если специального определения не существует, то «ребенком» считается лицо в возрасте до 14 лет, а молодым человеком — в возрасте 14—17 лет. Разумеется, нереально требовать составления правил для разных возрастных групп, и хотя 7-летнему ребенку, естественно, нельзя задавать такие же вопросы или на такие же темы как и 13-летнему, решение этой проблемы является скорее делом здравого смысла и практики, чем этики. Кроме того, выбирая темы, которые будут обговариваться в интервью, исследователь должен принять во внимание уровень зрелости ребенка. Примером тем, когда необходима особая осторожность во время интервью с детьми, можно считать такие, которые могут вызвать беспокойство у ребенка: отношения с другими в своей возрастной категории, или такие, что могут вызвать напряжение в отношениях с родителями.

2. **потенциальная детская уязвимость во взаимодействии со взрослыми.** Исследователи должны быть внимательными в ситуациях, когда деликатный характер исследования или обстоятельства интервью требуют особой осторожности во время проведения интервью с детьми разных возрастов. Ключевым критерием должна быть такая ситуация, когда даже не ожидается, что родители или другие взрослые, которые несут ответственность за ребенка, могут быть обеспокоены содержанием или обстоятельствами опроса. С одной стороны, акцент делается на способах защиты, предотвращения рисков и снижения вреда для детей в процессе исследований. С другой стороны, есть опасения, что применение способов защиты, может привести к ограничениям, связанным с тем, что дети будут лишены возможности делиться своим мнением и опытом;
3. **властные отношения между взрослым исследователем и участником ребенком.** Участие детей в подготовке исследования помогает усовершенствовать методы сбора информации, повысить точность и полезность результатов, поддерживать набор участников исследования (детей) и таким образом повышать частоту ответов, помогает вывить соответствующие методологические или творческие инновационные способы сбора данных, которые приняты в среде сверстников. Способствуют составлению инструментария на том языке, который они понимают, повышению качества и количества данных собранных в случае, если дети сами проводили интервью, поскольку дети с большей готовностью идут на контакт со своими сверстниками, чем со взрослыми. Кроме того, дети могут обратить внимание на недостатки процесса сбора информа-

ции, указать на вопросы, которые могут нанести вред респонденту и должны быть заменены. Не смотря на все преимущества детского участия в исследовательском процесс, эта концепция имеет и ряд недостатков. Фундаментальными являются этические вопросы. Прежде всего, это касается вопросов проектирования, поддержки и контроля таких исследований со стороны взрослых. Руководящая и контролирующая роль взрослых в исследовательском проекте создаёт основу для неравных отношений в результате чего, дети оказываются в позиции неравных партнеров, а также возникают условия для возможных манипуляций со стороны взрослых.

4. роль взрослых в опосредовании доступа к детям, сопутствующие этические последствия в связи с информированным согласием. Основные требования к получению информированного согласия:

- Если опрос проводится в границах «защищенной среды» — в школе, в центре отдыха, где определенное официальное лицо несет полную ответственность за безопасность ребенка, — то перед проведением исследования необходимо получить разрешение взрослого (например, учителя). Во многих странах доступ к детям находится под контролем либо родителей (опекунов) либо институтов (организацией). В некоторых странах необходимо получать разрешение на исследование с детьми от правительства или других ведомств. Такие требования могут существенно ограничивать возможности проведения исследования. Так школы, например, могут настаивать на том, чтобы исследование не проводилось во время уроков, тем самым ограничивая доступ исследователей к детям.
- Если опрос проводится в другом месте — например, дома, на улице и в др. общественном месте — перед тем как пригласить ребенка для интервью, необходимо иметь разрешение родителей, опекунов, или других лиц, на которых возложена его безопасность. Ни при каких обстоятельствах нельзя приглашать ребенка для интервью, если его не сопровождает взрослый. Во время проведения интервью с детьми желательно (но не обязательно), чтобы кто-либо из взрослых, кто несет ответственность за ребенка, находился рядом, особенно, если интервью проводится дома. С другой стороны, присутствие взрослого может быть нежелательным по методологическим причинам и привести к отклонениям в ответах. Для получения необходимого разрешения на проведение интервью необходимо предоставить лицу, которое несет ответственность за ребенка, достаточное количество информации для принятия взвешенного решения: объяснить предмет, общие особенности

интервью, ознакомить с вопросами. Данные о лице, которое предоставило разрешение на проведение интервью, как правило, могут быть получены в устном виде. Письменного разрешения требовать не стоит.

- То обстоятельство, что дети обязаны иметь разрешение на участие в исследованиях одного из родителей или опекуна, создаёт дополнительные трудности в организации научно-исследовательского процесса. В связи с чем, дети могут испытывать давление со стороны родителей, которые могут либо препятствовать их участию в исследовании, либо, наоборот, принуждать, если решат, что это «будет хорошо для них» и т. п., при этом дети не будут иметь реальной заинтересованности или мотивации принять участие в исследовании. Взрослые обеспокоены тем, что дети склонны разглашать информацию о себе и членах своей семьи (родители обеспокоены возможностью эксплуатации детей через Интернет).
- Если опрос проходит по телефону или через Интернет, то бывает сложно установить возраст респондента при первом контакте, а также получить от ответственного лица необходимое разрешение на проведение интервью. Но, несмотря на все трудности, исследователь должен придерживаться профессионального кодекса. В интернет-исследованиях, как и в традиционных исследованиях также требуется информирование согласие родителей. В случае интернет-исследований, это очень сложно сделать, так как ребенок находится в неконтролируемом взрослыми пространстве. Если возраст респондента младше 14 лет (в разных странах по-разному) программное обеспечение должно быть запрограммировано на автоматический запрос контактных данных родителей. После того как исследователь связался с родителями и получил согласие, ребенок получает доступ к остальным вопросам. Один из вариантов: для детей младше 16 лет появляется сообщение с просьбой проконсультироваться со своими родителями относительно своего участия в опросе. Затем дети могут поставить отметку, которая указывает, что они это сделали, хотя, естественно исследователь не имеет возможности это проверить. Кроме того нет никакой возможности гарантировать, что ребенок честно указывал свой возраст: несовершеннолетний может легко обойти информированное согласие, утверждая, что ему 17. Идентификация детей Интернет-исследованиях не может быть абсолютной точной. В силу перечисленных причин онлайн-опросы как правило не рекомендуются и не должны быть использованы, если объект исследования потенциально спорный и вообще чувствительный для регистрации.

В некоторых случаях, лучшим способом уважать права детей, как указано в «Руководящих принципах этики для интернет-исследований» (декабрь 2014), в качестве исследовательского инструмента могут быть использованы методы исследования, не связанные с Интернетом, даже при сборе данных в Интернете¹.

¹ <https://www.etikkom.no/globalassets/documents/english-publications/ethical-guidelines-for-internet-research.pdf>.

С. В. Назаренко

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

НАЗАРЕНКО Сергей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; svnazarenko@fa.ru

Аннотация. Институционализация научно-теоретического контекста результатов ученых сопряжен с инновациями их научно-исследовательской деятельности ученых. Научно-практический, социальный — с ритуализмом, что предполагает строгое соблюдение: а) методических и технических процедур доказательств нового знания; б) требований аргументированного и статистического подтверждения эмпирических сведений об изучаемом факте; в) нацеленности получаемого результата; г) принципов надежности, адекватности и универсальности знания. В связи с этим, полученный научный результат ученого всегда детерминирован: во-первых, общепринятыми в научном сообществе критериями и показателями теоретической интерпретации и эмпирического исследования; во-вторых, личной потребностью ученого в научном сотрудничестве и кооперации, то есть научной деятельности сообща; в-третьих, институциональным контролем мотивов и продуктов научно-исследовательской деятельности ученого, воспроизводящего честность и блокирующего подлог и обман с сфере образования и науки; в-четвертых, общественной необходимостью скептического отношения к любому заявленному научному факту, его доказательству. Обеспечивается это посредством социального контроля, структурными элементами, которого являются: агент и контрагент; предмет (деятельность и ее результаты); цели и задачи контроля, определяемые условиями, интересами и столкновением интересов, потребностями; средства контроля — меры, с помощью которых агент оказывает свое влияние, воздействие на контрагента; формы, методы и приемы (способы) контрольной деятельности.

Ключевые слова: социальный контроль, наука, ученый, исследователь

Общественная потребность формирует нормативно-ролевую структуру научно-исследовательской деятельности и профессии ученого, его индивидуальная потребность — этос науки, ее методологическую рациональность, и научную мораль. Исходя из этого, социальный контроль научной деятельности исследователя — это интегративная совокупность оценоч-

ных и санкционирующих воздействий научного и иного сообщества, обусловленных функционированием его внутренних и внешних механизмов, направленных на приведение поведения исследователя в соответствие с ценностями и нормами института науки [2, 35—38]. Если ее знаниевый (внутренний — научно-теоретический) контекст сопряжен с инновациями научно-исследовательской деятельности, то социальный (внешний — научно-практический) — с ритуализмом. Он обусловлен строгим соблюдением: а) методических и технических процедур доказательств нового знания; б) требований аргументированного и статистического подтверждения эмпирических сведений об изучаемом факте; в) научно-теоретической и научно-практической нацеленности получаемого результата; г) принципов надежности, адекватности и универсальности знания. Если социальные нормы регламентирующие научно-исследовательскую деятельность отвечают на вопрос: «Что и как должно делаться?» (правовой аспект) по исполнению функций наукой (научной организацией ученых) в обществе, то социальные группы, общности ученых-исследователей на вопрос: — «Кто и как делает?» (социальный аспект).

Социальный контроль представляет собой систему ограничений, распространяющихся на взаимодействия социальных субъектов разных типов и уровней, результатом деятельности которых выступает удовлетворение конкретной потребности общества. В зависимости от генезиса и процесса организации взаимодействий субъектов социальный контроль, как механизм функционирования института науки, проявляет себя как организованный или самоорганизующийся механизм. Если для первого характерен процесс целенаправленного создания, конструирования, то для второго — относительная спонтанность и стихийность. Если во втором случае речь идет о подлинном социальном контроле — внутреннем контроле социальной организации, то в первом — о системе социального контроля, то есть искусственно созданной системе ограничений, внешнем контроле.

Социальный контроль, как механизм функционирования института, органично сочетает в себе моральный и правовой субмеханизмы. Функционируя в едином поле социальных связей между субъектами, моральный и правовой механизмы формируют эталоны и стандарты, нормы-правила социальных взаимодействий, составляющих ценностно-нормативную ориентацию ученого, научного сообщества [1, 39—42].

Внутренние структурно-функциональные компоненты механизма функционирования социального контроля как системы обеспечивающей востребованное средой взаимодействие социальных субъектов — ученых и пользователей их результатами деятельности, научных и промышленно-производственных организаций — это:

- институциональный или нормативный (межгрупповой) контроль — механизм доступности средств при целедостижении. Он понимается как процесс обеспечения ученого (исследователя) средствами, с помощью которых ему предоставляется возможность удовлетворения основных видов потребностей, достижения целей. Достижение целей в воспроизводстве нормативного и общеразделяемого поведения ученого возможно при приоритете санкционирования, ориентированного на получение его конечного социального эффекта — создание социальных условий, обеспечивающих минимизацию девиаций. Этот контроль решает проблемы создания возможности достижения целей социальной организации за счет расширения возможностей исследователей удовлетворить свои потребности, достичь личные цели;
- организационный (групповой) контроль — представляет собой непосредственный процесс санкционирования ученого по итогам оценки его взаимодействия или результатов взаимодействий, то есть процесса или результата научно-исследовательской деятельности. Социальные субъекты, обладающие правом оценки деятельности соподчиненного субъекта и применения к нему санкций, нормативно ограничивают взаимодействие исследователя с социальной организацией. Они решают проблемы оперативного внешнего реагирования на социальное отклонение, отличающееся от нормативного (идеального);
- межличностный (внутригрупповой или референтный) контроль — это процесс самоопределения ученым своего места в социальном пространстве научного сообщества. Исследователь, интегрируя в научное сообщество, вольно или невольно включается во взаимодействие с окружением. Идентифицируя себя с референтной средой, он одновременно вынужден учитывать весь ее потенциальный и реальный комплекс социальных реакций, то есть средств, санкционирующих воздействия за отклонение от норм. Задача этого механизма — воспроизводство образцов социальных реакций референтной группы, которые побуждают или принуждают исследователя к действию или бездействию;
- личностный самоконтроль (внутренний контроль) ученого — это процесс, обеспечивающий перевод ценностей и норм в ценностно-нормативный стандарт, который является регулятором поведения исследователя. Предлагаемая социальным институтом система социальных ограничителей деятельности (поведения), частично или полностью ставшая внутренней его потребностью, определяет его ориентацию на удовлетворенность при ее исполнении.

Если общественная и личная потребность в признании научным сообществом труда ученого максимально удовлетворяется при оптимистичных сценариях его исследовательской деятельности, то минимально — при пессимистичных сценариях, а именно в ситуациях, когда осуществляется общественное вознаграждение ученого за его некачественный научный результат, не обеспечивающего прогрессивного, инновационного развития общества.

Оздоровление сложившейся социальной ситуации в отечественной науке, в современном научном сообществе возможно поэтапно посредством реализации следующего технологического алгоритма, включающего 4 шага:

1 шаг — активизация в обществе и научном сообществе социокультурных норм-правил осуществления научно-исследовательской деятельности, исключающей плагиат, тривиальную компиляцию и т. п.;

2 шаг — интеграция ученых-новаторов, ранних и поздних их последователей, а также ранних и поздних последователей ученых-девиантов, в «выздоровливаемое» обновленное научное сообщество при одновременной дезинтеграции с учеными-девиантами, приносящими своей деятельностью вред науке, научному сообществу и обществу в целом;

3 шаг — на базе первичного относительно стихийного, неформального организационно-правового институционального развития общественно-государственная легитимация нормативно-правовой базы, максимально исключающей из практики научной, научно-исследовательской деятельности возможности проявления лженаучных деяний;

4 шаг — профессиональная подготовка научных кадров в новых нормативно-правовых условиях организационно-правового институционального развития, функционирования отечественной науки и современного научного сообщества России [3, 83].

Итак, предлагаемое понимание сущности институционального механизма функционирования социального контроля в сфере исследовательской деятельности ученого фиксирует функциональное сочетание социокультурных (правовых и моральных), институциональных (государственных и общественных в тандеме с референтными и личностными, организационно-технологических (ретроспективных и проспективных, вознаграждающих и наказывающих, формальных и неформальных) средств и методов (способов, приемов), а также видов и форм (подвидов) контроля. В связи с этим, общим приоритетом социального контроля в сфере образования и науки выступает, с одной стороны — стимулирование и вознаграждение открытий ученых и их инноваций, приносящих социальных пользу для российского общества и государства, а с другой стороны — побуждение и принуждение воздерживаться в научно-иссле-

довательской деятельности от девиаций, влекущих за собой социально вредные и опасные последствия.

Список источников

1. Демченко Т. С. Теория социального контроля : учебное пособие. М. : Изд-во СГУ, 2014.
2. Гагаев А. А. Социализация и социальный контроль в Евразии. Наука и искусство. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2007.
3. Назаренко С. В. Социологический подход к организации социального контроля в сфере образования и науки / Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 3. С. 78—84.

И. В. Королев**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

КОРОЛЕВ Иван Владимирович — кандидат социологических наук, старший преподаватель филиала РГСУ в г. Павловский Посад, г. Павловский Посад, Россия; iv_king@mail.ru

Аннотация. Сегодня в России наблюдается существенное социальное расслоение. При этом значительная часть населения, выполняющая важные социальные функции, входит в бедную, маргинализованную группу. Возникает социальный спрос на поиск инструментов устранения этой несправедливости. Одним из таких инструментов представляется благотворительность. В докладе описываются место благотворительности в социальных отношениях, социальная польза для субъектов и объектов благотворительной деятельности, а также основные направления критики благотворительности.

Ключевые слова: благотворительность, общество, справедливость

Современное российское общество не однородно по своей структуре. Оно состоит из различных иерархически организованных социальных групп и слоев, дифференцирующихся социальным статусом, уровнем власти и наличием собственности. З. Т. Голенкова, рассуждая о критериях расслоения общества, указывает, что главными из них являются следующие: «экономический, профессиональный, властный, а также степень адаптации к трансформационным процессам и самоидентификация» [3]. Тем не менее, основным критерием социальной дифференциации выступает собственность в виде капитала, дохода, имущества и т. п.

Сегодня российское общество расслоилось на две неодинаковые по размеру части: меньшинство богатых и большинство бедных. При этом наблюдается очевидное противоречие. Среди населения, входящего в большую, но бедную часть общества, наблюдаются представители профессиональных групп, деятельность которых во многом обуславливает будущее российского государства. Это учителя, социализирующие новое поколение, передающие ему знания, аксиологические ориентации, медики — обеспечивающие здоровье и долголетие народа, работники учреждений сферы культуры, участвующие в создании, накоплении, трансляции культурных норм и традиций, ученые — формирующие научно-технический потенциал государства. В группу малообеспеченного населения также могут быть отнесены пенсионеры, люди с ограниченными физическими возможностями, многодетные семьи.

При этом в Конституции нашей страны в статье 7 закреплена социальная сущность государства и подчеркнута, что: «в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1]. Тем не менее, посредством данной нормы в нашей стране не удается решить проблему значительного социального и экономического неравенства.

В условиях, когда экономика государства находится не в самом лучшем состоянии, когда его нормативно-правовая база неадекватна требованиям общества, когда активны коррупционные процессы, а государственный менеджмент демонстрирует не самую высокую эффективность, государству довольно сложно обеспечить социальную справедливость. Тем не менее, обществу крайне важно изыскивать и развивать инструменты, способные ограничить социальное расслоение. Одним из таких инструментов может стать благотворительность.

В новой философской энциклопедии дано точное определение благотворительности, как деятельности: «посредством которой обладатели частных ресурсов добровольно и безвозмездно распределяют их в целях содействия нуждающимся людям, решения социальных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни» [6].

Несомненно, благотворительная деятельность способна консолидировать общество. Бизнес-структуры, общественные и некоммерческие организации, честные жертвователи, объединенные системной благотворительной деятельностью, способны без привлечения государства и его органов, решить некоторые социальные проблемы. Общество, где благотворительность является социальной нормой, опирается в своем развитии на значимые для каждого человека ценности: справедливости, милосердия и сострадания.

В таком обществе развиваются и поддерживаются важные социальные институты: образования, религии, здравоохранения, науки, культур. Это проявляется в виде грантовой поддержки студентов и преподавателей, приобретения для нужд учебных заведений оборудования, литературы и т. д. Строительства или реконструкции храмов, жертвования в пользу религиозных организаций предметов религиозного культа. Строительства и финансирования деятельности медицинских учреждений, приобретением для них необходимого оборудования и медикаментов, помощи больным людям. Меценаты финансово, материально, информационно поддерживают организации сферы культуры и искусства, способствуют пополнению выставочного фонда музеев и художественных галерей, со-

зданию и популяризации новых театральных постановок, литературных произведений. Благотворители оплачивают проведение прикладных и фундаментальных научных исследований, выделяют гранты молодым ученым, финансируют перспективные научные проекты.

Так же в сферу благотворительной деятельности входит охрана окружающей среды и поддержка физкультуры и спорта. Отдельным предметом выступает социальная сфера, где сосредоточены самые острые и актуальные для социума вопросы. Благотворители оказывают поддержку тем категориям населения, которые в силу своих возрастных, демографических или физических особенностей нуждаются в помощи, но не получают со стороны государства, либо оказываемой им государством помощи недостаточно. Это инвалиды, малоимущие, пожилые люди, многодетные семьи, одинокие матери, дети-сироты и т. д. Также к числу нуждающихся в благотворительной помощи могут быть отнесены и некоторые организации, например, детские дома, хосписы и т. п.

Таким образом, поле благотворительной деятельности довольно широко. Однако, несмотря на большие возможности, имеющиеся у благотворительности в социальном пространстве, она являлась и объектом критики мыслителей различных направлений.

С позиций социалистической критики выступал П. Лафарг. Он утверждал, что: «благотворительность бессмысленна и безнравственна, т. к. не исправляет, но только усугубляет положение бедных и обездоленных людей и является в морально-психологическом плане самообманом эксплуататоров и обманом эксплуатируемых». П. Лафаргом указывалось на противоречие между целями благотворительности и целями общества основанного на капиталистическом производстве. Он считал, что в этом случае благотворительность превращается в выгодный бизнес, формирующий общественное сознание [5].

Социалисты не считали возможным избавить общество от негативных явлений с помощью благотворительности, определяя смысл благотворительности ее социальными свойствами.

О позициях «утилитаристской» критики благотворительности говорил Е. П. Ильин, замечая, что для разделяющих эту позицию, подаяние милостыни являлось потворством лени и безделья, получению благ не в качестве вознаграждения за труд. Из этого следовал вывод, что милостыня способна поражать новых обездоленных. Значит, чтобы помочь человеку, нужно придать благотворительности не распределительный характер. Вместо того чтобы раздавать материальные блага, нужно содействовать людям в получении профессии, работы, образования и т. д. [4].

Р. Г. Апресян писал о критике благотворительности в художественной литературе, фельетонах, публицистике. Здесь критика была нацелена

на затраты ресурсов на благотворительную деятельность в контексте достигаемых результатов: «организация и реклама филантропических акций стоит дороже действительной помощи нуждающимся» [2].

Безусловно, критика благотворительности не безосновательна, однако в современных условиях деградации многих социальных институтов, смещения ценностей и установок людей, населяющих нашу страну в сторону материального потребления и гедонизма, данное социальное явление просто необходимо обществу.

Благотворительная деятельность одинаково полезна как благополучателям, так и благотворителям. Для первых она является инструментом решения социальных проблем (или снижения их негативного эффекта), а также механизмом улучшения общественной жизни. Для вторых — предоставляет возможность сориентировать собственные потребности и интересы, приведя их из плоскости материальной, в духовную плоскость, получить удовлетворение от выполнения значимой для общества задачи, вызвать социальное одобрение, признание и уважение.

Список источников

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации. М. : Изд-во Эксмо, 2009.
2. Апресян Р.Г. Благотворительность // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М. : Большая рос. энцикл., 1993. Т. 1: А — М. 1993.
3. Голенкова З.Т. В поисках адекватных ответов в исследованиях социальной структуры общества // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Институт социологии РАН : Российское общество социологов, 2008.
4. Ильин Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб. : Питер, 2013.
5. Лафарг П. О благотворительности // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1988. М. : Политиздат, 1988. 384 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. Т. I. 2010.

Е. А. Заруцкая

ДЕЛОВАЯ ЭТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПАНИИ

ЗАРУЦКАЯ Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия; zarutskaya@mail.ru

Аннотация. Несмотря на важность деловой этики в бизнесе, существуют различные подходы к пониманию ее роли в деловой сфере и соответственно приводятся различные аргументы «за» и «против». Выделяют субъекты внешней среды, по отношению к которым исследовательская компания должна нести обязательства этического характера: заказчики, респонденты, общественность, деловые партнеры, конкуренты. Сложность взаимодействия с ними высвечивает характерные области, в рамках которых в большей степени происходит нарушение этических норм. Этический уровень организации определяется: этикой деятельности исследовательской организации, этикой деятельности руководства, этикой деятельности сотрудников и этикой деятельности интервьюеров. Существуют различные пути повышения этического уровня организации: этические кодексы, разработка этических карт и нормативов, личный пример руководства. Но важное значение приобретает вопрос реализации и внедрения в практику организации этических норм, контроля за их соблюдением и введения штрафных санкций.

Ключевые слова: деловая этика, этические нормы, стейкхолдеры, этика деятельности организации, этика деятельности руководства, этика деятельности сотрудников, этика профессии, персональная этика, этический уровень организации

В последнее время в бизнесе стало актуально обсуждение и рассмотрение вопросов этики в деловой практике, возможностей, особенностей и необходимости ее применения. Несмотря на то, что большинство участников бизнеса считают, что соблюдение важно и необходимо, практика показывает, что на деле это далеко не всегда так.

Деловая этика рассматривается не только как совокупность моральных принципов, норм и ценностей, которыми должна руководствоваться деятельность организаций и их членов в сфере управления и бизнеса, но и как инструмент анализа и решения проблем, которые встают перед человеком в бизнесе.

Исследовательская сфера, как и любая другая сфера бизнеса, имеет свою специфику. Поэтому она базируется не только на общечеловеческой морали и деловой этике в целом, но и на нормах, предписаниях, правилах поведения и оценках морального облика представителя этой сферы деятельности — исследователя (профессиональная этика).

К настоящему времени сложились различные подходы понимания важности и необходимости использования норм деловой этики в бизнесе. Первый подход — позиция делового прагматизма — исходит из того, что в деловой жизни этика не нужна, т. к. ее роль исключительно экономическая, направленная на увеличение прибыли. Второй — этический, с позиции заинтересованных лиц (стейкхолдеров), согласно которому организация несет обязательства этического характера, но только перед данной группой (заказчиками, деловыми партнерами, общественностью), т. к. они способны оказывать существенное влияние на достижение целей организации. Третий подход является более цивилизованным — это позиция соблюдения этических норм (социально-этичный). Поскольку деловая организация является элементом общества, то она должна разделять этические нормы, принятые в нем.

Сторонники подходов приводят различные доводы своих точек зрения. Аргументы «за» этическое поведение:

- нравственное обязательство каждого элемента общества вести себя правильно;
- благоприятные для бизнеса долгосрочные перспективы: возрастает доверие к организации, возможность получить более выгодные заказы и пр.;
- этическое поведение является средством создания и поддержания положительного имиджа;
- изменение потребностей и ожиданий общества по отношению к субъектам бизнеса.

Аргументы «против» этического поведения:

- деловая этика ограничивается исключительно законным ведением бизнеса;
- управленческие решения, принятые с учетом моральных являются более «дорогими», т. к. к ним предъявляются более высокие требования (например, по срокам выполнения исследования, его стоимости, открытости методик проведения) к субъектам;
- несмотря на долгосрочные перспективы, компании зачастую проигрывают в краткосрочном периоде (конкурентной борьбе) и в первую очередь из-за «дороговизны» этических решений;
- следование этическим нормам не гарантирует аналогичной модели поведения со стороны других участников бизнеса.

Специалисты приводят основные причины нарушения этических норм в бизнесе. Во-первых, это конкурентная борьба, оттесняющая этические соображения; во-вторых, отсутствие системы вознаграждения руководителей за этическое поведение и в-третьих, общее снижение значения этики в обществе, что оправдывает неэтичное поведение на рабочем месте.

Тем не менее, современная практика показывает, что исследовательская компания должна нести обязательства этического характера по отношению к следующим субъектам внешней среды: заказчики, респонденты, общественность, деловые партнеры, конкуренты (рис. 1).

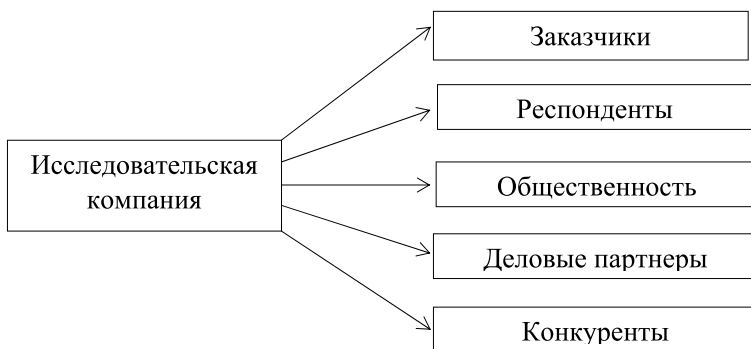

Рис. 1. Субъекты внешней среды, по отношению к которым исследовательская компания несет обязательства этического характера

Из-за сложности во взаимодействии исследовательской компании с вышеуказанными субъектами, возможно нарушение этических норм в различных аспектах. Рассмотрим их.

1. Исследовательская компания — заказчик:

1. Злоупотребление исследователем своим положением, которое объясняется асимметрией информации по поводу методологии проведения исследования. Оно может проявляться:

- в проведении «бесполезного» исследования;
- в использовании нерепрезентативной выборки, неподходящих методов;
- в некорректном использовании статистических процедур;
- в некорректной разработке инструментария, проведении проверке полевых работ и пр.

2. Нарушения в организационных аспектах сотрудничества, которые проявляются:

- в завышении цены проекта;
- в предании гласности личных сведений организации-заказчика;

- предание гласности полученных данных (разглашение конкурентам, повторное использование в следующих исследовательских проектах).

II. Исследовательская компания — респонденты:

- нарушение принципа анонимности;
- дальнейшее использование контактов (продажи товаров (услуг) под «прикрытием» маркетингового исследования (sugging));
- нарушение методологии исследования (продолжительность интервью, отсутствие обещанной платы за участие в проекте);
- наблюдение за респондентом без предварительного соглашения;
- затрагивание вопросов и тем личного характера;
- взаимодействие с респондентами в несогласованное заранее с ними время;

III. Исследовательская компания — общественность:

- неточность результатов исследования (например, вследствие нарушения методики проведения исследования);
- предвзятость в проведении исследования (необъективно выполненное исследование, приводящее к неверным данным);
- сокрытие части полученной информации, которую может плохо воспринять общество или отдельные его группы;

IV. Исследовательская компания — деловые партнеры (поставщики, финансовые структуры и пр.):

- невыполнение взятых на себя обязательств;
- нечестное ведение переговоров;
- сокрытие фактов и неверная информация в отчетах и при проведении проверок;
- прямой обман при проведении деловых переговоров и пр.

V. Исследовательская компания — конкуренты:

- искажение сведений о конкурентах;
- искажение сведений о качестве предоставляемых услуг конкурентами;
- снижение стоимости исследования за счет снижения качества исследования;
- шпионаж и пр.

Рассматривая этику деятельности исследовательской компании, необходимо подходить к изучению этого вопроса комплексно, а именно в разрезе четырех уровней, представленных на рис. 2. При этом каждый последующий уровень испытывает влияние со стороны предыдущих.

Этика деятельности организации определяется в первую очередь теми моральными нормами и групповыми ценностями, традициями, убеждениями, которые «прописаны» корпоративной культурой компании. При

этом если администрация не будет осуществлять целенаправленные усилия по их формированию, то процесс регулирования будет складываться стихийно и далеко не всегда эффективно.

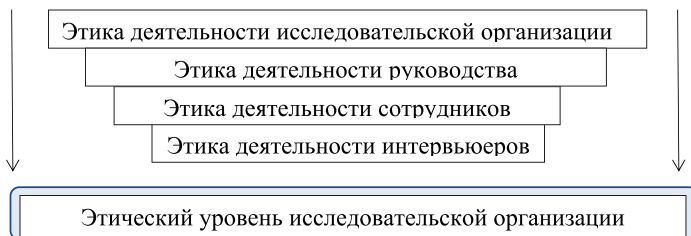

Рис. 2. Этическая система исследовательской компании и ее уровни

Важнейшим фактором, определяющим этический уровень организации, является поведение ее руководства, которое должно демонстрировать преданность этическим ценностям и служить образцом для подражания. Этика руководителя основывается на нравственности должностного лица, его ответственности, поддержке профессиональной чести, самоидентификации с профессиональной группой.

Этика деятельности сотрудников и интервьюеров складывается из двух составляющих: этики профессии и персональной этики, которая определяется его индивидуальными, прежде всего, моральными качествами, личным жизненным и профессиональным опытом, наличием перед его глазами образцов для подражания и, главное, стремлением человека к этичному поведению.

Вышеперечисленные уровни этики в компании определяют в конечном итоге ее этический уровень, который характеризуется степенью ориентации руководителей и ее сотрудников в своем поведении и принятии решений на нравственные нормы деловых отношений. Существуют различные пути повышения этического уровня в исследовательской компании. Но для этого необходимо, прежде всего, понимание и желание руководства совершенствовать организацию в данном направлении. Например, можно разработать этический кодекс и этические карты, прописать этические нормативы, но они не будут работать, если на это нет «воли» руководства. Большое значение приобретает вопрос реализации и внедрении в практику организации этических норм, контроле за их соблюдением и введении штрафных санкций. Личный пример руководства, его поступки и речи также являются очень действенным инструментом повышения этического уровня организации. Таким образом, необходимо на всех уровнях управления подчеркивать значение этичного поведения и его влияния на получаемые поощрения.

Список источников

1. Аблизова Т. Г. Этические аспекты работы маркетолога // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 3. 2012.
2. Дафт Р. Менеджмент. 6-е изд. СПб. : Питер, 2006. 864 с.
3. Кибанов А. Я. Этика дел. отношений : уч. 2-е изд., исп. и доп. / А. Я. Кибанов, Д. К. Захаров, В. Г. Коновалова. М. : Инфра-М, 2008.
4. Малхорта, Нэреш К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство. М. : Издательский дом «Вильяме», 2002.
5. Основы эстетики и этики: курс лекций / под общ. ред. Л. А. Закса, Н. К. Эйнгорн. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2013.
6. Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М. : Радуга, 2015.

29. Российские исследователи в глобальном сообществе

А. В. Владимирова

ПУТИ УСИЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВЛАДИМИРОВА Алина Валерьевна — старший преподаватель, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия; alina.v.vladimirova@gmail.com

Аннотация. Поддержка талантливой молодежи является важным аспектом решения задачи улучшения позиций России в мировой науке. В данной работе обсуждаются перспективы продвижения молодых исследователей в глобальное научное сообщество, открывающиеся при взаимодействии с Международной ассоциацией политической науки (МАПН), а именно — через методологические школы МАПН, Всемирный конгресс МАПН и исследовательские комитеты МАПН. При рассмотрении участия российских ученых во Всемирном конгрессе МАПН в 2016 г. использован сетевой анализ, позволивший выделить основные компоненты графа и лидеров по показателям центральности. В целом автор приходит к заключению, что потенциал использования молодыми учеными сетевых структур МАПН является высоким и имеет смысл активно включаться в работу этой международной профессиональной организации.

Ключевые слова: международная ассоциация политической науки, молодые ученые, мировое сообщество, сетевой анализ, политология

Поддержка талантливой молодежи является важным аспектом решения задачи улучшения позиций России в мировой науке. В данной работе рассмотрены перспективы продвижения молодых исследователей в глобальное научное сообщество, которые открываются при взаимодействии с Международной ассоциацией политической науки (МАПН).

Первой возможностью познакомиться с международным сообществом и образцовыми практиками проведения эмпирических исследований являются методологические школы МАПН. Возрастного ценза у данных курсов нет, поэтому в одной аудитории в качестве обучающихся могут находиться и студенты бакалавриата, и профессора. Преподавателями чаще всего становятся ведущие специалисты в области социальных наук с публикациями в лучших журналах, т. е. по сути те люди, которые своими работами определяют критерии хорошо проведенного исследования.

До появления методологических школ возможности учиться у специалистов такого уровня были сильно ограничены: конечно, можно было поступить на программу PhD, но ни на одной из них нет сопоставимого набора преподавателей, ведь школы собирают представителей разных университетов и стран. Связи студентов и преподавателей сохраняются и по окончании курсов. Конечно, случаи, когда обучение выливается в совместную публикацию, скорее исключение из правил, но преподаватели не отказывают в помощи и рекомендательных письмах, а теперь часто оказываются вовлечены в онлайн сообщества, где можно задать вопрос, если с исследованием возникла проблема. Так, во «Фейсбук» активно функционирует группа по качественному сравнительному анализу (QCA).

Важным отличием и неоспоримым преимуществом школ МАПН в сравнении с аналогами является то, что они намеренно проводятся в регионах, где методологическая база политической науки еще недостаточно развита. МАПН организует школы в Центральной и Юго-Восточной Азии, в Африке, в Центральной и Южной Америке. В 2017 г. должна пройти первая школа МАПН в России. Таким образом, эти курсы доступны и территориально, и в плане стоимости. Они также более интересны с точки зрения гибких траекторий обучения и межкультурной коммуникации. Можно долго говорить о преимуществах МАПН и о специфике каждой из школ, но хотелось бы особо подчеркнуть следующую характеристику. Методологические школы МАПН позволяют входить в профессиональные сети, обучаться методам и традициям международной науки остающимся в России аспирантам. Это очень важно, поскольку переезд в другую страну ради получения степени PhD означает, что будущий специалист, скорее всего, будет вырван из российской науки, не будет понимать, как она работает и не будет знать о ее преимуществах. К сожалению, вернувшиеся ученые часто пренебрежительно относятся к российской науке и ее традициям, опуская тот факт, что несмотря на все достижения западной науки, там есть свои перекосы и проблемы. С точки зрения сохранения достижений отечественной науки при проведении модернизации, нам очень нужны молодые ученые, которые входят в мировое сообщество, но базируются в России.

Еще одну хорошую возможность войти в мировое сообщество предоставляет Всемирный конгресс МАПН, который проходит каждые два года. Это мероприятие относится к ряду крупнейших в политической науке и собирает на своих площадках несколько тысяч исследователей из самых разных стран. Однако Конгресс предполагает участие молодых ученых не ниже уровня аспиранта. Это не значит, что студенты не могут подать заявку и быть выбранными, но чаще всего они не проходят конкурсный отбор.

Организация Конгресса 2016 года была осложнена его срочным переносом из Стамбула в Познань в связи с повышением уровня террористической угрозы, что в совокупности привело к отмене большого количества панелей. Участники массово отказывались от поездки вплоть до выступающих на пленарных заседаниях и специально приглашенных спикеров. Таким образом, мы не можем точно сказать, сколько российских исследователей должно было быть на Конгрессе. По состоянию программы [1] на 15 августа 2016 г., из 3133 участников 73 указали, что они из России, по состоянию на 15 февраля 2017 г. российских исследователей было 63 из 3008 (2%). Нам не удалось уточнить ситуацию со всеми исключенными из программы выступающими, но по полученной информации мы с большой долей уверенности предполагаем, что они подтвердили участие, но не смогли приехать.

Чтобы понять, каким образом российские ученые были представлены на Конгрессе, мы провели скрапинг и парсеринг официального сайта Конгресса [1] и из полученной базы данных отобрали все панели, в которых участвовали российские ученые в любой из шести возможных ролей. Мы использовали язык программирования для статистической обработки данных «R», чтобы получить реляционные базы данных, подходящие для сетевого анализа, и программу Gephi для визуализации.

Созданная нами сеть Конгресса представляет собой тридольный неориентированный невзвешенный граф (604 узла, 624 ребра), для узлов которого была посчитана центральность по степени (рис. 1). Мы оставили дубликаты связей, т. к. часто организаторы панели выступали на них в качестве председателей или рецензентов. Поскольку это разные функции, мы считаем, что не следует представлять их одним и тем же ребром. Авторы и соавторы связаны с панелями через узлы своих выступлений. Соавторы были сохранены, т. к. их исключение уменьшило бы количество участников из России, что не соответствует реальности. К тому же, некоторые исследователи, участвовавшие только в качестве соавтора, лично посетили Конгресс, например, С. К. Раджханс. Поскольку в подавляющем большинстве случаев работу представляет один автор, мы решили выбрать именно невзвешенную степень, как метрику центральности.

На рисунке 1 хорошо видны панели с российскими представителями, не связанные с другими панелями, и ряд более крупных компонент из нескольких панелей. Две крупные компоненты, которые и составляют основу этой сети, интересны тем, что отражают связи российских вузов. Вверху слева расположились представители НИУ ВШЭ, внизу справа ученые из МГИМО, РАНХиГС и МГУ.

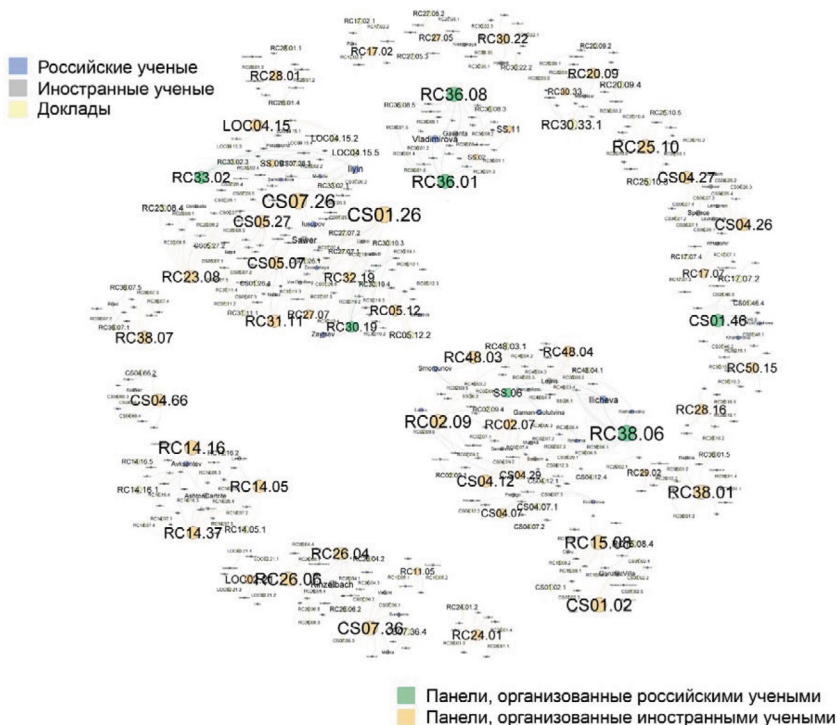

Рис. 1. Российские ученые на XXIV Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в 2016 г.

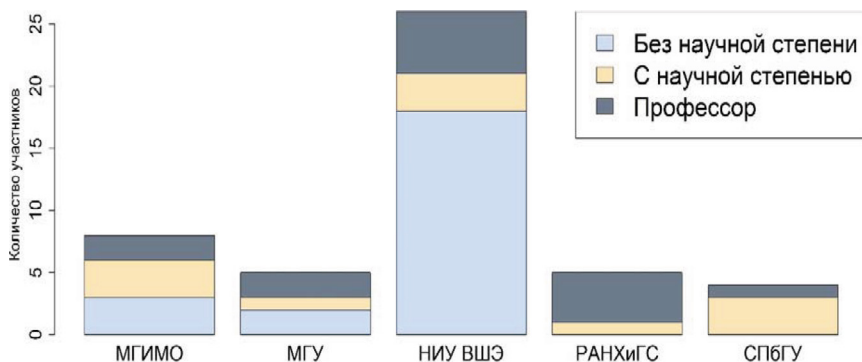

Рис. 2. Представители ведущих российских университетов на XXIV Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в 2016 г.

Также привлекают внимание панели Исследовательского комитета по политике и этничности (RC 14) и Исследовательского комитета по политической власти (RC 36). В первом случае, российские ученые участвовали в панелях 14-го комитета, но не создавали их, что может объясняться интересом к теме этничности, а не вовлечением в организацию Конгресса. Косвенно это подтверждается фактом, что во второй компоненте 36-й комитет там не единственный (рядом с узлами с маркировкой RC 36, есть узлы с маркировками SS для специальных сессий). Мы также видим, что две из семи панелей, организованных отечественными учеными, принадлежат 36-му комитету. Это делает его своеобразным лидером, но с другой стороны, этот субграф сформировался по сути возле одного российского ученого, который теснее связан с зарубежными коллегами.

В целом, наиболее высокая центральность среди российских ученых у М. В. Ильина (НИУ ВШЭ), Л. Е. Ильичевой (ИГСУ РАНХиГС) и А. В. Владимировой (НИУ ВШЭ). Два первых представителя России — профессора, последний — молодой ученый. Следует отметить, что НИУ ВШЭ заметно выделяется на фоне других вузов именно количеством молодежи, которая участвовала в Конгрессе (рис. 2). Это важный показатель, т. к. именно в ходе Всемирного конгресса происходит активное привлечение его участников к работе Исследовательских комитетов МАПН, представляющих по сути устойчивые сети с ресурсами, так необходимыми ученым, особенно молодым. В настоящее время у МАПН 51 исследовательский комитет, которые объединяют политологов по отдельным темам. Комитеты проводят специализированные конференции и встречи, часто имеют свои журналы и договора с издательствами на серии книг, поддерживают совместные проекты и заявки на гранты. Главная цель любого комитета — это обеспечение общения между учеными из разных стран и, таким образом, стать частью комитета МАПН означает стать частью мирового сообщества.

Список источников

1. IPSA | The Voice of Political Science around the World // IPSA / AISP. URL: <https://wc2016.ipsa.org/events/congress/wc2016/home> (дата обращения: 15.08.2016).

А. В. Андрееenkova

МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СПОСОБ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — кандидат политических наук, заместитель директора ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований), г. Москва, Россия; апа. andreenkova@cessi.ru

Аннотация. Долгое время Россия оставалась выключенной из активного исследовательского процесса в области сравнительных межстрановых опросов. Однако уже с конца 1960-х годов участие даже в небольшом количестве таких проектов стало значимым этапом в развитии методологии массовых опросов в регионе и включения российских ученых в международное научное сообщество. Последние два десятилетия стали временем активного включения России в крупные межстрановые сравнительные проекты, среди которых Всемирное Исследование Ценностей (WVS), Международная Программа Социальных Исследований (ISSP), Европейское социальное исследование (WVS) и ряд других. Участие России в таких проектах является мощным стимулом для развития разных направлений методологии массовых опросов, совершенствования методов и качества проведения опроса, в частности, проблемы разработки инструмента для опросов для разных социокультурных групп, проблемы перевода и адаптация международных анкет, гармонизация социально-демографических переменных, построение выборок и многие другие. Участие в подобных проектах позволяет российским ученым не только включиться в работу по самым современным в международной социальной науке направлениям, но и внесли свой вклад в развитие международной науки.

Ключевые слова: сравнительные межстрановые исследования, методология опросов, организация научного сотрудничества

Несмотря на то, что количество межстрановых сравнительных проектов с участием России в советское время было невелико, каждое из них стало значимым этапом в развитии методологии массовых опросов в регионе и включения российских ученых в международное научное сообщество. Уже с середины 1960-х годов социологи Советского Союза стали принимать участие в различных международных сравнительных проектах. Среди первых таких проектов 1960-х годов выделяются два исследова-

ния, которые координировались Венским Центром (Европейский центр по координации исследований в области общественных наук), специально созданном в 1963 году по решению ЮНЕСКО с целью укрепления сотрудничества между научно-исследовательскими институтами и учеными Восточной и Западной Европы — «Международное сравнительное исследование бюджетов времени» (рук. советской части Г. А. Пруденский и В. Д. Патрушев), всего исследование включало 12 стран-участниц, и «Автоматизация и промышленные рабочие» (руководитель советской части В. И. Усенин) 1968 года [2]. В 1970-х годах советские социологи выступали уже не только как участники, но и как организаторы и авторы сравнительных межстрановых исследований. Примером является исследование «Влияние высшего образования на воспроизводство и развитие социальных структур социалистического общества» (рук. советской части Ф. Р. Филиппов), проведенное в 6 социалистических странах, проект «Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран» (рук. с советской стороны Г. В. Осипов) — также в 6 соц. странах, «Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе» (рук. от советской стороны В. Н. Шубкин) в 4 странах [3]. В 1980-е годы, с одной стороны, вырос интерес к сравнительным исследованиям небольшого количества стран для изучения внешнеполитических взглядов, глобальных и международных проблем, исследований общественного мнения. С другой стороны, развитие методологии массовых выборочных опросов, внедрение методики телефонных опросов и личных интервью на дому у респондента позволило России включиться в крупные многострановые сравнительные проекты. В конце 1980-х годов Отдел методических исследований (руководитель В. Г. Андреевков) Института социологии АН СССР стал центром методической разработки и внедрения нового для того времени в России и очень перспективного направления опросов, которые придали дальнейший импульс развитию всей области эмпирических социологических исследований в России, в частности метода телефонных опросов населения. В разработке содержательной части этих опросов принимали участие ведущие советские и иностранные специалисты в конкретных областях знаний (В. А. Ядов, В. А. Мансуров, В. И. Чупров, В. С. Коробейников и др.). Некоторые из этих исследований проводились в рамках международных академических программ, другие — в рамках сотрудничества российских специалистов с коммерческими опросными западными организациями, а также средствами массовой информации. Последнее направление послужило развитию сравнительных международных исследований общественного мнения и исследований, связанных с установками и восприятием вопросов внешней политики и международных отношений.

Другим направлением являлось развитие академических сравнительных проектов, где кроме сравнения стран ключевой задачей стало сравнение динамики различий между странами во времени. Примером такого проекта может служить сравнительное исследование «Использование времени и его показатели» (рук. проекта В. Г. Андреевков, В. Д. Патрушев в России и Дж. Робинсон в США) [4], пилотный этап проекта «Всемирное исследование ценностей» 1986 г. в Тамбовской области. Подобные проекты стимулировали развитие всего направления сравнительных исследований в России и методологии сравнительных опросов в частности, публикацию целого ряда основополагающих в данном направлении научных работ [5,6,7].

Последние два десятилетия стали временем активного включения России в крупные межстрановые сравнительные проекты. В конце прошлого века на карте мира появилось большое количество новых независимых государств, в Европе начали проходить серьезные интеграционные процессы. Для России остро встал вопрос поиска своего места на пространстве бывшего СССР, в Европе и в мире. Среди особенностей развития сравнительных исследований в России на этом этапе можно назвать острый интерес внутри страны и за рубежом (как в академическом сообществе, так и в международных средствах массовой информации, крупных международных компаниях, международных организациях) к ранее мало изученным сторонам жизни российского общества. В частности, к таким темам относятся политическое поведение и политические предпочтения, потребительские предпочтения, гендерные роли и т.п. При этом изучение упомянутых вопросов часто проводилось в сравнительном контексте (либо в сравнении с западными странами, либо с другими восточноевропейскими странами). Начало сравнительных исследований совпало со временем интенсивного развития и внедрения новой для России методологии массовых опросов вообще — личных интервью на дому по случайным вероятностным выборкам населения и телефонных опросов. В это время активно перенимался опыт других стран, много было заимствовано как в области теории и методологии опросов, так и в конкретных инструментах для опросов, поэтому одной из главных методологических проблем стала проблема адаптации инструмента для различных социокультурных и лингвистических условий. Некогда единый Советский Союз, который в сравнительных исследованиях выступал как целостная единица, стал рассматриваться как сложное социокультурное пространство с разными проблемами и особенностями в области проведения массовых опросов, стали развиваться сравнительные исследования постсоветских стран. Россия получила возможность не только использовать международный опыт сравнительных межстрановых иссле-

дований, но и внести свой вклад в развитие методологии сравнительных опросов.

В последние десятилетия количество сравнительной социологической информации постоянно растет. Россия включена в крупнейшие межстрановые сравнительные проекты, в частности, Всемирное Исследование Ценностей (WVS), Международную программу социальных исследований (ISSP), Европейское социальное исследование (WVS) и ряд других [8].

Важность прямых международных сравнений и необходимость централизованных международных усилий для получения информации, которая может быть использована для сравнений, все больше и больше осознается как академическим сообществом, так и государственными службами. Развиваются две методологические и организационные линии межстрановых сравнений социальной информации. С одной стороны, идет постоянный процесс гармонизации и стандартизации информации, полученной государственными статистическими службами, другими национальными государственными институтами (министерствами, ведомствами), а также международными организациями (например, в рамках Всемирной Организации Здравоохранения — ВОЗ, Всемирного Банка, Европейского Банка Реконструкции и Развития- EBRD). Активно развиваются такие отрасли знания как сравнительная статистика, сравнительная демография. С другой стороны, увеличивается количество сравнительных межстрановых исследований, проводимых разными опросными организациями и научно-исследовательскими институтами. В таких исследованиях предметом изучения являются не объективные, а субъективные показатели — мнения, взгляды, установки, ценности людей, их социальные связи, включенность в социальную жизнь и взаимоотношения с разными общественными институтами. Такую информацию можно получить либо на основе отдельных сравнительных опросов, либо на основе специальных сравнительных многолетних трендовых исследований.

Список источников

1. Андреенков В. Г. Проблемы сравнительного анализа в современных социологических исследованиях // Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях / под ред. В. Г. Андрееenkova, О. М. Масловой. М. : ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.
2. Кривневич В. В. Социальные последствия автоматизации. М. : Наука, 1985.
3. Опыт сравнительного международного социологического исследования / под ред. ред. Ф. Гажо, В. Шубкина. Будапешт, 1980.
4. Robinson J., V. Andreenkov, V. Patrushev. The Rhythm of Everyday Life: How Soviet and American Citizens Use Time. Westview Press, 1988.

5. Рукавишников В. О. Проблемы использования математических моделей в сравнительных исследованиях // в кн. Проблемы сравнительных исследований / под. ред. Т. В. Рябушкина, В. Г. Андрееenkova и др. М. : ИСИ АН СССР, 1982.
6. Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных/ под ред. В. Г. Андрееenkova, М. С. Косолапова. М. : ИСИ АН СССР, 1984
7. Ядов В. А. Методологическое обоснование повторных и сравнительных исследований // Социологические исследования. 1985. № 1.
8. Андрееenkova А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М. : Новый хронограф, 2014.

32. Взгляд в будущее: теория и практика научного прогнозирования

Г. В. Леонидова

ЕСТЬ ЛИ У ЕГЭ БУДУЩЕЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЛЕОНИДОВА Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала ИСЭРТ РАН, г. Вологда, Россия; galinaleonidova@mail.ru

Реформирование системы образования как института в России началось с 1990-х гг., когда появилась проблема хронического недофинансирования отрасли и по стране прокатилась волна забастовок педагогов. В 2000-е годы модернизации подверглась непосредственно образовательная деятельность: был введен Единый государственный экзамен; осуществлён переход сначала на двухступенчатую, затем на трехступенчатую систему образования; внедрена балльно-рейтинговая система оценки качества образования; введена новая система оплаты труда педагогов, основанная на качественной оценке профессиональных достижений учителей; осуществлен переход на нормативное финансирование образования; началась оптимизация сети малокомплектных сельских школ и т. д. [1]. В результате системных изменений образование фактически превратилось в сферу потребительских услуг, отношения в которой завязаны на рыночных механизмах [8, С. 87]. Логическим итогом описанных процессов стало законодательное закрепление статуса образования как сферы услуг в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Подобная системная трансформация повлекла за собой многочисленные негативные отзывы общественности:

- «учителя не хотят считать себя оказывающими образовательные услуги. Если образование — сфера услуг, то кто выходит из системы образования? Потребитель» [6];
- «учителя оказываются главными заложниками нашей бесконечной школьной реформы, и это самое печальное. Если учителю в школе не комфортно, — ученику там не может быть хорошо» [7];
- «проводятся в первую очередь те изменения, которые позволяют минимизировать убытки и максимизировать доход, а не повысить качество обучения» [2].

Данные опроса педагогов общеобразовательных учреждений Вологодской области¹, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2015 г. в Вологодской области, продемонстрировали, что 68 % учителей считают, что ни федеральные, ни муниципальные власти не уделяют должного внимания решению проблем образования. Недовольными действиями властей оказались 68 % молодых специалистов (работающих в школе менее 3-х лет), 69 % учителей с педагогическим стажем от 3 до 30 лет и 62 % тех, кто работает более 30 лет [12, С. 76].

Аналогичные настроения характерны не только для педагогов Вологодской области, но и других регионов. Так, согласно социологическому исследованию «Профессиональная самоидентификация учительства», проведенного в 2013 г. в Нижегородской области, ходом образовательной реформы были удовлетворены только 16 % учителей [5].

Одна из реформ в области образования касалась введения Единого государственного экзамена, который должен был стать, с одной стороны, эффективным инструментом оценки знаний обучающихся, с другой стороны, должен был оптимизировать систему вступительных испытаний при поступлении в вуз с учетом социальных аспектов, касающихся равного доступа к получению высшего образования. ЕГЭ декларировался как дальнейший шаг на пути к демократизации отечественного образования [10]. На протяжении всех лет внедрения этого инструмента не утихали дискуссии, как в учительской среде, так и среди общественности о плюсах и минусах этой инициативы. За период, прошедший после введения ЕГЭ, число жителей России, имеющих представление о данной реформе, в 2016 г., как ни странно, снизилось (с 84 % в 2009 г. до 75 % в 2016 г.) [4]. Эксперты ВЦИОМ считают, что «сокращение числа россиян, которые что-либо знают о ЕГЭ, свидетельствует о том, что острота темы снизилась, ЕГЭ уже не формирует актуальную повестку дня».

Однако в связи со сменой руководства Министерством образования и науки РФ² в 2016 г. над ЕГЭ вновь скрестились копья сторонников и противников этого экзамена, которому в 2017 г. исполнилось 10 лет. Причем новые споры о судьбе ЕГЭ упираются в то, что отменять его в нынешнем

¹ В исследовании приняли участие преподаватели школ городов Вологда и Череповец, а также 7 районов области (Бабаевский, Кирилловский, Тарногский, Великоустюгский, Грязовецкий, Никольский, Шекснинский). Репрезентативность выборки обеспечивало соблюдение пропорций между педагогами с различным стажем работы и пропорций между педагогами, работающими в городских и сельских школах. Среди вошедших в выборку: 30,7 % учителей школ г. Вологды, 28,3 % — школ г. Череповца, 41 % — школ районов Вологодской области; 9 % преподавателей со стажем работы менее 3-х лет, 18 % — со стажем от 3 до 10 лет, 23,7 % — со стажем 10—20 лет, 34 % — со стажем 20—30 лет и 15,3 % — свыше 30 лет.

² 19 августа 2016 года Указом Президента Российской Федерации Министром образования и науки Российской Федерации назначена Ольга Васильева.

виде совершенно необходимо, но в то же время совершенно невозможно [9]. Многие связывают отмену ЕГЭ с введенными в 2016 г. «всероссийскими проверочными работами» по необязательным для сдачи ЕГЭ предметам.

Основные претензии к ЕГЭ связаны, как правило, с тем, что:

1) средние баллы по ЕГЭ выдаются за показатель качества образования;

2) произошла замена воспитания и развития детей «натаскиванием на сдачу экзаменов»;

3) не оправдали ожидания от снижения околообразовательной коррупции;

4) существенно увеличилось предоставление услуг репетиторов и т. д.

Более половины россиян (61 %) убеждены в том, что школьных знаний недостаточно для сдачи ЕГЭ на баллы, которые позволяют поступить в вуз. Обратную точку зрения, согласно исследованиям ВЦИОМ, высказывает только каждый четвертый (25 %) респондент [4].

К числу плюсов ЕГЭ можно отнести то, что одаренные дети из регионов получили возможность учиться в престижных вузах (в основном, столичных). Так считают 58 % респондентов. Это первое. Система оценки знаний избавилась от субъективного фактора (48 %) — это второй плюс. 72 % преподавателей вузов, согласно опросу ВЦИОМ, отметили, что абитуриенты с высокими баллами ЕГЭ, как правило, подтверждают свой уровень знаний на вступительном экзамене или конкурсе [3].

Так что же ожидает ЕГЭ в ближайшем будущем? Отменять нельзя отменять. Где ставить запятую? Результаты проведенного *Subscribe.Ru* онлайн-опроса, в котором приняли участие 1654 российских интернет-пользователя, представляющих активную (недельную) аудиторию Рунета, показывает, что часть респондентов выступает за гибридные варианты экзаменов [11]. 34 % предлагают добавить в дополнение к блоку тестов ЕГЭ устную часть по некоторым типам предметов. Еще треть опрошенных предлагает полностью заменить тесты на устный экзамен по некоторым типам предметов. Отметим, что с 2015 года в школьные выпускные экзамены было введено сочинение в качестве одного из обязательных условий допуска к ЕГЭ по русскому языку. Это дополнение 75 % опрошенных оценили положительно.

Список источников

1. Абрамов А. Педагогический катехизис // Эксперт. 2015. № 23. URL: <http://expert.ru/expert/2015/23/pedagogicheskij-katehizis/> (дата обращения: 18.06.2015).

2. Гайшун А. 10 лет на операционном столе: о реформах российского образования. Часть I. URL: <http://q99.it/WLoE2gphhttp://vestnikburi.com/10-let-na-operatsionnom-stole-o-reformah/> (дата обращения: 18.03.2017).

3. ЕГЭ: объективность и эффективность. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115550> (дата обращения: 03.03.2017 г.).
4. ЕГЭ-2016: мифы и реальность. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115766> (дата обращения: 03.03.2017 г.).
5. Зернов А. И., Иудин А. А., Овсянников А. А. Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение. 2014. № 4. С. 43—60.
6. Качественное образование во имя страны: форум Общероссийского народного фронта. Режим доступа: <http://vpravda.ru/statii/7380-forum-obshcherossijskogo-narodnogo-fronta-kachestvennoe-obrazovanie-vo-ima-strany-prodolzhenie-nachalo-v-n154.html> (дата обращения: 18.03.2017).
7. Максимов А. Чему-нибудь и как-нибудь [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015. 17 мая. Федеральный выпуск № 6675 (104). URL: <http://www.rg.ru/2015/05/18/shkola.html> (дата обращения: 18.03.2017).
8. Огнева В. В., Болховитина Т. С., Васютина Ю. С. Высшая школа современной России: ключевые тренды формирования новой парадигмы // Образование и общество. 2015. № 2. С. 86—90.
9. Привалов А. О печальном юбилее. URL: <http://andoc.livejournal.com/764060.html> (дата обращения: 03.03.2017 г.).
10. Собкин В. С. Отношение учителей к Единому Государственному Экзамену (по материалам социологического исследования) // Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXIII. М. : Институт социологии образования РАО, 2009.
11. Тюттерина Н. В. ЕГЭ: Результат опроса [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/blog/otnosheniie-k-iege-eto-stoit-prochitat.html> (дата обращения: 03.03.2017 г.).
12. Учителя и реформы: региональный аспект / Леонидова Г. В., Головчин М. А., Соловьева Т. С. Вологда, 2016.

М. В. Морев, Т. А. Гужавина

К АКТУАЛЬНОСТИ ВОПРОСА О ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОЦИОЛОГИИ

МОРЕВ Михаил Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН. Г. Вологда, Россия; 379post@mail.ru

ГУЖАВИНА Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующая лабораторией экономико-социологических исследований ИСЭРТ РАН, г. Вологда, Россия; tanja_gta@mail.ru

Аннотация. Результаты прошедших в 2016 г. выборов в США и ряде стран Западной Европы во многом оказались неожиданными для аналитиков из различных областей общественных наук, включая социологов. В экспертном сообществе возникли рассуждения о кризисе социологии и дальнейшей целесообразности проведения дорогостоящих массовых изменений общественного мнения. Однако, на взгляд авторов, сложившуюся вокруг социологической науки ситуацию следует трактовать исключительно как новый драйвер повышения ее эффективности. Эволюция мирового сообщества и, особенно, турбулентность развития социальных процессов последних десятилетий, ставит перед социологией новые задачи — разработки инновационных подходов и методических инструментариев научного познания социальной реальности и реализации одной из главных ее функций — прогностической. Авторская позиция исходит из того, что совершенствование методологии социологических измерений должно проходить, в первую очередь, по линии поиска взаимосвязи между эмпирической и фундаментальной наукой. Приведенные в данных материалах результаты многолетних социологических измерений, проводимых ИСЭРТ РАН, доказывают, что между гражданской (в том числе, электоральной) активностью населения и фундаментальными процессами, происходящими в структуре общественного сознания существует тесная связь. Поэтому разработка инструментария, способного сочетать академическую и эмпирическую составляющие социологической науки, — важнейшая задача, которая стоит сегодня перед научным сообществом, и единственный способ преодоления кризиса прогностических возможностей социологии.

Ключевые слова: социология, электоральное поведение, социальный атомизм, гражданская активность, методология социологических исследований

Вся история человечества связана с интересом к будущему. В предшествующие эпохи использовались различные формы предвидения соответственно господствующему типу сознания: мистическому, мифологическому, религиозному. Современная наука использует формально-логические модели прогнозирования, основанные на расчетах. Естественно, что в обществе придерживающемся ориентации на развитие на основе научных достижений, прогноз возможен только на основе использования научных методик.

Функция прогнозирования имманентно присуща науке в целом. Для социологии прогнозирование — ее важнейшая задача. Но в решении данной задачи есть существенные проблемы. Как отмечается в анонсе нашей конференции, российская социология слишком привязана к настоящему и «мало и неумело работает с будущим». Выход из ситуации возможен в смене парадигмы прогнозирования, в переходе от поиска способов решения проблем, фактически означающего «латание дыр», к поиску способов использования «новых возможностей», позволяющих не только находить неиспользованные резервы, но и выявлять инновационные модели развития.

Одним из условий успешности и продуктивности прогнозирования является его концептуальное основание. Концептуальное знание, являясь системным по своей организации, позволяет выделить из множества социальных фактов, те, что необходимы для построения прогностической модели. Среди множества социологических концепций отметим прогностические возможности концепции социального капитала. В последние десятилетия она приобрела широкую популярность в связи с тем, что в обществе сформировался определенный социальный заказ на поиск новых ресурсов развития. Таковыми стали неэкономические факторы, среди которых социальный капитал занял одно из ведущих мест. Данная концепция имеет не только теоретическую, но и практическую ценность, поскольку позволяет увидеть новые неэкономические источники повышения эффективности общества, роста благосостояния граждан. Она объясняет, каким образом группы, общности, индивиды, могут достичь позитивных для себя результатов при слабой институциональной поддержке, либо при ее полном отсутствии.

Важнейшей проблемой для экономистов и политиков всегда был поиск ресурсов, обеспечивающих экономический рост и повышение благосостояния населения страны. Найденные ресурсы со временем либо исчерпывали себя, уступая место другим, либо были ограниченно эффективны. Социальный капитал представляет собой особый ресурс, который дополняет, а порой замещает другие экономические ресурсы, что ведет к снижению различного рода издержек. Имея общественную природу, социальный капитал, представляет собой производную от качества и количества со-

циальных отношений в обществе. Его величина зависит от интенсивности взаимосвязей между людьми. Это системное образование, имеющее свои структурные элементы, в качестве которых выступают социальные сети и доверие. Они представляют собой первичные параметры данного феномена. Постиндустриальная стадия предполагает интенсификацию сферы интерперсональных услуг, то есть сфер ориентированных на формирование и использование интеллектуальных способностей человека.

Концепция социального капитала создает ряд возможностей не только для оценки сложившейся ситуации, но и для выявления скрытых возможностей развития институциональной среды экономической деятельности, оценки эффективности управления государственными расходами, повышения качества жизни населения, обеспечения не только устойчивого роста экономики, но и усиления ее инновационной восприимчивости. Инновационная составляющая экономического развития тесно связана с развитием экономики знаний, когда важнейшим фактором экономического прогресса становятся интеллект и творческие способности индивида. Социальный капитал обладает значительно большим потенциалом по сравнению с физическим и человеческим капиталом. Так высокий уровень недоверия в обществе может привести к усилению транзакционных издержек, к необходимости совершать дополнительные действия по обеспечению безопасности сделок, расходованию дополнительных ресурсов. Доказано, что наиболее экономически развитые страны располагают более высоким уровнем доверия, что доказывают исследования, проводимые в рамках программы «Edelman Trust Barometer» [1]. Поиск путей и способов повышения доверия, выявление условий его формирования создают возможность прогнозирования его динамики под влиянием тех или иных факторов. Так, например, признание в качестве значимого для укрепления доверия фактора включенности в различные социальные сети позволяет предположить, что их развитие и укрепление, поддержка со стороны институтов создаст условия для более широкой коммуникации, роста информированности и образованности населения. А это в свою очередь приведет к повышению институционального доверия, что позволит повысить эффективность функционирования институтов.

Использование концепции позволяет получить информацию о том или ином типе социального капитала, что в свою очередь дает возможность охарактеризовать институциональную среду, в рамках которой функционирует бизнес. Данная среда подпитывает своими ресурсами экономические действия. Рассматривая социальный капитал как неэкономический фактор развития, и выявив преобладающий в сообществе его тип, мы можем понять, какие институциональные изменения необходимы.

Выявление различных уровней социального капитала, позволяет рассматривать его в формате общественного, клубного или частного блага [2]. При рассмотрении форм социального капитала возникает возможность оценки инвестирования в ту или иную его форму. Социальный капитал в его общественной форме требует к себе внимания и инвестиций, прежде всего со стороны государства, поскольку одной из функциональных задач государства является обеспечение интересов общества в целом. Как клубное благо социальный капитал присущ только группе, доступен только ее членам и приносит выгоду именно внутри группы. Данный тип социального капитала может иметь как позитивные, так и негативные последствия для общества. Выявление и оценка такого типа капитала может позволить оценить тип социальной ренты, получаемой представителями сообщества или группы. А далее разработка управленческих решений может быть направлена на ограничение или развитие такого типа социального капитала, что и будет своего рода прогнозом. Тот факт, что любое управленческое решение ориентировано на достижение целей в будущем, превращает его в прогноз.

По мнению исследователей социальный капитал не просто упрощает производственную деятельность, но и обладает значительным потенциалом, возможно большим по сравнению с физическим и человеческим. Трудность доказательства этого состоит в отсутствие адекватной системы оценки его состояния [2]. Это ориентирует на его дальнейшее глубокое изучение и, прежде всего, на поиск способов измерения [3].

Концепция социального капитала соединяет в себе философскую, экономическую, социологическую составляющие, что придает ей междисциплинарный характер. По мнению С. Г. Кирдиной, Г. Б. Клейнера [4] разработка социальных прогнозов именно на основе междисциплинарных проектов открывает большие возможности.

Список источников

1. Trust barometer. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer>.
2. Рожков Г. В. Генезис инновационной экономики в России. М. : Макс Пресс, 2009.
3. Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Мехова А. А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110—125.
4. Кирдина С. Г. Клейнер Г. Б. Социальное прогнозирование как междисциплинарный проект // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 44—51.

А. А. Мехова

ФОРСАЙТ — ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ

МЕХОВА Альбина Анатольевна А. — кандидат философских наук, доцент, зав.кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Череповец, Россия; aamehova@severstal.com; albina_mehova@mail.ru

Аннотация. Форсайт — это комплексный метод прогнозного исследования, конструктивная технология создания реалистического образа будущего, базирующегося на общем согласии и приверженности. Автор, не умаляя значимости экономических и технологических аспектов форсайта, считает важным обратить внимание на его социально-коммуникативный потенциал, представить форсайт как инновационную технологию социального участия. В тезисах представлен опыт проведения форсайта города Череповца до 2020 года. Проанализирован опыт применения в форсайте комплекса социологических методов, механизмов формирования условий для социального участия. Главной целью Форсайта Череповца был уход от моноэкономической зависимости от крупного бизнеса, в первую очередь, крупнейшей металлургической компании ПАО «Северсталь», которая на протяжении всей современной истории города была градообразующим предприятием. В результате форсайта был сформирован комплексный план, успешность которого была подтверждена жизнью. К 2016 году основные положения этого плана были выполнены, город на основе широкого социального участия принял новую стратегию развития «Череповец — растущий и развивающийся город». Череповец вышел из списка моногородов, подав заявку на статус территории опережающего социально-экономического развития. Форсайт заложил традицию партнерства власти, бизнеса, науки и городского сообщества в решении социальных проблем.

Ключевые слова: форсайт, прогнозирование, социальное участие

Современная методология форсайт-исследований отвечает требованиям и соответствует характеру современных социальных трансформаций. Это соответствие становится условием и залогом их эффективности и подтверждается тем, как стремительно форсайт вошел в современную науку и социальную практику. Речь идет не только о конечных результатах исследований, но самих механизмах их реализации.

Одна из особенностей форсайта как прогнозной технологии — методологическая комплексность. Он реализуется комплексом количественных

и качественных методов, что позволяет провести эффективную триангуляцию для повышения обоснованности интерпретации полученных эмпирических данных.

Большинство теоретиков форсайта отмечают, что он есть не прогнозирование и стратегирование в традиционном понимании, это конструктивная технология создания реалистического образа будущего, базирующегося на общем согласии и приверженности [2,3]. Вот почему представляется важным, не умаляя значимости экономических и технологических аспектов исследований, обратить внимание на социально-коммуникативный потенциал форсайта, представить его как инновационную технологию социального участия[4].

Таким образом, форсайт не только инновационная технология прогнозирования, но и эффективный механизм объединения городского сообщества. Форсайт показал синергетический эффект добровольного объединения горожан в стремлении сделать свой город, а, следовательно, и свою жизнь, лучше. Применяя современные теоретические конструкты, можно сказать, что в реализации форсайта проявляется одна из форм социального капитала. Под социальным капиталом мы понимаем, во-первых, наличие сетей социальных отношений, характеризующихся нормами доверия и взаимности и уровень вовлеченности в них людей, а в конечном счете, полезные для общества, социальных групп (в определенной статье контексте — для региона) внешние эффекты, результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках межличностных сетей и ассоциаций, основанных на доверии, общих нормах и ценностях[1]. Автор имел возможность убедиться в этом на опыте личного участия в «Форсайте развития города Череповца до 2020 года».

Город Череповец Вологодской области в недалеком прошлом — яркий пример индустриального моногорода. Построенный в 1950-е годы вместе с Металлургическим комбинатом, ставшим за эти годы транснациональной компанией ОАО «Северсталь», город Череповец вместе с доминирующим предприятием переживает все цикличные взлеты и падения металлургии. Кризис 2008—2009 годов обострил негативные последствия сверхзависимости города от доминирующего предприятия. Было решено провести форсайт, основной задачей которого стало формирование новой стратегии развития, выявление перспективных направлений и ниш в диверсификации и развитии экономики города. Исследования проходили в рамках соглашения, подписанного мэрией, ОАО «Северсталь» и Советом общественности города. Рабочие органы проекта были сформированы из ведущих ученых-исследователей города, в роли внешних экспертов выступили специалисты Сколково. Уже на конференции — старте был принят четкий и жесткий алгоритм исследований.

На этапе диагностики — экономический анализ текущей ситуации, сценарное планирование, изучение позитивного опыта трансформации городов, исследование социальной среды, настроений горожан — системные социологические исследования, призванные оценить степень готовности населения к участию в изменениях. В методический комплекс этого этапа вошли массовые опросы общественного мнения, фокус-группы, глубинные интервью, экспертные интервью, установочные семинары, обучающие тренинги, дискуссии в рабочих группах. Стимулирование процессов общественной самоорганизации, коммуникации с горожанами и вовлечение их в совместное построение будущего города стали ядром проекта.

На этапе сбора предложений было проведено более 125 экспертных опросов, экспертные панели по отраслям и сферам, мозговые штурмы, рабочие группы и многое другое. Принимались не только экспертные мнения, предложения мог высказать любой череповчанин. Для этого были сформированы специальные каналы коммуникаций — сайт в сети Интернет, городские форумы, интерактивные передачи на городском телевидении, рубрики в городских газетах, специальные конкурсы для различных возрастных и социальных групп «Мой Форсайт». Была проведена огромная работа по созданию банка идей. Для последующей экспертной оценки было отобрано около 150 предложений.

Технологичность, понятный и четкий алгоритм обратной связи на каждом этапе проекта, с каждым участником проекта помог не только сделать эффективный прогноз, но объединить городское сообщество в желании этот прогноз осуществить. Конкретным результатом Форсайта стала обновленная стратегия, Комплексный план развития города до 2020 года.

Прошедшие с тех пор годы подтвердили эффективность выбранного пути и приблизили город к реализации того будущего, которое было сформировано форсайтом в 2010 году. Главная задача форсайта — поиск механизмов ухода от моноэкономической зависимости города от предприятий крупного бизнеса — практически, реализована. Город сформировал новую стратегию развития до 2035 года на основе широкого вовлечения в ее обсуждение горожан. Новая стратегия получила название «Череповец — растущий и развивающийся город». Она предполагает строительство индустриальных площадок, новых социальных объектов, благоустройство парков и скверов и т. п. Планируется, что развитие экономики и инфраструктуры города приведет к увеличению числа жителей до 400 тысяч. Меры пошагово расписаны на 20 лет вперед.

Еще одной инновацией, а точнее, продолжением традиций, заложенных форсайтом, стало то, что стратегия развития города не только была сформирована на основе социального участия, но и вынесена на суд

научного сообщества. Мэр города Ю. Кузин защищал стратегию развития Череповца в Сколково. Её оценила комиссия во главе с первым заместителем председателя правительства РФ Игорем Шуваловым. Эксперты рассматривали проекты ухода от монозависимости 20 российских городов. Стратегия Череповца была признана одной из лучших. Еще при защите стратегии было заявлено, что Череповец намерен уйти добиваться присвоения ему статуса территории опережающего экономического развития (ТОСЭР). В феврале 2017 заявка на создание территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) была направлена в министерство экономики и, судя по всему, в ближайшее время будет одобрена.

Таким образом, форсайт Череповца до 2020 года не только позволил открыть новые перспективы для развития города, но способствовал аккумуляции научных знаний и практического опыта, выявил кадровый потенциал, базу социальной и экспертной поддержки новой стратегии, вошел в практику управления как инновационный прогнозный метод, технология социального участия.

Список источников

1. Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Мехова А. А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110—125.
2. Барышев И. А., Серегина С. Ф. Закономерно ли появление Форсайта // Форсайт. 2008. № 2. С. 4—12.
3. Заборова Е. Н. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 23—31
4. Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов). М. : Институт социологии РАН, 2007 г.

Г. А. Ковалева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ЧЕРЕПОВЦЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЗДОРОВЫЙ ГОРОД»)

КОВАЛЕВА Галина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Россия; galoka1960@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта практика реализации проекта ВОЗ «Здоровые города» на примере промышленного города Череповца. Обозначена роль и значение мониторинга основных показателей и индикаторов здоровья детского и взрослого населения как пример установления кросс-функциональных связей структурных подразделений мэрии города, общественных организаций и других заинтересованных сторон. Такая социально-ориентированная практика позволяет достичь основных цели, среди которых создание благоприятной городской среды.

Ключевые слова: Здоровье, общественное здравоохранение, социальный проект, социальные детерминанты здоровья

Проект «Здоровый город» относится к классу международных социальных проектов. Начало ему положила инициатива города Торонто, в котором в 1984 году состоялся семинар «Здоровый Торонто к 2000 году» [1]. Обращаясь к истории появления самого проекта «Здоровые города» следует сказать, что он был создан в 1986 году по инициативе Европейского Регионального Бюро Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ). Специалистами Европейского Регионального Бюро ВОЗ проект был разработан как практическая реализация стратегии «Здоровье для всех на уровне города. Вскоре в Европе появилась целая сеть «Здоровых городов». Сейчас это движение объединяет более 1000 городов и 30 национальных сетей.

Специфика этого проекта заключается в том, что, несмотря на свой международный статус, он ориентирован на «улучшение не только здоровья, но и качества жизни, а также «ликвидацию социальных различий в отношении всех факторов, влияющих на здоровье населения» именно в определенном городском социуме [2, С. 16]. Идеология ВОЗ состоит в том, чтобы, вся проектная работа, включая изыскания материальных и прочих ресурсов, осуществлялись на местном уровне. Поскольку на здоровье городского населения влияет широкий и постоянно меняющийся

спектр факторов, то здоровый город должен быть готов адекватно реагировать на подобные изменения. Следует отметить, что в рамках проекта категория «здоровье» имеет широкое толкование и определяется как «целостный комплекс физических, психологических, социальных и духовных характеристик». [3, С. 14].

Само появление проекта в России обусловлено тем, что в последние десятилетия XX в. большинство российских городов столкнулось с множеством общих проблем (нехваткой бюджетных средств, спадом производства, ухудшением экологической и социальной обстановки, ухудшением здоровья россиян и т. д.), исключительность которых потребовала особого подхода к их решению, который бы основывался не только на финансовых вложениях, но и на новых нетрадиционных комплексных методах. Их разработка и внедрение потребовали использования современных информационно-аналитических технологий для проведения анализа и прогнозирования развития ситуаций. В Москве на базе НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением, в сотрудничестве с кафедрой общественного здоровья и профилактической медицины первого московского медицинского университета им. И. М. Сеченова работает Центр поддержки проекта «Здоровые города», по инициативе которого в 1994 году и началась работа по развитию проекта «Здоровые города» в России.

В 2003 году была принята стратегия развития Череповца до 2012 года, для реализации которой был выбран программно-целевой метод. Череповец, как и ряд других муниципальных образований — Ижевск, Чебоксары, Новочебоксарск, Ставрополь, выбрал в качестве стратегической цели здоровье горожан и стал участником проекта «Здоровые города». Городской проект был разработан в соответствии со стратегией ВОЗ «Здоровье для всех». Согласно рекомендациям, городское управление в Череповце основе этого проекта строилось путем ранжирования проблем по очередности решения и сосредоточение усилий на первоочередных задачах, при выборе которых учитывается не только важность проблем как таковых, но и возможности их решения. Главная черта проекта — постановка согласованных, конкретных, по возможности, количественно выраженных целей, постоянный мониторинг хода работы и достигнутых результатов с одновременной корректировкой планов применительно к меняющейся ситуации.

В качестве основной цели проекта обозначено достижение высокого уровня здоровья настоящих и будущих поколений жителей города, в том числе: создание социально-экономических условий, необходимых и достаточных для здоровья населения города; развитие сбалансированной экологической системы города; развитие системы общественного здравоохранения в городе. Инструментарием проекта является Профиль

здоровья города Череповца — это описание состояния общественного здоровья. Цель профиля — выявить проблемы, определить приоритетные направления деятельности и оценить результаты. За более, чем 10 лет было подготовлено 3 Профиля здоровья города (как комплексный единый документ), специализированный Профиль здоровья пожилых, Профиль здоровья молодежи, Профиль здоровья детей.

Основной продукт, который появился в ходе проектной деятельности — интегральный План развития здоровья города («Комплексная межведомственная программа развития здоровья в городе до 2012 года») — это ключевой инструмент формирования здоровья населения. Непосредственно реализация проекта проводилась четыре этапа, рассчитана до 2015 года и предполагала последовательное прохождение четырех этапов. Подготовительный этап (2001—2002 гг.). В ходе первого этапа сформировалась инициативная группа, которая развивала проект «Здоровый город». Совместно с органами городского самоуправления проводился анализ состояния здоровья населения в городе: изучались возможности и ограничения применения методологии ВОЗ для оценки социально-экономической ситуации в Череповце в соответствии с концептуальной направленностью проекта. Кроме того, происходило формирование рабочих групп по изучению статистических данных и обсуждению методологии проекта.

Формирование организационной структуры проекта и оценка ситуации в городе (2002—2003 гг.). В ходе этого этапа происходило создание организационной структуры проекта: в структуре мэрии появился городской координационный комитет, городское бюро «Здоровый город». В ходе второго этапа была спланирована стратегия развития проекта, созданы материальная и информационная базы, разработаны формы и процедуры отчетности. Была создана и согласована со всеми участниками описательная модель здорового города.

Выработка стратегии и долгосрочное планирование общественного здоровья (2003—2004 гг.) — этап, в ходе которого шло создание стратегии общественного здравоохранения. Вырабатывались методики внедрения стратегии общественного здравоохранения в конкретные городские программы на основе межведомственного взаимодействия.

Внедрение и мониторинг (2004—2015 гг.) — предполагал введение новой системы управления общественным здравоохранением в процесс развития города, организацию и развитие межведомственного сотрудничества и партнерства в интересах здоровья населения города.

Что касается организационной структуры проекта, то обрисовать ее можно следующим образом: общее руководство проектом в Череповце осуществляет координационный комитет по реализации программы «Здоровый город», который возглавляет мэр. Координационный коми-

тет определяет принципы и стратегию реализации проекта в городе. Общее управление проектом осуществляет руководитель проекта — мэр города, а оперативное управление проектом — менеджер-координатор, который является постоянным представителем проекта в городе и вне его. Координатор наделен полномочиями для оперативного управления проектом и несет ответственность за выполнение мероприятий, достижение цели и целевых показателей, предоставление информации о ходе реализации «Здорового города». Исполнительным органом городского комитета являлся отдел по реализации программы «Здоровый город». Целью отдела является создание и совершенствование механизма межведомственного взаимодействия для обеспечения реализации проекта в рамках стратегии развития города. Рабочие группы, о которых упоминалось ранее, формируются менеджером «Здорового города» из представителей органов мэрии города, организаций, общественных объединений, других исполнителей, заинтересованных и компетентных в решении вопросов в рамках проекта. Объем финансирования Программы планируется ежегодно исходя из объема необходимых мероприятий по целевым направлениям на основе принципа межведомственного сотрудничества.

В 1996 году на площадке города была создана российская сеть «Здоровые города, районы и поселки», и на сегодня уже более 100 российских городов познакомились с проектом, получили руководства по внедрению, приняли участие в мероприятиях сети, как в России, так и за рубежом, и начали внедрение. В 2000—2009 гг. семь городов российской сети получили аккредитацию в сети ЕРБ ВОЗ «Здоровые города»: Димитровград, Ижевск, Кинель-Черкассы, Новочебоксарск, Ставрополь, Чебоксары, Череповец. В 2009 году Проект поддержан Советом Федерации, было предложено провести парламентские слушания по проекту «Здоровые города». В 2010 г. российская сеть «Здоровые города» подтвердила свою аккредитацию в ЕРБ ВОЗ. Сейчас в РФ развиваются две региональные сети — в Вологодской области и Чувашской республике, семь городов получили свидетельства об аккредитации в сети ЕРБ ВОЗ: Ижевск, Новосибирск, Новочебоксарск, Самара, Ставрополь, Чебоксары, Череповец.

Список источников

1. Бартон Х. Здоровое городское планирование / Центр поддержки «Здоровые города» в России. М., 2002.
2. Методическое руководство по подготовке «Городского плана развития здоровья» / Всемирная организация здравоохранения. Ижевск : Европейское региональное бюро, Центр городского здоровья, 2001.
3. Проект «Здоровые города»: Пособие для руководителей городских проектов. М. : Центр поддержки проекта «Здоровые города», 1996.

Т. В. Ускова

О МЕТОДИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

УСКОВА Тамара Витальевна — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда, Россия; tvu@vscc.ac.ru

Аннотация. Показана роль прогнозирования социально-экономических процессов, место экспертных методов в предвидении экономической динамики, возможность их применения в исследованиях по региональной экономике.

Ключевые слова: экономические процессы, инструментарий прогнозирования, экспертные методы, прогноз

В условиях нестабильной рыночной среды для принятия управляющих решений в сфере экономики требуется проведение предварительного научного анализа тенденций развития; разработка вариантного предвидения предстоящего развития общественного воспроизводства, учитывающее как сложившиеся тенденции, так и намеченные цели; оценка возможных последствий принимаемых решений; обоснование направлений (социально-экономического и научно-технического) развития. Решить эти задачи призвано прогнозирование, позволяющее дать объективное, достоверное представление о том, что будет при тех или иных условиях.

Прогнозирование развития народного хозяйства носит комплексный характер и базируется на следующих принципах: системности; научной обоснованности; целенаправленности; адекватности; альтернативности; историчности и т. п.

Анализ методического инструментария прогнозирования позволяет заключить, что в числе методов особое место занимают интуитивные методы. Они позволяют решать сложные неформализуемые проблемы посредством получения прогнозных оценок состояния развития объекта в будущем независимо от информационной обеспеченности путем экспертных оценок. Наиболее часто эти методы используются при рассмотрении социально-экономических проблем, где невозможно выработать формализованную прогностическую модель. В качестве экспертов по экономическим вопросам могут выступать представители деловых кругов, научного сообщества, общественных объединений, руководители

хозяйствующих субъектов, ведущие специалисты органов государственной власти и местного самоуправления и т. д.

Организация процедуры экспертной оценки включает несколько направлений: формирование экспертной группы; подготовку и проведение экспертизы; статистическую обработку полученных результатов опроса. В зависимости от организации экспертной оценки и формы опроса различают методы индивидуальных и коллективных экспертных оценок. Наиболее часто применяется метод анкетирования, который позволяет без больших финансовых затрат охватить большую группу людей и большую территорию. При этом респондент имеет запас времени для заполнения анкеты, возможность отвечать на вопросы анкеты в одиночестве, что обеспечивает анонимность, и как следствие, большую объективность.

Достаточно большой опыт применения экспертного метода в прогнозировании социально-экономических процессов имеет Институт социально-экономического развития территорий РАН. В частности этот метод широко используется в мониторинге развития основных отраслей экономики Вологодской области: промышленности и сельского хозяйства.

Мониторинг функционирования и развития промышленности Вологодской области проводится с 1993 г. Информационной базой мониторинга помимо данных официальной статистики служат результаты анкетного опроса руководителей промышленных предприятий области. Объем выборочной совокупности составляет 220 руководителей промышленных предприятий области. Сбор данных осуществляется путем рассылки анкет.

Анкета включает вопросы, касающиеся оценки основных производственно-экономических показателей функционирования предприятий, степени использования их производственного потенциала; состояния и выявления проблем инвестиционной и инновационной деятельности; состояния трудового потенциала предприятий; экономической политики, проводимой на федеральном и региональном уровне; развития международного сотрудничества предприятий и влияния экономических санкций.

По ряду вопросов руководители промышленных предприятий делали прогноз на краткосрочный период. Прежде всего это касалось возможных изменений экономических показателей деятельности предприятия: объемов производства, капиталовложений, отпускных цен и платёжеспособного спроса на выпускаемую продукцию, цен на сырье и материалы, себестоимости выпускаемой продукции, загрузки производственных мощностей, финансового состояния и др.

Так, оценивая состояние предприятия в 2015 г., каждый третий из числа ответивших отметил снижение физического объема производства и платёжеспособного спроса на выпускаемую продукцию; каждый пя-

тый — сокращение капиталовложений. Доля респондентов, считающих финансовое состояние организаций хорошим, возросла с 21 % в 2014 г. до 26 % в 2015 г. (рис.). Одновременно с этим значительно уменьшилась доля руководителей, неудовлетворенных финансовым состоянием своего предприятия (с 12 до 3 %). Большая часть участников исследования (71 %) считает финансовое состояние предприятий удовлетворительным.

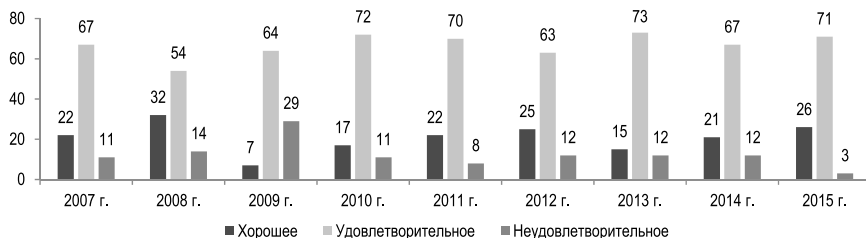

Рис. 1. Оценка руководителями финансового состояния промышленных предприятий Вологодской области, % от числа ответивших

Что касается прогноза на предстоящий год, то, по мнению почти половины руководителей, участвующих в опросе, следует ожидать рост объемов производства и цен на производимую продукцию. Рост цен на сырье и материалы ожидают почти 90 % опрошенных, увеличение себестоимости продукции — 78 %, снижение платежеспособного спроса — более 40 %. При этом около 10 % ответивших на вопросы анкеты прогнозируют ухудшение финансового положения своего предприятия. Каждый пятый считает, что предприятие станет банкротом, а 80 % руководителей полагают, что угрозы банкротства в предстоящий период удастся избежать.

Результаты полученного прогноза использовались при выработке комплекса мер государственного регулирования промышленного сектора экономики региона.

Вместе с тем следует заметить, что применение экспертных методов в прогнозировании экономической динамики требует совершенствования методического инструментария. Основная проблема здесь заключается в том, что, несмотря на все преимущества этого метода, недостатком является то, что респондентами не возвращается большое количество анкет. Для обеспечения репрезентативности данных необходимо учитывать этот факт, применять и другие методы работы с экспертами.

К. А. Гулин

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

ГУЛИН Константин Анатольевич — доктор экономических наук, ФГБУН Институт социально-экономического развития территорий, г. Вологда, Россия; gulin_k@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования и функционирования региональных систем кадрового обеспечения экономики в контексте задач долгосрочного инновационного развития. Выстраивание многоуровневых систем подготовки научно-технических и инженерных кадров должно решать 3 основные задачи: «обеспечение массовости», «выращивание талантов», «минимизация оттока талантов». Функционирование указанных систем целесообразно направить на обеспечение экономики высококвалифицированными кадрами трех категорий: специалисты, занятые в сфере исследований и разработок; инженерно-конструкторские кадры; технологические предприниматели. В основе предлагаемой модели подготовки кадров лежит комплексный подход, выражающийся в интеграции этапов и подсистем образования и профессионального развития, заинтересованного вовлечения хозяйствующих субъектов. За счет сочетания массовости и работы с талантами, обеспечивается максимально полное раскрытие потенциала индивидов, склонных к научно-техническому творчеству. Для того чтобы эта система приносила реальный эффект, необходимо развитие высокотехнологичной промышленности и обеспечение на этой основе устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: регионы, инновационная экономика, научно-технические и инженерно-конструкторские кадры, система, проектирование

Достижение стабильно высоких темпов экономического роста на национальном и региональном уровнях требует обеспечения устойчивой продуктивности экономики, что связано с созданием расширяющегося объема добавленной стоимости на единицу ресурсных затрат. Эта задача выходит далеко за рамки сугубо производственно-экономической парадигмы, она невыполнима без серьезных социальных изменений, связанных с развитием подлинного «общества знаний». Необходимо создание массовой среды, способствующей «широкому вовлечению людей в процессы инновации — придумывания, разработки и распространения

новых методов и продуктов, то есть в процессы внутренней инновации, осуществляющейся на самых разных уровнях, вплоть до самого низа» [1].

Жизненную важность данного вопроса для России обуславливает колоссальный дефицит квалифицированных кадров, который официально оценивается в 2 млрд человек [2]. Недостаток инженерных кадров, в частности, составляет 800 млн человек [3]. Отмечается низкая степень мотивации молодежи к поступлению в вузы на инженерные специальности. Причиной этого является не только непрестижность соответствующих профессий, но и отсутствие системы вовлечения способных детей в научно-техническое творчество, в сферах, как общего, так и дополнительного образования. По данным опроса ВЦИОМ, 2012 г., научно-технические занятия посещало только 2 % детей, вовлеченных в систему дополнительного образования [4].

Нельзя не отметить, что в последнее время внимание к вопросам популяризации научно-технического творчества и инновационного поиска, прежде всего посредством дополнительного образования детей и молодежи, заметно активизировалось. В качестве примеров значимых проектов национального уровня можно отметить: программу «Робототехника: инженерно-технические кадры инновационной России», реализуемую с 2008 г. Фондом «Вольное Дело» в партнерстве с Федеральным агентством по делам молодежи при поддержке Министерства образования и науки РФ и Агентства стратегических инициатив (АСИ)¹; стратегическую инициативу АСИ «Новая модель системы дополнительного образования детей», в рамках которой создается сеть детских технопарков «Кванториум», обеспечивающая доступ учащихся к современным программам дополнительного образования в области технологий².

Однако, на наш взгляд, имеющаяся сегодня практика имеет, по крайней мере, четыре существенных недостатка:

- фрагментарность реализуемых в сфере дополнительного образования подходов и слабая их координация с программами общего образования в области технологической подготовки (при этом качество и эффективность последней также вызывает вопросы);
- распространение различных форм дополнительного образования преимущественно на коммерческой основе (в виде платных услуг), что ограничивает доступность научно-технического творчества для недостаточно обеспеченных слоев населения;

¹ Робототехника: инженерно-технические кадры инновационной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianrobotics.ru/about/info>.

² Сайт Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.ru/social/education/>.

- отсутствие (в большинстве случаев) системных связей учреждений образования (общего, дополнительного и профессионального) с производственным сектором;
- продуцирование инициатив по «регенерации» институциональной среды подготовки кадров преимущественно на национальном уровне; отдельные регионы включаются в программы и проекты, реализуемые на федеральном уровне, однако примеры системного подхода к выстраиванию систем подготовки научно-технических и инженерно-конструкторских кадров на региональном уровне единичны.

Выстраивание многоуровневых систем подготовки научно-технических и инженерных кадров должно, на наш взгляд, решать 3 основные задачи и охватывать соответствующие направления деятельности и мероприятия (табл. 1).

Таблица 1. Задачи по подготовке научно-технических и инженерно-конструкторских кадров и мероприятия по их достижению

Задача	Направление	Мероприятия
Обеспечение массовости	Формирование среды для реализации способностей к научно-техническому творчеству	Совершенствование программ общего образования (реализация STEM и CDIO концепций) Материально-техническое и кадровое обеспечение образовательных учреждений
Выращивание талантов	Создание системы выявления и сопровождения развития талантов	Развитие инфраструктуры дополнительного образования. Создание регионального «банка талантов» в научно-технической сфере
Минимизация оттока талантов	Формирование условий для самореализации и закрепления талантов в регионе	Создание эффективной системы профессиональной ориентации Формирование сетей взаимодействия учреждений образования и хозяйствующих субъектов

Функционирование указанных систем целесообразно направить на обеспечение экономики высококвалифицированными кадрами трех категорий:

- специалисты, занятые в сфере исследований и разработок: в научно-исследовательских организациях различного профиля, в научных подразделениях вузов, осуществляющих исследования, в том числе, по приоритетным направлениям развития региона;
- инженерно-конструкторские кадры для предприятий производственной сферы, деятельность которых нацелена на усовершен-

ствование или создание новой продукции с новой добавленной стоимостью, востребованной и конкурентной на рынке;

- технологические предприниматели, выступающие генераторами идей, способными создавать высокотехнологичные предприятия, организовывать команды разработчиков, реализовывать проекты по производству продукции с высокой добавленной стоимостью, осуществлять деятельность по привлечению инвестиций, трансферу и коммерциализации технологий.

В основе предлагаемой нами модели подготовки научно-технических и инновационных кадров лежит комплексный подход, включающий последовательность интегрированных этапов и подсистем образования и профессионального развития детей и молодежи. За счет сочетания массовости, с одной стороны, и выявления и сопровождения талантов, с другой, обеспечивается максимальное раскрытие потенциала детей и молодежи, проявляющих склонности и способности к научно-техническому творчеству. Вовлечение в эту систему хозяйствующих субъектов содействует самоопределению молодежи и закреплению ее на территориях.

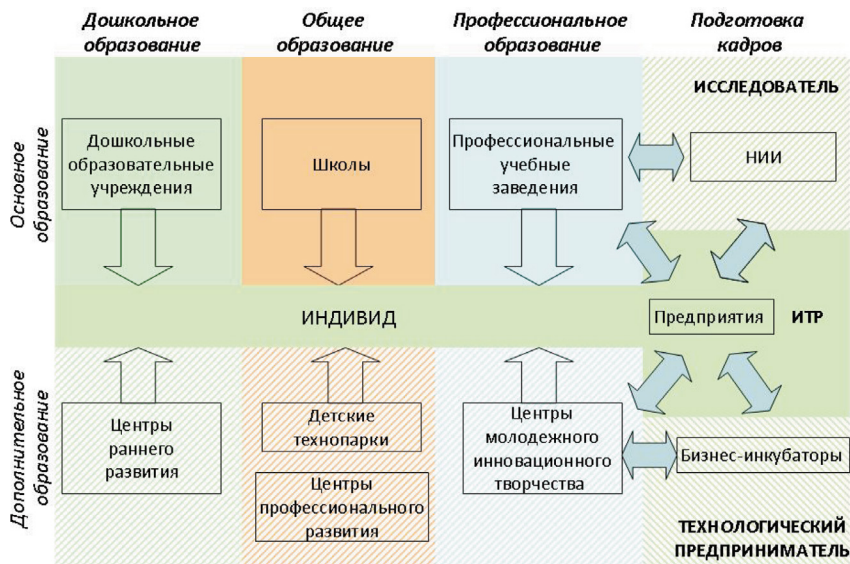

Рис. 1. Концептуальная модель подготовки научно-технических и инженерно-конструкторских кадров

Системы воспроизводства кадров не должны иметь «самозамкнутый» характер. Они будут давать необходимый эффект только тогда, когда они бу-

дут органично встроены в системы управления социально-экономическим развитием, ориентированные на обеспечение конкурентоспособности территорий в долгосрочной перспективе. В свою очередь, потребность в кадрах будет определяться степенью динамизма территориальных социально-экономических систем. Чем выше эта степень, тем более востребованными будут высококвалифицированные специалисты научно-инновационной сферы. Устойчиво высокая степень динамизма может быть обеспечена в условиях инновационной экономики, способной на широкой основе генерировать, воспринимать и внедрять новшества.

Список источников

1. Фелпс Э. Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений [Текст] / Эдмунд Фелпс ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. перевода А. Смирнов. М. : Изд-во Института Гайдара ; Фонд «Либеральная миссия», 2015. 472 с.
2. Пяткина А. Голодец: дефицит кадров в РФ составляет 2 млн человек [Электронный ресурс] / А. Пяткина. ТАСС. Информационное агентство России. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1556781>.
3. Трухин А. Танцевать от парты [Электронный ресурс] // Российская газета. 23 апреля 2015 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/04/23/reg-pfo/kadry.html>.
4. Спорт, танцы, рисование: рейтинг самых популярных кружков для детей в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112765>.
5. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 3 декабря 2015 г. Стенограмма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

О. Н. Шаева

WISDOM OF THE CROWD КАК МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

ШАЕВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра социологии, МГЛУ, Москва, Россия; shaeva.olga@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются возможности и ограничения использования в целях прогнозирования wisdom of the crowd — коллективно сформированных оценок людей, не являющихся экспертами в области рассматриваемых процессов или явлений. Практическое применение метода показывает, что сформированные подобным образом прогнозные оценки являются точными в перспективе как нескольких дней, так и недель и месяцев при соблюдении определенных требований. Точность прогнозов может снижаться в связи с предубеждениями людей, высказывающих оценки, относительно прогнозируемых процессов и явлений, а также в случае, когда участникам известны оценки друг друга. Последний фактор, однако, не снижает точность прогнозов, формируемых на прогнозных биржах, или рынках (prediction markets). Средством повышения точности прогноза может выступать обеспечение достаточного внутреннего разнообразия группы, формирующей оценку, а также методика поиска «неожиданно популярных» оценок. Возможными сферами применения рассмотренного метода формирования коллективных оценок, помимо прогнозирования, являются задачи, связанные с взаимной координацией поведения масс людей и организацией сотрудничества людей при решении масштабных общих проблем.

Ключевые слова: wisdom of the crowd, мудрость толпы, прогнозирование, методы прогнозирования

Методы прогнозирования будущего состояния явлений и характеристик развития процессов достаточно многообразны, но в целом можно выделить две крупные группы стратегий прогнозирования в зависимости от источника данных, на которых основан прогноз, и подхода к их обработке. Одну из групп составляют способы прогнозирования, основанные на экспертных оценках. К числу конкретных методов в данной группе относится, например, сценарное прогнозирование. Вторую группу составляют способы прогнозирования, основанные на количественных данных из различных источников. Примером метода в рамках данной группы может выступать выделение общего тренда на основе математического анализа данных и его экстраполяция в будущее.

Можно, однако, выделить и третью группу стратегий прогнозирования, основанную на использовании оценок неспециалистов — людей, не являющихся экспертами в рассматриваемой области. Знание, касающееся процессов и явлений в текущей и прогнозной перспективе, содержащееся в подобных оценках, обозначается термином *wisdom of the crowd* (мудрость толпы). В основании подобного подхода находится положение о том, что коллективная оценка, сформированная группой неспециалистов, может быть более точной, чем оценки, высказанные отдельными представителями общности или (по мнению некоторых авторов) экспертами [1]. При этом разница в величине ошибки между индивидуальной оценкой участника и рассчитанной тем или иным образом коллективной оценкой может рассматриваться как потенциал точности коллективной оценки (*amount of the crowd's wisdom*). Исследования показывают, что точность коллективной оценки в большинстве случаев сохраняется при использовании разных способов ее определения (как правило, рассчитывается среднее индивидуальных оценок) [4].

Вместе с тем, существуют ограничения, снижающие точность выводов и прогнозов, построенных на коллективных оценках неспециалистов. Искажение оценки по отношению к истинному значению может быть вызвано предубеждениями участников относительно оцениваемого явления или процесса. Однако при обобщении массы индивидуальных оценок данное искажение в значительной мере нивелируется, что делает коллективную оценку и в этом случае более точной, чем индивидуальная [4]. Ряд авторов также указывают, что точность полученных рассматриваемым образом оценок снижается, если участникам известны оценки друг друга. В этом случае индивидуальные оценки участников начинают сближаться и могут расходиться с действительным значением. Данный эффект был экспериментально подтвержден в эксперименте, проведенном в Швейцарской высшей технической школе в Цюрихе в 2011 г. [7].

Тем не менее, учет участниками оценок друг друга позволяет повышать качество коллективной оценки в случае так называемых прогнозных бирж, или рынков (*prediction markets*) — онлайн-площадок для покупки и продажи «акций», или ставок, в будущих событиях. Участники покупают «акции» в различных вариантах наступления будущих событий, а стоимость каждой акции соответствует коллективно сформированной оценке вероятности наступления варианта события. Данная вероятность определяется как процент участников, выбравших именно его из всех возможных вариантов. Таким образом, участники могут учитывать мнения других людей, так как они отражаются в оценке вероятности события и стоимости «акции» — последняя может меняться в связи с увеличением или уменьшением количества людей, делающих ставки на определенные

варианты развития событий. Исследования показывают точность прогнозов, сформированных на подобных площадках, как для краткосрочной перспективы (за день или несколько дней до наступления события), так и в более длительной перспективе (за недели или месяцы до наступления события) [2]. Примерами подобных площадок могут выступать Iowa Electronic Markets [3], принимающая ставки на результаты выборов и изменение экономических показателей, SciCast [8], где принимались ставки относительно результатов научных исследований и научных открытий и т. д.

Средством повышения качества коллективной оценки является обеспечение достаточного внутреннего разнообразия группы, формирующей оценку. В данном случае, как показывают исследования, точность коллективно сформированной оценки (решения проблемы) в группе случайно отобранных людей превышает качество индивидуальных оценок, высказанных наиболее информированными из участников [6]. Точность коллективной оценки также повышается, если подбираются участники с как можно более отличающимися мнениями [4].

Кроме того, разработан специфический подход получения индивидуальных оценок, позволяющий сформировать более точную коллективную оценку. Участникам необходимо не только дать собственную оценку, но и предположить, какими будут оценки других участников. Далее производится поиск «неожиданно популярных» оценок — тех, которые были даны чаще, чем ожидали участники. Данные оценки рассматриваются как точные. Исследования под руководством Д. Прелека показали, что данный алгоритм позволяет получить на 21,3—24,2% более точные оценки, чем при стандартном подходе, например, при поиске наиболее распространенной из индивидуальных оценок или расчете среднего индивидуальных оценок с учетом степени уверенности участников в своих оценках [5].

Рассматриваемый подход к прогнозированию применяется в различных сферах, например, при прогнозировании результатов спортивных мероприятий и результатов выборов. Вместе с тем, потенциально область применения рассмотренной выше стратегии может быть и более широкой. Так, например, Джеймс Суловики указывает, что помимо задач, связанных с познанием (прогнозирование результатов соревнований, изменения объема продаж компании в будущем и т. д.), потенциал коллективных оценок также может быть использован для решения задач, связанных с взаимной координацией поведения масс людей (например, на рынке) и задач, связанных с организацией сотрудничества людей, например, при борьбе с загрязнением, заботе об окружающей среде и решении других общих проблем [9: XVII—XVIII].

Список источников

1. Ball P. «Wisdom of the crowd»: the myths and reality [Электронный ресурс] // BBC Future. 2014. URL: <http://www.bbc.com/future/story/20140708-when-crowd-wisdom-goes-wrong> (дата обращения: 24.02.2017).
2. Berg J., Nelson F., Rietz T. Accuracy and Forecast Standard Error of Prediction Markets. Working Draft [Электронный ресурс]. 2003. URL: <https://tippie.biz.uiowa.edu/iem/archive/forecasting.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
3. Current Markets [Электронный ресурс] // Iowa Electronic Markets. URL: <http://tippie.biz.uiowa.edu/iem/markets/> (дата обращения: 24.02.2017).
4. Davis-Stober C.P., Budescu D. V., Dana J., Broomell, S. B. When is a crowd wise? // Decision. 2014. Vol. 1(2). P. 79—101.
5. Dizikes P. Better wisdom from crowds [Электронный ресурс] // MIT News Office. 2017. URL: <http://news.mit.edu/2017/algorithm-better-wisdom-crowds-0125> (дата обращения: 24.02.2017).
6. Hong L., Page S. Groups of diverse problem solvers can outperform groups of high-ability problem solvers [Электронный ресурс] // PNAS. 2004. Vol. 101. N. 46. P. 16385—16389. URL: <http://www.pnas.org/content/101/46/16385.full.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
7. Lorenza J., Rauhutb H., Schweitzera F., Helbingb D. How social influence can undermine the wisdom of crowd effect [Электронный ресурс] // PNAS. 2011. Vol. 108. N. 22. P. 9020—9025. URL: <http://www.pnas.org/content/108/22/9020.full.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
8. SciCast [Электронный ресурс]. URL: <http://scicast.org/> (дата обращения: 24.02.2017).
9. Surowiecki J. The Wisdom of Crowds. New York: Anchor Books, 2005.

Е. А. Когай

ПОИСКОВЫЙ ПРОГНОЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

КОГАЙ Евгения Анатольевна — доктор философских наук, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета; eakogay@mail.ru

Аннотация. Прогнозная функция социального знания связана с учетом прогностических возможностей и качественных характеристик, задающих исходные ориентиры планирования и проектирования человеческой деятельности. На основе мониторинга ключевых параметров жизнедеятельности Курской области как субъекта РФ и Центрального Черноземья как макрорегиона предпринята попытка построения поискового прогноза развития территориальных общностей. Инструментарием исследования стали: модернизированная Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (ЦИСИ ИФРАН, 2006, 2010, 2015), авторские исследовательские методики, индикаторы и комплексные индексы модернизации России, полученные в ходе российских и зарубежных исследований (2001—2016 гг.). Эмпирическую основу исследования составило полевое исследование (июнь 2016 г.), проведенное в Курской области среди жителей региона (N=500), и экспертный опрос (октябрь 2016 г.) руководителей малого и среднего бизнеса Курской, Белгородской и Воронежской областей (N=200). Выявлены общие тенденции модернизационных процессов в макрорегионе по таким основаниям, как реформаторский, социально-инновационный и адаптационный потенциал. Отмечена важность реализации «регионального стратегирования» — выявления возможностей применения результатов проведенных исследований для подготовки и реализации стратегического планирования социального развития регионов Центрального Черноземья и макрорегиона в целом.

Ключевые слова: социокультурное развитие, модернизационный потенциал, субъект РФ, макрорегион, Центральное Черноземье, поисковый прогноз, региональное стратегирование

Прогнозная функция социального знания выводит на первый план учет прогностических возможностей и качественных характеристик, задающих исходные ориентиры для планирования и проектирования человеческой деятельности. При этом роль прогнозного исследования

состоит в выявлении возможных проблем, а также в создании предварительных условий для их предупреждения. Свою эффективность социальный прогноз проявляет в комплексном единстве поискового и нормативного подходов. Результатом поискового (эксплораторного) прогнозного исследования предстает спектр альтернативных линий развития социальной системы; нормативный прогноз нацелен на разработку прогнозных сценариев будущего развития, которые позволяли бы предупреждать или потенциально смягчать кризисные моменты в развитии социальной системы.

На базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета (КГУ) с 2006 г. в рамках реализации общероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемой под эгидой ЦИСИ ИФРАН, ведется непрерывное описание «социокультурного портрета» региона. Важным этапом реализации данного проекта стал мониторинг ключевых параметров жизнедеятельности субъекта Российской Федерации (в нашем случае — Курской области как типичного среднестатистического региона России) с начала XXI века, позволяющий проследить доминирующие тенденции социокультурного развития региона, и на этой основе фактически выстроить поисковый прогноз его дальнейшего функционирования. С 2015 г. коллективом был расширен объект исследования, им стал макрорегион Центральное Черноземье. При этом рамки этого района превысили традиционное понимание Центрально-Черноземного региона как отдельной экономической зоны, включающей в себя Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Липецкую и Тамбовскую области. Как макрорегион, объединяющий российские субъекты, имеющие сходный природный, социально-экономический и социокультурный облик, Центральное Черноземье наряду с перечисленными областями включает и Орловскую область.

Мы исходили из того, что Центральное Черноземье (ЦЧ) находится перед вызовом модернизации, требующим активизации процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований субъектов федерации, входящих в ЦЧ, неоднороден: регионы существенно дифференцированы по стадиям и фазам модернизации. Вместе с тем обнаружено, что в рамках Центрального Черноземья как макрорегиона наблюдаются схожие процессы. Центром внимания курских исследователей стало выявление состояния и трендов модернизационных преобразований регионов ЦЧ, уточнение и описание потенциала модернизации по трем ключевым основаниям — реформаторскому, социально-инновационному и адаптационному.

Инструментарием исследования стали модернизированная Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (ЦИСИ ИФРАН, 2006, 2010, 2015), авторские исследовательские методики, индикаторы и комплексные индексы модернизации России, полученные в ходе российских и зарубежных исследований (2001—2016 гг.). Исследование показало, что вплоть до 2016 г. все субъекты макрорегиона оставались на стадии первичной модернизации (ПМ), их положение фиксировалось на уровне первых нижних трех типов состояний модернизованности. При этом выявлены две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют небольшой рост, хотя и без явного развития, а Орловская, Липецкая и Тамбовская области с начала XX века сохраняют свои позиции, т. е. переживают длительную стагнацию состояний модернизованности в начальных фазах ПМ. Для этой группы регионов прогнозируется риск длительной задержки в рамках первичной модернизации, связанный с недостатком финансовых ресурсов, низкой эффективностью развития экономического сектора, снижением численности трудовых ресурсов, низким уровнем жизни населения, непрозрачностью управления и др.

Реформаторский потенциал, включающий в себя установки и деятельностные проявления региональных элит, в Центральном Черноземье невысок. На это указывают полевые социологические исследования, а также экспертные оценки, проведенные в данных регионах. Одним из следствий этого, как показало полевое исследование, проведенное в мае-июне 2016 г. в Курской области среди жителей региона (N=500), является «недоверие» граждан социальным институтам — СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) управления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%). Отметим, что мониторинг свидетельствует о тенденции к увеличению уровня недоверия. На уровне ценностных ориентаций жители Курской области, как и всего макрорегиона Центрального Черноземья в целом, проявляют готовность к включению в виды деятельности, ориентированные на модернизационные процессы. Однако в реальном социальном поведении населения данные установки и практики, как правило, не находят подтверждения.

Социально-инновационный потенциал, включающий в себя потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей НКО, амбивалентен. С позиции официальных данных администраций регионов идет поддержка предпринимательства, повысилась активность деятельности НКО. Однако полевые социологические исследования, а также Доклады о состоянии гражданского общества

в регионах ЦЧ свидетельствуют о наличии серьёзных препятствий в развитии малого и среднего предпринимательства, а также некоммерческого сектора. Руководители бизнес-структур (данные получены на основе опроса 200 чел. на территории Курской, Белгородской и Воронежской областей в октябре 2016 г.) в качестве препятствий развитию своих предприятий указали на высокую налоговую нагрузку, недоступность долгосрочных кредитных ресурсов, неэффективность нормативной базы организации кредитного процесса. Освоение инновационных видов деятельности на предприятиях затруднено риском не окупить инновационные инвестиции, недостаточными льготными условиями получения кредита на инновационные цели, нехваткой финансовой и организационной поддержки. Не способствуют внедрению новых направлений деятельности на предприятиях также недостаток собственных денежных средств, сложность разработки инновационных проектов, трудности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта, а также отсутствие системы стимулирования инновационной активности.

Адаптационный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья — это способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. Социологический опрос 2016 г. жителей Курской области достаточно точно определил социально-экономический и социально-психологический контекст осуществления модернизации в регионе. Обратим внимание на такие моменты, как воспроизводство и некоторое усиление проблем социального неравенства, свидетельствующее об отсутствии позитивных сдвигов в экономическом благополучии населения; осознание опасностей и угроз (опасность незащищенности от бедности — 60,8% опрошенных, опасность произвола чиновников — 52,6%, опасность преступности — 46,4%, экологическая угроза — 42,4%, произвола правоохранительных органов — 39,8%, угроза одиночества и заброшенности — 39,6%); довольно высокий уровень протестных настроений жителей региона — 44,4% (для сравнения: в среднем по России на 2015 г. — 30%).

Дальнейшее развитие исследовательского проекта видится нами в контексте нормативного прогнозирования и «регионального стратегирования» — выявления возможностей применения результатов уже проведенных исследований для подготовки и реализации стратегического планирования социального развития субъектов Российской Федерации, входящих в Центральное Черноземье, а также российского макрорегиона в целом в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Такой подход будет способствовать поиску оптимальных форм и разработке соответствующих социальных технологий, способных аккумулировать человеческий потенциал

региона для реализации структурных трансформаций, не разрушающих зон стабильности. Определение и описание таких форм, использование их для обоснования перспектив социального развития, выбора адекватных и эффективных мер социальной и экономической политики, на наш взгляд, составляет актуальную в практическом плане задачу.

О. В. Толстогузов, М. А. Питухина

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРАКТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

ТОЛСТОГУЗОВ Олег Викторович — доктор экономических наук, заведомо региональной экономической политики, ФГБУН ИЭ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия; olvito@mail.ru

ПИТУХИНА Мария Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, ФГБОУ ВО ПетрГУ, г. Петрозаводск, Россия; pitukhina@petrsu.ru

Аннотация. В докладе представлен анализ новых условий, возникающих при стратегировании, в частности использовании местных этнокультурных особенностей в качестве фундамента стратегий. В качестве недостатков последних отмечен недостаточный учет действия антропогенных мобилей (перемещения людей), которые все больше проявляют свойство инструмента геополитики, нарушающего гомеостаз структуры общественных отношений. На основе исследований, проводимых в Республике Карелия в 2016 г., рассмотрено влияние внутренних и внешних причин на изменение структуры общественных отношений, а именно проведено измерение отношений к иным этнокультурным группам и к религии и влияния миграционных волн. Распределение показателей по территории не равномерно. Последняя миграционная волна сформировала католическую и мусульманскую инверсию в мировоззренческом ландшафте социального пространства. Протестантство не столь заметно, как это можно было ожидать из-за близости протестантской Финляндии и достаточно серьезной экспансии культурных кодов на территорию республики. Очевидно, давнее соседство выработало устойчивость регионального субэтнуса к постоянному фактору. В условиях трансформации социокультурного пространства важно правильно понимать складывающиеся тенденции и особенности социального пространства региона, а также учитывать их при проработке стратегических решений в целях нивелирования рисков потенциальных конфликтов.

Ключевые слова: социокультурное пространство, трансформация, стратегическое планирование, миграция, идентификация, мировоззренческий ландшафт социального пространства, инверсия

Процессы глобализации усилили роль региональных факторов в общественном развитии. Наметились тенденции регионального развития,

использующие местные этнокультурные особенности в качестве фундамента стратегий. При этом наблюдается тенденция к расширению прав территориальных общин, позволяющая максимально обеспечить экспорт культурного кода за пределы своего традиционного ареала. Это создает новый контур для общественного договора, интегральным субъектом которого является гражданское общество (новый субъект стратегирования).

Анализ региональных стратегий [1] выявил как риски трансформации социально-экономического пространства, так и недостатки существующих подходов — в частности сокращение значимых характеристик объекта. Такой порядок, основывающийся на упрощении практики и уменьшения разнообразия характеристик, призван облегчить процесс манипулирования управляемым объектом и проектирования социального порядка. В то же метод упрощения ситуации (через категорию средних показателей) не учитывает особенности социального пространства, например не вычленяет потенциальные конфликтогенные зоны. Их появление чрезвычайно важно прогнозировать, поскольку они связаны с активным действием антропогенных мобилей (перемещение людей), которые все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся важнейшим фактором, нарушающими гомеостаз структуры общественных отношений.

Далее рассмотрим влияние внутренних и внешних причин на изменение структуры общественных отношений. В качестве внутренней причины рассмотрен пресс политического режима, действие которого оцениваем на основе измерения отношений к иным этнокультурным группам и религиям. В качестве внешней причины рассмотрено влияние миграционных волн, вызывающие возмущения в социальной экологии, стремящиеся нарушить гомеостаз структуры общественных отношений.

В качестве объекта исследования выбран регион Республика Карелия как многонациональный субэтнос и приграничный регион. Последнее имеет особенное значение при учете влияния миграционных волн. В 2016 г. в ходе исследования структуры общественных отношений опрашивалось 2050 жителей республики и 280 мигрантов (9% от всех зарубежных трудовых мигрантов, проживающих в регионе).

В последние годы миграционные процессы в Республике Карелия приобретают характерные особенности. В последние 2,5 года за счет притока мигрантов из Украины в республике впервые зафиксировано положительное миграционное сальдо (по данным официальной статистики) [2].

При оценке устойчивости карельского общества (с точки зрения мигрантов) выделяются два базовых фактора — экономический и культурный. Мигранты продемонстрировали высокие результаты в части своей

экономической адаптации: 85,5 % мигрантов довольны условиями пребывания, 79,6 % мигрантов довольны условиями труда, 73,7 % мигрантов довольны зарплатами в Республике Карелия.

Второе направление оценки «устойчивости общества» представлено культурным фактором. Согласно опросам, 68,5 % мигрантов относятся положительно к представителям иных национальностей и вероисповедания, 84 % мигрантов общаются с жителями Республики Карелия каждый день.

Измеряемая этническая и мировоззренческая идентичность включает в себя совокупность сложных признаков, отражающих как способы самоидентификации, так и варианты восприятия других этнокультурных групп. Мировоззренческие, моральные и ценностные системы являются не только фундаментальными характеристиками ядра, но и формируют инварианты социального пространства. В то же время имеется и вариативная часть, возникающая в частности в результате инверсии иных ценностных систем.

Атеистическая пропаганда, как сущностная часть прежней идеологии, в результате кризиса 90-х была снята с повестки дня. Согласно переписи населения в 1929 г. 2/3 населения отнесли себя к верующим. Согласно социологическим измерениям, проведенным в 2016 г. в Республике Карелия, в среднем по региону 75 % респондентов считают себя верующими.

Примем данное измерение за фундаментальное свойство субэтнуса, связанное с идентичностью мировоззрения. Таким образом, после снятия пропагандистского пресса субэтнос вернулся к своему естественному состоянию, к своим фундаментальным свойствам. При этом если принять количество респондентов, посчитавших себя верующими, за 100 %, получится что: 91 % относят себя к православному христианству; 1,3 % — к католическому; 1,3 % — к протестантскому. Ислам в целом по региону в процентном отношении не заметен.

В тоже время распределение этих показателей по территории (своего рода мировоззренческий ландшафт социального пространства) не равномерно.

Последняя миграционная волна сформировала не только новообразованное сообщество (город Костомукша), но католическую и мусульманскую инверсию в мировоззренческом ландшафте социального пространства. При этом 92 % респондентов (опрашиваемого населения городского округа Костомукша) идентифицировала себя как «верующий» (при среднерегionalном уровне, равном 75 %). Причем считают себя «православными христианами» 72 %, 9 % отнесли себя к католическому христианству, 1 % — к протестантскому христианству, 7 % — к исламу.

Группу с достаточно высоким процентом отнесших себя к католическому христианству, составили респонденты — представители

Костомукшского городского округа (9,8% от всех верующих) и соседнего с ним Калевальского муниципального района (9,7%). Группу с достаточно высоким процентом отнесших себя к исламу, составили представители Костомукшского (7,6%) и Петрозаводского (4,7%) городских округов.

Протестантство как мировоззренческий элемент более равномерно распределен по пространству, однако не столь заметно, как это можно было ожидать из-за близости протестантской Финляндии и достаточно серьезной экспансии культурных кодов на территорию республики. Очевидно, давнее соседство выработало устойчивость регионального субэтнуса (неизменность его фундаментальных свойств) к постоянному внешнему фактору.

Этническая и мировоззренческая идентичность, конечно, включает в себя большую (чем рассмотрено в настоящем исследовании) совокупность признаков, отражающих как способы самоидентификации, так и варианты восприятия других этнокультурных групп. Для выявления причин сложившейся ситуации необходима диагностика не только инвариантных, но и особенных частей субэтнуса. Поэтому важно в условиях трансформации социокультурного пространства правильно понимать складывающиеся тенденции, их причины и следствия, определять инварианты и особенности социального пространства региона, а также учитывать все это в проработке стратегических решений в целях нивелирования рисков потенциальных конфликтов.

Доклад подготовлен в рамках проекта 28.4306.2017/НМ «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации в северной и арктической зонах».

Список источников

1. Толстогузов О. В. Чубиева И. В. Сравнительный анализ управленческих стратегических документов приграничных регионов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал». 2015. № 4. URL: <http://uecs.ru/uecs-76-762015/item/3447-2015-04-18-09-25-29> (дата обращения 28.02.2017).
2. Питухина М. А. Миграционные процессы в современном мире. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. 102 с.

Д. Н. Халиуллина, В. В. Быстров, С. Н. Малыгина

МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

ХАЛИУЛЛИНА Дарья Николаевна — младший научный сотрудник Института информатики и математического моделирования технологических процессов Кольского НЦ РАН, г. Апатиты, Россия; khaliullina@iimm.ru

БЫСТРОВ Виталий Викторович — кандидат технических наук, научный сотрудник Института информатики и математического моделирования технологических процессов Кольского НЦ РАН, г. Апатиты, Россия; bystrov@iimm.ru

МАЛЫГИНА Светлана Николаевна — кандидат технических наук, доцент кафедры «Информатики, вычислительной техники и информационной безопасности» филиала ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» в г. Апатиты, Россия; malygina@iimm.ru

Аннотация. Представлена методика прогнозирования дополнительной кадровой потребности Мурманской области. Методика базируется на часто используемых практических подходах к прогнозированию кадровой обеспеченности и дополняется средствами имитационного моделирования. Внимание уделяется решению проблем, выявленных в ходе анализа предоставленных данных и нормативно-справочной документации, в основном связанных с отсутствием полной информации.

Ключевые слова: дополнительная кадровая потребность, имитационное моделирование, прогнозирование

Прогнозирование дополнительной кадровой потребности отраслей экономики любого региона является актуальной задачей, поскольку формируемые при этом прогнозы выступают в качестве рационального обоснования для принятия управленческих решений в сфере развития кадрового потенциала региона. Большинство субъектов РФ ежегодно занимаются решением такой задачи, в их числе и Мурманская область (МО).

На сегодняшний день предложено много методик, посвященных составлению прогнозов различной временной перспективы для оценки разнообразных показателей кадрового потенциала региона, например, дополнительной потребности, занятости и подготовки рабочих кадров среднего профессионального и высшего образования. Большинство методик составления кадровых прогнозов на уровне региона используют

эконометрический подход, опираясь на понятие «требуемых трудовых ресурсов», а в качестве входных параметров применяются результаты макроэкономического прогноза производства товаров и услуг по секторам экономики [1]. Многие методики не учитывают те или иные аспекты процессов, протекающих в социально-экономической сфере региона (например, показатели естественной миграции населения, уровень востребованности специалистов, сложившейся структуры подготовки и другие).

Научным коллективом ИИММ КНЦ РАН предложена методика долгосрочного прогнозирования дополнительной потребности отраслей экономики МО в рамках выполнения хоздоговорных работ по заказу Комитета труда и занятости населения Мурманской области. Разработанная методика обобщила положительный опыт наиболее применяемых на практике подходов (методика разработки прогноза баланса трудовых ресурсов, утвержденная приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 29 февраля 2012 г. N178н, методика «Центра бюджетного мониторинга» Петрозаводского государственного университета под руководством Гуртова В. А.) и учла их основные недостатки.

Согласно техническому заданию необходимо было разработать сценарий среднесрочного и долгосрочного прогнозирования потребности в кадрах с учетом утвержденной Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 г. и на период до 2025 г. и Инвестиционной стратегии Мурманской области до 2020 г. и на период до 2025 г., а также провести актуализацию прогноза дополнительной потребности предприятий и организаций Мурманской области в кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу в разрезе профессий и специальностей и уровня образования.

В ходе анализа предоставленных заказчиком данных и нормативно-справочной документации был выявлен ряд проблем, связанных с неполнотой информации и разнородностью ее источников:

Отсутствие полной информации о реализации инвестиционных проектов, направленных на запуск новых или расширение существующих производств, либо изменение производственных технологий приводит к невозможности дать точную количественную оценку кадровой потребности и однозначно ее распределить по профессиям рабочих и должностям служащих. В качестве решения данной проблемы предлагается разработать комплекс имитационных моделей, которые позволят дополнить исходный набор данных результатами моделирования различных вариантов реализации инвестиционных проектов предприятий МО.

Отсутствие готовых решений соотношения профессий рабочих и должностей служащих, содержащихся в Общероссийском классификаторе про-

фессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР), с видом экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором (ОКВЭД), позволяющих в автоматизированном режиме осуществлять переход от одного классификатора к другому. В качестве механизма преобразования данных предлагается сформировать матрицы соответствия рассматриваемых классификаторов на основе профессиональных стандартов РФ, а при их отсутствии на основе типовых должностных инструкций.

Наличие иррегулярных отклонений временных рядов, построенных на основе предоставленных ретроспективных данных. Для повышения точности прогноза использовались численные методы сглаживания.

Наличие временной задержки при обновлении данных официальной статистики. В связи с этим при расчете дополнительной потребности в настоящей работе были использованы прогнозные значения для некоторых показателей.

С учетом решений указанных проблем была предложена методика прогнозирования дополнительной кадровой потребности отраслей Мурманской области. Методика сводится к последовательному выполнению 7 этапов [2], которые представлены на общей схеме (рис. 1).

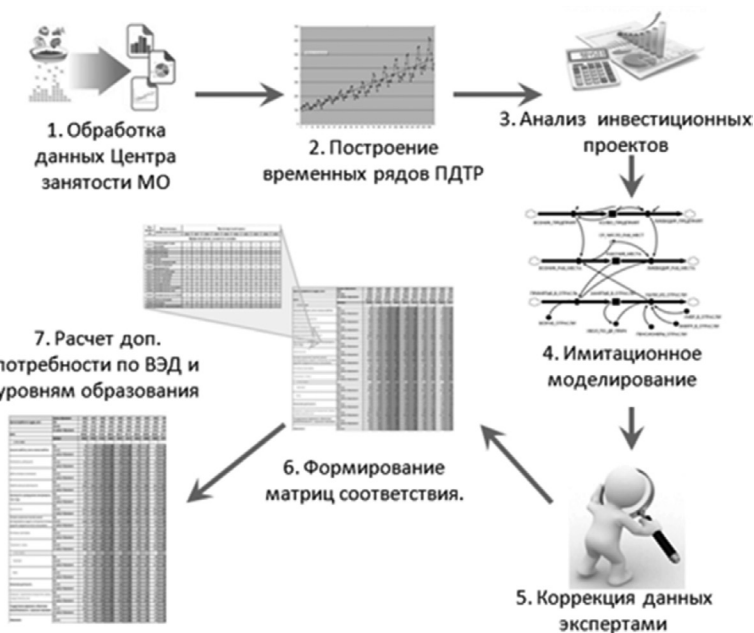

Рис. 1. Методика прогнозирования дополнительной потребности

Рассмотрим эти этапы более подробно:

Предварительная обработка данных Центра занятости (ЦЗ) о количестве вакансий, трудоустроенных, обращениях в ЦЗ, высвобожденных рабочих местах МО за 2007—2015 гг. в разрезе ОКПДТР, представленных на бумажных носителях. Это позволило сформировать таблицы (размерностью 1136x9 и 1036x9), каждая запись которых соответствует конкретной должности или профессии регионального рынка труда.

Построение временных рядов профессий рабочих и должностей служащих. Для каждой записи из полученных таблиц строился тренд с помощью методов экстраполяции. Вид аппроксимирующей функции определялся исходя из наименьшего среднеквадратичного отклонения для выбранного набора данных.

Проведение анализа предоставленных данных по реализуемым и планируемым инвестиционным проектам позволило определить количество вновь создаваемых рабочих мест и произвести корректировку трендов, полученных на этапе 2.

При отсутствии информации с конкретизацией по профессиям рабочих и должностям служащих планируемых инвестпроектов использовался набор системно-динамических моделей, что позволило получить дополняющие прогнозные данные. На рис. 2 представлен фрагмент системно-динамической модели «Реализация инвестпроекта», отвечающий за распределение рабочих мест в рамках рассматриваемого проекта.

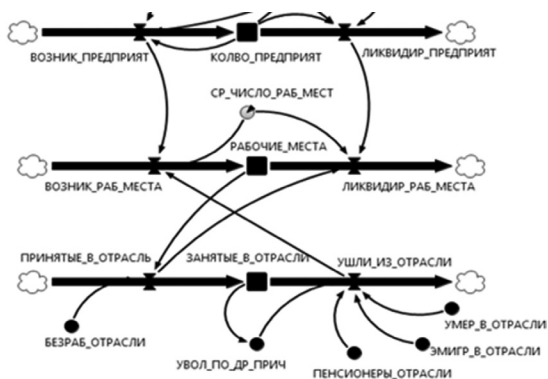

Рис. 2. Фрагмент системно-динамической модели для прогнозирования рабочих мест на предприятии

Объединение данных, полученных на этапах 3 и 4, и проведение экспертной оценки обобщенных результатов расчета дополнительной потребности в кадрах МО.

Формирование матриц соответствия по возможному распределению должностей и профессий (в соответствии с ОКПДТР) по ВЭД и уровню образования на основе информации из профессиональных стандартов, их проектов и должностных инструкций. Сформированные с математической точки зрения представляли собой матрицы нормированных весовых коэффициентов, принимающих значение от 0 до 1.

Расчет дополнительной потребности по ВЭД и уровням образования с использованием сформированных матриц соответствия на основе линейных преобразований из алгебры матриц. В результате была получена таблица распределения дополнительной потребности по профессиям рабочих и должностям служащих по видам экономической деятельности и уровням образования (размерностью 2168x160).

Следует отметить, что учет потенциальных последствий реализации инвестиционных проектов носит достаточно условный характер вследствие высокого уровня неопределенности информации о структуре перспективной кадровой потребности соответствующих хозяйствующих субъектов. Более продуктивным представляется оперативное прогнозирование влияния на рынок труда региона того или иного инвестиционного проекта по мере появления достаточных данных по графику реализации и структуре определяемых проектом кадровых потребностей. Еще одной альтернативой является формирование «пакета» из прогнозов, рассчитанных для каждого из различных возможных вариантов развития инвестиционных проектов. Однако для реализации указанных подходов к формированию кадрового прогноза необходимы разработка и использование соответствующих программных инструментов, а при их отсутствии целесообразно актуализировать прогнозные показатели не реже одного раза в год, на основе уточненной статистической информации и новых конкретизированных данных об инвестиционной деятельности в регионе.

Список источников

1. Мороз Д. М. Методика прогноза потребности экономики в рабочих кадрах в отраслевом разрезе / Д. М. Мороз, Е. А. Питухин, С. В. Сигова // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России : Сб. докладов по материалам Двенадцатой Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (28—29 октября 2015 г.). Петрозаводск : ПетГУ, 2015. Кн. I. С. 124—143.
2. Халиуллина Д. Н. Прогнозирование дополнительной потребности в кадрах отраслей экономики Мурманской области / Д. Н. Халиуллина, В. В. Быстров, С. Н. Малыгина // Труды Кольского научного центра РАН. Информационные технологии. Апатиты : Изд-во КНЦ РАН. 2016. 6/2016(40). Вып. 7. С. 94—107.

Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В МУЛЬТИПЛИКАЦИИ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗРИТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, по-литологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия; nl_nsk@mail.ru

СТОРОЖЕВА Светлана Петровна — кандидат культурологии, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия; sv.stor@yandex.ru

Аннотация. Авторы обращаются к вопросам исследования визуальных образов этнокультурного многообразия, создаваемых в мультипликационном кино. Рассматриваются возможности мультипликационного кино в формировании межкультурной компетентности, диалогичного познания своей и чужой культуры, подчеркивается, что в условиях визуализации и массовизации культуры, мультипликация выступает одним из действенных каналов трансляции культурного многообразия, в том числе и этнокультурного. Авторы приводят некоторые результаты исследования аспектов зрительского восприятия средствами мультипликации этнокультурного многообразия. Анализируют представления и интерпретации зрительской аудитории (студенты младших курсов) культурного многообразия, интерес и чувствительность аудитории к особенностям культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, мультипликация, этническая культура, этнический «другой», познание культуры, диалог культур

Современная анимация позиционирует себя как часть единого социокультурного пространства информационного общества, причем, сфера её приложения постоянно расширяется: от рекламы на ТВ до компьютерных игр, от Интернета до игрового и научно-популярного кинематографа [1]. Благодаря тому, что мультфильмы отражают характерные черты той или иной страны, они становятся важным транслятором культурных, моральных и ценностных установок.

Примером социологического исследования динамики моральных ценностей населения России на материале детских мультипликационных фильмов периода 1980—2006 гг. является работа М. А. Елецкой [2].

Предметом исследования был выбран образ положительного и отрицательного героя, отражающего ценностные ориентации россиян. Автор подчеркивает, что мультипликация как вид искусства является частью массовой культуры и потому мультипликационный герой, как положительный, так и отрицательный, является выразителем моральных норм и ценностей современного общества [2: 497]. Поэтому представляет интерес изучение мультипликации в аспекте ее восприятия зрителями, в том числе в вопросах восприятия визуальных репрезентаций этнокультурного многообразия.

Несмотря на то, что в мультфильмах часто встречаются сюжеты, репрезентирующие многообразие культур, гораздо чаще пространство мультипликационного фильма маркировано по типу поселения (городское/сельское) или по профессиональным признакам, и на первый план выходят универсальные черты, ситуации, культурные практики. Мультипликационные фильмы представляют психологические типы, различные аспекты взаимоотношений, качества личности (трудолюбие, коммуникабельность, мастерство, гендерное распределение ролей, виды деятельности, модели действия в определенных ситуациях) не зависимо от типов культуры. Мир людей рассматривается в антиномии мира не-людей (животных, птиц, насекомых, техники и т. п.). Такие визуализации социального мира являются одним из способов формирования толерантного отношения к другому, подчеркивают не столько различия, сколько сходства. Тем не менее, культурное многообразие признается значимым социализирующим фактором, который не может не приниматься во внимание.

Задача исследования состояла в том, чтобы выявить картины и сюжеты, в которых юные зрители находят образы культурного многообразия, и в особенности этно-культурного многообразия мира, и оценки, которые зрители дают этим сюжетам, выявить зрительские предпочтения в мультпросмотре (страна-производитель картины, жанровые предпочтения, информированность о существующих российских примерах визуализации этнокультурного многообразия средствами мультипликации).

В исследовании приняли участие 241 студент (64 % юноши и 36 % девушки) разных курсов, обучающиеся на факультетах технического, экономического и гуманитарного направлений Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск). Особенности респондентов как зрителей анимационного кино можно охарактеризовать следующим образом. Исследование проводилось среди молодежной студенческой аудитории, которая следит за новинками, в том числе, и в мультипликационном кино. Большинство респондентов является зрителями полноэкранных мультипликационных картин (приво-

димые примеры отражают осведомленность респондентов в современном репертуаре анимационных лент, демонстрируемых в кинотеатрах). 90 % опрошенных смотрят мультфильмы и согласны с тем, что мультипликация это «искусство для всех возрастов». Только 10 % ответили, что анимация — это «искусство для детей дошкольного и младшего школьного возраста». Среди причин, по которым студенты не смотрят мультипликационные фильмы, были отмечены: мало свободного времени; не интересно; не нравится; не нахожу в них информацию, полезную для меня; не смотрю, потому что считаю себя взрослой; просто не люблю; современные мультфильмы глупые; созданы для определенной аудитории, в которую я не вхожу. В семьях 32 % респондентов есть дети дошкольники и младшие школьники, что позволяет сделать предположение об их более широком знакомстве с современным анимационным искусством и его репертуаром, который ориентирован на младшие возрастные группы. Респондентам были заданы вопросы об их интересе к анимации. Распределение ответов на эти вопросы приведены в таблице 1.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопросы анкеты*

Вопросы	Юноши (100 %)		Девушки (100 %)	
	Да (%)	Нет (%)	Да (%)	Нет (%)
Смотрите ли Вы мультипликационные фильмы на иностранных языках?	55	45	35	65
Читаете ли Вы литературу о мультипликации?	16	83	16	83
Известны ли Вам сайты о мультипликации?	52	48	20	80
Путешествуете ли Вы?	50	50	55	54

На открытый вопрос назвать пять наиболее запомнившихся сюжетов, в которых нашли отражение черты той или иной культуры ответ дали 73 % респондентов, однако многие из приведенных сюжетов можно рассматривать как этнографические только в очень широком аспекте.

В качестве примеров назывались мультипликационные фильмы российского производства «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Сказка о рыбаке и рыбке», мультсериал «Лунтик», серия полнометражных мультипликационных фильмов «Три богатыря». Только дважды был назван один из крупнейших проектов в истории отечественной анимации мультипликационный сериал по мотивам сказок народов России «Гора Самоцветов» (Студия «Пилот»), где тема

этнокультурного многообразия раскрыта глубоко и многогранно. Еще один российский проект, получивший высокие оценки экспертов и зрителей — «Колыбельные мира» не назвал ни один респондент. Специалисты отмечают не только художественную значимость этого проекта, но и интерес к картинам мира, ценностям, мироощущениям других культур, ставших ключевой темой мультсериала. В изобразительном решении узнаваем колорит того народа, чья колыбельная звучит.

Гораздо полнее в примерах приведены мультипликационные фильмы производства США, такие как: Алладин, Анастасия, Белоснежка, Зверополис, Золушка, История игрушек, Красавица и чудовище, Ледниковый период, Маугли, Мадагаскар, Покахонтас, Рапунсель, Рататуй, Рио, Тайная жизнь домашних животных, Тарзан, Тимон и Пумба, Храбрый сердцем, Ясон и герои Олимпа и даже Том и Джерри.

Среди названных мультипликационных сюжетов отдельную группу составили фильмы производства японских аниматоров: Сайлор Мун, Наруто, Аниме как направление, отражающее особенности культуры.

Для выявления интереса и чувствительности к особенностям культуры мы поинтересовались у респондентов, обращают ли они внимание на культурные особенности в повседневной жизни. 44 % респондентов ответили, что обычно обращают внимание на особенности других культур, 42 % обращают на них внимание, когда это не совпадает с их представлениями и привычками, 13 % — выбрали подсказку «нет, я не обращаю на это внимания». Выражая свое отношение к культурным отличиям, 70 % респондентов ответили, что они им интересны, так как помогают понять особенности своей культуры. 9 % студентов признались, что культурные особенности усложняют общение между людьми, 20 % отметили, что они их не замечают.

По мнению И. Боковой, генерального директора ЮНЕСКО, культурное «разнообразие является источником обновления идей и обществ. Оно представляет огромный потенциал для роста, диалога и социального участия». М. М. Бахтин писал: «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже... один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, новые смысловые глубины. Без этих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого... При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются» [3: 335]. Визуальные репрезентации этнокультурного многообразия

в мультипликации разнообразны, зачастую выполненные в стиле наив, они создают условия для диалогичного познания культуры, осознания полифоничности мира и единства цивилизации в многообразии культур.

Список источников

1. Ермилова Г. И. Постмодернизм и воплощение его основных принципов в современной анимации : автореф. дис. ... к. филос. н. М., 2006 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: www.dissercat.com/content/postmodernizm-i-voploshchenie-ego-osnovnykh-printsipov-v-sovremennoi-animatsii#ixzz4YcxGiivy (дата обращения: 16.01.17).
2. Елецкая М. А. Эволюция ценностных ориентаций россиян: положительные и отрицательные герои российских мультфильмов // Традиции и инновации в современной России / под ред. Гофмана А. Б. М.: РОССПЭН. 1998. 560 с. С. 495—526.
3. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Художественная литература, 1979.

Я. И. Серкина, Е. И. Бабинцева

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ УЧАСТНИКОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗОВ

СЕРКИНА Яна Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры управления персоналом, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия; serkina_ya@bsu.edu.ru

БАБИНЦЕВА Елена Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия; babintseva@bsu.edu.ru

Аннотация. Тезисы затрагивают проблему инновационного развития российских высших учебных заведений. Выводы основываются на результатах авторского социологического исследования «Управление инновационным развитием вуза», проведенного в вузах Белгородской, Волгоградской, Курской, Липецкой, Орловской областях. Анкетный опрос охватил три группы респондентов (администрация вуза, сотрудники и преподаватели и эксперты). Выборочная совокупность административных работников вуза — 151 респондент; сотрудники вуза и преподаватели — 603 респондента, среди которых 471 (78,11 %) — преподаватели, 67 (11,11 %) — научные сотрудники, 59 (9,78 %) — учебно-вспомогательный персонал. Одновременно был проведен формализованный опрос экспертов (30 респондентов), в качестве которых выступали работники органов государственного или муниципального управления и ученые. Результаты исследования дают право утверждать, что инновационная деятельность в современном вузе становится своеобразным рубежом, разграничивающим вузовские коллективы по вертикали. С одной стороны, формируется коллективная диспозиция администрации, в силу своего статуса занимающей наиболее комплиментарную позицию по отношению к внедряемым инновациям; с другой стороны, критическая оценка складывается у преподавателей и сотрудников. При этом для административно-управленческого персонала чаще всего приоритетное значение приобретают формальные аспекты инновационного процесса; для преподавателей и сотрудников — содержательные.

Ключевые слова: социологическая диагностика, образование, вуз, инновационное развитие, система управления, диспозиции участников инновационного развития

Социологическая диагностика в высших учебных заведениях должна быть направлена, прежде всего, на оценку диспозиций участников инновационного развития, то есть зафиксированных в их социальном опыте предрасположенностей воспринимать и оценивать условия деятельности, собственную активность и действия других, а также предуготовленность действовать в определенных условиях определенным образом [3:306]. Именно предрасположенность к конкретным оценкам и действиям, воплощающаяся в системе ценностно-смысловых паттернов, побуждает субъектов инновационного развития как к проектированию и реализации индивидуальных и групповых стратегий, так и к выбору алгоритмов поведения в частных ситуациях.

Проведенное нами исследование показало, что административно-управленческие работники весьма позитивно оценивают систему управления инновационным развитием, тем самым, фактически положительно характеризуя уровень собственной технологической компетентности. Однако при этом систему управления инновационным развитием определяют однозначно позитивно лишь 13,25% респондентов. Оценка большинства управленцев носит скорее положительный, чем отрицательный характер (67,55%). 11,92% респондентов ответили, что оценивают систему скорее отрицательно, чем положительно, 5,96% выразили к ней отрицательное отношение (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов административно-управленческих работников на вопрос, как бы Вы ценили систему управления инновационным развитием Вашего вуза?

Как бы Вы оценили систему управления инновационным развитием Вашего вуза?	Количество	
	абс.	%
Положительно	20	13,25
Скорее положительно, чем отрицательно	102	67,55
Скорее отрицательно, чем положительно	18	11,92
Отрицательно	9	5,96
Нет данных	2	1,32
Всего	151	100,00

Однако можно предположить, что в данном случае мы вновь имеем дело с несколько завышенной самооценкой. По меньшей мере, это касается организационного, кадрового и нормативно-правового обеспечения инновационного развития. В частности, только 33,33% указали, что кадровые проблемы внедрения инноваций решаются эффективно,

50,00 % отметили эффективность формирования нормативно-правовых условий, 53,33 % – создания организационных условий.

Любопытно, что эксперты дают более высокие оценки состоянию этих процессов. В частности, 86,67 % экспертов отметили эффективность формирования мотивационных условий реализации инноваций, 83,33 % — материально-технических условий; 66,67 % — информационных условий, и по 60,00 % респондентов отметили эффективность научно-методических и финансовых условий. Мы полагаем, что в экспертном сообществе сформировалась не вполне адекватная, завышенная оценка инновационных процессов в вузах. Реальные их участники высказывают более взвешенные суждения. И весьма показательно, как уже отмечалось, что менее 50,00 % преподавателей и сотрудников считают управление инновационным развитием своего вуза эффективным.

Следовательно, допустимо утверждать, что социальные технологии управления инновационным развитием вуза в настоящее время недостаточно разработаны и внедрены, и наиболее сложными аспектами для руководства, очевидно, являются не столько вопросы фундаментальных научных исследований и разработки новшеств, сколько проблемы их внедрение в практику и коммерциализация разработок. Это подтверждают и сами работники администрации. Только 37,09% из них отмечают эффективность генерации инновационных идей, 31,79% — инновационного обеспечения фундаментальных и прикладных исследований, 19,87% — производства инновационной продукции, 13,25% — внедрения проектного управления, 11,92% — коммерциализации результатов научной деятельности (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов административно-управленческих работников на вопрос, насколько эффективно в Вашем вузе решаются следующие проблемы?

Насколько эффективно в Вашем вузе решаются следующие проблемы?	Количество	
	абс.	%
Генерация инновационных идей	56	37,09
Производство инновационной продукции	30	19,87
Инновационное обеспечение фундаментальных и прикладных исследований	48	31,79
Коммерциализация результатов научной деятельности	18	11,92
Внедрение проектного управления	20	13,25
Затрудняюсь ответить	16	10,60
Всего	151	100,00

В значительной мере недостатки управления объясняются отсутствием концептуальной определенности в отношении инновационной деятельности. Исследования Н. Т. Журавской подтверждают адекватность полученных нами данных. По ее мнению, у большинства российских вузов не только нет четко сформулированной концепции перехода от существующего состояния образовательной деятельности к желаемому (инновационному) пути развития, но и отсутствуют возможности (принципы, управления инновационными процессами, технологии оценки результатов инновационной деятельности вузов) такого перехода. То есть проблемное состояние развития инновационной деятельности в российской высшей школе считается главным фактором, сдерживающим этот процесс в ближайшей перспективе [1].

Следовательно, управляя инновационным развитием, прежде всего, важно определиться в отношении ценностно-смыслового содержания этой деятельности и предельно четко сформулировать ее цели. При отсутствии ясности в решении принципиальных вопросов сложно говорить о завершенности процесса формирования в вузе инновационно-восприимчивой научно-образовательной среды, представляющей собой совокупность социальных условий, которые определяют благоприятные перспективы для внедрения инноваций и позволяют придать инновационным процессам устойчивый системный характер, выражающийся в том, что они становятся самовоспроизводящимися, постоянно приобретают новые свойства. Центральным элементом рассматриваемой среды является работник высшего учебного заведения, для которого характерна сформированная инновационная диспозиция. Одновременно такую среду формируют и диспозиции всех тех, кто в той или иной мере связан с функционированием учреждений высшего профессионального образования.

Необходимыми свойствами инновационно-восприимчивой научно-образовательной среды являются: наличие у субъектов управления высшим профессиональным образованием на всех уровнях стратегии инновационного развития и четких планов ее реализации; достаточный для решения инновационных задач человеческий капитал; детально разработанная нормативная база инновационной деятельности; готовность и способность работников учреждений ВПО к разработке и освоению инноваций, предполагающие сформированность у них инновационных ценностей, позитивное восприятие инноваций, собственной инновационной активности и активности коллег; поддержка инновационных преобразований в вузах со стороны общественности. Ключевое значение в формировании инновационно восприимчивой научно-образовательной среды имеет субъективный фактор, состояние которого и определяют инновационные диспозиции личности [2:101—102]. И формировать

его следует на основе грамотного применения социальных технологий, создающих у работников ощущение сопричастности к инновационным проектам, мотивирующих работников к освоению и внедрению новшеств.

Список источников

1. Журавская Н. Т. К вопросу о границах инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 294. С. 182—185.
2. Сегедина Н. Н. Управление инновационными процессами в региональной системе образования : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. Белгород. 2006.
3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание соц. реальности. М., 2000.

М. В. Иванова, Э. С. Клюкина

БУДУЩЕЕ АРКТИЧЕСКИХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ: О СОХРАНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ИВАНОВА М. В. — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН, Мурманская область, г. Апатиты, Россия; medeya99@yahoo.com

КЛЮКИНА Э. С. — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общих дисциплин Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск, Россия; elina_klukina@mail.ru

Уникальное геополитическое положение России в Арктическом регионе обуславливает необходимость комплексного решения проблем социально-экономического развития территорий Российской Арктики. Важным фактором в реализации приоритетных направлений и задач развития регионов, входящих в состав Арктической зоны РФ [1], является качество проживающего и работающего в них населения. Качество населения имеет особую значимость для развития данной территории страны наряду с экономическими, производственными, политическими, природными и другими видами ресурсов [6, С. 13]. Особое внимание при анализе показателей качества населения уделяется профессионально-образовательным способностям людей, образующим их интеллектуальный потенциал [7, С. 34—35]. В этой связи одним из актуальных вопросов при изучении комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем сохранения населения территорий Российской Арктики является проблема формирования трудовых ресурсов. Без решения данной проблемы невозможна разработка прогнозов и планов развития Арктического региона.

Изучение проблемы формирования трудовых ресурсов регионов Российской Арктики имеет стратегическое значение для их развития. Сокращение численности населения, отток трудовых ресурсов — негативные тенденции, характеризующие текущее состояние социально-экономического развития многих регионов и муниципальных образований Арктической зоны РФ.

Так, наибольшая убыль населения за период 1990—2014 гг. имела место в Чукотском автономном округе (68 %), Мурманской области (36 %) и Республике Коми (30 %). Единственный регион, в котором наблюдался прирост населения — Ямало-Ненецкий автономный округ (численность населения возросла на 10 % по сравнению с 1990 г.). Кроме того, сле-

дует отметить, что убыль населения обеспечивается главным образом за счет миграционного оттока населения, а не за счет естественного движения. Результаты анализа изменения численности рабочей силы и количества потенциальных рабочих мест свидетельствуют о том, что уже в ближайшем будущем данные регионы будут испытывать дефицит трудовых ресурсов [3]. По экспертным оценкам к 2018 году регионы АЗРФ в целом начнут испытывать нехватку трудовых ресурсов [4, С. 54].

При этом в таких регионах как Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и Чукотский автономный округ нехватка трудовых ресурсов имеет место уже на протяжении нескольких лет. Это объясняется развитием в данных регионах добывающей промышленности (Ямало-Ненецкий автономный округ — газовая промышленность, Ненецкий автономный округ — нефтедобыча, Чукотский автономный округ — золотодобыча) и, соответственно, потребностью в работниках при относительно стабильной численности населения.

В Архангельской области и Республике Саха (Якутия) дефицит трудовых ресурсов возникнет в 2018—2019 гг. Причем в Архангельской области он обусловлен снижением численности населения при стабильной потребности в работниках, а в Республике Саха опережающим ростом потребности в работниках над ростом населения.

В таких регионах как Мурманская область, Республика Коми и Красноярский край на протяжении как минимум ближайших пяти лет численность трудовых ресурсов будет превышать потенциал рабочих мест, но и это превышение в силу убыли населения постепенно нивелируется.

В совокупности, выявленные тенденции, условия и факторы определяют и вызовы формирования «арктических трудовых ресурсов», к ним можно отнести следующие:

- активизация человеческой мобильности и миграционных процессов;
- новые квалификационные потребности экономики;
- борьба за квалифицированные трудовые ресурсы.

Проблема привлечения людей в Арктику — одна из наиболее сложных, требующих решения. Так, арктические регионы с развитыми системами расселения, крупными городскими поселениями и относительно высокой плотностью населения должны проводить политику привлечения населения (особенно молодежи) на постоянное место жительства посредством экономических и социальных стимулов. Привлечение молодежи будет способствовать не только обеспечению регионов трудовыми ресурсами, но и ускорению темпов естественного прироста [4, С. 58]. В то же время результаты проведенных социологических исследований позволяют говорить об ограниченности целого ряда ресурсов молодых северян [5, С. 138]. В этой связи важна политика, направленная на решение задачи

повышения удовлетворенности молодежи Арктического региона условиями и качеством жизни в целом.

В отношении малоосвоенных территорий с наиболее суровыми условиями жизни возможно использование вахтового метода организации работ (как внутри- так межрегионального) [4, С. 59].

Таким образом, формирование и прогнозирование трудовых ресурсов имеет огромное значение для решения задачи сохранения и привлечения населения в регионы Российской Арктики, являющиеся «зоной риска» по многим показателям. Внимание исследователей к вопросам качества населения данной территории является одним из ведущих факторов для усиления ее ресурсного потенциала. Особое значение имеет проведение сравнительных социологических и экономических исследований проблем формирования трудовых ресурсов в разных регионах Арктической зоны РФ.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377>.
2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ 20.02.2013. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/1729879.html>.
3. Иванова М. В., Зайцев Д. В. Арктические трудовые ресурсы: текущее состояние и будущие вызовы // Региональная экономика: теория и практика. № 10 (433). 2016 октябрь. С. 46—62.
4. Иванова М. В. Актуальные вопросы формирования арктических трудовых ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. 2016. С. 46—61.
5. Клюкина Э. С. Качество жизни молодых северян // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Выпуск 5. 2014 (21). С. 136—146.
6. Клюкина Э. С. Качество населения в структуре ресурсного потенциала регионов Северо-Арктической зоны РФ: к постановке проблемы (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4 (47). С. 13—22.
7. Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34—48.

Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОНИМА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БРЯНСКОМ ФИЛИАЛЕ РАНХИГС)

РЯБЦОВСКИЙ Георгий Владимирович — ведущий специалист ВШГУ Брянского филиала РАНХиГС, г. Брянск, Россия; grnp13@yandex.ru

БОЛХОВИТИНА Татьяна Сергеевна — заместитель директора Брянского филиала РАНХиГС, к. п. н., профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления, г. Брянск, Россия; grnp13@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования «Выявление ассоциативного потенциала этнонима методом модификации биполярных шкал». Охвачено 226 респондентов (студентов Брянского филиала РАНХиГС). Анкета включала вопросы, выявляющие ассоциативный ряд респондентов о типичных русских, американцах и т. д. Делается вывод о высоком, но не предельном уровне бытовой ксенофобии в России. Авторы предлагают использовать описываемую методологию в качестве инструмента выявления ассоциативных признаков таких категорий как «гражданская нация» и «этничность».

Ключевые слова: язык, этноним, этническая идентичность, самоидентификация, межнациональные отношения

Ф. Де Соссюр заявлял о недостижимости языка для индивида и масс [1: 73]. Язык — это система значимостей, которая модифицируется во времени по объективным причинам развития социума, например, связанным с появлением ИКТ, но человек, как носитель языка не участвует в этом изменении, его роль — быть пассивно привязанным к этому языку (как, пример, служат изменения в орфографии: «деффчонки», «красавчегг», «жжот», «превед», «медвед» и т. д.) Выйти за рамки этого языка он не может, иначе он выходит за рамки конкретной социальной действительности. Однако Соссюр не учитывал социальной стратификации масс, диалектичности общественного и языкового развития, свойственные лишь какой-то части социума на определённом этапе исторического развития общества.

С этой точки зрения невозможно установить сравнение между языком дискурса и социальными установками в обществе [2: 39—43]. Поэтому особенности семантического анализа следует рассматривать через соот-

ношения общности видового понятия и близости значений, а также общности и противоположности употребления типизированных контекстов.

Наиболее полная языковедческая информация, относящаяся к лексическому значению термина и позволяющая прогнозировать типологию этнонима по семантическим признакам, определяется противопоставленностью значений. Например, выражение «честный», очевидно, обозначает некоторого человека, относительно которого можно высказать то или иное утверждение, допустим: «честный американец в Брянске». Если мы захотим установить, истинно или ложно это утверждение, мы можем анкетировать всех живущих Брянцев с целью обнаружить среди них американца. Ясно, что американца найти будет очень трудно или не возможно, поэтому будем вынуждены заключить, что наше утверждение ложно. Следовательно, должно быть истинно противоположное утверждение: «нечестный американец». Но, перебрав всех жителей Брянска, мы не обнаружим американца, поэтому мы будем вынуждены заключить, что два противоположных утверждения одновременно ложны. Чтобы избежать подобных ошибок, следует ясно отдавать себе отчёт, какой субъективный образ этнонима отражает конкретную социальную действительность.

В силу этого, выявление ассоциативного потенциала этнонима методом модификации биполярных шкал показывает, что информация, передаваемая каждым термином, характеризующий этноним по отдельности, не всегда соответствует сумме информативных значимостей терминов.

Методология исследования

Как следует из концепции опосредованной активности, характеризующей проявление и реализацию психических функций в ситуации неопределённости или проблемной ситуации выбора между двумя разными возможностями¹ — центральным фактором является обобщение. При этом сущность и значения терминов не являются постоянными, а проходят в своём развитии как ступени изолирующей абстракции, осмысление потенциальных понятий или отделение истинных понятий [4: 136—151].

В силу того, что у респондентов, принадлежащих одной и той же социальной группе (студенты одного потока), объём знаний об обозначаемом этнониме различен и объёмы знаний разных студентов не совпадает,

¹ С точки зрения средств, которые позволяют преобразовать возникшую ситуацию в решение проблемы, А. С. Выготский предложил модель «брошенного жребия». Фактически следуя его модели возникновения «зоны ближайшего развития», студенту предложено «бросить жребий», когда он: «искусственно вводит в ситуацию, изменяя её, не связанные ничем с ней новые вспомогательные стимулы». В данном случае, термин в анкете — это средство произвольного направления внимания с абстрагированием свойств этнонима и способ синтеза их значения с произвольным контролем собственных психических ощущений. См. подробнее: [3: 68].

то можно предположить, что у всех респондентов одинаков фокус понимания и употребления предложенных оценок. Поэтому, предлагаемая методика позволяет, модифицируя наборы черт [3], полученных на основе пар полярных противоположностей *ин* — и *аут* — качеств этносов определять набор семантических компонентов, отражающих представленность качеств этнических групп в процентной доле от общего количества выделенных респондентами черт, описывающих представителей своей и другой этнических групп.

Таким образом, целью нашего эксперимента является выявление ассоциативных признаков значений этнонимов **русские, американцы, немцы, украинцы, белорусы, казахи и грузины** — в русском языке.

Выявление формализованных ассоциативных признаков значений данных этнонимов, в свою очередь, даёт возможность назвать типичные качества соответствующих этносов¹. Такой подход позволяет рассмотреть логику и закономерность в тех модификациях, которые имеют одно и то же значение, вовлечённое в контекст различных предметных значений, и связанных с ними актов деятельности. Эти модификации, по сути, являются результатом структурообразующего влияния на системные связи между сложившимися представлениями об этнониме и мотивационным воздействием соответствующих субъективных категорий, заданных в анкете.

Любой объект может извлекаться человеком из памяти как представление о предмете, отличном от всех других предметов, либо как о множестве объектов, имеющих как общие, так и частные особенности, к которым прикладываются определённые эмотивно-оценочное или логико-оценочное отношения. Именно смысловые содержания, в этом случае, обнаруживаются в единстве когнитивных значений: познавательного содержания, прагматического значения, аффективно-мотивационного, или оценочного содержания. Целостность содержания значения обеспечивают как частные, так и попарные морфизмы репрезентативных этнических групп. Содержание сем анкеты применительно к этнониму таково: «Какой, по Вашему мнению, типичный русский? Типичный американец? и т. д.».

Программа эмпирического исследования «Выявление ассоциативного потенциала этнонима методом модификации биполярных шкал» включала: 1) апробации методики биполярных шкал для выявления выявления

¹ Согласно точке зрения советского психолога и философа, А. Н. Леонтьева, значение представляет собой: «...обобщённое отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме языкового значения, понятия, знаниям ...» При этом, разумеется, не имеется в виду знаковое или вербальное, а предметное значение, существующее на чувственной базе. См. подробнее: [5: 276—277].

типичного признака денотата; 2) первичную проверку экспериментальных биполярных шкал; 3) выявление набора черт этнонима, полученных на основе сопоставления пар противоположностей относительно выбранных представителей этнических групп; 4) вторичное проведение анкетирования респондентов в условиях политической и социальной «тишины» для обеспечения чистоты эксперимента; 5) привлечение новой группы респондентов для первоначального анкетирования. Общий период исследования составил три года (2013—2016 годы)¹.

Всего было обработано 226 анкет студентов Брянского филиала РАНХиГС. 17 анкет признаны невалидными. Предварительно был проведён устный опрос среди респондентов на предмет исключения респондентов, имеющих постоянный контакт на родных языках исследуемых этносов. Способ получения ответов — письменный.

Результаты исследования

1) «Русские» видят себя как людей **открытых и оптимистичных**. Широкая русская душа по-прежнему является одной из самых важных характеристик. Они ценят получение **образования в своей языковой среде**. Однако, ярко демонстрирует **самокритичность**, осознавая такие черты своего характера, как **лень, суеверие и не умение жить по средствам**. По сравнению с «американцами», «русские» по своей натуре — **фаталисты, отдаются на милость судьбе, считая, что ничего изменить нельзя**. Среди положительных качеств отмечают — **открытость, культурные ценности, позитивный психологический настрой**. Среди отрицательных — **выраженная индивидуальность и самоидентификация с элементами этноцентризма и психологическая этническая замкнутость**.

2) Этноним «американец» и «немец» в качестве положительных качеств вызвал у «русских» целую гамму образов, включающую не только личностные, но и **стиль поведения**, и образ жизни — **лицемерие и высокоме-**

¹ Вся программа исследования включает несколько этапов: I этап (1. Выявление ассоциативного потенциала этнонима методом модификации биполярных шкал); II этап (1. Диагностика этнического самосознания, по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, в условиях трансформации межэтнических отношений); 2. Исследование степени этнической толерантности/интолерантности студентов в условиях роста напряжённости между народами; 3. Оценивание уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп приграничных регионов России, Украины и Беларуси, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение в Брянской области, выраженности агрессивных и лояльных реакций в отношении других этногрупп); III этап (1. Выявление устойчивых упрощённых образов идентификации по линии «свой» — «другой» и отношения к «другому» в стандартных социокультурных ситуациях по методике У. Липпмана. 2. Составление портретов русских, украинцев, белорусов, казахов, немцев, американцев и грузин, полученные путём составления демаркационной линии оценивания типов этнической идентичности с различным качеством и степенью выраженности этноцентризма, начиная от этнонигилизма и заканчивая национальным фанатизмом). См. [6].

рие. В том, что **амбициозные «американцы» и ответственные «немцы»** стали **самоуверенными людьми** благодаря **организованности и труду** «русские» демонстрируют, как важные качества, к которым они нацелены.

3) «Русские» качества приписаны и «украинцам», и «белорусам», и «казахам», с поправкой, что «белорусы» и «казахи» в большей степени отличаются **трудолюбием и терпимостью**¹.

4) Этноним «грузины», пожалуй, один из самых противоречивых. В нём присутствует очень много взаимоисключающих характеристик и неопределённостей этнонима.

Заключение

Результаты, полученные нами в ходе исследования, позволяют сделать вывод, что гипотеза подтвердилась. В зависимости от изменяющейся реальности этноса выделяются собственно в этнонимы, обозначающие реальную этническую общность и псевдоэтнонимы, обозначающие общности других этносов в зависимости от противопоставления своего этноса по отношению к обозначаемому этносу.

Ядром значения этнонима является «народ», который является смысловым инвариантом в дефинициях. Периферию лексического значения этнонима составляет информационный потенциал, насыщенный разного рода ассоциациями, связанными с обозначаемым этносом. Специфика информационного ландшафта состоит в наличии такого богатого ассоциативного поля при относительно бедном наборе дефиниций.

Признак этничности, будучи многогранным явлением, получает свою эксплицитную и имплицитную информацию в лексико-семантической системе языка через фиксирующий признак этничности коннотативно маркированные словосочетания, что отображает разнообразие окружающей действительности, так или иначе связанное со страной и этносом, обозначаемым этнонимом. Поэтому можно утверждать, что уровень бытовой ксенофобии в России достаточно высок, но не предельно и не несёт реальной угрозы перерастания в межэтнические столкновения. Тем не менее, разрыв в ассоциативном поле очень большой в силу слабого ассоциативного представления об этнокультурном, этнополитическом, этносоциальном положении этнонима.

¹ Данные подтверждаются результатами опроса «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы», проведённого ВЦИОМ по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай». На вопрос: «Кого бы вы могли назвать русским при условии, если он проживает в России много лет?» — 44 % опрошенных заявили, что украинцев и белорусов, а вот чеченцев и дагестанцев только 7 %. Более 56 % опрошенных считают Крым частью России, при этом республику Дагестан территорией России считают только 41 %, а Чеченскую Республику — 39 %, Приднестровье — 37 %, Абхазию — 30 %, Южную Осетию и Украину — 29 %. См. подробнее: [7].

Таким образом, принятая методология даёт качественный инструмент выявления ассоциативных признаков таких категорий как «гражданская нация» и «этничность» для дальнейшего исследования социально-психологических механизмов межнационального согласия или противоречия.

Список источников

1. Соссюр Ф. Де Труды по языкознанию / Ф. Де Соссюр. М. : Прогресс, 1977.
2. Соссюр Ф. Де. Курс общей лингвистики / Ф. Де Соссюр. М. : Едиториал УРСС, 2004.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М. : Наука, 1977.
6. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Г. У. Солдатова. М. : Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003.
7. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Социологический опрос / Всероссийское репрезентативное количественное исследование ВЦИОМ. Валдай ; Москва, сентябрь 2013. URL: www.valdaiclub.com (дата обращения 10.02.2017).

Ю. И. Караваева**КАКОВО БУДУЩЕЕ СЕМЬИ В 21 ВЕКЕ?**

КАРАВАЕВА Юлия Игоревна — кандидат социологических наук, доцент гуманитарного факультета кафедры социологии ВоГУ, г. Вологда, Россия; jy@mail.ru

Важную роль в семейно-брачных отношениях играют тенденции развития семьи. Тенденции — это более или менее устойчивые, повторяющиеся явления, факты, события, которые уменьшаются или увеличиваются по отношению к какому-либо начальному периоду.

Говоря об идеальной семье, часто рассматривается нуклеарный союз (мужчина, женщина и их дети), но в таком составе люди стали жить относительно недавно, длительное время (от периода перехода к земледелию вплоть до XX века) были распространены расширенные деревенские семьи. Нуклеарная семья — продукт индустриализации.

В СССР некоторое время была популярна идея передать семейные функции другим общественным институтам, чтобы освободить граждан для строительства коммунизма. Но от неё отказались. Показалось логичным передать «быт» женщинам, если уж женщины рожают детей. Следствием этой передачи стал ролевой конфликт женщины-жены и женщины-работника.

Свойственная современному обществу тенденция превращения семьи в «дружеский интимный союз» позволяет в отдельных случаях адаптироваться к требованиям социально-профессиональной структуры общества. В некоторых социальных слоях начинает создаваться новый тип семьи, успешно сочетающий в себе ценностные ориентации супругов на создание семьи и их профессиональные интересы, связанные с ориентацией на достигаемый статус, то есть карьеру. Этот тип получил название бикарьерной семьи. У молодых пар появилась идея, что брак — это не только место, где человеку хорошо, где он проявляет и получает любовь и заботу, но и имеет возможность саморазвития. Люди рассчитывают, что их партнёр тоже будет участвовать в этом духовном и личностном росте, примет участие в процессах изменений. Если я изменяюсь, а партнёр — нет, то это сигнал неблагополучия. Эта идея сейчас влиятельна и влечёт за собой модификации состава семьи: от патриархальной расширенной семьи к нуклеарной семье, или даже «женщина плюс ребёнок», а остальные конфигурации выстраиваются вокруг них. Отец ребёнка может участвовать или не участвовать в заботе о ребёнке и о семье, у матери могут быть другие партнёры, вовлечённые или не вовлечённые в воспитание ребёнка. Может быть и так,

что женщине помогают её родственники и друзья. В некоторых случаях она справляется со всем сама.

Растет число так называемых пробных браков, суть которых заключается во временном сожительстве партнеров. Когда они решают иметь детей, оформляют законный брак.

Влияет на семью и модель социальной политики государства:

- социально-демократическая модель — государство предполагает равное участие обоих родителей в заботе о ребёнке и предоставляет для этого возможности (например, Швеция);
- либеральная модель — человек свободен в своём частном выборе, и, если становится отцом или матерью, то совмещение родительства с работой — его личная задача. Так живут, например, в США и Великобритании. В этой модели предполагается передача семейных забот наёмным специалистам: няням, которые занимаются с детьми; брачным агентствам, которые ищут романтического партнёра; дог-вокерам, которые выгуливают собак; медсёстрам, которые заботятся о наших пожилых родственниках;
- консервативная модель — жена верная и любящая детей, хорошая хозяйка; муж умеет зарабатывать деньги, верный и не имеет вредных привычек. Традиционен для России.

Но при современном давлении капиталистической идеологии с её эталоном успешности и независимости, идеи заботы усложняются. Одной зарплаты мужа-кормильца часто не хватает на то, чтобы обеспечить всю семью, жена также может стать основным добытчиком. То есть стирается гендерное распределение социальных ролей.

Также следствием глобализации и одним из действенных механизмов ее проникновения в семью является массовое распространение информационных технологий. Компьютер, интернет, мобильная связь, скайп и пр. становятся широко распространены у молодежи. Продукты IT-технологий поступает к несовершеннолетним пользователям, минуя родительский контроль. Глобализация как общемировой процесс приводит к информационной социализации подростков, т. е. к формированию вне родительского контроля интересов, увлечений и коммуникаций детей, формированию с помощью цифровых технологий подростковой субкультуры в целом. Увлечение подростков виртуальными играми в Интернете дает им ощущение «запасных жизней», снижает правильное восприятие ребенком реальности и делает его крайне уязвимым при столкновении с неблагоприятными жизненными ситуациями. Феномен влияния информационного пространства на воспитательный процесс взрослеющего ребенка представляет серьезную конкуренцию семье как субъекту ответственного родительства, поскольку таит в себе опасность получения

ребенком информации, связанной с социальным риском. За последние двадцать лет социальное пространство претерпело при посредстве информационных технологий существенные изменения, что определило характер вступления детей в мир взрослых и особенности современных межпоколенных трансмиссий в семье. Таким образом, интернет-технологии как величайшее достижение человечества приводит к размыванию авторитета и роли семьи — основного субъекта воспитания и создает почву для возникновения конфликта поколений, усиливая напряженность в отношениях родителей с детьми.

Интернет становится реальным конкурентом семьи в вопросах воспитания детей. Возрастает анонимность контактов детей с другими пользователями, часто преследующими свои корыстные цели. Снижается доверительность отношений между родителями и детьми, сокращаются возможности родительского контроля. Дети перестают обращаться к родителям за помощью и советом, возникает процесс отчуждения между поколениями в семье. Все это приводит к издержкам воспитательных действий родителей.

Через интернет знакомятся, вступают в личные доверительные взаимоотношения, практикуют виртуальный секс, оставаясь при этом анонимными, не принимая никаких обязательств и ответственности. Есть практика вступать в группы интернет-общения, реализуя виртуально свою принадлежность к определенной группе, подменяющей реальные семейные взаимоотношения в части дружеского расположения, эмоциональной поддержки, советов и обмена опытом.

Меняется и мотивация брака. Исследования показали, что любовь, как правило, является главным фактором выбора будущего супруга. Однако значительная часть браков, в которых главным мотивом является любовь, оценивается опрошенными как неудачные. Следовательно, приходится констатировать отсутствие жесткой взаимосвязи между таким основным мотивом брака и прочностью брачного союза.

Все описанные выше факторы изменения семьи и ее воспитательной функции характерны не только для современной России, но носят глобальный характер и наблюдаются в ряде развитых стран мира.

Одни социологи считают, что семья достигла состояния глубокого кризиса и этот процесс необратим. Другие полагают, что семья скорее находится в процессе трансформации, чем в упадке.

Безусловно, институт семьи значительно меняется под влиянием изменения межличностных отношений в обществе в целом и вследствие развития технического прогресса, но семья не может исчезнуть из современного общества. На сегодняшний день нет иной социальной группы, в которой удовлетворялось так много разнообразных человеческих

и общественных потребностей. Семья — это социальная среда, в которой происходят все основные процессы человеческой жизни, которая настолько связана с жизнью каждого, что накладывает отпечаток на все его развитие, деятельность и творчество, и реальной замены семье не существует.

Какой будет семья в будущем — зависит от развития общества в целом, и от каждого из нас.

Список источников

1. Дементьева И. Ф. Родительство — актуальная проблема современной российской семьи // Социальная педагогика в России. 2016. № 3.
2. Журнал The village [Электронный ресурс]. URL: http://www.the-village.ru/village/people/city-news/138527-marriage_sociologist_interview.
3. Российская газета «Великая русская мечта» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html>.

Т. А. Гужавина

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

ГУЖАВИНА Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда, Россия; tanja_gta@mail.ru

Аннотация: Социальные прогнозы могут быть успешны при опоре на соответствующее концептуальное основание. Для построения прогностических моделей экономического развития и решения социальных проблем значимой можно считать концепцию социального капитала, который рассматривается научным и экономическим сообществом в качестве неэкономического фактора развития. Данная концепция позволяет выявить нематериальные активы, способные помочь решить проблемы социума в условиях недостаточной институциональной поддержки либо в ее отсутствии. Выявление типа сформировавшегося социального капитала позволяет определить вектор развития сообщества, группы, организации, возможные проблемы и препятствия. Анализ состояния институциональной среды и сформированного в ней уровня доверия позволяет оценить ресурсы, которыми та питает экономическую деятельность. Концепция объясняет, каким образом группы, общности, индивиды, могут достичь позитивных результатов при слабой институциональной поддержке, либо при ее полном отсутствии. Тем самым возникает возможность внесения корректив в деятельность институтов с целью повышения их эффективности. Теория социального капитала оставляет широкое поле для дальнейших исследований и теоретических построений, выработки практических решений.

Ключевые слова: социальный капитал, социальное прогнозирование, концепция, социальный заказ, социальные проблемы, неэкономические факторы развития.

Вся история человечества связана с интересом к будущему. В предшествующие эпохи использовались различные формы предвидения соответственно господствующему типу сознания: мистическому, мифологическому, религиозному. Современная наука использует формально-логические модели прогнозирования, основанные на расчетах. Естественно, что в обществе придерживающемся ориентации на развитие на основе научных достижений, прогноз возможен только на основе использования научных методик.

Функция прогнозирования имманентно присуща науке в целом. Для социологии прогнозирование — ее важнейшая задача. Но в решении данной задачи есть существенные проблемы. Как отмечается в анонсе нашей конференции, российская социология слишком привязана к настоящему и «мало и неумело работает с будущим». Выход из ситуации возможен в смене парадигмы прогнозирования, в переходе от поиска способов решения проблем, фактически означающего «латание дыр», к поиску способов использования «новых возможностей», позволяющих не только находить неиспользованные резервы, но и выявлять инновационные модели развития.

Одним из условий успешности и продуктивности прогнозирования является его концептуальное основание. Концептуальное знание, являясь системным по своей организации, позволяет выделить из множества социальных фактов, те, что необходимы для построения прогностической модели. Среди множества социологических концепций отметим прогностические возможности концепции социального капитала. В последние десятилетия она приобрела широкую популярность в связи с тем, что в обществе сформировался определенный социальный заказ на поиск новых ресурсов развития. Таковыми стали неэкономические факторы, среди которых социальный капитал занял одно из ведущих мест. Данная концепция имеет не только теоретическую, но и практическую ценность, поскольку позволяет увидеть новые неэкономические источники повышения эффективности общества, роста благосостояния граждан. Она объясняет, каким образом группы, общности, индивиды, могут достичь позитивных для себя результатов при слабой институциональной поддержке, либо при ее полном отсутствии.

Важнейшей проблемой для экономистов и политиков всегда был поиск ресурсов, обеспечивающих экономический рост и повышение благосостояния населения страны. Найденные ресурсы со временем либо исчерпывали себя, уступая место другим, либо были ограниченно эффективны. Социальный капитал представляет собой особый ресурс, который дополняет, а порой замещает другие экономические ресурсы, что ведет к снижению различного рода издержек. Имея общественную природу, социальный капитал, представляет собой производную от качества и количества социальных отношений в обществе. Его величина зависит от интенсивности взаимосвязей между людьми. Это системное образование, имеющее свои структурные элементы, в качестве которых выступают социальные сети и доверие. Они представляют собой первичные параметры данного феномена. Постиндустриальная стадия предполагает интенсификацию сферы интерперсональных услуг, то есть сфер ориентированных на формирование и использование интеллектуальных способностей человека.

Концепция социального капитала создает ряд возможностей не только для оценки сложившейся ситуации, но и для выявления скрытых возможностей развития институциональной среды экономической деятельности, оценки эффективности управления государственными расходами, повышения качества жизни населения, обеспечения не только устойчивого роста экономики, но и усиления ее инновационной восприимчивости. Инновационная составляющая экономического развития тесно связана с развитием экономики знаний, когда важнейшим фактором экономического прогресса становятся интеллект и творческие способности индивида. Социальный капитал обладает значительно большим потенциалом по сравнению с физическим и человеческим капиталом. Так высокий уровень недоверия в обществе может привести к усилению транзакционных издержек, к необходимости совершать дополнительные действия по обеспечению безопасности сделок, расходованию дополнительных ресурсов. Доказано, что наиболее экономически развитые страны располагают более высоким уровнем доверия, что доказывают исследования, проводимые в рамках программы «Trust barometer» [1]. Поиск путей и способов повышения доверия, выявление условий его формирования создают возможность прогнозирования его динамики под влиянием тех или иных факторов. Так, например, признание в качестве значимого для укрепления доверия фактора включенности в различные социальные сети позволяет предположить, что их развитие и укрепление, поддержка со стороны институтов создаст условия для более широкой коммуникации, роста информированности и образованности населения. А это в свою очередь приведет к повышению институционального доверия, что позволит повысить эффективность функционирования институтов.

Использование концепции позволяет получить информацию о том или ином типе социального капитала, что в свою очередь дает возможность охарактеризовать институциональную среду, в рамках которой функционирует бизнес. Данная среда подпитывает своими ресурсами экономические действия. Рассматривая социальный капитал как неэкономический фактор развития, и выявив преобладающий в сообществе его тип, мы можем понять, какие институциональные изменения необходимы.

Выявление различных уровней социального капитала, позволяет рассматривать его в формате общественного, клубного или частного блага. При рассмотрении форм социального капитала возникает возможность оценки инвестирования в ту или иную его форму. Социальный капитал в его общественной форме требует к себе внимания и инвестиций, прежде всего со стороны государства, поскольку одной из функциональных задач государства является обеспечение интересов общества в целом.

Концепция социального капитала соединяет в себе экономическую, социологическую, философскую составляющие, что делает придает ей междисциплинарный характер. По мнению С. Г. Кирдиной, Г. Б. Кляйнера [2] разработка социальных прогнозов именно на основе междисциплинарных проектов открывает большие возможности.

Список источников

1. Trust barometer. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/>.
2. Кирдина С. Г. Клейнер Г. Б. Социальное прогнозирование как междисциплинарный проект // Социс. 2016. № 12. С. 44—51.

Н. Л. Микиденко

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, по-литологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия; nl_nsk@mail.ru

Аннотация. Автор обращается к вопросам управленческих практик по адаптации и интеграции мигрантов. Автор рассматривает тенденции развития миграционных процессов и их влияние на этнокультурное развитие регионов. Подчеркивая сложность принятия управленческих решений в сфере регуляции внешних миграционных процессов, обосновывает необходимость создания и функциональность региональных ресурсных центров по адаптации и интеграции мигрантов. Такие центры могли бы стать площадкой, которая бы сконцентрировала ресурсы региона (от научных до общественных), заинтересованных в решении задачи адаптации и интеграции миграционного населения, решая во взаимодействии с управленческими структурами региона комплекс задач: от адресной поддержки (от информационной до методической) тех участников социального взаимодействия, кто непосредственно в своей повседневной деятельности находится в ситуации межэтнического взаимодействия до научного сопровождения этнокультурного развития региона.

Ключевые слова: адаптация и интеграция мигрантов, этнокультурное развитие региона, региональный ресурсный центр

Современные миграционные процессы вызывают целый комплекс дискуссионных вопросов, начиная от вопросов экономической целесообразности до вопросов социальных эффектов миграции [1, С. 337—338]. Реальность, с которой уже столкнулись многие миграционно привлекательные страны, в полный рост поставила вопрос о безопасности и культурной сохранности этих территорий, ответом на который становится политический курс на сокращение миграции.

Однако полиэтничность стала характерной чертой многих территорий, в том числе и нашей страны, в связи с чем вопросы социальных и культурных взаимодействий представителей миграционного населения и принимающего общества остаются и будут актуальными в достаточно длительной перспективе, а значит становятся вопросами государствен-

ной политике и управления. В форсайтном исследовании Московской школы управления «СКОЛКОВО» и Агентства стратегических инициатив «Форсайт Компетенций 2030» [2] на основании мнений экспертов построен прогноз востребованности профессий в текущем десятилетии и после 2020 г. По мнению экспертов, уже в текущем десятилетии будут востребованы специалисты по адаптации мигрантов, профессионалы, которые будут обучать мигрантов национальному языку и культуре принимающего сообщества, в том числе и через он-лайн-платформы. При этом компетенции этих специалистов должны носить кросс-отраслевой характер, то есть эти специалисты должны обладать таким набором знаний, умений и навыков, который позволит им работать в разных отраслях/на стыке отраслей, осуществляя сопровождение миграционного населения. Однако на сегодняшний день в практике высших образовательных учреждений подобные образовательные программы бакалавриата и магистратуры не предусмотрены. Высшая школа готовит антропологов, этнографов, этнологов, социологов, лингвистов, конфликтологов, комплексная подготовка специалистов, способных сопровождать миграционное население, еще не осуществляется. В то же время регионы в большей или меньшей степени, в зависимости от целого комплекса объективных и субъективных причин (привлекательность региона, наличие/отсутствие транспортных коммуникаций, личные предпочтения и социальные сети и др.), сталкиваются с необходимостью решать задачи, связанные с прибытием миграционного населения.

Новосибирская область на протяжении ряда лет остается регионом, в который активно прибывают трудовые мигранты. Основным направлением, дающим внешнюю трудовую миграцию для области стало среднеазиатское направление (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) [3]. Для этнокультурного развития региона очевидна необходимость комплексного социологического сопровождения внешней миграции в регионе с целью анализа и прогнозирования развития социальных и культурных взаимодействий миграционного иноэтничного населения и местного населения, определения проблемных зон взаимодействий для принятия управленческих решений и введения новаций.

В условиях определенной неопределенности трудовой этнической миграции, связанной с конъюнктурой этапа экономического развития и принимаемых политических решений, представляется целесообразным создание регионального ресурсного центра по адаптации и интеграции мигрантов. Такой центр, подчиняясь региональным органам власти и не являясь коммерческим, мог бы решать целый комплекс задач по сопровождению этнокультурного развития региона в условиях полиэтничности и глобализации миграционных процессов, а именно: мониторинг

межэтнических взаимодействий; проведение информационной политики региона в сфере межэтнических отношений; координация взаимодействий национально-культурных объединений; проведение широкой просветительской работы; научное и учебно-методическое сопровождение образовательных учреждений. Такой ресурсный центр мог бы оказывать адресную поддержку, что позволяет оптимизировать любые ресурсы (человеческие, финансовые, временные), необходимые для решения вопросов, связанных с адаптацией и интеграцией мигрантов.

Список источников

1. Рязанцев В. В. Вклад трудовых мигрантов в рождаемость России: социально-демографические эффекты и издержки [Электронный ресурс] // Сборник научно-популярных статей-победителей конкурса РФФИ 2012. Выпуск 16. С. 337—346. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/annotated_project_reports/o_1918748#346 (дата обращения 29.01.2017).
2. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. М. : Московский институт управления «Сколково», 2014. 165 с. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения 29.01.2017).
3. Основные показатели деятельности УФМС России по Новосибирской области за 4 месяца 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://fms-nso.ru/ufms/static/statdanni/> (дата обращения 18.02.2016).

**VII-я международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Навстречу будущему.
Прогнозирование
в социологических исследованиях»**

15—16 марта 2017 г.

Материалы конференции

Дизайн и верстка

А. О. Соляев

105064 Москва, Болотная набережная, дом 7, стр. 1.
Тел.: +7 495 748-08-07 nnsedova@wciom.com www.wciom.ru

При перепечатке материалов ссылка обязательна